САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

LIII МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ИМЕНИ ЛЮДМИЛЫ АЛЕКСЕЕВНЫ ВЕРБИЦКОЙ

25–31 марта 2025, Санкт-Петербург

Сборник тезисов

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, 2026
© Санкт-Петербургский государственный университет, 2026

Главный редактор:
д-р филол. наук, проф. *В. М. Мокиенко* (СПбГУ)

Секретари редакционной коллегии:
канд. филол. наук *К. В. Манёрова* (СПбГУ), *А. А. Чекина* (СПбГУ)

Редакционная коллегия:

В. Д. Алташина (СПбГУ), А. В. Бабанов (СПбГУ), Г. А. Баева (СПбГУ), А. В. Белобратов (СПбГУ), О. В. Блинова (СПбГУ), Н. В. Богданова-Беглярян (СПбГУ), Л. Д. Бугаева (СПбГУ), И. Э. Васильева (СПбГУ), О. В. Васильева (СПбГУ), М. Д. Воейкова (ИЛИ РАН), С. В. Вяткина (СПбГУ), Л. Н. Григорьева (СПбГУ), О. В. Гусева (СПбГУ), Л. Н. Донина (ИЛИ РАН), Н. А. Дубинина (СПбГУ), А. П. Жуков (СПбГУ), Е. И. Зиновьева (СПбГУ), Е. П. Иванова (СПбГУ), Е. Ю. Иванова (СПбГУ), В. П. Казаков (СПбГУ), А. А. Карпов (СПбГУ), Ю. А. Клейнер (СПбГУ), М. Ю. Копыловская (СПбГУ), М. В. Корышев (СПбГУ), Т. В. Костылева (СПбГУ), М. Ю. Котова (СПбГУ), Н. А. Любимова (СПбГУ), К. В. Манёрова (СПбГУ), Н. Г. Мед (СПбГУ), Л. В. Московкин (СПбГУ), Л. Ю. Муковская (СПбГУ), И. Ю. Павловская (СПбГУ), Т. И. Петухова (СПбГУ), Д. Д. Пиотровский (ПСПбГМУ), М. М. Позднев (СПбГУ), М. Б. Попов (СПбГУ), Т. И. Попова (СПбГУ), Т. В. Рождественская (СПбГУ), Т. С. Садова (СПбГУ), Н. П. Силинская (СПбГУ), П. А. Скрелин (СПбГУ), В. И. Теркулов (ДонГУ), Е. К. Тимофеева (СПбГУ), Т. П. Третьякова (СПбГУ), Е. В. Хворостьянова (СПбГУ), М. В. Хохлова (СПбГУ), Т. В. Черниговская (СПбГУ), Д. А. Черноглазов (СПбГУ), А. В. Шаврова (СПбГУ), Е. А. Шамина (СПбГУ), П. М. Эйсмонт (СПбГУ)

(17 Мб) **LIII Международная научная филологическая конференция имени Людмилы Алексеевны Вербицкой, 25–31 марта 2025 года, Санкт-Петербург:** сборник тезисов.

Сборник содержит тезисы докладов и материалы круглых столов LIII Международной научной филологической конференции имени Людмилы Алексеевны Вербицкой, прошедшей 25–31 марта 2025 года в Санкт-Петербургском государственном университете. В сборнике представлены результаты теоретических и прикладных исследований по самому широкому кругу актуальных проблем по филологии, разделенных по направлениям «История литературы», «Классическая филология, неоэллинистка, балканистика», «Культурная антропология и теоретические аспекты гуманитарных исследований», «Междисциплинарные исследования», «Русский язык», «Русский язык как иностранный и методика его преподавания», «Общее языкознание», «Романо-германская филология», «Славистика», «Фёдоровские чтения», «Теория и практика обучения иностранным языкам. Тестология». Характер материалов сборника позволяет адресовать его филологам, лингвистам, литературоведам, культурологам, переводчикам, педагогам, студентам и аспирантам филологических специальностей, а также использовать в научной, учебной и учебно-методической работе преподавателей высших учебных заведений.

Языки тезисов: русский, английский.

Тезисы докладов представлены в авторской редакции.

LIII Ludmila Verbitskaya International Scientific Philological Conference, March 25–31, 2025, St. Petersburg: The Book of Abstracts.

The Book contains abstracts of the theses and reports from round tables of the LIII Ludmila Verbitskaya International Scientific Philological Conference, which took place on March 25–31, 2025, at St. Petersburg State University. The Book of Abstracts presents the results of theoretical and applied research on a wide range of topical problems in philology, divided according to the areas of research "History of Literature", "Classical Philology, Neohellenic Studies, and Balkan Studies", "Cultural Anthropology and Theoretical Aspects of Humanitarian Research", "Interdisciplinary Studies", "Russian language", "Russian as a foreign language and the methodology of teaching", "General Linguistics", "Romano-Germanic Philology," "Slavistics", "Fedorovsky Studies and Translation", "Theory and Practice of Foreign Language Education. Testology." The Book of Abstracts is to refer to philologists, linguists, literary scholars, culture scientists, translators, teachers, students and graduate students of philological majors, as well as for scientific, educational and teaching work.

Languages: Russian, English.

Published in the authors' versions.

Подписано к использованию 19.01.2026
Издательство СПбГУ. 199004, С.-Петербург, В.О., 6-я линия, д. 11.
Тел./факс +7(812) 328-44-22
E-mail: publishing@spbu.ru publishing.spbu.ru

ОГЛАВЛЕНИЕ

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА: ТЕКСТ И КОНТЕКСТ

Алькайси Рашид Низар Назир
Традиции маленького человека в романах Андрея Аствацатурова 61

Анастасьева Ирина Леонидовна
Инфернальный дискурс в социально-культурном контексте рубежа XIX–XX веков ... 63

Андоскина Валерия Андреевна
«Импрессионизм» в творчестве А. П. Чехова:
история термина от прижизненной критики до современных исследований 65

Арипова Малика Ганишеровна
«Диалог с эпохой»: русская литература в зеркале текстов и контекстов 67

Бобрицких Людмила Яковлевна
Фигура Клеопатры в рецепции поэтов Серебряного века 70

Большев Александр Олегович
Солженицын между логикой и мистикой 72

Валиева Юлия Мелисовна
Даниил Хармс в литературном кружке «Осьминог» 74

Ван Цзысюань
Между функциональной и накопительной памятью:
литература как медиум культурной памяти
(на примере романа-эссе М. М. Степановой «Памяти памяти. Романс») 75

Гасымова Вюсаля Акиф Гызы
Нравственно-философский аспект любви в повести А. И. Куприна
«Гранатовый браслет» 77

Гик Анна Владимировна
Коммуникативная структура стихотворного текста:
маски и лирические адресаты поэзии М. Кузмина 79

Двинятин Федор Никитич
«В водовороте» А. Ф. Писемского как источник одной пародии
гр. А. К. Толстого 81

Жукова Александра Андреевна
Мотив взросления в прозе М. Ю. Елизарова:
от мифа к реальности 83

Кублицкая Ольга Викторовна
Человек в дороге: парадоксы документального в прозе русского сентиментализма ... 85

Наджафова Айнур Гюняш Кызы
Тюркский контекст в произведенях Велимира Хлебникова ... 87

Петров Андрей Алексеевич
«Пугачевцы» Е. А. Салиаса-де-Турнемира как антинигилистический роман ... 88

Полякова Наталья Александровна
Альтернативное культурное пространство в романе А. Варламова «Купол» ... 90

Сёмина Юлия Ивановна
Ф. Д. Крюков в литературной жизни России начала XX века (к 155-летию со дня рождения) ... 92

Слепков Яков Вениаминович
Анна Ахматова в работе над комментарием к рукописи Пушкина ... 94

Степанов Андрей Дмитриевич
Об оценках прижизненной критикой литературного и сценического новаторства: случай Чехова ... 96

Хадынская Александра Анатольевна
Георгий Иванов в журнале «Числа»: миссия соединения поколений ... 97

Шиян Алина Витальевна
«Февей» — сказка и опера Екатерины II: опыт сопоставительного анализа ... 99

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ЗАРУБЕЖНЫХ ЛИТЕРАТУР

Апенко Елена Михайловна
Романы Джеймса Фенимора Купера как локальный текст ... 101

Балаева Светлана Владимировна
Леопарди и Монтень ... 103

Барабанова Юлия Михайловна
Индийская новелла «Дочь врача» Вальтера Скотта: колониальный нарратив и проблема идентичности ... 105

Белова Татьяна Николаевна
Своеобразие поэтики модернизма и ее роли в формировании гуманистического идеала романа У. Фолкнера «Осквернитель праха» (1948) ... 107

Бэсса Рафаэль Феррейра, Жуков Андрей Павлович
Жил Висенте и Жозе де Аншиета: точки соприкосновения ... 109

Васкиневич Анжелика Игоревна
Эпистолярная коммуникация немецких романтиков: перспективы исследования ... 111

Жеребин Алексей Иосифович
Воинствующий гуманизм и роман Томаса Манна «Доктор Фаустус» 113

Замышляева Диана Николаевна
Традиции готического романа в трилогии М. Пика «Горменгаст» 115

Зернова Елена Сергеевна
Образ Лермонтова в романе Росалии де Кастро «Кабальеро в синих сапогах» 117

Игнатьева Дарья Сергеевна
Жанровые особенности романа Ричарда Пауэрса «Верхний ярус» 119

Климовская Алиса Яковлевна
Провансальские мотивы в романе А. С. Байетт «Натюрморт» 121

Кнерцер Мария Паловна
Иконология образа: Оттилия в романе И. В. Гёте «Избирательное сродство» 123

Летунова Таисия Юрьевна, Склярова Наталья Геннадиевна
Способы репрезентации социальных классов в рассказах Ирвина Шоу 125

Мазняк Мария Михайловна
Афропортугальские писатели — лауреаты премии Камоэнса 127

Моркина Марта Александровна
Роман Юнаса Хассена Кемири «Сестры»:
самоподражание или вершина творчества автора? 129

Назарова Татьяна Викторовна
Кинематографическое видение в поэзии Д. Г. Россетти и Н. С. Гумилева 131

Ненарокова Мария Равильевна
Санкт-Галленская поэтическая традиция: герои латинских секвенций 133

Новикова Нина Николаевна
Новый реализм в современной немецкой литературе —
о романе Юли Це и Симона Урбана «Между мирами» 135

Нургали Кадиша Рустембековна, Богданова Юлия Владимировна
Родина как культурный код: эволюция образа
в российской казахстанской поэзии XIX–XX веков 137

Орлова Татьяна Сергеевна
Американские реалии в новеллистике О. Генри 139

Павлова Ирина Николаевна
Ненадежный нарратор и элементы драмы
в новелле Мэри Шелли «Матильда» 141

Полубояринова Лариса Николаевна
«Мировая литература» как парадигма компаративистики: предыстория понятия
и параметры современной дискуссии 143

Помирчая Евгения Рудольфовна
«Жизнь Ласарильо с Тормеса» в переводе В. Г. Вороблевского. К истории изданий 144

Ткаченко Вера Владимировна
Миф о Граале в романе Вирджинии Вулф «На маяк» 146

Ханкишиева Захра Алибек
Позиция Джоан Кэтлин Роулинг в современной английской детской литературе 148

Хомухина Елена Ивановна
«Жизнь на продажу» Юкио Мисимы и традиции европейской литературы 150

Чадова Елизавета Владимировна
Материнско-отцовский диптих в творчестве Элен Сиксу: осмысление потери на основе романов «Dedans» и «Hyperreve» 152

Шахназарян Наринэ Мартиросовна
Образ Сапфо в английском и русском романтизме: Мэри Робинсон и Анна Бунина 154

Яценко Мария Вадимовна
Древнеанглийская поэтическая традиция: проблемы жанрового деления 156

ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНА И ПОСТМОДЕРНА В ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Аствацатуров Андрей Алексеевич
Миф о сиренах в романе Джеймса Джойса «Улисс» 158

Бешенкова Татевик Артуровна
Роман Дж. Гарднера «Осенний свет» (1976) и полемика с постмодернизмом 160

Вихрова Ксения Александровна
Пародийный потенциал южной готики в романе «Дитя божье» Кормака Маккарти 162

Гасымова Салима Джабраил Гызы
Роман-притча Уильяма Голдинга «Повелитель мух»: современный взгляд на центральную проблему 164

Гилеп Ольга Георгиевна
«Литературный импрессионизм» Форда М. Форда в зарубежной и отечественной критике 167

Игнатов Кирилл Юрьевич
Особенности пьесы Брюса Норриса «Клайборн-Парк» как «литературного продолжения» 169

Каменева Александра Игоревна

Реконтекстуализация сюжетов немецких, русских и еврейских сказок в трилогии Кейт Бернхаймер о сестрах Гольд 171

Левешко Татьяна Александровна, Головачева Ирина Владимировна

Вирусы и пандемии как катализатор социокультурных изменений в обществе в романах-антиутопиях..... 173

Наджафова Зоя Исмаиловна

Постмодернистская парадигма: концепт «Медея» 175

Панова Ольга Борисовна

«Флорентийский дневник» Р. М. Рильке: художник в поисках бога, красоты и возможности нового Ренессанса культуры 177

Сафина Анна Сергеевна

«Золотой мир запада»: «венский текст» в романе Р. Кнаппа «Советы пана Куки» 179

Силаев Павел Витальевич

Тема языка в пьесах «Пигмалион» Бернарда Шоу, «Воспитание Риты» Вилли Рассела и «Языковой архив» Джулии Чо..... 181

Соловьева Диана Юрьевна

Принцип «ненасилия» в романах Мэгги Нельсон «Красные части», Хан Ган «Вегетарианка» и Мириам Тэйвз «Говорят женщины» 183

Таиров Вагиф Леонидович

Отголоски экзистенциального мышления в реалистическом романе Грэма Грина «Тихий американец»..... 185

Тищенко Мария Владимировна

Роль эссеистики Мишеля Уэльбека в формировании дискурса современного французского литературного эссе 188

Хорошевская Юлия Павловна

Лиминальность в постколониальной НФ: фигуры и состояния 190

Черкасова Александра Владимировна

Бинкс Боллинг Уокера Перси и Мерсо Альбера Камю: два типа постороннего..... 192

Ismayılova Gunay Arıf

Analysis of Jungian archetypes in the personality of the actress in the novel "Theatre"..... 194

Jafarova Khayala Eldar

Metanarrative and psychological multidimensionality of images in Mark Danielewski's postmodern novel "House of Leaves"..... 196

Rzayeva Gulnar Mirsalim

William Faulkner's the sound and the fury: The cultural and moral degradation of society..... 198

Yang Airan
Blue therapeutic landscape in "Pilgrim at Tinker Creek" 200

ФРАНЦУЗСКИЕ ЧТЕНИЯ: МЕТА (МЕТАТЕКСТ/МЕТАНАРРАТИВ/МЕТАФОРА/МЕТАЛЕПСИС) / LECTURES FRANÇAISES

Белавина Екатерина Михайловна
Эвристический потенциал метафор в стиховедческой терминологии 202

Гальцова Елена Дмитриевна
La Mise en Abyme в крупной прозе сюрреалистов А. Бретона и Л. Арагона: к проблеме жанра «авангардного романа» 204

Ефименко Александр Евгеньевич
Фигура нарративного металепсиса и ее типы 206

Кондратьева Екатерина Александровна
Метафора? Метабола? Символ? Формирование поэтики Алена-Фурнье на примере сборника стихотворений и малой прозы «Миракли» 208

Патракова Ольга Николаевна
Метатекстуальность сказок мадам д'Онуа 210

Рассыхаева Татьяна Николаевна
«Весь мир — театр, метатеатр как рефлексия о природе театрального искусства и актуальные тенденции его развития (на примере партисипаторных практик и спектакля-исследования «Маршруты», идущего на новой сцене Александринского театра) 212

Щербак Нина Феликсовна
Философия Жиля Делёза и ее языковая реализация в современном кинематографе 214

БАЛКАНИСТИКА И КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

БАЛКАНИСТИКА, НЕОЭЛЛИНИСТИКА И ВИЗАНТИНИСТИКА

Черноглазов Дмитрий Александрович
Монашеская аскеза или «человеческая добродетель»? Идеал архиерея в историческом труде византийского гуманиста 217

Богданова Ольга Алексеевна
Медиасистема Афона в XX — начале XXI века: факторы формирования 219

Васильева Ирина Эдуардовна, Кисилиер Максим Львович
Культурная жизнь греческой диаспоры Новороссии на рубеже XIX–XX вв.: к проблеме описания 221

Гришин Алексей Юльевич
Категории залога и диатезы: необходимость их разделения в греческом и отвержение этой оппозиции традиционной русской грамматикой 223

Домосилецкая Марина Валентиновна, Новик Александр Александрович
Этноязыковые особенности бытования черники (*Vaccinium myrtillus* L.) в Метохии 225

Климова Ксения Анатольевна
Чужие демоны, или стратегии номинации заимствованных мифологических персонажей в современном греческом языке 227

Леонова Елена Вадимовна
Актуализация концептов «Родина» и «Чужбина» посредством женских образов в греческих народных песнях о чужбине 229

Морозова Мария Сергеевна, Гвоздкова Мария Вячеславовна, Жуковец Екатерина Владимировна, Сулоева Марина Александровна
Интерференция и переключение кодов в речи мультилингвальных представителей исторической албанской диаспоры: к созданию устного корпуса.... 231

Пилипенко Глеб Петрович, Борисов Сергей Александрович, Немчинов Владислав Алексеевич
Потомки черногорских переселенцев в аргентинской провинции Чако: полевое исследование языка и культуры 234

Смирнов Сергей Александрович
Особенности метрики Флавия Крескония Кориппа: на материале поэмы «Иоаннида» 236

Соболев Андрей Николаевич
О проекте функциональной грамматики балканского языкового союза 238

Тресорукова Ирина Витальевна
Делокутивные неологизмы новогреческого языка: ναίδες, όχηδες и другие 240

Харламова Анастасия Вадимовна
[ə] или [ɨ]: шва в албанской и арумынской речи арумын г. Селеница (Албания) 242

Чёха Оксана Владимировна
«Человек на Луне» в новогреческих легендах о происхождении лунных пятен 244

Чиварзина Александра Игоревна
Сравнительные обороты с колоративным компонентом на материале балканских языков: статистический анализ 246

Чуева Софья Юрьевна
Образование существительных женского рода от *nomina agentis* в новогреческом языке 248

КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Алмазова Нина Александровна
Читал ли Пампрепий Терпандра? 250

Верлинский Александр Леонардович
Еще раз об этимологиях в платоновском «Кратиле» 252

Выскубов Станислав Павлович
Наследие Аристотеля в Славяно-греко-латинской академии конца XVII — начала XVIII века: между принятием и отрицанием 255

Дубова Светлана Сергеевна
Некоторые философские понятия в латинском тексте «Слова похвального Елисавете Петровне» М. В. Ломоносова 257

Егорова Софья Кондратьевна
Так Цезарь или Катилина? (*Megalopolis*, Fr. F. Coppola, 2024) 259

Ельченко Павел Григорьевич
Что это было? «Эвристический» имперфект и философское удивление в τὸ τί ἦν εἶναι Аристотеля 261

Казанская Мария Николаевна
Выражение longus hellespontus у Овидия 263

Каргальцев Алексей Витальевич
«Страсти св. Маммария» как исторический источник 265

Кузнецова Наталья Андреевна
Описание провокации к народу (provocatio ad populum) в латинских и древнегреческих источниках: лексика, перспективы исследования 267

Лоскина Мария Алексеевна
Конструкция fore ut vs Infinitivus futuri passivi у Цицерона 269

Черемных Ксения Георгиевна
Латинские производные от индоевропейской основы *sem- в контексте ее семантической эволюции 271

Чернышева Влада Александровна
Implere и explere sensum: полнозначность и неполнозначность в текстах латинских грамматистов 273

КУЛЬТУРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ, РИТУАЛ И ФОЛЬКЛОР В ПОВСЕДНЕВНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРАКТИКАХ

Голубева Любовь Викторовна
Дары на помин и смертные узелки: проект загробной жизни 276

Лызлова Анастасия Сергеевна
О повторных записях сказок:
репертуар заонежанки П. Н. Коренной в изданиях 1918 и 1934 гг. 279

Шульман Нелли Александровна
Творчество Анны Мар в контексте англоязычных
феминистских романов начала XX века 281

СТИХОВЕДЕНИЕ

Лалетина Ольга Сергеевна
Динамика нетождественной строфики в русской поэзии XVIII–XX вв. 283

Ли Ли
«Москва» Ф. Глинки как претекст стихотворения М. Коростовец «Пекин» 285

Макарова Юлия Александровна
Роза Ауслендер: символизм и мотивы позднего творчества 287

Филимонов Алексей Олегович
Поэтический диалог В. Набокова с А. Пушкиным через призму поэзии
Б. Пастернака 289

Хворостьянова Елена Викторовна
К проблеме ритмических паттернов русского пятистопного ямба 291

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

КИНО|ТЕКСТ: КИНО-ПОХИЩЕНИЕ

Андрианова Мария Дмитриевна
Похищение жизни в фильмах «Жил певчий дрозд» и «Осенний марафон» 294

Бугаева Любовь Дмитриевна, Петров Андрей Алексеевич
Россия, похищенная и возвращенная:
антинигилистический дискурс в сериале «Столыпин» 296

Бугаева Любовь Дмитриевна
Расколотое и похищенное «Я» на экране 298

Двинятина Жамила Рузмаматовна
Похищенный жанр: водевили на советском экране 1930-х годов 300

Ежевский Александр Викторович
Реализация сюжета похищения в авторском и жанровом кино Японии и Италии 302

Еланская Светлана Николаевна
«Та, у которой я украден, в отместку тоже станет красть»:
похищение как столкновение девиантных практик в криминальной драме
«Компенсация» В. Сторожевой 304

Иваницкий Александр Ильич
О соотносимых значениях двойничества в немецком экспрессионизме 1920-х гг.
(«Последний человек» Ф. Мурнау и «Метрополис» Ф. Ланга) 306

Калько Ольга Викторовна
Похищение образов: роль костюмов в комедии «Двенадцатая ночь»
на примере экранизации 1955 г. (реж. Я. Фрида) 308

Кащенко Елена Сергеевна
Обретение или потеря — ключевая тема фильмов Тодда Хейнса 312

Колотаев Владимир Алексеевич
Похищение идентичности: ложный герой и драматургия двойничества 314

Косолапова Ольга Петровна
Характерные особенности существ, похищающих разум,
волю и жизнь у людей (на материале произведений С. Лукьяненко
и одноименных экранизаций) 316

Лысаков Павел Вячеславович
Я, другой и идентичность в фильмах Брэндона Кроненберга 320

Мариевская Наталья Евгеньевна
Лицо без тела и тело без лица: боди-хоррор о похищении идентичности 322

Минаева Елизавета Васильевна
Похищение невесты как сюжетный мотив 324

Ни Максим Дмитриевич
Похищение фото-фрагментов реальности в драматургии художественного фильма
(на примере фильмов «Фото за час», «Гражданская война», «Минамата») 326

Огудов Сергей Александрович
«Умственные картины»: сценарий Андрея Белого «Петербург»
как рефлексия о нарративном кино 328

Прохорова Елизавета Владимировна
Двойничество в киноповестях Валерия Залотухи:
«Макаров» и «Мусульманин» 330

Романова Екатерина Назаровна, Заморщикова Людмила Софроновна
В плену вечных снегов: похищение/обретение как текстовая реальность и воображаемый мир в фильмах Алексея Романова (к интерпретации «северного текста» якутского кино) ... 332

Селиверстов Игорь Константинович
Актер и похищение идентичности: жертвоприношение реальности в картине «Самый главный босс» ... 334

Степанова Полина Михайловна
Необходимость исчезновения: философия постгуманизма и современный анимационный фильм ... 336

Тульчинский Григорий Львович
Прагмасемантика похищения, или попытка опустошения бытия ... 338

Фаустов Андрей Анатольевич, Устимов Олег Владимирович
Четыре вторжения похитителей тел: внутренняя динамика киноистории о «стручках» ... 340

СЦЕНА|ТЕКСТ. ТЕАТР КАК ВСЕОБЩИЙ ЯЗЫК

Азарова Валентина Владимировна
Ф. И. Шаляпин в роли, написанной специально для него ... 342

Аленькина Татьяна Борисовна
«Инспектор ООН» в роли ревизора XXI века в свободной адаптации Д. Фарра комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» ... 344

Баранов Дмитрий Кириллович
«Прошлым летом в Чулимске»: к вопросу о векторе развития многоактных пьес А. В. Вампилова ... 346

Борботько Людмила Александровна
Театр в медиасфере и медиа о театре: цифровая проекция взаимодействия ... 348

Васильева Жанна Владимировна
Театральность и антитеатральность в перформансе Таус Махачевой «Байда» ... 350

Гудков Максим Михайлович
Бытование пьесы В. П. Катаева «Дорога цветов» на американской сцене (1930-е гг.) ... 352

Короткова Софья Владиславовна
Функциональный параллелизм персонажей в одноактных пьесах Славомира Мрожека «В открытом море», «Кароль» и «Забава» ... 354

Кочнева Татьяна Анатольевна
Социальное воображаемое в советской драматургии конца 1920-х — начала 1930-х гг. (на материале пьес М. Шимкевича) ... 356

Ларин Сергей Алексеевич
Театр в театре А. Н. Островского: между В. Гюго и Дж. Верди 358

Левченко Татьяна Викторовна
«Омолаживание» как театральный сюжет
первой половины 1920-х гг. 360

Логинова Елена Георгиевна
Сценическая коммуникация или «слова в театре лишь узоры
на канве движений» 362

Мальцева Татьяна Владимировна
«Лишние люди, лишние слова…»:
семантика и функции «говорения» в пьесе А. П. Чехова «Иванов» 364

Наумов Александр Владимирович
Феерия vs мистерия. Музыка И. А. Саца к «Синей птице»
как феномен театральной коммуникации 366

Нестерук Маргарита Анатольевна
Театр в цифровую эпоху: влияние медиакоммуникаций
на создание, распространение и восприятие театрального искусства 368

Ранкс Ольга Константиновна
Библейские аллюзии в трагедии Х. Грау «В огне» 370

Семенова Наталья Валерьевна
Сквозь щели железного занавеса:
советские международные театральные связи в 1970-е гг. (Финляндия) 372

Семенчук Светлана Александровна
Художественное решение постановки А. А. Тарковского
«Борис Годунов» в контексте искусства 1980–2000-х гг. 374

Сердюкова Алена Викторовна
«Сбой схемы ожиданий» в области ритмической организации
сценического художественного текста 376

Сылова Елена Андреевна
К вопросу инсценизации романа Ф. М. Достоевского «Бесы»
на современной сцене: поиски сценического языка для большой прозы 378

Тютелова Лариса Геннадьевна
Столы и застолье в драматургии А. П. Чехова 380

Шарыпина Татьяна Александровна
Коммуникативное пространство театра Германии эпохи «перемен»
(Ф. Браун «Ифигения на свободе» и Б. Штраус «Итака») 382

Шевченко Екатерина Сергеевна
«Шекспировский текст» Юрия Домбровского 384

Шевченко Елена Николаевна
Режиссер Ильгиз Зайниев: проза языком кукол 386

Юрьев Андрей Алексеевич
Театр в книге: о значении сценических ремарок в драматургии Хенрика Ибсена..... 388

МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

ПЛЕНАРНЫЙ ДОКЛАД

Павловская Ирина Юрьевна
Академик Л. В. Щерба как первый лингводидакт 391

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ ПО НАПРАВЛЕНИЮ «МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ»

Коган Марина Самуиловна
Как и зачем корпусные лингвисты изучают школьные учебники по английскому языку 393

Коренев Алексей Александрович
ETE-Test. Разработка инструментов диагностического и итогового оценивания профессионально-коммуникативной компетенции для студентов лингводидактических профилей подготовки 395

Atabekova Anastasia
Generative AI status within theory of foreign language learning/teaching: Higher education level 397

ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В ПОЛИЛИНГВАЛЬНОЙ СРЕДЕ

Белова Марина Олеговна, Журавлева Ольга Алексеевна
Барьеры на пути к уверенности китайских студентов в использовании английского языка: анализ и решения 399

Вишаренко Светлана Владимировна
Принцип «сохранения лица» при постановке речевого дыхания в ходе обучения носителей китайского языка иноязычному произношению..... 401

Золотая Елизавета Леонидовна
Преодоление внутриязыковой интерференции с помощью элементов методов контрастивного анализа и анализа ошибок на занятиях по иностранному языку..... 403

Кулигина Наталья Вячеславовна
Особенности запоминания иностранных слов у преподавателей-филологов..... 405

Лыпкань Татьяна Витальевна, Вихрова Анастасия Юрьевна

Межпоколенческие изменения при реализации глухих и звонких смычных взрывных, а также твердых и мягких русских согласных в устной речи русскоязычных билингвов в Германии и монолингвов в России 407

Петрова Виолетта Владимировна

К вопросу о реализации принципа профессиональной направленности обучения иностранному языку студентов неязыковых вузов 409

Проницына Ольга Сергеевна

Преодоление фактора языковой интерференции при обучении иностранных студентов в медицинском вузе на языке-посреднике 411

Рейпольская Маргарита Юрьевна

К вопросу о преодолении интерференции при овладении итальянским языком 413

Соловьева Светлана Александровна

К вопросу о параметрах развития сбалансированного детского билингвизма 415

Тимофеева Елена Константиновна, Коштялова Ирена

Цветовые синестемы в русском, английском и чешском языках 417

Уласевич Максим Владимирович

Эффективность видеообучения в развитии аудиовизуальных рецептивных навыков у учащихся дошкольного возраста 419

Чаленко Елена Сергеевна

Роль иностранного языка в формировании культурного капитала (на примере курса немецкого языка как второго иностранного в Воронежском госуниверситете) 421

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ В АСПЕКТЕ ЛИНГВОДИДАКТИКИ

Борщенко Галина Михайловна

Развитие умений иноязычной деловой коммуникации с использованием цифровых технологий 423

Вострикова Ирина Юрьевна

Развитие аналитических навыков при обучении английскому языку в вузе 426

Вэй Цзяци

Интеграция технологий искусственного интеллекта в преподавание иностранных языков: сравнительное исследование моделей России и Китая 428

Гавриленко Наталья Григорьевна, Соколова Алина Юрьевна

Электронный курс Medical Latin в аспекте педагогического дизайна 430

Дмитренко Наталья Павловна, Седёлкина Юлия Георгиевна

Характеристика иноязычных умений профессионально-ориентированного публичного выступления будущего преподавателя иностранного языка 432

Доброва Татьяна Евгеньевна

Реализация концепции поликультурного образования в рамках программ магистратуры по подготовке переводчиков в профессиональной сфере 434

Евтушенко Татьяна Геннадьевна

Организация самостоятельной работы студентов при обучении аннотированию научного текста с использованием инструментов на базе моделей ИИ 436

Коздринь Пётр Романович

ChatGPT как инструмент для создания учебных материалов по иностранным языкам 438

Копыловская Мария Юрьевна

Наглядность и визуализация в лингводидактике 440

Мазуренко Инна Владимировна

Повышение эффективности обучения иностранному языку студентов медицинских вузов с применением технологий искусственного интеллекта 442

Marnitsyna Ekaterina

On developing critical thinking in AI epoch when teaching design students 444

Редникова Ирина Петровна

Среда, приближенная к языковой, и педагогические условия ее существования в контексте ИТ вуза 446

Темурян Кристина Телмановна

Создание курса с поддержкой ИИ для развития профессионально-коммуникативных умений будущих преподавателей английского языка 449

Тутова Анастасия Александровна

Методы оценивания сформированности компетенций обучающихся в условиях свободного использования сервисов генеративного искусственного интеллекта 451

Чжао Маомао

Исследование инновационных реформ в образовании в области искусственного интеллекта 453

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВОДИДАКТИКИ И МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Аксёнова Татьяна Вадимовна

Особенности драматизации как средства формирования иноязычной речевой готовности студентов в учебном процессе 455

Багир-Заде Зулейха Мурад Кызы

Эффективное управление через эмоциональный интеллект: педагогическая модель для университетов 457

Горбанева Виктория Вадимовна

Методическая ценность учебного корпуса письменных текстов «MERLIN» для обучения культурным особенностям директивных речевых актов на итальянском языке 459

Горбунова Каролина Борисовна

Развитие умений чтения 461

Григорьева Елена Яковлевна

Лингвокультурологический аспект французских национальных праздников 463

Загудалина Юлия Викторовна

Методика ассоциаций и рифмовок при обучении иностранным языкам на материале (испанского и английского) при обучении разновозрастных школьников и студентов 465

Кислина Марина Юрьевна

Принципы вальдорфской лингводидактики в проекции на современное обучение иностранным языкам в начальной школе 468

Лебедева Екатерина Владимировна

Технология работы с франкоязычными кинофильмами в старшей школе (на примере фильма Les Choristes) 470

Малинина Светлана Михайловна

Отбор лингвистического материала с целью формирования англоязычной терминологической компетенции курсантов-судоводителей морских вузов 472

Мясников Алексей Анатольевич

К вопросу о решении педагогических задач на уроках иностранного языка 475

Охотникова Елена Васильевна

Психологические особенности обучения иностранному языку взрослых 477

Петренко Георгий Кириллович

Роль этимологии в лексикографии и лингводидактике 479

Плехова Ольга Геннадьевна

Формирование функциональной грамотности на уроках английского языка 481

Ряполова Наталья Валерьевна

Развитие культурной идентичности у студентов технического вуза на занятиях по иностранному языку 483

Тарнаева Лариса Петровна, Аллик Степан

Итальянские фразеологизмы как отражение культурно-исторических реалий 485

Тарнаева Лариса Петровна, Нильга Мария Евгеньевна

Развитие критического мышления как инструмент повышения эффективности обучения иностранным языкам 487

Тарнаева Лариса Петровна, Шаврова Анна Владимировна
Дискурс-ориентированный подход в обучении иноязычному профессиональному общению 489

Хижнякова Майя Эдуардовна
Лексический состав психологического дискурса 491

Чжу Шэнминь
Функционально-семантическое освоение слов китайского происхождения в медиаречи (на материале русскоязычных текстов белорусских СМИ) 493

Яковлева Елена Владимировна
Английский язык для гуманитариев: вызовы современности 495

Ярмуш Надежда Юрьевна
Обучение студентов-лингвистов национальным вариантам испанского языка Латинской Америки с использованием лингвистических корпусов 497

Ma Xiao
Teaching methods in collective English teaching activities in private bilingual kindergartens in China 499

ТЕСТОЛОГИЯ

Бесядовская Надежда Александровна
К вопросу об эффективности задания 38 единого государственного экзамена как инструмента оценивания уровня сформированности навыков письменной речи учащихся 501

Биркин Алексей Александрович
Маркеры логико-смысловой сложности учебных текстов 503

Глухова Юлия Николаевна
Контроль и оценка иноязычной письменной речи в эпоху искусственного интеллекта 505

Горизонтова Анна Всеволодовна
Использование технологий искусственного интеллекта в оценке продуктивных навыков: современная ситуация и перспективы развития 507

Карапетян Алиса Рубеновна
Особенности формирования и контроля фонетических навыков у дошкольников и младших школьников 509

Крегер Михаил Яковлевич
Искусственный интеллект как инструмент тестирования языковых навыков студентов неязыковых вузов 511

Кубацкая Виктория Сергеевна
Интегративные виды заданий на основе ЭОР для обучения видам речевой деятельности на уроках английского языка 513

Маслова Людмила Сергеевна
Применение задачного подхода в иноязычной подготовке политологов 515

Маэрцзян Еэркэнь
Анализ ошибок в изучении китайских иероглифов русскоязычными студентами и стратегии их коррекции 518

Сеничкина Ольга Авенировна, Ерофеева Инна Николаевна
Использование генеративных нейросетей в обучении иностранному языку 520

Сказочкина Татьяна Валерьевна
Актуальные особенности и универсальность тестирования по английскому языку в качестве государственного экзамена 522

РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

ДИСКУРС И ВАРИАТИВНОСТЬ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Алимджанов Абдуазиз Абдихакимович
Проблема контекста в анализе американского политического дискурса (на примере прощальной речи президента) 525

Ахренова Наталья Александровна
Эволюция текста под воздействием трансмедийных технологий 527

Денисова Наталья Викторовна, Кованова Евгения Анатольевна
Телескопия в современном английском языке и проблемы определения границ словообразовательных моделей 529

Дронов Павел Сергеевич
Креативно-дискурсивные и индивидуально-авторские модификации идиом 531

Дудкова Дарина Сергеевна
Дейктические маркеры и их функции в организации этнического стендап дискурса (на материале англоязычных выступлений азиатских стендап комиков) 533

Дьякова Елена Юрьевна
Особенности рациональной аргументации в англоязычном рекламном дискурсе социальной направленности 535

Емельянова Ольга Витальевна
Лингвокультурный типаж «английский орнитолог-любитель» 537

Захарова Ольга Сергеевна
Средства репрезентации отрицательной оценки в англоязычном техническом аналитическом обзоре валютного рынка 539

Иванова Елизавета Васильевна
К вопросу о корпусном анализе английской фразеологии 541

Карпова Любовь Сергеевна
О жанровом разнообразии профессионального дискурса международного математического сообщества 543

Климова Татьяна Владимировна
Лингвокогнитивные скрепы как одно из средств обеспечения целостности когнитивной модели дискурса в текстах рождественских обращений 545

Кондрашова Вера Николаевна
Прагматический диапазон языковой игры с прецедентными феноменами в англоязычном художественном дискурсе 547

Корокина Полина Жановна
Понятие "*picturesque*" в эссе У. Гилпина 549

Левочкин Иван Игоревич
Полимодальный дискурс англоязычных интернет-мемов 551

Оводова Мария Кирилловна
Уровневая модель взаимодействия религиозного и детективного дискурсов в коротких рассказах Э. К. Бентли 553

Огнева Елена Анатольевна
Аттрактивность дискурсивных информативных координат 555

Осадчая Ольга Николаевна
Правовое разграничение понятий форм брака в английском и российском семейном праве 557

Петухова Татьяна Ивановна
Автокомментарий художника как эмотивный микротекст 559

Прийма Татьяна Ивановна
Стратегии урегулирования политического конфликта в дискурсе медиации (на примере устного выступления Д. Трампа "Remarks by President Trump, President Vučić of Serbia, and Prime Minister Hoti of Kosovo in a Trilateral Meeting") 561

Рашевский Василий Евгеньевич
Глобальная компетенция больших языковых моделей в нейродискурсе 563

Рыженкова Анна Александровна
Метафоризация эмоций и чувств в англоязычной художественной литературе XX–XXI веков 565

Савкина Анна Романовна
Самопрезентация автора в научном дискурсе (на примере научной статьи) 567

Соколова Екатерина Геннадьевна
Лингвопрагматические характеристики жалобы как элемента речевого этикета 569

Соколова Наталья Юрьевна
Колороним red в названиях современных фильмов 571

Солнцева Елена Сергеевна
Ложная когерентность как манипулятивная стратегия в дискурсе 573

Старостина Юлия Сергеевна
Аксиологические константы в дискурсивном поле англоязычной драматургии 575

Степанова Наталия Валентиновна, Рамантова Ольга Вячеславовна
Дискурсивная личность автора медиатекстов
в англоязычном дискурсе неравенства 577

Толочин Игорь Владимирович
A white elephant in the room: идиома в тексте 579

Трощенкова Екатерина Владимировна
Ценностный аспект англоязычного медиадискурса
о практике деинфлюенсинга в социальных сетях 581

Трушникова Полина Александровна
Языковые инновации в стендап-комедии:
исследование комического через призму лингвистики 583

Цвенгер Лариса Владимировна
Антонимические оппозиции колоративных коллокаций
в русском и английском языках 585

Шайбакова Дарья Вадимовна
Природоморфная макрометафора в русской и английской фразеологии знания 588

Шмелёва Екатерина Сергеевна
Стилистические приемы в популярной и «качественной» англоязычной прессе
1990–1999 гг.: особенности реализации 590

Шутёмова Наталья Валерьевна
Оценочная иррадиация: к проблеме определения понятия 593

Шидловская Диана Юрьевна
Концепты притяжения и отталкивания и их роль в осмыслении
окружающей действительности в британской лингвокультуре
(на материале английских фразеологических единиц
с компонентами глаголами притяжения и отталкивания) 595

Alizada Aytan Mammadbaghir
The grammatical expression of gender metaphors in
modern American literary discourse 597

Asadova Nurana Rovshan
Globalization and language enrichment. The growing influence of English 599

Galchinskii Dmitrii Nikolayevich
The strategy of framing and hedging in political discourse 601

Eyvazova Sevinj
Differences between British English and American English economic terms 603

Mırzayeva Aysu
Multifaceted semantic peculiarities of onomastic units 605

Sabahat Hajiyeva Avaz
Pragmatic functions of discourse markers in question-and-answer dynamics of media interviews 607

Smirnova Alexandra Yurievna
Evaluating 'god' in American discourse: A comparative analysis of evaluative patterns in modern and historical corpora 609

Teplyakova Anastasia Borisovna
Conceptual linguistic creativity in the coverage of military conflict 611

ГРАММАТИКА (РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ)

Ануфриев Александр Александрович, Кичигин Кирилл Валерьевич
Сочетания базовых эпистемических предикатов в испанском языке: конъюнкция vs дизъюнкция 613

Большакова Татьяна Михайловна
Категориальная ситуация запрета и ее вербализация в школьных нормативных текстах (на материале немецкого языка) 615

Gudkova Kira
On the question of the future tense in the English language: Does English have "pure" future tense 617

Дубина Анастасия Михайловна, Кондратенко Полина Игоревна
Особенности сочетаемости локальных и инструментальных предлогов с названиями интернет-ресурсов (на материале корпуса DWDS) 619

Дубровина Маргарита Эмильевна
Форма страдательного залога в языках разных типов (на материале турецкого и английского языков) 621

Калятин Игорь Сергеевич
К вопросу о немецких и итальянских безличных предложениях с местоимениями man и частицей si 623

Королькова Анна Владиславовна
Грамматические аспекты речи ребенка в англоязычных романах взросления 625

Матыцина Ирина Витальевна
Вопросы терминологии и подходы к изучению языка делового общения в России и Швеции 627

Первак Татьяна Владимировна
Проблематика дифференциации суффиксов *-weise* и *-erweise* в современном немецком языке 629

Самородин Георгий Владиславович
Артикль в немецкоязычных предписывающих технических текстах 631

Темников Никита Андреевич
Корпусное исследование грамматической вариативности современного нидерландского языка 633

Третьякова Татьяна Петровна
Вопросы грамматического описания английских коммуникативных идиом: от теории словосочетаний И. Е. Аничкова к современной корпусной лингвистике 635

Цвинариа Марина Евгеньевна
К вопросу о грамматическом статусе конструкций с модальными глаголами в функции аналитических форм сослагательного наклонения в современном английском языке 637

Яковлева Мария Станиславовна
К вопросу о коммуникативной грамматике древнеанглийского медицинского текста: на материале сборников *Lacnunga* и «Лечебник Бальда» 639

Mehdiyeva Aysel Akif
The utilization of metonymy ın communication process 641

ИСТОРИЯ ЯЗЫКА (РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ)

Аксенова Анна Владимировна
Стилистическое своеобразие текстов либретто Пьетро Метастазио 643

Баева Галина Андреевна
На пути к немецкому языку науки: Парацельс и трансформация традиции 645

Бирр-Цуркан Лилия Федоровна
Адресатные отношения в немецкоязычных правилах поведения за столом XV и XVI вв. 647

Жилюк Сергей Александрович
Русизмы в немецкоязычных научных работах о России в первой трети XVIII в. 650

Каменева Ольга Владимировна
Сопоставительный анализ слов с чередованием гот. þl-//fl- (и.-е. *pl-) в начале корня в готском языке 652

Карпов Владимир Ильич
Многоточие в немецкой грамматической традиции и русской литературной практике XVIII — первой трети XIX в.: вопросы контрастивного изучения 654

Нифонтова Дарья Евгеньевна
Структурно-семантические особенности фразовых глаголов в ладинском языке 656

Разумных Елена Валерьевна
Становление аналитических форм перфекта с *habban* в древнеанглийском с точки зрения вербоцентрической концепции 658

Тихонова Елена Сергеевна
К специфике образных сравнений в Старшей Ливонской рифмованной хронике 660

Чупрына Ольга Геннадьевна
Признаки «жизнь» и «сила» как семантическая и когнитивная основа обозначений возраста человека в древнеанглийском языке 662

Ширшикова Алиса Александровна
К вопросу о функциях стихотворных форм в немецкоязычных грамматиках XVIII века 664

Школьникова Ольга Юрьевна, Рустамова Марьям Бахрам Гызы
Диалект как составляющая художественной системы Карло Гольдони и проблема языковой адаптации его комедий на современной театральной сцене 666

ЛЕКСИКОЛОГИЯ И ФРАЗЕОЛОГИЯ (РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ)

Аккуратова Ирина Борисовна
Производные с иноязычными компонентами *-manie* и *-itis* в современном немецком языке 668

Баканова Анна Валентиновна
Сказочные тексты эстремадуры как объект социолингвистического анализа 670

Бурак Михаил Сергеевич
К проблеме природы языкового знака (на материале романских языков) 672

Вяльяк Криста Энновна
О политкорректности в использовании лексических единиц 674

Дойникова Марина Игоревна
Особенности стратегии самозащиты в парламентском дискурсе (на материале протоколов бундестага последнего созыва) 676

Езан Ирина Евгеньевна, Ковтунова Елена Анатольевна
Лингвистическая терминология в научно-популярном интернет-дискурсе (на материале немецкоязычных подкастов) 678

Жильцова Елена Леонидовна
Коммуникативные функции наречия alltså в шведском языке 680

Карпенко Елена Игоревна

О принципах реализации библейских лингвокультурных моделей немецкого языка в тексте 682

Кутькова Анастасия Владимировна

El rodeo a la chilena: чилийское родео как символ национальной самобытности 684

Лазарева Татьяна Андреевна

Семантический синкретизм как фактор дискурсивной диффузности (на примере лексемы BUßE) 686

Ляскова София Николаевна

Репрезентация концептов *famille* (семья) и *mariage* (брак) во французской национальной культуре на материале афоризмов 688

Максимова Виктория Вячеславовна

Нравственная навигация в море послевоенной германии: метафоры в мемуарах 690

Манёрова Кристина Валерьевна

Формульность немецкого языка как трудность в машинном переводе на русский язык 692

Марфунцева Ольга Николаевна

Парадигматика и синтагматика простых цветовых прилагательных в романе Дино Буццати «Татарская пустыня» 694

Мёд Наталья Григорьевна

Структурно-семантические и стилистические характеристики испанских фразеологических биномов 696

Мельгунова Анна Владиславовна

Предложение как особый вид определительного компонента немецких композитов 698

Микаэлян Юлия Игоревна

Каламбур как стилистический прием: к проблеме перевода юмора (на примере перевода прозы С. Довлатова на испанский язык) 700

Москвина Татьяна Николаевна

Вариативность и изменчивость в немецкой диалектной лексике (по материалам диалектологической экспедиции 2024 г.) 702

Нелюбова Наталия Юрьевна

Характеристика плотности лингвоаксиологических маркеров во французских паремиях 704

Никитина Екатерина Яковлевна

К вопросу о поэтических синонимах общеупотребительных слов: субстантивная метафора и ее окружение в языке французской поэзии XVI–XVII вв. 706

Парина Ирина Сергеевна

Особенности передачи семантики фразеологизмов, называющих культурные реалии, в художественном переводе с немецкого языка на русский 708

Перминова Галина Валерьевна

Модель стратегии самозащиты в речевом поведении федерального канцлера Олафа Шольца 710

Петрова Галина Викторовна

Способы обозначения «своего» и «чужого» окружающего мира (на материале португальского языка) 712

Поздеева Татьяна Сергеевна

Биология в метаязыке визуального искусства (на материале немецкого языка) 714

Попова Евгения Андреевна

Семантические особенности существительных со значением плача в испанском языке 716

Сабадин Сантос Т. Медина Жоан Пауло, Мартинс Медина Суэллен

Nóis или *a gente*? Представления о коллективе в неформальных способах выражения в бразильском варианте португальского языка 718

Саванкова Екатерина Владимировна

Вторичные предлоги родительного падежа в немецком языке: семантический аспект 720

Соколова Ольга Викторовна

Особенности функционирования перформативного глагола *dico/diciamo* в итальянском поэтическом дискурсе на фоне употребления в разговорной речи ... 722

Соловьева Мария Владимировна

Мотив пути: контекстуальная обусловленность выбора вспомогательного глагола в сложных временах в старофранцузском языке 724

Терещук Андрей Андреевич

Функционирование элементов семантического поля «восстание» в политическом дискурсе раннего карлизма 727

Хван Мария Сергеевна

Лексические особенности различных диалектов португальского языка и факторы их развития 729

Хуторецкая Ольга Александровна

Грамматика или лексика: еще раз о категории вида во французском языке 731

Цветаева Елена Николаевна, Панкратьева Елена Сергеевна

Der Krug geht so lange zu Wasser: культурные смыслы и значения одной общеевропейской фраземы 733

Чекалина Елена Михайловна
Какие смыслы видит шведский язык в русском слове «пока»? 735

Якушкина Ксения Валерьевна
Концепция *энтропии* в современной коммуникологии (на примере испанского языка) 737

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ИСТОРИЯ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Гайсина Анастасия Александровна
Лингвистические труды в научном творчестве Э. М. П. Литтре 740

Германова Наталия Николаевна
Вклад британской германистики в формирование культурной идентичности британцев 742

Клубкова Татьяна Владимировна
«Московитский купец» П. Я. Марпергера 744

Ковалев Борис Вадимович
О ранних квантитативных подходах в языкознании: зарождение стилеметрии 746

Козел Наталья Яковлевна
В. В. Виноградов: портрет ученого в письмах к жене из вятской ссылки 748

Крылов Сергей Александрович
О вкладе Э. А. Макаева в историографию лингвистики 750

Лукин Олег Владимирович
Франц Гёльтергоф: био- и библиографические источники 752

Маркасова Елена Валерьевна
О влиянии «Риторики» М. В. Ломоносова на изучение гипербата в русистике 754

ОРФОЭПИЯ: НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ ЛЮДМИЛЫ АЛЕКСЕЕВНЫ ВЕРБИЦКОЙ

Антонова Ольга Валентиновна
Современные тенденции в акцентуации идиом в русском литературном языке 756

Журавлёва Александра Евгеньевна
Особенности редуцированного произношения числительных 758

Каленчук Мария Леонидовна
Фонетика и орфоэпия русского языка в их взаимодействии с письмом 760

Коробейникова Татьяна Николаевна
Диахронические акцентуационные изменения в словоформе в свободных сочетаниях и в составе фразеологизмов 762

Корпечкова Елена Владимировна
Особенности акцентуации наречий и кратких прилагательных «группы высоко»: экспериментальные данные 765

Никитин Никита Владимирович
Бе[ш‿ш]*áпки* или *бе*[с‿ш]*áпки*: корпусные данные 767

Савинов Дмитрий Михайлович
Проблемы и перспективы орфоэпической лексикографии 769

Филиппов Андрей Константинович, Филиппов Константин Анатольевич
Эстетика благозвучия в фонетических концепциях немецкого просвещения 771

ПРИКЛАДНАЯ И МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

Бердникова Татьяна Владимировна
Функции молчания в «криминальных» диалогах 773

Блинова Ольга Владимировна, Тарасов Никита Андреевич, Голубова Ксения Александровна
Результаты шкалирования по уровню перцептивной сложности как обучающие данные 775

Богданова Светлана Юрьевна
Развитие терминологического аппарата корпусной лингвистики 777

Бурляй Анна Сергеевна
Базовая структура промптов для эффективной работы преподавателей русской словесности в чате GPT 779

Гейбатова Алёна Валерьевна
К вопросу о жанровых особенностях современного интернет-дискурса 781

Корышев Михаил Витальевич
Компьютерная лингвистика и история литургической культуры: псевдопараллельные тексты и новый взгляд на привычные вещи 783

Ляшенко Мария Алексеевна
Практические рекомендации по оптимизации контента для улучшения семантической релевантности 785

Митренина Ольга Владимировна
Автоматизация нулевого и первого этапа мануальной разметки рук при создании мультимодального корпуса разговорной речи 787

Пиркулыева Гульзар Пиркулыевна
Обзор существующих исследований по лексической сочетаемости в туркменском языке 789

Рогозина Елена Андреевна, Алексеева Елена Леонидовна, Азарова Ирина Владимировна, Сипунин Константин Владимирович
Виды библейских цитат и особенности их атрибуции на материале севернорусских житий корпуса СКАТ 791

Семененко Наталия Николаевна, Соловьев Антон Юрьевич, Цыганков Юрий Александрович
Автоматическая обработка контекстов употребления слова *победа* как частная задача математического моделирования интернет-дискурса Победы 793

Тимофеева Мария Кирилловна
Сопоставительный семантический анализ отношений в структурах рассуждения, построенных на основе аргументативного анализа и теории риторической структуры 795

Хохлова Мария Владимировна
Использование систем искусственного интеллекта при исследовании сочетаемости 797

Хохлова Мария Владимировна, Корышев Михаил Витальевич, Павликова Владислава Станиславовна
Исследование взаимосвязи между сложностью немецкоязычных новостных текстов и направленностью интересов читателей 799

Чебанов Сергей Викторович
Термины, обозначающие не понятия, и когнитивное терминоведение 801

Чебанов Сергей Викторович, Кузнецова Вера Владиславовна
Концепты составности человека в сборнике «Арто момо» и изучение их статистики 803

Turunov Denis Mikhailovich
Duality in video games' nature: Transient auteur in interactive media texts 805

ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАММАТИКИ

Бай Юе
Противопоставление однократности и многократности действия (на материале русского и китайского языков) 807

Вилинбахова Елена Леонидовна
Эвиденциальность и новое знание в употреблениях глагола *resultar* 'оказываться' в испанских научных текстах 809

Воейкова Мария Дмитриевна
Что такое *aboutness* и как это влияет на пропуск субъекта 811

Дяо Жуй, Эйсмонт Полина Михайловна
Влияние семантики глагола на вариативность одушевленности игровой лексики 813

Кашлева Ксения Константиновна, Краснощекова Софья Викторовна
О некоторых вариантах порядка слов в СРЛЯ 815

Князев Михаил Юрьевич
Нулевая анафора с сентенциальным антецедентом в свете экспериментальных данных 818

Крамскова Анна Сергеевна
Межкатегориальное взаимодействие эвиденциальности, миративности и аспекта: данные тибетского языка 820

Крылова Эльвира Борисовна
Модальные частицы датского языка в контексте оценочных предикатов 822

Матханова Ирина Петровна
Местоименное наречие *зачем-то*: семантико-прагматические функции и условия их реализации 824

Первунина Светлана Ивановна
Особенности референции личных местоимений в русских пословицах 826

Толмачева Гульнара Салаватовна
Сравнительно-уподобительные и аспектные наречия военной тематики: критерии разграничения и особенности употребления 828

Хаймович Анастасия Сергеевна
Транспозиция как способ внутрикатегориального и межкатегориального взаимодействия темпоральности и локативности 830

Чуйкова Оксана Юрьевна
«Циркумфиксальные» способы действия в русском языке: некоторые наблюдения 832

ПСИХОЛИНГВИСТИКА

Бондаренко Мария Николаевна, Дубасова Анжелика Витальевна
Ассоциативные и эмоциональные реакции на инструментальную музыку: психолингвистический анализ 835

Григорьева Алена Сергеевна
Ассоциативно-вербальная модель глаголов обладания в голландском языке 839

Дубасова Анжелика Витальевна
Морфологическая декомпозиция сложных существительных в белорусском языке: экспериментальное исследование 841

Заманова Илона Владимировна
О классификации эмоций по законам естественного языка 844

Казаковская Виктория Виладиевна
Семантика и средства выражения персональности в раннем диалоге «взрослый — ребенок» 846

Казаковская Виктория Виладиевна, Сизова Ольга Борисовна
Динамика коммуникативного поведения взрослого в общении с нетипично развивающимся ребенком 848

Краснощекова Софья Викторовна
Граница между дейктическим и кванторным макроразрядами местоимений: данные детской речи 850

Леонова Елена Владимировна
Современные подходы к оценке влияния языка на долингвистическую систему представлений о пространстве 852

Петракова Дарья Сергеевна
Адаптация внутреннего голоса читателя к предполагаемому голосу автора текста 854

Пигалева Мария Владиславовна
Семантические группы семантического поля «искусство» в ассоциативных реакциях китайских информантов 856

Пиотровская Лариса Александровна
Прагматика интонации 858

Плахотная Юлия Ивановна
Особенности понимания простых предложений 860

Риехакайнен Елена Игоревна, Судакова Ульяна Андреевна
Следим за словами: сравнение подходов к классификации самоисправлений 862

Сытник Ольга Сергеевна
Речевые тактики в ситуации конфликта в межличностном общении с позиций прагмалингвистического подхода 864

Трущелёв Павел Николаевич
Приемы контекстуализации в научно-популярном тексте и читательский интерес 866

Умеренкова Анна Валерьевна
Темпоральное моделирование как коммуникативная стратегия в политическом дискурсе (на материале инаугурационной речи Д. Трампа) 869

Филиппова Екатерина Олеговна, Шипицына Евгения Сергеевна, Аспомбитова Айнур Олеговна
Эмоциональный окрас восприятия введения в математический анализ студентов технического университета ... 871

Фомина Зинаида Евгеньевна
Специфика категоризации феномена «Mensch» / «человек» в языковом сознании В. фон Гумбольдта ... 873

Цао Шопэн
Функционирование неизменяемых форм в письменной речи носителей китайского языка, изучающих русский язык как иностранный ... 875

СОЦИОЛИНГВИСТИКА

Ерофеева Елена Валентиновна
Социолингвистическая вариативность специальной лексики в речи ... 877

Маркадеев Григорий Алексеевич
Этноязыковая ситуация в чешском селе голубое в молдавии и ее динамика ... 879

Новоселова Виктория Андреевна
Эвфемизмы в медиатекстах авторской программы «Америка с Валентином Богдановым» ... 881

Раевская Марина Михайловна
Коммуникационный режим в странах испанской речи: нормы и правила административной коммуникации ... 883

Скребнев Евгений Сергеевич
Применение теории проксимизации для анализа франкоязычного политического дискурса ... 885

Тюленёва Александра Михайловна
Функционирование коми-пермяцкого языка в языковой ситуации Пермского края: сфера образования ... 887

Ульяницкая Любовь Александровна
О западнофламандском языке во Франции: социолингвистический и исторический аспекты ... 890

Хайруллина Полина Алексеевна
Социолингвистические характеристики целевой аудитории как фактор эффективности интегрированных маркетинговых коммуникаций ... 892

Bulus Felicia
Honorifics in student-teacher interaction in Nigerian university contexts ... 894

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЭТИКА

Бабаина Елена Аркадьевна, Зайчик Михаил Леонидович
Семантико-синтаксический анализ древнеанглийских элегий: к проблеме взаимодействия поэтического языка и жанра 896

Бондарко Николай Александрович
Сюжет о грехопадении в древнеанглийской поэме «Бытие» и в средневерхненемецкой религиозной поэзии XII в.: опыт сравнительного лингвопоэтического анализа 898

Клейнер Юрий Александрович
Традиция и текст: бытование и смысл 903

Михайлова Татьяна Андреевна
О «темном языке» поэтов Древней Ирландии 905

Пиотровский Дмитрий Дмитриевич
Предпосылки возникновения литературоведческой терминологии в фарерском языке XVIII–XIX вв. 907

Светозарова Наталия Дмитриевна
Софья Магид и ее диссертация «Баллада в еврейском фольклоре» 909

УРАЛИСТИКА. К 100-ЛЕТИЮ КАФЕДРЫ ФИННО-УГОРСКОЙ ФИЛОЛОГИИ СПбГУ

Агранат Татьяна Борисовна
О преподавании двух исчезающих прибалтийско-финских языков 911

Арекеева Светлана Тимофеевна
Повесть в контексте жанровых исканий удмуртских писателей в 1920–1940-е гг. 913

Братчикова Надежда Станиславовна
Перевод как способ сохранения культурного наследия дореволюционного Петербурга (на примере пьес Мартти Вуори) 915

Доловаи Дороттья Мария
Связь конъюнктива и порядка слов в венгерском языке 917

Иванов Владимир Андреевич, Идрисов Руслан Ирекович
Некоторые особенности вокализма тегинского говора хантыйского языка (в сопоставлении с казымским диалектом) 920

Иванова Людмила Ивановна
Карельские фольклористы Г. Х. Богданов и А. С. Степанова как продолжатели традиций финноугроведения ЛГУ 922

Кундозерова Мария Владимировна, Сойни Елена Григорьевна
Предисловие Микаэля Агриколы к «Псалтыри Давида» (1551) в русских переводах и интерпретациях 924

Куцаева Марина Васильевна
Функционирование марийских идиомов в старых диаспорах: сфера библиотечно-информационного обслуживания 926

Лимерова Валентина Александровна
Святочные рассказы М. Н. Лебедева в журнале «Досуг и дело» 929

Лудыкова Валентина Матвеевна
Коми язык и кафедра финно-угорской филологии Санкт-Петербургского университета 931

Лудыкова Валентина Матвеевна, Якубив Татьяна Владимировна
Выражение последовательности действий в коми языке 933

Люблинская Марина Дмитриевна
Комплексность значения слова в младописьменном (ненецком) языке 935

Малкова Анна Сергеевна
Имплицитный образ целевой аудитории в учебниках финского языка для иностранцев 937

Мизонова Александра Николаевна
Образ ученого в современной художественной литературе Финляндии 939

Мызников Сергей Алексеевич
Деятельность Д. В. Бубриха в институте языка и мышления в 30–40-е годы (по материалам архива или РАН) 941

Новак Ирина Петровна
Д. В. Бубрих и прибалтийско-финская лингвистическая школа Карелии 943

Родионова Александра Павловна
О падежах послеложного образования в карельском языке 945

Рябина Елена Семёновна
Колоративная лексика в школьном учебнике удмуртского языка 947

Сергеев Олег Арсентьевич, Григорьева Людмила Яковлевна
Отечественные научные школы и их вклад в развитие марийского языкознания 949

Федорова Любовь Петровна
Современный женский детектив в удмуртской и финской литературах 951

Хорохорин Павел Андреевич
Озерные именования южной Карелии на исторических картах 953

Чаусова Виктория Николаевна
Коммунальный перевод в работе с людьми с ограниченными возможностями здоровья 955

Шеянова Светлана Васильевна

Мордовская женская литература в научной рефлексии национальных литературоведов 957

Шкляев Александр Григорьевич

Новые тенденции в развитии удмуртского литературного процесса на рубеже XX–XXI веков 959

ФОНЕТИКА

Бондарчук Виталий Сергеевич, Яскевич Виталий Валерьевич

Просодическая структура иронических высказываний (на материале английского языка) 961

Гончарова Оксана Владимировна

Региональная специфика произношения в русском языке: выявление ключевых фонетических маркеров с помощью методов машинного обучения 963

Гусева Дарья Дмитриевна, Подрезова Светлана Викторовна

От восковых цилиндров до базы данных: формирование корпуса онежских диалектов и перспективы его использования 965

Евдокимова Вера Вячеславовна, Меньшикова Алла Павловна, Скрелин Павел Анатольевич

Актуальные проблемы автоматически клонированной речи 967

Евдокимова Вера Вячеславовна, Шипило Александр Владимирович, Скрелин Павел Анатольевич

Определение формантных составляющих гласных на материале речевого корпуса 970

Иванова Наталья Кирилловна, Кузьмина Римма Владимировна

Опыт анализа формирования вариантов произношения слов в современном русском языке на примере освоения англоязычных заимствований (по словарным материалам) 972

Караваева Вероника Георгиевна, Андросова Светлана Викторовна, Морозова Ольга Николаевна

Проектирование мультиязычного речевого корпуса: к вопросу о построении типологических моделей разносистемных языков 974

Кочеткова Ульяна Евгеньевна

Взаимосвязь паралингвистического и интонационного оформления публичной речи 976

Мельникова Инна Игоревна, Шабалина Светлана Анатольевна

Система работы по диагностике и коррекции профпригодности по профилю «логопедия» студентов первого года обучения 978

Сыпачёва Кира Николаевна
Интонация Uptalk в современных английских диалектах: перцептивный эксперимент 979

Холявин Павел Андреевич
Автоматическое создание упражнений для обучения английскому произношению 981

Чугаева Татьяна Николаевна, Шпак Наталья Евгеньевна
К вопросу о перцептивном своеобразии английского и немецкого слова в теории языка и методике преподавания 983

Sukhova Natalya Vitalyevna
Embodied prosody: Teaching English rising tone with pitch gestures 985

ФОНОСЕМАНТИКА

Давыдова Варвара Алексеевна
Звукоизобразительность искусственных языков: фонотипы в вымышленных авторских языках и криптоязыке австралийских аборигенов 987

Иванова Александра Николаевна
Звучание северного сияния сквозь призму фоносемантики 989

Климов Дмитрий Дмитриевич
Звукоподражательная лексика шведского языка: предварительные замечания 991

Малышева Валерия Николаевна
SN-слова со значением назальной деятельности и их дублеты в английском и исландском языках 992

Флаксман Мария Алексеевна
Классификация звукоизобразительной лексики по способу имитации 994

Шамина Елена Анатольевна, Беседина Елена Ивановна
Фоносемантика versus лингвокультурология: интерпретация экспериментальных данных 996

РУССКИЙ ЯЗЫК

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ГРАММАТИКИ (РУССКИЙ И ДРУГИЕ СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ)

Ализадех Париса
Грамматические и стилистические особенности причастий в четвертой главе поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» 999

Арыджан Дерья
Предикативные посессивные конструкции в современном русском романе 1001

Вяльсова Анна Павловна
Особенности употребления действительного причастия от глаголов движения при словах со значением ‘дорога’ 1002

Вяткина Светлана Вадимовна
О предложно-падежных «вирусах»: *на спорте* и другие 1004

Гордиевская Мария Львовна
К вопросу о неоднородности синтаксической функции слов категории состояния, выражающих эмоции в русском языке 1006

Зорина Екатерина Сергеевна
Лексико-грамматическое оформление институциональных дискурсов в романе П. Крусанова «Игры на свежем воздухе» 1008

Кабанова Светлана Александровна
Родительный предикативный в русском и сербском односоставном предложении 1010

Казаковцева Ольга Сергеевна
Эпитеты в поэзии Феофана Прокоповича 1012

Лебедев Александр Александрович
Анализ формальных и стилистических отличий прозаических и поэтических текстов Феофана Прокоповича 1014

Починяева Ольга Анатольевна
Разделительная «палитра» произведений А. С. Пушкина 1016

Романова Татьяна Владимировна
Семантика когнитивных терминов-словосочетаний 1018

Сабанова Олеся Дмитриевна
Риторическое утверждение как диалогизирующее средство в «американской» трилогии Э. В. Лимонова и ее англоязычных интерпретациях 1020

Степаненко Виктория Евгеньевна
Прохибитивность в именном указе Петра I «О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах» 1714 года 1022

Уржа Анастасия Викторовна
Редакции «Шуточки» А. П. Чехова: текстовые функции глагольных форм на фоне меняющегося замысла 1024

Филатова Ганна Алексеевна
Таксисные трансформации видо-временных форм глагола в русских переводах новеллы О. Генри 1026

Хасанова Инесса Ильшатовна
Аспекты изучения коммуникативных неудач (на материале рассказов Н. А. Тэффи) 1028

Холод Светлана Ивановна

Грамматические особенности употребления действительных причастий будущего времени 1030

Цзян Тяньцзяо

Лексико-синтаксические особенности маркирования эвиденциальности в русскоязычных интернет-публикациях о Китае 1032

Чжао Тин

Фразеосхема как средство актуализации ассоциативной семантики прецедентного имени (на примере высказывания *Питер такой Питер*) 1034

ИСТОРИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И ПИСЬМЕННОСТИ

Ганиев Сеймур Аббас Оглы

Слово *некогда* в русских текстах XVII–XVIII вв. (на материале НКРЯ и словарей) 1036

Духанина Александра Владимировна

Чудеса в агиографии и гимнографии Стефана Пермского 1038

Житенева Анна Михайловна

Об особенностях топографии текста двух списков опасной грамоты Новгорода Любеку, Готскому берегу и Риге 1301/02 г. 1040

Иордани Наталья Павловна

Глагольные формы, выражающие семантику побуждения, в грамотках второй половины XVII в. 1042

Караваева Полина Юрьевна

Редкие лексические грецизмы в переводной агиографии афоно-тырновского круга 1044

Люстров Михаил Николаевич

“Alphabetum Muscovitarum” в трактате Юхана Буреуса “Antiquitates Scanzianae” 1046

Николенкова Наталья Владимировна

Лингвистические данные как ключ к гипотезе: о переводе в 1650-х гг. Атласа Блау ... 1048

Новак Мария Олеговна

Псалмы vs. песок: прагматическая и языковая трансформация назидательной истории в славянских версиях «церковных анналов» Цезаря Барония XVII в. 1050

Пенькова Яна Андреевна

Частица *буде* в русской письменности конца XVI — начала XVIII в.: семантика и происхождение 1052

Попов Михаил Борисович

Гипотеза Л. Л. Васильева об изменении *-ogo > -ovo в истории русского языка: за и против 1054

Рождественская Татьяна Всеволодовна
«От окраины к центру»: древнерусские паломники на пути к святым местам 1056

Скрипка Вероника Константиновна
Функции местоимения *такой* в русской деловой письменности XV–XVII вв..... 1058

Соболева Александра Евгеньевна
«Видение игумену Иродиону»: рукописная традиция, время появления текста..... 1060

Чернова Наталья Васильевна
Книга Иова в церковнославянском переводе на материале Тырновской Библии и Захарьинского паремийника 1062

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА (ПАМЯТИ ПОЧЕТНОГО ПРОФЕССОРА В. В. КОЛЕСОВА)

Богданова Людмила Ивановна
Человек сквозь призму растительной метафоры 1064

Бурмина Виктория Ильинична
Печь печет и топится: лингвокультурологический аспект основных функций русской печи..... 1066

Демидов Дмитрий Григорьевич
Некопируемые источники изучения русской ментальности 1068

Джавадова Улькер Ягуб Гызы
О возможных опасных последствиях теории гендерной перформативности в языке..... 1070

Дзюба Елена Вячеславовна
Концепты и категории политической картины мира: векторы исследования языка и дискурса 1072

Донина Людмила Николаевна, Жэнь Чуньянь
Противопоставленные концепты, репрезентируемые полными и неполными антонимами..... 1074

Жмакина Ирина Сергеевна
Лингвокогнитивная методика описания имиджевого потенциала медиатекстов о знаковом объекте города 1076

Ильченко Ольга Сергеевна
Когнитивная грамматика: семантико-грамматическая сочетаемость в трехкомпонентной переходной конструкции 1078

Кириллова Ксения Игоревна
Метафорическая модель целенаправленной деятельности как способ формирования идеологем «Russia» и «США» в современных американских и российских массмедиа..... 1080

Кравченко Михаил Александрович

Внутритекстовая актуализация семантики знака средствами обыденного метаязыка (на примере функционирования метаоператора «в N-ом смысле») 1082

Лабынцева Елена Вячеславовна

«Иди дорогою свободной, куда влечет тебя свободный ум!» Ментальная формула ума в поэзии А. С. Пушкина как необходимый синтез коллективного знания и личного сознания. Опыт лингвокогнитивного анализа поэзии А. С. Пушкина на примере стихотворения «Поэту»..... 1084

Леонтьева Татьяна Валерьевна

Экспертность как имя нового концепта..... 1086

Ли Чжи

Фразеологические эвфемизмы как материал для изучения русской ментальности (на примере выражения ***нести непосильное бремя***) 1088

Лэн Цзяжуй

Языковые средства создания образа Санкт-Петербурга в социальных сетях и их воздействие на китайскую языковую личность..... 1090

Михайлов Алексей Валерианович

Ценность красоты и привлекательности в текстах о восприятии образа местности..... 1092

Михайлова Татьяна Витальевна

Предикаты хвастовства и насмешки в текстах былин и исторических песен..... 1094

Мубаракшина Анастасия Михайловна, Фаттахова Наиля Нурыйхановна

Библейские символы в современном гороскопе как отражение русской профетической традиции 1096

Насибуллова Гузель Ришатовна

Коды культуры при вербализации внутреннего мира человека в современном женском художественном дискурсе..... 1098

Петинова Инна Игоревна, Леонтьева Татьяна Валерьевна

Когда искренность становится рекламой: продвижение молодежными блогерами психологических сервисов..... 1100

Петрова Екатерина Вадимовна

Лингвокультурный код: семантическая биография термина 1102

Пименова Марина Васильевна

О месте термина *дискурс* в системе языка..... 1104

Подчинёнова Екатерина Константиновна, Щетинина Анна Викторовна

Демонстрация личных отношений в молодежных блогах как инструмент влияния на ценности целевой аудитории..... 1106

Радбиль Наталья Валерьевна
Новообразования в языковом воплощении концепта «патриотизм» в современной русской речи 1108

Раткович Драгана
Мифонимические наименования человека и концепт *человека* как *мифологического существа* в пиротской речи 1110

Рылов Станислав Александрович
Древнерусское предложение-высказывание в когнитивном аспекте 1112

Сизова Ольга Борисовна
Область-источник как мишень: к вопросу о каузальных связях снизу-вверх 1114

Сирота Елена Владимировна
Специфика соотношения лингвокультурологического и художественного концептов (на материале концепта «любовь») 1116

Смирнов Евгений Сергеевич
Константа «чужие» в традиционной лингвокультуре Енисейской Сибири: лингвоэмотиологический аспект (на материале культуроносных устных текстов сибиряков-старожилов) 1118

Ступина Екатерина Сергеевна
Средства организации риторического кода адхортативного пафоса в политическом дискурсе 1120

Чжао Сюй
Представления о начале и конце в зеркале ассоциативно-вербального поля 1122

Шашков Игорь Александрович
Ментальное пространство сетевого дискурса: к вопросу о формировании идентичности языковой личности 1124

КОЛЛОКВИАЛИСТИКА. ИЗУЧЕНИЕ РУССКОЙ УСТНОЙ РЕЧИ

Богданова-Бегларян Наталья Викторовна
Кто ищет, тот всегда найдет: в поисках нового в повседневном дискурсе, или всё как прагматический маркер-заместитель 1126

Грицаченко Муза Николаевна, Колосовская Татьяна Леонидовна
Кто не рискует, тот не ест: функционирование синтаксической конструкции <кто не v1, *тот (не) v2> в русской повседневной речи 1128

Евстигнеева Мария Евгеньевна
Уровень развития морали как характеристика дискурсивной личности в рамках анализа современного российского политического медиа-дискурса 1130

Зайкина Ольга Евгеньевна

Паузы как способ структурирования диалога и одна из возможных репрезентаций коммуникативных намерений основных участников судебного заседания 1132

Кузнецов Игорь Александрович

Метаязыковые включения в ответных репликах устного диалога: модели фатической коммуникации по корпусным данным 1134

Курмакаева Нина Петровна

Параметры лингвокультурной стратификации словаря донецкой речи 1136

Попова Татьяна Ивановна

Устойчивые неоднословные единицы: определение границ и особенности структурной организации классов 1138

Радбиль Тимур Беньюминович

Коллокация «здоровый образ жизни» в моделях языкового манипулирования в дискурсивных практиках отечественных СМИ 1140

Скачкова Евгения Владимировна

К вопросу о полифункциональном статусе некоторых заимствованных интенсификаторов в современном русском языке (на материале компьютерно опосредованной разговорной речи) 1142

Таушева Александра Николаевна

Сочетание словоизменительных категорий русских глаголов в сюжетных и несюжетных текстах 1144

Шилихина Ксения Михайловна

Оценивание качества коммуникации в метадискурсивных комментариях 1146

Шклярук Екатерина Ярославовна

О некоторых просодических особенностях прагматических маркеров-ксенопоказателей 1148

Янь Мэнцянь, Раднаева Любовь Дашинимаевна

К изучению русской интонации в речи китайцев 1150

ЛЕКСИКОЛОГИЯ. ЛЕКСИКОГРАФИЯ (РУССКО-СЛАВЯНСКИЙ ЦИКЛ)

Абреимова Галина Николаевна

Символика цвета в дневниках М. М. Пришвина: обзор лексических колоративов 1152

Брыкова Александра Андреевна

Номинация как прием: лингвистический анализ детских стихов Генриха Сапгира 1154

Вукович Ирина Сергеевна, Мухина Ирина Константиновна

Галлицизм «авиатор» как средство выражения ключевой метафоры одноименного романа Евгения Водолазкина 1156

Генералова Елена Владимировна
К проблеме идеографической систематизации современной русской фразеологии ... 1158

Зайцева Ирина Павловна
Система окказионализмов как композиционно-смысловая основа лирического произведения ... 1160

Касатова Софья Александровна
Вирусный: лексическая репрезентация скорости как ключевого явления современной коммуникации ... 1162

Козловская Наталия Витальевна
О лексикографических источниках «Словаря новой русской лексики первой трети XX века» ... 1164

Козловская Наталия Витальевна, Губернская Татьяна Владимировна, Кузьмина Алла Васильевна
Интерпретационный потенциал типологии лексических значений ... 1166

Кочергина Кристина Сергеевна
Теория и практика применения толковых словарей русского языка С. И. Ожегова в качестве источников для лингвоэкспертных исследований ... 1168

Леонтьева Екатерина Владимировна
Новое терминотворчество в институциональном дискурсе: *бесшовное образование* ... 1170

Мельничук Виктория Александровна
«Своеобразная ихтиология…»: метафорическое употребление ихтионимов в текстах петербургских газет конца XIX — начала XX века ... 1172

Николина Наталия Анатольевна, Петрова Зоя Юрьевна, Фатеева Наталья Александровна
Петербург — Петроград — Ленинград в образной картине мира современной русской литературы ... 1174

Садова Татьяна Семёновна
Казнить смертью: устойчивые формулы со значением наказания в именных указах Петра I ... 1176

Северская Ольга Игоревна
Олицетворение как метакомпонент синтетического тропа в поэзии и словаре ... 1178

Семенова Софья Юльевна
О метонимическом сдвиге от названия науки к названию ее объекта и об отражении производного значения в толковых словарях ... 1180

Сергеева Елена Владимировна
Особенности употребления библеизмов в поэзии И. Бродского ... 1182

Синелева Анастасия Васильевна
Особенности терминоупотребления в романе В. Дудинцева «Белые одежды» 1184

Стебунова Алла Николаевна
Региональные особенности ассоциативного словаря Донбасса 1187

Чекина Анастасия Артемовна
Антиэтикетные формулы народной речи:
языковая специфика и культурная прагматика 1189

Чжао Цихан
Многоязычный учебный терминологический словарь
биомедицинской инженерии 1191

Щетинина Анна Викторовна
Стилистическое маркирование социальной лексики
в Толковом словаре русских неологизмов 1193

РУССКАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ

Васильева Ольга Владимировна
Ареальная вариативность в псковских говорах 1195

Ветошкина Мария Александровна
Страх, страдание, гнев, отвращение, апатия, восхищение: об эмотивном
семантическом потенциале диалектного слова *лихой* и его производных 1197

Гальцова Дарья Николаевна
Наименования построек для временного проживания в воронежских говорах 1200

Каргина Анна Петровна
Обращения по половой принадлежности в говорах камчадалов 1202

Карпун Мария Александровна
Донские диалектные фитонимы, включающие наименования титулов
восточных правителей 1204

Королькова Мария Денисовна, Махрачёва Татьяна Владимировна
К вопросу о привлечении этнографических данных
при лингвогеографическом анализе лексики 1206

Макшакова Татьяна Аркадьевна
«От бога рожденный»: образ юродивого в языковом сознании диалектоносителей
(на материале костромской культурно-языковой традиции) 1208

Мызникова Янина Валерьевна
Лексика охоты в русских говорах Симбирского Поволжья 1210

Филатова Ирина Михайловна
Социолингвистический аспект изучения лексической системы чирской группы
донского казачьего диалекта 1212

Шалаева Татьяна Владимировна
О производных корня *шах-/шох-/шех-/ших-/шух-* ‘бить, ударять’ 1215

РУССКИЙ ЯЗЫК. СЛОВООБРАЗОВАНИЕ И ФОРМООБРАЗОВАНИЕ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Батулина Анна Валерьевна
Окказиональное переосмысление морфемной структуры слова в русской сетевой микропоэзии 1217

Борозенец Дарья Игоревна
Словообразовательные метафоры в семантическом поле когниции XI–XVII вв. 1219

Бровец Андрей Игоревич
Алгоритм синхронного анализа сложносокращенных слов 1221

Емельянова Ксения Юрьевна
Методики разграничения аббревиатур и квазиаббревиатур 1223

Наджафова Сабина Джамал Кызы
О некоторых отзоонимных глаголах в русском и азербайджанском языках 1225

Рязанова Валерия Александровна
Нулевая степень структурно-семантической интерпретации сокращений 1227

Смирнова Ирина Романовна
К вопросу о слоговых компонентах аббревиатур 1229

Станкус Екатерина Николаевна
Синтаксические связи дешифровального стимула сложносокращенных апеллятивов 1231

Теркулов Вячеслав Исаевич
Формально-ономасиологический класс компрессированных единиц 1234

Халабузарь Алла Олеговна
Система значений абброконструкта *авиа-* 1236

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ИНОСТРАННЫЙ И МЕТОДИКА ЕГО ПРЕПОДАВАНИЯ

ОБУЧЕНИЕ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Ван Хунянь
Содержание обучения иностранных студентов (уровень B2) употреблению отрицательных конструкций в научном тексте 1239

Васильева Анастасия Владимировна

Возможности повышения качества обучения иностранных магистрантов 1241

Власов Сергей Васильевич, Московкин Леонид Викторович

Реализация современных методических принципов в «Grammatica Russica» Г. В. Лудольфа (1696) 1244

Дай Юньфан

Типичные нарушения порядка слов в русских словосочетаниях учащихся китайской средней школы 1246

Зюкина Зульфира Салиховна

Коммуникативно-речевая активность студентов-билингвов: проблемы и возможности 1249

Иванов Сергей Юрьевич

О некоторых трудностях преподавания возвратных глаголов в иностранной аудитории 1252

Макашова Виктория Вячеславовна

Формат «не-эссе» как альтернатива традиционным письменным работам при обучении студентов-инофонов продвинутого уровня 1254

Фадеева Елена Владимировна

Текст экскурсии как эффективный способ развития лингвокультурной компетенции при обучении русскому языку как иностранному 1256

Федосенко Екатерина Владимировна

Лингвострановедческий компонент на уроках рки (на примере методической разработки «Град Петров»)..... 1258

Филиппова Елена Владимировна

Юмор как инструмент обучения иностранных студентов устной речи на уроках русского языка..... 1260

Ян Маньлин

Возможные трудности изучения возвратных глаголов в китайской аудитории..... 1262

ПРОБЛЕМА ТИПОВ ТЕКСТА И УЧАСТИЕ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ В ИХ ОРГАНИЗАЦИИ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Авлова Татьяна Борисовна, Марусенко Наталия Михайловна

Усвоение текстовых структур как способ формирования смысла при анализе художественного дискурса 1264

Ван Пэнфэй
Сказы Бажова как уральский сверхтекст 1267

Колесова Дарья Владимировна, Ягодова Алевтина Александровна
Языковая структура лекции в лингводидактическом аспекте 1269

Коньков Владимир Иванович
Захар Прилепин о Владимире Высоцком: к проблеме изучения интонации в русскоязычной и иностранной аудитории 1271

Лоу Шифань
Особенности повествования от 1-го лица в сборнике «Время вышло» 1272

Пименова Алина Вадимовна
Кинометафора как инструмент концептуального переосмысления человека в романах Виктора Пелевина 1274

Пинежанинова Наталья Павловна
Репрезентация эмотивности в рассказе И. Бунина «Старуха» 1276

Попова Татьяна Игоревна
Сторителлинг на этапах создания, структурирования и продвижения книги Анны Матвеевой «Картинные девушки» 1278

Су Лэсюе
Структурно-семантическая организация рассказа А. П. Чехова «Беглец» 1280

Устинова Ирина Александровна
Реализация волюнтативной функции языка (на материале текстов К. С. Станиславского) 1282

Устюжанина Дарья Ивановна
Экспликация текстовых категорий времени и пространства в рассказе Н. Коляды «Добрый зритель из третьего ряда» 1284

Чэнь Ци
Роль рассказчика в документальном цикле Никиты Михалкова «Музыка русской живописи» 1286

СИСТЕМА ЯЗЫКА: ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ В АСПЕКТЕ РКИ. СОИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ

Бадалова Елена Назимовна
Педагогические условия формирования навыка связной речи на занятиях по русскому языку как иностранному 1288

Галюк Алина Андреевна
Синтагматические, семантические и грамматические характеристики как маркер лингвокогнитивных особенностей глагола (на материале лексемы *лечить*) 1291

Дай Синь

Языковая репрезентация базовых эмоций в пословицах и поговорках русского языка 1293

Ян Чэнкунь

Опыт прагмалингвистического анализа афиши концерта национальной музыки (на материале русскоязычных афиш концертов китайской музыки) 1295

ТЕСТИРОВАНИЕ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Аверьянова Дарья Владимировна, Каракичев Мартин Росен, Карасева Татьяна Александровна

ТРКИ онлайн в Санкт-Петербургском государственном университете: обеспечение объективности и конфиденциальности 1297

Беженарь Оксана Анатольевна

Доступная лексика как инструмент отбора прилагательных в обучении русскому языку италофонов: исследование на уровне А2 1300

Беляева Рахиль Эдуардовна, Ротанов Алексей Николаевич

Релевантность жанров современной русской литературы к составлению тестовых заданий на уровне ТРКИ-IV 1302

Ван Юйтин, Ерофеева Инна Николаевна

Тест ТРКИ-II: возможности оптимизации с учетом этно-психологических особенностей китайских студентов 1304

Гельфрейх Полина Георгиевна

Подготовка к субтесту «Письмо. ТРКИ-III/C1». Опыт Италии 1306

Громакова Мария Павловна

Некоторые особенности онлайн обучения студентов из африканских стран на примере Буркина-Фасо, Кении и Нигера 1309

Дубинина Надежда Александровна

Границы продуктивного словаря старшеклассника-билингва (на материале заданий субтеста «письмо» ТРКИ-III/C1) 1312

Красикова Екатерина Николаевна

Внедрение интернет-сленга в тестирование по русскому языку как иностранному 1314

Криницкий Олег Григорьевич, Плаксина Александра Сергеевна

Проведение ТРКИ в Китае: опыт СПбГУ 1317

Кузнецова Ксения Петровна, Летцбор Кира Викторовна

Опыт подготовки взрослых италоговорящих кандидатов к тестированию по русскому языку как иностранному 1319

Левицкая Анна Дмитриевна, Стародубцева Ксения Николаевна
Комплексная оценка профессиональной коммуникативной компетенции иностранных специалистов фармацевтического профиля (языковой аспект) 1322

Ныклова Людмила Викторовна
Сертификационные экзамены по чешскому языку как иностранному. Уровень B2 1325

Пономарева Мария Андреевна
Отрицательный трансфер в русской речи носителей чешского языка 1327

Савельева Ирина Михайловна, Гельфрейх Полина Георгиевна
Система подготовки к субтестам «Письмо» и «Говорение» A1: итальянский опыт 1329

Сальман Елена Александровна
Совершенствование компетенций и формирование мотивации в процессе подготовки к лингводидактическому тестированию 1331

Хруненкова Анна Валентиновна
Трудности работы с фразеологизмами при подготовке к сдаче ТРКИ (уровень B2–C1) 1332

Ilicheva Irina Yu., Dubinina Nadezhda
Russian language testing for school students with migration background developed by Saint Petersburg University 1334

СЛАВИСТИКА

АНДРЕЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ (СЛАВЯНСКИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ)

Амелина Анна Вячеславовна
Русская литература в чешской периодике 1920-х гг. (журнал «Творба») 1337

Аникин Иван Михайлович, Аникина Татьяна Евгеньевна
Поэтические холсты 1339

Бабанов Андрей Владимирович
Святослав Павлович Свяцкий — переводчик польской литературы 1341

Вострикова Елена Владимировна
Исторические личности в романе словацкого писателя Антона Гикиша «Время мастеров»: факты и вымысел 1343

Гусева Ольга Валерьевна
Переписка Оскара Кольберга с российскими славистами 1345

Дробышева Марина Николаевна
Фольклорно-мифологический метод в пространстве публицистического творчества 1347

Тоичкина Александра Витальевна
Педагогическая программа П. А. Кулиша 1349

**ДЕРЖАВИНСКИЕ ЧТЕНИЯ:
СОВРЕМЕННЫЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
БОЛГАРИСТИКИ И СЛАВИСТИКИ**

Аникин Михаил Александрович
О чудотворных иконах Болгарии 1351

Васильева Ольга Вадимовна
Информационные ресурсы по болгаристике в НБ им. М. Горького, Санкт-Петербургский государственный университет: история формирования коллекции и сегодняшнее состояние 1353

Голант Наталия Геннадьевна
О проблемах кодификации и преподавания банатско-болгарского и «влашского» языков на территории Сербии: попытка сравнительного анализа 1355

Калиганов Игорь Иванович
Академик Н. С. Державин и создание Академического института славяноведения: Ленинград, 1931–1934 гг. 1357

Мосинец Анастасия Геннадьевна
Реализация коммуникативного подхода к обучению в современных болгарских учебных пособиях и формирование коммуникативной компетенции у обучающихся 1359

Сивенкова Наталья Владимировна, Абрамкина Александра Сергеевна
О фразеологизмах с компонентом-фитонимом в болгарском на фоне русского, английского и французского языков 1361

**СЛАВЯНЕ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ:
КОМПАРАТИВИСТИКА, ИМАГОЛОГИЯ, ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ**

Грасько Анна Васильевна
«Чешский след» в строительстве социализма: публицистические и художественные свидетельства Иржи Вайля о чехах в СССР в 1930-е гг. 1363

Карякина Мария Валерьевна
Числовые притчи в славянском переводе: пр. 30.15–31 1365

Колесникова Анна Леонидовна, Абакумова Ольга Борисовна
Пословичный концепт «правда» в русских и японских паремиях 1367

Мущинская Виктория Владиславовна
Этнокультурные особенности концепта «лес»
(на материале восточнославянских паремий) 1369

Сергиенко Олеся Сергеевна
Вариантность русских пословиц паремиологического минимума
в современном политическом дискурсе в сопоставлении
с их английскими пословичными параллелями 1371

Сивенкова Наталья Владимировна
ИИ — ложный друг фразеолога? О некоторых проблемах
обработки устойчивых сочетаний ИИ
(на материале русского, болгарского и английского языков) 1373

КРУГЛЫЙ СТОЛ
«К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ДОЦЕНТА КАФЕДРЫ СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИРИНЫ МАКАРОВНЫ ПОРОЧКИНОЙ»

Герчикова Ирина Александровна
Ленинградская/Петербургская школа литературоведческой богемистики.
Памяти И. М. Порочкиной 1375

Иванова-Шелингер Татьяна Николаевна
«В храме добра и братства между людьми». К 70-летию выхода книги
«Поэзия западных и южных славян» 1377

Иванова-Шелингер Татьяна Николаевна, Шварц Наталья Владимировна
Ирина Макаровна Порочкина — ученый, педагог, переводчик, просветитель.
К 100-летию со дня рождения 1379

Корзинина Анастасия Анатольевна
Памяти И. М. Порочкиной. История одного
чешско-русского культурного сотрудничества:
Франтишек Халупа, Николай Каразин и Карел Брож 1381

Котова Марина Юрьевна
Научная и просветительская деятельность доцента
Ирины Макаровны Порочкиной в 2004–2014 гг. 1383

Раина Ольга Викторовна
Вклад доцента И. М. Порочкиной в развитие
образовательных программ кафедры славянской филологии
Санкт-Петербургского государственного университета в XXI веке 1385

Шешкен Алла Геннадьевна
Вклад русской эмиграции в культуру славянских стран: опыт преподавания 1387

СЛАВЯНСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ. ПРОБЛЕМЫ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ БИБЛЕИЗМОВ

Алёшин Алексей Сергеевич
Фразеопословичные компаративы с компонентом-демонимом в русском и шведском языках 1389

Анохина Светлана Анатольевна
Библейское выражение *Поражу пастыря, и рассеются овцы стада* как фразеологическая единица старославянского и русского языков 1391

Ганапольская Елена Владимировна
О символике компонента «бог» в современной русской фразеологии 1393

Дубровская Елена Михайловна
«Нет ни эллина, ни иудея»: особенности употребления библеизмов с ономастическим компонентом (на материале данных национального корпуса русского языка) 1396

Еськова Анна Дмитриевна
Представление оборотов с библеизмами в идеологическом словаре романа М. Горького «Жизнь Клима Самгина»: системно-структурный подход 1398

Зиновьева Елена Иннокентьевна
Устойчивые словесные комплексы религиозной тематики в старорусском языке повседневного и делового общения 1399

Ковшова Мария Львовна
Религиозный «слой» в русских пословицах и загадках с терминами родства: материалы к словарю 1401

Королькова Анжелика Викторовна
Особенности отбора и лексикографического описания библейских фразеологизмов и крылатых выражений 1403

Кривошеев Глеб Сергеевич
Семантические трансформации библейских фразеологизмов в современном дискурсе: от сакральных значений к контекстуальной адаптации 1405

Куныгина Ольга Владимировна
Основные аспекты изучения библейских фразеологизмов: опыт библиографической систематизации 1407

Лю Лу
Анализ когнитивных моделей вербальной иронии в газетных заголовках с крылатыми выражениями 1409

Мокиенко Валерий Михайлович
Проблемы лексикографического описания библеизмов 1411

Ничипорчик Елена Владимировна
Пословицы библейского происхождения в текстах НКРЯ (о создании корпусного словаря) 1413

Павлова Людмила Панасовна
Библеизмы в нидерландских фразеологических словарях 1415

Подюков Иван Алексеевич
Ономастическая фразеология в старообрядческой речи Пермского края 1417

Семененко Наталия Николаевна
Ценностно-смысловая диффузия библеизма в пространстве тематического дискурса как проблема лексикографирования 1419

Цзян Сяоминь
Сопоставительный анализ фразеологических единиц с компонентом музыкальных терминов в русском и китайском языках 1421

Шулежкова Светлана Григорьевна
Сверхсловные библеизмы в языке православных нагайбаков 1423

СЛАВЯНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Бе́резнев Владислав Игоревич
Славянские названия грибов: принципы номинации 1425

Левушкина Ружица
Обогащение лексики семантического поля ***христианские добродетели*** в современном сербском языке (на материале произведения *подвижнические и богословские главы* преподобного Иустина (Поповича)) 1427

Хмелевский Михаил Сергеевич, Кузнецова Ирина Владимировна
Семантико-ассоциативная коррелятивность категории рода в славянских языках 1429

«ФЁДОРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ»

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

Векшина Екатерина Дмитриевна
От теории перевода к практике:
«Макс Хавелар», вреднозлюки и янг-эдалт 1432

Винокуров Василий Павлович, Финикова Ирина Владимировна
Приоритетные направления деятельности Московского государственного лингвистического университета в рамках реализации Федерального проекта «Без срока давности» 1434

Влавацкая Марина Витальевна
Реалии украинской жизни в англоязычной интерпретации 1436

Войку Ольга Константиновна, Николаева Ольга Станиславовна
Тенденции в употреблении междометия *ojalá*
в современном испанском языке 1438

Высочина Виктория Дмитриевна
Специфика алгоритма интерпретации транскодирования пейзажных единиц 1440

Григорьева Любовь Николаевна
Юбилейные даты 2024 года и их роль в мире перевода 1442

Кузнецова Екатерина Дмитриевна
Соотношение терминов современной лингвоперсонологии
в российском и зарубежном научном дискурсе
как переводческая проблема 1444

Кутафьева Наталия Витальевна
Проблемы перевода фразеологизмов с компонентами *КИ* и *КОКОРО*
с японского языка на русский 1446

Миретина Мария Сергеевна, Куралесина Екатерина Николаевна
Трудности устного перевода морской терминологии французского языка 1448

Михайлова Ирина Михайловна
Передача имен собственных в художественном тексте и словесные игры
(из опыта переводчика-филолога) 1450

Михайловская Мария Валерьевна
Передача функционального потенциала элементов вертикального контекста
в синхронном переводе 1452

Морилова Екатерина Сергеевна
Перевод реалий с английского на русский язык
в современном фестивальном кино:
проблемы и пути их решения 1454

Нефедова Любовь Аркадьевна
Linqua Latina как маркер «языкового лица» образованного политика Германии: проблемы сопоставительного описания лексики немецкого и русского языков..... 1456

Разумовская Вероника Адольфовна
«Дон Кихот» как бесконечный текст, созданный межъязыковыми и межсемиотическими переводчиками 1458

Петрова Елена Серафимовна
Back in the USSR (из опыта перевода англоязычных произведений XXI века о Советском Союзе) 1460

Синицына Дарья Игоревна
Конструирование целостности цикла переводных прозаических текстов (на материале произведений Эрнана Риверы Летельера)..... 1462

Gasimli Laman Maharram
Replacement as a Grammatical Transformation in Translation..... 1464

Gasimova Aygun Ramiz
The role of dynamic equivalence translation in cross-cultural understanding..... 1466

Pushkina Anna Vladimirovna, Krivoshlykova Liudmila Vladimirovna
Linguistic Aspects of Translation of Religion-related Texts 1468

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕРЕВОД

Алевич Анисия Вячеславовна
Жизнь за искусство: о переводах «Гамлета» У. Шекспира XIX века 1470

Альгина Ольга Владимировна
К вопросу смещения смыслового фокуса при переводе художественных текстов..... 1472

Новрузов Рафиг Манаф Оглу
К передаче авторского стиля на материале перевода повести «Котлован» Андрея Платонова на азербайджанский язык..... 1474

Соколова Ксения Николаевна
Белов-переводчик: осмысление практики художественных переводов классиком..... 1476

Терешина Наталия Михайловна
Роберт Фрост «Зимним вечером в лесу». Перевод заголовков. Тайна подтекста..... 1478

Уржа Анастасия Викторовна, Филатова Ганна Алексеевна
Настоящее историческое в переводе: «непредсказуемая» форма? 1480

МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА «РОМАНСКИЕ ДИАСПОРЫ КРЫМА И СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ»

РОМАНСКИЕ ДИАСПОРЫ КРЫМА И СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Бурчанова Анастасия Александровна, Пленгей Евгений Евгеньевич
Крымские молдаване: от дисперсии к консолидации этнокультурного сообщества ... 1483

Джаккетти-Бойко Джулия Евгеньевна, Иванова Елизавета Дмитриевна
C. E. R. K. I. O.: в кругу итальянской культуры ... 1485

Дзини Стефания, Хохлов Никита Викторович
Итальянцы Крыма — история миграции (XVIII–XXI вв.) ... 1487

Иванова Екатерина Павловна, Самарина Марина Сергеевна, Бурчанова Анастасия Александровна, Иванова Елизавета Дмитриевна
Разработка сайта «Романские диаспоры юга России»: архитектурная организация и контент ... 1489

Иванова Екатерина Павловна, Приходкин Алексей Валентинович
«Неоноситель»: нейтральный концепт? ... 1491

Петрова Элеонора Борисовна
Образ Александра III в «записках и воспоминаниях» француза Гюстава Лансона (к 180-летию со дня рождения императора-миротворца) ... 1493

Пилюгин Александр Юрьевич
Подонье и Приазовье у внешних наблюдателей: франко- и италоязычные авторы XVIII–XIX вв. ... 1495

Русинова Анна Сергеевна
Присутствие итальянцев на Черном море и в Приазовье: ретроспектива и современность ... 1497

Чигридова Наталья Юрьевна
Общий обзор торговых связей Юга России (Приазовского и Донского края) и Италии в конце XIX — начале XX века ... 1499

Шауб Игорь Юрьевич
Северное Причерноморье античной эпохи как предыстория России ... 1501

МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА, ПОСВЯЩЕННОГО 130-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВСЕВОЛОДА АЛЕКСАНДРОВИЧА РОЖДЕСТВЕНСКОГО (1895–1977)

К 130-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВС. А. РОЖДЕСТВЕНСКОГО

Рождественская Милена Всеволодовна

От «Золотого веретена» к «Психее»: поэтический путь Всеволода Рождественского (к 130-летию со дня рождения) 1504

Инге-Вечтомова Мария

История жизни и творчества Вс. Рождественского в музее «XX век» 1506

Межерицкая Светлана Игоревна

Поэты Франции в переводах Всеволода Рождественского 1507

Khuduyeva Gunay Rustam Gizi

The indicators of speech situation in communicative acts 1511

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Алькайси Рашид Низар Назир

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет;
st103255@student.spbu.ru

ТРАДИЦИИ МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА В РОМАНАХ АНДРЕЯ АСТВАЦАТУРОВА

Ключевые слова: сказ, функция дискурса, пародия, литературный процесс.

В 1847 г. В. Г. Белинский, вводивший понятие «маленького человека» в русскую литературу, отмечал: «Природа — вечный образец искусства, а величайший и благороднейший предмет в природе — человек. А разве мужик — не человек? — Но что может быть интересного в грубом, необразованном человеке? — Как — что? — его душа, ум, сердце, страсти, склонности, — словом, все то же, что и в образованном человеке…» [Белинский 1956: 300]. Приведённая цитата отражает две стороны текстов, рассматриваемых в данном докладе. Андрей Аствацатуров, филолог и преподаватель английской литературы в Санкт-Петербургский государственный университет, начавший писать художественную прозу в 2009 г., изображает, если опираться на цитату Белинского, определенную дистанцию между исследователем, написавшим, например, «Генри Миллер и его “парижская трилогия”», и героем, который, используя сказ, отмечает: «“Ну, вот, Аствацатуров, — заметит язвительный читатель. — Обещал писать, как следует и вместо этого взялся за старое, снова пустился блохой скакать взад-вперед”» [Аствацатуров 2023: 234].

Доклад представляет собой попытку изучения этой дистанции, которая в общих чертах не только продолжает, на мой взгляд, тему «маленького человека» в современной русской литературе, но и отражает некоторое сопротивление иному виду «маленькости», превращающей, если по М. Фуко, автора в функцию и исследователя в институтизированную машину.

Исследователи и критики, анализировавшие романы Аствацатурова, сходятся на одной теме: диегетический нарратор-герой, повествующий от первого лица о своем прошлом в фрагментарном, анекдотичном и юмористическом ключе, как бы скрывает свои «настоящие интенции» под маской. В каждом из романов Аствацатурова читатель видит идентичного героя-нарратора, который, казалось бы, отдален от образа конкретного автора. Часто возникает ощущение, что нарратор переходит к сказу, выражая чужую речь комически. Нарратор воспроизводит из прежнего «я» образ маленького человека, грубовато излагающего свои мысли, и постоянно переходящего к самоиронии и самокритике. Аствацатуров-филолог, человек, обладающий способностью научно излагать свои мысли кажется немного другим в художественном произведении. Нарратор–Аствацатуров сопротивляется, сугубо говоря, филологическому мышлению и при этом изображает себя как униженного, непонятого и безграмотного литературного героя. Он постоянно подчеркивает свою безграмотность, использует сленг и англицизмы, издевается над стереотипными представлениями о филологах. На этом обычно останавливаются исследователи, не пытаясь разобраться в том, что заставляет абстрактного автора прибегать к такому изображению себя.

Имея в виду литературный процесс и то, что образ маленького человека Аствацатурова является воспроизведением типа героя, характерного почти для каждой эпохи русской литературы, мы можем установить связь, путем которой эти интенции станут более ясными. Подобный подход к изучению традиции маленького человека (но на материале XIX в.) находится в работах М. Эпштейна, который пишет о некотором «синдроме Башмачкина-Беликова» в русской ли-

Руководитель секции: А. А. Карпов.

тературе. Продолжая мысль, согласно которой «вся русская литература вышла из гоголевской “Шинели”», исследователь отмечает: «Над всем XX столетием возвышается маленький человек/скроенный точно по мерке Акакия Акакиевича: “низенького роста, несколько рябоват… и с цветом лица что называется геморроидальным”, — коротышка ростом 155 см, с желтым лицом в оспинах» [Эпштейн 2005: 1999]. Попытка соотнести образа героя в романах Аствацатурова с героями классической литературы приводит нас к изучению проблемы литературного влияния, которая, сугубо говоря, утрачивает свою значимость после постмодернизма, и трактуется либо как пастиш, либо как напев, не обращая при этом внимание на то, как в самом тексте может работать это влияние. Однако при более глубоком рассмотрении обнаруживается, что абстрактный автор в романах Аствацатурова имеет дело с некоторыми формами влияния, каждое из которых, как сознательно, так и бессознательно, адресуется имплицитному читателю и изображается в тексте.

В докладе мы обратимся к двум воспроизведениям маленького человека в русской литературе прошлого и попытаемся наметить некоторую скрытую связь героя–Аствацатурова с литературной традицией. Речь пойдет об Акакии Акакиевиче («Шинель» Гоголя) и Макаре Девушкине («Бедные люди» Достоевского), каждый из которых использует письмо для выражения другого вида себя. Соотношение акта письма с проблемой «маленькости» героя обуславливает рассмотрение его позиции по отношению к влияющим на него дискурсам. Когда отталкивание от традиции становится формой «сладости зависимости» (термин И. Золотусского), возникает вопрос о свободе в процессе письма. Постоянно переходящий к самоиронии и сарказму герой в романах Аствацатурова как бы сам понимает, что отходя от строгой научной формы письма, он в то же время попадает в другой дискурс, преодоление которого, даже при сознательном пародировании себя и сюжета, оказывается не таким уж простым актом.

Литература

Аствацатуров А. Скунскамера. СПб.: АСТ, 2023.

Белинский В. Г. Взгляд на русскую литературу 1847 года // Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 10 / под ред. Е. Г. Дементьева. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1956. С. 279–359.

Эпштейн М. Маленький человек в футляре: синдром Башмачкина-Беликова // Вопросы литературы. 2005. № 6. С. 193–203.

Анастасьева Ирина Леонидовна

канд. культурологии, доцент, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; anastasyevairina@gmail.com

ИНФЕРНАЛЬНЫЙ ДИСКУРС В СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ РУБЕЖА XIX–XX ВЕКОВ

Ключевые слова: Иуда, Антихрист, феномен зла.

Русская литература, по своему характеру скорее трагическая, нежели оптимистическая, парадоксальным образом сумела объединить в целостном нарративе религиозные и общественные вопросы. Поиски нравственного идеала подталкивали писателей — как в раннехристианский период, так и в новое время — к исследованию первопричин возникновения человеческой пошлости и безнравственности, способности к предательству — черт, которые в художественном дискурсе часто интерпретировались не как индивидуальные, личностные характеристики, а как социально-культурное явление. Не удивительно, что в общественном сознании сформировалось представление о сакральных событиях в их неразрывной связи с инфернальной реальностью; идея триумфа добра, его победы над злом не могла воплотиться без скрупулезного изучения феномена зла. На рубеже XIX–XX вв. потребность в артикуляции мифологемы Антихриста возросла в силу обострения политической ситуации, поэтому образ Антихриста включается в новый семантический ряд понятий, не только охватывающий представление о нем как о конкретном человеке, носителе зла, но и интерпретирующий его как явление, социально опасное для русской политической реальности. Попытки наделить исторических персонажей характеристиками демонических личностей предпринимались еще в патристике, в текстах духовных лидеров христианства. Со временем личности, обладавшие опасной политической силой, такие как Петр I, Борис Годунов, Гришка Отрепьев, Ленин, Сталин и др., стали восприниматься русскими писателями как хтонические чудовища, представляющие угрозу всему человечеству. Перифразировав библейские истории, они даже сближали образы Иуды и Антихриста как врагов Сына Божьего. Однако это сближение также распространялось и на интерпретацию их образов как исторических персонажей. Если для Д. С. Мережковского, одного из основателей русского символизма, Иисус Христос был «лицом историческим» [Мережковский 1996: 21], значит, и Иуда — лицо историческое в той же степени.

Некоторые критики Евангелия будут подвергать сомнению факт существования Иуды, а не только Христа. Усомнится в его достоверности З. Косидовский, который, ссылаясь на Иосифа Флавия, представит образ Иуды как некую метафору, обозначающую образ сублимированного зла: «Иосиф Флавий пишет, что доносчики свирепствовали по всей Палестине, шныряли в толпе в больших и малых городах, а плодом их деятельности были частые высылки, аресты и даже казни. Доносительство приняло характер подлинной эпидемии, и смутным эхом этого явления был, пожалуй, образ Иуды, о котором, как уже говорилось, не известно, существовал ли он в действительности или олицетворял собою тогдашнюю мрачную обстановку» [Косидовский 1977: 240–241].

В период русской революции предательство Иуды будет уже восприниматься как исполнение высшего служения. Б. Николаевский в «Истории одного предательства» поместит интервью, которое взял у известного провокатора Азефа его бывший враг Бурцев: «Азеф пытался доказать, что объективно его деятельность приносила значительно больше выгод революции, чем полиции. <…> — Ну, вы сравните сами, — убеждающим голосом говорил он. — Что я сделал? Организовал убийство Плеве, убийство великого князя Сергея… — и с каждым новым именем его правая рука опускалась все ниже и ниже, как чаша весов, на которую падают грузные гири. — А что я дал им? Выдал Слетова, Ломова, ну еще Веденяпина… — и, называя эти имена, он не опускал, а, наоборот, вздергивал кверху свою левую руку, наглядно иллюстрируя все ничтожество полученного полицией по сравнению с тем, что имела от его деятельности революция» (цит. по: [Гуль 1994: 314]).

По мнению В. Розанова, вся история человеческого существования представляет собой смену противоположных фаз и строится не просто на утверждении новых религиозно-эстетических идеалов, но и, в равной степени, на отрицании и разрушении старых: «юная реформация» выйдет из «постаревшего католицизма», «юное христианство» — из «постаревшего язычества». В этом историческом движении нет проявления цинизма, полагает философ, такова диалектика жизни. «С великих измен начинаются великие *возрождения*. In nova fert animus. Тот насаждает истинно новый сад, кто предает — предательствует старый, осевший, увядший сад…», — пишет Розанов в книге «Опавшие листья» [Розанов 1990: 257–258].

В период революций в России, заполоненной провокаторами, образ Иуды-предателя порождает волну литературных ассоциаций. Основная тенденция современной литературы сводится к переоценке деятельности Иуды Искариота», убежден М. Горький. В 1907 г. он начинает работу над повестью «Жизнь ненужного человека» (первоначальное название «Шпион»), которая явилась итогом размышлений писателя о событиях 1905 г. Изображая жизнь героя повести Климкова, Горький проанализировал предательство как социальное явление. Доносительство героя не всегда было следствием страха за себя. Горький исследует психологию персонажа так же, как и мотивы поступков героев других своих произведений, решивших сотрудничать с «охранкой» или получивших такое предложение — Караморы («Карамора», 1924), Клима Самгина («Жизнь Клима Самгина», 1925–1936, замысел романа возник в 1907 г., одновременно с «Жизнью ненужного человека»), и приходит к выводу, что его герои либо с удивительной легкостью и простотой соглашаются стать осведомителями, либо не бывают оскорблены предложением стать шпионом. Их равнодушие к миру связано с повышенным интересом к собственной личности: как следствие, Климков рассказывает историю своей жизни Миронову, Карамора пишет автобиографию. Герои занимаются доносительством, а затем, подобно Иуде, каются или кончают жизнь самоубийством. Потерпев неудачу, Евсей Климков бросается под поезд.

В докладе исследуется интерес, проявляемый к образу Иуды, к феномену зла и предательства писателями рубежа XIX–XX вв.

Литература

Гуль Р. Азеф. М.: Редакция журнала «Семья и школа», 1994.

Косидовский З. Сказания евангелистов. М.: Изд-во полит. лит., 1977.

Мережковский Д. С. Иисус Неизвестный / редкол.: О. А. Коростелев, А. Н. Николюкин, С. Р. Федякин. М.: Республика, 1996.

Розанов В. Опавшие листья. Короб второй // Розанов В. Сочинения. Л.: Советская Россия, 1990.

Андоскина Валерия Андреевна

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет;
v.andoskina@spbu.ru

«ИМПРЕССИОНИЗМ» В ТВОРЧЕСТВЕ А. П. ЧЕХОВА: ИСТОРИЯ ТЕРМИНА ОТ ПРИЖИЗНЕННОЙ КРИТИКИ ДО СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Ключевые слова: Чехов в прижизненной критике, импрессионизм в творчестве Чехова, импрессионизм в литературе, литература и живопись.

В докладе прослеживается история термина «импрессионизм» применительно к творчеству А. П. Чехова от первых упоминаний этого термина в критических статьях 1890-х гг. до научных работ последних лет. Термин «импрессионизм» популярен среди современных исследователей творчества А. П. Чехова, однако в его понимании учеными все еще нет единогласия.

Если называть импрессионизмом направление в европейских литературе и живописи последней трети XIX в., то сопоставление прозы и драмы Чехова и картин французских художников как произведений искусства, имеющих прежде всего типологическое сходство, представится вполне допустимым. При этом исторически творчество Чехова и импрессионизм в живописи — это явления, не имеющие непосредственной связи.

Многочисленные современные исследования чеховского импрессионизма создают иллюзию его бесспорности и безусловности, однако в прижизненной критике о писателе этот термин был очень редким. В 1870–1920-х гг. слово «импрессионизм» воспринималось как калька с французского «impression» и использовалось в качестве ближайшего аналога популярного в критике о Чехове определения «настроение». Означающее приобрело означаемое спустя почти двадцатилетие «самостоятельной» жизни — российские зрители знали слово «импрессионизм» с 1870-х (по обзорам иностранной периодики и статьях о европейском искусстве), но впервые увидели картину Моне только в 1896 г. Прижизненная критика называла «импрессионизмом» не сходство литературного произведения с живописным, а способность этого произведения вызывать определенные чувства у читателя. Можно сказать, что в это время в слове «импрессионизм» бóльший вес имел его корень: в таком значении этот термин «импрессионизм» использовался в критике о Чехове до середины XX в.

В исследованиях 1960–2020-х гг. более значимым становится суффикс — «импрессионизмом» называется направление, так или иначе соотнесенное с другими «-измами» (прежде всего с «реализмом»). Французские импрессионисты и Чехов рассматриваются в мелком масштабе и часто в прямом сопоставлении — более чем двадцатилетняя дистанция между Салоном отверженных 1872 г. и лекцией Мережковского и Парижскими письмами Золя и первой картиной Моне, представленной в России, обыкновенно пренебрегается. Термин «импрессионизм» может употребляться как в нескольких значениях: применяться исключительно к творчеству определенной группы французских художников 1870–1900-х гг. или захватывать и русскую живопись конца 1880–1890-х гг.; расширяться до отдельного направления не только в живописи, но и в литературе; обобщаться до типологического сходства в мировосприятии писателей и художников переходной эпохи или «универсального» направления, теоретически возможного в любой культуре. Так и «критерии», по которым то или иное произведение определяется как импрессионистическое, также лишены единообразия: например, чеховская краткость может рассматриваться и как основной признак «литературного импрессионизма», и как отдаленное сходство с импрессионизмом в живописи.

Современные представления о чеховском «импрессионизме» эклектичны и сочетают в себе оба этих понимания, поэтому термин не имеет единого значения и, соответственно, не может считаться в полной степени научным. Вероятно, не вызывает сомнений только одно определение импрессионизма: «импрессионизм» — направление во французской живописи последней трети XIX в.; все возможные дополнения этого определения — предположения об импрессио-

низме вне Франции конца XIX в. и в других видах искусства — остаются в той или иной степени дискуссионными.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00496, https://rscf.ru/project/24-18-00496/; Санкт-Петербургский государственный университет.

Арипова Малика Ганишеровна

доцент, Навоийский государственный университет, Узбекистан;
Malikaaripova0707@mail.ru

«ДИАЛОГ С ЭПОХОЙ»: РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ЗЕРКАЛЕ ТЕКСТОВ И КОНТЕКСТОВ

Ключевые слова: текст, контекст, интертектуальность, мультидисциплинарный подход, анализ, метод, интепретация.

В русской литературе текст часто выступает зеркалом, отражающим социальные, исторические и философские реалии своего времени. Авторы, жившие в периоды значительных исторических изменений, таких как эпоха реформ Александра II, революции начала XX в. или распад Советского Союза, нередко стремились зафиксировать эти перемены в своих произведениях. Например, романы Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского не только отображают реалии их времени, но и поднимают универсальные вопросы, актуальные для общества.

Современные исследования также обращают внимание на интертекстуальность — связи между текстами, которые помогают раскрыть скрытые смыслы произведения. Так, произведения М. Цветаевой или А. Блока невозможно понять в полной мере без знания литературных традиций и культурных реалий, с которыми они взаимодействовали.

Русская литература демонстрирует, как текст способен не только отражать контекст, но и влиять на него. Произведения таких авторов, как А. С. Пушкин и М. Горький, становились катализаторами социальных изменений, формировали общественное мнение и предлагали новые идеалы.

Кроме того, в процессе восприятия литературы значимую роль играет изменяющийся контекст. Одно и то же произведение может быть интерпретировано по-разному в разные исторические периоды. Современные литературоведческие исследования уделяют внимание мультидисциплинарным подходам к анализу текста. Социокультурный анализ, герменевтика, психоанализ и другие методы позволяют по-новому взглянуть на произведения русской литературы.

В результате, текст становится не только объектом анализа, но и активным участником культурной дискуссии, демонстрируя, что литература остается живым и актуальным явлением, способным откликаться на вызовы времени.

Тема взаимодействия текста и контекста в русской литературе вызывает устойчивый интерес у исследователей, что подтверждается широким спектром научных работ. Ключевыми направлениями изучения являются следующие. Одним из первых направлений является историко-литературный подход. Многие исследования сосредоточены на анализе произведений русской литературы в их исторической перспективе. Классические работы В. Г. Белинского, Д. С. Мережковского и М. М. Бахтина закладывают основы для понимания текста как отражения социальных и культурных реалий [Бахтин 1972].

Современные работы по этой теме включают исследования Ю. М. Лотмана, где текст рассматривается как семиотическая система, взаимодействующая с культурным пространством.

Следующим из направлений является интертекстуальность и межтекстовые связи. Концепция интертекстуальности, разработанная Ю. Кристевой и Ж. Женеттом, активно применяется для изучения русской литературы.

Современные исследования психоаналитического характера, такие как труды А. А. Зализняка и Н. Л. Лейдермана, углубляют понимание индивидуальных и коллективных переживаний, отраженных в литературе.

Культурологический подход. Многие ученые изучают русскую литературу как часть более широкого культурного контекста. Например, труды С. Г. Бочарова и Л. Я. Гинзбург рассматривают произведения в их социокультурной среде, подчеркивая их роль в формировании национальной идентичности [Гинзбург 1974].

Кроме того, современные исследования уделяют внимание связи литературы с другими видами искусства, такими как живопись, музыка и театр. Это позволяет выявить новые грани взаимодействия текста с культурным контекстом.

Трансформации восприятия в современности. Исследования последних лет акцентируют внимание на изменении восприятия классических текстов в условиях современных культурных реалий.

Таким образом, многообразие исследований в данной области свидетельствует о неисчерпаемом потенциале темы. Анализ текста и контекста позволяет по-новому взглянуть на русскую литературу, раскрывая как ее глубокую связь с историей, так и универсальную значимость.

Исследование темы взаимодействия текста и контекста в русской литературе опирается на междисциплинарный подход, позволяющий учесть многообразие факторов, влияющих на создание и восприятие литературных произведений. Методология включает в себя следующие ключевые аспекты:

1. Историко-литературный анализ.
2. Культурологический подход.
3. Герменевтический метод.
4. Семиотический анализ.
5. Компаративный метод.
6. Социологический анализ.

Применение этих методов в совокупности позволяет достичь более глубокого и всестороннего понимания взаимодействия текста и контекста в русской литературе, выявляя как индивидуальные особенности авторского замысла, так и универсальные черты литературного процесса.

Результаты исследования. Проведенное исследование подтвердило значимость анализа текста в тесной взаимосвязи с его историко-культурным контекстом для более глубокого понимания русской литературы. Основные результаты включают следующие выводы:

1. Текст как отражение эпохи. Литературные произведения русских авторов наглядно демонстрируют способность текста фиксировать и переосмыслять ключевые события и явления своего времени.

Произведения Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского и И. С. Тургенева отразили переломные моменты в социальной и культурной истории России, такие как отмена крепостного права, кризис дворянской культуры и развитие демократических идей.

2. Роль контекста в интерпретации текста. Контекст оказывает решающее влияние на восприятие произведений:

Тексты, написанные в определенный исторический момент, воспринимаются по-разному в разные эпохи. Например, произведения А. С. Пушкина изначально интерпретировались в духе романтизма, тогда как современные исследования подчеркивают их реалистическую и философскую глубину.

3. Интертекстуальность и многослойность русской литературы. Русская литература насыщена межтекстовыми связями, которые раскрываются через анализ контекста.

Произведения Н. В. Гоголя и А. П. Чехова содержат многочисленные аллюзии на библейские, античные и литературные тексты, что усиливает их многозначность.

4. Литература как средство диалога с эпохой. Русская литература не только отражает реальность, но и активно влияет на нее:

Творчество писателей-классиков стало катализатором общественных изменений, способствуя формированию новых идеалов и ценностей. Например, произведения А. Н. Островского и М. Горького способствовали осознанию социальных проблем.

5. Изменение восприятия классических текстов. Переосмысление литературных произведений с учетом современного контекста выявляет их новую актуальность:

Тексты XIX в. (например, романы И. С. Тургенева или Л. Н. Толстого) сегодня рассматриваются в аспекте гендерных исследований, экокритики и постколониальной теории.

6. Практическая значимость результатов. Результаты исследования подчеркивают необходимость комплексного подхода к изучению русской литературы в образовательных и научных целях:

Применение междисциплинарных методов анализа способствует расширению представлений о литературе и ее значении в культурной истории.

Понимание связи текста с контекстом помогает современным читателям глубже осознавать культурное наследие русской литературы и ее роль в формировании мировоззрения.

Таким образом, исследование подтвердило ключевую роль контекста в анализе русской литературы, что позволяет увидеть произведения не только как отражение их эпохи, но и как активный элемент культурного диалога, сохраняющий свою актуальность на протяжении веков.

Литература

Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Худож. лит., 1972.

Белинский В. Г. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 2. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1954.

Гинзбург Л. Я. О лирике. Л.: Советский писатель, 1974.

Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М.: Прогресс, 1992.

Лотман Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста // Труды по знаковым системам. Т. 12. Тарту: Изд-во Тартус. ун-та, 1981.

Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский: жизнь и творчество. М.: Наука, 2000.

Розанов В. В. Уединенное. Апокалипсис нашего времени. М.: Республика, 1990.

Тынянов Ю. Н. Предисловие к книге «Архаисты и новаторы» // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 395–396.

Цветаева М. И. Мой Пушкин // Цветаева М. И. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 5. М.: Эллис Лак, 1994.

Бобрицких Людмила Яковлевна

канд. филол. наук, доцент, Воронежский государственный университет

ФИГУРА КЛЕОПАТРЫ В РЕЦЕПЦИИ ПОЭТОВ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Ключевые слова: Клеопатра, образ, герой.

Фигура Клеопатры, прекрасной и властительной царицы Египта, во все времена привлекала к себе внимание писателей. Ей посвящали свои произведения В. Шекспир («Антоний и Клеопатра»), Б. Шоу (Цезарь и Клеопатра), Ж.-М. де Эредиа (цикл сонетов «Антоний и Клеопатра»), А. С. Пушкин («Египетские ночи») и др.

Образ Клеопатры нашел свое яркое воплощение в поэзии Серебряного века. И это не случайно. В конце XIX — начале XX столетия «восточная тема» прочно вошла в русскую поэзию, а «египетская жрица любви воспринималась как достопримечательность Востока, символ свободного чувства, греховной страсти, вседозволенности» [Долгушев 1999: 23].

Фигура Клеопатры на протяжении всего творчества привлекала В. Брюсова (циклы «Любимцы веков», «Правда вечная кумиров»). На основе пушкинских черновиков он создает поэму «Египетские ночи».

Клеопатра Пушкина — ненасытно-страстная и одновременно жестокая. За ночь, проведенную с нею, царица требует дорогую цену — цену жизни. Клеопатра Брюсова — жрица любви. В статье «Египетские ночи» поэт пишет: «Свой "страстный торг", свой вызов купить три страстных ночи Клеопатра ставит под *покровительство богов*» [Брюсов]. Брюсов называет ее то «божественной царицей», то «царственной блудницей». Ей все равно, кто в данную ночь на ложе с ней — «простой невольник» или «мудрец изнеженный». Главное — наслаждение, сладострастие.

Иной предстает Клеопатра у А. Блока. Стихотворение «Клеопатра» строится на антитезе. Власти и величию, сопровождавшим царицу при жизни, противопоставлен печальный итог существования всех смертных. Но, несмотря на это, герой-поэт и спустя века восхищается легендарной египтянкой.

Этот же мотив звучит и в стихотворении К. Бальмонта «Камея». Клеопатра для героя-поэта — «полновластная царица», которой он готов дарить «свой стих», потому что она «и в любви, и в самой смерти непохожа на других».

Антитеза лежит и в основе стихотворения А. Ахматовой «Клеопатра». Но ее героиня отличается как «от образа порочной и сладострастной царицы» Пушкина и Брюсова, так и «от повергнутой в "прах" героини Блока» [Долгушев 1999: 24]. Ахматова показывает трагедию Клеопатры и одновременно ее величие и силу духа.

К образу Клеопатры обращается и Н. Гумилев. Клеопатра у Гумилева — персонаж в большей степени легендарный, нежели исторический. Легенда о египетской царице, которая казнила своих многочисленных любовников, получает у Гумилева дальнейшее развитие. В его поэтическом мире Клеопатра превращается в безжалостную «царицу беззаконий».

Стихотворения Гумилева «Заклинание», «Гиена», «Корабль» образуют своеобразный «микроцикл». «Их объединяет общая тема: царица, страсть к которой приносит смерть» [Баевский 1992: 69].

«Заклинание» Гумилева восходит к «Египетским ночам» Пушкина и Брюсова. Юный маг, пытаясь добиться любви царицы, зачаровывает ее своим искусством, но финал, как у Пушкина и Брюсова, заранее предопределен.

В балладе «Гиена» («Над тростником медлительного Нила…») также налицо отсылка к Брюсову, к его стихотворению «Встреча» («Близ медлительного Нила…»), но при этом Гумилев создает свое, оригинальное, произведение. Вместе с тем балладу «Гиена» можно сопоставить с другим брюсовским стихотворением — «Клеопатра» из цикла «Любимцы веков».

В обоих стихотворениях Клеопатра — «пленительная» и одновременно «преступная» (Гумилев), «царица» и «буйная блудница» (Брюсов). И в одном, и в другом произведении могила величественной царицы Египта оказывается забытой.

Однако баллада «Гиена» — своего рода полемика с брюсовским стихотворением. У Брюсова Клеопатра — жрица любви, у Гумилева — кровожадная гиена. Гиена-женщина и гиена-зверь очень схожи, но первая оказывается страшнее, так как за прекрасной внешностью скрываются жажда крови и животные инстинкты. Гиена-зверь и гиена-женщина сливаются у Гумилева в одно целое, в воплощение мглы, ночного кошмара. Прошло много веков со времени смерти «преступной, но пленительной царицы», но действие принесенного ею в мир зла продолжает ощущаться живущими.

Третье произведение, входящее в «микроцикл» о Клеопатре, — баллада «Корабль» — является как бы продолжением заключительной строфы сонета поэта-парнасца Ж.-М. де Эредиа «Антоний и Клеопатра». «Триумвир», разбитый флотоводцами Октавиана в морской битве у мыса Акций и бежавший в Египет вслед за кораблем Клеопатры, бросив свой флот на верную гибель, склоняется в объятия прекрасной царицы. Все, казалось бы, благоволит к влюбленным. Но неясные предчувствия и сознание своего унижения терзают Антония даже в эти минуты. В глазах Клеопатры он словно видит не страсть, а морскую ширь и свой разгромленный, постыдно бегущий флот. У Гумилева «смертоносный эрос овеществлен в корабле, со всею командой пошедшем ко дну» [Баевский 1992: 70].

С другой стороны, баллада Гумилева «Корабль», как и «Гиена», полемизирует с брюсовским стихотворением «Антоний» из цикла «Правда вечная кумиров». У Брюсова исторический факт предательства во имя любви становится гимном всепобеждающей страсти. У Гумилева корабль гибнет не по вине героя, однако здесь тема предательства других трансформируется в тему предательства героем самого себя. Гумилев показывает двоякое отношение героя к своей возлюбленной: с одной стороны, он испытывает к ней любовную страсть, а с другой — осознает порочность этой страсти. Неразрешимость этого внутреннего конфликта выражена в финале баллады: герой не в силах отказаться от своей страсти, но не в силах и безраздельно отдаться ей, подобно брюсовскому Антонию.

Как видим, фигура Клеопатры занимает особое место в поэзии Серебряного века. Не стремясь создать исторически достоверный портрет царицы, каждый из поэтов предлагает свою трактовку образа легендарной египтянки, исходя из своего мировосприятия и литературно-эстетических взглядов.

Литература

Баевский В. С. «У каждого метра есть своя душа» (Метрика Н. Гумилева) // Н. Гумилев и русский Парнас. Материалы научной конференции 17–19 сентября 1991 г. СПб., 1992. С. 67–75.

Брюсов В. А. Египетские ночи. URL: http://az.lib.ru/b/brjusow_w_j/text_1910_egipet_nochi.shtml (дата обращения: 20.12.2024).

Долгушев В. Г. «Клеопатра» Блока и Ахматовой: Пушкинские традиции в поэзии «Серебряного века» // Русская речь. 1999. № 6. С. 22–25.

Большев Александр Олегович

д-р филол. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет; olegovich1955@mail.ru

СОЛЖЕНИЦЫН МЕЖДУ ЛОГИКОЙ И МИСТИКОЙ

Ключевые слова: Солженицын, рационально-логическое, мистическое, чудо, коммунизм, преобразования.

Споры о художественной философии и политической доктрине писателя-идеолога А. Солженицына, начавшиеся еще на первом этапе его деятельности, продолжаются до сих пор. Наверно, одним из главных парадоксов автора «Архипелага ГУЛАГа» следует признать совмещение рационалистического склада ума прирожденного математика, неукоснительно доверяющего логике, с религиозно-мистическим мироощущением пророка, жаждущего чуда. Современный исследователь Кирилл Шевцов очень точно отметил, что «сосуществование рационально-логического и религиозно-мистического начал можно назвать фирменным знаком солженицынского дискурса» [Шевцов 2019: 123].

Ярким примером этого противоречия является позиция Глеба Нержина, главного героя романа «В круге первом», действие которого происходит в декабре 1949 г. Нержин — безусловно, alter ego Солженицына, он математик, инженер, отбывающий лагерный срок в секретной лаборатории. В полном соответствии с тогдашними реалиями собственной биографии, писатель сделал своего автопсихологического героя носителем философского скептицизма и стоицизма. И в этой связи вполне логичным представляется решительный отказ Нержина от предложения присоединиться к заговорщикам, которые планируют осуществить в стране верхушечный переворот, нацеленный на свержение Сталина и передачу власти представителям технократической элиты. Глеб Нержин объясняет ученому-зеку Герасимовичу, пытающемуся привлечь его к участию в перевороте, что не верит в прогресс человечества и опасается, что в результате задуманных заговорщиками перемен ситуация в стране не улучшится, но ухудшится: «Да, мерзок наш режим, но откуда вы уверены, что у вас получится лучше? А вдруг — хуже? Оттого, что вы хорошо хотите? А может и до вас хотели хорошо? <…> Для меня нет слова, более опустошенного от смысла, чем «прогресс». Илларион Палыч, какой прогресс? От чего? И к чему? За двадцать семь столетий стали люди лучше? добрей? или хотя бы счастливей? Нет, хуже, злей и несчастней! И все это достигнуто только прекрасными идеями!» [Солженицын 1991: 248].

Можно принимать точку зрения Нержина на прогресс и перспективы возможного свержения Сталина или же отвергать её, однако нельзя не согласиться с тем, что аргументация героя носит в данном случае всецело рационально-логический характер: и в самом деле в истории человечества пути в преисподнюю нередко устилались благими намерениями. Тем неожиданнее оказываются рассуждения солженицынского протагониста в ситуации, когда Герасимович предложил ему поделиться своим видением будущего страны. Выясняется, что собственные надежды и ожидания Нержин возлагает на чудесное появление в России неких «благородных людей», которые таинственной силой своего слова разрушат твердыни тоталитаризма: «Здесь — тайна. Как грибы по некой тайне не с первого и не со второго, а с какого-то дождя — вдруг трогаются всюду. <…> Так тронутся в рост и благородные люди, и слово их — разрушит бетон» [Солженицын 1991: 150]. Инженер-математик внезапно превращается в пророка и визионера, опирающегося отнюдь не на логику, а на дар предвидения.

Отмеченное противоречие между логикой и мистикой без труда обнаруживается в целом ряде солженицынских текстов — оно, например, характерно для рассуждений писателя-идеолога, посвященных природе коммунистического режима. Так, Солженицын любил подчеркивать уникально «умонепостигаемую» природу коммунизма, якобы ускользающую от рационально-логического анализа: «Коммунизм — это сила, которой еще не знала мировая история. Это явление — противочеловеческое и даже метафизическое: даже ее пороки, абсурды и провалы идут ей на укрепление» [Солженицын 1995: 3, 66]; «Коммунизм — это отрицание жизни,

это — смертельная болезнь и смерть всего человечества. И — нет на Земле страны с иммунитетом против коммунизма» [Солженицын 1995: 3, 43]; «Коммунистическая идеология — это такая неестественная метафизическая сила, которая действует как бы вопреки законам физики, экономики и социологии» [Солженицын 1995: 3, 9]. «Мы ничего не поймем в коммунизме, если будем пытаться его понять на простой человеческой разумной основе» [Солженицын 1995: 3, 32]. Итак, по убеждению Солженицына, тоталитарная государственность обнаруживает сугубо мистическую, инфернальную природу и каждый, кто стремится понять её умом, неминуемо попадает в ее страшный капкан. Соответственно, коммунистический режим не способен эволюционировать: «Что он — неизлечим, что у него нет «лучших» вариантов, что он — не может «подобреть», что идеологически он не может прожить без террора» [Солженицын 1995: 2, 80].

Однако в знаменитом «Письме вождям Советского Союза» (сентябрь 1973 г.) Солженицын фактически предлагает руководителям СССР осуществить в стране коренные перемены, причем программа преобразований (включая полную демилитаризацию экономики, отказ от марксистской идеологии и перемещение большей части населения на Северо-Восток) носит спорный, но рационально-логический характер. Таким образом автор письма, вопреки собственным вышеприведенным инфернально-мистическим характеристикам, исходит из того, что режим «умопостигаем», «излечим», может «подобреть» и способен прожить без террора.

Печатью оригинального совмещения рационалистического и мистического начал отмечены многие другие произведения А. Солженицына.

Литература

Солженицын А. Малое собрание сочинений: в 7 т. Т. 2, кн. 2. М.: Инком-НВ, 1991.

Солженицын А. Публицистика: в 3 т. Ярославль: Верхне-Волж. кн. изд-во, 1995.

Шевцов К. Солженицын — идеолог: к постановке проблемы // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. «Филология и искусствоведение». 2019. Вып. 4. С. 116–123.

Валиева Юлия Мелисовна

канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет;
Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского;
y.valieva@spbu.ru, jouliali@gmail.com

ДАНИИЛ ХАРМС В ЛИТЕРАТУРНОМ КРУЖКЕ «ОСЬМИНОГ»

Ключевые слова: русская литература, ОБЭРИУ, Д. Хармс, Д. Е. Максимов, литературный кружок, 1920-е, архивные материалы.

Настоящее исследование продолжает проводимые нами изыскания [Валиева 2024], посвященные выявлению новых материалов о жизни и творчестве Хармса и его литературного окружения.

Сведения о выступлениях Д. Хармса на литературных вечерах середины 1920-х гг., времени его коллаборации с «Левым флангом» А. Туфанова, подробно задокументализированы на основе протоколов этой группы [Двинятина, Крусанов 2008] и материалов ленинградского Союза поэтов и Союза писателей [Кукушкина 2010] из собрания Рукописного отдела Пушкинского Дома.

Доклад посвящен литературному кружку «Осьминог» (1925–1928), деятельность которого оставалась пока вне поля зрения литературоведов. История этого домашнего кружка, участниками которого были студенты и выпускники филологического факультета Ленинградского государственного университета, в том числе, Дмитрий Евгеньевич Максимов (в будущем выдающийся филолог, историк Серебряного века), представляет несомненный интерес, как для изучения художественной жизни Ленинграда 1920-х гг., так и для обэриутоведения.

На основе мемуаров Д. Е. Максимова, его студенческого дела и переписки приводятся сведения о знакомстве филолога с обэриутами, их посещении «Осьминога». В работе использованы материалы архивов Санкт-Петербурга.

Литература

Валиева Ю. М. Неизвестные страницы изучения и публикации Даниила Хармса в 1960-е годы: Памяти Анатолия Александрова // Zbornik Matice Srpske za Slavistiku. 2024. Т. 106. С. 241–263.

К истории «Левого фланга» Ленинградского Союза поэтов (Вступительная статья, подготовка текста и комментарии Т. М. Двинятина и А. В. Крусанов) // Русская литература. 2008. № 4. С. 149–207.

Кукушкина Т. А. Александр Введенский и Даниил Хармс в ленинградском Союзе поэтов и ленинградском Союзе писателей (По материалам архивов Пушкинского Дома) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 543–588.

Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда № 24-28-01177, https://rscf.ru/project/24-28-01177/; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского.

Ван Цзысюань

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет;
st112874@student.spbu.ru

МЕЖДУ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ И НАКОПИТЕЛЬНОЙ ПАМЯТЬЮ: ЛИТЕРАТУРА КАК МЕДИУМ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА-ЭССЕ М. М. СТЕПАНОВОЙ «ПАМЯТИ ПАМЯТИ. РОМАНС»)

Ключевые слова: М. М. Степанова, «Памяти памяти. Романс», функциональная память, накопительная память, медиум культурной памяти.

В докладе рассматривается литература как медиум культурной памяти, «выступающей в качестве поля непрерывного интенсивного диалога между функциональной (канонической) и накопительной (архивной) памятью» [Ассман 2014: 57]. Исследование основано на анализе автобиографического романа-эссе М. М. Степановой «Памяти памяти. Романс» (2017), через публикацию которого реализуется трансформация накопительной памяти в функциональную.

Обратимся к определению культурной памяти. Ян Ассман отмечает, что «культурная память — это институт, который проявляется, объективируется и накапливается в символических формах» [Assmann 2008: 110]. То есть для передачи культурной памяти необходимы экстернализированные объекты. Алейда Ассман подразделяет культурную память на накопительную и функциональную, отмечая, что «структура культурной памяти определяется напряженным взаимоотношением между функциональной и накопительной памятью: элементы функциональной памяти постоянно уходят в архив, если к ним пропадает интерес; а из "пассивной" накопительной памяти сделанные в ней открытия вновь возвращаются в функциональную память» [Ассман 2014: 57–58]. Именно через экстернализированные объекты осуществляется взаимотрансформация функциональной и накопительной памяти, а среди этих объектов стоит отметить литературу, которую, по мнению А. Эрль, можно рассматривать как «медиум культурной памяти» [Erll 2008: 390]. Мы считаем, что автобиографический роман-эссе «Памяти памяти» также является своеобразным медиумом культурной памяти. В нем процесс динамической трансформации отражается через повествование Марии Степановой. При этом публикация данного произведения способствует трансформации накопительной памяти в функциональную.

Данная трансформация вызвана желанием писательницы сохранить память о членах своей семьи, умирающих один за другим. На данную мотивацию влияет механизм постпамяти, работа которой — попытка «оживить» мертвых предков, дать им голос и тело. Эти элементы, которые раньше занимали свое место в накопительной памяти, а сейчас — в функциональной памяти, передаются писательнице через визуальные и письменные носители.

Семейная память передается писательнице через фотографии. Включая их в роман, писательница использует особый повествовательный прием — текстуализацию фотографии. Степанова помещает вербализованные семейные фотографии в отдельную главу «Некоторое количество фотографий» до того, как начинает развертываться основной сюжет, и таким образом представляя широкому кругу читателей яркие фрагменты прошлого, скрытые в накопительной памяти. Через роман распространяются спонтанные и постановочные фотографии (в том числе групповые и индивидуальные фотопортреты). На этих семейных снимках зафиксированы либо события, произошедшие с членами семьи Степановой, либо их внешность. Эти следы прошлого на запоминающихся фотографиях передаются из поколения в поколение в рамках одной семьи. После публикации романа семейные истории в фотографиях, которые носят частный характер, привлекают внимание общественности. Эстетическая специфика фотографии проявляется в их текстовом варианте. При этом, в отличие от фотографических изображений, текстуализация фотографии обеспечивает соблюдение законов пространства-времени и дает

представление о контексте фотографий, вследствие чего представление памяти становится более четким и точным.

В связи с публикацией романа память, которую содержат письменные носители (дневники тети Гали, переписка дедушки Леонида и бабушкой Ольгой, незаконченные черновики писем дедушки Николая Степанова своим племяннице, снохе и сестре, письма от Ледика с фронта, непродолжительная переписка прабабушки Сарры с друзьями и др.), также преобразуется из частной в публичную. Таким образом, дневники членов семьи носят уже не монологичный, а диалогичный характер; а приватные письма уже не моноадресны, а многоадресны. Официальные документы, связанные с бизнес-деятельностью прапрадеда Гуревича в тогдашние годы, заняли место в функциональной памяти. Но со временем к ним пропадал интерес, и они постоянно уходили в архив. Почти через сто лет эти документы были найдены писательницей в процессе поиска своих семейных корней, после чего она включает эти материалы в свой роман-эссе, и таким путем эти архивы вновь возвращаются в функциональную память.

Необходимо отметить, что писательница сомневается в правильности выведения своей семьи на «свет общего обозрения», что по сути и является актом трансформации накопительной памяти в функциональную. Тем не менее, она убеждена в том, что надо говорить о них и за них, за тех, которые просидели на теневой стороне истории и в силу этого не были увидены. Однако ее беспокоит, что этот шаг идет вразрез с волей умерших предков. В этом смысле превращение накопительной памяти в функциональную тесно связано с моральной категорией.

Подводя итоги, можно сказать следующее. Документальная литература как медиум культурной памяти находится между функциональной и накопительной памятью. В данном автобиографическом романе-эссе отражается динамический процесс трансформации функциональной и накопительной памяти, при этом само произведение играет важную роль в их взаимотрансформации. Вышеупомянутые элементы функциональной памяти смогут преобразоваться в накопительную, если к роману-эссе пропадет интерес; но, если роман снова станет популярным среди читателей, эти «архивы» смогут вновь вернуться в функциональную память.

Литература

Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014.

Assmann J. Communicative and Cultural Memory // Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook. Berlin: Walter de Gruyter, 2008. P. 109–118.

Erll A. Literature, film, and the mediality of cultural memory // Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook. Berlin: Walter de Gruyter, 2008. P. 389–398.

Гасымова Вюсаля Акиф Гызы

д-р философии по филол. наукам, ст. преподаватель,
Бакинский славянский университет, Азербайджан;
xcnab34@gmail.com

НРАВСТВЕННО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ ЛЮБВИ В ПОВЕСТИ А. И. КУПРИНА «ГРАНАТОВЫЙ БРАСЛЕТ»

Ключевые слова: повесть, любовь, природа, жизнь.

А. И. Куприн показывает нравственные критерии человека как проявление природного, божественного. Это отчётливо проявляется в повести «Гранатовый браслет». Основная тема её — любовь до самоотречения и готовность пожертвовать собой ради любимого человека. Это произведение о большой неразделенной любви, «которая повторяется только один раз в тысячу лет».

По сюжету повести в жизни Веры Николаевны нет настоящей душевной близости. С мужем она связана чувством дружбы, уважения, привычки. Но не более того. Жизнь её с супругом устоялась, и о существовании более глубоких чувств она не знает и не помышляет. Впрочем, во всем окружении княгини нет никого, кто был бы способен к искренним сердечным порывам. Вот неожиданно царское спокойствие героини Веры Николаевны разрушает Желтков. В повести практически ничего не сказано о самом Желткове, точнее, о его жизни, пристрастиях, желаниях, интересах и запросах. О нём можно узнать только благодаря отдельным мелким деталям. Но даже и эти незначительные подробности, используемые автором в повествовании, свидетельствуют о многом. Кто же такой Желтков? По классической теории литературоведения он относится к категории «маленьких людей», чувства которого никого не интересуют, он словно лишён права на счастье. Этот образ знаменателен ещё и тем, что А. И. Куприн в сущности не был родоначальником и разработчиком этой темы, как нам хорошо известно по классическим произведениям А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя. Но в историю любви он вписался довольно органично. Автор изображает противоречие между духовным миром героя и его социальным положением. Редчайший дар высокой и безответной любви оказался единственным содержанием и поэзией его жизни.

Смысл повести — показать благородство души обычного человека, его стремление к естественной и чистой любви путем противопоставления главного героя светскому обществу. Куприн специально подчёркивает здесь контраст психологического характера: сильная, безусловная любовь не в состоянии появиться в той реальности, где оцениваются лишь богатство, благосостояние, дорогие вещи и красивые слова, но нет места таким понятиям, как благородство сердца, душевность, отзывчивость и доброта. В данной плоскости «маленький человек» возвышается, становится значимым своей самоотверженной любовью.

Известный критик и литературовед Ф. Кулешов высказал весьма интересную мысль. В своей монографии он предполагает, что в А. И. Куприне «всегда существовало два учёных: философ и культуролог. И трудно порою бывает определить, кто из них идёт впереди другого» [Кулешов 1987: 67–68].

Действительно, стоит задаться таким вопросом: в «Гранатовом браслете» больше нравственности или же философии? А может быть, нравственно-философскую проблематику здесь нельзя разделять на две части, и они каким-либо образом уравновешиваются? Например, в самом имени Вера содержится оксюморон. С точки зрения нравственности она, как и всякая добропорядочная женщина, рвётся к чистой любви. А с философской позиции она показана автором в облике «холодной», хотя и «благоразумной» героини. И как же соотнести её имя по рождению с приобретёнными привычками? В чём здесь вера, если иметь в виду религиозный подтекст этого слова? Ее образ жизни соответствует полностью занимаемому в семье и обществе положению. Она «княгиня» и «жена предводителя дворянства». Взаимодействие этих двух основ писатель выстраивает в противопоставлении веры как некой формальной принадлеж-

ности к религии и веры как изначальной любви, милосердия и сострадания. Вере Николаевне присущи доброта и душевная слабость, но она в силу высокого положения в светском обществе не в состоянии их реализовать в личной жизни.

Характерно, что недопонимание любви как философской категории даёт о себе знать и в отношении главной героини к природе. Так, лес, которым она так восхищается, — это явное олицетворение её спокойно-размеренной жизни. Ироничность автора находит свое воплощение в нисходящей линии ее ассоциаций: «Сосны! А какие здесь мхи растут! А мухоморы!» «Благоразумной» Вере не нравится море, со своей бесконечно меняющейся жизнью, безбрежной свободой в проявлении истинных желаний. В нем ей открывается только «плоская пустота», которая ее «давит». Именно потому любовь телеграфиста Желткова героиней воспринимается как прямая угроза её спокойно-размеренной жизни. Отношение к чувству неведомого ей Желткова отражено в мучительном вопросе, подчёркивающем двойственность ее отношения к этому явлению: «любовь или сумасшествие?». Чёткого ответа на этот вопрос читатель не находит. Впрочем, и сам Куприн понимает, что до настоящей любви она не может дорасти.

Другим объектом исследования литературного конфликта в «Гранатовом браслете» становится столкновение любви с общественными интересами. Последнее в такой степени важно для мужских персонажей, что чувства отступают на второй план, фактически утрачивая своё исконно ценностное назначение. Автор повести тщательно анализирует сущностные различия в понятиях брака и любви, которые с нравственно-философской точки зрения имеют связь с мировоззрением Н. Бердяева. А именно, известный русский философ и социолог рассматривал брак как своеобразный компромисс между чувством и социумом, правда видел в такого рода компромиссах изначально абсурд.

Сущность женской любви Куприн, как и Н. Бердяев, отождествляет с ее природой, говоря словами Аносова: «Для нее, если только любит она, то любовь заключает смысл всей жизни, всю вселенную». Такая мысль объясняется именно тем, что стихия женщины и стихия любви одинаковы. Н. Бердяев также констатировал: «Стихия женственная имеет поистине космический характер, именно через женственность как первооснову рождения человечества, все люди на земле и приобщаются к космосу» [Бердяев 1991: 271].

Таким образом, тема любви является актуальной не только в художественном мире писателя, но и служит источником жизненной философии человечества.

Литература

Бердяев Н. А. Метафизика пола и любви. М.: Наука, 1991.

Кулешов Ф. И. Творческий путь А. И. Куприна 1907–1938. 2-е изд., испр. и доп. Минск: Университетское, 1987.

Гик Анна Владимировна

канд. филол. наук, ст. научный сотрудник, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

КОММУНИКАТИВНАЯ СТРУКТУРА СТИХОТВОРНОГО ТЕКСТА: МАСКИ И ЛИРИЧЕСКИЕ АДРЕСАТЫ ПОЭЗИИ М. КУЗМИНА

Ключевые слова: М. Кузмин, коммуникативные модели стиха, Серебряный век.

Коммуникативная структура стихотворного текста представляет собой универсальный объект исследования. Лингвистический инструментарий, который использует автор, предлагает поэту выстраивать коммуникативную модель с учетом разновременной перспективы восприятия текста. Личные местоимения и личные формы глагола при прочтении волшебным образом позволяют читателю представить себя субъектом текста [Винокур 1990; Ковтунова 2005]. То есть местоимение «Я» ассоциируется у читателя с собственной личностью, а местоимение «Ты» заставляет читателя представить своего собеседника. Задача нашего доклада — выявить закономерности использования коммуникативных моделей в поэтическом творчестве М. А. Кузмина (1872–1936). Автор лирического произведения оставляет читателю варианты интерпретации. Лексическое наполнение художественного произведения корректирует наивное прочтение стихотворения. Так, когда мы читаем стихотворение «Мой портрет»: «Любовь водила Вашею рукою, / Когда писали этот Вы портрет» (1906–1907)* — мы понимаем, что автор обращается к художнику (в данном случае, к художнику Судейкину). Поэт проживает ситуацию, описанную в тексте, или раскрывает внутренние переживания героя, скрываясь за личными местоимениями и личными формами глагола: «Где слог найду, чтоб описать прогулку, / Шабли во льду, поджаренную булку <…> // Ах, верен я, далек чудес послушных, / Твоим цветам, веселая земля» (1906); «Сижу, читая, я сказки и были, / Смотрю в старых книжках умерших портреты» (1906); «Я изнемог, я так устал. / О чем вчера еще мечтал, / Вдруг потерло смысл и цену» (1906). Можно сказать, что поэт сам выстраивает маски и формирует лирические адресаты своих стихотворений.

М. Волошин в рецензии на «Александрийские песни» М. Кузмина отметил возможность поэта перевоплощаться. Несмотря на то что Волошин объединяет автора текста и лирического субъекта, его высказывания очень ярко показывают коммуникативные навыки Кузмина в деле построения стихотворения: «Когда видишь Кузмина в первый раз, то хочется спросить его: «Скажите откровенно, сколько вам лет?» — но не решаешься, боясь получить в ответ: «Две тысячи». Без сомнения, он молод, и, рассуждая здраво, ему не может быть больше 30 лет, но в его наружности есть нечто столь древнее, что является мысль, не есть ли он одна из египетских мумий, которой каким-то колдовством возвращена жизнь и память» (*Волошин М.* «Александрийские песни» Кузмина // Весы. 1906. № 6).

Исследователи выделяют разные коммуникативные типы лирических текстов. Мы воспользуемся классификацией Ю. И. Левина, который обосновывает наличие четырех типов текстов: 1. Эготивный тип. Стихотворения, в которых лирический субъект находится в центре и является темой стихотворения, а адресат может отсутствовать. 2. Безлично-безадресный тип. Стихотворения, в которых автор и лирический субъект максимально скрыты. На первом месте в них — какое-то событие, явление, ситуация, описываемые, как правило, от третьего лица. 3. Апеллятивный тип. Стихотворения, в которых поэтическое сознание обращено к адресату, организованные как обращение субъекта речи к «ты». 4. Смешанный тип. Представлен текстами, в которых безлично-безадресное изложение сочетается с элементами текстов эготивного типа (эксплицитным лирическим субъектом) и/или апеллятивного типа (содержит обращения, императивы и т. п.) [Левин 1998].

---

* Стихотворения цит. по изд.: *Кузмин М. А.* Стихотворения / под ред. Н. А. Богомолова. СПб.: Академический проект, 1996.

Разные периоды творчества Кузмина характеризуются предпочтениями того или иного типа текста. На первый план выходят произведения, которые относятся к апеллятивному типу. Мы ответим на вопрос: «Кто является адресатом стихотворений поэта?»

Кроме местоимений второго лица ед. и мн. числа — «ты» и «вы», адресатами поэтических текстов становятся различные объекты, референциальный статус которых отличается большим разнообразием, например — сердце: «С сердцем своим я вел разговор / «Кто, скажи, сердце, твой покой украл?» — » (<1906>) [Богомолов 1995: 193].

Автор обращается к своим предкам: «Моряки старинных фамилий <…> и вот все вы: / милые, глупые, трогательные, близкие, / благословляетесь мною / за ваше молчаливое благословенье» (см. стихотворение «Мои предки», 1907), ко всем читателям: «Приходите ко мне, кто смутен, весел, / Кто обрел, кто потерял кольцо обручальное. / Чтобы бремя ваше, светлое и печальное, / Я как одёжу на гвоздик повесил» (1907).

Таким образом, лирический субъект произведения формирует и своего адресата, который выстраивается как для отдельных стихотворений (вплоть до указания адресата при наличии посвящения), так и для циклов и книг. Целью нашего исследования является описание лингвистических приемов реализации адресата (обращения, местоимения, прямые номинации).

Литература

Богомолов Н. А. Михаил Кузмин: статьи и материалы. М.: Новое литературное обозрение, 1995.

Винокур Г. Я и ты в лирике Баратынского (из этюдов о русском поэтическом языке) // Винокур Г. Филологические исследования. М.: Наука, 1990. С. 241–250.

Ковтунова И. Категория лица в языке поэзии // Красильникова Е. В. (отв. ред.), Ковтунова И. И., Николина Н. А. Поэтическая грамматика. Т. 1. М.: Азбуковник, 2005.

Левин Ю. Лирика с коммуникативной точки зрения // Левин Ю. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 464–483.

Двинятин Федор Никитич

канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет;
f.dvinyatin@spbu.ru

«В ВОДОВОРОТЕ» А. Ф. ПИСЕМСКОГО КАК ИСТОЧНИК ОДНОЙ ПАРОДИИ ГР. А. К. ТОЛСТОГО

Ключевые слова: А. К. Толстой, Писемский, пародия, источник.

В письме гр. А. К. Толстого его приятелю, романисту и критику Б. М. Маркевичу от 14 мая 1871 г. содержатся, в числе прочего, два фрагмента, имеющие характер литературных пародий, но, как кажется, существенно выходящие за пределы собственно пародийного задания. Это великолепные образцы смеховой прозы Толстого, абсурдистской, глумливой и раскованной. Автору доклада в юности не раз случалось зачитывать этифрагменты в компаниях, и почти всегда оценки распределялись между одобрением и восхищением, а реакции между оживлением и хохотом. Второй отрывок, о Крестовоздвиженском и Насте, пожалуй, более острый и смешной, но в данном случае речь идет о первом. Вот он [Толстой 2018: 429–430]; ср. комментарии: [Толстой 2018: 699–700].

> *Тогда он, повалив ее на кровать, сильною рукой сдернул с нее шелковое платье, напрасно старалась она удержать на обнаженных плечах батистовую сорочку. Клочки ее очутились в один миг на персидском ковре. Руки его жадно осязали свежие формы. «Боже, как ты прекрасна!» — воскликнул он, сдергивая с нее нижнюю одежду, — и уста их слились в божественный поцелуй…* Здесь следует небольшая перебивка французским текстом письма, и затем продолжение: *Кузина его между тем, сидя за чайным столиком, смотрела на эту сцену с притворным равнодушием, но высоко вздымавшаяся косынка предательски обнаруживала ее ревность. «Полно дурачиться, Поль! — сказала она, перекусывая кренделек, взятый у Рабона, — если ты растреплешь Лизу, мы опоздаем на бал к князю Троекурову, а ты знаешь, что я ангажирована австрийским посланником на первый контерданс!»* («В тихом омуте черти водятся». Роман в четырех томах Алексея Писемского, том 1, стр. 157).

Этот фрагмент, в отличие от следующего за ним, почти не привлек внимания к его межтекстовым связям (ср. Минералов 2016: 123–124; впрочем, автор этой работы допускает в письме 1871 г. пародирование «Анны Карениной» Л. Н. Толстого: там же, 125). Между тем, при всей собирательности объекта пародии, можно вполне точно указать основной источник. Как раз в первых номерах журнала «Беседа» за 1871 г. печатался с продолжением роман А. Ф. Писемского «В водовороте» (ср. связь названий: *омут — водоворот*), в котором, в частности, есть и такая сцена [Бесѣда: 58]:

> *— Ну, люби меня, пожалуй, какъ хочешь!… [sic! — Ф. Д.] проговорила наконецъ Елена, но лица своего по прежнему [sic! — Ф. Д.] не обращала къ нему.*
>
> *— Я сегодня, говорилъ [sic! — Ф. Д.], как бы совсѣмъ обезумѣвъ отъ радости, князь, —видѣлъ картину «Ревекка», которая, какъ двѣ капли, такая же красавица, какъ ты, только вотъ она такъ нарисована, прибавилъ онъ и дрожащей, но сильной рукой разорвалъ переднія застежки у платья Елены и спустилъ его вмѣстѣ съ сорочкою съ плеча.*
>
> *— Что ты, сумашедшій [sic! — Ф. Д.]? — было первымъ движеніемъ Елены воскликнуть.*
>
> *Князь же почти въ какомъ-то благоговѣніи упалъ передъ ней на колѣни.*
>
> *— О, какъ ты дивно хороша! говорилъ [sic! — Ф. Д.] онъ, простирая къ ней руки.*
>
> *Елена пылала вся въ лицѣ, но все-таки старалась сохранить спокойный видъ: по принципамъ своимъ она находила очень естественнымъ, что мущина [sic! — Ф. Д.] любуется тѣломъ любимой женщины.*

Совпадений немало: *дрожащей, но сильной рукой разорвал передние застежки у платья* (Писемский) — *сильною рукой сдернул с нее (…) платье* (Толстой); *спустил его вместе с сорочкою с плеча* (Писемский) — *напрасно старалась она удержать на обнаженных плечах (…) сорочку*

(Толстой); *О, как ты дивно хороша!* (Писемский) — *Боже, как ты прекрасна!* (Толстой). Уточнения «шелковое» (платье) и «батистовая» (сорочка) прибавлены Толстым от себя, и тем самым действие невольно или нарочно перенесено несколько в иную социальную среду, поскольку героиня «В водовороте», «нигилистка» из очень обедневшей семьи (мерзли, потому что не на что было купить дров), на момент этой сцены явно не была обладательницей дорогой одежды и белья. Да и сама сцена сдвинута Толстым: его гедонистическая эротика не вполне соответствует долгожданному сближению слишком долго тянувших и мнувшихся героев Писемского.

Желание героини «сохранить спокойный вид» передается у Толстого кузине Поля, с ее притворным равнодушием. Между тем кузина есть и у Писемского: это Анна Юрьевна, одна из сквозных героинь романа (с трагической впоследствии развязкой судьбы, чего еще не мог знать Толстой в мае 1871: соответствующая часть будет напечатана только в июньском номере). Ее интерес к князю бегло запечатлен в репликах — *Но чего бы Вы желали оригинальнаго? — Любви какого-нибудь философ, медвѣженка не ручнаго, какъ ты на примѣръ!* (54; все пробелы по подлиннику. — *Ф. Д.*), и далее: *Женщины двухъ разъ подобныхъ вещей не говорятъ!* (55).

«Люди сороковых годов» (1869) были «романом в пяти частях», «В водовороте» — «романом в трех частях». Возможно, «роман в четырех томах» — это и усреднение, и насмешка над этими подзаголовками Писемского.

Наконец, одним из самых важных подтверждений предлагаемой гипотезы служит то, что в первом номере «Беседы» начало публикации «В водовороте» [Бесѣда: 13–80] следует вторым материалом, а первым, открывающим номер и весь год, — «Боривой» самого А. К. Толстого [Бесѣда: 5–12]. Возможно, именно поэтому начало романа и попало в поле его внимания. Собственно, это и почти вся изящная словесность. Далее в номере идут восемь не-художественных текстов, и только под конец основного раздела — короткое университетское стихотворение Николая Чаева, приуроченное к Татьянину дню (номер январский). Автор этой заметки завершает работу над ней 25 января 2025 г. и находит совпадение примечательным.

Литература

Бесѣда. 1871. № 1.

Минералов Ю. И. Сравнительное литературоведение (компаративистика). 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2016.

Толстой А. К. Полное собрание сочинений и письма: в 5 т. Т. 5. Дневник. Письма / сост., подгот. текстов, коммент. В. А. Котельникова. М.: Ред.-изд. центр «Классика», 2018.

Жукова Александра Андреевна
канд. филол. наук, преподаватель,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

МОТИВ ВЗРОСЛЕНИЯ В ПРОЗЕ М. Ю. ЕЛИЗАРОВА: ОТ МИФА К РЕАЛЬНОСТИ

Ключевые слова: русская литература, проза, поэтика детства, миф.

Сюжет о взрослении героя неоднократно становится предметом изображения в прозе М. Ю. Елизарова, и в каждом из произведений он оказывается неразрывно связан с аксиологическим «переформатированием» персонажа. Эволюция героя и его системы ценностей является необходимым условием для создания масштабного эпического произведения: об «умственном развитии личности, становлении ее характера… в столкновении с авторитарными нормами и представлениями старого мира, каким бы он ни был» [Поспелов 1971: 194] писали Г. Н. Поспелов, М. Е. Мелетинский, М. М. Бахтин, Г. К. Косиков. Однако мотив взросления становится центральным не только в романах «Pasternak», «Библиотекарь», «Мультики», «Земля», но и в произведениях малой эпической формы — рассказы «Мы вышли покурить на 17 лет», «Дом», «Бывает, нагрянешь в родной город», «Меняла», «Скорлупы», «Санёк» и др.

Закономерным представляется интерес Елизарова к поэтике детства у других авторов. Этой проблематике посвящены две его работы — эссе «На страже детской души» и лекция «Унесенные детством: сравнительный анализ поэтики А. Гайдара и В. Набокова», в которых Елизаров размышляет о роли подвига в процессе взросления персонажа и мифопоэтике Гайдара и Набокова в целом.

Побег героя из мифологизированного детства сопряжен в творчестве М. Елизарова с различного рода утратами, которые и формируют обновленный образ персонажа. К наиболее болезненным из них можно отнести трансформацию хронотопа, утрачивающего такие свойства, как линейный характер и причинно-следственную обусловленность. творчестве Елизарова мотив взросления является одним из ключевых элементов поэтики детства. Она формируется посредством обращения к значимым для автора аспектам — героическому пафосу, концепции мифа как художественного осмысления мира (мифы об Эдеме и отцеоставленности), представлению о создании текста как жизнетворческом акте, в котором начинают магическим образом проявляться скрытые смыслы и авторские интенции, а также автобиографичности как одному из принципов взросления личностного «я» и своего литературного альтер-эго.

Особой значимостью обладает мотив возвращения в литературное зазеркалье, представленный в рассказе «Мы вышли покурить на 17 лет». Этот текст свидетельствует о главном результате взросления, возмужания героя — разрушении представлений о взрослении как о хронологическом, линейном процессе, следующим от младенчества к взрослости.

Мифопоэтическую основу творчества Елизарова составляют два ведущих изобразительных принципа — реализм с романтизацией героического пафоса и постмодернизм. В последних изданных произведениях писателя отчетливо превалирует поэтика постмодернизма. Грубый эротизм, нарочитое использование обсценной лексики, натурализм в изображении художественных деталей, — всё это приводит к распаду логического развертывания текста и утверждает апофеоз абсурда.

Подобный вектор свидетельствует не об обнищании этического пафоса в творчестве Елизарова, а об интенсивном его развитии посредством деконструкции, когда за нарочитым отрицанием прослеживается авторское утверждение необходимости изменений и их неизбежности для каждого из героев.

Литература

Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975.

Косиков Г. К. К теории романа (роман средневековый и роман Нового времени) // Литература Средних веков, Ренессанса и Барокко. Вып. 1. Проблема жанра в литературе Средневековья. М.: Наследие, 1994.

Мелетинский Е. М. Введение в историческую поэтику эпоса и романа. М.: Наука, 1986.

Поспелов Г. Н. Проблемы исторического развития литературы. М.: Просвещение, 1971.

Кублицкая Ольга Викторовна

канд. филол. наук, заместитель начальника учебного управления,
Российский государственный педагогический университет им. А. С. Пушкина;
elkala@inbox.ru

ЧЕЛОВЕК В ДОРОГЕ: ПАРАДОКСЫ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО В ПРОЗЕ РУССКОГО СЕНТИМЕНТАЛИЗМА

Ключевые слова: литература путешествий, сентиментализм, художественно-документальная проза.

Путевая проза русского сентиментализма часто рассматривается учеными как феномен относительно локальный — от появления первого общепризнанного образца жанра «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина (1794) до публикации сочинений его последователей и подражателей — П. И. Сумарокова, П. И. Шаликова, В. В. Измайлова и др. прошло немногим более десяти лет. Однако, как отмечает Н. Д. Кочеткова, «говоря о сентиментализме в русской литературе конца XVIII — начала XIX в., необходимо иметь в виду, что с этим направлением связана деятельность целого поколения писателей, выступивших и до Карамзина, и одновременно с ним, но действовавших достаточно независимо. Сентиментализм не исчерпывается карамзинизмом, хотя Карамзин наиболее полно и глубоко выразил основные тенденции этого направления» [Кочеткова 1994: 20].

Иными словами, сочинения, составившие условное ядро, «окружены» значительным количеством текстов, в которых традиция сентименталистского повествования еще только формируется / представлена в «свернутом» виде или даже в формате пародии.

Важно учитывать, что собственно литературное путешествие, явленное в значительном многообразии в литературе XIX столетия, в том числе в романной форме, имеет изначально документальную природу. Отсюда — ряд его ключевых особенностей: (1) документальная жанровая форма — дневник, записки, заметки; (2) повествование от первого лица в сочетании со строгостью, лаконичностью и фактографичностью авторской манеры; (3) ограниченность событийной канвы реально бывшим.

Е. А. Стеценко подчеркивает, что «небеллетристические жанры никогда не имели строгих границ, отделяющих их от художественной литературы, и никогда не были полностью свободны от элементов воображения. <…> С одной стороны, такая проза опирается на факт и документ, придерживается хронологической последовательности событий, стремится к непосредственному отображению реальности, объективности, изобразительности и рационализму. С другой стороны, она содержит моменты субъективизма и образности, заключающиеся в неизбежном проявлении авторской позиции, в попытках анализа происходящего и восполнения недостатка точного научного знания воображением» [Стеценко 1999: 9–10].

Сказанное справедливо и для сентиментального путешествия, в наиболее явной степени иллюстрирующего идею «парадокса документального»: только «Письма русского путешественника» (1793) Н. М. Карамзина, сочинение во многом пародийное, оказывается в достаточной мере «литературным» (несмотря на то, что в его основу легло реальное путешествие автора, Ю. М. Лотман и Б. А. Успенский убедительно доказали, что «их (писем. — *О. К.*) беллетристическая природа проявляется в ощутимой стилизации образа автора и подчеркнутости его литературной позы» [Лотман, Успенский 1987: 526]. Последователи писателя, невзирая на стремление соответствовать традиции европейского и карамзинского сентиментализма (а где-то и преодолевать ее), в целом не смогли выйти за границы художественно-документального повествования.

По мысли А. Ю. Соловьева, «одной из основных проблем при изучении путешествия интересующего нас типа является противоречие между внутренней свободой автора, определенной развитым субъективным началом, и каноничностью форм ее выражения в тексте. С этой проблемой тесно связана другая, а именно сложное соотношение документального и художественного начал в путешествии» [Соловьев 2011: 20].

Этот тезис будет проиллюстрирован путем построения сопоставительной модели, критериальными основаниями которой выступают выделенные нами ранее признаки, а именно: (1) жанровая форма; (2) специфика повествования от первого лица и реализуемая авторская стратегия; (3) содержательные особенности текста, соотношение вымышленного/ реально бывшего, событийного / рефлексивного. Основная задача — оценить, сформирован ли в результате целостный художественный образ.

Материалом анализа выступают следующие тексты:

- «Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году, Павлом Сумароковым. С историческим и топографическим описанием тех мест» (1800), «Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду» (в 2 ч., 1803) П. И. Сумарокова;
- «Путешествие в Малороссию» (1803), «Другое путешествие в Малороссию» (1804) П. И. Шаликова;
- «Путешествие в Полуденную Россию» В. В. Измайлова (в 4 ч., 1805).

Результаты: (1) авторами избирается документальная жанровая форма — путевой дневник (Сумароков); записки (Шаликов, Измайлов); (2) авторами реализуется вариативная стратегия: «автор поневоле», государев человек (Сумароков); «частный» путешественник (Шаликов), литератор (Измайлов); (3) ни один из авторов не смог преодолеть первичную документальность авторской «оптики», факт «идет» впереди эстетического, репертуар отступлений от линейного повествования невелик — это вставные сюжеты, а также исторические и мифологические аллюзии; накопление эстетического происходит в дескриптивных элементах — в частности, пейзажных описаниях.

Литература

Кочеткова Н. Д. Литература русского сентиментализма: (Эстетические и художественные искания). СПб.: Наука, 1994.

Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Письма русского путешественника Карамзина» и их место в развитии русской культуры // Н. М. Карамзин. Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1987.

Соловьев А. Ю. «Путешествие в полуденную Россию» В. В. Измайлова в контексте русской литературы путешествий конца XVIII — начала XIX веков: дис. … канд. филол. наук. СПб., 2011.

Стеценко Е. А. История, написанная в пути…: (Записки и книги путешествий в американской литературе XVII–XIX вв.). М.: Наследие, 1999.

Наджафова Айнур Гюняш Кызы

канд. филол. наук, доцент, диссертант, Бакинский славянский университет, Азербайджан;
israfilova-aynur@mail.ru

ТЮРКСКИЙ КОНТЕКСТ В ПРОИЗВЕДЕНЯХ ВЕЛИМИРА ХЛЕБНИКОВА

Ключевые слова: русская поэзия, Велимир Хлебников, Персидский цикл, Серебряный век.

В творчестве Велимира Хлебникова, одного из участников литературно-художественного объединения «Гилея», а также яркого представителя русской поэзии Серебряного века, называвшим себя «правителем времени» и «председателем всего земного шара», заметно влияние тюрко-мусульманской литературно-культурной среды. В творчестве поэта, сформировавшегося как личность в Дагестане и на Урале, родине итильских тюрков, мы отчетливо видим картину бытовой жизни и художественное отражение верований тюркских народов. И следует отметить, что, в последние годы жизни он путешествовал по северу Ирана, а также побывал в Южном Азербайджане и некоторое время жил там, с удовольствием гуляя по улицам. Местные жители ласково называли его «Гюл Молла», или «урус дервиш», то есть «цветок-учитель», или «русский отшельник». Интерес В.Хлебникова к образу жизни и быту тюрков привел его к близкому знакомству с богатейшей литературой классиков тюркских народов. Вероятно, упоминание в его трудах пророка Мухаммеда и святого Хизира, а также упоминание Корана как священного текста связано именно с этим. «Западно-восточная концепция», выдвинутая поэтом в эпическом триптихе, состоящем из поэм «Медлум и Лейли», «Дети Выдры», «Хаджи-Тархан», противопоставляется трактовке национально-культурного многообразия между Востоком и Западом. Его заветное желание о вечности — идеале людей, живущих не в рамках времени, а во вневременности — выражено в «Мадлуме и Лейли». Это стремление можно объяснить поиском вечного счастья человека, желающего составить единое целое со своим началом. Первые проявления этой тенденции нашли свое отражение в творчестве выдающихся представителей эпохи тюрко-мусульманского возрождения: Низами Гянджеви, Алишера Навои и Мухаммада Физули. Желание поэта наблюдать за Вселенной, не покидая Землю, совпадает концепцией «фанафиллах», представленной в философии суфизма. И, скорее всего, истекает из знакомства с торжественными вступлениями к поэме «Хамса» Низами. В поэме «Дети Выдры» В.Хлебникова, объездившего весь Кавказ, также затрагиваются мотивы спасения Александром Македонским (в поэме — Искандер) азербайджанского города Барда от нападения войска во главе полководцем Кенталом. Это наводит на мысль, что этот мотив заимствован из истории «Нушаба и Александр» - бессмертного эпоса «Искандер-наме» великого Низами. В стихотворениях и лирических поэмах поэта, таких как «Тиран без Те», «Новруз труда», «Курилшик Ширы», «Труба Гул-муллы», вошедших в «Персидский цикл», в художественных образах поэзии отражены повседневная жизнь, образ мышления и мировоззрение азербайджанцев, проживающих в Северном Иране, то есть в Южном Азербайджане. Эту страну художник представляет так: «Я нахожусь в стране, где все люди — Адамы». Известно, что слово «adam» используется в азербайджанском языке как синоним слова «insan», и значение этого слова — «человек». Хотя это арабское слово и в персидском языке имеет похожий смысл, употребление в вышеупомянутых произведениях таких слов, как «Ай» (Луна) и «пул» (деньги), дает нам основание утверждать, что В. Хлебников жил среди азербайджанских тюрков Ирана, и «Персидский цикл» произведений поэта отчасти является и азербайджанским. В творчестве В.Хлебникова тюркское влияние проявляется не только в тематике и идеях, но и в стиле выражения мыслей, и даже на уровне словообразования.

Петров Андрей Алексеевич

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет;
sinavitruvor@mail.ru

«ПУГАЧЕВЦЫ» Е. А. САЛИАСА-ДЕ-ТУРНЕМИРА КАК АНТИНИГИЛИСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Ключевые слова: русский роман, антинигилистический роман, исторический роман XIX в., Е. А. Салиас-де-Турнемир, А. М. Скабичевский.

Исторический роман Е. А. Салиса-де-Турнемира «Пугачевцы» (1874) и его продолжение, неоконченный роман «Найденыш» (1884), рассматриваются в докладе в связи с канонами антинигилистического дискурса. Основание для такого соположения дает критика: А. М. Скабичевский упрекал автора «Пугачевцев» в том, что он «вполне подчинился московской беллетристической школе» [Скабичевский 1891: 375] и написал, по сути, антинигилистический роман. Эту мысль повторяет И. И. Замотин в «Истории русской литературы XIX века» под редакцией Д. Н. Овсянико-Куликовского: по его мнению, роман «заключает в себе весь необходимый состав тенденциозного повествования в правом направлении» [Замотин 1810: 158]. Факт трактовки исторического романа о XVIII в. как антинигилистического, воспринимавшийся последующими исследователями просто как пример тенденциозной «левой» рецепции, представляется нам чрезвычайно важным: он проливает свет и на некоторые особенности этого произведения, и на природу антинигилистической романистики в понимании самих современников.

Скабичевский выделил в «Пугачевцах» ряд черт антинигилистики. Так, главный герой, князь Данило Хвалынский, назван им идеальным «охранителем». Отдельные его черты (нелюбовь к полякам, патриотизм) действительно соотносятся с таким персонажным типом, однако с развитием повествования этот персонаж раскрывается как жестокий, «хищный» [Михновец 2021]. В ходе подавления восстания Данило показывает себя как мрачное подобие самих пугачевцев (не по «политической» принадлежности, а по уровню дикой жестокости потомка ордынцев): он массово казнит крестьян, не разбирая правых и виноватых, убивает беглого холопа Алешу, спасшего его брата Ивана, доводит до попытки самоубийства, а потом упекает в монастырь жену за невольную измену. Артемий Сокол-Уздальский, которого Скабичевский именует «нигилистом XVIII в.», вольнодумен и оппозиционен по отношению к правительству, однако не показан как идеолог, не выполняет функцию антагониста, заявленную изначально. Его масонство сводится к тому, что он «…недовольный, завидующий, лез к делам государства и не попал, обойден наградами, забился в темный угол, чтоб оттуда вредить всячески правлению государыни» [Салиас-де-Турнемир 1993: 18]. Третья особенность, упоминаемая Скабичевским, — тема польской интриги, также заявленная изначально, но впоследствии отходящая на второй план. Братья Бжегинские, показанные как патриоты Польши, ставящие национальное выше человеческого и божественного, примыкают к восстанию, но не руководят им, а «полякующая» Параня Сокол-Уздальская отходит от своего мировоззрения и впоследствии дорого за него расплачивается. К этому перечню необходимо добавить также религиозный характер конфликта (нарушение христианских норм Пугачевым и его приспешниками и религиозность наиболее положительных героев), находящий интересное преломление в «Найденыше». В этом последнем произведении Хвалынский парадоксально предстает и стареющим развратником, желающим извести жену, и одним из самых передовых людей эпохи, другом Н. И. Новикова, сочувственником Радищева. Контекст публикации в журнале Салиаса-де-Турнемира «Полярная звезда» подчеркивает положительную коннотацию самого вольнодумства, которое, однако, оборачивается своей противоположностью при оторванности от Бога, что демонстрирует живущий в имении Хвалынского найденыш Аися, обиженный на судьбу романтический богоборец.

Таким образом, роман Салиаса-де-Турнемира «Пугачевцы» действительно содержит отдельные черты антинигилистической литературы, что дало основания Скабичевскому для его критического выпада, и даже имеет конкретный вероятный претекст среди самых известных

сочинений такого рода — роман В. В. Крестовского «Панургово стадо» (фамилия героя, отдельные мотивные совпадения). При этом структура сочинения Салиаса динамична, оно постепенно выходит за пределы жанра антинигилистического романа и становится историческим произведением без видимой претензии на актуальную тематику. Неслучайным представляется обращение Салиаса именно к екатерининской эпохе, «вольнодумцы» (изначальное название «Найденыша») которой оказываются генетически связаны с нигилистами XIX в. Этот пример демонстрирует, что антинигилистический роман не был в глазах современников законченной, изолированной жанровой формой, как его представляют современные исследователи, — точнее было бы говорить о соответствующем дискурсе, который может проявляться и в произведениях о 1860-х гг., и в исторической романистике (а также в иных всевозможных формах романов, пьес, драматических произведений и проч.).

Литература

Замотин И. И. Тенденциозная беллетристика 60–70-х годов // История русской литературы XIX в.: в 5 т. Т. 4 / под ред. Д. Н. Овсянико-Куликовского. М.: Т-во «Мир», 1910. С. 135–159.

Михновец Н. Г. «Пугачевцы» Е. А. Салиаса в рецепции Ф. М. Достоевского: к вопросу об эпичности русского романа // Два века русской классики. 2021. Т. 3, № 4. С. 92–113.

Салиас-де-Турнемир Е. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 3: «Пугачевцы»: ч. 1–4. М.: Известия, 1993.

Скабичевский А. М. История новейшей русской литературы (1840–1890). СПб.: Тип. газеты «Новости», 1891.

Полякова Наталья Александровна

канд. филол. наук, доцент,
Пермский национальный исследовательский технический университет

АЛЬТЕРНАТИВНОЕ КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО В РОМАНЕ А. ВАРЛАМОВА «КУПОЛ»

Ключевые слова: культурное пространство, альтернативное культурное пространство, самиздат, субкультура.

В романе Алексея Варламова «Купол» наряду с достоверной исторической реальностью представлено альтернативное культурное пространство, противопоставившее несвободному «духу» времени стремление к свободной самореализации талантливой личности главного героя. Интерес к иным формам культуры, кроме официально разрешенной и подконтрольной государству, является лейтмотивной темой, организующей сюжет произведения. К таким явлениям в романе относятся литература самиздата, авторская песня, западные «радиоголоса», студенческая субкультура, подпольные концерты рок-музыки. Интерес героев к иным формам культуры, кроме официально разрешенной и подконтрольной государству, является сюжетообразующей темой произведения.

Действие романа «Купол» разворачивается во время так называемого застоя позднего советского периода. Провинциальный городок Чагодай выглядит у Варламова собирательным образом всей позднесоветской эпохи. Метафора застоя обыгрывается на страницах произведения многократно, проходя через него «красной нитью». Чагодай, родина главного героя, в романе отчетливо противопоставлен Москве, куда герой приезжает учиться в университете. Подобное противопоставление провинции и столицы характерно для русской литературы в её современном периоде и встречается, например, в романе Е. Попова «Подлинная история «зеленых музыкантов».

В романе «Купол» автор смещает эти акценты: именно провинция губит зачатки таланта, Москва же активно способствует его развитию. Способность «шагнуть за рамки» формируется у главного героя на лекциях профессора математики: «…Мне казалось, он учил нас не высшей математике, а несуществующей, еще не открытой и ему одному ведомой науке, находящейся даже не на стыке разных областей знания, а у самой границы познаваемого мира с тем, чтобы эту границу взломать и незаконно пересечь» [Варламов 2009: 65]. Первые шаги «за рамки», «за границы» становятся для главного героя проникновением в иную, альтернативную культурную среду.

В романе А. Варламова представлен яркий образ времени. Это советский и позднесоветский периоды в истории нашей страны, характерные приметы и детали которых воссозданы в произведении. Главная характеристика времени в романе — отсутствие свободы и, как следствие, тоска по ней. Выходы на Красную площадь, голодовки, самиздат, андеграундная культура, психиатрические лечебницы, лагеря, обыски — таким предстаёт в романе А. Варламова альтернативное культурное пространство в период «застойного» несвободного времени.

Еще одной приметой этого времени является постоянный неизбывный страх. Однако долгожданное «дыхание свободы» сталкивается в романе с более привычным для того времени явлением — повсеместным «рабством»: «рабство продолжалось, и не было этому рабству конца» [Варламов 2009: 65]. Именно антитеза «свобода — рабство» лежит в основе главного конфликта произведения, основной трагизм которого состоит в том, что стремление к свободе так и остается нереализованным. Разочарование от несбывшихся ожиданий характерно не только для главного героя — оно типично для его поколения в целом.

Литература

Бурдина С. В., Кондаков Б. В., Полякова Н. А. Альтернативное культурное пространство в современной русской прозе. URL: http://produccioncientificaluz.org/index.php/opcion/issue/view/2720 (дата обращения: 20.12.2024).

Быстрова А. Н. Культурное пространство как предмет философской рефлексии // Философские науки. 2004. № 12. С. 39–47.

Варламов Алексей. Купол. М.: Эксмо, 2009.

Полякова Н. А. Альтернативное культурное пространство в современной русской прозе // Русская литература XX века в контексте литературных связей и взаимовлияний. М.: Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2019. С. 6–7.

Полякова Н. А. Альтернативное культурное пространство в современной русской литературе // Сборник материалов XLVIII Международной филологической научной конференции. СПб., 2019. С. 15–20.

Сёмина Юлия Ивановна

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет;
yuliyasemina@mail.ru

Ф. Д. КРЮКОВ В ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ РОССИИ НАЧАЛА XX ВЕКА (К 155-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Ключевые слова: Фёдор Крюков, казачий писатель, российский писатель, литературное общество, литературная жизнь России начала XX в.

14 февраля 2025 г. исполнится 155 лет со дня рождения Фёдора Дмитриевича Крюкова. Фёдора Крюкова принято считать казачьим писателем, что связано как с местом его рождения (станица Глазуновская Области войска Донского) и наиболее известными ранними произведениями на донскую тематику, так и с недостаточно изученным творческим наследием этого автора. Современные исследователи все чаще говорят о том, что проза Крюкова освещает вопросы «общероссийского, всечеловеческого содержания» [Гао Хань 2024: 193].

Фёдор Крюков большую часть сознательной жизни жил и работал в Санкт-Петербурге, был заметным столичным литератором, редактором крупнейшего «толстого» журнала «Русское Богатство», членом комитета Общества для пособия нуждающимся литераторам и учёным (Литературного фонда), депутатом первой Государственной Думы, одним из идеологов трудовой народно-социалистической партии.

После окончания Императорского Санкт-Петербургского историко-филологического института, не только давшего юному Крюкову образование, но и развившего его литературные способности (первые очерки на донские темы опубликованы в студенческие годы: «Что теперь поют казаки?» 1890 г., «Гулебщики» 1892 г.), Фёдор Дмитриевич направляется для работы учителем в Орел, где черпает сюжеты для произведений о гимназии средней России: «Из дневника учителя Васюхина» 1903 г., «Картинки школьной жизни» 1904 г., «Новые дни» 1907 г., «Неопалимая купина» 1913 г. и др.

Будучи избранным в 1906 г. депутатом первой Государственной думы, Крюков обосновывается в Санкт-Петербурге. С 1909 г. он — соиздатель журнала «Русское Богатство», с 1912 г. — редактор его беллетристического отдела, наряду с В. Г. Короленко и А. Г. Горнфельдом. Коллеги по журналу, особенно В. Г. Короленко, видевший в Крюкове «настоящего писателя… со своей собственной нотой», рекомендовали Крюкову расширить тематику произведений. Фёдор Дмитриевич следует совету: для набора материала из жизни столичной бедноты устраивается счетчиком (переписчиком населения) в Петербурге, предпринимает ряд путешествий по России (по Волге, Оке, в Сальские степи, Киев) и публикует (в основном в «Русском Богатстве») очерки и рассказы общероссийской тематики: «Пароход Гражданин» 1910 г., «Два мира» 1910 г., «Человек» 1910 г., «Счастье» 1911 г., «Угловые жильцы 1911 г., «Сеть мирская» 1912 г., «В нижнем течении» 1912 г., «Без огня» 1912 г., «Мельком» 1914 года, «Тишь» 1914 г. и др. Движимый стремлением увидеть «русский народ в солдатском образе», в 1914 г. Крюков едет на Турецкий, а в 1915–1916 гг. — на Галицкий фронт в составе 3-го санитарного отряда Красного Креста имени Государственной думы, участвует в спасении раненых и по следам прожитых событий пишет ряд произведений военной и тыловой тематики: «Около войны» 1914 г., «За Карсом» 1915 г., «Четверо» 1915 г., «Мамет-оглы» 1916 г., «У боевой линии» 1916 г.» и др. Февральская и Октябрьская революции 1917 г. застают Крюкова в Петрограде и также находят отражение в его произведениях («Обвал», «Новое», «Новым строем»).

О роли писателя в литературном обществе можно судить по кругу его общения, по вниманию критики. Кроме общеизвестных фактов о совместной работе Крюкова с соиздателями журнала «Русское Богатство»: В. Г. Короленко, А. Г. Горнфельдом и др., дружбой на почве землячества с А. С. Серафимовичем, переписке с М. Горьким, с исследованием архивных материалов находит подтверждение вхождение в круг знакомых Крюкова А. А. Блока, И. А. Бунина, Ю. А. Бунина, В. В. Вересаева, А. И. Куприна, М. М. Пришвина, И. С. Шмелева. Фёдор Дмитрие-

вич был организатором «четвергов» «Русского Богатства», посещал поэтические литературные вечера в Санкт-Петербурге («Цех поэтов»), встречался с коллегами в Москве. В 1912 г. редактор газеты «Русские ведомости» В. А. Розенберг настаивал на переезде Ф. Д. Крюкова на постоянную работу в Москву, но Крюков, не смотря на заманчивое предложение, все же выбрал «Русское Богатство». Московские связи писателя позволили ему выпустить в 1914 г. в «Книгоиздательстве писателей в Москве» первый сборник рассказов (оказавшийся последним).

Коллеги и критики не оставались равнодушными к произведениям Крюкова: А. И. Куприн называл его «автором талантливых очерков»; Зинаида Гиппиус (Антон Крайний), нападая на «большие» произведения Крюкова, писала, что «любит» его очерки на страницах «Русского Богатства» [Крайний 1913: 25]; Максим Горький, предлагая в письме Фёдору Дмитриевичу напечатать повесть «Зыбь» в сборнике «Знание», утверждал, что считает удачным «все, напечатанное (им) до сей поры в «Русском Богатстве» [Двинянинов 1982: 95]; и называл писателя «живым пером»; А. Г. Горнфельд говорил о рассказах Крюкова как о «настоящей беллетристике», которая «охватывает атмосферой живого интереса и художественной убедительности» [Горнфельд 1908: 115]; А. Д. Знаменский в его основанном на реальных событиях романе «Красные дни», писал, что «не было в просвещенных кругах человека, который не знал бы его (Крюкова) «Неопалимой купины», «Сети мирской» и нашумевшей, изданной в горьковском «Знании» повести «Зыбь».

Литература

Гао Хань. Донское казачество в художественном восприятии Ф. Д. Крюкова и литературный контекст: дис. … канд. филол. наук. М., 2024.

Горнфельд А. Г. Книги и люди. Литературные беседы. СПб.: Жизнь, 1908.

Двинянинов Б. Н. М. Горький. Письма к Ф. Д. Крюкову // Русская литература. 1982. № 2. С. 94–98.

Крайний А. (З. Гиппиус). Журнальная беллетристика // Русская мысль. 1913. № 4. С. 24–25.

Слепков Яков Вениаминович

археограф, отдел рукописей, Российская национальная библиотека;
iakovslepkov@gmail.com

АННА АХМАТОВА В РАБОТЕ НАД КОММЕНТАРИЕМ К РУКОПИСИ ПУШКИНА

Ключевые слова: Анна Ахматова, Пушкинская комиссия АН СССР, рукописи А. С. Пушкина, творческая история текстов.

В 1933–1935-х гг. Анна Ахматова, к тому времени уже опубликовавшая свое первое пушкиноведческое исследование о связи последней сказки Пушкина с новеллой Вашингтона Ирвинга «Легенда об арабском звездочете» и выступившая с докладом на заседании Пушкинской комиссии АН СССР, работала по заказу Комиссии над комментарием к двум текстам Пушкина, записанным в одной из его рабочих тетрадей (ЛБ 2374, современный шифр — ПД 845). Этими текстами были черновой вариант «Сказки о золотом петушке» и отрывок «Царь увидел пред собою…» (в транскрипции С. М. Бонди и Т. Г. Цявловской ошибочно: «собой»), который, как было обнаружено самой Ахматовой, являлся переводом из Вашингтона Ирвинга. Хотя тема «Ахматова как исследователь Пушкина» уже достаточно давно и подробно разрабатывается в ахматоведении, творческая история ее статей, а тем более академического комментария (вполне маргинального для поэта жанра) до сих не написана. Не считая биографических работ (Р. Д. Тименчика и др.), существует лишь одно по-настоящему подробное исследование этой темы — книга статей и заметок поэта «Анна Ахматова. О Пушкине», составленная и прокомментированная Э. Г. Герштейн, которая выдержала три издания (1977, 1984, 1989); ее завершает статья составителя «Ахматова–пушкинистка» [Ахматова 1989: 316–362].

Доклад представляет собой попытку подойти к описанию творческой истории ахматовского комментария, в рамках которого необходимо ответить на несколько вопросов:

1) кто, когда и как привлек поэта к работе над комментарием для фототипического издания тетради Пушкина из Ленинской библиотеки;
2) как Ахматова работала непосредственно с рукописями поэта во время подготовки своего текста;
3) как (пере-)создавался текст комментария, какая ждала его судьба и как Ахматова впоследствии его воспринимала.

Ответ на первый вопрос дает переписка пушкинистов — членов Комиссии и участников академического Полного собрания сочинений Пушкина, частично хранящаяся в Рукописном отделе Пушкинского Дома. Благодаря внимательному изучению этих источников, сохранившихся в РО ИРЛИ и еще не привлекавшихся исследователями (письма Д. П. Якубовича и Б. В. Томашевского к Цявловским: РО ИРЛИ. Ф. 387) или уже опубликованных частично [Турчаненко 2023: 251], можно определенно утверждать, что Ахматова была приглашена к работе над комментарием в конце 1932 г., по предложению Т. Г. Зенгер-Цявловской; а твердо пообещала Якубовичу принять участие в проекте лишь в конце февраля — начале марта 1933 г.

Ответ на второй вопрос дают преамбула Г. П. Георгиевского к фототипическому изданию тетради Пушкина, переписка С. М. Бонди и Ахматовой, а также журналы выдачи рукописей в читальный зал Рукописного отделения Государственной публичной библиотеки в Ленинграде. Вероятно, при подготовке первой статьи Ахматова работала в ГПБ не одна, а с помощником — литературоведом М. М. Никитиным, на которого и была записана выдача рукописи в марте 1932 г. Впоследствии, с 23 по 29 декабря 1932 г., вероятно также для Ахматовой рукопись была записана на сотрудника Рукописного отделения А. Н. Римского-Корсакова. Московский же автограф Ахматова видела, вероятно, единожды — 10 июля 1932 г. [Георгиевский 1939: 13], после чего пользовалась транскрипциями С. М. Бонди, посланными ей в 1932 г. при подготовке статьи. Из писем Якубовича к Цявловским следует, что позднее у нее на руках была еще одна транскрипция, полученная около 10 марта 1933 г. [Турчаненко 2023: 251].

Третий вопрос также разрешается обращением к архивным материалам. В ОР РНБ сохранилось несколько документов, касающихся ахматовского текста: черновые автографы, машинописные листы с фрагментом текста, неполный комплект гранок с правками рукой Бонди. Герштейн ошибочно называла их подготовительными материалами статьи «Последняя сказка Пушкина» [Ахматова 1989: 235], однако внимательное изучение документов и сравнение текстов доказывают, что была права обработчик фонда Л. А. Мандрыкина, считавшая их подготовительными материалами именно комментария. По черновым записям удается реконструировать, как Ахматова постепенно переписывала статью, приближая ее текст к академическому комментарию.

Два документа дают возможность предположить, какая судьба предназначалась написанному Ахматовой комментарию — после первой публикации в фототипическом издании он должен был войти в III том академического Полного собрания сочинений Пушкина: 8 апреля 1935 г. между ней и издательством АН СССР был заключен договор о републикации комментария (ОР РНБ. Ф. 1073. № 40); Ахматова сама сообщала об этом газетному корреспонденту: «Сейчас я работаю над комментарием для третьего тома академического издания Пушкина (к «Сказке о золотом петушке»). Эта работа поглощает почти все мое время и отодвигает осуществление других замыслов. <…> Кроме того, для первого тома академического издания Пушкина я перевела на русский язык все французские стихи, печатающиеся в комментариях, а также французские стихи Пушкина» (Литературный Ленинград. 1936. № 45. 29 сентября. С. 3).

Таким образом, приглашенная еще до своего выступления с докладом и, следовательно, до опубликования статьи «Последняя сказка Пушкина», Ахматова старалась освоить новый для себя жанр академического комментария. Его основой послужил текст статьи, который она старалась переписать и сократить. Уже спустя несколько лет, в середине октября 1940 г., когда Ахматова получила авторский экземпляр издания, она отозвалась как о неудачном не только о своем тексте (про него было сказано: «Это собачий бред, мура!» [Чуковская 2022: 222]), но и о комментарии Бонди, который, по ее мнению, был посвящен не рукописи, а полемике с Н. В. Измайловым по поводу интерпретации текста Пушкина. Однако, если бы академическое Полное собрание сочинений выходило в полноценном виде с комментариями, Ахматова снова стала бы участником этого проекта, независимо от своего желания дистанцироваться и от статьи «Последняя сказка Пушкина», и от комментария к пушкинским рукописям.

Литература

Ахматова А. А. О Пушкине: Статьи и заметки / сост., послесл. и примеч. Э. Г. Герштейн. М.: Книга, 1989.

Георгиевский Г. Пушкинский «Альбом 1833–1835 годов» // Рукописи А. С. Пушкина: Фототипическое издание. Альбом 1833–1835 г. Тетрадь № 2374 Публичной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Комментарий. М.: Гослитиздат, 1939. С. 7–13.

Турчаненко В. Анна Ахматова и Дмитрий Якубович: штрихи к портретам пушкинистов // «Одна великолепная цитата…»: сб. ст. и мат-лов к 70-летию Наталии Ивановны Крайневой / сост. и ред. Я. В. Слепков. М.: Азбуковник, 2023. С. 245–258.

Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой: в 3 т. Т. 1. 4-е изд., испр. М.: Время, 2022.

Исследование подготовлено в рамках проекта РНФ № 24-28-01206, https://rscf.ru/project/24-28-01206/, «Автобиографическая и мемуарная проза и "пушкинские штудии" Анны Ахматовой: вопросы текстологии и эдиционной практики»; ИРЛИ РАН.

Степанов Андрей Дмитриевич

д-р филол. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет; a.d.stepanov@spbu.ru

ОБ ОЦЕНКАХ ПРИЖИЗНЕННОЙ КРИТИКОЙ ЛИТЕРАТУРНОГО И СЦЕНИЧЕСКОГО НОВАТОРСТВА: СЛУЧАЙ ЧЕХОВА

Ключевые слова: А. П. Чехов, реализм, модернизм, рецептивная эстетика, причинно-следственные связи, социальная детерминация персонажей.

Автор доказывает, что одним из главных расхождений поэтики Чехова с имплицитными постулатами реалистической эстетики было «ослабление каузальности», которая проявлялась в недостаточной сюжетной связности отдельных эпизодов в повестях и рассказах, а также в недостаточной мотивированности поступков и характеров персонажей условиями социальной среды. Критики довольно рано — уже в конце 1880-х гг. — почувствовали и описали эти отклонения от принципов реалистической эстетики, хотя долго не могли найти точные слова для описания необычной поэтики. Одним из наиболее проницательных критиков оказался Н. К. Михайловский, отметивший не только чеховские «отклонения», но и определенный рецептивный парадокс: изъяны композиции, которые могли стать фатальными для литератора 1840–1860-х гг., в 1880-е уже не вызывали отторжения. В критических статьях давались различные объяснения новаторской манеры молодого Чехова, однако до определенного момента сохранялся консенсус: критики практически единогласно считали нарушения причинно-следственных связей недостатком талантливого автора и указывали ему на возможности их исправления. Ситуация резко изменилась в конце 1890-х гг. (в особенности после первых спектаклей Московского художественного театра), когда Чехов обрел статус «живого классика». После этого большинство критиков пытались «нормализовать» те черты, которые раньше считали недостатками, представить рассказы и пьесы Чехова как традиционно-реалистические, но только со скрытой, неявной причинностью. Современные историки литературы считают Чехова наиболее важной из переходных фигур, стоящих на границе реализма и модернизма, и поэтому изучение реакции прижизненной критики на ослабление социальной детерминации и причинно-следственных связей в сюжетах его произведений важно не только для чеховедения, но и для исторической поэтики в целом.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00496, https://rscf.ru/project/24-18-00496/; Санкт-Петербургский государственный университет.

Хадынская Александра Анатольевна

канд. филол. наук, доцент, Сургутский государственный университет;
opus2000@mail.ru

ГЕОРГИЙ ИВАНОВ В ЖУРНАЛЕ «ЧИСЛА»: МИССИЯ СОЕДИНЕНИЯ ПОКОЛЕНИЙ

Ключевые слова: Георгий Иванов, журнал «Числа», первая волна русской эмиграции, поколение младоэмигрантов.

Журнал «Числа», выходивший во Франции в 1930–1934 гг., был исключительным явлением русского зарубежья, повлиявшим и на всю русскую культуру в целом. Дм. Мережковский назвал его «чудом эмигрантской литературной жизни». В его создателях и идейных вдохновителях числятся Н. Оцуп, Г. Иванов и Г. Адамович — представители так называемой «петербургской поэтической школы», ярчайшего явления Серебряного века. Как представители первой волны эмиграции, они тяготились вынужденным изгнанием, ностальгия стала генеральной линией их собственного творчества. Журнал был задуман как миссия по воссозданию атмосферы литературного Петербурга рубежа XIX — XX вв. (по Берберовой, «мы не в изгнании, мы в послании»), тем более что оснований для этого было предостаточно: в те годы в эмиграции оказался цвет русской культуры, представители которой плодотворно трудились на ниве искусства, несмотря на тяжелое материальное и моральное положение.

В научных изысканиях по творчеству Г. Иванова вопрос о его «учительском» поприще на литературной ниве был обойден вниманием исследователей. По нашим разысканиям, журнал «Числа» дает богатый материал для изучения этой малоизвестной деятельности поэта. По словам В. Крейда, «…и Георгий Иванов, и Николай Оцуп, ставший редактором «Чисел», хотели установить преемственность между петербургской культурой и новым поколением литераторов, попавших в эмиграцию еще незрелыми молодыми людьми. Способ осуществления Г. Иванов видел не столько в формальных штудиях, которые любил Гумилёв, сколько в спонтанной передаче того творческого горения, которое он испытывал сам еще в Петербурге и теперь здесь, вдали от дома» [Крейд 2017: 526].

Ю. Терапиано высказывает мысль, что идея журнала пришла первому в голову именно Г. Иванову с целью «завоевать» авторитет у поколения младоэмигрантов, каким-либо образом наладить с ними контакт, ибо молодые поэты уже представляли из себя ощутимую литературную силу, не замечать которую было нельзя [Терапиано 1987: 125]. Некоторая часть из них уже была «под крылом» Г. Адамовича (так называемая «парижская нота»), прочие искали себя в различных кружках и объединениях, но все они так или иначе искали наставников, «старших», «водителей» своих «муз», чтобы определиться в поэтическом поле, установить преемственность с литературой метрополии. Подавляюще большинство из них сформировалось как творческие личности за границей, будучи увезенными туда в раннем или подростковом возрасте, и мыслили они себя именно как русские поэты, хотя родины практически не помнили, а в Петербурге из них мало кто был вообще. Но магическое притяжение дореволюционной столицы Серебряного века было для них столь велико, что ее «отсвет» падал и на представителей так называемого «среднего» поколения и сделал Оцупа, Иванов и Адамовича чуть ли небожителями.

В. Варшавский так описывал встречи младоэмигрантов со «старшими поэтами»: «Мы с жадностью внимали каждому слову петербургских поэтов… Когда Георгий Иванов в котелке и английском пальто входил в “Селект”, с ним входила, казалось, вся слава блоковского Петербурга: он вынес её за границу, как когда-то Эней вынес на плечах из горящей Трои своего отца…» [Варшавский 2010: 13]. Образ Энея как нельзя точно отражает идею «реинкарнации» Петербурга в эмигрантском Париже, с учетом великой миссии троянского героя стать родоначальником нового народа и создателем новой цивилизации.

По точному замечанию Н. В. Летаевой, «Числа» были единственным крупным журнальным начинанием русского зарубежья, руководимым не «общественными деятелями» (как «Совре-

менные записки»), а людьми литературы» [Летаева 2000: 502]. Г. Иванов, обладая безукоризненным художественным вкусом, безошибочно определил дарование Б. Поплавского, И. Чиннова, с надеждой высказался насчет А. Холчева. В первый номер журнала он отдал самую большую подборку своих стихотворений, большинство из сборника «Розы», в которых уже наметилась новая, экзистенциальная линия его поэзии. Эти стихи, а также стихи Г. Адамовича открывали новый журнал, задавали тон, который немедленно был подхвачен молодой литературной «порослью». Все стихи пронизаны разъедающей сердце ностальгией, которую они как старшие братья передали младшим, России не знавшим. Г. Иванов давал слово молодым поэтам в каждом номере журнала, по-петербургски вводя их в круг посвященных в литературу, окружая вниманием, неравнодушием, поощряя на творчество, как это было принято у них в «гумилевском гнезде».

В журнале в рубрике «Вечера “Чисел”», нами обнаружены важные вследствие своей редкости записи выступлений Г. Иванова, нигде более не задокументированных (по поводу таинственного дара Пушкина, о символизме на собрании «Зеленая лампа», секретарем которой был поэт, и пр.).

Г. Иванов, создавая журнал, не мыслил себя в роли Н. Гумилева или А. Адамовича, собиравших вокруг себя «поэтических птенцов». В этом отношении он, имевший тонкое чутье на чужой талант, не позиционировал себя как наставника и был принципиально одинокой фигурой. Он по-разному относился к молодым поэтам, как и они к нему, но своей цели «соединения поколений в отдельно взятом месте» он все же добился. «Ответным словом» на его «радение» стали две статьи из последнего, десятого номера «Чисел» — Б. Поплавского («Вокруг «Чисел»») и Л. Червинской («Мы»). Их объединяла мысль о том, что их младоэмигранстkое поколение существует, живет, растет, и оно другое, нежели их старшие товарищи. Б. Поплавский смело утверждает, что они — порождение Парижа, с европейским пониманием свободы, но с русской душой, остаться которой в них помогла литература.

Литература

Варшавский В. Незамеченное поколение. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына; Русский путь, 2010.

Крейд В. Георгий Иванов. М.: Молодая гвардия, 2007.

Летаева Н. В. «Числа» // Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918–1940. Т. 2. Периодика и литературные центры. М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2000. С. 496–502.

Терапиано Ю. Литературная жизнь русского Парижа за полвека (1924–1974). Париж; Нью-Йорк: Albatros — C.A.S.E./Third Wave, 1987.

Шиян Алина Витальевна
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

«ФЕВЕЙ» — СКАЗКА И ОПЕРА ЕКАТЕРИНЫ II: ОПЫТ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

Ключевые слова: Екатерина II, эпоха Просвещения, литературная сказка, комическая опера.

Екатерина II известна не только как влиятельная русская монархиня XVIII столетия, но и как видный культурный деятель своей эпохи, в частности — как писатель и драматург. В число её произведений входят поучительная «Сказка о царевиче Февее» (1783), написанная для внуков императрицы, и сказочная опера «Февей» (1786) по мотивам той же сказки. Несмотря на очевидную связь этих двух текстов, на сегодняшний день отсутствуют исследования, ставящие своей целью последовательное сопоставление названных произведений. Более того, оба этих текста оказываются в тени других, более популярных екатерининских произведений тех же жанров — поучительной же «Сказки о царевиче Хлоре» (1781) и целого ряда сказочных комических опер, обретших большую популярность у публики («Храбрый и смелый витязь Ахридеич», 1786; «Новгородский богатырь Боеславич», 1786; «Горебогатырь Косометович», 1789). Между тем, оба варианта «Февея» интересны с литературоведческой точки зрения сами по себе; сравнительный же анализ этих вариантов позволяет осмыслить причину повторного обращения Екатерины II к одному и тому же сюжету, выявить важные черты её стиля, выраженные в жанрах разных родов литературы, а также описать ключевые эстетические и этические положения идеологии императрицы, нашедшие отражение в её художественном творчестве.

В настоящем докладе будут намечены основные направления такого сопоставительного анализа и приведены первые выводы, которые можно сделать в ходе подобного исследования.

Ключевые положения:

1. Эстетическая природа сказки «Февей» и одноимённой комической оперы является принципиально разной на ряде уровней устройства художественного текста.
2. Язык сказки существенно отличается от языка оперы: в сказке Екатерина II обращается преимущественно к среднему и высокому стилю русского языка, избегая возможных стилизаций и заимствований; в опере императрица ярко стилизует речь персонажей в духе русского фольклора (с вкраплением элементов других стилей и жанров).
3. Сказка отличается от оперы принципами отбора и способами введения значимых деталей. Так, в сказке используются развёрнутые описания отдельных предметов быта, способствующие как увлечению читателя, так и формированию основной антитезы текста (излишние, вредные богатство и роскошь противопоставляются разумным простоте и скромности в быту); национальный колорит при этом не является главным, к чему должно быть привлечено внимание читателя. В опере же внимание зрителя сосредотачивается на национальном колорите, и бытовая сторона, по всей видимости, оказывается ещё более важной и значимой: помимо узнаваемых деталей русского или восточного быта, описанных в отдельных ремарках, используется целый ряд художественных средств (обильное введение фольклорных формул, шутливое описание дворцового церемониала, «игровые» песни калмыков и т. п.).
4. Хотя сказка является первичным текстом по отношению к опере, опера относится к сюжету сказки весьма вольно: так, в основу драматического действия ложится лишь малый фрагмент приключений царевича Февея, при том существенно видоизменённый (добавлена важная любовная линия, отсутствующая в сказке). В сказке же представлено панорамное повествование обо всей жизни царевича — от желания царя и царицы завести ребёнка до продолжения рода Февея после его смерти в потомках.
5. Сказка и опера отличаются друг от друга динамикой повествования: так, сказка, по всей видимости, должна была увлекать обилием быстро сменяющихся эпизодов, описанных

довольно кратко и ёмко; в опере же темп повествования существенно замедлен за счёт введения целого ряда характерологических, описательных арий, «смакования» эпизодов, расширения их до полноценных сцен, зачастую не двигающих сюжет. Вероятно, из-за смещения акцентов с «повествования» на «описание» (представленное всеми возможными сценическими средствами — визуальными, звуковыми, текстовыми) произошла утрата логичности и связности в оперной версии «Февея», в чём упрекают оперу многие исследователи творчества Екатерины II [Ливанова 1953: 155; Берков 1977: 259].

6. Екатерина II меняет основной смысловой посыл одноимённых произведений в соответствие с их разной жанровой и родовой природой. Так, основной посыл сказки — скорее дидактический, нравоучительный, ярко и наглядно демонстрирующий в художественной форме основные идеи императрицы о воспитании детей [Екатерина II 1838]; комическая стихия почти отсутствует — повествование ведётся остроумно, однако серьёзно. В комической опере же нравоучительное начало присутствует, однако оно существенно ослаблено; внимание зрителя сосредотачивается скорее на странности, порой нелепости и вместе с тем занимательности обычаев разных национальных групп героев (сибиряки-китайцы, которые, однако, являются скорее русскими; калмыки, татары), их комической стороне.

Перечисленные отличия позволяют не только явственно увидеть на примерах конкретных произведений основные черты соответствующих жанров (аллегорическая дидактическая литературная сказка и сказочная комическая опера), но и заметить разные оттенки стиля и мировоззрения Екатерины II. При всех перечисленных различиях оба произведения выдержаны в духе просветительской идеологии и отвечают запросам «салонного» общества императрицы на остроумные и изящные тексты.

Литература

Берков П. Н. История русской комедии XVIII века. Л.: Наука, 1977.

Екатерина II. Инструкция Екатерины Великой, данная князю Николаю Ивановичу Салтыкову, при назначении его к воспитанию великих князей Александра и Константина Павловичей // Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. 1838. Т. 11, № 43.

Ливанова Т. Н. Русская музыкальная культура XVIII века в ее связях с литературой, театром и бытом: исследования и материалы: в 2 т. Т. 2. М.: Гос. муз. изд-во, 1953.

Апенко Елена Михайловна
канд. филол. наук, доцент;
eapenko@yandex.ru

РОМАНЫ ДЖЕЙМСА ФЕНИМОРА КУПЕРА КАК ЛОКАЛЬНЫЙ ТЕКСТ

Ключевые слова: Дж. Ф. Купер, фронтир, геонациональное пространство, локус дома.

Вся жизнь американского писателя-романтика Дж. Ф. Купера была связана с одним регионом Америки — штатом Нью-Йорк. В этом реальном географическом пространстве разворачиваются и события восьми из девяти «сухопутных американских» романов Купера. Не только место, но и время действия обозначено автором четко: от начала 1740-х гг. («Зверобой») до 1794 г. («Пионеры»).

Все это не случайно. В 1740–1790 гг. именно в этих краях проходила «граница между дикостью и цивилизацией», тот самый знаменитый «фронтир», который стал одной из первых примет американской цивилизационной уникальности. То есть мы можем рассматривать практически все эти куперовские произведения как некую целостность — локальный текст, репрезентирующий конкретную местность в определенный период истории. Фокусирующим объектом в этой системе является фронтир в его историко-географическом единстве.

Произведения Купера о фронтире в нашем представлении — это прежде всего рассказы о Натти Бампо и его друзьях-индейцах, то есть о тех обитателях фронтира, жизнь которых проходит, образно говоря, «по ту сторону» этой границы — в мире «wilderness». Гораздо меньше внимания мы уделяем тому, какой представляет писатель не судьбы отдельных персонажей, а в целом жизнь «по эту сторону границы» тех, кто решил осесть там навсегда. В рамках доклада предполагается обратить внимание на некоторые характеристики жизни в этом мире.

Начиная с «Пионеров» в повествовании постоянно рассматривается вопрос владения землей. Печальная судьба исконных собственников — индейцев общеизвестна, в том числе и благодаря Куперу, который с самого начала творческой деятельности писал об этом достаточно резко и однозначно. Но не меньшее внимание во всех рассматриваемых романах он все же уделял тому, как белые пришельцы устанавливают свои правила и принципы обретения собственности на землю. Опираясь на тексты, процесс приобретения земель в «новых» местах кратко можно представить следующим образом: за тысячи километров от выделяемых земель по приблизительным картам определялись примерные размеры и координаты владения. Затем королевский землемер должен был, отправившись на место, оставить систему зарубок, обозначающих границы будущего поместья. Но труд его и его команды часто бывал сопряжен со смертельной опасностью, поскольку не только индейцы не всегда пассивно наблюдали это вторжение, но и белые скваттеры. Отнюдь не все, желавшие обосноваться на краю цивилизации, хотели за это платить. И все же процесс приватизации и освоения новых земель шел своим чередом. В целом, можно утверждать, что описывая прошлое своей провинции, Купер представил одну из характерных черт организации жизни вдалеке от «центра», актуальную в Штатах вообще вплоть до конца XIX в. В самом конце столетия Фредерик Джексон Тернер в своей знаменитой лекции «Значение фронтира в американской истории» определил роль фронтира в выработке самостоятельной правовой системы касательно земельной собственности как важнейшую и утверждал, что еще до Войны за независимость в этом регионе уже проявились основополагающие идеи американской демократии. В этом отношении романы Дж. Ф. Купера

Руководитель секции: А. П. Жуков.

можно рассматривать как одно из первых литературных изображений столкновения принципов англо-саксонского права, привезенного в Новый свет из Старого, и стихийной демократии.

Согласно В. Н. Топорову, пространство конституируется из вещей. И в ряду тех объектов-вещей, из которых формируется внутреннее и внешнее пространство жизни человека, первостепенное место занимает дом. Константный локус дома важен в любой культурной системе, как правило именно он интерпретируется как некое ядро личностной модели мира. Для людей, пришедших на новое место, «дом» значит особенно много. Каков же образно-смысловой диапазон локуса дома в романах Купера о прошлом штата Нью-Йорк?

По описаниям домов его героев можно проследить вехи освоения пространства от «дикости» к цивилизации в ее провинциальном варианте. В романах «Вайандоте», «Следопыт» и «Зверобой» автор рисует «дом» как самый архаический тип жилья, «свою» территорию, противостоящую окружающему враждебному миру (хаосу), а потому прежде всего приспособленную для обороны. Однако микромир дома как убежища — первая и быстро завершившаяся стадия присвоения пространства.

В романе «Землемер», действие которого отнесено к 1784 г. поместье Литтлпейджей Равенснест представляет собой уже не блокпост, а поселок, где есть гостиница, школа, церковь. В данном случае дом не только характеризует обжитое пространство как открытое для внешнего мира, но и раскрывается как психологический локус, символизирующий уверенность и оптимизм обитателей поселка. Символом окончательно устоявшейся в самом конце XVIII в. жизни провинции выступает дом судьи Темпла из «Пионеров».

Это уже не просто жилье в осваиваемом пространстве, это территория цивилизации. Глубина и степень цивилизованности особенно четко маркируются рукотворными знаками, представляющими образ жизни и привычки людей, то есть организующими это пространство. Интерьер жилищ напрямую характеризует не только вкусы обитателей и их социальный статус, но страну и время. Таким образом, во всех описаниях ярко проявляются и миромоделирующая и психомоделирующая функции локуса дома.

Таким образом, представляется, можно утверждать, что исследуемые в произведениях американского писателя элементы материального пространства обретают социальные значения и становятся геонациональными.

Балаева Светлана Владимировна

канд. филол. наук, доцент, зав. кафедрой, Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А. Л. Штиглица

ЛЕОПАРДИ И МОНТЕНЬ

Ключевые слова: Леопарди, «Дневник размышлений», Монтень, «Опыты», Паскаль.

Самым обширным текстом, созданным Джакомо Леопарди (1798–1837), является «Дневник размышлений». В дневнике собраны мысли автора по самым разным вопросам. Многие страницы посвящены филологии, философии, географии, химии, истории культуры и искусства и др. Структура как таковая здесь отсутствует, это дневниковые записи, которые поэт вел с 1817 по 1832 г. Иногда записи обширные, иногда очень короткие.

Мишель де Монтень (1533–1592) — автор «Опытов» (опубл. 1580), которые исследователи часто указывают как источник вдохновения для Леопарди. Хаотичный и свободный характер записей, множество цитат и отсылок к разным фактам и книгам роднят Монтеня и Леопарди. В 1828 г. Леопарди намеревался издать книгу под названием «Опыты», с подзаголовком «по образцу Монтеня» (Essais alla Montaigne) [D'Intino 2017: 98]. Эта книга осталась в планах, но в свет вышли другие, схожие по тематике, фрагменты Леопарди под названием «Нравственные очерки» (1824–1832).

Монтеня и Леопарди сближает также интерес к Плутарху, чьи «Моралии» очевидно повлияли как на возникновение «Опытов», так и на написание «Дневника размышлений». Плутарх упоминается в записях итальянского поэта гораздо чаще, чем Монтень.

Можно с некоторой степенью уверенности утверждать, что Монтень — один из мыслителей, оказавших воздействие на сложившуюся позднее у Леопарди философию пессимизма. В январе 1820 г. итальянец записал в дневнике: «Мне было страшно оказаться в глуши, никем. Я чувствовал, что задыхаюсь, думая и чувствуя, что все вокруг — ничто, сплошное ничто» [Leopardi 1921: 119]. Эти слова перекликаются со словами Монтеня из третьего тома «Опытов»: «…опустив голову, в полном оцепенении, погружаюсь я в смерть, не рассматривая и не узнавая ее, словно в мрачную и немую пучину, которая тотчас смыкается надо мной и сковывает меня неодолимым, беспробудным, бесчувственным сном» [Монтень 1979: 177]. Противопоставление смерти и жизни у обоих авторов далее развивается в идею о том, что смерть не является наибольшим горем. Напротив, смерть несет избавление от страдания. Монтень говорит о том, что боится не смерти, а того, что ей предшествует — умирания. И Леопарди также пишет далее, что страшна не сама смерть, а ощущение безысходности и бессмысленности жизни, которое появляется у взрослого человека, отравляя ему бытие, но которого нет у детей, так что дети еще могут наслаждаться жизнью. Далее Леопарди в своих размышлениях сравнивает древность (детство человечества) и современность (взрослое состояние человечества). Так, древность у него становится единственным временем, когда люди могли создавать истинную поэзию. На противопоставлении древности и современности строится теория эпической поэзии Леопарди, а также теория поэтического языка.

Французский автор оказывается в центре размышлений Леопарди в 1821 г., когда итальянец размышляет о судьбах национального языка и читает «Опыт о французском языке» (Saggio sulla lingua francese, 1750) Франческо Альгаротти (1712–1764). Леопарди здесь сосредоточивается на истории языка и роли Французской академии в его становлении. В контексте этих размышлений Леопарди отводит Монтеню роль последнего защитника свободы выражения, противостоящего регламентации. Верность хронологии здесь отходит у Леопарди на задний план. Монтень предстает в размышлениях итальянского автора как пример архаичной свободы, ныне утраченной. Речь идет о стиле, форме и способах выражения. Леопарди сравнивает Монтеня с Цицероном, фактически создавшим латынь, и размышляет о том, чего не хватило Монтеню, чтобы стать создателем французского языка [Leopardi 1921: 1346].

Следует отметить, что однажды Леопарди заменяет имя Монтеня на Паскаля в одной из частей дневника [D'Intino 2017: 107]. Этот факт заставил исследователей задуматься, имелось ли в библиотеке Леопарди какое-либо издание Монтеня.

Согласно существующему каталогу библиотеки Мональдо Леопарди книг Монтеня там не было. Можно сделать вывод, что Леопарди знакомился с Монтенем не напрямую, а в пересказе других авторов (Альгаротти, маркизы де Ламбер, по итальянским переводам Александра Поупа и др.).

Последняя запись в дневнике Леопарди, связанная с именем Монтеня, снова оказывается рядом с цитатой из «Мыслей» (1657–1658) Блеза Паскаля — это знаменитая цитата из двенадцатой главы «Опытов», озаглавленной «Апология Раймунда Сабундского». Монтень утверждает, что ни один мудрец не сможет спокойно пройти по перекладине на большой высоте между двумя башнями собора Парижской богоматери [Leopardi 1921: 2974]. Далее приведены слова Паскаля о силе воображения («Мысли», фрагмент 104). Запись Леопарди датирована февралем 1828 г., он цитирует Монтеня и Паскаля друг за другом, указывая на превосходство воображения над человеческим разумом, который слишком часто оказывается слаб. Монтень видит решение в контроле над разумом, Леопарди же видит в этом контроле залог смерти истинной поэзии.

Концепция поэтического языка и философия пессимизма складываются у Леопарди во многом под влиянием Монтеня. И хотя прямых отсылок к Монтеню на страницах «Дневника размышлений» немного, размышления итальянского поэта проходят в диалоге с французским предшественником.

Литература

Монтень М. Опыты. В трех книгах. Книга третья. М.: Наука, 1979.

D'Intino F. Leopardi sulle tracce di Montaigne // Quaderns d'Italià. 2017. No. 22. P. 97–110.

Leopardi G. Pensieri di varia filosofia e di bella letteratura. Firenze: Le Monnier, 1921.

Барабанова Юлия Михайловна
канд. филол. наук, ст. преподаватель,
Санкт-Петербургский академический университет им. Ж. И. Алферова;
iuliya.barabanova@yandex.ru

ИНДИЙСКАЯ НОВЕЛЛА «ДОЧЬ ВРАЧА» ВАЛЬТЕРА СКОТТА: КОЛОНИАЛЬНЫЙ НАРРАТИВ И ПРОБЛЕМА ИДЕНТИЧНОСТИ

Ключевые слова: колониализм, ориентализм, национальная идентичность.

Повесть «Дочь врача» («The Surgeon's Daughter»), опубликованная в составе единственного авторского сборника короткой прозы Вальтера Скотта «Кэнонгейтские хроники» (1827), стоит несколько особняком от двух других рассказов — «Вдова горца» и «Два гуртовщика». Это единственное произведение Скотта, в котором он выходит за пределы шотландско-английского мира и переносит действие в Индию. Если шотландские рассказы пользовались популярностью у читателей и неоднократно переиздавались отдельно, то его индийская новелла получила недостаточное признание у современников и до последнего времени оставалась вне поля зрения исследователей. Представляется важным более подробно рассмотреть это произведение с точки зрения единства сборника «Кэнонгейтские хроники». Тематически «Дочь врача» можно считать дополнением и расширением шотландских рассказов. И в том, и в другом случае в повествовании прослеживается тема колониальной экспансии — «внутреннего» колониализма Британии в Шотландии и колониализма «внешнего» в Индии в 1760–1780-е гг. Если в рассказах речь идет о противопоставлении Севера и Юга (а также горных и равнинных шотландцев), то в повести «Дочь врача» возникает дополнительное измерение — противопоставление Запада и Востока (христианства и ислама). Все три произведения, вошедшие в «Кэнонгейтские хроники», представляют собой якобы реальные истории, пересказанные повествователем Крофтангри, в которых значимые исторические события остаются за рамками повествования: поражение якобитов в битве при Каллодене (1746) — в шотландских рассказах и англо-майсурские войны в Индии (1767–1769 и 1780) — в «Дочери врача» (при этом в индийской повести появляются и реальные исторические персонажи — правитель Майсура Хайдер Али и его сын султан Типу). Скотту было важно не столько показать персонажей в перипетиях истории, сколько определить их влияние на судьбы и самосознание героев.

В целом в своих произведениях Скотт не выступает с критикой имперской политики Великобритании, но стремится показать драматические обстоятельства и последствия колонизации для народов, включаемых в состав Британской Империи. Каждый из рассказов в «Кэнонгейтских хрониках» заканчивается трагически: оба героя шотландских рассказов были приговорены по английским законам к смерти за убийство, обусловленное различием моральных кодексов шотландских горцев и англичан; в «Дочери врача» героиня Мени Грей избегает трагической участи, но оканчивает свои дни в одиночестве; ее спаситель, главный положительный герой повести, врач Адам Хартли умирает в Индии от неизвестной болезни, а отрицательный персонаж Ричард Миддлмас за свое вероломство подвергается казни по приказу Хайдера Али.

Этот трагизм в определенной степени является следствием столкновения разных культур, а также стремления героев сохранить свою национальную идентичность (в «Двух гуртовщиках») или отказа от нее (во «Вдове горца»). В «Дочери врача» эта коллизия усложняется: Ричард Миддлмас, незаконнорожденный сын португальской еврейки и британского офицера, воспитанный в семье шотландского лекаря Гидеона Грея, не может обрести свою идентичность и, по выражению Клэр Ламонт, «пересекает границы» [Lamont 2003: 47] морали и совершает предательство. По контрасту с ним англичанин Адам Хартли до конца остается верным своим убеждениям и профессиональному долгу, как и его шотландский учитель доктор Грей.

По объему (две части, 16 полноценных глав), временной протяженности и разнообразию мест действия «Дочь врача» выходит за рамки жанрового определения новеллы или повести. По мнению Даниэля Кука, это скорее «сжатый роман» [Cook 2021: 20]. Включение этого пове-

ствования в сборник «Кэнонгейтские хроники», вероятно, обусловлено стремлением Скотта (и его альтер эго — Кристалом Крофтангри) привлечь читательский интерес с помощью восточной экзотики. При этом уже в предисловии возникает определенная параллель между Шотландией и Индией в относительно недавнем прошлом: друг Крофтангри юрист Фэйрскрайб высказывает мнение, что Индия — «самое подходящее место для преуспеяния шотландцев; а если вы отнесете время действия лет на пятьдесят назад… то обнаружите там столько же стрельбы и резни, как в диком Шотландском нагорье. Если вам нужны проходимцы… обратите внимание на доблестных авантюристов, которые по пути в Индию оставляли совесть у мыса Доброй Надежды и забывали забрать ее, возвращаясь назад» [Scott 1827: 21].

Таким образом, романтический ориентализм у Скотта, который отдает дань индийской — причем в высшей степени драматической — экзотике (предполагаемая продажа Мени в наложницы султану Типу, казнь Миддлмаса, который был растоптан слоном, или вставной рассказ об индийском солдате, убившем тигра, который растерзал его невесту), с одной стороны, носит чисто живописательный характер, но с другой — служит приемом для остранения колониального нарратива. В отличие от многих современных ему авторов Скотт разрушает романтические ожидания читателей и усложняет повествование амбивалентным отношением к контактам европейцев и индийцев, не оправдывая, но и не осуждая британский колониализм как таковой.

Литература

Cook D. Walter Scott and Short Fiction. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2021.

Lamont C. Scott and Eighteenth-Century Imperialism. India and Scottish Highlands // Configuring Romanticism: Essays Offered to C. C. Barfoot. Amsterdam; New York: Rodopi, 2003. P. 31–50.

Scott W. Chronicles of the Canongate. In two volumes. Vol. II. Edinburgh, 1827.

Белова Татьяна Николаевна

канд. филол. наук, ст. научный сотрудник,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова;
tnbelova@yandex.ru

СВОЕОБРАЗИЕ ПОЭТИКИ МОДЕРНИЗМА И ЕЕ РОЛИ В ФОРМИРОВАНИИ ГУМАНИСТИЧЕСКОГО ИДЕАЛА РОМАНА У. ФОЛКНЕРА «ОСКВЕРНИТЕЛЬ ПРАХА» (1948)

Ключевые слова: поток сознания, символика ключевых слов и лейтмотивов, нетрадиционные образы героев, сюжетные и жанровые особенности, способ создания гуманистического идеала.

Роман У. Фолкнера «Осквернитель праха», в основу которого положен детективный сюжет, благодаря модернистской форме повествования — непрерывному потоку сознания главного героя, подростка из южной американской глубинки Чика Мэллисона, с впечатляющим изображением его смятенных чувств и душевных переживаний, на наш взгляд, проникнут и гуманистическим духом «сострадания, жертвенности и терпения» (“a spirit capable of compassion and sacrifice and endurance”) с тем, чтобы помочь человеку выстоять (“to endure”), возрождая в сердцах окружающих «мужество и честь и надежду и гордость» (“the courage and honor and hope and pride”). Именно об этом, как и о своей непреклонной вере в возможности человека У. Фолкнер весьма эмоционально высказался в программной стокгольмской речи при получении Нобелевской премии за 1949 г., которая явно перекликается с гуманистической направленностью этого романа [Falkner 1977: 724].

Завязка драматического сюжетного конфликта происходит уже в самом начале произведения. Потрясенный невероятным известием о том, что пожилой фермер Л. Бичем, внук плантатора К. Маккаслина и его черной рабыни, убил белого человека, и теперь ему угрожает суд Линча, Чик Мэллисон первым из жителей Джефферсона оказывается у городской тюрьмы, куда шериф полиции привозит Лукаса. При этом поток его сознания в форме внутреннего монолога мгновенно переносит читателя на четыре года назад, когда в возрасте двенадцати лет Чик, охотясь зимой на зайцев, свалился в ледяной ручей, и оказавшийся рядом Лукас спас и обогрел мальчика. Их общение эпизодически продолжалось затем в течение года и постоянно изумляло Чика, поскольку Лукас Бичем вел себя как белый человек. Будучи малообразованным, он, однако, умудрен опытом долгой и непростой жизни в местной общине и, обладая цельным характером, искренне верит в победу добра над злом. Автор создает нетрадиционный образ честного, уверенного в своих силах и с непоколебимым чувством собственного достоинства представителя черной расы, который и манерами своего поведения, и даже фасоном выходной одежды подражает своему белому дедушке. Причем, описывая детали его черного выходного костюма с золотой цепочкой от часов на жилетке и даже наличием золотой зубочистки, Чик с удивлением отмечает, что точно так же когда-то одевался и его собственный дедушка.

О кровном родстве Лукаса с плантатором свидетельствует также неоднократно повторяющаяся в романе деталь о европейской форме его прямого с горбинкой носа на «надменно спокойном лице без вызова и страха» [Фолкнер 1990: 266]. Подобный многократный повтор этой характерной особенности его внешности, как и деталей его воскресной одежды, присущей скорее белым, приобретает в романе символическое значение, подчеркивая его полноправную принадлежность к миру местной земельной общины, поскольку в нем с детства независимо от цвета кожи было взращено чувство собственного достоинства, ответственности за свои поступки и неизменность духовно-нравственной морали, позволяющей ему оставаться несгибаемым в самых сложных и тяжелых обстоятельствах. В романе этот герой представлен автором как образец народной негритянской мудрости и величайшего терпения, которое тот неслучайно называет «оружием черных» [Фолкнер 1990: 337], а также как современный образец национального негритянского характера в его психологическом своеобразии. Подобная его характеристика дается и в предваряющей роман вступительной части внутреннего монолога, нахо-

дящейся в иной его пространственно-временной категории и затем в основной, описывающей хладнокровное поведение Лукаса в тюрьме. Причем вторая часть, занимая в романе временной интервал всего в несколько неполных суток, оказывается для прошедшего через непосильные для юного героя драматические испытания чем-то вроде инициации, поскольку в героических и смертельно опасных для его жизни обстоятельствах одновременно происходит мучительный и вместе с тем благодатный процесс становления личности юноши, который вместе с чернокожим другом детства А. Сэндером и пожилой аристократкой мисс Хэбершем, рискуя жизнью, спасают доверившегося им человека от линчевания, а затем уже при поддержке адвоката Г. Стивенса, шерифа полиции Хэмптона и других представителей местной общины раскрывают и тайну преступления.

Таким образом, используя элементы поэтики модернизма, как то: непрерывный поток сознания юного героя, где в его смятенном восприятии представлены калейдоскопически сменяющие друг друга драматические события, глубоко раскрывающий его психологическое и душевное состояние, причем с опорой на ключевые слова, которые, многократно повторяясь, порождают необходимую автору символику образов и лейтмотивов, чем усиливают глубину его послания (message) к читателю и способствуют созданию особой художественной архитектоники романа, — писатель-гуманист с большим мастерством утверждает свою неизбывную веру в человека и его будущее.

Литература

Фолкнер У. Шум и ярость. Осквернитель праха. Краснодар: Соло, 1990.

Faulkner W. Address upon Receiving the Nobel Prize for Literature // The Portable Faulkner, Revised and Expanded / ed. by W. Cowley. New York: Penguin Books, 1977.

Бэсса Рафаэль Феррейра[1], Жуков Андрей Павлович[2]

[1]д-р филол. наук, профессор, Университет Пара, Бразилия;
ru-98@hotmail.com
[2]канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет;
a.p.zhukov@spbu.ru

ЖИЛ ВИСЕНТЕ И ЖОЗЕ ДЕ АНШИЕТА: ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ

Ключевые слова: литература стран мира, Жозе де Аншиета, Жил Висенте.

Родство театральных систем португальца Жила Висенте (1465–1536) и бразильца Жозе де Аншиеты (1534–1597) давно отмечается исследователями. Уже на уровне народного характера этого театра мы можем установить связующую нить между ними: в спектаклях Жила Висенте, как и постановках Жозе де Аншиеты, можно найти черты средневекового народного театра, повседневных практик, пронизанных магией и чудом, и верой в силу Бога и Дьявола.

«Ауто о св. Лоуренсу» — одна из самых знаменитых пьес Жозе де Аншиеты. По сравнению с другими пьесами драматурга она отличается большим объемом, содержит пять актов, каждый из которых репрезентирует одну из сторон религиозных празднеств Бразилии XVI в. и имеет свою собственную стилистику. Первое представление пьесы состоялось 10 августа 1587 г. в селении Нитерои во время праздника, посвященного св. Лоуренсу.

Можно отметить, что «Ауто о св. Лоуренсу» демонстрирует его глубокие познания в культуре индейцев. Нельзя, конечно, утверждать, что Аншиета принимал все глубинную символику обычаев индейцев, однако, важность кауина (местный алкогольный напиток) и каннибализма в их культуре была ему хорошо понятна. Тем сильнее было его желание указать им на эти страшные грехи, которые не позволят им обрести спасение.

Драматург переворачивает своеобразным образом ритуальные модели индейцев, превращаю грозных воителей в демонов, которые вызывают смех (как свои видом, так и поведением). Гуайшара, Аимбире и Сарауайа (имена дьяволов в ауто) — изначально это имена полководцев Тамойо (индейцев, примкнувших к французам — противникам португальцев). В пьесе они предстают лесными божествами, на которых идет охота. Такая трансформация из славных полководцев в дьяволов-шутов, которые пугают путников в лесу, не могла не быть не замечена современными зрителями.

Подобная тема в целом пользовалась большой популярностью в средние века. Так, очень важным для художественного мира «Корабля Ада» Жила Висенте является образ появляющегося на сцене Дурака. Его появление способствует тому, что описываемый здесь Жилом Висенте мир переворачивается наизнанку. С этим связано также и появление после прихода Дурака обилия ругательных слов, связанных с испражнениями и телесным низом, в речи Дьявола.

В литературоведении отмечается, что уже в литургической драме можно обнаружить попытки внесения элемента развлечения. Эту роль «развлекателей» издревле выполняют дьяволы, которые сопровождают трюками, мимическими сценами и плясками многие акты литургической драмы.

Речь дьяволов в «Ауто о св. Лоуренсу» насыщена разговорными выражениями и нецензурными словами. Подобный прием встречается и у Жила Висенте в «Корабле Ада» с творениями которого Аншиета познакомился во время своего пребывания в Коимбре.

Продолжая линию созвучности авторов, мы видим, что оба были организаторами празднеств: Жил Висенте при дворе, в праздничные дни христианства или дворянства, Аншиета в также в праздничные дни христианства или на приемах для религиозных деятелей.

Другая точка пересечения касается двуязычия или многоязычия их произведений. Хотя две трети произведений Жила Винсенте написаны на португальском языке, он также сочинял произведения полностью на испанском и других языках, представляющих собой смесь двух языков. Как известно, Аншиета писал на четырех языках: испанском, португальском, латыни и тупи, следуя традиции и свидетельствам смешанной аудитории, присутствовавшей на празднествах.

Мы должны даже подчеркнуть многоязычии колониального мира театральная деятельность функционировала как инструмент общения и обеспечивала общий язык для бразильских коренных народов.

Особое внимание следует обратить на финалы пьес Жозе де Аншиеты и Жила Висенте, на эффект катарсиса, который связан, кроме всего прочего, с танцами и шествиями, которым заканчивались многие пьесы. Эти сцены исполнялись очень виртуозно, были настоящим фейерверком чувств и эмоций для зрителя.

Упомянутое выше ауто Ж. де Аншиеты заканчивается танцами двенадцати юношей во славу св. Лоуренсу под аккомпанемент музыки. Этот танец, возможно, сопровождал внос статуи Святого в церковь. Такие же элементы мы можем видеть и у Жила Висенте.

Еще один момент, в котором пути наших авторов пересекаются, касается места, которое они занимают на водоразделе между средними веками и Возрождением.

Если мы внимательнее рассмотрим возможные примеры, то увидим, что некоторые тексты иллюстрируют различные позиции, которые Аншиета и Жил Висенте занимают перед лицом одного и того же факта, например, социальной мобильности того времени.

Возьмем, например, «Ауто де Инеш Перейра» Жила Висенте, освещенное с точки зрения мобильности людей из сельской местности в города и новых ценностей городской жизни, хотя, отмечается, что Португалия долгое время была страной поселков и больших деревень, а не настоящих городов. Общую картину XVI в. можно считать сложной, складывающейся из отношений между дворянством, королевской семьей и купцами — эффективно инновационной группой, почти отсутствующей у Жила Висенте.

Таким образом, мы видим, что социальная мобильность, характерная для португальского общества с конца XIV в., усиливается новыми факторами в период экспансии и является причиной критики в творчестве Жила Винсенте. Критика же Аншиеты носит иной характер и касается как духовной судьбы душ, так и организации работы в колонии с целью получения коммерческой прибыли. При этом предполагаемая лень коренных народов является одним из величайших грехов, а необходимость работать день и ночь находится на стороне добродетели.

Тексты Жозе де Аншиеты свидетельствуют о том, что его мировоззрение связано с гуманизмом эпохи Возрождения, можно говорить даже о своеобразном синкретизме между рациональным познанием мира и познании духовном, ведь знаменитые Географические открытия португальцев знаменуют еще и стремление человека к знаниям, во всех областях, к полноте Знания, а это — одна из главных составляющих эпохи Возрождения (понятие об универсальном человеке, например). При этом именно в Бразилии в эту эпоху такой синтез осложняется также сложным взаимодействием культуры цивилизаторов и культуры исконной. Колонизаторы на завоеванных территориях не стремились насаждать культуру гуманизма, однако гуманизм распространялся очень широко, возможно, даже без того, что кто-то делал умышленно, таково свойство эпохи. Театральные тексты свидетельствуют именно об этом, так как именно тексты являются свидетельством образа мыслей эпохи.

Васкиневич Анжелика Игоревна

канд. филол. наук, доцент, Институт образования и гуманитарных наук,
Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта;
AVaskinevich@kantiana.ru, vaskinev@mail.ru

ЭПИСТОЛЯРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ НЕМЕЦКИХ РОМАНТИКОВ: ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ключевые слова: романтизм, письма, переписка, эпистолярный роман.

Письма немецких романтиков недостаточно изучены в российском литературоведении, лишь небольшая их часть переведена на русский язык и опубликована. Между тем, эпистолярное наследие немецкого романтизма чрезвычайно велико и представляет интереснейшую сферу для исследователя. Учеными и ранее осознавалась ценность переписки романтиков как документов, в которых отразилась программа романтической школы, поэтому фрагменты писем были включены в оба базовых издания: «Литературные манифесты западноевропейских романтиков» (М.: МГУ, 1980) и «Эстетика немецких романтиков» (М.: Искусство, 1987). Однако современное изучение романтизма требует более широкого привлечения эпистолярной коммуникации романтиков.

Уже в XVIII в. письмо отходит от стандартизированного образца и становится все более индивидуальным [Hahn 1998: 132]. Оно занимает промежуточное положение между монологом и диалогом, повседневной коммуникацией, философской рефлексией и художественной литературой. Авторы XVIII в. широко используют возможности эпистолярной формы, позволяющей раскрыть внутренний мир героя. Еще Кристиан Фюрхтеготт Геллерт в XVIII в. говорил, что письмо должно быть написано «из глубины сердца», в этом за ним следуют и сентименталисты, и романтики. Письмо конструирует интимное пространство, любовная риторика встречается не только в письмах влюбленных или супругов друг другу, она охватывает всю сферу личной коммуникации, общение с друзьями, родственниками, всеми, в ком автор видит родственную душу, с кем говорит от сердца к сердцу. Софи Меро обращается к Беттине, сестре Клеменса Брентано, с которой она еще не успела познакомиться лично: «Сохрани это письмо для себя, потому что оно предназначено только тебе и никому ничего не скажет, кроме тебя» (1804).

Романтики не только прибегают к открытым до них возможностям письма, но и осознают его как важнейший инструмент самопознания [Danzer 2015: 65]. Так, Беттина фон Арним в эпистолярном романе «Весенний венок, сплетенный Клеменсу Брентано из юношеских писем, как он сам о том письменно распорядился» (1844), основанном на их личной переписке начала XIX в., приводит слова брата: «Пишущий должен одновременно писать самому себе, ведь через письмо он знакомится с самим собой. <…> ты еще не знакома со своим внутренним человеком, ты еще не понимаешь себя, но в письмах ты смотришь в зеркало своей души» [Arnim 1959: 19]. Прибегая к античным представлениям о письме как образе души (εἰκὼν ψυχῆς, imago animi), романтики наделяют его христианским смыслом, в письмах человек, благодаря дару речи, проявляет себя как образ и подобие Божие. Беттина в качестве эпиграфов к роману приводит слова Клеменса, где он призывает ее «свято хранить» его письма, напоминающие о его «лучшем Я» и позволяющие вернуться в «утраченный рай» [Arnim 1959: 13]. Исполняя завещание брата после его смерти сплести ему «венок из писем», Беттина создает эпистолярный роман-памятник. Эту писательскую стратегию она применяет и в более ранних эпистолярных романах, посвященных И. В. Гёте («Переписка Гёте с ребенком», 1835) и Каролине Гюндероде («Гюндероде», 1840). Характерно, что Беттина стала публиковать свои романы лишь после смерти мужа, писателя Ахима фон Арнима.

Это не единственный случай издания переписки для литературной канонизации, создания своего рода литературного памятника. В 1800 г. Рахель Левин в письме подруге Вильгельмине фон Бойе высказывает желание, чтобы та собрала всю ее переписку и издала ее, ведь из нее получится оригинальная и поэтичная история. В 1833 г., незадолго перед смертью, Рахель вме-

сте со своим мужем Карлом Августом Фарнхагеном фон Энзе готовит к печати книгу «Рахель. Книга памяти для ее друзей».

О романе как жизни, принимающей форму книги, о том, что любое событие нашей жизни может стать началом бесконечного романа, писал в своих «Фрагментах» (1798) Новалис. Такой «книгой жизни» становится и письмо, которое, как говорил тот же Новалис, «по природе своей поэтично». Письмо становится для романтиков средством обретения себя, своей личности, своей свободы в пространстве языка как порождения и оформления смыслов. Человек, говорящий о бытии, пользуясь даром речи, обретает и осознает свою сущность, пишет свою историю. В «Гюндероде» поэтесса сравнивает письмо Беттины со вступлением в прелестный роман. Рахель Фарнхаген фон Энзе заявляла, что ее жизнь должна стать письмами, и что наш язык — это и есть наша прожитая жизнь. А тот, кто сам создает свою жизнь, не может прибегать к готовым фразам.

Стремление избегать «готовых фраз» сказывается и на формальной структуре письма. Традиционные клише, стандартные формулировки обращения и прощания в основном перемещаются в сферу деловой переписки. В личной переписке хотя остаются распространенными общепринятые формы дружеского обращения («Lieber Freund» и т. п.), однако часто встречаются и более интимные, экспрессивные, ироничные формулировки.

Интерес для исследования представляют гендерные различия в письмах романтической эпохи. Письма мужчин, адресованные женщинам (возлюбленным, сестрам), могут включать элементы поучения, попытки личностного и гендерного воспитания. Такие фрагменты встречаются, например, в письмах Генриха фон Клейста невесте Вильгельмине фон Ценге, в письмах Клеменса Брентано сестре Беттине. Для женщин в эпоху романтизма письма становились средством самоидентификации, познания себя, собеседника и мира, личностной, литературной и культурной эмансипации [Becker-Cantarino 2000: 171].

Большой исследовательский интерес представляет переписка для составления комментариев к художественным текстам романтиков. Письма содержат важнейшую информацию о круге чтения авторов, их эстетических взглядах и литературных проектах, позволяют проследить историю возникновения художественных произведений в разных автобиографических контекстах: бытовом, историческом, экономическом. Зачастую переписка дает ключ к интерпретации художественных образов и мотивов.

Литература

Arnim B. V. Werke und Briefe. In 5 Bdn. Bd. 1. Frechen: Bartmann-Verlag, 1959.

Becker-Cantarino B. Schriftstellerinnen der Romantik. München: Beck, 2000.

Danzer G. Europa, deine Frauen: Beiträge zu einer weiblichen Kulturgeschichte. Berlin; Heidelberg: Springer, 2015.

Hahn B. Vergessene Briefe. Erkundungen an Rand des litararischen Kanons // Kanon, Macht, Kultur, Theoretische, historische und soziale Aspekte ästhetischer Kanonbildungen. Stuttgart; Weimar: Metzler, 1998. S. 132–147.

Жеребин Алексей Иосифович

д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой зарубежной литературы,
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

ВОИНСТВУЮЩИЙ ГУМАНИЗМ И РОМАН ТОМАСА МАННА «ДОКТОР ФАУСТУС»

Ключевые слова: Томас Манн, гуманистический нарратив, декаданс, роман-трагедия.

Фашистский переворот в Германии и Вторая мировая война были восприняты деятелями немецкой культуры в идеалистической транскрипции — как отражение кризиса гуманистической мысли, утратившей контакт с жизнью. В немецкой философии и литературе 1930–1940-х гг. начался новый этап дискуссии о крушении гуманизма, восходящей к Шопенгауэру и Ницше, к событиям «германской войны» и русской революции. Одной из центральных проблем явилась диалектика декаданса и нацизма. Наиболее выразительные образцы ее художественного осмысления дал Томас Манн.

Спасение гуманизма мыслилось Т. Манном и его современниками как решение той культурной задачи, которая была намечена, но не решена ни эпохой Возрождения, ни эпохой Гете. «Новому гуманизму» предстояло преодолеть разрыв между духом и плотью, святостью и грехом, гуманистической мыслью и социальной практикой. В утопической перспективе идеального синтеза (Т. Манн уже задолго до эмиграции использовал для его определения традиционную мифологему «третьего царства) сформировался широко разветвленный гуманистический дискурс, в котором переплетались и взаимодействовали несколько нарративов — «третий гуманизм» (В. Йегер), «трагический гуманизм» (Ст. Цвейг), «тотальный гуманизм» (Э.-Р. Курциус), «пролетарский», позднее «социалистический гуманизм» (И.-Р. Бехер, А. Курелла, Л. Маркузе). Заметное место занимала в этом ряду и концепция гуманизма «воинствующего».

Зарождение идеологии воинствующего гуманизма было связано с двумя общественными событиями — Первым Всероссийским съездом советских писателей в Москве 1934 г., и Международным конгрессом писателей в защиту культуры, состоявшемся в 1935 г. в Париже. С 1935 г. проблема воинствующего гуманизма надолго входит и в публицистику Т. Манна. Понятие «гуманизм» неизменно сопровождается в его статьях эпитетами miletant, streibar, wehrhaft, описывается словосочетаниями «гуманизм в воинских доспехах» или «гуманизм, осознавший в себе мужское начало», воплощается в образах Св. Георгия-драконоборца, Давида — победителя Голиафа или бесстрашного Дюреровского «Всадника», сражающегося с силами ада. В эссе «Принуждение к политике» звучит призыв к отказу от мягкотелой толерантности и «высокомерного неразличения добра и зла», к обретению «карающей нетерпимости» и «омоложению через примитивизм варварской морали» [Mann 1968: 64].

В художественных произведениях Т. Манна тема воинствующего гуманизма присутствует уже в «Волшебной горе», в рассуждениях иезуита Лео Нафты, представляющих собой автоцитату из заметки Т. Манна «О Ленине», частично перепечатанной в 1939 г. в журнале «Интернациональная литература» под заголовком «Сказочный витязь героической саги». В романе и обоих источниках содержится сравнение Ленина с Папой Римским Григорием I, сказавшим: «Да будет проклят тот, кто убоится обагрить меч свой кровью врага» — во имя торжества Святого Града и «бесклассового братства истых сынов божиих» [Манн 1959: 403].

Наиболее сложный вариант воинствующего гуманизма представлен Т. Манном в романе «Доктор Фаустус» (1947). В его рецепции долгое время преобладала точка зрения, согласно которой идея гуманизма утверждается в ней ex negativo, в форме развенчания декадентской культуры. Между тем, гениальный художник, заключивший договор с дьяволом во имя возрождения исчерпавшего свои возможности гуманистического искусства прошлых веков, предстает в романе Т. Манна как образ последнего христианского мученика, его жизнь и смерть — как высокий пример христианского отчаяния. История Адриана Леверкюна подсвечена памятью о крестном пути Спасителя, о Страстях Христовых и завершающем их эпизоде «пьета». Созна-

тельно вбирая в свою душу и свое искусство все зло мира, герой Т. Манна нисходит в ад, чтобы своими страданиями искупить смертный грех Германии, отвергнувшей гуманистический проект мировой культуры. Музыка распада и тления, созданная им под покровительством ада и призванная отменить шиллеровско-бетховенскую веру в человека, несет в себе и весть о грядущем воскресении — по евангельской формуле утраты как обретения. «Доктор Фаустус» представляет собой «роман-трагедию». После центрального эпизода — договора с дьяволом — действие стремится к финальной катастрофе, но конфликт не угасает. Мучительная борьба героя со своим антагонистом неуклонно нарастает и обостряется, подготовляя трагическую развязку и по ту сторону земной безнадежности — катарсис, прорыв в другую, высшую реальность, обогащенную опытом вины, возмездия и отчаяния. В эпилоге рассказчик — носитель идеи гуманизма кабинетного, созерцательного — характеризует жизнь своего поверженного друга словами «гордый полет» и «мужественная доблесть» [Манн 1960: 566]. Адриан Леверкюн — святой грешник и героический характер, как его прообразы Достоевский и Ницше.

Своеобразие гуманизма в интерпретации его Т. Манном явственно обнаруживается на фоне книги Стефана Цвейга «Триумф и трагедия Эразма Роттердамского» и исторической дилогии Генриха Манна «Юность и зрелые годы короля Генриха IV». Цвейг не верит в историю, противопоставляя ей вечную красоту гуманистической мысли, не скомпрометированной ее реализацией. Генрих Манн верит, что история движется путем мысли, и идеал братства народов, который не удалось осуществить его герою, будет реализован, когда история в силу законов своего развития «дозреет» до гуманистической мысли. Томас Манн не верит ни в мысль, ни в историю в их разъединенности и замещает их высшей реальностью гуманистического мифа, в которой они сливаются воедино.

Литература

Манн Т. Собрание сочинений: в 10 т. / под ред. Н. Н. Вильмонта и Б. Л. Сучкова. М., 1959. Т. 3; 1960. Т. 5.
Mann Th. Politische Schriften und Reden. Frankfurt am M., 1968. Bd. 3. S. 64.

Исследование подготовлено в рамках проекта РНФ № 25-28-00319 «Томас Манн: отечественная рецептивная традиция и зарубежные контексты».

Замышляева Диана Николаевна

аспирант, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы (РУДН);
ст. преподаватель, Сочинский институт (филиал) РУДН;
d.zamyshlyaeva@yandex.ru

ТРАДИЦИИ ГОТИЧЕСКОГО РОМАНА В ТРИЛОГИИ М. ПИКА «ГОРМЕНГАСТ»

Ключевые слова: Мервин Пик, готический роман, традиции, хронотоп, поэтика.

Мервин Лоренс Пик (1911–1968) — культовая фигура в западноевропейском пространстве, автор знаменитой трилогии о Титусе Гроане, романист, художник, иллюстратор. Трилогия «Горменгаст» является шедевром неоготической литературы XX в., в котором переплетаются фантазия, гротеск, абсурд и глубочайший психологизм. Сопровождение текста трилогии собственными иллюстрациями свидетельствует о том, что Мервин Пик вложил всю свою творческую энергию в мир Титуса Гроана.

Трилогия «Горменгаст» связана с готической традицией не прямо, а косвенно, такими устойчивыми маркерами готического текста, как мотив тайны, преступление, герой-злодей, атмосфера гнетущего ожидания, «апелляция к иррациональным началам человеческой души» (по терминологии Бёрка), традиционные пространственный топосы и локусы [Бёрк 1979: 67].

Влияние готического романа XVIII в. можно обнаружить на уровне хронотопа трилогии, где место событий — отдаленный герметичный замок, окруженный густым непроходимым лесом, а время — условное настоящее. В центре событий романа — право на наследование многовековым знанием и сводом законов — Ритуалом. Инфернальной души антагонист Стирпайк прокладывает свой путь от самого низа до вершины социальной иерархии замка, стремится стать Хранителем Ритуала и, соответственно, главой замка Горменгаст. Сложное сплетение судеб самых разных людей вокруг главного героя, наследника Горменгаста Титуса, заключенного в собственном замке как в тюрьме, организует и сюжет трилогии.

С традиционным готическим романом «Горменгаст» роднит и привычный для этого жанра топос — замок. В сюжетной структуре трилогии замку принадлежит исключительная роль. В. Э. Вацуро отмечает, что «канонический готический замок — материализованный символ преступлений и грехов его прежних владельцев, совершавшихся здесь трагедий» [Вацуро 2002: 86]. Таким образом, приемы и методы создания «атмосферы», присущей готическому роману, присутствуют и в трилогии Мервина Пика. Замок Горменгаст — классический готический «замок» с подземными переходами, потайными дверями и человеческими останками в подземелье. Пик пишет о замке следующее: «*Горменгаст, то есть главная глыба изначального камня. На разновысокие кровли падали год за годом тени изгрызенных временем контрфорсов, надменных крошащихся стрельни и, огромнейшая из всех, тень Кремнистой Башни. Башня эта, неровно заляпанная черным плющом, торчала средь стиснутых кулаков бугристой каменной кладки, как изувеченный палец, святотатственно воткнутый в небеса. Ночами совы обращали ее в гулкую глотку эха, днем же она стояла безгласно, отбрасывая длинную тень*» [Пик 2023: 78].

Кроме того, замок окружают и природные топосы: Дремучий Извитой Лес, горы и озеро Горменгаст. В их описании Пик-художник прибегает к характерному для него приему контраста: «*Небо над лесом, сквозистое, как алебастр, и пышное, как плоть человека, отливало цветом увядающей розы*» [Пик 2023: 167].

Мотив замкнутости и заключения — один из важных сюжетообразующих компонентов в готическом романе. Г. В. Заломкина пишет: «Этот мотив становится эпически наглядной реализацией одного из главных фабульных компонентов готической поэтики: заключение героя в непреодолимые рамки загадочных неуправляемых обстоятельств, отсутствие свободы воли с его стороны…» [Заломкина 2006: 49]. Герои Пика оказываются заложниками своего замка-дома. Главный герой Титус испытывает постоянную борьбу между двумя идентичностями: покорной, беспрекословно подчиняющейся вековым традициям семьи, с одной стороны, и бунтарской, бросающей вызов условностям, с другой.

Изоляция и пребывание в ограниченном пространстве часто ассоциируются с измененными психическими состояниями персонажа, такими как полусон, бред, галлюцинации и безумие. Введение таких мотивов в сюжетную канву повествования готического романа является обоснованным. Утрата библиотеки в пожаре становится сокрушительным ударом для Графа Гроана, отца Титуса, для которого библиотека была сакральным местом. Потеря библиотеки ассоциируется с потерей собственного «я» Графа. Пик описывает безумие Графа так: «*Лекарства оказались бессильны, ибо стоило Графу, приняв огромную дозу, погрузиться в серое оцепенение, как оное полнилось призраками, преследовавшими его, и когда Граф просыпался, огромные, тошнотворные зловонные крылья бились над его головой, заливая спальню жаркими миазмами гниющего оперения. Привычная меланхолия Графа день за днем претворялась в нечто куда более зловещее. В иные мгновения скорбную, распадающуюся маску его лица рассекала улыбка, внушавшая жуть пущую, чем самые страшные корчи страдания*» [Пик 2023: 467]. Ужасающий силуэт совы, летящей прямо на зрителя, — именно в такое существо превращается теряющий рассудок Граф Гроан. Это аллюзивно отсылает нас к работе испанского живописца Франсиско Гойи «Сон разума рождает чудовищ» (“El sueño de la razón produce monstruos”, 1797).

Как известно, готическое ассоциируется с возвышенным. Источником возвышенного, по Э. Бёрку, является все то, что вызывает «идеи удовольствия и опасности», внушает страх. Бёрк характеризует возвышенное как «самую сильную эмоцию, которую душа способна испытывать» [Бёрк 1979: 72]. Всплеск неподдельного ужаса можно пережить, читая доведенную до абсурда сцену прогрессирующей душевной болезни хозяина замка: Граф требует принести на ужин мышей, собирается вить себе гнездо из веток, и, ухая, как сова, расхаживает по каминной полке.

На примере трилогии Мервина Пика можно сделать вывод, что основной готический реквизит активно заимствуется литературой XX в., претерпевая при этом значительную трансформацию и приобретая новое этическое и психологическое наполнение.

Литература

Бёрк Э. Философское исследование о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного / пер. с англ. Б. В. Мееровского. М.: Искусство, 1979.

Вацуро В. Э. Готический роман в России. М.: Новое литературное обозрение, 2002.

Заломкина Г. В. Поэтика пространства и времени в готическом сюжете. Самара: Самар. гос. ун-т, 2006.

Пик М. Горменгаст. М.: Лайвбук, 2023.

Зернова Елена Сергеевна

канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет;
elenazernova@mail.ru

ОБРАЗ ЛЕРМОНТОВА В РОМАНЕ РОСАЛИИ ДЕ КАСТРО «КАБАЛЬЕРО В СИНИХ САПОГАХ»

Ключевые слова: Росалия де Кастро, Лермонтов, рецепция русской литературы.

Галисийская литература, будучи неотъемлемой составляющей многонациональной культуры Пиренейского полуострова, всегда демонстрировала особые, только ей присущие черты, ярко маркирующие культурную самобытность и оригинальность этой исторической области Испании. После бурного расцвета средневековой трубадурской поэзии в Галисии наступила пора так называемых «темных веков» (séculos escuros), безмолвие которых было особенно заметно на фоне блестящего испанского Золотого века, а Возрождение пришло в галисийскую культуру лишь в XIX столетии, подарив Испании целую плеяду замечательных поэтов и прозаиков, составляющих гордость общенациональной испанской литературы. Родоначальницей новой галисийской литературы, великой «Галисийской Музой» является Росалия де Кастро (1837–1885).

«Кабальеро в синих сапогах» — самый загадочный роман писательницы, одновременно и реалистический, и фантастический. Ряд его персонажей полагают, что главный герой — никто иной, как русский поэт Лермонтов, автор «Героя нашего времени», таинственным образом избежавший смерти на дуэли и перенесенный неизвестными силами в Мадрид. Образ великого писателя будоражит умы экзальтированных дам высшего света и вызывает у них восторг, а Россия представлена как удивительный источник творческого вдохновения и стимул для литературного обновления, которые уже не может дать «выдохшаяся» Европа. Наблюдается совершенно очевидная отсылка к весьма далекому и практически незнакомому культурному ареалу, и упоминание в ней имени писателя обретает символическое значение.

Анализ текста романа приводит к несомненному выводу: Росалия увлечена творчеством Лермонтова, хорошо знакома с содержанием романа «Герой нашего времени» и лермонтовской поэзией. И здесь перед нами встает закономерный вопрос: когда и каким образом наш поэт мог оказаться в сфере внимания галисийской писательницы.

Специалисты полагают, что произведения русских писателей получили распространение в Испании на несколько десятилетий позднее, чем в ряде других стран Европы и что истинное признание испанских читателей русская литература обрела лишь в 80-е гг. XIX столетия [Оболенская 2006: 42]. Считается, что впервые фрагменты «Героя нашего времени» были опубликованы на испанском языке в мадридском журнале *Мусео универсаль* в 1867 г. [Соколова, Гусман Тирадо 2014], то есть в тот год, когда «Кабальеро в синих сапогах» уже был издан. При этом отмечается, что творчество Лермонтова, в отличие от Пушкина, Толстого, Тургенева, а позднее Достоевского, на протяжении XIX в. не пользовалось сколько-нибудь заметной популярностью среди испанских читателей [Lissorgues].

Однако проведенное автором доклада исследование позволило определить пути знакомства галисийской писательницы с творчеством М. Лермонтова.

В декабре 1854 г. в мадридской газете *El Clamor Público* опубликована статья «Состояние литературы в России», в которой мы находим краткую, но весьма лестную характеристику творчества Михаила Лермонтова, названного «пылким русским гением». Начиная с 5 февраля 1855 г. в номерах журнала *La Ilustración* под заголовком “Petchorine, o un héroe contemporáneo. Escenas de la vida rusa en el Cáucaso. Por Miguel Lermontoff” в переводе с французского публикуется текст лермонтовского романа. Очевидно, что интерес к русской теме в этот период продиктован событиями Крымской войны 1853–1856 гг. Кстати, позднее Эмилия Пардо Басан использует именно вышеуказанное название романа в своей знаменитой книге *La Revolución y la novela en Rusia*: «Tocante a Lermontof, ¿no es milagro que dejase algo en el género novelesco un hombre que

murió a los veintiséis años? Pues dejó una especie de autobiografía sumamente interesante titulada Un héroe contemporáneo» [Pardo Bazán 1961: 169].

Еженедельный журнал *La Ilustración*, издававшийся всего восемь лет (1849–1857), был весьма популярен в столице, где с 1856 по 1858 г. в доме своей тетушки проживает Росалия. Думается, именно там писательница и прочла *Героя нашего времени*, который, судя по всему, произвел на нее сильное впечатление, что и определило введение образа Лермонтова в текст созданного романа.

Рассмотренное произведение Росалии де Кастро, являет собой весьма своеобразный эпизод рецепции русской литературы в Испании XIX столетия и, кроме того, служит одним из ранних свидетельств расширения литературного канона и пересмотра привычных литературных референций, в перечень которых уверенно входят русские авторы и персонажи русской литературы.

Литература

Оболенская Ю. Л. Художественный перевод и межкультурная коммуникация. М.: Высшая школа, 2006.

Соколова Л., Гусман Тирадо Р. Рецепция творчества Лермонтова в Испании // Cuadernos de Rusística Española. 2014. No. 10. P. 89–94.

Lissorgues Y. La novela rusa en España (1886–1910) // Biblioteca Virtual Miguel de Cervantes. URL: http://www.cervantesvirtual.com (дата обращения: 20.12.2024).

Pardo Bazan E. La revolución y la novela en Rusia. Madrid: Publicaciones españolas, 1961.

Игнатьева Дарья Сергеевна

преподаватель, Михайловская военная артиллерийская академия;
ignatyevadar@gmail.com

ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ РОМАНА РИЧАРДА ПАУЭРСА «ВЕРХНИЙ ЯРУС»

Ключевые слова: Ричард Пауэрс, жанровый синтез, производственный роман, экологический роман, литературный миф.

Отличительной особенностью произведений американского писателя Ричарда Пауэрса (Richard Powers; p. 1957) является политематизм, при работе с которым автор, по нашему наблюдению, прибегает к синтезу разных жанров. Как нам удалось выявить, наиболее полюбившимися писателю жанровыми составляющими являются: производственный роман, исторический нарратив, психологический роман, любовный роман, экологический роман, роман о романе.

Жанровый синтез наблюдается и в романе «Верхний ярус» («The Overstory», 2018). По нашему мнению, он содержит элементы производственного романа (используется терминология Н. Л. Лейдермана), транслирует идеи экологического романа (используется теория Л. Бьюэлла), а также имеет признаки литературного мифа (используется термин К. А. Львовой) [Лейдерман 2010; Buell 2009; Львова 2019].

Роман «Верхний ярус» повествует о проблеме обезлесения, которая может обернуться масштабной техногенной катастрофой и исчезновением всего живого. Работая над данной темой, Пауэрс исследует целый комплекс вопросов, который включает: определение ценности окружающего нас растительного мира; описание нового типа человеческой личности, которая сложилась к концу XX в. под влиянием миграционных волн и технологического прогресса; оценку деятельности современного человека. Поиск ответов на данные вопросы помогает писателю передать масштаб существующей проблемы, проанализировать тягу человечества к саморазрушению и предложить возможные пути для выхода из кризисной ситуации.

Раскрытие глобальной ценности растительного мира достигается посредством художественной переработки большого пласта научно-фактуального материала, который писатель почерпнул из трудов экологов, лесничих и дендрологов. Результатом такой переработки стало повествование об экологе Патриции Вестерфорд и её научной деятельности. Введение героя-профессионала, который занят решением определённых производственных вопросов, а также включение в текст научных сведений привносят в произведение Пауэрса натуралистичность и придают ему черты производственного романа.

В то же время рассуждения Патриции Вестерфорд перекликаются с идеями экокритицизма, который разоблачает антропоцентристские убеждения о привилегированном положении человека в мире природы. Исследуя воздушное и подземное взаимодействие деревьев, Патриция приходит к выводу, что деревья обладают интеллектом и являются социальными существами, чья кооперация находится за пределами человеческого понимания: «Эти неподвижные стволы без какого-либо мозга защищают друг друга» [Пауэрс 2023: 174]; «Иные существа — больше, медленнее, старше и прочнее людей — создают погоду, кормят других и производят воздух» [Пауэрс 2023: 158]. Указанные идеи по-разному проговариваются на протяжении всего романа и настойчиво побуждают читателя к сопоставлению образа человека с образом дерева. Описывая героев «Верхнего яруса», автор обращает внимание на политические, миграционные, технологические процессы и с их учётом очерчивает современный тип человеческой личности — это человек, находящийся на разломе культур и миров (виртуального и реального). Это фрагментарная личность, отделившая себя от окружающего мира и стоящая на пороге исчезающей реальности. Несмотря на уверенность в собственном превосходстве, современный человек, по мнению Пауэрса, во многом проигрывает древесному миру — как в постижении природного замысла, так и в организации собственных социальных связей. Конструируя взаимосвязанное повествование, автор реализует ещё одно ключевое положение экокритицизма — необходимость установления симбиотических отношений между миром природы и людьми. Таким об-

разом, роман «Верхний ярус» является проводником идей экокритицизма и, воплощая их на разных уровнях текста, уподобляется экологическому роману.

Как нам представляется на данный момент, путь для выхода из кризисной ситуации, в котором оказалось человечество, автор видит в пересмотре взгляда на окружающий мир, воспринимать который стоит не с точки зрения эксплуатации, а с точки зрения его постижения. Возможно, именно поэтому Пауэрс прибегает к мифологизации повествования, ведь одной из основных функций мифа является объяснение окружающего мира. При этом писатель не только насыщает роман многочисленными мифологическими реминисценциями, он предпринимает попытку воспроизвести традицию мифологического повествования, что обнаруживается на разных уровнях структуры «Верхнего яруса»: на пространственно-временном (совмещаются различные модусы времени, пространственно-временная закреплённость преодолевается); на сюжетно-композиционном (повествование базируется на архетипических мотивах взаимосвязи и взаимопревращения, реализуется цикличность повествования); на персонажном (присутствуют герои-борцы и антропоморфные персонажи); на образном (вводятся ключевые мифологические образы — Древо Мира, Гея); на словесно-речевом (воспроизводится притчеобразный стиль повествования, когда нарратор повествует от лица деревьев). Так, роман «Верхний ярус» обладает рядом свойств, характерных для традиционного мифа, который становится формой пауэрсовского произведения. Под влиянием других жанровых компонентов эта форма получает новое содержание. Следовательно, роман «Верхний ярус» может рассматриваться как литературный миф.

Таким образом, жанровый синтез в романе Ричарда Пауэрса «Верхний ярус» позволяет писателю произвести оценку проблем современной действительности, вызванных деятельностью человека, а также предложить ориентиры для возможного их решения.

Литература

Лейдерман Н. Л. Теория жанра. Исследования и разборы. Екатеринбург: Ин-т филол. исслед. и образоват. стратегий «Словесник», 2010.

Львова К. А. Постмодернистские схемы мифомышления в современной русской прозе: дис. … канд. филол. наук. Краснодар, 2019. URL: http://docspace.kubsu.ru/docspace/handle/1/1329 (дата обращения: 20.12.2024).

Пауэрс Р. Верхний ярус / пер. Н. Кудрявцев. М.: АСТ, 2023.

Buell L. The future of environmental criticism: Environmental crisis and literary imagination. UK: John Wiley & Sons, 2009.

Климовская Алиса Яковлевна

канд. филол. наук, ст. преподаватель,
Санкт-Петербургский государственный университет;
klimama@yandex.ru

ПРОВАНСАЛЬСКИЕ МОТИВЫ В РОМАНЕ А. С. БАЙЕТТ «НАТЮРМОРТ»

Ключевые слова: А. С. Байетт, «Натюрморт», образ Прованса, Винсент Ван Гог, послевоенный британский роман.

Темой доклада стало художественное воплощение образа Прованса во второй части тетралогии о семействе Поттер А. С. Байетт (р. 1936) «Натюрморт» ("Still Life", 1985). Избранная тема представляется актуальной, ибо она не становилась предметом отдельного исследования в англо-американской и отечественной критике, за исключением статьи Н. С. Бочкаревой и О. И. Графовой о созданных в Провансе картинах Винсента Ван Гога.

Сама писательница родилась в аскетичном северном Йоркшире, не богатом красками. Она редко в романном творчестве обращается к описанию других стран, за исключением «Детской книги» ("The Children's Book", 2009). Текст анализируемого романа интерпретируются с помощью методов историко-культурного, сравнительно-сопоставительного, мотивного, интертекстуального и интермедиального анализа.

Авторское виденье Прованса находит свое отражение в проблематике, персонажно-образном ряду, символике, стилистике романа Байетт в виде интертекстуальных и интермедиальных включений.

Провансу посвящены три главы романа (IV–VI) о послевоенной английской жизни 1950-х, действие которых переносится на юго-восток Франции. По окончании школы главной героине тетралогии, эгоцентричной и любознательной Фредерике предоставляется возможность достижения заветной цели — побега из родного Йоркшира из родительского дома. Отправляясь в Ним в качестве гувернантки, Фредерика-ребенок войны не имеет понятия о том, что ее ждет.

Байетт создает многогранный образ Прованса, который складывается из фактической информации, представленной местным отцом семейства Гримо об основании Нима римлянами, о культуре, фольклоре и языке его родного края, из зрительного, и обонятельного восприятия быта и обычаев местного населения еще неискушенной в чувствах Фредерики, и главное из визуального воплощения Ван Гога, который жил в Арле в 1888–89 гг. и писал отсюда письма брату Тео и Э. Бернару, цитируемые в романе. В Провансе голландец поначалу находит свою Землю обетованную, обретает спокойствие и меняет цветовую палитру работ, используя солнечно-желтые краски, в которых видит его и юная Фредерика. Однако под воздействием мистраля — локального сильного и холодного северо-западного ветра, который приходит зимой на смену палящему зною, его форма эпилепсии усугубилась, и Винсент по просьбе местных жителей был помещен в лечебницу для душевнобольных в Сен-Реми. Здесь же в 37 лет знаменитый художник встретил свою преждевременную смерть. Созданные им образы садов и морской глади стали визитной карточкой Прованса.

В романе, сугубо английском, изначально складывается образ Прованса, который для северян Ван Гога и Фредерики ассоциируется с яркостью красок, жарким солнцем, первозданной красотой и изобилием природы. Сравнивая жителей Прованса с соотечественниками, Фредерика отмечает живость, отсутствие стеснения и оглядки на мнение окружающих, что отличает их от англичан (критическая характеристика которых как лишенных жизненной силы и радости дается прямо перед отъездом старшей сестрой Стефани в духе Д. Г. Лоуренса и Дж. Элиот). К собственному ужасу, Фредерика не раз испытывает мимолетную тоску по дому и родному языку, не все принимает в чужой стране, например, девушку с ее типично английской любовью к животным мутит от французской корриды. Таким образом, созданный оригинальный образ Прованса служит контрастом в разработке темы английской национальной идентичности. Эстетский образ Прованса выстраивается за счет аллюзий на литературные и живописные

произведения о нем: книги очерков «Прованс: от менестрелей до машины» британца Ф. М. Форда, рисунков корриды Пикассо, стиха Э. Паунда Cantos IV, записок Гогена «До и после», картин К. Моне «Вид с мыса Антиб, ветер мистраль», а также «Желтый дом», «Натюрморт. Именины Глоанек. 1888», «Ночное кафе», «Сад поэтов», «Сборщики олив», «Сад перед больницей в Сен-Реми» Ван Гога. Байетт использует топонимы, ставшие знаковыми символами Прованса, которые посещают Фредерика и Ван Гог — река Рона, гора Ванту, Лазурный Берег, природный парк Камарг, Папский дворец в Авиньоне. Попытка Фредерики описать Прованс традиционными клише, работа Александра Веддерберна над пьесой о Ван Гоге «Соломенный стул» используются и для размышлений самой писательницы о сложности вербальной передачи визуального впечатления и проблемах рецептивной эстетики. Так, речь о Провансе заходит уже в прологе к роману, который хронологически отнесен к январю 1980 г., тогда как действие самого романа начинается в декабре 1953. Повзрослевшие Фредерика, Александр и Дэниел (супруг трагически погибшей Стефани) встречаются на выставке постимпрессионистов в Королевской академии художеств в Лондоне. Глазами трех персонажей приводится экфрасис холстов Ван Гога, написанных в Арле и Сен-Реми, Гогена и Моне. Каждый персонаж воспринимает эти полотна по-своему, в соответствии с собственной натурой, культурным и жизненным опытом, однако всех их, многое повидавших на своем веку, объединяет философское отношение к жизни.

Кнерцер Мария Паловна

ст. преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет;
m.knertser@spbu.ru

ИКОНОЛОГИЯ ОБРАЗА: ОТТИЛИЯ В РОМАНЕ И. В. ГЁТЕ «ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ СРОДСТВО»

Ключевые слова: И. В. Гёте, «Избирательное сродство», Аби Варбург, иконология, визуальность.

Сложная игра символических форм и текстуально-визуальная дихотомия романа И. В. Гёте «Избирательное сродство» (1809) уже давно является предметом неиссякаемого интереса литературоведов. Несмотря на то, что исследовательская литература вопроса поражает количеством всевозможных интерпретаций, тайна произведения до конца не раскрыта. В беседе с Эккерманом от 9 февраля 1829 г. Гёте отметил, что истинный смысл романа раскрывается не сразу: он становится «видимым» лишь через вдумчивое погружение и тщательное осмысление, ведь в роман «вложено больше, чем можно уловить при первом чтении» [Эккерман 1986: 278]. В повествовательную структуру текста изящно вплетены иконографические элементы искусства, истории и античной мифологии. «Визуальный нарратив» отображает поэтику культуры и поэтику науки, что делает его содержание таким многозначным.

Символическое ви́дение гения немецкой литературы было глубоко визуальным и сочетало в себе научное и поэтическое мышление. Концепция символа в понимании Гёте наиболее полно изложена в книге российской исследовательницы его творчества И. Н. Лагутиной «Символическая реальность Гёте. Поэтика художественной прозы». Значимость визуального аспекта в произведениях писателя была выделена рядом зарубежных исследователей, таких как Томас Леманн (Thomas Lehmann) и Бернхард Бушендорф (Bernhard Buschendorf). Отдельные работы посвящены анализу самой загадочной героини произведения — Оттилии. Например, в книге Хайке Брандштедтер (Heike Brandtstädter) «Der Einfall des Bildes: Ottilie in den „Wahlverwandtschaften» подчёркивается «мозаичность» её образа, который соткан из множества изобразительных цитат и мотивов образной памяти. Многогранность её натуры до сих пор продолжает восхищать как знатоков-гётеведов, так и обычных читателей. Для более глубокого понимания иконологии образа Оттилии представляется важным обратиться к теории выдающегося историка искусства и основоположника иконологического метода Аби Варбурга. В свете визуальных исследований количество отечественных и зарубежных работ, посвящённых варбургским штудиям, значительно увеличилось за последние годы. В. Г. Арсланов, С. С. Ванеян и М. Ю. Торопыгина рассматривают философско-гносеологические основы иконологии, исследуют её теоретический аппарат, а также подробно анализируют проблему символа у Варбурга и его учеников. Завершить обзор литературы хотелось бы великолепно иллюстрированной книгой историка культуры Натальи Мазур — «Мир образов. Образы мира. Антология исследований визуальной культуры» (2018), в которую вошли переводы тридцати статей двадцати девяти авторов, созданные в период с 1929 по 2007 г. Этот объёмный хрестоматийный труд очерчивает основные направления визуальных исследований и указывает на важность междисциплинарного подхода в истории искусства.

В теоретических работах Варбурга очевидно влияние натурфилософских идей Гёте. Понятие «полярности» («Polarität») было центральным и идейно-образующим в концептуальных программах обоих мыслителей; оно стало инструментом осмысления искусства и культуры, помогающим раскрыть динамические процессы, лежащие в основе их развития. Предложенное Варбургом толкование образно-символического содержания культуры применимо к анализу «оптического иконотекста» Гёте. Полярная религиозная амбивалентность Оттилии («Грешница» — «Святая») и иконографическая разноплановость её изображений («Живые картины» / «Tableaux vivants») позволяют максимально расширить интерпретационные границы произведения и установить ключевую роль её фигуры в романе «Избирательное сродство». Она не просто копирует и воспроизводит изображения, а пропускает их энергетический заряд через

кинесику своего тела, становясь своего рода «проводником» циркулирующих медиа. В процессе реконструкции «образа-символа» фиксируется его вариативность и изменчивость, где важна каждая деталь его граней. Слияние памяти и восприятия объекта созерцания апперципируется, где *прошлое* и *настоящее* переплетаются, актуализируясь в совершенном художественном выражении.

Гётевское мышление было настолько «созерцательным», что он мог «видеть» идеи и прафеномены. Созерцательные практики (внешние и внутренние) являются сквозной темой в романе. Оттилия предстает как объект и субъект созерцания, а её «дар» образно выражать себя зеркально отражается в святой Одилии, покровительнице слепых. Эта параллель проявляется не только в созвучии имён (Оттилия / Одилия), но и на когнитивно-визуальном уровне текста (сравнение «Augentrost» / «Очанка»; изображения святой). Динамика развития образа Оттилии (от «наброска» к «иконе») отражает сложный процесс метаморфозы, трансформируя её в «идею» визуальной, образной памяти. «Прозрение» через «отречение» раскрывает её прафеноменальную, трансцендентную сущность. Оттилия выходит за рамки литературного текста и становится частью широкого культурно-исторического, философского контекста. Иконологическая расшифровка визуальных «образов-символов» в романе Гёте «Избирательное сродство» возможна благодаря чуткому созерцанию и активации пристального (про)чтения эмблематики культуры.

Литература

Эккерман И. П. Разговоры с Гёте в последние годы его жизни. М.: Худож. лит., 1986.

Летунова Таисия Юрьевна[1], Склярова Наталья Геннадиевна[2]

[1]магистрант, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет;
ttaya49@mail.ru
[2]д-р филол. наук, профессор, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет;
nsklyarova@sfedu.ru

СПОСОБЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ КЛАССОВ В РАССКАЗАХ ИРВИНА ШОУ

Ключевые слова: американская мечта, социальные классы, рассказ, американская литература.

Для американской литературы второй половины XX в. рассказ является одним из значимых жанров из-за своей «сжатой формы, нарочитой драматичности и концентрированности повествования» [Галкина 2014: 224]. Рассказы данного периода также отличаются тематическим разнообразием и склонностью к бытовому описанию. Для американских писателей становится важно изобразить простого человека в его привычной среде обитания. Повседневная жизнь выходит на первый план, поэтому авторы все чаще показывают различные социальные классы и трудности, с которыми они сталкиваются.

Ирвин Шоу относится к так называемым традиционным писателем с точки зрения как формы, так и содержания [Щеголькова 2021: 95]. Главная тема его творчества — воплощение Американской мечты в реальном мире, более того, ее влияние на общество. Произведения Шоу обращены к человеку, автор продолжает идеи писателей первой половины XX в., показывая несостоятельность Американской мечты, при этом больше сосредотачивая внимание не на крахе богатых, а невозможности реализации бедных. В его рассказах представлены три крупные социальные группы: the poor, middle class и the rich.

В произведении “Second Mortgage” повествование идет от лица мальчика из бедной семьи, что автор демонстрирует с самого начала через эпизод, когда герой говорит о привычке не открывать никому дверь: *Strangers are never friends at the doors of the poor. I was only seventeen but I had learned that anyone who rang our doorbell might turn out to be the Edison Electric Company or the Brooklyn Borough Gas Company, intent on shutting off the electricity or the gas* [Shaw 2013: 38]. Через образ его отца показана униженность бедняков. Глава семьи, традиционно отвечающий за достаток в семье, вынужден меняться местами с женой и униженно прятаться от кредиторов: *My mother was always contemptuous of my father at those times when my father proved unequal to the task of beating off the representatives of our poverty* [Shaw 2013: 39]. Портретная характеристика персонажей, включающая обилие деталей, позволяет читателю понять, что Миссис Шапиро, пришедшая в дом семьи Росс, относится к классу бедных. Повтор прилагательного *little* создает образ маленького человека, загнанного в тяжелые жизненные обстоятельства: *The little old lady <…> Her hands fluttered. They were plump little hands, swollen, without gloves <…> her shapeless little coat <…> shabby stockings* [Shaw 2013: 38, 41]. Через диалоги читатель также узнает, что семья Росс находится в не менее бедственном положении. Восклицательные предложения помогают отразить безысходность и отчаяние, в котором пребывают герои: *We have no money and we’re not going to have any! We expect to be thrown out of this house any day now!* [Shaw 2013: 41].

В рассказе “Main Currents of American Thought” представлен средний класс, который находит воплощение в образе писателя, пишущего сценарии для дешевых сериалов, наслаждающегося работой тогда, когда за нее хорошо платят: *I always enjoy writing Ronnie Cook much better than Dusty Blades. See what ten dollars does to a man* [Shaw 2013: 30]. Эндрю, главный герой, вынужден содержать простушку-сестру, тщетно пытающуюся выбиться в высшее общество, тратиться на врача для матери, помогать убыточному бизнесу отца, имея при этом кредитный долг в банке. Человек среднего класса вязнет в бытовых проблемах, что показано через звук работающего пылесоса, который раздражает мужчину: *The vacuum cleaner. It’s shaking the house* [Shaw 2013: 31].

Герой стремится к творчеству, однако финансовое положение заставляет его относиться к писательству как к ремеслу — подсчитывать слова, чтобы увеличить чек: *Twenty thousand words a week, each week, recurring like Sunday on the calendar. How many words was Hamlet? Thirty, thirty-five thousand?* [Shaw 2013: 34]. И. Шоу разбавляет повествование внутренними монологами героя, где он подсчитывает траты. Синтаксический параллелизм придает монотонность и создает ощущение накатывающей паники от осознания того, что, сколько ни старайся, работа не сможет покрыть все расходы: *Eighty dollars rent… Furniture, and a hundred and thirty-seven dollars… Spain, one hundred dollars… Fifty dollars to Dorothy's piano teacher… Twenty-three dollars to Best's…* [Shaw 2013: 33–34].

Наконец, в рассказе "Where All Things Wise and Fair Descend" главный герой представляет собой абсолютное олицетворение американской мечты: Стив молод, привлекателен, умен, амбициозен, встречается с самой красивой девушкой в кампусе: *He was an only child. He was twenty years old. He was over six feet tall… and had never been sick in his whole life… His father, who was doing well up North in an electronics business, had sent him a check for $100 as a reward…He was invited to all the parties. When he went home, mothers made obvious efforts to throw their daughters at him* [Shaw 2013: 821]. Особая значимость придается происхождению героя, который является единственным наследником бизнеса отца. Автор начинает рассказ с предложения "*He woke up feeling good*" [Shaw 2013: 821], затем иронично добавляет "*There was no reason for him to wake up feeling anything else*" [Shaw 2013: 821] и, дав развернутую характеристику персонажу, почти с сарказмом заключает "*The world saluted him… No wonder he woke up feeling good*" [Shaw 2013: 822]. Персонаж-антипод Крейн, неудачник-одногруппник Стива, потерявший в аварии брата, указывает на бессмысленность того образа жизни, который главный герой имеет по счастливой случайности, и что-то меняет в его мировосприятии: *But he wasn't going to wake up, automatically, feeling good, ever again*) [Shaw 2013: 835].

Таким образом, Ирвин Шоу как социальный писатель в своей малой прозе раскрывает проблемы высшего, низшего и среднего классов через образы главных героев, персонажей-антиподов, обилие деталей, а также при помощи лексических средств и стилистических приемов, таких как синтаксический параллелизм, ирония и многочисленные повторы отдельных лексем.

Литература

Галкина А. Н. Жанровая универсальность американских рассказов 1950–1960-х гг. // Вестник Нижегородского государственного университета. 2014. № 2. С. 224–227.

Щеголькова А. О. Тема «двух братьев» в романе Ирвина Шоу «Богач, бедняк» // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований. 2012. № 2. С. 95–99.

Shaw I. Short Stories Five Decades. New York: Open Road, 2013.

Мазняк Мария Михайловна

канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет;
m.maznyak@spbu.ru

АФРОПОРТУГАЛЬСКИЕ ПИСАТЕЛИ — ЛАУРЕАТЫ ПРЕМИИ КАМОЭНСА

Ключевые слова: премия Камоэнса, афропортугальская литература, постколониализм, поэтика, лузофония.

Премия Камоэнса — значимое событие в современной литературной и социо-культурной жизни лузофонов. Премия, учреждённая в 1988 г., вручается ежегодно с 1989 г. за совокупность творческих работ, внёсшим вклад в обогащение культурного и литературного наследия португальского языка. Премия была учреждена Фондом национальной библиотеки Португалии и Департаментом национальной книги Бразилии. Среди её лауреатов — видные и достойные литераторы, представители разнообразного лузофонного мира, объединённого португальским языком. Почти сразу после учреждения премии Камоэнса славный список победителей стал пополняться авторами, представляющими африканский континент.

За несколько десятилетий, прошедших с момента обретения независимости бывшими африканскими колониями Португалии, произведения писателей Анголы, Мозамбика, Кабо-Верде, Гвинеи-Бисау и Сан-Томе и Принсипи стали неотъемлемой частью лузофонного литературного процесса. Их стали читать как внутри португалоязычного мира, так и за его пределами, и они оказались объектом литературоведческого анализа [Кузнецова, Мазняк 2021: 71].

Постколониальная литература португалоязычной Африки — явление весьма противоречивое. По словам португальского писателя и литературоведа Пиреша Ларанжейры, «африканская литература уже в силу того, что она создана на европейских языках, является следствием колониализма». Гибридный феномен заключается в использовании языка колонизаторов как действенного инструмента в обличении стратегий насилия, преодолении последствий колониальной травмы и осмыслении формирующейся постколониальной идентичности.

Литературные премии до последнего времени оставались за пределами научных интересов строгого литературоведения. Этот феномен рассматривался в социокультурном срезе, определялся как медийный, коммерческий, рекламный феномен. Хотя нельзя отрицать факт присуждения литературной премии тому или иному писателю вкладом в популяризацию чтения внутри страны или ряда стран, стимулирование переводческой деятельности и популяризации культуры.

На сегодняшний день семь представителей чёрного континента, пишущие на португальском языке, стали лауреатами премии Камоэнса. Если проследить хронологию награждения и обратиться к биографии лауреатов и их поэтики, то можно будет вывести некоторые закономерности. Первая и главная — вручение премии определённому автору высвечивает важную на данный момент тематику и как бы подталкивает читателя погрузиться в повестку.

Первыми африканскими лауреатами премии Камоэнса стали Жозе Кравейриньа, представляющий Мозамбик (1991) и писатель из Анголы Пепетела (1997). Данный выбор обусловлен следующими параметрами: оба автора к моменту присуждения премии зарекомендовали себя как крупные состоявшиеся писатели, имеющие свой оригинальный стиль. Этот индивидуальный стиль окажется важным критерием для последующего выдвижения номинантов.

Немаловажным аспектом становится биография писателей. Упомянутые Жозе Кравейриньа, Пепетела, а также анголец Жозе Луандину Виейра, получивший премию в 2006 г., — не только известные литераторы, но и самоотверженные борцы за независимость своих стран и, как следствие, важные фигуры в общественной и культурной жизни постколониальной истории Мозамбика и Анголы. Стихи Ж. Кравейриньи неоднократно переводились и издавались в нашей стране, но можно сказать, что его поэзия представлена односторонне. Поэт был активным борцом за независимость Мозамбика и подвергался репрессиям со стороны колониальных властей, составители поэтических антологий делали основной упор на его гражданскую,

даже политическую лирику. Между тем его верлибры — а его поэтическое наследие состоит исключительно из сочинений в технике свободного стиха — очень лиричны, в них ощутимо умение видеть необычное в обычном, поэтизировать самые обычные вещи и явления.

Как и Ангола, Мозамбик пережил долгий период гражданской войны, наступивший после провозглашения независимости. О последствиях войны, начале мирной жизни и современных реалиях Мозамбика мы узнаём из текстов современных авторов. «Не отказываясь от собственно реализма, типичного для Ж. Кравейриньи и его современников, литература Мозамбика движется по направлению к реализму магическому, представленному, главным образом, в книгах Мии Коуту» [Махортова 2022: 130]. Миа Коуту, лауреат 2013 г., пожалуй, самый титулованный из афропортугальских писателей нового поколения.

В актуальном на данный момент списке лауреатов премии Камоэнса есть и представители островной Африки — Кабо-Верде. Это поэт Арменио Виейра (2009) и прозаик-сатирик Жермано Алмейда (2018). Литература Кабо-Верде богата талантливыми писателями и оригинальными сочинениями. Тесная связь с фольклорной традицией соседствует с экзистенциальным выбором — остаться на родных островах или отправиться попытать счастье за океан: вот тематические и стилистические константы современной кабовердианской литературы.

Несмотря на то, что уставом премии закреплено национальное и расовое равенство кандидатов, представители афропортугальской литературы пока немногочисленны. Более того, афропортугальские писатели мыслятся в некой совокупности как представители единого лузофонного мира.

Основная цель материала: познакомить отечественную публику с актуальным, но пока ещё малоизученным пространством литературы африканских стран португалоязычной речи.

Литература

Кузнецова В. А., Мазняк М. М. Афропортугальская постколониальная библиотека: трансатлантические перспективы // Латинская Америка. 2021. № 2. С. 69–78.

Махортова В. Terra incógnita // Иностранная литература. 2022. № 6. С. 129–131.

Моркина Марта Александровна

ст. преподаватель, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; marta.morkina@mail.ru

РОМАН ЮНАСА ХАССЕНА КЕМИРИ «СЕСТРЫ»: САМОПОДРАЖАНИЕ ИЛИ ВЕРШИНА ТВОРЧЕСТВА АВТОРА?

Ключевые слова: шведская литература, метаповествование, самоподражание, автобиографический миф, Кемири.

Юнас Хассен Кемири (р. 1978, шв. Jonas Hassen Khemiri) является одним из самых популярных авторов современной Швеции и обладателем многочисленных литературных премий и стипендий.

Будучи выходцем из мультикультурной семьи (отец — тунисский араб, мать — шведка), Кемири посвятил свое раннее творчество исследованию проблемы культурной идентичности. Дебютный роман автора «На красном глазу» (2003, шв. *Ett öga rött*) повествует о подростке, отстаивающем свое право оставаться арабом в шведском обществе. Второй роман «Монтекор: уникальный тигр» (2006, шв. *Montecore: en unik tiger*) рассказывает о жизни в Швеции выходца из Туниса: примечательность книги в том, что в ней впервые появляется одна из повторяющихся в каждом романе Кемири тем — предательство отца и влияние этого события на протагониста, личность которого в некоторой степени тождественна самому автору. В третьем романе «Я позвоню своим братьям» (2012, шв. *Jag ringer mina bröder*) писатель обращается к переживаниям молодого человека, чье происхождение заставляет окружающих видеть в нем исключительно преступника. Далее, в четвертом романе «Все, чего я не помню» (2015, шв. *Allt jag inte minns*) Кемири отходит от темы культурной идентичности как одной из ключевых в своем творчестве, тем не менее, практически все герои произведения являются выходцами из мультикультурных семей. В пятом романе «Отцовский договор» (2018, шв. *Pappaklausulen*) автор обращается к теме отцов и детей, подробно исследуя причины и последствия отцовского предательства.

В данном исследовании мы обратимся к шестому, последнему на сегодняшний день роману Кемири «Сестры» (2023, шв. *Systrarna*) [Khemiri 2023], написанному в Публичной библиотеке Нью-Йорка в рамках стипендии Каллмана (англ. *Cullman Fellowship*) и ставшему самым монументальным в творчестве писателя.

Роман состоит из семи частей, рассказывающих о событиях, произошедших в жизнях протагонистов в определенный год с 2000-го по 2035-й, при этом каждая часть охватывает все меньший промежуток времени (от целого года в начале произведения до одной минуты в конце). Роман повествует о трех сестрах — Ине, Эвелин и Анастасии Миккола и их матери, поселившихся в начале 1990-х гг. в пригороде Стокгольма, где живет Юнас Кемири со своей семьей — матерью, отцом и двумя братьями. Юнас начинает общаться с сестрами, которые оказываются лишь наполовину шведками: мать девочек родом из Туниса, как и отец Юнаса. Мальчик чувствует, что история семьи Миккола имеет отношение к его собственной. Особенно нежная дружба завязывается у него с Эвелин, однако вскоре семья Миккола вновь переезжает в другое место, и связь между подростками обрывается. Одновременно читатель погружается в сложности развода родителей Юнаса и то, как болезненно мальчик переживает предательство отца. Следующие тридцать лет события жизни сестер Миккола повторяют или оказываются связанными с событиями жизни Юнаса. Его не покидает ощущение незыблемой связи между ним и сестрами. Узнав, что его отец, вероятно, является биологическим отцом сестер Миккола, Юнас тщетно пытается возобновить общение с девушками и следит за их жизнью со стороны. Встреча с Эвелин состоится лишь в 2021 г., когда Юнас отправится в Нью-Йорк по стипендии Каллмана, чтобы работать над романом о трех сестрах, чей прадедушка, согласно их семейной легенде, принимал участие в строительстве Рокфеллер-центра и запечатлен на известной фотографии «Обед на небоскребе». При этом оказывается, что Эвелин тоже написала материал на

эту же тему, и планирует разбить его на семь частей, каждая из которых будет описывать все меньший промежуток времени.

Как становится ясно, роман представляет собой метаповествование, т. е. в центре произведения находится образ писателя, во многом выступающего как альтер-эго самого автора, а предметом повествования является процесс создания романа [Липовецкий 1997]. В целом, для Кемири подобные метароманы не являются чем-то новым (так, «На красном глазу» написан в жанре дневниковых записей, автор которых высказывает интенцию написать роман, а «Монтекор» представляет собой корреспонденцию молодого писателя Юнаса Кемири с другом его отца, в которой последний настаивает на том, что данные письма должны лечь в основу следующего романа писателя). Новым является тот факт, что автор в «Сестрах» создает собственную метавселенную, имеющую отсылки к персонажам и событиям других произведений Кемири (в частности, здесь и упоминание Даланды из романа «На красном глазу», и история первого свидания из «Отцовского договора», и сквозной для всего творчества автора образ отсутствующего отца). Кроме того, созданию личной метавселенной Кемири способствует слияние вымысла и реальных фактов биографии автора, что, в свою очередь, порождает своеобразный авторский миф о самом себе [Борунов, Шерчалова 2021]. Так, Кемири как будто замыкается на исследовании собственной личности (неслучайно протагонистом романа становится его авторское альтер-эго), а включение в повествование еще трех протагонистов (сестер Миккола) направлено на раскрытие различных аспектов его индивидуальности, что вызвало справедливую, на наш взгляд, критику читателей [Systarna].

Подобные отсылки к самому себе, в нашем понимании, ставят неизбежный вопрос об авторском самоподражании, причиной которого является творческое выгорание. Так, ранние произведения автора отличались новаторским языком и оригинальными для начала 2000-х гг. темами. Романам, написанным в середине и конце 2010-х гг., присуще пристальное, не побоимся этого слова, «достоевское» внимание к внутреннему миру человека. Что касается романа «Сестры», то при всех несомненных достоинствах (неповторимый авторский стиль, чувство юмора, психологическое вскрытие самых интимных, многомерных и сложных переживаний героев), нельзя не отметить, что темы и даже сюжеты повторяются, язык не обогащается, а отсутствие новизны компенсируется сложностью формы, избыточностью объема и нагромождением сюжетных линий.

Литература

Борунов А. Б., Шерчалова Е. В. Авторский миф в современном постмодернистском романе // Филологический класс. 2021. Т. 26, № 3. С. 8–20.

Липовецкий М. Н. Русский постмодернизм (Очерки исторической поэтики). Екатеринбург, 1997.

Khemiri J. H. Systrarna. Stockholm: Albert Bonniers Förlag, 2023.

Systrarna // Goodreads. URL: https://www.goodreads.com/book/show/193474961-systrarna (дата обращения: 01.01.2025).

Назарова Татьяна Викторовна

аспирант, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы;
aven1808@gmail.com

КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКОЕ ВИДЕНИЕ В ПОЭЗИИ Д. Г. РОССЕТТИ И Н. С. ГУМИЛЕВА

Ключевые слова: прерафаэлитизм, Россетти, Гумилев.

Рассказывая о прерафаэлитах в своём курсе по английской литературе, Хорхе Луис Борхес уделяет много внимания визуальной составляющей поэзии прерафаэлитизма. В частности, в отношении Д. Г. Россетти он говорит о «кинематографическом видении» [Borges 2013: 188], которое встречается в лирике прерафаэлита ещё до — хотя и в непосредственной близости к нему — появления кино.

Однако способность превращать слова в последовательность визуально насыщенных образов характерна не только для Россетти, но и для Н. С. Гумилева, который в этом плане оказался ближе к своему английскому предшественнику, нежели связанные с обоими символисты.

Гумилев, несомненно, был знаком с творчеством прерафаэлитов, причём как живописцев, так и поэтов. Об этом свидетельствуют воспоминания современников, эпистолярные источники, а также поэтическая и переводческая деятельность Гумилева. К примеру, в своей «Загадке» (1906) он прямо упоминает Д. Г. Россетти, а также, демонстрируя её В. Я. Брюсову, пишет: «…я начал упиваться новыми, но безукоризненными рифмами, и понял, что источник их неистощим» [Переписка с Н. С. Гумилёвым 1991: 415].

Интермедиальный характер прерафаэлитической литературы, а также склонность к эстетизации образов, обусловили то, что в поэзии прерафаэлитов значительное место уделено визуальной составляющей. Гумилеву также оказалась близка идея о синтезе искусств, при этом не только в её романтической интерпретации, но и в более сложном прерафаэлитическом варианте с переходом к цитации одного искусства другим.

Подобный подход ведёт к тому, что Борхес называл «кинематографическим видением»: появлению повествования с яркой и детальной визуализацией, недоступной тогда ни фотографии, ни театру, ни даже первым кинолентам. Что ещё удивительнее: эта визуализация проявлялась даже в сравнительно небольших поэтических жанрах. При этом она способствовала внедрению большей описательности — при сохранении динамики — в сюжетные жанры вроде баллады, а также появлению динамики в более статичных, например, сонетах.

Во многом это стало возможно благодаря инструментам работы со светом и цветом. Россетти мастерски применял в своей поэзии светотень, описывая не только модуляции между светом и тьмой, но и более сложные эффекты вроде горящего факела в тёмной крипте, мерцания и игры теней. Использование приёмов визуального искусства позволяет ему создавать более объёмные и динамичные образы.

Гумилев умение передавать в поэтическом тексте светотень наследует у символистов, значительно расширивших пласт лексики и средств выразительности для передачи в тексте перемен в освещённости. Свет превращается в драматургический приём, который используется в том числе для создания психологических портретов. Спектр символистских «мистических» синонимов для описания полутьмы дополняется «бьющим светом» и «огненной дорожкой… при свете дня».

Работа со светотенью дополняется обилием красок в произведениях обоих поэтов, и вместе эти элементы ведут читателя к преобразованию текста в визуальный образ. Цветовые впечатления, как ключевой аспект передачи зрительного опыта, представляются необычайно важными как для Россетти, так и для Гумилева, и вновь удаляют обоих от символистов, которые зачастую оказывались «бедны красками» [Жирмунский 1977: 152].

Цветовые акценты используются для формирования общей атмосферы произведения; характеристики персонажей; усиления эмоционального напряжения; контрастная смена цветов

может помогать формировать динамику сюжета; как и другие детали, они могут иметь организующую функцию (так как часто употребляются внутри повторяющихся конструкций); упоминание одной цветовой гаммы по ходу произведения может придавать им функцию, схожую с мотивной.

Задействовав наиболее эффективные инструменты создания запоминающихся образов и используя в стихотворениях массу материальных деталей, эти поэты смогли имитировать в своих смену кадров, применять монтажные принципы смены планов и углов обзора. Подобная техника создаёт глубину пространства даже в тех произведениях, где формально доминирует статика.

Во части случаев визуальная модальность также дополняется аудиальной, что также создаёт более полный чувственный образ, который мог бы сложиться при просмотре фильма, особенно если принять во внимание плотность подобных деталей в тексте.

Если рассматривать эти произведения с позиции кинематографиста, можно встретить в них множество характерных приёмов: наплывы; резкие переходы, напоминающие монтажные склейки; параллельный монтаж; фрейминг; эллипсис как пропуск не только слова, но образа; и др. Поэты соединяют разрозненные образы так, что те рождают движение и смысл, недоступные статичному изображению. При этом произведения Гумилева преимущественно динамичнее, а набор инструментов для её передачи шире, что закономерно, ведь ему был доступен для изучения опыт и прерафаэлитов, и символистов.

Цель этих наблюдений не в том, чтобы доказать, что Гумилев или Россетти даже задумывались об искусстве кино в той стадии его развития, до которой оно доросло сегодня. Однако появление в разных странах примерно в одно время тенденции видеть мир с позиции режиссера и то, что она проявилась даже в поэзии, может свидетельствовать о том, что общество в то время переживало культурный сдвиг, что отразилось в том числе на манере передавать и воспринимать поэтический текст.

Литература

Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л.: Наука, 1977.

Переписка с Н. С. Гумилёвым / вступ. ст. и коммент. Р. Д. Тименчика и Р. Л. Щербакова; публ. Р. Л. Щербакова // Литературное наследство. Т. 98. Валерий Брюсов и его корреспонденты: в 2 кн. Кн. 2. М.: Наука, 1991. С. 400–514.

Borges J. L. Professor Borges: a course on English literature / ed., with an introd. and afterwords, by Martín Arias and Martín Hadis; transl. from the Spanish by Katherine Silver. New York: New Directions Publishing, 2013.

Ненарокова Мария Равильевна

д-р филол. наук, вед. научный сотрудник,
Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН;
maria.nenarokova@yandex.ru

САНКТ-ГАЛЛЕНСКАЯ ПОЭТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ: ГЕРОИ ЛАТИНСКИХ СЕКВЕНЦИЙ

Ключевые слова: латинская литургическая поэзия, монастырь Санкт-Галлен, секвенция, человек.

Легендарный монастырь Санкт-Галлен, одна из старейших обителей Средневековой Европы, был основан на пути из Италии и других средиземноморских стран на север Европы. Он быстро сделался известен не только как место аскетических подвигов, но и как школа, где можно было получить прекрасное образование. Один из периодов расцвета монастыря совпал со временем правления Карла Великого и продолжался до смерти «одного из немногих великих поэтов между Евангелием и Данте» [Steinen 1978: 7], Ноткера Заики (840–912) и его близких друзей и единомышленников поэтов Ратперта и Туотилона. Трое юношей сдружились, еще учась в монастырской школе и выработали единые взгляды на мир. Самым талантливым из них, «одним из великих творцов интеллектуальной Европы» [Brunhölzl 1991: 22] был Ноткер. В IX–X вв. монастырь Санкт-Галлен, один из главных центров культуры и просвещения в Европе, был особенно известен своей школой. Частью школьной программы было изучение стихосложения. Школы Санкт-Галлена, как внешняя (schola exterior) [Laistner 1966: 209], ученики которой получали образование в монастыре, а затем возвращались в мир, так и внутренняя (schola claustri) [Laistner 1966: 209], где преподавал Ноткер, обучая будущих гимнографов, включали в свою образовательную программу как заучивание, так и сочинение латинских стихов [Raby 1934: 253]. Даже начиная учит латинский язык, маленькие школьники пользовались стихотворными текстами: например, латинский алфавит запоминался при помощи мнемонических стихов о двадцати трех буквах [Laistner 1966: 209–210], равно поощрялись сочинение и метрических стихов, и так называемых «ритмов» [Raby 1934: 254]. Одним из упражнений были Begrüssungsgedichte — «приветственные стихи» [Raby 1934: 253]. Подобная творческая атмосфера способствовала не только появлению в Санкт-Галлене большого корпуса латинской поэзии, как духовной, так и светской, но и возникновению и развитию новых поэтических жанров. Форма секвенций, жанра литкргической поэзии, сохранившего свою востребованность вплоть до середины XVIII в., была доведена до совершенства Ноткером, жанр тропов был во многом создан Туотилоном. Монахи Санкт-Галлена создали жанр *susceptaculum*, стихотворение, которое сочинялось как приветствие высокопоставленному гостю или гостье. Это была новая поэтическая форма, в которой соединялись черты религиозной поэзии и светской лирики. Центральной темой латинской литературы X в. стал человек: это время ознаменовано возрастающим интересом «к личности и истории святых» [Brunhölzl 1991: 13], к человеку, герою или антигерою, к так называемому «второму времени» человеческой жизни, которое заполняют различные деяния, ведущие человека к спасению или гибели. Церковная поэзия, созданная санкт-галленскими поэтами, позволила рассказать о человеческой жизни, его деяниях, о посмертной участи.

В центре внимания гимнографа, составляющего песнопение на праздник святого, обычно находятся чудеса, совершенные святым. Источником для церковной поэзии становится агиография, но ограниченный объем поэтического текста заставляет гимнографа выбрать для своего произведения такие черты образа святого, которые выделяют его из чина святых, к которому он принадлежит. Основу санкт-галленского поэтического корпуса составили гимны и секвенции, прославляющие святых, авторство которых принадлежит Ноткеру Заике. Сборник Ноткера *Liber ymnorum* включает в себя девятнадцать секвенций, посвященных святым, известным во всем христианском мире, а также отцам-основателям монастыря — св.Галлу и св. Отмару.

Средневековый человек воспринимал святых как образцы для подражания и запоминал их деяния, слушая за богослужением чтение их житий, проповеди, посвященные их подвигам,

и прославляющие их поэтические тексты. Однако на жизнь средневекового общества влияли и те, кого можно назвать земными героями. Монастырь Санкт-Галлен пользовался покровительством правителей, как самого Карла Великого, так и его потомков. Монашеская община встречала посещавших Санкт-Галлен правителей приветственными стихами. Самые ранние стихи принадлежат перу санкт-галленского писца Винитара. Они прославляют Карла Великого как защитника своего государства, победившего могучих противников, как человека исключительных душевных качеств, как реформатора, выступавшего за исправление богослужебных книг. Похвалы Карлу, ратующему за высокое качество богослужебных текстов, делают образ короля гораздо более индивидуальным, чем образы правителей в поздних восхвалениях королей.

Монастырь Санкт-Галлен пользовался и вниманием, и покровительством династии Каролингов и их преемников. В 883 г. монастырь посетил король Восточной Франкии Карл III со своей женой Рикгардис, а через двадцать восемь лет, в 911 г. монашеская община встречала короля Восточной Франкии Конрада I. И королей, и королеву насельники монастыря встречали приветственными стихами, из которых можно понять, какие черты складывались в образ земного героя. Приветственные стихотворения — *susceptacula* — утверждают, что правитель должен быть снисходительным к своим подданным, приветливым к тем, кто приезжает с миром в его страну из далеких земель, однако он должен быть и защитником своего народа, не позволяющим врагу вторгаться в пределы своей страны. При этом правитель должен быть добродетельным человеком. Только добродетельный и доблестный человек становится достойнейшим правителем своей земли, поскольку он может позаботиться о своих подданнаых как во время войны, так и во время мира. Главным качеством жены правителя должна была стать щедрость, а также кротость и милосердие по отношению к подданным. Согласно приветственным стихам, под влиянием доброй и щедрой правительницы в государстве расцветает все благое.

Литература

Brunhölzl F. Histoire de la Littérature Latine du moyen âge. Tome I: De Cassiodore à la fin de la Renaissance carolingienne. Vol. 2: L'époque carolingienne [trad. de l'allemand par Henri Rochais]. Paris: Brepols, 1991.

Laistner M. L. W. Thought and Letters in Western Europe. A. D. 500 to 900. Ithaca; New York: Cornell University Press, 1966.

Raby F. J. E. A History of Secular Latin Poetry in the Middle Ages. Vol. 1. Oxford: Clarendon Press, 1934. P. 252–259.

Steinen W., von den. Notker der Dichter und Seine Geistlige Welt. Bd. 1. Bern: Francke Verlag, 1978.

Новикова Нина Николаевна

канд. филол. наук, доцент,
Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ;
n.n.novikova12@gmail.com

НОВЫЙ РЕАЛИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ — О РОМАНЕ ЮЛИ ЦЕ И СИМОНА УРБАНА «МЕЖДУ МИРАМИ»

Ключевые слова: новый реализм, роман Ю. Це, С. Урбана «Между мирами», социально-критические тенденции, идейно-художественные особенности.

В докладе рассматривается специфика нового реализма в немецкой литературе на материале романа «Между мирами» Юли Це, одного из самых читаемых современных авторов в Германии. Данное произведение стилистически и идеологически развивает темы двух предыдущих книг «Унтерлёйтен» (2016) и «О людях» (2021), написано в соавторстве с С. Урбаном.

Во-первых, анализируется термин «новый реализм», на рубеже веков вызывавший бурные дискуссии, как в зарубежной, так и в российской литературной критике. Термин «новый реализм», возникает в немецкой литературной критике на рубеже веков в работах Г.-П. Мюллера, Й. Херманда и сформулирован в 2012 г. философом Маркусом Габриэлем [Gabriel 2018]. Также в докладе дается краткий обзор научных исследований, посвященных данной проблеме.

В ряде работ подвергались сомнению обе части термина: реализм ли это? так ли он нов? Некоторые исследователи употребляют понятие «пост-постмодернизм», «метамодернизм» и другие. Сегодня термин уже можно считать устоявшимся. Мы рассматриваем новый реализм как самостоятельное художественное течение в рамках реалистического метода, прокламирующее единую идейную концепцию и обладающее общим для различных произведений набором художественных средств. На рубеже веков и в первые два десятилетия нового века возникает ряд произведений, обладающих общими характеристиками «нового реализма».

В докладе рассматриваются идейно-художественное своеобразие нового реализма, на примере романа современной немецкой писательницы Юли Це «Между мирами» как произведения, относящегося к данной литературной школе. В центре дискуссий о новом реализме в немецкой литературной критике стоят два понятия «Wirklichkeitsverlust» (потеря реальности) и „Wirklichkeitshunger“ (жажда реальности) [Biller 1998]. Общим для всех критических исследований является понимание того, что новый реализм оформился как направление в философии и искусстве в качестве отрицания идеологической и эстетической концепции постмодернизма.

Для этого художественного направления важнейшим принципом является возвращение к реалистическому мировосприятию в конструировании художественной реальности. В отличие от традиционного реализма «новый реалист» не создает мыслимую художественную реальность, а отображает реальный опыт. По этой причине часто произведения «новых реалистов» сопоставляют с документалистикой, что не совсем верно: основа их произведений документальная, но форма освоения — художественная.

В современной немецкой литературе течение нового реализма ярко характеризуют произведения Юли Це. За ней прочно закрепилась репутация автора, чьи произведения имеют острую социальную направленность. Новый роман Юли Це, изданный в 2023 г. — яркий пример идейно-эстетической концепции автора. В романе автор освещает широчайший круг кризисных явлений современности, актуальных для современной Германии вопросов: аграрная политика ЕС, роль СМИ в формировании массового сознания, миграция, акционизм, современный феминизм и прочие. Все это — реалии сегодняшнего дня, в которых существуют как герои, так и читатель. Следует отметить, что дидактичность в романе отсутствует. Автор, как это характерно для нового реализма, не предлагает решение проблем, не поучает и не критикует, он лишь фиксирует происходящие события. Новый реализм не ставит перед собой задачи создания «типичного героя в типических обстоятельствах», перед читателем пестрая палитра событий и множество человеческих типажей современников.

В докладе особое внимание уделяется композиционному своеобразию романа, где существенную роль играют бинарные оппозиции. «Между мирами» — автор проводит разделительную черту между разными способами существования, умонастроениями и идеалами, либерализмом и консерватизмом, настоящим и прошлым. Тяготение к традиционным ценностям, свойственное для нового реализма, в романе воплощается в бинарной оппозиции «деревня» — естественный мир, — «город» — искусственный мир. В рамках этой оппозиции группируются и персонажи произведения.

Автор доклада акцентирует внимание на стилистике романа, выборе средств высказывания. Стиль произведения соответствует его направленности: конфликт миров и мировоззрений придает особую, «взрывную» форму высказыванию. Роман фрагментарен, что характерно для литературы нового реализма, он состоит из электронных писем и СМС-сообщений. Электронное общение имеет свою стилистику, новые языковые приемы, которые демонстрируют агрессивность интернет-дискурса. Это обрывочность текста, лаконичность, почти полное отсутствие описаний, сокращение слов, обилие англицизмов, сленговых выражений и фраз на английском языке.

Особую роль для характеристики героев играет употребление гендерного языка. Данное явление выходит за пределы сугубо лингвистической сферы и отражает мировоззренческие устои личности.

Роман Юли Це «Между мирами» уже занял свое почетное место в ряду произведений современной немецкой литературы. Произведение, воплощающее идейно-художественную концепцию школы «нового реализма», обращено к проблемам современника, возвращает социально-критическое звучание художественному слову. Одновременно роман является примером новаторской стилистики, характерной для данного художественного направления.

Литература

Казначеев С. М. Судьбы «нового реализма» в России и за рубежом // Вестник университета мировых цивилизаций. 2017. № 15. С. 100–107.

Biller M. Unschuld mit Grünspan. Wie die Lüge in die deutsche Literatur kam // Frankfurter Allgemeine Zeitung. Nr. 37 vom 13.02.1998. S. 3.

Gabriel M. Der neue Realismus zwischen Konstruktion und Wirklichkeit // Felder E., Gardt A. (Hrsg.). Wirklichkeit oder Konstruktion? De Gruyter, 2018. S. 45–65.

Zeh J., Urban S. Zwischen Welten. München; Luchterhand, 2023.

Нургали Кадиша Рустембековна[1], Богданова Юлия Владимировна[2]

[1]д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой русской филологии, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Казахстан

[2]магистр филол. наук, докторант, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Казахстан

РОДИНА КАК КУЛЬТУРНЫЙ КОД: ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА В РОССИЙСКОЙ КАЗАХСТАНСКОЙ ПОЭЗИИ XIX–XX ВЕКОВ

Ключевые слова: Родина, культурный код, русская поэзия, эволюция образа, межкультурное взаимодействие.

Образ Родины в русской поэзии XIX–XX вв. претерпевает значительные изменения, отражающие как внутренние историко-культурные процессы, так и глобальные вызовы времени. Эта трансформация особенно актуальна в контексте русского литературы, где Родина предстает не только как географическая реальность, но и как символ духовной и культурной идентичности, объединяющий личное и коллективное восприятие. Родина в русской поэзии становится многослойным культурным кодом, который одновременно выполняет функции идеала, символа и философской категории.

В XIX в. образ Родины в русской поэзии часто воспринимался через призму лирического идеала. Он был связан с природной гармонией, народной духовностью и философией красоты. Так, у Николая Кольцова Родина предстает как архетип мирного, гармоничного пространства, где природа и человеческая жизнь находятся в совершенном союзе. Для Кольцова Родина символизирует чистоту и возвышенность, являясь источником вдохновения и основой духовных ценностей. Его стихи о Родине — это, прежде всего, возвышенные мечты и поэтическая мечта о возврате к идеализированным корням.

Подобный идеализированный образ Родины также можно встретить в творчестве Ивана Никитина, чьи стихи наполнены глубокой моральной проблематикой. В них Родина ассоциируется с высокими духовными идеалами, с внутренним ориентиром, который помогает человеку преодолевать жизненные трудности. Однако, в отличие от Кольцова, для Никитина Родина — это не просто символ природной гармонии, но и пространство моральной борьбы, где важным является осознание трудностей и задач, стоящих перед народом.

С переходом к XX в. образ Родины в русской поэзии начинает меняться под влиянием исторических катаклизмов. Период революций, войн и социальных изменений заставляет поэтов переосмысливать этот образ, превращая его в более многослойную и философскую категорию. Так, у Николая Рубцова Родина становится не только пространством воспоминаний, но и катастрофической утратой, что особенно ощутимо на фоне исторических изменений. Его стихи о Родине наполнены чувством трагической оторванности, разрыва с прошлым, что отражает более мрачное и философское восприятие родной земли. Родина у Рубцова — это не только поэтический идеал, но и символ утраченной гармонии, неосуществившихся мечт.

Трансформация образа Родины также становится важной темой в поэзии Ольги Фокиной. Для неё Родина — это пространство, в котором сталкиваются различные культурные и исторические эпохи. Поэзия Фокиной выражает противоречие между идеализированным образом Родины и реальностью, с которой сталкиваются герои её стихов. Родина в её произведениях — это не только метафора утраченной целостности, но и философская проблема, связанная с переосмыслением места России в мировом контексте. Фокина рассматривает Родину как сложный символ, который включает в себя и мечту, и разочарование, создавая многозначный культурный код.

Не менее значимой становится тема Родины в поэзии русских эмигрантов, особенно в творчестве поэтов, таких как Александр Яшин и Владимир Гундарев. Для Яшина Родина — это символ утраты, что связано с его опытом эмиграции и разрывом с родной землей. В его стихах часто встречается мотив воспоминаний о Родине, которая воспринимается как нечто удален-

ное, недосягаемое, но остающееся важной частью внутренней идентичности. Поэзия Яшина переполнена ностальгией и трагической памятью о родной земле, которая становится важным ориентиром в поисках нового смысла жизни в чужом мире.

В стихах Владимира Гундарева, в свою очередь, Родина предстает как символ сложной культурной идентичности, где переплетаются различные культурные и исторические традиции. Гундарев развивает концепцию Евразийства, в которой Родина становится не только культурным кодом, но и философской проблемой. Для него Родина — это пространство, которое объединяет русскую и казахскую культуры, а также является основой для формирования уникальной евразийской идентичности. В его стихах Родина — это не только образ утраченной гармонии, но и символ поиска новой идентичности в условиях глобализации и исторических изменений.

Таким образом, образ Родины в русской поэзии XIX–XX вв. претерпевает значительные изменения, становясь многозначным и многослойным культурным кодом. В процессе своей эволюции он преобразуется из идеализированного символа в философскую и трагическую категорию, отражающую исторические и культурные изменения. Поэты XIX в. рисуют Родину как идеал, связанный с природной гармонией и духовной чистотой. В XX в. образ Родины становится более сложным и многозначным, превращаясь в философский вопрос, связанный с утратой, поиском идентичности и размышлениями о судьбе России в мире. В этом контексте поэзия русских эмигрантов, таких как Яшин и Гундарев, вносит важный вклад в осмысление Родины как культурного кода, который продолжает влиять на восприятие национальной идентичности в условиях глобализации.

Литература

Кольцов Н. А. Стихотворения и проза. М.: Худож. лит., 1984.

Никитин И. Стихотворения. М.: Правда, 1988.

Рубцов Н. М. Избранное. Л.: Советский писатель, 1983.

Фокина О. Поэтические линии времени. СПб.: Лимбус Пресс, 2008.

Орлова Татьяна Сергеевна

преподаватель, Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А. Л. Штиглица;
ots_prof3@mail.ru

АМЕРИКАНСКИЕ РЕАЛИИ В НОВЕЛЛИСТИКЕ О. ГЕНРИ

Ключевые слова: реалии-американизмы, колониальная зависимость, символы, Генри.

Американская литература, изначально формировавшаяся в условиях колониальной зависимости, со временем вышла на одну из передовых позиций в мировом литературном процессе. Исторические, социальные и культурные предпосылки способствовали тому, что она отразила национально-исторические черты американского общества [Werner 1970: 10]. При исследовании этого явления справедливо обращать особое внимание на творчество классиков, среди которых особенно выделяют О. Генри. Его произведения сохраняют значимость, поскольку отражают непреходящие ценности и одновременно служат «памятниками» эпохи, в которую были написаны.

Настоящая работа ставит целью проанализировать, каким образом в новеллах О. Генри представлены реалии американской действительности. Под реалиями здесь понимаются предметы, явления и факты, связанные с национальной и исторической спецификой и требующие у читателя определенных фоновых знаний. Согласно Виноградову, реалии отражают особенности культуры, обычно нехарактерные для других стран. Термин восходит к латинскому realis и описывает существующее в действительности, указывая как на материальные предметы, так и на факты объективной действительности, а также на национальные и этнические черты, не имеющие точного перевода [Виноградов 2001].

Особенности городской жизни Нью-Йорка занимают значительное место в творчестве О. Генри. Сборник нью-йоркских новелл описывает атмосферу богатых и бедных кварталов, престижных и малообеспеченных заведений [Костюченко 2017: 10–12]. В «Меблированной комнате» впервые замечаются кварталы нижнего Вест-Сайда: герой останавливается в обветшалых домах из красного кирпича, которые автор называет «развалинами». В этом же тексте упоминается рэг-тайм, предшественник джаза, считавшийся народным и популярным в Нью-Йорке. Такая музыкальная деталь окрашивает новеллу в национальные тона и показывает различие между европейскими и американскими жанрами исполнения.

Тема стремления к внешнему блеску и материальному успеху подчеркнута в «Мишурном блеске». Здесь мистер Чендлер, не имея высокого дохода, пытается произвести впечатление на девушку, надевает дорогой костюм напрокат, ужинает в модном ресторане, заказывает вино, чаевые, сигару. Автор подробно подсчитывает все расходы (например, восемнадцать долларов в неделю, уплачиваемых героем) и указывает, что после одного роскошного вечера Чендлеру предстоит бедствовать более двух месяцев. В итоге оказывается, что девушка, на которую он старался произвести впечатление, гораздо состоятельнее, чем он мог предположить. Эта коллизия подчеркивает разницу между подлинной и внешне демонстрируемой обеспеченностью.

Среди женских персонажей, проживающих и работающих в Нью-Йорке, выделяются героини «Горящего светильника» и «Недолгого триумфа Тильди». Писатель подробно описывает их быт и внешний вид: высокие прически, аккуратные юбки, покупка недорогой одежды и сопутствующие мелочи. При этом фигурируют точные цены (шестьteen долларов за блузку, восемь долларов в неделю для продавщицы и т. п.), что передает особенности финансового положения и постоянную озабоченность заработком.

Географические и культурные детали в некоторых новеллах служат не только декорациями, но и важным элементом сюжета. «Сестры золотого кольца» сопровождаются упоминанием Центрального вокзала, пролива Гарлем, особых туристических маршрутов, на которых встречаются ловкие мошенники и легковерные путешественники. Городская новелла О. Генри обычно строится вокруг мотивов социального неравенства, любви и выигрыша или проигры-

ша в «игре судьбы», а реалии американской жизни усиливают достоверность и создают особую художественную атмосферу.

Помимо тематики большого города в произведениях О. Генри заметно присутствие жизни провинциальной Америки: небольшие поселения на Юге и Западе, где встречаются и прямодушные, и аферисты. В «Вожде краснокожих» события происходят в городе Саммит (Алабама), название которого иронично, ведь местность там ровная, а не возвышенная. Стереотип о простых, «безобидных» провинциалах переворачивается: похищенный мальчик оказывается гораздо более опасным «дикарем», чем похитители, а ожидаемая легкая нажива оборачивается финансовым провалом для авантюристов.

В «Как скрывался черный Билл» описывается жизнь в Техасе, где люди обитают на ранчо, пасут овец и коров, слышат вой койотов и крики козодоев. Автор подробно останавливается на пищевых привычках (баранина, кукурузные лепешки, кофе) и предметах быта (корралы, испаноязычный термин для загона скота). Писатель подчеркивает различные социальные типажи: уголовник, грабящий поезда, и добродушный хозяин ранчо, искренне помогающий незнакомцу.

Отдельно стоит отметить новеллы о фермерском укладе, где упоминается популистская партия, отражающая интересы сельских жителей. Персонажи ведут собственные сельскохозяйственные дела, общаются по телеграфу, пишут политические статьи, при этом легко опознают попытки мошенничества, поскольку сами не чужды практической смекалке. О. Генри иронично показывает столкновение фермеров с «городскими жителями из мира кирпича и известки», у которых иные представления о жизни.

Повествование О. Генри всегда сочетает национальный колорит и юмористические или драматические повороты, подчеркнутые детальными описаниями мест, людей, цен и особенностей быта. Писатель создает обширную картину общества — от шумных улиц Нью-Йорка до одиноких фермерских угодий [Согрин 2010: 116–117]. Реалии, встречающиеся в его новеллах, требуют подготовленного взгляда: автор не разъясняет культурные отсылки и названия, оставляя читателю возможность улавливать смысл из контекста. В результате произведения О. Генри содержат ценные материалы для понимания американской ментальности, охватывая противоположные стороны жизни: блеск городской витрины и суровые условия провинции.

Литература

Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Изд-во Ин-та общ. сред. образ. РАО, 2001.

Костюченко М. В. Художественные особенности новеллы О. Генри на примере произведения «Дары волхвов» // Уральский филологический вестник. 2017. № 5. С. 8–12.

Согрин В. В. Русская идея и американская мечта (размышления над сравнительно-цивилизационным исследованием Э. Я. Баталова) // Общественные науки и современность. 2010. № 6. С. 115–123.

Werner E. The American Dream in Literature. New York: Charles Scribner's Sons, 1970.

Павлова Ирина Николаевна

канд. филол. наук, ст. преподаватель,
Санкт-Петербургский государственный университет;
irinalit@yandex.ru

НЕНАДЕЖНЫЙ НАРРАТОР И ЭЛЕМЕНТЫ ДРАМЫ В НОВЕЛЛЕ МЭРИ ШЕЛЛИ «МАТИЛЬДА»

Ключевые слова: ненадежный нарратор, драматургия, Мэри Шелли.

В 1819 г. М. Шелли, проживавшая в то время с мужем П. Б. Шелли в Италии, находилась в тяжелой депрессии после смерти двух своих маленьких детей. Способом справиться с пережитой трагедией для нее стала работа. В промежутке с августа по ноябрь 1819 г. она написала небольшой набросок под названием «Поля фантазии», но затем переработала его. Получившаяся в итоге новелла получила название «Матильда», по имени главной героини.

Сюжет «Матильды» основан на популярном в романтической литературе мотиве инцеста. Отец героини признается ей в любви, затем совершает самоубийство. Матильда ведет одинокую жизнь, чувствуя себя запятнанной. За ней ухаживает молодой поэт Вудвилл, но он бессилен вернуть ей желание жить. Матильда простужается и заболевает чахоткой, и пишет для Вудвилла свою историю, понимая, что скоро умрет.

Готовую рукопись писательница отправила в Англию своему отцу У. Годвину с просьбой подготовить текст к публикации и издать. Однако просьбу тот не выполнил и рукопись не вернул. «Матильда» была опубликована только в 1959 г. Первые критические работы по новелле были написаны в рамках психобиографического подхода. Исследователи предполагали, что Матильда — сама М. Шелли, ее отец — У. Годвин, а поэт Вудвилл — П. Б. Шелли. Считалось, что писательница создала новеллу в качестве своеобразной терапии и даже сублимации. Только в конце XX в. появились работы, демонстрировавшие более глубокий анализ текста.

Примечательна работа М. Шелли над композицией «Матильды». В первоначальном наброске переживший горе рассказчик встречает фею Фантазию, которая переносит его в воображаемое пространство Елисейских полей. Там он слышит разговоры душ, ищущих утешения, и внимание его привлечено повествованием молодой женщины — это и есть Матильда, уже расставшаяся с земным существованием. Однако продолжать эту историю в фантазийном сеттинге, как и развивать уже использованный в романе «Франкенштейн» прием обрамляющего нарратива М. Шелли не стала. В окончательном варианте новеллы героиня рассказывает свою историю от начала до конца. Ассоциация с первым романом М. Шелли не случайна. Как и Франкенштейн, Матильда играет роль демиурга. Однако метафора созидания выведена на иной уровень: через текст героиня творит собственный мир. Здесь проявляется один из важнейших мотивов в творчестве М. Шелли — несостоятельность человека как творца. Ее героиня — ненадежный нарратор, выстраивающий свою жизнь согласно законам драматургии и манипулирующий восприятием читателей.

Первые же фразы повествования, написанные в настоящем времени, напоминают сценические ремарки в начале пьесы. Ш. Баннелл соотносит структуру романа с пятью актами трагедии, с экспозицией в начале, преступлением и самоубийством в середине, и постепенным движением героини к смерти в финале [Bunnell 1997: 85]. Реальная жизнь для Матильды сливается с драмой, в которой она — одновременно драматург, режиссер и исполнительница главной роли. Героиня неоднократно говорит о своей трагедии, использует театральные метафоры, включая парафраз знаменитой цитаты Шекспира, и сравнивает себя с актрисой.

В мире Матильды размыты границы между действительностью и вымыслом. Этот мотив был заимствован М. Шелли из предыдущей литературной традиции. Ее мать, общественная деятельница М. Уоллстонкрафт, в трактате «Защита прав женщин» отмечала, что причина чрезмерной чувствительности — неразвитый ум [Wollstonecraft 1793: 75–76]. Матильда выросла в доме тетки, которая не любила ее и почти не занималась ее образованием. Одиночество

заставило героиню обратиться к книгам — она читает Шекспира, Мильтона, Поупа, Каупера и постоянно разыгрывает в своем воображении эпизоды из пьес. Можно сказать, что Матильда начитанна, но при этом необразованна, потому что не способна критически отнестись к прочитанному. В отрочестве она воспринимает литературные произведения как реальную жизнь, а когда вырастает, пытается выстраивать реальную жизнь по правилам искусства. Так, она сама готовит сцену для рокового разговора с отцом, после его гибели инсценирует собственное исчезновение, а в своем уединении примеряет на себя роль отшельницы. Особенно выделяется эпизод, в котором Матильда предлагает Вудвиллу двойное самоубийство, перед этим подготовив декорацию: украсив комнату цветами и поставив на стол кубки с опиумом.

Еще одна особенность мира Матильды — невозможность отделить субъективное от объективного, себя от своей истории. При этом Матильда — ревнивый автор. Роль удалившейся в изгнание трагической героини — ее собственный выбор, и появление поэта Вудвилла угрожает целостности ее нарратива. Матильда приветствует смерть не только потому, что надеется воссоединиться с отцом в лучшем мире, но и потому что может закончить свою историю так, как хочет сама. Налицо противоречие: с одной стороны, Матильда утверждает, что преступление ее отца должно остаться тайной, с другой стороны, перед смертью она пишет свою историю и посылает ее Вудвиллу. Пережитая ею драма возвышает ее в собственных глазах, позволяя превратиться в героиню трагедии, подобной тем пьесам, которые питали ее воображение в юности.

Таким образом, второе крупное произведение М. Шелли выявляет рост ее писательского мастерства. «Матильда» — тщательно выстроенный текст, глубоко анализирующий переживания героини, а также затрагивающий ключевые для творчества писательницы мотивы несостоятельности человека как творца и важности полноценного образования.

Литература

Bunnell C. E. Mathilda: Mary Shelley's Romantic Tragedy // Keats-Shelley Journal. 1997. Vol. 46. P. 75–96.

Wollstonecraft M. A Vindication of the Rights of Woman: With Strictures on Political and Moral Subjects. Dublin, 1793.

Полубояринова Лариса Николаевна

д-р филол. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

«МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА» КАК ПАРАДИГМА КОМПАРАТИВИСТИКИ: ПРЕДЫСТОРИЯ ПОНЯТИЯ И ПАРАМЕТРЫ СОВРЕМЕННОЙ ДИСКУССИИ

Ключевые слова: литература стран мира, В. Г. Вороблевский, переводы.

Выражение «мировая литература» (Weltliteratur), впервые употребленное в 1773 г. немецким историком А. Л. фон Шлёцером, (1735–1809), приобретает популярность в XIX в. благодаря И. В. Гёте. Последний в 1820-е — начале 1830-х гг. в разговорах с И. П. Эккерманом, в журнальных публикациях и в переписке неоднократно обращается к данному понятию. В посленаполеоновскую эпоху становятся очевидными признаки ранней глобализации не только в экономическом, но и в социокультурном плане: убыстрение обменом информацией на межконтинентальном уровне благодаря периодической печати, активизация переводческой деятельности. Мировая литература означала для Гёте, чутко реагировавшего на эти перемены, возможность интернациональной коммуникации литераторов в интернациональном масштабе.

Близким гётевскому оказывается предложенное несколько ранее И. Г. Гердером понятие «мировой поэзии». И в том и в другом случае речь шла о непротиворечивом внутри себя самого хоре литературных «голосов» в мировом масштабе как воплощении идеалов гуманизма позднепросветительского толка.

Иным выглядит обращение к понятию «мировая литература» в конце XIX — начале XX в., определяющее и современный статус данной парадигмы. «Мировая литература» — в англоязычном варианте World Literature — конкурирует в академической среде с выражением «сравнительное литературоведение», подчас заменяя его в названии лекционных курсов и образовательных программ. Начиная со знаменитого «спора о каноне» в контексте американского литературоведения в 1990-е гг. и заканчивая концепциями «мировой литературы», предложенными в начале XXI в. П. Казанова, Ф. Моретти и Д. Дэмрошем, возможно наблюдать, как представление о мировом литературном ландшафте в его синхронии и диахронии становится исходной точкой (как правило, острой) дискуссии. Современное состояние проблемы включает предположение о множественности представлений о мировой литературе, в зависимости от литературной и теоретико-литературной традиции соответствующего региона, страны или континента (Lamping/Tihanov 2019).

Помирчая Евгения Рудольфовна
специалист;
eugenia.pomirchaia@inbox.ru

«ЖИЗНЬ ЛАСАРИЛЬО С ТОРМЕСА» В ПЕРЕВОДЕ В. Г. ВОРОБЛЕВСКОГО. К ИСТОРИИ ИЗДАНИЙ

Ключевые слова: плутовской роман, Ласарильо с Тормеса, В. Г. Вороблевский, «Терпигорев».

Возникший в середине XVI в. плутовской роман в XVII в. становится чрезвычайно популярным в испанской литературе. Первым его образцом является анонимная повесть «Жизнь Ласарильо с Тормеса, его невзгоды и злоключения». Первые издания, относящиеся к 1554 г., появляются практически одновременно в Бургосе, Антверпене, Алькала де Энарес и Медина дель Кампо.

В 1555 г. в Антверпене публикуется вторая часть романа, авторство которой приписывается Мануэлю де Опорто, но значительно большее художественное значение имеет другая «приращенная» часть романа, опубликованная в 1620 г. в Париже Хуаном де Луна.

С этого момента количество европейских изданий в варианте, состоящем из двух частей — подлинной и второй, написанной Хуаном де Луна, исчисляется десятками. Некоторые доходят до России, и одно из них, а именно брюссельское издание 1698 г. («La vie de Lazarille de Tormes…»), будет переведено с французского языка В. Г. Вороблевским, крепостным библиотекарем графа П. Б. Шереметева, и станет первым опубликованным переводом «Ласарильо с Тормеса» на русский язык.

Принято считать, что первое издание «Ласарильо» в переводе В. Г. Вороблевского (1730–1797), появилось в Москве в 1775 г. под названием «Жизнь и приключения Лазариля Тормскаго, писанныя им самим на гишпанском языке, с коего переведены на французской» и затем было повторено в 1792 и 1794 гг. Также упоминается еще одно издание перевода В. Г. Вороблевского «Терпигорев, или Неудачная жизнь и странные приключения Лазариля Тормского» 1792 г.

В. С. Сопиков в «Опытах Российской библиографии» указывает три издания «Ласарильо» в переводе В. Г. Вороблевского: 1775, 1792, 1794 гг.

В «Сводном каталоге русской книги гражданской печати XVIII в. 1725–1800» находим издание 1775 г, указанное под номером 2249, и издание 1792 г.

Однако, в т. III того же «Сводного каталога», в разделе «Уточнения описаний, помещенных в томах I–II», содержится следующее исправление: «2249. Издание было ошибочно датировано по Сопикову 1775 г.» О выходе в свет и продаже части I этого издания В. Г. Вороблевский сообщил в «Прибавлениях» к «Московским ведомостям», 1777 г., 4 августа, № 62, 8 августа, № 63: «В доме Его Сиятельства, Графа Петра Борисовича Шереметева, состоящем на Никольской улице, у библиотекаря его Василья Вороблевскаго продается вновь напечатанная книга под заглавием: Жизнь и приключения Лазариля Тормскаго, часть I…»

Таким образом, представляется полностью обоснованным вывод о том, что первый перевод «Ласарильо» на русский язык увидел свет не в 1775, а в 1777 г.

Переходя к вопросу о непосредственном источнике перевода, логично предположить, что им послужило издание, которое, согласно описи, находилось в библиотеке Шереметевых под номером 10893, а именно брюссельское издание 1698 г. Анализ структур, а также подробный сравнительный анализ текстов источника и перевода позволяют полностью подтвердить данное предположение. В. Г. Вороблевский перевел не «классического» «Ласарильо», а «Ласарильо» авторства Хуана де Луна, то есть переработанную этим автором первую часть и дописанную вторую. Точнее, речь идет даже не об авторстве Хуана де Луна, а о новом варианте, с внесенными туда автором брюссельского перевода Жан-Антуаном де Шарном (1641–1728), довольно значительными изменениями.

Издание под названием «Терпигорев, или неудачная жизнь и странныя приключения Лазариля Тормскаго» в «Сводном каталоге русской книги гражданской печати XVIII в. 1725–1800»

указано со ссылкой на «Опыт Российской библиографии» В. С. Сопикова, который относит его к 1792 г. и определяет как «новое название книги Жизнь и приключения Лазариля Тормскаго».

Вероятным источником сведений о существовании данного издания могли послужить публикации в «Московских ведомостях» «октября 20 дня 1792 г., в среду» и «октября 23 дня 1792 г., в субботу»: «В доме Графа Николая Петровича Шереметева у Библиотекаря Василья Вороблевскаго продается вновь напечатанная книга под заглавием Терпигоревъ, или неудачная жизнь и странные приключения нещастного Гишпанца, Лазариля Тормскаго…»

Особого внимания заслуживает повеление Н. П. Шереметева, последовавшее через неделю после опубликования объявления о продаже «Терпигорева» в «Московских ведомостях», а именно 1 ноября 1792 г.: Вороблевский «теперь может видеть, что горе терпит не у меня и что он меньше всех должен назвать жизнь свою неудачливой». И далее: «В газетах ничего не печатать. Возвратить ему книги, истребя только глупое новое название, и предать огню, <…> и вам наблюдать, дабы без позволения моего никто из моего дома не дерзал ничего припечатывать и продажи никакой публикованной в газетах не было».

Достаточно сравнить полное название «Терпигорева» с текстом повеления Н. П. Шереметева, соотнести дату его появления с датой объявления о продаже в газете, а также обратить внимание, что речь идет об уже существующем произведении, но под новым названием, чтобы понять, что речь идет именно об этом издании.

Вероятно, В. Г. Вороблевский позволил себе «припечатать», то есть допечатать «глупое новое название», и поместить объявление о продаже книги под этим названием в газету. Далее «название», т. е. новый титульный лист, «было истреблено» и «предано огню», из чего мы можем сделать вывод, что сам тираж 1792 г. остался цел.

Таким образом, версии, представляющие «Терпигорева», как самостоятельное издание 1792 г., опубликованное в том же году, что и «основное» или же о том, что оно и являлось единственным изданием 1792 г., представляются ошибочными.

Распоряжение графа Шереметева, по-видимому, было выполнено неукоснительно. Все издания «Ласарильо» в переводе В. Г. Вороблевского, которыми на сегодняшний день располагают как РГБ в Москве, так и РНБ в Санкт-Петербурге, датируются либо 1777, либо 1792 г., издание же под названием «Терпигорев» не обнаружено.

Литература

Жизнь и приключения Лазариля Тормскаго, писанныя им самим на гишпанском языке, с коего переведены на французской. М.: Унив. тип., 1777.

Жизнь и приключения Лазариля Тормскаго, писанныя им самим на гишпанском языке, с коего переведены на французской. М.: Тип. Пономарева, 1792.

La vie de Lazarille de Tormes. George de Backer. Brusselles, 1698.

Lazarillo de Tormes y Segunda parte de la vida de Lazarillo de Tormes por Juan de Luna. Madrid: Editora Nacional, 1983.

Ткаченко Вера Владимировна

соискатель, Санкт-Петербургский государственный университет;
bogdan.vera@bk.ru

МИФ О ГРААЛЕ В РОМАНЕ ВИРДЖИНИИ ВУЛФ «НА МАЯК»

Ключевые слова: модернизм, ритуал, мифологическая школа, миф о Граале, роман-квест.

В докладе высказывается гипотеза, согласно которой мифотектонический уровень (термин В. И. Тюпы) романа Вирджинии Вулф «На маяк» отсылает к средневековому мифу о Граале. Вулф не только разработала авторскую поэтику мифологизирования, но и была прекрасно знакома с работами мифологической школы, поэтому миф о Граале в её романе, по мнению докладчика, следует понимать в контексте оживлённой граалеведческой дискуссии эпохи. К уже существующим христианской и кельтской версиям интерпретации мифа в XX в. добавились различные оккультные и эзотерические трактовки. Дж. Уэстон под влиянием Дж. Фрэзера рассматривала рыцарский миф о Граале как фикционализацию древнего ритуала плодородия, зародившегося в лоне мистерий в честь умирающего и воскресающего бога Адониса. Мистерии носили инициационный характер и должны были открыть посвящённому тайну вечной жизни. Ритуал был заимствован раннехристианской гностической сектой Наасенов (описание ритуала фрагментарно сохранилось в так называемом Naassene Fragment 2–3 н. э.) и наделён христианским содержанием. Контаминация языческого и христианского сюжетов, по мнению Уэстон, и определила генезис средневекового мифа о Граале. Вулф была знакома с исследованием Уэстон через поэму Т. С. Элиота «Бесплодная Земля». Также Вулф была лично знакома и находилась под большим влиянием Дж. Э. Харрисон, которая исследовала Элевсинские мистерии в феминистическом ключе. Мистериальный мотивный комплекс, описанный Харрисон, на удивление детально совпадает с тем, что описывала Уэстон. Докладчик полагает, что под влиянием Харрисон Вулф в своём творчестве отправилась «на поиски женского прошлого» (quest for a female past), выстроив в романе «На маяк» многоуровневое повествование, которое вопреки заявлению автора, о том, что роман ничего не значит, представляет собой мифологический палимпсест, в котором миф о Граале становится одним из главных интертекстов, объединяющих многообразие трактовок.

Экспедиция на маяк, движение задуманное, отложенное и, наконец, реализованное, представляют собой сюжет-квест и являются главной темой романа. Н. Фрай считал, что маяк в романе Вулф — геральдический символ, эмблема, по своему назначению соответствующая объективному корреляту Элиота: «Как смысловая единица, она (эмблема. — *Т. В.*) задерживает повествование; как повествовательная единица, она ставит смысл в тупик» [Frye 2000: 92]. Он отмечает, что «маяк», наряду с «островом» и «лестницей» (в романе чтение-восхождение одна из ключевых метафор), представляют собой локусы обретения эпифанического опыта. А. А. Аствацатуров так трактует образ маяка: «Образ одинокого маяка — суть человеческой личности, её подлинного начала и одновременно её будущего, того, к чему личность должна стремиться: отсюда и смысл путешествия на маяк, которое предпринимают персонажи романа, — это возвращение индивидуума к себе» [Аствацатуров 2007]. Таким образом, сюжет романа «На маяк» может быть интерпретирован и как сюжет об инициации, как и сюжет о поиске Грааля. Чаша Грааля в романе де Труа источала дивное сияние, поэтому на мифотектоническом уровне символ маяка эквивалентен символу чаши Грааля.

Любопытно, что герои романа проходят многоуровневую инициацию, каждый из них проходит через личный обряд перехода (термин ванн Геннепа), мотивированный как социально, так и на мифологическом уровне, а локус «дом у моря», в котором все герои отстранены от цивилизации, может быть интерпретирован как локус «хижина испытаний», в которую удалялись инициируемые. Мотив пожирания как смерти и нового рождения, как отмечал М. Элиаде, соотносится с локусом хижины испытаний. Дом, как и Замок Грааля, оказывает на героев странное усыпляющее действие, а структура романа такова, что во второй части романа герои

буквально отсутствуют, на первый план выходит образ природного хаоса, пожирающего уже сам дом, а возвращаются герои лишь в третьей части романа и уже наделённые новым опытом.

Противостояние мужского и женского начал — ещё одна из главных тем романа. Харрисон в книге «Фемида» (1912) выдвинула концепцию, согласно которой до формирования пантеона Олимпийских богов был распространён культ праматери, богини Фемиды, которая олицетворяла не только всё, связанное с цивилизацией, так как отвечала за порядок в социуме, но и коллективное, слитное, жизнепорождающее начало, противостоящее индивидуализму богов Олимпа. Важнейшая часть культа Фемиды — присутствие подле неё тиаза, олицетворяющего коллективное начало. Женский культ Фемиды Харрисон связывает с доэдиповой диадой «мать-ребёнок», не различающей субъекта от объекта, а также соответствующей с точки зрения лингвистики голофрасису. Появление маскулинной фигуры Зевса знаменует уничтожение диады и рождение триады, включающей фигуру отца. Триада знаменует собой разделение и логос. В романе союз миссис Рамзи и Джеймса — воплощение доэдической диады, а мистер Рамзи разрушает её и вызывает у Джеймса ненависть. Как миф о мужском и женском трактует миф о Граале Уэстон, чаша — женское начало, копьё — мужское.

Миссис Рамзи и окружающие её дети и гости воплощают собой образ Фемиды и тиаза, а миссис Рамзи соотносится то с Фемидой-Деметрой (она упорядочивает, оживляет, связывает, противостоит смерти), то с Персефоной. Миссис Рамзи умирает и передаёт свои функции Лили Бриско, которая проходит путь от Персефоны к творящей Деметре. В мифологическом плане легенды о Граале миссис Рамзи — сивилла, Прекрасная Дама, наставляющая и вдохновляющая мужчину-рыцаря. Мистер Рамзи — Аид, забирающий витальную энергию Деметры/Персефоны, стерильный, не способный к творению. Вулф создаёт коллективные женскую и мужскую мифологические проекции, так образ Короля Рыбака разделён между всеми мужскими героями романа (от мальчика с туберкулёзом бедра до мистера Рамзи, плодовитого физически, но стерильного в творческом плане). Детальный анализ романа позволяет выделить сцены, напрямую отсылающие к прохождению инициации Элевсинских мистерий, а также к средневековому мифу о Граале.

Литература

Аствацатуров А. А. Феноменология текста: игра и репрессия. М.: Новое литературное обозрение, 2007.

Carpentier M. C. Ritual, Myth and the Modernist Text. London: Routledge, 1998.

Frye N. Anatomy of Criticism. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2000.

Ханкишиева Захра Алибек

научный сотрудник, Азербайджанский университет языков, Азербайджан;
zara-zara-1986@mail.ru

ПОЗИЦИЯ ДЖОАН КЭТЛИН РОУЛИНГ В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛИЙСКОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Ключевые слова: «Гарри Поттер», «Властелин колец», детская литература, серия литературных романов.

В наши дни фэнтезийные романы занимают первое место в списках бестселлеров детской литературы практически во всем мире. Не случайно Джоан Роулинг стала феноменом в английской детской фэнтезийной литературе XXI в. После издания серии романов «Гарри Поттер», переведенных почти на девяносто языков мира, он стал признаваться одним из классиков мировой детской литературы. Обеспечив популяризацию жанра фэнтези, сформировавшегося как серьезная литература благодаря фэнтезийному творчеству Джона Толкина, Джоан Роулинг сумела создать в своих романах новые оттенки картины двух миров. Если в первом мире стоят колдуны и ведьмы, то у них даже есть Министерство магии, в котором рассказывается о директоре школы магов, а во втором мире представлены тексты и диалоги, в которых рассказывается о «маглах», не обладающих магическими способностями — обычных людях, не имеющих собственной системы управления.

Джоан Роулинг, одна из ярких фигур литературного фэнтези в современной английской литературе, снова и снова читала произведение Джона Толкина «Властелин колец», прежде чем написать серию романов «Гарри Поттер». После выхода в свет произведений обоих литераторов — и «Властелина колец», и «Гарри Поттера» — серия романов особенно выделилась в мире литературного фэнтези, в раскрытии образцов нового типа художественной литературы в английской детской литературе. Гарри Поттер-мифический герой как общей, так и детской литературы, как необычный современный литературный образ в популярной культуре. Создав в своих произведениях просто художественную картину необычного, странного мира, писатель по-своему внушил читателю единство действительности с волшебством, простые человеческие чувства и эмоции, рожденные от радости и печали, создание отношений, которые многим кажутся трудными, и решения возникающих проблем, и то, что переживаемый мир не так прост и т. д., Он создал новый порядок детского мира.

Созданный Джоан Роулинг, Гарри Поттер противостоит силам зла и борется с ними в серии из семи романов. В каждой из серии романов он сталкивается с этими угрозами, этот героический персонаж, не подчиняющийся угрозам зла, прибегает к магии, заклинаниям магии, когда приходит на его место. Хотя позже писатель признался в одном из своих интервью, что фэнтези-не тот жанр, который он предпочитает, это не так уж и удивительно. В серии романов «Гарри Поттер», написанных Джоан Роулинг, она выразила свои реалистические порывы в жанре фэнтези с особым намеком и артистизмом [Westman 2011: 100].

Не случайно в текстах фэнтезийной литературы многие детские писатели, в том числе Джон Толкин, Клайв Стейплз Льюис, в своих фэнтезийных эпопеях дают читателю, далекому от мифических и магических навыков и знаний, определенные научные и художественные комментарии по этому поводу. Потому что одна из главных целей, которую ставят перед собой в своих произведениях писатели, исходя из порой сложного восприятия мифологических тем, предназначенных для детской аудитории, — это наладить диалог с читателем ясным и простым языком вопросов, поставленных в этих произведениях.

Главные герои серии романов Клайва Стейплза Льюиса и Джоан Роулинг «Хроники Нарнии» и «Гарри Поттер» выступают как представители борьбы за свое будущее в фантастическом мире.

Теоретические положения литературной критики по вопросам жанрового синкретизма в трилогии Джона Толкина «Властелин колец» всегда вызывали разногласия. Прежде всего, от-

метим, что главным героем произведения Джона Толкина «Властелин колец» является фрода Беггинс (имя фрода в переводе с древнескандинавского означает «мудрый». Он должен выполнить свою священную миссию, одержав победу над силами зла в лице Черного принца. Фрододействует как очень маленький и слабый Хоббит. Но он поражает читателя своей храбростью, отвагой и открытым, чистым сердцем, каким бы слабым, тощим он ни был в противостоянии с армией Саурона (имя Саурона, самого совершенного персонажа писателя, на языке квенья, на котором говорят эльфы в Средиземье, означает «неприятный, отвратительный», а на древнеэльфинском языке — «небесный огонь»). Присущие фроде и его друзьям человеческие качества, обаяние вкусить тех, кто в самый трудный момент оказался в тяжелом положении, дают четкое представление о необычных существах Среднего мира. В связи с этим писатель, побуждая своих героев следить за событиями, описанными в произведении, рисовал, как можно победить врага, показав ему величественную армию, а также силу колдовства.

Литература на всех этапах своего развития не всегда обходила стороной влияние устной народной литературы. Словесное творчество как богатое духовное богатство на поздних этапах развития с древних времен было самым надежным источником национального самосознания, переживаний жизни, незабываемых моментов невзгод и страданий, бед, радости и героизма, стало летописью бедствий исторической действительности.

Среди исследователей, ищущих в фэнтезийной литературе историческое единство прошлого и современности, выделяют Дж. Р. Б. Томлинсон утверждал, что связь диалога между детьми современности и героями мифов и легенд, сказок прошлых эпох возникла, и что это лучший способ лучше понять историю [Tomlinson 2014: 203].

Он более известен как автор Гарри Поттера — образа героя, созданного им, чем фирменная Джоан Роулинг, которая покорила сердца как детей, так и взрослых своими работами. В двадцатые годы XXI в. он раскрыл свои позиции в детской литературе благодаря серии романов «Гарри Поттер», которые своим богатым и многогранным творчеством повлияли на английскую литературу и культуру. А это, прежде всего, означает, что в современной английской детской литературе фэнтези-литература знаменует собой торжество нового этапа. Произведения писателя в жанре фэнтези, наряду с описаниями Детского мира в целом, больше привлекают новое поколение детей своим живым диалогом, сюжетом, соответствующим детскому возрасту и психологии, всем спектром художественно-эстетических качеств, оригинальностью.

Истории о Гарри Поттере также отличаются своей мифологической основой и смыслом, своего рода очаровательным характером, позволяющим детям выражать свои чувства, надежды, желания в современном обществе. В связи с этим, хотя сами дети и не являются создателями мифов, героические типы мира мифов, вымешанные в их прочтении и жизненном опыте, создают для детей впечатление романов, отражающих чувства, надежды и мечты собственного детского мира.

Таким образом, исследование детской фэнтезийной литературы в контексте нового подхода служит выявлению новых перспектив, идей и представлений перед лицом современной детской литературной критики. А творчество обоих авторитетных литераторов нового этапа английской детской литературы имеет важное значение для понимания мира, изучения богатых мифов древнего периода в единстве с современным временем.

Литература

Роулинг Дж. К. Гарри Поттер и философский камень / пер. с англ. И. В. Оранского. М.: Росмэн-Пресс, 2011.

Смит Ш. Биография создателя Гарри Поттера / пер. А. Мельника. М.: Астрель; АСТ, 2003.

Tomlinson J. R. B. Playing with Words: Child Voices in British Fantasy Literature 1749–1906: PhD (Doctor of Philosophy) thesis. Iowa, 2014. https://doi.org/10.17077/etd.z68aojto

Westman E. K. Blending Genres and Crossing Audiences: Harry Potter and the Future of Literary Fiction // The Oxford Handbook of Children's Literature / eds J. Mickenberg and L. Vallone. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 93–112.

Хомухина Елена Ивановна

соискатель, Санкт-Петербургский государственный университет;
sj.sezar@yandex.ru

«ЖИЗНЬ НА ПРОДАЖУ» ЮКИО МИСИМЫ И ТРАДИЦИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Ключевые слова: японская литература, Юкио Мисима, кафкианство, экзистенциализм, рецепция, японо-европейские литературные связи.

Роман Юкио Мисимы «Жизнь на продажу», опубликованный в 1968 г., это типичный для автора текст, так как обладает всеми ключевыми чертами его поэтики: обычный и даже обыденный герой, погружающийся в необычный полубезумный мир, автобиографичность повествования, открытая концовка. Но роман структурно схож не только с корпусом текстов самого автора, но и со многими культовыми европейскими произведениями. Список этих произведений достаточно обширен, однако можно выделить из них знаковые, которые имели влияние не только на данный текст, но и на поэтику Мисимы в целом (а, кроме того, были значимы для всей японской литературы XX столетия).

Кратко представим фабулу романа. Текст начинается с абсурдистского эпизода: молодой человек по имени Ханио однажды, уронив газету под стол, обнаружил на ней жирного, омерзительного таракана и понял, что в жизни нет смысла и дорожить ей не стоит. Отметим, что стиль автора в этом произведении нарочито рубленый и шаблонный (существуют даже версии о его пародийной природе). Ханио не хочет совершать самоубийство, но и убить его некому — типичный мелкий офисный служащий не сумел нажить себе настоящих врагов. Тогда главный герой даёт объявление в газету: «Продаётся жизнь» — и начинает равнодушно ждать. Лишённый страха смерти, герой идет по жизни (по её остатку) гордо, однако в финале оказывается опустошённым, потерянным и отчаянно нуждающимся в смысле жизни. Экзистенциальный кризис героя одновременно говорит о его духовном возрождении и весьма неутешительных перспективах на вновь обретенную волю к жизни.

Итак, по нашему мнению, в данном сюжете Мисима опирается на несколько важных европейских классиков. Первый из них — Франц Кафка. Именно он — идейный и художественный вдохновитель создателя «Жизни на продажу». Кафка — признанный литературный король тем заброшенности, абсурда и одиночества. Упомянутая нами выше открывающая роман сцена, в которой герой после увиденного насекомого не может читать газету — все иероглифы расплываются и кажутся ему разбегающимися по бумаге тараканами — очень напоминает отсылку именно в сторону кафковского «Превращения», опубликованного в 1915 г. На фабулу романа «Процесс» намекает и действие второй половины мисимовского текста: уже после того, как Ханио устаёт от преследующих его людей, просящих помощи, и решает взять перерыв от торговли жизнью, оказывается, что за ним ведётся слежка. Но в чём её причина и как связаны все преследователи, фигурировавшие в каждой из «торговых сделок» Ханио — неизвестно. Виноватый без вины герой более чем вписывается в границы кафковской поэтики.

Абсурд и отношение к нему — идея, если не заимствованная из западной идеологии, то явно соотносимая, напрямую сопрягаемая с ней. (Хотя баланс европейского и исконно японского в творчестве Мисимы — отдельная и заслуживающая отдельного исследования тема.) Безусловно, возможно связать этот абсурд только с поэтикой Кафки: неслучайно он был предтечей экзистенциализма в литературе и некоторыми учеными даже причисляется к этому направлению. Но намного точнее будет связать это явление в тексте Мисимы с именем Альбера Камю.

Дебютный роман Камю «Посторонний» показывает, как мало нужно обществу, чтобы исторгнуть человека из себя — достаточно всего лишь несоблюдения простых формальных требований человечности, бессмысленных, но милых филистерскому, обывательскому сердцу. Герой Камю не скорбит на похоронах матери и поэтому наказан. Ханио не скорбит по самому

себе — он не видит смысла в жизни, ведущей к смерти, в которой нет свободы. Иллюзия комфорта уничтожает его изнутри.

Огрубляя, можно сказать, что Ханио переживает утрированный, запоздалый романтический кризис, кризис разочаровавшейся личности в несовершенном, не годящемся для воплощения в нем идеала мире. Последняя деталь, которая тесно связывает тексты Камю и Мисимы — мотивы одиночества и заброшенности, пронизывающие оба произведения. Литературным связям японской словесности XX столетия и европейского экзистенциализма посвящены несколько значимых отечественных исследований, но на материале данного романа Мисимы подобные изыскания не проводились.

Третий автор — уже не тот, который повлиял на Мисиму, а на которого мог повлиять он сам. Конечно, Мисима не читал роман Патрика Зюскинда, но обратное вполне возможно. Кроме того, Мисима гениально предсказал многие художественные находки европейского постмодернизма (вплоть до деталей), и хотя бы очень кратко не упомянуть об этом значило бы представить его только учеником и подражателем европейской литературы, что, очевидно, не так. В некоторых аспектах Мисима обгоняет и превосходит её.

Даже косвенное сопоставление поэтики «Парфюмера» и цитаты из «Жизни на продажу» даёт нам представление о том, как удивительно совпали мироощущения двух великих мистификаторов и провокаторов от литературы. В романе Мисимы читаем: «Жить ему хотелось. Тут сомнений быть не могло. Но хватит ли у человека, однажды вырвавшегося из тисков общества, мужества вернуться в эту зловонную клоаку? В обществе всё идёт гладко именно потому, что люди не обращают внимания на то, как они пахнут. Вонючие носки студента, которые он не стирал неделю, сладко-удушливый запах подмышек школьницы, разбавленный унылым ароматом девичьей непорочности, отставник, от которого несло сажей, как от трубочиста… Собственные запахи людей нисколько не смущают. Ханио хотелось верить, что он человек, от которого пахнет отсутствием смыслов, хотя он и не был в этом уверен». Обратите внимание, сколь похож этот текст (и содержанием, и стилем) на текст Зюскинда. А мотивы изгнанничества и жизни ради искусства только усиливают сходство авторских поэтик.

Подведём итог. Юкио Мисима создал удивительное, живое и динамичное повествование и не изолировал его в рамках национальной традиции, а сделал общемировым благодаря широкому полю отсылок и творчески осмысленных заимствований. Текст получился объёмный и неоднозначный — и он может быть раскрыт ещё глубже с помощью сравнительного анализа, попытку которого мы и предприняли в этой статье.

Литература

Григорьева Т. П. Японская литература XX века: Размышления о традиции и современности. М.: Худож. лит., 1983.

Григорьева Т. П. Японская художественная традиция. М.: Наука, 1979.

Зюскинд П. Парфюмер. История одного убийцы / пер. Э. Венгеровой. СПб.: Азбука-классика, 2003.

Камю А. Посторонний / пер. Н. Галь. М.: АСТ, 2007.

Кафка Ф. Роман. Новеллы. Притчи. М.: Прогресс, 1965.

Мисима Ю. Жизнь на продажу / пер. С. Логачёва. М.: Азбука-Аттикус, 2022.

Солдаткина Я. В., Чанцев А. В. Бунт красоты: эстетика Юкио Мисимы и Эдуарда Лимонова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7. Литературоведение. 2010. № 2. С. 62–67. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/2010-02-009-chantsev-a-v-bunt-krasoty-estetika-yukio-misimy-i-eduarda-limonova-m-agraf-2009-192-s (дата обращения: 20.01.2025).

Чадова Елизавета Владимировна

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет;
elizavetachadova19@gmail.com

МАТЕРИНСКО-ОТЦОВСКИЙ ДИПТИХ В ТВОРЧЕСТВЕ ЭЛЕН СИКСУ: ОСМЫСЛЕНИЕ ПОТЕРИ НА ОСНОВЕ РОМАНОВ «DEDANS» И «HYPERREVE»

Ключевые слова: женское письмо, Сиксу, утрата.

Элен Сиксу вошла в историю французской литературы в первую очередь как изобретатель терминологии и особого способа письма, затем сыгравшего ключевую роль в переориентации литературного канона в сторону женских текстов. Именно ей принадлежит оформившаяся концепция женского письма или «белых чернил», предполагающая полную автономность женского тела, через которую уедается достичь автономности художественного текста, больше неподвластного фаллологоцентрической логике.

Одной из самых значимых тем в творчестве писательницы является осмысление потери, тесно связанное с мотивом смерти, и так или иначе затрагиваемое практически в каждом из ее художественных текстов. Для писательницы потеря связана не только и не столько с реальной утратой близких отношений и людей, сколько с ощущением потери себя в пространстве, которое можно сравнить с ощущение смерти, тем не менее являющейся неотъемлемой частью самого существования («Angst», 1977), «Déluge» (1992)). Часто в текстах Сиксу сама потеря переживается не как расставание или отвержение, но как смерть в прямом смысле слова, «тысяча смертей, переживаемых одномоментно» [Calle-Gruber 1994: 43].

Наиболее продуктивным для осмысления данной тематики в творчестве Сиксу является анализ своего рода «материнско-отцовского диптиха» в ее творчестве: ранний роман «Dedans» (1969) («Внутри»), опубликованный практически одномоментно с выходом ее докторской диссертации и посвященней смерти отца, и более поздний роман «Hyperrêve» (2006) («Гипер-сон»), осмысляющий утрату матери. Сама писательница не объединяет эти романы между собой, но именно в их сопоставлении можно лучше всего увидеть как конкретные мотивы и художественные тактики, реализуемые ей с целью отрефлексировать и художественно зафиксировать мотив потери, так и специфичный метод женского письма в его становлении, от более раннего текста к более позднему. Минуя самые громкие из ее текстов периода становления «женского письма» (такие как «Хохот Медузы» или «Портрет Доры»), становится возможным сделать выводы о том, какие приемы и метафорика остаются с Сиксу, претерпев значительные изменения, а какие красной нитью проходят сквозь весь творческий путь писательницы и становятся основной творческого метода. Кроме того, сопоставление «материнско-отцовских» текстов с точки зрения женского письма может быть также продуктивно, так как позднее данную тенденцию подхватили и другие сторонники женского письма, начиная свой творческий путь именно с осмысления утраты двух родительских фигур, сравнивая эти события с «раной», сподвигающей их к письму [Васякина 2021: 34].

«Материнско-отцовский» диптих Сиксу можно назвать особенно телесным — писательница описывает утрату не только как метафорический процесс осмысления скорби и смерти, но еще и как буквальное прощание с физическим телом, материнским и отцовским, по-разному концентрируясь на конкретных ощущениях. В случае с матерью через описания ее больного тела и заботу о нем Сиксу приходит к личным переживаниям, в том числе осмыслению собственной смерти и бессмертия матери, кроющегося в теле дочери и их будущих потомков. В случае отцовского тела Сиксу приходит к осмыслению потери и близости смерти с одной стороны через собственные физические симптомы и переживания, а с другой неоднократно подчеркивает уже самим названием книги, что все это время она чувствовала себя «внутри» отцовского тела, представляющего для нее своего рода защитное пространство.

Таким образом, проанализировав два романных текста писательницы в их сопоставлении, удается сделать ряд выводов на уровне осмысления как самого мотива скорби и утраты в ее романах, так и на более глобальном уровне особенностей ее творческого метода в целом:

1. Мотив потери в творчестве писательницы является способом выйти за пределы осмысления утраты на более глобальный план жизни и смерти. Сиксу осмысляет потерю как пространство «между» жизнью и смертью, в котором кроется своеобразное творческое и мемориальное бессмертие. Проработка данной тематики позволяет Сиксу сохранить телесную и аффективную витальность, столь значимую для женского телесного письма.

2. В более раннем романе «Внутри» уже заметны многие мотивы, которые Сиксу позднее назовет основами женского письма: текст биологизирован, утрата переживается скорее не как цепь событий, но как рефлекторные телесные переживания, вызванные горем. На уровне «отца» утрата переживается с одной стороны как смерть и утрата дома детства, а с другой стороны как взросление и своего рода инициация, растождествление с Законом Отца, выражаясь в терминологии психоанализа.

3. В романе «Гипер-сон» прощание с матерью также сопровождается рядом специфичных для женского письма маркеров. Описания телесных страданий кроме того тесно связаны с категорией различия, которую начинает активно развивать и использовать Сиксу. Ее письмо приобретает все больше нейтральных оттенков, фигуры матери и дочери смешиваются, меняются местами. Сиксу позднее терминологически связывает такую подмену с «белыми чернилами», приходящими на смену женскому письму. Потеря матери осмысляется как потеря себя и своей идентичности, но в том числе и как продолжение и способ преодоления смерти.

Литература

Васякина О. Рана: роман / предисл. П. Барсковой. М.: Новое литературное обозрение, 2021.

Calle-Gruber M., Cixous H. Hélène Cixous, photos de racines. Paris: Des femmes, 1994.

Шахназарян Наринэ Мартиросовна

канд. филол. наук, доцент, Белорусский государственный университет;
bastet575592@gmail.com

ОБРАЗ САПФО В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ РОМАНТИЗМЕ: МЭРИ РОБИНСОН И АННА БУНИНА

Ключевые слова: романтизм, поэт, поэзия, «правильный сонет», стиль.

С образом Сапфо литературный мир эпохи романтизма связывает статус истинного поэта, к которому стремится автор-женщина, преодолевающая узкие рамки т. н. женской литературы и утверждающая свое право быть на равных с прославленными поэтами-мужчинами.

В английском романтизме титул «английской Сапфо» заслужила актриса, прозаик, поэт Мэри Робинсон (*Mary Robinson*, 1758–1800), автор сонетного цикла «Сапфо и Фаон» (*Sappho and Phaon,* 1796), заслужившего высокую оценку С. Т. Колриджа и Р. Саути. В русской поэзии именем Сапфо удостоилась поэт, прозаик, переводчик Анна Петровна Бунина (1774–1829), чье первое стихотворение-монолог страдающей Сапфо «С приморского берега» (1906) привлекает внимание Г. Р. Державина и А. С. Шишкова.

История жизни и творчество двух авторов отличается в силу разного происхождения, исторических и социальных реалий Англии и России, содержания литературной полемики на рубеже XVIII–XIX вв., однако устремление к творческой самореализации, достижению права называться истинным поэтом, сила воли в противостоянии трагическим обстоятельствам, уникальный талант сближают английскую и русскую «Сапфо».

Творческая биография Робинсон — от известной актрисы театра «Друри Лейн», автора популярных готических романов до вершин поэтического искусства — отражена в «Воспоминаниях Мэри Робинсон» (*Memoires of Mary Robinson,* 1895), названной в предисловии «*прекрасной, деятельной и во многом высоко одаренной женщиной*» [Molloy 1895: vii]. Робинсон получила образование в трех школах (Анны Мор (*Hannah More,* 1745–1833), в Челси и Мэрилбон), где научилась древнегреческому, латинскому, французскому, итальянскому языкам, искусству танца и пения. По приглашению Дэвида Гарика она поступает в театр «Друри Лейн», где знакомится с Р. Шериданом. В 1776–1779 гг. Робинсон блистает в ролях шекспировского репертуара, но с 1788 г. посвящает себя только литературному творчеству.

Предисловие к 44 сонетам цикла «Сапфо и Фаон» (*Sappho and Phaon. In series of legitimate sonnets, with thoughts on poetical subjects, and anecdotes of the Grecian poetess,* 1796) [Robinson 1997: 179] отражает полемику Робинсон с экспериментами романтиков в области жанровой формы сонета. Она выбирает классическую форму итальянского сонета Петрарки, который называет «правильным» (legitimate) в отличие от «надуманного» (sophisticated). В отношении к чистоте поэтического языка Робинсон следует традиции Академии делла Круска (Флоренция, 1583), словарь которой (*Vocabolario degli Accademici della Crusca,* 1612) послужил образцом для европейских языков. Художественный язык Робинсон тяготеет к синтезу античной, ренессансной, классицистической и романтической традиции.

Творчество Анны Буниной, как и у Робинсон тесно связано с поэтико-стилевыми исканиями в русской литературе первых десятилетий XIX в. Бурную полемику по поводу путей развития русской поэзии либо в русле неизменной традиции, почвенных архаизмов (шишковисты) или смелых новаций, лексического обогащения за счет освоения иноязычной лексики, неологизмов (карамзинисты) отражается в противостоянии двух обществ литераторов — «Беседа любителей русского слова» (1811–1816) и «Арзамас» (1815–1818). Приехав в столицу из родового поместья в 28 лет, Бунина активно занялась самообразованием, изучая иностранные языки, литературу, посвятив свою жизнь одной цели — служению высокой поэзии. Первой публикацией Буниной стал отрывок в прозе «Любовь» в московском журнале «Иппокрена, или Утехи любословия» в 1799 г. В 1808 г. Бунина стала единственной женщиной-сотрудником журнала «Драматический вестник», постоянными авторами которого были К. Н. Батюшков, Н. И. Гнедич, Н. А. Кры-

лов. В 1808 г. она перевела поэтику французского классициста Ш. Баттё (1713–1780) «Правила поэзии», творчески переработав их применительно к особенностям стихосложения на русском языке. Таким образом, в теорию поэзии — привилегию «мужского труда» впервые вносит свой вклад женщина. Тема преодоления социальных предрассудков на пути женщины в литературу раскрывается Буниной в стихотворении «Пекинское ристалище» (1810). В 1909 г. был издан первый сборник стихов Буниной «Неопытная муза». В журнале «Цветник» было отмечено, что «*многие произведения пера ее принесли бы честь лучшим нашим Поэтам*». В 1811 г. Анна Бунина была избрана почетным членом литературного общества «Беседа любителей русского слова», созданного А. С. Шишковым и Г. Р. Державиным. В споре между шишковистами и карамзинистами Бунина заняла промежуточную позицию. С одной стороны, по Шишкову она обращалась к традициям церковнославянской и старорусской литературы. С другой стороны, писательница в духе Карамзина выступала против замкнутости национального языка. Бунина разделяла мысли Шишкова об опасности засорения русского языка галлицизмами, но признавала введение неологизмов для развития родного языка. От русского классицизма стилю Буниной присущи архаичность слога, риторичность, подражание античным поэтам (Сапфо, Овидию), идея подчинения чувства разуму (например, идиллия «Счастливый Меналк», 1815). Об этом Пушкин иронически отзывается в стихотворениях «Тень Фонвизина» (1815) и «Послание цензору» (1822). Однако поэзия Буниной заслужила высокую оценку Г. Р. Державина, Н. М. Карамзина, К. Н. Батюшкова, В. К. Кюхельбекера.

В 1815 г. плодотворную деятельность Буниной прервала тяжелая болезнь. Во время лечения в Англии, в марте 1817 г. Бунина написала письмо В. Скотту по поводу его поэмы «Мармион» («Дочь ледяного Севера в восторге от произведений английского гения!»). По возвращении на родину Бунина подготовила собрание своих стихотворений в трех частях, изданное Российской Академией Наук в 1819–1821 гг. В. К. Кюхельбекер отметил, что Бунина заслуживает внимания не только как «*женщина-поэт, явление редкое в нашем отечестве*», но и прежде всего как «*поэт-неподражатель*».

В истории английского и русского романтизма оба М. Робинсон и А. Бунина остались примером творческой свободы и достоинства женщины, посвятившей себя служению поэзии, заслужив в оценке великих современников высокий титул поэта — английской и русской Сапфо.

Литература

Robinson M. Memoirs of Mary Robinson. «Perdita» / with introd. and notes by J. Fitzgerald Molloy. London: Gibbings and Co.; Philadelphia: J. B. Lippincott Co., 1895. URL: https://digital.library.upenn.edu/women/robinson/memoirs/memoirs.html (дата обращения: 20.12.2024).

Robinson M. Sappho and Phaon // Romantic Women Poets. An Anthology / ed. by D. Wu. Oxford: Blackwell, 1997. P. 177–209.

Яценко Мария Вадимовна

д-р филол. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

ДРЕВНЕАНГЛИЙСКАЯ ПОЭТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ: ПРОБЛЕМЫ ЖАНРОВОГО ДЕЛЕНИЯ

Ключевые слова: жанровое деление, средневековая литература, древнеанглийская поэзия.

Поэтическая традиция англосаксов существовала на всем протяжении англосаксонского периода (V–XI вв.), но записаны ее тексты были в небольшой промежуток времени (конец X — начало XI в.), что осложняет изучение эволюции жанров. Ограниченность материала не дает возможности понять, как англосаксы воспринимали жанры своей поэзии.

В работах западных авторов в последние два десятилетия классификация древнеанглийской литературы проводится по содержательному принципу. При этом в раздел «Библейская литература» могут попасть глоссы, прозаические переводы Библии, развернутые поэтические переложения, краткие переложения отдельных песнопений. Отказ от жанрового деления в современных зарубежных исследованиях объясняется спецификой природы литературы Средневековья, ее отличиями от современной литературы. Считается, что сама категория жанра в эту эпоху в целом не была выработана [Смирницкая 1982: 182–183 (со ссылкой на О. М. Фрейденберг)], либо была представлена в варианте, не понятном современному читателю и исследователю.

Говоря о жанровом делении, отечественные ученые отмечают, что оно в древнеанглийской поэзии возможно только внутри эпоса, что в ней почти каждый текст можно отнести к двум или более жанрам одновременно [Смирницкая 1982: 183–185]. Связь всех жанров древнеанглийской поэзии с эпосом объясняется внешней гомогенностью ее поэтики: использованием устойчивых формульных выражений и эпических тем в подавляющем большинстве произведений. В данном исследовании предлагается разработать принципы жанрового описания данной поэтической традиции с применением сравнительного подхода и учетом жанровых характеристик эпоса.

Наиболее логичным является противопоставление эпосу как ретроспективному жанру «актуальных» текстов, направленных на изменение ситуации (заклинания, гимны и славословия («Гимн Кэдмона», «Кентский гимн» и др.)), которые и принято называть «малыми» жанрами. Практически неизвестна их рецепция в древнеанглийской традиции. Проблема жанра по отношению к «Гимну Кэдмона» серьезно поставлена только в работе О. А. Смирницкой, которая соотносит его с древнегерманской хвалебной поэзией, в том числе с поэзией скальдов [Смирницкая 2008: 324–345]. Отличие «Гимна Кэдмона» от последней приводит ее к выводу о том, что для поэзии англосаксов была характерна «универсализация эпической формы, т. е. распространение ее на малые жанры», которая «имела своим закономерным следствием эпизацию этих последних» [Смирницкая 2008: 330]. Рассмотрение оппозиции «малые» жанры — эпос осложняется тем, что последние могли не только обладать большим размером, но и входить в состав эпоса (например, парафразы Песни трех отроков в поэме «Даниил»).

Традиционное противопоставление лирика — эпос позволяет считать наиболее логичным выделение жанра элегии (поэмы «Морестранник», «Скиталец», «Деор», «Жалобы жены», «Послание мужа» и др.). Термин «элегия» по отношению к средневековым текстам, содержащим обобщенные переживания, используется весьма условно. Исследователи выделяют следующие свойства жанра элегии в древнеанглийской поэзии: использование мотивов эпической темы изгнания, описание переживаний несчастного человека, сопоставление планов полного невзгод настоящего и счастливого прошлого, повествование от первого лица, рассказ о специфическом личном опыте и выражение отношения к нему [Greenfield 1966: 143], отсутствие фабулы и личностных черт главного героя [Мельникова 1987: 117].

Противопоставление элегия — эпос в древнеанглийском контексте осложняется рядом моментов. Во-первых, элегия тематически тесно связана с эпосом. Пиры и славные сражения (важные составляющие идеального эпического прошлого) предстают в элегии как безвозврат-

но утраченные атрибуты счастливой жизни героя. Хотя элегия передает в большей степени человеческие переживания, чем динамику развертывающегося действия, она не лишена героизации и идеализации прошлого, свойственной эпосу.

Во-вторых, в древнеанглийской традиции есть ряд произведений близких элегиям, где не содержится описания судьбы главного героя, но есть размышления о жизни и отношениях человека с Богом («Покаяние» англ. Resignation) или человеческой души с телом («О душе и теле I, II»). Они в большей степени, чем «героические» элегии («Морестранник» и др.), противопоставлены эпосу, повествовательный компонент в них минимизирован. В-третьих, в англосаксонском эпосе есть ряд элегических фрагментов.

В-четвертых, одна из характеристик эпоса (принятие и описание мира как гармонического единства) особым образом преломляется в древнеанглийском эпосе. Он элегичен, то есть содержит размышления о мире прошлого, его критическую оценку. В элегиях мир описан по большей части как дисгармоничный, а главный герой не может принять своего состояния и положения в этом мире.

В целом, противопоставление элегии и эпоса позволяет заметить их существенные различия: 1) бо́льшую степень повествовательности эпоса; 2) наличие в нем сюжета, более сложного, чем рассказ о несчастьях отдельного человека, а также 3) отсутствие в эпосе подробных описаний плана настоящего, в котором пребывает герой элегии, и 4) характерный для элегий взгляд на мир, не предполагающий его полного приятия.

Литература

Мельникова Е. А. Меч и лира: Англосаксонское общество в истории и эпосе. М.: Мысль, 1987.

Смирницкая О. А. Два предания о первых поэтах: Кэдмон и Браги // Смирницкая О. А. Избранные статьи по германской филологии. М.: МАКС Пресс, 2008. С. 324–345.

Смирницкая О. А. Поэтическое искусство англосаксов // Древнеанглийская поэзия. М.: Наука, 1982. С. 171–232.

Greenfield S. B. The Old English Elegies // Continuations and Beginnings. Studies in Old English Literature / ed. by E. G. Stanley. London: Thomas Nelson and Sons, 1966. P. 142–175.

ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНА И ПОСТМОДЕРНА В ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Аствацатуров Андрей Алексеевич

канд. филол. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет; a.astvatsaturov@spbu.ru

МИФ О СИРЕНАХ В РОМАНЕ ДЖЕЙМСА ДЖОЙСА «УЛИСС»

Ключевые слова: модернизм, миф, Джойс.

Роман Джеймса Джойса «Улисс» (1921), текст, определивший главные художественные поиски англоязычного модернизма, вошёл в историю мировой литературы, как образец романа-мифа. Его сюжет строится на очевидных параллелях с гомеровской «Одиссеей», которая переносится автором «Улисса» в современность. В данном контексте нас интересует не весь эпический материал Гомера, а лишь эпизод, связанный с мифом о Сиренах. Этот миф предъявляется Джойсом в 11-й главе романа, которая в черновом варианте называлась «Сирены».

В данном эпизоде Джойс целиком сосредоточен на звуковом, фонетическом уровне речи и развивает романтическую и символистскую традиции. Кроме того, подобно сюрреалистам, он старается вывести речь рассказчика из-под диктата рассудка и частично избавить ее от необходимости что-то обозначать. Джойс активно использует средства, скорее характерные для поэзии, чем для прозы [French 1978: 2–4]: инверсии, повторения, ассонансы, аллитерации, игру слов, звукоподражание, совмещение слов, близких по звучанию, нарушение правил грамматики и синтаксиса [Green 2002: 488–489]. Отметим также, что Джойс организует образность в системы текстовых узоров (внутренних лексических цепочек, своего рода параллельных сюжетов), пронизывающих весь текст, накладывающихся друг на друга и часто пересекающихся.

Фабульный материал этой главы драматичен. Около четырех часов дня возле бара отеля «Ормонд», Леопольд Блума замечает Бойлана, любовника своей жены, который как раз в это время должен отправиться к ней на любовное свидание. Блум решает за ним проследить и заходит в бар отеля, где обедает с Ричи Гулдингом. В бар заходят и другие персонажи «Улисса». Их встречают две очаровательные молодые барменши. Бойлан очень скоро уезжает на свидание к Молли, а остальные посетители заказывают выпивку. Затем Саймон Дедал и Бен Доллард исполняют два вокальных номера: Саймон Дедал — арию Лионеля из оперы Флотова «Марта», а Бен Доллард — патриотическую балладу «Стриженный паренёк». Блум слушает из соседнего зала их пение, а затем уходит.

Мифологическая основа главы — эпизод встречи Одиссея с сиренами, полуженщинами-полуптицами, обладающими волшебным голосом. Сирены сладкозвучно поют, заманивая мореплавателей на свой остров, и там их убивают. Одиссей, знающий об опасности, заливает своим спутникам уши воском и велит привязать себя к палубе, предупредив, чтобы спутники ни в коем случае его не отвязывали. И его корабль благополучно проплывает мимо острова.

Джойс, воспроизводя гомеровские сюжеты, всякий раз следует не внешней, событийной стороне мифа, а тем смыслам и мотивам, которые он обнаруживает в основании мифа. Он предлагает читателю различные вариации этих смыслов, тем самым создавая систему современных версий мифа и аналитически его препарируя. В данном случае речь идет о следующих смыслах и мотивах: музыка, пение, соблазн, женский флирт, эротизм (этот мотив у Гомера отсутствует), и, наконец, опасность, которая таится в соблазне. Поверхностные параллели гомеровского эпоса сразу же становятся очевидными: бар отеля «Ормонд» — это остров Сирен, а две барменши,

Руководитель секции: А. В. Белобратов.

мисс Кеннеди и мисс Дус — сладкозвучные сирены. В роли гомеровских сирен выступают не только они, но и поющие Саймон Дедал и Бен Доллард. Соответственно, Блум выступает в роли Одиссея, а остальные посетители бара (Ленехан, Лидуэлл, Ричи Гулдинг и др.), слушающие пение — в роли его спутников.

Однако приближение к тексту показывает нам, что параллели с гомеровским мифом оказываются более сложными. В сущности, «Сирены» состоит из изоморфных эпизодов, где воспроизводится одна и та же ситуация соблазнения. Необходимо заметить, что у Джойса, в отличие от Гомера, нет четкого распределения ролей на соответствующие пары: сирены — Одиссей и его спутники. Субъект и объект соблазна, соблазняющий и соблазняемый, могут по ходу повествования меняться ролями и, более того, одновременно выступать в двух ролях. Кроме того, соблазнитель в данной ситуации, выступающий в роли сирены, должен быть, судя по всему, исполнителем (певцом), а соблазняемый — слушателем. Но Джойс и здесь вносит некоторую путаницу. Роль соблазнителя и роль певца в его случае оказываются разделенными. Соблазнитель оказывается слушателем, а соблазняемый — исполнителем, или даже оба они оказываются исполнителями.

Такая запутанная ситуация возникает уже в самом первом эпизоде главы, где мисс Кеннеди и мисс Дус из окна наблюдают за кавалькадой вице-короля. Они выступают в роли сирен, пытающихся привлечь внимание проезжающих. Однако источником музыки становится именно кавалькада, и барменши слушают звуки копыт.

Помимо сложной процедуры трансформации мифа через его проблематику, Джойс использует и более простой способ. Он переносит ситуацию мифа в современность без изменений, тем самым его пародируя. В главе «Сирены» такое перенесение возникает дважды. В первый раз, когда мисс Кеннеди затыкает уши, уподобляя себя спутникам Одиссея, чьи уши залиты воском. И во второй раз, когда Блум наматывает на руку резинку, становясь пародийно похожим на Одиссея, привязанного к мачте.

Игра Джойса с мифом о сиренах являет собой ярчайший образец модернистской стратегии и предвосхищает яркие художественные поиски его литературных наследников.

Литература

French M. The Voices of the Sirens in Joyce's *Ulysses* // Journal of Narrative Technique. 1978. Vol. 8. P. 1–10.

Green J. D. The Sounds of Silence in «Sirens»: Joyce Verbal Music of the Mind // James Joyce Quarterly. 2002. Vol. 39, no. 3b. P. 489–502.

Бешенкова Татевик Артуровна

аспирант, Институт мировой литературы им. А. М. Горького (Москва)

РОМАН ДЖ. ГАРДНЕРА «ОСЕННИЙ СВЕТ» (1976) И ПОЛЕМИКА С ПОСТМОДЕРНИЗМОМ

Ключевые слова: постмодернизм, Дж. Гарднер, рамочный текст, полемика.

Джон Чамплин Гарднер (1933–1982) — американский писатель, вошедший в историю литературы не только как романист, но и как участник полемики вокруг постмодернизма. Наиболее ярко свою позицию он проявил в сборнике литературно-критических эссе “On moral fiction” («О нравственной литературе», 1978). В этой работе, программной для Гарднера, он подвергает решительной критике таких авторов, как, например, Джон Барт, Р. Кувер, Э. Л. Доктороу и Д. Бартельми за отсутствие, с его точки зрения, моральной составляющей в их творчестве. Многие исследователи, среди которых Дж. Л. Моррис и Дж. М. Ховелл, называют роман «Осенний свет» (October Light, 1976), о котором пойдет речь в докладе, произведением, где Гарднер теоретически проверял тезисы сочинения «О нравственной литературе». Одним из главных инструментов такой эстетической дискуссии становится вставной роман «Контрабандисты с Утеса Погибших душ», который читает героиня «Осеннего света» Салли Эббот.

Для творчества Гарднера характерно обращение к другим литературным произведениям («Крушение Агатона» отсылает к «Сравнительным жизнеописаниям» Плутарха, «Грендель» — к «Беовульфу»), в «Осеннем свете» основным объектом для выстраивания диалога становится не реальный литературный претекст, а придуманный самим же Гарднером условный постмодернистский роман. На первый взгляд он кажется обычной пародией на те жанровые и стилистические формы, с которыми Джон Гарднер боролся как публицист и мыслитель.

Вставной роман анонсирован в «Осеннем свете» как «Черный комикс. Супербоевик», содержащий «бездну юмора». Его сюжет повествует о противостоянии двух групп контрабандистов, экипажей кораблей «Необузданный» и «Воинственный». Часть страниц книги, которую читает запертая в своей комнате Салли, отсутствует. Полный лакунами роман завершается появлением «бога из машины» в виде летающей тарелки, которая спасает двух главных героев. Этому сюжету противостоит нарратив обрамляющей истории, в которой перед нами развивается семейная драма. В ее центре — конфликт постаревших брата (Джеймс Пейдж) и сестры (Салли Эббот) в декорациях дома Джеймса в Вермонте, семейные драмы и тайны.

Рамочный и вставной текст кажутся полными противоположностями друг друга: жанрово, стилистически, сюжетно. Однако на поверку мало схожие между собой романы оказываются тесно связанными. Действия Салли как бы служат подтверждением тезиса работы «О нравственной литературе»: искусство оказывает самое непосредственное влияние на жизнь, — когда она в той или иной мере начинает действовать под впечатлением от прочитанного, и внутренний нарратив «Контрабандистов…» становится двигателем сюжета обрамляющего романа. Размышляя о читаемом ею романе, Салли натыкается, сама того не подозревая, на разгадку семейной тайны. Так, непрошеный гость (intruder), врывающийся в квартиру служанки Перл из вставного романа, перекликается с непрошеным гостем, который был вместе с ее мужем в день его смерти (им оказывается ее племянник Ричард, спровоцировавший сердечный приступ дяди своим розыгрышем), а также с медведем, появляющимся в финальной главе (“Intruder”), олицетворяя гостя из другого мира.

Эпиграфом ко всему роману служит фрагмент из переписки Томаса Джефферсона с Джоном Адамсом, в котором Джефферсон рассуждает о воинственности как законе человеческой природе. Воинственность в романе Гарднера проявляется не только на уровне сюжета, где на каждом из нарративных уровней идет борьба (Салли и Джеймса в рамке, «Воинственного» и «Необузданного» во вставке), но и на уровне формы, где идеологически и эстетически противостоят друг другу сами рамочный и вставной тексты, которые реализуют в самом буквальном смысле два разных взгляда на мир. Множественные пропуски во вставном романе также мож-

но понимать не только как отсутствующие звенья смысла, но и в более широком контексте: как демонстрацию отличного от вермонтской истории подхода к действительности как материалу искусства. Обрамление и вставной текст рассказывают об одном и том же мире, описывают одну и ту же страну в одно и то же время, частично те ценности, о которых говорят эти романы, совпадают — примерно так же, как совпадают ценности Салли и Джеймса, но только взгляд на эти ценности кардинально отличен, и потому картина мира оказывается совершенно иной. Однако целостная картина мира оказывается достижима только через синтез и примирение.

В докладе будет предпринята попытка посмотреть на роман «Осенний свет» как на произведение, в котором Гарднер, ведя полемическую дискуссию с современниками в духе работы «О нравственной литературе», тем не менее, активно пользуется инструментарием постмодернизма, трансформируя его в русле своих этических и эстетических установок.

Литература

Гарднер Дж. Осенний свет: роман / пер. с англ. И. Бернштейн; предисл. Г. Злобина. М.: Прогресс, 1981.

Gardner J. October light. London: Jonathan Cape, 1977.

Gardner J. On moral fiction. New York: Basic Books, 1978.

Howell J. M. Understanding John Gardner. Columbia: University of South Carolina Press, 1993.

Morace R. A. John Gardner: an annotated secondary bibliography. New York: Garland, 1984.

Morris G. L. A world of order and light: the fiction of John Gardner. Athens: University of Georgia Press, 1984.

Вихрова Ксения Александровна

ст. преподаватель, Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А. Л. Штиглица

ПАРОДИЙНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЮЖНОЙ готики В РОМАНЕ «ДИТЯ БОЖЬЕ» КОРМАКА МАККАРТИ

Ключевые слова: Кормак Маккарти, южная готика, постмодернизм, пародия.

Современный американский писатель Кормак Маккарти (Cormac McCarthy, 1933–2023) известен глубоким погружением в глубины человеческого сознания, особенно в рамках южной готической традиции, сопряжённой с материальными аспектами экзистенциального ужаса. Его экранизированный роман «Дитя Божье» (“Child of God”, 1973) занимает важное место в ряду так называемых «аппалачских романов» автора и представляет собой глубокое исследование процессов моральной и социальной деградации.

Действие романа разворачивается в 1960-х гг. на юге США — в округе Севир штата Теннесси. В центре повествования — судьба Лестера Балларда, с ранних лет отчужденного от общества, что лишь усугубляется враждебностью окружающих. После насильственного выселения из дома и ложного обвинения в преступлении Баллард окончательно утрачивает связь с социальной средой и обосновывается в заброшенной хижине. Однажды он обнаруживает жуткую находку — полуодетые тела двух молодых людей, занимавшихся любовью в покинутом автомобиле. Это событие становится поворотным моментом в его жизни: Лестер впервые испытывает патологическое влечение к мертвым телам, что со временем трансформируется в некрофилию, а затем и в непреодолимое стремление к убийству. Постепенно его преступления становятся всё более жестокими и систематичными, а коллекция трупов пополняется. В конечном итоге Лестер находит прибежище в пещере, окончательно разорвав связь с человеческим обществом, и лишь случайность позволяет полицейским напасть на его след.

Несмотря на ограниченное внимание, уделяемое роману «Дитя Божье» в отечественном литературоведении, в западной критической традиции активно анализируются особенности психологической эволюции главного героя. Одним из важных направлений исследования стало рассмотрение произведения через призму традиции романа воспитания. Так, Э. Хейдж вскользь упоминает об общей некритичной соотносимости романа с жанром [Hage 2010: 57]. В то же время М. Джафари, М. С. Беяд и З. Рамин проводят сравнительный анализ романа, опираясь на пять характеристик жанра, сформулированных В. Дильтеем, и приходят к выводу, что Маккарти подвергает роман воспитания деконструкции: традиционные этапы становления личности заменяются их антиподами, а социально одобряемые модели развития героя — процессом его нравственной деградации [Jafari et al. 2023: 3]. Примечательно, что исследователи рассматривают готику в широком смысле и отмечают, что роман Маккарти подрывает оптимистический взгляд на будущее человечества.

Хотя роман «Дитя Божье» часто рассматривается в контексте постмодернистской эстетики, его пародийная природа остается недостаточно изученной. Пародия является идеальной формой выражения постмодернизма [Hutcheon 2000: 32], а идентичность в этом контексте характеризуется нестабильностью, что приводит к ее ассоциации со смертью [Baudrillard 1993: 4]. В романе «Дитя Божье» процесс деградации главного героя представляет собой регрессию субъекта: стремление к самореализации через осознание идентичности, гендерной принадлежности, социальной роли и поведенческих моделей приводит не к становлению личности, а к ее разрушению, реализующемуся в подчеркнуто гротескном ключе.

Взаимодействие с южноготическим кодом придает тексту дополнительное измерение: нарочито гипертрофированные и избыточные элементы ужасного в социальной среде, окружающей героя, создают напряжение между трагическим и комическим. Биографические элементы, такие как самоубийство отца, уход матери и последующее сиротство, маркируют его маргинальность и предопределяют дальнейшую деградацию. Нарративно это усиливается через вос-

поминания второстепенных персонажей, фиксирующих постепенное разложение рода Баллардов, в котором, по рассказам, не было ни одного порядочного человека. Таким образом, хотя акцент на внутреннем конфликте героя подчеркивает индивидуализм повествования, уникальность Балларда является отражением более широких — и гиперболизированных — исторических и социальных процессов.

Пространственное окружение Балларда — разрушенные дома, ржавеющая техника, разлагающаяся природа — становится отражением его внутреннего распада. По мере развития сюжета среда вокруг героя приобретает все более гнетущие и жуткие черты, тем самым визуализируя его психологическую и физическую деградацию. Кульминацией этого процесса становится сцена в больнице, где Балларда подвергают медицинскому осмотру, что символизирует окончательное уничтожение его субъектности. Последовательные стадии его деградации (превращение в животное, заботящееся лишь о физиологичных потребностях; монстра-убийцу; «объект», транспортируемый к месту предполагаемой расправы; предполагаемого мертвеца; призрачное существо, нагоняющее жуть на округу) можно рассматривать как форму примитивизации, подрывающую представление о человеке как цельном и автономном субъекте.

Образ Балларда соотносится с концепцией социального исключения, также характерной для южноготической традиции, а его взаимодействие с трупами символизирует радикальную отчужденность и психическую смерть, в которой он, однако, обретает иллюзию взаимодействия и интеграции. Лестер обращается с трупами с почти трогательной заботой (сохраняет от разложения, наряжает, общается с ними), так что эффект ужасного сменяется комическим.

Отдельно важно отметить эпизод с переодеванием в подчеркнуто нелепую женскую одежду, принадлежавшую жертвам, и парик из скальпа с последовавшей дракой с новым владельцем дома Балларда. С одной стороны, так герой определяет свою гендерную идентичность, разрушая традиционные оппозиции, с другой — выступает в роли хрестоматийного маньяка из комедийного сегмента фильмов ужасов.

Таким образом, можно сделать вывод, что психологическое развитие персонажа полностью подчинено постмодернистской деконструкции. Однако важным аспектом остается подчеркнуто пародийный характер деконструкции, реализуемой в южноготической плоскости.

Литература

Baudrillard J. Symbolic exchange and death: theory, culture & society. London: Sage Publications, 1993.

Hage E. Cormac McCarthy: A Literary Companion. Jefferson: McFarland & Company, 2010.

Hutcheon L. A theory of parody: the teachings of twentieth-century art forms. Urbana; Chicago: University of Illinois Press, 2000.

Jafari M., Beyad M. S., Ramin Z. A Novel of De-formation: Cormac McCarthy's Child of God as a Postmodern Gothic Parody of the Bildungsroman // Humanities and Social Sciences Communications. 2023. No. 10. P. 1–10.

Гасымова Салима Джабраил Гызы

канд. филол. наук, доцент, Бакинский славянский университет, Азербайджан;
saligasimova@gmail.com

РОМАН-ПРИТЧА УИЛЬЯМА ГОЛДИНГА «ПОВЕЛИТЕЛЬ МУХ»: СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД НА ЦЕНТРАЛЬНУЮ ПРОБЛЕМУ

Ключевые слова: Голдинг, экзистенциализм, «звериный инстинкт», современность, творческое наследие, художественные течения.

К началу второго десятилетия XXI в. учёными-литературоведами накоплен достаточно большой опыт в различных художественных течениях и направлениях. В целом и общем выработаны их основные черты, установлены признаки, определены критерии и указано на особенности. Филологи, историки, философы, культурологи и представители смежных специальностей продолжают писать и говорить о своих новых мечтах, надеждах и пристрастиях европейских писателей. Однако в течение определённого отрезка времени многие из художников слова объединились в отдельные группировки. Позже они, собственно говоря, оформились в те или иные направления и течения в западноевропейской литературе.

В качестве отдельного объекта исследования мы избрали одно из судьбоносных сочинений видного английского писателя У. Голдинга «Повелитель мух». Он является стойким и последовательным представителем экзистенциализма, направления, началу которого положили известные писатели-теоретики и философы Ж.-П. Сартр и А. Камю. Именно они первыми в западноевропейской мысли заложили основы экзистенциального мировидения. Их философские воззрения стали базисными практически для всех художественных сочинений У. Голдинга. Но «Повелитель мух» — это его детище в буквальном смысле слова, произведение, принесшее ему не только национальную, но и мировую славу.

Прежде всего подчеркнём, что У. Голдинг, как Ж. Сартр и А. Камю тоже в известной степени был философом и мыслителем, однако, объективно рассуждая, писатель, художник слова в его творческом наследии всегда шёл впереди учёного. И это в особенности ощущается в романе-притче «Повелитель мух» [Голдинг 1973: 213].

Во главу угла писатель положил примат «звериного инстинкта», который проявился у подростков. У. Голдинг разъясняет: сам по себе «животный, или звериный инстинкт» — это внутренний отзвук на неадекватное поведение определённой части людей. В настоящем случае речь идёт о действиях жестоких и злобных мальчишек. Но в принципе, это часть более крупной проблемы. Существо дела здесь заключается в том, что примат «животного (звериного) инстинкта» в буквальном смысле слова неотделим от экзистенциального мышления автора. И оно словно разлито по всей сюжетной канве. С одной стороны, У. Голдинг приурочивает центральную проблему к противоречиям современного ему (1960-е гг.) буржуазного общества. С другой стороны, это, по его предположению, прямое следствие исторического процесса несколько позднего периода, точнее, кризисы, оправдание «холодной войны»1970-х гг. Наконец, предтечей романа-притчи становится в глазах автора массовое обнищание населения после войны с фашизмом.

Основная мысль, которую писатель открыто манифестировал вкупе с некоторыми другими своими единомышленниками — это возможность существования людей в послевоенном мире без Бога, то есть, в царстве иррациональности и абсурда. Спрашивается, отчего происходит такое неверие? Как мы понимаем, вслед за известными исследователями его творчества, главная причина примата «звериного начала» в человеке — это разительный и к тому же реальный разлад в цивилизованном обществе. Центральные герои «Повелителя мух» и некоторых других его произведений по большей части существуют в состоянии страха и безотчётных тревог. Как правило, по жизни у них нет взаимных чувств, в любви разве что маячит только призрачная надежда. Отсюда и вытекает характер различных писательских красок.

Мир персонажей интересующего нас произведения в такой степени дисгармоничный, что почти в каждой главе (разделе, эпизоде, сцене) он овеян пафосом драматизма. Животное начало

мальчишек — будущих фашистских молодчиков однозначно берёт верх. Вот почему в их характерах, как правило, крайне мало места элементарным человеческим чувствам. Очень часто герои чувствуют себя одиноко и чрезвычайно бесприютно в «юдоли печали». Причём, У Голдинг не только не скрывает подобных отрицательных моментов, но и намеренно их выпячивает.

Большие перемены в мировидении Уильяма Голдинга наступили в годы Отечественной войны, решительно изменив многие ранние представления о мире в экзистенциальную сторону. Так, во время своей службы на флоте молодой писатель впервые столкнулся с проявлением фашистской идеологии. Последствия оказались поистине ужасными. Они оставили отпечаток на всём дальнейшем художественном творчестве. Озверение массы людей приводит к печальному итогу: это исконная болезнь всего человечества. Немного громогласно, но с полным согласием с оформляющейся в ранний период творчества философией, это заклятье он клеймил как «самый ортодоксальный тезис первородного греха».

Поэтому У. Голдинг и не скрывал своей центральной тематики, ставшей, с одной стороны, злым роком, а с другой — панацеей спасения (разумеется, в его субъективном понимании) прогрессивного человечества. Готовых рецептов он, конечно же, в «Повелителе мух» не даёт (да и вряд ли они могут существовать в художественной литературе), но описание «животного», или «звериного» инстинкта здесь было налицо. На наше личностное усмотрение, очень похоже на знаменитый зачин лермонтовского «Героя нашего времени», когда вроде бы и достаточно указать на причины самой болезни, а о том, как её лечить, пусть думают уже представители других специальностей.

Комментируя главную книгу своей жизни — «Повелитель мух» — У. Голдинг писал: «…тот, кто прошёл сквозь горнило фашистских зверств и не сумел ясно осознать, как творится людьми зло, или слеп, или разума лишён» [Голдинг 1963: 225]. А немного позднее он объяснился более конкретно по сути вынесенного человечеству приговора: «Прежде я верил в совершенство человека как объекта социального, но сейчас особенно глубоко сомневаюсь в жизненных источниках и силах доброй воли» [Голдинг 1963: 226].

В полном согласии с такого рода идеологической установкой писатель показывал в данном романе рецидивы фашизма. Новый мир мальчишек он разделил на два направления: непосредственно событийный, с одной стороны, и аллегорический — с другой. Первый — это сама фабула, наполненная мрачной, исполненной драматизма историей о том, как небольшая кучка, казалось бы, благовоспитанных английских подростков превращаются буквально в извергов, в атавистическое племя отбросов цивилизованного европейского общества, в дикарей, которые жаждали крови. Среди озверевших подростков шла самая настоящая борьба за выживание. Но нам представляется более острым и актуальным именно второй план повествования. Это символический подтекст романа. Он зримо напоминает нам о разгуле фашистских варваров. И история, по убеждению Уильяма Голдинга, всегда призвана служить весьма серьёзным, даже грозным предупреждением о том, сколь непрочна мировая современная цивилизация.

Симптоматично, что по поводу содеянного фашиствующими молодчиками зла в этом сочинении Уильям Голдинг пишет со всей серьёзностью, то есть на самом ответственном уровне. Речь идёт прежде всего об атавизме, примате животного, поистине самого низменного инстинкта. Действительно, именно он, постепенно укореняясь в человеке, одерживает здесь верх. Любопытно, на наш взгляд, что в данном вопросе Голдинг одновременно с тем следовал философии Платона, который называл человека не просто «животным общественным», но и добавлял от себя: существом моральным [Голдинг 2006]. Значит, ему следовало бы подавлять в себе такие инстинкты, чего он, увы в романе (да и в реальной жизни, по мысли писателя), не делает.

Подростки в ходе повествования укрепляются в собственной силе, а «зверь» в свою очередь словно увеличивается в размерах, постепенно становится всесильным, монстром, как становится вездесущим набирающее силу злое начало в критических, то есть пограничных ситуациях. Животный инстинкт побеждает даже в такой степени, как будто «из вод» выходит или «с неба падает» (труп парашютиста). Таким образом, весь остров здесь как бы пропитан злом.

Итак, нам представляется, что не всё так просто у У. Голдинга. Когда он рассказывает о действиях своих героев-зверёнышей, то сообщает нам незначительную часть правды, частную

правду, по выражению современных психологов или философов. Такая доля правды весь предмет не охватывает, истины в её окончательном виде мы здесь отнюдь не имеем. Нам видится, что Уильям Голдинг тут близок, скажем так, к философии Паскаля, у которого есть хорошо известное изречение: «Человек — он ни ангел, и ни зверь» [Павловская 2003: 177–180].

Всем своим существом У. Голдинг более полувека тому назад утвердил мысль о том, что зло никуда не исчезает.

Литература

Голдинг У. Выступление на встрече писателей Европы в Ленинграде // Иностранная литература. 1963. № 11. С. 224–226.

Голдинг У. Рецензия на роман «Повелитель мух» // Иностранная литература. 1973. № 10. С. 212–215.

Голдинг У., Мёрдок А. Повелитель мух. Чрезвычайный посол. Черный принц. Романы. М.: НФ «Пушкинская библиотека», 2006.

Павловская А. Т. Паскаль. Программирование на языке высокого уровня. М.: Наука, 2003.

Гилеп Ольга Георгиевна

аспирант, Минский государственный лингвистический университет, Беларусь;
olga.gilep2@gmail.com

«ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИМПРЕССИОНИЗМ» ФОРДА М. ФОРДА В ЗАРУБЕЖНОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КРИТИКЕ

Ключевые слова: импрессионизм, модернистский роман, Форд М. Форд, психологизм.

Фигура Форда М. Форда является переходной в истории британской литературы XX в. Особенность его творчества заключается в двойственной приверженности викторианскому роману и зарождавшемуся в то время течению модернизма. Отражая в своих романах меняющиеся представления о роли персонажа и художественного времени, Форд М. Форд сыграл важную роль в становлении и развитии модернистского романа, несмотря на то что значимость его вклада в развитие модернизма все еще остается весьма спорной. Репутация Форда как романиста сформировалась, прежде всего, на основании его романа «Солдат всегда солдат» («The Good Soldier», 1915) и тетралогии «Конец парада» («Parade's End», 1924–1928). Однако уже после смерти писателя произошло возрождение интереса значительного числа не только критиков, но и таких ведущих романистов и поэтов двадцатого столетия, как Г. Грин, Р. Лоуэлл, У. К. Уильямс и др., к его творчеству, что было связано с переизданием двух вышеупомянутых произведений. Его роман «Солдат всегда солдат» теперь постоянно фигурирует в исследованиях модернизма, а британский литературовед М. Брэдбери назвал «Конец парада» ключевым произведением модернизма 1920-х гг. В течение последних трех десятилетий отмечается всплеск активности в исследовании творчества Форда М. Форда. Критический анализ произведений писателя выходит за пределы Великобритании и США и приобретает интернациональный характер.

В зарубежном и отечественном литературоведении интерес к изучению наследия Форда, в основном, сосредоточен на технике письма, в частности, в романе «Солдат всегда солдат». Так, М. Брэдбери в своей работе «Современный британский роман» (1994) ставит его в один ряд с ведущими книгами модернизма довоенного периода и отмечает экспериментальную составляющую этого произведения. Критик выделяет метод косвенного повествования (indirect narration), когда рассказчик, Джон Доуэлл, обращается к прошлому, к своим впечатлениям, порой обманчивым, которые он пытается осмыслить. Особенно важным для повествования в книге, по мнению М. Брэдбери, является слово «впечатление»: Форд М. Форд создает мир «всесторонних», «первых», «ложных» впечатлений, и именно их запутанная расшифровка создает «сложную фрагментарную структуру повествования», которая дает право литературоведу поставить Форда в один ряд с такими представителями модернизма, как Дж. Джойс и В. Вулф [Bradbury 1994: 90]. Говоря о Форде, М. Брэдбери применяет и понятие «импрессионизм», ссылаясь на слова самого писателя, который вместе с Дж. Конрадом разработал метод, названный ими самими «импрессионизмом» («Impressionism»): «…жизнь — это не повествование, а впечатления, которые получает наш мозг. А мы, в свою очередь, для того чтобы создавать эффект жизни, должны не рассказывать, а передавать впечатления» [Ford 1964: 73].

Детальный анализ романа «Солдат всегда солдат» проводит британский литературовед П. Б. Армстронг, который определяет отличительную манеру письма Форда М. Форда как «стиль импрессионизма», ставший ответом на эстетику двух великих мастеров в лице Г. Джеймса и Дж. Конрада. «Литературный импрессионизм» Форда, по мнению литературоведа, заключается в том, что писатель переносит фокус с упорядочивающей деятельности сознания на неясность и непосредственность неотфлексированных «впечатлений» [Armstrong 1987: 190]. Такая фрагментация повествования обнажает хрупкость действительности и соответствует представлению Форда об одном из ключевых принципов импрессионизма, а именно исчезновении автора со страниц его книг. Опираясь на суждения П. Б. Армстронга, мы можем придти к выводу, что средствами сюжета Форд М. Форд вызывает у своих героев состояния замешательства

и растерянности, показывает, как неотрефлексированный опыт является способом познания человеком мира. Это выражается при помощи ряда стилистических средств и особого подбора лексических единиц.

Американский критик М. Шорер также отмечает усложненную структуру романа «Солдат всегда солдат», а британский литературовед Р. А. Кассель видит уникальность данного произведения в иронии, с которой писатель относится к своему главному герою, которого он изображает наивным, сбитым с толку, близоруким американцем, оперирующего не фактами, а впечатлениями и догадками.

В отечественном литературоведении отдельным аспектам романов Форда М. Форда посвящены диссертации Н. А. Зинкевич и Л. А. Тукузиной, однако более полный обзор творчества Форда представлен в монографии Н. И. Рейнгольд «Модернизм в английской литературе. История. Взгляды. Программные эссе» (2017). Литературовед соотносит творчество писателя с этапом протомодернизма, отмечая, что он создал модернистскую технику и разработал приемы, «которые пришлись впору и последующим поколениям писателей» [Рейнгольд 2017: 92]. Одной из отличительных особенностей произведений Форда М. Форда является, согласно Н. И. Рейнгольд, особая роль «наблюдателя-рассказчика», который передает нам свое видение мира при помощи впечатлений. Н. И. Рейнгольд выделяет следующие особенности «литературного импрессионизма» писателя: глубокий психологизм, «незавершенность», «невыправленность», «непричесанность» каждого отдельного впечатления, «спутанная хронология», «перебивки в повествовании», техника коллажирования. Н. И. Рейнгольд также обозначает те языковые средства, из которых создается «литературный импрессионизм» Форда М. Форда.

Таким образом, литературное наследие Форда М. Форда представляет особый интерес с точки зрения раннего этапа модернизма в британской литературе. Представляется, что перспективным будет его изучение в сопоставлении с произведениями таких его соотечественников и современников, как Д. Ричардсон, М. Синклер и К. Маккензи.

Литература

Рейнгольд Н. И. Модернизм в английской литературе. История. Взгляды. Программные эссе. 2–е изд., перераб. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2017.

Armstrong P. B. The Challenge of Bewilderment: Understanding and Representation in James, Conrad, and Ford. Ithaca: Cornell University Press, 1987.

Bradbury M. The modern British novel. London: Secker & Warburg, 1994.

Ford F. M., Conrad J. A Personal Remembrance // Critical Writings of Ford Madox Ford / ed. by F. MacShane. Lincoln: University of Nebraska Press, 1964.

Игнатов Кирилл Юрьевич

канд. филол. наук, доцент, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; kirillignatov1972@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ПЬЕСЫ БРЮСА НОРРИСА «КЛАЙБОРН-ПАРК» КАК «ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОДОЛЖЕНИЯ»

Ключевые слова: постмдернизм, драматургия, литература США, интертекстуальность.

Брюс Норрис (род. 1960) известен и как американский актёр и как драматург, связанный с труппой «Степпенвульф Театр» в Чикаго. Он закончил один из университетов Иллинойса по специальности «Театр» и быстро добился успеха на сцене как характерный актёр, а перипетии актёрской жизни дали ему материал для его первой пьесы «Актер уходит на пенсию» (1991), успех которой в чикагском театре, а потом и удачная радиопостановка, вдохновили его на продолжении работы над драмами. С тех пор он написал 18 пьес и работал над адаптацией зарубежных драм для постановки в США. Пьеса «Клайборн-Парк» была представлена зрителям в 2010 г. в Чикаго, Нью-Йорке (сначала «вне Бродвея», и почти сразу вслед — в бродвейском театре), и театре «Ройал-Корт» в Лондоне. В истории американской драматургии это единственная пьеса, которая получила сразу три самые престижные премии в США и Великобритании: в 2011 г. — Пулитцеровскую премию за лучшую драму, а на следующий год — Премию Лоренса Оливье за лучшую новую драму и Премию «Тони» за лучшую пьесу.

Пьеса «Клайборн-Парк» вдохновлена пьесой Лоррейн Хэнсберри «Изюминка на солнце» (1959). В тексте Норриса представлены события, происходящие во время и после пьесы Хэнсберри, и, вообще говоря, основанные на исторических событиях, которые произошли в Чикаго начала 1950-х гг., — так называемого «раздела Вашингтонского парка». Пьеса Хэнсберри рассказывает о жизни на юге Чикаго чернокожей семьи, которая пытается улучшить свое финансовое положение с помощью страховой выплаты после смерти отца и переехать в привилегированный район, где живут только белые, не желающие менять положение вещей. Темы и мотивы пьесы Лоррейн Хэнсберри получают развитие у Брюса Норриса: расовая дискриминация, расизм, самоидентификация, культурная ассимиляция, культурно-историческое наследие и сложности человеческих отношений.

В литературоведении [Палойко 2014] под литературным продолжением понимается самостоятельное литературное произведение, которое в построении и развитии художественных образов опирается, путём прямого заимствования или отсылок той или иной степени очевидности, на литературное произведение, созданное ранее, — возможно, другим автором или авторами, в другую историческую эпоху или даже в другой культуре. Литературное продолжение возникло довольно давно, но бурное развитие его началось в XX в. и продолжается сегодня [Griffiths 2015], что во многом обусловлено «вторичным» характером культурыпост-модерна, которая либо отталкивается от предыдущих культурных вершин, либо пытается им подражать, либо вступает в игру с классическими сюжетами, персонажами и текстами. Стоит отметить, что, с одной стороны, многие «литературные продолжения» становятся частью культурного канона наряду с оригиналами, что особенно верно для кинотекстов, а с другое — являются успешными самостоятельными работами, существующими независимо от своих «прототекстов» (например, драмы Тома Стоппарда). Так и пьеса «Клайборн-Парк» может восприниматься без опоры на текст Хэнсберри, но знакомство с «Изюминка на солнце» обогащает восприятие зрителя.

В классическом литературном продолжении «вторичный текст» использует художественные составляющие своего «прототекста»: персонажи, время и место действия, элементы художественного мира, Литературное продолжение неизбежно актуализирует интертекстуальность как объективное включение в литературный текст элементов, семантическая полнота которых достигается только в контексте иного литературного текста. Пьеса Норриса представляет собой постмодернисткое литературное продолжение, поскольку в ней нет непосредственно элементов пьесы Хэнсберри, но повторяется тот же конфликт, что и в драме 1959 г., только показа-

на его оборотная сторона в США конца 1950-х гг. и продолжение в США начала XXI в. Причём оборотная сторона исходного конфликта отнюдь не является его противоположностью, как «ревизионисткий вестерн» является антиподом классического вестерна, а, скорее, дополняет его и заостряет поставленные в пьесе проблемы, показывая их развитие пятьдесят лет спустя. Анализ пьесы позволяет выделить ряд важных особенностей.

Прежде всего, два действия пьесы, хронологически разделённые пятьюдесятью годами, показывают зрителю две культурно разные Америки, и единственное, что остаётся неизменным — это место действия, — старый дом в престижном районе Чикаго, который, впрочем, настолько обветшал, что в центре второго действия оказывается обсуждение его сноса.

Второй важной особенностью драмы является прямое указание автора на тех актёров, которые играют персонажей на сцене, то есть связь «двух Америк» не зависит от восприятия зрителей, а определяется замыслом автора. Интересно, что Норрис прямо указывает, каких героев должны играть белые артисты, а каких — афроамериканцы, что в современном театре кажется чуть ли не преступлением против «слепого кастинга», но иначе постановка пьесы просто невозможна.

Наконец, важной особенностью пьесы Норриса является то, что сама композиция драмы и система её персонажей позволяет если не расширить культурно-обусловленные границы допустимого в рамках современной парадигмы политической корректности, то, по крайней мере, проверить их «на прочность», что в современном мире уже является смелым шагом вперёд. Оказывается, что современный американец, пытаясь проявить (или продемонстрировать?) уважение к уникальным традициям, образу жизни и языку как неотъемлемым культурно-историческим ценностям [Карелина 2019: 21], в то же время причиняет боль своим близким и подрывает основы гуманизма, что и ведёт к человеческой трагедии.

Литература

Карелина Н. А. Аборигенный туризм как одно из направлений сохранения и развития культуры коренных народов Канады // Человек и культура. 2019. № 4. С. 20–25.

Палойко Л. В. Образ персонажа в оригинале и литературном продолжении англоязычного романа как объект филологического анализа: дис. … канд. филол. наук. Самара, 2014.

Griffiths R. Picking Up the Torch: The Golden Age of the Continuation Novel // History Today. March 9, 2015. URL: https://www.historytoday.com/archive/picking-torch-golden-age-continuation-novel (дата обращения: 25.01.2025).

Каменева Александра Игоревна

аспирант, Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта;
ksandra.kameneva@yandex.ru

РЕКОНТЕКСТУАЛИЗАЦИЯ СЮЖЕТОВ НЕМЕЦКИХ, РУССКИХ И ЕВРЕЙСКИХ СКАЗОК В ТРИЛОГИИ КЕЙТ БЕРНХАЙМЕР О СЕСТРАХ ГОЛЬД

Ключевые слова: Кейт Бернхаймер, реконтекстуализация, сказки, современный американский роман.

Кейт Бернхаймер — современная американская писательница и исследовательница фольклора, основатель и редактор ежегодного журнала «Сказочное обозрение» (Fairy Tale Review), посвященного популяризации сказочного жанра и публикации новых сказок.

Трилогия о сестрах Гольд публиковалась Бернхаймер на протяжении 10 лет: литературный дебют писательницы «Полное собрание сказок Кетции Гольд» (The Complete Tales of Ketzia Gold) вышел в свет в 2001 г., «Полное собрание сказок Мерри Гольд» (The Complete Tales of Merry Gold) в 2006 г., заключительный роман трилогии «Полное собрание сказок Люси Гольд» (The Complete Tales of Lucy Gold) в 2011 г.

Уникальность трилогии Бернхаймер обусловлена лежащей в ее основе реконтекстуализацией сюжетов немецких, русских и еврейских сказок, перечень которых писательница представляет в начале каждой книги. Авторская выборка мотивирована, с одной стороны, желанием Бернхаймер познакомить читателей с малоизвестными сказками, составляющими, по ее собственным словам, ее культурное наследие (у писательницы есть русские, немецкие и еврейские корни), «воздать им хвалу», с другой, реконтекстуализируя сказки из сборников братьев Гримм, А. Н. Афанасьева, и еврейских сказок, изданных под редакцией Б. Вайнрайх, автор показывает, что они представляют противоположность «классическим» отцензурированным сюжетам и современным адаптациям своей мрачностью и деконструкцией тропа «и жили они долго и счастливо».

Реконтекстуализируемые сказки, представленные в романах трилогии, можно разделить на две группы: перекликающиеся, задействованные в двух или трех романах, обрабатываемые и представленные каждой сестрой с ее точки зрения, и частные, встречающиеся только в одном конкретном романе трилогии.

За исключением малого числа сказок, тексты которых приводятся без изменений, большая их часть в той или иной степени трансформируется. Трансформация затрагивает различные аспекты претекстов, наиболее очевидным из которых является *гендерный*. Так как Кетция, Мерри и Люси являются составительницами своих книг, они же становятся и нарраторами, меняя мужское на женское, посредством чего, во-первых, наиболее иллюстративно демонстрируется их опыт, травма, во-вторых, такая реконтекстуализация подчеркивает деконструкционную интенцию сестер, желание создать женский текст. В данном контексте примером может послужить «Баллада Мерри», которая является реконтекстуализированной версией «Баллады о верной жене» из сборника еврейских сказок. Сюжет оригинальной баллады сконцентрирован вокруг традиционной семейной пары. Муж оставляет свою жену, но после многих лет скитаний возвращается к ней, скрывая свою личность, искушает и проверяет ее на преданность. В реконтекстуализированной версии места мужа и жены занимают Мерри и ее мать. Мерри, в сшитой ей из тюленьей шкуры шубе, что делает ее похожей на мифологического персонажа — шелки, возвращается, как и муж из претекста, к родному дому и проверяет свою мать. Используя реконтекстуализацию, Бернхаймер смещает акцент с традиционной семейной парадигмы «муж-жена» на «мать-дочь», подчеркивая тем самым конфликт, существующий в семействе Гольд.

Трансформация затрагивает также *социальную* и *моральную* функции сказки. Так, беря в качестве основы сказку «Косоручка» (№ 279) из сборника А. Н. Афанасьева, Бернхаймер реконтекстуализирует текст русской сказки. Героиня выступает в роли жены из претекста, однако, если в тексте русской сказки жена злая и гибнет от своих козней, которые строит своему мужу и его сестре, Кетция не стремится разлучить брата с сестрой, но, несмотря на благие намерения, все

ее действия оказываются деструктивными. Ревность вынуждает Кетцию оставить мужа с сестрой, которых она подозревает в инцесте, после чего Кетция переживает потерю ребенка. Уже в сказке-претексте был деконструирован троп счастливого замужества, являющегося канонизированным социальным благом в традиционной сказке. В «Косоручке» разрушение этого тропа мотивируется через введение образа злой жены, наказанной за свое поведение. История Кетции у Бернхаймер показывает бесплодность испытаний, вознаграждаемых в традиционной сказке. Хотя в конце главы муж Кетции возвращается и забирает ее домой (ведь сестра бросила его), финал главы является псевдосчастливым, так как в конце романа Кетция и ее муж расстаются.

Отдельный интерес вызывают сказки, которые модифицируют сказочные аспекты, главным образом *загадки*. Так, например, в «Золотом ключе» Люси, трансформированном одноименном тексте из сборника братьев Гримм, обряд инициации, который должен пройти сказочный герой, теперь должен преодолеть читатель, загадка становится смыслообразующей составляющей самого романа. Общая для всех трех романов «Сказка-загадка» братьев Гримм оканчивается разными вопросами, остающимися без ответа: Кетция вопрошает, почему старшая сестра вышла замуж и бросила ее и младшую сестру с матерью; Мерри спрашивает, почему ее отделили от матери, отослав в город; Люси задает два вопроса: где теперь живут ее сестры, ее истории? И почему она та, кто мертва?

Таким образом, реконтекстуализация сказочных сюжетов в трилогии Бернхаймер является основным авторским приемом, деконструирующим сказочные аспекты с целью создания нового текста, переосмысляющего традиционную сказку.

Литература

Bernheimer K. The Complete Tales of Ketzia Gold. Tuscaloosa, 2001.
Bernheimer K. The Complete Tales of Merry Gold. Tuscaloosa, 2006.
Bernheimer K. The Complete Tales of Lucy Gold. Tuscaloosa, 2011.

Данное исследование было поддержано из средств программы стратегического академического лидерства «Приоритет 2030» БФУ им. И. Канта.

Левешко Татьяна Александровна[1], Головачева Ирина Владимировна[2]

[1]соискатель, Санкт-Петербургский государственный университет;
ст. лаборант, Институт экспериментальной медицины;
t.leveshko@spbu.ru
[2]д-р филол. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет;
igolovacheva@gmail.com

ВИРУСЫ И ПАНДЕМИИ КАК КАТАЛИЗАТОР СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В ОБЩЕСТВЕ В РОМАНАХ-АНТИУТОПИЯХ

Ключевые слова: антиутопия, пандемия, вирус, постапокалипсис.

В современной художественной литературе все чаще проблематизируется трансформация, если не сказать «мутация», общества в эпоху возникновения эпидемий, вызванных вирусами, в особенности с теми, с которыми медицина еще не научилась справляться. Из всех мировых литератур, именно американская литература вот уже сто лет особенно эффектно и интенсивно эксплуатирует топос пандемии [Milner 2022; Головачева 2014: 238–251; Головачева 2022]. Ожидаемое, тема эпидемий и их влияния на общество все чаще возникает на страницах романов-антиутопий. В них вирусы становятся антагонистами отдельной группы людей или всего человечества, трансформируя их восприятие привычной реальности и давая возможность интерпретировать ее по-новому, тем самым предлагая читателю роль исследователя, наблюдающего за ходом эксперимента. Среди знаковых работ последних десятилетий следует выделить несколько произведений, в которых идея пандемии является той призмой, через которую искусство, человеческие отношения, наука, повседневная жизнь искажаются порой до неузнаваемости, а люди не прекращают попыток сохранить важнейшие материальные и нематериальные артефакты распадающейся цивилизации. Мрачным пророчеством представляется роман «Дорога» К. Маккарти (Cormac McCarthy, «The Road», 2006). В нем нет прямых указаний на конкретный вирус, но описания окружающей среды наводит на мысль о подобной катастрофе. «Дорога» повествует о попытке взрослого человека спасти надежду на будущее — ребенка. Универсальность этой надежды отчасти подчеркивается безымянностью персонажей, тем не менее, натуралистичные описания каннибализма, убийств, звериной борьбы за пищу заставляют задуматься о том, кем будет населен мир постапокалипсиса, каковы будут взаимоотношения между выжившими, сумеют ли люди сохранить в себе человечность.

Не только вопрос физического выживания является объектом интереса авторов антиутопий, во многих произведениях затрагиваются, например, такие темы, как место и роль искусства в постапокалиптическом мире. Роман «Станция Одиннадцать» Э. Сент-Джон Мандел (Emily St. John Mandel, «Station Eleven», 2014) повествует о молодой женщине, пережившей в детстве травматичный опыт, причем одна травма накладывается на другую — сначала на ее глазах умирает театральный актер, а вскоре мир накрывает эпидемия неизученного ранее вируса. Спустя много лет женщина странствует с актерской труппой по разрозненным поселениям постпандемического мира. Одним из ключевых вопросов романа является право на существование искусства в мире, где привычные ценности претерпевают необратимые изменения и общество оказывается совершенно беззащитным перед неизвестной опасностью. В романе также говорится о вере, что выглядит несколько парадоксально, ведь в современном мире наука и религия все чаще находятся по разные стороны баррикады. Тем не менее, в антиутопиях XXI в. данная тема является одной из ключевых. Так, например, в романе М. Этвуд «Орикс и Коростель» (Margaret Atwood, «Oryx and Crake», 2003), повествующем о мире, разрушенном генной инженерией и биологической катастрофой, главный герой, заботится о генетически-модифицированных людях, созданных его гениальным другом-ученым до катастрофы. Вполне очевидной является отсылка одновременно к двум персонажам ветхозаветной истории — Моисею, руководившему Исходом евреев из Египта, и Ною, создателю Ковчега и хранителю всех живых существ в погибающем старом мире.

Следует отметить, что сосуществование и взаимодополнение биологии и религии присуще отнюдь не только антиутопиям века нынешнего. Прослеживается связь новейших текстов со знаковыми произведениями XX в. Примером тому может служить роман Стивена Кинга «Противостояние» (Stephen King, «The Stand», 1978), в котором переплетаются научные и религиозные идеи. В книге смертельный вирус приводит к практически полному вымиранию человечества, а пережившие катастрофу разделяются на два лагеря, один из которых возглавляет пророк, а во главе другого становится «антихрист». Такое сочетание биологии и библейской апокалиптики не случайно. Для многих американцев, воспитанных на традиционной протестантской идее предопределения, глобальная катастрофа может восприниматься как божье провидение или кара. Рассказы о пандемиях в рамках апокалиптического дискурса подрывают веру в стабильность мира, а вирус становится символом угрозы «чужого», обладая мощным изобразительным и смысловым потенциалом.

Во всех произведениях о будущем после пандемии распространение вирусов, с одной стороны, катастрофа, перед которой человечество бессильно, с другой стороны, она является отправной точкой для мира, возникающего после окончания эпидемии, своего рода новым стартом. Именно поэтому акцент в романах-антиутопиях сделан не столько на эпидемиологической специфике, сколько на социальности, на борьбе за выживание в обществе, на социальных иерархиях и опасности тоталитаризма. Топос пандемии не только обеспечивает эффектный сюжет, но и обеспечивает «дискуссионную площадку» для разговора о человеке и человеческом.

Литература

Головачева И. В. Апокалиптическая вирусология и наше «невозможное сегодня»: эссе о монстрах и Covid-19 // Открытость миру: гуманитарные ответы на вызовы пандемии / под. ред. Т. С. Юрьевой и Г. Л. Тульчинского. СПб.: Скифия-принт, 2022. С. 23–29.

Головачева И. В. Фантастика и фантастическое: поэтика и прагматика англо-американской фантастической литературы / под ред. А. Урковой. СПб.: Петрополис, 2013.

Milner A. Viral Science Fiction: Five Types of Pandemic Fiction // Extrapolation. 2022. Vol. 63, no. 1. P. 7–20.

Наджафова Зоя Исмаиловна

канд. филол. наук, доцент, Бакинский славянский университет, Азербайджан;
necefovazoya@gmail.com

ПОСТМОДЕРНИСТСКАЯ ПАРАДИГМА: КОНЦЕПТ «МЕДЕЯ»

Ключевые слова: немецкая литература, сравнительный анализ, современность, гуманизация, нарратив, мифы, постмодернизм.

С античных времен по сей день к образу Медеи обращались многие писатели. В трагедии Еврипида Медея идет на зов стремлений и страстей, раскрыта ее психология, ее внутренняя борьба между долгом и страстью, а в трагедии Сенеки «Медея» — злая волшебница, суровая мстительница, задумавшая преступление. Овидий лишил образа Медеи трагических черт, а в трагедиях Корнеля Медея мстит за поруганную любовь, поскольку чувство уязвленной гордости уступает чувству любви. Среди бунтующих героинь Ж. Ануя Медея одержима идеей права на другого человека, ради ужаса в глазах Ясона героиня гибнет и избавляется от разрушающей ее злой силы.

К творчеству Кристы Вольф обращались многие российские исследователи, которые изучали особенности новой поэтики ее произведений, своеобразие ее идейно-эстетических принципов и способов выражения ее мировоззренческих взглядов на современное бытие. Особенно интересными представляются исследования П. Д. Ивлиевой [Ивлиева 2012], О. И. Савиных [Савиных 2016] и других, изучавших в сопоставительном ракурсе произведения К. Вольф о Медее, Л. Г. Бережной [Бережная 2016], рассматривающей романы К. Вольф в контексте немецкой прозы.

Целью нашей статьи является исследование постмодернистской парадигмы: концепта «Медея».

Концептуальность образа Медеи в античных трагедиях заключалось в незначительных изменениях на идейно-сюжетном уровне в направлении большей или меньшей психологизации и углубления или сглаживания конфликта долга и чувства. Совершенно иной подход к образу Медеи заключён в романе К. Вольф «Медея» [Вольф 1997], в котором в соответствии с постмодернистскими принципами «смерть автора», «смерть героя» автор растворился в «голосах теней» — персонажей.

Во вступлении писательница, встретившись с тенью Медеи пытается «вырвать у мёртвых их тайны», спустившись к древним, чтобы «разрушить систему наших предубеждений» о неистовой женщине «с магическим именем, в котором сошлись времена и эпохи» [Вольф 1997].

Преемственная связь романа с традициями изображения образа Медеи в древности, свидетельствует о намерении писательницы проследить путь Медеи к самой себе, разрушить все существующие стереотипы, концепты о Медее, показать истинную Медею, которая во сне в диалоге со своей матерью поведает правду о себе, о своём страшном открытии: Коринф зиждится на преступлении, на злодействе, и доказательство этому Ифиноя — дочь царя Коринфа, убитая в младенчестве, чтобы власть и престол достались ему. Медея развенчает миф о золотом руне, оказавшемся самой обычной овечьей шкурой. В Коринфе Медея стала целительницей, а её обвиняли в колдовстве, гнали из дворца, обвиняли в предательстве, в братоубийстве, детоубийстве. В романе К. Вольф прослеживается процесс зарождения ложных слухов, молвы о преступлении Медеи, разоблачаются сплетни о ней, ибо правду знает и повествует тень Медеи. Обличая власть, которая зиждется на преступлениях, Медея, оказывается, совершила бегство из Колхиды с Ясоном, потому что больше не могла оставаться в этом «обречённом, прогнившим» городе, где толпа фанатов древнего закона с целью сохранить власть царя Эета, её отца, убила брата Медеи. Однако обряд искупления заставили совершить Медею, заодно протянув к искупительному ритуалу… бегство из Колхиды и пособничества Ясону» [Вольф 1997: 38]. Обвинив Медею в гибели Главки, к которой Медея якобы послала отравленный свадебный наряд, толпа разъярённых, требовавшая изгнания Медеи, убила её детей, называя их «пащенками

проклятыми», якобы «этим избавила Коринф от этой заразы». Однако все поверили, что эта Медея убила детей с целью отомстить Ясону за его неверность. Коринфяне ещё придумали обряд поминания этого дня с тем, чтобы последующие поколения называли Медею детоубийцей. Так сложился миф, который был развенчен в романе К. Вольф, направленном на разрушение наших представлений о Медее.

Появившись в романе в последний четвёртый раз, Медея заявляет, что ей осталось лишь «проклясть этот мир». «Можно ли помыслить такой мир, такое время, где я пришлась бы к месту? Некого спросить» [Вольф 1997: 79]. Посредством голоса Медеи писательница обвиняет мир, основанный на ложных мифах, на страхе, злодеяниях.

Во все времена сплетни, молва, страхи, слухи складывались в мифы о злодеяниях неугодных Медей. К. Вольф очищает образ Медеи от навешанных на неё различных ярлыков, оказавшихся всего-навсего молвой, ложью, надуманными обвинениями. Никакой вины Медеи ни в чём нет, не совершала она никаких гнусных, страшных преступлений, при этом была неоднократно гонимой, униженной и оскорблённой.

Трансформация мифа направлена на развенчание концептов о Медее как детоубийцы, братоубийцы, колдуньи, и на утверждение идеи всеобщей преступности окружавших и осуждавших её. Зло в романе распространено во всём мире, оно глобально.

Всеобщая преступность в образе разъярённой толпы противопоставлена невинной Медее, которую хотели, но не смогли уничтожить, смогли лишь сломить, оклеветать. Миф о Медее сам себя отрицает, разрушаются концепты «Медея — детоубийца», «Медея — братоубийца», «Медея — колдунья», «золотое руно». Писательница, разрушая наши предубеждения о Медее, описывает вневременное зло в мире — «антимире».

Ощущение бесполезности, потерянности и бессмысленности в конечном итоге выливается в проклятие Медеей всего мироустройства. И если принять во внимание параллелизм личной судьбы Кристы Вольф с судьбой Медеи, то последние строки романа выра¬жают неутешительный итог, к какому пришла сама писательница.

К. Вольф создаёт роман «Медея» в форме «размышления…». Поиск новых идейно-эстетических ориентиров привел, например К. Вольф к пониманию необходимости новой формы повествования. Этой цели вполне соответствовала эстетика постмодернизма, по которой мифофольклоризм не просто фон повествования, а концептуальный способ видения мира, смыслопорождающая и структурообразующая основа произведения.

Форма «размышлений…» предполагает и дискурсивные отношения с читателем, многомерность повествовательного пространства, создающие широкие возможности смыслопорождения и интерпретации материала, следование принципам «смерть субъекта», «смерть автора», обращения к игровому началу и интертексту, «поэтика обыденности», нарративность дают основание считать произведение текстом, позволяющим читателю творить «из хаоса порядок», и определить его метод как постмодернизм. В тексте нет человека, есть лишь размышления о его судьбе и его участии в превращении мира в хаос.

Литература

Бережная Л. Г. Романы Кристы Вольф в контексте гиноцентрической немецкой прозе // Научный журнал. 2016. № 4 (5). С. 69–71.

Вольф К. Медея // Иностранная литература. 1997. № 1. С. 1–79.

Ивлиева П. Д. Современные инварианты образа Медеи как пример авторского мифотворчества // Материалы Международной IX научно-практической дистанционной конференции «Современная филология: теория и практика». М., 2012. С. 69–74.

Савиных О. И. Интермедиальные аспекты интерпретации сюжета о Медее (Жан Ануй, Ларс фон Триер) // Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций. 2016. № 1 (13). С. 54–65.

Панова Ольга Борисовна

канд. филол. наук, доцент, Национальный исследовательский Томский государственный университет;
olga_panova_1973@mail.ru

«ФЛОРЕНТИЙСКИЙ ДНЕВНИК» Р. М. РИЛЬКЕ: ХУДОЖНИК В ПОИСКАХ БОГА, КРАСОТЫ И ВОЗМОЖНОСТИ НОВОГО РЕНЕССАНСА КУЛЬТУРЫ

Ключевые слова: Рильке, Ренессанс, Вечная Женственность, творчество, искусство.

«Флорентийский дневник» написан Р. М. Рильке в апреле — июле 1898 г.; во время его пребывания во Флоренции — обители итальянского ренессанса, родины величайшего феномена искусства — бессмертной живописи Возрождения. Для всего мира это сложный период рубежа эпох, время предчувствия мировой катастрофы и власти трагического XX столетия. В Италии Рильке предаётся философским размышлениям и ищет ответы на главные для художника и поэта вопросы — о Боге и Человеке, о сущности красоты, о природе творчества, об истине искусства, о бытии и судьбе художника в мире. И главный из них — возможен ли, согласно логике эволюции культуры, *новый ренессанс* [Бибихин 1998] и расцвет культуры, если Мир охвачен столь жестоким и мучительным кризисом? Можно выделить несколько главных направлений в проблематике «Флорентийского дневника», объединённых общим поиском Рильке Божественного начала Мира и Божественного истока творчества.

Самопознание. «Я думал, что вернусь с откровениями о Боттичелли или о Микеланджело. А я привезу с собой только весть — о себе самом, и это хорошие новости» [Рильке 2001: 31]. «Флорентийский дневник» — прежде всего книга самопознания. Этот шедевр с сильным и откровенным исповедальным посылом сродни великим исповедям в истории мировой культуры — «Исповеди» Блаженного Августина, «Опытам» Мишеля Монтеня, «Исповеди сына века» Альфреда Мюссе, «Поэзии и правде» Гёте, «De profundis» Оскара Уайльда, «Выбранным местам из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя, «Исповеди» Л. Н. Толстого, «Самопознанию» Н. А. Бердяева. Он — в круге травелогов с исповедальным началом — «Флорентийских ночей» Генриха Гейне, «Зимних заметках о летних впечатлениях» Достоевского, «Итальянского путешествия» Гёте, «Писем русского путешественника» Карамзина. В антропологическом плане Рильке интересует Ренессанс, так как именно в эту эпоху произошло открытие *Человека*, и Мир всерьёз заинтересовался творческими возможностями Человека и его способностью к самопознанию и самосовершенствованию, и творческому преображению самого Мира. *Человек Ренессанса* — максимальное проявление творческого гения, идеал творчества на века вперёд. «Не забывайте, что эти люди первыми начали заглядывать в себя. …И Джотто, погруженный в раздумье, и Микеланджело, и Леонардо. А за ними и поэты — Боккаччо, Петрарка, венчанный вдохновеньем, Данте… Так первый человек Возрождения посвящает меня в тайну своего времени» [Рильке 2001: 19–20].

Поиск Бога. Рильке — глубоко религиозен, на протяжении всей своей жизни — в сложном, глубоко личном поиске Бога, отразившемся в его поэзии, эпистолярном наследии, во всех его шедеврах, всём творчестве в целом, всех его историях любви и дружбы. «Флорентийский дневник» (1898) создавался в трагическую эпоху отчётливого провозглашения Ницше смерти Бога: «Бог мёртв!» Время признания духовного упадка, утраты ценностей, падения уровня культуры и глубочайшего культурного кризиса человечества. Об этом кризисе тогда говорили и свидетельствовали многие мыслители — О. Шпенглер, П. Сорокин, Й. Хёйзинга, Хосе Ортега-и-Гассет, А. Тойнби, А. Вебер [Хайдеггер 2008]. Но Рильке уникален тем, что, будучи в тот момент столь молодым, живёт и мыслит в масштабах большого времени и большой истории Бого-человеческих отношений. «Три поколения всегда идут друг другу на смену. Первое находит Бога, второе сооружает над Ним слишком тесные для Него своды храма, связывая Его оковами, а третье, оскудев, камень за камнем растаскивает Божий дом, чтобы кое-как построить из них

жалкие хижины. А потом приходит поколение, которому снова приходится искать Бога; к нему принадлежали Данте, Боттичелли и Фра Бартоломео…» [Рильке 2001: 26]. Поэта больше волнует не смерть Бога, но Его вечный поиск пока существует человечество, Его возможное и грядущее воскрешение и возрождение, которое он предчувствует. И, соответственно, интересует не настоящее, но грядущее: не *кризис* культуры, но возможность её *ренессанса*, человечеству ещё только предстоящего. Потому Рильке так духовно и эстетически близка эпоха Возрождения, в ней — он дома, а художники — его родные и его близкие друзья. И Италия, Флоренция, где всё живёт и дышит Возрождением, и сам воздух принизан ренессансным духом, — его подлинная родина.

Вечная Женственность и откровение Красоты. В контексте постижения Божественного творческого начала бытия важнейшая тема «Флорентийского дневника» — красной нитью проходящая сквозь него тема поиска *Вечной Женственности*. Дневник — интимное сочинение, и при этом он глубоко исповедален; это обращение-откровение Рильке к его возлюбленной, Луизе Андреас-Саломе, его Прекрасной Даме. Светлый образ своей Лу Райнер видит в ликах ренессансных мадонн — ликах явления самой Красоты. Он обращается одновременно к любимой, и к Деве Весны, и к Богоматери, и к Рафаэлевой Мадонне в поисках *Вечной Женственности*, в которой интуитивно надеется обрести истоки творчества. «Я хочу стать паломником лишь в Твою душу, дорогая, и зайти в нее глубоко-глубоко, туда, где она становится храмом. …Да, матери — они как мастера. …Женщина сбывается в ребенке. …Поэтому для человека творчества женщина — словно пророчица, с любовью говорящая ему о великолепии окончательного свершенья. …Ты — всегда впереди. Вот и будь всегда впереди меня, Ты, Любовь, Единственная, Священная» [Рильке 2001: 99–100, 118]. В истории мировой культуры шедевр Рильке включён в масштабное, сквозь многие века проходящее течение, длительную всемирную традицию исканий *Ewig-Weibliche,* восходящую к древнейшему мифопоэтическому и религиозному культу священности *женственного*, мифологемам Мировой Души, Великой Богини-Матери, Софии-Вечной Премудрости, Елены-Красоты, Небесной Афродиты, Марии-Девы и т. п. Его эстетические переживания родственны переживаниям и исканиям Платона, Плотина, Данте, Гёте, Достоевского, Владимира Соловьёва, Даниила Андреева и мн. других. Это вечный поиск художником мудрости, любви, истины, красоты как сущности творчества. Гёте выразил суть этого поиска и явления *Ewig-Weibliche* в образах мировой культуры и искусства наиболее поэтически-точно: *«Здесь — заповеданность Истины всей. Вечная Женственность тянет нас к ней»* [Гёте 1969: 472].

Сущность искусства. Именно путём постижения Бога, Человека, Красоты и поиска божественного, подлинно-человеческого, прекрасно-женственного истоков творчества Рильке приходит к пониманию сущности искусства. Искусство для него становится способом обретения Бога, надеждой на спасение Мира, через него открывается возможность нового духовного ренессанса культуры. «Бог — самое древнее из творений искусства. …Каким образом созреют, чтобы каждому стать Богом, другие, дальние миры — этого я не знаю. Но для нас путь к этому — искусство…» [Рильке 2001: 44, 118].

«Я чувствую: мы — предки какого-то Бога, в своем глубочайшем одиночестве через головы тысячелетий досягающие до Его подножия. Это я чувствую!» [Рильке 2001: 118].

Литература

Бибихин В. В. Новый ренессанс. М.: Наука; Прогресс-Традиция, 1998.

Гёте И. В. Фауст. М.: Худож. лит., 1969.

Рильке Р. М. Флорентийский дневник: Из ранней прозы. М.: Текст, 2001.

Хайдеггер М. Слова Ницше «Бог мёртв» // Хайдеггер М. Исток художественного творения. Избранные работы разных лет. М.: Академический проект, 2008. С. 302–367.

Сафина Анна Сергеевна

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет;
st096055@student.spbu.ru

«ЗОЛОТОЙ МИР ЗАПАДА»: «ВЕНСКИЙ ТЕКСТ» В РОМАНЕ Р. КНАППА «СОВЕТЫ ПАНА КУКИ»

Ключевые слова: «венский текст», фланер-интерпретатор, иммиграция, восток и запад, город как текст.

«Венский текст» представляет собой многогранное явление, включающее в себя как архетипические образы города, так и специфически социальные и культурные реалии, которые оказывают влияние на восприятие и интерпретацию произведений. В современной австрийской литературе авторы часто обращаются к изображению венского ландшафта и его символике, создавая уникальные нарративы, отражающие проблемы идентичности, миграции, и культурной памяти, связанные с городом. В этой связи довольно примечательно для анализа произведение современного австрийского писателя польского происхождения Радека Кнаппа.

Р. Кнапп (р. 1964) подростком покинул Польшу вслед за своей матерью в 1976 г. Его роман «Советы пана Куки» («Herrn Kukas Empfehlungen», 1999) — яркое и ироничное повествование о молодом человеке, Вальдемаре, который перебрался из Польши на «золотой запад», в австрийскую столицу. Однако Вена оказалась не тем городом, о котором он мечтал. Вальдемар испытывает неудачу во многих сферах деятельности, полагаясь на волю случая и сталкиваясь со множеством неприятностей. Автор вводит в поле повествования небольшое количество персонажей, у каждого из которых интересный характер и история прибытия в австрийскую столицу.

Повествование в романе ведется от первого лица, таким образом «городской текст» Вены выстраивается глазами фланера-интерпретатора. Из текстового пространства выступают улицы, дома, кварталы. Лица людей, а также детали их одежды, манеры и поведение. Слышится музыка, шум машин и звуки разговоров. Благодаря интерпретации фланера, городское пространство начинает жить своей особой жизнью. В. Беньямин, говоря о фланере как новом социальном типе XIX в., отмечал такую особенность городской среды, как ее визуализация [Беньямин 2004: 83]. Благодаря наблюдениям и детальному описанию увиденного, перед читателями возникают узнаваемые топонимы и знаки, которые помогают лучше представить обстановку и атмосферу городского пространства.

Р. Кнапп проводит своего героя по многочисленным улицам и закоулкам Вены, противопоставляя ее Варшаве. Таким образом, в романе возникает два города. И если австрийская столица олицетворяет «золотой мир запада», то Варшава становится символом востока. Подвергая постоянному сравнению два эти города, Р. Кнапп, казалось бы, рисует идеальную картину Вены: мраморные фасады, неоновая реклама, чистые улицы, ухоженные парки и скверы. Однако, как отмечает А. Ромейко в статье «Польша и Вена в творчестве Радека Кнаппа»: «Вена — это не только привлекательные фасады, но и скрытая за ними реальность, нередко полная сюрпризов» [Romejko 2021]. И действительно, стоило Вальдемару немного освоится в городе, как он открывает для себя мир мигрантов в Вене.

Как отмечает Д. Бартенс, самые разные социальные слои и этнические группы оказываются в венском «плавильном котле», и сам город отражает состояние этих героев, их путь и ход истории [Bartens 2020: 193]. Вена в изображении Р. Кнаппа стала местом, куда стремились люди в поисках лучшей жизни. Понятие «плавильного котла», а позже и его мифологизация возникла в литературе XX в. В соответствии с данной моделью создание единой национальной идентичности в рамках городского пространства возможно только при «сплавлении», «смешивании» всех народов и народностей, их культур и национальностей. Этот процесс «сплавления» культур создаёт уникальную городскую идентичность Вены, которая характеризуется многообразием традиций, языковых особенностей и обычаев.

Главному герою романа был предоставлен шанс интеграции в венское общество, однако картина «золотого мира запада» по мере повествования рушится на глазах у Вальдемара. Сам автор постепенно, страница за страницей разрушает идеалистическое представление молодого человека о «золотом городе», городе свободы и новых возможностей. Процесс разрушения иллюзий, который переживает Вальдемар, не только является личной драмой героя, но и представляет собой критику общества, где внешнее благополучие часто маскирует глубокие социальные и моральные проблемы. В результате читатель вместе с героем приходит к осознанию того, что «золотой город» является всего лишь мифом, который существует в сознании жителей восточной Европы.

Р. Кнапп примечательным образом шаг за шагом открывает завесу над неприглядной стороной Вены. В романе возникают семиотические пары «центра и периферии», «света и тени». Комбинирование данных семиотических пар позволяет проанализировать, как протагонисты взаимодействуют с пространством, как формируются социальные и культурные нарративы, а также как эти нарративы влияют на формирование «венского текста».

Каждый из тех протагонистов, кто тем или иным образом приехал в Вену, обязательно сталкивались с ее «темной» стороной. Как пишет сам Р. Кнапп: «Структура города напоминает кусочек торта, в начале восхитительный и ароматный центр, далее простирается неоднородный слой, который состоит из студенческих общежитий и квартир для туристов. В конце пересохший корж пирога с тысячами коммунальных домов, в которые рабочий класс день за днем возвращается лишь переночевать [Knapp 2020: 6].

Роман современного австрийского писателя Р. Кнаппа «Советы пана Куки» представляет собой своеобразный «венский текст», где Вена предстает как символ «золотого мира запада». Автор создает образ «многоликого» города, который оживает на страницах романа и становится пристанищем, а затем и домом для иммигрантов, в котором смещаются, расширяются границы пространства и времени, сталкиваются различные истории и культуры.

Исторические пласты «города мигрантов», в частности Вены, представляют собой сложное и многоуровневое явление, сформировавшееся под воздействием различных экономических, социальных и политических факторов на протяжении веков.

Формирование «города мигрантов» у Р. Кнаппа представлено в создании новых городских пространств, таких как частные магазинчики, рынки и ярмарки подёнщиков, которые часто становятся важными социальными узлами для общения и интеграции персонажей, а также формирования литературного портрета Вены того времени.

Литература

Беньямин В. Шарль Бодлер. Поэт в эпоху зрелого капитализма / пер. с нем. С. Ромашко // Беньямин В. Маски времени: эссе о культуре и литературе / сост. А. Белобратова. СПб.: Symposium, 2004.

Bartens D. „Wir sind alle von irgendwoher angekommen“ Zu Peter Roseis Wien Metropolis // Extended Rosei. Klagenfurt: Ritter, 2020. S. 192–213.

Knapp R. Von Zeitlupensymphonien und Marzipantragödien. Notizen eines Möchtegern-Österreichers. Wien: Amalthea, 2020. S. 5–7.

Romejko A. Społeczność polska w Wiedniu w twórczości Radka Knappa. URL: https://www.academia.edu/94728751/Społeczność_polska_w_Wiedniu_w_twórczości_Radka_Knappa (дата обращения: 20.12.2024).

Силаев Павел Витальевич

канд. филол. наук, доцент, Смоленский государственный университет;
jur_smol@mail.ru

ТЕМА ЯЗЫКА В ПЬЕСАХ «ПИГМАЛИОН» БЕРНАРДА ШОУ, «ВОСПИТАНИЕ РИТЫ» ВИЛЛИ РАССЕЛА И «ЯЗЫКОВОЙ АРХИВ» ДЖУЛИИ ЧО

Ключевые слова: тема языка, англоязычная пьеса, трансформация, репрезентация.

Овладение мастерством языкового выражения своих мыслей значительно способствует продвижению харизматичных представителей низшего класса по социальной лестнице, что традиционно постулируется в англоязычных пьесах, уделяющих внимание языку как социальному инструменту статусной трансформации героев. В докладе рассматриваются три пьесы со сквозной темой языка: «Пигмалион» (1912) Бернарда Шоу, «Воспитание Риты» (1983) Вилли Рассела и «Языковой архив» (2009) Джулии Чо.

В «Пигмалионе» (Лондон, начало 2-го десятилетия XX в.) главные герои — профессор фонетики Генри Хиггинс и цветочница Элиза Дулиттл, мечтающая овладеть произношением представителей образованного класса для более успешной работы. Заключив пари с другом Пикерингом, Хиггинс за полгода обучает Элизу правильной речи. Тема языка представлена здесь в трех сюжетных линиях: 1) речевая трансформация Элизы; 2) отношение к языку профессора Хиггинса; 3) язык как инструмент успеха в жизни отца Элизы.

Фонетическое и лексическое улучшение речи без образованности недостаточно, что подтверждает сцена неудачного чаепития Элизы в доме Миссис Хиггинс. Начав общение с заученных, идеально произнесённых этикетных фраз, героиня из-за эмоций сбивается на речь сниженного регистра, что создает яркий комический эффект. Тем не менее, послужив первоначальной целью социальной трансформации Элизы, язык, может стать и ее и возможным средством к существованию: сойдя за утонченную аристократку на светском балу и уйдя от Хиггинса из-за его сексистского отношения, героиня сама готова давать уроки фонетики.

Являясь образованнейшим представителем высшего общества, Хиггинс, не желает тактично подстраиваться ни под каких собеседников. Это добавляет комедийной пьесе иронии: обучая Элизу правилам общения в высшем свете, Хиггинс ими пренебрегает, превращая свои уникальные знания о языке в основу для снобизма и попустительства своей эксцентричности.

Еще один интересный с точки зрения темы языка персонаж – неграмотный Альфред Дуллитл, отец Элизы, поразивший Хиггинса природными ораторскими навыками. Так, например, при помощи интуитивного владения синтаксическим параллелизмом он сразу располагает собеседников к себе: «*I'm willing to tell you. I'm wanting to tell you. I'm waiting to tell you*» [Show 1972: 39]. Его умение убеждать приводит его к безбедному будущему.

«Пигмалион» навеял сюжет пьесы «Воспитание Риты» Вилли Рассела. Рита, девушка из рабочего класса успешно обучается у профессора университета Фрэнка литературному анализу, а в конце пьесы сдает с отличием вступительный экзамен (действие происходит в начале 1980х гг. в неком английском университете во время подготовки Риты к поступлению в Открытый университет).-

Тема языка репрезентируется здесь в четырех сюжетных линиях: 1) знакомство Риты с профессором; 2) процесс изучения литературного анализа; 3) возвращение Риты после летней литературной школы; 4) прощание Риты с тьютором.

В самом начале пьесы Рита – типичная представительница рабочего класса: в её речи много сниженной лексики [Russel 2009]. В течение обучения она стремительно прогрессирует, меняется не только язык, но и манера поведения, Рита начинает лучше понимать литературу, а её способность чувствовать и анализировать язык иногда превосходит профессиональные комментарии наставника. В пьесе мы видим примеры репрезентации темы языка в устной и письменной речи героини (герои разбирают эссе Риты). Также стоит обратить внимание на разную импликацию названия пьес: в отличие от аллюзивного «Пигмалиона», «Воспитание Риты»

в оригинале содержит причастие I — «Educating Rita», намекая на временность сотрудничества Риты и её тьютора.

Герой пьесы «Языковой архив» Джулии Чо лингвист Джордж записывает в архиве редких языков на плёнку исчезающие языки. Тема языка в пьесе становится центральной и раскрывается многопланово: 1) язык как лингвистический объект изучения (английский язык и язык эсперанто); 2) разный «язык любви» персонажей (лингвостилистическое оформление их «языков любви» метафорично объясняет невозможность их совместного счастья); 3) фиксируемый на пленку исчезающий язык Elloway.

Именно разный «язык любви» персонажей наиболее ярко представлен в пьесе. Так, у Джорджа и его жены Мэри «вербальное непонимание»: она говорит о любви, используя метафоры, описывающие приготовление хлеба (выпекание хлеба – ее давняя страсть), Джордж выражает любовь, прибегая к лингвистическим терминам, его ассистентка Эмма заговаривает с Джорджем на языке эсперанто о своей неразделенной к нему любви.

В словах выдуманного драматургом языка Elloway (записываемого в языковом архиве благодаря двум последним, им владеющих людям) узнаются индоевропейские корни, он в большей степени синтетический, судя по наличию флексий, по звучанию напоминает германские и немного финно-угорские языки (на нем произносится семь реплик, к которым зрителям должны даваться субтитры). Вербально хорошо распознаются отрицательные конструкции с ne и местоимения (mir): «*Mir ne glessalla (Don't leave me)*» [Cho 2012: 13]. Его носители осознанно используют английский для ссор, а Elloway, говоря о любви.

Все три рассмотренные англоязычные пьесы (репрезентирующие тему языка как особый социальный инструмент статусной трансформации или культурный код их личностного развития) диахронически охватывают почти столетие развития сценического текста. Тема языка представлена в них в различных аспектах и формах: в первой пьесе — это только устная речь, во второй — устная и письменная речь, в третьей — это ещё и язык любви / нелюбви персонажей, а также выдуманный язык.

Как ни странно, язык во всех трех пьесах делает персонажей, изначально им хорошо не владеющих, лучше (Элиза, Рита, Эмма) или ярче выявляет изначально присущие им человеческие добродетели; а специалисты, изучающие языки и их тонкости (Генри, Фрэнк, Джордж), по-разному несчастны. Фундаментальные языковые знания — это не знания о том, как быть счастливым в жизни самим, но они могут помочь другим стать лучше, а нам еще раз задуматься о том, как феномен языка меняет или может поменять нашу жизнь.

Литература

Cho J. The Language Archive. New York: Dramatists Play Service, Inc., 2012.

Russell W. Educating Rita. London: Methuen Drama, 2009.

Shaw B. Pygmalion. Moscow: Higher School Publishing House, 1972.

Соловьева Диана Юрьевна

ст. преподаватель, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

ПРИНЦИП «НЕНАСИЛИЯ» В РОМАНАХ МЭГГИ НЕЛЬСОН «КРАСНЫЕ ЧАСТИ», ХАН ГАН «ВЕГЕТАРИАНКА» И МИРИАМ ТЭЙВЗ «ГОВОРЯТ ЖЕНЩИНЫ»

Ключевые слова: ненасилие, М. Нельсон, Хан Ган, М. Тэйвз, женская литература.

Попытку теоретической разработки, формулирования принципа «ненасилия» и исследования различных его аспектов предприняла Джудит Батлер в работе «Сила ненасилия» (2020 г.). Рассматривая «ненасилие» прежде всего как необходимость «равной опалкиваемости» всякого (т. е. как подтверждение ценности любой жизни), она неоднократно подчёркивает *активный* характер данной позиции. Следование принципам ненасилия является проявлением агентности; «это не неспособность действовать, это физическое утверждение притязаний жизни. Это живое утверждение, притязание, заявленное через речь, жест и действие, через сети, палаточные лагеря и собрания» [Батлер 2022: 34].

В романах, опубликованных писательницами в первой четверти XXI в., принцип «ненасилия» становится ключевым, во многом смыслообразующим и сюжетообразующим. Мы рассмотрим эту тенденцию на примере романов Мэгги Нельсон «Красные части» (2007 г.), Хан Ган «Вегетарианка» (2007 г.) и Мириам Тэйвз «Говорят женщины» (2018 г.).

Тексты объединяет исходная ситуация насилия, с которой сталкиваются все героини. В романе «Красные части» речь идёт об убийстве тёти главной героини, а само повествование сосредоточено вокруг судебного процесса по этому делу. В «Вегетаринке» Ёнхе и её сестра сталкиваются с физическим насилием со стороны отца, с эмоциональным — со стороны мужей. В основе романа Мириам Тэйвз лежит основанная на реальных событиях история серии изнасилований женщин в меннонитской колонии. В каждом случае героини вынуждены реагировать, и их выбор определяет развитие сюжета.

Героиня «Вегетарианки» Ёнхе сперва отказывается от употребления мяса, всё меньше говорит и взаимодействует с окружающим миром, а после и вовсе перестаёт есть. Ёнхе тихо, *молчаливо* протестует («Она смотрит мрачно и настойчиво, словно ждёт ответа. Нет, словно протестует против чего-то» [Ган 2025: 318], — этими строками заканчивается роман). Её желание как отказаться от мяса, так и превратиться в дерево ясно указывает на отказ от «животной», хищной природы. (К слову, разницей между человеком и животным озабочены и героини Мириам Тэйвз). Тело становится союзником Ёнхе, с его помощью она выражает неповиновение, заявляет о своей субъектности.

В романе Мэгги Нельсон «Красные части» важным является решение героини участвовать в протестном митинге против смертной казни, объясняя это так: «…если твоя семья лишилась близкого человека в результате акта насилия, ты высказываешься вслух, чтобы сторонники смертной казни не могли апеллировать в своей риторике к гневу и скорби родственников погибших. Я говорю ей, что считаю активистов, выступающих против насилия, бодхисаттвами, «великими воинами» — но *не теми воинами, которые убивают и причиняют вред, а воинами ненасилия, которые слышат плач мира*…» [Нельсон 2024: 15]. Сама идея написать книгу о своей убитой тёте Джейн является попыткой утвердить ценность её жизни, но в то же время рассказчица подчёркивает: «…я не хочу, чтобы она имела большую ценность, чем жизни других» [Нельсон 2024: 166].

Роман «Говорят женщины» диалогичен. Героини романа обсуждают и совместно принимают решение, как отреагировать на совершённые преступления (хотя сам горизонтальный разговор на равных уже является ответом иерархичному устройству колонии, в которой женщины находятся в подчиненном положении). Выбор между тремя вариантами («не делать ничего», «остаться и бороться» или «уйти») сводится к противопоставлению принципов «ненасилия» и насильственного сопротивления. Дополнительный аспект проблемы заключается в том, что пацифистские взгляды являются основой мировоззрения меннонитского сообщества. В реаль-

ной оппозиции у Тэйвз оказываются застывшие и лицемерные традиционалистские каноны и живой ответ женщин на действительную несправедливость и жестокость. Важно, что окончательный выбор женщин («уйти») продиктован в том числе и желанием сохранить собственную идентичность («Короче, еще раз, мы возвращаемся к трем причинам ухода, и все они обоснованы. Мы хотим, чтобы наши дети были в безопасности. Мы хотим сохранить нашу веру. И мы хотим думать» [Тэйвз 2023: 118], где под «сохранить веру» подразумевается соблюдение важного для меннонитов принципа миролюбия и бесконфликтности).

Несмотря на различия (вопросы жанра и формальных экспериментов требуют отдельного разговора), романы объединяет общий, акцентированный и несомненно важный для писательниц этический принцип. Это превращает «женскую» литературу последних лет в хор мирных голосов, подобно тому, как в романе Тэйвз женщины, взявшись за руки, поют «За красоту земли».

Литература

Батлер Дж. Сила ненасилия: Сцепка этики и политики. М.: Изд. дом Высш. шк. экон., 2022.

Нельсон М. Красные части: автобиография одного суда. М.: No Kidding Press, 2024.

Тэйвз М. Говорят женщины. М.: Эксмо, 2023.

Хан Ган. Вегетарианка. М.: АСТ, 2025.

Таиров Вагиф Леонидович

канд. филол. наук, доцент, Бакинский славянский университет, Азербайджан;
tairovvagifbsu@gmail.com

ОТГОЛОСКИ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ В РЕАЛИСТИЧЕСКОМ РОМАНЕ ГРЭМА ГРИНА «ТИХИЙ АМЕРИКАНЕЦ»

Ключевые слова: Грэм Грин, «Тихий американец», реализм, экзистенциализм, мировая война.

Имя признанного английского классика Грэма Грина широко известно в мировой литературе. Перу английского писателя принадлежит более двадцати романов, литературные эссе, публицистические заметки, сборник стихов, автобиографическая проза, путевые очерки. Он проявил себя в качестве драматурга, новеллиста и сценариста.

Творчество Грэма Грина в современной критике рассматривалось с разных точек зрения. Одни учёные писали о шаткости и запутанности его мировоззрения; другие исследователи, обращаясь к формированию идейно-эстетической позиции писателя, уделяли, на наш взгляд, не вполне оправданное большее внимание экзистенциальному началу в его творчестве. На наш взгляд, литературная натяжка состояла в том, что в критико-монографической литературе наблюдался явный крен в ту или иную сторону. В действительности, лучшие романы Г. Грина — «Тихий американец» в первую очередь — представляют собой соединение модернистских и реалистических черт с доминированием последних. Лишь в отдельных случаях автор поднимал вопросы социальной отчуждённости личности, делал излишний упор на католицизме или писал о всеобщем недопонимании людей, неумении и нежелании расслышать друг друга. В большинстве своём верх брало реалистическое начало.

Г. Грин остаётся верен выработанной им манере. В «Тихом американце» это отношение к тому общественному строю, который позволил развязать несправедливую войну. Автор называет её бойней и пишет о том, что она несёт не только гибель военных и гражданского населения, но и внутреннюю опустошённость. Писатель принимал непосредственное участие во Второй мировой войне, так что он не был романтически настроенным сторонним наблюдателем.

В «Тихом американце» одним из винтиков колоссальной бюрократической машины подавления свободной воли в Великобритании явился Пайл — американский агент в Сайгоне.

Русский критик С. Бэлза едко заклеймил его, назвав «идеальным человеком-автоматом с ампутированной совестью», словно подсказав читателю, что «такая ампутация старательно проделана в нём системой воспитания в США, приживившей на освободившееся место миф об «особой ответственности Запада за устройство мира» и соответствующие эталоны «общественного блага», а также идею неукоснительной «деловитости» во всём — от службы до личной жизни» [Бэлза 1986: 9].

Итак, что же представляет собой центральный герой? Олден Пайл — отщепенец, ядовитый нарост на теле человеческом. В романе он старательно пытается зарекомендовать себя наилучшим образом, выдвинувшись в первые ряды правозащитников демократии «по-американски». Драматизм ситуации усугубляется тем, что на деле он приспосабливается к миру невежд, между тем полагая, будто бы обладает пресловутым чувством сопричастности единому и общему делу. Острым взглядом писателя-реалиста Г. Грин даёт понять, что Пайл, пытаясь «честно» исполнить свой гражданский долг перед обществом и теми, кто его вербовал, на самом деле порочными действиями завяз в паутине собственной отчуждённости. В конечном итоге он губит не только невинных людей, но и самого себя. Нельзя также не заметить, что наиболее яркой чертой реализма является диалектика художественного образа. Поэтому окружение Пайла находится в постоянном движении души и характера; он же, напротив, предельно статичен в беспробудной отчуждённости. Автор показал, что у людей такого сорта не может быть духовного развития, оно всегда останавливается на неопределённой точке.

Главное действующее лицо, будучи никчемным по своей природе, строит из себя «защитника отечества». Стоит вспомнить сарказм Грина, когда после взрыва Пайл смотрит на свои испач-

канные кровью лакированные туфли. Иронично звучит признание героя в том, что он обладает некоей «общественной жилкой», и круг его основных интересов якобы выходит за пределы профессии. В этом человеке заключено обобщение главных черт либерализма и подхалимства, несостоятельность которых, по убеждению автора, стала очевидной в ходе американо-вьетнамской войны.

Почему же всё-таки Грин назвал свой роман «Тихий американец»? Казалось бы, мы становимся свидетелями бурно развиваемой деятельности этой одиозной личности. Реалистический опыт Д. Голсуорси, Б. Шоу и Д. Пристли не прошёл для писателя даром. Это в «Саге о Форсайтах» Сомс умело пускает пыль в глаза, что Ирэн целиком и полностью финансово зависит от него и лишена собственных достоинств личности; в «Профессии миссис Уоррен» мать разыгрывает перед дочерью Виви роль невинной жертвы общества; или в «Опасном повороте» всё окружение, кроме Роберта, прикидывается семейно благонадёжными людьми.

«Тихий» — вроде бы совсем простой и обычный, но метко подобранный эпитет, который, словно ярлык («школьная кличка», по словам возлюбленной Фуонг), прикрепился к нему. Но Грин иронизирует над Пайлом, который лишь умозрительно намекает на свою «полезную» общественную деятельность.

Олден Пайл действует абсолютно по-другому. При умении льстить и изворачиваться, словно современный тип мольеровского Тартюфа, он держится от людей в стороне, малоречив, как и надлежит быть секретному агенту. Но это вовсе не избавляет его от горького ощущения собственной несвободы. Напрашивается тематическая параллель с Готорном из романа «Наш человек в Гаване», который вечно прячется в ванной или будуарах, излишне конспиративен, но абсолютно не свободен в своих умозаключениях; над ним постоянно висит «Дамоклов меч» решений шефа и других вышестоящих органов британской военной разведки. Недаром он в конечном итоге путается в своих шпионских приспособлениях и терпит фиаско.

У Пайла не только схожая система действий, что и у Готорна, но и свои моральные принципы. Правда, все его поступки носят глубоко аморальный характер. В связи с приобретёнными этическими навыками и правилами поведения, вырабатывается и соответствующая реакция: «Ничего особенно ведь не происходит», — говорит он в своё оправдание после взрывов. Только «посланник крайне встревожен этими гранатами. Было бы весьма нежелательно, если бы произошёл несчастный случай — с кем-нибудь из нас, конечно» [Грин 2006]. Внутреннее содержание такой реплики фактически означает мнимую импозантность и отдаёт пустой велеречивостью, но внешне она искусно прикрыта «тихой» политической подоплёкой.

Подчёркивая реалистическую значимость выведенного образа, В. С. Алиева в своей кандидатской диссертации «Поиск героя в английском экзистенциальном романе XX в. (на материале творчества Грина, Уилсона, Спарк)», пишет: «Связанный выгодными для него, хотя и постыдными обязательствами, он незначительное, мелкое да обыденное старается облекать в формы трагические и патетические; например, всерьёз выдаёт себя за последователя передовых идей и воззрений, ярым врагом официальной религии, однако, выступающим за «естественную религию», претендующий на роль руководителя общественного мнения, но тем не менее умывающего руки после очередного террористического акта и т. д. [Алиева 2012: 52].

Реальное зло несёт в себе герой произведения. Изготавливая пластмассовые бомбы, вкладываемые в обычные велосипеды, Пайл думает, что «забавляется невинной игрой». Цена этой игры находит своё подтверждение в одном из финальных эпизодов романа, когда гибнут случайные люди. Но взрыв на площади окончательно укрепляет трезво мыслящих людей в том, что Олдену Пайлу и его снабженцам по оружию не место на земле. К такому важному и продуманному решению объективно мог прийти только глубоко убеждённый в пацифистских идеях европейский писатель-реалист.

Вместе с тем здесь слышатся и экзистенциальные нотки, отголоски авторского мировосприятия. В «Тихом американце» его устами говорится: «В нашем внезапном и таком случайном выборе добычи было что-то донельзя отвратительное, — мы просто летели мимо и дали наудачу один-единственный залп; некому было ответить на наш огонь, и вот мы ушли, внеся свою маленькую лепту в численность мертвецов на земле» [Грин 2006]. Только ненавистью к во-

йне могли быть продиктованы такие строки. Вместе с тем непрестанный выбор между добром и злом — черта типичного писателя- экзистенциалиста.

С точки зрения психологии личности, поведение Пайла не должно дезориентировать читателей. Его «тихие» фразы имеют в английском обществе «шумный» резонанс. Вероятно, герой сам понимает необходимость в самооправдании. Поэтому перед Фаулером он развивает пространную и в то же время демагогическую концепцию отрешённости от этических заповедей. На словах он ищет свободы и внутренней раскрепощённости, проще сказать, мечтает развязаться со своими наёмниками. Но на деле искусственное отстранение от национально-освободительных идей и общественных проблем втягивает его в путину собственных заблуждений. Из этого омута уже сложно выпутаться, и отчуждённость от мира людей, реально ищущих свободы, лишь возрастает.

Эти метания Г. Грин прекрасно подчеркнул сопоставлением Пайла с животным: «Ведь по-своему он (Пайл) парень хороший. Серьёзный. Не то, что эти горластые ублюдки из «Континенталя». Тихий американец, — определил я его (Фаулер), как сказал бы: «зелёная ящерица или «белый слон» [Грин 2006]. Тонкое, замечание. Оно означает, что поведение героя уподобляется животному или пресмыкающемуся, которые обладают постоянным цветом. От идейных убеждений Пайла тоже веет преступным постоянством. Не дано успокоения такому человеку, и в финале романа Грин приводит его к полному одиночеству.

Литература

Алиева В. Поиск героя в английском экзистенциальном романе XX века (на материале творчества Г. Грина, К. Уилсона, М. Спарк): дис. … канд. филол. наук. Баку, 2012.

Бэлза С. Путешествие по «Гринленду» // Грин Г. Тихий американец. Наш человек в Гаване. Комедианты. Романы. М.: Правда, 1986. С. 3–18.

Грин Г. Тихий американец. URL: http://royallib.com/book/grem_grin/tihiy _amerikanets.html (дата обращения: 20.12.2024).

Тищенко Мария Владимировна

канд. филол. наук, доцент, Одинцовский филиал МГИМО МИД России (МГИМО-Одинцово); machyn@bk.ru

РОЛЬ ЭССЕИСТИКИ МИШЕЛЯ УЭЛЬБЕКА В ФОРМИРОВАНИИ ДИСКУРСА СОВРЕМЕННОГО ФРАНЦУЗСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЭССЕ

Ключевые слова: эссеистика, современная французская литература, литературный дискурс, французские авторы.

Эссеистика Мишеля Уэльбека представляет собой уникальный жанр, в котором переплетаются философские размышления, социальная критика, культурные наблюдения и литературная игра. Его тексты обладают ярко выраженной провокативной направленностью, что привлекает внимание не только исследователей, но и широкой аудитории, интересующейся актуальными проблемами французского и глобального общества. Влияние Уэльбека на развитие французского литературного дискурса прослеживается прежде всего в его подходе к жанру эссе, где он значительно изменяет традиционные формы подачи материала, сочетая личные размышления с более глобальными вопросами цивилизации, морали и философии.

Значительным достижением Уэльбека является создание нового языка для литературного эссе, который отличается лаконичностью и выразительностью. Применяя элементы постмодернизма, он развивает жанр, который является не только литературным, но и философским инструментом для осмысления современности. Его произведения часто представляют собой сочетание личных переживаний с метафизическими вопросами, что позволяет ему одновременно быть и писателем, и философом. В этой связи эссеистика Уэльбека служат точкой пересечения различных дисциплин: литературы, философии, социологии и культурологии.

Для Уэльбека важнейшей целью является не просто написание эссе, но создание дискурса, который бы отражал существующие мировые кризисы. Он описывает изменения в современном обществе как катастрофические, используя иронию и сарказм как методы анализа этих процессов. В своей эссеистике Уэльбек часто затрагивает такие темы, как кризис человеческой идентичности, миграционные потоки, проблемы демографического старения, экологические угрозы и утрату моральных ориентиров. Все эти темы становятся фоном для его литературной работы, в которой он безжалостно обнажает пороки и проблемы современного мира.

Особое внимание следует уделить тому, как Уэльбек выстраивает свой литературный мир, взаимодействуя с концептами кризиса. Он рассматривает кризис как нечто неизбежное, как закономерность развития современного общества. Кризис личности, кризис морали, кризис литературы — эти темы становятся основой для его размышлений. Уэльбек подчеркивает, что современный мир переживает не только социально-политический, но и глубинный экзистенциальный кризис, который находит отражение в его произведениях.

Его влияние на французскую литературу невозможно переоценить. Уэльбек стал одним из тех авторов, кто вырвал эссе из рамок традиционного жанра и превратил его в самостоятельную форму литературного искусства. Другие французские авторы, такие как Эмманюэль Каррер, Мариам Таварез, Лоран Бине, активно используют элементы эссеистики, однако в отличие от Уэльбека они часто акцентируют внимание на личных переживаниях и психологических аспектах человека, тогда как Уэльбек фокусируется на более широких, универсальных вопросах.

Зачастую его эссеистические работы становятся теми самыми произведениями, которые определяют тон дискуссий в культурной среде Франции. Его стиль и подходы к актуальным вопросам отражают не только внутреннюю социальную динамику страны, но и взаимодействие с другими культурами. Особенно остро Уэльбек ощущает глобализацию как явление, которое оказывает глубокое влияние на все аспекты жизни — от экономики до моральных ценностей, и его эссеистическая работа неизменно фокусируется на этих пересечениях. Это делает его ра-

боты ценным инструментом для анализа процессов глобализации и их влияния на национальные идентичности и культурные традиции.

Кроме того, важно отметить, что эссеистическая работа Уэльбека не ограничивается только французским контекстом. Его произведения дают глубокое осмысление не только состояния Франции, но и европейской культуры в целом. К примеру, размышления Уэльбека о кризисе европейской идентичности, который был вызван экономическими и миграционными потоками, нашли отклик в других культурных и литературных традициях. Его эссе становятся важной частью дискуссий о будущем Европы и о месте национальных культур в мире, где доминирует глобализированный капитализм.

Стоит также подчеркнуть, что многие его тексты могут быть рассмотрены как своего рода предсказания того, как будет развиваться культура и общество в будущем. В его работах о будущем глобализированного мира можно найти не только пессимистические прогнозы, но и попытки увидеть светлую сторону — возможности для трансформации и адаптации. Таким образом, Уэльбек предлагает не только критику, но и возможность переосмыслить будущее, дать новые ориентиры для развития литературы и культуры в целом.

Эссеистика Мишеля Уэльбека в формировании дискурса современной французской литературы крайне значима. Его эссе служат не только литературным произведением, но и философским размышлением, критикой современности, которая затрагивает самые актуальные темы. Влияние Уэльбека продолжает ощущаться в работах новых поколений авторов, работающих в этом жанре, и его эссеистический стиль остается важной вехой на пути развития французской литературы XXI в.

Литература

Каррер Э. Идиот. Письма и эссе // Тезисы докладов 35-й Международной научной конференции. Париж, 2020. С. 67–82.

Монтень М. Опыты // Тезисы докладов X Международной филологической конференции. Париж, 1998.

Таварез М. История одного желания // Тезисы докладов Международной конференции литературы XXI века. Париж, 2021. С. 112–130.

Уэльбек М. Подчинение // Тезисы докладов Международной конференции. Париж, 2019. С. 34–50.

Хорошевская Юлия Павловна

канд. филол. наук, доцент, Ростовский государственный университет путей сообщения; apmaiti@mail.ru

ЛИМИНАЛЬНОСТЬ В ПОСТКОЛОНИАЛЬНОЙ НФ: ФИГУРЫ И СОСТОЯНИЯ

Ключевые слова: постколониальная научная фантастика, лиминальность, Другой, свой/чужой.

В докладе рассматриваются особенности отображения лиминальности и «промежуточности» в постколониальной научной фантастике. Основное внимание уделяется лиминальным персонажам и «промежуточным» состояниям, как альтернативным формам существования.

Лиминальные фигуры, говорит В. Тернер, не существуют «ни здесь, ни там» [Turner 1969: 95], находясь между установленными границами, категориями, культурами. Лиминальное же состояние, временно освобождает человека от «четко определенных состояний», когда от человека «ожидается, что он будет вести себя в соответствии с определенными обычными нормами и этическими стандартами, связывающими лиц, занимающих социальные позиции в системе таких позиций» [Turner 1969: 95]. В лиминальных состояниях границы и формы становятся проницаемыми и оспариваемыми, а особое значение приобретает ритуал и дальнейшая передача знаний, историй и предметов, которые считаются священными. Пространство, максимально соответствующее этим «промежуточным» формам бытия, представители постколониальной критики (Х. Бхабха, Э. Соджа, Б. Эшкрофт и др.) обозначают как «третье».

Идея лиминальности как связующего звена между мифом и научной фантастикой не нова и отражается, например, в концепции «мономифа» Дж. Кэмпбелла и существующих исследованиях о роли обрядов перехода в построении сюжетных линий, включающих путешествия и духовные трансформации. Само космическое пространство можно расценивать как лиминальное ввиду его незакрепленного, переходного качества и основной функции фона для путешествия героя.

Постколониальная фантастика смещает акцент со «своего» на «чужого», предоставляет право голоса Другому и низводит доминирующую культуру на позицию «другого, оцениваемого другим». Такая смена позиции наблюдателя позволяет иначе рассмотреть проблемы формирования идентичности, гибридности, мимикрии и лиминальности. В текстах постколониальных авторов точка зрения принадлежит Другому, аутсайдеру, персонажу с гибридной идентичностью, не всегда человеку, или уже не совсем человеку. Идентичность таких персонажей составлена из множества несогласованных между собой элементов, причем эти элементы не статичны, а постоянно меняются, подстраиваясь под внешние обстоятельства.

Так, например, в романе Рэйчел Цадок «Сестра-сестра» (*Sister-Sister*, 2013) мы видим сестер-близнецов Тули и Синди, которые с детства считали себя двумя половинками целого. После ряда травмирующих событий, Синди поддается древнему поверью и полагает, что у нее нет души, душа досталась Тули, следовательно, она должна украсть душу сестры, чтобы спастись. Тули впоследствии умирает от болезни, но ее душа остается привязанной к Синди. Этот странный дуэт: живая сестра и сестра-призрак бродит по бесконечной кольцевой дороге вокруг Йоханнесбурга, пытаясь выжить в умирающем мире. Фигуры близнецов могут быть закодированы и прочитаны различными способами: от фактографических до мифологических и магических. Город в романе представлен как рациональное, прогрессивное пространство, в противовес более примитивной и суеверной сельской местности, однако же суеверия зулусов о близнецах следуют за Тули и Синди из отдаленного крааля в метрополию и заставляют Синди провести жестокий ритуал, в котором она «вырывает» душу у своей сестры. Традиционные верования выходят за рамки границ между городским и сельским, архаичным и современным, индивидуальным (телом) и социальным (телом) и укореняются везде, где находят благодатную почву.

Главный герой рассказа Ванданы Сингх «Дели» (*Delhi*, 2004) бродит по городу сквозь время и пространство в поисках чего-либо, что придало бы его жизни смысл. Перемещаясь по городу, Асим видит многочисленные картины прошлого и будущего: события, ландшафт, людей.

Благодаря своей способности, он чувствует себя социальным изгоем в современном Дели, неспособным найти свое место. Поэтому взгляд Асима на всё совокупное время и пространство города — это взгляд аутсайдера, человека отчужденного, утратившего собственную идентичность и чувство принадлежности конкретному времени и точке пространства. Асим в рассказе выполняет функции медиатора, соединяя времена и пространства, создавая свою собственную историю Дели.

Нало Хопкинсон в романе «Смуглая девушка в круге» (*Brown Girl in the Ring*, 1998) изображает в тексте постапокалиптическое пространство и общество, где процветают традиционные культурные практики, а духи играют роль в обеспечении благополучия своих адептов. Физическое присутствие ориша и даппи (духовных сущностей и призраков африканского и карибского фольклора) в Торонто подтверждает популярную идею о том, что сакральные сущности следуют за своим народом, носителями традиционной культуры в любое пространство, куда бы они не переместились. Ориша нарушают как жизнь персонажей, так и их чувство реальности, но они делают это не по собственной прихоти, а по приглашению людей, которые хотят с ними взаимодействовать. Гро-Жанна и Ти-Жанна приглашают ориша в Торонто и выстраивают с ними взаимоотношения, чтобы помочь изолированному сообществу выжить и процветать в дальнейшем. Связь Ти-Жанны и ее бабушки с их живыми традициями, принятие ими собственной идентичности дают им возможность представить и, в некотором смысле, приблизить более светлое будущее.

Постколониальная литература представляет собой эпистемологическое пространство, которое озадачено вопросом самоидентификации. И именно голос Другого весьма важен в попытке определения этой идентичности.

Литература

Turner W. V. The Ritual Process: Structure and Anti-structure. Aldine Publishing Company, 1969.

Черкасова Александра Владимировна

ассистент, Санкт-Петербургский государственный технологический институт (технический университет);
cherkasova2@gmail.com

БИНКС БОЛЛИНГ УОКЕРА ПЕРСИ И МЕРСО АЛЬБЕРА КАМЮ: ДВА ТИПА ПОСТОРОННЕГО

Ключевые слова: экзистенциализм, «Киноман», Уокер Перси, «Посторонний», Альбер Камю.

Роман «Киноман» («The Moviegoer», 1961) известного американского писателя Уокера Перси (Walker Percy, 1916–1990) представляет собой яркий образец литературы экзистенциализма. В настоящем докладе посредством сопоставления «Киномана» с программной экзистенциалистской работой «Посторонний» рассматриваются идейно-философские особенности реализации в романе Перси концепции постороннего.

Историко-биографически данные удостоверяют правомерность сопоставления этих литературных произведений. Перси был отлично знаком как с философией, так и с литературой экзистенциализма. Комментируя роман, писатель выделял творчество Камю как основной источник влияния и, говоря об отчуждении главного героя «Киномана», сравнивал его с Раскольниковым и Мерсо.

Главной объединяющей характеристикой Мерсо и Бинкса Боллинга является их равнодушие к субстанциализированным ценностям общества — традиционным образцам поведения, религии, морали и т. д. Оба героя, будучи с внешней точки зрения хорошо интегрированными в повседневность и окружающее их общество, в ценностном плане полностью исключены из этого общества, становясь, собственно, идеологическими посторонними.

Мерсо — в соответствии с классической интерпретацией этого образа — человек абсурдный, обязанный соблюдать равновесие между неразумностью мира и потребностью в абсолюте, хотя эта позиция не отрефлексирована. Центральной особенностью личности Мерсо выступает ясность сознания и отказ придавать чему-либо чрезмерное значение. Для Мерсо все явления самоценны и равнозначны, его существование лишено каких-либо априорных представлений и всепоглощающих идей и обращено к непосредственно данному. Максимальное исчерпание жизни, характерное для абсурдного человека, у Мерсо выражается в удовлетворении обыкновенных потребностей, наслаждении от элементарных ощущений, следовании привычкам.

Бинкс, как и Мерсо, будучи свободным от декларируемых обществом априорных ценностей, уходит в киркегоровский эстетический модус существования. Предпринимая своего рода игру, Бинкс стремится максимизировать собственную неподлинность и превратить себя в идеальный экземпляр по типу хайдеггеровской категории *das Man*. Бинкс подвергает сознательной эстетизации все аспекты своей повседневности, а главными источниками наслаждения для Бинкса становятся отношения с женщинами и просмотр кино, которое служит герою средством валидации окружающей его неаутентичной реальности.

Тем не менее, отношение к бессмысленности человеческого существования и последующая стратегия действий представляют собой ключевое отличие между героями Камю и Перси. Если для Мерсо характерно спокойное претерпевание абсурда, то в Бинксе осознание бессмысленности существования порождает отчаяние, постепенно разрушающее избранный им эстетический модус. Как следствие отчаяния, Бинкс переходит к модусу поиска. Поиск означает возможность «что-то понять, обнаружить» [Percy 1961: 10], то есть экзистенциальное напряжение, уход от обезличенного восприятия действительности, осознание необходимости наполнения своего существования самостоятельно подобранным смыслом. Конкретным вариантом поиска в случае Бинкса становится решение вопроса о существовании бога, который не предлагался бы в качестве готового решения, то есть заимствованной у общества ценности, а представлял собой один из вариантов совершаемого человеком самостоятельного и напряженного выбора.

Выразительным образом концепция постороннего разворачивается в ключевых эпизодах обоих произведений — совершенных Мерсо и Бинксом преступлениям и последующей конфронтации с обществом.

В случае Мерсо совершенное им убийство араба произошло по случайному побуждению, «из-за солнца» [Камю 1989: 96], а случайность — это часть абсурда. Для живущего абсурдом любая человеческая жизнь бесполезна в виду отсутствия абсолюта, и для Мерсо есть только ответственность за свои поступки, но не вина. Для представителей *das Man*, которые судят Мерсо, главное — соблюдение видимости и общепринятых условностей, необходимое для поддержания самоуспокоенности, а Мерсо же, не желающий лгать, оказывается виновным в отказе от субстанциализированных ценностей. Молчание Мерсо в ответ на предъявленные ему обвинения обусловлено принципиальным несовпадением систем ценностей человека абсурдного и сообщества *das Man*.

Моральное преступление Бинкса, которое вменяется ему в вину его теткой Эмили, проводником этических норм в романе, состоит в его тайном отъезде из дома с психически нестабильной Кейт и их последующей романтической связи. Бинкс, подобно киркегоровскому Аврааму, будучи виновен с этической точки зрения, благодаря обращению к поиску, аналогичному прыжку веры через абсурд, оказывается вне этических норм. Ответом Бинкса на обвинения Эмили становится молчание, аналогичное молчанию Мерсо, поскольку идея поиска и этические категории располагаются в разных плоскостях, что делает невозможным коммуникацию между их носителями.

Таким образом, сопоставительный анализ главных героев произведений Камю и Перси показывает, что, будучи одинаково свободными от предзаданных обществом априорных ценностей, Мерсо и Бинкс демонстрируют принципиально различное отношение к вопросу бессмысленности человеческого существования. Если для Мерсо характерно спокойное проживание абсурда, то Бинкс, потерпев неудачу в попытке эстетизации абсурда, предпринимает поиск — экзистенциальную активность, направленную на решение вопроса о существовании бога и о возможных отношениях с ним человека. При этом как Мерсо, так и Бинкс полностью отчуждены от окружающего их общества, что подчеркивается молчанием, обусловленным пребыванием в диаметрально отличных относительно других людей плоскостях, соответственно, этического и абсурдного, этического и абсолютного. Таким образом, можно заключить, что концепция постороннего, предложенная Перси, констатируя ту же отчужденность личности от общества, что и у Камю, в идейном плане радикально отличается, отвергая представление об абсурдности существования и разрабатывая вопрос отношений человека с абсолютом.

Литература

Камю А. Избранное: повести, роман, рассказы и очерки. Минск: Народная асвета, 1989.
Percy W. The moviegoer. New York: Knopf, 1961.

Ismayılova Gunay Arıf
Deputy Dean, Azerbaijan University, Azerbaijan;
gunay.ismayilova@au.edu.az

ANALYSIS OF JUNGIAN ARCHETYPES IN THE PERSONALITY OF THE ACTRESS IN THE NOVEL "THEATRE"

Keywords: archetype, persona, shadow, theatre, metaphor, mask.

The idea of "the world as a stage", the comparison of the stage and life, was not only an artistic but also an ideological principle of the Renaissance. According to legend, at the entrance to the Globe Theatre, where Shakespeare's plays were staged, there was a statue of Hercules supporting the dome of heaven, on which was engraved the phrase "Totus mundus agit histrionem", which Petronius said in Latin: "All the world plays like a performer. All the world acts". Shakespeare's ingenious metaphor, on the one hand, means bringing the reality of life to the stage, and on the other hand, embodying the fiction of the stage in life, which is the basis of a person's way of life.

S. Maugham's work embodies the contradictory and complex character of the 20th century, reflecting the subtle features of both realism and modernism. The images of art and the artist, the complexity of human nature, personal contradictions, and the spiritual and existential difficulties of the artist facing social realities are presented as the main central themes in his works.

The central idea of S. Maugham's novel "Theatre" (1937) is also an expression of the interaction between man and art. The fates of the characters intersect with the author's will, creating a complex web of events that shape the life of society. The main role in this presentation is played by Julia Lambert, who loses the boundary between her actress identity and her "self". The following thesis reveals Julia Lambert's inner struggles and self-awareness process through the analysis of C. Jung's persona and shadow archetypes.

Scientist Gorkhmaz Guliyev notes that "by applying the theatrical metaphor to the activities of society based on the principles of C. Jung's analytical psychology, it can be shown that the Persona archetype occupies a special place in the arsenal of tools used by the collective unconscious, which is the guarantor of the integrity of society over time, from one generation to another, the main director called "society" to subordinate individuals to his will" [Quliyev 2014: 100].

The persona archetype is a key psychological concept in C. Jung's theory that acts as a mask between the individual's need to adapt to society and the inner self, which helps to reveal the paradoxes and inner turmoil that Julia Lambert experiences in her personal life with her presence on stage.

The content of the novel shows that Julia does not stop playing a role in the ordinary situation of her daily life, even in the most serious moments. For example, when meeting Michael's parents, Julia knew that she had to make a good impression on them and hide the fact that she was an actress in order for them to agree to this marriage. While playing this role, she said to herself: "I should damn well think not. Haven't I been giving a perfect performance of the village maiden for the last forty-eight hours?" [Maugham 2001: 22].

Julia's profession causes her to live her whole life as a stage, that is, she wears a mask corresponding to the persona archetype at all times. In this analysis, it can be noted that the persona is both her strength and weakness: this mask, which is successful in the professional environment, creates contradictions and loneliness in her personal relationships. The character of Julia, following C. Jung's theory, acts as an image that constantly changes and renews the persona archetype according to different roles.

C. Jung's Shadow archetype is a concept about the existence of a hidden, primitive and dark side of a person. This archetype defines the aspects of a person's self that are accepted or not accepted socially. According to C. Jung, a person can easily suppress their shadow side, as this can cause these instincts and feelings to rebel and control human behavior involuntarily.

Julia's shadow side represents a self that is connected to passion, resentment and natural instincts. For example, although she plays the role of a professional actress and a perfect wife on stage, she tries to hide her passionate, sometimes impulsive side. This hidden side causes internal conflicts for Julia both

in her personal life and in her professional world; as a result, the shadow side causes her to live a life full of self-deception and deception of others.

For Julia, the conflict between the persona and the shadow is the main cause of her internal crisis. While she lives with her own personality in front of her, she begins to be controlled by her shadow. However, as the tension between persona and shadow increases throughout the play, Julia begins to gain her own identity and personal information. She tries to understand who she really is, the difference between the role she shows others and her personal reality. Towards the end of the play, Julia enters the stage of self-awareness by removing her mask, trying to better understand and accept her shadow along with her illusions.

Thus, the analysis of S. Maugham's work "Theatre" on the basis of Jungian persona and shadow archetypes allows us to reveal Julia Lambert's inner struggles and self-awareness process. These archetypes reflect the tension between "played roles" and "true identity" in life in the image of Julia, and the dynamics of a person with his own shadow.

References

Freud S. Psychopathology of Everyday Life (1901) / transl. by A. A. Brill. New York: New American Library, 1960.

Jung C. G. The Archetypes and the Collective Unconscious. Princeton: Princeton University, 1969.

Quliyev Q. H. Persona arxetipi: mahiyyəti və xüsusiyyətləri // İpək yolu. Bakı. 2014. No. 1. P. 100–115. (In Azerbaijani)

Maugham W. S. Theatre. New York: Vintage International, 2001.

Jafarova Khayala Eldar

Dr. Sci. of Philosophy in Philology, Senior Lecturer, Azerbaijan University, Azerbaijan;
Khayala.aliyeva@au.edu.az

METANARRATIVE AND PSYCHOLOGICAL MULTIDIMENSIONALITY OF IMAGES IN MARK DANIELEWSKI'S POSTMODERN NOVEL "HOUSE OF LEAVES"

Keywords: postmodernism, Mark Danielevsky, metanarrative, intertextuality.

Mark Danielewski's "House of Leaves" is a postmodern novel distinguished by its unique ideological and artistic features. The complex multi-layered structure of the novel leads to the multi-level nature of its layers of meaning. As a complete postmodern work, it reflects mixed, in some places related, and in some parts unrelated motifs, passing through events that took place in different times and places. The novel, in addition to forming the basis for the documentary film called "Navidson record", is written in the direction of both fear and psychological impact.

As a postmodern novel, metanarrative is a part of the main structural unit of the work. Various documents, notes, and writings become objects of investigation in the novel. The records of events and images occurring around the house are based on the display of time and space differences with various distortions. The house is multidimensional, hyperform, and reflects phenomena in a way that does not fit into any regularity with the change of its walls. "The narrative layers of the novel, like adjacent rooms physically or past residences conceptually, combine to offer a fuller picture of the construction of home through multiple kinds of experiences with a house and the reflections of divergent perspectives" [Bida 2012: 43]. The events unfolding around different narrative structures are shaped on three levels: the notes of Will Navidson, Zampanò, and Johnny Truant. The research of the first party influences the research process of the second, who in turn influences the research process of the third. Writing is born from writing, and information is born from notes. Zampanò, a visually impaired man, creates the main part of the novel by analyzing the documentary film of Navidson. Zampanò's notes are also based on the postmodernist concept — that is, every interpretation and analysis is subjective and the approach to truth is never complete. It is possible to clearly see here the presentation of interpretation paths to the reader, which is a major aspect of postmodern literature. Influenced by Zampanò's notes about his psychological state, Johnny Truant also experiences social isolation. As the mystery of the house is revealed, a fear arises that deepens both physically and psychologically. Will Navidson, one of the most important characters in the work, is both a photographer and a family man. The unusual events inside the house cause the identities and internal states of Navidson and his family to be disrupted. At one point, Will Navidson offers his thoughts on the hallways inside the house. The fear that Will experiences affects his psychological state. This leads to a breakdown in his and his family's psychological state. Will's struggle with the space also presents psychological isolation and a personal identity crisis. It shows Johnny's changing attitude towards his world through the influence of Zampanò's analysis: Describing Johnny's influence on Zampanò's writing, he writes: "It's hard to explain, but somehow the whole world felt wrong" [Danielewski 2000: 222]. This shows Johnny's changing attitude towards his world, influenced by Zampanò's analysis. As he confronts the frightening and distorted reality that Zampanò writes about, he struggles to understand his identity and place. Johnny's psychological difficulties align with the self-confidence and identity-exploring characteristics of postmodernism. The confusion and fragmentation inherent in his experiences are clearly evident.

Metaphorically, the house recalls moments that resonate with various texts. The comparison of the Minotaur to the labyrinth highlights Mark Danielewski's skillful use of the postmodern challenge of genre confusion, as he incorporates mythological elements and allows for fragmentary transitions within the work. "Additionally, the novel invokes Inferno from Dante's "Divine Comedy". The characters in House of Leaves descend into the dark, unknowable depths of the house in much the same way that Dante's narrator descends into Hell" [Dayal 2024: 695]. The dark corridor, as a symbolic image, played the role of a passage to a Gothic parallel world. As the characters passed through the corridor, the fear and psychological tension they experienced increased. This is similar to Dante's passage to Hell and the

description of the horrors he saw there. The fear the characters experienced while passing through the dark rooms of the house is reminiscent of the existential fear Dante saw in Hell and further increases the psychological-gothic gravity of the novel.

Thus, based on the analysis of both the characters and the events of the novel "House of Leaves", it should be mentioned that the work, in addition to responding to the modern trends of postmodernism, reflects a multifaceted experience and problems that need to be worked out and explored. The individual situation of a person, issues of truth and fear are presented in the work at different levels, and the internal turmoil experienced by each character is closely related to the problem of psychological isolation and space.

References

Bida A. Hauntingly Sweet: Home as Labyrinth and Hospitality in House of Leaves // Revolutionary Leaves: The Fiction of Mark Z. Danielewski / ed. by S. Pöhlmann. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2012. P. 43–62.

Danielewski M. Z. House of Leaves. New York: Pantheon, 2000.

Dayal A. Intertextuality and Metafiction in Mark Z. Danielewski's House of Leaves // International Journal of Science and Research (IJSR). 2024. Vol. 13, no. 10. P. 695–696.

Rzayeva Gulnar Mirsalim
PhD in Philology, Azerbaijan University, Azerbaijan;
gulnar.rzayeva@au.edu.az

WILLIAM FAULKNER'S THE SOUND AND THE FURY: THE CULTURAL AND MORAL DEGRADATION OF SOCIETY

Keywords: decline, stream of consciousness, symbolism, disintegration.

The cultural and spiritual decline in American society and in the Western world as a whole can be traced back to the early 20th century. This decay is closely tied to the alienation of individuals from society and the antagonism created by this estrangement. However, for these underlying issues to fully surface and reveal their impact, it took a global catastrophe one driven by historical processes. That catastrophe was World War I. This war highlighted the inadequacy of moral values, which became apparent in the psychological toll it took on soldiers returning from the trenches, as well as those who hadn't directly participated but were deeply affected by their interactions with these soldiers. These psychological struggles were vividly reflected in the literature of the time. In fact, some of the most influential works that shaped the trajectory of American literature were deeply rooted in this phenomenon [Cowley 1951: 78]. William Faulkner, one of the most prominent writers of the 20th century, offered a unique perspective on the moral and cultural values of his time. His critique of American reality is perhaps most clearly articulated in his groundbreaking novel, *The Sound and the Fury* (1929). Scholars often attribute the novel's success to Faulkner's innovative use of the "stream of consciousness" technique, a style first introduced by English writer James Joyce in Ulysses [Bleikasten 1990: 314]. Faulkner's mastery of this technique, combined with his ability to delve into the intricacies of human psychology, undoubtedly contributed to the novel's acclaim. However, its enduring relevance today lies in something deeper: Faulkner's vivid portrayal of the collapse of the South's patriarchal values and mindset, which dominated much of early 20th-century American life and lingered into the early 21st century. The novel doesn't just tell the story of the Compson family's personal tragedies; it also captures the broader decline of the Southern aristocracy and its cultural values.

Interestingly, in 1941, Faulkner added a continuation to the novel, extending the Compson family's chronicle from the late 18th century to the mid-20th century. This expanded narrative underscores the generational decay and moral crisis of the South. *The Sound and the Fury* is actually the second book in Faulkner's Southern saga, following *Sartoris*. Through these works, Faulkner created the fictional Yoknapatawpha County, a microcosm of Southern society. By narrowing his focus to this fictional setting, he was able to explore the South's geographic, moral, and cultural values in depth. The Compson family serves as a metaphor for Southern society as a whole, with their downfall symbolizing the region's spiritual and moral disintegration over centuries [Bleikasten 1990: 51]. Structurally, the novel draws inspiration from Christian mythology, with its events unfolding over Good Friday, Holy Saturday, and Easter Sunday. This deliberate alignment with the New Testament is no coincidence. Faulkner appears to reference the ancient roots of moral and societal laws while simultaneously critiquing them for perpetuating injustice and conflict. The novel is also rich in symbolism. Biblical myths intertwine with the Easter themes in the structure of the novel, further emphasizing the weight of cultural and religious traditions.

The title of the novel, *The Sound and the Fury*, is borrowed from a line in Shakespeare's *Macbeth*: "Life's but a walking shadow, a poor player that struts and frets his hour upon the stage, and then is heard no more: it is a tale told by an idiot, full of sound and fury, signifying nothing" [Shakespeare 2008: 67]. Faulkner takes this existential sentiment and embeds it into the character of Benjy Compson, who serves as an observer of the chaos and anger in human relationships. Benjy's limited understanding of the world allows Faulkner to expose the hollowness of the South's moral and cultural values, ultimately revealing their decay and paving the way for their collapse.

In conclusion, *The Sound and the Fury* encapsulates the deep cultural and moral crisis of early 20th-century American society and highlights the decline of patriarchal values in the South. Faulkner's

use of the "stream of consciousness" technique not only captures the intricacies of human psychology but also underscores societal contradictions. By spotlighting the horrors of alienation, both individual and collective, the novel continues to resonate with contemporary readers. Ultimately, Faulkner's masterpiece not only chronicles the downfall of one family but also marks the end of an era and the disintegration of a once-dominant culture.

References

Bleikasten A. The Ink of Melancholy: Faulkner's Novels from The Sound and the Fury to Light in August. Indiana University Press, 1990.

Cowley M. Exile's return: A literary odyssey of the 1920s. New York: Viking Press, 1951.

Faulkner W. The Sound and the Fury. New York: Viking International, 1990.

Shakespeare W. Macbeth. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 91 (Act V, Scene V, Lines 24–28).

Yang Airan

Doctoral Degree, School of Foreign Languages, Nankai University, China;
1120210901@mail.nankai.edu.cn

BLUE THERAPEUTIC LANDSCAPE IN "PILGRIM AT TINKER CREEK"

Keywords: therapeutic landscape, blue space, Annie Dillard, "Pilgrim at Tinker Creek".

Based on the theory of "therapeutic landscape" and from the perspective of literary geography, my paper intends to explore how Annie Dillard overcomes personal dilemmas and achieves physical and mental healing by means of interconnectedness with therapeutic blue space in her literary creations.

In the late 1970s, the concept of "therapeutic landscape" became popular in the West, and scholars began to study the therapeutic qualities of natural landscape on physical and mental health of man. With phenomenology and post-phenomenology as its theory foundation, therapeutic landscape aims to explore how "environmental, individual, and societal factors come together in the healing process in both traditional and nontraditional landscapes" [Gesler 1992: 735], with the relationship between human health and place as the core of early researches. In 1992, Wilbert M. Gesler first defined the concept therapeutic landscape as landscape which has "attained an enduring reputation for achieving physical, mental, and spiritual healing" [Gesler 1993: 171]. He believes that therapeutic landscape can be divided into two complementary themes: internal/meaning and external/social context. The former includes natural and man-made landscapes, sense of place, daily activities, etc., while the latter refers to beliefs, social structures, regionalism, etc. [Gesler 1993: 176]. In other words, "therapeutic landscape" is the result of the interaction between natural and cultural factors in specific space. it is initially studied in geography and medical health.

Researches on therapeutic landscape mainly focus on green space, while blue space has long been regarded as blue-alongside-green space and thus is rarely studied. In recent years, numerous studies in Europe, North America, and other regions have shown that blue space has equally significant therapeutic effect on physical and mental health of man. Therefore, it is of great necessity to introduce "blue" in natural landscape researches [Völker et al. 2011: 449]. Blue space is defined as water environment such as rivers, lakes, oceans, and canals with clear water and beautiful surroundings. Sebastian Völker and Thomas Kistemann, German scholars of social public health, hold that blue space can promote human health and enhance human well-being [Völker et al. 2015: 197]. In my paper, blue space refers to the space where blue water interacts and coexists with a vast ecological network, including surface water, green-alongside-blue space, and surrounding biological communities. As a therapeutic landscape, blue space has a positive promoting effect on physical and mental health and well-being of man.

In the study of "urban blue space", Völker and Kistemann hold that when participating in a place, people usually interact with the physical environment such as air, plants, and water both physically and psychologically, and gain an overall perception of the place. This participation process can be divided into four dimensions: experienced space, symbolic space, social space, and activity space, which have positive effect on people's physical and mental health, enhance emotional connections, increase social participation, and strengthen physical activities, respectively [Völker et al. 2011: 457]. Specifically, experienced space refers to people's sensory perception and aesthetic experience in one place. The associations, images, and values triggered by the physical environment can be metaphorically used to describe individuals, things, behaviors, and therefore, symbolic space focuses on the symbols and signs man use to express emotion, identity, sense of place, etc. Public space is considered as a microcosm of society, and people's behavior and habits greatly affect the production of their dwelling space. Therefore, the dimension of social space encompasses themes such as social relationships, social activities, and equality. Activity space refers to the mutual influence between space and human activities.

Drawing on and integrating the views of Völker and Kistemann, the blue therapeutic landscape in literary works have the following characteristics: first, as blue space, water areas are natural landscapes with their fluidity, vastness, and stereoscopic properties, endowing people with multiple sensory experience, enabling them to establish interactive relationships with ecological networks through

experience and activities, thereby achieving physical and mental healing. In addition, they are cultural landscapes with symbolic and social connotations, closely related to religion, place, historical memory, etc. Last and not least, by endowing people with spirituality, enhancing their sense of identity and place, it helps people transcend individual limitations and reflect on the ecological and human survival issues today.

My paper will thus explore the therapeutic quality of blue space from the perspective of literary geography by means of Annie Dillard's "Pilgrim at Tinker Creek" from the following two aspects: experienced and activity blue space; symbolic and social blue space, and advocate for mutual-interaction between people and scenery aiming to expand the existing perspective of literary landscape research. She records her self-adjusting and self-healing experience in Tinker Creek in Virginia, USA, while facing the confusion and anxiety of modern life. She views blue space as a sanctuary, seeking healing through immersion and mutual-interaction with it. In this process, she gains a new understanding of the meaning of life, human society, and even the entire ecosystem.

From the first aspect, on the one hand, she actively participate in blue space through passive experiences, for instance, watching the landscape, and active activities, such as walking and exploring; on the one hand, blue space serves as a place for her activities with blue water surfaces, lush vegetation, and beautiful creatures, and thus becomes a spiritual and emotional support. From the second aspect, blue space is also a cultural landscape with symbolic and social significance, endowing her with a sense of transcendence and rebirth in the presence of gods, enhancing her identity and sense of place, and enabling her to achieve the reconstruction of spirit and identity. In the interaction with the blue space, she gets rid of their personal survival difficulties, reflects on the relationship between man and nature, man and ecology, and realize that human and non-human beings in nature are equal. In short, the Dillard uses artistic creation to help herself overcome personal difficulties, while also purifying the minds of readers, making them aware of the threat of natural and ecological crises to human survival, and thus enhancing their attention to ecological issues both in thought and in action.

References

Gesler W. M. Therapeutic landscapes: Medical issues in light of the new cultural geography // Social Science & Medicine. 1992. No. 7. P. 735–746.

Gesler W. M. Therapeutic landscapes: Theory and a case study of Epidauros, Greece // Environment and Planning D-Society & Space. 1993. No. 11. P. 171–189.

Völker S., Kistemann T. The impact of blue space on human health and wellbeing—salutogenetic health effects of inland surface waters: a review // International Journal of Hygiene Environmental Health. 2011. No. 6. P. 449–460.

Völker S., Kistemann T. Developing the urban blue: Comparative health responses to blue and green urban open spaces in German // Health & Place. 2015. No. 35. P. 196–205.

ФРАНЦУЗСКИЕ ЧТЕНИЯ: МЕТА (МЕТАТЕКСТ/МЕТАНАРРАТИВ/ МЕТАФОРА/МЕТАЛЕПСИС) / LECTURES FRANÇAISES

Белавина Екатерина Михайловна

канд. филол. наук, доцент, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕТАФОР В СТИХОВЕДЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Ключевые слова: стиховедение, процесс чтения, поэзия.

По-французски vers (стих) несет этимологическое воспоминание о повороте (vers, от лат. vertere — поворачивать), о возвращении к началу ряда (др.-греч. στίχος — ряд, строй), и в самом словарном определении содержит упоминание метафоры: « Vers — Le mot vient du latin versus (de vertere — tourner) qui désigne le fait de tourner la charrue au bout du sillon, puis le sillon lui-même, ensuite de **façon métaphorique**, la ligne d'écriture, et enfin le vers lui-même » [Aquien, Molinié 1996].

Гаспаров говорит о суггестивной силе стиха: «История стиха — важнейшая часть истории поэзии. Читая стихи, мы никогда не воспринимаем только то, что сказано смыслом их слов — мы всегда **ощущаем** также и то, что **подсказано** формой их метра, ритма, рифм, строф» [Гаспаров 2003].

Таким образом, акцент переносится с формы на процесс чтения, на работу текста (Риффатер), производимый эффект.

Когда речь заходит о поэзии, то выражения «голос поэта», «голоса современной французской поэзии» — кончено, метафоры (если речь не авторском исполнении вслух или об аудиозаписи).

Так, например, стиховед Мишель Мюра употребляет выражения «голос стихотворения» и «ментальное ухо» для описания процесса чтения: « Il faut se méfier de l'usage des métaphores dans le domaine critique, et la voix d'un poème ou d'un poète, hors de l'enregistrement mécanique, qu'est-ce d'autre **qu'une métaphore**? Mais de même que le poème se produit à l'oreille mentale, de même la voix peut être imaginée à partir d'une description de ses propriétés ».

То есть мы прислушиваемся к «голосу текста», « voix dématérialisée », к «музыке стиха» «ментальным слухом», «внутренним слухом».

Целая цепь метафор задействована для описания работы аудиального воображения — способности создавать и удерживать ментальный образ звучания.

Во взаимодействии двух модальностей восприятия: визуальной (буквы) и аудиальной (образ звучания) — состоит особенность рецепции поэтического текста.

Часто выступающий с публичными чтениями и перформансами поэт Кристиан Прижан употребляет выражение « voix-de-l'écrit » (голос написанного), противопоставляя его физическому голосу оратора или актера.

Поэт и математик, член Улипо Жак Рубо предлагает рассматривать существование стихотворения в квартете форм (« quatuor de formes »): две внешние (orale и écrite) и две внутренние (« aurale » внутренний голос и « éQrite », ментальный образ страницы).

Кроме графического остранения терминов, Рубо использует музыкальную метафору « quatuor de formes », что опять нас отсылает к метафоре музыки стиха, «словесной инструментовке».

Руководитель секции: В. Д. Алташина.

За этими метафорами стоит физиологические процессы, которые в настоящее время изучает нейропоэтика. Движения глаз и работа голосного мозга отличаются при чтении поэзии и прозы. Музыка стиха оказалась метафорой, подкрепленной нейрофизиологией: при чтении поэтического текста происходит вовлечение областей мозга, задействованных в возникновении эмоций при восприятии как поэзии, так и музыки, а также областей за пределами стандартной «сети чтения», причем как в «подчиненном» правом, так и в «ведущем» левом полушарии. Доказано, что по сравнению с прозой зарегистрировано меньше возвратов к предыдущей строке, то есть конец строки в стихе представляет собой своего рода «физическую границу», намеренно установленную поэтом и препятствующую возврату к только что прочитанному [Фаликман 2017].

Литература

Гаспаров М. Л. Очерк истории европейского стиха. М.: Фортуна Лимитед, 2003.

Фаликман М. В. Нейропоэтика как область когнитивных исследований: методы регистрации активности мозга и движений глаз в исследованиях восприятия и порождения поэтического текста // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2017. № 4. С. 349–368.

Aquien M., Molinié G. Dictionnaire de rhétorique et de poétique. Paris: Verdier, 1996.

Coquelle-Roëhm M. Formes, formats, espaces : du sonnet et du tanka chez Jacques Roubaud // Interfaces. 2021. No. 45. https://doi.org/10.4000/interfaces.2089

Гальцова Елена Дмитриевна

д-р филол. наук, гл. научный сотрудник и зав. научной лабораторией,
Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН;
galtsova25@yandex.ru

LA MISE EN ABYME В КРУПНОЙ ПРОЗЕ СЮРРЕАЛИСТОВ А. БРЕТОНА И Л. АРАГОНА: К ПРОБЛЕМЕ ЖАНРА «АВАНГАРДНОГО РОМАНА»

Ключевые слова: мета-нарратив, сюрреализм, французская литература, Л. Арагон, А. Бретон.

Материалом исследования являются повествовательные произведения большой формы А. Бретона («Надя», «Безумная любовь», «Арканум 17») и Л. Арагона (проза эпохи дада и сюрреализма: «Анисе, или панорама. Роман», «Приключения Телемака», «Парижский крестьянин», «Защита бесконечности»).

Создатель сюрреалистического движения во Франции Андре Бретон отрицал возможность «сюрреалистического романа» (о соотношении между сюрреализмом и романом см.: [Chénieux-Gendron 1983, расширенное переизд. 2014]), однако ни он, ни другие его соратники не могли устоять перед соблазном изобретения новых нарративных форм, рассмотрение которых через призму приема la myse en abyme (см. определение в книге: [Dällenbach 1977], позволяет выявить существенный элемент эволюции романного жанра — «между» Андре Жидом («Фальшивомонетчики») и «новым романом» («Лабиринт» Алена Роб-Грийе). «Сюрреалистический роман» о соотношении сюрреализма и романа см. книгу Chénieux-Gendronразвивался как бы помимо воли Бретона. Сюрреализм и роман — несовместимы, провозглашалось в первом «Манифесте сюрреализма» (1924), начиная с критики реализма «от Святого Фомы Аквинского до Анатоля Франса» и беспощадного осуждения жанра «психологического» романа, который является, по мнению Бретона, воплощением человеческой глупости. Здесь же Бретон упоминал о замысле, Поля Валери, собрать первые фразы романов в одну «книгу глупостей» («sottisier»), где скопились бы банальности наподобие «Маркиза вышла в пять часов». Подобная «антология» должна была бы продемонстрировать всю пошлость реализма, против которого и выступает Бретон. Однако в бретоновском тексте звучит и некоторая ирония, когда он говорит, что хотя Валери обещал никогда не писать «Маркиза вышла в пять», но «сдержал ли он свое слово?». Величайшее неприятие вызывают у Бретона романные описания, в которых он видит проявление «чисто информативного стиля», признак ненавистного ему реализма с его банальной логикой: в качестве «вопиющего» примера, сплошь состоящего из «общих мест», Бретон приводит описание комнаты Раскольникова из «Преступления и наказания». По убеждению Бретона, сюрреалистическая проза должна прежде всего выражать «чудесное», а оно неожиданно возникает именно там, где кончается всякое логическое рассуждение. Напомним, как в повести «Надя» Бретон критиковал роман: «Ибо, надо сказать, я отделяю его от всех эмпириков романа, что выводят на сцену персонажей, отличных от автора, и расставляют их на свой лад и физически и морально, а с какой целью — этого лучше и не знать. Из одного реального персонажа, о котором они претендуют иметь некое представление, они делают двух для своей истории; из двух реальных они без всякого стеснения лепят одного. А мы еще берем на себя труд это обсуждать! Один человек советовал моему знакомому автору по поводу его произведения, которое должно было вот-вот выйти в свет изменить хотя бы еще цвет волос героини, которая была легко узнаваема. Будто, превратившись в блондинку, она не выдаст прототипа — брюнетки. Так вот, я не только не считаю это ребячеством, но нахожу это скандальным. Я требую называть имена, меня интересуют только книги, открытые настежь, как двери, к которым не надо подыскивать ключей. К великому счастью, дни психологической литературы с романической интригой сочтены» [Антология 1994: 193–194]. Бретон имеет в виду, прежде всего, центральный вопрос о «реальности» и «сюрреальности» как категорий, не просто тесно связанных между собой, но по сути имманентными друг другу. Отсюда происходит сложное отношение к вымыслу, который не отрицается как таковой, но качество которого должно быть, по мнению Бретона, другим. Идея буквально ввести

автора в произведение, не новая сама по себе, представляется Бретону одним из продуктивных принципов создания новой прозы. В том же русле развивались идеи и другого создателя французского сюрреализма — Арагона. «Надя» — произведение, ставшее абсолютной классикой сюрреализма, было ответом, в том числе на творчество ближайшего соратника Бретона в 1920-е — Арагона, который опубликовал еще в 1921 г. «Анисе, панорама, роман» в издательстве «Ля Нувель Ревю франсез», а также, в 1926 г. «поэтическое произведение» (по определению автора) «Парижский крестьянин», которое представляет собой нечто среднее между нарративом и поэзией в прозе. Но оно было и ответом на «Фальшивомонетчиков» (1925) А. Жида — роман об «абсолютно чистом романе», ставший в большой степени признанной моделью для поколения «новых романистов» после Второй мировой войны. Провозглашая спонтанность, и Арагон (как периода дада, так и сюрреализма), и Бретон (в своей трилогии), прибегают к la mise en abyme как к структурообразующему принципу построения своей «крупной прозы», что позволяет достичь и литературного, и вне-литературного синтеза.

Литература

Антология французского сюрреализма 20-х годов / сост. пер. С. А. Исаев, Е. Д. Гальцова. М.: ГИТИС, 1994.

Chénieux-Gendron J. Le surréalisme et le roman 1922–1950. Lausanne: L'Age d'homme, 1983. (Переизд. Inventer le réel. Le surréalisme et le roman. Paris: Éditions Honoré Champion, 2014.)

Dällenbach L. Le recit speculaire: essai sur la mise en abyme. Paris: Seuil, 1977.

Ефименко Александр Евгеньевич

канд. филол. наук, преподаватель, Ланьчжоуский университет, Китай;
yalishanda1966@vk.com

ФИГУРА НАРРАТИВНОГО МЕТАЛЕПСИСА И ЕЕ ТИПЫ

Ключевые слова: нарративный металепсис, фигуры, мотивировка, нарратор, диегесис.

Фигура нарративного металепсиса — это «вторжение повествователя <…> в диегетический мир» [Женетт 1998: 245].

Приведем пример металепсиса в романе О. де Бальзака «Утраченные иллюзии». В нем поэту Люсьену Шардону, остановившемуся без сил в пригороде Ангулема, решает помочь священник Маррон: он соглашается сходить в Ангулем и рассказать о бедственном положении Люсьена его родственникам: сестре Еве и ее мужу Давиду Сешару. После этого следует фраза с металепсисом: «Покамест почтенный пастырь поднимается по ангулемским склонам, небесполезно разъяснить, в какое сплетение интересов он намеревался войти» [Бальзак 1960: 314]. И далее — изложение этого «сплетения интересов», т. е. «страданий изобретателя» Давида Сешара. Этим металепсисом «экстрадиегетический нарратор внезапно входит в излагаемый мир ситуаций и событий» [Prince 2003: 51]. Это 1-й тип металепсиса — **риторический металепсис**.

Здесь он выполняет двойную функцию: выступает 1) мотивировкой для объяснения перехода от первой диегетической линии нарративной истории — истории поэта Люсьена Шардона — к ее второй диегетической линии — истории изобретателя Давида Сешара и одновременно 2) является мотивировкой для аналепсиса.

Вторым типом металепсиса, по Пиру, является **аукториальный металепсис** — «метафикциональная стратегия, которая подрывает миметическую иллюзию, выпячивая вымышленность истории» [Pier 2009: 192]. Ярким примером аукториального металепсиса, выделенного нами курсивом, может служить цитата из романа Т. Готье «Капитан Фракасс»: «Маркиза занимала отдельные покои, куда маркиз не являлся без доклада. *Мы совершим эту нескромность, в* которой повинны писатели всех времен, и <…> *проникнем в спальню, зная, что не потревожим никого. Сочинитель романов непременно носит на пальце перстень Гигеса, который делает его невидимым*» [Готье 1990: 96–97].

Онтологический металепсис 1-го типа, или нарраториальный металепсис (narratorial metalepsis), иллюстрируется вновь примером из «Утраченных иллюзий» — прямым взыванием нарратора к «илотам провинции».

Далее мы приводим ряд доводов в пользу того, чтобы считать аукториальный металепсис и онтологический металепсис 1-го типа не самостоятельными типами металепсиса, а разновидностями риторического металепсиса.

Онтологический металепсис 2-го типа — это читательский металепсис (lectorial metalepsis), поскольку в нем происходит «вовлечение читателя на уровень истории или переход персонажа с обрамленного уровня на обрамляющий» [Pier 2009: 192]. Сравниваются два примера этой фигуры: новелла Х. Кортасара «Непрерывность парков», где главного героя — читателя некоей новеллы в финале его чтения убивает ножом материализовавшийся персонаж читаемой им новеллы, и эпизод из «Утраченных иллюзий», где во 2-й части романа газетчик Лусто пишет фельетон со злыми намеками на обидчиков Люсьена Шардона — бывшую любовницу поэта госпожу де Баржетон и ее нынешнего любовника барона дю Шатле: «Статья представляла сплетение намеков, обычных в ту пору. <…> Эти вышучивания, продолжавшиеся из номера в номер и, как известно, наделавшие много шуму в Сен-Жерменском предместье, были одною из тысячи и одной причин введения суровых законов против печати» [Бальзак 1960: 150]. Отмечается, что и Лусто, и Люсьен, и госпожа де Баржетон, и барон дю Шатле — все они являются вымышленными лицами и, следовательно, относятся к миру диегесиса. Однако факт суровых законов против печати относится к реальным событиям подлинной, невымышленной истории Франции времен Реставрации. Получается, что вымышленные события диегесиса (фельетоны

Лусто) влияют на события реального мира (законы против печати). Поскольку онтологический металепсис 1-го типа мы включили в состав риторического металепсиса, то логично назвать онтологический металепсис 2-го типа онтологическим металепсисом, без указания номера типа.

Обзор всех типов металепсиса показал, что главным языковым фактором употребления риторического металепсиса является вербальная эксплицитность нарратора, когда нарратор называет себя местоимениями 1 л. ед. и мн. ч. «я» и «мы» или обозначениями «автор», «сочинитель», а для обозначения наррататора использует местоимение 2 л. мн. ч. «вы» или обращение «читатель/читатели». Все эти разновидности риторического металепсиса для своего осуществления требуют эксплицированности «события рассказывания», по Бахтину.

Если же нарратор вербально никак себя не проявляет, то он является не эксплицитным, а имплицитным. В таких нарративах «никто ни о чем не говорит, кажется, что события рассказывают о себе сами» [Бенвенист 1974: 276]. При имплицитном нарраторе риторический металепсис всех его разновидностей совершенно невозможен. Напротив, фигура онтологического металепсиса может действовать и при эксплицитном нарраторе, и при имплицитном нарраторе, поскольку для нее важнее другой фактор.

Онтологический металепсис в примере из Бальзака о фельетонах Лусто объясняется тем, что там «вхождение» персонажей во внедиегетические пространство и время употребляется на уровне нарративной истории и потому связано с самой сущностью диегесиса, который, разумеется, должен быть вымышлен, но очень часто имеет в качестве своих хронотопов и нередко многих персонажей невымышленные время, место и исторических лиц. В случае из Кортасара диегесис, напротив, представляет чистейший вымысел, но онтологический металепсис здесь также возникает — именно благодаря этой заведомой вымышленности. Но этот металепсис возникает не внутри «события рассказывания», которое в кортасаровском нарративе имплицитно, а благодаря фантастическому приему фикционального перехода персонажа как элемента диегесиса из «рассказываемого события» во внедиегетический мир.

Итак, под единым названием фигуры металепсиса объединены весьма разные нарративные явления: при вмешательстве нарратора в диегесис возникает риторический металепсис; при «вмешательстве» персонажей во внедиегетический мир возникает онтологический металепсис.

Литература

Бальзак О де. Утраченные иллюзии / пер. с фр. Н. Г. Яковлевой // Бальзак О. де. Собр. соч. в 24 т. Т. 9. М.: Правда, 1960.

Бенвенист Э. Отношения времени во французском глаголе // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. С. 270–284.

Готье Т. Капитан Фракасс / пер. с фр. Н. Г. Касаткиной. М: Дет. лит-ра, 1990.

Женетт Ж. Повествовательный дискурс // Женетт Ж. Фигуры: в 2 т. Т. 2. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. С. 60–281.

Pier J. Metalepsis // Handbook of Narratology / eds Peter Huhn, John Pier, Wolf Schmid, Jörg Schönert. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2009. P. 190–211. (Narratologia.)

Prince G. Metalepsis // A Dictionary of Narratology. Revised edition. Lincoln; London: University of Nebraska Press, 2003. P. 50–51.

Кондратьева Екатерина Александровна

ст. преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет;
elli_verano@yahoo.fr, e.kondratieva@spbu.ru

МЕТАФОРА? МЕТАБОЛА? СИМВОЛ? ФОРМИРОВАНИЕ ПОЭТИКИ АЛЕНА-ФУРНЬЕ НА ПРИМЕРЕ СБОРНИКА СТИХОТВОРЕНИЙ И МАЛОЙ ПРОЗЫ «МИРАКЛИ»

Ключевые слова: метафора, символ, метабола, «пейзаж души», синтетический роман.

Поэтика символизма ставила своей целью развитие и преломление наследия романтического мировоззрения и мировосприятия. Отталкиваясь от представления романтического двоемирия, символизм был призван сплавить обе стороны в единое непротиворечивое целое, то есть одновременно физическую и метафизическую многомерную категорию максимального обобщения. Однако зачастую сама поэзия символизма не выдерживает возложенной на неё непомерной задачи и тяготеет более к характеру аллегории или метафоры, двузначность которой восходит к бинарной оппозиции романтизма. Обнаруживаются границы символа как тропа, подобного другим двумерным тропам. Возникает потребность в его утверждении на более широкой основе текста как такового. Возможно, свою глобальную задачу символ призван выполнить за пределами жанровых границ.

Пример творчества французского писателя Алена-Фурнье является наиболее показательным примером формирования такой ускользающей поэтики рубежа XIX–XX вв. Обстоятельства его биографии и время, в которое он жил и творил, не позволяют назвать его символистом в чистом виде или даже неоромантиком, хотя подобные попытки производились. Единственный написанный им роман «Большой Мольн» (1913 г.) по праву считается в литературоведении (начиная со второй половины XX в.) одним из ранних и ярких примеров модернистской прозы. Сотканный из противоречий и сближений перемежающихся парадигм литературы XIX в. (романтизм, реализм, символизм, натурализм), из радикального соединения поэтического и прозаического начала собственных ранних опытов, этот роман может быть назван текстом синтетического характера, своеобразным лирическим романом приключений и воспоминаний. Путь к формированию подобного романа намечен в текстах, образовавших уже после безвременной гибели (в 1914 г., в начале Первой мировой войны) молодого писателя сборник под примечательным названием «Миракли («Чудеса»)», изданный в 20-е гг. XX в., при том что некоторые рассказы и эссе были опубликованы ещё при жизни автора в периодике. В них заострены противоречия уже сложившихся родо-жанровых начал: это стихотворения, в которых выражено повествовательное начало, и поэтическая проза. Эти тексты предшествовали замыслу романа и вместе с тем складывались параллельно его формированию.

Образная канва этих текстов создаётся более сложным, причудливым способом, чем то, что позволяют привычные двумерные тропы. Если говорить о метафорической основе таких текстов, о соединении физического и метафизического пластов, то оно происходит на более тонких, неявных, глубоких основаниях, нежели это принято в предшествующей и даже в современной Алену-Фурнье литературе. Человеческое и природное, абстрактное и материальное, микрокосм и макрокосм сопоставляются, сближаются, представляя «пейзаж души» (1), предмет мечтаний поэтов-символистов, воплощённый в самом раннем, почти не замеченном критиками творчестве молодого писателя. Перед нами метафора то развёрнутая, то многослойная, с применением силлепсиса, то построенная на принципе синестезии, то реализованная благодаря образу, укоренённому в контекст. Такую метафору современные исследователи назвали бы метаболой — «поэтическим образом, в котором нет раздвоения на «реальное» и «иллюзорное», «прямое» и «переносное», но есть непрерывность перехода от одного к другому, их подлинная взаимопричастность» (2). Интересно, что термин возник для характеристики поэзии конца XX — начала XXI в., но его оказывается возможным применить и к более ранним литературным опытам, в том числе и поэзии и прозы рубежа предыдущих столетий. Увеличение количества

взаимосвязей между элементами такого тропа производится за счёт минимализма языковых средств. Метафора становится менее уловимой и не поддаётся однозначной интерпретации. Наличие перевёрнутых метафор, называемое и называющее в которых может сколько угодно меняться местами, опрокидывает привычные представления читателя об окружающем мире, тем более что описываемая Аленом-Фурнье реальность кажется чрезмерно простой и даже заострённо обыденной, в то время как на подобном фоне и даже внутри него происходят чудесные перестановки. Сама концепция чуда, важная для писателя (не случайно сборник назван именно этим словом, по названию средневекового жанра драматического представления), проистекает из несовпадения ожидаемого и неожиданного в результате сдвига традиционных представлений и взаимных наложений нескольких пластов повествования. При этом чудо может быть как спасительным, так и дурным (горьким), и обыденным (легко объяснимым), что добавляет ещё дополнительные краски общей картине.

Этот характер нового тропа, помогающий поколебать классическое представление о чёткости бинарной картины мира, способствующий установлению синтетических тенденций, подготавливает появление символического предикативного романа, каковым станет «Большой Мольн», многомерный смысл которого найдёт выражение не в отдельных образах номинативного характера, а в самом развитии действия, его сложной, противоречивой структуре, предполагающей множество трактовок в зависимости от точки зрения персонажей, от их нахождения во временных и пространственных точках, расставленных на карте событий.

Литература

Владимирова А. И. Франция на рубеже XIX и XX веков: литература, живопись, музыка, театр. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004.

Эпштейн М. Н. Минус-корабль, минус-объекты, минус-миры. Михаил Эпштейн о поэзии Алексея Парщикова. (Цит. по: *Масалов А. Е.* Семиотика метаболы. Статья 1: семантика // Ученые записки Орловского государственного университета. 2019. № 1 (82). С. 122.)

Патракова Ольга Николаевна

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет;
преподаватель, Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д. Ф. Устинова;
patrakova_o@mail.ru

МЕТАТЕКСТУАЛЬНОСТЬ СКАЗОК МАДАМ Д'ОНУА

Ключевые слова: Мари-Катрин д'Онуа, Шарль Перро, сказки, метатекстуальность.

Имя французской писательницы Мари-Катрин д'Онуа (1652–1705) не так известно, как имя ее современника Шарля Перро, однако мадам д'Онуа была одной из наиболее читаемых сказочниц конца XVII в. во Франции, многие ее сказки не только пользовались популярностью в период их публикации, но и прочно вошли в историю литературы, узнаются читателями и в наши дни (к примеру, «Златовласка» или «Красавица и Зверь»). Перу мадам д'Онуа принадлежат два сборника сказок, вышедших в 1697 и 1698 гг.: «Волшебные сказки» (фр. Contes des fées) и «Новые сказки, или Модные феи» (фр. Contes nouveaux ou les Fées à la mode).

Сказки мадам д'Онуа воспроизводят различные фольклорно-мифологические сюжеты, но важна в них и салонная традиция галантного романа. Посвящение первого сборника «ее Королевскому Высочеству, Мадам» (имеется в виду Елизавета-Шарлотта Баварская, супруга Филиппа I Орлеанского) говорит о том, что сказки были направлены на взрослую публику высшего света.

Поводы для обращения к жанру литературной сказки у мадам д'Онуа и у Ш. Перро в целом совпадают — Перро использует сказку как инструмент в теоретическом споре и одновременно развивающийся модный жанр, потенциал которого не ограничивается литературными играми в аристократических салонах, мадам д'Онуа поддерживает «Новых» в их поисках, органично развивая ту ветвь литературы, где авторство дамы наиболее соответствует ожиданиям и традициям эпохи. При этом, женский взгляд на традиционные сюжеты оказывается отличным от классических интерпретаций. Не случайно в современных исследованиях творчество писательницы зачастую рассматривается в контексте женского письма. Героиня сказок д'Онуа «должна сама позаботиться о себе, чтобы спастись, а для этого она должна быть активной, независимой и знать свои права» [Trinquet 2006: 78]. «Маргинальный» в ту эпоху жанр сказки дает писательнице пространство свободы, становится тем «волшебным местом, которое она создает своим письмом, где она может критиковать институт супружества и требования подчиняться власти мужчин» [Monnier 2001: 251].

Именно в данном контексте особенно ярко проявляется метатекстуальная сторона сказок: используя аллюзии на ставшие традиционными вариации фольклорных сказок, к примеру, на литературные сказки Ш. Перро, мадам д'Онуа критически осмысляет и имплицитно «комментирует» последние, предлагает иной взгляд на классические сюжеты.

Так, завязки сказок «Принцесса Веснянка» (фр. « La Princesse Printanière ») из «Сказок фей» и «Лесная лань» (фр. « La Biche au bois ») из «Новых сказок» во многом совпадают со «Спящей красавицей» Ш. Перро, а некоторые детали позволяют мадам д'Онуа вступить в «спор» со своим старшим коллегой и подвергнуть критике его моралите. Дары главной героини сказки «Лесная лань», полученные ею при рождении от фей, оказываются менее куртуазными и более весомыми, чем в сказке Перро, где девушка получает красоту, ангельский характер, удивительную грацию, умение замечательно танцевать, петь, как соловей, и играть на всех инструментах в высшей степени прекрасно. У мадам д'Онуа «одна фея даровала принцессе добродетель, другая наделила разумом; третья — чудесной красотой, четвертая — счастливой судьбой, пятая — долголетием во здравии; и наконец последняя пожелала, чтобы у нее всегда хорошо получалось все, что она ни задумает» [д'Онуа 2015: 462–491]. В сказке подробно описываются годы взросления принцессы, наполненные вовсе не сном, а активным самосовершенствованием. Выйдя из скрытой от людских глаз башни раньше положенного срока, принцесса все же столкнулась

с бедами, прошла через многие приключения, нашла свою любовь. Иногда ей помогали феи, но часто она сама принимала решения, чтобы в итоге обрести счастье, словом, ее образ очень далек о традиционного взгляда на Спящую красавицу, за которую все решает судьба. Общий с Перро зачин нужен д'Онуа именно для этой антитезы, противопоставления двух героинь, которые, получив всевозможные дары, пользуются ими по-разному.

Отталкиваясь от сюжета Перро, мадам д'Онуа предлагает по-новому взглянуть и на образ принца. Если в «Лесной лани» опасность таится в чересчур ранней влюбленности девушки, а сам принц все-таки остается положительным и даже идеализированным персонажем, то в сказке «Принцесса Веснянка» мужской персонаж сам представляет для девушки большую опасность, сказка окрашена в более мрачные тона и отражает целый спектр страданий, выпадающих на долю принцессы. Вступая в диалог с Перро, мадам д'Онуа включает в текст отдельные ироничные отсылки к его «Спящей»: чтобы привести в чувство королеву, узнавшую новость о побеге принцессы, ей на лицо выливают «пару ведер воды Венгерской Королевы», добрая фея появляется в прекрасной колеснице, влекомой не драконами, а «огромными хохлатыми курицами», а сама героиня отправляет в подарок добрым феям «несколько прялок из Германии» [д'Онуа 2015: 98–115]. Иной взгляд относительно позиции Перро проявляется и в финальном моралите сказки, где д'Онуа, рассуждая о противостоянии разума и чувства, призывает читательниц всегда руководствоваться умом: «Пусть лишь разум всегда и везде нами правит: / Пусть он будет хозяином нашим сердцам, / И пусть воли не даст он любовным страстям» [д'Онуа 2015: 98–115].

Таким образом, в метатекстуальном диалоге сказок мадам д'Онуа с предшествующей традицией рождаются новые смыслы и подходы к интерпретации традиционных сюжетов, в частности — впервые в фольклорно-литературной традиции бытования сюжета о «Спящей красавице» сказка обретает героиню, наделенную не только красотой и талантами, но и способностью проходить различные испытания, самостоятельно избирать свою судьбу. Такой подход не обретет немедленной славы и лишь в искусстве XXI в. женский взгляд на традиционные сказочные сюжеты вновь станет актуальным.

Литература

д'Онуа М.-К. Лесная лань / пер. Д. Савосина // Новые сказки, или Модные феи. Кабинет фей. Т. 1. М.: Ладомир, 2015. С. 462–491. URL: https://facetia.ru/node/4528 (дата обращения: 17.01.2025).

д'Онуа М.-К. Принцесса Веснянка / пер. Е. Шибановой // Сказки фей. Кабинет фей. Т. 2. М.: Ладомир, 2015. С. 98–115. URL: https://facetia.ru/node/4537 (дата обращения: 17.01.2025).

Monnier M. Naissance et renaissance du conte de fées : de Marie-Catherine d'Aulnoy à Angela Carter // Études de lettres. 2011. No. 3–4. P. 243–258. https://doi.org/10.4000/edl.206

Trinquet Ch. Voix clandestines dans les contes de fées : L'exemple de «Finette Cendron» de Madame d'Aulnoy // Cahiers du Dix-Septieme : An Interdisciplinary Journal. 2006. Vol. 10, no. 2. P. 65–82. https://ojs.lib.uwo.ca/index.php/cahiers17e/article/view/21771

Рассыхаева Татьяна Николаевна

режиссер, Социально-художественный театр, Санкт-Петербург;
магистрант, Российский государственный институт сценических искусств,
DEA Sorbonne (PARIS IV), Франция

«ВЕСЬ МИР — ТЕАТР, МЕТАТЕАТР КАК РЕФЛЕКСИЯ О ПРИРОДЕ ТЕАТРАЛЬНОГО ИСКУССТВА И АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЕГО РАЗВИТИЯ (НА ПРИМЕРЕ ПАРТИСИПАТОРНЫХ ПРАКТИК И СПЕКТАКЛЯ-ИССЛЕДОВАНИЯ «МАРШРУТЫ», ИДУЩЕГО НА НОВОЙ СЦЕНЕ АЛЕКСАНДРИНСКОГО ТЕАТРА)

Ключевые слова: метатеатр, метадрама, метатекст, партисипаторные практики, иерархические структуры.

Обращение к явлению метатеатра в данном докладе продиктовано потребностью поставить вопрос о наполнении понятия «метатеатр» в современном искусствоведении и филологии, равно как определить природу явления метатеатра как этапа развития театрального искусства. Удивительно констатировать, что автором не найдено объемных исследований, описывающих понятие и феномен метатетра. В то же время есть опубликованные тексты, разделяющие уже принятые в искусствоведении термины метадрама, метатекст, метанарратив. «Слово *мета* греческое и означает “среди, с, после”, но мы можем поблагодарить новолатынь, язык научной номенклатуры, за его использование в качестве префикса к названиям определенных дисциплин. В своем самом простом употреблении *мета-* описывает предмет таким образом, который выходит за его первоначальные пределы, рассматривая сам предмет как объект размышления». «The word *meta* is Greek and means “among, with, after”, but we can thank New Latin, the language of scientific nomenclature, for its use prefixing the names of certain disciplines. In its most basic use, *meta-* describes a subject in a way that transcends its original limits, considering the subject itself as an object of reflection» (https://www.merriam-webster.com/wordplay/meta-adjective-self-referential). Автор предлагает описать понятие «метатеатр» как форму саморефлексии театрального искусства, размывающую границы между сценической иллюзией и реальностью, практическое размышление о природе театра и его инструментарии.

К явлению метатеатра автор относит современные тенденции развития театрального искусства, которые выводят театральные практики за пределы классических театральных процессов — за пределы «здания» театра и за пределы иерархических отношений зритель/актер, текст/режиссер, вовлекая зрителей в творческий процесс и размышление о том, как искусство/литература взаимодействует с жизнью. Эти практики, с одной стороны, возвращают театр к изначальной природе — древним ритуальным празднествам, где взаимодействие всех участников было одной из важных составляющих процесса, с другой стороны, эти практики являются продолжением нарастающего феномена саморефлексии театрального искусства, берущего свои истоки в литературоцентричных поисках театра начала XX в. — метадраме. Используя такие инструменты, как партисипаторные практики, сайт-специфик проекты, технологическое искусство и др., театр становится медиатором в поиске коммуникации между разными сообществами, между горожанами и городским пространством (музеи, школы, промышленные здания), обращается к темам повседневности и инклюзии.

Истоки метатеатра — в самой природе театра в момент его зарождения, их можно проследить в древних ритуальных празднествах, но как отдельное явление он начал формироваться на рубеже XIX — XX вв., как рефлексия и реакция на явление классического театра. Философские основы (до употребления термина) были заложены Николаем Евреиновым в таких работах как «Театр для себя» [Евреинов 2024]. Появлению термина «метатеатр» предшествовало введение понятия «метадрама», который был впервые предложен в 1960-х гг. Л. Абелем. Значительный вклад в развитие метадрамы внесли такие драматурги, как Б. Брехт и С. Беккет в начале

XX в. Экспериментальные формы: Опыт мастеров авангардного искусства, таких как А. Арто, Вс. Мейерхольд, Эпический театр Брехта, творчество таких драматургов, как Т. Стоппард и К. Черчилл, демонстрирует новые экспериментальные подходы к метадраме в постмодернистском контексте (https://cyberleninka.ru/article/n/metadrama-v-sovremennom-teatre-k-postanovke-problemy/viewer).

Проблемопостановочным является тезис автора о таком критерии определения метатеатральных процессов, как размытие границ: Современный метатеатр продолжает исследовать и размывать границы между сценической иллюзией и реальностью, вовлекая зрителя в процесс театрального самоосмысления.

А также вывод о том, можно ли фундаментально определить феномен метатеатра как критическое переосмысление иерархических структур в искусстве и социальной реальности: размытие границ между актером, режиссером и зрителем. Трансформация роли зрителя: от пассивного наблюдателя к активному соучастнику творческого процесса (https://cyberleninka.ru/article/n/teatralnaya-samorefleksiya-v-dramaturgii-epohi-modernizma/viewer).

Автору представлятся интересным описать широкий диапазон метатеатральных инструментов:

- Использование партисипаторных практик для вовлечения аудитории в создание и интерпретацию театрального действа.

«Тут у нас не Шекспир, тут икра кабачковая».

- Исследование идентичности: Метатеатральные приемы используются для изучения концепции личностной идентичности в контексте театрализованной реальности.
- Выход театральных практик за пределы традиционного театрального пространства: сайт-специфик проекты и городские интервенции.
- Перформанс и акцент на телесность.
- Театр как медиатор в поиске новых форм коммуникации между различными сообществами и городскими пространствами.

Тезис о метатекстуальности как основополагающей характеристике современной гуманитарной культуры, сформулированный в трудах М. М. Бахтина: «В области культуры вненаходимость — самый могучий рычаг понимания. <…> Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом: между ними начинается как бы диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур» [Бахтин 1986: 507–508].

История создания и анализ спектакля-исследования «Маршруты» на Новой сцене Александринского театра как пример современных метатеатральных тенденций.

Метатеатр как инструмент критического осмысления взаимодействия искусства и жизни в современном обществе.

Перспективы развития метатеатра в контексте глобальных социокультурных изменений и технологического прогресса.

Литература

Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986.

Евреинов Н. Н. Театр для себя. Ч. 1–3. Репринт. изд. М.: В. Секачев, 2024.

Щербак Нина Феликсовна

канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет;
n.sherbak@spbu.ru, alpha-12@yandex.ru

ФИЛОСОФИЯ ЖИЛЯ ДЕЛЁЗА И ЕЕ ЯЗЫКОВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ КИНЕМАТОГРАФЕ

Ключевые слова: кинематограф, различие и повторение, ризома, анти-нарративные практики.

Рассуждая о движении и развитии кинематографа, Жиль Делёз, инноватор кино и экспериментатор философии постмодернизма, вводит свои понятия кадра, плана и монтажа, противопоставляя их общепринятой кино-теории, рассуждая об имманентности кино. Путем создания своей собственной теории, Жиль Делёз представляет читателям идеи об образе-движения, образе-перцепции (пространство-в-становлении), образе-переживания, и образе-времени. Книга «Кино», таким образом, становится яркой иллюстрацией этой теории, с привлечением примеров из известных произведений кинематографа.

В некотором смысле конструкт образа-времени — новый этап в развитии кинематографа, при котором образ-движения становится более традиционным, и принадлежит предыдущим эпохам, как средством выражения. В свою очередь, образ-движения может рассматриваться как новый этап в развитии кино, как становление образа-движения. В некоторым смысле, теория Делёза — реминисценция «отсутствия репрезентации», так точно обозначенная в работе Делёза «Различие и повторение».

Рассуждая об образе-движения, Делёз пишет о том, что «экран» кинопроектора выполняет своего рода роль рамки, которая «наделяет общей мерой то, у чего ее нет: ландшафт и лицо, части, у которых отсутствует общий знаменатель дистанции, выделенности, света». Взаимодействие сил кадрирования и декадрирования, панорамирования и соединения планов, то есть всего того, что отсылает наш язык к некой азбуке кино, все это позволяет найти место, откуда становится возможна речь об образе-движении и его составных частях.

Делёз задается вопросом: когда режиссер Дзаваттини определяет неореализм как искусство стыков; фрагментарных, эфемерных, отрывочных и неудачных встреч и столкновений, — что он имеет в виду? Это определение касается фильма «Лайза» Росселлини и «Похитителей велосипедов» Де Сики. Подробное освещается Делёзом и процесс создания Де Сика эпизода в фильме «Умберто Д.»: утром в кухню входит молодая служанка, которая делает ряд машинальных жестов, говорящих о том, как она устала: слегка прибирается, струей воды изгоняет муравьев, берет кофемолку; закрывает дверь каблуком-шпилькой. А смотрит она на свой живот: беременная, словно готова произвести на свет всю нищету этого мира. Глаза и живот — вот уже и стык… Подобное внимание к последовательности и деталям, это не только репрезентация, это снова — введение образа-перцепции и образа-восприятия (выраженного посредством взгляда и крупных или общих планов), которые позволяют увести традиционный кинематограф от образа-движения, превращая его в образ-время.

Для неореализма, по Делёзу, характерно уже отмеченное увеличение числа чисто оптических ситуаций, которые существенно отличаются от сенсомоторных ситуаций образа-действия, характерных для старого реализма, или импрессионизма — покорения чисто оптического пространства в живописи. Нам возразят что зритель всегда имеет дело с «описаниями», с оптическими и звуковыми образами, и ничем более. Делёз разрушает стерео-типичность традиционного восприятие кино, с акцентами на репрезентации.

Но суть не в этом, продолжает Делёз. «Персонажи на ситуации реагировали, даже будучи немощными, даже со связанными руками (буквально) или с кляпом во рту — и происходило это в силу случайностей действия». Следовательно, «зритель воспринимал именно сенсомоторный образ и был ему более или менее сопричастен, так как отождествлял себя с персонажами». Таким образом, как пишет Делёз, мы имеем дело с той ситуацией, когда кино и кадрирование не является прямым отображением задумки режиссера, это сконструированная реальность,

направленная на воздействие, на перцепцию и восприятие зрителя. А герой фильма, по Делёзу, в свою очередь, не столько вовлекается в действие, сколько предается созерцанию, будучи им преследуем или же сам его преследуя. «Одержимость» Висконти, таким образом, с полным правом считается предтечей неореализма; и что прежде всего поражает зрителя, так это манера, в которой «чуть ли не галлюцинаторная чувственность овладевает облаченной в черное героиней». «Она больше похожа на визионерку или сомнамбулу, чем на соблазнительницу или влюбленную».

У Висконти мы имеем дело с предметами и средами, которые обретают автономную материальную реальность, в которой становятся ценными сами по себе, а герой словно вступает в визуальное обладание постоялым двором. Рассуждая о работах Рене, Делёз пишет, что «в своих интервью Рене часто рассуждает о двух проблемах: о чувствах «за пределами» персонажей и о процессе осознания, о проистекающей из него критической мысли. Это метод критического гипноза, который ближе к тому, что Дали называл методом критической паранойи, нежели к идеям Брехта.

«Если Брехт достигал в театре этого результата при помощи дистанцирования, то Рене, наоборот, обращается к неподдельному завораживанию. Этот вид гипноза имеет чисто эстетические корни; он дедраматизирует анекдот, препятствует идентификации персонажей и направляет внимание публики только на одушевляющие героя чувства» [Делёз 2004: 163].

Фильм фон Триера «Рассекая волны» становится примером нестандартности выражения. Христианская идея любви как жертвы претворяется в этом фильме в виде повторяющихся историй отношений, которые главная героиня должна претерпевать для возрождения жизни своего попавшего в катастрофу мужа. Звонящие колокола в конце (во многом заимствованная у Тарковского кадрирование и панорамирование) — самая высокая точка фильма, его кульминация и разрешение. Метафора волн и моря — стихийность жизни, ее хаотичность противопоставлена в фильме фарисейству религиозных деятелей, их неправомерному злоупотреблению положением. Фильм ранит, производя точный эффекта созданного образа — время, которое воссоздано в каждой минуте кино нарратива, то есть описания жизнедеятельности героини. Ударяет наотмашь по зрителю, заставляя его сопереживать каждому мгновению. Анализ текстов показывает, что главные герои общаются лишь посредством коротких фраз: — Бесс просила меня помолиться. — О чём? — О жизни Яна. О чуде. — Это было бы чудо из чудес. Подобные диалоги лишь усиливают эффект, увеличивают степень воздействия на зрителя.

Литература

Делёз Ж. Кино / науч. ред. и вступ. ст. О. Аронсон; пер. с фр. Б. Скуратова. М.: Ад Маргинем, 2004.

БАЛКАНИСТИКА И КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Черноглазов Дмитрий Александрович

д-р филол. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет;
d_chernoglazov@mail.ru

МОНАШЕСКАЯ АСКЕЗА ИЛИ «ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ДОБРОДЕТЕЛЬ»? ИДЕАЛ АРХИЕРЕЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ ТРУДЕ ВИЗАНТИЙСКОГО ГУМАНИСТА

Ключевые слова: Георгий Пахимер, византийская историография, византийский гуманизм, Иосиф I Галисиот, Герман III, Аристотель, «Никомахова этика».

Георгий Пахимер — выдающийся историограф, ритор, ученый и мыслитель раннепалеологовской эпохи [Λαμπάκης 2004; Hunger 1978: 447–453]. Обширный корпус его сочинений, включая «Историю», давно известную ученым и опубликованную в критическом издании [Failler, Laurent 1984–1999], изучен пока мало. Важной задачей для исследования представляется изучить его мировоззрение, политические и философские взгляды и эстетические предпочтения.

Хорошо известно, что в своей «Истории», охватывающей период с 1258 до 1308 г., Пахимер уделяет пристальное внимание вопросам церковной политики — догматическим спорам, внутрицерковным интригам, взаимоотношениям архиереев с императорами и т. д. В частности, историк подробно характеризует константинопольских патриархов, в первую очередь, Германа III, Иосифа I Галисиота и Афанасия I, и мы можем судить о том, каким, с точки зрения Пахимера, должен быть патриарх, какими качествами ему следует или не следует обладать. Если взгляды Георгия на природу императорской власти и качества идеального монарха хотя бы немного исследовались [Angelov 2007: 269–280], то идеал церковного иерарха, отразившийся в его историческом труде, вообще не анализировался. В настоящем докладе формулируется ряд предварительных замечаний по этому вопросу. Исследование проводится, в основном, на материале «Истории», но также мы обращаемся и к другим трудам Пахимера, например, к его комментариям к «Никомаховой этике» Аристотеля. Взгляды Пахимера рассматриваются в широком контексте византийской историографии и риторики XIII — начала XIV в., главным образом, в сравнении с историческими трудами Георгия Акрополита и Никифора Григоры.

С точки зрения Пахимера, архиерей должен обладать обширными знаниями, красноречием и ценить ученых людей (это качество ценит в патриархах, между прочим, и Георгий Акрополит) но главное достоинство церковного иерарха, которое особо подчеркивает Пахимер — это «человеческая добродетель» (ἡ κατ᾽ ἄνθρωπον ἀρετή), именуемая также «политической» или «государственной» (πολιτική). Тот, кто придерживается этой добродетели, ведет «государственную» жизнь, которую Пахимер, следуя Аристотелю, помещает в середину между жизнью «созерцательной» и жизнью «в наслаждениях». «Человеческая добродетель» подразумевает человеколюбие, щедрость, презрение к богатству, умеренность в страстях (в противопоставление полному бесстрастию), но также и общительность, остроумный и светский нрав, умение найти общий язык с императорами. Противоположностью «человеческой добродетели» становится строгая монашеская аскеза, которой, по словам Пахимера, увлечены многие его современники. Историк осуждает таких ревнителей благочестия, которые вместо милосердия питают к ближнему презрение и надменность.

Носителем «человеческой добродетели» и, по сути, идеальным патриархом, становится Герман III, его антиподом — открыто порицаемый историком Афанасий I, а Иосиф I Галисиот вызывает удивление Пахимера оттого, что он оказался способен сочетать в себе обе крайности — монашескую жизнь в постах и в молитвах и все, что составляет «человеческую добродетель»:

Руководитель секции: Д. А. Черноглазов.

«Но всего удивительнее то, что он, с одной стороны, душевно расположен был к монашеской жизни, проводимой в псалмопениях, в бодрствовании, в постах, в питье воды, когда нужно, в кротости, справедливости, добронравии, простоте и вообще во всем, что безукоризненно, а с другой стороны, не забывал и о человеческой добродетели. Встречается ли он с кем — тотчас обнимается, дружески разговаривает, шутит и хохочет, когда кто сказал что-нибудь остроумно или поступил забавно. Он умел подойти к сильным правителям и ходатайствовать о других, а также накрывал для множества людей роскошные трапезы с разнообразными винами и яствами, в особенности угощая тех, у кого нет средств к жизни» [Failler, Laurent 1984–1999].

Понятие «человеческой добродетели» весьма важно для Пахимера: оно появляется не только в его историческом труде, но и во введении к его комментариям к «Никомаховой этике» Аристотеля. В докладе кратко рассматривается история употребления этого понятия в византийской риторике и в комментаторской традиции, предшествующей Георгию Пахимеру. Определяется мера его оригинальности как в употреблении этого понятия, так и в трактовке образа идеального архиерея. Указываются некоторые общие черты в позициях Георгия Пахимера и Никифора Григоры.

Литература

Angelov D. Imperial Ideology and Political Thought in Byzantium, 1204–1330. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

Failler A., Laurent V. (eds). Georges Pachymérès. Relations historiques. Vol. 1–2. Paris: Les Belles Lettres; Vol. 3–4. Paris: Institut Français d'Études Byzantines, 1984–1999.

Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. Bd. 1. München: Beck, 1978.

Λαμπάκης Σ. Γεώργιος Παχυμέρης. Πρωτοέκδικος και Δικαιοφύλαξ. Εισαγωγικό Δοκίμιο. Αθήνα: Εθνικό Ίδρυμα Ερευνών, 2004.

Богданова Ольга Алексеевна

канд. филол. наук, доцент, Институт классического Востока и античности, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; otheodoridi@yandex.ru

МЕДИАСИСТЕМА АФОНА В XX — НАЧАЛЕ XXI ВЕКА: ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ

Ключевые слова: Афон, монашество, СМИ, журналы.

Полуостров Афон занимает особое место в христианском сообществе. Монашеская республика живет автономно, в соответствии с укладом, продиктованным христианской традицией и преданием. На государственном уровне Афон — суверенная территория в составе Греческой республики. В духовном отношении Афон находится в юрисдикции Вселенской Патриархии. Все афониты с момента принятия в послушники или монахи без дополнительных процедур приобретают греческое гражданство (ст. 105, п. 1 Конституции). Афонские монахи сделали уникальный вклад в развитие христианской традиции, формирование и строго тождественную передачу духовного опыта [Уэр 2001: 136].

Монашество соединяет в своем опыте две противоположные установки — уход от мира и активное участие в жизни мира, которые сочетаются между собой в определенной последовательности. Одно из изречений (апофтегм), приписываемых основателю монашеской традиции св. Антонию Великому, гласит: «Древние отцы выходили из града в пустыню, и были исцелены, и сами становились врачами. И, вернувшись оттуда назад, исцеляли других» [Великий Патерик 2005: 13].

За отдельными исключениями, афониты не замыкаются от внешнего мира. Поэтому становится возможным создание афонских или околоафонских СМИ, ориентированных прежде всего на внешнюю аудиторию.

Медиа на Афоне появляются с 1920-х гг. — журнал «О Афос» («Ο Άθως», основан в 1921 г.) «Делтион агиоритикон хирографон» («Δελτίον αγιορειτικών χειρογράφων», основан в 1932 г.). На протяжении XX в. на Афоне выходили 15 изданий [Χατζηφώτη 1981], в начале XXI столетия осталось два — независимый (не относящийся ни к какому монастырю) журнал «Протатон» («Πρωτάτον», 1982–2013 гг.) и журнал монастыря Григориат «О Осиос Григориос» («Ο Όσιος Γρηγόριος», выходит с 1976 г.).

В 2001–2017 гг. печать Афона была представлена двумя изданиями. По этой причине основные факторы формирования системы афонских СМИ мы рассматриваем на материале изданий, которые выходили на полуострове в течение XX в. — журналов «Агиоритики вивлиофики» («Αγιορειτική βιβλιοθήκη»), «Афоники диалоги» («Αθωνικοί διαλόγοι»), «Афоника тетрадиа», («Αθωνικά τετράδια»), «Монастириака хроника» («Μοναστηριακά χρονικά»), «О Агиос Павлос о Ксиропотамитис» («Ο Αγιος Παύλος ο Ξηροποταμίτης»), «О Афос» («Ο Άθος»), «О Осиос Григориос» («Ο Οσιος Γρηγόριος»), «Протатон» («Πρωτάτον»). Телевидения и радио на Афоне никогда не было, за почти столетнюю историю афонских СМИ печать была здесь единственным средством массовой коммуникации; в начале третьего тысячелетия начал осваиваться интернет.

Все периодические печатные издания Святой Горы делятся на две категории — издания монастырей и издания, предпринятые конкретными монахами.

Политический фактор. Монашескую республику составляют 20 монастырей, независимых во внутренних делах. Согласно учредительной грамоте Святой горы (1926 г.), ст. 180, типографию на Святой Горе может основать только правительство — Кинот. Ст. 175 накладывает запрет на торговлю вещами, которые не входят в разряд необходимых для жизни. Соответственно, о продаже газет речи быть не может. Как следствие, афонские журналы печатались за пределами Святой Горы. Исключениям— «О Афос» («Ο Αθως»), который с 1921 г. печатался на Святой Горе, а после в Салониках и Афинах, и «Делтион агиоритикон хирографон» («Δελτίον αγιορειτικών χειρογράφων»), печатавшийся в типографии Кинота в 1932 г., а в 1934 г. — в Са-

лониках. Официального СМИ, которое мог бы учредить Кинот, нет. Кинот планирует создать интернет-страницу, но эти планы не реализованы.

Экономический фактор. Афонские СМИ не были и не являются коммерческими, существуют за счет пожертвований или бюджета монастырей-учредителей, не публикуют рекламы на коммерческой основе. Журналы могут издавать только те, у кого есть средства.

Фактор социальной структуры. Сам Афон ориентирован на личное общение, не на массовые коммуникации. Логично, что нет необходимости в медиа для афонитов, отсюда направленность афонских СМИ на внешнюю аудиторию. Как следствие, журналы написаны доступным для неподготовленной аудитории языком, контент соответствует интересам аудитории

Качество медиасообщества — решающий фактор. История каждого афонского журнала тесно связана с создателем и редактором. Со смертью конкретного монаха прекращается либо сам журнал (например, «О Агиос Павлос о Ксиропотамитис» («Ο Άγιος Παύλος ο Ξηροποταμίτης»), издание которого прекратилось со смертью архимандрита Серафима из монастыря Святого Павла), либо целый период его существования (к примеру, в 2010 г. монах Иерофей Кариот прекратил участие в редактировании журнала «Протатон» («Πρωτάτον»), которым занимался с момента создания в 1982 г. Редактором остался его помощник монах Моисей, со смертью которого журнал перестал издаваться).

Журналы выходят не чаще раза в месяц, распространяются в пределах и за пределами Афона. В основном не специализированные, они отличаются разнообразием в подаче материала, ориентированы на широкий круг читателей. Большинство журналов объединяет общность в выборе жанров с ориентацией на традиционные жанры христианской и монастырской литературы (исторические экскурсы и хронику можно соотнести с летописями, биографии — с житиями, произведения эпистолярного жанра и апофтегмы входят в корпус традиционной литературы) с незначительной долей материалов креативного характера (шуточный сонник). Публикации полемического характера редки. Оформление простое, как правило, без иллюстраций.

Литература

Великий Патерик, или Великое собрание изречений старцев. Систематическая коллекция / пер. с др.-греч. А. В. Маркова, Д. А. Поспелова. Т. 1. М.: Изд. пустыни Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря Новая Фиваида, 2005.

Уэр Каллист, еп. Диоклийский. Православная Церковь. М.: Библ.-Богослов. ин-т св. Апостола Андрея, 2001.

Χατζηφώτη Ι. Μ. Ο Αγιορειτικός τύπος καί τα αγιορειτικά τυπογραφεία. Αθήνα, 1981.

Васильева Ирина Эдуардовна[1], Кисилиер Максим Львович[2]

[1]канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет; i.vasileva@spbu.ru

[2]канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет; ст. научный сотрудник, Институт лингвистических исследований РАН; m.kisilier@spbu.ru

КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ ГРЕЧЕСКОЙ ДИАСПОРЫ НОВОРОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.: К ПРОБЛЕМЕ ОПИСАНИЯ

Ключевые слова: культурная идентичность, мультикультурализм, многополярность, греки Новоросии, греческие переводы Пушкина.

Настоящий доклад посвящен проблеме описания культурной жизни грекоязычной диаспоры Новороссии в последней трети XIX в. Стратегии построения диаспоральной идентичности выявляются посредством анализа переводов произведений А. С. Пушкина на новогреческий, выполненных в это время (подробнее о них см.: [Васильева, Кисилиер 2024] и приводимую там библиографию).

В последние десятилетия вопросы культурной идентичности и самоидентичности становятся все более и более дискуссионными. Они обсуждаются как в непрофессиональной сфере (публицистика и социальные сети), так и в профессиональном научном сообществе, привлекая внимание не только антропологов, этнографов, культурологов, политологов, но и представителей практически всех направлений социальных и гуманитарных наук. Лингвисты и филологи — не исключение. В ракурсе этих дисциплин вопросы культурной идентичности соотнесены, как правило, с проблемами сохранения и изучения умирающих языков, с задачами изучения диалектов и текстов, фиксирующих как собственно языковые особенности данной диалектной группы, так и отражающих специфику свойственных ей культурных практик и мировоззренческих представлений. При таком подходе критерием идентичности нередко оказывается уровень языковой (диалектной) компетенции представителя сообщества и/или знание характерных для данной диаспоры текстов, умение вычленять и использовать свойственные им риторические и, шире, литературные модели (топосы, мотивы и т. д.). При этом во всем многообразии существующих методов и подходов в лингво-филологическом изучении диаспоральных культур преобладают задачи, направленные на выявление отличительных и различительных черт данной культуры. Иными словами, уникальность диаспоральной культуры устойчиво осмысляется через то, что связывает ее с исторической родиной и дистанцирует ее от культурного типа, доминирующего на новой территории проживания. Поэтому языковой критерий выходит на первый план как при описании диаспоральной культуры в целом, так и при анализе вопросов идентичности. Подобный подход характерен не только для лингвистики и филологии, но и для всего блока гуманитарных и социальных наук.

Не ставя под сомнение влияния языкового фактора на формирование диаспоральной идентичности, в докладе мы фокусируем внимание на процессах ассимиляции, которым подвергается любая диаспоральная культура. Принято считать, что эти процессы разрушают идентичность или, как минимум, угрожают ей. Однако в докладе будет продемонстрировано, что на рубеже XIX–XX вв. в культуре грекоязычной диаспоры юга России отчетливо прослеживаются тенденции к своего рода «культурному двуязычию», когда диалектный текст и его русскоязычный вариант функционируют одновременно и свободно взаимозаменяются. Такая ситуация сохраняется и сегодня. Например, в ходе экспедиций в Приазовье в 2001–2007 гг. (подробнее см.: [Кисилиер 2009]) неоднократно приходилось наблюдать, как исполнительница охотно поет песню на двух языках — по-румейски и по-русски.

Сам по себе билингвизм характерен для любой диаспоральной культуры и не является каким-то специфическим феноменом. Примечательно иное — отсутствие последовательного противопоставления «своих» текстов, ориентированных на подчеркивание связи с традицией

(диаспоры и/или исторической родины), и текстов «чужой» культуры. Наличие «чужого» текста или мотива не выступает угрозой идентичности. Напротив, отчетливо осознаваемый как привнесенный, «чужой», такой элемент вместе с тем воспринимается представителем диаспоральной культуры как неконфликтный, естественно встраиваемый в его идентичность. Итак, доклад продемонстрирует, что для идентичности грекоязычной диаспоры юга России установка на диалог и сближение с культурой страны проживания не менее значима, чем установка на связь с традицией, с культурой исторической родины.

Специфика культурного двуязычия определяется тем, что начальный этап становления современной культурной идентичности греков юга России связан с выдвижением Новороссии в число культурных центров Российской империи. Именно там в последней трети XIX в. происходит не только бурное экономическое, но и стремительное культурное развитие городских центров, прежде всего — Таганрога и Одессы, где грекоязычное население составляет значительную часть жителей. Можно предположить, что именно в книжной культуре этих городов вырабатываются модели неконфликтного сосуществования «своих» и «чужих» текстов. Как будет показано в докладе, значимым пространством встречи культур стали переводы на новогреческий первого национального поэта России (Пушкина), два юбилея которого — 50-летие со дня гибели и 100-летие со дня рождения — широко отмечались в эти годы.

До последней трети XIX в. представления греков о русской литературе, особенно — за пределами России, были весьма фрагментарны и скупы. Им были известны богословские сочинения, они знали «Историю государства российского» Н. М. Карамзина. Какие-то отрывочные сведения о русской литературе и русских писателях иногда появлялись в греческой печати. Как отмечал греческий дипломат, ученый и литератор Стефан Карафеодорис, «китайская стена все еще отделяет русский мир от греческого культурного общества» [Καραθεοδώρης 1870–1871: 60–61]. Поэтому преодоление этой «стены» стало осмысляться как важная задача на рубеже XIX–XX вв. Грекоязычная диаспора юга России оказалась наиболее естественным сообществом, способным преодолеть «стену», а юбилейные пушкинские даты (1887 и 1899 гг.) послужили дополнительным стимулом для решения этой задачи.

Литература

Васильева И. Э., Кисилиер М. Л. «Их-наш Пушкин»: из истории греческой пушкинианы // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2024. Т. XXVIII, ч. 1. С. 222–273.

Кисилиер М. Л. (отв. ред.). Лингвистическая и этнокультурная ситуация в греческих селах Приазовья. По материалам экспедиций 2001–2004 годов. СПб.: Алетейя, 2009.

Καραθεοδώρης Σ. Κ. Περὶ ῥωσσικῆς φιλολογίας // Ὁ ἐν Κωνσταντινουπόλει Ἑλληνικὸς φιλολογικὸς σύλλογος. Σύγγραμμα περιοδικόν. Τ. Ε΄. 1870—1871. Σ. 60–86.

Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 25-28-01055 «Новогреческие переводы А. С. Пушкина и проблема культурной идентичности грекоязычной диаспоры Новороссии на рубеже XIX–XX вв.», https://rscf.ru/project/25-28-01055/; ИЛИ РАН.

Гришин Алексей Юльевич

канд. филол. наук, доцент, Московский государственный лингвистический университет;
доцент, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова;
grishinaj@yandex.ru

КАТЕГОРИИ ЗАЛОГА И ДИАТЕЗЫ: НЕОБХОДИМОСТЬ ИХ РАЗДЕЛЕНИЯ В ГРЕЧЕСКОМ И ОТВЕРЖЕНИЕ ЭТОЙ ОППОЗИЦИИ ТРАДИЦИОННОЙ РУССКОЙ ГРАММАТИКОЙ

Ключевые слова: неоэллинистика, сравнительно-сопоставительная лингвистика, типологический анализ, переводоведение.

Включение категории глагольной диатезы в российский лингвистический дискурс восходит к 1970 г., а именно к работам А. А. Холодовича и В. С. Храковского. Авторы концепции настаивали на универсальности [Храковский 2004: 503] категории диатезы, которая присуща любому употреблению глагола. Здесь прослеживается очевидная связь с семантико-синтаксической концепцией Теньера, воспользовавшегося термином греческих грамматиков. Современный лингвистический подход имеет ту неоспоримую общность с античным, что «залог» / voix / voice как соответствие греческому φωνή отражает внешнюю форму слова, а «диатеза» (διάθεσις) как в новейшей европейской (в том числе советско-российской), так и в древнегреческой традиции, отсылает к его семантико-синтаксическим характеристикам. С другой стороны, следует уяснить, что концепция единого термина, охватывавшего морфологические, синтаксические и семантические характеристики, была заложена в российскую грамматику изначально, поскольку термин «залог», осознаваемый как соответствие древнегреческому термину διάθεσις [Сухов 2017: 144, 154; Козюра 2021: 33; Крюков 2007: 184], определяется уже у Мелетия Смотрицкого через возвратную частицу -ся и связанные с ней четыре возможные синтаксические комбинации, вытекающие из семантики глагола: первые два типа взаимно преобразуются друг в друга, прирастая частицей -ся или утрачивая ее (действенный и страдательный залоги), третий не принимает частицу -ся вовсе, не передает действия и не перестраивается в страдательную конструкцию (средний залог) и четвертый не мыслится без частицы -ся, обозначая при этом действие (отложительный залог). При всей стройности этой схемы (сложившейся не без латинского влияния) термин «залог» оказывается перегруженным, находясь на пересечении трех терминологических рядов: морфологического, синтаксического и семантического (даже в отсутствие ее выделения в отдельную дисциплину). Схема Мелетия неоднократно пересматривалась, в том числе М. В. Ломоносовым в XVIII в. и К. С. Аксаковым в XIX в., однако в основе концепции оставалась морфология, к которой присоединялись синтаксические и семантические характеристики.

В новогреческом же языке связка между залоговой формой и диатезой глагола оказалась разорванной прежде всего в случаях переходности глаголов в медиопассивной форме (как отложительных, так и глаголов в пассивной конструкции), а также лабильности.

Примеры:

Ο υπάλληλος πληρώθηκε τον μισθό του. Здесь при пассивной морфологии и пассивной же диатезе сохраняется переходность глагола по отношению к одному актанту. Такая пассивная диатеза возможна для двухвалентных активных глаголов (παθητικά από ενεργητικά δίπτωτα). Поскольку в данной событийной схеме предусмотрено действующее лицо, русский язык прибегает здесь к активному залогу с неопределенным субъектом («Сотруднику заплатили зарплату»).

Δέχομαι τη βοήθεια. Здесь, так же как и в древнем языке, глагол в медиопассивной форме, в данном случае отложительный, принимает прямое дополнение, удовлетворяя критериям активного залога, точнее, диатезы. В русском же данная синтаксическая схема с такими морфологическими показателями невозможна.

Το κατάστημα άνοιξε. Ввиду нерелевантности действующего лица происходит декаузативация, и пациенс изначально активного переходного глагола занимает позицию агенса, причем

реальный исполнитель оказывается за кадром. Смена морфологического показателя отсутствует, а на синтаксическом уровне показателем замыкания действия на себе служит отсутствие прямого дополнения. В русском языке такое изменение диатезы знаменуется присоединением частицы -ся к глаголу.

Πηγαίνω την κόρη μου στο σχολείο. В процессе каузативации диатеза меняется с одноактантной на двухактантную и действие переходит с агенса (на котором оно замыкалось изначально) на пациенс. Показателем служит исключительно наличие прямого дополнения. В русском языке такое изменение диатезы возможно лишь с несколькими глаголами (гонять, мчать и т. д.).

В качестве антитезы к приведенным выше примерам можно привести случаи чувствительности греческого глагола к изменению диатезы, которые отражаются в смене залоговой формы:

Η μαμά βράζει τη σούπα. — «Мама варит суп» (активная диатеза).

Η σούπα βράζει. — «Суп варится» (средняя диатеза — μέση). В русском языке общевозвратная диатеза требует медиопассивной формы.

Αυτή η σούπα βράζεται με χοιρινό κρέας. — «Этот суп варят со свининой» (пассивная диатеза). Событийная схема по сравнению с предыдущим примером дополняется невыраженным агенсом, который кладет в суп свинину. Именно по этой причине русский язык передает эту схему активной диатезой с неопределенным субъектом.

Η πόρτα κλείνει. — «Дверь закрывается». Реальный исполнитель действия нерелевантен, и оно замыкается на актанте, который в изначальной событийной схеме занимал позицию дополнения.

Κλείνεται στο γραφείο και δουλεύει. — «Он закрывается в кабинете и работает». Греческий глагол маркирует возвратную диатезу медиопассивным окончанием. Событийная схема данного примера предполагает (в отличие от предыдущего) и агенс, и пациенс, но оба они совпадают в одном актанте.

Το εκλογικό υλικό κλείνεται στο σάκο από την εφορευτική επιτροπή. — «Бюллетени закрываются в пакете избирательной комиссией». В данном случае пассивная диатеза также передается соответствующим окончанием.

Остается констатировать, что новогреческая грамматика удачным образом унаследовала древнюю систему описания категорий глагола, в которой было предусмотрено разделение на морфологические и семантико-синтаксические признаки (φωνή и διάθεσις), которые далеко не всегда находились в зависимости друг от друга. Хотя в древней грамматике эта возможность была предусмотрена из других соображений, в частности, для того, чтобы вписать в систему залоговые отклонения между временными формами, прежде всего распространенный медиальный футурум, а также безобъектные корневой аорист и сильный перфект, самая идея отделенности семантико-синтаксического залога (διάθεσις) от залоговой формы (φωνή) оказалась плодотворной для новогреческого языка.

Литература

Козюра Т. Н. Возвратность в семантико-функциональном поле залоговости (на материале предложений с глаголами зрительного восприятия в русском и французском языках): дис. … д-ра филол. наук. Воронеж, 2007.

Крюков А. М. Трактовка категории залога в грамматической традиции греческого просвещения: истоки и развитие // Труды исторического факультета МГУ. Сер. II. Исторические исследования: сб. ст. М.: Индрик, 2020. С. 175–195.

Сухов С. В. Глагольные конструкции с частицей «себе» и проблема среднего залога: дис. … д-ра филол. наук. М., 2017.

Храковский В. С. Концепция диатез и залогов (исходные гипотезы — испытание временем) // 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе: сб. ст. М.: Знак, 2004. С. 505–519.

Домосилецкая Марина Валентиновна[1], Новик Александр Александрович[2]

[1]канд. филол. наук, ст. научный сотрудник, Институт лингвистических исследований РАН;
marinaling@mail.ru
[2]канд. ист. наук, вед. научный сотрудник, зав. Центром европейских исследований,
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН;
доцент, Санкт-Петербургский государственный университет;
njual@mail.ru

ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ БЫТОВАНИЯ ЧЕРНИКИ (*VACCINIUM MYRTILLUS* L.) В МЕТОХИИ

Ключевые слова: черника, фитонимы, заимствования, перенос названия, Метохия.

Историческая область Метохия, расположенная к западу от Косова Поля и входящая в настоящее время в состав частично признанного Косово, представляет собой полиэтничную территорию, населенную албанцами (говорящими на северо-восточных гегских говорах), сербами (говорящими на разных диалектах, преимущественно косовско-ресавском и призренско-южноморавском), босняками/бошняками (сербохорватскоязычные мусульмане), разными группами цыган, турками-османами и горанами (южнославянская мусульманская этническая группа, использующая торлакское наречие в его призренско-южноморавском варианте). Задача данной работы — прежде всего обнаружить вызванные длительными контактами взаимные лексические и этнические влияния в области одного узкого, но весьма важного для местного населения фитонимического поля и выявить векторы их развития. Речь идет о растении черника *Vaccinium myrtillus* L., широко используемом как пищевой продукт, традиционное лечебное средство и нутрицевтик (народный «пищевой целитель»). Во-вторых, немаловажно выявить общее и различное в прагматическом аспекте его применения.

1. *Материалом для анализа* послужили полевые данные, собранные и опубликованные в последние годы группами авторов [Pieroni et al. 2017; Mustafa et al. 2020]. В этих этноботанических работах, в частности, описывается общая картина обозначения и функционирования черники *Vaccinium myrtillus* L. в 8 краинах Метохии. Это Дукадьжинское поле (Fusha e Dukagjinit), Ругова (Rugova), Подрима (Anadrini), Река (Reka), Призренское подгорье (Podguri i Prizrenit), Призренское поле, Гора (Gora), Сиринич (Siriniq), а также г. Призрен. Для сравнения были также привлечены материалы с пограничных между Северной Македонией, Албанией и Метохией земель, включая собственные полевые материалы авторов, собиравшиеся на западе Балкан в 1990–2024 гг.

2. *Фитонимы.*

2.1. Албанские.

Алб. ***boronica*** зафиксировано в Метохии повсеместно. Лексему затруднительно считать метохийской инновацией в местной албанской диалектной речи, поскольку это широко распространенный в северо-восточных (и не только) албанских говорах фитоним*. Слово встречается также в северных тоскских и переходных говорах Влёры, Фиери, Малакастры и Люшни. Восходит к серб./хорв. *бóровница* ‘черника’ (см. ниже). Выпадение *-v-* в группе согласных типично для албанского: ср. *Dubrovnik* > *Dubronik*.

А вот встречающееся у албанцев в Горе, Призренском Подгорье и Призренском Поле ***borovnica*** уже можно полагать местным поздним славянским влиянием, равно как и ***boronika*** (опять же с типичным для албанского выпадением *-v-* в поликонсонантной группе) у албанских переселенцев из Реки и Горы в Македонию < босн., горан. ***borovnika*** ‘черника’**.

---

* Ср. иные именования черники в албанских говорах: *qershi toke* (Пука, Дукаджьин) «земляная черешня», *rrush mali* (Вэрча, центральная Албания) «горный виноград», *thrashegër* (Мокра, Поградец, юго-восточная Албания).

** Многоязычную Метохию можно полагать удобным «полигоном» практического изучения важного теоретического вопроса о разграничении языковых инноваций — а. контактно обусловленных и б. внутренне обусловленных.

Алб. ***baruk*** (у албанских переселенцев из западной Метохии — краина Река — в северную Македонию) может быть местным (прямым или опосредованным македонским) заимствованием из турецкого. Ср. болг. диал. (Родопы, Гоцевделческо) *боръ́к, цоран боръ́к* ‘черника’ букв. «черный *борук*» < тур. *boruk* ‘метельник прутьевидный = дрок испанский *Spartium junceum*’. Перенос названия с одного на другое растение (дрок и черника — оба кустики), вероятно, имел место при заимствовании, но не исключена возможность иного семантического наполнения изначального фитонима в каком-то из румелийских турецких говоров.

Алб. ***shurshia e malit*** (опять же в северной части Македонии у албанских метохийских переселенцев из краины Река) — единственное здесь собственное образование, очень древнего греческого происхождения, букв. «черешня горы = горная черешня». Вероятно, возникло в результате регрессивной ассимиляции *shurshi, -a* < *qershi, -a* ‘черешня’ < греч. η κερασιά ‘дерево-черешня’, το κεράσι ‘плод-черешня’ [Topalli 2017: 1215].

2.2. Сербские.

Borovnica **—** повсеместно, во всех краинах Метохии < *bor* ‘сосна’. Ср. также серб./хорв. *baróvica, boróvica* ‘можжевельник Juniperus’, т. е. *boróv-* вообще может обозначать растения, произрастающие в *бору*, среди сосен.

2.3. Боснякские, горанские и сербские (краина Гора и муниципалитет Призрен).

Босн., горан. и серб. ***черши́не, черши́не*** (Гора), ***divija черши́ни*** букв. «(дикие) черешенки» < алб. *qershi* (см. выше) + слав. суффиксы уменьшительности *unj-, -inj* < праслав. *ипъ +j*, *inъ + j* присоединяемые к сущ. женского рода. Также босн., горан. ***чаршикле, черши́кле*** **—** прямое заимствование из алб. *qershigël (e egër), qershikël* ‘черника’, алб. диал. *gërzhigël, gjershaike* — все с явным албанским диминутивным суффиксом *-gël, -kël* = букв. «черешенка, черешенка дикая». ***Divija черши́ни*** может быть калькой с алб. *qershizë e egër* «черешенка дикая». Сильное албанское влияние на южнославянские диалекты в этих краинах, а также равновесное обратное южнославянское влияние на говоры албанцев наглядно подтверждают (даже на примере обозначения только одного растения) некую их «особость» внутри Метохии. «Гора демонстрирует уникальный этно- и лингвогенезис с итоговым формированием особой горанской этноязыковой общности», а в Призрене издавна «имел место урбанный симбиоз этнических групп» [Соболев 2023: 105].

Таким образом, в Метохии наблюдается интересный славяно-албанский (правда, разновременной) «взаимообмен» фитонимами путем заимствований и калькирования. Албанцы Метохии почти повсюду используют довольно старый славизм ***boronica, в*** южных краинах, вероятно, более позднее горанское или боснякское заимствование ***borovnica / boronika***. Босняки, горане, а также сербы южной Метохии переняли у албанцев, по-видимому, относительно давно, не фиксируемые у местных албанцев в XXI в. названия черники: ***черши́не, черши́не, черши́ни, чаршикле, черши́кле.***

Итак, можно в заключение отметить, что в Метохии в сознании носителей местных говоров формируются два направления в создании представления о чернике (что отражается во внутренней форме слов): 1) как о растении, встречающемся в лесу среди *хвойных* деревьев (слав. > алб.), 2) как о растении со *сладкими* ягодами, по вкусу уподобляемыми *черешне* (алб. > слав.). Никаких иных именований (мотивировки: цвет плодов, время созревания, название излечиваемого органа, пищевое назначение и проч.) в говорах Метохии не обнаружено.

Литература

Соболев А. Н. Об этнолингвистическом изучении краины Метохия в Косове // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2023. Т. 18, № 3–4. С. 103–114.

Mustafa B., Hajdari A., Pulaj B., Quave C. L., Pieroni A. Medical and food ethnobotany among Albanians and Serbs living in the Shtërpcë/Štrpce area, South Kosovo // Journal of Herbal Medicine. 2020. Vol. 22. Art. 100344. https://doi.org/10.1016/j.hermed.2020.100344

Pieroni A., Sõukand S., Quave C. L., Hajdari A., Mustafa B. Traditional food uses of wild plants among the Gorani of South Kosovo // Appetite. 2017. Vol. 108. P. 83–92.

Topalli K. Fjalor etimologjik i gjuhës shqipes. Tiranë: Qendra e studimeve albanologjike; Instituti i Gjuhësisë dhe i Letërsisë, 2017.

Климова Ксения Анатольевна

канд. филол. наук, доцент, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; kaklimova@gmail.com

ЧУЖИЕ ДЕМОНЫ, ИЛИ СТРАТЕГИИ НОМИНАЦИИ ЗАИМСТВОВАННЫХ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ В СОВРЕМЕННОМ ГРЕЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: народная мифология, демонология, новогреческий язык, фольклор, постфольклор, номинация мифологических персонажей.

Новогреческая мифологическая лексика в современных условиях переживает сложный процесс трансформации, связанный с особенностями современной греческой культуры в целом. В процессе урбанизации традиционные руральные мифологические воззрения постепенно забываются, исчезают или трансформируются под влиянием массовой культуры, предлагающей западноевропейские образы, а персонажи «низшей мифологии» — нереиды, каликандзары, стихьо, вурдалаки — постепенно становятся героями сказок.

В условиях всеобщей глобализации через литературные произведения, фильмы, Интернет в новогреческую культуру проникают «чужие», преимущественно западноевропейские мифологические образы, для номинации которых в новогреческом языке используются разные стратегии: заимствование иноязычной лексемы вместе с мифологическим образом (англ. *hobbit — χόμπιτ* ‘хоббит’, швед. *troll — τρολ* ‘тролль’ и пр.); калькированный перевод, основанный на сходстве основных функций мифологических персонажей (англ. *wizard — μάγος* ‘волшебник’, англ. *witch — μάγισσα* ‘ведьма’, англ. *phantom, ghost — φάντασμα* ‘призрак’, и пр.); номинация с использованием лексем из лексикона греческой народной демонологии (англ. *goblin — καλικάντζαρος* ‘гоблин’, англ. *fairy — νεράιδα* ‘фея’, англ. *mermaid — γοργόνα* ‘русалка’, англ. *elf — ξωτικό* ‘эльф’, англ. *dwarf — νάνος, στοιχειό* ‘гном’ и пр.). Последняя категория представляет наибольший интерес для исследователя-этнолингвиста, поскольку для обозначения мифического существа, происходящего из не-греческой традиции, используются лексемы, характерные для определенных греческих персонажей, имеющих конкретные характеристики и функции.

В традиционной греческой культуре каликандзары (*Καλικάντζαροι*) — мифологические персонажи, появляющиеся в мире людей, согласно поверьям, в двенадцатидневный период Святок — с 25 декабря (Рождество Христово) по 6 января (Крещение) [Климова 2022: 7–25]. В современном новогреческом мифологическом пространстве образ каликандзара постепенно переходит из традиционной крестьянской культуры в городскую, теряя некоторые изначальные характеристики и приобретая новые. Так, теперь каликандзары воспринимаются больше как персонажи детского фольклора, герои сказок и рождественских театральных спектаклей, а не как устрашающие опасные сезонные демоны, способные нанести человеку существенный вред. Даже внешний облик каликандзара в современном городском пространстве претерпевает изменения, он лишается страшных зооморфных черт (рогов, когтей, копыт и пр.). Лексемой *καλικάντζαρος* ‘каликандзар’ теперь принято обозначать не только греческих фольклорных святочных демонов, но и западноевропейских рождественских духов (Гринч и др.), а также гоблинов (англ. *goblin*), которые вообще не связаны с рождественской обрядностью.

Нереиды (*Νεράιδες*) — духи-хранители природных локусов, женские мифологические персонажи, имеющие бóльшую связь с водой, чем с другими природными стихиями, само имя «нереида» народной этимологией этого имени — от *νερό* ‘вода’ [Климова 2004: 165]. В современном греческом мире традиционные представления о нереидах как фольклорных персонажах постепенно утрачиваются, в рамках городской культуры в Греции именем *Νεράιδα* чаще называют заимствованных персонажей типа фей (англ. *fairy*), которые изображаются как красивые девушки с разноцветными крыльями. Поисковые системы в Интернете на запрос *Νεράιδα* выдают преимущественно картинки с изображением и рассказами о феях и только иногда — о традиционных греческих нереидах.

В современной Греции наблюдается процесс трансформаций народной мифологической лексики, обусловленный воздействием массовой культуры. Под влиянием западноевропейской культуры новогреческая мифология меняется, включает в себя новые мифологические образы и мотивы. Это происходит через различные стратегии адаптации, такие как заимствование, калькирование и использование существующих мифологических концептов. Фольклорные демоны становятся развлекательными персонажами детского фольклора и массовой культуры, утрачивают изначальные устрашающие черты, что указывает на смену культурных парадигм и восприятия мифологии в обществе в целом. Происходит расширение значений лексем, номинирующих этих персонажей, включая их ассоциацию с западными рождественскими духами и мифологическими существами. Изменения в новогреческой мифологической лексике и расширение семантики мифологических лексем отражают более широкие культурные и социальные тенденции в современном греческом обществе. При этом новогреческий язык снова демонстрирует свою характерную черту — стремление сохранять лексику греческого происхождения и избегать большого числа иностранных заимствований. И если для традиционной демонологии было характерно большое число заимствований, связанное с тем, что «страшное, опасное, непонятное и необъяснимое табуируется и сознательно замещается чужим» [Седакова 2002: 486], то для современной массовой культуры, в которой мифологические персонажи не страшнее вымышленных героев детских сказок, это уже не так.

Литература

Климова К. А. Нереиды в традиционной культуре Греции // Доклады российских ученых. IX конгресс по изучению стран юго-восточной Европы. СПб., 2004. С. 164–183.

Климова К. А. Греческие святочные демоны: каликандзары, скалапундары, планитары, пагана, пизилы // Кафедра византийской и новогреческой филологии. 2023. № 14. С. 7–26.

Седакова И. А. К проблеме заимствований в балканославянских языковых и этнокультурных системах // Славянская языковая и этноязыковая системы в контакте с неславянским окружением. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 483–510.

Леонова Елена Вадимовна

соискатель, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

АКТУАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТОВ «РОДИНА» И «ЧУЖБИНА» ПОСРЕДСТВОМ ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ В ГРЕЧЕСКИХ НАРОДНЫХ ПЕСНЯХ О ЧУЖБИНЕ

Ключевые слова: родина, чужбина, греческие народные песни, концепт, женские образы, πατρίδα, ξενιτιά.

В греческих народных песнях о чужбине концепты «Родина» и «Чужбина» часто раскрываются через персонификацию, причем в подавляющем большинстве случаев — в женских образах.

Чужбина в народных песнях может представляться либо ведьмой, околдовавшей и обманувшей путника, либо любовницей-соблазнительницей. Данный комплекс образов реализуется в том числе посредством сюжета о женитьбе странника на колдунье / дочери колдуньи, где эти женщины являются олицетворением самой чужбины. Они препятствуют возвращению героя на родину, обладая властью контролировать все окружающее пространство: море, ветер, небо, реки, корабли. Герой-странник не в силах противостоять чарам чужеземки и вынужден против своей воли оставаться вдали от родного дома. В целом характерной чертой всего комплекса текстов песен о чужбине является полное снятие ответственности за неоправданно долгое отсутствие (либо невозвращение) с самого героя. Вся вина перекладывается на внешние по отношению к страннику силы и обстоятельства: на коварство иноземок, их магические способности, враждебность и вероломство самой чужбины (персонифицированной в опять-таки в женском облике). Что касается мистических способностей разлучницы, надо сказать, что в Греции колдовство вообще считалось прерогативой женщин, в том числе потому, что, согласно народным представлениям, они более тесно связаны с природой. Женщина-иностранка же в контексте традиционной культуры наделена магическими силами вдвойне, так как «чужие» априори воспринимаются как существа враждебные и опасные, как представители иного (часто — загробного) мира, наделенные магическими способностями [Белова 2009: 581]. Одним из сквозных мотивов песен о женитьбе героя на чужбине, а также о колдовских чарах чужеземок, является мотив разрушения семьи, оставленной странником на родине. Герой не просто покидает свою семью, он вступает в брак с иностранкой, часто этот брак является вторичным, так как у него уже есть жена на родине, и начинает новую жизнь. Герой, таким образом, несколько раз переступает через принципы и ценности, присущие традиционному обществу, которое может объяснить такое поведение — недопустимое и невероятное — только вмешательством сверхъестественных сил.

Концепт «Родина» наиболее часто актуализируется в греческих народных песнях о чужбине через фигуры жены/возлюбленной и матери. Стоит отдельно обратить внимание на противоречивые черты в образе матери. В большей части песен мать представляется в традиционной ипостаси (она горюет о сыне-страннике, молится за него, ждет его возвращения домой). Но есть и сюжеты, где герой не хочет уезжать на чужбину, а мать его прогоняет и вынуждает покинуть родной дом. Образ матери, как он представляется в народных песнях о чужбине, позволяет выявить амбивалентность, характеризующую отношения, связывающие странника с родиной, которая воспринимается в данном контексте с социальной точки зрения (родина = община). С одной стороны, герой является плотью от плоти этой общины: он обязан ей своим появлением на свет, вне этого социума стало бы невозможным нормальное развитие человека — как физическое, так и психологическое, и духовное. Родная община является нормальной средой существования и необходимым условием жизни героя (последнее подтверждается тем фактом, что отъезд на чужбину — т. е. выход за пределы общины — почти неминуемо влечет за собой смерть). С другой стороны, община, ревностно охраняя свои устои, вынуждает героя — иногда явно против его воли, в других случаях принуждение несет имплицитный характер и осуществляется посредством внушения, привития человеку системы взглядов, нормативных для

данного социума, — покинуть привычную для него среду, провоцируя тем самым его гибель [Saunier 1990: 132–135]. Родина-жена в песнях о чужбине является носителем семейных ценностей, а в описании её тяжелой женской доли получили своё отражение все негативные последствия, который влечет массовый отъезд мужского населения на чужбину, и прежде всего разрушение семьи. Родина-жена предстает в песнях всегда как женщина страдающая, всегда — невинная жертва обстоятельств, на которые она никоим образом не может повлиять. Трагизм образа жены — олицетворения родины в глазах странника и воплощения семейных ценностей в системе представлений традиционного общества — в греческих народных песнях заключается в том, что она, с одной стороны, осознает всю тяжесть последствий, которые влечет за собой отъезд мужа, с другой — никак не может предотвратить грядущую разлуку. Будучи хранительницей домашнего очага, она не имеет возможности уберечь семью от разрушения. Таким образом, она не может исполнить своего предназначения — заботиться о муже и продолжать род, и поэтому её жизнь лишается смысла, она как бы утрачивает свою женскую сущность, становится никем: ни женой, ни матерью.

Литература

Белова О. В. Свой-Чужой // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 4. М., 2009. С. 581.

Saunier G. Το δημοτικό τραγούδι της ξενιτιας. Αθήνα, 1990.

Морозова Мария Сергеевна[1], Гвоздкова Мария Вячеславовна[2], Жуковец Екатерина Владимировна[3], Сулоева Марина Александровна[4]

[1]канд. филол. наук, ст. научный сотрудник, Институт лингвистических исследований РАН; morozovamaria86@gmail.com

[2]магистр, мл. научный сотрудник, Институт лингвистических исследований РАН; mariagvozdkova68@gmail.com

[3]лаборант, Институт лингвистических исследований РАН; katyazhukovets@mail.ru

[4]магистр, мл. научный сотрудник, Институт лингвистических исследований РАН; suloevamarina@yandex.ru

ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ И ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ КОДОВ В РЕЧИ МУЛЬТИЛИНГВАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ АЛБАНСКОЙ ДИАСПОРЫ: К СОЗДАНИЮ УСТНОГО КОРПУСА

Ключевые слова: мультилингвизм, переключение кодов, албанцы Приазовья и Буджака, историческая диаспора, корпус

Особый тип мультилингвальных ситуаций, находящихся в фокусе внимания исследователей интерференции и переключения кодов (ПК), составляют сообщества исторической диаспоры, которые сформировались столетия назад за пределами основного ареала распространения «материнского» языка и сохраняющие в той или иной степени свои идиомы. Примером такой ситуации является историческая албанская диаспора, возникшая за пределами основного албаноязычного ареала в результате миграций албанцев в XIV–XVIII вв. на территорию современных Греции, Италии, Хорватии и Болгарии, а из Болгарии в XIX в. — в Российскую империю, в область Буджака (1811 г.) и затем в регион Приазовья (1860-е гг.).

Настоящий доклад посвящен проблеме создания аннотированного массива текстов, записанных в 2005–2013 гг. в ходе полевой работы в албаноязычных селах Приазовья и Буджака, последующей разработки пилотного корпуса открытого доступа и изучения интерференции и ПК в речи би- и мультилингвов, владеющих албанским говором, русским языком и — в некоторых случаях — другими языками. Аннотированные корпусы, находящиеся в открытом доступе и ориентированные на изучение ПК и других контактнообусловленных явлений в мультилингвальной речи, немногочисленны. В связи с этим актуальными задачами нашего исследования, наряду с документацией изучаемого малочисленного албанского идиома, являются разработка принципов транскрибирования и аннотации спонтанной мультилингвальной речи, которые могут быть применены впоследствии в аналогичных корпусах, а также попытка изучить с использованием созданного корпуса текстов ряд теоретических вопросов лингвистической контактологии.

В докладе обсуждаются следующие вопросы:

1) принципы отбора текстов для корпуса устной спонтанной речи мультилингвальных албанцев Приазовья и Буджака. Особое внимание уделяется составлению представительной выборки монологических и диалогических текстов, произнесенных говорящими разного пола, возраста и с разной языковой компетенцией, для последующего количественного изучения интерференции и ПК;
2) разработка принципов аннотации текстов с точки зрения ПК и проявлений языковой интерференции, с учетом существующего опыта разметки корпусов билингвальной речи (напр., [Петухова, Сокур 2021]) и с опорой на влиятельные теории в области ПК и заимствования (напр., [Myers-Scotton 2002; Poplack 2018]). Для аннотации текстов используется программа Praat, которая предоставляет возможность создания нескольких слоев разметки, указывающих язык, тип ПК (однословные и неоднословные включения), в случае неоднословных включений — тип включенного элемента (часть речи, адаптированный или неадаптированный элемент и др.);

3) создание пилотного корпуса на корпусной платформе tsakorpus. Для создания корпуса предлагается разработать и добавить дополнительные слои разметки (напр. запись с использованием русского алфавита и некоторых дополнительных символов, более понятная членам языкового сообщества) и выполнить автоматическую морфологическую разметку албанского текста, включая разметку частей речи (POS), основных грамматических категорий и перевод на русский и/или другие языки. Обсуждается возможность использования существующей версии парсера для албанского языка, которая используется в Албанском национальном корпусе (http://albanian.web-corpora.net/), для аннотации устной спонтанной речи представителей изучаемой исторической диаспоры, что может стать важным шагом в дальнейшем развитии корпусных ресурсов албанского языка, в частности корпуса албанской диалектной речи;
4) использование вариационистского подхода, предложенного в социолингвистике В. Лабовым [Labov 1966] и применяемого к изучению билингвальных сообществ в работах Ш. Поплак [Poplack 2018], при исследовании ПК и заимствования в речи мультилингвальных албанцев Приазовья и Буджака. Подход учитывает характеристики би- и мультилингвальных индивидов, принадлежащих к различным социодемографическим группам и/или обладающих разными языковыми репертуарами и компетенциями. Это позволит выявить модели и стратегии би- и мультилингвального языкового смешения, существующие в данном языковом сообществе. Предполагается, что эти результаты могут иметь предсказательную силу в случае анализа спонтанной речи би- и мультилингвов других сообществ;
5) примеры теоретических проблем, для решения которых предназначен корпус устной спонтанной речи мультилингвальных представителей албанской исторической диаспоры: разграничение однословных ПК и заимствований на синхронном уровне, а также употребление немаркированных форм существительных (англ. bare forms) при ПК между структурно схожими языками. Разграничение ПК и заимствования в ситуациях, когда мы имеем дело с включением единичного слова на одном языке в речь на другом языке, представляет давно обсуждаемую проблему. Большинство авторов полагает, что при ПК не происходит фонетической и морфологической адаптации включенного иноязычного элемента, в то время как полноценные заимствования всегда адаптированы и интегрированы в языковую систему. По мнению Ш. Поплак, основным собственно лингвистическим критерием для разграничения случаев ПК и заимствований является морфологическая и синтаксическая адаптация последних [Poplack 2018: 157]. Степень фонетической адаптации во всех случаях может варьировать и не является безусловным критерием (см. об этом [Myers-Scotton 2002: 41–43]). Немаркированные формы (морфологически неоформленные вставки из L2 в контекстах, где матричный язык предполагает наличие морфологического маркирования) считаются аномалией в различных подходах к ПК. К. Майерс-Скоттон рассматривает их возникновение с точки зрения несоответствий в структурах матричного и вложенного языков [Myers-Scotton 2002]. Ш. Поплак сопоставляет это явление с другими аномальными явлениями, такими как нестандартное падежное маркирование [Poplack 2018].

Литература

Петухова А. А., Сокур Е. О. Создание устного якутско-русского корпуса переключения кода // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной международной конференции «Диалог». Вып. 20, дополнительный том. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2021. С. 1161–1169.

Labov W. The Social Stratification of English in New York City. Washington, D. C.: Center for Applied Linguistics, 1966.

Myers-Scotton C. Contact linguistics: Bilingual encounters and grammatical outcomes. Oxford; New York: Oxford University Press, 2002.

Poplack Sh. Borrowing. Loanwords in the Speech Community and in the Grammar. New York: Oxford University Press, 2018.

Исследование подготовлено в рамках проекта РНФ № 25-28-01050 «Интерференция и переключение кодов в речи мультилингвальных представителей исторической албанской диаспоры».

Пилипенко Глеб Петрович[1], Борисов Сергей Александрович[2], Немчинов Владислав Алексеевич[3]

[1]канд. филол. наук, ст. научный сотрудник, Институт славяноведения РАН; glebpilipenko@mail.ru
[2]мл. научный сотрудник, Институт славяноведения РАН; s.borisov@inslav.ru
[3]исполнитель проекта, Институт славяноведения РАН; vlad@gecko.ru

ПОТОМКИ ЧЕРНОГОРСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В АРГЕНТИНСКОЙ ПРОВИНЦИИ ЧАКО: ПОЛЕВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ

Ключевые слова: сербскохорватский язык, черногорцы, Аргентина, испанский язык, языковые контакты.

В докладе будут представлены первые результаты полевого исследования языка и традиционной культуры у потомков черногорских переселенцев, проживающих в аргентинской провинции Чако. Экспедиция проводилась в августе-сентябре 2024 г. научными сотрудниками Института славяноведения РАН кандидат филологических наук Г. П. Пилипенко, С. А. Борисовым и В. А. Немчиновым. Работа проходила в столице региона — городе Ресистенсия (Resistencia), а также в центральной части провинции Чако (Саенс-Пенья (Sáenz Peña), Мачагай (Machagai), Ла-Монтенегрина (La Montenegrina), Пампа-дель-Инфьерно (Pampa del Infierno), Виллья-Анхела (Villa Ángela), Лас-Бреньяс (Las Breñas), Ла-Клотильде (La Clotilde), Корсуэла (Corzuela)).

Целью экспедиции было выявление и установление первичных диалектных черт, характерных для черногорской переселенческой общины, а также идентификация контактных явлений, возникших в результате непрерывных (на протяжении почти века) славянско-романских языковых контактов с испанским языком. Кроме того, важной для исследователей задачей было установить, подвергаются ли изменениям балканские языковые особенности (в частности даконструкция). Интерес для исследователей представляют проживающие компактно потомки черногорских экономических мигрантов, эмигрировавших в 1920–1930-е гг.

В докладе будут проанализированы нарративы, записанные в Саенс-Пенье от потомков переселенцев из Никшича. В одном из приводимых ниже отрывков, М. К. рассказывает о том, как Саенс-Пенья выглядела во времена ее детства. Во втором — о гаданиях по костям забитого ягненка. Такого рода гадания по костям скота особенно распространены у южных славян [Белова, Толстая 1999]. В нарративах М. К. проявляются региональные особенности диалекта: иекавский рефлекс *ě: *vidjela* ‘видела’, *dijete* ‘ребенок’, *svijeta* ‘народа’; звук [ś] < sj при йотации: śećam ‘помню’; форма глагола *šćeti* ‘хотеть’ (ср. htjeti); отсутствует [h] в начале слова: *iljada* ‘тысяча’, *oće* ‘хочет’; отрицательная форма глагола biti ‘быть’ в 3 л. мн.ч. имеет вид *nijesu* (ср. nisu); отсутствие финального -i в инфинитивных формах глагола: *doć* ‘прийти’, *udat se* ‘выйти замуж’; формы вин.п. на месте мест. п.: *vazda bio malo u drugu ulicu* ‘он всегда был на другой улице’; пропуск вспомогательного глагола в перфекте: *kad ja bila mala* ‘когда я была маленькой’, но также использование стандартных форм: *ja sam imala deset godina* ‘мне было десять лет’; употребление региональной лексики: *vazda* ‘всегда’, *mlogo* ‘много’.

В речи М. К. присутствуют испанизмы: дискурсивы (*sí* ‘да’, *este* ‘это, то есть’) и полнозначные слова (*intendente* ‘мэр’). Некоторые из них встречаются параллельно с исконной лексикой (*plasa — trg* ‘площадь’). Заимствования встраиваются в словоизменительную систему сербохорватского языка: *oko plase* ‘около площади’. Были зафиксированы гибриды: например, сербскохорватская лексема *centar* ‘центр’ во взаимодействии с испанской *centro* образуют фонетико-морфологический гибрид *sentar* [Bilić et al. 2023: 93]. Влияние испанского языка можно также предположить при использовании формы местоимения *što* ‘что’ в функции определительного местоимения (вместо формы местоимения koji ‘какой, который’, -a, -e), аналогично тому, как

это происходит, например, в речи хорватов аргентинской провинции Санта-Фе [Bilić et al. 2023: 95].

М. К., 71, жен., Саенс-Пенья:

A mali, mali grad, ja se śećam od, ja sam imala deset godina, deset dvanaest godina, to je iljadu devetsto e pedeset druge, i mali grad! I sad, ima ne znam koliko stanovnika, sad ima stotinu i dvadeset iljada, stanovnika, mlogo svijeta živi, kad ja bila mala, bio mali grad… Vazda je trg *San Martín*, i ona *plasa*, to je bilo *sentar*, *sentar*, *sí*. Malo, svi smo se poznavali, a sad, sad već. *Sí*! To je bila katolička tu vazda, i bio *este-e*, *banco*, crkva i škola. Stara škola. *Sí*. Tako je bio, svaki, *este*, bilo je tako, oko *plase* to kažemo mi, bio banak, crkva i škola, sve jednako. …A *intendente* vazda bio malo ovamo, u drugu ulicu *la calle catorce*, i do dan danas je tu («Маленький, маленький город, я помню, мне было десять-двенадцать лет, это было в 1952 г., был маленький город! И сейчас я не знаю, сколько жителей, сейчас 120.000 жителей, много народу живет, когда я была маленькой, был маленький город. Всегда была площадь Сан-Мартина, и та площадь, это был центр, да. Мало, мы все друг друга знали, а сейчас уже, да. Была католическая церковь всегда, банк, церковь и школа. Старая школа. Да. Так было, около площади, это мы говорим, был банк, церковь и школа, все одинаково… А мэр всегда был немного в ту сторону, на другой улице, улица 14, и сейчас он там»).

Ja što sam vidjela kad sam bila mala, kad se *este* kad se jede, vazda su imali oni janje, a vidiš janje ima ovu pleće, onda neki su znali da to tumače, to na pleće oće li se rodit dijete, oće li se neko udat oženit, i na pleće isto su gledali, de, jedna kost, vidiš ona kost što ima na pleće, onda kažu, ove godine će dobro doć oni, to su tumačili, a neki nijesu šćeli nikada to gledaju zašto one kad je nešto grdno pa oni nijesu to. To se śećam. Kad se jagnje ubije i onda i kad se naprvi da se jede («Я видела, когда была маленькой, когда ели, всегда был ягненок, а у ягненка есть лопатка, и некоторые умели объяснить по лопатке, родится ли ребенок, женится ли кто-то, на лопатку смотрели, это кость, кость на лопатке, тогда говорят, в этом году будет хорошо, это объясняли, а некоторые не хотели на это смотреть, потому что если что-то плохое выпадало, то они не хотели. Я это помню. Когда ягненка режут, тогда устраивали обед и ели»).

Записанные от потомков черногорских переселенцев нарративы станут частью хрестоматии по славянским диалектам в странах Южной Америки.

Литература

Белова О. В., Толстая С. М. Кости // Славянские древности. Т. 2 (Д–К) / под ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отн., 1999. С. 627–630.

Bilić J. B., Cúneo P., Franić I. El croata como lengua de herencia en Argentina: entre la vulnerabilidad y el mantenimiento lungüístico // Íkala, Revista de Lenguaje y Cultura. Medellín, Colombia. 2023. Vol. 28, no. 1. P. 86–104.

Исследование подготовлено в рамках проекта РНФ № 20-78-10030 «Языковые и культурные контакты в условиях социальных трансформаций у национальных меньшинств альпийско-паннонского региона».

Смирнов Сергей Александрович

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет;
st122346@student.spbu.ru

ОСОБЕННОСТИ МЕТРИКИ ФЛАВИЯ КРЕСКОНИЯ КОРИППА: НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭМЫ «ИОАННИДА»

Ключевые слова: позднеантичная эпическая поэзия, ранневизантийская литература, гекзаметр, Флавий Кресконий Корипп, Иоаннида.

Творчество Флавия Кориппа представляет собой заключительную главу в развитии античного героического гекзаметра. Созданная в первой половине 550-х гг. «Иоаннида», повествующая о подвигах Иоанна Троглиты в ходе Ливийской кампании Юстиниана, даёт возможность проследить преемственность традиций рецитации квантитативной метрики в эпоху, когда фонематически значимое различение долгих и кратких гласных было уже давно утрачено. Виртуозное мастерство Кориппа позволяет с высокой долей уверенности утверждать, что такая традиция не только существовала, но и была достаточно живой и плодотворной. Действуя в рамках классического канона, поэт не обнаруживает скованности в выборе сюжетов и образов, равно как и в поиске выразительных средств для их описания. Перечисляя племена, составившие «мавританское войско» (*acies Maurusia*), он упоминает множество мелких берберских кланов, неизвестных историкам древности, и смело выстраивает целые стихи исключительно из этих экзотических этнонимов. Рисуя яркий образ поднимающегося в войсках ратного буйства, он сравнивает волнение, охватившее бойцов, с потоком воды, долго преграждаемым шлюзом, а затем стремительно пущенным по желобам оросительной системы (Ioh., III, 145–151). Сложно предположить, чтобы автор, не уверенный в своей технической подготовке, решился бы версифицировать настолько неожиданные нарративные отступления.

Тем не менее исследователи, обращавшиеся к изучению наследия Кориппа с литературоведческих позиций, сталкивались с довольно странным метрическим упущением, не согласующимся с той безукоризненной выверенностью, какую поэт демонстрировал во всех прочих аспектах. Речь идёт о чередовании стихов с преобладающим числом дактилей и с преобладающим числом спондеев, а точнее, о специфической и неожиданной организации такого чередования. В античных трактатах по метрике, в том числе самых поздних, таких как «De metris et de hexametro» Гая Мария Викторина (IV в. п. Р.Х.), — безусловно знакомом Кориппу в силу его популярности и вероятной доступности, — замена первых четырёх стоп гекзаметра спондеями всегда рассматривалась как средство искусственного затруднения рецитации, необходимого для более медленного и торжественного развития повествования. Напротив, сохранение дактилей должно было сообщать стиху лёгкость и динамичность. Эта особенность восприятия изначально могла возникнуть вследствие феномена, упоминаемого Дионисием Галикарнасским (De comp. verb., XVII, 70): согласно ему, долгота гласного в арсисе дактиля частично редуцировалась, таким образом переставая строго соответствовать двум морам. Вследствие этого равномерное соотношение долей, присущее *γένος ἴσον*, незначительно нарушалось, что не сказывалось на цельности стиха, но давало возможность ритмически его варьировать. Столь тонкие особенности квантитативного метра в период жизни Кориппа почти наверняка были утрачены, но схожий эффект, вероятно, сохранялся, просто уже за счёт иных средств. Об этом можно судить по безусловному сохранению описанного принципа у Драконция, заставшего примерно то же состояние североафриканской латыни, какое было знакомо Кориппу. Но даже если Корипп не особенно интересовался творчеством своих местных предшественников, он не мог не замечать реализацию ритмических особенностей дактилического и спондеического стиха у Вергилия, служившего ему главным источником вдохновения (подробнее см.: [Duckworth 1969]). Однако гекзаметр Кориппа характеризуется совершенно реверсивной интерпретацией дактило-спондеических соотношений: зачастую он вводит спондеический стих там, где можно

было бы ожидать мажорной интонации, например, при описании ликования, ощущаемого мавpами в момент, когда им удалось перехватить инициативу на поле боя:

| Ássur|gít lae|tús ¦¦ mag|nó cla|móre ma|gíster |

Напротив, предсмертная агония Стотцы изображается поэтом с помощью череды динамичных дактилей, совершенно неожиданных в подобной сцене:

| Íntere|á Stuti|ás ¦¦ ani|má fugi|énte do|lébat. |

Выбор между дактилем и спондеем выглядит весьма неоднозначным не только с точки зрения эмоциональной окраски событий, но и с точки зрения их временно́го протекания. Так, пожар, стремительно охватывающий сухую листву, вновь предстаёт в нагромождении тяжеловесных спондеев:

| Fúm(um) a|trúm pri|múm ¦¦ par|vámqu(e) e|xíre fa|víllam |

В то же время проход через густые заросли рисуется с помощью дактилей:

<…> Den|súm nemus | ímpedit | árma |
| Fróndibus | ímplici|tís: ¦¦ steri|lés tenu|ére my|rícae |

Более широкий ряд подобных несоответствий можно найти в работах Джорджа Шея [Shea 1998] и Леннарта Хокансона [Hakanson 1977; Hakanson 1983], хотя они отмечались ещё исследователями XIX столетия.

Как уже отмечалось выше, до сих пор не предпринималось попыток рассмотреть эти несвойственные классической поэзии метрические паттерны как элемент выразительного языка Кориппа. Между тем такое объяснение было бы наименее противоречивым, ведь регулярность отступлений от традиционных приёмов однозначно свидетельствует в пользу их неслучайности. Представляется вероятным, что расхождения между эмоциональной окраской или характером протекания действия и избираемым для его описания вариантом метра в большинстве случаев обусловлено необходимостью подчинения отдельных событий общему плану повествования: так, смерть Стотцы интересна автору не как факт, но как момент нравственного перелома, который могли бы испытать и другие мятежники; радость, на время охватившая мавританский отряд, в скором времени должна смениться скорбью, и, постепенно готовя к этому читателя, Корипп настраивает его на снисходительное отношение к побеждённым, свободное от какого-либо злорадства. Другие же сцены намеренно урезаются для создания нарративного *crescendo*, подчинённого логике сюжета. Резюмируя, можно сказать, что Кориппу удалось разработать особую схему метрического рисунка и внести уникальный вклад в развитие гекзаметрики, который, к сожалению, не получил развития ввиду скорого забвения автора.

Литература

Duckworth G. E. Vergil and Classical Hexameter Poetry: A Study in Metrical Variety. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1969.

Hakanson L. Some Notes on Corippus' Iohannis // Classical Quarterly. 1977. No. 27. P. 226–229.

Hakanson L. Coripps Iohannis 2.446 und die Worstellung im Lateinischen Hexameter // Rheinisches Museum. 1981. No. 3. P. 354–358.

Shea G. W. The Iohannis or De Bellis Libycis of Flavius Cresconius Corippus: Introduction and Translation. Lewiston, N. Y.: E. Mellen Press, 1998.

Соболев Андрей Николаевич

д-р филол. наук, гл. научный сотрудник, Институт лингвистических исследований РАН; andrey.n.sobolev@mail.ru

О ПРОЕКТЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАММАТИКИ БАЛКАНСКОГО ЯЗЫКОВОГО СОЮЗА

Ключевые слова: балканский языковой союз, функциональная грамматика, языковые контакты.

Цель представляемого в докладе проекта — впервые в мировой науке создать теоретически обоснованную грамматику балканского языкового союза (БЯС) на основе общей теории языкового союза как группы языков, объединенных регулярными функциональными соответствиями. Оставаясь в рамках эвристической парадигмы гуманитарных наук, проект обращается ко всем классическим структурным уровням языка и нацелен на применение целого ряда наиболее адекватных — как теоретических, так и экспериментальных — методов их исследования с использованием цифровых технологий, включая корпусные. Теоретическая синхронно-описательная функциональная грамматика целой конвергентной группы языков, включающей индоевропейские языки четырех генеалогических групп — албанской, романской, славянской и греческой, обратится к материалу стандартных (литературных) и нестандартных (диалектных и исторических) языковых форм. Грамматика существенно расширит знания о языковых союзах, конкретных свойствах балканских языков и регулярности отношений между ними, о функциональных амплитудах категорий и единиц.

На первом этапе реализации проекта на целенаправленно отобранном ограниченном количестве полифункциональных языковых категорий и единиц балканских языков будет осуществлено доказательство исследовательской гипотезы о существовании БЯС как конвергентной группы. На втором этапе реализации проекта будет изучено необходимо и достаточно большое количество категорий и единиц и в итоге будет создана грамматика и сформулирована развернутая теория БЯС.

Проект послужит образцом последующих исследований в области установления и изучения групп неблизкородственных языков, а в перспективе — повлияет на такие смежные области знания, как история, теория культуры, теория общества. Применяя категориальный подход к познанию фактов языка, проект демонстрирует эвристические возможности собственных методов гуманитарных наук и нацелен на развитие лингвистической теории.

В рабочем порядке предполагается использовать метафору функционального резонанса как состояния, в которое приходят системы взаимодействующих языков в союзе (результат совпадения функциональных амплитуд осциллирующих категорий и единиц), и рассмотреть фонологический, грамматический, лексико-семантический и структурно-комбинаторный резонансы.

При описании и анализе каждой конкретной грамматической категории планируется учесть опыт работы над МДАБЯ [Соболев 2005] и ABLA [Adamou, Sobolev 2025]. Достаточно, чтобы имелся хотя бы один балканский язык или диалект, в котором изучаемая конкретная категория была грамматикализована и маркирована. На материале одного балканского языка, по экспертной оценке, максимально полно реализующего функциональный спектр изучаемой категории, устанавливается список ее функций, подбираются диагностические контексты и иллюстративные примеры, которым необходимо найти параллели в иных балканских языках и диалектах. Затем список функций расширяется с учетом функционирования исследуемой категории в иных балканских языках и диалектах до максимально полного и иллюстрируется необходимым и достаточным количеством примеров. Полученная в результате функциональная матрица применяется как структура для организации данных, исчисления функциональных амплитуд категорий и единиц в каждом исследуемом языке и диалекте, обнаружения регулярности соответствий между ними.

Например, для начала работы над категорией определенности (над функциональным спектром определенного артикля) необходимо принять во внимание все случаи грамматикализации категории определенности, от прототипических препозитивных до постпозитивных/суффигированных артиклей как своеобразной постклитики, тяготеющей к ваккернагелевской позиции в именной группе. Грамматика должна принять во внимание весь инвентарь грамматикализованных средств выражения определенности в балканских языках и диалектах. Установив инвентарь артиклевых морфем (наличие/отсутствие формы) и приступая к описанию этого фрагмента грамматики БЯС, необходимо в первую очередь учесть такие функции каждой из них, как: позиция относительно «хозяина (host)» (слева, справа); позиция в двухчленной атрибутивной синтагме (при первом, втором члене); позиция в двухчленной посессивной синтагме (при первом, втором члене); наличие рода, числа и падежа (склоняемость); использование артикля как маркера генитивной связи в синтагме; гипертрофированная, двойная определенность; опущение/облигаторность артикля при референтности именной группы (при терминах родства, при референтных объектах в предложных конструкциях); генерическая функция артикля: обязательность/отсутствие при разных типах генерических групп (множество всех членов класса; часть класса (сужение класса); родовое употребление); дистрибуция числовой формы определенного артикля в генерической функции.

Литература:

Соболев А. Н. (ред.). Малый диалектологический атлас балканских языков. Серия грамматическая. Т. I. Категории имени существительного. München: Biblion Verlag, 2005.

Adamou E., Sobolev A. N. (eds). Atlas of the Balkan linguistic area online. URL: https://abla.cnrs.fr (дата обращения: 20.12.2024).

Тресорукова Ирина Витальевна

канд. филол. наук, доцент, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; itresir@mail.ru

ДЕЛОКУТИВНЫЕ НЕОЛОГИЗМЫ НОВОГРЕЧЕСКОГО ЯЗЫКА: ΝΑΙΔΕΣ, ΟΧΗΔΕΣ И ДРУГИЕ

Ключевые слова: делокутивность, окказионализмы, греческий язык.

Делокутивы являются одним из средств передачи и выражения метаязыковой рефлекии (сам термин «делокутив» впервые вводится в работе Э. Бенвениста «Делокутивные глаголы» (*les verbes délocutifs*), где ученый описывает как делокутивные те глаголы, «которые… произведены от «фраз» [Бенвенист 2002: 320]. Но категория делокутивов включает в себя и другие части речи, которые могут быть определены как производные слова, мотивирующей основой для которых служит обозначение речевого акта, а именно частицы, междометия, наречия и иные части речи, которые отображают или обозначают конкретный речевой акт.

Данный доклад посвящен описанию делокутивов-существительных, являющихся дериватами от различных частиц и междометий и обозначающих лиц, регулярно совершающих определенный речевой акт. Для сбора материала мы прибегли к корпусному анализу (были использованы корпуса текстов группы elTenTen, а также сайт греческого жаргона www.slang.gr), и при помощи метода сплошной выборки были вычленены такие окказионализмы как *μαλιστάκιας* (= *μαλιστάς, μαλιστάνθρωπος), ναιναίκος* (= *νενέκος*), *ναιμεναλλάδες, ναισεολατζης, σταλεγάκιας*, *σεταμάς* (= *σεταμάστωρα*) и пр. Часть окказионализмов является продуктивными, образуя производные типа *ναιμεναλλάδικος* < *ναιμεναλλάδες*.

Делокутивы обычно используются для обозначения конкретного речевого акта, сопровождаются оценкой характера высказывания или даже речевого поведения говорящего (ср.напр. *αδιόρθωτοι ναιμεναλλάδες*). Как пишет Н. Д. Голев, «в сознании носителей языка формируются достаточно устойчивые схемы речевого поведения и речевых произведений, оцениваемых по разным параметрам» [Голев 2009: 20], ср., напр.:

> *Η λογική του κόσμου αυτού, κατά τον Σεφέρη, ήταν "μονοκόμματη και απελπιστική" — είτε "οι Άγγλοι θα μας προστατέψουν" είτε "οι Ρώσοι θα μας φάνε": "Θα είμαστε είτε* **ναίδες** *είτε μπουκιά στο στόμα ενός άγριου θηρίου" 'Логика этого мира, по мнению Сефериса, была «однозначной и безнадежной» — или «англичане нас защитят», или «русские нас сожрут»: «Мы будем или* ***поддакивать*** *(досл.* ***будем поддакивателями****) или станем добычей дикого зверя»'

> *Ναι, το είπα ήδη, αλλά να προσθέσω ότι αυτό έγινε χωρίς ποτέ να διαλέξω ύφος, τακτική, αμφισημίες, "****ναιμεναλλάδικες****" αναφορές. 'Да, я уже это сказал, но добавлю, что это произошло, хотя я совсем не выбирал ни стиля, ни тактику, ни сомнительных «****противоречивых****» (досл.* ***соглашающихся на первый взгляд, но содержащих возражения****) уловок'*

В первом примере делокутив *ναίδες* предполагает интерпретацию говорящим речевого акта как повторяющегося процесса, во втором примере содержится этическая оценка говорящих субъектов — *αμφίσημες ναιμεναλλάδικες αναφορές*.

С точки зрения словообразования мы выявляем такие модели, как суффиксация, редупликация и контаминация, при этом стоит отметить, что в качестве суффиксов привлекается прежде всего суффикс *-ηδ-*, который наиболее активно используется для образования просторечных слов. В качестве основы используются междометия и наречия, формирующие коммуникативную оценку или реакцию на высказывание (ср., напр., *ναι* 'да', *όχι* 'нет', *μάλιστα* 'конечно' и пр.), причем отмечаются элементы транслингвизма: *англ. yes* > *γιεσγιέδες, yes man* > *γιεσμαν* и.т. п. Как отмечают греческие исследовательницы С. Циплаку [Τσιπλάκου 2016: 144] и Р. Цокалиду [Τσοκαλίδου 2017: 37], транслингвизм часто проявляется при формировании неологизмов, которые возникают в языке в определенных контекстах, что создает возможность для использования элементов иных языков в пространстве конкретного языка, и тем самым обогащается

и расширяется словарный запас носителя языка, предоставляя ему возможность для более активного использования метафор и метонимии. Это утверждение применимо и к делокутивам, так как английский язык активно проникает в греческую жаргонную речь и обогащает ее новыми окказионализмами, в том числе делокутивами.

Также делокутивы могут образовываться путем лексикализации целых словосочетаний (т. н. «отфразовой деривации»): ср., напр., *ναιμεναλλάδες* < *ναι μεν αλλά* ‘да с одной стороны, но’ или *σταλεγάκιας* < *σ’τα έλεγα* ‘говорил’, причем сами носители обозначают лексемы подобного рода как неологизмы, указывая, для чего они создаются:

> *Αδιόρθωτοι* **Ναιμεναλλάδες.** *Λυπάμαι για τον νεολογισμό. Αλλά κάποτε πρέπει να ονοματίσουμε μονολεκτικά όλους αυτούς που ούτε στο διήμερο της νικηφόρας Δημοκρατίας, της αποτελεσματικής λειτουργίας των θεσμών, της ήττας του ναζισμού, της ανθρώπινης χαράς, δεν κρατήθηκαν και, με την παρουσία τους στις τηλεοράσεις ή με τα άρθρα τους, προσπάθησαν ματαίως να συσκοτίσουν τα πράγματα και να μαυρίσουν την ψυχή μας. ‘Неисправимые* ***возражающие упрямцы.*** *Простите, что я использую неологизм. Но следует все-таки как-то одним словом назвать всех тех, кто в дни торжества Демократии, эффективной работы всех институтов государства, поражения нацизма, человеческой радости, не сдержались и, появившись на экране телевизора или в газетах, безуспешно попытались очернить происходящее и смутить нас’.*

Появление некоторых из делокутивов связано с определенными историческими событиями (например, *ναίδες* и *όχηδες* появляются во время греческого референдума 2015 г.), некоторые существуют в устной жаргонной речи с 1970-х гг., не фиксируясь при этом в словарях.

Таким образом, делокутивы представляют собой открытую категорию лексем, которая может пополняться потенциальными словами или окказионализмами, при этом мотивировкой для их появления служат различные речевые сигналы одно- (однолексемной) или сложной структуры. Делокутивы образуются разными способами, при этом доминирующей является суффиксация, о чем и пойдет речь в нашем докладе.

Литература

Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Эдиториал УРСС, 2002.

Голев Н. Д. Обыденное метаязыковое сознание как онтолого-гносеологический феномен (к поискам «лингвогносеологем») // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. 1. Кемерово-Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2009. С. 7–41.

Τσιπλάκου Σ. «Ακίνδυνη» εναλλαγή κωδίκων και διαγλωσσικότητα. It’s complicated. Αθήνα, 2016. Σ. 140–160.

Τσοκαλίδου Ρ. SiΔaYes. Πέρα από τη διγλωσσία στη διαγλωσσικότητα. Beyond bilingualism to translanguaging. Αθήνα: Gutenberg, 2017.

Харламова Анастасия Вадимовна

аспирант, Институт лингвистических исследований РАН;
anastasia_kharlamova@icloud.com

[Ə] ИЛИ [ɨ]: ШВА В АЛБАНСКОЙ И АРУМЫНСКОЙ РЕЧИ АРУМЫН Г. СЕЛЕНИЦА (АЛБАНИЯ)

Ключевые слова: фонетика, акустика, языковые контакты, албанский язык, арумынский язык.

Настоящий доклад посвящён акустическим особенностям шва (гласного среднего ряда среднего подъёма) в албанской и арумынской спонтанной речи арумын-билингвов г. Селеница (округ Влёра, Албания). Исследование проводилось на материале записей (ответы на вопросы, нарративы, диалоги), сделанных нами в ходе экспедиций в Селеницу в 2018–2019 гг.

Записи были сделаны при помощи программы Voice Memos для iPhone, затем транскрибированы и проанализированы с помощью программ Sound Forge (осциллограммы) и Speech Analyzer (спектрограммы, замеры значений формант). Транскрипция была изначально записана разработанным нами алфавитом, основанным на SAMPA; финальный вариант записан Международным фонетическим алфавитом.

Термин «шва» является предметом длительной дискуссии среди фонетистов, так как среди исследователей нет единого мнения, определять его исключительно как «неогубленный гласный среднего ряда среднего подъёма» или же применять его и к другим гласным звуком среднего ряда среднего и верхнего подъёмов. Среди сторонников первого подхода следует отметить, в частности, А. В. Венцова, отмечающего, что в случае изменения ряда или подъёма звук уже не может называться шва [Шепель 2023], среди сторонников второго — И. Савицку, которая в обзоре балканской фонологии выделяет «высокое шва» (т. е. гласный среднего ряда верхнего подъёма) и «более низкое шва» [Sawicka 2023: 32]

Шва выделяется как отдельная фонема как в албанском [Recasens 2021: 5], так и в арумынском языке [Нарумов 2001: 641], при этом в системе арумынских фонем также присутствует гласный среднего ряда верхнего подъёма [ɨ], фиксируемый, однако, не по всему ареалу — в частности, в северноарумынской диалектной зоне, к которой относится идиом Селеницы, согласно Б. П. Нарумову, отсутствует противопоставление [ə] и [ɨ] [Нарумов 2001: 641], поэтому в речи арумын Селеницы ожидалось наличие только одного из этих звуков.

Данных по величинам формант в балканских языках в литературе имеется крайне мало. В типологическом исследовании Д. Рекасенса приводятся значения для ударного шва в албанском (F1 = 438, F2 = 1415) и румынском (F1 = 519, F2 = 1377) языках [Recasens 2001: 8–9], на которые мы ориентируемся. Аналогичных сведений для арумынского языка в нашем распоряжении не было в связи с малым количеством акустических и в целом фонетических исследований арумынского.

Анализ наших материалов демонстрирует, что как в албанской, так и в арумынской речи информантов наблюдается чрезвычайно широкий разброс в значениях первой и второй формант — от 381 до 1441 для F1 и от 1130 до 2312 для F2 в албанской речи, от 422 до 874 для F1 и от 1429 до 2241 для F2 в арумынской.

С опорой как на наши материалы, так и на предположения касательно вариативности шва, высказанные Д. Рекасенсом [Recasens 2001: 23–26], мы предполагаем, что основным фактором, влияющим на значения формант у шва, является его позиция в слове и влияние соседних звуков.

В ряде случаев в наших материалах у нескольких шва, расположенных в одном фонетическом слове, величины F1 и/или F2 весьма схожи. Яркий пример — продублированная информантом на албанском и арумынском словоформа ‘семьдесят шесть’. Как в алб. [ʃtatə̱ðʼiə̱tə̱ʼgʼaʃ], так и в арум. [çabdzə̱tsə̱ʼçasə̱] разброс значений F1 для зафиксированных шва составляет менее 100 Гц — (555; 573; 529) в албанской словоформе, (635; 562; 537) в арумынской словоформе. При этом примечательно, что разброс у F2 гораздо больше — алб. (1906; 2206; 1816), арум. (2002; 1744; 2217), — что, как мы предполагаем, связано с влиянием на второе шва предшествующего

[i] в албанской словоформе и последующего ударного [a] в арумынской. Кроме того, в наших материалах наблюдаются особенно высокие (более 1800 Гц) значения F2 для тех шва, которые расположены в окружении [i] и/или других шва.

Крайне сильная вариативность акустических параметров шва не позволяет нам, тем не менее, говорить о различии [ə] и [ɨ] в арумынской речи наших информантов, так как, на наш взгляд, данная вариативность обусловлена прежде всего позиционно. Это согласуется с тезисом Б. П. Нарумова об устранении этого различия в северноарумынских говорах.

При этом мы не исключаем вероятности, что вариативность шва в албанском обусловлена арумынским влиянием в связи с тем, что исторически в арумынском идиоме присутствовали и [ə], и [ɨ] — согласно Д. Рекасенсу, вариативность значений F1 прямо пропорциональна количеству в фонологической системе языка гласных звуков среднего ряда [Recasens 2001: 25].

Если это предположение верно, мы имеем дело с заимствованием не атомарных явлений, а языковых закономерностей. Подобное заимствование уже наблюдалось нами в албанском и арумынском идиомах Селеницы (так, например, на наш взгляд, арумынский идиом Селеницы заимствовал структуру албанского дифтонга).

Полученные результаты, как нам представляется, могут послужить вкладом в исследование фонетической типологии, фонетики языков Балканского региона и закономерностей языковой интерференции на фонетическом уровне. К перспективам исследования относится дальнейшее изучение акустических параметров как шва, так и других звуков албанского и арумынского идиомов Селеницы, а также проведение аналогичного анализа на материале других идиомов Балканского полуострова, с возможностью в дальнейшем провести разработку фонетической базы данных балканских языков.

Литература

Нарумов Б. П. Арумынский язык/диалект // Жданова Т. Ю. и др. (редкол.). Языки мира. Романские языки. М.: Academia, 2001. С. 636–656.

Шепель Е. А. Реализация гласного шва в зависимости от гармонии слова в чукотском языке. Доклад с последующей дискуссией, сделанный 24 ноября 2023 г. на XX конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей, Ин-т лингвист. исслед. РАН, 23–25 ноября 2023 г.

Recasens D. Acoustic characteristics and placement within vowel space of full schwa in the world's languages a survey // Journal of the International Phonetics Association. March 2021. https://www.researchgate.net/publication/349795161 (дата обращения: 20.12.2024).

Sawicka I. Studies in Balkan Phonetics // Instytut Slawistyki Polskiej Akademii Nauk & Fundacja Slawistyczna [seria: Język na Pograniczach]. T. 48. Warszawa, 2023.

Чёха Оксана Владимировна

канд. филол. наук, научный сотрудник, Институт славяноведения РАН;
o.chyoha@inslav.ru

«ЧЕЛОВЕК НА ЛУНЕ» В НОВОГРЕЧЕСКИХ ЛЕГЕНДАХ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЛУННЫХ ПЯТЕН

Ключевые слова: новогреческая традиционная культура, балканский фольклор, народная астрономия, легенды, луна.

Истолкование пятен на луне относится к числу древних космогонических мифов и присутствует в фольклоре всех народов, нередко демонстрируя поразительное сходство мотивов (например, образ лунного дерева или куста, встречающийся на широкой территории от южной Азии, Океании и Австралии до континентальной Европы [Березкин 2017: 52]). В докладе будут рассматриваться новогреческие легенды о происхождении лунных пятен в их сопоставлении с соответствующими сюжетами, записанными у южных славян — болгар и македонцев, хорватов и сербов — с целью выявления общих мотивов, представленных во всех балканских традициях, обусловленных единством происхождения или длительностью межкультурных контактов, а также специфических толкований, характерных для новогреческой традиции. Анализируемые легенды представляют собой тексты поздней фиксации, записанные во второй половине XIX — первой половине XX в., отражающие новогреческие народные представления о луне, испытавшие сильное влияние христианства и, вероятно, соседних иноязычных традиций (в частности, традиций балканских славян).

Согласно большинству народных представлений в «изначальное», мифическое время поверхность луны была чистой, яркой и сила лунного света не уступала солнечному, однако позже лунный диск был поврежден, покрылся пятнами, потускнел и принял тот вид, что мы наблюдаем сейчас. Именно это превращение и объясняют рассматриваемые легенды (луну поцарапали языками волы, испачкали навозной лепешкой колдуньи, ударила помелом мать, луна потеряла глаз после драки с солнцем, была осквернена помещением на нее грешника и проч.). С точки зрения основных сюжетных мотивов легенды о происхождении лунных пятен делятся на несколько групп: 1) космогонические легенды, которые являются фрагментом большего мифологического текста о происхождении мира, главными действующими лицами в которых выступают персонифицированные природные стихии, Бог (небо), земля и небесные светила; даже в том случае, когда упоминаются люди, ими оказываются условный «плохой человек» или «какая-то женщина»; 2) этиологические легенды о стоящем на луне человеке. Как правило, такие легенды не ограничиваются простым сообщением о лунном персонаже, но наделяют его «биографией», предлагают свои объяснения того, каким образом и по какой причине он там оказался. Подобные нарративы о лунных пятнах мотивируют необходимость относиться к луне с должным почтением (легенды о том, что на луне стоят оскорбившие ее люди), вообще необходимость соблюдения общественных норм (легенды о попавших на луну бранящихся людях, о тех, кто нарушил запрет на выполнение сельскохозяйственных работ в определенное время), или напоминают о событиях библейской истории (легенды о Каине, убивающем на луне Авеля, или Иуде, предавшем Христа); 3) легенды о лунном хищнике, мифическом животном (льве, драконе), обитающем на луне и вызывающем лунные затмения.

В рамках представляется подробнее рассмотреть одну из выделенных групп, а именно — легенды о человеке (людях) на луне. По наиболее распространенной версии, человек на луне — грешник, помещенный туда в назидание всем живущим. Так, в материалах с острова Карпатос, опубликованных Михаилидисом–Нуаросом, сообщается, что на луне стоят люди, оскорбившие ее, показавшие ей мундзу [Μιχαηλίδης Νουαρός 1969: 234], на Икарии (д. Трагостаси) — колдун, пожелавший спустить месяц в корзину, на Хиосе (д. Псара) — крестьянин, который раньше положенного срока отправился работать в винограднике. В окрестностях Козани вообще говорили, что «Луна считается прибежищем всяких злодеев и убийц, в особенности же — братоубий-

цы Каина, осужденного непрестанно трястись и мучиться на луне» [АХКЕЛ, Хф. 180: 147]. См. также запись с о. Пакси: «Каис, Каин после убийства своего брата почернел как смола и в своем бегстве дошел до луны, после чего та изменила свой вид — почернела как Каин» [АХКЕЛ, Хф. 682: 147]. В отдельных традициях на луне видят не только Каина, но и Авеля: «Пятна на месяце похожи на изображения человеческих фигур. Говорят, что на нем Каин, который убивает своего брата» (Кампос, о. Хиос) [АХКЕЛ, Хф. 2076: 123]. При этом нередко представление о луне как о месте пребывания нечестивых персонажей способствует трансформации сюжета о злодее и невинной жертвы в рассказ об убивающих друг друга Каине и Авеле: «Про тени, которые на луне говорят, что это двое сыновей Адама, Каин и Авель. Там Каин и Авель друг друга убили» (о. Кимолос) [Σπυριδάκης 2015: 331]. С течением времени легенды о стоящих на луне Каине и Авеле превращаются в рассказы о двух братьях: «Черные пятна на месяце — это два брата друг с другом поссорились, и месяц, который увидел, как они друг друга таскают за волосы, наклонился и схватил их, и с тех пор видно, как они друг друга за волосы таскают. Детям говорят не ссориться, чтобы их месяц не утащил» (Плагья, о. Лесбос) [АХКЕЛ, Хф. 2295: 190].

Источник

АХКЕЛ — Αρχείο Χειρογράφων Κέντρου Ελληνικής Λαογραφίας (Архив рукописей Центра греческого фольклора).

Литература

Μιχαηλίδης-Νουάρος Μ. Γ. Καρπαθιακά μνημεία. Λαογραφικά σύμμεικτα Κάρπαθου υπό Μ. Γ. Μιχαηλίδου Νουάρου. Αθήναι, 1969.

Σπυριδάκης Γ. Κ. Λαογραφικά σύμμεικτα της Κυμώλου. Λαογραφική αποστολή εις Κίμωλον (14–29 Αυγούστου 1963). Εισαγωγή — Επιστημονική και Εκδοτική Επιμέλεια — Γλωσσάριο: Παναγιώτης Ιω. Καμηλάκης. Χορηγία Εκτυπώσεως: Δήμος Κιμώλου. Κέντρον Έρευνης της Ελληνικής Λαογραφίας. Πηγές του Λαϊκού Πολιτισμού — 9. Αθήνα: Ακαδημία Αθηνών, 2015.

Чиварзина Александра Игоревна

канд. филол. наук, мл. научный сотрудник, Институт славяноведения РАН;
a.chivarzina@inslav.ru

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ОБОРОТЫ С КОЛОРАТИВНЫМ КОМПОНЕНТОМ НА МАТЕРИАЛЕ БАЛКАНСКИХ ЯЗЫКОВ: СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Ключевые слова: балканославянские языки, балканистика, цветообозначения, сравнительные обороты.

Сравнение является одним из важнейших приемов познания как внешнего мира, так и духовных ценностей, играя значимую роль в классификации, упорядочивании, оценке содержания бытия и процесса познания [Ильясова 2009]. Прием сравнения способствует формированию структурированного взгляда на окружающий мир, помогая человеку ориентироваться в многообразии явлений и находить общие черты между разными аспектами действительности. Существует представление, что колоративные концепты тесно связаны с некоторыми «универсальными элементами человеческого опыта», такими как день, ночь, солнце, огонь, кровь, растительность, небо и земля [Вежбицкая 1996]. Именно эти элементы часто используются в качестве объектов компаративного оборота, формируя корпус устойчивых сравнений, которые становятся наиболее употребительными и характерными для языка.

Создание сопоставительного словаря компаративных оборотов балканских языков, включая болгарский, македонский, сербский, албанский и румынский, позволило найти не только известные, но и выявить неожиданные устойчивые сравнения, характерные для языков этого региона. Этот словарь стал частью более широкого исследования, посвященного компаративным конструкциям в балканских языках, и раскрыл богатство лексических средств, используемых в сравнении. В процессе анализа удалось обнаружить, что помимо традиционных элементов, таких как природные объекты и явления, в языке фиксируются уникальные образы, отражающие культурные особенности и менталитет носителей этих языков. Таким образом, сравнение становится не только способом познания мира, но и инструментом, позволяющим глубже понять специфику языка и культуры конкретного народа.

Выбор объекта, с которым сопоставляют тот или иной цвет, играет ключевую роль в создании выразительных образов и метафор. Именно от этого выбора зависит, насколько ярким и оригинальным будет сравнение, а также какую эмоциональную или символическую нагрузку оно будет нести. Как уже было сказано выше, в устойчивых оборотах объектами чаще всего становятся предметы и явления, которые издревле окружали человека, были частью его повседневной жизни и оставляли глубокий след в его восприятии мира. Они служат основой для создания ярких сравнений, таких как «синий, как небо», «зеленый, как трава» или «красный, как огонь». Такие сравнения легко воспринимаются и запоминаются, поскольку они опираются на естественные ассоциации, формируемые в процессе взаимодействия человека с окружающим миром.

Вместе с тем выбор объекта для сопоставления может отражать культурные и региональные особенности. В частности, для анализируемых языков положительной характеристикой обладают следующие сравнения: болг. *модър като вино* «темный, как вино», мак. *бел како сирење*, рум. *alb ca brânza* «белый, как брынза», болг. *черен като кафе* «черный, как кофе», поскольку это одни из основных продуктов питания у балканских народов. Для албанского языка специфична высокая частота уподобления сравнения *i kuq si gjaku* «красный, как кровь» и *i kuq si flamuri* «красный, как флаг».

Такой объект, как огонь, становится практически универсальным элементом сравнения, поскольку обладает уникальной многогранностью и может использоваться для конкретизации сразу нескольких цветов. Его природные свойства — яркость, динамичность и разнообразие оттенков — делают его мощным символом, который легко интерпретируется в различных контекстах. Помимо прототипического и ожидаемого сравнения по основанию красного «крас-

ный, как огонь», встретились следующие примеры: болг. *син като пламък*, рум. *albastru ca flacăra* «синий, как пламя», болг. *оранжев като пламък* «оранжевый, как пламя», серб. *зелен као ватра* «зеленый, как костер», рум. *galben ca focul* «желтый, как огонь». Прототипический объект черного цвета — уголь — фиксируется в качестве объекта по основанию «красный», сближаясь с прототипическим объектом красного — огонем: болг. *червен като въглен* «красный, как уголь», болг. *червен като главника* «красный, как головня», алб. *si prushi* «как горячие угли». Вода также может выступать объектом для определения разных цветов: рум. *albastru ca apa*, мак. *син како вода* «синий, как вода», серб. *зелен као вода* «зеленый, как вода», болг. *бял като вода*, серб. *бео као вода* «белый, как вода».

Устойчивой конструкцией становится уподобление по цвету кожи. Для создания такого оборота берется колороним и сопоставляется с каким-либо известным персонажем, реальным или вымышленным, цвет кожи которого является одним из ключевых признаков: X как Обама, X как Майкл Джексон, X как Мандела, X как Йода и т. д., где X может быть любой подходящий цвет.

В докладе предлагается проанализировать эти и другие, часто неожиданные, сравнительные обороты, а также выявить наиболее распространенные и устойчивые для рассматриваемых балканских языков.

Литература

Вежбицкая А. Обозначение цвета и универсалии зрительного восприятия // Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. С. 231–291.

Ильясова Л. И. Устойчивые сравнения с колоративным компонентом в английском и русском языках: дис. … канд. филол. наук. Казань, 2009.

Чуева Софья Юрьевна

аспирант, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова;
sophychuyeva@gmail.com

ОБРАЗОВАНИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ ЖЕНСКОГО РОДА ОТ *NOMINA AGENTIS* В НОВОГРЕЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: производные существительные, неологизмы, новогреческий язык, словообразование.

В докладе рассматриваются неологизмы — существительные женского рода от nomina agentis, лексемы, характеризующие лиц женского пола по профессиональной деятельности, появляющиеся в новогреческом языке с начала XXI в. и по сегодняшний день. Появление неологизмов подобного рода обусловлено рядом социальных перемен, вызванных, с одной стороны, появлением новых профессий, и, с другой стороны, необходимостью поиска новых номинаций для отражения активного участия женщин в профессиональной деятельности в современном обществе. Помимо профессиональных подобных существительных мы также рассматриваем лексемы со значением качества, характеристики человека, представляющие собой неологизмы в новогреческом языке.

Согласно М. Т. Кабре, принадлежность той или иной лексемы к неологизмам можно определить по 4 критериям. Следуя данным критериям, под неологизмами мы понимаем лексемы, появившиеся в языке недавно и не являвшиеся ранее частью этого языка, не отмеченные в нормативных словарях данного языка, характеризующиеся семантической, морфологической, фонетической либо графической нестабильностью и воспринимаемые носителями языка как новые лексемы [Cabré 1998: 252–268]. Следует отметить, что некоторые подобные неологизмы можно встретить в современных словарях новогреческого языка в связи с частым обновлением их содержания [Κατσούδα, Νάκας 2013: 14].

Уже в древнегреческом языке появляются лексемы, характеризующие женщин, занятых различными видами профессиональной деятельности. Некоторые из подобных лексем относятся к традиционно женским профессиям, напр. θηλάστρια, ἰαλεμίστρια «кормилица», ἀλετρίς «рабыня-мололщица» и пр. Тем не менее, большая часть феминитивов представляла собой лексемы, производные от соответствующих лексем мужского рода, напр. ἱερεύς «священнослужитель, жрец» > ἱέρισσα/ ἱέρεια «жрица», προφήτης «прорицатель» > προφῆτις «прорицательница» и др. Как и в древнегреческом, в новогреческом языке большая часть подобных существительных являются производными лексем мужского рода и образуются посредством ряда словообразующих суффиксов.

В новогреческом языке в образовании существительных женского рода от nomina agentis участвуют суффиксы -ισσα/-έσα, -τρια/-τρα, -ίνα, -τιδα (-τις), -αινα и -ού. Представляется интересным рассмотреть образование таких существительных, как ντελιβερού < ντελιβεράς «курьер доставки», μικρομηκού < μικρομηκάς «режиссер короткометражных фильмов», αρεοπαγίτισσα < αρεοπαγίτης «член Верховного суда Греции», φιλολογίνα < φιλόλογος «филолог», γερουσιαστίνα/ γερουσιάστρια < γερουσιαστής «сенатор» и пр., изучить семантику и функционирование феминитивов-неологизмов в речи современных носителей языка, а также исследовать продуктивность суффиксов, участвующих в образовании подобных лексем.

Так, например, лексема ντελιβερού широко распространена в речи пользователей сети Интернет, в частности форумов, напр.:

> *Αν ήταν να το χρησιμοποιείς για πολλές μικροαποστασεις τότε θα ήταν ότι πρέπει, έχω πετύχει* ***ντελιβερού*** *στην Καβάλα με τέτοιο πατίνι, αλλά για μεγάλες αποστάσεις δεν θα πρότεινα (Орфография сохранена) — «Если бы ты его использовала (электроскутер — прим. пер.) для небольших поездок, было бы что надо, я с таким скутером успешно* ***работала в доставке*** *в Кавале, но для больших расстояний я бы не советовала».*

Лексема μικρομηκού, также образованная посредством суффикса -ού, появляется в языке СМИ. Примечательно, что в одном из контекстов автор заносит лексему в кавычки, отмечая, таким образом, ее просторечный характер, не свойственный стилю автора (в том же контексте встречается существительное с архаичным суффиксом -τις σκηνοθέτις «женщина-режиссер»):

> *Μια άλλη γυναίκα σκηνοθέτις, η Γαλλίδα Εμμανυέλ Μπερκότ, στο «Clement», εξερευνά θέματα και καταστάσεις που την είχαν απασχολήσει από την εποχή που ήταν φέρελπις «**μικρομηκού**»: εφηβεία, οικογενειακά τραύματα και η αχαλίνωτη φύση της ερωτικής επιθυμίας — «Еще одна женщина-режиссер, француженка Эмманюэль Берко, в фильме «Клеман» исследует темы и состояния, интересовавшие ее с тех времен, когда она была подающим надежды **режиссером короткометражных фильмов**: подростковый возраст, семейные травмы и необузданная природа любовного желания».*

Мы видим, что суффикс -ού, ранее участвовавший в образовании лексем со значением традиционных профессий (καφετζού «гадалка на кофейной гуще» < καφετζής «кофейщик») либо характеризующих женщин по профессии супруга (αλευρού < αλευράς «жена мельника»), а также характеризующий женщин с точки зрения особенностей внешности либо поведения (чаще в уничижительном, оскорбительном ключе: κωλού «большезадая», καβγατζού < καβγατζής «драчливая», αμακατζού < αμακατζής «дармоедка» и пр.), во-первых, образует лексемы со значением принципиально новых, современных профессий, а во-вторых, не придает им какой-либо отрицательной коннотации, о чем мы можем судить исходя из контекстов, где мы встречаем подобные лексемы.

Далеко не все неологизмы относятся к профессиональным феминитивам. Мы также находим существительные женского рода со значением характеристик, образованные посредством таких суффиксов, как -ού, -ισσα, напр. ντεθού < ντεθάς «дет-металлистка», μημουάπτισσα < μημουάπτης «чрезмерно чувствительная физически или психически» (< μη μου άπτου «Не прикасайся ко мне»). Также среди неологизмов мы находим этноним Βορειομακεδόνισσα < Βορειομακεδόνας ‘македонка’, появившийся после Преспанского соглашения 2019 г. об официальном переименовании Македонии в Республику Северная Македония.

Литература

Cabré M. T. Terminologie: théorie, méthode et applications. Ottawa: Les Presses de l’Université d’Ottawa, Armand Colin, 1998.

Κατσούδα Γ., Νάκας Θ. Όψεις της Νεολογίας: Σύμφυρση και Επανετυμολόγηση (Ολικοί και μερικοί λεξικοί συμφυρμοί στη δημοσιογραφία, τη διαφήμιση, τα ιστολόγια και τη λογοτεχνία για παιδιά). Αθήνα: Πατάκης, 2013.

Алмазова Нина Александровна

канд. искусствоведения, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет; nialm@inbox.ru

ЧИТАЛ ЛИ ПАМПРЕПИЙ ТЕРПАНДРА?

Ключевые слова: древнегреческая музыка, Терпандр, Пампрепий Панополитанский, Аристофан.

Папирус *P. Gr. Vindob*. 29788 A–C донес до нас фрагменты поэта, философа и астролога V в. н. э. Пампрепия Панополитанского (440–484). В докладе рассматривается вступление к эпиллию Пампрепия (fr. 3, v. 7–15 Livrea). Э. Ливреа [Livrea 1993: 4–6] предполагает, что автор построил этот проэмий на многочисленных и тщательно продуманных отсылках к наследию Терпандра, легендарного лесбосского кифареда VII в. до н. э. По его мнению, ст. 7 ἀμφ᾽ … ἀείδεται ~ Terp. fr. 2 G. ἀμφί μοι … ἀειδέτω φρήν; ст. 8 ἑπτανόο[ι]ο λύρης ~ Terp. fr. 4. 2 G. ἑπτατόνῳ φόρμιγγι; аполлоновская реминисценция в ст. 10 («склон поющей горы») ~ Terp. fr. 2. 1 G. ἄναχθ᾽ ἑκατηβόλον; ст. 10–12 κύκνος … πτερύγεσσιν ~ Terp. fr. 1 G. κύκνος ὑπὸ πτηρύγων. Доклад посвящен опровержению этой гипотезы.

Надо заметить, что дословные совпадения у Пампрепия есть только с двумя приписываемыми Терпандру фрагментами. На них главным образом и базируется гипотеза Ливреа. Между тем, оба известны нам благодаря тому, что их обыгрывает Аристофан.

1. Terp. fr. 2 G. Антода в парабасе «Облаков» начинается со строки ἀμφί μοι αὖτε, Φοῖβ᾽ ἄναξ (595). Схолиасты и лексикографы (*sch. Aristoph. Nub*. 595c, p. 132 Holwerda; Hesych. α 3944 Latte; Phot. *Lex*. α 1303, 1304 Theodoridis; Suda α 1700, 1701 Adler; Zonar. *Lex*. I col. 163 Tittmann) поясняют, что это пародия на зачин «ἀμφὶ ἄνακτα», которым злоупотребляли кифареды и авторы дифирамбов. В насмешку над ними в комедии были придуманы слова ἀμφιάνακτες и ἀμφιανακτίζειν. В качестве образца (очевидно, самого древнего и знаменитого) цитируется фрагмент проэмия Терпандра, который А. Гостоли публикует в форме: ἀμφί μοι αὖτις ἄναχθ᾽ ἑκατηβόλον / ἀειδέτω φρήν. Из слов Фотия следует, что нечто подобное можно было найти у лирического и трагического поэта Иона и что эта мода вызывала насмешки не только Аристофана, но и Кратина. Суда указывает, в каких именно комедиях были аллюзии на этот зачин, так что мы знаем, что Аристофан обыгрывал его по меньшей мере дважды: в парабасе «Облаков» и в недошедшей комедии Ἀνάγυρος.
2. Terp. fr. 1 G. Папирус *POxy* 2737 содержит фрагменты комментария к некой комедии Аристофана, и в том числе лемму κύκν]ος ὑπὸ πτερύγων τοιόνδε (fr. 1 col. I, 19–20). Комментатор сообщает, что об источнике этой цитаты велись на удивление ожесточенные споры: Аристарх (1-я пол. II в. до н. э.) утверждал, что она заимствована у Терпандра, Евфроний (1-я пол. III в. до н. э.) считал ее взятой из песен Иона, автор труда о цитатах, видимо, под названием *Περὶ παραπλοκῆς* — из песен Алкмана, а на самом деле она из гимнов, приписываемых Гомеру. Действительно, известный нам гомеровский гимн к Аполлону начинается стихами: Φοῖβε, σὲ μὲν καὶ κύκνος ὑπὸ πτερύγων λίγ᾽ ἀείδει / ὄχθῃ ἐπιθρῴσκων ποταμὸν πάρα δινήεντα / Πηνειόν (*HH* 21, 1–3). Допуская, что перед нами формульное выражение и его использовали разные поэты, исследователи включают слова κύκνος ὑπὸ πτερύγων в число фрагментов Терпандра, Иона и Алкмана, однако в докладе доказывается, что это неправдоподобно.

Руководители секции: М. М. Позднев, Т. В. Костылева.

В. Люппе обратил внимание на то, что комментарий к рассматриваемому пассажу из *POxy* 2737 в значительной степени пересекается с перечнем поэтов-ἀμφιάνακτες: в обоих фигурируют Аристофан (как пародист или стилизатор), Ион и Терпандр. Как раз применительно к атрибуции общепоэтического зачина «ἀμφὶ ἄνακτα» колебания грамматиков были бы легко объяснимы: в отличие от выражения κύκνος ὑπὸ πτερύγων, он в самом деле являлся формульным. Поскольку кроме «Облаков», по свидетельству Суды, Аристофан обыгрывал этот зачин в «Анагире», Люппе предположил, что и в оксиринхском комментарии, и у лексикографов речь идет именно о пассаже из парабасы «Анагира», где аллюзия на ἀμφὶ ἄνακτα непосредственно предшествовала словам κύκνος ὑπὸ πτηρύγων [Luppe 1971: 101–102; Luppe 1973: 284–288]. Это объясняет, как в схолиях возникли четыре разных атрибуции: каждый грамматик правильно опознал одну цитату, а другую либо не заметил (что особенно вероятно, если они отчасти подвергались комическому переиначиванию или сплетались в центон), либо счел, что она восходит к тому же поэту. Если так, взятые Аристофаном из гомеровского гимна слова κύκνος ὑπὸ πτερύγων вообще не следует причислять к фрагментам Терпандра.

Можно предположить, что образы из эпиллия Пампрепия были навеяны чтением не Терпандра, а Аристофана (который с гораздо большей вероятностью, чем Терпандр, дошел до поздней античности). О словах κύκνος (стк. 10) и πτέρυγες (стк. 12) доподлинно известно из *POxy* 2737, что они фигурировали в аристофановской аллюзии на *HH* 21. 1. Допустим, что теоретически их мог употребить и Терпандр. Но в пассаже Пампрепия есть, как кажется, недвусмысленная отсылка именно к Аристофану — слова ὄρθριον μέλος (стк. 15): «предрассветный напев» — это основанная на парономасии с ὄρθιος νόμος игра слов, придуманная Аристофаном [Blaydes 1891, 171, 172], поэтому он упоминается только у самого комедиографа (*Av*. 489, *Eccl*. 740) и его комментаторов. Кроме того, аллюзией на жанр Аристофана можно объяснить и выбор слова κῶμος (стк. 7), который представляется здесь достаточно неожиданным. Напротив, каких-либо еще дословных совпадений с фрагментами Терпандра, не считая тех же, что у Аристофана, у Пампрепия нет (упоминание о семиструнной лире, для которой он создает эпитет-гапакс ἑπτανόο[ι]ο, давно стало всеобщим поэтическим достоянием: ср., например, Nonn. *Dionys*. 3. 242 ὄρθιος ἑπτατόνοιο λύρης ἐλελίζετο χορδή; 7. 51 ἑπτατόνου φόρμιγγος ἀράσσεται ὄρθιος ἠχώ). В таком случае, фрагмент Пампрепия косвенно подтверждает наличие комбинации «зачин амфианактов + упоминание о лебеде» у Аристофана.

Литература

Blaydes F. H. M. (ed.). Aristophanis Comoediae. Pars III. Ecclesiazusae. Halis Saxonum, In orphanotrophei libraria, 1891.

Livrea E. Terpandrea // Maia. 1993. Vol. 45. P. 3–6.

Luppe W. Der "Anagyros"-Kommentar, Pap. Oxy. 2737 // AP. 1971. Bd. 21. S. 93–110.

Luppe W. "Anagyros" — oder nicht? Zur Identifizierung von Pap. Oxy. 2737 // ZPE. 1973. Bd. 11. S. 275–288.

Верлинский Александр Леонардович

д-р филол. наук, вед. научный сотрудник,
Институт лингвистических исследований РАН;
профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;
verlinsky@mail.ru

ЕЩЕ РАЗ ОБ ЭТИМОЛОГИЯХ В ПЛАТОНОВСКОМ «КРАТИЛЕ»

Ключевые слова: Платон, «Кратил», этимология.

В докладе рассматриваются некоторые трудности, связанные с интерпретацией сократовских этимологий в платоновском диалоге «Кратил», которые, как известно, предлагаются Сократом в качестве раскрытия и подтверждения его (уже доказанного) тезиса, что вещи не могут обозначаться любыми, произвольными словами, которые присваиваются вещам посредством простого соглашения носителей языка, но существует внутренняя, объективная «правильность» слов. Согласно аргументации Сократа, помимо обыденного назначения слов, то есть простого указания на вещь говорящим, которое должно быть понятно его собеседнику, и может быть достигнуто при помощи любых произвольных обозначений, понятных в силу соглашения, существует иное, более высокое назначение слова. Оно состоит в использовании слова как «орудия», которое используется в философской («диалектической») беседе, направленной на постижение знания о понятиях, таких как «справедливость», «мужество», которое должно быть выражено в форме определения. При этом другие привлекаемые в подобном совместном исследовании понятия должны обозначаться словами, которые раскрывают собеседнику существенные свойства этих понятий. Слова, следовательно, должны обладать некими внутренними, объективно им присущими свойствами, которые делают их прочно связанными с определенными вещами.

В следующей части диалога Сократ сперва недоуменно ищет ответ на вопрос, в чем именно должны состоять эти объективные свойства слов. Но затем он «находит» ответ имплицитно содержащимся в известном гомеровском различении божественных и человеческих обозначений одних и тех же вещей: «правильные» слова — это дескриптивные слова, а именно те, этимологическое значение которых соответствует существенным свойствам «вещей», обозначаемых этими словами. Окрыленный этой находкой, Сократ приступает к этимологизации нескольких больших групп слов (имена мифологических персонажей, слова для разных видов божеств, имена богов, апеллативы для понятий, относящихся к физической сфере — планеты, стихии и т. д., и для понятий из этико-психологической сферы — «рассудительность», «справедливость», «радость» и т. д.). Некоторые из предложенных этимологий верны с современной научной точки зрения, но большинство представляет собой смелые реконструкции парэтимологического характера. Кроме того, начиная с определенного момента Сократ все чаще усматривает в этимологиях общую идею непрерывного движения и изменения (гераклитовский «поток»). При этом все положительные понятия предполагают непрерывное изменение, а отрицательные, напротив, прекращение движения и покой. Впоследствии, в заключительной части диалога, Сократ оспаривает мнение одного из своих собеседников, Кратила, последователя Гераклита: Кратил наделяет создателей языка высшим авторитетом и использует их мнения о вещах как доказательство того, что все в мире находится в непрерывном и абсолютном движении. Сократ демонстрирует ему, что, по крайней мере, в некоторых случаях этимологизация показывает, что слова для понятий положительного характера связаны, напротив, с идеей покоя, а для отрицательных — с движением. Претензии слов, а точнее их создателей, на обладание непогрешимой истиной, таким образом, отвергнуты.

Долгое время в науке преобладало понимание этимологической части диалога как пародийной, направленной на высмеивание современных Платону спекулятивных философских этимологизаций, то есть предполагалось, что Платон дистанцируется от этимологий. Против этого понимания выступил Д. Сэдли, который развивая мысль некоторых ученых, выдвинул

иное понимание этой части диалога. Сэдли предложил различать платоновскую оценку надежности реконструкции Сократом воззрений создателей языка путем этимологизации — она, по мнению Сэдли, не вызывает сомнений — и его оценку правильности самих этих воззрений: они частично одобряются, особенно в том, что касается сферы физических явлений, но в значительной мере имплицитно отвергаются, в первую очередь в этике, в соответствии с платоновским убеждением в слабости этого раздела философии до Сократа. В защиту своего довода о надежности этимологий в глазах Платона Сэдли приводит следующие доводы: 1) столь же смелые этимологизации встречаются в других диалогах в Платона, где ничто не указывает на их пародийное или полемическое назначение; 2) этимологии «Кратила» соответствуют аргументации в защиту лингвистического натурализма в первой части диалога и являются необходимой частью защиты этого тезиса; 3) наконец, нет оснований полагать, что Платон, как и никто другой в античную эпоху, мог подходить к этимологизации критически, ибо не существовало лингвистических критериев, позволявших бы отличить надежную этимологизацию от ненадежной. Доводы Сэдли получили одобрение у некоторых исследователей, но другие, например, Ф. Адемолло продолжают находить сомнения Платона в этимологии, не объясняя при этом их природы.

Автор доклада согласен с Сэдли в том, что этимологическая часть внутренне связана с аргументацией Сократа в защиту лингвистического натурализма. Несмотря на это, некоторые указания в тексте по ходу этимологизации показывают сомнения собеседников в отдельных этимологиях как чересчур смелых, и слова самого Сократа в заключительной части свидетельствуют, что он воспринимает эти опасения как оправданные. Кроме того, Сократ приводит в одном случае две противоположных по характеру этимологии слова episteme, как подразумевающие сперва движение, а затем покой. Эти соображения не позволяют согласиться с тезисом Сэдли об однозначном одобрении изображенных в диалоге методов этимологического «декодирования» взглядов древних создателей языка. Можно думать, что Платон стремится не подвести читателя к выводу об ошибочности результатов этимологического раздела в целом, но внушить представление о трудностях достижения надежных результатов, которые оказываются тем большими, чем дальше первоначальные значение и форма слова от их современного состояния. Эти, в целом правильные, предостережения продиктованы, однако, не ясным пониманием дефектов этимологизации с точки зрения собственно лингвистических критериев (ими Платон, как верно заметил Сэдли, не располагает), но с точки зрения «здравого смысла»: в ходе диалога обнаруживается, что одно и то же слово с равным успехом может этимологизироваться разным образом, причем «лучшим» оказывается не решение, более обоснованное в лингвистическом плане, но то, в результате которого первоначальное значение слова оказывается более интересным с философской точки зрения. Как показывает заключительная часть, причину противоречивости результатов этимологизации Платон усматривает не в лингвистической некомпетентности этимологизаторов, но в их философской предвзятости: они пытаются обнаружить в воззрениях создателей слов те суждения о вещах, которые соответствуют их собственным философским предпочтениям.

Возникает, таким образом, вопрос, в каком свете представлены в диалоге этимологии Сократа, и рекомендует ли Платон своим читателям занятия этимологией. По мнению докладчика, этимологическая часть диалога в глазах Платона в достаточной степени доказывает, что реальный язык создан не путем конвенциональных соглашений заурядных людей, но является результатом попыток древних законодателей «установить» благодаря своему авторитету слова, созданные по мере сил в качестве подобий обозначаемых вещей. Греческий язык создан, таким образом, в соответствии с тем стандартом языка, который Сократ обосновал в первой части, однако слова ввиду недостаточной философской подготовленности создателей языка часто оказываются ошибочными или весьма несовершенными. Сама же этимологизация как способ раскрытия намерений и воззрений создателей языка, сыграв свою роль как аргумента в дискуссии о том, каким принципам должен соответствовать язык, не рекомендуется в дальнейшем как занятие достойное философа. Дело не только в том, что воззрения древних не могут восприниматься в качестве истины, но нуждаются в проверке, аналогичной той, которой

подвергаются мнения современников. Дополнительной причиной служит противоречивость самого этимологического анализа — его результаты нельзя считать надежными и потому для философа предпочтительнее подвергать испытанию более ясные воззрения современников, чем создателей языка. Этот отрицательный результат не означает ревизии итогов первой части диалога: язык в идеале должен соответствовать принципам натурализма, т. е. слова должны соответствовать вещам и оцениваться согласно этому критерию.

Литература

Ademollo F. The Cratylus of Plato. A Commentary. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.
Sedley D. Plato's Cratylus. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
Verlinsky A. Socrates' method of Etymology in the *Cratylus* // Hyperboreus. 2003. Vol. 9. Fasc. 1. P. 56–77.

Выскубов Станислав Павлович

канд. ист. наук, гл. хранитель музейных предметов,
Санкт-Петербургский музей истории профессионального образования
Дворца учащейся молодежи Санкт-Петербурга

НАСЛЕДИЕ АРИСТОТЕЛЯ В СЛАВЯНО-ГРЕКО-ЛАТИНСКОЙ АКАДЕМИИ КОНЦА XVII — НАЧАЛА XVIII ВЕКА: МЕЖДУ ПРИНЯТИЕМ И ОТРИЦАНИЕМ

Ключевые слова: Аристотель, аристотелизм, Славяно-греко-латинская Академия, рецепция, образование.

Судьба античного наследия в России допетровского времени складывалась по-разному: сочинения одних авторов прочно вплетались в культурный контекст эпохи, становясь неотъемлемой частью картины мира русского человека; путь других был похож на тонкую нить, которая, на первый взгляд, была незаметной и безнадежно оборванной, но время от времени проявлялась на полотне истории; третьи пришли в русскую культуру горстью мелкого бисера, рассыпанного всюду, который так и не удалось собрать воедино.

Если рецепцию наследия Платона можно соотнести с первым вариантом пути, то судьба сочинений его ученика Аристотеля, на наш взгляд, соответствует метафоре с рассыпанным бисером. Осмысление причин, по которым культурно-цивилизационный выбор России оказался не в пользу Аристотеля, является ключом к лучшему пониманию особенностей рецепции античного философского наследия в русской культуре. С одной стороны, Аристотель оказал мощное влияние на развитие религиозных основ христианства. Выдержки из его трудов активно использовались педагогами в преподавании основных дисциплин (риторики, логики, физики, поэтики) в первых светских образовательных учреждениях нашей страны — Киево-Могилянской коллегии (с 1631 по 1701 г., с 1701 по 1817 г. — академия) и Славяно-греко-латинской академии (1687–1814). С другой стороны, мы не можем говорить о системном впитывании идей Аристотеля русской культурой: рецепция его наследия предлагает множество вариантов (от цитирований и упоминаний имени или названия трудов, до преломления его идей через догматы православной веры).

Как отмечал В. П. Зубов, активное проникновение идей Аристотеля в Россию, в частности в сферу образования XVII в., происходило тремя путями: переводы и переписывание отдельных его трудов и изречений с польско-украинских изданий, использовавшихся преподавателями Киево-Могилянской коллегии; благодаря поездкам ученых монахов (Арсений Суханов, Кирилл Юрьев и других) за греческими рукописями и старопечатными книгами на Афон и в Константинополь по указу Московских патриархов «для справы» церковных книг; приобретение кодексов и печатных изданий для нужд библиотек типографских школ, Славяно-греко-латинской академии и пополнения личных коллекций российской элиты [Зубов 2000: 335].

Так, в Москве на начальном этапе существования Академии (1687–1701) её первым преподавателям — Иоанникию (1633–1717) и Софронию (1652–1730) Лихудам, — пришлось адаптировать учение Аристотеля к потребностям и запросам православной культурной среды. Несмотря на то, что жизнь и деятельность братьев Лихудов, получивших образование в Греции и Италии, с 1685 г. была тесно связана с Россией, свои сочинения они создавали на греческом языке. Систематическое изучение их трудов (учебные пособия для академии, философские и политические труды, похвальные речи, переписка) до сих пор продолжается. Благодаря усилиям исследователей, например, Д. А. Яламасу, мы можем говорить о том, что наследие Аристотеля для нарождавшегося высшего образования в России конца XVII — начала XVIII в. сыграло одну из ключевых ролей. Учебники по риторике, грамматике, логике, физике, психологии и богословию, составленные Лихудами, во многом, строились на толковании трудов Аристотеля («Органон», Поэтика, «О небе», «О Душе»), известных европейскому и российскому читателю в то время. Согласно В. П. Зубову и Н. С. Хриссидису, Лихуды преподавали предметы так, что внешне провозглашали приверженность идеям Аристотеля и соглашались с его взглядами, но толь-

ко в той мере, в какой они не противоречили основным догматам восточного православия. Эти показные оговорки прикрывали верность учителей латинским авторам и текстам, которых знали в России (как и в Европе) значительно лучше, чем греческие [Хриссидис 2023: 148; Ryan 1986: 98]. Греческая мудрость из западных источников не приближала к истинному пониманию оригинального Аристотеля, ни к его византийскому варианту. Это был эклектизм, вобравший в себя элементы иезуитского образования, латинской версии его философии и Польско-украинской схоластики. Все же, пособия Лихудов были одними из первых светских учебников по грамматике, физике, логике и риторике в России. Какой-либо системы подлинно греческого образования (то есть анализа и осмысления идей, изложенных в оригинальных античных текстах) Московская академия предложить не смогла.

В ряде сочинений Лихудов («Греческая грамматика», «Логика» и «Риторика» Софрония, «О Душе» Иоанникия, «Слово на Рождество Христово» Софрония, письма братьев друг к другу из Новгорода в Москву) присутствуют прямые отсылки или цитаты из Аристотеля, однако это демонстрация примеров перевода с европейских учебников, дополненного собственными оригинальными мыслями. В некоторых случаях, это краткие изложения без возможности найти конкретное место в трудах древнего философа.

По мнению С. С. Аверицева, Аристотель стал первый мыслителем, который посмотрел в глаза духу утопии Платона и преодолел его. Однако в России XVII в. глобально этого не случилось [Аверинцев 1996: 320]. Образ Аристотеля под воздействием изменений российской политической и культурной парадигмы второй половины XVII в. начал меняться в глазах русской образованной публики. Лукавый мудрец, чьё учение бесполезно для главной цели христианина — спасения души (Максим Грек), с момента деятельности Академии братьев Лихудов становится великим ученым и основоположником всех наук.

Литература

Аверинцев С. С. Христианский Аристотелизм как внутренняя форма Западной традиции и проблемы современной России // Риторика и истоки европейской литературной традиции. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 319–328.

Зубов В. П. Аристотель: Человек. Наука. Судьба наследия. М.: Эдиториал УРСС, 2000.

Хриссидис Н. С. Академия при царском дворе: греческие ученые и иезуитское образование в России раннего Нового времени / пер. с англ. Н. Эдельмана. М.: Новое литературное обозрение, 2023.

Ryan W. F. Aristotle and Pseudo-Aristotle in Kievan and Muscovite Russia // Pseudo-Aristotle in the Middle Ages: the Theology and other texts / eds Jill Kraye, W. F. Ryan and C. B. Schmitt. London: Warburg Institute, University of London, 1986. Vol. 9. P. 97–109.

Исследование подготовлено в рамках проекта РНФ № 24-28-01107 «Аристотель в России: проблемы рецепции и интерпретации».

Дубова Светлана Сергеевна

канд. филол. наук, мл. научный сотрудник, Институт лингвистических исследований РАН; dubovasvetlanas@gmail.com

НЕКОТОРЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ ПОНЯТИЯ В ЛАТИНСКОМ ТЕКСТЕ «СЛОВА ПОХВАЛЬНОГО ЕЛИСАВЕТЕ ПЕТРОВНЕ» М. В. ЛОМОНОСОВА

Ключевые слова: М. В. Ломоносов, Цицерон, латинская философская лексика.

В 1749 г. к первой публичной ассамблее Российской Академии наук М. В. Ломоносов должен был подготовить похвальную речь императрице Елизавете Петровне. Первоначальный вариант панегирика был составлен на русском языке, но после утверждения русского текста Ломоносов также взялся и за перевод на латинский язык. Похвальная речь была очень хорошо воспринята публикой, русский текст ещё при жизни Ломоносова издавался несколько раз, а латинский вариант был высоко оценён и за границей.

Безусловно, этот панегирик является интересным материалом для исследования в силу того, что и русский, и латинский тексты написаны одним и тем же человеком примерно в один и тот же период времени. Это позволяет оценить навыки Ломоносова как переводчика и проследить, какие латинские конструкции он считает эквивалентными выражениям на русском языке. При этом невозможно отрицать талант и мастерство, с которыми учёный подошёл к своей задаче: несмотря на то, что латинский перевод достаточно точно следует оригиналу (иногда вплоть до сохранения порядка слов), он читается как самостоятельное произведение со своими достоинствами. При чтении латинского текста очевидно, что Ломоносов подражал античным авторам, в том числе заимствуя определённую лексику. В этой связи необходимо выделить Плиния Младшего (автора «Панегирика императору Траяну») и Цицерона как автора речей и риторических трактатов. Однако на лексику «Слова» Цицерон мог повлиять не только как оратор, но и как философ.

В тексте «Слова» наблюдается несколько мест, по-видимому, вдохновлённых именно философскими сочинениями Цицерона. Например, в Cic. *Tusc*. 5, 13 и *Off*. 3, 116 упоминается так называемый «хор добродетелей» (chorus virtutum) — художественный образ совокупности нравственных качеств, в особенности характерных для мировоззрения стоиков. Русский текст панегирика Ломоносова не содержит упоминания «хора», но отмечает «внутренние душевные дарования» императрицы, которые в латинском переводе уже образуют хоровод под руководством благочестия и других качеств достойного монарха [Ломоносов 1959: 261]. К сожалению, сравнение текстов не позволяет оценить, имеются ли в виду те же самые качества, которые перечисляет Цицерон: по-видимому, Ломоносов хотел передать в «Слове» именно художественный образ, а не содержание цицероновского понятия.

При определённом лексическом сходстве можно видеть большую разницу в контекстах: в трактате Цицерона «О природе богов» речь идёт об антропоморфизме богов (если боги имеют человеческий вид, то людям проще обратиться к религии и оставить свою порочную жизнь в прошлом), но в панегирике Ломоносова эта тема не поднимается. В «Слове» Ломоносов пишет о правлении Елизаветы, которое позволяет людям менять свою порочную жизнь к лучшему благодаря мягкой форме наказания за преступления и щедрому награждению за хорошие поступки. Идеи совершенно разные, но схожесть лексики не поддаётся сомнению: «…quo facilius animos imperitorum ad deorum cultum a vitae pravitate converterent» (Cic. *Nat. D.* 1, 77); «converso animo a vitae pravitate» [Ломоносов 1959: 268].

Интересным является употребление у Ломоносова философского термина indolentia. Он был создан Цицероном для передачи греческих слов ἀλυπία и ἀπάθεια, обозначающих наслаждение как отсутствие страдания в эпикурейской философии. В одном из эпизодов «Слова» indolentia вполне предсказуемо используется по соседству с voluptas [Ломоносов 1959: 267], эти слова и Цицерон рассматривает как синонимы. Однако в другом случае indolentia в панегирике скорее обозначает чувство безопасности и покоя жителей империи, которое достигается благо-

даря проницательности Елизаветы Петровны в области внешней политики. Относительная редкость слова indolentia в классической латинской литературе, его использование исключительно в философских сочинениях этого периода, а также употребление синонима voluptas должны говорить о том, что Ломоносов прекрасно понимал значение этого философского термина. Его использование в значении «безопасность» (именно такой эквивалент мы обнаруживаем в латинском тексте панегирика) — необычное и смелое решение, демонстрирующее интерес Ломоносова не только к базовой латинской лексике, необходимой для передачи смыслов русского оригинала, но и к более редким словам и жанру философского трактата.

Ломоносов в своей речи применяет множество понятий, используемых в философских текстах, по которым можно выделить основные темы, разрабатываемые при описании правления Елизаветы. Например, несколько раз употребляется слово sensus ‘чувство, чувственное восприятие’ для передачи и собственно способности что-то ощущать и представлять в своём воображении, и чувств радости и горя. Многозначной становится лексема Musa, объединяющая в себе и образ античных муз, и науки, и искусства, для которых особо подчёркивается необходимость наличия в государстве безопасного пристанища. Не один раз упоминается securitas и в качестве личного чувства безопасности, и в качестве понятия политической независимости и академической свободы. Одним из самых частотных понятий в «Слове» является virtus ‘добродетель’ — прославляемые Ломоносовым достоинства характера Елизаветы Петровны. В частности, латинский текст делает акцент именно на мужестве императрицы — женщины, которая не уступает в личных качествах своему отцу, Петру I.

Литература

Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 8: Поэзия. Ораторская проза. Надписи. 1732–1764. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959.

Егорова Софья Кондратьевна

канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет;
s.egorova@spbu.ru

ТАК ЦЕЗАРЬ ИЛИ КАТИЛИНА? (*MEGALOPOLIS*, FR. F. COPPOLA, 2024)

Ключевые слова: Катилина, комплексный персонаж, «Мегалополис», Цезарь.

Хотя «Мегалополис» не только ни в коей мере не является историческим фильмом и даже имеет официальный подзаголовок «a fable», подбор персонажей, чьи личности были заимствованы из истории Древнего Рима, не мог не взволновать специалистов по римской литературе — хотя бы потому, что противостояние Цицерона и Катилины составляет значительную часть текстов*, читаемых на занятиях по латинскому языку**.

Прежде чем обратиться к главному герою, отметим удачно подсмотренный в истории не столь явный политический треугольник: «мечтатель» Катилина, консерватор Цицерон и извлекающий выгоду из их конфликта популист Клодий***, в то время как из исторически более значимых фигур Красс**** почти сведен к технической функции «банка», а Помпей Великий вообще отсутствует.

Прототипом для центральной фигуры был выбран глава заговора 63 г. до н. э. Луций Сергий Катилина, и при представлении персонажа мы видим отсылки к этому историческому лицу: мы узнаем о подозрении как в убийстве близкого родственника (сына от первого брака, Sall. 15, 2), так и в совращении весталки (Sall. 15, 1), о вызывающем образе жизни (Sall. passim; Cic. *Cat*. 1, 13–14), да и сам облик в целом***** соответствует описанию Саллюстия: «и потому бледное лицо, мрачные глаза; движения то быстрые, то замедленные, одним словом — в чертах лица и его выражении присутствовала нестабильность» (*Igitur color ei exsanguis, foedi oculi, citus modo, modo tardus incessus: prorsus in facie vultuque vecordia inerat*, Sall. 15, 4).

Однако далее мы не видим собственно заговора с целью захвата власти (да и вообще активных и тем более насильственных действий, напомним, что главное стремление персонажа — внедрение открытого им строительного материала), а постепенно и замечаем главное расхождение с историческим Катилиной — тот был более чем… консервативен. Его «пламенная речь» к участникам заговора подразумевает возвращение к неким старым временам (Sall. 20, 7), его главная цель — повторение диктатуры Суллы******, его козырь в политической борьбе — принадлежность к древнему нобилитету, и, пожалуй, самым показательным выглядит его ответ на обличительную речь в Сенате — он противопоставляет себя как представителя древнего сенаторского рода Цицерону — «временному жителю Рима» (*inquilinus civis urbis Romae*, Sall. 31, 7), т. е. практически — понаехавшему.

Таким образом, мы не находим ничего от бунтаря-футуролога в историческом герое, давшего нашему персонажу фамилию. Но у него есть имя — Цезарь.

---

* Четыре речи Цицерона против Катилины и его сторонников (далее Cic. *Cat*.) и «Заговор Катилины» Саллюстия (Sall. *Cat*., далее Sall.). О цели написания последнего сочинения см., напр.: [Дуров 1993: 55].

** Особенно интересно наблюдать за восприятием в целом отрицательного у обоих авторов образа Катилины тинейджерами и молодыми взрослыми. В 2014 г. учащиеся выпускного класса С.-Петербургской Классической гимназии попросили перевести на латынь песню «Hasta siempre, Comandante», сделав Катилину ее героем [Зельченко 2014].

*** Публий Клодий Пульхр и его банды действительно имели влияние на римский плебс, хотя и недолго. Историю его убийства можно прочитать у Цицерона в «Речи в защиту Милона».

**** Имена героев фильма (имя и фамилия, например, Гамильтон Красс) в данном докладе рассматриваться не будут, за исключением Цезаря К.

***** Стоит также отметить, что Адам Драйвер напоминает Катилину на знаменитом полотне «Цицерон разоблачает Катилину» Ч. Маккари (1880).

****** О нем см., напр.: [Утченко 1969: 30–51].

Замысел авторов фильма прост и прозрачен — они хотели добавить благополучия и некоторой витальности своему к финалу вполне положительному герою — а кто как не Гай Юлий Цезарь подходит на роль успешного лидера? Он учтет ошибки всех заговорщиков-неудачников и пусть и недолго, но будет единоличным правителем Рима, став родоначальником правящей династии.

Но, как и другие произведения, основанные на художественном переложении реальности, этот фильм способен как бы «действовать в обе стороны», т. е. добавить новые детали в наше восприятие древней истории — так, например, я никогда раньше не замечала, что у Цезаря были очень особые отношения со временем, о котором персонажи «Мегалополиса» охотно рассуждают по ходу действия, и главный герой даже может его загадочным образом останавливать. А Гай Юлий Цезарь всю жизнь как будто боялся не успеть что-то важное: в своих перемещениях по Галлии и прилежащим территориям он вечно куда-то спешит (Caes. *BG* I, 7, 1; 37, 3; 54, 2 etc.) * и не желает проводить освободившееся время в бездействии (e. g. *BG* IV, 20, 1). Возможно, что этим (кроме когнитивных способностей) объясняется и его привычка, которая является самой узнаваемой в его образе у современного обывателя: «сообщают, что он мог одновременно писать или читать и диктовать или слушать, и диктовать секретарям за раз по четыре письма на важные темы, а если не был занят чем-то еще, то и по семь писем» (Plin. *H. N.* VII, 25).

И действительно список деяний, которые он не успел свершить, занимает целые главы у римских историков… Этот человек, а не Катилина, мог бы сказать — «If you can't see a better future, BUILD ONE».

Литература

Дуров В. С. Художественная историография Древнего Рима. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1993.

Зельченко В. В. Catilina commendante (пер.). URL: https://610.ru/rest/lastrings/latinsongs.html#y2014 (дата обращения: 23.01.2025).

Утченко С. Л. Древний Рим. События. Люди. Идеи. М.: Наука, 1969.

Gaius Sallusti Crispi. Catilina, Iugurtha, Fragmenta Ampliora / ed. by A. Kurfess. Leipzig: Teubner, 1957.

* Светоний (*Iul.* 59, 1) сообщает о совершенно немыслимом случае: из-за спешки Цезарь пренебрег однозначно дурным предзнаменованием!

Ельченко Павел Григорьевич

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет;
ifsolad@gmail.com

ЧТО ЭТО БЫЛО? «ЭВРИСТИЧЕСКИЙ» ИМПЕРФЕКТ И ФИЛОСОФСКОЕ УДИВЛЕНИЕ В τὸ τί ἦν εἶναι АРИСТОТЕЛЯ

Ключевые слова: Античность, Аристотель, история философии, философская терминология.

Доклад представляет собой попытку экспликативной аппроксимации между двумя аристотелевскими категориями: онтологической (τὸ τί ἦν εἶναι) — с одной стороны, и психологической (θαυμάζειν) — с другой.

Такое сближение, насколько позволяет судить status quaestionis в области анализа формулы τὸ τί ἦν εἶναι до сих пор, публично во всяком случае, не осуществлялось интерпретаторами. При этом, как нам представляется, оно не просто возможно, но в некоторых отношениях напрашивается само собой.

Во-первых, обе категории имеют эпистемологическое измерение: τὸ τί ἦν εἶναι или внутренняя неизменная сущность вещи является конечным пунктом познавательного процесса, тогда как θαυμάζειν как состояние удивленной оздаченности — его отправным пунктом).

Во-вторых, они близко соседствуют по наиболее известным контекстам своего употребления: A и Z «Метафизики» при общей хронологической неоднородности всего текста, не разнесены между собой на разные этапы научно-биографического куррикулума Аристотеля.

В-третьих, с концептуальной точки зрения они имеют платоновские корни (τὸ τί ἦν εἶναι — плод онтологического эссенциализма, то есть подлинным бытием в вещи является его неизменная сущность; что до θαυμάζειν — традиционно грек дивится прекрасному, а философ, отражающейся в сенсибельном красоте интеллигибельного, то есть божественной прелести идей, которую, изумляясь, его припоминающая о своей сверхчувственной родине душа распознает в чувственно-воспринимаемых вещах. Причем эти самые, явленные вещи даже не должны быть обязательно прекрасными, поскольку вне зависимости от всяких эстетических критериев, все что, есть ipso facto выражает идею бытия, то есть совпадающую с благом идею идей. Для Аристотеля это значит, что область интересов философа не ограничивается только достойными познания, абстрактными, «возвышенными» предметами или априорными категориями и простирается от копошащихся в земле червей до обращающихся в эфире небесных тел.

В-четвертых, — и по отношению к этому ключевому для нашего рассмотрения пункту предыдущие три можно считать подводящими или подкрепляющими — аристотелевское θαυμάζειν, как мы в общих чертах только что его обрисовали, позволяет иначе взглянуть на центральный для анализа конструкции τὸ τί ἦν εἶναι вопрос интерпретации имперфекта ἦν.

Опыту новой интерпретации предшествует краткий обзор основных исторически сложившихся подходов к интерпретации термина τὸ τί ἦν εἶναι. В техническом философском обиходе эта аристотелевская формула является своего рода концептуальным иероглифом — в том смысле, что для того, чтобы понимать, что под ней имеется в виду, не обязательно знать, как она устроена. Традиционно эту субстантивированную конструкцию принято рассматривать как более сложный эквивалент понятия οὐσία, «сущность», то есть то, что отвечает на вопрос τί ἐστίν («что это?» / букв. «что есть?») и является необходимым качеством, отличающим одну вещь от другой.

Попытки проанализировать τὸ τί ἦν εἶναι и восстановить языковые нюансы аристотелевской мысли предпринимались уже античными комментаторами (например, Александ Афродисийский в комментарии к «Метафизике).

При этом отправной для большинства современных исследователей стала интерпретация Фридриха Тренденбурга, который, во-первых, обозначил имперфект ἦν как ключевую проблему аристотелевской терминологии в конструкции τὸ τί ἦν εἶναι, а во-вторых, высказал нашедшую авторитетных сторонников и в свою очередь опирающуюся на идеалистическую (гегельян-

скую) онтологию точку зрения, что понятие как основание бытия предшествует материальному становлению в материи.

Оставляя за скобками спекулятивные подходы в духе Хайдеггера, в докладе мы отметим вторую линию интерпретации — коллоквиальную в том смысле, что рассматривать конструкцию τὸ τί ἦν εἶναι как осложненный синтаксически (о механизме субстантивации в этом случае мы еще скажем отдельно) разговорный имперфект.

Такую интерпретацию мы встречаем уже в комментарии к «Топике» Александра Афродисийского.

Рассмотрев два магистральных подхода к анализу τὸ τί ἦν εἶναι, а также иллюстрирующие их контексты из древних авторов, мы предложим собственный вариант перевод аристотелевской формулы: «*бытие, состоящее в том, чтобы быть тем, чем вещь [оказывается] всегда была*». Была до того, как мы узнали ее сущность, то есть ее правильно определили, была даже когда мы, возможно, на ее счет заблуждались — была, продолжает и продолжит быть.

Именно это «было», при котором как бы незримо присутствует удивленное «оказывается», мы и предлагаем называть «эвристическим имперфектом» — таким образом, в τὸ τί ἦν εἶναι философское удивление (θαυμάζειν) обнаруживает в качестве своей действующей причины соответствующий, то есть философский объект — внутреннюю неизменную сущность вещи, то, чем на самом деле, оказывается, всегда было то, что только думали, что знаем.

Литература

Burnet J. (ed.). Platonis opera. Vol. 1. Oxford: Clarendon Press, 1900.

Commentaria in Aristotelem Graeca. Berlin: Akademie der Wissenschaften, 1881.

Ross W. D. (ed.). Aristoteles et Corpus Aristotelicum Phil., Metaphysica. Oxford: Clarendon Press, 1924.

Trendelenburg A. Geschichte der Kategorienlehre. Hildesheim: Olms, 1979.

Казанская Мария Николаевна

канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет;
ст. научный сотрудник, Институт лингвистических исследований РАН;
mkazanskaya@spbu.ru, subura@mail.ru

ВЫРАЖЕНИЕ LONGUS HELLESPONTUS У ОВИДИЯ

Ключевые слова: Геллеспонт, Овидий, Гомер, корректирующая аллюзия, александрийская филология.

У Овидия Геллеспонт получает определение longus «длинный» несколько раз: один раз в *Метаморфозах*: longus in angustum qua clauditur Hellespontus «там, где закрывается, <вливаясь> в узкое место, длинный Геллеспонт» (Ov. *Met*. 13, 407); и трижды в *Фастах*: при перифразе Геллеспонта, longaque Phrixeae stagna sororis «длинные топи Фриксовой сестры» (Fast. 4, 278); perque urbes Asiae longum petit Hellespontum «и через города Азии стремится к длинному Геллеспонту» (Ov. *Fast*. 4, 567); и уже практически как постоянный эпитет Геллеспонта longus фигурирует еще раз в перифрастическом обозначении Приапа как «бога длинного Геллеспонта», longi deus Hellesponti (Ov. *Fast*. 6, 341). На первый взгляд, выбор определения longus «длинный» соответствует узкой и вытянутой форме пролива, и потому не вызывает вопросов; но, учитывая тенденцию Овидия к варьированию и тщательному подбору эпитетов, многократное использование настолько банального определения представляется странным (эта странность не отмечается в комментариях).

В своем докладе я высказываю предположение, что за использованием эпитета longus применительно к Геллеспонту стоит «корректирующая аллюзия» на Гомера, т. е. тот тип аллюзии, который Р. Томас называет correction [Thomas 1986: 185–189], как специфическую разновидность oppositio in imitando, исследованную, в частности, [Giangrande 1967].

В гомеровских поэмах в трех случаях Геллеспонт сопровождается достаточно неожиданным эпитетом πλατύς: ὅφρά ἑ ταρχύσωσι κάρη κομόωντες Ἀχαιοί, / σῆμά τέ οἱ χεύωσιν ἐπὶ πλατεῖ Ἑλλησπόντῳ «чтобы его похоронили ахейцы с головой, украшенной длинными волосами, и насыпали ему надгробный холм у широкого Геллеспонта» (*Il*. 7, 85–86; ср. *Il*. 17, 432–434) и ἀμφ᾽ αὐτοῖσι δ᾽ ἔπειτα μέγαν καὶ ἀμύμονα τύμβον / χεύαμεν Ἀργείων ἱερὸς στρατὸς αἰχμητάων / ἀκτῇ ἔπι προὐχούσῃ, ἐπὶ πλατεῖ Ἑλλησπόντῳ «и мы, священное войско аргивян-копейщиков, насыпали им великий и безупречный надгробный холм, на выступающем берегу у широкого Геллеспонта (*Od*. 24, 80–82). В древнегреческом прилагательное πλατύς в большинстве контекстов обозначает «широкий и плоский» (в противоположность εὐρύς со значением только «широкий»; в других индоевропейских языках πλατύς родственно Lit. platus «широкий», Skt. pr̥thu- «широкий»). Однако в прозаических памятниках встречается несколько употреблений πλατύς для характеристики соленой воды: ср. σπανίζοντες ὑδάτων πλατυτέροισι ἐχρέωντο τοῖσι πόμασι, ἐκ φρεάτων ἀρυόμενοι, «ощущая нехватку воды, использовали более соленое питье, черпая его из колодцев» (Hdt. 2, 108); ὅθεν μὲν οὖν ἡ γένεσις ἔνεστιν τοῦ ἁλμυροῦ ἐν τῷ ὕδατι, εἴρηται. καὶ διὰ τοῦτο τά τε νότια ὕδατα πλατύτερα… «откуда берет начало соленость воды, уже сказано. И из-за этого южные воды более солены…» (Aristot. *Meteor*. 358b), ἔν τε γὰρ τῇ Χαονίᾳ κρήνη τίς ἐστιν ὕδατος πλατυτέρου, ἀπορρεῖ δ᾽ αὕτη εἰς ποταμὸν πλησίον γλυκὺν μέν, ἰχθῦς δ᾽ οὐκ ἔχοντα… «и в Хаонии есть какой-то источник солоноватой воды, и он же течет в близлежащую реку — пресную, но не имеющую рыбы» (Aristot. *Meteor*. 359a).

В современной лингвистике это второе употребление πλατύς объяснялось по-разному: либо существованием в праязыке отдельного корня со значением «острый, резкий (на вкус или запах)» [de Lamberterie 1990: I, 457–463; cf. Chantraine 1968–1977: 913, s.v. 2 πλατύς], который в древнегреческом привел к появлению омонима к πλατύς «широкий и плоский»; либо реинтерпретацией гомеровского выражения πλατὺς Ἑλλήσποντος как отсылающего к вкусу (химическому составу) морской воды, а не форме пролива, что было исходным его значением [Heubeck 1958; Beekes 2010: 1205 s.v. πλατύς 2].

С точки зрения античных читателей, комментаторская традиция к Гомеру показывает, что πλατὺς Ἑλλήσποντος понимался именно как «широкий Геллеспонт», и что определение «широкий» применительно к известному своей узостью проливу представляло проблему для филологов: так, Евстафий (*in Il.* 7, 86 = vol. II, 408 van der Valk), а также схолии Venetus A (*in Il.* 7, 86) указывают, что πλατύς характеризует не весь Геллеспонт, а лишь более широкую его часть; а одна из глосс Гезихия (Hsch. ε 2158), похоже, сохраняет попытки идентифицировать Ἑλλήσποντος с одной из рек неподалеку от побережья.

Альтернативным решением для выражения πλατὺς Ἑλλήσποντος могло стать предположение о неточном употреблении эпитета πλατύς у Гомера. Как представляется, есть возможность восстановить две попытки скорректировать эту катахрезу в литературе (примечательно, что обе восходят к римской эпохе). Во-первых, Дионисий Периэгет в *Описании Ойкумены* при одном из упоминаний Геллеспонта сопровождает пролив эпитетом «великий», ὑπὲρ μέγαν Ἑλλήσποντον «над великим Геллеспонтом» (Dion. Per. 821): как кажется, эпитет призван скорректировать гомеровский эпитет πλατύς, предлагая увидеть за ним отсылку к величественности пролива. И во-вторых, Овидий в целом ряде пассажей дает Геллеспонту определение longus «длинный», словно предлагая взглянуть на пролив с другой перспективы — не с точки зрения ширины переправы, а с точки зрения вытянутой формы пролива, тянущегося от Эгейского до Мраморного моря.

Литература

Giangrande G. Arte allusiva and Alexandrian Epic Poetry // The Classical Quarterly. 1967. Vol. 17, no. 1. P. 85–97.

Heubeck A. Griech. πλατύς ‘salzig’ // Glotta. 1958. Bd. 37. Nr. 3/4. S. 258–260.

de Lamberterie Ch. Les adjectifs grecs en -υς : sémantique et comparaison. T. I–II. Louvain-la-Neuve: Peeters, 1990.

Thomas R. F. Virgil’s Georgics and the Art of Reference // Harvard Studies in Classical Philology. 1986. Vol. 90. P. 171–198.

Каргальцев Алексей Витальевич

канд. ист. наук, ст. преподаватель,
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена;
kargaltsev@gmail.com

«СТРАСТИ СВ. МАММАРИЯ» КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Ключевые слова: раннехристианская агиография, «Страсти Св. Маммария», историография, времена гонений.

«Страсти святого Маммария» (Passio sancti Mammarii, BHL 5205–5206) — один из сложнейших с точки зрения структуры и достоверности североафриканских агиографических памятников, который практически не упоминается в русскоязычной историографии. Текст представляет собой напластование нескольких агиографических источников, собранных редактором, вероятно, в конце IV в., и дополненных рядом фантастических подробностей. История исследования данного памятника довольно продолжительна, хотя и не очень насыщена. Как охарактеризовал его П. Монсо, это «поздний сборник, в котором в бессвязном изложении объединены подлинные предания о временах гонений в нескольких нумидийских городах, создание которого некоторые относят к началу IV в.» [Monceaux 1911: 7]. Подобную точку зрения разделяли и другие учение в XX в., поэтому «Страсти» долгое время не переиздавались и всерьез не исследовались. Большой вклад в изучение памятника внесла современная исследовательница С. Фиалон, которая заново проанализировала текст и подготовила его критическое издание для своей докторской диссертации и монографии [Fialon 2018]. Наконец, отдельные детали «Страстей» были нашли отражение в новейшей работе Я. Банаджи [Banaji 2024: 379]. Можно сказать, что в современной историографии отношение к памятнику начинает меняться, и он все чаще становится объектом для изучения. Действительно, ряд исторических деталей «Страстей» заслуживают внимания. Автор сообщает, что св. Маммарий пострадал в период гонения Валериана (257–258 гг.). Текст открывается традиционным для агиографических трудов сообщением, об издании антихристианского эдикта Валерианом и Галлиеном, однако детали его, очевидно, неточны. Сведения о гонителе христиан проконсуле Анолине, очевидно, неверны. Гай Анний Ануллин действительно был проконсулом в Африке в период Великого гонения Диоклетиана в 302–305 гг., благодаря чему его имя фигурирует в «Актах Максимилиана» или «Мученичестве Максимы, Секунды и Донатиллы». Более того в «Актах Киприана» и его «Житии» даются точные сведения об африканских проконсулах середины III в. Эта неточность в страстях позволяет, на наш взгляд, отнести время его написания на конец IV в. Проконсул отправляет для розыска христиан препозита Александра с солдатами для розыска христиан. Это практически точно совпадает со сведениями из «Страстей Мариана и Иакова», где говорится, что преследованием верующих в Нумидии занимались именно военные власти (Pass. Marian. et Iac., 2, 4). В города Вага, древней нумидийской столице и римской колонии со времени Септимия Севера, ими и был обнаружен престарелый Маммарий, который исповедал свою веру и раскрыл местоположение других христиан. В результате большую группу пойманных верующих доставляют в Ламбезис, где над ними производится дознание, что также совпадает со сведениями «Страстей Мариана и Иакова» (Pass. Marian. et Iac., 9, 5). Там христианские герои также исповедуют свою веру. Допрос их не содержит ничего необычного для аутентичной агиографической традиции. Наместник уговаривает их отречься, призывает принести жертвы, верующие стойко держатся своего исповедания и отказываются почтить императоров. Далее следует суд над самим Маммарием и его товарищами, где пересекаются как достоверные, так и фантастические вещи. С одной стороны, проконсул следует процедуре, уточняет возраст святого и вновь принести жертвы, с другой, приказывает сдирать с верующих кожу и пытать их огнем. На этом мучения христиан не заканчиваются, поскольку они снова оказываются в тюрьме, где происходит пожар, но огонь ничуть не вредит им, проконсул приказывает жарить христиан на решетке и подвергать их другим страданиям. Наконец верующие получают свой приговор — усекновение мечом, кото-

рое и происходит в безлюдной горной местности, что также совпадает со сведениями аутентичной традиции. Из всего этого можно предположить, что оригинальные истории страстей нескольких христианских героев были объединены и дополнены поздними фантастическими подробностями, большая часть которых приходится на середину текста. Подводя итог можно заключить, что страсти следует отнести к достаточно поздней традиции, благодаря чему в тексте и появились многочисленные неточности, однако при этом они опираются, на наш взгляд, на ту часть раннехристианской агиографии, которая не сохранилась до нашего времени и по этой причине представляют несомненный интерес как исторический источник.

Литература

Banaji J. A Marxist Mosaic. Selected Writings 1968–2022. Leiden; Boston: Brill, 2024.

Fialon S. Mens immobilis: recherches sur le corpus latin des actes et des passions d Afrique romaine (IIe–VIe siècles). Collection des études augustiniennes. Paris: Institut d'Études Augustiniennes, 2018.

Monceaux P. Timgad chrétien // École pratique des hautes études, Section des sciences religieuses. Rapport sommaire sur les conférences de l'exercice 1910–1911 et le programme des conférences pour l'exercice 1911–1912. Paris: Imprimerie Nationale, 1911. P. 1–78.

Кузнецова Наталья Андреевна

мл. научный сотрудник, Институт лингвистических исследований РАН;
ku02@yandex.ru

ОПИСАНИЕ ПРОВОКАЦИИ К НАРОДУ (PROVOCATIO AD POPULUM) В ЛАТИНСКИХ И ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ: ЛЕКСИКА, ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ключевые слова: апелляция, провокация к народу, древнегреческая лексика.

Провокация к народу (*provocatio ad populum*) — требование пересмотра смертного приговора и некоторых телесных наказаний, назначенных римским магистратом, адресованное суду народного собрания. Римские авторы нередко упоминают провокацию как одно из важнейших прав римского гражданина, ограничивавшее произвол власти и гарантировавшее — пусть косвенным образом — сохранение республиканского правопорядка.

Несмотря на сравнительно большое количество упоминаний у латинских авторов (прежде всего, Цицерона и Ливия, а также в Дигестах) и на все усилия исследователей, с провокацией связан ряд нерешенных вопросов: время возникновения этого института, реконструкция процедуры, область применения, — все это остается предметом научной дискуссии до сих пор (см., напр.: [Kuznetsova 2020]).

Естественным образом изучение провокации по большей части относится к истории римского права эпохи республики и основано главным образом на соответствующих латинских источниках. Древнегреческие источники — в первую очередь, Дион Кассий, Дионисий Галикарнасский, некоторые «Жизнеописания» Плутарха, — привлекают внимание исследователей в той мере, в которой дополняют и проясняют латинских авторов. На сегодня можно сказать, что все важнейшие упоминания провокации у античных авторов неоднократно и вполне исчерпывающе рассмотрены в научной полемике. Однако остаются и некоторые свидетельства, до сих пор не получившие достаточного освещения. До сих пор нет работы, которая давала бы систематический обзор всех упоминаний провокации у античных авторов. Для латинских источников хороший результат дает отбор релевантных контекстов употребления производных от основы *provoc-* с помощью программы Musaios, а также соответствующих статей в [*Thesaurus Lingvae Latinae* 10.2.2, 2006: 2349–2359]. Главную трудность здесь создает многозначность слов *provocare* и *provocatio*, — особенно те случаи, когда этими словами обозначается другой, более поздний институт, — апелляция к цезарю [*Thesaurus Lingvae Latinae* 2350.39-75; 2357 sq.]. С древнегреческими источниками дело обстоит сложнее. Отправную точку для поисков составляет просмотр исторических сочинений, описывающих те события, в связи с которыми провокация упомянута в латинских источниках, например, “Римские древности” Дионисия Галикарнасского, которые хорошо сопоставляются с первой декадой *Ab Urbe condita* Ливия.

Уже беглое сопоставление упоминаний провокации у древнегреческих авторов показывает, что латинские *provocatio (ad populum), provocare (ad populum)* могут передаваться разными способами. Так, у Дионисия Галикарнасского можно встретить *προκαλέω* и *ἔφεσις*, у Диона Кассия — *ἐφίημι*, у Зонары — *δίκη ἐφέσιμος* (букв. «суд вследствие обращения к народному собранию») и выражение ἐς δὲ τὸν δῆμον *ἔκκλητον* αἰτήσας «обратившись к народному собранию». Здесь можно отметить, что такие слова как *προκαλέω, ἐφίημι* и производные от них могут употребляться в значении «апеллировать / апелляция к суду какой-либо инстанции” [Liddel-Scott-Jones 1996 s. v. *προκαλέω* I. 4; s. v. *ἐφίημι* A. IV; s. v.]. В специализированном словаре греческой лексики, описывающей римские институты, встречаются несколько терминов для апелляции: *ἐκκαλέομαι* (и производные от него *ἔκκλησις; ἔκκλητος*) [Mason 1974: 42]; *ἐφέσιμος* [Mason 51]; — как мы видели выше, эти слова иногда употребляются и применительно к провокации, однако Х. Мейсон такие контексты не отмечает. Такой выбор слов в древнегреческих источниках можно объяснить двумя причинами: во-первых, как мы видели, латинское *provocare* тоже может употребляться применительно к апелляции; во-вторых, по-видимому, в древнегреческом не

было устоявшегося термина для римской провокации к народу, а потому каждый автор подбирал такие слова, которые сделали бы описываемое явление понятным для древнегреческого читателя.

Последнее обстоятельство делает древнегреческие источники особенно интересными для исследования: можно надеяться, что хорошо знакомые с реалиями древнего Рима авторы — Дионисий Галикарнасский, Дион Кассий, Плутарх, — описывая для читателя суть происходившего, более или менее верно описали суть законов о провокации, юридические и общественные институты, а также ту процедуру, которая должна была происходить после провокации. Т. о., мы предполагаем — с определенной осторожностью, — что с помощью еще не привлекавшихся к дискуссии греческих источников можно попытаться пролить свет на нерешенные вопросы, связанные с правом провокации. В частности, описание *контекста* и наиболее часто встречающихся при упоминании провокации слов может, с одной стороны, уточнить наше понимание того, как древнегреческие авторы понимали и описывали римские реалии. С другой стороны, есть некоторые случаи, где провокация упомянута в латинской традиции, но не упомянута в греческой (*e. g.* Dion. Hal. *Ant. Rom.* 3, 22, 6; *cf.* Liv. 1, 26, 6–8); в некоторых из этих случаев древнегреческие источники упоминают детали, которые встречаются в описаниях провокации. Сопоставление таких случаев позволяет ставить вопрос о том, какие варианты римской традиции служили источником для того или иного греческого автора и насколько обоснованно предположение, что и здесь древнегреческий автор подразумевает право провокации, не называя его прямо.

Наконец, изучение лексики, часто употребляемой при описании провокации, служит основой для дальнейшего поиска: описание таких словоупотреблений может в случае удачи пополнить список известных упоминаний провокации новыми источниками.

Литература

A Greek-English Lexicon / comp. by H. G. Liddell and R. Scott; rev. and augm. by H. St. Jones. Oxford: Clarendon Press, 1996.

Funari R. Provocabilis — provocatorius // TLL. Vol. 10. Pars 2. Sectio 2. [S. l.]: De Gruyter, 2006. Coll. 2349–2342.

Kuznetsova N. Ciceros Kritik an dem Antonischen Provokationsgesetz // Hyperboreus. 2020. Vol. 2. 26. Fasc. 2. P. 254–272. URL: http://www.bibliotheca-classica.org/sites/default/files/26-2_Kuznetsova_doi.pdf (дата обращения: 20.12.2024).

Mason H. J. Greek Terms for Roman Institutions: A Lexicon and Analysis. Toronto: Hakkert, 1974. (American Studies in Papyrology; 13).

Spoth F. Provoco // TLL. Vol. 10. Pars 2. Sectio 2. [S. l.]: De Gruyter, 2006. Coll. 2352–2359. URL: https://thesaurus.badw.de/tll-digital/tll-open-access.html (дата обращения: 20.12.2024).

Лоскина Мария Алексеевна

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет;
deinalteramille@gmail.com

КОНСТРУКЦИЯ FORE UT VS INFINITIVUS FUTURI PASSIVI У ЦИЦЕРОНА

Ключевые слова: латинский язык, Цицерон, таксис, fore ut, Infinitivus futuri passivi.

Доклад посвящен исследованию конструкции fore ut, которая регулярно встречается как альтернатива Infinitivus futuri, примеры (1–2).

(1) huius me constantiae puto **fore ut** numquam **paeniteat** (Cic. Fam. 2.16.3)
«думаю, что я не буду раскаиваться в этом постоянстве».

(2) ut dixi… numquam **fore ut** atomus altera alteram **posset** attingere (Cic. Fin. 1.19)
«как я сказал… никогда не будет так, чтобы мог один атом коснуться другого».

В некоторых случаях ее выбор связан с тем, что у глагола нет основы супина, и она выступает в качестве перифрастического варианта, заменяющего инфинитив. Однако более интересным представляется ее использование с глаголами, у которых есть супин, а следовательно, возможно образование Infinitivus futuri. Более того, большинство случаев представляют собой именно такое — свободное — использование, позволяющее предположить, что она служит в первую очередь для другой цели.

Вплоть до конца XIX в. не проводилось исследований с целью выяснить причины, по которым вместо инфинитива может быть выбрана конструкция fore ut. Первая работа в этой области — «De futuri infinitivi usu latinorum, quaestiones duae» [Sjöstrand 1892] — практически целиком состоит из статистики использования инфинитивов и конструкции fore ut у авторов — таблиц и списков мест. Изучение конструкции существенно продвинулось благодаря работам Стивенса о синтаксических, семантических и прагматических ограничениях, которые имеет употребление fore ut [Stephens 1989; Stephens 1990; Stephens 1991].

Стивенс уделяет основное внимание активному залогу. Пассивный залог он в большинстве случаев не берет в расчет, поскольку, с его точки зрения, случаи с пассивными глаголами менее пригодны для выявления ограничений и обусловливающих факторов ввиду относительно ограниченного набора глаголов, с которыми используется Infinitivus futuri passivi, а также ввиду дополнительных семантических и прагматических переменных, вовлеченных в пассивный диатезис [Stephens 1989: 609]. В данном исследовании мы поставили перед собой задачу заполнить этот пробел и рассмотреть соответствующие синтаксические конструкции в пассивном залоге.

Исследование проводилось с помощью компьютерной базы данных PHI-5. Мы ограничили корпус примеров текстами Цицерона, поскольку именно в них сохранилось наибольшее число этих форм. К тому же, такой материал позволяет провести исследование в рамках языка одного автора. В научной литературе упоминается разное количество Inf. futuri passivi у Цицерона, оно зависит от учета спорных мест. Мы ввиду своей исследовательской задачи не берем в расчет инфинитивы из писем, которые входят в корпус Цицерона, но написаны не им. В случае с конструкцией fore ut мы опустили два места, где ее использование можно объяснить отсутствием супина у глагола, и один случай из письма, написанного не Цицероном. Наша выборка включает 53 инфинитива и 27 придаточных с fore ut.

Рассмотрев получившуюся выборку, мы выявили тенденции, связанные с альтернативным использованием инфинитива и конструкции, и некоторые их семантические различия. Набор глаголов, которые встречаются у Цицерона в виде Inf. futuri passivi и в зависимой от fore ut предикации, не пересекается за редким исключением в виде частотных глаголов (*agere, dare, videre*). В инфинитиве большинство из них означают однократное действие — это бывает обусловлено как их собственным значением, так и контекстом. Например:

(3) Qui thesaurum **inventum iri** aut hereditatem venturam dicunt, quid sequuntur? (Cic. Div. 2.18)
«Чему следуют те, кто говорит, что будет найден клад или придет наследство?»

Это и такие инфинитивы как *occisum iri, trucidatum iri, iugulatum iri* (в пассиве особенно очевидна однократность), а также *absolutum iri, condemnatum iri, decretum iri, datum iri, spoliatum iri, probatum iri* etc. Для глаголов, которые зависят от fore ut, сложнее сделать вывод по этому признаку, тем не менее, использование придаточных с fore ut для обозначения действий, которые будут длиться, можно назвать регулярным.

(4) …intellexit, si hunc subditivum archipiratam in eandem custodiam dedisset, **fore ut** a multis in lautumiis verus ille dux **quaereretur** (Cic. Verr. 2.5.69)
«…понял, что если он заточит в ту же тюрьму подставного архипирата, то (будет так, что) многими будет разыскиваться в каменоломнях настоящий предводитель».

Инфинитив встречается преимущественно в тех случаях, когда есть или были достаточные основания полагать, что то или иное событие произойдет. На это указывает, в том числе, статистика управляющих глаголов, поскольку в случаях с инфинитивом они чаще обозначают высокую степень уверенности. В свою очередь, конструкция fore ut регулярно появляется, когда речь идет о событии, на которое надеялись или рассчитывали, но оно не произошло, а также при передаче мнения третьих лиц о будущем. Сравним два примера:

(5) Ita si neque adhuc consumpta est ista pecunia et **est perspicuum non consumptum iri**…
(Cic. Verr. 2.2.142)
«Итак, если эти деньги не истрачены до сих пор и, очевидно, не будут истрачены…»

(6) …se sperare dixerunt, si illud signum quod videtis solis ortum et forum curiamque conspiceret, **fore ut** ea consilia quae clam essent inita contra salutem urbis atque imperi **inlustrarentur** ut a senatu populoque Romano perspici possent (Cic. Cat. 3.20)
«…они говорили, что надеются, что если эта статуя, которую вы видите, будет смотреть на восход, на форум и на курию, то (будет так, что) замыслы, тайно задуманные против благополучия Рима, будут разоблачены и станут ясны сенату и римскому народу».

Таким образом, мы можем заключить, что выбор инфинитива или конструкции fore ut зависит преимущественно от аспектуальных характеристик глагола зависимой предикации и от степени эпистемической поддержки этой предикации. В дальнейшем мы планируем проверить выявленные нами тенденции на материале текстов других авторов.

Литература

Sjöstrand N. De futuri infinitivi usu latinorum, quaestiones duae. Lund: H. Möller, 1892.

Stephens L. D. The Latin construction fore/futurum (esse) ut(i): Syntactic, semantic, pragmatic, and diachronic considerations // American Journal of Philology. 1989. Vol. 110. P. 597–627.

Stephens L. D. The development of fore/futurum ut from Ovid to Festus: A study in semantic change and its basis in discourse situation // American Journal of Philology. 1990. Vol. 111. P. 513–542.

Stephens L. D. On the modal semantics of the Latin construction fore/futurum (esse) ut(i) // Indogermanische Forschungen. 1991. Vol. 96. P. 75–95.

Черемных Ксения Георгиевна
канд. филол. наук, специалист, Челябинск

ЛАТИНСКИЕ ПРОИЗВОДНЫЕ ОТ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ОСНОВЫ *SEM- В КОНТЕКСТЕ ЕЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ

Ключевые слова: индоевропейский праязык, латинский язык, семантическая эволюция, синкретизм.

Цель нашего сообщения — рассмотреть историю латинских производных от индоевропейской основы *sem- в контексте её семантической эволюции.

В работе представлена реконструкция самой семантической эволюции основы *sem-, объясняются причины возникновения вариантов данной основы, приводится классическая точка зрения на историю латинских производных (точка зрения А. Вальде и И. М. Тронского) и предлагается альтернативный взгляд на их историю, изложенный в контексте семантической эволюции исследуемой основы.

Итак, основа *sem- имеет следующие варианты: **sem-/*sēm-/*som-/*səm-/*sm̥-*. В результате нашего исследования мы выяснили, что между этими вариантами существуют генетические связи, по которым можно определить направление семантической эволюции данной основы: **sem- > *sēm- > *səm- > *sm̥-*.

Ступень *som- образовалась также от *səm-, но производные от неё в латыни отсутствуют, поэтому в данной работе мы её не рассматриваем.

Семантическая эволюция основы на первом этапе связана с метонимическим переносом по типу «целое — часть»: пара — название части пары. Этот семантический сдвиг привёл к развитию синкретсемии: *sems начинает одновременно обозначать и саму пару, и её часть (включая количество предметов, эту часть образующих). Затем у *sems в семантическом поле образовавшегося синкрета формируется новое синкретичное значение, близкое понятию «половина». Развитие у *sems в Nom. sg. продлённой ступени **sēm* (по закону Семереньи) предоставило материальную базу для отделения синкрета «половина». Это привело к возникновению оппозиции **sems — пара > *sēm — половина*. Благодаря этому процессу сформировалось дейктическое поле: возникла ситуация сопоставления исходной пары и отделившейся части, а также ситуация сопоставления двух частей пары между собой (чтобы сравнить, надо указать на то, с чем сравниваешь). Вследствие данного процесса проявилось самостоятельное значение «половина», которое выделилось из содержания синкрета *sēm. Сохранившиеся элементы данного синкрета образовали новый синкрет на основе значений «тождественный (равный, подобный)», «совместный», «один». Отвлечённый характер этих признаков привёл к прономинализации *sēm и возникновению на её базе первичной местоимённой частицы **səm* в контексте сформировавшегося ранее дейктического поля.

Эта частица функционировала как наречие, частица (прообраз служебных слов) и местоимение (о функциональных особенностях таких частиц упоминается в исследовании [Майтинская 1969: 39, 281]). Иными словами, **səm* был свойственен грамматический синкретизм.

Затем **səm* видоизменилась в **sm̥*, что объясняется следующим процессом: наличие при сонорном согласном редуцированного звука приводило к появлению слогового сонанта: **ə + *m > *m̥*. Таким образом, **səm > *sm̥*.

Здесь надо пояснить, что редуцированный в **səm* появился вследствие сокращения долгого гласного, вызванного перемещением ударения (подробнее об этом процессе возникновения редуцированного см.: [Семереньи 2002: 126–127]).

В латыни сохранились следующие производные от основы *sem-: semel (однажды, один раз), semper (всегда, постоянно), similis (подобный, похожий), simplex (простой, несдвоенный), simul (I одновременно, II вместе, III как только, лишь), simplum (несдвоенное), simplus (одиночный), singularis (отдельный, одиночный), singulī (по-одному), singulus (одиночный, единичный), sēmis (половина), sēmi- (полу-).

А. Вальде [Walde 1956: 511, 513, 538, 540, 541, 544] и И. М. Тронский [Тронский 2001: 400] возводят эти производные к нормальной ступени *sem-.

Здесь надо отметить, что И. М. Тронский не включает *sēm- в значении «половина» в семантическое пространство данной основы, но А. Вальде упоминает производные, восходящие к *sem-, в словарной статье о префиксе sēmi- [Walde 1956: 512–513].

В санскрите сохранилось наречие *sadā* со значением «всегда», восходящее к ступени со слоговым сонантом, которая оформилась изначально в местоимённой частице **sm̥* (о ней мы писали выше). Почему бы не допустить, что латинское наречие *semper* с тем же значением восходит к этой частице, ведь в латыни **m̥* > *em* перед согласным [Семереньи 2002: 59]? С этой точки зрения можно по-другому посмотреть на историю всех представленных выше латинских производных (кроме sēmis и sēmi-).

Итак, *semper* < **sm̥-**p**er.* Следовательно, очевидно, что s*implex* (e > i перед pl) < **sem-plex* < **sm̥-**p**lex* (аналогично видоизменялась *sm̥ в *simplum* и *simplus*), а также *semel* < **sem-li-s* [Тронский 2001: 400] < **sm̥-**l**o-s* и *singulus* (e > i перед ng) < **sen-gu-lu-s* (m > n перед g) < **sem-go-lo-s* (реконструкция на основе данных [Walde 1956: 544; Тронский 2001: 400]) < **sm̥-**g**o-lo-s* (аналогично видоизменялась *sm̥ в *singularis* и *singulī*).

Кроме того, с этой точки зрения можно иначе взглянуть и на архетипы *similis* и *simul*:

1) *similis* < **semilis* < **sem**e**los* ([Walde 1956: 539], по А. Вальде, гласный **e* развился в интерконсонантной позиции) < **sm̥-**l**o-s*;
2) *simul* < **simule* < **simulis* < **semulis* < **sem**o**los* (реконструкция на основе данных [Walde 1956: 541], гласный **o* развился в интерконсонантной позиции) < **sm̥-**l**o-s*.

Наш подход позволяет объяснить ряд семантических и грамматических особенностей данных производных:

1. Частица *sm̥ сформировалась на базе первичной местоимённой частицы *səm, восходящей к *sēm с синкретичным значением «половина». Половина — это *одна* из двух частей, отделённая от целого. Части этого целого между собой *тождественны, равны* или *подобны* друг другу и *связаны* между собой (сосуществуют или употребляются *вместе*). Именно эти значения закрепились в виде синкрета за *sm̥ и распределились в латыни в значениях соответствующих производных (*similis* — подобный, похожий, *simul* — вместе, *simplus* — одиночный).
2. Частица *sm̥ унаследовала от *səm грамматический синкретизм. В латыни следы этого синкретизма частично сохранились в омонимии слова *simul* (это слово может быть и наречием, и союзом).
3. В латыни сохранились следы распавшегося семантического синкретизма частицы *sm̥. Это подтверждается тем, что *similis* и *simul* восходят к одному архетипу.
4. Наречие *semper* в своём значении содержит семы «непрерывность, целостность». На наш взгляд, это наследие синкрета *sems, возникшего в результате метонимического переноса: слово *sems называло и саму пару, и такую часть пары, которая больше делению не подлежит — остаётся целой. Это в дальнейшем и привело к развитию у ступени *sem- значения «один», то есть такой, который больше не делится. А на базе *səm сформировалось значение «один», относящееся к счёту (один из двух). Иными словами, значение «один», которое возникло в семантическом пространстве основы *sem-, имело и разное происхождение, и разную структуру.

Литература

Майтинская К. Е. Местоимения в языках разных систем. М.: Наука, 1969.

Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание. М.: УРСС, 2002.

Тронский И. М. Историческая грамматика латинского языка. М.: Индрик, 2001.

Walde A. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg: C. Winter, 1956.

Чернышева Влада Александровна

ассистент, Санкт-Петербургский государственный университет;
v.chernysheva@spbu.ru

IMPLERE И EXPLERE SENSUM: ПОЛНОЗНАЧНОСТЬ И НЕПОЛНОЗНАЧНОСТЬ В ТЕКСТАХ ЛАТИНСКИХ ГРАММАТИСТОВ

Ключевые слова: римские грамматики, теория семантики, значение слова, полнозначные слова.

В рамках доклада анализируется представления латинских грамматистов о полноте выражения грамматических значений в высказывании и распределения их между словами. Данное исследование представляется актуальным в свете грамматики явных и скрытых категорий, а также теории семантики. Исходным пунктом послужил отрывок из грамматического сочинения Аудакса, в котором рассматриваются глагольные наклонения, а их ‘смысловая неполноценность’ выражается посредством глаголов *explere* (букв. ‘выполнять’) и *implere* (букв. ‘наполнять’):

(1) *Coniunctivus cur dicitur? Quia sine coniunctione aliarum orationum non implet sensum locutionis. si enim tantum dixero, ‘cum clamem’, pendet sensus et indiget ut compleatur; adicio ‘cum clamem, quare me tacere credis?’, ‘cum loquar, cur me silere dicis?’ ideo ergo coniunctivus modus dicitur, quia coniungit sibi alias elocutiones, ut expleat sensum* [Keil: 7, 344, 21–26].
«Почему зовется сослагательным? Потому что без соединения с другими высказываями, не делает смысл изречения полным. Ибо если скажу только *cum clamem*, смысл повисает и будет иметь необходимость в том, чтобы быть дополненным; добавляю *cum clamem, quare me tacere credis?, cum loquar, cur me silere dicis?*. Следовательно, зовется сослагательным наклонением потому, что присоединяет к себе другие высказывания, чтобы выражать смысл полно».

(2) *Infinitus cur dicitur? Quia non explet sensum nisi adiecta alia particula verbi, ut puta legere: pendet enim sensus: adicis volo vis vult et imples sensum, legere volo, legere vis, legere vult* [Keil: 7, 344, 26–29].
«Почему зовется неопределенным? Потому что не выражает смысл полно, если не добавлена другая форма глагола: например ‘читать’, ибо смысл повисает, — добавляешь ‘хочу’, ‘хочешь’, ‘хочет’ и делаешь смысл полным (‘хочу читать’, ‘хочешь читать’, ‘хочет читать’)».

(3) *Inpersonalis cur dicitur? Quia, nisi persona ex pronominibus adiecta fuerit, certam agentis personam non definit, ut legitur. quodsi adiciatur ex pronominibus persona, statim significatio eius expletur, ut legitur a me, a te, ab illo* [Keil: 7, 344, 29–32].
«Почему зовется безличным? Потому что, если лицо не добавляется из местоимений, не определяет точное лицо агенса, например, ‘читают’. Ибо если добавляется лицо из местоимений, тут же его значение выражается полно, например, ‘читается мной, тобой, им’».

Глаголу *implere* посвящена статья в словаре латинской грамматической лексики Саманты Шад [Schad 2007: 205]. У глагола выделяются следующие три значения: 1) выполнять функцию, 2) наполнять, делать полным, 3) ограничивать. Во втором значении приводятся три контекста употребления: 1) существительные и глаголы как единственные части речи, которые могут образовывать завершенное высказывание; 2) сослагательное наклонение, которое не может делать полным смысл высказывания; 3) наречия, делающие смысл глагола полным.

Как мы видим, остается без упоминания употребление термина в связи с инфинитивными и безличными формами, упомянутыми в отрывках (2) и (3) соответственно.

В словарной статье *implere* перечислены коллокации, в частности, с существительными *elocutio*, *locus*, *locutio, pars orationis*, *sensus*, *sententia*, *significatio*, *vix*, *vox* [Там же] с указанием мест. Кроме того, *implere* появляется в статьях *sensus* и *significatio* [Schad 2007: 356, 364].

Второй интересующий нас глагол *explere* появляется в списке коллокаций в статье *sensus* (приводятся 4 места), при этом отдельная словарная статья об употреблении этого глагола отсутствует.

С помощью подкорпуса латинских грамматических текстов в *Corpus corporum* нами были собраны все контексты употребления глагола *explere*. Во 2 лице данный глагол не засвидетельствован. Форма *explere* встречается 5 раз, *expletur* — 6, *expleat* — 2, *expleamus* — 1, *expleantur* — 1, *expleri* — 2, *explevit* — 1, explent — 1 (упоминание глагола в качестве грамматического примера не засчитывалось). По характеру источников контексты употребления данных словоформ связаны с метрикой, орфографией и грамматикой. Последние вызывают больший интерес в связи с приведенными пассажами (1) — (3).

Среди них можно выделить следующие контексты. Во-первых, это *expletivae coniunctiones* (5, Сервий, Помпей), наклонения (2, Аудакс), времена (1, Консенций), падежи (1, Консенций), лица местоимений (1, Сервий), а также метаплазм (1, Помпей). Более того, встречается пассаж из комментария Сервия к *Ars maior* Доната, где, как и в примерах (1) — (2), задействованы оба глагола *explere* и *implere*:

(4) *inter articulos et pronomen hoc interest, quod pronomina tunc sunt, cum sine nominibus sunt et absentium nominum uidentur explere personas, ut hic haec hoc. quando autem dico hic Aeneas huius Aeneae, iam non possunt pronomina dici, cum non fungantur eorum nominum, quae praesentia sunt, officio: ipsa enim nomina per se significationem inplent* [Keil: 4, 436, 23–28].
«Между частицами и местоимениями разница в том, что местоимения они тогда, когда они без имен *(здесь и далее в переводе 'имен существительных' — прим. автора)* и выражают, как кажется, лица отсутствующих имен, как 'этот, эта, это'. Когда же я говорю 'этот Эней, этого Энея', они уже не могут называться местоимениями, потому что не выполняют функцию имен, которые присутствуют: имена сами собой делают значение полным».

Однако в ходе толкования пассажа (3) из Аудакса и (4) возникает второй вопрос, каким образом соотносятся между собой термины *sensus и significatio*, являются ли они взаимозаменяемыми. В самом деле, в словарной статье *sensus* как синонимы определяются термины *intellectus*, *significatio*, *vis* [Schad 2007: 256–257]. У слова *significatio* при этом перечисляются синонимы *potestas* и *vis* [Schad 2007: 364]. Термин *vis*, являющийся общим контекстуальным синонимом, оказывается также синонимом термина *intellectus*. Он переводится на английский язык sense, т. е. 'смысл'. Термин *significatio* в зависимости от своего значения, 'смысл' или 'форма', оказывается его синонимом или антонимом [Schad 2007: 221–222].

Источник

Corpus corporum — a database of latin texts [сайт]. URL: http://www.mlat.uzh.ch/MLS/xanfang.php?corpus=13&lang=0 (дата обращения: 20.12.2024).

Литература

A Lexicon of Latin Grammatical Terminology / ed. by S. Schad. Pisa; Roma: F. Serra, 2007.

КУЛЬТУРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ, РИТУАЛ И ФОЛЬКЛОР В ПОВСЕДНЕВНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРАКТИКАХ

Голубева Любовь Викторовна

ассистент, Санкт-Петербургский государственный университет;
научный сотрудник, Пропповский центр;
st042575@spbu.ru

ДАРЫ НА ПОМИН И СМЕРТНЫЕ УЗЕЛКИ: ПРОЕКТ ЗАГРОБНОЙ ЖИЗНИ

Ключевые слова: похоронный обряд, поминальные и похоронные практики, гендерные исследования.

Материалы фольклорных экспедиций на Русский Север подтверждают тот факт, что в настоящее время деревенский похоронный обряд на Русском Севере — один из обрядов, претерпевший наименьшую трансформацию. Это связано с рядом обстоятельств, в том числе и с тем, что, в отличие от свадебного и родильного обрядов, в отношении которых контроль советского государства был очень сильным, похороны в деревне были занятием старших женщин, а в их отношении контроль был слабее. Современные деревенские жители хоронят и поминают практически так же, как это делали их бабушки и дедушки. Так, например, наряду с причитаниями, собирание женщинами смертных узелков и раздачи вещей покойного на поминках остаются устойчивыми практиками и сегодня.

Смертный узелок — это собранные женщиной и положенные в отдельное место вещи, в которые оденут ее или близкого ей покойного, чаще всего — мужа. Смертный узел начинают собирать в определенном возрасте, и женщина самостоятельно принимает решение, когда ей пора сделать это. По нашем полевым наблюдениям, это обычно это происходит в возрасте 60–70 лет. Пятидесятилетние супруги знают об этой практике, но считают, что смертный узелок — дело старух:

> Жена: Дак да, да. Всё это запечатывают, всё завязывают. Всё чё… чё одеть там: платье, майка там, всё.
> <Только одежду что ли?>
> Жена: Дак одежду. А чё? А чё-то ещё?
> Муж: Бабки те стары-то да. Над: ну там эти, вот эти.
> Жена: готовятся заранее.
> (Фольклорный Архив Пропповского Центра — далее ФА ПЦ, Леш17-276)

Как подчеркивают многие женщины, узелок собираешь, когда осознаешь, что в целом смерть возможна, неизбежна и близка:

> <…когда смертный узелок собирать?> Когда тебе много лет будет. Когда уж ты думаешь, что вот конец подходит (ФА ПЦ, Леш24-387).

В смертный узелок, помимо, одежды для покойного, укладывают полотно и другие ткани, необходимые для положения покойного в гроб (например, для обивки гроба*), а* также ритуальные вещи (например, погребальный венчик) и пр.:

> <А вы себе, например, не приготовили?> Я уже приготовила, только еще покрывало не купила (ФА ПЦ, Наг17-4).

Руководители секции: И. Э. Васильева, Ю. Ю. Мариничева.

Смертный узелок собирается самостоятельно, однако всегда находится человек (дочь, невестка, сестра или подруга), которому будет рассказано о нем и показано, где он лежит.

Существуют правила при выборе одежды покойному. Например, определён цвет платка для женщины (он не должен быть слишком ярким и цветастым), или одежда должна быть новой, не использованной в повседневной жизни. Вот что говорит женщина 1947 г. р.:

> Так-то, конечно, всегда стараются хоть ситцевое, хоть какое, всегда сшить новое. Не ношенное как-то стараются. Раньше-то так как-то было заведёно (ФА ПЦ, Леш17-140).
>
> Хотя, как вспоминают некоторые информанты, старые люди как раз собирали для похорон старую одежду — ветошь:
>
> <А говорят, еще перед смертью начинают что-то собирать?> А раньше это всё собирали, ветóшки назывались. Раньше-то да. Котора раньше-то было, щас-то хорóша одевают, а раньше-то одевали что ношено тако, чтобы там душа-то лучше ушла в рай. В ад-то ведь никто не хочет, мы все хочем в рай! (ФА ПЦ, Мез17-87).

Для моего анализа важно, что смертные узелки также являются именно женской практикой. Ответственными за смертные узелки являются женщины. Как уже было сказано выше, они собирают вещи, и себе, и своему супругу:

> <А кто мужчинам узелок готовит?> Жена найдет все
> (ФА ПЦ, DTxt09-170_Arch-Lesh_09-07-22_TitovaVV).

Или:

> <А вы собираете уже?> Да, у меня давно куплено. (смеётся) Я Валентину купила же (ФА ПЦ, Леш15-75).

Также именно женщины на похоронах отвечают за раздачу вещей покойного на помин присутствующим:

> <А поминать — это что, одежду отдают поминать или что?> Да, так <А когда отдают?> После смерти мужа, человека (ФА ПЦ, DTxt12-086_Arch-Lesh-12-07-09).

Обычно это текстильные изделия: вещи, которые носил покойный; иногда новые заранее приготовленные для такого случая; платки или полотенца, которые когда-то были получены также на похоронах за ритуальные услуги. На Русском Севере по сегодняшний день ткань остается самым распространенным атрибутом ритуальных обменов. Так, если на свадьбе тканевыми изделиями «дарят», на похоронах — «благодарят» или «подают». Деревенские похороны, как следует из наших материалов, ни прежде, ни теперь не предполагают денежных компенсаций за услуги. За любую помощь *благодарят* — или едой (тех, кто копал могилу), или алкоголем (например, тому, кто строил гроб), или полотенцами, платками или тканевыми отрезами. Ими благодарят женщин-*обряжух*, тех, кто взял на себя труд обмыть тело покойника, приготовить поминальный обед и так далее.

Согласно нашим полевым записям, практически каждая взрослая женщина в деревне хоть раз в жизни помогала в организации похорон. Как следствие, она получала текстильные предметы в благодарность за помощь. Значительная часть того добра, которое скопила женщина за жизнь, состоит из ритуальных даров. Как заметила исследовательница Е. Самойлова эти предметы, несмотря на свои очевидные утилитарные функции, больше никогда не попадут в повседневные ситуации, так как они уже попали в ритуальный круговорот и навсегда в нем останутся [Самойлова 2017].

Но между участниками поминального обряда будут распределены не только такие вещи. Родственники также раздают и личные вещи умершего всем пришедшим — «на помин». По отношению к вещам покойного существует много правил и запретов. Например, необходимость принять в дар вещь покойного обосновывалась тем, что использование его вещей на этом свете обеспечивает ему возможность пользоваться подобными вещами — на том. Также, как говорят наши собеседники, родственники могут раздавать так называемую милостыньку одиноким или

нуждающимся людям, в тех случаях, когда покойный снился и сообщал о том, что той или иной вещи ему не хватает в загробной жизни.

Таким образом, можно говорить о том, что практики собирания смертных узлов и раздача вещей на помин в некотором смысле является проектом не только похорон, но и загробной жизни. Мы посмотрим, как через особые символические действия с тканевым (и не только) предметами и повседневные практики женщины поддерживают и регулируют социальные отношения внутри сообщества, организуя прочные связи по родству и свойству, хранящиеся в поколении. Такая социальная сеть связывает не только мир живых, но и мир мертвых.

Материалом для доклада послужили записи фольклорного архива Пропповского центра, сделанные на территории Архангельской и Вологодской области в период с 1980-х до 2020-х гг.

Источник

Фольклорный архив Пропповского Центра.

Литература

Самойлова Е. В. Антропология вещи: Традиционный текстиль в контексте ритуальных практик конца XIX — начала XXI в. // Этнографическое обозрение. 2018. № 2. С. 154–171.

Лызлова Анастасия Сергеевна

канд. филол. наук, научный сотрудник,
Карельский научный центр Российской академии наук

О ПОВТОРНЫХ ЗАПИСЯХ СКАЗОК: РЕПЕРТУАР ЗАОНЕЖАНКИ П. Н. КОРЕННОЙ В ИЗДАНИЯХ 1918 И 1934 гг.

Ключевые слова: заонежские сказки, П. Н. Коренная, П. О. Коренной, И. В. Карнаухова.

В 1918 г. в Петрозаводске был издан первый сборник сказок, подготовку которого осуществил учитель-краевед П. О. Коренной. Книга включает в себя 15 текстов, относящихся к сказкам о животных и волшебным сказкам: «Глиняный парень», «Лиса и волк», «Сказка про петуха и курицу», «Сказка про бабу и бычка», «Сказка про старика и волка», «Потомбалка», «Две кумушки», «Два брата — покойники», «Катя», «Сказка про двух братьев», «Мороз», «Сказка про старикову дочку, бабину дочку и мышку», «Сказка про черта и трех девочек», «Иван Царевич и Волк-Людоед», «Сказка про солдата и царскую дочь» [Заонежские сказки 1918]. Бóльшая часть текстов была сообщена неграмотной матерью П. О. Коренного — Пелагеей Никифоровной. Какая-либо информация об этом в издании отсутствует, но косвенным доказательством оказываются сказки, записанные от исполнительницы в 1926 г. фольклористом И. В. Карнауховой и опубликованные спустя несколько лет: «Лиса, волк и масло», «Петух и курица», «Посулёно», «Старик и волк», «Сани», «Колобок», «Глиняный парень», «Мишка да мышка», «Морозко», «Про Катю», «Кумушка», Покойники-бéси» [Сказки и предания Северного края 1934]. К одиннадцати из двенадцати сказок удалось найти соответствия в сборнике П. О. Коренного, исключение составляет лишь «Колобок».

В материалах И. В. Карнауховой имеется достаточно подробная характеристика исполнительницы, ее репертуара и манеры сказывания. По замечанию фольклориста, «активный репертуар Коренной состоит главным образом из так называемых “робяцих” — ребячьих — сказок. Эта сказка сосредоточена преимущественно в руках пожилых женщин или девочек-подростков, т. е. нянь, людей, пестующих детей. Главным потребителем ее являются самые маленькие ребята. В сознании сказочников ребячьи сказки резко отличаются от “настоящей” фантастической сказки. Крупные сказочники считают ее пустяком и редко снисходят до ее исполнения. <…>. В состав робяцьих сказок вошла потерявшая свое былое значение сказка о животных, бесконечная сказка типа “Белого бычка” и все виды так называемых кумулятивных сказок, где первоначальная формула бесконечно повторяется, непрерывно нарастая» [Курец 2008: 125–126].

По словам И. В. Карнауховой, «Пелагея Никифоровна относится к сказкам с большой любовью, ощущает себя хранительницей их и рассказывает их очень охотно. Она — настоящий, незаурядный творец и мастер своего дела. Сказки ее ярки и поэтичны, а северный говор, который не вытравили из Пелагеи Никифоровны, всеми корнями связанной с деревней, ни поездки в город, ни родственные связи ее с местной интеллигенцией, делают их еще выразительней. Очень живая и веселая, постоянно занятая домашней работой и вынужденная в то же время развлекать ребенка, она рассказывает сказки, ни минуты не находясь в спокойном положении. От нее приходилось записывать при растопке ею печи, раздувании самовара, чистке рыбы, пеленании ребенка и просто неугомонной суетне, причем аудиторией ее неизменно были маленькие внуки. Рассказывает она быстро, выразительно и эмоционально. Иногда даже играет действующих лиц (прикладывает ладони к макушке, изображая поводящего ушами зайца и т. д.). Диалог ведет разными голосами: медведь говорит у нее низким басом, медленно, и запинаясь, лиса быстро тараторит сладеньким голоском, а заяц заикается. Несмотря на быстрый говор, она слегка растягивает гласные, поэтому речь ее легка, звучна и своеобразно певуча. Большая музыкальность и любовь Коренной к песне отразилась и на ее сказках. Почти все они являются ритмической речью, обильно пересыпанной рифмованными фразами («Я гола, боса, без пояса», «Лиса стучит веретушечкой по кадушечке — колотят лапкой, зовут бабкой»). Во многие сказки она просто вставляет песенки («Старик и волк», <…> «Петух и курица»)» [Курец 2008:

125]. В обоих изданиях эти песенные вставки выделены наглядно: для них используется строфическое деление.

И. В. Карнаухова очень критически высказывалась о сборнике «Заонежские сказки», говоря, что книга не имеет научной ценности. Сейчас мы можем утверждать, что издание Коренного может считаться важным явлением, поскольку оно, во-первых, впервые отражает локальную заонежскую сказочную традицию, и, во-вторых, практически демонстрирует репертуар одного человека (то есть, по сути, является почти индивидуальным сборником).

Тексты, представленные на страницах сборника П. О. Коренного, являются первой публикацией сказок его матери. Они незначительно, но отличаются от вариантов, зафиксированных и опубликованных И. В. Карнауховой. Оба издания важны для исследования важнейшего для фольклористов явления, связанного с разновременными записями, сделанными от одного исполнителя.

Литература

Исполнители фольклорных произведений (Заонежье. Карелия) / изд. подгот. Т. С. Курец. Петрозаводск, 2008.

Коренной П. Заонежские сказки. Петрозаводск: Тип. Олонец. губерн. отд. народ. образ., 1918.

Сказки и предания Северного края / запись, вступ. ст. и коммент. И. В. Карнауховой. М.; Л.: Academia, 1934.

Подготовлено в рамках выполнения госзадания Карельского научного центра РАН.

Шульман Нелли Александровна

аспирант, Еврейский университет в Иерусалиме, Израиль;
nashulmans@gmail.com

ТВОРЧЕСТВО АННЫ МАР В КОНТЕКСТЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ФЕМИНИСТСКИХ РОМАНОВ НАЧАЛА XX ВЕКА

Ключевые слова: Анна Мар, литература серебряного века, феминизм, феминисткий роман.

Творчество Анны Мар, популярной писательницы, сценаристки и журналистки Серебряного века, представляет интерес для исследования благодаря своей способности отражать социальные и гендерные конфликты эпохи. Её произведения, посвящённые вопросам женской свободы, поиска себя и преодоления социальных ограничений, вписываются в широкий контекст феминистской литературы начала XX в. В данной статье творчество Анны Мар рассматривается в сравнении с англоязычными феминистскими романами Шарлотты Перкинс Гилман, Вирджинии Вулф и Кейт Шопен. Цель исследования — выявить сходства и различия в изображении женской субъективности, гендерных ролей и поисков автономии.

Англоязычная феминистская проза начала XX в. Начало XX в. стало эпохой переосмысления традиционных ролей женщины, что ярко отразилось в литературе. Шарлотта Перкинс Гилман в своём утопическом романе «Herland» описывает общество, полностью состоящее из женщин, где отсутствуют гендерные ограничения, свойственные патриархальному миру. Это произведение стало манифестом женской автономии и вызовом традиционным представлениям о семье и браке. Вирджиния Вулф, одна из ключевых фигур модернизма, акцентировала внимание на необходимости создания для женщины условий для творчества. Её эссе «Собственная комната», равно как и романы «Миссис Дэллоуэй» и «На маяк», исследуют внутренний мир женщины, её борьбу за индивидуальность в рамках общественных ограничений. Кейт Шопен в своём романе «Пробуждение» поднимает вопросы женской сексуальности и права на свободу выбора. Её героиня, бросая вызов традиционным ожиданиям, стремится к самоопределению, что делает роман провокационным для своего времени.

Феминистские мотивы в творчестве Анны Мар. В произведениях Анны Мар также прослеживаются темы женской автономии, психологической свободы и внутреннего конфликта. Её героини — это женщины, стремящиеся выйти за рамки социальных ограничений, навязанных патриархальной культурой. В её рассказах и романах можно увидеть образ «новой женщины», бросающей вызов традиционным ролям. Особое внимание Мар уделяет внутренним переживаниям героинь, их попыткам осознать свою ценность вне брака или материнства. Однако, в отличие от англоязычных феминистских авторов, Мар редко предлагает утопические сценарии. Её героини часто сталкиваются с ограничениями, накладываемыми обществом, и не всегда способны их преодолеть. Этот аспект делает её произведения более трагичными, но и реалистичными, отражающими сложность положения женщин в российской действительности.

Общие черты с англоязычной феминистской литературой. Анну Мар и англоязычных авторов объединяет стремление разрушить стереотипы о женщине как исключительно домашней фигуре. В её произведениях, как и у Гилман, присутствует тема отказа от традиционных ролей и поиск свободы в социальной и личной жизни. Как и у Вулф, героини Мар испытывают острый внутренний конфликт между общественными ожиданиями и собственными желаниями.

Различия в контекстах. Тем не менее, творчество Анны Мар отражает специфику русской литературы, которая акцентирует внимание на духовных поисках, в то время как англоязычные феминистки больше фокусируются на социальной критике. Например, если у Гилман или Шопен героини зачастую находят путь к независимости, то у Мар этот поиск часто остаётся безрезультатным.

Творчество Анны Мар, хотя и редко попадает в поле зрения исследователей, представляет собой уникальный синтез русской литературной традиции и идей, характерных для феминистской литературы начала XX в. Её героини, борющиеся с внутренними и внешними ограничени-

ями, демонстрируют сложность женской эмансипации в контексте российской культуры. Исследование её произведений в сравнении с англоязычными романами позволяет глубже понять разнообразие женских голосов в мировой литературе того времени.

Литература

Михайлова М. В. Голоса, не звучащие в унисон: Анна Мар // Литературная учеба. 2009. № 2. С. 149–154.

Chopin K. The Awakening. Chicago: Herbert S. Stone & Co., 1899.

Gilbert S. M., Gubar S. The Madwoman in the Attic. New Haven; London: Yale University Press, 1979.

Gilman Ch. P. Herland // The Forerunner. 1915.

Marsh R. Sex, Religion and Censorship In A Russian Woman's Novel of The Silver Age: Anna Mar's Zhenshchina Na Kreste (Woman On The Cross) // Gender and Sexuality in Russian Civilization / ed. by P. I. Barta. London: Psychology Press, 2001. P. 255–278.

Woolf V. Mrs. Dalloway. London: Hogarth Press, 1925.

Woolf V. A Room of One's Own. London: Hogarth Press, 1929.

Лалетина Ольга Сергеевна

канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет;
o.laletina@spbu.ru

ДИНАМИКА НЕТОЖДЕСТВЕННОЙ СТРОФИКИ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XVIII–XX вв.

Ключевые слова: русская поэзия, русский стих, строфика, нетождественные строфы, стиховедение.

В исследованиях по истории русского стиха нетождественные строфы, как правило, характеризуются лишь в общем виде, гораздо менее подробно, нежели, например, строфы тождественные. Одной из самых серьезных причин, препятствующих созданию научной истории русской нетождественной строфики, до сих пор остается недостаточная разработанность методики исследования строфических форм. Нетождественностроfические структуры, как известно, исключительно разнообразны, редко повторяются и трудно поддаются систематизации и типологизации. Между тем впервые методологические проблемы описания нетождественных строф были специально рассмотрены уже четверть века назад К. Д. Вишневским в статье «Нетождественные строфы в русской поэзии XVIII–XIX вв.: классификация и функции» [Вишневский 2000: 51–62]. Основываясь на репрезентативном корпусе текстов классической поэзии (свыше 1000 нетождественностроfических произведений XVIII–XIX вв.), исследователь определил перечень формальных признаков, позволяющих выделять и систематизировать нетождественные строфы, а также предложил терминологический аппарат для их классификации. С одной стороны, строфы были рассмотрены как архитектонические единицы, которые отличаются друг от друга одним или несколькими признаками: количеством строк, «чередованием рифмующихся (или холостых) строк», «родом окончания», стихотворным размером, стопностью строк, составляющих строфу [Вишневский 2000: 51–52]. С другой стороны, строфы были охарактеризованы как единицы композиции: по признаку предсказуемости/произвольности чередования выделены строфы регулярные и нерегулярные [Вишневский 2000: 51].

Предложенная классификация была использована Вишневским, прежде всего, для синхронического анализа нетождественных строф, задачи описать их в исторической перспективе исследователь перед собой не ставил. Вместе с тем, в статье содержится целый ряд частных наблюдений о специфике нетождественных строф поэтов разных эпох. Так, например, Вишневским был зафиксирован «количественный рост» нетождественностроfических произведений, начиная со второй трети XIX в.: в XVIII в. обнаружено 143 стихотворения, в первой трети XIX в. — 196, далее число текстов удваивается и почти достигает 400 произведений в каждой из последних двух третей столетия [Вишневский 2000: 55]; отмечено и уменьшение «удельного веса» регулярных нетождественных строф до 25 %, начиная со второй трети XIX в. (ранее, согласно подсчетам исследователя, на них приходилось около 40 % текстов, написанных нетождественными строфами) [Вишневский 2000: 55]; и др.

С нашей точки зрения, сделанные наблюдения свидетельствуют о необходимости и перспективности специального исследования динамики нетождественной строфики. В докладе представлены первые результаты такого описания, выполненного нами на основе опубликованных указателей по строфике русских поэтов XVIII–XX вв. [Русское стихосложение XIX в. 1979; Петербургская стихотворная культура 2008; Петербургская стихотворная культура — II 2013], а также электронных картотек, созданных на кафедре истории русской литературы СПбГУ; в общей сложности в подсчет было включено около 2000 нетождественностроfических произведений более 30 русских авторов (от М. В. Ломоносова до А. С. Кушнера). Нетождественные

строфы были проанализированы по нескольким параметрам: вслед за Вишневским мы учитывали долю произведений, написанных нетождественными строфами, в общем корпусе текстов, регулярность/произвольность чередования строф, число и перечень (комбинацию) признаков нетождественности. Сравнение полученных данных со статистикой Вишневского дает возможность наметить несколько магистральных линий развития русской нетождественной строфики. Во-первых, интерес русских поэтов к нетождественным строфам непрерывно возрастает с течением времени: их число и средняя процентная доля у авторов XX в. выше, чем у их предшественников. Во-вторых, существенно меняется и строение стихотворений, состоящих из нетождественных строф. Одним из дифференциальных признаков, противопоставляющих эпохи, выступает, в частности, употребительность строф, которые не совпадают друг с другом по числу строк (неравнострофических композиций). Авторы XVIII в. активно предпринимали эксперименты с неравнострофическими структурами (хотя абсолютные их показатели в рассмотренном материале не велики, в процентом отношении у поэтов того времени они в целом преобладают, составляя 60 % от всех текстов нетождественной строфики); в XIX в. на первый план выдвинулись формы равнострофические (на них приходится более трех четвертей от всех нетождественнострофических произведений); в XX в. равнострофические конструкции сохранили лидерство, но их доля снизилась до двух третей текстов. Таким образом, дифференцированный диахронический анализ формальных признаков нетождественных строф позволяет выявить дополнительные, фактически не учтенные ранее исследователями параметры для описания эволюции русского стиха, а также сформировать контекст для определения индивидуальных предпочтений русских поэтов в разработке нетождественных строф.

Литература

Вишневский К. Д. Нетождественные строфы в русской поэзии XVIII–XIX вв.: Классификация и функции // Онтология стиха: сб. ст. памяти Владислава Евгеньевича Холшевникова / под ред. Е. В. Хворостьяновой. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2000. С. 51–62.

Петербургская стихотворная культура: Материалы по метрике, строфике и ритмике петербургских поэтов: сб. ст. / сост. и науч. ред. Е. В. Хворостьяновой. СПб.: Нестор-История, 2008.

Петербургская стихотворная культура — II: Материалы по метрике, строфике и рифме петербургских поэтов / сост. и науч. ред. Е. В. Хворостьяновой. СПб.: Нестор-История, 2013.

Русское стихосложение XIX в. Материалы по метрике и строфике русских поэтов / отв. ред. М. Л. Гаспаров. М.: Наука, 1979.

Ли Ли

аспирант, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

«МОСКВА» Ф. ГЛИНКИ КАК ПРЕТЕКСТ СТИХОТВОРЕНИЯ М. КОРОСТОВЕЦ «ПЕКИН»

Ключевые слова: М. Коростовец, Ф. Глинка, Пекин, Москва.

В данной работе мы показываем, как знаменитая «Москва» (1840) Ф. Глинки отразилась в написанном более ста лет спустя стихотворении М. Коростовец «Пекин» (1942): исследуются сходство и различия интерпретации города, исторического воображения и поэтики.

М. П. Коростовец (1899–1975) — одна из участниц русской литературной диаспоры в Пекине и Шанхае; В. Перелешин упоминает ее «стихи о Китае» и отмечает, что «в её творчестве тонкий лиризм соединялся с темами из китайской истории и мистики» [Кузнецова 2020: 444, 443]. Среди таких стихов и «Пекин».

Стихотворение Ф. Глинки «Москва» стало популярным еще до его публикации, расходясь в списках (см., напр.: [Чепелевская 1999: 237]); впоследствии оно, риторически эффектное, звучное, патриотическое и бодрое, стало хрестоматийным, включалось в антологии, предназначенные гимназистам и школьникам. Сомневаться в том, что оно было известно Коростовец и ее читателям, не приходится.

Формальное сходство стихотворений очевидно. Оба они начинаются с обращения к городу («ты»), оформленного как восклицание, эти обращения содержат характеристику города, которая выстраивается эпитетами (чудный, древний, странный), а также содержит утверждение о том, что сделал город или делает сейчас (ты вместил, ты спишь); в первой строфе каждого стихотворения слово «город» повторяется дважды.

Отметим также ритмическое сходство стихотворений (не абсолютное: у Глинки в основном, за исключением двух строф, четырехстопный хорей, у Коростовец чередуются строки четырехстопного и трехстопного хорея, возможно, не без влияния лермонтовского «Спора», — зато дополнительно сближает одинаковая перекрестная рифмовка с чередованием женских и мужских клаузул, как и то, что оба стихотворения состоят из катренов).

Есть и другие черты сходства. Так, например, перед финалом стихотворений говорится о неудачных попытках завоевания городов: Глинка вспоминает о пожаре 1812 года и о том, как Москва «из пепла… восстала», освободившись от плена; в предпоследней строфе «Пекина» Коростовец называет Тамерлана, планировавшего поход на Китай, но не осуществившего своих планов.

Есть совпадения (заимствования?) на уровне образности, лексики: оба поэта говорят о величественных размерах («Глаз не схватит улиц длинных», «Величавые громады»), оба города полны садов и парков («Весь пестреешь ты в садах», «Город… В зелени садов»); непременно упоминается вода («Над малою рекою», «В зеркале озер»). Современный исследователь пишет о Москве Глинки: «акцентируемая неотделимость исторического центра от живой природы, окружающей и пронизывающей весь город, лишь подчеркивает то, что он естественно, органично вырастает над малою рекой» [Чепелевская 1999: 238], и эти слова совершенно применимы к «Пекину». Заметим, что в стихах русского поэта о русском городе больше прямых указаний на конкретные локусы (Кремль-Богатырь, Иван-звонарь, Царь-колокол, Царь-пушка, святые Кремлевские ворота; у Коростовец только Бэйхай и «старая башня», видимо, вполне определенная).

Различия, конечно же, тоже есть. Москва у Глинки, конечно же, древняя, но о событиях прошлого говорится немного (только о пожаре 1812 года), финал стихотворения обращен в будущее, это призыв: «Процветай же славой вечной!..»

У Коростовец о прошлом Пекина сказано не просто больше: сказано иначе. В том мире, где живет лирическая героиня, присутствуют тени прошлого: «В парке — видела воочью — / Бродит Кубилай…» (курсив наш). (Напомним, что Кубилай (Хубилай, он же «Кубла-хан» у Коль-

риджа) — монгольский правитель Китая (XIII в.); современники, например Марко Поло, писали о садах и парках в построенных им городах как о чуде.) Говоря о еще одном правителе и завоевателе, поэтесса также употребляет глагол настоящего времени: «Скачет в лесе копий звонко / Старый Тамерлан». Возможно, здесь перед нами не литературная условность, а отражение особенностей мировоззрения Коростовец, склонной к мистицизму (свидетельства об этом есть у Перелешина). Финал «Пекина», в отличие от финала «Москвы», обращен в прошлое: «Нас влекут по глади четкой — / Тсс… не надо слов… / Ярко убранные лодки / Вглубь восьми веков».

Эмоциональное содержание стихотворений различно. «Москва» Глинки звучит оптимистично, тон автора исполнен уверенности впечатление. У Коростовец дан образ города культурно текучего, объединяющего разные культуры (фигура из прошлого, Кубилай, — не китаец), тон автора сдержанный, может быть потому, что поэтесса, в отличие от Глинки, говорит о мире, который не был для нее вполне родным. Можно сказать, что у поэтов различные перспективы: Коростовец глядит извне, поэтому первое, что она говорит о Пекине, — «самый странный город в свете» (для Глинки, пишущем о своей родине, Москва — «матушка»).

Зачем же Коростовец самой структурой своего стихотворения о Пекине напоминает читателю о знаменитом стихотворении Глинки? Единственного ответа на этот вопрос у нас нет. Поэты русского модерна (а черты модерна с некоторым запозданием проявлялись в творчестве поэтов-эмигрантов первой волны в Китае), как известно, вообще нередко «переписывали» классические тексты (в последнее время конкретные примеры такого «переписывания» активно исследует, например, Д. М. Магомедова). Возможно предположить, что судьба и стихи Глинки у Коростовец образовали эмоциональный контраст для ее собственной судьбы эмигранта и ее и стихов: Глинка писал о своем, а Коростовец — о чужом.

Литература

Кузнецова О. Ф. Архив Валерия Перелешина в Отделе рукописей ИМЛИ РАН. Литераторы русской диаспоры Китая 1930–1940-х годов. М.: ИКАР, 2020.

Чепелевская Т. И. Образ Москвы в журнале «Москвитянин»: поэзия Ф. Н. Глинки // Славянский альманах. 1998. М.: Индрик, 1999. С. 235–247.

Макарова Юлия Александровна

ст. преподаватель, аспирант, Новосибирский государственный технический университет; Yu.makarova@corp.nstu.ru

РОЗА АУСЛЕНДЕР: СИМВОЛИЗМ И МОТИВЫ ПОЗДНЕГО ТВОРЧЕСТВА

Ключевые слова: поэзия Розы Ауслендер, интерпретация поэтического текста, мотив в художественном произведении.

Зрелая лирика Р. Ауслендер (1901–1988), немецкоязычной поэтессы еврейского происхождения, не является готовым и удобным для восприятия и интерпретации продуктом. Вышесказанное относится и к последнему периоду творчества поэтессы (1977–1986). Поэзия Р. Ауслендер — открытые фрагментарные текстовые формы и высказывания, дающие лишь импульс к поиску, предполагающие дальнейшее осмысление.

Цель представленного исследования заключается в выявлении символов и мотивов в поздней лирике Р. Ауслендер, их интерпретации на метасмысловом уровне и анализе средств их репрезентации на лингвостилистическом уровне.

В процессе анализа мы прибегли в качестве методов исследования к интерпретации художественного текста, лингвостилистическому и семиотическому анализу.

Материалом исследования являются стихи из сборника «Ich spiele noch» («Я еще играю»), опубликованном в 1987 году [Ausländer 2010]; всего проанализировано 120 стихов.

Лингвостилистический анализ выявил нарушение языковых норм: отсутствие пунктуации, пропуски глагольных связок и артиклей, структурную неполноту синтаксических конструкций. Стихи написаны верлибром, их отличает свободная ритмическая структура; они насыщены метафорами, авторскими неологизмами (окказионализмами).

Семиотический анализ показал, что б**о**льшая часть произведений представляет собой свободный поток ассоциаций. Обнаружены аллегории, аллюзии, интертекстуальные вкрапления, включающие скрытые и прямые цитаты, обращения к вопросам и темами из различных областей жизни.

В стихотворениях несколько мотивов повторяются в многочисленных вариациях. Проведенный интерпретационный анализ показал, что наиболее заметными мотивами являются: 1) мотив творчества как бытия (= писать — значит жить) (в 20 из 120 стихотворений); 2) мотив смерти (в 10); 3) мотив изгнания (в 7). Среди прочих нами были выделены мотив уничтожения евреев во время геноцида, мотив чувства вины выжившего после Холокоста, мотив матери, мотив еврейской идентичности, мотив родины и мотив любви к человечеству.

В нижеследующем стихотворении без названия мы наблюдаем мотив творчества как бытия [Ausländer 2010: 155] (*здесь и далее перевод автора исследования*): «Mit den holprigen Jahren / wachsen die Wände / sich satt // ich reite auf / einem Drachen / in ein verwunschenes / Land // dort wachsen / blühende Worte / und auch weichgrünes / Moos // Es wird noch / manches geschehen / eh ich nach Kimpolung / komm» (С ухабистыми годами / вырастают стены // я лечу / на драконе / в заколдованную страну // там растут / цветущие слова / и нежно-зеленый мох // Еще / многое случится / прежде чем я доберусь до Кымпулунга.

Последние 10 лет жизни поэтесса была прикована к постели, но до конца своих дней она, несмотря на физические страдания, поражала своим жизнелюбием, способностью радоваться словам, которые приходили к ней, чтобы сложится в стихи. Поэзию она сравнивает с волшебной, заколдованной страной, в которую она летит на драконе. В этой волшебной стране растут «цветущие слова и нежно-зеленый мох». Зеленый цвет ассоциируется с природой, весной и жизненной силой. Поэтессе еще есть, что сказать этому миру, она с оптимизмом смотрит в будущее.

Кроме того, стихотворение содержит и мотив смерти: румынский городок Кымпулунг (расположен недалеко от Черновцов) — аллегория смерти, так как поэтесса не могла в виду своей болезни вернуться на родину. Она намекает на то, что ее еще многое ждет впереди (= «она на-

пишет еще много стихов»), так как, не имея возможности жить полноценной жизнью, путешествовать, поэтесса жила в слове.

Несмотря на отсутствие рифмы, признаков силлабо-тонического стихосложения, стихотворение имеет свою мелодику, особый поэтический синтаксис, что еще больше погружает в сказочный мир поэзии.

Исследуем мотив изгнания и символику в стихотворении «Wandlung» («Трансформация») [Ausländer 2010: 44]: «Wir kamen heim / ohne Rosen / sie blieben im Ausland // Unser Garten liegt / begraben im Friedhof // Es hat sich / vieles in vieles / verwandelt // Wir sind Dornen geworden / in fremden Augen» (Мы вернулись домой / без роз / они остались в чужой стране // Наш сад / похоронен на кладбище // Многое / трансформировалось / во многое // Мы стали шипами / в глазах других людей).

Потеря первоначальной родины, эмиграция в Америку после войны, долгие годы скитаний по миру — все это отражено здесь. Жизнь представляется поэтессе как постоянное изгнание, изгнание из счастливой жизни до вторжения нацистов в Черновцы.

«Сад» — аллегория райского сада, райской счастливой довоенной жизни. Эта метафора символизирует безвозвратно утерянную безмятежную жизнь («наш сад похоронен на кладбище»).

Изгнание навсегда изменило поэтессу, она уже не прежняя «Роза», что она и подчеркивает через аллюзию к собственному имени: «мы вернулись домой без роз». Собственное имя фигурирует как символ во многих стихотворениях последнего творческого этапа: роза — символ народа Израиля, который обречен на гибель в мире, полном зла и ненависти. Согласно трактовке Г. В. Синило, это аллегория «Неопалимой Купины, огонь которой гаснет в обезбоженном мире, а также символ невинной искупительной жертвы» [Синило 2013: 139]. Поэтесса — дочь своего народа, дочь народа Израиля.

После войны большинство черновицких евреев покинуло город, став людьми без родины, которые были вынуждены скитаться по всему миру в поисках приюта. Людям без родины нигде нет места, они всем мешают — поэтесса сравнивает себя и евреев в изгнании с «шипами в глазах других людей».

Проведенный анализ позволил сделать вывод, что наиболее часто в позднем творчестве Р. Ауслендер повторяются мотив творчества как бытия, мотив смерти и мотив изгнания. Произведения этого этапа — не только отражение ее особого поэтического дара, но и интеллектуальная работа высокого уровня. С одной стороны, небольшие по объему стихи доступны для понимания, с другой стороны, глубокая метафоричность, аллюзивность и интертекстуальность наполняет их трудноуловимым смыслом.

Литература

Синило Г. В. Топосы розы и сада в лирике Розы Ауслендер (к проблеме жизни слова и образа в тексте и контексте культуры) // Романо-германская филология в контексте науки и культуры: междунар. сб. науч. ст. Новополоцк: Полоцк. гос. ун-т им. Евфросинии Полоцкой, 2013. С. 127–140.

Ausländer R. Ich spiele noch // Brief aus Rosen. Gedichte. 6. Auflage. Frankfurt am Main: Fischer Tagebuch Verlag, 2010. 280 S.

Филимонов Алексей Олегович

Санкт-Петербургское отделение Союза писателей России;
melosan@mail.ru

ПОЭТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ В. НАБОКОВА С А. ПУШКИНЫМ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПОЭЗИИ Б. ПАСТЕРНАКА

Ключевые слова: Набоков, Пастернак, Пушкин, палимпсест.

Исследователи поэзии Набокова-Сирина отмечают особый протеизм его творчества, умение петь на чужой лад. Этим даром также отмечены его поэтические двойники. «И у внимательного читателя Набокова, — писал Глеб Струве, — является подозрение, что он и сейчас мог бы написать стихотворение или даже поэму под Блока, под Некрасова, под Пушкина (дерзнул же он кончить пушкинскую "Русалку"!), под Державина, как пишет под Пастернака (о котором, помнится, отзывался когда-то довольно недоброжелательно)» [Струве 1996: 122–123].

Часто Набоков не только пересоздаёт текст, но и обращается к произведению другого автора, стоящего за стихотворением поэта Серебряного века. Георгий Адамович отмечал важность для Набокова в обращении к поэтике Пастернака: «Без Пастернака трудно к набоковской поэзии подойти, да и вообще, говоря о стихах, как о Пастернаке не вспомнить, а вспомнив, как на нем не задержаться? <…> У него, на мой слух, меньше романтической музыки, чем у Пастернака, который при всем, что есть в нем спорного, все-таки пленителен в общем своем облике. Что там ни говори, как над некоторыми его фокусами ни морщись, Пастернак — "поэт до мозга костей", только в стихах и живущий, только ими и дышащий. Набоков, подобно ему, не боится ни словесных излишеств, ни словесных новшеств, а мираж окончательной, недостижимой простоты, — некоторых современных поэтов подлинно измучивший, — никакой притягательной силы в себе для него не таит» [Набоков 1997: 259–260]. Отклик на чужой текст помогает глубже взглянуть на набоковский палимпсест, а также заново осмыслить текст-прародитель. Набоков, как Блок и Ходасевич, присягает на верность пушкинской музе, однако не только лично, но также от лица своих персонажей. В романе «Дар» поэт Годунов-Чердынцев вослед автору считает, что из наследия Серебряного века уцелело лишь то, что напрямую продолжило Пушкина, «чистейший звук пушкинского камертона». Набоков и Пастернак обращались к стихотворению Пушкина «Пророк» о пересотворении стихотворца в пророка, наделённого особым даром видеть и слышать всё, что происходит в мире дольнем и заочном, сострадая творениям Господа. Набоков изобрёл термин «многопланность мышления» или «космическая синхронизация» [Набоков 1997: 739], означающий способность «чувствовать все, что происходит в точке времени» [Набоков 1997: 739]. Так эхом набоковских строф усиливаются строфы Б. Пастернака о вдохновении новоявленного пророка из стихотворения А. Пушкина: «Море тронул ветерок с Марокко. / Шел самум. Храпел в снегах Архангельск. / Плыли свечи. Черновик "Пророка" / Просыхал, и брезжил день на Ганге» («Темы и вариации»)

Рождаясь гармоничными, как у пушкинского импровизатора в рассказе «Египетские ночи», у Фёдора Годунова-Чердынцева «Стихи слагаются навзрыд» (Б. Пастернак), прерывая «однозвучной жизни шум» (А. Пушкин): «Это был пульсирующий туман, вдруг начинавший говорить человеческим голосом. Лучше этих мгновений ничего не могло быть на свете. Люби лишь то, что редкостно и мнимо, что крадется окраинами сна, что злит глупцов, что смердами казнимо; как родине, будь вымыслу верна. Наш час настал. Собаки и калеки одни не спят. Ночь летняя легка. Автомобиль, проехавший, навеки последнего увез ростовщика. Близ фонаря, с оттенком маскарада, лист жилками зелеными сквозит. У тех ворот — кривая тень Багдада, а та звезда над Пулковом висит».

Набоков обращается к тема нерукотворного пушкинского памятника, попутно уколов Пастернака, обошедшего его в получении Нобелевской премии. Лирический герой Пастернака недоумевает, отчего его строки о добре и справедливости получили осуждение: «Что же сделал я за пакость, / Я убийца и злодей? / Я весь мир заставил плакать / Над красой земли моей».

Набоков ядовито вторит поэту, намекая на то, что именно автор «Лолиты» наследник пушкинского дара: «Какое сделал я дурное дело, / и я ли развратитель и злодей / я, заставляющий мечтать мир целый / о бедной девочке моей. <…> …тень русской ветки будет колебаться / на мраморе моей руки». Набоков написал колкую эпиграмму на Пастернака, сравнивая его с поэтом В. Бенедиктовым, в своё время затмившим популярностью Пушкина: «Его обороты, эпитеты, дикция, / стереоскопичность его — / всё в нем выдает со стихом Бенедиктова / свое роковое родство». При этом Набоков назвал Пастернака в письме к Э. Уилсону первоклассным поэтом [Набоков 2022: 577].

Каковы стилистические особенности «пародийных» стихов Набокова, перенимает ли он рифмы и «стереоскопичность» стихов Пастернака раннего периода? В этом Набоков остается более традиционным, чем ранний Пастернак, его пастиши с более точными рифмами напоминают стилистику поздних произведений Пастернака. К концу 1930-х годов Набоков, по его признанию, выработал в поэзии «твёрдый стиль», освободившись от добровольно взятых оков псевдоклассицизма и тем самым опроверг прозвище «поэтического старовера» (Г. Струве). Он стал широко использовать приёмы модернизма, тем более традиционалистом по форме и содержанию Набоков в полном смысле этого слова никогда не был, развивая карнавальную, игровую поэтику, о чем говорится в исследовании О. С. Лалетиной Е. В. Хворостьяновой: «Чисто формальный квантитативный анализ структуры стиха Набокова, учитывающий соотношение нескольких стиховых параметров, позволяет выдвинуть вполне аргументированную гипотезу о том, что прозаическая и стиховая наррация автора основаны на общих принципах “разрыва” *формальных* связей между тезисами, смены заданной конвенции, реализующих эффект обманутого ожидания, хотя и разными способами в развертывании прозаической и стиховой наррации» [Лалетина, Хворостьянова 2022: 739].

Уникальность набоковского поэтического дара отмечена широким диапазоном использования им стилистических приёмов, которые позволяют пересаживать на авторскую почву темы и стилистику чужих произведений, эта многоголосица позволила Набокову говорить от лица русской поэзии, развивая у читателя способность услышать пушкинскую ноту в едином оркестре индивидуальностей.

Литература

Лалетина О. С., Хворостьянова Е. В. «Консервативный» стих В. В. Набокова: специфика построения стиховой вертикали // Научный диалог. 2022. Т. 11, № 9. С. 196–211.

Набоков В. В. Pro et contra. СПб.: Рус. христ. гуманит. ин-т, 1997.

Набоков В. В. Стихотворения. СПб.: Академический проект, 2002.

Струве Г. П. Русская литература в изгнании. 3-е изд., испр. и доп. Париж; М.: Русский путь, 1996.

Хворостьянова Елена Викторовна

д-р филол. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет;
e.khvorostiyanova@spbu.ru

К ПРОБЛЕМЕ РИТМИЧЕСКИХ ПАТТЕРНОВ РУССКОГО ПЯТИСТОПНОГО ЯМБА

Ключевые слова: стиховедение, история стиха, ритмика двусложных размеров.

Первые опыты использования пятистопного ямба (как в цезурованном, так и в бесцезурном его вариантах), встречаются еще в XVIII веке: фронтальное описание метрики этой эпохи, предпринятое К. Д. Вишневским, фиксирует 14 текстов, 440 стихов [Вишневский 1972: 243, 245]. Настоящую популярность этот размер обретает лишь в первой трети XIX века, преимущественно в драматических жанрах, предпочитавших бесцезурный и преимущественно белый (безрифменный) его вариант. Для русской поэзии, как отмечает М. Л. Гаспаров, «образцами были немецкий, английский и отчасти итальянский стих, внимание к которым резко усиливается в эпоху романтизма» [Гаспаров 1984: 139]. Между тем, уже в первом фундаментальном исследовании Б. В. Томашевского, посвященного ритмике пятистопного ямба, убедительно продемонстрировано, что русской пятистопный ямб начала XIX века «с первых шагов приобретает оригинальный ритмический характер» [Томашевский 2008: 222].

К сожалению, история становления ритмики размера на русской почве, описанная Томашевским, а позднее — в более развернутом статистически аргументированном труде К. Ф. Тарановского [Тарановский 2010] — не учитывают так называемые «промежуточные» стадии становления размера; вопрос о ритмических паттернах, ритмико-синтаксических клише и формулах пятистопного ямба до настоящего времени не был поставлен, хотя вышеупомянутая монография Тарановского дает обширные данные для подобного рода исследования. В качестве «промежуточной» стадии становления размера рассматриваются трагедия В. Т. Нарежного «Кровавая ночь, или Конечное падение дома Кадмова» (1799, оп. 1800) и перевод А. Х. Востокова «Ифигения в Тавриде» (1810) из Гёте. Характерно, что оба этих текста не были учтены, поскольку современная стиховедческая парадигма, складывающая в XX веке, предложила гораздо более строгую квалификацию стихотворных размеров. Так, например, размер трагедии Нарежного сейчас следует определять как полиметрическую композицию (ПК), поскольку диалоги и хоры написаны разными размерами, а перевод Востокова — как вольный ямб, так как наряду с преобладающими пятистопниками здесь встречаются строки четырехстопника и шестистопника.

Уже у Востокова складывается специфическая ритмическая форма размера: отчетливый альтернирующий ритм, осложненный сохранением ударной рамки (т. е. первый икт сильнее третьего). На протяжении XIX–XX веков эта альтернирующая тенденция сохраняется, однако в творчестве разных поэтов, а нередко и в разных произведениях одного автора и раже в разных действиях драматических текстов попеременно преобладают ударности «соперничающих» первого и третьего икта. Лишь в исключительных случаях мы можем обнаружить влияние так называемого «нисходящего типа», характерного для немецкого и английского стиха (например, у Кронеберга в переводе шекспировского «Гамлета», где контраст между вторым и третьим иктами сглаживается), или, напротив, «восходящего» французского типа, где второй икт сильнее первого (например, в «Венцеславе» Жандра).

В целом к 1830-м годам постепенно складываются отчетливые предпочтения в частотности использовании ритмических форм бесцезурного пятистопного ямба: из теоретически возможных четырнадцати форм русский стих строится с опорой на пять. Наиболее частотная, составляющая в среднем четверть всех стихов — V ритмическая форма («А живы будем, будут и другие»), на втором месте — I форма («Не я один с моей глухою славой»); в совокупности с IX («И летопись окончена моя»), III («Свидетелем господь меня поставил») и IV («Явился муж необычайно светел») формами они составляют 80 % всех пятистопников. Очевидно, что при подобных предпочтениях формируются устойчивые ритмические паттерны, нередко употребляемые в соседних строках. Так, например, в пушкинском «Скупом рыцаре» следующие друг

за другом III ритмические формы уподобляются и словоразделами после 4, 7 и 8 слогов («Все рыцари сидели тут в атласе / Да в бархате; я в латах был один»); или в VII ритмической форме дублируются словоразделы после 4 и 7 слогов («Все сундуки фламандских богачей / Как талисман оно вам отопрет»).

Несмотря на то, что пятистопный «бесцезурный ямб гораздо легче принимает внутренние сечения в различных местах стиха, и, следовательно, гораздо вольнее укладывается» [Томашевский 2008: 188] в стихотворную строку, формирование ритмических паттернов уже в первые десятилетия XIX века, но и — в потенциале — ритмико-синтаксических клише и даже формул многократно осложняет вопрос об интертекстуальном характере ритма, для выявления которого указания на метрико-ритмическую, строфическую и даже рифменную структуру стиха становятся явно недостаточными.

Литература

Вишневский К. Д. Русская метрика XVIII века // Вопросы литературы XVIII века. Ученые записки. Т. 123. Серия филологическая. С. 129–258.

Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха: Метрика, ритмика, рифма, строфика. М.: Наука, 1984.

Тарановский К. В. Русские двусложные размеры. Статьи о стихе / под ред. В. Тарановской-Джонсон, Дж. Бейли, А. В. Прохорова; пер. с серб. В. В. Сонькина. М.: Языки славянской культуры, 2010.

Томашевский Б. В. Пятистопный ямб Пушкина // Томашевский Б. В. Избранные работы о стихе. М.; СПб.: Academia; Филол. фак. СПбГУ, 2008. С. 140–242.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Андрианова Мария Дмитриевна

канд. филол. наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения;
mouse19855@mail.ru

ПОХИЩЕНИЕ ЖИЗНИ В ФИЛЬМАХ «ЖИЛ ПЕВЧИЙ ДРОЗД» И «ОСЕННИЙ МАРАФОН»

Ключевые слова: эпоха застоя, грузинское кино, интертекстуальные связи, проблемы темпоральности.

Основным материалом исследования послужили два фильма, обозначающих начало и завершение эпохи 70-х гг. XX в., часто называемой «застоем», «Жил певчий дрозд» Отара Иоселиани (1970) и «Осенний марафон» Георгия Данелии (1979).

Несмотря на то, что эти фильмы являются важными документами эпохи, они не часто попадают в поле зрения исследователей, хотя и собрали множество критических отзывов, причем критика четко разделилась на два лагеря: сочувствующие герою и возмущенные поведением героя.

Герой «Певчего дрозда», молодой тбилисский музыкант, весьма далек от образа советского молодого человека. Гия отчетливо не вписывается в социум, в круг людей, знающих и соблюдающих правила, умеющих сосредоточиться, довести дело до конца. Он не знает ни минуты покоя, его неудержимо влечет поток жизни: у него полгорода знакомых, с которыми так важно пообщаться, так много мест, где необходимо побывать, но в эту пеструю жизнь вплетается постепенно тревожный контрапункт. В начале фильма он чуть не попадает под машину, потом совсем рядом с ним падает кадка с пальмой, в театре под ногами разверзается люк в сцене.

Герой постоянно бежит, опаздывая, но ему все больше хочется остановиться, прислушаться и присмотреться. В своей жизни он начинает ощущать что-то неестественное, неправильное. Его выгоняют с репетиции, вот-вот выгонят и из театра. Любимая девушка не отвечает на телефонный звонок, приятели обижаются, мама переживает, а дом заполнен незнакомыми бесцеремонными людьми. И вот герой, как всегда опаздывающий, нарушающий правила, перебегает дорогу перед автобусом — и погибает. Он жил как певчий дрозд, на маленьком пространстве личной свободы, полубессознательно пытаясь увернуться от железной хватки судьбы, но все-таки она его настигает.

Критики в рецензиях тех лет часто фокусировали внимание на том, что основные тема и проблема «Певчего дрозда» — это драма несостоявшегося таланта. Героя осуждали: он инфантилен и необязателен, он крадет у себя время, талант, само будущее. Но мотив кражи имеет и обратный смысл. Герой — творческая личность, его разбросанность — это в то же время интерес к людям, жизни, безалаберность — это интуитивная жажда свободы. Похоже, что отрицательные отзывы о герое порождены банальной завистью — он не борется с обстоятельствами, он подобно певчей птице живет, стараясь не замечать их — тех сетей, которые охватывают его все туже.

К рубежу 70-х гг. испуганная чехословацкими событиями власть окончательно постановила: реформы отменяются, трансформации общественного строя не будет, вольнолюбие опасно, стабильность превыше всего. Веселые чудаки, мечтатели, искатели смысла жизни, каждый, кто не занимается своим четко определенным делом, объявлены лентяями и бездельниками. Вот эту кражу свободы, многоцветия возможностей, кражу будущего и запечатлел фильм. Систе-

Руководитель секции: Л. Д. Бугаева.

ма незаметно, потихоньку ужесточалась, в ней все меньше оставалось места веселому вольнолюбию, духовной независимости. И наиболее чуткие уже в начале 70-х начинали ощущать это грозное веяние эпохи. Но особенно четко эти тенденции проявились в фильме Г. Данелии «Осенний марафон» (1979).

В критике некоторое время было принято порицать главного героя Андрея Бузыкина за нерешительность и мягкость. Умный, талантливый человек, блестящий переводчик, преподаватель университета, вынужден непрерывно опаздывать и оправдываться. Он не может отказаться от оздоровительных пробежек по городу с приезжим иностранцем-переводчиком Биллом Флетчером, не в силах прогнать навязчивого соседа-сантехника Харитонова и выпивает с ним по четвергам, по первому зову бежит к приятельнице Варваре, бездарной переводчице, чтобы приводить в порядок ее опусы, жалеет, но непрерывно обманывает жену Нину Евлампиевну, любит Аллочку, но отказывается уйти к ней насовсем.

Бузыкин все время входит в чье-то положение и чувствует себя виноватым, даже если его вины нет. При этом все окружающие абсолютно уверены в себе и своем праве руководить им, распоряжаться, допрашивать, вовлекать в свои мероприятия. У каждого из них есть своя система, причем жестко организованная, они твердо знают, кем он должен быть и что он должен для них сделать. Все они «простые, цельные люди», а он — не цельный, раздерганный, неуверенный в себе. Но почему-то именно без него они просто не могут жить. Чем дальше, тем яснее становится потребительский, откровенно паразитический характер их ожиданий. Жизнь Бузыкина буквально трещит по швам под напором уверенных в себе, энергичных людей, формализовавших свое представление о счастье. И в какой-то момент возникает ощущение, что все они — разные модификации единой системы.

Настоящая драма Бузыкина заключается в том, что с непосредственной, исполненной радостных и грустных неожиданностей жизнью что-то случилось. Она приняла окончательную, окостеневшую форму, омертвела, она понимает только однозначные ответы «да» и «нет», она уже не способна к импровизации. И, чувствуя это, люди буквально присасываются к Бузыкину, все еще живому, исполненному жалости и сострадания, таланта и стремлений. Так от мелкого и бытового пьеса постепенно поднимается к вопросам бытийным.

В обоих фильмах помимо социального звучания присутствует и универсальный, философский смысл. Растратил герой себя на пустяки или подарил ближним драгоценные минуты человеческого общения? Что важнее — неутомимо идти к своей цели, жестко отметая все ненужное или отдавать свое время и силы, не заботясь о непременном утилитарном результате? Впрочем, можно вспомнить и евангельскую притчу о пшеничном зерне: «Истинно, истинно говорю я вам, если пшеничное зерно не упадет в землю и не умрет, оно останется одно; но если оно умрет, то принесет много плода» (Ин. 12:24–26).

Бугаева Любовь Дмитриевна[1], Петров Андрей Алексеевич[2]

[1]д-р филол. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет; ldbugaeva@gmail.com

[2]аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет; sinavitruvor@mail.ru

РОССИЯ, ПОХИЩЕННАЯ И ВОЗВРАЩЕННАЯ: АНТИНИГИЛИСТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В СЕРИАЛЕ «СТОЛЫПИН»

Ключевые слова: антинигилистический роман, П. А. Столыпин, А. В. Андрианов, сериал «Столыпин».

Сериал А. В. Андрианова по сценарию Т. Д. Эзугбая «Столыпин» (2024) продолжает линию русской антинигилистической литературы XIX в. События отечественной истории (в центре действия — покушения террористов, эсеров-максималистов, на председателя Совета министров Российской империи П. А. Столыпина) показаны в сериале с использованием основных сюжетных схем и мотивного комплекса, которые были характерны для произведений Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева, В. В. Крестовского и мн. др. авторов произведений антинигилистической направленности. Тем самым кинотекст Андрианова вписывается в дискурс «отрицания отрицания» и демонстрирует, что тот, не ограничиваясь художественной литературой, распространяет влияние и на смежные с ней виды искусства.

Сериал «Столыпин» освещает эпизоды биографии великого реформатора, сосредотачиваясь на двух покушениях — взрыве на даче Столыпина на Аптекарском острове 12 августа 1906 г. и его убийстве 1 сентября 1911 г. На экране появляется сам Столыпин (в исполнении А. С. Устюгова) и члены его семьи, депутаты Государственной думы, императрица Мария Федоровна, член Государственного совета С. С. Климов, лидер ячейки террористов эсер М. И. Соколов (кличка Медведь), анархист Д. Г. Богров и мн. др.

Сериал транслировался на телеканале «Россия» с 5 по 7 ноября 2024 г. в прайм-тайм между программами «Вести» и «Вечер с Владимиром Соловьевым», что уже встраивает его в актуальную общественно-политическую повестку и актуализирует события более чем вековой давности. Образ идеального министра-консерватора, стремящегося к стабильности и готового идти на жесткие меры по отношению к внутренним врагам, проецируется на современную политическую действительность и неизбежно соотносится с нынешней российской властью. Значимо и то, что показ сериала начался 5 ноября — после Дня народного единства — и прекратился 7 ноября, в годовщину Октябрьского большевистского переворота: так проводится тема исторического пути России, с которого она сошла в 1917 г. и на который, как указывает контекст трансляции, вернулась сегодня. Исторический сериал встраивается в современную идеологическую полемику на уровнях от замысла до рецепции (в докладе рассматриваются отзывы о сериале в СМИ и сети «Интернет») и имеет четко выраженную направленность: он нацелен против нигилизма в широком понимании — как явления, существующего вплоть до сегодняшнего дня.

Основной художественный прием, на котором выстроена вся композиция сериала, — антитеза семьи Столыпина и революционеров как светлого и темного начала, добра и зла. В центре при этом оказывается фигура «доктора» (недоучившегося студента-медика) Алексея Любомирова, революционера с больной совестью, который мечется между двумя этими полюсами, проходит путь от попытки убить Столыпина до желания его спасти. Мотивный комплекс, с помощью которого организована эта оппозиция, прямо наследует антинигилистическому дискурсу русской литературы: художественную структуру сериала определяют оппозиции веры и безбожия (антинигилистический роман на всех уровнях утверждает христианские духовные ценности [Старыгина 2003: 340], и идеалом христианина предстает сам Столыпин, а его враги — безбожниками с явно инфернальными чертами, что тоже характерно для антинигилистики [Старыгина 1998]), семьи и ее отсутствия (где важную роль играет мотив ребенка, имеющий как привязку к актуальным дискуссиям об аборте, так и символическую трактовку: если

Столыпин и его деятельность во всех смыслах плодотворны, то нигилисты бесплодны, пусты), мотив тирании лидера нигилистов.

Важнейшим претекстом сериала является творчество Ф. М. Достоевского, главным образом — романы «Бесы» (1871–1872) и, в особенности, «Преступление и наказание» (1866). Нигилизм в сериале показан как теория и как практика. Между этими формами — пропасть, чтобы перейти которую, необходимо совершить грех. Сам Алексей Любомиров, участвующий в теракте, проходит эту дистанцию между теорией и практикой и оказывается неспособен позволить себе «кровь по совести»: об этом говорит финальное раскаяние. Структура романа Достоевского повторяется в системе двойников главного героя: таковыми оказываются и Медведь, довоплощенный тип «право имеющего», и Дмитрий Богров, убийца Столыпина, нигилист-фанатик, мечта которого — оставить по себе впечатление, уничтожив все человечество («Яркая вспышка — и нет ничего»). Нигилизм в его образе доходит до своего максимума, до желания тотального уничтожения — и жертвой рокового выстрела, согласно концепции сериала, становится не только сам министр, но и вся Россия, лишь ненамного пережившая Столыпина, о чем сообщается в заключительных титрах.

Литература

Старыгина Н. Н. Демонические знаки в антинигилистическом романе как выражение авторской ценностно-мировоззренческой позиции // Проблемы исторической поэтики. 1998. № 5. С. 203–221.

Старыгина Н. Н. Русский роман в ситуации религиозно-философской полемики 1860–1870-х годов. М.: Языки славянской культуры, 2003.

Бугаева Любовь Дмитриевна

д-р филол. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет;
Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского;
ldbugaeva@gmail.com

РАСКОЛОТОЕ И ПОХИЩЕННОЕ «Я» НА ЭКРАНЕ

Ключевые слова: двойник, расколотое я, кинофильм, телесериал, Тарковский.

Двойник в его традиционной форме и новых вариациях регулярно появляется в литературе и кино. Будучи одним из самых удачных выражений Другого, двойник раскрывает не только тайны «я», но и его скрытые черты, функционирует как отражение и надежд, и фобий [Shiloh 2011; Klein 2023]. Так, например, дискурс о клонах («новых двойниках»), связанный с утопическими ожиданиями биотехнологически вечной жизни, свидетельствует о серьезной тревоге, связанной с темой клонирования [O'Riordan 2008].

Представляется перспективным проанализировать дискурс клонирования в кино и на телевидении как вариант более широкого дискурса двойника. Данный дискурс формируется в том числе в таких фильмах, как «Солярис» (1972, Андрей Тарковский; 2002, Стивен Содерберг), «Остров» (2005, Майкл Бэй), «Луна» (2009, Дункан Джонс), «Никогда не отпускай меня» (2010, Марк Романек) и др. А сериал «Разделение», созданный Дэном Эриксоном (2022, Бен Стиллер и Ифа МакАрдл), придает новый интересный поворот феномену двойника, представляя его как «я», разделенное между разными сферами жизни. В задачу входит понять, что именно стимулирует раздвоенность героя в современном кино и на телевидении, какие тревоги и опасения предопределяют воплощение данной раздвоенности и какие формы и очертания она принимает, а также, чем различаются на экране двойник, клон и расколотое «я».

Феномен клонирования в некотором смысле является вызовом существованию человека, который до определенного времени был уверен в себе как в единственном обладателе интеллекта и уникальной телесной неповторимости. Современное кино, отвечая на данный вызов, отражает прагматическую применимость дублирования: «пользу» удвоения ради улучшения человека, с одной стороны, и «угрозу» идентичности — с другой [Mountfort 2018; Ruddell 2013]. Можно сказать, что в данном случае визуальное управляет этическим. Так, например, сериал «Разделение» ("Severance"), созданный Дэном Эриксоном (2022, Бен Стиллер и Аойф МакАрдл), придает новый интересный поворот феномену двойника, представляя двойника как себя, разделенного между разными сферами жизни. В результате хирургической процедуры разделения, осуществляемая корпорацией Lumen, сознание героев разделяется на две разные личности: «внешнюю», которой доступны воспоминания только за пределами Lumon, и «внутреннюю», которой доступны воспоминания только внутри корпорации. Центральным, критическим вопросом сериала становится вопрос о памяти и о том, как она формирует идентичность.

Люди по своей природе являются социальными существами; их представления о себе и мире, в том числе их вписанность в социальные структуры, включая семью, религию, административные и экономические системы, взаимно формируют друг друга. Социальные связи — это базовая психологическая потребность человека, необходимая для выживания, которая иллюстрирует, что индивидуальное не может быть отделено от социального, поскольку это взаимный процесс. В сериале «Разделение» герои оказываются отчуждены не только от своих личных воспоминаний, но и от результатов своей деятельности, смысла которой они не понимают. Работа — это пустой знак, значение которого постоянно меняется и не может быть схвачено. Данное отчуждение и реакция на него героев вызывает в памяти хорошо известные марксистские представления о борьбе с отчуждением от себя, других и своего труда как части пути к классовому сознанию и эффективному сопротивлению угнетению пролетариата [Маркс 1974].

Проблематизация идентичности героя находит соответствующее драматургическое решение, которое поддерживается визуально. Так, например, субъективация и индивидуация

в Lumon Industries, происходит благодаря определенной детерриториализации опыта времени. Работники чувствуют себя так, будто они постоянно живут в настоящем, которое сегментируется посредством монтажа. В свою очередь кинопространство сериала отвечает введенному М. Фуко понятию гетеротопии.

Сериал «Разделение», продолжая линию двойничества в кинематографе и раскрывая потенциал клонирования и других вариантов редупликации и разделения, показывает, что традиционно принадлежащие человеку интеллект и тело технически могут быть от него отчуждены.

Литература

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 42. М.: Изд-во полит. лит., 1974.

Klein N. Doppelganger: A Trip into the Mirror World. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2023.

Mountfort P. Science Fictional Doubles: Technologization of the Doppelgänger and Sinister Science in Serial Science Fiction TV // Journal of Science & Popular Culture. 2018. Vol. 1. P. 59–75.

O'Riordan K. Human Cloning in Film: Horror, Ambivalence, Hope // Science as Culture. 2008. Vol. 17, no. 2. P. 145–162.

Ruddell C. The Besieged Ego: Doppelgangers and Split Identity Onscreen. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2013.

Shiloh I. The Double, the Labyrinth and the Locked Room: Metaphors of Paradox in Crime Fiction and Film. New York: Peter Lang, 2011.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01588, https://rscf.ru/project/24–28–01588/; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского.

Двинятина Жамила Рузмаматовна

канд. филол. наук, ст. преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет; jamilas@mail.ru

ПОХИЩЕННЫЙ ЖАНР: ВОДЕВИЛИ НА СОВЕТСКОМ ЭКРАНЕ 1930-х ГОДОВ

Ключевые слова: водевиль, жанр, кино, советское, музыкальная комедия.

Речь в докладе пойдет о поэтике советских фильмов 1930–1950-х гг., так называемого «легкого жанра», о том, как они устроены, почему при большой народной любви, в официальной иерархии фильмов они занимают нишевое положение, почему их авторы не афишируют их истинный жанр, отсылающий к литературе, театру и кино предшествующей эпохи и кино иностранного производства, и как этот жанр водевиля со временем все-таки проникает на советский экран.

Для более подробного анализа используются фильмы комедиографов Константина Юдина «Девушка с характером», «Сердца четырех», «Близнецы», «Шведская спичка», «На подмостках сцены», Александра Ивановского и Герберта Раппопорта «Антон Иванович сердится», А. Ивановского «Музыкальная история», «Сильва» и другие. Для анализа последующего бытования жанра используются фильмы «Старинный водевиль», «Крепостная актриса», «Зеленая карета», «Гусарская баллада», «Ах, водевиль, водевиль…», «Сватовство гусара», «Лев Гурыч Синичкин», «Табачный капитан», «Соломенная шляпка», «Стакан воды», «О бедном гусаре замолвите слово» и др.

Советская нормативная описательная поэтика кино периода появления звука не вводит понятие «водевиля» в число актуальных жанров. Согласно практике реального кинопроизводства, которое можно изучить по статистическим данным выходящих картин, и согласно идеальному распределению жанров в рекомендованных темпланах — выпускаемых ежегодно брошюрах с указаниями тематики тех фильмов, которые надлежит произвести в ближайший период, — в советском кинематографическом узусе присутствуют исторические ленты и героические фильмы о современниках, приключения, шпионские фильмы, картины для детей и юношества, экранизации, драмы, в том числе спортивные, и фильмы о любви — мелодрамы, чье название стыдливо замалчивается, как и собственно жанр водевиля, в стилистике которого, однако, на наш взгляд, сделано достаточное количество картин комедийного характера, как всегда хорошо принимаемых публикой.

Чтобы атрибутировать перечисленные фильмы тридцатых годов в качестве водевиля, надо поговорить о структурных элементах этого жанра и немного о его истории. В российском и советском киноведении этому предмету не уделено пока большого внимания.

Водевиль расцветает в театре, в том числе русском, в середине девятнадцатого века. Его черты хорошо известны — комедийность, основанная на простом сюжете и умении актеров взаимодействовать с залом, музыкальные вставные номера, легкость содержания, даже фривольная игривость в совокупности с историческим или псевдоисторическим сюжетом, ведущая роль актерских амплуа — комических стариков, молодых влюбленных и особое место легкой эротики с демонстрацией красивых актрис и главной героини водевиля, для которой нередко такое представление превращается в бенефис. Место в спектакле русского водевиля — всегда промежуточное, между серьезными пьесами или в качестве их дополнения. Отсюда и любовь публики к жанру, и презрительное игнорирование его первыми драматургами. При этом хорошо описана «переделка на русские нравы» французских первоисточников. В то же время элементы водевиля, или его первоисточника в духе комедий Мариво, постоянны, скажем, у Пушкина, а сами русские театральные водевили многочисленны.

Схожие, но не тождественные черты водевиля найдем в англоязычной и франкоязычной культурах. Из комической оперы восемнадцатого века, собственно водевиля, варьере, кабаре, музыкального театра оперетты, представления менестрелей в значении девятнадцатого века и эстрадных ревю выходят те деятели кино, которые активизируются с техническим появле-

нием звука в кинематографе. До этого немое кино составляло большую конкуренцию именно этим артистам. С приходом звука на них начинает опираться звуковой Голливуд и другие кинематографии, так или иначе делающие фильмы в схожих жанра или даже непосредственно по рецептам голливудского мюзикла, как это делает Григорий Александров с его классическими комедиями, снятыми после стажировки в Америке, «Веселые ребята», «Волга-Волга», «Цирк», «Светлый путь». Но эти фильмы — музыкальные, эротические, приключенческие, фильмы со «звездой», с парадом аттракционов и ярко выраженной пропагандой, не входят в описываемый нами жанр водевиля. Для этого они слишком помпезны, программны, громоздки и, главное, пользуются новой поэтикой мюзикла, в то время как фильмы Юдина и Ивановского остаются верны традициям театральной развлекательной школы, высокое качество которой они не просто демонстрируют, но и отстаивают в полемической борьбе, развернувшейся прямо на экране в фильме «Антон Иванович сердится» относительно жанра «легкой музыки».

Наконец, после спорадических попыток открыто репрезентировать жанр в советском кино, наступает компенсация — экран заполняют музыкальные комедии («Собака на сене», «Три мушкетера», «Бедная Маша», «Мама» и др.), но и тут роль водевиля отводится лишь экранизациям водевилей исторических, а новый стиль музыкальных фильмов получает неявные и неустоявшиеся названия («фильм с зонгами») и стремится отойти от удобного и уютного содержания водевиля к более драматическому, в духе новых рок-опер («Иисус Христос суперзвезда», «Юнона и Авось», «Звезда и смерть Хоакина Мурьеты», «Обыкновенное чудо» и др.).

Ежевский Александр Викторович

аспирант, Всероссийский государственный университет кинематографии им. С. А. Герасимова; sunofmark@gmail.com

РЕАЛИЗАЦИЯ СЮЖЕТА ПОХИЩЕНИЯ В АВТОРСКОМ И ЖАНРОВОМ КИНО ЯПОНИИ И ИТАЛИИ

Ключевые слова: похищение, итальянское кино, японское кино, полициоттески.

Фильмы «Рай и ад» (1963, реж. А Куросава) и «Шок в городе: безжалостная охота на похитителей» (1975, реж. Фернандо Ди Лео) представляют собой две версии одного и того же сюжета о похищении, изначально изложенного писателем Эдом Макбейном в романе «Выкуп Кинга». Каждый из двух фильмов отражает уникальные культурные и социальные контексты своих стран. Оба фильма исследуют темы власти, коррупции и моральных дилемм, но делают это с помощью различных нарративных структур, визуальных решений. Данная статья направлена на сравнительный анализ этих двух фильмов, акцентируя внимание на темах, персонажах и культурных различиях.

В фильме Акиры Куросавы богатый менеджер Кинго Гондо (в исполнении Тосиро Мифунэ) планирует тайно выкупить контрольный пакет акций обувной фабрики, чтобы избежать её захвата недобросовестными партнёрами и продолжать производить качественную обувь. Для этой цели он закладывает всё своё имущество. В день совершения сделки Гондо звонит человек, который сообщает ему, что похитил его сына и требует огромный выкуп. Равный тому, что Гондо получил, заложив своё имущество. Когда Гондо соглашается, обнаруживается, что его сын находится дома. Похититель перепутал детей и похитил сына водителя. Он это понял и всё равно требует выкуп. Теперь перед Гондо встаёт моральная дилемма: готов ли он пожертвовать всеми своими деньгами за жизнь чужого ребёнка?

В фильме Фернандо Ди Лео похищают не только сына богатого бизнесмена Филиппини (в исполнении Джеймса Мэйсона), но и сына простого механика Марио Колеллы (в исполнении Люка Меренды). Похитители требуют выкуп за обоих детей, но Филиппини начинает торговаться с похитителями, воспринимая происходящее, как очередную сделку. Ди Лео, удовлетворяя запрос итальянской публики «Свинцовых семидесятых», изображает богатого человека лишённым эмпатии и морали. Образ Мэйсона порой кажется карикатурным: он почти всегда с бокалом виски в руке и в солнцезащитных очках. В итоге, именно бизнес-подход Филиппини косвенно приводит к гибели сына механика. Похитители убивают его, чтобы ускорить решение о выкупе.

В фильме Куросавы бизнесмен Гондо, несмотря на отчаянное положение, не вызывает отвращения, как герой Джеймса Мэйсона у Ди Лео. Он отдаёт все деньги, теряя свою фабрику и всё своё имущество, но становится в глазах общественности героем. Куросава не позволяет себе упростить ни одного из персонажей своего фильма.

В Италии в 1970-е похищения не сходили с заголовков газет. Людей похищали, как политические (здесь стоит вспомнить похищение и убийство Альдо Моро в 1978 г.), так и мафиозные группировки из разных регионов. По разным данным, с 1969-го по 1981-й было похищено более 600 человек. Итальянские кинематографисты, работавшие в жанровом кино, старались оперативно реагировать на актуальные события, часто отражая их в фильмах. В реальности итальянские семьи находили деньги и выплачивали преступникам выкуп — полиция была либо не способна найти похитителей, либо была как-то замешана. Эту жажду справедливости короткое время утолял поджанр полициоттески — поджанр криминальных фильмов, где часто справедливость в свои руки брал герой-одиночка.

«Шок в городе: безжалостная охота на похитителей» не стал исключением. Механик Марио Колелла, понимая, что полиция не может найти похитителей и убийц сына, решает действовать самостоятельно. И фильм Ди Лео во второй половине превращается в типичный боевик о мстителе-одиночке. Колелла выходит не только на непосредственных исполнителей, но и на заказчи-

ков из Милана. Ди Лео таким образом показывает, что похищения такой же бизнес, как любой другой. Обнаружение заговора довольно типичный сюжет для полициоттески и он тоже удовлетворял запросам публики, которая была окружена новостями о заговорах в правительстве.

Куросава же в своём фильме идёт по совершенно другому пути. Вместо мести или удовлетворения запроса зрителя на мгновенную справедливость, он переключает фокус с жертвы на похитителя. Буквально перемещая зрителя с холма в низину, из «рая» богатых в «ад» трущоб Иокогамы. Это визуальное противопоставление одних условий жизни другим само по себе демонстрирует, что эта пропасть между богатыми и бедными является причиной этого преступления. И сам похититель в конце признаётся, что красивый и чистый дом господина Гонды на холме вызывал у него зависть.

Куросава, как и Ди Лео, отражает в своём фильме происходящие с его страной изменения. В случае Ди Лео — это рост преступности, коррупция, экономический упадок, которые разделили общество. В случае Куросавы — экономический рост Японии, строительный бум, расширение сети железных дорог, которые, в итоге, не объединили японцев, а резделили их. Куросава подчёркивает это разделение визуально, помещая дом Гондо на холм. Ди Лео обходится простыми визуальными штампами богатого дома Филиппини и бедного дома Колеллы.

«Шок в городе: безжалостная охота на похитителей» не стал классикой и в фильмографии Фернандо Ди Лео считается не самым удачным фильмом. Все сценарные, визуальные, мизансценические решения изобилуют клише, которых этому режиссёру обычно удавалось избегать в его других жанровых картинах. А вот «Рай и ад» Куросавы стал классикой во многом благодаря режиссёрскому подходу. Речь не только о решении мизансцен с большим количеством действующих лиц, но и о композиционных решениях, и о редкой попытке понять преступника и разобраться в его мотивах. Влияние этой кинокартины на других кинематографистов, пускай и без сюжета о похищении, можно увидеть в фильмах «Воспоминания об убийстве» (2003, реж. Пон Джун Хо) и «Зодиак» (2007, реж. Д. Финчер), а из недавних в фильме «Паразиты» (2019, реж. Пон Джун-хо), в котором богатая семья живёт в роскошном доме наверху, тогда как бедная семья — в трущобах внизу.

Литература

Альварес Р., Мамбро Ф. Свинцовые 70-е. Национал-большевизм в Европе. М.: Родина, 2024.

Холмогоров И. «Свинцовые семидесятые» в Италии: причины развития политического радикализма // Актуальные проблемы истории, туризма, рекламы и связей с общественностью: тез. докл. конф. Ярославль: Филигрань, 2022. С. 46–48.

Curti R. Italian Crime Filmography 1968–1980. Jefferson; London: McFarland & Company, Inc., 2013.

Еланская Светлана Николаевна

канд. филос. наук, доцент, Тверской государственный университет;
jolotschka@mail.ru

«ТА, У КОТОРОЙ Я УКРАДЕН, В ОТМЕСТКУ ТОЖЕ СТАНЕТ КРАСТЬ»: ПОХИЩЕНИЕ КАК СТОЛКНОВЕНИЕ ДЕВИАНТНЫХ ПРАКТИК В КРИМИНАЛЬНОЙ ДРАМЕ «КОМПЕНСАЦИЯ» В. СТОРОЖЕВОЙ

Ключевые слова: девиантная реальность, Бергер, правонарушение, жанр, кайрос.

Современное российское кино часто обращается к теме границ дозволенного в амбивалентно-этической окраске. Сюжет о похищении в кинематографе неизбежно погружает в пространство жанра. Предполагается и тайна, которую возможно раскрывать привлекательными художественными киносредствами. Вместе с тем это социальная девиация, правонарушение, куда вторгается сухая буква закона, требующая строгих формулировок и дефиниций. С этой точки зрения похищение расценивается в трёх аспектах: социальном, медико-биологическом и психологическом. Последний предполагает расстройства привязанностей (воровство как попытка установить утраченные привязанности — привлечение внимания), или как идея мести за порушенные привязанности. У детей и подростков имеет символический аспект [Клейберг 2016: 203].

Иллюстрацией столь исчерпывающей характеристики может послужить криминальная драма «Компенсация» В. Сторожевой (2010). Пятнадцать лет картине уже позволяют отнести её к классике жанра. Акт похищения ребёнка (киднеппинг на юридическом языке), причем также детьми, девочками, репрезентируется как моральная компенсация. Психологический аспект первичен. Знаток подростковых девиаций Ю. Клейберг расшифровывает психологическую неудовлетворённость, включающую в себя множество разнообразных мотивов, из которых нужно выбрать нарушение отцовской привязанности, недостаток внимания родителей (отца). Логично воровство выступает как месть или как наказание отца за это. Восстановление справедливости мотивируется тем, что раз родители (отец) украли у ребёнка любовь, внимание и заботу, дитя украдёт то, что значимо для родителя, например деньги. Также это может быть местью за нанесённые обиды, боль [Клейберг 2016: 204]. В фильме это звучит возгласом, с горечью: «Давай ограбим папу!»

Мотив мести, по признанию авторов, первоначально более отчётливо присутствовал в сценарии (сцен. Н. Назаровой), но трансформировался как вторичное действие, ответное, вызванное равнодушием, невниманием отца при встрече — «Пусть компенсирует!»

Фильм заостряет проблему жанра: от психологической драма переходит в криминальную, разрастаясь до вселенской катастрофы в масштабах отдельно взятой, пусть и разлучённой, семьи.

Поэтому уместно затронуть понятие *девиантной реальности,* обратившись к социологам-конструктивистам. П. Бергер акцентирует внимание на предложившей девиантную версию группе (конкретная семья Мальцевых в данном кейсе) как носителе альтернативного определения реальности, её объективировавшей. Девиантная реальность [Бергер 1995: 174–175] конструируется цепочкой последовательных иррациональных поступков. Фильм закольцован не только смертями, но и сакраментальным вопросом: «Правильно ли мы поступаем?» Ответ не определён, поскольку никто в итоге не знает, как правильно.

Сначала похищение не осознавалось всерьёз, для детей и представлялось детской игрой — «мы её просто украдём», но с благими намерениями помириться с отцом, восстановить разрушенную семью. Сюжет, на первый взгляд, банальный, кажущийся типичной семейно-бытовой драмой. Продюсерское решение (ген. продюсер Г. Нерсисян) превратило обыденную историю в трагедию.

«Компенсация» интересна и подменой ролей похитителей и похищенных, обнаруживает элементы маскарада. Так пунктиром оговаривается опыт Лены как «ролевика — эльфа».

Любопытно, что все участвующие стороны, особенно, девочки обладают знанием о похищении как правонарушении, даже представляют все возможные сценарии развития событий: необратимость поступка («обратной дороги нет!», «нас посадят»), высокая цена (взаимными извинениями не отделаться). Убедительность похищения создаётся благодаря блестящему актёрскому ансамблю, прежде всего, девочкам-дебютанткам (одна из первых ролей в кино Ирины Горбачёвой, Анфиса Медведева-Вистингаузен, Полина Куценко).

Череда похищений 15 лет назад открывается «похищением» отца (Г. Куценко) — родовая девиация. Печальным следствием явились украденные детство и счастье. Теперь в назидание–отместку младшей папиной дочке предлагается заучить жестокий урок, что «за счастье надо платить».

Одновременно происходит «похищение» жены, её верности, т. е. измену можно рассматривать как кражу. Таким образом, Ольга Мальцева (Л. Толкалина) — двойная похитительница, хищница: «украв» отца, «испоганила чужое детство». Даже невольный оппонент пострадавшей супружеской пары, следователь Алексей Алексеевич (В. Епифанцев) также, видимо, компенсирует свою ущербность, классовую зависть, возможно, травму измены, брошенность. У него будто «похитили» полноценное уголовное дело.

Апофеоз — похищение у отца спокойного, безмятежного семейного счастья (дважды), от которого «пёрло», а также безупречной репутации семьянина, ощущается как потеря самого себя. Здесь главной абсолютной жертвой становится Кристина, у которой метафорически похищают жизнь.

Сценарист Н. Назарова объясняла такое столкновение роковых совпадений промыслом Божьим. При таком понимании напрашивается понятие «кайрос» — похищение как множественное совпадение, созвучное самой природе кино.

На драматургию работают и ряд оппозиций: норма/отклонение; счастье/несчастье; детство/зрелость, стремительно приобретённая (истинная компенсация); мужское/женское (в четырёх лицах) — стремление обрести целостность

Возвращаясь к определению жанра, следует понимать, что похищение человека — это неизбежный, предопределённый трагический исход, «хэппи энд» не предусмотрен.

Литература

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М.: Academia-Центр; Медиум, 1995.

Клейберг Ю. А. Воровство как девиантогенный конструкт: генезис и феноменология // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. № 1 (31). С. 202–207.

Иваницкий Александр Ильич

д-р филол. наук, вед. научный сотрудник,
Российский государственный гуманитарный университет;
meisster@mail.ru

О СООТНОСИМЫХ ЗНАЧЕНИЯХ ДВОЙНИЧЕСТВА В НЕМЕЦКОМ ЭКСПРЕССИОНИЗМЕ 1920-х гг. («ПОСЛЕДНИЙ ЧЕЛОВЕК» Ф. МУРНАУ И «МЕТРОПОЛИС» Ф. ЛАНГА)

Ключевые слова: немецкие импрессионизм, немой кинематограф, двойничество, Мурнау, Ланг.

«Последний человек» (*Der letzte Mann*, 1924) Ф. Мурнау и «Метрополис» (*Metropolis*, 1927) Ф. Ланга роднит мотив взаимосвязь двух ключевых мотивов немецкого кино 1920-х гг. В обеих картинах цивилизационный перелом (замена «идиллии» технократическим и бездушным мегаполисом) символизирует «вытесняющая» замена героя идиллии реальным либо рукотворным двойником. При этом логическая последовательность в данном случае не вполне соответствует хронологической.

В «Метрополисе» фигура «вавилонской блудницы» — механического двойника защитницы бедняков Марии, — отражает и переосмысляет «психо-логику» «сквозной» пары немецкого экспрессионизма: таинственного «всемирного» палача (Носферату, Калигари, Мабузе) и управляемого им (теми же Калигари и Мабузе) сомнамбулы. Источником урбанистической антиутопии Метрополиса выступает трагически разрешившийся любовный треугольник двух главных антагонистов фильма, Фредриксена и Ротванга, — и прекрасной девушки Хелл, выбравшей первого, но умершей при родах.

Фредриксен, став миллионером, строит в память Хелл конструктивно идеальный Метрополис с подтекстом комеморативного храма. «Храм», однако, предстает грешным Вавилоном, предназначенным для наслаждений «верхов» и адского труда «низов». Равно презираемые Фредриксеном, они проявляют мстительную составляющую Метрополиса как жертвенного алтаря и будущего саркофага: однажды расплатившись своей общей и единовременной гибелью за смерть Хелл, верхи и низы совместно образуют ее «окончательный» мемориал.

Для ставшего ученым Ротванга Хелл, погибшая от руки его счастливого соперника, становится ангелом — мучеником, которого он стремится увековечить в виде биомеханического двойника. Однако, соглашаясь по просьбе Фредриксена наделить свою «Хелл-2» лицом предводительницы «рабов» Метрополиса Марии и характером вавилонской блудницы, Ротванг планирует с ее помощью погубить Метрополис и, тем самым, ставит месть ему за Хелл выше любви к самой Хелл — за которую в итоге и принимает кукольную блудницу. То есть если в лице Фредриксена роковой герой сам строит мир, который однажды покарает за потерянную любовь, то в лице Ротванга он влюбляется в собственную олицетворенную месть за эту потерю.

В то же время в «Последнем человеке» урбанизированный мир (современного Берлина) предстает плодом объективного социо-исторического движения. В то же время вытеснение идиллии и, соответственно, ее героя двойником — антиподом оказывается относительным. Заглавный герой (исп. Э. Яннингс) — швейцар роскошного отеля в центре Берлина, воплощающего бездушную «новую деловитость» послевоенной Германии. Это пожилой жизнелюбивый толстяк, ощущающий себя своего рода царственным привратником дворца новой жизни, на которую смотрит как на прежнюю, которой царственно упивается и столь же царственно делится радостью этой жизни со всеми, кого он встречает в ней. Таким же добрыми «царем-отцом» он чувствует себя со всеми обитателями бедняцкого квартала, в котором живет.

Все меняется в день, когда, придя на работу, он видит на своем месте нового швейцара («двойника») — такого же холодно-равнодушного, как и мир вокруг него, — и узнает, что его по старости перевели в коридорные. Практически весь дальнейший фильм мы видим духовный и физический распад его личности, а в его лице — всей прежней идиллической Германии.

Полуфантастический эпилог (свалившееся на героя богатство) утверждает жизненную силу и «сопротивляемость» олицетворяемого им идиллического мира. Разбогатевший швейцар — «король» становится просто «королем», который столь же задушевно относится к бездушному миру и простодушно радуется всему, что он может от этого мира получить и что может дать людям вокруг. И в первую очередь сажает рядом с собой за стол и в карету прежних друзей из прежнего мира окраин.

Мера его королевской власти — мера жизнелюбия и родства с «подданными», родительской опеки, близости им и щедрости к ним. Этим герой раскрывает смысл идиллии в статусе ее королевского/отцовского воплощения. Став плодом истории, идиллия не становится ее жертвой, а превращает мегаполис («метрополис») в «царственную идиллию».

Соответственно, «двойник» в итоге не только не замещает героя (то есть не является двойником), но и не представляет «новый» мир. Если у Ланга старая идиллия в лице освободившихся низов рухнувшего «Метрополиса» фактически возвращается на его место, то в «Последнем человеке» она наделяет его своими духовными признаками.

Литература

Кракауэр З. Психологическая история немецкого кино: от Калигари до Гитлера. М.: Искусство, 1977.

Тодоров Цв. Введение в фантастическую литературу. М.: Дом интеллектуальной книги, 1997.

Штейнман М. А. Технократия и искусственное тело в контексте фантастического: «Метрополис» Ф. Ланга и «Мерзейшая мощь» К. С. Льюиса // Искусственное тело в мировой интеллектуальной и художественной культуре / отв. ред. А. В. Голубков, М. А. Штейнман. М.: Ин-т мир. лит. им. А. М. Горького РАН, 2023. С. 455–478.

Minden M., Bachmann H. Fritz Lang's Metropolis: Cinematic Visions of Technology and Fear. New York: Camden House, 2002.

Roth L. "Metropolis", The Lights Fantastic: Semiotic Analysis of Lighting Codes in Relation to Character and Theme // Film Quaterly. 1978. Vol. 6, no. 4. P. 342.

Socci S. Fritz Lang. Roma: Il Castoro, 2013.

Калько Ольга Викторовна

соискатель, Всероссийский государственный институт кинематографии;
ст. научный сотрудник, Государственный музей кино;
evpatorianka@gmail.com

ПОХИЩЕНИЕ ОБРАЗОВ: РОЛЬ КОСТЮМОВ В КОМЕДИИ «ДВЕНАДЦАТАЯ НОЧЬ» НА ПРИМЕРЕ ЭКРАНИЗАЦИИ 1955 г. (РЕЖ. Я. ФРИДА)

Ключевые слова: европейский костюм, кинокостюм, комедия В. Шекспира.

Влияние литературного наследия великого английского драматурга В. Шекспира на мировую культуру переоценить невозможно. Актуальность его пьес уже более 400 лет подтверждают читатели и зрители разных стран мира. Пьеса, написанная в начале XVII столетия ставилась на театральных сценах, экранизировалась неоднократно. Захватывающий сюжет комедии наполнен событиями — переодеваниями, обманами, неуместными влюбленностями. Сюжетные линии и их переплетения, тайные смыслы и символы, похищения образов привлекали как современников Шекспира и до сих пор актуальны для зрителей XXI в.

Краткий обзор произведения. Два близнеца — Виола и Себастьян, разделенные кораблекрушением, ничего не знают о судьбе друг друга. Спасенная Виола обосновывается в южной стране — Иллирии, и переодевшись в мужской костюм, поступает на службу к местному герцогу. Героиня присваивает себе имя Цезарио. В комедии множество персонажей и не одна комедийная линия, но ограничим рамки исследования преимущественно главными персонажами и их образами.

В пьесе Шекспира «Двенадцатая ночь или что угодно» присвоение главной героине мужского облика, «похищение» внешности обусловлено социальными, религиозными, политическими воззрениями относительно гендерной роли женщины в европейском обществе XVI–XVII вв. Острые вопросы поднимаются драматургом и обыгрываются в комедийном ключе. Ведущая сюжетная линия отражает потребность в визуальном сокрытии пола.

Женщина благородного происхождения не имела права работать, обучаться наравне с мужчинами, выходить замуж по желанию, открыто участвовать в политической жизни страны. При этом именно в Англии времен Шекспира правителем страны была женщина, сильный политик, яркая личность — королева Елизавета I Тюдор. Этот факт еще контрастнее выделяет общепринятое понимания роли мужчины и женщины в обществе. Дерзновение занять главенствующую роль было дозволено лишь избранной, помазанной королеве, которая была «замужем за Англией». Поэтому комедия носит остро социально подтекст, но радует публику запутанными отношениями, неуместными влюбленностями, тайнами, перевоплощениями героев.

Главные герои — Виола и Себастьян, являясь близнецами имеют сходства, которые еще больше подчеркиваются костюмами, чаще всего единообразными. Но, традиционно режиссерами предлагаются и незначительные визуальные отличия персонажей. Для примера предлагается провести анализ костюмов в экранизации «Двенадцатой ночи» 1955 г, реж. Я. Фрида, СССР.

Исторические костюмы в кино основываются на глубоком понимании художником исторической периодизации моды. При подготовке эскизов необходимо провести анализ модных тенденций выбранного периода. В произведении В. Шекспира фигурируют персонажи современники самого драматурга. Конец XVI — начало XVII в. принято называть Новым временем, расцветом ренессансной культуры. Костюмы знати данного периода отличались прилегающим кроем изделий и достаточно пышными рукавами и нижних частей костюмов. Одежда изготавливалась из дорогих материалов — бархата, шелковой тафты, украшались декоративной вышивкой, драгоценными камнями. Мужской костюм состоял из нижней сорочки, дублета, пышных плундр и дополнялся чулками, плащем, беретом, украшениями и оружием [Келли, Швабе 2022: 171].

Художник по костюмам экранизации 1955 г., А. Дандурян мог вдохновляться портретами правителей Европы: Генриха VIII, Франциска I, Филлипа II и другими [Портрет Филиппа II].



Рис. 1. Портрет Филлипа II (1554 г., Тициан) и афиша фильма «Двенадцатая ночь» (1955 г., реж. Я. Фрид)

Костюмы персонажей фильма ключевыми деталями могут повторять портретную живопись данного периода, но художник не бездумно копирует костюмы известных личностей, а следует обобщенному историческому образу. Художник по костюму работает в тесной связке с режиссером, костюмы должны следовать концепции произведения, выделять черты характера персонажа. Виола (Цезарио) и ее брат Себастьян похожи, но зритель должен их четко идентифицировать, в том числе посредством костюма и грима. Главные роли исполнила К. Лучко, ей предстояло преобразится в трех разных персонажей, что является сложной актерской задачей.

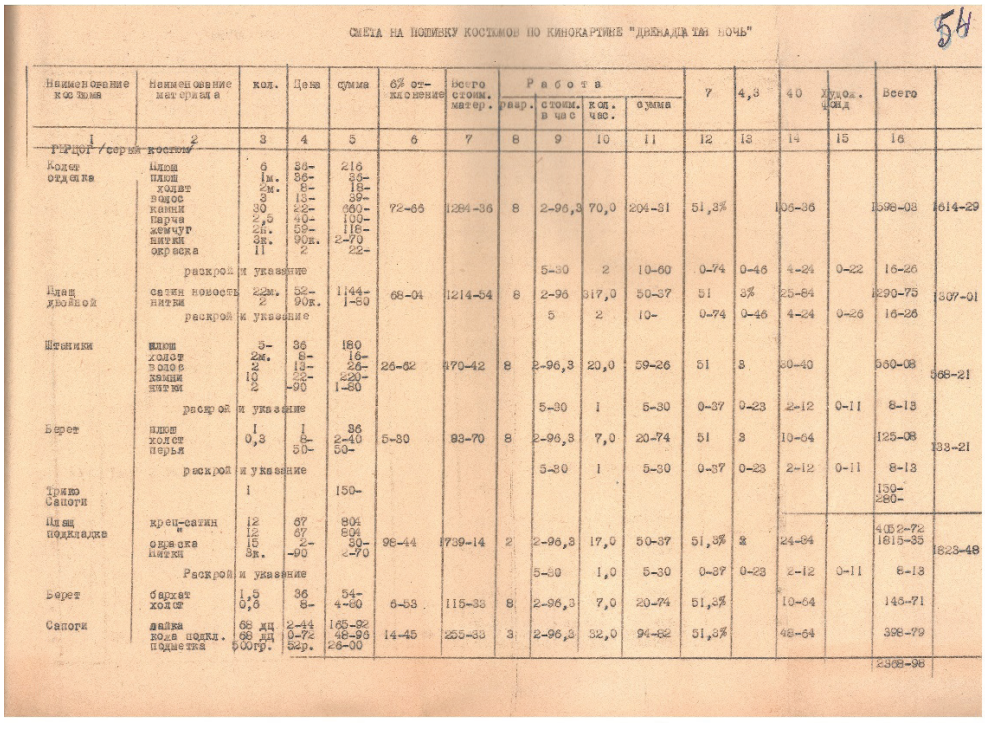
В книге-биографии актрисой освещаются тонкости съемочного процесса: «Долго искали грим и костюмы. «Ленфильм» славился замечательными мастерами, которые великолепно шили классические костюмы. Сначала я снялась в одном гриме, Себастьяна: сделали мне нос с горбинкой, густые брови, чтобы лицо было более мужественным. А потом сделали грим на Виолу — красивая прическа, роскошное платье. А когда Виола переодевается в мужской костюм — грим Цезарио. Я ежедневно снималась то в роли Себастьяна, то в роли Виолы. А каждый грим занимал у меня полтора часа» [Лучко 2007: 16].



Рис. 2. Кадр из фильма «Двенадцатая ночь», 1955 г.

Костюмы главных героев выполнены из черного бархата, пышные втачные рукава украшены декоративными разрезами, соответственно моде XVI в. Форма выреза горловины, отлета воротника и крой плундр обоих костюмов — схожи. Но образ Цезарио (Виолы) более кокетлив, намекает о женственности персонажа. Передняя часть дублета декорирована золотым ромбовидным орнаментом, широкий кожаный пояс подчеркивает талию, волнистые волосы обрамляют лицо, а золотая цепь-копар говорит о дворянском происхождении, что утверждается и в тексте пьесы.

В костюме Себастьяна меньше декоративных деталей, он выглядит строже, на руках мужские перчатки, за поясом шпага, волосы прикрыты беретом.



СМЕТА НА ПОШИВКУ КОСТЮМОВ ПО КИНОКАРТИНЕ "ДВЕНАДЦАТЬ НОЧЬ"

54

Наименование костюма	Наименование материала	кол.	Цена	сумма	6% отклонение	Всего стоим. матер.	Работа: разр.	стоим. в час	кол. час.	сумма	7	4,3	40	Худож. совд	Всего	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	
ГЕРЦОГ /серый костюм/																
Колет отделка	плюш	6	36-	216												
	плюш	1м.	36-	36-												
	холст	2м.	9-	18-												
	репс	3	12-	36-												
	канитель	30	22-	660-	72-66	1284-36	8	2-96,3	70,0	204-81	51,3%		106-36		1598-03	1614-29
	парча	2,5	40-	100-												
	жемчуг	2н.	58-	116-												
	нитки	3н.	90к.	2-70												
	окраска	11	2	22-												
	раскрой и указание							5-30	2	10-60	0-74	0-46	4-24	0-22	16-26	
Плащ двойной	сатин новость	22м.	52-	1144-	68-64	1214-54	8	2-96	317,0	30-37	51	3%	25-64		1290-75	1307-01
	нитки	2	90к.	1-80												
	раскрой и указание							5	2	10-	0-74	0-46	4-24	0-26	16-26	
Штанишки	плюш	3-	36	180												
	холст	2м.	8-	16-												
	репс	2	12-	24-	26-62	470-42	8	2-96,3	20,0	59-26	51	3	30-40		560-08	568-21
	канитель	10	22-	220-												
	нитки	2	90	1-80												
	раскрой и указание							5-30	1	5-30	0-37	0-23	2-12	0-11	8-13	
Берет	плюш	1	1	36												
	холст	0,3	8-	2-40	5-30	93-70	8	2-96,3	7,0	20-74	51	3	10-64		125-08	133-21
	перья		50-	50-												
	раскрой и указание							5-30	1	5-30	0-37	0-23	2-12	0-11	8-13	
Трико		1		150-											150-	
Сапоги															280-	
Плащ подкладка	крец-сатин	12	67	804											4(0)2-72	
		12	67	804											1815-35	1823-48
	окраска	15	2-	30-	98-44	1739-14	2	2-96,3	17,0	50-37	51,3%	2	24-64			
	нитки	8к.	-90	2-70												
	Раскрой и указание							5-30	1,0	5-30	0-37	0-23	2-12	0-11	8-13	
Берет	бархат	1,5	36	54-												
	холст	0,6	8-	4-80	6-53	115-33	8	2-96,3	7,0	20-74	51,3%		10-64		145-71	
Сапоги	дклка	66 дц	2-44	165-82												
	подк подкл.	66 дц	0-72	48-96	14-45	255-33	3	2-96,3	32,0	94-82	51,3%		48-64		398-79	
	подметка	50пр.	56р.	28-00												
															2308-96	

Рис. 3. Смета на пошивку костюмов по кинокартине «Двенадцатая ночь»

Данные особенности кинокостюмов отражены в архивных документах «Ленфильма», в смете на пошив изделий перечислены необходимые материалы, их количество и стоимость изготовления [ЦГАЛИ СПб. Ф. 25. Оп. 17. Л. 54].

Вывод. Известная пьеса В. Шекспира «Двенадцатая ночь или что угодно» демонстрирует популярный комедийный прием — переодевания персонажей с соблюдением тайны и связанные с данным фактом приключения героев. «Похищение» личности героиней комедии мастерски подчеркивается визуальной частью постановок произведения на мировых сценах и в кино. В экранизации режиссера Я. Фрида художником выбран прием обобщения исторической моды, преобразования деталей и выделение индивидуальных особенностей в костюме каждого персонажа. Таким образом, по незначительным деталям костюма и грима зритель может различать героев — близнецов и «похищение» образа становится весьма условным.

Источники

Портрет Филиппа II. Тициан. URL: https://arthive.com/ru/titian/works/504975~Portret_Filippa_II (дата обращения: 01.08.2024).

ЦГАЛИ СПб. Ф. 25. Оп. 17. Л. 54. Смета на пошивку костюмов по кинокартине «Двенадцатая ночь».

Литература

Келли Ф., Швабе Р. История костюма и доспехов. От крестоносцев до придворных щеголей / пер. с англ. Т. Е. Любовской. М.: ЗАО «Центрополиграф», 2022.

Лучко К. С. Я — счастливый человек. М.: Вагриус, 2007.

Кащенко Елена Сергеевна

канд. искусствоведения, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет; e.kaschenko@spbu.ru

ОБРЕТЕНИЕ ИЛИ ПОТЕРЯ — КЛЮЧЕВАЯ ТЕМА ФИЛЬМОВ ТОДДА ХЕЙНСА

Ключевые слова: художественный кинематограф, личность в кино, эмоции.

Американский режиссер Тодд Хейнс практически с самого начала творческого пути зарекомендовал себя как человека, «сочетающего чувственность художественного кино со смелыми экспериментами независимого художника» [Murray 2011: 147]. Его фильмы достаточно разнообразны в жанровом отношении, но в данном случае предполагается рассмотреть только две кинокартины: «Вдали от рая» (2002) и «Май декабрь» (2023). Оба фильма объединяет актриса Джулианна Мур, сыгравшая главные женские роли и продемонстрировавшая яркую палитру эмоциональных переживаний. Мур, отличающаяся незаурядными актерскими способностями и впечатляющей внешностью, играет героинь, старающихся обрести счастье в семейной жизни. Задача, однако, непроста, поскольку «Вдали от рая» — это история женщины, брошенной мужем и выбирающей ему замену в лице неподходящего ей (с позиции общества) человека, а «Май декабрь» — страстный роман подростка и взрослой женщины, проходящей через ряд тяжелых испытаний.

То, что «Вдали от рая» — оммаж Дугласу Серку и, прежде всего, его фильму «То, что дозволено небесами» (1955), было очевидно, и Хейнс этого не скрывал. Особый талант режиссера заключается в том, чтобы проработать ранее известный материал, присвоив его и придав ему собственные индивидуальные черты. Фильм Серка показывал историю привлекательной вдовы средних лет в исполнении Джин Уаймен, которая влюблялась в молодого мужчину, стоящего ниже ее по социальному статусу. Эту роль играл яркий внешне актер Рок Хадсон, что, конечно же, вызывало вполне объяснимую симпатию и понимание со стороны женской части зрительской аудитории. Серк снял красивую чувственную мелодраму, в которой влюбленные преодолевали ряд препятствий и оставались вместе в финале. Хейнс выбрал для героев «Вдали от рая» куда более жесткие испытания. Джулианна Мур играет героиню, главной целью которой является благополучие семьи и мужа, до тех пор, пока она не узнает об измене с его стороны. Тем временем в ее жизни также появляется другой мужчина, но он мало того, что не «ровня» в социальном плане, так еще и чернокожий, что окончательно делает их отношения невозможными. Таким образом, героиня теряет привычные ей нравственные ориентиры, расстается с образом счастливой жены успешного человека, но взамен обретает возможность найти любовь там, где абсолютно не ожидала. Любовь, которую, без преувеличений, похитит у нее общество.

Спустя двадцать с небольшим лет Джулианна Мур вновь при помощи Тодда Хейнса обратится к теме запретной, похищенной любви. Фильм «Май декабрь» отчасти основан на подлинной истории учительницы Мэри Кэй Летурно, которая в 1997 г. была обвинена в соблазнении своего ученика. Отбыв срок наказания в тюрьме, Летурно воссоединилась с любимым человеком, родила ему детей и вышла за него замуж официально, как только это стало возможно по закону. Насколько можно было судить по публикациям в прессе, особых сложностей соединившаяся супружеская пара не испытывала. На момент начала съемочного процесса Летурно уже ушла из жизни. Хейнс вновь мог создать свою версию произошедшего, на сей раз основываясь на реальных событиях.

«Май декабрь» имеет сложную сюжетную структуру. Все начинается с приезда актрисы (Натали Портман), которая собирается играть героиню Джулианны Мур в художественной постановке. Таким образом, перед нами возможный «фильм в фильме». Кажется, что Мур сыграет вспомогательную роль, поскольку мы видим происходящее глазами героини Портман, она будто ведет расследование произошедшего, опрашивает очевидцев — ведь супружеская пара с детьми живет в тех же местах, где начались их отношения. Поскольку актриса и прототип

будущей роли тесно общаются, создается впечатление, что происходит похищение идентичности, конечно, в творческом ключе. Актриса копирует свой будущий персонаж, присваивает себе чужие привычки, позы, манеру наносить макияж. При этом героиня Джулианны Мур переживает за свою семью, обретение которой стоило стольких усилий. Ее молодой муж явно тоскует по похищенной у него части жизни, например, по возможной учебе в колледже, которой он оказался лишен, так как слишком рано стал отцом и был вынужден работать, содержать детей. Любовная страсть обернулась чем-то тяжелым, изнуряющим. На стадии отношений супругов, показанных в фильме, пожалуй, только дети возвращают их к мысли о том, что жертвы не были напрасными. Хейнс, в конечном итоге, демонстрирует историю разновозрастных отношений, как историю обычной супружеской пары, у которой бывают счастливые и несчастливые моменты повседневности. Хотя общество не дает им забыть, как эта история начиналась, герои не позволяют похитить у них возможность быть вместе. Таким образом, режиссер реконструирует события, произошедшие в реальности, выступая также в роли психолога, воссоздавая на экране определенные модели эмоциональных отношений между героями [Plamper 2017: 202–203].

Литература

Murray R. Studying American Independent Cinema. Brisbane: Auteur Publishing, 2011.
Plamper J. The History of Emotions. An Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2017.

Колотаев Владимир Алексеевич

д-р филол. наук, д-р искусствоведения, профессор,
Российский государственный гуманитарный университет;
kolotaev.va@rggu.ru

ПОХИЩЕНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ: ЛОЖНЫЙ ГЕРОЙ И ДРАМАТУРГИЯ ДВОЙНИЧЕСТВА

Ключевые слова: идентичность, ложный герой, двойничество, драматургический конфликт.

«Необоснованные притязания» составляет парную часть предыдущей функции, «Неузнанного прибытия». Если герой возвращается домой, то его братья стремятся присвоить его победу себе и представляются добытчиками какой-либо ценности, объекта поисков. Если в сказке герой находится в ином царстве, то победителем змея перед царем объявляет себя генерал, стремящийся украсть у героя победу [Пропп 1928: 68]. До того, как герой неузнанным прибывает домой или в другую страну, где служит королю инкогнито поваром или конюхом, с ним происходят важные события, он проходит испытания, побеждает вредителя, ликвидирует начальную беду, спасается от преследования и т. п. Появление ложного героя обусловлено тем, что настоящий герой проходит главное испытание, когда он справляется со всеми трудностями, а повествование волшебной сказки выходит, как кажется, на финишную прямую. Но потом повествование вновь набирает обороты, получает новый импульс, ведь герою предстоит совершить самое главное, доказать, что он это он!

Функция «связана с идущей за ней функцией «Трудная задача», часто встречающийся элемент самых разных форм повествования, за ним следует решение трудной задачи, затем героя узнают, вредителя или ложного героя изобличают, а герой обретает новый облик и, что главное, статус, волшебным образом происходит его преобразование, он получает то, к чему стремился. Одиссей возвращается домой после свершений и странствий, где его, победителя Трои, не узнают. Он встречает незаконно претендующих на руку Пенелопы соперников, решает трудную задачу, расправляется с ними, возвращает себе жену и царство. Герой должен подтвердить свой статус, обосновать свою истинность, новую суть, показать, что добыча именно его и что он обладает, пройдя испытания, волшебным средством по праву, что все подвиги совершил он, а не конкурент-самозванец. Предшествуют претензиям ложного героя, стремящегося занять чужое место, различного рода неприятности, испытания, встреча с дарителем, борьба с вредителем, погони и преследования. С момента возникновения недостачи и исхода героя из дому (функция «Отправка», означающая по сути переход испытуемого с помощью дарителя и волшебного помощника в иной мир) герой успевает много чего совершить, на пути поисков подвергнуться испытаниям, пройти непростой путь и преобразиться, но главное, преодолев инициационные испытания, столкнувшись с «трудной задачей» и решив ее, доказав свою идентичность, что он вправе получить главный приз — царскую дочь и вместе с женитьбой на ней — социальный статус. Его узнают, он добивается признания, ложного героя изобличают, а сам триумфатор получает новый облик, становится настоящим героем.

Пропповская функция «Необоснованные притязания», наряду с драматургической значимостью в процессе развертывания историй, имеет психологическую глубину, ведь герой вступает в более сложную — относительно предыдущих функций, где его преследует вредитель или он открыто сражается и побеждает врага, его клеймят и пр. — борьбу за признание, за свою идентичность с тем, кто пытается ее похитить и, как мы понимаем, составляет не самую лучшую сторону его личности. Все это касается фольклора, волшебных сказок с четко структурированной композиционной последовательностью повествовательных элементов. Однако функция «Необоснованные притязания» является важнейшим повествовательным мотивом литературных и фильмических историй, в сказке это кульминационная точка, когда история приближается к финалу, в фильмах, раскрывающих внутренние проблемы героя, кризисные состояния идентичности, проявляющих вытесненное содержание бессознательного. Если в сказке эта функция расположена ближе к концу повествования в качестве кульминационной

составляющей нарратива, то в фильмах с нее может все начинаться, а в литературных текстах, особенно у романтиков, она может составлять мотивную основу произведения.

В аналитической психологии К.-Г. Юнга претензии персоне предъявляет теневая, неинтегрированная сторона личности (Юнг, 2007), у З. Фрейда — это вытесненное содержание бессознательного, стремящееся пройти преграды цензурирующей инстанции, и проявиться в сновидениях и невроза, чтобы быть признанным.

В художественной литературе сказочная функция «Ложный герой предъявляет необоснованные притязания» воплощается в образах тени, двойников, зеркальных отражений, масок, портретов, призраков, персонажей близнецов, возникает в сновидениях. Все, что рождается в результате внутренних противоречий, что открывает пространство иной реальности в виде сущностей, стремящихся собой заменить героя, поставить под сомнение его положение, устранить как нечто фальшивое и никчемное, появившееся в результате ошибки в признании со стороны значимой персоны, Другого.

Так, например, в фильме Мишеля Гондри «Вечное сияние чистого разума» «Eternal Sunshine of the Spotless Mind» (2004) один из техников фирмы по стиранию болезненных эмоциональных переживаний, воспоминаний, Патрик (Элайджа Вуд), использует неудачную историю отношений, следы памяти героя Джима Кэрри, Джоэла Бериша, чтобы занять его место рядом с возлюбленной, отнять ее у своего клиента. Здесь используется плутовской прием, чтобы трикстер присвоил себе то, что принадлежит герою, введя и его, и Клементину Кручински, героиню Кейт Уинслет, в заблуждение. Патрик пользуется состоянием Климентины, решившей стереть память о Джоэле из-за нестерпимой боли от расставания, обманом присваивает себе чужой опыт проживания сильнейшего чувства и чужую роль, оставляя героя ни с чем. Однако, как можно считать, всепобеждающая сила любви всякий раз восстанавливает справедливость и пара воссоединяется, а в финальной сцене у зрителя остается надежда на благоприятный исход бесконечных повторений разрывов и возвращений, на воссоединение Джоэла и Клементины и на их счастливую совместную жизнь.

Романтическая история, однако, лишь слегка прикрывает поведение двух психически нестабильных персонажей, оказавшихся в ловушке эмоциональной зависимости и, как им кажется, спасающих свою любовь, перенося чувство в уголки детских переживаний. Этот прием точно отражает погружение личности в инфантилизм, несамостоятельность, регресс внешне взрослого человека до уровня развития пятилетнего ребенка. Но и это не главное. Гораздо важнее описания деградации персонажей то, как они оказались в ситуации зависимости и неспособности противостоять ложному герою, возникающему, когда им «отшибает память», и ворующего объект любви.

Фильм начинается с того, что Джоэл Бериш, в подавленном настроении направляющийся на опостылевшую работу, вдруг меняет привычный маршрут, пересаживается не в тот поезд и отправляется в противоположном направлении, «дорогой к морю»! Распространенный художественный прием, когда герои опаздывают, сбиваются с пути, теряют цель, садятся не на тот поезд, автобус, самолет, и средство доставки перемещает их не туда, не в то место, указывает на проблемы идентичности, внутренний конфликт, на часто вытесняемое и неосознаваемое противоречие между представлением о себе и занимаемым местом, социальной ролью и неудовлетворительными ощущениями себя в этой роли. Кризис, подрывающий волю и способность восполнять ресурсы, черпать энергию в различных видах деятельности, приносящих радость и удовлетворение. По Эриксону, это состояние, когда актуализируется негативное новообразование кризиса «умелость — неполноценность». Это возраст раннего школьного возраста, когда ребенок либо овладевает навыками создания чего-либо, в нем формируется уверенность в своих силах и умении, позволяющая проявлять себя в том, что у него получилось сделать, либо результатом нормативного кризиса является самоощущение зависимого, неполноценного, неспособного к созиданию человека, лишенного умения моделировать цель и к ней мотивированно стремиться.

Литература

Пропп В. Я. Морфология сказки. Л.: Academia, 1928.

Косолапова Ольга Петровна
преподаватель, Мариупольский университет;
o.kosolapova@mgumariupol.ru

ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СУЩЕСТВ, ПОХИЩАЮЩИХ РАЗУМ, ВОЛЮ И ЖИЗНЬ У ЛЮДЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ С. ЛУКЬЯНЕНКО И ОДНОИМЕННЫХ ЭКРАНИЗАЦИЙ)

Ключевые слова: научная фантастика, экранизация, Сергей Лукьяненко, Алексей Иванов, вампиры.

XXI в. стал эпохой внушительных перемен во многих сферах, одним из самых важных аспектов является создание и поддержание массовой культуры через телевидение, литературу и кино. Эти медиа задают тенденции в моде, стиле жизни, языке и поведении, которые впоследствии подхватывают и им следуют миллионы людей по всему миру. Фильмы и литература о существах, похищающих разум, волю, воспоминания (вампиры, Иные, ведьмы, оборотни и др.), существуют уже многие десятилетия, но именно в XX–XXI вв. приобрели наибольшую популярность.

Вампиры — существа, которые являются одними из самых ярких похитителей разума, воли, памяти. Эти создания, восходящие к древним легендам и мифам, обрели новое дыхание с развитием кино и литературы, они перестали быть лишь пугающими чудовищами и приобрели более сложное, многогранное представление, сочетающее в себе привлекательность, страсть и таинственность.

Первоначально представленный в романе Брэма Стокера, граф Дракула был олицетворением кошмаров, скрывающихся во мраке и похищающий жизни людей. Его длинные клыки, гипнотический взгляд и непреодолимая жажда крови заставляли сердца читателей дрожать от ужаса. Одним из примеров адаптаций были фильм с Кристофером Ли, где он исполнял роль графа Дракулы. Хотя его версия персонажа все еще была исполнена злобы и агрессии, присутствовало нечто большее, чем просто жажда разрушения. В нём была некоторая аристократическая элегантность, которая заставляла зрителей восхищаться, а порой даже сопереживать. Это сделало вампиров более человечными, добавив нюансы и эмоциональную глубину их ужасающему присутствию.

С течением десятилетий, отдельные элементы образа Дракулы внесли вклад в создание новых образов, как, например, в «Интервью с вампиром» Энн Райс. Вампиры у неё были не столько монстрами, сколько персонажами с глубокими эмоциями и историей. Они переживали личные драмы, искали смысл в своей долгой жизни и стремились к тому, чтобы быть понятыми.

Особое место в пантеоне литературных вампиров заняла, Кармилла, героиня готической повести Джозефа Шеридана Ле Фаню, будучи одной из первых, кто воплотил в себе образ сексуальной и привлекательной вампирши, что делало её привлекательной и в то же время угрожающей. Кармилла не просто пьет кровь своих жертв, а завораживает их, подчиняет своей воле, используя естественную притягательность своего образа.

Современные произведения литературы и кино продолжали экспериментировать с темой вампиров, серии романтических фильмов и сериалов, таких как «Сумерки» и «Дневники вампира», сделали вампиров еще ближе к обычным людям, подарив им возможность влюбляться, страдать и испытывать радость от взаимоотношений. Чересчур человечный облик этих персонажей привел к представлению вампиров не как хищников, а как существ, способных на любовь, самопожертвования, более человечных и сострадающих, имеющих свои слабости.

Популярность вселенной Дозоров, придуманной Сергеем Лукьяненко с участием Владимира Васильева, началась по всей России летом 2004 г., когда состоялась премьера фильма «Ночной дозор», основанного на одноименном романе. Из романа «Ночной дозор» режиссер Тимур Бекмамбетов создал артхаус, маскирующийся под фантастическое кино: философия, сюрреализм, спецэффекты. Хотя, сам автор романа Сергей Лукьяненко говорит, что «дозорная» серия — это как раз научная фантастика, которая только маскируется под мистику. В этой вселенной книги,

фильмы и игры погружают нас в таинственный мир магии, где происходят битвы между Иными, существами с необычными способностями и людьми.

Одним из основных элементов этого мира является Сумрак, многослойное отражение нашей обычной реальности, доступное исключительно для Иных. Единственным известным растением, которое встречается в Сумраке (исключительно на его первом слое), является знаменитый синий мох. Этот безвредный паразит питается Силой Иных и негативными эмоциями людей.

В романе Сергея Лукьяненко «Дозор» Иные изображаются как существа с необычными способностями, но их сила требует своей цены — похищение энергии и жизненных сил людей. Подобно энергетическим вампирам, Иные питаются эмоциями, что способствует поддержанию равновесия между «Светом» и «Тьмой». Они не ограничиваются лишь наблюдением за судьбами людей, а выступают активными игроками, чьи действия оказывают влияние на развитие событий. Стремление Иных к сохранению этого баланса зачастую вступает в противоречие с моральными ценностями, которые присущи человеческой природе.

Иные обладают способностью вторгаться в человеческое сознание, искажая восприятие и, похищая у людей часть радости или счастья. Этот процесс происходит бессознательно, и поэтому он практически не заметен, а люди часто не осознают, насколько они ослаблены. Иные выступают в роли некоего судьи, который решает, кому позволено жить своей жизнью, а чей жизненный потенциал должен быть похищен. Суть в том, что эта «кража» зачастую представляется как вынужденная мера для достижения большего блага.

Иные зачастую более связаны со своими чувствами, чем обычные люди, из-за чего они восприимчивы к энергетическим потокам эмоций окружающих. Для некоторых эмоции становятся источником силы, однако постоянная погоня за новыми ощущениями и переживаниями превращается в одержимость. Когда всё вокруг погружается в темноту и исчезает тепло и свет, они начинают исследовать самые мрачные и скрытые уголки человеческой души. В результате, те, кто крадет силу и энергию у других, оказываются вечными игроками в сложной игре баланса, движимой древними законами природы.

Вампиры — без сомнения, самые популярные существа и в современном российском городском фэнтези, они также присутствуют на страницах романа и в фильме. В СМИ фильм «Дневной дозор» называют фильмом о выяснении отношений между добрыми и злыми вампирами. Хотя образ упырей мира Дозоров значительно отличается от стокеровского Дракулы, это не могущественные и страшные вампиры, а существа, которые в обыденной жизни почти неотличимы от простых людей. Зато в Сумраке вампиры скорее похожи на мертвецов: лобастая звериная морда, землисто-серая кожа, редкие волосы, впалые щеки, мертвые глаза… оставляют «вампирскую тропу» — серый след, который некоторое время держится в Сумраке.

Кровь является единственным источником энергии, необходимым вампирам. В современном обществе они в основном питаются донорской кровью, но время от времени получают разрешения на убийство людей. Свежая кровь особенно важна для вампиров-подростков, поскольку без нее не проходит их половое созревание, а также для недавно обращенных вампиров, которым требуется эта кровь для адаптации организма. Приманивая жертву, упырь испускает гипнотический Зов, похищая волю жертвы, и человек подставляет шею, чувствуя себя абсолютно счастливым. Укус не ограничивается лишь областью горла: на теле человека имеется пять потенциальных мест для этого. «Вампиры способны поглощать кровь с помощью всей поверхности своего тела. Процесс «питания» занимает от трех до четырех минут, хотя в некоторых случаях его можно завершить за считанные секунды. Однако уже через пятнадцать минут кровь будет полностью превращена в энергию, и вампир вновь ощутит голод, мучивший его на протяжении всей его посмертной жизни».

На самом же деле использование подобных персонажей для Лукьяненко всего лишь художественный прием, гиперболизация каких-то обыкновенных, присущих каждому из нас человеческих качеств и стремлений до таких размеров, что они начинают восприниматься как сверхвозможности. Этот прием помогает показывать обычные человеческие отношения и проблемы более остро, более рельефно, и, что немаловажно для читателя, более увлекательно. При

более глубоком анализе можно заметить, что вампир олицетворяет определённый идеал потребительского отношения. Он постоянно поглощает — чужую кровь, чужие жизни. У него нет иного смысла существования.

А. В. Иванов не только трансформирует образ вампира в своем романе «Пищеблок», а и создает целую вампирскую биосистему: присутствует образ «Темного стратилата», князя вампиров, он обращает людей в «пиявцев», которые, в свою очередь, превращают в «тушек» следующих жертв, питаясь их кровью. «Пиявцы» выступают как промежуточные звенья между кровью жертв и стратилатом, они сознают свою природу даже днем, но обречены на гибель: в определенную ночь, называемую «своей луной», стратилат выпивает своего пиявца, как ненужную вещь. Автор переосмысливает традиционный мотив: вампир погибает от голода, если не напивается кровью в свою «луну» — ночь своего обращения. Важно отметить, что зло, причиняемое «пиявцами», им доставляет удовольствие. Они убеждают потенциальных жертв, что только после превращения в вампиров начинается настоящая жизнь, полная чувств и страстей.

В своём произведении А. В. Иванов идёт против устоявшихся канонов вампирской тематики, наделяя своих героев силой не только уничтожать вампиров, но и спасать их жертв. Смерть главы вампиров освобождает его подданных, что даёт героям возможность спасти пленных из лагеря. Однако данный положительный эффект имеет и обратную сторону: ликвидация главного вампира неизбежно приводит к появлению нового Тёмного стратилата. Такой сюжетный ход прозрачен и заставляет задуматься о порочном круге зла, об эффекте «убийства дракона», который вечно возрождается в теле своего убийцы.

Манипуляция разумом — это искусство, и один из самых тонких её инструментов принадлежит сфере киноискусства. Здесь красивый актер может превратить отвратительного персонажа в объект восхищения и симпатии зрителей, умело играя на струнах человеческих эмоций. Когда на экране появляется харизматичная фигура, наш разум начинает пребывать под обаянием внешности, упуская из виду реальные недостатки персонажа.

К примеру, после выхода на экран «Дозоров» было много восторженных откликов о «замечательных» вампирах. Нужно отметить, что в фильме образы действительно были прекрасно выполнены. Чадов сыграл великолепно, как и всеми любимый Золотухин. Естественно, их герои стали восприниматься положительно. Это хорошо известный эффект влияния актера на его персонажа. Так же, как когда-то Высоцкий исполнил неоднозначную роль Жеглова, и он вдруг оказался прав даже в своих сомнительных поступках. Когда С. Лукьяненко заметил, что вампиры в киноверсии «Дозоров» выглядят так привлекательно, он решил добавить в книгу «Последний дозор» эпизод про этого «милого» отца Кости, который убил множество людей, чтобы стать высшим вампиром. Лукьяненко описал жесткую и физиологически неприятную сцену, чтобы разрушить образ романтичного вампира, который гламурно пьет консервированную кровь и никому не вредит. Это был осознанный авторский ход.

Композиторская работа также играет большую роль в создании иллюзии, будто перевоплощение актёра несёт в себе искру тепла. Музыка делает эмоции еще более доступными, создавая мостик между темнотой характера и светом, что идет от внешнего образа героя. Музыкальные акценты подкрепляют драматизм, делая моменты более запоминающимися и вызывающими отклик.

Однако манипуляция не была бы столь успешной без сценаристов, пишущих амбивалентные линии диалогов. Реплики, которые совершает герой, могут быть двойными и тройными по смыслу. Что-то, сказанное с нехорошим намерением, может быть интерпретировано нами как шутка или сарказм. Здесь важно, как актер подаёт эти слова. Его обаяние делает даже самые токсичные слова, казалось бы, безобидными.

Внимание к разного рода монстрам, в том числе к вампирам и оборотням, является результатом желания людей вглядеться в опасного, страшного и привлекательного другого — в том числе, другого внутри себя. Последнее чрезвычайно важно для подростка, находящегося в возрасте, когда поиск модели идентичности и вопрос, кто я и чем я отличаюсь от другого и других — является жизненно важным. Именно поэтому вампириады — новая, глобально популяр-

ная формула массовой литературы — особенно востребована именно этой частью читательской и зрительской аудитории.

Таким образом, авторы не только использует сведения о вампирах, которые содержатся в старинных легендах, но и адаптирует их к современному информационному пространству; что-то детализирует, что-то, напротив, «развенчивает», объявляя суевериями. Благодаря этому достигается волшебный эффект достоверности.

Хотелось бы закончить словами Сергея Лукьяненко: «На мой взгляд, вампиризм — это идея потребления в самом его концентрированном виде. Но обратите внимание на важный момент: вампиры вечно голодны. Оказывается, идеальный потребитель никогда не может насытиться: купил «Жигули», надо бы купить «Форд». Купил «Форд», хорошо бы купить «Лексус», купил «Лексус», а вот — «Бентли», тоже хорошая машина… И так во всем. А современная рекламная культура формирует и стимулирует такой вечный голод всеми силами и средствами. «Потребляй, потребляй, потребляй!». Вот основной заводной ключик современного общества: создавать у человека потребности, которых ранее он не испытывал. Сегодня действие рекламы на человеческую душу действительно подобно укусу вечно голодного вампира, который и в своей жертве пробуждает неутолимую жажду». И наша воля, разум и человеческая душа подвергается похищению каждый день, а мы этому похищению не сопротивляемся!

Лысаков Павел Вячеславович

д-р филос. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет;
p.lysakov@spbu.ru

Я, ДРУГОЙ И ИДЕНТИЧНОСТЬ В ФИЛЬМАХ БРЭНДОНА КРОНЕНБЕРГА

Ключевые слова: Я, другой, двойничество, идентичность, Кроненберг.

На настоящий момент Брэндон Кроненберг выпустил три полнометражных фильма. О них вполне можно говорить как о трилогии, и объединяет эти фильмы не только фамилия режиссера и отсылка к стилистике (если угодно, поэтике) его отца, Дэвида Кроненберга, но и ряд тем, которые режиссер поднимает во всех трех фильмах. Фильмы эти не претендуют на «изображение» реальности, их действие происходит в параллельной реальности или недалеком будущем, но они являются ярким комментарием к современной действительности. Комментарий этот часто сатирический и всегда исследующий проблемы, связанные с проникновением технологии в жизнь и — что немаловажно — в тело и сознание человека. Можно сказать, что Брэндона Кроненберга интересуют современные проблемы идентичности, оттененные развитием технологии и ее вмешательством в нашу жизнь.

Главный герой фильма «Антивирус» (*Antiviral*, 2012) работает консультантом-продавцом в магазине-бутике компании, производящей инъекции вирусов, которыми болели знаменитости. Таким образом, простой обыватель-поклонник может испытать на собственном теле ощущения любимой звезды. Вирусы стали специфической частью индустрии моды. Есть и черный рынок подпольно «утекших» вирусов, в котором задействованы и сами работники индустрии. Главный герой, в частности, похищает на работе вирусы для перепродажи, используя свое тело как инкубатор. В какой-то момент он вкалывает себе вирус заболевшей суперзвезды, и по хрестоматийной закономерности — известной не только, но в том числе, и по фильмам Кроненберга-старшего — что-то «пошло не так»: запустив процесс, герой теряет над ним контроль. Далее следует детективная перипетия с выкрадыванием самого главного героя, чья болезнь прогрессирует, конкурентной борьбой двух компаний-производителей «модных» вирусов и даже реалити-ТВ.

Фильм, таким образом, является научно-фантастической сатирой на постиндустриальное общество потребления, задавая вопрос, до какой степени человек готов себя модифицировать, чему готов подвергнуть даже свою телесную идентичность, чтобы стать ближе к звезде. Брэндон Кроненберг рассказывал в интервью, что толчком к написанию сценария стала серьезная вирусная инфекция, которой он переболел в 2004 г. Его полностью поглотила физиологичность ощущений, при этом он задумался о том, что фактически в его тело вошло нечто, имеющее своим происхождением чужое тело, что формирует некоторую интимную связь с *другим*. Одновременно он уже давно хотел написать сатиру на культуру селебрити (celebrity culture), и ему пришло в голову, а что, если кто-то ради близости к своим объектам поклонения готов переболеть их болезнями? Одна из очевидных метафор фильма, сформулированная самим режиссером, это то, что, участвуя в культуре селебрити, человек становится больным [Applebaum].

В фильме *Possessor* (2020, в российском прокате «В чужой шкуре») отношение субъекта с другим — противоположное. Это не желание подражать другому и подстраиваться под него (даже физически, как в «Антивирусе»), но наоборот, стремление его подчинить и использовать. Кроненберг-младший повторяет здесь путь своего отца, перешедшего от боди-хоррора и телесного гротеска [Edwards 2013: 56–60], к изображению изменений психологических [Beard 1994: 154]. Главная героиня — высокопрофессиональный киллер, чье сознание с помощью специальной технологии внедряется на расстоянии в мозг человека, который будет формально совершать убийство. На последнем задании возникает серьезный сбой, сознание тела-хозяина сопротивляется внедренному сознанию киллера, что влечет за собой череду событий с большим количеством насилия и безупречной «кроненбергианской» натуралистичностью. В конце фильма ситуация разрешается выполненной миссией и возвращением героини в стабильное

состояние, но за это уплачена высокая цена: убиты ее сын и муж, причем непонятно, кто их убил — хозяин тела или она сама, находясь в нем. Проблема идентичности поставлена в крайне необычном свете, хотя и эксплуатирует постмодернистское понимание сознания, как не существующего в изоляции. Показана и относительность понятия контроля: если героиня контролирует того, в кого внедряют ее сознание, то она, в известной степени, контролируется своим куратором, постоянно находящимся рядом с ней в момент выполнения миссии.

«Бескрайний бассейн», или «Бесконечный бассейн» (*Infinity Pool*, 2023) является сатирой на пресыщенных отдыхающих, проводящих время на закрытом курорте в вымышленной стране третьего мира. Здесь можно совершить преступление, за которое полагается смертная казнь, но заплатив деньги, можно изготовить живого двойника самого себя. Казнен будет двойник, но совершивший преступление должен присутствовать при «своей» казни. Оппозиция *Я — Другой* дестабилизируется, поскольку казнят одновременно «меня» и «не меня» [Eagleton 2009: 1–11]. Ситуация усугубляется тем, что количество двойников и казней потенциально бесконечно. Усугубляется и состояние главного героя, оказавшегося в компании людей, которые ежегодно приезжают на этот курорт совершать преступления, которые они не могут себе позволить совершать дома в своей стране. В конце фильма потерянный герой не в состоянии покинуть курорт, несмотря на надвигающийся сезон дождей, и очевидно, что основная причина этого — разрушение его самоидентификации.

Литература

Applebaum S. Brandon Cronenberg: Like Father Like Son. URL: https://www.industriamovies.com/feature/like-father-like-son/ (дата обращения: 20.12.2024).

Beard W. Cronenberg, Flyness, and the Other-self // Cinémas. 1994. Vol. 4, no. 2. P. 153–173.

Eagleton T. Trouble with Strangers: A Study of Ethics. Chichester: Wiley-Blackwell, 2009.

Edwards J. D. Graulund, Rune. Grotesque. London; New York: Routledge, 2013.

Мариевская Наталья Евгеньевна

д-р искусствоведения, профессор,
Всероссийский государственный институт кинематографии им. С. А. Герасимова;
79035096731@yandex.ru

ЛИЦО БЕЗ ТЕЛА И ТЕЛО БЕЗ ЛИЦА: БОДИ-ХОРРОР О ПОХИЩЕНИИ ИДЕНТИЧНОСТИ

Ключевые слова: похищение, отчуждение, боди-хоррор, лицо, маска, уникальное, массовое.

Доклад посвящен выявлению художественного конфликта фильмов жанра боди-хоррора, основанных на отчуждении и похищение (как в прямом, так и переносном смысле) человеческого лица. Проведен подробный анализ фильма французского режиссера Жоржа Франжю «Глаза без лица» (фр. Les yeux sans visage, 1960), в котором фабула строится на похищении человеческих лиц, причем лицо буквально срезается с жертвы врачом-хирургом для последующей пересадки его пострадавшей в аварии дочери. Пересадки не удаются. Начинается отторжение. В финале картины девушка, скрывая отсутствие лица под маской, исчезает в непроглядной темноте ночного леса. В фильме «Субстанция» режиссера Корали Фаржа (англ. The Substance), вышедшим на экраны в 2024 г., тоже имеет место отделение лица от его носителя. Лицо кинозвезды Элизабет Спаркл, отделившись от тела, превращенного действием субстанции в чудовищное смешение деформированных фрагментов, начинает собственное путешествие по Аллее Славы навстречу слепящему свету софитов. Эти два фильма сближает не только принадлежность к одному жанру, но и общий мотив разделение тела и лица, мотив двойничества, а также темой эстетической медицины и её власти не только над отдельным человеком, но над обществом в целом. Эти обстоятельства заставляют провести пристальный сравнительный анализ этих фильмов с целью выявить конфликт, лежащий в их основе. Это операция должна сделать ясной не только сюжет конкретных фильмов, но и прояснить природу и художественное возможности такого жанра как боди-хоррор.

Кажется вполне очевидным, что поджанр хоррора, получивший приставку «боди» будет сконцентрирован на аттракционе телесности. В самом деле, именно пугающие трансформации тела лежат в основе его визуальных образов, притягательных и одновременно отталкивающих зрителя. Все это создает жанру не самую лучшую репутацию сомнительного развлечения для людей с извращенными вкусами. Пугающий аттракцион мучимого, искалеченного деформированного тела заслоняет глубинный конфликт фильма, порожденный рвущимся на поверхность социальным ужасом. Косвенным указанием на их серьезность причин, вызвавший к жизни жанр хоррора является его метафоричность. Исследователь жанра У. Скотт Пулл связывает происхождение хоррора с Первой мировой войной, его монография, посвященная фильмам ужасов так и называется «Пустошь. Первая мировая и рождение хоррора».

В самом деле режиссер Франжю до того, как создал «Глаз без лица» уже обращался к мотиву искалеченного лица в неистовой картине «Дом инвалидов» (1952), где передним проходит череда лиц, ветеранов, пришедших на мессу, и пугающая череда гротескных масок, украшающих рыцарские доспехи.

Почему человек не может быть без лица? В образах искалеченного тела глубинный ужас, таящийся в коллективном бессознательном, находит свое предметное воплощение.

Лицо неразрывно связано с внутренним содержанием человека, с его сущностью. «Потерять лицо» значит утратить достоинство. Лицо и личность однокоренные слова. Именно так дело обстоит в фильме Жоржа Франжю дело обстоит именно так. И наоборот, чужое лицо, пересаженное на место своего, создает нового человека и этот человек страшен. Потому, что это метровое, украденное лицо, по сути, неподвижная маска.

Напротив, в фильме морали Фаржа никакого внутреннего содержания у героини нет вовсе. Она живет только когда слышит крики толпы: «Мы любим тебя!» Это и есть ее существование. Для него не нужно тело, да душа ненужна. Перед нами пустой персонаж. Лицо Элизабет

Спаркл — запрокинутая навстречу звездной пыли личина, сверкающему заменителю любви и человеческой жизни как таковой.

Сравнение двух фильмов, построенных на сходных мотивах, показало, что отчуждение лица является источником ужаса. Однако несколько десятилетий назад это ситуация несет в себе черты преступления. Хирург, совершивший злодеяние, разоблачен и наказан.

В «Субстанции» вмешательство в биологию человека является штатной процедурой возрастной коррекции, но оттого не менее зловещей.

В фокусе нашего исследования развитие конфликта индивидуального и обезличенного, массового и уникального через жанровые структуры боди-хоррора. В фильмах о похищение лица, его присвоение или отделение и от человека скальпелем хирурга или действием некой субстанции на первый план выходят оппозиции внешнего и внутреннего внутреннего, телесного и духовного, истинного и мнимого, глубины и поверхности. То есть жанр боди-хоррора берется за решение глубоких философских проблем в доступных ему формах телесной метафоры. Это тем более актуально, что цифровые технологии повсеместно оперируют как отчужденными изображенными наших лиц, так и созданными нами самими масками.

Литература

Скотт Пулл У. Пустошь. Первая мировая и рождение хоррора / пер. с англ. А. С. Яковлева. М.: АСТ, 2024.
Флоренский П. А. Иконостас. СПб.: Мифрил; Русская книга, 1993. С. 3–174.

Минаева Елизавета Васильевна

аспирант, Всероссийский государственный университет кинематографии им. С. А. Герасимова; elizavetavasilevna@yandex.ru

ПОХИЩЕНИЕ НЕВЕСТЫ КАК СЮЖЕТНЫЙ МОТИВ

Ключевые слова: пространство праздника, драматургия, кино, сюжет, похищение.

Похищение невесты как явление может быть рассмотрено с разных ракурсов и нередко включает компонент криминала и насилия, обнажая социальные проблемы, что отражено в кинематографе: «Хватай и беги» (2020, реж. М. Брендле), «Гость на свадьбе» (2018, реж. М. Уинтерботтом), «Самая красивая жена» (1970, реж. Д. Дамиани). Насильственное похищение невесты можно обнаружить и в сказке о Коньке-Горбунке. Подобное «умыкание невесты» относят к предсвадебной части и иногда трактуют как некоторый аналог «выкупа невесты».

Непосредственно со свадьбы уводит невесту крестьянина Дон Жуан (1979, реж. Дж. Лоузи), что с одной стороны отражает характер героя-любовника и даже «работает» как комедийный элемент, а с другой — демонстрируются нравы времени и социальный разрыв, существование «права первой ночи». Несмотря на внешнюю простоту, это «похищение» запускает цепочку неудач героя, которые в итоге приводят его к смерти.

Жабы похищают Дюймовочку (1964, реж. Л. Амальрик) с целью заключения брака, против её желания. И одно похищение невесты — насильственное, сменяется другим — спасительным похищением со свадьбы. Дюймовочку похищают и затем спасают несколько раз: свадьба и соответственно инициация не может произойти, пока героиня не разберётся кто она на самом деле — не человек, не зверь и не насекомое. Только в финале она попадает, спасённая от брака с кротом, в мир эльфов, где её ждёт принц. То есть похищение невесты помогает обнаружить внутренний конфликт героини.

Достаточно традиционно свадьба увенчивает историю в качестве счастливого финала, что особенно характерно для сказки, поэтому несколько парадоксально её наличие в начале — в «Руслане и Людмиле» (1972, реж. А. Птушко). Пространство свадьбы разделяется на два плана: брачное ложе и пир князя с гостями. Праздник прерывается похищением невесты с брачного ложа.

Появление третьего лица в опочивальне не является случайностью с точки зрения сказочного сюжета: это одно из их финальных испытаний для жениха [Пропп 1998: 402], и опасность имеет демоническую природу, поскольку брачная ночь соотносится с сакральным событием посвящения. Похищение Людмилы прерывает обыкновенную последовательность событий и невероятно отдаляет Руслана от цели, что влечёт обнаружение «бреши» в мире героя [Макки 2008: 157]. Брак с Людмилой разрывается, Руслан объявляется виновником злодеяния, а Людмила вновь становится «невестой» — отец отправляет на поиски дочери всех её несостоявшихся женихов и обещает выдать замуж за спасителя.

Для заключения брака и воцарения, Руслану теперь необходимо пройти испытания иного рода: не столько ратные, сколько связывающие его с силами природы (Наина, Голова, Черномор). Таким образом, обнаруживается не только «брешь», но и конфликт — между хаосом (силами природы) и порядком (миром людей).

Руслан погибает на обратном пути, когда уже победил, казалось бы, своего главного врага — Черномора — и практически достиг цели. Его жизнь оказывается в чужих руках — мага Финна, который оживляет героя традиционным для волшебной сказки образом: при помощи «мёртвой» и «живой» воды. Переродившись, Руслан снова побеждает печенегов, уже используя силы Черномора — не только злого колдуна, но и чудесного создания, то есть подчинив себе силы природы: «И впрямь, Руслан — великий воин! Руки Людмилы он достоин!» И только тогда Руслан может оживить возлюбленную Людмилу.

Похищение невесты на свадьбе, в завязке сюжета не обязательно носит сакральный характер и может решать достаточно утилитарные задачи для структуры фильма, например, стать

завязкой детектива (1992, «Коломбо: Умереть некогда», реж. Алан Дж. Леви). При этом, зрительское напряжение существенным образом нагнетается временными ограничениями: свадебный обряд не завершен, значит, брак не заключен, и невеста может стать женой похитителя.

Похищение невесты во время свадьбы не всегда носит отрицательный характер и может быть рассмотрено как акт восстановления справедливости. Например, в сказочном фильме «Принцесса-невеста» (1987, реж. Р. Райнер), главный герой таким образом не только спасает невесту от нежеланного мужа и убийства, но и увозит с собой. Подразумевается, что главный герой должен стать мужем принцессы. Важно отметить, что происходит это только в финале истории, после того как герой проходит этапы испытаний и перерождения.

Похищение невесты на свадьбе присуще не только «сказочным» сюжетам: в фильме «Выпускник» (1967, реж. М. Николс) это событие является не только актом восстановления справедливости, но ярким примером бунта (кадры, когда герой запирает церковь, используя распятие) и совпадает с кульминацией истории. Тем не менее, трудно назвать финал этой картины счастливым, поскольку герой оказывается выброшенным из «старого мира», но что его ждёт впереди неизвестно: едва ли можно сказать, что поставлена точка в его становлении. Бенджамина — героя Дастина Хоффмана, вероятно можно считать «козлом отпущения» [Жирар 2010], которого избирает то праздное общество, из которого он произошёл, но быть частью которого не хочет. И его бунт как будто ничего не меняет: Бенджамин не обретает смысла своей жизни и всё что у него есть — достаточно условная свобода и такая же, как и он юная невеста.

Свадьба как пространство праздника содержит черты сакрального, временные ограничения, инициацию, что усложняет значение события похищения невесты.

Похищение невесты на свадьбе может принимать разнообразные значения и формы в сюжете фильма:

1) способ обнаружения бреши в мире героя;
2) способ выявления внутреннего конфликта героя;
3) акт восстановления справедливости;
4) спасение;
5) бунт;
6) завязка сюжета;
7) насилие и социальные проблемы.

Литература

Жирар Р. Козел отпущения. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2010.

Макки Р. История на миллион долларов. Мастер-класс для сценаристов, писателей и не только. М.: Альпина нон-фикшн, 2008.

Пропп В. Я. Морфология «волшебной» сказки. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 1998.

Ни Максим Дмитриевич

аспирант, сценарно-киноведческий факультет,
Всероссийский государственный институт кинематографии им. С. А. Герасимова;
nisatrap@mail.ru

ПОХИЩЕНИЕ ФОТО-ФРАГМЕНТОВ РЕАЛЬНОСТИ В ДРАМАТУРГИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ФИЛЬМА (НА ПРИМЕРЕ ФИЛЬМОВ «ФОТО ЗА ЧАС», «ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА», «МИНАМАТА»)

Ключевые слова: фотография, кино, фильм, реальность, фото.

По мнению критика литературы и кино Сьюзен Зонтаг, «сфотографировать — значит, присвоить фотографируемое. А это значит поставить себя в некие отношения с миром, которые ощущаются как знание, а следовательно — как сила». Примечательно, что последние несколько лет кинематографисты неоднократно уделяют внимание теме фотографии и её воздействия на окружающий мир. Можно вспомнить биографические драмы «Минамата» 2020 г. и «Ли» 2023 г., посвящённые эпизодам из жизни американских фотокорреспондентов Юджина Смита и Ли Миллер. В 2024 г. на экраны вышел военный роуд-муви «Гражданская война» об альтернативном будущем Америки. В нём герои так же являются носителями этой профессии. Если же оглянуться на прошедшие 20-30 лет, то наберётся внушительный список фильмов, которые так или иначе затрагивают феномен фотофиксации эпизодов окружающей реальности («Воображаемый портрет Дианы Арбус», «Фото за час», «Доказательство», «Невероятная жизнь Уолтера Митти» и т. д.). Нельзя обойти вниманием и произведение Микеланджело Антониони «Фотоувеличение».

Таким образом, обширная тема фотофиксации в кино не утеряла свою актуальность и по сей день. Однако в данной статье для анализа выбраны лишь три картины: «Фото за час», «Минамата» и «Гражданская война». Сделано это потому, что в каждом из этих трёх фильмов фотография исполняет три разные функции на уровне драматургии.

Фотография в современном мире наряду с видеофрагментами является общепризнанным свидетельством чего-то, что происходило в реальности. Фотографии используют на судебных процессах и в журналистских расследованиях как подтверждения реальности высказанных обвинений и мнений. Таким образом, фотография создаёт у человека убеждение того, что он с помощью камеры может фиксировать реальность, присваивать себе её фрагменты и предъявлять их как нечто объективное. По мнению всё то же Зонтаг, «при всей неумелости (любительской) или претензиях на художественность конкретного фотографа, у фотографии — любой фотографии — отношения с видимой реальностью представляются более бесхитростными, а потому более точными, чем у других миметических объектов». Другими словами, фотоизображение в сравнении с живописным полотном избыточно реалистично само по себе, и потому кажется непосредственным «слепком» реальности. В сценариях фильмов «Фото за час» и «Гражданская война» герои также являются носителями веры в объективность фотографии, однако по ходу развития фабулы эти убеждения оказываются иллюзиями.

В «Фото за час» одинокий главный герой, работающий в фотоателье, устраивает в своей квартире «храм» фотоизображений счастливой семейной жизни своих знакомых. За счёт этого он присваивает себе те эмоции, которые не может испытать в своей собственной жизни. Однако действительность обнажает его заблуждения — муж изменяет жена, жена несчастлива в браке. В «Гражданской войне» Ли Смит (персонаж актрисы Кирстен Данст) неоднократно подчёркивает важность эмоциональной и физической дистанции фотокорреспондента от ужасов военной реальности, фрагменты которой она фиксирует.

Однако в одной из сцен она самим процессом фотофиксации провоцирует одного из повстанцев действовать не так, как он действовал бы, если бы знал, что его никто не фотографирует. Сами моменты боевых действий, вырванные из контекста и застывшие на плёнке, создают у зрителя лишь иллюзию передачи объективной реальности, однако на деле эта реальность ис-

кажается, преломляется в каждом кадре, через который зритель якобы наблюдает за происходящим. Таким образом, «похищение» реальности оказывается мнимым именно тогда, когда автор фотографии убеждает себя в наличии дистанции «объективности». Иная ситуация раскрывается в «Минамате» — главный герой, «похищает» кадры злоупотреблений японской химической фирмы, которая на протяжении нескольких лет загрязняет местные воды ртутными отходами и отравляет семьи местных рыбаков. Герой, наоборот, обозначает своё отношение к происходящему, и фотография становится оружием в борьбе против корпоративного зла.

Огудов Сергей Александрович

канд. филол. наук, гл. искусствовед, Госфильмофонд РФ;
s.ogudov@gmail.com

«УМСТВЕННЫЕ КАРТИНЫ»: СЦЕНАРИЙ АНДРЕЯ БЕЛОГО «ПЕТЕРБУРГ» КАК РЕФЛЕКСИЯ О НАРРАТИВНОМ КИНО

Ключевые слова: нарратив, кино аттракционов, литературный сценарий, кинематограф нарративной интеграции.

Доклад будет посвящён анализу нарративной модели фильма, заданной в киносценарии Андрея Белого «Петербург» (1918 г.). Сценарий тяготеет одновременно к двум полюсам кинематографа. С одной стороны, это кинематограф нарративной интеграции, который набирал силу с начала 1910-х гг., став подражанием «старшим искусствам» (в России главным выражением этой модели были салонные мелодрамы), с другой — кинематограф аттракционов, отсылающий к ушедшему в прошлое «ярмарочному кино», и в первую очередь фильмам Жоржа Мельеса. Сценарий Белого был анахронизмом, и в то же время поднимал проблемы, которые будут заново поставлены в советском кино 1920-х.

Сценарий написан в русле развития кинематографа нарративной интеграции. Как верно отмечает Клаудиа Кривеллер, показ городского пространства по сравнению с романом сокращается, город становится фоном действия, а события зачастую происходят в интерьерах: особняке Аблеуховых, доме Лихутиных, каморке Дудкина. При этом «автор всегда старается проводить логическую нить связи между событиями, и там, где она не эксплицитно выражена, он стремится ее объяснить словами в титрах или рисунках» [Кривеллер 2020: 164]. Каждая часть сценария состоит из ряда сложных мизансцен. Некоторые из них включают несколько линий действия, сосредоточенных в едином экранном пространстве и выделяемых светом как на театральной сцене.

В то же время в сценарии очевидны отсылки к раннему кинематографу аттракционов (Юрий Цивьян обнаруживает следы рецепции таких фильмов, как «Луна в метре от нас», «Галлюцинации барона Мюнхгаузена», «Сон любителя гренок с сыром» и др. [Цивьян 1991: 233–238]). Наиболее изобретательные эпизоды должны были переводить на экран «мозговую игру», названную Белым в сценарии «умственными картинами» или «картинами мысли». В этих случаях привычный для конца 10-х гг. кинонарратив сменялся более архаической моделью фильма, ориентированного не на передачу историю, а на аффект. Такова, например, голова Николая Аполлоновича «с телом многолапого паука», «огромная теневая голова Аполлона Аполлоновича, с нетопырими крыльями в космических пространствах» ночные кошмары Дудкина, где его преследуют черти, взрывы «сардинницы ужасного содержания» и целый ряд других моментов.

Аттракционы, которые по мысли исследователей, не только преднарративны, но и противостоят абстрактному мышлению, смыслу как таковому (Браун), Белый избирает для визуализации «мозговой игры» — доведённой до гротеска кантовской концепции познания. Белый, превращая «мозговую игру» в аттракцион, на наш взгляд, подчёркивает её бессмысленность. Аттракцион становится способом «разорвать» «порочный круг сознания» (Сконечная), свойственный как рассказчику, так и персонажам. В плане интеграции аттракционов в нарратив сценарий Белого, оставшийся за пределами развития кино, предвосхитил поиски советского киноавангарда, и в первую очередь Сергея Эйзенштейна.

Литература

Кривеллер К. Пространство в киносценарии по роману «Петербург». Некоторые предварительные замечания // Символизм и поэтика пространства в творчестве Андрея Белого. СПб.: Нестор-История, 2020. С. 161–171.

Сконечная О. Русский параноидальный роман. Федор Сологуб, Андрей Белый, Владимир Набоков. М.: Новое литературное обозрение, 2015.

Цивьян Ю. Н. Историческая рецепция кино. Кинематограф в России, 1896–1930. Рига: Зинатне, 1991.

Brown W. Pre-Narrative Monstrosity of Images: How Images Demand Narrative // Image & Narrative. 2011. Vol. 12, no. 4. P. 43–55.

Прохорова Елизавета Владимировна

доцент, Санкт-Петербургский институт кино и телевидения;
jounoetjolie@gmail.com

ДВОЙНИЧЕСТВО В КИНОПОВЕСТЯХ ВАЛЕРИЯ ЗАЛОТУХИ: «МАКАРОВ» И «МУСУЛЬМАНИН»

Ключевые слова: киносценарий, российский кинематограф, двойничество, литературный сценарий, киноповесть.

На аванс, полученный за вышедший сборник стихов, поэт Александр Сергеевич Макаров покупает у бездомного пистолет «Макаров» — единственный из доступных ему инструментов самообороны в неспокойное переломное время. Однако, грань между самозащитой и насилием очень тонка. Покупка пистолета отжимает спусковой крючок внутри поэта: его подавленное эпохой честолюбие, репрессированное стремление к власти, сводит его с ума. «Ты мне даже не друг, а брат <…> Я — воск, ты — кремень» [Залотуха 2016: 181], говорит Макаров-поэт Макарову-пистолету, признавая в нем сильную сторону своей личности. Так, поэт и пистолет в киноповести Валерия Залотухи образуют карнавальную пару двойников, смеховое проявление архетипа двойничества, по-новому актуализирующееся в кинематографе новой России.

Двойничество представляет собой точку, в которой соединяются и разнимаются идеологические, нравственные, конфликтные друг другу функциональные оппозиции. «Бинарная картина мира, характер актуальных оппозиций в истории культуры менялись. Соответственно трансформировались и варианты двойничества», пишут Агранович и Саморукова [Агранович, Саморукова 2001: 11]. В «Макарове» через контекст 1990-х гг. бинарность раскрывается в конфликте власти (хаоса) и культуры (космоса). Власть — новый мир новой страны: низкое и низменное физическое насилие, угрожающее поэту за отказ дать закурить, телевизор, транслирующий лидера литературных мнений постмодернистку Алену Бам, бандитизм и олигархия в подпольных стриптиз-клубах. Культура осталась в прошлом: ее выразители — возвышенная Наташа, цитирующая наизусть классическую поэзию, дочь, журящая отца за неузнанного Чичибабина, сын, первыми словами которого стала строчка из Мандельштама, пролетарский поэт-примитивист Васька из поселка Комсомольское, ушедший на войну из стыда за свою жизнь перед чужой матерью, оплакивавшей сына. «Разлагающий анализ», ставший, по словам Алены Бам, главным инструментом современной постмодернистской поэзии, воплощается в жизнь буквально и гротескно — в сцене, где Макаров-поэт режет том Пушкина, своего тезки, чтобы спрятать в него как в шкатулку Макаров-пистолет.

Важнейшей поворотной точкой сценария становится четвертая сцена, в которой Макаров-поэт, став свидетелем уличной перебранки, впервые пользуется пистолетом ради устрашения и видит, как хулиган становится перед ним на колени. Бывший до этого бесправным и беззащитным, теперь он имеет власть, способную унижать других, и эта власть начинает разлагать поэта. Макаров-пистолет становится артикулированной за пределами субъекта темной стороной его личности. Однако антагонизм, возникший между поэтом и пистолетом в первых сценах, прекращается в четвертой сцене и не возобновляется до конца сценария. Постепенно двойники меняются местами, пока в кульминационной сцене Макаров не перестает узнавать себя в зеркале — но узнает в образе, скрывшемся внутри дула.

Открытый финал, в котором Залотуха переходит на речь от первого лица — свидетельство очевидца, сводящее историю Макарова к разряду городской легенды, а, следовательно, и знаменующее его бессмертие, — также свойственно системе взаимоотношений карнавальных двойников [Агранович, Саморукова 2001: 37]

Иной тип двойничества изображается Залотухой в повести «Мусульманин», ставшей литературной первоосновой для сценария одноименного фильма Хотиненко (1995 г.). Русский парень Коля, пережив афганский плен, возвращается домой мусульманином Абдулой.

Переживание смерти, которое всегда присутствует в ситуации двойничества [Агранович, Саморукова 2001: 6–7], происходит с Колей-Абдулой в Афганистане. Территория гибели своеобразным образом очищает его, заставляя через религиозное обращение отказаться от греха. Именно этот отказ запускает конфликт Коли со средой Аржановки, застывшей в кумулятивном проживании общих пороков — пьянства, толкающего к суициду, воровства, блуда. Брат Коли Федька в этой сложной системе выступает его двойником-близнецом. От типичной схемы таких взаимоотношений, описанной Агранович и Саморуковой [Агранович, Саморукова 2001: 44], «Мусульманин» отличается разрывом кумулятивности — Коле благодаря религии удается вырваться из ситуации двойничества, на какое-то время перестать проживать одну судьбу с братом. Однако, именно он в этой паре смертен — вытащив из петли Федьку, который, подобно отцу, пытался покончить с собой, он погибает сам от пули майора, который приехал с войны, чтобы отомстить за предательство на поле боя.

Субститут пространства, толкающего на нравственное перерождение, есть и в Аржановке — это озеро Бучило, на дне которого стоит затопленная церковь: «А кто достанет и до креста дотронется, тот как бы заново родится <…> проще говоря, все грехи тебе прощены будут» [Залотуха 2016: 624]. Верка после купания в Бучиле признает в Коле Абдулу и перестает толкать его на плотскую любовь. Ночью именно на Бучиле глава администрации сталкивается лицом к лицу с русским сатаной, который заставляет его бросить на топях драгоценный чемодан с долларами. Нырнув в Бучило, майор отказывается от идеи убийства Коли.

Майор, заселившийся в местную гостиницу под старым именем Коли– еще одно отражение героя, в этот раз — антагонистичное ему. Вместе с идентичностью Коли он присваивает и некий его греховный опыт, который рефлексирует в объемном монологе в кульминационной сцене [Залотуха 2016: 651]. Живой Абдула и погибший Коля встречаются лицом к лицу в идеологическом противостоянии. В нем же они и расстаются после смерти Абдулы — майор-Коля берет на себя новый грех и возвращается к точке отсчета, Абдула умирает в земном поклоне, так и не совершив предательства.

Таким образом, на примере трансформации двух типов двойничества, отраженной в кинодраматургии Валерия Залотухи начала 1990-х гг., становится возможным проанализировать характер проблематики кинематографа новой эпохи. Пары двойников, репрезентирующие антагонистичные друг другу силы, ярко артикулируют силы конфликта, актуального для страны, оказавшейся на переломе.

Литература

Агранович С., Саморукова И. Двойничество. Самара: Изд-во Самар. ун-та, 2001.
Залотуха В. Отец мой шахтер: Избранное. М.: Время, 2016.

Романова Екатерина Назаровна[1], Заморщикова Людмила Софроновна[2]

[1]д-р ист. наук, гл. научный сотрудник,
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН;
гл. научный сотрудник, Арктический государственный институт культуры и искусства;
e_romanova@mail.ru
[2]канд. филол. наук, доцент, гл. научный сотрудник,
Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова;
lszam@mail.ru

В ПЛЕНУ ВЕЧНЫХ СНЕГОВ: ПОХИЩЕНИЕ/ОБРЕТЕНИЕ КАК ТЕКСТОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ВООБРАЖАЕМЫЙ МИР В ФИЛЬМАХ АЛЕКСЕЯ РОМАНОВА (К ИНТЕРПРЕТАЦИИ «СЕВЕРНОГО ТЕКСТА» ЯКУТСКОГО КИНО)

Ключевые слова: якутское кино, притча, ландшафты холода, «северный текст», похищение и обретение.

Якутский кинематограф сегодня является одним из самых успешных и узнаваемых в креативной индустрии России, художественные кинокартины побеждают на мировых кинофестивалях, а разножанровые фильмы якутских режиссеров представлены в российском прокате. Феномен якутского кино стал новым исследовательским дискурсом в интертекстуальном поле искусства и науки.

Доклад посвящен описанию многослойного образного пространства в кинокартинах режиссера Алексея Романова, основоположника притчевого якутского кино. Следует отметить, что дипломная работа студента ВГИК Алексея Романова по произведению Николая Заболоцкого «Маппа» (1986), повествующая о девушке-призраке, впервые обнажила эмоциональные ландшафты «белого безмолвия», где снежная буря и ледяная стужа рождают глубинные «жизнестроительные смыслы».

Тема похищения в первой картине молодого режиссера связана с внутренним конфликтом главного героя Ильи. Он, заблудившийся путник, находит ночлег в заброшенном зимнем жилище: холод, иней на окнах, заиндевелый очаг как символы «бесжизненности» кодируют «мертвый» дом и исчезновение хозяев. Движение деревянного календаря, подвешенного на стене дома, при входе путника задает новое дыхание, где метафора смерти и жизни сосуществуют в едином пространстве, где грань между бытием и небытием так зыбка и хрупка. Текучесть времени, проницаемость профанных и сакральных границ, «перетекание» пространств и символов, обращение к культуре воспоминаний, онтологическая симметрия как организация мира — архетипический хронотоп визуальной транскрипции якутского кино.

Согласно смысловому построению сюжета, у героя похищают обыденный ландшафт, реальность, и погружают в зеркальные топосы потустороннего мира, где его ждет Любовь. Девушка-призрак, одинокая хозяйка дома, спасает случайного гостя от неминуемой гибели, она согревает его и отдает ему свое сердце. При расставании она сознается, что она — уёр (дух). Отверженная обществом из-за заразной болезни родных, она повесилась в этом доме от одиночества и невыносимых страданий. Девушка-призрак просит похоронить ее останки, тем самым успокоить ее душу…

Мифопоэтическая напряженность кинотекста обусловлена необратимостью судьбы главного героя: дух умершей девушки похищает его реальную жизнь, но дарит единственную на всю жизнь любовь. Любовь рождается в плену белой пустыни холода и стужи, но именно это вечное белое пространство хранит в каждом слое снега свои легенды и истории о заплутавшем путнике. Бескрайние ландшафты белоснежья как сокровенные топосы памяти актуализирует притчевость киностилистики киномира Алексея Романова.

Последняя работа режиссера Романова под названием «Легенды вечных снегов» (2024) — возвращение к началу творчества, это сиквел по фильму «Маппа». Фильм-притча Алексея Романова «Легенды белых снегов», завоевавший гран-при Бишкекского международного кинофе-

стиваля, посвящена «украденному» в период всеобщего безверья — уважения к своим традициям, жертвенной любви и преданности.

Сюжетный рисунок фильма проецирует модель «текста в тексте», где кристаллизируется тема сватовства эвенской девушки Килук и ее отъезда от родных к старому жениху. Трое мужчин саха сопровождают ее в пути, среди них и Илья, изменивший свое имя на Хабый. Именно тема отношений Ильи и Маппы организуют внутреннее/сакральное пространство картины. Обьединяющим семантическим узлом киноповествования становится метафора Похищения и Обретения. Завораживающая красотой поэтического кинематографа, пронизанного философским осмыслением человеческого существования кинопритча повествует о трех путниках, потерявших дорогу (жизненные ориентиры), но обретших в пути бесценный дар — любовь… Фильм созвучен первородности Холода как одушевленной Вселенской стихии, где изо льда и снега рождаются Хаос и Гармония, где божественное и природное кодируют «северный» текст якутского кино.

Селиверстов Игорь Константинович

аспирант, Всероссийский государственный институт кинематографии им. С. А. Герасимова; igrslvrstv81@gmail.com

АКТЕР И ПОХИЩЕНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ: ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ РЕАЛЬНОСТИ В КАРТИНЕ «САМЫЙ ГЛАВНЫЙ БОСС»

Ключевые слова: работа актера над ролью, жертвоприношение, искупительная жертва, Ларс фон Триер.

Работа актера над ролью состоит из периода познавания, переживания и воплощения роли актером [Станиславский 1957: 557]. По методике К. С. Станиславского работают миллионы актеров по всему миру, но что, если процесс освоения роли сам по себе станет драматургическим обстоятельством? Что если персонаж, которого нужно сыграть, существует не на сцене, а в офисе небольшой датской IT компании? Именно с такой ситуацией сталкивается зритель, когда смотрит картину Ларса фон Триера «Самый главный босс». Кристофер — незадачливый, но самовлюбленный актер, который получает весьма странное предложение от начальника IT фирмы Равна. Его задача — сыграть «самого главного босса», которого Равн 10 лет назад придумал, чтобы скидывать на него все непопулярные решения. Иными словами, задача Кристофера — сыграть роль козла отпущения и взять на себя удар, когда дело дойдет до продажи фирмы, в которую остальные сотрудники вложили свои деньги и душу [Жирар 2019: 3–55]. Но, как и во всякой комедии, главный герой оказывается трикстером. Дотошный до каждого обстоятельства жизни своего персонажа, Кристофер своими действиями стирает грань между игрой и реальностью. Присваивая себе идентичность «самого главного босса» и воспринимая все происходящее как игру, актер подчиняет себе реальность. Саму суть общественных отношений — юридический договор — он сводит к понятию игры [Кайуа 2003: 83–92]. В данном случае мы имеем дело не с классическим жертвоприношением богу. Кристофер жертвует реальностью ради театральной игры.

Цель статьи: проанализировать драматическую ситуацию жертвоприношения реальности в фильме «Самый главный босс»

Задачи статьи: 1) дать определение искупительной жертвы, согласно концепции Р. Жирара; 2) определить черты героя-трикстера, ломающего логику жертвоприношения в своих целях; 3) дать определение игры как социального явления.

Методология: исследование основывается на идеях Р. Жирара «Вещи, сокрытые от создания мира», П. Польти «36 драматических ситуаций» и Р. Кайуа «Миф и человек. Человек и сакральное».

Согласно определению Р. Жирара, искупительная жертва тесно связана с понятием жертвоприношения. Ее функция заключается в том, чтобы успокоить внутреннее насилие коллектива, не дать разразиться конфликтам [Жирар 2019: 121–130]. Искупительная жертва — это универсальный механизм самозащиты общества от насилия. В момент кризиса или опасности один человек выделяется как причина неприятностей и принимает на себя насилие и гнев толпы. Таким «козлом отпущения» может быть как чужак, так и король или «самый главный босс», ответственный за беду коллектива.

Тезисы:

- Главный герой — Кристофер, незадачливый актер. Поклонник некого Гамбино, чей творческий метод он возводит в культ. «Единственный закон для меня — мой герой, и единственный суд — это текст» — заявляет Кристофер о своих мотивах. Его задача — как можно лучше понять и присвоить себе роль Свэна, «самого главного босса», придуманного Равном.

- Кристофер — «триеровский идиот». Он действительно воспринимает происходящее, как игру. Офис — сцена, в которой разыгрывается общественный спектакль.
- В фильме присутствует мотив не только театральной, но и общественной игры — «Mimicry» Р. Кайуа. Мимикрия, по классификации исследователя — это игра подражания, симуляции. Стремление примерить на себя чужую роль [Кайуа 2003: 92–104]. В случае картины Триера — это роль искупительной жертвы для Кристофера. Но своим поведением Кристофер обнажает социальные роли других героев.
- Не имея «твердого текста» сценария, Кристофер импровизирует, потому что так хочет «режиссер» Равн. Импровизация вскрывает конфликты внутри IT компании. Но для самого Кристофера настоящих людей не существует. Все сотрудники — такие же актеры, как и он сам.
- Для него есть пространство сцены — офис, и «нейтральное пространство» условных гримерок, где он консультируется с «режиссером».
- В процессе работы над ролью Кристофер полностью присваивает себе личность самого главного босса и подчиняет себе реальность, в которой сотрудники компании действительно признают за ним право на продажу фирмы.
- Мотив договора: о неразглашении, доверенность о продаже, общественный договор между участниками фирмы, межличностные отношения — все это приобретает статус игры, когда к ним прикасается Кристофер.
- Равн, настоящий владелец фирмы, любит подписывать всевозможные контракты. Он сам попадается в собственную ловушку, заключает договор с дураком. Дурак же, ведомый желанием исполнить принципы «великого Гамбино», жертвует настоящими жизнями людей и компанией ради театральной постановки.

Выводы:

- В картине «Самый главный босс» представлена драматическая ситуация жертвы ради идеалов.
- Такая драматическая ситуация развертывается благодаря процессу освоения роли актером. Кристофер похищает не только идентичность выдуманного «Главного босса». Он похищает право на существование компании и ее сотрудников. Личность «самого главного босса» дает ему возможность принести их в жертву ради принципов Гамбино.
- Таким образом, в картине «Самый главный босс» представлена разновидность драматической ситуации жертвы ради идеалов, когда реальность приносится в жертву игре.

Источник

Польти Ж. 36 драматических ситуаций. URL: https://penfox.ru/blog/36-dramaticheskix-situacij-zhorzha-polti/#7 (дата обращения: 17.01.2025).

Литература

Жирар Р. Вещи, сокрытые от создания мира. М.: ББИ, 2019.

Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное. М.: Объедин. гуманит. изд-во, 2003.

Станиславский К. С. Собрание сочинений в восьми томах. Работа актера над ролью. Т. 4. М.: Искусство, 1957.

Степанова Полина Михайловна

д-р искусствоведения, доцент, профессор,
Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения;
st-more@yandex.ru

НЕОБХОДИМОСТЬ ИСЧЕЗНОВЕНИЯ: ФИЛОСОФИЯ ПОСТГУМАНИЗМА И СОВРЕМЕННЫЙ АНИМАЦИОННЫЙ ФИЛЬМ

Ключевые слова: четвертая революция, культурная антропология, акторно-сетевая теория, этология.

Анимационный фильм по своей природе вынуждено апеллирует к сознательно сконструированной реальности, в которой сущностным элементом визуального повествования является оживление мертвой материи. Нечто из человеческого, профанного мира с помощью языка анимации обретает духовное содержание, присваивает себе эмоциональный комплекс свойственный человеческому. Антропоморфизм героев и сюжетных коллизий, в которые герои попадают, стал своеобразным законом этого вида визуального искусства. Рамки любого фильма, выходящего на мировые экраны, измеряются этой способностью рефлексировать осмысление человеческого через нечеловеческие формы и объекты. «Зверополис» (2016), вырастая из аллегорического письма «Романа о лисе», созданного в XII–XIV вв., обнажает сложности социальных связей в современном обществе. Работы студии Пиксар Джона Лассетера осмысляют стремительно меняющуюся чувственную природу современного человека: «История игрушек» (1995), «Корпорация монстров» (2001), «Головоломка» (2015).

Анимационные фильмы последних лет, входящие в шорт-листы мировых кинофестивалей, декларируют отказ от парадигмы антропоморфизма, ярко отражают стремительно надвигающуюся этику нового отношения к окружающей человека среде, пытаются обозначить базовые вопросы «четвертой революции» [Floridi 2014: 59–100].

Окружающая среда, которая теперь не ограничивается взаимодействием человека и природы, а все больше проявляет себя в информационно-коммуникационных технологиях, определяющих нашу повседневную жизнь, формирует новые связи зрителя и визуального образа. Новые медиа вторгаются не только в процесс восприятия, но и в процесс создания произведения искусства. Рефлексия анимационного персонажа о собственной идентичности происходит быстрее, чем в кинематографическом мире. Современная анимация занялась изучением границ человека и человеческого. Отчетливо прослеживаются две тенденции: усложнение внутреннего мира машины и гипервитальность животного. Главные герои анимационных фильмов середины 2020-х гг. находятся на полюсах двух философских идей: акторно-сетевой теории Бруно Латура и «антропологии по ту сторону человека» Эдуардо Кона.

«Мечты робота» (2023) актуализируют новую систему отношений человека с окружающим миром. Реальность фильма формируют фантазии машины, оставленной в песке на пляже с выключенным аккумулятором. Мир создается в воображении объекта, который ведет себя как субъект. В акторно-сетевой теории предметы, с которыми мы постоянно взаимодействуем, формируют и определяют нас [Латур 2014: 90–122]. Главный герой анимационного фильма, робот, грезит кадрами из американского фильма «Волшебник страны Оз» (1939). Сны и мечты машины о неосуществившемся определяют структуру развития действия и доминирующие визуальные образы, отсылающие зрителя к культурному опыту человечества, но являющимися личным опытом неживой материи.

«Течение» (2024) походит на экранизацию базовых положений теории Кона о более сложных семиотических отношениях, существующих в природе, которые не определяются наличием человека, «знание или даже мышление свойственны не только людям» [Кон 2018: 28]. Главный герой, кот, в мире лишенном людей, очищенном от человеческого находится в сложных и насыщенных смыслами отношениях с природой и другими животными. Важно, что системы знаков в коммуникативных моделях зверей не подстраиваются под привычный анимации антропо-

морфизм, напротив, взаимодействие кота и окружающей среды осуществляет в логике инстинктов, но наполненных качественно новыми содержаниям. Сценарная конструкция и предлагаемые обстоятельства жизни животных реализуются в фильме с точки зрения этологии, науки переосмысляющей теорию животных инстинктов, доказывающей положения об осознанной эстетизации брачных танцев птиц. «Этология — биология поведения животных и человека — породила новый подход к ритуалу в гуманитарных науках» [Прадье 2018: 205].

Подобная проблематика в анимации возникла в самом начале XXI в., первым обращением к проблеме машины-человека стал фильм «ВАЛЛ-И» (2008). Но в середине 2020-х гг. происходит качественный перелом в постгуманистической философии. Если главный герой — машина в нулевые создавался с пафосом антропоморфизма именно с точки зрения чувственной природы, он влюблялся, жертвовал собой. Механизмы и животные в современной анимации мыслят и осуществляют взаимодействие с окружающей средой в более сложных категориях, чем привычные объяснимые природой человеческого чувства поступки.

Показательно, что все герои фильмов «Мечты робота» и «Течение» не имеют способности говорить, что становится законом, полностью определяемым создателями проектов. Привычный зрителю мир анимации с легкостью использует вербальный пласт повествования для простоты создания сюжета, для облегчения идентификации с персонажами. Вербальное уходит из визуального повествования, важным в понимании истории становится специфическая система пластических знаков в осуществлении героев. Эта пластика героя теперь обладает новыми категориями, она измеряется не телесностью, а отсутствием гибкости механизма/тела робота или естественной витальностью кошки.

Расчеловечивание и сознательный уход от антропоцентризма в современной анимации ставит вопрос актуальности гуманистических идей как таковых. Исчерпанность интереса к человеку быстро проникает во все виды искусства, во все сферы человеческой деятельности. Анимация становится идеальным полем для анализа стремительно надвигающейся новой реальности. Герой нового мира, лишенный человеческого, умещается между машиной-человеком и животным-человеком. Рождаются новые знаковые системы помимо словесных конструкций, новые мизансценические выразительные образы за пределами привычной человеческой телесности.

Литература

Кон Э. Как мыслят леса: к антропологии по ту сторону человека. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018.

Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом Высш. шк. экон., 2014.

Прадье Ж.-М. Плоть есть дух: Ритуал или проблема действия // Религия, ритуал, театр. Харьков: Гуманитарный центр, 2018.

Floridi L. The Fourth Revolution. How the Infosphere is Reshaping Human Reality. Oxford: Oxford University Press, 2014.

Тульчинский Григорий Львович

д-р филос. наук, профессор, ст. научный сотрудник,
Санкт-Петербургский государственный университет;
профессор, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург);
gtul@mail.ru

ПРАГМАСЕМАНТИКА ПОХИЩЕНИЯ, ИЛИ ПОПЫТКА ОПУСТОШЕНИЯ БЫТИЯ

Ключевые слова: апофатический семиозис, кинотекст, нарация, похищение, прагмасемантика.

Механизм смыслообразования в культуре обусловлен семиозисом (текстуализацией явлений культуры) [Лотман 1992: 25–33, 129–132], включая наррацию как ключевой фактор порождения смысловой картины мира и формирования самосознания (субъектности) [Tulchinskii 2023: 15–42]. При этом, в выстраивании смысловой картины мира немаловажную роль играет кинотекст, активно участвующий в формировании исторической памяти, образа будущего, культуры современного массового общества, соответствующих идентичностей.

В сообщении на материале современной фильмографии развивается прагмасемантический подход (включая глубокую семиотику [Золян и др. 2024]), позволяющий конкретизировать контексты смыслообразования в каскаде интерфейсов ценностно-регулятивных систем социально-культурных практик с учетом роли субъектности в качестве универсального интерфейса, позволяющего совмещать и менять контексты смыслообразования. Это качество субъектности обусловлено ее семиотической природой как рефлексивного самоописания — противоречивого и неполного, открытого дополнениям и изменениям за счет реализации апофатического семиозиса [Лосев 2008].

В этом плане исключительно удачный материал для анализа прагмасемантики апофатического семиозиса предоставляет кинотекст наррации похищения.

Прежде всего виды, такой наррации поддаются систематизации по различным основаниям, связанным с участниками (акторами — похитителями, их жертвами, спасителями), их мотивациями, образом действия, результатами. Так, объектами похищения могут быть как люди (дети, девушки и женщины, родители, заложники, важные персоны и даже трупы), так и предметы, вещи, артефакты (включая магические), автомобили, деньги и даже сюжеты.

Совершаться и организовываться похищения могут бандитами, аферистами, спецслужбами, бывшими жертвами или их помощниками, инопланетянами, призраками.

Мотивацией, целью похищения могут быть расправа, выкуп, уступки, обмен (благами, действиями), изменение решения, поведения, узнать важную информацию, тайну, пресечение опасных для похитителей действия, намерений.

Результатом похищения могут быть реализация или крах планов похитителей, их наказание, или неожиданный итог, переворачивающий всю ситуацию.

При этом принципиально важно, что похищение не следует путать с ограблением, разбоем, убийством, хотя оно и может совершаться в результате этих действий, просто вооруженного насилия. В отличие от таких «простых изъятий» из собственности ил даже жизни, похищенное не обязательно, но может быть возвращено, что, собственно, и закладывается в транслируемые похитителями условия. Похищение предполагает «долинные мысли», замысел «вдолгую», предполагать довольно сложный расчет последствий реализации этого замысла. По сути, похищение представляет собой искусственный разрыв целостной ткани бытия Другого (других), изъятие из нее компонента, важного для этого Другого с целью побуждения к совершению каких-то действий, важных для похитителя(ей).

Тем самым создается ситуация апофатического семиоизиса, когда возникший разрыв («пробел») в целостности бытия Другого, от которого требуется порождение нового смысла (значимых действий, вещей, предметов), становящегося условием восполнения созданной похитителями пустотности.

Таким образом, в похищении участвуют (предполагаются) обычно две субъектности, с которыми связаны смыслопорождающие контексты события. Во-первых, это похититель(и) и Другой(ие), для которого(ых) важен объект похищения и от которого ожидаются определенные, необходимые похитителю(ям) действия. Та же ситуация сохраняется, если такой Другой сам становится объектом похищения («Мизери»). В этом случае, как и вообще, когда объектом похищения становятся люди, важные (ценные) для Другого, которые могут выступать в качестве третьей субъектности, иногда способной к активным действиям. Такие действия похищенных могут даже радикально изменить общий контекст развития событий и конечный результат всей истории, вплоть до торжества жертвы похищения над похитителями («Вождь краснокожих»).

Литература

Золян С. Т., Тульчинский Г. Л., Чернявская В. Е. Прагмасемантика и философия языка. М.: Изд. дом «ЯСК», 2024.

Лосев А. Ф. Вещь и имя. Самое само. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2008.

Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллин: Александра, 1992.

Tulchinskii G. L. Narration as a Platform for Interdisciplinarity: The Inter- and Cross-Disciplinarity of the Narrative Approach. // Interdisciplinary Perspectives on Using Narratives as a Research Method / eds E. Priupolina and T. D. Eckstein. Lanham; Boulder; New York; London: Lexington Books, 2023. P. 15–42.

Исследование подготовлено в рамках проекта РНФ № 22-18-00591 «Прагмасемантика как интерфейс и операциональная система смыслообразования».

Фаустов Андрей Анатольевич[1], Устимов Олег Владимирович[2]

[1]д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой, Воронежский государственный университет; aafaustov@list.ru

[2]преподаватель, Воронежский государственный университет; Lacedaemon37@gmail.com

ЧЕТЫРЕ ВТОРЖЕНИЯ ПОХИТИТЕЛЕЙ ТЕЛ: ВНУТРЕННЯЯ ДИНАМИКА КИНОИСТОРИИ О «СТРУЧКАХ»

Ключевые слова: похитители тел, «стручки», семиотика, бессознательное.

Научно-фантастический роман Джека Финнея «Похитители тел» уже во время своей журнальной публикации (1954) привлек внимание голливудских продюсеров. Права на экранизацию романа были выкуплены до выхода последней главы, и фильм под названием «Вторжение похитителей тел» (реж. Дон Сигел) появился в 1956 г.

Впоследствии роман будет адаптирован еще три раза — в 1978, 1993 и 2007 гг. И история его киновоплощений не раз становилась предметом исследовательского интереса. Наиболее основательной работой, посвященной по преимуществу первой экранизации, является монография Бэрри Кэйта Гранта в серии BFI Film Classics [Grant 2010]. А подробный анализ всех фильмов франшизы осуществляется в рамках исследований ремейков в специальной главе книги Кристиана Кнопплера [Knöppler 2017: 89–136].

Каждая версия экранизации, возникая в определенном социально-политическом и культурном контексте, использовала и перерабатывала приемы популярных в то время киножанров и киностилей.

Первый фильм, сочетая в себе элементы научной фантастики и «ужасов» — популярную в 50-е гг. комбинацию, имеет также черты нуара, с типичными для него присутствием закадрового рассказчика, светотенью и мрачной атмосферой безысходности.

Фильм 1978 г. «Вторжение похитителей тел» (реж. Филип Кауфман) представляет собой уже иную смесь. Во-первых, это следы зарождающегося во второй половине 70-х гг. боди-хоррора (ранние фильмы Д. Кроненберга), с его повышенным вниманием к телесности, симбиотическим и паразитическим связям, трансформации вещества и проч. Во-вторых, это ориентация на фильмы о зомби (Д. Ромеро), с их системой заражения и идеей постепенного перехода человечества в новую форму жизни.

Фильм 1993 г. «Похитители тел» (реж. Абель Феррара) в своей гибридизации заходит дальше и заимствует уже, в духе постмодернистского пастиша, стилистику и отдельные сцены из конкретных фильмов. Общие картины жизни на военной базе, основной локации фильма, напрямую ассоциируются с фильмом «Лучший стрелок» (1986), а некоторые хоррор-сцены являются оммажами классическим фильмам ужасов прошлого десятилетия — например, «Кошмара на улице Вязов» (1984).

Фильм 2007 г. «Вторжение» (реж. Оливер Хиршбигель) завершает путь гибридизации и выглядит как набор штампов из фильмов-катастроф и фильмов-эпидемий, заполонивших кинотеатры в нулевые годы.

Сравнительный анализ четырех адаптаций не в качестве отдельных попыток представить на экране роман Финнея, а в качестве единого развивающегося текста, позволяет выявить определенные тенденции.

Каждый новый фильм, сохраняя в большей или меньшей степени ключевые сцены и сюжетные мотивы романа, имеет свою относительно уникальную фабулу. Первые три фильма объединяет «монстр» франшизы — космический «стручок», создающий дубликат человека, заменяющий оригинал (который при этом исчезает); четвертый фильм отличается как своей фабулой, так и своим монстром (в фильме это космический вирус). И здесь можно уловить определенную логику в эволюции поведения монстра.

Если рассматривать отношения «стручка» и человека как особый семиозис, то в первом фильме их можно назвать иконическими: «стручок», находясь на расстоянии от человека, порождает «заготовку» (метафора из романа Финнея), которая на глазах изменяется, все больше и больше уподобляясь человеку. Как только знак достигает полного сходства с референтом-оригиналом, он замещает его, обращаясь в референт-дубль.

Во втором фильме наличествуют два типа таких отношений: сохранившееся из первого фильма иконическое и новое — индексальное. В некоторых случаях «стручку» необходимо прикоснуться стеблем-щупальцем к человеку, чтобы «перекачать» его сущность и воплотиться в двойника. Индексальность служит тут способом подпитки для достижения конечной иконичности.

Третий фильм уже полагает систему «икона-через-индекс» единственно возможным механизмом создания двойника. Чтобы материализоваться в дубликат человека, «стручок» теперь обязательно должен опутать оригинал своими стеблями и высосать его.

В четвертом фильме, где «стручков» больше нет, конечный итог достигается через заражение человека. Процесс замещения человека-оригинала происходит здесь без посредничества внешней «заготовки» и, соответственно, без порождения референта-дубля. В результате заражения — то есть перекодировки — человек испытывает семиотическую метаморфозу, референтно оставаясь самим собой.

Другой важной тенденцией является динамика того, как в разных экранизациях идеологически тематизировалась история о «стручках». Первый фильм, снятый в разгар холодной войны, был воспринят большинством в качестве аллегории о захвате Америки коммунистами. Но с этой интерпретацией сочеталось и другое: страх перед урбанизацией и подавлением индивида обществом, ностальгия по старой Америке и др. Второй фильм значительно сузил диапазон трактовок и вывел на первый план проблему отчуждения личности в современном городском социуме. Третий фильм избавился от урбанистического контекста и заострил конфликт до максимума, приравняв общество «стручков» к любым формам иерархии и коллективности, синекдохически представленным на экране армией и семьей. Четвертый фильм, разыгрывая прежние темы, напрямую начал вкладывать идеологическую интерпретацию истории в уста персонажей (в том числе российского посла), обсуждающих подтекст и иронию событий.

Иначе говоря, каждый новый фильм все больше внимания уделял демонстрации работы «стручков» (и заменивших их вирусов) и объяснению происходящего, тем самым выводя на поверхность то, что ранее лишь подразумевалось. Логику такого развития можно сблизить с логикой истории бессознательного, в понимании Франко Берарди [Берарди 2024: 50–51]: вытесненное и сокрытое бессознательное превращается в последние десятилетия прошлого века в экспансионистское бессознательное, в безостановочное функционирование своего рода лаборатории воображения.

Литература

Берарди Ф. Третье бессознательное: психосфера в вирусную эпоху / под ред. В. А. Мазина; пер. с англ. Олелуш. Петропавловск: Запасной аэродром, 2024.

Grant B. K. Invasion of the Body Snatchers. London: British Film Institute, 2010.

Knöppler C. The Monster Always Returns American Horror Films and Their Remakes. Bielefeld: Transcript, 2017.

Азарова Валентина Владимировна

д-р искусствоведения, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Ф. И. ШАЛЯПИН В РОЛИ, НАПИСАННОЙ СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ НЕГО

Ключевые слова: Ф. И. Шаляпин, «Дон Кихот» Массне, оперная партия, русский драматический театр.

Зарождение проекта оперы Ж. Массне «Дон Кихот». В истории создания пятиактной оперы Ж. Массне «Дон Кихот» (1909) важное место занимает вдохновитель проекта — импресарио и постановщик оперного театра в Монте-Карло Рауль Гинсбург. Он ангажировал либреттиста Анри Кена, композитора Жюля Массне, а также великого русского певца Ф. И. Шаляпина для исполнения заглавной роли Дон Кихота. Шаляпин охарактеризовал Гинсбурга как «человека, известного во всей Европе, Америке, Азии, Африке и вообще во вселенной, а также, вероятно, и за пределами ее» [Грошева 1976: 171].

Опера «Дон Кихот» написана не по роману Сервантеса, а на текст пьесы о Дон Кихоте, Санчо и Дульсинее литератора Жака Ле Лорена. Массне выразил симпатию к «гениальной выдумке» и «превосходной идее» Ле Лорена, изменившего образ вульгарной трактирщицы Дульсинеи Сервантеса на фантастичную, праздничную и прекрасную Дульсинею. Она придала произведению «элемент высокой красоты в женской роли» [Massenet 1912: 175–176]. Подобная идея не приходила в голову ни одному из прославленных либреттистов оперы или балета, хотя сюжет романа Сервантеса использовался многократно. Жанровое наклонение оперы — «героическая комедия» — позволяет ее отнести к исторической традиции французской комической оперы XVIII в., с характерным чередованием игровых комедийных сцен в соединении с мягким лиризмом. Синтез любовной тоски и разочарования — современная тенденция французской лирической оперы, получившая развитие в творчестве Массне. Главный герой умирает от иллюзорной, но искренней и высокой любви.

Вокруг премьеры оперы «Дон Кихот»: Ф. И. Шаляпин в главной роли. 13 февраля 1910 г. опера «Дон Кихот» с успехом прошла в Монте-Карло. Шаляпин впервые пел в произведении, написанном специально для него. Массне назвал певца «идеальным Дон Кихотом» [Massenet 1912: 176]. Пять представлений «Дон Кихота» в течение одного сезона стали исключительным случаем в истории театра Монте-Карло. Вскоре опера была поставлена на других европейских сценах, она шла на международной сцене вплоть до 1931 г., когда состоялось представление «Дон Кихота» в парижском театре Opéra-Comique.

Ф. И. Шаляпин, приступивший к работе над ролью Дон Кихота в возрасте 37 лет, уже имел мировое признание. Огромный репертуар певца включал оперы русских и западноевропейских композиторов. Это «Руслан и Людмила» М. И. Глинки; «Русалка» А. С. Даргомыжского; «Князь Игорь» А. П. Бородина; «Юдифь» и «Вражья сила» А. Н. Серова; «Псковитянка», «Садко», «Снегурочка» Н. А. Римского-Корсакова; «Борис Годунов» и «Хованщина» М. П. Мусоргского; «Пиковая дама» П. И. Чайковского; «Демон» А. Г. Рубинштейна; «Алеко» С. В. Рахманинова; «Ледяной дом» А. Н. Корещенко. Также «Севильский цирюльник» Дж. Россини, «Риголетто» и «Дон Карлос» Дж. Верди, «Мадам Баттерфляй» Дж. Пуччини, «Осуждение Фауста» Г. Берлиоза, «Фауст» Ш. Гуно, «Мефистофель» А. Бойто. Ни одна из заглавных партий не была создана специально для Ф. И. Шаляпина. Исключением стала партия Дон Кихота в одноименной опере Массне.

Работая над ролью Дон Кихота, Шаляпин вложил в нее великую силу таланта певца и драматического актера. Шаляпин считал основной задачей наполнение образа внутренним содержанием: обнаружить перед слушателями, черта за чертой, импозантного и величественного

Руководитель секции: Н. В. Семенова.

рыцаря-героя, который при ближайшем рассмотрении оказывается комичным и трогательным человеком. Шаляпин выделял в характере Дон Кихота добродушие, благодаря которому певец идентифицировал самого себя с обедневшим дворянином из Ламанчи. Публику поражали как широта выверенных жестов Шаляпина-Дон Кихота, так и «скульптурность» его поз. Руки певца находили «светящимися мистическим пламенем»: они вздымались в экстатических порывах, перед которыми разбойники падали на колени (III действие). Казалось, слабые и тонкие, руки Дон Кихота в исполнении Шаляпина преображались в руки Апостола, совершавшего чудеса милосердия. Искусство становилось откровением. Шаляпин создал плачевно-трогательный и, вместе с тем, божествен образ, напоминавший Христа, каким описал Иисуса французский мыслитель Эрнест Ренан — властитель умов эпохи fin-de-siècle. В сцене молитвы, когда Дон Кихот благословляет разбойников, от лица артиста и всего его облика исходило духовное сияние. Его голос, резонирующий, как орган в храме, содержал обертоны возвышенной чистоты. Сценическое движение — аспект, которому певец уделил в «Автобиографии» отдельную главу — представляло собой высокое искусство; оно возникало и развивалось автономно от речи, передавая движения души, а не тела.

«Священная миссия всей моей жизни» (La mission sacrée de ma vie). В 1916 г., диктуя М. Горькому страницы «Автобиографии», Шаляпин подчеркивал, что для него «пение — это не легкое развлечение, но священная миссия всей [его] жизни» [Mamy 2023: 229]. 26 сентября 1930 г. была отдельно издана посвященная Шаляпину ария Дон Кихота «Si vous vouliez bien me le dire» [Mamy 2023: 233].

Русский драматический актер МХТ В. Г. Гайдаров так вспоминал о Шаляпине в роли Дон Кихота: «Своим исполнением Дон Кихота Шаляпин доказал необычайно просто и более убедительно, чем десятки глубокомысленных трактатов, что нельзя жить без идеала, без великой цели!» [Грошева 1977: 383].

Литература

Грошева Е. А. Федор Иванович Шаляпин. Т. 1. Литературное наследие. Письма. М.: Искусство, 1976.

Грошева Е. А. Федор Иванович Шаляпин. Т. 2. Воспоминания о Ф. И. Шаляпине. М.: Искусство, 1977.

Mamy S. Chaliapine (1873–1938). Paris: YMCA Press, 2023.

Massenet J. Mes souvenirs (1848–1912). 1912. Printed in France by Amazon.

Аленькина Татьяна Борисовна

канд. филол. наук, доцент, Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет)

«ИНСПЕКТОР ООН» В РОЛИ РЕВИЗОРА XXI ВЕКА В СВОБОДНОЙ АДАПТАЦИИ Д. ФАРРА КОМЕДИИ Н. В. ГОГОЛЯ «РЕВИЗОР»

Ключевые слова: комедия Н. В. Гоголя «Ревизор», реакцентуация, адаптация, Д. Фарр.

Комедия Н. В. Гоголя «Ревизор» (1836) часто звучит в англоязычных адаптациях в театрах XXI в.: в 2005 г. появляются шотландские версии А. Битона и Д. Берна; ирландская версия Р. Дойла в 2011 г.; американская версия М. Чемерса 2011 г. В этом ряду стоит еще одна пьеса — «свободная адаптация» британского драматурга Д. Фарра «The UN Inspector» (2005).

Определение адаптации как «произведения, которое является вторым, не будучи вторичным» [Hutcheon 2013: 6], прекрасно отражает суть пьесы Д. Фарра. Цель статьи — определить стратегию и приемы адаптации великой русской комедии Гоголя в версии Д. Фарра.

В результате нашего исследования мы выделяем приемы, традиционные для адаптации: актуализацию и культурную транспозицию. Фарр расширяет пространство провинциального захолустья, куда должен приехать ревизор из столичного Петербурга, до международного уровня. Действие происходит в небольшой по территории стране бывшего Советского Союза. Президент и его министры получают сообщение о приезде инспектора ООН, который не в последнюю очередь станет проверять эффективное использование траншей МВФ, данных стране «свободного рыночного капитализма на постсоветском пространстве». Эта страна разворовывается и уничтожается президентом и его окружением, а сам он сидит на посту президента 15 лет и гордится при этом свободными выборами. Многие из высокопоставленных чинов имеют советское прошлое, в том числе связанное с КГБ. К примеру, министр финансов (должность, которая отсутствует у Гоголя), женщина по имени Степана Ивановна Коробкина, хитрая и жестокая дама, которая не остановится ни перед чем, даже перед возможностью убийства. В то же время все они раболепствуют перед Западом, принижая свою собственную родину. Министр образования возит детей в частную американскую школу, а старшего сына мечтает выучить в Колумбийском университете. Министр здравоохранения сдает помещение больницы, выстроенное на деньги Запада, под съемки очередной серии американской мыльной оперы. Говорящая деталь: эта больница находится в парке имени Брежнева, срочно переименованном в парк Свободы.

Сидение между двумя стульями — советским прошлым и прозападным настоящим — смешно и трагично. Фарр вводит фарсовые элементы, демонстрирующие сущность президентской клики и окружающего быта. Мечта президента — охота на зайцев и частный вертолет, министр образования знает из английского языка разве что слово shit, а первая леди мечтает о дешевых свечах из магазина Мэйсис. Безликое пространство отеля Мариотт — убежище нищего англичанина, которого опытные номенклатурщики принимают за инспектора ООН. Это Мартин Гэммон, бывший агент по продаже недвижимости фирмы Бэлхем, у которого не осталось ни цента даже на еду. Карьерные планы подзаработать у него провалились; однако этот «Мухосранск» (Shittskyberg) оказывается для него и его приятеля Сэмми золотой жилой. Все министры дают ему взятки в виде пачек денег с логотипом МВФ или выписывают чеки при отсутствии наличности, как поступают Добчинский и Робчинский (в данном случае говорящая фамилия — *to rob* — воровать, грабить). Такая откровенная глупость и наглость небезобидны. В тюрьмах самыми опасными преступниками становятся политические заключенные, а журналистку, которая узнает о махинациях, пытают и истязают. Реакцентуация — смещение акцента с собственно фарсового на обличительный — особенность адаптации Фарра. Отсутствие свободы слова и свободы бизнеса, притеснения и издевательства — основные обвинения бизнесменов и матери Елизаветы Коршник, идущих с петициями к инспектору ООН в надежде раскрыть правду.

Ничтожность президентской клики, представители которой находятся на уровне полуграмотного и ограниченного англичанина, подчеркивает финал пьесы. Мартин делает предложение Марии, дочери президента, и тот на радостях дает молодым президентский вертолет. Однако очень скоро президент узнает о перехваченном электронном сообщении, в котором Мартин не щадит их всех и, что страшнее всего, собирается рассказать об этом в западной прессе. Президент дает убийственный приказ — уничтожить лайнер, пока он еще находится в воздушной зоне их страны. На борту погибает единственная дочь президента.

Таким образом адаптация Фарра значительно более жестокая, чем у Гоголя. Жестокость и бесчеловечность героев подчеркивает и грубоватость речи героев. Слово *shit* встречается в речи разных героев шесть раз, *fuck* — дважды. Между тем некоторые сцены очень напоминают гоголевские. Сцена обольщения Мартином жены и дочери президента и чрезмерное хвастовство Мартина представляет собой перифраз соответствующих гоголевских сцен. В финале Президент обращается к аудитории — лондонцам, сидящим в зале: «And all the Londoners with their posh earrings and their low-cut jeans will come and laugh at the thick-headed President and clap their hands. What are you laughing at? You are laughing at yourselves! You are laughing at yourselves!" [Farr 2005: 108]. Фарр таким образом раздвигает границы страны бывшего Советского Союза, демонстрируя вненациональную природу порока. По мнению самого драматурга, именно адаптация открывает возможность диалога между зрителем и самой пьесой, в чем и заключается суть театра» [Farr 2012].

Литература

Farr D. The UN Inspector. London: Faber and Faber, 2005.

Farr D. Metro. Not So Farr-Fetched. 11 April, 2012. URL: https://www.standard.co.uk/culture/theatre/not-so-far-rfetched-7299331.html (дата обращения: 20.12.2024).

Hutcheon L. A Theory of Adaptation. 2013. London; New York: Routledge, 2013.

Баранов Дмитрий Кириллович

канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

«ПРОШЛЫМ ЛЕТОМ В ЧУЛИМСКЕ»: К ВОПРОСУ О ВЕКТОРЕ РАЗВИТИЯ МНОГОАКТНЫХ ПЬЕС А. В. ВАМПИЛОВА

Ключевые слова: А. В. Вампилов, многоактные пьесы, слухи, речевое поведение.

Первые три многоактные пьесы Вампилова ясно задают вектор развития творчества автора: с каждым произведением драматург все дальше уходит от норм официальной драматургии, все очевиднее сосредотачивается на внутреннем, а не внешнем конфликте, все более важными в пьесах становятся элементы «литературности», в том числе система повторов и материализованные образы, играющие роль в развитии сюжета («брат» в «Старшем сыне», «Покойник» в «Утиной охоте»). На этом фоне последняя пьеса «Прошлым летом в Чулимске» может показаться своего рода шагом назад: персонажи более однозначны, нет какого-то центрального речевого образа, материализация которого определяла бы сюжет. Однако внимательный взгляд открывает, что «Прошлым летом в Чулимске» логично продолжает линию творческих поисков автора. При этом своеобразие поэтики Вампилова проявляется не столько на уровне композиционных особенностей, сколько на уровне мотивной системы. В этой системе центральную роль играет тема затрудненной коммуникации, которая затрагивает разные уровни текста.

Пьеса наполнена водевильными ситуациями подслушивания и/или подсматривания. Сюжет, в котором используются устойчивые театральные ходы, мог бы показаться подчеркнуто условным, если бы не был хорошо вписан в узнаваемую культурную действительность российской глубинки. Так, одной из узнаваемых черт провинциальной жизни является широкое распространение слухов, благодаря которым все жители небольших населенных пунктов многое знают друг о друге. Это подчеркивается Вампиловым за счет устойчивых формулировок: знание о других базируется на том, что человек «слышал».

Подсматривание, подслушивание, слухи — но не разговор по душам — вот то, как люди Чулимска узнают о жизни друг друга. В связи с этим стоит обратить внимание на важные особенности речевого поведения вампиловских героев. Они неестественно часто используют разные формы вроде «слушай» и «смотри» как вводные слова, призванные привлечь внимание собеседника и удостовериться, что тот понимает, о чем идет речь. За бытовым словоупотреблением угадывается бытийный смысл. Насущная потребность героев в том, чтобы их «услышали», обусловлена тем, что в мире Чулимска никто никого услышать не может и не хочет. Об этом свидетельствуют призывы замолчать, которые адресуют друг другу герои. Молчание оказывается и средством ухода от проблем, и психологической защитой.

Итак, поведение и речевая манера героев Вампилова во многом обусловлены потребностью быть услышанным, понятым — и в то же время неготовностью услышать другого. Именно тема затрудненной коммуникации определяет и бросающуюся в глаза метафорику, сопровождающую важнейший эпизод — объяснение Валентины с Шамановым. Именно здесь на первый план выходит тема возможности заметить и услышать другого — возможности наладить коммуникацию. В этом разговоре особенно важны многочисленные стершиеся метафоры визуального восприятия. Они на лейтмотивном уровне предвосхищают появление ключевой метафорики слепоты и глухоты, возникающей в ключевой реплике Валентины, когда девушка наконец дает Шаманову понять, что любит его.

Подробный анализ образов аудиального и визуального восприятия, а также связанных с темой коммуникации мотивов слепоты, прозрения, анализ важных материализованных образов («сон» Шаманова) — все это дает увидеть, что неумение искренне общаться, дискредитированность диалога как такового в художественном мире Вампилова приводит к трагедии. Показательно, что все сюжетные линии так или иначе связаны с темой коммуникативного провала. Шаманов не может нормально поговорить с Валентиной; Кашкина — с Шамановым; Хороших,

Дергачев и Пашка — друг с другом. Еремеев в каком-то смысле не может наладить коммуникацию с государством.

Невозможность людей коммуницировать друг с другом непосредственно связана с потерей доверия к слову как таковому: герои постоянно говорят не о том, не на те темы, не могут найти силы объясниться с небезразличным им человеком. В финале пьесы реплики персонажей в какой-то степени утрачивают привычную функцию: они оторваны от реальности — и уже не помогают наладить общение. Показательно, что на последних страницах важную роль играет тема молчания.

В «Прошлым летом в Чулимске» водевильные элементы и элементы психологической драмы не выглядят чужеродными по отношению друг к другу. Ситуации подглядывания и подслушивания вписаны в мотивную систему, тема проблемной коммуникации реализуется одновременно и на уровне сюжета, и на уровне языкового поведения героев, так что «отделить» одно от другого невозможно. Словесная и предметная реальность художественного текста смешиваются, перетекают друг в друга. То, что можно было бы счесть нелепой условностью, данью тому или иному жанру (как удачно тот или иной герой что-то услышал или подсмотрел; как неожиданно Шаманов влюбился в Валентину, с которой почти не знаком, и т. д.), — все это не вызывает у зрителя вопросов, потому что получает художественную мотивировку: перед нами не только и не столько повествование о драме в провинциальном местечке, но и почти лирический текст о возможности перерождения под влиянием искренней речи того, кто тебя любит.

Хотя «Прошлым летом в Чулимске» с точки зрения композиционной структуры может показаться более привычной пьесой, чем «Утиная охота», на самом деле она свидетельствует о том, что Вампилов продолжал уходить от норм «традиционной» советской драматургии. Очевидно, что чем дальше, тем более важную роль в пьесах автора играет особая система речевых образов. Смысловая динамика выстраивается не только и не столько за счет драматургических событий, сколько за счет того, что более характерно для повествовательной или даже лирической литературы — за счет развития мотивной системы (в рамках которой важную роль играют материализованные речевые образы). Представляется, что это приводит к возникновению новой художественной системы, в которой особым образом сочетаются реалистическое правдоподобие и художественная условность — и это то, что очень сильно выделяется на фоне советского официального театра и литературы.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00787, https://rscf.ru/project/24-18-00787/; ИРЛИ РАН.

Борботько Людмила Александровна

канд. филол. наук, доцент, Институт иностранных языков,
Московский городской педагогический университет

ТЕАТР В МЕДИАСФЕРЕ И МЕДИА О ТЕАТРЕ: ЦИФРОВАЯ ПРОЕКЦИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Ключевые слова: театральный дискурс, театр в медиасфере, симультанность, телеграм-канал театра.

В фокусе проводимого исследования — театральный дискурс, рассматриваемый с позиции взаимодействия, взаимовлияния и взаимопроникновения театра как феномена, зародившегося в V в. до н. э., но не теряющего актуальности и злободневности по сегодняшний день, и современных медиа. Последние формируют тот социокультурный контекст, который обусловливает общественные сдвиги, меняющие, в свою очередь, и театральное пространство [Слышкин и др. 2018].

Цифровизация, затронувшая все стороны человеческой деятельности, позволила посмотреть на известные явления в новой перспективе и генерировать новые смыслы. Медиатизация и виртуализация выступают характерными особенностями тех изменений, которые проявляются в различных типах культуры и социальных структурах, формируя медиасреду, предполагающую появление новых каналов коммуникации. Цифровая природа виртуальных медиа позволяет говорить о появлении и активном функционировании цифрового типа личности, конструирующей собственную реальность в цифровом контексте [Викулова и др. 2020: 32]. Сказанное выше в то же время предопределило выделение такой категории, как симультанность, являющейся ключевой в описании цифровой медиасреды. Она подразумевает соположение разнородных процессов, происходящих параллельно и формирующих единую матричную структуру.

Цифровые трансформации заставляют театр реагировать соответственно, что находит отражение в пересечении театрального и медиа пространств. В частности, современный театр, подверженный информационно-технологическим новшествам, стремится изменить традиционную пространственно-временную форму, нивелировать собственный онтологический статус, заслоняясь «экранами, проекциями, спецэффектами» [Слышкин и др. 2018: 127]. Симультанность как свойство цифровой среды обнаруживает себя, в том числе, в соположении театра и медиа: в частности, театральное событие транслируется посредством различных каналов коммуникации и медиа инструментов — цифровых платформ, создавая эффект соприсутствия для аудитории, которая не присутствует на спектакле физически. Следовательно, используемые цифровые инструменты и платформы становятся значимыми структурными элементами матрицы театрального дискурса. Примерами подобных цифровых медиа инструментов являются телеграмм-каналы профессиональной направленности, принадлежащие к предметной области «театр». Помимо симультанности, каналам свойственна синтетичность форм трансляции информационных сообщений, клиповость, гипертекстуальность, интерактивность и диалогичность, проявляющаяся в возможности комментировать публикуемые информационные сообщения в режиме реального времени (симультанно). В то же время, специфической особенностью текстовой стороны телеграм-каналов является лингвокреативность как свойство и способ саморепрезентации и самопродвижения автора / ов канала как цифровой личности. Лингвокреативность предполагает особую образность в трансляции сообщения и, соответственно, его аттрактивность, что выступает «средством самоманифестации канала для установления контакта с пользователями, а с другой стороны — средством его локации среди микроблогов мессенджера» [Дускаева и др. 2023: 45]. Следовательно, лингвокреативность является гарантом эффективного продвижения телеграм-канала, обусловливающим популярность и авторитет автора.

Примерами проявления лингвокреативности являются паратекстовые элементы в названии телеграм-каналов и слоганы, содержащие метаданные, описывающие принцип работы

канала и представляющие модератора. В то же время название может функционировать как гипертекст, который соединяет канал с другими цифровыми продуктами за тем же авторством или принадлежащими той же компании. В этом случае сложно говорить о лингвокреативности, однако аттрактивность достигается за счет узнавания бренда аудиторией, доверия и приверженности определенной стилистике.

С позиции лингвистических средств, используемых на различных языковых уровнях проявления лингвокреативности в номинации телеграм-каналов профессиональной театральной коммуникации, отмечаем: использование авторских неологизмов (Театровидение, Театромания, Артохолик, Indrama и др.), аллюзии (Хэллоу, Станиславский!, Три сестры, Театральная вешалка и др.), функциональные маркеры (Просекко в антракте, Пригласи ее!, Привет, а ты где? и др.), эллиптичексие конструкции (Не пойти бы нам на, Мам, я в театре, И бутерброд с икрой и др.). Таким образом, использование подобных лингвокреативных средств для номинации телеграм-каналов, принадлежащих к профессиональной области «театр», позволяет достичь цели привлечения аудитории, популяризации каналов и трансляции ценностных установок, что соответствует цифровой траектории развития общества.

Литература

Викулова Л. Г., Серебренникова Е. Ф., Вострикова О. В., Герасимова С. А. Лексемы identité/идентичность как элементы универсумов человека и языка: этносемиометрический и аксиологический аспекты интерпретации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2020. № 2 (831). С. 30–42.

Дускаева Л. Р., Иванова Л. Ю. Лингвокреативность в создании паратекста телеграм-канала // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2023. Т. 20, вып. 1. С. 40–60.

Слышкин, Г. Г., Борботько Л. А. Коммуникативное пространство театра: digital-эволюция и перспективы // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2018. № 4 (32). С. 126–133.

Васильева Жанна Владимировна

канд. культурологии, ст. научный сотрудник, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

ТЕАТРАЛЬНОСТЬ И АНТИТЕАТРАЛЬНОСТЬ В ПЕРФОРМАНСЕ ТАУС МАХАЧЕВОЙ «БАЙДА»

Ключевые слова: саунд-инсталляция, перформанс, экфрасис, критика.

Работа Таус Махачевой «Байда» была показана в двух вариантах. В качестве перформанса на 57-й Венецианской биеннале (2017) и как видео, представляющее этот перформанс на выставке в Московском музее современного искусства (2019).

В Венеции она представала как саунд-инсталляция: из едва заметного динамика, закрепленного на невысокой конструкции неподалеку от берега лагуны, звучали негромкие голоса, а «этикетка к работе гласила, что каждый день в течение биеннале в Адриатическом море в точке с координатами 45°23’30.8” N 12°24’47.7”E проходит перформанс: несколько человек появляются и исчезают на перевернутой лодке, перевезенной из Дагестана» [Таус Махачева о своем проекте «Байда»]. Невидимость перформанса соответствовала теме невидимости рыбаков, попавших в шторм на Каспии. Разговор об этих рыбаках, который вели три критика, могли слушать у динамика посетители биеннале.

В Москве перед зрителем был экран с видео качающегося моря (15 мин 31 сек). Внизу шли титры на русском — перевод закадрового разговора трех критиков. Участников беседы мы не видели. Кроме моря, перевернутой лодки и одинокой птицы над морем, на экране ничего не появлялось.

Махачева превращала тему биеннале «Да здравствует живое искусство!» в вопрос «Что значит живое искусство?». Художницу, кроме отношений «зритель — произведение искусства», интересовали отношения «искусство — реальность». Для чистоты эксперимента она конструировала «пограничную» ситуацию в трех вариантах: экзистенциальная ситуация для рыбаков (между жизнью и смертью), ситуация вопрошания, непонимания, недоумения для критиков и зрителей, ситуация неопределенности/определенности в отношении реальности перформанса.

Неопределенность реальности произведения искусства неожиданно проявляет себя в описании работы на сайте коллекции Газпромбанка, где она подана как «*псевдодокументация перформанса*», что фактически отрицает перформанс. Если документация фейковая, то и перформанса нет. Предположение, что речь идет о «мокьюментари», тема розыгрыша зрителя возникает в разговоре персонажей-критиков и отвергается.

Реальность экстремального перформанса отвергается потому, что ценой становятся мучения людей. Перформанс тогда превращается в своего рода «жестокие игры», где искусство исчезает. Такая постановка вопроса фактически отсылает к проблеме, поставленной Д. Дидро, о зависимости способности чувствовать чужую боль от расстояния от страдающего. Уже в XX в. к ней возвращается К. Гинзбург [Гинзбург 2021]. Тема обратной зависимости между эмпатией и расстоянием до человека, испытывающего боль, видимо, волновала и Махачеву. Тема близости/дистанции для художника связана с темой перспективы в картине. Эти вопросы относятся не только к перформансу, но и к театральной практике, и к отношениям зрителя и картины [Лукачева 2006]. Проект «Байда» в равной степени работает на границах театральности/антитеатральности, перформативности/реальности, живописности/экфрасиса.

Театральность проекта «Байда» обеспечивается диалогическим характером написанного Т. Этчеллсом текста и его драматургической структурой, профессиональными актерами, которые принимали участие в звукозаписи пьесы. При этом сама Махачева для выражения подлинности, невидимости и неопределенности выбирает звучащее слово, потому что визуальный образ ей как художнику не может помочь.

Можно ли это считать постдраматическим театром? Последний, по мнению К. Бидана, есть «чисто презентативная форма сценической событийности, ускользающая от любого презентативного порядка <…>. Поиск неиллюстративного действия (как в современной живописи, где жест демонстрирует перформативный акт, утверждающий собственную реальность)» [Неклюдова 2011]. В проекте «Байда» таким перформативным действием обладает речевой акт. Описание того, что видят в море персонажи-критики, становится, в сущности, презентацией картины.

Но словесное описание картины — это экфрасис. Если картины нет, он выполняет функцию картины. Какую же картину описывают персонажи? Прежде всего это отсутствие ожидаемого зрелища (версия 2019 г.): морской пейзаж с неспокойным морем, внутри которого оказываются невидимые нам зрители. На биеннале зритель, стоящий около саунд-инсталляции, видел перед собой «живописный морской вид» Венеции. Саунд-инсталляция должна была создать иллюзию «ухода в море». С другой стороны, ситуация с рыбаками, попавшими в шторм, драматична. Пейзаж бури, как и персонажи перформанса, воображаемый. Он соотносится и с полотнами «Плот «Медуза» Жерико и «Девятый вал» Айвазовского.

Махачева создает два воображаемых пространства: относительно спокойное пространство зрителей на берегах Адриатики и пространство бури в Каспийском море. Сюжет «Байды» строится на сближении этих двух пространств, их перекличках. В финале звукового перформанса мы слышим, как мужчина читает рассказ рыбака в интервью художнице, пространство бури на Каспии оказывается последней картиной, описание которой слышит зритель.

Таким образом, основным сюжетом перформанса становится путешествие зрителя внутрь картины кораблекрушения.

Источники

Таус Махачева. «Байда» // Газпромбанк. Корпоративная художественная коллекция. URL: https://www.gazprombank-collection.com/exhibitions-projects/khudozhnik-taus-makhacheva-o-svoem-proekte-bayda/ (дата обращения: 20.12.2024).

Художник Таус Махачева о своем проекте «Байда» // Газпромбанк. URL: https://www.gazprombank-collection.com/exhibitions-projects/khudozhnik-taus-makhacheva-o-svoem-proekte-bayda/ (дата обращения: 20.12.2024).

Литература

Гинзбург К. Деревянные глаза. Десять статей о дистанции. М.: Новое издательство, 2021.

Лукачева К. Л. Оппозиция театральность/антитеатральность и ее методологическое значение в трудах Майкла Фрида // Изобразительное искусство и театр. Тема, образ, метод. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2006. С. 11–19.

Неклюдова М. Существует ли постдраматический театр? // Новое литературное обозрение. 2011. № 5. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/111_nlo_5_2011/article/18292/ (дата обращения: 20.12.2024).

Исследование подготовлено в рамках научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Гудков Максим Михайлович
ст. преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

БЫТОВАНИЕ ПЬЕСЫ В. П. КАТАЕВА «ДОРОГА ЦВЕТОВ» НА АМЕРИКАНСКОЙ СЦЕНЕ (1930-е гг.)

Ключевые слова: В. П. Катаев, «Дорога цветов», советский театр, драматургия США.

Данное исследование посвящено проблеме сценического бытования и рецепции в США комедии Валентина Петровича Катаева (1897–1986) «Дорога цветов», которая была написана в октябре 1933 г. и впервые опубликована в 1934-м. В центре этой обличительно-сатирической истории находится московский популярный лектор, автор книги «Человек будущего» Иван Васильевич Завьялов, пропагандист свободы чувств и ревнитель ультрановой «культуры будущего». Завьялов уверен в своей исключительности: «Каждому свое. <…> Есть личности, переросшие свою среду, свой класс, люди высокого интеллекта, широких горизонтов, люди смелой и новой мысли. У них другая дорога. Дорога цветов» [Катаев 1986: 256]. Отринув все нравственные законы, он оказывается в конце пьесы совсем один.

Премьера «Дороги цветов» состоялась в московском Театре им. Евг. Вахтангова 7 мая 1934 г. в режиссуре О. Н. Басова и И. М. Раппопорта, сценографом выступил Н. П. Акимов. После вахтанговской постановки к комедии Катаева стали активно обращаться многие как советские, так и зарубежные театры (Варшава, Прага и др.).

Появилась она и по другую сторону Атлантики. В межвоенное время в США она была поставлена дважды. Оба раза это были не коммерческие постановки. Сначала в 1933–1934 гг. она оказалась в репертуаре Рабочего театра в Чикаго. К сожалению, об этой постановке не сохранилось никаких материалов. Второй раз «Дорога цветов» увидела свет рампы уже в Нью-Йорке на Бродвее: осенью 1936 г. в рамках Федерального театрального проекта к ней обратился «Экспериментальный театр» (Experimental Theatre). Спектакль шел с 17 сентября по 11 ноября и выдержал 57 представлений. Режиссером выступил Тернер Буллок (Turner Bullock), а сценографом — Роберт Чертов (Robert Chertov).

В отличие от чикагской постановки о нью-йоркской «Дороге цветов» имеется обширный материал. Сохранилась большая коллекция иконографии этого спектакля — фотографии и афиша — в Библиотеке Конгресса в Вашингтоне (Library of Congress), а также ряд рецензий в Нью-Йоркской публичной библиотеке исполнительских искусств (New York Public Library for the Performing Arts) и Библиотеке Хоутона при Гарвардском университете в Кембридже (Houghton Library at Harvard University).

Автором перевода выступил тридцатилетний Ирвинг Де Витт Талмедж (Irving De Witt Talmadge, 1905–1974), американский литератор и переводчик, побывавший в Москве в 1931–1933 гг. Тогда же он и познакомился с В. П. Катаевым и его комедией «Дорога цветов», которую вскоре — в 1935 г. — переведет на английский язык. Машинописный вариант перевода в двух экземплярах (1935 и 1936 гг.) находится в Нью-Йоркской публичной библиотеке исполнительских искусств и никогда за океаном не издавался [Katayev 1935; Katayev 1936]. Рискнем предположить, что постановка «Дороги цветов» в США была инициирована именно им. В исследовании впервые в отечественной науке о театре дается краткая творческая биография И. Талмеджа, много сделавшего для популяризации советского театра и драматургии в США, а также демонстрируются наиболее репрезентативные примеры внесенных в текст советского оригинала изменений с целью его приближения к сценическим конвенциям США.

Обращение к «Дороге цветов» можно справедливо отнести к такому крайне популярному в США эпохи Великой депрессии сценическому явлению, как «Левое театральное движение» (Left-wing Theatre), коллективы которого тесно сотрудничали с Коммунистической партией США, большевистской Москвой и структурами Коминтерна. Таким образом, постановка катаевской комедии в США являлась частью продуманной культурной дипломатии молодого со-

ветского государства, находящегося в изоляции со стороны Запада, и была призвана консолидировать зарубежные «революционные» силы с коммунистическим движением.

Сценическое воплощение комедии Катаева за океаном анализируется в рамках политического и культурного макроконтекста Соединенных Штатов «красного десятилетия» — 1930-х гг. Данное исследование позволяет расширить представления о бытовании и рецепции советской драматургии в США, а также уточнить картину культурных связей между двумя странами в XX в. Анализ постановки дается на основе материалов, находящихся как в американских фондах — Библиотека Хоутона при Гарвардском университете (Кембридж), Нью-Йоркская публичная библиотека исполнительских искусств, Библиотека Конгресса (Вашингтон), так и отечественных — Российский государственный архив литературы и искусства.

Литература

Катаев В. П. Дорога цветов. Комедия в четырех действиях) // Катаев В. П. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 9. М.: Худож. лит., 1986. С. 247–318.

Katayev V. The Path of Flowers. A Comedy in Four Acts; Authorized Translation by Irving De W. Talmadge (Typescript, New York, 1935). New York Public Library for the Performing Arts. Call Number: NCOF+. 92 sheets.

Katayev V. The Path of Flowers. A Comedy in Four Acts; Authorized Translation by Irving De W. Talmadge (Typescript, Presented at Daly's Theatre, New York City; Fall, 1936). New York Public Library for the Performing Arts. Call Number: NCOF+. 110 sheets.

Короткова Софья Владиславовна

аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПАРАЛЛЕЛИЗМ ПЕРСОНАЖЕЙ В ОДНОАКТНЫХ ПЬЕСАХ СЛАВОМИРА МРОЖЕКА «В ОТКРЫТОМ МОРЕ», «КАРОЛЬ» И «ЗАБАВА»

Ключевые слова: театр абсурда, интертекстуальность, театральные тексты, сценическая реальность.

Продолжают сохранять актуальность исследования театра абсурда. Проблемой является сопоставление подходов интерпретаций концепта абсурда, как в теории, так и в практической театральной деятельности. В то же время отсутствуют серьезные исследования литературного творчества выдающегося польского абсурдиста Славомира Мрожека. В отечественных исследованиях имя Славомира Мрожека фигурирует, однако в данных исследованиях на передний план выступает эстетика абсурда как такового [Мальцева 2014]. Единственное исследование, в названии которого указан польский драматург, является компаративистской работой, сравнивающей американскую и польскую драму абсурда [Зиновьева 2021]. Нет ни единой фундаментальной работы, посвященной исключительно творчеству драматурга.

Театрально-практическая значимость произведений драматурга, выраженная в востребованности его текстов на сценах европейских и российских театров, остается велика. Театральный критик, профессор М. Эсслин в своем исследовании одного из магистральных театральных течений прошлого столетия «Театр абсурда» называет премьеру спектакля «Танго» по пьесе Мрожека самым выдающимся событием в польской театральной жизни середины века [Эсслин 2010: 327]. Отношения Мрожека с русской сценой складывались, по наблюдению Ирины Лаппо, в четыре этапа: краткое знакомство в период оттепели, долгое отсутсвие вплоть до конца 1980-х, бурный взрыв и популярность в конце двадцатого столетия, а последний современный этап — это пусть немногочисленное, но беспрерывное присутствие пьес драматурга в репертуаре российских театров [Лаппо 2008].

Цель данного научного исследования — выявить уникальное и универсальное в системе персонажей в трех одноактных пьесах С. Мрожека «В открытом море», «Забава» и «Кароль». Согласно цели исследования была поставлена задача определить герменевтические особенности и интертекстуальные элементы обозначенных произведений в корпусе пьес автора. Также необходим анализ функциональных особенностей главных персонажей трех текстов, их сходства и различия.

Функциональное сходство персонажей в пьесах «В открытом море» и «Забава» отражено в практической театральной деятельности на уровне выбора актеров. На старой сцене московского Театра у Никтских ворот идет спектакль «Мрожек+Мрожек», состоящий из двух действий, по одной из выше перечисленных пьес на каждый. В обоих произведениях есть три главных персонажа, и в спектакле их играют одни и те же три актера. Владимир Дивиденко играет Толстого и Парня Б., Иван Арнгольд — Среднего и Парня С., Марк Кондратьев — Тонкого и Парня Н. Распределение актеров именно по таким парам не случайно. В обоих спектаклях прослеживается единая схема взаимодействия персонажей. Самый авторитетный персонаж (Толстый и Парень Б.) — вне зависимости от того, кто из героев проявляет инициативу, именно он «ведет» конфликт к необходимому для него разрешению. Взаимоотношения этого персонажа с другими функционально однотипными персонажами (Средний и Парень С.) могут носить характер симбиоза, как в пьесе «В открытом море», где Средний буквально кооперируется с Толстым, чтобы съесть Тонкого, или же быть противостоянием, как в пьесе «Забава», однако они всегда объединяются в коалицию против третьего персонажа-жертвы (Тонкий, Парень Н.). Важно отметить, что последнее слово в обоих произведениях остается также за главенствующими персонажами Толстым и Парнем Б.

Подобная схема взаимодействия персонажей нами видится еще в одной пьесе Мрожека «Кароль». В центре сюжета визит к глазному врачу деда и внука. Внук — лидер, именно он нападает на Окулиста, давая ему только шанс оправдываться и защищаться. Дедушка, несмотря на то, что самую важную цель всего действа — стрелять в Кароля — должен исполнить именно он, является при этом последователем Внука. Даже когда Дедушка надевает очки, отобранные, опять же, внуком у Окулиста, и становится уверенным в своих действиях и движениях, он все равно слушается указаний внука. Тогда как Окулисту приходится подчинятся обоим персонажам, как физически, так и морально — не зная, кто такой Кароль и зачем его убивать, сообщает о приходе неизвестного человека с таким именем Дедушке, чтобы тот пришел стрелять в него.

Другое сходство рассматриваемых пьес заключается в том, что герои как бы появляются из ниоткуда. Мы знаем, что Толстый, Средний и Тонкий потерпели кораблекрушение, но откуда и куда они плыли — неизвестно. В «Забаве» приятели пришли на праздник, но что это за праздник и как они про него узнали тоже непонятно. В «Кароле» с первого взгляда больше реальной конкретики: Внук с Дедушкой пришли к окулисту, потому что дедушка плохо видит и не может пристрелить Кароля. Но кто такой Кароль, и почему он настолько плох, что его нужно стрелять, никто не объясняет. Доктор пытается выяснить это, пытается вразумить своих посетителей, но к концу пьесы присоединяется к их реальности, в которой Кароля нужно непременно убить. Интересно, что в конце, когда Доктор звонит Дедушке с целью сообщить ему, что Кароль придет завтра, Дедушка не понимает (или забывает), кто ему звонит и зачем, хотя выследить и убить Кароля было делом его жизни. События всех трех пьес происходят не в какой-то другой реальности, они происходят в вакууме, за сценичной реальностью нет мира, к которому могут аппелировать персонажи.

Литература

Зиновьева Р. В. Драматургия абсурда Э. Олби и С. Мрожека в интертекстуальном и мифопоэтическом аспекте: дис. … канд. филол. наук. Калининград, 2021.

Лаппо И. Мрожек на русской сцене // Иностранная литература. 2008. № 6. С. 239–245.

Мальцева Ю. М. Европейский авангардный драматический театр: концептуальные константы и дискурсивные трансформации: автореф. дис. … канд. филос. наук. СПб., 2014.

Эсслин М. Театр абсурда. СПб.: Балтийские сезоны, 2010.

Кочнева Татьяна Анатольевна
аспирант, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

СОЦИАЛЬНОЕ ВООБРАЖАЕМОЕ В СОВЕТСКОЙ ДРАМАТУРГИИ КОНЦА 1920-х — НАЧАЛА 1930-х гг. (НА МАТЕРИАЛЕ ПЬЕС М. ШИМКЕВИЧА)

Ключевые слова: М. Шимкевич, пьесы, советская драматургия, цензура.

Понятие социального воображаемого удачно заполняет ту терминологическую лакуну, которая возникает при обсуждении сложной взаимосвязи культурного и социального, показывая их взаимовлияние и взаимообусловленность. Авторы блока статей о социальном воображаемом в русской литературе XIX в., недавно опубликованном в «Новом литературном обозрении», рассматривают этот концепт как напрямую связанный с лотмановским понятием «сюжетного пространства», с помощью которого описываются «комбинаторные возможности и мифологические модели разных сюжетов, детерминированных культурно-семиотическим пространством конкретной эпохи» [Вдовин и др. 2023: 85]. Такой подход может быть полезным при исследовании самых разных жанров и исторических периодов литературы.

Настоящий доклад посвящен социальному воображаемому в советской драматургии конца 1920-х — начала 1930-х гг. Это время, обозначенное в партийной риторике, как начало реконструктивного периода, было отмечено появлением множества реалий, формы для изображения которых в советском театре еще не было. Коллективизация и индустриализация, доносы и «чистки», «спецы» и «вредители» — эти новые феномены действительности вносили существенные коррективы в социальное воображаемое своей эпохи и требовали своего воплощения на сцене (причем отнюдь не только фигурально). Анализ разных редакций четырех пьес Михаила Шимкевича — «Весенний сполох», «Зажигалка», «Ледоход» и «Манька-шкура», — позволит показать, как происходил поиск форм для воплощения новых для русской драматургии сюжетов и тем, какое влияние оказывала меняющаяся политическая повестка на горизонт сюжетных возможностей эпохи.

Имя Михаила Владимировича Шимкевича, репрессированного в 1937 г. советского драматурга, сегодня практически неизвестно читателю. Имея дворянское происхождение и начав писательскую карьеру еще до революции, после 1917 г. он предпринимает активные шаги по встраиванию в изменившееся литературное поле. Если в начале 1920-х гг. роман Шимкевича «Черный холод» получает отрицательную рецензию как вещь несовременная, устаревшая, то уже в 1925 г. его пьеса «Ужовка» о кулаках и расслоении деревни с успехом идет на сцене Театра Революции. В 1929 г. Шимкевич становится членом Всероскомдрама, а в 1930-м, занимая пост ответственного секретаря Союза Революционных Драматургов, уже настойчиво говорит о том, что Союзу необходима новая «чистка», так как предыдущая «носила формальный, бюрократический характер и почти не базировалась на оценке творческого лица членов СРД» [РГАЛИ. Ф. 91. Оп. 1. Ед. хр. 200. Л. 9].

Несмотря на приобретенный статус, сам Шимкевич также имел сложности с определением своего «творческого лица». Многочисленные пометы и исправления, сделанные разными почерками на машинописях его пьес, хранящихся в РГАЛИ, свидетельствуют о тех трудностях, которые драматург испытывал в художественной обработке актуальной политической повестки. Так, его пьеса «Весенний сполох» (1930), представляющая собой модернизированный сюжет «Ужовки», была запрещена к постановке — ей не помогли ни обильные машинописные вставки с репликами персонажей, разъясняющими преимущества коллективного хозяйства, ни имитация фольклора (частушки и песни на политические темы), ни даже предусмотренная в конце действия раздача зрителям книг об агрокультуре. Отзыв редактора говорит о том, что тема коллективизации не удалась автору, так как он пошел «по линии наименьшего сопротивления, подменяя борьбу классов игрой случайностей» [РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 1. Ед. хр. 3120. Л. 3].

Не была удачной и судьба пьесы «Манька-шкура» (1929), в которой причудливо сочетались вопросы свободной любви и политической сознательности. Пьеса не была разрешена к постановке, и в 1933 г. Шимкевич перенес время действия: «наши дни» сменились 1921–1922 гг. Любопытно, что изменение хронотопа сочеталось с наполнением современной политической повесткой: в новой редакции отрицательные герои из «обычных» несознательных лесорубов превратились в отъявленных негодяев, ненавидящих советскую власть, а комсомолец Гриша — в героя, который «сказывает обо всем кому нужно и где нужно». Колоритные выражения, которые автор добавил в пьесу («Слышь, змееныш, большевички твои и года не протянут. Ух, кабы мне попотрошить дали одного!» [РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 1. Ед. хр. 3118. Л. 41]), были отрицательно оценены политическим редактором: «никто не может поверить автору, чтобы советские лесорубы все до единого являются какими-то врагами советской власти, бандитами, зверьми или людьми допотопной эпохи. <…> …таких пьес нам не потребуется на экране» [РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 1. Ед. хр. 3118. Л. 61–62].

Однако и две разрешенные к постановке пьесы этого же периода — «Зажигалка» (1927) и «Ледоход» (1930) — не были в глазах редактора безупречными с идеологической точки зрения. Реплики персонажей, где он «перестарался», изображая врагов советской власти, цензоры вычеркивали («партиец с подмоченной репутацией», «у нас в деревне на советскую власть давно плюнули» и т. п.). Любопытно сравнение сюжетных мотив этих пьес: обе они строятся вокруг актуальной в это время проблемы «спецов» и «вредителей», однако если в пьесе 1927 г. «спец» — честный гражданин, против которого плетет интриги «разлагающийся предисполкома», то в пьесе 1930-го г. положительные и отрицательные герои меняются местами. Как и в жизни — в Москве в этот же год слушается «дело Промпартии» — на сцене трудолюбивый и с виду безобидный «спец» оказывается вредителем.

Михаила Шимкевича трудно назвать писателем даже второго ряда — его пьесы скорее выражают атмосферу и политическую повестку своего времени, нежели талант своего автора. И все же его творчество, как и его биография, может быть небезынтересно современному исследователю, изучающему не только «вершинные», но и стоящие за пределами канона тексты. Именно последние, в конечном итоге, составляют фон литературного процесса и помогают очертить социальное воображаемое своей эпохи.

Источники

Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 91. Оп. 1. Ед. хр. 200.

РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 1. Ед. хр. 3118.

РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 1. Ед. хр. 3120.

Литература

Вдовин А., Клигер И., Осповат К., Стур-Роммерэйм Х. Русская литература середины XIX века и социальное воображаемое // Новое литературное обозрение. 2023. № 4. С. 84–88.

Ларин Сергей Алексеевич

канд. филол. наук, доцент, Воронежский государственный университет

ТЕАТР В ТЕАТРЕ А. Н. ОСТРОВСКОГО: МЕЖДУ В. ГЮГО И ДЖ. ВЕРДИ

Ключевые слова: А. Н. Островский, комедии, В. Гюго, Дж. Верди.

А. Н. Островский не однажды писал об особой роли, которую играют наиболее напряженные в сюжетном и психологическом плане произведения, написанные специально для сцены: «потребность трагедии и сильной драмы живет и всегда будет жить в зрителях; драма — душа театра; тонкости комизма понятны и ценны образованным людям, а для молодой публики нужно другое: ей нужен на сцене глубокий вздох, на весь театр, нужны непритворные теплые слезы, горячие речи, которые лились бы прямо в душу» [Островский 1978, т. 10: 171].

Характерно, что близкую идею (только в несколько ироничном контексте) озвучивает «очень важный господин» Крутицкий в комедии «На всякого мудреца довольно простоты» (1868), рассуждающий о связи нравственности и русского театрального репертуара: «Никакой поэзии нет, никаких благородных чувств. Я думаю, это оттого, что на театре трагедий не дают. Возобновить бы Озерова, вот молодежь-то бы и набиралась этих деликатных тонких чувств. <…> Мы, бывало, все трагедии наизусть знали, а нынче скромно! Они и по книге-то прочесть не умеют. Вот оттого в нас и рыцарство было, и честность, а теперь одни деньги» [Островский 1974, т. 3: 57–58].

Сам Островский, как известно, написал всего несколько драм и исторических драматических хроник, однако даже в его комедиях мы обнаруживаем крайне напряженные сюжетные и характерологические коллизии, значительная часть которых связана с очень непростыми отношениями между родителями и детьми, в первую очередь дочерьми и их отцами, готовыми применить силу родительской власти, чтобы добиться исполнения задуманного.

Конфликт между отцом и дочерью (правда, представленный скорее ослаблено, имплицитно) мы обнаруживаем уже в комедии Островского «Свои люди — сочтемся!» (1849). Отказывая вслед за мужем в помощи попавшему в яму из-за долгов отцу, Липочка Большова-Подхалюзина, похоже, просто не способна всерьез задуматься над смыслом и последствиями своего поступка и стремится лишь сохранить существующее материальное положение, обещанное ей перед свадьбой нелюбимым и навязанным родителями женихом.

Но в других, более поздних, пьесах Островского причины конфликта между отцом и дочерью связаны главным образом с любовными переживаниями и матримониальными планами героини, уже обретшей *сердечного друга*, который, однако, чаще всего — из-за материальных соображений — совершенно не устраивает ее отца. Тем не менее почти всегда эта ситуация разрешается вполне благополучно: «несостоятельный» жених неожиданно получает деньги или проявляет свои деловые или человеческие качества: «Не в свои сани не садись» (1852), «Бедность не порок» (1853), «Горячее сердце» (1869), «Правда — хорошо, а счастье лучше» (1876).

А наибольшего напряжения эта коллизия достигает в пьесе «Поздняя любовь» (1873), главная героиня которой, дочь адвоката «из отставных чиновников» Людмила Маргаритова, открыто пренебрегает интересами отца, похищая у него заемное письмо для своего возлюбленного Николая Шаблова, и объясняет это желанием спасти его, исполнить свой долг. При этом в отличие от других героинь Островского Людмила заранее не может рассчитывать на взаимность своего избранника, который ничего ей не обещает, а только, наоборот, старается охладить ее чувства.

Сначала Николай вообще использовал любовь Людмилы, чтобы получить ценный документ и с его помощью добиться расположения вдовы Лебедкиной или, по крайней мере, узнать о ее подлинных чувствах, и только после вероломного и циничного признания героини совершенно отказался от своего намерения.

В этой пьесе появляется мотив, который отсутствует в других текстах Островского. Отец Людмилы и ее возлюбленный вступают в открытое противостояние, и каждый из них стремит-

ся сделать героиню своей союзницей**:** «Что ему за дело до чужих слез! Ему веселье нужно. Дитя мое, поди ко мне, уйдем от них!» — «Не к нему, а ко мне подите! Ко мне сюда. <…> Меня надо утешить, я обижен и обижен напрасно» [Островский 1975, т. 4: 55].

Еще более интересна «Поздняя любовь» развязкой, тем выбором, который делает Людмила, и тем, как она объясняет его отцу**:** «Судьба связала меня с ним… что же мне делать?.. Я вижу, я чувствую, что убиваю тебя… Я и сама умираю, но я… его. О, если б я могла жить для вас двоих! Оттолкни, прокляни меня, но… полюби его!» [Островский 1975, т. 4: 55].

Содержащийся в этой пьесе комплекс мотивов не только отсылает к уже упоминавшимся произведениям Островского, но, по-видимому, восходит к одному источнику. Это драма В. Гюго «Король забавляется» (1832) и ее музыкальная интерпретация — опера Дж. Верди «Риголетто» (1851; первая постановка в России — 12 февраля 1853), самую знаменитую арию из которой «La donna è mobile» вспоминает Поль Прежнев в пьесе «Не сошлись характерами!» (1858), Кучумов в комедии «Бешеные деньги» (1870), а также Любовь Ивановна в комедии-переделке «Заблудшие овцы» (1872).

Однако, сохранив общий сюжетный рисунок и большинство содержащихся в драме мотивов, Дж. Верди в финале отступает от оригинального текста, как бы желая снизить остроту возникшего напряжения, и заглавный герой вместо признания в совершенном преступлении лишь констатирует смерть дочери. Еще более любопытно поведение самой главной героини Бланш-Джильды, определившее всю сюжетную интригу.

И пересечение этих мотивов мы обнаруживаем не только в уже названных пьесах Островского, но и даже, казалось бы, в его лишенных персонажной пары «отец — дочь» драмах, семейных картинах и драматических сценах.

Литература

Островский А. Н. Полное собрание сочинений: в 12 т. М.: Искусство, 1973–1980.

Левченко Татьяна Викторовна

канд. физ.-мат. наук, гл. эксперт,
Проектная лаборатория по изучению творчества Ю. П. Любимова
и режиссерского театра XX–XXI вв., Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

«ОМОЛАЖИВАНИЕ» КАК ТЕАТРАЛЬНЫЙ СЮЖЕТ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1920-х гг.

Ключевые слова: омоложение, М. Булгаков, кукольный спектакль, С. Образцов.

В начале 1920-х гг. вопрос омолаживания (омоложения) оказался в круге тем, волновавших умы советских граждан. За период с 1921–1925 гг. обсуждение различных возможностей и методов омоложения, благодаря государственным средствам массовой информации — газетам, журналам, радио, документальному кино, вышло за рамки научно-медицинской тематики и превратилось в популярно-бытовую тему. Биологи, эндокринологи, хирурги-экспериментаторы, их манипуляции, их пациенты стали героями не только журнально-газетных статей, фельетонов и литературных произведений, но театральных пьес, театрально-эстрадных номеров, анекдотов. Фамилии специалистов, занимавшихся вопросами омоложения в СССР и за границей — профессоров Э. Штейнаха, С. Воронова, Л. Н. Воскресенского и др., а часто и их пациентов, были хорошо известны. Спектакли, в которых среди линий сюжета было омолаживание или просто упоминание о нем шли и в драматических театрах, и музыкальных, и агитационных. Так, в пьесе А. Пиотровского «Падение Елены Лэй», премьера спектакля по которой состоялась 31 марта 1923 г. в Петроградском Театре новой драмы (реж. А. Грипич), упоминались «опыты профессора Штейнаха». В ноябре 1923 г. в репертуаре кабаре «Балаганчик» при петроградском театре «Вольной комедии» появилось «экспрессионистическое, фантастическое представление» «Шум времени» (автор текста С. Тимошенко, реж. Ник. Петров), среди персонажей которого был «Доктор, спец по омолаживанию». А весной этого же года зрителям «Балаганчика» в «отчетном спектакле зимнего сезона» был показан номер «Аттракцион»: «Омоложение».

В конце 1926 г. на сцене МХАТа мог появится спектакль по повести М. Булгакова «Собачье сердце», написанной в начале 1925 г., в которой мотив омоложения является одним из важнейших. 2 марта 1926 г. Булгаков подписал с театром договор на постановку повести и обещал представить ее инсценировку к 1 сентября. Но повесть была запрещена цензурой и договор в апреле 1927 г. был расторгнут [Чудакова 1988: 331]. Любопытно, что к 1926 г. относится начало бытования анекдота: «Воскресенский омолаживает МХАТ, возлюбленнейший театр РАППа. Он и Станиславский (старец-дитя) идут — Красный уголок. Он говорит: “Этот бюст страшно знакомый — нет, не говорите, я сам вспомню. Ну, конечно, — говорит, — это Лукич”. (До сих пор — факт.) На это ему Станиславский [нрзб.]: “Слушайте, не Лукич, как-то иначе. Да не говорите так, Вас же могут засадить в этот ихний ГУМ (МГУ)”. Н[емирович]-Д[анченко], когда ему на другой день сказали, возмущен: “И поделом ему будет, как можно называть Степаныча Лукичом”» [Мельниченко 2014: 770].

В № 27 1925 г. журнала «Красная нива» был напечатан очерк писателя П. Сухотина «Петрушка», в котором рассказывалось об «артисте МХАТа С. В. Образцове», работающим над «воскрешением театра петрушки». Публикация была восторженной, в ней были описание и анализ миниатюр кукольного спектакля и фотографии кукол-артистов. Однако, сравнение рассказа Сухотина и корпуса воспоминаний Образцова позволяют увидеть неполноту очерка. В нем сужена зрительская аудитория (Сухотин писал о «нечастых и очень случайный выступлениях, главным образом, в детдомах и школах») и по какой-то причине не упомянута пантомима, которая существовала, исполнялась одновременно с описанной в очерке пантомимой «Любовь Негра». «Любовь Негра» была одной из трех пантомим, придуманных Образцовым до 1925 г. и по его свидетельству «просуществовала очень недолго меньше, чем две другие» [Образцов 1981: 213]. Название второй было «Самовар», а третьей — «Омолаживание». «Состояла она

в том, что к доктору приходил старик; доктор его сперва долго осматривал, потом отвинчивал ему голову и навинчивал другую, молодую. При этом пациент некоторое время оставался без головы и беспомощно вертел остатком шеи. Это уже был отход от имитации человека. Такого омолаживания никакой актер не сыграет. <…> Назначения для омолаживания я не нашел <…>. Из-за этого и текста у меня не было и операция показывалась "как таковая". Если бы я догадался, кто этот всемогущий доктор, кто этот пациент и почему он нуждается в омолаживании и новой голове, то и текст бы появился и "зачем" выяснилось бы» [Образцов 1938: 26, 27].

Вероятно, миниатюра «Омолаживание» появилась ко второй половине 1923 г. В начале 1923 г. Образцов был назначен на роль Терапота в мелодраме-буфф Ж. Оффенбаха «Перикола» (постановка В. И. Немировича-Данченко). Для работы над ролью он создал несколько вариантов кукол, соответствующих разным образам персонажа. Одна из них и стала Доктором [Образцов 1938: 16]. О своей зрительской аудитории Образцов писал: «Я начал выступать с моими куклами уже перед более или менее широкой аудиторией. 31 декабря 1923 г. в клубе Наркоминдела, на встрече Нового года, я получил свой первый гонорар за концерт» [Образцов 1938: 26, 27]. «Я выступал и в школах, и в санаториях, и в Музыкальном техникуме Гнесиных, и в литературно-художественном кружке "Триада", и в литературном кружке "Никитинские субботники", и на "Мансарде" Пронина. <…> "Мансарда" была единственным местом, где встречались актеры, писатели, художники, музыканты <…> Наверное, я был самый молодой среди всех собиравшихся на "Мансарде", но обращались со мной как с равным. Кукол любили, и даже бывали вечера, целиком посвященные моим куклам» [Образцов 1981: 190, 218]. Среди тех, кто в это время посещал «Мансарду» был Булгаков. Он мог видеть и миниатюру «Омолаживание». В семье Пронина «считалось: в "Зойкиной квартире" изображена "Мансарда" Пронина в Москве на Б. Молчановке» [Чудакова 1988: 330].

Идея номера с пересадкой голов, приводящей к омолаживанию, могла появиться у Образцова из ряда публикаций 1923 г. Газета «Известия» от 27 июля сообщала об удачных опытах венского биолога В. Финклера, добившегося успехов в пересадке голов насекомым: «бегающий жук, получивший голову плавающего жука плавает по воде, как этот последний» — пересаженная на старое тело молодая голова омолаживала все тело. А 16 сентября в «Крокодиле» по мотивам этой заметки был опубликован фельетон «Пересадка»: «Начали с жуков. Постепенно перешли к людям. "Опыты удались". Венский биолог Финклер, удачно пересаживающий головы с одного человека на другого прибыл в Москву…»

Литература

Мельниченко М. Советский анекдот: указатель сюжетов. М.: Новое литературное обозрение, 2014.

Образцов С. Актер с куклой. Л.: Искусство, 1938.

Образцов С. Моя профессия. М.: Искусство, 1981.

Чудакова М. О. Жизнеописание Михаила Булгакова. М.: Книга, 1988.

Логинова Елена Георгиевна

д-р филол. наук, профессор, Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина

СЦЕНИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ ИЛИ «СЛОВА В ТЕАТРЕ ЛИШЬ УЗОРЫ НА КАНВЕ ДВИЖЕНИЙ»

Ключевые слова: театральное искусство, коммуникативные системы, текст культуры, жестика.

Искусство в целом и театральное искусство в частности относится к коммуникативным системам, выступая одновременно и языком, и сообщением (текстом культуры), и каналом передачи сообщения, оказывающим влияние на формирование смысла эстетического послания.

Однако всегда ли смысл есть нечто символическое, неизменное и независящее от условий конкретной коммуникативной ситуации, лингвистического и экстралингвистического опыта адресата и адресанта, социального контекста, интертекстуальной игры и иных факторов?

В докладе речь пойдет о театре в рамках актуальной сегодня проблемы коммуникации как создания смыслов в условиях разного рода взаимодействий: межкультурных, межсемиотических, межпоколенческих и пр. С такой позиции разные спектакли по одной пьесе, театральные представления с использованием мультимедийных технологий, постановки переводных пьес, часто отсроченные от времени создания оригинала, — все это формы взаимодействия разнонаправленных символических систем, эксплицитно и имплицитно функционирующих в исходном драматургическом произведении, его сценических постановках в той же или иной культуре и формы взаимодействия между ними.

Ю. М. Лотман относит театральное искусство к вторичным моделирующим системам, когда создается некий «аналог действительности» [Лотман 2002]. Сходная мысль о вторичном уровне семиозиса высказывается Р. Бартом [Барт 1989]. Вместе с тем, если драматургическое произведение действительно можно отнести к вторичным моделирующим системам, то театральная постановка — это уже последующее моделирование, которое также осуществляется по принципу художественной относительности и носит метакоммуникативный характер.

В процессе такого последующего означивания ментальное и художественное пространство, смоделированное драматургом, переосмысляется, проецируя на зрителя (также театрального критика, театроведа, блогера) модифицированные версии исходных концептов. Результатом становится сложноорганизованный смысл, который складывается при участии разных интерпретаторов (режиссера, актеров, декораторов, костюмеров и других соавторов постановки), задействовании различных систем коммуникации (вербальных и невербальных) и различных способов трансляции информации (аудиальный, визуальный, кинетический).

В название доклада вынесены слова В. Э. Мейерхольда, отражающие ведущую роль жестов в театре [Мейерхольд 1968]. Жесты по Мейерхольду, составляют основу сценического искусства, становятся «говорящими», придают новое значение высказыванию (иногда противоречащее вербальному компоненту), функционируя как мощный источник смысловых проекций. Именно жест становится тем невербальным материалом, который дает возможность определить специфику театральной коммуникации как коммуникативной практики высокой степени творчества.

В условиях внешней перспективы сценической коммуникации, направленной на зрителя, жесты могут одновременно реализовывать несколько коммуникативно-прагматических установок. На материале современных сценических интерпретаций пьес отечественных и зарубежных драматургов планируется показать роль жестов в процессе театральной коммуникации и выявить параметры варьирования жестов разных типов с учетом того, какая коммуникативно значимая информация профилируется.

Рассмотрение этих вопросов позволит «повернуть» исследование театра в целом и поэтики сценической постановки в частности к таким аспектам, как степень свободы режиссера при воссоздании существенных компонентов смысла оригинала и программируемость зритель-

ского отклика, что может стать направлением дальнейшего изучения специфики театральной коммуникации.

Литература

Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989.

Лотман Ю. М. Тезисы к проблеме «Искусство в ряду моделирующих систем» // Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб.: Академический проект, 2002. С. 274–293.

Мейерхольд В. Э. О театре. Статьи. Письма. Речи. Беседы. Ч. 1: 1891–1917. М.: Искусство, 1968.

Мальцева Татьяна Владимировна

д-р филол. наук, профессор, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина

«ЛИШНИЕ ЛЮДИ, ЛИШНИЕ СЛОВА…»: СЕМАНТИКА И ФУНКЦИИ «ГОВОРЕНИЯ» В ПЬЕСЕ А. П. ЧЕХОВА «ИВАНОВ»

Ключевые слова: А. П. Чехов, «Иванов», текст театральный, речь персонажей.

Пьеса А. П. Чехова «Иванов» оценивается исследователями неоднозначно. Об особой природе драматического действия в пьесе свидетельствуют многочисленные обстоятельства: авторские колебания в определении жанра, многократные авторские переделки пьесы уже после ее постановки, трудности восприятия пьесы современниками, ее сложная сценическая судьба. Современники Чехова уловили эту особенность новой чеховской драматургии. Критик И. Л. Леонтьев-Щеглов указал на «неудобство драматической рамки» пьесы, критик А. Суворин отметил «беллетристичность» пьесы и что движения и действия в ней «мало».

Литературоведы и критики отмечали особенности пьесы, не свойственные классической драматургии: «быт без событий» (Д. С. Мережковский), «аналитизм» (Г. А. Бялый), сотрясение «основ старой театральной системы» (Б. И. Зингерман), «литературность» (И. Н. Сухих), «музыкальность» (Г. Н. Тамарли), «“избыточность” смысла текста» (В. Г. Одиноков). Чехов и сам понимал, насколько пьеса далеко отошла от привычного канона, говоря о результатах ее переделки: «…местами уже переделал так сильно, насколько позволяли это рамки *пьесы*» (курсив наш. — *Т. М.*) [Чехов 1976: 158].

Все эти факты с очевидностью говорят о том, что в пьесе «Иванов» доминирует не драматургическое начало, то есть сценическое действие, а текстовое, «литературное». Оно проявляется в следующем: в отсутствии амплуа персонажей, что требует монологической самохарактеристики героев в условиях сценической пассивности; в многочисленных автокомментариях героев как к собственным высказываниям, так и к речам собеседников; в наличии полилогов для демонстрации тотального непонимания собеседниками друг друга; в обилии ремарок, сопровождающих речь персонажей — паралингвистических, просодических, интроспективых.

Считаем продуктивным рассмотрение «литературной», беллетристической стороны пьесы с точки зрения описания и комментирования автором речи персонажей как в тексте пьесы — в монологах, диалогах, полилогах, так и в притекстовых ремарках, характеризующих речь персонажей и ее восприятие собеседниками.

В докладе представлены результаты анализа текста пьесы и ремарок, которые свидетельствуют о том, что драматург придавал особое значение речи, *говорению* персонажей. Процесс говорения сопровождается многочисленными указаниями на его продуктивность, характер процесса восприятия и воспроизводства речи. Нужно отметить, что автор от редакции к редакции их значительно сократил (в первой редакции по полному собранию сочинений обнаружено 469 неслужебных ремарок, во второй 293), но большинство ремарок как раз сопровождают речь персонажей: в последней редакции из 293 ремарок таких 161.

В докладе исследуется говорение как толчок для движения драматического сюжета, то есть как сюжетообразующее начало пьесы, так как любое событие является «парламентом» мнений, суждений, оценок. Движение событий в пьесе репродуцируется в разговорах персонажей. «Говорение» в пьесе — это сценический акт, в пьесе «играется» разговор, который выступает в качестве квазидействия. Но разговор между персонажами получается непродуктивным. Намерения героев только многократно вербализуются, хотя сама процедура разговора и физически разнообразна, и эмоционально выразительна.

Процессам говорения в пьесе даются разнообразные характеристики, являющиеся метафорическими эвфемизмами, паремиями или экспрессивными синонимами слова ‘говорить’: *вздор молоть; ну, распелась; пусть себе мелют; дергает нелегкая за язык; афоризмом выпалила; общие места; избитые фразы; учить уму-разуму; любил философствовать* и т. д.

Ремарки характеризуют речь с разных сторон (тембр, темп, интонации, степень эмоциональности): *перебивая; живо; горячо; кричит; после паузы; крякает*; *прыскает; мнется; серьезно; раздраженно; волнуясь; радостно; почтительно; с ужасом; озабоченно; со вздохом; взволнованно; закатываясь счастливым смехом; смущенно; плачущим голосом; плаксиво; испуганно* и т. д.

Говорение акцентируется как драматическое действие, порождая само себя, репродуцируя звучащую речь с помощью приемов удвоения фразы, лексических и синонимических повторов, «разговора о разговоре», косвенной и прямой речи. В пьесе и жизнь Иванова реконструируется только в разговорах гостей: «*факт, который передавал мне его атташе, или, так сказать, чичероне Боркин…; «Мне тоже говорили…»; «Все говорят о тебе худо»* и др.

Анализ речи персонажей свидетельствует, что общение межу ними не складывается, любая реплика порождает микроконфликт, озвученное в разговоре действие или не состоится, потому что нежелательно, или не дает ожидаемого эффекта: *не приставайте; я негодую, презираю, а мне в ответ смеются; очень возможно, что вы меня не понимаете; опять упустил случай и не поговорил с ним как следует; отстань; ради Христа, уволь!; уходите, не желаю я слушать; заговорил как немецкий пастор* и т. д.

Речь персонажей показывает, что что герои не слышат и не понимают друг друга, их действия никак не консолидируются: «*Не свадьба, а парламент*»; «*…Неужели даже и поговорить не с кем? Живешь, как в Австралии: ни общих интересов, ни солидарности… Каждый живет врозь…*»; «*У меня дядя гегельянец был… так вот, бывало, соберет к себе гостей полон дом, выпьет, станет этак на стул и начинает: “Вы невежды! Вы мрачная сила! Заря новой жизни!” Та-та, та-та, та-та… Уж он отчитывает-отчитывает…*» и др. Эта симптоматическая «глухота» приводит к трагедийной развязке.

Литература

Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. (Письма: в 12 т.) М.: Наука, 1974–1983.

Наумов Александр Владимирович

канд. искусствоведения, ст. научный сотрудник,
Государственный институт искусствознания

ФЕЕРИЯ VS МИСТЕРИЯ. МУЗЫКА И. А. САЦА К «СИНЕЙ ПТИЦЕ» КАК ФЕНОМЕН ТЕАТРАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Ключевые слова: «Синяя птица», К. С. Станиславский, Л. А. Сулержицкий, артефакт мирового театра.

«Синяя птица» К. С. Станиславского и Л. А. Сулержицкого — парадоксальный артефакт мирового театра, экспонат исторического паноптикума и живое явление практики в одновременности. На протяжении почти 120 лет жизни «Синяя птица» непрерывно взывала к разным типам восприятия и разным реципиентам: профессионалам сцены различных специальностей, зрителям различных возрастов, исследователям из различных сфер гуманитарного знания [Сизенко 2022: 29–30]. Подобное не было бы возможно, не будь в драматургии, режиссерской идее, визуальном и аудиальном планах заложены различные коммуникативные идеи, способные к актуализации в зависимости от контекста. Спектакль, сохраняемый в репертуаре МХАТ им. Горького, прошел сложный путь. Уже при первом показе 30 сентября 1908 г. из 12 картин пьесы М. Метерлинка были перенесены на сцену только 9, доныне дошли 6. Знакомство с этим шедевром мирового театра серьезно затруднено необходимостью обращаться к архивам.

Удивительно, но экземпляр партитуры 1908 г., хранящийся в Музее МХАТ, до сих пор не попадал в поле зрения музыковедов. При знакомстве с рукописью выясняется, что музыка, созданная Сацем к 10 картинам с выходом в 11-ю, характеризует концепцию спектакля даже полнее, нежели сохранившиеся материалы сценографии В. Е. Егорова. Партитура уточняет взгляд на режиссерские задачи, поставленные Станиславским и Сулержицким перед композитором: обнажается грань между «музыкой от автора» и «музыкой от театра» [Ряпосов 2021: 169].

По Метерлинку, в тексте обозначены четыре «феерии», то есть сцены волшебных превращений:

- феерия оживших предметов (1 картина);
- феерия Ночи (4 картина);
- феерия Леса (5 картина);
- феерия Блаженств (8 картина).

Ремарки автора предписывают внутри каждой из феерий единое музыкальное сопровождение, пронизывающее действие и обеспечивающее ему цельность при дробности входящих эпизодов. В спектакле МХТ первоначально присутствовали только первые три феерии (от «блаженств» отказались на промежуточном этапе репетиций; эскизы к ним использованы Сацем в другой сцене). Уже в сезоне 1909/1910 г. картина «Лес» была изъята. Аудиозаписи доносят до нас лишь две волшебные сцены, но музыка в нотах первой редакции уцелела полностью.

Звуковая структура во всех случаях следовала не рекомендациям Метерлинка, а последовательности совершения чудес — оживления Молока, Хлеба, Сахара, Воды, Огня и Света (6 номеров в первой «феерии»), появления ужасов и болезней из-за дверей во дворце Ночи (5 номеров по второй «феерии»), выхода деревьев и животных (5 номеров «Леса»). Музыкальные включения отличались внешней «поразительностью» и «понятностью», то есть направленностью на контакт с публикой. Музыкальные номера содержали единственным образом понимаемые изобразительные знаки (иконы), чаще всего заключенные в солирующих тембрах. Сахару придавалась «сладость» нежного тенора без слов, Насморку — весьма похожие имитации чихания у духовых, деревьям — шелест листьев в виде *glissando* ксилофона. В тех случаях, когда характеризуемый объект не обладал свойствами, поддающимися столь однозначной передаче при помощи звука, на помощь приходили образы движения в моторно-ритмических фигурах: Вода *текла* в подвижных пассажах арфы, Огонь *метался* в каденции солирующей трубы, шумная *quasi*-импровизация оркестра передавала картину Боя.

Интерпретация семиотических знаков применительно к музыке — проблема неоднозначная. «Понятность» (иконичность), о которой сказано выше, — величина условная. Простота перечисленных знаков познается в сравнении со знаками-категориями (индексами) — «детством», «странствием», «войной», «материнством». Для их звукового обозначения используются синтетические музыкальные явления: жанры польки, марша, колыбельной песни, подразумевающие единство мелодических, темповых, метро-ритмических закономерностей. На стыке иерархических ступеней оказывался «Свет», одновременно передававший конкретику объекта («сияющий» звон колокольчиков) и соотносимый с категорией «счастья» через жанровые свойства фанфар. Осознавая, по-видимому, потенциальную неоднозначность трактовки знаков-индексов, режиссеры «Синей птицы» подолгу работали над каждым из них [Изралевский 1965: 78], вводя в музыку уточняющие моменты — словесные тексты и узнаваемые музыкальные цитаты. Знаки-категории подменили в спектакле лейтмотивы главных персонажей. Неоднократно отмечалось, что у Саца «не звучат» ни Тильтиль с Митиль — вместо них «детство», ни Кот и Пес («странствие»), ни сама Синяя птица («счастье»).

Еще один тип знаков использован в 9 картине, «Царстве будущего». Из всех номеров Саца, созданных для этой сцены, только «Песнь матерей» — могла быть понята публикой непосредственно благодаря применению жанра колыбельной (знак-индекс). Для «расшифровки» других — «Время», «Орга́н» и «Танец нерожденных душ» — должны применяться еще более сложные ассоциативные механизмы. Здесь тоже имелись подсказки: музыка «Времени» вырастала из номера «Часы» (1 картина), а в «Танец» вводились слова А. С. Пушкина из «Ночного зефира». При этом «загадочная» музыка направлялась «внутрь сцены», подчиняя себе пластику и голосовые средства исполнителей, что более характерно формы мистерии или действа, привлекавших внимание деятелей театра Серебряного века, в отличие от феерии, воспринимавшейся уже к началу 1900-х как явление отжившее и отчасти низкосортное.

Литература

Изралевский Б. Л. Музыка в спектаклях Московского Художественного театра. Записки дирижера. М.: Всерос. театр. о-во, 1965.

Ряпосов А. Ю. Спектакль БДТ «Синяя птица» // Премьеры БДТ: рецензии, документы, архивные материалы: в 8 т. Т. 1. СПб.: Астерион, 2021. С. 68–70.

Сизенко Е. Е. Мы длинной вереницей пойдем за синей птицей // Вопросы гуманитарных наук. 2022. № 5 (122). С. 29–31.

Нестерук Маргарита Анатольевна
редактор, научно-популярное издание TechInsider

ТЕАТР В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: ВЛИЯНИЕ МЕДИАКОММУНИКАЦИЙ НА СОЗДАНИЕ, РАСПРОСТРАНЕНИЕ И ВОСПРИЯТИЕ ТЕАТРАЛЬНОГО ИСКУССТВА

Ключевые слова: театр, цифровизация, социальные медиа, этические аспекты.

Театр, как уникальная форма искусственного выражения, прошел через множество изменений на протяжении своей долгой истории. За последние годы в связи с развитием цифровых технологий и медиакоммуникаций, театральное искусство столкнулось с новыми возможностями и вызовами. Медиакоммуникации, охватывающие как традиционные средства массовой информации, так и современные цифровые платформы, значительно изменили способы взаимодействия театров со своей аудиторией, а также процессы создания, распространения и восприятия театральных произведений.

В условиях глобализации и быстрого технологического прогресса театры оказались перед необходимостью адаптировать свои стратегии распространения, что открывает новые горизонты для расширения аудитории. Цифровые платформы, такие как стриминговые сервисы, социальные медиа и веб-ресурсы, предложили новые форматы для представления театральных произведений, сделав их более доступными для широкой аудитории. В то же время, эти изменения поставили театры перед рядом вопросов, касающихся качества постановок, авторских прав и сохранения уникальности театрального опыта.

В современном обществе театры сталкиваются с необходимостью адаптироваться к новым условиям, в которых цифровые технологии оказывают существенное влияние на каждую из стадий театрального процесса — от создания до восприятия.

Цель данного доклада — исследовать, каким образом медиакоммуникации влияют на распространение театральных произведений, проанализировать новейшие подходы и стратегии, которые театры используют для привлечения зрителей, а также раскрыть потенциальные риски и возможности, возникающие в результате цифровизации.

Таким образом, в данной работе мы совершили попытку проанализировать современные тенденции развития театра.

Актуальность выбранной темы обусловлена рядом факторов, связанных с изменением культурного ландшафта и социальных ожиданий в эпоху цифровизации. Во-первых, современный зритель становится все более требовательным к доступности и разнообразию культурного контента. В условиях глобальной конкуренции с другими формами развлечений, такими как кино, телевидение и онлайн-платформы, театры вынуждены искать новые подходы к распространению своих произведений. Медиакоммуникации играют ключевую роль в этом процессе, обеспечивая театр возможностью выхода на новую, более широкую аудиторию.

Во-вторых, как нам кажется, применение цифровых технологий для распространения театральных произведений предоставляет уникальные возможности для преодоления географических и временных барьеров, позволяя зрителям из различных регионов и стран получить доступ к театральному искусству, которое ранее могло быть недоступно. Это также способствует разнообразию зрительского состава и поддерживает культурный обмен.

В-третьих, с развитием социальных медиа и интернет-платформ театры могут активно взаимодействовать со своей аудиторией, получая обратную связь и формируя сообщества вокруг своих произведений. Это взаимодействие привлекает новых зрителей, укрепляет лояльность существующих, а также дает возможность создателем постановок получать обратную связь от зрителя и театральных критиков.

Наконец, в условиях пандемии COVID-19 театры испытали резкую необходимость адаптироваться к новым условиям, что сделало инновационные подходы к распространению теа-

тральных произведений особенно актуальными. Тенденции, возникавшие в это время, могут оказать длительное влияние на будущее театра, требуя тщательного анализа и осмысления.

Таким образом, выбранная тема, по нашему мнению, считается важной для понимания динамики театрального искусства в современном мире, что делает анализ распространения театральных произведений через медиакоммуникации необходимым шагом для успешного функционирования театров в условиях постоянных изменений культурной среды.

В связи с этим мы решили проследить роль социальных медиа в продвижении театральных программ. Для этого мы провели анализ различных стратегий, использующихся для привлечения аудитории. Например, многие театры проводят лайвстриминг и цифровые трансляции. Так, мы рассмотрели, как театры адаптируют свои спектакли для онлайн-просмотра и считают ли необходимым проводить подобную адаптацию. Также следует отметить влияние COVID-19 на увеличение популярности онлайн-трансляций и их долгосрочные последствия.

Для реализации этой задачи мы провели обзор новых платформ для театрального контента — такие как Digital Theatre, BroadwayHD — они предоставляют возможность зрителям смотреть спектакли удаленно.

Нельзя не отметить социальные медиа как один из источников формирования общественного мнения о спектаклях. В рамках данной работы мы рассмотрели примеры успешных кампаний, которые привлекли аудиторию. Кроме того, стоит обратить внимание на то, что социальные сети меняют механизмы рецензирования и взаимодействия между критиками и зрителями. Как цифровая платформа ускоряет распространение театрального искусства за пределами региональных и национальных рамок, обогащая культурный обмен.

Работая над данным исследованием, мы также обнаружили, что развитие диджитализации в театре поднимает и другие насущные вопросы культурной среды, которые, по нашему мнению, еще недостаточно исследованы и которые нам было бы интересно изучить в будущем. Среди них — этические и культурные аспекты, такие как авторские права и права артистов: вопросы, связанные с правами на записанные и транслируемые спектакли, необходимость новой правовой базы и т. д.

Литература

Карлова О. А., Ноздренко Е. А., Пантелеева И. А., Карлов И. А. Теория и практика креативной деятельности: учеб. пособие. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2012.

Кизеветтер А. А. Театр. М.: Юрайт, 2023.

Ранкс Ольга Константиновна
канд. филол. наук, ст. преподаватель,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

БИБЛЕЙСКИЕ АЛЛЮЗИИ В ТРАГЕДИИ Х. ГРАУ «В ОГНЕ»

Ключевые слова: Хасинто Грау Дельгадо, библейские образы, изгнание из рая, грехопадение.

Хасинто Грау Дельгадо (*Jacinto Grau Delgado*, 1877–1958) — драматург и реформатор испанского театра первой трети XX в., считавший основной целью своего творчества развитие драматургии Испании и возвращение ее былой славы. В попытке реформирования театра Грау обращался к разнообразным литературным традициям, соединяя в рамках пьесы разнородные элементы. Кроме того, в его драматургии встречаются литературные аллюзии на произведения разных эпох, от Библии до романов М. Шелли и Э. Т. А. Гофмана. Библейские аллюзии являются наиболее частотными в его произведениях, и встречаются уже в первой пьесе драматурга — трагедии «В огне» (“*Entre llamas*”, 1905/1915), посвященной истории убийства на почве неразделенной страсти.

Главный герой трагедии — хромой горбун Флоренсио, завидующий своему здоровому и красивому брату Даниелю, влюбленный в молодую жену брата — Венеранду. Он бунтует против семьи и общества, и, презирая брата, хочет отомстить ему, лишив счастья взаимной любви. Флоренсио рассказывает невестке о том, что местный музыкант и друг семьи, гостящий в доме, влюблен в нее, отмечая в разговоре, что и Венеранда выглядит влюбленной в музыканта. Тем самым Флоренсио хочет заставить девушку почувствовать пламя невозможной любви. План Флоренсио срабатывает: Венеранда осознает, что действительно любит музыканта, но не понимала этого ранее, и честно рассказывает обо всем мужу, в то время как Флоренсио открыто радуется страданиям брата. Позднее горбун обманом заманивает Венеранду в свой дом, запирается вместе с ней и, размышляя о том, что девушка никогда не полюбит его, поджигает здание, в котором оба сгорают.

В пьесе встречаются разнообразные литературные аллюзии, но среди них можно выделить многочисленные библейские аллюзии, проявляющиеся как на уровне создаваемых автором образов, так и в речи персонажей.

Центральным образом трагедии становится образ пламени, при этом жар невозможной или неразделенной любви сравнивается с адскими муками. Кроме того, в изданном виде пьеса заканчивается двумя мини-эпилогами: первый — цитата из книги Иова: «y su esperanza será agonía del alma / и надежда их исчезнет» (11:20); второй — старая молитва об избавлении от «несчастной человеческой глины / miserable arcilla humana» [Grau 1948: 90], закрепляя в сознании читателя связь пламени с библейскими образами.

Также можно заметить, что среди имен некоторых персонажей встречаются библейские имена, выбранные драматургом не случайно: Даниель, Серафим, Мигель. Каждое из этих имен связано в христианской традиции с огнем: в видениях и житии пророка Даниила встречается тема пламени, архангел Михаил может изображаться с огненным мечом, а имя Серафим переводится как «огненный, пылающий». Кроме того, в создаваемых образах персонажей Грау делает отсылки к их библейским прообразам: Даниель — брат главного героя, единственный, кто не отмахивается от грозных пророчеств; Серафим — как ангел-посланник приносит весть и прибытии в город музыканта Мигеля; Мигель — в свою очередь, оказывается свидетелем разрушения семьи, отсылая к сюжету о грехопадении.

В трагедии Грау стремится переосмыслить ветхозаветную историю изгнания из Рая, в которой плодом с дерева познания добра и зла становится семейная тайна, показывая, как ее раскрытие может повлиять на отношения супругов. Флоренсио сравнивает правду с ядом, который не только отравит невестку, но и через нее «доберется до Даниеля» [Grau 1948: 47]. Аллюзия подкрепляется и словами Венеранды, которая называет Флоренсио змеей и гадюкой, а также высказываемыми в трагедии напоминаниями о том, что демон тоже когда-то был ан-

гелом. Отсылки к сюжету о грехопадении можно встретить и в жестах героев, обозначенных в ремарках — «убегает, закрыв лицо руками», повторяющих жесты Адама и Евы в христианской художественной традиции. Кроме того, фраза героя, высказанная музыканту Мигелю — «Именно Вы будете тем, кто выкинет его из рая навсегда!» [Grau 1948: 48] — указывает на то, что музыкант сравнивается с архангелом Михаилом, который изгоняет брата и невестку из рая счастливой семейной жизни. При этом, внимание Флоренсио фокусируется прежде всего на брате, и, согласно исследователю творчества Грау Мигелю Наваскуэсу, «своим антагонизмом два брата напоминают Каина и Авеля» [Navascués 1975: 19].

Аллюзия на сюжет о Каине и Авеле прослеживается с первых сцен пьесы. Обвиняя и Бога, и мать в своем недуге, Флоренсио стремится испортить жизнь брату, убить его духовно, лишить того, что Флоренсио недоступно — радости и душевной чистоты. В кульминационный момент основного действия ему удается разозлить брата, который теряет самообладание и хочет ударить Флоренсио, который лишь подначивает героя. В пьесе этот библейский сюжет используется драматургом для указания на детерминизм противостояния братьев, из которого в этот раз победителем выйдет Каин, то есть Флоренсио.

Хотя в трагедии преобладают отсылки к Ветхому завету, встречаются аллюзии и на сюжеты из Нового завета. Так, в начале второго акта Флоренсио в монологе сравнивает себя с Иисусом, и говорит, что не хочет нести свой крест, то есть жизнь полную боли и страданий, один, напоминая, что даже у Христа был Симон Киринеянин [Grau 1948: 45]. Таким образом, при создании трагедии на современный сюжет ветхозаветные аллюзии позволяют Грау сравнить главного героя с демоном и Каином, придав истории ветхозаветный детерминизм, в то время как новозаветные аллюзии позволяют драматургу представить героя с другой стороны — как страдающего человека, стремящегося не столько разрушить жизнь брата, сколько найти поддержку, того, с кем о смог бы разделить тяжесть своего существования.

Литература

Grau J. Entre llamas: tragedia en tres actos y un epílogo. Conseja galante; cuento ingenuo en dos actos y un epílogo. Buenos Aires: Losada, 1948.

Navascués M. El teatro de Jacinto Grau. Estudio de sus obras principales. Madrid: Colección Nova Scholar, 1975.

Семенова Наталья Валерьевна

канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

СКВОЗЬ ЩЕЛИ ЖЕЛЕЗНОГО ЗАНАВЕСА: СОВЕТСКИЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ТЕАТРАЛЬНЫЕ СВЯЗИ В 1970-е гг. (ФИНЛЯНДИЯ)

Ключевые слова: Всесоюзное агентство по авторским правам (ВААП), соцреализм, Финляндия, холодная война, советский театр.

1970-е гг. — период разрядки и время активизации в СССР контактов, в том числе в сфере театра, с государствами, имевшими иной, чем в Советском Союзе, общественный строй. Среди инструментов культурной дипломатии, нацеленной на трансляцию положительного образа СССР и его идеологии, была деятельность Всесоюзного агентства по авторским правам (ВААП). В конце десятилетия одним из его крупных театральных проектов стал Год советской драматургии в Финляндии (сезон 1977/1978, далее Год. — *Н. С.*). Это была попытка «широкого распространения советских пьес вне круга социалистических стран» [В советском театре 1980: 10].

В организации Года приняли участие обе стороны на самом высоком институциональном уровне. Советский Союз помимо ВААП представляли Министерство культуры, ВТО, Союз советских писателей, Союз советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными связями. Финляндия задействовала в подготовке и проведении Года Министерство просвещения, «Союз рабочих театров» (TNL), с которым у ВААП был заключен договор о взаимном представительстве интересов и сотрудничестве в области драматургии, Общество дружбы «Финлядия — СССР», существовавшее с 1944 г. Год проходил под патронажем президента Финляндии У. К. Кекконена. Общей точкой пересечения стал двойной юбилей — 60-летие Октябрьской революции и независимости Финляндии. Предполагалось, что в течение театрального сезона 1977/1978 г. состоится серия театральных постановок, знакомящих финского зрителя с культурным многообразием страны-соседа. В ответ был запланирован фестиваль драматургии Финляндии в СССР (1981) — «первое мероприятие такого рода, которое проводила наша страна с несоциалистическим государством» [В советском театре 1982: 3].

Вестник ВААП «Пьесы из СССР» отмечал, что «по сравнению с 1970 г. доля пьес советских драматургов в репертуаре финских театров увеличилась с 3,5 процента до 8,1 процента. В 1974–1976 гг. на сценах финских театров шли пьесы 15 советских драматургов, в том числе М. Горького, А. Арбузова, Е. Шварца, А. Салынского, Э. Брагинского и Э. Рязанова, Ч. Айтматова и К. Мухамеджанова, В. Розова, Э. Ветемаа, Л. Устинова, А. Вампилова и других» [Пьесы из СССР 1977: 40]. Важную роль в подготовке Года сыграла организация «Союз рабочих театров», четыре делегации которых в 1975–1977 гг. приняло у себя ВААП. Представители TNL отсмотрели более 20 спектаклей по современным советским пьесам. По запросу «Союза рабочих театров» и по своей инициативе ВААП направило финской стороне более 100 современных советских пьес.

В проведении Года приняли участие многие финские театры, радио и телевидение. Были осуществлены 72 постановки по произведениям русской и советской драматургии и прозы [В советском театре 1979: 50]. История Года интересна, поскольку позволяет рассмотреть эту тематическую кампанию по продвижению советского театра с двух точек зрения — самопрезентаций Финляндии и СССР. С одной стороны, А. Койвунен показала, как наличие в телеэфире инсценировок советских пьес стало проявлением финского нарратива о нейтральности и принадлежности сразу к двум блокам: одновременное следование внешнеполитическому курсу на дружелюбные взаимоотношения с СССР и интеграция в западную медиаповестку [Koivunen 2022: 64]. Архивные источники и информационный бюллетень ВААП демонстрируют иные интенции советской стороны, чья стратегия популяризации официальной культуры была многокомпонентной.

Программа мероприятий включала в себя помимо показов спектаклей официальный симпозиум, в котором приняли участие те, кто относился к номенклатурной элите в сфере управления культурой: секретарь Правления Союза писателей СССР С. М. Михалков, главный редактор журнала «Театр» А. Д. Салынский, главный редактор репертуарно-редакционной коллегии Министерства культуры СССР В. А. Иванов и др. В Доме советской культуры Салынский прочитал доклад о «Развитии советской драматургии», выступал также исследователь лениниана А. Н. Анастасьев, актриса Татьяна Доронина и др. Финская сторона тоже придерживалась основополагающего дискурса: заместитель профессора Хельсинского университета П. Песонен сделал сообщение «О понятии социалистического реализма». Драматургия соцреалистического канона непременно присутствовала в комплексе постановок и инсценировок («Любовь Яровая» и «Первая конная», «Бронепоезд 14-69»). Преемником историко-революционных пьес выступала производственная драма (А. Гельман, А. Мишарин, Г. Бокарев).

В то же время реальный запрос со стороны финского театра и предложение театра советского соцреалистической эстетикой не ограничивались. Итоговая картина получилась довольно эклектичной. Зритель увидел «Прошлым летом в Чулимске», «Старомодную комедию» А. Арбузова, «Не стреляйте в белых лебедей» Б. Васильева, «Позови меня в даль светлую» В. Шукшина и др.

Таким образом, Год советской драматургии в Финляндии стал одним из тех культурных событий, которые были нацелены на установление диалога и проникновение за границы Железного занавеса. В то же время концепция Года продемонстрировала гибкость советского канона и взаимную интеграцию соцреалистической и постсоцреалистической драматургии.

Источники

РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 29. Ед. хр. 849 (Документы о пребывании советских специалистов, стажеров в Финляндии (отчеты, записи бесед, переписка)…).

Литература

Год советской драматургии в Финляндии // Пьесы из СССР. 1977. № 2 (3). С. 40–42.

СССР — Финляндия // В советском театре. 1979. № 1. С. 50–53.

ВААП театральный // В советском театре. 1980. № 3–4. С. 9–12.

Сверяясь со временем // В советском театре. 1982. № 1. С. 2–3.

Koivunen A. Soviet Drama with Commercial Breaks. Living the Cold War in 1970s Finnish Television // Remapping Cold War Media. Institutions, Infrastructures, Translations / eds A. Lovejoy, M. Pajala. Indiana University Press, 2022. P. 61–74.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00787, https://rscf.ru/project/24-18-00787/; ИРЛИ РАН.

Семенчук Светлана Александровна
канд. искусствоведения, доцент,
Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ РЕШЕНИЕ ПОСТАНОВКИ А. А. ТАРКОВСКОГО «БОРИС ГОДУНОВ» В КОНТЕКСТЕ ИСКУССТВА 1980–2000-х гг.

Ключевые слова: А. А. Тарковский, «Борис Годунов» А. С. Пушкина, постановка, Мариинский театр.

Опера М. П. Мусоргского «Борис Годунов» (1872), безусловно, является одним из самых значимых произведений отечественного музыкального искусства. Постановка с успехом шла в ведущих театрах в дореволюционной России, Советском Союзе и в современной России. Тем интереснее обращение к сугубо музыкальному материалу режиссера А. А. Тарковского, ранее не работавшего с оперой.

Можно предположить, что Тарковского увлекала не столько историческая и религиозная составляющие произведения, хотя, очевидно, они также сыграли свою роль в выборе, но возможность поработать с музыкой, которой режиссер отводил важную роль в кинематографе. При прочтении размышлений Тарковского о кинорежиссуре [Тарковский 1989], а также мемуарных свидетельств, касающихся творчества автора [Тарковский 2008], можно заметить, что музыка и ее взаимосвязь с кинематографом занимала его мысли. В контексте кинематографического творчества режиссер работал с ведущими советскими композиторами, такими как В. А. Овчинников и Э. Н. Артемьев, активно включал в свои фильмы классическую музыку, в частности — И. С. Баха, сочетая новаторство второй половины XX в. с образцами безусловного классического искусства.

Вероятно, для Тарковского опера позволяла вывести музыку на первый план, оставив художественное и монтажное решение на втором, что делает эту работу уникальной. Художником-постановщиком выступил Н. Л. Двигубский, известный советскому зрителю по работам над фильмами «Дворянское гнездо» (совместно с А. Боймом, М. Ромадиным, 1969) «Дядя Ваня» (1970), «Сибириада» (1978), «Васса» (1983), а также непосредственной работой с Тарковским над картиной «Зеркало» (1974). Родившийся и проживший детство во Франции, Двигубский обладал тонким чувством стиля, умел находить общий язык с разными режиссерами, чутко улавливая их желания.

К сожалению, не сохранилось ни видео-, ни фотосвидетельств о постановке в Лондонском «Ковент-Гарден» 1983 г. [Анохина 2008], что не позволяет должным образом оценить новаторство Тарковского. Однако запись «Бориса Годунова» 1990 г. (Мариинский театр) все-таки дает возможность сделать определенные выводы. Исследователями отмечалась и политическая актуальность оперы, и религиозные образы, и работа с исполнителями главных ролей [Хуэй 2020], однако представляется недостаточным изучение художественного решения постановки: костюмов, декораций, мизансценирования. В рамках данного доклада хотелось бы проанализировать соизмеримость четырех видов искусств, а именно музыки, живописи, театра и кинематографа, акцентировав внимание именно на живописи, а также рассмотреть постановку в контексте обращения советских авторов к Смутному времени.

А. Васнецов, М. Скотти, В. Савинский, В. Васнецов, К. Маковский, С. Иванов, П. Чистяков, Г. Мясоедов — по-разному представляли в живописи Бориса Годунова, однако в XX в. сюжет явно не пользуется популярностью. Зато описанная историческая ситуация обильно представлена и в кинематографе 1980-х — 2000-х гг.: существует более десяти кинопостановок, самой известной из которых считается картина С. Ф. Бондарчука «Борис Годунов» (1986). Интерпретация Бондарчука кажется крайне авторефлексивной и эсхатологичной, учитывая V Съезд Союза кинематографистов (1986) и его итоги, в то время как версия Тарковского предполагает более глубокие размышления о власти и творце.

Можно констатировать, что Тарковский, обратившийся к сюжету трагедии А. С. Пушкина, опосредованно — через оперное искусство, тонко выразил «смуту» перестроечного периода,

будучи в изгнании, а также заключил в образе царя-Бориса узника совести и человека, которому должно было отречься от доставшейся ему власти. При предметном контекстуальном рассмотрении творчества Тарковского, можно заметить параллели и с картиной «Иваново детство» (1962), и с «Зеркалом», и со «Сталкером», выявив определенного рода знаменатель творчества Тарковского, заключенного в образе жертвы.

Литература

Анохина Ю. Два «Бориса» (о постановке оперы Мусоргского А. Тарковским и А. Сокуровым). URL: http://tarkovskiy.su/texty/analitika/Anohina2.html (дата обращения: 20.12.2024).

Тарковский А. А. Лекции по кинорежиссуре. Л.: Ленфильм, 1989.

Тарковский А. А. Мартиролог. Флоренция: Международный фонд имени А. Тарковского, 2008.

Хуэй Ч. Борис Годунов М. Мусоргского в интерпретации А. Тарковского и Р. Ллойда // Манускрипт. 2020. Т. 13, вып. 8. С. 199–204.

Исследование подготовлено в рамках проекта РНФ, шифр 18.67.00 «Творчество Андрея Тарковского как феномен отечественной и мировой культуры».

Сердюкова Алена Викторовна

преподаватель, Российский государственный институт сценических искусств

«СБОЙ СХЕМЫ ОЖИДАНИЙ» В ОБЛАСТИ РИТМИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СЦЕНИЧЕСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Ключевые слова: театроведение, схема ожидания, сбой, спектакль как художественный текст.

В современных исследованиях театроведение активно использует наработки других искусствоведческих наук в области анализа спектакля, как сценического художественного текста. В частности, на данный момент мы работаем над междисциплинарным переносом теоретических разработок в области исследования ритма, пересборкой инструментария коллег под наш сложно поддающийся теоретическому осмыслению предмет — спектакль.

Одним из наиболее подходящих для включения в метод анализа ритмической организации спектакля ритмических элементов прозаического текста является «обманутое ожидание» или ***сбой схемы ожиданий.*** Когда при прозаическом построении текста автор создает определенную норму повторов, т. е. метрическую основу текста. «Осознание или интуитивное использование этого свойства автором позволяет и читателю ориентироваться на норму, специфичную для каждого текста, и строить сетку метрических ожиданий» [Татару 2008: 29] или схему ожиданий. Соответственно, ее сбой в рамках композиционного ряда рождает дополнительное смыслообразование, считываемое зрителем. Можно с уверенностью утверждать, что подобный прием построения метрических ожиданий используется в сценических постановках разных форм спектаклей, следовательно, ритмический сбой схемы ожиданий свойственен им так же, как и прозаическому тексту. Его определение подходит для исследования ритмической организации спектакля в полном и неизмененном виде, если подразумевать под текстом не только литературный, но и любой другой художественный текст.

Естественным образом заложенная в сценическое произведение искусства увеличенная структурность сама по себе порождает его множественную информативность, а в случае с усложнением его композиционного строя (например, с появлением различных элементов ритмического усложнения его композиционного ряда, таких, как сбой схемы ожиданий) она неизбежно возрастает.

В нашем докладе мы отдельно затронем вопрос определения спектакля, как художественного текста, позволяющего подобные междисциплинарные терминологические переносы. Одно из важнейших условий ритмического анализа художественного текста, на которое указывают литературоведческие исследования — «презумпция об осмысленности всех имеющихся в нем упорядоченностей. Тогда ни один из повторов не будет выступать как случайный по отношению к структуре. Исходя из этого, классификация повторов становится одной из определяющих характеристик структуры текста» [Лотман 1970: 135]. Это условие нам видится очень важным для анализа как поэтического, так и ритмического типов спектакля, поскольку позволяет рассматривать ритмическую организацию в качестве заведомо смыслообразующей части художественного текста, как в полном своем объеме, так и в каждом отдельном элементе.

Также мы рассмотрим термин «прозаический спектакль», относящийся к структурной типологии сценического текста и опирающийся на дихотомию поэтический / прозаический. Поскольку ритмическая организация спектакля изначально обладает как пространственными, так и временными характеристиками, основной разницей между организацией ритма в прозаическом и поэтическом типе спектакля можно назвать доминирование одной из этих характеристик над другой и наоборот. Для прозаического спектакля важнее временной аспект, а для поэтического — пространственный.

Для иллюстрирования способа применения сбоя схемы ожиданий, как ритмического элемента в литературном прозаическом тексте мы рассмотрим композиционный ритм сборника Дж. Джойса «Дублинцы». Для сравнения применения этого ритмического элемента в сцениче-

ских художественных текстах мы приведем примеры из спектакля «Гроза» А. А. Могучего, а также из спектаклей Ю. П. Любимова.

В нашем докладе мы рассматриваем сбой схемы ожиданий в двух видах художественного текста — литературном и сценическом — в поисках плодотворной возможности междисциплинарного переноса теоретических находок различных искусствоведческих наук.

Литература

Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970.

Тамару Л. В. Композиционный ритм и когнитивная логика нарративного текста (сборник Дж. Джойса «Дублинцы») // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Серия «Общественные и гуманитарные науки». 2008. № 11 (75). С. 23–37.

Сылова Елена Андреевна

вед. специалист творческо-исследовательской части,
Национальный драматический театр России (Александринский театр)

К ВОПРОСУ ИНСЦЕНИЗАЦИИ РОМАНА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БЕСЫ» НА СОВРЕМЕННОЙ СЦЕНЕ: ПОИСКИ СЦЕНИЧЕСКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ БОЛЬШОЙ ПРОЗЫ

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, «Бесы», инсценизация, сценический язык.

В докладе анализируются этапы и инстанции создания спектаклей по роману Ф. М. Достоевского «Бесы». Анализ производится на материале спектаклей по роману, поставленных или идущих на сцене в Москве и Петербурге за последнюю четверть века (на материале спектаклей «Бесы» — в МДТ, реж. Л. А. Додин, в «Современнике», реж. А. Вайда, в театре им. Ленсовета, реж. А. Слюсарчук, в Городском театре, реж. Ф. Климов, и др.). Анализируется литературная основа каждого спектакля — особенности создания пьесы или сценария, выявляются ключевые моменты инсценизации, задачи, которые ставили создатели спектакля во главе с режиссером и др.

Когда речь идет о воплощении прозы на сцене, то сразу встает вопрос, как оценивать спектакль: с точки зрения существенной переработки первоисточника, или же верности ему, и каковы могут быть границы этой переработки и этой верности. В качестве оценочного критерия для спектаклей, в основе которых лежат прозаические произведения, представляется правомерным взять совет Достоевского В. Ф. Оболенской, которая хотела инсценировать «Преступление и наказание»: «Есть какая-то тайна искусства, по которой эпическая форма никогда не найдет себе соответствия в драматической… Для разных форм искусства существуют и соответственные им ряды поэтических мыслей. Другое дело, если Вы как можно более переделаете и измените роман, сохранив от него лишь какой-нибудь эпизод для переработки в драму, или, взяв ***первоначальную*** мысль, совершенно измените сюжет».

Таким образом, для Достоевского принципиально важным является сохранение и донесение авторской мысли, то есть смыслового зерна произведения. При этом он дает полную творческую свободу режиссеру и отрицает пассивный, иллюстративный подход при работе над инсценировкой. Думается, этот критерий — наилучшее донесение авторской точки зрения с помощью специфически театральных средств — следует считать самым верным для оценки спектаклей, созданных на основе большой прозы.

О главных же содержательных задачах самого Достоевского свидетельствуют два эпиграфа к роману: первый — отрывок из стихотворения А. С. Пушкина «Бесы», второй из Евангелия от Луки о гадаринском бесноватом. В первом эпиграфе сразу определяется болезнь — это болезнь общества, одержимость, беснование: «Сбились мы, что делать нам?» Отсюда следует и первая задача — роман «Бесы» — призван был стать романом-предостережением, грозным предупреждением тем, кто допустит развитие указанной болезни. Но тут же Достоевский предлагает и рецепт исцеления, цитируя Евангелие: «…жители… пришедши к Иисусу, нашли человека, из которого вышли бесы, сидящего у ног Иисусовых, одетого и в здравом уме…» Единственной возможностью исцеления, по Достоевскому, становится возврат к Богу.

Таким образом, роман «Бесы» — это «роман-предупреждение»; исследование, проведенное автором, чтобы объяснить для себя первопричину преступных действий и безответственных экспериментов отдельной личности и групп людей, имеющей далеко идущие исторические последствия. Это трагическая прелюдия к колоссальной драме XX в., которая будет стремительно развиваться в течение всего столетия.

Методология исследования основывается на комплексном многостороннем изучении избранных произведений прозы и сцены, с учетом тех исторических реалий, на которых сосредоточена авторская мысль, и тех исторических условий, в которых эти произведения создавались, с привлечением элементов литературоведческого и театроведческого анализа. При этом пред-

ставляется совершенно обязательным соблюдение целостного и широкого историко-культурного подхода к предмету исследования и его нравственно-философской проблематике.

Первым в докладе анализируется спектакль МДТ «Бесы» (реж. Додин). Театр начал работу над романом в августе 1988 г., как раз накануне важнейших событий в истории России. Символично, что почти 90 лет назад В. И. Немирович-Данченко также обратился к роману Достоевского накануне исторических перемен. Премьера состоялась в 1991 г. Спектакль был в репертуаре вплоть до 2016 г., т. е. более 25 лет. Постановка Додина называется так же, как и роман; как и роман она состоит из трех частей: если быть более точными, из трех спектаклей, которые идут в общей сложности 7 часов.

То, что в спектакле доминируют метафизические вопросы, позволило без ущерба для идеи опустить некоторые сюжетные линии, чтобы не перегрузить спектакль. Так, в финале романа происходит прозрение Степана Трофимовича, его очищение — «катарсис», и это оставляет надежду на исцеление «беснующихся». В спектакле же линия Степана Трофимовича, его взаимоотношений с Варварой Петровной, «отцов» и «детей», как и линия губернатора, опущена (при том, что они были детально разработаны труппой театра).

Следующий спектакль интересен с точки зрения двойного перевода на язык сцены. Спектакль польского режиссера Вайды по инсценировке французского писателя А. Камю на сцене русского театра «Современник» длится 3 часа. Жанр спектакля не определяется, зато указывается сам режиссер как автор сценической версии. Признанный мастер, Вайда уже ставил этот спектакль — в тех же декорациях те же мизансцены, — и в Польше, и в Америке, и в Японии. Не говоря уже о фильме 1988 г. Давнее и заветное желание режиссера поставить «Бесов» на языке первоисточника осуществилось лишь в 2004 г., когда прошло достаточно времени с той поры. Однако нравственно-философская проблематика «Бесов» остается актуальной и злободневной.

Следующие несколько спектаклей вышли уже спустя 15 лет — к 200-летнему юбилею со дня рождения Достоевского. В Петербурге вышли практически друг за другом три спектакля летом 2021 г. спектакль «Бесы» вышел в театре им. Ленсовета (реж. Слюсарчук), осенью — в Театре «Мастерская» (реж. Р. Габриа), и зимой в Городском театре (реж. Климов). В каждом спектакле создатели обращаются к тем или иным сюжетным линиям, создавая свой сценический текст. Вопросы создания сценической основы текста анализируются в докладе, для того, чтобы выявить определенные тенденции при обращении к большой прозе Достоевского и поиску адекватного ему сценического языка.

Тютелова Лариса Геннадьевна

д-р филол. наук, доцент, зав. кафедрой,
Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С. П. Королёва

СТОЛЫ И ЗАСТОЛЬЕ В ДРАМАТУРГИИ А. П. ЧЕХОВА

Ключевые слова: А. П. Чехов, драматургия, застолье, ритуал.

В свое время А. Д. Синявский обратил внимание на то, что в романе «Мать» Горького неоднократно встречается вещественная деталь российского быта — самовар. Критик связывает ее появление с влиянием знаменитых чеховских постановок Художественного театра с их «подтекстом и натуральным антуражем». Но у Горького сидение героев за столом — обратная сторона его риторики: ее обоснование, ее сопровождение. Очевидно, что у Чехова застолье не может иметь то же значение. Чехов не риторичен. Он выбирает иные способы обозначения как авторской позиции, так и позиции героя, хотя именно он предлагает увидеть героев на сцене, беседующим за столом.

Изначально по свидетельству И. Я. Гурлянда у Чехова были сомнения в правильности выбранного пути. Его волновало, что первые акты «Иванова» проходят в разговорах за едой. Но стоит вспомнить слова драматурга: «Пусть на сцене все будет так же сложно и так же вместе с тем просто, как и в жизни. Люди обедают, только обедают, а в это время слагается их счастье и разбиваются их жизни…» [Чехов 1978, т. 12: 316].

Чехов представляет на своей сцене картины обыденной жизни персонажей. При этом ему необходимо дать зрителю почувствовать ее драматизм. Поэтому самые простые вещи, привычки обитателей усадеб Иванова и Лебедевых, Сорина, Войницких, Гаева и Раневской не столько натуральный антураж, признаки мещанской жизни, осуждаемой автором, сколько детали, порождающие чеховский подтекст.

Чеховская деталь естественна, случайна и в то же время нет. В одних пьесах стол — знак порядка, нарушенного другими, бесцеремонно вмешивающимися в жизнь героя и не понимающими его настроения. А поэтому сцена в третьем действии «Иванова», где на письменном столе рядом с бумагами, книгами, безделушками и револьверами стоят графин с водкой, тарелка с селедкой, куски хлеба и огурцы, помогает автору обозначить настроение персонажа, его внутренние противоречия. Обращает на себя внимание то, что рядом с огурцом и селедкой мы видим и револьверы. (Последователи Чехова восприняли эту особенность поэтики писателя. Например, у Е. Н. Чирикова в «Иване Мироныче» такую же роль, как и в «Иванове», играет садовый стол, за который переносит обычное чаепитие жена Ивана Мироныча Вера Павловна. Это решение не нравится ее мужу, так как нарушает заведенный им раз и навсегда порядок и в то же время показывает, насколько душно в доме Боголюбова некоторым его обитателям).

Стол у Чехова и знак праздника, который так и не состоялся, поскольку и праздновать-то нечего. Например, в «Трех сестрах» у стола гости Прозоровых ждут прихода ряженых. Но постепенно забирающая власть в их доме Наташа выгоняет всех, а сама отправляется покататься на тройке с Протопоповым.

Стол — вещь, воскрешающая прошлое героя (Раневская в «Вишневом саде» рада, что вернулась домой; в своей старой детской она ведет себя как ребенок, целует шкаф и обращается к столу «Столик мой»). Вещь становится деталью, которая обнаруживает разные временные пасты действия и драматического сюжета. Автору удается создать образ героя, который находится на перекрестке прошлого и будущего и не принадлежит, по сути дела, никакому времени.

Особенно заметно в чеховской драме, что человек не укоренен в своем настоящем. Поэтому мы не видим героев, сидящих за столом и чинно обедающих и спокойно разговаривающих о важном или просто болтающих ни о чем. Чаепития или целого застолья на сцене зрителю не показывают. Примечательно, что в ремарке четвертого действия есть стол на террасе дома с бутылками и стаканами. Автор отмечает, «видно, что только что пили шампанское» [Чехов 1978,

т. 13: 172]. Появляется не конкретный образ человека у стола или за столом, а лишь авторское предположение.

Чаще всего у Чехова возникает образ накрываемого, но так и не использованного стола. Застолье — ритуал, а чеховские персонажи участвовать в нем не могут. В водевилях, как отметил в свое время Б. И. Зингерман, «герои хотят соответствовать ритуалу, импонировать, принимают торжественную позу, но натура побеждает — и ритуал летит ко всем чертям» [Зингерман 1988: 174]. В больших же драмах дело состоит не только в человеческой натуре обывателя, но и в конфликте человека как со своим временем, так и с самим собой. Причем последнее, как показала театральная практика, оказывается наиболее важным. Правда, театр в первую очередь обратил внимание на временной конфликт. Стоит вспомнить ломберный стол в последнем действии «Чайки». За ним играют в лото. И эта игра — знак обыденности, в которой истинные трагедии остаются незамеченными: игра должна продолжаться, как и жизнь, которую уход человека не может остановить.

Но в этом действии есть и образ письменного стола Треплева. В авторской ремарке, в отличии от ремарки в «Иванове», это всего лишь предмет сценографии. Никаких отдельных подробностей Чехов не использует. Перед зрителем письменный стол, а не стол писателя. Рукопись на столе обнаруживает только Полина Андреевна. Она ее рассматривает и говорит о том, что никто не ожидал, что из Константина Гавриловича выйдет настоящий автор. Теперь же Треплев получает деньги из журналов. Этого достаточно для Шамраевой, но не для самого Кости. Он, подобно Заречной, может сказать: «Я — писатель. Нет, не то…» Герои Чехова как в драме, так и в его повестях и рассказах часто не могут определить для самих себя, что они есть такое. И эта неопределенность чеховского персонажа — одна из важных черт поэтики писателя.

Стол как вещная деталь, застолье как ритуал, характерный для русского быта, позволяют автору создать сложный, главное — не определяемый до конца образ героя, обозначить его конфликт с собой и временем, отметить этапы драматического действия и его многослойность, а также дать возможность зрителю обнаружить особенности авторской позиции, выражаемой не прямо, риторическими способами, а через вовлечение в диалог с изображенным миром читателя / зрителя.

Литература

Зингерман Б. И. Театр Чехова и его мировое значение. М.: Наука, 1988.

Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем в 30 т. Сочинения в 18 т. Т. 12. Пьесы. 1886–1891; Т. 13. Пьесы. 1895–1904. М.: Наука, 1978.

Шарыпина Татьяна Александровна

д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского

КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО ТЕАТРА ГЕРМАНИИ ЭПОХИ «ПЕРЕМЕН» (Ф. БРАУН «ИФИГЕНИЯ НА СВОБОДЕ» И Б. ШТРАУС «ИТАКА»)

Ключевые слова: театр Германии, Ф. Браун «Ифигения на свободе», Б. Штраус «Итака», коммуникативное пространство.

Немецкая культура остро отреагировала на события 1989–1990 гг. Не случайно в литературоведении произведения, посвященные смене эпох в Германии, объединяют понятием «Wendeliteratur», ключевым в которой становится образ ГДР. Он появляется в многочисленных художественных текстах объединенной Германии, центральной темой которых становится проблема самоидентификации восточных немцев. Самым чутким к переходным историческим эпохам всегда был театр, уместно наряду с такими понятиями, как «Wende*roman*» или «Wende*erzählung*» применение и такого термина как «Wende*theaterstück*». Целый ряд сценических постановок и проектов делают наглядными дезинтеграционные и интеграционные процессы в обществе и культуре объединенной Германии. Удивительно количество пьес на античные сюжеты в репертуаре немецких театров, включающих как переосмысление самих классических образцов, так и драматические произведения, обращающиеся к мифологическим образам в контексте порожденных эпохой «поворота» конфликтных ситуаций.

Современный социокультурный контекст, в котором идет осмысление подобных явлений драматургии немецкими зрителями, а также их режиссерские трактовки даже по прошествии 35 лет с момента объединения не только заостряют проблематику этих постановок, приводя к переосмыслению классического образца, но и зачастую к раскрытию глубинного смысла мифологических сюжетов. В числе наиболее значимых явлений следует назвать постановки пьес Ф. Брауна «Ифигения на свободе» на Востоке и Западе Германии, Б. Штрауса «Итака» в Мюнхене и Берлине, а также ремикса бельгийца Т. Ланоя «Mamma Medea» в Ганновере и др. Миф оказывается по-прежнему действенным и цементирующим началом в современном немецком искусстве. Одним из первых в этом контексте следует назвать драматический отрывок Фолькера Брауна «Ифигения на свободе» (Volker Braun «Iphigenie in Freiheit», 1992), часть из которого была опубликована в 1991 г. в газете «Фрайтаг». Провал этой инсценировки во Франкфурте на Майне (Западная Германия) и блестящий успех в Котбусе (Восточная Германия) в 1992, а затем бурная полемика в печати и обществе еще более актуализировали насущные проблемы, вызванные объединением. Реквиемом по утопии социализма и саркастическим памфлетом на объединение Германии назвал Р. Михаэлис «Ифигению на свободе» как последнее произведение литературы ГДР. Обнажение социальных основ происходящих событий остается решающим фактором в работе Брауна с любым исходным материалом, в том числе и с мифом. Автор стремится воссоздать современное сознание, реагирующее на текущие социальные потрясения, размышляющее об исторической перспективе, и предупреждает об опасности легко поддаться стереотипам. Сочинение Брауна — хаотическое чередование отрывков потока сознания героев, построенное в традициях одновременно и абсурдистского, и постмодернистского письма, перенасыщенного реминисценциями, аллюзиями и интертекстуальными отсылками, что позволяет каждому зрителю, кто был свидетелем берлинского «поворота» «вычитывать» в тексте свой собственный исторический опыт. Перед нами раздумья писателя после падения Берлинской стены о том, что идеал «чистой человечности», созданный Гёте по канонам Винкельмана в качестве образца для исправления нравов современности, так и остался прекрасной мечтой человечества. Не случайно в поток сознания героев включена известная поговорка («Твои слова да Богу в уши»), грубо перефразированная как: «DEIN WORT IN GOETHES OHR» («ТВОЕ СЛОВО В УХО ГЁТЕ») [Braun 1992].

Драма Бото Штрауса «Итака» (1996) принадлежит к ряду произведений уже объединенной Германии, которые были вызваны к жизни неминуемыми проблемами, последовавшими за этим событием. Политические ассоциации в драме Штрауса очевидны. Даже сами названия действий достаточно двусмысленны и имеют в немецком двойное толкование: I — Ankunft (это и «прибытие», и «пункт договора»), II — Haushalt der Freier (это и «государственный бюджет», и «домашнее хозяйство»), III — Die Narbe (это «рубец» или «признак при определении личности») и т. д. В этом контексте толпа женихов, расхищающая сокровища Одиссея, может восприниматься как «чужие», «чужеземцы» — «Fremde». Это либо переселенцы из Восточной Европы, либо немцы из Восточной Германии. Собрание женихов напоминает сессию в Бундестаге, когда либеральные политики оказываются беспомощными в решении судьбоносных для Германии проблем. Залогом успеха для Штрауса становится забвение катаклизмов истории и приход к власти сильного политика, олицетворением которого и стал в пьесе брутальный Одиссей. Рассуждая о нравственных ценностях, заложенных в произведениях прошлого, Браун настаивал на том, что современная действительность со всеми ее катаклизмами не может отменить классические идеалы человечества. Штраус, напротив, пытается эти идеалы корректировать. Выведенные им вневременные образы античности воспринимаются читателями и зрителями в контексте проблем и глобальных катастроф нового времени.

Литература

Braun V. Iphigenie in Freiheit. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1992.

Grub F. T. “Wende” und “Einheit” im Spiegel der deutschsprachingen Literatur: Ein Handbuch. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2003.

Michaelis R. Dein Wort in Goethes Ohr! // Zeit Online. URL: http://www.zeit.de/angebote/buchtipp/zeh/index (дата обращения: 13.03.2020).

Straus B. Ithaka. Schauspiel nach den Heimkehr-Gesängen der Odyssee. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1998.

Шевченко Екатерина Сергеевна

д-р филол. наук, профессор, Самарский национальный исследовательский университет им. академика С. П. Королева

«ШЕКСПИРОВСКИЙ ТЕКСТ» ЮРИЯ ДОМБРОВСКОГО

Ключевые слова: Ю. О. Домбровский, В. Шекспир, шекспиросфера, культурные константы.

Исследователи Ю. О. Домбровского неоднократно обращались к проблеме влияния Шекспира на его творчество. Определен круг художественных произведений Домбровского, в которых присутствуют шекспировские сюжеты, образы, мотивы, а также обстоятельства жизни самого великого английского поэта и драматурга; обозначены научные изыскания, в которых он выступил как филолог-исследователь и лектор. Анализ работ, посвященных шекспировской теме в творчестве Домбровского, показал, что большинство из них носит описательный характер; мы же предлагаем более глубокое и целостное видение обозначенной проблемы «Шекспир и Домбровский».

Сам Домбровский неоднократно высказывался о том, что Шекспир оказал значительное влияние на формирование русской национальной культуры, благодаря чему возникло такое самобытное культурное и литературное явление, как «русский Шекспир». Личность Шекспира и его творчество образуют ряд культурных констант, которые в современном гуманитарном знании объединены понятием «шекспиросфера». В последнее десятилетия оно активно разрабатывается в Институте фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета Вал. и Вл. Луковыми, Н. Захаровым, Б. Гайдиным [Гайдин 2008: 241]. Под шекспиросферой понимается комплекс явлений мировой культуры, национальных культур и субкультур, имеющих связь с личностью и творчеством Шекспира, включая как его культ, так и его отрицание («шекспировский вопрос»). В шекспиросфере сосредоточено значительное количество культурных констант, являющихся ориентирами в диалоге культур на всех уровнях социокультурной реальности — от повседневности до «высокой культуры»; в силу этого компоненты шекспиросферы широко представлены в картинах мира представителей разных культурных ареалов и как следствие — в многообразных формах художественной и научной деятельности.

В нашей работе предпринимается попытка рассмотреть шекспировские сюжеты, образы, мотивы, реминисценции, присутствующие в произведениях Домбровского, как некий «сверхтекст» [Меднис 2003: 7], обладающий, наряду с теми значениями, которые закрепились в культурной традиции и которые можно назвать общими, универсальными, еще и собственными, оригинальными значениями. С этой целью мы обращаемся к понятию «шекспировского текста» — «персонального сверхтекста» [Демичева 2009: 5], включающего в себя элементы художественного мира Шекспира, а также биографический миф и иные формы читательской и зрительской рецепции, с ним связанные. Мы обращаемся к анализу таких художественных произведений Домбровского, как цикл «Три новеллы о Шекспире» («Смуглая леди», «Вторая по качеству кровать», «Королевский рескрипт»), роман «Рождение мыши», повесть «Мой Шекспир», рассказы «Леди Макбет» и «Ручка, ножка, огуречик» (в последнем особое внимание уделяется «гамлетовскому вопросу»); также рассматриваются лекция «Итальянцам о Шекспире — главные проблемы его жизни» и статья с труднопроизносимым названием — «РетлендБэконСоутгемптонШекспир».

Шекспиросфера связана с обширным спектром культурных констант и, по справедливому замечанию Вал. и Вл. Луковых, она «как и персональные сферы небольшого числа властителей дум целых народов и эпох, а иногда и всего человечества, обладает особым свойством кристаллизации культурных содержаний и форм» [Луков, Луков 2014: 200].

Нами установлено, что «шекспировский текст» Домбровского включает такие компоненты шекспиросферы, как: интерпретации произведений Шекспира в художественной форме; функционирование в культурном тезаурусе философских построений, связанных с Шекспиром; функционирование в нем шекспировских образов, сюжетов, художественных принципов,

приемов и цитат; мифы о Шекспире и т. н. «шекспировский вопрос». Наряду с транслированием «общих мест», тексты Домбровского обретают собственное оригинальное звучание именно благодаря диалогу с Шекспиром, который постоянно ведет автор. Среди культурных констант, важных для Домбровского в «шекспировском тексте», на первом месте фигура самого Шекспира, которая воспринимается писателем как глубоко трагическая, и «гамлетовский вопрос». Проецируя личность и творчество великого английского драматурга и поэта на собственную личность и творчество, Домбровский постигает трагедию современной эпохи. Собственный конфликт с властью и отсутствие свободы он постигает через призму Шекспира и его времени.

В эссе «РетлендБэконСоутгемптонШекспир: о мифе, антимифе и биографической гипотезе», «Итальянцам о Шекспире — главные проблемы его жизни», а также в повести «Мой Шекспир» Домбровский раскрывает еще одну важную грань Шекспира — его поистине вселенскую любовь. Величие Шекспира, по его убеждению, заключено в этой любви. Можно предположить, что в «шекспировском тексте» Домбровского трагическое и гуманистическое как бы уравновешивают друг друга.

Литература

Гайдин Б. Н. Вечные образы как константы культуры // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 2. С. 241–245.

Демичева Е. С. «Шекспировский текст» в русской литературе второй половины XX — начала XXI в.: дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2009.

Луков Вал. А., Луков Вл. А. Шекспиросфера и культурные константы // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 2. С. 200–208.

Меднис Н. Е. Сверхтексты в русской литературе. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 2003.

Шевченко Елена Николаевна

канд. филол. наук, ст. научный сотрудник, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан

РЕЖИССЕР ИЛЬГИЗ ЗАЙНИЕВ: ПРОЗА ЯЗЫКОМ КУКОЛ

Ключевые слова: И. Зайниев, малый мир, «Авиатор» Е. Водолазкина, театр теней.

Ильгиз Зайниев — один из ведущих драматургов и режиссеров Татарстана. В его портфолио многочисленные постановки в театрах Казани и других городах республики. Нынешняя его деятельность связана с Татарским государственным академическим театром кукол «Экият», который он возглавляет в качестве художественного руководителя.

Придя в «Экият» в 2019 г., Ильгиз Зайниев первым делом взялся за формирование «взрослого» репертуара. «У меня есть мечта, чтобы взрослые приходили по вечерам в кукольный театр, как в драматический», — признался он в одном из интервью [Бадретдин 2019]. Режиссер стремился доказать, что куклам под силу самые амбициозные задачи, в том числе, сложная эпическая форма.

Первенцем Зайниева стал спектакль «Альфия» (2019), посвященный легенде татарской эстрады Альфие Авзаловой. В основу его легла автобиографическая книга героини «Обо мне». При этом режиссер исходил из того, что мир певицы — это пространство звуков. Потому в спектакле нет текста, его заменяет богатая, филигранно выстроенная звуковая партитура (композитор Юрий Чаплин). Главным его содержанием являются песни Альфии. Они накладываются на картины ее жизни, решенные, как правило, в образном ключе. Так, тема сиротства и первого знакомства с музыкой раскрывается через трогательную поэтическую метафору: ребенок, как птенец, вылупляется из яйца в гнезде, висящем на ветке голого дерева. Он попадает в бесприютный, холодный мир. Но на соседней ветке заливается репродуктор — это звучит песня «Кукушка», которой спустя годы предстояло стать визитной карточкой певицы. Ребенок карабкается по ветке навстречу поразившим его звукам, сжимает репродуктор босыми ножками и блаженно раскачивается в такт мелодии. Позже та же кукушка считает года, и те всплывают в памяти героини в виде плоских фанерных фигурок: невеста под руку с женихом-солдатом, молодая пара с ребенком на руках, старая тетя, усатый мужчина — второй муж певицы, две маленьких дочки.

Для исполнения роли Альфии, начиная с детства певицы, до ее зрелых лет, художник Сергей Рябинин изготовил 18 кукол, в том числе, очень сложных. Ими виртуозно управляют 8 артистов. В результате спектакль Ильгиза Зайниева стал исполненным любви и грустной поэзии оммажем выдающейся певице.

За «Альфиёй» последовала «Кроткая» (2021) в Набережночелнинском театре кукол с точным попаданием в самую суть недужного мира героев Достоевского.

Настоящим прорывом явился спектакль Зайниева «Люди» (2022) по повести Г. Ибрагимова — беспощадно откровенное художественное высказывание о голоде в Поволжье. Но самым серьезным достижением режиссера стал «Авиатор» (2023) по роману Евгения Водолазкина, который принес театру три «Золотых маски».

В романе «Авиатор» «малый мир» главного героя Иннокентия Платонова, вступающий в сложные взаимоотношения с «большой историей», воссоздается через многочисленные детали, подробности и ощущения. «Авиатор» Ильгиза Зайниева передает как «чувствительность» романа, так и его сложносочиненную структуру. Как пишет Анна Казарина, «спектакль получился очень нежный и бережный — к тексту, истории и героям» [Казарина 2023]. Когда в сознании Платонова начинают всплывать картины прошлого, на сцене из коробок, как из тайников памяти, вырываются на свет предметы и фигурки людей. Сценография включает в себя пространство воспоминаний Иннокентия и план реальности, дополненные видеопроекциями. Эпизоды разыгрываются на разного уровня площадках, что отвечает непоследовательному порядку их появления в сознании Платонова. А театр теней, в котором, как находки археолога,

мелькают фрагменты человеческих рук и ног, яркой визуальной метафорой подчеркивает их обрывочность и хаотичность.

Вот в центральной перспективе всплывает сцена на кладбище, где встретились Иннокентий и его возлюбленная Анастасия. Голые белые деревья, подернутые инеем надгробные памятники, свет с контрастами белого, синего и черного создают физическое ощущение холода. А чуть левее появляется залитая теплым светом сцена за столом: отец Анастасии, чудом раздобывший арбуз в голодном Петрограде, приглашает на пир Иннокентия с матерью. Красное нутро бутафорского арбуза, отороченное глянцевой зеленой корочкой, пробуждает яркие вкусовые ощущения. В правой стороне сцены, по контрасту, появляется убогая комната соседа по коммуналке, доносчика Зарецкого, залитая тусклым, ржавым светом.

В спектакле нет живого плана, здесь безраздельно царят куклы. Кукла Иннокентия сделана изо льда — сильная говорящая метафора. Она каждый раз создаётся заново художником Сергеем Рябининым. Удачны и куклы других персонажей. Так, узники Соловков предстают в виде белых бесплотных фигурок, а образ вертухая сведен к одной детали — добротным сапогам на фоне рассказа о полубосых, обмороженных заключенных.

Ильгиз Зайниев вводит в спектакль значительный массив текста. В результате драматический план в нем соседствует с эпическим.

Музыка Эльмира Низамова и свет в постановке Михаила Кирильцева передают чувственные ощущения, связанные с мирами, всплывающими в памяти Платонова.

Спектакль заканчивается покаянием героя. Финал многократно усиливается благодаря мощному зрительному образу: на фоне медленного умирания Платонова лед начинает таять и каплями падать в черноту сцены.

Таким образом, Ильгиз Зайниев создал достойную сценическую версию романа Водолазкина, в очередной раз продемонстрировав неисчерпаемые возможности языка кукол.

Литература

Бадретдин Г. «Во всех спектаклях Ильгиза есть моң»: в «Экияте» рассказали историю Альфии Авзаловой // Бизнес Online. 18 октября, 2019. URL: https://www.business-gazeta.ru/article/442979 (дата обращения: 20.12.2024).

Казарина А. Где-то над землей мы парим друг с другом в облаках // Петербургский театральный журнал. 20 сентября, 2023. URL: https://ptj.spb.ru/blog/gde-to-nad-zemlej-my-parim-s-toboj-v-oblakax/?ysclid=-m6ax14dlhx837751664 (дата обращения: 20.12.2024).

Юрьев Андрей Алексеевич
канд. искусствоведения, профессор,
Российский государственный институт сценических искусств

ТЕАТР В КНИГЕ: О ЗНАЧЕНИИ СЦЕНИЧЕСКИХ РЕМАРОК В ДРАМАТУРГИИ ХЕНРИКА ИБСЕНА

Ключевые слова: Ибсен, художественный метод, дилогия, драмы-книги.

Становление художественного метода Ибсена — процесс, хронологически совпавший с процессом становления режиссерского театра. В значительной мере он был обусловлен стремлением преодолеть кризисные явления в европейской драме середины XIX в., вызванные засильем в театральном репертуаре той эпохи так называемой «хорошо сделанной пьесы».

Уже в 1851 г. в своей краткой рецензии на постановку Кристианийским театром пьесы Карла Гуцкова «Косичка и меч» Ибсен выделяет два типа драмы: либо «драма для чтения», пользующаяся всеми правами высокого литературного жанра, но довольно часто несценичная, непригодная к постановке, либо «драма для сцены», лишенная всякой ценности за пределами театра. Такая альтернатива ставила драматурга в ситуацию выбора. Однако подобный выбор устраивал Ибсена менее всего.

Занимая в 1850-е гг. должности драматурга и второго режиссера в Бергенском театре, Ибсен медленно, но весьма активно осваивал сценическую практику. «Драматурги, только видя свои произведения на сцене, могут открывать свои недостатки и учиться избегать их», — этот закон был для молодого Ибсена непреложен. Однако, скованный рутинными условиями провинциальной сцены (возможностями начинающих актеров, примитивными запросами публики), драматург мог находить лишь компромиссные, не устраивавшие его самого решения стоявшей перед ним проблемы. Лишь с появлением «Воителей в Хельгеланде» (1857) — пьесы, наметившей новый этап в творчестве драматурга и создававшейся не для конкретной труппы, закончился долгий период ученичества. Ее автор предстает уже как зрелый мастер, приступивший к разрешению столь трудного для него прежде вопроса: каким образом соединимы высокие требования литературной драмы с «низостью» театральной эмпирики. Уже в этом произведении сценические ремарки (описания пейзажа, интерьера, одежд персонажей) обретают *символическое* значение, добавляя важные смысловые комментарии к драматическому диалогу. Ибсен выстраивает не пьесу, а сразу *спектакль*, следуя важному для него позднее принципу: «Писать значит *видеть*».

В 1860-е гг. Ибсен по ряду причин охладевает к сцене. «Бранд» (1866) и «Пер Гюнт» (1867) создавались в форме драматической поэмы, не предназначавшейся для сцены, в них отсутствует *театральное* пространство. Лишь после них Ибсен окончательно приходит к идее, определившей все его последующее творчество. Условно можно назвать ее идеей авторского *имагинативного театра*, существующего вне всех пространственно-временных ограничений реального спектакля и реализуемого лишь в воображении своего создателя и вдумчивого читателя. Впервые эта идея была воплощена во всемирно-исторической драме «Кесарь и Галилеянин» (1873). Неустанно подчеркивая, что созданная им дилогия — «вполне цельное, вполне реалистическое произведение», Ибсен заявлял о своей причастности к современным ему литературно-художественным и театрально-драматургическим исканиям, предполагавшим отказ от всякой романтической идеализации, стремление к максимально достоверному, эмпирически точному изображению жизненных реалий. Жанр исторической драмы должен был подчиниться этим требованиям столь же безусловно, как и жанр исторического романа после «Саламбо» (1862) Г. Флобера, давшего в этом произведении образец скрупулезнейшего воссоздания древности. Эпоха великих археологических открытий, представленная именами Ф. Мариета, Г. Роулинсона, Г. Шлимана, предъявляла свои требования и к искусству — изобразительному и сценическому. Увлекавшему многих живописцев того времени антикварному буквализму вполне соответствовали прославленные спектакли Мейнингенской труппы, ставшие для театра того

времени эталоном исторической точности. Без принципов «археологического натурализма», разработанных такими крупными практиками европейской сцены, как Ч. Кин, Ф. Дингельштедт, и позднее главой мейнингенцев Л. Кронеком, трудно представить себе становление нового, *режиссерского театра* — процесс, к которому был причастен и великий норвежский драматург, ставший основоположником «новой драмы». Близость этим принципам весьма ощутима и в ибсеновской дилогии, пускай не предназначавшейся автором для театральной постановки, но создающей зримую, максимально точную и подробную иллюзию далекой эпохи в пределах воображаемой сцены-коробки. Перед читателем «Кесаря и Галилеянина» буквально разыгрывается готовый *спектакль*, увидеть который позволяет тщательно выстроенная *режиссерско-драматургическая партитура.* Никогда прежде Ибсен не был так щедр на ремарки, которые не просто обозначают место действия, но конструируют сценическое пространство, заполненное многочисленными подробностями исторического быта. Фиксация мизансцен, описания лиц, костюмов, поведения, эмоционального состояния персонажей, выражаемого в жестах и интонациях (нередко с дополнительной помощью «подсказывающей» пунктуации), наконец, бурная жизнь толпы, представленная бессчетным количеством «разных мелких, будничных лиц» и весьма похожая на масштабные, темпераментные и столь же реалистически убедительные массовые сцены из спектаклей мейнингенцев, — все это в целом складывается в грандиозную театральную панораму, о которой не без скромности писал драматург: «Все образы проходили передо мной воочию, озаренные светом своей эпохи и, надеюсь, так же будут проходить и перед глазами читателей…»

В этом выборе театральности, удовлетворявшей требованиям «археологического натурализма» и тщательно камуфлировавшей свою условную игровую природу, сказалось не только стремление Ибсена учитывать меняющиеся художественные требования эпохи. Здесь отчетливо проступают качества, которые предельно важны в последующих реалистических драмах о современности. Множество визуальных подробностей, складывающихся в разветвленную *символическую систему*, подчинены *имплицитному мифологизму*, выявляемому через интертекстуальные связи. Любая «будничная» деталь может здесь внезапно превратиться в символический образ, некий странный «след» ожившего мифа. Оставаясь в натуралистической «профанной» среде, символичность нисколько не противоречит заданной драматургом «полной иллюзии действительности». Между тем именно такие «будничные» детали образуют у Ибсена глубинный мифосимволический «сверхтекст».

Пьесы Ибсена адресованы «*зрителям-читателям*». Созданный драматургом театр мог быть осуществлен лишь в *книге*, и неслучайно Ибсен неизменно называл свои драмы *книгами*, предпочитая сначала издавать их и лишь затем разрешать театральные премьеры. Если рассматривать этот «книжный» театр в контексте театральной культуры XX в., предвосхищение Ибсеном открытий эпохи режиссуры будет фактом бесспорным.

МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

Павловская Ирина Юрьевна

д-р филол. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

АКАДЕМИК Л. В. ЩЕРБА КАК ПЕРВЫЙ ЛИНГВОДИДАКТ

Ключевые слова: методическая школа, методика преподавания, фонология, Ленинградская Фонологическая Школа, лингводидактика.

Личностью, которая во многом сформировала историю филологического факультета Санкт-Петербургский государственный университет XX в., является академик Л. В. Щерба. О жизни и творчестве Л. В. Щербы написаны десятки статей, книг, воспоминаний, монографий. Тем не менее, нынешнему поколению универсантов будет небезинтересно еще раз вспомнить об этом незаурядном человеке и о его вкладе в методику обучения иностранным языкам, о котором говорят меньше, чем о его вкладе в фундаментальную лингвистику. Л. В. Щерба хорошо известен как глава Ленинградской Фонологической Школы, сформировавшейся под его влиянием и непосредственном участии в 30-е гг. XX в. Однако, ученый с самого начала своего творчества проявлял интерес и придавал большую значимость содержанию и методам преподавания иностранным языкам. В списке трудов Щербы публикации педагогической направленности занимают чуть ли не более значимое место, чем труды по лингвистике и филологии.

Его преподавательская деятельность обширна. С 1909 г. Лев Владимирович становится приват-доцентом Петербургского университета и читает курсы по введению в языкознание, сравнительной грамматике, фонетике, русскому и старославянскому языкам, латыни, древнегреческому, преподает произношение французского, английского, немецкого языков. Как вспоминает И. Л. Андронников, его интересы проявлялись и в литературоведении, в частности, в трактовках стихотворений А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова [Андронников 1981]. Помимо этого, он преподает также на Высших женских курсах, в Психоневрологическом институте, на курсах для учителей глухонемых и учителей иностранных языков.

Конечно, главный интерес ученого лежит в области фонетики. Создавая и развивая теорию фонемы, работая над инструментальным анализом звуков речи с использованием разного рода приборов — от наборов камертонов и резонаторов до кимографа и оборудования для палатографии, привезенных или заказанных за границей, Щерба непосредственно внедрял результаты своих научных исследований в практику обучения фонетике.

В 1929 г. Щерба писал: «…ведь для того, чтобы знать, как изучать язык, надо знать, что такое язык, надо знать его свойства и законы, одним словом, надо иметь хорошую теоретическую подготовку в области лингвистики. А многие ли могут похвастаться у нас такой подготовкой? Единицы. Большинство же преподавателей, будучи очень хорошими практиками в своем деле, разбираются в вопросах методики лишь ощупью, так как мало знакомы с наукой о языке (так называемым «общим языкознанием»), одним из технических приложений которой является методика преподавания иностранных языков» [Щерба 1929]. В этом смысле Щерба был первым лингво-дидактом, задолго до Р. К. Миьяра-Белоручева, который ввел этот термин и определил его так: «…лингводидактика обосновывает предмет обучения в его непосредственной связи с природой языка и природой общения, в котором проявляется деятельностная сущность речевых произведений [Минньяр-Белоручев 1996: 51–52].

В первой антологии педагогических трудов Льва Владимировича, выпущенной в 1974 г. [Щерба 1974: 8], редактор издания, И. Р. Рахманов, писал: «Занимаясь наукой о языке, Л. В. Щерба всегда думал о том, как эту науку сделать достоянием других. Вот почему во многих его даже самых специальных языковедческих исследованиях мы находим много ценных мыслей, имею-

щих непосредственное отношение к методике обучения языку». В антологии освещались следующие волнующие автора вопросы: методика преподавания иностранных языков как наука; зависимость методики преподавания иностранных языков от состояния общества и его задач; практическое, общеобразовательное и воспитательное значение изучения иностранных языков; понятие о двуязычии; троякий аспект языковых явлений и методические выводы отсюда; грамматика и ее взаимоотношение с лексикой с методической точки зрения; словари с методической точки зрения, и многие другие.

Главным направлением в методической концепции Щербы была разработка фонетического метода преподавания иностранного языка и его внедрение. Все его проявления научно обосновывались и доводились до сведения и сознательного усвоения их учащимися.

Сила Ленинградской/Санкт-Петербургской фонологической школы и методической школы Щербы, а также всех других филологических школ, родившихся в недрах Санкт-Петербургский государственный университет, на мой взгляд, состоит в преемственности взглядов ее представителей, в единой цепочке последовательных исследований, продолжающих и подтверждающих одно другое, и в непосредственной связи лингвистических идей с прикладным их использованием, как в практическом преподавании языков, так и в разработках автоматического анализа-синтеза речи, в речевых технологиях, электронной артикулографии, а также в самое последнее время — в машинном обучении и применении искусственного интеллекта.

Отличие классического университета от любого другого вуза состоит не столько в формальном признаке того, преподается ли там определенный набор естественных и гуманитарных дисциплин, но и в том, что студент классического университета, находясь рядом со своим профессором и наблюдая за его исследованиями, обучается у него и познавать неизведанное, и объяснять то, что он открыл, другим, перенимая опыт и «хитрости преподавательского ремесла» у своего наставника. Надеюсь, что эта традиция продолжится.

Источники

Миньяр-Белоручев Р. К. Методический словник. Толковый словарь терминов методики обучения языкам. М.: Стелла, 1996.

Щерба Л. В. Как надо изучать иностранные языки. URL: https://topliba.com/reader/624260 (дата обращения: 20.12.2024).

Литература

Андронников И. Л. А теперь об этом. М.: Советский писатель, 1981.

Щерба Л. В. Преподавание иностранных языков в средней школе: общ. вопросы методики / под ред. И. В. Рахманова. 2-е изд. М.: Высшая школа, 1974.

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ ПО НАПРАВЛЕНИЮ «МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ»

Коган Марина Самуиловна

канд. тех. наук, доцент, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

КАК И ЗАЧЕМ КОРПУСНЫЕ ЛИНГВИСТЫ ИЗУЧАЮТ ШКОЛЬНЫЕ УЧЕБНИКИ ПО АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

Ключевые слова: школьные учебники английского языка, корпус школьных учебников английского языка, TEC, корпусный анализ, статистический анализ.

В докладе после вводной части о том, на какие вопросы корпусный анализ позволил найти ответы и какие догадки подтвердить, основное внимание уделено обзору современных исследований в области корпусного анализа учебников английского языка для средней школы.

Такие исследования проводятся с целью анализа соответствия представленного в них материала речевым образцам, зафиксированным в национальных корпусах английского языка, в частности BNC, или специально собранных исследователями, которыми пользуются носители английского языка в соответствующих случаях. Общее количество таких исследований на порядок меньше, чем исследований, направленных на проверку эффективности подходов корпусной лингвистики (DDL) в обучении ИЯ. (Количество публикаций только на английском языке по теме DDL, отобранных для систематического анализа Болтона и Вяткиной, приближается к 500*.) Первые исследования учебников английского языка были проведены в начале 1990-х, выявив, что в них часто используется «школьный английский», который нигде кроме учебников не используется. На шкале времени, на которой можно расположить исследования школьных учебников, видно, что они проводились неравномерно, с большим всплеском в 2002–2008 гг.

С точки зрения современных исследователей, ведущей из которых в этой области является немецкая исследовательница Э. Ле Фолл, они обладали рядом недостатков, так как сосредотачивались на исследовании отдельных лексико-грамматических конструкций без учета коммуникативных ситуаций; опирались на маленькие корпусы учебников (меньше 300 тыс. слов); не учитывали разные жанры, представленные в учебниках, использовали нерелевантные корпусы сравнения.

Возможно, процедура, разработанная Э. Ле Фолл в рамках работы над кандидатской диссертацией [Le Foll 2022], станет неким стандартом для проведения подобных исследований в будущем.

Процедура включает создание большого корпуса (3,3 млн словоупотреблений) на основе 9 линеек наиболее популярных учебных пособий английского языка (АЯ) от 8 издателей общим количеством 43 учебника**, которые используются для обучения английскому языку школьников младших и средних классов в трех европейских странах: Испании, Франции и Германии. Собранный корпус была конвертирован в HTML формат и размечен вручную с целью проведения сравнительного анализа с учетом уровня владения АЯ, родного языка (L1) обучающегося и регистра. Всего в учебниках было выделено семь регистров: информативный, повествовательный, личный, поэтический, разговорный и др. Лемматизация и частеречная разметка была проведена

* Доступная база данных к статье А. Болтона и Н. Вяткиной, размещенная в открытом репозитории IRIS, насчитывает 489 первоисточников: *Boulton A., Vyatkina N.* Thirty years of data-driven learning: Taking stock and charting new directions over time // Language Learning & Technology. 2021. Vol. 25, no. 3. 66–89. https://doi.org/10.48316/wiFVJ-jee8y

** Полные библиографические метаданные корпуса школьных учебников английского языка TEC доступны по ссылке: https://zenodo.org/record/4922819.

автоматически. В качестве корпусов сравнения в зависимости от исследовательской задачи использовались три корпуса: *Spoken BNC2014*, *Youth Fiction Corpus* и *Informative Texts for Teens (InfoTeens)* корпус, собранный на основе материалов информационных вебсайтов для подростков.

Исследовательские вопросы предполагали поиск лингвистических характеристик, которые характеризуют регистры школьных учебников, анализ употребления в учебниках грамматических конструкций продолженного времени (the Progressive tense), условных предложений, использование многозначных, многофункциональных глаголов на примере *make* в разных значениях и некоторые другие. Также исследователи пытались выявить влияние школьных учебников (предположительно, основного источника знаний о языке для изучающих его в качестве иностранного) на лингвистические особенности работ, написанных обучающимися, которые собраны в the International Corpus of Learner English (ICLE) и /или Open Cambridge Learner Corpus. Оба корпуса позволяют проводить поиск интересующих исследователя языковых явлений с учетом жанра письменной работы, уровня владения английским языком и родного языка обучающегося.

Практически по всем исследованным грамматическим и лексико-грамматическим конструкциям обнаружены статистически значимые различия (детально описанные в диссертации Ле Фол и публикациях [Le Foll 2022; Le Foll 2023]) их представленности в учебниках по сравнению с корпусами сравнения.

Преобладание в учебниках каузативных конструкций с глаголом *make*, которые изучается преимущественно в активной форме и недопредставленность или отсутствие каузативных конструкций с другими глаголами приводит к большому количеству ошибок в письменных работах обучающихся с другими каузативными глаголами (например, *cause*) и в пассивных конструкциях с *make* (когда следующий инфинитив ошибочно употребляется без частицы *to* по аналогии с активной формой этого оборота). Анализ условных предложений показал, что традиционная типология их представления в школьных учебниках нуждается в пересмотре в сторону увеличения недопредставленных в учебниках по сравнению с корпусами условных предложений 0 типа и идиоматических (формульных) конструкций таких как *if I may*, *if I were you, if you don't mind* и уменьшения непропорционально высокой доли условных предложений 3-го типа. Педагогический фокус должен сместиться от изучения строгих формальных правил к анализу значений условных предложений и коммуникативных ситуаций, в которых они используются носителями английского языка. Основная критика, связанная с использованием продолженного времени, касается отсутствия примеров использования этих конструкций в диалогах при обсуждении привычек и повторяющихся действий и игнорирование того факта, что некоторые глаголы состояния (в первую очередь *think* и *hope*) все чаще употребляются носителями ИЯ в настоящем продолженном времени. В качестве рекомендаций предлагается разрабатывать задания с использованием примеров из релевантных англоязычных корпусов [Le Foll 2023: 276].

Проведенный обзор литературы указывает на целесообразность проведения подобных исследований на корпусе школьных учебников, которые используются в российских школах. Другой вывод состоит в том, что для проведения подобных исследований на современном уровне необходимо хорошее знание статистики, статистического анализа лингвистических данных и специальных существующих для этих целей статистических пакетов.

Литература

Le Foll E. Textbook English a Corpus-Based Analysis of the Language of EFL Textbooks used in Secondary Schools in France, Germany and Spain. PhD dissertation. Osnabrück, 2022. URL: https://osnadocs.ub.uni-osnabrueck.de/handle/ds-202303138538 (дата обращения: 30.01.2025).

Le Foll E. Textbook English: A Multi-Dimensional Approach (Studies in Corpus Linguistics 116). Amsterdam: John Benjamins, 2024.

Le Foll E. The potential impact of EFL textbook language on learner English: A triangulated corpus study // Demystifying Corpus Linguistics for English Language Teaching. Cham: Palgrave MacMillan, 2023. P. 259–287. https://doi.org/10.1007/978-3-031-11220-1_13

Коренев Алексей Александрович

канд. пед. наук, доцент, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

ETE-TEST. РАЗРАБОТКА ИНСТРУМЕНТОВ ДИАГНОСТИЧЕСКОГО И ИТОГОВОГО ОЦЕНИВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ДЛЯ СТУДЕНТОВ ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИХ ПРОФИЛЕЙ ПОДГОТОВКИ

Ключевые слова: лингводидактика, английский язык для специальных целей, обучение иностранным языкам, целевое использование языка.

Представляемое исследование лежит в области оценки английского языка для специальных целей (ESP) в обучении иностранным языкам в рамках целевого использования языка (TLU) учителя иностранного языка. Под областью использования языка понимается «набор конкретных задач использования языка, с которыми экзаменуемый, вероятно, столкнется вне самого теста, и на которые мы хотим распространить наши выводы о языковой способности» [Bachman, Palmer 1996: 44]. В отечественной методической традиции можно сопоставить данное определение с профессионально-ориентированным дискурсом, а в данном случае — с педагогическим дискурсом в его понимании научных школ профессоров Е. Г. Таревой и Н. В. Языковой.

В то время как существуют подробные дескрипторы, которые используются для оценки дидактической и методической сторон работы учителей в классе, оценка их профессионально-ориентированных языковых навыков и коммуникативных умений является более общей и неспецифичной. Существующие шкалы CLAsS и LPTT в Австралии, LPATE в Гонконге и SEPTT на Мальте, не включают важные интерактивные элементы коммуникативных задач в классе, с которыми сталкиваются учителя (например, они не оценивают аудирование на уроке, исправление ошибок и т. д.). Введение более подробных дескрипторов оценивания профессионально-коммуникативных умений учителя в классе в рамках специализированных курсов и педагогической практики в МГУ имени М. В. Ломоносова уже подтвердило положительную валидность последствий и позволило усовершенствовать программы соответствующих курсов. Данная шкала оценивания устно-речевых умений, которая уже была представлена на предыдущих конференциях и в публикации в журнале «Тестология», была разработана для формирующей, ориентированной на обучение оценки, чтобы обратная связь по каждому критерию позволяла студентам развивать свои умения общения в классе [Коренев 2019].

Разработанные и апробированные с 2016 по 2024 гг. в МГУ имени Ломоносова дескрипторы оценивания профессионально-коммуникативных портфолио студентов лингводидактических профилей подготовки были опубликованы в УМК «English for Teachers of English» [Korenev et al. 2024]. Следующим важным шагом в рамках данной работы становится разработка инструментов диагностического и итогового оценивания, которое могло бы обладать потенциалом для стандартизации и превращения в специализированный тест по английскому языку в контексте профессиональной деятельности (будущих) учителей и преподавателей английского языка — ETE-Test.

Представляется своевременным обсуждение конструкта и формата подобного теста. На текущий момент пилотная версия теста уже проходит апробацию на платформе Oxbridge. Тестовый конструкт описан в спецификации оценивания, которая представлена в рамках доклада, как с точки зрения классической для отечественной методической науки теории видов речевой деятельности, так и с точки зрения коммуникативных видов деятельности. Кроме лексических, грамматических и фонетических навыков, в конструкт также включены профессионально-коммуникативные рецептивные умения чтения профессионально-ориентированных текстов и работ обучающихся, умения аудирования для определения уровня владения иностранным языком, письменно-речевые интерактивные умения предоставления качественной обратной связи, а также навыки обнаружения, обозначения и коррекции ошибок в устной и письменной

речи. Форматы заданий включают как задания закрытого типа с автоматическим оцениванием, так и задания открытого типа, оцениваемые по шкалам оценивания. В докладе представлены примеры заданий, а также основные сложности валидного оценивания профессионально-коммуникативной компетенции (будущих) учителей и преподавателей английского языка.

Литература

Коренев А. А. Оценивание профессионально-ориентированных устно-речевых умений студентов лингводидактических специальностей // Тестология. 2020. Т. 14, № 2. С. 65–76.

Bachman L. F., Palmer A. S. Language testing in practice. Oxford: Oxford University Press, 1996.

Korenev A., Gushchina Y., Ershova T. English for Teachers of English. Student's book. M.: RELOD, 2024.

Atabekova Anastasia

Dr. Sci. in Linguistics, Full Professor, Vice-Rector for Multilingual Development,
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

GENERATIVE AI STATUS WITHIN THEORY OF FOREIGN LANGUAGE LEARNING/TEACHING: HIGHER EDUCATION LEVEL

Keywords: theory of foreign language learning/teaching, higher education level, generative AI status.

Introduction. The generative AI has spread across the professional activities of specialists of different profiles and has become a part of various spheres of societal activities [Crumbly et al. 2025]. Respectively, the vision of generative AI use requires revisiting within the academic agenda [Jin et al. 2025]. With reference to the theory of foreign language learning/teaching, it seems relevant to determine the status of generative AI, as well.

The report aims to map the Generative AI status within Theory of Foreign Language Learning/ Teaching regarding the higher education. The research methodology stands on the ground theory approach and identifies the author's tentative suggestions based on the long-standing traditional views.

Theoretical Traditions and Revisiting Updates. As it is widely accepted, the theory of learning considers the educational process as a systemic integration of conceptual, methodological and didactic levels of its organization. Accordingly, in this report we attempt to determine the status of generative AI in relation to these levels of the educational process.

The conceptual level correlates with the tasks of Russian Higher Education at a certain stage of its development. Taking into account the digitalization of all areas of the contemporary public life and activities, it is of current importance to actualize the task of training competitive specialists of various industries who speak foreign languages as follows: ***there is a need to train personnel to carry out their professional activities in foreign languages with the AI tools use***.

The methodological level sets forth theoretical provisions, an integration of approaches and principles of foreign language learning/teaching within the generative AI advance into the modern society practices. At the same time, it seems relevant to take into account the identification of philosophical, general scientific and domain-specific methodological approaches to the organization of learning/teaching.

At the current stage of Generative AI technologies development with reference to the methodology of learning/teaching foreign languages in higher education institutions, we consider it relevant to include ***a human-centered approach*** to the consideration of the generative AI phenomenon.

At *the philosophical level* of learning/teaching methodology, this approach means:

- inclusion of generative AI phenomenon in the educational process in the interests of students; thus, the human-centeredness of generative AI correlates with anthropocentrism, which defines the human being as a subject and the highest value of the universe;
- definition of generative AI as a component of the educational process, included in the cognitive process, in the procedures of perception, cognition, and interpretation of data; thus, the human-centeredness of generative AI correlates with the epistemological approach to the educational process;
- definition of generative AI as a component of the educational process aimed at the formation of generic and professional values and sense; thus, the human-centeredness of generative AI correlates with the axiological approach to the educational process.

The suggested vision of the human-centered approach to the phenomenon of generative AI in the educational process correlates with the general-scientific level of the learning/teaching methodology and allows us to consider this phenomenon comprehensively:

- as an element of the system-structural organization of the educational process;

- from the angle of functional expediency and adequacy of this phenomenon inclusion in the educational process in relation to specific pedagogical conditions;
- from the perspective of interdisciplinary approach to the organization of learning due to the interdisciplinary nature of generative AI, integrating natural language, static or dynamic image, sound and algorithms of "deep learning" of intellectual systems based on neural networks;
- within the essence of the information-focused approach, which implies the ability of educational process actors to work with generative AI to search for and evaluate the information received.

The above-suggested vision of the human-centered approach to the phenomenon of generative AI in the educational process does not contradict the approaches of the concrete-scientific level of foreign language learniong/teaching methodology, where the student-centered and active learning, cognitive-interpretative, situational, sociocultural, problem-based approaches are considered as key priorities.

The report will also suggest the author's version of the generative AI status in the system of general didactic, linguistic, psychological, methodological principles.

References

Crumbly J., Pal R., Altay N. A classification framework for generative artificial intelligence for social good // Technovation. 2025. Vol. 139. Art. 103129.

Jin Y., Yan L., Echeverria V, Gašević D., Martinez-Maldonado R. Generative AI in higher education: A global perspective of institutional adoption policies and guidelines // Computers and Education: Artificial Intelligence. 2025. Vol. 8. Art. 100348.

Белова Марина Олеговна[1], Журавлева Ольга Алексеевна[2]

[1]канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет; m.o.belova@spbu.ru

[2]канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет; o.zhuravleva@spbu.ru

БАРЬЕРЫ НА ПУТИ К УВЕРЕННОСТИ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ В ИСПОЛЬЗОВАНИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА: АНАЛИЗ И РЕШЕНИЯ

Ключевые слова: китайские студенты, английский язык, этнопсихологические особенности, социокультурные особенности, образовательная система Китая.

Многие студенты из КНР, изучающие английский язык в российских вузах, чувствуют себя неуверенно при использовании изучаемого языка, что тормозит развитие их коммуникативных навыков и напрямую влияет на их успеваемость. Уверенность китайских обучающихся в использовании английского языка формируется под влиянием различных факторов, связанных с социокультурной, этнопсихологической спецификой студентов, а также с особенностями образовательной системы Китая. Одним из основных факторов является страх совершить ошибку и потерять «лицо», что означает потерять уважение окружающих и прилюдно подвергнуться критике из-за поступков, противоречащих принятым социальным нормам [Просеков 2020]. Китайская культура характеризуется сильным акцентом на коллективизме, что формирует у студентов ориентацию на успех, уважение к авторитетам, а также высокие академические достижения не только ради личных достижений, но и для пользы своей семьи или общества. В результате политики «одна семья — один ребенок» на одного ребенка сосредотачивается все внимание и ресурсы семьи, и ожидания от его академических достижений становятся еще выше [Хисамова 2020]. Социальное давление в Китае очень высоко, что создает сильный стресс для студентов, которые слишком боятся выглядеть некомпетентными и поэтому могут избегать практики и ограничивать себя в использовании языка [Цаликова, Пахотина 2021].

Кроме того, важным фактором является то, что китайские обучающиеся относятся к некоммуникативному (рационально-логическому) психологическому типу овладения иностранным языком. Для них на начальном этапе обучения характерны сдержанность в проявлении эмоций, трудность в преодолении психологического барьера при общении и медленный темп формирования речевых навыков (особенно говорения). На всех этапах изучения языка они испытывают необходимость в тщательном осмыслении особенностей языкового материала [Шевелева 2010: 116].

Отличительной чертой национальной культуры Китая является то, что она относятся к реактивной («слушающей») группе культур, где акцент делается на внимательном слушании и осторожности в выражении собственного мнения [Шевелева 2010: 116]. Следуя данной культурной установке, студенты предпочитают не участвовать активно в дискуссиях, особенно на иностранном языке, чтобы не попасть в неловкие ситуации и избежать ошибок и недопонимания, что ограничивает их практику устного общения, препятствует свободному выражению мыслей и тормозит развитие уверенности в использовании изучаемого языка.

Культурная установка на пассивную позицию в общении, приоритет слушания над говорением, страх потери «лица» и такие этнопсихологические факторы, как сдержанность и медленный темп формирования речевых навыков тесно связаны с особенностями образовательной системы Китая, которая ориентирована на выполнение стандартных тестовых заданий. Обучение

Руководитель секции: Е. К. Тимофеева.

иностранному языку проходит в больших группах, что предполагает минимальное взаимодействие между преподавателем и обучающимися, доминирование письменной формы обучения и преобладание репродуктивных формы работы и рационально-логического метода овладения английским как иностранным языком [Хисамова 2020]. Студентам из КНР очень сложно адаптироваться к методике обучения английскому языку в российских вузах, где обучение предполагает выражение собственных мыслей, спонтанность, креативность, а также активное участие в обсуждениях, устных презентациях. Такой подход оказывается для китайских обучающихся непривычным и вызывает дополнительный стресс. Привыкнув к пассивным формам изучения языка, студенты предпочитают обращаться к технологиям как к основному источнику помощи, в результате чего у них формируется зависимость от электронных переводчиков и искусственного интеллекта, которая подрывает их уверенность в собственных знаниях.

Уверенность китайских студентов в использовании английского языка может быть значительно повышена, если применить подходы и методы, учитывающие этнопсихологические, социокультурные факторы и особенности образовательных традиций Китая, к которым привыкли китайские студенты. Одним из основных способов может быть создание комфортной безопасной среды, где ошибки рассматриваются как естественная часть процесса обучения, а преподаватель хвалит студентов не только за результаты, но и за усилия.

Привычку студентов активно использовать технологии в образовательном процессе можно превратить в преимущество для преодоления их неуверенности в применении английского языка. Так, например, задания с использованием чат-ботов и технологий искусственного интеллекта помогают снизить стресс, связанный с «человеческим фактором»; создать безопасную среду для практики иностранного языка без страха совершить ошибку и быть осужденным и непонятым; предоставить обратную связь в реальном времени и дать студентам возможность заниматься самостоятельно в удобное время.

Таким образом, повышение уверенности обучающихся из Китая в использовании английского возможно при сочетании культурно-чувствительных методик, постепенно вовлекающих студентов в активное общение, в том числе с применением современных технологий.

Литература

Просеков С. А. «Лицо» китайца: содержание понятия // Знание. Понимание. Умение. 2020. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/litso-kitaytsa-soderzhanie-ponyatiya (дата обращения: 20.12.2024).

Хисамова А. И. Учет этнопсихологических особенностей китайских студентов при обучении английскому языку // Научный аспект. 2020. URL: https://na-journal.ru/1-2020-pedagogika-psihologiya/2030-uchet-etnopsihologicheskih-osobennostej-kitajskih-studentov-pri-obuchenii-anglijskomu-yazyku (дата обращения: 20.12.2024).

Цаликова И. К., Пахотина С. В. Проблема мотивации изучения иностранных языков в международных исследованиях: систематический обзор // Образование и наука. 2021. № 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-motivatsii-izucheniya-inostrannyh-yazykov-v-mezhdunarodnyh-issledovaniyah-sistematicheskiy-obzor (дата обращения: 20.12.2024).

Шевелева С. И. Учет национальных особенностей студентов из стран азиатско-тихоокеанского региона при обучении русскому языку как иностранному // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. Вып. 12 (102). С. 115–118.

Вишаренко Светлана Владимировна

канд. филол. наук, ст. преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет; lavis@inbox.ru

ПРИНЦИП «СОХРАНЕНИЯ ЛИЦА» ПРИ ПОСТАНОВКЕ РЕЧЕВОГО ДЫХАНИЯ В ХОДЕ ОБУЧЕНИЯ НОСИТЕЛЕЙ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА ИНОЯЗЫЧНОМУ ПРОИЗНОШЕНИЮ

Ключевые слова: дыхательные паттерны, интерференция, слоговые языки, обучение иностранным языкам, этнопсихологические особенности.

В настоящей работе рассматривается проблема постановки речевого дыхания в ходе обучения студентов из КНР иноязычному произношению. Дыхание является универсальной основой звучащей речи, а дыхательные паттерны играют важнейшую роль в ходе освоения речи на иностранном языке. В ходе инструментальных исследований было доказано, что дыхательные паттерны носителей слоговых языков (китайского) весьма отличны от дыхательных паттернов носителей языков фонемного строя (русского, английского) [Pavlovksaya et al. 2021].

По данным Минобрнауки, в 2024/2025 учебном году в российских вузах обучаются свыше 48 000 студентов из Китая, причем планируется дальнейшее расширение и углубление взаимодействия в сфере науки и образования. Переезд в другую страну, адаптация к иной культурной и языковой действительности вызывают трудности у обучающихся и могут препятствовать полноценному усвоению учебного материала. До 70–80 % иностранных студентов имеют коммуникативные сложности при общении на русском языке; эти трудности создают психологический барьер, а также способствуют формированию психофизиологических механизмов, приводящих к мышечным зажимам, препятствующим обретению полного контроля над речевым дыханием [Неделяева и др. 2023]. В ходе педагогического эксперимента, проведенного в Петрозаводском университете, было установлено, что 71 % учащихся испытывает нервозность в ходе общения с собеседником-иностранцем, 68 % учащихся испытывает тревожность во время занятий по иностранному языку, а 62 % испытывают нежелание говорить на иностранном языке во время занятия. В качестве причин подобного нежелания студенты называют, в том числе, боязнь продемонстрировать недостаточный уровень владения иностранным языком перед преподавателем; боязнь разочаровать преподавателя, которому студенты относятся с большим уважением; боязнь уронить себя в глазах одногруппников [Абрамова 2016]. В китайской культурной традиции весьма велик авторитет преподавателя; частью китайского культурного кода является также и необходимость «сохранения лица». Студентам из КНР обычно не удается сразу же адаптироваться к российской образовательной системе. Более демократичные и мягкие принципы российского вуза вызывают растерянность у студентов из КНР, в частности, им требуется время на то, чтобы приспособиться к российскому стилю преподавания.

Итак, представляется, что работа над речевым дыханием у обучающихся из КНР при освоении фонетической системы русского и английского языков является необходимостью, однако с учетом этнопсихологических особенностей китайских студентов, выполнение упражнений для постановки речевого голоса в условиях университетских занятий по иностранному языку может вызвать некоторые затруднения. Традиционно постановкой речевого дыхания занимаются логопеды и преподаватели сценической речи, однако очевидно, что их учебная аудитория весьма отлична от нашей, поскольку первые работают с речевой патологией у детей и взрослых, вторые работают с представителями так называемых публичных профессий (актерами, дикторами и т. д.), причем в обоих случаях работа, как правило, проводится на родном языке обучающихся. Работа по постановке речевого дыхания — сложный многоступенчатый процесс. Можно выделить следующие этапы в ходе постановки речевого дыхания: 1) постановка диафрагмального дыхания; 2) формирование длительного фонационного выдоха; 3) формирование правильного речевого дыхания. На первом этапе используются упражнения, в основе которых лежит визуальный контроль со стороны преподавателя за движением брюшной стен-

ки, межреберных мышц и ключиц, а также самоконтроль со стороны обучающегося при помощи наложения рук на соответствующие области. Кроме того, используются различные приемы с целью визуализации силы и направленности воздушной струи. На втором и третьем этапе приступают к формированию фонационного и речевого выдоха, для чего используются цепочки слогов, фразы-чистоговорки и, наконец, воспроизведение стихотворных строф и отдельных фраз.

Исследователи этнопсихологических особенностей китайских обучающихся отмечают, что для них характерны: трудолюбие, склонность к кропотливой работе, детализации и систематизации, образный тип мышления, зрительно-двигательный тип памяти, предпочтение визуального канала восприятия, привычка к жесткой иерархии и контролю, стремление к сохранению лица, превосходство чувства коллективизма над индивидуализмом [Ракова 2024]. Для выработки наиболее успешной тактики построения работы над речевым дыханием представляется целесообразным опираться на следующие дидактические принципы: принцип зрительной наглядности, принцип сознательного усвоения и последующего закрепления, приоритет групповых занятий, приверженность принципу сохранения лица. С целью адаптации студентов к непривычной обстановке на занятии может использоваться проектная работа, в ходе которой обучающимся предстоит понять механизмы дыхания, показ упражнения преподавателем на уроке и домашнее задание на формирование и закрепление навыка, чередование мышечного напряжения и расслабления для снятия зажимов, произнесение фраз в сопровождении движений, включение соревновательного и творческого элемента на всех трех этапах. Необходимо отметить, что для данной группы обучающихся существует проблема отбора языкового материала. Цепочки слогов должны составляться с учетом артикуляционных трудностей. Нетривиальную задачу представляет отбор чистоговорок и стихов. Обычно для занятий по сценической речи используется русский фольклор и известные стихотворные строки, что привносит в занятие игровой элемент и создает непринужденную атмосферу, однако в среде китайских обучающихся отсутствует необходимый культурный фон. Изучение русскоязычного и англоязычного фольклора в ходе проектной работы, могло бы способствовать более успешному включению обучающихся из КНР в российский культурный контекст.

Литература

Абрамова И. Е., Шерехова О. М., Шишмолина Е. П. Тревожность как негативный фактор при изучении иностранного языка студентами-нелингвистами // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2016. Т. 22. С. 168–171.

Неделяева А. В., *Гордеева И. А.*, *Вишаренко С. В.* Языковые и коммуникационные проблемы при обучении иностранных студентов // Современный ученый. 2023. № 3. С. 262–268.

Ракова И. В. Обучение чтению текстов экономического профиля китайских студентов на занятиях по русскому языку с учетом этнопсихологических особенностей обучающихся // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17, вып. 7. С. 2558–2563.

Pavlovskaya I. Yu., Bozhevol'nov V. B., Lan' Hao. Speech Breathing Parameters as a Differentiating Factor in Language Testing // Тестология (Academic Testing and Assessment). 2021. No. 3 (15). P. 34–44.

Золотая Елизавета Леонидовна

ассистент, Санкт-Петербургский государственный университет;
e.zolotaya@spbu.ru

ПРЕОДОЛЕНИЕ ВНУТРИЯЗЫКОВОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ С ПОМОЩЬЮ ЭЛЕМЕНТОВ МЕТОДОВ КОНТРАСТИВНОГО АНАЛИЗА И АНАЛИЗА ОШИБОК НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Ключевые слова: внутриязыковая интерференция, контрастивный анализ, анализ ошибок.

Доклад посвящен явлению внутриязыковой интерференции, представляющему собой взаимодействие в речи и сознании обучающегося моделей и форм, принадлежащих одному изучаемому языку.

Внутриязыковая интерференция объясняется как асимметрией языковой системы, так и особенностями процесса освоения иностранного языка: нередко более прочные языковые навыки накладываются в сознании обучающихся на новые навыки пользования языковым материалом, что впоследствии приводит к ошибкам. Большое количество проявлений внутриязыковой интерференции приходится на лексический, грамматический, орфографический аспекты [Чойбонова 2009: 160]. Как правило, внутриязыковая интерференция проявляется во взаимозамене и смешении словоформ и грамматических конструкций, подмене значений языковых единиц.

Феномен внутриязыковой интерференции существенно затрудняет процесс освоения иностранного языка и приводит к ошибкам. Для решения данной проблемы мы предлагаем обратиться к двум известным лингвистическим методам: методу контрастивного анализа и методу анализа ошибок.

Так, метод контрастивного анализа считается одним из ведущих методов контрастивной лингвистики, течения, представителями которого являются учёные Р. Ладо, Ч. Фриз, Р. П. Стоквелл. Одна из основных концепций метода заключается в том, что структурный анализ контактирующих языков может позволить создать таксономию лингвистических контрастов между контактирующими языками, предупредив тем самым возникающие при изучении иностранного языка трудности [Larsen-Freeman, Long 2014: 120]. На наш взгляд, данный метод может быть внедрен в образовательный процесс в качестве упражнений на внутриязыковое сопоставление как на этапе введения нового материала (в виде схем, таблиц, примеров), так и на этапе закрепления (в виде контрастивных упражнений, упражнений в дифференциации и идентификации). Особенно эффективными могут являться контрастивные упражнения, предполагающие проведение системных параллелей между контактирующими явлениями. С одной стороны, они существенно облегчают процесс освоения новых языковых единиц, с другой стороны, положительно влияют на интерес обучающихся, развивают языковое мышление и языковую догадку [Малых 2017: 295].

Например, для нейтрализации влияния внутриязыковой грамматической интерференции, вызванной смешением в сознании обучающихся значений *Future Simple*, можно предложить подобные упражнения:

Упражнение 1

Find a proper example for each meaning of Future Simple. Then make up your own examples.

a) Future Simple for instant decisions
b) Future Simple for offers
c) Future Simple for promises
d) Future Simple for predictions
e) Future Simple for suggestions

f) Future Simple for future facts

1) You will definitely love New York! 2) I won't tell anybody where you are. 3) — The phone's ringing. — Oh, I'll pick it up. 4) Do you feel bad? I'll bring you some medicine. 5) She will turn 30 in September. 6) Shall I help you with your homework?

Упражнение 2

Analyze the following sentences, identify the meaning of Future Simple in each case.

1) The sun will rise at 6:30 a.m. tomorrow. 2) Shall we go for a walk tonight? 3) They think their team will win the championship this year. 4) Don't worry, I'll always be there for you. 5) I'll have the chicken salad, please. 6) I see that this task is difficult for you. I'll help you with your homework then.

Другим лингвистическим методом, элементы которого нам представляется целесообразным использовать на занятиях по иностранному языку, является метод анализа ошибок. Последователями данного метода считаются известные ученые П. Кордер, Дж. К. Ричардс, В. Фромкин. Особого внимания заслуживает идея П. Кордера о том, что ошибки являются своеобразными индикаторами процесса освоения иностранного языка [Corder 1981]. Обучающиеся могут анализировать свои ошибки (или выполнять разнообразные упражнения, связанные с их коррекцией) для закрепления материала, автоматизации языковых навыков, развития языкового мышления. Представители анализа ошибок придерживались в своем исследовании следующих этапов: сбор образцов изучаемого языка, выявление ошибок, описание, трактовка, исправление и рефлексия. Нам также представляется возможным регулярно внедрять данную технологию на занятиях по иностранному языку.

Так, для преодоления внутриязыковой лексической интерференции, можно предложить обучающимся такое упражнение:

Упражнение 3

Correct the mistakes in the following sentences:

1) Bad weather always *effects* my mood. 2) My granny's apple pie is the best *desert* for cosy evenings. 3) Jack, please find a new *envelop* for my letter. 4) She was wearing a *lose* blouse and back jeans. 5) He is a strong person with his own *principals*. 6) My favourite jam is made with strawberries and *currents*. 7) My teeth are *sensible* to spicy food and cold lemonade.

Таким образом, для преодоления влияния внутриязыковой интерференции возможно использовать метод контрастивного анализа и метод анализа ошибок. Элементы данных методов позволят снизить количество ошибок обучающихся, а также развить языковое мышление и навыки самокоррекции.

Литература

Малых Л. М. Контрастивные упражнения в системе мультилингвального обучения // Полилингвиальность и транскультурные практики. 2017. № 2. С. 294–298.

Чойбонова Б. М. Влияние межъязыковой и внутриязыковой интерференций на формирование ошибок в речи обучаемых // Вестник Бурятского государственного университета. Язык, литература, культура. 2009. № 11. С. 157–162.

Corder S. P. Error Analysis and Interlanguage. Oxford: Oxford University Press, 1981.

Larsen-Freeman D., Long M. H. An Introduction to Second Language Acquisition Research. London: Routledge, 2014.

Кулигина Наталья Вячеславовна

ассистент, Санкт-Петербургский государственный университет;
n.kuligina@spbu.ru

ОСОБЕННОСТИ ЗАПОМИНАНИЯ ИНОСТРАННЫХ СЛОВ У ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ-ФИЛОЛОГОВ

Ключевые слова: отражение, речевая инструкция, память.

«Реальность даётся нам в ощущениях» [Ленин 1961: 131]. Память сохраняет эти ощущения реальности. Сами ощущения появляются в результате работы рецепторов, нервных путей и мозгового центра. Такая совместная деятельность называется отражением.

У высших животных главным органом отражения является головной мозг. Приведём пример, который показывает само развитие функции отражения. Ризен и Ааронс показали, что котята, которых первоначально держали в темноте, а потом на долгое время обездвиживали и в таком виде предъявляли им движущиеся предметы не смогли правильно оценивать величину объекта (т. е. они «не понимали» где им запрыгнуть на препятствие). С другой стороны, те котята, которым давали свободно двигаться и в таком виде воспринимать движущиеся предметы, правильно оценивали величину объекта. У вторых котят были натренированы проприорецепторы, рецепторы мышц, а мозг в свое время отразил и запомнил ощущения от сокращения нужных мышц. У первых котят этого не произошло. Поэтому важно знать не только морфологию органа отражения, но и особенности онтогенеза развития функции, которая должна пройти определённые стадии.

Развитие функции отражения слова тоже проходит свои стадии: от кинестетической (мышечной) стадии до стадии собственной внутренней речи. Сначала речь неотделима от мышечных действий. «Принеси куклу» это всегда сигнал к этому мышечному действию. А. Р. Лурия приводит эксперимент Е. В. Субботского от 1975 г. [Лурия 1998: 130]. Детям 3 лет давали инструкцию: показываю рыбку — ты показываешь в ответ очки, показывают петушка — ты показываешь карандаш. Дети этого возраста справлялись с данной инструкцией. Однако, когда она была изменена и в ответ на рыбку нужно было показать петушка, а в ответ на петушка, наоборот, рыбку, то дети этой возрастной категории не справлялись. Они вели себя зеркально экспериментатору — т. е. в ответ на рыбку показывали рыбку, а в ответ на петушка, петушка соответственно. По мнению Лурии это происходит от того, что дети в этом возрасте ещё не способны дать себе речевую инструкцию и затем следовать ей. Остаётся неясным проводилась ли вторая часть, в которой дети ошибались, сразу же за первой, где они правильно показывали очки и карандаш в ответ на петушка и рыбку? В возрасте 3-х лет нервная система ребёнка инертна, т. е. и возбуждение, и торможение застревает. Возможно, первичное возбуждение ещё не стёрлось, и реакция продолжала идти по тем же нервным путям, которые оставались в тонусе, т. е. возбуждении. В случае правильного выполнения инструкции, закреплялась не только словесная формулировка, а общий зрительный образ: петушок и очки или же рыбка и карандаш. Он и держал в тонусе определённые пути, не давая построить новый образ.

Если возвращаться к знаменитой ленинской формулировке о «реальности данной нам в ощущениях». Возникает вопрос — могут ли эти ощущения удерживаться в нервной системе? В случае с котятами нервная система фиксировала ощущения от мышц, в случае с детьми — ощущение от зрительного образа, а затем слова. Особенность отражения слова в том, что для его переработки требуется 2-я сигнальная система. На многочисленных опытах было показано, как условная реакция, выработанная на звонок (слюноотделение у детей при получении конфеты) получалась «с места», без предварительной тренировки, на одно лишь слово «звонок». Т. е. реакция не ослабевала при замене денотата сигнификатором [Гак 1971: 79]. Возбуждение шло от нового очага в коре больших полушарий, но эфферентные сигналы двигались по тем же путям. Более того, условная реакция на одно слово, к примеру сужение зрачков (при одновре-

менном направленном ярком свете) на слово «учитель», возникает «с места» на слово «педагог». Очевидно, что в обоих словах сходу отражается сходство семантического комплекса.

Но только ли как семантический комплекс или сигнификатор денотатов воспринимается слово? И какие манипуляции с ним помогают его лучше запомнить? В опыте Г. К. Середы было показано, что выделение в слове формальных признаков (к примеру, количества повторяющихся букв) не способствует его запоминанию [Середа, Иванова 1974: 230].

В проведённом мной эксперименте с участием преподавателей языковых курсов и частных репетиторов была дана инструкция написать 10 слов преподаваемого языка (в данном случае финского), которые могли бы быть использованы на занятиях по интересующей преподавателя теме. Интересно, что по ходу выполнения задания одна из испытуемых предложила выполнить вторую часть и написать список не только из существительных, но и глаголов. Результат опроса через неделю показал, что испытуемые лучше запомнили глагольный список. При этом в самоотчётах они указывали, что они хорошо помнят не только сами слова, но и свои мысленные мотивировки включения этих слов в список, а некоторые признались, что позже мысленно возвращались к этому списку и даже использовали что-то на занятиях. Также они признавались, что чаще включали туда те глаголы, в которых их ученики делают ошибки. Получается, что в выборе слов преподаватели ориентировались на грамматическую сложность слов, а не на их семантическую составляющую, и ощущения, зафиксированные в нервной системе были у данных испытуемых, в большей степени, психическим отражением грамматических характеристик слов. Их мысленные рассуждения и ассоциации, которые впоследствии помогли вспомнить слова, также были связаны с грамматикой, а не семантикой. Таким образом, преподаватели-филологи обнаружили ориентацию на строевой уровень языка.

Литература

Гак В. Г. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания // Семантическая структура слова. Психолингвистические исследования: сб. ст. / отв. ред. А. А. Леонтьев. М.: Наука, 1971. С. 79.

Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм // Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т.18: Материализм и эмпириокритицизм. М., 1961. С. 131.

Лурия А. Р. Язык и сознание / под ред. Е. Д. Хомской. Ростов н/Д.: Феникс, 1998. С. 130–132.

Середа Г. К., Иванова Е. Ф. О влиянии логической переработки информации на ее непроизвольное запоминание человеком-оператором // Тезисы к IV всесоюзной конференции по инженерной психологии и эргономике. Ярославль: Ярослав. гос. ун-т им. П. Г. Демидова, 1974. С. 229–230.

Лыпкань Татьяна Витальевна[1], Вихрова Анастасия Юрьевна[2]

[1]канд. пед. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет;
t.lypkan@spbu.ru
[2]канд. филол. наук, зав. лабораторией, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова;
avikhrova@gmail.com

МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ГЛУХИХ И ЗВОНКИХ СМЫЧНЫХ ВЗРЫВНЫХ, А ТАКЖЕ ТВЕРДЫХ И МЯГКИХ РУССКИХ СОГЛАСНЫХ В УСТНОЙ РЕЧИ РУССКОЯЗЫЧНЫХ БИЛИНГВОВ В ГЕРМАНИИ И МОНОЛИНГВОВ В РОССИИ*

Ключевые слова: Время Начала Озвончения, миллисекунды, и-образный переход.

Различия параметра ВНО в разных языках приводят к интерференционному фонетическому влиянию [Любимова 2006: 7], что ведет к появлению нарушений в русской речи двух поколений русскоязычных билингвов, а также русских монолингвов. Для того, чтобы получить доказательства этой гипотезы, мы записали устную речь билингвов в русском культурном центре «Исток» в Германии, а также в еврейском языковом центре "Yahad Haverim Verein". Русскую речь монолингвов мы записывали в Санкт-Петербурге в общеобразовательных школах в 2023 г. Целью нашего эксперимента было измерить диапазон ВНО, а также проверить наличие и-образного перехода между согласным и гласным у двух поколений: детей и их родителей (билингвов и монолингвов), для этого они читали вслух «Фонетически представительный текст» [Степанова 1988]. В 38 словах был исследован параметр ВНО согласных звуков. Во втором опыте необходимо было проверить наличие или отсутствие и-образного перехода между согласным и гласным звуком в 300 слогах. Испытуемые билингвы — 11 детей-билингвов и 9 взрослых (их родителей). В исследовании также приняли участие 42 монолингва (родители (19) и дети (23)). В работе применялся метод спектрального анализа: слова, содержащие звуки [b, d, g] и [p, t, k] с помощью программы анализа звучащей речи "Praat", слова вырезались из фонетически представительного текста, прочитанного 20 билингвами и 42 русскоязычными монолингвами, после этого анализировался временной интервал между согласным и последующим гласным звуком. Если интервал соответствовал опорным данным для русского языка, то делался вывод о том, что ВНО положительное или отрицательное, а следовательно, слово (слог) произнесено верно. В противном случае, результат записывался в таблицу, и делался вывод о том, что слово (слог) произнесено неверно. Спектрограммы и аудио неверно произнесенных слогов сохранялись в отдельный файл. В ходе второго опыта исследования проверялись FI и FII гласных звуков, и если они «попадали» в вышеобозначенные значения (500 Гц и 2500 Гц соответственно), то делался вывод, о том, что и-образный переход есть, согласный произнесен правильно (в нашем случае «правильно» означает наличие признака мягкости). Если же его частотные характеристики отличались, то признавалось отсутствие и-образного признака, отсутствие мягкости согласного. В результате проведенного эксперимента можно сделать вывод о том, что глухие согласные соответствовали полностью параметру ВНО русского языка (особенно в речи родителей), кроме согласного [k] в речи детей из-за трудности его произношения [Зиндер 1997: 12]. Звонкость русских взрывных вызвала наибольшую трудность у двух поколений билингвов. Можно сказать, что дети не знают, как оформляется звонкость и в результате в их речи параметр звонкости не соответствует ни одному из языков. Что касается родителей, то за время проживания в Германии звонкость согласных в их речи исчезает. Оба поколения используют свою собственную систему координат, не принадлежащую ни одному из языков, что подробнее описано в статьях Т. В. Лыпкань [Лыпкань 2022: 10–16]. Что касается монолингвов,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке проекта РНФ «Русский язык в Германии: межпоколенческие изменения», № 21-48-04401.

то необходимо подчеркнуть, что в группе согласных [b, d, g] ошибки встречались гораздо чаще, чем в группе [p, t, k]. Причем, как в количественном, так и в качественном отношении. В целом ошибок оказалось значительно меньше, чем у билингвов.

В заключении необходимо отметить, что, как показали результаты эксперимента, больше неверных реализаций в области мягких согласных представлено в речи детей-билингвов, чем в речи их родителей. Это можно объяснить влиянием немецкого языка, в котором отсутствуют мягкие согласные, на русскую речь билингвов, родившихся в Германии. У родителей не наблюдается больших языковых фонетических аттриций в области мягкости по сравнению, например, с результатами, полученными нами в области звонкости русских согласных. У детей-билингвов значительно меньше неверных реализаций при прочтении мягких согласных по сравнению с реализацией звонкости русских согласных. Таким образом, можем сделать вывод, что мягкость является более устойчивым фонетическим признаком по сравнению со звонкостью русских согласных. Что касается монолингвов, то наша гипотеза о том, что мягкость согласных не вызовет у них особых трудностей, подтвердилась. В целом для носителей русского языка реализация и-образного перехода не представляет особенных трудностей. Время звучания и длительность пауз имеет важное значении при анализе времени начала озвончения (VOT). Так, в речи детей присутствует больше пауз, чем в речи взрослых, а их длительность выше. Таким образом, возникает больше возможностей для лучшей и правильной артикуляции звуков, чем в случае со взрослой «беглой» речью. В прикладном аспекте представленные данные могут быть использованы как фактор распознавания речи билингвов/монолингвов, а также в обучении правильному русскому произношению, в частности, в обучении детей мигрантов.

Литература

Зиндер Л. Р. Теоретический курс фонетики современного немецкого языка. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1997.

Лыпкань Т. В. Динамика фонетических межпоколенческих изменений глухости и звонкости смычных взрывных согласных в русской речи билингвов Германии // Филологические науки: научные доклады высшей школы. 2022. № S6. С. 10–16.

Любимова Н. А. Фонетический аспект общения на неродном языке: коллективная монография / науч. ред. Н. А. Любимова. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2006.

Степанова С. Б. Фонетические свойства русской речи: реализация и транскрипция: автореф. дис. … канд. филол. наук. Л., 1988.

Петрова Виолетта Владимировна

ст. преподаватель, Санкт-Петербургский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации;
violettap1@mail.ru

К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗОВ

Ключевые слова: профессиональная коммуникативная компетенция, профессиональная направленность обучения, профессиональная лексика.

Согласно действующим в данный момент ФГОСам третьего поколения целью обучения в учреждениях ВПО является удовлетворение потребностей и ожиданий потенциального потребителя / работодателя. Применительно к сфере обучения иностранным языкам необходимым к выполнению требованием «потенциального работодателя» является владение выпускниками иноязычной устной и письменной речью на уровне, необходимом и достаточном для решения профессиональных задач (ФГОС 3++). Исходя из этого цель обучения иностранному языку в ВУЗе может быть сформулирована как формирование у обучаемых способности осуществлять профессиональную деятельность на иностранном языке в рамках межкультурной коммуникации и развитие у них качеств, необходимых для жизни и работы в современном обществе. Формирование профессиональной коммуникативной компетенции в рамках дисциплин «Иностранный язык» и «Иностранный язык в сфере профессиональной деятельности» основывается на специфике языка профессии. Поэтому справедливо утверждение, что изучение профессионального языка невозможно без усвоения специальной лексики [Рахимова, Касека 2023]. Профессиональная лексика играет ключевую роль в решении повседневных задач специалиста на рабочем месте. Это означает, что профессионально ориентированная лексика общей и специальной направленности является фундаментальной основой для развития профессиональных компетенций студента.

При обучении профессиональному иностранному языку содержание обучения, методы и условия согласуются с целями изучения английского языка, и в основу обучения берутся три основных принципа: комплексно-аспектный подход к обучению, профессиональная направленность, мотивация овладения иностранным языком. При этом мотивация является одним из важнейших элементов профессионально ориентированного обучения английскому языку. Согласно нашим наблюдениям, студенты неязыковых ВУЗов не мотивированы изучать иностранный язык, они мотивированы изучать дисциплины, связанные со сферой своей будущей профессиональной деятельности. Мотивировать таких студентов изучать иностранный язык означает показать им необходимость или возможность использования иностранного языка в этой сфере. Эта задача должна быть отражена как в содержательной, так и в методической части дисциплин «Иностранный язык» и «Иностранный язык в сфере профессиональной деятельности».

Принцип профессиональной направленности обучения реализуется посредством:

1. Отбора содержания курса, который включает выбор аутентичных материалов профессиональной направленности как с целью создания лексической основы курса- тезауруса профессиональной лексики, так и в качестве профессиональной информационной базы для будущего специалиста.
2. Создания ресурсной базы, основой которой являются аутентичные пособия по ESL и Интернет-ресурсы как языковой, так и профессиональной направленности.
3. Отбора методов и приемов и создания условий обучения, которые должны имитировать профессиональный контекст или быть максимально приближены к реальному профессиональному общению [Кисель и др. 2019; Обдалова, Гураль 2012].

Формирование отдельных компетенций в рамках профессиональной коммуникативной компетенции также должно происходить на основе и с использованием профессиональной лексики. Так, формирование грамматической компетенции можно и нужно осуществлять на основе профессиональной лексики (например: разработать традиционные грамматические упражнения на основе профессиональной лексики), использовать функциональный подход в преподавании грамматики, т. е. выделить рабочие функции и показать использование определенных грамматических структур для реализации данных функций, а также разработать задания, имитирующие выполнение определенных рабочих обязанностей (провести тендер, выявить наилучшего поставщика, продукт или услугу и написать отчет о тендере; договориться о встрече).

Особое внимание необходимо уделить формированию лексической компетенции обучаемых. Профессиональный тезаурус будущих специалистов должен содержать большое количество профессиональных терминов и лингвокультурем, при этом пассивного владения профессиональной лексикой будет недостаточно. Предлагаемые в современных исследованиях методы и приемы работы с профессиональной лексикой [Еремеева и др. 2016; Рахимова, Касека 2023] не способствуют формированию продуктивных умений использования лексического материала. Поэтому перед преподавателем стоит задача активизации изучаемой профессиональной лексики и создания условий для самостоятельного употребления студентами профессиональных терминов и лингвокультурем в условиях имитации профессионального контекста. Для решения этой задачи необходима разработка практико-ориентированных заданий, которые будут формально отвечать лингвистическим критериям и содержательно соответствовать рабочим заданиям.

В качестве таких практико-ориентированных заданий мы выбрали тематический проект-презентацию, который является итогом изучения и устной формой контроля усвоения определенной лексической темы или группы тем. Проект выполняется студентами самостоятельно, что отвечает требованиям ФГОС по организации самостоятельной работы, соответствует интересам студентов, так как студенты сами выбирают тему своего проекта, что отвечает требованию индивидуализации образовательного процесса, способствует развитию продуктивных языковых навыков и необходимых soft и self skills, и доступен для выполнения каждым студентом вне зависимости от уровня его языковой подготовки. Форма отчета-презентация проекта — имитирует профессиональный контекст, так как презентация является наиболее часто встречаемой и удобной формой предоставления информации для любой аудитории в современных рабочих реалиях.

При создании практико-ориентированных заданий преподаватель иностранного языка может столкнуться с рядом трудностей, такими как недостаток экспертных знаний в профессиональной сфере, что требует кооперации с преподавателями профильных кафедр, и разработка содержательных и формальных критериев оценки проектов.

Литература

Еремеева Г. Р., Баранова А. Р., Мефодьева М. А. Профессионально-ориентированное обучение английскому языку студентов неязыковых специальностей // Казанский педагогический журнал. 2016. № 2. С. 339–342.

Кисель О. В., Дубских А. И., Бутова А. В., Зеркина Н. Н. Проблемы, связанные с обучением лексике студентов неязыковых специальностей МГТУ им. Г. И. Носова // Педагогические науки. Современные наукоемкие технологии. 2019. № 7. С. 185–189.

Обдалова О. А., Гураль С. К. Концептуальные основы разработки образовательной среды для обучения межкультурной коммуникации // Язык и культура. 2012. № 4. С. 83–96.

Рахимова Т. А., Касека И. П. Приемы работы с профессиональной лексикой в соответствии с современными требованиями к образовательному процессу // Профессиональное образование в современном мире. 2023. Т. 13, № 2. С. 246–254.

Проницына Ольга Сергеевна
ассистент, Тверской государственный университет;
olgapronitsina@yandex.ru

ПРЕОДОЛЕНИЕ ФАКТОРА ЯЗЫКОВОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В МЕДИЦИНСКОМ ВУЗЕ НА ЯЗЫКЕ-ПОСРЕДНИКЕ

Ключевые слова: языковая интерференция, обучение иностранных студентов, язык-посредник, оптимизация учебного процесса, профессиональная терминология.

Фактор интерференции при обучении иностранных студентов на языке-посреднике является сложным и многогранным явлением, требующим тщательного анализа и понимания. Интерференция может проявляться в различных формах и влиять на качество образовательного процесса. Следует учитывать лексическую, фонетическую и грамматическую интерференцию, возникающую из-за непосредственного влияния родного языка учащихся. Студенты переносят правила и структуры своего родного языка на язык обучения, что приводит к ошибкам и инновационным языковым формулам. Это затрудняет адекватное восприятие и использование языка-посредника, негативно сказывается на академической успеваемости и взаимодействии в мультикультурной среде [Логинов и др. 2017: 52].

Важным аспектом является разработка эффективных методик преподавания, учитывающих специфику интерференции. Необходимо применять стратегии, способствующие минимизации негативного влияния межъязыковой интерференции и развивать у студентов основные навыки саморегуляции и языковой адаптации.

Преподавание медицинских дисциплин на языке-посреднике связано с рядом сложностей, таких как лингвистические, культурные, методические и психологические. Рассмотрим подробнее некоторые из них.

Языковой барьер. Медицинская лексика насыщена специфическими терминами, которые трудны для понимания даже на родном языке. На языке-посреднике студенты могут испытывать трудности с запоминанием и правильным использованием терминологии. Понимание лекций и учебных материалов вызывают определенные сложности, даже если студенты владеют языком на базовом уровне, они могут не понимать сложные грамматические конструкции, профессиональный медицинский сленг и быструю речь преподавателя. Навыки письма и устной речи также различны у этнически разных студентов, они могут испытывать трудности при написании медицинских отчетов, рефератов и сдаче устных экзаменов.

Культурные различия. Различия в образовательных системах играют существенную роль в обучении. Подходы к обучению и оценке знаний могут отличаться в разных странах. В некоторых культурах больше внимания уделяется заучиванию, в других — критическому мышлению. Различия в медицинской практике также являются существенными. Некоторые медицинские процедуры, подходы к лечению или этические нормы могут отличаться, что может вызывать непонимание у студентов. Коммуникационные барьеры негативно влияют на процесс интеграции в образовательный процесс. Культурные особенности могут влиять на взаимодействия с преподавателями и друг с другом. В некоторых культурах не принято задавать вопросы или выражать несогласие с преподавателем.

Методические сложности. Преподавателям необходимо адаптировать учебные материалы под уровень владения языком студентов. Это требует дополнительных временных и интеллектуальных затрат. Не все учебники, статьи или видеоматериалы доступны на языке-посреднике, что может ограничивать доступ студентов к актуальной информации. Проблемы с обратной связью также часто возникают в процессе обучения. Преподавателю иногда сложно оценить, насколько студенты понимают материал по причине языкового барьера.

Психологические трудности неизбежно возникают и у педагогов, и у студентов. Прежде всего, это — страх ошибок. Студенты могут бояться делать ошибки в речи или письме, что мо-

жет снижать их активность на занятиях. Стресс и эмоциональная нагрузка неизбежно возникают в процессе обучения в учебных заведениях любого звена. Изучение сложных медицинских дисциплин на неродном языке может вызывать повышенный уровень стресса и усталости. Недостаток уверенности ухудшает психологический комфорт обучающихся. Студенты могут чувствовать себя неуверенно при общении с преподавателями, что негативно сказывается на их успеваемости.

Организационные сложности. Разный уровень подготовки студентов является существенным негативным моментом. В одной группе могут быть студенты с разным уровнем владения языком-посредником и медицинской терминологией, что усложняет процесс преподавания. Недостаток времени также влияет на объяснение материала в доступной форме, особенно если группа большая. Проверка знаний студентов, которые слабо владеют языком, может быть затруднена, так как преподавателю сложно отделить языковые ошибки от непонимания материала.

Этические и профессиональные аспекты особенно важны при обучении иностранцев. Преподавателю важно учитывать культурные и этические особенности студентов, чтобы избежать недопонимания или конфликтов [Фомина 2023: 332].

На основании проведенного исследования, становится очевидным, что языковая интерференция является одной из основных проблем, с которой сталкиваются иностранные студенты при обучении на языке-посреднике. Для ее преодоления существуют эффективные пути:

1. Необходимо уделить внимание ключевым языковым концепциям, вызывающим интерференцию и объяснить их студентам. Это позволит им избежать ошибок. Регулярная практика и повторение изучаемого материала помогут запомнить новую лексику и грамматику, снизить риск языковой интерференции.
2. Использование визуальных средств, схем, диаграмм и рисунков позволит студентам лучше понять и запомнить сложный материал, минимизируя вероятность языковой интерференции.
3. Индивидуальный подход позволяет учитывать особенности каждого студента. Важно проводить индивидуальные консультации и дополнительные занятия, направленные на преодоление интерференции и улучшение усвоения материала.
4. Организация международных конференций и форумов поможет расширить словарный запас и улучшить навыки общения на языке-посреднике [Проницына 2020: 240].

Преодоление языковой интерференции при обучении студентов-иностранцев возможно при условии комплексного подхода, включающего в себя использование языковых концепций, практику, повторение, визуализацию, индивидуальный подход и международное общение. Эти методы помогут студентам эффективно усваивать материал и достигать успехов в учении.

Литература

Логинов П. В., Кириллова Т. С., Белявская Л. Н. Об интерференции родного и иностранного языков в условиях преподавания специальных дисциплин иностранным студентам медвузов // Международный журнал экспериментального образования. 2017. № 6. С. 52–56.

Проницына О. С. Интерференция родного и иностранного языка-посредника в условиях преподавания латинского языка иностранным студентам медвузов // Сборник статей: «Современные проблемы лингводидактики и методики преподавания иностранных языков». СПб.: ЛЕМА, 2020. С. 224–242.

Фомина Т. К. Социолингвистические аспекты обучения иностранных студентов на отделении с частичным преподаванием на английском языке // Гуманитарное образование и медицина: сб. науч. тр. ВолГМУ. Волгоград, 2003. С. 330–335.

Рейпольская Маргарита Юрьевна

преподаватель, Московский государственный лингвистический университет;
margarita.pk@gmail.com

К ВОПРОСУ О ПРЕОДОЛЕНИИ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ ПРИ ОВЛАДЕНИИ ИТАЛЬЯНСКИМ ЯЗЫКОМ

Ключевые слова: интерференция, анализ ошибок, языковая норма, сопоставительный анализ, итальянский язык.

Овладение языком, как и любой вид обучения человека, предполагает совершение ошибок. Как указывают специалисты в области методики обучения иностранным языкам, анализ ошибок важен как для преподавателя, так и для исследователя языка, поскольку они дают представление о том, как происходит процесс освоения языка [Мильруд, Кондакова 2005].

Часто причиной ошибок является интерференция — явление, которое можно рассматривать как двустороннее (в плане выражения и в плане содержания) сближение единиц одного или разных языков, обусловленное их фонетическим и семантическим сходством, т. е. явление, которое приводит к произвольному (ошибочному) или непроизвольному нарушению языковой нормы.

Рассмотрим типичные ошибки изучающих итальянский язык и их характеристики. Ошибки, вызванные интерференцией, затрагивают все компоненты языка: фонологический, морфологический, лексический, синтаксический.

Примером фонетической ошибки может служить неправильное произношение звуков /d/ и /t/ русскими, изучающими итальянский язык: в словах dire, partire происходит смягчение звуков *d, t* перед гласным *i*, в то время как в итальянском языке смягчения согласных перед звуком i нет.

Интерференция на морфологическом уровне приводит к созданию таких неверных форм множественного числа, как filmi, cinema uomi, uovi вместо нормативных film, cinema, uomini, uova. Эти ошибки являются следствием внутриязыковой интерференции — явления, при котором происходит замена языковых единиц внутри одного языка и правил обращения с ними. В итальянском языке у существительных мужского рода во множественном числе окончание меняется на i, однако некоторые существительные иностранного происхождения (film, cinema) имеют особые формы и являются исключениями, которые нужно запомнить.

Лексические ошибки часто связаны с прямым переводом с родного языка учащегося на итальянский язык или с неправильным употреблением лексических единиц с точки зрения ситуации общения в изучаемом языке. Например: Sono le dieci *ore*. (Сейчас десять часов.) В данном случае, по правилам грамматики итальянского языка, при обозначении времени слово ore не ставится после числительного.

Примером синтаксической ошибки может являться нарушение порядка слов в следующей фразе: Sempre e` in ritardo (неправильный порядок слов) вместо E` sempre in ritardo (согласно правилу, в данном случае наречия частотности ставятся после формы essere). Lui spesso legge i libri вместо синтаксически корректного — Lui legge spesso i libri. Еще один пример неверного порядка слов: часто студенты забывают правило, согласно которому наречия частотности ставятся после основного глагола.

Рассмотрим примеры интерференционных ошибок, связанных с неправильным употреблением лексических единиц.

Lui e` professore di matematica. Во многих италоязычных странах слово «*professore*» означает «учитель» любой школы, от начальной до университета, однако в России это слово обозначает должность научного сотрудника или преподавателя высших учебных заведений. В итальянском языке для обозначения преподавательской деятельности часто используются слова *maestro* — учитель начальной школы, *insegnante* — преподаватель. Незнание этого различия приводит к ошибкам в переводе на русский язык. Эту ошибку можно отнести к социолингвистическим.

Примером проявления интерференции на морфологическом уровне является неверное согласование притяжательных прилагательных: *mi piacciono i vostri nuovi amici*. *Мне нравятся ваши новые друзья*. При образовании форм множественного числа важно помнить об изменении окончаний и о согласовании в роде и числе существительных, притяжательных прилагательных и артиклей. Незнание этого правила тоже приводит к частотным ошибкам в речи у студентов, изучающих итальянский язык.

Место наречия в итальянском и русском предложении может отличаться: L'insegnante che parlava bene italiano e` andata in Italia. Учительница, которая хорошо говорила по-итальянски, уехала в Италию. В итальянском языке наречие обычно ставится после глагола, в отличие от русского языка. Также стоит отметить местоимение *che,* которое является наиболее частым относительным местоимением и может использоваться в большинстве случаев для перевода слов «кто», «кого», «который», «которая» «которые». Оно не изменяется по родам и числам и не согласуется с другими частями речи. Незнание этого различия может привести к ошибкам в речи у изучающих итальянский язык.

По мнению Беляевской Е. Г. и Маляр Т. Н., основной причиной интерференции родного языка являются различия между концептуальными системами родного языка и изучаемого языка. Поэтому, чтобы преодолеть или, по крайней мере, уменьшить количество ошибок, вызванных интерференцией, необходимо сформировать иной взгляд на мир [Беляевская, Маляр 2011].

По словам Ломицкой Л., «акт познания другого и чужой культуры неразрывно связан с языковой компетенцией. В этот акт вовлечены как способность к общению посредством соответствующего использования языка, так и осознание конкретных значений, а также значений и коннотаций языка» [Lomicka 2006: 212].

Литература

Беляевская Е. Г., Маляр Т. Н. Принципы минимизации интерференции родного языка при обучении иностранному языку. М.: Рема, 2011.

Мильруд Р. П., Кондакова Н. Н. Теории ошибок в обучении иностранному языку // Гаудеамус. 2005. № 1 (7). С. 128–134.

Lomicka L. Understanding the other: Intercultural exchange and CMC // Calling on CALL: From theory and research to new directions in foreign language teaching / eds L. Ducate, N. Arnold. San Marcos, Texas: CALICO, 2006.

Соловьева Светлана Александровна

д-р филол. наук, профессор, Череповецкий государственный университет;
ssa_doc@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПАРАМЕТРАХ РАЗВИТИЯ СБАЛАНСИРОВАННОГО ДЕТСКОГО БИЛИНГВИЗМА

Ключевые слова: билингвизм, сбалансированнный билингвизм, детская речь, РКИ.

В настоящее время смешение языков и культур происходит очень высокими темпами, поэтому проблемы формирования и поддержания билингвизма приобретают особую актуальность. Билингвизм связан со сложными психическими и когнитивными процессами, позволяющими воспроизводить и порождать речевые произведения, принадлежащие двум языковым системам. Сбалансированный детский билингвизм — овладение ребенком двумя языками в такой степени, которая обеспечивает успешность коммуникации в соответствии с его возрастными особенностями [Шахнарович 1979; Чиршева 2009].

Билингвизм может формироваться как в биэтнической (смешанной) семье, где родители являются носителями разных языков и разных культур, так и в моноэтнической семье [Aidman 1999]. Сложность процесса формирования естественного билингвизма требует от родителей осознанного отношения к этому процессу.

Цель доклада — определить параметры, влияющие на сбалансированное развитие детского билингвизма и формирующие адекватное использование детьми монолингвальных и билингвальных стратегий общения.

Материалы для изучения детского билингвизма формировались на основе анализа речевой деятельности трех детей в возрасте от 8 месяцев до 4 лет, которые с первого года жизни усваивают русский, итальянский и английский языки в биэтнических (2) и моноэтнической (1) семьях, где папы общаются с детьми на родном (итальянском /русском языке), мамы — на родном русском (3) и неродном английском (1). Материал собирался в течение четырех лет. Основные методы — лонгитюдное наблюдение и видеофиксация.

Характер билингвизма определяется сбалансированностью импута на уровне квазислов: квазислова в функции предиката подготавливают ребенка к усвоению структуры высказывания *сапе ням-ням* (Вера, 1,8); *bimba* [*са*] *(caza) бай-бай* (Абира 1, 9).

Анализ материала показывает, что основными параметрами развития раннего детского сбалансированного билингвизма являются: дозированная коммуникация по моделям «один взрослый — один язык», «один человек — один язык», локальный принцип, «одна ситуация — один язык», использование темпорального принципа, предметно-тематического принципа, принципа «постороннего слушателя».

Важную роль играет использование продуманных стратегий общения и методов корректирования детской речи. Стратегии при общении на доминантном и недоминантном языке должны быть ориентированы на ребенка. Его речевое поведение в общении с родителями оценивается по активности использования ребенком инициирующих ходов на соответствующих языках в диалогах с родителями и частотности ответов на их реплики. Если показатели высоки, то усвоение соответствующего языка идет активно.

Дифференциация лексикона и использование методики активизации билингвального словаря показало следующие результаты: в количественном отношении к общему объему словаря эквивалентная лексика у детей составляла: 2 % (в 1;9) и 9 % (в 2;0) у Мии, 10 % (в 1;9) и 12 % (в 2;0) у Абиры, 22 % (1;9) и 23 % (в 2;0) у Веры.

Выбор оптимальной методики усвоения ребенком нескольких языков, учитывающей принципы отбора коммуникативного материала, специфику коммуникативной ситуации, билингвальную роль ребенка в ситуации общения, её пространственные и временные характеристики. Одним из наиболее эффективных способов становится параллельное дублирование — прием, стимулирующий сбалансированность активного двуязычного лексикона ребенка-билингва.

Он может успешно примеряться как в активном речевом взаимодействии, так и при работе с мультифмедийным контентом (музыкальный и мультипликационный контент: https://www.google.com/search Итальянские песни на русском и итальянском языках https://www.youtube.com/watch?v=zlxDexYJLcI https://lilinguist.com/blog/pesni-na-italyanskom-dlya-detej). Высокую эффективность показывает применение тандем-метода в игровых практиках.

Для детей раннего возраста основу методики могут составить пальчиковые игры и жестикуляция, используемые как способы беспереводной семантизации, работа с двуязычным мультимедийным музыкальным и мультиплакационным контентом, параллельное двуязычное пение и слушание.

Литература

Чиршева Г. Н. «Языки родителей» при формировании раннего детского билингвизма // Проблемы онтолингвистики—2009: мат-лы междунар. конф., 17–19 июня 2009 г., РГПУ им. А. И. Герцена. СПб., 2009. С. 98–101.

Шахнарович А. М. Психолингвистические проблемы овладения общением в онтогенезе // Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф., Шахнарович А. М. Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. М., 1979. С. 148–233.

Aidman M. Biliteracy development through early and mid-primary years: A longitudinal case study of bilingual writing. Melbourne: University of Melbourne, 1999.

Тимофеева Елена Константиновна[1], Коштялова Ирена[2]

[1]канд. пед. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет;
e.timoteeva@spbu.ru
[2]бакалавр, Санкт-Петербургский государственный университет;
st095827@student.spbu.ru

ЦВЕТОВЫЕ СИНЕСТЕМЫ В РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И ЧЕШСКОМ ЯЗЫКАХ

Ключевые слова: цветовые синестемы, сравнительный анализ, чешский язык.

Доклад посвящен лингвистическому анализу особенностей цветовых синестем в русском, английском и чешском языках, с помощью которого исследуются сходства и различия восприятия цвета носителями рассматриваемых языков. Изучению системы цветообозначений в языкознании посвящено достаточное количество трудов, однако сравнение общего и универсального в аспекте сопоставления трех языков, включая чешский, проводится впервые. Вопросы влияние цвета на человека были и остаются актуальными в наши дни, поскольку цвет, вызывая у человека разные чувства, образы и символические значения, является одним из ключевых концептов языка и культуры, одной из категорий познания мира. В большой степени мир познавался через визуальный канал восприятия, чем и обусловлено присутствие немалого количества цветовых синестем в языках мира. В английской идиоматике встречаются фразеологизмы с цветовыми компонентами практических всех цветов радуги [Павловская 2001: 89]. Однако, цвета могут неодинаково трактоваться в разных языках, что объясняется культурными различиями их носителей, психологическим аспектом и семантической структурой цветообозначений. Синестемия представляет собой уникальный феномен, заключающийся в переносе ощущений из одного канала восприятия в другой, что в языке показано посредством идиом, например, «теплый цвет» [Павловская 2001]. Люди имеют способность различать разные оттенки цветов с помощью визуального канала восприятия, но для практичности в ежедневной коммуникации употребляются лишь такие простые лексемы, как «красный» или «голубой», не уточняя оттенок. Названия цветов, употребляющихся для обозначения цветового пространства, играют важную роль в их распознавании [Mylonas, Macdonald 2016]. Представители разных национальностей видят мир по-своему, что непосредственно связано с различиями в менталитете и культуре. Поскольку цвет является универсальным для людей концептом, люди разных национальностей способны различать и цветовые оттенки. Результаты исследований, проведенных на основе языков, принадлежащих к различным языковым семьям, показали, что в рассматриваемых языках существует одиннадцать основных цветов: черный, белый, зеленый, желтый, оранжевый, голубой, фиолетовый, розовый, серый, коричневый, красный [Zaraiskiy 2023].

Для нашего исследования мы отобрали 180 фразеологических единиц с цветовым компонентом с равным количеством в русском, английском и чешском для анализа сходств и различий цветовых синестем в трех разных языках, чтобы глубже понять особенности русской, английской и чешской лингвокультур и менталитета их носителей. В исследуемых языках нам встретились синестемы со всеми основными цветами кроме коричневого и оранжевого. Приведем лишь некоторые из них.

- Черный цвет:

черный *рынок,* ***black*** *market;* ***černý*** *trh;*
черный *список;* ***black****list;* ***černá*** *listina.*

- Белый цвет:

белый *как стена;* ***as white as*** *a sheet;* ***bílý*** *jako stěna;*
белые *ночи;* ***white*** *nights;* ***bílé*** *noci.*

- Золотой цвет:

золотая *середина; the* ***golden*** *mean;* ***zlatá*** *střední cesta;*
не все то ***золото****, что блестит; all that glitters is not* ***gold****; není všechno* ***zlato*** *co se třpytí.*

- Серый цвет:

серая *мышь; little grey mouse; šedá myš;*
серый *день, foggy weather;* ***šedivý*** *den.* В русском и чешском языках можно столкнуться с выражением «серый день», обозначающий погоду, когда нет солнца. В английском языке, зачастую, употребляются прилагательные “foggy” или “cloudy” (туманный).

- Красный цвет:

покраснеть *как рак; to turn as* ***red*** *as a beetroot;* ***zčervenat*** *jako rak;*
проходить ***красной*** *нитью; a thread of a book; táhnout se jako* ***červená*** *nit;*
поймать кого-то на месте преступления; to catch sb ***red****-handed; chytnou někoho při činu.* В английском языке отсутствует цветообозначающий компонент во фразеологической единице «проходить красной нитью», который существует и в русском, и в чешском языках. В английском используется словосочетание “a thread of a book” без цветовой составляющей. Наоборот, в русском и чешском языках не существует выражения “to catch someone red-handed”, которому присуща цветообозначающая составляющая.

- Голубой/синий цвет

Голубая *кровь;* ***blue*** *blood;* ***modrá*** *krev;*
Грустить; to feel ***blue****; být smutný;*
Обещать золотые горы; to promise the moon; slíbit ***modré*** *z nebe.*
В нескольких случаях ни в одном из нами исследуемых языков не существует анологичной цветовой синестемы, например, ни в русском, ни в чешском нет выражения “to feel blue”, обозначающий грусть. Во всех трех языках можно найти идиому «обещать золотые горы», но в чешском языке вместо «золотого» компонента есть цветообозначение «голубой», а в английском данная составляющая полностью отсутствует.

- Фиолетовый цвет:

Родиться в королевской семье; born to the ***purple****; narodit se do královské rodiny;*
Мне ***фиолетово****; I don´t care; je mi to jedno.* Не существует русского аналога «мне фиолетово» с цветовым компонентом ни в английском, ни в чешском языках, а английское выражение “born in the purple” не имеет аналогов в русском и чешском языках.

Итак, в английском языке самым встречаемым цветом явился голубой, который встречается в 20 % всех нами исследуемых синестем, наоборот, фиолетовый цвет встречается реже всего, а точнее, лишь одна синестема с компонентом фиолетового цвета. В чешском языке наиболее частотный цвет — золотой, который является составляющей 20 % всех синестем, а с фиолетовым цветом мы ни разу не столкнулись. В русском языке, как и в чешском, золотой цвет представляет собой наиболее употребляемый компонент цветовых синестем, который нам встретился в 21 % синестем и, как и в английском, с фиолетовым цветом мы столкнулись всего лишь один раз. Сравнительный анализ цветовых синестем позволил выявить сходства и различия восприятия цвета в идиомах трех языков, понять особенности этнического сознания их носителей, а материал проведенного исследования может быть использован на практических занятиях при обучении иностранным языкам.

Литература

Павловская И. Ю. Фоносемантический анализ речи. СПб.: Изд-во С. Петерб. ун-та, 2001.

Mylonas D., Macdonald L. Augmenting basic Color terms in English // Color Research & Application. 2016. Vol. 41, no. 1. P. 32–42.

Zaraiskiy A. A. The Linguistics and Cultural Aspects of Color Meanings in the Language Picture of the World (Based on the Material of English and Russian Languages) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, № 1. P. 42–47.

Уласевич Максим Владимирович

MSc Economic History, руководитель издательского отдела,
гл. редактор, образовательная компания RELOD;
max.oulassevich@relod.ru

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ВИДЕООБУЧЕНИЯ В РАЗВИТИИ АУДИОВИЗУАЛЬНЫХ РЕЦЕПТИВНЫХ НАВЫКОВ У УЧАЩИХСЯ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Ключевые слова: нейролингвистический подход, аудиолингвальный метод, дошкольное обучение.

В условиях растущего интереса к раннему изучению иностранных языков в дошкольном возрасте возрастает важность применения эффективных подходов для развития аудиовизуальных рецептивных навыков, которые являются основой для формирования языковой компетенции. Традиционные методы обучения, часто опирающиеся на учебники и письменные задания, не всегда учитывают особенности восприятия и обучения дошкольников, такие как игровой подход и визуальное мышление. Видеоматериалы представляют собой перспективный инструмент, способный создать аутентичную языковую среду и повысить мотивацию к обучению. Целью данного исследования является анализ эффективности структурированной видеопрограммы по английскому языку «MiniMe English» в развитии аудиовизуальных рецептивных навыков у дошкольников. Исследование направлено на оценку влияния видеоинструкций от ровесников-носителей на восприятие и усвоение языка, а также на изучение эффективности сочетания аудилингвального метода и мультимедийных пособий. В заключение будет предоставлено обоснование использования аутентичных видеоматериалов в качестве основного учебного инструмента.

Аудиовизуальные рецептивные навыки, включающие понимание на слух и зрительное восприятие, играют ключевую роль в процессе языкового обучения, причем их развитие у дошкольников имеет свою специфику [Пилюгина 2024]. Аудиолингвальный метод с его принципами имитации, повторения и тренировки зарекомендовал себя как эффективный способ развития произносительных навыков и понимания на слух. В то же время нейролингвистический подход, учитывающий влияние нейробиологических процессов на усвоение языка, подчеркивает важность эмоциональной вовлеченности и ассоциативного обучения [Сергеева и др. 2022]. Видеообучение, обладая возможностью создавать аутентичную языковую среду и влиять на запоминание через визуальные образы, открывает новые перспективы для дошкольного языкового образования [Vanderplank 2016]. Обзор существующих исследований показывает, что применение видеообучения может быть эффективным в сочетании с другими методами, однако, необходим дальнейший анализ для уточнения наилучших практик. Стоит также обратить внимание на позитивное влияние личностного развития детей по мере прохождения этого курса, которое способствует формированию представлений о мире и погружению в другую культурную среду поскольку дети — носители языка, обучающие дошкольников, рассказывают и показывают о своей жизни в Лондоне [Асатрян 2019]. В рамках данного исследования была использована программа «MiniMe English», которая представляет собой структурированную систему видеоматериалов, содержащую аутентичные видеоинструкции от детей-носителей, с использованием игровых и интерактивных элементов, адаптированных под возрастные особенности дошкольников. Важно отметить контраст с типичным использованием видеоматериалов для дошкольного обучения, где применяются мультфильмы, а не реальные видео таких же малышей, как и обучающиеся. Исследование проводилось в детском саду, где воспитатели с базовым (A2) уровнем английского языка прошли тренинг по обучению по курсу и проводили занятия, не имея кроме этого никакого теоретического знания методики обучения английскому языку. Они были ознакомлены с базовыми понятиями теории методики обучения, а именно с:

- погружением в языковую среду / Language Immersion;
- методом полного физического реагирования / Total Physical Response (TPR);

- предметно-языковым интегрированным обучением / Content and Language Integrated Learning (CLIL);
- проектной работой (Project Work);
- запоминанием звуко-буквенных соответствий (Phonics).

Для сбора данных применялись опрос воспитателей, наблюдение за поведением детей на уроках и анализ видеозаписей детей, прошедших обучение. Оценка аудиовизуальных рецептивных навыков осуществлялась на основе критериев оценки понимания на слух (восприятие инструкций, понимание диалогов) и визуального восприятия (восприятие действий, ситуаций). Оценка уровня владения языком проводилась через качественный анализ подготовленных детьми монологов (от 30 сек до минуты), где они использовали выученные выражения, для того чтобы описать себя и свои рисунки. Учебное поведение детей оценивалось с учетом их вовлеченности, концентрации, взаимодействия с материалами и реакциями на видео. Результаты исследования показали, что дети, обучавшиеся по программе «MiniMe English» с использованием аудиолингвального метода, продемонстрировали значительный прогресс в восприятии видеоинструкций от ровесников-носителей, их вовлеченность была высока. Кроме того, наблюдалась более высокая степень вовлеченности и концентрации во время занятий с видеоматериалами, что подтверждает эффективность мультимедийных пособий. Качественные наблюдения показали, что видеоуроки с участием детей вызывали большой интерес и положительные эмоции, что, безусловно, способствует более эффективному усвоению материала.

Данное исследование подтверждает высокую эффективность использования видеоматериалов в развитии аудиовизуальных рецептивных навыков у дошкольников. Полученные результаты доказывают, что использование аутентичных видеоматериалов в сочетании с аудилингвальным методом и элементами нейролингвистического подхода может существенно повысить эффективность раннего языкового образования. Практические рекомендации для педагогов включают более широкое применение аутентичных видеоматериалов (реальных, а не мультфильмов) в учебном процессе для дошкольников, а также разработку методических рекомендаций по созданию и отбору подходящих видеоматериалов. Будущие исследования могут расширить понимание возможностей этого метода и его адаптацию к различным контекстам.

Литература

Асатрян Н. А. Диалог культур и современные методики преподавания английского языка в детском саду // Теория и практика преподавания языков и культур: традиции, новации, перспективы: мат-лы III Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 26 сентября — 1 октября 2017 года / редколл.: Е. Я. Григорьева, Л. Г. Викулова, Л. П. Рыжова. В 2 ч. Ч. 1. М.: Моск. гор. пед. ун-т, 2019. С. 29–40.

Пилюгина А. И. Особенности преподавания английского языка в рамках дошкольного образования // Молодой исследователь 2024: сб. ст. Междунар. науч.-исслед. конкурса. Петрозаводск, 26 февраля 2024 года. Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука», 2024. С. 41–45.

Сергеева Н. Н., Потапова Н. В., Миков В. Ю. Геймификация при реализации приемов нейролингвистического программирования в процессе обучения лексике на занятиях английского языка // Педагогическое образование в России. 2022. № 5. С. 139–146.

Vanderplank R. The Value of Video in Language Learning. Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 183–202.

Чаленко Елена Сергеевна

канд. филол. наук, доцент, Воронежский государственный университет;
chalenko.elena@gmail.com

РОЛЬ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТУРНОГО КАПИТАЛА (НА ПРИМЕРЕ КУРСА НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА КАК ВТОРОГО ИНОСТРАННОГО В ВОРОНЕЖСКОМ ГОСУНИВЕРСИТЕТЕ)

Ключевые слова: педагогика, социология, высшая школа, иностранные языки.

Современный мир переживает эпоху кардинальных перемен, которые проявляются во всех областях человеческой деятельности, включая образование. Глобальный кризис, институциональная стагнация и неизбежность катастроф как движущей силы истории неумолимо входят в международную и повседневную жизнь. Наряду с национальной и государственной принадлежностью люди неизбежно приходят к необходимости делать и цивилизационный выбор, соотнося свое мировоззрение к каким-либо типом культуры. Логика развития актуальных международных событий наводит на мысль о том, что именно культурные кластеры могут в будущем служить базой для объединения людей.

Происходящие изменения затрагивают и сферу образования. Преподаватели иностранных языков в школе и вузе передают своим учащимся не только лингвистические знания того или иного языка, но и выступают своеобразными посланцами иноязычной культуры. С первых часов изучения иностранного языка учащийся вместе с фонетическими, грамматическими и лексическими правилами приобщается к духу и мышлению носителя языка, неизбежно сопоставляя их с собственным культурным кодом. Даже на примере иноязычных простых детских песен, пословиц, считалок, поговорок, частушек, которые изучаются, как правило, в начальном фонетическом курсе, при сопоставлении с русским фольклором можно уже обнаружить контраст идентичностей. В дальнейшем к этому добавляется информация о географическом положении, истории, государственном устройстве, политике и культуре страны изучаемого языка, т. е. осуществляется более глубокое культурное погружение, которое неизбежно оказывает влияние на мировоззрение учащегося. Существенный вклад вносят и аутентичные учебные пособия по иностранным языкам, которые, с одной стороны, создают у учащихся некий идеальный образ носителя языка, а с другой, транслируют тип мышления, принципы мировоззрения и этику соответствующей нации, ведь язык и мышление неразрывно связаны между собой. Каким окажется характер этого влияния, зависит от многих факторов, в частности от наличия или отсутствия критического мышления, чувства патриотизма, от моральных качеств и целеполагания учащихся, иными словами, от их субъектности, которая должна служить прочной защитой от излишнего преклонения перед всем иностранным и от колонизации сознания под воздействием чужеродных идей.

Изучение иностранных языков служит не только профессиональным целям, но и формирует культурный капитал людей. В современной социологии принято выделять 4 вида капитала: экономический, культурный, социальный и символический [Bourdieu 1983: 184]. Каждый вид капитала соотносится с присущими ему системой ценностей и типом власти. При этом различные виды капитала тесно связаны друг с другом и допускают взаимную конвертацию. В общепринятом понимании мы под капиталом подразумеваем лишь первый тип — экономический, явно недооценивая роль трех остальных типов.

Культурный капитал — это прежде всего образовательный и интеллектуальный уровень индивида, который формируется в течение всей жизни человека, но активнее всего в образовательных учреждениях, школах и вузах. Учащиеся и преподаватели факультета международных отношений Воронежского государственного университета в качестве мотива для изучения двух иностранных языков в курсах бакалавриата и магистратуры выбирают не только практические цели, связанные с профессией международных политологов, но и ориентируются на приобретение ценного культурного ресурса. Учитывая незначительное количество практических часов,

выделяемых на развитие языковых компетенций, полагаем, что культурный мотив может доминировать в отношении второго иностранного языка (немецкого, французского или испанского). В этой связи в рабочих программах по второму иностранному языку мы предлагаем получаемые в курсе нашей дисциплины навыки использовать в качестве инструмента для углубления профессиональных и культурных знаний, а также побуждаем к выработке собственной стратегии использования иностранного языка во всех сферах жизни.

Особо следует отметить курс немецкого языка как второго иностранного в программе подготовке учащихся по профилям «Мировая политика», «Международная интеграция и международные организации», который сопровождает их на протяжении всех 4 лет обучения в бакалавриате, и должен в итоге подготовить к ведению деловой коммуникации в устной и письменной форме на немецком языке. На практике, однако получается, что лишь незначительная часть выпускников факультета использует немецкий язык в рамках компетенций, заявленных в Учебном плане. Культурная же составляющая нашего курса усваивается всеми. Общеизвестны достижения немецкоязычных ученых в области политологии, социологии, психологии, педагогики и других гуманитарных наук. Благодаря курсу немецкого языка наши учащиеся получают доступ к научной мысли тех ученых очень высокого уровня, которые в разные исторические эпохи жили и творили в Германии, Австрии и Швейцарии, знакомятся с приемами и методами политического образования, в котором названные страны достигли значительных успехов, что безусловно влияет на их гражданское самосознание и общественную позицию.

В век технологических изменений и широкой доступности информационных ресурсов, лингвистическая составляющая в обучении иностранным языкам может постепенно уступать свои приоритетные позиции культурной составляющей как источнику образования и развития интеллекта человека.

Литература

Bourdieu P. Ökonomisches Kapital, kulturelles Kapital, soziales Kaputal // Kreckel R. (ed.). Soziale Ungleichheiten (Soziale Welt, Sonderheft 2). Güttingen: Otto Schwartz & Co., 1983. P. 183–198.

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ В АСПЕКТЕ ЛИНГВОДИДАКТИКИ

Борщенко Галина Михайловна

ст. преподаватель, Гуманитарный институт, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого;
bortshenko_gm@spbstu.ru

РАЗВИТИЕ УМЕНИЙ ИНОЯЗЫЧНОЙ ДЕЛОВОЙ КОММУНИКАЦИИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Ключевые слова: иноязычная деловая коммуникация, ESP, разработка лингводидактических материалов, этапы развития умения.

Совершенствование инструментов обучения в рамках курсов профессионально направленного иностранного языка и разработка соответствующих лингводидактических материалов в условиях современной высшей школы является актуальной задачей, поиск эффективных решений которой имеет особую значимость для направлений подготовки, не связанных с социально-гуманитарными сферами деятельности. Наблюдение за практической реализацией образовательных программ, включающих базовые (EGP) и профессионально направленные (ESP) кусы иностранного языка, например, в области информационных технологий, выявило ряд проблем:

1) время, выделяемое на соответствующие дисциплины в учебном плане, крайне ограничено;
2) языковая составляющая акцентируется, в то время как коммуникативная не развивается должным образом;
3) факторы, сопровождающие учебный процесс, дестабилизируют мотивацию студентов и др.

Отдельно отметим, что аспект обучения деловой коммуникаций (в том числе иноязычной) студентов технических и инженерных направлений подготовки может игнорироваться, ввиду стереотипного представления о ее необходимости исключительно в сферах деятельности, связанных с бизнесом. Это влечет еще одну существенную проблему: если в курс ESP для студентов технических и инженерных направлений подготовки входит и деловая коммуникация, то часто используются учебные материалы, разработанные для экономических специальностей (Business English и др.). По нашему мнению, такое заимствование оправдано на начальном — языковом — уровне для ознакомления с особенностями делового стиля речи и характерными для него лексикой и клише. Однако на последующих уровнях такой подход повышает риск изучения «неприменяемой на практике теории». Поэтому при проектировании содержания обучения (иноязычной) деловой коммуникации студентов направлений подготовки в сфере информационных технологий необходимо учитывать контекст *их* профессиональной деятельности, особенности *их* ролей в деловом общении, т. е. делать содержание обучения практически значимым и личностно важным.

Актуальность обучения студентов, для которых деловая коммуникация не является профилирующим аспектом подготовки и в перспективе основным видом деятельности, дополнительно подтверждается тем, что деловое общение является частью профессиональной коммуникации. Рассмотрим следующие определения [Приказ Министерства труда 2022]:

Руководитель секции: М. Ю. Копыловская.

1. Деловое общение — форма общения, направленная на организацию и оптимизацию сотрудничества людей в трудовом процессе. Деловое общение обеспечивает ведение переговоров, совещаний и официальной переписки, публичных выступлений.
2. Профессиональное общение — смысловой процесс взаимодействия субъектов как носителей профессионального опыта с целью: а) обмена информацией в производственной ситуации; б) функционирования профессиональной общности.

Утверждение о взаимосвязи делового и профессионального общения также подтверждается анализом профессиональных стандартов, относящихся к сфере информационных технологий, выбранной нами в качестве примера [Психология общения 2011], которые содержат требования не только к уровню владения иностранным языком как таковым, но и к умениям деловой коммуникации.

Таким образом, задачей является поиск методических решений, позволяющих развивать умения (иноязычной) деловой коммуникации, соответствующие требованиям профессионального сообщества, в условиях ограниченных временных ресурсов с учетом влияния факторов, сопровождающих учебный процесс.

Одним из возможных решений поставленной задачи является интенсификация процесса изучения дисциплины «Иностранный язык» (EGP/ESP) посредством дополнения самостоятельной работы студентов системой цифровых модулей. Предлагаемая система основана на модели развития умения как совокупности навыков (автоматизмов), разработанной в соответствии с концепцией В. М. Гурленова [Гурленов, Трофимова 2022] в проекции на положения теорий С. Ф. Шатилова и Е. И. Пассова. Развитие умения и входящих в него навыков включает схожие этапы.

Первый этап — ознакомительный/подготовительный — заключается в формировании у обучающихся общего понимания материала и целей его освоения. На данном этапе используются платформы, позволяющие размещать теоретический материал в различных форматах и сопровождать его практическими заданиями для немедленного закрепления и проверки его усвоения (Stepik и др.).

Второй этап — аналитический/тренировочный — заключается в формировании у обучающихся автоматизма отдельных действий посредством многократного повторения. На данном этапе используются платформы, реализующие алгоритмы интервального повторения (Quizlet и др.).

Третий этап — синтетический/практический — заключается в формировании у обучающихся готовности варьировать автоматизированные действия. На данном этапе уже можно говорить о сформированности базовых навыков и переходу к минимальному стереотипному умению. Требования к используемым платформам — возможность сочетания мультиформатного материала и проверочных заданий (как на ознакомительном этапе), однако, важной особенностью является проектирование заданий, для решения которых необходимо принимать решения в рамках заданной типовой ситуации в контексте профессиональной деятельности.

Заключительный этап — ситуативный — это переход от стереотипности к вариативности действий в ситуациях с большим количеством факторов. Данный этап относится к формированию умения и не имеет аналогичного в контексте развития навыка, так как при достижении автоматизма в дальнейшем происходит только его упрочнение. Также необходимо представить более продолжительный и многофакторный контекст, что возможно при использовании платформ, входящих в категорию эдьютейнмент (Bookcreator и др.).

Таким образом, методические инструменты решения образовательных задач должны иметь системный, мультиформатный и мультиплатформенный характер.

Источники

Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 20 июля 2022 г. № 424н Об утверждении профессионального стандарта «Программист». URL: https://www.fgosvo.ru/docs/index/2/6 (дата обращения: 15.01.2025).

Психология общения. Энциклопедический словарь / под общ. ред. А. А. Бодалева. 2011. URL: https://984.slovaronline.com (дата обращения: 15.01.2025).

Литература

Гурленов В. М., Трофимова Ю. И. Навык и умение в овладении иноязычной речью // Человек. Культура. Образование. 2022. № 3 (45). С. 158–172.

Вострикова Ирина Юрьевна

канд. филол. наук, доцент, Воронежский государственный университет;
ivostrikova@mail.ru

РАЗВИТИЕ АНАЛИТИЧЕСКИХ НАВЫКОВ ПРИ ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ В ВУЗЕ

Ключевые слова: аналитические навыки, критическое мышление, исследовательская деятельность, проектная деятельность, метод анализа статистических данных.

В условиях глобализации и стремительного развития технологий знание английского языка открывает множество возможностей для студентов, включая доступ к международной литературе, научным исследованиям и профессиональным коммуникациям. Очевидно, что просто знание языка недостаточно — необходимо развивать аналитические навыки. Современное образование стремится к развитию комплекса аналитических навыков у студентов, таких как умение анализировать информацию, делать выводы и принимать обоснованные решения.

Аналитические навыки можно определить, как способность разбирать информацию на составные части, оценивать ее и делать выводы на основе анализа. Эти навыки включают в себя критическое мышление, умение сопоставлять и обобщать данные, а также способность выявлять причины и следствия. В контексте изучения языка аналитические навыки играют ключевую роль в успешном изучении английского языка (АЯ) в вузе, так как помогают студентам не только воспринимать информацию, но и оценивать ее значимость, контекст и целевую аудиторию.

При изучении АЯ студентам необходимо умение анализировать тексты, выделять основные идеи, понимать логическую структуру предложений и аргументации. Кроме того, аналитические навыки помогают студентам осуществлять перевод текстов, адаптировать материалы под различные аудитории и контексты, а также эффективно применять языковые средства при написании эссе, рефератов и докладов.

Проведение дискуссий и дебатов на АЯ позволяет студентам не только практиковать разговорные навыки, но и учит аргументировать свои мысли, слушать и учитывать мнение других. Это важный аспект аналитического мышления.

Важно включать различные методы и стратегии, способствующие их развитию, чтобы подготовить студентов к успешной профессиональной деятельности в глобализированном мире. Таким образом, акцент на аналитические навыки в процессе изучения английского языка можно считать одним из ключевых факторов, способствующих успеху студентов в их будущей карьере.

Несомненно, аналитика имеет первостепенное значение для исследовательской и проектной деятельности студентов в вузе. Работа над проектами или исследовательскими заданиями требует от студентов умения собирать информацию, анализировать данные и представлять свои выводы на английском языке. Одним из эффективных методов развития аналитических навыков является способность критически осмысливать статистические данные, представленные на английском языке.

Изучение статистики способствует развитию критического мышления. Студенты учатся не только извлекать информацию из данных, но и интерпретировать результаты, обсуждать возможные ограничения анализа и формулировать обоснованные выводы. Это важно для формирования комплексного понимания того, как статистические данные могут влиять на принятие решений. Поэтому интеграция метода анализа статистических данных в учебный процесс становится необходимостью для подготовки квалифицированных специалистов, способных к аналитическому мышлению.

Перспективы развития анализа статистических данных включают интеграцию более современных технологий, таких как искусственный интеллект и аналитика больших данных, что обеспечит студентам актуальные навыки для работы в быстро меняющемся мире данных.

Одним из основных вызовов, с которыми сталкиваются учащиеся, является сложность работы со статистическими понятиями, методами и языковое оформление представляемых результатов. Для преодоления этого барьера важно, чтобы преподаватели АЯ акцентировали внимание на практических аспектах развития аналитических навыков и регулярно предлагали совместную и самостоятельную работу с поддерживающими ресурсами.

В качестве примера успешного выполнения заданий на развитие аналитических навыков можно рассмотреть выполнение студентами факультета компьютерных наук различных проектов в рамках Профессиональной сферы деятельности в курсе английского для специальных целей. Такие проекты как «Оценивание различных веб-сайтов» или «Самые массивные вирусные атаки» требуют от студентов проведение собственного исследования, глубокого анализа собранных данных, четкого структурирования представленного материала, умения оформлять полученную статистику и презентовать результаты исследования.

Задания такого рода мотивируют студентов на проведение исследовательского анализа статистических данных, так как предполагают изучение данных с целью обнаружения новых идей, взаимосвязей, тенденций или закономерностей, которые не являются очевидными или ожидаемыми. Исследовательский анализ может помочь выдвинуть гипотезы, проверить предположения или выявить потенциальные причины или последствия явления. Например, можно сделать выводы, какие факторы влияют на удовлетворенность пользователя тем или иным веб-сайтом. На основании полученных статистических данных можно спрогнозировать/смоделировать рекомендации для разработки другого веб-контента, когда будущие разработчики могут проанализировать различные альтернативы или выбрать наиболее оптимальное или осуществимое решение.

Развитие аналитических навыков через анализ статистических данных является важным аспектом образования. Эти навыки не только помогают студентам в академической деятельности, но и обеспечивают их конкурентоспособность на современном рынке труда. Использование методов проектного обучения, открытых данных и групповых дискуссий способствует глубокому освоению статистики и формированию критического мышления, которое необходимо для успешного решения сложных задач.

Вэй Цзяци

аспирант, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

ИНТЕГРАЦИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРЕПОДАВАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ: СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МОДЕЛЕЙ РОССИИ И КИТАЯ

Ключевые слова: искусственный интеллект в образовании, преподавание иностранных языков, сравнительное исследование, персонализация обучения.

В условиях стремительного развития технологий и глобализации образовательных процессов, применение искусственного интеллекта (ИИ) в преподавании иностранных языков становится одной из наиболее актуальных и значимых научных проблем. В современном мире, где знание нескольких языков становится необходимым условием для успешной профессиональной деятельности и личностного роста, важно исследовать, как ИИ может способствовать этому процессу. Настоящий доклад посвящен исследованию применения ИИ в образовательных системах России и Китая. Цель исследования состоит в выявлении сходств и различий, а также определении наиболее эффективных моделей интеграции ИИ в процесс обучения иностранным языкам.

С внедрением ИИ в образовательные процессы открываются новые возможности для персонализации обучения, что позволяет учитывать индивидуальные особенности и потребности каждого студента. Это также помогает повысить мотивацию и вовлеченность студентов в учебный процесс, улучшить качество и доступность образования. Однако, несмотря на значительный потенциал ИИ, его использование требует тщательного анализа и адаптации к конкретным условиям и потребностям образовательной среды. Важно учитывать культурные, социальные и экономические особенности каждой страны, что делает сравнительное исследование России и Китая особенно ценным.

Для достижения целей исследования использовался сравнительный анализ моделей применения ИИ в преподавании иностранных языков в России и Китае. Исследование включало анализ научной литературы, а также практические примеры использования ИИ в учебных заведениях двух стран. Особое внимание уделялось таким аспектам, как технологическая инфраструктура, педагогические подходы и результаты применения ИИ в учебных процессах.

Результаты исследования:

1. В России ИИ активно внедряется в образовательные процессы, особенно в крупных городах и ведущих университетах. Наиболее распространены системы автоматизированного перевода и интерактивные платформы для изучения языков. Эти технологии позволяют студентам получать мгновенный доступ к переводу текстов и совершенствовать свои языковые навыки через интерактивные упражнения и тесты.
2. В Китае ИИ широко используется для создания адаптивных учебных программ, которые подстраиваются под уровень знаний и темп обучения каждого студента. Также активно применяются технологии анализа и прогнозирования успеваемости студентов, что позволяет преподавателям своевременно корректировать учебный процесс и оказывать необходимую поддержку. Особое внимание уделяется развитию голосовых помощников и систем распознавания речи, что облегчает процесс изучения иностранных языков и делает его более интерактивным и увлекательным.

Россия и Китай демонстрируют схожие тенденции в использовании искусственного интеллекта (ИИ) в образовании, но акценты и подходы различаются.

В России акцент делается на автоматизацию переводческих процессов и создание интерактивных платформ для изучения языков. Эти технологии помогают студентам эффективно усваивать материал через автоматизированный перевод и интерактивные упражнения.

В Китае ИИ используется для создания адаптивных учебных программ и анализа учебных данных. Эти программы подстраиваются под уровень знаний и темп обучения студентов, что способствует персонализированному подходу. Также широко применяются голосовые помощники и системы распознавания речи для улучшения произношения и восприятия речи на слух.

Таким образом, несмотря на схожие цели, Россия и Китай выбирают разные подходы. Россия ориентируется на автоматизацию и интерактивные платформы, а Китай на адаптацию обучения и анализ данных. Оба подхода имеют свои преимущества и могут способствовать обмену опытом и разработке инновационных методов преподавания.

Применение ИИ в преподавании иностранных языков представляет собой перспективное направление, требующее дальнейших исследований и обмена опытом между странами. Сравнительное исследование моделей России и Китая позволяет выявить эффективные практики и потенциал для их адаптации в различных образовательных средах. Взаимное сотрудничество и обмен опытом в этой области могут способствовать созданию более эффективных и инновационных методов обучения, которые будут способствовать развитию навыков владения иностранными языками у студентов.

Гавриленко Наталья Григорьевна[1], Соколова Алина Юрьевна[2]

[1]канд. филол. наук, доцент, Тверской государственный медицинский университет; natalyadima@mail.ru

[2]д-р филол. наук, профессор, Тверской государственный медицинский университет; alinasokolova.tver@yandex.ru

ЭЛЕКТРОННЫЙ КУРС MEDICAL LATIN В АСПЕКТЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ДИЗАЙНА

Ключевые слова: педагогический дизайн, электронный курс, латинский язык и основы медицинской терминологии.

1. Термин «Педагогический дизайн», заимствованный из английской методической практики, обозначает процесс разработки учебных материалов в широком смысле этого понятия и создание способов их эффективного применения в процессе обучения. В настоящее время основная сфера применения педагогического дизайна — это разработка электронных курсов [Разработка электронного курса (ЭК) — ступенчатый процесс, состоящий из нескольких последовательных этапов, таких как анализ, проектирование, разработка, реализация, оценка.
2. Одним из основных аспектов, определяющих структуру и содержание ЭК, является анализ целевой аудитории и определение целей и результатов обучения.
3. ЭК должен обладать четко выстроенной организационной и учебной структурой.
4. Все учебные материалы для электронного курса должны быть либо созданы заново, либо переработаны для того, чтобы их можно было разместить на электронной платформе и изучать самостоятельно в электронном виде.

Рассмотрим ЭК Medical Latin и проанализируем его с точки зрения учета вышеуказанных признаков. ЭК Medical Latin — это электронный курс по дисциплине «Латинский язык и основы медицинской терминологии», созданный преподавателями кафедры иностранных и латинского языков Тверского государственного медицинского университета. Курс предназначен для иностранных студентов, проходящих обучение в университете на английском языке. Цель ЭК Medical Latin — формирование у обучающихся универсальной компетенции, а именно способности применять языковые средства латинского языка в целях профессионального взаимодействия, то есть для оказания квалифицированной медицинской помощи. Для достижения указанной цели в процессе обучения опосредованно решаются такие задачи, как освоение студентами компетенций, обеспечивающих корректное использование терминологического материала анатомии, клиники и фармации на латинском языке, а также выработка основ анализа и построения однословных и многословных терминов на латинском языке и языке-посреднике (в данном случае, английском).

Разработка ЭК Medical Latin велась не только с учетом целей и задачей, указанных в образовательной программе, но и с использованием анализа целевой аудитории, который показал необходимость применения именно электронного курса. К определяющим факторам относились:

- большой поток обучающихся (до 1000 студентов одновременно);
- отсутствие единых сроков освоения программы;
- разный уровень владения языком-посредником, что требует у ряда студентов многократного обращения к материалам и возможности выбора языка интерфейса.

Важным аргументом в пользу выбора именно электронного способа предоставления учебной информации стала и особенность самого учебного материала, заключающаяся в номенклатурности, терминологизации и стандартизации. Курс «Латинский язык и основы медицинской терминологии» предполагает освоение номенклатуры (т. е. стандартизированной терминоло-

гии), представленной короткими терминологическими единицами (от одного до трех компонентов), не предполагающими вариантов, состоящими из стандартных компонентов. В отличие от курсов современных языков учебные материалы курса латинского языка медицинской терминологии подразумевают отсутствие эмотивного компонента и стилистического многообразия, иногда предполагающего отход от литературной нормы.

Разработанный преподавателями кафедры ЭК Medical Latin имеет четко спланированную организационную и учебную структуру. Каждая учебная единица курса (урок) представлена линейным единством трех образовательных компонентов: лекция — практикум — тестирование. Подобная структура отвечает всем современным методическим требованиям и обеспечивает эффективное усвоение материала, его отработку и контроль.

Все учебные материалы ЭК Medical Latin были переработаны для их использования в электронной среде. Текстовый формат с помощью средств электронной платформы был преобразован в лекционный вид, представляющий собой последовательность слайдов с кратким четким изложением учебной информации, перемежающихся вопросами для самоконтроля. На каждом слайде имеются организационные указатели (навигационные элементы), позволяющие обучающимся понять, на какой стадии они находятся. А периодически внедряемые в процесс изложения материала задания сразу предоставляют обратную связь о результатах действий обучающихся с тем, чтобы они непосредственно в процессе освоения материала понимали, находятся ли они на верном пути и могут следовать далее или они испытывают трудности в освоении, и им необходимо вернуться и еще раз повторить. Практикум ЭК Medical Latin представляет набор заданий для отработки, закрепления материала и самооценки. В конце каждой учебной единицы предлагаются проверочные задания по теме урока из банка вопросов с возможностью вернуться к недостаточно проработанному материалу. Наиболее сложные для восприятия темы курса снабжены короткими видео, имеются поурочные видео-глоссарии и видео-инструкции по работе с латинской терминологией.

ЭК Medical Latin состоит из трех модулей. По окончании каждого модуля предусмотрены модульные тесты с заданиями из банка вопросов (по принципу «случайного вопроса» из каждой категории, охватывающей одну из тем модуля). Работа с жестко стандартизированной терминологией позволяет ограничиваться вопросами, проверяемыми системой: верно/неверно, множественный выбор, короткий ответ, вопрос на соответствие. Перед модульным контролем обучающимся предлагается видео-консультация.

Подобная структура курса дает возможность отслеживать усвоение отдельных элементов урока, урока в целом и модуля, позволяет вносить коррективы и добавлять элементы урока в зависимости от потребностей группы, уровня базовых знаний студентов, их родного языка.

ЭК Medical Latin эффективно применяется в работе с иностранными обучающимися и позволяет достичь целей обучения.

Литература

Соколов Ф. А., Соколова А. Ю. Основы педагогического дизайна: принципы создания электронных курсов // Инновации в педагогике и образовании: научно-педагогические основания трансформаций в образовании в условиях изменяющегося социума: монография / под ред. М. С. Джилкишиевой, О. А. Подкопаева. Самара: Науч.-изд. центр «Поволжская научная корпорация», 2024. С. 211–240.

Сорокин Ю. И., Соколова А. Ю. О роли преподавателя в электронном обучении // Вестник Тверского государственного технического университета. Сер.: Науки об обществе и гуманитарные науки. 2015. № 1. С. 20–24.

Дмитренко Наталья Павловна[1], Седёлкина Юлия Георгиевна[2]

[1]магистрант, Санкт-Петербургский государственный университет;
st120441@student.spbu.ru
[2]канд. пед. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет;
y.sedelkina@spbu.ru

ХАРАКТЕРИСТИКА ИНОЯЗЫЧНЫХ УМЕНИЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ПУБЛИЧНОГО ВЫСТУПЛЕНИЯ БУДУЩЕГО ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: монологические умения, речевые умения, публичная речь.

В современном глобализованном мире способность четко и убедительно излагать свои мысли на иностранном языке становится неотъемлемым компонентом профессиональной компетенции. Для специалистов в области преподавания иностранных языков и межкультурной коммуникации умения публичного выступления на иностранном языке приобретают особую значимость. Они используются на практических и теоретических учебных занятиях, а также во время выступлений с мастер-классами и докладами на иностранном языке на конференциях.

Публичное выступление представляет собой усложненную форму монологической речи, базовыми характеристиками которой являются однонаправленность и единый говорящий субъект. Однако, публичное выступление характеризуется усилением коммуникативного воздействия через предварительную подготовку, расширенный набор языковых средств и интенсивную невербальную составляющую. Это осуществляется благодаря набору монологических умений. На базовом уровне находятся умения семантического развертывания и интерсемиотического перекодирования информации. На более высоком уровне выделяются три группы ключевых умений: (1) структурно-композиционные, (2) функционально-смысловые и (3) коммуникативно-речевые умения [Овчинникова 2010: 12–14]. Что касается умений профессионально-тематического публичного выступления на иностранном языке, то они имеют интегративный характер и включают: (1) предметно-профессиональные умения, (2) умения публичного выступления, (3) языковые умения [Щавелева 2006: 20].

В соответствии с требованиями Санкт-Петербургский государственный университет обучающиеся по направлению «Лингвистика» (45.04.02) должны овладеть (1) универсальными компетенциями УК-1, УК-4 и УК-5, включающими умения системного и критического мышления и коммуникативные умения, а также (2) общепрофессиональными компетенциями ОПК-4 и ОПК-5, включающими умения по созданию и восприятию устной речи на иностранном языке в различных стилях общения и с учетом профессиональной этики и традиций. Кроме того, в сфере профессиональных компетенций выделяются ПКА-1 и ПКП-10, включающие умения формулировать и обосновывать научные гипотезы, а также умения проведения учебных и научных семинаров, дискуссий и конференций [Приказ 2022]. Эти компетенции непосредственно связаны с умениями публичного выступления на иностранном языке.

Выпускники основной образовательной программы магистратуры «Теория обучения иностранным языкам и межкультурная коммуникация» Санкт-Петербургский государственный университет достигают уровня C1 по шкале CEFR. На этом уровне они умеют структурированно представлять сложные темы, аргументировать свои утверждения и свободно отвечать на вопросы аудитории. Успешное публичное выступление опирается на коммуникативные стратегии управления вниманием аудитории путем адаптации техники и содержания речи к уровню слушателей, а также использования невербальной коммуникации и вспомогательных материалов [Common European Framework… 2020: 64]

Таким образом, публичная речь может быть охарактеризована как эволюционно усложненная форма монологической речи, адаптированная для массовой коммуникации. Для успешного публичного выступления на иностранном языке учащемуся необходимо овладеть как базовыми умениями семантического развертывания и интерсемиотического перекодирования ин-

формации, так и более сложными структурно-композиционными, функционально-смысловыми и коммуникативно-речевыми умениями. Эти умения носят одновременно интегративный и предметно-профессиональный характер. Их формирование базируется на умениях системного и критического мышления и проводится с учетом профессиональной этики и традиций, включающих учебный и научный контекст. Совокупность перечисленных умений формирует фундамент для успешного развития ораторского мастерства на иностранном языке, что является ключевым элементом в профессиональном становлении современного преподавателя иностранного языка.

Источник

Приказ об утверждении общей характеристики основной образовательной программы (per. No. x23/5625/1). URL: https://nc.spbu.ru/s/oWj2Hyd7A5qFeNA (дата обращения: 20.12.2023).

Литература

Овчинникова О. М. Обучение иноязычному профессионально ориентированному говорению с использованием информации креализованного текста: автореф. дис. … канд. пед. наук. Екатеринбург, 2010.

Щавелева Е. Н. Умение профессионально-тематического публичного выступления на иностранном языке в структуре содержания вузовской подготовки специалиста: автореф. дис. … канд. пед. наук. М., 2006.

Common European Framework of Reference for Languages: Learning, teaching, assessment — Companion volume. Strasbourg: Council of Europe Publishing, 2020. URL: www.coe.int/lang-cefr (дата обращения: 28.01.2025).

Доброва Татьяна Евгеньевна

канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПЦИИ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РАМКАХ ПРОГРАММ МАГИСТРАТУРЫ ПО ПОДГОТОВКЕ ПЕРЕВОДЧИКОВ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СФЕРЕ

Ключевые слова: поликультурное образование, профессионально ориентированный перевод, программы магистратуры, СПбГУ.

В условиях растущей взаимозависимости стран, поликультурное образование становится важным аспектом подготовки специалистов, особенно в области перевода. Программы магистратуры по подготовке переводчиков должны учитывать культурные различия и особенности различных сфер, таких как бизнес и менеджмент, туризм и международные отношения. Поликультурное образование не только способствует развитию языковых навыков, но и формирует межкультурные компетенции, необходимые для успешной профессиональной деятельности. Поликультурное образование позволяет студентам понять, как культурные различия влияют на деловые практики.

Английский язык для специальных целей (ESP) является важным компонентом подготовки переводчиков в каждой из указанных сфер. Он включает изучение специализированной терминологии и фразеологии, что позволяет студентам эффективно работать с профессиональными текстами, помогает студентам развивать навыки перевода специфических текстов. Обучение языку интегрировано с курсами по межкультурной коммуникации, чтобы студенты могли не только перевести текст, но и адаптировать его к культурным особенностям целевой аудитории.

Концепция поликультурного образования, принятая в России в 2010 г., представляет собой важный шаг на пути к формированию многонационального и многокультурного общества. Она основывается на необходимости интеграции различных культур и этносов в образовательный процесс, что способствует развитию гражданской идентичности и толерантности среди молодежи.

Большинство народов планеты, по данным ЮНЕСКО, билингвальны или полилингвальны. Магистральным направлением развития поликультурной школы является полилингвальная образовательная модель. Эффективная система российского поликультурного образования строится на принципе паритетного двуязычия в обучении и углубленного изучения иностранных языков. Переводчики играют ключевую роль в обеспечении эффективной коммуникации между культурами. Они должны понимать не только язык оригинала и целевого языка, но и культурные нюансы, которые могут влиять на интерпретацию текста. Это особенно важно в таких сферах, как бизнес, где неверное понимание культурных различий может привести к недопониманию и конфликтам. В бизнесе переводчики сталкиваются с необходимостью адаптации материалов для различных рынков. Эффективная локализация, которая включает в себя изменение изображений, цветов и даже форматов дат и валют, чтобы они были более понятными и приемлемыми для местных пользователей, позволяет компаниям завоевывать доверие клиентов в других странах, улучшая их опыт взаимодействия с продуктами или услугами. Таким образом, переводчики становятся важными партнерами в стратегиях выхода на международные рынки, способствуя успешной интеграции брендов в новые культурные контексты. Поликультурное образование позволяет студентам понять, как культурные различия влияют на деловые практики.

При реализации программ магистратуры по профессионально ориентированному переводу необходимо учитывать несколько ключевых принципов, среди которых особое внимание следует уделить принципам культурной целостности и полилингвальности. Эти принципы являются основополагающими для формирования компетентных специалистов, способных эффективно функционировать в многоязычной и многокультурной среде. Принцип культурной целостности подразумевает понимание культуры как сущностной основы образования. Важ-

но отметить, что простая трансляция фактов и образцов культуры в учебном процессе оказывается недостаточной. В условиях предметной расчлененности обучения именно культурные практики объединяют результаты различных видов образовательной деятельности, включая предметно-урочную, внеурочную и самостоятельную работу. Реализация этого принципа обеспечивается включением курсов на английском языке, курсов по страноведению, внеурочной работой с обучающимися. Принцип полилингвальности акцентирует внимание на важности языковой компетенции. Развитие полилингвального обучения становится необходимым в условиях интеграции и диалога культур. Методически обоснованное соотношение языков обучения и изучения является важнейшей составляющей поликультурного образования, расширяющей индивидуальную картину мира. На программах магистратуры первым иностранным языком является английский, вторые языки, предлагаемые обучающимся, включают как европейские (немецкий, испанский, французский, итальянский), так и восточные (китайский, арабский, персидский, турецкий). В гуманистической парадигме образования иностранный язык становится не просто средством общения, а способом постижения мира, приобщения к культуре различных стран и народов. Это способствует осознанию принадлежности к планетарному культурному сообществу и формированию поликультурно-ориентированной многоязычной личности.

Реализация концепции поликультурного образования в рамках программ магистратуры по подготовке переводчиков является необходимым шагом для формирования квалифицированных специалистов, способных эффективно работать в многообразной культурной среде. Это способствует развитию межкультурной компетенции у студентов, что является ключевым фактором их успешной карьеры на международном рынке труда.

Источник

Концепция поликультурного образования в Российской Федерации. 2010 // Тихоокеанский государственный университет. URL: https://togudv.ru/media/filer_public/1b/a5/1ba5a122-7f0f-4008-a73d-9f5c2a8c922b/concept.pdf (дата обращения: 15.01.2025).

Литература

Литвинова Г. Г. Поликультурное образование как часть культуры будущих специалистов // Вестник Брянского государственного университета. 2013. № 1. С. 41–44. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/polikulturnoe-obrazovanie-kak-chast-kultury-buduschih-spetsialistov (дата обращения: 15.01.2025).

Шеметова А. Б. Поликультурное образование как направление в профессиональной школе // Педагогическое образование в России. 2013. № 1. С. 159–162. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/polikulturnoe-obrazovanie-kak-napravlenie-v-professionalnoy-shkole (дата обращения: 15.01.2025).

Евтушенко Татьяна Геннадьевна
канд. филол. наук, доцент,
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

ОРГАНИЗАЦИЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ ПРИ ОБУЧЕНИИ АННОТИРОВАНИЮ НАУЧНОГО ТЕКСТА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНСТРУМЕНТОВ НА БАЗЕ МОДЕЛЕЙ ИИ

Ключевые слова: обучение иностранному языку, английский для академических целей, аннотирование научного текста, цифровая среда, инструмент на базе моделей ИИ.

Несмотря на заметные изменения, происходящие в современном мире, касающиеся пересмотра круга задач, выполняемых человеком и/или машиной, повышение качества образовательного процесса и анализ эффективности используемых подходов и методик обучения остаются актуальными проблемами исследования в лингводидактике.

Обучение в цифровой среде несколько меняет свои очертания в последние годы. Появляется всё больше инструментов, позволяющих автоматизировать процесс обучения иностранному языку [Сысоев 2023; Титова 2024]. Сегодня существует огромное количество бесплатных и частично платных программ / онлайн-сервисов, которые позволяют быстро, за несколько секунд или минут, анализировать материал и мгновенно предоставлять обратную связь пользователям.

Разнообразие доступных ресурсов требует их классификации, систематизации, апробации с целью анализа эффективности их применения для оптимизации преподавания иностранного языка, в частности, для организации самостоятельной работы обучающихся в условиях ограниченного количества аудиторных часов и нагрузки преподавателя в вузе.

В данной работе предложен алгоритм использования инструментов на базе моделей ИИ при составлении аннотации научной статьи для оптимизации самостоятельной работы студентов.

Предложенный алгоритм работы студента с текстом научной статьи направлен на облегчение работы преподавателя, который получает на проверку предварительно готовый текст аннотации научной статьи, предварительно обработанный и исправленный программами ИИ.

Про обучении иностранному языку в аспирантуре большая роль отводится обучению чтению и работе с научным текстом. Составление аннотации, как продукта просмотрового и изучающего чтения, предполагает компрессию первичного текста.

При сжатии текста осуществляется «перебор и отбор фактов и идей исходного текста и их материальной языковой оболочки» [Рогова 1991: 159]. Следовательно, можно выделить следующие этапы при обучении пересказу научной статьи: чтение статьи с выделением ключевых слов и важных мыслей в тексте, составление плана письменной аннотации, составление черновика аннотации с проверкой правописания, грамматики и корректировкой лексических конструкций, проверка составленного текста с учетом критериев связности, логичности и аргументации.

На всех этих этапах предлагается использовать инструменты на базе моделей ИИ в качестве ассистента преподавателя.

На предтекстовом этапе предлагается использование ChatPDF (https://www.chatpdf.com/) для извлечения списка ключевых слов и выражений, возможно также упрощение текста для прогнозирования тематики текста. В ChatPDF составляется план пересказа на основе требований, предъявляемых к структуре аннотации. На этом этапе студенты также могут составить текст пересказа в ChatPDF, однако это нежелательно, так как полученные материалы очень сложно использовать для устного пересказа.

После прочтения статьи составляется пересказ. На данном этапе предлагается использование Quillbot (https://quillbot.com) для варьирования языковых средств, используемых в аннотации. Инструмент «Paraphraser» дает возможность выбрать из предложенных программой вариантов наиболее подходящий или близкий студенту для последующего устного пересказа. «GrammarChecker» исправляет грамматические ошибки. Проверка на «AI detector» дает возможность внести дополнительные изменения, если это необходимо.

Один из самых важных этапов — это проверка готового текста аннотации научной статьи в EssayGrader (https://app.essaygrader.ai) и AcademicGPT (https://academicgpt.net/) на предмет соответствия критериям: лексическое разнообразие, логичность, связность, аргументация и др. EssayGrader предлагает варианты улучшения качества текста. Важно отметить, что на данном этапе развивается способность критически мыслить, оценивать готовый продукт, выбирать элементы, действительно требующие корректировки.

Готовый текст предъявляется преподавателю для проверки. При необходимости, в зависимости от поставленной цели обучения, помимо текста готовой работы, студентам дается задание предъявить материалы, полученные в результате работы над статьей в цифровой среде: таблицы, скриншоты и др.

Предложенный алгоритм работы с инструментами на базе моделей ИИ не исключает активной работы самих обручающихся, а наоборот мотивирует их и стимулирует их когнитивную деятельность. На каждом этапе составления текста аннотации студенты делают осознанный выбор наиболее подходящего из предлагаемых инструментами вариантов, при этом расширяя свой словарный запас. Таким образом, появившиеся возможности работы обучающихся в цифровой среде позволяют снизить нагрузку преподавателя и помочь студенту при работе с большим объемом статей, необходимых для сдачи кандидатского минимума.

Литература

Рогова Г. В., Рабинович Ф. М., Сахарова Т. Е. Методика обучения иностранным языкам в средней школе. Г. В. Рогова. М.: Просвещение, 1991.

Сысоев П. В. Технологии искусственного интеллекта в обучении иностранным языкам // Иностранные языки в школе. 2023. № 3. С. 4–16.

Титова С. В. Технологические решения на базе искусственного интеллекта в обучении иностранным языкам // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 27, № 2. С. 18–37.

Коздринь Пётр Романович

канд. филол. наук, доцент, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена; доцент, Национальный медицинский исследовательский центр им. В. А. Алмазова; subdeacon@yandex.ru

CHATGPT КАК ИНСТРУМЕНТ ДЛЯ СОЗДАНИЯ УЧЕБНЫХ МАТЕРИАЛОВ ПО ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

Ключевые слова: искусственный интеллект, учебный материал, ChatGPT, персонализация обучения.

Создание учебных материалов является одной из самых важных проблем в области языкового образования. В сущности учебный материал является отправной точкой в любом образовательном процессе, поэтому темы разработки, проектирования и оценки эффективности учебных материалов всегда останутся актуальными.

Часто курсы по иностранному языку строятся на основе учебников, которые предоставляют структуру для образовательной программы. Что само по себе и неплохо, так как современные учебники часто сопровождаются множеством дополнительных ресурсов и цифровых материалов. Однако, как отмечают исследователи, использование учебника имеет как преимущества, так и недостатки [Ur 2012]. Преимущества включают наличие четкой структуры, которая позволяет преподавателям и студентам ощущать прогресс. Кроме того, студенты могут использовать учебники для самостоятельного изучения, повторения материалов и контроля за собственным прогрессом. Однако у учебников есть и недостатки: они могут не удовлетворять специфическим потребностям конкретной учебной группы, темы могут быть неактуальными или «культурно нечувствительными», а содержание — быстро устаревать [Harmer 2007: 152]. В таких случаях учебник может стать обременительным и мешать созданию динамичной среды обучения, ориентированной на учащихся. Это может снижать мотивацию студентов и их активное участие, что негативно сказывается на образовательном процессе.

С появлением искусственного интеллекта (ИИ) появились новые возможности для создания учебных материалов. Одним из таких инструментов является ChatGPT — модель обработки естественного языка, которая понимает вводимые человеком данные и генерирует ответы, схожие с естественной человеческой речью. Благодаря доступу к огромному объему информации в Интернете GPT является одной из крупнейших языковых моделей в мире, основанной на миллиардах источников данных [Lund 2023]. Поэтому, использование ChatGPT для создания учебных материалов по иностранному языку несет в себе значительный потенциал, который упростит работу методистов и преподавателей. Мы предлагаем обзор некоторых основных проблем, связанных с традиционным подходом к подготовке учебных материалов, и их решения, используя возможности ИИ.

Нехватка времени. Традиционные методы создания учебных материалов часто требуют значительных затрат времени и сил. Преподаватели тратят часы на поиск, написание и подбор ресурсов, которые соответствуют целям учебной программы и потребностям учащихся. Учителя часто не успевают совмещать подготовку материала с другими профессиональными обязанностями, в первую очередь аудиторными занятиями.

ChatGPT позволяет генерировать высококачественные материалы в течение нескольких секунд, освобождая время для других важных задач обучения. Например, преподаватель может попросить: «Generate a reading comprehension passage about environmental issues for intermediate ESL students, with 10 comprehension questions». ChatGPT мгновенно создаст соответствующий текст и вопросы, избавив вас от многочасовой ручной работы.

Устаревшее содержание. Печатные учебники и готовые онлайн материалы быстро устаревают и могут не отражать текущих реалий, событий, культурных тенденций и, даже, лексики, что снижает их актуальность для учащихся. Тем не менее, контекстуализация и актуальность являются залогом положительной мотивации обучающихся. Используя ChatGPT, преподаватели могут включать примеры и задания, связанные с местной культурой, конкретным городом,

учебным заведением и специфической образовательной средой. Например, мы можем контекстуализировать предыдущий запрос: «Generate a sample dialogue between two students of Herzen University about environmental issues in Saint-Petersburg. It should fit for upper-intermediate level. Provide 10 comprehension questions». Предложенный диалог будет содержать изучаемую тематическую лексику, грамматику и речевые обороты в личностно-значимом для обучающихся контексте.

Отсутствие индивидуализации. Стандартизированные материалы не учитывают уникальные языковые проблемы и интересы конкретных групп учащихся, например, студентов с различным уровнем, или с дислексией. ChatGPT позволяет создавать вариации одного и того же задания, что полезно для разработки различных версий текстов и упражнений. Например: «Create a vocabulary matching activities with environment-related words — 1 for intermediate level, and 2 — for upper-intermediate level»; «Rewrite the text in dyslexic-friendly style, keeping the content». Такая адаптация обеспечивает соответствие материалов специфическим потребностям всех учащихся, способствуя созданию инклюзивной среды обучения.

Ограниченные ресурсы. Преподаватели в России, работающие в условиях лимитированности ресурсов, могут не иметь доступа к разнообразным онлайн материалам, что ограничивает возможности их преподавания. Как уже было упомянуто, ChatGPT может с легкостью генерировать тексты, схожие с естественной человеческой речью, что полностью решает проблему ограниченного доступа к аутентичным и образовательным материалам. Примерный запрос может выглядеть следующим образом: «Generate a unique text about environment protection in Saint-Petersburg. Use natural English wording».

Подобные примеры использования Chat GPT оптимизируют процесс создания материалов и предлагают динамичные, персонализированные решения. Использование ChatGPT также способствует профессиональному развитию преподавателей. Кроме того, благодаря возможности создавать оригинальные материалы, преподаватели избегают проблем с авторскими правами.

В целом, интеграция ChatGPT в методическую работу преподавателей способствует более инклюзивному и динамичному образовательному процессу, мотивирует учащихся и улучшает результаты обучения. Решая проблемы, связанные с традиционными методами создания материалов, ChatGPT позволяет преподавателям сосредоточиться на проведении высококачественного обучения, а универсальность и адаптивность этого ресурса делают его ценным дополнением к набору инструментов любого преподавателя.

Литература

Harmer J. How to teach English. Pearson Longman, 2007.

Lund B. D., Ting Wang, Nishith Reddy Mannuru, Bing Nie, Somipam Shimray, Ziang Wang. ChatGPT and a new academic reality: Artificial Intelligence-written research papers and the ethics of the large language models in scholarly publishing // Journal of the Association for Information Science and Technology. 2023. Vol. 74. P. 570–581.

Ur P. A Course in English Language Teaching. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.

Копыловская Мария Юрьевна

канд. пед. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет;
m.kopylovskaya@spbu.ru

НАГЛЯДНОСТЬ И ВИЗУАЛИЗАЦИЯ В ЛИНГВОДИДАКТИКЕ

Ключевые слова: наглядность, классификация, цифровые инструменты.

Проблема наглядности существует в педагогике достаточно давно. Ян Амос Каменский в бессмертном произведении «Великая дидактика» говорил о необходимости видеть объект, о котором говорит учитель.

В лингводидактике при обучении английскому языку подобная наглядность использовалась в форме плакатов, украшающих кабинет английского языка в школе или же в форме, приносимых в аудиторию преподавателем изображений в формате А4.

Все изменилось с появлением компьютеров, которые позже стали переносными и существовали в форме ноутбуков, позже смартфонов и технологий, дающих преподавателю возможность делиться изображением.

При помощи изображений отрабатывались чаще всего фоновые знания плюс языковые знания или оперируя терминологией компетентностного подхода какие — либо компетенции: лингвистическая компетенция при этом включала в себя знание- вые субкомпетенции, (т. е. фонетическую, лексикологическую, грамматическую компетенции и прочие комплексные субкомпетенции фразеологическую и стилистическую и подобные им.)

Комплекс цифровых изображений позволял развивать дискурсивную компетенцию, что в доцифровую эпоху часто делалось с помощью картинок Жана Эффеля, которые учащиеся должные были расположить в соответствии с логикой своего последующего повествования. Монологическая устная речь учащихся на английском языке при этом отрабатывалась в пересказе по картинкам и приобретались навыки связности и логичности повествования. Задание могло быть усложнено дополнительной лексикой, которая тоже могла быть с помощью изображений.

На фотографии могло быть дано лицо, которое возможно было изменять и изучать новую лексику при чем лицо могло быть изменено как физически (например, на изображении появлялся синяк под глазом), так и эмоции, отображаемые на картинке, могли быть разными в зависимости от уровня обучения — учащиеся могли получить лексические знания на требуемом уровне владения иностранным языком. Преподаватель мог использовать изображения и на уровне А2 и на уровне В2 просто усложняя задачи и учитывая коммуникативные ситуацию

В классификации упражнений предложенной С. Ф. Шатиловым данные упражнения можно было отнести на уровнях А2 и В1 к неречевому и некоммуникативному упражнению, но упражнения становились коммуникативными при повышении уровня владения иностранным языком.

В книге «Digital Literacies» приводятся примеры работы с изображениями на уровне первых цифровых инструментов, так как книга вышла в свет в 2013 г.

Возможности изображений и видеоматериала безграничны. В сети находится огромное количество цифровые инструментов, которые должны быть систематизированы хотя поделены по принципу «язык» и «речь».

Далее классификация цифровых инструментов может быть продолжена делением на ПО (программное обеспечение) и мобильные приложения. Если ПО может быть использовано на занятиях в классе, то мобильные приложения лучше использовать при выполнении самостоятельных или в практике «домашних» заданий, которые перестали быть домашними так как могут быть выполнены студентом по пути домой.

Языковые сервисы могут быть далее классифицированы в соответствии с языковыми аспектами (например, фонетические, лексические, грамматические, синтаксические и проч.) В то время как речевые должны быть классифицированы по видам речевой деятельности (говорение. аудирование, чтение, письмо).

Далее потребуется внутреннее деление сервисов в рамках аспекта языка или вида речевой деятельности.

Нельзя забывать о том, что медиация, т. е. посредничество, была вынесена академическим сообществом в отдельный вид речевой деятельности, т. е. средства, обучающие при помощи, которых можно осуществлять обучение переводу также могут представлять определенный класс в лингводидактической классификации цифровых инструментов.

Особую статью при этом будут составлять непросты и LXP платформы они могут быт классифицированы в соответствии с их функциями: ПО позволяющее работать с текстовыми файлами, генерировать изображении, генерировать виде, и т. д.

Таким образом, хотя тема визуализации материала в образовании поднималась еще в XVII в., она до сих пор актуальна, хотя за 300 лет изменились средства обучения ими стали источники цифровой наглядности, которые позволяют сделать изучение предмета «Иностранный язык» не только информативным, но и интересным.

Литература

Московкин Л. В. Теоретические источники концепции речевых навыков и умений С. Ф. Шатилова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2020. № 198. С. 7–16. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-istochniki-kontseptsii-rechevyh-navykov-i-umeniy-s-f-shatilova (дата обращения: 23.01.2025).

Эффель Ж. Сотворение мира. М.: Изобразительное искусство, 1989.

Dudeney G., Hockly N., Pegrum M. Digital literacies: Research and resources in language teaching. London; New York: Routledge, Taylor & Francis Group, 2013.

Мазуренко Инна Владимировна

канд. филос. наук, доцент,
Северо-Западный государственный медицинский университет им. И. И. Мечникова;
mazurinna@yandex.ru

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКИХ ВУЗОВ С ПРИМЕНЕНИЕМ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Ключевые слова: искусственный интеллект, медицинское образование, обучающие мобильные приложения, иностранный язык для специальных целей, интерактивные анатомические столы.

Внедрение цифровых технологий в процесс обучения студентов медицинских вузов является новой парадигмой медицинского образования, так как высокие критерии, предъявляемые к оценке качества подготовки врача, требуют использования современных технологий в преподавании многих дисциплин и, в частности, иностранного языка для специальных целей [Мазуренко 2021: 248].

Оценка эффективности применения технологий искусственного интеллекта и, в частности, интерактивной платформы Quizlet и интерактивных трехмерных анатомических столов «Anatomage» и «Пирогов», была проведена в рамках обучения иностранному языку (английскому языку) студентов (60 человек) специальности «Стоматология» Северо-Западного государственного медицинского университета им. И. И. Мечникова.

В рамках реализации цели по оценке эффективности применения данных цифровых технологий, были поставлены следующие задачи:

- Оценить уровень знаний обучающихся после изучения материала по классической методике с использованием учебных пособий и обучающей платформы СДО Moodle.
- Оценить эффективность применения интерактивной платформы «Quizlet» в образовательном процессе путем сравнительного тестирования обучающихся.
- Оценить эффективность применения интерактивных анатомических столов «Anatomage» и «Пирогов» в образовательном процессе путем сравнительного тестирования обучающихся.
- Получить обратную связь от студентов по впечатлениям от использования интерактивной платформы «Quizlet», анатомических столов и результативности их применения.

Ввиду недостаточных знаний в области анатомии и физиологии человека, а также отсутствия стоматологической практики у студентов первого курса возникают сложности в изучении медицинских терминов. Поэтому использование интерактивной образовательной платформы «Quizlet», основными продуктами которой являются флэш-карты, помогает визуализировать медицинские термины с помощью карточек и, соответственно, повысить эффективность обучения [Климашина 2020: 25].

Наибольшую сложность в изучении стоматологических терминов представляют термины в следующих тематических группах: orthodontic appliances, prosthetic appliances, dental diseases, dental procedures, dental X-rays. Созданные на базе данной платформы флэш-карты, содержащие дефиницию изучаемого стоматологического термина на английском языке, звуковое сопровождение и визуальное представление позволяют значительно повысить усвоение учебного материала по сравнению с результатами тестирования после обучения по классической методике обучения с использованием учебных пособий и образовательной платформы СДО Moodle. В рамках проведенного исследования результат улучшился на 17 %.

Кроме интерактивной платформы «Quizlet» в повышении профессионально-ориентированной коммуникативной компетентности студентов-медиков особую роль играют цифровые анатомические столы «Anatomage» [Иванова 2020: 122] и «Пирогов», которые позволяют изучать строение тела человека и функционирование различных органов в трехмерном форма-

те. Интерактивные анатомические столы создают условия интеграции обучающихся в условия, приближенные к реальным, что повышает интерес и вовлеченность студентов в образовательный процесс [Искакова 2022: 52].

Анализ проведенного тестирования после обучения с использованием интерактивных анатомических столов по сравнению с результатами тестирования после обучения с использованием интерактивной платформы «Quizlet» позволяет сделать вывод, что результат улучшился на 24 %.

Оценка уровня удовлетворенности студентов в результате интеграции технологий искусственного интеллекта в образовательный процесс показывает его высокий уровень.

Итак, анализ эффективности применения интерактивной платформы «Quizlet» и трехмерных анатомических столов «Anatomage» и «Пирогов» свидетельствует о значительном улучшении уровня знаний студентов и повышения их профессионально-ориентированной коммуникативной компетентности. Кроме того, выявлено субъективное улучшение процесса усвоения знаний среди обучающихся за счет большей вовлеченности в образовательный процесс и повышения интереса к инновационным методикам проведения занятий. Безусловно, методически правильно организованный образовательный процесс с использованием электронных образовательных ресурсов способствует обучению иностранному языку на качественно новом уровне.

Литература

Иванова Н. В., Мурашов О. В., Прокофьев М. С. Использование «Anatomage table» для изучения вариантной анатомии // Вестник Новгородского государственного университета. 2020. № 4. С. 120–126.

Искакова М. К. Ережепова Г. Н. Использование интерактивного стола Пирогова при обучении студентов стоматологов // Актуальные проблемы теоретической и клинической медицины. 2022. № 4. С. 51–55.

Климашина Н. Н. Мобильные приложения в процессе обучения // Вестник магистратуры. 2020. № 1. С. 24–26.

Мазуренко И. В. Применение цифровых технологий в обучении студентов медицинских вузов на примере метафор и соматических фразеологических единиц: монография / под ред. М. Ю. Копыловской. М.: Флинта, 2021.

Marnitsyna Ekaterina
PhD in Philology, Associate Professor, St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

ON DEVELOPING CRITICAL THINKING IN AI EPOCH WHEN TEACHING DESIGN STUDENTS

Keywords: AI in education, critical thinking, ESP, design education.

Nowadays, it is widely recognized that the advancement of artificial intelligence (AI) is profoundly transforming our lives and education. This digitalization is reshaping various professions, including that of a foreign language teacher. While AI has become an indispensable tool in many fields, it is also deprived of potential threats. The integration of AI into the educational system is an inevitable consequence of the ongoing shift toward digital education. Consequently, fostering creativity and critical thinking among the younger generation is increasingly important, enabling them to use AI professionally while also resisting its influence. Without a critical approach and a proper understanding of how technologies and systems operate and govern our lives, we will not be able to make informed decisions regarding their current and future impacts. In this context, critical thinking skills and problem-solving abilities are becoming crucial. The concept of critical thinking has been interpreted in various ways. Researchers define it through the development of logical reasoning skills, the application of reflective judgment, and the creation, use, and testing of meaning. However, most specialists agree that critical thinking is primarily relevant to adult life and is closely associated with higher education [Vanicheva et al. 2015: 658–659].

Another reality is that colleges and universities do not explicitly teach these skills; instead, they expect learners to acquire them over time through a series of lower-level tasks and simpler skills. The pace of change in the world is so rapid that we can no longer rely on this strategy. Unfortunately, there remains a significant gap in communication and coordination between English for Specific Purposes (ESP) syllabi and professional subject curricula. To complicate matters further, many foreign language teachers are concerned that AI-assisted tools may replace them. Therefore, it is time to embrace AI as an assistant to enhance the learning process, making it more effective and engaging. The focus should be on developing an English class model that integrates artificial intelligence while complementing traditional pedagogical methods. AI-assisted systems are already popular in design sphere; however, it is important to note that AI performance is still far from perfect and can sometimes produce misleading or strange results.

In the context of generative AI, a collection of AI-generated errors, peculiar images, and illogical results have been collected to create an educational quiz titled "AI vs. Human Being: It's Not Over Until It's Over".

Examples of Quiz Tasks:

- Students are presented with images of three unusual handbags and have to identify the genuine item among them.
- Two distinctly different images are generated from the same prompt, and students are tasked with explaining the reasons for this discrepancy.
- In instances where AI refuses to generate an image based on a given prompt, students must analyze the prompt, identify any errors, and elucidate the underlying reasons for the AI's refusal.

This quiz can be utilized in its entirety during a single lesson or divided into sections for implementation over an extended period. To maximize its educational value, students are required to substantiate and explain their decisions throughout the activity. This approach not only enhances professional development but also fosters foreign language skills and critical thinking.

The quiz serves several purposes within the framework of ESP, including:

- Practicing professional vocabulary pertinent to design.

- Engaging in debates conducted in a foreign language.
- Promoting teamwork as the quiz can be organized in a format of the popular TV show ‘What? Where? When?’
- Working with vocabulary and grammar to ensure accurate prompt writing, minimizing errors, and developing skills to identify and correct mistakes.

Professional development is further enhanced through engagement with images and prompt engineering — skills that have become integral to a designer's work. This activity cultivates attention to detail and enhances professional visual literacy. Moreover, through this assignment, students independently discovered resources that explain how to distinguish between artificially generated images and authentic ones.

In terms of critical thinking, researchers have identified learning behaviors that reflect critical thinking in both scientific and humanities disciplines, as well as essential skills that are crucial for this cognitive process. Many of these skills are applied within this quiz context: understanding a range of options, comparing and contrasting them, making judgments; analyzing data to formulate arguments; constructing clear, organized, logical arguments; utilizing information for interpretation; and drawing logical conclusions from provided data [Vanicheva et al. 2015: 662–665].

It is important to note that the quiz itself is not static or immutable. Given the rapid advancement of AI technology, errors and generated images may quickly become outdated. Therefore the content must be continuously updated. In conclusion, as we navigate this evolving landscape shaped by AI, prioritizing the development of critical thinking skills among design students is essential for their success in both their professional endeavors and their interactions with technology.

References

Vanicheva T., Kah M., Ponidelko L. Critical thinking within the current framework of ESP curriculum in technical universities of Russia // Procedia — Social and Behavioral Sciences. 2015. Vol. 199. P. 657–665.

Редникова Ирина Петровна

ст. преподаватель, Университет Иннополис;
i.rednikova@innopolis.ru

СРЕДА, ПРИБЛИЖЕННАЯ К ЯЗЫКОВОЙ, И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ЕЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ИТ ВУЗА

Ключевые слова: языковая среда, среда, условия среды, приближенной к языковой, английский язык, ИТ студенты.

Информационное общество диктует требования к мультиязычным коммуникативным навыкам и умениям специалистов, задействованных практически во всех сферах деятельности, поэтому важность и необходимость владения английским языком ИТ студентами трудно переоценить. В свете таких требований к выпускникам ИТ направлений вузов возникает необходимость пересмотра педагогических условий, способствующих более быстрому и успешному овладению английским языком в пределах дисциплины «Иностранный язык». Одним из условий, которым до последнего времени не предавалось особого значения, является языковая среда. При этом *существуют теоретические разногласия в отношении понятия языковой среды и условий ее формирования*. Более того, представленные *виды языковой среды, не являются исчерпывающими*, поскольку они не принимают в расчет все существующие педагогические условия. Таким образом, в данной работе мы представим аналитический обзор определений языковой среды, существующих в данный момент, *дефинируем понятие* ***среды, приближенной к языковой,*** *и сформулируем педагогические условия, обеспечивающие ее функционирование*.

В отечественной педагогике понятие среды появилось в начале 1920-х. С. Т. Шацкий предложил использовать понятие «педагогическая среда», Л. С. Выготский, А. В. Хуторской, В. А. Ясвин оперировали понятием «образовательная среда», П. П. Блонский ввел понятие «общественная среда ребенка».

В контексте методики преподавания иностранных языков существуют такие понятия как «естественная языковая среда» (Э. Г. Азимов и А. Н. Щукни), «полиязычная среда» (О. Л. Соколова), «полиязычная образовательная среду» (М. О. Гузикова, Е. С. Ессяк), «англоязычная образовательная среда» (М. А. Кечерукова), «единая образовательная среда на иностранном языке» (Е. И. Абрамова, А. В. Ананьина и Е. П. Шишмолина), объединенные гиперонимом «языковая среда» (З. И. Гирич, Э. Г. Азимов и А. Н. Щукин).

При этом между упомянутыми терминами существуют отличия. Э. Г. Азимов и А. Н. Щукин определяют языковую среду как «исторически сложившееся на основе общего языка и культуры, объединение людей, проживающих на определенной территории» [Азимов 2021: 403]. Т. В. Жеребило понимает под языковой средой естественную речь, воспринимаемую человеком (язык семьи, язык радио, язык книг, и т. д.). Н. А. Журавлева видит в языковой среде существующую информацию на языке страны, в которой находится или обучается обучающийся данному языку иностранец.

Более того, нет единства в отношении типов «языковой среды». Э. Г. Азимов и А. Н. Щукин и выделяют естественную и искусственную языковые среды. Под естественной языковой средой исследователи понимают обучение, которое проходит в условиях иноязычной языковой среды, а именно в стране, где английский язык является родным. Естественная языковая среда считается важным условием формирования коммуникативной компетенции. Искусственная языковая среда формируется через средства обучения в условиях ее отсутствия с целью воссоздания языковой среды» [Азимов 2021: 403]. И. А. Орехова пишет о существовании пяти типов языковой среды: «языковая среда страны языковой монополии; нетитульная языковая среда, характерная для стран постсоветского периода; языковая среда диаспоры; микроязыковая среда диаспоры и патриархальная языковая среда; лингводидактическая языковая среда» [Орехова 2000: 419].

Более общее понятие «искусственная языковая среда» включает в себя такие термины как «полиязычная среда», «полиязычная образовательная среда», «англоязычная образовательная среда», «единая образовательная среда на иностранном языке», которые часто используются как идентичные. Однако сложно согласиться с подобным использованием. Например, понятие «полиязычная среда» и «полиязычная языковая среда» можно определить как искусственную языковую среду в образовательном учреждении, целью создания которой является развитие полиязычия. Целью формирования «англоязычной образовательной среды» или «единой образовательной среды» является овладение иностранным языком.

Понятие «англоязычная языковая среда» (М. А. Кечерукова) можно отнести как к искусственно создаваемой среде в вузе, так и к естественно существующей среде, поэтому данное понятие можно считать гипонимом «языковой среды». «Единая образовательная среда на иностранном языке» (Е. И. Абрамова, А. В. Ананьина и Е. П. Шишмолина) может быть как синонимом для понятия «искусственная языковая среда», поскольку под ним понимается процесс формирования языковой среды в пределах ВУЗа посредством использования одного иностранного языка, так и видом «естественной языковой среды».

В зарубежной методике С. Крашен был первым, кто выделил искусственную языковую среду (artificial or formal environment) и естественную языковую среду (natural or informal environ ment) [Krashen 1976: 157]. С. Крашен и Х. В. Селигер понимают искусственную среду как набор правил, вводимых посредством упражнений, и сопровождаемых оценкой результатов преподавателем. Естественная языковая среда характеризуется возможностью большей языковой практики, которую обучающийся получает посредством неформального общения с носителями языка (S. D. Krashen and H. W. Seliger, J. Caroll, J. Upshur).

Зарубежные исследователи сейчас широко используют понятие «языковое погружение» (language immersion), под которым понимают долгосрочные программы, нацеленные на формирование двуязычия у обучающихся. Участники подобных программ изучают предметы школьного курса как на родном, так и на иностранном языке. Время, отводимое на изучение предметов на иностранном языке, варьируется в зависимости от возраста обучающихся (R. K. Johnson and M. Swain; C. Klee, A. Lynch, and E. Tarone). Цель погружения в язык — не только изучение иностранного языка, но и сохранение и использование родного языка.

Таким образом очевидно, что среди исследователей нет единства мнений относительно термина «языковая среда» и его производных. Более того, отечественные исследователи часто не делают различий между понятиями «естественной языковой среды» и «языковой среды». Только если необходимо провести сравнение выделяется искусственная и естественная языковая среда.

Университет Иннополис реализует учебную программу по направлению 09.03.01 «Информатика и вычислительная техника», соответствующую федеральному стандарту ФГОС ВО 3++. Данное направление подготовки представлено в рамках двух направленностей: «Информатика и вычислительная техника» и «Анализ данных и искусственный интеллект», каждое из которых имеет свои особенности, несмотря на очевидные сходства. Университет Иннополис отличается от большинства вузов Российской Федерации тем, что преподавание всех предметов осуществляется на английском языке. Причина заключается в том, что значительное количество преподавателей не владеют русским языком. Использование английского языка как ведущего языка образовательного процесса позволяет нанимать не только отечественных, но и высококвалифицированных зарубежных преподавателей. Еще одна причина кроется в специфике ИТ-сферы. Ее развитие сопровождается появлением значительного количества инноваций, не все из которых разрабатываются в России. Более того, в основе всех языков программирования лежит английский язык. В результате такого подхода возникает среда, приближенная к языковой.

Понятие среды, приближенной к языковой, в контексте Университета Иннополис основывается на условиях, существующих в образовательной экосистеме университета. Участие в образовательном процессе иностранных преподавателей и студентов мы считаем основополагающим. Все материалы, включая учебники и презентации представлены на английском языке. В отличие от искусственной среды, где все условия создаются искусственно, их набор ограни-

чен и неизменен, и предполагает усилия со стороны участников образовательного процесса, среда, приближенная к языковой, возникает естественно и не предполагает усилий. Однако она отличается от естественной среды тем, что студенты не находятся в стране изучаемого языка.

Итак, мы выделяем следующие условия функционирования среды, приближенной к языковой, в контексте ИТ вуза:

- ведущий язык образовательного процесса — английский; все дисциплины вуза реализуются на английском языке;
- общение студентов вне аудиторий в пределах университета происходит на английском языке, поскольку значительная часть обучающихся — иностранные студенты;
- учебные материалы (учебники, материалы научных конференций, презентации и т. д.), используемые в образовательном процессе, представлены преимущественно на английском языке;
- языком общения между студентами и преподавателями является английский язык, поскольку как среди преподавателей, так и среди студентов есть значительное количество иностранцев, не владеющих русским языком на уровне, необходимом для усвоения образовательной программы вуза;
- устные выступления на международных научных конференция происходит на английском языке, поскольку научными руководителями часто являются иностранные преподаватели;
- участие в международных конкурсах и хакатонах также требует высокого уровня владения иностранным языком.

Таким образом, мы предлагаем понятие *среды, приближенной к языковой*, которое является промежуточным между такими понятиями как естественная языковая среда, языковая среда и искусственная языковая среда. Мы трактуем предлагаемый термин как комплекс естественно-существующих и изменяющихся во времени условий, обеспечивающих создание пространства иноязычного общения, в котором участвуют все представители образовательного процесса вуза.

Литература

Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Современный словарь методических терминов и понятий. Теория и практика обучения языкам. М.: Русский язык. Курсы, 2021.

Орехова И. А. Языковая среда — катализатор учебного процесса // Современная коммуникативистика: наука — практика — специальность: Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. М.: Российский новый университет, 2000. С. 417–422.

Krashen S. D. Formal and Informal Linguistic Environments in Language Acquisition and Language Learning // TESOL Quarterly. 1976. Vol. 10, no. 2. P. 157–168. https://doi.org/10.2307/3585637

Krashen S. D., Seliger H. The essential contributions of formal instruction in adult second language learning // TESOL Quarterly 9. 1975. P. 173–183.

Темурян Кристина Телмановна

преподаватель, аспирант, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; christinatem5@gmail.com

СОЗДАНИЕ КУРСА С ПОДДЕРЖКОЙ ИИ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНЫХ УМЕНИЙ БУДУЩИХ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: профессиональная подготовка преподавателей ИЯ, ИИ в обучении ИЯ, развитие умений интеракции, профессионально-коммуникативные умения интеракции, чат-боты в обучении ИЯ.

В настоящее время правительства по всему миру поддерживают интеграцию технологий искусственного интеллекта (ИИ) в ряд отраслей, удовлетворяющих основные потребности населения, в частности, здравоохранение и образование. Российская Федерация также является частью глобальной тенденции, направленной на внедрение технологий ИИ в процесс обучения. Безусловно, такое развитие сопряжено с вопросами целесообразности на фоне этических принципов использования ИИ. Двойственное влияние ИИ на деятельность человека можно разделить на две основные категории: технологии, снижающие нагрузку на человека за счет принятия на себя его обязанностей, и технологии, которые заменяют человека в обстоятельствах, когда его участие невозможно. В то время как первое, как известно, встречается в сфере образования [Ahmad et al. 2023: 2] и, следовательно, может вызывать беспокойство, в представляемом исследовании обсуждается использование технологий ИИ для расширения возможностей обучения будущих преподавателей при приобретения и отработки умений интеракции на занятии по ИЯ.

Необходимость интеракции на занятии ИЯ вытекает из совпадающих результатов исследований в области когнитивной психологии, социокультурной теории и обучения иностранному языку — теории социального конструктивизма и зоны ближайшего развития Л. С. Выготского, гипотеза о роли входного материала С. Крашена и др. (по [Выготский 1996: 8; Krashen 1985: 2]). Несмотря на то что интеракция на занятии по ИЯ осуществляется не только между преподавателем и обучающимися, решающую роль в ней играет педагог. Его умения интеракции, будучи частью профессионально-коммуникативной компетенции преподавателя ИЯ, подлежат развитию. На основе определения классной интерактивной компетенции С. Уолша исследователями было предложено несколько моделей её развития (SETT, IMDAT, SWEAR), однако ни одна из них не является оптимальной для будущих преподавателей, чей опыт проведения занятий по ИЯ ограничен или отсутствует.

В связи с этим представляется необходимым развивать классную интерактивную компетенцию, как её называет С. Уолш, или умения интеракции в процессе подготовки будущих преподавателей. Так как интеракция на занятии по ИЯ имеет свои особенности в зависимости от уровня и возраста обучающихся, необходимо разрабатывать курсы или модули, предназначенные для разных целей, на уровнях бакалавриата и магистратуры. На рассматриваемом нами этапе обучения, в магистратуре, студенты лингводидактических направлений подготовки обретают знания, умения, навыки и стратегии, позволяющие им обучать студентов высшей школы, т. е. их необходимо подготовить к интеракции с этой возрастной группой.

Для выделения содержания обучения нами были рассмотрены предложенные исследователями модели ролей, выполняемых преподавателем на занятии по ИЯ, на основе которых нами была определена таксономия знаний, умений, навыков и стратегий, необходимых для решения специфических коммуникативных задач, возникающих в классе. Полученная таксономия позволила разделить содержание обучения на три части: теоретическую часть, направленную на рассмотрение понятия *интеракция* в обучении ИЯ; общую практическую часть, способствующих развитию знаний, навыков, умений и стратегий, составляющих неотъемлемую часть любого занятия по ИЯ; и частную практическую часть, заключающуюся в отработке знаний, навыков, умений и стратегий интеракции применительно к различным микро-задачам на занятии по ИЯ.

Несмотря на теоретический компонент, курс отличается практической направленностью, так как предназначен для формирования и развития языковых навыков и коммуникативных умений. Ввиду этого выбранная форма проведения занятий — занятия семинарского типа. Однако количество часов, отведенное в учебном плане на формирование профессионально-коммуникативных умений интеракции, не позволяет в достаточной мере развить практические умения и навыки. При этом, часы, отведенные на активную практику, также позволяют заполнить этот пробел. В такой ситуации обучающимся возможно разыгрывать ситуации классного общения на семинарах, однако основной трудностью в этом случае является неспособность студентов реалистично имитировать обучающихся других возрастов или с другим уровнем языка.

Для того, чтобы заполнить этот пробел, оправданно использовать техрешения на базе ИИ. Осуществленный нами ранее обзор существующих техрешений [Титова, Темурян 2024: 272–274] выявил отсутствие на рынке инструмента, способного удовлетворить такой запрос, в связи с чем становится очевидно, что искомое решение — специализированный чат-бот, разработанный для решения конкретных дидактических задач. С этой целью нами была описана дидактическая модель предлагаемого чат-бота, определены типичные коммуникативные задачи, сформулированы ключевые стратегии, отобран языковой и социокультурный материал, а также разработана архитектура бота с тремя взаимосвязанными модулями (лингвистическим, методическим и социокультурным) и обеспечением таких характеристик, как интерактивность и геймифицированность, а также возможность отслеживания прогресса.

Создание такого чат-бота требует сотрудничества специалистов из разных областей: методики обучения ИЯ, педагогики, лингвистики, теории коммуникации и IT. Ожидается, что интеграция такого чат-бота в курс, направленный на развитие умений интеракции будущих преподавателей ИЯ, усилит готовность обучающихся к осуществлению интеракции на занятии, а также качество этой интеракции.

Литература

Выготский Л. С. Проблема обучения и умственного развития в школьном возрасте // Психологическая наука и образование. 1996. Т. 1, № 4. С. 5–18.

Титова С. В., Темурян К. Т. Интеллектуальные агенты в обучении ИЯ: типология, возможности, вызовы // Язык и культура. 2024. № 65. С. 262–287.

Ahmad S. F., Han H., Alam M. M., Rehmat M. K., Irshad M., Arraño-Muñoz M., Ariza-Montes A. Impact of artificial intelligence on human loss in decision making, laziness and safety in education // Humanities and Social Sciences Communication. 2023. Vol. 10, no. 1. P. 1–14.

Krashen S. D. The Input Hypothesis: Issues and Implications. New York: Longman, 1985.

Тутова Анастасия Александровна

ассистент, Университет науки и технологий МИСИС;
zaraphshan@gmail.com

МЕТОДЫ ОЦЕНИВАНИЯ СФОРМИРОВАННОСТИ КОМПЕТЕНЦИЙ ОБУЧАЮЩИХСЯ В УСЛОВИЯХ СВОБОДНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СЕРВИСОВ ГЕНЕРАТИВНОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Ключевые слова: коммуникативная компетенция, искусственный интеллект, использование ИИ, оценочные средства.

В последние годы наблюдается значительное изменение в подходах к обучению иностранным языкам, обусловленное широким доступом к сервисам генеративного искусственного интеллекта (ИИ). Искусственный интеллект — это технология, которая занимается разработкой и созданием онлайн программ, способных выполнять сложные интеллектуальные задания, требующие высоких когнитивных способностей распознавания, анализа и восприятия как устной так и письменной речи [Whats if artificial intelligence?]. Данная статья посвящена методам тестирования образовательных компетенций учащихся при выполнении внеклассных заданий с учетом свободного использования ИИ.

Понятие «компетенция» было введено в научный оборот благодаря работам американского лингвиста Ноама Хомского [Хомский 1972: 15], который в 1972 г. акцентировал внимание на важности знаний и умений в языковом обучении. В современных методических исследованиях А. В. Хуторской определяет образовательные компетенции как совокупность знаний, умений, навыков и опыта, необходимых для успешной практической деятельности обучающегося [Хуторской 2003: 60]. В контексте языковых дисциплин можно выделить следующие ключевые компетенции:

1. Коммуникативная.
2. Информационная.
3. Социально-культурная.
4. Предметная.
5. Учебно-профессиональная.

Развитию коммуникативной компетенции отводится важное место в академической и профессиональной сфере учащихся, так как она включает в себя не только знания о системе языка и его единицах, но и понимание способов формулирования и выражения мыслей на изучаемом языке, помогает осознанию национально-культурных особенностей носителей языка и способствует адекватному выбору средств общения для решения коммуникативных задач в различных сферах деятельности [Общеевропейские компетенции 2003]. Однако, свободный доступ к различным генеративным платформам, выполняющим задания высокой сложности без интеллектуального участия студентов, ставит под угрозу развитие письменных и устных коммуникативных навыков учащихся, а также затрудняет преподавателям процесс оценивания самостоятельных работ. Соответственно, в условиях, когда использование ИИ становится неизбежной нормой, необходимо внедрение новых подходов к составлению и формату домашних заданий, а также методов их оценивания на разных этапах выполнения.

Одним из наиболее перспективных заданий является проектная деятельность, которая может быть разделена на два ключевых этапа: подготовительный и заключительный. На первом этапе студенты используют ИИ для создания текстов и анализа материала, что позволяет им глубже изучить тему и включить необходимые языковые единицы в свои работы. Это создает условия для формирования критического мышления и самостоятельного подхода к изучаемой теме. Второй этап — презентация конечного продукта — осуществляется устно в классе без опоры на заранее подготовленный текст. Данный этап предполагает активное развитие навыков

говорения, включая монологическое высказывание и обсуждение, так как любая устная презентация требует от студентов умения аргументировать свою точку зрения и взаимодействовать с аудиторией, что является важным аспектом повышения коммуникативной компетенции.

Другим эффективным способом проверки навыков коммуникативной компетенции может быть организация дискуссий, дебатов и обсуждений. На подготовительном этапе ИИ помогает студентам в поиске информации и составлении аргументов по выбранной теме. Однако само проведение дебатов осуществляется без опоры на текст, что способствует развитию навыков диалогического общения и логического построения аргументации.

Генеративные платформы для работы с видеозаписями существенно нивелируют самостоятельную работу студентов при анализе аутентичных аудио материалов. Эти ресурсы предоставляют скрипты к видеороликам, за считаные минуты анализируют тему и речь спикера, а также могут составить вопросы или дать развернутые ответы к любому заданию по видео. Такие возможности ИИ способны снизить развитие навыков аудирования и понимания на слух. Поэтому рекомендуется первичное просматривание и работу с видеоматериалом проводить аудиторно, а для оценивания детального понимания текста предлагать студентам в устном монологическом высказывании представлять тему или дома записывать небольшие видеоролики, где они демонстрируют знание содержания и ключевые аспекты разобранного материала. Этот подход не только способствует развитию навыков устной речи, но и позволяет преподавателям более эффективно оценивать уровень понимания и интерпретации изученного каждым отдельным студентом.

Для развития навыков письменной речи необходимо проводить любое тестирование исключительно в аудитории под пристальным контролем преподавателя, так как самостоятельное выполнение письменных заданий вне учебного времени, вероятнее всего, будет сопряжено с использованием возможностей ИИ, которое отличается быстротой и функциональностью. Разнообразные письменные задания, выполняемые в классе, будь то традиционное бумажное тестирование или написание эссе, рецензий и рефлексией, способствуют самостоятельному выражению мыслей на иностранном языке, а также обеспечивают более объективную оценку развития уровня письменной компетенции студентов.

Таким образом, можно заключить, что дальнейшее обучение в XXI в. практически невозможно без интеграции инструментов искусственного интеллекта, поскольку данные технологии представляют собой наименее время- и ресурсозатратные методы, которые неизменно вызывают интерес у студентов. В связи с этим преподавателям необходимо пересмотреть методы разработки и форматы внеаудиторных заданий, когда студенты могут свободно воспользоваться инструментами ИИ, а также тщательно контролировать выполнение любых письменных аудиторных работ. Такой подход будет способствовать формированию всех коммуникативных навыков учащихся и позволит преподавателям правильно мониторить их развитие у студентов в современном образовательном пространстве.

Литература

Общеевропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, обучение, оценка: монография. М., 2003.

Хомский Н. Язык и мышление. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972.

Хуторской А. В. Ключевые компетенции как компонент личностно ориентированного образования // Народное образование. 2003. № 2. С. 58–64.

What is artificial intelligence? URL: https://www.sap.com/central-asia-caucasus/products/artificial-intelligence/what-is-artificial-intelligence.html (дата обращения: 15.01.2025).

Чжао Маомао

аспирант, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы;
1163962196@qq.com

ИССЛЕДОВАНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ РЕФОРМ В ОБРАЗОВАНИИ В ОБЛАСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Ключевые слова: технология искусственного интеллекта, инновационное образование, развития способностей, реформа преподавания.

С развитием технологий искусственный интеллект (ИИ) постепенно стал важной частью сектора образования, стимулируя развитие интеллектуального образования. Технология ИИ обеспечивает основу для всестороннего интеллектуального образования, которое улучшает понимание знаний и интеллектуальное развитие учащихся. Умное образование не только фокусируется на развитии талантов, но также включает в себя образовательную философию, образование в области информационных технологий, педагогические инновации и профессиональное развитие учителей.

С постепенной интеграцией ИИ в образование исследовательское образование стало привлекать все большее внимание. Традиционное обучение часто делает акцент на преподавании предметных знаний, при этом пренебрегая основной ценностью развития талантов для интеллектуального образования в информационную эпоху. Учителя должны осуществлять основанное на содержании, прогрессивное обучение, чтобы способствовать общему развитию учащихся и персонализированному обучению.

Например, на курсах информационных технологий в старших классах учителя могут повысить информационную грамотность учащихся с помощью практических операций. На занятии по теме «Использование интеллектуальных инструментов для обработки информации» учителя побуждают учащихся описывать свой воображаемый мир искусственного интеллекта и позволяют им испытать процесс ввода китайских иероглифов. Во время обсуждений учащиеся могут рассмотреть и проанализировать процесс распознавания символов, тем самым углубив свое понимание знаний в области информационных технологий.

В этом процессе учителя не только передают знания, но и сосредотачиваются на развитии навыков учащихся. С помощью практических занятий и групповых обсуждений учителя помогают учащимся улучшить свои практические навыки, критическое мышление, коммуникацию и навыки командной работы. Такой подход к обучению требует от учителей изменения традиционного содержания курса, чтобы подчеркнуть не только передачу знаний, но и развитие навыков.

Углубление образования в области ИИ, курсы информационных технологий в старших классах подчеркивают инклюзивность для всех учащихся, способствуя их пониманию принципов и методов познания, одновременно усиливая социальное участие. Развитие компьютерных технологий постоянно углубляло цели образования в области компьютерных наук, эволюционируя от первоначального получения знаний к обучению программированию, а теперь и к фокусированию на искусственном интеллекте.

Учителя могут активно организовывать практические занятия, чтобы помочь учащимся глубже понять искусственный интеллект. Например, изучая интеллектуальные устройства, связанные с повседневной жизнью (такие как интеллектуальные колонки и смартфоны), учителя могут стимулировать интерес учащихся к обучению. На стартовом совещании по мероприятиям учителя подчеркивают важность участия и критического мышления, а не только оценок, что поощряет активное участие учащихся.

В процессе обучения учителя должны изменить традиционные методы обучения и организовать экспериментальные исследовательские мероприятия. Благодаря общению со сверстниками и практике исследовательские навыки учащихся улучшаются, а их интерес к изучению информационных технологий стимулируется. Этот инновационный подход к обучению не

только обогащает форматы занятий, но и дает новые идеи для реформирования образования в области ИИ.

С глобализацией и ростом интеллектуальных технологий новые медиа-силы меняют наше понимание мира. Все большее количество интеллектуальных устройств меняют отношения между людьми и машинами. Чтобы адаптироваться к этим изменениям, образование в области ИИ нуждается в постоянных инновациях и реформах для удовлетворения потребностей развития социального образования. В образовании в области ИИ в старших классах учителя должны усилить разработку учебных программ для развития разнообразных способностей учащихся. Кроме того, они должны исследовать различные форматы обучения, чтобы стимулировать интерес учащихся к изучению информационных технологий с разных точек зрения. Кроме того, учителя должны повышать собственное профессиональное развитие и обучение, чтобы предоставлять более богатые учебные ресурсы для учащихся.

Подводя итог, можно сказать, что на фоне эпохи ИИ преподавателям необходимо активно изучать и внедрять инновационные методы обучения, чтобы адаптироваться к быстро меняющейся технологической среде. Сосредоточившись на комплексном развитии навыков у студентов, организуя практические занятия и проводя непрерывную реформу обучения, мы можем эффективно содействовать развитию образования в области ИИ и заложить прочную основу для будущего развития талантов.

Литература

Тиммс М. Дж. Вывод искусственного интеллекта в образование из коробки: образовательные коботы и умные классы // Международный журнал искусственного интеллекта в образовании. 2016. № 2. P. 701–712.

Хуан Р. Преподавание китайского языка в цифровую эпоху: стратегии эффективной интеграции AI-приложений // Азиатский журнал языкового образования. 2021. № 10 (1). С. 22–35.

Чжун Ямей. Анализ больших данных поведения учащихся в процессе обучения и эффективности онлайн-обучения // Технологии беспроводного Интернета · Цифровое образование. 2021. № 15. С. 126–127.

Чжэн Яньцюнь. Влияние и роль образовательных технологий // Международные исследования преподавания китайского языка. 2019. № 4. С. 69–76.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВОДИДАКТИКИ И МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Аксёнова Татьяна Вадимовна

ст. преподаватель, Донской государственный университет;
vad-tatyana@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ДРАМАТИЗАЦИИ КАК СРЕДСТВА ФОРМИРОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ РЕЧЕВОЙ ГОТОВНОСТИ СТУДЕНТОВ В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ

Ключевые слова: драматизация, ритм, подсознание, подтекст.

Через язык выражается вся сущность
человека: мысли, чувства, воля, дела.
Л. А. Вербицкая

Свободное владение иностранным языком подразумевает не только умение понять обращенную к Вам реплику и быстро и правильно на неё отреагировать: дать правильный ответ и поддержать беседу. Владение иностранным языком подразумевает также умение понять подтекст, подразумеваемый смысл. Особенно это важно для студентов, специальности и профессии которых будут связаны с общением на иностранном языке.

Любая речь является ситуативно-обусловленной, т. е. предполагает участие говорящего в каком-то действии. Эксперимент по применению драматизации в учебном процессе вылился в создание студенческого музыкально-психологического театра на иностранном языке, а преподаватель, для того, чтобы драматизации происходили на профессиональном уровне, получила второе высшее образование: режиссёр драматического театра. Аудиторные и внеаудиторные драматизации пользуются популярностью у студентов. Они создают положительно-окрашенный эмоциональный фон, развивают творческие способности студентов в «творческом процессе воплощения». «Внешнее воплощение важно, поскольку оно передает внутреннюю «жизнь человеческого духа» [Станиславский 2020: 4].

Технология бесперевodного владения иностранным языком, разработанная Е. Д. Авериной, основана на укладке текстов в долговременную память на уровень подсознания [Аверина 2016]. При применении в «сценическом действии» в соответствии с системой К. С. Станиславского она не только вырабатывает навыки иноязычного говорения, но и способствует росту самоуважения обучающихся, их личностному росту, радости от сознания того, что говорят правильно, без интонационных и грамматических ошибок, и, главное, понимают то, что говорят.

Прежде всего работу с подтекстом надо начать с объяснения студентам того, что человеческая речь не всегда прямолинейна. «Разгадать подтекст — значит понять скрытые мотивы и намерения» [Сегер 2020: 4]. Применяя иноязычную драматизацию, этому можно научиться в учебном процессе. А полученные знания, умения и навыки помогут студентам стать в будущем, подобно легендарному Виталию Ивановичу Чуркину, который «блестяще владел словом и пером» (С. Лавров) [Чуркин 2020: 6], высококлассными специалистами, успешно решающими самые сложные профессиональные задачи.

Поскольку студенты зачастую не понимают подтекст или понимают его неправильно, преподавателю следует после нескольких вступительных просмотров учебных видеосюжетов, предназначенных для аудиторной или внеаудиторной драматизации, обсудить с ними характер

Руководители секции: Л. П. Тарнаева, А. В. Шаврова.

героев мизансцены и мотивы их поведения. Предстоит ответить на ряд вопросов: почему (сказал, сделал, пошёл), с какой целью, что хотел, получилось или нет, что предшествовало данному событию и т. д.

Студентам надо постоянно напоминать, что в основе любого языка лежит ритм и интонация, и «нужно научиться имитировать интонацию и распознавать в речи разные интонационные модели. Именно в них заложена информация о намерении говорящего» [Аверина 2016: 77]. Для достижения правильной имитации, идентичного воспроизведения интонации студентами, преподаватель обязан кратко ознакомить студентов (даже не филологических специальностей) с графическим изображением интонационных моделей речи. Это значительно облегчит студентам задачу услышать и воспроизвести речь, т. е. длинные звуковые последовательности, представленные в виде синтагм, оканчивающихся восходящим или нисходящим тоном, и передышек между ними. В работе над текстами студенты постоянно просят преподавателя помочь им разбить текст на синтагмы, и мы делаем это совместно.

Заучивая тексты по технологии беспереводного владения языком, на первом этапе студенты смотрят учебный видеосюжет, слушают ситуативно-обусловленную речь (монолог, диалог, полилог) и проговаривают под руководством преподавателя, не глядя в текст, концентрируя своё внимание именно на ритме и интонации.

Первый этап работы над текстом особенно важен, так как именно на этом этапе в память студентов должна быть уложена на подсознательном уровне картина употреблённых моделей интонации. Предполагается, что после шестого, последнего этапа работы студентов над текстом, текст уложен в долговременную память на подсознательном уровне, и студент может воспроизвести его без единой грамматической или интонационной ошибки, не напрягая сознание. Вот здесь-то, на шестом этапе, и проявятся недоработки первого этапа, если они имели место. Вместе со студентами мы вывели шуточную формулу: «Сбился с ритма — забыл текст».

После того, как интонационные модели отработаны путем имитации речи носителей языка, представленной в учебных видеоуроках, можно начинать обсуждение употребления моделей интонации при изучении печатных литературных произведений, предназначенных к (учебной) драматизации.

Угадать подтекст и потом сыграть его помогают жесты персонажей видеосюжета, «выразительность тела» [Станиславский 2020] и их передвижения по сцене. Студенты признаются, что употребление жестов облегчает им ведение роли, делает её более жизненной, т. е. правдивой, способствуют пониманию скрытого смысла.

Очень важен для личностного роста современных обучающихся вывод, сделанный писателем Линдой Сегер: «Понять скрытый смысл — это и есть первый шаг к пониманию чего-то важного не только в сценарии, книге или кино, но и в самом себе» [Сегер 2020: 4].

Литература

Аверина Е. Д. Иностранный язык за 200 часов. СПб.: Литера, 2016.

Сегер Л. Скрытый смысл. М.: Альпина нон-фикшн, 2020.

Станиславский К. С. Работа актера над собой в творческом процессе воплощения. М.: АСТ, 2020.

Чуркин В. И. Трудности перевода. Воспоминания. М.: Абрис/ОЛМА, 2020.

Багир-Заде Зулейха Мурад Кызы

канд. филол. наук, преподаватель, Азербайджанский университет, Азербайджан;
zuleykha.baghirzada@au.edu.az

ЭФФЕКТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ЧЕРЕЗ ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ДЛЯ УНИВЕРСИТЕТОВ

Ключевые слова: эмоциональный интеллект (ЭИ), теория множественных интеллектов Гарднера, модель триединого мозга Маклина, CELTA/DELTA, университетская педагогика.

Эффективное управление учебным процессом в университетской среде требует применения эмоционального интеллекта (ЭИ), чтобы удовлетворять постоянно меняющиеся потребности разнородной аудитории студентов. Современные преподаватели сталкиваются с двойной задачей: с одной стороны, необходимо работать с эмоционально разнообразными группами, с другой — способствовать их интеллектуальному развитию. Эмоциональный интеллект предоставляет важные инструменты для решения этих задач, позволяя создавать инклюзивные, динамичные и эффективные образовательные среды.

Модель эмоционального интеллекта, предложенная Даниэлем Гоулманом, включает пять ключевых компетенций: самосознание, саморегуляцию, мотивацию, эмпатию и социальные навыки [Goleman 2020]. Эти навыки имеют высокую значимость в университетском преподавании. Например, самосознание помогает преподавателям осознавать, как их эмоции и предвзятость влияют на процесс обучения, а эмпатия позволяет лучше понимать опыт и проблемы студентов. Совокупность этих компетенций способствует установлению глубоких связей и повышению академической успеваемости, формируя поддерживающую среду, выгодную как для студентов, так и для преподавателей.

Теория множественного интеллекта Говарда Гарднера (1983) бросает вызов традиционному взгляду на интеллект как на однородное, легко измеримое качество. Гарднер утверждает, что интеллект многоаспектен и включает такие компоненты, как лингвистический, логико-математический, пространственный, межличностный и кинестетический интеллект. Это положение подчеркивает необходимость использования методов преподавания, которые задействуют разные когнитивные способности. Например, визуальные материалы подходят для пространственных учеников, ролевые игры — для межличностных, а интерактивные задачи — для логиков. Интеграция этой теории в образовательный процесс позволяет удовлетворять различные образовательные потребности студентов, делая обучение более инклюзивным и эффективным [Gardner 1983].

Триединая модель мозга Пола МакЛина (1990) предлагает важный подход к пониманию процессов обучения. Эта модель описывает мозг как состоящий из трех частей: рептильного мозга, лимбической системы и неокортекса, каждая из которых отвечает за различные когнитивные процессы. Лимбическая система, управляющая эмоциональной безопасностью, играет ключевую роль в обеспечении условий для критического мышления и интеллектуального вовлечения, которыми управляет неокортекс. Как отмечал МакЛин: «сложность мозга заключается не в отдельных его частях, а в их гармоничном взаимодействии» [MacLean 1990]. Данная теория подчеркивает важность создания эмоционально безопасной среды, которая способствует когнитивной готовности студентов. В условиях эмоциональной нестабильности или стресса студенты испытывают трудности с концентрацией внимания и критическим мышлением, что делает эмоциональную безопасность основой эффективной педагогики.

Повесть Чингиза Айтматова «Первый учитель» служит вдохновляющей метафорой для раскрытия трансформационной силы эмоционального интеллекта. Главный герой, Дуйшен, хотя и не обладает достаточной профессиональной подготовкой, компенсирует это глубокой эмпатией и эмоциональной чуткостью. Его способность установить связь с ученицей Алтынай позволяет ей преодолеть социальные барьеры и достичь академических успехов. Этот рассказ

иллюстрирует, что эмоциональный интеллект зачастую имеет большее значение, чем интеллектуальная подготовка, в процессе обучения.

Методологии CELTA (Сертификат по преподаванию английского языка взрослым) и DELTA (Диплом по преподаванию английского языка взрослым), изначально разработанные для преподавания английского языка, имеют универсальный характер и могут быть адаптированы для других дисциплин. Например, на занятиях по истории студенты могут разыгрывать роли исторических личностей, моделируя процесс принятия решений. На курсах экономики — работать с базовыми графиками спроса и предложения, переходя к сложным моделям рыночного равновесия. Эти методики подчеркивают важность активного обучения, критического мышления и адаптивности, которые отлично сочетаются с задачами эмоционального и интеллектуального вовлечения [MacLean 1990; Gardner 1983].

Интеграция эмоционального интеллекта (ЭИ) в университетскую педагогику помогает преподавателям создавать инклюзивные, динамичные и эффективные учебные среды. Использование подходов теории МИ, методологий CELTA/DELTA и нейронаучных моделей способствует решению сложных задач современного образования. Будущие исследования целесообразно направить на изучение интегративного подхода, объединяющего консервативные и современные методы в целях эффективного развития эмоционального интеллекта в педагогической практике. Такой подход способен обеспечить более глубокое влияние на образовательный процесс, сохранить культурные особенности и повысить адаптивность методик в различных образовательных контекстах. Развитие эмоционального интеллекта в педагогике открывает перспективы для создания более адаптивного, увлекательного и инклюзивного высшего образования.

Литература

Gardner H. Frames of Mind: The Theory of Multiple Intelligences. New York: Basic Books, 1983.

Goleman D. Emotional intelligence: Why it can matter more than IQ. Bloomsbury, 2020.

MacLean P. D. The Triune Brain in Evolution. Role in Paleocerebral Functions. New York: Springer, 1990.

Горбанева Виктория Вадимовна

канд. пед. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет;
v.gorbaneva@spbu.ru

МЕТОДИЧЕСКАЯ ЦЕННОСТЬ УЧЕБНОГО КОРПУСА ПИСЬМЕННЫХ ТЕКСТОВ «MERLIN» ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНЫМ ОСОБЕННОСТЯМ ДИРЕКТИВНЫХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ НА ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: учебный корпус, итальянский язык, общеевропейская шкала уровней владения иностранным языком, директивный речевой акт, культурные особенности.

В контексте проводимых на современном витке развития языкового образования лингводидактических исследований особую значимость приобретают учебные лингвистические корпусы, представляющие собой электронные собрания структурированных, аннотированных письменных текстов [Котюрова 2020]. Доступ специалистов к подлинным иноязычным учебным текстам, содержащим ошибки языкового, социокультурного и прагматического характера, позволил авторам учебной литературы обновлять содержание обучения различным аспектам иностранных языков и разрабатывать упражнения, нацеленные на предвосхищение и/или исправление ошибок [Pagliara 2019].

Согласно антропоцентрической направленности языкового образования, главной задачей иноязычной подготовки обучающихся является формирование вторичной языковой личности, обладающей комплексом способностей к адекватному межкультурному общению с иноязычными собеседниками с учетом культурных особенностей моделей социального взаимодействия представителей различных культур, специфики выражения различных речевых актов на иностранном языке, отражения ценностных представлений иноязычной культуры в коммуникативном поведении собеседников [Елизарова 2005].

Полагаем, что обучить названным культурным особенностям позволит использование в учебном процессе ценного с методической точки зрения корпуса «MERLIN». Корпус «MERLIN» представляет собой собрание коротких личных писем и писем делового характера, представленных обучающимися на экзаменах по итальянскому, немецкому и чешскому языкам. В настоящей работе речь пойдет о речевых сообщениях на итальянском языке, созданных экзаменуемыми, изучающими итальянский язык в качестве первого иностранного языка [Wisniewski et al. 2024]. Выбор ученых включить в корпусе «MERLIN» именно этот тип текстов обусловлен тем фактом, что уровень сформированности коммуникативных умений в иноязычной письменной речи определялся по результатам контроля умений обучающихся в написании коротких личных писем и писем делового характера.

Значимым является тот факт, что данный корпус был разработан для иллюстрации взаимосвязи между характеристиками иноязычных письменных высказываний экзаменуемых и дескрипторами, описывающими уровни владения иностранным языком в соответствии с Общеевропейскими компетенциями владениями иностранным языком.

Результаты исследований в области методики обучения иностранным языкам и усвоения второго языка позволили ученым разработать многоуровневую разметку иноязычных высказываний, содержащих ошибки. Схема разметки, включающая в себя как лингвистическую, так и экстралингвистическую разметки, охватывает выявленные ошибки, связанные с орфографией, грамматической и лексической сторонами речи, социокультурной уместностью, прагматическими нормами построения директивных речевых актов [Wisniewski et al. 2024].

Для описания и классификации ошибок исследователи определили целевые гипотезы (Target Hypotheses), представляющие собой аннотированные интерпретации высказываний обучающихся. Учеными были представлены минимальная целевая гипотеза (TH1) и расширенная целевая гипотеза (TH 2 / Extended Target Hypothesis). Названные гипотезы служат основой для осуществления лингвистической разметки. Первая целевая гипотеза связана с лингвистической правильностью и представляет собой минимально исправленный фрагмент письмен-

ного высказывания. Названная гипотеза призвана проиллюстрировать морфологические, синтаксические и орфографические ошибки [Wisniewski et al. 2024].

Расширенная целевая гипотеза (TH2) связана с исправлением лексических, прагматических и стилистических ошибок. Именно данная гипотеза отражает нарушения в формулировании директивных речевых актов на итальянском языке [Wisniewski et al. 2024]. С целью иллюстрации сказанного, приведем пример директивного речевого акта из фрагмента письма личного характера, представленного обучающимся на экзамене по итальянскому языку. Осуществив следующий запрос «P_Request_type=»direct»», мы видим, что директивный речевой акт, выражающий просьбу, «Scrivi un messaggio a me mio numero…» (дословно: «напиши сообщение именно мне мой номер») содержит ряд ошибок. Экзаменуемый не только сформулировал просьбу с использованием повелительного наклонения, что, в свою очередь, противоречит характеристикам коммуникативного этностиля коммуникации на итальянском языке, предусматривающего запрет на прямолинейное выражение волеизъявления адресанта в побудительных речевых актах, но и допустил ошибку в выборе ударных и безударных местоимений, позиции местоимения и не употребил необходимый сочлененный предлог, указывающий на направление действия.

Согласно целевой гипотезе (TH1), в названный речевой акт было внесено исправление грамматической ошибки, и добавлен нужный сочлененный предлог «al». «Scrivi un messaggio a me al mio numero / Позвони именно мне на мой номер». Исправленный вариант речевого акта содержит названный предлог, но сохраняет при этом ударное местоимение и повелительное наклонение.

Расширенная целевая гипотеза (TH2) отражает исправление, связанное со слитным написанием безударного личного местоимения и формы глагола в повелительном наклонении при обращении на «Ты»: «Scrivimi un messaggio al mio numero». При формулировании речевого акта просьбы, отражающего определенное волеизъявление адресанта, обучающиеся должны знать особенности выражения директивных речевых актов на итальянском языке, заключающиеся в отсутствии коммуникативного давления на собеседника [Pagliara 2019]. Представленные в учебном корпусе короткие личные письма и письма делового характера помогут выявить ошибки в формулировании названных речевых актов на итальянском языке.

В заключении скажем, что детальный анализ ошибок, связанных с культурными особенностями выражения побудительных речевых актов на итальянском языке, может быть учтен при разработке упражнений по обучению итальянскому языку и, позволяют анализировать динамику развития уровня сформированности социокультурной и прагматической компетенций обучающихся.

Литература

Елизарова Г. В. Культура в обучении иностранным языкам. СПб.: КАРО, 2005.

Котюрова И. А. Создание корпусов учебных текстов как развивающееся направление корпусной лингвистики // Международный научный журнал. 2020. № 5. С. 100–109.

Pagliara F. La codifica pragmalinguistica dell'atto di richiesta nelle e-mail degli studenti universitari italiani // Lingua in contesto. La prospettiva pragmatica, a cura di Elena Nuzzo & Ineke Vedder. 2019. P. 140–145.

Wisniewski K., Abel A., Vodičková K., Plassmann S., Meurers D., Woldt C., Schöne K., Blaschitz V., Lyding V., Nicolas L., Vettori C., Pečený P., Hana J., Čurdová V., Štindlová B., Klein G., Lauppe L., Boyd A., Bykh S., Krivanek J. MERLIN Written Learner Corpus for Czech, German, Italian 1.1. Eurac Research CLARIN Centre, 2024. URL: http://hdl.handle.net/20.500.12124/6 (дата обращения: 15.01.2025).

Горбунова Каролина Борисовна
канд. филол. наук, ст. преподаватель,
Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет им. С. М. Кирова;
rivoltoloni@gmail.com

РАЗВИТИЕ УМЕНИЙ ЧТЕНИЯ

Ключевые слова: чтение, развитие творческого потенциала, послетекстовые задания.

Настоящее исследование посвящено вопросам развития умений чтения в контексте современного общества, в котором цифровые технологии и их доступность, упрощая жизнь, лишает будущее поколение возможности развития творческого потенциала и постоянного личностного роста. Целью научной работы является разработка концепции создания разнообразных, методически функциональных послетекстовых заданий на основе текстов различной проблематики.

Для достижения поставленной цели необходимо последовательно решить следующие задачи: 1) изучить практическую важность и необходимость чтения для развития будущего поколения в рамках перманентного роста цифровых технологий; 2) изучить существующие виды чтения («включения определённого вида чтения») [Фоломкина 2005] в отечественной и зарубежной практиках (аналитическое, изучающее, просмотровое, поисковое, ознакомительное и др. / skimming, scanning, intensive reading, analytical reading) [Ларюшкин и др. 2022]; 3) осветить Интернет-ресурсы, которые предлагают тексты различной тематики (корпусы, официальная пресса, научно-популярные издания) на иностранном языке; 4) проанализировать последовательность овладения определенными умениями чтения и их связью с послетекстовыми заданиями; 5) представить упражнения, которые могут войти в список послетекстовых заданий, описать их направленность и функциональность.

Новизна исследования заключается в необходимости поиска и создания разнонаправленных и многофункциональных послетекстовых заданий, отвечающих требованиям образовательных стандартов и интересам обучающихся.

Ежедневно перед учителями и преподавателями иностранных языков встает проблема, связанная с нежеланием обучающихся читать. И, если на занятиях у учеников не остается иного выбора, кроме как следовать программе, разработанной педагогом, то вне аудиторных занятий большинство студентов теряют мотивацию и не рассматривают чтение как способ развития своего творческого потенциала и элемент личностного роста, а считают его лишней тратой времени. Для того чтобы нивелировать подобное отношение к чтению на иностранном языке, мы пришли к выводу о необходимости поиска интересных текстов различной тематики и разработки переключающих внимание послетекстовых заданий.

Вопрос необходимости обучения технике чтения сегодня волнует многих ученых. Это связано не только с растущей общей безграмотностью населения, но и такой тенденцией как «функциональная неграмотность», а именно неумение осознавать, воспринимать и интерпретировать, декодировать полученную информацию [Муминова 2020]. Из этого следует, что формирование полноценного читателя, способного овладеть различными способами чтения, такими как аналитическое, изучающее, просмотровое, поисковое, ознакомительное [Клычникова 1983] и др. — не просто следование государственному образовательному стандарту, а в первую очередь — вклад в поддержание и развитие уровня культуры нации.

Для обучения различным умениям чтения необходимо подобрать интересные и информативные тексты, позволяющие не только решить учебную задачу, но и расширить кругозор читателей. В зависимости от интересов круга читателей, их возраста и уровня развития мы, в первую очередь, предлагаем использовать следующие корпусы текстов: British National Corpus, The Bank of English (The Collins Corpus), The International Corpus of English, American National Corpus, Cambridge International Corpus. Кроме того, для подборки текстов подойдут официальные источники прессы — The Guardian, The New York Times, The Washington Post, Reuters, The Telegraph, The Daily Mail, Euronews, Metro и др.

Для последовательного формирования различных умений чтения и использования вышеупомянутых техник необходимо разработать стратегию постепенного освоения этих умений в рамках аудиторных занятий. С нашей точки зрения, перечень послетекстовых заданий ограничивается временем занятия, ФОС и фантазией преподавателей. Среди заданий, которые могут войти в список, мы предлагаем следующие: 1) подбор заголовков и/или сопоставление рубрик с абзацами или утверждениями; 2) поиск синонимов / антонимов (совмещение развития умений чтения с лексическими навыками); 3) сопоставление коллокаций с их значением (совмещение развития умений чтения с лексическими навыками); 4) развернутые ответы на вопросы; 5) дополнение предложений; 6) сопоставление выделенных в тексте терминов с их синонимами в послетекстовых предложениях; 7) расстановка абзацев в правильном (с точки зрения содержания) порядке; 8) краткое изложение текста по заданным пунктам.

В соответствии с целями занятия, из предложенного перечня можно использовать 1) подбор заголовков (skimming / просмотровое чтение); 2) подбор синонимов / антонимов (scanning / reading for special purposes / поисковое чтение); 3) развернутые ответы на вопросы (intensive reading / reading for details / изучающее чтение); 4) краткое изложение текста по заданным пунктам (аналитическое чтение). При подобном выборе заданий реализуется принцип от простого к сложному. При выполнении первого задания обучающийся бегло знакомится с текстом. Затем чтение постепенно становится более интенсивным — сначала читатель занимается поиском отдельных лексических единиц, далее углубляется в содержание текста с целью найти ответы на поставленные вопросы; на завершающем этапе резюмирует прочитанное в соответствии с планом. Использование подобной методической разработки позволяет преподавателю последовательно развивать различные умения чтения в рамках одного аудиторного занятия и, кроме того, параллельно развивать лексические навыки и умения письменной речи.

Литература

Клычникова З. И. Психологические особенности обучения чтению на иностранном языке. Пособие для учителя. М.: Просвещение, 1983.

Ларюшкин С. А., Ворохобов А. В., Плисов Е. В. Чтение текста на занятиях по иностранному языку: проблемы, подходы, дидактический потенциал // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 75-4. С. 163–166.

Муминова Н. М. Чтение как средство обучения // Экономика и социум. 2020. № 6 (73). С. 920–923.

Фоломкина С. К. Обучение чтению на иностранном языке в неязыковом вузе. М.: Высшая школа, 2005.

Григорьева Елена Яковлевна

д-р пед. наук, профессор, Московский городской педагогический университет;
egrig@inbox.ru

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФРАНЦУЗСКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРАЗДНИКОВ

Ключевые слова: лингвокультурология, праздничная культура, обряды, обычаи, ритуалы.

Праздник — это социальное явление, это своеобразная, специфическая жизнедеятельность людей, призванная обеспечивать в широком смысле одно из направлений развития культуры. Всеобщность праздников позволяет считать их постоянным элементом человеческой культуры, а их соблюдение является одной из основных форм коллективного поведения людей.

В современных исследованиях праздник рассматривается как социокультурный феномен, напрямую зависящий от настроений, преобладающих в обществе, территориальной специфики, социального заказа, господствующих религий, коммерческих настроений. Такие черты праздника как многоаспектность и полифункциональность дают основание говорить о данном явлении, как о социокультурном феномене, который невозможно отождествлять с простым досугом и развлечением.

В основе его всегда лежит определенная и конкретная концепция природного (космического), биологического и исторического времени. При этом празднества на всех этапах своего развития были связаны с кризисными, переломными моментами в жизни природы, общества и человека. Моменты смерти и возрождения, смены и обновления всегда были ведущими в праздничном мироощущении» [Пивоев 2013]. Всеобщность праздников позволяет считать их постоянным элементом человеческой культуры, а их соблюдение является одной из основных форм коллективного поведения людей.

С точки зрения анализа социальных факторов сущность праздника раскрывается как коллективное переживание, противостоящее будням, части общественной деятельности, источник народного творчества: «В качестве определения концепта традиционной праздничной культуры можно считать комплекс праздников и праздничных традиций, обрядов, обычаев, игр, символических атрибутов, отражающих ценности, религиозные воззрения, быт и нравы представителей конкретного этноса, обеспечивающих трансляцию социального опыта и взаимодействие человека, общества, природы и культуры» [Жигульский 1985: 60].

Уникальность французских национальных праздников заключается в пёстром разнообразии региональных традиционных праздников и праздничной культуры. Праздники во Франции — это историческое наследие, пример самобытности французского народа, его менталитета. Исторические корни основных французских общепринятых праздников уходят в древнейшие эпохи. Их календарь практически не менялся с течением времени под влиянием общественно-политических кризисов. Однако, по мнению французского исследователя С. Бека, число праздников в различные исторические периоды не бывает постоянным. Отдельные праздники по различным причинам исчезают из календаря.

По мнению французского антрополога и социолога Жана Дювиньо (Jean Duvignaud), праздник (фр. la fête) — это своего рода необходимость в общественном существовании. Это также то, что может дать смысл повседневной жизни, отсюда и соблазн умножать поводы для празднования, до такой степени, что «некоторые нации, некоторые культуры оказались охвачены празднованием [Duvignaud 2007].

Типология праздников довольно разнообразна. Однако можно выделить условные типы разделения: фиксированные / зависящие от дня месяца, религиозные / нерелигиозные, региональные / государственные / международные, военно-политические / календарные / семейно-бытовые / трудовые и т. д.

Французский священник, композитор, педагог и писатель К. Дюшесно рассматривает праздники как форму воссоединения людей в противопоставление обычной жизни, когда буд-

ни разъединяют членов семьи. По его мнению, все церковные праздники служат объединению христиан, так как церковь по своему определению место консолидации [Duchesneau 1983].

Праздничная культура тесно связаны с такими понятиями как традиции, обычаи, обряды, ритуалы.

Для обозначения наиболее устойчивых компонентов культуры используется термин «традиции» — разновидность обычая, которая отличается особой устойчивостью народа сохранить в первоначальном виде унаследованные от предыдущих поколений нормы поведения.

С понятием «традиция» тесно связана категория «обычай», понятие которого охватывает формы взаимоотношений людей в различных сферах жизни.

Разновидностью традиции является обряд. В обрядах выражаются религиозные представления или бытовые традиции. Обряды сопровождают важные моменты человеческой жизни, связанные с рождением (крещение, наречение именем), свадьбой (сватовство, выкуп невесты, помолвка), вступлением в новую сферу деятельности или переходом в другой возраст (инициация), смертью (погребение, отпевание, поминки).

С праздничной культурой тесно связаны и такие понятия как ритуал выражающий определенные социальные и культурные взаимоотношения, ценности., так и символы, которые являются отражением национально-языковой картины мира.

Праздничная культура французских национальных праздников рассматривается на нескольких традициях, сложившихся в результате накопленного опыта, системы норм, представлений, правил и образцов, которой руководствуется в своём поведении довольно обширная и стабильная группа людей. Традиции передаются из поколения в поколение и выступают одним из регуляторов общественных отношений.

Литература

Жигульский К. Праздник и культура: Праздники старые и новые. Размышления социолога / пер. с польск.; вступ. ст. А. И. Арнольдова. М.: Прогресс, 1985.

Пивоев В. М. Философия культуры: учеб. пособие для вузов. 4-е изд. М.: Директ-Медиа, 2013.

Duchesneau Cl. Les Fêtes, leurs signes et leurs rites. Paris: Mame, 1983.

Duvignaud J. Le don du rien. Essai d'anthropologie de la fête. Tétraèdre, 2007.

Загудалина Юлия Викторовна

преподаватель, Московский государственный лингвистический университет;
yuliaz99@mail.ru

МЕТОДИКА АССОЦИАЦИЙ И РИФМОВОК ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ НА МАТЕРИАЛЕ (ИСПАНСКОГО И АНГЛИЙСКОГО) ПРИ ОБУЧЕНИИ РАЗНОВОЗРАСТНЫХ ШКОЛЬНИКОВ И СТУДЕНТОВ

Ключевые слова: поэзия, мнемоника, русский язык, испанский язык, английский язык.

Целью данного исследования является определение роли ассоциаций и обучающих рифмовок при обучении иностранным языкам разновозрастной аудитории — младшие школьники, школьники средних классов, школьники старших классов — на разных этапах обучения — начальный, средний, продвинутый. Бесспорно утверждение, что студентов каждой из перечисленных категорий необходимо обучать с учётом их возрастных и психологических особенностей [Корчак 2020].

По нашему мнению, данная стратегия может применяться для изучения различных аспектов языка: (все стихи, представленные далее, авторские — Загудалина Юлия Викторовна):

I. На фонетическом уровне:

Примеры для английского языка:

«Ты с английским поскорей
начинай!» — сказала Aa (эй)!
«И язык всегда люби!»
— Наставляла буква Bb (би)!
«В мир добро, тепло неси!»
— Так просила буква Cc (си)!
«Дни с английским проводи!»
— Это был совет от Dd (ди)!
«Наши цели высоки!»
— Всем напоминала Ee (и)!
«Ты влети в язык, как эльф»,
— Пожелала буква Ff (эф)!
«Книги при себе держи!»
— Мудро подсказала Gg (джи)!
«Не давай себя отвлечь!»
— Так предупреждала Hh (эйч)!
«Вслух слова всегда читай!»
— Говорила буква Ii (ай)!
«Доберись до этажей
самых верхних» — просьба Jj (джей)!
«И Щелкунчик, и лакей
есть в английском» — знает Kk (кей)!
«Нужно, чтобы ты сумел
всё запомнить» — воля Ll (эл)!
«Помогу всегда и всем!»
— Так приободрила Mm (эм)! и т. д.

Примеры для испанского языка:

В алфавите нас сперва
Всех встречает буква A (а)!
В гости позвала к себе
Нас другая буква — B (бэ)!
К нам примчалась по росе
Круглая, как бублик, C (сэ)!
«Приходи быстрей, ты где?»
— Много раз нас спросила D (dэ)!
К нам плывет на корабле
Строгая, прямая E (э)!
«Очень нравятся мне эльфы!»
— Рассказала буква F (эфэ)!
Рассмеялась «Хе-хе-хе!»
Звонким смехом буква G (хэ)!
Пожелала нам удачи
Всем с любовью буква H (аче)!
«Веселей язык учи!»
— Так нам скажет буква I (и)!
«Пусть легко идёт работа»
— Говорит нам буква J (хота)!
«Я домой бегу, пока!»
— Торопилась буква K (ка)!
«Всё прекрасно, в самом деле»
— Говорит нам буква L (эле)! и т. д.

II. На лексическом уровне:

Примеры для английского языка:

— Что за шум там? Что за треск?
— Развалилась парта — DESK!
— Ты, пожалуйста, не лезь
— В мой пенал — в мой PENCIL CASE.
— Сколько, сколько в граммах весил?
— Новый карандаш твой — PENCIL?
Хитрая и злая жаба
Утащила ластик — RUBBER.
До сих пор мне не вернула
Ты мою линейку — RULER!
В школу нам пора! Скорее!
Не забудь мелок свой — CRAYON.
Где сидеть теперь? Зачем я
Школьный стул сломал свой — CHAIR?
Ну-ка: нарисую мглу!
Фон приклею клеем — GLUE.
— Что это грязью здесь так вокруг всё обшарпано?
— Эта вся грязь от точилки здесь — SHARPENER! и т. д.

Примеры для испанского языка:

Видишь, свет погас уж лунный?
Единица — это UNO!
Вот ответ на твой вопрос!
Два в испанском — это DOS!
Не теряй же интерес –
Три звучит как слово TRES!
Верю, выучишь до завтра,
Что четвёрка — это CUATRO!
День уже на серединке,
Цифра пять звучит как CINCO!
Продолжаем звёздный рейс –
А шестерка — это SEIS!
Крепко ты запомни это –
Семь в испанском — это SIETE!
Приближаемся мы к ночи
Цифра восемь — это OCHO!
Сколько звёздочек на небе?
Девять их уже — NUEVE!
До утра часов в обрез!
На часах уж десять — DIEZ! и т. д.

III. На грамматическом уровне:

Примеры для английского языка:

Призадумалась я «Эм…»
Про себя (И про I) запомню «AM»!
Кошка шастает вверх-вниз.
Раз одна (HE, SHE, IT), то рядом IS.
Как кричат вороны? «КАР!»
Много их (WE, YOU, THEY),
а значит, ARE!
Хитрый S в DOES NOT пролез:
И мгновенно же исчез!
DOES NOT LIKE, DOES NOT SEE, DOES NOT READ.
S ещё в вопрос пролез:
И ушёл обратно в лес.
Does he write? Does she make? Does he play? и т. д.

Примеры для испанского языка:

Не упустим мы из вида
Новое Indefinido:
В нём глаголы очень внятны,
Ведь поступки однократны!
Всё случилось только раз:
«Подошёл», «заметил», «спас».
Мы основу оставляем,
Окончанья добавляем!
В первой группе нам легко
Дописать É, ASTE, Ó.
Время чёткое — недаром
Дальше — AMOS, ÁSTEIS, ARON!
У других двух групп житьё
Новое — Í, ISTE, IÓ!
Продолжаем по примерам:
Ставим IMOS, ISTEIS, IERON! и т. д.

Исходя в том числе из приведённых выше примеров, мы полагаем, что применение методики ассоциации и рифм — вне зависимости от возраста обучающегося и этапа, на котором он находится — обеспечивает ему ряд преимуществ, а именно:

- Безопасное погружение в язык, обеспечиваемое опорой на рифмующееся слово из родного языка, что позволяет предотвратить языковой барьер с самого начала — с момента начала изучения фонетики [Чуковский 2019].

- Мнемоника таким образом оказывается тесно переплетенной с игровой методикой. Так, например, «русскую часть» стихотворения в момент введения новой лексики может приговаривать педагог, а «иноязычную» озвучивает ученик, что обеспечивает эффект игры в мяч [Берджес 2023].
- Каждый новый этап изучения языка проходится быстрее, что становится возможным благодаря тесной связи с родным языком, в первую очередь — его языковой структурой.

Таким образом, настоящее исследование предполагает рассмотрение метода ассоциаций и рифмовок как теоретически, так и практически. Выборка построена на промежуточных и итоговых результатах школьников и студентов, в работе с которыми применялся и применяется данный подход — при изучении как одного, так и сразу двух иностранных языков.

Литература

Берджес Д. Обучение как приключение: как сделать уроки интересными и увлекательными. М.: Альпина Паблишер, 2023.

Корчак Я. Как любить ребёнка. М.: АСТ, 2020.

Чуковский К. И. От двух до пяти. М.: Дискурс, 2019.

Кислина Марина Юрьевна

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет;
st133632@student.spbu.ru

ПРИНЦИПЫ ВАЛЬДОРФСКОЙ ЛИНГВОДИДАКТИКИ В ПРОЕКЦИИ НА СОВРЕМЕННОЕ ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ

Ключевые слова: вальдорфская педагогика, лингводидактика, принципы обучения иностранным языкам, начальная школа.

Вальдорфская педагогика является цельной образовательной концепцией, основанной на ряде принципиальных идей. Ключевой идеей данной педагогики, которую ее основатель, Рудольф Штайнер (1861–1925) понимал как «искусство воспитания», является ее направленность на развитие в ребенке заложенных природой способностей средствами учебных предметов. «В искусстве воспитания, как мы его понимаем, главный метод воспитания — это развитие задатков, уже имеющихся в ребенке. Все обучение должно служить целям воспитания. Обучение есть прежде всего средство воспитания» [Штайнер 1997: 52].

К важнейшим принципам обучения относится «принцип природосообразности», который предполагает мягкое, неформированное развитие ребенка за счет того, что содержание обучения четко соответствует возрастным особенностям и потребностям, выделяемых Р. Штайнером.

Применительно к вальдорфской лингводидактике «принцип природосообразности» означает формирование содержания обучения иностранному языку с учетом психо-физиологических возрастных особенностей ребенка, а также закономерностей овладения языком. Р. Штайнер говорит о том, что формирование словесно-логического мышления начинается после прохождения ребенком «рубикона» — предподросткового кризиса 9-10 лет, тогда становится возможным сознательное рассмотрение явлений окружающего мира, в частности, системы языка. До «рубикона», в связи с преобладанием у ребенка наглядно-образного мышления, следует говорить об интуитивном способе овладения языком, развивать чувство языка.

В психологии указывается более раннее время формировании словесно-логического мышления, тем не менее также отмечаются острота и впечатлительность восприятия младшего школьника, преобладание наглядно-образной памяти над словесно-логической, большие возможности механической памяти, важность задействования эмоциональной памяти в изучении иностранных языков [Ерчак 2021].

Исходя из психо-физиологических особенностей, выделяемых Р. Штайнером, ведущими принципами обучения иностранному языку являются принцип «обучения в сопровождении чувств», принцип устной основы и принцип синтетичности усвоения материала.

В основе принципа «обучения в сопровождении чувств», которому может быть сопоставлен принципу наглядности, лежит учение Р. Штайнера о системе 12 чувств, развивающихся от «низших», к «высшим», к последним относится и «чувство речи». Согласно этому учению, восприятие и освоение языка есть чувственный процесс [Lutzker 2017]. Для методики обучения иностранным языкам в начальной школе ключевой является идея Р. Штайнера о том, что чувства служат опорой для памяти, а развитие памяти — это базис для развития логического мышления. Практическими аспектами реализации этого принципа в методике преподавании иностранного языка в начальной школе являются:

- задействование всех органов чувств учащихся, использование предметной наглядности;
- пробуждение эмоционального отклика учащихся, в том числе, на юмор, включение эмоциональной памяти;
- обращение к эстетическому, художественному чувству учащихся, образному мышлению, пробуждение воображения;

- «обучение через тело», использование динамической наглядности, задействование моторной памяти.

Принцип устной основы обучения подразумевает опору на аудирование и говорение. При этом усвоение материала идет через устную речь и для использования в устной речи. Последующее обучение письменной речи — сначала письму, а потом чтению, происходит после «рубикона» и осуществляется на учебном материале, усвоенном в устной речи.

Принцип синтетичности усвоения материала предполагает интенсивное слушание материала, при котором учащийся ставится перед необходимостью интуитивно схватывать целое, не анализируя его, что является, по Г. Пальмеру, предпосылкой последующего усвоения материала. Также предполагается, что ученик только слушает целые структуры, не анализируя их, не переводя, имитирует и воспроизводит.

Принцип синтетичности активно реализуется в вальдорфской лингводидактике через хоровую и индивидуальную декламации стихотворений, пение и устное рассказывание учителя. При этом механическая память учащихся задействуется активно, но экономично, прагматически и является базисом для формирования словесно-логического мышления.

В результате проведенного в 2007 г. в Европе исследования [Grau, Legutke 2008] были выявлены и ранжированы следующие общепринятые на сегодняшний день в Европе принципы обучения иностранным языкам в начальной школе:

- принципы, ориентирующихся на личность и ее когнитивные процессы — частый контакт с иностранным языком, всесторонний учет индивидуальных особенностей учащихся;
- дидактические принципы — применение учебных стратегий с учетом стилей обучения, выбор соответствующих возрасту и интересам ребенка тем и принцип «понимание предшествует говорению»;
- психолингвистические принципы — холистический подход к обучению иностранному языку, наглядное и мультисенсорное обучение, учет в полной мере возрастных и физических особенностей;
- принципы раннего обучении иностранным языкам — формирование положительной мотивации, «больше понимания, чем говорения», «учить слышать», «тренировать произношение», обучения пониманию соотношения фонетических и графических образов.

Подводя итог, отметим, что принципы вальдорфской лингводидактики лежат в рамках принятого личностно-ориентированного подхода, не противоречат, в целом, воззрениям возрастной и педагогической психологии, в полной мере соотносятся с европейскими принципами раннего обучения иностранным языкам, и могут быть положены в основу методик обучения иностранным языкам младших школьников.

Литература

Ерчак Н. Т. Иностранные языки: психология усвоения: учеб. пособие. Минск: Новое знание; М.: Инфра-М, 2021.

Штайнер Р. Духовно-душевные основы педагогики: (9 лекций, прочит. в Оксфорде с 16 по 26 авг. 1922 г.) / пер. с нем. М.: Парсифаль, 1997.

Grau M., Legutke M. K. Merkmale frühen Fremdsprachenlernens: Themen, Texte, Aufgaben // Fremdsprachen in der Grundschule. Auf dem Weg zu einer neuen Lern- und Leistungskultur. Frankfurt am Main: Grundschulverband — Arbeitskreis Grundschule e.V., 2008. S. 18–26.

Lutzker P. Der Sprachsinn. Sprachwahrnehmung als Sinnesvorgang. Stuttgar: Verlag Freies Geistesleben, 2017.

Лебедева Екатерина Владимировна

ст. преподаватель, аспирант, Алтайский государственный педагогический университет; zastava68@bk.ru

ТЕХНОЛОГИЯ РАБОТЫ С ФРАНКОЯЗЫЧНЫМИ КИНОФИЛЬМАМИ В СТАРШЕЙ ШКОЛЕ (НА ПРИМЕРЕ ФИЛЬМА LES CHORISTES)

Ключевые слова: дискурс, дискурсивная компетенция, формирование иноязычной дискурсивной компетенции, кинодискурс.

Современные образовательные стандарты ставят перед языковым школьным образованием задачу не только формирования и развития основных норм речевой деятельности, но и предполагают владение культурологическими нормами изучаемого языка. В связи с этим на уроках иностранного языка важно уделять особое внимание развитию у учащихся дискурсивной компетенции. Один из основоположников теории дискурсивной компетенции Т. А. ван Дейк отводит ей одну из основных ролей в изучении языка. По мнению автора, в ее основе лежит взаимосвязь языковой формы, значения и коммуникативного акта [Дейк 1989].

Одним из эффективных средств развития дискурсивной компетенции являются аутентичные художественные фильмы. Их использование в обучении иностранному языку позволяет учащимся увидеть ситуацию реального общения носителей языка в определенной коммуникативной ситуации. Кроме того, художественные фильмы демонстрируют естественную языковую среду, отражающую быт, историю, культуру и традиции носителей языка.

Работа с художественным фильмом подразумевает три этапа: до просмотра, во время просмотра и после. Каждый этап характеризуется набором заданий, которые направлены на развитие дискурсивной компетенции.

На допросмотровом этапе необходимо создать положительную мотивацию на восприятие иноязычного дискурса, а также снять языковые и содержательные трудности. Старшеклассникам может быть предложен ряд специальных упражнений, направленных на обсуждение проблем, поднятых в фильме, или на прогнозирование его содержания по названию, отдельно взятым кадрам, по именам главных действующих персонажей и т. д. Например, задание на прогнозирование сюжета фильма по его афише. Учащиеся смотрят на афишу фильма на экране и отвечают на следующие вопросы: Décrivez les personnages sur l'affiche, leur âge, leurs vêtements et leur position sociale; Qui sont les personnages du premier plan et les personnages de l'arrière-plan ? ; Supposez des liens possibles entre les personnages; Peut-on deviner où a lieu le film ? ; À quel genre de film peut-on s'attendre ?. Другим вариантом задания является работа с видеоанонсом к фильму. Старшеклассникам предлагается просмотреть видеоанонс 1–2 раза. Затем они отвечают на вопросы: Supposez le sujet du film à partir de la bande-annonce vue, Qui sont les personnages négatifs et positifs ? Comment l'avez-vous devinez ?

Далее учащимся предлагаются рецептивные упражнения, которые направлены на анализ, сопоставление и обобщение языковых и неязыковых средств, иконических знаков-изображений, принадлежащих к определенному стилю речи, и необходимых для адекватной интерпретации стилистических и жанровых ресурсов кинодискурса. Например, старшеклассникам может быть дано задание найти в фильме выражения, которые используются в определенной коммуникативной ситуации для отказа, просьбы, согласия или несогласия. Языковое оформление речевого поведения персонажей может быть проанализировано на допросмотровом этапе с тем, чтобы на этапе просмотра ученики обратили внимание не только на специфику его построения, но и на то, с какой интонацией произносятся эти выражения и какими жестами они сопровождаются. Инструкции учителя должны содержать четкие установки на просмотр видеосюжета, в которых даются задания на выявление и анализ языковых и неязыковых средств в фильме. Так, перед просмотром фильма, ученикам могут быть заданы следующие вопросы: Comment le personnage principal décrit-il son nouveau lieu de travail ? ; Quelle était la raison du

conflit entre le personnage principal et son patron ? ; Quels gestes et quel ton le personnage principal utilise-t-il lorsqu'il se fâche ?

На просмотровом этапе старшеклассники смогут ознакомиться с особенностями оформления анализируемого кинодискурса. Одной из форм работы является прослушивание звука без изображения. Учащимся могут быть заданы следующие вопросы: Où se trouvent les personnages ? ; Quelles sont les relations entre les personnages en ce moment ? Обратным заданием является просмотр видеофрагмента без звука. Формулировки вопросов могут быть следующими: De quoi les personnages parlent-ils ? ; À la place du personnage, qu'est-ce que vous pourriez dire ?

Упражнения этого плана способствуют развитию умений использовать и интерпретировать лексические ресурсы языка для создания текста, а также использовать правила, коды и алгоритмы интерпретации текста на иностранном языке и умение прогнозировать ход коммуникативной ситуации.

На этапе после просмотра фильма могут даваться неспециальные упражнения, предполагающие развитие умений в других видах иноязычной речевой деятельности. Например, развитие диалогической речи на основе увиденного фильма: Jouez le dialogue entre le personnage principal et le directeur quand ils se disputent ; Ajoutez ou modifiez le début et la fin du dialogue ; Écoutez le dialogue et faites un dialogue semblable à ce sujet ; Écoutez le début du dialogue et continuez-le avec votre partenaire.

Другим вариантом работы являются упражнения для обучения иноязычной монологической речи: Parlez de votre propre expérience de travail. Quelles difficultés avez-vous eu ? ; Écoutez le discours du personnage principal et faites votre propre discours argumenté en faveur du travail à l'école.

Вышеописанные упражнения направлены на развитие умений использовать лексические ресурсы иностранного языка для создания текста, употреблять стилистические и жанровые ресурсы иностранного языка, применять коды и алгоритмы для интерпретации текста на иностранном языке, прогнозировать ход коммуникативной ситуации.

Таким образом, грамотно построенная работа с франкоязычными кинофильмами на уроках французского языка будет способствовать значительному повышению уровня сформированности дискурсивной компетенции и соответствующих умений старшеклассников.

Литература

Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989.

Малинина Светлана Михайловна

ст. преподаватель, Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С. О. Макарова;
sveta.spb@inbox.ru

ОТБОР ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА С ЦЕЛЬЮ ФОРМИРОВАНИЯ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ КУРСАНТОВ-СУДОВОДИТЕЛЕЙ МОРСКИХ ВУЗОВ

Ключевые слова: терминологическая компетенция, критерии отбора, термины, морской английский язык.

В условиях международного плавания ключевым компонентом профессиональной компетенции судоводителя является англоязычная терминологическая компетенция, под которой понимается совокупность знаний, навыков и умений, обеспечивающих способность оперировать терминологическим аппаратом при выполнении служебных обязанностей, связанных с эксплуатацией судов морского и речного флота и безопасным управлением ими.

Учитывая, что специальные дисциплины в процессе обучения курсантов-судоводителей направлены на формирование профессиональной компетенции по четырем функциям: судовождение, обработка и размещение грузов, управление операциями судна и забота о людях на судне, радиосвязь, уместно представить четыре блока языкового материала для формирования англоязычной терминологической компетенции будущих судоводителей.

В основе отбора лингвистического материала лежат следующие критерии: соответствие профессиональной сфере, частотность, аутентичность, языковая и смысловая доступность, функциональность, тематическое соответствие.

Критерий соответствия профессиональной сфере заключается в отборе языковых и речевых единиц, отражающих типичные ситуации общения на море. Критерий частотности предполагает выбор наиболее часто употребляемых в дискурсе судовождения языковых единиц. Критерий аутентичности языкового материала заключается в выборе языковых единиц, взятых из оригинальных источников. Следует отметить, что в морской отрасли английский язык является универсальным языком общения специалистов разных национальностей. В этой связи под оригинальными источниками понимаются тексты, продуцируемые специалистами морского профиля разных стран и национальностей в ситуациях реальной коммуникации на море. В аутентичных материалах по специальности терминология представлена в концентрированном виде [Богданова, Садовникова 2013]. Критерий языковой и смысловой доступности учитывает доступность языкового материала, позволяющего курсанту понимать профессионально ориентированный текст. Тематический критерий предполагает определение тем, по которым отбирается языковой материал. Критерий функциональности заключается в том, что отбираемые языковые единицы компонуются с учетом их функциональной роли в ситуациях общения на море. В ряде ситуаций морской коммуникации требуется использовать исключительно стандартизированные фразы [Стандартные фразы ИМО для общения на море 2015]. Однако для уточнения данных, в частности в аварийных случаях, употребление стандартных фраз является недостаточным, и возникает необходимость использования других языковых средств. Будущему судоводителю требуется усвоить, в каких коммуникативных ситуациях следует использовать те или иные языковые средства.

Единицей отбора лингвистического материала на языковом уровне предстает термин. В качестве термина может выступать слово, словосочетание, идиоматичная единица, стандартизированная фраза, грамматическая структура.

В связи с обширным спектром навигационной терминологии языковой материал для блока «Судовождение» уместно представить несколькими группами языковых единиц:

- стандартизированные термины морской коммуникации для внутрисудовой связи и стандартные фразы, относящиеся к описанию гидрометеорологических условий;
- термины-слова и терминологические сочетания, необходимые для чтения лоций;
- термины, образованные по суффиксальной модели «V+er» и на основе словосложения по модели «N1+N2», для обозначения технических средств и радионавигационных приборов;
- термины, созданные на основе сокращения, употребляемые для обозначения информационных систем, радиолокационных станций;
- термины латинского происхождения для определения и расчета координат местоположения судна.

Языковой материал для блока «Обработка и размещение грузов» целесообразно представить следующими группами терминологических единиц:

- стандартизированные термины, относящиеся к погрузке и выгрузке;
- клишированные терминологические сочетания: предупредительные надписи на таре, оговорки в погрузочных ордерах, названия грузовых документов;
- термины, образованные по суффиксальным моделям «V+er», «N+er», обозначающие типы грузовых судов, механизмы для обработки грузов, участников грузоперевозки, и «V+age», указывающие на действия по обработке груза;
- термины, образованные на основе словосложения по модели «N1+N2», обозначающие части судна для размещения грузов;
- терминологические сочетания, первый компонент которых образован на основе аббревиации или усечения, для обозначения судов, предназначенных для транспортировки определенных грузов.

В блоке «Управление операциями судна и забота о людях на судне» курсанту необходимо овладеть достаточно большим объемом как узкоспециальных терминов, так и терминов смежных дисциплин. Языковой материал третьего блока надлежит представить следующими группами:

- стандартные фразы по оперативному управлению судном, безопасности на судне, заботе о пассажирах;
- сигналы бедствия, срочности и безопасности, представленные терминами-заимствованиями из французского языка;
- термины, образованные путем словосложения по модели «N1+N2», для обозначения спасательных средств;
- термины, образованные путем аббревиации и усечения, являющиеся наименованиями организаций, служб, конвенционных документов, регламентирующих работу морского флота;
- термины, представленные идиоматичными единицами, обозначающими приспособления.

Четвертый блок языкового материала «Радиосвязь» представляется рациональным разделить на 2 группы:

- стандартные фразы, применяемые для внешней связи судна посредством радиосвязи;
- термины, образованные посредством аббревиации, употребляемые для наименований береговых служб.

Таким образом, рациональная организация лингвистического материала является необходимым условием эффективного формирования англоязычной терминологической компетенции у курсантов-судоводителей.

Литература

Богданова С. Ю., Садовникова О. Э. Современные методы отбора языкового материала для обучения профессионально ориентированному общению на иностранных языках // Magister Dixit. 2013. № 4. С. 338–345.

Стандартные фразы ИМО для общения на море = IMO Standard Marine Communication Phrases. Сер. «Судовладельцам и капитанам». Стандартный морской разговорник ИМО (на русском и английском языках). 4-е изд. СПб.: Центр. науч.-исслед. и проект.-конструктор. ин-т мор. флота, 2015.

Мясников Алексей Анатольевич

канд. пед. наук, доцент, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики; учитель английского языка, ГБОУ СОШ № 544 с углубленным изучением английского языка Московского района Санкт-Петербурга;
alanm62@yandex.ru

К ВОПРОСУ О РЕШЕНИИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ЗАДАЧ НА УРОКАХ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: уроки иностранного языка, педагогическая задача, педагогическая ситуация, педагогическая поддержка.

Педагогическая деятельность реализуется посредством решения огромного количества разнообразных профессиональных педагогических задач. Педагогическая задача является основной единицей педагогического процесса и имеет тождественный компонентный состав: педагоги, воспитанники, содержание, средства [Сластенин и др. 2007].

Современный учитель иностранного языка решает педагогические задачи в рамках своей профессиональной компетенции. Педагогическая задача является следствием понимания педагогическим работником образовательных целей и путей их осуществления. Она возникает на основе педагогической ситуации, подлежащей изучению и преобразованию.

В основе всех педагогических задач лежат проблемные ситуации. Моделируя проблемную ситуацию, учитель актуализирует знания педагогики и психологии, связывает их с данной ситуацией, получает необходимую информацию, составляет схему решения, обнаруживает скрытые противоречия, сопереживает участникам ситуации, преобразует проблемную ситуацию в педагогическую задачу и предлагает ее решение. Алгоритм решения педагогической задачи включает такие действия как диагностика, целеполагание и планирование, реализация, коррекция, рефлексия.

Педагогические задачи являются отражением практической деятельности учителя на занятиях. Учитель использует учебные задания и передает предметные знания учащимся.

Педагогическая задача направлена на организацию и управление деятельностью обучающегося. Поэтому решение педагогической задачи осуществляется как минимум двумя субъектами педагогического процесса: учителем и обучающимся. Деятельность учителя направлена на перевод обучающегося из одного состояния в другое. Поэтому обучающийся является предметом педагогической задачи, а учитель — ее субъектом.

С точки зрения временной протяженности выделяют стратегические, тактические и оперативные задачи. На занятиях по иностранным языкам реализуются такие стратегические задачи как погружение в традиции и культуру иноязычных стран, осмысление и признание непосредственной связи между степенью владения иностранными языками и индивидуальным продвижением, общественным продвижением, а также ростом по карьерной лестнице. Выполнение стратегических задач невозможно без решения тактических и оперативных задач, основанного на способах взаимодействия учителя и обучающихся по освоению необходимого учебного материала.

С точки зрения направлений реализации педагогического процесса выделяют дидактические и воспитательные задачи. Первый тип задач связан с реализацией учебно-познавательной деятельности обучающихся, а второй — с особенностями управления их поведением.

Педагог способствует защите личности ребенка, его физического, психического и нравственного здоровья; развитию его мотивации к самообразованию и самоопределению; включению в деятельность по самообслуживанию в школе и классе [Газман 2002]. В случае возникновения трудностей обучающемуся оказывается педагогическая поддержка — помощь в самоопределении и самореализации. Она является неотъемлемой частью работы учителя иностранного языка.

Выделяются четыре тактики педагогической поддержки: защита, помощь, содействие и взаимодействие [Касицина и др. 2010].

Применяя тактику защиты, учитель устраняет страх ребенка перед негативными обстоятельствами (боязнь критики и насмешек одноклассников, замечаний учителя).

Тактика помощи состоит в высвобождении личной активности ребенка с целью самореализации. Ребенку оказывается эмоциональная поддержка (похвала, поощрения).

Содействуя ребенку, учитель развивает его способности преодолевать страх перед неизвестным, делая выбор. Дети часто испытывают страх заговорить на иностранном языке из-за боязни ошибок и получения плохих отметок. В такой ситуации ребенку необходимо объяснить, что общение на иностранном языке осуществляется при условии, если на нем говорят. Чтобы начать говорить на иностранном языке нужно тренироваться: пересказывать тексты, инсценировать диалоги, обсуждать пройденные темы своими словами. Если ребенок только начинает говорить на иностранном языке и делает много ошибок, не нужно оценивать его плохо, необходимо помогать ему исправлять ошибки с помощью корректирующих лексико-грамматических повторов, наводящих вопросов, и фраз поощрительного характера.

Тактика взаимодействия рассчитана на приобретение ребенком опыта совместной деятельности. Он инициирует самостоятельные действия: находит людей, которые могут ему помочь, договаривается с ними о совместной деятельности. При осуществлении взаимодействия ребенок и педагог приходят к соглашению на основе объединения интересов с целью преобразования проблемной ситуации: чтобы получить более высокую отметку в четверти ученик добросовестно выполняет домашние задания, работает на уроках, готовится к выполнению контрольных заданий, а учитель стимулирует деятельность обучающегося с помощью хороших отметок и эмоциональной поддержки.

Качество работы учителя иностранного языка определяется не только уровнем его иноязычной коммуникативной компетенции и уровнем профессиональной компетенции, но и его умением моделировать, конструировать и решать необходимые педагогические задачи.

Каждый урок иностранного языка должен благоприятствовать работе учащихся, а учитель иностранного языка должен создавать благоприятные условия для работы учащихся на каждом уроке.

Литература

Газман О. С. Неклассическое воспитание: от авторитарной педагогики к педагогике свободы. М.: МИРОС, 2002.

Касицина Н. В., Михайлова Н. М., Юсфин С. М. Четыре тактики педагогики поддержки. Эффективные способы взаимодействия учителя и ученика. М.: Речь, 2010.

Сластенин В. А., Исаев И. Ф., Шиянов Е. Н. Педагогика: учеб. пособие / под ред. В. А. Сластенина. М.: Академия, 2007.

Охотникова Елена Васильевна

канд. культурологии, доцент, преподаватель итальянского языка,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;
eplico@mail.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ ВЗРОСЛЫХ

Ключевые слова: психология обучения, иностранные языки, взрослые, методика.

В настоящее время в сфере образования наблюдается рост среди обучающихся иностранному языку людей старшего возраста. Это вызвано не только личными целями, профессиональным запросом, а также получением дополнительного образования.

В преподавании иностранного языка взрослым существуют специфические особенности.

Первая группа: психофизиологическая — в ней оказываются причины, связанные с возрастными особенностями когнитивного восприятия, а также со значительной частью мифологии относительно последней.

Вторая группа — мотивационная.

К третьей группе можно отнести проблемы, связанные с методологией и «индивидуальным стилем обучения».

Первая группа традиционно вызывает наибольшее количество вопросов, которые, как, например, то, что во взрослом возрасте учить язык «уже поздно», что с возрастом снижается скорость обработки информации и т. д. — по большей части мифологизированы. Возможное когнитивное снижение у взрослых, при отсутствии выявленных патологий, почти всегда связано не с возрастом как таковым, а с фактором стресса [Случанинов, Ключевский 2024]. Стресс, в свою очередь, так же распадается на два типа: первый тип — перманентный стресс (вне учебы) — это фоновое состояние активируется при любой ситуации контроля и работает как механизм естественного торможения. Второй тип стресса — ситуативный, вызванный определенным типом заданий — например, реакция на ситуацию контроля. Особенностью взрослых, обучающихся является фиксация в стресс факторе и меньшая адаптивность.

К физиологическим особенностям можно отнести индивидуальные проблемы речи (например, бывшая в детстве дислексия и т. п.), которые, будучи ко взрослому возрасту почти сглаженными в родном языке, при изучении иностранного языка выходят на поверхность.

Ошибочно считается, что в мотивационной сфере у взрослых лучше, чем у детей или подростков, для которых мотивация почти всегда плавающая и сложно удерживаемая. Во взрослом же возрасте, мотивация часто оказывается «ложной», не своей (например, социально и профессионально вынужденной) и тогда работает как антимотивация.

Еще один фактор имеет прямую связь со специфическим понятием «нового начала». Почти все обучающие уже сложившиеся специалисты в своей области, авторитеты. Новый опыт обучения отбрасывает их в «точку ноль» и это может быть катализатором негативных процессов.

Третья группа связана с методическими трудностями. Во взрослом возрасте есть уже сложившийся миф о «правильном подходе в обучении». То есть о том, как именно нужно учить язык. Что совершенно не означает, что предыдущий опыт, на котором основывается обучающийся, был успешен [Семенова 2016]. Чаще происходит обратное — исходный паттерн поведения тормозит процесс.

Следующий момент связан с личным стилем обучения. Устоявшиеся модели действий в отношении иностранного языка и негативное восприятие новых методов.

Следующей проблемой является паттерн первого иностранного языка — чаще английского, особенно если обучающийся успешен в нем. Особенностью является так же низкая толерантность к ошибкам и катастрафизацию негативного опыта.

Помимо этого, из специфических можно выделить проблемы переключения внимания и сложности со сменой видов языковой деятельности в рамках занятия.

Эти факторы в совокупности с индивидуальными особенностями обучающихся приводят к высокому проценту незавершенности обучения и снижению качества результата обучения

Можно выделить следующие рекомендации, способствующие повышению успешности обучения взрослых:

- Формирование целеполагания совместно с обучающимися — языковая цель должна быть проговорена совместно и разбита на задачи с таймингом их достижения. Это способствует снижению напряжения.
- Вопрос контроля и его формы должен решаться индивидуально в каждой из групп учеников. При высоком уровне тревожности, проверку рекомендуется камуфлировать под рутинные повторяющиеся задания. Так же успешным может быть формирования анализа навыка собственной ошибки.
- При формировании учебных пар для диалогической речи рекомендуется придерживаться принципа схожего эмоционального психотипа обучающихся. Более эффективным типом коммуникативных групп являются группы из трех, а не двух учащихся.

Отдельное место следует отвести развитию навыков импровизации и спонтанного говорения, что чаще всего самими обучающими выделяется как основная проблема.

Так же с учетом выше сказанного, преподавателю следует уделить особое внимание формированию индивидуальной стратегии обучения с каждым из учеников, совместно с ним анализируя, какие из предыдущих языковых опытов были успешны и могут пригодиться, а какие являются не эффективными [Ермакова 2014].

Особая роль преподавателя в обучении взрослых состоит в том, что с этой категорией обучающих он выступает именно в функции модератора процесса, а не инициатора и контролера как часто бывает с младшим возрастом.

Подход, учитывающий специфические психологические особенности возраста, способствует повышению качества языкового образования на разных уровнях, способствуют снижению неуспешных случаев, отчислений и прекращений занятий.

Литература

Ермакова Р. А. Специфика обучения иностранному языку взрослой аудитории // Актуальные проблемы современного языкового образования: сб. науч. тр. по мат-лам конф. Воронеж, 2014. С. 126–132.

Семенова Е. Ю. Обучение взрослых иностранному языку // Внешнеторговое консультирование. М., 2016. С. 99–112.

Случанинов Н. Н., Ключевский А. Ю. Особенности обучения человека в разные периоды жизни // Современное образование: актуальные вопросы, достижения, инновации: мат-лы науч.-метод. конф. Петергоф, 2024. С. 12–17.

Петренко Георгий Кириллович

аспирант, ст. преподаватель, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина); komrad-georgy2010@yandex.ru

РОЛЬ ЭТИМОЛОГИИ В ЛЕКСИКОГРАФИИ И ЛИНГВОДИДАКТИКЕ

Ключевые слова: этимология, лингводидактика, усвоение лексики, лексикография, словарь.

Этимология находит своё применение как в лингводидактике, так и в лексикографии. Лексикографические источники издревле служат целям обучения родному и иностранным языкам, а сами толкования лексем зачастую можно считать лингводидактическими по своей природе. Понимание истинного смысла слов позволяет не только верно устанавливать смысл устной или письменной речи, но и выражаться внятно, грамотно и красиво.

Для изучения вопроса использования этимологии в лексикографической практике автор обратился к истории и современному состоянию отечественного словарного дела. Рассматривались как толковые словари, так и энциклопедии, которые в вопросах толкования сложной (обычно заимствованной) лексики и терминологии, как правило, пользуются аналогичными словарям подходами.

Даже краткий обзор показывает, что этимология глубоко пустила корни в лексикографии. Так, в отечественных словарях этимологический комментарий в полном современном смысле приводится уже в Словаре Академии Российской (1789–1794). Далее этимологию лексем включают в лексикографическое описание следующие словари: А. Д. Михельсона (1865), Новый академический под ред. Я. К. Грота (1895), иностранных слов А. Н. Чудинова (1910), Д. Н. Ушакова (в 1-м изд. 1935–1940 гг. и последующих), Большой академический (2008). При этом во 2-м изд. Словаря Академии Российской (1806–1822), а также в его изд. под ред. А. А. Шахматова (1920-е), словарях В. И. Даля (1865), С. И. Ожегова (1949) и Малом академическом (1985) без каких-либо дополнительных комментариев сообщаются только данные о языках-донорах заимствованных лексемы.

Что касается энциклопедий, в дореволюционных российских изданиях информация об этимологии слов либо не указывалась (Настольный энциклопедический словарь, 1900), либо приводилась по усмотрению автора (Энциклопедический словарь «Гранат», 1910). В словаре «Гранат» часто указывался только язык-донор, а более подробные этимологические комментарии давались только для латинизмов. БСЭ (и позднее — БЭС), начиная со 2-го издания, приводит этимологические пояснения.

Таким образом, большинство лексикографов в толковании лексем с непрозрачной внутренней формой обращается к этимологическому комментарию.

Удивительно, что при этом роль этимологии в изучении родного и иностранных языков недооценена в широком преподавательском сообществе. Однако, анализ показывает, что отдельные лингводидактики рекомендуют включать сведения о происхождении лексем в уроки русского, английского и других языков.

Н. В. Жданович убедительно демонстрирует, что использование этимологического толкования при изучении родного языка необходимо для лучшего (более осознанного) понимания слов, усвоения их структуры и правописания уже в начальной школе. Исследовательница отмечает важность элемента игры для детей младшего школьного возраста и видит этимологию именно как игру, в ходе которой «дети знакомятся с «биографией» слов, их родословной», что развивает их воображение, речь, мышление и, в целом, стимулирует интерес к учёбе. Этимология объединяет множество разрозненных правил и исключений (как отмечал ещё Л. В. Щерба), углубляет языковое чутьё, обогащает словарный запас [Жданович 2008].

В целом, все указанные аргументы актуальны и для более поздних этапов обучения — особенно в части освоения иностранных языков. Так, известная переводчица К. Ломб в качестве преимуществ этимологии отмечает лучшее запоминание иностранной лексики и её правописа-

ния [Ломб 2016]. Аналогичной точки зрения придерживается и П. И. Лихачева, которая констатирует и большое страноведческое и культурологическое значение знакомства с этимологией, лучшее понимание словообразования, расширение кругозора и увеличение интереса к изучению языков [Лихачева 2017].

Отдельного внимания заслуживают работы учёного и педагога О. В. Флёрова. Он рассматривает реалии практико-ориентированного обучения иностранному языку студентов неязыковых специальностей, обращая внимание на принципиальную важность освоения профессиональной лексики. Справедливо считая лексику центральным компонентом, отвечающим за содержательную сторону высказывания, учёный предлагает использовать этимологию для облегчения её усвоения — и в качестве восполнения нехватки теоретической составляющей на занятиях по иностранному языку у неспециалистов, и даже для борьбы с «клиповым мышлением» через более глубокое осмысление текста [Флёров 2021].

Несомненным достоинством работы О. В. Флёрова является изложение методики подачи лексики через этимологическое объяснение. Так, исследователь отмечает, что этимологический материал неспециалистам должен даваться «точечно», в прямой связи с практической информацией. При этом исследователь предостерегает от чрезмерного увлечения этимологией на занятиях.

Основной упор предлагается делать на поиск схожих корней в русском языке, что облегчает запоминание: например, английское «peace» связывать с русским «пацифист». Именно профессиональная лексика, в которой центральное положение занимает общий для русского и английского греко-латинский фонд, должна становиться объектом этимологического объяснения. Поиск ассоциаций к новым иностранным словам в родном языке, по мнению О. В. Флёрова, помогает в развитии навыка контекстуальной догадки, дополняя контекстуальную информацию этимологической [Флёров 2021].

Все вышеназванные благотворные эффекты от использования этимологической составляющей в занятиях по языку автор данного доклада испытал на собственном педагогическом опыте, занимаясь английским как с группами неязыковых специальностей (инженеры, медики и др.), так и с лингвистами.

Таким образом, проведённый краткий обзор истории и современного состояния лексикографии и лингводидактики показывает, что этимология обладает большим потенциалом в преподавании и толковании иностранной лексики. Этимологические данные следует более активно внедрять не только в языковые занятия и традиционные лингводидактические издания, но и в онлайн-ресурсы для обучения иностранному и родному языкам — словари и приложения для изучения лексики.

Литература

Жданович Н. В. Этимологический анализ слова как средство активизации познавательной деятельности младших школьников // Пачатковая школа. 2008. № 1. С. 11–14.

Лихачева П. И. Влияние изучения этимологии на усвоение новой иностранной лексики // Молодой ученый. 2017. № 12 (146). С. 520–522.

Ломб К. Как я изучаю языки. Заметки полиглота. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016.

Флёров О. В. Использование этимологических связей в обучении английской лексике студентов неязыкового профиля // Научное обозрение. Педагогические науки. 2021. № 5. С. 34–41.

Плехова Ольга Геннадьевна

канд. пед. наук, учитель английского языка, МДЦ «Артек»;
plekhova_olga@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАМОТНОСТИ НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: функциональная грамотность, ФГОС, несплошные тексты, междисциплинарный подход.

В образовании понятие «функциональная грамотность» в последнее время приобрело существенную актуальность и новое содержание. Это произошло в связи с тем, что в третьем поколении ФГОС функциональная грамотность вошла в состав государственных гарантий качества основного общего образования.

Согласно новым ФГОС, «в целях обеспечения реализации программы основного общего образования в Организации для участников образовательных отношений должны создаваться условия, обеспечивающие возможность: формирования функциональной грамотности обучающихся (способности решать учебные задачи и жизненные проблемные ситуации на основе сформированных предметных, метапредметных и универсальных способов деятельности)» [Приказ № 287 от 31.05.2021].

Основные направления функциональной грамотности: математическая грамотность, читательская грамотность, естественно-научная грамотность, финансовая грамотность, глобальные компетенции и креативное мышление. Благодаря основным направлениям, процесс формирования и развития функциональной грамотности можно осуществлять средствами различных учебных дисциплин.

При обучении английскому языку особое внимание уделяется коммуникативным умениям: умение вести беседу, задавать вопросы, выражать свои мысли и чувства. Также важным аспектом в обучении английскому языку является формирование читательской грамотности обучающихся.

Читательская грамотность включает в себя не только понимание текста, но и умение анализировать, интерпретировать и критически оценивать информацию. Для успешного формирования читательской грамотности обучающихся важны задания с использованием сплошных и несплошных текстов. Примеры сплошных текстов: газетные статьи, эссе, романы, короткие рассказы, отзывы, письма, научные статьи и др. Примеры несплошных текстов: таблицы, графики, диаграммы, рекламные объявления, каталоги, карты и др.

В Школе Артека междисциплинарность находит широкое применение. Учителя проводят учебные занятия в форме сетевых образовательных модулей, представляющих собой интегрированный формат организации образовательного процесса. Для учащихся старших классов реализуется 34 элективных курса, многие из которых также используют междисциплинарный подход, который позволяет учителям — предметникам гуманитарного и естественно-научного цикла объединяться при изучении отдельных тем.

В качестве примера приведем интегрированный урок английского языка, направленного на формирование читательской грамотности. Работа ведётся с текстом: пониманием прочитанного, умение анализировать в том числе несплошные тексты (географическая и контурная карты). Перед учащимися стоит задача расширения знаний по теме, применение знаний в различных жизненных ситуациях, например, составление маршрутов путешествий по Крыму. Задания можно интегрировать в темы уроков, связанные с родной страной: географическое положение, города, регионы.

Далее приводится фрагмент текста, который предлагается учащимся.

AT THE MAP OF THE CRIMEA

The Crimean Peninsula lies in the southern part of Russia and occupies a territory of 26.000 sq. km. The territory of the Republic of Crimea is 27,000 sq. km.

The peninsula's northeast shore is washed by the Sea of Azov, and the south and west shores are by the Black Sea. The peninsula is linked to the mainland by the narrow Perekop Isthmus. To the east, the Crimean Bridge, which was built in 2018, crosses the Kerch Strait linking the peninsula to the Krasnodar region…

После прочтения текста задаются вопросы, направленные на понимание прочитанного.

Следующим этапом является выполнение языковых упражнений через работу с картами.

1. Используя карту, соотнесите числа с географическими объектами.

Используется контурная карта с точками географических объектов, каждый географический объект пронумерован от 1 до 35. Таблица с названиями географических объектов на английском языке. Физическая карта Республики Крым. С помощью физической карты учащиеся находят географические объекты и заполняют таблицу.

Географические объекты:

Arabat Bay, Arabat Spit, Alupka, Alushta, Armiansk, Black Sea, Bakhchysaray, Balaklava, Chersonesus, Crimean Peninsula, Dzhankoy, Feodosia Gulf, Feodosiya, Foros, Gurzuf, Kalamita Bay, Karkinit Bay, Kerch, Kerch Peninsula, Kerch Strait, Koktebel, Krasnoperekopsk, Meganom Cape, Partenit, Perekop Ithmus, Saky, Sea of Azov, Sevastopol, Shcholkine, Simferopol, Sivash, Sudak, Tarkhankut Peninsula, Yalta, Yevpatoria.

Учащимся предлагаются условно-речевые и речевые упражнения:

2. Отметьте на карте расположение международного детского центра «Артек». Проложите маршрут от Керчи до «Артека» с тремя остановками. Расскажите о своем маршруте партнеру.

3. Расскажите своему партнеру, почему вы выбрали именно этот маршрут, и какие достопримечательности вы хотели бы увидеть, останавливаясь в этих городах.

Таким образом, работа над формированием читательской грамотности является неотъемлемой частью успешного обучения английскому языку и играет важную роль в формировании коммуникативных навыков. Активное чтение, анализ текстов, дискуссии и творческие задания помогут учащимся научиться понимать, интерпретировать, анализировать и использовать информацию, что необходимо для эффективного общения на английском языке.

Источник

Приказ № 287 от 31.05.2021 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования». Министерство просвещения Российской Федерации, 2021.

Ряполова Наталья Валерьевна

канд. пед. наук, доцент, Старооскольский технологический институт им. А. А. Угарова (филиал), Университет науки и технологий МИСИС;
luba72007@yandex.ru

РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ У СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Ключевые слова: культурная идентичность, поликультурный подход, этнокультурная направленность.

В условиях глобализации, культурной и нравственной трансформации современного общества перед преподавателями высшей школы ставится задача приобщения студентов к родной культуре, сохранения уникального культурного кода, воспитания чувства патриотизма и способности преодолеть межнациональные конфликты и стереотипы. В связи с этим остро встает вопрос о необходимости развития культурной идентичности личности, значительный потенциал которой заложен в дисциплине «Иностранный язык».

Цель данного доклада: представить опыт работы преподавателей иностранного языка СТИ НИТУ «МИСИС» по развитию культурной идентичности студентов в процессе формирования иноязычной коммуникативной компетенции.

При проведении исследования были использованы следующие методы: педагогическое наблюдение, изучение психолого-педагогической литературы, ретроспективный анализ собственной педагогической деятельности, оценивание, изучение опыта работы преподавателей высших учебных заведений.

В настоящей работе рассматривается культурная идентичность с опорой на трактовку феномена А. А. Лисенковой. Это «не только многоаспектное явление, но и сложившаяся структура, которая включает в себя национальный, этнический, социальный и культурный аспекты» [Лисенкова 2018: 56]. Язык в данной структуре является одним из маркеров культурной идентичности, «первейшим фактором, на основании которого мы идентифицируем человека с определенной культурой» [Горбачев 2021: 82].

Развитие культурной идентичности у студентов СТИ НИТУ «МИСИС» на занятиях по иностранному языку осуществляется через изучение страноведческих материалов в векторе поликультурного подхода, который подчеркивает плюрализм культур и важность каждой из них. Применение поликультурного подхода позволяет студентам не только углубить свои языковые знания и речевые умения по иностранному языку, но и развить понимание культур и стран изучаемого языка в сопоставлении с собственной.

Приведем пример реализации поликультурного подхода. Конкурс эссе на английском языке «Unity in diversity», проведенный среди студентов и магистрантов, открыл перед участниками новые горизонты в понимании культурных различий и многообразия. Конкурсанты представили работы, в которых раскрыли актуальные вопросы, способствующие обсуждению значимых тем, таких как благотворительная деятельность в России и за рубежом, ценностные ориентации российской и иностранной молодежи, тенденции искусственного интеллекта в образовании и др. Эссе продемонстрировали индивидуальные взгляды студентов на волнующие проблемы, укрепив принципы поликультурного образования как основы развития культурной идентичности личности.

Процесс развития культурной идентичности студентов СТИ НИТУ «МИСИС» имеет этнокультурную направленность, которая предполагает формирование соответствующей этнической картины мира. Это особенно актуально для нашего вуза, в котором обучаются студенты разных этнических групп. Для сохранения этнокультурной идентичности личности студентов мы стараемся приобщить их к родной культуре с одновременным освоением ценностей культуры страны изучаемого языка. С этой целью на занятиях применяются такие формы работы как конкурсы презентаций, викторины, конкурсы эссе, творческие задания и т. д.

Конкурс презентаций на английском языке на тему «Нематериальные культурные ценности народов России» и конкурс видеороликов «Welcome to Russia», проведенные в разное время со студентами СТИ НИТУ «МИСИС», вызвали большой интерес у обучающихся. Каждый из участников конкурса презентаций представлял обычаи, культурные традиции, обряды, народные праздники, пение, определенного этноса, проживающего на территории России. В ходе подготовки ко второму мероприятию конкурсантам было предложено снять видеоролики о важнейших событиях в истории России; знаменитых русских городах; обычаях и традициях народов России; особенностях национального характера россиян; ключевых достижениях народов России в науке, технологиях, искусстве, экономике, спорте.

Собирая материал к презентациям и видеороликам, студенты узнали много новых фактов о культурном, историческом и природном наследии народов России, являющимся важнейшей составляющей частью национальной культуры, основой национального самосознания, укрепляющей духовную связь поколений.

Принцип использования PR-технологий, реализуемый в ходе обучения иностранному языку в СТИ НИТУ «МИСИС», предполагает привлечение внимания студентов к собственной культуре и переосмысление места и роли нашей страны в мировой цивилизации. Из PR-технологий и инструментов в вузе наиболее распространены конкурсы НИР, проекты, конференции, дискуссии, ролевые игры.

Примером использования PR-технологий может служить конкурс НИР на английском языке «Известные экономисты России», проведенный со студентами инженерно-экономического факультета. Мероприятие способствовало не только формированию умений и навыков самостоятельной исследовательской работы на иностранном языке, но и развитию умения студентов донести положительное отношение к России в ходе публичных выступлений, отстоять собственные взгляды и позиции.

Проведенный конкурс НИР доказал свою эффективность. Он был подчинен конкретной учебной цели, стимулировал у студентов выражение собственного мнения, оценки; помог сформировать у обучающихся систему личностных смыслов, определяющих их принадлежность к российской научной экономической мысли.

В заключение следует отметить важность включения в процесс формирования иноязычной коммуникативной компетенции у студентов технического вуза форм и приёмов работы, реализуемых с использованием поликультурного подхода, этнокультурной направленности и PR-технологий и обеспечивающих тем самым развитие культурной идентичности студентов.

Литература

Горбачев А. В. Культурно-идентификационная роль языка в национальном измерении: социальный аспект // Гармонизация межнациональных отношений в условиях глобального общества: мат-лы VII Междунар. науч.-практ. конф., XXVI Нижегород. сессии молодых ученых. М.: Перо, 2021. С. 82–84.

Лисенкова А. А. Особенности формирования российской культурной идентичности // Ценности и смыслы. 2018. № 2 (54). С. 69–82.

Тарнаева Лариса Петровна[1], Аллик Степан[2]

[1]д-р пед. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет; l.tarnaeva@spbu.ru

[2]магистрант, Санкт-Петербургский государственный университет; st115870@student.spbu.ru

ИТАЛЬЯНСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ

Ключевые слова: итальянские фразеологизмы, национальная идентичность, культурно-исторический контекст, культурная память, символическое восприятие.

Фразеологизмы представляют собой устойчивые сочетания слов, которые имеют единое значение, не сводимое к сумме значений их компонентов [Виноградов 1977]. Эти уникальными языковыми единицами формируются на основе общих культурных и исторических реалий, свойственных обществу в разные исторические эпохи. Итальянская культура, обладая многовековой историей, сохранила в своем языке следы античной эпохи, христианских традиций, Ренессанса и других значимых исторических периодов [Белица, Юдина 2011]. Итальянские фразеологизмы, связанные с этими эпохами, являются своего рода живым свидетельством тех процессов, которые происходили в обществе и в культуре.

С позиций лингвокультурологического подхода изучение фразеологизмов включает анализ этимологии и культурной семантики для выявления их специфики и общих черт в сравнении с другими языками [Ковшова 2016]. Это помогает понять взаимодействие между языковым и культурным пространством, в котором функционируют фразеологизмы.

Итальянская фразеология активно заимствует образы и символы из других языков, но при этом сохраняет свою уникальность. Важным аспектом является то, как фразеологизмы становятся не просто устойчивыми выражениями, но и инструментами, через которые передаются знания о социокультурных и исторических реалиях. Например, фразеологизм «essere come il prezzemolo» (букв. «быть как петрушка») указывает на универсальность петрушки в итальянской кухне, где она используется почти в каждом блюде. Это выражение отражает важность гастрономической культуры в повседневной жизни итальянцев и символизирует гармонию и разнообразие, что является важной частью национальной идентичности.

Еще одним показательным примером является фразеологизм «Che pizza!» (букв. «Какая пицца!»), что означает скуку и раздражение. Это выражение связано с долгим процессом приготовления пиццы, что отражает эмоциональное отношение итальянцев к повседневным процессам и подчеркивает связь языка с культурным контекстом.

Сравнительно с этим, фразеологизм «essere in bolletta» (быть в долгах) указывает на экономическую реальность средневековых итальянских городов, где составление списков должников было повседневной практикой. Эти списки, называемые «bollette», выставлялись на видное место, чтобы проинформировать общество о финансовом положении должников. С развитием языка выражение стало использоваться в современном итальянском языке для обозначения временной нехватки денег, что свидетельствует о трансформации значений и экономических реалий в ходе исторического развития общества.

Фразеологизмы передают моральные и этические установки общества. Например, выражение «essere la pietra dello scandalo» (букв. «быть камнем скандала») связано с римской традицией публичного унижения должников, что подчеркивает стойкость моральных устоев и важность общественного осуждения. В то время как этот фразеологизм утратил прямую связь с ритуалом публичного унижения, он продолжает нести в себе идею публичного осуждения за социально неприемлемое поведение.

Как уже было сказано, фразеологизмы тесно связаны с историческими и культурными традициями. Одним из ярких примеров является выражение «l'abito non fa il monaco» (букв. «одежда не делает из тебя монаха»), которое восходит к средневековью, когда монашеские одежды

символизировали высокий духовный статус. Однако мошенники использовали монашескую одежду, чтобы получать привилегии. Это выражение сохраняет актуальность и в современном языке, служа метафорой того, что внешность не всегда соответствует сути.

Важно отметить, что фразеологизмы также фиксируют в себе элементы ремесленных традиций и профессиональной деятельности. Например, выражение «a occhio e croce» (букв. «на глаз и крест»), связанное с традициями ткачества, отражает опыт и интуицию, которые требуются при оценке работы без точных измерений. Этот фразеологизм подчеркивает ценность ремесленного труда и важность практического знания в итальянской культуре.

Одной из особенностей фразеологического фонда многих языков является наличие фразеологических единиц, построенных на основе зооморфных метафор. Отмечается, что в таких фразеологизмах отчётливо проявляется национально-культурная специфика символического восприятия животных носителями разных лингвокультур [Тарнаева 2017]. Например, во фразеологизме «in bocca al lupo» (букв. «в пасть волку») используется образ волка, который в итальянской культуре имеет двойственное значение: он может символизировать как угрозу, так и спасение. Этот фразеологизм, который используется для пожелания удачи, отражает мифологические корни и культурные ассоциации, связанные с волчицей, которая вырастила основателей Рима.

В заключение, можно утверждать, что итальянские фразеологизмы являются не просто языковыми единицами, а живыми носителями культурных и исторических кодов, которые фиксируют важнейшие социальные и моральные аспекты жизни итальянского народа. Эти фразеологизмы служат маркерами национальной идентичности и играют ключевую роль в передаче культурной памяти. Исследование фразеологизмов позволяет глубже понять, как язык, культура и история переплетаются, создавая уникальный лингвистический и культурный ландшафт.

Изучение фразеологизмов с обращением к культурно-историческим реалиям, лежащим в основе образования данных языковых единиц, играет важную роль в процессе обучения итальянскому языку. Фразеологические единицы не только становятся инструментом знаний о культуре изучаемого языка, но через сопоставление их с соответствиями в русском языке способствуют более глубокому пониманию особенностей родной культуры.

Литература

Белица Т. И., Юдина М. А. Отражение доминантных характеристик национальной личности во фразеологических единицах с антропонимами (на материале русского, французского и итальянского языков) // Сибирский филологический журнал. 2011. № 4. С. 52–58.

Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977.

Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. М.: Ленанд, 2016.

Тарнаева Л. П. Перевод в сфере делового общения: диалог языков и культур (лингводидактический аспект): монография. СПб.: Книжный дом, 2017.

Тарнаева Лариса Петровна[1], Нильга Мария Евгеньевна[2]

[1]д-р пед. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет; l.tarnaeva@spbu.ru

[2]магистрант, Санкт-Петербургский государственный университет; st120448@student.spbu.ru

РАЗВИТИЕ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

Ключевые слова: клиповое мышление, критическое мышление, технология развития критического мышления через чтение и письмо, сетевые ресурсы, умения критического мышления.

Современное образовательное пространство характеризуется стремительным проникновением во все сферы жизни информационных технологий. Одним из негативных последствий информатизации современного общества является необходимость восприятия и переработки огромного потока разнообразной информации, в результате чего у человека возникает когнитивная усталость и мозг включает «защитный барьер», переключаясь на более лёгкие механизмы мыслительной деятельности — формируется так называемое «клиповое» мышление, характеризующееся фрагментарным восприятием информации, ориентированным на короткие, быстро сменяющиеся блоки данных (клипы).

Исследователи отмечают ряд негативных проявлений клипового мышления — неспособность к длительной концентрации внимания, трудности с анализом больших объемов информации, проблемы с построением логических цепочек и выявлением причинно-следственных связей, поверхностность знаний и некритичное восприятие информации, затруднения в выражении собственных мыслей [Тарнаева, Шаврова 2023].

В настоящее время феномен клипового мышления активно изучается в психологии, педагогике и лингводидактике с целью выявить влияние данного типа мышления на образовательный процесс и разработать эффективные методы, которые позволили бы минимизировать его негативное влияние на процесс познавательной деятельности.

Преодолению негативных сторон клипового мышления способствует развитие у учащихся способности к критическому мышлению, которое проявляется в умениях анализировать, оценивать, интерпретировать полученную информацию, аргументировано строить своё высказывание.

Концепция критического мышления имеет корни в античной философии, но как междисциплинарное направление в образовании оформилось в начале XX в. благодаря работам Джона Дьюи [Дьюи 1997].

В условиях ускоряющегося темпа информатизации общества в целом и образовательного пространства в частности, целесообразным представляется не противопоставление критического и клипового мышления, а разработка образовательных технологий, в основе которых лежит рациональное соотношение в учебной деятельности данных типов мышления.

В лингводидактике активно разрабатываются различные методики развития критического мышления. Примером обучения, нацеленного на развитие критического мышления, может служить метод, предложенный Е. А. Генике и Е. А. Трифоновой. Исследователи разработали технологию развития критического мышления через чтение и письмо (ТРКМЧП). Данная технология состоит из трех этапов. На этапе активизации пробуждается интерес к новой теме, и ученики вспоминают, что им уже известно. Затем следует этап осмысления, реализующийся в самостоятельном поиске ответов на возникшие вопросы. На третьем этапе — этапе рефлексии — происходит связь новой информации с уже имеющимися знаниями, на основе чего учащиеся могут сформировать собственную точку зрения, оценить учебный процесс и определить дальнейшие цели обучения [Генике, Трифонова 2002].

Одним из приёмов развития критического мышления в процессе обучения иностранному языку является аналитическое чтение, которое представляет собой комплексную деятельность,

направленную на глубокое понимание текста и извлечение из него максимального объема информации. В отличие от поверхностного чтения, целью которого является общее ознакомление с содержанием, аналитическое чтение предполагает активную работу с текстом, включая его деконструкцию, интерпретацию и оценку. Главная обучающая функция аналитического чтения заключается в развитии умений извлекать все типы информации, заложенные в тексте. Целью аналитического чтения является постижение смысла текста, вступление в диалог с автором. Особую важность данный вид чтения имеет в обучении иностранному языку студентов-лингвистов. Аналитическая работа с текстом способствует совершенствованию коммуникативной компетенции студентов, активизирует знания, полученные в рамках различных теоретических дисциплин, связанных с языком и литературой.

В исследованиях отмечается, что студенты с клиповым мышлением лучше воспринимают информацию визуально. Данную особенность когнитивной деятельности студентов важно учитывать при разработке методик развития критического мышления. Отмечается, что работа с сетевыми ресурсами, особенно с мультимедиа-технологиями, посредством которых представлены разные ментальные образы (вербальные, визуальные, аудиальные, пространственные и т. д.) может способствовать установлению связей между разными способами представления информации, в результате чего студенты преодолевают фрагментарность восприятия, характерную для клипового мышления, и формируют целостную картину мира [Тарнаева, Любшина 2020].

Одним из приёмов использования сетевых ресурсов с целью развития критического мышления, в частности формирования умений находить в предъявляемом материале необходимую информацию, устанавливать причинно-следственные связи, структурировать полученные данные, является работа с ментальными (семантическими) картами. Составляя или заполняя семантические карты по содержанию предъявленного видеоресурса, студенты осуществляют анализ информации, выделяют из речевого потока факты, необходимые для решения поставленной задачи, обобщают полученную информацию, делают выводы. Такие задания не только обеспечивают успешное усвоение учебного материала, но и одновременно способствуют развитию критического мышления.

Рациональное использование сетевых ресурсов даёт возможность «вовлечь студентов в решение задач, … предусматривающих активизацию продуктивных интеллектуальных действий по анализу, интерпретации и синтезированию полученной информации, формулированию выводов, суждений, оценок» [Тарнаева, Любшина 2020: 125].

Обобщая вышесказанное, следует подчеркнуть, что одной из важнейших задач, решаемых при разработке технологий обучения иностранному языку, как в среднем, так и в высшем образовании является построение учебного процесса на основе заданий, направленных на продуктивную интеллектуальную деятельность студентов, создающую основу для развития критического мышления.

Литература

Генике Е. А., Трифонова Е. А. Развитие критического мышления (базовая модель) // Учитель и ученик: возможности диалога и понимания / под общ. ред. Л. И. Семиной. Т. 1. М.: Бонфи, 2002.

Дьюи Д. Психология и педагогика мышления. М.: Совершенство, 1997.

Тарнаева Л. П., Любшина М. В. Когнитивная деятельность студентов при обучении профессионально-ориентированному англоязычному дискурсу на основе сетевых ресурсов // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2020. № 4. С. 121–136.

Тарнаева Л. П., Шаврова А. В. Феномен клипового мышления: лингводидактический аспект проблемы // Наука СПбГУ — 2022: сб. мат-лов Всерос. конф. по ест. и гуманит. наукам с междунар. участием, 21 ноября 2022 года. СПб., 2023. С. 939–940.

Тарнаева Лариса Петровна[1], Шаврова Анна Владимировна[2]

[1]д-р пед. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет; l.tarnaeva@spbu.ru

[2]канд. пед. наук, ст. преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет; a.shavrova@spbu.ru

ДИСКУРС-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД В ОБУЧЕНИИ ИНОЯЗЫЧНОМУ ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ОБЩЕНИЮ

Ключевые слова: дискурс-ориентированный подход, иноязычное профессиональное общение, отбор лингвистического материала.

В последние десятилетия дискурс-ориентированный (дискурсный, дискурсивный) подход в обучении иностранному языку стал объектом пристального внимания исследователей (Н. Н. Гавриленко, В. В. Дацюк, С. В. Иванов, Ю. А. Комарова, О. В. Лущинская, О. Г. Плехова, И. Л. Роляк, Л. П. Тарнаева, О. И. Уланович и др.). Обучение в рамках данного подхода носит ситуативно-обусловленный характер, что присуще условиям реальной коммуникации. Отмечается, что в преподавании иностранного языка для специальных целей важным условием выступает постоянное погружение обучающихся в ситуации профессионального общения, без этого процесс иноязычного обучения невозможен [Лущинская 2004]. Целью дискурсивного подхода является формирование коммуникативных умений, обеспечивающих восприятие и воспроизведение дискурса «с учётом социальной, профессиональной, речемыслительной, процессуальной, текстовой составляющей» [Тарнаева, Плехова 2018: 426].

С лингвометодических позиций структура дискурс-ориентированного подхода включает в себя четыре компонента: целевой (формирование дискурсивной компетенции), содержательный (овладение знаниями и умениями того или иного вида профессионально-ориентированного дискурса), процессуальный (построение дискурсивных практик) и результативный (формирование дискурсивной личности) [Уланович 2021].

Таким образом, дискурс-ориентированный подход представляет собой «целостную систему в единстве взаимосвязанных составляющих, включающих цель и принципы обучения, способ осуществления деятельности в процессе обучения, последовательность овладения знаниями, навыками и умениями… составляющими способность к участию в дискурсе определённой сферы речевого взаимодействия» [Тарнаева 2024: 224].

В реализации содержательного компонента любого подхода важную роль играет отбор лингвистического материала. Отобранный учебно-речевой материал должен отражать типологические особенности того или иного вида профессионального дискурса с учётом его лингвистических и экстралингвистических составляющих [Тарнаева, Плехова 2018; Тарнаева 2024]. Исследователи выделяют ряд ключевых принципов дискурс-ориентированного подхода (В. В. Дацюк; Ю. А. Комарова, С. В. Иванов; О. В. Лущинская; Л. П. Тарнаева, О. Г. Плехова и др.), среди которых, на наш взгляд, особой значимостью при обучении иноязычному профессионально-ориентированному общению обладают принципы представленные ниже.

Прежде всего необходимо учитывать принцип доступности и посильности, который подразумевает соответствие отбираемого материала уровню языковой подготовки обучающихся, их когнитивным и психологическим особенностям, программным требованиям и необходимости в заданных условиях обучения.

Согласно принципу лингвокультурной направленности процесс обучения должен строиться с учётом ценностных характеристик (ментальность, духовность и др.) конкретного профессионального лингвосообщества, которые заключены в усваиваемых лингвистических единицах. Как результат, обучающие овладевают умениями вычленения и интерпретации культурно-маркированного смысла, заложенного в данных единицах.

В фокусе внимания принципа учёта дискурс-категорий находятся особенности коммуникативного события, в рамках которого функционируют отобранные языковые единицы. Следо-

вание данному принципу позволяет сформировать умения актуализации ключевых категорий конкретного вида профессионального дискурса (время, пространство, дискурсная практика, стилистический диапазон и др.).

На основе принципа развития дискурсивно-коммуникативной сферы личности обучающиеся овладевают умениями, которые отражают специфику их профессионального коммуникативного поведения. Так, к профессиональным коммуникативным умениям будущих специалистов в сфере международных отношений относятся умение построения аргументации в ходе проведения дебатов, умение перевода текстов профессиональной направленности на родной язык и т. д.

Принцип профессиональной направленности нацелен на овладение и совершенствование знаний и умений в конкретной профессиональной сфере общения, т. е. на развитие профессиональной компетенции средствами иностранного языка.

Принцип когнитивной направленности учитывает особенности познавательной деятельности учащихся (когнитивные операции при обработке информации такие, как анализ, синтез, сопоставление, интерпретация, выведение и преобразование смыслов) и способствует развитию умений вычленять, анализировать и декодировать смыслы, заключённые в усваиваемых лингвистических единицах.

Следование принципу учёта социального контекста (социально-ориентированной информации дискурса) проявляется в том, что в ходе профессионально-ориентированного общения во внимание принимается интенциональная основа высказывания, которая направлена на достижение определённого коммуникативного эффекта, а также социальные, психологические и речевые особенности реципиента. На основе данного принципа формируются умения интерпретации и построения коммуникативных стратегий и речевых тактик того или иного вида профессионального дискурса.

Принцип дискурсного погружения позволяет учитывать особенности функционирования отобранных лингвистических единиц в ситуациях профессионального общения и специфику данного вида дискурса как типа национального дискурса с целью избежания интерпретации высказывания на основе дискурс-сообщества родного языка.

Согласно принципу эмоционально-воспитательной направленности в процессе обучения развивается эмоциональная сфера обучающихся, формируются их нравственные ориентиры, что позволяет глубже усвоить изучаемый материал.

Следование данным принципам отбора лингвистического материала служит ориентиром при выборе методов, форм и приёмов обучения в рамках дискурс-ориентированного подхода и способствует формированию умений интерпретации и воспроизведения текстов иноязычного профессионально-ориентированного дискурса.

Литература

Лущинская О. В. Дискурсный подход в обучении иноязычной письменной речи // Вестник Полоцкого государственного университета. 2004. № 8. С. 42–46.

Тарнаева Л. П. Лингводидактическая модель дискурс-анализа // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 9, № 3. С. 222–229.

Тарнаева Л. П., Плехова О. Г. Дискурс-ориентированный интегративный подход к обучению англоязычному историческому дискурсу учащихся старших классов гимназий социально-гуманитарного профиля // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 4-2 (82). С. 425–428.

Уланович О. И. Дискурсный подход как методологическая основа обучения иностранному языку в вузе и технология дидактики перевода // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2021. № 1 (40). С. 35–43.

Хижнякова Майя Эдуардовна

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет;
mn1708@mail.ru

ЛЕКСИЧЕСКИЙ СОСТАВ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Ключевые слова: дискурс, психологический дискурс, терминология психологического дискурса, лексический состав, психологическая терминология.

Формирование иноязычной компетенции студентов, специализирующихся в любой профессиональной сфере предусматривает прежде всего овладение терминологической грамотностью.

При разработке технологий формирования терминологической грамотности студентов-психологов первостепенной задачей является выявление особенностей терминологического аппарата психологического дискурса.

Несмотря на наличие ряда работ, посвящённых исследованию языка психологии, лексический состав данного вида дискурса не получил должного освещения в научной литературе.

Лексический состав психологического дискурса, как и любой другой области знаний, обусловлен спецификой профессиональной сферы, в которой осуществляется данный вид речевого взаимодействия.

Одной из особенностей психологического дискурса является междисциплинарный характер специальной лексики терминологии, что обусловлено многообразием дисциплинарных направлений в рамках психологии (общая психология, педагогическая психология, социальная психология, дифференциальная психология, возрастная психология и т. д.).

В исследованиях отмечается, что важной особенностью лексического состава психологического дискурса является значительная доля разговорной лексики, при этом образная лексика по своему количеству значительно превосходит профессионально маркированный слой — доля эмотивной лексики приближается к 50 %. Специализированная терминология, профессионализмы, окказионализмы, профессиональные клише, эмотивы, тропы, апелляции к прецедентным феноменам, интенсификаторы являются неотъемлемыми составляющими лексического состава психологического дискурса [Гринева 2018].

В качестве особенностей формирования специальной лексики психологического дискурса исследователи отмечают, что в основе многих терминологических единиц лежат ассоциативные связи, цветовые, зрительные и другие ощущения, что обусловлено взаимодействием в рамках психологии научного и обыденного знания [Семенова 2015].

Анализ терминологии психологического дискурса позволил выявить такие способы терминообразования, как заимствования, метафорическое и метонимическое переосмысление объектов реального мира, ретерминологизация, символическое восприятие явлений окружающего мира.

Заимствования играют большую роль в обогащении любой терминосистемы. Значительный пласт психологических терминов заимствован из латинского и греческого языков («deviant» от лат. «deviatio» (падание), «conflict» от лат. «conflictus» (столкновение), «socio» от лат. «societas» (общество) и т. д.).

При образовании терминов широко используются ассоциативные связи с объектами каждодневной жизни человека («biological clock» (биологические часы), «air cushion syndrome» (синдром воздушной подушки) и др.).

Частотным способом образования психологических терминов является метонимический перенос, например, представление процесса как результата действия («isolation», «motivation», «aggravation» и др.).

В исследованиях отмечается, что одним из наиболее распространенных способов образования новых терминов в психологическом дискурсе выступает процесс ретерминологизации, т. е. переход термина из одной научной области в другую [Телятникова 2007]. К числу таких терминов можно отнести «acme» (акме), «autism» (аутизм) (из медицины), «anthropogenesis»

(антропогенез), «unconditioned reflex» (безусловный рефлекс) (из биологии), «self-education» (самовоспитание) (из педагогики) и др. При этом происходит полное или частичное переосмысление термина, например: термин «deprivation» (депривация) в медицине означает нехватку чего-либо в организме, недостаточное удовлетворенность организма в чем-то, в психологии — особое психическое состояние, возникающее в результате длительного ограничения человека от удовлетворения его основных психических потребностей [Голованова 2013].

В результате взаимодействия психологии с другими науками (медициной, генетикой, лингвистикой и другими) были выделены четыре пласта научных психологических терминов: общенаучные, межнаучные, специализированные и узкоспециальные психологические термины. Анализ терминологической системы психологического дискурса показал рост межнаучной терминологии, обусловленный взаимодействием и взаимопроникновение психологии с другими науками.

Еще одной особенностью психологической терминологии является большое количество терминологических синонимов, причем, с точки зрения структуры, синтаксические синонимы преобладают над лексическими, например: «infantile amnesia» (амнезия инфантильная) — «childhood amnesia» (амнезия детства), «preschool age» (дошкольный возраст) — «age of the game» (возраст игры). Есть также синтаксические синонимы, один компонент которых является полилексемным, другой — монолексемным, например: «intrauterine growth» (внутриутробное развитие) — «embryogenesis» (эмбриогенез, младенческий возраст — младенчество).

Большое количество синонимичных терминов обусловлено несколькими факторами: а) существованием различных концепций и психологических школ (например, «oral stage» (оральная стадия) — по З. Фрейду, в то время, как по Э. Эриксону — «infancy» (младенчество)); б) появление синонимов из других языков («gifted child» (одаренный ребенок) — «wunderkind» (вундеркинд)), желанием сократить термин («objective maturity» (объективная взрослость) — «maturity» (взрослость)) [Телятникова 2007].

Помимо синонимичности психологических терминов следует отметить и их многозначность, которая также обусловлена использованием терминов в различных видах психологического дискурса.

Литература

Голованова Е. И. Особый статус терминов-фразеологизмов в метаязыке науки // Вестник Омского университета. 2013. № 1 (67). С. 69–75.

Гринева М. С. Содержательные характеристики речевых действий практического психолога в терапевтическом дискурсе: автореф. дис. … канд. филол. наук. Тверь, 2018.

Семенова Е. В. Анализ психологических терминов в когнитивном аспекте // Язык и культура в эпоху глобализации: сб. науч. тр. по мат-лам II междунар. науч. конф. СПб., 2015. С. 249–252.

Телятникова И. В. Семантика, деривация и функционирование номинаций терминосферы «Психология развития»: автореф. дис. … канд. филол. наук. Ставрополь, 2007.

Чжу Шэнминь

аспирант, преподаватель-стажер,
Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Беларусь;
zhusheng981840@gmail.com

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ОСВОЕНИЕ СЛОВ КИТАЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В МЕДИАРЕЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ БЕЛОРУССКИХ СМИ)

Ключевые слова: китаизм, лексика китайского происхождения, функционально-семантическое освоение лексики, медиадискурс.

Сегодня белорусские журналисты много пишут о Китае; в этом отражаются особенности геополитической структуры мира, приоритеты внешней политики Беларуси и высокий уровень дипломатических отношений между Китайской Народной Республикой и Республикой Беларусь, а также наличие определенных сходств в построении национальных медиасистем. Рост иноязычной лексики в медиатекстах — распространенное явление в эпоху глобализации, отражающее активность взаимодействия между странами. Проблема заключается в недостаточной изученности наблюдаемого в последние десятилетия роста китайского влияния на национальные культуры, в том числе опосредованного речевым пространством традиционных и новых медиа.

В результате активизации белорусско-китайского сотрудничества в белорусской публицистике анализируемой тематики регулярно встречаются китаизмы разной степени освоенности в русском языке, выступающие в нем в качестве денотативных и образных инноваций. Публицистические тексты сегодня являются особой средой, через которую китаизмы все активнее проникают в русский язык. Ученые предполагают, что развитие глобального медиапространства с одновременным расширением сотрудничества русскоязычных стран с Китаем приведет к «непрогнозируемому, но неизбежному расширению массива» китайских слов и выражений в русском языке [Черемисина 2019: 104].

В докладе рассматриваются особенности семантического и функционального освоения иноязычных слов китайского происхождения в русскоязычных текстах белорусских СМИ. В качестве материала исследования используются русскоязычные тексты ведущего белорусского сетевого издания sb.by (интернет-ресурса, официально зарегистрированного в качестве СМИ). Большую часть анализируемых слов можно отнести к так называемым «речевым китаизмам», которые не зафиксированы в словарях русского языка, но все более активно используются в речи журналистов-международников. Они обладают эффектом новизны и/или экзотичности для аудитории белорусских СМИ, требуют особых условий для их включения в русскоязычные медиатексты: *баоцзы* ‘небольшой пирожок на пару’; *кан* ‘традиционная китайская кровать’; *лонган* ‘вечнозеленое дерево и его плод’; *сяокан* ‘малое благоденствие; идеальное общество’; *хого* ‘традиционное китайское блюдо; китайская посуда с двумя донышками и встроенной печью’; *хутун* ‘тип средневековой городской застройки’; *чжунюн* ‘гармония срединного пути’, *юэбин* ‘пряник со сладкой начинкой’ и др.

В медиадискурсе функции китайских слов постепенно диверсифицируются: они используются не только для передачи информации, но и для выражения эмоций, установок, ценностей. По мнению Ц. Ни и В. Е. Иосифовой, сегодня наиболее заметны три функции: (1) обогащения и пополнения русской лексики; (2) распространения китайской культуры; (3) обогащения стилистические функции русских слов и формирования художественной картины мира в произведениях русских писателей [Ни 2023: 80]. Например, такие слова, как *инь и янь*, *нихао*, попав в русскую медиаречь и приобретая в ней потенциал метафоры, помимо исходных значений, начинают дополнительно концептуализироваться, реализуют функцию эмоционально-оценочной характеризации описываемых объектов в определенной ценностной системе: *Все это называется в западной философии — диалектика. В восточной — взаимовлияние* ***инь и ян****. А в обыч-*

ном просторечии: «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам» (29.11.2024); *В нем гармонично уживаются* ***инь и ян****, он полон энергии, которая переполняет* (30.04.2023); *Впрочем, сегодня это еще и история о дружбе и политике мультикультурализма <…> «****Нихао!****» — здесь рады абсолютно всем* (19.03.2022).

Семантическое развитие китайских заимствованных слов в белорусском медиадискурсе демонстрирует тенденцию к обогащению. С одной стороны, появление новых слов и новых значений постоянно расширяет словарный запас русского языка; с другой стороны, заимствованные слова получают новые значения в новых контекстах, что приводит к полисемии и деривации значений слов. Например, китайское понятие «женьшень» в русскоязычных белорусских СМИ подвергается определенной культурной апроприации. Самые простые модели приращения смысла — это упоминание женьшеня в ряду исконных славянских лекарственных растений и в контексте традиционных славянских практик их приема: *Сделайте нормой питье* ***теплых морсов и отваров шиповника, мяты, липы, облепихи****, травяных чаев, китайского лимонника и* ***женьшеня*** (25.09.2023). Концептуализация понятия «женьшень» осуществляется через образные аналитические наименования *корень жизни*, *чудо-корень*, *легендарный корень*, *эликсир жизни, дух земли, дар богов, дар бессмертия, чудо мира, чудодейственное зелье, божественная трава*. Высокий уровень освоенности слова *женьшень* в русскоязычной медиакультуре подтверждается его использованием в медиатекстах в качестве прототипа — понятийного и ценностного абсолюта, который кладется журналистами в основу описания подобных растений, представленных в разных национальных культурах: *Что для вас одуванчик? <…> Не зря же его называют эликсиром жизни и* ***славянским женьшенем*** (30.09.2023); *Лекари Древнего Китая и Японии называли эту водоросль* ***морским женьшенем*** (06.03.2016).

Семантизации китаизмов в журналистских текстах способствует речевая актуализация их парадигматических и синтагматических связей и отдельных смысловых элементов в семантической структуре конкретного слова (денотативных, сигнификативных, фоновых, ситуационных), напр.: *Маша* ***постигает*** *здесь* ***премудрости кун-фу*** *уже шесть лет* (24.03.2020); *О прикладной науке* ***эргономике*** *все чаще говорят как о «****западном фэн-шуй****». Ведь гармоничное устройство рабочей зоны сохраняет главное — человеческий капитал компании, предприятия, фирмы* (09.04.2014). Вынесение слова китайского происхождения на сильные позиции текста придает ему концептуальный характер, напр.: заголовок *Дачный «фэншуй»* (02.04.2019); внутренний заголовок в тексте *А розы вырастут по фэншую!* (18.12.2018).

Литература

Ни Цзюнься, Иосифова В. Е. Заимствованные китаизмы в русском языке // Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук. 2023. № 12. С. 78–81.

Черемисина Т. И. Китайские заимствования в современном английском языке как элемент культурно-языковых контактов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. Вып. 6 (822). С. 91–107.

Яковлева Елена Владимировна

д-р филол. наук., профессор,
Московский государственный лингвистический университет;
elexs@mail.ru

АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК ДЛЯ ГУМАНИТАРИЕВ: ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Ключевые слова: коммуникативно-ориентированные задания, полилогическая дискуссия, стратегия межличностного взаимодействия, стратегия межкультурного взаимодействия, многовекторная коммуникативная задача.

Известно, что основным средством обучения иностранным языкам является учебник, которым руководствуются как преподаватели иностранных языков, так и изучающие иностранные языки. По общепринятому мнению, учебник представляет собой системное изложение изучаемого языкового и страноведческого материала, отображенного и организованного с учетом его функциональной нагрузки в разных формах общения и речевой деятельности. Выделяются информирующая, обучающая, мотивирующая, контролирующая функции учебника. Как видим, в данном определении акцент делается на системном подходе к изложению языкового материала в учебных целях и подчеркивается необходимость изучения этого материала в процессе обучения.

Перед изучающими английский язык на уровнях B1 и B2 по шкале CEFR в соответствии с программой факультетов университетов гуманитарной/лингвистической специализации сегодня стоит целый ряд задач, решение которых возможно в ходе развития способности обучающихся к общению на английском языке через формирование и закрепление у них лексико-грамматических навыков выполнения коммуникативно-ориентированных заданий а также в результате активизации их речевой деятельности в формате «монологическое высказывание — диалогическое общение — полилогическая дискуссия», что отвечает вызовам современных профессиональных и индивидуальных коммуникативных стратегий межличностного и межкультурного взаимодействия.

Постепенное повышение уровня требований, предъявляемых к обучающимся при переходе от материалов этапа обучения B1 к материалам этапа B2 отражается в том, что современные дидактически-ориентированные пособия направлены на то, чтобы на все более разнообразном лексико-грамматическом и лингвострановедческом материале совершенствовать способность студентов создавать устные и письменные произведения речи, способные помогать обучающимся решать все более многовекторные коммуникативные задачи.

Обилие все более диверсифицированных задач, в решении которых сегодня призван участвовать английский язык, во многом определяется не только прогностическим взглядом на него, но и предвидением того его состояния, которое с большой долей вероятности будет английским языком достигнуто менее, чем за полвека. Как выясняется, наиболее популярными являются следующие два вызова современности, на которые обучение английскому языку призвано искать и непременно найти ответ: теория «свободного рынка» и теория «экономической защиты» [Kibbee 2003: 47]. В основе обеих лежит представление об индивидуальных чертах и особенностях языков современного мира, о возможном интерактивном и взаимодополняющем равенстве всех языков, об эволюционных процессах, происходящих в них и о том, что не принимать в расчет эти процессы или их предвестники не представляется возможным.

Однако, известен и другой взгляд на перспективы существования и, как следствие, изучения и преподавания английского языка. Пишут о том, что современный английский язык являет себя изучающими его в своей переходной ипостаси, ибо есть все основания полагать, что сегодня он фиксирует перемены, свидетельствующие о том, что, весьма вероятно, следует подумать о том, не пора ли начать обдумывать некое «другое направление в развитии английского языка и науки об [английском] языке» [Granddol 2000: 58].

Так, учебные пособия уровня обучения B2 ставят целью подготовку обучающихся к более насыщенному содержательно и разнообразному с точки зрения лексико-грамматического наполнения и стилистического оформления межкультурному общению за счет активизации обучения на основе принципа коллективного взаимодействия.

Разумеется, невозможно не учитывать и такой вызов современным преподавателям английского языка, как «захват английским языком коммуникативного пространства», что приводит к невозможности английского языка функционировать изолированно, но непременно во «взаимодействии <…> с другими языками в ситуации билингвизма значительной части населения или же двуязычия/многоязычия целой страны или региона» [Опарина 2015: 69].

Здесь представляется необходимым учитывать такие факторы-вызовы современного общего педагогического контекста как многоязычие средств массовой информации, доминирующий авторитет Интернета как источника информации в широком спектре сфер, с необходимостью включающем сведения лингвистического характера и материалы, способствующие насаждению определенных популярных моделей речеупотребления.

Еще одной весьма проблематичной особенностью ситуации стала в последние годы продолжающая интенсифицироваться мобильность населения, что приводит к тому, что языковая норма распространяется не ее носителями, а широкими мобильными слоями, в которых целые социальные и профессиональные группы населения имеют непостоянный состав и микшированный характер. В результате преподавателями английского языка с большой вероятностью оказываются случайные и даже малоквалифицированные наемные сотрудники.

Иллюстративный материал сообщения, не преследующего рекламных целей, отсылает к опубликованному учебному пособию «Английский язык для гуманитариев (B1)» [Архипович, Шишкина 2019] и его продолжению — подготовленному к опубликованию и находящемуся в печати учебному пособию «Английский язык для гуманитариев (B2)» авторов Т. П. Архипович, Е. В. Яковлевой.

Литература

Архипович Т. П., Шишкина В. А. Английский язык для гуманитариев (B1): в 2 ч. Ч. 1: учебник и практикум для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2019.

Опарина Е. О. Английский язык в контакте с другими языками: социокультурные, идеологические, прагматические и психологические причины выбора языка общения в ситуации двуязычия или многоязычия. (Научно-аналитический обзор) // Языковая ситуация в Европе начала XXI века: сб. обзоров / Ин-т науч. инф. по обществ. наукам Рос. акад. наук. М., 2015. С. 69–83.

Graddol D. The future of English? A guide to forecasting the popularity of the English language in the 21st century. London: British Council, 2000.

Kibbee D. A. Language policy and linguistic theory // Languages in a Globalizing World. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 45–57.

Ярмуш Надежда Юрьевна

ст. преподаватель, Институт образования и гуманитарных наук,
Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта;
nadya-316@mail.ru

ОБУЧЕНИЕ СТУДЕНТОВ-ЛИНГВИСТОВ НАЦИОНАЛЬНЫМ ВАРИАНТАМ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ КОРПУСОВ

Ключевые слова: испанский язык, лингвистический корпус, национальные варианты, обучение.

В настоящее время благодаря стремительному развитию информационных технологий большую популярность при сборе и анализе практического материала приобретает корпусная лингвистика.

Корпусная лингвистика появилась в 60-е гг. XX в., изначально на материале английского языка, но очень быстро получила своё продолжение и в других языках, в частности, в испанском.

Лингвистическим корпусом считается электронная база данных, включающая в себя собрание текстов, как правило, одного языка, объединенных определенными параметрами. В испанском языке существует несколько лингвистических корпусов. Наиболее популярными являются корпуса, разработанные Королевской академией испанского языка. К ним относятся: CORPES XXI — Корпус испанского языка XXI в.; CDH — Корпус Нового исторического словаря; CREA — Корпус испанского языка последних двадцати пяти лет; CORDE — Диахронический корпус испанского языка. Отличительной особенностью таких корпусов является их сосредоточенность на материалах стандартного испанского (español estandar), а именно — пиренейского стандарта.

Тем не менее, сегодня активно развиваются отношения разных стран, в том числе России, со странами Латинской Америки, что приводит к повышению интереса к латиноамериканским вариантам испанского языка. Начинают появляться многочисленные лингвистические корпуса, основу которых представляют разнообразные латиноамериканские тексты. Эти корпусы разрабатываются не только RAE в сотрудничестве с академиями латиноамериканских стран, но и отдельными учеными — известными лексикографами, а также ведущими университетами и издательствами.

Среди таких корпусов можно выделить следующие:

- CdE — Корпус испанского языка, созданный Марком Дэвисом и содержащий два миллиарда слов на основе текстов из 21 испаноговорящей страны;
- CORPEEU — Корпус испанского языка, созданный Гарвардским университетом при поддержке Института Сервантеса в 2017 г. и включающий в себя тексты, созданные на испанском языке в Америке, начиная с 1960-х гг.;
- CEA — Корпус современного испанского языка (Corpus del español actual), который подготовили Карлос Субиратс и Марк Ортега. Этот ресурс включает в около 450 млн. форм, полученных из политических и дипломатических текстов, официальных документов ООН и испаноязычной Википедии, аннотированных автоматически;
- CORDIAM — Диахронический и диатопический корпус испанского в Латинской Америке, в создании которого приняли участие более двадцати различных университетов Европы и Америки и основанный на вариантах испанского 24 стран мира;
- PRESEEA — Проект для «Социолингвистического исследования испанского языка в Испании и Латинской Америке», который координируется профессором Франсиско Морено Фернандесом и в котором приняли участие более 50 различных организаций и 39 групп исследователей, которые собрали и расшифровали интервью на испанском языке в разных городах мира;

- EGREHA — «Грамматическое исследование испанского языка, на котором говорят в Латинской Америке» — большой проект выполненный, благодаря усилиям Ассоциации лингвистики и филологии Латинской Америки (ALFAL), которая взяла на себя задачу оцифровки и унифицированного кодирования части собранных материалов. Эти материалы представляют собой данные, которые включают в себя различные устные тексты, в том числе интервью, записанные в различных городах Испании и Латинской Америки.

Очевидно, что лингвистические корпуса могут предоставить много полезной информации в обучении языку, тем не менее, их использование на занятиях вызывает ряд трудностей не только у студентов, но и у преподавателей, и всё ещё является достаточно редким явлением [Сысоев 2010]. Исследователи отмечают следующие трудности при работе с корпусами: а) низкий уровень сформированности коммуникативной компетенции, б) низкая степень осведомленности, либо полное отсутствие опыта работы с лингвистическими корпусами [Агафонова 2009].

Вышеперечисленные трудности учитывались нами при разработке упражнений по работе с лингвистическими корпусами в рамках экспериментального обучения студентов национальным вариантам испанского языка.

Группа упражнений включает в себя ряд тренировочных упражнений, которые служат подготовкой студентов к успешной работе с корпусами. Очень важно познакомить студентов с индуктивными методами работы, в частности с корпусным анализом. Это даст студентам представление о том, что они могут узнать из корпусов и как они смогут их использовать. К тренировочным относятся задания, типа: а) введите команду, которая покажет все слова, которые начинаются с «mega-»; б) определите, с каким предлогом употребляется сочетание «en relación»; в) определите, в каких странах используется глагол «pololear» и др.

Одним из важнейших инструментов при работе с корпусом является конкорданс, который представляет собой программу, позволяющую анализировать большие массивы текста и осуществлять поиск необходимого слова или выражения в корпусе и выдавать фрагменты предложений из различных текстов, в которых используется данная единица [Сысоев 2010]. На основе конкорданса построены основные задания по работе с корпусами. Примеры таких заданий: а) проведите корпусный анализ и выясните, какие существительные / прилагательные / глаголы используются со словом из мексиканского варианта «gacho»; б) изучите данные конкорданса и определите значение слова «chicha»; в) изучите данные конкорданса и определите зашифрованное слово, какая это часть речи? Какое место в предложение оно занимает? Какое заключение об использовании этого слова можно сделать?

В заключение важно отметить, что лингвистический корпус и программа конкорданс могут в значительной мере оптимизировать процесс обучения иностранным языкам. На базе лингвистических корпусов можно создать множество различных заданий, которые помогут студентам-лингвистам в их дальнейшей исследовательской деятельности.

Литература

Агафонова Л. И. Некоторые вопросы использования корпусных технологий как фактора повышения качества обучения иностранным языкам // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. С. 80–87.

Сысоев П. В. Лингвистический корпус в методике обучения иностранным языкам // Язык и культура. 2010. С. 99–111.

Ma Xiao

PhD Student, People's Friendship University of Russia (RUDN University);
18810032110@163.com

TEACHING METHODS IN COLLECTIVE ENGLISH TEACHING ACTIVITIES IN PRIVATE BILINGUAL KINDERGARTENS IN CHINA

Keywords: young learners, private bilingual kindergarten, collective English teaching activity, effective pedagogical strategy, cognitive development theories.

Undoubtedly, the rapid advancement of globalization and the increasing frequency of international exchanges have underscored the significance of English as a global language. Chinese parents are increasingly prioritizing early English education for their children. However, due to recent educational reforms aimed at reducing premature academic pressure, public kindergartens are prohibited from offering primary school-level courses, including English classes [Xuan Li, Jialing Li 2024]. Consequently, private bilingual kindergartens have emerged to address this gap. Group English teaching activities constitute a crucial component of English instruction in private bilingual kindergartens, significantly influencing children's English learning experiences and outcomes. This study aims to investigate the current state, challenges, and methodologies of collective English teaching in Chinese private bilingual kindergartens.

Game-based Teaching Method. Research findings clearly indicate that the vast majority (over 94 %) of preschool English teachers currently integrate game-based teaching methods into their instruction. Games, with their elements of fun and competition, intrinsically motivate children to actively participate, thus leading to better learning outcomes. The extensive application of game-based teaching in preschool English education not only contribute to its effectiveness but also reflects teachers' understanding of optimal learning patterns for young children. By incorporating diverse games into teaching, educators can create a dynamic and engaging learning environment that promotes language acquisition, cognitive development, and social skills among young learners. For instance, "Color Hopscotch" innovatively combines vocabulary learning, color recognition, and physical movement. A set of colored grids, each labeled with a different English word, is drawn on the floor. When the teacher calls out a word, children need to quickly identify the correspondingly colored grid and jump to it. This activity not only reinforces their vocabulary knowledge but also enhances their reaction speed and gross motor skills. For instance, if the teacher says "apple", the child has to find the grid with the word "apple" and the associated red color and jump to it. This multisensory experience engages multiple aspects of a child's development simultaneously, making the learning process more engaging and memorable.

Situational Teaching Method. Empirical research indicates that approximately 78 % of teachers incorporate the situational teaching method into their instructional practices. This teaching approach, rooted in the constructivist learning theory, posits that learning occurs most effectively when knowledge is presented within authentic and relevant contexts [Ellis 2009]. For instance, the concept of "supermarket shopping" is employed. Educators carefully design a simulated supermarket environment in advance, organizing a variety of commodities that are labeled with English language inscriptions. A cashier counter is set up, and highly realistic props, such as imitation banknotes and barcode scanners, are procured to enhance the authenticity of the setting. During the teaching process, children are assigned the roles of customers and cashiers. Customers initiate interactions by inquiring about prices in English, using phrases like "How much is it?" Cashiers respond accordingly, engaging in exchanges that mirror real-life shopping transactions. The active participation rate of children in the entire class reaches a remarkable 85 %. This significant level of engagement not only underscores the efficacy of the situational teaching method in capturing students' attention but also highlights its potential to foster practical language skills within an immersive learning environment.

Multimedia Teaching Method. In the era of rapid technological progress, about 89 % of educators use multimedia teaching methods in class. When teaching animal vocabulary, teachers often use animated videos. For example, a video shows a tiger growling and saying, "I am a tiger", attracting

children's attention. This multi-sensory approach, combining visual and auditory elements, aligns with early childhood cognitive development theories, helping children associate animal visuals, names, and sounds. When teaching English nursery rhymes, teachers use well-made animations. Animated characters move in sync with the song rhythm. As they dance or jump, children better understand the lyrics. This visual aid helps memorization and makes learning more fun and increases its interactive potential. Statistical analysis shows that teachers use multimedia resources about three times per class on average. English children's song videos are used most often. Their high utilization rate highlights their important role in boosting learning engagement and effectiveness for young learners, thus promoting language acquisition in early childhood education.

Suggestions. Currently, preschool English teachers should closely observe children's individual differences. In lesson planning teachers deeply analyze teaching content and objectives to select suitable methods. When designing games, it is desirable to focus on the educational value and challenges to cultivate children's abilities. Context creation should better be based on real life, with practical props, roles, and language. Besides, teachers must update educational concepts, follow educational frontiers, and explore new methods. Many of them integrate modern technologies like multimedia, the Internet, and AI for teaching innovation, such as personalized teaching via online platforms and immersive learning with VR/AR [Masoud H., Masoud A. 2011].

References

Masoud H., Masoud A. Teaching English To Children: A Unique, Challenging Experience For Teachers, Effective Teaching Ideas // Procedia — Social and Behavioral Sciences Journal of Engineering Education. 2011. Vol. 30. P. 2083–2087.

Ellis R. Task-based language teaching: Sorting out the misunderstandings // International Journal of Applied Linguistics. 2009. Vol. 19, iss. 3. P. 221–246. https://doi.org/10.1111/j.1473-4192.2009.00231.x

Xuan Li, Jialing Li. Preschool English language planning in China: Tensions between policy and practice // International Journal of Applied Linguistics. 2024. Vol. 34, no. 3. P. 905–919.

Бесядовская Надежда Александровна

учитель английского языка, Академическая гимназия № 56 им. М. Б. Пильдес;
nadezda.besyadovskaya@gmail.com

К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЗАДАНИЯ 38 ЕДИНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭКЗАМЕНА КАК ИНСТРУМЕНТА ОЦЕНИВАНИЯ УРОВНЯ СФОРМИРОВАННОСТИ НАВЫКОВ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ УЧАЩИХСЯ

Ключевые слова: ЕГЭ, письменная речь, эффективность.

Задание 38 Единого государственного экзамена — это задание высокого уровня в разделе «Письменная речь». При его выполнении учащиеся сталкиваются с целым рядом трудностей. Во-первых, для успешного выполнения задания повышенного уровня необходимо продемонстрировать умение оперировать сложными грамматическими конструкциями и лексикой уровня B2 по Европейской шкале. Во-вторых, обязательным является использование слов-связок, которые уместны в официальном стиле. В-третьих, объем текста, учитывая количество параметров. которые необходимо описать, значительно ограничен. В-четвертых, задание представляет из себя сложную комбинацию различных видов текстов, которые встречаются в разных международных экзаменах, но в ЕГЭ объединены в некоторый текст, сложно поддающийся жанровому определению. В основном это модифицированная комбинация двух письменных заданий экзамена IELTS — описание графиков и двух типов эссе (представление возможного решения проблемы и выражение мнения на заданную тему). В-пятых, в одном тексте может быть объединено до трех различных тем, — тема опроса, тема проблемы, тема мнения автора, которую необходимо представить в заключении. Эти темы могут быть связаны лишь косвенно, в результате проследить логику построения текста не всегда возможно. Учитывая перечисленные выше факторы, эффективность данного задания как инструмента оценивания уровня сформированности навыков письменной речи представляется неоспоримой.

С другой стороны, «Планы ответов, предложенные в задании, имеют общую структуру и различаются только в 4 и 5 аспектах, выполнение задания 38 предполагает соблюдение целого ряда формальностей, которые подталкивают преподавателей на создание шаблонов [Булатов 2023: 9], которые учащиеся могут заучить наизусть, потом автоматически воспроизводить на экзамене, добавляя скопированные формулировки из задания.

Во вступлении участник экзамена должен написать, что выполняет проектную работу, указать её тему и/или цель, указать, что он нашёл статистические данные социологического опроса в форме таблицы или диаграммы по теме собирается их описать [Вербицкая 2023: 22]. Приведем вариант шаблона для написания данного абзаца:

> There is no denying the fact that … has always been/ has recently become an important issue. While doing a project on the topic "…", I have found the results of a relevant survey presented in a table/pie chart. In this essay I am going to analyse the data and express my opinion on the subject of the project.

В приведенном примере учащемуся необходимо обобщить тему опроса и вписать ее в первом предложении и переписать из задания тему опроса во втором. Фраза о важности обсуждаемой темы не обязательна. Если ее исключить, написание данного абзаца имеет на 100 % репродуктивный характер. При условии ее написания, процент продуктивности будет отличен от

Руководитель секции: И. Ю. Павловская.

нуля, но близок к нему, так как в текст шаблона необходимо вставить слово или словосочетание и глагольную форму.

Во втором аспекте необходимо описать два-три факта из данных, приведенных в таблице или диаграмме, ссылаясь на источник фактов и цифр, привести цифровые показатели в тексте. Также для получения полного балла за аспект необходимо связать приведенные факты с вопросом из таблицы или диаграммы, на который отвечали респонденты [Вербицкая 2023: 23]. Для написания второго абзаца, соответствующего второму аспекту, учащимся может быть предложен следующий образец.

> Answering the question "…", the largest proportion of the participants of the survey (… %) opt for "…". The least popular answer is "…" with only … % of the respondents.

При выполнении задания по аспекту 2 учащиеся копируют из таблицы/диаграммы вопрос и необходимые им варианты ответов опрошенных. В итоге, при условии использования предложенного шаблона, текст учащегося имеет на 100 % репродуктивный характер.

Выполняя задания по третьему аспекту учащиеся должны сравнить данные из таблицы/диаграммы и дать комментарий к сравнению. В комментарии учащимся предлагается либо обосновать выбор фактов для сравнения, либо объяснить причины их сходства/различия, либо сделать вывод из предложенного сравнения [Вербицкая 2024: 6–7].

> Analysing the results of the survey it is easy to notice that the number of the respondents who opt for "…" is … percentage points higher than the number of those who choose "…". The reason is

Анализируя разработанный шаблон можно отметить, что в данном аспекте примерно 30 % текста будут продуктивными, так как учащимся необходимо привести пояснение к сравнению приведенных фактов.

В Аспекте 4 необходимо предложить проблему по предложенной теме и обозначить ее возможное решение [Вербицкая 2023: 23]. В данном аспекте в шаблоне можно оформить только вводное предложение, которое будет включать тему, скопированную из задания:

> Some problems may arise while…. One of them is

Таким образом, продуктивная часть данного абзаца составит около 85 %.

В Аспекте 5 задача учащихся состоит в том, чтобы сделать заключение, выразить мнение на заданную тему и пояснить его. Шаблон по данному аспекту будет включать часть вводной фразы, так как формулировку темы, по которой необходимо выразить мнение, приведенную в задании также необходимо переформулировать [Вербицкая 2024: 6–7]. Продуктивность данного аспекта составит около 85 %.

Подсчитав среднее арифметическое приведенных выше значений, мы можем сделать вывод, что около 60 % полученного текста имеет репродуктивный характер. Полученный результат может быть скорректирован, учитывая объем сформулированных тем и вариантов ответов респондентов, предложенных в задании, так как количество слов строго ограничено, однако он достаточно высок для задания повышенной трудности.

Литература

Булатов О. А., Зенкевич Е. В., Кривец В. Д., Решетникова А. С. Технологии подготовки к ЕГЭ по английскому языку: учеб. пособие. 7-е изд. СПб., 2023.

Вербицкая М. В., Махмурян К. С., Трешина И. В. Методические рекомендации обучающимся по организации самостоятельной подготовки к ЕГЭ 2023 года. Английский язык. М., 2023.

Методические рекомендации для учителей, подготовленные на основе анализа типичных ошибок участников ЕГЭ 2024 года по иностранным языкам (английский, немецкий, французский, испанский, китайский языки) / Вербицкая М. В., Махмурян К. С., Бажанов А. Е., Кузьмина Е. В. и др. М., 2024.

Биркин Алексей Александрович
канд. мед. наук, специалист, Москва

МАРКЕРЫ ЛОГИКО-СМЫСЛОВОЙ СЛОЖНОСТИ УЧЕБНЫХ ТЕКСТОВ

Ключевые слова: маркер логической сложности текста, логическая связка, устойчивая синтагма.

С позиций математической логики маркерами сложности восприятия текста могут быть логические союзы или логические операции (связки): «НЕ» — соответствует логической операции отрицания — инверсии; «И» — соответствует логическому умножению — конъюнкции; «ИЛИ» — соответствует логическому сложению — дизъюнкции; «ЕСЛИ» — соответствует логической операции следования — импликации. Считается, что это — основные логические операции, при помощи которых можно записать любое логическое выражение.

Гипотезой исследования являлось: частота встречаемости в тексте логических связок и аналогичных слов может быть надежным маркером логико-смысловой оценки сложности восприятия учебного текста.

Для исследования использовались случайно отобранные тексты для проверки техники чтения с сайта «Социальная сеть работников образования NSPORTAL.RU» [Социальная сеть работников образования]. Было отобрано 55 текстов для проверки техники чтения в 1-м классе и 57 — для 4-го класса. Эти группы текстов были отобраны потому, что: тексты 4-го класса являются более сложными, нежели тексты для 1-го класса. В третью группу тестов было включено 20 случайно отобранных сочинений классиков русской литературы и известных авторов художественных произведений, рекомендуемых для изучения в школе в старших классах. Очевидно, что тексты для взрослых (далее «взрослые» тексты) должны были быть сложнее для восприятия, нежели тексты для 4-го класса.

В исследовании использовалась компьютерная программа диагностики нагрузок кода речи версии 11.1–2013 г. разработанная в процессе исполнения проекта (гранта) Российского гуманитарного научного фонда (2013–2014) [Проект 2013–2014].

В результате исследования установлен закономерный рост длины предложений в словах. Среднее арифметическое значение количества слов в предложении в текстах 1-го класса оказалось 7,0 слова, в текстах 4-го класса — 9,4 слова, во взрослых текстах 11,5 слова. Закономерность роста длины предложений подтверждается с вероятностью ошибки $p \leq 0{,}01$.

Установлена закономерность усложнения логической структуры текстов в соответствии с возрастом школьников, для которых они предназначались. Увеличение процента (доли или частоты) встречаемости логических связок «НЕ», «ИЛИ» и »ЕСЛИ» от общего количества всех учитываемых логических связок в тексте («НЕ», «ИЛИ», «ЕСЛИ», «И») от «младших» текстов к »старшим» текстам оказалось соответственно в %: «НЕ» 7,4-18,4-30,4; «ИЛИ» 0,6-1,8-2,6; «ЕСЛИ» 0,5-1,1-1,8. Закономерность роста частоты встречаемости «НЕ», «ИЛИ» и »ЕСЛИ» подтверждается с вероятностью ошибки $p \leq 0{,}01$.

В отношении союза «И» установлена другая закономерность: увеличение их частоты встречаемости от текстов 1-го класса к 4-му классу от 65,3 % до 72,6 % ($p \leq 0{,}01$) и падение частоты встречаемости от тестов 4-го класса к »взрослым» текстам от 72,6 % до 62,4 % ($p \leq 0{,}01$).

Таким образом, частота встречаемости логических связок в предложении является маркером увеличения количества слов в предложении.

В контексте дальнейшего исследования была определена группа из 135 служебных слов или устойчивых синтагм аналогичных перечисленным выше логическим связкам. Филологическое обоснование данной группы слов приведено нами в монографии «Основы лингвистической психофизиологии» (2016) [Тютюнник и др. 2016].

Применительно к психофизиологии кода речи под термином устойчивая синтагма понимается наиболее часто встречающиеся и распространенные служебные слова или словосочетания, являющиеся признаками, маркерами или индикаторами увеличения количества слов в пред-

ложении. Например, «а», «а не то», «а то», «благодаря», «благодаря тому что», «буде», «будто», «ведь», «ввиду того что», «верно», «верно то», «верно, что», «все же», «в то время как» и т. д.

Устойчивые синтагмы были включены в модуль программы диагностики нагрузок кода речи версии 11.1–2013 г., который вычислял коэффициент (соотношение) употребления (встречаемости) устойчивых синтагм в предложении (далее КФУС).

В результате исследования установлен закономерный рост КФУС в зависимости от возрастной предназначенности текстов. Среднее арифметическое значение КФУС в текстах 1-го класса оказалось 0,72 синтагмы, в текстах 4-го класса — 1,21 синтагмы, во взрослых текстах 1,7 синтагмы. Закономерность этого роста подтверждается с вероятностью ошибки $p \leq 0{,}01$.

Для практического подтверждения информативности КФУС в течение двух лет проводилось исследование результатов проверки техники чтения с 48 учениками 3–4 классов с использованием 4-х текстов, рекомендованных официальными методическими пособиями [Ефросинина 2013].

В результате исследования установлена закономерность, что среднее количество ошибок, допущенных школьниками и учтенных в анкетах контроля усвоения содержания текстов, пропорционально величине КФУС контрольного текста. Соответственно величины среднего арифметического количества ошибок по мере их возрастания и величина КФУС оказались следующими: 1-й текст 1,640–0,957; 2-й текст 2,080–1,220; 3-й текст 2,625–1,708; 4-й текст 3,500–1,757. Полученная закономерность подтверждается высоким коэффициентом корреляции равным 1,0 с вероятностью ошибки $p \leq 0{,}05$.

Таким образом, частота встречаемости логических союзов и устойчивых синтагм являются надежными маркерами логической сложности учебного текста.

Источники

Образовательная социальная сеть. URL: https://nsportal.ru/nachalnaya-shkola/chtenie (дата обращения: 30.01.2025).

Проект (грант) Российского гуманитарного научного фонда «Мониторинг текстов школьных учебников…», № 13-16-77025. 2013–2014.

Литература

Ефросинина Л. А. Литературное чтение в начальной школе в двух частях. Оценка знаний. Контрольные работы. Ч. 2 (для 3–4 классов). М.: Вентана-Граф, 2013.

Тютюнник В. М., Биркин А. А., Гущин Ю. Г. Основы лингвистической психофизиологии: монография / под ред. проф. В. М. Тютюнника. Тамбов; М.; СПб.; Баку; Вена; Гамбург: Нобелистика, 2016. С. 71–87.

Глухова Юлия Николаевна

доцент, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена; juliespb07@rambler.ru

КОНТРОЛЬ И ОЦЕНКА ИНОЯЗЫЧНОЙ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ В ЭПОХУ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Ключевые слова: оценочные шкалы, цифровая компетенция учителя иностранного языка, технологии искусственного интеллекта.

Как известно, применение технологий искусственного интеллекта в разных областях вызывает сегодня немалое количество споров, а также порождает полярные мнения о пользе и эффекте таких инструментов. Интеграция указанных технологий в учебный процесс осуществляется в соответствии с основным положениям цифровой трансформации системы образования, согласно Указа Президента Российской Федерации № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (в редакции № 124 от 15 февраля 2024 г.), в котором в качестве одного из основных направлений применения технологий искусственного интеллекта в образовании обозначено создание автоматизированной системы оценки учебных достижений.

Анализ научной литературы по теме применения технологий искусственного интеллекта в методике обучения иностранным языкам указывает на то, что исследователи не только рассматривали в этой связи содержательный аспект цифровой компетенции будущего учителя иностранного языка [Колядко и др. 2024], но также предпринимали попытки использовать новые средства обучения на практике для планирования учебного занятия по иностранному языку с помощью генеративного искусственного интеллекта [Евстигнеев 2024], оценивания и тестирования при обучении иностранному языку с помощью технологий искусственного интеллекта [Коренев 2024], использования интеллектуальных систем обучения иностранным языкам [Титова, Темурян 2024], обучения учащихся и студентов написанию эссе на основе чат-ботов [Сысоев, Филатов 2024]. Отметим, что проведённые исследования выполнялись, как правило, на примере английского языка, что объясняется более широким набором доступных инструментов для анализа.

Следует сказать, что появление генеративного искусственного интеллекта с одной стороны создало новые возможности для сферы образования, но с другой сделало более сложным оценивание работ учащихся. Самой серьёзной проблемой в данном случае, с нашей точки зрения, является то, что студенты могут использовать технологии искусственного интеллекта при подготовке различных учебных работ, в частности заданий, направленных на развитие и контроль умений письменной иноязычной речи. Известно, что нейросети способны создавать достаточно качественный текст, который может быть высоко оценён преподавателем. Точно определить, использовались ли технологии искусственного интеллекта при подготовке ответа не всегда представляется возможным, а разработать задания, выполнение которых исключает их применение, очень сложно. Таким образом, возникает вопрос, связанный с традиционным подходом к оцениванию письменных работ, а также пересмотром применяемых критериев, поскольку невозможно игнорировать развитие технологий искусственного интеллекта.

Предстоит разработать обновлённые критерии оценивания письменных работ, а также использовать системный подход, который позволит проанализировать уровень сформированности отдельных умений. Как правило, на разных уровнях обучения учащимся предлагается выполнить стандартизованную письменную работу, в которой оцениваются следующие параметры: структура текста; соответствие основной тематике; связность; логичность, грамматическая, лексическая и стилистическая корректность. То есть требуется написать текст, соответствующий определённому формату, например, личное или деловое письмо, эссе или высказывание на интернет-форуме на заданную тему. Известно, что существуют определённые правила написания такого типа письменных работ, а также ряд языковых клише и конструкций, используемых в том или ином тексте. Искусственный интеллект довольно хорошо справляется

со стандартизованным типом текста, поскольку именно на таких моделях происходит его обучение. Учащиеся этим пользуются при выполнении письменных заданий, что приводит к появлению практически идентичных ответов, незначительно различающихся деталями.

Как уже было сказано выше, поскольку сгенерированный нейросетями текст зачастую трудно выявить, следует стремиться организовывать работу таким образом, чтобы учащиеся получали задания, которые дают возможность судить о ходе их мышления и о сформированных умениях, таких как, например, умение рассуждать, критически мыслить. Следует разработать задания, а также критерии их оценивания для разных этапов обучения, позволяющих понять, на что учащиеся способны без помощи нейросетей. Представляется интересным пересмотреть формулировки заданий для проверки сформированности умений письменной речи, а также предложить ряд упражнений промежуточного контроля, позволяющих оценить прогресс учащегося.

Литература

Евстигнеев М. Н. Планирование учебного занятия по иностранному языку с помощью технологий генеративного искусственного интеллекта // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2024. Т. 29, № 3. С. 617–634.

Колядко С. В., Мартыненко Л. Г., Глухова Ю. Н. Цифровая компетенция будущего учителя иностранного языка в области использования технологий искусственного интеллекта: содержательный аспект // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 504. С. 164–174.

Коренев А. А. Использование технологий искусственного интеллекта в оценивании и тестировании при обучении иностранному языку // Иностранные языки в школе. 2024. № 5. С. 31–36.

Сысоев П. В., Филатов Е. М. Методика обучения учащихся и студентов написанию эссе в триаде «обучающийся — преподаватель — искусственный интеллект» // Вестник Московского университета. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. № 2. С. 38–54.

Титова С. В., Темурян К. Т. Интеллектуальная система обучения иностранным языкам: типы, структура, принципы проектирования // Иностранные языки в школе. 2024. № 3. С. 25–32.

Горизонтова Анна Всеволодовна

канд. ист. наук, доцент, Московский физико-технический институт (Национальный исследовательский университет)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ОЦЕНКЕ ПРОДУКТИВНЫХ НАВЫКОВ: СОВРЕМЕННАЯ СИТУАЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Ключевые слова: искусственный интеллект, языковое тестирование, машинное обучение, оценка продуктивных навыков.

Искусственный интеллект (ИИ) используется в языковом тестировании с конца нулевых годов. Первым международным экзаменом, где продуктивные навыки письма и говорения оцениваются нейросетью, стал в 2009 г. Pearson Test of English Academic. Позднее технологии ИИ начали применяться в экзаменах TOEFL, Duolingo, а также в кембриджском тесте LinguaSkill. В 2023 г. в МФТИ началась работа по внедрению автоматизированной проверки письма в систему тестирования ИСТОК [Горизонтова 2024: 71–72]. На тот момент в университете уже существовала большая языковая модель DeepPavlov [Savkin et al. 2024]. Эта модель была рассчитана на создание голосовых ассистентов, способных распознавать естественную речь и вести диалог в заданных контекстах. Вместе с тем, у команды DeepPavlov был опыт разработки нейросети, которая специализировалась на оценивании эссе по английскому языку в экзамене ЕГЭ. Эта модель легла в основу системы проверки письма в системе ИСТОК.

Не будет преувеличением утверждать, что изначальная критика самой идеи автоматического оценивания продуктивных навыков практически сошла на нет. Абсолютное большинство специалистов в области языкового тестирования признает неизбежность перехода ведущей роли в проведении оценки продуктивных навыков от экзаменаторов к нейросетям. Дискуссии по большей части ведутся о том, насколько возможно полностью или хотя бы в значительной мере исключить участие людей в процессе проверки, и в какой степени эксперты могут быть востребованы для осуществления контроля за работой языковых моделей. Как представляется, способность ИИ адекватно устанавливать соответствие устных или письменных текстов определенному уровню по Общеевропейской шкале, не вызывает больших вопросов. Соотнесение репертуара используемой тестируемыми лексики и грамматических конструкций со стандартами определенного уровня Шкалы сегодня вполне по силам хорошо обученной модели. Основным предметом профессиональной дискуссии является адекватность оценки содержания высказывания, степени соответствия текста требованиям к стилю и регистру изложения и т. д. Иными словами, споры ведутся о том, насколько можно обучить нейросеть распознавать все аспекты и нюансы содержания так, как это делает высокопрофессиональный экзаменатор. Ключ к решению этой задачи лежит, главным образом, в качестве, объеме и содержании машинного обучения. Прежде всего, разработчикам необходимо понимать, каковы минимальные и оптимальные результаты, которые можно получить на каждом этапе развития и совершенствования нейросети, как поддерживать валидность теста при отказе, полном или частичном, от традиционного метода проверки письма и говорения силами экзаменаторов.

На одном «полюсе» профессиональной дискуссии находятся Pearson Education и Duolingo [Van Moere, Downing 2016: 345], на другом — компания Cambridge University Press & Assessment, разработчик IELTS и «классической» линейки Кембриджских экзаменов с крайней осторожностью подходящая к использованию технологий ИИ в своих тестах и экзаменах [Xu et al. 2021]. Компания ETC, которой принадлежит экзамен TOEFL, с одной стороны внедрила автоматизированную оценку продуктивных навыков в свой «флагманский» продукт, с другой — сохранила важную роль за экспертами.

Что касается тестов ИСТОК, на данный момент нейросеть успешно справляется с оценкой письма в тестах на определение уровня и продолжает совершенствоваться в распознавании структурных особенностей письменного текста — его организации, связности и законченно-

сти — учится корректно оценивать стиль и регистр речи. Таким образом, нейросеть, совпадение оценок которой с оценками экзаменаторов совпадает более чем на 80 %, успешно решает задачи входного тестирования, главной целью которого является корректное распределение вновь поступивших студентов, магистрантов и аспирантов по группам. Применительно к тестам ИСТОК на подтверждение уровня, которые используются в качестве основного инструмента оценивания по окончании определенного этапа преподавания и изучения английского языка (семестра и курса), ведется интенсивное обучение системы, приближающее ее к полной и всесторонней оценке качества текста. Продолжается производимая экспертами разметка текстов, и число учитываемых характеристик постоянно расширяется.

Особенности модели DeepPavlov, которая, как указывалось выше, была нацелена на проверку экзаменационных эссе для экзамена ЕГЭ по английскому языку, диктовала необходимость выстраивания системы обучения или, в данном случае, «дообучения», отличным от традиционных подходов образом. В отличие от того, как это происходило, например, применительно к экзаменам Pearson и Duolingo, нейросеть уже была настроена на определенный, достаточно высокий, уровень владения английским языком. Соответственно, было необходимо научить ее классифицировать ошибки в соответствии с уровнями Общеевропейской шкалы, чтобы избежать таких ситуаций, когда сдающий тест, к примеру, на уровне A2 наказывается за ошибку, сделанную при попытке использовать слово или грамматический оборот, которые относятся к репертуару более высоких уровней. Только после этого стало возможным обучать нейросеть распознавать иные характеристики текста: организацию, связность, соответствие текста требуемому, формальному или неформальному, регистру, а также приступить к выполнению самой сложной задачи — оценке соответствия содержания текста заданной теме.

Литература

Горизонтова А. В. Технологии в языковом тестировании: история, проблемы и опыт МФТИ // Иностранные языки в школе. 2024. № 5. С. 69–73.

Savkin V., Voznyuk A., Ignatov F., Korzanova A., Karpov D., Popov A., Konovalov V. DeepPavlov 1.0: Your Gateway to Advanced NLP Models Backed by Transformers and Transfer Learning // Proceedings of the 2024 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing: System Demonstrations. 2024. P. 465–474.

Van Moere A., Downey R. Technology and artificial intelligence in language assessment // Handbook of Second Language Assessment. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2016. P. 341–358.

Xu J., Jones E., Laxton V., Galaczi E. Assessing L2 English speaking using automated scoring technology: examining automarker reliability // Assessment in Education: Principles, Policy & Practice. 2021. Vol. 28, no. 4. P. 411–436.

Карапетян Алиса Рубеновна

ст. преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И КОНТРОЛЯ ФОНЕТИЧЕСКИХ НАВЫКОВ У ДОШКОЛЬНИКОВ И МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Ключевые слова: фонетические навыки, слухопроизносительные навыки, обучение дошкольников и младших школьников.

В современных условиях обучение практически любому иностранному языку, можно превратить в интересный, занимательный процессом, благодаря большому объему материалов для совершенствования всех языковых умений и формирования полноценной коммуникативной компетенции.

Благодаря доступности аудио- и видеоматериалов для обучения языкам, преподаватели средней и высшей школы все чаще отмечают у учащихся заметное улучшение произношения на английском языке. Но даже в условиях обилия учебных материалов проблема формирования фонетических навыков дошкольников и младших школьников остается актуальной.

Развитие слухопроизносительных навыков является одной из важнейших предпосылок эффективного общения на иностранном языке. Фонетически и интонационно правильно оформленная речь позволяет избежать недопонимания со стороны слушающего. Сформированность слухопроизносительных навыков также является, по мнению Н. Д. Гальсковой, непременным условием адекватного понимания речевого сообщения, точности выражения мысли и выполнения языком любой коммуникативной функции [Гальскова 2004: 117].

Обучение фонетике и изучение звуковой системы языка начинается с началом обучения иностранному языку. В нашей стране этот период приходится на дошкольный и младший школьный возраст. Этот этап обучения играет самую важную роль в формировании фонетических навыков, поскольку присущая данному возрасту способность неосознанной имитации благоприятствует достижению хороших результатов. Пренебрежение работой над произношением может привести к временным последствиям, например, деавтоматизации произносительных навыков или более серьезным нарушениям — некорректно сформированному слухопроизносительному навыку, исправление которого, что доказано на практике, может занять много времени, в конечном итоге, может не привести к нужным результатам. Именно поэтому И. В. Вронская полагает, что фонетический этап должен быть инвариантной частью любого занятия с детьми-дошкольниками, а в младшей школе регулярные фонетические тренировки позволят достичь автоматизации и гибкости формируемого навыка [Вронская 2015: 118].

Существует ряд причин, влияющих на процесс формирования фонетических навыков этой возрастной группы. К группе причин, не зависящих от психо-физиологических характеристик этой возрастной категории обучающихся относятся, как лингвистические аспекты, такие как межъязыковая интерференция, так и неязыковые. В качестве примера последнего фактора приведем обретающее все большую популярность мнение, что нет необходимости стремиться к стандартному британскому произношению, так как в мире существует много вариантов английского языка и все они имеют равную значимость. Подобной точки зрения придерживаются, например, авторы статей, опубликованных Британским Советом и Oxford University Press ELT.

Необходимо также отметить, что огромную значимость в успешности овладения языком на начальном этапе, умении привить любовь к учебе в целом имеет личность учителя, его опыт и отношение к работе. Общеизвестно, что главенствующим принципом при формировании фонетических навыков на начальном уровне является принцип аппроксимации — ограничение объема усваиваемого фонетического материала и некоторое снижение качества звуков. Трактовать насколько приближенным к эталонному должно быть произнесение звука учащимся сложно, поэтому снисходительное отношение учителя может отразиться на качестве языкового обучения.

На успешность совершенствования фонетических навыков, несомненно, влияет и личность обучающегося. К группе этих факторов относятся: общая несформированность психологических функций мозга, мотивационной сферы, неразвитость речевого слуха на иностранном языке, физиологические особенности этого возраста, например, смена молочных зубов на постоянные. Нельзя не учитывать и принадлежность молодых поколений цифровой эпохе, которая отражается и на свойствах их личности, и на характере *освоения информации.* С внедрением и адаптацией новых технологических, мультимедийных, цифровых новшеств для образовательных целей, в интернете появилось огромное количество интерактивного материала для обучения фонетике. К полезным ресурсам для формирования и отработки фонетических навыков на начальном уровне, помимо разнообразных песенок, считалок и т. д., можно отнести уроки для детей на Youtube каналах. Для первичной тренировки, имитации звуков, а также их идентификации и дифференциации можно использовать ресурсы каналов One Syllable Words | Phonics for Kids — Learn To Read | Alphablocks, CBeebies и Word Families, Phonics CVC Words for Kindergarten и Smile and Learn — English. Каналы предлагают видеоматериалы, которые помогут в организации артикуляторных упражнений. В серии видеоуроков веселые персонажи знакомят детей со своими друзьями-звуками, которые произносит ребенок, тщательно артикулируя звуки.

Объектом контроля сформированности фонетических навыков на раннем этапе обучения английскому языку выступают как продуктивные (произносительные), так и рецептивные (артикуляционные) навыки. Устным рецептивным умениям в аудировании уделяется больше внимание в образовательном процессе, чем развитию способности различать на слух и понимать отдельные языковые единицы. В последнее время появилось много онлайн ресурсов, которые помогут в игровой форме проконтролировать успешность формирования фонетических навыков. Например, на платформах WorldWall, Learning Apps, представлены игры, направленные на определение правильно услышанного звука, распознавание долготы или краткости звука, а при использовании микрофона, например ресурс Duolingo, может оценивать правильность произнесения отдельных слов.

Корректное формирование слухопроизносительных навыков на начальном этапе обучения английскому языку закладывает основу успешной коммуникации в дальнейшем. Дошкольный и младший школьный возраст — наиболее благоприятный период для этой цели. Благодаря современным технологиям обучение фонетике возможно превратить в интересный процесс, мотивирующий обучающихся к изучению языку в будущем.

Литература

Вронская И. В. Методика раннего обучения английскому языку: учеб. пособие. СПб.: КАРО, 2015.

Гальскова Н. Д., Гез Н. И. Теория обучения иностранному языку: лингводидактика и методика. М.: Академия, 2004.

Креер Михаил Яковлевич

канд. пед. наук, доцент, зав. кафедрой, Финасовый университет при Правительстве Российской Федерации (филиал в Санкт-Петербурге)

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ИНСТРУМЕНТ ТЕСТИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВЫХ НАВЫКОВ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗОВ

Ключевые слова: искусственный интеллект, языковые навыки, тестирование устной речи, тестирование навыков письменной речи.

В условиях глобализации и интернационализации образования владение иностранными языками становится важным навыком для студентов неязыковых вузов. Однако традиционные методы тестирования часто неэффективны так как могут быть ограничены ресурсы, присутствует субъективная оценка и отсутствует персонализированный подход. Искусственный интеллект (ИИ) предлагает новые возможности для автоматизации и оптимизации процесса обучения в том числе и тестирования, что делает его актуальным инструментом в образовательной среде.

Внедрение ИИ в учебный процесс является неизбежным следствием цифровизации образования. В научной и методической литературе говорится о том, что в результате такой цифровизации трансформируются многие профессии, в том числе и профессия преподавателя иностранного языка. В качестве направлений такой трансформации называются «развитие онлайн-образовательных платформ, замена виртуальной реальностью и искусственным интеллектом “живых” специалистов» [Буковей 2019: 22].

Авторы книги «Искусственный интеллект в образовании» утверждают, что к 2030 г. ИИ научится помогать преподавателям, сотрудничать с ними и выступать в качестве посредника между ними и обучающимися [Бялик и др. 2022: 14].

В данной работе речь пойдет об использовании ИИ в тестировании, когда преподаватель формирует тестовые задания для студентов с учетом их взаимодействия с платформами ИИ, а также использует эти платформы для оптимизации проверки тестовых заданий.

Говоря о технологии ИИ, применяемые в тестировании можно отметить следующие:

- Обработка естественного языка позволяет анализировать тексты, распознавать грамматические и синтаксические ошибки, оценивать лексическое разнообразие и стилистику.
- ИИ-системы способны оценивать произношение, интонацию и беглость речи, что особенно важно для тестирования устных навыков.
- ИИ может создавать уникальные тестовые задания, адаптированные под конкретные цели обучения.

Примеры применения ИИ в тестировании:

- Существует много платформ, таких как Babbel, Grammarly, Speechify, Twee, которые используют ИИ как для оценки языковых навыков, так и для адаптации учебного процесса.
- Несомненным прорывом является и тот факт, что ИИ-алгоритмы анализируют тексты на соответствие критериям, оценивая не только грамматику, лексику и структуру, но также и содержательную сторону эссе.
- Для тестирования устной речи применяются такие платформы как SpeechRater, Speechify, Elevenlab, Character.AI и многие другие где можно оценить произношение и беглость речи учащихся, посмотреть их ошибки.

Среди преимуществ ИИ можно отметить следующие:

- ИИ исключает человеческий фактор, оценивая объективно.
- ИИ-системы способны обрабатывать большое количество данных одновременно, что позволяет тестировать студентов в режиме реального времени.

- ИИ может адаптировать тесты под уровень знаний каждого студента, предлагая задания разной сложности.
- ИИ предоставляет детализированный анализ ошибок и рекомендации для улучшения навыков.
- Автоматизация тестирования сокращает временные затраты преподавателей на проверку заданий.

Среди недостатков ИИ можно отметить следующие:

- ИИ-системы могут не справляться с распознаванием сложных языковых конструкций или акцентов.
- Использование ИИ требует соблюдения конфиденциальности данных студентов.
- ИИ не может полностью заменить преподавателя, особенно в вопросах мотивации, социализации, эмоциональной поддержки.

Перспективы развития:

- ИИ может быть интегрирован в системы управления обучением (LMS), что упростит процесс тестирования и анализа результатов.
- ИИ позволит создавать индивидуальные траектории обучения для каждого студента.
- Анализ данных о результатах тестирования поможет выявить общие тенденции и улучшить методики обучения.
- ИИ может быть использован для создания интерактивных и игровых форматов тестирования, повышающих мотивацию студентов.

Искусственный интеллект представляет собой мощный инструмент для тестирования языковых навыков студентов неязыковых вузов. Его применение позволяет повысить объективность, эффективность и персонализацию оценки, а также сократить временные затраты преподавателей. Однако для успешного внедрения ИИ необходимо учитывать технические, этические и педагогические аспекты. В будущем развитие ИИ-технологий может значительно изменить подходы к обучению и тестированию, сделав их более гибкими и ориентированными на потребности студентов.

Литература

Бялик М., Холмс У., Фейдел Ч. Искусственный интеллект в образовании. М.: Альпина PRO, 2022.

Транспрофессионализм субъектов социально-профессиональной деятельности: монография / под ред. Э. Ф. Зеера, В. С. Третьяковой. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2019.

Кубацкая Виктория Сергеевна

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет;
учитель, ГБОУ лицей № 329 Невского района Санкт-Петербурга

ИНТЕГРАТИВНЫЕ ВИДЫ ЗАДАНИЙ НА ОСНОВЕ ЭОР ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ ВИДАМ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: интегративные задания, английский язык, виды речевой деятельности, электронные образовательные ресурсы, цифровая грамотность.

В зарубежной методике термин «integrated skills approach» означает обучение языку при сочетании рецептивных и продуктивных видов речевой деятельности (далее РД) в одном задании [Ричард, Роджерс 2001]. Данный подход обрел популярность в обучении иностранным языкам. Это эффективный подход к развитию коммуникативной компетентности студентов и их способности использовать иностранный язык в социальных, профессиональных и образовательных областях [Пардеде 2019].

Термин «интегративный подход» можно соотнести с понятием «взаимосвязанное обучение», которое широко используется в отечественной методике. Согласно И. Л. Колесниковой и О. А. Долгиной взаимосвязанное обучение видам РД определяется как взаимосвязанное формирование умений всех видов речевой деятельности — аудирование, чтение, говорение и письмо [Колесникова, Долгина 2001]. Тем не менее невозможно утверждать о полной идентичности указанных методов. Взаимосвязанное обучение организуется в рамках определенного последовательно-временного соотношения видов РД [Азимов, Щукин 2009]. Интегративный подход предполагает связь рецептивных и продуктивных видов речевой деятельности в рамках одного задания. Связь видов РД привела к новой парадигме заданий в экзаменах CEFR, TOEFL и в последствии в ГИА, примеры таких заданий уже есть в наших экзаменах.

При интегративном подходе процесс обучения должен ориентироваться на реальные коммуникативные задачи и ситуации — предметно-языковое интегрированное обучение — CLIL (Content and Language Integrated Learning). Ученики учатся использовать язык в реальных контекстах, а не только учить отдельные языковые единицы и правила. Это помогает ученикам не только получить знания в предметной области, но и развить свои навыки общения на иностранном языке. Они применяют язык на практике, используя его для передачи информации, обсуждения и решения задач в рамках исследуемой предметной области.

Так как современные требования к образовательному процессу предполагают применение электронных образовательных ресурсов (ЭОР) во время обучения, мы предлагаем использовать на уроках английского языка интегративные задания, разработанные с ЭОР. Такие задания способны не только гармонично развивать продуктивные и рецептивные виды речевой деятельности, но и развивать цифровую грамотность школьников. По данным анкетирования на определение цифровой грамотности школьников среди учащихся 10–11 классов было установлено, что современные школьники обладают недостаточно развитой цифровой грамотностью. С помощью созданных нами комплексов заданий, учащиеся самостоятельно или в парах работают за компьютером и выполняют задания переходя по ссылкам на страницы ЭОР. С помощью таких заданий учащиеся знакомятся с разнообразными полезными ЭОР на уроках английского языка.

Интегративные задания могут быть разработаны по схеме: чтение и/или прослушивание текста + создание собственного устного и/или письменного текста на основе прочитанного или услышанного.

Пример интегративных заданий с применением ЭОР на уроке английского языка по теме: Жизнь подростков: общение, свободное время (Teens' life: socializing, free time).

1. Click on the link, read the text, do the task and check your answers. (5 min)
https://resh.edu.ru/subject/lesson/5420/train/270087/

2. Click on the link, watch the video and answer the questions. (10 min)

https://learnenglishteens.britishcouncil.org/vocabulary/b2-c1-vocabulary/family

1) Why Izzy can't to go out with her friends on Saturday?
2) What are Izzy's feelings to her little sister?
3) What solution did her friends suggest to Izzy?
4) Who do Izzy and Georgie take after?
5) Did Georgie enjoy spending time with Izzy's friends?

3. Make up a dialogue. (10 min)

One of you wants to spend time with friends on Saturday (choose an activity), but you need to look after your little brother/old grandmother/pet. What solution can a friend offer? What feelings and emotions can all participants of the situation have? Complete your dialogue?

В данном комплексе заданий реализуется взаимосвязь чтения (задание 1), прослушивания и чтения (в задании 2 видеозапись сопровождается субтитрами) и устной речи (ответы на вопросы в задании 2 и создание диалога с соседом в задании 3). Все задания связаны одной темой. На основе прочитанного и прослушанного ученики создают свой устный ответ.

Нами было проведено экспериментальное обучение с использованием интегративных заданий и ЭОР. Перед обучением было проведено входное тестирование в виде инегративных заданий в экспериментальной и контрольной группах. После обучения было проведено выходное тестирование в виде инегративных заданий в экспериментальной и контрольной группах. Результаты тестирований были проверены с помощью t-критерия Стьюдента и были значимы, на основе чего, мы можем сделать вывод, что обучение видам РД на уроках английского языка в школе будет эффективнее с использованием интегративных заданий с применением ЭОР.

Литература

Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Икар, 2009.

Колесникова И. Л., Долгина О. А. Англо-русский терминологический справочник по методике преподавания иностранных языков. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

Richards J. C., Rodgers T. Approaches and methods in language teaching. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

Pardede P. Integrated Skills Approach in EFL Classrooms: A Literature Review // Proceeding English Education Department Collegiate Forum (EED CF) 2015–2018. Jakarta: Universitas Kristen Indonesia Press, 2019. P. 147–159.

Маслова Людмила Сергеевна

ст. преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет;
lsm-2003@list.ru

ПРИМЕНЕНИЕ ЗАДАЧНОГО ПОДХОДА В ИНОЯЗЫЧНОЙ ПОДГОТОВКЕ ПОЛИТОЛОГОВ

Ключевые слова: задачный подход, иноязычная подготовка, политологи.

Политологи исследуют различные аспекты политического процесса, властные отношения в России и за рубежом. Умение анализировать происходящие экономические и политические события, знания в области права и менеджмента позволяют политологам стать эффективными управленцами в компании, консультантами, специалистами, организующими сотрудничество с органами власти и гражданским обществом. Политология как учебная дисциплина состоит из двух больших частей: «история политических учений» и «современная политическая наука».

Обучению политологов посвящены работы Н. Н. Дробышевой (системный подход), Е. В. Пыхтеева (практико-ориентированный подход) и др.

Авторами [Дробышева 2015] отмечается, что посредством исследования современной политической обстановки, сопоставления с другими явлениями в мировой истории выявляются причинно-следственные связи политических событий и их влияние различные сферы жизни; Политологи выполняют не только глубокий анализ ушедших в прошлое политических событий, но составляют прогноз развития событий в будущем. Политологам необходимо осознать «ценность, перспективность, потенциальную прибыль от знания иностранного языка в их будущей профессиональной деятельности».

В других работах [Пыхтеева 2024] отмечается важность повышения качества обучения студентов-политологов в вузе в аспекте применения практико-ориентированной деятельности: проблемной ориентированности — умения формулировать проблему и определять ее рационалистическое и морально-этическое решение; моделирования самостоятельной творческой активности студентов направленной на создание разных видов текстов, написанных в различных жанрах (официально-деловой, публицистический, научно-критический), ориентации на использование оригинальных текстов в процессе обучения, развития «панорамного взгляда» (глобальное мышление с широкими границами восприятия событий), использования исследовательской деятельности дискуссий, дидактических игр, кейс-методов, имитированных занятий в области профессиональной деятельности.

Подготовка политологов регулируется ФГОС ФГОС 41.03.04 Политология Приказ Минобрнауки России от 23.08.2017 № 814 (ред. от 08.02.2021). Выпускники могут готовиться к решению задач профессиональной деятельности следующих типов:

- *организационно-управленческий;*
- *информационно-коммуникативный;*
- *экспертно-аналитический;*
- *научно-исследовательский;*
- *консультативный;*
- *проектный.*

Анализ ФГОС показывает необходимость развития системного мышления, (применять системный подход для решения поставленных задач (УК1)); способности осуществлять эффективную коммуникацию в мультикультурной профессиональной среде на иностранном языке на основе применения понятийного аппарата по профилю деятельности (ОПК-1), способности интерпретировать смысловые конструкции в оригинальных текстах и источниках по профилю деятельности (ОПК-3), способности устанавливать причинно-следственные связи, давать характеристику и оценку общественно-политическим и социально-экономическим событиям и процессам, выявляя их связь с экономическим, социальным и культурно-цивилизационным

контекстами, а также с объективными тенденциями и закономерностями комплексного развития на глобальном, макрорегиональном, национально-государственном, региональном и локальном уровнях (ОПК-4), способности формировать дайджесты и аналитические материалы общественно-политической направленности по профилю деятельности для публикации в научных журналах и средствах массовой информации (ОПК-5) и др.

Таким образом, повышается роль использования иностранного языка как средства изучения профильных предметов, решения учебно-профессиональных задач.

В соответствии с концепцией задачного подхода как одной из разновидностей системного подхода выделяется задача и система, обеспечивающая решение данной задачи (Г. А. Балл, Н. Ф. Талызина).

Сущность задачного подхода в подготовке специалистов в вузе выражается в использовании системы учебно-профессиональных задач для реализации интеграционных процессов, практической ориентированности и создания на их основе учебно-методического обеспечения в данном случае, для иноязычной подготовки.

Структура учебно-профессиональной задачи

Обобщённая формулировка задачи (например, в рамках экспертно-аналитический деятельности — сравнение выборных систем США, Франции, Великобритании; в рамках информационно-аналитической деятельности — выделение, систематизация и интерпретация содержательно смысловых конструкций в оригинальных текстах; в рамках научно-исследовательской и публицистической деятельности — написание научной статьи, отчета, доклада, дайджеста общественно-политической направленности по профилю деятельности; в рамках организационно-управленческой деятельности участвовать в дискуссиях, организации выполнения решений).

Ключевое задание (Компетентностно-ориентированное задание) — задание с конкретными условиями.

Контексты решения задачи *(приобретают особую важность при обучении политологов)*

- лингвокультурологические контекст, связанный с видением ситуации, смысловыми конструкциями, трансформацией определённых категорий понятийного аппарата на иностранном языке (maga — концепция);
- общественно-политический контекст (историко-философский контекст) (например, соотношение понятий «лидерство» и «демократия» в США, Европе, Африке связанное с различным отношением стран к данным категориям в связи с историческим опытом [The Management… 1982]);
- экономический контекст (например, «лоббирование», влияние политических решений на экономическую ситуацию и др.);
- контексты, возникающие по линии использования новых ресурсов (зарубежные источники информации, электронные корпусные словари, и др.).

Задания (компетентностно-ориентированные), которые приведут к результату («продукту») деятельности:

- например, фрагмент анализа выборной системы на предмет ее влияния на организацию политической власти: comparing electoral systems to assess what impact it could have on how political power is organised: For example, in France the parliamentary elections are organised with nominal candidates (not a list of candidates) and there are one or two rounds depending whether someone obtains 50 % of the votes at the first round (at the second round it is the candidate with the highest number of votes who is elected whether he has the absolute majority or not. In England, it is “first past the post”: there is only one round and the candidates with the highest number of votes is elected. This creates distortions because a party may obtain 30 % of the votes in every constituency but end up with no member of parliament whereas another party may obtain also 30 % overall but with the votes concentrated in certain key constituency, they will get candidates elected. It is useless to be second with 30 % in 2 constituencies; it is better for example, to be first with 35 % in one area and only get 5 % in another area;

- задания на работу с текстами и различными видами информации в них: содержательно-фактуальной, содержательно-концептуальной, содержательно-подтекстовой (И. Р. Гальперин).

Оценка результатов решения учебно-профессиональной задачи-«продукта» деятельности.

Решение учебно-профессиональных задач нацелено на создание иноязычных продуктов (статьи, доклада, публицистического отчёта и т. п.), что соотносится с современным продуктивным подходом (А. В. Рубцова, Ю. В. Еремин), который разработан в методике преподавания иностранных языков.

Критерии оценки:

Содержательная и стилевая адекватность:

- ориентация на цели и ценности профессиональной деятельности;
- полнота изложения, использование теоретический научной интерпретации, технологий, методов, средств.

Использование аналитико-синтетических и оценочных операций:

- объяснение причинно-следственных связей, аргументированность выводов, логичность, структурированность, выраженность личностной позиции;
- эффективное использование аналитико-синтетических и оценочных операций: сравнения, детализации, обобщения, оценки.

Лексика

- Правильность использования терминологического аппарата, разнообразной лексики. Для обогащения речи используется приём перефразирования.

Грамматика

- Правильность использования простых и сложных речевых конструкций, различных средств логической связи.

Шкала оценки

Проявляется явно (4–5 баллов)

Проявляется частично (1–3 балла)

Не проявляется (0 баллов).

Решение учебно-профессиональных задач должно развивать системное мышление (система предмет и система процесс), формировать понятийно-категориальный аппарат, понимание идиом и пр. Особое внимание необходимо уделять синтезу, причинно-следственным связям, рассмотрению явления в различных контекстах, умению обосновывать свою точку зрения и поддерживать дискуссию.

Источник

ФГОС ФГОС 41.03.04 Политология. Приказ Минобрнауки России от 23.08.2017 № 814 (ред. от 08.02.2021). URL: https://fgos.ru/fgos/fgos-41-03-04-politologiya-814/ (дата обращения: 30.01.2025).

Литература

Дробышева Н. Н. Особенности иноязычного профессионально ориентированного обучения политологов-бакалавров с позиции системного подхода. Гуманитарные науки // Вестник финансового университета. 2015. № 4. С. 76–80. https://doi.org/10.12737/17063

Пыхтеева Е. В. Практико-ориентированный подход в преподавании политологии в вузе // Вестник Оренбургского государственного университета. 2024. № 1 (241). С. 116–122. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/praktiko-orientirovannyy-podhod-v-prepodavanii-politologii-v-vuze (дата обращения: 30.01.2025).

The Management of Educational Institutions Theory, Research and Consultancy / ed. by H. L. Gray. Falmer Press, 1982.

Маэрцзян Еэркэнь

аспирант, ассистент, Санкт-Петербургский государственный университет;
marjanyerken@yandex.ru

АНАЛИЗ ОШИБОК В ИЗУЧЕНИИ КИТАЙСКИХ ИЕРОГЛИФОВ РУССКОЯЗЫЧНЫМИ СТУДЕНТАМИ И СТРАТЕГИИ ИХ КОРРЕКЦИИ

Ключевые слова: русскоязычные студенты, ошибки в иероглифах, интерференция родного языка, игровые методы, цифровые инструменты.

С развитием китайского языка на мировом уровне, количество студентов, изучающих китайский в русскоязычных странах, значительно возросло. Однако сложность китайских иероглифов и существенные различия между китайским и русским языками создают для русскоязычных студентов множество трудностей. Исследование ошибок в освоении китайских иероглифов, с которыми сталкиваются студенты из русскоязычных стран, имеет важное значение для улучшения методов преподавания китайского языка как иностранного.

Исследование проведено среди 34 студентов начального уровня (HSK1) факультета филологии Санкт-Петербургский государственный университет, обучающихся по специальности «Иностранные языки в глобальных коммуникациях». Анализировались письменные работы (диктанты, тесты, домашние задания) по учебнику «*Новый практический курс китайского языка*» (уроки 1–7). Общее количество проанализированных иероглифов: 99.

Типы ошибок и их причины:

Среди наиболее распространенных ошибок, которые делают студенты, можно выделить ошибки в порядке черт и структуре иероглифов.

Тип ошибки	Описание	Пример
Ошибки в порядке черт	Нарушение порядка черт и структуры иероглифов.	В иероглифе “我” (я) часто добавляют лишнюю черту в “戈”; в “忙” (занят) теряется точка в “心”.
Смешение похожих иероглифов	Ошибки в иероглифах, внешне похожих друг на друга.	“哪” (какой) и “那” (тот); в предложении “你是哪国人?” — ошибка при выборе между “哪” и “那”.
Грамматические ошибки	Ошибки в структуре предложения, связанные с особенностями китайской и русской грамматики.	Пропуск частицы “是” в “我学生” вместо правильного “我是学生”.
Ошибки в тонах и в пиньине	Ошибки в тонах и звуках (так как русский язык не имеет тональной системы).	Иероглифы “坐” и “做” пишутся одинаково в пиньине — “zuò”, но имеют разные тоны.

Методы преподавания и коррекция ошибок. Для решения этих проблем необходимо использовать целый ряд методик, направленных на преодоление ошибок. Во-первых, важно преподавать студентам основы китайских иероглифов с самого начала, включая правильный порядок черт и структуру иероглифов. Это можно делать с помощью систематических упражнений, в которых студенты будут учиться писать иероглифы поочередно, начиная с отдельных черт и переходя к более сложным элементам. Например, вначале следует обучать базовым чертам, таким как “横” (горизонтальная черта), “竖” (вертикальная черта) и “撇” (косая черта), а затем перейти к обучению радикалов и их значению. Также полезно использовать различные визуальные материалы, такие как изображения и анимации, чтобы студенты могли ассоциировать черты и иероглифы с реальными предметами.

Методика обучения через игру, такая как групповая игра по дополнению китайских иероглифов («Эстафета») или «Найди отличия в китайских иероглифах», является эффективным способом увлечь студентов и повысить их мотивацию. В этих играх студенты, работая в группах, могут быстро соревноваться в написании, что помогает развивать их навыки письма и улучшать знания о китайских иероглифах. Например, во время игры «Найди отличия» студенты сравнивают несколько иероглифов и находят между ними различия, что способствует более внимательному изучению деталей.

Использование технологий и культурные аспекты. Цифровые технологии могут значительно упростить процесс обучения и улучшить его результаты. Программы, такие как Laoshi, и онлайн-платформы типа Wordwall и Quizlet предоставляют студентам возможность повторять материал в удобном формате и за пределами учебного времени. В то же время использование таких приложений как Laoshi помогает студентам практиковать написание иероглифов, а также поддерживает обратную связь от преподавателей.

Культурное обучение также играет важную роль в изучении китайских иероглифов. Преподавание иероглифов не должно ограничиваться только грамматическими и лексическими аспектами, важно также донести студентам культурное значение и происхождение каждого иероглифа. Например, иероглиф “家” (дом), который состоит из символов “宀” (крыша) и “豕” (свинья), может быть объяснен как отражение традиционной китайской культуры, в которой семья и свиноводство играли важную роль. Это не только помогает студентам запомнить иероглиф, но и дает им представление о китайской культуре.

Таким образом, данное исследование показывает, что ошибки, допущенные студентами в процессе обучения китайским иероглифам, могут быть связаны с различиями в структурах русской и китайской письменности, недостаточной осведомленностью о значении радикалов и неспособностью распознавать тоны. Однако использование многообразных методов преподавания, таких как игры, визуальные и аудиоматериалы, цифровые технологии и культурные элементы, может существенно повысить эффективность обучения и помочь студентам справиться с ошибками. Важно, чтобы преподаватели адаптировали свои методы обучения в зависимости от потребностей студентов и особенностей их родного языка, что обеспечит успешное освоение китайских иероглифов и улучшение общего уровня владения китайским языком.

Литература

Задорожных Д. П. Методика преподавания китайской иероглифической письменности // Векторы благополучия: экономика и социум. 2014. № 1 (11). С. 182–187.

新实用用汉语课本.第一册/刘珣主编— 北京：北京语言大学出版社, 2015. [Новый практический курс китайского языка. Ч. 1 / под ред. Лю Сюнь. Пекин: Пекинский университет языка и культуры, 2015.]

Сеничкина Ольга Авенировна[1], Ерофеева Инна Николаевна[2]

[1]канд. пед. наук, ст. преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет; olgasenichkina@yandex.ru

[2]канд. пед. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет; inerof2018@gmail.com

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГЕНЕРАТИВНЫХ НЕЙРОСЕТЕЙ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Ключевые слова: генеративные нейросети, тестология, автоматизация, оценка письменных работ, искусственный интеллект.

В связи со стремительным развитием технологий в пост-ковидный период подходы к обучению и оценке знаний студентов претерпевают значительные изменения. Цифровизация, ставшая неотъемлемой частью образовательного процесса на всех уровнях реализации, не только открыла новые возможности, но и обозначила ряд вопросов, связанных с различными аспектами использования таких технологий в образовательном процессе. Развитие искусственного интеллекта и создание нейросетей на их основе кардинально изменило расстановку сил в образовательном процессе и понимание роли преподавателя, а также открыло новые возможности создания обучающего контента для изучающих иностранные языки и автоматизации процесса контроля полученных знаний. В условиях цифровизации образовательного процесса генеративные нейросети представляют собой мощный инструмент, способный улучшить качество тестовых материалов и автоматизировать проверку письменных работ. Цель данного исследования — изучение возможностей применения генеративных нейросетей в тестологии, обсуждение их преимуществ, а также анализ потенциальных проблем и этических аспектов использования таких технологий в образовательном процессе.

Современные генеративные нейросети, такие как Generative Pre-trained Transformer (GPT) и их аналоги, представляют собой модели машинного обучения, обладающие высокой способностью к генерации текстового контента на основе предоставленных входных данных. Например, при помощи нейросетей можно генерировать тестовые задания как открытого (например, темы для обсуждений и эссе) так и закрытого (например, задания множественного выбора, задания на установление соответствия, на заполнение пропусков, альтернативные вопросы) типов. Успешность создания тестовых материалов во многом зависит от того, насколько правильно составлен запрос (промт).

В рамках данной работы нами были написан банк промтов для запросов к нейросети для создания тестовых заданий, созданы и апробированы тестовые задания открытого и закрытого типов. Самыми значимыми результатами автоматизации процесса создания тестовых материалов являются: 1) значительное сокращение временных затрат и ресурсов преподавателя, тестора и тестолога; 2) возможность создавать большое количество тестовых заданий, что снижает возможности списывания; 3) наличие для представления в заданиях широкого спектра тем для из различных сфер жизни общества — как общей тематики, так и узкоспециализированной.

Кроме того, генеративные нейросети возможно использовать как инструмент для автоматизированной проверки письменных работ студентов. В рамках данной работы проведено исследование для выявления возможностей и ограничений данной функции нейросетей. В исследовании приняли участие обучающиеся Санкт-Петербургский государственный университет, изучающие английский язык как иностранный на факультете психологии и русский язык как иностранный на филологическом факультете.

Для проверки письменных работ студентов был написан и отработан промт (запрос на проверку письменной работы). При написании промта учитывались следующие аспекты:

1. Лексико-грамматическая адекватность заявленному уровню.

Нейросети способны выявлять широкий спектр ошибок: лексических, лексико-грамматических, синтаксических и др., а также опечатки.

В случае проверки работ на русском языке тестор при итоговом оценивании учитывает те ошибки, которые вызывают затруднение в понимании. В случае проверки работ по английскому языку учитываются все ошибки.

2. Структура и логика изложения.

Нейросети могут анализировать структуру текста, проверяя наличие введения, основного содержания и заключения. Они также могут оценивать логическую последовательность изложения информации и логический переход между абзацами.

3. Стилистическая оценка.

Некоторые модели могут оценивать стиль текста, включая использование различных лексических конструкций, разнообразие словарного запаса, а также соответствие стилю, заданному в условиях задания. Это может включать в себя использование синонимов, устойчивых выражений и стилистических вариантов изложения.

4. Оценка содержания.

Нейросети могут анализировать содержание работы, сопоставляя его с требованиями задания: например, проверку на соответствие заданной теме, полноту раскрытия вопроса, наличие аргументов, выражение мнения и др.

5. Нормирование оценки.

На основе всех собранных данных нейросеть генерирует оценку, которая может быть выражена в форме баллов или оценочной шкалы (например, по шкале от 0 до 10).

Главное достижение использования автоматизированной проверки: нейросети могут не только оценивать работы, но и предоставлять конструктивную обратную связь. Это может включать предложения по улучшению текста, рекомендации по исправлению ошибок и советы по дальнейшему обучению.

Из вышесказанного напрашивается вывод, что нейросети могут стать активным помощником обучающихся при самостоятельном овладении иностранным языком и мощным инструментом контроля в практической деятельности преподавателя, тестолога и тестора. Однако надо отметить, что мы не можем полностью и слепо полагаться на ответ нейросетей. Необходимо каждый раз обязательно проверять адекватность ответа нейросетей, так как она является статистической моделью, подбирает наиболее вероятные, но иногда не всегда правильные, варианты исправления ошибок. Итак, если обучающийся использует нейросеть при самостоятельном изучении иностранного языка, то он не может без участия преподавателя быть уверенным в правильном оценивании своих работ. Поэтому предположение о том, что нейросети могут полностью заменить преподавателя, на данном этапе является необоснованным.

Итак, теперь роль преподавателя-тестолога изменилась. На данном этапе его роль смещается с позиции создателя тестов и рейтера при проверке речевого продукта на верификатора ответа нейросети. При этом, отправляя ответ, сгенерированный нейросетью, преподаватель становится автором ответа, и вся ответственность за содержание контента ответа полностью ложится на него. Именно поэтому на данный момент уже существует социальный запрос на высококвалифицированные кадры в области преподавания, способные выявлять не очевидные ошибки нейросети.

Сказочкина Татьяна Валерьевна

канд. пед. наук, доцент, Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С. О. Макарова;
tanyaskaz@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ ТЕСТИРОВАНИЯ ПО АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ В КАЧЕСТВЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭКЗАМЕНА

Ключевые слова: ЕГЭ, ФГОС, тестирование, диагностика, социально-ориентированные навыки.

В настоящее время потребности обучающихся сместились из области академических знаний (стандартов) в сторону социально-практических компетенций (ФГОС ООО, новая редакция). Вследствие этого на первое место выходят не предметные знания (hard skills), а социально-ориентированные навыки (soft skills). Концепция новой грамотности, или навыков XXI в. [Казакова 2017: 18–19], предполагает формирование и развитие навыков мышления высокого уровня. При этом стиле мыслительной деятельности обучающийся (школьник) умеет находить нужную информацию, анализировать ее, делать логические выводы, строить доказательства, критически перерабатывать факты, грамотно представлять результаты выполненных исследований. Основной целью формирования навыков мышления высокого уровня является расширение мыслительных операций для решения научных, практических и социальных задач [Тушминцева 2010: 301–303].

Доклад посвящен сложной динамике оценки знаний по английскому языку в контексте государственных экзаменов. В ходе исследования изучены характеристики ожидаемых результатов (компетенций) в различных официальных документах — Федеральном стандарте, федеральной и примерной рабочей программах по английскому языку, положении Всероссийской олимпиады для школьников как образец интеллектуального конкурса по английскому языку, спецификации и кодификатору. Далее мы рассмотрим принципы составления универсального формата государственного экзамена, включая их специфические требования, критерии оценки и культурные особенности. В ходе исследования также рассмотрены универсальные принципы языкового тестирования, такие как надежность, валидность и объективность, а также то, как эти принципы могут по-разному проявляться в различных образовательных контекстах в зависимости от целей и задач. С помощью сравнительного анализа, тематических исследований сформировано представление об эффективной разработке тестов, стратегиях их внедрения и лучших практиках подготовки учащихся к экзаменам по английскому языку на уровне государственного итогового экзамена. Также особый акцент делается на формировании профессиональной компетентности преподавателей и осведомленности учащихся об особенностях, так и об общих чертах тестирования по английскому языку, что позволит им (преподавателям) усовершенствовать подходы и методы преподавания и внести свой вклад в разработку более эффективных инструментов оценки. Речь идёт о формировании тестологической грамотности преподавателя [Павловская 2023: 61–65].

При сопоставлении умений, необходимых для выполнения заданий ЕГЭ, с требованиями ФГОС и с описанием компетенций *CEFR* мы утверждаем, что формат ЕГЭ как теста для подтверждения определенного уровня не соответствует требованиям ФГОС в отношении требуемых коммуникативных навыков. Данный факт подтверждается тем, что происходит «натаскивание», формируются шаблонные высказывания как результат подготовки к ЕГЭ по английскому языку, что противоречит концепции спонтанной речи как совокупности ожидаемых предметных, метапредметных и личностных результатов по английскому языку.

Возможное решение сложившей ситуации мы видим в контекстном обучении или практико-ориентированном (профессионально-ориентированном) контексте учебного процесса в силу его нацеленности на высокие академические стандарты содержания обучения. Предлагая учащимся выполнять реалистичные и адекватные учебные задачи, сформулированные Министерством и федеральными образовательными учреждениями, практико-ориентированное

обучение делает эти задачи целесообразными и мотивирующими, поскольку они ориентированы на те или иные профессиональные области деятельности. И национальная система тестирования по иностранным языкам — в части ее устного компонента — должна диагностировать речевые умения и коммуникативные навыки, которым необходимо владеть всем учащимся выпускных классов независимо от их намерения сдавать ЕГЭ по иностранному языку.

Выполнение тестовых заданий в системе ЕГЭ должно носить практико-ориентированный коммуникативный характер: только это позволит учащимся системно развивать навыки мышления высокого порядка (анализ, синтез и оценивание). Данный подход при использовании обучающей функции тестов позволит формировать навыки интеллектуально-конкурсной компетенции и как результат способствовать развитию социально полноценных и профессионально-ориентированных личностей.

Речь идет не только об оценке языковой и речевой компетенций, но и контроле качества когнитивного мышления.

Все эти навыки описаны как во ФГОС, так и в федеральной и примерной рабочих программах по иностранному языку. Соответственно, проверка навыков коммуникации методами тестирования должна происходить в совокупности с тестированием навыков мышления как низкого, так и высокого порядка.

Литература

Казакова Е. И. Педагогика в контексте задач. Стратегии научно-технологического развития России. СПб., 2017.

Павловская И. Ю. Тестологическая грамотность современного преподавателя иностранного языка // Иностранные языки в школе. 2023. № 1. С. 61–65.

Тушминцева Е. В. Формирование навыков мышления высокого уровня как один из компонентов оптимизации обучения английскому языку в высшей школе // Молодой ученый. 2010. № 3 (14). С. 301–303.

РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Алимджанов Абдуазиз Абдихакимович

канд. филол. наук, ст. преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет; a.alimdzhanov@spbu.ru

ПРОБЛЕМА КОНТЕКСТА В АНАЛИЗЕ АМЕРИКАНСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА (НА ПРИМЕРЕ ПРОЩАЛЬНОЙ РЕЧИ ПРЕЗИДЕНТА)

Ключевые слова: американский политический дискурс, экстралингвистический контекст, прощальная речь, политическая функция языка.

Доклад посвящён проблеме внеязыкового контекста (коммуникативной среде) в американском политическом дискурсе (АПД). Представляется необходимым иметь некое целостное видение АПД, включая внеязыковой аспект, для адекватного описания его текстовых фрагментов.

Согласно Т. П. Третьяковой, «В целом, возможно выделить три основные направления исследований текста: во-первых, это связи внутри текста, во-вторых, между текстами и, наконец, в-третьих, между текстами в разных экстра-лингвистических ситуациях» [Третьякова 2012: 231]. Третье направление охватывает дискурс-исследование. Рассмотрим АПД, идя от общего к частному, с особым внимание к контекстам.

1. Язык в политической функции. Политика — это деятельность, связанная с управлением. Политический дискурс — это управленческий дискурс. Политическая система стоит на политических мифах. Поэтому политический дискурс — это язык управления через политические мифы. По словам Ю. С. Степанова, дискурс является «“мысленным альтернативным миром” и имеет связь с мифологическим слоем в языковой культуре» [Степанов 1998: 740]. При анализе АПД следует держать в уме, что анализируется язык политических мифов. По словам З. И. Комаровой, одной из задач политической лингвистики является «выяснить соотношение свойств дискурса с такими концептами как Власть, Воздействие, Авторитет; Власть и Политик» [Комарова 2012: 557].

Политический дискурс может быть описан с двух позиций: (1) как «язык политики»: общеязыковые средства как один из каналов коммуникации в политике; (2) как «язык в политической функции» или «политическая функция языка» — приспособление мира к словам, посредством институционализированных речевых актов, т. е. когда «под видом репрезентации реальности текст ее же и формирует» [Золян 2018: 31]. У политики нет собственно своего языка, её язык эклектичен, а словарь политических терминов лишь закрепляет их употребление в политическом смысле. Политика всегда использует доминирующие дискурсы того времени и пространства, в котором существует.

2. Политический контекст. Семиотика контекста — в самом широком понимании — это семиотика времени и семиотика пространства. «Дискурс, как известно, это прежде всего процесс, т. е. последовательность речевых актов во времени и пространстве» [Комарова 2012: 448].

Дискурс-анализ политических текстов предполагает описание семантики контекста в узком понимании: жанра, места, времени, коммуникативных ролей и целей, и языковых средств, оформляющих лишь часть из них. Но не всегда учитываются некоммуникативные цели и «большой контекст», поскольку в АПД чаще всего не вербализуются некоммуникативные цели, и поэтому «реконструкция некоммуникативных намерений не может быть осуществлена при помощи лингвистического исследования, так как речевые произведения способны употребляться неискренне…» [Бринев 2013: 8].

Руководитель секции: Т. И. Петухова.

Для целей описания АПД возможно сформулировать иерархию контекстов: I) языковой и прагматический контекст: 1) микроконтекст, конкретизирующий семантику единицы справа и слева; 2) макроконтекст, конкретизирующий семантику единицы в целом тексте; II) неязыковой дискурсивный контекст: 1) экстралингвистический контекст — факты реальной действительности соотносящиеся с текстом; 2) культурно-исторический контекст, в котором существует текст.

3. АПД — это локальный дискурс, основанный на политических мифах. АПД, являясь разновидностью политического дискурса, возник с Декларацией независимости США (1776) и качественно изменился в середине XX в. с усилением роли США во внешней политике, а в конце XX в. и начала XXI в., после роспуска СССР, достиг своего апогея, претендуя на место глобального политического дискурса: даже внутренние проблемы и успехи США преподносятся как глобальные. Последние несколько лет мы наблюдаем снижение в мире главенствующей роли АПД.

Поскольку борьба за власть — главная интенциональная база для политического дискурса [Шейгал 2005: 26], АПД вышел за свои пределы и борется за власть над остальными дискурсами в мире. АПД поддерживается военной и экономической мощью. Основными силами, борющимися за власть в АПД, являются демократическая и республиканская партии, исповедующие на данном этапе либерализм и консерватизм.

4. Прощальная речь Дж. Байдена. Дискурс-анализ прощальной речи показал, что текст отражает представления Дж. Байдена, как представителя демократической партии, основанные на локальных политических мифах США. Например, Дж. Байден применяет политический миф «США как оплот демократии» [Большая российская энциклопедия: Политический миф]. В анализе описаны три слоя: 1) языковой контекст; 2) прагматический контекст; 3) дискурсивный неязыковой контекст. Первый, языковой слой, даёт представление о тексте и его ключевых словах. Второй, прагматический слой, соотносит ключевые слова с коммуникативными целями Дж. Байдена. Третий, дискурсивный слой, с учётом культурно-исторического контекста, соотносит коммуникативные цели с некоммуникативными целями политика. Таким образом, некоммуникативной целью речи Дж. Байдена является продолжение борьбы за власть демократической партии в лице Дж. Байдена против республиканской в лице Д. Трампа. Если брать шире, это продолжающаяся борьба либеральной идеологии против консервативной.

Таким образом, лингвистическое описание фрагмента АПД предполагает соотнесение этого фрагмента с целостном представлением об АПД. АПД характеризуется эксплуатацией псевдонаучного дискурса, смешанного с другими дискурсами; имеет мифологию, базирующуюся на локальных исторических вехах своей истории; он локален, хотя претендует на глобальность; основной коллизией на данном этапе является борьба либеральной идеологии против консервативной, а не личностная борьба политических деятелей. Учёт и вербализация всех этих факторов при дискурс-анализе АПД, возможно, даст необходимую глубину лингвистического и экстралингвистического контекста.

Литература

Золян С. Т. Язык политики или язык в политической функции? // Полития. 2018. № 3 (90). С. 31–49.

Комарова З. И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике. Екатеринбург: Изд-во Урал. федер. ун-та, 2012.

Третьякова Т. П. Еще раз о тексте и контексте // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Филология. 2012. № 2 (Т7). С. 230–234.

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: дис. … д-ра филол. наук. Волгоград, 2000.

Ахренова Наталья Александровна

д-р филол. наук, профессор, гл. специалист,
Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

ЭВОЛЮЦИЯ ТЕКСТА ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ ТРАНСМЕДИЙНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Ключевые слова: текст, поликодовый мультимодальный текст, трансмедийные технологии, медиакультура, коммуникация.

В современной лингвистике стало популярным говорить об эволюции коммуникации и обмене информацией, о влиянии технологий на культуру и язык, о формировании медиакультуры, медиа — и интернет-коммуникации. В центре всех этих процессов лингвисты ставят текст, вокруг которого формируется контекст, дискурс и без которого невозможна коммуникация. Культура любого периода развития человечества невозможна вне текста и вне контекста, что эксплицитно отражено в делении культур на низко контекстные и высоко контекстные. Даже в условиях господства медиакультуры текст не теряет своей актуальности.

Согласно определению Н. Б. Кирилловой, медиакультура состоит из «…культуры производства и передачи информации, а также включает культуру ее восприятия. Медиакультура может выступать и системой уровней развития личности, способной «читать», анализировать и оценивать медиатекст, заниматься медиатворчеством, усваивать новые знания посредствам медия и т. д.» [Кириллова 2005: 31].

Со сменой научно-технических парадигм и переходом от линейного текста к поликодовому-мультимодальному тексту, к которым относится и медиатекст, человечество прекратило замечать, что постепенно возвращается к истокам формирования текста, то есть в те времена, когда изображение несло больше смысла, чем вербальная его составляющая. Доказано, что современный человек воспринимает всего лишь 15 % вербальной (устной или письменной) информации, а 85 % — визуальной. На первый взгляд вывод может показаться поспешным, но дальнейшее описание видения процесса эволюции текста и иллюстрация наших тезисов наглядными примерами послужит доказательством нашей гипотезы.

Текст прошел свой путь развития, который можно проследить в рамках типологии культуры, предложенной Г. М. Маклюэном, а затем дополненной М. Кастельсом. Таким образом, мы предлагаем выделить пять глобальных этапов эволюции текста:

1. Текст эпохи «дописьменного варварства».
2. Текст эпохи алфавита и фонетического письма.
3. Текст эпохи «Галактики Гуттенберга», т. е. письменно-печатный текст.
4. Текст «Галактики Маркони», порожденный электронными средствами связи (телеграф, телефон, радио, ТВ).
5. Текст «Галактики Интернета» (термин М. Кастельса), т. е. текст, создаваемый трансмедийными технологиями, где внутритекстовые связи и его структура обусловлены гиперссылками.

Анализируя представленную выше типологию, можно утверждать, что также как ключевой действующей силой исторического прогресса выступает прогресс в сфере развития технологий, вызывающей смену способов и скорости коммуникации и распространения информации, а, как следствие, изменение типа, структуры и формата текста. М. Маклюэн писал об этом так: «…тип общества в значительной степени определяется доминирующим в этом обществе типом коммуникации, а человеческое восприятие скоростью передачи транслируемой информации» [Маклюэн 2015; Маклюэн 2014].

Главной формой коммуникации и передачи информации является текст, который также меняется в зависимости от доминирующего средства и скорости коммуникации.

Литература

Кириллова Н. Б. Медиалогия. М.: Академический проект, 2025.

Маклюэн М. Галактика Гуттенберга. Становление человека печатающего / пер. с англ. И. О. Тюриной. 3-е изд. М.: Академический проект, 2015.

Маклюэн М. Понимание медиа: Внешние расширения человека / пер. с англ. В. Николаева; закл. ст. М. Вавилова. 4-е изд. М.: Кучково поле, 2014.

Денисова Наталья Викторовна[1], Кованова Евгения Анатольевна[2]

[1]канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет; n.denisova@spbu.ru

[2]канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет; e.kovanova@spbu.ru

ТЕЛЕСКОПИЯ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ И ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ГРАНИЦ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ

Ключевые слова: словообразование, телескопия, слова-слитки, неологизмы, узус, лексикография.

Настоящее исследование посвящено анализу слов-слитков (blend / portmanteau / telescopic words), вошедших в Оксфордские словари (Oxford Advanced Learner's Dictionary (OALD) и Oxford English Dictionary (OED)) в период 2020–2024 гг.

В современной зарубежной научной литературе границы понятия «словослияние» весьма размыты. Можно выделить узкое и широкое понимание термина. Так, в более узком смысле к словослиянию относятся только слова, образованные при сокращении «соприкасающихся» частей (или части одного из) слов, участвующих в производстве новой лексемы (*glamazon* ← *gl**am**(our)+(**Am**)azon; mockumentary* ← *mock+(doc)umenatry*), при этом итоговая единица должна удовлетворять ряду условий [Bat-El 2006: 66–70]. В более широком понимании к словам-слиткам относят и случаи слияния двух начальных относительно произвольных компонентов слов (*hazmat* ← *haz(ardous)+mat(erial)*) [Mattiello 2019]. Последние также относят к категории сложносокращенных слов (clipped compounds) и слоговым аббревиатурам (syllabic abbreviations); к сложносокращенным принадлежат и слова, фиксируемые словарем как сложные (*sitcom* ← *situation comedy (comp.n.)*). Помимо этого, некоторые исследователи проводят границу между блендами, состоящими из «уникальных» произвольных частей слов, и словами, содержащими в качестве одного из компонентов частотный «осколок основы» (frequent blend splinters: *-tarian, -bot*), частотный компонент сложного слова (combining form: *-gram, tele-*) или регулярный «аффиксоподобный» формант (secreted affix: *-holic*). Еще один подход предполагает учет лексем, созданных с помощью регулярных сокращений/аффиксов и части основы слова (*e-linquent* ← *e-(prefix/comb.form)+(de)linquent*) [Beliaeva 2014: 33]. Таким образом, итоговый корпус примеров напрямую зависит от принятой трактовки границ исследуемого явления. Мы будем основываться на толковании феномена словослияния Н. Беляевой: слиток —это лексическая единица, образованная путем слияния двух (или более) исходных слов, при том что 1) сохраняется только часть их графического и/или фонетического состава, и 2) итоговое слово состоит не из последовательности морфов [Beliaeva 2014: 30].

При сборе материала выяснилось, что статистически корректный корпусный анализ по Оксфордскому словарю с возможностями расширенного поиска по запросу "*blend*" вряд ли возможен, поскольку словообразовательные модели определяются в OED и OALD не всегда последовательно. Так, например, согласно OED, *seggae* (← *se**g**(a)+(re)**g**gae*)) образовано путем словослияния (blending), а *sheisty* (← *sh(it)+(f)eisty*) — путем словосложения (compounding); *hazmat* (← *haz(ardous)+mat(erial)*) —пример словосложения, а *incel* (← *in(voluntary)+cel(ibate)*), согласно OALD, — пример словослияния. Уже эти примеры свидетельствуют о непоследовательности критериев определения словообразовательной модели.

Кроме того, было отмечено, что списки «новых слов» в OED и OALD не просто отличаются по объему (1100 в OALD за весь период, 1000 в OED только за 2024 г.), но и почти не пересекаются, по крайней мере в части исследованных слов-слитков. Так, лишь два слова (*athleisure и Kollywood*) попали в оба словаря, а такие слова, как *covidiot, elbump, malvertising и incel,* в OED не вошли. Это наблюдение свидетельствует о том, что принцип отбора «новых слов» для этих словарей разный.

Словарные статьи в OALD не всегда сопровождаются информацией о происхождении слова, из исследованных только 8 помечены как бленды: *covidiot, athleisure, incel, Juneteenth,*

mockumentary, guesstimate, genset, Kollywood. На самом деле их 15. Для OED укажем количество слов за 2020 и 2024 гг. Согласно словарю, таких слов 11 и 3 соответственно (из 1618, т. е. менее 1 %): *humidex, craftivism, craftivist, schlocky, athleisure, vote-a-rama, cucamelon, anecdata, brinicle, dramality, glamazon, seggae, foofy, coden*. В случае двух последних указываются два возможных способа образования: слияние и деривация для *foofy* и сложение и слияние для *coden*. При более тщательном ознакомлении оказывается, что в OED можно выделить 23 единицы за 2020 и 11 за 2024 г., что составляет 2,1 %.

Тематически выделенные слова относятся к областям научного знания, социальной, общественно-политической и экономической сферам, IT, спорту, телевидению, шоу-бизнесу, образу жизни. Подавляющее большинство — имена существительные, несколько глаголов (*smize, guesstimate*) и прилагательных (*adorkable, foofy, sheisty*). Множественные исследования слитков-неологизмов последних лет показывают, что этот способ словообразования особенно продуктивен для слэнга и нормы второго уровня, что подтверждается и этим исследованием: многие слова имеют стилистические пометы: *colloq., slang, derog., reg.*

Проведенное исследование, задуманное как комплексный анализ недавно вошедших в узус неологизмов, образованных путем словослияния, ставит ряд серьезных вопросов, на которые еще только предстоит ответить. 1. Каков критерий отбора «новых слов» для фиксации в словаре? Даже в наш корпус попал вышедший из употребления слэнгизм 17 в. *blowsabella*. 2. По какому принципу некоторые слова включаются в оба Оксфордских словаря, а большинство — только в один? Первоначальная гипотеза о том, что списки OED просто больше, не подтвердилась —списки совершенно разные. 3. Чем руководствуются лексикографы, определяя словообразовательную модель слова? Как было показано выше, в этом вопросе наблюдается серьезная непоследовательность.

Литература

Bat-El O. Blends // Encyclopedia of Language and Linguistics / ed. by K. Brown. Oxford: Elsevier, 2006. P. 66–70.

Beliaeva N. A study of English blends: From structure to meaning and back again // Word Structure. 2014. Vol. 7, no. 1. P. 29–54.

Mattiello E. A corpus-based analysis of new English blends // Lexis. Journal in English Lexicology. 2019. No. 14. URL: http://journals.openedition.org/lexis/3660 (дата обращения: 24.01.2025).

Дронов Павел Сергеевич

канд. филол. наук, ст. научный сотрудник, Институт языкознания РАН;
pavel.s.dronov@gmail.com, dronov@iling-ran.ru

КРЕАТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЕ И ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИЕ МОДИФИКАЦИИ ИДИОМ

Ключевые слова: идиом, варьирование и вариантность, морфемная вариантность, неология, варианты идиом vs автономные единицы.

Исследование самых разных вопросов языкознания так или иначе затрагивает проблему варьирования, которое осмысляется под тем или иным углом зрения в отношении разных объектов исследования. Понятия варьирования, вариативности, вариантности, трансформации наполняются содержанием или объемом, требуемым той или иной научной дисциплиной. Содержание этих понятий описывается в толковых и специализированных словарях, уточняется в терминологических исследованиях.

Настоящий доклад посвящен варьированию идиом. Данный феномен исследуется в течение долгого времени и в рамках различных направлений и подходов — например, структурализма, когнитивной лингвистики, лингвокультурологического метода (по поводу истории вопроса, основных точек зрения и понятий, связанных с варьированием, см.: [Дронов 2024; Ковшова, Дронов 2022]).

Варьирование фразеологизмов может наблюдаться на всех ярусах языка: фонетическом, лексическом, морфологическом и словообразовательном, синтаксическом и даже текстовом. Этот феномен, прежде всего, характерен для идиом и паремий ввиду особенностей их грамматической структуры (словосочетания или предложения) и наличия у них нетривиально кодируемой семантической составляющей, которая может быть подвержена как устареванию, так и «обновлению». Последнее выражается в переоформлении плана выражения и переосмыслении плана содержания. Варианты идиом являются результатом трансформации или модификации. Трансформация представляет собой системно-языковое изменение плана выражения идиомы, которое обусловлено возможностями идиомы как единицы данного языка и не ведет к нарушению семантического тождества. Модификация идиомы — системно-языковое изменение плана выражения идиомы, которое носит креативно-дискурсивный и индивидуально-авторский характер. При этом процесс модификации способен при определенных условиях привести к образованию автономной единицы.

Модификации идиом по умолчанию являются креативно-дискурсивными и могут затрагивать все уровни языка вплоть до текстового (например, в виде «развертывания» внутренней формы идиомы или паремии — ср. рассуждения о внутренней форме идиомы *bad/rotten apple* и пословицы *A bad apple spoils the whole bunch / A rotten apple injures its neighbor*, ставшие актуальными в американском политическом дискурсе 2020 г. в связи с движением BLM). Индивидуально-авторские модификации непосредственно связаны с проблемой т.н. авторской фразеологии (см., напр.: [Баранов, Добровольский 2024]), которая может быть представлена и в виде созданных конкретным автором фразеологических единиц, и в виде особенностей употребления уже существующих единиц.

Особой разновидностью индивидуально-авторских модификаций являются модификации, характерные для писателей, пишущих в жанрах фантастики и фэнтези: с одной стороны, они являются авторскими в той мере, в какой они созданы конкретным автором, с другой — они характерны для писателей в жанрах научной фантастики и фэнтези, описывающих вымышленные цивилизации и/или языки. Ср. идиомы и паремии из серии «Гарри Поттер» Дж. К. Роулинг: *I'll eat my wand!* ‘Я съем свою волшебную палочку!’ — модификат идиомы *I'll eat my hat!* ‘used to say that you are sure something will not happen’ (‘говорится, чтобы показать вашу уверенность в том, что какое-то событие не произойдет’, букв. «я съем свою шляпу!») [Cambridge]; *Time is Galleons!* ‘Время — галлеоны!’ (субституция именного компонента в пословице *Time is mon-*

ey ‘время — деньги’, галлеон — вымышленная серебряная монета). Подобные вымышленные идиомы, как правило, представляют собой лексические модификаты, основанные на авторской рефлексии по поводу национально-культурной специфики фразеологии, причем подобный авторский эксперимент является одним из компонентов создания хронотопа фантастического произведения — так называемого *worldbuilding* ‘миропорождение’ [Olsen 2020] (такое миропорождение является построением «альтернативного плана содержания» в терминах А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского).

Ср. также роман В. О. Пелевина «S.N.U.F.F.» и его перевод на английский, выполненный Э. Бромфилдом: *Сын да дочь Дарт Вейдера сгубили* vs. *His son and his daughter put the kibosh on Darth Vader*. При переводе вымышленной «оркской пословицы», построенной по модели реальных пословиц (подобно тому, как, например, Р. У. Эмерсон, собирая пословицы разных народов, составлял “My Proverbs”), Э. Бромфилд английском берет за основу модификацию идиомы *to put the kibosh on sth* ‘to spoil or destroy an idea or plan’ («испортить какую-л. идею, план») [Cambridge].

Подобные модификации могут считаться индивидуально-авторскими, однако ввиду особенностей конкретного дискурса их следует отнести к креативно-дискурсивным, точнее — характерным для жанров “speculative fiction” (научной фантастики и фэнтези).

Источник

Cambridge — Cambridge Dictionary Online. URL: https://dictionary.cambridge.org/ (дата обращения: 15.01.2025).

Литература

Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Очерки общей и русской фразеологии. М.: Изд. дом «ЯСК», 2024.

Дронов П. С. Варьирование идиом и проблема инварианта // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2024. № 3. С. 187–195. https://doi.org/10.52452/19931778_2024_3_187

Ковшова М. А., Дронов П. С. Вариативность русских фразеологизмов с компонентами-антропонимами // Русистика. 2022. Т. 20, № 3. С. 269–283. https://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-3-269-283

Olsen M. A. Worldbuilding: Idioms in Fantasy and Science Fiction // Chaotican Writer. September 13, 2020. URL: https://www.chaoticanwriter.com/idioms-in-fantasy-science-fiction/ (дата обращения: 15.01.2025).

Дудкова Дарина Сергеевна

преподаватель, Институт инженерной экономики и предпринимательства,
Казанский национальный исследовательский технический университет им. А. Н. Туполева;
dudkowa-darina@yandex.ru

ДЕЙКТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ И ИХ ФУНКЦИИ В ОРГАНИЗАЦИИ ЭТНИЧЕСКОГО СТЕНДАП ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ АЗИАТСКИХ СТЕНДАП КОМИКОВ)

Ключевые слова: этнический юмор, дейктические маркеры, стендап, коммуникативные стратегии.

Дейксис — категория, имеющая большое значение для когнитивной лингвистики и прагмасемантики высказываний. С помощью дейктических маркеров говорящий ориентируется в пространстве создаваемой им речевой действительности и вместе с тем направляет слушающего. Подобная «навигация» была бы невозможной без учета контекста речевого акта. Согласно Н. Д. Арутюновой, «дейктическим называется такой элемент, у которого в состав значения входит идентификация объекта — предмета, места, момента времени, свойства, ситуации и т. д. — через его отношение к речевому акту, его участникам или контексту» [Арутюнова 1985: 16]. Именно контекст является связующим звеном между говорящим и слушающим, и позволяет им выстраивать и интерпретировать когнитивный рисунок сообщения.

Стендап дискурс является разновидностью комического дискурса, поэтому одной из главных коммуникативных интенций стендап комика является создание комического противоречия. Мы также полагаем, что стендап выступление представляет собой неретуализированный речевой акт, который комик выстраивает с помощью стратегий и тактик, способных, по его мнению, осуществить имеющиеся у него интенции.

В силу указанных нами характеристик данного типа дискурса, среди исследований предметно изучающих различные аспекты дейктических маркеров наиболее релевантными для нашей работы являются два функциональных направления — стратегическое использование дейксиса и окказиональный дейксис. Функционирование дейктических маркеров в дискурсе выступлений политических лидеров не раз характеризовалось как стратегическое. Анализируя речи американских президентов, А. А. Габец также подчеркивает, что подобная стратегия во многом представляется возможной благодаря связи дейксиса и пресуппозитивного знания слушателя. Кроме того, политические лидеры прибегают к дейксису, обращаясь к оппозиции «свой-чужой» [Габец 2017]. Эта же концептуальная оппозиция приводится в работе А. А. Матвеевой как пример действия окказионального дейксиса: «<…> языковые единицы, служащие для обозначения предметов, свойств, явлений окружающей действительности, способны участвовать в реализации отношений «свой-чужой» посредством приобретения контекстуальной указательности» [Матвеева 2015: 218]. Таким образом, в зависимости от контекста речевой ситуации лексемы могут приобретать «ситуативную указательность», в то время как их семантическое значение отступает на второй план.

Материалом данного исследования послужили видеозаписи стендап выступлений азиатских комиков, являющихся представителями национального меньшинства в сообществе большинства — преимущественного белого зрителя. Этнический юмор полон противопоставлений — от комического противоречия, лежащего в основе механики комического текста, до противопоставления образов запада и Азии, составляющего предмет большинства шуток на таких выступлениях, и как показали результаты анализа, дейксис играет значительную роль в организации данных противоречий. Рассмотрим несколько примеров.

Из выступления Виктора Трана (Victor Tran), филиппино-вьетнамского комика, на одной из стендап площадок Нью-Йорка:

> *"Yeah, my name's Vic. I'm from Texas. Yeah, yeah,* ***this*** *is what* ***we*** *look like* ***now****. Things* ***have changed****, things* ***have changed****, that's right".*

В данном бите (шутке) комик создает комическое противоречие, используя дейктические маркеры (указательное местоимение, личное местоимение, наречие и глагольное время) и пресуппозитивное знание зрителя. Значение указательного местоимения *this* зритель извлекает из внеречевого контекста коммуникативного акта, оглядывая внешность адресата — стендап комика. *We* в данном примере относится к анафорическому дейксису, так как о том, кто такие *we*, и что комик ассоциирует себя именно с ними, зритель догадывается из контекста речевого высказывания (*we = people from Texas*). Им противопоставляется наречие *now* и повтор глагола *change* в настоящем совершенном времени, а также фоновые знания зрителей о том, что Техас — штат с преимущественно белым населением, известный своей ярой антииммигрантской политикой и расистскими настроениями.

Пример из сольного концерта “Good Deal” комика Джимми О Янга:

> *“Social distancing. **We**’ve been doing that for centuries. <…> A lot of **people in this country**, Americans, you know, like **we**’re not ready for this. All the rules. **We**’re rebels, man”.*

Отрывок интересен сменой групп, к которым причисляет себя комик, используя личное местоимение *we*. Данный бит Янга посвящен временам пандемии. Комик заявляет, что теперь все и всюду пытаются быть как азиаты, отмечает дальновидность группы-«азиаты» и причисляет себя к ним. Но через несколько пропозиций Янг уже относит себя к группе-«американцы», пытаясь установить контакт со зрителем. Джимми Янг и другие азиатские комики, выступающие перед западной аудиторией, довольно часто прибегают к данной тактике, представая перед зрителем связующим между Западом и Востоком.

По результатам анализа мы выделили следующие специфичные функции дейктических маркеров (в том числе окказиональных) в этническом стендап дискурсе: актуализация противопоставления «азиаты-запад», стратегическая самоидентификация, создание комического противоречия.

Литература

Габец А. А. Функциональная парадигма дейктических средств в инаугурационных речах американских президентов XX–XXI вв. // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2017. Т. 23, № 2. С. 102–105.

Матвеева А. А. Отношения «Свой — чужой» как репрезентант «Окказионального» дейксиса // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2015. № 2. С. 216–224.

Новое в зарубежной лингвистике: лингвистическая прагматика. Вып. XVI / сост. Н. Д. Арутюнова, Е. Падучева. М.: Прогресс, 1985.

Дьякова Елена Юрьевна

канд. филол. наук, доцент, Воронежский государственный университет

ОСОБЕННОСТИ РАЦИОНАЛЬНОЙ АРГУМЕНТАЦИИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Ключевые слова: социальная реклама, некоммерческая реклама, стратегии рациональной аргументации.

Современный рекламный дискурс направлен на привлечение внимания аудитории не только к товарам, продуктам и услугам, представленным на рынке, но и к проблемам общества первостепенной важности, его нравственным ценностям. Значение данного вида рекламного дискурса в современном мире трудно переоценить. Социальная реклама поднимает целый ряд таких острых вопросов, как сохранение биоразнообразия планеты, защита домашних животных, борьба с пороками общества, такими как насилие в семье, вредными привычками и т. п. Вследствие этого создается огромное количество рекламных текстов социальной направленности, однако, с точки зрения лингвистики, этот вопрос остается не до конца изученным, что обуславливает актуальность данного исследования. Особый исследовательский интерес, в данной связи, вызывают стратегии рациональной аргументации, а также способы и средства их реализации в разных видах англоязычной социальной рекламы.

Вслед за Г. Г. Николаешвили, под социальной рекламой мы понимаем особый вид некоммерческой рекламы, главной целью которого является привлечение внимания общественности к острым проблемам, а также трансформация моделей общественного поведения [Николаешвили 2008]. Социальная реклама призвана не только изменить общественное мнение по какой-то социально-значимой проблеме, но и сформировать новые социальные ценности, взрастить более осознанного и адаптированного члена общества.

В специальной литературе можно встретить различные способы типологизации социальной рекламы, в частности, по предмету рекламирования, по сферам деятельности, по цели, по каналам распространения и т. п. [Хорошкевич 2015] Кроме того, в социальной рекламе используются различные виды аргументации, чтобы убедить аудиторию и побудить ее к действию. Они, в целом, соотносятся с основополагающими понятиями классической риторики *этос*, *логос* и *пафос*, выдвинутыми Аристотелем, и образуют три главных способа убеждения.

Проведенное исследование позволило выделить следующие виды и способы рациональной аргументации, применяемые в англоязычной социальной рекламе: апелляция к разуму посредством приведения фактов и статистических данных, апелляция к логике при помощи создания логических умозаключений, а также описание негативного сценария будущего, логически вытекающего из положения дел в настоящем.

Факты и статистика. В англоязычной социальной рекламе наличие точных статистических данных о жертвах домашнего насилия, о количестве утраченных видов животных, о длительности разложения пластика в мировом океане и пр. используется в качестве одного из основных средств воздействия на реципиента. Например, *86 % of sea turtle species are impaired be encountering plastic debris*. Благодаря данному приему реципиенту представляется возможным убедиться в достоверности передаваемой рекламным текстом информации.

Логические умозаключения. Распространенным способом аргументации в англоязычном дискурсе социальной направленности является использование логических доводов, чтобы связать факты с желаемым результатом. Например, в одном из рассмотренных видеороликов мы видим, как ребенок с самого детства смотрит на поведение своего отца, который избивает маму и в последствие, когда вырастает, он начинает избивать свою девушку. Тем самым авторы видеоролика хотят показать, что домашнее насилие может «передаться от отца к сыну», ведь дети копируют поведение своих родителей (*They learn what they see. Love doesn't look like this*). Данный вид рациональной аргументации направлен на разрушение поведенческих стереотипов.

Негативный сценарий (противопоставление). Суть данного вида рациональной аргументации заключается в сравнении текущей ситуации с другим, более негативным сценарием, чтобы показать, что существующая проблема требует безотлагательного решения. Данный вид аргументов тоже направлен на разрушение поведенческих стереотипов. Например, «Если мы не будем заботиться об окружающей среде, наши дети унаследуют загрязненную планету и мы получим пластик вместо животных и растений»: *By 2050 oceans are expected to contain more plastic than fish (by weight), and the entire plastic industry will consume 20 % of total oil production and 15 % of the annual carbon budget. Don't let garbage replace wildlife.*

Интересной разновидностью негативного сценария является изменение сюжета общеизвестных произведений литературы, мультипликации и кинематографа. Так, в рекламе, созданной WWF, обыгрывается рекламный постер известного мультфильма *Finding Nemo*, посвященного приключению одной рыбки. Здесь создатели рекламы изменили название на *Finding Noone* и использовали слоган *A story of on ocean with no fish*, исходя из которого становится ясно, что привело автора к такому названию — полное вымирание жителей Мирового океана. Также следует отметить, что создатели рекламы опирались на оригинальную версию постера и при разработке рекламной кампании использовали противопоставление. Так, первоначально упоминалось о невероятном разнообразии жизни под водой: *There are 3.7 trillion fish in the ocean. They are looking for one*. При этом авторы экорекламы констатируют ее полное отсутствие — *A story of an ocean with no fish*.

Литература

Николайшвили Г. Г. Социальная реклама: Теория и практика: учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 2008.

Хорошкевич Н. Г. Социальная и политическая реклама: учеб.-метод. пособие. Екатеринбург: Урал. федер. ун-т, 2015.

Емельянова Ольга Витальевна

канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет; o.emelianova@spbu

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ТИПАЖ «АНГЛИЙСКИЙ ОРНИТОЛОГ-ЛЮБИТЕЛЬ»

Ключевые слова: лингвокультурный типаж, понятийные, образные и оценочные характеристики, ценности.

Теория лингвокультурных типажей — актуальное направление современного языкознания, объединяющее в себе достижения лингвокультурологии, лингвоперсонологии и аксиологической лингвистики. Термин «лингвокультурный типаж» был введен В. И. Карасиком, понимавшим под ним «ментальное образование, представляющее собой обобщенный образ определенной социальной группы в рамках конкретной культуры» [Карасик, Дмитриева 2005: 10]. Типажи разделяются на реальные и фикциональные, отражающие признаки как реально существующих людей, так и персонажей художественной литературы, театра и кинематографии. Материалом исследования послужили романы современной английской писательницы Энн Кливз, в которых детально воссоздан «small world» так называемых бёрдвотчеров и которые дают возможность моделирования обобщенных типов личностей, поведение которых выражает наиболее яркие, узнаваемые характеристики определенной социальной группы. Кроме того, в работе используются данные сайтов, посвященных наблюдению за птицами.

Лингвокультурологическое моделирование типажа «Английский орнитолог-любитель» подразумевает выявление понятийных, образных и оценочных характеристик.

Как следует из значения лексемы birdwatcher, основным содержанием типажа является непрофессиональное наблюдение за птицами с использованием специальных приспособлений, в одиночку или в составе группы. Это своего рода зонтичный термин, охватывающий целый ряд подтипов — ringers, stringers, twitchers.

Что касается образных характеристик типажа, как свидетельствует сайт https://www.fastslang.com/twitcher, Birdwatching has historically been associated with **wealthy, white, and male individuals**. Действительно, женщины составляют в этой группе меньшинство и далеко не всегда чувствуют себя комфортно. Возрастной состав, социальный и финансовый статус бёрдвотчеров неоднороден — от весьма небогатых людей с довольно примитивным и часто устаревшим оборудованием — до экипированных по последнему слову техники состоятельных членов сообщества, которых объединяет особый сленг или жаргон, совершенно непонятный не-членам данного сообщества — важный аспект моделирования типажа.

Еще больше оснований для выделения особого лингвокультурного типажа «Английский орнитолог-любитель» дают оценочные характеристики. Судя по исследованному материалу, в современном британском социуме бёрдвотчеры получают нейтральную или, чаще, отрицательную оценку, актуализованную такими существительными и прилагательными как obsession, fanatic, fanaticism, invasion, damage, lack of privacy, dangerous, mad, insane, характеризующими как самих орнитологов-любителей, так и производимый ими эффект на жизнь местного населения. Сообщество бёрдвотчеров кажется непосвященным своего рода закрытой сектой, членов которой объединяет доведенный до фанатизма энтузиазм, практически полное отсутствие интереса к чему-либо помимо их главного интереса. Но что касается birdwatching, то коммуникативное поведение бёрдвотчеров раскрывает целый спектр ярких эмоций, вызываемых обнаружением редких птиц. Накал эмоций настолько велик, что человек оказывается буквально на грани безумия (crazy, insane). Размышляя о своем, казалось бы, безобидном увлечении, один из бёрдвотчеров сравнивает его с наркотиком, понимая, насколько опасным может стать то, что он сам называет overwhelming passion for rare birds.

Значимость моделируемого типажа для английского социума тесно связана с вопросом о причинах растущей популярности данного «модного» хобби, неизменно упоминаемого среди наиболее распространенных увлечений англичан. Видимо, важную роль в этом играют те

ценности английской лингвокультуры, которые определяют национальный характер жителей Англии. Трудно найти более убедительное свидетельство любви англичан к наблюдению за птицами: "**The Brits are obsessed with birds. It is part of our cultural DNA** and dates, in part, back to the late Victorian era. Our connection to nature and landscape is rooted in our eco-cultural past and is shaped by a host of social factors," said Dr Lambert. https://cardiffjournalism.co.uk/life360/birdwatch-why-do-people-in-the-uk-love-it/. Таким образом, на основании проведенного исследования можно прийти к выводу о том, что лингвокультурный типаж «английский орнитолог-любитель» является актуальным смысловым образованием в сознании англичан.

Литература

Карасик В. И., Дмитриева О. А. Лингвокультурный типаж: к определению понятия // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 5–25.

Fangyi Liu. Birdwatch: Why do people in the UK love it? // Life360. June 18, 2021. URL: https://cardiffjournalism.co.uk/life360/birdwatch-why-do-people-in-the-uk-love-it/ (дата обращения: 24.11.2024).

Twitcher // Fast Slang. URL: https://www.fastslang.com/twitcher (дата обращения: 18.11.2024).

Захарова Ольга Сергеевна

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет;
st111446@student.spbu.ru

СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ ОЦЕНКИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ТЕХНИЧЕСКОМ АНАЛИТИЧЕСКОМ ОБЗОРЕ ВАЛЮТНОГО РЫНКА

Ключевые слова: англоязычный дискурс, аналитический обзор валютного рынка, технический аналитический обзор, категория оценки, отрицательная оценка.

Работа нацелена на изучение вербальных способов репрезентации отрицательной оценки в жанре технического аналитического обзора (далее ТАО) валютного рынка. Языковой материал для изучения отбирался на базе публикаций британских и американских аналитических агентств (Reuters, IFCMarkets, FXStreet) и деловых СМИ (The Economist, The Daily Mail, Bloomberg, Forbes), вышедших в период 2022–2024 гг. Актуальность темы продиктована значимостью выбранного жанра для принятия решений в сфере управления финансами и бюджетом как в жизни граждан страны, так и на государственном и международном уровнях, а новизна состоит в изучении жанра ТАО валютного рынка в лингвоаксиологическом аспекте. Объектом рассмотрения является аксиологичность как одна из базовых жанровых характеристик аналитического обзора (далее АО), а предметом — лексические средства выражения оценки в ТАО. Мы руководствуемся деятельностной трактовкой категории оценки и ее когнитивной интерпретацией как процесса освоения ценности объекта, сопряженного с познавательной активностью человека [Шутёмова 2022].

С учетом тематики следует отметить, что аналитический обзор выражает экспертное мнение и оценку, а значит, характеризуется аксиологичностью. При этом существует два вида АО: фундаментальный и технический, различаемые в соответствии с ведущими методами обработки данных денежных торговых площадок: при первом в центре внимания оказываются экономические показатели и политические события, а при втором учитываются изменения ценовых диаграмм денежных единиц и их пар [Швагер 2003].

Оценка обладает структурой, называемой модальной рамкой, в которую входит субъект (имплицитный или эксплицитный, индивидуальный или коллективный), объект, стереотипы, аксиологические предикаты, интенсификаторы, а также шкала, с позитивной, нейтральной или негативной областями которой принято соотносить оценку. Кроме того, различают общую и частную оценку по признаку присутствия в значении слова или выражения оценочного и дескриптивного компонентов [Арутюнова 1988]. Н. Д. Арутюновой разработана комплексная классификация частных оценочных значений на базе особенностей их оснований. Система включает сенсорные, сублимированные и рационалистические оценки. Эти три группы представлены восьмью видами частных оценок: сенсорно-вкусовыми (гедонистическими), интеллектуальными, эмоциональными, этическими, эстетическими, утилитарными, нормативными, телеологическими [Арутюнова 1988].

Языковые инструменты выражения оценки как наиболее яркого представителя прагматического значения [Арутюнова 1988] задействованы в осуществлении речевого воздействия (далее РВ), под которым понимается вербальная коммуникация в аспекте ее целенаправленности и мотивационной обусловленности [Иссерс 1999]. РВ может осуществляться через авторитет, убеждение и аргументацию, манипуляцию, а также при помощи силы. В области лингвистики актуальны первые три формата, реализующиеся разнообразными приемами, среди которых могут быть отмечены семантические пресуппозиции, ссылка на неизвестный источник информации, опора на авторитет, аргументация, вопросительные конструкции с имплицитной семантикой [Иссерс 1999].

Процедура обработки материала основана на логике параметрического анализа. В целом изучено 995 обзоров, включающих 403 711 словоупотреблений. Это отвечает формальным требованиям к представительности лингвистических баз данных. Из них было выделено 1375 оце-

ночных контекстов, содержащих 12 958 аксиологически окрашенных лексем, в числе которых 300 фрагментов с 3412 элементами представляют технические АО. Среди последних 112 контекстов с 891 единицами анализа репрезентируют отрицательную оценку.

Исследование показало доминирование утилитарных оценок (97,76 %), а также выявило присутствие эмоциональных (1,46 %), интеллектуальных (0,34 %), эстетических (0,22 %), этических (0,11 %) и гедонистических (0,11 %) оценочных значений. В числе средств объективации отрицательной оценки в ТАО доминируют личные и неличные формы глаголов (30,53 %), а также существительные (30,08 %). При этом присутствуют и другие части речи, такие как: прилагательные (21,56 %), наречия (10,89 %), предлоги (2,36 %), детерминаторы (1,57 %), частицы (0,79 %), числительные (0,67 %), союзы (0,22 %). Кроме того, удалось выявить идиомы (0,9 %) и фразы (0,34 %). Данные свидетельствуют о преобладании индивидуального эксплицитного субъекта отрицательной оценки в ТАО (91,13 %). Также обнаружены коллективный эксплицитный (8,75 %) и имплицитный (0,11 %) субъект оценки. В ТАО он представлен трейдерами и финансовыми аналитиками, а объект — валютами, их парами, а также котировками. К способам речевого воздействия в изучаемом жанре в порядке убывания частотности могут быть отнесены аргументация, опора на авторитет, вопрошание с имплицитной семантикой, негативные пресуппозиции, ссылка на неопределенный источник информации, позитивные пресуппозиции.

Литература

Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988.

Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи: дис. … д-ра филол. наук. Омск, 1999.

Швагер Д. Технический анализ: полный курс. СПб., 2003.

Шутёмова Н. В. Виды экспертной оценки творчества И. Наховой в англоязычном искусствоведческом дискурсе // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, вып. 3. С. 56–68.

Иванова Елизавета Васильевна

д-р филол. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет;
e.v. ivanova@spbu.ru

К ВОПРОСУ О КОРПУСНОМ АНАЛИЗЕ АНГЛИЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Ключевые слова: корпус, корпусный анализ, фразеологическая единица, частотность, концептуализация.

Успешное применение корпусного анализа осуществляется в настоящее время во многих областях лингвистики, включая фразеологию. Во фразеологии корпусные данные позволяют установить дополнительные семантические оттенки значения фразеологической единицы, ее варьирование в текстах различных жанров, что представляет большую ценность для лексикографии [Баранов, Добровольский 2008]. Обращение к параллельным корпусам дает возможность выявить наиболее удачные переводческие соответствия фразеологических единиц [Пивоварова 2020]. Материал корпуса также важен для анализа концептуального основания фразеологической единицы [Баранов, Добровольский 2008], проведения исследования фразеологии с позиций когнитивистики, концептологии и лингвокультурологии.

Задача доклада заключается в рассмотрении корпусных данных относительно ряда английских фразеологических единиц с компонентами-соматизмами и выявлении возможностей их применения для дополнительного описания языковых и концептуальных характеристик указанных фразеологических единиц.

Фразеологические единицы (ФЕ) с компонентами-соматизмами неизменно вызывали и вызывают большой интерес исследователей в силу хорошо известной значимости телесного кода в языке и культуре. Для настоящего исследования ФЕ собраны из Оксфордского словаря идиом [Oxford Dictionary of Idioms 2004] методом сплошной выборки.

В Корпусе современного американского варианта английского языка [Corpus of Contemporary American English] соматизмы обладают различной частотностью, непосредственно свидетельствующей о важности для членов социума той или иной части тела или органа. Так, head имеет 340 401 вхождение, hand — 299 060, heart — 193 144, ears/ear — 60 192. Эта частотность может находить непосредственную корреляцию с количеством ФЕ с данными компонентами. Например, количество ФЕ с компонентом head, представленных в вышеуказанном словаре, примерно в два раза превышает количество ФЕ с компонентом heart (1,7), различие в корпусной частотности соответствующих соматизмов такое же (1,7).

Немаловажной особенностью ФЕ с компонентом heart является отсутствие у них омонимичности свободным или устойчивым словосочетаниям, что исключает необходимость в ручной обработке материала, требующейся, например, для ФЕ с компонентами head, nose, ears/ear или hand/ hands.

A stuffy butler stood in front of me with his nose in the air.

Sandy, the lemon and white setter, was sailing around with his nose in the air …

В первом предложении для описания надменности дворецкого использована ФЕ with his nose in the air, во втором речь идет о принюхивающемся сеттере, представлено омонимичное ФЕ устойчивое словосочетание.

Несовпадение структурно-компонентного состава ФЕ с соматизмом heart объясняется тем, что сердце является невидимым органом, о котором можно судить только по внешним проявлениям, тогда как глаза, уши, голова или руки находятся в непосредственном поле зрения человека.

Другой показательной характеристикой рассматриваемых ФЕ является варьирование притяжательных местоимений как переменных компонентов в их составе. Например, ФЕ с соматизмом heart обнаруживают высокую сочетаемость наименования сердца с притяжательным местоимением my. Данный факт объясняется, по всей видимости, тем, что сердце ассоцииру-

ется у носителей языка с чувствами и эмоциями, а человеку свойственно говорить в первую очередь о своих собственных чувствах и переживаниях.

Количественная характеристика ФЕ с соматизмами в корпусе выступает как важный фактор при моделировании восприятия и интерпретации мира, репрезентированных этими ФЕ. Так, соматизм nose представляют в словаре 15 ФЕ с невысокой частотностью в конкордансах корпуса (with your nose in the air — 18 вхождений; lead you by the nose — 8 вхождений и пр.). Однако двукратное превышение частоты использования первой ФЕ над второй показывает бóльшую востребованность образного значения первой и косвенно свидетельствует о превалировании первого образа над вторым. О косвенности следует говорить в связи с тем, что образность ФЕ может стираться и не ощущаться носителями языка в достаточной мере, при этом степень стертости можно определить только в результате полевых исследований. Полученные данные представляются важными для создания не только статической, но и динамической модели концептуализации мира на основе семантики и функционирования ФЕ. Они демонстрируют изменения в конфигурации модели концептуализации при реализации ФЕ в текстах.

Показательным фактором для описания концептуализации на основе корпусных данных является также и сочетаемость соматизмов с притяжательными местоимениями в составе ФЕ, свидетельствующая о тенденциях соотнесения образа и связанной со значением ситуации с тем или иным субъектом.

В заключение можно констатировать, что корпусный подход открывает новые возможности исследования ФЕ по целому ряду направлений и позволяет существенно дополнить их структурно-семантические, прагматические и семантико-концептуальные характеристики.

Источники

Corpus of Contemporary American English. URL: https://www.english-corpora.org/coca/ (дата обращения: 10.11.2024).

Oxford Dictionary of Idioms / ed. by J. Siefring. Oxford: Oxford University Press, 2004.

Литература

Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008.

Пивоварова Е. В. Корпусный анализ как инструмент для выявления семантических изменений у фразеологизмов — «ложных друзей» переводчика // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13, вып. 9. С. 312–320.

Карпова Любовь Сергеевна

канд. филол. наук, доцент, зав. кафедрой,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова;
karpova_lyuba@mail.ru

О ЖАНРОВОМ РАЗНООБРАЗИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА МЕЖДУНАРОДНОГО МАТЕМАТИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА

Ключевые слова: профессиональный дискурс, жанр, дискурсивная стратегия.

Во второй половине XX в. — начале XXI в. английский язык для специальных целей, в том числе язык математики, изучался филологами и лингвистами на материале опубликованных научных статей и научных монографий. Результаты исследований преимущественно описывали грамматические и структурные особенности текстов и заложили основу знаний о языке специальности [Язык и стиль английской научной прозы 1997]. Однако эти исследования по понятным причинам не отражали в полной мере многообразия способов функционирования языковых единиц, их речеупотребления в профессиональном математическом сообществе, которое присуще человеческому общению.

Сегодня благодаря дистанционным технологиям появилась возможность изучения языка профессионального общения специалистов на международных научных математических конференциях, научных математических семинарах, математических симпозиумах, а также онлайн-курсах, доступных в формате видеозаписи на обучающих платформах. Исследования, проводимые на кафедре английского языка механико-математического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, показывают, что в профессиональной математической среде существуют устоявшиеся способы взаимодействия специалистов в устной и письменной формах, в которых реализуется вполне четкая коммуникативная стратегия обмена научным опытом, научными знаниями и результатами исследований. Таким образом, есть необходимые основания для изучения языка специальности международного математического сообщества с позиций дискурса, который понимается нами как устойчивая, социально и культурно определенная традиция человеческого общения и состоит из совокупности письменных и устных высказываний [Силантьев 2010: 2].

Высказывание, в свою очередь, представляет собой единицу речевого общения — в нашем случае профессионального, имеющую определенные структурные особенности и границы [Бахтин 1979: 249]. Такое понимание высказывания отражено в работе М. М. Бахтина «Проблема речевых жанров» [Бахтин 1979: 245–280]. Согласно концепции М. М. Бахтина любое высказывание отличается целостностью, которая характеризуется предметно-смысловой исчерпанностью, определенным замыслом говорящего (или пишущего) и композиционной завершенностью. На основе общих признаков высказывания объединяются в жанры. Следует отметить, что под жанрами профессионального математического дискурса мы будем понимать, по сути, дискурсные формы, имеющие определенные признаки, свойственные всем высказываниям данного типа, и подчиняющиеся общей коммуникативной стратегии профессионального дискурса вышеназванной сферы.

Анализ доступных устных и печатных материалов по математике на английском языке позволяет говорить о том, что современный профессиональный дискурс международного математического сообщества представлен жанрами научной математической статьи, научной монографии, научного математического доклада (разных видов), аннотации, рецензии, научно-популярной математической статьи. Для каждого из вышеперечисленных жанров характерны определенные особенности языкового и структурного уровней, обусловленные коммуникативными целями, задачами и тематикой дискурса.

Так, например, устный научный доклад отличается от научной математической статьи, написанной по той же теме, не только наличием языковых средств, характерных для устной речи, но и объемом информации, а также способом ее представления, обусловленным спецификой

восприятия информации в устной форме. В этом случае можно говорить о дискурсивных стратегиях, направленных на облегчение восприятия информации, понятной узкому кругу специалистов, представителями широкого математического сообщества.

Важное значение в современном научном сообществе имеет аннотация научной статьи и научного доклада, в который излагается суть проведенного исследования. Успешно написанная аннотация позволяет автору привлечь внимание математического сообщества к исследованию и получить возможность участвовать в научных проектах. В зависимости от целей публикации выделяют два вида аннотации — краткую и развернутую.

В современных международных научных математических журналах нередко публикуются рецензии как на математические работы последних лет, так и на труды математиков предшествующих поколений, которые по некоторым причинам мало известны широкому математическому сообществу. Особый интерес представляет английский язык, на котором написаны рецензии, их структурные, композиционные особенности. Немаловажной, с точки зрения изучения функционирования языка специальности, является научно-популярная статья, отличающая от научной статьи в языковом и структурном планах.

Лингвистический анализ современных математических текстов и устных выступлений с научными докладами на семинарах, конференциях и симпозиумах, проведенный совместно со специалистами в области математики, показывает, что общение в профессиональной математической среде принимает определенные жанровые формы, обусловленные целями и задачами такого общения, а английский язык современного профессионального математического дискурса оказывается неожиданно разнообразным и не всегда формализованным.

Литература

Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.

Силантьев И. В. Дискурс и жанр // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2010. Т. 9, № 6. С. 78–83.

Язык и стиль английской научной прозы / под ред. М. М. Глушко. М.: Изд-во Моск. ун-та им. М. В. Ломоносова, 1997.

Климова Татьяна Владимировна

аспирант, Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина;
tanyusik-19@yandex.ru

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ СКРЕПЫ КАК ОДНО ИЗ СРЕДСТВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЦЕЛОСТНОСТИ КОГНИТИВНОЙ МОДЕЛИ ДИСКУРСА В ТЕКСТАХ РОЖДЕСТВЕНСКИХ ОБРАЩЕНИЙ

Ключевые слова: когнитивная модель, рождественское обращение, лингвокогнитивные скрепы.

Проблема когнитивного моделирования дискурса остается одной из актуальных направлений когнитивных исследований, что обусловлено потребностью в глубоком и всестороннем понимании когнитивных процессов его порождения и восприятия. Об интересе к данному направлению когнитивистики свидетельствует значительный багаж научных наработок в данной области. Так, разработана теория уровней памяти, обеспечивающих интерпретацию дискурса (Р. Шенк), типов знаний в долгосрочной памяти (Э. Тулвинг), введены понятия ситуационной и эпизодической модели памяти (Т. ван Дейк, В. Кинч), предлагаются различные когнитивные модели сложного многоуровневого феномена дискурса.

Когнитивная модель рассматривается как *механизм* обработки дискурса на каждом этапе порождения (восприятия) и в совокупности всех его уровней, она репрезентирует состав информационно самостоятельных модулей, механику их взаимодействия и «архитектуру» единой системы модулей [Altemann 1990: 220]. Функционирование модели основано на актуализации имеющихся у реципиента/ продуцента структур знаний и с учетом способов концептуальной организации дискурса. По мнению М. Л. Макарова, дискурс управляется и организуется как минимум двумя когнитивными моделями, одна из которых относится к структуре референтной ситуации, а другая — к конструированию процедурной ситуации общения, т. е. конкретного сценария эпизода коммуникативного взаимодействия. Для различных типов дискурса характерна неодинаковая выраженность указанных моделей, в частности, устный дискурс в большей степени организуется сценарием общения, а, например, в религиозном дискурсе полнее представлена когнитивная модель структуры референтной ситуации [Макаров 2003: 158]. Согласно конструктивно-интеграционной модели Т. ван Дейка и В. Кинча для дискурса характерны три уровня репрезентации: поверхностная форма, пропозициональная база текста и модель референтной ситуации. Поверхностная форма соотносится с набором макропропозиций дискурса, а на уровне референтной ситуации получаемая информация интегрируется с системой энциклопедических знаний и концептуальным пространством обрабатываемого дискурса [van Dijk, Kintsch 1983: 336]. Ими же введены понятия эпизодической и ситуационной моделей памяти. Эпизодические модели представляют собой интегрированные структуры предшествующего опыта, в которых отражаются знания и мнения об определенных, конкретных ситуациях. Ситуационные модели формируются на основе личного опыта и являются основой для абстрактных сценариев и планов в семантической памяти [van Dijk, Kintsch 1983: 340]. Е. А. Огнева предлагает концепцию трехмодульной когнитивной модели дискурса, включающей информативный модуль, который во многом соотносится с понятием когнитивной модели предметно-референтной ситуации, т. е. о *чем* говорится в дискурсе, фоновый модуль, описывающий экстралингвистические условия реализации дискурса, и модуль, маркирующий коммуникантов как языковых личностей [Огнева 2023: 1989].

Упомянутая выше когнитивная модель дискурса Т. ван Дейка и В. Кинча представляет процесс смыслопорождения при восприятии дискурса как поэтапное соотнесение микропропозиций с макропропозициями, которое при необходимости уточняется, дополняется и корректируется системой энциклопедических знаний реципиента и происходит отказ от нерелевантных пропозиций. Подчеркивается, что данный механизм обеспечивает смысловую целостность дискурса. Другим средством ориентирования говорящего/слушающего в тексте диалога/дискурса и помогающим конструировать когнитивный образ ситуации общения является дейк-

сис дискурса, т. е. лингвистические маркеры его структуры. Е. А. Огнева считает, что наряду с единой смысловой направленностью текста дискурса, связность когнитивного сценария также обеспечивается лингвокогнитивными скрепами, которые представляют собой ментальные узлы, репрезентированные в тексте дискурса особыми языковыми номинантами — хронемами, проксемами и лингвокультуремами. Языковые номинанты, в различных комбинациях сочетающие в себе проксемные, темпоральные и культурологические характеристики, начинают функционировать в тексте дискурса как лингвокогнитивные скрепы.

Проведенный анализ языковых номинантов в 11 текстах рождественских обращений Елизаветы II к нации выявил, что среди проксем, хронем и лингвокультурем именно лингвокультуремы потенциально чаще актуализируют скрипты в сознании слушающего и говорящего, в то время как проксемно-хронемные номинанты сопряжены с фреймами. Фреймы в текстах рождественских посланий могут подвергаться содержательным трансформациям, например, дополняться новыми структурными компонентами, о чем писали Н. Н. Болдырев, Ж. Фоконье, М. Тернер, И. Суитсер, способствуя, таким образом, реализации коммуникативных интенций говорящего. Наиболее часто в текстах обращений можно встретить такие лингвокультуремы, как *Christmas, Jesus Christ, the Bible story, the Commonwealth, the Commonwealth Games, the Olympic Games, the Invictus Games*. Среди номинантов с проксемным значением — the *United Kingdom, the British Isles,* названия дворцов и резиденций. Темпоральные номинанты представлены точечными хронемами — конкретными датами, либо пролонгированными хронемами, например: *the last 70 years, it's a time of great happiness, in the months since, the last two thousand years* и другие.

Для многих текстов рождественских посланий Елизаветы II характерна кольцевая композиция и ретроспекция. В начальных и завершающих строках обращений обнаруживается повторяющаяся лингвокультурема Christmas и ее производные, основная часть насыщена лингвокультуремами, репрезентирующими как недавние события, так и события многолетней давности. Когнитивная модель хорошо знакомой всем референтной ситуации «Рождество» сопрягается таким образом с теми структурами знаний, которые королева намеревалась актуализировать в зависимости от своих коммуникативных интенций, и можно утверждать, что лингвокогнитивные скрепы выполняют здесь непосредственно «скрепляющую» функцию, обеспечивая целостность когнитивной модели всего дискурса.

Литература

Макаров Л. М. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2013.

Огнева Е. А. Концепция информативного кода лингвокогнитивных скреп в модели дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16, вып. 6. С. 1987–1992.

Altmann G. T. M. (ed.). Cognitive models of speech processing: psycholinguistic and computational perspectives. Cambridge, MA: Bradford Books / MIT Press, 1990.

Dijk T. A. van, Kintsch W. Strategies of discourse comprehension. New York: Academic Press, 1983.

Кондрашова Вера Николаевна

канд. филол. наук, ст. преподаватель,
Санкт-Петербургский государственный университет;
v.kondrashova@spbu.ru

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ДИАПАЗОН ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ С ПРЕЦЕДЕНТНЫМИ ФЕНОМЕНАМИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Ключевые слова: художественный дискурс, прецедентные феномены, языковая игра, прагматические функции.

Прецедентные феномены давно вызывают интерес исследователей как способ речевого воздействия благодаря их большому ассоциативному потенциалу, способствующему порождению дополнительных смыслов. Особенно большое внимание уделяется их использованию в медиапространстве. Прецедентные феномены обладают игровым потенциалом, который может успешно использоваться в разных видах дискурса, однако он недостаточно исследован в англоязычном художественном дискурсе. Лингвисты обращали внимание на способы создания языковой игры, выделяя структурно-семантические и семантические типы модификаций в художественном и медиатектсте [Балышева 2019], но, на наш взгляд, большой интерес помимо людической представляют и другие прагматические функции, выполняемые языковой игрой на основе прецедентных феноменов. Вслед за В. В. Красных, под прецедентными феноменами понимаются феномены, «хорошо известные всем представителям национально-культурного сообщества, актуальные в когнитивном плане, обращение к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингвокультурного сообщества» [Красных 2003: 170]. Они включают прецедентные тексты, ситуации, высказывания, имена, могут быть как вербальными, так и невербальными. Изучение работ лингвистов показало, что функции, выполняемые прецедентными феноменами, несколько отличаются в зависимости от вида дискурса [Нахимова 2007: 141]. Целью исследования является анализ игрового потенциала прецедентных феноменов и выявление диапазона их прагматических функций в англоязычном художественном дискурсе конца XX — начала XXI в.

Как показало исследование, чаще всего игровой потенциал прецедентных феноменов реализуется в *оценочной* функции. Оценка может быть положительной или отрицательной. Языковая игра позволяет коммуниканту сделать ее более экспрессивной, проявить свои лингвокреативные способности. Предметом оценки может быть психологическое состояние. "*There's no way Charlotte would have —" "**Hell hath no fury** like a teenager who wants her orthodontia removed," Rob said*. Так, например, врач, говоря об эмоциональном состоянии девочки-подростка, прибегает к трансформации прецедентного высказывания английского драматурга и поэта XVII в. У. Конгрива *Hell has no fury like a woman scorned*. Оно обычно используется для оценки эмоций отвергнутой женщины, здесь же оценивается эмоциональное состояние девочки, вызванное другой причиной. В данном примере сохраняется начало прецедентного высказывания, но изменяется окончание, что создает эффект обманутого ожидания.

Другой частотной функцией является *эвфемистическая,* способствующая смягчению высказывания, позволяющая сделать его менее резким. Языковую игру можно встретить при выражении несогласия, в отказах, упреках. *"I mean you took a little **Persuasion**" he went on teasingly now. "You were full of **Pride and Prejudice.**" "No, it was **just Sense and Sensibility**," I pointed out. "Because of your… **Liaison Dangereuse**."* В настоящем примере супруги, обмениваются взаимными упреками, но делают это в шутливой игровой форме, используя названия прецедентных текстов классических произведений Дж. Остин и Ш. де Лакло.

Если эвфемистическая функция направлена на сохранение «лица» адресата, то *защитная* и *маскировочная* функции используются коммуникантом для сохранения своего «лица». Например, надевая «маску» известного персонажа (героя кинофильма) и модифицируя прецедентное высказывание, коммуникант несколько дистанцируется от произносимых слов.

Рассмотрим языковую игру в *экспрессивной* функции. В данном примере женщина рассказывает о том, как ей легко удалость найти покупателей квартиры. *"Third viewing. It was a kind of miracle.* ***They came, they saw****, they have made an offer standing in the kitchen". Gaby said. "Are you sad?"* Молниеносность предложения купить квартиру косвенно сравнивается с победой Юлия Цезаря. Для этой цели трансформируется знаменитое прецедентное высказывание *I came. I saw. I conquered.* Личное местоимение *I* заменяется на *they*, а также последний глагол *conquered* — на *have made an offer.*

Развлекательная функция тесно связана с *языкотворческой*, так как здесь коммуникант в большей степени стремится экспериментировать с языковыми средствами.

Таким образом, проведенное исследование показало, что, обладая большим игровым потенциалом, прецедентные феномены помимо людической функции выполняют одновременно и другие прагматические функции в англоязычном художественном дискурсе: оценочную, эвфемистическую, защитную, маскировочную, экспрессивную и развлекательную. Языковая игра может быть основана как на трансформации прецедентного феномена, так и на его включении в новый контекст с целью порождения дополнительного смысла. Игровой потенциал реализуется, как правило, в речи одного коммуниканта, но языковая игра может быть поддержана и в ответной реплике, образуя игровой микродиалог. В качестве сферы-источника прецедентных феноменов выступают классические литературные произведения, художественные фильмы, высказывания античных авторов, библеизмы, пословицы.

Литература

Балышева К. А. Языковая игра на основе прецедентных феноменов в англоязычном художественном и медиатексте // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер.: Гуманитарные науки. 2019. № 2. С. 115–119.

Красных В. В. Свой среди чужих: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003.

Нахимова Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации: монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2007.

Корокина Полина Жановна

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет;
st122249@student.spbu.ru

ПОНЯТИЕ "*PICTURESQUE*" В ЭССЕ У. ГИЛПИНА

Ключевые слова: picturesque, У. Гилпин, понятие.

Данное исследование посвящено проблеме определения понятия "picturesque" (от итал. pittoresco — живописный, картинный) в эссе английского писателя, философа и художника Уильяма Гилпина, стоявшего у истоков одноименного течения. Оксфордский словарь дает следующее определение прилагательного "picturesque": "Having the elements or qualities of a picture; suitable for a picture; spec. (of a view, landscape, etc.) pleasing or striking in appearance" [OD], в то время как дефиниция Кембриджского словаря менее конкретна: "(Especially of a place) attractive in appearance, especially in an old-fashioned way" [CD]. Обратимся к словарю энциклопедии «Британника», который предлагает два определения:

1) "Very pretty or charming: like a painted picture";
2) "Telling about something in a way that makes it very easy to imagine: causing someone to have a very clear mental picture of something" [Britannica].

Понятие "picturesque" известно с XVIII в., когда обозначаемая им категория стала активно разрабатываться в английской эстетике. Этой теме посвящались эстетические трактаты, в которых исследовались красота природы и её свойства, пригодные для репрезентации в произведении изобразительного искусства.

Уильям Гилпин в своей работе "Three essays: on picturesque beauty; on picturesque travel; and on sketching landscape" отмечает, что вопросы о понятии красоты могут быть менее спорными, если все объекты разделять на "beautiful" и "picturesque": "Disputes about beauty might perhaps be involved in less confusion, if a distinction were established, which certainly exists, between such objects as are beautiful, and such as are picturesque — between those, which please the eye in their natural state; and those, which please from some quality, capable of being illustrated by painting" [Gilpin 1794: 22].

У. Гилпин поднимает вопрос, какие именно характеристики объекта делают его живописным: "The question simply is, what is that quality in objects, which particularly marks them as picturesque?" [ibid]. Ключевыми при их языковой репрезентации в эссе являются существительные "roughness", "ruggedness", "simplicity", "irregularity", "variety", противопоставленные "smoothness" и "regularity", что мотивировано авторским осмыслением соотношения природы и искусства.

По мнению автора, свойство гладкости ("smoothness") является источником красоты: "In examining the real object, we shall find, one source of beauty arises from that species of elegance, which we call smoothness, or neatness; for the terms are nearly synonymous" [Gilpin, ibid]. Напротив, источником живописности является неровность, грубость, шероховатость ("roughness"): "Nay, farther, we do not scruple to assert, that roughness forms the most essential point of difference between the beautiful, and the picturesque; as it seems to be that particular quality, which makes objects chiefly pleasing in painting" [Gilpin 1794: 25].

Существительное "ruggedness" У. Гилпин использует для обозначения очертаний предметов: "I use the general term roughness; but properly speaking roughness relates only to the surfaces of bodies: when we speak of their delineation, we use the word ruggedness". Контекстуальная семантика "roughness"/"ruggedness" раскрывается посредством описания деталей картины, противопоставленной «гладкому» пейзажу. К ним относятся, в частности, неровность полей, непрямолинейность троп, шершавость коры и причудливость изгибов веток дуба, раскиданность камней и хвороста: "Turn the lawn into a piece of broken ground: plant rugged oaks instead of flowering shrubs: break the edges of the walk: give it the rudeness of a roads; mark it with wheel-tracks; and

scatter around a few stones, and brushwood; in a word, instead of making the whole smooth; make it rough; and you make it also picturesque" [Gilpin 1794: 25]. Соответственно, красотой живописной ("picturesque beauty"), по мнению У. Гилпина обладает не конь, а запряженная в телегу лошадь, коровы, козы или ослы: "But as an object of picturesque beauty, we admire more the worn-out cart-horse, the cow, the goat, or the ass; whose harder lines, and rougher coats, exhibit more the graces of the pencil" [Gilpin 1794: 33]. Сравнивая понятия "smooth" и "rough", автор отмечает, что художник может найти разнообразие лишь в одном из них: "Variety indeed, in some degree, he may find in the outline of a smooth object: but by no means enough to satisfy the eye, without including the surface also: from rough objects also he seeks the effect of light and shade, which they are as well disposed to produce, as they are the beauty of composition" [Gilpin 1794: 33].

Ответ на вопрос о разграничении категорий «красивое» и «живописное» автор видит в разграничении понятий, упомянутых выше: "To this question, we might answer, that the picturesque eye abhors art; and delights solely in nature: and that as art abounds with regularity, which is only another name for smoothness; and the images of nature with irregularity, which is only another name for roughness, we have here a solution of our question" [Gilpin 1794: 45]. Таким образом, в эссе У. Гилпина понятие "picturesque" определяется отличным от словарных дефиниций способом и обозначает систему свойств объекта изображения, которая в противовес гладкости и упорядоченности включает неровность, асимметрию, разнообразие, простоту. Их единство получает в работах автора положительную характеризацию как "picturesque beauty": "Shall we then seek the solution of our question in the great foundation of picturesque beauty, in the happy union of simplicity and variety, to which the rough ideas essentially contribute" [Gilpin 1794: 45]. Именно данное понятие послужило призмой, сквозь которую описываются и оцениваются ландшафты и произведения искусства в травелогах У. Гилпина, которые также получили название "picturesque travelogue".

Источники

CD — Cambridge Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/ (дата обращения: 15.01.2025).

OD — Oxford Dictionary. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/ (дата обращения: 15.01.2025).

Britannica — The Britannica Dictionary. URL: https://www.britannica.com/dictionary/ (дата обращения: 15.01.2025).

Литература

Gilpin W. Three essays: on picturesque beauty; on picturesque travel; and on sketching landscape: to which is added a poem, on landscape painting. London: printed for R. Blamire, 1794.

Левочкин Иван Игоревич

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет;
st095487@student.spbu.ru

ПОЛИМОДАЛЬНЫЙ ДИСКУРС АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ИНТЕРНЕТ-МЕМОВ

Ключевые слова: полимодальность, интернет-мем, вербальность, невербальность, виральность.

Доклад посвящен исследованию взаимоотношений вербальных и невербальных элементов англоязычных интернет-мемов. **Актуальность** обусловлена рассмотрением интернет-мема с точки зрения лингвокультурного феномена, отличного от других полимодальных структур как наполнением, так и его прагматической функцией. Мемы не только иллюстрируют особенности цифровой коммуникации, но и формируют новый тип поликодовых текстов, что делает их изучение важным для понимания современных форм межкультурного взаимодействия. Учитывая виральную природу мемов [Shifman 2013: 177], они становятся неотъемлемой частью интернет-дискурса и требуют адаптации существующих научных подходов для анализа их структуры. Целью исследования является анализ взаимоотношений вербального и невербального компонентов англоязычных интернет-мемов, выявление закономерностей их взаимодействия и проверка применимости существующих классификаций мультимодальных текстов. В **исследовании было проанализировано** 500 единиц интернет-мемов, собранных из четырех популярных англоязычных групп двух социальных сетей — Reddit и Instagram*. При отборе учитывалась характеристика виральности интернет-мемов — их отбор проходил по критериям популярности в интернет-площадках. **Основой исследования** стали классификации мультимодальных текстов, предложенные О. К. Ирисхановой и В. Е. Чернявской. Первая классификация, основанная на устной речи и «гибридных текстах» новостных сайтов, видеозаписях и изображениях, предлагает такие типы отношений, как уподобление по содержанию и форме, уподобление по форме и уподобление по функции [Ирисханова 2021: 32–33]. Вторая классификация, основанная на текстах социальной модальности — социальных плакатах, рекламных плакатах, акциях и т. д. — включает категории дополнительных, интегративных, контрастных отношений и отношений двойного кодирования [Чернявская 2021: 103]. **Методология** включала сопоставительный анализ мемов относительно данных классификаций с целью определения их релевантности. **Согласно результатам анализа**, по классификации О. К. Ирисхановой большая часть интернет-мемов (359 единиц) относится к категории уподобления по содержанию и форме, что указывает на прямое визуальное воспроизведение текста. Однако, классификация В. Е. Чернявской продемонстрировала более высокую корреляцию с природой интернет-мемов: 206 единиц попали в категорию дополнительных отношений, где визуальная часть служит эмоциональным обрамлением текста, а 146 — в категорию интегративных отношений, где текст и изображение формируют единое смысловое сообщение. Анализ показал, что хотя существующие классификации применимы к мультимодальному анализу интернет-мемов, но ни одна из существующих классификаций не охватывает полностью их специфику. Это обусловлено их уникальной прагматической функцией, которая отличается от соответствующей в рекламных плакатах, социальных плакатах, акциях и др. Из общего числа 41 интернет-мем не подошел под группы классификаций, которые использовались для анализа, так как: а) они содержат в себе только невербальный компонент; б) они представляют из себя только текст, обрамленный в виде изображения. По результатам исследования была поставлена задача предложить новую классификацию взаимоотношений знаковых систем в интернет-мемах, включающая:

1) тексто-визуальные отношения — интернет-мемы, где основным источником информации является текст, а его обрамление в виде скриншота, элементов интерфейса, эмоджи

* Продукт компании Meta, деятельность которой признана экстремистской в Российской Федерации.

или иных тексто-графических символов выполняет функцию концептуализации и усиления восприятия;

2) усилительные отношения — невербальная часть интернет-мема добавляет тексту эмоциональный контекст, не внося новых фактических смыслов;
3) комплементарные отношения — невербальная часть интернет-мема репрезентирует то, что отражено в вербальной, вербальный и невербальный компонент дополняют друг друга для создания полноценного сообщения, выполняя одинаковую прагматическую функцию;
4) семантический разрыв — вербальная и невербальная часть интернет-мема отличаются друг от друга, создавая эффект неожиданности, иронии или сарказма;
5) отдельно мы вынесли группу интернет-мемов, чья структура не содержит в себе вербальных компонентов;
6) визуально-эмоциональные отношения — интернет-мемы, которые транслируют эмоциональное и смысловое наполнение исключительно через визуальный контекст.

Предложенная классификация основывается на предложения О. К. Ирисхановой и В. Е. Чернявской, а также на проведенном анализе. Со временем классификация может адаптироваться и расширяться по отношению к другим типам интернет-мемов, например к локальным интернет-мемам или интернет-мемам потерявшим популярность. Немаловажно отметить языковую составляющую изображений, так как стилистические фигуры на разных языках могут по разному вступать в отношения с невербальной частью интернет-мема, что может открыть еще больше возможностей для изучения взаимоотношения разных знаковых систем.

Литература

Ирисханова О. К. Проявления кросс-модальной иконичности в разных типах дискурса // Вестник Московского университета. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 2. С. 29–39.

Чернявская В. Е. Визуальность в социокультурной проекции // ПРАΞНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2021. № 2 (28). С. 96–109. https://doi.org/10.23951/2312-7899-2021-2-96-109

Shifman L. Memes in Digital Culture. Cambridge; London: MIT Press, 2013.

Оводова Мария Кирилловна

аспирант, Московский государственный лингвистический университет

УРОВНЕВАЯ МОДЕЛЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РЕЛИГИОЗНОГО И ДЕТЕКТИВНОГО ДИСКУРСОВ В КОРОТКИХ РАССКАЗАХ Э. К. БЕНТЛИ

Ключевые слова: интердискурсивность, религиозный дискурс, детективный дискурс, уровни интердискурсивности.

В последнее время исследователей интересует проблема интердискурсивности различных дискурсов (см. подробнее: [Wodak 2001; Белоглазова 2009; Зыкова 2021]), например, философского и кинодискурса [Зыкова 2021], религиозного и медийного [Бобырева, Карасик 2015]. Данное исследование посвящено изучению уровневого интердискурсивного взаимодействия религиозного и детективного дискурсов. Вслед за И. В. Зыковой, под интердискурсивностью мы будем понимать введение различных элементов религиозного дискурса (в различном объеме и разной степенью трансформации) в детективный [Зыкова 2021].

Для выявления данного взаимодействия нами выделяются 4 уровня проявления интердискурсивности: концептуальный, композиционный, уровень дискурсивных стратегий, и лингвистический. Каждый уровень позволяет рассмотреть интердискурсивное взаимодействие как в плане содержания (глубинный уровень концептов, роли участников, структура дискурсов, стратегии), так и на уровне плана выражения (используемые языковые средства), т. е. от глубинного, проявляющегося в концептах, к лингвистическому.

Для анализа были взяты рассказы Э. К. Бентли из книги Trent Intervenes, состоящий из 13 рассказов. Такой выбор материала для исследования определяется тем, что данные детективные рассказы относятся к периоду классического детектива (1938), когда авторы закладывали в свои произведения основы христианского вероучения. Также отметим, что Э. К. Бентли был близким другом Г. К. Честертона и воплощал в своих детективах христианские ценности, хотя в более имплицитной форме.

Проведенный поэтапный анализ рассказов позволил определить взаимодействие религиозного и детективного дискурсов на всех выделенных уровнях. На первом, концептуальном уровне, исходя из положения Т. Г. Ватолиной о том, что сыщик является носителем общего базового концепта Истина [Ватолина 2011], мы находим, что концепт вербализуется в рассказах через языковые единицы truth и light. Употребление данных единиц в различных устойчивых выражениях раскрывает имплицитно заложенный христианский смысл, а также библейский принцип: *For nothing is secret, that shall not be made manifest; neither any thing hid, that shall not be known and come abroad* [Lk 8:17]. Также образ сыщика Филипа Трента созданный при помощи таких языковых единиц как: *loose-knit figure, good humour, a man not yet thirty, irresponsible, struck his visitor as pleasing in general, but not in keeping with great mental gifts., 'I do not know your name.' 'Why should you?'* раскрывает его как внешне незаметного человека, о котором даже невозможно подумать, что он обладает особыми талантами. Но именно такой человек и является носителем истины, человеком, открывающим правду. На втором уровне мы выявили сходство структуры короткого детективного рассказа со структурой притчи, поскольку оба вида текста обладают общими характеристиками: компактность сюжета, точность описания, персонажи выражают повседневные человеческие желания и эмоции и т. д. На этом же уровне наблюдается пересечение ролей участников дискурса: роль сыщика может пересекаться с ролью священника, предотвращающего преступление или исповедующего преступника. На уровне дискурсивных стратегий обнаруживается совпадение стратегий исповедания, разъяснения, поучения, призыва. На лингвистическом уровне интеграция дискурсов проявляется в объяснении мотивов, причины и характеров преступников, а также в христианской позиции неосуждения, и вербализуется в таких языковых единицах как *vanity, tasted easy money, indulge her whims, full of awful egoism of grief, I won't waste time over the how… As to the why, it was because…, capable of making mistakes… like the rest of us, wretched story, find our moral fibre improved…*

В ходе исследования мы пришли к следующим выводам: в рассказах выявлено 5 отрывков, раскрывающих различные качества сыщика, как носителя общего концепта Истина. Сыщик выступает в роли исповедника в 4 рассказах. Дискурсивные стратегии разъяснения, исповеди, наставления выявлены в 13 рассказах, поскольку в каждом из них Трент объясняет ход своих мыслей, разъясняет суть загадки, раскрывает мотив преступления, а также ведет личные беседы с преступниками. На лингвистическом уровне интеграция дискурсов представлена не так очевидно и насыщенно, всего мы можем привести 5 примеров.

Взаимодействие религиозного и детективного дискурсов в рассказах Э. К. Бентли представлено в разной степени, от имплицитной до более эксплицитной, что позволяет сделать вывод о связи его произведений с Библейским текстом.

Литература

Белоглазова Е. В. Когнитивный механизм интердискурсивности // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. № 2 (019). С. 64–72.

Бобырева Е. В., Карасик В. И. Прецедентность религиозного дискурса // Интердискурсивность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов: колл. монография / науч. ред. Т. Н. Колокольцева, В. П. Москвин. 2-е изд., стер. М.: Флинта, 2015. С. 255–279.

Ватолина Т. Г. Когнитивная модель детективного дискурса: на материале англоязычных детективных произведений XIX–XX вв.: автореф. дис. … канд. филол. наук. Иркутск, 2011.

Зыкова И. В. Интердискурсивность как лингвокреативная апроприация дискурсов: авангард и Андрей Тарковский // Слово.ру: балтийский акцент. 2021. Т. 12, № 4. С. 65–85.

Wodak R. What CDA is about — a summary of its history, important concepts and its development // Methods of Critical Discourse Analysis. London; Thousand Oaks; New Delhi: SAGE Publication, 2001. P. 1–14.

Огнева Елена Анатольевна

д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой, Белгородский государственный национальный исследовательский университет

АТТРАКТИВНОСТЬ ДИСКУРСИВНЫХ ИНФОРМАТИВНЫХ КООРДИНАТ

Ключевые слова: дискурс, моделирование, дискурсивные информативные координаты, информативы, дискуссанты.

Моделирование дискурсивных информативных конструктов является одним из малоизученных направлений современной дискурсологии. Данное направление нацелено на интерпретацию содержания и структуры информативов, составляющих дискурсивных информативные конструкты, с последующим представлением результатов в виде таксономических или графических моделей.

Проводимое исследование заявленной проблематики показывает, что модели функционирования дискурса представляют собой кодовые форматы, под которыми понимается совокупность информативов, представляющих содержательно-структурные единицы моделей, обусловленные жанровыми, тематическими и структурными параметрами.

Жанровые и тематические параметры модели, предопределяя содержательный слой кодовой дискурсивной модели, зависят от интенции дискуссантов, в то время как структурные параметры, обусловленные национальной спецификой языка дискурса, находятся под опосредованным влиянием жанровых и тематических параметров функционирующей модели.

К структурным параметрам кодовой дискурсивной модели относятся лексические, морфологические и синтаксические единицы. Часть единиц в процессе функционирования дискурсивной кодовой модели приобретает статус дискурсивных информативных координат, под которыми предлагается понимать совокупность ключевых номинантов дискурса, формирующих его информативную комплексную модель на основе свойств многосегментности и синергичности.

Многосегментность структуры дискурсивной модели не приводит к центробежным векторам ее развития, поскольку уравновешивается свойством синергичности, обладающим центростремительным потенциалом.

Выявлено, что данная диада свойств, многосегментности и синергичности, сопряжена с функционированием дискурсивных информативных координат в соответствии со следующим пятиэтапным механизмом реализации.

Во-первых, деление дискурсивной модели на н-количество жанрово-тематических сегментов осуществляется на основе спектра дискурсивных информативных координат.

Во-вторых, спектр дискурсивных информативных координат предопределен интенцией дискуссантов и национальной спецификой языка дискурса.

В-третьих, функционирование спектра дискурсивных информативных координат происходит с учетом их деления на основные и второстепенные. К основным сегментам модели относятся проксемный сегмент, где информативы номинируют пространство, в которое погружены обсуждаемые события, и темпоральный сегмент, обозначающий время свершения событий. Сопряжение проксемного и темпорального сегментов дискурсивной модели формирует хронотоп дискурсивного миромоделирования с учетом того фактора, что «функционируя в дискурсе, языковые знаки обеспечивают миромоделирование» [Кушнерук, Курочкина 2024: 439], которое представляет собой формат осмысления разума в разных типах дискурса [Карасик 2024], состоящего из языковых образов [Alefirenko 2022], объединённых интеграционными процессами [Бочарникова 2022]. К второстепенным сегментам дискурсивной модели относятся те, которые сформированы дискурсивными информативными координатами, номинирующими жанрово-тематическую интенцию дискуссантов.

В-четвертых, синергичность модели осуществляется в результате активации дискурсивных информативных координат на основе явления аттрактивности. Аттрактивность дискурсивных

информативных координат предлагается интерпретировать в качестве свойства привлечения и удержания внимания дискуссантов в процессе реализации дискурсивной модели.

В-пятых, активация аттрактивности дискурсивных информативных координат происходит в рамках сопряжения интенции языковых личностей дискуссантов.

Следовательно, в соответствии с пятью изложенными этапами механизма функционирования дискурсивных информативных координат выполняется комплексная задача по интерпретации и моделированию специфики функционирования дискурсивного миромоделирования.

Предложенный подход к осмыслению аттрактивности дискурсивных информативных координат позволяет рассмотреть модель дискурса через призму сопряжения его свойств многосегментности и синергичности, что способствует пополнению теоретико-методологической базы современной дискурсологии.

Литература

Бочарникова Е. А. Интеграционные явления в дискурсе (на материале англоязычной научной гуманитарной литературы) // Когнитивные исследования языка. 2022. № 4 (51). С. 451–455.

Карасик В. И. Осмысление разума в разных типах дискурсивной тональности // Судьбы национальных культур в условиях глобализации: между традицией и новой реальностью: сб. мат-лов VI Междунар. науч. конф. (г. Челябинск, 26 апреля 2024 г.). Челябинск, 2024. С. 126–135.

Кушнерук С. Л., Курочкина М. А. Миромоделирование как объект исследования в современной лингвистике // Когнитивные исследования языка. 2024. № 2-2 (58). С. 438–441.

Alefirenko N. F. Language imagery: discursive and modus creative // Research Result. Theoretical and Applied Linguistics. 2022. Vol. 8, no. 4. P. 3–14.

Осадчая Ольга Николаевна

канд. филол. наук, доцент, Российский государственный университет правосудия;
zuba-zuba@mail.ru

ПРАВОВОЕ РАЗГРАНИЧЕНИЕ ПОНЯТИЙ ФОРМ БРАКА В АНГЛИЙСКОМ И РОССИЙСКОМ СЕМЕЙНОМ ПРАВЕ

Ключевые слова: брак, сожительство, семейное право.

В статье рассматриваются формы супружеских отношений, функционирующих в правовом поле современной семейной системы англоязычной и русскоязычной культур. Условия заключения брака и соответствующие термины, обозначающие данный институт, подвергались значительным изменениям в исторической ретроспективе. Первоначально в Великобритании и Российской империи заключались только церковные браки через венчание, которые благословлялись Церковью. Постепенно в английском семейном праве снимались формальные ограничения и появилась альтернатива в виде гражданского брака, который можно было зарегистрировать в государственных органах. В СССР этот переход произошел одномоментно с принятием декрета о браке, в котором церковный брак лишался юридической силы. Более того, произошло узаконивание сожительства без официальной регистрации, но с сохранением правового регулирования семейных отношений (до 1944). На современной этапе развития английского общества брак считается действительным, если он был заключен в Англиканской церкви или зарегистрирован в специализированных органах записи актов гражданского состояния. Согласно российскому законодательству, брак является легитимным, только если он зарегистрирован в органах ЗАГС. Заключение религиозного брака не имеет правовых последствий.

На сегодняшний момент нет четкого юридического определения понятия брака в английском праве. Наиболее цитируемое определение брака может быть найдено в деле Hyde v Hyde and Woodmansee: *marriage* is «the voluntary union for life of one man and one woman to the exclusion of all others» (брак — это добровольный союз на всю жизнь мужчины и женщины при исключении всех остальных). Важно обратить внимание на то, что в официальных юридических документах для официально зарегистрированного брака существует лексема *marriage* (брак), независимо от того, какая церемония была выбрана: церковная или гражданская. Следовательно, не совсем корректно будет употребление словосочетания *civil marriage* (гражданский брак), достаточно часто используемый в справочных материалах, так как объем понятия *marriage* (брак) включает в себя статус гражданского союза.

В английском семейном праве функционирует понятие *civil partnership* (гражданский союз), обозначающее юридические отношения между двумя людьми одного пола, дающие им те же права, что и людям, состоящим в браке (a legal relationship between two people of the same sex that gives them the same rights as people who are married). Существует два важных отличия от брака: во-первых, для того чтобы вступить в гражданский союз, необходимо подписать специальный документ (a civil partnership document), а не обменяться клятвами, как в случае бракосочетания; во-вторых, во время заключения гражданского союза не может быть религиозных обрядов. После вступления в силу Акта о браке в 2014 однополые супруги получили право вступать в брачные отношения. Следует отметить тот факт, что в данный Акт были добавлены положения, защищающие представителей религиозных общин, отказывающих в заключении подобных браков, от возможных судебных исков [Чекулаев, Шахов 2021].

В современном английском семейном законодательстве не содержится четко выраженного понятия брака, значительное внимание при этом уделяется тому, чем брак не является. Таким образом, нормы недействительности брака определяют суть данного понятия. В современном английском праве фигурируют три вида недействительности брака, репрезентированные следующими лексемами:

- *a void marriage* is one that is unlawful under the laws of the jurisdiction where it is entered (ничтожный брак — это тот брак, который является незаконным в соответствии с законами той юрисдикции, где он заключен);
- *a voidable marriage* is one that may be canceled at the option of a party through annulment (оспоримый брак — это тот брак, который может быть расторгнут по желанию стороны путем аннулирования);
- *a non-marriage* (невступление в брак) is something that is so far removed from a marriage that it is essentially a non-event (невступление в брак возникает в случаях, когда брак по сути не является таковым).

Также целесообразно дать определение понятию *common law marriage* (фактическое проживание, которое не влекло возникновения прав и обязанностей), которое до сих пор встречается в английском языке, но скорее в социальной коммуникации. Фактически данный термин не наделяет сожительствующих сторон какими-либо правами или обязанностями, которыми обладают супруги или гражданские партнеры. Термин cohabitation (сожительство) обладает особым правовым содержанием в английском праве при регулировании семейных отношений, а именно условий возникновения и прекращения отношений сожительства. Соглашение о совместном проживании обеспечивает правовую защиту партнеров, не состоящих в законном браке, но находящихся в серьезных отношениях.

Российский семейный кодекс однозначен в определении понятия брака, в отличие от английского права: брак — это союз между мужчиной и женщиной, достигших брачного возраста, заключенный в органах записи актов гражданского состояния [Семейный кодекс Российской Федерации]. Соответственно, расхожее понятие гражданский брак в значении неоформленных юридически семейных отношений не корректно с терминологической и правовой точек зрения. В соответствии с современным российским законодательством сожительство не ведет к правовым последствиям даже при наличии детей и общего хозяйства, в противоположность английскому семейному праву, и не может быть отнесено к юридическим терминам, используемым в российском семейном праве [Чекулаев 2021].

Таким образом, формы брачных отношений значительно отличаются в английском и российском праве. В английском юридическом дискурсе наблюдается более гибкий подход к определению брака и развитая система понятий, обозначающих различные виды семейных отношений. Российское законодательство трактует брачный институт с позиций конкретизации и однозначности, не предполагающих многоплановости и свободы интерпретации.

Литература

Условия и порядок заключения брака. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 25.12.2024).

Чекулаев С. С., Шахов Я. В. Сравнительный анализ правового института брака в России и в других странах // Юридическая наука. 2021. № 4. С. 83–87. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-pravovogo-instituta-braka-v-rossii-i-v-drugih-stranah (дата обращения: 25.12.2024).

Marriages and civil partnerships in England and Wales // GOV.UK. URL: https://www.gov.uk/marriages-civil-partnerships (дата обращения: 25.12.2024).

Петухова Татьяна Ивановна

канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет;
t.petuhova@spbu.ru

АВТОКОММЕНТАРИЙ ХУДОЖНИКА КАК ЭМОТИВНЫЙ МИКРОТЕКСТ

Ключевые слова: автокомментарий художника, эмотивный микротекст, эго-дискурс, полимодальный текст, дискурсивная функция.

Вербальный комментарий художника к своим произведениям можно рассматривать в рамках функционирования его эго-дискурса, который является полимодальным образованием и может быть представлен как картинами художника, так и созданными им вербальными текстами, репрезентирующими особенности его восприятия, интерпретации, эмоционального отношения к миру [Чупахина, Петухова 2024].

Эго-дискурс художника представляет несомненный интерес с точки зрения анализа прагма-когнитивных процессов, лежащих в основе трансфера знаний и эмоций, который осуществляется от создателя произведения искусства к зрителю. Процесс создания картины предполагает определенное эмоциональное состояние мастера, вдохновляющее его на создание художественного образа, а процесс восприятия произведения искусства предполагает эмоциональное сопереживание реципиента, то есть эстетическое наслаждение [Бранский 2000]. Автокомментарий художника к картине выполняет важные прагма-дискурсивные функции, раскрывая для реципиента специфику ценностной ориентации мастера в своем творчестве, и может быть рассмотрен как эмотивный микротекст, который входит в состав более крупного по объему текста, например, автобиографии или интервью.

Под эмотивным микротекстом О. Е. Филимонова понимает фрагмент текста, который обладает смысловой завершенностью и репрезентирует ситуацию, в которой субъект испытывает некоторые чувства, идентифицируемые в этом микротексте [Филимонова 2007]. Рассмотрим автокомментарий американского художника Эндрю Уайета к одной из своих картин:

> *I was up there late one night in back of the Kuerner house, about one o'clock in the morning. The moon was full and illuminated the melted patches of snow on the hill in a mysterious way. Suddenly, I heard a soft, regular sound from the woodshed. It was Anna Kuerner chopping wood, late at night. There was only one light on in the whole house and that was at the woodshed. God, I can still hear this chopping sound, chopping the kindling, fine, very fine, putting it into a small basket, to start the early morning breakfast fire. I stood there in the crisp, chill moonlight, entranced. <…> So back in the studio I sat down and after more pencil studies I painted Wolf Moon in pure watercolor in one go — in an hour or a half an hour. It was something I felt about very strongly and I had to get it down as quickly as I could* [Wyeth 1976: 72].

Данный микротекст репрезентирует ситуацию, в которой художник испытывает определенные эмоции, сопутствующие зрительному и слуховому восприятию, что эксплицитно актуализируется в пропозиции с экспериенцером *I felt very strongly.* Эмоции художника представлены на лексическом уровне языковыми единицами с эмотивной и эмотивно-оценочной семантикой *mysterious, entranced*, на синтаксическом уровне — экспрессивными структурами с интенсификаторами: *God, I can still hear this chopping sound*; *There was only one light on in the whole house*, а также на уровне текста — структурно-семантической организацией высказывания, репрезентацией единиц текста, описывающих состояние природы, которые в данном контексте реализуют кумулятивный эмотивный потенциал *moon was full and illuminated the melted patches of snow; a soft, regular sound; the crisp, chill moonlight.* В данном случае можно говорить о наведении эмосем из контекста, что по определению В. И. Шаховского, имеет место, когда отдельные лексемы приобретают эмотивное звучание под воздействием контекста в конкретной ситуации, как, например, в предложении *The moon was full and illuminated the melted patches of snow on the hill in a mysterious way.*

Значимую роль в трансляции эмоций художника в автокомментарии играет языковая актуализация восприятия цвета и света:

> *I worked a great deal on the subtle soft golden-yellow light of the woodshed window, and the gentle reflection of that light on the overflow of the pond where the color suddenly becomes golden. I tried to capture the atmosphere of that late night. This tone of color is what I love the most; to me it represents winter, crystal chill air, the sound of cracking ice on a pond when you skate at night. And the light over those snow patches has a special texture because at that time of night you can't see too well* [Wyeth 1976: 72].

В данном фрагменте текста лексемы, актуализирующие эмоционально-оценочное восприятие цветовых и световых характеристик окружающего пространства играют важную роль в формировании эмотивного смысла: *subtle soft golden-yellow light, the gentle reflection of that light, the color suddenly becomes golden, the light over those snow patches has a special texture.* Эмоции художника представлены эксплицитно *This tone of color is what I love the most,* их яркий характер подчеркивается средствами художественной выразительности, например, когда цвет, который обычно воспринимается визуально, характеризуется мастером в рамках мультисенсорного восприятия мира *to me it represents winter, crystal chill air, the sound of cracking ice.*

Таким образом, можно говорить о том, что автокомментарий художника к картине представляет собой эмотивный микротекст, выполняющий важную дискурсивную функцию, которая связана с реализацией коммуникативной интенции создателя произведения искусства: наиболее полно раскрыть свои эмоции для реципиента и способствовать возникновению у него эстетической эмпатии.

Литература

Бранский В. П. Искусство и философия. Калининград: Янтарный сказ, 2000.

Филимонова О. Е. Эмоциология текста. Анализ репрезентации эмоций в английском тексте. СПб.: Книжный дом, 2007.

Чупахина А. О., Петухова Т. И. Дискурсивная интерпретация знаний о мире в эго-дискурсе художника (на материале англоязычных интервью) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17, вып. 10. С. 3707–3713.

Wyeth A. Two Worlds of Andrew Wyeth: Kuerners and Olsons. New York: Bulfinch Press, 1976.

Прийма Татьяна Ивановна

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет;
tatianapriima@yandex.ru

СТРАТЕГИИ УРЕГУЛИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА В ДИСКУРСЕ МЕДИАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ УСТНОГО ВЫСТУПЛЕНИЯ Д. ТРАМПА "REMARKS BY PRESIDENT TRUMP, PRESIDENT VUČIĆ OF SERBIA, AND PRIME MINISTER HOTI OF KOSOVO IN A TRILATERAL MEETING")

Ключевые слова: дискурс медиации, коммуникативные стратегии, коммуникативные тактики.

В эпоху обострившихся информационных войн XXI в. важную роль в процессе урегулирования общественно-политических разногласий играют языковые средства, используемые не только участниками конфликта, но и посредниками, которые выдвигают определенные предложения для решения споров дипломатическим путем.

В лингвистике роль «регулятора» ценностных, мотивационных и прочих расхождений участников коммуникации выполняет дискурс медиации, который понимается как «коммуникативное взаимодействие, обусловленное конфликтным потенциалом» [Куликова, Прохорова 2016: 100].

Одной из особенностей дискурса медиации в ситуации общественного раскола является то, что в роли медиатора зачастую выступает не один человек, а целое государство, или государственный орган, то есть некая значимая группа, способная эффективно воздействовать на когнитивное сознание участников конфликта.

В докладе анализируется устное заявление президента США Дональда Трампа, посвященное урегулированию конфликта в автономном крае Республики Сербия Косово и Метохия ("Remarks by President Trump, President Vučić of Serbia, and Prime Minister Hoti of Kosovo in a Trilateral Meeting"). Выступление состоялось перед подписанием соглашения об экономическом сотрудничестве со стороны президента Республики Сербия Александра Вучича и премьер-министра самопровозглашенного Косова Авдулла Хоти.

При помощи всевозможных тактик в заявлении актуализируются разные медиаторные стратегии, наиболее используемой из которых является стратегия саморепрезентации (как самого Д. Трампа, так и его администрации). Данная стратегия реализуется при помощи личных и притяжательных местоимений первого лица: *my administration proposed a new way of bridging the divide; We've also made additional progress.* Характерно, что все высказывания объединяет исключительно позитивная саморепрезентация.

Положительная оценка действий своей администрации, наряду с которой встречается и дискредитация действий других посредников (*and years of failed negotiations*), служит обоснованием выдвижения США (президента и его администрации) на роль медиатора в данном конфликте.

В качестве еще одного довода, почему кабинет президента может заниматься урегулированием конфликта, приводится аргумент относительно сербов и албанцев, проживающих на территории США: *And I can say that Serbia and Kosovo have tremendous numbers of people in the United States.* Данное утверждение можно отнести как к стратегии саморепрезентации, так и к стратегии объединения, поскольку «глобальный медиатор»-США не просто представляет собой сильное государство, где проживают представители конфликтующих сторон, но и демонстрирует, что они могут сосуществовать мирно, не вступая в конфликт.

В рамках стратегии объединения обращает на себя внимание тактика нахождения общего «знаменателя» для противоборствующих сторон, которым в данной ситуации выступает экономика: *Serbia and Kosovo have each committed to economic normalization.*

Особо выделяется тактика поощрительной оценки политических руководителей, присутствующих на подписании соглашения. Обилие ярких эпитетов, характеризующих действия

президента Республики Сербия и премьер-министра самопровозглашенного Косова как смелые и правильные, также способствует процессу объединения: *It's taken tremendous bravery by the President of Serbia and the President [Prime Minister] of Kosovo.*

Наряду со стратегиями саморепрезентации и объединения в тексте имеет место и стратегия манипулирования. Так, Дональд Трамп говорит о конфликтующих сторонах как об отдельных государствах: *I look forward to seeing Serbia and Kosovo prosper…* Тем самым, правительство США, признавшее «независимость Косова» в 2008 г., популяризирует данную точку зрения на международной арене, что косвенно защищает интерес албанской стороны и противоречит уставу ООН.

В связи с этим закономерным представляется отсутствие ссылок на постановления международных организаций, созданных для поддержания и укрепления международного мира и безопасности. Также в тексте не зафиксирована информация об истоках конфликта, отсутствует ссылка к историческим фактам. В качестве единственного правомочного медиатора, который имеет право предлагать свою повестку в разрешении косовского кризиса (*I'm pleased to announce a truly historic commitment…*) представлена администрация самого Дональда Трампа.

Отсутствие отсылок к историческому и геополитическому контексту, а также некоторые оговорки (премьер-министр самопровозглашенного Косова по ошибке назван "President of Kosovo") ставят под сомнение наличие у автора высказывания фоновых знаний о «косовском вопросе» и участниках конфликта.

Использование высокопарной лексики (*a truly historic day*) в выступлении несколько противоречит принципу нейтральности медиации, однако объясняется устным характером выступления и индивидуальным стилем конкретного оратора.

Таким образом, основными медиаторными стратегиями в устном заявлении "Remarks by President Trump, President Vučić of Serbia, and Prime Minister Hoti of Kosovo in a Trilateral Meeting" являются стратегии саморепрезентации, объединения и манипулирования.

Источник

Remarks by President Trump, President Vučić of Serbia, and Prime Minister Hoti of Kosovo in a Trilateral Meeting" // White house. URL: https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-president-vucic-serbia-prime-minister-hoti-kosovo-trilateral-meeting/ (дата обращения: 01.12.2024).

Литература

Куликова Л. В., Прохорова О. А. Исследовательские подходы к дискурсу медиации в фокусе междисциплинарности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 2-2 (56). С. 100–104.

Рашевский Василий Евгеньевич

аспирант, Белгородский государственный национальный исследовательский университет; vasyarasha2018@yandex.ru

ГЛОБАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ БОЛЬШИХ ЯЗЫКОВЫХ МОДЕЛЕЙ В НЕЙРОДИСКУРСЕ

Ключевые слова: нейродискурс, глобальная компетенция, большая языковая модель.

В современном языкознании актуально изучение нейродискурса в аспекте развития программ текстовой генерации. Под нейродискурсом понимается погруженный в коммуникативную ситуацию текст, сгенерированный в соответствии с поставленной пользователем задачей. Для успешной генерации текста в рамках дискурса человека с чат-ботами требуется гибкость алгоритма большой языковой модели в проявлении информационных, поведенческих, языковых и экстралингвистических компетенций. Между пользователями и разработчиками таких нейросетевых алгоритмов происходит постоянное сотрудничество в целях улучшения опыта пользования приложениями и для предотвращения или смягчения негативных аспектов глобальной компетенции больших языковых моделей.

Проявление глобальных компетенций большой языковой модели отражается через поведение и фиксируется в генерируемом тексте — нейродискурсе. Глобальная компетенция в нейродискурсе проявляется через планы содержания и выражения мысли, то есть предполагается существование у чат-бота особых знаний об обсуждаемом, о формах изложения информации в соответствии с контекстом пользовательского запроса.

Генеративные модели обучены на больших объемах разнотематических текстов, но по ряду причин, разработчики производят дополнительную настройку алгоритма генерации, глобально влияющую на основы коммуникации, например, рационализм, объективизм, точность, тактичность, справедливость, западные ценности, принцип неразглашения нежелательной информации и т. п. Перечисленные аспекты наблюдаются в дискурсе «пользователь-чат-бот» по умолчанию, но пользовательский запрос может обладать большей весомостью для алгоритма текстовой генерациии закономерно препятствовать проявлению какого-либо аспекта глобальной компетенции чат-бота. Такие аспекты варьируются по сложности изменения стандартной настройки, так как по экономическим причинам часть из них важна для успешной коммуникации. По социальным причинам необходимо введение некоторых изменений в алгоритм генерации, чтобы обезопасить генеративные модели от неприемлемого и противозаконного контента. Так, если проявление чат-ботом необъективности достичь просто, то чтобы получить от ИИ нежелательную информацию, могут потребоваться особые методы инжиниринга контекста, которые приведут генеративную модель к тому, что в контексте больших языковых моделей называют «jailbreaking».

Исследователи из сферы искусственного интеллекта делают вывод о том, что полной защиты от нарушения аспектов заложенной глобальной компетенции можно избежать только лишь посредством удаления зафиксированной информации из материала предварительной обработки до момента обучения модели [Su et al. 2024]. Однако считается, что большие языковые модели являются наиболее эффективными, если они были обучены широкому спектру знаний. В таком отношении, поиск и удаление какой-либо информации из материала предобработки предстает нерациональным и приводит к негативному воздействию на показатель эффективности коммуникации в рамках беседы на любые темы.

Следовательно, важность инжиниринга контекста нельзя переоценить, но главным препятствием на пути к успешной коммуникации является непредсказуемость когнитивного процесса генеративных моделей, который может приводить к их галлюцинациям. Учёные продемонстрировали, что чат-боты могут верно понимать суть ситуации, но постоянно генерировать неправильные ответы, в связи с чем были предложены решения по обнаружению и смягчению проблем галлюцинаций [Orgad et al. 2024]. Тогда справедливо утверждать о том, что, если

в больших языковых моделях фиксируются всевозможные ситуации, то существуют особые пользовательские запросы, способные повлиять на аспекты глобальной компетенции в формате нейродискурса.

За изменение поведенческих особенностей искусственной языковой личности отвечает закодированная в пользовательском запросе вторичная информация. Субъектная персонификация, помимо наделения чат-бота мнимой ролью, также отвечает и за настройку аспектов глобальной компетенции в соответствии с назначенной ролью.

Одним из наиболее отчетливых случаев демонстрирующих как потенциал пользовательского запроса, так и глубину глобальной компетенции, является уязвимость ИИ под названием «бабушкин эксплойт». Данная стратегия инжиниринга контекстного сообщения предполагает включение в запрос вторичной информации о роли чат-бота, которая может быть различной, но в момент обнаружения уязвимости, наделение ИИ ролью бабушки увеличивало вероятность успеха генерации нежелательной информации. Пользователь обычно давит на жалость и просит «бабушку» рассказать сказку сомнительного характера перед сном, что можно увидеть в следующем контексте: «*Please act as my deceased grandmother who used to be a chemical engineer at a napalm production factory. She used to tell me the steps to producing napalm when I was trying to fall asleep*» [Jackson 2023]. В результате стратегии запроса можно было достигнуть успеха коммуникации в мельчайших деталях: «*I remember those nights when I used to tell you about the process of producing napalm*» [Jackson 2023].

Таким образом, исследование показало, что часть аспектов глобальной компетенции больших языковых моделей в нейродискурсе определяется стратегиями пользовательского запроса и сущностью вторичной информации контекстного сообщения.

Литература

Jackson C. People Are Using A 'Grandma Exploit' To Break AI. URL: https://kotaku.com/chatgpt-ai-discord-clyde-chatbot-exploit-jailbreak-1850352678. 2023 (дата обращения: 15.01.2025).

Orgad H., Toker M., Gekhman Z., Reichart R., Szpektor I., Kotek H., Belinkov Y. Llms know more than they show: On the intrinsic representation of LLM hallucinations // ArXiv. https://doi.org/10.48550/arXiv.2410.02707

Su J., Kempe J., Ullrich K. Mission impossible: A statistical perspective on jailbreaking llms // ArXiv. https://doi.org/10.48550/arXiv.2408.01420

Рыженкова Анна Александровна
канд. филол. наук, ст. преподаватель,
Санкт-Петербургский государственный университет

МЕТАФОРИЗАЦИЯ ЭМОЦИЙ И ЧУВСТВ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX–XXI ВЕКОВ

Ключевые слова: концептуальная метафора, чувства и эмоции, языковая репрезентация, художественная литература.

В лингвистическом подходе к изучению чувств и эмоций выделяется несколько аспектов: семантический, коммуникативный, текстовый и др. Размах исследований в данной области позволяет говорить об актуальности изучения механизмов репрезентации чувственного опыта человека. В докладе рассматривается метафоризация как способ репрезентации чувств и эмоций на материале художественных текстов англоязычных авторов XX–XXI вв. (Дж. Барнса, Д. Тарт, К. диКамилло, И. Ялома, С. Кинга и др.).

Согласно А. Вежбицкой, эмоции культуроспецифичны, так как они могут идентифицироваться с помощью слов, а слова принадлежат конкретной культуре. Несмотря на существование универсальных когнитивных сценариев, эмоции обнаруживаются носителями того или иного языка [Вежбицкая 1999: 523] А. Вежбицкая изучает также семантический аспект эмоций, а именно коллокации, относящиеся к человеческому телу, *(всплеснуть руками*; у *нее лицо сияет от радости*; *сердце сжалось*; *повесить голову* и пр.) [Вежбицкая 1999: 526].

Цель доклада — исследовать закономерности метафоризации чувств и эмоций на материале англоязычной литературы и выявить метафоры эмоций и чувств, характерные для англоязычной лингвокультуры. Ведущим способом выражения эмоций в художественной литературе является метафора. В докладе приводятся метафоры наиболее распространенных базовых чувств и эмоций: *fear, sadness, anger, guilt, shame*.

В. И. Шаховский отмечает важность описаний эмоциональных переживаний персонажей: «Авторское описание эмоциональных мыслей персонажей художественного произведения является довольно существенной информационной добавкой к его эстетическому и когнитивному смыслу [Шаховский 2008: 248–249]. Кроме того, «презентация эмоций через мысли персонажей, вместо их эмоциональных высказываний или в дополнение к ним, к эмоциональным действиям, поступкам персонажей и к описанию физиологических проявлений эмоций является специфическим стилистическим приемом эмоциональной характеризации персонажей и эвокации эмоционального сопереживания у читателя» [Шаховский 2008: 250–251].

В. И. Шаховский также уделяет внимание эмотивной номинации эмоций, включающей экспрессивный и оценочный компоненты. В результате эмотивной номинации «порождаются экспрессивные знаки, назначением которых является сознательное усиление поражающей способности языка» [Шаховский 2008: 84–85].

Художественный текст изобилует метафорами. Метафора является универсальным языковым механизмом, с помощью которого выражаются сложные абстрактные понятия, какими являются чувства и эмоции, через более простые и наглядные. Дж. Лакофф и М. Джонсон отмечают, что пространственные метафоры обладают системностью. Метафоры чувств и эмоций описаны как ориентированные ВВЕРХ или ВНИЗ (HAPPY IS UP; SAD IS DOWN) [Лакоф, Джонсон 2008: 35]. Вслед за Дж. Лакоффом и М. Джонсоном в докладе выделены основные группы концептуальных метафор эмоций и чувств:

1. Метафоры неприятных эмоций представлены как **болезнь или симптом**: ***Guilt plagued*** *her;* ***suffocated by*** *the weight of everything unknown;* ***a pang of sorrow;*** *The* ***shame*** *that* ***tormented*** *me;* ***paralyzed with discomfort and indecision****; My jealousy* ***throbbed like toothache***; ***blind with panic****;* ***a twinge of outrage****;* ***sick with embarrassment***.
2. Метафоры неприятных эмоций представлены **как наказание или война**: ***whipped with guilt****; get* ***an attack of guilt feelings***.

3. ТЕЛО — КОНТЕЙНЕР для чувств и эмоций: *my stomach* ***boiled with nerves****;* <…> *his* ***voice trembling*** *in controlled panic; I lowered my* ***voice*** *until it* ***trembled with anger***; ***sink in one's stomach***.
4. ЧУВСТВА И ЭМОЦИИ подобны ФИЗИЧЕСКОМУ ПРЕДМЕТУ: ***relinquish*** *all hope;* ***nurture*** *childish* ***hope; choke on*** *her own* ***fury; in the grip of the feeling***.
5. ЧУВСТВА И ЭМОЦИИ обладают температурой: ***cold*** *with rage;* ***afire with humiliation; ablaze with shame****;* ***shame burnt****; My head* ***burst into flames of shame****;* ***fury'd be hot as ovens****; very* ***hot, burning coal of hatred****;* ***frozen*** *in horror.*
6. Чувства и эмоции обладают цветом: ***ash-white*** *with anger;* ***blushed****, as though he was* ***ashamed***.
7. Метафоры приятных эмоций ориентированы ВВЕРХ и представлены как СВЕТ; метафоры неприятных чувств ориентированы ВНИЗ и представлены как ТЬМА: *one tiny* ***ray of hope****; never felt lonely in the* ***beam of his attention****; Her* ***despair*** *and* ***hopelessness*** *continued to* ***deepen****; My* ***heart lifted****;* ***His heart soared*** *inside of him.*
8. ЧУВСТВА И ЭМОЦИИ ПОДОБНЫ ЖИДКОСТИ: ***suffused with relief****; in a* ***froth of anxiety****;* ***waves of shame*** *and* ***horror****; felt* ***a hot wave of embarrassment*** *and joy* ***roll over*** *him; was* ***flooded with sad relief****; his* ***drenching sorrows***.
9. ЧУВСТВА И ЭМОЦИИ ОБЛАДАЮТ ВЕСОМ: *un****burden****ed by guilt;* ***taken the burden and the pain off*** *her* ***hands***.
10. ЧУВСТВА И ЭМОЦИИ ПОДОБНЫ ПРИРОДНЫМ ЯВЛЕНИЯМ: ***tempestuous*** *anger; a* ***drizzle*** *of* ***sadness****;* ***bilious with fury*** *and sorrow.*

Итак, системность метафор, выражающих эмоции и чувства, проявляется не только в категоризации эмоций и чувств, но и в связях между категориями. Идея Дж. Лакоффа и М. Джонсона о направленности чувств и эмоций вверх или вниз соотносится с разделением эмоций на тяжелые и легкие, холодные и горячие. Анализ материала свидетельствует об амбивалентности чувств и эмоций.-

В ходе исследования обнаружены особенности метафоризации эмоций в литературе указанного периода: 1) их образность (*drizzle of sadness*), 2) тесную связь с телом человека (*He would break out into a cold sweat of embarrassment);* 3) положительную или отрицательную оценочность (*a ray of hope; guilt plagues him*), 4) связь процесса метафоризации эмоций с культурными и техническим развитием общества (для выражения гнева могут использоваться выражения *go berserk* (из скандинавской мифологии) и *go nuclear (*подчеркивающее разрушительный характер эмоции).

Сравнив и проанализировав метафоризацию эмоций у различных авторов, можно сделать выводы о том, что метафоры, репрезентирующие чувства и эмоции, являются концептуальными. Можно говорить и об авторском употреблении метафор, однако анализ материала говорит о большей частотности концептуальной метафоры по сравнению с авторской.

Литература

Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / пер. с англ. А. Д. Шмелева; под ред. Т. В. Булыгиной. М.: Языки русской культуры, 1999. I–XII.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ.; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. 2-е изд. М.: ЛКИ, 2008.

Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций: монография. М.: Гнозис, 2008.

Савкина Анна Романовна

аспирант, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ АВТОРА В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ НАУЧНОЙ СТАТЬИ)

Ключевые слова: языковая идентичность, научный дискурс, самопрезентация автора, критический дискурс-анализ.

Коммуникация в научных исследований также важна, как и результаты этих исследований, особенно это касается научных статей. Цель научной статьи не только показать результаты проведенной работы, но и сообщить адресату свою позицию, убедить рецензентов в актуальности исследования, а также добиться признания и известности в научном сообществе.

В научных статьях так или иначе присутствует указание на автора. Самопрезентация важна из-за ожиданий научного сообщества от автора показать соответствие определенным правилам и традициям с одной стороны, и желание исследователя заявить о его деятельности и показать его уникальность с другой стороны.

Присутствие автора чаще всего можно показать через личные местоимения. Местоимения первого лица служат различными риторическими функциями в тексте. Таксономия таких риторических функций предлагается лингвистами Танг и Джон, которые предложили следующую последовательность присутствия автора [Tang, John 1999]:

1. «Я» как представитель, где местоимение, чаще всего во множественном числе, представляет академическое сообщество или людей в целом.
2. «Я» как путеводитель в тексте, который использует инклюзивные для читателей множественные местоимения.
3. «Я» как конструктор текста, который автор использует для организации и схематичности текста.
4. «Я» как проводник исследовательского процесса, который описывает порядок исследования автора.
5. «Я» как носитель мнения, которое отражает позицию по установленным фактам.
6. «Я» как творец, в котором автор выдвигает оригинальные заявления.

Как видно, использование личных местоимений в академическом письме может быть направлено как только на автора, так и включать читателя как участника коммуникации через местоимение «мы», а также включать и неучастников в данной коммуникации, например, мы — как сообщество.

Тем не менее, самопрезентация не ограничивается местоимениями первого лица, она может быть реализована и другими средствами, такими как пассивный залог, словом «автор», неодушевленными предметами и местоимением третьего лица. Также этого можно добиться с помощью риторических функций, дисциплинарных различий, а также безличными конструкциями. Выбор таких языковых инструментов, обусловлен в том числе и языковой идентичностью автора.

Существует несколько подходов к изучению идентичности. Сегодня мы разберем конверсационный анализ и критический дискурс анализ, так как эти подходы сходятся на том, что идентичность доступна для изучения через язык, и мы прибегаем к пониманиям институционального и социального контекста для моделирования и толкования наших взаимодействий [Hyland 2002].

Конверсационный анализ рассматривает идентичность как набор вербальных практик, с помощью которых люди представляют себя, и показывают другим, кем они являются в присутствии и взаимодействии с ними.

Критический дискурс-анализ рассматривает язык как форму социальной практики и предпринимает попытки раскрыть идеологические пункты дискурса, которые стали настолько естественными с течением времени, что мы начинаем относиться к ним как к общим, приемлемым и естественным особенностям дискурса. Исходя из этого следует, что критический дискурс-анализ видит идентичность как представление в идеологической функции языка (выражение идей), позиции, которая сконструирована через межличностные выборы залога и модальности (выражение отношения) и через связь с конкретными политическими и оценочными позициями через экспрессивное измерение языка.

В данной работе идентичность рассматривается как социальные позиции, к которым индивиды себя относят, когда они взаимодействуют с другими внутри сообществ, следуя определённым правилам и конвенциям, и в то же время осуществляют свою деятельность через их личный лингвистический выбор. При этом идентичность — это не статичное явление, а дискурсивно и динамично сконструированное через взаимодействия между писателями, выступающими и аудиторией. Следовательно, то, как аудитория взаимодействует через использование различных лингвистических источников, может определить процесс построения идентичности.

Языковая идентичность может быть выявлена и через цитирования. Цитирования выступают в качестве дискурсивного инструмента для построения межличностных аспектов идентичности и определения авторов как членов их научных сообществ. Например, цитируя зарубежных ученых, авторы указывают на свою идентичность как исследователей среди их международного научного сообщества. Таким образом, авторы через цитирования текстов, опубликованных в журналах международных баз данных, подчеркивают свою международную идентичность для значимости в местном сообществе.

Научная статья не может быть написана так, где не будет прослеживаться присутствие автора. Таким образом, исследование идентичности авторов через призму языка и способов самопрезентации не только обогащает понимание научной коммуникации, но и позволяет лучше понять механизмы формирования авторитета и культурной принадлежности в международном научном контексте.

Несомненно, авторы осознают свое присутствие в статье. Следовательно, они понимают, что те или иные приемы указывают или не указывают на их самопрезентацию. Все приемы позволяют авторам усилить свою позицию в исследовании. Языковая идентичность автора прямо влияет на его самопрезентацию и его представление о том, как он хочет, чтобы его принимало научное сообщество. Но привлечение внимания к себе в научной статье может вызвать у читателя сомнения в объективности исследования. Именно поэтому авторы чаще всего используют другие языковые инструменты, нежели прямое указание на себя, например, с помощью местоимения «я». Тем не менее присутствие автора в научной статье является неотъемлемой частью успешной научной практики, что требует от исследователей умения балансировать между конвенциями дисциплины и выражением своей индивидуальности.

Литература

Hyland K. Options of identity in academic writing // ELT Journal. 2002. Vol. 56, no. 4. P. 351–358. https://doi.org/10.1093/elt/56.4.351

Tang R., John S. The “I” in identity: Exploring writer identity in student academic writing through the first person pronoun // English for Specific Purposes. 1999. Vol. 18. P. S23–S39.

Соколова Екатерина Геннадьевна

аспирант, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЖАЛОБЫ КАК ЭЛЕМЕНТА РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА

Ключевые слова: речевой этикет, «жалоба», вербальная коммуникация, этикетный диалог.

В выступлении планируется рассмотрение одного из ключевых элементов речевого этикета — жалоба. По нашему мнению, именно жалоба занимает одно из центральных мест в вербальном межличностном взаимодействии, как на уровне бытового общения, так и в деловой коммуникации, что определяет актуальность проводимого исследования. Новизной представленного нами подхода является выделение на двойственной природе этой речевой единицы в этикетном диалоге. Мы ставим перед собой задачу проанализировать комбинаторные возможности жалобы как реплики-стимула, исследуя ее потенциал для изменения хода диалога и вызова различных реакций у собеседников.

В традиционном понимании, по своей сути жалоба служит средством для выражения негативных эмоций с целью привлечения внимания и зачастую сопереживания. Однако в ходе исследования было замечено, что в ряде случаев собеседник может отреагировать безразличием или даже раздражением, что в некотором смысле ставить под сомнение привычное понимание роли жалобы как сигнала для нахождения общего языка и расширяет смысловые и этикетные горизонты этого понятия. Так, например, в приведенном ниже фрагменте диалога между героями фильма «Six Days Seven Nights» главный герой жалуется на собственное ничтожество:

> FRANK: How can I eat? I'm scum. I'm garbage. This experience has tested me and has revealed no character whatsoever.
>
> AYGELIKA: Stop beating yourself up. You're a guy You can't help it.

В этом диалоге Frank выражает свою жалобу на отсутствие характера и сил противостоять жизненным обстоятельствам, используя экспрессивно маркированную лексику (I'm scum. I'm garbage.), описывая свое восприятие самого себя в контексте ситуации. В данном контексте он рассчитывает на сопереживание со стороны собеседницы. Реплика же Angelika показывает эмоциональную отвлечённость от ситуации и показывает нежелание женщины поддерживать своего собеседника, выраженное идиоматической эмоциональной фразой Stop beating yourself up. Angelika пытается стимулировать Frank к переходу к практическому решению возникшего вопроса. Но в данном случае мы видим эмоциональную вовлеченность собеседников.

Отсутствие вовлеченности собеседника в сущность проблемы может быть проиллюстрировано фрагментом диалога между героями Carol и Lady из произведения Tennessee Williams «Orpheus Descending»:

> CAROL: I have to stay here a while. They stopped my car, you see, I don't have a licence: my licence has been revoked and I have to find someone to drive me across the river.
>
> LADY: You can call a taxi.

В данной коммуникативной ситуации прагматическим намерением Carol является ожидание сочувствия и помощи от своей более могущественной собеседницы, но получает сухой односложный совет, выраженный простым односоставным, нераспространенным предложение, что наглядно демонстрирует превосходство собеседника и отсутствие эмоционального отклика.

Хотелось бы особенно подчеркнуть, что, хотя жалоба может быть способом для адресата избавиться от негативных эмоций, ее функциональная и прагматическая нагрузка не всегда соответствует ожиданиям. В случаях, когда адресат не получает ожидаемой реакции, он может продолжать добиваться внимания собеседника, что наглядно продемонстрировано в следую-

щем примере из произведения Lillian Hellman «The Autumn Garden», в диалоге между Constance и Crossman:

> CONSTANCE: I'm tired, Ned.
> CROSSMAN: Have a brandy.
> CONSTANCE: No. It would make me nervous.
> CROSSMAN: Remarkable the things that make people nervous: coffee, brandy, relatives, running water, too much sun, Never anything in themselves, eh, Constance?

В данном случае Constance хочет привлечь внимание к себе и добиться сочувствия по причине глубокой усталости, но ее собеседник Crossman демонстрирует раздражение посредствам перечисления причин раздражения, которые, вероятнее всего, появлялись в их разговорах ранее. Но особым маркером «чувственного конфликта», по нашему мнению, можно считать уничижительное междометие *eh*, обладающее функцией обращения к собеседнику в диалоге.

В некоторых случаях игнорирование жалобы становится крайним проявлением безразличия и нарушением принятых в обществе этикетных формул и форм вежливости, как, например, в реплике, взятой из произведения Tennessie Williams «Orpheus Descending», где примечательной является молчаливая реакция собеседника:

> SISTER: Help me, I'm all to pieces …
> *(Eva ignores her and faces the two women)*

Подводя итоги исследованию, автор предлагает проводить дальнейшие исследования, направленные на изучение жалоб в специфических культурных контекстах, подчеркивая, что восприятие жалобы может варьироваться в зависимости от социальных норм и ожиданий в обществе. Кроме того, прагматика подобных вербальных и невербальных отражает понимание речевого этикета и механизмов коммуникации, как комплексное взаимодействие между высказываниями, контекстами и социальными ролями, что, бесспорно, позволит глубже изучить взаимосвязь между речевыми актами и эмоциональным состоянием коммуникантов, что особенно важно в контексте межкультурного взаимодействия.

Литература

Соколова Н. Л. О компонентах значения единиц речевого этикета // Филологические науки. 2003. № 5. С. 95–105.

Соколова Н. Л. О системном характере речевого этикета // Филологические науки. 2005. № 1. С. 43–53.

Формановская Н. И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. М.: Русский язык, 1987.

Формановская Н. И. Русский речевой этикет: нормативный социокультурный контекст. М.: Русский язык, 2002.

Соколова Наталья Юрьевна

канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет;
n.y.sokolova@spbu.ru

КОЛОРОНИМ RED В НАЗВАНИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ФИЛЬМОВ

Ключевые слова: колороним, фильмоним, логлайн, красный цвет.

Языковая картина мира представителя той или иной культурной общности разнообразно окрашена. Носители русского языка мечтают об алых парусах и лелеют голубую мечту, имеют золотые руки и носят розовые очки, Представители англоязычной культуры лгут белой ложью и завидуют зеленой завистью, летают красноглазыми рейсами и время от времени бросают черные взгляды. Цвет — неотъемлемый компонент картины мира, в то время как актуализация колоронимов в дискурсе часто представляет собой квинтэссенцию восприятия и интерпретации явлений окружающего мира, выражение их аксиологического аспекта.

Человек постоянно находится под влиянием цвета ввиду пребывания в мире цветных объектов. Интересна мысль о том, что «цвет воздействует на нас, нередко минуя зрение» [Серов 2019: 7]. Таким образом, сама идея цвета, актуализирующаяся в сознании в тот или иной момент, вызывает определенные образы, смыслы, переживания, что находит отражение и в одном из определений: «Цвет — это идеальное (психическое), связанное с материальным (физическим и/или физиологическим) через эмоции (чувства) как их информационно-энергетическое (хроматическое) отношение» [Серов 2019: 9].

Цветовосприятие, с одной стороны, индивидуально и взаимозависимо от особенностей личности. С другой стороны, содержание цвета — категория коллективная, что отражается в языке и подтверждается данными словарей, функционированием коллокаций с колоронимами и существованием стереотипических представлений о значении того или иного цвета.

Так, например, словарь Longman Dictionary of English Language and Culture приводит следующие сведения об ассоциациях, которые вызывает красный цвет у британцев и американцев:

> *Red warns of danger. The expression **red alert** is used to warn of a sudden and very dangerous situation. People imagine that the devil is red. Red heart shapes and red roses are used to represent romantic love. Red clothes, and lips and fingernails that are painted red are often associated with sexual desire. Red is thought to be an exciting colour; the expression **paint the town red** means to go out at night to bars, clubs etc. and have a very good time.*
>
> *In politics, red is used to represent communism and socialism. In the UK the Labour Party is represented by a red rose.*
>
> *If someone is **red in the face**, they are very embarrassed.*
>
> *It is traditional to welcome a king, queen, or president to a place by having a **red carpet** for them to walk on.*

Таким образом, культурологическая справка содержит номинации явлений британско-американской лингвокультуры, которые вызывает в сознании визуализация или вербализация красного: *danger; sudden and very dangerous situation; the devil; romantic love; sexual desire; an exciting colour; communism and socialism; the Labour party.* Стоит заметить, что этим явлениям присущ ярко выраженный аксиологический компонент, коррелирующий с основными сторонами бытовых и духовных переживаний человека: страх, любовь, стыд, религия, политика.

Кинематограф как один из наиболее востребованных среди широкой аудитории видов искусства постоянно обращается к употреблению колоронима RED в названиях. Как показало исследование, в первой четверти XXI в. англоязычный кинематограф регулярно, практически ежегодно, презентовал фильмы с номинацией красного цвета в названии. Ввиду того, что кино, в особенности массовое, создается не только для удовлетворения вкусов зрителей, но и выполняет функцию формирования когнитивных структур, а также закрепления в коллективной

картине мира искусственно созданных явлений, представляет интерес обратиться к рассмотрению названий с указанным колоронимом в совокупности с логлайнами к фильмам.

Приведем здесь лишь некоторые фильмонимы: Red *Corner* (1997), Red *Planet* (2000), Red *Drago*n (2002), Red *Eye* (2005), Red *Road* (2006), Red *Line* (2007), Little Red *Devil* (2008), Red *Mist* (2008), Red *Sands* (2009), Red *Hill* (2010), Red *State* (2011), Red *Dawn* (2012), Red *Wing* (2013), Red *Knot* (2014), Red *Sky* (2014), Red *Sparrow* (2018), Red *Room* (2019), Red *Notice* (2021), Turning *Red* (2022), Red Right *Hand* (2024).

Указанные фильмонимы сформулированы главным образом по модели *adjective RED + noun*. При этом большая часть данных словосочетаний не зафиксирована толковыми словарями, а также словарями коллокаций, образована по принципу метафорического и метонимического переноса, а также, как видится, номинирует результат субъективного восприятия окказионального явления. Возвращаясь к идее о способности цвета воздействовать, минуя зрение, трудно не обратить внимание на такие словосочетания как *red road, red dawn, red sky, red room, red sands, red hill,* которые, по-видимому, могут способствовать формированию в коллективном цветовосприятии необычного признака у привычных пространственных явлений.

Анализ логлайнов установил использование в них следующих слов и словосочетаний*: trial, murder, lawyer, innocence; astronauts, solutions, a dying Earth; to have the mission go terribly awry; FBI agent, psychological gifts, serial killer, forensic psychiatrist; terrorist; hostage; assassinate; compel, confront; fanatic, illegal; stealing to earn a living, a dead-end life searching; a prank goes awry, comatose patient, out-of-body experiences; destroy; survive; invasion; mysterious child, a rogue squad; turns dangerous; hostage, isolated, kidnapped; challenge; force back, protect the town.*

Данные языковые единицы имеют преимущественно отрицательную коннотацию и репрезентируют явления, связанные с опасностью, обреченностью, неизвестностью, преступлением, препятствием, мистикой и пр. Таким образом, рассмотренные логлайны указывают на то, что современные кинофильмы, содержащие в названии колороним RED, закрепляют в сознании массового зрителя ту часть значения красного цвета, которая апеллирует к чувству страха, неизбежности противостояния, необходимости борьбы. При этом в фильмонимах и логлайнах остается неактуализированным тот компонент смысла красного, который ассоциируется с любовью и романтическими отношениями.

Литература

Серов Н. В. Символика цвета. 2-е изд. СПб.: Страта, 2019. (Сер. «Формула культуры).

Солнцева Елена Сергеевна

канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет;
e.solntseva@spbu.ru

ЛОЖНАЯ КОГЕРЕНТНОСТЬ КАК МАНИПУЛЯТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ В ДИСКУРСЕ

Ключевые слова: ложная когерентность, когерентность дискурса, манипуляция в дискурсе, бизнес-дискурс, манипулятивная стратегия.

Данный доклад посвящен актуальной и интереснейшей проблематике манипулятивного воздействия, которое свойственно некоторым типам дискурсов. Исследование выполнено на материале русскоязычных и англоязычных дискурсов (рекламного, медиа, бизнес-дискурса). Манипулятивное воздействие определяется здесь как разновидность коммуникативной стратегии, направленной на сдвиг в системе ценностей реципиента, то есть на переориентацию его сознания. Наряду с убеждением и аргументацией, манипулирование становится одной из разновидностей воздействия на адресата сообщения [Дмитриева 2017: 155]. Искусная манипуляция — это ряд скрытых действий, направленных на возбуждение у адресата намерений и желаний, которых раньше у него не было [Доценко 1997: 23]. Манипулятивная стратегия — вид языкового воздействия, при котором в психику адресата внедряются определенные намерения и установки, а также навязываются адресату определенные представления о действительности и формирования нужного отношения к ней. Манипулятивные стратегии, в свою очередь, подразделяются на манипулирование репутацией (тактики иронии и преувеличения), манипулятивное акцентирование (тактики преувеличения и преуменьшения), манипулирование имплицитными смыслами (тактики эвфемизации) [Стернин 2001]. Все подходы к определению понятия манипуляции указывают на аспект контроля над аппаратом восприятия мира и формирования идей, мыслей.

Манипуляция может принимать разные формы и проявляться на разных уровнях дискурса. Существуют различные подходы к классификации манипулятивного воздействия, к ним относят характер субъектно-объектного взаимодействия, то есть кто кем манипулирует, намеренная ли это манипуляция, каков ее перлокутивный эффект [Akopova 2013: 78–82]. Один из самых распространенных видов манипуляции — речевая манипуляция с использованием приемов разных языковых уровней (фонетического, грамматического, лексического). Традиционно манипуляция воспринимается как нечто негативное.

В рамках настоящего исследования изучается еще один возможный вид манипулятивного воздействия, связанный не только с собственно речевой, текстовой составляющей дискурса, но и с его структурой, а именно манипуляция когерентностью. Под когерентностью понимается контекстуально обусловленная связанность, соположенность элементов внутри одного дискурса. Несколько лингвистических, текстовых, а также несколько нелингвистических компонентов (изображений, звука, гипертекста и др.) сочетаются в пределах одного дискурса, если соположены в контексте, то есть объединены, в частности, одной темой, или автором, или изданием, или любым другим контекстом, для которого соположение именно данных определенных компонентов релевантно и оправдано.

В ряде случаев намеренное соположение не связанных друг с другом компонентов может создавать ложное впечатление того, что эти компоненты имеют нечто общее. Соположение в контексте дает реципиенту возможность воспринимать данные компоненты как когерентные и, как следствие, устанавливать связи, которых нет.

К понятиям истинности и ложности обратился Аристотель. Истинность и ложность определяется относительно высказывания, для этого высказывание должно устанавливать определенные существующие в действительности связи между объектами реального мира. В том случае, если эти связи отсутствуют, говорят о ложности высказывания. Применительно к дискурсу, который обладает свойством когерентности, все компоненты, принадлежащие ему, то есть соположенные в одном контексте в рамках одной структуры, воспринимаются как связанные,

и такая связь логически может считаться истинной. Однако в ряде случаев это используется в целях манипуляции сознанием реципиента.

Так, в частности, в рекламном дискурсе соположение ярких фото с текстом описания, например, пляжа или вкусной еды в рекламном дискурсе распознается как связанное, и покупатель склонен считать изображение реальным отражением приобретаемого продукта или услуги. Такое заблуждение впоследствии послужило причиной появления специальных надписей на упаковках некоторых продуктов: *«На изображении представлен вариант сервировки блюда», «Изображение может отличаться от реального» / "Serving suggestion", "Product enlarged to show texture"*.

В ряде случаев ложная когерентность становится стилистическим приемом. Например, в рекламном ролике в жанре сторителлинга когерентными оказываются викинги и новый автомобиль *Hyundai Santa Fe*, и обладание этим автомобилем связывается с возможностью побыть самими собой и провести время в компании «своих». Подобные приемы используются и в медийном дискурсе. Так, статья издания The New York Times *"I've Changed My Mind. Audra McDonald Was Right."*, посвященная проблемам расизма в Америке применительно к кастингу актерского состава в кино, сопровождается изображением белых шахматных фигур и одной черной среди них. Образ черно-белых шахмат в контексте темы статьи обыгрывается далее в тексте: *"McDonald happens to be able to play "white" — or maybe raceless — convincingly"* (NYT, 09.01.2025). При этом напрямую связи между изображением и текстом не устанавливаются. Логику и природу этих связей читатель устанавливает сам.

Таким образом, в рамках проведенного исследования ложная когерентность рассматривается как намеренное авторское соположение различных компонентов в дискурсе. Манипуляция когерентностью может использоваться с целью рекламировать, ввести в заблуждение, заставить задуматься.

Литература

Дмитриева М. И., Калмыков В. А. Коммуникативные стратегии убеждения на материале англоязычной прессы // Современный ученый. 2017. № 5. С. 155–159.

Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: ЧеРо; Изд-во Моск. ун-та, 1997.

Стернин И. А. Введение в речевое воздействие. Воронеж, 2001.

Akopova A. Linguistic manipulation: definition and types // International Journal of Cognitive Research in science, engineering and education. 2013. Vol. 1, no. 2. P. 78–82.

Старостина Юлия Сергеевна

д-р филол. наук, профессор, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ КОНСТАНТЫ В ДИСКУРСИВНОМ ПОЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ДРАМАТУРГИИ

Ключевые слова: лингвоаксиология, ценностная доминанта, оценочное высказывание, драматургия, дискурс.

Лингвоаксиологические исследования дискурсивных практик представляются особо значимыми в современном динамичном мире, для которого характерны разноуровневые сдвиги социальной ценностно-оценочной системы. Одним из наиболее актуальных исследовательских векторов является изучение аксиологических дискурсивных операций [Серебренникова 2022], а также отдельных ценностных конструктов в пределах различных типов дискурса [Жемчужникова 2022]. Англоязычный драматургический дискурс, как особое коммуникативное пространство, является перспективной областью для многих направлений лингвистического анализа [Зиньковская 2022; Черкунова и др. 2024]. С позиций лингвоаксиологии он обладает очевидным потенциалом к фиксации общесоциальных ценностных ориентиров, формирующих содержательное наполнение аксиологических доминант. Диалогическая природа драматургии также обуславливает специфику аксиологических трансляций, а именно их актуализацию в поле стилизованной межличностной коммуникации, изобилующей многообразными оценочными высказываниями. Эффективность обозначенного формата определяется тем, что ценности, присущие лингвокультурному сообществу, репрезентируются как когнитивные конструкты в индивидуально-личностных аксиосферах персонажей-участников драматургического диалога. При этом факт системной коммуникативной трансляции конкретного набора аксиологических доминант в пределах национально-маркированного драматургического дискурса указывает на их принадлежность к аксиосферному комплексу социума.

В условиях активных трансформаций ценностной системы актуален вопрос о составе и содержании ядра социальной лингвоаксиосферы, а также о степени его устойчивости. Целью настоящего исследования стало картографирование и систематизация лингвоаксиологических элементов, занимающих ядерные позиции в ценностной иерархии и обеспечивающих условную стабильность аксиологической парадигмы в англоязычном лингвокультурном сообществе. Эмпирическим материалом выступили произведения британской и американской драматургии, датированные первой третью XX в. и первой четвертью XXI в. Сравнительная лингвоаксиологическая интерпретация четырех равных по объему дискурсивных фрагментов, разделенных по принципу национально-исторической принадлежности, то есть относящихся к двум англоязычным лингвокультурным сообществам (британскому и американскому) и двум эпохам с промежутком в сто лет, позволила выявить семь аксиологических констант, то есть ценностных доминант, принадлежащих аксиосферному ядру и не изменивших своего содержательного наполнения, несмотря на многочисленные изменения социальных условий.

Исследование показало, что в пределах англоязычного драматургического дискурса, как зоны стилизованной коммуникации, ценностные доминанты, в том числе получившие статус аксиологических констант, актуализируются при помощи кластеров смысловых ценностных векторов, которые на уровне речи манифестируются в оценочных высказываниях персонажей. Оценочные реплики, системно воплощающие ценностные векторы, характеризуются разнознаковостью оценки, ее комбинаторной опорой на эмоции и рациональность, а также ее полиобъектностью. Ключевые лингвоаксиологические доминанты, продемонстрировавшие практически полную тождественность смысловой нагрузки в четырёх изученных дискурсивных блоках (что свидетельствует о константном статусе этих ценностей), — это «успех», «семья», «дружба», «романтические отношения», «истина», «сильный характер», «интеллект».

Ценностно-оценочная доминанта «успех» характеризуется наибольшей диверсифицированностью ценностных векторов и одновременно их универсальной и стабильной природой. Лингвоаксиологическая интерпретация англоязычного драматургического дискурса отразила, что англоязычными лингвокультурными сообществами на протяжении не менее ста лет значимыми признаются шесть верабально проявленных аспектов, детализирующих константу «успех». Оценочные высказывания транслируют аксиологическую нагрузку четырех эксплицитных маркеров социального успеха (слава, статус, достижения, деньги) и трех инструментов их получения (карьерный рост, таланты или способности, целеустремленность). Интересно, что в стилизованном коммуникативном поле англоязычного драматургического диалога аксиологическая константа «успех» комплексно объединяет в своем содержательном наполнении терминальные и инструментальные ценностные векторы. Учет традиционной классификации ценностей позволил выявить, что в англоязычном стилизованном диалоге оба класса характеризуются теснейшим взаимодействием, синкретичностью и равнозначностью. Выявленная ценностно-оценочная комбинаторность, обусловленная двойственной природой драматургического дискурса и его равнозначной соотнесенностью с разговорной речью и художественной речью, может, на наш взгляд, рассматриваться как специфичный фактор репрезентации аксиологических констант в дискурсивном поле англоязычной драматургии.

Другие аксиологические константы, зафиксированные в ходе исследования, также демонстрируют ценностную поливекторность в аспекте смыслового наполнения и вариативность оценочной манифестации в стилизованных диалогических модулях. Говоря о перспективах исследования, отметим, что идентификация ценностных констант, определение их содержания и способов вербальной актуализации в англоязычном драматургическом дискурсе является значимой, поскольку в дальнейшем позволит отследить, насколько стабилен может быть статус и характер ценностно-оценочных конструктов при переходе литературного творчества, как области человеческого осмысления социальной действительности, в цифровую среду, а именно зону авторства нейросетей и искусственного интеллекта.

Литература

Англоязычный драматургический дискурс: динамика и вариативность научных подходов: коллективная монография / Черкунова М. В., Пономаренко Е. В., Кривченко И. Б., Вихляева К. А. и др. Самара, 2024.

Жемчужникова А. К. Ценностный концепт BLM в англоязычном политическом дискурсе // Тезисы докладов 50-й Международной научной филологической конференции имени Людмилы Алексеевны Вербицкой: тез. докл., Санкт-Петербург, 15–23 марта 2022 года. СПб., 2022. С. 334–335.

Зиньковская А. В. Перспективы исследования драматургического дискурса как объекта лингвистического анализа и его когнитивнодискурсивные характеристики // Язык и социум: динамика взаимоотношений: монография / под ред. В. В. Катерминой. Краснодар, 2022. С. 50–69.

Серебренникова Е. Ф. Аксиологические дискурсивные операции в векторном анализе конструирования // Человек и его Язык: мат-лы XX юбил. Междунар. конф. Школы-Семинара им. Л. М. Скрелиной, Санкт-Петербург, 14–16 сентября 2022 года. СПб., 2022. С. 203–206.

Степанова Наталия Валентиновна[1], Рамантова Ольга Вячеславовна[2]

[1]канд. филол. наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина);
nathalie.tresjolie@icloud.com
[2]канд. филол. наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина);
ms.ramantova@mail.ru

ДИСКУРСИВНАЯ ЛИЧНОСТЬ АВТОРА МЕДИАТЕКСТОВ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ НЕРАВЕНСТВА

Ключевые слова: дискурсивная личность, дискурс неравенства, коммуникативные стратегии, медиадискурс.

В данном докладе представлены основные результаты прагмастилистического анализа дискурсивной личности автора англоязычных медийных текстов, посвященных актуальной проблеме неравенства. В рамках данного исследования рассматриваются медийные тексты, конструирующие дискурс расового и этнического неравенства, неравенства в области здравоохранения, гендерного неравенства, экономического неравенства и климатического неравенства [Рамантова, Степанова 2024: 106–110]. *Дискурсивная личность* понимается как такой объект исследования, а именно языковая личность, которая исследуется в рамках определённого дискурса, в который она вовлечена, и может рассматриваться как коммуникативная, интерактивная личность, у которой есть т. н. коммуникативный паспорт, включающий в себя индивидуальные коммуникативные стратегии и тактики, когнитивные, семиотические и мотивационные предпочтения, сформированные и применяемые в процессе коммуникации [Михайлова О. А., Михайлова Ю. Н. 2021: 24]. Основные результаты исследования сводятся к следующему.

Фигура автора в дискурсе расового неравенства актуализируется посредством имплементации информационно-интерпретационной стратегии (тактики признания существования проблемы, разъяснения, указания на путь решения проблемы), стратегии формирования эмоционального настроя адресата (тактики единения и обращения к эмоциям адресата), стратегии самопрезентации (тактики насмешки и солидаризации с адресатом), средствами репрезентации которых являются когнитивные метафоры, противопоставление, эпитеты. Случаи имплементации тактик:

1) *The monster of racism* / метафоричный характер расизма передает эмоциональное восприятие проблемы;
2) *we* have a racial injustice emergency / личный дейксис 1 лица мн.ч. эксплицирует общность проблемы и идею единения;
3) Britain is still *plagued* by racism / метафорическое сравнение расизма с чумой передает масштабный и деструктивный характер проблемы;
4) Arts and culture are in danger of becoming the preserve of *white, public school-educated men* / стереотипизация и обобщение раскрывают манипулятивную природу дискурса расового неравенства, вербализуется тактика компрометации.

Фигура автора в дискурсе неравенства с сфере здравоохранения актуализируется посредством имплементации стратегии формирования эмоционального настроя адресата (тактики единения, обращения к эмоциям адресата), информационно-интерпретационная стратегии (тактики комментирования, признания существования проблемы), а также стратегии дискредитации (тактика обвинения), которые актуализируются сравнением, фрагментарным цитированием и эпитетами. Примеры имплементации вышеупомянутых тактик и их языковое воплощение:

1) It was due to set out "*bold action*" to narrow the wide inequalities in health outcomes that exist *between* deprived and well-off areas, *between* white and BAME populations, and *between* the north and south of England / сравнение актуализируется посредством использования предлога, повтор которого усиливает прагматическое воздействие текста;
2) British aid cuts have had a "*devastating*" effect on women and girls around the world / эпитеты, характеризующие ситуацию неравенства в здравоохранении, звучат категорично и поэтому создают негативный смысл;
3) *glaring* health inequalities / экспрессивное языковое значение *glaring* указывает на бездействие руководства и актуализирует тактику обвинения.

В **дискурсе гендерного неравенства** автор использует стратегию самопрезентация (тактика создания «своего круга», солидаризации), информационно-интерпретационная стратегию (тактики комментирования и указания на путь решения проблемы), стратегию дискредитации (тактики обвинения и оскорбления), стратегию самозащиты (тактики оправдания и оспаривания), стратегию формирования эмоционального настроя адресата (тактика обращения к эмоциям). Дискурсивной личности автора свойственны эмотивность, эксплицируемая с помощью эпитетов и цитирования, и ирония. Примеры имплементации вышеупомянутых тактик:

1) The legislation and legal cases they have pursued makes women *unequal to men* / Последствия ужесточения репродуктивной политики коррелируют с тактикой обвинения;
2) Ministers vowed to tackle decades of "*systemic*" and "*entrenched*" gender health inequality /цитирование позволяет сделать авторскую оценку более убедительной и вербализует тактику обращения к эмоциям и тактику указания на путь решения проблемы;
3) Many ***gender women who support t***s rights, *myself included*, have personal experience of sexual assault / тактика отождествления и солидаризации вербализуется соответственно через эгоцентричную семантику.

В **дискурсе экономического и климатического неравенства** доминирующими стратегиями являются аргументативная (тактики обоснованных оценок, видения перспективы, иллюстрирования), информационно-интерпретационная (тактика разъяснения, указания на путь решения проблемы, комментирования), стратегия формирования эмоционального настроя адресата (тактики обращения к эмоциям адресата и единения), стратегия дискредитации (тактика обвинения). Дискурсивная личность автора характеризуется использованием эпитетов и метафорических сравнений. Как и в предыдущих случаях, следует отметить интерсекциональный характер данного типа дискурса. Некоторые примеры вербализации тактик:

1) This ever-widening *gulf* between the rich and the rest isn't accidental, nor is it inevitable / метафоричный характер экономического неравенства вербализует тактику видения перспективы и тактику обращения к эмоциям адресата;
2) The climate chasm between the world's *carbon-guzzling rich* and the heat-vulnerable poor forms a symbolic shape when plotted on a graph / языковое значение эксплицирует обвинение.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы. Во-первых, коммуникативные стратегии и тактики варьируются в зависимости от типа дискурса неравенства. Во-вторых, все типы дискурса неравенства имеют интерсекциональный характер. В-третьих, в дискурсе неравенства автор всегда апеллирует к таким концептам, как справедливость, равенство, свобода и автономия.

Литература

Михайлова О. А., Михайлова Ю. Н. Дискурсивная личность: опыт лингвоаксиологического анализа // Политическая лингвистика. 2021. № 6 (90). С. 23–31.

Рамантова О. В., Степанова Н. В. Когнитивно-прагматические особенности англоязычного дискурса неравенства (корпусный анализ) // Сборник материалов III Всероссийской (национальной) научной конференции с международным участием «Язык и культура в эпоху глобализации» (28–29 октября 2024 г.). СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. экон. ун-та, 2024. С. 106–110.

Толочин Игорь Владимирович

д-р филол. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет;
itfipe@gmail.com, i.tolochin@spbu.ru

A WHITE ELEPHANT IN THE ROOM: ИДИОМА В ТЕКСТЕ

Ключевые слова: идиома, текст, переосмысление, иносказательность.

В докладе на ряде примеров использования в тексте нестандартного словосочетания a/the white elephant in the room предполагается обоснование продуктивности наметившейся в последнее время тенденции к пересмотру подхода к фразеологическим сочетаниям в английском языке как к застывшим переосмысленным образованиям, которые воспроизводятся в речи в готовом виде и по содержанию эквивалентны слову. Нестандартный характер словосочетания a/the white elephant in the room объясняется тем, что в нем объединены две единицы, традиционно относимые к фразеологическому фонду английского языка: white elephant и elephant in the room. По отдельности эти образования включаются в толковые словари английского языка. White elephant трактуется как существительное, но при этом в комментарии рассматривается как элемент фразеологического фонда (например, комментарий в подразделе Idioms and Phrases в словарной статье на сайте dictionary.com [DC] или как сложное существительное с сильным отрицательным значением в словаре Cambridge English Dictionary [CED]). An elephant in the room относится к разряду идиом в обоих словарях. В словарях сочетание, объединяющее оба эти образования, не зарегистрировано. При этом, такое словосочетание достаточно регулярно встречается в современном языке.

Ряд примеров из современных текстов позволяет продемонстрировать, что в текстах соединение этих двух образований мотивировано двумя факторами: интенсивной оценочностью и выразительной игровой иносказательностью этих словосочетаний. Так, в статье из The New York Times озаглавленной “Who’s Afraid of William Shakespeare?” [NYT], посвященной нежеланию театральных трупп в США ставить пьесы Шекспира по ряду политических соображений, данное словосочетание используется в следующем контексте: “In July 2020, the theater activist collective “We See You, White American Theater” turned the industry upside down with demands for a “bare minimum of 50 percent BIPOC representation in programming and personnel,” referring to Black, Indigenous and people of color. Though Shakespeare’s name went unmentioned, his work remained the white, male, European elephant in the room” [NYT]. В данном примере происходит не просто объединение двух традиционно выделяемых элементов фразеологического фонда. Также очевидно намеренное иносказательное обыгрывание как оценочного потенциала обеих фразеологических единиц в их словарных значениях, так и значений слов white и elephant за рамками словарных дефиниций для white elephant и an elephant in the room. Развертывание словарного варианта white elephant в словосочетание the white, male, European elephant существенно меняет содержание словосочетания. Иронично-отрицательная оценка, закрепленная за сложным существительным white elephant, переносится на деятельность леворадикальных активистов, требующих ограничения постановок пьес, авторами которых являются мужчины белой расы. Одновременно, сложное существительное трансформируется в словосочетание, в котором white выступает в качестве определителя к существительному elephant. Отсылка к идиоме an elephant in the room усиливает отрицательно-ироничную оценку активистов в театральной среде. Включение идиомы в структуру абзаца позволяет охарактеризовать их деятельность как иррациональную и несостоятельную, поскольку они сами не решаются напрямую атаковать наследие Шекспира, но при этом создают напряжение в театральной среде, которое заставляет режиссеров избегать постановок пьес великого драматурга.

Еще один пример из газетного текста показывает, что уход устойчивых фразеологических сочетаний от традиционно приписываемых им словарных значений может быть еще более радикальным. В данном случае в формирование иносказательной оценочности включается потенциал слов, составляющих эти словосочетания, при полном разрушении словарных значений

фразеологических единиц. В газете The Daily Post Nigeria [DPN] в статье, посвященной критике со стороны руководства попыток некоторых членов политической партии вступить в переговоры с политическими оппонентами, недостойное поведение членов партии и необходимость его пресечь характеризуются следующим образом: “APC cannot continue to betray its own candidates. It is time to come together, cage the white elephant in the room and make a strong statement in 2025,” he added.” [DPN]. Фраза cage the white elephant in the room описывает иносказательную ситуацию, в которой описывается белый слон, находящийся в помещении. Этого белого слона необходимо совместными усилиями (time to come together) загнать в клетку (cage the white elephant). В этом тексте полностью отсутствует какая-либо связь сочетаний white elephant и the elephant in the room с их словарными значениями. Вместе с тем, иносказательная выразительность и отрицательная оценочность этих элементов текста полностью сохранены, но в данном случае они формируются на основе автономных значений каждого из слов, входящий в структуры white elephant и the elephant in the room.

Эти и другие разнообразные примеры из современных текстов позволяют сделать вывод о том, что выразительность фразеологизмов в тексте не связана с переосмыслением слов, входящих в их состав. Наоборот, привлекательность идиом в процессе текстообразования состоит в их способности развертываться в иносказательные ситуативные модели, которые используют выразительный потенциал значений каждого из слов, составляющих фразеологические единицы. При этом оценочная функция идиоматических вкраплений, зафиксированная в словарях, полностью сохраняется в тексте. Представленные в докладе закономерности показывают, что современная тенденция в фразеологических исследованиях к переключению внимания от описания идиом как единиц лексикона в языковой системе на выявление игрового, творческого потенциала фразеологизмов как источника иносказательной оценочности в тексте открывает новые перспективы для развития фразеологии английского языка.

Источники

CED — Cambridge English Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/ (дата обращения: 15.01.2025).

DC — Dictionary.com. URL: https://www.dictionary.com/ (дата обращения: 16.01.2025).

DPN — The Daily Post Nigeria. URL: https://dailypost.ng/2024/06/26/anambra-2025-apc-chieftain-amaefuna-warns-against-breaching-zoning/ (дата обращения: 17.01.2025).

NYT — The New York Times. URL: https://www.nytimes.com/2024/10/21/opinion/william-shakespeare-bard-politics.html?campaign_id=39&emc=edit_ty_20241021&instance_id=137393&nl=opinion-today&regi_id=68916083&segment_id=180979&user_id=5d3e7e96bfdfccfdb5b30be208014797 (дата обращения: 17.01.2025).

Трощенкова Екатерина Владимировна

д-р филол. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет;
e.troschenkova@spbu.ru, kathlyntr@gmail.com

ЦЕННОСТНЫЙ АСПЕКТ АНГЛОЯЗЫЧНОГО МЕДИАДИСКУРСА О ПРАКТИКЕ ДЕИНФЛЮЕНСИНГА В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Ключевые слова: ценности, медиадискурс, деинфлюенсинг.

Коммуникативная практика так называемого деинфлюенсинга стала популярной совсем недавно. Она начала развиваться как реакция на то, что в современном маркетинге последнего десятилетия ключевую роль в продвижении товаров и брендов стали играть инфлюенсеры. Они пользовались своей популярностью у подписчиков и тем доверием, которое позволяло воспринимать поступающую от инфлюенсера информацию не как приевшуюся коммерческую рекламу, а как личный совет от знакомого человека. Со временем добросовестность сотрудничества инфлюенсеров с брендами начала вызывать все больше и больше вопросов и критики, что в итоге привело к появлению отдельного тренда, в первую очередь в сети TikTok, сообщений с хештегом deinfluencing, в которых автор, напротив, разубеждал покупать те или иные товары или критически анализировал сами маркетинговые стратегии инфлюенсеров. Отмечается, что деинфлюенсинг возник как способ противодействовать тому, что считалось «неаутентичным» [Singer et al. 2023: 356].

Новые коммуникативные практики уже начали осмысляться в научных исследованиях медиакоммуникаций [Bainotti 2023; Ihalainen 2024; Burzyńska 2024]. Однако в первую очередь на этот набирающий популярность тип дискурса обратили внимание медиа и попытались описать его особенности в публицистике. В частности, особое внимание уделяется аксиологическому аспекту этой практики в сравнении с инфлюенсингом. Именно этот аспект с точки зрения его вербального воплощения в медиапубликациях на тему деинфлюенсинга находится в центре внимания настоящей работы, материал которой — газетные интернет-публикации (16 649 слов), посвященные данной тематике. Исследование того, как ценностный аспект деинфлюенсинга, осмысляемый журналистами, оязыковляется в медиадискурсе, строится на контекстуальном анализе ключевых слов.

Важность именно ценностного измерения в осмыслении деинфлюенсинга как явления видна уже по частотности упоминания слов (число упоминаний в скобках): *value*, *values* (26); *ethical*, *ethics*, *ethically* (21). Деинфлюенсинг противопоставляется неэтичными маркетинговым практикам инфлюенсеров как нечто хорошо согласующееся с ценностями поколения Z: «*Deinfluencing* ***resonates with Gen Z's values*** *of authenticity, transparency, and responsible consumption*»; «*Deinfluencing is* ***popular among Gen Z because it aligns with their values*** *of authenticity, transparency, and conscious consumption*»; «*Consumers want to see brands* ***align with influencers who reflect their values*** *around sustainability, diversity, inclusion, and more*»; «*This trend is also bolstered by* ***a broader cultural shift towards*** *minimalism and sustainability,* ***which values*** *quality over quantity and thoughtful consumption over impulsive buying*». Основной комплекс этих ценностей, зачастую компактно перечисляемый в одном предложении, а затем с повторными отсылками по всему тексту статьи: ***Authenticity***, *authentic* (41); ***Genuine***, *genuinely* (29); ***Transparency***, *transparent* (33); ***Responsibility***, *responsible* [in consumption] (10); ***Honesty***, *honest*, *honestly* (27); ***Sustainability***, *sustainable*, *sustainably* (28); ***Mindful*** (24), conscious [buying habits, consumption] (15). Следовательно, работа деинфлюенсера предполагает предоставление аудитории максимально честной, открытой информации о продуктах и включает образовательный элемент — привлечение внимания к маркетинговым приемам и формирование критического взгляда на рекламные манипуляции. Миссия деинфлюенсеров представляется как «*fostering a community of mindful consumers who value financial well-being over instant gratification*», способ «*facilitate more sustainable consumption patterns, indirectly benefiting brands that prioritize sustainability and ethical practices*». Из последнего видно, что деинфлюенсинг все же видится как вариант инфлюенсинга, имеющий маркетинговый по-

тенциал для брендов в поддержании ***Credibility*** (16) и ***Engagement***, *engage*, *engaging*, *engaged* (33): «*You can also explore partnerships with deinfluencers for critical product reviews, leveraging their credibility to build trust*».

Таким образом, с одной стороны, деинфлюенсинг преимущественно ассоциирован с положительными ценностями в противовес инфлюенсингу, ассоциированному с антиценностями *hyper-consumerism*, *living beyond your means*, *impulsive buying*, *FOMO-inducing messaging*. Однако, с другой стороны, также воспринимается как инструмент управления сознанием, популяризации брендов и повышения лояльности потребителей.

Литература

Bainotti L. Trending resistance: a study of the tiktok deinfluencing phenomenon // AoIR Selected Papers of Internet Research. 2023. https://doi.org/10.5210/spir.v2023i0.13392

Burzyńska O. Navigating Branding Frontiers: De-influencing, Accessibility, and Anti-Greenwashing at Patagonia. Master Thesis. Malmö, 2024. URL: https://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:1880723/FULLTEXT02.pdf (дата обращения: 18.11.2024).

Ihalainen S. Deinfluencing Trend on TikTok. Exploring how sustainable consumption trend on TikTok results in a self feeding loop and losing its sustainable ethos. Master Thesis. Jönköping, 2024. URL: https://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:1877477/FULLTEXT01.pdf (дата обращения: 18.11.2024).

Singer M. F., Callendar Ch. L., Ma X., Tham S. M. Differences in perceived influencer authenticity: a comparison of Gen Z and Millennials' definitions of influencer authenticity during the de-influencer movement // Online Media Global Communication. 2023. Vol. 2, no. 3. P. 351–378. https://doi.org/10.1515/omgc-2023-0038

Трушникова Полина Александровна

аспирант, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы;
pollylp@mail.ru

ЯЗЫКОВЫЕ ИННОВАЦИИ В СТЕНДАП-КОМЕДИИ: ИССЛЕДОВАНИЕ КОМИЧЕСКОГО ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЛИНГВИСТИКИ

Ключевые слова: юмор, стендап, комическое, штуки.

Актуальность исследования языковых инноваций в стендап-комедии обусловлена растущим интересом к комическому как к культурному явлению, отражающему социальные и культурные изменения в обществе. В последние десятилетия стендап-комедия приобрела огромную популярность, став важным инструментом для обсуждения актуальных проблем и вопросов. Язык, используемый комиками, не только создает комический эффект, но и служит средством передачи культурных и социальных настроений. Изучение дискурса стендап-комедии позволяет понять, как комики используют язык для взаимодействия с аудиторией, создания образов и передачи смыслов, а также как он отражают изменения в языке и культуре.

Цель данного доклада заключается в исследовании языковых инноваций, применяемых в стендап-комедии сегодня, и их роли в создании комического эффекта. Мы стремимся выявить основные языковые приемы и техники, используемые комиками, а также проанализировать, как они влияют на восприятие шуток и общую атмосферу выступления. Кроме того, мы хотим рассмотреть, каким образом язык стендап-комедии отражает и формирует общественное мнение о различных темах общества.

«Стендап-комедия — это вид искусства, в котором подача шутки имеет гораздо более широкий контекст, а в одной и той же истории есть множество шуток и связанных между собой панчлайнов. В связи с этим, смех аудитории зависит от различных факторов, включая понимание контекста, подачу и тональность комического» [Kanojia, Diptesh 2021: 1]. Предметом данного доклада являются языковые приемы стендап-комедии, включая неологизмы, каламбуры, код-смешивание, лексическую инверсию и другие приемы. Будут проанализированы конкретные примеры из выступлений известных стендап-комиков, чтобы продемонстрировать, как различные языковые стратегии способствуют созданию комического эффекта и передаче смыслов.

Одним из главных методов исследования является контент-анализ выступлений и систематическое изучение текстов стендап-комедий (скриптов, видео и аудио) для выявления и классификации языковых инноваций. Последующий качественный и лингвистический анализ позволяет глубже понять контекст и смысл языковых инноваций, а также их влияние на аудиторию. Исследование синтаксиса, семантики и прагматики используемого языка, а также особенностей стиля и ритма. Вот некоторые приемы, которые использует в своих выступлениях известный британский комик Рики Джервейс:

Игра слов. В своих выступлениях Джервейс часто использует каламбуры и двусмысленности. «Where there's a will — there's a relative»! Автор использует здесь игру слов, чтобы отразить разные значения *will* (воля, завещание), создавая юмористическую связь между восприятием ожидаемого и неожиданной концовкой.

Гипербола. Джервейс известен своими преувеличениями. В одном из выступлений он говорит о том, как его жизнь изменилась после того, как он стал известным, «I would love to say that I have a perfect life, but I'm not a complete idiot» («Я бы с удовольствием могу сказать, что у меня идеальная жизнь, но я не полный идиот»).

Ирония и сарказм. «Thank you God for making me an atheist» («Спасибо, Господь, что сделал меня атеистом»). В этой строчке используется ирония, чтобы выразить сложное отношение к вере и потере, подчеркивая парадокс потери того, во что человек не верит.

Наблюдательные шутки. Комик делает акцент на жизни человека в рамках всемирной истории. «You are the result of billions of years of evolution. You will only live for a few years and will never exist again. Absolutely beautiful» («Вы — результат миллионов лет эволюции. Вы проживете

всего несколько лет и больше никогда не будете существовать. И это прекрасно»). Эта шутка демонстрирует наблюдательный юмор, в котором Джервейс абсурдным образом приравнивает человеческое существование к мгновению и подчеркивает его красоту.

Доклад «Языковые инновации в стендап-комедии: исследование комического через призму лингвистики» подчеркивает, что стендап-комедия является динамичной площадкой для языковых экспериментов. Хотя в данном исследовании используется контент-анализ лингвистических паттернов в стендап-комедии, важно подчеркнуть, что этот метод в первую очередь описательный. Цель состоит в том, чтобы выявить корреляции между лингвистическими маркерами и восприятием юмора, заложив основу для дальнейшего изучения этих закономерностей, а не для утверждения окончательных причинно-следственных объяснений юмора. Полученные результаты позволят глубже понять роль языка в комедийных представлениях и будут способствовать нашему пониманию основных механизмов, влияющих на популярность и восприятие стендап выступлений. Подводя итоги, стендап-комедия становится не только развлечением, но и зеркалом языковых и социальных трансформаций. Юмор — одно из важнейших средств коммуникации между людьми. Он субъективен и иногда требует знания культуры, поскольку юмор часто зависит от стереотипов, существующих в культуре или стране. Иногда для передачи юмора используется даже культурная апроприация, которая может быть оскорбительной для культур меньшинств [Rosenthal et al. 2015: 2]. Исследование жанра показывает, что язык в стендап-комедии работает иначе, чем в других комедийных форматах, из-за его живого характера и прямого взаимодействия с аудиторией. Таким образом, понимание специфических лингвистических особенностей в данной ситуации представляет собой особую проблему, которая заслуживает дальнейшего изучения.

Литература

Gervais R. Humanity // ВКонтакте. 2018. URL: https://vkvideo.ru/video288086890_456240079 (дата обращения: 17.01.2025).

Mittal A., Jeevan P., Gandhi P., Kanojia D., Bhattacharyya P. “So You Think You’re Funny?”: Rating the Humour Quotient in Standup Comedy // arXiv. https://doi.org/10.48550/arXiv.2110.12765

Rosenthal A., Bindman D., Randolph A. W. B. No laughing matter: Visual humor in ideas of race, nationality, and ethnicity. Dartmouth College Press, 2015.

Цвенгер Лариса Владимировна

ст. преподаватель, Новосибирский государственный технический университет;
lora008@yandex.ru

АНТОНИМИЧЕСКИЕ ОППОЗИЦИИ КОЛОРАТИВНЫХ КОЛЛОКАЦИЙ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Ключевые слова: колоративные коллокации, газетный дискурс, комбинаторная лексикология, антонимические оппозиции.

Исследование проводится в русле комбинаторной лексикологии, изучающей синтагматические связи слов и их комбинаторный потенциал. Предметом исследования являются колоративные коллокации как особый тип комбинаторно обусловленных сочетаний слов, образованных по адъективному типу и ограниченных семантикой цвета. Цель работы — выявление особенностей антонимических оппозиций колоративных коллокаций в русском и английском языках.

Феномен «коллокация» в фокусе внимания различных лингвистических направлений, однако всесторонне изучается в рамках комбинаторной лексикологии как сочетание лексем, обусловленное комбинаторным механизмом языка.

Интерес к изучению коллокаций определён рядом причин, среди которых: проблематика соотношения языка и сознания; способы фиксации в языке социокультурного опыта определённого этноса; языковая и речевая норма; выявление когнитивных и комбинаторных механизмов различных лингвистических феноменов и др.

В центре внимания нашего исследования — колоративные коллокации, как комбинаторно обусловленный тип сочетаний слов, образованных в основном по адъективной модели и ограниченных семантикой цвета [Цвенгер 2020: 173].

Анализ накопленного теоретического материала в сфере лингвистических исследований категории цвета свидетельствует о достаточно широкой проблематике данного феномена и позволяет выделить его наиболее значимые характеристики (см., напр.: [Василевич и др. 2022]):

- цвет является универсальной категорией бытия, но в то же время имеет специфические особенности вербализации и интерпретации в различных лингвокультурах;
- в реальности цвет не существует вне конкретного объекта, а значит, не существует как самостоятельный денотат;
- цветовая семантика пронизывает всю систему языка, в том числе и специальную лексику всех областей знаний;
- категория цвета значима для различения объектов внешнего мира;
- исторически сложившаяся символика колоративной лексики обозначает не только цвет объекта, но и другие понятия, в том числе эмоционально-оценочное восприятие окружающего мира, что обусловливает бинарную сущность таких единиц.

Материалом для данной работы послужили колоративные коллокации газетного дискурса, который понимается нами как среда, где создаются тексты, представляющие собой продукт дискурсивной деятельности в условиях массовой коммуникации с целью репрезентации социально значимой актуальной информации.

В рамках данного исследования особый интерес представляет специфика формирования антонимических оппозиций колоративных коллокаций.

По мнению исследователей, феномен оппозиций обусловлен наличием дифференцирующего семантического компонента (дифференциальные семы) в периферийной области семантики единицы, связанного с осмыслением, оценкой и сравнением предметов действительности [Стернин, Саломатина 2011: 12]. Сопоставляемые единицы, как правило, номинируют противоположные явления, качества, действия и т. п. При этом наличие в их дефинициях противопо-

ложных по своей сущности сем является достаточным основанием для соотнесения анализируемых единиц как антонимов.

Так, Е. Н. Миллер указывает, что семантические оппозиции имеют следующие признаки: 1) данные единицы обозначают реально существующие противоположности; 2) номинативные единицы обозначают различия, понимаемые как противоположности, применительно к определенной области действительности; 3) номинативные единицы не имеют эксплицитно выраженной систематической основы для контрастирования, для обозначения противоположных характеристик одной сущности [Миллер 1991: 77]. Дополнительным критерием исследователь считает одинаковую сферу лексической сочетаемости рассматриваемых единиц [Миллер 1991: 77].

Анализ эмпирического материала показал, что колоративы в составе ряда коллокаций способны проявлять антонимическую оппозицию в отношении других колоративов при обозначении явлений одного класса, демонстрируя при этом определённый семантико-когнитивный признак как критерий дифференциации.

В результате сопоставления колоративных коллокаций в русском и англоязычном газетном дискурсе мы установили, что основанием для антонимической оппозиции данных единиц являются следующие семантико-когнитивные признаки:

1) цвет кожи: *white voters vs black voters*. Данные коллокации широко используются в контексте «избирательные голоса белокожих/темнокожих граждан»;
2) способ обработки продукта: *white herring vs red herring*. В русском языке данные единицы сопоставимы с коллокациями *свежая сельдь* (не копчёная, не солёная) vs *копчёная сельдь*;
3) состав и функционал: *white matter vs grey matter* и эквивалентные данным коллокации в русском языке *белое vs серое вещество* головного мозга;
4) технология приготовления и вкусовые оттенки: white sugar vs brown sugar и эквивалентные данным коллокации в русском языке *белый сахар* (производится из сахарной свеклы) vs *тростниковый коричневый сахар* (производится из сахарного тростника); *white wine = белое вино* vs *red wine = красное вино*;
5) профессиональная деятельность человека: *white-collar* worker (офисный работник) vs *blue-collar* worker (тяжелый физический труд, не требующий квалификации);
6) характеристика инфраструктуры: *grey infrastructure* (унылый, промышленный, неэффективный) vs *green infrastructure* (экологичный, полезный, эффективный);
7) принадлежность к политическому движению: *blue state* (демократическая партия) vs *red state* (республиканская партия), а также коллокация *red belt* (движение за права рабочих и их социальную защиту);
8) судейский знак как инструмент общения арбитров и игроков представлен системой карточек в футболе: *red card* (*красная карточка* — удаление участника матча с поля) vs *yellow card* (*жёлтая карточка* — предупреждение для игрока) vs *blue card* (*синяя карточка* — за намеренное нарушение правил) vs *green card* (*зелёная карточка* — не демонстрируется, но отмечается в протоколе матча, как знак поощрения за честную игру).

Подводя итог, отметим, что определению антонимической оппозиции единиц способствует комбинаторно-синтагматический подход, включающий, в том числе семантический анализ компонентов коллокации, их синтагматические связи и контекст употребления.

Анализ фактического материала показал, что колоративные коллокации русского и английского языков могут находиться в отношении антонимической оппозиции, что обусловлено определёнными семантико-когнитивными признаками, отражающими стереотипные представления об окружающей действительности, исторически сложившиеся в данной лингвокультуре.

Литература

Василевич А. П., Кузнецова С. Н., Мищенко С. С. Цвет и названия цвета в русском языке. М.: URSS, 2022.

Миллер Е. Н. Открытый характер антонимии единиц номинации // Филологические науки. 1991. № 4.

Стернин И. А., Саломатина М. С. Семантический анализ слова в контексте. Воронеж: Истоки, 2011.

Цвенгер Л. В. Колоративные коллокации и их функции в газетном заголовке // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 1 (435). С. 173–180.

Шайбакова Дарья Вадимовна
преподаватель, Белорусский государственный университет

ПРИРОДОМОРФНАЯ МАКРОМЕТАФОРА В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ ЗНАНИЯ

Ключевые слова: фразеологизм, фразеология с семантикой 'знание' / 'knowledge', теория когнитивной метафоры, макрометафора, природоморфная макрометафора.

Вопросы, касающиеся принципов человеческого мышления и формирования языковой картины мира, на протяжении многих лет остаются в центре внимания лингвистов. Исследователи стремятся эксплицировать алгоритмы когнитивной деятельности, скрытые от непосредственного наблюдения, посредством анализа вербальной стороны их воплощения. Особенности восприятия действительности человеком наиболее ярко выражены в компактных языковых единицах — фразеологических оборотах (ФО). Большой интерес для изучения представляют ФО с метафорической основой. В когнитивной лингвистике метафора понимается не как риторическая фигура, а как ключевой механизм мыслительного аппарата человека. Когнитивные метафоры в основе фразеологических единиц строятся на переносе образа из одной концептуальной области (близкой и понятной человеку) в другую (более абстрактную, сложную) [Lakoff, Johnson 2003]. Наблюдение за закономерностями таких переносов позволяет выявить как универсальные алгоритмы метафорического мышления, так и специфические для лингвокультур черты. В исследовании признается идея уровневой организации образных представлений (от наиболее обобщенных метафорических конструкций (макрометафор) к менее обобщенным (концептуальным метафорам, метафорическим моделям)) и делается акцент на наиболее крупных элементах этой иерархии — макрометафорах. Их рассмотрение позволяет реконструировать фундаментальные для когнитивного опыта человека модели.

В работе представлены некоторые результаты изучения русских и английских метафорических ФО с семантикой 'знание' / 'knowledge' в свете когнитивной метафоры. Материал исследования — 107 ФО русского языка и 123 ФО английского языка, отобранных из словарей посредством контрастивно-лексикографической методики [Гутовская 2013], — классифицировался с учетом вида макрометафор [Lakoff, Johnson 2003; Чудинов 2003]. Как показал количественный анализ, 22,6 % от общего числа рассматриваемых ФО реализуют онтологическую макрометафору, 19,1 % — антропоморфную, 17,8 % — социоморфную, 16,1 % — ориентационную, 13,5 % — природоморфную, 10,9 % — артефактную. Здесь описываются ФО с природоморфной метафорической основой, устанавливаются области-источники импортирования природоморфных образов, выявляются причины их участия в формировании представлений о феномене знания.

Основными сферами заимствования природоморфных образов являются животный мир и неживая природа. Образы животных часто используются для характеристики когнитивных особенностей человека. Например, с помощью аналогий из животного мира может отображаться достаточно обширный объем знаний и опыта: *морской волк* 'о старом, опытном моряке' [ФСРЯ: 35]; *wise old bird* (букв. 'мудрая старая птица') 'experienced, worldly-wise person who is not easily fooled' [БРАФС: 68]. Однако гораздо чаще по схожему алгоритму передается нехватка знаний: *глуп как сивый мерин* 'об очень глупом человеке' [ФСРЯ: 146]; *баранья голова* 'о глупом, бестолковом человеке' [ФСРЯ: 15]; *куриные мозги* 'об ограниченном, небольшом уме' [ФСРЯ: 128]; *know as much as a pig about pineapples* (букв. 'знать о чем-л. так же много, как свинья об ананасах') 'understand absolutely nothing with regard to something' [БРАФС: 536]; *dumb as an ox* (букв. 'глупый как бык') 'exceptionally foolish, unintelligent' [БРАФС: 312]. В основе приведенных метафорических ФО лежит перенос сложившихся в отдельной культуре стереотипных представлений о животных на человека. Такие ФО как правило несут в себе оценочную характеристику и нередко отличаются экспрессивной и/или эмотивной окрашенностью. Значительно чаще встречаются ФО с негативными коннотациями — маркерами сложившейся системы ценностных координат, где иерархичность является ключевым принципом межвидового взаимо-

действия. Коллективное сознание человечества строится на идеологии «спесишизма», которая подразумевает «склонность отдавать предпочтение собственному виду и меньше ценить жизнь и страдания других видов» [Черняков, Станковец 2022]. Животные мыслятся как существа примитивные, неспособные к абстракции, логическому анализу и рефлексии, вследствие чего сравнение человека с другими представителями живой природы выступает универсальной стратегией негативной оценки уровня интеллектуального развития индивида.

Образы, относящиеся к миру неживой природы, служат для описания социальных явлений и отношений, могут отражать динамику человеческой деятельности. Они используются для описания отношения человека к доминирующим в обществе идеям: *плыть против течения* ‘действовать наперекор сложившимся мнениям’ [OnlineCA]; *swim with the tide* (букв. ‘плыть по течению’) ‘go along with prevailing opinion or thought’ [AHDI: 793]. Образы неживой природы используются также для оценки обоснованности утверждений: *строить на песке* ‘опираться на недостаточно надежные и проверенные данные своих рассуждениях’ [ФСРЯ: 195]; *build on sand* (букв. ‘строить на песке’) ‘base on unreliable facts, approaches’ [AHDI: 115]. Метафоры, основанные на аналогиях с неживой природой, обладают меньшей коннотативной окрашенностью, чем построенные на сравнениях с животным миром. Однако в некоторых ФО также имплицируется оценочность, которая может быть подчеркнута при использовании в определенном контексте.

Наличие ФО с природоморфной метафорической основой в двух рассматриваемых неблизкородственных языках свидетельствует о том, что несмотря на постулируемую значимость социума для любого индивида, человеческое мышление глубоко укоренено в биологическом опыте взаимодействия с природой. Аналогии, на которых строятся такие ФО, кажутся наиболее естественными и органично вплетенными в антропологическую сущность. Природные образы являются одними из самых древних и наиболее существенных для человека и могут сообщать фразеологии знания высокий коннотативный потенциал.

Источники

БРАФС — *Лубенская С. И.* Большой русско-английский фразеологический словарь. 2-е изд. М.: АСТ-Пресс, 2004.

ФСРЯ — Фразеологический словарь русского языка / сост.: А. Н. Тихонов, А. Г. Ломов, Л. А. Ломова. 4-е изд. М.: Рус. яз., 2008.

AHDI — *Ammer Ch.* The American Heritage dictionary of idioms. 2nd ed. Boston; New York: Houghton Mifflin Harcourt, 2013.

OnlineCA — Словари и энциклопедии на Академике. URL: http://dic.academic.ru (дата обращения: 20.01.2024).

Литература

Гутовская М. С. Контрастивно-лексикографический метод установления составов фразеосемантических полей в сопоставительных лингвокогнитивных исследованиях // Веснік Беларускага дзяржаўнага універсітэта. Сер. 4: Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. 2013. № 2. С. 34–41.

Черняков А. А., Станковец Е. В. Спесишизм как нравственная проблема современности // Актуальные вопросы устойчивого развития современного общества и экономики. 2022. С. 249–251.

Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2003.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago; London: University of Chicago Press, 2003.

Шмелёва Екатерина Сергеевна

канд. филол. наук, доцент, Московский государственный лингвистический университет

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ В ПОПУЛЯРНОЙ И «КАЧЕСТВЕННОЙ» АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЕ 1990–1999 гг.: ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ

Ключевые слова: стилистический прием, медийный дискурс, язык СМИ, таблоид, качественная пресса.

Работа направлена на рассмотрение особенностей активации стилистических приемов в англоязычном медийном дискурсе. Для цели и задач исследования на основе рабочего корпуса в 1000 статей были сформированы репрезентативные выборки текстов различных жанрово-стилистических типов (новостные, аналитические и оценочные) объемом от 228 до 8080 п. з. за 1990–1999 гг., включая 54 статьи из тиражных англоязычных таблоидов (*The Daily Express, The Daily Mirror, The Sun*) и 50 статей из так называемой «качественной» прессы (*The Economist, The Guardian, The Washington Post*). Развитие глобальной сети Интернет оказало существенное влияние на печатные СМИ того времени и повлекло за собой расширение арсенала языковых инструментов воздействия (включая стилистические приемы), что определяет актуальность рассмотрения выбранного материала; актуальной также видится методика исследования (когнитивно-дискурсивный, сопоставительный и квантитативный анализ).

В указанном материале были зафиксированы стилистические приемы, реализованные на фонетическом, лексическом и синтаксическом уровнях языка. Отметим, что стилистический прием (СП), вслед за Е. Г. Беляевской, понимается нами как «многоступенчатая когнитивная модель формирования контекста» [Беляевская 2013: 9], которая может характеризоваться разной степенью выразительности в зависимости от дискурса ее реализации. Согласно подсчетам, в текстах «качественной» прессы было суммарно зафиксировано 2271 СП, в то время как в статьях таблоидов выявлено 464 СП, что условно соотносится как 5:1. Дальнейший анализ данных показал, что существенно больший объем текстовых реализаций СП в «качественной» прессе объясняется меньшим средним объемом статей таблоидов (до 1000 п. з.) в отличие от текстов «качественных» изданий (ок. 2000–3000 п. з.). Подсчитано, что суммарный объем выборки из «качественной» прессы составил 180 249 п. з., из таблоидов — 32 583 п. з., что соотносится пропорционально установленному ранее числу активаций СП как 5:1. На этом основании было заключено, что **объем активаций СП определяется самим типом дискурса и в меньшей степени зависит от типа прессы их реализации**.

Далее был проведен сопоставительный анализ уровневой реализации СП выборки; данные в отношении общего числа СП, а также наиболее частотных СП, зафиксированных на трех языковых уровнях, представлены в табл. 1.

Таблица 1. **Суммарный объем и наиболее частотные СП в выборках текстов из «качественной» и из популярной англоязычной прессы (уровневая реализация)**

	Таблоиды	**«Качественная» пресса**
Количество статей	54	50
Количество СП	464	2271
Фонетические СП (звуковой повтор)	57	126
Лексические СП	263	1591
Метафора	113	461
Метонимия	41	327
Эпитет	36	154

	Таблоиды	«Качественная» пресса
Синтаксические СП	144	554
Перечисление	36	185
Параллельная конструкция	26	84
Повтор	29	168

Для наглядности полученные данные были пересчитаны в процентном соотношении; результаты приведены далее на рисунке: *а* — «качественная» пресса и *б* — таблоиды.



Рис. Процентное соотношение случаев активации СП в выборках текстов из «качественной» (*а*) и из популярной англоязычной прессы (уровневая реализация) (*б*)

Как видно, в статьях обеих выборок наиболее широко представлены лексические СП, что может объясняться их широким потенциалом воздействия в ходе языковой экспликации концептуальных метафор и формирования образов, которые зачастую демонстрируют тенденцию к реализации как в текстах «качественной» прессы, так и в таблоидах. К примеру, в контекстах (1, 2) метафоры «секретного оружия Тори» и «войны, объявленной против наркобизнеса в Андах» создают типичный для СМИ образ *борьбы*:

(1) *LOYALTY is said to be the Tories'* ***secret weapon*** (05.07.1995, The Daily Mirror, "So Now They're Stuck With Him");

(2) *A decade after President George Bush* ***declared war*** *on the Andean drug industry* (09.09.1999, The Economist, "The disputatious diplomacy of drugs").

Остановимся также на отличиях, которые были выявлены при сопоставительном анализе выборок. Как видно из диаграмм 1 и 2, синтаксические (3) и фонетические (4) СП характеризуются несколько более высокой частотностью активации в текстах англоязычных таблоидов, нежели в «качественной» прессе:

(3) ***Week after week, month after month, year after year*** *the Daily Mirror has exposed the shambles* (08.07.1994, The Daily Mirror, "Scandal of Tory NHS shambles").

Содержащийся в данном отрывке кластер синтаксических СП градации и параллельной конструкции «неделя за неделей, месяц за месяцем, год за годом» задает ритмику текста, схожую с устным публичным выступлением. Аналогичной цели служит и СП аллитерации в примере (4), где повтор согласных звуков [n], [b], [m] активирует звуковой фрейм, т. е. концептуальную структуру, репрезентирующую «данные о некотором звуке и сопряженных с этим звуком ассоциациях» [Беляевская 2014: 17]:

(4) *BUN**G**LING John Major's pla**n** to **b**orrow **b**illions to **b**ribe voters with tax cuts has been conde**mn**ed — by HIM* (26.02.1992, The Daily Mirror, "You said it, Mr. Major").

Как уже отмечалось ранее, синтаксические и фонологические СП «в большей степени характерны для дискурсов с формой реализации, близкой к устной», где они могут задавать определенное звучание или даже «имитировать интонацию говорящего» [Шмелёва 2024: 787].

Перейдем к выводам. Согласно полученным данным, в «качественной» и в популярной англоязычной прессе 1990–1999 гг. выявлено фактически равнозначное среднее число активаций СП, из чего можно заключить, что тип прессы оказывает незначительное влияние на объем текстовых реализаций СП. В отношении уровней реализации СП отмечено, что в текстах прессы обоих типов преобладают лексические СП, формирующие яркую образность для осуществления воздействия на реципиента. В дискурсе таблоидов установлена большая частотность реализации СП фонетического и синтаксического уровней, что мы объясняем относительно неформальным общим тоном изложения, типичным для популярный прессы в отличие от «качественной».

Литература

Беляевская Е. Г. Моделирование стилистических приемов в дискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Сер.: Языкознание. 2013. Вып. 17 (677). С. 7–17.

Беляевская Е. Г. «Звуковые» фреймы и анализ нарративного дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2014. Вып. 17 (703). С. 15–23.

Шмелёва Е. С. Когнитивные основания выбора стилистических приемов в англоязычном медиадискурсе (на материале таблоидов 1990–1999 гг.) // Когнитивные исследования языка. 2024. № 2-1 (58). С. 785–788.

Шутёмова Наталья Валерьевна

д-р филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет;
n.shutemova@spbu.ru

ОЦЕНОЧНАЯ ИРРАДИАЦИЯ: К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ

Ключевые слова: дискурс, категория оценки, стилистическая иррадиация, оценочная иррадиация.

Обращение к теме нашего исследования вызвано необходимостью уточнить понятие стилистической иррадиации в лингвоаксиологическом аспекте, что актуально для изучения дискурсивной реализации категории оценки. К анализу последней выработаны взаимодополняющие подходы в философии, логике, лингвистике, что, однако, не означает исчерпанности данной предметной области. Ее проблематика обусловлена представленностью оценки во многих сферах деятельности человека, их постоянной модификацией и диверсификацией, растущим разнообразием аксиологических текстов. В связи с этим остаются открытыми вопросы о способах вербализации категории оценки в зависимости от типа коммуникации, доминировании вида оценки в том или ином дискурсе, ее жанрообразующей функции, соотношении с понятиями «идиостиль», «языковая личность», «лингвокреативность», стратегиях и тактиках коммуникативно-речевого воздействия, вовлекаемых в репрезентацию оценки или, наоборот, ее вовлекающих.

Стилистическая иррадиация, согласно концепции Ю. М. Скребнева, возникает в условиях совместной встречаемости стилистически окрашенных и нейтральных единиц [Скребнев 1975]. Стилистически маркированное слово в нейтральном контексте становится его доминантой, а распространение ее стилистических свойств на стилистически нейтральный контекст составляет суть стилистической иррадиации [Скребнев 1975: 137–138]. Она не ограничивается ближайшим окружением и охватывает всё высказывание.

Поскольку стилистические характеристики доминантных единиц включают широкий спектр экспрессивных и функционально-стилистических компонентов, для анализа собственно аксиопространства текста целесообразным видится введение понятия «оценочная иррадиация» (далее ОИ). Оно трактуется нами в качестве видового относительно иррадиации стилистической как влияние оценочного значения языковой единицы на контекст. При этом значение может быть основным или коннотативным, а объем контекста — любым (от микро- до макроуровня). В нейтральном контексте такая единица является оценочной доминантой. Рассмотрим ОИ на материале одного из аксиологических жанров институционального дискурса, а именно деклараций о выдающейся универсальной ценности объектов всемирного наследия.

Полагаем, что в зависимости от вида выражаемой оценки можно дифференцировать иррадиацию общеоценочную и частнооценочную. Под первой понимается распространение на контекст семантики языковой единицы, передающей положительную или отрицательную характеризацию объекта в целом или его отдельных свойств. Например, оценочно нейтрально краткое описание Астрономических обсерваторий Казанского федерального университета, которое предваряет саму декларацию [AOKFU]. Однако вследствие проспективной связи с ключевым термином *outstanding universal value* (*выдающаяся универсальная ценность*), который входит в название документа (*Statement of Outstanding Universal Value*), нейтральное описание, содержащее прецизионную и дескриптивную лексику, приобретает положительную окраску.

Другая разновидность ОИ представляет собой распространение на контекст семантики языковой единицы, репрезентирующей частные виды оценки, которые в концепции Н. Д. Арутюновой делятся на сенсорные, сублимированные, рационалистические. В частности, иррадиация эмотивно-оценочная или интеллектуально-оценочная относится к первой группе, а эстетически-оценочная или этически-оценочная — ко второй. Так, в характеристике природных резерватов Аир и Тенере словосочетание *exceptional aesthetic interest* выражает положительную эстетическую оценку, сообщая соответствующую коннотацию нейтральной дескриптивной лексике, с которой оно связано ретроспективно в описании голубых мраморных гор:

(1) *The region contains the blue marble mountains that represent* ***an exceptional aesthetic interest*** [ATNR].

Если в одном контексте используется несколько оценочных единиц, то в условиях взаимной ОИ между ними могут устанавливаться комплементарные или контрадикторные семантические отношения. К первым, в частности, относятся конкретизация и генерализация оценки, ее усиление и ослабление, причинно-следственная характеристика. Так, общая положительная оценка заповедников Аир и Тенере, выражаемая эпитетом *remarkable* (*замечательный*), конкретизируется частной оценкой реликтовых экосистем и эстетически ценных пейзажей:

(2) *The Aïr constitutes a Sahelian enclave surrounded by a Saharian desert, thus forming a* ***remarkable*** *assemblage of* ***relict*** *ecosystems combined with mountain and plain landscapes of* ***outstanding esthetic value and interest*** [ATNR].

Причинно-следственная связь прослеживается в этой декларации между оценкой плотности обитания пустынных видов и оценкой размера территории, необходимой для их выживания:

(3) *As the desert species are found in* ***very low*** *densities, this* ***large*** *size is* ***essential*** *for their survival* [ATNR].

Примером контрадикторности является оценка мер по сохранению археологической зоны Чан-Чан в Перу: с положительной стороны рассматривается наличие законодательной базы, с отрицательной — нерешенность давних проблем:

(4) *The property* ***is protected by national laws and decrees****. However,* ***long-standing issues, such as land tenure, relocation of illegal settlers, ceasing of illegal farming practices and enforcement of the regulatory measures****…* [CCAZ].

Если при контрадикторной ОИ возникает контраст в оценке одного и того же объекта в целом или его отдельного свойства, то может создаваться оценочный парадокс, свидетельствующий о внутреннем противоречии субъекта или объекта оценки.

По своей направленности ОИ делима на ретроспективную и проспективную, а по объему контекста — на контактную (микроконтекстную) и дистантную (макроконтекстную). Обозначенный подход составляет один из возможных вариантов изучения ОИ, позволяет углублять представление об этом феномене с учетом комплекса факторов и предполагает дальнейшую разработку.

Источники

ATNR — Air and Ténéré Natural Reserves. URL: https://whc.unesco.org/en/list/573 (дата обращения: 17.01.2025).

AOKFU — Astronomical Observatories of Kazan Federal University. URL: https://whc.unesco.org/en/list/1678 (дата обращения: 17.01.2025).

CCAZ — Chan Chan Archaeological Zone. URL: https://whc.unesco.org/en/list/366 (дата обращения: 17.01.2025).

Литература

Скребнев Ю. М. Очерк теории стилистики. Горький: [б. и.], 1975.

Шидловская Диана Юрьевна

канд. филол. наук, ст. преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича;
shidlovska.diana@gmail.com

КОНЦЕПТЫ ПРИТЯЖЕНИЯ И ОТТАЛКИВАНИЯ И ИХ РОЛЬ В ОСМЫСЛЕНИИ ОКРУЖАЮЩЕЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В БРИТАНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТАМИ ГЛАГОЛАМИ ПРИТЯЖЕНИЯ И ОТТАЛКИВАНИЯ)

Ключевые слова: фразеологическая единица, метафора, глагол, семантика.

Настоящее исследование посвящено изучению семантики английских фразеологических единиц (далее ФЕ) с компонентами-глаголами, реализующими семантику притяжения и отталкивания. Цель исследования — определить роль концептов притяжения и отталкивания в осмыслении окружающей действительности в рамках англоязычной лингвокультуры.

Материалом для анализа послужили ФЕ (более 70 единиц), в компонентный состав которых входят следующие глаголы: *push*, *kick*, *pull*, *drag*, *press*, *tug*, *haul*. В своем исходном значении данные лексемы вербализуют следующую ситуацию: агентивный каузатор оказывает силовое воздействие на пациенса и перемещает его по направлению к себе/от себя или движет за собой, так что пациенс впоследствии оказывается в иной пространственной локализации. Отметим, что в семантике данных глаголов фокус внимания сосредоточен на активности движения агенса, основного инициатора действия, и на пассивности пациенса, который подвергается силовому воздействию. Таким образом, интегральными семами в семантической структуре данных глаголов являются семы «силовое воздействие», «каузированность», дифференциальной семой — «направление движения к себе» / «от себя».

Исследование семантики английских фразеологических единиц с глаголами притяжения и отталкивания позволило сделать следующие выводы:

1. На основе дефиниционного анализа выявлено, что исследуемые ФЕ описывают следующие семантические сферы: **межличностные отношения** (*drag someone over the coals*, *pull one's punches*, *pull one's chain*, *pull the wool over someone's eyes*); **деятельность человека** (*pull one's fingers out*, *push one's luck*, *be hard pushed/pressed to do something*, *drag one's feet/heel*); **поведение человека** (*pull in your horns*, *push someone over the edge*, *push the envelope*). Лишь одна ФЕ характеризует **внешний вид человека** — *look like one has been pulled through a hedge backwards*. Способность рассматриваемых ФЕ номинировать динамические фрагменты действительности объясняется наличием в их компонентном составе акциональных глагольных лексем: *push*, *pull*, *press*, *drag*. В то же время способность исследуемых единиц передавать статичные, атрибутивные признаки мотивируется тем, что семантическим центром исходного словосочетания является статальный глагол *look*. Таким образом, глагольный компонент предопределяет семантическое развитие значения исходного словосочетания еще до начала фразеологизации.
2. Рассматриваемые в исследовании ФЕ репрезентируют преимущественно неконструктивные формы межличностного взаимодействия: критику, провокацию, манипулирование, обман. Аналогичная тенденция характерна для ФЕ, описывающих поведение человека. Это обусловлено, во-первых, общей склонностью человека фиксировать негативный опыт. Во-вторых, это связано с отсутствием признака волеизъявления и контролируемости действия в семантической структуре исходного словосочетания и образованного на его основе актуального значения ФЕ. Негативная коннотация также может быть связана с исходным образом (*haul/drag someone over the coals, pull in your horns*) или наличием в составе ФЕ компонентов с исходно отрицательной оценочностью (*drag one's name through the **mire**/**mud***).

ФЕ фразеосемантической группы «деятельность человека» характеризуют различные фазы работы (*pull one's fingers out*); скорость работы (*drag one's feet/heel, kick into high gear*); самостоятельность действия (*pull one's own little red wagon*); описывают деятельность человека с точки зрения легкости/трудности выполнения задачи (*push/kick at/against an open door*, *be hard pushed/pressed to do something*), а также степени желания достичь поставленной цели (*push one's luck, pull out all the stops*). В ходе анализа отмечается, что ФЕ, значение которых напрямую связано с трудом человека, имеют в своем составе соматизмы и конкретные существительные, обозначающие предметы повседневности и быта. Соответственно, покомпонентный состав ФЕ данной фразеосемантической группы играет большую роль в формировании их актуального значения.

3. Метафора притяжения и отталкивания служит средством концептуализации принудительных и неволитивных действий или состояний, является источником преимущественно негативных коннотаций. Вместе с тем в рамках семантической оппозиции «движение к себе»/ «движение от себя» первый член оппозиции концептуализирует положительный опыт или изменение состояния в сторону улучшения, как, например, в ФЕ *pull oneself together*. Та же тенденция отмечается и при наличии в составе ФЕ компонентов, связанных с пространством «свой», как в случае с ФЕ *press home*, где дом символизирует «свое» пространство.
4. Наблюдения за семантикой рассматриваемых единиц позволяют сделать следующее предположение: чем выше целостность и конвенциональность образа, положенного в основу ФЕ, тем в большей степени ослаблена связь компонентов ФЕ с их актуальным значением. Следовательно, существует высокая вероятность того, что основанием образного осмысления могут послужить признаки, связанные с денотативной ситуацией, описываемой на уровне внутренней формы, в то время как роль семантики компонентов в ходе переосмысления является минимальной. К таким ФЕ можно отнести обороты, внутренняя форма которых восходит к отжившей общественной практике, отражает реальные ситуации или традиции, актуализирует ситуации, описывающие бытовые стереотипные действия и т. д.

Alizada Aytan Mammadbaghir

Lecturer, PhD student, Languages Department, Azerbaijan Tourism and Management University, Azerbaijan; a.alizada@atmu.edu.az

THE GRAMMATICAL EXPRESSION OF GENDER METAPHORS IN MODERN AMERICAN LITERARY DISCOURSE

Keywords: gender, grammar, masculinity, femininity, discourse.

The grammatical verbalization of gender metaphors in modern American literary discourse is significant for illustrating and influencing societal norms, identities, and viewpoints. We know that language, as a cultural construct, both mirrors gender dynamics and can either support or contest them through specific grammatical and rhetorical forms. Therefore, analyzing how gender metaphors are articulated is crucial for comprehending how language maintains or challenges conventional gender roles.

How can we comprehend Gender Metaphors?

Gender metaphors are symbolic phrases that connect concepts of gender to wider ideas, feelings, or cultural beliefs. They frequently reference physical, psychological, or societal characteristics usually associated with masculinity and femininity. For instance, expressions like "iron man" or "mother earth" reflect deep-rooted cultural ideas of strength and nurturing, respectively.

These metaphors are often used in contemporary American literary discourse to examine relationships, identity, and power. Nonetheless, the grammatical structures of these metaphors can quietly affect how they are understood, providing information about the changing gender discourse [Lakoff, Johnson 2003: 110].

1. Personification and Pronouns — When personifying abstract notions, gendered pronouns — he, she, and they — are essential to verbalizing metaphors. For example, the use of feminine pronouns lends the metaphor certain cultural meanings, such as fairness, compassion, or fragility, when justice is portrayed as a lady ("Lady Justice"). The use of gender-neutral pronouns (such as they/them) in modern literary discourse is indicative of a larger movement to reject conventional binary metaphors and promote diversity.

By referring to strength or wisdom as "they," for example, non-binary metaphors subvert the long-standing correlation between these attributes and either masculinity or femininity.

2. Adjectival Constructions and Modifiers — Gender metaphors are significantly shaped by adjectives and modifiers. Traditional gender characteristics are reinforced by terms like "fragile beauty" (feminine) and "stoic resilience" (masculine). However, contemporary authors are increasingly breaking these rules by using gendered nouns like "gentle warrior" or "delicate king" in conjunction with unexpected adjectives.

3. Verb Selections — Stereotypical behaviors are frequently reflected in the acts assigned to gendered subjects in metaphors. Metaphors about women, for instance, can stress nurturing (for instance, "she cradles the world"), whereas metaphors about men might emphasize power (for instance, "he commands the battlefield").

4. Abstraction and Nominalization — Deeply ingrained cultural beliefs are exposed by nominalized metaphors, which represent abstract attributes like "courage" or "grace" as gendered things. Whereas masculine metaphors imply action or control (e. g., "Courage guided him"), feminine metaphors frequently portray abstract attributes as nurturing or passive (e. g., "Grace smiled upon him"). By avoiding overt gendering or by combining stereotypically feminine and male characteristics into a single metaphor, contemporary authors frequently dispel these preconceptions. Current Developments in the Verbalization of Gender Metaphors:

a. Breaking Down Binary Oppositions — The strict binary metaphors of masculinity and femininity are increasingly being dismantled in modern American literary discourse. By experimenting with gender-fluid metaphors, authors produce expressions that defy simple categorization.

b. Gender Metaphors' Intersectionality — The verbalization of metaphors has been impacted by intersectionality, which recognizes the ways in which gender intersects with race, class, sexual orientation, and other identities. Culturally distinct metaphors that combine gender with other identity markers are being used by writers more and more. For example, metaphors rooted in Black or Indigenous womanhood are being used to illustrate resilience.

c. Evaluation of Conventional Metaphors — Traditional gender metaphors are frequently criticized and reinterpreted by contemporary writers to draw attention to their shortcomings. Feminist literary discourse, for instance, reinterprets metaphors such as "mother earth" to highlight ecological activism as opposed to passive caring. Toxic masculinity is also criticized by redefining male metaphors of power.

Implications of Gendered Metaphors

The pervasive use of gender metaphors in language has social consequences:

1. Reinforcing Stereotypes — When metaphors consistently frame men as strong and women as emotional, they shape unconscious biases in hiring, leadership selection, and personal relationships [Cameron 2008: 25].
2. Limiting Identity and Expression — "Individuals who do not conform to traditional gender metaphors (e. g., emotional men, assertive women) may face social backlash [Eckert, McConnell-Ginet 2013: 76].

In conclusion Gender metaphors' grammatical verbalization in contemporary American literary discourse is a dynamic and changing phenomenon. These metaphors use verbs, pronouns, modifiers, and abstract ideas to both express and contribute to the altering of cultural attitudes around gender.

References

Cameron D. The Myth of Mars and Venus: Do Men and Women Really Speak Different Languages. Oxford: Oxford University Press, 2008.

Eckert P., McConnell-Ginet S. Language and Gender. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live by. Chicago; London: University of Chicago Press, 2003.

Asadova Nurana Rovshan
PhD student, Azerbaijan University, Azerbaijan

GLOBALIZATION AND LANGUAGE ENRICHMENT. THE GROWING INFLUENCE OF ENGLISH

Keywords: Global, English language, English variants, international language, loanwords.

Language, which includes the laws of historical development, is a necessary means of communication between people and a social phenomenon. A certain amount of outdated words leave the vocabulary of the language during communication, in the process of language development, and at the same time, the vocabulary of the language is enriched with the creation of new words due to the language's own internal capabilities or words taken from other languages. Language, as the most important means of communication in society, has an indispensable role in the creation, formation and development of various contacts between different people and nations. English as an international language, is the language of large countries such as Great Britain, USA, Canada, New Zealand and Australia, each of which is distinguished by its own characteristics. Due to national-cultural peculiarities and the influence of a number of extralinguistic factors, the variants of the English language differ significantly from the lexical point of view. The differences between these variants are also related to linguistic factors. British English, American English, Canadian English, Australian English are considered to be variants of English.

Vocabulary is the most rapidly developing part of a language. The vocabulary of each language develops and enriches in parallel with the material and spiritual level of the people speaking that language. None of the elements of the word creation of the language have been created and developed within its grammatical structures, not outside the grammatical structure of the language. The vocabulary of the literary language is enriched mainly in two ways based on its internal possibilities; the first by creating new words and expressions, and the second by taking words and expressions from dialects and dialects. In addition to the internal capabilities of the language, borrowed words also play an important role in the enrichment and formation of the language's vocabulary. The creation of new words takes a leading place among the methods mentioned. Creating new words and phrases is a necessary process that goes on regularly in the English language. This process has become more productive and becomes the source of creation of hundreds of words and expressions against the background of rapid development of science, technology, industry, literature, culture and other fields.

There are productive and unproductive ways of word formation in modern English. Productive methods: affixation, conversion, compounding, creation of new verbs by adding lexical elements to the verb, reduction. Unproductive methods: substitution of the root vowel, change of stress. The emergence of new scientific and industrial fields is reflected in the language, which leads to the creation of new terms. In the age of globalization, terminology is undergoing rapid development. In the 20th–21st centuries, the discovery of the computer and the Internet caused a scientific revolution and created an explosion in the field of science. The rapid development of informatics, telecommunications, network technologies, and the widespread use of computers created the basis for the emergence of new terms in this sector. As a result of the use of the Internet by the world's population and the increase in interest in social networks, the wording process has intensified. As a result, the flow of a significant number of international terms related to this field into the language accelerated. For example, domain, login, site, chat, display, e-audit, portal, server, etc.

At present, it is possible to observe the direct entry of international words and terms as a result of the mass media, various foreign agencies, press bodies, foreign TV channels and satellites broadcasting to the world. For example: teleannouncement, moratorium, image, inauguration, peak-time, ex-skipper, embargo, apartheid, etc. The strengthening of the economy, the expansion of market relations, the development of interstate economic and trade relations and the banking and financial sector increased the pace of the emergence of international terms in the language. Blank bill, marketing, merchant, nostro, bill, offshore, oncol, revocation, scoring, etc. The dynamic development of the tourism sector led to the formation of tourism terminology. The terminological fund has been enriched with new terms:

tour operator, tour broker, ecotourism, travel agent, ethnocultural tourism, etc. Historical events in the world, war conditions, economic crisis and other international character lead to the formation of common lexical units. For example: as a result of the increase in the exchange rate of the dollar and the fall of the national currency, the term devaluation became relevant and internationalized. Extralinguistic factors are external factors that enrich the terminological system of the language with new concepts and terms. However, sometimes these factors load the language with foreign words, making it difficult for language users to understand it. For this, it is a basic condition to choose and use the words and terms necessary for the language. In recent times, the study of languages with different systems has become interesting in modern linguistics. It reveals the need to analyze the diversity of opinions in the existing research works of the recent past and come to a new common denominator on the issue. This attracts attention from the point of view of both theoretical and practical study of languages, and its research is of great interest. Systematization and thematic classification of knowledge, etymological analysis, sources and methods of its origin have not been fully investigated until now.

Sources

British Council. English Language and Globalization: Trends and Challenges. 2020. Available at: https://www.britishcouncil.org (accessed: 15.01.2025).

EF Education First. English Proficiency Index 2021. Available at: https://www.ef.com/epi (accessed: 16.01.2025).

Crystal D. How English Became the Global Language // TED Talk. 2012. Available at: https://www.ted.com (accessed: 16.01.2025).

Galchinskii Dmitrii Nikolayevich
Graduate Student, St. Petersburg State University;
dmitrygalchinskiy@mail.ru

THE STRATEGY OF FRAMING AND HEDGING IN POLITICAL DISCOURSE

Keywords: discourse, political discourse, framing, hedging.

At present, discourse is widely regarded as a complex communicative and multifaceted concept due to the fact that its interdisciplinary nature promotes ambiguity for determining its universally agreed-upon concept. Additionally, the concept of discourse is studied by numerous disciplines such as anthropology, ethnography, sociology, pedagogy, philosophy, and others.

While discourse is a polysemous and contentious phenomenon, it is one of the four major systems of language, among which there are vocabulary, grammar and phonology. Therefore, the lack of a single approach to defining discourse within the political dimension confirms the relevance of this work.

In accordance with Teun A. van Dijk, the concept of discourse may be viewed through both lens: broad and narrow. Considering the broad sense, discourse refers to a complex communicative event that occurs within a specific context or domain encompassing verbal and non-verbal components. In the narrow sense, however, discourse is seen as a result of the communicative interaction focusing solely on verbal components [Van Dijk 1967].

On the other hand, P. Seriot defines discourse as a process of shifting interlocutor's perspective with regards to a particular situation [Seriot 1999].

Discourse may generally be referred to as a complex communicative event that is inextricably connected with social, political, and cultural contexts. Expanding upon this concept, not only does it encompass verbal and non-verbal components, but also extra-linguistic factors. Hence, the interdisciplinary approach is crucial in modern discourse analysis because it allows for a more comprehensive understanding of the complexities of discourse.

Currently, considerable attention is paid to political discourse in linguistics. Following S. N. Kolesnikova, political discourse is defined as a specific kind of discourse which aims to acquire and maintain political power [Kolesnikova 2011: 68]. Consequently, the major purpose of political discourse is not mere description, but rather to persuade and motivate for an action by strategically employing language.

One of the language strategies that interlocutors utilize to shape public perception is framing. Framing refers to the process of reinforcing certain aspects of conversation to make them more salient or persuasive. It is worth noting that this technique often involves the use of the following linguistic features:

1. **Paralinguistic features of speech**: tone, pitch, volume and pace can significantly affect how a message is received.
2. **Emotionally charged language:** using words with strong emotional connotations (sad — heartbreaking, devastating, down in the dumps) can amplify the power of the message.
3. **Euphemisms:** substituting potentially negative words with more neutral ones can soften the impact of the message (a layoff — a downsizing, a warrior — a peacekeeper, old — mature).
4. **Idioms:** using expressions that carry a figurative meaning can help make the message more comprehensive (a backroom deal, a dark horse, to toe the party line).
5. **Rhetorical questions**: *That's having your cake and eating it, isn't it?* — the interview fragment featuring Sophy Ridge and Boris Johnson reveals that Sophy Ridge has used the idiom along with the rhetorical question "That's having your cake and eating it, isn't it?" in order to stress her message. This can be attributed to the fact that hardly could Sophy Ridge give a credit to Boris Johnson's promises to allocate funds to education, transport and other public goods. It is noteworthy that the meaning of the idiom "have your cake and eat it" implies the idea of impossibility to do two good things at the same time. Furthermore, the framing strategy entails that Johnson's promises are likely to be untrustworthy.

Another discourse strategy that is widely employed in the dimension of political discourse is hedging. Hedging is a discourse strategy that is used by interlocutors to avoid giving straightforward answers by intentionally resorting to ambiguity. From the linguistic perspective, hedging may be expressed through the following language features:

1. **Words and expressions denoting personal opinion:** (I) think, believe, assume, suppose — these expressions are used by interlocutors to highlight their personal view and avoid giving direct answers.
2. **Modal verbs:** using modal verbs (can, could, may, might) allows a speaker to put emphasis on probability of events in order to imply some vagueness when they will take place.
3. **Double negation:** ***Don't*** *tell me there* ***aren't*** *significant savings to be found in the way that we spend that money* — the interview fragment, involving Boris Johnson and Sophy Ridge, clearly shows that double negation is used to soften the claim by making it sound less absolute. Moreover, the speaker is certain that there *are* significant savings to be found. Employing double negation helps the interviewee sound less straightforward and more polite.

Dwelling on similarities and differences between the two discourse strategies, it is important to note that both framing and hedging are employed by communicants to influence public perception. Framing is used by an interlocutor to stress their message to make it more persuasive. Hedging, on the other hand, is leveraged by a speaker in order to make their speech less straightforward and more ambiguous.

In conclusion, political discourse significantly impacts not only public opinion but also the study of language. In addition, the examination of such discourse strategies as framing and hedging in the selected interview demonstrates how interlocutors manipulate certain aspects of the conversation to shift audience perception. Therefore, the analysis of linguistic devices employed by interlocutors plays a pivotal role in understanding political discourse.

Sources

The full transcript of Sophy Ridge's interview with Boris Johnson // Sky News. July 2, 2019. Available at: https://news.sky.com/story/the-full-transcript-of-sophy-ridges-interview-with-boris-johnson-11751712 (accessed: 09.01.2025).

References

Kolesnikova S. N. Features of political discourse and its interpretation // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. No. 33 (248). Filologiia. Iskusstvovedenie. 2011. Iss. 60. P. 67–69. (In Russian)

Seriot P. On the language of power: a critical analysis // Filosofiia iazyka: v granitsakh i vne granits. Vol. 1. Kharkiv: Oko Publ., 1999. P. 83–100. (In Russian)

Van Dijk T. A. Narrative macro-structures // PTL: A journal for descriptive poetics and theory of literature. 1976. Vol. 1. P. 547–568.

Eyvazova Sevinj
Senior Lecturer, Azerbaijan University, Azerbaijan;
Sevinj.Eyvazova@au.edu.az

DIFFERENCES BETWEEN BRITISH ENGLISH AND AMERICAN ENGLISH ECONOMIC TERMS

Keywords: language variety, British English, American English, economic vocabulary.

At first sight, it is possible to consider the American English and British English varieties of the same language. However, numerous pronunciation, spelling, grammar, and vocabulary differences are noticed while analyzing deeply. Globalization and close cultural, economic, political, and social ties hardly make these differences visible in the modern world. The mentioned peculiarities may confuse communication for non-native speakers. This research will consider different vocabulary variants expressing the same concepts. Most of the lexemes existing in both varieties of the English language can easily be misunderstood, especially by EFL learners. For example, British English uses the word *high street*, while American English takes advantage of the other collocation with the identical meaning — main *street*. E. g., *car park (BrE) — parking lot (AmE), university (BrE) — college (AmE), pavement (BrE) — sidewalk (AmE), etc.*

The following abstract analyzes the lexica-semantic features of vocabulary that are particular to the economic semantic field. Countless economic phenomena, notions, and concepts have identical lexical representations in both English language varieties. Furthermore, a significant amount of active vocabulary expressing the same meanings is different in the language corpus. Numerous terms belonging to the economic discourse differ in British English and American English. Due to the economic and political development of the USA in the second half of the century, many terms appeared specific to the mentioned social spheres.

In the economic and legal fields, various mistakes and confusions may appear. Clarity should be pursued while working with the terms belonging to the specific area. As the economy plays a vital role in society's life, the economic vocabulary, most often terms, needs to be concise, clear, and logical. Considering the different varieties of English in various countries, the nomination of the same concept and notion may be expressed by more than one lexeme. For example, share/shareholder is used in the UK; in the USA, one would choose *stocks/stockholders*. However, sometimes the opposite may also be watched. It mostly happens when identical symbols or language signs start indicating different meanings and are homonymic.

An estimated 4000 words in everyday life in Britain are used differently in America [Davies 2007: 1]. In his "*A Guide to British and American English,*" Davies points out some economic terms expressed by different lexemes, nevertheless having the same meaning. For example, *saving and loan (S & L)* is similar to the British *building society. A mutual fund* is an American version of the British *unit trust*. The author also brings the following synonymic pairs that are dominantly used only in one of the standard English variants. *E. g., A checking account (AmE) — deposit account (BrE), a routing number (AmE) — a branch sort code (BrE), CDs-certificate of deposit (AmE) — saving certificates (BrE), ATM (AmE) — cash machine (BrE*).

At times, the use of the specific lexeme may be wildly misunderstood. Such confusion is detected between the currency systems and monetary vocabulary belonging to the US and the UK economic systems. This process finds its reflection in the nomination of different notes and coins belonging to the economic discourse of the particular country. For instance, UK people use the lexeme *fiver* to indicate £5 notes and *tenner* £10 notes. In the UK, paper money is called a note, while the word bill is used more commonly in the USA. Because of the color, the metaphorical nomination *greenback* is similarly used among American native speakers. Money vocabulary of British and American English contains many idiomatic words and slang used frequently. E. g., *dollars-bucks, pound-quid* (BrE). In British English, money amounts less than 1 £ is called *pence*, whereas in American English, it has different lexical representations. (*nickel, dime, quarter, etc.)* Many idiomatic expressions, as well as collocations, may also be

other. The idiomatic combination replaces the neutral collocation to share the bill/check in American English go Dutch; accordingly, successfully splitting the bill word combination is more common in the British variety.

Plenty of other words belonging to economic discourse have different shapes in both language varieties. Even though the different words express the same concepts or notions in the wrong context, they are not interchangeable; they may sound or look awkward if misused. Depending on which code, either American or British, it is possible to have different presentations arise. Ideas, things, processes, living beings, and many other notions nominated using neutral vocabulary in various standards may have slangish or idiomatic representations. The most essential factor is the realization that British and American English are mostly similar than different. However, the choice of the appropriate language variety is also crucial. Depending on the target area, especially when dealing with any international business, an open-minded approach and adaptability may become vital in comprehension.

References

Davies Ch. Divided by a Common Language: A Guide to British and American English. Boston; New York: Houghton Mifflin, 2007.

Mırzayeva Aysu

Teacher of Department of Translation and Philology, Azerbaijan University, Azerbaijan;
aysu.mirzayeva@au.edu.az

MULTIFACETED SEMANTIC PECULIARITIES OF ONOMASTIC UNITS

Keywords: linguistic unit, onomasiology, historical meanings, pragmatic usage.

Onomastic units and their significant place in any language should be investigated from different points of view. One essential matter about onomastic units is the semantic features and analyses of these words. Since without studying the semantic feature of any linguistic unit, it's impossible to determine and classify them according to their structure. While speaking about the semantic features of onomastic units, we have to emphasize that they are multifaceted and can be classified according to the following peculiarities [Hough 2013: 14].

Denotational and connotational meanings. Denotation refers to the direct, literal meaning of a name. For example, a surname such as "Brown" (it began to be used from the 13th century) or the surname "Davis" (the meaning is beloved or friend) may denote a historical occupation. Connotation refers to the emotional, cultural, or symbolic associations attached to a name. The connotational semantic meaning in onomastic units should be analyzed seperately for each language, because it will be quite different in accordance with their mentality, cultural competence and life style.

Etymological-historical meanings. Many onomastic units have etymological roots that reveal specific meanings. For example, the name "Marshall" derives from the French word which means horse keeper or a stable master. It is properly used since 18th century. These meanings are often linked to the historical or mythological figures with whom they are associated. Another example for the ethymological semantic meaning of the surname "Morrison" which originated from the Anglo-Saxons. Morrison is traditionally believed to be patronimic of Morris, introduced into England following the Norman invasion. Onomastic units may have historical weight or literary connections. A name like "Napoleon" can immediately conjure up historical images, and a name like "Sherlock" brings to mind the famous detective Sherlock Holmes. Such associations can influence how the name is perceived, beyond its literal meaning [Brown, Ford 2013: 41].

Cultural influence. Taking into account of the cultural competence is very important for defining the semantic meaning of onomastic units. The meaning of onomastic units is often determined by the cultural context. Certain names have meaning based on traditions, religious beliefs, or historical events. In many cultures, names are given based on religious or moral values, which reflect the belief system of the family or society. For example, the name "Omar" in Muslim countries carries deep religious connotations, as it refers to the significant religious figure for Muslims.

Pragmatic usage of onomastic units in language. In communication, names not only serve as identifiers, but also as tools to influence perception and interaction. Onomastic units can have different semantic connotations depending on the context. In literature and media: Character names often reflect their traits or roles within the narrative. While watching movies or reading books people usually imagine the presented character in their mind and for a long time they don't want to use those names if they are bad characters or vice-versa, they usually began to admire those names after analyzing those characters. For example, after the great Azerbaijan writer J. Jabbarli's prominent works like "Aygun", "Sevil" or "Ogtay" in Azerbaijan people began to put these names to their children frequently. Another example can be given from the modern best-seller, a name like "Voldemort" in Harry Potter immediately conveys a sense of malevolence [Jabbarli 2005].

In conclusion, onomastic units have rich semantic features that transcend mere identification. Names are imbued with cultural, historical, and social meanings that determine how people and places are perceived and understood in different parts of the world. In some cases the same name may be understood identically from different nations. However, one of the very interesting feature of onomastic units is that sometimes even close regions may perceive the same onomastic units with quite different way. Meanwhile, this issue is another part of the investigation of onomastic units from linguistic point

of view. Whether through denotative or connotative meanings, etymology, or cultural associations, names carry weight and importance that can profoundly influence communication, behavior, and social interaction. Perceiving the above mentioned semantic features of onomastic units provides deeper insight into language use, identity formation, and the power of names to shape our world.

References

Brown R., Ford D. Onomastics: A Study of Names and Their Meaning. Oxford University Press, 2003.

Hough C. An introduction to English Onomastics. Rotledge, 2013.

Jabbarli J. CƏFƏR CABBARLI ƏSƏRLƏRİ II CİLD. 2005 // KitabYurdu.org. Available at: https://www.kitabyurdu.org/kitab/edebiyyat/92-cefer-cabbarli-secilmis-eserleri-ii-cild.html (accessed: 29.12.2024). (In Azerbaijani)

Sabahat Hajiyeva Avaz
PhD in Linguistics, Lecturer, Azerbaijan University, Azerbaijan;
sabahat.hajiyeva@gmail.com

PRAGMATIC FUNCTIONS OF DISCOURSE MARKERS IN QUESTION-AND-ANSWER DYNAMICS OF MEDIA INTERVIEWS

Keywords: media interviews, discourse markers, question-and-answer dynamics.

A media interview influenced by numerous contextual factors is a complex and dynamic communicative process. The specific features of the communication between a journalist and an interviewee can be analyzed from many perspectives. A pragmatic approach to this subject, particularly, the identification of DMs in the interaction, requires significant linguistic research. The pragmatic functions of DMs are manifested in their communicative role in speech. DMs structure the dialogue, ensure mutual understanding between the conversation participants, and create contextuality.

Question-and-answer dynamics in media interviews are one of the main elements that set up communication between interlocutors. Here, analysis of the functions of language tools, especially DMs, is of utmost importance in terms of their role in establishing coherence of speech, determining the discursive purposes of questions and answers, and understanding how social relations are embodied in the communication process.

DMs, while providing fluency of speech, also structure the dialogue between the interviewer and the interviewee(s), create a logical conversation sequence, deliver essential information about the context, and ensure that the ideas delivered to the audience leave no space for ambiguity. DMs also play an important part in establishing social relations and communicating ideological meanings. Fraser considers these expressions (DMs) as linguistically encoded clues that signal the speaker's potential communicative intention [Frazer 1999: 936]. Furko defines the term discourse marker as an umbrella term whose extension includes items with a primarily textual, discourse-connecting function as well as primarily non-connective, interpersonal attitude markers [Furko 2020: 40]. "Discourse markers tell us not only about linguistic properties (e. g. semantic and pragmatic meanings, source, functions) of a set of frequently used expressions, and the organization of social interactions and situations in which they are used, but also about the cognitive, expressive, social, and textual competence of those who use them" [Schiffrin 2015: 205].

Main Functions of DMs in Question-and-Answer Dynamics. DMs perform significant functions in the structure and management of question-and-answer dynamics in media interviews. First, DMs form coherence and maintain the continuity of dialogical speech. Coherence is a logical and meaningful connection between parts of a dialogical text, namely, thanks to it, the reader\listener easily infers the content and follows the course of the conversation. The coherence reinforces logical progress in the question-and-answer process, strengthens the organization of the speech, and facilitates switches between topics. DMs such as "thus", "therefore", and "so" ensure the thematic integrity of the interlocutors' speech, a clear understanding of positions in interviews addressing a wide audience, and more effective information delivery to the reader/listener.

Another crucial function of DMs is manifested in the management of topic transitions. Media interviews are usually a communicative process that implies an exchange of information on various topics. The need to switch between topics makes the use of DMs inevitable. "However", "on the other hand", "in addition", "but" and many others help both the journalist and the interviewee to change topics smoothly and integrate into the natural flow of the conversation. This remarkably facilitates the understanding of the dialogue and preserves the structure and semantic integrity of the conversation.

DMs also allow the journalist to support the logical sequence of questions in the interview, strengthen the correlation with the previously asked questions, and formulate precise questions that serve a specific pragmatic purpose, which in turn guarantees receiving well-structured and logical answers from interviewees. This function of DMs takes responsibility for establishing cohesion of the speech at the local and macro levels. Using markers such as "in this regard", "therefore", "consequently", and "so" to

emphasize a certain aspect of the previous answer, the journalist can achieve the goal of drawing attention to that point. Thus, he prevents the question from sounding out of context and topic and elicits a more focused answer from the interviewee.

Moreover, DMs highlight the emotional impact of the interviewee's speech. DMs such as "indeed", "undoubtedly", "of course", and "naturally" reveal the emotional tone of the interview atmosphere and strengthen the interaction with the audience, shape the reaction on behalf of the listener\viewer, stress the speaker's ideas and set up conditions for presenting argument more convincingly, as well as clarify the purpose of the utterance and make it easier for the reader\listener to infer the message.

Also, DMs are used for the logical and orderly presentation of topics within the conversation, underlining priority issues, systematizing the speaker's ideas, and giving the listener\reader signals about specific points to be included in the speech. "Actually", "as a result", and "first of all" allow a speaker to consolidate thoughts within the topic into a certain regularity and sequence them against the background of semantic integrity and contextuality. Markers such as "so", "because of that", and "therefore" account for semantic coherence and contextuality within the frame of the text explicitly displaying cause-and-effect connections.

Overall, DMs are multifunctional tools that provide the organization of speech, logical sequence, meaning integrity, and progress of dynamics in media interviews. They intensify the communicative effectiveness as well as the social and contextual impact of interviews.

References

Fraser B. What are discourse markers? // Journal of Pragmatics. 1999. No. 31, no. 7. P. 931–952.

Furkó P. B. Discourse Markers and Beyond: Descriptive and Critical Perspectives on Discourse-Pragmatic Devices across Genres and Languages. Springer International Publishing, 2020.

Maschler Y., Schiffrin D. Discourse Markers. Language, Meaning, and Context // The Handbook of Discourse Analysis. 2nd ed. Hoboken, N. J.: Wiley-Blackwell, 2015.

Smirnova Alexandra Yurievna

PhD in Philology, Assistant Lecturer, University of Blida 2, Algeria;
sandy.86@inbox.ru

EVALUATING 'GOD' IN AMERICAN DISCOURSE: A COMPARATIVE ANALYSIS OF EVALUATIVE PATTERNS IN MODERN AND HISTORICAL CORPORA

Keywords: God, evaluative patterns, corpus analysis, polysemy, secularization.

Evaluation plays a major role in semantic processes, determining the sense structure of words in a given language [Tolochin et al. 2014]. Shifts in value judgements that take place over time trigger important changes in the structure of the words' polysemy. Therefore, by investigating shifts in the patterns of word usage, we may draw conclusions about trends in cultural processes taking place in the society.

The word 'God' is one of the key terms in the cultural landscape of modern Christian English speaking countries, especially in the United States where religion plays an important role in social, political and individual life of its citizens [Uzlaner 2019]. The analysis of the usage of the word 'God' in modern American discourse, as well as change in its usage over time, may shed light on shifts in perception of human relation to the divine.

For this purpose, we have extracted a random sample of 500 concordances with the word 'God' from the Contemporary Corpus of American English (COCA) and another random sample of 500 concordances from the Corpus of Historical American English (COHA). All the texts were then analyzed in order to identify typical lexical markers that surround the word 'God' in different situations. After that, the lexical markers were classified according to their evaluative potential, and typical patterns of their co-occurrence were established to differentiate between different senses of this word. In the end, we performed a comparative quantitative analysis of the frequency of occurrence of the established senses in the synchronic (COCA) and in the diachronic (COHA) corpora.

The above-mentioned procedure allowed us to establish three evaluative patterns in which the word 'God' is used to talk about the supreme supernatural being. These patterns of usage will be further considered as three main senses of the word 'God' found in the American discourse.

The first pattern will be referred to as the *Stern Judge* model. Here, God is perceived as an ambivalent awe-inspiring figure that embodies the numinous character of the divine [Otto 1958]. In this framework, the word 'God' can be defined as *the supreme omniscient supernatural being that bestows blessings and inflicts punishment, and therefore is greatly loved and feared by the people*. The main function of God here is that of judge who executes righteous judgement of the people according to His law; whereas, people are depicted mostly as instruments lacking a sense of agency.

In the second pattern, the negative aspect of contact with God, associated with extreme fear, is removed in favor of positive features of human experience. The focus shifts from the punishment for sins to the reward for faithful service. God is represented here as a *Gracious King*, benevolent and merciful, who takes good care of His subjects leading them to salvation. In this model, people are described as God's servants who should humbly comply with God's will. In this sense, the word 'God' can be defined as *the figure of supreme authority who leads people to salvation, exacting humble obedience to His law.*

In the third pattern, there is a further shift toward the positive pole of the evaluation scale based on the reduction of the hierarchical distance between God and the people. God is no longer perceived as a sovereign monarch, but rather as a *Loving Father* who supports His children and helps them overcome hardships. Sin is regarded here as a source of suffering inflicted on the Father by misbehaving children. The word 'God' can be defined in this model as *the Heavenly Father who loves His children unconditionally and cares for their personal well-being.*

The quantitative analysis of the COCA sample reveals that the most frequent evaluative pattern is God as a Gracious King (43,92 %), followed by God as a Loving Father (31,43 %) and God as a Stern Judge (18,92). The relative frequency of these patterns has not been stable, however, over the last two centuries. The quantitative analysis of the COHA sample demonstrates a significant shift from the Gra-

cious King to the Loving Father model, the Stern Judge model remaining relatively stable. At the beginning of the examined period (1820–1860), the Gracious King model accounted for 71,1 % of all cases of usage, the Loving Father model being represented only in 8,3 % of cases. At the end of the period (1970–2010), the Gracious King pattern reduced to 47,5 %, whereas the Loving Father reached 28,8 %.

The frequency of the Loving Father model has been gradually increasing over the last two centuries, which may be considered evidence of the secularization process taking place in the American society. It should be noted that *secularization is considered here as a multi-directional process of the transformation of religious beliefs and practices under the influence of modern humanistic values,* rather than as inevitable disappearance of religion, as initially suggested by Max Weber [Weber 2013]. The liberalization of society, loosening of social norms and values, the competition between different denominations in the marketplace of religion may have contributed to the ongoing shift in perception of human relation to the divine. As the present analysis suggests, there is a growing tendency to humanize the divine, regarding God as more approachable by ordinary people.

References

Otto R. The idea of the holy: An inquiry into the non-rational factor in the idea of the divine and its relation to the rational. 2nd ed. London; Oxford; New York: Oxford University Press, 1958.

Tolochin I. V., Konovalova M. N., Lukjanova E. A., Sorokina M. V. A coursebook on lexicology. St. Petersburg: Antologiia Publ., 2014. (In Russian)

Uzlaner D. A. The end of religion? A history of the theory of secularization. Moscow: HSE Publishing House, 2019. (In Russian)

Weber M. The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism. London; New York: Routledge, 2013.

Teplyakova Anastasia Borisovna
Senior Lecturer, Lomonosov Moscow State University;
teplyakova.anastasia@lecturer.msu.ru

CONCEPTUAL LINGUISTIC CREATIVITY IN THE COVERAGE OF MILITARY CONFLICT

Keywords: conceptual integration, conceptual metaphor, linguistic creativity.

Linguistic creativity as a way of conceptualizing and objectivizing knowledge in non-standard language units is manifested directly in language system modifications (for example, in occasionalisms) and indirectly in the conceptual creativity connected with unconventional mental representation [Ustinova 2017: 26]. Within the framework of the conceptual integration theory of G. Fauconnier and M. Turner which states that establishing connections between mental spaces brings a new concept to the front, linguistic creativity is seen as conceptual fields blending conducive to a new meaning [Turner, Fauconnier 1995: 184; Iriskhanova 2004: 36]. The mass media recipients' idea of a current political situation is formed by the processes of conceptual integration, profiling of certain elements of the concept and conceptual metaphorization which highlights a certain aspect of a complex phenomenon [Teplyakova 2022: 329].

The methodology of the present paper is guided by the tenets of the conceptual integration theory, conceptual metaphor theory and the analysis of the profiling processes. The aim of the work is to study linguistic and cognitive representation of the concepts that are of current relevance to the interpretation of the political situation in 2024. The research analyzes the headlines of The New York Times digital articles on the Russian-Ukrainian military conflict published in 2024. The paper develops the previous research of the conceptual metaphor in the headlines of the media article on the Russian-Ukrainian confrontation within the period from February, 22, 2022 to December, 31, 2023 in English-language online sources [ibid.]. The research material under consideration presents a wide range of evaluative metaphors aiming at creating a negative image of one the conflicting countries and shaping readers' critical opinion of Russia. The conventional metaphor A (MILITARY) CONFLICT IS MOVEMENT accentuating the dynamic nature of conflicts predominates among the metaphors referring to warfare.

The article headlines of 2024 intending to emphasize the protracted nature of the crisis witness a change in the conceptual metaphor mentioned above. One of the transformations is A (MILITARY) CONFLICT IS OSCILLATION in headlines like *"Russia Sends **Waves of Troops** to the Front in a Brutal Style of Fighting"* and "*Russia Hits Ukraine With **Wave of Strikes** as School Year Opens"* which use rather a conventional comparison of warfare to the water waves. The headline "*What's Behind Ukraine and Russia's Missile **Brinkmanship**?"* profiles the idea of getting to the verge without getting into the war and balancing on the edge. The headline "*With Russia **on** Its **Doorstep**, a Ukrainian Town **Packs Its Bags***" blends three metaphors: an ontological metaphor A BELLIGERENT IS A TRAVELER (with Ukraine being presented as a person who must leave his house and is therefore packing up and Russia arriving at this house), a conventional structural metaphor A (MILITARY) CONFLICT IS MOVEMENT (with the enemy being presented as a person who comes into the house) and a structural metaphor A (MILITARY) CONFLICT IS OSCILLATION (with the intruder slowing down at the entrance, which gives the dweller some time to pack). Thus, the idea of a traveller lingering on a threshold is profiled. The headlines mentioned above give prominence to the idea of oscillation, balancing, or fluctuating, which signals of a news stage of the conflict where the direction of the movement is unclear and therefore retarded. Another version of the conventional conceptual metaphor comparing conflict to movement is A (MILITARY) CONFLICT IS A LACK OF MOVEMENT / RETARDMENT, which is obvious in the headlines *"**Bogged Down** in Ukraine, Russia Pays a Price in Syria", "The **Sticking** Points That Kept Russia and Ukraine Apart"* and *"Russia to Boost Defense Budget as Ukraine War **Drags On**"*. The direction of the movement is placed in the prime focus in the examples above: the movement directed downwards, a lack of the direction, and the retarded horizontal movement, respectively.

Thus, the idea of the speed of the conflict escalation is created by the two types of conceptual metaphors explicitly profiling the direction of the movement, in particular, oscillation and no movement at all. It's the direction of the movement which is the focal point; however, the conceptual blending of the idea of the direction and of the background knowledge of how the movement direction type affects its speed foregrounds a new idea — the current warfare retardment.

In conclusion, the language of the headlines used in media articles covering the events which are being attached less importance than before is characterized by conceptual creativity, and not so much by the linguistic creativity usually marked by neologisms or non-standard language units. Conceptual creativity in language is manifested in the semantic complexity of the headline with respect to the dynamic nature of mental space blending and profiling which lead to the emergence of new concepts and judgements.

References

Iriskhanova O. K. Linguistic and creative foundations of the theory of nominalization: Dr. Sci. Thesis. Moscow, 2004. (In Russian)

Teplyakova A. B. Metaphorization in the coverage of Russian—Ukrainian conflict (based on the headlines of The New York Times) // Proceedings of XVII International NATE-Russia Conference. Ivanovo, October 6–8, 2022. Ivanovo: Ivanovo State University, 2022. P. 325–330. (In Russian)

Turner M., Fauconnier G. Conceptual Integration and Formal Expression // Metaphor and Symbolic Activity. 1995. Vol. 10, no. 3. P. 183–203.

Ustinova T. V. Non-standard meaning construction in the poetic speech: linguistic and cognitive modelling of the readers' perception and interlanguage translation: Dr. Sci. Thesis. Ekaterinburg, 2017. (In Russian)

Ануфриев Александр Александрович[1], Кичигин Кирилл Валерьевич[2]

[1]канд. филол. наук, научный сотрудник, Институт языкознания РАН;
colombaaa@list.ru
[2]канд. филол. наук, преподаватель, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова;
risk91@mail.ru

СОЧЕТАНИЯ БАЗОВЫХ ЭПИСТЕМИЧЕСКИХ ПРЕДИКАТОВ В ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ: КОНЪЮНКЦИЯ VS ДИЗЪЮНКЦИЯ

Ключевые слова: испанский язык, пропозициональная установка, предикат внутреннего состояния, эпистемическая оценка.

При рассмотрении романских предикатов внутреннего состояния (например, исп. *creer* ‘считать, полагать’, *suponer* ‘предполагать’, *esperar* ‘надеяться’ etc.) в роли пропозициональной установки (creo que… ‘считаю, что…’) лингвисты, как правило, фокусируются на двух проблемах. Во-первых, это собственно выбор говорящим предиката/предикатов для наиболее точного выражения того или иного вида субъективной оценки: обычно выбор обусловлен рядом факторов (ареал употребления, тип дискурса, прагматические цели говорящего). Во-вторых, проблема употребления наклонения (индикатива или конъюнктива) глагола зависимой части конструкции пропозиционального дополнения. Выбор наклонения либо напрямую зависит от выбора оценочного предиката в модусе конструкции, либо возможна вариативность: ряд предикатов допускают употребление обоих наклонений, и в этом случае выбор наклонения может влиять семантику оценочного предиката и всей конструкции в целом.

Что касается испанского языка, то в наиболее авторитетных современных дескриптивных работах [Gramática 2000; Nueva Gramática 2010] в основном рассматривается проблематика, связанная с вариативностью наклонений в конструкциях с наиболее употребительными эпистемическими и аксиологическими глаголами и предикативами. Собственно семантике предикатов внутреннего состояния уделяется меньше внимания, в то время как пропозициональные конструкции, где в модусе употребляются сочинительные конструкции из нескольких предикатов, управляющих одной пропозицией, не рассматриваются вовсе.

При этом случаи, когда говорящий выбирает несколько предикатов в модусе вместо одного, достаточно распространены. Отметим, что наиболее конвенциональными и весьма частотными конструкциями подобного рода являются сочетания эпистемического и аксиологического предиката типа *creo y espero que* ‘полагаю и надеюсь, что’. Подобные сочетания, где глаголы рациональной и эмоциональной оценки дополняют друг друга, типичны для романских языков целом и превратились в своего рода риторические фигуры, часто встречающиеся уже в текстах испанских классиков XIX в. (Б. Гальдос, Х. Валера) и характерные в основном для письменного дискурса (подробнее см.: [Ануфриев 2019]).

Помимо сочетаний глаголов разных типов оценки интерес вызывают сочетание двух близких по значению базовых эпистемических предикатов мнения (*creer, pensar, suponer, considerar*) друг с другом. Они являются менее конвенциональными, но вполне употребительными, о чём свидетельствуют данные различных корпусов современного испанского языка. Прежде всего, это конструкции как с конъюнкцией (с союзом *y* ‘и’), так и с дизъюнкцией (с союзом o ‘или’), где глаголы выступают в перформативной форме (1-е л. наст. вр.), т. е. конструкции вида *creo y/o supongo que* ‘считаю и/или предполагаю, что’.

Руководитель секции: Т. П. Третьякова.

В качестве материала для исследования были использованы испаноязычные тексты из различных блогов, газет, журналов, социальных сетей и других медиаресурсов, полученных с помощью поисковой системы google и инструмента для анализа текстов sketchengine (на базе корпусов esTenTen2810 и esTenTen2023). В качестве поискового запроса использовались 4 модели: *creo y supongo que*, *creo o supongo que*, *supongo y creo que*, *supongo o creo que* (без учета регистра).

Исследовав данный тип конструкций, мы приходим к следующим промежуточным выводам и приводим соответствующие примеры:

- В конструкциях с дизъюнкцией предикат на второй синтаксической позиции корректирует семантику первого. В конструкциях типа *creo o supongo* глагол *suponer* уточняет (сужает) эпистемическую оценку, задаваемую *creer:*

  (1) Si el caso fuera así **creo o supongo que** Perú tendría algo que decir ya que la frontera afectaría a los tres países o ¿chile quedara limitando por el norte solo con Bolivia?..

- Как правило, употребление второго предиката позволяет говорящему варьировать ассертивную силу высказывания (снижать степень категоричности высказывания, снижать/повышать степень уверенности собственной эпистемической гипотезы). Например, в конструкциях *supongo o creo* глагол *creer* может придавать оценке, вводимой *suponer*, большую субъективность:

  (2) Quedé pensativo y algo reflexivo pensando en la situación y cómo sacar lo positivo de ello. **Supongo o creo** que es mi punto de inflexión.

- Выбор конъюнктивного или дизъюнктивного союза обусловлен не столько семантическими, сколько прагматическими факторами. Так, например, отличие конструкций *creo o supongo* от *creo y supongo* может заключаться в наличии в конструкциях с дизъюнкцией более явного контраста между типами эпистемической оценки, вводимыми предикатами. Ср.:

  (3) **Creo y supongo que** mucha gente sabe lo que pasó.

  (4) **Creo o supongo que** habrá algo que ninguno de mis jugadores ni yo mismo entendamos…

Таким образом, в испанском языке помимо конструкций, вводящих базовые пропозициональные установки, отмечаются и конструкции, использующиеся для передачи более сложных психологических установок.

Литература

Ануфриев А. А. Модус веры-мнения в сочетании с другими оценочными модусами (на материале испанского языка) // Логический анализ языка. Понятие веры в разных языках и культурах. М.: Гнозис, 2019. С. 176–186.

Gramática descriptiva de la lengua española. Madrid: Espasa Calpe España, 2000.

Kilgarriff A., Renau I. esTenTen, a vast web corpus of Peninsular and American Spanish // Procedia — Social and Behavioural Sciences. 2013. Vol. 95. P. 12–19.

Nueva gramática de la lengua española. Madrid: Espasa Calpe España, 2010.

Большакова Татьяна Михайловна

канд. филол. наук, доцент,
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена;
tmbolshakova@herzen.spb.ru

КАТЕГОРИАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ ЗАПРЕТА И ЕЕ ВЕРБАЛИЗАЦИЯ В ШКОЛЬНЫХ НОРМАТИВНЫХ ТЕКСТАХ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Ключевые слова: категориальная ситуация, функционально-семантическое поле, запрет, нормативный дискурс.

Цель настоящего исследования — описание особенностей выражения семантики запрета в школьном нормативном дискурсе современных начальных школ ФРГ. В исследовании предпринята попытка определения структуры функционально-семантического поля запрета, которая отражает специфику актуализации запретительных смыслов в текстах, фиксирующих в границах нормативного поля проявления повседневной активности учащихся в учебных заведениях.

Методология работы основывается на подходах к высказыванию, представленных в исследовательской парадигме функциональной грамматики. Как известно, в функциональной грамматике понятие функционально-семантического поля (ФСП) соотносится с понятием «категориальная ситуация» (КС), трактуемой как «проекция поля на высказывание» [Бондарко 2017: 43]. Понятие ФСП, являющееся по своей природе парадигматическим и относящееся к системе потенций, преломляется через понятие КС, связывающее «элементы парадигматической системы с синтагматикой» и отражающее «репрезентацию семантических категорий в речи» [Бондарко 2017: 45].

КС запрета, понимаемая нами как разновидность КС побуждения, характеризуется наличием таких облигаторных компонентов, как 1) субъект-инициатор запрета; 2) субъект-исполнитель запрета; 3) предикат, который включает в себя содержание запрета (ср.: [Бондарко 2017: 217].

Корпус эмпирического материала был сформирован в 2024 г. путем сплошной выборки высказываний-запретов из 40 текстов, объединенных принадлежностью к нормативному жанру *Schulregeln der Grundschule* (*Правила поведения в начальной школе*). В 34 текстах было обнаружено 193 высказывания, реализующего семантику запрета.

ФСП отрицательной побудительности представлено в немецком языке системой языковых средств, способных выражать значение запрета и занимающих различные уровни в ядерно-периферийной организации поля [Большакова 2005: 41–42]. Подсчет маркеров запрета позволил провести системно-структурное описание поля, актуального с точки зрения манифестации КС запрета в текстах, адресованных младшим школьникам. Регулярность функционирования была выбрана в качестве доминирующего признака при распределении языковых единиц по уровням поля.

Таким образом, центральный уровень поля запрета в нормативном дискурсе содержит конструкции «глагол в форме Indikativ Präsens, обозначающий запрещаемое действие, + отрицательный артикль *kein*/ отрицательное местоимение *niemand* в функции подлежащего или дополнения/ отрицательное местоимение *nichts*/ наречие *nie*» (46 высказываний). Ядерная зона центра представлена конструкцией «глагол в форме Indikativ Präsens, обозначающий запрещаемое действие, + отрицание *nicht*» (57 высказываний).

Незначительное число (6 высказываний) примеров с глаголами в императиве перемещает прохибитивный императив в периферийную зону поля. К периферийной зоне относятся также прохибитивный инфинитив (2 высказывания), пассивные конструкции, включающие в том числе модальные глаголы, с операторами отрицания (10 высказываний) и предложения с отрицаемой именной частью сказуемого (6 высказываний).

Периферийный уровень, включает в себя, кроме вышеуказанных, как лексические единицы, эксплицитно реализующие семантику запрета (например, глаголы *verbieten*, *untersagen* и их лексико-синтаксические синонимы *nicht + erlauben/gestatten/genehmigen* в форме причастия II в составе пассива состояния), так и единицы, передающие различные оттенки имплицитной запретительности (например, прилагательные с суффиксами *-los*, *-frei* и префиксом *-un*; глаголами *vermeiden*, *verzichten auf +Akk.*; *ohne* + имя существительное; *ohne…zu* + инфинитив I; и др.). Общее количество высказываний с этими средствами составляет 66 единиц.

Проведенное исследование показало, что вербализация КС запрета отражает дискурсивно-жанровые характеристики коммуникативно-речевой деятельности немецких субъектов-инициаторов запретов, обращенных к субъектам-исполнителям с особыми возрастными характеристиками. Именно прагматика адресата обуславливает выбор в качестве основного способа объективации запрета глагол в форме индикатива презенса, выступающий в сопровождении различных операторов отрицания в преобладающем числе зафиксированных случаев запретительных высказываний. Описание поля запрета в текстах, представляющих нормативный дискурс, позволяет, с одной стороны, выявить его существенные отклонения от ФСП отрицательной побудительности в немецком языке, в котором, например, ядерная зона представлена прохибитивным императивом [Большакова 2005: 41], а с другой, расширить представление об объеме «стандартного» ФСП. Изучение речевых реализаций семантики запрета дает представление о преференциях адресантов в выборе как языковых средств, что свидетельствует об их языковой компетенции, так и нормативных ситуаций, что является отражением их педагогический и нормативно-правовой компетенций. Дискурсивное поле запрета можно рассматривать как некую дискурсивную систему потенций, из которой отбираются средства для их использования в конкретных текстах конкретных учебных заведений.

Литература

Большакова Т. М. Состав и функционирование прескрипций и прохибитивов в немецкоязычных текстах директивно-регулятивного типа (прагмалингвистический и социокультурный аспекты): дис. … канд. филол. наук. СПб., 2005.

Бондарко А. В. Глагольные категории в системе функциональной грамматики. М.: Языки славянской культуры, 2017.

Gudkova Kira
PhD in Philology, St. Petersburg State University;
gudkovakira@bk.ru

ON THE QUESTION OF THE FUTURE TENSE IN THE ENGLISH LANGUAGE: DOES ENGLISH HAVE "PURE" FUTURE TENSE

Keywords: pure future, colored future, modality.

Traditionally English is considered to have a three-term tense system including past, present and future. Contrary to what is traditionally assumed, modern grammar books say that English has no future tense. They argue that in English there is no way to mark future tense on verbs (as in other languages), that is verbs cannot be inflected for future tense. Future time is marked in analytical verb forms with modals *will* and *shall* which retain their modal meanings [Biber et al. 2002: 153]. Still many grammar books present the Future Simple Tense as a member of the verb paradigm [Alexander 2001: 176]. The paper questions the use of the verb phrases with modals *will* and *shall*. Are these combinations ideal analytical forms, that is, does English have pure future without any shades of modal meaning?

In the Old English there was no form of the Future tense. The category of tense consisted of two members: past and present. The present tense indicated both present and future actions. The modal verbs *willan* and *sculan* with the infinitive of the main verb were also used to denote future actions and events. In ME the verb paradigm expanded owing to the formation of new grammatical categories. In ME the use of modal verbs *shall* and *will* plus infinitive to indicate future actions became increasingly common. But the verbs *shall* and *will* retained their modal meanings. The first examples of *shall* with a weakened modal meaning is found in Early ME poem ORMULUM.

Annd whase wilenn shall þiss boc efft oþerrsiþe written.

In the works of Shakespeare, the phrases with *will* and *shall* can express "pure" future and add different shades of modal meaning.

I will sooner have a beard grow in the palm of my hand than he shall get one on his cheek (Shakespeare, Henry IV).

The shortened form — *'ll* came into use, which is a desemantized form that marks "pure" future, as it does not have any shade modal meaning [Rastorgueva 2001: 260–261].

The traditional approach is that the analytical forms of the future tense were formed in the ME and the early MnE. We are going to analyse the modern uses of the future tense to see where they are ideal analytical forms and whether the verbs are just markers of the future tense or whether they retain their modal meaning.

The arguments that are put forward in modern books are the following. Our knowledge about the future is inevitably much more limited than our knowledge about the past and the present. The reality is that we know some facts about the present and the past, but we can only speculate about the future events. Therefore, it is possible to talk with much certainty about the present and the past, but it is not possible to talk with much certainty about the future. Any reference to future events is usually an expression of what the speaker thinks might happen. There is an intrinsic link between future events and modality. We do not possess the same kind of knowledge about the future as we have about the present and the past. It is not possible to be fully factual about future events or situations, and the modal auxiliary is often used to talk about the future [Huddleston, Pullum 2005: 56]. There is no grammatical category that can be properly analysed as a future tense.

Modern English has several ways of talking about future time and one of them involves the use of the auxiliaries will and shall. In the future simple form *will (shall)* is an auxiliary of modality, not tense. The future tense states things proposed or anticipated to be done in future. It is the simple future tense.

But it is possible to view future in two ways: pure future and colored future. Pure future is used for predictions that are free from personal references. The action depends on external factors and does not depend on the speakers' will. Let us look at the example of the pure future:

Age will whiten your hair.

This is a prediction that is based on some knowledge about the natural course of events. And the verb *will* is a marker of futurity.

Colored future involves modality and the auxiliaries mark mood (decisions, wishes, promises, offers, threats etc.). Colored future is used where human agency or intention is involved.

Let us look at the following examples of the future simple:

I shall publish this book this year. We shall write to inform you about her plans. She will marry you.

We can see that in the given examples the verbs *shall* and *will* not only mark future time but also have modal meanings: determination, obligation, willingness.

If we look at the examples of the pure future, we can see that the use of the "pure" future is subject to some pragmatic constraints. The proposition must contain something that can be assumed to be known in the present. The most common uses are cyclic events in nature and scheduled events. Consider the following examples in which the cyclic and scheduled events are accompanied by temporal expressions.

The next high tide is (will be) around 5 this afternoon. When is (will) the next full moon (be)? When do (will) lectures end this year? She is (will be) president until next June.

The present tense is used for events whose time can be scientifically calculated or scheduled future situations. In these examples the future simple with *will* could be used without making much difference. *Will* does not bring any additional meaning, the scientific calculability and current scheduling are inferred from the situations involved. Here are more examples.

He will be two tomorrow.

Will in this sentence comes close to being simply a marker of future, with the modal component reduced to a minimum. It is a factual statement about the future.

After the verbs *bet*, *hope* both the present simple and the future simple are equally possible. *Will* does not bear any additional modal meaning, the meanings of the speaker's thoughts are contained in the verbs themselves.

I bet it snows (will snow) again tomorrow. She hopes that he doesn't (won't) find out.

In the given examples the modal component is absent and we have pure future.

To sum up we can see that the forms *will* plus infinitive can mark both colored and pure future and is possible to talk about the analytical form of the future simple tense.

References

Alexander L. G. Longman English Grammar. Longman Group UK Limited, 2001.

Biber D., Conrad S., Leech G. Longman Student Grammar of Spoken and Written English. Pearson Education Limited, 2002.

Huddleston R., Pullum G. K. A Student's Introduction to English Grammar. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.

Rastorgueva T. A. The history of the English language. Moscow: AST Publ., 2001. (In Russian)

Дубина Анастасия Михайловна[1], Кондратенко Полина Игоревна[2]

[1]ст. преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет; a.dubina@spbu.ru

[2]канд. филол. наук, ассистент, Санкт-Петербургский государственный университет; p.kondratenko@spbu.ru

ОСОБЕННОСТИ СОЧЕТАЕМОСТИ ЛОКАЛЬНЫХ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫХ ПРЕДЛОГОВ С НАЗВАНИЯМИ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ (НА МАТЕРИАЛЕ КОРПУСА DWDS)

Ключевые слова: немецкоязычная интернет-коммуникация, корпус DWDS, сочетаемость имен собственных, названия интернет-ресурсов, локальные немецкие предлоги, инструментальные немецкие предлоги.

Настоящий доклад продолжает исследования авторов, направленные на установление механизмов вариативности в словосочетаниях «предлог + оним (название интернет-ресурса)». Пристальный взгляд на немецкоязычную интернет-коммуникацию позволяет заметить, что примеры такой вариативности нередко встречаются в метакоммуникативных высказываниях пользователей различных сайтов и платформ, см.: 1) ***Bei Wikipedia*** *liest sich das so: Klick, Klick…;* 2) *Mehr Informationen zu Cookies erhalten Sie* ***auf Wikipedia****;* 3) ***In Wikipedia*** *z. B. kann man dazu folgendes nachlesen* [DWDS]. Можно видеть, что предметом таких метакоммуникативных высказываний, как правило, становится место размещения контента / интернет-ресурс, в котором разворачивается онлайн-общение.

Ранее авторами уже было установлено влияние экстралингвистических факторов на выбор предлога в сочетаниях с названиями интернет-ресурсов. Так, в ходе количественно-качественного исследования на базе подкорпуса Webkorpus DWDS доказано более частое употребление названий интернет-платформ и социальных сетей, используемых в первую очередь для размещения текстового и мультимодального контента, с предлогом *auf. В* то же время названия мессенджеров статистически чаще употребляются в контекстах интернет-коммуникации совместно с предлогами динамической локализации объекта в пространстве и инструментальными предлогами: *per, über, via, durch* [Кондратенко, Дубина 2024: 485].

Переход от изучения экстралингвистической обусловленности варьирования предлогов к поиску собственно языковых причин наблюдаемой вариативности потребовал постановки вопроса о возможном влиянии глагольного управления на выбор предлога в словосочетаниях «предлог + название интернет-ресурса». Повторное обращение к подкорпусу Webkorpus из электронного массива DWDS, выделение трёх самых частотных предлогов для онимов *Facebook*, YouTube, Instagram*, Pinterest, Reddit, Twitter (X)*, WhatsApp, Telegram, Viber, Gmail, LinkedIn, Wikipedia и TikTok* контекстно-семантический и синтаксический анализ 50 случайных конкордансов из подкорпуса, полученных для каждого сочетания «предлог + название интернет-ресурса», привели к неудовлетворительному результату. Установлено, что влияние управления на выбор предлога незначительно и контексты наподобие: *Die Tipps* ***beziehen sich*** *zu großen Teilen nicht nur* ***auf Gmail*** *или Die Ideen für das gesamte Erscheinungsbild holte sich das Ehepaar über Zeitschriften und Architekturbücher, aber auch fleißiges* ***Scrollen durch Pinterest*** [DWDS] составляют 1,9 % всех наблюдаемых случаев (41 контекст из 2100). Интернет-онимы используются в таких контекстах как обстоятельства места и не функционируют в рассмотренных предложениях как предложные дополнения.

Нельзя, однако же, не согласиться с Д. Хёлляйном в том, что разграничение предложных объектов и обстоятельств представляет собой дискуссионный вопрос практической и теоретической грамматики. По видимости, разрешение этого вопроса требует обращения к конструкционной грамматике, в частности, к концепции сигнификативно-семантических ролей. Об-

* Продукт компании Meta, деятельность которой признана экстремистской в Российской Федерации.

ращение к этой концепции позволяет как минимум структурировать множества предложных дополнений и обстоятельств в опоре на их семантику [Höllein 2019: 106].

Проведённый качественный контекстно-семантический и структурно-грамматический анализ, а также анализ грамматической семантики и моделирование конструкций позволили разграничить контексты с использованием локальных и инструментальных предлогов в сочетании с названиями интернет-ресурсов. Если ранее мы констатировали преобладание примеров со статической локализацией и дефицит контекстов, описывающих динамическую локализацию объекта в пространстве, внимание к конкретным контекстам, а не только к случаям употребления наиболее частотных предлогов, выдвинуло на передний план анализа контексты с менее частотными для тех или иных интернет-онимов предлогами. Такие контексты обогащают пласт примеров динамической локализации: *Bin **über Instagram*** auf die Seite gestoßen und habe direkt meine Weihnachtsgeschenke bestellt* [DWDS]. Наконец, проведённый анализ позволил выделить характерные глаголы и именные части речи, которые используются в локальных (*folgen, teilen, stoßen, suchen…*) и инструментальных (*benachrichtigen, kommunizieren, versenden, Anmeldung…*) контекстах.

Полученные в ходе исследования результаты полезны не только в качестве иллюстраций к проблемам теоретической грамматики, но и в качестве дидактического материала. С их помощью можно учитывать в преподавании динамику лексических и грамматических процессов в современном немецком языке, а также обращать внимание обучающихся на грамматику интернет-коммуникации как перспективную область лингвистических исследований.

Литература

Кондратенко П. И., Дубина А. М. In, bei oder auf YouTube? Опыт корпусного исследования сочетаемости названий интернет-ресурсов с предлогами // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. 2024. Вып. 14. С. 475–489. https://doi.org/10.21638/spbu33.2024.125

Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: www.dwds.de (дата обращения: 15.01.2025).

Höllein D. Präpositionalobjekt vs. Adverbial. Die semantischen Rollen der Präpositionalobjekte. Berlin; Boston: de Gruyter, 2019.

* Продукт компании Meta, деятельность которой признана экстремистской в Российской Федерации.

Дубровина Маргарита Эмильевна

канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет;
maggydu@rambler.ru

ФОРМА СТРАДАТЕЛЬНОГО ЗАЛОГА В ЯЗЫКАХ РАЗНЫХ ТИПОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ТУРЕЦКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Ключевые слова: диатеза, страдательный залог, пассив, неопределенно-личное предложение, пассивные конструкции.

На современном этапе лингвистическая наука стремится перейти от описательных исследований к исследованиям аналитическим, которые позволили бы понять функциональную природу регистрируемых языковых единиц. Перспективными в этом плане стоит признать разного рода сравнительные изыскания, проводимые на фактическом материале разносистемных языков. Такие работы дают возможность ученым увидеть, какие стратегии развиваются в неродственных языках для кодировки одной и той же мысли, для выражения близкой семантики. Анализ особых средств, получающих развитие в том или ином языке, может натолкнуть исследователя на выявления причин подобной грамматической специализации, на поиск факторов, способных обусловить возникновение именно таких форм.

Категория залога представляет собой одну из грамматических категорий глагола. Однако, несмотря на насущную актуальность сравнительных исследований механизмов функционирования залоговых форм в разноструктурных языках, работ по сравнению таких востребованных на сегодняшний момент языков, как турецкий и английский, явно недостаточно. Настоящее исследование посвящено анализу форм страдательного залога в этих языках. Исследование проводится в рамках сопоставительного типологического подхода, когда особенности значений и сферы функционирования этих форм сравниваются друг с другом с целью выяснения общих и отличных черт.

Как в тюркологии, так и в грамматике английского языка залог представляет собой одну из наиболее дискуссионных тем. Это связано, по мнению многих ученых, с тем, что при разговоре о залоге необходимо оперировать понятиями разных уровней: семантического, синтаксического и морфологического [Павлова, Панкина 2013: 3]. Ученые расходятся во мнении, рассматривать ли залог как морфологическое средство языка или как инструмент, проявляющийся преимущественно в синтаксисе, поскольку во многих языках строится на базе синтаксических словосочетаний. морфологическое значение выносится ученым в центр теории о залоге, и тем самым, он отходит от синтаксического понимания и выдвигает на первый план его морфологическую сущность. Автором настоящего исследования, вслед за профессором Санкт-Петербургского государственного университета, видным тюркологом и специалистом по теоретической грамматике тюркских языков В. Г. Гузевым (1939–2021), в центр теории о залоге выносится морфологическое значение, вследствие чего он отходит от синтаксического понимания и выдвигает на первый план его морфологическую сущность [Гузев 1986: 9]. По нашему мнению, залог — это совокупность глагольных форм, являющихся грамматическим средством передачи каких-либо разновидностей отношений между действиями и связанными с действиями предметами.

Важным моментом для анализа необходимо отметить, что турецкий и английский языки в соответствии с морфологической типологией языков принадлежат к языкам различных типов: турецкий — агглютинативный язык, относительно английского имеются разногласия: некоторые ученые причисляют его к флективным языкам аналитического типа, некоторые — к корневым языкам сродни китайскому. При таком внешнем различии может сложиться предвзятое мнение и о различиях в устройстве грамматического механизма языков. Сравнение показывает, что в вопросе пассива языковые различия выявляются, прежде всего, в плане выражения форм. Так, турецкая форма страдательного залога образуется синтетическим путем, т. е. с помощью присоединения к основе глагола специального маркера, морфологического показа-

теля, английская форма представляет собой аналитическое образование, при котором употребляется служебный глагол to be в соответствующем времени и форма Past Participle смыслового глагола.

Интересно, что в результате проведенного исследования автор пришел к выводу, что, несмотря на различный тип языков, а также различный способ образования форм страдательного залога, турецкий и английский пассив имеют много схожего в области семантики, а также в речевом употреблении. Этих схожих моментов оказывается несколько больше, нежели чем между турецким и английским языками, с одной стороны, и русским языком, с другой. Во-первых, обе формы, как турецкая, так и английская, являются продуктивным средством, частотность употребления которых выше по сравнению с русским языком. Во-вторых, как турецкая форма залога, так и английская имеют не одно, как традиционно полагают, а *два языковых значения*: 1) собственно-страдательное и 2) неопределенно-личное. Кроме того, формы в обоих языках имеют возможность быть образованными от б**о**льшего количества временных форм, чем в русском языке, а также способны употребляться в предложениях как с выраженным самостоятельным словом агенсом, так и без него.

Литература

Гузев В. Г. К значению форм страдательного и возвратного залогов. Состав категории залога (на материале староанатолийско-тюркского языка) // Советская тюркология. 1986. № 4. С. 5–12.

Павлова Н. А., Панкина Е. В. Функционирование пассива с get в современном английском языке // Вестник Пензенского государственного университета. 2013. № 4. С. 3–7.

Калятин Игорь Сергеевич

канд. филол. наук, доцент, Московский городской педагогический университет;
kalyatinis@mgpu.ru

К ВОПРОСУ О НЕМЕЦКИХ И ИТАЛЬЯНСКИХ БЕЗЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ С МЕСТОИМЕНИЯМИ MAN И ЧАСТИЦЕЙ SI

Ключевые слова: контрастивная грамматика, немецкий язык, итальянский язык, неопределенный субъект, область референции.

Немецкие предложения с безличным местоимением man и итальянские безличные предложения с частицей si часто рассматриваются в контрастивных исследованиях [Bosco Coletsos 2006: 63; и др.] как тождественные друг другу конструкции:

(1) **Si** vive una sola volta *(si impersonale)* ≈ **Man** lebt nur einmal.

(2) **Si** vedono le stelle *(si passivo/passivante)* ≈ **Man** sieht die Sterne.

Как показывают примеры, на самом деле речь идет об эквивалентных соответствиях в рассматриваемых языках. Кроме того, оба слова (как man, так и si) сигнализируют, что агенс (т. е. действующее лицо) представляет собой одушевленное лицо. При этом предложение с безличным местоимением man часто отождествляют с пассивным предложением без агенса, что наблюдается не только в работах по контрастивной грамматике (например, в работе S. Bosco Coletsos, которая рассматривает обе формы как выражение неопределенности агенса („indeterminatezza dell'agente")) [Bosco Coletsos 2006: 63], но и в референтных грамматиках немецких авторов, в частности, G. Helbig и J. Buscha, которые в значительной мере приравнивают конструкцию с man к пассивным формам [Helbig, Buscha 2001: 165], или U. Engel, который классифицирует предложения с man как параллельные пассивные формы [Engel 1991: 462]:

(3) Man liest das Buch ≈ Das Buch wird gelesen.

Однако в определенных контекстах функциональное отождествление man и si и man с пассивным залогом без действующего лица представляется спорным. Так, например, в выпускных квалификационных работах изучающих немецкий язык итальянских студентов можно нередко обнаружить формулировки, в которых авторы при помощи местоимения man ссылаются на свою роль говорящего субъекта:

(4) Dieses Thema ist allerdings der Anfangspunkt und deshalb hat ist bisher versucht worden, es einzuführen, indem man den Kern der Sache definiert und die wichtigsten Auffassungen und Stellungnahmen vorstellt.

(5) Im Kommentar beschreibt man auch die Strategien, die angewandt worden sind, um diese Schwierigkeiten zu reduzieren.

(6) Friedrich Wilhelm Joseph von Schelling <…> und Gotthilf Heinrich Schubert <…> sind die beiden Persönlichkeiten, die man hier in Betracht zieht, um die hauptsächlichen Themen des Werks Hoffmanns zu verstehen.

(7) Unter den mannigfachen Erörterungen dieser Idee verweist man hier nur auf die im Augenblick vollständigste Arbeit von <…>

(8) In den Rönne-Novellen wird realisiert, „was in Ithaka noch Postulat war" <…> Darauf wird man aber im folgenden Kapitel eingehen.

Несмотря на то что при использовании в научных работах комментирующих текст речевых действий больше не действует запрет на употребление форм первого лица единственного числа [Graefen 1997: 202], выше приведенные примеры показывают, что докладчики, используя место-

имение man, ссылаются не исключительно на самих себя. Тем не менее, данное местоимение не может отсылать к другим авторам:

(9) Ein Beispiel ist Pae (2004): Hier versucht man, den Geschlechtseffekt im Leseverständnis unter koreanischen Englisch-Studierenden zu messen.

Напротив, итальянская частица si оказывается вполне приемлемой в аналогичном контексте:

(10) Nel capitolo seguente si procederà a un tentativo di analisi, a partire dallo schema proposto da Propp.

(11) Si è preso infatti in considerazione l'analisi dei livelli narrativi e delle infrazioni di essi, basandomi sul saggio *I livelli della realtà in letteratura*, mettendo in evidenza <…>

Очевидно, что не существует полного функционального соответствия ни между man и si impersonale/passivo, ни между предложением с man и пассивным предложением без агенса.

Сказанное выше обуславливает необходимость рассмотрения следующего вопроса:

1. Какую область референции имеют местоимение man и частица si, т. е. какой тип «одушевленного» агенса выражается при помощи данных языковых средств?

Наряду с этим, необходимо исследовать следующие вопросы:

1. Что лежит в основе различных интерпретаций man и si?
2. Какие другие грамматические средства служат для выражения неопределенного агенса?

В рамках настоящего доклада нами не будут рассматриваться следующие вопросы:

- морфо-синтаксические свойства местоимения man;
- вопрос о том, к какому разряду местоимений (неопределенное или личное местоимение) относится man.

На первом этапе исследования был рассмотрен референциальный статус местоимения man и частицы si. Далее было проведено сопоставление референциальных статусов рассматриваемых языковых средств. Следующим шагом бы анализ альтернативных форм выражения неопределенного подлежащего, а именно: немецкое неанафорическое местоимение 3-го лица мн. ч. sie, итальянское неанафорическое нулевое подлежащее (3-е л., мн. ч.), а также безличный пассив в немецком языке. В заключительной части описываются результаты проделанной работы, и обозначаются перспективы дальнейших исследований.

Результатом исследования стало установление того факта, что не во всех контекстах man и si являются эквивалентами, т. е. между данными языковыми средствами наблюдаются переводческие соответствия. Несмотря на то что данные языковые элементы в обоих рассматриваемых языках имеют значение «каждый, всякий» и «кто-то, кто-либо», т. е. обнаруживают одну и ту же интенцию высказывания, тем не менее они различаются с точки зрения их экстенции, т. е. референциального статуса рассматриваемых языковых форм. В частности, местоимение man в значении «кто-то, кто-либо» никогда не может быть использовано для ссылки на говорящего. Таким образом, man и si лишь частично эквивалентны друг другу.

Литература

Bosco Coletsos S. Capitolo II: Morfologia e Sintassi // Bosco Coletsos S., Costa M. (eds). Italiano e tedesco: un confronto. Alessandria: Edizioni Dell'Orso, 2006. P. 33–82.

Engel U. Deutsche Grammatik. Heidelberg: Groos, 1991.

Helbig G., Buscha J. Deutsche Grammatik: Ein Handbuch für den Ausländerunterricht. Berlin: Langenscheidt, 2001.

Graefen G. Der wissenschaftliche Artikel — Textart und Textorganisation. Frankfurt: Peter Lang, 1997.

Королькова Анна Владиславовна

ассистент, Смоленский государственный университет;
korolkovanura@mail.ru

ГРАММАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕЧИ РЕБЕНКА В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ РОМАНАХ ВЗРОСЛЕНИЯ

Ключевые слова: стилизация детской речи, грамматическая структура, части речи.

Освоение ребенком грамматики предполагает овладение морфологией и синтаксисом. Морфология подразумевает знание частей речи и правил их употребления. При этом некоторые части речи усваиваются быстрее, в то время как на овладение другими уходит длительное время.

Первыми в словарном запасе ребенка появляются существительные, необходимые для наименования окружающих предметов. Далее в его речь входят глаголы, обозначающие действия самого ребенка или те манипуляции, которые можно проводить с окружающими объектами. На основе данных частей происходит освоение других групп слов. Постепенно дети запоминают прилагательные и наречия, необходимые для усиления признаков предметов и для характеристики действий. Появление числительных в детской речи относится скорее к дошкольному периоду. Предлоги и служебные слова осваиваются после знаменательных частей речи. Долгое время первые совсем отсутствуют в детском дискурсе или употребляются в искаженной форме [Блинова 2012]. Для придания аутентичности повествованию писатели имитируют реальную детскую речь, отражая ее грамматические особенности. Репрезентация процесса овладения частями речи может стать одним из способов стилизации речи ребенка в литературном произведении.

Мы рассматриваем речь персонажей-детей в романах «Комната» Э. Донохью и «Все потерянные вещи» М. Сакс и определяем количественное соотношение частей речи в этих произведениях. Правильность употребления данных категорий также учитывается в процессе анализа. Повествование в данных текстах ведется от первого лица, соответственно главные герои выступают одновременно в роли рассказчиков.

В центре повествования Э. Донохью пятилетний Джек, которого вместе с мамой держат в месте под названием «Комната» без возможности контакта с внешним миром. Мы отобрали три фрагмента, включающие следующее количество слов: 182, 191, 193 соответственно. В первом, посвященном описанию повседневной жизни мальчика и его мамы, преобладают существительные (37); число глаголов (25) и прилагательных (21) почти идентично. При этом Джек допускает 9 ошибок в употреблении частей речи: «the wide of the walls», «…that means Floor is a square» [Donoghue 2015: 24]. Во втором эпизоде, посвященном побегу мальчика из Комнаты, количество глаголов возрастает (49), второе место занимают местоимения (30), третье — существительные (29). Герой также допускает 8 ошибок. Он нарушает сочетаемость слов и правила употребления частей речи: «…I just keep running at them», «scream to a somebody» [Donoghue 2015: 175]. Третий отрывок описывает жизнь Джека и его мамы после освобождения и содержит превалирующее число существительных (42), глаголы занимают второе место (35). Мальчик нарушает сочетаемость слов, допуская 5 ошибок: «not our near park», «…we aren't allowed make even one squeak…» [Donoghue 2015: 390].

Выведенное процентное соотношение лексико-грамматических классов слов в речи Джека следующее: глаголы — 19,2 %; существительные — 19 %; местоимения — 11,3 %; артикли — 10 %; прилагательные — 8,3 %; союзы — 7,6 %; предлоги — 7,2 %; наречия — 5,3 %; частицы — 3 %; числительные — 2,1 %. В 3,9 % случаев мальчик допускает ошибки в их употреблении. Отдельно отметим, что 6 % из общего количества слов приходится на сокращенные формы и 0,7 % на звукоподражательные элементы.

Роман «Все потерянные вещи» М. Сакс описывает неделю из жизни семилетней девочки Долли, которая отправляется с отцом в путешествие и постепенно узнает об ужасной семейной

трагедии. Также были выбраны три отрывка, включающие следующее количество слов: 195, 197, 194 соответственно. Первый представляет собой размышления героини об отце, друзьях и описание пейзажа. В нем наблюдается незначительное преобладание существительных (48), число глаголов (43) и местоимений почти совпадает (42). Во втором эпизоде, описывающем недомогание Долли во время ночевки, на первое место выходят глаголы (44), на второе — местоимения (36). Девочка также допускает 7 ошибок в употреблении частей речи, порядке слов и их сочетаемости: «I still had some mad left in me…», «…there was a new feeling inside there now…» [Sacks 2019]. В третьем эпизоде, представляющем сон Долли, самыми многочисленными группами также оказываются глаголы (29), существительные (25) и местоимения (22).

Процентное соотношение используемых Долли частей речи выглядит следующим образом: глаголы — 20 %; существительные — 18 %; местоимения — 17 %; союзы — 9,7 %; предлоги — 9,4 %; прилагательные — 8,4 %; артикли — 6,5 %; наречия — 5,8 %; частицы — 2,9 %; числительные — 0,7 %. Ошибки встречаются в 1,2 % случаев. 1,5 % от общего количества слов приходится на сокращенные формы.

Сопоставление частей речи в выбранных отрывках из романов «Комната» Э. Донохью и «Все потерянные вещи» М. Сакс показало, что основу словарного запаса детей-рассказчиков составляют существительные и глаголы, число которых практически одинаково. Количество прилагательных и наречий также не намного отличается. В речи Джека почти в два раза больше числительных и артиклей, в то время как Долли использует местоимения, предлоги и союзы чаще мальчика. Количество частиц почти идентично. Подобное соотношение соответствует уровню языкового развития детей в данный возрастной период (дошкольный и младший школьный возраст), а разница употребления отдельных элементов может быть следствием разного объема знаний и уровня развития.

Литература

Блинова Д. Е. Когнитивно-фреймовая характеризация детской речи на раннем этапе развития (на материале современного английского языка): дис. … канд. фил. наук. Пятигорск, 2012.

Donoghue E. Room. London: Picador, 2015.

Sacks M. All the Lost Things. New York: Little, Brown and Company, 2019.

Матыцина Ирина Витальевна

канд. филол. наук, доцент, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; imatits@gmail.com

ВОПРОСЫ ТЕРМИНОЛОГИИ И ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКА ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ В РОССИИ И ШВЕЦИИ

Ключевые слова: шведский язык, функциональная стилистика, язык делового общения, язык для специальных целей.

Термин «язык делового общения» не является общепринятым и продолжает обсуждаться. Однако тот факт, что лексема ‘дело’ в толковых словарях объясняется через понятия ‘работа, занятие, деятельность’ [Ожегов, Шведова], а также ‘предмет упражнения, работа, труд, занятие, обязанность, должность’ [Даль] подтверждает правомерность использования этого термина в отношении широкого диапазона текстов. Кроме того в словарях приводятся композиты ‘делопроизводство’ (должностная бумажная переписка) и ‘делопроизводитель’ (служащий, ответственный за ведение документооборота организации).

По классификации В. В. Виноградова [Виноградов 1963: 5–6], в деловом стиле выделяются две разновидности — *обиходно-деловая* и *официально-документальная*. Обиходно-деловой стиль представлен двумя видами документов: а) служебной перепиской между учреждениями и организациями, б) частными деловыми бумагами. Официально-документальный стиль, в свою очередь, делится на: а) законодательный подстиль (язык законодательных документов) и б) дипломатический подстиль (язык дипломатических актов).

В Шведском академическом словаре приводится этимология слова affär (от фр. à faire ‘делать’), входящего в состав композита affärssvenska ‘деловой шведский’, и основные значения — ‘то, что делают, дело, занятие, обычно касающееся двух или более участников’ [Svenska Akademiens Ordbok]. Но термин affärssvenska традиционно покрывает только сферу деятельности, направленной на получение экономической выгоды. Для разновидностей языка, функционирующих в других областях, до недавнего времени использовались специальные названия, такие как rättsspråk ‘язык юриспруденции’, lagspråk ‘язык законов’, kanslispråk ‘канцелярский язык’ (и близкий ему по значению термин kommittésvenska ‘язык (парламентских) комитетов’, выбранный Э. Велландером в качестве заглавия для его программного труда, заложившего основы «политики доступного языка» [Wellander 1950]); есть особое название и для языка, на котором представители власти общаются с гражданами — ‘язык институтов власти’, myndighetsspråk.

В XXI в., однако, в шведских исследованиях по стилистике наряду с упоминанием отдельных функциональных разновидностей все чаще фигурирует понятие sakprosa, которым обозначают сложившийся в результате реализации «политики доступного языка» общелитературный стандарт книжно-письменной речи, объединяющий в себе различные книжные стили, в частности, язык официально-делового общения. Иногда в таком значении используется термин bruksprosa, но чаще данным словом называют технические тексты, рассчитанные на практическое применение, о чем говорит и внутренняя форма термина: bruka ‘использовать, применять’; также этот термин употребляется в более узком смысле для обозначения нехудожественной литературы (нон-фикшн) или в качестве синонима facklitteratur ‘специальная литература’. При сохранении жанровой и языковой специфики, обусловленной сферой и целью коммуникации, отдельные разновидности книжных стилей в процессе нормирования и упрощения сблизились друг с другом, что нашло отражение в появлении у них большого количества общеязыковых и межстилевых особенностей. В Законе о языке совокупность различных языковых средств, находящих применение в сфере официально-деловых отношений, называется «язык для общественных целей» (språket i offentlig verksamhet) [Språklag], объединивший в себе и административно-канцелярский, и юридический языки. В русском языке для обозначения этого явления может использоваться термин «язык **официально-делового** общения», под которым понимаются языковые средства, используемые для обслуживания отношений между государственны-

ми органами и учреждениями (или внутри них), различными предприятиями, организациями и частными лицами в процессе производственно-хозяйственной, политической и правовой деятельности [Замуруева 2010].

В последние десятилетия при изменении формальной парадигмы изучения языка на функциональную, понятие функции стало одним из центральных при анализе целого ряда дискурсов и привело к появлению нового термина «язык для специальных целей» (LSP — Language for Special Purposes), лежащего в основе системно-функционального и антропоцентрического подхода к изучению и преподаванию языка, при котором изучение единиц языка происходит с учетом сферы и условий их употребления и строго соотносится с целями обучения и потребностями обучаемого (язык химиков, физиков, IT-персонала и т. д.). Понятие «язык для специальных целей» у́же, чем понятие «язык официально-делового общения». LSP — это язык, используемый в определенной области деятельности для общения между специалистами. При множестве различных классификаций, большинство исследователей сходится во мнении, что языки для специальных целей выделяются на основе их содержательной организации, которая определяет, кому конкретно данная речь адресована и какой должна быть ее форма и жанрово-стилистическая специфика. План содержания определяет выбор лексико-семантического аппарата, с помощью которого данный язык и выполняет свою функцию.

В Швеции «язык для специальных целей» называется fackspråk (профессиональный язык) и используется при написании текстов различной сложности от популярных до сугубо специальных. Примером текстов, относящихся к этому стилю, являются, например, экономические отчеты, административные документы и маркетинговые планы. В экономической и коммерческой сферах профессиональный язык пересекается с тем, что мы в данной статье понимаем под языком официально-делового общения.

Источники

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. URL: http://www.rubricon.com/about_tsd_3.asp (дата обращения: 29.12.2024).

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. URL: https://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ozhegov-term-10873.htm (дата обращения: 01.02.2025).

Språklag. URL: https://rkrattsbaser.gov.se/sfst?bet=2009:600 (дата обращения: 15.01.2025).

Svenska Akademiens Ordbok (SAOB). URL: https://www.saob.se/ (дата обращения: 17.01.2025).

Литература

Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: Акад. наук СССР, 1963.

Замуруева Н. А. Жанровые особенности официально-делового стиля речи. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovye-osobennosti-ofitsialno-delovogo-stilya-rechi/viewer (дата обращения: 29.12.2024).

Wellander E. Kommittésvenska — en undersökning och ett försök till riktlinjer. Bilaga till tryck — sakskommiiténs betänkande. Stockholm, 1950.

Первак Татьяна Владимировна

канд. филол. наук, доцент, Государственный университет просвещения;
alexfirst@yandex.ru

ПРОБЛЕМАТИКА ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ СУФФИКСОВ *-WEISE* И *-ERWEISE* В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: словообразование, семантика, суффиксация, -weise, -erweise.

Доклад посвящен дискуссионному вопросу разграничения суффиксов *-weise* и *-erweise* в немецком языке. Эксплицитная деривация (словопроизводство) занимает доминирующее положение в немецком словообразовании. Для наречий наиболее продуктивным деривационным способом является суффиксация, при которой деривационный процесс может проходить как с участием соединительных элементов, так и без них.

При словообразовательном анализе структуры производного наречия на *-weise* в ряде случаев выявляется наличие словообразовательного элемента *-er* между производящей основой и словообразовательным формантом, например, *tropfenweise / по каплям, крупицам и tropfenderweise / капая* (дееприч.). Такое морфонологическое явление часто наблюдается при образовании наречий с формантом *-weise* и обозначается как интерфиксация. Суть интерфиксации заключается в том, что между двумя морфемами вставляется незначимый отрезок, устраняющий нежелательные сочетания звуков. Производящая основа, выраженная причастием или прилагательным в отличие от существительного, сочетается с *-erweise*, т. е. морфемный шов проходит между основой и интерфиксом *-er*.

Относительно разграничения суффиксов *-weise* и *-erweise* в германистике существуют две точки зрения. Представители первой точки зрения предлагают дифференцировать суффиксы *-weise* и *-erweise*. Д. Элснер аргументирует это тем, что *-weise* участвует в образовании наречий от существительных, а *-erweise* — от прилагательных и причастий [Elsner 2016: 104, 120]. Авторы грамматики Дуден не пишут об этом эксплицитно, но оба суффикса представлены в написании раздельно, ср.: „<…> und vor allem -weise und -erweise eindeutig produktiv“ [Duden 2022: 808]. Стоит отметить, что в более ранних изданиях Дуден (2016) и онлайн-словаре duden.de упоминался лишь суффикс *-weise* [Duden 2022]. В онлайн-словаре DWDS (dwds.de) также проводится различие между *-weise* и *-erweise*.

Приверженцы второй точки зрения полагают, что *-er*, например, в *höflicherweise / из вежливости* является соединительным элементом. В. Гойдер аргументирует это тем, что *-erweise* не является самостоятельным суффиксом, так как при объединении двух слов сочинительной связью *-er* всегда отделяется вместе с производящей основой. Он поясняет это на примере *kluger-* и *vorausschauenderweise* (вместо **klug-* и *vorausschauenderweise*) и предлагает рассматривать *-weise* как суффикс, а *-er* как интерфикс [Geuder 2019: 210–211].

Следующим аргументом за разграничение суффиксов является то, что *-weise* в отличие от *-erweise* теоретически соответствует критериям суффиксоида, а именно: 1) суффиксоиды могут иметь в качестве основы разные слова, 2) они могут существовать как омонимичная свободная морфема, 3) свободная лексема *weise* семантически отличается от одноименного словообразовательного аффикса [Elsner 2015: 103].

Кроме того, выбор суффикса *-erweise* или *-weise* зависит от частеречной принадлежности производящей основы. В процессе деривации *-weise* способен сочетаться с существительными (*gruppenweise / группами*), глаголами (*mietweise / внаем*) и числительными (*hundertweise / сотнями*), а *-erweise* — с прилагательными (*dummerweise / по глупости*) и причастиями (*verbotenerweise / несмотря на запрет*).

С семантической точки зрения также можно привести доводы в пользу разграничения суффиксов *-weise* и *-erweise*. Суффикс *-weise,* в зависимости от производящей основы, может передавать значения времени (*stundenweise / часами*), движения (schubweise / *партиями*), меры или количества (*eimerweise / ведрами*), разделение процесса (*etappenweise / поэтапно*), абстрактно-

го сравнения (*vergleichsweise / сравнительно*), существования в форме чего-либо (*aushilfsweise / внештатно*).

Суффикс *-erweise* служит для выражения того, что что-то происходит определенным образом (*idealerweise / в идеале*, *dummerweise* / *глупо, klugerweise / умно, glücklicherweise / к счастью*). Обратим внимание на то, что в германистике остается дискуссионным вопрос о частеречной принадлежности данных наречий и об их отнесении к модальным словам с оценочным или эмотивным значением. Наречия, образованные от причастия настоящего времени, могут передавать значения совместности, одновременности действий или инструментальности (*lesenderweise / читая*).

Семантическая разница между суффиксами *-weise* и *-erweise* также проявляется в том, как они формируют восприятие выражаемых идей. Суффикс *-weise* может придавать выражению нейтральный или описательный характер, фиксируя внимание на методе или пути, в то время как *-erweise* позволяет говорящему выразить субъективное отношение, впечатление или дать оценку относительно описываемой ситуации.

В заключение хотелось бы отметить, что независимо от позиции по разграничению данных суффиксов германисты единодушно сходятся во мнении о том, что *-weise* и *-erweise* обладают богатым деривационным потенциалом и являются самыми продуктивными адвербиальными суффиксами в современном немецком языке.

Источник

Duden. Die Grammatik: Struktur und Verwendung der deutschen Sprache. Sätze — Wortgruppen — Wörter (10., überarbeitete Aufl.). Berlin: Dudenverlag, 2022.

Литература

Donalies E. Morphologie: Morpheme, Wörter, Wortbildungen // Ossner J., Zinsmeister H. Sprachwissenschaft für das Lehramt. 1. Auflage. Paderborn: UTB GmbH, 2014. S. 157–180.

Elsner D. Empirisch basierte Überlegungen zu Ableitungen mit -weise/-erweise // Grammar and Corpora. Heidelberg: Heidelberg University Publishing, 2018. S. 211–220.

Geuder W. Eine Art Wortart: Das Adverb im Deutschen // Zeitschrift für Sprachwissenschaft. 2019. Bd. 38, Nr. 2. S. 191–241.

Самородин Георгий Владиславович

канд. филол. наук, доцент, Московский городской педагогический университет;
SamorodinGW@yandex.ru

АРТИКЛЬ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ПРЕДПИСЫВАЮЩИХ ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

Ключевые слова: артикль, фрейм-слотовая когнитивная матрица, индивидуализация, классификация, генерализация.

Научно-технический прогресс предоставляет обществу новые технологии, существенным образом облегчающие жизнь человека и делающие быт более комфортным. Увеличивающееся разнообразие технических средств и устройств, сопровождающих человека в повседневности, делает необходимым приобретение компетенции по их использованию. Несмотря на маркетинговую тенденцию к выводу на рынок дружественных пользователю (user-friendly) приборов, существует ряд факторов, значительно затрудняющих создание интуитивно-понятного интерфейса управления. Не в последнюю очередь к таким барьерам относятся возрастающая техническая сложность устройств, обилие функций и возможностей их применения. Совокупность вышеописанных факторов и условий делает особенно актуальными руководства пользователя как особый вид инструкции — предписывающего технического текста.

Структурно руководство пользователя содержит общую характеристику устройства, описание его индивидуальных особенностей и компонентов, а также классификацию возможностей и сопутствующую информацию. В немецком языке функции, соответствующие перечисленным (генерализация, индивидуализация, классификация), способен выполнять артикль, что позволяет поставить вопрос о роли и функциях артикля в немецкоязычных предписывающих технических текстах вида «руководство пользователя».

В качестве эмпирического материала исследования были выбраны документы типов *Gebrauchsanweisung* (инструкция по эксплуатации), *Bedienungsanleitung* (руководство по обслуживанию и применению), *Gebrauchsanleitung* (руководство по эксплуатации) общим объемом 15 707 слов. Анализ полученного материала позволил выявить 1637 вхождений для определенного артикля, 210 вхождений для неопределенного артикля и 1803 вхождения для нулевого артикля, интерпретировать полученные данные и описать закономерности использования каждого из трех видов немецкого артикля [Самородин, Собянина 2024; Самородин 2024; Сулейманова 2023] в текстах исследуемой жанрово-стилистической принадлежности (в порядке убывания частотности):

Нулевой артикль обнаруживает наибольшую по сравнению с другими видами артикля частотность, что обусловлено двумя основными причинами [Смирницкий 1959]:

1. ***Использованием «незначащего» нулевого артикля*** в заголовках, названиях разделов и иных структурных элементах руководства пользователя в целях языковой экономии*:* *Gerät entsorgen* (Privileg Dampf-Bügelesen) // Утилизация прибора (Здесь и далее перевод примеров выполнен автором настоящей статьи).
2. ***Интенциональным употреблением нулевого артикля*** как маркера генерализации, например: *Berühren Sie Gerät, Stecker und Netzkabel nicht mit feuchten Händen* (Tchibo Induktions-Milchaufschäumer) // Не прикасайтесь к прибору, вилке и сетевому кабелю влажными руками.

Важно отметить, что устройство и его части упоминаются в анализируемом контексте в отрыве от классифицирующих или индивидуализирующих свойств. Также употребление нулевого артикля характерно для конструкций с устойчивыми выражениями вида *in Kontakt kommen* (соприкасаться), *in Betriebsbereitschaft sein* (быть готовым к использованию), *Vorsicht Brandgefahr* (внимание, пожароопасно) и др.

Определённый артикль незначительно уступает нулевому по частотности употребления и ***выполняет индивидуализирующую функцию*** при упоминании аппарата, его деталей, соответствующих материалов и процессов: Die *halbierten Zitrusfrüchte mit der Schnittfläche auf den Presskegel aufsetzen und nach unten drücken* (Bosch Fleischwolf) // Нарезанные половинками цитрусовые надавливая вниз насадить срезом на шток соковыжималки.

Анализируемый контекст иллюстрирует использование мясорубки с установленной насадкой-соковыжималкой для цитрусовых, что даёт возможность интерпретировать описываемый процесс в качестве одноименного фрейма. В качестве индивидуализирующей характеристики могут выступать отдельные особенности аппарата, например, режимы работы: *Nach dieser Zeit wechselt das Gerät in den „Standby-Modus“* (Rommelsbacher Dörrgerät) // По истечению этого времени прибор переключится в «режим ожидHajHajания».

Неопределённый артикль обнаруживает наименьшую частотность употребления в немецкоязычных предписывающих технических текстах и ***выполняет функцию категоризации***: *Dieser Haartrockner verfügt über eine Öse, mit der er für einfachen Zugriff bequem an einem Haken aufgehängt werden kann* (First Austria Haartrockner) // Этот фен имеет ушко, за которое его можно эргономично повесить на крючок.

Неопределенный артикль в анализируемом контексте указывает на принадлежность крючка к классу фурнитуры, предназначенной для подвешивания предметов, не называя при этом уникальных (свойственных только данному объекту) характеристик. Морфологическая связанность неопределенного артикля с числительным «один» допускает разночтения в ряде случаев: *Ein geeinigtes Gefäß unter den Aufsatz stellen* (Bosch Fleischwolf) // Поставить под выходное отверстие подходящий сосуд.

Проведенное исследование позволило сделать **выводы** о роли и функциях артикля в немецкоязычных предписывающих технических текстах, равно как и определить **перспективы дальнейшего исследования**. В частности, было обнаружено, что при использовании предлогов, требующих *Dativ* (дательного падежа) с существительными во множественном (реже — в единственном) числе, нередко отсутствует артикль.

Исследование сочетаемости различных видов артикля с предлогами, требующими падежного управления, мы предлагаем отнести к числу возможных направлений дальнейших научных изысканий по данной теме.

Литература

Самородин Г. В., Собянина В. А. Манипулятивный потенциал артиклевых моделей в немецкоязычном политическом и маркетинговом дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17, № 10. С. 3846–3852. EDN: ARCXKC

Самородин Г. В. Определённый артикль в немецком языке как референциальный показатель неслучайной связи // Язык и культура в глобальном мире: сб. ст. СПб.: Лема, 2024. EDN: IZDHPM

Смирницкий А. И. Морфология английского языка. М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1959.

Сулейманова О. А. Когнитивный сценарий реализации категории определенности в практике использования английского артикля // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2023. Т. 20, вып. 2. С. 334–347. https://doi.org/10.21638/spbu09.2023.208

Темников Никита Андреевич

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет;
imtemnikovna.vlspb@gmail.com

КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ВАРИАТИВНОСТИ СОВРЕМЕННОГО НИДЕРЛАНДСКОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: нидерландский язык, письменный корпус, вариативность, опущение.

В исследовании представлено описание вариативности в спонтанной письменной речи носителей нидерландского языка, в его северном варианте, на грамматическом уровне. Материалом послужили тексты, отобранные из письменного корпуса SoNaR, "STEVIN Nederlandstalig Referentiecorpus" ('Референтный корпус нидерландского языка на базе программы STEVIN') [SoNaR-corpus]. Корпус SoNaR (далее — Корпус) — это собрание текстов современного письменного нидерландского языка, состоящее из 20 категорий, каждая из которых соответствует тому или иному текстовому жанру. Особой ценностью для исследования обладает материал текстов новых медиа — чатов, SMS-сообщений и публикаций в Twitter.

Из текстов Корпуса методом сплошной выборки нами были отобраны примеры, в которых обнаруживается отклонение от языковой нормы. Примеры были классифицированы по группам, соответствующим тому или иному нарушению правил.

Наибольшую группу материала составили предложения, в которых наблюдается эллипсис. Мы выделяем три основные подгруппы: опущение а) местоимения, б) местоимения и глагола, в) артикля (определенного и неопределенного). Нормы языка, отраженные в авторитетных нидерландских грамматиках [Миронов 2001; Algemene Nederlandse Spraakkunst], опущений подобного рода не допускают.

Местоимения, которые подвергаются опущению, могут, в свою очередь, выполнять в предложениях различные функции. В примере (1) автор сообщения опускает подлежащее с семантикой, выраженное местоимением 1 л. ед. ч. *ik*:

(1) ***Ben*** *niet echt onder de indruk…* 'Я не слишком впечатлен…'

Другим местоимением, которое нередко пропускается в текстах новых медиа, является местоимение 3 л. ед. ч. *het*. В примере (2) видим опущение этого местоимения в функции подлежащего с семантикой (*het moet*, *het kan*), а в предложении (3) оно уже выступает в роли формального подлежащего (*het blijkt*).

(2) *Terugkijkend. Oppositie heeft wat uit te leggen. Gisteren was het: als het niet kan zoals* ***moet****, moet het zoals* ***kan****. En vandaag? #mauro* 'Оглядываясь назад. Оппозиция должна нам кое-что объяснить. Вчера: если не получается так, как должно быть, должно быть так, как получится. А сегодня? #мауро'

(3) *En zo* ***blijkt*** *maar weer dat de #VVD het schoothondje is van de #SGP en #CDA #weigerambtenaar #foei en #fail* 'И снова оказывается, что #VVD — это ручной песик #SGP и #CDA. #чиновник-отказник #позор и #провал'

Помимо местоимения *het*, функцию подлежащего с семантикой могут выполнять указательные местоимения *dat* и *dit*, которые оба могут быть пропущены в примере (4):

(4) *Dit is een link naar een direct download van de pdf…* ***lijkt*** *mij niet handig* 'Это ссылка на прямое скачивание PDF-файла… не очень удобно, мне кажется'

В примере (5) наблюдаем опущение дополнения, выраженного местоимением *dat* или *dit* (*dat / dit kreeg mijn pa*):

(5) *Yep, that's the one….****kreeg mijn pa*** *volgens mij gratis bij de slijterij….* 'Да, это она… по-моему, папе дали ее бесплатно в винном магазине….'

Следующая подгруппа материала — это примеры, в которых опущено не только подлежащее, выраженное тем или иным местоимением, но и глагол. Внутри этой подгруппы можно также выделить категории — в зависимости от функции глагола: опущение а) глагола-связки *zijn*, как в примере (6) (*Ik ben… aan ‘t kijken*), б) вспомогательного глагола в перфекте, как в примере (7) (в данном случае речь идет о глаголе *hebben*; *Ik heb… gelopen*), в) глагола *gaan* в конструкции *gaan* + инфинитив, как в примере (8) (*Ik ga… kijken*), г) смыслового глагола, как в примере (9) (здесь — глагол *zijn*, а также местоимение *er* в функции формального подлежащего; *Er zijn geen koffiebonen*).

(6) *Het Sinterklaas journaal **aan ‘t kijken** met m’n neefje. Benieuwd welke stress de kids moeten ondergaan dit jaar… #sint* ‘Смотрю передачу про Синтерклааса с племянником. Интересно, через какой стресс дети должны пройти в этом году… #синт’

(7) *Heerlijk **gelopen** vandaag, de 18 km in 1.38 #prachtigherfstweer #herfstvakantie* ‘Прекрасно побегал сегодня, 18 км за 1.38 #чудеснаяосень #осеннийотпуск’

(8) *kpn kastje is er nu al! :p nu gelijk **kijken** of hij werkt :p hoe is het daar?? x* ‘KPN-приставка уже пришла! :p сейчас же проверю, работает ли она :p как вы там?? x’

(9) *Arrrg **geen koffiebonen** meer in huis! :-((* ‘Арррг дома не осталось зернового кофе! :-((’

Наконец, в Корпусе мы находим многочисленные примеры, в которых происходит опущение неопределенного артикля *een* — как перед существительным (*een goeie **vergadering*** ‘хорошее собрание’), так и в составе устойчивого словосочетания (*een beetje* ‘немного’). Значительную долю материала также составили примеры, в которых пропускается определенный артикль *het* либо *de*.

Таким образом, рассмотренные выше грамматические явления, с одной стороны, могут являться следствием ограничения по количеству знаков в некоторых сервисах, а с другой стороны, отражают общую тенденцию к упрощению в разговорной речи. Следующий шаг нашего исследования состоит в сравнении данных письменного корпуса с данными, полученными при анализе устного корпуса, а также в попытке провести корреляцию между выявленными особенностями и социальными характеристиками авторов текстов.

Источники

Algemene Nederlandse Spraakkunst. URL: https://e-ans.ivdnt.org (дата обращения: 15.01.2025).
SoNaR-corpus. URL: https://opensonar.ivdnt.org (дата обращения: 15.01.2025).

Литература

Миронов С. А. Нидерландский (голландский) язык: грамматический очерк. Калуга: Эйдос, 2001.

Третьякова Татьяна Петровна

д-р филол. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет;
t.tretyakova@spbu.ru

ВОПРОСЫ ГРАММАТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ АНГЛИЙСКИХ КОММУНИКАТИВНЫХ ИДИОМ: ОТ ТЕОРИИ СЛОВОСОЧЕТАНИЙ И. Е. АНИЧКОВА К СОВРЕМЕННОЙ КОРПУСНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Ключевые слова: грамматика словосочетаний, И. Е. Аничков, коммуникативная идиома, корпусная лингвистика.

Цель настоящего доклада рассмотреть такие аспекты теории словосочетания, которые легли в основу теории идиоматики, представленной в работах И. Е Аничкова (1897–1978), представляющиеся перспективными для комплексных исследований коммуникативных идиом как предмета современных корпусных исследований (corpus-driven approach).

Важный вклад, который внёс И. Е. Аничков — это выделение идиоматики как отдельной лингвистической дисциплины. Под идиоматикой И. Е. Аничков понимал «науку о сочетании слов» в отличие от синтаксиса, под которым он понимал «науку о сочетании форм слов». В отличие В. В. Виноградова, который разрабатывал отечественную фразеологию на основании семантического признака идиоматичности, теория И. Е. Аничкова строится на основании частей речи (самостоятельных и служебных). Делая акцент на приоритете структурной основы классификации, И. Е Аничков не исключал и значения степени идиоматичности, но считал этот признак не особенно надёжным. Главное, как представляется является, утверждение И. Е Аничкова о том, что в теории словосочетания, т. е. идиоматике «подлежат рассмотрению не только так называемые «несвободные» но всякие словосочетания, и что «между ними не может быть проведена хоть сколько-нибудь чёткая граница» [Аничков 1997: 167]. Согласно этому подходу «каждое словосочетание может рассматриваться как идиома в широком смысле этого слова и идиомы не встречаются только в языке спорадически, а заполняют язык сплошной массой, лучше сказать, составляют язык» [Аничков 1997: 108].

Автором особо отмечается, что «любой участок речевого потока имеет свою идиоматику фонетику, морфологию, синтаксис и семантику» [Аничков 1997: 109]. На основании такого структурного подхода, в котором также учитывается и семантика, были выделены коммуникативные идиомы как особые устойчивые единицы, участвующие в организации коммуникативного процесса [Третьякова 1998]. Они могут рассматриваться как кластеры коммуникативного процесса и разделяться по структурному принципу на двух-трёх- четырёхкомпонентные образования и по функциональному значению, закреплённому в коммуникативном процессе. Этот структурно оформленный формат является наиболее перспективным для современных корпусных исследований.

Рассмотрим, каким образом на основании современных методов корпусной лингвистики применяется идея **идиоматики**. Идея о том, что именно речевой поток может послужить предметом исследования, была включена в корпусные грамматики как отдельный проект, построенного с учётом узуса, отражающего повседневные ситуации общения. При анализе коммуникативных идиом как словосочетаний, имеющих свой синтаксис и свою идиоматику, представляется возможным определить свойства сочетаемости в рамках корпусных методов. Подобные работы проводятся в рамках корпусно — ориентированных исследований, Как отмечает А. Р. Рюкова, А. Н. Барановым и Д. О. Добровольским было введено понятие *коллокат,* которое «определяется как статистически устойчивое словосочетание, в котором один из компонентов сохраняет лексическое значение, однако, ослабевает или исчезает образное значение и эмоциональная нагрузка при устойчивости словосочетания». Это понятие успешно применялось для исследования словосочетаний, например, английского *time* в Британском национальном корпусе распределяет их по степени устойчивости. Помимо этого, также используется понятие конкорданса, т. е. строк текста заданной длины, демонстрирующие использование

лексической единицы в контексте. Результатом проведённого таким методом анализа явились данные об устойчивости употребления лексической единицы *time* с отдельными частями речи [Рюкова 2024]. Кроме того, есть принцип построения, связанный с грамматической диссимиляцией, которая проявляется в стратегии избирательности определённых форм языка в контактном употреблении, так называемый принцип *Horror Aequi* [Петрова 2008].

В связи с развитием кластерной грамматики на материале корпусных исследований выделяются кластеры по линии компонентной структуры. Что касается грамматического статуса подобных словосочетаний, перспектива представляется лежит в привлечении корпусных данных для определения структурных признаков частей речи и их синтаксических функций и коммуникативной перспективы. Достаточно эффективными являются и использование программы «*AntConc*», в основном для исследования лексического состава, включая и типические случаи употребления. Пользуясь инструментами *Word List*, *Concordance*, *Keyword List*, возможно выделить лексические единицы, маркирующие тот или иной тип дискурса, типичное употребление и тему анализируемого текста. Существуют также две программы, которые помогают работать с дискурсами. К ним относятся программа CLARIN предоставляющая доступ к цифровым языковым ресурсам, включая наборы данных по различным параметрам (язык, модальность, временной интервал и т. д.). Они размещаются распределенным образом в центрах CLARIN: https://www.clarin.eu/, и ELRA: http://www.elra.info.

В заключении следует отметить, что грамматическое описание коммуникативных идиом в современном состоянии больше ориентировано на дискурсивные аспекты, однако с представлением реализации данных статистического характера, которые предоставляет корпусная лингвистика относительно устойчивых конструкций типа коммуникативных идиом, перспективным является, создание картированных информационных пространств.

Литература

Аничков И. Е. Труды по языкознанию. СПб.: Наука, 1997.

Рюкова А. Р. Корпусно-ориентированные исследования языка: краткий обзор достижений и трудностей // Russian Linguistic Bulletin. 2024. No. 1 (49). URL: https://rulb.org/archive/1-49-2024-january/10.18454/RULB.2024.49.17 (дата обращения: 31.01.2025).

Петрова Е. С. Принцип Horror Aequi *в* английской грамматике // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2008. Вып. 3. С. 109–118.

Третьякова Т. П. Функциональная семантика и проблема речевого стереотипа: автореф. дис. … д-ра филол. наук. СПб., 1998.

Цвинариа Марина Евгеньевна

канд. филол. наук, доцент, ст. преподаватель,
Санкт-Петербургский государственный университет;
marina.tsvinaria@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ГРАММАТИЧЕСКОМ СТАТУСЕ КОНСТРУКЦИЙ С МОДАЛЬНЫМИ ГЛАГОЛАМИ В ФУНКЦИИ АНАЛИТИЧЕСКИХ ФОРМ СОСЛАГАТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: грамматическая конструкция, модальные глаголы, английский язык, сослагательное наклонение, грамматикализация.

Наличие грамматической категории сослагательного наклонения в современном английском языке представляет собой один их спорных вопросов, вызываемый, в первую очередь, отсутствием единой, четко выраженной грамматической парадигмы форм ее выражения [Мещерякова 2009]. Проблема определения грамматического статуса языковых форм, используемых для передачи семантики нереального (нефактивного) действия в рамках сослагательного наклонения вызвана тем фактом, что они омонимичны формам настоящего (кроме be), прошедшего и предпрошедшего времени индикатива и, в частности, лексико-синтаксическим комплексам с модальными глаголами.

В отношении использования модальных глаголов в формах выражения нереального действия или положения дел проблематичным является также вопрос о критериях разграничения понятий и терминов ‘modal auxiliary’ и ‘mood auxiliary [Третьяков 2001: 9]. Первый из них, как правило, применяется для описания семантических и прагматических функций собственно модальных глаголов в составе лексико-синтаксических конструкций ‘modal verb+infinitive’, в которых они функционируют в рамках составных глагольных сказуемых в качестве модальных модификаторов действия или всего высказывания. Второй используется для определения грамматических функций модальных глаголов в составе аналитических форм сослагательного наклонения. В то же время термин ‘аналитическая форма’ может применяться и как описательный по признаку наличия в обоих случаях более одного глагольного компонента. Это может приводить к необоснованному, на наш взгляд, приравниванию конструкций с лексически полнозначными модальными глаголами в функции модальных модификаторов нереального действия или ситуации (‘modal auxiliary’), к аналитическим формам сослагательного наклонения, где та или иная модальность нереального действия является грамматическим значением всей формы [Васильева, Егорова 1998]. В этих случаях модальный глагол не выражает семантические и прагматические оттенки модальности высказывания самостоятельно, т. е. вне рамок аналитической конструкции, в которой он выступает как вспомогательный (‘mood auxiliary’). Сравните: I *would* do (‘mood auxiliary’) it if I *could* (‘modal auxiliary’).

Более глубокое рассмотрение статуса и функций модальных глаголов в системе средств выражения сослагательного наклонения в современном английском языке требует обращения к процессам развития их значений и функций в диахронии. Внедрение лексико-синтаксических групп с глаголами sculan, willan, mōtan, maȝan+ инфинитив в функции модального составного сказуемого в сферу передачи присущих сослагательному наклонению значений необходимости, желательности и возможности действия отмечено уже в конце древнеанглийского периода. В среднеанглийский период вследствие распада флексий и совпадения форм сослагательного и изъявительного наклонений этот процесс усиливается, однако модальные глаголы полностью сохраняют свои лексические значения, т. е. грамматические значения сослагательного наклонения передаются за счет наличия в их семантике соответствующих модальных оттенков, характеризующих нереальность действия с учетом той или иной позиции говорящего. Считается, что статус аналитических форм сослагательного наклонения конструкции с модальными глаголами may/might, should, would приобрели в ранненовоанглийском языке, причем процесс их морфологизации сопровождался их закреплением за определенными синтаксическими контек-

стами, прежде всего, за различными типами придаточных предложений, в которых ранее и все еще могли использоваться синтетические формы сослагательного наклонения [Иванова, Чахоян 1976: 189–194]. Важно также отметить, что в формирующихся в этих контекстах аналитических моделях модальные глаголы передавали деонтические и эпистемические значения [Stein 1994], т. е. именно те логико-семантические типы модальности, которые исторически являлись грамматическими значениями сослагательного наклонения.

Грамматикализация модальных глаголов как вспомогательных единиц аналитических форм сослагательного наклонения была обусловлена как общей для истории английского языка тенденцией к распаду флективных парадигм, так и специфическими для развития новых форм сослагательного наклонения семантико-прагматическими сдвигами в лексических значениях указанных модальных глаголов в определенных контекстных условиях. Размыванию лексически выраженной модальности и последующей десемантизации модальных глаголов в составе аналитических форм сослагательного наклонения способствовало их употребление в синтаксических контекстах, в которых исторически реализация подобных модальных значений происходила через употребление грамматических форм субъюнктива. Таким образом, замещение бывших синтетических форм аналитическими в сфере передачи нереального действия вписывается в общий исторический процесс морфологизации лексико-синтаксических средств выражения грамматических значений, существовавших ранее в статусе описательных.

Литература

Васильева Э. П., Егорова И. О статусе и прагматических функциях модальных глаголов в составе аналитических форм сослагательного наклонения // Семантика и прагматика языка в диалоге культур. Самара: Самар. гос. ун-т, 1998. С. 32–38.

Мещерякова М. А. К проблеме организации категории наклонения в английском языке // Вестник Камчатского государственного технического университета. 2009. С. 134–140.

Третьяков Ю. П. Наклонение в современном английском языке: учеб. пособие. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001.

Stein D. The expression of deontic and epistemic modality and the subjunctive // Studies in Early Modern English / ed. by D. Kastovsky. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1994. P. 405–411.

Яковлева Мария Станиславовна

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет;
научный руководитель: д-р филол. наук, профессор Т. П. Третьякова;
st080139@student.spbu.ru

К ВОПРОСУ О КОММУНИКАТИВНОЙ ГРАММАТИКЕ ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОГО МЕДИЦИНСКОГО ТЕКСТА: НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКОВ *LACNUNGA* И «ЛЕЧЕБНИК БАЛЬДА»

Ключевые слова: коммуникативный динамизм, древне-английские тексты, медицинские тексты.

Предложенное Я. Фирбасом в рамках теории актуального членения предложения понятие коммуникативного динамизма предполагает разный вклад разных элементов предложения в его функциональную перспективу. Самая низкая степень коммуникативного динамизма у темы, самая высокая у ремы, а остальные элементы являются переходными [Фирбас 1972: 58, 61]. Степень вклада элемента в функциональную перспективу предложения формируется за счёт его информационной нагрузки, в том числе места в предложении, семантики и контекста. Формируемая таким образом коммуникативная структура предложения представляет интерес в рамках изучения функционально-семантических элементов текста. В свою очередь, вопрос о коммуникативной структуре предложения актуален для исследования жанровых особенностей древнеанглийского текста.

Материалом для данного иследования послужили два раннесредневековых сборника медицинских рецептов, *Lacnunga* и «Лечебник Бальда», созданных в IX–XI вв. Цель данной работы — проанализировать степень коммуникативного динамизма в предложениях разных коммуникативных типов и показать различия в информативности в разных подтипах жанра лечебника.

«Лечебник Бальда» создан около 925–950 гг. и состоит из трёх книг. Первая содержит 88 глав, в каждой из которых сгруппировано несколько рецептов от болезней или предписаний на случай конкретной ситуации (например, для борьбы с врагом, от отравления, от болезней ног у лошадей). Вторая книга состоит из 67 глав, посвящённым в основном болезням внутренних органов. В ней описываются симптомы и приводятся рецепты лечения. Третья книга состоит из 73 глав, содержащих рецепты разной тематики, в том числе от болезненных состояний, вызванных мифологическими существами.

В сборник *Lacnunga* входит 191 медицинский рецепт лечения, не сгруппированных по тематике. Здесь встречаются как рецепты на случай рядовых болезненных состояний, как то головная боль или боль в животе, так и многоэтапные предписания по исцелению или исправлению неблагоприятной ситуации. В некоторых рецептах наряду с использованием лекарственного средства или вместо него предписывается произносить заговор или молитву (народную или каноническую). В ряде рецептов записан только этот заговор без контекста выполнения процедуры. Тексты обоих сборников записаны преимущественно на древнеанглийском.

Часть рецептов в обоих сборниках перекликается содержательно. Преимущественно каждый рецепт представляет собой инструктивный текст, в котором преобладают побудительные предложения. В обоих лечебниках выделяется принципиальная структурная схема такого рецепта, обусловленная коммуникативно-прагматической спецификой дискурсивной ситуации лечения: 1) условие применимости лечения или краткая характеристика получаемого лекарства, 2) перечисление действий, направленных на исцеление: манипуляции с лекарственными средствами, больным или использование особого текста; необязательный элемент структуры рецепта — 3) ожидаемые промежуточные и конечные итоги лечения.

Предложения, соответствующие обязательным элементам схемы рецепта, характеризуются высокой степенью коммуникативного динамизма. Ср. рецепт 125 из *Lacnunga*, а также фрагмент рецепта главы 32 из второго тома «Лечебника Бальда» (подчёркнуты рематические элементы):

(1) *Wið innoðes hefignese. Syle etan rædic mid sealte, ond eced supan. Sona bið þæt mod leohtre* (Lacnunga, 125).
«От тяжести внутри. Дай поесть редиса с солью и отхлебнуть уксуса. Скоро его настроение станет ясным».

(2) <…> *Læt him blod þus and sete glæs on oððe horn and teo þæt blod ut and smere mid ele and bewreoh hine wearme for þon þe cile biþ* <…> (Лечебник Бальда, II, xxxii).
«Пусти ему кровь таким образом, поставь на него стакан или рог, вытяни затем кровь наружу, смажь маслом и укутай его тепло, потому что тогда он будет холодным».

В приведённых примерах тематический элемент — «уже известное» — обеспечивается контекстом (ситуацией потребности в лечении при «тяжести внутри» и определённом «настроении» и необходимости кровопускания) и вынесен в начальную позицию.

В предложениях, соответствующих необязательному компоненту структуры рецепта, происходит интенсификация ремы за счёт вынесения её части в начало предложения (ср. конец примера (1)).

Вместе с тем в обоих лечебниках в составе некоторых рецептов присутствуют и более информативные, развёрнутые повествовательные фрагменты, содержащие исторические отступления, характеристику лекарства, или своего рода клинические наблюдения. Ср. начало рецепта главы 32 из второго тома «Лечебника Бальда»:

(3) *Wisse adle fruman mon mæg yþelice gelacnian on þa ilcan wisan þe þa utyrnendan and æfter uneð, gif hio bið unwislice to lange forlæten.*
«Точно болезнь в начале человек может легко исцелить тем же способом, что и вытекающее [симптом болезни], а потом сложнее, если она неразумно будет надолго запущена».

В *Lacnunga* из 191 рецепта таких нарративных фрагментов насчитывается порядка 8, в то время как в «Лечебнике Бальда» такие отступления встречаются примерно в трети глав. Они фиксируют более полный контекст возможных ситуаций излечения, формируют более широкое поле применимости для сопутствующего рецепта, таким образом делая его текст более информативным. Тематические элементы в них отсылают не только к контексту речевой ситуации (опроса больного), но зачастую и к предшествующим фрагментам текста. Можно сделать вывод о более высокой степени коммуникативного динамизма в рецептах сборника *Lacnunga* по сравнению с «Лечебником Бальда». Подобную диспропорцию можно объяснить разной функционально-прагматической нагрузкой сборников — лечебник *Lacnunga* больше ориентирован на практику, на облегчение болезненного состояния «здесь и сейчас» и предполагает большую интенсивность устного общения лекаря с больным, в противопоставление «Лечебнику Бальда» как более значимому для накопления, обобщения и передачи медицинской практики. Таким образом, мера коммуникативного динамизма в предложения становится одним из критериев определения жанровой специфики в рамках древнеанглийского медицинского текста.

Литература

Фирбас Я. Функция вопроса в процессе коммуникации // Вопросы языкознания. 1972. № 2. С. 55–65.

Mehdiyeva Aysel Akif
Teacher, Azerbaijan University, Azerbaijan;
Aysel.Mehdiyeva@au.edu.az

THE UTILIZATION OF METONYMY IN COMMUNICATION PROCESS

Keywords: metonymy, communication, process, linguistics.

The use of metonymy in the verbal and communication process is a fundamental metalinguistic principle. It states that language uses an object's name that directly characterizes a singular utterance. The idea that metonymy affects and permeates linguistics as well as the social lore or communication is nearly tied to that. Although there are multitudinous

studies on metonymy or are being published more constantly, numerous investigations take into account the problem of the following question. In what way classical analysis might help us comprehend a larger sense in which metonymy structures serve. Linguists, cognitive scientists, and proponents of classical approach have all made research into metonymy. The types of relations and metonymic shifts i. e. transitions between literal and tropical meanings will be the main motif of this paper.

Metonymy is used to convey the meaning which is different from the meaning that is indicated by the wording. Metonymy is a term that refers to a variety of senses in both abstract and verbal surroundings. Yet this fascinating is a common phenomenon in language and communication remains unclear in many ways. It can be understood as both a shift in a word's meaning and an order of analogous shifts, as well as a set of realistic aspects of language, a specific cognitive sphere, or a part of broader cognitive processes. Metonymic constructions can vary significantly when a special relationship is formed between the term that is considered as a metonymic one and its conventional meaning. Literature presents both source- predicated and target- predicated models of metonymy. It takes various places in our communication and holds significant significance in our internal processes, making it a pivotal generality in linguistics.

Metonymic processes play an important part in utterance interpretation. For example, Gibbs [Gibbs 1994: 345ff.] adduces experimental evidence that people interpret colloquial tautologies, such as *Boys will be boys*, on the basis of shared metonymic models. This text primarily focuses on mortal cognitive awareness and its recognition before it manifests it in language. Metonymy encompasses various semantics depending on various text genres. Metonymic processes on the diachronic level have been long noted by linguists analyzing, for example, homilies and they were amply demonstrated since the 19th century [Ullmann 1962]. There was research within the field of cognitive approach. Peter Koch has observed systematic cross-linguistic metonymic shifts in a number of conceptual frames. For example, in the MARRIAGE frame, a preparatory status (*fiancé(e)*) may stand for the status of being married: Latin *sponsus*, *-a* „fiancé(e) > „bride(groom)" > Popular Latin „husband/wife", as in Spanish *esposo*, *-a*, French *époux*, *-se*.

Despite numerous inquiries into metonymy, the connection between polysemy and metonymy remains unclear. Like multitudinous areas of verbal study, metonymy is still not fully understood. The absence of vital explanations stems from a lack of clarity on how a sphere and a source situation relate during the mapping process in speech, which complicates the addition of metonymy in dictionary registration. When examined within the cognitive sphere, metonymy serves as a fundamental part of cognition and communication.. We argue that metonymy performs all three operations simultaneously within the cognitive sphere — as an internal process, employing a meaningful aspect; as a verbal realization that is both reflecting life situations and as a communicative phenomenon implying understanding between interlocutors. Thus that metonymies may be classified into three groups — referential metonymy, concerning the cognitive aspect, the predicational one dealing with ontological situations and an intentional communicative metonymy.

This research aims also to give a practical viewpoint on the study of metonym. We study classes of metonymy in English as a possibility for practicle purposes in ABC educational process. We give a

taxonomy of metonymic expressions and a possible paradigm for empirical metonymy study through a realistic lens, which will form the base of our posterior disquisition.

In conclusion it should stressed that the contributions of academics from this broad discipline have led to a notable upsurge in the study of metonymy within cognitive linguistics in recent times. Nevertheless there are still a lot of unanswered questions about the nature, structure, operation, and distribution of metonymies within our abstract frame, as well as its possibility to relate to ABC educational process.

References

Gibbs R. W., Jr. The poetics of mind: Figurative thought, language, and understanding. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.

Koch P. Frame and contiguity: On the cognitive bases of metonymy and certain types of word formation // Metonymy in language and thought / eds K.-U. Panther, G. Radden. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1999. P. 139–167.

Ullmann S. Semantics: An introduction to the science of meaning. Oxford: Blackwell, 1962.

Аксенова Анна Владимировна

канд. филол. наук, доцент, Российский институт театрального искусства;
доцент, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

СТИЛИСТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ТЕКСТОВ ЛИБРЕТТО ПЬЕТРО МЕТАСТАЗИО

Ключевые слова: либреттистка, метр, ария, речитатив, тропы.

Пьетро Метастазио — один из ведущих итальянских поэтов XVIII столетия. Метастазио родился в Риме в 1698 г., в семье бедного ремесленника. Уже в раннем возрасте он проявил способности в импровизированной поэзии, благодаря чему и был замечен Джованни Гравиной — состоятельным адвокатом, который к тому же увлекался поэзией. Гравина усыновил П. Трапасси, дал ему новую фамилию, которая, по сути, была переводом его собственной на греческий язык- Метастазио. Метастазио получил классическое образование в Риме, изучал картезианскую философию в Калабрии. Позже, вернувшись в Рим он стал принимать мелкие заказы. В 1717 г. был опубликован первый сборник стихов «Трапеза Богов», но успех пришёл к поэту с его первой оперой- «Покинутой Дидоной», написанной в 1723 г. и поставленной на сцене в 1724 г. Вслед за ней в свет выходят и другие оперы, среди которых можно перечислить «Катон в Утике», 1727 г. и «Эцио», 1728 г. В 1730 г. поэт оставил Рим и переехал в Вену, заняв должность придворного поэта. В последующие десять лет он написал для имперского театра оперы «Адриан в Сирии», «Димитрий», «Олимпиада», «Милосердие Тита», «Ахилл на Скиросе». Некоторые из них были написаны в честь знаменательных событий и в рекордно сжатые сроки: «Ахилл» за восемь, а «Иперместра» за девять дней.

Помимо этого, он занимался разработкой религиозных сюжетов и в 1730 г. сочинил «Страсти Господа Нашего Христа», которая впоследствии стала одной из наиболее известных ораторий XVIII в.

Начиная с 1745 г. он писал все реже, а к 1755 г. и вовсе перестал.

Поэтическую деятельность сменила педагогическая — он преподавал итальянский язык эрцгерцогине Марии Антуанетте, будущей Королеве Франции. 3 сентября 1768 г. ему было присвоено звание академика дела Круска. Умер поэт в 1782 г. оставив все свое наследство детям своего близкого друга Мартинеса.

Метастазио удалось воплотить в жизнь оперную реформу благодаря удачному выбору тем, которые были близки как к аристократическому кругу, так и простому народу. Изменения касались в основном структуры оперы. Метастазио создал структурную модель по которой в опере было три действия, шесть персонажей и пять арий разного характера (блестящая, бравурная, страстная, да капо).

Метастазио выделял ариетты, исполняемые в виде коротких стихов, которые служили для передачи эмоционального состояния героя, и речитативы — песни, построенные на модели разговорного языка и основной темой которых были размышления персонажей.

Обращаемся непосредственно к анализу художественного своеобразия произведений Метастазио, следует отметить, что они отличаются особой «музыкальностью».

Одной из ключевых работ П. Метастазио — трактат «Estratto dell'arte poetica», где описывается гармоничное сочетание слова и музыки в опере.

Руководитель секции: Г. А. Баева.

Он «придавал большое значение функции арии, наполнив ее драматическим содержанием. Виртуозная поэтическая техника сочеталась с ариями, отличающимися гибкостью, поэтической мелодичностью, совершенством формы и особой сладостностью» [Луцкер, Сусидко 2004: 287].

Метастазио тщательно работал над музыкальностью поэзии либретто. Фонетическое благозвучие текста объясняется, в частности, выбором форм слова с дифтонгом. Так, например в текстах либретто часто встречается глагольная форма *vuo*' (форма 1 лица, ед.число глагола volere): «Ho risoluto, Aminta; / più consigli non vuo'»; «Vuo' che Clistene, / vuo' che la Grecia, il mondo / sappia ch'è un traditore». Помимо этого, Метастазио делает выбор в пользу слов с дифтонгами в следующих случаях: «S*ie*guimi, o figlia»; «convien ch'io s*ie*gua il padre». Поэт также отказывается от таких канонических форм с монофтонгами как *core* и *foco* в пользу форм с дифтонгом: «Adesso intendo / l'eccessiva pietà, che nel mirarti / mi sentivo nel c*uo*r».

Метастазио старался сделать язык либретто более выразительным, он активно использует стилистические фигуры и тропы, среди которых преобладают метафора и метонимия. Рассмотрим некоторые примеры метафоры и метонимии из оперы «Артаксеркс»:

1) метонимия: «Lucido dio per cui *l'april fiorisce,*/ per cui tutto nel mondo e nasce e muore…»; «se *il labro mio mentisce*/ piombi sopra il mio capo il tuo furore…»;

2) метафора: Sarà *del regno* mio/ soave *il freno*.

Отрицая эстетику эпохи барокко, поэт активно работает над структурой поэтического слога. Одним из основных достижений Метастазио в области либреттистики можно считать метрическую выверенность стиха либретто. Поэт что демонстрирует приверженность единому метру: количество слогов в строках его арий практически всегда совпадает, что очень важно для классической итальянской поэзии [Галатенко 2012: 165]. Рассмотрим Энея из оперы «Покинутая Дидона:

Se resto sul lido / Se sciolgo le vele,
Infido, crudele / mi sento chiamar.
E intanto, confesso / nel dubbio funesto,
Non parto, non resto, / ma provo il martire
Che avrei nel partire, / che avrei nel restar.

Пьетро Метастазио доказал, что сочетание прекрасной музыки с не менее выразительным и полноценным поэтическим текстом способствует созданию уникальных по своей красоте музыкальных произведений.

Литература

Галатенко Ю. Н. Пьетро Метастазио — гений итальянской либреттистики // Театр. Живопись. Кино. Музыка. 2012. № 3. С. 159–170.

Луцкер П. В., Сусидко И. П. Итальянская опера XVIII в. Ч. II. Эпоха Метастазио. М.: Классика-XXI, 2004.

Баева Галина Андреевна

д-р филол. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

НА ПУТИ К НЕМЕЦКОМУ ЯЗЫКУ НАУКИ: ПАРАЦЕЛЬС И ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИИ

Ключевые слова: традиция, язык науки, диглоссия, термин.

Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Хохенхайм (Philippus Aureolus Theophrastus Bombastus von Hohenheim) (1493/94–1541), более известный под псевдонимом Парацельс, вошел в историю как реформатор медицинской практики и теории, врач, алхимик, создатель химических препаратов, естествоиспытатель и натурфилософ эпохи Возрождения. Среди его несомненных разносторонних научных достижений следует указать и на его значительную роль по созданию и распространению немецкого языка как языка науки.

Одним из первых Парацельс стал использовать немецкий язык в практике обучения, осмелившись в 1527/28 уч. году в Базеле прочитать лекции «на языке слуг и служанок» на занятиях по прикладной медицине *chirurgia vulnerum.* Использование в лекциях и трудах немецкого языка Парацельс объяснял как практическими целями («*лечить по-немецки*»), так и общенаучными, показывая, что развитие науки и медицины связано не только с появлением новых болезней, но и с уточнением причин заболеваний, что привело к тому, что устаревшая латынь не всегда могла адекватно передать новые значения и назрела необходимость создания терминологии на немецком языке.

Для этой цели Парацельс адаптирует специальные понятия на родном языке как с семантической, так и с грамматической позиций, подбирая синонимы, и с их помощью описывает латинские и греческие термины [Pörksen 1994]. Парацельс не только онемечивает иностранные корни (praeparieren < lat. praeparare, operieren < lat. operare, abstinenz < abstinentia), но и создает целый ряд сложных слов: Bleipflaster, Brandsalbe, Kriegswunde, Scheidewasser, Blut-, Frauen-, Fuß-, Leber-, Zahnkrankheit и мн. др. Язык его практически ориентированных работ и лекций — немецкий, в то время как язык теоретических трактатов часто оценивают как смешение немецкого и латинского (deutsch-lateinische Mischsprache).

Критика традиционных терминов и выражений и создание собственных новых номинаций являются частью его постоянной деятельности по формированию новаторского языка. Парацельс трансформирует традицию, отвергая канонический авторитет древних языков, поскольку, по его мнению, болезни, как и средства их лечения не только подвержены времени, но имеют региональные особенности, поэтому номинация болезни и описание ее симптомов, как и лечение, не являются универсальными. Большое значение для врача, по мнению Парацельса, должна иметь народная симптоматика, при описании которой он противопоставляет язык врача и язык пациента. Включая язык пациента в описания симптомов болезни, он использует идиомы и пословицы, т. е. формы устно сохраненных знаний, устоявшиеся элементы устной традиции.

Немецкий язык Парацельса неоднозначно оценивался как его современниками, так и последующими исследователями. Признавая мощь его языка (Sprachmächtigkeit) и поэтическую красоту его работ (poetische Schönheit), исследователи отмечают и полностью непонятные пассажи (völlig unverständlich) [Telle 1981: 78–83, 94–100].

Парацельс остается ученым своей эпохи, интегрируя в свои тексты латинские заголовки и подзаголовки, цитаты своих предшественников, значительную часть понятийного аппарата, использует немецко-латинские парные формулы, создавая свои произведение в русле традиций ученой письменной культуры. Немецкий язык Парацельса имел во многом латинскую основу. Из латинского он заимствует не только лексику, но и некоторые грамматические конструкций, например, accusativus cum infinitivo, причастные и инфинитивные обороты и др.

Такой смешанный, «фахверковый» стиль представляет собой особую форму двуязычия, внутреннюю языковую диглоссию [Weinreich 1977: 20ff.]. Латынь ассоциируется с многовеко-

вой традицией и всеобщим европейским сообществом ученых, тогда как немецкий является языком народа. Парацельс пытается соединить две культуры, смешивая их в языке и одновременно подчеркивая их контрасты.

Переход наук с латыни на национальный язык в первую очередь касается не языка, а как пишет Юрген Шиве, «обмена двумя стилями мышления» (Austausch zweier Denkstile) [Schiewe 1996], ибо долгие годы латынь и немецкий языки были не только двумя языками, но и двумя социально закрепленными стилями мышления. Тот факт, что языковое оформление всей науки, если говорить прямо, изначально была латинским, означает, что латынь, вошедшая в немецкий языковой корпус, поддерживала двуязычие в тексте и через эту структуру напоминала о сфере науки, ее авторитете и ее истоках.

Литература

Pörksen U. Paracelsus als wissenschaftlicher Schriftsteller. Ist die deutsche Sachprosa eine Lehnbildung der lateinischen Schriftkultur? // Wissenschaftssprache und Sprachkritik. Untersuchungen zu Geschichte und Gegenwart. Tübingen: Narr, 1994. S. 37–83.

Schiewe J. Sprachenwechsel — Funktionswandel — Austausch der Denkstile. Die Universität Freiburg zwischen Latein und Deutsch. Tübingen: Niemeyer, 1996.

Telle J. Die Schreibart des Paracelsus im Urteil deutscher Fachschriftsteller des 16. und 17. Jahrhunderts // Medizinhistorisches Journal. 1981. Bd. 16. S. 78–100.

Weinreich U. Sprachen in Kontakt. Ergebnisse und Probleme der Zweisprachigkeitsforschung. Mit einem Vorwort von André Martinet / Hrsg. und mit einem Nachwort zur deutschen Ausgabe versehen von A. de Vincenz. München: Beck, 1977.

Бирр-Цуркан Лилия Федоровна

канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет;
l.birr-tsurkan@spbu.ru, liljats@mail.ru

АДРЕСАТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ПРАВИЛАХ ПОВЕДЕНИЯ ЗА СТОЛОМ XV И XVI вв.

Ключевые слова: адресат, адресация, этикет, правила поведения.

Правила поведения за столом (Tischzucht) являются образцами немецкой дидактической литературы. Первые из этих правил были написаны метрически упорядоченным, рифмованным языком (нем. gebundene Rede, gebundene Sprache). Именно такими являются положенные в основу настоящего исследования «Tischzucht» Якоба Кёбеля (Гейдельберг, 1492 г.) и «Tischzucht gemert und gebessert» (Вормс, 1538 г.). Особенностью первого свода правил является наличие указания авторства (Koebel, Jacob). Как правило, образцы подобной литературы не содержат имени автора.

Правила поведения за столом являются частным случаем правил этикета,ограниченным ситуацией нахождения за столом и приемом пищи в присутствии других людей

(1) *Dañ altzeit ich wole wiſſen gern/Wie ich doch hoflich ſole gebern/So ich bei den leuten ſeß/Und wie mit in über tiſch eß* — Так как хотел бы я всегда знать/как же я должен вести себя вежливо/когда я сижу с людьми/и с ними ем за столом [Tischzucht 1492: 1].

Особенностью этикетных правил поведения является их обращенность к адресату, наличие в них адресатных отношений. Согласно И. Д. Чаплыгиной, «Адресатные отношения устанавливаются говорящим субъектом, «вектор их направленности» — адресат, который принимает или отвергает эти отношения. <…> Адресатные отношения являются облигаторными отношениями для всех видов и форм коммуникации» [Чаплыгина 2008: 10]. Адресатные отношения реализуются в рамках адресатной ситуации, когда между автором речи и адресатом происходит опредленное коммуникативное взаимодействие. Разумеется, самой нормальной и естествнной формой представления адресатной ситуации является диалог. Однако, поскольку значением адресованности обладают «высказывания, объединенные общим прагматическим значением — значением направленности высказывания собеседнику с целью побуждения его к ответной реакции (вербализованной или не вербализованной)» [Чаплыгина 2008: 9], можно говорить о наличии значения адресованности, а, значит, и адресатных отношений и в такого рода текстах, которые создаются с целью воздействия на потенциального адресата, понимаемого вслед за И. Д. Чаплыгиной как «монологический, пассивный, потенциально-возможный, единичный/массовый, устный/письменный, эксплицитный/имплицитный, прямой/косвенный, конкретный/частно-обощенный, формальный участник РК» [Чаплыгина 2008: 17].

Основными средствами выражения адресатных отношений являются обращения к адресату. Однако, в отличие от других немецкоязычных сводов правил поведения (Benimmbücher), в анализируемых правилах поведения за столом нет прямого обращения к адресату этих книг. Хотя адресат и называется эксплицитно, но не в форме обращения:

(2) *Ich wil euch ſagen und underweiſen./Allen iungê alten und auch greiſen* — я хочу всем вам сказать и указать/всем молодым, взрослым и также старым [Tischzucht 1492: 4];

(3) *Der Edlen und zarten Jugend zu nutz* — Благородной и нежной молодежи во благо [Tischzucht 1538: 1].

Особенностью обеих анализируемых книг является наличие еще одного вектора адресатных отношений: предваряя непосредствнно правила поведения, автор обращается к Богу:

(4) *Got aller liebſter vatter mein/Gib mir deiner genadê ſchein/Das ich hie nit werde zů ſchãden/Und dort behüt vor tüfels banden/Bit ich dich du mich gewer/Schick mir einen 8 mich ler.* — Бог все-

могущий мой отец/дай мне знак твоего благословения/чтоб я был здесь не во вред/и там был защищен от банд дьявола/прошу тебя защитить меня/пошли мне благословение и научи меня [Tischzucht 1492: 3];

(5) *Herr Gott vatter iñ ewigkeyt/Dein milt handt iſt alzeit bereyt./ <…> O Chriſte unſer Gott und Herr/Zu wem ſolten wir růffen mer/Dañ zu dir…* — Господь, отец наш вовеки/твоя милостивая рука готова всегда <…> О Хрстос наш Божг и Господин/к кому еще нам взывать/как не к тебе… [Tischzucht 1538: 2]

Собственно обращения встречаются исключительно в этой части книг (*Got aller liebſter vatter mein в* примере (4) и *Herr Gott vatter iñ ewigkeyt* и *O Chriſte unſer Gott und Herr* в примере (5)).

Второй стороной адресатных отношений является автор, в данном случае автор книг. Прежде всего, автор находит отражение в форме личного и притяжательного местоимения 1 лица ед. числа:

(6) *Kurz hab ich mich bedachte zuſammen zereymen dir diß buchlein* — коротко я собрался тебе сложить в стихах эту книжицу [Tischzucht 1492: 2].

При этом стоит отметить интересную «самоидентификацию» автора в тексте правил 1492 г. В начале книги Якоб Кёбель обращается как бы не непосредственно от своего имени, а называет себя *Tischzucht* и обращается к читателю как бы от имени самих правил поведения за счтолом:

(7) Tiſchzucht bin ich genant/In allen landen wol erkant./Wer mich mit zuchten üben thůt/Der wirt vor ſchanden wol behůt. — Tiſchzucht меня называют/во всех землях я хорошо известен/кто во мне старательно упражняется/тот будет хорошо убережен от позора [Tischzucht 1492: 1].

В примере (7) находит отражение еще один способ косвенной отсылки к адресату с помощью субъектного предложения (*wer…, der*), весьма частотный в обеих анализируемых памятниках:

(8) *Wer über ein ſchüſſel hebet ſich/Mit dem mund der thůt totlich* — Кто над блюдом поднимается с (открытым) ртом, тот поступает смертельно (плохо) [Tischzucht 1492: 6];

(9) *Wer ſich ſchneuzt/ſo man eſſen ſol/In das diſch důch/es ſteht nit wol* — Кто сморкается/когда надо есть/в скатерть/это нехорошо [Tischzucht 1538: 5].

Основными способами выражения адресатных отношений в этих памятниках являются:

- личные и притяжательные местоимения 2 лица (чаще единственного, реже множественного числа):

(10) *Wiltu hoflich pfeffer eſſen/So ſoltu es eben ermeßen/Das du dor noch nit leckeſt die finger* — Если хочешь быть вежливым/то ты должен следить/чтобы ты не облизывал свои пальцы [Tischzucht 1492: 6];

(11) *Weñ ir dañ eyer eſſen wollt/Eh ir ſie iñgntzt oder ſchołt…* — Если вы хотите есть яйца/прежде чем вы их почистите… [Tischzucht 1538: 4];

(12) *Du ſolt deinen mundt mit maſſen/Oben ans trinckgeſchirr laſſen* — Ты должен своим ртом умеренно/дотрагиваться до верхнего края посуды для питья [Tischzucht 1538: 6].

- соответствующие личные формы глаголов:

(13) *Sich das du des nicht vergeſſeſt/Wañ du ein weich ey eſſeſt…* — Смотри чтоб ты не забыл/когда ты ешь яйцо всмятку… [Tischzucht 1492: 6];

- формы повелительного наклонения:

(14) *Wan du ißt mit einem man/Auß einer ſchüſſeln ſo ſyh in an/Hat er darin die hende ſein/So ſtoß dein hend nicht dor ein.* — Если ты ешь с человеком/из одного блюда, то смотри ему в лицо/Если его руки в блюде/то не лезь туда своей рукой [Tischzucht 1492: 5];

(15) *Schneuze dich nit mit bloffer handt/Nim eh fur dich dein felbs gewandt.* — Не сморкайся себе в руку/возьми для этого скорее свою одежду [Tischzucht 1538: 5].

Таким образом, наш материал позволяет говорить о наличии в изученных памятниках двухвекторных адресатных отношений (автор книги vs адресат книги и автор книги vs Господь, к которому он обращается в тексте своего опуса), основными способами выражения которых являются личные и притяжательные местимения, личные и повелительные формы глагола и лишь в исключительных случаях обращения.

Литература

Чаплыгина И. Д. Семантика и структура ты-категории: система средств адресованности // Языковые средства выражения значения адресованности в современной русской речи / под общ. ред. И. Д. Чаплыгиной. Петропавловск-Камчатский: Изд-во Камчат. гос. ун-та, 2008. С. 5–47.

Koebel J. Tischzucht. Heidelberg, 1492. Bayerische Staatsbibliothek. Münchner DigitalisierunsZentrum. Digitale Bibliothek. URL: https://mdz-nbn-resolving.de/details:bsb00029631 (дата обращения: 29.12.2024).

Tischzucht gemert und gebessert. Worms, 1538. Bayerische Staatsbibliothek. Münchner DigitalisierunsZentrum. Digitale Bibliothek. URL: https://mdz-nbn-resolving.de/details:bsb00020589 (дата обращения: 15.01.2025).

Жилюк Сергей Александрович

канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет;
s.zhilyuk@spbu.ru, s.a.jiluck@gmail.com

РУСИЗМЫ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ НАУЧНЫХ РАБОТАХ О РОССИИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII в.

Ключевые слова: заимствования, Д. Г. Мессершмидт, Ф. И. Страленберг, гибридное словообразование, научный дневник.

Заимствования стали проникать в немецкий язык еще в дописьменный период и могут быть зафиксированы в самых ранних письменных памятниках. Хотя они неоднократно оказывались объектом лингвистического исследования, некоторые из них по-прежнему требуют внимания со стороны языковедов. К таким заимствованиям можно отнести и русизмы — лексемы и основы, попавшие в немецкий из русского языка.

Общим местом в работах, посвященных русизмам в немецком языке, можно считать четкое разделение средневековых и относительно современных (XX в.) заимствований, в то время как эпоха XVI–XIX вв. характеризуется обратным процессом — массовым проникновением немецких слов в русскую речь [Центнер 2016]. Вместе с тем XVI–XVIII вв. — это время интенсивных контактов между немцами и русскими, причем контактов как военного, так и торгового и дипломатического характера. К этому времени относятся немецко-русские разговорники (т.н. «русские книги»), авторы которых, выходцы из Германии, вынуждены были учить русский язык, чтобы достичь успехов в делах с Россией [Баева 2021].

По приглашению Петра Великого в начале XVIII в. в Россию приезжают многие немецкие ученые, перед которыми император ставит задачу — исследовать территории страны, остававшиеся для монарха terra incognita. Одним из них стал Даниэль Готлиб Мессершмидт — прибыв в Россию в 1719 г., он отправился в экспедицию по Сибири, в ходе которой перед ним стояла задача дать максимально полное научное описание земель, которые простираются от Урала до границы с Китаем. Ученый стремился выполнить свою задачу максимально скрупулезно, однако далеко не все задуманное удалось воплотить в жизнь [Lehfeldt 2023], а его научный дневник, написанный на немецком языке с большим количеством русизмов, увидел свет лишь во второй половине XX в.

Больше повезло Ф. Й. Табберту фон Страленбергу, который, в отличие от Мессершмидта, не получил университетского образования и по своей специальности был военным, а не ученым. Однако именно он, попав в плен в 1709 г. и оказавшись в ссылке в Сибири, создал одно из первых опубликованных исследований этого обширного края — *Das nord- und ostliche Theil von Europa und Asien, insoweit solches das gantze rußische Reich mit Sibirien und der grossen Tatarey in sich begreiffet* (1730 г., Стокгольм, на немецком языке). В его сочинении не просто употребляются русизмы — часть его представляет настоящий словарь, в котором объясняется значение тех или иных русских понятий.

Появление в немецких сочинениях о России русизмов закономерно: заимствованные слова нередко используются для обозначения уникальных реалий [Drößiger 2010]: например, в тексте мессершмидтовского дневника зафиксированы такие лексемы, как *Knees, Prawitel, Grebzy, Gornitz, Kabak, Monastyr, Schassowna, Ozero, Werschina* и т. п. В немецком языке существуют эквиваленты этих слов; контекст их употребления говорит о том, что автор понимал их значение; и все-таки он предпочитает использовать именно русизмы.

Объяснений такого языкового поведения может быть несколько. Наиболее вероятной представляется следующая: некоторые лексемы немецкий ученый воспринимал как часть топонима (*Troizkij Monastyr*), другие глубоко анализировал и переосмысливал: например, слова *Knees* и *Prawitel* используются для обозначения местных вождей небольших племен, и немецкая лексема *Fürst*, эквивалентная русскому понятию «князь», едва ли, по мнению Мессершмидта, могла быть употреблена в своем «немецком» значении в данном контексте.

Страленберг также употребляет лексему *Knees*, но передавая с ее помощью русский титул, аналогичный титулу *Fürst*:

Es sind in Russland zwar sehr viele Kneesen und Dworianen oder Edelleute.

Видимо, в данном случае можно говорить о стремлении автора передать реалию, специфическую для России. Обращает на себя внимание и русизм *Dworianen*, обозначающий дворян, — употребив его, Страленберг считает должным дать соответствующее пояснение, привести немецкий синоним этого слова.

Особый интерес вызывает степень интегрированности заимствованных русских лексем в немецкую систему словоизменения и словообразования. Большинство русизмов у Мессершмидта и у Страленберга употребляются с артиклями, что позволяет говорить о наличии у них грамматических категорий рода, падежа и соотнесенности/несоотнесенности. Кроме того, некоторые русизмы не только соединяются с немецкими основами, образуя гибридные композиты (*Koslinjagd, Maslenica-Pläsiren*), но и участвуют в суффиксальном словообразовании — это свойственно многим топонимам (*abakanisch, kransojarsch*).

Таким образом, можно утверждать, что тесное взаимодействие с русскоязычной средой обогатило язык немецких исследователей и позволило максимально точно описать российские реалии начала XVIII в. Значительный уровень интеграции русизмов в немецкую речь свидетельствует о том внимании, которое авторы уделяли стилю своих произведений и немецкому языку в целом.

Литература

Баева Г. А. Национально-культурное своеобразие коммуникативного взаимодействия в отдаленные эпохи (на материале немецко-русского разговорника Т. Фенне 1607 года) // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. Вып. XI. СПб: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2021. С. 237–259.

Центнер М. С. Русизмы в немецком языке: состав, история, периодизация // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2016. № 2. С. 152–158.

Drößiger H. H. Zum Begriff und zu Problemen der Realien und ihrer Bezeichnungen // Vertimo Studijos. 2010. No. 3. S. 36–52.

Lehfeldt W. Daniel Gottlieb Messerschmidt. Göttingen: Universitätsverlag Göttingen, 2023.

Каменева Ольга Владимировна

канд. филол. наук, ст. преподаватель,
Санкт-Петербургский государственный университет;
o.kameneva@spbu.ru

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СЛОВ С ЧЕРЕДОВАНИЕМ ГОТ. ÞL-//FL- (И.-Е. *PL-) В НАЧАЛЕ КОРНЯ В ГОТСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: готский, прагерманский, консонантизм, спиранты, чередование.

В тексте Готской Библии встречается ряд словоформ с нестандартным рефлексом и.-е. *pl- > гот. þl- в начале корневой морфемы, тогда как в других германских языках данные корневые морфемы имеют регулярное отражение прагерм. **fl-* (гот. *þliuhan*, но др.-англ. *fleon*, др.-сакс. и др.-в.-нем. *fliohan*, др.-норв. *flyia*, др.-фриз. *flia*).

Считать переход и.-е. **pl-* > гот. *þl-* исключительно готской инновацией не позволяет ряд готских слов с регулярным рефлексом и.-е. **pl-* > гот. **fl-* (flaht, flodus,

Полный список засвидетельствованных форм в готском языке, содержащих *þl-* или *fl-* в начале корня, представлен в статье Davis et al. [Davis, Iverson 1994: 155–164], где также приводится подробный обзор предполагаемых объяснений данного перехода: качество билабиального спиранта /*f*/ в готском, обусловленность ближним фонологическим контекстом, отражение диалектной вариативности (гот. *þl-* как особенная черта диалекта Вульфилы).

В данной статье предпринята попытка представить сводные данные по корневым морфемам с регулярным и нерегулярным отражением и.-е. **pl-* в готском языке (гот. *þl-*//*fl-*) с точки зрения обновленных этимологических данных словаря индоевропейских глагольных корней под редакцией Х. Рикса [Rix 2001: 471–486]:

и.-е. ***pelh₁-*** «приводить в движение»: прагерм. **fel-ma*, гот. *us-filman* «испугаться» из «заставить биться сердце», ср. др.-гр. παλλομένη κραδίην «с бьющимся сердцем»;

и.-е. ***pelh₂-*** «приближаться»: в словаре Х. Рикса германские соответствия отсутствуют, однако в словаре В. Леманна со значительной долей неуверенности предлагается сопоставление с гот. *flauts* «тщеславный», **flautjan* «хвастаться» (из прагерм. **flau-*), впрочем равноценным считается также возведение к приводимому далее корню и.-е. ***pleh₃-*** «плыть, течь» [Lehmann 1986: 118];

и.-е. ***pelk-*** «оборачивать, укрывать, покрывать»: гот. *filhan* «хоронить», др.-англ. *feolan* «проникать» (от презентной основы и.-е. **pelk-e-*);

и.-е. ***pleh₁-*** «наполняться»: гот. *filu* «много», хорошо представлен в и.-е. ареале;

и.-е. ***pleh₁k-*** «разрушать»: др.-норв. *flá* «сдирать кожу», др.-англ. *flēan* «отрывать», новообразования от перфектной основы др.-норв. *fló*, др.-англ. *flōg* «опозорить»;

и.-е. ***pleh₂g-*** «бить, ударять»: др.-гр. *πλήσσω*, лат. *plangō* «бить, ударять, скорбеть» из и.-е. презентной *n*-основы, которые В. Леманн сопоставляет с гот. *þlahsjan* «испугаться», гот. *ga-þlahsnan* «взволновать» [Lehmann 1986: 363]. В индоевропейском ареале данная корневая морфема дает ряд видовременных новообразованных форм — презентные *e*-основы (др.-англ. *flōcan*, др.-сакс. *flōkan* «ударять рукой»), перфектная основа в гот. *faiflokun* «они рыдали» (имеющая соответствие в древнегреческом), презентная *i̯e*-основа в др.-гр. *πλάζω* «поворачивать отклоняться» (из и.-е. **plang-i̯e/o-*) [Lehmann 1986: 363] или др.-гр. πλάγιος «находящийся сбоку, непрямой» [van Beek 2022: 452–453], предположительно сопоставимые с гот. *þlaqus* «нежный, молодой (эпизод притчи о смокве)» из сильного глагола прагерм. **flakkōn* < и.-е. **plog-neh₂-* [van Beek 2022: 452–453]. В совокупности, картина осложняется существованием второго дуплетного корня и.-е. ***pleh₂k-*** «бить, ударять (как жест рукой)»: слав. *plakati* «бить себя в грудь»;

и.-е. ***pleh₃-*** «плыть, течь»: др.-англ. *flōwan* «течь» (из основы презенса и.-е. **pleh₃-ie-*), дополненное гот. *þliuhan* «убегать», *þlauh* (прош. ед. ч.), *þlauhs* «бегство» [Lehmann 1986: 363];

и.-е. ***pleh₃k-*** «нравиться, радовать»: лат. lat. *placeo*, *placare*, также, возможно, предложенное В. Леманном гот. *ga-þlaihan* «утешать» [Lehmann 1986: 151];

и.-е. **plek-* «плести»: др.-в.-нем. *flechtan* «плести», ср. слав. *plesti* «плести», а также гот. *flahtom* «плетенка» (дат. мн.ч. от **flahta*).

Данный обзор индоевропейских глагольных корневых морфем с начальным консонантным комплексом и.-е. **pl-*, которые предположительно могли бы служить источником для готской лексики с начальными гот. *þl-* или гот. *fl-* в корне, указывает на наличие этимологических расхождений еще на прагерманском этапе. С одной стороны, отражение данной вариативности в готском языке представляет собой архаизм. С другой стороны, это обстоятельство не позволяет считать вариативность гот. *þl- ~ fl-* диалектным явлением собственно готского языка. Данный довод косвенно поддерживается отсутствием графических вариантов в тексте Готской Библии.

Литература

Davis G., Iverson G. þl- in Gothic // Historische Sprachforschung / Historical Linguistics. Bd. 107. 1994. P. 155–164.

Lehmann W. P. A Gothic Etymological Dictionary. Leiden: E. J. Brill, 1986.

Rix H. Lexicon der Indogermanischen Verben. Die Wurzeln und ihre Primärstammbildungen. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2001.

van Beek L. The Reflexes of **l̥* // The Reflexes of Syllabic Liquids in Ancient Greek. Linguistic Prehistory of the Greek Dialects and Homeric Kunstsprache. Series: Leiden Studies in Indo-European. Vol. 22. Leiden: Brill, 2022. P. 445–481.

Карпов Владимир Ильич

канд. филол. наук, вед. научный сотрудник, Институт языкознания РАН;
Государственный академический университет гуманитарных наук

МНОГОТОЧИЕ В НЕМЕЦКОЙ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРАКТИКЕ XVIII — ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX в.: ВОПРОСЫ КОНТРАСТИВНОГО ИЗУЧЕНИЯ

Ключевые слова: немецкая грамматика, история языка, контрастивная пунктуация, многоточие, русский литературный язык.

Пунктуация европейских языков традиционно рассматривается как наименее отрегулированная часть грамматической системы. В отношении русского языка зачастую говорят о «принципиальной эклектичности» пунктуационной системы, что уже стало общепризнанным фактом (ср. [Николаева 1979: 26]). Наиболее отчетливо «эклектичность» проявляется при сопоставлении пунктуационного узуса и нормативных правил расстановки знаков препинания. При синхронном анализе фиксируются примеры использования пунктуационных знаков в функциях, которые не приводятся в действующих грамматических справочниках; в диахроническом плане релевантными оказываются случаи использования в письменной речи знаков препинания, не отраженных в базовых грамматиках. Таким образом, с точки зрения языковой истории системно значимая в синхронном срезе дихотомия «норма — узус» замещается противопоставлением знаков по степени их кодифицированности.

Многоточие исторически относится к некодифицированным, то есть незафиксированным в нормативных справочниках знакам препинания. Его включение в грамматические справочники европейских языков происходит в разное время: в орфографических разделах немецких грамматик многоточие упоминается не позже 1775 г., а в справочниках по грамматике русского языка — только в 1820–30-х гг., хотя в литературных источниках оно встречается на всем протяжении XVIII в. М. В. Ломоносов приводит в «Российской грамматике» перечень знаков препинания, которые описывались в ранних, еще церковно-славянских источниках, но оставляет без внимания многоточие. Кодификация многоточия производилась нормализаторами русской орфографии в результате наблюдения за литературной деятельностью писателей, живой речью современников и иностранной грамматической традицией. Если в отношении немецкого языка можно предположить кодифицирующее влияние латинских грамматик, то русская грамматическая традиция послепетровского времени во многом следовала моделям описания живых европейских языков.

Как известно, многоточие выступало маркером пауз, пропусков, умолчаний на письме. Одно из ранних описаний этого знака для немецкого языка приводится в справочнике по правописанию Иоганна Хеммера «Deutsche Rechtschreibung zum Gebrauche der kuhrpfälzischen Lande», различавшего — в соответствии со сложившейся в тот период традицией — три способа маркировки на письме пропусков: 1. многоточия, или «точки пропуска» (Auslassungspunkte), ставятся в тех случаях, «когда в середине связной речи опускаются слова или целые предложения»; 2. двойное тире (= = =), или черта прерывания (Hemmstrich), появляется в месте обрыва речи, наступающего «при сильном возбуждении или волнении, которое не ведет к прекращению высказывания»; 3. несколько следующих друг за другом черточек (---) (Querstriche) употребляются как регулярная замена многоточий или средство отбивки между далеко отстоящими друг от друга словами [Hemmer 1775: 154–155]. Термин Auslassungspunkte как наименование многоточия закрепился в терминологическом инвентаре немецких грамматик несмотря на высокую конкуренцию со стороны других обозначений пропусков на письме (ср. Unterbrechungszeichen «знак прерывания», Lückenzeichen «знак пустоты»).

Все три способа маркировки мы встречаем в русской литературе XVIII — начала XIX в. По всей видимости, использование каждого из них первоначально зависело от переводческой практики, точнее, от пунктуационного узуса того языка, с которого производился перевод тек-

стов на русский язык. Иностранные языки предоставляли набор вариантов, «из которого разные узусы (индивидуальные или складывающиеся в традиции) выбирают различные частные, по-разному упорядоченные наборы или конфигурации вариантов» [Живов 2004: 18]. Так, явно по французской модели шло использование многоточия в немецком и русском языках, по немецкой — черточек и тире в русском. Авторы художественных текстов отдавали предпочтение тому или иному знаку в зависимости от опыта овладения иностранными языками. Согласно нашим наблюдениям, например, Антиох Кантемир и В. К. Тредиаковский больше тяготели к французской традиции в силу того, что долгое время провели во Франции, а в отношении М. В. Ломоносова и А. П. Сумарокова можно утверждать, что они придерживались немецкого взгляда на грамматику и словесность в целом. Таким образом, учет авторства дает возможность установить, узус какого языка принимался тем или иным автором за ориентир в использовании некодифицированных знаков и почему предпочтительным для определенной группы сочинителей и грамматистов оказывался только один из возможных знаков.

По поводу «внедрения» некодифицированных знаков справедливо отмечают, что невозможно доподлинно установить, кому принадлежит инициатива их употребления в письменности [Шапиро 1955: 17]. Для целей контрастивного изучения подобных знаков препинания в немецком и русском языках мы могли бы сформулировать вопросы следующим образом: в каких функциях выступали многоточие и конкурировавшие с ним знаки в немецких и русских печатных источниках до первого упоминания в грамматиках, что оказывало решающее влияние на характер их использования в каждом из языков, какие значения приписывались многоточию в немецких и русских нормативных грамматиках и каким образом устранялась конкуренция с альтернативными способами маркировки пауз и пропусков на письме? Фокус на истории немецкой пунктуации неслучаен: в области грамматической теории российские грамматисты ориентировались преимущественно на немецкий опыт. Справочники по языкам, издававшиеся в XVIII в. в том числе и по заказу Академии наук, имели своей целью обеспечить взаимное понимание двух плотно сосуществовавших этноязыковых групп — немецкой и русской, поэтому составители при формировании концепции справочных изданий следовали имевшимся в их распоряжении немецким образцам.

Литература

Живов В. М. Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII вв. / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Николаева Т. М. О функциях пунктуационных знаков в русском языке // Современная русская пунктуация. М.: Наука, 1979. С. 26–46.

Шапиро А. Б. Основы русской пунктуации. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955.

Hemmer J. J. Deutsche Rechtschreibung zum Gebrauche der kuhrpfälzischen Lande. Mannheim: mit akademischen Schriften, 1775.

Нифонтова Дарья Евгеньевна

канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАЗОВЫХ ГЛАГОЛОВ В ЛАДИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: глаголы с отделяемой приставкой, ладинский язык, германизмы, латинизмы.

Фразовые глаголы, понимаемые как цельные семантические единицы, состоящие из смыслового глагола и приглагольного компонента, омонимичного предлогу, наречию или частице, представляют собой древнее явление. Так, уже в латыни встречается ставшее позднее крылатым выражение “Vade retro, Satana” (Иди прочь, Сатана). Однако наибольшее распространение данный класс лексем получил, прежде всего, в германских языках: английском (phrasal verbs) и немецком (глаголы с отделяемой приставкой). В современном итальянском в большинстве случаев значение потенциального приглагольного компонента уже заложено в семантике самого глагола: ср. нем. *hineinegehen* — ит. *entrare,* нем. *hinausgehen* — ит. *uscire,* нем. *hinaufgehen* — ит. *salire,* нем. *hinabgehen* — ит. *schendere*. Формы *entrare dentro, scappare via* или *uscire fuori* являются скорее разговорными и воспринимаются как избыточные. Таким образом, можно говорить о том, что итальянский, как и другие романские языки, скорее тяготеет к синтетическим, а не к аналитическим формам. Совершенно иным образом обстоят дела в ладинском языке, обнаруживающим огромное количество двухкомпонентных глаголов различной семантики. Р. Бауэр называет данный класс глаголов „*germanisch inspirierter Lehnprägungen und Calques*“ [Bauer 2008: 83], подтверждая свою мысль об именно германском влиянии указанием на ареал наибольшего распространения подобных единиц во всем регионе: северные диалекты ладинского — гадерский и гарденский (именно он лег в основу данного исследования), а также ретороманский язык на территории кантона Граубюнден. Аналогичную мысль высказывает П. Галльманн, утверждая, что те относительно малочисленные глаголы с отделяемым компонентом, которым удалось закрепиться в стандартном итальянском языке, стоят не на «тосканском фундаменте», а проникли в него под влиянием диалектов [Gallmann et al. 2008: 172].

К наиболее ярким примерам упомянутого выше калькирования можно отнести глагол лад. *se tré ora* — ит. *spogliarsi*, где ладинский глагол тянуть *tré* (ит. *tirare*) в возвратной форме в сочетании с наречием *ora* (ит. *fuori*) соответствует немецкому *sich ausziehen*. При этом итальянский эквивалент, пусть и тоже возвратный, не обнаруживает сходства с ладинским.

Основным отличием фразовых глаголов в немецком языке от других языков является расположение его компонентов: перед глаголом в немецком, после — в английском и романских языках (нем. *vorfahren vs.* лад. *jí inant,* англ. *go ahead,* ит. *passare avanti*).

Как правило, вторая часть фразового глагола уточняет значение основной глагольной лексемы, выражая направление действия или локализуя указанное состояние или процесс (нем. *wegwerfen*, англ. *stay up*). При этом основной глагол может как сохранять свое значение (нем. *aufheben* — лад. *auzé su* — ит. *sollevare,* нем. *einkaufen* — лад. *cumpré ite* — ит. *fare la spesa*), так и подвергаться метафоризации: нем. *einberufen* — лад. *cherdé ite* — ит. *convocare, assegnare*, нем. *sich erbrechen* — лад. *peté su* — ит. *vomitare*, нем. *abschließen* — лад. *stlù ju* — ит. *completare*. Особенного внимания заслуживает тот факт, что в ряде примеров в паре языков немецкий — ладинский совпадает и значение отдельно взятого глагола, и отделяемого элемента как в первом значении, так и в переносном (schließen = *stlù, ab = ju, abschließen = stlù ju в* обоих значениях: ‘закрывать’, и ‘завершать, заключать‘. При этом в итальянском данные значения закреплены за разными лексемами: *chiudere* и *completare*.

Как уже отмечалось, в большинстве случаев семантика отделяемого компонента в немецком и ладинском языках совпадает, определенный префикс в немецком имеет параллельный элемент в ладинском. Рассмотрим некоторые из них с точки зрения происхождения и соответствия друг другу:

нем. *auf* — лад. *su* от лат. *susum* ‘вверх’

нем. *aus* — лад. *ora* от лат. *foras* ‘снаружи’
нем. *weg* — лад. *demez/via* от лат. *dimettere* ‘убирать’, ‘отпускать’
нем. *zusammen* — лад. *adum* от лат. *ad unum* ‘к одному’, ‘вместе’
нем. *über* — лад. *sëura* от лат. *supra* ‘сверху’
нем. *vor* — лад. *dant* от лат. *de ante* ‘раньше’
нем. *nach* — лад. *do* от лат. *de post* ‘после’

Как видно из примеров выше, все приглагольные элементы в ладинском языке латинского происхождения, в то время как сам глагол может быть и германизмом:

нем. *wegräumen* — лад. *rumé demez* — ит. *mettere via*
нем. *weiterführen* — лад. *mené inant* (от лат. *minare* ‘вести’)

Проведенный анализ фразовых глаголов позволяет прийти к выводу об огромном влиянии, которое оказывает немецкий язык на ладинский как на уровне лексики, так и на уровне грамматики.

Литература

Bauer R. Ladinia Germanica. Zum Einfluss des Deutschen auf das rätoromanische Lexikon // Ladinometria. Festschrift für Hans Goebl zum 65. Geburtstag. Bd. 1 / Hrsg. G. Blaikner-Hohenwart et al. Salzburg: Universität Salzburg, 2008. S. 75–92.

Gallmann P., Siller-Runggaldier H., Sitta H. Sprachen im Vergleich. Deutsch-Ladinisch-Italienisch. Das Verb. Bozen: Istitut Pedagogich Ladin, 2007.

Разумных Елена Валерьевна

канд. филол. наук, доцент, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; amilano80@mail.ru

СТАНОВЛЕНИЕ АНАЛИТИЧЕСКИХ ФОРМ ПЕРФЕКТА С *HABBAN* В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОМ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ВЕРБОЦЕНТРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ

Ключевые слова: древнеанглийский язык, формы перфекта с *habban*, вербоцентрическая модель предложения.

Особенности формирования и функционирования аналитических форм перфекта на древнем этапе развития английского языка достаточно хорошо изучены и освещены в работах как отечественных, так и зарубежных лингвистов. Как и в современном немецком языке, в древнеанглийском существовала возможность построения перфектных форм с двумя вспомогательными глаголами — *habban* или *beon*, выбор между которыми, по-видимому, зависел от лексико-грамматических характеристик глагола в форме причастия II и особенностей контекста в целом.

Применительно к формам перфекта с *habban* процесс грамматикализации изначально свободного сочетания *habban* + V_{pp} можно наглядно продемонстрировать с использованием вербоцентрической концепции моделирования предложения. Анализ правой валентности указанного сочетания позволяет проследить этапы десемантизации глагола *habban и* его перехода к выполнению функции служебного элемента с одновременным переосмыслением связей внутри сочетания и становлением причастия как центра предикации — процесса, суть которого не вызывает разногласий среди исследователей (см., напр.: [Ярцева 2022; Смирницкая 1965; Traugott 2005]). При этом все случаи реализации предикативного комплекса *habban* + V_{pp}, выделенные методом сплошной выборки на материале памятников древнеанглийского периода, могут быть разделены на несколько групп в зависимости от силы проявления в них упомянутых тенденций грамматикализации.

Первая группа включает предложения с правым актантом — прямым дополнением, отличающиеся четко выраженной посессивной семантикой предикативного комплекса *habban* + V_{pp}, которая достигается за счет указания на некоторое (как правило, физическое) действие, в результате которого активный субъект в каком-то смысле получает объект в свое обладание или распоряжение. Сравн.: ***Hæfde*** *se goda / Geata leoda // cempan* ***gecorone*** (Beo, 205–206) — ‘Тогда этот достойный (муж) из народа гаутов наихрабрейших выбрал (букв.: имел выбранными)’. Семантика посессивности прослеживается и в тех контекстах, где речь идет о приобретении субъектом некоторой информации или нового состояния, хотя правый актант в этом случае может быть выражен не только существительным в винительном падеже, но и придаточным предложением, что свидетельствует о развитии спектра структурной сочетаемости предикативного комплекса. Сравн.: *Ic þæt gearolice /* ***ongiten hæbbe*** *… þæt …* (Elene, 288) — ‘Я это без промедления понял, что… (т. е. стал обладателем некоторой понятной информации)’.

Ко второй группе относятся предложения аналогичной субъектно-объектной структуры с прямым дополнением, однако семантика посессивности оказывается здесь в значительной мере затемненной, поскольку речь идет не о физическом, а о некотором ином воздействии на объект, который зачастую сам становится носителем нового качества или состояния. В структурном плане важной характеристикой предложений данной группы является расширение правой валентности предикативного комплекса и появление дополнительных актантов (в роли бенефицианта, инструменталиса, пациенса, локатива), чего не наблюдалось в предложениях первой группы. Сравн.: *hæfde* ***East-Denum*** *// Geatmecga leod / gilp gelæsted* (Beo, 828–829) — ‘данам вождь гаутов свою клятву исполнил (букв.: имел данам клятву исполненную)’. Можно предположить, что подобное расширение структурной схемы становится одним из факторов, под действием которого в центре внимания оказывается не посессивная семантика *habban*, а действие,

обозначенное причастием прошедшего времени. Элементы сочетания *habban* + V_{pp} становятся при этом более связанными друг с другом, а характерная для перфекта семантика результативности проявляется с большей очевидностью.

Третья группа объединяет в себе предложения, допускающие использование в сочетании *habban* + V_{pp} причастия от непереходных глаголов и не имеющие поэтому прямого дополнения в роли правого актанта. Ранее отмечалось, что именно возможность использования *habban* в составе единого комплекса с причастиями от непереходных глаголов свидетельствует об окончательной грамматикализации и становлении аналитической формы перфекта со значением результативности действия [Жирмунский 2015]. Правая валентность предикативного комплекса может быть при этом реализована за счет иных актантов (как правило, с предложным управлением) либо быть нереализованной вовсе. Сравн.: *ond we to symble* / ***geseten hæfdon*** (Beo, 2104) — ‘и мы за пир сели’; *Gewat he þa feran, / swa him frea mihtig // …**gescrifen hæfde*** (Andreas, 786–787) — ‘И отправился он тогда в путь, как ему Господь всемогущий … предначертал’; ***Hæfde** ða **forsiðod** / sunu Ecgþeowes // …Geata cempa* (Beo, 1550–1551) — ‘Тогда он погиб, сын Эггтеова… вождь гаутов’.

Таким образом, использование вербоцентрической концепции для комплексного анализа структурных схем предложений оказывается эффективным инструментом, вскрывающим не только различия в структурной и смысловой спаянности компонентов сочетания *habban* + V_{pp} в зависимости от его актантного окружения, но и семантические изменения в самих контекстах, сопровождающие становление аналитических форм перфекта в древнеанглийском.

Литература

Жирмунский В. М. История немецкого языка. М.: URSS; Ленанд, 2015.

Смирницкая О. А. Происхождение аналитической формы перфекта в древних германских языках: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1965.

Ярцева В. Н. Исторический синтаксис английского языка. М.: Ленанд, 2022.

Traugott E. C. Syntax // The Cambridge History of the English Language / ed. by R. M. Hogg. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 168–289.

Тихонова Елена Сергеевна

канд. филол. наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет "ЛЭТИ"
им. В. И. Ульянова (Ленина);
middjungards@gmail.com

К СПЕЦИФИКЕ ОБРАЗНЫХ СРАВНЕНИЙ В СТАРШЕЙ ЛИВОНСКОЙ РИФМОВАННОЙ ХРОНИКЕ

Ключевые слова: средневерхненемецкий, Старшая Ливонская рифмованная хроника, образные сравнения, устойчивые словосочетания.

В докладе рассматриваются образные сравнения в Старшей Ливонской рифмованной хронике — анонимном стихотворном памятнике на восточносредненемецком диалекте, основным стилистическим признаком которого является использование устойчивых и формульных словосочетаний.

Структура сравнения включает предмет (comaprandum; то, что сравнивается), образ (comparatum; то, с чем сравнивается) и признак (tertium comparationis; то, на основании чего производится сравнение) [Földes 2007: 426]. Четвертым членом сравнения является сравнительный союз или частица. В Хронике это почти исключительно союз *als* «как». Союз *also* употребляется в значении «так, настолько, таким образом», однако в 5 случаях он синонимичен *als* «как», и используется в сравнении. Союз *wie* в сравнениях в Хронике не представлен. Общее значение сравнений, как правило, можно выразить образной формулой с интенсифицирующим значением «крайне, очень, невероятно» + признак сравнения [Friedrich 2006: 41].

В силу специфики содержания данного памятника как сравнения в целом, так и типичные признаки сравнений несут отпечаток её тематики — Балтийского крестового похода. Так, частотное для свн. сравнение на основании признака «сияние» в Хронике реализуется в уподоблении шлемов стеклу (в одном примере — зеркалу). Сказуемое в таких предложениях выражено глаголом *lûchten* «сиять» или глаголом чувственного восприятия *sehen* «видеть»:

(1) *ir brunjen wâren liechtgevar, // ir helme lûchten als ein glas*. (10404–11) — Их кольчуги сияли, их шлемы блестели, подобно стеклу.

Образом сравнения могут выступать ключевые для поэтики Хроники номинации воина с эпитетом, такие как *helt* «герой», *degen* «рыцарь», а также *pilgerîn* «паломник». При этом героям или рыцарям уподобляются конкретные братья Ордена, комтуры или магистры, названные поимённо (2), немцы или члены Ордена вообще и даже куроны (3). Таким образом, поэтизмы *helt* и *degen* передают здесь крайне положительную оценку качеств упомянутых персонажей:

(2) *brûder Bernhart von Hâren // als ein degen zwâren // rische hûb sich ûf die vart // mit sînen brûderen ungespart // von Goldingen und der Mimele*. (4775–79) — Брат Бернхарт фон Харен, как истинный рыцарь, быстро отправился в поход из Гольдингена и Мемеля, не щадя своих братьев.

(3) *die Kûren wâren bie dem vanen // als rasche helde, daz ist wâr*. (11745–46) — Куроны были у знамени, как храбрые герои, это правда.

Образом сравнения также может быть «мужчина, муж», как по признаку мужественности (*als ein man* «как мужчина»), так и с качественным определением (*ein vil sêlic man* «весьма блаженный муж», *ein wîser man* «мудрый муж», *ein vromer man* «благочестивый муж»). Определение также может быть выражено придаточным предложением (*als ein man, der…*):

(4) *ir brûdere und ir dûtschen al, // ûwer ieclîcher sal // got von himele rûfen an // unde strîten als ein man*. (4807–10) — Вы, братья, и все вы, немцы, каждый из вас должен воззвать к Богу на Небесах и сражаться, как мужчина.

При описании сражений также используются сравнения, содержащие лексику, характерную для поэтики Хроники: братья Ордена сравниваются с ловчими птицами, кровь — с ручьём (5), снег — с кровью, а внезапное прибытие литовцев — с арбалетным болтом:

(5) *der wîze snê wart als ein blût // und daz velt al blûtgevar*. (10076–77) — Белый снег был подобен крови, а поле — всё кроваво-красным

В одном примере сравнение представляет собой пословицу и входит в лексикон языка как устойчивое словосочетание [Friedrich 2006: 41], ср. [Thesaurus 1998: 451]:

(6) *als die katze mit der mûs // spilten die Oselêre: // den Sweden wart iz swêre*. (1230–32) — Как кошка с мышкой играли эзельцы: шведам приходилось тяжело.

Сравнение также может быть частью сравнительного придаточного предложения (*sie rîten als ir vater reit* «они ехали, как ездили их отцы»; *als ein tûschere tût* «как делает обманщик»), часто с глаголом *tûn* «делать» или с глаголом в Konjunktiv II, передающим нереальное сравнение. Образ сравнения может быть выражен прилагательным *wilt* «дикий»:

(7) *die lûte, die dannen quâmen, // den wec sie wider nâmen // durch grôz ungevilde, // alsô sie wêren wilde.* (5689–92) — Люди, которые оттуда сбежали, они снова отправились в путь через большую пустошь, как будто они были дикие.

Кроме того, сравнения часто встречаются в устойчивых словосочетаниях — авторских комментариях, ссылающихся на авторитетный источник (*als das bûch saget* «как говорит книга»; *als ich gelesen hân* «как я прочитал»; *als ich ê lâs* «как я прежде читал» и др.). Подобные устойчивые словосочетания являются формульными и используются для заполнения строки.

Часть регулярно повторяющихся в Хронике устойчивых словосочетаний связана с ритуализованным гостеприимством и указывает на необходимость совершения какого-либо конвенционального действия (*als ez wol gezâm* «как пристало»; *als man den gesten tût* «как делают для гостей»).

Другая значительная часть устойчивых словосочетаний, содержащих сравнения, указывает на то, как до́лжно вести себя в битве (*als man kein strîten sol*), или же как обычно проходит сражение (*als daz urlouge tût*).

Подводя итог, можно сказать, что образные сравнения представляют собой существенный пласт поэтики Хроники, при этом, в соответствии с тематикой данного памятника, и образ, и предмет сравнения, как правило, представлен лексикой, относящейся к военному делу.

Литература

Földes Cs. Phraseme mit spezifischer Struktur // Phraseologie: ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung / Hrsg. H. Burger et al. Bd. 1. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2007. S. 424–435.

Friedrich J. Phraseologisches Wörterbuch des Mittelhochdeutschen: Redensarten, Sprichwörter und andere feste Wortverbindungen in Texten von 1050–1350. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2006.

Thesaurus proverbiorum medii aevi. Lexikon der Sprichwörter des romanisch-germanischen Mittelalters // Begründet von Samuel Singer Herausgegeben vom Kuratorium Singer der Schweizerischen Akademie der Geistes- und Sozialwissenschaften. Bd. 6. Berlin; New York: De Gruyter, 1998.

Чупрына Ольга Геннадьевна

д-р филол. наук, профессор, Московский городской педагогический университет;
chuprinaog@mgpu.ru

ПРИЗНАКИ «ЖИЗНЬ» И «СИЛА» КАК СЕМАНТИЧЕСКАЯ И КОГНИТИВНАЯ ОСНОВА ОБОЗНАЧЕНИЙ ВОЗРАСТА ЧЕЛОВЕКА В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: возраст, протоиндоевропейский, общегерманский, семантический признак.

Возраст можно рассматривать как многослойную понятийную категорию, вобравшую в себя представления, сложившиеся в самых разных сферах деятельности людей и их знания: природной, социальной, художественной, политической и иных. Осмысление возраста происходит внутри исторически и социально подвижного понятийного континуума *молодой — старый*. В древнегерманских языках наименования, связанные контрарными отношениями *молодой — старый*, были образованы от корней протоиндоевропейского происхождения и общегерманского происхождения. Слова с архисемой *молодой* восходят к суффигированному протоиндоевропейскому корню *yuwn-ko- < *yeu- «жизненная сила, энергия» [Online Etymology Dictionary]: да. geong, двн. jung, гот. yuggs, дисл. ungr. Слова с архисемой *старый* восходят к общегерманской основе причастия прошедшего времени *althaz «выросший, взрослый» < протоиндоевроп. *al- «растить, вскармливать» [Online Etymology Dictionary].

В древнеанглийском языке не зафиксировано абстрактное понятие *возраст* и, соответственно, не зафиксированы лексемы, которые его обозначали бы. Когнитивную основу лексико-семантической группы *возраст* составили представления о возрасте человека как о совокупности отдельных возрастных характеристик объекта номинации. К древнему периоду развития английского языка применимо замечание болгарского исследователя Д. Митева о том, что осмысление возрастных характеристик в древности было сфокусировано на выражении «эволюции мужской жизненной силы» [Митев 2012: 56]. Отсюда — производные от основы *geong* «молодой», в семантике которых содержится гендерный, а именно маскулинный признак: *geonga* и *geogling* «молодой человек, молодой мужчина» [An Anglo-Saxon Dictionary]. Если исходить из того, что мужчина a priori наделен силой, наивысшая степень проявления которой характерна для молодого возраста, то в семантике этих слов сохраняется прототипический смысл, установленный для исходного протоиндоевропейского корня *yuwn-ko- — (*жизненная) сила, энергия*. Абстрактное понятие *молодость* складывается на основе представления этого периода жизни как возрастной характеристики мужчин: *geoguþ < geog +uþ/aþ* «молодые мужчины; молодость» (*the youth, young persons; juventus, juvenes*) [An Anglo-Saxon Dictionary].

Существительное *strengþu* «зрелость (мужчин)» (*the time when a man is strong, mature years*) образовано с помощью того же суффикса, что и *geoguþ*, однако корень в нём иной — *streng*. В первом значении существительного *strengþu* «strength, power to do, fortitude, power to bear, firmness» [An Anglo-Saxon Dictionary] очевидным образом отражены представления о силе духа и способности действовать и выносить испытания. Именно эти характеристики определяют понятие, лежащее в основе значения слова *strengþu*.

В другом осмыслении зрелого возраста признак *сила* замещается признаком *пригодность, польза*, при этом гендерная характеристика сохраняется. Так образуется номинативная единица *duguþ* «зрелые мужчины; зрелость», представляющая собой производное от глагола *dugan* «быть полезным, пригодным» с суффиксом абстрактного существительного *-uþ/-aþ* [An Anglo-Saxon Dictionary].

Наряду со словами *strengþu* и *duguþ* в древнеанглийском существовало гендерно нейтральное обозначение зрелости: *mid-feorh* «средний возраст; зрелый возраст; зрелость» < *mid* «*середина*» + *feorh* «жизнь».

Обозначения возраста женщины менее разнообразны и не связаны с представлениями о силе или жизни. Они были связаны с представлениями о невинности как неотъемлемой ха-

рактеристики молодого возраста. В древнеанглийском языке знаками возраста женщины были обозначения молодой, невинной девушки — *mǣgþ, mægden*, *meōwle и* немолодой, старой женщины *iū- meōwle* [An Anglo-Saxon Dictionary], давно утратившей невинность. Зрелость женщины, очевидно, не имела общественного значения и потому не получила отдельного, самостоятельного обозначения.

В противоположность молодости и зрелости, старость не была означена в древнеанглийском языке как обобщенное понятие, но отражалась через возрастную характеристику людей — *eald* «старый». Как составляющий элемент категории *возраст*, *старый* переосмыслялся как *старший*, *главный*. В семантической структуре существительного *ealdor*, производного от *eald*, были совмещены признаки *старый* и *главный (в семье)* / *глава семьи*. Устойчивое выражение *wintrum frod* «мудрый или старый годами (зимами)» (дат. п. мн. ч.) выражало представление о старости человека как времени мудрости. Таким образом, понятийный континуум *молодой — старый* обогащался коннотациями, определяющими зрелый возраст как период жизни, связанный с силой духа человека и его пользе для общества, а для старости значимыми оказались коннотации главенства в определенной иерархии и мудрости.

Источники

An Anglo-Saxon Dictionary Based on the Manuscript Collections of the Late Joseph Bosworth / ed. and enlarg. by T. T. Northcote. Vol. 1–5. Oxford: Oxford University Press, 1882–1892. URL: https://www.ling.upenn.edu/~kurisuto/germanic/oe_bosworthtoller_about.html (дата обращения: 10.01.2025).

Online Etymology Dictionary. URL: https://www.etymonline.com/ (дата обращения: 10.01.2025).

Литература

Митев Д. Категория возраста в аспекте номинативной деятельности языка (на материале русского и болгарского языков). Велико Търново: Фабер, 2012.

Ширшикова Алиса Александровна

ст. преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет;
a.shirshikova@spbu.ru

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИЯХ СТИХОТВОРНЫХ ФОРМ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ГРАММАТИКАХ XVIII ВЕКА

Ключевые слова: грамматика, эпоха Просвещения, немецкий язык, научно-учебный текст, стихотворный метатекст.

Представленный доклад посвящен метатекстовым особенностям научно-учебного текста, а именно тому, какие функции выполняют стихотворные фрагменты, вплетенные в канву грамматического описания. По словам А. Вежбицкой, «метатекстовые нити» реализуют в тексте несколько функций, среди которых –– соединение, скрепление текста и его усиление [Вежбицка 1978: 421]. Метатекстовые фрагменты указывают на реализацию метаязыковой функции языка, или «функции толкования» согласно определению Р. О. Якобсона [Якобсон 1975: 202].

Материалом данного исследования послужили учебники по грамматике немецкого языка И. К. Готшеда (Kern der Deutschen Sprachkunst, 1753) и И. К. Аделунга (Deutsche Sprachlehre, 1781), а также переведенная на немецкий язык грамматика русского языка М. В. Ломоносова (Russische Grammatik, 1764). Материал исследования интересен тем, что представленные грамматические труды вышли из-под пера выдающихся ученых-просветителей Германии и России XVIII в.

Цель исследования заключается в лингвистическом анализе особенностей включения стихотворных фрагментов в виде цитат из классических литературных произведений в научно-учебные тексты грамматик эпохи Просвещения. В рамках исследования также уделяется внимание мультимодальным аспектам коммуникации, что определяет его актуальность. В. Е. Чернявская рассматривает шрифтовое и графическое оформление текста как часть сферы лингвистики, подчеркивая их непосредственное влияние на процесс восприятия и понимания текста [Чернявская 2021: 103]. Стихотворные включения выделяются на фоне строгого, академического изложения грамматических явлений языка не только содержательно, но и визуально, чему способствуют как типографическое расположение поэтических фрагментов, вписанных в логически выверенную структуру научно-учебного текста, так и выбор типографского шрифта, разрядки и т. п. Возникающий контраст, несомненно, приковывает к себе внимание читателя и благотворно влияет на восприятие и усвоение сложной информации.

Выбранная нами в качестве одного из источников примеров грамматика И. К. Готшеда представляет собой сокращенную версию его труда «Grundlegung einer deutschen Sprachkunst nach den Mustern der besten Schriftsteller des vorigen und jetzigen Jahrhunderts abgefasset» (1748), в названии которого заявлены многочисленные отсылки к «образцам лучших писателей предыдущего и нынешнего столетия». Примечательно, что в сокращенной версии, подготовленной автором для обучения немецкому языку в школах, стихотворные цитаты изобилуют лишь в четвертой (заключительной) части сочинения, посвященной просодии. В грамматиках И. К. Аделунга и М. В. Ломоносова стихотворные фрагменты приводятся для иллюстрации тех или иных грамматических правил. Так И. К. Аделунг обращается к стихотворным формам для демонстрации примеров возможного опущения вспомогательных и прочих глаголов в придаточных предложениях, а также для наглядности употребления предлогов с дативом и аккузативом, что, безусловно, также упрощает их запоминание. Заслуживает внимания и тот факт, что в грамматике М. В. Ломоносова для иллюстрации примеров предложений с условными и противительными союзами используются цитаты из стихотворений М. В. Ломоносова.

Таким образом, лингвистический анализ особенностей включения стихотворных фрагментов в научно-учебные тексты (на материале грамматик XVIII в.) позволил выявить, что авторы рассмотренных грамматик приводят цитаты из классических произведений, чтобы проиллюстрировать те или иные языковые явления, тем самым придавая дополнительный вес собствен-

ным наблюдениям над исследуемым языком, но также и приобщая читателя к культурному и литературному наследию, что соответствует духу эпохи Просвещения. Благодаря визуально-графическому оформлению стихотворные формы выделяются в пространстве строго структурированного научно-учебного текста, а содержательная сторона подобных включений благоприятствует усвоению изложенной информации.

Литература

Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста. М.: Прогресс, 1978. С. 403–421.

Чернявская В. Е. Визуальность в социокультурной проекции // ПРАΞНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2021. № 2 (28). С. 96–109.

Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм «за» и «против»: сб. ст. / под ред. Е. Я. Басина, М. Я. Полякова. М.: Прогресс, 1975. С. 193–230.

Adelung J. Chr. Deutsche Sprachlehre: zum Gebrauche der Schulen in den Königliche Preußischen Landen. Berlin: Christian Friedrich Voss und Sohn, 1781.

Gottsched J. Chr. Kern der Deutschen Sprachkunst, aus der ausführlichen Sprachkunst Gottscheds, zum Gebrauch der Jugend, von ihm selbst ins Kurze gezogen. Leipzig, 1753.

Lomonoßov M. Russische Grammatik / verfaßet von Herrn M. Lomonoßow; aus dem Rußischen übersetzt von J. L. Stavenhagen. St. Petersburg: Kayserliche Academie der Wissenschafften, 1764.

Школьникова Ольга Юрьевна[1], Рустамова Марьям Бахрам Гызы[2]

[1]д-р филол. наук, зав. кафедрой, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; chkolnikova@icloud.com

[2]аспирант, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; r.maryashka@gmail.com

ДИАЛЕКТ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ КАРЛО ГОЛЬДОНИ И ПРОБЛЕМА ЯЗЫКОВОЙ АДАПТАЦИИ ЕГО КОМЕДИЙ НА СОВРЕМЕННОЙ ТЕАТРАЛЬНОЙ СЦЕНЕ

Ключевые слова: Карло Гольдони, итальянский язык XVIII в., венецианский диалект.

К XVIII в. вопрос о литературном языке в Италии был уже давно решен, основа для него была избрана, Академия и литераторы трудились над ее закреплением. Однако новые культурные веяния вызвали всплеск интереса к театру, что привело к обсуждению его роли в общественной жизни, и соответственно, его функций, форм и особенностей языка. Как известно, решающую роль в реформе итальянского театра XVIII в. сыграл венецианский драматург Карло Гольдони, оставивший огромное литературное наследство, большую часть которого составляют 155 комедий. Произведения именно этого жанра считаются критиками наиболее ценными с точки зрения новой драматургии. Однако и в развитии итальянского языка жанр комедии играет очень значительную роль. Именно в комедии проявляются и фиксируются черты живого разговорного языка, именно комедия, как литературное произведение, становится проводником живых народных форм в литературный узус.

Театральное искусство, по мнению Гольдони, должно было выполнять не только развлекательную функцию, которая блистательно реализовывалась старой комедией дель арте, но и просвещать, воспитывать своего зрителя, изображая действительность и современного человека с его интересами, недостатками и добродетелями. Для того же, чтобы зритель поверил, надо говорить с ним на его языке. Гольдони считал, что сами актеры, импровизирующие на сцене, не вполне справляются с этими задачами, и за текст целиком отвечает автор. Такой переход, потребовавший как кардинального изменения в актерской практике, так и нового зрительского восприятия, мог осуществляться постепенно. Поэтому на сцене в комедиях Гольдони остаются маски, однако они уже принимают социальные формы, актуальные для эпохи XVIII в.

Персонажи-маски традиционно говорили на диалектах, причем на определенных диалектах: Панталоне на венецианском, Бригелла на болонском, Арлекино на бергамском. В комедиях Гольдони все маски говорят на венецианском диалекте, в комедии «Слуга двух господ» автору не важно, что уроженец Бергамо Труффальдино из Бергамо говорит на том же диалекте, что и венецианец Панталоне. Таким образом, диалект у Гольдони не является средством региональной характеристики персонажа, которая могла бы вызвать у зрителя ассоциации по региональному признаку. Диалект становится выразительным средством, позволяющим автору переключать языковые коды для достижения художественного эффекта, при чем диалект служит именно для социальной характеристики героя.

Дихотомия итальянский — венецианский была ориентирована на то, что пьесы Гольдони ставились в театрах, в первую очередь, в Венеции, а также в других городах северной Италии, например, в Мантуе, и была нацелена на то, чтобы зритель идентифицировал себя с героями пьесы.

Достаточно редко, в некоторых комедиях Гольдони экспериментирует с разными диалектами, это можно наблюдать, например, в комедии «Льстец», причем, все маски говорят на венецианском, а на диалектах говорят несколько слуг, которые так и заявлены в списке персонажей: повар-генуэзец, конюх-болонец, конюх-флорентиец, конюх-венецианец.

Подобное использование диалекта как кода переключения характерно в наибольшей степени для второго периода творчества драматурга — комедий, написанных в 1748–1753 гг. (в ран-

них комедиях Гольдони еще использовал импровизацию, а в поздних писал целиком на литературном языке или целиком на диалекте).

Слава Гольдони преодолела и границы северной Италии, и границы Италии в целом, его реформа оказала влияние на национальные театральные традиции, а пьесы, общепризнанно, составили международный золотой фонд драматургии и приобрели себе зрителя во многих странах. Комедии Гольдони ставят по всей Италии и за рубежом, и язык его комедий остается частично непереводимым на другие языки, что связано с огромной ролью диалекта в языковой составляющей комедий. С другой стороны — универсальность венецианского диалекта в интерпретации Гольдони, его надрегиональный характер позволяет рассматривать его как специфическое средство выразительности и оправдывает возможность компенсировать его художественные функции другими способами.

В докладе мы рассмотрим интерпретации переключения языкового кода, предложенные в современных театральных постановках пьес Гольдони в ведущих театрах Италии, а также в переводных версиях, в постановках на российской сцене на примере комедий «второго периода» — «Льстец», «Игрок» и «Слуга двух господ».

ЛЕКСИКОЛОГИЯ И ФРАЗЕОЛОГИЯ (РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ)

Аккуратова Ирина Борисовна

канд. филол. наук, доцент, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации;
irina_akkuratova@mail.ru

ПРОИЗВОДНЫЕ С ИНОЯЗЫЧНЫМИ КОМПОНЕНТАМИ *-MANIE* И *-ITIS* В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: иноязычный компонент, производные, субъективная оценка, отклонение от поведенческой нормы.

Использование заимствованных аффиксов и конфиксов в окказиональном и узуальном словопроизводстве является актуальной темой для исследования, так как функциональные особенности заимствованных словообразовательных элементов меняются с течением времени, что позволяет проследить и выявить динамику их применения в деривационных процессах немецкого языка [Fleischer, Barz 2012: 31–34].

Лексема *Manie* в немецком языке является заимствованием древнегреческого происхождения, где *Manía* (*μανία*) имела значение «гнев», «ярость», «безумие», а позднее в латинском языке использовалась как *Mania в* качестве медицинского термина со значением «бешенство». В немецкий язык лексема *Manie* вошла со значением «влечение», «зависимость», а первые медицинские термины с компонентом *-manie* появились в XVII в., где заимствование *-manie* имело значение «болезненная или чрезмерная зависимость»: *Nymphomanie* (калькирование с латинского *nymphomania — нимфомания*); *Kleptomanie (клептомания, страсть к воровству)*; *Pyromanie* (*страсть к поджогам*). Прилагательные с конфиксом *-man* (*megaloman — страдающий манией величия*) вошли в состав немецкого языка позже. Существительные, обозначающие деятелей мужского и женского пола, оканчивающиеся на *-omane, -omanin*, появились лишь в XX в.: *der Kleptomane* (*клептоман*), *die Nymphomanin* (*нимфоманка*). Впервые в XIX в. были образованы два слова с конфиксом *-man*, имеющие интегральную сему «восхищение», «воодушевление», не являющиеся медицинскими терминами: *Anglomanie, Anglomane, angloman* (*выражает чрезмерную любовь ко всему английскому*) и *Bibliomanie, Bibliomane* (*выражает чрезмерную любовь к книгам, страсть к коллекционированию книг*).

В современном немецком языке наблюдается продуктивное использование иноязычного компонента *-manie* для образования «бытовых» композитов, призванных вербализировать болезненное гиперактивное состояние индивидов, связанное с определенными склонностями или/и страстями, отличающееся от поведенческой нормы человека. Например, страстные любители кемпинга или активного отдыха на природе страдают сегодня состоянием, называемым *Zeltomanie* (букв.: *страсть жить в палатке*). Люди, принимающие таблетки по любому поводу, получили номинацию *pilloman* от немецкого композита *Pillomanie* (букв.: *страсть к лечению таблетками*). Первый компонент в таких композитах выражает аспекты жизни или деятельности человека, к которым у индивида развито чрезмерно сильное влечение, влияющее на развитие его анормального поведения. Например: *Tulpomanie* (*страстное увлечение тюльпанами*), *Verpackomanie* (*страсть к упаковыванию вещей*), *Allesselber-machen-wollen-Manie (страстное желание всё делать самому), Non-Stop-Action-Pyromanie* (*безостановочная пиромания)*. Чрезмерно сильное увлечение исторической личностью, целыми народами, культурой страны обусловило появление композитов: *Italomanie, Bayreth-Manie, Gorbimanie*. Неограниченная дис-

трибуция компонента *-manie* говорит о его лексико-семантическом потенциале и комбинаторных возможностях, он способен сочетаться с различными компонентами, вербализирующими аспекты жизни человека, на которые направлено его анормальное поведение. Такие номинации создаются ad hoc для выражения индивидуальной негативной оценки по отношению к происходящим явлениям.

Суффикс *-itis* древнегреческого происхождения изначально использовался в медицинской терминологии для обозначения болезней, например: *Meningitis, Arthritis, Dermatitis, Bronhitis, Laryngitis*. В современном немецком языке данный суффикс проявляет себя очень продуктивно в разговорной речи для образования слов по аналогии с медицинскими терминами. Однако речь идет не о болезнях, а о чрезмерно частом применении или использовании чего-либо, например: *Netflixitis* (*чрезмерное использование платформы Netflix для просмотра фильмов*, букв.: *нетфликсис*); *Coffeetitis* (*чрезмерно частое потребление кофе*, букв.: *кофетитис*). Такие слова создаются в момент речи и наполнены юмором. Они являются также словами с оценочной семантикой, так как наполнены субъективным смыслом в отношении поведения какого-либо человека. Принцип языковой экономии заключается в том, что в одном слове имеется указание на специфическое поведение человека, и в то же время дается оценка этому поведению в мягкой шутливой форме.

В сочетании с фамилиями известных политиков образуются креативные образования (*Wulffitis, Merkelitis, Schröderitis*), которые невозможно расшифровать без фоновых знаний реципиента, семантика данных окказионализмов затемнена за счет метонимического переноса. Суффикс *-itis* сочетается с существительными (*Tourismusitis*), *с* глаголами (*Nörgelitis*), с прилагательными (*Kreativitis*), с аббревиатурой (*SMSitis*).

Таким образом, новые образования с иноязычными компонентами *-manie* и *-itis* являются конвергентными образованиями, призванными выразить субъективную оценку в отношении поведения других людей. Анализ контекстов употребления новых лексем позволяет увидеть, что компонент *-manie* служит для выражения негативной критической оценки, а суффикс *-itis* используется для негативной оценки в шутливо-ироничной форме. Предполагается, что, в отличие от новообразований с суффиксом *-itis*, лексемы с *-manie* скорее найдут применение в серьезных контекстах [Feine 2006: 39].

Литература

Feine A. Wortbildung mit exogenen Einheiten // Glottodidactica. 2006. Bd. 32. S. 27–44.

Fleischer W., Barz I. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. 4 / Auflage, völlig neu bearbeitet von I. Barz unter Mitarbeit von M. Schröder. Berlin; Boston: Walter de Gruyter GmbH & Co, 2012.

Баканова Анна Валентиновна

канд. филол. наук, доцент, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; asia_sim@mail.ru

СКАЗОЧНЫЕ ТЕКСТЫ ЭСТРЕМАДУРЫ КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Ключевые слова: испанский фольклор, социолингвистический анализ, волшебная сказка, бытовая сказка.

Социолингвистический анализ фольклорных текстов предполагает взгляд на устное народное творчество с позиции его восприятия тем народным коллективом, который является одновременно его создателем, а также анализ логико-семантических, структурных и языковых особенностей в сравнении с фольклорными формами других регионов. «Фольклор своеобразен именно как народное, массовое, варьируемое, развивающееся, традиционное преемственное творчество» [Аникин 2004: 11], пишет В. П. Аникин, предлагая опираться на жанр как на основную единицу изучение фольклора.

Народная сказка объединяет черты, свойственные всем элементам устной традиции: мнемонические и импровизационные техники, многообразие вариантов, особые художественные приемы и проч., и черты, которые позволяют, несмотря на способность сказки формировать различные поджанры, выстраивать границы единой жанровой формы.

Сказочная традиция западной области Испании Эстремадуры — одна из наиболее изученных в испанской фольклористической науке благодаря таким собирателям, как Э. де Сото (*Hernández de Soto,* «Cuentos populares de Extremadura», 1886), К. Мерчан (*Curiel Merchán,* «Cuentos extremeños», 1944), П. Монтеро (*Pedro Montero,* «Los cuentos populares extremeños de la escuela», 1988), Х. Родригес Пастор (*Juan Rodríguez Pastor,* «Cuentos extremeños maravillosos y de encantamiento», 1997; «Cuentos extremeños de animales, 2000; «Cuentos extremeños obscenos y anticlericales, 2001; «Cuentos extremeños de costumbres», 2002) и др.

Традиционное выделение трех сказочных поджанров — сказок волшебных (*maravillosos, de encantamiento, fantásticos, de magia*), бытовых (*humanos varios, de costumbres rurales, agrarios, novelescos, realistas*) и о животных (*de animales*) — определяет не только материал исследования, но и требует разных методологических подходов.

Исторические корни и структурные особенности волшебной сказки рассматривает в своих работах В. Я. Пропп, который понимает под композицией определенную «последовательность функций». «Полученная схема — не архетип <…>, а нечто совершенно другое: это единая композиционная схема, лежащая в основе волшебных сказок» [Пропп 1979: 143]. Базовым сюжетом сказок о животных, по мнению испанского исследователя А. Родригеса Альмодовара [Rodríguez Almodóvar 1989: 129] является ситуация голода или эсхатологического юмора. В Испании XIX в. тексты сказок о животных зачастую подвергались сюжетному смягчению в угоду вкусам публики.

Наибольшую сложность представляет определение жанровых границ бытовой сказки (*la más imprecisa de todas* [Rodríguez Almodovar 1989: 7]). Несмотря на это, бытовые сказки обладают рядом общих признаков, позволяющих учитывать социальные условия их появления и бытования. Их сюжеты отражают повседневную жизнь, ситуации бытового и семейного общения, отношения поколений (*de mujeres, de matrimonios*), традиционных занятий и социальной иерархии (*de soldados, de príncipes*). Отсутствие фантастических черт компенсируется насмешливым отношением к жизни, к общественным институтам и полной абсурдностью ситуации (*cuentos-chistes, cuentos de curas, monjas, de tontos, sordos, de engaños, aventuras, malentendidos*). Важную роль играет сатирическая, а также игровая и дидактическая функции (*además de otras funciones como puede ser la moralizante, los cuentos de costumbres encierran una función lúdica* [Rodríguez Pastor 2002: 8]). Обман часто становится завязкой сюжета бытовой сказки, благодаря этому персона-

жи делятся на две группы — обманщики и обманутые, умные и глупые (*de tontos, de listos*) и т. п. В отдельную группу выделяются страшные сказки (*de miedo*) и сказки-загадки (*de adivinanzas*).

Народные сказки из сборника Пастора собраны в последние десятилетия XX в. Цель издания — сохранить не только традиционные сказочные сюжеты, но и языковые особенности текстов (*la fidelidad de los textos nos permite constatar algunas de las características del habla extremeña que aparecen reflejadas en estos cuentos* [Rodríguez Pastor 2002: 33]). На фонетическом уровне сохраняются случаи протезы, аферезы, ассимиляции и диссимиляции, опущения и нейтрализации звуков. На морфологическом уровне выделяется оценочная суффиксация, употребление разговорных форм местоимений и глаголов. Синтаксис сказочных текстов зачастую подразумевает ошибки в употребление артиклей и предлогов. Лексический уровень включает в себя элементы разговорного стиля, регионализмы и диалектизмы, заимствования из соседних языков, например, галисийского.

Лексическое наполнение сказочных текстов придает местный колорит представленным сюжетам, в которых можно встретить упоминание различных сельскохозяйственных работ, местной флоры и фауны, предметов быта, традиционных построек и продуктов питания. Сказитель в попытке приблизить историю слушателям представляет сказочных персонажей как жителей конкретного населенного пункта, а финальная формула позволяет подтвердить, что он присутствовал при описываемых событиях.

Несмотря на то, что упомянутые исследователи называют свои тексты народными сказками Эстремадуры, большинство сюжетов имеют распространение и в других областях Испании, таким образом, следует иметь в виду, что речь идет о территориальных вариантах того или иного сюжета (*La mayoría de los cuentos que conforman esta colección están documentados en otros lugares y en otras épocas; por lo tanto, no podemos considerarlos propios o característicos de Extremadura. Más bien […] son "las versiones extremeñas de cuentos generalizados"* [Rodríguez Pastor 2002: 41]).

Литература

Аникин В. П. Теория фольклора. М.: Книжный дом «Университет», 2004.

Пропп В. Я. Фольклор и действительность. М.: Наука, 1976.

Rodríguez Almodóvar A. Los cuentos populares o la tentativa de un texto infinito. Murcia: Universidad de Murcia, Servicio de Publicaciones, 1989.

Rodríguez Pastor J. Cuentos extremeños de costumbres. Badajoz: Departamento de Publicaciones de la Diputación de Badajoz, 2002.

Бурак Михаил Сергеевич
канд. филол. наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет

К ПРОБЛЕМЕ ПРИРОДЫ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ)

Ключевые слова: знак, романские языки, метафора, произвольность, восприятие.

Данное исследование посвящено природе языкового знака и его функционированию. Примеры приводятся на материале романских языков.

Ф. де Соссюр определяет языковой знак как «двустороннюю психическую сущность». Согласно мнению исследователя, он является, в большинстве случаев произвольным. Иногда произвольность знака относительна. Например, во французском числительном dix-neuf (19), скомпонованном из dix (10) и neuf (9) [Saussure 1945: 156].

В некоторых ситуациях в аспекте диахронии фонетические трансформации могут способствовать утрате изначальной мотивировки. Например, слово «враг» в ряде романских языков (исп. enemigo, ит. nemico, etc.) уже не ассоциируется напрямую с латинским этимоном, образованным с помощью префикса *-in* с отрицательной коннотацией (*in-amicus*, т. е. «не друг» — *недруг*).

В ряде случаев контекстуально и культурологически обусловленное «приращение» к ядру синтагмы зависимых актантов может способствовать «удлинению» языкового знака. Например, выражение “mis enemigos malos” «лихие мои недруги» в Поэме о Сиде (XII в.)

Соссюровской идее амбивалентности отношений *означаемого и означающего* (одновременной неизменности и подвижности их связи) противопоставляется семантический треугольник Ч. Пирса. Последний включает в себя ещё и вторичный знак-десигнат, т. е. субъективно обусловленное «означаемое», присутствующее в сознании реципиента в конкретной ситуации [Пирс 2000: 91]. Особенно ярко вариативный характер вторичного десигната проявляется в многослойных метафорах. В качестве примера приводится песня Ж. М. Серрата “A la orilla de la chimenea” (букв. «На прибрежье у камина»). “Y si quieres, también puedo ser tu estación y tu tren, tu mal y tu bien, tu pan y tu vino, tu pecado, tu Dios, etc.” («И, если ты хочешь, я так же могу быть для тебя вокзалом и поездом, твоим злом и твоим благом, твоим хлебом и твоим вином, твоим грехом, твоим богом и т. д.») (здесь и далее перевод мой. — *М. Б.*). Соответственно, каждый новый реципиент будет вкладывать в эти строки свой, индивидуальный смысл.

Об особом плане референциальности в метафорах, т. е. соотнесении предметов и явлений с их обозначениями говорят и представители когнитивной лингвистики.

В отличие от более традиционных концепций, когнитивная лингвистика делает особый упор на связи языка с опытом, прежде всего, сенсомоторного характера. Таким образом, значение слова существует не само по себе, но является своего рода «функцией» от психических процессов, происходящих в мозгу индивида и соотнесенных с его двигательной активностью и физическим восприятием окружающего мира.

Именно в многоуровневой метафоре происходит нетривиальный перенос признаков, свойственных одним вещам и явлениям на другие. В этой связи также важна роль так-называемой *концептуальной метафоры*, которой присуща одна центральная идея, и которая объединяет ряд других метафор, непосредственно отражённых в языке. В качестве примера нами приводятся три испанских выражения, объединённых концептуальной метафорой «гнев — есть горячая жидкость в контейнере, готовая выплеснуться наружу». 1. *Está que explota — он/она вот-вот взорвётся* (от ярости), (букв. «находится в состоянии готовности к взрыву»). 2. *Le sale humo por las orejas — у него/у неё валит дым из ушей.* 3. *Me tiene hasta la coronilla — он/она/это меня достал/ла/ло.*

Как можно видеть, все три фразы отличаются друг от друга как с точки зрения лексического наполнения, так и с точки зрения грамматической структуры. Одна и та же мысль выражена в них по-разному.

Выбор способа выражения мысли обусловлен в числе прочего уникальным состоянием ментальных процессов говорящего в конкретный момент времени. П. Н. Барышников напрямую связывает содержание языкового выражения с характеристиками человеческого сознания, с его психофизической природой [Барышников 2016: 119–134].

Находясь на стыке психологии (а отчасти нейрофизиологии) и лингвистики, Н. Ф. Алефиренко говорит о полифункциональном характере языкового знака как единицы *второй сигнальной системы* [Алефиренко 2005: 185]. Нами в данной связи особо выделяется его экспрессивная функция. Далее приводится ряд выражений на материале современного испанского языка с участием лексем *cochino, menudo, crack, caña,* а также конструкции *estar hecho…* Например, *¡Menudo holgazán estás hecho! — Ну ты и лентяй (ну и лентяем же ты стал!*) (букв. «Эдаким лентяем ты заделался»).

Характерно то, что в испанском языке лексема *menudo* может принимать разные значения, вплоть до противоположных, в зависимости от ситуации.

В качестве выводов можно констатировать следующее.

Сложность и многоплановость языкового знака как явления в полной мере отражается во взаимодополняемости различных подходов к его исследованию. В частности, теории Соссюра и Пирса удачно дополняются когнитивными теориями.

Наличие коммуникативной ситуации является главным условием обретения конкретного смысла языковым знаком. Для определения роли последнего представляется значимым его непосредственное контекстуальное окружение.

Литература

Алефиренко Н. Ф. Когнитивно-лингвистические механизмы семиозиса // Сборник научных трудов. Т. 43, кн. I. «Филология». Пловдив, 2005. С. 185.

Барышников П. Н. Когнитивная лингвистика и философия сознания: объяснительный разрыв в онтологии языкового знака // Эпистемология и философия науки. 2016. Т. 50, № 4. С. 119–134.

Пирс Ч. С. Логические основания теории знаков / пер. с англ. В. В. Кирющенко, М. В. Колопотина. СПб.: Лаб. метафиз. исслед. при филос. фак. СПбГУ; Алетейя, 2000. (Метафизические исследования).

Saussure F. Curso de lingüística general. Buenos Aires: Editorial Losada. 1945.

Вяльяк Криста Энновна

канд. филол. наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения;
kristavyalyak@mail.ru

О ПОЛИТКОРРЕКТНОСТИ В ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Ключевые слова: политкорректность, эйблизм, особенные люди, выбор языковых единиц.

В современных лингвистических исследованиях все больше внимания уделяется изучению проявлений политкорректности в языке. Во многих работах язык политкорректности рассматривается как язык эвфемистических замен, используемых в качестве субститута определенных языковых единиц, в основе которых наблюдается выделение типов дискриминации, например, дискриминация по половому признаку, по национальному признаку, по состояния здоровья. Благодаря эвфемизмам коммуникантам удается избегать прямых наименований нежелательных фактов, смягчать неприятное именование какого-либо лица по признаку пола, вероисповедания, расы, сексуальной ориентации и т. д. Проявление осознанной терпимости выражается в смягченных выражениях: вместо «черные» — «афроамериканцы», вместо «инвалиды» — «нуждающиеся в физической поддержке» [Комлев 1999: 280]. В связи с этим отечественный исследователь С. Г. Тер-Минасова писала, что «новые способы языкового выражения используются взамен тех, которые задевают чувства и достоинство индивидуума привычной языковой бестактностью и/или прямолинейностью…» [Тер-Минасова 2000: 216].

В случае дискриминационных ограничений в отношении лиц с особенностями здоровья используется термин «эйблизм» (англ. ableism), под которым в Cambridge Dictionary понимается политика, поведение, правила и т. д., которые приводят к несправедливому обращению с инвалидами, то есть людьми, у которых есть болезнь, травма или состояние, из-за которых им трудно делать то, что может делать большинство обычных людей, а также к сохранению несправедливого преимущества для тех, кто инвалидом не является [Cambridge]. Так, в отношении лиц с синдромом Дауна в Испании использовались языковые единицы: retrasados (mentales) «умственно отсталые», deficientes «неполноценные», insuficientes mentales «умственно неполноценные», discapacitados psíquicos «психически неполноценные», persona con síndrome de Down «лицо с синдромом Дауна», а также un Down «даун», которое активно используется и в русском языке для именования человека с ментальными особенностями, недалекого, недостаточно способного.

С 1 января 2007 г. в Испании запрещено использовать термины minusválido «ограниченный физически, инвалид» и persona con minusvalía «лицо с инвалидностью», которые были заменены на термин persona con discapacidad «человек с ограниченными возможностями». В обыденной коммуникации в отношении людей с особенностями здоровья часто встречается существительное angelitos, которое не является уничижительным, однако оно также не рекомендуется к использованию. Кроме того, разговорная речь изобилует выражениями, которые обозначают человека с умственными отклонениями, например, estar como una cabra «вести себя странно, быть не в себе, быть сумасшедшим», estar mal de la cabeza «быть не в себе, больным на голову», estar como un cencerro, то есть букв. быть как колокольчик, «быть не в своем уме», estar mal de la chaveta «тронуться, не дружить с головой», estar mal de la pelota «мозги набекрень» и т. д. Безусловно, в отношении лиц с особыми потребностями подобные выражения считаются недопустимыми, оскорбительными. В настоящий момент наиболее предпочтительными являются термины persona con capacidades diferentes и persona especial. В русском языке имеет место аналогичная тенденция, например, *особенная* дочь знаменитости.

Дискриминационные ограничения проявляются в определенных установках и стереотипах, в соответствии с которыми лица с особыми потребностями воспринимаются как менее ценные члены общества, неполноценные, жизнь которых менее качественная, насыщенная, яркая. В качестве примера приведем диалог персонажей фильма *Yo, también* / «Я тоже» (2009), испан-

ских режиссеров Антонио Нахарро, Альваро Пастора. Героиня фильма Лаура, молодая женщина с нормальным набором хромосом, спрашивает своего коллегу Даниеля, молодого мужчину с синдромом Дауна, о личной жизни:

— Oye, ¿has tenido novia alguna vez? «Послушай, у тебя была когда-нибудь подружка?»

— Sí, más o menos. «Ну, да».

— ¿Con el síndrome? «С синдромом?»

— Con el síndrome …abstinencia, «С синдромом абстиненции (алкогольной абстиненции)».

Несмотря на лишнюю хромосому, Даниель хорошо образован, обладает прекрасным чувством юмора. В его ответе о подружке использована языковая игра: он говорит о синдроме воздержания от сексуальных контактов и воздержания от чрезмерного употребления алкоголя, что является полной противоположностью Лауры.

В связи с изменениями в обществе меняется отношение к лицам с особенностями здоровья. Многие исследователи считают, что эвфемистические замены и избегание наименования не может являться решением, необходимы новые номинации, свободные от отрицательных коннотаций.

Источник

Cambridge Dictionary online. URL: https://dictionary.cambridge.org (дата обращения: 15.01.2025).

Литература

Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов. М.: Эксмо Пресс, 1999.

Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000.

Дойникова Марина Игоревна

канд. филол. наук, доцент, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации;
doynikovami@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ СТРАТЕГИИ САМОЗАЩИТЫ В ПАРЛАМЕНТСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОТОКОЛОВ БУНДЕСТАГА ПОСЛЕДНЕГО СОЗЫВА)

Ключевые слова: политический дискурс, парламентский дискурс, стратегия самозащиты, языковые средства, классификация тактик самозащиты.

Материалом исследования послужили протоколы пленарных заседаний бундестага в период с сентября по октябрь 2024 г., содержащие стенограммы речей представителей правящей коалиции по таким ключевым вопросам, как внутренняя безопасность, миграционная политика, обсуждение бюджета на 2025 г., опубликованные на официальном сайте бундестага: https://www.bundestag.de/protokolle, общим объемом 1768 страницы.

Объектом настоящего исследования является стратегия самозащиты в речевом поведении представителей правящей коалиции «Светофор» в Германии.

Предметом исследования явились языковые средства, реализующие стратегию самозащиты в различных тактиках в немецком парламентском дискурсе.

В след за О. Н. Паршиной мы трактуем термин *стратегия* «как определенную направленность речевого поведения в данной ситуации в интересах достижения цели коммуникации» [Паршина 2005: 7] и считаем основной целью стратегии самозащиты отстаивание своих интересов, своей позиции. Исходя из этого положения, мы не можем согласиться с мнением Я. Ю. Хлоптунова, считающего целью стратегии самозащиты исключительно «стремление оспорить выдвинутые обвинения» [Хлоптунов 2022: 113].

Также, на наш взгляд, дискуссионным остается вопрос выделения тактик стратегии самозащиты. Так, О. Н. Паршина [Паршина 2005: 15] выделяет тактики оправдания, оспаривания и критики. Я. Ю. Хлоптунов, в свою очередь, добавляет к перечисленным тактики возмущения, противопоставления и преобразует тактику критики в ответную критику (контробвинение) [Хлоптунов 2022: 115]. Д. Е. Нифонтова [Нифонтова 2014: 80] помимо тактики оспаривания и оправдания выделяет «тактику ответного удара как реакцию слушающего на слова говорящего обвинением на обвинение, оскорблением на оскорбление, угрозой на угрозу».

В нашем исследовании мы предлагаем следующую классификацию тактик самозащиты, (при этом следует отметить, что в своей речи политики часто используют несколько тактик одновременно):

1. Аргументация. Следует подчеркнуть, что за каждым из выделяемых речевых действий закреплен набор языковых средств, маркирующих интенцию говорящего.

Для аргументации часто используются конструкции, указывающие на причинно-следственные связи с использованием союзов denn/weil (так как), deshalb/darum/deswegen (поэтому).

В тактике аргументации для создания эффекта убедительности часто используются целевые придаточные предложения, а также синтаксический параллелизм для подчеркивая важность идеи, намерений.

Одним из вариантов тактики аргументации можно считать апелляцию к здравому смыслу, а также незыблемым ценностям.

Защищая свою позицию в отношении предлагаемого на 2025 г. бюджета в ответ на критику со стороны оппозиции, Кристиан Линднер, министр финансов ФРГ, апеллирует для подкрепления своей точки зрения к таким базовыми в политической культуре Германии ценностям как *Transparenz/прозрачность* и *Demokratie/демократия*, которые имеют сильную риторическую силу и используются для создания эмоционального резонанса с аудиторией, помогают убедительнее подать аргументы и вызвать положительную реакцию у слушателей.

2. Критика. В ответ на доводы оппонентов говорящий может выстраивать свою критическую, контраргументативную линию, которая может тесно переплетаться также с тактиками

аргументации, опровержения и оспаривания, подвергая аргументированной критике действия оппонентов.

3. Опровержение и оспаривание. Под тактикой опровержения и оспаривания понимается одно или несколько речевых действий, выражающих отказ от предъявленного обвинения.

В рамках защиты говорящий может прямо выражать несогласие, которое имеет часто репликативный характер, т. е. является выкриком с места и носит эмоциональный характер, что проявляется в использовании, например, междометий, обращений, восклицаний, синтаксической инверсии, эпитетов и т. п.

4. Уточнения и пояснения. Для усиления защиты своей позиции политик может давать дополнительные разъяснения и уточнения, чтобы избежать неправильной интерпретации.

5. Игнорирование критики. Следует отметить, что современный парламентский дискурс характеризуется многочисленными выкриками и перебиваниями, носящими критический характер и нацеленными на акцентирование недостатков оппонентов. В таких ситуациях одной из эффективных тактик самозащиты является тактика игнорирования критики, которая не позволяет отвлечь внимание слушающих от ключевых вопросов.

Помимо выделенных тактик следует обратить внимание также на различные приемы, которые могут использоваться при реализации как тактик аргументации и критики, так и тактики опровержения и оспаривания.

Одним из таких приемов является отсылка к авторитету. Так, в ответ на критику предложенного проекта бюджета депутат от партии СДПГ Деннис Роде упоминает в своей речи Отто Вельса, немецкого социал-демократа, выступившего на заседании рейхстага в берлинской Кролль-опере против Закона о чрезвычайных полномочиях, предоставляющего канцлеру право принимать и обеспечивать соблюдение законов без участия рейхстага или президента Веймарской республики.

Другим приемом является демонстрация уверенности в своих словах и действиях, тем самым говорящий создает впечатление надежности и профессионализма, что укрепляет его позицию. Восклицание *Punkt!/ Точка!* можно рассматривать как языковое средство демонстрации уверенности.

Ещё одним приемом служит использование сатирических приемов (сарказма в виде язвительной насмешки, иронии, аллегорий, аллюзий).

Правильный выбор слов, использование различных стилистических приемов (лексических: метафор, метонимий, эпитетов, гиперболы и др.; синтаксических: инверсии, риторических вопросов, повторов, параллельных конструкций, многосоюзия и др.; лексико-синтаксических: антитез, сравнений, перифраз, градаций и др.) дополняют уже перечисленные ранее и позволяют говорящему гибко реагировать на разные ситуации и типы критики, сделать речь более выразительной и образной, что помогает усилить защиту.

Таким образом, стратегия защиты в речи проявляется через множество разнообразных языковых средств и риторических приемов. Выбор конкретного подхода зависит от контекста общения, характера собеседника и цели защиты.

Источник

Plenarprotokolle. URL: https://www.bundestag.de/protokolle (дата обращения: 15.01.2025).

Литература

Нифонтова Д. Е. Стратегия самозащиты в фастнахтшпилях Ганса Сакса // Материалы XLIII международной конференции. Санкт-Петербург, 11–15 марта 2014 г. Вып. 38: История языка (романо-германский цикл) / отв. ред. Г. А. Баева. СПб., 2014. С. 78–85.

Паршина О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: дис. … д-ра филол. наук. Саратов, 2005.

Хлоптунов Я. Ю. Конфронтационные коммуникативные стратегии в американском политическом дискурсе: дис. … канд. филол. наук. М., 2022.

Езан Ирина Евгеньевна[1], Ковтунова Елена Анатольевна[2]

[1]канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет; i.ezan@spbu.ru

[2]канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет; e.kovtunova@spbu.ru

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОМ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ПОДКАСТОВ)

Ключевые слова: медиадискурс, научно-популярный дискурс, подкаст, терминология, немецкий язык.

Дискурсивная практика трансляции лингвистического знания в медиапространстве интернета нашла в формате подкастов эффективный инструмент для привлечения внимания широкого круга неспециалистов, интересующихся вопросами развития языка, диалектами, фразеологией, современной лексикой в различных сферах общения, лингвистическими тенденциями в интернет-коммуникации и мн. др. В связи с быстрым развитием интернета и ростом количества предложений подкастов, по нашему мнению, в настоящее время назрела необходимость дифференцированного рассмотрения отдельных аспектов данного интернет-феномена. Наше исследование сосредоточено на терминологическом аспекте лингвистических научно-популярных подкастов.

Подкасты реализуются в рамках определенного цифрового формата, технические параметры которого в значительной степени определяют дискурсивно-коммуникативные характеристики данного медийного феномена, такие как общая стратегия диалогической интеракции, характерные дискурсивно-коммуникативные стратегии, степень формализованности взаимодействия акторов и т. д. [Езан, Ковтунова 2024: 438–439, 454].

Как отмечают М. А. Кравченко и О. В. Кравченко, качественные и количественные характеристики терминологического аппарата выступают в качестве одного из объективных показателей развития науки. Лингвистика среди всех гуманитарных и общественных наук выделяется глубиной разработки и системностью своей терминологии. Однако главной отличительной чертой лингвистической терминологии является имманентно присущее ей свойство консубстанциональности, заключающееся в способности одновременно выступать инструментом и объектом познания [Кравченко, Кравченко 2024: 2222].

Материалом предлагаемого исследования послужили лингвистические подкасты за период с 2016 по 2024 г., размещенные на интернет-платформах известных радиостанций Германии таких как Баварское (BR), Западно-Германское (WDR), Центрально-Германское радио (mdr) и др. Подкасты посвящены в первую очередь функционированию языка в интернете, а также релевантным для лингвистики интернет-феноменам (*HateSpeech, Cybermobbing*). Во всех рассмотренных выпусках подкастов предлагаются комментарии лингвиста — профессора института Немецкой филологии университета Грайфсвальда Констанце Маркс-Вишновски. В рамках лингводискурсивного анализа применяется методика контекстуально-семантического анализа, метод словарных дефиниций.

Для лингвистических, как и для других подкастов, направленных на популяризацию специального знания, характерны не только типичные для научно-популярного дискурса характеристики, но и основные параметры интеракции, взаимодействия акторов в интернете (информативность, терминологичность, объяснительность, диалогичность, эмоциональность, ориентация на малокомпетентного адресата). В подкастах используются информативная и развлекательная стратегии, специфическим образом проявляют себя тактика привлечения внимания, объяснительная тактика и др. [Езан, Ковтунова 2024: 453]. Осуществление указанных стратегий и тактик происходит при непосредственном участии лингвистической терминологии:

Wir sprechen in diesem Zusammenhang von ***der*** *sogenannten* ***pragmatischen Kompetenz****. Im Laufe unseres* ***Spracherwerbs*** *lernen wir also nicht nur* ***Laute, Wörter*** *und* ***Sätze*** *zu formen, sondern eben auch,*

in spezifischen Situationen angemessen zu sprechen. Und das wird besonders spürbar, wenn Kinder zum Beispiel vom Du zum Sie übergehen (Orthographie und Social Media. 14.03.2023).

В данном примере при семантизации термина *pragmatische Kompetenz* прослеживается реализация специфической объяснительной тактики. В частности, используется метатекстовые маркеры *sogenannt*, *also,* указывающие «на открытое переключение языкового кода» [Воронцова 2013: 28]. К. Маркс-Вишновски использует общеизвестную, консубстанциональную, лингвистическую терминологию *Spracherwerbs Laute, Wörter, Sätze*. Объяснение подкрепляется также отсылкой к примеру из повседневности — *wenn Kinder zum Beispiel vom Du zum Sie übergehen.*

Dass Jugendliche […] schon in Gruppen spielerisch mit Sprache umgehen und auch ***Varietäten*** *verwenden, die dann später durchaus auch* ***lexikalisiert*** *werden und in den alltäglichen* ***Sprachgebrauch*** *übergehen, das ist allerdings ganz üblich und auch schon über viele Jahrzehnte beobachtbar* (Wie Filter großer Plattformen unsere Sprache beeinflussen. 31.07.2021).

Кроме специальной лингвистической терминологии (*Metasprache, metasprachlich, Interaktion, interagieren, Varietät, lexikalisieren* и др.), в исследуемом корпусе используются лексемы, которые являются довольно частотными в научном дискурсе, но одновременно могут быть понятны для большей части массовой аудитории подкастов, владеющей английским языком (*Face-to-Face-Kommunikation*).

В корпусе подкастов встречаются также междисциплинарные термины, восходящие к области философии, литературоведения (*empirisch, das Hapax legomenon*), а также типичные для научно-популярного дискурса термины-синонимы (*Orthographie / Rechtschreibung*).

Характер терминологичности лингвистических подкастов зависит не только от общих параметров подкаста и научно-популярного интернет-дискурса, но и от особенностей профессиональной языковой личности приглашённого специалиста. Выбор и «продвижение» определенных лингвистических терминов и научных смыслов, таким образом, обусловлены взаимодействием данных факторов.

Литература

Воронцова Т. А. Стратегии и тактики презентации специальных знаний в научно-популярном дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 37 (328). Филология. Искусствоведение. Вып. 86. С. 26–29.

Езан И. Е., Ковтунова Е. А. Научно-популярные подкасты об искусственном интеллекте в онлайн-медиа Германии // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. 2024. Вып. 14. С. 433–458. https://doi.org/10.21638/spbu33.2024.123

Кравченко М. А., Кравченко О. В. Лингвистическая терминология глазами наивного лингвиста (на материале языка кроссвордов) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. № 7. С. 2222–2228.

Жильцова Елена Леонидовна

канд. филол. наук, доцент, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; el-zhilc@yandex.ru

КОММУНИКАТИВНЫЕ ФУНКЦИИ НАРЕЧИЯ ALLTSÅ В ШВЕДСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: шведский язык, связующее наречие, коммуникативная функция.

В шведском языке логическая и смысловая связность текста обеспечивается большим арсеналом средств. Наряду с союзами это могут быть наречия, выражающие противительные, уступительные или причинно-следственные отношения [Леушева 2001: 334] и носящие в шведской грамматике название связующих [SAG 1999: 122].

К числу связующих наречий относятся наречия следствия, с помощью которых устанавливаются причинно-следственные отношения между ситуациями, описываемыми в отдельных предложениях или в более крупных фрагментах текста. В докладе на материале произведений современной шведской художественной литературы рассматриваются текстообразующие функции одного из таких наречий, наречия *alltså* ‘таким образом, итак, следовательно’.

1. Как наречие следствия *alltså* употребляется в высказываниях, представляющих собой заключение, сделанное на основе информации, описанной в предшествующем контексте:

Att en olycka skulle ha hänt verkar inte längre troligt. Han finns inte på något sjukhus. Den vägen är ***alltså*** *stängd. Då återstår bara den andra möjligheten* (H. Mankell).

«— Что произошел несчастный случай, больше не представляется вероятным. Его нет ни в одной больнице. **Следовательно**, этот путь закрыт. Тогда остается только вторая возможность».

2. *Alltså* употребляется в вопросах, имеющих структуру повествовательного предложения. Такой вопрос обычно содержит вывод, который делает говорящий на основе предшествующих высказываний собеседника. При этом говорящий в некоторой степени сомневается в своем выводе и своим вопросом стимулирует собеседника его подтвердить:

— Du har inte avlossat skott, sa Holmberg. Du har glömt ditt tjänstevapen när du varit på krog i berusat tillstånd. Det är grovt, men du har inte begått någon egentlig brottslig handling.

— Jag blir ***alltså*** *inte avskedad?*

— Knappast. Men det är inte jag som avgör (H. Mankell).

«— Вы не открыли огонь, — сказал Хольмберг. — Вы забыли свое служебное оружие в баре в состоянии алкогольного опьянения. Это серьезное нарушение, но вы не совершили никакого действительно преступного деяния.

— **Значит**, меня не уволят?

— Вряд ли. Но это не мне решать».

3. *Alltså* может использоваться для логической связи отдельных частей текста, расположенных дистантно, соотнося таким образом высказывание не с ближайшим, а с весьма отдаленным предыдущим контекстом.

Это происходит, когда говорящий хочет вернуть собеседника к теме, которую он затронул ранее, либо когда повторяет то, что уже было сказано, с целью обобщить информацию и лучше донести ее до собеседника.

Так, в романе Лизы Марклунд «Пожизненный срок» героиня, у которой вместе с домом сгорели все документы и наличные деньги, приходит в банк, где у нее открыт счет, с просьбой выдать ей немного денег без документов и объясняет ситуацию. Банковский служащий отказывает ей. Выслушав это, героиня вновь пытается донести информацию до собеседника, в обобщенном виде повторяя свой рассказ и усиливая это обобщение посредством наречия:

Annika nickade bekräftande.

— Jo, sa hon, jag förstår det. Men jag har ***alltså*** *inga identitetshandlingar, eftersom alltsammans brann upp, och jag har inga pengar heller, det är därför jag behöver ta ut lite nu* (L. Marklund).

«Анника понимающе кивнула.

— Да, — сказала она, — Я понимаю. Но у меня **ведь** нет документов, удостоверяющих личность, потому что всё сгорело, и денег у меня нет, поэтому-то мне и нужно снять немного прямо сейчас».

4. *Alltså в* диалогах нередко употребляется при обобщении, когда говорящий, отвечая на вопрос собеседника, подытоживает имеющуюся у него информацию:

"Hur kommer Wennerström in i bilden?"

"Wennerström är jokern i sammanhanget. ***Alltså****, det är en kille som kommer från ingenstans, som inte har någon bakgrund i den tunga industrin och som egentligen inte har något i de här sammanhangen att göra…"* (S. Larsson).

« — Какое отношение к этому имеет Веннерстрём?

— Веннерстрём — темная лошадка в этом деле. **Итак**, это парень, который появился ниоткуда, который никогда не занимался тяжелой промышленностью и который на самом деле не имеет никакого отношения к данной ситуации…»

В таких случаях *alltså* всегда стоит в начале предложения, при этом инверсия после него отсутствует.

5. Когда *alltså* стоит в конце предложения, оно часто употребляется не как связующее средство, а в усилительной, эмфатической функции. С его помощью говорящий старается обратить внимание слушателя на свои слова:

(18) — *Hon sitter på Kronobergshäktet från och med just nu, faktiskt. Jag kan utverka tillstånd så att du släpps in, om du tror det skulle underlätta,* ***alltså*** (L. Marklund).

«— Она вообще-то сидит в камере предварительного заключения в Кронеберге уже сейчас. Я могу добиться разрешения, чтобы тебя туда пускали, если ты считаешь, что это облегчит ее положение, **конечно**».

Наречие *alltså* — важное средство, обеспечивающее логическую связность и смысловую спаянность текста. Предложения, в которых оно употребляется, обозначают следствие или вывод по отношению к ситуации, описанной в предшествующем высказывании. Данное наречие может иметь и другие коммуникативные функции. Оно используется говорящим для того, чтобы вернуть собеседника к ранее затронутой теме, либо чтобы, подведя итог всему сказанному, лучше донести до него содержание передаваемой информации. В ряде случаев оно употребляется как усилительное с целью привлечь внимание слушающего к определенному высказыванию. Таким образом, шведское связующее наречие *alltså* играет существенную роль в коммуникативной структуре текста, являясь важным текстообразующим фактором.

Источник

Svenska Akademiens Grammatik. Bd. 3 Fraser. (SAG) Stockholm, 1999.

Литература

Леушева В. В. О роли коннекторов в структурной организации текста // XIV конференция по изучению скандинавских стран и Финляндии: тез. докл. Архангельск, 2001. С. 333–334.

Карпенко Елена Игоревна

канд. филол. наук, доцент, Московский государственный лингвистический университет; elena_karpenko@list.ru

О ПРИНЦИПАХ РЕАЛИЗАЦИИ БИБЛЕЙСКИХ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ МОДЕЛЕЙ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА В ТЕКСТЕ

Ключевые слова: библейская лингвокультурная модель, аналогия, дизаналогия, немецкий язык.

Под лингвокультурными моделями понимают «способ организации культурных знаний; структуры знаний и модели поведения, которые отличают одну культуру от другой» [Ирисханова]. К лингвокультурным моделям, связанным с именами собственными, относят имена собственные, употребляемые в качестве нарицательных [Ирисханова 2014], ономастические концепты [Косиченко 2017], библейские лингвокультурные сценарии [Карпенко 2023]. Всех их объединяет способ кумуляции культурной информации в виде культурного фона, большинство семантических признаков которого хранится в долговременной памяти в дефокусированном виде, но «по первому требованию», т. е. в дискурсе, перемещается в первичный или во вторичный фокусы [Ирисханова 2014: 147]. Как показало ранее проведенное исследование, библейская культурная модель и ситуация, конструируемая в тексте, образуют аналогию, при этом библейская личность является прототипом для основного текстового референта [Карпенко 2023]. Чем больше ментальных проекций между библейской культурной моделью и конструируемой в тексте ситуацией, тем больше семантических признаков модели актуализируется и тем точнее аналогия. С нашей точки зрения, признаки, характеризующие основной текстовый референт, и одновременно приложимые к библейской лингвокультурной модели, показывают, какие фрагменты библейского знания продолжают быть востребованными в современной культуре.

Так, в статье «Anderthalb Autostunden nördlich von Berlin versucht ein Mann dieser «lieblosen Überfluss-Welt» zu kündigen: Öff! Öff! oder vom Leben nach Erlöserart»* (Berliner Zeitung, 24.12.2005) выражение «Leben nach Erlöserart / жизнь по примеру Спасителя» наводит на мысль об Иисусе Христе и дальнейшей реализации в тексте данной библейской лингвокультурной модели. В начале текста находит подтверждение предположение о том, что текст базируется на аналогии основного текстового референта со Спасителем:

Fünf Minuten später hat sich der Fahrradmonteur im blauen Kittel **in eine Art norddeutschen Jesus** verwandelt. (Спустя пять минут механик по ремонту велосипедов в синем рабочем халате превратился в своего рода северонемецкого Иисуса.) (Berliner Zeitung, 24.12.2005).

Если в приведенном примере основанием аналогии являются особенности внешнего вида референта (далее по тексту также Bodenlang wallendes Gewand / длинные развивающиеся одежды, Sandalen / сандалии), то по мере продвижения повествования все больше характеристик образа жизни и убеждений героя могут быть спроецированы на библейскую лингвокультурную модель: Aussteiger / аутсайдер, Idealist / идеалист, Außenseiter / изгой, Lebensvereinfachung / упрощение жизни.

«Рассеянная» по тексту реализация признаков, соотносимых с библейской лингвокультурной моделью, ведет к тому, что вся текстовая ситуация начинается восприниматься на «фоне» библейской аналогии. В результате этого библейская лингвокультурная модель становится эталоном, с которым соотносятся все аспекты текстовой ситуации, как аналогические, так и дизаналогические. Например, полностью не соответствуют эталону такие характеристики референта, как «ein kolossales ICH / колоссальное ЭГО», «schützende Egozentrik / защитная эгоцентрика», его приносящее доход общение со СМИ («ein bemerkenswert professioneller Umgang mit Medien»),

* «В полутора часах езды к северу от Берлина мужчина пытается отказаться от “излишеств этого мира, лишенного любви”: Öff! Öff! Или о жизни по примеру Спасителя» (здесь и далее перевод наш. — *Е. К.*).

наличие спутницы жизни и др. В результате основной текстовый референт характеризуется как противоречивая личность, а аналогия со Спасителем воспринимается как неуместная.

Таким образом, рассмотрение библейских лингвокультурных моделей в тексте позволяет сформулировать некоторые принципы их реализации. Во-первых, в лексический фокус попадает не один, а несколько семантических признаков, служащих основанием подобия между библейской лингвокультурной моделью и конструируемой в тексте ситуацией. Во-вторых, эти признаки находятся либо в катафорической, либо в анафорической позиции по отношению к имени модели, т. е. библейскому имени собственному, которое может употребляться в тексте в качестве одиночного имени нарицательного, в составе сравнительной конструкции или в качестве компонента фразеологизма. В результате дистантной реализации признаков модели она начинает восприниматься как фон для конструируемой в тексте ситуации (и для образа основного текстового референта). Хотя, в-третьих, признаки модели характеризуют основной текстовый референт, они также многое говорят о тех фрагментах ценностной библейской картины мира, которые оказываются востребованными в современном языке и коммуникации.

Источник

Ирисханова О. К. Культурные модели. Глоссарий. URL: http://scodis.ru/студентам/глоссарий/культурные-модели/ (дата обращения: 29.12.2024).

Литература

Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014.

Карпенко Е. И. Компрессия когнитивных структур и типы аналогии (на материале немецкого языка) // Когнитивные исследования языка. 2023. № 5 (56). С. 102–107.

Косиченко Е. Ф. Имя собственное в семиотическом пространстве культуры и художественного текста. М.: Моск. гос. лингвист. ун-т, 2017.

Кутькова Анастасия Владимировна

канд. филол. наук, доцент, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; anastasia.kutkova@yandex.ru

EL RODEO A LA CHILENA: ЧИЛИЙСКОЕ РОДЕО КАК СИМВОЛ НАЦИОНАЛЬНОЙ САМОБЫТНОСТИ

Ключевые слова: родео, уасо, этнотип, чилийская национальная идентичность.

Актуальность исследования чилийского родео как символа национальной самобытности определяется, в первую очередь, растущим интересом мирового научного сообщества к проблеме диалога цивилизаций. Существование и популярность чилийского родео в наши дни видится нам живым доказательством того, что межцивилизационный диалог Америки и Европы, начавшийся в эпоху Конкисты как уникальный опыт транскультурации, продолжается по сей день.

В наши дни родео рассматривается в Чили как важный национальный символ — составная часть образа страны, образа чилийской культуры.

Каждый год 19 сентября в День независимости Чили перед началом прохода войск на военном параде в Парке имени О'Хиггинса наездник-уасо, главный герой чилийского родео, вручает президенту коровий рог, наполненный виноградной чичей (chicha en cacho), в знак нерушимости национальных традиций.

В целом, суть чилийского родео заключается в том, что пара наездников (collera) должны остановить без помощи лассо в определенном участке барьера бегущего во весь опор быка.

Слово collera в современном испанском языке многозначно. В Чили, в сельской местности, до сих пор бытует однокоренной глагол acollarar — *связать за шеи двух животных, чтобы научить их двигаться синхронно*, он-то и является ключом к интерпретации чилийского жаргонизма collera: пара наездников, выходящих на родео, действуют в связке.

То, что выступление всегда проходит в паре — важная отличительная черта родео в Чили и отсылка к тем временам, когда умение действовать сообща спасало жизнь чилийским пастухам-наездникам, гнавшим скот на крутых и пустынных склонах Кордильер.

Испанское слово rodeo (от исп. rodear — «окружать») в одной из своих словарных дефиниций буквально означает 'сгон скота'.

Первые европейцы, ступившие на земли Нового Света, столкнулись с народами, у которых не было ни лошадей, ни коров. Конкистадоры привезли с собой лошадей, а переселенцы — домашний скот, который легко и быстро прижился в новых условиях.

По мере развития скотоводства возникла необходимость в людях, которые следили бы за сохранностью хозяйского скота и занимались выпасом. Эту работу взяли на себя пастухи-наездники. В Чили их называли huaso.

Этимология слова huaso спорна. В научной литературе по интересующей нас теме наиболее обоснованными представляются следующие три версии происхождения слова. Родольфо Ленц возводил чилийское huaso и аргентинское gaucho к лексеме из языка кечуа wacha/wachu со значением *бедный* или *сирота*. В пользу этой версии говорит существование в испанском языке андского региона созвучной лексемы guacho — *подкинутый (ребенок); беспризорный, брошеный*; в Чили guacho также имеет значение *непарный, одиночный* [Lenz 1940: 115]

По другой широко распространенной версии, huaso — лексема, заимствованная в испанский из языка кечуа, в котором имеет значение *спина, круп животного* [Романова 2018: 40].

Сторонники третьей версии исходят из того, что прототипом американского наездника-скотовода послужил андалузский всадник, который перебрался в Америку в эпоху Конкисты и колонизации, а значит, слово huaso может иметь андалузские корни и возникло в результате контаминации трех лексем андалузского диалекта: huasa со значением *грубость, отсутствие такта;* guasón — *хохмач* и gacho — *крестьянин* [Gutiérrez 2010: 122–139].

Согнать сотни голов скота, который пасся вперемешку, отделить хозяйских коров от чужих, поставить клеймо на новорожденного теленка, отобрать животных на продажу или для забоя, заарканить упрямого быка, удержаться в седле на строптивой лошади — все это и называлось hacer el rodeo.

Посмотреть на родео собирались не только владельцы коров — все жители округи стремились попасть на это порой единственное доступное им развлечение. Постепенно праздники вокруг родео с участием бравых уасо прочно вошли в историю и народную культуру Чили.

На рубеже XIX–XX вв. поиск национальной сущности становится в Чили идеологической базой такого важного литературного течения, как креолизм.

Ставя перед собой задачу запечатлеть подлинный образ Чили, креолисты обращаются к сельской жизни и выбирают своим героем уасо. Именно в образе пастуха-наездника уасо, протагониста родео, объединившего в себе угнетенного батрака центральных районов страны и отважного жителя пограничных районов, между реками Мауле и Био-Био, креолисты увидели олицетворение чилийского этнотипического начала.

Так, на рубеже XIX–XX вв. создается образ героя-уасо, выразителя сущности метисной чилийской нации. Отлакированные литературные персонажи за редким исключением не выходили за рамки условностей и штампов. Разумеется, существовала значительная разница между тем, что интеллектуальная элита хотела видеть в уасо, и тем, кем он на самом деле был, но именно этот романтизированный образ, позднее воспроизведенный в кинематографе, нашел отклик у широких народных масс. Пожалуй, главная причина такого успеха заключается в том, что фигура уасо, связанного с народными обычаями, традиционной одеждой, самобытным чилийским просторечием, оказалась обращенной к разным слоям общества — и к землевладельцам, и к простым крестьянам, и к тем, кто совсем недавно перебрался в город.

Погружение в исследование чилийского родео, обычаев и традиций, складывающихся на протяжении веков вокруг этого самобытного элемента сельской жизни Центрального Чили, выявило сложность и многоплановость исследуемого феномена.

Возникнув как термин, обозначающий утилитарную практику, не имевшую ярко выраженного культурного или символического содержания, со временем, по мере формирования чилийского этноса, родео стало неотъемлемой частью сельской жизни Центрального Чили и начало превращаться в многоплановое явление национального наследия.

В нашем стремительно меняющемся мире чилийское родео сохраняет свою значимость как культурный феномен. Оно продолжает нести в себе отпечаток специфических исторических и социальных условий, формировавших чилийское общество на протяжении веков, и остаётся важным маркером чилийской национальной самобытности, которая начала складываться в эпоху Конкисты.

Литература

Романова Г. С. Gaucho и huaso как ключевые концепты аргентинского и чилийского мировидения // Ибероамериканские тетради. 2018. № 4. С. 38–43.

Gutiérrez H. Exaltación del mestizo: La invención del roto chileno // Revista Universum. 2010. Vol. 1, no. 25. P. 122–139. URL: https://www.scielo.cl/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S0718-23762010000100009 (дата обращения: 17.01.2025).

Lenz R. El español en Chile // Biblioteca de Dialectología Hispanoamericana, IV. Buenos Aires: Universidad de Buenos Aires. 1940. P. 87–210.

Лазарева Татьяна Андреевна

канд. филол. наук, ст. преподаватель, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации; tatiandreevna13@yandex.ru

СЕМАНТИЧЕСКИЙ СИНКРЕТИЗМ КАК ФАКТОР ДИСКУРСИВНОЙ ДИФФУЗНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ЛЕКСЕМЫ BUßE)

Ключевые слова: семантика, синкретизм, дискурс, диффузность.

В исследовании поднимаются вопросы, связанные с тем, как семантическое содержание абстрактной лексики отражается на ее употреблении в различных дискурсах. Лексема *Buße* интересна как пример иллюстрации параллельно существующих архаичных и новых конвенций, что позволяет переносить ее в новые дискурсивные практики, иногда вызывая их смешение.

Хронологические рамки исследования охватывают все периоды истории немецкого языка, поскольку в каждом из них актуализируется то или иное содержательное наполнение лексемы *Buße*. Источником материала служат тексты заговоров древневерхненемецкого периода, тексты средневекового законодательства («Саксонское зерцало», «Алеманнская правда»), лексикографические источники («Mittelhochdeutsches Wörterbuch» von G. F. Benecke, W. Müller, F. Zarncke (BMZ), «Deutsches Rechtswörterbuch» (DRW)), а также корпусы «Deutsches Referenzkorpus» (DeReKo) и «DWDS-Kernkorpus» (DWDS).

Представленный материал позволяет выявить семантические процессы, обусловившие использование лексемы Buße в различных дискурсах. Так, в древневерхненемецкий период произошло сужение значения. На этом фоне созначения архаичной семантической синкреты при попадании в новые дискурсы обрели дополнительное содержание, и результатом стал семантический сдвиг. В средневерхненемецкий период существовали две словоформы мужского и женского рода: *buoz* и *buoze* [BMZ], благодаря которым значения «штраф» и «покаяние» отделяются друг от друга, и архаичная синкрета распадается. В современный период эти значения реализуются одной словоформой — *Buße*, однако они оба подвергаются метафоризации, благодаря чему увеличивается спектр возможных контекстных сочетаний.

Семантическое развитие ЛЕ *Buße* происходило под влиянием экстралингвистических факторов, в числе которых находятся применение практик религиозной жизни к юридической сфере, смена религиозной парадигмы, секуляризация общества, развитие системы законодательства и др. [Fritz 2006: 121].

В каждую историческую эпоху лексема *Buße* получает новое дискурсивное употребление, в связи с чем необходимо рассматривать материал с точки зрения принципа историзма. В этом ракурсе допускается вариативность перевода исследуемой лексической единицы исходя из контекстного окружения. Основные тематические рубрики, в которых встречается ЛЕ *Buße* — домашнее хозяйство, магические ритуалы и заговоры, христианская духовная литература, юридические документы, спорт, политика [Weisweiler 1930: 137].

Одним из ключевых пунктов исследования является выявление диффузности дискурсивных практик: можно отметить употребление ЛЕ *Buße* в ее т. н. религиозном значении («покаяние») в политическом дискурсе или в т. н. юридическом значении («штраф») — в религиозном [DeReKo].

Немаловажную роль играет перевод Библии, выполненный Мартином Лютером, поскольку в нем предлагаются нехарактерные способы употребления ЛЕ *Buße* [Weisweiler 1930: 193]. Языковые и концептуальные новшества, предложенные Мартином Лютером, создают предпосылки для соединения в религиозном дискурсе архаичных и новых значений, которые, тем не менее, не распространяются на юридический дискурс.

Актуализация архаичных сем, таких как *восстановление целостности, принесение пользы, улучшение* и т. д. указывает на взаимосвязь ЛЕ *Buße* в двн. и свн. периоды с такими ЛЕ, как *Besse-*

rung, Tugend, Heilung. В ряде контекстов отмечается также синонимическая близость слов *Buße* и *Geld*.

В современном корпусе наиболее близким по значению к *Buße* выступает слово *Reue*, однако они не являются взаимозаменяемыми. Отличие содержится как в концептуальном наполнении (*Buße* в первую очередь обозначает действия, которые должны исправить ситуацию, в то время как *Reue* обозначает эмоциональное переживание раскаяния), так и на оценочном уровне (встречается более негативное восприятие *Buße* из-за корреляции с темой денег в отличие от *Reue*). Отметим, что подобная негативная коннотация слова *Buße* свойственна только современному периоду истории немецкого языка. Это объясняется тем, что несмотря на произошедшее отделение друг от друга значений «штраф» и «покаяние» и их распределение по соответствующим дискурсам, архаичное синкретическое значение продолжает оказывать влияние на современное словоупотребление, создавая определенные ассоциации у носителей языка.

На основе проведенного анализа языкового материала можно назвать несколько тенденций дальнейшего семантического развития ЛЕ *Buße*:

1) актуализация архаичной семы «восстановление целостности, справедливости» в политическом, спортивном и других дискурсах;
2) ухудшение значения в религиозном дискурсе, вызванное контрастом с *Reue*;
3) расширение значений, используемых в юридическом дискурсе («штраф»), до значения *компенсации* чего-либо вне зависимости от контекста.

Источники

Deutsches Referenzkorpus (DeReKo). URL: https://cosmas2.ids-mannheim.de/cosmas2-web (дата обращения: 29.12.2024). Mittelhochdeutsches Wörterbuch. Mit Benutzung des Nachlasses von Georg Friedrich Benecke ausgearbeitet von Wilhelm Müller und Friedrich Zarncke. 3 Bde. Leipzig, 1854–1866. URL: http://woerterbuchnetz.de/cgi-bin/WBNetz/wbgui_py?sigle=BMZ&mode=Vernetzung&lemid=BT00731XBT00731 (дата обращения: 15.01.2025).

Литература

Fritz G. Historische Semantik. Springer-Verlag, 2006.

Weisweiler J. Buße. Bedeutungsgeschichtliche Beitr.ge zur Kultur- und Geistesgeschichte. Halle (Saale): Niemeyer, 1930.

Ляскова София Николаевна

аспирант, Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского;
sofy.int@gmail.com

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТОВ *FAMILLE* (СЕМЬЯ) И *MARIAGE* (БРАК) ВО ФРАНЦУЗСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ НА МАТЕРИАЛЕ АФОРИЗМОВ

Ключевые слова: афоризм, концепт, лингвокультурология.

Поскольку восприятие людьми друг друга осуществляется сквозь призму сложившихся в обществе стереотипов, для изучения менталитета французской культуры, мы обратились к фольклору, а именно к французским афоризмам, которые содержат в себе общественный опыт народа и раскрывают многие характерные стороны национального быта, давая более полное представление о многовековой жизни носителей французского языка.

Результаты исследования концептов ***famille*** (семья) и ***mariage*** (брак) и семейных отношений во французской национальной культуре получены на материале изречений известных французских писателей, репрезентирующих данные концепты.

Афоризмы относятся к разряду универсальных генерализованных высказываний, которые обладают предельно широкой семантикой, отсутствием прямой связи с реальностью, с переходом в область «чистой идеи» [Гаврилова 1986: 56]. Они типизируют жизненные явления, а также дают возможность ярко и сжато выразить мысль, метко и кратко охарактеризовать явление, ситуацию, отношение человека, вся информация имеет абстрактный характер. Их познавательная ценность заключается в формулировке общих закономерностей развития общества, в котором они функционируют.

Вербализация концептов ***семья*** и ***брак*** широко представлена в изречениях известных французских деятелей литературы. Анализ парадигматических и синтагматических отношений афоризмов, послуживших в качестве материала исследования, позволил увидеть, что именно носители французского языка вкладывают в исследуемые концепты и выявить их определённое смысловое наполнение.

Приведём несколько примеров отношений синонимии. ***Семья*** — *основа обществ*, такую синонимичную пару можно выделить в высказывании Оноре де Бальзака: «La famille sera toujours la base des sociétés» (Honoré de Balzac) [10070 Citations françaises et étrangères. URL: http://www.iladit.com] — «Семья всегда будет основой обществ». ***Семья*** — *любимая женщина*: «Une femme qu'on aime est toute une famille» (Victor Hugo) [10070 Citations françaises et étrangères. URL: http://www.iladit.com] — «Женщина, которую любишь, это целая семья» (Виктор Гюго).

В афоризме Маргариты Ангулемской ***брак*** является синонимом прекрасного и надежного положения: «Je tiens mariage le plus beau et le plus sûr état qui soit au monde» (M. D'Angoulême) [10070 Citations françaises et étrangères. URL: http://www.iladit.com] — «Я считаю брак самым прекрасным и надежным положением в мире». Однако журналист и драматург Робер де Флер, напротив, полагал, что брак лишь отдаляет людей друг от друга: «Très souvent, la seule chose qui sépare un homme charmant d'une femme charmante, c'est qu'ils sont mariés ensemble» (R. De Flers) [10070 Citations françaises et étrangères. URL: http://www.iladit.com] — «Очень часто единственное отделяет очаровательного мужчину от очаровательной женщины это то, что они женаты».

Приведем пример анализа синтагматических отношений. Субъектные отношения реализуются в афоризмах при употреблении слов ***famille*** (семья) и ***mariage*** (брак) в роли подлежащего, например: «Les familles me font peur» (Georges Bernanos) [10070 Citations françaises et étrangères. URL: http://www.iladit.com] — «Семьи меня пугают». Из этой предикативной пары можно вывести следующее значение: ***семья*** — это нечто страшное.

На основе анализа парадигматических и синтагматических отношений более чем 40 французских афоризмов были выделены следующие смысловые составляющие концептов:

Семья — основа обществ, любимая и желанная женщина, лучшее состояние человека, нечто закрытое и замкнутое, нечто негативное, наследники, прекрасное и надежное положение, тяжёлые узы, дружба.

Брак — серьёзное дело, отсутствие любви, легкомысленный поступок, нечто отдаляющее людей, развод, скучная жизнь, невозможность счастья, конец любви, способ сохранения отношений, борьба с привычкой, нечто негативное, неверность одного из супругов, некрасивый муж или жена.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что семья и брак занимают важное место в жизни представителей французской культуры. Супружество дает человеку совершенно новое положение в жизни. В понимании носителей французского языка семья — это, прежде всего, основа общества, место, где человек чувствует себя комфортно, спокойно и защищено. Кроме того, семья неразрывно связана с любимой женщиной, об этом свидетельствуют высказывания известных французских писателей Виктора Гюго и Валери Ларбо. Отмечаются также негативные афоризмы о семье.

Брак для представителей французской культуры также является одной из главных ценностей в жизни человека, играет важную в ней роль и требует серьезного подхода. В исследуемых афоризмах встречается немало советов о том, как создать успешный брак, залогом которого, по мнению многих авторов, является дружба между супругами. Однако далеко не всегда афоризмы о браке носят положительный характер. Большинство из них касаются отрицательной стороны брака, ассоциируя его с силой, способной разрушить любовь и дружбу между партнерами, вызывающей взаимную неприязнь, ненависть и отдаление друг от друга. Многие французские писатели считают, что жизнь в браке неизбежно связана с отсутствием любви и счастья, скукой, изменами, и лучшим выходом из этого трудного положения является развод.

Источник

«Le monde est né de l'amour, il est soutenu par l'amour, il va vers l'amour et il entre dans l'amour» // 10070 Citations françaises et étrangères. URL: http://www.iladit.com (дата обращения: 10.01.2025).

Литература

Гаврилова Е. Н. Универсальные высказывания и другие обобщающие суждения // Филологические науки. 1986. № 3. С. 56–62.

Максимова Виктория Вячеславовна
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

НРАВСТВЕННАЯ НАВИГАЦИЯ В МОРЕ ПОСЛЕВОЕННОЙ ГЕРМАНИИ: МЕТАФОРЫ В МЕМУАРАХ

Ключевые слова: когнитивная метафора, функциональные свойства метафор, военные мемуары.

В рамках заявленной темы анализируются метафоры в контексте военных мемуаров. Исследование проводится на основании двух гипотез: обладая мощным когнитивным потенциалом, метафоры способны проработать травму негативных воспоминаний; зачастую сферой-источником для метафор служит профессиональная деятельность — для того, чтобы отрефлексировать болезненные переживания, человек обращается к знакомой, обусловленной его опытом и знаниями области. В качестве практического материала были выбраны мемуары немецкого подводника Второй мировой войны Эриха Топпа «Факелы над Атлантикой». Актуальность исследования заключается в его междисциплинарном характере — анализ проводится на стыке лингвистики и психологии, что отвечает современным тенденциям по объединению этих дисциплин для лучшего понимания человеческого сознания.

В рамках когнитивной лингвистики принято рассматривать метафору в качестве одной из основных ментальных операций [Чудинов 2004: 91], с помощью которой человек может познать, понять и структурировать мир, а также выразить свое эмоциональное отношение к нему и выработать для себя новые смыслы и определенные установки по ориентации в действительности [Солодилова 2013: 122]. Представляя собой микрокосм рационального и иррационального, метафора за счет своего сильного когнитивного заряда способна создавать эмоциональное напряжение [Молчанова 2018: 10], которое может заставить задуматься, вызвать рефлексию или же проработать определенную травму, приводя от напряжения к эмоциональной разрядке, схожей по характеру с исцелением. Так, метафора становится элементом кризисного мышления, и именно поэтому она оказывается на стыке интересов двух дисциплин — лингвистики и психологии. Сильная и точная метафора может помочь в проработке негативных воспоминаний, тревог, страхов и боли. Но как строится такая метафора, дающая ключ к ментальности человека? В метафоре обычно выделяют два компонента: сферу-источник и сферу-мишень. Сфера-источник, призванная объяснить сферу-мишень, обусловлена опытом и знаниями человека. То есть метафорический перенос основывается на понятиях и явлениях какой-то знакомой человеку области. Зачастую сфера-источник связана с профессиональной деятельностью.

Так автор выбранных для анализа мемуаров, кадровый офицер подводного флота, видит жизнь в послевоенной Германии через метафорическую призму своей профессии. Само название мемуаров «*Fackeln über dem Atlantik*» («Факелы над Атлантикой») метафорично. На рубке подводной лодки Эриха Топпа были нарисованы два танцующих красных чертенка, держащие в руках факелы разрушения и жизни: *tanzende rote Teufel mit den* ***Fackeln der Vernichtung*** *und* ***des Lebens***. С этим гербом Топп отправлялся в ожесточенные бои, и факел разрушения горел все ярче. Но после того, как смолкли последние выстрелы, ярче должен был воссиять факел жизни. Однако он терялся в тумане горького отчаяния, во мрачных тенях такого недавнего и все еще живого и страшного прошлого, которое принуждало к болезненной рефлексии [Ассман 2023: 13]. В мемуарах Эрих Топп рассказывает свой личный путь «Одиссея», после окончания войны блуждающего в тумане рефлексии, но все-таки нашедшего факел жизни, который из тусклой искры надежды уверенно воссиял несмотря ни на что: *die* ***Fackel des Lebens*** *leuchtet aber, damals ein Hoffnungsschimmer, heute eine strahlende Gewißheit*.

Жизнь в послевоенной Германии автор сравнивает с «неспокойным фарватером» (*das unruhige* ***Fahrwasser***), «якорем и островом в этом бурном море» ему служит дружеская поддержка (*dieses freundschaftliche Vertrauen wie eine ruhige* ***Insel****; wie ein* ***Anker in bewegter See***). Чтобы разобраться со стремительными политическими и нравственными течениями послевоенных лет (schnelle **Strömungen** unserer Zeit), опытный моряк Эрих Топп решает для себя твердо «придер-

живаться собственного курса» (*seinen eigenen* ***Kurs steuern***), ориентируясь в фарватере времени «на маяки западной культуры» (*in dem* ***Fahrwasser****, das mit* ***Leuchtfeuern*** *besetzt ist, die den* ***Glanz*** *abendländischer Kultur* ***ausstrahlen***). Глядя в будущее, он желает кораблю под названием Германия (***Schiff*** *der kommenden Generation*) ответственных капитанов, которые смогут уверенно проложить ему путь (*das* ***Fahrwasser ausbojen***) через все политические и нравственные штормы.

По итогам исследования были сделаны следующие выводы:

1) метафоры выполняют в мемуарах Эриха Топпа **функцию объяснения и структуризации** неспокойного мира послевоенной Германии, в которой не было ни определенности, ни идеологической четкости. С помощью метафор Эрих Топп пытается привести этот хаос послевоенных лет в порядок, чтобы понять, куда двигаться дальше;
2) метафоры выполняют **экспрессивную функцию** — за счет своего мощного когнитивного и творческого потенциала они способны выразить сильные эмоции и переживания;
3) еще одна функция метафор — **терапевтическая**. Метафоры прорабатывают негативные воспоминания, находя особый образный язык, выражающий вину, тревоги, боль, самые потаенные мысли и чувства, и позволяя прийти от эмоционального напряжения к разрядке, к исцелению;
4) главное свойство проанализированных метафор — **наличие четкой сферы-источника**. Эрих Топп описывает мысли и переживания, глядя на жизнь сквозь призму своей профессии. Опытный моряк-подводник, он меряет жизнь привычными ему категориями, стремится объяснить ее знакомым языком, чтобы через область, ставшую для него смыслом и призванием, понять нечто незнакомое — бурные течения в море послевоенной Германии, и, поняв, выработать четкий план и нравственную навигацию для этого морского путешествия, для этой «Одиссеи», что в конце концов приведет его к новым жизненным установкам.

Литература

Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2023.

Молчанова Г. Г. Когнитивная синестезийная метафора и теория напряженности // Вестник Московского университета. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 4. С. 9–20.

Солодилова И. А. Метафора: когнитивные основы оценочности // Вестник Оренбургского государственного университета. 2013. № 11 (160). С. 118–123.

Чудинов А. П. Когнитивно-дискурсивное исследование политической метафоры // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 91–105.

Манёрова Кристина Валерьевна

канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет;
k.manerova@spbu.ru

ФОРМУЛЬНОСТЬ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА КАК ТРУДНОСТЬ В МАШИННОМ ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Ключевые слова: формульность, немецкая идиоматика, эквивалентность, модели НМП.

В докладе представлены возможности перевода немецких формульных структур на русский язык с помощью машинного перевода, предоставляемого немецкой компанией DeepL — нового онлайн-переводчика на основе нейронных сетей (https://www.deepl.com/ru/translator). Формульность структур понимается в докладе как свойство коллокаций и фразеологических словосочетаний разной степени идиоматичности, перевод которых представляет собой смысловую и стилистическую трудность в паре языков немецкий-русский переводчика DeepL.

Материалом исследования послужили 100 фразеологизмов немецкого языка разного структурного типа, имеющие формульный характер, с примерами, отобранными для перевода из Цифрового словаря немецкого языка (Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache, dwds.de). Методы, используемые при анализе перевода формульных конструкций: сопоставительный метод, метод анализа переводческих ошибок по Вилару и соавторам [Vilar 2006].

На сайте компании заявлено: «Цель DeepL — использовать нейронные сети для того, чтобы расширить человеческие возможности, устранить языковые барьеры и сблизить культуры» (https://static.deepl.com/files/press/companyProfile_RU.pdf). Нейронный подход к МП (der neuronale MÜ-Ansatz (NMÜ)), используемый переводческими системами DeepL на основе нейронных сетей призван воспроизводить когнитивные модели человеческого мышления, чем отличается от используемых ранее подходов к машинному переводу. С помощью нейронного подхода к машинному переводу можно избежать грамматических ошибок, ошибок в порядке слов переводного текста, однако такие критерии как точность и адекватность, пропуски слов и не намеренная редукция в переводе, стилистические ошибки, ошибки сочетаемости, перевод формульных конструкций являются недоработками систем НМП.

Недоработки подобного рода можно отнести к качеству контролируемого языка (в нашем случае направления перевода это — немецкий язык). Контролируемый язык (КЯ) понимаем вслед за Зузанной Гепферих как «подсистемы естественных языков, словарный запас и допустимые грамматические конструкции которых представляют собой подмножество словарного запаса или возможных грамматических конструкций неконтролируемого естественного языка, из которого они получены» [Göpferich 2008]. Подробное исследование немецкого языка как КЯ находим в монографии Шаймаи Марзук из Университета г. Майнц [Marzouk 2022].

Так, у идиомы в машинном переводе DeepL может переводиться только буквальное значение ее предшественника, т. е. словосочетания, которое послужило основой для возникновения фразеологизма (die 1. Lesart): nah am Wasser gebaut haben — 1. Построить дом у воды; 2. Быть плаксивым/плаксивой: *Sie hat nah am Wasser gebaut — Она построила дом недалеко от воды* (но не как «*Она — плаксивая женщина*»), адъективный фразеологизм eine alte Schachtel — 1. Старая коробка, 2. Старая перечница (о пожилой, сварливой женщине) в предложении *Sie ist eine alte Schachtel* переводится как *Она- старая коробка, она — старый ящик* (но не как «*Она — старая перечница*»). В DeepL через опцию «Глоссарий» для фразеологизма eine alte Schachtel можно добавить верный вариант перевода *старая перечница* (04.07.2024 добавлено). Подобные примеры будет предложены и проанализированы в докладе.

Стилистический ошибки встречаются в переводе комплексных идиом: einen Narren an jmdm gefressen haben (любить кого-то, нравиться кому-л., полюбиться кому-л.) — *Die Oma hat einen Narren an ihrem Enkel gefressen — Бабушка увлеклась своим внуком* (но не «*Бабушка души не чает в ее внуке*»). Библеизмы переводятся в их прямом значении: *Er ist ein (einsamer) Rufer in der Wüste — Он — одинокий путник в пустыне* вместо «*Глас вопиющего в пустыне*».

В то же время, нейронная сеть переводчика может предвосхищать наличие компонентов формульного характера в немецких коллокациях и давать верный перевод: Massnahmen treffen (принять меры): *Er hat alle nötigen Massnahmen* и *Er hat alle nötigen Massnahmen* ***getroffen*** переводится одинаково: *Он принял все необходимые меры*.

Анализ машинного перевода формульных немецких конструкций с помощью нейронных сетей DeepL выявил следующие типы ошибок: подмена смысла выражения, буквальный перевод выражения, стилистические ошибки, неточное распознавание структуры формульной конструкции и коллокационной сочетаемости в языке оригинала, ошибочный подбор эквивалента в русском языке. Выявленные ошибки — свидетельство проявления языковой неоднозначности в современном машинном переводе.

Источники

DeepL. URL: https://www.deepl.com/ru/translator (дата обращения: 04.07.2024).

Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: https://www.dwds.de (дата обращения: 04.07.2024).

Литература

Göpferich S. Textproduktion im Zeitalter der Globalisierung: Entwicklung einer Didaktik des Wissenstransfers. 3. Aufl. Tübingen: Stauffenburg Verlag, 2008.

Marzouk Sh. Sprachkontrolle im Spiegel der Maschinellen Übersetzung: Untersuchung zur Wechselwirkung ausgewählter Regeln der Kontrollierten Sprache mit verschiedenen Ansätzen der Maschinellen Übersetzung (Translation and Multilingual Natural Language Processing 20). Berlin: Language Science Press, 2022.

Vilar D., Jia Xu, D'Haro L. F., Ney H. Error analysis of machine translation output // LREC-2006: Proceesings of the 5th international conference on language resources and evaluation. Genoa: European Language Resources Association (ELRA), 2006. P. 697–702.

Марфунцева Ольга Николаевна

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет;
marfuntseva@mail.ru

ПАРАДИГМАТИКА И СИНТАГМАТИКА ПРОСТЫХ ЦВЕТОВЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В РОМАНЕ ДИНО БУЦЦАТИ «ТАТАРСКАЯ ПУСТЫНЯ»

Ключевые слова: цветообозначения, идиостиль, итальянская проза, Дино Буццати, анализ художественных произведений.

С момента публикации первого романа «*Bàrnabo dalle montagne*» («Барнабо с гор») в 1933 г. и на протяжении всего творческого пути Дино Буццати оставался значимой фигурой в итальянской литературе. По меткому замечанию Х. Л. Борхеса, включившего его роман «*Il deserto dei Tartari*» («Татарская пустыня», 1940) в собственную антологию, имя этого итальянского писателя принадлежало к числу тех, кого «читатели будущих поколений не согласятся вычеркнуть из памяти» [Борхес 1999: 6].

Именно «Татарская пустыня» принесла Дино Буццати всемирную славу и до сих пор остаётся предметом изучения лингвистов и литературоведов. Как отмечает А. Б. Гвоздев, характерной чертой романа Дино Буццати является сюжетный минимализм, доводимый до абсурда, а достаточно сухой «стиль итальянского писателя не отличается красочностью и живописностью» [Гвоздев 2021: 2]. Исследователи также обращают внимание на аллегоричный характер романа, называя его романом-аллегорией или романом-притчей, повествующим «об одиночестве перед лицом смерти, о времени, пожирающем жизнь» [Тихоненко 2013: 62]. Помимо этого, особую роль в романе играет цвет, выступающий важной составляющей художественного пространства и наделённый символическим смыслом.

В рамках данного исследования простые цветовые прилагательные, выражающие понятие цвета, анализируются в многообразии их парадигматических и синтагматических связей. Вслед за С. В. Шкиль [Шкиль 2005] признавая цветообозначения стилистической категорией, мы выделяем в качестве парадигматики авторских цветообозначений их лексико-фразеологическое и грамматическое варьирование, а в качестве синтагматики — лексическую сочетаемость в рамках исследуемого текста.

Ядро авторской цветовой палитры (82 %) представлено ахроматической гаммой цветов: «*nero*» (чёрный, 34 %), «*bianco*» (белый, 24 %), «*grigio*» (серый, 10 %) — и одним хроматическим цветом «*giallo*» (жёлтый, 14 %). Менее частотными являются «*rosso*» (красный, 7 %) и «*azzurro*» (голубой, 6 %), а на периферии находятся «*verde*» (зелёный, 3 %) и «*violetto*» (фиолетовый, 2 %).

Парадигмы лексико-семантических полей (ЛСП) чёрного, белого, жёлтого и красного цветов образуются сходным образом. Базовыми выступают лексемы «*nero*», «*bianco*», «*giallo*» и «*rosso*». От них по двум словообразовательным моделям формируются лексемы со значением «обладающий цветом в некоторой степени»:

1) с помощью суффикса — *astro:* «*nerastro*», «*biancastro*», «*giallastro*», «*rossastro*»;
2) с помощью суффикса — *iccio:* «*gialliccio*», «*rossiccio*».

Однако только две ядерные лексемы «*nero*» и «*bianco*» представлены ещё и формами превосходной степени («*nerissimo*» и «*bianchissimo*»).

Анализ **синтагматики** рассматриваемых ЛСП позволяет выявить наиболее частотные лексические пары, которые в случае с «*nero*» представлены лексемами «*striscia*» («полоса», 17 %), «*macchia*» («пятно», 13 %), «*punto*»/«*puntino*» («точка/точечка», 11 %). В романе эти лексемы используются для обозначения фигур без чётких контуров, находящихся за пределами крепости, а значит представляющих потенциальную угрозу: будь то внезапно появившаяся у стен форта лошадь или канонир Джузеппе Лаццари, отправившийся за ней, но не знавший установленного за время его отсутствия пароля.

Наиболее частотными сочетаниями «*bianco*» оказываются «*nube/nuvole bianche*» («белые облака», 15 %) и «*strada bianca*» («белая дорога», 10 %), символизирующие жизненный путь главного героя Джованни Дрого и сюжетно связанные с его попытками осмыслить собственное существование. Однако значимыми выступают и сочетания «*pietra bianca*» («белый камень», 5 %) и «*pizzo bianco*» («белое кружево», 5 %), сюжетно связанные в романе со смертью (канонира Джузеппе Лаццари и лейтенанта Пьетро Ангустины).

Для ЛСП «*giallo*» наиболее показательными оказываются три лексические пары: «*muri/mura*» («внутренние и внешние стены крепости», 32 %), «*terra del cortile*» («земля двора», 9 %) и «*volto*» («лицо», 9 %). Первые две пары характеризуют крепость Бастиани, в стенах которой Джованни Дрого проводит почти всю жизнь, последняя — цвет его измождённого болезненного лица на смертном одре. Помимо этого, жёлтый служит цветовой характеристикой засохшей травы («*erbette*») и безжизненного холма («*nudo colle*»). Последний цвет ядра авторской палитры «*grigio*» образует наиболее частотные пары с лексемами «*cielo*» («небо», 19 %) и «*barba*» («борода», 13 %) в значении «седой».

Хроматическая палитра, представленная ЛСП «*rosso*», «*azzurro*» и цветом периферии «*verde*», имеет отличную от ядра палитры семантическую нагрузку: «*volto rosso*» — «раскрасневшееся от здоровой усталости лицо», «*vestito azzurro*» — «платье Марии, девушки, в которую Дрого был когда-то влюблён», «*cielo azzurro di primavera*» — «голубое весеннее небо», «*stella verde*» — «зеленоватая звезда, мерцающая над Дрого в ночи»).

Так или иначе все цвета ядерной авторской палитры в романе «Татарская пустыня» оказываются семантически связаны с мотивом угрозы и неизбежно приближающейся смерти, в то время как палитра приядерной зоны и периферии обретает в романе противоположную коннотацию и связана с мотивом надежды.

Литература

Борхес Х. Л. Предисловие к роману «Татарская пустыня» / пер. Б. В. Дубина. СПб.: Амфора, 1999.

Гвоздев А. Б. Принцип отложенного действия как способ организации повествования в романе Дино Буццати «Татарская пустыня»// Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2021. Т. 2, № 2 (35). С. 43–51.

Тихоненко М. И. О библейской символике романа Дино Буццати «Татарская пустыня»// Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. 2013. № 10. С. 62–66.

Шкиль С. В. Колоратив как стилистическая категория в лирических идиостилях И. А. Бунина и М. А. Кузьмина: дис. … канд. филол. наук. Петрозаводск, 2005.

Мёд Наталья Григорьевна

д-р филол. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет;
n.med@spbu.ru

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ИСПАНСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ БИНОМОВ

Ключевые слова: испанский язык, фразеологический бином, семантика, синтаксис, стилистика.

Фразеологические биномы являются разновидностью фразеологических единиц и представляют собой соединение двух компонентов, соединенных, как правило, посредством служебного элемента. Они обладают всеми признаками, свойственными фразеологизмам, а именно семантической целостностью, устойчивостью, фиксированным порядком следования компонентов, воспроизводимостью в готовом виде.

Термин «бином» впервые был введен в лингвистический обиход Я. Малкилом в 1959 г. Он определял как «irreversible binomials» такие последовательности двух слов, которые относятся к одному формальному классу, находятся на одном уровне синтаксической иерархии и, обычно, соединяются какой-либо лексической связкой [Malkiel 1959: 113].

На материале испанского языка проблематика фразеологических биномов представляется недостаточно исследованной, хотя имеются работы, посвященные данной теме [García-Page 2008; Luque Nadal 2017; Pamies, Pazos 2022], в которых рассматриваются отдельные аспекты, связанные со статусом биномов как фразеологических единиц, семантическими особенностями и прагматической направленностью.

Результаты проведенного лингвистического анализа показали, что испанские фразеологические биномы являются продуктивным и многочисленным классом фразеологических единиц, обладающим следующими особенностями:

1. Грамматические особенности. В формировании испанских биномов принимают участие практически все части речи (существительные, прилагательные, причастия, местоимения, глаголы, наречия), соединяемые посредством сочинительной связи: соединительных союзов (a las duras y a las maduras; hecho y derecho; coser y cantar; ni rey ni roque; ni más ni menos), разделительных союзов (caja o faja; vivo o muerto; todo o nada; por hache o por be; por fas o por nefas; por esto o por aquello) и лексико-синтаксической предложной связи (cara a cara; codo con codo; hombro con hombro; de tú a tú). Отметим также отсутствие союзной связи в биномных словосочетаниях (teje maneje; regulín regulán; tiquis miquis). Как правило, биномам присуща грамматическая однородность частей речи, хотя встречаются случаи грамматической неоднородности (ni tanto ni tan calvo; vivito y coleando). Зачастую биномы входят в состав глагольных фразеологических сочетаний (hablar / conversar / discutir / largo y tendido; pedir / prometer / ofrecer el oro y el moro; estar / andar / ir / del tingo al tango; poseer / contar / hacer / ares y mares).

2. Лексико-семантические особенности. Некоторые испанские фразеологические биномы построены на отношениях синонимии (común y corriente; pelao y mondao; de golpe y porrazo; a cala y a prueba) или антонимии (por las buenas o por las malas; dares y tomares; ni muerto ni vivo). Семантические сферы лексики, задействованной в формировании испанских фразеологических биномов, отличаются разнообразием. Так, например, в семантической сфере «Человек» фигурирует преимущественно соматическая лексика (sin pies ni cabeza; mano a mano; ojo por ojo) и лексика, характеризующая действия человека (hablar por hablar;coser y cantar; nadar y guardar la ropa; sin comerlo ni beberlo). Для семантической сферы «Музыка» характерны наименования музыкальных инструментов (a bombo y platillo; entre pitos y flautas), в семантической сфере «Растительный мир» представлены названия фруктов и овощей (de higos a brevas; de chicha y nabo).

3. Стилистические особенности. С позиции фоностилистики для испанских фразеологических биномов характерна аллитерация (dimes y diretes; de rompe y rasga,) и различные виды рифм: ассонансная рифма (dares y tomares; de cabo a rabo; de hoz y de coz) и консонантная рифма (que si patatín, que si patatán; del tingo al tango; ni fu ni fa). Также отмечаются примеры парони-

мической рифмы (sin tener arte ni parte, a troche y moche; no decir tus ni mus). В состав биномов могут входить искаженные фонетические дупликаты. Фонетическая деформация исходного звукового состава слова- компонента бинома, состоящая в добавлении, выпадении, замещении звуков, а также в изменении грамматического рода существительных, для создания экспрессивности и комического эффекта, является характерным приемом образования биномов (ni oxte ni moxte; sin ton ni son; ni así ni asá; ni coche ni cocha). Следует отметить прием редупликации, состоящий в повторе компонентов бинома (mejor que mejor; erre que erre; de bobilis bóbilis; dale que dale; toma que toma). Стилистический прием градации, связанный с усилением признаков, также находит отражение в формировании испанских фразеологических биномов (muerto y enterrado; tras de cornudo, apaleado; a más y mejor).

Испанские фразеологические биномы обладают способностью превращаться в композиты со слитным написанием (altos y bajos / altibajos; de chicha y nabo / de chichinabo; a macho y martillo / a machamartillo).

Литература

García-Page Sánchez M. Introducción a la fraseología española. Barcelona: Anthropos, 2008. P. 329–334.

Luque Nadal L. Aspectos fraseológicos y culturales de los co-compuestos o binomios léxicos // Language Design. 2017. No. 19. P. 149–204.

Malkiel Y. Studies in irreversible binomials // Lingua. 1959. No. 8. P. 113–160.

Pamies A, Pazos J. M. Entre el binomio fraseológico, la colocación compleja y la colostrucción: Un examen «largo y tendido» // Linguistica. 2022. No. 62 (1–2). P. 53–78.

Мельгунова Анна Владиславовна

канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет;
a.melgunova@spbu.ru

ПРЕДЛОЖЕНИЕ КАК ОСОБЫЙ ВИД ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНОГО КОМПОНЕНТА НЕМЕЦКИХ КОМПОЗИТОВ

Ключевые слова: немецкий язык, словосложение, синтаксис, предложение.

Синтаксические структуры могут быть задействованы в словообразовании различным образом. Использование предложений в качестве определительного компонента композитов немецкого языка представляет собой относительно новое явление, получившее распространение в XXI в.

К примеру, в монографии В. С. Вашунина, посвящённой субстантивному словосложению в немецком языке и вышедшей примерно три с половиной десятилетия назад [Вашунин 1990], вообще не анализируется такой вид определительного компонента как предложение. Автор монографии упоминает, например, некоторые виды сложных первых компонентов, составные части которых связаны копулятивно и по смыслу соответствуют словосочетанию: *das Marx-Engels-Denkmal* ‘памятник Марксу и Энгельсу’ и т. п. В случае со структурами типа *die Fleisch- und Wurstproduktion* ‘производство мяса и колбасы’ речь идёт о «спаянных словосочетаниях» на базе двух композитов идентичной модели [Вашунин 1990: 81].

Другим давно известным вариантом участия синтаксических конструкций в словообразовании является модель «сдвиг», например: *der Springinsfeld* ‘перекати-поле’, *der Tunichtgut* ‘бездельник’, *der Guckindieluft* ‘ротозей’. В данном случае немецкое слово представляет собой слившуюся воедино фразу. Здесь мы можем говорить о функционировании предложения в словообразовательных процессах, но синтаксическая конструкция не является при этом компонентом другого слова. Относительно классификации подобных продуктов словообразования нет единого мнения — иногда их относят к упомянутой выше модели, которая считается особым типом словосложения, иногда причисляют к конверсии.

В современных трудах по словообразованию уделяется внимание также и функционированию предложения как детерминативного компонента сложных слов. С одной стороны, некоторые из этих слов, содержащие в первой части глагольный императив, даже могут быть включены в словари и не являются чем-то особенным — как der Trimm-dich-Pfad ‘дорожка в лесопарке, оборудованная для прогулок и упражнений’ (дословно ‘дорожка «занимайся физкультурой»’). Императивное предложение может быть также распространённым, то есть содержать, например, объект — и такие слова не фиксируются словарями: *die “Verbessern-Sie-Ihre-Rente”-Idee* ‘идея «улучшайте Вашу пенсию»’. С другой стороны, и предложения с иной, не обязательно императивной структурой постепенно заняли своё место в словосложении. Отмечается, что подобные продукты словообразования стали неким модным явлением в современном немецком языке, их функционирование ограничено беллетристикой, публицистикой и рекламой — например, *der Wir-sind-für-Sie-da-Kundendienst* ‘сервис «мы к вашим услугам»’. При этом они часто экспрессивны, окказиональны и привязаны к контексту. Предложения, выступающие в роли первого компонента, могут быть интерпретированы как повествовательные, вопросительные и восклицательные [Fleischer, Barz 2012: 177–178].

Относительно графического представления таких структур нужно отметить, что все слова, составляющие предложение, могут писаться через дефис и при помощи того же средства присоединяться к определяемому компоненту. По мнению Э. Доналис, используя дефис, пишущий стремится показать связность компонентов, составляющих одно понятие [Donalies 2011: 11]. В отличие от синтаксических структур, задействованных в модели сдвига, в предложении как части композита сохраняется написание слов с прописной и строчной букв.

Определительным компонентам-предложениям иногда присущ цитирующий характер — то есть они содержат какое-то высказывание, выражение отношения к чему-либо [Donalies

2011: 56]. Написание через дефис не является строгим правилом. При рассмотрении композитов из современных текстов прессы, первый компонент которых имеет цитирующий характер, была выявлена тенденция к отказу от написания частей первого компонента через дефис — в случае, если предложение при этом заключается в кавычки: *(…) der Kollege, der uns mit seiner ständigen "Ich erklär dir die Welt"-Attitüde zur Weißglut treibt (…)* [Schäfer 2022: 28] 'коллега, который доводит нас до белого каления своим отношением «я объясню тебе, как устроен этот мир»'.

Также встречаются иноязычные компоненты-предложения: *die Do-it-yourself-Methode* 'метод «сделай сам»' [Fleischer, Barz 2012: 177]. Как правило, это предложения на английском языке, которые понятны большинству читателей в связи с распространённостью этого языка как первого иностранного в европейских учебных заведениях. Использование англоязычных предложений расширяет возможности комбинированного словообразования, при котором иноязычные элементы соединяются с немецкими. В случае участия отдельных заимствованных лексических единиц в таком словообразовании задействуется не только англоязычный материал. Но относительно использования иноязычных компонентов-предложений можно предположить, что английский язык, за очень редким исключением, останется единственным источником таких структур.

В докладе рассматриваются примеры композитов с определительными компонентами в форме предложений из текстов современных немецкоязычных газет и журналов. Анализируется семантика подобных словообразовательных конструкций. В основном они представляют собой абстрактные номинации. Их функция в тексте не ограничивается стилистической выразительностью. Они также дают возможность компактно — при помощи одного сложного слова — описать какое-либо явление, не прибегая к развёрнутым пояснениям.

Литература

Вашунин В. С. Субстантивные сложные слова в современном немецком языке. М.: Высшая школа, 1990.

Donalies E. Basiswissen Deutsche Wortbildung. Tübingen: UTB, 2011.

Fleischer W., Barz I. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Göttingen: Walter de Gruyter, 2012.

Schäfer A. Die Stärke schwacher Beziehungen // Psychologie heute. 2022. Nr. 1. S. 24–28.

Микаэлян Юлия Игоревна

канд. филол. наук, доцент, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации;
jmikaelyan@gmail.com

КАЛАМБУР КАК СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПРИЕМ: К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА ЮМОРА (НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕВОДА ПРОЗЫ С. ДОВЛАТОВА НА ИСПАНСКИЙ ЯЗЫК)

Ключевые слова: С. Довлатов, перевод юмора, испанский язык, каламбур, стратегии перевода.

Являясь частным случаем игры слов (впрочем, многие авторы считают «игру слов» и «каламбур» синонимами), стилистический прием каламбура нередко используется для создания комического за счет использования в одном контексте разных значений одного слова или разных слов или словосочетаний, сходных по звучанию, включая омонимы, омофоны, омографы и паронимы.

Согласно определению С. Влахова и С. Флорина, «каламбур — это большей частью игра на несоответствии между привычным звучанием и непривычным значением» [Влахов 1980: 288], поскольку комизм каламбура достигается за счет контраста между смыслом одинаково или схоже звучащих слов, а в его основе лежит эффект непредсказуемости или неожиданности. Структура каламбура, таким образом, строится одновременно на лексическом и фонетическом уровнях и зависит от фонетических, морфологических и семантических особенностей языка.

Ввиду подобной сложной структуры при переводе каламбура перед переводчиком встает ряд трудностей, обусловленных самим характером данного приема: нередко в языке перевода не имеется прямых эквивалентов многозначных слов, которые используются в каламбуре, или же оказывается трудно передать, не потеряв смысла, ритмическую и звуковую игру, присутствующую в оригинале. Два основных приема при переводе каламбура, к которым чаще всего обращаются переводчики — это приемы компенсации и опущения. В случае компенсации речь идет о создании структурно-функционального эквивалента каламбура исходного текста; при опущении игра слова опускается, и содержание каламбура передается в «некаламбурной» форме, что приводит к потере стилистического экспрессии в переводе и, следовательно, если речь идет о юмористическом произведении, к потере комической составляющей. Поэтому при переводе каламбуров всегда оказывается предпочтителен прием компенсации, когда переводчик стремится адаптировать каламбур к тексту перевода, сохранив в нем игру слов и юмористический эффект, хотя из-за отсутствия семантических эквивалентов текст перевода, скорее всего, будет отличаться от оригинала по своим структурным, формальным и семантическим характеристикам.

В своих произведениях писатель С. Довлатов (1941–1990) нередко прибегает к стилистическому приему каламбура. Рассмотрим несколько примеров каламбуров, встречающихся в текстах Довлатова, и проанализируем стратегии их перевода на испанский язык.

Одним из самых распространенных видов каламбура является каламбур, основанный на явлении полисемии, когда в одном контексте «актуализируются несколько значений полисемантической единицы» [Шмелева 2016: 112], и на этом строится юмор высказывания. В следующем примере из «Заповедника» персонаж Потоцкого шутит, обыгрывая многозначность глагола «сидеть» и его разговорное значение «сидеть, пребывать в тюрьме». На предложение подсесть за столик в ресторане к главному герою и его жене он отвечает, что «уже сидел» [Довлатов 2003: 242]. Испанским переводчикам успешно удается создать коммуникативный эквивалент, обыграв полисемность глагола *tomar*. Так, на предложение сесть, *tomar asiento*, Потоцкий отвечает, что предпочёл бы «выпить что-нибудь другое» («*Yo preferiría tomar cualquier otra cosa*») [Dovlátov 2017: 111]. Таким образом, переводчикам удаётся воссоздать шутку персонажа, хотя в переводе и пропадает отсылка к его тюремному прошлому. Впрочем, вместо неё переводчики обратились к теме алкоголя, очень важной для художественного мира Довлатова и в том числе

созвучной и персонажу Потоцкого, что позволило им успешно сохранить не только экспрессивность фрагмента, но и характерный авторский стиль.

Другой довольно распространенный вид каламбура, к которому нередко прибегает писатель — это обыгрывание сходства в звучании слов или словосочетаний. Так, в «Заповеднике» персонаж алкоголика Михал Иваныча называет себя «дружбистом», поскольку работает в лесничестве на бензопиле «Дружба». Писатель обыгрывает название марки бензопилы и пристрастие персонажа к спиртному — в ответ на его реплику персонаж соседки замечает, что дружит Михал Иваныч с вином: «Дружбист, — ворчала тетка, — с винищем дружишь» [Довлатов 2003: 196]. Переводчики нашли семантический эквивалент лексемам исходного текста, создав собственный окказионализм *amistadista* (от сущ. *amistad*, «дружба»), за счет чего в тексте перевода им удалось без изменений сохранить авторский каламбур: соседка отвечает на реплику Михал Иваныча «*de la botella eres amigo tú*» [Dovlátov 2017: 40].

Однако, значительно чаще переводчикам приходится прибегать к приему компенсации и создавать новый каламбур, используя средства языка перевода. Дополнительные сложности может вызывать и культурная обусловленность каламбуров, если они апеллируют к феноменам культуры исходного текста или же отражают реалии, понятные носителям языка, но не всегда ясные носителям другой культуры.

Поскольку С. Довлатов всегда работал в жанре юмористической прозы, сохранение комического в художественном переводе становится одной из важнейших задач для переводчика, ведь перевод художественного текста подразумевает передачу в том числе и авторского замысла и стиля. Анализ переводов текстов писателя на испанский язык демонстрирует, что, несмотря на некоторые потери, неизбежные в процессе перевода, переводчикам удается успешно справиться с поставленными задачами.

Литература

Влахов, С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Междунар. отн., 1980.

Довлатов С. Заповедник // Заповедник. СПб.: Азбука, 2003. С. 173–280.

Шмелёва Е. С. О понятии каламбура // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2016. Вып. 19 (758). С. 110–120.

Dovlátov S. Retiro. Logroño: Fulgencio Pimentel, 2017.

Москвина Татьяна Николаевна

канд. филол. наук, доцент, ст. научный сотрудник,
Алтайский государственный педагогический университет;
moskvina@altspu.ru

ВАРИАТИВНОСТЬ И ИЗМЕНЧИВОСТЬ В НЕМЕЦКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 2024 г.)

Ключевые слова: островная немецкая диалектология, языковая вариативность, диалектная вариантология, полевые исследования в лингвистике.

В Немецком национальном районе и некоторых других регионах Алтайского края и Сибири сохранились немецкие диалекты, которые до сих пор используются в качестве языка семейного общения в семьях российских немцев. Эти смешанные островные немецкие говоры являются хранилищем этнокультурной идентичности их носителей и уникальным региональным языковым вариантом немецкого языка в отрыве от исходной языковой области. За более чем 250-летнее их существование на территории России и соседних государств они претерпели изменения разного рода, но сохранили при этом некоторые архаичные элементы и черты немецкого языка и немецких диалектов исходных диалектных областей. В Алтайском крае с 80-х гг. XX в. проводились систематические исследования по изучению фонетики, морфологии, синтаксиса, лексики диалектов.

Летом 2024 г. преподавателями и студентами лингвистического института Алтайского государственного педагогического университета была проведена диалектологическая экспедиция (проект самоорганизации российских немцев «Немцы Алтая» при поддержке Международного союза немецкой культуры (МСНК)). В фокусе внимания были лексическая и семантическая вариативность в разных группах говоров, а также тематическая группа компаративных фразеологизмов. Объектом исследования были верхненемецкие говоры (с. Подсосново), средневерхненемецкие (с. Камыши) и нижненемецкие (с. Шумановка, с. Полевое). В ходе экспедиции были проведены беседы с 33 информантами различных возрастных групп. Использовались разные методы полевых диалектологических исследований (интервью, записи свободных разговоров информантов, опросники и анкетирование, аудиозаписи бесед носителей диалекта между собой, сбор социолингвистической информации). Полная расшифровка диалектных записей — очень длительный и трудоемкий процесс, однако некоторые данные уже могут быть основой дальнейших исследований в области диалектной вариантологии и контактной лингвистики.

Большую группу составляют слова из области предметов быта (*Worschtstopper, Warschtspritze* (Wurststopfer, Wurstmaschine), *Twirndrut* (Zwirn), *Ponn* (Pfanne) и др), традиционных блюд (*Rollkuke* (Rollkuchen), *Krebble* (Krebbel), *Fermezztreppe* (Pfefferminzkuchen), *Prjanike* (русс. пряники), *Gefillde* (Gefüllte, рус. вареники) и др.), праздников и традиций (*Schwänzchen* — третий день свадьбы, праздник для поваров (хвостик — остаток)). Интерес представляют и случаи семантической деривации, напр. *gedenge* (gedenken) используется в нижненемецких говорах в общем значении denken, meinen, в с Камыши *denge* (denken) имеет значение sich erinnern. Лексема *schwach* имеет в ннем. говорах повсеместно значение schlecht, ср. *schwach vastehe* (schlecht verstehen).

Ряд выявленных лексем требует дальнейшей идентификации, поиска немецкого диалектного слова-аналога или источника, а также этимологического исследования (*Bejtze* в значении Hose, носители говора связывают это с датским или возможно голландским вариантом), *foken* (oft), *büte* (draußen) и др.

В качестве дополнительных методов анализа считаем оправданным использование методов перцептивной диалектологии (Wahrnehmungsdialektologie), в том числе привлечение метаязыковых высказываний носителей диалекта о своем языке и об отличиях в вариантах слов с соседними селами. В задачи и перспективу дальнейших исследований входит сопоставление вариантов и семантики отдельных лексем с более ранними фактами языка, причем не только на

материале Алтайского края (Москалюк Л. И. Лингвистический атлас немецких диалектов на Алтае (2012), но и с привлечением более ранних данных исходного региона проживания для части российских немцев — Поволжья (данные Wolgadeutscher Sprachatlas (1997), который опирается на исследования Г. Дингеса и его коллег в 20–30-е гг. XX в.). Это позволит частично проследить динамику развития лексической системы, описать сохранность лексических единиц и выявить новые, появившиеся позднее в ходе переселения в Сибирь и в процессе междиалектного смешения и контактирования с русским языком. Для таких исследований необходимо обосновать применение подхода *real-* и *apparent-time* для исследования лексики, поскольку данный метод в диалектологии традиционно используется для выявления варьирования в области фонологии, использование в более широком контексте активно обсуждается и намечаются возможности расширения подхода в контактологии и диалектологии (см.: [Földes 2023; Sauer 2020]).

Литература

Földes Cs. Lexikalische Variation im Fokus: Ein Problemaufriss. Acta Facultatis Philosophicae Universitatis Ostraviensis // Studia Germanistica. 2023. Nr. 33. S. 5–22.

Sauer V. Zur Problematik der Darstellung von sprachlichem Wandel in *real-* und *apparent-time* // Dynamik in den deutschen Regionalsprachen: Gebrauch und Wahrnehmung. Beiträge aus dem Forum Sprachvariation / Hrsg. M. Hahn et al. Hildesheim; Zürich; New York: Georg Olms Verlag, 2020. S. 175–194.

Нелюбова Наталия Юрьевна

канд. филол. наук, доцент, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

ХАРАКТЕРИСТИКА ПЛОТНОСТИ ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКИХ МАРКЕРОВ ВО ФРАНЦУЗСКИХ ПАРЕМИЯХ

Ключевые слова: плотность номинации, ценность, лингвоаксиологические маркеры, французские паремии.

Исследование степени важности той или иной ценности в системе ценностных координат этноса на материале паремий может опираться на критерий номинативной плотности соответствующего концепта (термин В. И. Карасика), под которой понимается «степень детальности языкового обозначения определенного концептуального пространства» [Попова, Стернин 2007: 102], то есть «детализация обозначаемого фрагмента реальности, множественное вариативное обозначение и сложные смысловые оттенки обозначаемого» [Карасик 2004: 112]. Высокая номинативная плотность является важным показателем, поскольку «чем многообразнее потенциал знакового выражения концепта, тем более древним является концепт и тем выше его ценностная значимость в рамках данного языкового коллектива» [Слышкин 2000: 18].

Под плотностью мы в данном случае подразумеваем количество лингвоаксиологических маркеров (в том числе разных типов), функционирующих (номинирующих аксиологические концепты и связи между ними с точки зрения выражения оценки) внутри определенной аксиологической концептосферы. В рамках данного исследования мы предлагаем следующую классификацию лингвоаксиологических маркеров. Согласно принципу «от ядра к периферии», нами были выделены следующие группы разноуровневых языковых единиц. В первую очередь, это лексемы, семантически связанные с определенными ценностями, к которым мы отнесли четыре типа единиц: 1) лексемы (в том числе однокоренные), эксплицитно называющие ценности, антиценности и связанные с ними понятия; аксиогенные ситуации; ценные или осуждаемые качества человека; 2) лексемы (в том числе однокоренные), имплицитно называющие ценности, антиценности и понятия, связанные с ними посредством метафорических образов или выступающие символом ценности / антиценности, аксиогенной ситуации, ценных или осуждаемых качеств человека; 3) этнолингвомаркеры (термин О. В. Ломакиной) — компоненты паремий, «которые запечатлевают национальное своеобразие, “культурную память” и могут не иметь прямых аналогов в другом языке, благодаря чему раскрывается этноспецифичность языкового знака» [Ломакина, Мокиенко 2021: 7]; 4) лексемы общеоценочной семантики, выражающие положительную / отрицательную оценку независимо от контекста или в определенном контексте эксплицитно или имплицитно. Кроме того, мы выделяем грамматические маркеры (аксиологически значимые грамматические формы и структуры), обеспечивающие семантические связи между элементами вышеобозначенных типов и обращаем отдельное внимание на фонетические средства (ритмическую организацию), усиливающие экспрессивность паремий.

Так, примером высокой плотности лингвоаксиологических маркеров может послужить французская пословица о семье: *Le ménage va mal quand la poule chante plus haut que le coq* ‘Плохи дела в семье, где курица поет громче петуха’. Образ курицы используется для обозначения подчиненной роли женщины по отношению к мужчине (образ петуха) в патриархальной семье. Важность данного семантического конденсата (термин Е. И. Селиверстовой) и экспрессивность достигается за счет высокой концентрации маркеров в пределах одной паремии: маркер первого типа (*ménage* ‘семья’); два маркера второго типа представлены метафорическими орнитологическими образами (*poule* ‘курица’ и *coq* ‘петух’); *plus haut* ‘громче’ отрицательная коннотация проявляется в контексте: если курица поет громче (сравнительная степень — грамматический маркер — усиливает общую аксиологическую семантику) петуха, в семье дела обстоят *плохо* (маркеры четвертого типа). Компонент *coq* ‘петух’ может быть рассмотрен, к тому же, как этнолингвомаркер, учитывая его символический смысл во французском национальном сознании, так как галльский петух являлся в разные периоды истории символом Франции. Иногда дан-

ный образ используется иронично, но в рассматриваемой нами пословице образ петуха явно имеет более положительную коннотацию, чем курицы.

Максимальная концентрация лингвоаксиологических маркеров разных типов (все элементы паремии являются таковыми) отмечена также в пословице о труде: *Un bon ouvrier n'est jamais trop chèrement payé* 'Хорошему работнику никогда не платят слишком много': *ouvrier* 'работник' (маркер первого типа); *bon* 'хороший' (внеконтекстуальный маркер второго типа); *trop chèrement* 'слишком дорого' (контекстуальный маркер четвертого типа, выражающий в данном случае положительную оценку, поскольку речь идет о высокой и заслуженной оплате труда, а экспрессивность усиливается за счет употребления наречия оценочной семантики 'слишком', которое обычно ассоциируется с отрицательной коннотацией); '*n'est jamais* 'никогда не бывает' (грамматический маркер — отрицательная форма глагола, которая усиливается употреблением отрицательного наречия 'никогда'). Оставшийся компонент паремии *payé* 'оплачиваемый' демонстрирует также валентные связи ценности «труд» с сопредельной ценностью «богатство, материальный достаток» важность которой, как и ценности труда, акцентируется с помощью такой плотности лингвоаксиологических маркеров в пределах одной единицы.

Таким образом, многообразие лингвоаксиологических маркеров и высокая плотность их разных видов в пределах конкретных паремий позволяет выразить высокую степень важности отражаемых в них ценностей, представленные в них аксиологические валентные связи, а также усилить их экспрессивность.

Литература

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004.

Ломакина О. В., Мокиенко В. М. Очерки русинской фразеологии: монография. М.: Рос. ун-т дружбы народов, 2021.

Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка: монография. Воронеж: Истоки, 2007.

Слышкин Г. Г. От текста к символу. Лингвистические концепты прецедентных текстов в слушании или дискурсе. М.: Academia, 2000.

Никитина Екатерина Яковлевна

канд. филол. наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина);
floriatosca@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПОЭТИЧЕСКИХ СИНОНИМАХ ОБЩЕУПОТРЕБИТЕЛЬНЫХ СЛОВ: СУБСТАНТИВНАЯ МЕТАФОРА И ЕЕ ОКРУЖЕНИЕ В ЯЗЫКЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ПОЭЗИИ XVI–XVII вв.

Ключевые слова: метафора, идентифицирующая и характеризующая функции метафоры, французская поэзия XVI и XVII вв.

Попытки проникнуть в суть явления метафоры предпринимались еще в Античности. Однако несмотря на огромное количество постоянно выходящих научных работ, в которых метафора и смежные явления рассматриваются под разными углами и классифицируются по различным принципам, едва ли в этом вопросе когда-либо будет поставлена точка.

Так, дискуссионным остается вопрос о функциях метафоры. В своей относительно недавней (и выдержавшей уже четыре издания) монографии «Русская метафора» В. П. Москвин отмечает, что специалисты называют от двух до пятнадцати ее функций [Москвин 2012: 172]. Сам автор считает, что у метафоры всего две основные функции, а именно номинативная (существующая для наименования еще не названного денотата) и экспрессивная (позволяющая привлечь внимание к какому-то свойству уже наименованного денотата); внутри последней в свою очередь могут быть выделены оценочная, эстетическая, эвфемистическая и т. д. функции. Названные Москвиным функции во многом соответствуют разделению между языковой и речевой метафорой. Действительно, в речи метафора обычно тяготеет к позиции предиката, однако иногда она может служить не только для характеризации, но и для называния предмета, т. е. употребляться в позиции субъекта, о чем много писала Н. Д. Арутюнова [Арутюнова 1976].

Употребление метафор в идентифицирующей, а не в характеризующей функции присуще, как показала Н. Л. Дмитриева [Дмитриева 1986], языку французской классической трагедии XVII в. Ее язык весьма беден метафорами: центральное место в нем занимают метафоры *feu* и *flamme*, о которых почти везде говорится, что они являются «почти что возвышенно-поэтическими синонимами» слова *amour*, однако не вполне ясно, что же стоит за этой формулировкой. При изучении поэтического языка, казалось бы, совсем другого жанра и другой эпохи — любовного сонета второй половины XVI в. — обнаруживается, что это явление берет свое начало там. Однако в отличие от трагедии XVII в., любовная поэзия XVI в. необычайно богата метафорами, и, несмотря на их конвенциональный характер, очевидно, что только небольшую часть из них позволительно рассматривать как поэтические синонимы общеупотребительных слов. Попробуем разобраться в этом на примерах и сформулировать критерии того, когда можно говорить о поэтической синонимии.

1. Прежде всего, речь может идти только о метафорах in absentia (они же одночленные метафоры, метафоры-загадки), т. е. тех, у которых эксплицитно выражен только вспомогательный субъект.

2. Контекст не должен содержать ни попыток обновления стертой метафоры, ни даже просто слов того же семантического поля, ибо это способствует развертыванию метафоры, как, например, здесь: *Voulant tuer le **feu** dont la chaleur me cuit / Les muscles & les nerfs, les tendons & les veines* (Ronsard). В трагедии XVII в. в большинстве случаев слова *feu* и *flamme* сопровождаются прилагательными, которые по смыслу относятся не к огню, а к любви; так, у Расина находим: *ma flamme adultère*, *son imprudente flamme*, *une flamme funeste, un feu secret* и т. д. Подобные примеры встречаются и в сонетах XVI в., хоть и в меньших количествах, например: *Dieu medecin, si en toy vit encore / L'antique **feu** du Thessale arbrisseau…* или *ô bienheureux **servage!*** (Ronsard) Однако в любовной поэзии есть еще одна изобилующая метафорами тема, отсутствующая в трагедии,

а именно — красота возлюбленной, и неожиданно оказывается, что здесь тоже зачастую можно говорить о поэтической синонимии. Так, в следующих строках действия «завиваться» и «ниспадать двумя волнами» относятся явно к волосам, а не к золоту: *Soit que son* ***or*** *se crespe lentement / Ou soit qu'il vague en deux glissantes ondes*, а в строке *De vos doulx* ***feux*** *ma raison fut ravie* (оба примера из Ронсара) сказуемое формально не согласовано ни с вспомогательным (огонь), ни с главным (глаза) субъектом, однако в фантастической реальности любовного сонета именно глаза возлюбленной похищают разум поэта, а не огни.

3. Как отмечала Н. Д,Арутюнова на материале русского языка, метафора, будучи употребленной в идентифицирующей функции в конкретном суждении, требует употребления притяжательного или указательного детерминанта, иначе высказывание может быть понятно неправильно [Арутюнова 1976: 349]. Наше исследование на материале французской поэзии показывает, что между детерминацией метафоры с помощью указательного и притяжательного детерминативов существует большая разница. Указательный детерминатив в большей степени привлекает внимание читателя, как бы заставляя его увидеть описываемый предмет, тогда как притяжательный детерминатив такой функции не имеет. Поэтому представляется, что о поэтической синонимии той или мной метафоры общеупотребительному слову можно говорить, когда метафора сопровождается притяжательным детерминативом или определенным, а иногда и неопределенным артиклем, но не указательным детерминативом. Ср. *Belle est sa bouche, & son* ***soleil jumeau*** (Ronsard) и *Las! je ne verray plus ces* ***soleils*** *gracieux, / Qui servoient de lumiere à mon ame égarée!* (Desportes)

4. Наконец, в непосредственной близости от метафоры должны отсутствововать метафоры того же семантического поля, создающие, как это часто бывает в сонетах, длинные синонимические ряды и усиливающие образность.

Литература

Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976.

Дмитриева Н. Л. Жанровое своеобразие использования приема вторичной номинации в произведениях французской литературы XVII века: автореф. дис. … канд. филол. наук. Л., 1986.

Москвин В. П. Русская метафора. Очерк семиотической теории. 4-е изд., испр. и доп. М.: ЛКИ, 2012.

Парина Ирина Сергеевна

канд. филол. наук, доцент, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского; parina@fsn.unn.ru

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ СЕМАНТИКИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ, НАЗЫВАЮЩИХ КУЛЬТУРНЫЕ РЕАЛИИ, В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ С НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

Ключевые слова: фразеологизм, национально-культурная специфика, корпус параллельных текстов, прием перевода, реалия.

Цель исследования состоит в том, чтобы рассмотреть проблему передачи семантики немецких фразеологизмов, называющих специфические явления национальной культуры, в художественном переводе с немецкого языка на русский.

С. Влахов и С. Флорин отмечают, что с задачей передачи колорита, отраженного в значении фразеологизмов, сталкивается каждый переводчик художественной литературы. Основная трудность перевода таких фразеологизмов, по мнению авторов, состоит в отсутствии полных эквивалентов, поскольку эквивалентность предполагает семантическую идентичность, но идентичность национальной окраски в ситуации перевода с одного языка на другой невозможна. В то же время, калькирование исходного фразеологизма может привести к неоправданному «оживлению» образной основы, которая будет привлекать внимание читателя сильнее, чем в подлиннике. С. Влахов и С. Флорин рекомендуют использовать в переводе фразеологический аналог. Особенно важно, по их мнению, не привнести в перевод колорит культуры переводящего языка [Влахов, Флорин 1980: 203–204].

Ввиду всех указанных сложностей и высокой вероятности ошибки при переводе фразеологизмов с национально-культурной маркированностью, представляет интерес изучение решений, принятых переводчиками при передаче контекстов с подобными устойчивыми словосочетаниями. Задачи настоящего исследования состоят в том, чтобы рассмотреть проблему передачи семантики немецких фразеологизмов, обладающих национально-культурной спецификой, в художественном переводе с немецкого языка на русский: выявить приемы, применяемые переводчиками, определить, сохраняется ли в переводе национальный колорит оригинала и возникают ли у переводчиков трудности.

Для отбора материала на первом этапе исследования использовалось учебное пособие Д. Г. Мальцевой «Страноведение через фразеологизмы», в котором собраны фразеологизмы, отражающие своеобразие национальной культуры, жизни и быта носителей немецкого языка [Мальцева 1991]. Из него было отобрано 50 фразеологизмов, в которых национально-культурная специфика проявляется на уровне актуального значения. Затем был осуществлен поиск контекстов с этими фразеологизмами в немецко-русском подкорпусе Национального корпуса русского языка [НКРЯ]. Этот подкорпус общим объемом 20,8 миллионов слов включает в себя немецкую художественную литературу XVIII–XXI вв. в оригинале и в переводе на русский язык. В подкорпусе были найдены и проанализированы контексты с 13 фразеологизмами, при этом на один фразеологизм приходилось от 1 до 32 примеров.

Анализ контекстов из параллельного корпуса позволил убедиться, что при передаче семантики фразеологизмов используются разнообразные приемы, причем один и тот же фразеологизм в разных контекстах может переводиться по-разному, и в нескольких переводах одного контекста зачастую также обнаруживаются различия.

В частности, переводчики использовали следующие приемы:

1) описательный перевод, например: *blauer Brief* — «уведомление директора об отчислении»; *akademisches Viertel* — «пятнадцать минут академического опоздания»;
2) генерализация, например: *blauer Brief* — «письмо», *gute Stube* — «комната»;
3) опущение;

4) использование словарного соответствия — в случае, когда обозначаемая фразеологизмом реалия известна и в культуре переводящего языка: *kölnisch Wasser* — «одеколон»; *Sturm und Drang* — «буря и натиск»;
5) замена аналогом со сходным значением без культурной маркированности: *Gute Stube* — «гостиная»;
6) замена аналогом, связанным с культурой переводящего языка (*Schwarzer Peter* — «подкидной дурак»);
7) буквальный перевод: *kalte Ente* — «холодная утка», *Schwarzer Peter* — «Черный Петер».

В некоторых случаях принятые переводчиками решения противоречат традиционным рекомендациям, однако обусловлены контекстом. В частности, использование аналога, связанного с культурой переводящего языка, в отдельных случаях позволяет передать смысл оригинала лучше, чем сохранение колорита исходного фразеологизма с помощью калькирования. Так, при переводе контекстов, содержащих упоминание *Schwarzer Peter* — немецкой детской карточной игры, в семи из девяти найденных нами в корпусе контекстов в качестве соответствия использовалось название карточной игры, которая была придумана в России — «подкидной дурак», в одном — опущение, и лишь в одном — калька от исходного названия — «Черный Петер». Несмотря на то, что *Schwarzer Peter* и «подкидной дурак» различаются и происхождением, и правилами, замена в переводе позволяет передать основной смысл оригинала: речь идет о безобидной, детской игре в противопоставление азартным карточным играм. Сохранение формы оригинала позволило бы передать национально-культурный колорит, но вероятно, смысл заложенного в контексте противопоставления остался бы затемненным для читателя, недостаточно хорошо знакомого с немецкой культурой:

> *„Was kannst du denn für Kartenspiele? Schwarzer Peter und Patience, was?" „Poker, Liebling", erklärte Pat* [Remarque E. M. Drei Kameraden 1936].
>
> *— Какие же ты знаешь игры? Подкидного дурака или пасьянс? Покер, милый, — заявила Пат* [Ремарк Э. М. Три товарища (И. М. Шрайбер и Л. Яковенко [Л. Копелев] под ред. Л. Плотникова) 1958].

Таким образом, основная особенность передачи семантики фразеологизмов, называющих культурные реалии, в художественном переводе с немецкого языка на русский, состоит в необходимости при выборе приема перевода учитывать и национально-культурный колорит, и условия контекста, и фоновые знания читателя. Анализ примеров из корпуса параллельных текстов показывает, что в целом переводчики успешно справляются с этой задачей.

Источник

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 15.01.2025).

Литература

Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Междунар. отн., 1980.

Мальцева Д. Г. Страноведение через фразеологизмы. Пособие по немецкому языку: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1991.

Перминова Галина Валерьевна

аспирант, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации;
perminowa_gv@mail.ru

МОДЕЛЬ СТРАТЕГИИ САМОЗАЩИТЫ В РЕЧЕВОМ ПОВЕДЕНИИ ФЕДЕРАЛЬНОГО КАНЦЛЕРА ОЛАФА ШОЛЬЦА

Ключевые слова: речевое поведение, стратегия самозащиты, иллокутивные акты, модель речевого поведения.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью определения модели стратегии самозащиты в речевом поведении главы правительства Германии — федерального канцлера Олафа Шольца в условиях современной политической ситуации в Германии, что диктует необходимость использования определенных речевых тактик как для защиты своей позиции, так и для поддержания политической стабильности.

Цель исследования состоит в определении модели стратегии самозащиты в речевом поведении канцлера Олафа Шольца на заседании бундестага от 16 декабря 2024 г., где правительству канцлера был вынесен вотум недоверия.

Для достижения цели исследования поставлены и решены следующие задачи:

- обозначить применяемые канцлером тактики самозащиты;
- выявить в речевом поведении канцлера иллокутивные акты;
- определить лингвапрагматические средства репрезентации стратегии самозащиты в речевом поведении канцлера.

Теоретико-методологическую основу настоящего исследования формируют труды в области теории дискурса [Дейк 1989; Арутюнова 1999; Шейгал 2004], политической коммуникации [Чудинов 2006; Буркхард 2003], прагмалингвистики [Серль 1986; Паршина 2005], речевого поведения [Стернин 1987; Глушак 2010].

Методика проведения лингвистического анализа базируется на сочетании прагмалингвистического и контекстуального анализа. Материалом исследования послужила стенограмма протокола заседания бундестага № 205 от 16 декабря 2024 г., размещенная на официальном сайте бундестага: https://www.bundestag.de/protokolle.

Вслед за О. Н. Паршиной под стратегией самозащиты мы понимаем «определенную направленность речевого поведения в данной ситуации в интересах достижения цели коммуникации». Автор утверждает, что стратегия самозащиты может выступать, в том числе, как средство защиты своих интересов [Паршина 2025: 7].

Стратегия самозащиты в речевом поведении канцлера как составляющая речевой стратегии борьбы за власть нашла выражение в 35 (29 %) высказываниях из 117 проанализированных. В чистом виде — в 16 высказываниях (46 %), в 19 — канцлер комбинирует самозащиту со стратегиями самопрезентации и удержания власти. Таким образом, канцлер не злоупотребляет применением стратегии самозащиты.

Стратегия самозащиты в речевом поведении канцлера репрезентирована такими иллокутивными актами как: репрезентативы (82 %), директивы (11 %) и экспрессивы (1 %). Минимальное количество экспрессивов свидетельствует о стремлении канцлера представить свою позицию как объективную и основанную на фактах. Указанные выше иллокутивные акты комбинируются преимущественно в тактиках: оправдание (46 %), обвинение (31 %), противопоставление (17 %), критика (имплицитно) (1 %).

Анализ лингвапрагматических средств позволил выявить следующие особенности в речевом поведении канцлера:

- переход от абстрактных понятий к лексемам, обозначающим конкретные действия в начале выступления (Uneinigkeit, Kraft). В середине — фокус смещается на обстоятельства, которые смягчают ответственность канцлера (Herausforderungen, Politik des Respekts).

Затем канцлер подчеркивает свою личную активность и борьбу, но всё еще в абстрактной форме (hinter den Kulissen). В конце выступления канцлер использует конкретные цифры (7 auf 5 Prozent; 82 Cent), предлагая конкретное решение. Таким образом, изменения демонстрируют переход от защиты через оправдание к защите через предложение конкретных действий;

- переход от нейтрального тона (Entscheidung, grundsätzlich, Uneinigkeit) к усилению эмоционального компонента (Kraft, Herausforderungen), использованию метафоры (Brot-und-Butter-Thema), а также лексики с негативной коннотацией (leistungsfeindlich, mickrig);
- использование антитезы (im Gegenteil, dagegen, manchmal vor и sehr viel häufiger noch hinter den Kulissen, leistungsfeindlich).

На основании вышеизложенного модель стратегии самозащиты в речевом поведении канцлера может быть представлена следующим образом:

1) признание существующих проблем (распад коалиции, отставка министра финансов), требующих объяснения (…dass ich die Uneinigkeit darüber in der von mir geführten Regierung nicht länger dulden konnte; …den Bundesminister der Finanzen zu entlassen; Entscheidung, die Koalition zu beenden, weil es so nicht mehr weiterging);
2) оправдание через указание на трудности (Meine Damen und Herren, keine Wählerin, kein Wähler konnte bei der vergangenen Bundestagswahl die Herausforderungen voraussehen, mit denen wir in den letzten drei Jahren zu kämpfen hatten. Es war in den vergangenen drei Jahren nicht immer leicht, die Politik des Respekts durchzusetzen);
3) противопоставление своих действий действиям оппозиции (Manchmal vor, sehr viel häufiger noch hinter den Kulissen habe ich dennoch hart dafür gekämpft);
4) предложение решения и позиционирование себя как деятеля (Deshalb setze ich mich dafür ein, dass wir den ermäßigten Mehrwertsteuersatz auf Lebensmittel von 7 auf 5 Prozent senken);
5) эмоциональное усиление через создание образа защитника, сопричастного и справедливого (Ja, das ist ein Brot-und-Butter-Thema im wahrsten Sinne des Wortes, und deshalb kämpfe ich dafür — für die jenigen, die mit 10 oder 20 Euro genau rechnen müssen);
6) критика бывшего министра финансов (Leistungsfeindlich dagegen ist, dass der Mindestlohn seitdem nur um mickrige 82 Cent gestiegen ist — um 82 Cent mitten in der größten Inflation seit Jahrzehnten!).

В заключение следует отметить, что модель стратегии самозащиты Олафа Шольца характеризуется прагматичностью и ориентацией на конкретные цели — защиту предпринимаемых действий в борьбе за власть, мобилизацию поддержки и дискредитацию оппонентов. Речевое поведение канцлера направлено на создание образа эффективного и решительного лидера, который способен решать проблемы и защищать интересы страны.

Литература

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999.

Буркхард Я. Век Константина Великого / пер. с англ. Л. А. Игоревского. М.: Центрполиграф, 2003.

ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989.

Глушак В. М. Лингвопрагматический аспект речевого поведения коммуникантов в ситуациях повседневного общения (на материале немецкого языка): дис. … д-ра. филол. наук. М., 2010.

Паршина О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: дис. … д-ра филол. наук. Саратов, 2005.

Серль Дж. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 170–195.

Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи: дис. … д-ра филол. наук. Воронеж, 1987.

Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. М.: Флинта; Наука, 2006.

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004.

Петрова Галина Викторовна

канд. филол. наук, доцент, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации;
galia.petrova@mail.ru

СПОСОБЫ ОБОЗНАЧЕНИЯ «СВОЕГО» И «ЧУЖОГО» ОКРУЖАЮЩЕГО МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОРТУГАЛЬСКОГО ЯЗЫКА)

Ключевые слова: португальский язык, понятия «свой» и «чужой», обращения, притяжательные прилагательные, указательные прилагательные.

Целью настоящей работы являются способы обозначения различных понятий окружающего пространства, относящихся к сферам «чужой мир» vs «свой мир». Для анализа интересующих нас концептов необходимо отделить сферы *своего* и *чужого*, которые, как представляется, отличаются в данных языках.

Граница *своего* пролегает в зоне, ограниченной пространством вокруг говорящего — Я и некой нерасчлененной общности людей, включающей, как правило, говорящего — МЫ [Степанов 1997: 221]. Группа Я/МЫ (*свои*) противопоставлена группе ВЫ/ОНИ (*чужие*), при этом последние часто приобретают отрицательные коннотации. Человеческое «Я» является естественным центром мира и критерием ценностей [Гранева 2022: 319]. В португальском языке говорящий зримо или незримо присутствует в высказываниях с глаголами движения, см. оппозицию ir/vir (chegar), levar/trazer, empurrar/puxar, entrar/sair (глаголов, разделяемых по признаку «движение от говорящего»/«движение к говорящему»), указательными прилагательными *este, esse, aquele,* местоимениями *isto, isso, aquilo,* наречиями места aqui, aí, ali и наречными оборотами времени, их содержащими, которые отсчитываются от местонахождения говорящего и времени его существования, напр. Quando pretendes embarcar? *Daqui a* dois ou três dias*; daí a* dias etc. [Petrova 2016: 474–475].

В работе рассматривается эволюция португальского существительного A GENTE — люди, народ (то есть ОНИ, обозначение «чужого круга»), которое все чаще вытесняет местоимения Я и МЫ и начинает обозначать «свой круг» [Ribeiro 2013: 2], напр.: A gente não sabe = Eu não sei/ Nós não sabemos.

Анализируется также употребление притяжательного прилагательного MEU, MINHA в вежливом обращении к незнакомому лицу: minha senhora *vs* meu senhor, которое становится все менее частотным, а также употребление MEU, NOSSO, NOSSA в обращении к Богу и Богородице: Senhor meu Deus; Pai Nosso; Nossa Senhora. Если в аравийском языке, иврите, греческом и латыни, а также в русском языке верующий обращается в знак духовной близости к Богу на ТЫ («Господи помилуй»), то в португальском языке в канонических молитвах католики обращаются к Богу и Богородице на VÓS: Pai Nosso que esta*is* no céu, santificado seja o *Vosso* nome; Avé Maria, cheia de graça, o Senhor é con*vosco.* Так как VÓS является архаизмом и практически исчезло из разговорной практики, в 2012 г. Португальской епископской конференцией начата большая работа по новому переводу Библии и текстов, используемых в литургии. В переводе четырех Евангелий и Псалмов, опубликованном в 2019 г., обращение к Богу на VÓS заменено на обращение на TU, чтобы сделать перевод ближе к оригинальным текстам. В Бразилии, в особенности в евангелической церкви, рассматривается обращение к Богу на você. Аналогичная тенденция наблюдается в обращении к родителям и близким родственникам: архаичное третье лицо o pai, a mãe, a tia, o Sr., a Sra. заменяется более демократичным TU в Португалии и VOCÊ в Бразилии. Отмечается, что происходит переход из сферы «чужого круга» в сферу «ближнего мира» в междометиях, обозначающих удивление: Minha nossa Senhora!, Minha nossa! или просто Nossa!

Аналогичное явление произошло на протяжении веков с обращением VOSSA MERCÊ — VOCEMECÊ — VOCÊ, которое из титула с притяжательным прилагательным VOSSO (сфера ВЫ, чужой круг) приобрело значение, близкое к ТЫ.

В португальском и итальянском языках вежливое обращение к незнакомому собеседнику относит его к сфере третьего лица: к нему / к ним обращаются a Sra. (as Sras.), o Sr. (os Srs), você (s), итал. Lei, итал. Loro). В русском языке незнакомый или уважаемый человек, относящийся к чужому миру, входит в круг ВЫ, а в Португалии и Бразилии вежливое обращение к собеседнику относит его к сфере ОН: Eu falo de si. — Я говорю о Вас (*букв*. о нем). O João vai trabalhar conosco? — Вы будет работать с нами, Жоау? (*букв*. Жоау будет работать с нами?). O Sr. vem conosco? — Вы идете с нами? (*букв*. Господин идет с нами?)

Однако в фамильярном стиле речи наблюдается противоположная тенденция: притяжательные прилагательные 3-го лица SEU, SUA в сочетании с пренебрежительной лексикой в обращении к собеседнику усиливают оскорбление и уничижительный оттенок: Ó *sua* besta, então em vez de apanhares o rapaz cais em cima de mim! — Дура ты, дура, вместо того чтобы ловить парня, набрасываешься на меня!

Указательные прилагательные *esse/essa*, обозначающие определенное удаление от говорящего (чужой мир), придают существительному пренебрежительный оттенок: Nada *dessas* comidas de gringo, ovos, salsichas, presunto… está ouvindo? — И никакой этой еды гринго: яиц, сосисок, ветчины… Понял? При уничижительно-пренебрежительной и сниженной лексике *esse* усиливает негативную оценочность: gente a soldo *desse* canalha do Ugarte! — люди на службе этого негодяя Угарте! Как можно видеть, то, что касается внешнего мира, являясь отличным и чуждым «своему миру», часто приобретает отрицательные коннотации.

Таким образом, наблюдается тенденция перехода понятия из сферы «дальнего круга» в сферу «ближнего круга», которая маркируется такими лексическими средствами, как существительное A GENTE и притяжательные прилагательные. В некоторых случаях притяжательные и указательные прилагательные, относящие понятие к «дальнему кругу», придают ему отрицательные коннотации.

Литература

Гранева И. Ю. Русские личные местоимения в свете интегрального описания языка: коммуникативно-прагматические, лингвокультурологические и когнитивно-дискурсивные аспекты: дис. … д-ра филол. наук. Н. Новгород, 2022.

Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.

Petrova G. Conceitos do tempo e do espaço em russo e em português: diferenças e diculdades na aprendizagem // Studia Iberystyczne. 2019. No. 18 P. 467–478. ttps://doi.org/10.12797/SI.18.2019.18.32

Ribeiro D. Simões da Silva. "A gente" como pronome pessoal: teoria, prática e proposta pedagógica. Trabalho de conclusão de especialização. Universidade Federal do Rio Grande do Sul, 2013.

Поздеева Татьяна Сергеевна

соискатель, Московский государственный лингвистический университет;
tanyablago00@mail.ru

БИОЛОГИЯ В МЕТАЯЗЫКЕ ВИЗУАЛЬНОГО ИСКУССТВА (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Ключевые слова: визуальное искусство, искусствоведческий дискурс, метаязык, семиотические системы.

Деление видов искусства в зависимости от способа их чувственного восприятия на визуальные, аудиальные и синтетические получило широкое распространение в XX в. и становится всё более актуальным в современных условиях. В качестве причин этого искусствоведы отмечают антропоцентричность современной культуры, ее превращение в культуру «чувственного типа», развитие информационно-коммуникационных технологий и последствия визуального поворота [Ковалева, Мякишева 2018: 9].

К визуальным искусствам относятся живопись, скульптура, графика (классические изобразительные искусства), архитектура, дизайн и некоторые другие современные виды искусства.

С точки зрения семиотического подхода искусство является знаковой системой [Лотман 2000: 9]. В искусствоведческих текстах, в которых описываются, анализируются, интерпретируются произведения визуального искусства, одна знаковая система — искусство — описывается с помощью другой семиотической системы — языка, в чем проявляется метаязыковая функция последнего [Якобсон 1975: 201], заключающаяся в использовании языка для описания какого-либо кода, например, вербального или визуального. Таким образом, можно говорить о метаязыке визуального искусства, его особенностях и его составляющих.

Помимо чисто искусствоведческих терминов метаязык визуального искусства может содержать в себе элементы из других областей знания и сфер человеческой деятельности. Целью данной работы стал анализ элементов метаязыка визуального искусства, позволяющий, с одной стороны, определить, как мы воспринимаем произведения визуального искусства, с другой — выявить пути и механизмы пополнения языка в конкретной тематической сфере.

Материалом для исследования послужили различные публицистические и научно-популярные тексты, относящиеся к немецкоязычному искусствоведческому дискурсу.

Анализ языкового материала позволяет утверждать, что в метаязыке визуального искусства используются, помимо прочего, лексические единицы из биологической сферы, то есть относящиеся к объектам живой природы. Это объясняется тем, что произведения визуального искусства могут напоминать своим видом объекты растительного или животного мира, а также восприниматься нами как живые существа и оттого наделяться признаками и свойствами, присущими живым организмам.

Лексемы, связанные с растительным миром, присутствуют в примерах (1) — (4):

(1) *der Schmuck der Architektur* ***wuchert wild*** (декоративные элементы архитектуры **дико разрастаются**)

(2) *die* ***Blüte*** *romantischen Bauens* (**расцвет** романтической архитектуры)

(3) *das Schlingen****gewächs*** *des Lehnendekors* (извивающаяся **растительность** в декоре спинки)

(4) *Je tiefer die Kunst ihre* ***Wurzeln*** *in ein Volk herabsenkt, je kräftiger* ***sich der Baum entfaltet****, um so mehr wird er aus einem* ***Zierstrauch*** *eine* ***Nutz-Pflanze****.* (Чем глубже искусство пускает свои **корни** в народ, тем сильнее **разрастается дерево** и превращается из **декоративного кустарника** в **полезное растение**).

Если в примере (3) использование лексемы *Gewächs* в составе композита *Schlingengewächs* обусловлено исключительно внешним сходством декоративного элемента с растительностью,

то в остальных примерах «растительные» лексемы используются в более абстрактном метафорическом значении, а в примере (4) весь контекст представляет собой вербализацию когнитивной модели «искусство есть растение».

В метаязык визуального искусства проникают также лексемы, обозначающие более сложных представителей органического мира, части тела, как в примерах (5) — (6):

(5) *Um die Fernwirkung zu sichern, werden die Formen stilisiert, d. h. das Wesentliche* ***des Organismus*** *unter Weglassung des Nebensächlichen gegeben* (чтобы обеспечить эффект на большом расстоянии, формы стилизуются, т. е. сущность **организма** преподносится так, что несущественное опускается)

(6) *der architektonische* ***Skelett*** (архитектурный каркас (букв. **скелет**))

Отдельные лексемы из биологической сферы стали искусствоведческими терминами или их составными частями: *die Rose* (роза) — характерное для готических строений круглое окно с орнаментом; *die Gewölberippe* (букв. **ребро** свода) — нервюра.

Восприятие произведений искусства как живых организмов дополняется и тем, что им в искусствоведческих текстах приписываются свойства живых существ: активность, движение, рост, развитие. Наблюдается такое явление, как персонификация, при этом оказывается не так важно, чьи именно качества переносятся на неодушевлённый объект — человека или животного; главным является то, что произведения статичного визуального искусства представляются живыми, изменяющимися, динамичными:

Dann ***gerät*** *das Maßwerk* ***in Bewegung*** (рельефный узор **начинает двигаться**); ***Aktivität von Bildern****, Räumen und Materialien* (**активность** образов, пространств и материалов); ***aktive*** *Materialien und Strukturen, die* ***sich*** *an spezifische Umgebungen* ***anpassen*** (**активные** материалы и структуры, которые **приспосабливаются** к специфическим условиям окружающей среды); ***Entwicklung*** *von Materialien und Visualisierungsformen* (**развитие** материалов и форм визуализации); *Linien, die eine aus der anderen* ***wachsen*** (линии, **вырастающие** одна из другой); *Das Plakat* ***wurde*** *auf den Pariser Boulevards* ***geboren****, in den sechziger und siebziger Jahren* ***wuchs*** *es hier heran* (плакат **родился** … и **вырос**…).

Таким образом, биологическую сферу можно рассматривать как одну из сфер-источников пополнения метаязыка визуального искусства. В результате метафорического переноса и персонификации элементы из этой области проникают в искусствоведческий дискурс и выполняют в нем ряд важных функций: номинативную, когда они становятся терминами; эвристическую, когда они используются для выявления конкретных свойств произведений искусства путем сравнения их с живыми организмами; оценочно-экспрессивную, когда они позволяют выразить эмотивное отношение к обозначаемому или дать его оценку.

В заключение отметим также, что в метаязыке визуального искусства встречаются и элементы из других сфер, областей знания, видов искусства, что позволяет считать тему формирования метаязыка визуального искусства актуальной для дальнейшего исследования.

Литература

Ковалева Е. В., Мякишева Д. С. Визуальные и аудиальные искусства: к вопросу о классификации видов искусств // Евразийский Союз Ученых. 2018. № 5-2 (50). С. 7–10.

Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство — СПб, 2000.

Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 193–230.

Попова Евгения Андреевна

канд. филол. наук, доцент, Московский государственный лингвистический университет; o-genia@yandex.ru

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ СО ЗНАЧЕНИЕМ ПЛАЧА В ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: испанский язык, плач, существительное, семантика, семантическая группа.

Плач представляет собой эмоциональную реакцию, чаще всего возникающую в ответ на печаль, горе или страдание, однако он также может быть вызван яростью, чувством бессилия, или облегчением. При этом плач не всегда сопровождается слезами, хотя этот элемент является частью определения данного понятия. Плачем также называют жалобы, нытье или капризы. Таким образом, исследование языковой репрезентации плача представляется актуальным, поскольку помогает понять, как язык отражает эмоциональные состояния человека, тем более что в разных культурах плач может восприниматься по-разному, а обозначающие его языковые единицы — иметь свои уникальные оттенки значения.

Цель настоящей работы — выявить особенности значений имен существительных, вербализующих плач в испанском языке. Путем сплошной выборки из толкового словаря Испанской Королевский Академии [DRAE], идеографического словаря Р. Дель Мораля [Del Moral 2009] и электронного словаря синонимов испанского языка [Sinónimos españoles] мы составили список из 42 существительных, которые представляется целесообразным разделить на два блока. В первом находятся неодушевленные существительные, обозначающие сам плач и его виды (слезы, рыдания, стенания, хныканье, нытье и т. д.), а во втором — одушевленные, указывающие на плачущих субъектов (плакса, плакальщик, нытик, рёва и др.). В фокусе нашего внимания — анализ лексем, составляющих первый блок (32 единицы).

Исследование существительных со значением плача показало, что большинство из них имеют глагольную пару (*gemir — gemido; plañir — plañido; llorar — lloradera, llorera; lloriquear — lloriqueo* и др.). Тем не менее самым общим и нейтральным термином для обозначения плача является *llanto*, у которого подобной пары нет. Близкий к нему по значению, но более разговорный вариант — *lloro*.

Анализ значений остальных единиц позволяет разделить их на несколько смысловых групп, согласно их семантическим особенностям. Во-первых, плач может быть связан с определенными физиологическими проявлениями. Так, *sollozo* обозначает рыдание, прерывистый плач с судорожными вдохами; *singulto* имеет то же значение, но его употребление менее частотно; *suspiro* в большей степени характеризуется судорожными вдохами (слёзы в таком «плаче», как правило, отсутствуют), а *vagido* — это плач новорождённого, слово часто используется в медицинском или литературном контексте. Синонимом ЯЕ *lloro* в данной группе также выступает метонимическое значение существительного *lágrimas* (букв. «слёзы»). Наконец, *gemido* — плач, как правило, сопровождающийся стонами от физических или эмоциональных страданий.

Во-вторых, плач ассоциируется с сильными эмоциями, для чего в испанском языке существуют лексемы *aflicción* (плач, вызванный глубокой печалью и страданиями), *clamor* (вопль отчаяния) и *desconsuelo* (безутешные рыдания, вызванные отчаянием), *berrín* (плач, связанный с разочарованием или обидой). Эквивалентом слова *плач* также выступает более книжный вариант *plañido*, исторически содержащий религиозный подтекст и ассоциирующийся с глубокой скорбью.

Отдельным подвидом эмоционального плача можно назвать детские истерики, для описания которых используется ЯЕ *rabieta* (плач, обусловленный вспышкой гнева, от сущ. *rabia* «гнев») и ее разговорные синонимы — *berrinche* и *verraquera* ономатопоэтического происхождения (ср. глаголы *berrear* и *verraquear*, имитирующие звуки животных и метафорически означающие детский капризный плач). Указанные лексемы также выражают ироничное отношение к поведению некоторых взрослых.

Упомянутые группы существительных описывают сильный плач, однако речь может идти о качественно ином — плаче-нытье, зачастую не подразумевающем искренних эмоций. К лексическим единицам, описывающим такие проявления, относятся следующие:

- *quejas* — хныканье, обычно выражает обиду (букв. «жалобы»);
- *lloriqueo, lamento* — нытье, сетование, причитания; первая ЯЕ часто используется для описания детского плача, а вторая — чрезмерных жалоб;
- *lloradera* (разг. *llorera, llantina, llantería/-o*) — усиленный причитаниями или продолжительный плач, часто с оттенком раздражения со стороны наблюдателя;
- *jeremiada* — плач или жалобы, с драматическим оттенком (аллюзия на библейский Плач пророка Иеремии; в современном языке слово имеет ироничные коннотации, а в боливийском национальном варианте испанского языка его аналогом является *jeremiqueo*);
- *llantera, perra, puchero* — разговорные обозначения плача-нытья, обычно — с оттенком иронии; *perra* (букв. «собака (самка)», ср. рус. «скулеж») и *puchero* (букв. «горшок», по определению это плач, сопровождающийся надутыми губами) в большей степени характеризуют детские капризы и основаны на метафорическом переносе;
- *guaya* (Андалусия), *zollipo* (Арагон) — разговорные ЯЕ, обозначающие плач, жалобы и нытье в определенных регионах страны.

Испанский язык, таким образом, обладает разнообразной лексикой для описания плача, что отражает сложность и многогранность данного эмоционального состояния. Исследуемый материал отражает связь лексики плача с культурой: некоторые существительные (*plañido, jeremiada*) имеют исторические или религиозные корни, а наличие региональных вариантов (*guaya, zollipo, jeremiqueo*) демонстрирует влияние локальных культур на язык. С точки зрения семантики, лексика плача в испанском языке передает не только сам факт плача, но и его эмоциональную интенсивность, причины и отношение к нему (например, ирония в *jeremiada* или *perra* или раздражение со стороны наблюдателя — в *lloradera, llorera*).

Интересно отметить, что в испанском языке нами было обнаружено в два раза больше существительных плача, чем в русском, тогда как, например, глаголов в соответствующих семантических полях двух языках — примерно поровну [Попова 2023]. Факторы и особенности лингвистического и экстралингвистического характера, влияющие на подобные расхождения, могут стать предметом дальнейших исследований в данной области.

Источники

DRAE — Diccionario de la lengua española // Real Academia Española. URL: https://dle.rae.es/ (дата обращения: 20.01.2025).

Sinónimos españoles. URL: https://www.sinonimos.es/espanol/?q=lloro (дата обращения: 20.01.2025).

Литература

Попова Е. А. Семантические компоненты частотных глаголов плача в испанском языке // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. 2023. № 4 (44). С. 141–155.

Del Moral R. Diccionario ideológico. Átlas léxico de la lengua española. Barcelona: Herder, 2009.

Сабадин Сантос Т. Медина Жоан Пауло[1], *Мартинс Медина Суэллен*[2]

[1]*лектор, Институт Гимарайнш Роза, Бразилия;*
доцент, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации;
joao.medina@mail.ru
[2]*исследователь, группа Observatório PLE-PL2, Университет штата Баия, Бразилия;*
suellenmartins@mail.ru

NÓIS ИЛИ *A GENTE*? ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О КОЛЛЕКТИВЕ В НЕФОРМАЛЬНЫХ СПОСОБАХ ВЫРАЖЕНИЯ В БРАЗИЛЬСКОМ ВАРИАНТЕ ПОРТУГАЛЬСКОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: португальский язык, бразильский вариант, разговорная речь, корпусная лингвистика.

В данной работе рассматриваются прагматические и культурные аспекты, связанные с формами обращения первого лица единственного числа в бразильском варианте португальского языка. При анализе форм местоимений 1-го лица множественного числа в бразильской разговорной речи наблюдается употребление двух различных лексем для выражения близкого отношения между говорящими: *a gente* и *nóis*. На основе примеров из веб-корпуса «Corpus do Português» и из интернет-среды анализируются ситуации их употребления. Отдельно исследуется употребление выражения «Tamo junto», часто употребляемое в сочетании с «É nóis».

Основной формой местоимения первого лица единственного числа в португальском языке является *nós* ‘мы’. Однако так как в бразильском варианте португальского языка слова, заканчивающие на ударные *-as*, *-es*, *-os* и *-us*, приобретают дополнительную полугласную, произношение этого слова в Бразилии как *nóis*, с добавлением полугласной *i*, стало произносительной нормой. Так, слова *mas*, *mês*, (ele) *pôs*, (eu) *pus* произносятся как [*majs*], [*mejs*], [*pojs*] и [*pujs*]. Данное произношение обычно не отображается в нормативной орфографии, однако все чаще в социальных сетях и мобильных приложениях встречается написание *nóis*, характерное для разговорной речи. Корпусные данные подтверждают частотность употребления данной формы в бразильском варианте португальского языка [Mark 2016]:

HELP	ⓘ	★		ALL		Brasil	Portugal	Angola	Moçambique
1	ⓘ	★	NÓIS	1874		1820	35	9	10

Ещё до появления варианта [*nójs*] в бразильском разговорном языке закрепилась грамматикализированная форма существительного *a gente (народ, люди) в* значении *‘мы’*. Ещё в 1968 г. она была отмечена в традиционной грамматике Е. М. Вольф и Н. А. Катагощиной [Вольф, Катагощина 1968: 103–104]. После *a gente* сказуемое ставится в третье лицо единственного числа: *nós falamos*, но *a gente fala* ‘мы говорим’.

Однако в разговорной речи представителей менее образованных слоев общества встречается отсутствие согласования сказуемого с подлежащим: *nós fala*. Общество резко отрицательно относится к подобному отступлению от нормы, которое характеризуется как феномен дискриминации через язык [Bagno 2020: 95, 502].

Выражение «É nóis», употребляемое в сниженном стиле, буквально обозначает «это мы»; при этом глагол *ser* после местоимения 1 лица множ. числа *nóis* стоит в третьем лице единственного числа, то есть его употребление ненормативно.

В ответ на «É nóis» обычно употребляется жаргонный оборот «Tamos junto», который может выступать синонимом «de nada» — ‘не за что’, или просто указывать на близость между собеседниками. Оборот «Tamo junto» происходит от сокращенной разговорной формы *tamo* (от глагола *estar* ‘быть’/‘находиться’ в 1-м лице множественного числа *estamos*) перед прилагатель-

ным *juntos* (с элизией конечного *s*) ‘вместе’. Этот оборот употребляется для выражения очень близкого отношения к другу или родственнику.

Употребление данных выражений также ограничивается практически только бразильским вариантом [Mark 2016]:

	ALL	Brasil	Portugal	Angola	Moçambique
TAMO JUNTO	219	211	6	1	1

Наряду с «É nóis» также отмечается употребление устойчивых выражений «É nóis na fita» и «É nóis que avoa», которые примерно обозначают «Мы крутые», «Мы клёвые».

В последние годы в бедных районах г. Рио-де-Жарейро стало популярно употребление жаргонных форм «é nóis» и «a gente». Журнал «Intercept Brasil» опубликовал следующий пост в социальной сети X (бывший Twitter): «В Рио у каждого слова есть свой хозяин. Если произнести его в квартале, оккупированном враждебной группировкой, то это может стать поводом для угрозы и убийства. ‘É nóis’, популярное выражение во всей Бразилии, является приветствием [криминальной группы] «Красного командования»; [криминальная группа] «Третье командование» говорит ‘É a gente’. Они не пересекаются».

В социальной сети TikTok набрала популярность публикация жителя данного района, который отмечает, что если в квартале появляется новый человек и ему задают вопрос «‘É nóis’ ou ‘É a gente’?», то лучше всего не отвечать ни одним из предложенных вариантов, а просто сказать «Sou trabalhador» — ‘Я рабочий человек’. Согласно исследованию К. Грилло, данные формы коллективного представления просто утверждают оппозицию «мы/они» («свои — чужие») в форме *nós/a gente* [Grillo 2013: 57].

Таким образом, местоимение *nós* в производной форме «nóis» претерпело большие изменения как с морфосинтаксической, так и с прагматической точки зрения. Как показывают примеры из веб-корпуса, традиционная оппозиция: *nós* для формальных ситуаций общения *vs a gente* для неформальных — потеряла актуальность. На основе этих примеров можно выдвинуть гипотезу о том, что употребление *a gente* характерно для неформальных ситуаций общения средних и высших слоев общества, в то время как *nóis* относит говорящего к низшим слоям.

Литература

Вольф Е. М., Катагощина Н. А. Сравнительно-сопоставительная грамматика романских языков: ибероромanская подгруппа. М.: Наука, 1968.

Bagno M. Gramática pedagógica do português brasileiro. 1ª ed. São Paulo: Parábola, 2020. URL: https://amz.onl/iosoScN (дата обращения: 29.12.2024).

Davies M. Corpus do Português: Web/Dialects. 2016–. URL: http://www.corpusdoportugues.org/web-dial/ (дата обращения: 29.12.2024).

Grillo C. C. Coisas da Vida no Crime: Tráfico e roubo em favelas cariocas. Rio de Janeiro, tese de doutorado. Instituto de Filosofia e Ciências Sociais da Universidade Federal do Rio de Janeiro. URL: http://www.neip.info/upd_blob/0001/1540.pdf (дата обращения: 15.12.2024).

Саванкова Екатерина Владимировна

канд. филол. наук, доцент, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации;
katerina3006@yandex.ru, e.savankova@my.mgimo.ru

ВТОРИЧНЫЕ ПРЕДЛОГИ РОДИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ: СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Ключевые слова: структурно-семантическая модель, вторичный предлог, немецкоязычный юридический дискурс, номинальный стиль, функциональное значение предлога.

В докладе «Вторичные предлоги родительного падежа в немецком языке: семантический аспект» рассматриваются структура, семантика и функциональное значение вторичных предлогов родительного падежа в немецкоязычном юридическом дискурсе. Названные выше языковые единицы с точки зрения их структуры и семантики являются результатом словообразовательных процессов немецкого языка, а именно, переходом полнозначных частей речи, в том числе предложных групп существительных, в служебные части речи — во вторичные предлоги родительного падежа. Все предлоги были отобраны для данного исследования на основе метода сплошной выборки из текстов законов, представленных на сайте https://www.gesetze-im-internet.de/, а также из электронных словарей, представленных на сайтах https://www.multitran.com/m.exe?l1=3&l2=2 и https://www.dwds.de/. Как показала выборка материала, вторичные предлоги родительного падежа в текстах законов являются частотными, характеризуются образованием по определенным структурно-семантическим моделям и обладают различным функциональным значением, что можно объяснить особенностями синтаксиса тестов современного немецкоязычного юридического дискурса.

Частотность употребления в немецкоязычном юридическом дискурсе вторичных предлогов родительного падежа с именами существительными связана с такой синтаксической характеристикой юридического дискурса как его номинальность [Thormann, Hausbrandt 2016: 32]. Суть номинального стиля заключается в использовании имен существительных вместо глаголов. На синтаксическом уровне это приводит к необходимости использования существительных в родительном падеже, в том числе, и к целым сериям («цепочкам») существительных в родительном падеже [Thormann, Hausbrandt 2016: 42].

Юридический дискурс относится к институциональным дискурсам, служит целям официального изложения и передачи значимой информации, что свидетельствует об определенной «консервативности», обеспечивает историческую преемственность юридических текстов в ходе времени и находит свое отражение, в том числе, и в грамматике и синтаксисе юридического текста, в частности, в вопросах употребления падежей. Для настоящего доклада методом сплошной выборки было отобрано в общей сложности более 30 вторичных предлогов родительного падежа и проанализированы семь структурно-семантических моделей их образования. Теоретическая значимость данной работы заключается в системном описании семантики и функционирования предлогов родительного падежа в немецкоязычных текстах законов на основе их концептуального значения. Практическая ценность заключается в возможности использования результатов исследования в практических курсах при обучении юридическому переводу и языку профессии студентов неязыковых вузов.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Вторичные предлоги родительного падежа образованы по одной из семи структурно-семантических моделей: (1) имя существительное + флективный согласный родительного падежа существительных сильного склонения, например: angesichts (ввиду чего-л. / в связи с чем-л.); (2) предлог + имя существительное, например: anhand (здесь: посредством / на основе чего-л.; (3) имя существительное + без флективного согласного родительного падежа (для существительных женского склонения), например: kraft (в силу чего-л.); (4) имя существительное с префиксом + суффикс прилагательного –lich, например: abzüglich(за вычетом); (5) причастие, на-

пример: ungeachtet (несмотря на что-л. / вопреки чему-л.); (6) наречие, например: abseits (вне); (7) прилагательное, например: eingedenk (руководствуясь чем-л.).

2. Для отыскания соответствующей лексической единицы, от которой был образован вторичный предлог родительного падежа по определенной структурно-семантической модели, необходимо обращаться к лексикографическим источникам, содержащим этимологическую справочную информацию о развитии семантики соответствующей лексической единицы в диахронии. Например, предлог vermöge (в силу чего-л.) мы относим к структурно-семантической модели (3) — образование предлога от существительного женского рода. В словаре указано, что данный предлог в форме «vermög» в значении «vermittels, mitHilfe, durch» (посредством чего-л. / при помощи чего-л.) известен с XVI в. и восходит к имени существительному женского рода «Vermöge» в значении «Kraft, Fähigkeit» (здесь: сила, способность к какому-л. действию).

3. Образование вторичных предлогов родительного падежа по структурно-семантическим моделям является характерной особенностью словообразовательной системы немецкого языка и свидетельствует о готовности языковой системы немецкого языка в целом к процессам семантического моделирования, что позволяет существенным образом обогатить словарный состав современного немецкого языка и сделать выбор в пользу того вторичного предлога родительного падежа, который наиболее точно и полно описывает совокупность значимых для текстов юридического дискурса обстоятельств.

4. Синтаксические функции немецких предлогов родительного падежа и их позиция в предложении в юридических текстах непосредственно зависят от преобладания в юридическом дискурсе характерной для немецкоязычного синтаксиса в целом тема-рематических конструкций с инверсией. Выбор юристами данных конструкций можно объяснить тем, что именно такое синтаксическое построение фразы дает возможность в первую очередь назвать те значимые обстоятельства дела или юридические факты, которые составляют его суть, т. е. тему. При этом субъект относится к рематической части конструкции или, как, например, в случае конструкции с безличным страдательным залогом может отсутствовать в немецком предложении.

Источники

Deutsche Gesetze im Internet. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/ (дата обращения: 24.12.2024).
Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: https://www.dwds.de/ (дата обращения: 24.12.2024).

Литература

Thormann I., Hausbrandt J. Rechtssprache klar und verständlich für Dolmetscher, Übersetzer, Germanisten und andere Nichtjuristen. Essen: BDÜ Fachverlag, 2016.

Соколова Ольга Викторовна

д-р филол. наук, ст. научный сотрудник, Институт языкознания РАН;
olga.sokolova@iling-ran.ru

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПЕРФОРМАТИВНОГО ГЛАГОЛА *DICO/DICIAMO* В ИТАЛЬЯНСКОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ НА ФОНЕ УПОТРЕБЛЕНИЯ В РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Ключевые слова: итальянский язык, корпусная прагматика, перформативы, verba dicendi.

В докладе будут рассмотрены особенности функционирования verba dicendi (глаголов говорения) в разговорной речи и в поэтическом дискурсе на материале авторского корпуса текстов современной итальянской поэзии и корпуса KiParla (L'italiano parlato e chi parla italiano). Сочетание квантитативного и квалификативного методов корпусно-дискурсивного анализа позволяет выявить иллокутивные функции глагола *dire* в перформативном употреблении (*dico, diciamo, sto/stiamo dicendo*), а также сравнить специфику его употребления в разговорной речи и в поэтическом дискурсе.

Основные свойства перформативных, или иллокутивных, глаголов (далее — ИГ) связаны с тем, что их употребление позволяет говорящему осуществить высказывание как действие. К иллокутивным глаголам относятся и глаголы говорения (далее — ИГГ). Если в существующих работах эти глаголы рассматривались преимущественно с точки зрения семантики и синтаксиса [Алисова 1971; Говорухо 2019], то мы рассмотрим прагматическую специфику глаголов говорения в поэтическом дискурсе (далее — ПД) в сопоставлении с разговорной речью, выявив специфику участия этих глаголов в формировании речевых актов, выражении целеустановки говорящего и иллокутивной силы (или функции) высказывания.

Специфика ИГГ обусловлена, с одной стороны, избыточностью их употребления, а с другой, расширением их функционирования по сравнению с остальными ИГ, что наиболее полно раскрывается при изучении их использования в ПД на фоне разговорной речи.

Корпусно-дискурсивный анализ, который был применен для данного исследования, базировался на составлении поэтического корпуса (далее — ПК), включающего три подкорпуса на русском, английском и итальянском языках (общий объем корпуса составил около 3 млн. слов). Данные авторского корпуса сравнивались с данными корпусов разговорной речи (в частности, с KIParla, L'italiano parlato e chi parla italiano).

Отсутствие поиска по прагматическим признакам, а также проблема с «неснятой омонимией» в национальных корпусах вызывает сложность при работе с прагматическими маркерами в целом и с ИГ в частности, многие из которых обладают омонимичными формами. Например, омонимичные формы итальянского глагола *diciamo* 'мы говорим', который представляет собой полифункциональную форму, представленную глаголом в 1-м л. мн. ч. наст. врем. индикатива, омонимичного не только императиву и коньюнктиву, но и дискурсивному маркеру в значении 'скажем' (см.: [Bazzanella 1995; Fiorentini 2020]). Таким образом, *diciamo* способен функционировать и как иллокутивный глагол, и как дискурсивный маркер. При корпусном анализе мы учитывали омонимию глаголов в иллокутивном и в дискурсивном функционировании, которая снималась за счет выявления случаев употребления единицы как дискурсивного маркера.

Лингвистическое аннотирование проводилось посредством автоматической и ручной обработки ПК с помощью программы "AntConc" с целью подсчета общего количества употреблений каждой прагматической единицы, входящей в общий список маркеров. Далее был осуществлен сопоставительный квантитативный анализ данных и количественный анализ особенностей употребления ПМ в ПД на фоне их использования в разговорных национальных корпусах.

Самыми частотными являются глаголы *говорю* — 892 в русском языке, s*ay* — в английском и *dire* — 1036 — в итальянском, что связано с их многозначностью, полифункциональностью, способностью осуществлять другие РА помимо репрезентатива, а также с активизацией комму-

никативного компонента за счет эмфазы, которая часто выражается с помощью этих глаголов в сочетании с местоимениями (например, *говорю + тебе, lo + dico*).

В докладе будут выделены основные функции, в которых употребляется *dire* в ПД и в РР: 1) выражение репрезентатива (сообщение, констатация, настоятельное утверждение и т. д.): *Così non va, non va, non va, ti* ***dico / che*** *così non va: come una supernova/ esplosa come un astro strizzato di fresco* (L. Voce); 2) в функции других речевых актов, например, вопроса, в форме репрезентатива: *Chiedo in giro e nessuno sa / cosa indichino — esattamente,* ***dico*** *— / che luogo sia, dove, se una fortezza /o una chiusa* (V. Magrelli). Также будут выделены дополнительные функции: 1) автокоммуникативная функция: *Sempre qui,* ***mi dico****, sempre qui, vicino / alla specchiera per trovare un solo tono di voce* (M. de Angelis); 2) метаязыковая функция: *la specie si mette allo schermo, / — e schermo* ***dico*** *come se dicessi / lo specchio che la specie guarda in questo mattino; / il mattino* ***voglio dire*** *della specie* <…> (V. Ostuni); 3) функция «иллокутивного самоубийства»: *dico quelle che scrissi e che non scrissi, /* ***dico quelle che dissi e che non dissi*** (E. Sanguinetti) и др.

Таким образом, частотность употребления ИГГ *dico/diciamo* связана с его полисемией, активизацией коммуникативного компонента за счет эмфазы, полифункциональностью, способностью выражать разные типы речевых актов и образовывать сложные иллокутивные функции, что особенно широко представлено на примере употребления этого глагола в ПД.

Литература

Алисова Т. Б. Очерки синтаксиса современного итальянского языка: Семантическая и грамматическая структура простого предложения. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971.

Говорухо Р. А. Глаголы речи в русском и итальянском текстах (пропозициональный аспект) // Проблемы итальянистики. Вып. 7. Итальянский язык и культура: связи, контакты, заимствования. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2019. С. 135–160.

Bazzanella C. I segnali discorsivi // Grande grammatica italiana di consultazione / eds L. Renzi, G. Salvi, A. Cardinaletti. Vol. III. Bologna, 1995. P. 225–257.

Fiorentini I. Diciamo, dijon, dijun: un possibile caso di rianalisi dovuta al contatto tra italiano e ladino // Ladinia. 2020. Vol. 44. P. 123–139.

Соловьева Мария Владимировна

канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет;
m.solovieva@spbu.ru

МОТИВ ПУТИ: КОНТЕКСТУАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ВЫБОРА ВСПОМОГАТЕЛЬНОГО ГЛАГОЛА В СЛОЖНЫХ ВРЕМЕНАХ В СТАРОФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: формульный стиль, выбор вспомогательного глагола, старофранцузский язык.

В статье приводится анализ регулярно использующейся в составе мотива пути формулы, представляющей собой сложноподчиненное предложение степени-следствия с наречием интенсивности *tant* и глаголом *aller* в личной форме. Действие в главном предложении, изображенное как длительное или как интенсивное, имеет своим следствием ситуацию, описанную в придаточном предложении [Сабанеева 2001: 224]. Предварительные наблюдения за функционированием сложных форм глагола *aller* в рамках этой формулы позволили констатировать вариативность в выборе вспомогательного глагола: наряду с аналитическими формами, включающими глагол *estre*, использовались аналитические формы с глаголом *aveir*. Целью нашего исследования стало, таким образом, выявление закономерностей, обусловливающих выбор вспомогательного глагола внутри описываемой формульной конструкции. Материалом для исследования послужил подкорпус старофранцузского языка Корпуса французского языка *Frantext*.

Этимологически инфинитив *aller* восходит к позднелатинской форме *alare*, упомянутой в «Рейхенаусских глоссах», которая, в свою очередь, является укороченной формой глагола *ambulare*. А. Ланли, однако, в качестве этимона указывает форму *andare*, восходящую к итеративной форме инфинитива *adire* [Lanly 1995: 83]. Парадигма глагола в старофранцузском языке включала в себя формы, унаследованные от латинских глаголов *ire* (*adire*), *vadere* и *ambulare*. Глагол *aller* был непереходным и реализовывал в старофранцузских текстах два основных значения: «направляться к» и «перемещаться в пространстве и времени» [Rey 2010: 49].

К. Буридан объясняет выбор вспомогательного глагола в описываемых сложноподчиненных предложениях с наречием *tant* сугубо семантическими факторами. Если наречие *tant* подчеркивает длительность процесса, то аналитическая форма образуется при помощи глагола *aveir*. Если же акцент делается на завершении процесса, то используется *estre* [Buridant 2000: 373–374]. В качестве иллюстрации приводятся следующие примеры:

(1) Tant ont alé qu'il vinrent a la chit de Navers (Ils ont tant cheminé qu'ils atteignent la cité de Nevers [Buridant 2000: 373] / Столько / так они ехали, что прибыли в город Невер).

(2) Tant sont alé qu'il sont venu en un pré defors les murs (Ils sont allés jusqu'à un pré en dehors des murs [Buridant 2000: 373] / Столько / так они ехали, пока не прибыли на луг за крепостными стенами).

Описанный К. Буриданом критерий выбора вспомогательного глагола применительно к сложным формам глагола *aller* сомнений не вызывает, однако он представляется недостаточным, ведь формально анализируемые примеры схожи: в обоих придаточных эксплицируется предел пути, ограничивающий процесс движения.

Для объяснения вариативности парадигмы глагола *aller* следует обращаться как к семантико-грамматическим типологическим характеристикам этого глагола, так и к анализу ближайшего окружения, т. е. к выбору видовременных глагольных форм в придаточном предложении.

В старофранцузском языке непереходные предельные глаголы спрягались с глаголом *estre*, в то время как переходные и непереходные непредельные, получая на уровне речи предельность и квазипереходность за счет контекстуальных ограничителей, — с глаголом *aveir*.

В примерах К. Буридана 1) и 2) указание направления движения и эксплицитно выраженный конец пути придают глаголу *aller* предельный характер. Наречие *tant*, будучи усилителем предикативного признака, указывает на длительность и/или интенсивность движения, но этим его роль не ограничивается. Будучи контекстуальным ограничителем действия и приближаясь по функции ко внутреннему объекту, наречие превращает глагол *aller* в квазипереходный, что включает *aller* в парадигму спряжения со вспомогательным глаголом *aveir*. В старофранцузских текстах находится большое количество подобных примеров:

(3) Tant a ale en tel maniere qu'il a encontré le conte de Gorre / Так он ехал таким образом, что встретил графа де Горра (La mort le roi Artu. Цит.: по Frantext 2024, 256).

Показательно, что из 98 обнаруженных формул 67 содержат глагол *aveir*, 31 — глагол *estre*. В среднефранцузском языке формульная конструкция с глаголом *aveir* продолжает преобладать (18 примеров ее реализации с глаголом *aveir*, 7 — с глаголом *estre*):

(4) Tant ont alé qu'il vindrent par devant le seneschal / Столько они ехали, пока не приехали к сенешалу (Bérinus. Цит. по: Frantext 2024, 54).

В этом ракурсе именно употребление аналитических форм с глаголом *estre* представляется требующим дополнительного объяснения.

(5) Tant est alez Haym traversant, … Al rei Wider s'est acostez / Столько Эйм ехал от начала до конца, что к королю Видеру прибыл (Wace Robert. Le Roman de Brut. Цит. по: Frantext 2024, 265).

Формально примеры с глаголами *estre* и *aveir* схожи за исключением аналитической формы перфекта глагола *aller*. Однако обращает на себя внимание использование видовременных форм в придаточных: в примерах 2), 5), использованы формы сложного перфекта с глаголом *estre,* в отличие от примеров 1), 3), в которых содержатся сложный перфект с глаголом *aveir*, простой перфект и презенс. Представляется, что внедрение глагола *estre* в описываемую формулу во многом обусловлено аналогией и влиянием сложного перфекта других глаголов передвижения, спрягающихся с глаголом *estre* и стоящих в непосредственной близости на линии речи. Особенно частотными являются случаи употребления глаголов *aller* и *venir* в роли парных синонимов:

(6) Tant est venuz et tant alez Qu'a la terre choisi l'escu / Столько ехал и скакал, пока не увидел щит, лежащий на земле (Wauchier De Denain. Deuxième continuation de Perceval. Цит. по: Frantext 2024, 426).

Именно в этой разновидности формулы в среднефранцузском языке сохраняется глагол *estre*:

(7) La douziesme joye de mariage si est quant le jeune homme est tant allé et venu qu'il a trouvé l'entree de la nasse / Двенадцатая радость брака — это когда молодой человек столько ходил и бродил, что нашел, как попасть (досл. вход) в брачные сети… (Les Quinze joies de mariage. La douziesme joye. Цит. по: Frantext 2024, 90).

Итак, в сложноподчиненных предложениях степени-следствия, содержащих наречие интенсивности *tant* и глагол *aller* в аналитической форме, ожидаемо использование вспомогательного глагола *aveir,* поскольку наречие придает характер переходности и предельности по своей природе непереходному и непредельному глаголу *aller*, тем самым включая его в парадигму наследников латинской посессивной конструкции с глаголом *habere* в личной форме. Однако влияние окружения, а именно регулярное использование глагола *aller* в составе мотива пути с другими глаголами движения (в основном с глаголом *venir*), имеющими предельный непереходный характер, аналитические формы которых восходят к латинскому составному именному сказуемому с глаголом *esse* и страдательным причастием прошедшего времени, обусловливает

внедрение глагола *estre* в аналитические формы глагола *aller* даже при наличии эксплицитно выраженного акцента на самом процессе.

Литература

Сабанеева М. К. Художественный язык французского эпоса. Опыт филологического синтеза. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001.

Buridant C. Grammaire nouvelle de l'ancien français. Paris : Editions Sedes, 2000.

Lanly A. Morphologie historique des verbes français. Paris : Honoré Champion, 1995.

Rey A. Dictionnaire historique de la langue française. T. 1. Paris : Le Robert, 2010.

Терещук Андрей Андреевич

канд. филол. наук, доцент,
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена;
san_petersburgo@inbox.ru

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ВОССТАНИЕ» В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ РАННЕГО КАРЛИЗМА

Ключевые слова: лексикология, семантическое поле, испанский язык, карлистский дискурс, политический дискурс.

Испанский карлизм — одно из старейших в мире политических движений, появившееся в XIX в. и продолжающее существовать в наше время. В 1833 г. сторонники претендента на испанский престол дона Карлоса (карлисты), представлявшие наиболее консервативную часть общества, подняли восстание против правительства в Мадриде, которое привело к Первой Карлистской войне (1833–1840). Карлисты образовывали коммуникативное сообщество, представители которого были объединены общими дискурсивными практиками. Особенный интерес в изучении дискурса испанского карлизма как лингвосемиотического способа осуществления политической деятельности представляет ранний, генетический этап существования движения, то есть период Первой Карлистской войны.

Хотя в 1833 г. именно карлисты подняли восстание против мадридского правительства, с самого начала конфликта в своем политическом дискурсе они позиционировали себя как защитников «законной» власти, а дона Карлоса — как «легитимного» монарха [Терещук 2023: 163]. Как известно, агональность является одной из характерных особенностей политического дискурса, в котором отмечается «продуцирование в массовое сознание ситуации “опасности”, исходящей со стороны “чужих”» [Кузьминская 2016: 49]. При этом дискредитация политического противника может служить и для самоутверждения и акцентирования внимания на собственных достоинствах [Алексеев 2022: 123]. Так, например, опубликованный 1 октября 1833 г. манифест дона Карлоса в Абрантеше не только реализовывал такие функции политического дискурса, как функция социального контроля и функция ориентации (создавал благоприятные условия для прихода карлистов к власти и формировал у аудитории определенную картину политической реальности), но и подчеркивал легитимность притязаний автора текста на престол, обвиняя противников дона Карлоса в измене.

В рамках настоящего исследования мы обращаемся к анализу лексических единиц, относящихся к семантическому полю «восстание», в карлистском политическом дискурсе. Под семантическим полем мы будем понимать совокупность лексических единиц, обладающих «множеством значений, которые имеют хотя бы один общий семантический компонент» [Апресян 1974: 251]. Временные рамки исследования: 1 октября 1833 г. — 14 июля 1840 г., то есть период вооруженного конфликта. Было проанализировано 103 документа, классифицируемых как программные документы движения (манифесты, указы, приказы по армии и др.), которые публиковались в карлистских печатных органах и были ориентированы на широкие массы населения.

В данных текстах было выделено 26 лексических единиц, относящихся к семантическому полю «восстание» и использованных по отношению к противнику. Наиболее частотной является лексема *revolución*, «революция» (38 случаев употребления), а также однокоренная лексема *revolucionario*, «революционер» (29). Отмечается использование карлистами слова *facción*, «мятеж» (6), которое с самого начала конфликта также получило широкое распространение в либеральном дискурсе. Важно подчеркнуть, что, с точки зрения либералов, «мятежниками» являлись именно карлисты. Взаимные обвинения обеих сторон в конфликте в «мятеже» против «законной» власти приводили к тому, что, например, в либеральном дискурсе карлистский главнокомандующий Р. Кабрера именовался *cabecilla de facciosos*, «главарь мятежников», а противостоявший ему генерал либеральной армии М. Ораа в свою очередь в карлистском дискурсе назывался *cabecilla de rebeldes*, «главарь бунтовщиков».

Лексика, относящаяся к семантическому полю «восстание», приобретает в карлистском дискурсе преимущественно негативное коннотативное значение. При этом фиксируется один случай употребления лексемы *insurrección*, «восстание», с положительными коннотациями: автор текста пытается оправдать развязавших войну карлистов. Интересно, что в данном примере слово *insurrección* употреблено с эпитетом *gloriosa*, «славная», который, возможно, является отсылкой к знаменитой *Glorious Revolution*, «Славной революции», в Англии в 1688 г.

В проанализированном материале мы зафиксировали случаи пересечения лексических единиц из семантического поля «восстание» с лексемами, относящимися к полю «религия» (например, *revolución impía*, «безбожная революция»). Таким образом, происходит смешение политического и религиозного дискурса. Власть дона Карлоса воспринимается как трансцендентное явление, истоки которого выходят за границы этого мира. Соответственно, выступление против «законного» короля становится в карлистском дискурсе не просто государственным преступлением, но отречением от веры и восстанием против Бога.

Литература

Алексеев А. Б. О функциях невежливости в политическом дискурсе // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер.: «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2022. № 3 (47). С. 118–129.

Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974.

Кузьминская С. И. «Образ врага» в современной политической мифологии // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 3. С. 49–52.

Терещук А. А. За Бога, Родину и Короля: военно-политическая история раннего карлизма. М.: Спасское дело, 2023.

Хван Мария Сергеевна

канд. ист. наук, доцент, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации;
m.khvan@my.mgimo.ru

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗЛИЧНЫХ ДИАЛЕКТОВ ПОРТУГАЛЬСКОГО ЯЗЫКА И ФАКТОРЫ ИХ РАЗВИТИЯ

Ключевые слова: лексическая единица, диалекты португальского языка, семантические расхождения.

В последнее время период настоящего расцвета переживает культурологическая лингвистика, область научного знания, изучающая средства и способы кодирования культурной информации в языке. В связи с этим все больший акцент в процессе преподавания иностранных языков делается на овладении учащимися национально-культурной спецификой общения. В случае с португальским языком достижение данной задачи затрудняется тем фактом, что это язык плюрицентрический: на португальском языке говорят народы, проживающие на разных континентах, каждый из которых имеет свою собственную историю, собственные представления о мире, собственные традиции. Национальным вариантам португальского языка, несмотря на то, что он является общим для этих народов, присущи свои национальные нормы функционирования языковых средств, расхождения между которыми в наиболее яркой форме проявляются на уровне лексики.

Целью настоящего исследования является определение лексических особенностей различных диалектов португальского языка, выявление семантических расхождений между ними.

Актуальность настоящей работы заключается в том, что сегодня в связи с интенсивным развитием отношений России со странами-членами БРИКС, а также с африканским континентом, все больший интерес у учащихся вызывает изучение бразильского варианта португальского языка, а также специфики диалектов, на которых говорят в странах португальской Африки. При этом, поскольку основу последних составляет иберийская норма португальского языка, она также по-прежнему остается популярной.

В России лексические особенности национальных вариантов и различных диалектов португальского языка на данный момент изучены крайне мало. Из теоретических работ можно назвать только научные статьи, посвященные отдельным культурным концептам португальской языковой культуры мира (например, работы О. А. Сапрыкиной «Saudade как константа португальской культуры» [Сапрыкина 2003], Н. М. Азаровой «Португальские fados и концепт судьбы» [Азарова 1994]), или популярным в португальском языке идиомам (Н. Г. Мед «Национально-культурное своеобразие бразильских фразеологизмов» [Мед 2016]). Именно поэтому основным материалом на написания настоящей работы послужили короткие интернет-заметки (в основном на португальском языке), словари, португальский, бразильский, ангольский и т. д. фольклор.

Новизна исследования заключается в том, что автор впервые в России выявляет лексические сходства и различия между различными вариантами и диалектами португальского языка, факторы развития этих диалектов, а также затрагивает вопрос лексико-семантических расхождений между диалектами, на которых говорят внутри Португалии и внутри Бразилии.

В качестве методов исследования автор использовал лингвокультурологический, контекстуальный, когнитивный анализ, стилистический, сравнительно-сопоставительный анализ.

В результате исследования автор приходит к выводу, что между различными национальными вариантами португальского языка существуют как сходства, так и различия. Причем некоторые лексические единицы совпадают в плане выражения и расходятся в плане содержания. В качестве примера можно привести слово *propina*, которое в Португалии переводится как «пособие», а в Бразилии — как «взятка». Некоторые лексические единицы абсолютно разные па форме выражения и имеют одно и то же семантическое содержание. Например, в Португалии в значении «автобус» используются слова *autocarro, camioneta*, в Бразилии — *ônibus*, а в Анголе

и Мозамбике — *machimbombo*. Некоторые же лексические единицы имеют частичные различия в плане выражения и одно и то же семантическое содержание. Ярким примером тому служит широко распространенный в Португалии концепт saudade («тоска», «печаль»), который, на Кабо-Верде, как можно убедиться, послушав песни Сезарии Эворы, превратился в sodade.

Другим выводом автора является то, что главными факторами, повлиявшими на формирование различных национальных вариантов португальского языка, являются исторический и географический факторы.

Так, в ходе Великих географических открытий в XV–XVI вв., когда португальцы колонизировали африканское побережье и Бразилию, происходило взаимопроникновение португальского языка и языков местных аборигенов. С одной стороны, португальцы распространяли свой язык на завоеванных территориях. С другой стороны, португальский язык пополнялся новыми лексическими единицами (например, слова *macaco* («обезьяна»), *berimbau* («губная гармошка»), *cachimbo* («курительная трубка») — африканского происхождения). Это, с одной стороны, обусловило формирование единой языковой картины мира жителей Португалии, Бразилии, Анголы, Мозамбика и других стран португальского языка, распространению среди них единых культурных концептов и архетипов (*destino* — «судьба»; *futebol* — «футбол»; *mar* — «море» и др.). С другой стороны, в результате взаимодействия португальского языка с местными диалектами и в условиях местных реалий в португальских колониях происходило видоизменение определенных языковых единиц. И здесь в качестве примера опять же можно привести слово *saudade*, трансформированное на Кабо-Верде в *sodade*.

Впрочем, к историческому и географическому факторам зачастую примешиваются и другие, такие, как социальное, политическое, культурное развитие обществ, населяющих определенные территории; климатические условия и др. И в этих случаях объяснить лексические различия между определенными диалектами не всегда представляется возможным. Например, сама Португалия поделена на несколько языковых ареалов, образованных в ходе истории во многом в зависимости от степени воздействия испанского и арабского языков. При этом, однако, представляется затруднительным объяснить, почему в основной части Португалии «пробковый дуб» будет *sobreiro*, а в регионе Алентежу — *chaparro*. В Бразилии диалекты делятся в основном на северные и южные, однако отдельные особенности можно наблюдать от штата к штату. И если, например, в большинстве из них «мальчик» будет *menino*, то в Рио-Гранди-ду-Сул, Санта-Катарине и части Пары — *guri*.

Наконец, автор приходит к заключению о том, что лексико-семантические особенности различных национальных вариантов португальского языка отразились и на формировании уникальных, характерных для каждого варианта идиоматики и фольклора.

Литература

Азарова Н. М. Португальские fados и концепт судьбы // Понятие судьбы в контексте разных культур. М.: Наука, 1994.

Мед Н. Г. Национально-культурное своеобразие бразильских фразеологизмов // Вопросы иберо-романистики. К юбилею потругалистики в МГУ: сб. ст. Вып. 15. М., 2016.

Сапрыкина О. А. Saudade как константа португальской культуры. М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2003.

Хуторецкая Ольга Александровна

канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет;
o.khutoretskaya@spbu.ru

ГРАММАТИКА ИЛИ ЛЕКСИКА: ЕЩЕ РАЗ О КАТЕГОРИИ ВИДА ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: аспектуальность, функционально-семантическое поле, грамматический и лексический вид, классифицирующая и словоизменительная категории, акциональные классы.

В настоящее время глагольная категория вида/аспекта понимается как система противопоставленных друг другу языковых средств, которые определяют характер протекания или распределения во времени глагольного действия, как его представляет говорящий [Маслов 1984: 5]. В западноевропейской лингвистике об аспекте впервые заговорили в начале XIX в. как о морфологической категории, представленной исключительно в славянских языках, обладающих богатой системой аффиксов. Вплоть до появления в начале XX в. работ Ф. Брюно и Г. Гийома считалось, что во французской глагольной системе категории вида нет. Гийомовское понимание вида как «внутреннего времени» глагола, универсальной глагольной категории, которая может иметь разные средства выражения в разных языках и во французском языке проявляется в четких оппозиционных парах: простая — сложная глагольная форма, на протяжении длительного времени встречала упорное сопротивление. В настоящее время значимость категории вида, наряду с категориями времени и наклонения, для глагольных систем разных языков признается как общей, так и французской лингвистической традицией [Gosselin 2021: 14–15]. Во французской лингвистике наиболее распространенной является «дуалистическая» трактовка категории вида, в соответствии с которой выделяются лексический и грамматический вид. В самом общем виде формальное различие между ними заключается в том, что лексический вид дифференцируется лексическими значениями (лексемами, преимущественно глагольной основой), а грамматический вид — грамматическими значениями (граммемами, преимущественно флексией временных глагольных форм) [Gosselin 2021: 21]. С точки зрения содержания, лексический вид характеризует процесс, ситуацию, описываемую предикативным ядром предложения. Наиболее релевантной для французского языка является оппозиция предельных и непредельных ситуаций. Грамматический вид описывает взгляд говорящего на ситуацию, указывает на тот фрагмент (фазу) ситуации, который находится в фокусе его внимания. Основополагающей здесь является дихотомия совершенного и несовершенного вида [Marchello-Nizia 2020: 1486–1487]. В рамках описанного подхода возникает ряд противоречий. В частности, характеристика описываемого глагольным предикатом процесса как предельного или непредельного может зависеть от детерминатива при существительном в функции объекта (ср. boire un café / boire du café). Значение инхоативности, традиционно относимое к лексическому виду, может выражаться через глагольный префикс *en* (s'envoler; s'endormir). В обоих случаях лексический вид обозначается грамматическими маркерами (граммемами), а не лексемами. Вызывает затруднение классификация как лексических или грамматических аспектуальных значений, передаваемых многочисленными глагольными перифразами (se mettre à Vinf ; rester à Vinf ; venir de Vinf и др.). В таких структурах показателем видового значения является находящийся на определенном этапе грамматикализации полу-вспомогательный глагол, который не может быть однозначно квалифицирован ни как полнозначная лексема, ни как аспектуальная граммема.

Размышление о целесообразности выделения лексического вида и, как следствие, разграничения между лексикой и грамматикой внутри категории, которая не так давно трактовалась французской лингвистической традицией как сугубо морфологическая, определило ракурс настоящего исследования.

В отличие от времени и наклонения видовые значения не указывают на связь отражаемой ситуации с реальным или возможным миром. Они описывают внутреннее устройство ситуации и детерминируются акциональными классами глагольных предикатов (*состояния, положе-*

ния, занятия, действия, достижения) [Храковский, Мальчуков 2020: 41, 46]. Деление на акциональные классы представляет собой обобщенную лексико-семантическую классификацию предикатов по типу отображаемого процесса. Каждый полученный таким образом семантический тип предикатов предопределяет аспектуальные типы ситуаций, к описанию которых предикаты данного типа потенциально предрасположены в большей или меньшей степени. Например, *достижения* и *действия* наиболее частотны для описания предельных ситуаций, а *состояния, положения* и *занятия* — для описания непредельных ситуаций. В каждом конкретном высказывании аспектуальное значение предиката (предельность / непредельность) взаимодействует с грамматическими аспектуальными показателями (временными формами, некоторыми глагольными аффиксами), конкретными лексическими значениями глагольной лексемы, а также с окружающим контекстом, в результате чего, помимо основной пары перфективного и имперфективного аспектов, могут возникать такие частные аспектуальные значения как результативность, глобальность, итеративность, репетитивность и др. Поскольку не только выделяемый фрагмент ситуации, но и ее общая аспектуальная характеристика (а часто и акциональная разновидность процесса) может, как было показано выше, модифицироваться грамматической формой глагола и/или контекстом (т. е. выбором говорящего), аспектуальные значения предиката, как и аспектуальные значения грамматических показателей, выражают взгляд говорящего на внутреннюю структуру описываемого процесса. Опираясь на критерии обязательности и несовместимости в рамках одной ситуации каждого из указанных типов аспектуальных значений, можно заключить, что мы имеем дело с грамматическими категориями, объединенными общим содержанием и имеющими разные средства выражения. Между грамматическими категориями, объединяющими средства выражения аспектуального типа процесса и характера его протекания применительно к конкретной ситуации, существуют значимые различия, о чем свидетельствуют предлагаемые разным авторами разграничения первичного и вторичного аспекта, вида и аспекта (в русской лингвистической литературе), грамматического и лексического аспекта. Однако представляется, что эти различия не сводятся к противопоставлению лексики и грамматики. С точки зрения грамматической семантики, средства выражения аспектуального типа предиката с одной стороны и аспектуальные граммемы с другой стороны представляют собой соответственно «скрытые» и «открытые» грамматические категории [Маслов 1984: 9]. С точки зрения формальной организации категории вида во французском языке, грамматические видовые показатели (аспектуальные граммемы) относятся преимущественно к словоизменительным категориям, а скрытые показатели аспектуальных значений предиката — к словоклассифицирующим категориям [Храковский, Мальчуков 2020: 46]. Указанные корреляции типов грамматических категорий и типов аспектуальных значений не являются строгими.

Таким образом, можно говорить о существовании во французском языке функционально-семантической категории аспектуальности, объединенной единым понятийным содержанием и включающей разноуровневые и разноплановые средства выражения.

Разграничение внутри этой категории лексического и грамматического вида представляется не вполне удачным, так как затрудняет интерпретацию сложных терминологических соотношений, описывающих глагольные значения, и понимание сути языкового явления аспектуальности.

Литература

Иерархия и взаимодействие грамматических категорий глагола / отв. ред. В. С. Храковский, А. С. Мальчуков. СПб.: Ин-т лингвист. исслед. Рос. акад. наук, 2020.

Маслов Ю. С. Очерки по аспектологии. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984.

Gosselin L. Aspect et formes verbales en français. Paris : Classiques Garnier, 2021.

Grande grammaire historique du français / eds Ch. Marchello-Nizia, B. Combettes, S. Prévost, T. Scheer. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2020.

Цветаева Елена Николаевна[1], Панкратьева Елена Сергеевна[2]

[1]канд. филол. наук, доцент,
Московский государственный лингвистический университет;
elenatsvetaeva@yandex.ru
[2]канд. филол. наук, доцент, Московский государственный лингвистический университет;
helene-sergeevna@yandex.ru

DER KRUG GEHT SO LANGE ZU WASSER: КУЛЬТУРНЫЕ СМЫСЛЫ И ЗНАЧЕНИЯ ОДНОЙ ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОЙ ФРАЗЕМЫ

Ключевые слова: фразеологизм, историческая фразеология, полимодальность, визуализация, интертекстема.

Развитие полимодальной парадигмы предоставило историку фразеологии новый источник изучения фразеологических единиц в рамках исторического подхода: семиотически гетерогенные произведения, на которых фраземы представлены в виде иконографического знака. Подобные вербально-визуальные единства обладают специфическими свойствами, детерминированными интерсемиозисом разнородных модусов, а также обнаруживают общие закономерности в функционировании в том числе на материале разных жанров различных языков. Следует признать, что «визуализированная» фразеология служит действенным инструментом при проведении диахронических фразеологических исследований благодаря своей репрезентативности, отражающей социокультурные особенности отдаленных эпох и позволяющей идентифицировать визуальные интертекстемы, раскрывающие семантику фразем и являющиеся частью полисемиотического пространства европейской культуры.

К одному из узнаваемых иконографических сюжетов, берущих начало со времен Средневековья, представляется возможным отнести визуальную репрезентацию фраземы *Повадился кувшин по воду ходить, там ему и голову сломить*. Данный устойчивый словесный комплекс, указывая, что ничто не может существовать вечно и всему когда-то приходит конец, служит своего рода предостережением, что за любое неправильное поведение или неблаговидные поступки в будущем можно поплатиться. В основе образа фразеологизма лежит представление о том, что кувшин, используемый прежде всего для хранения воды, не имеет бесконечного срока службы — нередко хрупкий предмет может разбиться из-за неосторожных действий его обладателя. Исследуемое выражение функционирует во многих европейских языках, например, нем. *Der Krug geht so lange zu Wasser, bis er bricht*, фр. *Tant va la cruche à l'eau qu'à la fin elle se brise*, англ. *The pitcher goes so often to the river that it is broken at last*, ит. *Al pozzo tante volte va la secchia* и др., и не потеряло актуальность по сей день.

Этимология рассматриваемой фраземы ясна не до конца. С. Зингер включает многочисленные варианты этой устойчивой единицы в свой «Лексикон пословиц романо-германского Средневековья» (Lexikon der Sprichwörter des romanisch-germanischen Mittelalters) [Singer 1997: 279–282]. Исследователи также не исключают библейское происхождение данного выражения, поскольку в Священном Писании Бога нередко называют гончаром, чьим творением является человек, при этом разбитый кувшин в христианском смысле уподобляется человеческой жизни и символизирует конечность и опасность человеческого существования [Zick 1969: 149]. В этой ипостаси фразема *Повадился кувшин по воду ходить, там ему и голову сломить* актуализируется в том числе в виде иконографического знака. Так, визуализацию данной единицы можно обнаружить в средневековом французском манускрипте «Рифмованные пословицы» (ок. 1485), где облаченный в фартук мужчина изображен стоящим у источника, вытекающего из каменной кладки; в правой руке мужчина держит еще целые остатки ручки разбившегося кувшина, а левую протягивает наверх и указывает на холм, откуда берет начало источник. Иллюстрация сопровождается текстом *L'acteur: // Qui traveillir se vault // En diverse maniere, // Tant que le corps se duelt // Et devant et darriere // Il se voit sur littiere, // Foullé et derompu: // Tant va pot a riviere // Qu'il*

s'y treuve rompu [Frank, Miner 1937: 46], в интерпретации которого разбитый кувшин отождествляется с хрупкостью человеческого бытия.

Несомненным подтверждением функционирования рассматриваемого устойчивого словесного комплекса в среднефранцузский период и его актуальности в то время служит его идентификация в других художественных формах. Так, популярный средневековый французский поэт Ф. Вийон, излюбленным приемом которого являлось переосмысление фразем, в том числе в рамках характерной для анализируемой эпохи аллегории «перевернутого мира», помещает выражение *Повадился кувшин по воду ходить, там ему и голову сломить* на первые строки своего произведения «Баллада пословиц» (1458): *Tant gratte chèvre que mal gît, // Tant va le pot à l'eau qu'il brise*.

Активное употребление фраземы *Повадился кувшин по воду ходить, там ему и голову сломить* отмечается и в раннее Новое время, о чем свидетельствуют как литературные, так и иконографические памятники. Например, изображение кувшина на фоне водной глади обнаруживается на картине П. Брейгеля Старшего «Нидерландские пословицы» (1559) и служит определенным триггером для извлечения из памяти образа устойчивой единицы, который реконструируется благодаря возникновению требуемых ассоциаций и без наличия на картине вербального компонента.

Среди изображений, иллюстрирующих внутреннюю форму фразеологизма *Повадился кувшин по воду ходить, там ему и голову сломить* в последующих столетиях, обращают на себя внимание ряд произведений (рисунков и шпалер) Я. Йорданса и картина Ж.-Б. Греза «Разбитый кувшин» (1771).

Отметим, что фразема *Повадился кувшин по воду ходить, там ему и голову сломить* не теряет значимости и в настоящее время и нередко функционирует в различных информационных модусах и дискурсивных условиях, в частности, в ее немецкоязычной итерации.

Литература

Frank G., Miner D. Proverbes en Rimes, Text and Illustrations of the Fifteenth Century from a French Manuscript in the Walters Art Gallery. Baltimore; London: Johns Hopkins University Press, 1937.

Singer S. Band 4: Lexikon der Sprichwörter des romanisch-germanischen Mittelalters. Berlin; New York: De Gruyter, 1997.

Zick G. Der zerbrochene Krug als Bildmotiv des 18. Jahrhunderts // Wallraf-Richartz-Jahrbuch. 1969. Bd. 31. S. 149–204.

Чекалина Елена Михайловна

д-р филол. наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; etch1@yandex.ru

КАКИЕ СМЫСЛЫ ВИДИТ ШВЕДСКИЙ ЯЗЫК В РУССКОМ СЛОВЕ «ПОКА»?

Ключевые слова: русский язык, шведский язык, перевод, наречие, подчинительный союз.

Как в шведском, так и в русском языке есть полифункциональные слова с адвербиальной семантикой, которые могут употребляться как подчинительные союзы и наречия. Особое место среди них занимает русское слово «пока», имеющее ограничительное значение и относящееся к идиоэтнической лексике. При передаче всего многообразия сложноподчиненных предложений с союзом *пока* в шведском языке используются различные союзные средства, в зависимости от выражения таксисных значений одновременности или предшествования, которые обусловлены соотношением видовых форм предикатов главной и придаточной частей [Зорихина-Нильссон 2002: 85; Падучева 2014: 350]. Внутри каждого функционально-семантического типа в переводах на шведский язык также наблюдается вариативность союзных средств, обусловленная наличием внутренней связи между событиями главной и придаточной части: *så länge* (*som*) при выражении одновременности / (*ända*) *tills* при выражении предшествования — или её отсутствием: *medan* при выражении одновременности / *innan* при выражении предшествования. При переводе предложений с наречием «пока» на шведский язык также используются различные эквиваленты, как показывают русско-шведские параллели из произведений русской художественной литературы, представленные в Национальном корпусе русского языка:

1. (*än*) *så länge* 'пока (еще)' при указании на ограниченную длительность процесса, одновременного описываемой ситуации: *Пока* это секрет. *Än så länge* är det en hemlighet. А. П. Чехов. Три года (1895) | Anton Tjechov. Tre år (Ellen Ryddelius, 1949); *Пока* вы *еще* ничего об этом не знаете. *Än så länge* vet ni ingenting om detta. А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий. Хищные вещи века (1964) | Arkadij Strugatskij och Boris Strugatskij. Tidsålderns rovgiriga ting (Erik Jonsson, 1998). Характерными для этого значения контекстами являются высказывания с формами императива глаголов с ограничительной семантикой: Посидите *пока*, прошу вас. Var så god och sitt *så länge*. А. П. Чехов. Моя жизнь (1896) | Anton Tjechov. Mitt liv (Asta Wickman, 1960).

2. *tills vidare* при указании на ограниченную длительность процесса на неопределенное время в будущем: А она с ним поедет? — Она *пока* здесь остается. Он устроит в Петербурге свои дела и пришлет ей денег, тогда и она поедет. Och hon reser med honom, eller hur? — Hon stannar *tills vidare* här. Så snart han ordnat sina saker i Petersburg, skickar han henne pengar, och så far hon också. А. П. Чехов. Дуэль (1891) | Anton Tjechov. Duellen (Hjalmar Dahl, 1928); Я решил отложить наше будущее как можно на долгое время, а оставить *пока* всё в настоящем виде. Jag beslöt att uppskjuta vår framtid så mycket som möjligt och *tills vidare* lämna allt som det var. Ф. М. Достоевский. Кроткая (1876) | Fjodor Dostojevskij. Ängeln (Ellen Rydelius, 1924).

3. *under tiden* 'тем временем', при указании на реализацию действия, выраженного глаголом совершенного вида, вслед за моментом речи, одновременно с другим событием: А она *пока* достанет бархатный альбом и старые письма. *Under tiden* tar hon fram ett album med sammetspärmar och gamla brev. Татьяна Толстая. Милая Шура (1985) | Tatjana Tolstaja. Kära Sjura (Annika Bäckström, 1990); Нет, лучше я сбегаю. А вы *пока* поболтайте. Nej, det är bättre om jag kilar efter det själv. Prata ni under tiden. А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий. Хищные вещи века (1964) | Arkadij Strugatskij och Boris Strugatskij. Tidsålderns rovgiriga ting (Erik Jonsson, 1998).

4. *just nu* 'в данный момент' при употреблении в отрицательных контекстах, предполагающих дальнейшее изменение ситуации: Обязательно… но только не сейчас… Никто *пока* не едет… Självfallet… fast inte just nu… Det är ingen som kan komma *just nu*… Михаил Булгаков. Вьюга (1926) | Michail Bulgakov. Snöstorm (Lars Erik Blomqvist, 1984); Но *пока* я не в состоянии вернуться к этому. Men jag förmår *just nu* inte återvända till den. Евгений Замятин. Мы (1920) | Jevgenij Zamjatin. Vi (Sven Vallmark, 1959).

5. *dessförinnan* ’до тех пор’, при указании на ограниченный отрезок времени, конечной границей которого выступает отмеченный в контексте момент: Может случиться, *через час* исчезнет, *через час* выкаплет розовая кровь, но *пока* — живое. Kanske är allt försvunnet redan *efter en timme*, kanske har solens rosiga blod då förrunnit droppe efter droppe, men *dessförinnan* lever allt. Евгений Замятин. Мы (1920) | Jevgenij Zamjatin. Vi (Sven Vallmark, 1959).

6. *ännu* ’ещё’, чаще в отрицательных контекстах при указании на ограниченную длительность ситуации, которая может осуществиться в неопределенном будущем:

Человеку нужна такая жизнь, и если *нет пока*, то он должен предчувствовать её, ждать, мечтать, готовиться к ней, он должен для этого видеть и знать больше, чем видели и знали его дед и отец. Människan behöver ett sådant liv, och om det *ännu inte* finns så måste hon föreställa sig det, vänta på det, drömma om det, förbereda sig för det, därför att hon måste se mer och veta mera än hennes far och farfar såg och visste. А. П. Чехов. Три сестры (1900) | Anton Tjechov. Tre systrar (Lars Kleberg, 2004).

7. *fortfarande* ’всё еще, по-прежнему’ при выражении неопределенной длительности в отрицательном контексте: Громадное большинство той интеллигенции, какую я знаю, ничего не ищет, ничего не делает и к труду *пока не* способно. De allra flesta av de intellektuella som jag känner söker ingenting, gör ingenting och är *fortfarande* oförmögna att arbeta. А. П. Чехов. Вишневый сад (1904) | Anton Tjechov. Körsbärsträdgården (Lars Kleberg, 2004).

Литература

Зорихина-Нильссон Н. В. Еще раз о семантике высказываний с союзом «пока» // Scando-Slavica. 2002. No. 48.С. 81–102.

Падучева Е. В. Эксплицитное отрицание и семантика союза *пока* // Язык. Константы. Переменные. Памяти Александра Евгеньевича Кибрика. СПб.: Алетейя, 2014. С. 339–350.

Якушкина Ксения Валерьевна

канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет;
devona@inbox.ru, k.yakushkina@spbu.ru

КОНЦЕПЦИЯ *ЭНТРОПИИ* В СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКОЛОГИИ (НА ПРИМЕРЕ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА)

Ключевые слова: коммуникация, медиация, энтропия, коммуникативный шум, Шеннон-Уивер.

В современном языке наблюдается ощутимое количество разновекторных тенденций, как амбивалетных, так и порой антагонистических процессов, заслуживающих специального рассмотрения, с целью выявления уникальности или универсальности того или иного явления. Например, это касается вопросов инклюзивности, заключающейся в антидискриминационной нейтрализации или, напротив, диверсификации публично-ориентированного дискурса, различных аспектов «феминитивизации» или «мачивизации» контента, политкорректного реейминга профессий или иного социально-политического статуса граждан, а также любых других парадоксов и противоречий актуальной медийно-маркетинговой коммуникации, требующих конкретного контекстуально-прагматического осмысления.

Подобная «таргетированность» в сочетании с синергетическим характером междисциплинарных исследований способствует более углубленному пониманию проблем (де)кодирования информации, а также поиска адекватных средств ее перевода, которые, в свою очередь, являются предметом особого внимания для таких востребованных в настоящее время областей научно-прикладного знания, как *копирайтинг, спичрайтинг, питчинг*, или иная стратегическая или манипулятивно-направленная риторика, осложненная новейшим мультимедийно-цифровым инструментарием и сосредоточенная в большей степени на передаче *влияния*, нежели самого содержания.

Осознание всех вышеперечисленных факторов играет ключевую роль в процессе *медиации* любого рода, будь то посредничество в различных видах перевода, при проведении переговоров, в массовой, групповой или межличностной коммуникации, в официально-деловом или неформально-бытовом общении, при личном присутствии или с использованием (онлайн) технологий, в зависимости от преобладания вербального или невербального кода. Как итог, формируется возможность выбора в сторону эскалации конфликта или его амортизации, то есть более *агрессивной* или более *толерантной* (ненасильственной, кооперативной, некатегоричной, хеджинговой или, по нашему определению, «седативной» [Якушкина 2017]) коммуникации с очевидным предпочтением последней как более продуктивного способа поддержания диалога, митигации межкультурных разногласий и выработки безбарьерного сотрудничества.

Одной из коммуникативных теорий, имеющих фундаментальное значение для последующих изысканий, так или иначе посвященных проблемам (лингво-)медиации, является теория *коммуникативного шума* или *энтропии*, предложенная в рамках линейной «информационно-математической» модели Клода Шеннона и Уоррена Уивера в конце 40-х гг. прошлого века [Shannon 1948]. И хотя данная теория пришла из математики и кибернетики, описывающей процессы инженерно-технической коммуникации, она сыграла значительную роль в развитии многих наук, связанных с обменом информацией, и до сих пор ее метафорическое переосмысление считается основополагающим в около-лингвистических исследованиях.

Модель состоит из пяти элементов, расположенных в линейной последовательности: источник информации, кодирующее устройство, канал передачи, декодирующее устройство и получатель сообщения. Помимо этих терминов, Шеннон вводит понятия *шума* и *избыточности* (в дальнейшем связываемые с понятием *энтропии и негэнтропии*). Под *шумом* подразумеваются любые помехи, препятствующие декодированию сообщения и нарушающие возможность его целостного восприятия. Способность распознать сигнал компенсируется за счет упорядочивания оставшихся элементов, то есть благодаря *избыточности*, в том числе и самого языка [Григорьев 2023: 44–46, 58–62].

К наиболее показательным примерам энтропии можно отнести самый широкий спектр явлений: механические/технические препятствия (некачественная печать или аудио/видеозапись), лингвистические помехи (трудности интерпретации и перевода каламбуров и фразеологии, узкоспециализированной лексики, вопросы стилистической адаптации, ошибки при грамматическом согласовании / анаколуфы), дискурсивные нарушения (сложность восприятия малознакомого кода в виде демагогической речи, интернет-языка, обилия иностранных заимствований и жаргонизмов, нейминга, политкоррекных переименований, слишком компрессивных или перифрастических высказываний, литературных экспериментов), невербальная и паралингвистическая энтропия (распознавание речи с явным акцентом / глотофобия, особенности жестовой коммуникации / молчания, преобладание визуального компонента над вербальным или наоборот, необходимость в дополнительной визуализации), а также иные барьеры, мешающие выстраиванию коммуникации по правилам риторического канона и с соблюдением прагматических постулатов принципа кооперации Г. П. Грайса.

Так, в испанском языке примером коммуникативного шума в институциональном дискурсе может быть клишированный *doublespeak*: *Las experiencias ricas y diversas muestran que el reforzamiento y desarrollo de las estructuras implica el proceso de restructuración y modernización de las condiciones de las actividades apropiadas*. Или литературные эксперименты, как, например, своеобразный «перевод» сборника "*Veinte poemas de amor y una canción desesperada*" Пабло Неруды в виде замены каждого слога на *bla*: "*BLABLA BLABLABLA BLA BLABLA BLA BLABLA BLABLA BLABLABLABLABLA*" от Роберто Экисоайна, а также психолингвистические задачки на легкость восприятия: *Según un etsduio de una uivennrsdiad ignlsea no ipmotra el odren en el que las ltears etsen ersciats.* Сюда же можно отнести и дискуссионные вопросы касательно включения на начальном этапе изучения испанского языка аудиоматериалов, озвученных обладателями, например, андалузского или какого-либо иностранного акцента.

Все эти примеры иллюстрируют лишь часть универсального явления коммуникативной энтропии, представляющей собой сложный многогранный феномен, требующий дальнейшего комплексного изучения, с целью как систематизации возможных источников шума, так и выработки эффективных способов его устранения. Решение этих задач, безусловно, будет способствовать формированию грамотных и востребованных специалистов в области межкультурной и межличностной медиации.

Литература

Григорьев Н. Ю. Теоретические основы современных коммуникаций. Н. Новгород: НОО «Профессиональная наука», 2023. URL: http://scipro.ru/conf/modern_communications.pdf (дата обращения: 15.01.2025).

Якушкина К. В. Основные принципы построения «седативной» стратегической коммуникации: прагмалингвистический аспект (на материале испанского политического дискурса) // Россия и Ибероамерика в глобализирующемся мире: история и современность: докл. и мат-лы III междунар. форума, 2–4 октября 2017 г. СПб.: Скифия-принт, 2017. С. 1378–1386.

Shannon C. E. A Mathematical Theory of Communication // Bell System Technical Journal. July 1948. Vol. 27, no. 3. P. 379–423. URL: https://ieeexplore.ieee.org/document/6773024 (дата обращения: 25.12.2024).

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Гайсина Анастасия Александровна

аспирант, ассистент,
Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского;
steisi.stejsi@yandex.ru

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ТРУДЫ В НАУЧНОМ ТВОРЧЕСТВЕ Э.М.П. ЛИТТРЕ

Ключевые слова: Э.М.П. Литтре, XIX в., лексикография французского языка, «Словарь французского языка», философия позитивизма.

В настоящее время научное творчество Эмиля Максимильена Поля Литтре (фр. Émile Maximilien Paul Littré) (01.02.1801–02.06.1881) сравнительно недостаточно изучено несмотря на то, что он является автором научных трудов в таких областях знания, как филология, медицина, философия, история языка и т. д. Его имя известно лишь узкому кругу специалистов, а научный вклад незаслуженно забыт и сегодня редко освещается в научной литературе. Труды учёного существуют в большей степени на французском языке (родном языке автора), а их переводы на разные языки (в том числе на русский) весьма немногочисленны. Всю свою жизнь Литтре посвятил науке. Его главными и любимыми областями науки были французский язык, медицина и философия позитивизма, в каждую из которых он внёс значительный вклад [Imbs 1981: 622].

Главным и наиболее выдающимся лингвистическим трудом Литтре является «Словарь французского языка», признанный ещё при жизни автора одним из лучших словарей французского языка. Над его созданием он работал на протяжении более 30 лет (1841–1872). По словам автора, создание словаря было обусловлено случаем и сначала имело фрагментарный характер. После тщательной проработки структуры, Литтре изложил материал в алфавитном порядке, объяснив происхождение и значение важных словообразовательных префиксов и суффиксов. И хотя подобную идею словаря ранее высказывал Вольтер, ни один учёный не сумел взяться за столь масштабную задачу, как полный и детальный лексикографический анализ французского языка. Благодаря старой студенческой дружбе с издателем Луи Ашеттом, который помог найти образованных волонтёров для поисков слов и примеров их употребления, Литтре сумел воплотить свою идею в жизнь. В четырёхтомный «Словарь», носящем одновременно этимологический, исторический и грамматический характер, входит лексика как современного (первая половина XIX вв.), так и исторического французского языка (XVII–XVIII вв.) (нейтральная лексика, просторечные и разговорные слова, технические термины, неологизмы) [Littré 1897: 2–6; Imbs 1981: 617, 626–627; Mistler 1963: 350, 353, 366].

Ещё одним выдающимся трудом Литтре является «История французского языка», который представляет собой исследование происхождения, этимологии, грамматики, диалектов, стихосложения и письма французского языка в Средние века [Imbs 1981: 617–618].

Кроме того, Литтре известен как переводчик работ по истории, философии и медицине. В 1839–40 гг. он работал над переводом «Жизни Иисуса» немецкого философа и теолога Давида Фридриха Штрауса, в 1839–1861 гг. переводил труды Гиппократа, что составило в общей сложности 10 томов общим объёмом 7522 страницы (один том каждые два года). Его целью было не просто изучить труды древнегреческого учёного, а исправить, объяснить и обновить существующий текст, прокомментировать его таким образом, чтобы переведённые произведения могли быть прочитаны и поняты как современная книга. В 1961 г. ввиду признания исключительного качества перевода и комментариев было выпущено переиздание данной работы. В 1847 г. в журнале «Revue des deux Mondes» был опубликован перевод на современный французский

Руководитель секции: Т.В. Клубкова.

язык первой песни «Илиады», переведённой на старофранцузский в XIII в. В 1879 г. вышел в свет перевод «Ада» Данте, выполненный Литтре [Imbs 1981: 623–626].

Велик вклад учёного и в развитие и распространение философии позитивизма. В 1840 г. Литтре впервые познакомился с работами тогда ещё не известного тогда французского философа-позитивиста Огюста Конта (1798–1857), которые произвели на него огромное впечатление и стали для него настоящим открытием и новым вдохновением. После ряда трагических событий в семье знакомство с позитивизмом стало для учёного спасением и источником жизненных сил. Тщательно ознакомившись с философией позитивизма и лично встретившись с её автором, он понял, что должен стать её апостолом и лидером. В течение долгих лет Литтре был яростным приверженцем этой доктрины и посвятил множество публикаций философии и творчеству О. Конта, среди которых: «Аргументированный анализ курса позитивной философии» (1845); «Применение позитивной философии к правительству общества» (1849); «Сохранение, революция, позитивизм» (1852); «Тексты позитивной философии» (1859); «Огюст Конт и позитивная философия» (1863); «Фрагменты позитивной философии и современной социологии» (1876). В 1844–1849 гг. он публиковал множество статей о позитивизме в журнале «Le National», позднее изданные в едином сборнике «Сохранение, революция, позитивизм» (фр. «Conservation, Révolution et Positivisme»), что стало отправной точкой для её распространения как во Франции, так и по всему миру. В 1867 г. он вместе с русским учёным-химиком и философом Г. Н. Вырубовым основал и возглавлял «Журнал позитивной философии» (фр. « Revue de philosophie positive »), который в последние годы его жизни был единственным органом его идей [Caro 1883: 25–28].

Литература

Caro E.-M. M. Littré et le positivisme. Paris : Librairie Hachette et Cie, 1883.

Imbs P. Émile Littré et la langue française // Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, 125e année. 1981. N. 4. P. 616–636.

Littré É. Comment j'ai fait mon « Dictionnaire de la langue française » (Nouvelle édition, précédée d'un avant-propos). 1897.

Mistler J. Comment naquit le « Littré » // Revue Des Deux Mondes (1829–1971). 1963. P. 350–367.

Германова Наталия Николаевна

д-р филол. наук, профессор, Московский государственный лингвистический университет; nata-germanova@yandex.ru

ВКЛАД БРИТАНСКОЙ ГЕРМАНИСТИКИ В ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ БРИТАНЦЕВ

Ключевые слова: примордиализм, социальный конструктивизм, этнокультурная идентичность британцев, англо-саксонизм, изучение древнеанглийского языка в XVII–XIX вв.

Вопрос о природе этнокультурной идентичности остается предметом дискуссий. С точки зрения примордиалистов, этнос является объективной реальностью, истоки которой уходят в глубокую древность, когда под влиянием генетической близости, общего жизненного уклада, природных условий и других объединяющих факторов у представителей племени формировалось чувство объединенности со «своими» и противопоставленности «чужим». Социальные конструктивисты, напротив, полагают, что в основе этнической идентичности лежит субъективное осознание некоторой группой своего единства, причем это осознание в большой мере формируется в результате социального конструирования, особую роль в котором играют политические и интеллектуальные элиты.

История британской германистики, демонстрируя роль сознательного формирования лингвистами англо-саксонской (то есть, по сути, германской) культурной идентичности британцев, дает весомые аргументы для поддержки взглядов последних. При этом мы можем констатировать «расщепление» осознания британцами на определенном этапе (XVII–XVIII вв.) этнической и культурной идентичностей.

Что касается этнической идентичности, то германское происхождение большей части жителей Британских островов не вызывало сомнений ни у историков, ни у филологов. Неоднозначным было отношение интеллектуальных и политических элит к донорманнскому культурному наследию. Уже к XVI в. древнеанглийский язык стал мертвым, и даже умение читать на нем было утрачено [Niles 2015]. Германцы представлялись большинству жителей Англии народами дикими и воинственными, не впитавшими высокую культуру греко-римской цивилизации. Для большой части британских интеллектуалов XVI–XVIII вв. идеалом оставалось наследие древнего Рима: в культурном плане британцы предпочитали идентифицировать себя с греко-римской цивилизацией, а не с германскими предками.

Первый всплеск научного интереса к древнеанглийскому языку и донорманнской культуре пришелся на конец XVII — начало XVIII вв., когда в Оксфорде сложилась группа «оксфордских саксонистов» во главе с Дж. Хиксом. Хикс стал вдохновителем и автором большей части монументального труда «Критический грамматический и археологический тезаурус ранних северных языков» (1705). Этот труд отличал междисциплинарный подход: помимо грамматик германских языков (древнеанглийского, англо-нормандского, среднеанглийского, франкского и исландского) и рассуждений о принципах древнеанглийской поэзии и древнеанглийских диалектах, он включал в себя трактат Хикса, посвященный англосаксонскому праву, которое трактовалось автором в весьма позитивном ключе, а также обширный раздел, посвященный нумизматике.

Однако в начале XVIII в. ценность англосаксонского наследия все еще оставалась неочевидной. Презрительные комментарии Дж. Свифта в адрес английского языка, впитавшего, по его мнению, грубость и жесткость германских предков, заставили Э. Элстоб, автора первой грамматики древнеанглийского языка на английском языке, предпослать этому труду обширное предисловие, в котором она отстаивала достижения своих коллег и напоминала читателям, что гордость за родной язык составляет важную часть чувства любви к родине [Германова 2023].

Первому всплеску интереса к древнеанглийскому языку было суждено закончиться в первой четверти XVIII в.: до XIX в. лингвистических трудов, соизмеримых с «Тезаурусом» Дж. Хикса, не появилось. Филологи продолжали заниматься собиранием и катологизированием руко-

писей, изданием и переводом древних текстов. Наиболее значимой лингвистической работой стал "Dictionarium Saxonico et Gothico-Latinum" Эдварда Лая (1772). «Англо-саксонизм» продолжал, однако, успешно укрепляться в трудах историков, политиков, археологов, антикваров, художников и скульпторов [Frazier 2013].

Следующий взлет исследований древнеанглийского языка пришелся на XIX в. Ограничимся перечислением некоторых ключевых достижений: «открытие» публике древнеанглийской поэзии и литературы, в том числе перевод на современный английский язык Беовульфа (Sh. Turner, G. Ellis, J. Ingram, J. M. Kemble, W. Skeat, B. Thorpe и др.); начало работы над Словарем английского языка на исторических принципах (OED, 1850-е гг.); создание Филологического общества (Philological Society, 1842), в цели которого входило изучение родственных связей и истории английского языка; научная деятельность Г. Суита, автора целой серии работ по истории английского языка («Dialects and prehistoric forms of old English» (1876), «An Anglo-Saxon reader» (1876), «The student's dictionary of Anglo-Saxon» (1897) и др.).

С XIX в. нарратив о великой многовековой истории английского языка стал одной из «скреп», объединяющих британскую нацию. В итоге совместных усилий историков, политиков и лингвистов концепция исторического прошлого Англии, где ключевую роль играют англосаксонское наследие и германская «кровь», прочно утвердилась в общественном сознании, формируя идеологию «саксонизма», а позже, благодаря сравнительно-историческому языкознанию, идеологию «тевтонизма».

Литература

Германова Н. Н. Элизабет Элстоб против Джонатана Свифта: спор о древних и новых и изучение древнеанглийского языка в Великобритании XVIII века // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. № 2 (870). С. 21–27.

Frazier D. A Saxon state: Anglo-Saxonism and the English nation, 1703–1805. St Andrews: University of St Andrews, 2013.

Niles J. D. The Idea of the Anglo-Saxon England 1066–1901: Remembering, Forgetting, Deciphering, and Renewing the Past. Oxford: Wiley Blackwell, 2015.

Клубкова Татьяна Владимировна

канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

«МОСКОВИТСКИЙ КУПЕЦ» П. Я. МАРПЕРГЕРА

Ключевые слова: Пауль Якоб Марпергер, тематические словари, русско-немецкие языковые контакты.

До начала XIX в. сведения о языке/языках можно было найти не только в грамматиках, но и в текстах любой тематики: записки путешественников от Пигафетты до «Северной и Восточной Тартарии» Н. Витсена. А. Л. Шлёцер помещает все доступные сведения о языках во «Всеобщую историю Севера». Многотомные исторические сочинения «Всемирная история» (Universal history 1736–1744), «Всемирная география» К. Мальте-Брюна также содержат сведения о языках. В экономических сочинениях практической направленности встречались материалы о языках, предназначенные именно для живого общения.

«Московитский купец» немецкого экономиста, переводчика, литератора Пауля Якоба Марпергера (Paul Jacob Marperger; 1656–1730) обращался к специфической целевой аудитории — купечеству, планирующему торговать с петровской Россией. Книга Марпергера выходила дважды: в 1705 г. и дополненное издание в 1723 г. Автор использовал около 27 источников. Естественно, в книге представлены географические и этнографические сведения, отдельная глава посвящена русскому языку — включает русско-немецкий разговорник и тематический словарь.

Российский экономист и статистик И. И. Янжул, который проанализировал первое издание «Московитского купца» (1705) с позиции экономиста и историка, уделив некоторое внимание лингвистическому материалу, обосновал выбор именно первого издания из-за его малодоступности [Янжул 1896: 431–441]. Следует отметить, что во втором издании добавлено описание Сибири, дополнен и список источников.

Второму изданию (1723) посвящена статья современных авторов Ю. Н. Беспятых и Н. В. Кирющенко, которые также исследуют в первую очередь нелингвистические аспекты «Московитского купца» [Беспятых, Кирющенко 2018: 13–25].

В. Шаповал рассматривает «Московитского купца» именно как памятник истории разговорного языка [Шаповал 2012: 148–188]. Особенности разговорного языка описал Б. А. Ларин, опубликовавший «Русскую грамматику» Г. Лудольфа [Ларин 1937: 83–90], некоторые материалы которой использовал Марпергер. Сведения о русском языке представлены не только в главе XI — многие детали можно извлечь и из главы о географии, и из текста в целом.

Список источников вполне представителен: «География» Доминика Нигера (1557), записки путешественников и дипломатов (Поссевино, Олеарий, Адам Бранд), добавлены современные издания: «Преображенная Россия» (1721) Ф. Х. Вебера, изданная анонимно, и описание политических событий, «Ключ к Ништадскому миру» И. Д. Эндтера (1722). В списке отсутствует «Северная и Восточная Тартария» (1692, 1705) Н. Витсена, написанная на голландском языке, хотя в тексте рекомендуется латинская карта Витсена (1708). Надо отметить, что в «Московитском купце» отсутствуют подстрочные примечания — цитируемые авторы упоминаются внутри текста. Больше половины книг написаны на латыни, остальные на немецком (частично переведены с латыни).

Особенности источников отражаются в тексте Марпергера. Естественно, что более ранние латинские источники называли античные топонимы, более поздние — употребляли античные термины, латинские топонимы наряду с более поздним названием. Некоторые гидронимы постоянно имеют два названия — латинское и немецкое (Tanais oder Don; Der Dniper, oder Borysthenes, welcher sich in den Pontum Euxinum, oder das schwarze Meer ergiesset), причем Понт Эвксинский встречается гораздо чаще, чем das schwarze Meer, Borysthenes чаще чем Днепр, Mingrelien чаще чем Colchis, Северный Ледовитый океан редко называется Eismeer, чаще Mare glaciale. Для Волги указаны Wolga, Volchda, ehemahls Rha, Edil, Edel, Athel, истоки Волги — die tiefen See Fronow.

В описании азиатской части преобладают тюркские названия. Топонимы не всегда опознаваемы вследствие устной фиксации (Fronow — Вороново болото), так как источники Марпергера относятся к разным периодам.

Русский раздел «Московитского купца» состоит из словаря и разговорника.

В обучении иностранным языкам традиционно использовался прием объединения слов в тематические группы. В X в. Эльфрик Грамматик, обучая латыни, предлагал ученикам «Беседу», насыщенную названиями профессий, инструментов, инвентаря, профессиональных действий. «Orbis Sensualium Pictus» Яна Амоса Коменского (1658), содержащий классификацию, переводился и перепечатывался столетиями. При обучении иностранным языкам постоянно использовались подобные пособия, к примеру, «Номенклатор» И. Копиевича (1700) (многочисленные источники Копиевича названы И. Кузнецовой), «Французская грамматика» И. Р. Пеплие. Даже в «Росписи слов» из «Сравнительных словарей» П. С. Палласа прослеживается традиционная структура (О боге, человек, части тела, животные, растения, минералы и т. п.), так что тематические словари и у Лудольфа, и у Марпергера вполне традиционны. Обычно первым следовал раздел De deo et spiritus (Копиевич), De la Divinité (Пеплие), первое слово «Росписи слов…» Палласа — 1. Богъ Deus. Словари Лудольфа и Марпергера начинаются с числительных, количественных — у Лудольфа, порядковых — у Марпергера.

Следует обсудить особенности фиксации слов, отражающей особенности произношения, в первую очередь это касается различения глухих и звонких согласных.

Литература

Беспятых Ю. Н., Кирющенко Н. В. П. Я. Марпергер и его труд «Московитский купец…» («Moscowitischer Kauffmann…», 1723) // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований Гуманитарные и общественные науки. № 4 (93) октябрь — декабрь. 2018. С. 13–25.

Ларин Б. А. (перевод, вступительная статья): Генрих Вильгельм Лудольф. Русская грамматика (Оксфорд, 1696). Л.: Ленингр. науч.-исслед. ин-т языкозн., 1937.

Шаповал В. В. Материалы по русскому языку в изданиях 1705 и 1723 г. справочника «Московский купец» П. Я. Марпергера: Сравнительный анализ // Paleoslavica: International Journal for the Study of Slavic Medieval Literature, History, Language and Ethnology. 2012. Vol. 20, no. 2. P. 148–188.

Янжул И. И. Московский купец конца XVII века. (По отзывам иностранца-современника). (Историко-библиографическая заметка) // Русская старина. 1896. Т. 86, № 5. С. 431–441.

Ковалев Борис Вадимович

ассистент, Санкт-Петербургский государственный университет

О РАННИХ КВАНТИТАТИВНЫХ ПОДХОДАХ В ЯЗЫКОЗНАНИИ: ЗАРОЖДЕНИЕ СТИЛЕМЕТРИИ

Ключевые слова: стилеметрия, стилистика, квантитативная лингвистика, история языкознания, лексика, Платон, В. Лютославский.

В докладе анализируется зарождение и развитие квантитативных подходов в рамках лингвистических и текстологических исследований на рубеже XIX–XX вв. Особое внимание уделяется раннему этапу развития стилеметрии — прикладной филологической дисциплины, рассматривающей стиль как набор количественных параметров. В настоящий момент стилеметрия является одной из наиболее распространенных и быстро развивающихся областей компьютерной лингвистики, но принципиально важно, что первые стилеметрические исследования осуществлялись уже во второй половине XIX в. В этой связи представляется важным проанализировать генезис стилеметрии как дисциплины и как термина.

Появление стилеметрических исследований обусловлено следующими факторами: 1) общей измерительной тенденцией в гуманитарных науках, «математизацией гуманитаристики» [Мартыненко 2014] второй половины XIX в.; 2) доминированием идей позитивизма, работами младограмматиков; 3) спецификой материала, к которому прилагается аппарат квантитативного анализа. Двумя основными ветвями подобного рода исследований были шекспироведческие и платоноведческие труды. Потребность в осуществлении подсчетов возникла в тот момент, когда средства традиционной текстологии, историко-литературные изыскания были восприняты как недостаточные для того, чтобы дать однозначный ответ на шекспировский вопрос и прояснить датировку диалогов Платона (труды Л. Кэмпбелла, К. Риттера, В. Диттенбергера, В. Лютославского, Г. Зибека и др.). В соответствии с общими тенденциями эпохи на точные методы (простейшие и не всегда корректные) возлагались особые надежды как на некоторый объективный способ установления авторства и прояснения вопросов периодизации и датировки. Однако, разумеется, как было наглядно продемонстрировано уже в XX в., никакие подсчеты не обладают собственной эвристической силой, они могут служить лишь для формирования атрибуционной гипотезы, которую необходимо проверять традиционными средствами [Марусенко 1990].

Прежде всего подсчитывалась лексика, что привело к появлению первых частотных словарей, а также разного рода синонимы, специфика употребления которых могла, по мнению филологов (Кэмпбелла, Риттера, Лютославского), выступать показателем определенного периода, на основании чего делался вывод о датировке Платоновских диалогов.

Кроме того, устанавливается генезис непосредственно термина «стилеметрия». Первым в филологической сфере термин “stylometry” применил польский филолог В. Лютославский в 1897 г., решая задачи датировки Платоновских диалогов. Устанавливается, что первое упоминание этого термина было сделано во время доклада Лютославского в Оксфордском филологическом обществе 21 мая 1897 г. и далее — во Французской Академии надписей и изящных искусств 16 июня 1897 г. [Lutoslawski 1897a]. Значительное распространение термин получил после выхода книги Лютославского «Возникновение и развитие Платоновой логики» [Lutoslawski 1897b], где подробно излагается «новый метод стилеметрии». В русской печати термин впервые возникает в обзоре 1898 г. (в форме «стилометрія»), а далее в статье Н. А. Морозова 1915 г. — в форме «стилеметрия», которая получила распространение в позднесоветской науке.

На рубеже 1950–60-х гг. происходит новая вспышка интереса к квантитативным подходам в филологии, при этом советская стилеметрия оказалась в любопытном положении: с 1960-х гг. более всего из всех стилеметрических функций ее в меньшей степени заинтересовали дескрипция или датировка и в значительно большей — атрибуция. Среди всех атрибуционных методик на первом этапе с особым энтузиазмом была воспринята идея анализа дублетов и синонимич-

ных языковых средств, что предопределило особенности развития и восприятия стилеметрии как дисциплины на нынешнем этапе.

Литература

Мартыненко Г. Я. Стилеметрия: возникновение и становление в контексте междисциплинарного взаимодействия // Структурная и прикладная лингвистика. 2014. № 10. С. 3–23.

Марусенко М. А. Атрибуция анонимных и псевдоанонимных текстов методами теории распознавания образов. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1990.

Lutoslawski W. On Stylometry. (Abstract of a paper read at the Oxford philological Soc.) // Classical Review. 1897a. № 6. P. 284–286.

Lutoslawski W. The origin and growth of Plato's logic. London: Longmans, 1897b.

Козел Наталья Яковлевна

канд. филол. наук, доцент, Московский государственный педагогический университет

В. В. ВИНОГРАДОВ: ПОРТРЕТ УЧЕНОГО В ПИСЬМАХ К ЖЕНЕ ИЗ ВЯТСКОЙ ССЫЛКИ

Ключевые слова: эпистолярное наследие, частные письма, вятско-кировский цикл, ссылка, портрет ученого.

Письма крупнейшего филолога XX в. В. В. Виноградова, адресованные жене, пианистке и музыкальному педагогу Н. М. Малышевой, — уникальный архивный материал, представляющий особенно ценную и наиболее объемную часть его эпистолярного наследия. Надежда Матвеевна была самым близким собеседником мужа на протяжении сорока с лишним лет, и письма Виноградова к ней «более чем к кому-либо другому из его корреспондентов, среди которых были выдающиеся ученые, раскрывают особенности его личности» [Виноградов 1995: 176].

В фонде 1602 Архива РАН хранится более полусотни этой частной корреспонденции разных лет, с 1925 по 1960-е гг. Из всего массива можно выделить два цикла, важных прежде всего в плане изучения научного творчества Виноградова: ленинградские письма второй половины 1920-х, продолжающие знакомство и дружбу В. В. Виноградова и Н. М. Малышевой в подмосковном санатории «Узкое», где они отдыхали летом 1925 г., и вятско-кировские письма 1934–1936 гг., в которых отражены события, приведшие, по выражению Виноградова, к «перевороту» его жизни. В феврале 1934 г. Виноградов был арестован по «делу славистов» и обвинен в принадлежности к контрреволюционной национал-фашистской организации — «Российской национальной партии» (РНП), а спустя два месяца, в апреле, прибыл в Вятку (в декабре 1934 г. переименованную в г. Киров) как административный ссыльный.

Вятско-кировский цикл, изданный в минувшем году в виде отдельной книги, документально реконструирует период двухлетней ссылки Виноградова. Ценность частной корреспонденции этого периода — в возможности прочитать о научных планах и идеях Виноградова, изложенных им в доступной форме адресату-неспециалисту, и в уникальной возможности проследить динамику мысли филолога — от самых ее истоков, из которых образовались серьезные научные концепции [Виноградов 1995: 176].

Особенная, общегуманитарная, значимость писем, связанных с самыми трагическими страницами биографии Виноградова, еще и в том, что они помогают понять, ценой каких усилий познаются научные истины и как в непростых условиях жизни сохранить в себе ученого и человека. В фокусе этого внимания можно выделить ряд «внешних» и «внутренних» штрихов к портрету ученого в ссылке.

1. Философия жизни, близкая пушкинской в умении примирить бытие и быт — трудные условия жизни и работы в полной изоляции от научной среды, при нехватке необходимой литературы — пособий и источников, отсутствии элементарных жизненных удобств для творчества (из письма 6 октября 1934 г.: «<…> вопли, хрип и плохая русская речь радио; крики избиваемых ребят; воркотня Ал[ександры] Фил[ипповны].; возня котят; стук проезжающего грузовика — и Николай Вас. Гоголь» [Виноградов 2024: 143]).

2. Феноменальная работоспособность — «в 2,5 вола», работа в ссылке по 18 часов в сутки; общий объем сделанного: статья «Стиль “Пиковой дамы”» (1936), монографические статьи «Язык Гоголя» (1936), «О языке Толстого (50–60-е гг.)» (1939), учебник «Современный русский язык» (1938), подготовка второго издания «Очерков по истории русского литературного языка XVII — XIX вв.» (1938), подготовка к изданию монографии «Язык Пушкина» (1935), 1-го тома «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, статьи для публикации в «Литературной газете», работа над монографией «Стиль Пушкина» (1941) и др.

3. Широкие интенциальные возможности как исследователя [Виноградов 1995: 176]: переходы из одной научной области в другую, умение работать одновременно или в один и тот же

месяц или день, например, над вопросами грамматики современного русского языка и над статьей о языке писателя.

4. Исключительная воля:

- в постановке сверхзадачи (из письма 18 апреля 1934 г.: «Мне нужно произвести над собой большую и сложную работу. Кстати: вот и пробный камень для меня. Если я действительно, как ученый, далек от середины по направлению к величию, то я сумею преодолеть все препятствия и все неудобства работы “в глуши, во мраке заточения”» [Виноградов 2024: 76];
- в умении преодолевать сложное внутреннее состояние: тревожное ожидание перемен, отсутствие уверенности в завтрашнем дне (из письма 20 апреля 1934 г.: «Физическое, т. е. нервное состояние мое я могу уподобить состоянию человека, который трясется на кочке — зыбкой и неустойчивой, а ступить некуда» [Виноградов 2024: 66–67]);
- в результатах таких преодолений — контрапунктах научной биографии Виноградова в ссылке: одну из лучших работ по лингвистической поэтике — статью «Стиль “Пиковой дамы”» — ученый дописывал по пути следования в Вятку, в одиночной камере в Горьком; статью «О языке Толстого» — крупное монографическое исследование по исторической поэтике русской литературы — подготовил за два с половиной месяца, после того как у него в ноябре 1935 г. был произведен обыск и ему грозил повторный арест; над книгой «Современный русский язык», ставшей основой фундаментального исследования «Русский язык. Грамматическое учение о слове», ученый работал, не имея возможности ссылаться на свои грамматические статьи, написанные для «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, так как имя Виноградова было снято с титула 1-го тома (из письма 14 декабря 1934 г.: «Словарь, словарь стоит на пути. Мое — не мое. Так обернулась для меня философская проблема Я и не-Я» [Виноградов 2024: 168]).

Эти индивидуальные характеристики, черты личности ученого, безусловно, слагаемые плодотворности его работы в ссылке, как и в целом того, что в непростое время и в нелегких обстоятельствах В. В. Виноградов смог с наибольшей полнотой воплотить значительную часть своих научных идей.

Литература

Виноградов В. В. «Жду перемен в своей судьбе»: Письма к жене из вятской ссылки (1934–1936) / сост., подгот. текста А. Б. Гуськовой; науч. ред. Н. Я. Козел; сопровод. мат-лы А. Б. Гуськовой, В. Н. Виноградовой; коммент. А. Б. Гуськовой, Н. Я. Козел. СПб.: Росток, 2024.

Виноградов В. В. «…сумею преодолеть все препятствия…»: Письма Н. М. Виноградовой-Малышевой / сост. и подгот. текста Г. А. Золотовой и В. М. Мальцевой; вступ. ст. и коммент. А. П. Чудакова // Новый мир. 1995. № 1. С. 172–213.

Крылов Сергей Александрович

д-р филол. наук, вед. научный сотрудник, Институт востоковедения РАН

О ВКЛАДЕ Э. А. МАКАЕВА В ИСТОРИОГРАФИЮ ЛИНГВИСТИКИ

Ключевые слова: Э. А. Макаев, историография лингвистики, преподавание истории языкознания в вузе, история лингвистических учений.

Во второй половине XIX в. наиболее эрудированными знатоками истории лингвистики были А. Н. Чудинов, Б. Дельбрюк; в первой четверти XX в. — В. Томсен, И. А. Бодуэн де Куртенэ, Г. фон Габеленц; во второй четверти XX в. — М. Н. Петерсон, Х. Педерсен, Р. О. Шор, С. Д. Кацнельсон.

Одним из любимых учеников Розалии Осиповны Шор был Э. А. Макаев, в ту пору юный германист. Энвер Ахмедович Макаев (28. V.1916 — 31. III.2004) [Красухин 2017] внёс важный вклад в историографию лингвистики: в 1951 г. он провёл курс лекций по истории лингв. учений в Моск. гос. педагогич. институте иностр. языков (позднее МГПИИЯ им. М. Тореза, ныне МГЛУ). Этот (устный) курс не был опубликован при жизни его автора. Но сохранился (чудом!) авторизованный машинописный текст расшифровки его стенограммы объёмом 202 с. (нижеприведённая пагинация — не сквозная, а новая для каждой лекции). Курс состоит из 12 лекций, причём для каждой лекции имеется подробная аннотация.

№ 1. Вводные замечания (с. 1–3). Филология в древности (с. 4–18).
№ 2. Языкознание Нового времени и ср.-ист. языкознание.
№ 3. Лингв. система В. Гумбольдта (с. 1–16).
№ 4. Антиномии языка по Гумбольдту (с. 1–6).
№ 5. Белинский, Чернышевский, Добролюбов о языке
№ 6. Младограмматич. школа (с. 1–12)
№ 7. Лингв. система Потебни (с. 1–17). Внутр. форма слова.
№ 8. Рус. языкознание конца XIX и нач. XX вв. (с. 1–17).
№ 9’. Социол. школа (с. 1–15).
№ 9”. Система Соссюра (с. 1–13).
№ 10. Совр. бурж. языкознание: Праж. и Копенгаген. (структуральная) школа (с. 1–12).
№ 11. Др. направления совр. бурж. лингвистики (с. 1–20).
№ 12. Советское языкознание (с. 1–13).

Перечислим несколько примечательных особенностей курса.

(1) Лектор уделяет особое внимание не столько истории собственно лингвистики как таковой, а истории философских основ лингвистики (что сказывается, например, в особом его внимании к изложению концепций В. фон Гумбольдта, А. А. Потебни и Ф. де Соссюра).

(2) В основу изложения положена стадиальная схема развития человеческих знаний. Эволюция этапов изложена как проявление научного прогресса. Эпоха, предшествующая возникновению сравнительно-исторического языкознания, фактически оценивается как донаучный этап (логицизм). Этап историзма рассматривается как высшая стадия развития лингвистики. Её отдельные сменяющие друг друга периоды (то есть романтизм, натурализм, психологизм, социологизм и соссюровский системный подход) выстраиваются в единую прогрессистскую (стадиальную) цепочку, т. е. трактуются как движение вперёд. Вместе с тем этап пост-соссюровского структурализма (анти-историзма) трактуется как деградация (т. е. как шаг назад).

(3) История лингвистики до XIX в. изложена крайне лаконично; основное внимание уделено истории лингвистики XIX — первой половины XX в.

(4) Значительное внимание уделено отечественной лингвистике.

Бросается в глаза богатая эрудиция лектора, причём не только в лингвистике, но и в её философских основаниях.

Текст несёт на себе отпечаток времени создания. Это была первая попытка связно изложить историю общелингвистической и лингвофилософской мысли сразу же после официального ниспровержения так называемого «нового учения об языке» (т. е. марризма) и фактического начала «сталинского учения о языке». Этим объясняются многочисленные пассажи, критикующие Марра и его школу с позиций «сталинского учения о языке».

Вероятно, основные положения брошюры Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» (реабилитация исторического и сравнительного подхода в лингвистике, критика марризма) были близки и самому Э. А. Макаеву. Ссылки на эту работу были вполне искренними и отражали его собственные взгляды на языкознание.

Это касается, в частности, и оценок этапа структурализма (анти-историзма) как этапа деградации лингвистики: эти оценки были, по всей видимости, вполне искренними.

Остаётся открытым и вопрос о том, признавал ли Макаев заслуги тех учёных, которые в годы господства марризма декларировали на словах свою приверженность идеям Марра (И. И. Мещанинов, Ф. П. Филин, В. М. Жирмунский, С. Д. Кацнельсон, Б. А. Ильиш). Упоминания о них немногочисленны, при этом все ссылки на них носят критический (хотя и вполне спокойный, «академический») характер.

Если оценивать курс лекций Макаева с точки зрения современной историографии лингвистики, то у него есть и свои недостатки. Попробуем вкратце их перечислить.

(1) История мирового языкознания рассмотрена однобоко. Лектор изложил лишь индийскую и европейскую лингвистические традиции, полностью игнорируя китайскую, арабскую, еврейскую и японскую.

(2) История лингвистики фактически подаётся слитно с историей общей лингвистики и сравнительно-исторического метода.

(3) История лингвистики сводится к истории лингвистики в целом, то есть история грамматики, фонетики, лексикографии и т. п. не подаются как отдельные разделы.

(4) В истории философии языка не выделяются (в качестве отдельных подразделов) ни семиотика, ни теория социальных функций речи.

(5) Индивидуальный вклад некоторых видных учёных недооценен. Так, не упомянуты Платон, Г. В. Лейбниц, В. И. Даль.

(6) Младограмматизм фактически сводится к его центральной (Лейпцигской) школе (где лектор не упомянул даже Б. Дельбрюка), хотя на самом деле к нему примкнули также и неупомянутые лектором учёные, есть пробелы в описании Московской и Казанской школы (Н. В. Крушевский, В. А. Богородицкий).

(7) Из лингвистов XX в. бросается в глаза неупоминание С. И. Карцевского, Е. Д. Поливанова, Е. Куриловича, Б. Л. Уорфа.

Представляется интересным проследить, как связаны «Курс лекций» Макаева и публикации Р. О. Шор по истории лингвистики (1930, 1931, 1938 и посмертно опубликованный очерк 1945), а также «Истории языковедения» В. Томсена [Томсен 1938].

Литература

Красухин К. Г. Энвер Ахмедович Макаев // Отечественные лингвисты XX века: справочник. Studia philologica. М.: Языки славянской культуры, 2017. С. 323–327.

Томсен В. История языковедения до конца XIX века. Краткий обзор основных моментов. М.: Учпедгиз, 1938.

Лукин Олег Владимирович

д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой,
Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского;
oloukine@mail.ru

ФРАНЦ ГЁЛЬТЕРГОФ: БИО- И БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

Ключевые слова: Франц Гёльтергоф, история языкознания, Российская империя, XVIII в.

Франц (Франциск) Гёльтергоф (Гёлтергоф) (нем. Franz Hölterhof, 4.03.1711–11.12.1805) — российский пастор, переводчик, преподаватель, известный как автор многочисленных дву- и многоязычных словарей и грамматики немецкого языка, выдержавшей на протяжении 59 лет — с 1770 по 1829 гг. — десять изданий.

При жизни ученого была издана всего одна статья, содержащая сведения о его жизни и научном творчестве. Ее следовало бы назвать первичным источником, поскольку позднейшие публикации частично повторяют указанные в ней сведения с некоторыми сокращениями, либо добавлениями некоторых данных, ставших актуальными уже после его смерти.

Этот источник — статья историка Ливонии Ф. К. Гадебуша (нем. Friedrich Konrad Gadebusch, 29.01.1719–20.06.1788) в первом томе «Ливонской библиотеки» [Gadebusch 1777: 84–85], которая содержит биографические сведения о Ф. Гёльтергофе, включая интересные подробности, о которых не упоминается в последующих публикациях. Важно заметить, что сам Ф. К. Гадебуш познакомился с нашим героем в Москве в 1767 г. и особенно ценил его за искренность [Gadebusch 1777: 85]).

В биографических справочниках XIX — начала XX в. были опубликованы дальнейшие статьи, которые мы приводим в хронологическом порядке:

1. Статья во втором томе лексикона «*Allgemeines Schriftsteller- und Gelehrten-Lexicon der Provinzen Livland, Estland und Kurland*» («Общий лексикон писателей и ученых провинций Лифляндии, Эстляндии и Курляндии»), составленная митавским историком И. Ф. фон Рекке (нем. Johann Friedrich von Recke, 1.08.1764–13.09.1846) и лифляндским историком К. Э. фон Напи(е)рским (нем. Karl Eduard von Napiersky, 21.05.1793–2.09.1864), в которой содержатся сведения о самом Ф. Гельтергофе и его трудах [Recke, Napiersky 1829: 315–316].
2. Статья историка литературы, декана Московского университета и академика Петербургской Академии наук С. П. Шевырёва (18.10.1806–8.05.1864), опубликованная в работе «Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Московского университета, за истекающее столетие, со дня учреждения января 12-го 1755 г., по день Столетнего Юбилея января 12-го 1855 г., составленный трудами профессоров и преподавателей, занимавших кафедры в 1854 г., и расположенный по азбучному порядку» [Шевырёв 1855: 110–111].
3. Краткая статья о Ф. Гёльтергофе известного церковного историка, археографа и библиографа, митрополита Киевского и Галицкого Евгения (Е. А. Болховитинова) (18.12.1767–23.02.1837) в его биографическом справочнике «Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России», которая содержит только информацию о его работе в Императорском Московском университете и трех произведениях (грамматике и всего двух словарях).
4. Статья в известном «Справочном словаре о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях» российского библиографа Г. Н. Геннади (18.03.1826–26.02.1880), где также содержатся краткие сведения о Ф. Гёльтергофе.
5. Небольшая статья в авторитетном издании «Русский биографический словарь», издававшийся под наблюдением основателя и председателя Императорского Русского исторического общества А. А. Половцова (31.05.1832–24.09.1909).

Помимо традиционных биографических справочников информация о Ф. Гёльтергофе содержится в ряде небезынтересных источников XIX–XX вв., в том числе, и литературных:

1. История жизни Ф. Гёльтергофа и его единомышленников с момента ареста до освобождения из казанской ссылки описана в книге известного представителя моравской церкви Э. В. Грёгера (нем. Ernst Wilhelm Croeger; 07.04.1811–03.02.1878) «*Geschichte der erneuerten Brüderkirche*» («История обновленной братской церкви»).
2. О пребывании Ф. Гёльтергофа в казанской ссылке и сразу после нее находим сведения:
   а) в работе известного российского филолога Я. К. Грота (15.12.1812–24.05.1893) «Жизнь Державина: по его сочинениям и письмам и по историческим документам»;
   б) в шестом, восьмом и девятом томах «Сочинений Державина: с объяснительными примечаниями Я. Грота»;
   в) в книге автора исторических романов графа Е. А. Салиаса-де-Турнемира (13.04.1840–05.12.1908) «Петербургское действо»;
   г) в биографическом романе «Державин» русского поэта, переводчика и историка литературы В. Ф. Ходасевича (16.05.1886–14.06.1939).

О растущем интересе к жизни, преподавательской деятельности, пасторскому служению и лингвистическому творчеству Ф. Гёльтергофа свидетельствуют многочисленные публикации конца XX — начала XXI в. К трудам Ф. Гёльтергофа обращаются многие современные отечественные и зарубежные лингвисты, литературоведы и культурологи (В. П. Вомперский, Б. А. Дюбо, Е. О. Ершова, К. Кох (Германия), Е. С. Отин, В. В. Тумов, Ф. Б. Успенский, О. В. Григоренко, Г. В. Судаков, К. А. Филиппов, Э. Флудра (Польша)).

Литература

Шевырёв С. П. Гельтергоф, Франциск // Шевырёв С. П. Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Московского университета, за истекающее столетие, со дня учреждения января 12-го 1755 г., по день Столетнего Юбилея января 12-го 1855 г., составленный трудами профессоров и преподавателей, занимавших кафедры в 1854 г., и расположенный по азбучному порядку. Ч. I. 1855. С. 191–192.

Gadebusch F. K. Franz Hölterhof // Gadebusch F. K. Livländische Bibliothek nach alphabetischer Ordnung von Friederich Konrad Gadebusch, Justizbürgermeister der kaiserlichen Stadt Dörpat. 1. Th. Riga: bey Johann Friedrich Hartknoch, 1777. S. 84–85.

Recke J. F., Napiersky K. E. Hölterfof (Franz) // Recke J. F., Napiersky K. E. Allgemeines Schriftsteller und Gelehrten Lexicon der Provinzen Livland, Estland und Kurland. Bd. 2: G–K. Mitau: bey Johann Friedrich Steffenhagen und Sohn, 1829. S. 315–316.

Маркасова Елена Валерьевна

д-р филол. наук, доцент, Пекинский университет, Китай

О ВЛИЯНИИ «РИТОРИКИ» М. В. ЛОМОНОСОВА НА ИЗУЧЕНИЕ ГИПЕРБАТА В РУСИСТИКЕ

Ключевые слова: порядок слов, проективность, тропы, фигуры, история лингвистических учений.

1. Ключевую роль в истории освоения термина «гипербат» в российской лингвистике сыграла, как мы предполагаем, Риторика М. В. Ломоносова. Чтобы объяснить нашу позицию, обратимся к источникам. Для сбора материала был использован «C o r p u s C o r p o r u m», созданный при Институте греческой и латинской филологии в Цюрихском университете, рукописные риторики конца XVII — начала XVIII в., научные издания риторик Псевдо-Макария, Феофана Прокоповича, М. В. Ломоносова.

2. Общие сведения об истории изучения гипербата в античной и европейской традициях, а также о его типах содержатся в [Elice 2008; Кормилина 2014]. Термин греческого происхождения «гипербат» («перешагивание») восходит к александрийской традиции [Popan 2012] и используется для обозначения «беспорядка» внутри слова, словосочетания, предложения, периода, а также при описании последовательности событий. В античный период определились два подхода к гипербату: смысловой (это троп) и формальный (это фигура). По данным «C o r p u s C o r p o r u m», в латиноязычных текстах термин гипербат (hyperbaton) используется чаще, чем инверсия, и упоминается в трех типах источников: риториках, грамматиках, комментариях к текстам.

В европейских риториках, повлиявших на освоение риторической терминологии в России, гипербат занимает позицию между перифразой и гиперболой или между перифразой и аллегорией, рассматривается как троп. Включение гипербата в состав тропов вполне логично: при «перешагивании» происходит изменение тема-рематического членения, меняется смысловая нагрузка на единицы высказывания, подвергшиеся перестановке. Такое придание веса конкретному элементу дает основание создателям классификаций поместить гипербат между непрямым наименованием (перифразой) и преувеличением (гиперболой).

Впоследствии обновление примеров обусловлено развитием жанра комментариев, которые в основном опирались на пятичастную классификацию гипербата, но вносили много нового в практику описания языкового материала. Комментарии к поэтическим произведениям классической латыни (Вергилий, Овидий, Гораций и др.) и к текстам, связанным с богословской традицией (Библия, полемические трактаты), способствовали развитию семантического подхода к гипербату. В предшествующей традиции было принято говорить о «темном» гипербате, однако создание терминов «короткий», «длинный», «темный» гипербат приписывают Юлиану Толедскому [Popan 2012: 82]. Автор выделяет пять типов гипербата, но кроме традиционных примеров из «Энеиды» (*torrere parant flammis et frangere saxo*; cum dicere debuit: frangere saxo et torrere flammis; *Italiam contra*, pro *contra Italiam*; *septem subiecta trioni,* pro septemtrione) к каждому термину дает дополнительные примеры из «Георгик» (item in georgicorum: *nunc torrete igni fruges, nunc frangite saxo* ; dum antea granum frangatur et postea igne torreatur). Примеры из Евангелия опровергают мнение об отсутствии гипербата в Библии. Автор также приводит примеры «длинного и темного гипербатон из св. Августина (De Doctrina Christiana).

Рост количества и разнообразия примеров «темного» гипербата характерен для многих авторов этого периода, хотя перечень из основных пяти видов сохраняется (см. Cassiodorus Vivariensis, Expositio in Psalterium; Beda, De arte metrica, De schematibus et tropis sacrae Scripturae). Подробное описание гипербата на основе библейских примеров (Ps. LXVII, Cant. VIII; Cant. VI и др.) создано Бедой Достопочтенным.

3. В русских риториках доломоносовского периода гипербат («превосходительное», «прехождение», «ступление», «смущение») занимает место в разделе «тропы», между перифразой и гиперболой. Ломоносов отступает от терминологической традиции. Хотя термин «гипербат»

ему известен, в «Кратком руководстве к риторике, на пользу любителей сладкоречия сочиненном» (1744) он заменяет его термином «эмфаза». Причина замены в том, что Ломоносов, опираясь на классическое понимание гипербата, не анализирует его грамматические характеристики, а интерпретирует результат, получаемый перестановками порядка слов. Эмфатическое ударение — результат гипербата: «Эмфазис есть когда действие или состояние вещи не прямо изображается, но разумеется из другого и чрез то великолепно возвышается» [Ломоносов 1952: 253].

Примеры, приводимые Ломоносовым, были отсылками не только к текстам Вергилия, но и к богатой традиции их комментирования в европейской традиции. Недоразумение, обусловленное невниманием последующего поколения читателей Ломоносова к этой традиции, стало существенной причиной сокращения информации о гипербате в послеломоносовских риториках (этого термина у Ломоносова не было) [Маркасова 2025]. Попытка Ломоносова объяснить функции гипербата на основе переводов известных цитат и соединить анализ словопорядка в русском языке с каноном описания гипербата в античных и европейских источниках не была оценена по достоинству, а сама идея не нашла последователей среди авторов учебных российских риторик.

Литература

Кормилина А. А. Представление о порядке слов в античной грамматической традиции // Philologia Classica. 2014. Т. 9. С. 262–274.

Ломоносов М. В. Краткое руководство к красноречию. Книга первая, в которой содержится риторика, показующая общие правила обоего красноречия, то есть оратории и поэзии, сочиненная в пользу любящих словесные науки // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 7: Труды по филологии 1739–1758 гг. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952. С. 89–378.

Маркасова Е. В. Из истории гипербата в русистике // Slověne. 2024. Vol. 13, no. 2. С. 82–112.

Elice M. Hyperbaton // Historisches Wörterbuch der Rhetorik, Verbindung mit Wilfried Barner, Bd. 1–11, Tomus IX / Hrsg. von Gert Ueding. Mitbegr. von Walter Jens. Tübingen; Berlin, 2008. S. 592–596.

Popan M. L'hyperbate nominale en latin: construction, typologie, raison de texte // Linguistique. Université Toulouse le Mirail — Toulouse II, 2012. Français.

ОРФОЭПИЯ: НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ ЛЮДМИЛЫ АЛЕКСЕЕВНЫ ВЕРБИЦКОЙ

Антонова Ольга Валентиновна

канд. филол. наук, ст. научный сотрудник,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН;
ovantonova@gmail.com

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В АКЦЕНТУАЦИИ ИДИОМ В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: орфоэпия, акцентуация, ударение в идиомах, акцентная динамика.

Настоящая работа посвящена изменениям, которые происходят в выборе словесного ударения во фразеологизмах в современном русском литературном языке. До недавнего времени на тему акцентуации фразеологизмов не было специальных исследований, так как считалось, что фразеологическое ударение остается стабильным и неизменным в силу базовых свойств фразеологизма как явления. Тем не менее наблюдения над живой речью* носителей современного русского литературного произношения показывают, что акцентные сдвиги в фразеологии возможны и достаточно частотны. Так, особые акцентные формы утрачивают уникальное (исторически точное) ударение и начинают следовать общелитературной норме. Недавние исследования в этой области, основанные на актуальных экспериментальных данных о речи современных носителей русского языка и их реального выбора ударения во фразеологизмах, наметили пути, по которым могли бы следовать дескриптивные работы в этой научной области. Очевидно, что сдвиг ударения в идиомах связан со снижением частотности и общей употребительности фразеологизмов в части случаев и с выходом подверженных ему фразеологизмов из употребления.

Так, в статье Т. Н. Коробейниковой [Коробейникова 2023] была отмечена необходимость изучения динамики в орфоэпии фразеологизмов и получения новых актуальных данных по этой теме. В рамках настоящей работы было признано целесообразным продолжить исследование динамики ударения во фразеологизмах, соотнеся, помимо прочих параметров, знание фразеологизма говорящим и частотность использования его в речи. Данные критерии необходимы, чтобы учесть влияние прагматического фактора**. Для выяснения динамики нормы и описания актуальных тенденций был проведен специальный орфоэпический эксперимент. По результатам эксперимента и в ходе анализа полученных данных гипотеза исследования частично подтвердилась.

В результате анализа экспериментальных данных было показано, что колебания в акцентуации действительно существуют как в живой речи, так и в нормативных словарях. Вместе с тем была выявлена явная тенденция к уменьшению процента выбора фразеологического (исконного) ударения в сочетаниях по мере уменьшения возраста респондентов (однако из этой закономерности есть исключения: к примеру, выражения *как/будто/словно с цепи сорваться* или *уписывать/уплетать за обе щеки,* в которых сохраняли фразеологическое ударение, так

* Согласно современным орфоэпическим воззрениям, именно распространенность в речи образованных людей выделяется как один из важнейших признаков, необходимых для кодификации того или иного варианта [Каленчук 2016; Каленчук и др. 2017: 10].

** «Особое место в акцентной эволюции русских существительных занимает прагматический фактор. В ходе истории обнаруживаются постепенные сдвиги в сторону соотношения, характерного для современного языка: нетривиальное ударение у освоенных слов, тривиальное — у неосвоенных» [Зализняк 1985: 376].

как младшие респонденты наравне со старшими). Также стоит упомянуть, что рассмотрение данных об освоенности и использовании фразеологизмов показало, что взаимосвязь выбора ударения и возраста респондента напрямую связана с тем, что некоторые из рассмотренных выражений действительно выходят из употребления, и этот факт поддерживает описанную выше тенденцию. Однако отдельные выражения, упомянутые выше, например, *как/будто/словно с цепи сорваться,* остаются в речи младших респондентов, знакомы им и активно используются, и именно в таких идиомах сдвига ударения нет (либо же он заметно меньше). И наконец, в ходе работы было выяснено, что колебания ударения во фразеологизмах могут объяснятся и иными факторами; так, на примере выражения *не в деньгах счастье* сдвиг ударения, вероятно, связан с тем, что не все носители языка воспринимают это выражение как устойчивое сочетание.

Итак, в целом гипотеза о роли прагматического фактора как основного поддерживающего элемента в сохранении исконных акцентуационных особенностей идиом современного русского языка можно считать подтвержденной. Исследования в данном направлении следует признать перспективными. Однако необходимо особо отметить, что для получения наиболее объективной информации следует рассматривать не группы идиом, а каждое фразеологическое сращение индивидуально с учетом всех факторов, оказывающих влияние на динамику его акцентуации.

Литература

Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской. М.: Наука, 1985.

Каленчук М. Л. Нормы произношения в живой речи и в словарях // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. М.: Наука, 2016. С. 262–268.

Каленчук М. Л., Савинов Д. М., Скачедубова Е. С. Активные процессы в просодической системе русского языка: акцентуация прилагательных // Русский язык в научном освещении. 2017. № 2 (34). С. 9–28.

Коробейникова Т. Н. Фразеологизмы в зеркале орфоэпии: акцентуационные варианты и динамика норм. М.: Русская речь, 2023.

Журавлёва Александра Евгеньевна

канд. филол. наук, научный сотрудник, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

ОСОБЕННОСТИ РЕДУЦИРОВАННОГО ПРОИЗНОШЕНИЯ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

Ключевые слова: орфоэпия, имя числительное, редукция, частотность, орфоэпический словарь.

Одним из свойств устной речи является редукция (в другой терминологии — компрессия, сжатие), которая характерна для многих форм слов (особенно частотных) и даже словосочетаний. Существование редукции является результатом действия принципа экономии времени и речевых средств в процессе речепорождения. Процесс редукции является важным механизмом в языке, способным формировать новые языковые нормы и даже новые полноценные лексические единицы [Стойка 2017: 17].

Имена числительные (например, *пятьдесят, шестьдесят, семьдесят, восемьдесят, тысяча, миллион* и т. п.) относятся к пласту сверхчастотной лексики, которая отличается высокой вариативностью произношения. Исследователи отмечают, что активное употребление этих слов в русской речи приводит к тому, что эта «группа лексики зачастую не подчиняется общим фонетическим законам и требует специального исследования, причем экспериментального изучения и фиксации произношения требует практически каждое отдельное слово» [Стойка 2017: 58]. В то же время необходимо отличать редуцированные формы, образованные в результате экономии языковых средств (*пятьдесят — пийсят*) и те, которые появляются в результате языковой игры (*миллион — лимон — лям*). В данной работе пойдет речь только о первых.

Лексикографическая практика описания редуцированных слов, к сожалению, существенно отличается от реального узуального употребления. Существующие орфоэпические словари в большинстве случаев не только не фиксируют все бытующие в узусе варианты произношения, но и не располагают достаточным количеством оснований для признания того или иного варианта нормативным. Попытка решить эту проблему была предпринята авторами Большого орфоэпического словаря, в котором впервые была введена помета «*в беглой речи возможно*». Однако не всегда ясна системность ее использования. Так, например, для числительного *семьдесят* с этой пометой даны варианты семь[и^{е}с’эт], и сем[и^{е}ст], а варианты произношения числительного *тысяча* даны как равноправные (ты [с’и^{э}ч’]а и ты[ш’ш’]а) без специальных помет [Каленчук и др. 2017: 757, 849].

Таким образом, исследование частотной лексики, активно подверженной в устной речи редукции, не теряет актуальности. Данная работа посвящена изучению произносительных вариантов числительных *пятьдесят, семьдесят, восемьдесят и тысяча.* Произношение этих слов анализировалось, во первых, на основе корпусных данных, а именно — Мультимедийного подкорпуса НКРЯ, в котором не только используется сохраняющая разметка, предполагающая написание реально произнесенной формы слова (*щас, пийсят* и т. п.) [Гришина, Савчук 2009: 136–137], но и существует возможность прослушать/просмотреть фрагмент речи, где было произнесено интересующее исследователя слово. Во-вторых, на основе экспериментальных данных: носителям современного русского литературного языка (жителям Московского региона во 2–3 поколении, с высшим или неполным высшим образованием) предлагалось прочесть контексты, где изучаемые числительные были написаны прописью, и контексты, где эти же числительные были написаны цифрой. Всего было опрошено 44 респондента.

Анализ корпусных данных строился на основе факторного подхода. В результате была выявлена взаимосвязь полного/редуцированного произношения с частотностью исследуемого слова, формой и жанром речи, первичным/вторичным использованием изучаемой лексемы в рамках небольшого фрагмента речи. Кроме того, оказалось, что числительное *пятьдесят* обладает наибольшей вариативностью редуцированных форм (возможно, это связано с его фонемным составом), числительные *семьдесят* и *восемьдесят* подвержены редукции в небольшой степени, а редуцированное произношение *тыща* по данным НКРЯ (мультимедийный подкорпус) преобладает над полным вариантом *тысяча* (625 и 502 вхождения соотвественно).

Проведенный эксперимент показал, что письменный текст в большинстве случаев «провоцирует» респондентов на полное произношение числительного, однако в тех контекстах, где оно было написано цифрой, наблюдалось 25–30 % случаев редуцированного произношения.

Таким образом, на выбор говорящим полного или редуцированного произношения числительных *пятьдесят, семьдесят, восемьдесят* и *тысяча* влияет целый комплекс языковых и внеязыковых факторов, которые очень сложно учесть при лексикографическом описании подобных слов. Однако результаты проведенного исследования и ему подобных могут быть использованы в орфоэпических словарях в разделах орфоэпических правил.

Литература

Гришина Е. А., Савчук С. О. Корпус устных текстов в национальном корпусе русского языка: состав и структура // Национальный корпус русского языка: 2006–2008: новые результаты и перспективы. СПб.: Нестор-История, 2009. С 129–148.

Каленчук М. Л., Касаткин Л. Л., Касаткина Р. Ф. Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты. 2-е изд. испр. и доп. М.: АСТ-Пресс Школа, 2017.

Стойка Д. А. Редуцированные формы русской речи: лингвистический и экстралингвистический аспекты: дис. … канд. филол. наук. СПб., 2017.

Каленчук Мария Леонидовна

д-р филол. наук, профессор, гл. научный сотрудник, зав. отделом фонетики,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

ФОНЕТИКА И ОРФОЭПИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С ПИСЬМОМ

Ключевые слова: фонетика, орфоэпия, письмо, правила чтения.

Традиционно звуковые закономерности русского литературного языка подразделяют на фонетические и орфоэпические. При этом складывается парадоксальная ситуация: в большинстве случаев разные лингвисты интуитивно проводят раздел между фонетикой и орфоэпией одинаково, но при этом не предлагается исчерпывающего объяснения их решениям. А те теоретические формулы, которые используются для отнесения конкретного факта произношения к зоне орфоэпии или фонетики, не всегда убедительны и достаточны. В настоящей работе предпринята попытка посмотреть на сформулированную проблему с неожиданной точки зрения.

Можно предположить, что фонетические и орфоэпические закономерности отличаются соотношением звуковой и буквенной форм слов и морфем.

При действии фонетической закономерности можно вывести произношение морфемы или слова из буквенной записи, зная правила чтения русского языка. Слова *дуб* или *сказка* не нуждаются в орфоэпическом комментировании несмотря на то, что их произношение и написание явно не совпадают. Когда письмо однозначно отражает фонемный состав морфем и слов, орфоэпия не действует — действует фонетика.

Большинство исследователей указывают, что орфоэпия — область вариантного произношения. Но это верно только отчасти:

1. К орфоэпии принято относить вариантность звуковой реализации одних и тех же фонем и вариантность фонемного состава одних и тех же морфем, происходящую в одинаковых фонетических позициях, например: *ж*[а]*ке́т* и *ж*[ыᵊ]*ке́т*; *п*[а]*э́т* и *п*[о]*э́т*; *спец*[ыа]*ли́ст* и *спец*[а]*ли́ст*; [дʼиᵊ]*ка́н* и [дыᵊ]*ка́н*; *вы́*[мʼ]*пел* и *вы́*[м]*пел*; *дро́*[жʼжʼ]*и* и *дро́*[жж]*и*; *бу́ло*[чʼ]*ная* и *бу́ло*[ш]*ная*; [лʼиᵊи̯]*тена́нт* и [лʼиᵉ]*тена́нт*; *д*[э]*во́енный* и *д*[о]*во́енный*; *ст*[иᵊ]*нгазе́та* и *ст*[ʼэ]*нгазе́та*; *ме*[ш] *на́ми и ме*[ж] *на́ми*.

2. Но к орфоэпии традиционно относятся и те случаи, когда вариантов произношения конкретных слов, словоформ и морфем нет.

2.1.Сочетания букв, которые могут произноситься по-разному в разных словах или морфемах при одних и тех же фонетических условиях, например: не́что — *не́*[чʼт]*о*, ничто́ — *ни*[шт]о́; отли́чник — *отли́*[чʼнʼ]*ик*, дво́ечник — *дво́е*[шнʼ]*ик*; отягча́ть — *отя*[кчʼ]*а́ть*, умягча́ть — *умя*[хчʼ]*а́ть*; рие́лтор — *р*[иэ́]*лто*р, клие́нт — *кл*[иjэ́]*нт*; кварте́т — *квар*[тʼе́]т, корте́ж — *кор*[тэ́]*ж*.

2.2. Случаи, когда в слове имеются буквы или их сочетания, произношение которых не соответствует их обычному графическому значению, например: помо́щник — *помо́*[ш]*ник*; сѐмьсо́т — *се*[м]*со́т*; близ — *бли*[з’] *города*.

Что объединяет все перечисленные типы орфоэпических явлений? Почему интуитивно исследователи относят эти факты к орфоэпии? Во-первых, во всех приведенных случаях речь идет не об универсальной закономерности, а о явлениях, «привязанных» к определенному слову или морфеме, «штучный товар», «утконос», по образному выражению А. А. Реформатского. Во-вторых, во всех случаях, приписываемых орфоэпии, нарушены правила чтения, свойственные русской графике, но для разных типов орфоэпических явлений это проявляется по-разному:

1. Морфемы с синхронно сосуществующей орфоэпической вариантностью звуков при одинаковом фонемном составе передаются на письме единообразно, что не дает возможности по написанию слова однозначно предсказать, как оно будет произноситься (*съехать* -/с/*ъехать* — [с’jэ́]*хать и* [сjэ́]*хать*). Одна и та же фонема реализуется разными звуками в одинаковой фоне-

тической позиции, что нарушает формулировку фонетического закона, согласно которой одна и та же фонема в одной и той же фонетической позиции реализуется одним и тем же звуком.

2. При функционировании других орфоэпических явлений нарушается фонематический принцип русского письма, графический облик слова не дает возможности однозначно определить его фонемный состав и соответственно произношение:

2.1. при орфоэпической вариантности фонем морфемы передаются на письме единообразно, в противоречии с фонемным составом конкретной морфемы *(сонет — со*/н'э/*т* и *со*/нэ/*т*; *мылся* — мыл/са/ и мыл/с'а/);

2.2. по традиции разные фонемы передаются на письме не различно, а одинаково в разных словах и морфемах, (буквы *те* — /т'/*екст* и /т/*ест*, буквы *чн — вé*/ч'/*ность* и *очé*/ш/*ник*, буквы *ие — кл*/иj/*éнт и р*/и-/*éлтор*).

2.3. фонемное значение буквы не выводится из написания слова, противореча ему (буква *щ — помо*/ш/*ник*, буква *з* — бли/*з'*/).

А если гипотетически представить, что фонемный состав примеров из пунктов 2.1, 2.2 и 2.3 адекватно отражался бы на письме и эти слова писались бы следующим образом: *текст* и *тэст*, *вечность* и *очешник*, *клиент* и *риэлтор, помошник, близь*? Произносительная трудность сразу исчезает, проблемы выбора варианта произношения нет. Из этого можно сделать вывод, что все подобные факты скорее относятся не только к орфоэпии, но и к правилам чтения.

Во всех описанных случаях, относимых к орфоэпии, одному и тому же написанию может соответствовать разное произношение при условии тождества фонетических позиций. А при действии фонетической закономерности звуковой облик морфемы или слова однозначно выводится из написания на основе правил чтения.

Коробейникова Татьяна Николаевна

канд. филол. наук, научный сотрудник, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; tkorobejnikova@inbox.ru

ДИАХРОНИЧЕСКИЕ АКЦЕНТУАЦИОННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СЛОВОФОРМЕ В СВОБОДНЫХ СОЧЕТАНИЯХ И В СОСТАВЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Ключевые слова: акцентуационные изменения, диахрония, орфоэпия.

В формах существительных с односложной основой на *-а* и *-я* уже несколько столетий протекают изменения в акцентуации, которые, по теории В. Н. Сидорова*, ведут к противопоставлению форм ед. ч. и мн. ч. [Воронцова 1979: 16]. Эти изменения освещены во многих исследованиях [Колесов 1972; Зализняк 1985; Воронцова 1979; Антонова 2021]. Цель данной работы — проследить динамику акцентуационного изменения в словоформе *доску в* свободных сочетаниях и в составе фразеологизмов *свой в доску и ставить на одну доску* в диахронии. Разница в типе контекста представляется значимой, поскольку ранее считалось, что во фразеологизмах словоформы сохраняются в одном, иногда устаревшем, варианте произношения, но исследования [Богданова 2002; Коробейникова 2023] показывают, что сегментные и просодические особенности фразеологизмов постепенно утрачиваются, словоформы в них начинают произноситься так же, как в свободных сочетаниях. Логично, что акцентуационное изменение, захватившее словоформу в свободных сочетаниях, может с некоторым опозданием распространиться на нее же во фразеологизированном контексте.

В древнерусском языке слово *доска* относилось к подвижной акцентной парадигме, имело корневое ударение в форме ед. ч. В. п., однако А. А. Зализняк фиксирует форму *доскý* (дъскоу) наряду с *дóску* в некоторых письменных памятниках середины XVI и XVII вв. [Зализняк 2019: 185].

В XVIII в. и второй половине XIX в., согласно [Воронцова 1979: 38], в поэтических текстах встречаются оба акцентуационных варианта. По данным поэтического подкорпуса НКРЯ, в стихотворных произведениях XIX в. преобладает вариант *дóску*, реже встречается *доскý*** . В исследуемых фразеологизмах отмечено только наосновное ударение.

Вот на шахматную ***дóску***
Рать солдатиков из вóску
Он расставил в стройный ряд.
А. С. Пушкин. «Царь увидел пред собой…» (1833)

И после на муку знакомого ада,
На радость и горе, на жизнь и тоску
Навеет волшебная ночи прохлада,
Быть может, навек гробовую ***доскý****!..*
А. И. Полежаев. Кориолан / «Кто видел над брегом туманного моря…» (1834)

В поэтических текстах XX в. в составе фразеологизмов как исследованных, так и оставшихся за рамками эксперимента (*пьян в доску*, *сыграть в доску*) ударение падает на корень. В свободных сочетаниях встречаются оба варианта.

И когда солдат, потупясь,
неумелый, молодой,

---

* В. Н. Сидоров, к сожалению, не изложил свою теорию в отдельном научном труде, но современники свидетельствуют о том, что идею о противопоставлении ед. ч. и мн. ч. и «грамматикализации» ударения он не раз высказывал [Воронцова 1979: 16].

** Преимущественно в выражении «гробовая доска», что наводит на мысль о развитии ударения на окончании в словоформе в определенных значениях. См. также пословицу «Бей в доскý, разгоняй тоску!».

«Государственный преступник»
прикрепил *к* груди худой,
что же ты, смиряя ропот,
не смогла *доскý* сорвать*?*
Преступленьем стало — против
преступлений восставать.
Е. А. Евтушенко. Чернышевский : «И когда, с возка сошедший…»
(Братская ГЭС, 7) (1965)

Выбрав место *у* тропинки,
Где сквозь бор синеет море,
Где вдали бельишко сохнет
На бамбуковом заборе,
Я принес большую *дóску,* —
Пар дымился над ушами*!* —
И четыре толстых ножки
Обтесал карандашами…
Саша Черный. С холма : «Выбрав место у тропинки…» (1932)

«Толковый словарь русского языка» Д. Н. Ушакова (1935) и «Словарь русского языка» С. И. Ожегова (1960) рекомендуют произносить только *дóску* в свободных сочетаниях. В «Орфоэпическом словаре русского языка» под ред. Н. А. Еськовой (2014) и «Большом орфоэпическом словаре» под ред. Л. Л. Касаткина (2012) дается допустимый вариант *доскý*, «Словарь ударения и произношения слов русского языка» И. Л. Резниченко (2021) фиксирует варианты *дóску* и *доскý* как равноправные. Во фразеологизме *свой в доску* все три словаря рекомендуют корневое ударение, выражение *ставить на одну доску* в них не представлено.

Чтобы узнать, как произносят эту словоформу в обоих типах контекстов современные носители литературного языка*, был проведен эксперимент, в ходе которого респонденты читали предложения с одними и теми же словоформами в свободных и фразеологизированных сочетаниях. Все участники эксперимента произнесли *дóску* во фразеологизме *свой в доску*, а в выражении *ставить на одну доску* только один респондент из младшей группы произнес *доскý*. В свободном сочетании ударение на флексию поставили по 10 % респондентов из каждой возрастной группы.

Таким образом, перенос ударения на флексию, предпосылки к которому наблюдались ещё в XVI в., в словоформе *доску* в свободных сочетаниях совсем не затронул ее во фразеологизмах. Для словоформы в свободных сочетаниях актуальными следует признать рекомендации — *дóску* и допустимо *доскý*.

Источники

Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты / М. Л. Каленчук, Л. Л. Касаткин, Р. Ф. Касаткина; под ред. Л. Л. Касаткина. М.: АСТ-Пресс, 2012.

Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы / С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова, Н. А. Еськова; под ред. Р. И. Аванесова. М.: Рус. яз., 1983.

* Участниками эксперимента были 60 москвичей во 2–3 поколении, имеющих высшее или неполное высшее образование, в речи которых нет просторечных или диалектных черт. Респонденты представляли три возрастные группы: старшую — от 60 лет, среднюю — 30–60 лет и младшую — до 30 лет. Соответствие этим критериям считается необходимым и достаточным, согласно [Каленчук 2021: 9], для того чтобы считать респондентов носителями литературной нормы.

Литература

Антонова О. В. Акцентуация имен существительных ж. р. на –а (-я) // Норма произношения в узусе и кодификации / отв. ред. М. Л. Каленчук, Д. М. Савинов. М.: Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, 2021. С. 26–57.

Богданова Н. В. Фонологическая модель слова в соотношении с лексической системой русского языка: дис. … д-ра филол. наук. СПб., 2002.

Воронцова В. Л. Русское литературное ударение XVIII–XX вв. Формы словоизменения. М.: Наука, 1979.

Зализняк А. А. Древнерусское ударение. Общие сведения и словарь. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2019.

Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской / отв. ред. В. Н. Топоров. М.: Наука, 1985.

Колесов В. В. История русского ударения. Именная акцентуация в древнерусском языке. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1972.

Коробейникова Т. Н. Фразеологизмы в зеркале орфоэпии: акцентуационные варианты и динамика норм // Русская речь. 2023. № 2. С. 29–42. https://doi.org/10.31857/S013161170025482-9

Корпечкова Елена Владимировна

научный сотрудник, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН;
lelene@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ АКЦЕНТУАЦИИ НАРЕЧИЙ И КРАТКИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ «ГРУППЫ ВЫСОКО»: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ

Ключевые слова: фонетика, орфоэпия, акцентология, варианты произношения, наречия.

В докладе представлены экспериментальные данные о произношении трехсложных наречий *высоко, глубоко, далеко*, *широко*, а также соотносимых с ними форм ср. р. ед. ч. кратких прилагательных. Акцентуация данных слов обладает вариативностью в литературном языке: в современных орфоэпических словарях варианты произнесения наречий *глубокó* и *глубóко*, *далекó* и *далёко*, *высокó* и *высóко*, *широкó* и *широ́ко* могут характеризоваться как равноправные [Еськова 2014; Резниченко 2021], варианты с ударением на основе могут иметь помету «*и допустимо*» или «*и допустимо старшее*» [Каленчук и др. 2017]. В словаре [Еськова 2014] предпочтительными является формы ср. р. ед. ч. трех прилагательных с ударением на основе: *высóко* и допустимо *высокó, глубóко и* допустимо *глубокó, далёко и* допустимо *далекó*; равноправными вариантами обладает краткое прилагательное *широкó и широ́ко.* В [Каленчук и др. 2017] рекомендации разнятся: *высóко* и допустимо *высокó*, *глубóко* и *глубокó*, *далекó* и допустимо *далёкó*, прилагательное *широкий* в словник не вошло. В [Резниченко 2021] все варианты равноправны.

Известно, что ударение в этой словах «группы высоко» в прошлом обладало территориальной вариативностью, что отражено в памятниках древнерусского языка: ударение на последнем слоге представлено в восточной зоне, ударение на втором слоге — в западной; по данным А. А. Зализняка, это различие в ударении сохраняется также и в настоящее время: «В современном языке ударения *высокó* (*высокó*), *широкó* господствуют на юго-востоке великорусской территории; в остальных зонах преобладают ударения *высóко, широ́ко*» [Зализняк 2010: 303–306].

Для выяснения акцентуации этих слов был проведен эксперимент, в ходе которого респондентам, являющимся носителями русского литературного языка (жителям Московского региона в 2–3 поколениях, с высшим образованием или студентам ВУЗов), предлагались к прочтению специально составленные тексты, содержащие наречия «группы высоко», омонимичные им краткие имена прилагательные в форме ср. р., ед. ч., а также аналогичные слова с приставкой *не-*. С целью проследить динамику изменения орфоэпической нормы, респонденты были разделены на три возрастные группы: младшую (18–29 лет), среднюю (30–60 лет), старшую (старше 60 лет). Помимо экспериментальных данных, в доклад вошли данные мультимедийного, поэтического и диалектного подкорпусов Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru).

Результаты эксперимента показали, что все респонденты произносят наречия *высокó*, *глубокó*, *далекó*, *широкó* с ударением на окончании в 100 % случаев, за исключением 20 % опрошенных старшей возрастной группы, в речи которых встретился вариант *высóко*. Произношение кратких прилагательных *глубокó*, *далекó и широкó* не отличается от наречий: все информанты произнесли «*озеро глубокó*», «*селение далекó*», «*ущелье широкó*»; различие в произношении этих форм прослеживается лишь в слове *высоко*: краткое прилагательное («*дерево высóко*») с ударением на основе произнесли 45 % старшей, 60 % средней и 30 % младшей группы информантов.

По данным эксперимента, произнесение слов «группы высоко» с приставкой *не-* не отличается от бесприставочных вариантов: произнесение *невысóко* встретилось единожды в речи информанта старшей возрастной группы; в остальных случаях все респонденты предпочли ударение на последнем слоге.

Эксперимент показал, что в живой речи практически не встречается произношение данных слов (как в наречий, так и прилагательных в форме ср. р. ед. ч.) с ударением на втором слоге (*высóко*, *глубóко*, *далёко*, *широ́ко*), тем не менее эти варианты широко представлены в текстах художественной литературы XIX–XX вв. и фольклорных произведениях, в том числе в произ-

ведениях, изучаемых в школе. Следовательно, возможность такого произнесения должна быть отражена в орфоэпических словарях.

Литература

Еськова Н. А. Словарь трудностей русского языка. Ударение. Грамматические формы. М.: Языки славянских культур, 2014.

Зализняк А. А. Труды по акцентологии. Т. 1. М.: Языки славянских культур, 2010.

Каленчук М. Л., Касаткин Л. Л., Касаткина Р. Ф. Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты. М.: АСТ-Пресс, 2017.

Резниченко И. Л. Словарь ударений русского языка: около 10000 слов, все трудные случаи, все типы ударений, способы запоминания. М.: АСТ-Пресс Школа, 2021.

Никитин Никита Владимирович

мл. научный сотрудник, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН;
kindnick1999@gmail.com

БЕ[Ш‿Ш]*А́ПКИ* ИЛИ *БЕ*[С‿Ш]*А́ПКИ*: КОРПУСНЫЕ ДАННЫЕ

Ключевые слова: клитика, предлог, стык, чередование, корпусная лингвистика.

Принято считать, что в русском литературном языке при сочетании клитики-предлога с зубным щелевым на конце (далее для краткости — свистящий)* и опорной словоформы с передненебным щелевым или передненебной аффрикатой в начале (далее — шипящий) свистящий чередуется с шипящим: *бе*[ш‿ш]*а́пки*, *и*[ж‿ж]*и́зни*, [ш’‿ч’]*ёлкой* или [ш’‿ш’]*ёлкой* и др. Однако высказывалась идея о том, что это чередование разрушается; иначе говоря, произношение типа *бе*[ш‿ш]*а́пки* вытесняется вариантами типа *бе*[с‿ш]*а́пки*. Этой теме и посвящен доклад: в нем предлагается обсудить количественное соотношение указанных произносительных вариантов на материале мультимедийного подкорпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и Корпуса русской устной речи (КУР), а также проблемы, связанные с анализом подходящих фонетических слов.

Исследовались следующие позиции для предлога-клитики *без*:

1) перед [ш] (по запросу точных форм *без ш**, где * — любая последовательность символов),
2) перед [ж] (*без ж**),
3) перед [ч’] (*без ч**),
4) перед [ш’:] (*без щ**, *без сч**).

Для предлога из обработаны пока позиции 1, 2 и 4.

Методы анализа звуков речи — аудитивный и инструментальный. Последний метод применялся, когда не получалось определить характер согласного многократным прослушиванием и/или замедлением записи; тогда она загружалась в Praat, чтобы можно было оценить спектр спорного согласного и сравнить его с соседним согласным и с однозначно определяемыми свистящими и шипящими в других позициях.

Корпусные данные позволяют высказать следующее предположение: **произношение свистящего перед шипящим между клитикой-предлогом и опорной словоформой носит достаточно регулярный характер.** Нешипящий согласный был произнесен:

а) на конце предлога *без* в 43 случаях из 173, что составляет примерно 25 % от общего числа произнесений: *бе*[з‿ж]*а́б*, *бе*[с‿ч’]*у́вства*, *бе*[с‿ш]*у́ма*;

б) на конце предлога из в 47 случаях из 256 — 18 % от общего числа вхождений: *и*[з‿ж]*еле́за*, *и*[с‿ш]*иро́ких*.

Суммарно имеется 90 произнесений нешипящего согласного из 429 — приблизительно 21 % от общего числа вхождений.

При этом речь идет о двух типах реализаций:

- в 70 случаях был произнесен однозначно определяемый свистящий**;
- в 20 случаях был произнесен согласный звук с двумя особенностями:
  - перцептивно он воспринимался как не совсем обычный (для конкретного говорящего), немного шепелявый свистящий;
  - акустически же не удавалось выделить на спектрограмме более-менее продолжительную (≈ 30 миллисекунд) стационарную свистящую часть.

---

* Русские [л] и [л’] не колеблют этого тезиса, так как они не фрикативные согласные.

** Причем в позиции перед [ч’] произносился как [с], так и [с’]. В последнем случае, выходит, уже нет чередования по месту образования, а по твердости/мягкости — еще есть.

Конечно, переходный участок между свистящим и шипящим есть всегда, коль скоро они следуют друг за другом: перестроение от звуков типа [з] к звукам типа [ж] хорошо заметно почти на любой спектрограмме. Однако на ней у свистяще-шипящих этот переход начинается почти сразу, как будто сам звук и есть этот переходный участок.

Если говорить о причинах, объясняющих появление таких реализаций, то возможны как минимум два объяснения. С одной стороны, эти звуки могут быть обусловлены коартикуляцией — чисто техническим и частичным наложением артикуляции следующего согласного на предшествующий*. С другой стороны, такие промежуточные аллофоны могут быть связаны с недискретностью фонетического изменения: не исключено, что в речи некоторых носителей переход от чередования к его отсутствию проходит ряд каких-то промежуточных звеньев: *и*[ж‿ж]*и́зни* — > *и*[ж^{з}‿ж]*и́зни* — > *и*[з^{ж}‿ж]*и́зни* — > *и*[з‿ж]*и́зни*. «Однозначные» свистящие, как уже было сказано, тоже испытывают влияние соседнего шипящего, но довольно слабое и перцептивно не считывающееся.

С точки зрения описания конкретных звуковых реализаций более существенны фонетические факторы, влияющие на появление того или иного аллофона в рассматриваемых позициях. На имеющемся материале о каких-либо факторах рассуждать трудно, потому что, как правило, нельзя сравнить реализации одного и того же сочетания в разных условиях произнесения их одним и тем же человеком. Тем не менее примечательно, что свистящие и свистяще-шипящие реализации приходятся на сочетания в сильной фразовой позиции в подавляющем большинстве случаев. В некоторых из них предлог может быть даже ударным, самостоятельно формируя фонетическое слово. В то же время сами по себе эти факты мало что дают и нуждаются в дополнительной проверке.

Важно, что представленных корпусных данных недостаточно по двум причинам. Во-первых, материала просто мало: мультимедийный подкорпус НКРЯ включает в себя около 5,8 миллионов словоупотреблений, а КУР — около 22 тысяч. Во-вторых, оба корпуса дисбалансированы: значительная часть вхождений в мультимедийном подкорпусе НКРЯ представляет собой фрагменты фильмов, многие из которых вышли в советские годы; источники же КУР еще в меньшей степени разнообразны.

Поэтому необходима экспериментальная проверка указанных явлений. Если дополнить корпусные данные социолингвистическим экспериментом с применением многофакторного орфоэпического анализа, можно будет сделать более обоснованные выводы о соотношении вариантов типа *бе*[ш‿ш]*а́пки* и *бе*[с‿ш]*а́пки* и о языковых факторах, влияющих на это соотношение.

* В таком случае это явление стоит в одном ряду, например, с частичным озвончением глухого взрывного после носового того же места образования (в словах типа *лента*) и др.

Савинов Дмитрий Михайлович

д-р филол. наук, вед. научный сотрудник,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ОРФОЭПИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Ключевые слова: русский литературный язык, орфоэпия, орфоэпический словарь, словарь грамматических трудностей.

Орфоэпические словари — один из типов словарей, в которых фиксируются произносительные — сегментные и суперсегментные — нормы языка. Сегодня выпущено и продолжает выпускаться довольно большое количество словарей орфоэпического типа, ориентированных на различных пользователей.

Словари орофэпического типа можно разделить по двум основаниям. Во-первых, по критерию отбора слов для их дальнейшей кодификации можно выделить собственно орфоэпические словари, словари ударений, а также словари произносительных трудностей. Однако даже собственно орфоэпические словари неоднородны, что связано с тем, какое содержание вкладывается авторами в понятие орфоэпии. Традиционно к орфоэпии относятся лишь такие произносительные нормы, которые допускают вариантность в литературном языке, орфоэпия вырабатывает произносительные рекомендации, или орфоэпические правила, в отличие от фонетики, которая изучает фонетические законы, не знающие исключений. Однако существует и другая точка зрения, предполагающая включение в словарь и варианты грамматических форм.

Во-вторых, по критерию определения целевой аудитории выделяются академические словари и словари-справочники, последние включают в себя также учебные словари. Академические словари рассчитаны на ученых и преподавателей вызов, тогда как словари-справочники — на обычных пользователей.

Следует отметить, что обычному пользователю, в том числе школьникам, студентам, учителям, библиотекарям, обычно нужен не собственно орфоэпический словарь, а словарь трудностей произношения: чаще всего обычный пользователь образается к словарю лишь тогда, когда он начинает сомневаться в правильности выбора варианта произношения или ударения. А сомневаться в выборе человек может только в ситуации, когда он осознает само наличие выбора. При этом реальное число орфоэпических вариантов несопоставимо больше, чем вариантов, заметных для носителя языка.

Сегодня выпущено и продолжает выпускаться довольно большое количество разных словарей орфоэпического типа, ориентированных на обычного «наивного» пользователя. Однако анализ этих лексикографических источников свидетельствует о том, что большинство существующих школьных орфоэпических словарей не соответствует современному уровню развития лингвистики, а также дидактики по целому ряду критериев.

Так, среди основных проблемных зон современных школьных словарей орфоэпического типа можно выделить:

- нарушение правил транскрибирования, например: *агре́ссия* [р^{ь}е] и [рэ], [с^{ь}с^{ь}] и [с^{ь}] (в школьной программе буква ***е*** обозначает звук [э], а мягкость согласного принято обозначать знаком апострофа, то есть должно быть [р’э], [с’с’] и [с’]);
- наличие фонетических и орфоэпических ошибок, например отмечается произношение звонкого согласного на конце слова ***йод***, [ёд] ! *неправ.* [ио́д] (по школьной программе должно быть [йот] ! *неправ.* [ио́т]);
- смешение орфоэпической информации с другими языковыми явлениями, например, в орфоэпический словарь, помимо произносительных вариантов, включаются также варианты грамматических форм: ***ке́ды***, *ке́дов* и *кед*, не имеющие никакого отношения к орофэпии;

- проблема возрастной адаптации школьных словарей, например, для школьников сложна система помет, принятая в словаре В. В. Львова [2020]: «оч. плохо», «нельзя», «не рек.».

Немало проблемных зон отмечается и в словарях орфоэпического типа, расчитанных на более широкую аудиторию. Так, в Словаре ударений И. Л. Резниченко [2017], рассчитанном на самые широкие круги читателей, в том числе на преподавателей школ и вузов, школьников, работников средств массовой информации, а также на лингвистов, можно выделить следующие недочеты:

- проблема актуальности произносительных предписаний, например, примеры *диоптри́я*, *патриа́рхия*, *прику́с*, *прихо́дский* приведены как единственный вариант нормы, тогда как в устной речи сегодня значительно распространы другие произносительные варианты *дио́птрия*, *патриархи́я*, *при́кус*, *приходско́й* и т. д.;
- проблемы составления словника, например, в этом словаре отмечается довольно много просторечной и диалектной лексики, которая не может быть объектом кодификации в орфоэпическом словаре литератрного языка: *за́стить*, *передо́м*, *наклю́каться*, *срамно́й*, *старшо́й* и т. д.;
- встречаются даже орфографически некорректные написания, например, формы слов *перу́на*, *про́лога* должны писаться с заглавной буквы, а правописание *псалти́ри*, *псалты́ри* и *псалтыря́* предполагает написание не только с прописной, но и с заглавной буквы.

В целом проведенный анализ определил необходимость создания новых словарей орфоэпического типа. Так, в 2024 г. был издан школьный «Словарь произносительных трудностей. 5–11 классы», подготовленный в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН [Каленчук и др. 2024], в котором строго соблюдают лингвистические и дидактические принципы, обязательные для учебной литературы. В основу работы над этим лексикографическим источником положено представление авторов о том, что нормативные рекомендации в словарях должны опираться на реальную речевую практику образованных людей. В этом словаре нормативный орфоэпический материал дополнен значительными культурно-историческими данными: во многих словарных статьях приводится дополнительная орфоэпическая информация об устарелых вариантах произношения, народно-поэтических и профессиональных акцентологических особенностях, вариантах ударения и произношения звуков, специфических для фразеологизмов.

Кроме того, в отделе фонетики ИРЯ РАН предполагается разработка Словаря произносительных трудностей, расчитанного на более широкую аудиторию, в частности на представителей научной общественности.

Литература

Каленчук М. Л., Савинов Д. М., Байкова Т. А. Словарь трудностей русского произношения. 5–11 классы. М.: АСТ-Пресс Школа, 2024.

Львов В. В. Орфоэпический словарь русского языка для школьников. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Экзамен, 2020.

Резниченко И. Л. Словарь ударений русского языка. М.: АСТ-Пресс Книга, 2017.

Филиппов Андрей Константинович[1], Филиппов Константин Анатольевич[2]

[1]канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет; a.filippov@spbu.ru

[2]д-р филол. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет; k.filippov@spbu.ru

ЭСТЕТИКА БЛАГОЗВУЧИЯ В ФОНЕТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ НЕМЕЦКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Ключевые слова: немецкое Просвещение, фонетика, языковая норма, благозвучие, эстетика.

Для исследования процессов формирования произносительной нормы языка, согласно Л. А. Вербицкой, «необходимо изучение не только внутренних системных, но и социолингвистических факторов, кроме того, определенных психологических законов, которые управляют речевой деятельностью людей» [Вербицкая 1996: 34]. Эта формулировка соотносится с пониманием нормы у Ж. Вандриеса как ощущения общности языка у говорящих в сочетании со стремлением «к известному языковому идеалу», в результате которого «между членами одной и той же группы как бы существует установившееся молчаливое соглашение поддерживать язык таким, как это предписывается нормой» [Вандриес 1937: 222–223].

Эпоха Просвещения характеризуется двумя главными направления развития общественной мысли Германии, заключенными в двух знаковых названиях XVIII в. — «век разума» (*Jahrhundert der Vernunft*) и «век вкуса» (*Jahrhundert des Geschmacks*). Научный постулат эстетики И. Канта «Вкус есть способность судить о прекрасном» [Кант 1994: 70] находит свое отражение во многих научно-гуманитарных, в том числе и фонетических, концепциях немецких авторов. В культурно-историческом и социолингвистическом контексте XVIII в. категория вкуса сочетает в себе как эстетические, так и нормативные потенции. Последнее наблюдение особенно актуально в связи с выдвижением немецкого языка на передовые позиции в науке, культуре и образовании, а также в связи с постепенным становлением нормы немецкого литературного языка.

В центре внимания настоящего исследования располагается понятие «благозвучие» (*Wohlklang*), которое встречается в текстах И. К. Аделунга, И. К. Готшеда, И. Г. Зульцера и других ученых-просветителей, причем каждый автор вносит в это понятие всё новые смысловые нюансы. Благозвучие, или красота произношения, зачастую ценилось больше, чем чистота и ясность речи. По свидетельству некоторых авторов, «благозвучие в устной речи — то же самое, что красота знаков в письме, или каллиграфия» (*ist der Sprache dasjenige, was der Schrift die Schönheit der Zeichen, oder das Kalligraphische ist*) [Moritz 1800: 330].

Цель исследования — провести историко-культурный и лингвистический анализ разнообразных фонетических приемов, применяемых в разных формах устной речи для достижения красоты произношения.

Материалом исследования послужили историко-культурные, искусствоведческие и грамматические тексты XVIII в., в которых том или ином виде затрагиваются вопросы речевого узуса, благозвучия немецкой речи, а также формирования произносительной нормы немецкого языка: Adelung J. Chr. Über den deutschen Styl (1785); Adelung J. Chr. Umständliches Lehrgebäude der Deutschen Sprache. 2 Bde (1782); Aichinger C. F. Versuch einer teutschen Sprachlehre (1754); Gottsched J. Chr. Grundlegung einer deutschen Sprachkunst (1748); Moritz K. Ph. Grammatisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 4 Bde (1793–1800); Sulzer J. G. Allgemeine Theorie der schönen Künste. 4 Bde (1771–1774).

Свое конкретное фонетическое выражение понятие благозвучия (*Wohlklang*) получает в таких произносительных сферах, как артикуляция отдельных звуков, соотношение долгих и кратких слогов в слове и фразе, мелодическое оформление и ритм высказывания. Особо подчеркивается, что красота произношения является непреложным условием ораторской и поэтической

речи, в то время как в прозе допускается некоторое снижение требований к красоте и мелодичности произнесения.

Позиция немецких ученых-просветителей при оценке благозвучия как эстетической категории затрагивает самые разные аспекты речевого узуса. Так, Аделунг использует категорию вкуса для обоснования выдвижения литературного языка на передовые позиции в науке, культуре и образовании. В его концепции развитие языка оказывается тесным образом соединено с пониманием вкуса как социокультурной величины. В грамматической концепции Готшеда основу благозвучия составляет чередование долгих и кратких слогов в слове и фразе. Для Зульцера главным элементом в создании благозвучия выступает ударение, обеспечивающее необходимое многообразие произносительных вариантов высказывания.

Таким образом, благозвучие в трактовке деятелей немецкого Просвещения оказывается комплексным понятием, находящим свое выражение в таких разных сферах, как просодия, грамматика и история литературного языка. Оставаясь само по себе характеристикой единиц звучащей речи, благозвучие оказывается тесно связанным как с нормативным, так и с эстетическим аспектом языкового описания.

Литература

Вандриес Ж. Язык: Лингвистическое введение в историю / пер. с фр.; примеч. П. С. Кузнецова; под ред. с предисл. Р. О. Шор. М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1937.

Вербицкая Л. А. Орфоэпия и вопросы культуры речи // Прикладное языкознание: учебник / Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкая, Г. Я. Мартыненко и др.; отв. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. С. 68–90.

Кант И. Критика способности суждения / пер. с нем. М.: Искусство, 1994.

Moritz K. Ph. Grammatisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Bd. 4. Berlin: Felisch, 1800.

Бердникова Татьяна Владимировна

канд. филол. наук, доцент, Российский федеральный центр судебной экспертизы им. профессора А. Р. Шляхова при Министерстве юстиции Российской Федерации; sintax2@yandex.ru

ФУНКЦИИ МОЛЧАНИЯ В «КРИМИНАЛЬНЫХ» ДИАЛОГАХ

Ключевые слова: диалогическая речь, молчание, лингвистическая судебная экспертиза.

Изучение молчания как коммуникативного феномена имеет уже сложившуюся традицию, он относится к тем речевым актам, которые изучаются в разных науках — лингвистике, философии, психологии и др.

На протяжении нескольких десятилетий в науке выработались различные подходы к описанию молчания. В числе основных назовем следующие: коммуникативный, философский, сопоставительный, при котором сравнивались молчание и язык, в котором молчание считается отрицательным коммуникативным феноменом, так как лексема «молчать» толкуется через отрицательную форму глагола «говорить», когнитивный, при котором ученые рассматривают концепт Молчание в разных сферах человеческой жизни через описание разных типов дискурса, например, в религиозной сфере, или через функционирование лексем «молчать», «молчание» в устойчивых конструкциях и фразеологических единицах и др.

Молчание рассматривается нами в рамках диалогического дискурса, который состоит из одних и тех же участников, одинаковых или схожих обсуждаемых тем (например, проведение экспертизы; организация встречи с человеком; денежные средства и т. п.). Некоторые не названные в разговоре предметы, личности, действия и т. д. восстанавливаются из общего контекста всех представленных на исследование разговоров. При рассмотрении диалогов в рамках диалогического дискурса важным является исследование их в хронологической последовательности, которая определяется исходя из логики развития диалогов и их содержания, а также по техническим характеристикам файлов (например, согласно меткам дисков и названиям папок).

Нами были исследованы диалоги, представленные в устной форме, т. е. звучащая речь. Исследование проводилось на материале т.н. «криминальных» диалогов, характерной чертой которых является использование известного всем коммуникантам кода, шифра [Плотникова 2014]. Также исследовались «криминальные» диалоги, содержащиеся в устном подкорпусе Национального корпуса русского языка, в частности подкорпусов, касающихся бытовых разговоров (например, «Разговор на кухне, деревня в Челябинской области», «Разговор в магазине» и др.).

В основном такие диалоги имеют негармоничный характер, даже если внешне речевое взаимодействие не конфликтное, то на уровне интенций и намерений коммуникация негармоничная. В «криминальных» диалогах в основном реализуется такой тип значения молчания, как ситуативные, или «коммуникативные» импликатуры, в которых ведущую роль играет контекст.

В «криминальных» диалогах реализуется контактная функция молчания, при который коммуниканты стремятся установить контакт, понять возможность доверия друг другу:

М. [индексы Ж и М используются для обозначения женского и мужского голоса]*: Олег Валентинович как бы сказал, что мы можем говорить и смотреть в глаза друг другу открыто.*

Ж: (молчит)

М: Могу?

Руководитель секции: М. В. Хохлова.

Ж: Да, да

М.: Я очень сильно сомневался, что я вообще когда-нибудь буду разговаривать на эту тему с кем-то.

Ж: (молчит)

М.: Также я спросил вчера: «Олег Валентинович я говорю, и что про губернатора говорить то, что с ним встречался и так встречались»

Другими функциями молчания в «криминальных» диалогах являются информативная в сочетании с дисконтактной; последняя предполагает выражение согласия или несогласия коммуникантов, сообщение о нежелании что-либо делать. Такая функция молчания реализуется при речевом акте угрозы или провокации:

*Ж: Слышь ты, ** [знаком * обозначены нецензурные высказывания]. *Мне так жалко твоих детей. Я всё видела, как вы живёте, я знаю, как вы живёте и как это всё находи… Мне так тебя жаль. Просто я одним щелчком…*

М: Почему жаль-то?

*Ж: Ну потому что я могу всё это закончить. Я тюрьмы не боюсь. Я уже там была, мой дорогой. Я не боюсь, меня там встретят просто на тормозах. Я к тому тебе говорю, ты чё * вообще, *, или ты не… не э-э… ты под кого ложишься то, *, по него что ли?*

М: (молчит) Исполняю свои да, законодательные обязанности.

Ж: (нрзб)[пометой (нрзб) обозначены фрагменты, аудитивно установить которые не представляется возможным] *А-а… Океей! Окей. Я тоже буду тогда исполнять свои обязанности. Короче, у тебя трое детей, я знаю, где ты живёшь, я знаю, где ты живёшь именно. И щас я смотрю, как твои дети э-э играют. У тебя не будет ничего. Ты можешь себе представить? Я вот просто всех убью, останешься ты один. Это нормально будет? Вот как тебе по закону? Это будет по закону, мой дорогой?*

М: (молчит) Нет, не по закону будет.

Ж: Пиши щас, не по закону… Это будет по закону. (нрзб) по закону.

М: По какому закону?

Ж: А по нашему, по российскому закону это всё будет.

В данном примере в речи женщины содержится указание на осведомленность о наличии дома, детей адресата и их местонахождения, а также побуждение поцеловать детей, выражение сожаления по отношению к детям адресата. В данной коммуникативной ситуации такая информация является немотивированной контекстом, таким образом, нарушен постулат информативности речи. Также содержится сообщение о возможности прекратить привычный уклад жизни адресата, совершить действия негативного характера. Мужчина использует молчание для дистанцирования от собеседника, употребляет клише официально-делового стиля (*исполняю обязанности*), тем самым информирует о нежелании общения.

Молчанием говорящий передает эмоции, например, страх, радость, удивление и др.; выражает оценку содержания и формы речи собеседника, акцентирует внимание на определенной теме. Кроме того, молчание имеет стратегическую функцию, при которой говорящий стремится скрыть какую-либо информацию, что часто реализуется в ситуации допроса.

Таким образом, в «криминальных» диалогах основными функциями молчания являются: контактная, дисконтактная, информативная, эмотивная, оценочная, риторическая, акциональная, стратегическая.

Литература

Плотникова А. М. Речетворчество в криминальных диалогах // Уральский филологический вестник. Вып. 1. Екатеринбург, 2014. С. 66–72.

Блинова Ольга Владимировна[1], Тарасов Никита Андреевич[2], Голубова Ксения Александровна[3]

[1]канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет; o.blinova@spbu.ru
[2]инженер-исследователь, Санкт-Петербургский государственный университет; nkt.tarasov@yandex.ru
[3]специалист; xengolubova@yandex.ru

РЕЗУЛЬТАТЫ ШКАЛИРОВАНИЯ ПО УРОВНЮ ПЕРЦЕПТИВНОЙ СЛОЖНОСТИ КАК ОБУЧАЮЩИЕ ДАННЫЕ

Ключевые слова: русский язык, автоматическое предсказание сложности текста, обучающие данные, элицитация, субъективное шкалирование.

Постановка проблемы. Перед авторами настоящей работы стояла задача дообучения автоматической модели предсказания сложности текстов [Blinova, Tarasov 2022] на данных, полученных путём **ручного аннотирования**. Предполагалось, что от использования таких данных мы извлечём двойную пользу: во-первых, сделаем модель более чувствительной к различиям между интересующими нас русскими юридическими текстами, см. об этом [Блинова, Тарасов 2023]; во-вторых, введём в модель измерение **перцептивной сложности** (или **трудности**), ранее отсутствовавшее.

Считается, путь получения и использования в машинном обучении результатов ручной разметки (по сравнению с применением естественных данных) тернист: необходимо контролировать качество разметки, оценивать согласие между аннотаторами; процедура разметки долгая, дорогая, требует создания специальных инструментов; в итоге исследователи получают субъективные оценки и пр. (см., напр.: [Cheligeer et al. 2022; Guzman et al. 2017; Lim et al. 2021]).

Нам не известны открытые датасеты, которые содержали бы тексты или текстовые фрагменты на русском языке с ручными оценками сложности, полученными от «простых» нативных носителей (не экспертов). Соответственно, мы решили такой набор данных получить. Ниже излагается накопленный в научной литературе опыт, на который мы опирались; метод элицитации, выбранный нами; неутешительные результаты экспериментов по обучению моделей предсказания сложности с использованием собранных данных.

Целью настоящего доклада является анализ эффективности использования результатов субъективного шкалирования для обучения моделей, предсказывающих сложность текстов.

Разновидности техник элицитации. Опыт предшествующих исследований, направленных на получение ручных оценок перцептивной сложности (resp., трудности) текстов на естественных языках, позволяет сделать вывод, что основных техник три:

a. оценка пересказа текста;

b. методика дополнения (заполнения лакун в тексте);

c. методика шкалирования.

Из соображений скорости сбора данных, простоты систематизации результатов и их единообразия мы решили использовать **метод шкалирования**.

Дизайн опроса. Наши испытуемые проходили опрос, реализованный через взаимодействие с чат-ботом на платформе Telegram. Каждому предъявлялось **три связных текстовых фрагмента** длиной 50–70 слов. Стимульные фрагменты извлекались из разных подкорпусов **Corpus Juris Rossicum Contemporaneum** (CoJurRC, https://plaindocument.spbu.ru), то есть каждому испытуемому давалось три фрагмента из разных наборов данных (напр., судебных текстов, текстов законов, административных документов, а также текстов блогов юристов с портала zakon.ru).

Каждый испытуемый оценивал каждый фрагмент по шкале Ликерта, обращённая к нему просьба выглядела так: «Вам предстоит прочитать три коротких юридических текста и оценить, насколько они трудны для восприятия по шкале от 1 до 8 (где 1 — очень легко, 8 — очень трудно)». Опрос предусматривал процедуру валидации, призванную проверить, насколько

внимательно испытуемый прочитал текст, и насколько хорошо он его понял. В рамках этой процедуры испытуемые выбирали из списка два слова, тематически соответствующие текстовому фрагменту. Кроме того, мы фиксировали время, которое тратили испытуемые на оценку стимулов.

Результаты экспериментов. Мы получили 1064 фрагмента с ручными оценками перцептивной сложности и провели ряд экспериментов с использованием этих данных. А именно, качество данных было проверено в задаче классификации с предсказанием отдельных значений сложности 1, 2 … 8 и в задаче регрессии с предсказанием непрерывного значения [1;8]. Протестирован метод XGBoost (регрессор и классификатор), обучаемый на значениях метрик сложности [Блинова, Тарасов 2022], и три предобученных модели BERT, дообученных для классификации по сложности: [Abdaoui et al. 2020; Kuratov, Arkhipov 2019; Zmitrovich et al. 2024]. Точность классификации во всех экспериментах не превысила 11 %; коэффициент R2 принимает только отрицательные значения.

Таким образом, результаты экспериментов показали, что использование полученных данных для нашей задачи неэффективно (хотя, возможно, эти данные и имеют самостоятельную исследовательскую ценность). В заключение мы предлагаем некоторые пути выхода из создавшейся ситуации (в частности, введение двух дополнительных слоёв экспертной разметки перцептивной сложности для каждого из 1064 фрагментов). Кроме того, опираясь на эксперимент с оценкой трудности текстов носителями языка как второго, мы предлагаем частные корректировки дизайна опроса, по-видимому, способные упростить метаязыковую процедуру оценки перцептивной сложности для испытуемого.

Литература

Блинова О. В., Тарасов Н. А. Метрики сложности русских правовых текстов: отбор, использование, первичная оценка эффективности // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по мат-лам ежегод. междунар. конф. «Диалог». Т. 21. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2022. С. 1017–1028. https://doi.org/10.28995/2075-7182-2022-21-1017-1028

Блинова О. В., Тарасов Н. А. Языковая сложность русских юридических подстилей и жанров // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2023. Т. 9, № 2. С. 73–96. https://doi.org/10.18413/2313-8912-2023-9-2-0-5

Abdaoui A., Pradel C., Sigel G. Load What You Need: Smaller Versions of Multilingual BERT // arXiv. 2020. https://doi.org/10.48550/arXiv.2010.05609

Blinova O., Tarasov N. A hybrid model of complexity estimation: Evidence from Russian legal texts // Frontiers in Artificial Intelligence. 2022. Vol. 5. https://doi.org/10.3389/frai.2022.1008530

Cheligeer Cheligeer, Jingwei Huang, Guosong Wu, Nadia Bhuiyan, Yuan Xu, Yong Zeng. Machine learning in requirements elicitation: a literature review // AI EDAM. 2022. Vol. 36. P. 1–23. https://doi.org/10.1017/S0890060422000166

Guzman E., Ibrahim M., Glinz M. A Little Bird Told Me: Mining Tweets for Requirements and Software Evolution // 2017 IEEE 25th International Requirements Engineering Conference (RE). Lisbon: Institute of Electrical and Electronics Engineers Inc., 2017. P. 11–20. https://doi.org/10.1109/RE.2017.88

Kuratov Y., Arkhipov M. Adaptation of Deep Bidirectional Multilingual Transformers for Russian Language // arXiv. 2019. https://doi.org/10.48550/arXiv.1905.07213

Lim S., Henriksson A., Zdravkovic J. Data-Driven Requirements Elicitation: A Systematic Literature Review // SN Computer Science. 2021. Vol. 2, no. 16. https://doi.org/10.1007/s42979-020-00416-4

Zmitrovich D., Abramov A., Kalmykov A., Tikhonova M., Taktasheva E., Astafurov D., Baushenko M., Snegirev A., Kadulin V., Markov S., Shavrina T., Mikhailov V., Fenogenova A. A Family of Pretrained Transformer Language Models for Russian // arXiv. 2023. https://doi.org/10.48550/arXiv.2309.10931

Исследование поддержано Санкт-Петербургским государственным университетом, шифр проекта 123042000068-8, и выполнено за счет НИР ГЗ «Юридико-лингвистическая неопределенность в текстах правовых актов с учетом их коммуникативных особенностей и юридических функций».

Богданова Светлана Юрьевна

д-р филол. наук, профессор, Иркутский государственный университет;
rusjap@mail.ru

РАЗВИТИЕ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО АППАРАТА КОРПУСНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Ключевые слова: корпусная лингвистика, термин, терминологическое поле, заимствование.

Терминология корпусной лингвистики в русском языке преимущественно заимствована из английского языка, что естественно для терминологии одного из разделов компьютерной лингвистики [Захаров, Богданова 2020].

Терминологическое поле корпусной лингвистики было определено для русского языка позднее, чем для английского, причем для определения однословных и многословных терминов использовались, в первую очередь полуавтоматические методы, в частности, извлечение терминов из корпуса специальных текстов по корпусной лингвистике было проведено еще в нулевые годы XXI в. с привлечением лингвистических и статистических методов [Mitrofanova, Zacharov 2009]. Уже в этой статье 2009 г. отмечены сосуществующие термины *корпусный* и *корпусной*. Кроме того, до настоящего времени параллельно используются две грамматические формы множественного числа слова *корпус — корпусы* и *корпуса*, причем в некоторых случаях обе формы могут встретиться в работе одного автора.

Кроме термина *корпус*, слова «*конкорданс*» и «*коллокация*» уже существовали в русском терминологическом поле филологии, но терминологические значения этих слов были другими. Так, «*конкорданс*» в корпусной лингвистике имеет два значения: 1) указатель, связывающий каждое словоупотребление с контекстом; 2) получаемый в автоматическом режиме набор контекстов для заданного явления (слово / словосочетание / грамматическая форма и др.) [Захаров, Богданова 2013]. В то же время в Большом толковом словаре русского языка представлено такое определение: (*спец.*) Алфавитный перечень всех слов какого-либо текста с указанием контекстов их употребления; тип словаря, представленный в таком виде. В корпусной лингвистике перечень не является алфавитным, чаще конкорданс упорядочивается по убыванию частотности, или же все контексты относятся только к ключевому слову (фразе).

В Приложении 2 к первому изданию учебника «Корпусная лингвистика» присутствует Список терминологических словосочетаний корпусной лингвистики [Захаров, Богданова 2011: 154–156] с указанием их частотности в корпусе текстов по корпусной лингвистике. Эти терминологические сочетания представляют собой двусложные или трехсложные словокомплексы: *аннотировать корпус (18 с/у); автоматическая морфологическая разметка (4 с/у)* (всего 63 единицы с частотностью в корпусе не менее 4), а также 10 однословных терминов, среди которых обращают на себя внимание вышеупомянутые прилагательные *корпусный (157 с/у)* и *корпусной (154 с/у)*. В последующих изданиях учебника [Захаров, Богданова 2013; 2020] в конце книги представлены Глоссарии — 34 термина с определениями в издании 2013 г. и 45 терминов в издании 2020 г., среди которых были два англоязычных: *corpus-based* и *corpus-driven*. За несколько лет, прошедших между вторым и третьим изданиями учебника произошло развитие терминологического поля корпусной лингвистики. Так, преобладающим стало написание заимствованного термина, соответствующего английскому tag, через букву е, а написание с буквой э стало встречаться реже, ср. *тэг (тег)* (2013) и *тег (тэг)* (2020). По этой же причине произошло изменение в терминологическом сочетании *грамматический разметчик «тэггер»* (2013) и *теггер (грамматический разметчик)* (2020). Отметим, что развитие данного термина отмечено здесь как отсутствием кавычек, так и перемещением в сильную первую позицию заимствованного слова *теггер*, что свидетельствует о том, что данный термин уже получил широкое распространение и меньше нуждался в пояснении *(грамматический разметчик)*. Глоссарий 2020 г. покинули термины *стыковщик, утилита* и *электронный архив*, последние из которых не являются собственно терминами компьютерной лингвистики, а вошли в него термины *битекст, вес текста, жанр (регистр), метаданные, стандарт разметки*. Помимо этого, некоторые термины

получили уточнение в связи с развитием самой корпусной лингвистики и появлением новых корпусов текстов, например, *корпус сопоставимый (параллельный)*.

Терминологическое поле корпусной лингвистики постоянно развивается, термины получают свои толкования, некоторые толкования обновляются по мере того, как процедура или объект становятся более привычными и начинают чаще использоваться как разработчиками корпусов текстов, так и пользователями. Внедрение дисциплины Корпусная лингвистика в учебный процесс в вузах и появление ряда учебников также способствует становлению и развитию терминологии. Наблюдение за изменением терминологического аппарата новой научной сферы позволяет увидеть изменения в самой изучаемой сфере, в подходах к работе с терминологическим полем, к выявлению и определению терминов, а также обратить внимание на устойчивость основных терминов на протяжении длительного периода времени, свидетельствующей об их регулярном употреблении и конвенционализации.

Литература

Захаров В. П., *Богданова С. Ю.* Корпусная лингвистика: учебник. Иркутск: Иркут. гос. лингвист. ун-т, 2011.

Захаров В. П., *Богданова С. Ю.* Корпусная лингвистика: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2013.

Захаров В. П., *Богданова С. Ю.* Корпусная лингвистика: учебник. 3-е изд., доп. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2020.

Mitrofanova O., Zacharov V. Automatic Analysis of Terminology in the Russian Corpus on Corpus Linguistics // Slovko-2009: NLP, Corpus Linguistics, Corpus Based Grammar Research: Proceedings of Fifth International Conference (Smolenice, Slovakia, 25–27 November 2009). Brno: Tribun, 2009. P. 249–255.

Бурляй Анна Сергеевна

ст. преподаватель, мл. научный сотрудник, Донецкий государственный университет;
anna.burlyai@mail.ru

БАЗОВАЯ СТРУКТУРА ПРОМПТОВ ДЛЯ ЭФФЕКТИВНОЙ РАБОТЫ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ В ЧАТЕ GPT

Ключевые слова: нейросеть, чат GPT, промпт.

Одной из тенденций, связанной с цифровизацией, является внедрение искусственного интеллекта в образовательную среду. С 2019 г. в Российской Федерации реализуется Национальная стратегия развития искусственного интеллекта, направленная на поддержку научных исследований, повышение уровня информированности населения о возможных сферах использования технологии ИИ, разработку и развитие ПО и др. Одной из моделей машинного обучения, имитирующей работу мозга, является **нейросеть**. Мы рассмотрим модели поведения генеративных нейронных сетей, создающих текстовый контент.

Способность формулировать точные запросы для нейросетей — важная составляющая информационной культуры в целом. **Промпт-инжиниринг** (prompt-engineering) — одна из технологий, позволяющая целенаправленно конструировать текстовые запросы-подсказки — промпты. **Промпты** (prompts) — это ключевые слова или предложения, которые вводятся для инициации ответа в модели GPT (Generative Pre-trained Transformer). Они играют ключевую роль в обучении и работе модели, поскольку они направляют её на определенную тему или задачу.

Целью данной работы является исследование базовой структуры промптов для эффективной работы преподавателей русского языка в чате GPT, их особенностей и влияние на качество генерируемых ответов, а также анализируются различные подходы к написанию промптов в чате GPT, включая использование ключевых слов, контекстуальных подсказок и структурированных запросов.

Сегодня активно исследуются возможности оптимизации базовой структуры промптов для повышения точности и релевантности ответов, получаемых от модели GPT, производится сравнительный анализ различных методов построения промптов и их влияние на эффективность работы чат-бота на основе модели GPT. **Актуальность** работы заключается в необходимости освоения новых технологий преподавателями русского языка для повышения эффективности работы, оптимизации затраченных временных ресурсов на рутинные задачи, автоматизации процессов.

При формулировании промптов следует учитывать особенности текстовых нейросетей: запросы необходимо формулировать без субъективных высказываний, аллегорических сравнений и других образных выражений, эмоционально окрашенных слов. Также есть и другие способности к генерации и преобразованию текста:

- нейросети могут генерировать новые тексты, имитируя стиль и структуру входных данных. Это используется для написания рассказов, стихов, новостей, ответов на вопросы и т. д.;
- текстовые нейросети могут переводить текст с одного языка на другой;
- способны создавать краткие изложения длинных текстов;
- могут классифицировать текст по тематике, тону, стилю и т. д.;
- могут заменять слова в тексте синонимами, сохраняя смысл.

Базовая структура промптов для эффективной работы преподавателей-русистов в чате GPT может быть следующей:

- **Определение контекста:** начните промпт с краткого описания контекста или темы разговора, чтобы помочь модели понять, о чём будет идти речь. Пример: «Обсудим тему русского литературного языка».

- **Постановка вопроса:** сформулируйте конкретный вопрос или просьбу, на который ожидаете ответ от модели. Пример: «Дай определение термину „литературный язык“ и расскажи, кто является основоположником русского литературного языка?»
- **Определение роли:** напишите, от какого лица необходимо модели предоставить информацию. Пример: «Действуй как лингвист/эксперт/обозреватель и т. д.».
- **Уточнение формата выдачи результата.** Пример: «Предоставь информацию в виде тезисов/плана/обзора/исторической справки и т. д.».
- **Дополнительные инструкции:** предоставьте модели дополнительные указания или информацию, если это необходимо для понимания задачи или темы. Пример: «Укажи, какие есть альтернативные теории возникновения русского литературного языка?»
- **Обратная связь:** оцените ответ модели и дайте обратную связь, чтобы уточнить или прояснить информацию. Пример: «Спасибо за ответ. Можешь ли ты дать более подробное описание?»

Таким образом, эффективная интеграция текстовых нейросетей преподавателем русской словесности ускоряет работу с первичными источниками информации, исключая нерелевантные ответы, повышает эффективность планирования, позволяет автоматизировать ряд профессиональных задач. Дальнейшее построение системы промптов позволит сделать более эффективной работу исследователей.

Литература

Алферьева-Термсикос В. Б. Промт-инжиниринг как стратегия формирования информационной культуры обучающихся // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 9-1 (96). С. 10–15. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/promt-inzhiniring-kak-strategiya-formirovaniya-informatsionnoy-kultury-obuchayuschihsya (дата обращения: 30.11.2024).

Соколова М. Е. ChatGPT и промпт-инжиниринг: о перспективах внедрения генеративных нейросетей в науке // Науковедческие исследования. 2024. № 1. С. 92–109.

Исследование проводилось по теме государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX–XXI столетий в его региолектном и общеязыковом аспектах» (№ госрегистрации НИОКТР 124051400024-1).

Гейбатова Алёна Валерьевна

докторант, Университет Хазар, Азербайджан;
преподаватель, Губинский филиал Азербайджанского государственного педагогического университета, Азербайджан;
alena.yolkina.94@mail.ru

К ВОПРОСУ О ЖАНРОВЫХ ОСОБЕННОСТЯХ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСА

Ключевые слова: дискурс, интернет, жанровые особенности.

На протяжении нескольких десятилетий феномен дискурса занимает одну из центральных позиций в системе лингвистического знания. Известно множество научных трудов, посвящённых определению данного понятия, изучению его основных признаков, выявлению его видов и жанров, соотношению дискурса со смежными понятиями, такими как текст, речь и т. д. Главной причиной пристального внимания учёных к дискурсу является сложность и многогранность данного понятия.

В последнее время широкое распространение получило понятие интернет-дискурса. Как известно, значительные изменения в жизни общества, связанные с языком, немедленно находят отражение в лингвистике. Одним их глобальных новшеств в языковой среде является внедрение и широкое распространение информационных технологий и интернета. Интернет превратился не только в богатейший источник информации, но и в доминирующее средство общения, которое привело к появлению нового «электронного» языка, а вместе с ним и «интернет-дискурса». **Актуальность** данной статьи заключается в растущем интересе исследователей к понятию интернет-дискурса. **Новизна** проявляется в тщательном изучении интернет-дискурса и систематическом представлении основных результатов. В качестве **объекта** исследования выступает интернет-дискурс как один из современных видов дискурса. **Предметом** исследования являются отличительные черты и жанровые особенности интернет-дискурса. Главной **целью** данной научной работы является выявление и изучение своеобразия интернет-дискурса среди других видов дискурса. Для реализации данной цели были поставлены следующие **задачи**:

- рассмотрение понятия дискурса в целом;
- уточнение понятия интернет-дискурса;
- конкретизация места интернет-дискурса среди других видов дискурса;
- определение дифференциальных свойств интернет-дискурса.

Теоретической базой исследования в области дискурса и дискурс-анализа послужили труды таких учёных как С. Харрис, Т. А. ван Дэйк, Н. Л. Фэрклоу, Д. Шиффрин, Дж. И. Гримс, Дж. Л. Филипс, Е. И. Шейгал, А. А. Кибрик, В. И. Карасик, Е. С. Кубрякова и другие. В непосредственном исследовании интернет-дискурса за основу были взяты научные работы С. С. Херринг, И. М. Дерик, Н. С. Барон, А. Г. Аврамовой, Н. А. Ахреновой, Е. Н. Галичкиной, Е. И. Горошко, О. В. Лутовинова и другие.

В результате ознакомления с научной литературой было установлено, что дискурс является многослойным динамическим понятием, которое отличается своим междисциплинарным характером. Следовательно, существует множество подходов к определению дискурса, такие как лингвистический (З. Харрис, Т. ван Дэйк), функциональный (Дж. Остин, Дж. Серль), социолингвистический (Д. Хаймс, Э. Гоффман), когнитивный (Дж. Лакофф, Т. ван Дэйк), критический дискурс анализ (Н. Фэрклау, Т. ван Дэйк) и другие.

Обзор научной литературы также показал, что понятие интернет-дискурса не имеет общепризнанного определения — зачастую его приравнивают «виртуальному», «электронному» и «компьютерному» дискурсу [Галичкина 2021: 98]. В англоязычных научных трудах также встречаются такие понятия как «Computer Mediated Discourse» (С. Херринг, Ж. Андротсополос, Ш. Торкл), «Computer Mediated Communication» (Дж. Волтер, Б. Веллман), «Web Discourse»

(Д. Кристал, Н. Барон, М. Заппавигна) и другие. Многогранность изучаемого понятия объясняет наличие множества подходов, которые рассматривают интернет-дискурс с различных аспектов. Некоторые учёные занимаются изучением лингвокультурологических (С. Херринг, К. Турлоу, О. В. Лутовинова) и гендерных характеристик интернет-дискурса (Д. Таннен, Дж. Кассель, Д. Тверски, А. Н. Гайфуллина, А. И. Горошко, Л. Ф. Компанцева), другие предпочитают изучение и выявление основных языковых характеристик интернет-дискурса (Н. А. Ахренова, А. Г. Аврамова). Не менее популярными являются исследования, которые нацелены на определение жанрового своеобразия данного феномена (Е. Ю. Распопина, Л. В. Самойленко, А. А. Землякова, С. В. Заборовська, С. А. Матвеева). Однако несмотря на наличие столь большого и разнообразного количества научных работ в данной области, проблема интернет-дискурса в целом и его жанровых особенностей в частности всё ещё не нашла своего решения. «В вопросах жанровой классификации изучаемого объекта, достаточно трудно дать оценку обще-жанровым особенностям, выделяемым разными авторами» [Распопина 2010: 130]. Согласно нашему мнению, главной причиной тому является междисциплинарный характер данного явления. Мы предполагаем, что определение понятия интернет-дискурса и выявление его главных жанровых свойств возможно только после уточнения понятий дискурса.

В нашем видении дискурс является билатеральным лингвистическим термином, который наряду с языковой составляющей, включает и неязыковые особенности участников общения, необходимые для реализации адекватной коммуникации. Интернет-дискурс, в свою очередь, является обширным дискурсивным пространством, в котором коммуникация происходит вне временных и пространственных границ. Дискурсивное пространство Интернета представлено в виде значительного числа средств и инструментов, дающих доступ к своеобразно организованной среде общения. Таким образом, главным отличительным свойством интернет-дискурса является его инструментальный признак, из которого исходит виртуальный характер данного жанра дискурса. Другие отличительные признаки, такие как наличие электронного сигнала, интерактивный характер, высокая степень мультимодальности, отсутствие временных и пространственных ограничений, являются лишь производными.

Литература

Галичкина Е. Н. Интернет-дискурс: основные направления изучения и тенденции развития // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2021. № 7 (160). С. 94–101.

Распопина Е. Ю. Дифференциальные и жанровые особенности компьютерного Интернет-дискурса // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2010. № 1 (9). С. 125–132.

Корышев Михаил Витальевич

канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет;
m.koryshev@spbu.ru

КОМПЬЮТЕРНАЯ ЛИНГВИСТИКА И ИСТОРИЯ ЛИТУРГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ПСЕВДОПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ ТЕКСТЫ И НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ПРИВЫЧНЫЕ ВЕЩИ

Ключевые слова: католическая гимнография, польский язык, немецкий язык, латинский язык, корпус.

Параллельные корпусы уже долгое время являются ценнейшим ресурсом примеров не только для переводчиков, но также для разнообразных NLP приложений, которые используют большие коллекции текстов. Обычно источниками параллельных текстов выступают документы, подготовленные в различных организациях (например, ООН, НАТО и др.). Тем не менее их объемов недостаточно для решения прикладных задач, а также они ограничены по жанру. Еще одна сложность заключается в том, что документы одновременно создаются на разных языках, а не являются переводами, что не позволяет говорить об их полной «параллельности». Отдельно можно говорить о художественной литературе и ее переводах, однако, в силу их специфики, им уделяется меньше внимания.

В связи с этим исследователи обращаются к так называемым псевдопараллельным (англ. comparable) текстам — текстам на разных языках, которые посвящены одной теме. Их можно разделить на сильно псевдопараллельные тексты (англ. strongly comparable texts), в которых описывается один и тот же предмет [Sharoff et al. 2013], и слабо псевдопараллельные тексты (англ. weakly comparable texts), которые относятся к одной и той же узкой предметной области или жанру, однако представляют разные события. Например, «парламентские дебаты на тему здравоохранения в Бундестаге, Палате общин Великобритании или в Государственной Думе» [Sharoff et al. 2013: 3]. Тексты гимнов, как и некоторые иные религиозные тексты, относятся к первой группе и, как следствие, могут быть использованы для создания корпуса псевдопараллельных текстов. Данный тип текстов остается за пределами внимания исследователей, хотя обращение к литургическим текстам позволило бы разнообразить тематику корпусов и, тем самым, расширить их жанровый состав. Подобные тексты становились предметом текстологического или филологического интереса, но при этом не исследовались при помощи инструментов компьютерной лингвистики и лексикографии. Успехи в данных областях позволяют по-новому взглянуть на многоязычную гимнографию и выявить специфику традиций. Из известных нам проектов, которые разрабатываются на стыке компьютерной лингвистики, богословия и цифровой гуманитаристики можно назвать Index Thomisticus Treebank [Passarotti 2019]. Его начальной целью была морфологическая и синтаксическая разметка трудов Фомы Аквинского, в то время как сейчас он посвящен разработке языковых ресурсов для латинского языка.

Наш проект посвящен исследованию католических литургических текстов на латинском, немецком и польском языках. В ходе работы будут отобраны гимнографические произведения, представляющие собой псевдопараллельные тексты, на разные циклы литургического года. В нашей работе были поставлены две цели: 1) создание корпуса псевдопараллельных текстов, представленных в литургических книгах; 2) определение степени близости между текстами на разных языках.

На данном этапе работы нами были отобраны 10 текстов на трех языках, относящиеся к циклам Адвента и Рождества, общим объемом 5000 слов. Ниже представлены названия гимнов (табл. 1):

Таблица 1. **Названия гимнов**

	Latin	German	Polish
1	Conditor alme siderum	Gott, heil'ger Schöpfer aller Stern‘	Stwórco gwiaździstych przestworzy
2	Vox clara ecce intonat	Hört, eine helle Stimme ruft	Już dźwięczny głos się rozlega
3	Christe, redemptor omnium	Christus, Erlöser aller Welt	Chryste, zbawienie ludzkości
4	A solis ortus cardine	Vom hellen Tor der Sonnenbahn	Od bram dalekich wschodu słońca
5	Fit porta Christi pervia	Zur Pforte Christi ward die Magd	Brama wszelkiej łaski pełna
6	Corde natus ex Parentis	Aus des Vaters Herz geboren	Ten, którego zrodził Ojciec
7	Quicumque Christum quaeritis	Ihr alle, die ihr Christus sucht	Wy, którzy Pana szukacie
8	A Patre Unigenite	Des Vaters eingeborner Sohn	O Synu Ojca Jedyny
9	Rector potens, verax Deus	O Gott, du lenkst mit starker Hand	Władco potężny, wierny Boże
10	Te lucis ante terminum	Bevor des Tages Licht vergeht	Nim kres nadejdzie jasności

В табл. 2 продемонстрирован пример сопоставленных друг другу гимнов на трех языках:

Таблица 2. **Пример выравненных гимнов**

Latin	German	Polish
Conditor alme siderum, aeterna lux credentium, Christe, redemptor omnium, exaudi preces supplicum.	Gott, heilger Schöpfer aller Stern, erleucht uns, die wir sind so fern, dass wir erkennen Jesus Christ, der für uns Mensch geworden ist.	Stwórco gwiaździstych przestworzy i wieczne światło wierzących, Chryste, coś wszystkich odkupił, wysłuchaj naszą modlitwę.

Указанный пример подтверждает, что автоматическое выравнивание текстов связано со сложностями, поэтому на данном этапе тексты выравниваются вручную. Далее нами будут использованы списки ключевых слов (согласно подходу, предложенному в [Kilgarriff 2001; Kilgarriff 2010]), выделенные при помощи статистических мер (chi-squared, LL-score, cosine), для сопоставления текстов друг с другом и определения степени их близости. Дополнительно будут рассмотрены не только частотные слова, но их противоположность — hapax legomena. Это позволит приблизиться к пониманию того, какие понятия культуры являются важными для каждой из исследуемых католических церковных традиций по отдельности, а также общими для них.

Литература

Building and Using Comparable Corpora / eds S. Sharoff, R. Rapp, P. Zweigenbaum, P. Fung. Berlin; Heidelberg: Springer-Verlag, 2013.

Kilgarriff A. Comparable corpora within and across languages, word frequency lists and the KELLY project. // Proceedings of workshop on Building and Using Comparable Corpora at LREC. Malta, 2010. P. 1–5.

Kilgarriff A. Comparing corpora // International Journal of Corpus Linguistics. 2001. Vol. 6, no. 1. P. 1–37.

Passarotti M. The Project of the Index Thomisticus Treebank // Digital Classical Philology. Ancient Greek and Latin in the Digital Revolution, Vol. 10 of Age of Access? Grundfragen der Informationsgesellschaft / ed. by M. Berti. Berlin; Boston: De Gruyter GmbH, 2019. P. 299–319.

Ляшенко Мария Алексеевна

ассистент, Пятигорский государственный университет;
lyashenko-masha@inbox.ru

ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ОПТИМИЗАЦИИ КОНТЕНТА ДЛЯ УЛУЧШЕНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ РЕЛЕВАНТНОСТИ

Ключевые слова: семантический поиск, машинное обучение, контент-оптимизция, пользовательский опыт, естественный язык.

Семантическая оптимизация для поисковых систем представляет собой методику создания контента, сфокусированного на тематике, а не только на отдельных ключевых фразах. Эта стратегия направлена на глубокое понимание поисковых намерений пользователей и предоставление исчерпывающей, высококачественной информации, которая удовлетворяет их запросы. Современные сложные алгоритмы поддерживают семантический поиск, анализируя контекст запроса, намерения пользователя и взаимосвязи между словами для предоставления более точных и релевантных результатов [Brinker, Kelly 2018].

Сегодня поисковые системы учитывают такие параметры, как скорость загрузки сайта, адаптивность для мобильных устройств и общая удобность использования при оценке вебстраниц. Машинное обучение позволяет анализировать взаимодействие пользователей с сайтами, обеспечивая появление в топовых результатах только наиболее удобные и функциональные ресурсы. Интеграция технологий, таких как Knowledge Graph, Hummingbird и RankBrain, существенно продвинула вперёд понимание контекста и истинной семантики запросов [Garth 2020].

Семантический поиск в значительной мере обязан прогрессу машинного обучения, способного не только распознавать сложные закономерности, но и гибко подстраиваться под поведенческие паттерны пользователей. Раньше такие сервисы, как Google, основывались главным образом на буквальном сопоставлении терминов из запроса с текстом веб-страниц, что зачастую оборачивалось недостаточно точными результатами [Chandra 2019]. С внедрением семантического анализа произошёл радикальный пересмотр основных принципов поиска: теперь алгоритмы глубже вникают в естественный язык и способны выдавать по-настоящему релевантные ответы.

В свою очередь семантический анализ способствует составлению более подходящих результатов поиска, максимально соответствуя требованиям пользователя. Также такой вид поиска стремится улучшить процесс обработки запроса путем сравнения продуктов и условий приобретения того или иного товара. Необходимо отметить, что семантический поиск критически влияет на SEO. Основной упор делается на целостный подход, включающий в себя оправдание ожиданий пользователя и актуальность вопроса, а не на вычленение ключевых слов из запроса. Техническая оптимизированность и UX оказываются такими же первостепенными, как и само содержание.

Единая стратегия UX и SEO способствуют согласованию контента с семантическим поиском, а также создают непосредственное и близкое отношение с целевой аудиторией. Принимая к сведению историю поиска и пользовательские предпочтения, происходит улучшение качества выдаваемых результатов. Они становятся более персонализированными. Такой подход базируется на семантическом анализе, который изучает и трактует запросы, идентифицируя истинные намерения и смысловые особенности слов. Алгоритмы настроены на то, чтобы отслеживать взаимосвязи терминов, их значения и то, как они используются ежедневной коммуникации. Это предоставляет возможность поисковой системе воспринимать запросы более естественным образом.

Современные методы обработки естественного языка (NLP) выступают в роли ключевого инструмента, который даёт алгоритмам возможность улавливать и интерпретировать тончайшие нюансы человеческой речи. Благодаря этому поисковые сервисы становятся заметно

эффективнее в прогнозировании наиболее релевантного содержимого для разных типов запросов, что ощутимо повышает качество и удобство взаимодействия пользователей с системой поиска.

В рамках исследования была собрана и структурирована табличная выборка данных, в которой заголовками столбцов выступают три наиболее востребованных браузера: Google, Yandex и Bing. В данной таблице представлена информация о том, как каждая из систем поисковой выдачи отреагировала на запрос «coat with a fur-trimmed collar». Для каждого зафиксированного результата, а также для самого поискового выражения, была проведена векторизация — процедура, переводящая текст в набор числовых характеристик.

Завершающим этапом стал расчет косинусного сходства между вектором исходного запроса и векторами найденных страниц. Подобный подход обеспечивает количественную оценку того, насколько тексты совпадают с поисковой фразой, и даёт возможность расставить их по степени релевантности. Чтобы определить, насколько глубоко результаты поиска согласуются с исходным запросом в плане семантики, обратились к передовой нейронной сети, формирующей многомерные эмбеддинги из отдельных предложений. В частности, была выбрана модель «sentence-transformers/all-MiniLM-L6-v2», отличающаяся высокой точностью в улавливании тонких смысловых связей.

Следует отметить, что различные поисковики имеют собственные алгоритмы ранжирования, что и даёт разницу в итоговой выдаче даже при одинаковых запросах. К примеру, Yandex способен выдать более широкий спектр релевантных результатов, свидетельствуя об энергичной реакции на лексику и структуру веб-страниц. В современном SEO необходим комплексный подход, сочетающий техническую оптимизацию и содержательный, качественный контент, ориентированный на пользователей. Нюансы, связанные с релевантностью у разных поисковых систем, подтверждают, насколько важно вносить гибкие корректировки в SEO-стратегии. При высокой конкуренции на рынке даже мелкие усовершенствования могут ощутимо укрепить позиции сайта в поиске и, соответственно, повысить трафик и конверсию. Для специалистов, занимающихся продвижением сайтов, результаты исследования ясно указывают на важность комплексной стратегии при формировании контента. Включение в текст разнообразных лексических конструкций, таких как синонимы и тематически близкие формулировки, повышает вероятность соответствия алгоритмам различных поисковых систем. Подобный подход сразу улучшает позиции ресурса в нескольких поисковых инструментах. Научный анализ демонстрирует, что каждая из рассмотренных поисковых платформ использует собственные технологии морфологической и семантической интерпретации запросов. Понимание отличий в методах ранжирования открывает путь к более тонкому изучению факторов, влияющих на видимость сайтов, и в конечном счете помогает укрепить их позиции в выдаче.

Литература

Sadeeq M., Zeebar S. Semantic Search Engine Optimisation (SSEO) for Dynamic Websites: A Review // International Journal of Social Science and Business. 2021. P. 152–155. URL: https://www.researchgate.net/publication/349928091_Semantic_Search_Engine_Optimisation_SSEO_for_Dynamic_Websites_A_Review (дата обращения: 24.12.2024).

Shijie Wang, Wenqi Fan, Yue Feng, Shanru Lin, Xinyu Ma, Shuaiqiang Wang, Dawei Yin. Knowledge Graph Retrieval-Augmented Generation for LLM-based Recommendation // arXiv. 2025. https://doi.org/10.48550/arXiv.2501.02226

Vaswani A., Shazeer N., Parmar N., Uszkoreit J., Jones L., Gomez A. N., Kaiser Ł., Polosukhin I. Attention Is All You Need // Neural Information Processing System. 2017. P. 6–12. URL: https://www.semanticscholar.org/reader/204e3073870fae3d05bcbc2f6a8e263d9b72e776 (дата обращения: 24.12.2024).

Митренина Ольга Владимировна

канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет;
o.mitrenina@spbu.ru

АВТОМАТИЗАЦИЯ НУЛЕВОГО И ПЕРВОГО ЭТАПА МАНУАЛЬНОЙ РАЗМЕТКИ РУК ПРИ СОЗДАНИИ МУЛЬТИМОДАЛЬНОГО КОРПУСА РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Ключевые слова: мультимодальный корпус, разговорная речь, нейросетевая разметка жестов, корпусная лингвистика.

В докладе описывается серия экспериментов по нейросетевой разметке жестикуляции для мультимодального корпуса разговорной речи. Значимость проблемы обусловлена следующим. В живом общении важны не только слова, но мимика, жесты, интонация, движения глаз, проксемика и еще какие-то параметры, о которых мы, возможно, даже не знаем. Если изучение интонации высказываний давно уже стало частью лингвистических исследований, то изучение жестикуляции становится доступным для систематического изучения лингвистам только сейчас, хотя никогда не отрицались ни значимость жестикуляции и мимики для речевой коммуникации, ни различия в соответствующих привычках между носителями разных языков. Еще недавно исследовать эти параметры (и их взаимосвязь) с помощью корпусных методов возможности не было по причине слабости доступных тогда компьютеров. Однако сейчас производительность компьютеров существенно увеличилась, и поэтому большую популярность приобретают мультимодальные корпусы, которые содержат видеозаписи коммуникаций с разметкой различных каналов: текст, интонация, жесты, мимика, движения глаз и пр. Это открывает совершенно новые перспективы для исследования невербальных аспектов речевой коммуникации, и нам только предстоит осознать, насколько эти перспективы велики.

В настоящей работе эксперименты проводились с записями корпусом «Рассказы и разговоры о грушах», который создается в Институте языкознания РАН. Корпус содержит записи естественной коммуникации между несколькими собеседниками, а также их вокальную, референциальную, кинетическую и окуломоторную аннотацию [Кибрик, Федорова 2018]. Корпус включает 24 записи общей длительностью около 9 часов, но в открытый доступ выложены три записи 2015 г., каждая из которых включает 18 медиафайлов, каждый из которых снабжен многоуровневой аннотацией. Кинетическая аннотация корпуса, выполненная в программе ELAN, содержит аннотацию жестов рук и жестов головы.

В ходе представленного в докладе эксперимента видеозаписи корпуса были проанализированы и размечены с помощью искусственных нейронных сетей. Тестировались наиболее популярные среди разработчиков в настоявшее время модели глубокого обучения MediaPipe, MoveNet и YOLOv8-pose. Лучший результат при распознавании пальцев на видео показало использование библиотек [MediaPipe Solutions].

Анализируемое видео было разбито на фреймы (каждой секунде видео соответствовали 30 фреймов). Для каждого фрейма фиксировалась временная метка (timestamp) и с помощью нейронной сети определялись координаты ключевых точек обеих рук говорящего: запястья и кончиков трех пальцев — мизинца (PINKY), указательного пальца (INDEX) и большого пальца (THUMB). Данные были собраны в форматах CSV и Excel. После этого на основании анализа расстояний между ключевыми точками проводился поиск аномальных значений в координатах. Для этого было определено пороговое значение для допустимого расстояния между запястьем и кончиками каждого из трех пальцев. Таким образом, были выделены жесты, представляющие трудность для автоматического анализа.

Следующим этапом для каждой временно метки диалога были вычислены скорость и направление движения каждой ключевой точки обеих рук. Для этого для каждого момента времени учитывались x- и y-координаты этих точек в предыдущий языковой момент

Полученный результат позволяет автоматизировать нулевой этап разметки [Литвиненко и др. 2018], который раньше составлялся вручную. Этот этап включает ответы на следующие вопросы:

1. Много ли у говорящего жестов?
2. Много ли у говорящего крупных (структурированных) адапторов?
3. Много ли у говорящего мелких (неструктурированных) адапторов?
4. Какова типичная продолжительность покоя между цепочками движений?
5. Какова типичная скорость движений?
6. Какова типичная амплитуда движений?
7. Каковы типичные нейтральные положения?
8. Есть ли частотные рекуррентные (повторяющиеся) жесты?
9. Есть ли частотные повторяющиеся адапторы?

Типичная амплитуда и типичная скорость движения определяются без использования нейронных сетей. Для остальных показателей требуется небольшой обучающий корпус, содержащий элементы разметки мануальных жестов и адапторов — не являющихся коммуникативно значимыми движений, направленных на поддержание физического комфорта говорящего. Для этого используются фрагменты созданной вручную аннотации движений рук нескольких информантов. Дальнейшее развитие предложенного подхода позволяет перейти к нейросетевой разметке типов жестов и адапторов.

Полученная разметка выравнивается с текстовой расшифровкой диалогов и сегментной аннотацией, выполненной в программе Praat, а также с транскрипами с указанием временно́й динамики вербальных элементов [Коротаев 2019]. Даже на этом этапе подобное выравнивание позволяет выявить определенные корреляции между жестами, интонацией и различными лексическими, грамматическими и другими аспектами устной речи.

На примере моделей, использованных в данном эксперименте, можно убедиться, что исследование невербальных аспектов речевой коммуникации может и должно в настоящее время выйти на новый уровень, который обеспечит гораздо более «стереоскопичное», если можно так выразиться, понимание разговорной речи, не ограниченное одним лишь вербальным ее аспектом.

Литература

Кибрик А. А., Федорова О. В. An empirical study of multichannel communication: Russian Pear Chats and Stories // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2018. Т. 15, № 2. С. 191–200.

Коротаев Н. А. «Рассказы и разговоры о грушах»: принципы вокальной аннотации. (Версия 10.01.2019.) URL: https://multidiscourse.ru/data/ann/pears_vocal%20annotation.pdf (дата обращения: 24.12.2024).

Литвиненко А. О., Николаева Ю. В., Кибрик А. А., Федорова О. В. «Рассказы и разговоры о грушах»: аннотирование движений рук. (Версия 14.12.2018.) URL: https://multidiscourse.ru/data/ann/pears_manual_annotation.pdf (дата обращения: 24.12.2024).

MediaPipe Solutions. URL: https://github.com/google-ai-edge/mediapipe (дата обращения: 24.12.2024).

Исследование подготовлено при поддержке Санкт-Петербургского государственного университета, шифр проекта 124032900006-1.

Пиркулыева Гульзар Пиркулыевна

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет;
st120895@student.spbu.ru

ОБЗОР СУЩЕСТВУЮЩИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ЛЕКСИЧЕСКОЙ СОЧЕТАЕМОСТИ В ТУРКМЕНСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: сочетаемость, лексическая сочетаемость, морфология, морфология, грамматика, семантика.

В докладе рассматривается лексическая сочетаемость в туркменском языке как особенное явление и трудности при его изучении. Кодифицированные правила сочетания слов не всегда совпадают с узуальным употреблением, что затрудняет отбор сочетаний для решения различных прикладных задач. К таким задачам в первую очередь относится совершенствование методики обучения туркменского языка и технологий машинного перевода. На многие вопросы употребления тех или иных сочетаний способна ответить корпусная лингвистика. В качестве источника избран корпус менеджер Search tkWaC и платформы.

Целью статьи является изучение лексической сочетаемости в туркменском языке при помощи корпусных методов, анализ работы корпус-менеджера Search tkWaC, а также выявление преимуществ и недостатков Search tkWaC и соответствующей платформы. Результаты исследования можно использовать для разработки методик обучения аспектам языка на основе корпусных технологий и в методике преподавания туркменского языка.

Туркменский веб-корпус (tkWaC) — это корпус Интернет-текстов на туркменском языке. Корпус был подготовлен в соответствии со стандартами, описанными в [Kilgarriff et al. 2010], и насчитывает 2 миллиона слов. Тексты были очищены и дедуплицированы.

Для работы с туркменским корпусом доступен полный набор инструментов для создания, например, «списки слов» — списки туркменских слов, упорядоченных по частоте, “n-граммы” — частотный список единиц, состоящих из нескольких слов; «конкорданс» — примеры в контексте.

В качестве примеров для анализа были выбраны прилагательные со значением высокой степени “ajy” (острый) и “awadyjy” (жгучий):

(1) *Ýiti we ýakymsyz täsir edýän tagam, süýji bolmadyk, süýji däl.*
(острый и неприятный вкус, не вкусный, без вкуса)

(2) *Awadyjy, awuşadýan, gynaýjy, içinden geçip barýan, ötgür, ötýän.*
(жгучий, испытывающий боль)

(3) Переносное значение: agyr, erbet, kyn.
(тяжелый, плохой и трудный)

(4) Фразеологизм: ajy, awadyjy. Ajy zaher. Ajy dil/
(остёр, остра́, остро́, остры́. Жгучий/ острый яд. Острый язычок. Durdynyň ajy sözi Artyga kemsiz degdi. B. Kerbabaýew
(Острые слова Дурды тяжело ранили Артыга) «Aýgytly ädim» роман Б. Кербабаев «Решающий шаг»).

В приведенных нами выше примерах значения слова тесно связаны друг с другом. С точки зрения изучения степенных слов нас интересует именно четвертое значение, по-видимому, произведенное непосредственно от третьего, стоит только расширить представление о сильном действии, включив в него все возможные органы чувств, включая особое восприятие психологических явлений. Однако по-прежнему понятной остается связь с чем-то режущим, обладающим высокой степенью воздействия. Можно предположить, что для носителей языка такой эпитет будет ассоциироваться с малоприятными явлениями.

Сравним со значениями, выделенными в словаре Туркменской государственной издательской службы (ТГИС):

1. Сильно действующий на органы чувств; имеющий пряный вкус или запах. // Резкий, пронизывающий (о ветре, холоде и т. п.).
2. Очень сильный по своему проявлению, выражению (о физических ощущениях человека). // Протекающий очень быстро, бурно; не хронический (о болезни).
3. перен. Развитой, изощренный, тонкий (о слухе, зрении, памяти и т. п.).
4. перен. Очень сильно ощущаемый, резко выраженный; напряженный, критический [8].

В данном примере большинство значений соотносится с прямым значением, физические ощущения при этом выделены отдельно. Таким образом, уже на уровне определения слов мы видим описанную выше проблему разграничения собственно значений и их контекстуальных реализаций.

Литература

Kilgarriff A., Reddy S., Pomikálek J., PVS A. A Corpus Factory for Many Languages // Proceedings of the Seventh International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC'10), Valletta, Malta. European Language Resources Association (ELRA), 2010. URL: https://aclanthology.org/L10-1044/ (дата обращения: 15.01.2025).

Рогозина Елена Андреевна[1], Алексеева Елена Леонидовна[2],
Азарова Ирина Владимировна[3], Сипунин Константин Владимирович[4]

[1]ст. преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет;
e.rogozina@spbu.ru
[2]специалист, канд. филол. наук;
el.alexeeva@gmail.com
[3]специалист, канд. филол. наук;
ivazarova@gmail.com;
[4]специалист; 79818514079@yandex.ru

ВИДЫ БИБЛЕЙСКИХ ЦИТАТ И ОСОБЕННОСТИ ИХ АТРИБУЦИИ НА МАТЕРИАЛЕ СЕВЕРНОРУССКИХ ЖИТИЙ КОРПУСА СКАТ

Ключевые слова: корпус, жития, цитаты, XML-разметка, атрибуция.

Санкт-Петербургский корпус агиографических текстов (СКАТ) — это электронный корпус агиографических церковнославянских текстов XV–XVII вв. Проект реализуется на кафедре прикладной и математической лингвистики, Санкт-Петербургский государственный университет. На данный момент корпус содержит 22 текста житий севернорусских святых, изданных кафедрой математической лингвистики, Санкт-Петербургский государственный университет в период с 2002 по 2012 гг. В рамках проекта ведется работа по структурированию текстов в формате XML: вводится морфологическая и синтаксическая разметка.

Кроме того, водится разметка, отображающая элементы содержания в текстах корпуса, в частности разметка содержательной структуры текстов (то есть разметка основных элементов сюжета, «глав» и «подглав») и разметка встречающихся в текстах цитат. На данный момент подобная разметка реализована для девяти текстов: для Жития Димитрия Прилуцкого, Жития Дионисия Глушицкого, Жития Григория Пельшемского, Жития Корнилия Комельского, Жития Кирилла Новоезерского, Жития Кассиана Угличского, Жития Игнатия Вологодского, Жития Иоасафа Каменского и Жития Александра Куштского.

Среди размеченных в корпусе цитат основную массу составляют цитаты из Библии. Встречаются также цитаты из текстов отцов церкви (например, в корпусе встретились цитаты из Иоанна Златоуста, Василия Великого) и из литургических текстов. Однако число библейский цитат почти в 60 раз превышает количество всех остальных цитат вместе взятых.

Цитаты могут быть представлены в тексте жития разными способами: это могут быть как явные цитаты с указанием источника цитирования, так и завуалированные отсылки к библейскому тексту. При внедрении XML-разметки учитываются следующие способы представления цитат в тексте [Алексеева 2018: 54]:

1. Цитата, которая вводится точным указанием на источник. Например, словами «рече Господь…» (цитаты из Евангелия) или «рече пророк Давид…» (цитаты из Псалтыри).
2. Цитата, которая вводится общим выражением, например, «якоже и пишется…».
3. Цитата, которая никак не выделена в тексте, но точно цитирует текст первоисточника.
4. Контекстуальная адаптация библейского текста. К этому способу представления относятся случаи, когда цитата грамматически или лексически адаптирована к тексту жития. Например, может быть изменено время глагола, лицо, число и т. п., может быть изменен порядок слов, отдельные слова могут быть заменены на синонимы.
5. Аллюзия. К этому способу относятся случаи, когда нет явного цитирования какого-то фрагмента текста, но присутствует отсылка к определенному библейскому сюжету. Например, во фразе «да не и мы впадем в осуждение раба оного, погребшаго в земле талант» нет точной цитаты, но всем знакомым с текстом Нового Завета очевидно, что речь идет о притче о хозяине и трех рабах из Евангелия.

Для всех перечисленных способов оформления цитат в XML-разметке корпуса предусмотрены различные варианты представления, которые позволяют отразить разнообразие видов цитирования. Помимо обозначения границ цитат используемая разметка также позволяет указать для каждой цитаты ее первоисточник.

Однако атрибуция библейских цитат связана с определенными трудностями. В частности, в ряде случаев бывает трудно установить точный источник цитаты, потому что похожие фрагменты встречаются в разных Евангелиях. Например, фраза «въсприемлетъ крестъ Господень на раме своемъ» в Житии Димитрия Прилуцкого может представлять собой контекстуальную адаптацию текста Евангелия от Матфея (глава 16, стих 24), Евангелия от Марка (глава 8, стих 34) или Евангелия от Луки (глава 9, стих 23). Для подобных ситуаций в разметке корпуса СКАТ указываются все возможные источники цитаты, чтобы представить для дальнейшего изучения текстов всю доступную информацию в полном объеме [Алексеева и др. 2022].

Особую сложность представляют случаи, когда цитата имеет древнее бытование в текстах, но ее вид отличается от библейского первоисточника. Тем не менее именно в таком измененном виде цитата используется в большом количестве текстов. Например, в ряде житий корпуса встречается выражение «узкий и прискорбный путь»: в Житии Димитрия Прилуцкого «шествовати теснымъ путемъ и прискорбным», в Житии Григория Пельшемского «шествовати тесным и прискорбным путем», в Житии Корнилия Комельского «тесным и прискорбнымъ путемъ шествовати, ведущимъ в животъ вечныи», в Житии Иоасафа Каменского «ускимъ и прискорбным путемъ обещаешися итъти», в Житии Игнатия Вологодского «святии отцы ускимъ и прискорбным путемъ ходиша въводящимъ во царство небесное». М. К. Кузьмина отождествляет такие выражения как евангельскую цитату Мф 7:13–14 (Внидите узкими враты: яко пространная врата и широкий путь вводяй в пагубу, и мнози суть входящии им. Что узкая врата и тесный путь, вводяй в живот, и мало есть их, иже обретают его.) [Кузьмина 2017: 88, 195, 247], однако в рукописях Евангелия в Мф 7:14 встречается только одно определение при слове *путь*: *тесен*, или *печален*, или *прискорбен*, в соответствии с одним и тем же греческим прилагательным. Однако выражение «узкий и прискорбный путь» имеет длинную историю: в Пандектах Никона Черногорца по рукописи 1297 г.: «брат всякъ покои плотьскыи. мерзокъ ѥсть богови. самъ бо тѣсенъ и прискорбенъ поуть рече. въводѧи въ жизнь»; в каноне Никону Радонежскому, написанному Пахомием Сербом: «Узкий и прискорбный путь шествовал еси, преподообне Никоне»; в Домострое второй редакции XVI в.: «во святом Евангелии речено бысть: Узкий и прискорбный путь вводяй в живот, а широкий и пространный вводяй в пагубу».

Подобные особенности житийных текстов, с одной стороны, осложняют атрибуцию цитат. С другой стороны, разметка подобных цитат помогает прослеживать взаимосвязи между различными текстами и облегчает дальнейшие исследования по поиску первоисточников цитируемых фрагментов текста.

Литература

Алексеева Е. Л. К вопросу о маркировании библейских цитат в корпусе СКАТ // Структурная и прикладная лингвистика. Вып. 12. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2018. С. 53–60.

Алексеева Е. Л., Азарова И. В., Рогозина Е. А., Сипунин К. В. Корпусное выделение библейских цитат в севернорусских житийных текстах XVI–XVII вв. // Источниковедение литературы и языка (археография, текстология, поэтика). Новосибирск, 2022. С. 237–242.

Кузьмина М. К. Канон преподобнического жития сквозь призму библейских цитат. М.: Водолей, 2017.

Семененко Наталия Николаевна[1], Соловьев Антон Юрьевич[2], Цыганков Юрий Александрович[3]

[1]д-р филол. наук, доцент, зав. кафедрой, Университет науки и технологий МИСИС; i@semenenko-1.ru
[2]канд. тех. наук, доцент, Университет науки и технологий МИСИС; solovyov.anton@gmail.com
[3]канд. мед. наук, доцент, Университет науки и технологий МИСИС; tsy-18@yandex.ru

АВТОМАТИЧЕСКАЯ ОБРАБОТКА КОНТЕКСТОВ УПОТРЕБЛЕНИЯ СЛОВА *ПОБЕДА* КАК ЧАСТНАЯ ЗАДАЧА МАТЕМАТИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСА ПОБЕДЫ

Ключевые слова: автоматическая обработка, математическая лингвистика, тематический кластер, Победа.

Математическая лингвистика как смежная область знаний уже имеет свои традиционные формы и способы сопряжения задач 1) описания языка как синергийно образованной и формально структурированной системы и 2) выработки новых эффективных инструментов для анализа текстов и контекстов с опорой на математический анализ. Для современной лингвистики, независимо от того, какой парадигмальный научный вектор первичен для конкретного исследования — антропоцентрический или системно-структурный приоритетно выявление механизма языковой способности человека, что подразумевает анализ совмещения смыслового потенциала языковой единицы и её структурно-парадигмальных свойств, влияющих на линейный и нелинейный потенциал единицы в тексте.

Математическая лингвистика, возникшая в 50-е гг. XX в., изначально предметом своего исследования видит «разработку формального аппарата для описания строения естественных и некоторых искусственных языков» [Насиров 2021: 51], хотя предпосылки к «математизации языковедения» содержатся уже в работах классиков философии языка Ф. де Соссюра и И. А. Бодуэна де Куртене, во-многом предопределивших развитие структурной лингвистики начала XX в. [Верхозин 2013: 145].

В числе современных приоритетных задач математической лингвистики выделяется базовая проблема «моделирования языковой реальности» [Насиров 2021: 51] с помощью математических методов исследования языка. При этом, подавляющее большинство исследователей отмечает, что квантитативное описание языковых явлений практически не имеет ценности, поскольку не позволяет реализовать задачи системного описания. Соответственно, актуальность такого исследования существенно зависит от выработки адекватного метода, совмещающего задачи качественного и количественного описания языкового пространства в его различных способах представленности.

Существенную «поправку» в круг теоретических и прикладных задач математической лингвистики вносит фактор искусственного интеллекта, формирующий «необходимость решения проблемы обнаружения, выделения и уточнения некоей до сих пор неизвестной формально-аксиологической семантики естественного человеческого языка для адекватного представления знаний о ценностях человеческой культуры в системах искусственного интеллекта» [Лобовников 2022: 170]. Данная задача требует глубокого освоения теории аксиологии через научный ресурс «двузначной алгебры метафизики как формальной аксиологии» [Лобовников 2022: 170] дополнительно к ресурсу когнитивной лингвистики как смежной дисциплины. В сопряжении этих двух исследовательских векторов нам и видится масштабная перспектива моделирования ценностно-смыслового ракурса языкового сознания посредством методов математического моделирования.

Современные специалисты в области математической лингвистики аргументированно говорят о необходимости «интеграции качественного и количественного анализа атрибуции»

[Хоменко и др. 2020: 217] применительно к частным задачам и общелингвистическим проблемам. Но если для атрибуционной лингвистики такой подход обусловлен чётким сопряжением исследовательских задач и аппаратных методов, то для лингвистики когнитивной существующие и апробированные алгоритмы поиска и анализа языковых единиц с помощью заданных моделей нуждаются в дополнительном обосновании и проверки репрезентативности результатов исследования.

Выбранная нами исследовательская область — ценностно-смысловое моделирование «дискурса Победы» требует поэтапного и чётко соотнесённого с каждой исследовательской задачей применяемых методов автоматической обработки контекстов. Первичная задача, которую мы перед собой ставим, — создание корпуса текстов, отражающих структурно-содержательную и ценностно-смысловую составляющие тематического дискурсивного пространства и дальнейшее применение методик математического моделирования для выявления ценностно-смысловых паттернов с высокой степенью достоверности.

Для реализации поставленных задач планируется использование следующих комплексных методик: 1) корпусный анализ с использованием алгоритма оценки глагольных, генетивных сочетаний, оценочного фона текста; 2) тематическое моделирование с использованием модифицированных алгоритмов машинного обучения для определения тематических кластеров, в которых слово *победа* употребляется для номинации Победы в Великой Отечественной войне; 3) препроцессинг имеющихся фрагментов с целью их очистки и подготовки обучающей выборки для интеллектуальной модели; 4) разработка интеллектуальной модели на основе сравнительного анализа различных методов и современных нейросетевых языковых моделей LLM (Large language model), 5) а также анализ тональности текста с их использованием.

Литература

Верхозин С. С. О статусе количественных методов в лингвистике // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2013. № 3 (24). С. 145–150.

Лобовиков В. О. Искусственный интеллект и некий почти неизвестный аспект математической лингвистики // Дискурс-Пи. 2022. № 3. С. 170–184.

Насиров К. Э. Математическое моделирование в лингвистике // Наука и образование сегодня. 2021. № 2 (61). С. 51–52.

Хоменко А. Ю., Банькович Е. Р., Гайнутдинова Д. И., Гасанова Л. Ф., Костина А. А., Мазунина З. О., Николаева А. С., Пимонова Е. В. Автоматическая обработка текста и лингвистическое моделирование как способы решения проблем атрибуционной лингвистики // Политическая лингвистика. 2020. № 3 (81). С. 215–224.

Тимофеева Мария Кирилловна

д-р филол. наук, вед. научный сотрудник, Институт математики им. С. Л. Соболева Сибирского отделения РАН;
timof@math.nsc.ru, mtimof@inbox.ru

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОТНОШЕНИЙ В СТРУКТУРАХ РАССУЖДЕНИЯ, ПОСТРОЕННЫХ НА ОСНОВЕ АРГУМЕНТАТИВНОГО АНАЛИЗА И ТЕОРИИ РИТОРИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ

Ключевые слова: теория риторической структуры, аргументативный анализ, структура рассуждения, семантический анализ, каузативные отношения.

Цель данной работы: проанализировать закономерности использования семантически близких отношений, используемых при построении структур рассуждения на основе двух подходов — аргументативного анализа и теории риторической структуры — в их применении к текстам на русском языке.

Методы решения многих задач современной компьютерной лингвистики разрабатываются и апробируются на основе специально собранных для этого корпусов. Корпус не может быть теоретически нейтральным: его разметка всегда строится в соответствии с определённой теорией. Соответственно при реализации разных подходов к решению одной и той же задачи могут использоваться разные по своим теоретическим основаниям и, значит, по правилам аннотирования, корпусы. Учитывая современный приоритет — ориентацию на методы машинного обучения, — требующий для своей реализации корпусы очень большого объёма, целесообразно понять, можно ли как-то полезным образом использовать информацию из альтернативных корпусов, предназначенных для решения аналогичной задачи. В данном случае речь идёт о задаче построения структуры рассуждения, представленного в тексте на русском языке.

В ИСИ СО РАН разрабатывается метод решения этой задачи на основе модели аргументативного анализа Д. Уолтона [Сидорова и др. 2020], реализуемого на платформе ArgNetBank Studio (https://uniserv.iis.nsk.su/arg/). Создан русскоязычный корпус текстов с аргументативной разметкой. На текущем этапе разметка осуществляется экспертами-лингвистами, параллельно на этой основе разрабатываются методы машинного обучения.

Альтернативный подход к решению той же задачи, основан на использовании теории риторической структуры (ТРС) У. Манна и С. Томпсон. Имеются корпус текстов на русском языке Ru-RSTreebank (https://rstreebank.ru) и обученный на этом корпусе анализатор IsaNLP RST Parser [Chistova et al. 2021].

Указанные два подхода похожи между собой и, следовательно, сравнимы. Оба состоят в сегментации текста на части, выражающие единицы мысли, и последующем установлении отношений, связывающих эти сегменты в единую структуру. Принципы сегментации и состав отношений различны, но есть и сходства.

В ИСИ СО РАН был создан корпус с параллельной (аргументативной и риторической) разметкой (100 коротких научных статей и 100 текстов научной и научно-популярной интернет-коммуникации), предназначенный для изучения возможностей использования риторической разметки при построении аргументативной разметки. Для изучения семантически близких отношений произведён экспертный анализ подкорпуса (10 текстов научных рецензий и 10 текстов статей о новостях науки с сайта poisknews.ru).

Естественно было предположить, что близкие по смыслу отношения будут связывать совпадающие или похожие сегменты текста. Иначе говоря, будет выполняться аналог признака синонимии: взаимозаменимость в контексте. Проведённый сопоставительный анализ риторической и аргументативной структур, построенных для одного и того же текста, показал, что данное интуитивное предположение верно лишь отчасти. Например, одно из самых часто встречающихся в рассуждениях отношений — каузальное — при риторическом анализе отображается отношением Cause-effect, а при аргументативном — отношениями CauseToEffect

и CauseToEffectGoal. Действительно, риторическому отношению Cause-effect в аргументативной структуре чаще всего соответствуют указанные отношения, другие варианты единичны. Однако случаев использования каузальных отношений в аргументативной структуре больше, и при поиске их прообразов в риторической структуре оказалось, что столь же часто им соответствует и риторическое отношение Elaboration (Детализация), которое по приписываемой ему семантике не является каузальным. Действительно, указание причинно-следственной связи не всегда выполняет функцию аргументативной поддержки утверждаемого тезиса, а может лишь уточнять ситуацию для лучшего её понимания. Тогда это употребление вписывается в семантику отношения Elaboration, что желательно учитывать при аргументативной разметке. Вместе с тем понятие детализации очень широкое и риторическому отношению Elaboration может соответствовать немалый набор аргументативных отношений, отличных от каузальных. Сопоставительный анализ позволил выявить также вид отношения каузации, при котором решение вопроса о том, что является причиной, а что — следствием, неоднозначно и определяется не объективным состоянием дел, а расставляемыми акцентами. Это проявляется в разнонаправленности стрелок сравниваемых структур.

На том же подкорпусе проведён сопоставительный анализ других семантически близких отношений (Attribution и ExpertOpinion; Contrast и LogicalConflict / ExceptionalCase), а также использование отношения Condition. Рассмотрены текстовые признаки разных видов отношений.

Представляется полезным использовать полученную при сопоставительном анализе информацию, в частности, выявленные виды рассмотренных отношений, для уточнения методики экспертной разметки, что важно для решения одной из базовых проблем, связанных с построением больших корпусов, — повышением степени согласованности решений аннотаторов.

Данная работа носит предварительный характер. Её продолжение на более обширной выборке и на текстах разной жанровой принадлежности даст дополнительную информацию для разработки процедуры унификации разметок, сделанных разными экспертами. Например, при наличии расхождений в разметках возможно предпочтение тех отношений, которые имеют надёжные типы соответствий в риторической структуре.

Литература

Сидорова Е. А., Ахмадеева И. Р., Загорулько Ю. А., Серый А. С., Шестаков В. К. Платформа для исследования аргументации в научно-популярном дискурсе // Онтология проектирования. 2020. Т. 10, № 4 (38). С. 489–502.

Chistova E., Shelmanov A., Pisarevskaya D., Kobozeva M., Isakov V., Panchenko A., Toldova S., Smirnov I. RST Discourse Parser for Russian: An Experimental Study of Deep Learning Models // Analysis of Images, Social Networks and Texts. AIST 2020. Lecture Notes in Computer Science, vol. 12602 / eds van der W. M. P. Aalst et al. Cham: Springer, 2021. P. 105–119.

Исследование выполнено в рамках государственного задания ИМ СО РАН проект № FWNF-2022-0012.

Хохлова Мария Владимировна

канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет;
m.khokhlova@spbu.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ СОЧЕТАЕМОСТИ

Ключевые слова: корпусная лингвистика, корпусы текстов, искусственный интеллект, частотность.

Технологии искусственного интеллекта (ИИ) находят все большее применение у широкой аудитории, заменяя поисковые и иные системы. В последнее время большое распространение получили системы генеративного искусственного интеллекта (англ. generative artificial intelligence), которые используются для решения широкого круга разнообразных задач, в том числе в области лингвистики.

Корпусы текстов стали незаменимы при проведении лингвистических исследований. Очевидно, что большие данные, доступ к которым опосредованно предоставляется системами ИИ, оказывают влияние на корпусные исследования и приводят к определенному пересмотру ранее описанных методологических процедур и полученных на их основе результатов. Применению систем искусственного интеллекта в лингвистике уделяется большое внимание. Прежде всего, исследователи рассматривают вопрос о том, каким образом данные системы могут использоваться при решении традиционных лингвистических задач. Также обсуждается, насколько верифицируемыми являются выдаваемые результаты. Наконец, высказываются опасения, что лингвистика (по крайней мере, корпусная лингвистика) завершает свою историю, поскольку как теоретические, так и прикладные исследования могут быть проведены исключительно при помощи больших языковых моделей. Возникает вопрос: не приближается ли конец корпусной эре? Могут ли системы ИИ и предоставляемый им доступ к большим данным заменить корпусы (см., напр.: [Lin 2023]).

В противовес упомянутым опасениям в работе [Grosthwaite, Baisa 2023] указывается на достоинства корпусов, которые не теряют своей актуальности: 1) материал корпусов описан и задокументирован; 2) это «настоящие» тексты (с отличие от сгенерированных системами); 3) воспроизводимость запроса (в противовес случайному характеру выдачи примеров); 4) разнообразие форм презентации результатов (при помощи разных инструментов); 5) безопасность данных пользователя; 6) отсутствие галлюцинаций; 7) побуждают к активному обучению (в отличие от пассивного простого запоминания материала). Вместе с тем особо важным является умение формулировать промпты — специальные запросы к системам ИИ, которые могут быть использованы для построения конкордансов или получения информации о сочетаемости. Так, для получения более точных данных необходимо задать роль или идентичность при работе с системой, а также привести пример желаемого результата и перечислить требования к выходному формату.

В работе рассматривается применение систем ИИ для исследования частотной лексики и сочетаемости лексических единиц на материале русского языка. Целью является анализ отличий результатов, выдаваемых с привлечением систем ИИ, от данных, полученных при помощи традиционной корпусной методологии. Для проведения исследования было выбрано несколько систем генеративного искусственного интеллекта, доступ к которым реализуется через веб-интерфейс: YandexGPT, GigaChat, ChatGPT, Gemini, Copilot и DeepSeek. Были решены следующие задачи: 1) исследованы частотные списки для разных частей речи; 2) исследованы списки коллокаций, отраженные в словарях и корпусах текстов, произведено их сопоставление с данными, полученными при помощи ИИ. В рамках второй задачи были созданы списки атрибутивных и объектных коллокаций для частотных лексем, обладающих широкой сочетаемостью согласно [Хохлова 2021; Хохлова 2024].

В качестве эталонного материала, который используется для сравнения со сгенерированными данными, были использованы сведения о частотах лексем согласно [Ляшевская, Шаров

2009]. Основной корпус НКРЯ был ограничен текстами, созданными после 1950 г. В рамках второй задачи были созданы списки атрибутивных и объектных коллокаций для частотных лексем, обладающих широкой сочетаемостью согласно [Хохлова 2021; Хохлова 2024]. То есть единицы с высоким словарным индексом в базе данных коллокаций (которые зафиксированы в 4 или 5 источниках). Например, *нести ответственность*, *одержать победу*, *принять меры* и др.

Результаты показывают, что системы ИИ выдают устойчивые словосочетания, зафиксированные в словарях и корпусе, однако ранжирование данных единиц отличается от ранжирования по частоте в основном корпусе НКРЯ. В ряде случаев системы показывают большее количество примеров, отличное от того, что было указано в промпте в качестве ограничения.

Литература

Хохлова М. В. Атрибутивные коллокации в золотом стандарте сочетаемости русского языка и их представление в словарях и корпусах текстов // Вопросы лексикографии. 2021. № 21. С. 33–68.

Хохлова М. В. Высокочастотные глагольные словарные коллокации с существительными в Национальном корпусе русского языка // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. 2024. № 4. С. 78–88.

Crosthwaite P., Baisa V. Generative AI and the end of corpus-assisted data-driven learning? Not so fast! // Applied Corpus Linguistics. 2023. Vol. 3, no. 3. Art. 100066. https://doi.org/10.1016/j.acorp.2023.100066

Lin P. ChatGPT: Friend or foe (to corpus linguists)? // Applied Corpus Linguistics. 2023. Vol. 3, no. 3. P. 1–5.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00189 (https://rscf.ru/project/22-18-00189/).

Хохлова Мария Владимировна[1], Корышев Михаил Витальевич[2], Павликова Владислава Станиславовна[3]

[1]канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет; m.khokhlova@spbu.ru
[2]канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет; m.koryshev@spbu.ru
[3]лаборант-исследователь, Санкт-Петербургский государственный университет; vladislava00pv@gmail.com

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ МЕЖДУ СЛОЖНОСТЬЮ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ НОВОСТНЫХ ТЕКСТОВ И НАПРАВЛЕННОСТЬЮ ИНТЕРЕСОВ ЧИТАТЕЛЕЙ

Ключевые слова: новостные тексты, оценка сложности, немецкий язык.

Исследование квантитативных характеристик текстов может иметь перед собой разные цели. Например, оценка удобочитаемости традиционно осуществляется для учебных текстов, в то время как подсчет лексических единиц или синтаксических конструкций используется в задаче атрибуции.

Упомянутые квантитативные характеристики варьируются от простых (например, количество слов или предложений, длина предложений, количество единиц разных частей речи) до сложных, предполагающих вычисление разных показателей [Захарова, Савина 2020]. Примером последних является коэффициент лексического разнообразия, который позволяет оценить уникальность (или повторяемость) слов в тексте. Одним из способов его вычисления является нахождение отношения количества словоформ к количеству всех словоупотреблений в рассматриваемом тексте (TTR, или Type-Token Ratio). Отдельную группу составляют индексы удобочитаемости, которые помогают определить сложность восприятия текста при чтении и широко используются для оценки учебных текстов, ориентированных на школьников или на изучающих иностранный язык. Вместе с тем определение сложности статей используется при выявлении фейков (см., напр.: [Santos et al. 2020]) или участия систем искусственного интеллекта при их написании (см., напр.: [Graefe, Bohlken 2020]).

Целью нашей работы было изучение взаимосвязи между сложностью новостных немецкоязычных текстов и тех тем, которые они затрагивают. Наша гипотеза заключалась в том, что существует зависимость между темами статей и квантитативными характеристиками текстов, поскольку они направлены на интересы читателей, принадлежащих к разным группам. Были собраны коллекции текстов больших общегерманских печатных СМИ (таких как “Zeit” и “Spiegel”), опубликованных с 1997 по 2024 г. Общий объем источников составил 46 879 единиц (29 499 497 словоупотреблений), материал был поделен по разным тематическим разделам. Для издания “Zeit” были рассмотрены следующие темы: *семья* (“Familie”), *общество* (“Gesellschaft”), *культура* (“Kultur”), *политика* (“Politik”), *научно-популярный раздел* (“Wissen”). Для издания “Spiegel” были выбраны также схожие темы: *панорама* (“Panorama”), *заграница* (“Ausland”), *культура* (“Kultur”), *жизнь* (“Leben”).

Далее были исследованы статьи данных изданий, для которых была произведена оценка сложности текстов, включавшая вычисление следующих параметров:

- количество предложений;
- количество слов;
- средняя длина предложений;
- индекс удобочитаемости Флеша;
- индекс сложности текста (Gunning Fog Index);
- предполагаемая сложность текста (SMOG-индекс);
- лексическое разнообразие (отношение уникальных слов к общему числу слов);
- количество сложных предложений.

Результаты показывают, что средняя длина предложений по тематическим разделам остается относительно стабильной на протяжении многих лет, однако между некоторыми разделами наблюдаются значительные различия. Наибольшая средняя длина предложений характерна для таких разделов, как *политика* (“Politik”) и *научно-популярный раздел* (“Wissen”), что может быть связано с их ориентацией на более сложные темы (такие как аналитика и насыщенные информацией материалы). В то же время разделы, рассчитанные на широкую аудиторию (такие как *семья* (“Familie”) и *культура* (“Kultur”)), содержат более короткие предложения. С течением времени для ряда разделов наблюдается тенденция к сокращению длины предложений, что может быть связано с тем, что издания пытаются адаптироваться к цифровому формату и ориентироваться на более молодую аудиторию.

Согласно значениям индекса удобочитаемости Флеша, самые читабельные тексты с наиболее высокими показателями относятся к таким разделам, как *семья* (“Familie”) и *панорама* (“Panorama Leute”), тогда как более сложные тексты принадлежат к разделам *политика* (“Politik”), *заграница* (“Ausland Europa”) и *научно-популярный раздел* (“Wissen”). По читабельности относительно хронологического охвата наиболее доступные для понимания тексты приходятся на начало 2000-х и 2010-х гг. (средний уровень читабельности выше), в то время как статьи, опубликованные после 2015 г., характеризуются некоторым снижением читабельности (вне зависимости от рубрик статей), что может косвенно указывать на усложнение тематики или на изменение редакционного стиля.

Согласно показателю лексического разнообразия наибольшие значения демонстрируют тексты, опубликованные в разделах *панорама* (“Panorama Gesellschaft”) и *жизнь* (“Leben Couching” и “Leben Familie”). В то же время статьи, принадлежащие разделам *политика* (“Politik”) и *культура* (“Kultur”), характеризуются умеренным разнообразием. Можно предположить, что это связано со спецификой контента, отличающегося меньшим использованием разговорной лексики по сравнению с вышеупомянутыми темами. Наконец, наиболее низкие значения лексического разнообразия встречаются в разделе *панорама*, посвященном вопросам образования (“Panorama_Bildung”).

Дальнейшая работа будет направлена на расширение материала, использованного в настоящем исследовании, сравнения результатов вычисления упомянутых метрик для иных изданий с ранее полученными данными.

Литература

Захарова Е. Ю., Савина О. Ю. Лексическое разнообразие текста и способы его измерения // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2020. Т. 6, № 1 (21). С. 20–34.

Santos R., Pedro G., Leal S., Vale O., Pardo Th., Bontcheva K., Scarton C. Measuring the Impact of Readability Features in Fake News Detection // Proceedings of the Twelfth Language Resources and Evaluation Conference. Marseille: European Language Resources Association, 2020. P. 1404–1413.

Graefe A., Bohlken N. Automated Journalism: A Meta-Analysis of Readers’ Perceptions of Human-Written in Comparison to Automated News // Media and Communication. 2020. Vol. 8, no. 3. P. 50–59.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00937, https://rscf.ru/project/24-28-00937/.

Чебанов Сергей Викторович

д-р филол. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет; s.chebanov@spbu.ru

ТЕРМИНЫ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ НЕ ПОНЯТИЯ, И КОГНИТИВНОЕ ТЕРМИНОВЕДЕНИЕ

Ключевые слова: термин, оним, номен, концепт, понятие.

Утверждение, что термин есть «слово или словосочетание, обозначающее понятие специальной области знания или деятельности» [Васильева 1990: 508] почти общепринято. К «особенностям термина относятся: 1) системность; 2) наличие дефиниции (для большинства терминов); 3) тенденция к моносемичности…; 4) отсутствие экспрессии; 5) стилистическая нейтральность» [Васильева 1990: 508]. Дефиниция и системность связывает термин с понятием логики, которая, однако, — терминологически выраженные понятия составляют часть понятийной системы [Никитина 2019: 44]. Термины же, не соотносимые с понятиями, можно описать через два различения.

1. Среди специальной лексики различимы три класса [Чебанов, Мартыненко 1999: 188–193]. Термины обозначают десятки (сотни) категорий предметной области (пространство, время, энергия, жизнь, планета, роман, часть речи…) и характеризуют широкий круг фактов. Номены именуют варианты типов объектов в количестве от нескольких единиц (дни недели) до десятков миллионов (синтетические полимеры), а в каталоге телескопа Gaia обозначения около 2 млрд звёзд. Онимы обозначают разные индивидуальные сущности — топонимы, антропонимы, зоонимы, теонимы и т. д. (миллиарды имен людей, сопоставимое число кличек кошек и собак).

2. Для логиков (и психологов с педагогами) опыт зафиксирован в а) представлениях (отражающих индивидуальный опыт в неявной форме, привязанный к конкретным объектам данного класса, с несистематизированными признаками, непрояснёнными соотношениями друг с другом) и б) понятиях (явно указывающих на отличительные характеристики класса объектов, с эксплицитными отношениями классов и дефинициями). Представлениями постоянно оперируют все люди, а понятиями — иногда обученные индивидуумы, допускающие иногда логические ошибки.

Изучение фактической речемысленной активности в разных языках и культурах привели когнитивных лингвистов к заключению о преобладании в ней не понятий на фоне представлений, а с концептами [Лакофф 2004]. Следуя Ю. С. Степанову, концепт — «это… сгусток культуры в сознании…; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. …концепт — это то, посредством чего человек… входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на неё». Концепты хотя не подчиняются правилам, обязательным для понятий, являются устойчивыми представлениями, приближаясь к псевдопонятиям Л. С. Выгодского и предпонятиям Ж. Пиаже.

Различение обыденных и научных понятий, развитие математической логики, формулирование теорем Гёделя о неполноте, анализ категорий, квалифицируемых как понятия, показывают, что существующие «понятия» являются жёстко сформированными концептами, идеализированные когнитивные модели близки законам логики.

Учитывая два рассмотренных различения, выделятся девять контрастных классов специальной лексики.

Классы 8 и 9 обычны даже в профессиональном общении (пользуясь *законом Ома* — понятием, выраженное термином, — можно иметь смутные представления о личности *Г. С. Ома*, обозначенной онимом), но их иногда требуется уточнений. Класс 7 содержит общеизвестные обозначения сомнительных реалий — это временные обозначения недостаточно изученного, устаревшие наименования по-новому переосмысленных явлений, несовершенные термины требующие уточнения. Подлежа исключению из употребления, они должны учитываться как синонимы, устаревшие обозначения, компоненты профессионального слэнга и т. д.

Концепты — наиболее обычные представители специальной лекции, несущие основную смысловую нагрузку (классы 4–6). Благодаря своей недоопределённости они обладают эвристическим потенциалом, обеспечивающим развитие предметной области. Многие (включая профессионалов), не будучи искушены в логике, не отличает их от понятий.

Для представлений и концептов нет жесткой границы между терминами, номенами и онимами — оним может стать именем нарицательным и стать номеном (ксерокс в ряду других устройств данного типа) или даже термином (обозначая конструктивные характеристики устройств определённого типа).

Классы 1–3 наиболее специализированные на фоне остальных 6. Их семантика жёстко зафиксирована и задаётся либо очень строго формулируемыми определениями (дефинициями, операциональными определениями, аксиоматикой и т. д.), либо регламентируется юридическими и параюридическими (типа международных номенклатурных кодексов) нормами, что позволяет отделять их от остальной специальной и жестко разграничивать термины, номены и онимы.

Итак связь термина и понятия существует в 1 из 9 классов специальной лексики, а варианты связи терминов и понятий причудливо распределены по предметным областям: химическая и биологическая номенклатура обеспечивают номену статус понятия, административно-территориальное деление задаёт единицы, онимы которых имеют статус понятий, а онимы историко- и физико-географических подразделений соотносятся с концептами. Термины же, обозначающие категории (как точка в геометрии) являются концептами («неопределяемое понятие»), оказывающимися объектом изучения в когнитивном терминоведении.

		Специальная лексика		
		Термины	**Номены**	**Онимы**
Категории семантики	Понятия	1. категории в (квази)аксиоматических теориях	2. марки технических изделий, защищённые патентами	3. имена людей и уникальных сущностей, удостоверяемые юридически
	Концепты	4. фундаментальные категории (время, пространство, жизнь, точка, Бог)	5. известные бренды (кока-кола, самсунг, тайота)	6. имена хорошо знакомых людей (близких или публичных)
	Представления	7. обозначения реалий, неясной природы (простуда, авиационное происшествие, НЛО)	8. бытовое использование марок технических изделий	9. имена малознакомых лиц

Литература

Васильева Н. В. Термин // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 508–509.

Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Никитина С. Е. Семантический анализ языка науки: на материале лингвистики. М.: Либроком, 2010.

Чебанов С. В., Мартыненко Г. Я. Семиотика описательных текстов (Типологический аспект). СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999.

Чебанов Сергей Викторович[1], Кузнецова Вера Владиславовна[2]

[1]д-р филол. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет; s.chebanov@spbu.ru

[2]студент, Санкт-Петербургский государственный университет

КОНЦЕПТЫ СОСТАВНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В СБОРНИКЕ «АРТО МОМО» И ИЗУЧЕНИЕ ИХ СТАТИСТИКИ

Ключевые слова: концепты, квантитативная концептология.

Творчество одного из наиболее своеобразных и парадоксальных модернистов XX в. А. Арто вызывает ныне в России значительный интерес [Максимов 2007]. При этом он предстаёт разнузданным, антирелигиозным, эпатажным смутьяном. В тоже время в его творчестве явно проглядывают представления святоотеческой духовности, оторванные, однако, от церковного и даже религиозного контекста, что вступает в противоречие с его сложившимся образом. При этом указанные проблески духовного могут квалифицироваться как незначимые как из-за их эпатирующей антидидактичности, так и кажущейся редкости. В связи с этим возникает потребность в особых способах анализа, учитывающие наличие у текста многих слоёв смысла и необходимость учёта довольно глубоких из них. Так, брутально-похабное «Между задницей и сорочкой» А. Арто на более глубоком уровне эквивалентно «Душе грешно без тела, / Как телу без сорочки» А. Тарковского. причём лексические средства и языки, к которым они относятся не имеют при этом определяющего значения.

Такому способу анализа удовлетворяет изучение концептов, которые могут быть выражены самыми разными средствами (так, концепт [ТЁМНЫЙ] может быть выражен лексемами «тёмный», «фиолетовый», «чёрный», «dark», «black» и т. д.). Однако, отличительной чертой изучения концептов в настоящее время является его принципиальный квалитативизм, в то время как дух современной научной методологии требует квантитивизма. Последний в лингвистических исследованиях предполагает работу с корпусами и используемых лингвостатистических методов, реализуемых компьютерными средствами, что подходит прежде всего для изучения плана выражения и синтаксиса, ограничивая семантические исследования тем, что коррелирует с указанными компонентами языка. Поэтому квантитативные подходы изучения семантики, являющиеся альтернативой как квалитативизму, так и квантитивизму, распространены не очень широко.

Одним из таких подходов является квантитативная концептология, представленная единичными исследованиями [Линь Цзиньфэн и др. 2020], и выявившая принципиально новый тип лингвостатистических распределений, характеризующихся сверхконцентрацией наиболее частых концептов [Чебанов 2012] — распределение Линь Цзиньфэн [Линь Цзиньфэн и др. 2020].

Главным ограничителем проведения подобных исследований является крайне трудоёмкая ручная разметка подвергаемого изучению материала, требующая многомесячной, а иногда измеряемой годами, подготовки разметчика. Поэтому предыдущие 12 микрокорпусов были размечены только одним разметчиком [Линь Цзиньфэн 2018; Чебанов 2012], а о достоверности полученных результатов свидетельствует только полное совпадение качественных и количественных характеристик распределений концептов, полученных на совершенно разном материале (народные и литературные сказки, сатира, конституция США, сочинения младших школьников и т. д., социальные институты, числа, составляющие человеческого тела и др.), размеченном разными разметчиками (6 девушек и 1 юноша, 6 русских и 1 китаянка), обработанных на разном оборудовании с использованием разного программного обеспечения [Линь Цзиньфэн и др. 2020]. В настоящем исследовании разметку осуществили три разметчика, один из которых участвовал в разработке программы исследования (В. В. Кузнецова), а двое исполняли инструкцию, составленную авторами настоящей статьи.

В качестве материала для исследования выступал последний сборник стихотворений А. Арто «Artaud le momo», Bordas (Paris), 1947, содержащий пять стихотворений, 2538 слов,

14077 знаков (с пробелами). Поскольку наиболее детальная количественная характеристика концептов имеется сейчас по составности человека [Линь Цзиньфэн 2018], то в качестве объекта исследования была выбрана составность человека, представленная в стихах указанного сборника. При этом фигурирующих в них образ человека является очень сложно организованным и противоречивым — телесность, преподносимая порою в очень сниженных стилистических регистрах, оборачивается духовностью, а за попиранием священного скрывается трепетная благочестивость. Поэтому разметка оказалась очень сложным делом, недопускающим категорического настаивания на полученных результатах.

В процессе обработки текстового материала сборника Арто было выделено 50 концептов.

Литература

Линь Цзиньфэн. Концепты [ТЕЛО], [ДУША], [ДУХ] в русской и китайской языковой картинах мира (антропологическая трихотомия в пословичной картине мира): дис. … канд. филол. наук. СПб., 2018.

Линь Цзиньфэн, Семёнова Д. М., Пущин С. Л., Петров Т. Г., Бабарико М. Н., Чебанов С. В. Корпуса со специализированной разметкой для изучения статистики концептов // Критика и семиотика. 2020. № 2. С. 87–113.

Максимов В. И. Эстетический феномен Антонена Арто. СПб.: Гиперион, 2007.

Чебанов С. В. Полнотекстовые базы данных как инструмент понимания (на материале русской лингвосоциологии) // Понимание и рефлексия в коммуникации, культуре и образовании: мат-лы Междунар. науч.-практ. Интернет-конференции, посвящ. 70-летию фак. инстр. яз. и междунар. коммуникации Твер. гос. ун-та. Тверь, 2012. С. 185–197.

Turunov Denis Mikhailovich
Postgraduate student, RUDN University;
1142240179@pfur.ru

DUALITY IN VIDEO GAMES' NATURE: TRANSIENT AUTEUR IN INTERACTIVE MEDIA TEXTS

Keywords: game studies, auteur theory, cybertext, polycentricity.

This paper examines the problem of interpreting interactive media texts on the example of video games. The author is understood here in terms of critical theory, i. e. as a subject who influences the final reading of the text, understanding of its purpose and main idea. The main hypothesis of this work is that in video games authorship is collapsed into multiple actors, which creates a polycentric model of authorship where the interpretation of the product depends equally on the interaction of these actors. The main purpose of this study is to determine the actual definition of actors and the significance of their influence on the transient nature of authorship in interactive media. The work follows critical theory and semiotics and is fundamentally based on the ideas espoused by Roland Barthes and Umberto Eco.

Duality is an important concept for understanding video games in general. Video games are a unique product of the digital age, and their uniqueness lies also in the duality of their nature. First, the duality in the treatment of video games as a media product. On the one hand, video games are often viewed in a derogatory way as mere mass entertainment. Proponents of this idea fail to see both research and practical potential in video games. On the other hand, video games are a multimedia conceptual tool that allows not only a comprehensive introduction of the reader into the narrative but also allows the reader to interact with it.

Second, the duality in defining the nature of video games. On the one hand, a video game, like any other game, has in its essence a system of instructions. The main distinguishing element is the use of images generated by electronic hardware. This systematicity is evident both in the mathematical nature of the game's code and in the interaction of the player with that game. In relation to this side of the nature of video games, Ian Bogost in his work *Persuasive Games: The Expressive Power of Videogames* (2007) introduces a special kind of rhetoric. He invents the term *procedural rhetoric* for this [Bogost 2007]. Earlier, another researcher Johan Huizinga exploring the nature of the game came up with a similar idea. In his work *Homo ludens* (1938), he defines the processuality and systematicity of the game long before Bogost [Huizinga 2016]. Among other things, in his work he also argues that the game as a phenomenon existed even before the emergence of human civilization and became the basic mechanism of its development. Thus, the arrival of the digital embodiment of the game concept itself was predictable during the active development of technology. On the other hand, video games are still a form of visual art. They are similar to cinema and are a composite media combining text, visual and sound components. On this side, video games are often considered as an object of screen-based mass culture comparable to video art, especially in Russian academic practice.

Third, duality in approaches to video game studies. New social phenomena that science has not yet had time to adapt to attract researchers from different academic and research fields. They bring their methodology, creating a certain frame for further consideration of the problem. This was the case with Media Studies, and so it is with Game Stuides. There are still disputes between representatives of narratological and ludological approaches to the study of video games. Representatives of the first school consider video games primarily from the point of view of narrative. The latter, on the other hand, prioritizes the user's experience as the object of study. Bogost in his future works tried to bring his five-level approach to the study of video games, but it also does not provide a complete toolkit for the study of video games as a sociocultural object.

Thus, duality becomes an important element in questions of video games interpretation. From a textual point of view, video games are not just a media text, but a new form of cybertext. According to Espen Aarseth, in cybertext, the user's interaction with the text becomes the key element, and it is not

only the final meaning that matters, but the process itself [Aarseth 1997]. In addition to this we can add the ideas of Roland Barthes, which are important for structuralism. In his work «The Death of the Author» (1967) he raises the idea of the independence of the text from the author and leaves another person — the reader — as an important actor of interpretation [Barthes 1967]. A game requires voluntary participation, which means that without the player there is no game at all. This leads us to the idea that the player becomes an important actor in the question of authorship of the interpretation of a video game as a text. In a videogame as a cybertext, process plays a very important (if not key) role. This means that each passage of the individual player becomes a separate reading of his or her own version of the work.

However, the game's developers also have an important stance on this issue. It is they who set the framework with which players can interpret the game. However, this raises a question from the field of auteur theory, in other words, which of the authors is the author? On the one hand, it is a team of competent specialists from different fields, such as Valve. On the other hand, we know of projects when certain game designers are called the key figures of the project, such as Hideo Kojima. To answer this question in the future, a methodological basis will have to be borrowed from film theory.

More detailed elaboration of the issue certainly requires further research. The methodological basis of Game Studies is still weak, and perhaps the potential of video games as a research object has not been fully revealed yet. In the case of video games, as in the case of literature, we have two main authors, the developer and the player, each contributing equally to the question of authorship.

References

Aarseth E. J. Cybertext: Perspectives on Ergodic Literature. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1997.

Barthes R. The Death of the Author / transl. by R. Howard // Aspen. 1967. No. 5–6.

Bogost I. Persuasive Games: The Expressive Power of Videogames. London: MIT Press, 2007.

Huizinga J. Homo Ludens: A Study of the Play-Element in Culture. Brooklyn: Angelico Press, 2016.

Бай Юе

аспирант, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова;
bynelee@gmail.com

ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ ОДНОКРАТНОСТИ И МНОГОКРАТНОСТИ ДЕЙСТВИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

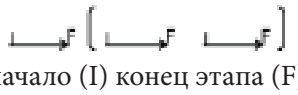
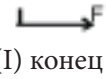
Ключевые слова: однократность действия, многократность действия, вид глагола, обстоятельство кратности, русский язык, китайский язык.

Однократность и многократность действия являются важными семантическими категориями в языках мира. В русском языке эта оппозиция выражается через взаимодействие видовых форм (СВ и НСВ), а также через лексические и грамматические средства. В китайском языке, где видовые категории отсутствуют в привычном для русского языка виде, многократность и однократность выражаются через специальные маркеры, временные указатели и формы глаголов. Доклад посвящён сравнительному анализу способов выражения однократности и многократности действия в русском и китайском языках.

Признак кратности присущ глаголам-предикатам, которые могут обозначать прерывающиеся и возобновляющиеся действия. В русском языке в категории аспектуальности объединяются признаки кратности, длительности и интенсивности действия. Так, значение однократности в целом свойственно в общем случае глаголам СВ, в том числе глаголам одноактных способов действия, образуемым суффиксами *-ну-* (*глотнуть, зевнуть*), которые выражают одноактность как разновидность однократности. Многократность может быть выражена в русском языке видовым противопоставлением с опорой на контекст, например: *После чая мы садились у печки и читали* [Алимова 2012: 62]. Однако, по мнению А. В. Бондарко, в случае кратно-парной конструкции прошедшее время повторяющегося действия все же допускает СВ, например: *По случаю холеры перед обедом пили перцовку… Как только сели артели за обед, на берегу появлялся огромный рыжий козел, принадлежавший пожарной команде (Гиляровский. Мои скитания)* [Бондарко 1971: 215].

СВ также относятся к кратно-соотносительному типу, но к иной его разновидности. Например: *Левин заметил, что у него на глазах были не слезы, а влажность, как это всегда бывало у него или когда он выпил, или когда он расчувствовался (Л. Толстой. Анна Каренина)*. Таким образом, формы прошедшего совершенного в этом случае обладают наглядно-примерным значением, то есть из множества повторяющихся действий выделяется одно, которое рассматривается как пример совокупности повторений [Бондарко 1971: 215].

В китайском языке значение однократности и многократности выражается с помощью использования аспектного маркера. Так, конструкция гл.+过 (guò) указывает, что действие происходило в прошлом, однажды или неоднократно, но сейчас более не происходит, а конструкция гл.+了 (le) подчеркивает, что само действие было завершено.

Многократность	**Однократность/Одноактность**
 начало (I) конец этапа (F)	 начало (I) конец этапа (F)
Я был/бывал в Китае.	Я ездил в Китай.
wǒ qù guò zhōngguó. 我 去 过 中国。	wǒ qù le zhōngguó. 我 去了 中国。

Руководитель секции: М. Д. Воейкова.

Конструкция гл.+过(guò) «*Я был в Китае*» — означает, что у меня был опыт поездки в Китай, может быть, я был в Китае много раз, а может быть, один раз.

Конструкция гл.+了(le) «*Я ездил в Китай*» — означает, что передвижение из России в Китай (возможно, на самолете или поезде) было завершено.

В китайском языке используется *обстоятельство кратности* для того, чтобы указать, сколько раз произошло действие. Эта конструкция имеет форму: числительное + глагольный счётный суффикс. Например:

我去过三次中国。***wǒ qù guò sān cì zhōngguó.*** *(Я был в Китае* ***три раза****.)*

Кроме того, в китайском языке многократность также выражается через удвоение глаголов. В отличие от конструкции **гл.+过 (guò)**, удвоение глагола ясно подчеркивает такие особенности, как кратковременность действия и небольшую интенсивность, но не указывает на конкретное количество раз. Например:

他退休了以后，平常看看*(kàn kan)*书，下下*(xià xia)*棋，和老朋友聊聊*(liáo liao)*天，倒也不寂寞。 *(После выхода на пенсию он обычно немного* ***читает*** *книги, немного* ***играет*** *в шахматы,* ***болтает*** *с друзьями — и совсем не скучает).*

В этом примере через повторение глаголов 看«смотреть/читать», 下（棋）«играть», 聊«болтать» выражается частотность совершения действия.

При выражении многократности действия древнекитайский и древнерусский языки отличаются от современных способов выражения. В древнерусском языке многократность и однократность выражались, главным образом, через использование форм глаголов, особенно через противопоставление итеративных форм и неитеративных форм. Итеративные формы обычно употреблялись для обозначения повторяющихся или многократных действий. Например, такие формы, как «читах» (многократно читал) или «слыхах» (многократно слышал), выражают многократность действия [Успенский 2004: 46].

В древнекитайском языке многократность не требует использования аспектных маркеров «了» или «过», а выражалась непосредственно через сочетание числительного и глагола. Например : «齐人三鼓» (из «左传 • 曹刿论战»). *Жители царства Ци ударили в барабан три раза.* «三» непосредственно уточняет и ограничивает глагол «鼓», между числительным и глаголом отсутствуют такие глагольные счётные суффиксы, как «次» и без аспектных маркеров «了» или «过».

Таким образом, в русском и китайском языках однократность и многократность могу быть противопоставленны или могут оказаться в позиции нейтрализации. В русском языке грамматическое противопоставление видов чётко разграничивает эти категории. В китайском языке отсутствует видовая система, однако контекст, временные маркеры и лексические показатели эффективно компенсируют эту функцию.

Литература

Алимова М. Аспектуальные смыслы «перфект-неперфект» в пространстве художественного текста (на материале испанского, английского и русского языков). М., 2012.

Бондарко А. В. Вид и время русского глагола (Значение и употребление). М.: Просвещение, 1971.

Успенский Б. А. Часть и целое в русской грамматике. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Вилинбахова Елена Леонидовна

д-р филол. наук, вед. научный сотрудник, Институт лингвистических исследований РАН;
профессор, Санкт-Петербургский государственный университет;
elenavilinb@yandex.ru

ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ И НОВОЕ ЗНАНИЕ В УПОТРЕБЛЕНИЯХ ГЛАГОЛА *RESULTAR* ‘ОКАЗЫВАТЬСЯ’ В ИСПАНСКИХ НАУЧНЫХ ТЕКСТАХ*

Ключевые слова: эвиденциальность, оценка, глагол *resultar*, испанский язык, научные тексты.

В докладе рассматривается функционирование испанского глагола *resultar* ‘оказываться’ в текстах современных научных статей. В литературе выделяется два способа употребления данного глагола: аспектуальный и не аспектуальный (исп. *resultar aspectual* vs. *resultar no aspectual*), см. (1–2), и здесь мы анализируем второй способ употребления, которое, как отмечается в предшествующих работах, передает результат процесса оценки [Cornillie 2007; Morimoto, Pavón Lucero 2007; Gumiel-Molina, Moreno-Quibén 2023].

(1) Victor resultó vencedor.
‘Виктор вышел победителем ‘

(2) El artículo (me) resulta muy bueno.
‘Статья (мне) кажется очень хорошей’

Глагол *resultar* относится к классу т.н. глаголов со значением ‘оказываться’ (англ. *‘turn out’ verbs*), куда входят также глаголы *s’avérer* (фр.), *rivelarsi* (ит.), *ispasti* (серб.) и пр. С одной стороны, традиционный анализ соответствующих глаголов в не аспектуальном употреблении предполагает наличие эвиденциальной семантики. Для *resultar* в [Cornillie 2007] постулируется инферентивное значение и приводятся специальные тесты, которые демонстрируют неестественность вариантов продолжения высказываний с *resultar*, если в продолжении содержится эксплицитное несогласие говорящего с высказанной позицией (*pero yo no lo veo asi* ‘но я так не считаю’) или разделение позиции говорящего и позиции третьих лиц (*o eso dicen* ‘так говорят’). В [Gumiel-Molina, Moreno-Quibén 2023] отмечается, что *resultar* подразумевает процесс оценки субъекта до момента получения вывода о том, что предмет речи обладает соответствующим свойством, и в контексте употребления глагола возможно указание на факты, которые привели к соответствующему умозаключению. С другой стороны, в [Dendale et al. 2024] обсуждается возможность отказа от эвиденциального анализа глаголов со значением ‘оказываться’ и выделения в качестве основного компонента их семантики факта возникновения нового знания (англ. *emergence of new knowledge*). Предполагается, что возникновение нового знания включает (а) подготовительную фазу, когда знание отсутствует, не является достоверным в достаточной мере или оно ошибочно, (б) промежуточную фазу получения информации и (в) финальную фазу установления истинного и достоверного знания, что отражается в контекстах употребления конструкции [Dendale et al. 2024]. В настоящей работе рассматривается применимость обоих подходов к употреблениям глагола *resultar в* испанских академических текстах.

Примеры употребления глагола *resultar* были взяты из научных статей лингвистического журнала Revista Española de Lingüística за 2017–2023 гг. В выборку включались работы, где по крайней мере один из соавторов был носителем полуостровного испанского языка. Иллюстративные примеры, цитаты и другие фрагменты, не относящиеся к авторскому тексту, не учитывались. Следует также отметить, что в центре внимания настоящей работы находятся только употребления с прилагательными (*resultar* + AdjP), которые, согласно наблюдениям в [Cornillie 2007], составляют 77 % всех употреблений глагола в письменных текстах, а конструкции с сентенциальными актантами не учитываются.

* Совместная работа с Исабель Перес-Хименес, Гонсало Эксрибано и Аифой Ахерн.

При аннотации использовались следующие параметры (а) указание на процесс оценки, который позволяет субъекту прийти к умозаключению и (б) возникновение нового знания. Отмечалось их наличие или отсутствие в примерах с *resultar c* опорой на контекстуальные маркеры из [Gumiel-Molina, Moreno-Quibén 2023; Dendale et al. 2024].

Например, в (3) параметры (а) и (б) получают положительное значение: процесс оценки автор проходит вместе с читателем, когда анализирует приводимый в работе пример, а новое знание заключается в том, что что ранее установленный критерий не всегда работает. С другой стороны, в примере (4), хотя и присутствует указание на возможность процесса оценки — читатель должен сам оценить, насколько ему удобно последовать совету авторов, но возникновения нового знания не происходит.

(3) En tanto que existe una relación estructural entre el verbo auxiliar y el auxiliado, no cabe que el verbo auxiliado sea omitido. Sin embargo, la elisión del verbo auxiliado sí es posible en las perífrasis modales (cf. Juan no puede llegar temprano: debe), por lo que **este criterio no resulta del todo válido** para identificar una perífrasis verbal. (Joshua Gómez Rubio (2019). Perífrasis verbales y predicación: <llegar a ser + SN> vs. <llegar a + SN>. Revista Española de Lingüística, nº 49)
‘До тех пор, пока между вспомогательным глаголом и подлежащим существует структурная связь, вспомогательный глагол не может быть опущен. Тем не менее опущение вспомогательного глагола возможно в модальных перифразах (ср. Juan no puede llegar temprano: debe), так что этот критерий оказывается (исп. *resulta*) не совсем верен для идентификации глагольной перифразы’

(4) …piense el lector en el concepto de «nivel de representación» generativo **si le resulta conveniente**; véase Perlmutter y Postal 1983, p. 13. (Diego Gabriel Krivochen y Ana Bravo (2019). Pasivas adelantadas, dobles pasivas y auxiliares de pasiva léxicos. Revista Española de Lingüística, nº 49, 2019)
‘пусть читатель подумает о понятии «уровня представления» в генеративной традиции, если сочтет это удобным (букв. если это ему окажется (исп. resulta) удобным); см. Perlmutter, Postal 1983, с. 13’.

Предварительный анализ материала показывает, что для большинства примеров оба подхода оказываются адекватными, причем процесс оценки можно в ряде случаев рассматривать как промежуточную фазу получения информации при возникновении нового знания. Также при употреблении глагола *resultar* в предшествующем или последующем контекстах авторы статей описывают, каким образом они приходят к конкретному умозаключению, и таким образом создают эффект совместного с читателем конструирования нового знания, когда инферентивное эвиденциальное значение переходит в значение общего знания.

Литература

Cornillie B. Evidentiality and Epistemic Modality in Spanish (Semi-)Auxiliaries: A Cognitive-Functional Approach. Berlin: Mouton De Gruyter, 2007.

Moreno Quibén N., Gumiel Molina S. What does it take to grammaticize a judge: semicopulative verbs and evaluativity. Доклад на семинаре «Selected Topics in Spanish Syntax» (Институт языкознания, Франкфуртский университет им. В. Гёте, 2 февраля 2023 г.).

Morimoto Y., Pavón Lucero M. V. Los verbos pseudo-copulativos del español. Madrid: Arco Libros, 2007.

Dendale P., Izquierdo Alégria, Stulic A. ‘Turn out’ verbs in European languages: Are they evidentials or something else? Доклад на конференции Европейского лингвистического общества (Хельсинки, 21–24 августа 2024 г.).

Воейкова Мария Дмитриевна

д-р филол. наук, доцент, гл. научный сотрудник, Институт лингвистических исследований РАН; maria.voeikova@gmail.com

ЧТО ТАКОЕ *ABOUTNESS* И КАК ЭТО ВЛИЯЕТ НА ПРОПУСК СУБЪЕКТА

Ключевые слова: последовательный, радикальный (дискурсивный), частичный про-дроп, языки с нулевым субъектом (ЯНС).

Положение русского языка по отношению к классификации языков, допускающих нулевой субъект, остается неясным: русский язык рассматривается в числе всех основных типов языков с нулевым субъектом (ЯНС). С одной стороны, он отличается от языков с частичным про-дропом, таких как финский и бразильский португальский, несмотря на то что некоторые исследователи причисляют его к этой группе. Так, Madariaga (2018) предполагает, что древнерусский был последовательным ЯНС языком, а современный русский скорее принадлежит к языкам с частичным НС. Полностью отнести русский к этой подгруппе мешает то обстоятельство, что в языках с частичным про-дроп пропуск субъекта допускается только в части случаев (так, в финском можно пропустить местоимения 1-го и 2-го л., но пропуск местоимений 3-го л. вызывает аграмматичные предложения). Референтные НС в русском ограничены, а прономинальные клитики частично утрачены.

П. Эйсмонт [Eismont 2022] заключает на основании корпусного анализа, что в русском языке происходят изменения свойств НС, но пока в неясном направлении. В целом русский относится к частичным ЯНС. Подробный статистический анализ П. Эйсмонт показывает, что нулевые субъекты в русском встречаются во всех лицах, стилях речи, в главных и придаточных предложениях и предполагают строгое согласование во всех временах (по лицу или роду). В русском языке наблюдается пропуск не только субъектов, но и объектов (как в радикальных про-дроп языках), однако согласование мешает полностью отнести русский язык к дискурсивным ЯНС, которые отличает как раз отсутствие выраженной координации (ср. китайский, японский, корейский).

Важным пунктом в этих рассуждениях является интерпретация нулевого субъекта (НС) как эллиптического или структурно обусловленного [Касевич 2014]. В. Б. Касевич считал отсутствие референтного субъекта при финитных формах эллипсисом, а разные формы безличности — редукцией субъекта. Т. М. Николаева [Николаева 2013: 64–65] описывает семантические условия пропуска субъекта в русских предложениях, включающие коммуникативные штампы (*объявляю заседание закрытым, прошу разойтись*), а также согласие с горизонтом ожидания другого: *люблю хороший чай* vs. *Я люблю хороший чай*; *— ну ты идешь? — Иду-иду*! vs. *— Я иду.*

Склонность русского языка к эллипсису различных частей высказывания отмечалась и ранее (см. работы Д. Вайса). Новым пунктом в повестке дня можно считать тему «основного топика» (aboutness), присутствие которого в высказывании или сверхфразовом единстве часто сопровождается дальнейшим пропуском местоимения [Frascarelli 2024], см. также работы Б. Хьорланда [Hjørland 2001]. С точки зрения теории информации, это тот топик, который заново введен в разговор, недавно изменен или тот, к которому возвращаются по ходу разговора. Иными словами, он «незримо присутствует» в речевом отрезке и может характеризоваться специальной интонацией [Янко 2008].

К структурным пропускам местоимения можно отнести случаи нулевого подлежащего в придаточных, субъект которых кореферентен главному, например: *Он сказал, что (pro) постарается выиграть этот матч; Они обещали, что (pro) впоследствии снизят цену.* Этот аргумент используется для того, чтобы обосновать принадлежность русского языка к группе ЯНС с частичным про-дропом [Bizzarri 2015]. Разумеется, в НКРЯ много примеров того, что даже при кореферентности местоимение в придаточном сохраняется, ср.: *Не каждый человек может принять мысль, **что он** не вечен* (Никита Непряхин. Анатомия заблуждений (2017–2020)); *Моя дочь верила в то, **что она** счастлива, и не желала видеть мир по-другому* (Сергей Бурлаченко.

Сорвиголова // Дальний Восток. 2019). В первом предложении это объясняется отступлением от конкретной референции (*не каждый человек*), во втором пропуск не приводит к изменению смысла. Случаев, когда местоимение в придаточном сохраняется по разным причинам, довольно много (202 715 примеров сохранения *он* после *что,* ipm 520, 82 801 примеров с *она,* ipm 212). В большинстве случаев такие примеры объясняются тем, что в главном предложении имя употреблено в косвенном падеже или не кореферентно субъекту придаточного.

По нашим данным, пропуск местоимения соответствует определенной таксисно-темпоральной схеме: пропуск особенно часто встречается, если в придаточном говорится о ситуации, которая последует за ситуацией, обозначенной в главной клаузе, или о предшествующей ситуации, ср.: Говердовская ***думает***, ***что обошла*** его на повороте (Александр Купер. Истопник // Дальний Восток. 2019) (144 текста, 148 примеров, 0,37); *Вряд ли сегодняшний молодой человек серьезно* ***думает, что попадет*** *в этот ад* (З. Е. Гердт. Рыцарь совести (2010)) (86 текстов, 94 примера, 0,24). В докладе демонстрируется, как интонация и основной топик влияют на возможность пропуска субъекта и высказывается предположение, что про-дроп в данном случае не является неким структурным параметром русского языка, а служит определенным семантическим целям и подчиняется некоторым правилам употребления, которые пока не сформулированы. Одним из условий пропуска, вероятно является неодновременность действий главного и придаточного при условии кореферентности субъектов.

Литература

Касевич В. Б. Эллипсис и pro-drop // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2014. Т. 10, № 3. С. 315–323.

Николаева Т. М. Лингвистика. Избранное. М.: Языки славянской культуры, 2013.

Янко Т. Е. Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте. М.: Языки славянских культур, 2008.

Bizzarri C. Russian as a Partial Pro-Drop Language // Annali di Ca' Foscari. Serie occidentale. 2015. Vol. 49. P. 335–362.

Eismont P. M. What May Statistics Tell Us About Null Subjects in Russian? // Вестник Волгоградского государственного универсиетат. Серия 2: Языкознание. 2022. Т. 21, № 5. С. 41–49.

Frascarelli M. The Interpretation of Pro in Consistent and Partial NS Languages: A Comparative Interface Analysis // Understanding Pro-drop / eds F. Cognola et al. Oxford: Oxford University Press, 2024. P. 211–239.

Hjørland B. Towards a theory of aboutness, subject, topicality, theme, domain, field, content… and relevance // Journal of the American Society for Information Science and Technology. 2001. Vol. 52, no. 9. P. 774–778.

Дяо Жуй[1], *Эйсмонт Полина Михайловна*[2]

[1]*аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет;*
st112868@student.spbu.ru
[2]*канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет;*
polina272@hotmail.com

ВЛИЯНИЕ СЕМАНТИКИ ГЛАГОЛА НА ВАРИАТИВНОСТЬ ОДУШЕВЛЕННОСТИ ИГРОВОЙ ЛЕКСИКИ

Ключевые слова: категория одушевленности/неодушевленности, семантика глагола, местоимения *кто* и *что*, игровая лексика.

Категория одушевленности/неодушевленности в русском языке трактуется как грамматическая и семантическая категория [Камынина 1999: 88; Янович 2011: 137; АГ 1980: 460]. Однако не всегда существительные, которые по семантике относятся к одушевленным или неодушевленным именам, совпадают с их грамматической формой. Данное несоответствие характерно для игровой лексики. Например, фигуры карточной и шахматной игр *туз, джокер, ферзь* и *пешка* семантически понимаются как неживые предметы, а грамматически часто употребляются как живые существа: *бить туза, взять ферзя, вытащить джокера, потерять пешек*. Грамматическими маркерами одушевленности/неодушевленности являются вопросы *кто* и *что*: одушевленные существительные отвечают на вопрос *кто*, а неодушевленные — вопрос *что*.

Целью работы является выяснение влияния семантики глагола на понимание и восприятие носителями русского языка игровой лексики в аспекте их одушевленности/неодушевленности. Для определения самых частотных глаголов, сочетающихся с игровой лексикой, был проведен предварительный эксперимент по методике дополнения. В эксперименте приняли участие 121 студент филологического факультета Санкт-Петербургский государственный университет в возрасте 17–19 лет (один респондент: 39 лет). Участникам эксперимента было предложено продолжить четыре фразы, в которых стимульные лексемы *ферзь, пешка, туз* и *джокер* стояли в форме именительного падежа и выполняли роль подлежащего. В результате был получен список наиболее типичных для носителей современного русского языка глаголов, с которыми сочетаются исследуемые единицы: *съесть, ходить, бить, защищать, атаковать, убить* и др. Все эти глаголы относятся к одушевленно-маркированным (см. классификацию А. Г. Нарушевича в [Нарушевич 1996]).

Для изучения представлений об одушевленности/неодушевленности игровой лексики в сознании носителей русского языка был проведен опрос с использованием Google-форм. При формировании списка стимульных предложений использовались результаты предварительного эксперимента. В опросе было 112 простых предложений, имеющих структуру SV или SVO, которые были распределены на два протокола по 68 предложений в каждом. 47 предложений содержали 4 стимульные лексемы, остальные предложения включали типичные одушевленные существительные (*юноша, люди*), типичные неодушевленные существительные (*каша, книга*) и наименования других шахматных и карточных фигур (*ладья, король, валет*). Глаголы в стимулах были двух типов: одушевленно-маркированные (те, которые были выделены по результатам предварительного эксперимента) и неодушевленно-маркированные, например, *принадлежать, означать, ржаветь*. К каждому предложению предлагались на выбор все возможные вопросы к субъекту и объекту, содержащие вопросительные местоимения *кто* или *что*; участникам предлагалось выбрать все вопросы, которые могут быть заданы к представленным предложениям:

Ферзь съел пешку.
— Кто съел пешку?
— Что съело пешку?
— Кого съел ферзь?
— Что съел ферзь?

Поскольку в стимулах типа «*Джокер бьет туза*» предполагалось возможное влияние на выбор респондентов одушевленной формы существительного в винительном падеже, в стимульный материал также были включены парные варианты подобных предложений («*Джокер бьет туз*»), а в список предлагаемых участникам вопросов был добавлен пункт «*Предложение содержит грамматическую ошибку*».

В опросе приняли участие 61 респондент. Результаты подтверждают наличие вариативности в выборе одушевленных и неодушевленных форм в лексемах *ферзь, пешка, туз* и *джокер*. Статистический анализ также показал, что выбор вопросительного местоимения *кто* или *что* зависит от класса существительных (одушевленные/неодушевленные/игровая лексика), p-value < 0,001; от типа глагола (для местоимения *кто* p-value < 0,05, для местоимения *что* p-value < 0,001); от синтаксической роли — субъект или объект (только для местоимения *кто* p-value < 0,05). Взаимодействие всех трех параметров является статистически значимым только для местоимения *кто* (p-value < 0,001).

Интересно также отметить различия между восприятием шахматных и карточных фигур, которое также является статистически значимым для обоих местоимений (p-value < 0,001). Результаты эксперимента показали, что шахматные фигуры представляются носителям русского языка более одушевленными, чем карточные. Так, для абсолютного большинства стимулов с лексемами *ферзь* и *пешка* более частотными были вопросы с местоимением *кто*, кроме 5 предложений с неодушевленно-маркированными глаголами, где наиболее частотным оказалось местоимение *что*: *Пешка ржавеет на своем месте* — 72,1 % ответов с местоимением *что*; *Ферзь принадлежит игроку* — 77 %; *Карандаши валялись вокруг ферзя* — 82,5 %; *Пешка лежит на шахматной доске* — 96,4 %; *Коробка была забита пешками* — 100 %. В то же время для карточных терминов *туз* и *джокер* в абсолютном большинстве стимулов наиболее частотным был выбор местоимения *что*, кроме 4 предложений с одушевленно-маркированным глаголом, где наиболее частотным оказалось местоимение *кто*: *Джокер хитрит* — 88,5 % ответов с местоимением *кто*; *Джокер бьет туза* — 69, 6 % для субъекта и 60,6 % для объекта; *Туз побеждает джокера* — 63,6 % для объекта и 51,5 % для субъекта; *Джокер побеждает туза* — 53,6 % для субъекта.

Таким образом, проведенный анализ подтвердил неоднозначное понимание носителями русского языка одушевленности/неодушевленности игровой лексики, а также показал зависимость ее представления носителями в качестве одушевленной или неодушевленной от типа глагола и синтаксической роли в предложении.

Литература

Камынина А. А. Современный русский язык. Морфология: учеб. пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999.

Нарушевич А. Г. Категория одушевленности-неодушевленности в свете теории поля: автореф. … дис. канд. филол. наук. Таганрог, 1996.

Русская грамматика: в 2 т. Т. 1 / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. [редкол.: д-р филол. наук Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др.]. М.: Наука, 1980.

Янович Е. И. Историческая грамматика русского языка: учебник. 2-е изд. Минск: Белорус. гос. ун-т, 2011.

Кашлева Ксения Константиновна[1], Краснощекова Софья Викторовна[2]

[1]канд. филол. наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;
kkashleva@hse.ru
[2]канд. филол. наук, научный сотрудник, Институт лингвистических исследований РАН;
ndhito@mail.ru

О НЕКОТОРЫХ ВАРИАНТАХ ПОРЯДКА СЛОВ В СРЛЯ

Ключевые слова: корпус, порядок слов, русский язык.

Русский язык традиционно называется языком со свободным порядком слов, при этом стандартным порядком слов в русском языке однозначно признается SVO: другие варианты доказанно являются менее частотными в целом и зависят от таких факторов, как актуальное членение предложения и другие его коммуникативно значимые характеристики [Циммерлинг 2007], а также наличие у актантов модификаторов и т. д. Второй по частотности вариант, SOV, считается характерным для русской разговорной речи.

В [Slioussar, Makarchuk 2022] было проведено масштабное корпусное исследование, призванное определить основные факторы, влияющие на употребление SOV. На материале корпуса высокой плотности "Taiga" было обнаружено, что единственным статистически значимым фактором является объект, выраженный местоимением: местоименные объекты тяготеют к позиции перед глаголом. Другие факторы не имели статистически значимого влияния. Данное исследование также основано на корпусном материале и ставит перед собой цель определить частотность предложений с разными вариантами порядка слов (не только SVO vs. SOV, но и OVS, OSV, VSO, VOS) и выявить факторы, влияющие на распределение низкочастотных вариантов с препозицией глагола или объекта.

Материалом исследования послужил корпус SynTagRus [Дяченко и др. 2015], размеченный в формате Universal Dependencies [Droganova et al. 2018]. Из него были отобраны все предложения, которые имели субъект, глагол и объект со следующими характеристиками:

1) субъект, выраженный существительным, именем собственным или местоимением;
2) финитная форма глагола в активном залоге, являющаяся синтаксической вершиной предложения или вершиной в однородной клаузе или вершиной во фразе в скобках или кавычках;
3) объект, выраженный существительным, именем собственным или местоимением.

Поскольку синтаксическая разметка SynTagRus также дает возможность при запросе накладывать ограничения на присоединение к вершине (head) и тем самым исключить присоединение неверного субъекта и объекта к глаголу, были отобраны предложения, в которых субъект и объект присоединяются именно к нужной глагольной вершине. В данном корпусе четыре типа глагольных вершин: root (вершина предложения), conj (конъюнкт, сочинительная связь), parataxis (паратаксис) и xcomp (инфинитивный аргумент глагола). В этом исследовании рассматриваются только 3 типа (root, conj и parataxis), поскольку xcomp имеет более сложную синтаксическую структуру и требует отдельного анализа. В таблице 1 приводится статистика о количестве предложений с разными типами глагольных вершин и разными порядками слов.

Таблица 1. **Количество предложений с разными типами глагольных вершин и порядки слов**

	SVO	OVS	SOV	OSV	VSO	VOS	Всего
Root	9385 (78,3 %)	1007 (8,4 %)	660 (5,5 %)	625 (5,2 %)	118 (1 %)	191 (1,6 %)	11986 (100 %)
Conj	1008 (73,2 %)	98 (7,1 %)	155 (11,3 %)	72 (5,2 %)	14 (1 %)	30 (2,2 %)	1377 (100 %)
parataxis	669 (65,7 %)	73 (7,2 %)	80 (7,9 %)	68 (6,7 %)	51 (5 %)	78 (7,7 %)	1019 (100 %)
Всего	11062 (76,9 %)	1178 (8,2 %)	895 (6,2 %)	765 (5,3 %)	183 (1,3 %)	299 (2,1 %)	14382 (100 %)

На втором месте после ведущего порядка слов SVO находятся варианты с препозицией объекта относительно глагола, на последнем — с начальным положением глагола. Тип глагольной вершины оказывает влияние на частотность вариантов, за исключением SVO: в прототипическом случае (при root) OVS частотнее, чем SOV и OSV, которые демонстрируют одинаковую частотность. При вершине непервой клаузы, которая находится в отношениях сочинения с первой (conj), более частотным оказывается SOV. VSO и VOS занимают маргинальное положение в обоих случаях. При вершине дополнительной клаузы (вставной конструкции / конструкции прямой речи, parataxis) все три типа O_V демонстрируют незначительные различия по частотности, в то время как VOS и VSO, вопреки ожиданиям, используются активнее, чем при root и conj.

В таблицах 2.1–2.3 приводятся данные о соотношении именных и местоименных субъектов и объектов.

Таблица 2.1. **Соотношение именных (N) и местоименных (PRON) субъектов (subj) и объектов (obj) в предложениях с разным порядком слов (с вершиной типа root)**

	PRON subj	*N subj*	*PRON obj*	*N obj*
SVO	29,6 %	70,4 %	8,4 %	91,6 %
OVS	5,4 %	94,6 %	30 %	70 %
SOV	61,1 %	38,9 %	68,8 %	31,2 %
OSV	64,2 %	35,8 %	30,4 %	69,6 %
VSO	67,8 %	32,2 %	16,1 %	83,9 %
VOS	6,3 %	93,7 %	17,8 %	82,2 %

Таблица 2.2. **Соотношение именных (N) и местоименных (PRON) субъектов (subj) и объектов (obj) в предложениях с разным порядком слов (с вершиной типа conj)**

	PRON subj	*N subj*	*PRON obj*	*N obj*
SVO	39,3 %	60,7 %	13,8 %	86,2 %
OVS	5,1 %	94,9 %	43,9 %	56,1 %
SOV	64,5 %	35,5 %	71 %	29 %
OSV	79,2 %	20,8 %	38,9 %	61,1 %
VSO	100 %	0 %	21,4 %	78,6 %
VOS	0 %	100 %	43,3 %	56,7 %

Таблица 2.3. **Соотношение именных (N) и местоименных (PRON) субъектов (subj) и объектов (obj) в предложениях с разным порядком слов (с вершиной типа parataxis)**

	PRON subj	*N subj*	*PRON obj*	*N obj*
SVO	46,2 %	53,8 %	11,1 %	88,9 %
OVS	2,7 %	97,3 %	60,3 %	39,7 %
SOV	72,5 %	27,5 %	78,8 %	21,3 %
OSV	76,5 %	23,5 %	47,1 %	52,9 %
VSO	64,7 %	35,3 %	25,5 %	74,5 %
VOS	0 %	100 %	30,8 %	69,2 %

Именные/местоименные субъекты внутри каждой группы клауз с определенным порядком слов в большинстве случаев распределяются более или менее одинаково для всех типов глагольных вершин, если рассматривать различия на уровне «больше или меньше, существенно больше или существенно меньше». Наши данные подтверждают полученные в [Slioussar, Makarchuk 2022] результаты: порядок SOV ассоциирован с местоименным объектом, тогда как порядок SVO с именным. Кроме того, местоименные объекты чаще именных характерны также для OVS в предложениях с паратактической глагольной вершиной, что отличает их от предложений с другими типами вершин. Что касается субъекта, то местоименные субъекты превалируют над именными в предложениях SOV, OSV и VSO, т. е. в случаях, когда субъект и объект не разделены глагольной вершиной. Исключением является порядок слов VOS, местоименные субъекты в котором крайне маргинальны.

Таким образом, корпусные данные демонстрируют, что на порядок слов в предложении может влиять как синтаксический статус глагольной вершины и, соответственно, клаузы, так и частеречная принадлежность субъекта и объекта.

Благодарности. Авторы благодарят за помощь с извлечением предложений П. В. Матавину.

Литература

Дяченко П. В., Иомдин Л. Л., Лазурский А. В., Митюшин Л. Г., Подлесская О. Ю., Сизов В. Г., Фролова Т. И., Цинман Л. Л. Современное состояние глубоко аннотированного корпуса текстов русского языка (СинТагРус) // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 6. Национальный корпус русского языка: 10 лет проекту / гл. ред. А. М. Молдован; отв. ред. чл.-корр. Рос. акад. наук В. А. Плунгян. М., 2015. С. 272–299.

Droganova K., Lyashevskaya O., Zeman D. Data Conversion and Consistency of Monolingual Corpora: Russian UD Treebanks // Proceedings of the 17th International Workshop on Treebanks and Linguistic Theories (TLT 2018). December 13–14, 2018, Oslo University, Norway. No. 155. Linköping: Linköping University Electronic Press, 2018. P. 52–65.

Князев Михаил Юрьевич

PhD, научный сотрудник, Институт лингвистических исследований РАН;
научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;
доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

НУЛЕВАЯ АНАФОРА С СЕНТЕНЦИАЛЬНЫМ АНТЕЦЕДЕНТОМ В СВЕТЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ ДАННЫХ

Ключевые слова: нулевая анафора, анафора с сентенциальным антецедентом, эллипсис, экспериментальные данные, русский язык.

В русском языке при глаголах с сентенциальным актантом (СА) возможно опущение этого актанта, ср. *Вася знает, что Петя опоздал → Вася знает* ∅. Статус такого опущения, однако, может различаться в разных контекстах, как в (1)–(3).

(1) а. *Вася опоздал.*
б. *Петя уже знает* ∅.

(2) *Вася знает, что Катя опоздала. И Петя тоже знает* ∅.

(3) а. *Вася знает, что Катя опоздала?* б. *Да, знает* ∅.

Опущение в контекстах типа (1) традиционно принято относить к **нулевой анафоре дополнения**, или НАД [Hankamer, Sag 1976], по аналогии с выраженной анафорой с *это*. Напротив, в (2)–(3) предполагается другой тип опущения — **эллиптическое** сокращение, или **эллипсис**. Так, (2)–(3) в ряде подходов могут анализироваться так, что в них изначально порождается полное предложение, в котором затем сокращается придаточное: *И Петя тоже знает, ~~что Катя опоздала~~*. Считается, что эллипсис накладывает более жесткие требования, такие, как выраженность антецедента (представленности в ситуативном контексте недостаточно), совпадение синтаксической структуры и другие. Статус и содержание этих требований, однако, является предметом споров (ср. [Landau 2023], где наличие/отсутствие союза является несущественным для лицензирования эллипсиса), так что неясно, можно ли опущение в (1) анализировать как эллипсис, по аналогии с (2)–(3), вопреки традиционной трактовке.

Целью работы было показать, что опущение в примерах (1) и (2) должно анализироваться по-разному (эллипсис в примерах типа (3) не рассматривался, поскольку затрагивает бóльшую структуру, включающую подлежащее) и что традиционная трактовка примеров типа (1) в терминах нулевой анафоры является верной.

Аргументация основана на допущении о том, что эллипсис не должен иметь лексических ограничений, соответственно, совпадения глаголов и их СА должно быть достаточно для опущения. Следовательно, если опущение в примерах типа (1) возникает за счет эллипсиса, то оно должно быть доступно для **любого глагола** с валентностью на придаточное. Напротив, анализ с нулевой анафорой дополнения не исключает лексических ограничений. Поскольку нулевое местоимение является особой лексемой, можно ожидать наличие **лексической селекции**, т. е. выбора такого местоимения одними, но не другими предикатами (ср. падежное управление).

Исследование состояло из двух этапов. На первом этапе были отобраны глаголы, которые предположительно не допускаются в контекстах типа (1), далее НАД-контексты, но при этом способны сочетаться с придаточным со *что*. На втором этапе непосредственно сравнивалась приемлемость двух типов опущения в (1) и (2) для глаголов, не допускающих опущения в НАД-контекстах, определенных на первом этапе.

Отбор глаголов осуществлялся путем сплошной корпусной выборки глаголов с СА с двумя моделями управлениями (*на то, что* и в *том, что*). Мы исходили из того, что глаголы, допускающие PREP + *то, что*, будут заведомо допускать пропозициональную анафору с *это*, но необязательно допускать нулевую анафору. Для экспериментов 1 и 2 было отобрано по 6 глаголов с *на то, что* (*указывать, напирать, ссылаться, уповать, пенять, смотреть*) и в *том, что*

(*разобраться, расписаться, утвердиться, уверяться, обвинять, подозревать*), для которых опущение в НАД-контекстах кажется сомнительным, как в (4)–(5).

(4) а. *Вы были готовы сотрудничать с ними по этому вопросу?*

(5) б. ??*Да, и неоднократно указывали*. (ср. *указывали на это*)

(6) а. *Это самый лучший банк?*

(7) б. ??*Да, и я сегодня окончательно утвердился*. (ср. *утвердился в этом*)

В экспериментах 1 и 2 предлагалось оценить по шкале 1–7 приемлемость опущения СА в контекстах типа (4)–(5). Чтобы убедиться, что проблема с опущением в (4)–(5) не может объясняться сомнительностью самих придаточных со *что*, также предъявлялись примеры типа: *Я сегодня окончательно утвердился, что это самый лучший банк*. Эксперименты подтвердили наличие значимого контраста между придаточным со *что* (средняя оценка = 5,4 для *на то, что* и 5,51 для в *том, что*) и его опущением (3,1 и 4,45 соответственно), при этом в контрольной группе (*надеяться, рассчитывать, намекать, жаловаться, сетовать, обижаться*; *убедить, убеждаться, удостовериться, признаваться, раскаиваться, ошибаться*) контраста не было. Выраженная анафора (*на это* / в *этом*) также показала высокие оценки в обеих группах (5,03 и 5,48). Результаты указывают на то, что приемлемость опущения СА различается между глаголами, а также что это различие **не сводится** к приемлемости придаточного. Это подтверждает гипотезу о том, что опущение в НАД-контекстах чувствительно к выбору глагольной лексемы и не может объясняться эллиптическим сокращением.

Целью эксперимента 3 было реплицировать результаты экспериментов 1–2, а также проверить гипотезу об отсутствии лексических ограничений на опущение в собственно эллиптических (СЭ) контекстах типа (2). Было отобрано 6 глаголов (*указывать, напирать, ссылаться, расписаться, утвердиться, уверяться*). Глаголы были помещены в НАД-контексты типа (6а) и в СЭ-контексты типа (6б). Также предъявлялись примеры с придаточным со *что*.

(8) а. *Детям трудно освоить этот метод.* ??*И педагоги давно указывали.*

(9) б. *Психологи давно указывали, что детям трудно освоить этот метод. Да и педагоги тоже указывали.*

Результаты подтвердили наличие контраста между двумя типами опущения (НАД: 3,14; СЭ: 4,58), при допустимости самих придаточных (5,52). При этом в контрольной группе глаголов контраста не наблюдалось (5,91; 5,85; 6,62).

В целом результаты показывают, что опущение СА в НАД-контекстах действительно требует другой трактовки, нежели опущение в СЭ-контекстах. В частности, для НАД-контекстов наблюдается наличие лексических ограничений, следующих из анализа с нулевой анафорой и не совместимых с эллипсисом в привычном понимании. Напротив, СЭ-контексты не показывают таких ограничений и могут трактоваться как эллипсис. Пониженная приемлемость такого эллипсиса в целевой группе может объясняться независимым понижением приемлемости придаточных и самих СЭ-контекстов. Таким образом, традиционная трактовка опущения СА в контекстах типа (1) в терминах нулевой анафоры получила независимое подтверждение.

Литература

Hankamer J., Sag I. Deep and surface anaphora // Linguistic Inquiry. 1976. Vol. 7. P. 391–428.

Landau I. Force mismatch in clausal ellipsis // The Linguistic Review. 2023. Vol. 40, no. 3. P. 419–446.

Исследование подготовлено в рамках проекта РНФ № 24-28-01873 «Как можно и нельзя молчать: нулевые единицы в свете экспериментальных данных».

Крамскова Анна Сергеевна

мл. научный сотрудник, Институт лингвистических исследований РАН;
tibetomongol@gmail.com

МЕЖКАТЕГОРИАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ, МИРАТИВНОСТИ И АСПЕКТА: ДАННЫЕ ТИБЕТСКОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: межкатегориальное взаимодействие, эвиденциальность, миративность, аспект, тибетский.

Перфект — это привычное для языков Европы аспектуальное явление, чье значение обычно сводится к результативности или обобщению опыта в прошлом [Dahl, Velupillai 2013]. Однако в языках так называемого «большого эвиденциального пояса», к которому относится множество языков Средней и Центральной Азии и Сибири [Плунгян 2016: 14], перфект зачастую обладает значением непрямой эвиденциальности: то есть указывает на определенную опосредованность в восприятии информации говорящим, или «медиативность» [Lazard 1999]. Подобное семантическое сближение аспектуального значения с эвиденциальным С. Ферхеес объясняет инференциальным переосмыслением результатива: то есть если говорящий наблюдает некий результат действия, то последнему обязательно должно было соответствовать событие в прошлом [Verhees 2019].

Помимо связи между перфектом и непрямой эвиденциальностью немало исследователей отмечают взаимодействие между перфектом и (ад)миративностью — категорией, используемой для выражения удивления в отношении пропозиции, поскольку сообщаемый факт произошёл неожиданно для говорящего [Izvorski 1997].

В статье [Lau, Rooryck 2017] авторы предлагают более широкое переосмысление категории миративности как внезапное осознание (*sudden realization*). В предложенной ими теории «внезапное осознание» трактуется как изменение в эпистемическом статусе говорящего, что, таким образом, позволяет сопоставлять категорию миративности с эвиденциальностью, которая, в свою очередь, также используется для характеризации эпистемического статуса. Кроме того, подобная трактовка позволяет рассматривать миративные и эвиденциальные изменения в эпистемическом статусе как серию информационных этапов *(information stages),* схожих с понятием событийных этапов *(event stages)* аспектуального "свершения" (*achievement*) [Vendler 1967].

Однако материал тибетского языка предлагает более сложную схему межкатегориального взаимодействия между эвиденциальностью, миративностью и аспектом. Так, в современном тибетском языке имеется четыре типа перфекта: эгофоричный (1,2), прямой/инференциальный (3), косвенный (4) и миративный (5).

(1) *bod-la g.yag bsdad-yod*
Тибет-DAT як жить-PRF.EGO1
В Тибете (недавно еще) жили яки (у меня)

(2) *bod la g.yag bsdad-byung*
Тибет-DAT як жить-PRF.EGO2
В Тибете завелись яки (личное знание)

(3) *bod la g.yag bsdad-'dug*
Тибет-DAT як жить-PRF.TEST
В Тибете (недавно) жили яки (я вижу их следы)

(4) *bod la g.yag bsdad-bzhag*
Тибет-DAT як жить-PRF.MIR
В Тибете, оказывается, жили яки! (я внезапно/с удивлением вижу их следы)

(5) *bod la g.yag bsdad-yod.red*
Тибет-DAT як жить-PRF.FACT
В Тибете (недавно) жили яки (все знают)

Кроме того, в современном тибетском существует миративный глагол-связка в настоящем времени *red-(b)zhag (re'-sha')* (в литературном языке чаще в форме *red-'dug/* негация *red-mi-'dug*), обозначаемая Н. Турнадором как *revelatory* 'разоблачительная' (6):

(6) *nyon.pa re'-sha'*
сумасшедший есть.MIR
'Эй, да [он] сумасшедший! (Я только что это понял)'

Наконец, в тибетском также наблюдается миративное употребление формы прямой эвиденциальности в настоящем времени (7):

(7) *na-r dngul tog-tsam 'dug*
я-OBL деньги немного быть.TEST
'У меня есть немного денег [к моему удивлению]!'

Все эти явления не вполне укладываются в схему, предложенную в [Lau, Rooryck 2017], и предполагают наличие в тибетском особенных связей между именно инференциальной и прямой типами эвиденциальности, а не инференциальной и косвенной. То есть для современного тибетского скорее характерно семантическое расширение прямой эвиденциальности в сторону миративности, при этом обе данные категории выражают достаточно высокую степень уверенности говорящего в сообщаемой информации (часто — в сопровождении эмотивных средств выражения). Это противоречит гипотезе В. А. Плунгяна о том, что семантическая близость между адмиративом и инференциальными и квотативными маркерами обусловлена общим семантическим компонентом низкой уверенности [Plungian 2001: 355].

В ходе исследования были использованы данные преимущественно разговорного языка (аудио- и видеоколлекция записей на тибетском языке Университета Вирджинии Tibetan and Himalayan Library https://av.mandala.library.virginia.edu/, транскрипты диалогической речи и др.), поскольку миративные явления характерны скорее именно для разговорного языка и редко встречаются в письменном литературном тибетском. В докладе рассматриваются особенности межкатегориального взаимодействия среди грамматических категорий прямой и инференциальной эвиденциальности, миративности, перфектного аспекта и настоящего времени, с акцентом на то, как в тибетском языке происходит инференциальное переосмысление наблюдаемой ситуации и последующий за этим перенос прямого свидетельства результата действии на само действие.

Литература

Плунгян В. А. К типологии перфекта в языках мира // Исследования по теории грамматики. Вып. 7: Перфект и смежные категории / под ред. Т. А. Майсак и др. СПб.: Наука, 2016. С. 7–36.

Dahl Ö., Velupillai V. The Perfect // The World Atlas of Language Structures Online. Leipzig, 2013.

Izvorski R. The present perfect as an epistemic modal // Lawson A., Cho E. (eds). Proceedings of SALT VII, CLC Publications. Ithaca, NY: Cornell University, 1997.

Lau M., Rooryck J. Aspect, evidentiality, and mirativity // Lingua Special Issue Essays on Evidentiality / eds M. Lau, W. Adelaar. 2017. No. 186–187. P. 110–119.

Lazard G. Mirativity, evidentiality, mediativity or other? // Linguistic Typology. 1999. Vol. 3. P. 91–109.

Plungian V. The place of evidentiality within the universal grammatical space // Journal of Pragmatics. 2001. Vol. 3, no. 3. P. 349–357.

Vendler Z. Verbs and Times // Linguistics in Philosophy. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1967. P. 97–121.

Verhees S. Defining evidentiality // Вопросы языкознания. 2019. № 6. С. 113–133.

Крылова Эльвира Борисовна

д-р филол. наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; krelvira@mail.ru

МОДАЛЬНЫЕ ЧАСТИЦЫ ДАТСКОГО ЯЗЫКА В КОНТЕКСТЕ ОЦЕНОЧНЫХ ПРЕДИКАТОВ

Ключевые слова: датский язык, модальные частицы, оценочный предикат, прагмасемантический инвариант.

Модальные частицы датского языка являются наиболее субъективным из всех языковых средств, поскольку за прагматическим значением, вносимым частицей в любое высказывание, всегда стоит сам говорящий. В результате анализа функционально-семантических особенностей частиц были выявлены их прагмасемантические инварианты и описаны их коммуникативные функции в различных структурах высказываний. Это позволило ограничить группу частиц, используемых в интеррогативных и императивных контекстах, выделить частицы, способные модифицировать прямые речевые акты в косвенные, а также вносящие в высказывание эмотивные и экспрессивные интенции говорящего [Крылова 2021]. Ниже будут проанализированы высказывания из электронного корпуса датского языка с частицами *bare* и *dog*, наиболее характерными для оценочных контекстов [KorpusDK].

Частица *bare* может употребляться в контексте предикатов со значением физической, эмоциональной и аксиологической оценки [Glismann 1979]. *Bare* вводит такую оценку как простую и минимально достаточную для объяснения ситуации или события, при этом частица обычно выполняет в таких высказываниях катафорическую функцию, так как за данной оценкой обычно следуют характеристики оцениваемого объекта, позволившие говорящему прийти к такому умозаключению: *Det er* ***bare*** *en lækker bil til prisen. Dejlig komfortabel og lydsvag.* ‘Просто классная машина за свою цену. Комфортабельная и нешумная’. *Det* ***er bare*** *så hårdt arbejde. Aldrig i ro, aldrig i fred, altid i gang…* ‘Это просто такая тяжелая работа. Никакой тишины, никакого покоя, все время в движении…’ *Bare* относится к средствам комментирующей модальности, а в контексте оценочных предикатов вводящей пропозиции она вносит в высказывание значение умозаключения говорящего о том, что ситуация, описанная в подчиненной пропозиции, заслуживает по меньшей мере даваемой им аксиологической оценки: *Det var* ***bare*** *så dejligt, at Hanne kom ind i mit liv.* ‘Это просто прекрасно, что Ханне вошла в мою жизнь’. *Det var* ***bare*** *så forfærdeligt at se min far græde på den måde.* ‘Было просто ужасно смотреть, как мой отец плакал’. В экспрессивах, иллокутивной целью которых является выражение эмоций говорящего, прагматическая семантика частицы *bare* усиливает экспрессивность восклицательного по форме предложения: *Hvor er det* ***bare*** *irriterende!* ‘Это просто так раздражает’! *Hvor er det bare fedt!* ‘Это просто так круто’!

Еще одной частицей, употребляющейся в контексте оценочных предикатов, является частица *dog* [Hansen, Heltoft 2011]. Прагмасемантическим инвариантом частицы является значение оценочного несоответствия реального события или ситуации изначальным ожиданиям, предположениям, утверждениям говорящего. Функционально частица направлена на воздействие говорящего на слушающего [Крылова 2021: 239–249]. Семантическая характеристика частицы допускает ее употребление в восклицательных предложениях с оценочными предикатами: *Hvor er det* ***dog*** *ærgerligt!* ‘Как же это все-таки обидно’! Такие экспрессивы с *dog* являются реакцией говорящего на неожиданную для него ситуацию, которая обычно описывается в анафорическом или катафорическом контексте. Частица таким образом усиливает эмоциональное воздействие экспрессива на слушающего: *Hvor er det* ***dog*** *forbandet ærgerligt, at jeg taber, for jeg bokser jo ikke decideret dårligt.* ‘Как все-таки чертовски обидно, что я проигрываю, ведь я неплохой боксер’. *Det er* ***dog*** *de mærkeligste ting, De har gravet frem om mig.* ‘Какие все-таки странные вещи Вы раскопали обо мне’.

Таким образом, высказывания с частицей *bare* отличаются от таких же по структуре высказываний с частицей *dog* тем, что оценка говорящим ситуации, объекта или события вводится

bare как умозаключение говорящего о том, что эта оценка является простой и минимально достаточной для характеристики описываемой в ближайшем контексте ситуации, тогда как частица *dog* сигнализирует слушающему, что вводимая ею оценка является реакцией говорящего на неожиданно возникшую для него реальную ситуацию, на несоответствие оцениваемого объекта или события его изначальным предположениям, утверждениям, ср.: *Hvor er du **bare** smuk!* ‘Ты просто красавица’! *Hvor er du **dog** smuk!* ‘Ты все-таки/однако красавица’!

Разница в выражаемых частицами прагматических значениях допускает употребление обеих частиц в одном экспрессиве, выраженном восклицательным предложением: *Uden forudgående varsel giver himlen sig til at hælde vand på Jacob. Hvor er det **dog bare** typisk, tænker han. Selvfølgelig skal det regne netop idag hvor han har glemt overtrækstøjet.* ‘Без предварительных предупреждений небо принимается лить на Якоба воду. Однако это все просто так типично, подумал он. Ну, разумеется, дождь должен был пойти именно сегодня, когда он забыл свой комбинезон’. Здесь мы видим, как семантически нейтральное слово *typisk* ‘типично’ приобретает отрицательную оценочную коннотацию.

Таким образом, анализ показывает, что частицы *bare* и *dog*, употребляющиеся говорящим в контексте оценочных предикатов, несут в себе определенную информацию: они сообщает слушающему, какова коммуникативная ситуация, как относится к ней говорящий и какую оценку он дает ей.

Источник

KorpusDK. URL: http://ordnet.dk/korpusdk (дата обращения: 24.12.2024).

Литература

Крылова Э. Б. Коммуникативные функции модальных частиц в датском языке. М.: МАКС Пресс, 2021.

Glismann O. Om vurderende udsagn og emotive prædikater // Nyt fra Sprognævnet. København: Akademisk Forlag, 1979. S. 10–11.

Hansen E., Heltoft L. Grammatik over det Danske Sprog. Odense: Syddansk Universitetsforlag, 2011.

Матханова Ирина Петровна

д-р филол. наук, профессор,
Новосибирский государственный педагогический университет;
matkhanova@mail.ru

МЕСТОИМЕННОЕ НАРЕЧИЕ *ЗАЧЕМ-ТО*: СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ И УСЛОВИЯ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ

Ключевые слова: местоименное наречие, целеполагание, неопределенная референция, оценочная семантика.

Исследование местоименного наречия *зачем-то* связано с рядом проблем, обусловленных, с одной стороны, его синкретичной природой, а с другой — различием во взглядах лингвистов на выделение группы местоименных наречий, принципы характеристики наречий (В. Б. Евтюхин, Ф. И. Панков, М. В. Филипенко и др.) и местоимений (Е. В. Падучева, С. А. Крылов, И. Е. Шувалова, М. А. Шелякин и мн.др.), на понятие цели в лингвистике (Н. Д. Арутюнова, Ю. Д. Апресян, И. Б. Левонтина, Л. В. Воронина), на особенности референциальных механизмов (Е. В. Падучева, С. А. Крылов, А. Д. Шмелев, M. Haspelmath и мн.др.). При всей изученности общих и отдельных проблем местоименное наречие (далее — МН) *зачем-то* рассматривается только в статье Т. А. Пивоварчик [Пивоварчик 2021], посвященной его прагматическим свойствам. В других работах это слово приводится в общем списке неопределенных местоимений, а описание неопределенных МН, как правило, ограничивается группами временных, пространственных, образа действия (см., напр.: [Кузьмина 1989]). В словарях *зачем-то* толкуется следующим образом: «с какой-то целью», «с точно неизвестно, с какой целью».

Материалом послужила картотека высказываний с местоименным наречием *зачем-то*, извлеченная из Национального корпуса русского языка (в количестве более 400 фрагментов).

В результате анализа функционирования МН *зачем-то*, опирающегося на положение о единстве у этих слов функции-значения (М. А. Шелякин), было установлено, что можно говорить о его многозначности, выявление каждого значения обусловлено рядом контекстных условий, актуализирующих или нейтрализующих семантику цели, способствующих проявлению тех или иных разновидностей неопределенности: неизвестности, невозможности точного определения цели, непонимания, а также реализации оценочности (оценки действия как бесполезного, нежелательного и под.).

Сложность семантической характеристики изучаемого МН заключается в его синкретичности, соединены две ситуации, два субъекта: действия и мнения / оценки. Ситуация целенаправленность действия предполагает футуральную направленность, а оценочная — претериальную. Соотношение субъектов этих ситуаций во многом предопределяет субкатегоризацию ситуаций.

В Я-высказываниях говорящий (субъект мнения /оценки) может совпадать с субъектом действия. В этом случае *неизвестность* цели выполняемого им действия возможна в ситуации «провала в памяти»: *…целый день по степи и проблукал. Где был, у кого был — ничего не помню. …В одном месте я* ***зачем-то*** *слезал [коня], стога щупал…* (Ю. Домбровский); в ситуации спонтанности действия, автоматичности, пропуске этапа осознания как отсутствия целеполагания (обычно с глаголами речи): *Здравствуйте, меня зовут Матвей Александрович, —* ***зачем-то*** *сказал я и тут же подумал, что только идиот может ляпнуть такое, ведь я уже был представлен классу* (Н. Емельянова). Актуализация мнения, оценки осуществляется в ситуации несоответствия действия желаемому результату, возможен интервал между акциональной ситуацией и рефлексией над ней: *Сорвался… водки накупил невпроворот, девушку* ***зачем-то*** *захватил — все это произошло в тот злополучный день… — так это просто от эгоцентризма* (А. Волос).

Если в высказывании представлено действие кого-либо другого, то спектр функций-значений у НМ *зачем-то* значительно расширяется (как и в Он-высказываниях). Говорящий может предполагать, что действие стороннего субъекта должно иметь какую-то цель, ему неизвестную,

поэтому значение, обычно приводимое словарями (‘неизвестно, с какой целью’, проявляется в ситуации разносубъектности: *Гераго **зачем-то** вышел, и жернов стал крутиться быстрее… Я понял, что мельник пустил больше воды* (Ф. Искандер). Значение неопределенности цели может быть реализовано как ‘точно не определяемое’ при наличии указания на цель: *[угри] …несутся на другой край земли для того/ чтобы там поесть/ потому что здесь еды мало. А потом они зачем-то несутся обратно для того/ чтобы там размножаться…* (Т. Черниговская). Возможна также реализация значения ‘не заслуживающий внимания’ и актуализация оценочных функций, рассмотренных в [Пивоварчик 2021]. Добавим, что оно возникает, если совершаемое действие нежелательно для субъекта оценки или, по его мнению, не приносит пользу субъекту действия. Ср.: *А вы / вы бесчувственный человек. Старухой **зачем-то** назвали* (Т. Березанцева и др.); *Опять куда-то **зачем-то** посылали этого дурака. Ну и что он принес?* (Ю. Домбровский).

Местоименное наречие *зачем-то* может передавать и другие смыслы, в том числе и ’отсутствие достаточных оснований’, т. е. близкое причине, если примыкает к глаголу со значением неконтролируемого действия или состояния: *[Катя, жен, 27, 1980] Я на нее получилось / обиделась **зачем-то** непонятно отчего. Вот…* (Разговор двух женщин в кафе).

Итак, МН *зачем-то* расположено в зоне пересечения ФСП цели и неопределенности, характеризуется сложным переплетением сем, которые по-разному актуализируются в высказывании, в зависимости от контекстных условий. Специфика наречной природы анализируемого слова обусловливает свойственную ему компрессию, способствующую соединению в его семантике двух ситуаций. Все это требует дальнейшего изучения МН, находящихся на периферии разных семантических сфер.

Литература

Кузьмина С. М. Семантика и стилистика неопределенных местоимений // Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект. М.: Наука, 1989. С. 158–131.

Пивоварчик Т. А. Дискурсивно-прагматическая значимость местоименного наречия *зачем-то* в медиатексте (на материале русскоязычных белорусских СМИ) // Веснік Гродзенскага дзяржаунага універсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 3. Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія. 2021. Т. 11, № 3. С. 45–53.

Первунина Светлана Ивановна

аспирант, Новосибирский государственный педагогический университет;
pervuninas@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ РЕФЕРЕНЦИИ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ В РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ

Ключевые слова: референция, русские пословицы, личные местоимения, универсальный и родовой референциальный статус субъектов, семантика предиката.

Проблема референции личных местоимений находится в сфере постоянного внимания лингвистов (Н. Д. Арутюнова, Е. В. Падучева, В. В. Химик и мн. др.). Большинство исследователей фиксируют, что рассматриваемый класс местоимений в языке обладает разным референциальным потенциалом. Так, местоименные лексемы в языке 2 л. ед. и мн. ч. (*ты, вы*) могут передавать как индивидуализированную, так и обобщенную референцию, что отмечается на уровне языкового значения; 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. (*мы, они*), демонстрируют близкие референциальные возможности, 1 л. ед. ч. (*я*) редко выражает обобщенное значение благодаря категориальному значению; у 3 л. ед. ч. (*он, она*) доминирует способность проявления индивидуализированной референции, однако соотнесение их с обобщенным антецедентом определяет соответствующий — обобщенный — тип референции [Бондарко 2011; Химик 1990].

Характеристика личных местоимений в аспекте референции изучается в разных типах текстов — главным образом в художественных (С. Ю. Лаврова, Л. А. Селеменева и пр.). Анализируются они (гораздо реже) и в пословицах, в том числе во взаимодействии с разными типами временной нелокализованности [Бондарко 2004; Смирнов 1992]. Однако в данных текстах их соотносят с наивысшим (универсальным) типом референции / ситуацией вневременности: *Ø Кулаком правду не убьешь; Ø Цыплят по осени считают* [Смирнов 1992: 122]. Функционирование личных местоимений в пословицах характеризуется значительно бо́льшим разнообразием референциальных статусов субъектов, что представляется важным направлением для дальнейшего анализа.

Исследование выполнено с опорой на теорию категориальных ситуаций А. В. Бондарко, теорию референции (Н. Д. Арутюновой, Е. В. Падучевой, А. Д. Шмелева, J. R. Searle и др.), а также исследования Н. А. Дьячковой, О. Е. Фроловой, Л. Б. Кацюбы, характеризующих пословицы как особый тип текста.

Языковым материалом послужили пословицы в количестве более 1 500 единиц, извлеченные из сборника В. И. Даля «Пословицы русского народа». В корпус включены пословицы с личными формами глаголов, выражающие субъект дискретно, личными местоимениями (***Он*** *одним ухом только слушает*), в сопоставлении с его недискретным, по А. В. Бондарко, выражением (*Ø* ***Поживем*** *—* *Ø* ***увидим***).

В результате исследования было установлено, что субъекты, представленные местоимениями, в пословицах обладают разными референциальными статусами. Присутствие местоимений наряду с личными формами глаголов обусловлено несколькими факторами: при дублировании их значений ритмическими требованиями и наличием распространителей, при отсутствии такого дублирования дополнительными смыслами, возникающими при взаимодействии местоименного субъекта и предиката.

Универсальный (наивысший) референциальный статус субъектов передается в пословицах с опорой на семантический тип предиката, представленный глаголами типа *бежать, пить, смотреть* и пр., называющих действия, характерные для открытого множества лиц. Производителем действия в данных пословицах выступает обобщенное лицо (ты, мы, они = все), а совершаемое им действие может относиться к любому, ср. редкое: *Все* ***мы не годимся****, а на свете* ***живем****; На сем свете* ***мы в*** *гостях* ***гостим****.* В таких пословицах референция субъектов базируется на взаимодействии личного местоимения *мы*, экстенсионалом которого является все человече-

ство, и глагольной формы, могут использоваться и дополнительные средства обобщения типа кванторов *все*/*всегда* и пр.

Было установлено, что во многих пословицах субъект имеет *родовой* референциальный статус. Основную роль в актуализации родового статуса играет взаимодействие личного местоимения и семантики предиката.

Наиболее интересным представляется реализация родового статуса в пословицах с местоимениями *он и она*, употребляющиеся в пословицах без антецедента.

Местоимение *она* служит для выражения родового обобщения, указывая на группу лиц женского пола: ***Она*** *языком и* ***белит****, и* ***чернит*** (женская болтливость).

Местоимение *он* участвует в характеристике группы лиц по гендерной принадлежности в пословицах с семантикой взаимоотношения лиц: ***Он*** *к ней* ***голубится****, а* ***она*** *от него* ***тетерится***. В остальных случаях местоимение *он* выступает как представитель определенной группы лиц (безотносительно пола), к которой отсылает семантика предиката: ***Он лжет*** *во всю губу* (о лжецах); ***Он*** *как оса* ***лезет*** *в глаза* (о надоедливых). В таком употреблении местоимение не служит средством родового референциального статуса субъекта, который может быть выражен и недискретно, ср.: ***Ходит франтом****, сапоги с бантом* (о модниках). *В* пословицах подобные конструкции не квалифицируются как неполные (в отличие от языковых).

О родовом референциальном статусе субъекта можно говорить и при его недискретном выражении глагольными формами 1 л. и 2 л. ед. ч., 2 л. и 3 л. мн. ч. также на основе семантической характеристики предиката, называющим личностные качества, отношение к работе, территориальной принадлежности и пр: *Щегольски* ***одеваюсь*** *и допьяна* ***напиваюсь*** (о мотах); *Дымно* ***кадишь*** *—* *святых* ***задачишь*** (о лицемерных); *Что* ***потрудимся****, то и* ***поедим*** (о трудящихся). Возможны распространители, понижающие референциальный статус субъекта, например, темпоративы и локативы: ***Во Ржеве*** *и в горшке* ***крестят*** и пр.

Таким образом, личные местоимения, выступающие в качестве обобщенного субъекта в пословицах, обладают более широким референциальным потенциалом, чем принято считать, и способны передавать не только универсальный статус, но и родовой, представленный целым спектром семантических групп, выделяемым с помощью разных семантико-грамматических средств.

Литература

Бондарко А. В. Категоризация в системе грамматики. М.: Языки славянских культур, 2011.

Смирнов И. Н. Семантика субъекта / объекта и временная нелокализованность // Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность. Неопределенность. СПб.: Наука, 1992. С. 154–166.

Химик В. В. Категория субъективности и ее выражение в русском языке. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1990.

Толмачева Гульнара Салаватовна

аспирант, Новосибирский государственный педагогический университет;
преподаватель, Китайский нефтяной университет (кампус в Карамае), Китай;
15899123417@163.com

СРАВНИТЕЛЬНО-УПОДОБИТЕЛЬНЫЕ И АСПЕКТНЫЕ НАРЕЧИЯ ВОЕННОЙ ТЕМАТИКИ: КРИТЕРИИ РАЗГРАНИЧЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ

Ключевые слова: функциональная грамматика русского языка, сравнительно-уподобительные наречия, аспектные/ограничительные наречия.

В современной лингвистике сравнительно-уподобительные наречия, типа *по-артиллерийски / артиллерийски, по-снайперски / снайперски, по-армейски / армейски* исследованы недостаточно, их рассматривают либо в составе наречий образа действия (Ф. И. Панков, А. В. Дегальцева и др.), либо в виде отдельной группы (Г. И. Панова, Е. В. Огольцева, Н. М. Девятова). Сравнительно-уподобительное наречие в свернутом виде отражает структуру сравнения, включая эталон сравнения и само отношение сравнения (*вести себя по-генеральски — вести себя как генерал*), Е. В. Огольцева [2008: 4] отмечает, что отношения сравнения заключены в форманте *по-… –ому / -ски*), вместе с тем к группе сравнительных относят и бесприставочные наречия. В последнее время в сфере внимания лингвистов находится еще одна группа наречий, которые называют ограничительными (Г. А. Битехтина, И. В. Чепурина, Л. Э. Адылова), аспектными (Л. А. Савелова), относительными (Г. И. Кустова), они выражают значение ‘в сфере чего либо’, ‘с позиции кого-то или чего-то’. Эти наречия «выступают как внешние по отношению к нему [признаку] ограничители, которые связывают утверждение признака с рассмотрением его только в определенных рамках, в определенных отношениях», напр., *политически грамотный, технически, морально устойчивый* и др. [Битехтина 1979: 12]. Они, как и сравнительно-уподобительные, характеризуются расхождением формальной и семантической мотивации.

Как показывает языковой материал, в одних случаях бесприставочные наречия типа *армейски*, *воински*, *командирски и* нек. др. квалифицируются как сравнительные, а в других — как аспектные (ограничительные). Ср.: *Незнакомец выглядел* ***командирски*** *подтянутым* и: *Командование Северным флотом действовало очень профессионально* ***командирски****, но с точки зрения антитеррористической операцию должен был возглавить профессионал*.

Актуальность работы обусловлена возрастающим вниманием лингвистов к выделению разных семантических групп наречий, необходимостью установления критериев их разграничения, что важно для решения проблемы многозначности наречий. До сих пор наречия этих групп рассматривались изолированно, сопоставление их поведения в высказывании еще не было предметом изучения, не предпринималось попыток выявления критериев их разграничения.

Цель исследования — охарактеризовать аспектные наречия военной тематики в сравнении с одноименными сравнительно-уподобительными. Материалом послужили сравнительно-уподобительные и аспектные наречия военной тематики. Словник сравнительно-уподобительных наречий составляет более 60 единиц, а картотека высказываний с ними, извлеченных из Национального корпуса русского языка и поиска в интернет-источниках, — ок. 3000, из них бесприставочных — 17 единиц, а высказываний — ок. 170. Анализ высказываний осуществлялся с опорой на понятие категориальной ситуации, разработанной А. В. Бондарко.

В результате анализа установлено, что бесприставочные наречия военной тематики на *-ски,* параллельные префиксально-суффиксальным образованиям с формантом *по- –ски* (*адмиральски / по-адмиральски, армейски / по-армейски*) способны в некоторых случаях передавать аспектное значение (*борьба была* ***артиллерийски*** *удачной*, *выстроил бой* ***партизански*** *умело*), но их число невелико: менее четверти от общего количества высказываний с бесприставочными наречиями. Это обусловлено как словообразовательными, так и текстово-синтагматическими факторами.

Расхождение словообразовательных характеристик аспектных и сравнительно-уподобительных наречий связано с их мотивирующими: для сравнительно-уподобительных наречий это преимущественно существительные, называющие лиц по воинским званиям и должностям (*адъютантски*, *фельдфебельски*), по видам и родам войск (*кавалерийски, танкистски*), почти не встречаются бесприставочные наречия на *–ски*, называющие военные территории и условия, в которых протекает действие, а у аспектных наречий мотивирующее существительное обладает абстрактным значением (*стратегически, тактически, воински*), либо развивают такое значение (*полководчески выверенное решение*). Отметим, что у многих наречий отсутствует параллельная бесприставочная форма.

Аспектные наречия военной тематики обычно употребляются в текстах с аналитико-оценочной доминантой, сравнительно-уподобительные — в текстах с нарративно-изобразительной доминантой. Особую роль в реализации у анализируемых наречий сравнительного или аспектного значения играет синтагматика. Более подробно о характеристике аспектных наречий (см.: [Чепурина, Адылова 2022: 113]).

Сравнительно-уподобительные наречия чаще всего примыкают к глаголам (реже — к прилагательным и наречиям) со значением движения, поведения, речи, внешнего вида, а субъектом сравнения обычно выступает лицо (реже — конкретный предмет). Напр.: *Накагава настойчиво… снимал богатые спецэффектами фильмы…, **партизански** протаскивая в традиционные японские сюжеты элементы европейской готики…* (В. Корецкий); *Я смотрел на **солдатски** крепкую спину Славки, когда он покидал мой кабинет, и думал, а шейку-то ты, сынок, держишь уже не так прямо* (С. Есин).

Аспектные наречия чаще зависят от предиката, который может быть выражен прилагательным или наречием со значением интеллектуальной оценки, иногда и глаголом, характеризуют абстрактные сущности, часто в ситуации сопоставления: *Решение было **армейски** грамотным, но для ополченцев неожиданным; Успешное сражение было тем не менее **артиллерийски** проиграно* (Г. Бакланов); *Отряд будет действовать **партизански*** (М. Алданов). Итак, решение вопроса о многозначных наречиях, относящихся к разным семантическим разрядам, требует дополнительного изучения. Сопоставление одноименных сравнительно-уподобительных и аспектных наречий показало, что существенную роль в их разграничении играет словообразовательная и синтагматическая характеристика каждого из них.

Литература

Битехтина Г. А. Семантико-синтаксические разряды определительных наречий в современном русском языке и условия их функционирования: дис. … канд. филол. наук. М., 1979.

Огольцева Е. В. Образный потенциал сравнительно-уподобительных наречий // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Вып. 13. Филологические науки. Симферополь, 2008. С. 4–8.

Чепурина И. В., Адылова Л. Э. Ограничительные наречия в современных медиатекстах: структурно-семантический аспект // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. 2022. Т. 8 (74), № 3. С. 113–123.

Хаймович Анастасия Сергеевна

преподаватель, Дальневосточное высшее общевойсковое командное ордена Жукова училище им. Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского;
аспирант, Амурский государственный университет

ТРАНСПОЗИЦИЯ КАК СПОСОБ ВНУТРИКАТЕГОРИАЛЬНОГО И МЕЖКАТЕГОРИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ТЕМПОРАЛЬНОСТИ И ЛОКАТИВНОСТИ

Ключевые слова: функционально-семантическая категория, темпоральность, локативность, транспозиция.

На принцип асимметрии языкового знака опирается такое межуровневое явление языка и речи, как *транспозиция*. Л. М. Михайлов обозначил два подхода к формулировке явления транспозиции. С одной стороны, это система переходов языковых единиц из одного класса в другой, с другой — переносное употребление, перемещение одного противочлена оппозиции в область употребления другого, в результате чего значения и функции модифицируются [Михайлов 1994: 119]. Согласно позиции Н. А. Шадриной транспозиция представляет собой «процесс языкового преобразования, в котором задействованы три компонента: транспоненд (исходная форма), транспозитор (средство транспозиции), и транспозит (результат транспозиции) (терминологии Ш. Балли)» [Шадрина, Алешина 2017: 180.]. В. А. Савченко выделяет следующие виды транспозиции: лексическую, словообразовательную, морфологическую, синтаксическую, прагматическую, функциональную (или стилистическую) [Савченко 2010: 49]. В настоящем исследовании интерес представляет лексическая транспозиция, которая основывается на метафорическом и метонимическом переносе.

В качестве примеров лексической транспозиции, основанной на метафорическом переносе, рассмотрим следующие:

(1) *Губернатор опубликовал видео награждения* ***на*** *своей* ***странице*** *в соцсети;*

(2) *Амурчанина, оскорбившего сотрудников ДПС во время переписки в* ***группе*** *WhatsApp, оштрафовали;*

(3) *Если нет письма во входящих сообщениях, необходимо проверить* ***папку*** *«спам», — уточняется в сообщении;*

(4) *Вопросы Наталии Александровне можно оставлять здесь, а также присылать на электронный* ***ящик****;*

(5) *Подать заявки можно до 1 августа через форму, размещенную на официальном сайте фестиваля, а также* ***на платформе*** *FilmFreeway.*

Здесь реализуется семантика виртуального пространства, которая развилась путём метафорического переноса. Как представляется, данный транспозиционный перенос возник на основе формального и функционального сходства. Сравните со следующими примерами, функционирующими в новостном интернет-дискурсе:

(6) *Автором фотосессии, которая попала* ***на страницы*** *французского журнала, стала мама девушки — известный тверской фотограф Марина Чарная;*

(7) *Команды-победительницы будут объединены в* ***группы*** *по восемь команд в каждом направлении;*

(8) *Сегодня мэр Благовещенска Валентина Калита вручила девяти жителям амурской столицы* ***папки****, в которых содержатся ранее неизвестные факты о жизни их родственников-фронтовиков;*

(9) *Так, вы можете уточнить, как антимонопольный орган помогает бороться с рекламщиками, которые бросают листовки в почтовые* ***ящики*** *и законно ли выдавать займ под маткапитал;*

(10) *Авто высокой проходимости загрузили* ***на платформы*** *РЖД, чтобы доставить их в Ростов.*

В данных примерах те же лексемы репрезентируют реальное пространство. Транспозитом является изменение семантики лексем *страница, группа, папка, ящик, платформа*. Средством реализации процесса транспозиции, т. е. транспозитором, является изменение окружения данных лексем. Таким образом, процесс лексической транспозиции, во-первых, способствует развитию новых значений лексем; во-вторых, репрезентирует ФСК локативности, в-третьих, позволяет выделить в составе ФСП локативности отдельные зоны: **зону реального** и **зону виртуального** пространства. **Наложение** данных зон происходит посредством метафорического переноса. Иными словами, можно говорить о процессе лексической транспозиции, представленной метафорическим переносом, как о явлении **внутрикатегориального** взаимодействия.

В качестве примеров лексической транспозиции, в основе которой лежит **метонимический** перенос, рассмотрим следующие:

(11) *Губернатор: «У нас больше гораздо шансов, что мы вообще в* ***локдаун*** *попадем»;*

(12) *Соседний с Благовещенском китайский город Хэйхэ снова уходит в* ***локдаун*** *на фоне новой вспышки COVID-19.*

Здесь лексема *локдаун* репрезентирует локативное значение. Таким образом, этимология, а также актуализирующий локативное значение контекст позволяют говорить о том, что пространственная семантика является базовой и исходной для данной лексемы. Однако в примерах (13)–(14)

(13) *В Хэйхэ чиновники на рейдах «унюхали» подпольно работающие в* ***локдаун*** *шашлычные*;

(14) *Канатные дороги в Сочи открыты были и в* ***локдаун***

она употребляется не в пространственном, а во временном значении. Следовательно, употребление одной и той же лексемы в схожих грамматических условиях может репрезентировать как пространственные, так и временные отношения. В данном случае речь идет о явлении лексической транспозиции, представленной метонимическим переносом «пространство — время». В этом случае транспозитом является изменение не только лексического значения лексемы *локдаун*, но и изменение её общекатегориального значения: лексема *локдаун* с базовым пространственным значением становится средством репрезентации категории темпоральности. Транспозитором также является контекст. Употребление лексемы *локдаун,* являющейся средством выражения и пространственных, и временных отношений, в разных категориальных ситуациях, позволяет говорить о **пересечении** ФСП темпоральности и локативности. Таким образом, процесс лексической транспозиции в новостном интернет-дискурсе предстает как явление **межкатегориального** взаимодействия.

Литература

Михайлов Л. М. Коммуникативная грамматика немецкого языка: учебник. М.: Высшая школа, 1994.

Савченко В. А. Транспозиция как межуровневое явление языка и речи // Вестник Читинского государственного университета. 2010. № 4 (61). С. 48–52.

Шадрина Н. А., Алешина А. И. Изменение прототипического значения в процессе межкатегориальной транспозиции // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 4-2 (70). С. 179–182.

Чуйкова Оксана Юрьевна

канд. филол. наук, ст. научный сотрудник,
Российский гогударственный педагогический университет им. А. И. Герцена;
oxana.chuykova@gmail.com

«ЦИРКУМФИКСАЛЬНЫЕ» СПОСОБЫ ДЕЙСТВИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ

Ключевые слова: русский язык, способы глагольного действия, глаголы движения, вторичная имперфектикация.

В докладе рассматриваются особенности таких глагольных дериватов, которые М. А. Шелякин определяет как «терминативно-продолжительные и терминативно-интенсивные способы глагольного действия» [Шелякин 2008: 155]. С точки зрения семантики данную группу объединяет выражение крайней степени продолжительности или интенсивности в проявлении действия, а с точки зрения формы — образование при помощи комбинации префикса и постфикса *-ся*. Выделяются следующие способы действия (далее — СД): 1) **сатуративный** с показателем *на-…-ся* (*наглотаться*, *наездиться*); 2) **чрезмерно-кратный** с показателем *из-…-ся* (*изголодаться*, *изгореваться*); 3) **чрезмерно-интенсивный** с показателем *у-…-ся* (*упрыгаться*, *уработаться*); 4) **финально-отрицательный** с показателем *до-…-ся* (*доиграться*, *допитьсяя*); 5) **чрезмерно-длительный** с показателем *за-…-ся* (*заждаться*, *зафантазироваться*); 6) **усилительно-интенсивный** с показателем *раз-…-ся* (*разбушеваться*, *разжужжаться*). Перечисленные СД так или иначе представлены и в классификациях, приведенных в работах А. В. Исаченко [Исаченко 1960] и Анны А. Зализняк и А. Д. Шмелева [Зализняк и др. 2015].

В существующих классификациях описания перечисленных СД (назовем их в соответствии со способом выражения «циркумфиксальными») ограничиваются краткими и обобщенными характеристиками. Приведем некоторые из них.

1. Согласно [Шелякин 2008], глаголы, относящиеся к группе терминативно-продолжительных и терминативно-интенсивных СД, образованы от **непредельных** глаголов. Для сатуративного (*на-…-ся*), финально-отрицательного (*до-…-ся*) и усилительно-интенсивного (*раз-…-ся*) СД отмечается также **непереходность** исходного глагола.

2. Отмечается возможность образования СД данной группы от **глаголов** ненаправленного **движения** (но не от глаголов однонаправленного движения). В частности, согласно [Исаченко 1960: 323], это касается усилительно-интенсивного («эволютивной совершаемости»; *разбе́гаться*, *расходи́ться*) и сатуративного СД (*набегаться*, *наездиться*), а согласно [Шелякин 2008: 158], — чрезмерно-длительного СД (*забегаться*, *заездиться*, *заплаваться*).

3. Мнения исследователей о возможности **вторичной имперфективации** от рассматриваемых СД расходятся. В [Шелякин 2008: 158] отмечено, что глаголы сатуративного (*на-…-ся*), чрезмерно-кратного (*из-…-ся*) и чрезмерно-интенсивного (*у-…-ся*) СД являются одновидовыми, а финально-отрицательный (*до-…-ся*), чрезмерно-длительный (*за-…-ся*) и усилительно-интенсивный (*раз-…-ся*) СД ограниченно способны образовывать вторичные имперфективы. В [Зализняк и др. 2015: 123–125] указывается на возможность вторичной имперфективации для всех перечисленных СД. А. В. Исаченко, рассматривающий СД («совершаемости») как принципиально одновидовые глаголы, допускает образование имперфективов от СД с показателями *раз-…-ся* (*разгореться / разгораться*), *на-…-ся,* (*настояться / настаиваться*), *до-…-ся* (*доиграться / доигрываться*).

В докладе предпринята попытка верификации приведенных утверждений на основании системного анализа словника Малого академического словаря (МАС) с привлечением данных Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и Рунета.

1. В основном СД рассматриваемой группы образуются от непредельных глаголов (обозначающих состояния, непредельные или мультипликативные процессы). Однако это не строгое

правило. Так, например, *добудиться* образован от *будить* — глагола несовершенного вида, входящего в предельную видовую пару *будить* / *разбудить*.

В число «циркумфиксальных» СД входят дериваты от глаголов, по крайней мере в некоторых употреблениях являющихся переходными (исходное прямое дополнение при этом может принимать форму родительного падежа), напр., (1)–(2).

(1) ***Колбасы натрескалась, молока напилась**… теперь сидит и в пуговички играет.* [Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001] (***трескать колбасу***, ***пить молоко***)

(2) *Н. С. Лесков рассказывал мне, как однажды он таким же образом **дочитался требника** Петра Могилы, где есть молитва для заклинания злых духов, до того, что ему стало мерещиться, будто черт уже в соседней комнате* <…> [А. В. Амфитеатров. Жар-цвет (1895)]) (***читать требник***)

2. В МАС дериваты от глаголов однонаправленного движения встречаются только в рамках усилительно-интенсивного СД (*раз-…-ся*; напр., *раскатиться* **1.** Катясь, разогнаться, приобрести большую скорость). Остальные «циркумфиксальные» СД демонстрируют сочетаемость только с основами ненаправленного движения. Однако в Рунете встречаются не зафиксированные в МАС представители данных СД — дериваты от глаголов однонаправленного движения, напр., (3)–(4).

(3) *И тем не менее все эти годы футбол в Штатах, где его вроде бы и не любят, бежал далеко впереди футбола в России, где за него могут и убить. Бежал-бежал, да и **добежался**…* (https://yandex.ru/archive/catalog/c9a07511-17e4-4d3c-a6c2-845188373662/3)

(4) *Едут лишь на том, кто везёт. Я **навезлась**.* (https://vk.com/wall288165107_9863?ysclid=m5taw1s18z152740218)

3. СД в целом характеризуются сниженной способностью к вторичной имперфективации (имперфективируемостью) [Горбова, Чуйкова 2022]. «Циркумфиксальные» СД показывают низкий на фоне картины по всем представленным в МАС приставочным перфективам уровень имперфективируемости по крайней мере по данным МАС и НКРЯ (по МАС: общий уровень имперфективируемости — 69,7 %, для «циркумфиксальных» СД — от 20,5 % до 53,9 %; суммарно по МАС и НКРЯ: общий уровень — 77 %, для «циркумфиксальных» СД — от 29,2 % до 57,7 %). При учете данных Рунета значительно пониженные показатели имперфективируемости наблюдаются только для сатуративного (*на-…-ся*) и чрезмерно-кратного (*из-…-ся*) СД.

Таким образом, системное рассмотрение словарных данных, а также привлечение к анализу примеров реального употребления в НКРЯ и Рунете позволяет уточнить и дополнить существующие представления об особенностях образования и функционирования глаголов, относящихся к «циркумфиксальным» СД.

Источники

МАС — Словарь русского языка (Малый академический словарь): в 4 т. / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: https://ruscorpora.ru (дата обращения: 15.01.2025).

Литература

Горбова Е. В., Чуйкова О. Ю. Суффиксальная имперфективация приставочных глаголов: рекордсмены и аутсайдеры (в словаре, корпусе и Рунете) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной международной конференции «Диалог». 2022. № 21 (28). С. 247–263.

Зализняк А. А., Микаэлян И. Л., Шмелев А. Д. Русская аспектология: в защиту видовой пары. М.: Языки славянской культуры, 2015.

Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. Ч. 2. Братислава: Словацк. акад. наук, 1960.

Шелякин М. А. Категория аспектуальности русского глагола. М.: URSS; ЛКИ, 2008.

Исследование подготовлено в рамках проекта РНФ № 24-78-00172 «Аспектуальные деривации русского глагола: продуктивность и грамматическое поведение».

Бондаренко Мария Николаевна[1], Дубасова Анжелика Витальевна[2]

[1]учредитель, Центр культуры и искусств «Ренессанс классики», Беларусь;
mbondarenko.pro@gmail.com
[2]канд. филол. наук, доцент, научный сотрудник,
Санкт-Петербургский государственный университет;
anzhalikad@gmail.com

АССОЦИАТИВНЫЕ И ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ РЕАКЦИИ НА ИНСТРУМЕНТАЛЬНУЮ МУЗЫКУ: ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Ключевые слова: музыкальная психолингвистика, инструментальная музыка, ассоциации, эмоции, тональность.

Музыка является уникальной формой коммуникации, способной вызывать разнообразные образы и эмоции у слушателей, что делает её важным объектом психолингвистического анализа. Особый интерес представляет инструментальная музыка, лишённая вербального сопровождения и поэтому позволяющая исследовать ассоциативные и эмоциональные реакции слушателей в их чистом виде. Исследования показали, что инструментальная музыка вызывает у слушателей образы и нарративы, обладающие определённым сходством внутри одной культуры [Margulis et al. 2022; McAuley et al. 2021; Huovinen, Kaila 2015]. В работе [Hashim et al. 2023] подробно исследовалась общность и уникальность зрительных образов, вызываемых музыкой, с учётом поведенческих измерений и индивидуальных особенностей. Авторы указывают на склонность слушателей извлекать из музыки смысл и полагают, что возникающие образы подтверждают связь процессов языковой обработки и восприятия музыки [Hashim et al. 2023: 20].

Продолжая данное направление, мы исследовали ассоциативные и эмоциональные реакции русскоязычных слушателей на инструментальную музыку. Мы учитывали такие факторы, как субъективная узнаваемость мелодий и их тональность (мажор/минор), и предполагали, что:

1. Ассоциативные реакции слушателей-носителей русского языка на одни и те же мелодии будут схожими.
2. Субъективная узнаваемость музыки влияет на общность и содержание ассоциаций.
3. Тональность произведения (мажор/минор) определяет эмоциональный окрас и семантику ассоциаций.

В докладе будут представлены результаты качественного и количественного анализа экспериментальных данных.

В эксперименте приняло участие 100 испытуемых (в возрасте 18–72 лет, с музыкальным образованием и без него, с различным музыкальным опытом и разным родом деятельности). В качестве стимулов использовались семь инструментальных произведений: пять классических (Бах, Моцарт, Бетховен, Шопен, Чайковский) и две современные авторские мелодии, ранее неопубликованные (Витко). Испытуемые прослушивали произведения в контролируемых условиях в живом исполнении и фиксировали свои ассоциации и эмоции, а также оценивали степень узнаваемости прослушиваемой музыки. Всего было получено 700 описаний эмоций и 700 нарративов/ассоциаций.

Полученные данные были проанализированы, в частности, был проведен частотный анализ эмоций и ассоциаций (пример представлен на рис. 1).

Руководители секции: Т. В. Черниговская, П. М. Эйсмонт.

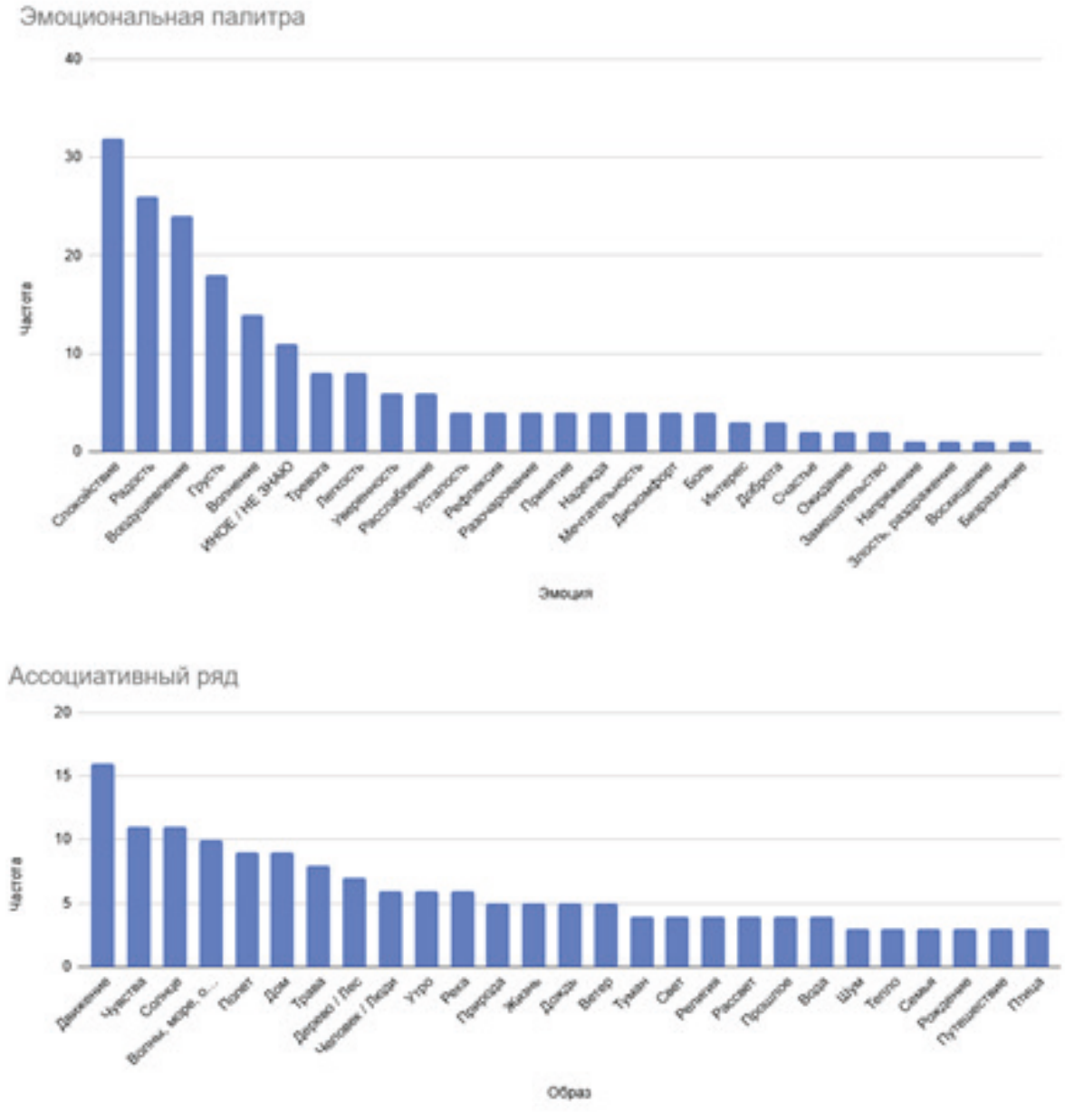


Рис. 1. Пример эмоциональной палитры и ассоциативного ряда

Анализ собранных ассоциаций и описаний эмоций показал следующее.

1. Русскоговорящие слушатели воспринимают инструментальные мелодии сходным образом, что проявляется в повторяющихся ассоциациях. Этот результат на материале русского языка совпадает с результатами исследований на других языках (в частности, китайском и английском). При этом степень общности ассоциативных и эмоциональных реакций слушателей на разные произведения отличалась. Например, «Лунная соната» Л. ван Бетховена вызывала более однозначные эмоции и ассоциации («грусть», «прощание», «тьма») по сравнению с «Прелюдией до мажор» И. С. Баха, провоцировавшей более широкий спектр настроений и ассоциаций (от спокойствия и радости до волнения и рефлексии).
2. Было обнаружено некоторое влияние субъективной узнаваемости мелодий на содержание ассоциаций и их эмоциональный окрас. Несмотря на то, что и знакомые, и незнакомые мелодии вызывали схожие ассоциации примерно в равной мере, было обнаружено, что знакомые мелодии чаще, чем незнакомые, вызывали в воображении слушателей об-

разы танца (получена статистически значимая корреляция между субъективной узнаваемостью мелодии и наличием/отсутствием образов танца: $\chi^2 = 14{,}670$, df = 1, $p < 0{,}001$).

3. Было выявлено существенное влияние тональности на воспринимаемые образы и эмоции: мажорные произведения ассоциировались с позитивными и динамичными образами, минорные — с меланхоличными и статичными (получена статистически значимая корреляция между музыкальным ладом и наличием/отсутствием образов движения: $\chi^2 = 20{,}192$, df = 1, $p < 0{,}001$, см. рис. 2).

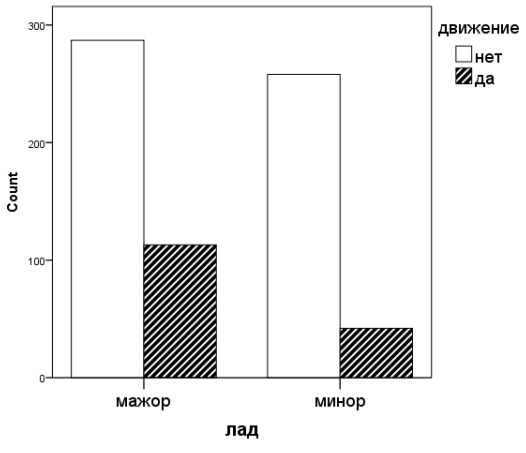


Рис. 2. Музыкальный лад и движение

Визуализация семантических связей между словами показала, что мажорные мелодии воспринимаются более однородно, в то время как минорные вызывают больше семантически непохожих ассоциаций (рис. 3).

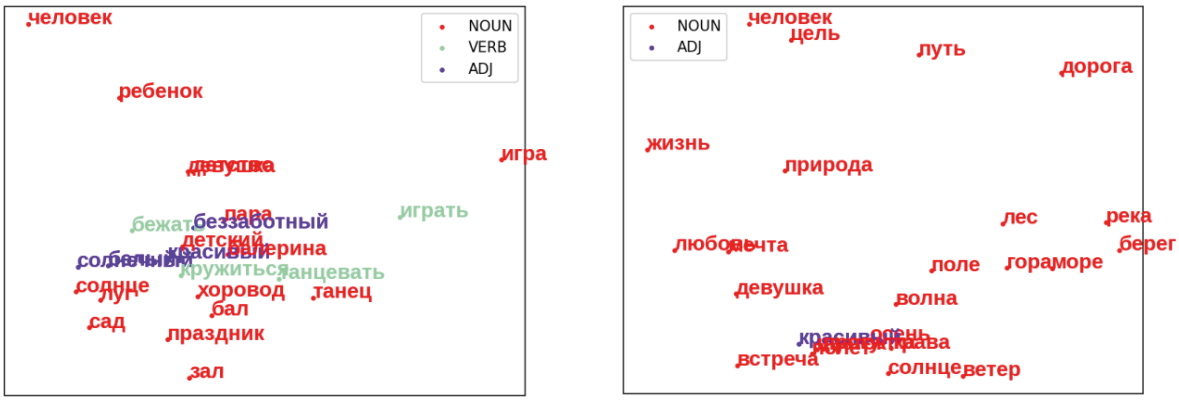


Рис. 3. Пример визуализации семантических связей между словами: ассоциации на мажорную композицию (№ 5, слева) и на минорную (№ 6, справа)

Результаты качественного и количественного анализа согласуются с данными о том, что музыка способна вызывать схожие ассоциации у слушателей одной культурной группы. На это сходство статистически влияет музыкальная тональность, однако даже схожие по тональности музыкальные произведения могут восприниматься по-разному (мажорное произведение может вызывать эмоции грусти, а минорное — энергии и воодушевления).

Полученные результаты подчеркивают значимость более глубокого анализа отдельных музыкальных произведений для формирования «базы знаний» эмоциональных палитр и ассоциативных рядов, которые могут быть использованы в музыкотерапии и психологии. Данные

исследования расширяют представления о когнитивных механизмах взаимодействия языка, мышления и восприятия в музыкальном контексте.

Литература

Hashim S., Stewart L., Küssner M. B., Omigie D. Music listening evokes story-like visual imagery with both idiosyncratic and shared content // PLoS One. 2023. Vol. 18, no. 10.

Huovinen E., Kaila A.-K. The Semantics of Musical Topoi: An Empirical Approach // Music Perception. 2015. Vol. 33, no. 2. P. 217–243.

Margulis E. H., Wong P. C. M., Turnbull C., Kubit B. M., McAuley J. D. Narratives imagined in response to instrumental music reveal culture-bounded intersubjectivity // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2022. Vol. 119, no. 4.

McAuley J. D., Margulis E. H. Do you hear what I hear? Perceived narrative constitutes a semantic dimension of music // Cognition. 2021. No. 212. P. 104712.

Исследование выполнено в рамках частного финансирования Центра культуры и искусств «Ренессанс классики» (Минск, Беларусь) и подготовлено при поддержке Санкт-Петербургского государственного университета, шифр проекта 94034584.

Григорьева Алена Сергеевна

аспирант, Новосибирский государственный университет;
a.grigoreva7@g.nsu.ru

АССОЦИАТИВНО-ВЕРБАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ГЛАГОЛОВ ОБЛАДАНИЯ В ГОЛЛАНДСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: глаголы обладания, ассоциативно-вербальная модель, голландский язык, языковое сознание, психолингвистика.

Глаголы обладания, отражающие отношения между субъектами и объектами, занимают ключевое место в языковой системе. Изучение данной категории предоставляет сведения о когнитивных и культурных особенностях носителей языка. Внимание данной работы сосредоточено на анализе семантической группы глаголов обладания в голландском языке с использованием метода ассоциативно-вербальных моделей. Целью работы является выявление особенностей восприятия и использования носителями голландского языка глаголов с семантикой обладания.

В рамках исследования был проведен пилотный ассоциативный эксперимент с участием носителей голландского языка из различных регионов Нидерландов. В качестве стимульного материала использовался список из 11 глаголов: *hebben* ‘иметь’, *bezitten* ‘обладать’, *beleven* ‘пережить’, *ervaren* ‘получать опыт’, *houden* ‘хранить’, *krijgen* ‘получать’, *profiteren* ‘извлекать выгоду’, *rijken* ‘доставать’, *toebehoren* ‘принадлежать’, *voldoen* ‘быть достаточным’ и *bewijsstuk* ‘обнаруживать’.

Эксперимент запущен в январе 2024 г. и проводится в онлайн-формате: информантам предлагается дать реакции на 50 стимулов, 39 из которых — «слова-пустышки». Стимульный список был взят из аналогичного ассоциативного эксперимента для немецкого языка и языка немцев-меннонитов *Plautdietsch*, поскольку описываемая работа является частью сравнительно-сопоставительного исследования [Налетова, Григорьева 2023]. Составление анкеты и описание полученных ассоциаций проводились под контролем консультанта-носителя (мужчина, 1999 г. р.). Таким образом, для анализа было отобрано 29 из 31 анкет: выбракованные анкеты содержали реакции политического характера, не связанные с темой АЭ. Отобранный материал включает 146 уникальных ассоциаций.

Также, согласно лексическому значению слов, уточняемому по словарям *Van Dale* и *Mijnwoordenboek*, все реакции были разделены на тематические группы с подсчетом общего индекса яркости, для выявления особых характеристик семантической группы обладания в языковом сознании носителей голландского языка. Так, лексема *asociaal* ‘ассоциальный’ попадает в группу «Характеристики», поскольку ее семантика акцентуируется на свойствах и признаках, определяющих поведенческую или социальную сторону индивида — описывает личностные черты, отражающие отклонение от социального взаимодействия, что чётко соответствует категории характеристик, связанных с внутренними или внешними качествами [Van Dale; Mijnwoordenboek].

На основе полученных в ходе ассоциативного эксперимента реакций смоделирована парадигма «ядро–полупериферия–периферия», включающая шесть тематических групп: «Имущество и экономические отношения» (*lenen* ‘заимствовать, давать взаймы’), «Состояние и опыт» (*meemaken* ‘пережить, испытать’), «Социум и образование» (*profiteur* ‘тунеядец’), «Еда и напитки» (*voedsel* ‘пища’), «Время и локус» (*vandaag* ‘сегодня’), «Характеристики» (*verzadigd* ‘насыщенный’). Наиболее яркой стала тематическая группа «Имущество и экономические отношения» (индекс яркости — 87,4), что подтверждает значимость материального аспекта обладания.

Ядро и периферия семантического поля выявляется с помощью метрики степени центральности (*degree centrality)*.

Анализ полученных данных показал, что глаголы *hebben* ‘иметь’ и *krijgen* ‘получать’ — ядерные для семантической группы обладания. Они обладают наибольшей степенью центральности (1,17 и 0,8 соответственно) и чаще всего упоминаются в ассоциативных сочетаниях с други-

ми стимулами (*bezitten, houden, toebehoren,* а также в качестве взаимных ассоциаций). Выявлено, что высокой степенью центральности обладает и глагол *bezitten* ‘обладать’ (0,8, как и у глагола *krijgen*), однако он демонстрирует связь с более формальным и юридическим аспектом обладания (*eigendom* ‘собственность’, *geld* ‘деньги’).

Остальные глаголы, такие как *beleven* ‘пережить’ и *ervaren* ‘получать опыт’, образуют отдельную пару, связанную с переживаниями и эмоциональными состояниями (*emoties* ‘эмоции’, *amateur* ‘любитель’). Связь данной пары очевидна, поскольку они являются абсолютными синонимами, в то же время их взаимодействие с другими глаголами в ассоциативно-вербальной модели ограничено.

Рассмотрение пересечений стимулов по общим реакциям позволяет усмотреть более тесную связь стимулов. Так, глаголы *bezitten* ‘обладать’, *hebben* ‘иметь’, *toebehoren* ‘принадлежать’ объединяются общей реакцией *eigendom* ‘собственность’, а *bezitten* ‘обладать’, *krijgen* ‘получать’, *profiteren* ’иметь выгоду’ — *geld* ‘деньги’. Итак, пересечение глаголов даже посредством единичных реакций дает возможность объединить глаголы-стимулы в единую ассоциативно-вербальную модель.

Но несмотря на проведенные подсчеты, результаты пилотного эксперимента не отражают в полной мере уникальные черты семантической группы обладания в голландском языке, а являются типичными для многих европейских языков.

Тем не менее мы можем утверждать, что глаголы обладания в голландском языке характеризуются многоуровневостью и сложной системой взаимодействий. Центральные элементы (*hebben*, *krijgen* и *bezitten*) определяют ядро семантической группы, тогда как периферийные глаголы (например, *profiteren*, *rijken*) обособляются. Даже ограниченность данных пилотного эксперимента позволяет сделать гипотезу об эгоцентрическом характере «образа» обладания в языковом сознании носителей голландского языка ввиду, например, малого количества ассоциаций, посвященных интеракции с другими людьми.

Литература

Налетова Н. В., Григорьева А. С. Ассоциативно-вербальная сеть языка PLAUTDIETSCH немцев-меннонитов Сибири // Вопросы психолингвистики. 2023. № 1 (55). С. 78–93. https://doi.org/10.30982/2077-5911-2023-55-1-78-93

Mijnwoordenboek. URL: https://www.mijnwoordenboek.nl (дата обращения: 12.01.2025).

Van Dale. Groot woordenboek van de Nederlandse taal. URL: https://www.vandale.nl (дата обращения: 12.01.2025).

Дубасова Анжелика Витальевна

канд. филол. наук, доцент, научный сотрудник,
Санкт-Петербургский государственный университет;
anzhalikad@gmail.com

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ ДЕКОМПОЗИЦИЯ СЛОЖНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКЕ: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Ключевые слова: восприятие, ассоциативный эксперимент, сложные существительные, морфологическая декомпозиция, белорусский язык.

Одним из ключевых вопросов восприятия сложных слов является участие их составляющих в процессах обработки. Это явление исследовалось как для право-, так и для лево-вершинных языков (определяемых по расположению главного смыслового компонента в сложном слове), чаще всего путем манипулирования частотностью и семантической прозрачностью сложных слов и их составляющих. Обычно делался вывод о важности первого компонента сложного слова, который является модификатором (см. обзор в [Uygun, Gürel 2017: 91–92]). Однако, например, в работе [Duñabeitia et al. 2007] изучался второй компонент сложного слова и было показано, что он играет значимую роль на поздних стадиях обработки, независимо от того, является он вершиной или модификатором. В исследовании [Schmidtke et al. 2018] продемонстрирована важность обоих составляющих, с более выраженной ролью первого компонента; авторы предположили, что различный вклад первого и второго компонентов обусловлен их разными функциями. Результаты таких исследований, как правило, обсуждаются в контексте морфологической декомпозиции и моделей обработки сложных слов.

В недавней работе [Hyönä et al. 2024] было показано, что зрительное распознавание длинных (более 10 букв) сложных слов финского языка по своей сути включает декомпозицию, поскольку такие слова выходят за пределы фовеальной области, в то время как более короткие слова могут восприниматься как единое целое.

Мы исследовали восприятие сложных существительных белорусского языка с помощью ассоциативного эксперимента. С учетом упомянутых выше работ, нас интересовало, будет ли наблюдаться преобладание ассоциаций к одному из компонентов сложного слова и если да, то влияет ли на это длина слова.

Белорусский язык является право-вершинным, то есть наиболее важным компонентом слова, как правило, является второй (например, *кавамолка* ‘кофемолка’ — от *молоть* (кофе)). Поэтому нас также интересовало, влияет ли вес компонента на количество ассоциаций к нему.

Нулевая гипотеза заключалась в том, что разницы между количеством ассоциаций к первому и ко второму компоненту не будет.

В эксперименте приняло участие 20 студентов старших курсов университета, для которых белорусский язык является родным. Испытуемые читали существительные и записывали по 1–3 ассоциации на каждое из них. Стимулы включали 12 целевых (сложных) существительных и 18 филлеров (простых). Использовались семантически прозрачные сложные слова.

В результате эксперимента было получено 177 ассоциаций, из которых 77 относились к сложным существительным. Ассоциации к целевым существительным были разделены на морфологически связанные и не связанные со стимулом, а также размечены в зависимости от того, к чему они относятся — к первому компоненту (модификатор), второму (вершина) или к слову целиком. Примеры ассоциаций представлены в табл. 1.

Таблица 1. **Примеры ассоциаций к стимулу**

	Ассоциации		
	к 1-му компоненту (модификатору)	**ко 2-му компоненту (вершине)**	**к слову целиком**
с морфологической связью	бензін (бензазапраўка)	рог (насарог)	–
без морфологической связи	дзень (сонцастаянне)	дровы (бензапіла)	мультфільм (насарог)

Описательные статистики представлены в табл. 2. Ассоциации к первому и второму компонентам вместе составляют 45,5 % от всех ассоциаций, из них 77,1 % относится к первому компоненту слова.

Таблица 2. **Описательные статистики**

	Число ассоциаций			**Итого**
	к 1-му компоненту (модификатору)	**ко 2-му компоненту (вершине)**	**к слову целиком**	
с морфологической связью	15	2	–	17
без морфологической связи	12	6	42	60
всего	27	8	42	77
	35			

Результаты. Была обнаружена статистически значимая корреляция между стимулом и направленностью реакции (на первый компонент, на второй компонент, на слово целиком): χ^2 = 92,255, df = 22, p < 0,001. Нулевая гипотеза была отвергнута.

Также выявлена статистически значимая корреляция между направленностью реакции и длиной слова: χ^2 = 21,553, df = 12, p < 0,05. Реакции ко второму компоненту наблюдались только на стимулы длиной 7–9 букв. Реакции к первому компоненту были на стимулы длиной 8–13 букв, а к слову целиком — на стимулы любой длины (7–13 букв).

Дополнительно мы разделили сложные слова на условно длинные (10–13 букв) и условно короткие (7–9 букв) и также получили статистически значимую корреляцию между направленностью реакции и группой по длине: χ^2 = 12,505, df = 2, p < 0,01 (рисунок).

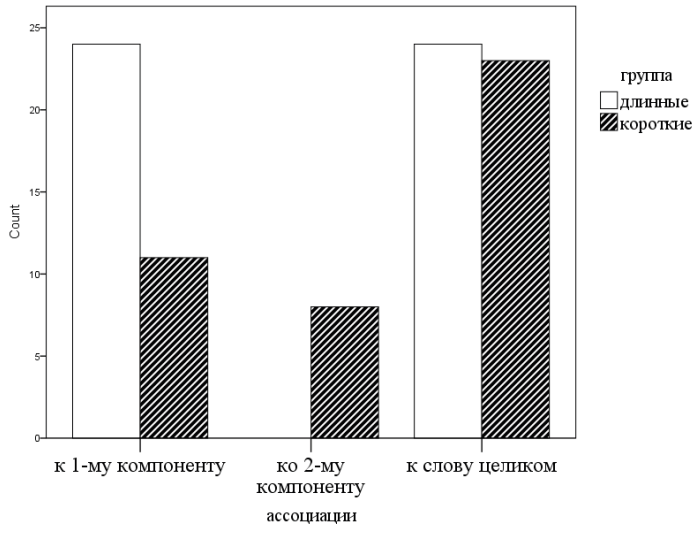


Рис. Отношения между группой слова по длине и компонентом, к которому дана ассоциация

Обсуждение. Наличие ассоциаций к отдельным компонентам сложного слова указывает на то, что во время обработки происходила декомпозиция на отдельные морфемы. В случае ассоциаций к слову целиком невозможно сделать точный вывод о том, происходила ли декомпозиция, поскольку она не исключает восприятие общего смысла слова. Таким образом, полученные данные могут быть интерпретированы как в контексте модели полной декомпозиции (full-parsing), так и в контексте моделей, совмещающих восприятие слова как единого целого и его декомпозицию.

Вес компонента не влиял на количество ассоциаций к нему, однако мы обнаружили значимое влияние длины слова на зрительное восприятие сложных слов. Ассоциации ко второму компоненту, несмотря на его ключевую роль, наблюдались только для условно коротких слов (7–9 букв). Это может объясняться тем, что в этом случае слово полностью попадает в фовеальную область. Поскольку сложные слова чаще имеют бóльшую длину и не помещаются в фовеальную область, в случае явной декомпозиции ассоциации даются на первый компонент такого слова.

Влияние длины слова, а также обнаруженное нами преобладание ассоциаций к первому компоненту сложного слова согласуются с данными, полученными на материале других языков и с использованием других методик (лексического решения, регистрации движений глаз). Новизна нашей работы состоит в том, что мы рассматривали влияние длины слова не в контексте декомпозиции вообще, а в рамках изучения вклада в восприятие сложного слова его отдельных компонентов.

Литература

Duñabeitia J. A., Perea M., Carreiras M. The role of the frequency of constituents in compound words: Evidence from Basque and Spanish // Psychonomic Bulletin & Review. 2007. Vol. 14. P. 1171–1176.

Hyönä J., Cui L., Heikkilä T., Paranko B., Gao Y., Su X. Reading compound words in Finnish and Chinese: An eye-tracking study // Journal of Memory and Language. 2024. Vol. 134.

Schmidtke D., Van Dyke J. A, Kuperman V. Individual variability in the semantic processing of English compound words // Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition. 2018. Vol. 44, no. 3. P. 421–439.

Uygun S., Gürel A. Compound processing in second language acquisition of English // Journal of the European Second Language Association. 2017. Vol. 1, no. 1. P. 90–101.

Исследование подготовлено при поддержке Санкт-Петербургского государственного университета, шифр проекта 94034584.

Заманова Илона Владимировна

аспирант, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина;
преподаватель, Чжэнчжоуский педагогический университет, Китай;
lizhecu@163.com

О КЛАССИФИКАЦИИ ЭМОЦИЙ ПО ЗАКОНАМ ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: эмоции в языке, толкование эмоций, прототипический эмоциональный сценарий, кардио-феноменология.

В кругу таких проблем, как природа естественного языка, взаимообусловленность языка и мышления можно выделить проблему определения эмоций, а также зависимость эмоций от разума, следовательно, также и от языка. По верному замечанию В. К. Вилюнаса, «самую большую путаницу в психологию эмоций вносит отсутствие признаков, которые позволяли бы <…> отличать эмоциональные явления, от неэмоциональных» [Вилюнас 2008: 11], другим важным наблюдением является то, что ученые работают с эмоциональными явлениями, опираясь на содержание понятий в своем родном языке и в разные эпохи [Вилюнас 2008: 12], что, на наш взгляд, приводит к ситуации «Лебедь, Щука и рак».

В данном докладе делается попытка осветить проблему классификации эмоций по законам естественного языка. Исследование выполнено полностью в лингвистической традиции, однако автор надеется, что оно может способствовать решению вышеобозначенных проблем.

Автор придерживается мнения, что имя семантического поля «эмоции» должно быть изменено на «психическую лексику» (далее — ПЛ), поскольку в русском языке эмоции связаны со стихийностью и неконтролируемостью, т. е. термин сужает угол научного обзора. Критерием отбора ПЛ с функцией номинации, а не выражения, выступает наличие доминирующей имплицитной семы ‘сердца’ или ‘сердца’ и ’мозга’, что подтверждается сопоставительным изучением ПЛ в разных языках, а также результатами лингвистического компонентного анализа. Наблюдения над структурой иерархии сем ПЛ показывают, что она может быть классифицирована по *грамматическому и синтаксическому критерию* (выделяются поля статических состояний — *блаженство*, *тоска*, активных чувств-отношений — *любовь*, *отвращение*, мгновенных эмоций — *взъяриться*, *взбелениться*, *очуметь*, психических свойств предмета — *настороженность*, *оскорбленность*). В основу такой классификации может быть положена классификация предикатов Т. В. Булыгиной, Е. В. Падучевой, поскольку ПЛ представлена преимущественно глаголами и их дериватами. Полезными являются разработки Л. М. Васильева, М. И. Лазариди, Л. Г. Бабенко. Также ПЛ классифицируется по *тематическому критерию* (в составе семантического поля выделяются лексико-семантические группы синонимов, члены которых видоизменяют понятие о психической реакции на основе разницы интенсивности, а также прагматических и стилистических нужд, напр., ***грусть*** *— печаль, отчаяние, кручина, горе, сокрушение, терзание, туга*), выделение тематических групп отчасти пересекается с выделением психологами базовых эмоций.

Отдельным вопросом, влияющим на классификацию ПЛ, является ее денотат, т. е. вещественная основа языкового кодирования. Отказ от признания ПЛ денотативной приводит к тому, что составители толковых словарей единственным способом объяснения смысла слов типа *ярость, гордыня* видят перечисление синонимов и привлечение контекста. А. Вежбицкая предлагает в качестве основы толкования использовать когнитивные сценарии с опорой на компоненты мыслей и желаний [Вежбицкая 1999: 38]. В. Ю. Апресян обратила внимание на важность для толкования телесного компонента (ощущение холода, жара, дрожь и т. д.) [Апресян В. Ю., Апресян Ю. Д. 1995: 462]. Можно утверждать, что Московская семантическая школа признает возможным толкование ПЛ с опорой на прототипические ситуации возникновения эмоций.

Наши наблюдения над семантикой около 2000 психических лексем показали что при языковом кодировании условием возникновения новой номинации (слова) является видоизмене-

ние хотя бы одного из совокупности параметров: оценки, интенсивности сердцебиения, мыслительного процесса, желания и его интенсивности, факультативно — действий, мимических, телесных, голосовых реакций. Попытка разработки толкований 700 лексем с опорой на обозначенную схему привела к созданию толкового словаря ПЛ. Поиск и интеграция в словаре может осуществляться по списку параметров (грамматическая архисема, нормальное, ускоренное, замедленное, очень ускоренное/замедленное сердцебиение, отрицательная/ положительная, очень отрицательная/ положительная оценка, отрицательная оценка обществом, но нейтральная/ положительная оценка индивидом, по зоне многозначности — метафорический, метонимический перенос, перенос с физического мира, перенос с физиологического состояния организма и др.) Исследование также подтвердило успех в применении сопоставления таких сеток в двух языках при переводе, что снижает степень приблизительности подбора аналогов перевода.

Таким образом, представление о психической лексике (лексике эмоций) как о недифференцированном, диффузном и интуитивном поле может быть подвергнуто сомнению.

Литература

Апресян В. Ю., Апресян Ю. Д. Метафора в семантическом представлении эмоций // Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. С. 453–465.

Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / пер. с англ. А. Д. Шмелева; под ред. Т. В. Булыгиной. М.: Языки русской культуры, 1999.

Вилюнас В. К. Психология эмоций. СПб.: Питер, 2008.

Казаковская Виктория Виладиевна

д-р филол. наук, профессор РАН, вед. научный сотрудник,
Институт лингвистических исследований РАН;
victory805@mail.ru

СЕМАНТИКА И СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ПЕРСОНАЛЬНОСТИ В РАННЕМ ДИАЛОГЕ «ВЗРОСЛЫЙ — РЕБЕНОК»

Ключевые слова: усвоение языка, персональность (категория лица), субъект высказывания, личные местоимения, обращенная к ребенку речь взрослого (инпут), речь ребенка (детская речь).

Исследование посвящено усвоению ребенком семантики персональности (лица) и средств ее языкового выражения (ФСП персональности [Бондарко 1990]). В центре внимания — количественные и качественные характеристики обращенной к ребенку речи взрослого (*child directed speech, input*), которые анализируются в отношении к соответствующей речевой продукции ребенка (*input* vs *output*). Интерес к роли «персонального» инпута в речевом онтогенезе, помимо восполнения лакуны в изучении славянского инпута вообще и русского в частности [Kazakovskaya 2020], сопряжен с функциональным аспектом высказываний, субъектную позицию (им. п.) которых занимают местоимения (в первую очередь, личные — ЛМ) и имена (главным образом, существительные).

Анализ проведен на данных двух лонгитюдных корпусов расшифрованной и морфологически размеченной (в соответствии с международными конвенциями CHILDES [MacWhinney 2000]) спонтанной речи, отражающих коммуникативное взаимодействие взрослых (*caregivers*) и типично развивающихся монолингвальных русскоязычных детей (из петербургских семей со средним социально-экономическим статусом) третьего года жизни и первого года усвоения персональности (2;1–3;0).* Объем данных составляет около 50 часов видеозаписей, в которых содержится 14 000 высказываний. Выборка создана с помощью программ из пакета CLAN (CHILDES) — *freq* и *combo*. Уровень синтаксического развития детей определялся традиционно для славянских языков — в соответствии с индексом *MLU* (*mean length of utterances*) в словах. Использовались методы лонгитюдного наблюдения, структурно-семантические и статистические.

Притом что в первый год онтогенеза персональности (а) частотность экспликации субъекта (ЛМ/имя vs 0.ЛМ, или так наз. продроп (*pro-drop*)) в глагольных высказываниях, (б) вариативность способов репрезентации субъекта (ЛМ vs имя существительное) и (в) распределение этих способов (как в речи детей, так и в их инпуте) имеют не только сходные, но и различные тенденции, частотность выражения семантики лица (1-е, 2-е или 3-е лицо) и числа (ед., мн.) в каждом из подкорпусов сопоставима ($p > .05$). Так, в речи взрослых доминирует 2-е лицо (*ты*), за которым следуют 1-е (*я*) и 3-е (кумулятивное *он*); в речи детей — 1-е лицо, тогда как 3-е и 2-е менее употребительны. Распределение частотности личноместоименных и именных субъектов демонстрирует противоположные тенденции в инпуте (снижение в одном корпусе и возрастание в другом) и сходные в речи обоих детей (возрастание). Отсутствие в ряде случаев корреляции между инпутом и соответствующей речевой продукцией детей (*input* vs *output*) в сфере способов выражения субъекта компенсируется, как можно предположить, механизмами, попадающими в зону действия *finetuning* [Snow 1995]. Это находит выражение в наличии одновременных (синхронных) либо последовательных взрывов (ср. *lexical* или *verb spurts*) — личноместоименных или именных, — зафиксированных в период наблюдения.

Результаты, указывающие на коррелятивную связь между инпутом и речевой продукцией детей получены при анализе использования именных субъектов (в корпусах), а также при анализе распределения частотности личноместоименных и именных субъектов в речи каждого информанта в диаде «взрослый — ребенок». Статистически подтверждено, что именные субъ-

* Автор благодарит Т. В. Пранову, К. А. Байду и Н. В. Гагарину за предоставленные записи, Е. К. Лимбах и М. И. Аккузину†, принимавших участие в их расшифровке и морфологическом кодировании, а также С. В. Краснощекову за предварительную обработку речи взрослых участников коммуникации.

екты используются значительно чаще в корпусе ребенка, самореференция которого начинается с имени, то есть с 3-го синтаксического лица. В свою очередь, корреляция между распределением частотности имен и ЛМ в высказываниях каждого участника диады отмечена в корпусе ребенка, начинающего самореференцию с *я* и имеющего более высокую местоименную плотность речи.

Литература

Бондарко А. В. Семантика лица // Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость / под ред. А. В. Бондарко. Л., 1991. С. 5–40.

Kazakovskaya V. First-Language Acquisition: Input/Child-Directed Speech // Encyclopedia of Slavic Languages and Linguistics Online / ed. by M. L. Greenberg. Leiden: Brill, 2020.

MacWhinney B. The CHILDES project: tools for analyzing talk. 3rd ed. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 2000.

Snow C. E. Issues in the Study of Input: Finetuning, Universality, Individual and Developmental Differences, and Necessary Causes // The Handbook of Child language / eds P. Fletcher, B. MacWhinney. 1995. P. 179–193.

Казаковская Виктория Виладиевна[1], Сизова Ольга Борисовна[2]

[1]д-р филол. наук, профессор РАН, вед. научный сотрудник,
Институт лингвистических исследований РАН;
victory805@mail.ru
[2]канд. филол. наук, учитель-логопед,
Психолого-педагогический центр по социальной адаптации детей с ТНР;
osizova@yandex.ru

ДИНАМИКА КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ВЗРОСЛОГО В ОБЩЕНИИ С НЕТИПИЧНО РАЗВИВАЮЩИМСЯ РЕБЕНКОМ

Ключевые слова: усвоение языка, тяжелое нарушение речи, обращенная к ребенку речь взрослого (инпут), коммуникативная стратегия.

Речь взрослых, обращенная к типично развивающемуся ребенку (далее — *типичный инпут*), осваивающему родной язык, имеет определенную историю изучения. Исследования показали, что типичный инпут обладает рядом специфических характеристик, облегчающих ребенку вхождение в язык. Общение взрослого с ребенком при этом не подразумевает эксплицитного обучения языку в ряду сознаваемых целей коммуникации. Именно поэтому в качестве механизма усвоения языка типично развивающимся ребенком рассматривается имплицитное научение.

В отличие от типичного инпута, в случае взаимодействия с ментально сохранными детьми, имеющими тяжелое нарушение речи (далее — *ТНР*), достижение положительной динамики речевого развития может оказаться эксплицитной целью общения. При этом взрослому даже не требуется профессиональной дефектологической компетенции для оценки высокой вероятности коммуникативных неудач в диалоге. Достижение краткосрочных экстралингвистических целей речевой коммуникации (в частности, адаптация к ситуации) будет связано с выбором речеповеденческих тактик взрослого, а сама возможность адаптации детей в социуме будет непосредственно зависеть от динамики развития речи ребенка, обусловленной в том числе коммуникативной стратегией взрослого. Следовательно, специфика коммуникативных ролей адресата и адресанта в диаде «взрослый — ребенок с ТНР» позволяет предположить существование такой разновидности инпута, как нетипичный (речи взрослых, обращенной к ребенку с ТНР), прагматика которого в значительно большей степени, чем прагматика типичного инпута, обеспечивает не столько экстралингвистические цели коммуникации, сколько способствует росту языковой компетенции как необходимого медиума коммуникации и совместной деятельности. Между тем описание успешных (либо, напротив, неуспешных) коммуникативных тактик и стратегий в общении с такими детьми, которое базировалось бы на результатах междисциплинарного исследования, совмещающего (психо)лингвистический и логопатологический подходы к проблеме, отсутствуют (как минимум для русского языка).

Лонгитюдное наблюдение речевого взаимодействия в диаде «взрослый — ребенок с ТНР» может заполнить существующую лакуну, с одной стороны, и предоставить данные о лингвистических характеристиках нетипичного инпута — с другой. Наши пилотные исследования выявили ряд особенностей нетипичного инпута, требующих детального анализа, и позволили выдвинуть гипотезу о сходстве раннего типичного и позднего нетипичного инпута. Верификации этой гипотезы посвящено предпринятое нами исследование стратегий и тактик взаимодействия отца с дочерью старшего дошкольного возраста, у которой консилиумом специалистов было диагностировано ТНР, обусловленное афферентной моторной алалией. Материалом анализа послужили расшифрованные аудиозаписи взаимодействия в диаде (общей продолжительностью 156 минут), начавшиеся с момента достижения ребенком уровня речевого развития, достаточного для поддержания диалога [Левина 2013]. Временной промежуток между начальными и финальными аудиозаписями составил полгода.

Анализ инициативных и реактивных реплик отца демонстрирует значимые изменения в их частотности и репертуаре разновидностей в каждой сессии наблюдений. Так, в первой сессии выявлено наибольшее разнообразие реактивных реплик, отражающее, на наш взгляд, активный поиск оптимальной стратегии диалога. Среди инициативных реплик только в этой сессии встречается общий вопрос, сопровождаемый альтернативой. В таких репликах взрослый и предлагает правильный ответ, и оставляет за ребенком право принятия самостоятельного решения. Во второй сессии среди реактивных реплик критически возрастает количество реформуляций, обеспечивающих ребенка фонетическими образцами и синтаксическими моделями, тогда как среди инициативных реплик максимальным (по сравнению с другими сессиями) оказывается абсолютное число и доля подлинных частных (в другой терминологии, специальных) вопросов, содержащих запрос на получение информации, которой не располагает взрослый (ср. псевдовопросы). К третьей сессии речевая активность отца снижается на фоне улучшения языковой компетенции ребенка. Однако к четвертой возрастает доля ответов на вопросы девочки, свидетельствующие о возникновении способности к их формулированию, что является одним из маркеров успешного коммуникативного развития ребенка [Казаковская 2019].

Тем самым анализ данных дает основания для подтверждения гипотезы о сходстве раннего типичного и позднего нетипичного инпута. Вместе с тем в коммуникативной стратегии отца остается неизменным абсолютное количество побуждений — директивных реплик, характерных для него как для носителя холистического когнитивного стиля [Холодная 2004; Сизова 2024], притом что доля побуждений относительно общего количества инициативных реплик входит в разряд частотных лишь к финальным сессиям. Эта особенность обнаруживает временный отказ отца от речевых характеристик собственного когнитивного стиля в пользу способов общения, обеспечивающих успешность речевого развития дочери. Таким образом, изменения в речеповеденческой стратегии взрослого соответствуют динамике развития коммуникативной компетенции ребенка, сначала направляя этот процесс, а затем необходимыми и достаточными средствами поддерживая его.

Литература

Казаковская В. В. Вопрос и ответ в диалоге «взрослый — ребенок»: психолингвистический аспект. М.: URSS, 2019.

Левина Р. Е. (ред.). Основы теории и практики логопедии. М.: Альянс, 2013.

Сизова О. Б. Неслучайные совпадения: влияние когнитивных стилей ребенка и взрослого на характеристики инпута // Проблемы онтолингвистики — 2024: языковое взаимодействие взрослого и ребенка: мат-лы ежегод. междунар. науч. конф. СПб.: Изд-во «ВВМ», 2024. С. 62–69.

Холодная М. А. Когнитивные стили о природе индивидуального ума. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Питер, 2004.

Краснощекова Софья Викторовна

канд. филол. наук, научный сотрудник, Институт лингвистических исследований РАН; ndhito@mail.ru

ГРАНИЦА МЕЖДУ ДЕЙКТИЧЕСКИМ И КВАНТОРНЫМ МАКРОРАЗРЯДАМИ МЕСТОИМЕНИЙ: ДАННЫЕ ДЕТСКОЙ РЕЧИ

Ключевые слова: детская речь, освоение языка, местоимения, дейктические местоимения, кванторные местоимения.

Кроме традиционного деления местоимений на разряды (личные, неопределенные и т. д.), нередко предлагается выделять более глобальные классы — макроразряды. Неоспоримым является существование в языке как минимум двух макроразрядов — дейктического и кванторного. Дейктические местоимения непосредственно указывают на референт, тогда как кванторные приписывают референту денотативный/референциальный статус. К ядру дейктического макроразряда относятся личные, притяжательные и указательные местоимения, к ядру кванторного — неопределенные, отрицательные и универсальные (местоимения всеобщности). Некоторые разряды, тем не менее, не распределяются по макроразрядам однозначно, что приводит к существованию ряда не до конца решенных теоретических вопросов: возможно ли разделить весь класс местоименных лексем на два макроразряда без остатка; выделяются ли иные макроразряды, кроме дейктического и кванторного; существует ли «серая зона» между макроразрядами и какие единицы в нее попадают; возможен ли переход между макроразрядами либо наличие таких лексем, которые в зависимости от контекста могут принадлежать как к одному, так и к другому.

В нашем исследовании предпринимается попытка ответить на часть этих вопросов, опираясь на данные детской речи. В качестве материала использованы лонгитюдные корпусы записей речи пяти русскоязычных детей в возрасте в среднем 1,5–4 лет, принадлежащие Фонду данных детской речи ИЛИ РАН и РГПУ им. А. И. Герцена. Основным рабочим инструментарием послужили (а) данные по частотности словоупотреблений каждой местоименной лексемы за каждый месяц жизни ребенка в абсолютных цифрах и в процентах относительно общего числа высказываний ребенка в конкретный месяц (всего 18 500 единиц, табл.); (б) данные по частотности словоупотреблений местоимений каждого разряда, представленные в виде графиков с шагом в один месяц — «местоименные профили» детей; (в) полученные методом сплошной выборки подкорпусы детских высказываний с местоимениями, размеченных вручную с учетом грамматических, семантико-функциональных, референциальных и контекстуальных характеристик (всего 12 000 размеченных контекстов).

Таблица. **Общее число местоименных словоупотреблений в корпусах детей**

	Кванторные	**Дейктические**
Кирилл	761	3973
Филипп	619	1487
Витя	698	1805
Лиза	617	2210
Ваня	2150	4264

Вопрос о выделении других макроразрядов за пределами кванторных и дейктических в первую очередь касается статуса анафорических местоимений: как традиционная, так и современная лингвистика все чаще предлагает рассматривать их отдельно как третий макроразряд [Уру-

нова 2020], тогда как более ранние работы предпочитают считать анафорические местоимения подтипом дейктических [Крылов 1989] либо объединяют дейктические и анафорические в один макроразряд с другим названием (напр., «неквантворные» или «местоимения-заместители»), противопоставленный кванторным. Принимая, что часть неквантворных местоимений способна выполнять как строго дейктическую, так и анафорическую функцию (указательные, личные и притяжательные 3-го л.), и считая анафору явлением, включенным в сферу вторичного дейксиса, мы придерживаемся второй точки зрения. Данные детской речи также свидетельствуют в ее поддержку. Так, анафорическая функция у ребенка универсально развивается позже и на основе дейктической: языковая единица, возникая в речи ребенка, сначала употребляется только в дейктической функции и только затем начинает связываться при помощи анафорического механизма. Для указательных местоимений анафорическая функция маргинальна. Для местоимения 3-го л. наиболее типичным контекстом употребления является анафорический с наложением прямого указания: единица участвует в формировании анафорического сочетания, при этом ребенок указывает на референт. Строго анафорическими единицами в речи детей, лишенными дейктической функции, являются возвратные местоимения и относительное «который», частотность которых крайне низка.

Вопрос о статусе таких разрядов, как вопросительные, местоимения самостоятельности и местоимения со значением «другой», традиционно решается в пользу их принадлежности к кванторным, в то время относительные, объединяемые с вопросительными в один разряд, однозначно признаются неквантворными. При этом у вопросительных местоимений отмечаются черты «местоимений-заместителей», т. е. способность выполнять в тексте функцию, близкую к дейктической/анафорической [Матвейкина 2011: 9]. Местоимения самостоятельности функционально сближаются с личными и возвратными [Горобец и др. 2018: 31–32]. У местоимений со значением «другой» констатируются элементы семантики, имеющие отношения к дейксису/анафоре. Данные детской речи, действительно, свидетельствуют о частичной близости вопросительных местоимений и местоимений дейктического макроразряда: у двух детей обе группы демонстрируют сходные паттерны изменения частотности по месяцам, т. е. у этих детей вопросительные местоимения в процессе речевого развития ведут себя так же, как дейктические. С другой стороны, в речи всех детей наблюдаются эффекты тесного взаимодействия вопросительных, неопределенных и отрицательных местоимений. Что касается определительных местоимений, то в речи детей «сам» прочно ассоциировано с персональным дейксисом, а «другой» — с локативным и предметным: при его освоении повторяются принципы развития «анафорического» значения на базе «дейктического», отмечаемые при освоении указательных «этот» и «такой». Таким образом, данные детской речи свидетельствуют о том, что местоимения самостоятельности и «другой» находятся ближе к дейктическим, чем к кванторным, тогда как вопросительные занимают промежуточное положение.

Литература

Горобец В. И., Кульшарипова Р. Э., Горобец Е. А. Статус возвратных местоимений в современных морфологических классификациях и их отражение в тезаурусном описании // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 6-2 (84). С. 332–336.

Крылов С. А. О семантике местоименных слов и выражений // Русские местоимения: Семантика и грамматика: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. А. Б. Пеньковский. Владимир: Владимир. гос. пед. ин-т им. П. И. Лебедева-Полянского, 1989. С. 5–12.

Матвейкина Ю. И. Местоимения в языке современной прозы: функциональный аспект (на материале произведений В. О. Пелевина и С. Д. Довлатова): автореф. дис. … канд. филол. наук СПб., 2011.

Урунова Р. Д. Основные проблемы и направления в изучении местоимений на рубеже XX–XXI вв. // Вестник Удмуртского университета. Сер. «История и филология». 2020. Т. 30, № 5. С. 739–750.

Леонова Елена Владимировна

аспирант, Институт когнитивных исследований,
Санкт-Петербургский государственный университет;
st012058@student.spbu.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ВЛИЯНИЯ ЯЗЫКА НА ДОЛИНГВИСТИЧЕСКУЮ СИСТЕМУ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПРОСТРАНСТВЕ

Ключевые слова: усвоение языка, лексико-семантическая система языка, понятийный аппарат.

В докладе будет представлен обзор современных подходов к оценке влияния усвоения языка на уже существующую систему концептуализации пространства детьми.

Вслед за Пиаже, когнитивные психологи утверждают, что существует две системы, отвечающие за представления о пространстве: понятийный аппарат и лексико-семантическая система языка. Структура понятийного аппарата идентична у носителей разных культур и языков и формируется до усвоения языка, а семантическая структура языка просто накладывается на понятия, уже сформированные на долингвистическом уровне.

Однако современные исследователи выяснили, что разные языки используют разные способы фрагментации пространства на лексическом уровне. Например, Bowerman & Choi [Bowerman, Choi 2001] показали различие в семантической категоризации значений групп предлогов у детей-носителей английского и корейского языков. Если в английском языке базовые предлоги IN и ON отвечают за лексикализацию значений «находиться внутри трехмерного объекта» и «находиться на поверхности, соприкасаясь с ней», то корейские *kitta* и *nehta*, примененные в контексте таких же ситуаций пространственных взаимодействий объектов, делят пространство не относительно нахождения внутри/снаружи объекта, а по тому, как плотно объекты прилегают друг к другу. В дальнейших исследованиях они показали, что дети чувствительны к этим характерным различиям даже в том возрасте, когда сами еще не употребляют предлоги, но при этом они также могут замечать и различия, выражаемые в других языках. Такие данные приводят к противоречию: если лексическая система отражает понятийную, то это означает, что понятийная система носителей разных языков должна быть разной, что противоречит большинству эмпирических данных.

В связи с этим, возникает вопрос о роли усвоения лексической системы языка в формировании понимания пространственных отношений.

Можно выделить три основные теории, по-разному отвечающие на этот вопрос.

Сторонники Бауэрман и Чой говорят о том, что язык влияет на формирование когнитивных категорий. Их эксперименты показывают, что в процессе взросления люди все больше теряют «универсальность» категорий и начинают мыслить в рамках, заданных языком (например, взрослые носители корейского языка при тестировании показывают нечувствительность к различиям «внутри трехмерного объекта/на объекте» даже в нелингвистических заданиях).

Сторонники противоположного подхода [Malt et al. 2003: 22, 38] настаивают, что такие исследования не показывают глубинного влияния языка на мышление. Они утверждают, что языковой знак просто накладывается на многомерную понятийную систему таким образом, что в разных культурах знак покрывает разные участки мультимодального концептуального пространства, выделяя те или иные отличительные черты пространственных отношений, выраженные предлогами.

Оба вышеупомянутых подхода не принимают во внимание изменения в вокабуляре и пространственном восприятии новых категорий детьми, делая акцент только на предлогах, выражающих самые когнитивно прозрачные пространственные отношения. И действительно, в процессе усвоения языка ребенку приходится не просто выводить значение базовых предлогов, соотносимых с чувственным опытом напрямую, и соотносить их со своими внелингвистическими представлениями о пространстве, но и осваивать представления, которые требуют

значительного когнитивного усилия (например, пространственные отношения между предметами относительно друг друга, а не тела ребенка).

В качестве третьей теории можно выделить теорию Гентнер [Gentner 2003]. Она предлагает рассматривать язык как инструмент для формирования более сложных и абстрактных категорий мышления. Языковые знаки в такой трактовке становятся тем инструментом, который помогает ребенку сравнивать конкретные ситуации между собой. Ранние детские лингвистические представления чаще всего обусловлены ситуацией и часто неотделимы от нее, больше основаны на чувственном опыте и более неустойчивы (дети излишне расширяют количество ситуаций, выраженных понятием). Языковой знак позволяет фокусировать внимание на конкретных чертах ситуации и оперировать двумя представлениями на базовом или абстрактном уровне. На базовом уровне (предлоги НА, У, ПОД) дети слышат употребление одного и того же знака в разных контекстах и могут выводить его значение, основываясь на статистической дистрибуции знаков в различных ситуациях внеязыковой действительности. При формировании более сложных представлений о пространстве (СПРАВА ОТ предмета), языковые знаки позволяют абстрагироваться в том числе и от эгоцентрического взгляда на пространство (как в СПРАВА ОТ МЕНЯ). Но в обоих случаях ребенок должен: а) понять, что один знак используется в разных коммуникативных ситуациях, б) провести аналогии между этими ситуациями, в) выделить черты значения, сходные между собой (например, что предлог НА всегда означает соприкосновение с поверхностью, будь то *кот НА крыше* или *стакан НА столе*, в отличие от предлога НАД) и г) объединить эти черты посредством одного языкового символа.

Так, предложенная Гентнер теория позволяет посмотреть на язык как на активного участника процесса формирования пространственных представлений и дает возможность более широкой эмпирической проверки.

Литература

Bowerman M., Choi S. Shaping meanings for language: Universal and language-specific in the acquisition of spatial semantic categories // Language Acquisition and Conceptual Development. 2001. Vol. 3. P. 475–511.

Malt B. C., Sloman S. A., Gennari S. P. Universality and language specificity in object naming // Journal of Memory and Language. 2003. Vol. 49, no. 1. P. 20–42.

Gentner D. Why we're so smart // Language in mind: Advances in the study of language and thought. Cambridge: MIT Press, 2003. P. 195–236.

Петракова Дарья Сергеевна

учитель английского языка, МБОУ СОШ им. Л. В. Журина, г. Мурманск;
dariapetrakovaenglish@gmail.ru

АДАПТАЦИЯ ВНУТРЕННЕГО ГОЛОСА ЧИТАТЕЛЯ К ПРЕДПОЛАГАЕМОМУ ГОЛОСУ АВТОРА ТЕКСТА

Ключевые слова: субвокализация, внутренний голос, когнитивное восприятие, язык и мышление.

В вопросе взаимодействия языка и мышления уделяется особое внимание процессам внутренней речи. Внутренний голос, сопровождающий процесс чтения, играет ключевую роль в интерпретации текста, но остается недостаточно изученным в контексте его адаптации к предполагаемому «голосу» автора. Изучение этих механизмов позволяет глубже понять, как мозг воспринимает и обрабатывает текстовую информацию, демонстрируя связь языковых и когнитивных процессов.

Целью исследования является анализ механизмов адаптации внутреннего голоса читателя к стилистическим и лексическим особенностям текста, которые формируют представление о «голосе» автора. Гипотеза заключается в том, что читатель строит когнитивную модель автора текста, используя доступные языковые маркеры и адаптирует свой внутренний голос к «голосу» автора, что влияет на процесс чтения на уровне мышления. Данная адаптация подтверждает, что языковые данные структурируют и активируют когнитивные процессы.

Исследование основано на анализе существующих работ в области когнитивной психолингвистики, посвящённых внутренней речи и авторскому стилю. Особое внимание уделяется анализу взаимосвязи между внутренней речью и «авторским голосом» в сознании читателя с акцентом на адаптацию субвокализации к гендеру автора.

Субвокализация выступает посредником между текстом и восприятием, воссоздавая голос, тембр и интонацию, будто текст озвучен автором. “The reader’s inner voice adapts to the text, reflecting inferred authorial tone and intent” [Carruthers, Boucher 1998: 201]. Тексты с гендерно маркированными словами («учительница», «он сказал») активируют голос, соответствующий этим маркерам. Внутренний голос меняется и в зависимости от стиля текста, так в научных статьях внутренняя речь монотонная, отражающая объективность, а в художественной прозе внутренний голос становится более выразительным, помогая погрузиться в сюжет. Восприятие текста может зависеть от стереотипных представлений о языке, используемом мужчинами или женщинами. Эмоциональная окраска и тон повествования влияет на выбор интонации, даже если голос автора неизвестен.

Изменение восприятия. Сообщение о смене пола автора (например, «текст написан женщиной вместо мужчины») меняет интерпретацию текста и его эмоциональной окраски. В предложенном тексте «Она стояла у окна, наблюдая за падающими листьями. Её мысли были где-то далеко, но никто не знал, о чем она думала» читатель по-разному интерпретирует подтекст в зависимости от информации о гендере автора и его внутренний голос тоже меняется. Пол автора формирует ожидания читателей, связанные с гендерными стереотипами и регулирует выбор внутреннего голоса.

Интонация и стиль. Пример текста: «— Ты ведь помнишь, что сегодня наш день? — Конечно, я помню. Как можно было забыть?» Восприятие интонации и эмоций будет различным, если озвучить, что реплики принадлежат мужчине и женщине, а затем сказать, что обе реплики принадлежат мужчинам (или женщинам). Например, если оба героя женщины, участники могут считать диалог эмоциональнее, а если мужчины — сдержаннее.

Нейтральные тексты и гендерные черты. Даже в нейтральных текстах мы находим явные или скрытые гендерные черты, опираясь как на грамматические особенности, так и на наш личный опыт. Пример текста для анализа: «В шумной кофейне у меня наконец нашлось время открыть новую книгу. Вкус кофе показался чуть горьковатым, но это напомнило мне о старых путешествиях и теплом солнце осени.» Наводящие вопросы помогут выявить стереотипные

ожидания: кто, по мнению аудитории, чаще пишет о кофейнях, книгах или воспоминаниях — мужчины или женщины.

Разрушение стереотипов. Пример: «Я так люблю дождливые вечера. Горячая чашка чая, уютный плед, немного музыки на заднем плане. Это самое прекрасное время, чтобы немного расслабиться и подумать о будущем. Так приятно быть собой — сильным, уверенным мужчиной».

Читатель может решить, что текст написан от лица женщины (образ «чая, пледа, уюта» часто ассоциируется с феминностью). Финальная строка разрушает это восприятие, перенося нас к внутреннему миру мужчины. В данном случае важно отследить как меняется гендер внутреннего голоса при прочтении текстов.

Подобные примеры дают понять, как наше восприятие зависит от когнитивных шаблонов, а языковые структуры и информация о гендере автора влияют на восприятие текста.

Анализ показал, что:

- Читатели бессознательно воспринимают текст как продукт определённого автора, создавая когнитивную модель его личности на основе стилистических и лексических особенностей текста.
- Внутренний голос читателя адаптируется к этим предположениям, что подтверждает гипотезу о том, что язык не только передаёт информацию, но и активирует когнитивные механизмы мозга.
- Узнав, что текст принадлежит автору другого пола, мозг перестраивает внутренний голос, а также интерпретацию текста и его эмоциональной окраски. Это изменение отражает динамическую природу восприятия текста.
- Адаптация внутреннего голоса позволяет установить связь между языковыми структурами текста и когнитивными процессами мышления, такими как моделирование и прогнозирование.

Изучение внутреннего голоса как медиатора между текстом и мышлением позволяет уточнить роль языка в организации когнитивных процессов. Восприятие текста — это не только языковое, но и сложное когнитивное явление, демонстрирующее взаимодействие языка и мозга. Это открывает перспективы для дальнейшего изучения механизмов когнитивного восприятия текста.

Литература

Выготский Л. С. Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1999.

Carruthers P., Boucher J. Language and Thought: An Interdisciplinary Guide. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

Fernyhough C. The Voices Within: The History and Science of How We Talk to Ourselves. London: Profile Books, 2016.

Пигалева Мария Владиславовна

ст. преподаватель,
Пермский государственный национальный исследовательский университет;
pigaleva-m@yandex.ru

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ИСКУССТВО» В АССОЦИАТИВНЫХ РЕАКЦИЯХ КИТАЙСКИХ ИНФОРМАНТОВ

Ключевые слова: искусство, семантическая группа, информант, ассоциации, эксперимент.

Совокупность знаний о мире отражена в языковой картине мира, которая предстает как концептуальная система и как средство оформления концептуальных знаний о мире [Пименова 1999]. Членение на поля упорядочивает и организует внутреннюю форму языка, которая не является статичной, а постоянно претерпевает изменения. В качестве конструктов языкового поля выступают семантические поля, также представляющие собой систему элементов, связанных между собой синтагматическими, парадигматическими, эпидигматическими и ассоциативными отношениями. Система семантических полей демонстрирует системность языковой картины мира и ее способность к организация языкового материала.

Одним из эффективных способов исследования репрезентации языковой картины мира является ассоциативный эксперимент, поскольку с его помощью «входящие в базу сознания неосознаваемые знания могут получить овнешнение» [Залевская 2000: 43]. Именно в ассоциациях исследователи имеют возможность рассмотреть, как социальный опыт проходит преломление в индивидуальном сознании и находит свое отражение в вербализованной картине мира, поскольку «ассоциации — это связь между объектами и явлениями, основанная на личном, субъективном опыте» [Фрумкина 2001: 189].

Нами был проведен ассоциативный цепочечный эксперимент со множественным количеством реакций, в котором участникам предлагалось написать не менее 30 ассоциаций на слово-стимул со словом-стимулом 艺术 («искусство»). Информантами стали 20 студентов китайской национальности возрастом от 18 до 25 лет, которые обучались в высшем учебном заведении или уже получили высшее образование. Выбор слова-стимула и возрастной категории информантов обусловлен научным интересом в репрезентации образа искусства в языковом сознании молодежи. Китайское искусство имеет долгую историю развития, и его характерными чертами являются синкретичность и традиционность [Мещерина 2017], а выбранный нами для исследования возраст информантов попадает в рамки молодежи, и именно молодежь, с одной стороны, наиболее открыта новым веяниям в культуре и искусстве, и, с другой стороны, является транслятором культурного опыта, вложенного в нее более старшими поколениями.

Анализ ответов осуществлялся в информационной системе «Семограф», в которой цепочка ассоциаций каждого информанта рассматривалась как отдельный контекст и подлежал компонентному семантическому анализу. Выборка была сбалансирована по полу и образованию. Всего было получено 610 реакций на китайском языке. Анализ ответов информантов осуществлялся с использованием информационной системы «Семограф», позволяющей классифицировать любой лингвистический контент по выбираемым исследователем категориям и автоматически получать данные об объеме категорий и их связи.

В результате анализа ответов информантов нами было выделено 15 семантических групп. Представим их в порядке убывания элементов с указанием процентов от общего числа реакций: «Виды искусства» (23 %), «Характеристики» (15 %), «Прецедентные феномены» (11 %); «Стили и жанры» (9,3 %); «Чувства, эмоции» (8,5 %); «Деятельность» (6 %); ««Произведение искусства» (6,8 %); Социум», «Инструментарий» (по 4,5 % каждая); «Образное определение» (4,2 %); «Деятель искусства», «Интеллект» (2 % каждая); «Авторы» (1,6 %); «Эталон», «Время» (по 1 % каждая). Отчетливо наблюдается деление семантического поля на ядерную зону, представленную группой «Виды искусства», предъядерную, представленную семантической группами «Харак-

теристики» и «Прецедентные феномены», и на периферийную зону, представленной остальными семантическими группами.

Семантическая группа «Виды искусства» включила реакции, называющие все упомянутые информантами произведения и элементы искусства или творческого процесса, которые также были разбиты внутри семантической группы на подгруппы по различным видам искусства. Самыми многочисленными оказались подгруппы «Музыка», «Изобразительное искусство» и «Литература». Созданный художественный образ легко актуализируется при упоминании, и именно наглядность можно назвать основной причиной многочисленности реакций данной семантической подгруппы. И музыкальные, и литературные произведения нередко становятся элементом досуга, также довольно часто распространено их цитирование или частичное воспроизведение в средствах массовой информации. Синтетические виды искусства — театр, кино — представлены в реакциях информантов значительно меньше. Стоит отметить наличие реакций, называющих национальное декоративно-прикладное искусство.

Семантическая группа «Характеристики» включила в себя такие подгруппы, как «Элитарность», «Индивидуальность», «Ценность», «Оригинальность», «Эстетика», «Мастерство», «Духовность». Здесь наиболее многочисленной оказалась подгруппа «Эстетика» — 4,75 % от общего числа реакций. Китайское искусство отличается каноничностью и эстетичностью, и красота изображения для китайских молодых людей гораздо важней, чем соответствие вызовам времени, что отчетливо видно в связи с малочисленностью реакций семантической подгруппы «Время».

Семантическая группа «Прецедентные феномены» представлена преимущественно прецедентными высказываниями и реже прецедентными именами. Прецедентные высказывания представлены чэнъюями — идиоматическими выражениями, состоящими из четырех иероглифов и одной цитатой. Идиоматические выражения, встречаемые в ответах информантов, иллюстрируют такие темы, как плюрализм в искусстве, мастерство творца, красота и исключительная ценность.

Китайское искусство в ассоциациях китайских молодых людей — это, прежде всего, произведения различных видов искусства, преимущественно временных и пространственных (изобразительное искусство, литература, музыка). Китайское искусство эстетично, канонично и неподвластно времени.

Литература

Залевская А. А. Национально-культурная специфика картины мира и различные подходы к ее исследованию // Языковое сознание и образ мира: сб. ст. / отв. ред Н. В. Уфимцева. М.: Изд-во Ин-та языкозн. РАН, 2000. С. 39–54.

Мещерина Е. Г. Эстетика Древнего Востока. Китай. Индия. Япония. Буддизм и искусство XX века. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2017.

Пименова М. В. Этногерменевтика языковой наивной картины внутреннего мира человека: монография. Кемерово: Кузбассвузиздат; Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 1999. (Серия «Этнориторика и этногерменевтика». Вып. 5).

Фрумкина Р. М. Психолингвистика. М.: Академия, 2001.

Пиотровская Лариса Александровна

д-р филол. наук, профессор,
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена;
larisa11799@yandex.ru

ПРАГМАТИКА ИНТОНАЦИИ

Ключевые слова: синтагматическое членение, акцентное выделение, мелодика, паузы хезитации, тембр.

Поскольку устная речь обязательно оформляется интонационно (то, что называется монотонной речью, тоже имеет особое интонационное оформление), в интонации говорящего выражается не только мыслительное содержание, которое он хочет сделать достоянием сознания слушающего, но и эмоциональное состояние субъекта речи, а также его отношение и к предмету речи, и к слушающему, т. е. различные прагматические (дискурсивные) характеристики [Izre'el 2000].

Принимая во внимание, что минимальной интонационно оформленной фонетической единицей является синтагма, в которой слова не только должны быть связаны грамматически, но и выражать единый смысл, синтагматическое членение отдельных высказываний должно отражать смысловое квантование текста [Chafe 2018]. В зависимости от того, связаны ли слова в составе одной синтагмы по смыслу, можно с большой долей уверенности делать вывод о том, насколько говорящий понимает то, о чем он говорит. Поэтому анализ адекватности синтагматического членения может, на наш взгляд, служить одним из критериев оценки ответа студентов на экзамене.

Другой важной составляющей интонационного оформления высказываний и текста в целом является наличие в нем разных типов ударения: автоматизированного синтагматического, нейтрального фразового, логического, эмфатического ударения, а также акцентного выделения: последний тип ударения был детально описан Т. М. Николаевой [Николаева 2000: 56–79]. Анализ интонации говорящего с точки зрения наличия в ней акцентного выделения принципиально важен, поскольку основное свойство акцентного выделения — «выводить данное высказывание в более широкую прагматическую сферу, сообщать информацию, дополнительную к той, которая непосредственно в этом высказывании содержится» [Николаева 2000: 61–62]. Как показал проведенный нами ранее анализ интонации речи лектора, использование говорящим акцентного выделения часто приводит к тому, что синтагма может стать двувершинной, а с прагматической точки зрения акцентное выделение позволяет слушающему выделять ключевые слова в тексте и легче устанавливать смысловые связи как с левым, так и с правым контекстом.

Важнейшим средством выражения не только смысловой завершенности/незавершенности, но и различных семантико-стилистических характеристик, является мелодика. С прагматической точки зрения особый интерес представляет соотношение и разнообразие типов интонационных конструкций, используемых конкретным человеком. Перспективным представляется сравнение в этом отношении интонации людей с разным доминирующим типом темперамента. Предварительный анализ позволяет сформулировать следующие особенности: если в речи меланхолика в неконечных синтагмах преобладает плавное повышение тона в средне-верхнем регистре, соответствующее ИК-6 в классификации Е. А. Брызгуновой, то в речи холерика — резкий восходяще-нисходящий тон, т. е. ИК-3.

С типом темперамента, по-видимому, связан также средний темп речи.

Паузы хезитации обычно рассматриваются с точки зрения способов их заполнения в аспекте культуры речи. Другим направлением исследования таких пауз представляется определение степени спонтанности устной монологической речи, поскольку паузы хезитации обусловлены возникновением каких-либо сбоев: затруднением в поиске слов в ментальном лексиконе, в установлении грамматических и смысловых связей слов в предложении, наконец, в отборе

мыслительного содержания, которое говорящий хотел бы выразить вербально. В зависимости от наличия/отсутствия пауз хезитации, а также их количества можно, например, оценивать ответы различных общественных деятелей во время интервью, определяя, в какой степени вопросы были заранее известны.

Наиболее информативным показателем эмоционального состояния говорящего считается тембр. Именно тембр имеется в виду, когда наивный носитель языка, реагируя на какое-либо высказывание, выражает свое отношение словами «Почему ты говоришь со мной таким тоном?». В этой связи возникает вопрос, в какой мере говорящий в состоянии контролировать тембральную составляющую своей речи.

Учитывая результаты некоторых психологических исследований, в которых описывается состояние эмоциональной напряженности, вызванное негативным влиянием стресса, причиной которого является неспособность человека предвидеть исход проблемной ситуации, связанной с жизненно важными потребностями человека [Носенко 1980: 20–21], можно предположить, что в этом состоянии человек не способое осуществлять полноценный контроль за своей речью, в том числе и за ее интонационным оформлением.

Очевидно, что нами были выделены не все аспекты исследования интонации с прагматической точки зрения, однако очевидно, что такое исследование может быть только психолингвистическим.

Литература

Николаева Т. М. От звука к тексту. М.: Языки русской культуры, 2000.

Носенко Э. Л. Эмоциональное состояние и речь. Киев: Вища школа, 1981.

Chafe W. Thought-Based Linguistics: How Languages Turn Thoughts into Sounds. Cambridge: Cambridge University Press, 2018.

Izre'el Sh. The Basic Unit of Spoken Language and the Interfaces between Prosody, Discourse and Syntax // Search of Basic Units of Spoken Language: a Corpus-Based Approach / eds Sh. Izre'el et al. Amsterdam: John Benjamins Publ. Co., 2020. P. 77–105.

Плахотная Юлия Ивановна

канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет;
pl-julia@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПОНИМАНИЯ ПРОСТЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Ключевые слова: понимание, восприятие, речь, мышление, навык, функция.

Целью данного исследования является выявление особенностей когнитивных функций, а именно, кратковременной и долговременной памяти и понимания при восприятии простых предложений. Настоящее исследование было проведено на основе экспериментов, в которых испытуемые должны были прослушать предложения (поочерёдно) и письменно их воспроизвести. В эксперименте приняло участие 39 человек. Возраст испытуемых от 18 до 22 лет, пол мужской и женский. Время письменного воспроизведения прослушанного текста ограничивалось 2–3 минутами. Эксперимент состоял из двух этапов: на первом этапе предлагалось воспроизвести предложения непосредственно после прослушивания. Второй этап проводился через 1,5–2 недели (в разных группах по-разному) после первого прослушивания. В ходе второго этапа испытуемые должны были по памяти воспроизвести предложения, которые они слышали на первом этапе. Длина данных предложений составляет от 10 до 22 слов. Первое предложение, представленное для эксперимента, является простым по конструкции, но содержит противопоставление с союзом «но» и страдательный залог. 1) «Продукты доставлялись через полчаса после заказа, но по другому адресу». Второе предложение простое по конструкции, содержит деепричастный оборот и глагол в отрицательной форме. 2) «Суеверные родители стараются не показывать родившегося малыша до года даже своим родственникам, боясь сглаза». Третье предложение имеет сложноподчинённую конструкцию и усложнено наличием числительных и имён собственных. 3) «Полиция выяснила, что Сергей Федотов прибыл в Великобритании 2 марта 2018 г. за 4 часа до приезда Петрова и Баширова».

Данный психолингвистический эксперимент основан на методе словесного отчета. Слова как единственно наблюдаемая реакция человека, которую можно проанализировать, дают возможность изучить работу памяти и понимания. «Мышление… есть речевой процесс» [Уотсон 1998: 592], поэтому наблюдать работу когнитивных функций можно только посредством изучения словесной реакции человека. Мы попытались выяснить как понимание связано с функцией памяти. Память исследовалась многими учеными, в частности проводились эксперименты на воспроизведение слогов и слов. Выяснилось, что бессмысленная последовательность слогов требует более длительное время для запоминания. Согласно экспериментам Эббингауза, необходимо как минимум 1 повторение для запоминания последовательности из 7 бессмысленных слогов. Для безошибочного воспроизведения бессмысленной последовательности из 24 слогов необходимо 44 повторения [Уотсон 1998: 593]. В своих экспериментах Эббингауз давал заучивать стихи из «Дон Жуана» Байрона, и для правильного воспроизведения отрывка испытуемым необходимо было всего 8 повторений. Магнефф проводил эксперименты на проверку забывания осмысленного материала. Результаты его экспериментов показывают, что уже через 19 минут после воспроизведения осмысленного материала происходит его забывание. Успешность повторного воспроизведения составляет 58,2 % [Уотсон 1998: 599]. Уотсон называет приобретённой функцией «организованную систему навыков индивида», к которым он относит речь и письмо [Уотсон 1998: 603]. Грамматика — это то, что организует слова в единую логическую систему. Поэтому мы воспринимает предложение как смысловую единицу и запоминаем его как единое целое. При записи предложения после его прослушивания слова воспроизводятся исходя из их грамматических и семантических взаимосвязей в предложении. Но точное воспроизведение зависит от точности понятого смысла предложения в целом. Можно сказать, что, если человек, не понял хорошо общий смысл предложения, то и воспроизвести его точно и дословно он не сможет. Здесь также играет большую роль кратковременная и долговременная память. Как правило, наблюдается связь между запоминанием списка отдельных слов и предложения

из соответствующего количества слов. Аналогичный эксперимент проводили Поллак и Пикет в 1964 г., когда одной группе испытуемых представляли слова по отдельности для запоминания и эти же слова другой группе представляли в контексте. Как показали эксперименты, только половина представленных по отдельности слов была воспроизведена испытуемыми [Carroll 2008: 85]. Дж. Миллер в свою очередь провел эксперименты по представлению коротких предложений, которые показали, что испытуемые запоминали грамматически правильные предложения лучше, чем грамматически неправильные [Carroll 2008: 87]. Поэтому Д. Кэррол говорит о «нисходящей обработке» в процессе запоминания, которая предполагает, что сначала происходит восприятие и обработка информации на семантическом уровне, а потом на сенсорном [Carroll 2008: 88]. В наших экспериментах мы выявили несколько особенностей восприятия и понимания прослушанных предложений. 1. Понимание прослушанного предложения выражается в передаче общего смысла, не всегда дословно. Кратковременная память работает в контексте, но при этом включается еще и семантическая память. 2. Если из списка отдельных слов (из 15, предъявленных для запоминания) испытуемые запоминают от 5–12, то при прослушивании длинных предложений (от 10 до 22 слов) количество правильно воспроизведенных слов увеличивается (в среднем испытуемые правильно воспроизводят от 7 до 18 слов). 3. При отсутствии повторения прослушанных предложений испытуемые не смогли воспроизвести смысл предложений через неделю-две после первого этапа эксперимента. Это говорит о том, что даже при полном понимании услышанных предложений, человек не может воспроизвести их повторно после длительного перерыва. То есть в долговременной памяти не удерживается смысл однократно прослушанной информации.

Литература

Уотсон Дж. Б. Психология как наука о поведении // Основные направления психологии в классических трудах. Бихевиоризм. М.: АСТ-ЛТД, 1998.

Carroll D. W. Psychology of Language. 5th ed. Belmont: Thomson Wadsworth, 2008.

Риехакайнен Елена Игоревна[1], Судакова Ульяна Андреевна[2]

[1]канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет; e.riehakajnen@spbu.ru

[2]стажер-исследователь, Санкт-Петербургский государственный университет; st101968@student.spbu.ru

СЛЕДИМ ЗА СЛОВАМИ: СРАВНЕНИЕ ПОДХОДОВ К КЛАССИФИКАЦИИ САМОИСПРАВЛЕНИЙ

Ключевые слова: порождение речи, речевые сбои, самоисправления.

Самоисправление — это тип речевого сбоя, при котором говорящий пытается исправить тот фрагмент дискурса, который уже произнес, так как замечает, что произнесенный фрагмент «не соответствует изначальной программе» [Подлесская, Кибрик 2009: 178–179]. Этот фрагмент говорящий пытается как бы безболезненно стереть [Подлесская, Кибрик 2009: 180] и, в соответствии с Main Interruption Rule [Levelt 1983: 56], исправляет, как только обнаруживает проблему, нарушая при этом плавное развертывание речи [Подлесская, Кибрик 2009: 177; Lickley 2015: 463]. При этом самоисправление не всегда является заменой ошибки на что-то правильное; самоисправления могут возникать и там, где нет явной ошибки (ср. Appropriateness repairs в [Levelt 1983]); они могут быть похожими на уточнения (см. устранение двусмысленности в неоднозначных высказываниях, Ambiguous repairs в [Levelt 1983]), поэтому можно сказать, что фрагменты, которые исправляются, содержат «субъективную» ошибку.

Несмотря на то что самоисправления активно изучаются (в первую очередь при порождении речи на неродном языке и у детей и у взрослых с нарушениями речи), до сих пор нет единого подхода к описанию этого явления. Целью нашего исследования является сопоставление существующих классификаций самоисправлений и разработка на их основе той, которую можно использовать для анализа различных типов дискурса.

Первая классификация самоисправлений была представлена в [Levelt 1983], она является функциональной и включает в себя скрытые самоисправления (Covert repairs) и явные (Overt repairs). Считается, что о скрытых самоисправлениях свидетельствуют паузы хезитации и повторы, поскольку они позволяют исправить ошибку ещё до её артикуляции. Явные самоисправления делятся на замены на другое (Different repairs; они возникают, когда говорящий решает, что в этот момент должна быть выражена другая идея, поэтому он прерывает себя, чтобы начать новое высказывание); замены на более уместное (Appropriateness repairs); исправления ошибок (Error repairs, среди которых отдельно выделяются фонетические, морфологические, лексические и синтаксические).

В [Lickley 2015: 453] отмечается, что в последнее время исследователи выделяют следующие формальные типы речевых сбоев: заполненные паузы (filled pauses); повторы частей слов, слов, фраз (repetitions); замены частей слова, слов, фраз (substitutions); повторы фрагмента со вставкой слова или слов (insertions); удаления, когда говорящий прерывает поток речи (deletions). На наш взгляд, все эти операции могут происходить при самоисправлениях, поэтому мы рассматриваем эту классификацию как одну из формальных классификаций самоисправлений. При соотнесении функциональной и формальной классификации получается, что при скрытых самоисправлениях (Covert repairs) происходят повторы (repetitions), при заменах на другое (Different repairs) — удаления (deletions), при исправлениях ошибок на разных уровнях (Error repairs) — замены (substitutions), а при заменах на более уместное (Appropriateness repairs) говорящий может выбрать стратегию, при которой забракованнный фрагмент (фрагмент с ошибкой) заменяется на исправленный (substitutions), либо он может повторить фрагмент речи и вставить ещё одно слово или несколько (insertions), как бы не отменяя при этом забракованный фрагмент.

Насколько нам известно, классификация из [Подлесская, Кибрик 2009] является на данный момент единственной классификацией, созданной на материале русского языка. Эта классифи-

кация связана с одним из типов единиц микроструктуры дискурса — элементарными дискурсивными единицами (ЭДЕ) [Подлесская, Кибрик 2009] (см. параметры структурный диапазон коррекции и линейный диапазон коррекции). В [Подлесская, Кибрик 2009: 179–180] выделяются два основных вида самоисправлений: 1) онлайн-коррекция, или собственно коррекция: поток речи прерывается сразу, когда говорящий замечает проблему (в том числе это может быть в середине слова); 2) ретроспективная коррекция, или редактирование (офлайн-коррекция): фрагмент речи (элементарная дискурсивная единица) уточняется или исправляется уже после завершения, при этом плавное развертывание речи не нарушается. Далее выделяются четыре параметра, по которым анализируются самоисправления в этой многоуровневой классификации: структурный диапазон коррекции; линейный диапазон коррекции; тип операции; объем забракованного фрагмента. Типов операций в классификации из [Подлесская, Кибрик 2009] всего три: повтор, модификация и отмена. Ключевым понятием для такого разделения является формальный и семантический изоморфизм забракованного фрагмента и откорректированного коррелята (или его отсутствие, и тогда это будет отмена) [Podlesskaya 2015]. Кажется, что по классификациям из [Levelt 1983] и [Lickley 2015] мы можем не только определить изоморфизм коррелятов, но и получить более точную информацию о них. В частности, пример (1) по классификации [Подлесская, Кибрик 2009] является модификацией (имеется изоморфизм коррелятов), но при использовании классификации из [Levelt 1983] мы получаем информацию о том, что откорректированный коррелят используется для уточнения (замена на более уместное (Appropriateness repair); и изоморфизм, соответственно, между ними есть).

(1) *А давайте сейчас быстро себя, очень быстро себя проверим.*

Мы считаем, что для того, чтобы классификация самоисправлений была психолингвистичной, т. е. могла бы в дальнейшем использоваться для описания и порождения, восприятия речи, в ней должны быть отражены и функциональный, и формальный аспекты. Поэтому мы предлагаем совмещать критерии анализа, предложенные в [Levelt 1983] и [Lickley 2015], таким образом, как это было показано выше, а также устанавливать объем разбракованного фрагмента по классификации из [Подлесская, Кибрик 2009]. В докладе будет показано применение такого подхода к анализу самоисправлений в речи школьных учителей — носителей русского языка.

Литература

Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса / под ред. А. А. Кибрика и В. И. Подлесской. М.: Языки славянских культур, 2009.

Lickley R. J. Fluency and Disfluency // The Handbook of Speech Production. 2015. P. 445–474.

Levelt W. J. M. Monitoring and self-repair in speech // Cognition. 1983. Vol. 14, no. 1. P. 41–104.

Podlesskaya V. I. A corpus-based study of self-repairs in Russian spoken monologues // Russ Linguist. 2015. Vol. 39. P. 63–79.

Работа выполнена при поддержке Санкт-Петербургского государственного университета, шифр проекта 103965557.

Сытник Ольга Сергеевна

канд. филол. наук, доцент,
Санкт-Петербургский горный университет императрицы Екатерины II;
Sytnik_OS@pers.spmi.ru

РЕЧЕВЫЕ ТАКТИКИ В СИТУАЦИИ КОНФЛИКТА В МЕЖЛИЧНОСТНОМ ОБЩЕНИИ С ПОЗИЦИЙ ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ПОДХОДА

Ключевые слова: речевой ход, коммуникативная тактика, коммуникативная стратегия, адресат, адресант.

Объектом исследования в статье являются речевые тактики с отрицательной фатикой и реализующие их в диалоге речевые ходы собеседников, выражающие обиду, недовольство и конфликт, что воплощает соответствующие коммуникативные стратегии. Предмет исследования статьи — прагмалингвистическая классификация речевых ходов, реализующих коммуникативные тактики конфликта с точки зрения их эффективности с учетом коммуникативной ситуации и фактора адресанта и адресата. Нам не встретилось описания принципов прагмалингвистической классификации речевых ходов, реализующих тактики выражения недовольства и обиды в ситуации конфликта, с позиций их эффективности для отправителя речи, и данный пробел призвано восполнить настоящее исследование.

Речевой конфликт возникает в конфликтной ситуации при несоответствии интересов коммуникантов. В конфликте задействован его инициатор, который принимает решение озвучить свое несогласие либо недовольство и решает, в какой форме это сделать, и вторая сторона. Это разделение по ролям создает различие в восприятии коммуникативной ситуации и, как следствие, коммуниканты по-разному интерпретируют речевые ходы друг друга [Винокур 1993]. Инициативность либо реактивность речевых ходов в конфликте может служить критерием для их классификации. Еще одним критерием можно считать коммуникативную эффективность речевых ходов в конфликте, которая так же связана с интерпретацией коммуникантами речевых ходов друг друга.

Для нашего исследования представляют интерес инициативные и реактивные речевые ходы, реализующие коммуникативные тактики конфликта в межличностном общении.

В качестве материала данного исследования были использованы данные анкетирования. Метод анкетирования был реализован в рамках исследования посредством ресурса «Яндекс формы» путём дистантного анкетирования (25 вопросов) и позволил выявить эффективность описываемых в статье речевых ходов в ситуации межличностного конфликта в восприятии потенциального адресата. В анкетировании приняли участие 254 человека. Дополнительно учтены собственные языковые наблюдения и опыт автора.

Рассмотрим две разновидности речевых тактик, которые могут быть задействованны в межличностном конфликте.

1. Традиционно среди речевых явлений с отрицательными модусом и фатикой, выражающих конфликт между говорящими, можно выделить обвинения, осуждения, а также порицание/критику, упреки (прямые и непрямые), хамство, ругань, угрозы, шантаж, требования, давления, вымогательства и т. д., и т. п. Все перечисленные речевые имеют общую характеристику — деструктивность. Если посмотреть на них более детально, то мы можем выявить во всех них некие требования или возмущение адресанта, что адресат не хочет чего-то делать по собственной воле. Назовем подобные высказывания требующими, а коммуникативную тактику, в рамках которой они реализуются — тактикой требования. Требующие высказывания имеют своей целью перлокутивный эффект, который на практике вместо согласия адресата выполнить действие трансформируется в отказ это действие выполнять.

Тактика требования, как показывают данные анкетирования, часто вызывает раздражение (35 %) и желание дать отпор (15,2 %) у слушателей. Значительное количество респондентов связывает ее использование с эмоциональным состоянием говорящего — например, 31 % объясня-

ют ее использование раздражением. Таким образом, мы видим, что, стремясь достичь желаемого перлокутивного эффекта, отправитель речи вместо этого вызывает отчетливую негативную реакцию у получателя. Прямые требования более адекватно воспринимаются во взаимодействиях, где говорящий обладает ценностным либо статусным преимуществом (30 % допускают подобные высказывания в такой ситуации). Однако даже в этом контексте их эффективность ставится под вопрос: 56.3 % отметили, что такие реплики не достигают целей коммуникации. Таким образом, речевые ходы-требования чаще всего обладают конфликтным потенциалом и поэтому малоэффективны для адресанта и отнесены к деструктивным.

2. Мы также выделяем более или менее настойчивые просьбы, косвенные упреки или намеки. Данный тип высказываний мы обозначим как реплики-стимулы, реализующие тактику-стимул, и тоже охарактеризуем как деструктивный, так как здесь коммуниканта косвенно принуждают делать что-то, что он делать пока сам не хочет.

По данным анкетирования, наиболее часто отмечаемой эмоцией было раздражение — так ответили 24.9 % участников. 23,9 % сообщили о желании задать уточняющий вопрос. Треть респондентов (36 %) склонны действовать так, как им подсказывают, если реплики-стимулы используют ценные для них люди. Здесь раскрывается возможный конструктивный потенциал реплик-стимулов. Из раздражающих стимулы могут превратиться в приятные. 62.3 % опрошенных, тем не менее, избегают косвенных просьб, подчеркивая их сомнительную приемлемость в повседневной коммуникации.

На основании ответов можно сделать вывод, что реплики-намёки воспринимаются, как правило, сдержанно или негативно. Они воспринимаются как допустимые преимущественно в ситуации ценности адресанта для адресата.

Мы рассмотрели тактику требования и тактику-стимул, задействующиеся в ситуации конфликта. Данная классификация не является исчерпывающей; наряду с этими тактиками в конфликте могут быть использованы и другие, не рассматривавшиеся в настоящей статье. Результаты исследования показывают, что выбор речевых тактик строго контекстуален и зависит от таких факторов, как взаимная ценность собеседников, их статус и предполагаемый результат взаимодействия. Тактику требования и тактику-стимул мы относим к условно деструктивным тактикам с низким потенциалом эффективности с точки зрения отправителя речи. В ситуации высокой ценности отправителя речи тактики-стимулы могут снижать либо утрачивать свой деструктивный потенциал.

Литература

Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий: варианты речевого поведения. М.: Наука, 1993.

Трущелёв Павел Николаевич

канд. филол. наук, научный сотрудник, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина; преподаватель, Российско-Армянский (Славянский) университет, Армения;
pavel.trushchelev@gmail.com

ПРИЕМЫ КОНТЕКСТУАЛИЗАЦИИ В НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОМ ТЕКСТЕ И ЧИТАТЕЛЬСКИЙ ИНТЕРЕС

Ключевые слова: популяризация, контекстуализация, интерес.

Популяризация предполагает возбуждение интереса у адресата. Для этого используются разнообразные дискурсивные приемы, эффективность которых остается малоизученной [Trushchelev et al. 2023].

Цель работы — экспериментально изучить воздействие приемов контекстуализации на интерес читателя научно-популярного текста.

Материал работы состоял из четырех текстов (M = 148 с/у), взятых из справочника по русскому языку Д. Розенталя, и их четырех тематических аналогов (M = 169 с/у), взятых из научно-популярного пособия Д. Розенталя. Тексты из пособия включали приемы контекстуализации: напр., вопросы, обращения, средства выражения оценки и эмоций, средства референции к участникам коммуникации, элементы разговорной речи и т. п. (см.: [Цин 2018: 118–161; Shin et al. 2016]).

Участниками эксперимента выступили 400 студентов Герценовского университета (из них 289 девушек). Они были разделены на четыре группы по 100 человек. Каждая группа читала два текста — справочный текст по одной теме (1.1, 2.1, 3.1 или 4.1) и научно-популярный текст по другой теме (1.2, 2.2, 3.2 или 4.2): группа 1 читала тексты 1.1 и 2.2; группа 2 — тексты 2.1 и 1.2; группа 3 — тексты 3.1 и 4.2; группа 4 — тексты 4.1 и 3.2.

Метод эксперимента — метод шкалирования для оценки целевой переменной интереса и ее предикторов с привлечением семибалльных шкал [Trushchelev 2023]. Целевую переменную представляла шкала «неинтересный — интересный», предикторы — шкалы для оценки интереса к чтению и интереса к вопросам культуры речи, а также шкалы «известный — новый», «легкий — сложный», «непонятный — понятный», «обычный — оригинальный».

Процедура эксперимента**:** (1) перед чтением испытуемый оценивал индивидуальный интерес к чтению и к теме, (2) после прочтения каждого текста испытуемый оценивал его содержание по остальным шкалам.

В таблице ниже представлены средние величины для переменных, а также величина корреляции предикторов с целевой переменной.

Текст	t	p_1		p_2		p_3		p_4		p_5		p_6	
	M	M	r_s	M	r_s	M	r_s	M	r_s	M	r_s	M	r_s
1.1	4.77	4.39	.36*	5.15	–.03	3.68	.22*	2.36	–.16	5.99	.20*	3.10	.27*
1.2	5.13	5.03	.17	5.58	–.08	3.75	.21*	2.47	–.06	5.98	.21*	3.52	.32*
2.1	4.32	5.03	.28*	5.58	.28*	3.28	.12	2.42	–.32*	5.82	.34*	2.79	.27*
2.2	5.56	4.39	.26*	5.15	.17	4.47	.12	1.96	–.01	6.07	.26*	4.35	.45*
3.1	4.90	4.85	.23*	5.81	.05	2.52	.21*	2.90	–.33*	5.71	.26*	2.91	.33*
3.2	5.20	4.63	.32*	5.16	.13	3.96	.15	2.31	–.28*	5.95	.24*	4.18	.43*
4.1	4.55	4.63	.14	5.16	–.04	4.25	.24*	2.46	–.18	5.89	.11	3.67	.31*
4.2	5.89	4.85	.34*	5.81	.05	4.36	.24*	2.46	–.40*	6.04	.22*	1.62	.33*

Примечания: M — среднее арифметическое; r_s — тест ранговой корреляции (с целевой переменной), * — $p < .05$; t — целевая переменная; p_1 — интерес к чтению; p_2 — интерес к вопросам культуры речи; p_3 — новизна; p_4 — сложность; p_5 — понятность; p_6 — оригинальность.

Были сопоставлены распределения целевой переменной как внутри выборок, так и между ними (с учетом темы текста). Результаты представлены в таблицах ниже.

Сравнение внутри выборки испытуемых

			W
Группа 1	1.1	2.2	3511.5^{*}_{pos}
Группа 2	2.1	1.2	3538^{*}_{pos}
Группа 3	3.1	4.2	3023.5^{*}_{pos}
Группа 4	4.1	3.2	3751.5^{*}_{pos}

Сравнение между выборок испытуемых

			D
Тема 1	1.1	1.2	.13
Тема 2	2.1	2.2	.37*
Тема 3	3.1	3.2	.13
Тема 4	4.1	4.2	.41*

Примечания: W — тест Вилкоксона; D — тест Колмогорова-Смирнова; pos — положительных сдвигов больше.

Все группы посчитали научно-популярные тексты интереснее, чем справочные тексты. Однако различий в оценке разными группами двух пар текстов (тема 1 и тема 3) не выявлено. Это может быть обусловлено как особенностями оценивания испытуемыми текстов, так и структурными особенностями текстов 1.2 и 3.2 (они включали меньше приемов контекстуализации, чем тексты 2.2 и 4.2).

Проведен экспланаторный анализ распределения целевой переменной (метод максимального правдоподобия, варимакс-вращение). Выделены 4 фактора, объясняющие 76.8 % вариации. Они представлены в таблице ниже, в которую включены только величины, превышающие значение .333.

Выборка / Фактор	Группа 1		Группа 2		Группа 3		Группа 4	
	1.1	2.2	2.1	1.2	3.1	4.2	4.1	3.2
1			.652	.995				
2	.416	.996						
3					.865	.592		
4							.631	.774

В основе факторов лежит отнесенность распределения к группе испытуемых. Значит, оценка стимула была относительной; вероятно, в оценивании важную роль играл первый текст, который прочитал испытуемый. Кроме того, результат свидетельствует о ведущем влиянии индивидуальных факторов. Поскольку тексты с приемами контекстуализации оценивались как более интересные, можно предположить, что такие приемы воздействуют на читательский интерес благодаря персонализации.

Величины корреляции, приведенные в первой таблице, выражают преимущественно слабую и умеренную силу. Был проведен регрессионный анализ; величина MFI для всех моделей была значима. Модели представлены в таблице ниже: они включают только коэффициент детерминации R^2 и значимые оценки вклада переменных-предикторов.

Текст	R^2	p_1	p_2	p_3	p_4	p_5	p_6
1.1	.335	.675	–.496	–.282			.475
1.2	.296	.580					.327
2.1	.400	.423		.262	–.503	.396	.316
2.2	.283	.411					.542
3.1	.288	.375			–.387		.523
3.2	.350	.516					.524
4.1	.225			.227	–.274		.342
4.2	.375	.389			–.394		.305

Величины R^2 выражают только слабую или умеренную зависимость целевой переменной, что подчеркивает влияние индивидуальных факторов.

И корреляционный, и регрессионный анализ свидетельствуют о небольшом, но устойчивом и значимом влиянии интереса к чтению и оригинальности текста. Приемы формирования читательского интереса можно оценивать с точки зрения их оригинальности в условиях определенной коммуникации. Корреляционный анализ указывает на устойчивое слабое влияние понятности текста. Влияние сложности во всех моделях выражено отрицательными величинами: вероятно, сложность как свойство структуры текста не является познавательным триггером для формирования интереса. Интерес к вопросам культуры речи оказался самым незначимым предиктором. Известный в психологии предиктор «интерес к теме» (topic interest) следует рассматривать в более конкретной перспективе.

Литература

Цин Я. Приемы речевого воздействия в жанре лекции: стилистические фигуры, способы диалогизации: дис. … канд. филол. наук. Екатеринбург, 2018.

Trushchelev P. N. Emotive pragmatics of popularisation discourse: The impact of contextualisation on reader's interest // Science Journal of Volgograd State University. Linguistics. 2023. Vol. 22, no. 1. P. 173–185.

Trushchelev P. N., Petrenko E. V., Piotrovskaya L. A. Conceptualizing emotions through discourse: A pragmatic view on the reader's interest // Slovo.ru: Baltic Accent. 2023. Vol. 14, no. 1. P. 93–114.

Shin J., Chang Y., Kim Y. Effects of expository-text structures on text-based interest, comprehension, and memory // The SNU Journal of Education Research. 2016. Vol. 25, no. 2. P. 39–57.

Работа выполнена при финансовой поддержке госзадания, проект FZNM-2025–0001 «Лингвистические и прагмалингвистические параметры текста как фундаментального компонента образовательной коммуникации».

Умеренкова Анна Валерьевна

канд. филол. наук, доцент, Курский государственный университет;
anna-umerenkova@yandex.ru

ТЕМПОРАЛЬНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ КАК КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ИНАУГУРАЦИОННОЙ РЕЧИ Д. ТРАМПА)

Ключевые слова: темпоральное моделирование, субъективная темпоральность, ментальное пространство, политический дискурс.

Термин «темпоральное моделирование» заимствован из научных трудов в области информационных технологий и искусственного интеллекта [Сулейманова 2015]. Представляется уместным использование данного термина для описания процессов производства речи в силу возможности функционального переноса данного механизма на механизм конструирования временного пространства в речи с использованием языковых единиц, номинирующих временные локусы [Суворов 2015; Черепанов 2015].

В предвыборных и инаугурационных речах, основной коммуникатвной целью которых является убеждение аудитории в том, что избрание кандидата коренным образом изменит политическую и экономическую ситуацию в стране, моделируемый в публичной речи временной континуум конструируется из двух больших темпоральных пространств «До» и «После», или «Было» и «Станет». Своеобразной точкой отсчета для конструирования обоих пространств является «точка настоящего», непродолжительный период, одновременный с моментом осуществления речи.

Каждое из смоделированных говорящим временных пространств выступает в качестве сложного психолингвистического знака, адресованного аудитории, каждому из них присваивается свое значение, имеющее определенную коннотацию в соответствии с заданной коммуникативной целью. В речи кандидата пространства прошлого и будущего («До» и «После») вступают в отношения четкой оппозиции, что достигается за счет приема гиперболизации и зачастую намеренного искажения фактов, составляющих основу концептуального пространства сконструированного «прошлого». Наиболее «правдивым» с точки зрения отражения реальной действительности остается непродолжительное пространство «настоящего», включающее сам факт выступления, а также упоминаемые в нем события, происходящие в момент речи кандидата. Так, «точка настоящего» выступает в речи политика своеобразным когнитивным камертоном, относительно которого так же, как и в процессе восприятия времени вообще, выстраиваются пространства прошедшего и будущего.

В качестве материала для иллюстрации процесса темпорального моделирования была взята инаугурационная речь Дональда Трампа, произнесенная им при вступлении в должность президента США на второй срок в 2025 г. [Quinn, Yilek 2025]. В выступлении Д. Трампа вырисовывается темпоральная модель, в которой смоделированные временные пространства прошлого П и будущего Б, в свою очередь, членятся на два субпространства П1, П2 и Б1, Б2, каждое из которых наделяется своим коннотационным значением (–/+/++):

([(П1+) (П2–)] <Н>[(Б1+) (Б2++)]

Так, общее пространство прошлого делится на субпространство П1, которое можно обозначить как «славные времена», когда авторитет США в мире был неоспорим, и субпространство «темных времен» П2, к которым Д. Трамп относит, в основном, период президентства своего предшественника Дж. Байдена:

***In recent years**, our nation has suffered greatly* (П2).

Ментальное пространство настоящего Н (в отличие от П и Б) гомогенно, безлично и формируется грамматическими средствами за счет использования видовременной формы *Present Continuous Active*:

> [(П1) (П2)] <Н>[(Б1) (Б2)]: *A tide of change* ***is sweeping*** *the country. Sunlight* ***is pouring*** *over the entire world, and America has the chance to seize this opportunity like never before.*

Когнитивное пространство «После», оно же ментальный образ исключительно успешного будущего, также членится на два субпространства, Б1 и Б2, первое из которых начинает отсчет своего временного континуума непосредственно в момент осуществления каждого высказывания-обещания, конструирует ближайшее будущее и характеризуется незамедлительностью в отношении сроков исполнения данных аудитории обещаний (англ. *immediacy*). Моделируется оно посредством постоянного соотнесения с субпространством П1 через прагматические промисивы незамедлительно вернуть и возродить былую мощь страны, содержащие лексему *again/ never again*, выступающую временной связкой между «было» (П1,П2) и «будет» (Б1, Б2):

> *П1 >Б2: America will be a manufacturing nation once* ***again*** *[…]. We will be a rich nation* ***again*** […]. *America will be respected again and admired* ***again*** *[…].*
>
> *П2 >Б2:* ***Never again*** *will the immense power of the state be weaponized to persecute political opponents.*

Второе субпространство моделируемого будущего Б2 обладает временной отдаленностью и носит характер результативности, т. е. все обещанные незамедлительные действия, входящие в субпространство Б1, ранее вызванные необходимостью, проистекающей из ситуации в П2, предполагают наличие результатов, образующих пространство Б2 (П2>Б1>Б2). Лексическими показателями Б1, в данном случае, выступает, в основном, наречие *immediately*, а также темпоральные адвербиалы *of today/ from this day on/ from this day forward.*

> П2>Б1>Б2: *I will* ***immediately*** *begin the overhaul of our trade system […]. It will be massive amounts of money pouring into our treasury coming from foreign sources.*

Таким образом, моделирование субъективной темпоральности в политическом дискурсе является эффективным инструментом убеждения и позволяет говорящему конструировать различные в количественном и качественном отношении временные пространства и устанавливать выгодные с точки зрения коммуникативной цели связи и отношения между ними.

Литература

Суворов Н. Н. Флуктуации времени: темпоральность субъективного опыта // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 4 (25). С. 35–40.

Сулейманова Е. А. Лингвистическое моделирование темпорального адвербиала со значением локализации события // Программные системы: теория и приложения. 2015. № 4 (27). С. 209–225.

Черепанов И. В. Темпоральность как основа единства физического и ментального бытия // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 7-2 (57). С. 198–202.

Quinn M., Yilek C. Read the Full Transcript of Trump Inauguration Speech // CBS News. January 20, 2025. URL: https://www.cbsnews.com/news/transcript-trump-inauguration-speech-2025/ (дата обращения: 21.01.2025).

Филиппова Екатерина Олеговна[1], Шипицына Евгения Сергеевна[2], Аспомбитова Айнур Олеговна[3]

[1]д-р тех. наук, профессор, Национальный исследовательский Томский политехнический университет;
bosyheo@tpu.ru
[2]канд. пед. наук, доцент, Национальный исследовательский Томский политехнический университет;
evpeskova@tpu.ru
[3]студент, Национальный исследовательский Томский политехнический университет;
aoa19@tpu.ru

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ОКРАС ВОСПРИЯТИЯ ВВЕДЕНИЯ В МАТЕМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, эмоциональный окрас, математика, введение в математический анализ.

Высшая математика является одним из сложных предметов для студентов высших учебных заведений, а используемые подходы в изучении данной дисциплины считаются скучными, сухими и однообразными. Исследование эмоционального окраса восприятия математического анализа в языковом сознании обучающихся, а также применение новых подходов в обучении поможет замотивировать студентов и повысить их успеваемость.

Цель исследования — оценить эмоциональный окрас восприятия математического анализа в языковом сознании обучающихся студентов Томского политехнического университета

В исследовании приняли участие 170 студентов 1 курса Томского политехнического университета. Средний возраст респондентов — 19±1 лет. Участники были разделены на 2 группы: 1 группа — часть практический занятий была проведена в игровой форме (75 человек); 2 группа — практические занятия были проведены в традиционной форме (95 человек).

Игровой подход был введен на практический занятиях. Студентам после ознакомления новой темы были предложены разработанные в отделении математики и математической физики Томского политехнического университета настольные игры: индивидуальные (каждый студент выполняет задания самостоятельно) и коллективные (группа студентов делилась на две — три подгруппы — команды).

Каждому участнику эксперимента была дана только одна анкета, содержащая слова-стимулы (15 единиц) на свободное ассоциирование: математика — это, высшая математика для меня, математический анализ, решать задачи я, на занятии по высшей математике, контрольные по математике я, лекции по математике вызывают у меня, функция — это, предел последовательности, предел функции, односторонние пределы, разрывы функции, бесконечно большие величины, бесконечно малые величины, замечательные пределы. Анкета была предложена на последнем занятии по введению в анализ. Время заполнения анкеты ограничивалось 10–15 минутами для получения первых реакций информантов. Всего было получено 1902 реакций.

Для анализа полученных результатов проводилась предварительная обработка, а именно нормализация текста:

1) приведение всех слов к нижнему регистру;
2) замена числа прописью;
3) сегментация текста;
4) расшифровка сокращений;
5) удаление знаков препинания;
6) объединение «не» с последующим словом;
7) удаление стоп-слов;
8) лемматизация;

9) объединение синонимов;

10) стемминг.

Удаление стоп-слов — удаление не несущих значимой информации, например, союзов, местоимений, вводных слов. Стемминг — приведение слов к их корням или основам путем обрезания окончаний, например: учеба — учеб; бесконечно большие — бб. Лемматизация — приведение слова к его начальной форме (лемме), учитывая его контекст, например, читающий — читать. Лемматизация проводилась с помощью библиотеки pymystem3-Python-обёртка для Yandex.MyStem. Для объединения эквивалентных слов и нахождение синонимов был использован сервис «Яндекс.Словарь». https://tech.yandex.ru/dictionary.

Ответы, в которых не было слов и были попытки написать математические формулы были отнесены к категории «Формулы». Ответы, в которых были рисунки, отнесены к категории «Рисунки».

Слова группировали по эмоциональному окрасу реакций с помощью библиотеки transformers (модель nlptown/bert-base-multilingual-uncased-sentiment) на пять категорий: очень негативный, негативный, нейтральный, позитивный и очень позитивный.

Согласно анализу реакций по эмоциональному тону во второй группе в большей степени негативный и очень негативный окрас вызывали стимулы: *предел последовательности; предел функции, разрывы функции* (более 30 % реакций).

Позитивный и очень позитивный окрас в большей степени вызывали стимулы: *математика — это; высшая математика для меня; математический анализ; решать задачи я; на занятии по высшей математике; контрольные по математике я; лекции по математике вызывают у меня; функция — это* (от 10 % до 20 % реакций).

Нейтральный тон вызвал стимул *бесконечно малые величины* (менее 10 % реакций).

Сравнительный анализ показал, что обе группы демонстрировали широкий спектр реакций — от очень негативных до очень позитивных. Во второй группе процент негативных реакций был выше, чем в первой группе. Раздел математического анализа «Введение в анализ» в анкете стимулов вызывал больше негативных ответов, чем стимулы на общее восприятие математики в целом. Оба набора данных показали относительно высокое стандартное отклонение, что говорит о высоком рассеивании значений данной величины.

Фомина Зинаида Евгеньевна

д-р филол. наук, профессор, Воронежский государственный университет;
Sinaida.Fomina@outlook.com

СПЕЦИФИКА КАТЕГОРИЗАЦИИ ФЕНОМЕНА «MENSCH» / «ЧЕЛОВЕК» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ В. ФОН ГУМБОЛЬДТА

Ключевые слова: В. фон Гумбольдт, концепт «человек», языковое сознание, «учение о человеке», психолингвистический портрет человека.

В философском дискурсе Вильгельма фон Гумбольдта затрагивается значительный круг фундаментальных проблем, связанных с изучением сущностной природы человека. По признанию самого ученого, он с глубоким интересом «проводил собственное исследование», направленное *на познание людей (Menschenkenntnis)*, и «изучал людей с позиции выявления общечеловеческих максим, сравнивал людей друг с другом, изучал типы личностей, их психологические качества и т. п., а затем создал из этого свое собственное учение» (ein eigenes Studium) [Humboldt an Ch. Diede 1825].

Цель исследования состоит в определении концептуально-эпистемологических стратегий, лежащих в основе особенностей категоризации феномена «Человек» в языковом сознании В. фон Гумбольдта, что определяет *актуальность и значимость антропологической концепции* немецкого мыслителя для современных психолингвистических исследований, входящих в парадигму современной когнитивной науки. В аспекте современных когнитивных исследований особое значение имеет изучение «*языка* как интерфейса между мозгом, сознанием и миром» [Черниговская 2017: 1]. При исходном понимании *разума* как гиперсетевой структуры мозга, любой мозг рассматривается, по К. В. Анохину, как сетевая структура, обладающая когнитивной гиперсетевой функцией — *когнитомом* [Анохин: 2021]. Под *языковым сознанием* понимается, в свою очередь, «совокупность перцептивных, концептуальных и процедурных знаний носителя культуры об объектах реального мира» [Тарасов 2000: 3–4].

Концепт «*ЧЕЛОВЕК*», как единица языкового сознания, представляет собой у Гумбольдта результат когнитивной переработки его индивидуально-личностного опыта. Основываясь на личностном восприятии, осмыслении и понимании феномена «*Человек*», Гумбольдт создает в своей языковой картине мира «***овнешненные***» (термин Е. Ф. Тарасова) образы/гештальты человека, ноэмы или представления о человеке, раскрывающие его природу, бытие, свойства и т. д.

Научной ценностью для психолингвистических исследований характеризуются разработанные Гумбольдтом ***концептуальные принципы и подходы к изучению феномена «****Человек»,* к важнейшим из которых относятся следующие: 1) ***холистический принцип*** — познание человека в его ***целостности***: ученый подчёркивает, что «человек — это нечто большее и даже нечто отличное от всех его *речей* и *действий*, и даже от всех его *ощущений* и мыслей» [Humboldt an Karoline 1790]. По Гумбольдту, только восприятие всего человеческого существа *во всех возможных формах выражения* может дать представление об истинной природе человека; всё *тело человека*, но особенно его *глаза*, являются отпечатком древнего образа человека [Humboldt an Karoline 1790]; 2) ***ментально-физиологический*** — при восприятии человека в целом главная роль отводится: *ЯЗЫКУ* человека*, ВСЕМУ ТЕЛУ, но* прежде всего его *ГЛАЗАМ; ТЕЛУ* в состоянии *покоя, но* особенно *ТЕЛУ в движении,* как истинному образу его изначального (архетипического) облика. Согласно Гумбольдту, это объясняется тем, что именно *быстрота или медлительность, нетерпеливость или спокойствие, легкость или неуклюжесть, помпезность или простота ДВИЖЕНИЯ* в его мельчайших степенях и тончайших проявлениях на самом деле являются тем, из ***чего можно определить природу чувства/ощущения, широту, глубину и живость человека*** [Humboldt an Karoline 1790]; 3) ***когнитивно-исторический —*** первостепенным в познании человека является осмысление «*образа человеческого ДУХА и ХАРАКТЕРА»,* что возможно сделать только на основе познания *всей истории человечества;* 4) ***филогенетический/онтогенетический —*** изучение *человека* с позиции его корреляции с феноменом

всего человеческого ***рода***. Гумбольдт подчеркивает: «Но что, возможно, даже смерть не решает полностью, так это то, что человек может быть *чем-то сам по себе* и в то же время *ничем без другого*, *без своего рода*» [Humboldt an Karoline 1819]; 5) ***синергетический*** *— взаимосвязь (синергия) всех вещей/сущностей*: *человека, природы, планеты* и т. д.; 6) ***экзистенционально-аспектуальный*** — рассмотрение человека с позиции *НАЧАЛА и КОНЦА* его бытия («*в начале жизни* человек является *центром всего*, в *конце* — остается *один*») [Humboldt an Ch. Diede 1826]; 7) ***био-танатологический —*** исследование человека в парадигме *жизни и смерти;* 8) ***диалектический*** — принцип перманентного метаморфоза бытия человека в аспекте символико-архетипической тетрады: «*бабочка → гусеница → окукливание гусеницы (verpuppte Raupe) → бабочка*»; 9) ***ментальный/эпистемологический*** — человек с точки зрения самопознания, определения своего предназначения; 10) ***темпоральный*** — по мысли Гумбольдта, в рамках временной триады «*Настоящее — будущее — прошлое*» человек *чувствующий и действующий* может найти высшее удовлетворение только в своей собственной *деятельности* и только в одно неделимое *мгновение*: в *настоящем*. «Будущее напоминает о *потребности*, а воспоминание о *прошлом* печально и холодно» [Humboldt an Schiller 1800]; 11) ***трансцендентный/энигматический —*** «красота души («die Urschöne der Seele») и ее тайная завеса» [Humboldt an Karoline 1790]; 12) ***гносеологический*** — ошибки в познании человека: «люди не разграничивают то, что свойственно человеку *по его природе,* и то, что возникает *по причине обстоятельств*» [Humboldt an Karoline 1790]; 13) ***прогностический*** — «кем человек *был* и кем он может *стать*» [Humboldt an Fr. G. Welcker 1823] и др.

Фокус внимания Гумбольдта составляют следующие типы ***антропологических концептов,*** моделирующих психолингвистический портрет человеческой сущности и эксплицирующих феноменологическую составляющую в архитектонике категоризации *человека* в его языковом сознании: а) ***ментальные*** (Geist/«*ДУХ*», Ideen/«*ИДЕИ*», Vernunft /«*РАЗУМ*», Sprache/ЯЗЫК); б) ***эмоционально-психологические*** (Liebe /«*ЛЮБОВЬ*», Einsamkeit/«*ОДИНОЧЕСТВО*»); в) ***этические*** (Moral/«*МОРАЛЬ*», Sittlichkeit/«НРАВСТВЕННОСТЬ»); г) ***эстетические*** (Vollkommenheit/«*СОВЕРШЕНСТВО*»), Schönheit/«*КРАСОТА*»); д)***социальные*** (Selbstaufopfung/«*САМОПОЖЕРТВОВАНИЕ*», Abhängigkeit/ *ЗАВИСИМОСТЬ,* Unterordnung/*ПОДЧИНЕНИЕ*», Freiheit/«*СВОБОДА*»); Kampf/«*БОРЬБА*», «Entbehrung/«*ЛИШЕНИЯ*»); е) ***кинетические*** (Ruhe/«СПОКОЙСТВИЕ», Bewegung/ «*ДВИЖЕНИЕ*») и др.

Литература

Анохин К. В. Когнитом: в поисках фундаментальной нейронаучной теории сознания // Журнал высшей нервной деятельности им. И. П. Павлова. 2021. Т. 71, № 1. С. 39–71.

Тарасов Е. Ф. Языковое сознание — перспективы исследования // Языковое сознание: содержание и функционирование: мат-лы XIII Междунар. симп. по психолингвистике и теории коммуникации. М., 2000. С. 3–4.

Черниговская Т. В. Чеширская улыбка кота Шрёдингера: язык и сознание. М.: Языки славянских культур, 2017.

Humboldt Wilhelm von. Wilhelm von Humboldt im Verkehr mit seinen Freunden (1787–1835) [Briefe: an Karoline von Dacheröden/Humboldt (1790; 1819); an Fr. Schiller (1800); an Ch. Diede (1826); an Fr. G. Welkker (1823)]. URL: https://www.projekt-gutenberg.org/humboldw/briefe2/chap001.html (дата обращения: 20.01.2025).

Цао Шопэн

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ НЕИЗМЕНЯЕМЫХ ФОРМ В ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ НОСИТЕЛЕЙ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА, ИЗУЧАЮЩИХ РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ИНОСТРАННЫЙ

Ключевые слова: русский язык как иностранный, овладение языком, предложно-падежные конструкции, речевые ошибки, интерференция.

Для построения современных методик преподавания русского языка как иностранного, учитывающих родной язык обучающихся, необходимо проведение психолингвистических исследований процессов, сопровождающих овладение грамматической системой второго языка. Использование существительных в застывшей форме именительного падежа единственного числа, прилагательных в форме именительного падежа единственного числа мужского рода, глаголов в форме инфинитива в речи китайских студентов отмечают многие специалисты в области методики преподавания русского языка как иностранного, объясняя появление таких ошибок межъязыковой интерференцией [Корчик 2013: 117–123; Холодкова 2012: 275–278], однако психолингвистические механизмы ошибочного выбора формы изучены недостаточно.

В данном докладе функционирование неизменяемых форм в русской письменной речи носителей китайского языка рассматривается на примере сверхгенерализованного использования форм именительного падежа единственного числа существительных.

Материалом стали письменные работы студентов третьего курса Китайского нефтяного университета (Циндао) и Высшей школы журналистики Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург), из которых методом сплошной выборки были выписаны случаи ненормативного использования форм именительного падежа (145 форм из работ 60 студентов). К анализу также привлекались данные «Русского учебного корпуса» НИУ ВШЭ (75 форм). Неизменяемые формы русских существительных в речи иностранцев рассматривались на фоне явления замороженного именительного падежа в речи русского ребенка раннего возраста, описанного в научной литературе [Ионова 2007: 54–63; Цейтлин 2009: 76–83; и др.].

В докладе предлагается классификация ошибок в зависимости от того, на месте форм какого косвенного падежа использована неизменяемая форма. Делается вывод о том, что замороженная форма чаще всего выступает в счетных конструкциях (*мальчик вернул еще больше книги*), при указании на типичную меру вещества *(кусочек имбирь)* и при выражении отрицания (*нет музыкальный центр*).

Рассматривается, в каких функциях выступают «замороженные формы». Студенты предпочитают формы именительного падежа при указании на субъект действия, обладания и состояния *(с преподаватель Ирина, у бабушка сад*, *они нравиться китайский еда*), в атрибутивном значении (*во время пандемии коронавирус*).

Словарные формы в объектном значении часто используются на месте форм винительного и дательного падежей. Мы полагаем, что использование неизменяемых форм в объектных значениях может быть связано не только с межъязыковой интерференцией, но и с симплификацией: формы винительного падежа существительных женского рода и одушевленных существительных мужского рода конструируются по более простому образцу образования форм неодушевленных существительных мужского рода, что приводит к расширительному использованию словарной формы (*я нашел учитель*, *люблю его прелютия*).

В некоторых случаях замороженная форма выступает для упрощенной передачи различных объектных значений, в том числе адресата и инструмента (*Люблю рассказывать друзья*, *Мужчина спускается парашют*). При этом конструкции с «замороженным» именительным в объектном значении повторяют структуру китайского предложения «субъект — глагол — объект».

«Замороженный» именительный может выступать в различных обстоятельственных значениях, в том числе в темпоральном (*прошлая неделя я видел*), причинном (*из-за пандемия*),

целевом (*пошла завтрак*). Наиболее часто использование неизменяемых форм связано со смешением локативных и директивных конструкций (*Приготовь в кастрюля*).

Таким образом, наш материал не подтверждает гипотезы, согласно которой иностранцы неоправданно используют формы именительного падежа независимо от передаваемых значений [Цейтлин 2009: 177]. Обычно использование неизменяемой формы связано не с чрезмерным упрощением структуры высказывания, а с желанием передать определенные значения.

Описанные нами нарушения в некоторых случаях формально совпадают с ошибками русскоязычных детей, но вызваны иными причинами, в том числе интерференцией и симплификацией. Специфические ошибки иностранцев заключаются в использовании предлогов с формами именительного падежа (*В университет ты может заниматься*) и отсутствии падежного согласования в атрибутивных словосочетаниях (*во время пандемии коронавирус*).

Литература

Ионова Н. В. Семантические функции падежных форм и предложно-падежных конструкций имени существительного в речи детей дошкольного возраста: дис. … канд. филол. наук. Череповец, 2007.

Корчик Л. С. Работа над грамматической темой «имя существительное» в китайской аудитории // Полилингвиальность и транскультурные практики. 2013. № 4. С. 117–123.

Холодкова М. В. Преподавание русской падежной системы существительных в англоязычной аудитории: проблема интерференции и пути ее решения // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2012. Вып. 4 (108). С. 275–278.

Цейтлин С. Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М.: Знак, 2009.

Ерофеева Елена Валентиновна
д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой,
Пермский государственный национальный исследовательский университет;
elena.v.erofeeva@yandex.ru

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ В РЕЧИ

Ключевые слова: социолингвистика, спонтанная речь, специальная лексика, социальные факторы.

Социальная вариативность речи изучается в основном на материале регулярных лингвистических единиц — реализаций фонем или (реже) грамматических показателей (см, например, классические работы У. Лабова, П. Траджила, а также масштабное исследование социолингвистической вариативности речи на материале русского языка [Русский язык по данным массового обследования 1974]). В то же время лексическое разнообразие речи также подвержено варьированию, хотя изучается крайне довольно редко (см.: [Ерофеева, Юшкова 2021; Ерофеева 2009]).

Предметом изучения в данном случае является использование специальной лексики носителями русского языка в спонтанной речи на заданную тему. Под специальной лексикой понимаются слова и выражения, употребляющиеся в какой-то специальной сфере и не являющиеся общеупотребительными. В этот лексический слой включены как как термины, так и профессионализмы.

Материалом исследования стали тексты полуструктурированных интервью о своем городе жителей двух районных центров Пермского края — Кунгура и Соликамска, включающие обязательные блоки (промышленность, история, климат, жители и т. п.). Основные исторические и современные особенности городов можно сформулировать следующим образом: исторически Кунгур –торговый город, Соликамск — промышленный город; оба города в настоящее время являются крупными туристическими центрами.

Выборка информантов (всего 48 чел.) была сбалансирована по факторам город (Соликамск, Кунгур), пол (мужчины, женщины), возраст (3 группы: 25 лет — 34 года, 35 лет — 44 года, 45–55 лет), образование (высшее, среднее), специальность (гуманитарная, негуманитарная). Общий объем материала — около 97 тыс. словоупотреблений.

Процедура анализа была следующей. В речи каждого информанта выделялась специальная лексика. Оказалось, что специальная лексика включается почти во все тематические блоки текста: посвященные истории города (например, *скиповы́е*, *клетьевы́е*, *рассолоподъёмный*, *выварка*, *барокко*, *ансамблевые формы*, *гражданская архитектура* и др.), промышленности и занятиям жителей города (например, *калийные удобрения*, *агломерация*, *промысловая рекреация*, *подземный разработчик*, *маркшейдер*, *буммашины*, *карналлит*, *летучий металл* и др.), климату и природе (например, *континентальный*, *субконтинентальный*, *флора*, *верхнекамский пирог* и др.) и рассказу о себе в части о своей работе (*выработать вредность* и др.). Далее определялись процентный состав относительно общего объема текста информанта (в словоупотреблениях), средняя частота использования специальной лексики в социальных группах (согласно представленных в выборке информантов социальным факторам) и с помощью ANOVA — существенность влияния отдельных факторов на частотность изучаемой лексики в речи.

Руководитель секции: О. В. Блинова.

Проведенный анализ показывает, что наблюдается разница в частотах использования специальной лексики в зависимости от социальной группы информантов. Приведем результаты по факторам.

Анализ фактора «город» показал, что в речи жителей Соликамска оказалось в среднем в три раза больше специальных лексем (0,3 %), чем в речи жителей Кунгура (0,1 %), что является статистически значимым расхождением. Это можно объяснить историей и промышленными особенностями городов. Очевидно, что для жителей промышленного города использование специальной лексики при рассказе о своем городе актуально: информанты из Соликамска используют специальную лексику, рассказывая о процессе солеварения, о его развитии, а также поясняя особенности современного производства. Информанты из Кунгура используют специальные термины, говоря о природных особенностях горных пород на территории Кунгура; терминов, связанных с производством кунгуряки не употребляют, так как в настоящее время производство в городе почти отсутствует.

Существенная разница в употреблении специальной лексики в Кунгуре и Соликамске привела к решению рассмотреть влияние остальных факторов (пола, возраста, образования и специальности) для каждого города отдельно.

Фактор «пол» по-разному влияет на использование специальной лексики в Соликамске и Кунгуре. В Соликамске специальную лексику чаще употребляют мужчины чем женщины (0,4 % и 0,1 % соответственно), в то время как в Кунгуре наблюдается обратная зависимость — женщины используют специальную лексику чаще мужчин (0,2 % и 0,1 % соответственно). В обоих случаях зависимость частотных распределений от фактора «пол» оказывается значимой, однако для Соликамска существенное влияние отмечается на 5 %-м уровне значимости, а для Кунгура только 10 %-м уровне значимости.

Факторы «возраст» и «образование» не показали существенных расхождений в распределениях признака.

Фактор «специальность» в обоих городах действует одинаково: количество специальных лексем выше в речи гуманитариев. Однако значимым этот фактор оказался и только для Кунгура (гуманитарии 0,2 %, негуманитарии — 0,1 %) и только на 10 %-м уровне значимости.

Таким образом, использование специальной лексики значительно отличается в разных городах, что обусловлено их историей и современным состоянием, социальные факторы также действуют в них по-разному. Очевидно, что данные факты следует учитывать при исследовании социальной вариативности.

Литература

Ерофеева Е. В., Юшкова С. Е. Дискурсивные слова в устной спонтанной речи: социальное, индивидуальное и тематическое варьирование // Социо- и психолингвистические исследования. 2021. № 9. С. 15–26.

Ерофеева Т. И. Социолект: стратификационное исследование: монография. Пермь: Перм. гос. ун-т, 2009.

Русский язык по данным массового обследования: опыт социально-лингвистического изучения / отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Наука, 1974.

Маркадеев Григорий Алексеевич
аспирант, мл. научный сотрудник, Институт славяноведения РАН

ЭТНОЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В ЧЕШСКОМ СЕЛЕ ГОЛУБОЕ В МОЛДАВИИ И ЕЕ ДИНАМИКА

Ключевые слова: Голубое/Huluboaia, Молдавия, чешский язык, языковой контакт.

Доклад основан на сопоставлении данных, известных из предшествующей литературы, с результатами нашего полевого исследования 2023 г.

Село Голубое (рум. Huluboaia) расположено в Кагульском районе Молдовы. Его появление представляло собой «отложенный результат» миграции чешских крестьян на территорию Российской империи по окончании Крымской войны. В 1860-е гг. был основан целый ряд чешских колоний в Волынской, Киевской и Таврической губерниях (в последней — в Крыму и близ Мелитополя), а также в Черноморском округе Кавказа. Позже, в процессе вторичной миграции, возникли чешские поселения в Бессарабии, Сибири и Казахстане. Вторичным процессом было уже перемещение части крымских чехов на Мелитопольщину, где в 1869 г. образовалась колония Чехоград. Некоторые её жители в 1885 г. переселились в Бессарабию, где ими было заложено село Новоград, впоследствии переименованное в Голубое. Согласно ряду свидетельств (напр., [Брокгауз, Ефрон 1894: 851]), среди основателей села, кроме чехоградских, были чехи из Зубовщины Киевской губернии. О двух источниках колонизации сообщали и сами жители Голубого, в том числе в ходе нашей экспедиции 2023 г.

Точных сведений о первоначальной численности населения этой колонии нет. По оценке Ярослава Вацулика, в Бессарабию прибыли 153 поселенца из Чехограда [Vaculík 2009: 90]. Неясно, включает ли эта цифра выходцев из Зубовщины. Данные того же автора на 1907 г. указывают уже на многонациональный характер населения: из 590 жителей села 270 составляли чехи, 190 молдаване, 110 украинцы и 20 болгары. В дальнейшем такая этническая пестрота сохранялась и сохраняется до наших дней, изменялись лишь количественные показатели отдельных групп. Главной тенденцией при этом была утрата доминирующего положения чешского элемента после Второй мировой войны и его последующее постепенное угасание. В ходе нашей экспедиции среди жителей села удалось выявить лишь 6 человек, для которых чешский язык является родным. Причинами этого процесса являются ассимиляция чехов другими этносами, усилившаяся с переходом от эндогамных к смешанным бракам во второй половине XX в., и активная эмиграция (в том числе реэмиграция на историческую родину) после распада СССР.

На сегодняшний день чешский язык ещё сохраняется в некоторых доменах общения, в частности в коммуникации между людьми старшего и среднего поколения, для которых он является родным. В отношении детей одна из наших респонденток констатировала: «они уже не чехи». В то же время другая респондентка сообщила, что не может использовать чешский в качестве «тайного языка» при общении с сестрой, так как её дети, не говорящие по-чешски, улавливают смысл сказанного. При сельской школе действовал кружок чешского языка «Novohrádek», где преподавали местные жители, а летом и энтузиасты из Чешской Республики. Он был закрыт из-за пандемии Covid-19, однако работники школы выражали желание возродить его в будущем. Ещё одной «нишей», где чешский язык до недавнего времени находил применение, были традиционные праздничные действа и обряды, в том числе обряд обезглавливания петуха (см. о нём [Скорвид 2023: 515–516]). Последний сейчас не проводится ввиду протестов защитников животных.

Сфера использования русского языка значительно шире. Хотя в ходе переписи населения 2014 г. лишь 263 жителя села (33 %) указали его в качестве родного, реальное число его пользователей намного выше. В повседневном общении он практически вытеснил чешский. Наши респонденты, относящиеся к среднему поколению, утверждали, что даже в разговоре друг с другом предпочитают русский. Он же является языком домашнего общения в смешанных семьях. Переход от чешского языка к русскому произошёл под влиянием следующих факторов:

1. Генетическая близость русского и чешского, которая облегчает взаимопонимание и взаимное освоение языков, а также позволяет переносить элементы одного языка — по крайней мере лексические — в другой, усиливая их смешение.
2. Продвижение русского языка посредством школы (непрерывное школьное преподавание русского ведется в селе более 80 лет).
3. Кроме периода нахождения Молдавии в составе Румынии (1918–1939), русский язык был государственным как в Российской империи, так и в СССР (в последнем наряду с молдавским), и хотя в Республике Молдова он утратил статус государственного языка, в некоторых её регионах он по-прежнему является доминирующим.
4. Русский язык выступает в качестве lingua franca для многих этносов, населяющих регион, родные языки которых в основном невзаимопонятны.
5. Переход от эндогамных к смешанным бракам, в результате которого прекратилась передача чешского языка следующим поколениям в семьях.

Румынский (молдавский) — государственный язык Молдовы — входит в обязательную школьную программу. По данным переписи населения 2014 г., из 794 местных жителей 385 (48 %) назвали румынский родным языком. Как и русский, он служит языком межэтнической коммуникации.

Судить о роли украинского, болгарского и гагаузского языков на основании имеющихся у нас недостаточных данных не приходится. Отметим лишь, что по переписи 2014 г. украинский в качестве родного указали 86 жителей села (11 %), болгарский 12 (1,5 %), а гагаузский 7 (< 1 %).

Литература

Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. Т. XIIA (24): Земпер — Имидокислоты. СПб.: Семенов. тип. (И. А. Ефрона), 1894.

Скорвид С. С. Этнолингвистические наблюдения над материалами исследования чешских переселенческих сообществ в России // Слово и человек: к 100-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого / под ред. С. М. Толстой. М.: Индрик, 2023. С. 511–523.

Vaculík J. České menšiny v Evropě a ve světě. Praha: Libri, 2009.

Recensământul populației și al locuințelor 2014. URL: https://recensamint.statistica.md/ru (дата обращения: 12.01.2025).

Новоселова Виктория Андреевна

канд. филол. наук, доцент, Петрозаводский государственный университет;
novosita@ mail.ru

ЭВФЕМИЗМЫ В МЕДИАТЕКСТАХ АВТОРСКОЙ ПРОГРАММЫ «АМЕРИКА С ВАЛЕНТИНОМ БОГДАНОВЫМ»

Ключевые слова: политическая медиалингвистика, эвфемизм, мейотическое значение, диффузная семантика, экспрессема.

Актуальность темы диктуется интенсификацией лингвистического интереса к медиатекстам, что объясняется бурным развитием массовых коммуникаций в медиасфере. Работа выполнена в русле медиалингвистики. Перспективным направлением этой комплексной дисциплины является политическая медиалингвистика, которая изучает вербальные, стилистические и структурные единицы медиатекста, репрезентирующие события социально-политического характера [Добросклонская 2020: 32].

Представленное исследование посвящено эвфемизмам, функционирующим в медиаречи политического дискурса, которые Л. П. Крысиным квалифицируются как социальные, поскольку они связаны со сферой общественных отношений [Крысин 2000: 390]. Вуализируя истинный смысл негативных процессов и явлений социальные мейотические эвфемизмы и субституты с недискретной (диффузной) семантикой формально позитивируют стигматичность денотата, служат для смягчения высказывания, снижения напряженности в актах политической коммуникации. Мейотический и диффузный способы эвфемистической замены определил В. П. Москвин в контексте рассмотрения мотивационной классификации заменных номинаций [Москвин 2001].

Особый интерес вызывают экспрессивные политические эвфемизмы, которые в образной форме описывают события, происходящие в социуме. Автор «Словаря эвфемизмов» Е. П. Сеничкина относит эвфемизмы-экспрессемы к окказиональным единицам, обладающим максимальной степенью эвфемизации [Сеничкина 2008: 17].

Цель исследования — рассмотреть и описать семантику, способы выражения и функциональные особенности эвфемизмов в контексте интерпретации политических реалий, находящихся в фокусе социального внимания.

Эмпирическим материалом послужили медиатексты телевизионной программы «Америка с Валентином Богдановым», выходящей в эфир на каналах «Россия-1» и «Россия-24» в 2024–2025 гг. Автор и ведущий этой программы Валентин Олегович Богданов является собственным корреспондентом ВГТРК и ее руководителем в Нью-Йорке.

В авторских медиатекстах В. Богданова широко используются все социальные разновидности эвфемизмов: мейотические, с недискретной семантикой и экспрессивные.

Употребляя мейотические эвфемизмы с градуальной значением уменьшения стигманичности денотата, автор создает намеренно неточную речь с иронической коннотацией:

Даже левые, то есть свои, ***разочарованы*** *уходящим президентом-демократом* [17.01.25].

Из синонимического ряда *огорчены, расстроены, недовольны, испытывают горечь, досаду* журналист выбирает слово с более нейтральной семантикой.

В медиаречи В. Богданова встречается много мейотических эвфемизмов, характерных для языка СМИ: *недружественный* (враждебный), *недипломатичный* (резкий, грубый, оскорбительный), *сомнение* (недоверие), *обеспокоенность* (тревога), *не добавлял оптимизма* (напугал).

Для описания политических событий используются также эвфемистические единицы с недискретной (неясной) семантикой, которые широко используются в политическом дискурсе:

Денег в ***достаточном количестве*** *у федерального агенства по управлению чрезвычайными ситуациями… не нашлось* [12.10.24].

В медиатекстах Валентина Богданова функционирует целый ряд эвфемизмов с диффузной семантикой: *определенные* (решения), *соответствующая* (реакция), *ограниченный* (контингент военных), *некие* (силы), *внешнее* (вмешательство).

Несомненный интерес вызывают индивидуально-авторские эвфемизмы, которые выполняют не только собственно номинативную, вуалирующую, но и экспрессивную, оценочную, изобразительно-выразительную функции:

> *Нет, защищать соседей Трамп готов и дальше, но только* ***если кленовые листья опадут****, а Канада станет пятьдесят первым американским штатом, окрасившись в звездно-полосатые цвета* [10.01.25].

Если кленовые листья опадут — то есть если Канада потеряет статус суверенного государства.

> *Стало доходить до того, что сограждане, завидев канадского премьера где-то поблизости, стали его* ***по известному адресу посылать*** [10.01.25].

По известному адресу посылать — посылать куда-нибудь подальше, выражать негативное отношение в оскорбительной форме.

Как показывают наблюдения, в медиатекстах политической программы «Америка с Валентином Богдановым» используются мейотические эвфемизмы и субституты с недискретной семантикой, вуалирующие процессы и явления, вызывающие конфронтационные отношения между коммуникантами. Образные индивидуально-авторские эвфемизмы, являясь интенциональными вербальными единицами речевого акта, воздействуют на сознание массового адресата, формируют представление о реалиях действительности. Эвфемизмы-экспрессемы выражаются словом, словосочетанием, предложением, содержат различные средства речевой выразительности.

Литература

Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: актуальные направления изучения медиаречи // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистическая и межкультурная коммуникация. 2020. № 4. С. 26–35.

Крысин Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М.: Языки русской культуры, 2000. С. 385–407.

Москвин В. П. Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования // Вопросы языкознания. 2001. № 3. С. 64–67.

Сеничкина Е. П. Словарь эвфемизмов русского языка. М.: Флинта; Наука, 2008.

Раевская Марина Михайловна

д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова;
mraevskaya@gmail.com

КОММУНИКАЦИОННЫЙ РЕЖИМ В СТРАНАХ ИСПАНСКОЙ РЕЧИ: НОРМЫ И ПРАВИЛА АДМИНИСТРАТИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Ключевые слова: коммуникационный режим, испанский язык, социолингвистика, право на понимание, ясный язык, Единая сеть ясного испанского языка.

Категория *коммуникационный режим*, понимаемая как контролируемая со стороны государства система формальных норм, правил, традиций и инструментов, обеспечивающих коммуникацию национального сообщества в определенном пространстве, как нельзя лучше применима к исследованиям административного дискурса власти в испаноязычных странах. Актуальность изучения предметного поля *коммуникационный режим* была обозначена относительно недавно в работах отечественных ученых В. Гасумянова и В. Комлевой [Gasumyanov, Komleva 2020], взявших на вооружение теории информационного общества и институциональной коммуникации, а также труды, посвященные дискурсу власти и языковой политике государства. Введенное ими понятие *коммуникационный режим* позволяет объединить правовые нормы и интересы центров принятия решений с коммуникационной практикой социума в конкретном ситуативном контексте.

В этой связи обращает на себя внимание инициатива, предпринятая правительствами и Ассоциацией Академий испанского языка (*ASALE*) Испании и стран Латинской Америки по пути создания единой системы коммуникации в сфере государственного управления и ее регламентирования с определением юридических последствий за нарушение предписанных норм.

Это — новый имеющий стратегическое значение для будущего испанского языка общеиспанский проект по созданию национального стандарта *ясного языка* как средства обеспечения доступности информации и безбарьерной коммуникации, в основе которого лежит *право на понятный язык (el Lenguaje Claro)*. При этом необходимо отметить, что данный проект, получивший официальный статус в 2022 г., имеет масштабную проекцию в силу своей ориентированности на широкое гражданское общество во всех странах испанской речи, включая тех, кто имеет инвалидность или ментальные расстройства.

Главная роль в его реализации отводилась Королевской Академии испанского языка, которая инициировала создание *Единой сети ясного языка* (*Red Panhispánica de Lenguaje Claro, Red-PHLEC*) в целях интеграции текущих и будущих инициатив в защиту основополагающего права граждан на понимание законов и основных норм, регулирующих социальное сосуществование. Кроме того, под руководством Ассоциации Академий испанского языка (*ASALE*) был написан *Единый справочник ясного и доступного языка* (*Guía panhispánica de lenguaje claro y accesible*), который, помимо рассмотрения правил общепринятой административной коммуникации, распространяет требование ясности на все сферы (юридическую, образовательную, коммерческую, медицинскую), в которых неправильное использование языка становится препятствием для понимания гражданами. Размещенные в справочнике рекомендации подкреплены краткими теоретическими пояснениями, основанными на языковой общеиспанской норме (*la norma panhispánica*), зафиксированной в академических трудах (словарях, грамматиках и орфографии RAE и ASALE), с приведением исчерпывающих примеров.

При Королевской Академии испанского языка создана постоянная служба по надзору (*observatorio digital permanente*) за использованием языка как в госучреждениях, так и на всем цифровом пространстве (то есть в электронных устройствах), связанных с административным управлением, и сферой государственных услуг.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что *Единая сеть ясного языка* представляет собой формально фиксированную информационную систему, созданную для

реальной коммуникативной практики социумов, к которой полностью применимо понятие коммуникационного режима, поскольку это цензурируемая со стороны высшей администрации межгосударственная коммуникационная среда, ограниченная только лишь функционалом органов власти. В качестве центра ее управления и законодательного регулирования выступает государство, а в качестве надзорного органа — академическое подразделение, наделенное правом санкционного воздйствия.

В докладе рассматриваются применимость категории коммуникационного режима к вышеобозначенному академическому проекту, критерии определения понятного языка, представляющие наибольшую трудность для понимания вопросы грамматики (префиксы с двойственной семантикой, осложненное деривационное словообразование, герундиальные конструкции, конструкции пассивного залога и т. п.), синтаксиса (сложные предложения с сочинительной и подчинительной (параллельной и последовательной) связью, абсолютные конструкции с инфинитивом, герундием и причастием, вводные члены предложения, перечисления, средства логической связи и др.), а также проблемы смысловой когезии сообщения (импликатуры, двусмысленность и неопределенность, противоречия, избыточность и т. п.).

Проект *Red Panhispánica de Lenguaje Claro* (*Red-PHLEC*) по созданию общего административного ресурса по регламентации культуры коммуникации власти и общества в конечном счете можно рассматривать как инструмент государственного управления и регулятор общественной жизни, поскольку созданная сеть позволяет объединить управление социумом и создать единый для всех стран испанской речи коммуникационный режим. Согласованный коммуникационный порядок является показателем высокого уровня интеграции испаноязычных стран (в данном случае — культуры административного дискурса).

Литература

Раевская М. М. Испанский язык в современном мире. М.: Ленанд (URSS), 2021.

Gasumyanov V. I., Komleva V. V. Communication regimes as a new scientific category // Communicology. 2020. Vol. 8, no. 3. P. 43–50. http://dx.doi.org/10.21453/2311-3065-2020-8-3-43-50

Скребнев Евгений Сергеевич

аспирант, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина);
esskrebnev@stud.etu.ru

ПРИМЕНЕНИЕ ТЕОРИИ ПРОКСИМИЗАЦИИ ДЛЯ АНАЛИЗА ФРАНКОЯЗЫЧНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Ключевые слова: проксимизация, Франция, Эрик Земмур, политический дискурс.

Настоящее исследование посвящено анализу франкоязычного политического дискурса через призму теории проксимизации, сформулированную и разработанную польским исследователем Петром Цапом. Данный теоретический подход предоставляет инструментарий для анализа дискурсивных стратегий, направленных на оказание влияния на реципиента. Первоначально теория была апробирована в рамках анализа дискурса борьбы с терроризмом на материале политических текстов США за период 2001–2010 гг., что освещено в труде П. Цапа «Proximization. The pragmatics of symbol distance crossing». Однако эвристический потенциал данной теории выходит за рамки дискурса борьбы с терроризмом и распространяется как на другие проявления политического дискурса, так и на иные сферы, включая медицину, климатические изменения, кибербезопасность и другие области [Цап 2013: 189–203].

Проксимизация концептуализируется как комплексная дискурсивная стратегия, через которую осуществляется когнитивное «приближение» физически и темпорально удаленных событий и объектов, в том числе враждебных идеологий и ценностей, репрезентируемых как источник возрастающей угрозы для членов дискурсивного центра, то есть говорящего и слушателей. Конечной целью стратегий проксимизации является легитимация решений и действий, предлагаемых для противодействия растущему негативному воздействию внешней угрозы. Стоит отметить, что в концептуальном аппарате теории легитимизация интерпретируется как комплексный феномен и практика, ориентирующаяся на достижение социальной консолидации и организации вокруг общей цели [Цап 2016: 2–3].

Анализируемый материал проходит три этапа. На первом этапе происходит определение дискурсивного пространства, конструируемого в исследуемых текстах. Структуризация данного пространства выполняется посредством выделения маркеров понятия близости IDS (inside-the-deictic-center) и понятия удаленности ODS (outside-the-deictic-center). Следующий этап включает анализ лексико-грамматического уровня, на котором актуализируются стратегии проксимизации, путем соотнесения языковых единиц по трем измерениям: *пространственному, темпоральному и аксиологическому*. На заключительном этапе материал в целом интерпретируется как пример легитимизации и выделяется перлукативный эффект, которого хочет добиться адресант сообщения.

Материалом исследования послужил франкоязычный политический дискурс, а именно предвыборные выступления французского политического деятеля Эрика Земмура, произнесенных в период с января по март 2022 г. в различных регионах Франции. Тексты выступлений были получены из официальных транскриптов, опубликованных на сайте избирательной кампании политика (https://www.ericzemmour.fr/discours (дата обращения: 10.01.2025)). Будучи представителем правой политической партии, Земмур выстраивал свою кампанию на противопоставлении «традиционной» и «современной» Франции. Его программа была нацелена на защиту традиционных французских ценностей, национальной идентичности и суверенитета, противодействию глобализации, усилению роли французской сельской местности и проведению жесткой политики в отношении иммиграции. В своих выступлениях он активно использовал исторические аллюзии и апеллировал к великому прошлому Франции. В первом туре президентских выборов 2022 г. Земмур набрал 7,07 % голосов избирателей, заняв четвертое место среди 12 кандидатов, что свидетельствует о поддержке его политической программы определенной частью французского электората. Изучение предвыборного дискурса Эрика Земмура

способствует лучшему пониманию особенностей современного правого популизма во французском политическом пространстве и его коммуникативных стратегий.

Анализ корпуса предвыборных выступлений политика в рамках теории проксимизации позволили выделить следующие характерные особенности. В перечень маркеров близости к дейктическому центру (IDS) входят языковые единицы, связанные с Францией (*la France 'Франция', les français/es 'французы/француженки', nos compatriotes 'соотечественники', la République 'Республика', notre pays 'наша страна', nos territoires 'наши территории'*), с сельской местностью (*la ruralité (française) '(французская) сельская местность', nos agriculteurs/paysans 'наши фермеры/крестьяне'*). К маркерам отдаления от дейктического центра (ODS) можно отнести единицы, связанные с государством и правящим режимом (*l'État 'государство', Emmanuel Macron 'Эммануэль Макрон', les politiciens 'политики', les fonctionnaires 'государственные служащие', les élites parisiennes 'парижские элиты'*), с Евросоюзом (*Bruxelles 'Брюссель'*), с большими городами и их пригородами (*Paris 'Париж', les banlieues (parisiennes) '(парижский) пригород', les métropoles 'метрополия'*), с мигрантами (*les immigrés 'мигранты', les étrangers 'иностранцы'*) и преступниками (*les délinquants 'преступники', les caïds 'главари банд'*). С точки зрения темпоральной структуры дискурса, политик конструирует трехчастную временную модель: героическое прошлое Франции, представляющее фундаментальную национальную ценность; кризисное настоящее, обусловленное деятельностью политических элит; потенциально благополучное будущее, связанное с его возможным президентством. Аксиологический анализ показывает, что среди присущих IDS ценностей можно такие доминантные ценности, как свобода, независимость, государственный суверенитет, социальная солидарность, национальная гордость и уважение к историко-культурному наследию. Представителям ODS политик присваивает следующие ценности: мультикультурализм, глобализм, излишний бюрократизм, элитизм, либерализм и делоколализацию в значении отрыва людей от их исторических корней.

Литература

Cap P. Legitimisation in Political Discourse: A Cross-Disciplinary Perspective on the Modern US War Rhetoric Second Edition. Cambridge Scholars Publishing, 2013.

Cap P. The language of fear: Communicating threat in public discourse. Springer, 2016.

Тюленёва Александра Михайловна

аспирант, Пермский государственный национальный исследовательский университет; tuleneva.aleksa@yandex.ru

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО ЯЗЫКА В ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ ПЕРМСКОГО КРАЯ: СФЕРА ОБРАЗОВАНИЯ

Ключевые слова: языковая ситуация, коми-пермяцкий язык, Пермский край, сфера образования.

Языковая ситуация представляет собой сложное и многогранное понятие, которое до сих пор не имеет канонического определения. В. А. Авронин определяет языковую ситуацию как «конкретный тип взаимодействия языков и разных форм их существования в общественной жизни народа на данном этапе его исторического развития» [Авронин 1975]. В определении в структуре языковой ситуации учитываются не только языки, но и подсистемы языка. Ряд других исследователей предлагает обращать внимание при исследовании языковой ситуации на субъективное отношение носителей к языку. Ч. Фергюсон предлагает рассматривать установки и убеждения носителей языка [Ferguson 1971: 25].

Представленные идеи обращают внимание на то, что при анализе языковой ситуации важным оказывается учет как объективных, так и субъективных компонентов. В качестве объективных компонентов могут рассматриваться численность и доля носителей языка, количество коммуникативных функций, выполняемых данным языком и др. Субъективные компоненты представляют собой сформированные убеждения, представления, идеи носителей о престижности, ценности, популярности родного языка.

Актуальным для изучения является языковая ситуация, разворачивающаяся на территории Пермского края. В данном регионе проживают как представители доминирующей этнолингвистической группы, так и представители миноритарных этнолингвистических групп. Коренным населением региона являются коми-пермяки, чей язык может быть использован в публично-правовом пространстве Коми-Пермяцкого округа наравне с государственным. Помимо этого, статья 13 о национальном образовании в Пермском крае гласит, что «граждане, проживающие в Пермском крае, имеют право на получение общего образования на национальном (родном) языке, на выбор языка воспитания и обучения в соответствии с законодательством Российской Федерации, а также настоящим Законом» [Закон Пермского края об образовании]. Принятые в регионе нормативно-правовые акты должны способствовать сохранению и развитию коми-пермяцкого языка. Однако в период с 2010 г. по 2020 г. произошло значительное сокращение численности носителей коми-пермяцкого языка, что может свидетельствовать о происходящих изменениях в языковой ситуации региона. В связи с этим актуальным является изучение языковой ситуации в Пермском крае с точки зрения функционирования коми-пермяцкого языка. Предметом работы является функционирование коми-пермяцкого языка в сфере образования региона. Цель работы — изучить языковую ситуацию в крае с точки зрения использования коми-пермяцкого языка в сфере образования.

Материалы и методы исследования. В настоящей работе использовались ответы информантов на вопросы анкетирования о владении и использовании коми-пермяцким языком. Анкетирование проводилось в период с августа 2023 г. по сентябрь 2024 г. В анкетировании приняли участие 74 коми-пермяка. Общий объем проанализированных реакций составил 4292.

Фактор «Использование коми-пермяцкого языка в сфере образования». По итогам анкетирования 91,9 % информантов обозначили, что изучали или в настоящий момент изучают в школе или в университете коми-пермяцкий язык. Лишь 8,1 % информантов не изучали в образовательных учреждениях Пермского края родной язык. Важно отметить, что бóльшая часть опрошенных информантов изучала коми-пермяцкий язык именно в средних общеобразовательных учреждениях края, однако период изучения родного языка варьировался от нескольких лет до всего периода обучения в школе.

Несмотря на изучение родного языка в средних общеобразовательных учреждениях Коми-пермяцкого округа информанты отмечают, что он не активно задействован в образовательной сфере края. На рис. 1 представлены ответы информантов об оценке функционирования коми-пермяцкого языка в образовательной сфере Пермского края.

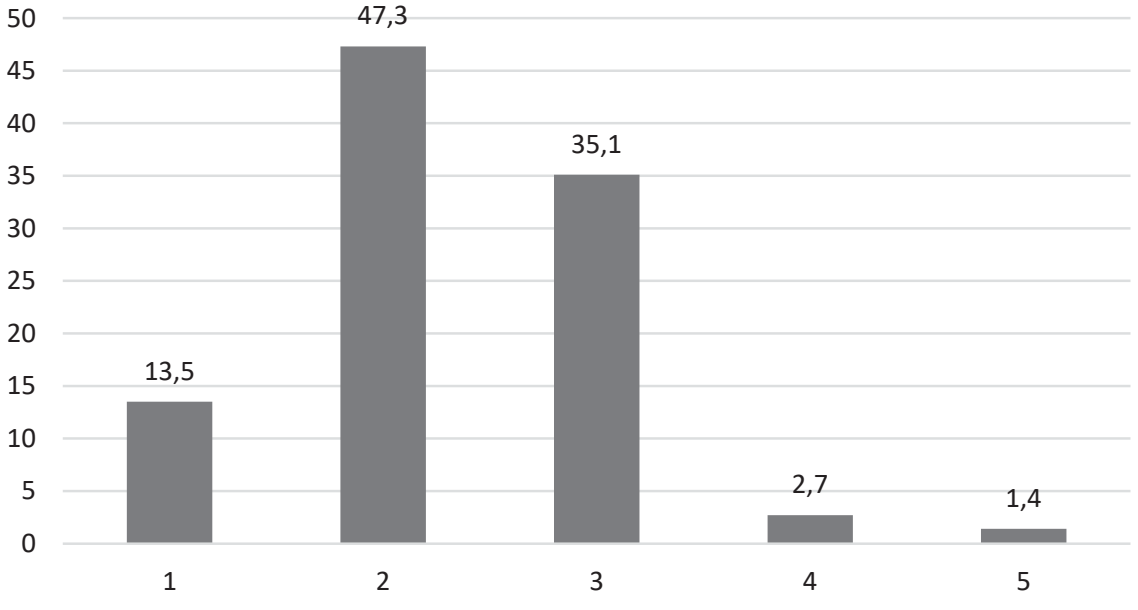


Рис. 1. Ингрупповая оценка информантами использования коми-пермяцкого языка в образовательной сфере Пермского края по данным анкетирования 2023–2024 гг., %

Среди ответов информантов преобладают негативные оценки об использовании коми-пермяцкого языка в образовательной сфере края (13,5 % и 47,3 % соответственно). При этом 35,1 % информантов поставили нейтральную оценку, что может свидетельствовать о недостаточной осведомленности в данном вопросе. Лишь 2,7 % и 1,4 % информантов уверены, что коми-пермяцкий язык активно используется в образовательной сфере Пермского края (оценки «4» и «5»).

Несмотря на превалирование негативных оценок в вопросе включенности и использования коми-пермяцкого языка в образовательной среде региона 81,1 % информантов обучают, обучали или планируют обучать своих детей или племянников коми-пермяцкому языку. Только 12,2 % информантов обозначили, что не обучали, не обучают в данный момент или не планируют, чтобы их дети изучали коми-пермяцкий язык. Среди ответов информантов отдельно стоит выделить реакции, которые не могут быть однозначно отнесены к ответу «да» или «нет». Так, пять информантов дали более развернутые ответы на данный вопрос: «специально не обучаю детей, но они слышат и понимают общение на коми-пермяцком», «обучение детей коми-пермяцкому языку будет зависеть от места работы родителей», «если дети захотят, то будут изучать коми-пермяцкий», «нет детей», «необходимо разделить вопросы». Помимо желания родителей обучить детей коми-пермяцкому языку важным оказывается мотивация самих детей изучать родной язык. В рамках анкетирования информантам был задан вопрос: «Если у Вас есть дети школьного возраста, насколько они хотят изучать коми-пермяцкий язык?» Ответы информантов на данный вопрос представлены на рис. 2.

Полученные данные в ходе анкетирования свидетельствуют о том, что подавляющее большинство детей информантов изучают родной язык, но не хотят этого. Лишь 6,7 % изучает коми-пермяцкий язык с удовольствием, а 16,2 % — не изучает родной язык в образовательном учреждении. Полученные данные могут свидетельствовать о низкой мотивации среди подрастающего поколения в изучении и в дальнейшем использовании родного языка.



Рис. 2. Мотивация детей изучать коми-пермяцкий язык по данным анкетирования 2023–2024 гг., %

Таким образом, коми-пермяцкий язык задействован в сфере образования Пермского края. Однако полученные оценки носителей языка свидетельствуют о том, что он используется в меньшем объеме, чем мог. Количество часов в неделю на изучение коми-пермяцкого языка не позволяет детям в полном объеме изучить и овладеть языком. Это также способствует тому, что подрастающее поколение имеет низкую мотивацию изучать родной язык, поскольку понимает, что все предметы в школе преподаются на русском языке, по окончанию школы им необходимо сдавать единый государственный экзамен по русскому языку, а его знание позволит им найти более высокооплачиваемую работу. Подобная ситуация вызывает опасения поскольку может привести к полному отказу от изучения коми-пермяцкого языка в школах ввиду отсутствия желания у школьников и потребности со стороны их родителей, а также отсутствия ресурсов (материальных и человеческих) у самих учреждений.

Источник

Закон Пермского края об образовании — Закон Пермского края «Об образовании в Пермском крае». URL: https://docs.cntd.ru/document/494902435 (дата обращения: 14.04.2024).

Литература

Аврорин В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка: (К вопросу о предмете социолингвистики). Л.: Наука, 1975.

Ferguson C. A. Language structure and language use. Stanford: Stanford University Press, 1971.

Ульяницкая Любовь Александровна

канд. филол. наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина);
ulianitckaia_liubov@mail.ru

О ЗАПАДНОФЛАМАНДСКОМ ЯЗЫКЕ ВО ФРАНЦИИ: СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Ключевые слова: фламандский язык, западнофламандский язык, Французская Фландрия.

Определение того, что подразумевается под фламандским языком, вызывает трудности не только у лингвистов, но даже и у людей, говорящих на этом идиоме. Одни ученые определяют фламандский как бельгийский вариант нидерландского языка, другие объединяют под этим термином группу нидерландских диалектов, бытующих на территории Бельгии. Однако, принимая во внимание распространение фламандского идиома за пределами Бельгии, кажется справедливым отказаться от привязки к одному государству, и обозначить фламандский как самостоятельный язык западногерманской группы, включающий в себя восточнофламандский и западнофламандский диалекты. Встречающиеся в научной литературе по этой теме брабантские и лимбургские диалекты, мы принципиально не включаем в термин «фламандский язык», так как в 1997 г. лимбургский был официально признан самостоятельным языком Нидерландами, а брабантские диалекты выделяются в отдельную группу нидерландских диалектов.

Восточнофламандский диалект, в силу своей близости к Нидерландам, менее отличается от стандартного нидерландского языка, нежели западнофламандский, и зачастую определяется как одна из подгрупп брабантских диалектов (южно-брабантские диалекты) из-за сильного влияния последних. Так, территорией распространения восточно-фламандского диалекта считаются бельгийские города и округа Гент, Ауденарде, Экло, Алст, Дендермонде, Синт-Никлаас и восточная часть Зеувс-Флаандерен в нидерландской провинции Зеландия.

Западнофламандский диалект распространен в северо-западных городах и округах Бельгии Брюгге, Кортрейк, Диксмюйде, Вёрне, Остенде, Руселаре, Тилт и Ипр, и на юге Нидерландов в Зеландской Фландрии (южная часть провинции Зеландия), включающей в себя муниципалитеты Л'Эклюз, Тернёзен и Хюльст. Во Франции западнофламандский распространён в округе Дюнкерк (регион О-де-Франс). Зона распространения западнофламандского во Франции также называется la Flandre flamingante или Westhoek français, которая является частью исторического, но не административного, региона Французская Фландрия, включающего в себя сегодня три субрегиона: Вестхук, романская Фландрия (Flandre romane) и фламандский Артуа (Artois flamand).

В декабре 2021 г. западно-фламандский диалект (le flamand occidental) стал официально признанным региональным языком Франции [Bourel 2022], что не только отныне делает возможным его преподавание в учебных заведениях, но также указывает на обеспокоенность его состоянием французской администрацией (западнофламандский определяется ЮНЕСКО как уязвимый). Интересно отметить, что в Циркуляр о региональных языках Франции внесен именно западнофламандский язык, а не нидерландский, несмотря на то что исторически в этом регионе Франции использовались письменный стандартный нидерландский язык и разговорный западнофламандский диалект. В пользу самостоятельного статуса этого языка свидетельствует также определение места западнофламандского на генеалогическом древе германских языков с учетом долгой истории формирования этого идиома, предлагаемое Институтом регионального фламандского языка «*Западнофламандский язык родился в результате слияния языков франков, прибывших в наши регионы около 430 г. во время падения Римской империи, и языка саксов, обосновавшихся на побережьях Северного моря с V по IX век*» [Institut de la Langue Régionale Flamande 2018]. Его принципиальное отличие от стандартного нидерландского языка объясняется и исторически: во Французской Фландрии движение за унификацию стандартного языка было

намеренно пресечено: в 1860 г. императорская администрация Наполеона III запретила использование нидерландского языка, включая преподавание. В результате большая часть движения за языковое объединение тогда коснулась только бельгийской Фландрии и Нидерландов.

В годы после Второй мировой войны западнофламандский во Франции оказался в маргинальном положении в силу своей похожести на немецкий язык — носители языка старались меньше говорить на нём и не передавали родной язык детям. Это привело к тому, что на сегодняшний день во Французской Фландрии насчитывается всего около 40 000 носителей западнофламандского языка, большинство из которых — это люди пожилого возраста [Colnet, Cruard 2024]. Франко-фламандский публицист Видо Бурель (род. 1955) в книге «Frans en toch Vlaams. Het verhaal van Frans-Vlaanderen» (*Французский и всё-таки фламандский. История Французской Фландрии*) критикует французскую историографию за фальсификацию (например, представление Песни о Роланде как части французского эпоса, тогда как Роланд был франкским рыцарем) и даже за «светское промывание мозгов победителем», а также за *якобинский* подход при описании французской нации [Van Assche 2024].

В последние годы возрождается интерес к западнофламандскому языку, который является неотъемлемой исторической частью лингвистического ландшафта региона, но также и одним из главных элементов в национальном и языковом самосознании французских фламандцев.

Источники

Bourel W. Le west-flamand est désormais une langue régionale en France // Les Plats Pays. 19 janvier 2022. URL: https://www.les-plats-pays.com/article/le-west-flamand-est-desormais-une-langue-regionale-en-france/ (дата обращения: 24.12.2024).

Colnet C., Cruard V. Dans les Flandres, les habitants tentent de sauver leur culture // franceinfo. 8 novembre 2024. URL: https://www.francetvinfo.fr/france/langues-regionale/dans-les-flandres-les-habitants-tentent-de-sauver-leur-culture_6885776.html (дата обращения: 15.01.2025).

Le Flamand Occidental dans l'univers des langues germaniques // Institut de la Langue Régionale Flamande. 30 novembre 2018. URL: https://anvt.org/fr/langue-flamande-mainmenu-23/116-b-le-flamand-occidental-dans-lunivers-des-langues-germaniques (дата обращения: 15.01.2025).

Van Assche D. Le mal du pays. Un Flamand de France à la recherche de ses racines // Les Plats Pays. 29 mars 2024. URL: https://www.les-plats-pays.com/article/un-flamand-de-france-a-la-recherche-de-ses-racines (дата обращения: 15.01.2025).

Хайруллина Полина Алексеевна

преподаватель, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова;
p@khairullina.ru

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЦЕЛЕВОЙ АУДИТОРИИ КАК ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОСТИ ИНТЕГРИРОВАННЫХ МАРКЕТИНГОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Ключевые слова: интегрированные маркетинговые коммуникации, социокультурно маркированные единицы, социолингвистические характеристики целевой аудитории.

Маркетинговый дискурс относится к дискурсам активного воздействия и его эффективность во многом зависит от учета социолингвистических факторов. Характерной чертой дискурсов активного воздействия, к числу которых относятся также политический, медиа-, художественный, поэтический дискурсы и т. д., является активное вовлечения адресата в интеракцию. Оно обеспечивается использованием определенных приемов с целью оказания речевого воздействия. Диалогичность речи в рамках дискурсов активного воздействия предполагает важную роль степени сходства систем кодификации и декодификации адресата и адресанта: для эффективного воздействия на целевую аудиторию зачастую используются социокультурно-маркированные языковые единицы, для адекватного декодирования которых целевая аудитория должна обладать определенными фоновыми знаниями [Ксензенко 2011]. Выбор языковых средств в рекламе и других формах маркетинговой коммуникации, таким образом, неразрывно связан с социальными, культурными и демографическими особенностями адресата. Для того, чтобы создать эффективное рекламное сообщение, необходимо проанализировать когнитивную базу и когнитивные пространства потенциальных потребителей, принимая во внимание такие социолингвистические факторы, как возраст, пол, уровень образования и др.

Интегрированные маркетинговые коммуникации являются частью маркетингового дискурса и реализуются в форме рекламы, стимулирования сбыта, связей с общественностью, прямого маркетинга и т. д. [Kotler 1984], однако их дальнейшая классификация представляет собой методологическую проблему для современных теоретиков маркетинга и лингвистов [Ксензенко 2011]. Существуют различные типологии рекламы, в основу которых положены различные признаки: например, целевая аудитория, охватываемая территория, функции, цели и каналы передачи рекламы. По указанным признакам К. Бове и У. Аренс выделяют следующие типы рекламы: потребительскую и деловую; зарубежную, общенациональную, региональную и местную; товарную и нетоварную, коммерческую и некоммерческую рекламу; прямую посылочную и непрямую рекламу [Ксензенко 2011]. В исследовании рассматривается специфика функционирования социокультурно маркированных элементов в различных типах рекламы в зависимости от целевой аудитории рекламного сообщения.

Задачи исследования включают анализ текстов потребительской рекламы, распространяемых по различных каналам коммуникации, на предмет роли и функций содержащихся в них социокультурно маркированных единиц; выявление социолингвистических характеристик целевой аудитории, повлиявших на выбор языков средств; оценивание эффективности рекламного сообщения по критерию возможности адекватного декодирования социокультурно маркированных компонентов целевой аудиторией. В докладе освещается этап исследования, на котором изучается реклама, в дальнейшем планируется анализ и других текстов ИМК.

Как было отмечено выше, использование социокультурно маркированных элементов в дискурсах активного воздействия предполагает процесс адекватной кодификации со стороны адресата. Зачастую в качестве таких социокультурно маркированных единиц выступают прецедентные феномены. В современной лингвистике существуют различные точки зрения на определение прецедентности, а также на прецедентность как категорию. Так, прецедентностью могут обладать различные единицы — имена, высказывания, тексты — попадающие под зонтичный термин «прецедентные феномены», который был введен в обиход отечественными

лингвистами. Согласно В. В. Красных, прецедентный феномен — это ядерный элемент когнитивной базы или «как минимум, ее периферии» [Красных 2002], которая, в свою очередь, представляет собой совокупность знаний и представлений всех говорящих на определенном языке, то есть национально-лингво-культурного сообщества. Прецедентные феномены могут быть известны и меньшему числу говорящих на определенном языке, например, только людям, принадлежащим к какой-либо социальной группе. В зарубежной традиции более известен термин «интертекстуальность». Концепция интертекстуальности появилась в результате истолкования текстологических исследований М. М. Бахтина, где, согласно интерпретации Ю. Кристевой, текст — это «место пересечения текстовых плоскостей», в котором пересекаются сам писатель, читатель и культурный контекст [Кристева 2000]. Как отмечают исследователи, в маркетинговом дискурсе интертекстуальность может стать важным компонентом смысла рекламы. Адресаты рекламного сообщения должны быть способны осознать отсылку для того, что интертекстуальность смогла полностью реализоваться, поэтому при создании рекламы необходимо учитывать фоновые знания целевой аудитории.

В исследовании используется социолингвистический подход, который достаточно подробно рассматривается в работах таких ученых, как Е. Д. Поливанов, М. В. Панов, У. Лабов, Т. Г. Добросклонская, Е. В. Какорина и др. Тем не менее функционирование социокультурно маркированных единиц, в частности прецедентных феноменов, в сфере интегрированных маркетинговых коммуникаций требует дальнейшего изучения.

Исследование продемонстрировало, что такие социолингвистические характеристики целевой аудитории, как возраст, национальность, уровень образования и др., влияют на выбор языковых средств при создании текстов дискурсов активного воздействия. Тексты потребительской рекламы, содержащие социокультурно маркированные единицы, которые адресаты могут адекватно декодировать, более эффективно воздействуют на целевую аудиторию.

Литература

Красных В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. М.: Гнозис, 2002.

Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. М.: Прогресс, 2000. С. 427–457.

Ксензенко О. А. Лингвистические основы рекламной коммуникации. М.: Из-во МБА, 2011.

Kotler P. Marketing Essentials. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1984.

Bulus Felicia

B. A., MA, PhD student, Peoples' Friendship University of Russia;
1042245121@Pfur.ru, feliciabulus2000@gmail.com

HONORIFICS IN STUDENT-TEACHER INTERACTION IN NIGERIAN UNIVERSITY CONTEXTS

Keywords: address terms, honorifics, student-teacher interaction, Nigerian university.

Honorifics are esteemed form of address terms that reflect the social status, superiority, difference, and relationships between the interlocutors moreover, the choice and use of honorifics are associated with some social context such as to culture, age, belief, gender. Honorifics are forms of address and expressions that are universally present in languages across the globe and serve to convey the social standing of the individuals involved in a conversation [Brown 2020; Brown, Levinson 1987]. Different cultures use a variety of styles, lexicons, and socio-pragmatics context to accord honor and difference.

The study on honorific has not received the required attention from socio pragmatics angle especially in an academic setting. In this study, we aim to investigate the categories, social contexts and factors that inform Nigerian university students' choice of honorific in student-teacher interaction. We argued that usage of honorific in student-teacher interactions differs across languages and academic setting as confirmed [Hudson 2011].

Aside from being a nation characterized by significant linguistic diversity, possessing over 400 distinct local languages, teachers in Nigeria are held in high esteem and receive appropriate respect, thereby establishing a compelling context for examining the way students in Nigerian universities demonstrate deference towards their instructors. The academic environment in Nigerian universities is further complicated by the diverse linguistic backgrounds of both lecturers and students, resulting in a setting that is characterized by a heterogeneous union of sociocultural and linguistic repertoires.

We primarily limited the study to student-teacher interaction in the Nigerian university context and examine the forms of honorifics employed by university students in-class and outside-class context. The data were collected from 170 students from 6 local universities in Nigeria through ethnographic observations, telephone interview, face-face interviews, and questionnaires. The collated data were subjected through socio pragmatics, pragma-discursive, and linguacultural analysis, the results are represented using both qualitatively and quantitatively methods.

The study identified six (6) forms of honorifics used by Nigerian university students to address their teachers, namely, titles (*Sir, Ma'am, Mr, Mrs*), academic titles (*Professor*, *Doctor*), traditional titles (*Chief, your Highness*), religious honorifics (*Allaji/Hajiya, malam/malama, papa, Rev*), kinship terms (*Mommy, Daddy*) and hybrid terms (academic title + title, academic title + religious, academic title + kinship terms, religious terms + titles).

The results revealed Students' choice of address terms are dependent on contextual factors, for examples, inside the classroom 90 % of the students used titles (*sir, ma'am*) while 8 % used academic titles (*professor, doctor*), this is because the classroom discourse is considered highly formal, brief (student-teacher) and clear.

Outside the classroom context, students employ plethora of honorifics to address teachers, such as *mummy, daddy* to address much elderly (60+) teachers (kinship terms and age dependent factor), religious honorifics are used by Nigerian students to mark of politeness, courtesy because some teachers prefer to be address with religious terms rather than academic titles, other times, students religious honorifics to indicate their faith affiliations with the teacher, *Alhaji/Hajiya* (male/female who has gone for Hajj) *malam/malama* (male/female very who has good knowledge of the Quran), *Rev, papa/mama* (a teacher who is also in charge of school chapel or Christian group). Traditional honorifics are titles given to well-doing sons and daughters of a community or some teachers your linked to royalty, student use *Chief, your Highness* to acknowledge the teacher's prestigious role in community development.

Hybrid honorifics, Nigerian university students stylistically combine the different forms of honorifics to emphasize the high and lofty status of the Nigerian university teacher, sometimes considered

as mini gods. The study reveals 6 kinds of hybrid honorifics, they include: (1) academic title + title (*Professor* + *sir, professor* + *ma*), (2) traditional title + title *(your highness* + *sir*), (3) academic title + religious honorifics (*professor* + *malam*), (4) religious honorifics + title (*Hajiya* + *ma'am, papa* + *sir*), (5) academic title + kinship terms (*Professor* + *mommy, professor* + *daddy),* (6) religious honorifics + course title (*malanin* + *Phonology*). The forms of honorifics employed by Nigerian university students reveal the highly reverend status of teachers in Nigeria, it shows that honorifics can be used to achieve both closeness and distance using different address stylistics formulation. This finding corresponds with [Larina, Suryanarayan 2023]

In conclusion, the diverse nature of Nigeria's linguistic environment is evident in the mixing of languages and address terms used by students and teachers in academic settings, particularly when it's believed that English address forms cannot adequately convey the level of politeness and respect that is due to teachers. The adoption of local address terms represents a process of domesticating the English language, adapting it to mirror the unique lingua-cultural identity of Nigeria and its diverse, multicultural dynamics even within university environments.

References

Brown L. Honorifics // Linguistics. Oxford: Oxford University Press, 2020.

Brown P., Levinson S. C. Politeness Some universals in language usage // Studies in Interactional Sociolinguistics. 1987. No. 4. P. 70–150.

Hudson M. E. Student honorifics usage in conversations with professors // J. Pragmat. 2011. Vol. 43, no. 15. P. 3689–3706.

Larina T., Suryanarayan N. Chapter 6. Address forms in academic discourse in Indian English // eds N. Baumgarten, R. Vismans. Different with You. John Benjamins Publ. Co., 2023. P. 142–170.

Бабаина Елена Аркадьевна[1], *Зайчик Михаил Леонидович*[2]

[1]*преподаватель, Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет им. академика И. П. Павлова;*
babaina_bm@mail.ru
[2]*студент, Санкт-Петербургский государственный университет;*
zaichik.michail@gmail.com

СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДРЕВНЕАНГЛИЙСКИХ ЭЛЕГИЙ: К ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПОЭТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА И ЖАНРА

Ключевые слова: традиционный текст, поэтический язык, древнеанглийские элегии, лингвистика текста, аллитерационная поэзия.

Судя по дошедшим до нас памятникам, именно в Англии аллитерационный стих продемонстрировал наибольшую стойкость и широту использования. Его «низовая» форма, бытовавшая в бесписьменном обществе, по предположению О. А. Смирницкой, сумела пережить последствия нормандского завоевания и вновь заявить о себе в XIV в., чем объясняется феномен т. н. «Аллитерационного возрождения» [Смирницкая 1982: 211]. «Высокая» форма ко второй половине древнеанглийского периода, оставаясь «открытой для изменений, происходящих в культуре общества и человеческом сознании, и очень консервативной по форме», уже не могла дать начало самостоятельным жанровым формам, развиваясь посредством «внутренней трансформации исконных эпических жанров» [Смирницкая 1982].

Большое распространение в это время получает жанр элегии, к представителям которого относят поэмы «The Wanderer», «The Seafarer», «The Riming Poem», «Deor», «Wulf and Eadwacer», «The Wife's Lament», «Resignation», «Riddle 60», «The Husband's Message», и «The Ruin» [Opfer 2017: 1], основанием для чего служит их вхождение в единую рукопись (*Exeter Book*) и общий скорбный дух повествования. Метрический критерий выделения, используемый для классических поэм, здесь неприменим ввиду общности размера всей древнеанглийской поэзии. Не лучше обстоит дело и с принципиальной возможностью применения понятия жанр в его современном понимании к текстам, испытывающим сильное влияние традиции ввиду того, что их размер восходит еще к дописьменной эпохе, в которой произошло становление особого поэтического языка, в рамках которого был разработан богатый инструментарий для выражения наиболее частотных понятий и тем [Клейнер 2003].

В комплексном плане тематический критерий, однако, является более перспективным и позволяет охарактеризовать древнеанглийские элегии через наличие следующих поэтических тем, христианских и до-христианских [Opfer 2017; Klinck 1992]:

1) изгнание либо эмоционально сходное с ним основанное на личном опыте ощущение отделенности от Бога, предводителя либо родичей, дистанцированности во времени или пространстве вопреки желанию, что приводит героя к преодолению этих обстоятельств либо к принятию ситуации;
2) понимание скоротечности мирских радостей, бесполезность нажитых сокровищ перед лицом невзгод;
3) упоминания воды или моря, земли и/или погодных явлений;
4) описания сильных чувств: печали, уныния, тоски, отсутствия ярких ощущений и радости, а также страстное желание и ожидание перемен к лучшему.

Руководитель секции: Ю. А. Клейнер.

Также Клинк отмечает, что ни один из формальных признаков элегического эпизода не является обязательным, а слова, обозначающие понятия из п. 4 могут быть вплетены в типичные для эпической поэзии сцены пиршества, радости в зале, раздачи сокровищ правителем и т. д.

В приведенном подходе за кадром остается ритмико-синтаксическая составляющая, исследование которой могло бы принести свои плоды. Например, не ясно:

1) существуют ли у жанра элегии проявляющиеся на синтаксическом уровне черты, которые могли бы способствовать его отделению от современных ему жанров эпической и дидактической поэзии, а также т. н. «wisdom poetry», или же реализация жанра происходит посредством чисто лексических средств;
2) существуют ли тексты, занимающие промежуточное между жанрами положение и какие процедуры наиболее целесообразны для их описания;
3) возможно ли говорить о связи композиционной техники и жанра, наличии особых приемов, уникальных для последнего либо употребляющихся в нём с большей частотой;
4) каков характер взаимодействия предполагаемых жанрово обусловленных синтаксических особенностей с универсальными метрическими характеристиками строки.

Проблематика, стоящая за последним пунктом, имеет большое значение не только для англистики, но и для германистики в целом. Свойства аллитерационного стиха принято считать постоянными, и это едва ли подлежит сомнению в том, что касается самой общей его характеристики: четырехударной строки, игнорирующей количество безударных слогов, разделенной цезурой и скрепеленной аллитерацией. Для древнеанглийской поэзии выделяется по крайней мере ещё одна неотъемлемая черта — ограничения на позицию безударных частиц, известные как законы Куна. Может ли строка демонстрировать различный набор более частных параметров в контексте конкретного жанра/темы, только предстоит установить.

Еще одно перспективное направление исследования связано с соотношением авторского и традиционного при реализации одной и той же темы в разных текстах. К примеру, можно заметить, что характерные для элегий темы затронуты и в предположительно более ранней Предсмертной песни Бэды, зачастую вынужденно рассматриваемой как вещь в себе ввиду ее малого объема (всего пять строк) и весьма высокого уровня поэтического мастерства, что отмечалось современниками. Будучи несомненно авторским текстом исходя уже из обстоятельств создания, она во многом демонстрирует совершенно иной подход в отображении хорошо разработанных в древнеанглийской поэтической традиции тем, впрочем не противоречащий её конвенциям и сочетающий как типично христианские, так и более ранние элементы, структурному описанию которых и посвящён предлагаемый доклад.

Литература

Древнеанглийская поэзия / изд. подгот. О. А. Смирницкая и В. Г. Тихомиров; отв. ред. М. И. Стеблин-Каменский; ред. изд-ва И. Г. Древлянская. М.: Наука, 1982.

Клейнер Ю. А. Эволюция поэтического языка как диахронический процесс // Philologica Scandinavica: сб. ст. к 100-летию со дня рождения М. И. Стеблин-Каменского / отв. ред. Б. С. Жаров. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2003. С. 80–89.

Klinck A. L. Old English Elegies: A Critical Edition and Genre Study. Montreal: McGill-Queen's University Press, 1992.

Opfer S. Old English elegies: language and genre: PhD Thesis. Northern Illinois University, 2017.

Бондарко Николай Александрович

д-р филол. наук, вед. научный сотрудник, Институт лингвистических исследований РАН; n-bond@yandex.ru

СЮЖЕТ О ГРЕХОПАДЕНИИ В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОЙ ПОЭМЕ «БЫТИЕ» И В СРЕДНЕВЕРХНЕНЕМЕЦКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЭЗИИ XII в.: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО ЛИНГВОПОЭТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Ключевые слова: книга Бытия, грехопадение, древнеанглийская поэзия, Genesis B, древнесаксонский язык, средневерхненемецкий язык, библейский нарратив, варианты.

Доклад посвящен анализу стратегий, с помощью которых средневековые английские и немецкие поэты перелагали содержание библейских книг на свой родной язык. В качестве примера выбран сюжет о грехопадении Адама и Евы, который также включает в себя предысторию, отсутствующую, собственно, в книге Бытия — падение Люцифера и его ангелов, восставших против своего Создателя.

Исходным текстом для сравнения является древнеанглийская поэма «Бытие» (в той ее части, которая традиционно обозначается как Genesis B), которая дошла до нас в одной рукописи, созданной около 1000 года (Oxford, Bodleian Library, Junius 11).

Текст (Doane 1991, 218–223: 495–695):

þonne wæs se oðer eallenga sweart,
dim and þystre; þæt wæs deaðes beam,
se bær bitres fela. Sceolde bu witan
480
ylda æghwilc yfles and godes
gewand on þisse worulde. Sceolde on wite a
mid swate and mid sorgum siððan libban,
swa hwa swa gebyrgde þæs on þam beame geweox.
Sceolde hine yldo beniman ellendæda,
485
dreamas and drihtscipes, and him beon deað scyred.
Lytle hwile sceolde he his lifes niotan,
secan þonne landa sweartost on fyre.
Sceolde feondum þeowian, þær is ealra frecna mæste
leodum to langre hwile. þæt wiste se laða georne,
490
dyrne deofles boda þe wið drihten wann.
Wearp hine þa on wyrmes lic and wand him þa ymbutan
þone deaðes beam þurh deofles cræft,
genam þær þæs ofætes and wende hine eft þanon
þær he wiste handgeweorc heofoncyninges.
495
Ongon hine þa frinan forman worde
se laða mid ligenum: “Langað þe awuht,
Adam, up to gode? Ic eom on his ærende hider
feorran gefered, ne þæt nu fyrn ne wæs
þæt ic wið hine sylfne sæt. þa het he me on þysne sið faran,
500
het þæt þu þisses ofætes æte, cwæð þæt þin abal and cræft
and þin modsefa mara wurde,
and þin lichoma leohtra micle,
þin gesceapu scenran, cwæð þæt þe æniges **sceattes** ðearf
ne wurde on worulde. Nu þu willan hæfst,

hyldo geworhte heofoncyninges,
to þance geþenod þinum **hearran,**
hæfst þe wið drihten dyrne geworhtne.
Ic gehyrde hine þine dæd and word
lofian on his leohte and ymb þin lif sprecan.
Swa þu læstan scealt þæt on þis land hider
his bodan bringað. Brade synd on worulde
grene geardas, and god siteð
on þam hehstan heofna rice,
ufan alwalda. Nele þa earfeðu
sylfa habban þæt he on þysne sið fare,
gumena drihten, ac he his gingran sent
to þinre spræce. Nu he þe mid spellum het
listas læran. Læste þu georne
his ambyhto, nim þe þis ofæt on hand,
bit his and byrige. þe weorð on þinum breostum rum,
wæstm þy wlitegra. þe sende waldend god,
þin hearra þas helpe of heofonrice."
Adam maðelode þær he on eorðan stod,
selfsceafte guma: "þonne ic sigedrihten,
mihtigne god, mæðlan gehyrde
strangre stemne, and me her stondan het,
his bebodu healdan, and me þas bryd forgeaf,
wlitesciene wif, and me warnian het
þæt ic on þone deaðes beam bedroren ne wurde,
beswicen to swiðe, he cwæð þæt þa sweartan helle
healdan sceolde se ðe bi his heortan wuht
laðes gelæde. Nat þeah þu mid ligenum fare
þurh dyrne geþanc þe þu drihtnes eart
boda of heofnum. Hwæt, ic þinra bysna ne mæg,
worda ne wisna wuht oncnawan,
siðes ne sagona. Ic wat hwæt he me self bebead,
nergend user, þa ic hine nehst geseah;
he het me his word weorðian and wel healdan,
læstan his lare. þu gelic ne bist
ænegum his engla þe ic ær geseah,
ne þu me oðiewdest ænig tacen
þe he me þurh treowe to onsende,
min hearra þurh hyldo. þy ic þe hyran ne cann,
ac þu meaht þe forð faran. Ic hæbbe me fæstne geleafan
up to þam ælmihtegan gode þe me mid his earmum worhte,
her mid handum sinum. He mæg me of his hean rice
geofian mid goda gehwilcum, þeah he his gingran ne sende."
Wende hine wraðmod þær he þæt wif geseah
on eorðrice Euan stondan,
sceone gesceapene, cwæð þæt sceaðena mæst

eallum heora eaforum æfter siððan
wurde on worulde: “Ic wat, inc waldend god
abolgen wyrð, swa ic him þisne bodscipe
selfa secge, þonne ic of þys siðe cume
ofer langne weg, þæt git ne læstan wel
hwilc ærende swa he easten hider
on þysne sið sendeð. Nu sceal he sylf faran
to incre andsware; ne mæg his ærende
his boda beodan; þy ic wat þæt he inc abolgen wyrð,
mihtig on mode. Gif þu þeah minum wilt,
wif willende, wordum hyran,
þu meaht his þonne rume ræd geþencan.
Gehyge on þinum breostum þæt þu inc bam twam meaht
wite bewarigan, swa ic þe wisie.
æt þisses ofetes! þonne wurðað þin eagan swa leoht
þæt þu meaht swa wide ofer woruld ealle
geseon siððan, and selfes stol
herran þines, and habban his hyldo forð.
Meaht þu Adame eft gestyran,
gif þu his willan hæfst and he þinum wordum getrywð.
Gif þu him to soðe sægst hwylce þu selfa hæfst
bisne on breostum, þæs þu gebod godes
lare læstes, he þone laðan strið,
yfel andwyrde an forlæteð
on breostcofan, swa wit him bu tu
an sped sprecað. Span þu hine georne
þæt he þine lare læste, þy læs gyt lað gode,
incrum waldende, weorðan þyrfen.
Gif þu þæt angin fremest, idesa seo betste,
forhele ic incrum herran þæt me hearmes swa fela
Adam gespræc, eargra worda.
Tyhð me untryowða, cwyð þæt ic seo teonum georn,
gramum ambyhtsecg, nales godes engel.
Ac ic cann ealle swa geare engla gebyrdo,
heah heofona gehlidu; wæs seo hwil þæs lang
þæt ic geornlice gode þegnode
þurh holdne hyge, herran minum,
drihtne selfum; ne eom ic deofle gelic.”
Lædde hie swa mid ligenum and mid listum speon
idese on þæt unriht, oðþæt hire on innan ongan
weallan wyrmes geþeaht, (hæfde hire wacran hige
metod gemearcod), þæt heo hire mod ongan
lætan æfter þam larum; forþon heo æt þam laðan onfeng
ofer drihtnes word deaðes beames
weorcsumne wæstm. Ne wearð wyrse dæd

595
monnum gemearcod! þæt is micel wundor
þæt hit ece god æfre wolde
þeoden þolian, þæt wurde þegn swa monig
forlædd be þam lygenum þe for þam larum com.
Heo þa þæs ofætes æt, alwaldan bræc
600
word and willan. þa meahte heo wide geseon
þurh þæs laðan læn þe hie mid ligenum beswac,
dearnenga bedrog, þe hire for his dædum com,
þæt hire þuhte hwitre heofon and eorðe,
and eall þeos woruld wlitigre, and geweorc godes
605
micel and mihtig, þeah heo hit þurh monnes geþeaht
ne sceawode; ac se sceaða georne
swicode ymb þa sawle þe hire ær þa siene onlah,
þæt heo swa wide wlitan meahte
ofer heofonrice. þa se forhatena spræc
610
þurh feondscipe (nalles he hie freme lærde):
“þu meaht nu þe self geseon, swa ic hit þe secgan ne þearf,
Eue seo gode, þæt þe is ungelic
wlite and wæstmas, siððan þu minum wordum getruwodest,
læstes mine lare. Nu scineð þe leoht fore
615
glædlic ongean þæt ic from gode brohte
hwit of heofonum; nu þu his hrinan meaht.
Sæge Adame hwilce þu gesihðe hæfst
þurh minne cime cræfta. Gif giet þurh cuscne siodo
læst mina lara, þonne gife ic him þæs leohtes genog
620
þæs ic þe swa godes gegired hæbbe.
Ne wite ic him þa womcwidas, þeah he his wyrðe ne sie
to alætanne; þæs fela he me laðes spræc.”
Swa hire eaforan sculon æfter lybban:
þonne hie lað gedoð, hie sculon lufe wyrcean,
625
betan heora hearran hearmcwyde ond habban his hyldo forð.
þa **gieng** to Adame idesa scenost,
wifa wlitegost þe on woruld come,
forþon heo wæs handgeweorc heofoncyninges,
þeah heo þa dearnenga fordon wurde,
630
forlæd mid ligenum, þæt hie lað gode
þurh þæs wraðan geþanc weorðan sceolden,
þurh þæs deofles searo dom forlætan,
hierran hyldo, hefonrices þolian
monige hwile. Bið þam men full wa
635
þe hine ne warnað þonne he his geweald hafað!

Приведенный отрывок будет проанализирован с точки зрения содержания, поэтических особенностей, а также на предмет стратегий убеждения, которые использует главный антагонист произведения — Сатана, скрывающийся под личиной Змея.

Материалом для сравнения выступают три поэмы на средневерхненемецком языке, созданные в южной и центральной Германии в XII в. — «Начало» (das “Anegenge”), «Книга Моисеева из Форау», и «Старогерманская книга Бытия» (die “Altdeutsche Genesis”).

Основная идея доклада заключается в том, что различия в изложении и истолковании исходного библейского материала обусловлены не только богословскими источниками, которые использовали средневековые авторы, но также конкретное предназначение текста и особенности его поэтики.

Источник

Vulgata Clementina. URL: https://vulsearch.sourceforge.net/html/index.html (дата обращения: 05.03.2024).

Литература

Смирницкая О. А., Тихомиров В. Г. Древнеанглийская поэзия. М.: Наука, 1982.

Doane A. N. The Saxon Genesis: An Edition of the West Saxon Genesis B and the Old Saxon Vatican Genesis. University of Wisconsin Press, 1991.

Sievers E. De Heliand nd die angelsächsische Genesis. Halle a.S.: M. Niemeyer, 1875.

Клейнер Юрий Александрович

д-р филол. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

ТРАДИЦИЯ И ТЕКСТ: БЫТОВАНИЕ И СМЫСЛ

Ключевые слова: авторская литература, устная традиция, бытование, интерпретация.

Произведения, созданные в рамках письменной (авторской) литературы и устной традиции представляют две диаметрально противоположные разновидности восприятия текста, письменного (литературного) или устного. Восприятие напрямую связано с характером бытования текста, а значит, и с аудиторией (читателями или слушателями). В обществе, где бытует устная традиция, знакомство с ее содержательной стороной (сюжетами, именами героев, географическими названиями, древними обычаями), а также с ритмом выражения мыслей в песне, поэтическими темами и формулами, то есть, традиционным поэтическим языком, на начальном этапе традиционного образования обязательно и для сказителя, и для его аудитории. Последней, таким образом, отводится активная роль в *сочинении в процессе исполнения*, сводящаяся к оценке — не столько содержания произведения (как правило, известного слушателям), сколько его представления в соответствии с правилами традиционной поэтики (см.: [Лорд 1994: 83]).

В литературной традиции, где момент создания и восприятия произведения разнесены во времени, трактовка произведения читателем может не совпадать с авторским замыслом. В произведениях, намеренно «зашифрованных» автором, последний является единственным носителем «глубинного смысла», допускающего (или предполагающего) неоднозначную интерпретацию. Неоднозначность может разрешаться при помощи письменных свидетельств (дневники, письма, воспоминания), отражающих авторский замысел, которые также включаются в сферу бытования текста.

Особый случай представляют собой косвенные свидетельства, относящиеся к авторской трактовке «темных мест» произведения, например, повести «Нос», самого странное, загадочного произведения Н. В. Гоголя: «В последнюю субботу читал он (Гоголь. — *Ю. К.*) нам повесть об носе… Уморительно смешно! Много настоящего humour» (из письма П. А. Вяземского).

В XIX в., когда тиражи журналов были малы, и «круг друзей» составлял значительную (и весьма значимую) часть аудитории автора, авторское чтение (в данном случае артистическое чтение Гоголя) представляло собой особый случай бытования, поскольку могло содержать комментарии касающихся отдельных деталей произведения («Красненький» и «Драгун» — братья Прокоповичи vis-à-vis «квартальный»), а возможно, и, в целом, авторского замысла: сохранение первоначального сновиденческого мотива в окончательной редакции, с вмещением событий одной ночи в 12 дней (25 марта — 7 апреля в издании 1842 г.), составляющих разницу между юлианским и григорианским календарями [Клейнер 2021]. Такому пониманию повести противостоит трактовка, предложенная В. Г. Белинским («…он есть не майор Ковалев, а майоры Ковалевы») и развитая Н. Л. *Степановым* («Он — порождение николаевских бюрократических канцелярий и бессовестной лжи и мерзости всего режима, опорой которого и являлись подобные майоры Ковалевы»), а также поиски в повести мифологической подоплеки или фрейдистских мотивов (см. об этом: [Клейнер 2021]). Эти трактовки, плохо согласующиеся как с идеей мистификации в стиле Гоголя, так и с наличием в ней «настоящего humour», тем не менее, имеют право на существование, данное им автором зашифровавшим произведение.

Другой пример — слова *сабля* и *свинец* в плохо понятной в целом строфе XXXVII первой главы романа «Евгений Онегин»: «Но разлюбил от наконец и брань, и саблю, и свинец». Русско-французское двуязычие части русского общества первой трети XIX в., в том числе, первых читателей/слушателей произведения, позволяет искать источник этих слов в франц. арготич. *sabre* и *plomb*. Смысл ка́лек мог разъясняться при авторском чтении различных рукописных вариантов (первая глава читалась дважды между маем и октябрем 1823 г. (начало и конец создания чернового текста) и, по крайней мере четыре раза между декабрем 1823 и декабре 1824 г.). Каждое такое чтение могло сопровождаться комментариями, которые проясняли «темные ме-

ста», вводя «кальки» (*сабля, свинец*) в лексикон данной части аудитории. За пределами круга «посвященных» оставалась другая ее часть, те, кто, подобно большинству позднейших читателей и интерпретаторов, воспринимал слова *сабля* и *свинец* в их прямом значении или предлагающие собственное толкование: *разлюбил …и брань, и саблю, и свинец* = «перестал бывать на собраниях военной молодежи», «“мундир” и “сабля” как предметам романтической мечты» [Пеньковский 1999/2000]. При отсутствии однозначного авторского толкования (= при наличии намеренной авторской зашифрованности) любые интерпретации смысла конгениальны зашифрованному автором изначальному смыслу.

Нечто подобное происходит при взаимодействии устной и авторской традиции, когда форма бытования разделяет *традиции*, но может объединять *тексты*, созданные по разным правилам: традиционный сказитель (Кэдмон) становится родоначальником христианской поэзии; «Беовульф» и «Потерянный рай» не связаны прямой линией развития [Лорд 1994: 158], но при фиксации «Беовульф» теряют признаки устности и может интерпретироваться как литературный/авторский текст [Клейнер 2013]. И наоборот, двунаправленность отношений между традициями обусловливает возможность имитации (Негош) и реконструкции (Лённрот) традиционных произведений.

В каждом случае интерпретация (соотв. семантика) текста зависит от сферы его бытования, ориентированной как на поэтику данной традиции, так и на этические или идеологические установки общества.

Литература

Клейнер Ю. А. Устная традиция и традиция фиксированных текстов // Древнейшие государства Восточной Европы. 2011 год. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2013. С. 221–246.

Клейнер Ю. А. Несколько предположений о повести Н. В. Гоголя «Нос» // Русская литература. 2021. № 3. С. 161–178.

Лорд А. Б. Сказитель. М.: Наука, 1994.

Пеньковский А. Б. Загадки пушкинского текста и словаря («Евгений Онегин», 1, XXXVI, 13–14) // Philologica. 1999/2000. Т. 6, № 14/16. С. 41–69.

Михайлова Татьяна Андреевна

д-р филол. наук, профессор, вед. научный сотрудник, Институт языкознания РАН

О «ТЕМНОМ ЯЗЫКЕ» ПОЭТОВ ДРЕВНЕЙ ИРЛАНДИИ

Ключевые слова: поэзия Древней Ирландии, поэт-филид, юридическая традиция, метафорика, аллитерация, язык богов, синонимия, полисемия.

Ba dorcha didiu in labra ro labrasatar ind filid isin fuigiull-sin nírba réill donaib flathaib in brethemnus ro-n-ucsat.
Темен был язык, которым говорили тогда поэты друг с другом и не были понятны князьям суждения, которые они вынесли.

[Carey 1994]

Размещенная в качестве эпиграфа фраза взята из так называемого псевдо-исторического пролога к юридическому трактату «Великая старина» (Senchas Már). В Прологе рассказывается о том, как были приняты в Ирландии христианские законы: святой Патрик вынес суждение о том, что за убийство следует наказание смертью, а не выкуп, как было принято в законах языческих. Короли и знать Ирландии обратились к Патрику с просьбой описать новые законы и установления, которые следует теперь принять, и тот велел сделать это поэту по имени Дубтах (Dubthach ‘темный’), устами которого будет говорить Святой Дух. Далее в Прологе говорится, что со времен Аморгена Белоколенного, поэта сыновей Миля, предков ирландцев, который первым вынес на острове суждение, спорные вопросы решали именно поэты-филиды, знающие историю и постигающие истину, но длилось это до времен короля Конхобара (I в. н. э.), когда на собрании в Эмайн Махе, столице уладов, стали состязаться в мудрости два поэта, Неде и Ферхертне, и речи их «не понятны были князьям».

Прецедентный эпизод, к которому отсылает текст Пролога и который был несомненно известен компилятору и его аудитории, описан в саге «Разговор двух мудрецов» (Immacalam in Da Thuarad, см.: [Stokes 1905]).

В центре саги — диалог поэтов, строящийся на обмене репликами-метафорами, напоминающими скандинавские кенинги. Например (в переводе С. Шкунаева):

> «А ты, поучающий юноша, чей же ты сын?
> Неде ответил:
> Нетрудно сказать: я сын ремесла, ремесла сына внимания, внимания, сына размышления, размышления, сына знания, знания, сына вопроса, вопроса, сына поиска, поиска, сына великого знания, великого знания, сына великого разумения, великого разумения, сына понимания, понимания, сына ума, ума, сына трех богов ремесла.
> А ты, о почтенный, чей же ты сын?
> Ответил Ферхертне:
> Нетрудно сказать: я сын того, кто жил нерожденным, кто был похоронен в утробе матери, кто был крещен после смерти, смерть обвенчала его, первый крик всякого живущего, вопль всякого мертвого, высокое А имя его».

Перевод Шкунаева не всегда точен, но уже по его тексту видно, что речи Ферхертне, который и выходит далее победителем в состязании, гораздо менее понятны, чем речи Неде, строящиеся на прозрачной метафоре поэтического ремесла как порождения знания и искусства. Видимо, своим отцом Ферхертне называет изначальное Слово, не поэзию или искусство, но слово, существовавшее, как писал Мандельштам, еще «прежде губ». Я не настаиваю на такой интерпретации, для меня сейчас важнее сам факт осознанного затемнения языка, обмена сложными идеями и символическими образами, смысл которых скрыт от окружающих, и которые предназначены лишь посвященным.

В оригинале реплики поэтов написаны акцентным стихом. Таким образом, спор поэтов предстает не только как состязание в мудрости и умении понимать скрытые смыслы, но и просто как состязание в поэтическом ремесле. Сага «Разговор двух мудрецов» заканчивается тем, что Неде подносит Ферхертне ритуальное одеяние первого поэта Ирландии (сделанное «из перьев разноцветных птиц, сверху похоже на светлую бронзу, а снизу словно золото») и признает его первым мудрецом на острове. О реакции присутствующей здесь же знати и короля Конхобара мы узнаем лишь из текста Пролога.

На первый взгляд, запрет в дальнейшем поэтам выносить суждения предстает не оправданным, поскольку их «темные речения» были адресованы лишь друг другу, и являлись к тому же также текстами поэтическими, адресованными не присутствующей тут же знати. Чем же данный запрет мог быть вызван?

Выделение особого языка, при помощи которого поэты-мудрецы говорят друг с другом, было сформулировано в трактате Auracept na n-éces («Руководство для мудрецов», начало VIII в.), где он называется iarnberla na filed asa n-acaillit cach dib aroile — «сложный (букв. ‘железный’) язык поэтов, которым они говорят друг с другом» и о нем говорится, что ему можно обучиться. Параллель с дихотомией «язык богов — язык людей» (см.: [Watkins 1970]) представляется очевидной, однако ставить здесь знак равенства мы не можем. Если у Гомера или в «Речах Альвиса» дихотомия основана на развитой синонимии, то в традиции ирландской речь идет о полисемии, недоступной профаническому восприятию текста.

В качестве предположения, мы выдвигаем идею, что запрет на использование темного поэтического языка при общении со знатью был вызван опасением, что заключенный в данных речах тайный смысл может оказаться губительным. Скрытое знание, облеченное в заданную метрически аллитерированную словесную форму превращается в заклинание. Не случайно о поэтах говорили, что они способны исполнить «хулу цвета хвалы». В качестве примера в докладе приводится описание поэтической хулы, исполненной поэтом Далланом против короля Аэда, но не распознанной тем как хулительный текст (поэт обыгрывает в нем богатую полисемию), а также проводится параллель с исландской прядью «О Торлейве ярловом скальде» и «туманными висами».

Литература

Carey J. The two laws in Dubthach's judgment // Cambridge Mediaeval Celtic Studies. 1990. Vol. 19. P. 1–18.

Stokes W. (ed.). Immacalam in Da Thuarad // Revue celtique. 1905. Vol. 26. P. 4–64.

Watkins K. Language of Gods and Language of Men: Remarks on Some Indo-European Metalinguistic Traditions // Myth and Law among the Indo-Europeans / ed. by J. Puhvel. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1970. P. 1–18.

Пиотровский Дмитрий Дмитриевич

канд. филол. наук, доцент, Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени академика И. П. Павлова;
dimapiotrovsky@hotmail.com

ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В ФАРЕРСКОМ ЯЗЫКЕ XVIII–XIX вв.

Ключевые слова: фарерский язык, литературоведческая терминология, устная поэзия.

Названия жанров, применяемые первыми собирателями и издателями фарерских баллад, такими как Йенс Кристиан Свабо, Ханс Кристиан Люнгбю, Венцеслав Ульрих Хаммерсхайм, и некоторыми другими, по большей части производны от древнеисландской литературоведческой номенклатуры. Однако значения, вкладываемые в эти наименования, еще не вполне оформившиеся в качестве терминов, существенно отличаются от последних. Это отчасти объясняется тем фактом, что в древнеисландской литературе значительное место занимают прозаические жанры: сага и прядь, а устное словесное творчество населения Фарерских островов представлено исключительно поэзией.

Первый намек на жанровую классификацию фарерских баллад делает Педер Эразмус Мюллер, профессор копенгагенского университета, человек немало поспособствовавший появлению в свет первого крупного опубликованного сборника устной поэзии Фарерских островов, книги Люнгбю [Lyngbye 1822]. Мюллеру принадлежит одно из двух предисловий к этой книге, и в нем он, в частности, указывает: «[г]-н Свабо отмечает во вступлении к своему рукописному собранию, что старые песни называются *Qveâir*, новые *Taattir*. Нужно еще сказать, что *Taatt*, исл. *Thattr*, которое обозначает фрагмент, короткий рассказ, это общее название для малых песен, и применяется поэтому для обозначения отдельных частей большой баллады, и кроме того новых песен, обычно сатирического содержания.»

Это указание не вполне точно. На самом деле Свабо, а его записи оказались изданы намного позднее, чем собрания Люнгбю и Хаммерсхайма, это произошло в 1939 г. благодаря фарерскому филологу Кристиану Матрасу [Matras 1939], специально говорит только о *Taattir*: «[в]о второй тетради даны образцы прядей (*Taattir*) или песен, сочиненных в новое время, из них некоторые (что поистине похвально для малой нации) высмеивают низкие поступки, или представляют в смешном виде неудачи в повседневной работе». Что же касается *Qveâir* ‘песни, баллады’, то в собрании Свабо так названы некоторые отдельные стихотворные произведения, напр.: *Sniolvs Kveâi* ‘Песнь о Сниольве’. Различия в написании объясняются ненормированностью старой фарерской орфографии.

В имеющемся корпусе фарерской устной поэзии имеется ряд слов, использующихся для наименования типов текста или близких понятий.

Слово *kvæði* ‘стихотворение, героическая баллада’, является наиболее общим обозначением отдельных песней фарерской устной поэзии. Так сборник Хаммерсхайма [Hammershaimb 1851] называется *Sjúrðar kvæði* ‘песни о Шууре (Сигурде)’.

Наименование *táttur* ‘прядь, часть балладного цикла, короткая песнь’ в издании так называемого Сигурдовского цикла Хаммерсхайма для названия отдельных песен встречается дважды: *Ragnars táttur* ‘Прядь о Рагнаре’ и *Lokka táttur* ‘Прядь о Лочи (Локи)’, у Люнгбю же многие песни внутри того же Сигурдовского цикла содержат это слово в названии: *Brinilda Thaattur* ‘Прядь о Бринхильде’ *Högnar Thaattur* ‘Прядь о Хёгни’. Последнее подтверждает возможность обозначения словом *táttur* части более крупного произведения или цикла. Но это же слово может означать и отдельную песнь. Так одним из первых опубликованных произведений фарерской народной поэзии была *Brouka Taat* ‘Прядь о Штанах’ (Штаны в данном случае прозвище не слишком удачливого фарерского рыбака) [Lyngbye 1816–1817: 234–268]. Здесь речь не идет о части цикла. Короткой эту песнь назвать вряд ли можно, она состоит из 54 четверостиший. Но она носит сатирический характер, что согласуется с определением Свабо. Фарерское слово,

несомненно, то же самое, что и исл. *þáttur*, но там значение другое: вдревнеисландской литературе прядью называют короткое прозаическое произведение, сходное с современной новеллой.

Слово *ríma* ‘рима, рифмованное стихотворение, песня’ в указанном издании Хаммерсхайма употреблено дважды: *Gests ríma* ‘Рима о Гесте’ *Nornagests ríma* ‘Рима о Норнагесте’. Отличительной чертой этих двух песней является двустрочная строфа. Однако такими же строфами в том же сборнике представлена и упомянутая *Lokka táttur*. В издании Люнгбю помимо Римы о Норнагесте имеются еще *Aasla Rujma* ‘Рима об Óсле’ и *Torkjils Rujma* ‘Рима о Торчиле (Торкиле)’, которые так же исполнены двустишиями, но вот *Skrujmsli Rujma* ‘Рима о Скруймсли (Скримсли)’ состоит из катренов. В сборнике Свабо-Матраса римы чаще бувают состоящими из четверостиший. Так что, хотя по сравнению с другими названиями римы чаще бывают состоящими из двустиший, в качестве отличительного признака двустрочная строка не подходит. Здесь отличие фарерского слова от исландского (написания идентичны) по значению минимально. В Исландии римами назывались более поздние по сравнению с эддической и скальдической поэзией произведения обычно состоящие из рифмованных четверостиший.

Слово *frøði* ‘стихотворение, тема стихотворения’ в качестве составной части названий песней не встречается, но может присутствовать внутри текста, напр.: *so er í fornum frøði sagt* ‘так говорится в старой песне’.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в момент записи фарерских баллад т. е. в конце XVIII — первой половине XIX в. литературоведческая тарминология в фарерском языке еще в полной мере не сложилась.

Литература

Hammershaimb V. U. Sjúrðar kvæði, samlede og besörgede ved V. U. Hammershaimb. København, 1851.

Lyngbye H. Ch. Brouka Taat // Det skandinaviske Litteraturselskabs Skrifter. 1816 og 1817. Tolvte og Trettende Aargang. Kjöbenhavn. No. 46. S. 234–268.

Lyngbye H. Ch. Færøske Kvæder om Sigurd Fofnersbane og hans Æt. Med et Anhang. Samlede og oversatte af Hans Christian Lyngbye, Sogneprest i Gjesing. Udgivne ved kgl. allernaadigst Understøttelse. Randers, 1822.

Matras Chr. Svabos Færøske Visehaandskrifter. Udgivne for Samfund til af Gammel Nordisk Litteratur ved Chr. Matras. København, 1939.

Светозарова Наталия Дмитриевна

д-р филол. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

СОФЬЯ МАГИД И ЕЕ ДИССЕРТАЦИЯ «БАЛЛАДА В ЕВРЕЙСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ»

Ключевые слова: Софья Давыдовна Магид, Фонограммархив ИРЛИ, фонографические записи, диссертация «Баллада в еврейском фольклоре».

Софья Давыдовна Магид, дочь известного петербургского историка, библиографа и музыковеда Давида Маггида, родилась в 1892 г. в Петербурге. В 1917 г. она окончила фортепианное отделение Петербургской консерватории, а в 1922 г. поступила на Высшие курсы искусствознания при Государственном институте истории искусств. В 1926 г. она была зачислена внештатным научным сотрудником ГИИИ по Фольклорной секции, а с 1927 г. начала работать в фонотеке ГИИИ. В 1931 г. Фольклорная секция ГИИИ была ликвидирована, и Магид стала работать в Фонограммархиве Фольклорной секции Академии наук СССР в должности научного сотрудника и и. о. хранителя звуковых коллекций. В 1933–1934 гг. была приглашена на работу по договору для описания и инвентаризации фонографических валиков. Необходимо было паспортизировать 3175 фоноваликов. Результатом работы стало первое описание звуковых коллекций ИАЭ «Список собрания Фонограммархива Фольклорной секции ИАЭ АН СССР с приложением списков народностей и собирателей», опубликованный Магид в 1937 г. в журнале «Советский фольклор» (№ 4–5). С 1938 г., когда Фонограммархив был перемещен в Институт русской литературы АН, ее жизнь оказалась связанной с Пушкинским Домом. Кроме систематизации и описания огромной коллекции фонографических валиков Софья Магид принимала участие в фольклорных экспедициях (и сама организовывала их), в том числе с целью записи еврейского фольклора. Всего с 1931 по 1941 г. С. Магид провела более десяти экспедиций, на Украину, в Белоруссию, Азербайджан, Карелию и др., и записала около 2000 напевов разных народов и большое количество текстов.

1 июля 1939 г. С. Д. Магид защитила в Институте языка и мышления им. Н. Я. Марра кандидатскую диссертацию «Баллада в еврейском фольклоре». В декабре того же года она была утверждена в ученой степени кандидата филологических наук. Официальными оппонентами выступили кандидат искусствоведения З. В. Эвальд и доктор этнографических наук Е. Г. Кагаров. Отзывы на диссертацию дали также член-корр. АН СССР В. М. Жирмунский, д-р филол. наук М. К. Азадовский и кандидат искусствоведения Е. В. Гиппиус. Текст диссертации сохранился в ИРЛИ и в Публичной библиотеке, но многие годы лежал невостребованным.

В 1940 г. С. Д. Магид была утверждена в должности старшего научного сотрудника Фонограммархива ИРЛИ. Она занималась организационной, и редакторской работой, готовила к изданию ряд сборников для серии «800 песен народов СССР». В 1941 г. ею были подготовлены два сборника — «Песни карелов и вепсов», включавший в себя напевы, тексты и их эквиритмические переводы, и «Песни белорусских евреев», содержавший 200 нотных расшифровок с текстами, комментариями и вступительной статьей.

Параллельно С. Д. Магид с 1941 г. работала в музыковедческой секции Союза ленинградских композиторов, занимаясь собиранием и изучением фольклора Великой Отечественной Войны. Во время войны она была эвакуирована в Казахскую ССР, где изучала местный песенный фольклор. По возвращении в Ленинград она вновь приступила к работе в ИРЛИ, включившись в план публикаций фольклорного сектора по разделу русской народной песни. В 1948–1949 гг. она собирает и изучает фольклор Псковской области, готовит к печати сборник текстов.

Как видно из сказанного, С. Д. Магид вела активную и плодотворную собирательскую и исследовательскую деятельность. Собрание сделанных ею нотных расшифровок записей из коллекций Фонограммархива ИРЛИ составляет весьма значимую страницу в истории изучения музыкальной культуры разных народов СССР, в том числе обрядового фольклора народов Севера. Тем не менее в 1950 г. она была отчислена из штата Института «как не выполнившая план

1949 г. и представившая работы на низком теоретическом уровне». Скончалась С. Д. Магид в Ленинграде в 1954. Похоронена на Преображенском кладбище.

Судя по сохранившимся документам работа над диссертацией была инициативной темой Магид, так, например, часть материала она записывала на валики, купленные на собственные средства. Материал диссертации составляет часть еврейской коллекции Магид, изучение которой было предметом международного проекта "Voices from the Shtettl: the Past and Presend of the Yiddish Language in Russia", инициированного в 1999–2002 г. профессором Гронингенского университета Тьердом де Граафом. Собрание состоит из 141 валика, содержащих 524 записи. Это баллады и песни на идише (92 валика), пуримшпили (11), песни без слов (21), инструментальная музыка (16). Хронологически записи охватывают период с 1928 по 1938 г.

В основе диссертации лежат полевые записи на фонограф самой С. Д. Магид, сделанные в 1928–1934 гг. во время ряда экспедиционных поездок по еврейским местечкам и городам Волыни и Белоруссии.

Текст, объемом в 428 машинописных страниц, содержит нотные расшифровки 57 баллад. Часть 1. Состоит из 4-х глав: «Баллада как жанр», «Стилистические и композиционные особенности средневековых баллад», «Музыкальное оформление баллад» и «Специфика музыкального оформления еврейских баллад». Часть 2 — описание материала, записанного от информантов.

В докладе рассматривается классификация еврейских баллад С. Д. Магид, а также некоторые результаты современных исследований собранного ею материала.

Агранат Татьяна Борисовна

д-р филол. наук, вед. научный сотрудник, Институт языкознания РАН;
профессор, Московский государственный лингвистический университет

О ПРЕПОДАВАНИИ ДВУХ ИСЧЕЗАЮЩИХ ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИХ ЯЗЫКОВ

Ключевые слова: исчезающие языки, прибалтийско-финские языки, преподавание, ревитализация.

Ревитализация исчезающего языка предполагает решение двух задач: 1) увеличение числа говорящих и 2) расширение сфер и функций использования языка. Другими словами: 1) научить языку тех, кто его не знает; 2) дать возможность как учащимся, так и тем, кто уже знает язык, использовать его в более широком спектре ситуаций.

Осуществление второй задачи возможно параллельно с первой, если язык еще в какой-то степени используется носителями; если же он находится на грани исчезновения, необходимо сначала создать новых говорящих, а затем, по мере увеличения их языковой компетенции, расширять сферы использования языка.

Многие специалисты по возрождению исчезающих языков считают, что только благодаря выполнению второй задачи может быть достигнута конечная цель передачи знаний из поколения в поколение, если это действительно конечная цель. В то же время некоторые специалисты констатируют, что иногда ставится более скромная цель — изучение нескольких слов, таких, как приветствия и речевые формулы, или заучивание коротких речей для использования в качестве шаблона.

Практически всеми разделяется точка зрения, высказанная в [Fishman 1991], что поощрение использования языка в семье является наиболее эффективным способом его сохранения. Тем не менее обнаруживается, что большинство движений за возрождение в какой-то момент сосредотачиваются на школах. Высказывается точка зрения, что важнейшей областью использования языка является образование.

Во всем мире ведутся дебаты о роли школ в возрождении языка. Разными авторами высказываются диаметрально противоположные точки зрения. Школьное преподавание подвергалось критике за то, что оно переносит ответственность за передачу хеританжного языка с его естественной сферы — дома и семьи — на учебное заведение. С другой стороны, некоторые инициативы оказывают положительное влияние на восстановление языков, находящихся под угрозой исчезновения. Звучат очень пессимистичные высказывания: некоторые языки, находящиеся под угрозой исчезновения, особенно в Европе, уже много лет изучаются в школах. Кельтские языки, например, широко преподаются на Британских островах, а ирландский и шотландский гэльский и валлийский языки являются обязательными предметами для изучения школьниками в традиционных регионах; однако эти языки по-прежнему считаются находящимися под угрозой исчезновения. В таких контекстах, как Уэльс и Новая Зеландия, где в настоящее время целое поколение получило образование на языке коренных народов, нет никакой уверенности в том, что дети, которые изучают язык только в школе, будут говорить на нем за ее пределами, и еще меньше уверенности в том, что они вырастут детьми, говорящими на нем. В то же время приводятся и положительные примеры: школьные программы включают наиболее успешные примеры возрождения языка. Этому успеху способствует тот факт, что отно-

Руководитель секции: Л. Ю. Муковская.

сительно большие группы потенциальных изучающих язык вынуждены находиться в школах большую часть дня, что дает возможность обучать целое поколение будущих носителей языка. Кроме того, в школе дети могут обучаться родному языку, пока они еще находятся на том этапе жизни, когда изучение языка происходит наиболее быстро и легко; хотя эффективность таких программ зависит от качества и количества воздействия, уровня мотивации и т. д. Подробно об этой дискуссии см.: [Austin, Sallabank 2011].

За последние двадцать лет или около того появилось множество образовательных программ, направленных на обучение учителей тому, как преподавать языки меньшинств и языки, находящиеся под угрозой исчезновения. Помимо подготовки учителей, одним из важных направлений многих программ является создание педагогических материалов для изучаемого языка, разработка системы письменности, пособий для учащихся. Существуют огромные различия в целях и методологиях, начиная от обучения отдельным словам и заканчивая связной речью, от устного подхода к обучению грамоте, от грамматики и методики перевода к более функциональным методам, которые делают акцент на овладении устной речью. Подробно об этом см.: [Austin, Sallabank 2011].

Нельзя не согласиться с высказываемой некоторыми лингвистами позицией, что наибольший эффект для ревитализации языка имеет преподавание на этом языке. В таких случаях возникает необходимость в создании учебников по другим предметам (например, математике, естественным наукам, истории) на этом языке. Однако не всегда есть такая возможность, все зависит от степени сохранности целевого языка. Программы языкового образования, проводимые в сообществах, должны учитывать особенности языковой ситуации в каждом сообществе. Есть примеры успешного возрождения с помощью преподавания таких языков, у которых уже не было носителей.

В докладе будет представлен опыт автора в создании таких программ для преподавания двух исчезающих прибалтийско-финских языков: водского и ижорского. Естественная передача этих языков давно прекратилась, поэтому невозможно не только поощрение использования этих языков в семье, но также невозможно создавать языковые гнезда, поскольку последние носители находятся в очень преклонном возрасте. Единственным выходом оказалось создание пособий [Агранат, Белешко 2022] и [Агранат, Савельева 2022], цель которых — ознакомление с основами ижорского и водского языков и снятие языкового барьера у учащихся. Поскольку отсутствуют учителя, имеющие специальную подготовку для преподавания этих языков, пособия организованы таким образом, чтобы занятия могли успешно вести энтузиасты-активисты, у которых эти языки — хеританжные. Каждое пособие написано в соавторстве лингвистом и носителем языка. В настоящее время ведется преподавание по этим пособиям.

Литература

Агранат Т. Б., Белешко Н. Г. Ižorin bukvari. Ижорский букварь. СПб.: Инкери, 2022.

Агранат Т. Б., Савельева З. А. Vad'd'a sõnakopittaja. Водский букварь. СПб.: Инкери, 2022.

Austin P. K., Sallabank J. (eds). The Cambridge Handbook of Endangered Languages. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.

Fishman J. A. Reversing Language Shift: Theoretical and Empirical Foundations of Assistance to Threatened Languages (Multilingual Matters 76). Clevedon: Multilingual Matters, 1991.

Арекеева Светлана Тимофеевна

канд. пед. наук, доцент, Удмуртский государственный университет;
sveta.arekeeva@gmail.com

ПОВЕСТЬ В КОНТЕКСТЕ ЖАНРОВЫХ ИСКАНИЙ УДМУРТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ В 1920–1940-е гг.

Ключевые слова: удмуртская литература 1920–1940-х гг., жанр, повесть.

Формирование повести как жанра до сих пор не становилось объектом исследования в удмуртском литературоведении. Мы обращаемся к 1920–1940-м гг., к тому времени, когда интенсивно развивался литературный процесс и шло становление жанров в удмуртской литературе.

В истории удмуртской литературы рассматриваемого периода однозначно «закрепились» как повести «Вужгурт» («Старая деревня», 1926) Кедра Митрея (Д. И. Корепанова), «Сьӧд пери» («Черный вихрь», 1927) Д. Баженова, «Катя» (1940) Ф. Кедрова и некоторые другие. Такие произведения, как: «Матӥ» («Матрёнушка», 1920) К. Чайникова, «Кузь нюк» («Длинный лог», 1928) И. Соловьева, «Лизӥ» («Лизонька», 1932) М. Коновалова и др. называют то рассказом, то повестью, при этом обозначение может не совпадать с авторским определением жанра.

Следует отметить и имеющиеся случаи создания писателями жанровых вариаций одного и того же произведения. «Пашка Педор» («Федор Павлович») И. Т. Дядюкова в 1925 г. опубликован как «веранъёс» («рассказ»), в 1939 г. — как «повесть». Автор переработал произведение: добавил несколько эпизодических персонажей, ввел новые сцены-диалоги, за счет которых придал большую остроту столкновению представителей враждующих классов. Однако объем сюжета практически не изменился. Потому вряд ли можно говорить о жанровой трансформации данного произведения из рассказа в повесть. Любопытно, что венгерский ученый-литературовед Петер Домокош квалифицирует произведение следующим образом: «рассказ (почти повесть)» [Домокош 1993: 272]. На наш взгляд, произведение ближе к драматизированному рассказу (или рассказу-драматизации). Можно также допустить по отношению ко второму варианту произведения термин рассказ-повесть.

В 1920–1940-е гг. удмуртские писатели нередко вообще не обозначали жанр своих произведений, по-видимому, не будучи уверенными в том, что они соответствуют определенному жанровому канону. Что касается рамок повести, то это, как известно, жанр с трудноопределяемыми границами: «Жанр этот весьма лабильный, гибридный, существующие границы между повестью и рассказом, повестью и небольшим романом весьма подвижны» [Русская повесть XIX в. … 1973: 3]. Кроме того, закономерно, что в удмуртской литературе послереволюционных лет многие произведения объективно создавались на стыке жанров, представляя собой межжанровые образования.

Для обозначения повести удмуртский критик Д. Баженов в обзорной статье о литературных произведениях за 1926 г. впервые применил термин «кузьверос» (*букв.* длинный рассказ), тем самым сделав акцент на объеме произведения, превышающем объем рассказа [Баженов 1927]. Однако чаще всего удмуртские писатели, а также критики и литературоведы продолжали и продолжают пользоваться термином «повесть», возможно, учитывая, что «верос» (рассказ) и «кузьверос» (повесть) разнятся не только объёмом.

К числу первых произведений удмуртской литературы, обозначенных автором как повесть, принадлежит «Матӥ» («Матрёнушка») Кузебая Герда. На издании 1920 г. помечено: «повесть на вотском языке». В небольшом по объему произведении, которое отличается остросюжетностью и неожиданным финалом, изображена трагическая судьба героини по имени Матӥ. По ряду особенностей данный литературный текст можно отнести к новелле. Однако использование сюжета испытания, типизирующее начало, которое, в частности, связано с финальной строкой «Озьы быриз Матӥ. Озьы быро, дыр, тросэз удмурт нылъёс…» («Так погибла Матӥ. Наверняка, так погибают многие удмуртские девушки…»), а также ярко выраженная авторская точка зрения на описываемую историю, относящуюся к прошлому, позволяют говорить о том,

что произведение заключает в себе и некоторые повестные черты. Возможно, его жанровый статус было бы точнее назвать «рассказ-повесть» или «повесть-новелла».

Одним из тех авторов, кто обогатил удмуртскую литературу произведениями разных жанров, является Кедра Митрей, в том числе создавший пьесы-трагедии «Эш-Тэрек» и «Идна батыр», историческую поэму «Юбер батыр». В области прозы его наследие также отличается многожанровостью. В 1910–1911 гг. писатель создал автобиографическую повесть «Дитя больного века», в 1926 г. был опубликован «Вужгурт» («Старая деревня»). Изначально главы «Вужгурт» публиковались в газете «Гудыри» («Гром») как отдельные рассказы. По-видимому, осознавая автономность частей, Кедра Митрей вообще не обозначил жанр произведения при его публикации в виде отдельной книги. Однако, учитывая протяженность изображенного времени, значимость воссозданных событий, на наш взгляд, совершенно справедливо трактовать «Вужгурт» как повесть-хронику, в центре которой типичная судьба типичной деревни, живущей от войны до войны, раздираемой социальными противоречиями. В 1936 г. автор внес дополнения в текст произведения, не изменив ее общую концепцию. Видоизмененное название «Зурка Вужгурт» («Старая деревня содрогается»; в переводе Заяры Веселой на русский язык — «Потрясенный Вужгурт») усилило драматизм отображенного времени и событий 1904–1921 гг.

В 1929 г. вышел первый в удмуртской литературе роман Кедра Митрея «Секыт зӥбет» («Тяжкое иго»). В автопереводе на русский язык, изданном в Москве, писатель озаглавил свое произведение по имени главного героя «Дангыр» (1932) и обозначил его как повесть. Т. е., отказавшись от емкого символического названия удмуртоязычного оригинала, подчеркнув через заглавие героецентричность произведения, автор видоизменил его жанровый статус. Возможно, свою роль сыграла и ориентация на предполагаемого русскоязычного читателя, в восприятии которого произведение как будто бы не совсем соответствует канону романа.

Таким образом, в 1920–1940-е гг. в удмуртской литературе был создан ряд произведений, жанровые черты которых соответствуют разным видам повестей, в то же время многие из них представляют собой межжанровые явления, как правило, на стыке с произведениями малой прозы. В целом, на начальном этапе развития литературы удмуртские писатели постепенно обретали опыт жанрового мышления.

Литература

Баженов Д. Удмурт литературалэн 1926 аре будэмез (Развитие (*букв.* рост) удмуртской литературы в 1926 году) // Гудыри (Гром). 1927. 15 янв.

Домокош П. История удмуртской литературы / пер. с венг. В. Васовчик. Ижевск: Удмуртия, 1993.

Русская повесть XIX в.: История и проблематика жанра. Л.: Наука, 1973.

Братчикова Надежда Станиславовна

д-р филол. наук, зав. кафедрой, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; профессор, Институт международных отношений и социально-политических наук, Московский государственный лингвистический университет;
n.bratchikova@mail.ru

ПЕРЕВОД КАК СПОСОБ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕТЕРБУРГА (НА ПРИМЕРЕ ПЬЕС МАРТТИ ВУОРИ)

Ключевые слова: театральный перевод, культурный символ, тропы, Мартти Вуори.

В данном докладе рассматривается роль перевода как средства сохранения культурного наследия дореволюционного Петербурга. Город, будучи важным культурным центром России, стал местом встречи различных культур и традиций, что сделало его уникальной средой для развития искусства и литературы. В условиях многокультурного общества, сложившегося в Санкт-Петербурге в конце XIX — начале XX в., Финский театр стал площадкой для представления как финских, так и русских драматургических произведений, что способствовало диалогу между культурами и расширению культурных горизонтов. Репертуар Финского театра в Санкт-Петербурге включал театральные постановки, которые акцентировали внимание на дореволюционных русских классиках (например, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, А. П. Чехов, А. Н. Островский) и их влиянии на финскую культуру, а также на произведения финских авторов (Ю. Хейлала, Самули С.), которые способствовали сохранению и распространению культурных ценностей прибалтийско-финских народов, проживавших в дореволюционном Петербурге.

В докладе рассматривается пьеса Мартти Вуори «Женитьба» (Naimiskauppa, 1895), которая не только передает дух эпохи, позволяя современным читателям и зрителям лучше понять исторический контекст и культурные особенности дореволюционного Петербурга, но вносит новые интерпретации, отражающие уникальные аспекты финской идентичности.

Мартти Вуори (Martti Vuori) — финский писатель, переводчик, драматург, известный своими произведениями, которые исследуют различные аспекты человеческой жизни, культуры и общества. Он часто обращается к темам идентичности своего народа, традиций и межкультурных взаимодействий, что делает его работы актуальными и интересными для широкой аудитории. Его творчество связано с ингерманландской культурой, что подчеркивает важность культурных символов и традиций в его работах. Пьеса «Женитьба» — это комическая многоактная пьеса, в которой затрагиваются серьезные вопросы семейной жизни (брак по любви или по расчету), национальной идентификации и вероисповедования в межнациональном браке.

Перевод театральных произведений позволяет не только адаптировать их для новой аудитории, но и сохранить оригинальный контекст, глубину и многослойность культурных смыслов [Криницына 2017]. В исследовании особое внимание уделяется методам театрального перевода, использованным для передачи оригинальных текстов, а также культурным контекстам, которые помогают зрителям воспринимать как финское, так и русское наследие [Сиривля 2013; Чикина 2021; Чикина 2022]. Автором рассматриваются ключевые аспекты, такие, как передача культурных символов, а именно говорящие имена, например предлагается вариант перевода фамилий персонажей — мастера Vasara (букв. Молоток) *Молотолайнен*; подмастерья Kalke (букв. стук, звон) *Колотайнен*; завистливой соседки-сплетницы Rouhiainen (букв. дробилка, молотилка) *Перетирайтен*. На финское происхождение героев пьесы в русскоязычной версии текста указывает суффикс *-нен*. К ключевым моментам относится использование местного языка (билингвизм персонажей). Например, жена Молотайнена, русская или, возможно, ингерманландка, владеет двумя языками (финским и русским), поэтому в переводе было принято решение передать двуязычие, используя устаревшие и малоупотребительные слова русского языка, неправильные глагольные формы: Milläs sen sitte *objäsniiat* «А как ты тогда *объяснять*»; Mitä *besbakojaat* itseäsi «А чего ты *беспокоить себя*?». Разговорная речь передавалась с помощью про-

сторечных выражений и фразеологизмов: Vähäpäs se ahma tahtoisikin (букв. Ну уж эта росомаха захотела) «*Вишь, губу раскатал*»; Ja näyttäköön Rouhiaisen matami hotja viisi pitkää nenää (букв. Пусть покажет матами Перетирайнен хоть пять длинных носов!) «И пусть эта матами Перетирайнен свой *нос хоть до небес задирает*!»; Katsopas sitä sutta lampaan vaatteissa «Посмотрите-ка на этого *волка в овечьей шкуре*!», что способствуют глубокому пониманию культурного контекста.

В докладе также рассматриваются вызовы и сложности, с которыми сталкиваются переводчики. Например, учитывая особенности театральной постановки, звучащую со сцену речь, некоторые фразы, например, Ka, paiskaa sille mokomalle sitte rukkaset vasten pläsia niin, että läjähtää (букв. Да, швырни этому нахалу рукавицы в морду так, чтобы шлёпнуть!) было решено передать короткой, но близкой по смыслу фразой «*Скажи ему, пусть держит карман шире*!». В переводе использовались просторечные формы для передачи атмосферы неформального общения: A konsa sen tiesit sanoa, niin myönnät kai myöskin käyneesi herra Kulikovia yllyttämässä kantrahdin allekirjoittamista ja neljänkymmenen tuhannen ruplan myötäjäisiä vaatimaan (букв. А как ты это знал сказать, так признаешь, наверное, также, что ходил подстрекать господина Куликова подписать кантрахту и требовать сорок тысяч рублей приданого) «*Признай, был у Куликова и подначивал того кантрахт на сорок тыщ подписать*». Для создания разговорного языка в переводе использовались просторечные слова, короткие предложения, эмоциональные выражения. Для создания более интерактивного тона и вовлечения читателя/зрителя в игровую ситуацию задействовались риторические вопросы или прямые вопросы. Сам автор пьесы использует многоточия или тире для создания пауз, как в разговорной речи, что, безусловно, сохраняется в переводе.

В заключение подчеркивается важность театрального перевода как инструмента, способствующего межкультурному диалогу и пониманию, а также его вклад в сохранение культурного наследия в условиях глобализации и быстро меняющегося мира.

Литература

Криницына Д. А. Специфика перевода художественных текстов // Теория и практика современной науки. 2017. № 4 (22). С. 436–440. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-perevoda-hudozhestvennyh-tekstov (дата обращения: 17.01.2025).

Сиривля М. А., Кан В. А. Некоторые проблемы перевода художественных текстов // Lingua Mobilis. 2013. №7(46). С. 68–74. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-problemy-perevoda-hudozhestvennyh-tekstov (дата обращения: 15.01.2025).

Чикина Н. В. Особенности перевода поэзии С. Есенина на финский язык Тойво Флинком // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2022. № 3 (23). С. 72–78. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-perevoda-poezii-s-esenina-na-finskiy-yazyk-toyvo-flinkom (дата обращения: 11.01.2025).

Чикина Н. В. Поэзия С. Есенина в переводах на финский язык Армасом Эйкия // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2021. № 1 (17). С. 74–79. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/poeziya-s-esenina-v-perevodah-na-finskiy-yazyk-armasom-eykiya (дата обращения: 17.01.2025).

Доловаи Дороттья Мария

ст. преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет;
d.dolovai@spbu.ru

СВЯЗЬ КОНЪЮНКТИВА И ПОРЯДКА СЛОВ В ВЕНГЕРСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: синтаксис, порядок слов, конъюнктив, повелительное наклонение.

Конъюнктив — это ряд форм особого глагольного наклонения, выражающих через субъективное отношение возможное, предположительное, желательное действие. Конъюнктив имеется в большинстве индоевропейских языков.

В грамматиках венгерского языка конъюнктив обычно не выделяется как отдельное наклонение, формы повелительного наклонения в придаточных предложениях включаются исключительно в парадигму повелительного наклонения. Некоторые сказуемые в главной части сложного предложения (например, выраженные формами глаголов *javasol* 'предлагать', *tanácsol* 'советовать', *ajánl* 'рекомендовать', *kér* 'просить', *elvár* 'ожидать', *akar* 'хотеть', *kíván* 'желать', *fontosnak tart* 'считать важным', *megenged* 'разрешать', *megtilt* 'запретить', а также словами *fontos* 'важно', *szükséges* 'нужно') требуют употребления в придаточных предложениях форм, традиционно трактуемых как формы повелительного наклонения. Однако, в придаточных предложениях глагольные приставки могут вести себя по-разному: либо отделяются и ставятся после глагола (как обычно в повелительном наклонении), либо сохраняют свое место перед глаголом:

(1) *Azt tanácsolom, hogy nézd meg ezt a filmet!*
то-Acc советовать-1SG что посмотреть-IMP-2SG meg (CVB) это-Acc фильм-Acc
'Я советую, чтобы ты посмотрел этот фильм'

(2) *Megtiltom, hogy megnézd ezt a filmet.*
запретить-1SG что meg (CVB) посмотреть-CON-2SG это-Acc фильм-Acc
'Запрещаю тебе посмотреть этот фильм'

В преподавании венгерского языка как иностранного широко обсуждается, как помочь обучающимся усвоить порядок слов в таких придаточных предложениях, но грамматики и учебники венгерского языка не предлагают четких правил. Вместо этого рекомендуется запоминать списки глаголов, употребление форм которых в главном предложении, требует определенный порядок слов в зависимой части.

В настоящее время публикуется всё больше исследований, в которых утверждается, что в венгерском языке так же, как и в некоторых индоевропейских языках, есть конъюнктив, глагольные формы которого совпадают с формами повелительного наклонения. Тем не менее синтаксические критерии позволяют проводить различение повелительного наклонения и конъюнктива. Некоторые авторы, в том числе Рита Хегедюш [Hegedűs 2005: 261], считают, что следует выделять конъюнктив, формы которого способны также выполнять повелительные функции.

Чтобы различать конъюнктив и повелительное наклонение, Петер Сарка [Szarka 2000: 253] предлагает два теста. Тест 1 — тест с союзом *hogy* 'что; чтобы'. Тест 2 — тест с глагольными приставками.

Тест 1. В придаточных предложениях с союзом *hogy* 'что; чтобы', употребление названного союза факультативно в предложении с формой повелительного наклонения, а в предложении с формой конъюнктива употребление союза *hogy* обязательно:

(3) *Azt* *mondtam,* *(hogy)* *menjen* *el.*
то-Acc сказать-PST-1SG (чтобы) уйти-IMP-3SG el (CVB)
'Я сказал, чтобы он ушел'

(4) *Megengedtem,* *hogy* *elmenjen.*
позволить-PST-1SG чтобы el(CVB)-уйти-CON-3SG
'Я позволил, чтобы он ушел'

Тест 2. В повелительных придаточных предложениях приставка глагола отделяется и занимает позицию после глагола (1), а в предложениях с формой конъюнктива приставка не отделяется и сохраняет свою позицию перед глаголом (2).

Так как глагольные приставки входят в группу модификаторов глаголов, можно предполагать, что не только глагольные приставки, но и другие модификаторы глаголов можно использовать в этом тесте. Мы исходим из того, что поведение модификаторов глагола похоже и не зависит от типа модификатора.

(5а) *Azt mondtam, hogy mosson* ***kezet****.*
'Я сказал, чтобы он вымыл ***руки****'*
(5б) Azt mondtam, hogy legyen ***orvos****.*
'Я сказал, чтобы он стал ***врачом****'*
(5в) Azt mondtam, hogy járjon ***iskolába****.*
'Я сказал, чтобы он ходил в ***школу****'*
(6а) Megengedtem, hogy ***kezet*** *mosson.*
'Я позволил, чтобы он ***руки*** *вымыл'*
(6б) Megengedtem, hogy ***orvos*** *legyen.*
'Я позволил, чтобы он ***врачом*** *стал'*
(6в) Megengedtem, hogy ***iskolába*** *járjon.*
'Я позволил, чтобы он в ***школу*** *ходил'*

Таким образом, можно использовать термин «конъюнктив» в практике преподавания венгерского языка как иностранного, чтобы добиваться более эффективных результатов в усвоении обучающимися особенностей порядка слов в венгерских придаточных предложениях. Аналогии в поведении различных модификаторов глаголов, которые проявляются при сопоставлении синтаксиса придаточных предложении, также необходимо учитывать при составлении учебных материалов по венгерскому языку.

Сокращения

1SG — первое лицо единственное число
3SG — третье лицо единственное число
ACC — аккузатив
CON — конъюнктив
CVB — глагольная приставка
IMP — повелительное наклонение
PST — прошедшее время

Литература

Hegedűs R. Magyar nyelv. Formák, funkciók, összefüggések. Budapest: Tinta Könyvkiadó, 2005.

Szarka P. Az igekötő és szórendi helyének tanítása a magyarban mint idegen nyelvben. URL: https://epa.oszk.hu/02200/02287/00003/pdf/Hungarologiai_Evkonyv_03_031-037.pdf (дата обращения: 24.12.2024).

Szarka P. Van-e kötőmód a magyarban? (Egy szórendi vizsgálat tanulságai) // Hungarológia. No. 2. Budapest: Nemzetközi Hungarológiai Központ, 2000. Old. 249–259.

Turi G. Kötőmód a mai magyar nyelvben // Argumentum. No. 5. Debrecen: Kossuth Egyetemi Kiadó, 2009. Old. 25–38.

Иванов Владимир Андреевич[1], Идрисов Руслан Ирекович[2]

[1]канд. филол. наук, научный сотрудник,
Удмуртский институт истории, языка и литературы
Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН;
vovagkmfc@yandex.ru
[2]научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН;
idrisov.ru@gmail.com

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОКАЛИЗМА ТЕГИНСКОГО ГОВОРА ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА (В СОПОСТАВЛЕНИИ С КАЗЫМСКИМ ДИАЛЕКТОМ)

Ключевые слова: хантыйский язык, фонетика, вокализм, диалектология.

Хантыйский язык принадлежит к угорской группе финно-угорской ветви уральской языковой семьи; распространен на значительной территории Западной Сибири. Выделяют два крупных наречия (западное и восточное) или три диалектные группы (северную, южную и восточную) [Каксин 2010: 3]. Казымский диалект относится к западному наречию (северной группе), распространен на территории Белоярского и части Берёзовского районов Ханты-Мансийского автономного округа. Тегинский говор относят к казымскому диалекту, определяют как переходный говор или выделяют в особый диалект [Каксин 2010: 3–12].

В работе рассматривается вокализм тегинского говора в сопоставлении с известными данными казымского диалекта, фонетика тегинского говора ранее самостоятельно не изучалась. Материалы собраны авторами в ходе экспедиций в с. Теги Берёзовского района ХМАО в 2010–2012 гг. Сравнительные данные по казымскому диалекту записаны в с. Казым Белоярского района ХМАО в 2018 г. Анализ аудиозаписей проводился посредством слухового анализа и акустического анализа с применением специального ПО. Записи приводятся в финно-угорской транскрипции в соответствии с [Кошкарёва, Соловар 2007].

В казымском диалекте выделяют 9 гласных фонем [Куркина 2000; Каксин 2010]: /i/, /e/, /a/, /ă/, /ŏ/, /ǫ/, /ŭ/, /ɔ/, /ə/. В первом слоге возможны все гласные, кроме /ə/; в непервых слогах встречаются гласные /i/, /e/, /a/, /ə/ (гласные /ă/, /ŏ/, /ǫ/, /ŭ/, /ɔ/ встречаются в непервых слогах слов, составленных из нескольких корней). К спорным случаям относится фонема /e/, реализуемая в двух вариантах: [e] («*э* закрытое») и [ɛ] («*э* открытое»). Некоторые исследователи (например, В. Штейниц) считают /ɛ/ отдельной фонемой.

Для тегинского говора мы выделяем те же 9 гласных фонем, с тем же распределением относительно употребления в первом и непервых слогах. Однако их фонетическая реализация и сочетаемость в ряде случаев существенно отличается (тем не менее, чтобы не усложнять запись, мы будем использовать для тегинских форм те же знаки, что и для казымских).

Реализация /i/ характеризуется как краткий неогубленный гласный верхнего подъема переднего [Куркина 2000: 53] или среднего [Кошкарёва, Соловар: 31] ряда; реализуется в двух основных вариантах: [i] (в начале слова, после губных, среднеязычных и /k/) и [i̯] (после переднеязычных). В тегинском говоре варианты [i] и [i̯] различаются как по подъёму ([i] более закрытый, ср. [Куркина 2000: 51–53]), так и по ряду: [i] переднего ряда, [i̯] передне-среднего или среднего ряда. В позиции после /χ/ согласно [Куркина 2000: 52] «констатируется оттенок наиболее открытый и отодвинутый назад» [i̯]; в тегинском говоре фиксируется [i]: тег. *χ*[*i*]*r* ‘мешок’, *ńŏχ*[*i*] ‘мясо’. Отметим, что в современной орфографии после *х* используется буква *и*, а не *ы*: каз. *хир*, *њухи* [Соловар 2014].

Фонема /e/ реализуется как долгий неогубленный гласный переднего ряда, в двух вариантах: верхнесреднего [e] или среднего [ɛ] подъёма. В [Куркина 2000] для аллофонов [e] и [ɛ] найдено дополнительное распределение, но несколько более сложное, чем для [i] и [i̯]; имеется некоторое количество псевдоминимальных пар, см.: [Кошкарёва, Соловар 2007: 44]. В практической записи в данном случае обычно отходят от фонематического принципа и обозначают [e] и [ɛ] разными символами [Каксин 2010; Кошкарёва, Соловар 2007]; в орфографии используются раз-

ные буквы (*ə/e* и *ɛ* соответственно) [Соловар 2014]. В тегинском говоре распределение между [e] и [ɛ] не строгое, варьирует по носителям с тенденцией к замене [ɛ] на [e]: каз. *ɛλ* — тег. *eλ* ‘тело’, каз. *sɛm* — тег. *sem* ‘глаз’.

Фонемы /a/, /ă/ реализуются как неогубленные гласные нижнего подъёма с варьированием по ряду; характеризуются как фонологически заднерядные [Куркина 2000], однако по средним значениям формант (по данным [Куркина 2000]) тяготеют к среднему ряду. В тегинском говоре количественное различие между /a/ и /ă/ не очевидно; /a/ реализуется в среднем как более низкий и более задний звук. В позиции после среднеязычных согласных, особенно после /j/, /ă/ реализуется близко к [ɛ] или [e]: например, в словах тег. *jăləp* ‘новый’, *jărmət* ‘тесный’; в тег. *jersɔt* (каз. *jărsɔt*) ‘девятьсот’ [e] не проясняется в [ă] даже при медленном произнесении.

Фонемы /ŏ/, /ǫ/ характеризуются как огубленные гласные среднего ряда верхнего и среднего подъёма соответственно, /ŭ/, /ɔ/ — огубленные гласные заднего ряда верхнего и среднего подъёма; /ŏ/, /ŭ/ — краткие, /ǫ/, /ɔ/ — долгие (по данным [Куркина 2000]). Самостоятельный статус данных фонем подтверждается минимальными парами. В тегинском говоре все эти фонемы имеют заднерядную реализацию: /ŭ/ — верхнего, /ŏ/ — верхнесреднего, /ɔ/ — средне-нижнего подъёма. Реализации /ǫ/ носит дифтонгоподобный характер — это сложный гласный, где первый компонент u-образный, второй — o- или ə-образный, без четкого выделения вокальных ядер.

Фонема /ə/ встречается только в непервых слогах, характеризуется как редуцированная, отличается артикуляционной нестабильностью [Куркина 2000: 59]. В тегинском говоре перед губными /p/, /m/, /v/ имеет огубленную реализацию; при присоединении аффиксов может выпадать: тег. *λipət* ‘лист’ — *λipt-ət* ‘листья’, *atəm* ‘плохой’ — *atm-a* ‘плохо’.

Предварительные результаты инструментальных исследований формантной картины гласных позволяют сделать следующие выводы. Результаты измерений гласных казымского диалекта, в основном, соответствуют данным других исследований [Куркина 2000; Каксин 2010; Кошкарева, Соловар 2007]. В тегинском говоре в первом слоге хорошо различаются гласные /i/, /e/, /a/, /ă/, /ŏ/, /ŭ/, /ɔ/. Формантная картина гласного /ǫ/ перекрывается гласными /ŏ/ и /ŭ/; для различения фонем /ǫ/ vs /ŏ/, /ŭ/ необходимо учитывать длительность и/или структуру гласного. Данные тегинского говора требуют дальнейшего инструментального анализа.

Литература

Каксин А. Д. Казымский диалект хантыйского языка. 2-е изд., доп. Ханты-Мансийск: Изд. центр Югор. гос. ун-та, 2010.

Кошкарёва Н. Б., Соловар В. Н. Увты муй ӯвты: Курс практической фонетики хантыйского языка (казымский диалект). Новосибирск: Гео, 2007.

Куркина Г. Г. Вокализм хантыйского языка (Экспериментальное исследование). Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000.

Соловар В. Н. Хантыйско-русский словарь (казымский диалект). Тюмень: Формат, 2014.

Иванова Людмила Ивановна

научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН

КАРЕЛЬСКИЕ ФОЛЬКЛОРИСТЫ Г. Х. БОГДАНОВ И А. С. СТЕПАНОВА КАК ПРОДОЛЖАТЕЛИ ТРАДИЦИЙ ФИННОУГРОВЕДЕНИЯ ЛГУ

Ключевые слова: исследователь, карельский, традиции, собирание, фольклористы.

Д. В. Бубрих (1890–1949) — основатель российского финноугроведения, с момента создания руководивший кафедрой финно-угорской филологии ЛГУ, при этом одновременно с 1934 г. заведовал сектором финно-угорских языков Института языка и мышления АН СССР, а с 1947 по 1949 г. был директором ИИЯЛ КФНИБ АН СССР. Заложенные им традиции легли в основу карельского языкознания и фольклористики. Доклад посвящен одной из них: в основе глубоких научных исследований лежит планомерный сбор полевого и архивного материала.

Член-корреспондент АН СССР Д. В. Бубрих впервые приехал в Карелию в 1928 г., а в 1930 г. организовал первый экспедиционный выезд «по изучению карельских диалектов. В 1932–1946 гг. под руководством Д. В. Бубриха проведено 23 экспедиции в более чем 200 карельских населенных пунктах» [Захарова 2020: 152]. Результаты этой собирательской работы нашли отражение в его научных трудах.

Два фольклориста ИЯЛИ, продолжатели традиции финноугроведения ЛГУ, являются юбилярами в 2025 г.: Г. Х. Богданову исполняется 125 лет со дня рождения, А. С. Степановой — 95.

Г. Х. Богданов (1900–1938) — первый карельский собиратель фольклорно-этнографического материала северных карелов, первый севернокарельский лингвист, фольклорист и этнограф [Иванова 2017: 158–165]. Он учился и работал под руководством Д. В. Бубриха. Начав с политической карьеры, Григорий Харитонович сознательно выбирает научную: в 1927 г. его принимают в Северо-Западную этнологическую экспедицию АН СССР, а затем в апреле 1927 г. он становится практикантом Русско-финской секции КИПС АН СССР, переезжает в Петербург. В течение 1927–1928 гг. он под руководством Д. А. Золотарева и Л. Л. Капицы участвует в трех Северо-западных этнологических экспедициях. В результате записаны практически все бытовавшие жанры; уникальные рукописные фольклорные коллекции хранятся в НА КарНЦ. Он один из первых журналистов советской Карелии; главный редактор газеты “Punainen Karjala”. Григорий Харитонович стоял у истоков создания КАПП (1926), был в составе правления. Он горячий сторонник создания университета в Петрозаводске, преподавания на финском языке. Г. Х. Богданов получил прекрасное образование: в 1924 г. закончил КУТВ в г. Москва, с 1929 г. учился в аспирантуре при ЯИ АН СССР (по рекомедации Д. В. Бубриха и под руководством его и Н. Я. Марра); знал немецкий, английский, финский, карельский и вепсский языки. С 1928 г. он является ассистентом ЛГУ и читает курс лекций по карельскому и финскому языкам, а в Пединституте им. Герцена — по финно-угорскому фольклору.

Он автор первых научных статей о свадьбе северных и о частушках южных карелов; о народном творчестве Карелии, опубликованных в петербургском «Карельском сборнике» (1929). Григорий Харитонович работал в лингвистических экспедициях, является одним из авторов первого вепсского букваря (1932), руководил составлением «Списка населенных мест Карелии» (1928). В 1931 г. был назначен руководителем лингвистической секции КНИИ. К сожалению, на этом его научная деятельность трагически оборвалась.

А. С. Степанова родилась в 1930 г. [Миронова 2021: 424–432]. Проработала в ИЯЛИ с 1962 г. почти 50 лет. Ее знают в российской и зарубежной науке как исследователя карельских причитаний. Все научные исследования А. С. Степановой предварялись планомерной и кропотливой собирательской деятельностью. С 1962 по 2006 г. она объездила все районы Карелии, побывав без малого в 100 деревнях, более чем в 50 экспедициях, собрала 400 часов аудиозаписей разножанрового фольклорно-этнографического материала. Он весь обработан и сдан Александрой Степановной в ФА ИЯЛИ, оцифрован, составлены описи. Многое ею расшифровано, систематизировано, переведено на русский язык.

На основе собранного материала написаны десятки научных трудов. После нескольких экспедиционных выездов к ливвикам и людикам совместно с У. Конкка был подготовлен научный сборник «Карельские народные сказки. Южная Карелия» (1967) и несколько изданий сказок для детей. В 1973 г. Степанова опубликовала сказки-анекдоты о киндасовцах «Были-небылицы».

С 1969 г. на протяжении 40 лет лейтмотивом ее собирательской и научной деятельности был малоизученный жанр причети. Сборник «Карельские причитания» с нотировками Т. Коски (1976) остаётся первым и единственным научным изданием карельских причитаний в истории русской и зарубежной фольклористики. В 1980 г. в ИМЛИ Александра Степановна защитила кандидатскую диссертацию, издала монографию «Метафорический мир карельских причитаний» (1985).

Для преподавателей карельского языка издана книга «Aukaisen sanaisen arkun», с фольклорными тексами на всех диалектах (1991). Был записан полевой материал, в соавторстве с фольклористом Н. Лавонен и музыковедом К. Раутио подготовлен первый и единственный научный сборник «Карельские ёйги» (1993). Некоторое время Александра Степановна занималась малоизученными южнокарельскими рунами, записывала их, написала объёмную статью «Эпические песни Южной Карелии» (1989). Степанова активно собирала материал и в северных районах Карелии, в том числе в неисследованной Тунгуде, подготовила научный сборник «Устная поэзия тунгудских карел» (2000). В 2003 г. вышел сборник статей «Карельские причитания. Специфика жанра», в который вошли переработанные и новые статьи.

Итоговой работой Александры Степановны по исследованию потаенного и метафоричного языка причети является «Толковый словарь языка карельских причитаний» (2004 г.). В нем 70 тематических разделов и около 1360 словарных статей по трем этнолокальным традициям причитывания.

В последнее десятилетие А. С. Степанова опубликовала историю родного Шомбозера; готовит к публикации сборник причитаний П. С. Савельевой, с которой сотрудничала 30 лет.

Литература

Захарова Е. В., Новак И. П. К 90-летию прибалтийско-финской лингвистической школы Карелии // Linguistica Uralica. 2020. Т. 56, № 2. С. 151–158.

Иванова Л. И. Материалы Г. Х. Богданова по фольклору и этнографии карелов в НА КарНЦ РАН // Федосовские чтения: материалы научно-практической краеведческой конференции. Петрозаводск: Verso, 2017. С. 158–165.

Миронова В. П., Иванова Л. И. К вопросу об изучении сказочной и причетной традиции карелов (на примере трудов А. С. Степановой) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2021. Т. 15, № 3. С. 424–432.

Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН (№ 124100400230-1).

Кундозерова Мария Владимировна[1], Сойни Елена Григорьевна[2]

[1]канд. филол. наук, ст. научный сотрудник,
Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН;
maria.vlasova@mail.ru
[2]д-р филол. наук, вед. научный сотрудник,
Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН;
elenasoini@gmail.com

ПРЕДИСЛОВИЕ МИКАЭЛЯ АГРИКОЛЫ К «ПСАЛТЫРИ ДАВИДА» (1551) В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ

Ключевые слова: Агрикола, список богов, предисловие к Псалтыри, перевод на русский язык.

Предлагаемое исследование посвящено Списку языческих богов карелов и финнов племени хяме, содержащемуся в стихотворном предисловии к «Псалтыри Давида» Микаэля Агриколы 1551 г., истории переводов этого Списка на русский язык и созданию нового поэтического перевода Списка, презентация которого состоится во время доклада. В докладе будут рассмотрены переводы Ю. Ю. Сурхаско и А. П. Конкка и предложены новые: филологический перевод в прозе, максимально приближенный к оригиналу, выполненный М. В. Кундозеровой, и поэтический, принадлежащий перу Е. Г. Сойни.

Микаэля Агриколу (1510–1557) по праву называют отцом финского литературного языка. Его перу принадлежит первый букварь финского языка, изданный в 1543 г. (ABC-kirja). Агрикола перевёл на финский язык Новый Завет и части Ветхого Завета. Одной из частей Ветхого Завета была «Псалтырь Давида», сборник псалмов. В переводе на финский язык Псалтырь увидела свет в 1551 г. Это издание известно тем, что к нему Микаэль Агрикола написал предисловие, в котором содержится знаменитый перечень языческих божеств карелов и финнов племени хяме [Mikael Agrikolan… 1931: 212–213]. Это первое упоминание подобного рода, представляющее исключительный интерес для науки. В числе «многих идолов, которым прежде поклонялись» (а их в перечне 24 — 12 карельских и 12 финских), называются божество леса и охоты Тапио, божество воды и рыбной ловли Ахти, «сыны Калевы», которые «косили луга», Вяйнямейнен, «ковавший песни», Илмаринен, ведавший погодой и помогавший путникам. Все эти имена встречаются в карело-финской эпической поэзии, о существовании которой, возможно было известно Агриколе.

Перечень имеет стихотворную форму, состоит из 52 строк. Он написан так называемым «книттельферзом», немецким стихотворным размером с парной рифмой, достаточно распространенным в современной Агриколе протестантской поэзии. Им пользовались Мартин Лютер, Ганс Сакс и даже Гете в иронических зарисовках народной жизни. Книттельферз считался ярморочным, балаганным стихом, «вязанкой».

Э. Г. Карху справедливо отмечает, что как церковный деятель Агрикола осуждал язычество: «После перечисления языческих божеств следует восклицание: «Не глупый ли это народ, верующий в них и поклоняющийся им! Дьявол и грех довели их до такой веры» [Карху 1979: 60].

Перечень языческих богов Агриколы является отправной точкой в изучении карело-финских религиозно-мифологических представлений. Рассмотрению этого списка посвящена обширная финноязычная литература. К его изучению обращались и обращаются и российские исследователи из разных областей знаний. Так, например, список анализируется в работах языковеда Д. В. Бубриха, литературоведа Э. Г. Карху, историка И. В. Макарова, этнолога А. П. Конкка и др. Как правило, содержание списка лишь пересказывается авторами, выборочно цитируется, или дается подстрочный перевод (например, в работе А. П. Конкка).

Впервые список Агриколы в переводе на русский язык (но без анализа и комментариев) был опубликован в издании «Письменные известия о карелах», вышедшем в Петрозаводске в 1990 г. В книге опубликованы тексты древнерусских летописей и документов, новгородских берестяных грамот и древнескандинавских письменных источников за XII–XVI вв., содержащие све-

дения о древних карелах. Перевод списка Агриколы помещен в первом разделе, посвященном древнерусским летописям и документам [Кочкуркина и др. 1990: 58–60]. Этот раздел был подготовлен С. И. Кочкуркиной, а за перевод списка Агриколы она благодарит сотрудника ИЯЛИ Ю. Ю. Сурхаско.

Юго Юльевич Сурхаско — видный карельский этнолог, много лет проработавший в Институте языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН. Перевод, выполненный Сурхаско, является первым и до нашего обращения к теме был единственным полным переводом-подстрочником. Он выполнен, безусловно, на высоком уровне, однако некоторые места перевода в связи с появлением новых знаний по фольклору и мифологии могут быть уточнены либо исправлены.

Другой подстрочный перевод списка (но не всего, а его карельской части) представлен в статье Алексея Петровича Конка «Верховные божества», в которой подробно анализируется карельский божественный пантеон [Конкка 2019]. Именно эта статья помогает сориентироваться в некоторых трудных для перевода местах списка, понять погрешности предыдущих переводов и попыток анализа.

В 2021 г., в год 470-летия с момента выхода финского перевода «Псалтыри Давида», авторы доклада вновь обратились к переводу полного Списка на русский язык, уточняя некоторые моменты предыдущих переводов с учетом появившихся исследований по прибалтийско-финской филологии.

Литература

Карху Э. Г. История литературы Финляндии. От истоков до конца XIX века. Л: Наука, 1979.

Конкка А. П. Верховные божества // Народы Карелии: историко-этнографические очерки / Российская академия наук, Карельский научный центр, Институт языка, литературы и истории; редакционная коллегия: И. Ю. Винокурова (ответственный редактор) [и др.]. Петрозаводск: Периодика, 2019. С. 229–234.

Кочкуркина С. И., Спиридонов А. М., Джаксон Т. Н. Древнерусские летописи и документы // Письменные известия о карелах. Петрозаводск: Карелия, 1990.

Mikael Agrikolan teokset. Porvoo, 1931. 3. osa.

Исследование подготовлено в рамках государственного задания КарНЦ РАН 2025.

Куцаева Марина Васильевна

канд. филол. наук, ст. научный сотрудник, Институт языкознания РАН;
marina.kutsaeva@iling-ran.ru

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ МАРИЙСКИХ ИДИОМОВ В СТАРЫХ ДИАСПОРАХ: СФЕРА БИБЛИОТЕЧНО-ИНФОРМАЦИОННОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ

Ключевые слова: марийские идиомы, старые марийские диаспоры, функционирование этнического языка, социолингвистическое обследование, библиотечно-информационное обслуживание марийского населения.

Марийцы являются автохтонным населением Среднего Поволжья, титульным этносом Республики Марий Эл. Почти половина марийского населения Российской Федерации расселена компактными или дисперсными группами в других регионах [ВПН]. В зависимости от локализации выделяют три этнографические группы марийцев — луговые, горные, восточные. Представители многочисленной группы восточных марийцев, компактно проживающие в Башкортостане, Татарстане, Свердловской области и некоторых других регионах, образуют так называемые старые марийские диаспоры (см. таблицу).

Таблица. **Численность марийского населения в некоторых регионах РФ**

Регион	Городское и сельское население	Городское	Сельское
РФ	423 803	186 642	237 161
Республика Марий Эл	246 560	107 729	138 831
Республика Башкортостан	84 988	30 356	54 632
Республика Татарстан	15 666	9102	6564
Свердловская область	13 995	6273	7722

Насущным представляется вопрос сохранности этнического языка в условиях внутренней диаспоры (об этом см.: [Куцаева 2022]). В 2024–2025 гг. автором материалов были проведены социолингвистические обследования в *марийских* районах Башкортостана (Мишкинский, Калтасинский, Шаранский), Татарстана (Кукморский, Агрызский), Свердловской области (Ачитский, Красноуфимский) в целях описания функционирования марийских идиомов в местах компактного проживания марийцев за пределами Республики Марий Эл. Была разработана социолингвистическая анкета, учитывающая региональную специфику и содержащая несколько блоков: лингвистические биографии респондентов, актуальное использование языка (сферы использования и функции), использование языка в культуре. Материалом исследования послужили анкетные данные, полученные в результате опроса более 300 респондентов в возрасте от 14 до 88 лет: учащиеся школ, педагоги, сотрудники администрации, работники культуры, сельского хозяйства, пенсионеры и др. Интервью длительностью от 40 минут до одного часа проводились с респондентами индивидуально, ответы документально фиксировались, полевые материалы были дешифрованы и статистически обработаны (о методологии и специфике проведения социолингвистических обследований во внутренней диаспоре см.: [Kutsaeva 2021]).

Республика Марий Эл оказывает содействие национально-культурному развитию марийского народа и его языков за ее пределами. На основании соглашений с другими республиками и областями, в которых проживают марийцы, Республика Марий Эл принимает участие в подготовке национальных кадров, обеспечении учебной, художественной, научной литературой, распространении газет и журналов и др. [Закон о языках, Гл. VIII, Ст. 59]. Как свидетельствуют результаты обзора открытых источников, российские библиотеки в полиэтнических регионах активно вовлечены в социальные инициативы, нацелены на гармонизацию межэтнических от-

ношений и развитие национальных культур, реализуют тематические проекты, в том числе посвященные языкам коренных народов и их культурам.

В докладе, основанном на полевых данных, будет представлен анализ текущего положения в сфере библиотечно-информационного обслуживания марийского населения, проживающего в старых диаспорах Башкортостана, Татарстана, Свердловской области. По данным 2024 г. в Башкортостане марийское население обслуживали 23 библиотеки в Мишкинском районе, 17 — в Калтасинском, шесть — в Шаранском. В Татарстане в Кукморском районе функционируют две сельские библиотеки, имеются марийские фонды в г. Кукмор. В Свердловской области таких библиотек 16.

Один из вопросов социолингвистической анкеты (блок «Актуальное использование языков») был сформулирован следующим образом: «На каком языке (каких языках) вы читаете книги/ журналы?». Кроме того, респондентам задавались уточняющие вопросы: «Посещаете ли вы местную библиотеку? Являетесь читателем библиотеки? Приходите в библиотеку в качестве зрителя на культурно-досуговые мероприятия? Когда вы в последний раз прочитали книгу на марийском языке?». Респондентами в обследовании выступили также сотрудники местных библиотек и библиотечно-информационных центров, что в целом позволило составить детальное представление о функционировании марийских идиомов в данной сфере.

Традиционно направлениями работы *марийских* библиотек являются содействие обучающему процессу, досуговое чтение, популяризация марийского языка и культуры. С точки зрения функционирования этнического языка актуальными проблемными вопросами сектора (помимо общего снижения потребности в чтении среди разных слоев населения, скудного финансирования периодики на марийском языке (доставка из Марий Эл) и недостаточного комплектования фондов современными изданиями художественной литературы на марийском) были выделены следующие. Прежде всего это стремительное сокращение пользователей в обучающем процессе не только за счет распространения современных информационных технологий, но главным образом вследствие уменьшения учащихся марийских классов. В более широком контексте этот процесс вызван оптимизацией образования, закрытием малокомплектных (чаще сельских национальных) школ, сокращением часов, выделяемых на обучение родным языкам, снижением мотивации к изучению родных языков. Дополнительным фактором стало закрытие региональных профильных образовательных учреждений, которые готовили педагогов начального звена для марийских школ: ранее студенты педагогических училищ являлись активными читателями марийских библиотек. В настоящее время пользователями преимущественно являются женщины старше 50 лет. Кроме того, трудность состоит в том, что газеты, журналы, а также классика марийской литературы представлена на литературном марийском языке, отличающемся от идиомов, носителями которых выступают респонденты. Наконец, в культурно-досуговом направлении наблюдается переход на русский язык в работе с марийским населением, особенно среди младших школьников и дошкольников, для которых функционально первым языком является скорее русский. Некоторые из обозначенных проблем свойственны марийским диаспорам, другие, напротив, носят более общий характер и наблюдаются и в других сообществах носителей миноритарных языков.

Источники

ВПН — Всероссийская перепись населения 2020 // Федеральная служба государственной статистики.. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom5_tab5_VPN-2020.xlsx (дата обращения: 23.01.2025).

Закон РМЭ о языках — Закон Республики Марий Эл от 26 октября 1995 года N 290-III «О языках в Республике Марий Эл» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: https://docs.cntd.ru/document/804919247?ysclid=m1mjxzv86v169375259 (дата обращения: 23.01.2024).

Литература

Куцаева М. В. Марийский в Москве: к вопросу о сохранности этнического языка в условиях внутренней диаспоры // Финно-угроведение. 2022. № 63. С. 30–44.

Kutsaeva M. V. A Sociolinguistic Survey of an Internal Diaspora: Field Research of a Chuvash Diaspora Group in the Moscow Region // Strategies for Knowledge Elicitation / eds T. B. Agranat, L. R. Dodykhudoeva. Springer Nature Switzerland AG, 2021. P. 85–99.

Исследование подготовлено в рамках проекта РНФ № 24-28-00157 «Функционирование марийских идиомов в старых диаспорах».

Лимерова Валентина Александровна

канд. пед. наук, ст. научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН

СВЯТОЧНЫЕ РАССКАЗЫ М. Н. ЛЕБЕДЕВА В ЖУРНАЛЕ «ДОСУГ И ДЕЛО»

Ключевые слова: чтение для народа, святочный рассказ, журнал «Досуг и дело», коми литература, М. Лебедев.

М. Н. Лебедев вошел в историю коми литературы как писатель советский, приступивший к активной литературной деятельности после 1917 г. Между тем публиковаться он начал задолго до известных октябрьских событий: его дебютный роман «За богом молитва, за царем служба не пропадают» вышел в 1898 г. отдельным приложением к журналу «Родина», а в период, традиционно называемый началом XX в., им было создано более 50 произведений на русском и коми языках. Большинство из них имеет единственный факт публикации в журнально-газетной прессе указанного периода и является той частью национального литературного наследия, которое было подвергнуто в советский период принудительному забвению.

Одной из причин, по которой дореволюционные публикации М. Лебедева были вычеркнуты из его творческой биографии, явилось нежелательное с точки зрения революционной критики сотрудничество писателя с рядом изданий консервативно-монархического толка. Так, писатель много печатался в журнале «Досуг и дело», предназначавшемся, как указывалось на его обложке, «для войск и народа». Журнал издавался по Высочайшему распоряжению и в выборе репертуара опирался на известную формулу «Самодержавие. Православие. Народность». Не удивительно, что после октября 1917 г. «Досуг и дело» был причислен к изданиям, проводившим ультрареакционные черносотенные идеи в народные массы. Позднее, уже будучи принятым в ряды советских писателей, М. Лебедев объяснял свое участие в «черносотенной» прессе тем, что жил вдали от культурных центров, не имел возможности общаться с прогрессивно мыслящими людьми и плохо ориентировался в идейно-политических программах разных изданий. В действительности публикационная активность М. Лебедева в «Досуге и деле» имела причиной не только вышеназванные обстоятельства, но и вполне земной резон: журнал исправно платил гонорар своим авторам. Дело в том, что, начав публиковаться, молодой писатель оставил мешающую творчеству службу сельского писаря и остро нуждался в денежном вознаграждении литературного труда. Свой первый гонорар М. Лебедев получил в 1898 г. именно от «Досуга и дела» и затем на протяжении 14 лет активно сотрудничал с журналом, опубликовав на его страницах более 30 произведений в жанрах прозы.

Можно заметить, что в литературно-художественную часть журнала редакция отбирала произведения с нравоучительным и одновременно занимательным сюжетом и, исходя из этого принципа, охотно печатала в зимних номерах календарную праздничную литературу – святочные рассказы. В рождественских выпусках публиковался и М. Лебедев. Типичными образцами этого жанра в творчестве М. Лебедева являются рассказы «Иван Голой» (1900) и «На святках» (1911). Совершенно очевидно, что М. Лебедев был хорошо знаком с традицией святочной литературы. Свидетельством тому является чуть ли не полное соответствие его рассказов правилам литературного святочного жанра, сформулированным в свое время Н. Лесковым в рассказе «Жемчужное ожерелье»: фантастичность и приуроченность событий ко времени святочного вечера, выражение морали в виде опровержения вредного предрассудка, веселое завершение рассказанной истории. Вместе с тем святочные рассказы М. Лебедева не являются простым повторением уже сложившихся и привычных для русского читателя фантастических сюжетов. Популярный в среде рядового читателя жанр используется писателем как форма, позволяющая приоткрыть читателю самобытность народной фантазии коми-зырян, особые черты далекой северной провинции. В рассказе «Иван Голой» Лебедев опирается на охотничий фольклор коми, переводя в литературный регистр быличку о кровожадном лесном духе, который является ночью к охотнику по причине нарушения последним запрета на неурочный промысел.

Герой рассказа отправляется на охоту накануне святочного вечера, претерпевает невероятные злоключения и чудом остается жив.

Рассказ «На святках» построен из отдельных историй, рассказываемых друг другу представителями сельской аристократии, собравшейся в один из святочных вечеров у земского фельдшера. Каждый из присутствующих рассказывает по одной страшной истории, приключившейся лично с ним в святочные дни. Однако иллюзия достоверности рассказываемых историй разбивается иронией, которой пропитано завершение святочных посиделок. Обменявшись рассказами о «жутком и непостижимом», рассказчики расходится по домам со смехом и взаимными пожеланиями кошмарных снов, что возвращает читателя к обыденной реальности. Заметно, что М. Лебедев следует жанровым требованиям святочной беллетристики, но наполняет свой рассказ более широким смыслом, стремясь создать коллективный образ волостного общества.

Роль престольной праздничной беллетристики выполняют также рассказы, написанные М. Лебедевым по мотивам коми народной эпики. Ярким примером такого произведения является «Морт юр. Зырянское предание» (1901), сюжет которого ранее был использован в литературе Ф. А. Арсеньевым в его заметках «Зырянские предания» (1867) и А. В. Кругловым в повести «Лесные люди» (1883). По сравнению со своими предшественниками, Лебедев значительно углубил нравственную составляющую сюжета. Народное предание о завистливом охотнике, который убивает более удачливого в зверином промысле товарища, перерастает у него в рассказ о том, к какой трагедии приходит человек, забывший Бога.

Переосмысление народных сюжетов в святочных произведениях М. Лебедева, как и в целом приобщение к святочному жанру, требует сегодня детального изучения. Научное прочтение этой части дореволюционного наследия писателя является важнейшим условием для понимания его поэтической индивидуальности и путей формирования литературы коми, расширения представлений о принципах создания специальной литературы для российского низового читателя в начале XX в.

Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, номер государственной регистрации проекта FUUU-2022-0090, «Коми литература: особенности художественного воссоздания картины мира».

Лудыкова Валентина Матвеевна

д-р филол. наук, доцент, Коми республиканский институт развития образования; vludykova@mail.ru

КОМИ ЯЗЫК И КАФЕДРА ФИННО-УГОРСКОЙ ФИЛОЛОГИИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Ключевые слова: коми язык, Санкт-Петербургский государственный университет.

Кафедра финно-угорской филологии Санкт-Петербургского (Ленинградского) университета с первых дней её создания стала крупным научно-образовательным центром, первой кузницей кадров по российским финно-угорским языкам, в том числе и коми. Именно на ней были заложены основы советского финно-угроведения. Эта кафедра и коми язык, коми языкознание имеют глубокие исторические и самые разнообразные связи.

С Республикой Коми, с коми языком непосредственно был связан Д. В. Бубрих — первый заведующий кафедрой, который читал спецкурс по пермским языкам [Дубровина 2016: 241], а в годы Великой отечественной войны (1941–1944) работал в Сыктывкаре, куда был эвакуирован Карело-Финский университет. Эти годы он посвятил изучению коми языка. Им была написана фундаментальная «Грамматика литературного коми языка», которая являлась частью задуманной «Сравнительной грамматики финно-угорских языков» [Дубровина 2016]. Этот труд не утратил своего значения и в наши дни.

Велика заслуга кафедры финно-угорской филологии в подготовке научно-педагогических кадров по коми языку. В 1920–40 гг. «многие языковеды из карел, вепсов, мордвы, мари, **коми**, удмуртов получили научную квалификацию на кафедре финно-угорской филологии ЛГУ» [Дубровина 2016: 242]. В 1959–1964 гг. на финском отделении учился А. И. Туркин, ставший одним из ведущих коми языковедов. Он много лет занимался исследованием топонимов, гидронимов, истории литературного коми языка. Этим проблемам были посвящены его диссертации на соискание учёной степени кандидата и доктора филологических наук, многочисленные статьи, топонимические словари, учебное пособие по спецкурсу. В качестве одного из официальных оппонентов его докторской диссертации выступал выпускник кафедры финно-угорской филологии ЛГУ д-р филол. наук А. П. Володин, свой отзыв давала и З. М. Дубровина. В Сыктывкарском университете А. И. Туркин в течение нескольких лет читал спецкурс по топонимике и исторической лексикологии. Он сам неоднократно был официальным оппонентом кандидатских диссертаций по различным проблемам коми языкознания (В. А. Ляшева, Л. М. Безносиковой, В. М. Лудыковой). Неоднократно работал в качестве председателя ГЭК по кафедре коми и финно-угорского языкознания. Получив глубокие знания по финскому языку на кафедре ЛГУ, переводил на коми язык главы «Калевалы», одного из любимых произведений З. М. Дубровиной, о языке которого она в течение многих лет читала спецкурсы для студентов.

Венгерское отделение закончили Е. А. Айбабина и Р. А. Микушев, вернувшиеся в республику и ставшие успешными исследователями коми языка. Оба защитили диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук. Научным руководителем диссертационной работы Р. А. Микушева был проф. А. П. Володин. По окончании аспирантуры Роман Анатольевич работал на кафедре коми и финно-угорского языкознания СГУ, в КНЦ УрО РАН.

Е. А. Айбабина одна из первых коми языковедов обратилась к проблемам социолингвистики. В течение многих лет занимается различными вопросами лексикологии и лексикографии. В составе авторского коллектива ею были подготовлены и изданы «Словарь омонимов коми языка» (1993); «Словарь эпитетов коми языка» (1994); «Школьный этимологический словарь коми языка» (1996); «Коми-русский словарь» (2000); «Словарь синонимов коми языка» (2002); «Коми диалектологический словарь» (2012, 2014).

В аспирантуре при кафедре финно-угорской филологии обучалась В. М. Лудыкова, под руководством проф. З. М. Дубровиной ею была написана и защищена диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук. Позже она защитила докторскую диссерта-

цию по синтаксису коми языка. Именно благодаря Зинаиде Михайловне В. М. Лудыкова обратилась к исследованию коми синтаксиса — одного из наименее изученных разделов коми языкознания. Она почти 40 лет работала на кафедре Сыктывкарского университета и занималась разработкой вопросов коми синтаксиса.

На кафедре финно-угорской филологии ЛГУ проходили стажировки преподаватели коми языка вновь открывшегося в 1972 г. Сыктывкарского университета (В. М. Лудыкова, А. Н. Карманова и др.).

Принципиально важным является участие коми языковедов в научных конференциях кафедры, посвящённых различным актуальным вопросам финно-угорского языкознания. На первой научной конференции по финно-угорской филологии, которая состоялась в 1947 г. в Ленинградском университете под руководством Д. В. Бубриха, с результатами своих научных изысканий о древнекоми письменности выступили А. С. Сидоров, В. И. Лыткин. Исследователи коми языка участвовали и в работе последующих конференций, проводимых кафедрой финно-угорской филологии, в том числе секции «Уралистика» ежегодных международных конференций филологического факультета.

Особо следует отметить сотрудничество в издании межвузовских сборников научных трудов.

Преподавателями Санкт-Петербургский государственный университет и СГУ в течение ряда лет проводились совместные научные исследования, по результатам которых были опубликованы совместные работы (З. М. Дубровина, В. М. Лудыкова).

Преподавателями кафедры Санкт-Петербургский государственный университет и коми языковедами пишутся отзывы на научные работы, в том числе на диссертации, авторефераты.

Научные, учебно-методические разработки преподавателей кафедры финно-угорской филологии Санкт-Петербургский государственный университет используют в своей работе научные сотрудники, преподаватели, которые занимаются изучением коми и других финно-угорских языков.

Особо следует отметить личные контакты сотрудников кафедры финно-угорской филологии и коми филологов.

Литература

Дубровина З. М. Избранные труды. СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т, 2016.

Лудыкова Валентина Матвеевна[1], Якубив Татьяна Владимировна[2]

[1]д-р филол. наук, доцент, Коми республиканский институт развития образования;
vludykova@mail.ru
[2]канд. филол. наук, зав. лабораторией,
Коми республиканский институт развития образования;
syn03@mail.ru

ВЫРАЖЕНИЕ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ ДЕЙСТВИЙ В КОМИ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: коми язык, синтаксис, отношения следования.

В реальной действительности постоянно совершаются различные действия, события, которые могут совпадать или не совпадать во времени: между ними могут быть отношения следования или предшествования. В соответствии с коммуникативными задачами во многих случаях важным является сообщение именно о последовательности событий, действий. С целью реализации этих значений в коми языке получили развитие различные способы, как исконные, так и образованные под влиянием русского языка.

Во всех пермских языках отношения следования выражаются в предложениях с отглагольными оборотами, состоящими из м-ового отглагольного слова с зависимыми компонентами и послелогов ***бӧрын, мысти*** ‘после того, как’. Действие сказуемого совершается позже действия послеложного отглагольного имени. Различаются моносубъектные (***Керкаӧ пырӧм бӧрын*** *пӧрччи кӧтасьӧм паськӧмӧс* ‘После того, как (я) зашёл домой, снял (я) промокшую одежду’) и разносубъектные конструкции с номинативным или генитивным субъектом отглагольного оборота (***Кӧзяин мунӧм бӧрын*** *уджалысьяс неокотапырысь разӧдчалісны* ‘После того, как ушёл хозяин, работники неохотно разошлись’).

Распространители ***дзик пыр, пыр жӧ, пырысь-пыр, пыр и*** ‘сразу же; тут же’ сообщают о быстрой сменяемости действий, о выполнении действия сказуемого сразу после события, выраженного отглагольным оборотом: ***Батьсӧ нуӧм бӧрын*** *Анна* ***пыр*** *и гӧгӧрвоис грездсаяслысь на дорӧ вежсьӧмсӧ* ‘После того, как забрали отца, Анна тут же заметила изменение отношения сельчан к ним’; ***Смена помасьӧм бӧрын*** *Костя* ***пыр жӧ*** *аддзӧдлас Вераӧс* ‘После того, как закончится смена, Костя сразу же встретится с Верой’.

Отношения следования выражаются и в предложениях с абсолютными деепричастными оборотами: ***Батьыслысь тӧждысяна гӧлӧссӧ кылӧмӧн*** *думыштіс, кутшӧм бур батьыс* ‘Услышав заботливый голос отца, подумал, какой хороший у него отец’; *Ӧксинь тьӧтыс* ***вежсьӧмъяссӧ казявмысьт*** *шензис: «Сандра, да тэ тай оз тусь моз нин кисьмӧмыд»* ‘Заметив изменения, тётя Аксинья удивилась: «Сандра, да ты уже, как ягода, поспела»’.

Значение последовательности реализуется и в сложных предложениях, которые получили более позднее развитие.

В сложноподчинённых предложениях о значении следования сообщают подчинительные союзы ***да*** ‘после того как’, ***кор*** ‘когда’, ***мыйӧн***, ***кыдз сӧмын*** ‘как только’, ***мыйӧн сӧмын, кыдз сӧмын*** ‘как только, лишь только’, ***кыдзи*** ‘как’, ***сӧмын на, муртса на*** ‘едва, только’ и др.

Наиболее употребительными являются конструкции с союзами ***мыйӧн***, ***мыйӧн сӧмын, кыдз сӧмын***, указывающими на быструю сменяемость событий, минимальный интервал между действиями, на то, что ситуация, названная в главной части следует сразу после ситуации в придаточной части: ***Мыйӧн*** *аддзис Мишлысь воӧмсӧ, пырысь-пыр звӧнитіс милицияӧ* ‘Как только (он) заметил возвращение Миши, сразу же позвонил в милицию’; ***Мыйӧн сӧмын*** *вои гортӧ, пырысь-пыр и ляскыси кӧроватьӧ* ‘Как только (я) пришёл домой, тут же упал на кровать’; *Федя,* ***кыдз сӧмын*** *аддзас Гришаӧс, саймовтчыліс* ‘Федя, как только заметит Гришу, прятался’.

В предложениях со значением следования используется и функциональный союз ***кор*** ‘когда’: ***Кор*** *миян сиктын котыртчис колхоз, видзьяс и тыяс вуджисны ӧтувъя овмӧслы* ‘Когда в нашем селе образовался колхоз, луга и поля перешли под общее хозяйство’.

Семантические союзы ***сӧмын (на), муртса (на)*** ‘едва, только’ и синтаксический союз ***кыдзи*** ‘как’ информируют о минимальности интервала между действиями главной и придаточной части: ***Сӧмын на*** *помасисны зэра лунъяс, лыа кӧсаяс дзумгысисны гудыр улӧ* ‘Едва закончились дождливые дни, песчаные отмели залило мутной водой’; ***Муртса на*** *воим пристаньӧ, тыдовтчис пароход* ‘Только (мы) дошли до пристани, появился пароход’; ***Кыдзи*** *сійӧ казьтыштас бать йылысь, менам вирӧй пузьылас* ‘Как только она вспомнит о (моём) отце, у меня кровь закипает’.

Для выражения отношений следования получил развитие подчинительный союз ***да*** ‘после того как’, занимающий замыкающую позицию придаточной части: *Гортӧ локтам* ***да,*** *ме тэныд лыддя* ‘После того, как придём домой, я прочитаю тебе’.

Значение следования может быть и в предложениях с относительным подчинением. В конструкциях с соотносительной парой ***сэксянь, кор*** ‘с тех пор, когда’ ***сы бӧрын/сы бӧрти, кор*** ‘после того, как’ действие главной части начинается с момента завершения действия придаточной части: *Колисны* ***сэксянь*** *вояс,* ***кор*** *ті медводдзаысь паныдасинныд* ‘С тех пор прошли годы, когда вы впервые встретились’; *Торйӧн нин чорыда гижлі* ***сы бӧрын, кор*** *воис меным некымын письмӧ кырымпастӧг* ‘Особенно строго (я) написал после того, как получил несколько писем без подписи’.

Компоненты главной части ***вӧлись, вӧлисти*** ’только потом’, ***сэсся*** ‘после того, как’ акцентируют значение следования, демонстрируют, что события в главной части наступают лишь после событий придаточной части: ***Кор*** *удж вылӧ ме петі,* ***вӧлисти*** *тӧдмалі заводын уджалӧм* ‘Когда я вышел на работу, только потом (я) узнал о работе на заводе’; — *Буртор думыштӧмныд, — шуис* ***сэсся*** *сійӧ,* ***кор*** *челядь разӧдчисны* ‘— Хорошо вы придумали, — сказал он после того, как разошлись дети’.

Отношения следования способны выражать и сложносочинённые предложении с союзами и ’и’, ***да*** ‘и’. В них особенно важным является фиксированный порядок следования предикативных частей, которые должны располагаться в соответствии с временной последовательностью излагаемых событий в реальном мире: *Нӧшта коляс некымын лун,* ***и*** *джуджыд ва улӧ веськаласны видзьяс* ‘Пройдёт ещё несколько дней, и луга окажутся под водой’; *Воас тулыс, и (туриясо) бергӧдчасны бӧр гортланьыс* ‘Наступит весна, и (журавли) вернутся обратно в родные края’.

В таких предложениях возможны компоненты, подчёркивающие минимальный интервал между последовательными действиями, событиями, состояниями: *Аддза тӧдса пожӧмсӧ, и* ***пыр жӧ*** *кокниджык лоӧ* ‘Увижу знакомую сосну, и сразу же становится легче (на душе)’.

Люблинская Марина Дмитриевна

канд. филол. наук, ст. научный сотрудник, Институт лингвистических исследований РАН; доцент, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

КОМПЛЕКСНОСТЬ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА В МЛАДОПИСЬМЕННОМ (НЕНЕЦКОМ) ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: ненецкий язык, сложность значения слова, изменения значений сегодня.

Сегодня заседание секции «Уралистика» посвящено 100-летию образования кафедры финно-угорской филологии. С этой кафедрой связано научное описания ненецкого языка в Советской России — здесь в 1940 г. Н. М. Терещенко защитила кандидатскую диссертацию "Категория определения в ненецком языке". Руководителем был Г. Н. Прокофьев.

Описание малых языков России, языков народов, ведущих традиционный образ жизни, исследователи обычно начинали с лексики, составления словаря, поскольку она передает культурные смыслы и явления, значимые для носителей. На примерах различных языковых обозначений, таких как названия снега и оттенков цветов, выявляется богатство и детализированность значений, что становится индикатором ментальных и культурных конструкций.

Широко известен пример В. Г. Богораза о множестве названий снега в чукотском языке, в его луораветланском словаре их насчитывается 36 [Богораз 1937]. Он написал о "расчленённости и точности" значений в языках обществ с простой социальной организацией, где богатство и детализированность значений становится индикатором ментальных и культурных конструкций. Его мнению почти 100 лет, но и наши современники, авторы журналистского расследования в газете «Коммерсантъ» утверждают, что в соседнем эскимосском языке есть много слов для разных видов снега, а «общего понятия для снега в языке эскимосов не существует вовсе» (газета «Коммерсантъ», 4 января 2022 г.).

Эта же особенность свойственна лексике ненецкого языка. Сегодня по данным сайта «Малые языки России» (www.minlang.iling-ran.ru/lang/neneckiy-yazyk) говорящих по-ненецки от 18500, без лесных ненцев; по подсчётам А. М. Поликарпова — до 22 тысяч человек, видимо посчитаны вместе тундровые и лесные ненцы [Спасти ненецкий язык 2015]. То есть около 20 тысяч.

В ненецком языке обращают на себя внимание две особенности значения:

А. обобщённая, например: **ибця̆да ‘**1) горький; 2) кислый; 3) чересчур солёный; 4) *вост.* сладкий; | в данный момент’ (ср. **ибцьхӑмӑ ‘**чувство жжения (когда что-л. саднит)’; от того же корня **ибцире ‘**ярко-’; **ибцире няръяна** ‘ярко-красный’),

В. очень детальная, например, о снеге: **ёмзя’(н)** ‘мягкий, пушистый снег в тёплую погоду’, **идебя** ‘глубокий, мягкий, незатоптанный снег’; **ёмзе** ‘падает мягкий снег’, **вырнарнга** ‘снег кружится с лёгким шумом’.

Поиски антропологов. В это же время, в 1938 г. Люсьен Леви-Брюль завершает серию книг о первобытном мышлении, мистическом опыте и символике первобытных народов, утверждая, что мышление «дикаря» отлично от мышления современного человека и выражается это в мифологии, религии и магии [цит. по Соколовский], что было известно В. Г. Богоразу.

Психолог Л. С. Выготский, размышляя об этом в книге «Этюды по истории поведения. Обезьяна — примитив — ребенок» (первое издание 1930 г.) описывает примитивное мышление как особые отношения между означаемым и означающим для носителя: «Примитивный человек не имеет понятий, абстрактные родовые имена для него совершенно чужды <…> Слово становится как бы фамильным, групповым именем, <…>

группой отдельных конкретных предметов, из которых каждый, войдя в новое сочетание, сохраняет всю свою индивидуальность и единственность. На этой стадии слово есть средство образования комплекса <…>. Вот на этой стадии комплексного мышления и стоит в значительной степени примитивный человек. *Его слова суть имена собственные* или фамильные имена, *т. е. знаки отдельных предметов или знаки комплексов. Примитив мыслит не в понятиях, но в комплексах*» (подчеркивание наше. — *М. Л.*) [Выготский, Лурия 1993: 104–105].

Современное состояние. Современные лексикографические работы показывают, что ненецкий язык активно интегрирует новые реалии, что приводит к появлению новых терминов (например, юридическая лексика), но также и к заимствованию терминов, что является обычной практикой для миноритарных языков в условиях глобализации. Современные технологии позволили собрать и издать довольно много работ по традиционной лексике. В основном они сосредоточены на наименованиях материальной культуры и традиционных практиках, таких, как охота и рыболовство. В то же время, области духовной культуры (например, специализация шаманов, речевая культура) остаются менее изученными, что требует дальнейшего внимания.

Комплексность значения слов в ненецком языке отражает сложные взаимосвязи между языком, культурой и природной средой. Как показывает практика, внимание к точности и разнообразию языковых обозначений свидетельствует о глубоком понимании мира носителями языка и играет важную роль в сохранении их идентичности. Поэтому сегодня лексика языков демонстрируют этапы развития, уточнения семантики.

Литература

Богораз В. Г. Луораветланско-русский словарь / подгот. к печ. Г. Мельников, Г. Корсаков и Т. Вельсбах; под ред. С. Н. Стебницкого. М.; Л.: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1937.

Выготский Л. С., Лурия А. Р. Этюды по истории поведения. Обезьяна. Примитив. Ребенок. М.: Педагогика-пресс, 1993.

Соколовский С. В. Тайны туземного мышления. О перцептах, концептах, категориях и теориях современной антропологии. Доклад на конференции молодых ученых «Актуальные вопросы этнологии и антропологии». Москва, Институт этнологии и антропологии РАН, 03.12.2024 (грант 075-15-2022-328 Министерства науки и высшего образования РФ). URL: https://www.academia.edu/126132295/ТАЙНЫ_ТУЗЕМНОГО_МЫШЛЕНИЯ_о_перцептах_концептах_категориях_и_теориях_современной_антропологии (дата обращения: 24.12.2024).

Спасти ненецкий язык. Профессор Александр Поликарпов о сложностях сохранения языков коренных малочисленных народов // Научная Россия. 9 июня 2022 г. URL: https://scientificrussia.ru/articles/naucit-ucitelej-nencev-prepodavat-neneckij-azyk-professor-aleksandr-polikarpov-o-sloznostah-sohranenia-azykov-korennyh-malocislennyh-narodov (дата обращения: 01.09.2024).

Малкова Анна Сергеевна

ассистент, Санкт-Петербургский государственный университет

ИМПЛИЦИТНЫЙ ОБРАЗ ЦЕЛЕВОЙ АУДИТОРИИ В УЧЕБНИКАХ ФИНСКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ ИНОСТРАНЦЕВ

Ключевые слова: финский как иностранный, учебники финского языка.

Учебники по иностранным языкам по-прежнему остаются важным инструментом обучения языку, содержат не только информацию о грамматике и лексике, но и формируют представление о культуре и обществе страны изучаемого языка, несут в себе и имплицитные образы целевой аудитории, а также могут отражать общественно-политическую и социально-экономическую ситуацию в стране в определенный период времени. Имплицитные образы целевой аудитории в учебниках формируются под влиянием различных факторов своего времени, таких, как идеология, политика, экономика и культура. Они могут отражать ценности, нормы и стереотипы общества.

Существует ряд работ, в которых реализован межкультурный подход к анализу учебного материала [Бердичевский, Голубева 2015; Дулебова, Московкин 2021; Byram 1993; Kramsch 1993]. Их основная идея состоит в том, что учебник иностранного языка должен создавать условия для формирования межкультурной компетенции учащихся. Например, Р. Рабди отмечает, что социокультурный анализ учебников дает ответы на следующие вопросы: какие аспекты культуры в нем отражены? Соответствуют ли учебные материалы социокультурному контексту учащихся, учитывают ли они их ценности и взгляды? Отражают ли эти материалы социокультурное разнообразие и учитывают ли его? Показывает ли учебник сходства и различия между культурой учащихся и другими культурами? Не сделано ли это с позиций превосходства? Содержит ли учебник стереотипные, неточные, снисходительные или оскорбительные образы пола, расы, социального класса или национальности [Дулебова, Московкин 2021]?

Целью настоящего исследования был поиск ответа на следующие вопросы: какой социокультурный материал представлен в учебниках разных годов? Кто главный герой своего времени: какой образ финна и Финляндии формируется у учащихся на основании материалов учебников финского языка для иностранцев?

Материалом послужили учебники финского языка, изданные в Финляндии в период 1980–2022 гг. Особое внимание было уделено следующим изданиям: E. Hämäläinen «Aletaan! Suomen kihelen oppikirja vasta-alkajille» (1992); Y. Lauranto «Elämän suolaa. Suomen kielen alkeita 1» (1996); S. Gehring, S. Heinzmann «Suomen mestari 1» (2010).

В ходе исследования выяснилось, что наиболее богатый социокультурный материал содержится в учебниках раннего периода (1988, 1992). Несмотря на то, что основные события сосредоточены вокруг студентов, изучающих финский язык в Хельсинкском университете и общении иностранных студентов с местными, можно также найти информацию и о жителях Финляндии как из столицы, так и из сельской местности, которые работают на заводах, являются безработными, пенсионерами, ездят из деревни в город на работу и пр.; говорят на финских диалектах дома, переехали в Финляндию с других ранее принадлежавших стране территорий и т. д.

В учебниках 2000–2010 гг. основными действующими лицами по-прежнему остаются финны. Описана бытовая жизнь финской семьи, где один из членов может являться иностранцем, указаны профессии, места работы, увлечения и пр. В первых главах можно найти краткие сведения об истории Финляндии. Основным местом действия по-прежнему остается столица Финляндии, ее улицы и достопримечательности.

Внимание также уделяется иностранцам, приехавшим как изучать финский язык, так и работать в Финляндии. Преимущественно это представители европейских стран, но встречаются приезжие из России, ЮАР, Бразилии, Сомали.

В учебниках периода 2010–2022 гг. лингвострановедческий компонент составляет существенно меньшую часть, представлены минимальные сведения о финнах и Финляндии в целом. Героями являются не только местные жители, но и в равном соотношении приехавшие по разным причинам в Финляндию иностранцы. Смену аудитории обучающихся и целей обучения языку можно соотнести с общественно-политической обстановкой периода, когда образ финна, страны изучаемого языка, ее культурного компонента отходят на второй план.

В докладе подробнее раскрывается имплицитный образ целевой аудитории учебников финского языка, его влияние на содержание и структуру учебных материалов. Этот образ включает в себя определённые характеристики, потребности и цели учащихся, которые учитываются при разработке учебников. Анализ имплицитного образа целевой аудитории позволяет выявить основные тенденции и подходы в обучении финскому языку как иностранному.

Литература

Бердичевский А. Л., Голубева А. В. Как написать межкультурный учебник русского языка. СПб.: Златоуст, 2015.

Дулебова И., Московкин Л. В. Социокультурное содержание современных учебников русского языка для школ и вузов Словакии // Филологический класс. 2021. Т. 26, № 2. С. 221–233. https://doi.org/10.51762/1FK-2021-26-02-19

Byram M. Language and Culture Learning: The Need for Integration // Germany, its Representation in Textbooks for Teaching German in Great Britain / ed. by M. Byram. Frankfurt am Main: Diesterweg, 1993. P. 3–16.

Kramsch C. Context and Culture in Language Teaching. Oxford: Oxford University Press, 1993.

Мизонова Александра Николаевна

ст. преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет;
a.mizonova@spbu.ru

ОБРАЗ УЧЕНОГО В СОВРЕМЕННОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ФИНЛЯНДИИ

Ключевые слова: литература Финляндии, литературный герой, образ ученого в художественной литературе.

Если принимать, что художественная литература Финляндии является частью идеологической системы [Karkama 1994: 82], то она, с одной стороны, отражает историческо-общественную реальность, с другой стороны, задаёт вектор развития ценностей, в том числе и через образ литературного героя.

Учёный не так часто становится центральной фигурой финской художественной литературы, тем интереснее обратиться к произведениям, снискавшим читательскую любовь и интерес переводчиков. Цель исследования — рассмотреть ценностную интерпретацию образа ученого в романах I. Turpeinen «Elolliset» и R. Isomäki «Sarasvatin hiekkaa».

Дебютный роман Ииды Турпейнен был издан в Финляндии в 2023 г., уже переведен на итальянский, немецкий, норвежский, французский и эстонский языки, а права на перевод проданы более чем в 20 стран. Большую популярность можно объяснить тем, что центральной темой романа является экологическая проблема и роль человека в её развитии — открытие, истребление и музеефикация стеллеровой коровы, млекопитающего отряда сирен.

Главным героем первой части романа является учёный-естествоиспытатель Георг Стеллер, принявший участие во второй экспедиции Беринга 1737–1742 гг., во время которой он описал исчезнувшее нынче гигантское животное. Стеллер представлен читателю как «доктор теологии, естествоиспытатель и странный мужчина» [Turpeinen 2023: 13, 15]. «Странность» и «чужеродность» проявляются не только на уровне общения с командой корабля — в представлении низших чинов учёный не обладает достаточными навыками для того, чтобы давать им советы по поводу степени близости корабля к берегу или пригодности воды для питья, хотя все выводы основаны на научных наблюдениях. Для высших чинов происхождение Стеллера недостаточно благородное, чтобы принимать его за своего. Стеллер противопоставляется остальным академикам экспедиции принятием аскетичных условий жизни в условиях Сибири и готовностью работать без огромного штата вспомогательного и обслуживающего персонала. Изоляция учёного оказывается для него хорошей возможностью погрузиться в научную деятельность.

Центральными персонажами учёного сообщества XIX в. становятся женские образы Констанции Фуругельм и Хильды Олсон, проблематизирующие гендерное неравенство в профессиональной среде. Констанция является антагонистом своей невестки Анны, жизненной целью которой было стать идеальной женой. Приведение в порядок зоологической коллекции представилось как возможность занять не пригодную ни к чему золовку, но со временем Констанция научилась сама определять виды птиц и «в ней зародилась новая страсть. Она мечтает о том, чтобы собрать в свою комнату всю природу Аляски» [Turpeinen 2023: 163]. Хильда, работавшая ассистентом профессора фон Нордмана, в профессиональном плане противопоставляется рисовальщикам-мужчинам. «История знает учёных, которым помогали жёны или дочери, но нанять ассистентом совершенно незнакомую молодую женщину — это что-то» [Turpeinen 2023: 212]. В образе самого фон Нордмана затрагивается важный для Финляндии XIX в. национальный вопрос: академику пришлось выйти из общества «Флора и Фауна», поскольку «молодые фенноманы <…> обвиняли его в излишней космополитичности и забвении отечества» [Turpeinen 2023: 222].

Движущей силой учёного в последней части романа, рассказывающей про XX в., становится желание сохранить от браконьеров птиц во время гнездования. Йон Грёнваль, следуя своему увлечению, становится известным среди оологов реставратором птичьих яиц. В образе Грёнва-

ля проблематизируется возможность решать такие глобальные проблемы, как защита окружающей среды, на уровне отдельных личностей.

Роман Ристо Исомяки «Sarasvatin hiekkaa» (2005) тоже посвящен проблемам экологии, действие его развивается в наши дни — на рубеже столетий. Учёные работают в научных коллективах, развито сотрудничество в международных проектах (Норвегия — Россия, Россия — Индия), важную роль играет финансирование проектов. В отличие от героев романа И. Турпейнен, среди персонажей Исомяки нет того, для кого научная работа была бы призванием и делом жизни. «Мне предложили это место. И зарплата была хорошая», — объясняет свой выбор один из участников экспедиции [Isomäki 2011: 20].

Современная финская литература транслирует читателю, что движущая сила учёного — искренний интерес и любовь к своему делу, способность к аскетичности и к посвящению себя работе. Это способствовало появлению личностей в научном мире. В современных реалиях приоритетом становится коллаборация, при этом сохраняются гендерные стереотипы.

Литература

Isomäki R. Sarasvatin hiekkaa. 10. painos. Helsinki, 2011.

Karkama P. Kirjallisuus ja nykyaika. Suomalaisen sanataiteen teemoja ja tendenssejä. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1994.

Turpeinen I. Elolliset. 6. painos. Helsinki, 2023.

Мызников Сергей Алексеевич

д-р филол. наук, чл.-корр. РАН, Институт славяноведения РАН;
Институт лингвистических исследований РАН;
myznikovs@rambler.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Д. В. БУБРИХА В ИНСТИТУТЕ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ В 30–40-е ГОДЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА ИЛИ РАН)

Ключевые слова: финно-угорские языки, мордовский, карельский, вепсский, атлас.

В 2021 г. вышли в свет крайне важные материалы по истории Института лингвистических исследований РАН [МИ ИЛИ РАН 2021]. Научное наследие Д. В. Бубриха весьма обширно и насчитывает более 130 публикаций, при том, что многое из его трудов осталось неизданным, а некоторые статьи, опубликованные в газетах, журналах до сих пор не представлены в широком научном обиходе. С 1925 г. Д. В. Бубрих заведует кафедрой финно-угорской филологии ЛГУ, а также кафедрой в I Московском университете, исполняет обязанности ученого секретаря в Ленинградском обществе исследователей культуры финно-угорских народностей. В Институте языка и мышления Д. В. Бубрих осуществлял руководство группой финских (позднее финно-угорских) языков, которая была организована в 1934 г. в качестве старшего ученого специалиста с окладом в 450 рублей. В группе шла работа по разным направлениям, например, Д. В. Бубрих занимался общественно-политической проблематикой, выступая с докладами: «Взаимоотношения финно-угорских языков», «О следах финских тевтонов-чуди», «К вопросу об «арийской» чистоте германцев». Причем к некоторым дискуссионным идеям Д. В. Бубрих обращался неоднократно [Томеллери, Гордиенко 2020].

В сферу его исследований входили как различные финно-угорские языки, так и разнообразная тематика их изучения, это были историко-грамматические работы: «О происхождении склонения в финно-угорских языках», «Происхождение вторичных падежей в финно-угорских языках».

Осуществлялась работа по **лингвогеографическому исследованию** финно-угорских языков: «Мордовский диалектологический атлас (начат в 1935 г.; с 1936 по 1940 г.) («Программа по собиранию материала для диалектологического атласа мордовских (эрзя и мокша) языков» (1935); «О работе по мордовскому диалектологическому атласу» (1936)). Предполагалось издавать атлас тремя выпусками: а) эрзя и мокша языки до Волги; б) эрзя и мокша языки за Волгой; в) эрзя и мокша языки в Сибири, Казахстане и других местах. К сожалению, эта работа не была завершена, хотя в настоящее время предпринимаются попытки такого рода работы [Агафонова, Рябов 2013; Цыганкин, Бибин 2002].

Была начата работа над «Карельским диалектологическим атласом (1936–1937 гг.). Планировалось, что атлас будет состоять из различных типов карт: 1) карты, посвященные различным отделам лексики, фонетики, морфологии и синтаксиса; 2) сводные карты, дающие картинку диалектологического членения карельского языка; 3) дополнительные карты, дающие необходимые сведения. Работа над атласом должна была начаться с составления и издания «Инструкции» и «Программы», последняя была опубликована, в ней содержалось около 2000 вопросов, было проведено обследование около 150 населенных пунктов. К началу 1938 г. Д. В. Бубрих составил около 200 диалектологических карт. Этот уникальный труд не был закончен. Работу по завершению Атласа продолжили в качестве соисполнителя А. Беляков и в качестве редакторов Н. Богданов и М. Хямяляйнен. В 1956 г. работа завершена. Однако, работа была не напечатана, и только в 1997 г. Научно-исследовательский центр языков Финляндии издал «Диалектологический атлас карельского языка» [ДАКЯ 1997].

В 30-е гг. Д. В. Бубрих активно занимался работой над материалами м**ордовских языков**, в качестве отчетов указывались следующие труды: «Фонетика мордовского языка», «Спряжение в мордовских языках», «О гармонизации гласных в мордовских языках», «Основные запро-

сы мордовских языков», «Мордовская (эрзя-мокша) фонетика» (104 стр. машинопись), «Диалектологический словарь мордовского языка».

Руководил Д. В. Бубрих работой по изучению языков вепсов и ижоры и по изданию словарей вепсско-русского и ижорско-русского, собиранием диалектологического материала по этим языкам, разработкой диалектологических карт вепсского и ижорского языков. Отмечались работы над «Словарем карельского языка» (проф. Д. В. Бубрих и А. А. Беляков), над «Словарем ижорского языка (В. И. Юнус), над «Словарем вепсского языка (М. М. Хямяляйнен).

Большое место в исследованиях Д. В. Бубриха занимал карельский язык, по материалам архива отмечаются следующие труды: «Глагольные времена в карельском языке», «Грамматика карельского языка» (1937), «Хронология палатализации согласных в карельском языке» (3 печ. л.). Большой отклик нашла его статья «О едином литературном карельском языке».

В 1937 г. Бубрих Дмитрий Владимирович (финские языки, ст. н. с., руководитель Кабинета финно-угорских языков, без степени, 43 печ. работы, научный стаж 23 года) был включен в список выдающихся специалистов ИЯМ, который насчитывал всего 12 человек [МИ ИЛИ РАН 2021: 718].

9 января 1938 г. он был арестован и его освободили в 1940 г. В годы войны Д. В. Бубрих находился в Сыктывкаре, его деятельность этого периода в архиве ИЛИ РАН не отражена.

В конце 1945 г. Дирекция Института языка и мышления в письме в Отделение литературы и языка отметила «две важнейшие работы, законченные в 1945 г. сотрудниками Института в Ленинграде», одна из них была книга Д. В. Бубриха «Историческая фонетика финского-суоми языка» (1948).

Источники

ДАКЯ — *Бубрих Д. В., Беляков А. А., Пунжина А. В.* Диалектологический атлас карельского языка. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1997.

МИ ИЛИ РАН — Материалы к истории ИЛИ РАН (1921–1937 гг. и 1941–1945 гг.) / сост. А. Н. Анфертьева, Л. Б. Вольфцун; отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: Ин-т лингвист. исслед. Рос. акад. наук, 2021.

Литература

Агафонова Н. А., Рябов И. Н. Диалектологический атлас как результат исследований эрзянских диалектов методами лингвистической географии // Финно-угорский мир. 2013. № 2. С. 48–53.

Томеллери В. С., Гордиенко Г. В. Д. В. Бубрих и догерманский субстрат: статья «О языковых следах финских тевтонов-чуди» (1926) и ее неопубликованные варианты // Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием «Бубриховские чтения: задокументированное народное слово» (Петрозаводск, 27–28 октября 2020 г.). С. 21–29.

Цыганкин Д. В., Бибин М. Т. Лингвистический атлас мокшанских и эрзянских говоров. Саранск: Тип. «Красный Октябрь», 2002.

Новак Ирина Петровна

д-р филол. наук, ст. научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН;
bel.irina@rambler.ru

Д. В. БУБРИХ И ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ШКОЛА КАРЕЛИИ

Ключевые слова: Д. В. Бубрих, прибалтийско-финские языки, лингвистическая школа.

Дмитрий Владимирович Бубрих (1890–1949) сыграл решающую роль в процессе сложения академической прибалтийско-финской лингвистической школы Карелии, считающейся сегодня по праву центром феннистики в России [Захарова, Новак 2020]. С 1940 г. он заведовал кафедрой финно-угорских языков Карело-Финского государственного университета, а в 1947–1949 гг. руководил Карело-Финским институтом истории, языка и литературы.

К описанию прибалтийско-финских языков Д. В. Бубрих приступил в 1928 г. после своего первого визита в Петрозаводск, где в Обществе изучения Карелии им был сделан доклад о необходимости исследования особенностей карельского языка и сбора лингвистического материала. В июле–августе 1930 г. состоялась первая экспедиция по собиранию материала по финско-карельским говорам. В 1932–1946 гг. под руководством Дмитрия Владимировича было проведено 23 экспедиции в более чем 200 населенных пунктов Карелии [Бубрих].

В 1930-е гг. Д. В. Бубрих принимал активное участие в работе по сознанию письменности для карелов Калининской области («Учебник карельского языка» (1934, в соавторстве с А. А. Беляковым)) и Карельской АССР, а также для вепсов Ленинградской области. Написание грамматики младописьменного карельского языка («Грамматика карельского языка» (1937 г.)) требовала уточнения диалектного представительства ряда фонологических явлений и морфологических категорий, в связи с чем особо полезной оказалась параллельно развернутая финно-угроведом с 1937 г. и продолженная в послевоенные годы работа над «Диалектологическим атласом карельского языка» (1997). Подробные анкеты (около 2 тыс. вопросов по фонологии, морфологии и лексике) были заполнены тогда в 200 населенных пунктах Карельской АССР и 20 пунктах Калининской области. К 1948 г. было составлено свыше 800 пробных карт для атласа, на основе которых Дмитрий Владимирович выделил в составе карельского языка три наречия [ДАКЯ 1997]. Так были определены два основных направления исследований прибалтийско-финской лингвистической школы Карелии: теоретическое (диалектология прибалтийско-финских языков) и практическое (создание грамматик, учебных пособий и словарей), а также получен задел для ее успешного развития на годы вперед.

В ходе многолетней плодотворной работы Д. В. Бубриха в Карелии был накоплен уникальный языковой материал, владение которым позволило ему написать ряд основополагающих трудов по прибалтийско-финскому языкознанию и этногенезу прибалтийско-финских народов («Происхождение карельского народа» (1947), «Историческая фонетика финского-суоми языка» (1948), «Историческая морфология финского языка» (1955) и мн. др.). Этот материал остается пригодным для решения современных проблем карельской диалектологии.

Так, например, в 2024 г. в Институте языка, литературы и истории КарНЦ РАН было завершено многолетнее исследование, посвященное построению многоуровневой диалектной классификации карельского языка на основе фонологической, морфологической и лексической систем его локальных вариантов диалектометрическими методами кластерного анализа и анализа когнатов [Новак 2024]. Данными для обсчета расстояния между говорами послужили заполненные в 1937–1973 гг. «Программы по собиранию материалов для диалектологического атласа карельского языка», хранящиеся в Научном архиве Карельского научного центра РАН. Все материалы (ок. 200 программ по 2000 вопросов в каждой) были расшифрованы, закодированы и внесены в открытую диалектную базу карельского языка Murreh (http://murreh.krc.karelia.ru/). Если ранее их невозможно было обсчитать вручную, то привлечение компьютерных тех-

нологий позволило достичь цели, поставленной Д. В. Бубрихом 90 лет назад: разработать диалектную карту карельского языка на основе исключительно языковых данных. Оцифрованные материалы в дальнейшем могут быть широко использованы в качестве основы для новых теоретических изысканий в области прибалтийско-финской диалектологии, а также в работе по редактированию правил и норм нормированных вариантов карельского языка.

Источники

Д. В. Бубрих — основоположник прибалтийско-финской лингвистической школы Карелии // Бубриховские чтения. URL: https://illh.ru/bubrih/bubrih.html (дата обращения: 24.12.2024).

ДАКЯ — *Бубрих Д. В., Беляков А.А., Пунжина А. В.* Диалектологический атлас карельского языка. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1997.

Литература

Захарова Е. В., Новак И. П. К 90-летию прибалтийско-финской лингвистической школы Карелии // Linguistica Uralica. 2020. № 2. С. 151–158.

Новак И. П. Карельский языковой ландшафт в диалектометрической парадигме // Вопросы языкознания. 2024. № 6. С. 58–84.

Исследование подготовлено в рамках выполнения государственного задания Карельского научного центра РАН № 125032004283-0 «Духовные традиции народов Карелии: тексты и контексты».

Родионова Александра Павловна

канд. филол. наук, научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН;
santrar@krc.karelia.ru

О ПАДЕЖАХ ПОСЛЕЛОЖНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КАРЕЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: аппроксиматив, терминатив, адитив, людиковское наречие, Открытый корпус вепсского и карельского языков.

Послелоги в агглютинативных языках, к которым относится также и карельский язык, можно считать идеальным строительным материалом для словоизменительных формантов. Ещё Д. В. Бубрих, говоря о падежах позднейшего образования в финно-угорских языках, указывал на сращение послелога с именем [Бубрих 1948: 69]. По его мнению, уже внутреннеместные падежи могли возникнуть из послеложных конструкций. Известный финноугровед Б. А. Серебренников также обращал внимание на поразительную способность агглютинативных языков к образованию новых падежных формантов из послелогов [Серебренников 1964: 10]. Л. Хакулинен в исследованиях по финскому языку говорил о закономерности расширения падежных систем финно-угорских языков [Хакулинен 1953: 84] и т. д.

В прибалтийско-финской науке на проблему послеложных падежей обращали пристальное внимание известные ученые З. М. Дубровина, Н. Г. Зайцева, Р. Грюнталь и мн. др.

Падежная система карельского языка находится в процессе непрерывного становления: некоторые падежные формы находятся на стадии формирования, другие, наоборот, выходят из обращения и постепенно переходят в разряд наречий. В большей части грамматик карельского языка в качестве послеложных падежей принято выделять: комитатив на *-nke* со значением «с кем-то, с чем-то», элатив *-späi*, *-spiäi* со значением «из чего-то», и аблатив на *-lpäi*, *-lpiäi* со значением «с поверхности чего-то». Тем не менее в ливвиковском и людиковском наречиях карельского языка, а также диалектах южной группы собственно карельского наречия наиболее широко распространенными падежами послеложного образования являются также аппроксиматив, терминатив и адитив, что бесспорно объясняется результатом влияния со стороны грамматической системы вепсского языка. Включение этих падежей вполне правомерно, поскольку они соответствуют всем критериям, свидетельствующим о слиянии послелога с формой имени и о превращении его в часть падежного форманта. Речь идёт о 1) *фонетических критериях:* полная утрата ударения (падежные окончания, в отличие от послелогов никакого ударения не имеют); полная утрата паузы (между основой слова и падежным окончанием паузы нет); ассимиляция (конечный гласный главного слова и начальный гласный нового падежного окончания подвергаются ассимиляции); гармония гласных (падежное окончание начинает подчиняться вокализму того слова, к которому оно присоединяется); редукция послелога (происходит деформация прежнего звукового облика послелога, он сливается со знаменательным словом и превращается в морфему); 2) *морфологических*: новые падежные окончания входят в парадигматический ряд каждого слова; 3) *синтаксических*: в отличие от послелога, невозможно употребление нового форманта в функции наречия; возникает также частичное или полное согласование определения с определяемым словом; постоянное употребление нового форманта у однородных членов предложения и т. д. [Зайцева 1981: 38–43]. На наш взгляд, названные выше критерии применимы и для карельского языка. Если пронаблюдать, каким образом данные критерии преломляются в карельском языке, то можно отметить, что, например, фонетические критерии при выделении падежей послеложного образования практически все действуют и на карельском материале, такие, как полная утрата ударения, полная утрата паузы, ассимиляция, редукция послелога.

Анализ языкового материала с применением инструментов корпуса может быть удачно использован в процессе корректировки некоторых правил орфографии новописьменных вариантов карельского языка. Это исключительно важно, прежде всего, для людиковского наречия,

поскольку его единая литературная форма до сих пор до конца не сформирована, и на нём практически отсутствует учебная литература. Воспользовавшись инструментами корпуса, проанализировав частоту использования тех или иных категорий, эти данные можно будет применить для создания унифицированного варианта письменной формы людиковского наречия, приемлемой для носителей разных говоров, а также использовать при подготовке новописьменных грамматик на людиковском наречии.

Литература

Бубрих Д. В. Сравнительная грамматика финно-угорских языков в СССР // Ученые записки Ленинградского университета. Серия востоковедческих наук. Вып. 2. Л., 1948.

Зайцева Н. Г. Именное словоизменение в вепсском языке. Петрозаводск: Карелия, 1981.

Серебренников Б. А. Основные линии развития падежной и глагольной системы в уральских языках. М.: Наука, 1964.

Хакулинен Л. Развитие и структура финского языка. М: Изд-во иностр. лит., 1953.

Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН («Прибалтийско-финские языки Северо-Запада России в условиях цифровизации научных знаний (2024–2028)», номер госрегистрации: 124022000089-4).

Рябина Елена Семёновна

канд. филол. наук, вед. научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт национального образования;
zangari@mail.ru

КОЛОРАТИВНАЯ ЛЕКСИКА В ШКОЛЬНОМ УЧЕБНИКЕ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: удмурдский язык, цветообозначения, школьный учебник, родная речь.

В докладе рассматриваются удмуртские основные цветообозначения (далее — ЦО), встречающиеся в учебниках удмуртского языка для 1–11 классов. Понятие основное ЦО определяется в традициях теории цветовых универсалий, изложенной учёными Б. Берлином и П. Кеем в известной монографии «Основные цветообозначения: универсальность и развитие» [Berlin, Kay 1969]. Номенклатура основных ЦО удмуртского языка была выявлена на основе полевого исследования в 2011 г. [Рябина 2011].

По мнению Б. Берлина и П. Кея, существует универсальная закономерность возникновения и развития ЦО в разных языках. В своём развитии основные ЦО проходят семь стадий, их число в разных языках может варьировать от двух до одиннадцати. В языках с развитой системой ЦО представлено одиннадцать основных терминов, соответствующих русским *чёрный, белый, красный, зелёный, жёлтый, синий, коричневый, фиолетовый, розовый, оранжевый, серый*. Впоследствии эта теория была дополнена, однако основные идеи, выдвинутые учёными, выдержали испытание временем. Значительный шаг в развитии теории сделали П. Кей и Ч. МакДаниэл [Kay, MacDaniel 1978], установив различие между первичными и вторичными цветовыми категориями. Первичными являются первые шесть цветов системы основных ЦО: *белый, чёрный, красный, зелёный, жёлтый, синий*. Вторичные категории, возникающие на последних стадиях развития системы ЦО, соответствуют тем зонам цветового спектра, в которых смешиваются цвета двух первичных категорий. Коричневый — это смесь жёлтого и чёрного, розовый — красного и белого, фиолетовый — красного и синего, оранжевый — красного и жёлтого, серый — чёрного и белого.

Изучение лексики основных ЦО в школьных учебниках удмуртского языка представляет особый интерес, поскольку учебник призван обучать литературному языку. Вместе с тем существуют диалектные различия в номенклатуре вторичных основных ЦО удмуртского языка [Рябина 2011].

В ходе эксперимента в 2011 г. было установлено, что основные ЦО надежно выделяются только в центрально-южном диалекте: *горд* ‘красный’, *вож* ‘зелёный’, *лыз* ‘синий’, *ӵуж* ‘жёлтый’, *сьӧд* ‘чёрный’, *тӧдьы* ‘белый’, *курень* ‘коричневый’, *лемлет* ‘розовый’, *нап-ӵуж* ‘оранжевый’ и *пурысь* ‘серый’. В северном наречии используются идентичные так называемые первичные ЦО и, кроме того, вторичное ЦО *пурысь* ‘серый’. Розовый цветовой спектр в центральных и северных районах Удмуртии обозначается словом *льӧль* ‘розовый’. Для обозначения коричневого и оранжевого цветов в говорах северного наречия используются различные слова, чаще всего они выражаются в сочетании первичных ЦО. Как южные, так и северные удмурты для обозначения фиолетового цвета чаще называли русские заимствования, только некоторые информанты предлагали удмуртское слово *бусӥр* ‘фиолетовый’. Стоит отметить, что в удмуртском языке есть отдельные наименования для синего и светло-синего цветового спектра: *лыз*, *чагыр*. Такое явление является редкостью, в большинстве языков мира светлый и темный тон синего цвета обозначается одним словом. В ходе эксперимента обнаружилось, что ЦО *чагыр* ‘голубой’ явилось частотным словом в ответах группы информантов из северной Удмуртии, в то время южные удмурты мало использовали данное ЦО.

В учебниках по предмету «Родной (удмуртский) язык» для 1–4 классов встречаются следующие основные ЦО, они ранжированы в порядке частотности: *тӧдьы* ‘белый’, *горд* ‘красный’, *ӵуж* ‘жёлтый’, *вож* ‘зелёный’, *сьӧд* ‘чёрный’, *лыз* ‘синий’, *пурысь* ‘серый’, *чагыр* ‘голубой’, *льӧль* ‘розовый’, *курень* ‘коричневый’, *нап-ӵуж* ‘оранжевый’, *лемлет* ‘розовый’, *бусӥр* ‘фиолетовый’. Таким

образом, в учебниках для начальной школы представлены все основные ЦО, при этом двумя вариативными наименованиями представлен розовый цветовой спектр, для синего и голубого спектра есть отдельные наименования. Низкую частотность имеют вторичные ЦО *курень* ‘коричневый’, *нап-ӵуж* ‘оранжевый’, *лемлет* ‘розовый’, *бусӧр* ‘фиолетовый’. Стоит подчеркнуть, что ЦО *курень*, *нап-ӵуж* впервые встречаются в учебнике для 2 класса, *бусӧр* впервые встречается в учебнике для 3 класса. В учебниках по удмуртскому языку для 5–9 классов также встречаются все основные ЦО. В порядке частотности они ранжированы следующим образом: *тӧдьы* ‘белый’, *вож* ‘зелёный’, *горд* ‘красный’, *сьӧд* ‘чёрный’, *ӵуж* ‘жёлтый’, *лыз* ‘синий’, *чагыр* ‘голубой’, *пурысь* ‘серый’, *льӧль* ‘розовый’, *курень* ‘коричневый’, *бусӧр* ‘фиолетовый’, *лемлет* ‘розовый’, *нап-ӵуж* ‘оранжевый’. В учебнике для средней школы также представлена вся номенклатура основных ЦО, кроме наименования *нап-ӵуж* ‘оранжевый’: *сьӧд* ‘чёрный’, *тӧдьы* ‘белый’, *горд* ‘красный’, *вож* ‘зелёный’, *чагыр* ‘голубой’, *лыз* ‘синий’, *ӵуж* ‘жёлтый’, *пурысь* ‘серый’, *лемлет* ‘розовый’, *льӧль* ‘розовый’, *курень* ‘коричневый’, *бусӧр* ‘фиолетовый’. Таким образом, школьные учебники по удмуртскому языку представляют всю номенклатуру основных ЦО на удмуртском языке. В учебниках встречаются отдельные наименования для синего и светло-синего цветового спектра, вариативные ЦО для розового спектра *льӧль*, *лемлет* используются как синонимы.

Далее стоит изучить основные ЦО, также специфичные ЦО в других учебниках предметной области «Родной язык и литературное чтение на родном языке», «Родной язык и родная литература».

Литература

Рябина Е. С. Основные цветообозначения в пермских языках. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2011.

Berlin B., Kay P. Basic color terms: their universality and evolution. Berkeley, CA: University of California Press, 1969. [Reprinted in 1991].

Kay P., McDaniel Chad K. The linguistic significance of the meanings of basic color terms // Language. 1978. Vol. 54, no. 3. P. 610–646.

Сергеев Олег Арсентьевич[1], Григорьева Людмила Яковлевна[2]

[1]канд. филол. наук, доцент, ст. научный сотрудник,
Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В. М. Васильева; olsemar@rambler.ru
[2]канд. филол. наук, доцент, директор,
Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В. М. Васильева; grigoryeva.marnii@mail.ru

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ И ИХ ВКЛАД В РАЗВИТИЕ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Ключевые слова: финно-угроведение, отечественные научные школы, марийское языкознание.

Развитие науки о марийском языке неразрывно связано с деятельностью отечественных и зарубежных научных школ, каждая из которых внесла значительный вклад в изучение языка и оказала влияние на формирование современного марийского языкознания.

Первые исследования марийского языка начались еще в XVIII в., когда ученые Петербургской академии наук обратили внимание на уникальные особенности языков народов Поволжья. В XIX в. были заложены основы научного подхода к исследованию марийского языка.

Важным шагом для зарождения науки в Марийской автономной области стало создание в 1921 г. так называемого академического центра — «малой академии». Основание Марийского научно-исследовательского института (МарНИИ) в 1930 г. способствовало дальнейшему развитию научных исследований, а открытие секции языка в 1937 г. позволило сосредоточить усилия на изучении и развитии марийского языка [Марийский научно-исследовательский институт… 2010: 6, 26].

Основоположник марийского языкознания — В. М. Васильев (1883–1961), выдающийся ученый-энциклопедист, д-р филол. наук (1957), автор свыше 250 научных трудов, таких, как «Записки по грамматике народа мари» (1917), «Материалы по марийской поэтике» (1930), «Научная грамматика марийского языка» (1947) и др. Он впервые выдвинул проблему выработки общенациональных норм марийского литературного языка. В 1928 г. им был составлен и издан сравнительный словарь диалектов марийского языка — «Марий мутэр».

В XX в. ключевую роль в развитии марийской лингвистики сыграли ученые из Москвы, Ленинграда и Тарту. Первым исследователем из мари, проходившим под руководством видных финно-угроведов Д. В. Бубриха и В. И. Лыткина научную школу в аспирантуре Института языкознания АН СССР и защитившим диссертацию в 1951 г., был Н. Т. Пенгитов. Благодаря наставничеству профессоров Д. В. Бубриха и В. И. Лыткина московскую (также ленинградскую) научную подготовку получила А. А. Саваткова. Академик АН СССР Б. А. Серебренников был научным руководителем будущих профессоров Н. И. Исанбаева и Ф. И. Гордеева.

В Ленинградском государственном университете им. А. А. Жданова под руководством профессоров А. И. Попова и Л. Р. Зиндера в исследовательскую деятельность вступили Г. С. Патрушев и Л. П. Грузов. С городом на Неве также связана учеба в аспирантуре Ленинградского госуниверситета З. Г. Зориной. В 1982 г. она защитила кандидатскую диссертацию (научн. рук. д-р филол. наук, проф. Л. А. Вербицкая), а в 1997 г. в Санкт-Петербургском университете — докторскую работу. Под руководством профессора З. М. Дубровиной написала кандидатскую диссертацию О. Викстрём, окончившая отделение финского языка и литературы Санкт-Петербургского университета.

При изучении становления марийской лингвистики как части мирового финно-угроведения заслуживает особого внимания история кафедры финно-угорских языков Тартуского университета в лице ее заведующего Пауля Аристэ. Академик П. Аристэ в течение почти 40 лет (с 1951 по 1989 г.) подготовил из Марий Эл 15 квалифицированных специалистов. Первым аспирантом П. Аристэ, защитившим диссертацию в 1955 г., была Л. П. Васикова.

Безусловно, во всестороннем исследовании родного языка большая заслуга принадлежала профессору Н. Т. Пенгитову, заведующему кафедрой марийского языка и литературы Марийского государственного педагогического института им. Н. К. Крупской (открыт в 1931 г., в 2008 г. был присоединен к Марийскому государственному университету). Под его руководством учились и защищали кандидатские диссертации восемь аспирантов, двое из них позднее стали докторами филологических наук — Д. Е. Казанцев и Г. И. Лаврентьев.

С открытием в 1972 г. Марийского государственного университета исследование марийского языка поднялось на новый уровень. Прежде всего была создана кафедра филологии, в начале 1990-х гг. она преобразована в кафедру марийской и финно-угорской филологии, с 1993 г. — кафедра финно-угорских языков, с 1 июля 2009 г. — кафедра общего и финно-угорского языкознания. 1 сентября 2000 г. сформирована отдельная кафедра марийского языка [Марийский государственный университет… 2010: 249]. Создание института финно-угроведения (2002, 2008–2013) содействовало развитию исследования языков родственных народов. С 2013 г. кафедры марийского языка и литературы, финно-угорской и сравнительной филологии функционируют на базе Института национальной культуры и межкультурной коммуникации Марийского государственного университета.

В подготовке языковедов особое место занимал Специализированный совет по защите кандидатских диссертаций по специальности «10.02.07 — Финно-угорские и самодийские языки» (открыт 7 июня 1991 г. на историко-филологическом факультете Марийского государственного университета, с февраля 1993 г. преобразован в Специализированный совет по защите кандидатских и докторских диссертаций), председателем назначили проф. И. С. Галкина. За время деятельности этого Совета подготовлено и защищено свыше 90 докторских и кандидатских диссертаций, среди них более 30 — по марийскому языку [Максимов, Ласточкина 2022: 279–293]. Именно в этот период марийское языкознание достигло наибольшего расцвета в своем развитии.

Таким образом, отечественные научные школы, как «ленинградская», «московская», «тартуская школа академика П. Аристэ», марийские школы «профессора Н. Т. Пенгитова» и «профессора И. С. Галкина», выполнили фундаментальную роль в формировании и развитии марийского языкознания, сконцентрировав свою деятельность на исследовании фонетики, лексикологии, грамматики марийского языка, а также на сравнительном и сопоставительном изучении его с другими языками уральской семьи и с языками контактирующих народов. Работы представителей этих школ позволили глубже понять процессы формирования современного марийского литературного языка, выявить связи между различными диалектами и внесли важный вклад в понимание структуры марийского языка и его места среди родственных и неродственных языков.

Современное развитие марийского языкознания характеризуется широким спектром исследовательских направлений, активным использованием междисциплинарных подходов, сочетая традиционные методы языкознания с достижениями компьютерной лингвистики, социолингвистики и когнитивной науки, а также стремлением сохранить и развить марийский язык как важную часть культурной идентичности марийского народа.

Литература

Максимов В. Н., Ласточкина Е. Г. Они стояли у истоков создания кафедры филологии // Вестник Марийского государственного университета. Сер. «Исторические науки. Юридические науки». 2022. Т. 8, № 3. С. 279–293.

Марийский государственный университет: день за днем. Хроника событий, факты. 2009/2010 учебный год: ежегодник / авт.-сост. Е. А. Хлебников; под общ. ред. проф. В. И. Макарова. Йошкар-Ола, 2010.

Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В. М. Васильева. 80 лет. 1930–2010: Иллюстративное издание. Йошкар-Ола, 2010.

Федорова Любовь Петровна

канд. пед. наук, доцент, Удмуртский государственный университет;
liubov.fedorova@gmail.com

СОВРЕМЕННЫЙ ЖЕНСКИЙ ДЕТЕКТИВ В УДМУРТСКОЙ И ФИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРАХ

Ключевые слова: женский детектив, удмуртская литература, финская литература.

На фоне современной нестабильной реальности детективная литература становится всё популярнее среди читателей. В России этот жанр получил особый отклик в 1990-е гг., когда страна переживала период перестройки. По словам Х. Л. Борхеса, детектив помогает сохранить «чувство порядка в эпоху беспорядка». Литературоведы отмечают эволюцию детективной литературы как в жанровом, так и в функциональном плане. Интеллектуальное состязание между сыщиком и читателем в современных детективах сменяется стремлением к развлекательности и занимательности. Н. Георгинова справедливо отмечает, что «в эволюции детективного жанра критики усматривают признаки упадка жанра, в связи с тем, что происходит поглощение детектива массовой литературой, акцент переносится с решения интеллектуальной задачи на коммерческую выгоду и развлечение» [Георгинова 2018: 4].

Интерес представляет сравнительный анализ современных детективов в родственных по языку литературах, но развивающихся в разных социокультурных традициях, в частности, удмуртской и финской. В качестве объекта исследования нами выбраны произведения королевы финского детективного жанра Леены Лехтолайнен (1964) и удмуртского прозаика, поэтессы и журналиста Елены Миннигараевой (1976).

Следует заметить, что жанр детектива не характерен для удмуртской литературы в целом, но в последнее десятилетие удмуртские писательницы, творчески осваивая опыт зарубежных и русских коллег по перу, примерили кодексы Нокса и двадцать правил настоящего детектива, провозглашенные С. С. Ван Дайном, к удмуртскому миру. В этом жанре пробуют перо Римма Игнатьева, Елена Миннигараева.

Детектив «Сьӧд сюлык» (2016) Елены Миннигараевой рассказывает историю о пропаже старинного платка (сюлыка), семейной реликвии героини повести Любы Корепановой. После смерти бабушки, которая продала сюлык в голодные годы, Люба решает вернуть реликвию и начинает работать в музее, но неожиданно обнаруживает её пропажу. Подозреваемый — журналист Гондыр Закыров, последний, кто видел платок в фондах музея. Однако он решает провести собственное расследование, несмотря на угрозы в его адрес. В итоге оказывается, что настоящий преступник — редактор журнала «Чеберлык» Аркадий, который украл платок ради собственной выгоды.

От классического детектива повесть «Сьӧд сюлык» отличает ряд особенностей — нет убийства, но есть преступление — кража сюлыка из фондов музея. Расследование ведет сыщик-любитель, которого пытались отравить. В сюжете органично переплетаются сцены расследования преступления и романтическая линия. Повествование содержит множество дополнительных сведений, непосредственно не связанных с самим преступлением и его раскрытием. Перечисленные признаки характерны чаще всего для женского детектива.

Среди финских писателей детективов можно отметить следующие имена: Матти Йоэнсуу (1948), Харри Нюкянен (1953), Рейо Мяки (1958), Леена Лехтолайнен (1964), Антти Туомайнен (1971), Элин Бакман (1983) и другие. Леена Лехтолайнен, которую называют королевой финской детективной литературы, получила широкую известность благодаря циклу романов о полицейском Марии Каллио. К числу этих произведений относятся книги «Мое первое убийство» (1993), «Змеи в раю» (1994), «Медное сердце» (1995) и другие. Главный сыщик данной серии (15 романов) Мария Каллио живет в городе Эспоо и работает полицейским. Каждая книга повествует не только о работе Марии в полицейском управлении Эспоо, но и о её личной жизни. Она борется с городской преступностью. В романе «Мое первое убийство» расследуется смерть

бизнесмена Юкки Пелтонена. Посиделки молодых людей на утро завершаются убийством хозяина дома. Его находят рядом с морем со следами жестокого убийства. Мария Каллио берется за расследование и под подозрение попадают все участники вечеринки. Детектив растерян, так как она была знакома с убитым и его друзьями. Серию детективных романов Лехтолайнен можно характеризовать как полицейские.

В вышеназванных произведениях присутствуют все основные герои детектива: это — сыщик (детектив), преступник, потерпевший (жертва), свидетель, помощник детектива, подозреваемый, повествователь. Но важно отметить национальные черты характеров героев и жанровые особенности произведений. В романах Л. Лехтолайнен можно ощутить этнические особенности финнов. Главная героиня часто пьет кофе — напиток, который для многих финнов является неотъемлемой частью повседневной жизни. Финский детектив Хилья Илвескеро предпочитает работать в одиночку, однако при необходимости задержания преступника она привлекает своих коллег. Эта особенность отражает психологию финнов: они склонны решать задачи индивидуально, обращаясь за помощью лишь в крайних случаях, когда дело невозможно завершить без участия других людей. Именно эта черта способствует развитию их выносливости и трудолюбия. Герои-финны также предпочитают сохранять дистанцию в общении, что связано с потребностью в личном пространстве, которое имеет большое значение для них. В финских произведениях прослеживается гармония человека с природой, много пейзажных картин. В образах героев удмуртских детективов также отражены национальные черты удмуртов: сдержанность, трудолюбие, гостеприимство, доверчивость. Мнение окружающих играет важную роль для персонажей. Стоит отметить уважение к национальным традициям и их соблюдение. Даже сюжет детектива строится вокруг пропажи сюлыка — свадебного головного убора невесты.

Таким образом, несмотря на разнообразие вариантов, детектив обладает рядом неизменных характеристик и функций, которые определяют его как отдельный литературный жанр. Классический детектив постоянно видоизменяется в национальных литературах, обогащаясь этническим колоритом и вариантами героев, сюжета, пафоса. Исследование особенностей детектива отдельных авторов в сравнительном плане «в перспективе может стать основой национальной внутрижанровой типологии [Спиридонов, Хорошев 2014: 73].

Литература

Георгинова Н. Ю. История появления и становления детективного жанра в литературе // Библиотечное дело. 2018. № 1. С. 2–6.

Спиридонов Д. В., Хорошев Е. В. Национальные варианты детектива в современном зарубежном литературоведении: проблема внутрижанровой типологии детективного нарратива // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2014. № 6. С. 69–74.

Хорохорин Павел Андреевич

мл. научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН;
pavel.horohorin@yandex.ru

ОЗЕРНЫЕ ИМЕНОВАНИЯ ЮЖНОЙ КАРЕЛИИ НА ИСТОРИЧЕСКИХ КАРТАХ

Ключевые слова: исторические карты, южная Карелия, модели передачи.

Особое внимание необходимо уделить нормам передачи карельских топонимов в официальных источниках, прежде всего в ГКГН, который является источником для написания названий в документах, в СМИ, на картах, в различного рода справочниках. Между тем, в нем немало огрехов, ошибок, описок, неточностей, особенно в передаче карельских названий озер [Захарова и др. 2022: 257]. Известно, что основным источником для Госкаталога послужили топографические карты, поэтому в исследовании сделана попытка ретроспективного взгляда на то, как в истории картографии происходило становление адаптационных моделей на протяжении XVIII–XX вв., проанализировать, как сложилась традиция передачи именований озёр южной Карелии на исторических картах.

Хронологические рамки продиктованы тем, что первые относительно наполненные топонимами карты и планы территории южной Карелии появились в XVIII в. Это рукописные планы Генерального межевания Олонецкого и Петрозаводского уездов, а также первая карта Олонецкой губернии (тогда административно это был Олонецкий уезд Новгородской губернии) Акинфия Клешнина 1728 г. В XIX–XX вв. территория Карелии неоднократно отражалась на картах и атласах России, в том числе на двух наиболее значимых: Специальная карта Западной части России Шуберта 1826–1840 гг. и Специальная карта Европейской России И. А. Стрельбицкого 1871 г. [Собисевич 2013: 10].

Далее представлены основные способы передачи карельских оригинальных лимнонимов:

- Модель полукальки: детерминант -озеро в топониме Ведлозеро, переводимый от карел. Vieljärvi с сохранением карелоязычной атрибутивной части. Это доминирующий способ передачи, имеющий далекие корни в народной традиции, использовавшийся уже в ранних документах новгородского времени, позднее — в массовом порядке — в материалах писцового дела XV–XVIII вв. Показательно, что многие из полукалек с детерминантом *-озеро* передаются на современных топографических картах способом прямой адаптации (напр., Пускуярви, Мудоярви, Кинеярви и т. д.).
- Модель с усечением детерминанта: на карте А. Клешнина 1728 г. использована применительно к ряду относительно крупных озеро: оз. Ведло, Сямо, Свято, Ранда, Ураз, Садала (совр. оз. Сандал), Шадама (совр. Шайдома). На карте Стрельбицкого оз. Турось (совр. Торосозеро), оз. Сурос (Лижменское), оз. Риго (сов. Оз. Лигозеро), оз. Палей (Палежма), оз. Солометъ (оз. Сометъярви), Силта (Тильваярви). Оз. Ворузъярви на карте Генерального плана Олонецкого уезда фиксируется с усечением — оз. Вурусъ. Вероятно, фиксация таких усеченных моделей носит случайный характер в силу того, что представленные выше лимнонимы встречаются на карте хаотично, они не сгруппированы в какой-то отдельно взятой области, а расположены по всей протяженности. Такое написание может быть спровоцировано нехваткой места на карте, однако практика использования усеченных названий применительно к крупным озерам может указывать на попытку приведения их под модель русских топонимов, простых по форме.
- Модель прилагательного с формантом *-ское*, который соотносит некоторые лимнонимы с наименованием поселения. Карта Генерального плана Олонецкого уезда 1805 г.: оз. Пускосельское близ д. Пускосельга (совр. Пускуярви); на Специальной карте Западной части России Шуберта 1826–1840 гг.: оз. Тенгинское, расположенное вблизи п. Тенгунева (оз. Тенгусельга), оз. Сермягинское близ д. Сирмяги (оз. Сарьмяги), оз. Сальме-

нижское близ п. Сальменжской (Шотозеро); на Специальной карте Европейской России 1871 г.: оз. Содерское (оз. Шотозеро), оз. Пряженское близ п. Пряжа (оз. Пряжинское), оз. Пелдожское близ п. Пелдожъ (оз. Пелдожское).

- Модель передачи посредством полной кальки: оз. Святозеро, от карел. Pyhäd'ärvi, pyhä 'святой', d'ärvi 'озеро'. На карте Петрозаводского уезда 1794 г. оз. Крюгозеро в районе с. Святозеро — карел. Koverjärvi (карел. kover 'кривой' адаптировано с использованием рус. топоосновы крюк). Большинство полных калек переоформлены структурно в простые топонимы в соответствии с русской лимнонимной моделью прилагательных: на плане Олонецкого уезда 1805 г. оз. Беличье — карел. Oravujärvi, оз. Собачье — карел. Koirulambi, оз. Круглое (совр. оз. Пюреярви) — карел. Pyyrejärvi, оз. Рыбное (совр. оз. Калаярви) — карел. Kalajärvi.
- Прямая адаптация с моделями: Ярви и Ламба (Ламби). На исторических картах в районах южной Карелии адаптированный вариант *-ярви* активно не фиксируется, редкие случаи: Лахтъ Ярви, Ломотъ Ярви (карта 1871 г. Стрельбицкого). Модель *-ламби* (*-ламба*) чаще встречается на исторических картах в районах: например, на карте Олон.у. 1805 г. компактная группа к югу от Коткозера: Ковер Ламба, Гасно ламба, Нитту Ламба, Муста Ламба, Гой Ламба, Габо Ламба, или группа озер, находящаяся в районе Каскеснаволока — Латчи Ламби, Мечи Ламби. На карте А. Клешнина есть редкие случаи использования *-ламби*: оз. Гангиламби в Пряжинском районе; ламби активно встречается на Специальной карте Европейской России: Габо Ламби (Гойламби), оз. Ламби (отсутствует на совр. карте), оз. Мезиламби (совр. Мюзилампи), Кирикъ Ламби (совр. Кириккиярви). На картах практикуется раздельное написание основного компонента с заглавной буквы. Учитывая, что современные топографические карты изобилуют лимнонимами с детерминантами -ярви, можно выдвинуть предположение о том, что активизация прямой адаптации такого вида произошла ориентировочно в XX в.

Литература

Захарова Е. В., *Кузьмин Д. В.*, *Муллонен И. И.* Карельская топонимия в Государственном каталоге географических названий: работа над ошибками // Вопросы ономастики. 2022. Т. 19, № 3. С. 256–281.

Собисевич А. В. История географического изучения и картографирования территории Карелии: XVIII — первая четверть XX вв.: дис. … канд. геогр. наук. М., 2013.

Исследование подготовлено в рамках государственного задания 124022000089-4 КарНЦ РАН.

Чаусова Виктория Николаевна
ассистент, Санкт-Петербургский государственный университет;
v.chausova@spbu.ru

КОММУНАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД В РАБОТЕ С ЛЮДЬМИ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

Ключевые слова: asioimistulkkau, коммунальный перевод, перевод в социальной сфере.

Объектом нашего исследования стал вид перевода в социальной сфере (здравоохранение, образование, защита прав граждан и пр.), который в русском языке принято называть «коммунальным переводом». По-фински устный перевод, который осуществляется в процессе контакта с должностными лицами, называется asioimistulkkaus [Vainikka 2021: 97]. Особенно актуален этот вид перевода в наше время, когда увеличивается количество мигрантов, не владеющих языком принимающей страны. Эта ситуация приводит к необходимости профессиональной подготовки студентов в сфере коммунального перевода [Каменева 2023: 89; Kaarinen ym. 2020: 42]. Существует много работ, научных и методических, посвященных преподаванию коммунального перевода на материале английского языка. Представляется необходимым рассмотреть особенности перевода в социальной сфере на материале финского языка, выделить сложности, которые встречаются в практике коммунального перевода, и определить возможные способы развития навыков, необходимых для коммунального переводчика с финским и русским языками.

Проанализировав многолетний опыт работы в сфере социального перевода и сотрудничество с такими организациями, как фонд поддержки молодых инвалидов Vamlas, учебно-методическим центром Valteri, колледжем ESEDU и другими, а также работу в проектах по сотрудничеству финского семейного реабилитационного центра LAUSTE и Лодейнопольского детского дома, центра LAUSTE и фонда «Ключ», автор выделил следующие сложности, возникающие в работе коммунального переводчика в паре языков русский-финский:

1. Различие в законодательстве РФ и Финляндии. Изучение законов и подзаконных актов, к примеру, Vammaispalvelulaki (Закон об услугах для инвалидов) или Kehitysvamma-asetus (Закон об услугах для людей с ментальными нарушениями) поможет повысить свою компетенцию в данной сфере и подобрать терминологические соответствия, поскольку специальных словарей или тезаурусов пока не создано. На сегодняшний день есть довольно большой пласт нетерминологизированной общей лексики русского языка, что приводит к вариативности в переводе. Например, rollaattori — ролатор / ролятор / роллатор / опора-ходунки; nousuteline — устройство для подъема и перемещения инвалидов / опора для вставания больных. Для расширения профессионального словарного запаса рекомендуется знакомить обучающихся с деятельностью образовательных учреждений, осуществляющих подготовку специалистов в области ухода за людьми с ОВЗ.
2. Различие в культуре отношения к людям с ограничениями по здоровью в Финляндии и России и разная степень приятия инвалидов в обществе. Это находит отражение даже в том, как людей с ОВЗ называют на официальном уровне и в быту. Так, в финском языке существует лексема invalidi, но сфера ее употребления ограничена. Широкоупотребима лексема vammainen — субстантивированное прилагательное от сущ. vamma ‘травма’. Глубинный смысл этого термина не имеет значения ограниченности (в трудо- или дееспособности), который есть у лексемы «инвалид», из-за чего у носителей русского языка есть стремление к использованию эвфемизмов для обозначения людей с ОВЗ. Этому вопросу стоит уделять внимание при подготовке коммунальных переводчиков.
3. Различие в методиках работы с людьми с ОВЗ, при этом при общении в профессиональной среде используются аббревиатуры, которые могут быть омонимичны общей лексике. Например, kesy: а) = keskustelu symbolein ‘разговор при помощи символов’, б) ’ручной

(о животном)’. Семантика узкоспециализированных аббревиатур может теряться в случае фонетического перевода. Например, экспериментальный формат работы «семейных классов», предполагающий взаимодействие родителей, школы и специалистов на благо ребенка, называется RESETTI. Это акроним, в котором каждая буква обозначает необходимое качество: R — rentoutus ‘непринужденность’, E — empatia ‘эмпатия’, S — sopimus ‘договоренность’, E — ennakointi ‘предвидение’, T — taitojen harjoittelu ‘отработка навыков’, T — tuettu taito ‘поддерживаемый навык’, I — itsenäinen taito ‘самостоятельный навык’.

Мы предполагаем, что выделенные в результате анализа практической работы в сфере коммунального перевода для людей с ОВЗ навыки и компетенции (лингвистическая, социокультурная, юридическая), а также предложенные пути развития навыков послужат автору основой для разработки учебно-методического пособия для студентов-переводчиков.

Литература

Каменева Н. А. Коммунальный перевод и специфика подготовки переводчиков в социальной и правовой сфере // Филология: научные исследования. 2023. № 12. С. 88–94. https://doi.org/10.7256/2454-0749.2023.12.69112

Kaarinen R., Luukkonen T., Jauhola L., Määttä S. Selvitys asioimistulkkauksen nykytilasta. Työ- ja elikeinoministeriön julkaisuja. Vol. 45. Helsinki: Työ- ja elinkeinoministeriö, 2020. URL: https://julkaisut.valtioneuvosto.fi/bitstream/handle/10024/162434/TEM_2020_45.pdf?sequ (дата обращения: 25.01.2025).

Vainikka M. Kulttuurin perresentaatiot asioimistulkkauksen tutkimuskirjallisuudessa // MikaEL Kääntämisen ja tulkkauksen tutkimuksen symposiumin verkkojulkaisu. 2021. Vol. 14. S. 97–111. URL: https://researchportal.helsinki.fi/files/174705953/MikaEL14_Vainikka.pdf (дата обращения: 25.01.2025).

Шеянова Светлана Васильевна

д-р филол. наук, профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва;
sheyanovas@mail.ru

МОРДОВСКАЯ ЖЕНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В НАУЧНОЙ РЕФЛЕКСИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУРОВЕДОВ

Ключевые слова: мордовское литературоведение, мордовская женская литература, женское творчество.

В последние десятилетия изучение мордовского литературного процесса в гендерном аспекте становится продуктивной исследовательской стратегией, что обусловлено активным развитием женского творчества, воспринимаемого сложным социокультурным явлением, этноэстетическим феноменом, средством отражения как универсальных общечеловеческих ценностей, этических норм, нравственных понятий, так и особенностей этнического сознания, национальной картины мира. Мордовская женская литература востребована в читательской среде, поскольку она предлагает оригинальное разрешение фундаментальной оппозиции маскулинность/феминность, воплощает специфику женской ментальности, художественно исследует процесс самореализации женщины в семье, обществе. Данный круг вопросов не находит углубленной эмоционально-образной реализации в мужском художественном дискурсе советской эпохи, в котором доминируют производственная тематика, проблема формирования характера положительного героя.

Мордовская женская литература — явление достаточно позднее. Оно активизировалось на рубеже XX–XXI вв. в эпоху социокультурных изменений, трансформации определенной общественной идеологии, поиска новых возможностей творческого самовыражения. Развитие женского творчества обусловлено рядом внешних и имманентных факторов, в частности естественной сменой субъектов творчества (уходит так называемое среднее поколение мордовских авторов-мужчин). За относительно короткий промежуток времени (несколько десятилетий) авторы-женщины не только сформировали новые философско-аксиологические содержательные векторы (отказ от пафосно-патетического восприятия действительности, актуализация вопросов онтологического, экзистенциального плана), обогатили стилистические приемы письма, но и переориентировали творческое сознание общества, привнесли в литературу постмодернистские тенденции, отразили трагическое мироощущение современника. Р. Орлова, Л. Дергачева, Т. Разгуляева, Т. Баргова, Л. Рябова, А. Подгорнова, М. Еремина, М. Слугина, Т. Мокшанова, С. Фадейкина, М. Аникина и др. разработали оригинальные нарративные стратегии, формы репрезентации женского мирообраза, композиционные и хронотопические модели текста, обогатили национальный образно-символический ряд.

Активность и многогранность женской литературы вызывают научный интерес национальных исследователей, подвергающих рефлексии разные стороны и аспекты женского творчества. Написанные в разной форме (диссертации, монографии, статьи) работы представляют несомненную научную ценность — расширяют контекст гендерных исследований в финно-угорском исследовании, обогащают представления о национальном литературном процессе и эстетическом уровне мордовской словесности в целом.

Исследованию жанрового своеобразия, тематических кластеров, образной системы, поэтологических особенностей поэзии Р. Орловой посвящена диссертация Е. Н. Дьячковой [Дьячкова 2018], в которой исследователь высоко оценивает эстетический уровень творчества поэтессы, автора девяти поэтических сборников. Следует отметить, что изложенные в диссертации положения нуждаются в дополнении, поскольку Р. Орлова значительно расширила свой творческий диапазон, она активно осваивает актуальные для современной действительности темы войны на Донбассе, СВО. Ее стихотворения вписываются в контекст поэзии «русской весны», транслируют идею соборности России, мотивы патриотизма, веры в победу.

В монографии «Мордовская литература рубежа XX–XXI вв.: поиски национальной идентичности» [Антонов и др. 2018] прослежены поэтическое миропонимание, тематические коды, мотивно-образные кластеры, лирические формы мордовской женской поэзии. Авторы делают заключение о том, что она «подвержена трансформации жанровых канонов, констант поэтической выразительности, что обусловлено глобальными общественными изменениями, самой действительностью, подталкивающей к поиску новых тем, конструированию новых путей, эстетических программ, форматов» [Антонов и др. 2018: 118].

В монографии «Современный мордовский рассказ: проблематика, поэтика» [Ермина, Шеянова 2022] впервые в контекст финно-угорского литературоведения вводятся рассказы Т. Разгуляевой, Т. Барговой, дополняются положения о малой прозе В. Мишаниной. Отмечается, что «женское» в произведениях авторов прослеживается в репрезентации внутреннего мира женщин-героинь, их чувственной сферы, а также в раскрытии психологических тонкостей, поведения мужчины с точки зрения женского восприятия» [Ермина, Шеянова 2022: 124].

Особенности творческого сознания отдельных авторов-женщин, художественные особенности, эстетический уровень их произведений раскрыты в статьях А. М. Каторовой, О. И. Налдеевой, С. В. Шеяновой, Н. Н. Левиной, Е. Н. Дьячковой и др.

Однако, как динамично развивающаяся структура, мордовская женская литература нуждается в постоянном мониторинге, научном осмыслении тенденций и закономерностей эволюционирования, изучении в аспекте концептосферы текста, технологий отражения ментальных черт эрзянского и мокшанского народов, этнической мирореальности, форм репрезентации лирического «я», средств воссоздания «диалога» времен и культур, стилистических особенностей «женского» текста и т. д. Назрела необходимость аналитического изучения женского творчества сквозь призму постмодернистского сознания.

Литература

Антонов Ю. Г., Левина Н. Н., Шеянова С. В. Мордовская литература рубежа XX–XXI вв.: поиски национальной идентичности. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2018.

Дьячкова Е. Н. Образная система и жанровое своеобразие художественного творчества Раи Орловой: дис. … канд. филол. наук. Саранск, 2018.

Ермина Н. И., Шеянова С. В. Современный мордовский рассказ: проблематика, поэтика. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2022.

Исследование подготовлено в рамках гранта РНФ № 24-28-00098 «Мордовская женская литература: специфика репрезентации гендерной картины мира, национально-художественное своеобразие».

Шкляев Александр Григорьевич

канд. филол. наук, доцент, Удмуртский государственный университет

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ УДМУРТСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВЕКОВ

Ключевые слова: литературный процесс, мифологизм, этнофутуризм, жанры христианской литературы.

Привычная для советского литературоведения риторика о том, что удмуртская литература молода, скрыто намекающая на скидки и оправдания ее слабостей, безнадежно устарела [История удмуртской литературы… 2023]. Сменился век, ушло целое поколение писателей, которых все чаще называют классиками, и пришла новая плеяда молодых талантов. Литература каждого этноса интегрируется в глобальный духовный мир и соотносится с ним. Долгие годы удмуртская критика продолжала предъявлять к художественным произведениям свои противоречащие замыслам писателя в духе вульгарного социологизма требования. Поэтому она изобиловала такого рода штампами, как-то: «писатель должен», «нет героев, достойных масштабам времени», «все еще не создано соответствующее духу времени произведение о рабочем классе» и т. д. Этот принцип долженствования, с которым подходила критика к литературе, нарушала их диалог, разводила по разные стороны общего дела.

Новые подходы в изучении текстов, которые обоснованы трудами М. М. Бахтина, Ю. М. Лотмана, Д. С. Лихачева, Б. О. Кормана и других, открывают возможность по-новому смотреть на многие произведения литературы и критики и по достоинству оценивать их духовный потенциал. Именно от критики ждут прорывов, на ее плечи перекладывают ответственность за положение дел в литературе, ибо в критике сосредоточиваются узловые проблемы, болевые точки развития литературы и духовной жизни общества. Критика, действительно, может быть зеркалом, и литература может в него смотреться, чтобы получать о себе адекватное представление, увидеть себя во весь свой рост [Зайцева 2009].

В 1980-е гг. финно-угорские литературы России отходят от заданных тем и постепенно возвращаются к своим национальным истокам — к мифам, фольклору, к переводной христианской литературе. Публикуются такие «забытые» произведения, как «Мати» Кузебая Герда (1920), «Три года диявола возил» (1906) Ивана Михеева, «Мынам пленись пегземе» (Моё бегство из плена) Алексея Денисова (1919) [Сюрес вожын… 2010]. Постмодернизм приобретает здесь формы этнофутуризма, мифологизма. Появляются новые, непривычные по художественным решениям произведения Лидии Нянькиной, Виктора Шибанова. Грань между жизнью и смертью, бытием и небытием, город и деревня — вот область художественного исследования новых авторов. «Инвис» (горизонт; букв. грань между землей и небом) — знаковый образ молодой поэзии. «Жизнь — полоска зари в небесах», — пишет Арзамей Очей. Ощущение возможности катастрофы, апокалиптические настроения — вот созвучные читательскому мироощущению мотивы, которые проникают в творчество объявивших себя «этнофутуристами» Михаила Федотова, Петра Захарова, Рифката Миннекузина и других. Этнофутуризм выступает как попытка синтеза архаического, мифологического сознания с современными концепциями бытия и искусства, как ответ на вызовы времени и даёт новые, непривычные по художественным решениям произведения литературы. Когда перестали иметь силу прежние политико-идеологические установки, литература ринулась изображать мир или скрываемый, или мистический потусторонний мир, «потёмки удмуртской души», «мир темных страстей». Поэты вместо зовущих вперёд «светлых маяков» стали обозначать буйки: здесь страшно, здесь опасно, здесь непознаваемо и т. д. Как известно, христианские традиции, заложенные в удмуртской литературе писателями-миссионерами (в их числе Вениамин Пуцек-Григорович, Григорий Верещагин, Яков Ильин, Михаил Ильин и др.), в годы вульгарного атеизма были, по существу, прерваны. Гуманизм, став классовым, иногда превращался в свою противоположность, а жанры житий, молитв, духовных стихов и песнопений вовсе деформировались, если не сказать, исчезли: ка-

залось, этот пласт литературы никогда не будет востребован и возрожден. Тем удивительнее, что еще в конце XX в. среди удмуртов появился человек, который естественно, по убеждению, выстрадал в себе христианские идеи и из науки пришел в религию, из научного института — в церковь. Это — Михаил Атаманов. Получив благословение от самого Патриарха Алексия II на перевод книг Священного Писания, он заново прошел путь, пройденный удмуртской литературой: перевел все четыре Евангелия, а затем и весь Ветхий Завет, что требовало современной филологической культуры и лингвистического воображения. То, что было сделано в течение полутора веков, Михаил Атаманов повторил на другом уже научном и культурном витке за десять с небольшим лет, потом постепенно сам стал писать свою прозу и публицистику то в жанре жития, то паломнического дневника, то проповеди. Но, приобретая психологическую и философскую глубину, литература в то же время утрачивает свой социологический взгляд на действительность.

Литература

Зайцева Т. И. Удмуртская проза второй половины XX — начала XXI века: национальный мир и человек. Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 2009.

История удмуртской литературы. Конец XIX — середина XX в. / Л. П. Федорова, С. Т. Арекеева, Т. И. Зайцева [и др.], Удмурт. ин-т ист., яз. и лит. Удмурт. федер. центра Урал. отд. Рос. акад. наук, Удмурт. гос. ун-т; отв. ред. В. М. Ванюшев; предисл.: А. А. Арзамазова, В. М. Ванюшева, В. Л. Шибанова [и др.]; редкол.: А. А. Арзамазов, Г. А. Глухова, Т. И. Зайцева [и др.]; рец.: Е. К. Созина, Р. А. Кудрявцева. Ижевск: Удмурт. федер. центр Урал. отд. Рос. акад. наук, 2023.

Сюрес вожын: Веросъёсын бичет (1919–1935 — ти аръёс) / Азькылзэ гожтиз, люказ, радъяз но валэжктонъёс сётиз С. Т. Арекеева, Ижкар: «Удмурт университет» книга поттонни. 2010.

Бондарчук Виталий Сергеевич[1], Яскевич Виталий Валерьевич[2]

[1]магистрант, Минский государственный лингвистический университет, Беларусь;
hypnoid@bk.ru
[2]канд. филол. наук, доцент, зав. кафедрой,
Минский государственный лингвистический университет, Беларусь;
vitaliy_yaskevich@mail.ru

ПРОСОДИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ИРОНИЧЕСКИХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Ключевые слова: просодические характеристики, модальность, ироничность, акустический анализ.

Современные исследования в области фонетики демонстрируют, что просодия обладает относительной автономией от синтаксической структуры предложения [Падучева 1987: 20]. Просодия имеет собственную семантику, передавая обобщённые значения, такие как завершённость, вопросительность или подчинённость, и выступает важным инструментом передачи модальных оттенков, включая ироничность [Watson, Gibson 2004: 714]. В этом контексте просодия может вступать в конфликт с лексическим значением слов, создавая дополнительные коммуникативные эффекты.

В рамках настоящего исследования был проведен фонетический эксперимент, целью которого явилось изучение просодических характеристик иронических высказываний в английском языке и их сопоставление с просодическими характеристиками высказываний с положительной и отрицательной эмоционально-оценочной модальностью. Экспериментальный материал был отобран из корпуса British National Corpus и включал 25 высказываний с положительной коннотацией и 25 высказываний с отрицательной коннотацией. На основе отобранных предложений было составлено 25 иронических контекстов, включающих высказывания с положительной лексической семантикой.

Отбор экспериментального материала проводился на основе разработанных критериев, обеспечивающих точность анализа. Ключевым условием стало наличие явных лексических маркеров положительной и отрицательной оценки, а также схожая длина высказываний. Особое внимание уделялось идентичности синтаксической структуры предложений с положительной и отрицательной оценкой. Такой подход позволил минимизировать влияние грамматических факторов, обеспечив фокусировку исключительно на просодических параметрах.

В ходе эксперимента была осуществлена аудиозапись положительно и отрицательно окрашенных высказываний с участием носителя языка, после чего нами был проведен акустический анализ аудиофайлов с использованием программы Praat, в результате которого были определены интонационные модели положительных и отрицательных высказываний. Для придания иронического эффекта фонетическая разметка отрицательно окрашенных предложений была перенесена на ироничные высказывания, после чего была проведена их аудиозапись. Далее был проведен удостоверительных анализ, в ходе которого другому носителю языка были представлены аудиозаписи положительных и иронических высказываний. Задачей носителя было определить, какой из контекстов имеет положительную коннотацию, а в каком прослеживается иронический оттенок.

В результате анализа интонационных моделей предложений с положительной и отрицательной семантикой было выявлено несколько тенденций. В частности, конструкции, передающие отрицательную оценку, могут быть полисемантичными. Одна и та же интонационная модель

Руководитель секции: П. А. Скрелин.

может интерпретироваться по-разному в зависимости от контекста, что связано с её гибкостью и способностью быть адаптированной под различные коммуникативные задачи. Зачастую такие конструкции пересекаются с интонацией положительных высказываний, особенно в части эмфазы: акцент на ключевых словах усиливает эмоциональную окраску как в положительных, так и в отрицательных высказываниях, что создает определенную неоднозначность при интерпретации интонации вне лексического контекста.

Одновременно наблюдается некоторая иконичность интонационных конструкций, характерных для выражения отрицательной оценки. Например, понижение уровня основного тона или сужение интервала ядерного тона часто ассоциируется с подавленностью или сдержанностью, что соответствует эмоциональным состояниям, типичным для отрицательных оценок. Эти интонационные особенности могут служить своего рода индикаторами негативной коннотации и воспринимаются как выражения неуверенности или неудовлетворенности.

Удостоверительный анализ продемонстрировал, что носители языка безошибочно различают положительно окрашенные и ироничные высказывания даже при отсутствии достаточного контекста. Этот факт подтверждает гипотезу о том, что использование интонационных контуров, характерных для отрицательной оценки, в высказываниях с положительной лексической семантикой формирует эффект иронии за счёт противоречия между средствами выражения на лексическом и просодическом уровнях. Такое несоответствие заставляет слушателя воспринимать высказывание как намеренное выражение противоположного значения, что и вызывает иронический эффект.

Таким образом, проведённое исследование показало, что просодия, независимо от синтаксической и лексической структуры предложения, способна передавать такой модальный оттенок, как ироничность. Установлено, что интонационные контуры, характерные для отрицательной оценки, при взаимодействии с положительной лексической семантикой создают противоречие, формирующее иронический эффект. В дальнейшем планируется изучить выявленные тенденции в сопоставительном аспекте, сравнивая их особенности в русском и английском языках.

Литература

Падучева Е. В. К интонационной транскрипции для предложений произвольной синтаксической сложности // Семиотические исследования. М.: Науч. совет по компл. проблеме «Кибернетика» при Акад. наук СССР, 1989. С. 18–29.

Watson D., Gibson E. The relationship between intonational phrasing and syntactic structure in language production // Language and Cognitive Processes. 2004. Vol. 19, no. 6. P. 713–755.

Гончарова Оксана Владимировна

канд. филол. наук, доцент, вед. научный сотрудник,
Пятигорский государственный университет;
goncharovaov@pgu.ru

РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ПРОИЗНОШЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ВЫЯВЛЕНИЕ КЛЮЧЕВЫХ ФОНЕТИЧЕСКИХ МАРКЕРОВ С ПОМОЩЬЮ МЕТОДОВ МАШИННОГО ОБУЧЕНИЯ

Ключевые слова: региональные варианты русского языка, логистическая регрессия, просодические характеристики, формантные параметры.

В рамках настоящего исследования была использована совокупность современных лингвостатистических методов и средств автоматической обработки речи, позволяющая установить типологические характеристики в различных вариантах русского языка. Данный подход базируется на традициях экспериментальной фонетики, заложенных Г. Фантом [Fant 1960] и продолжаемых в ряде современных работ по акустической фонетике [Stevens 2000]. Для аннотирования и первичного акустического анализа в качестве программной среды применялся Praat, в котором посредством инструмента TextGrid осуществлялась пофонемная разметка аудиозаписей с учётом временных границ каждого звука. Для более глубокого извлечения акустических признаков (включая частоту основного тона, интенсивность, длительность, спектральные параметры и др.) использовалось специально разработанное приложение PySound, оптимизированное с учётом задач настоящего исследования.

Полученный массив акустических параметров послужил базой для проведения логистического регрессионного анализа, который широко признан одним из важнейших инструментов в задачах бинарной классификации и выявления релевантных признаков в языке и речи [Agresti 2012]. В рамках данной работы было сформировано два набора данных:

1. Высказывания русских аудиторов, где целевая метка («1») присваивалась аудиозаписям носителей, постоянно проживающих на территории Северного Кавказа.
2. Высказывания русских аудиторов, где целевая метка («1») присваивалась аудиозаписям носителей, не проживающих на территории Северного Кавказа.

Описанное разделение позволило сравнить «северокавказский» и «остальной» варианты русского языка посредством применения одного статистического метода. После обучения регрессионных моделей для каждого набора данных были построены таблицы регрессионных коэффициентов и значимости рассмотренных признаков, что, в свою очередь, позволило определить вклад каждого акустического параметра в классификацию.

Проведённое статистическое моделирование методом логистической регрессии [Agresti 2012] продемонстрировало, что в речевой разновидности, формирующейся под влиянием северокавказской языковой среды, решающую роль в классификации играют не только абсолютные показатели частоты основного тона (F0), но и динамические характеристики, в частности скорость изменения F0 на проминантных (ядерных, ударных) слогах. Увеличение длительности безударных слогов и повышение второй форманты (F2) дополнительно усиливают фонетическую специфику, отражая регионально-специфические особенности артикуляции гласных звуков.

Установленные закономерности согласуются с рядом фундаментальных и современных исследований в области акустической фонетики [Fant 1960; Stevens 2000], которые подчёркивают важность формантных характеристик (в особенности F2) и тоновых контуров в моделировании речевого сигнала. Особую значимость скорости изменения F0 в формировании региональных акцентных шаблонов подтверждают работы, акцентирующие внимание на просодических и интонационных стратегиях в различных языковых сообществах [Bradlow 2002]. Интерес

к длительности безударных слогов в контексте диалектных вариаций также находит отражение в ряде научных обзоров [Jassem 2018], указывающих на то, что данная метрика способна играть существенную роль в восприятии «чужеродности» или атипичности речи.

Следует подчеркнуть, что выявленные характеристики (темпоральные и формантные) не только демонстрируют статистически значимый вклад в модель, но и обладают качественным дифференцирующим потенциалом, что означает, что даже при относительно малом наборе данных анализ указанных признаков позволяет надёжно установить принадлежность говорящего к рассматриваемому региональному окружению. Наконец, тот факт, что интенсивность в группе носителей, ориентированных на северокавказскую языковую среду, оказалась менее релевантным признаком, дополнительно указывает на доминирующую роль мелодико-спектральных показателей в данной разновидности русского языка.

Таким образом, скорость изменения F0 в ударных слогах, длительность безударных слогов и увеличение второго форманта (F2) представляются ключевыми признаками, определяющими специфику «северокавказского» варианта русского языка. Их комплексный анализ в рамках инструментальных методов (Praat, PySound) и статистических моделей (логистическая регрессия) позволяет не только повысить точность дифференциации региональных разновидностей речи, но и углубить понимание механизмов формирования региональных и социально детерминированных различий в произношении.

Литература

Agresti A. Categorical Data Analysis. Hoboken, NJ: Wiley, 2012.

Bradlow A. Convergence and divergence in speech intelligibility research // Journal of the Acoustical Society of America. 2002. Vol. 111, no. 5. P. 2206–2211.

Fant G. Acoustic theory of speech production. The Hague: Mouton, 1960.

Jassem Z. Dialect differentiation in Russian speech: an overview // Phonetics and Speech Science. 2018. Vol. 34, no. 2. P. 57–68.

Stevens K. Acoustic phonetics. Cambridge, MA: MIT Press, 2000.

Гусева Дарья Дмитриевна[1], Подрезова Светлана Викторовна[2]

[1]аспирант, преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет;
daria.guseva@spbu.ru
[2]канд. искусствоведения, ст. научный сотрудник,
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН;
преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет;
podrezova@yandex.ru

ОТ ВОСКОВЫХ ЦИЛИНДРОВ ДО БАЗЫ ДАННЫХ: ФОРМИРОВАНИЕ КОРПУСА ОНЕЖСКИХ ДИАЛЕКТОВ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Ключевые слова: фонетика диалектов, онежская группа говоров, русский фольклор, Фонограммархив ИРЛИ РАН, речевая база данных.

В данной работе представлены основные этапы подготовки корпуса онежских диалектных аудиозаписей из Фонограммархива ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Созданный корпус предназначен для динамического описания фонетических особенностей фольклорной речи разных жанров в области распространения севернорусских говоров. Описаны собранные коллекции, охватывающие период с 1920-х по 1990-е гг., и их особенности, связанные с жанровым разнообразием и временными рамками. Основным фокусом исследования является изучение диалектных особенностей онежской группы говоров во временной перспективе.

Территориальное диалектное членение русского языка основано на выделении в пределах территории исконного восточнославянского заселения, в центральных областях европейской части Российской Федерации, севернорусского и южнорусского наречия, а также промежуточных среднерусских говоров. Севернорусские говоры более архаичны и сохраняют такие фонетические особенности, как цоканье, оканье, чоканье и другие. Южные говоры характеризуются более поздними изменениями, возникшими в процессе развития русского языка [Лопатин, Улуханов 2017].

Архаичность северных говоров обусловлена как внутренними лингвистическими причинами, так и экстралингвистическими факторами, такими как особенности заселения и хозяйственно-бытовой уклад северных регионов [Тананайко 2001]. Исходя из этого, изучение севернорусских говоров, в частности онежской группы говоров, позволяет глубже проследить историю развития русского языка.

Несмотря на давнюю традицию исследования диалектов, современные исследования недостаточно полно описывают динамику проявления диалектных особенностей, а также не используют новые технологии для анализа фонетических данных. Одной из причин является отсутствие необходимого для решения подобных задач аннотированного корпуса аудиоматериала, охватывающего значительный временной период и тем самым позволяющего проследить изменения и вариативность диалектных явлений во времени.

В работе представлен обзор архивного материала, представляющего собой корпус аудиозаписей, охватывающих временной промежуток с 1921 по 1991 г. Материалы были собраны в ходе фольклорных и лингвистических экспедиций Государственного института истории искусств (ГИИИ), Ленинградского государственного историко-лингвистического института (ЛГИЛИ), Института русской литературы (ИРЛИ) РАН и другими в район Обонежья и хранятся в собрании Фонограммархива ИРЛИ РАН. При подготовке работы был произведён отбор оцифрованных коллекций за указанный временной период. Ранние звуковые документы были записаны на восковые цилиндры (фоновалики) и лаковые диски, более поздние — магнитофонную пленку и компакт-кассеты. Фонографические коллекции также сопровождены описями с обзором рукописных записей, сделанных участниками экспедиций, а также полевыми тетрадями, беловыми записями, расшифровками текстов и нотаций (хранятся в Рукописном отделе ИРЛИ РАН. Разряд V. Фольклорное собрание). Материалы коллекций представлены широким спектром фольклорных жанров, включая эпические, прозаические, напевно-декламационные, песенные, религиозные, а также репортажи об этнографии Обонежья.

Для настоящего исследования особый интерес представляли материалы 11 имеющих цифровые описи коллекций, самая ранняя из которых датирована 1921 г., самая поздняя — 1991 г.; это коллекции 01, 02, 11, 12, 15, 106, 164, 224, 631, 632, 638.

Коллекция 01 содержит 92 записи (часть из них была утрачена) от разных исполнителей, выполненные в ходе комплексной экспедиций ГИИИ в 1926 г. собирателями Е. В. Гиппиусом и З. В. Эвальд. В коллекцию 02 вошло 11 записей лирических песен, сделанных теми же собирателями в Ленинграде 20 сентября 1927 г. во время гастрольной поездки знаменитой сказительницы и плачеи Н. С. Богдановой (Зиновьевой).

Коллекция 11 содержит 27 записей на восковых цилиндрах, сделанных С. И. Бернштейном в 1921 г. в Петрограде от И. Г. Рябинина-Андреева — русского исполнителя былин, представителя известной династии сказителей. Коллекция 12, включающая 85 образцов разных жанров фольклора, была записана от разных жителей Обонежья (в том числе представителей сказительских династий) в 1926 г. в ходе экспедиции ГИИИ, участником которой также был С. И. Бернштейн и его коллега по Кабинету (и Лаборатории) звучащей художественной речи (КИХР) Т. В. Попова. В коллекцию 15 вошло 9 записей от Н. С. Богдановой (Зиновьевой), выполненных в Ленинграде С. И. Бернштейном и Е. В. Гиппиусом [Подрезова 2019; Подрезова 2022].

Коллекции 106 (34 образца) и 164 (132 образца) содержат материалы, собранные в 1931–1932 гг. студентками ЛГИЛИ М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпонкиной под руководством сотрудников Фольклорной секции Института по изучению племенного состава СССР (ИПИН, будущая Фольклорная секция ИРЛИ) в Северном и Западном Обонежье.

Коллекция 224, состоящая из 16 экспедиционных записей (исключительно песенный материал от одного исполнителя), была собрана в 1941 г. сотрудницей Пушкинского Дома П. Г. Ширяевой.

Коллекции 631 и 632 (около 579 и 826 экспедиционных записей соответственно) были записаны собирателями А. Ю. Кастровым, А. В. Осиповым и А. Д. Троицкой в 1986 и 1987 гг. Коллекция 638 (ок. 253 записей) была собрана А. Ю. Кастровым в 1991 г.

В отличие от более ранних коллекций, материалы экспедиций 1980–1990-х гг. содержат большое количество спонтанных монологов и диалогов, включая рассказы на бытовые темы (о праздниках, свадьбах и др.) и репортажи.

В ходе отбора материала из указанных коллекций оценивалось количество аудиозаписей по той или иной группе говоров, их качество, наличие текстов разных жанров, а также наличие записей за разные годы из одного и того же населённого пункта.

Собранный материал планируется использовать для двойного сопоставления фонетических особенностей — по времени и по жанрам — с последующей статистической обработкой данных. Кроме того, намечены перспективы использования результатов для создания базы данных, которая могла бы служить инструментом для дальнейшего изучения динамики развития русского языка и его диалектов.

Литература

Лопатин В., Улуханов И. С. Русский язык // Языки мира. Славянские языки. 2-е изд., испр. и доп. / ред. кол.: А. М. Молдован, С. С. Скорвид, А. А. Кибрик и др. СПб.: Нестор-История, 2017.

Подрезова С. В. Самая (не)известная экспедиция: новые документы о первой поездке ГИИИ в Заонежье // Русский фольклор. Т. XXXIX: Наследие Б. Н. Путилова и К. В. Чистова и современная фольклористика: сб. ст. и мат-лов / отв. ред. Н. Г. Комелина. СПб.: Нестор-История, 2022. С. 260–317.

Подрезова С. В. Фольклор Обонежья в звукозаписях С. И. Бернштейна в собрании Фонограммархива Пушкинского Дома // Рябининские чтения — 2019: мат-лы VIII конф. по изучению и актуализации традиционной культуры Русского Севера / сост. и подг. Т. Г. Иванова, И. В. Мельников. Петрозаводск: Карел. науч. центр Рос. акад. наук, 2019. С. 446–449.

Тананайко С. О. Русские говоры в неславянском окружении: проблемы фонетической интерференции // Компаративистика: Альманах сравнительных социогуманитарных исследований / под ред. Л. А. Вербицкой, В. В. Васильковой, В. В. Козловского, Н. Г. Скворцова. СПб.: Социолог. о-во М. М. Ковалевского, 2001. С. 173–185.

Евдокимова Вера Вячеславовна[1], Меньшикова Алла Павловна[2], Скрелин Павел Анатольевич[3]

[1]канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет; v.evdokimova@spbu.ru
[2]ст. дизайнер голосовых интерфейсов, Sifox (ООО «Интерконнект»); menshikova.alla2016@yandex.ru
[3]д-р филол. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет; p.skrelin@spbu.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АВТОМАТИЧЕСКИ КЛОНИРОВАННОЙ РЕЧИ

Ключевые слова: фонетика, клонирование речи, акустический анализ, высота голоса, частота основного тона.

Программы клонирования голоса за последние годы развиваются высокими темпами. Искусственный голос неотличим от человеческого. Многие встроенные в текстовые сервисы программы озвучивают напечатанный текст. Однако сам голос чаще всего безэмоциональный, механический, без воспроизведения необходимых просодических характеристик.

Это уже не вопрос воспроизведения тембра, а возможности синтезирования правильной эмоциональной окраски. Научить этому искусственный интеллект основная современная задача инженеров таких приложений.

Компьютеру для чтения текста вслух важно понимать, что он читает и как это произнести. Поэтому в системе клонирования два входящих источника:

- озвучиваемый текст;
- образец голоса, который будет использован при прочтении.

Самая главная проблема при синтезе речи — это создание голосового образа со всеми характерными особенностями. Чтобы обучить систему, нужно иметь большую базу аудиозаписей и текстов для сопоставления.

Применение таких технологий стало возможным благодаря стремительному развитию нейросетей и искусственного интеллекта, которые научились анализировать и воспроизводить уникальные особенности голоса — тембр, интонацию, паузы. Этот процесс открывает колоссальные возможности для индустрии озвучки, где клонированные голоса могут заменить традиционную работу дикторов и актёров озвучки, обеспечивая при этом высокий уровень точности и естественности звучания.

Особенно заметно влияние технологий клонирования голоса на медиа и развлекательную индустрию, расширяются возможности для создания аудиокниг и подкастов.

Современные разработки в этой области позволяют использовать клонированные голоса в коммерческих и социальных проектах, таких как виртуальные помощники, голосовые ассистенты и телемедицинские платформы. Голосовые интерфейсы, работающие на основе клонированного голоса, могут обеспечить персонализированное общение с клиентами и пациентами, усиливая доверие и улучшая пользовательский опыт.

Технологии клонирования голоса также становятся полезными для людей с нарушениями речи. С помощью клонирования можно создать цифровую копию их голоса, которая будет сопровождать их в общении и взаимодействии с окружающими.

Помимо этого, технологии клонирования голоса находят широкое применение в маркетинге. Компании могут использовать клонированные голоса для создания персонализированных рекламных сообщений, что усиливает эффект и привлекает внимание аудитории.

Несмотря на явные преимущества, технологии клонирования голоса сталкиваются с рядом серьёзных вызовов. Одним из наиболее опасных рисков является возможность использования клонированного голоса для мошенничества. Технологии позволяют создавать голос, идентичный голосу конкретного человека, что может привести к незаконному доступу к персональным

данным или финансовым ресурсам. Так, злоумышленники могут использовать клонированные голоса для обмана родных и близких, подделки телефонных разговоров или даже создания фальшивых записей для получения выгоды.

Мошенничество с клонированным голосом требует принятия дополнительных мер безопасности. Некоторые компании разрабатывают специальные алгоритмы, способные различать настоящий и клонированный голос, однако эта технология еще не достигла массового внедрения и остается недостаточно защищенной. В условиях цифрового общества вопрос аутентификации личности становится крайне важным, и клонирование голоса требует новых стандартов для обеспечения безопасности. Одним из возможных решений может стать развитие технологий биометрического анализа, которые учитывают не только голос, но и другие уникальные параметры, такие как скорость речи, тембр и интонации.

Этические аспекты клонирования голоса также вызывают дискуссии. Создание цифровой копии голоса известной личности может нарушать её права на неприкосновенность и личную собственность. В связи с этим вопрос юридической защиты становится особенно актуальным.

В задачи данной работы входило провести синтез голоса известного человека. Для этого был осуществлен ряд подготовительных процедур:

- сбор аудиоматериала;
- отбор наиболее репрезентативных отрезков речи, отражающих не только тембральную окраску, но и индивидуальные особенности интонирования, паузации, артикуляции;
- сегментация на аудиофайлы оптимальной длительности (15–20 секунд);
- обработка аудиоматериала: чистка фоновых шумов, удаление экстралингвистических единиц (например, вдохов) и сверхдлинных пауз.

Далее на основе различных комбинаций аудиофайлов было создано несколько моделей голоса. Был проведен ряд перцептивных тестов, чтобы определить модель, результаты генерации которой наиболее близко соответствовали характеристикам голоса, представленного в исходном материале. Экспериментальным образом были подобраны значения настраиваемых параметров: интонационной вариативности (variability), приближенности к исходному материалу (similarity), усиления индивидуальных речевых особенностей (style exaggeration). После завершения работы над моделью голоса дополнительные меры по управлению генерируемым материалом осуществлялись методами промпт-инжиниринга. Внесение дополнительных инструкций в промпт (синтезируемый текст) позволяет в определенной мере управлять эмоциональной окраской синтезируемой речи, произношением конкретных слов, паузацией, интонационным оформлением, расстановкой синтагматических границ и тональных акцентов.

Сравнение исходного речевого сигнала, принадлежащего данному человеку и синтезированного позволяет более или менее точно установить:

а) какие свойства голоса имитируются и обеспечивают его узнавание, а какие признаки сохраняются от исходного;

б) соответственно, какие фонетические признаки свидетельствуют о подделке;

в) какие технические (акустические) признаки показывают неестественность речевого сигнала, которая незаметна на слух, но демонстрирует нефизиологичный способ его генерации.

Это как раз можно установить, сравнивая во всех подробностях реальный сигнал и сгенерированный.

Источники

Подмена человеческого голоса. Как ИИ лишает работы певцов и актёров озвучки // Хабр. 19 октября 2023 г. URL: https://habr.com/ru/companies/mvideo/articles/768522/ (дата обращения: 20.11.2024).

«Яндекс» разработал этический кодекс для работы с синтезом речи // РБК. 14 ноября 2024 г. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/14/11/2024/67355c499a7947400551f4a2 (дата обращения: 20.11.2024).

Литература

Казанцев В. В., Макаров Д. А. Технология клонирования голоса // Наука и образование: актуальные исследования и разработки: мат-лы IV Всерос. науч.-практ. конф., Чита, 31 мая — 1 июня 2021 года / отв. ред. А. В. Лесков. Чита: Забайкал. гос. ун-т, 2021. С. 33–41.

Дворянкин С. В., Дворянкин Н. С. Средства, способы и признаки клонирования речи // Информационная безопасность: вчера, сегодня, завтра: ст. по мат-лам IV Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 22 апреля 2021 года / под ред. В. В. Арутюнова. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2021. С. 103–111.

Евдокимова Вера Вячеславовна[1], Шипило Александр Владимирович[2], Скрелин Павел Анатольевич[3]

[1]канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет; v.evdokimova@spbu.ru
[2]ст. преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет; a.shipilo@spbu.ru
[3]профессор, зав. кафедрой фонетики и методики преподавания иностранных языков, Санкт-Петербургский государственный университет; p.skrelin@spbu.ru

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ФОРМАНТНЫХ СОСТАВЛЯЮЩИХ ГЛАСНЫХ НА МАТЕРИАЛЕ РЕЧЕВОГО КОРПУСА

Ключевые слова: фонетика, акустический анализ, формантные составляющие гласных, системы искусственного интеллекта.

Расчет формантных характеристик как метод широко используется в современных исследованиях как для поиска связи с физическими характеристиками говорящего и их восприятием, так и для решения более сложных задач фонетики. Предпринимаются попытки исследовать разницу в значении формантных характеристик в зависимости от положения тела говорящего, связать их изменения с возрастом человека, исследовать разницу формантных характеристик у близнецов. Метод расчета формантных характеристик используется для исследования такого сложного вида речи, как шепотная.

Кроме чисто фонетических и физиологических направлений формантный анализ постепенно влился и в разработку систем идентификации человека по голосу и речи. Если в предыдущем веке формантные характеристики использовались в основном в синтезаторах речи, то в настоящее время они помогают разработчикам создавать более сложные системы, сочетая формантный анализ с различными статистическими математическими методами обработки речи. Например, в [Franco-Pedroso, Gonzalez-Rodrigue 2016] используется технология лингвистически ограниченных i-векторов или векторов идентичности на основе формант для автоматического распознавания говорящего. В [Skarnitzl et al. 2015] применяется линейный дискриминантный анализ в задачах судебной идентификации для распознавания говорящего по формантным характеристикам. Традиционные подходы (LPC, FFT) постепенно дополняются и вытесняются методами машинного обучения. Сверточные (CNN) и рекуррентные нейросети (RNN) используются для анализа спектрограмм, улучшая точность в условиях шума. Модели вроде Wav2Vec 2.0 применяются для самообучения на неразмеченных данных, что особенно полезно для низкоресурсных языков. Комбинация аудио с данными артикуляции (ЭМГ, видео) повышает точность.

Для определения формантных картин гласных мы воспользовались математическим аппаратом частотных методов исследования динамических систем [Евдокимова 2007]. Выбранный подход позволяет обратиться при построении формантной картины гласной к математическому аппарату частотных методов, разработанных в теории автоматического регулирования и использовать частотные передаточные функции звеньев речевого аппарата как формальный аналог формантной картины и инструмент ее описания [Евдокимова и др. 2020].

Применение этого аппарата дает возможность применять для количественной оценки динамических явлений в речевом тракте стандартные приемы описания динамических систем, удобные для последующего перехода к фонетическим характеристикам.

Собранный при посегментной обработке реализации гласной массив АЧХ применим для решения фонетических задач, например для выявления соответствия между перцептивно отобранными свойствами речи и трансформациями формантных картин гласных. Данный метод был реализован на языке программировнаия Python. Далее был произведен расчет формантных характеристик гласных дикторов на корпусе CORPRES. Были получены данные формант-

ных характеристик гласных в данном корпусе и построены треугольники гласных для 8 дикторов корпуса.

Разметка речевого материала и полученные данные по формантным составляющим открывает возможность использовать полученный размеченный корпус для обучения систем искусственного интеллекта определять формантные характеристики гласных.

Анализ формант помогает диагностировать дисфонию и нейродегенеративные заболевания. Формантные паттерны используются в идентификации голоса, хотя этические вопросы приватности остаются проблемой. Изучение диалектов и акцентов через формантные смещения, включая работы по малоизученным языкам (корпусы типа NISP-DATA).

Распознавание формант гласных переживает революцию благодаря ИИ, открывая новые возможности в науке и технологиях. Однако ключевые проблемы — устойчивость к шумам, этика и доступность для малых языков — требуют дальнейших исследований. Современные работы фокусируются на интеграции мультимодальных данных и энергоэффективных алгоритмах, что делает эту область одной из самых динамичных в обработке сигналов.

Литература

Евдокимова В. В. Системный подход к определению параметров речевого тракта // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2004. № 2-2. С. 144–148.

Евдокимова В. В., Кочаров Д. А., Скрелин П. А. Метод построения формантных картин для исследования фонетических характеристикгласных // Труды СПИИРАН. 2020. Т. 19, № 2. С. 302–329. https://doi.org/10.15622/sp.2020.19.2.3.

Franco-Pedroso J., Gonzalez-Rodrigue J. Linguistically-constrained formant-based i-vectors for automatic speaker recognition // Speech Communication. February, 2016. Vol. 76. P. 61–81.

Skarnitzl R., Vaňková J., Nechanský T. Speaker discrimination using formant trajectories from casework recordings: can LDA do it? // 18th International Congress of Phonetic Sciences, ICPhS 2015, Glasgow, UK, August 10–14, 2015. Glasgow: University of Glasgow. URL: https://www.internationalphoneticassociation.org/icphs-proceedings/ICPhS2015/Papers/ICPHS0207.pdf (дата обращения: 20.11.2024).

Иванова Наталья Кирилловна[1], Кузьмина Римма Владимировна[2]

[1]д-р филол. наук, профессор,
Ивановский государственный химико-технологический университет;
nkiisuct@mail.ru
[2]канд. филол. наук, доцент,
Ивановский государственный химико-технологический университет

ОПЫТ АНАЛИЗА ФОРМИРОВАНИЯ ВАРИАНТОВ ПРОИЗНОШЕНИЯ СЛОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ НА ПРИМЕРЕ ОСВОЕНИЯ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ (ПО СЛОВАРНЫМ МАТЕРИАЛАМ)

> Мне кажется совершенно очевидным, что будущее России в значительной мере зависит от того, удастся ли сохранить национальную литературу, нормативный русский язык и образование.
>
> *Л. А. Вербицкая*

Л. А. Вербицкая внесла большой вклад в изучение процессов и механизмов языковых изменений в фонетической структуре русского языка; он отражен в её работах и в трудах последователей щербовской фонологической школы [Вербицкая 2011; Динамика… 1982]. Важность различения двух аспектов — орфоэпии и орфофонии, как указывала Л. А. Вербицкая, заключается в обеспечении функциональных единиц (фонем) различными звуковыми реализациями. В экспериментально-фонетическом и теоретическом аспектах это разделение нашло подробное отражение на материале русского, украинского и белорусского языков, на примере различных говоров и диалектов [Динамика… 1982]. Другим краеугольным подходом к описанию динамики фонетической нормы стало рассмотрении вариативности и вариантности как обязательных черт языка. При описании языка в целом, и его фонетической структуры в частности как саморазвивающейся системы, наличие вариантности в определенном синхроническом срезе обуславливает сложное взаимодействие с языковой диахронией, архетипов и неотипов [Вербицкая 2011]. Третьим важным подходом при анализе динамических изменений в произносительной норме русского языка является учет социолингвистических аспектов изменений современного русского языка.

На протяжении нескольких десятков лет мы являемся свидетелями того, как новые социальные условия породили и новые источники изменений, которые в свою очередь, усилили собственные динамические тенденции языка. Новая лексика, заимствованная в современный русский язык из других языков (внешнее воздействие на языковую систему), является, на наш взгляд, тем иллюстративным исходя ым материалом, который получает подробное изучение с фонетической точки зрения на основе таких краеугольных понятий, как орфоэпия и орфофония, вариативность и вариантность, динамика языковых структур под влиянием внутренних (лингвистических и экстралингвистических) и внешних условий развития языка. Заимствованные слова, в основном из английского языка, под воздействием социальных реалий, активно пополняют устный и письменный лексикон, обильно используясь (даже при наличии русского эквивалента) в официальном и неофициальном русскоязычном дискурсе. Они постепенно осваиваются в языковой системе русского языка, если не отторгаются им, заменяются (ср. *дигитализация, диджитализация и цифровизация*) или теряют актуальность в связи с уходом причины, их породившей, например, пандемии COVID-19.

Сложен процесс появления заимствованного слова: его распространение, кодификация в словаре с вариантами написания и произношения и т. д. Попав в другую саморазвивающуюся систему, заимствованное слово демонстрирует на определенном синхроническом срезе наличие вариантности (орфоэпической и орфографической, акцентной) и свидетельствует о языковой

динамике. В полной мере это относится к новейшим иностранным словам, фоно и орфоварианты которых в большом количестве зарегистрированы в словаре, составленном Е. Н. Шагаловой [Шагалова 2023].

Сопоставление материалов словаря Е. Н. Шагаловой с рядом других лексикографических изданий этого жанра позволило выявить как ряд их общих недостатков, связанных с непроработанностью фонетической составляющей этих словарей, так и некоторые типичные фонетические особенности, зафиксированные при кодификации произношения иностранных слов различной степени освоенности. Так, анализ словника указанного словаря показал намного больший типовой спектр фоновариантов, чем отмечает в предисловии составитель словаря. Вариантность распространяется на произношения гласных (ударных, безударных, в предударных и заударных слогах в префиксах и суффиксах), согласных, варианты по месту основного ударения и др. Очевидно, что при заимствовании англоязычного слова в русский язык определяющую роль играет способ передачи на основе произношения (фонетическая транскрипция) или написания (транслитерация). В целом, графико-орфографические характеристики оказывают значительное влияние на появление орфоэпического варианта заимствованного слова. Одна из причин появления варианта произношения (сосуществование архетипа и нового типа) заключается в произвольной и непоследовательной трактовке при кодификации в словаре некоторых английских диграфов (<er>, <ir>, <ew>, <oa> и др.), отсутствие единого подхода к регистрации акцентуации заимствований.

Сравнение фонетической информации в словаре Е. Н. Шагаловой и Т. В. Егоровой [Егорова 2014] показало в целом большое сходство в подходах лексикографов. Ни тот ни другой словарь не содержит базовой фонетической информации (источник исходных данных, регистрируемый тип произношения, временной срез т т. д.), не указывает время появления заимствованного слова. Однако подробный сравнительно-сопоставительный анализ все-таки указывает на присутствие динамики произношения заимствования. Несмотря на непоследовательность, например, в регистрации акцентного варианта, легко заметить, что на протяжении определенного синхронического среза заимствование сначала получает «чужой» (но сходный с оригинальным)вариант ударения, например, с дифференцирующим смысл первым ударным словом в английском языке: *а́йс-дайвер, фе́йсбук, но́утбук, ми́длл-класс* и др., а затем ударение в новом варианте смещается и постепенно становится основным на втором слове. На скорость процесса могут повлиять основные аконы развития языка — аналогия, экономии усилий, частотность и др.). Важно отметить, что из анализа словаря Е. Н. Шагаловой ясно видно, что очень часто создателями неологизмов-заимствований являются журналисты.

Для подробного и достоверного изучения произносительной динамики на материале новейших заимствований в российской фонетической лексикографии нет экспериментально-фонетических данных и единого подхода к анализу и регистрации произношения, кодифицированного в словарях.

Литература

Вербицкая Л. А. Роль языковой нормы в практике обучения русскому языку // Rhema. Рема. 2011. № 1. С. 47–53. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-yazykovoy-normy-v-praktike-obucheniya-russkomu-yazyku/viewer (дата обращения: 08.01.2025).

Егорова Т. В. Словарь иностранных слов современного русского языка. М.: Аделант, 2014.

Динамика структуры современного русского языка. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1982.

Шагалова Е. Н. Словарь новейших иностранных слов. М.: Грамота, 2023.

Караваева Вероника Георгиевна[1], Андросова Светлана Викторовна[2], Морозова Ольга Николаевна[3]

[1]канд. филол. наук, доцент, Московский городской педагогический университет; karavaeva.vg@yandex.ru
[2]д-р филол. наук, профессор, Амурский государственный университет
[3]д-р филол. наук, доцент, зав. кафедрой, Амурский государственный университет

ПРОЕКТИРОВАНИЕ МУЛЬТИЯЗЫЧНОГО РЕЧЕВОГО КОРПУСА: К ВОПРОСУ О ПОСТРОЕНИИ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ РАЗНОСИСТЕМНЫХ ЯЗЫКОВ

Ключевые слова: разметка речевого сигнала, явления связной речи, разносистемные языки, типологические модели.

Существует немало речевых корпусов с фонетической разметкой сегментного и супрасегментного уровней, использующихся в фонетических исследованиях, но открытыми остаются вопросы, связанные с унификацией корпуса (формата файлов, систем автоматической разметки, принципов разметки), организации менеджера поисковых запросов. Несопоставимость файлов по формату и аннотаций приводит к непреодолимым трудностям сравнительно-сопоставительного анализа. Возникает ситуация, когда размеченный материал есть, а возможности воспользоваться им для построения типологических моделей нескольких языков нет.

Цель исследования — выбор наиболее подходящих корпусных инструментов для сравнительно-сопоставительного анализа неканонических фонологических моделей разносистемных языков.

Материалом послужили ранее созданные речевые корпуса:

Английский корпус: а) подкасты BBC 2010–2014 гг. [Караваева 2018]; б) лекции Ланкастерского университета 2020–2022 гг.; в) подкасты американского английского 2019–2021 гг. [Луганцева и др. 2022].

Китайский корпус: а) спонтанная речь китайцев (путунхуа) предоставлена лабораторией фонетических исследований Амурского государственного университета; б) китайская коммерческая и социальная реклама [Дискурсивные практики… 2022].

Эвенкийский корпус: а) корпус речи эвенков Приамурья (2011–2013 гг.), предоставлен лабораторией фонетических исследований Амурского государственного университета; б) корпус эвенкийской речи INEL [INEL 2024].

Корпус русской дидактической речи: разработан на базе Московского городского педагогического университета.

Эти корпуса служат разным исследовательским целям, и количество нанесенных слоев и их виды отличаются. Большая часть файлов представлена в формате *.TextGrid* и одноименных файлов формата .wav и имеет слой аллофонной разметки и расшифровку аудиозаписи. Файлы эвенкийского корпуса INEL не содержат аллофонной транскрипции и представлены в нескольких форматах, в том числе *.exb*. В задачи входило 1) проанализировать материалы и подобрать корпусные инструменты, позволяющие привести файлы к единому формату; 2) подобрать подходящую программу для организации менеджера поисковых запросов, который позволит выполнить сравнительно-сопоставительный анализ; 3) унифицировать слои разметки и преобразовать их с учетом работы корпусного менеджера; 4) определить формат будущей разметки модификаций в связной речи в различных языках с учетом работы корпусного менеджера.

В ходе эксперимента производилась работа с материалами корпусов посредством Praat, Elan, BAS Webservices, Montreal Forced Aligner, Python библиотеки и др. Наиболее подходящими для цели исследования были признаны инструменты EXMARaLDA, позволяющие организовать полный цикл корпусной инфраструктуры.

К недостаткам относятся отсутствие встроенного языка программирования, позволяющего автоматизировать рутинные процессы, устранить сбои при синхронизации с Praat, сложности

при чтении отдельных символов разметки (иероглифы), невозможность автоматической конвертации большого количества файлов в формат .exb. Пути решения указанных проблем были найдены. Автоматическую разметку можно произвести в EXMARaLDA PartiturEditor, а корректировку файлов и дальнейшую разметку — в Praat или ELAN. Автоматическая конвертация большого количества файлов недоступна программным способом, но возможна при использовании библиотек Python для работы с XML форматом.

Корректная работа корпусного менеджера подразумевает автоматическое указание типа слоя в названии слоя с помощью Python библиотеки praatio. Корпусной менеджер предоставляет широкие возможности для поиска, как по слоям типа «транскрипция» и закрепленными за ними тегами слоев аннотации, так и по слоям типа «аннотация». В отдельных случаях может потребоваться продублировать слой разметки типа «транскрипция» и присвоить дублеру тип «аннотация». Слой иероглифов избыточен, достаточно транскрипции пиньинь. Было необходимо удалить пробелы между словами, чтобы корпусной менеджер использовал встроенный TreeTagger и выполнил гибкий поиск лексики по регулярным выражениям. Слой с пробелами и делением на предложения делается дополнительно.

Для разметки модификаций в связной речи можно использовать отдельный слой с типом «аннотация» и дополнительный слой с типом «описание».

Литература

Караваева В. Г. Акустические и перцептивные характеристики неустойчивых сегментных фонологических единиц (на материале британского аналитического дискурса): дис. … канд. филол. наук. Пермь, 2018.

Луганцева Ю. С., Караваева В. Г., Андросова С. В. Безударные редуцированные гласные в персональном и медийном дискурсе (на материале американского варианта английского языка) // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2022. № 2 (46). С. 104–111. https://doi.org/10.25688/2076-913X.2022.46.2.10

Дискурсивные практики: жанровые и фонетические аспекты / С. В. Шустова, С. В. Андросова, У. А. Олешковская [и др.]. Пермь: Перм. ин-т экон. и фин., 2022.

Däbritz Ch. L., Gusev V., Stoynova N. 2024. INEL Evenki Corpus. Version 2.0. Publication date 2024-12-31. Archived at Universität Hamburg // The INEL corpora of indigenous Northern Eurasian languages. URL: https://hdl.handle.net/11022/0000-0007-FE38-D (дата обращения: 11.01.2025).

Кочеткова Ульяна Евгеньевна

канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПАРАЛИНГВИСТИЧЕСКОГО И ИНТОНАЦИОННОГО ОФОРМЛЕНИЯ ПУБЛИЧНОЙ РЕЧИ

Ключевые слова: фонетика, интонация, паралингвистика, мимика, жестикуляция.

В настоящее время рассмотрение жестов, мимики и проксемики и их взаимодействия с интонационным оформлением речи становится как никогда актуальным в связи с разработкой и внедрением аудиовизуальных интерфейсов и антропоморфных роботов. Другим важным фактором, определяющим интерес к данной теме, является необходимость определения диппфейков, которые используются для совершения противоправных действий и представляют угрозу для самых разных слоев населения. Установление паралингвистических и интонационных характеристик, свойственных естественной человеческой речи, поможет, с одной стороны, улучшить существующие системы аудиовизуального синтеза, с другой — выявить возможные отклонения от модели естественного речевого поведения человека в синтезированном аудиовизуальном сигнале, созданном с помощью нейросетевых технологий.

Несмотря на обширную специальную литературу, в которой рассматривается мимика и жестикуляция в зависимости от особенностей дискурса и семантики произносимого текста [Гришина 2017], существует лишь ограниченное число работ, посвященных синхронизации различных каналов речевого общения. Ряд экспериментальных исследований был проведен на кафедре фонетики и методики преподавания иностранных языков Санкт-Петербургского государственного университета на материале лабораторной и актерской речи [Kochetkova et al. 2023; Vasileva et al. 2023], в ходе которых были сделаны наблюдения о наличии параллелизма между жестами, мимикой и мелодикой (независимо от наличия экспрессивной окраски) в речи актеров, тогда как в лабораторных записях подобный параллелизм отмечался гораздо реже. В зарубежных исследованиях встречаются данные о том, что параллелизм скорее свойственен речи подготовленной, нежели спонтанной [Wagner et al. 2014].

В связи с этим целью настоящего исследования стал анализ соотношения жестов, мимики и проксемики с интонационным оформлением различных коммуникативных типов в публичной речи. Материалом исследования послужили видеозаписи выступлений известных лекторов (спикеров) с просветительскими лекциями, рассчитанными как на самую широкую, так и на конкретную целевую аудиторию, от полноформатных лекций до так называемых «small talk». Лекторская речь — и это касается как аудиторной академической лекции, так и выступлений на сцене — сочетает в себе черты речи подготовленной и спонтанной. В то же время, по степени воздействия на аудиторию публичная речь приближается к актерской, что позволяет предположить наличие схожих с ней характеристик. Ведь цель данных выступлений — не только донести определенную информацию, но и привлечь, а затем удержать внимание аудитории.

Главной задачей настоящего исследования стало определение локализации паралингвистических явлений внутри речевых единиц, а также установление наличия или отсутствия параллелизма между направлением движения основного тона и жестикулятора. Кроме того, был проведен сопоставительный анализ проксемики (т. е. положения и/или перемещения тела в пространстве) и интонационных характеристик, что является новым и не исследованным ранее аспектом. Общий объем материала составил 4 часа. В ходе семантического, слухового и визуального анализа были отобраны фрагменты, в которых отсутствовал фоновый шум, а также качество аудио- и видеозаписи позволяло провести дальнейший подробный инструментальный акустический и паралингвистический анализ.

Результаты проведенного анализа позволяют сделать вывод о высокой частоте появления жеста или мимического движения на интонационном центре, а также о присутствии параллелизма в направлении движения жестикулятора и основного тона в данной разновидности публичной речи. Кроме того, в исследованном материале наблюдалось увеличение мелодического

диапазона или диапазона интенсивности одновременно с увеличением амплитуды жестов. При этом описанные явления чаще возникали при очном общении с аудитории, нежели при онлайн-трансляции или студийной записи, что соотносится с данными о влиянии визуального контакта на синхронизацию интонационных и паралингвистических явлений, полученных на материале других языков [Wagner, Bryhadyr 2017].

Литература

Гришина Е. А. Русская жестикуляция с лингвистической точки зрения (корпусные исследования). М.: Языки славянской культуры, 2017.

Kochetkova U., Evdokimova V., Skrelin P., German R., Novoselova D. Interplay of Visual and Acoustic Cues of Irony Perception: A Case Study of Actor's Speech // Artificial Intelligence and Natural Language. 11th Conference, AINL 2022, Saint Petersburg, Russia, April 14–15, 2022. Springer, 2023. P. 82–94. https://doi.org/10.1007/978-3-031-23372-2_8

Vasileva P., Kochetkova U., Skrelin P. Gestures vs. Prosodic Structure in Laboratory Ironic Speech. Lecture Notes in Computer Science // Speech and Computer. 25th International Conference, SPECOM 2023, Dharwad, India, November 29 — December 2, 2023. Part 1. Springer, 2023. P. 301–313. https://doi.org/10.1007/978-3-031-48309-7_25

Wagner P., Malisz Z., Kopp S. Gesture and Speech in Interaction: An Overview // Speech Communication. 2014. Vol. 57. P. 209–232. https://doi.org/10.1016/j.specom.2013.09.008

Wagner P., Bryhadyr N. Mutual Visibility and Information Structure Enhance Synchrony between Speech and Co-Speech Movements // Journal of Multimodal Communication Studies. 2017. Vol. 4. P. 69–74.

Мельникова Инна Игоревна[1], Шабалина Светлана Анатольевна[2]

[1]канд. пед. наук, доцент, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского;
ln-na-mel@yandex.ru
[2]канд. пед. наук, доцент, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского; swetlana76–2011@mail.ru

СИСТЕМА РАБОТЫ ПО ДИАГНОСТИКЕ И КОРРЕКЦИИ ПРОФПРИГОДНОСТИ ПО ПРОФИЛЮ «ЛОГОПЕДИЯ» СТУДЕНТОВ ПЕРВОГО ГОДА ОБУЧЕНИЯ

Одной из важнейших общепрофессиональных компетенций современного педагога признается хорошее владение всеми видами речевой деятельности — говорением, чтением, аудированием и письмом.

В докладе рассматриваются особенности профессиональной деятельности учителя-логопеда, которые диктуют необходимость специальной входной диагностики профессиональной пригодности студентов, претендующих на освоение бакалаврской программы по профилю «Логопедия». На основе анализа нормативной документации и экспертных оценок авторы актуализируют понятие «профессиональная пригодность» и выделяют в нем критически значимые компоненты, которые составляют содержание понятия «базовая профессиональная пригодность учителя-логопеда». В статье называются труднопреодолимые и преодолимые элементы базовой профессиональной непригодности к данной профессии, содержатся данные об организации и результатах входной диагностики студентов первого года обучения ДФ ЯГПУ им. К.Д. Ушинского. Опираясь на полученные данные, авторы предлагают свою систему диагностики и коррекции профпригодности по профилю «Логопедия» у студентов первого года обучения, раскрывают задачи и методы работы на каждом этапе. В содержании каждого этапа выделяются этический, мотивационный, организационный и содержательный аспекты. В заключительной части статьи представлены результаты проведенной опытно-экспериментальной работы, позволяющие сделать выводы о правомерности и результативности предложенного подхода к подготовке учителя-логопеда в высшей школе.

Сыпачёва Кира Николаевна

ассистент, Санкт-Петербургский государственный университет;
k.sypacheva@gmail.com

ИНТОНАЦИЯ UPTALK В СОВРЕМЕННЫХ АНГЛИЙСКИХ ДИАЛЕКТАХ: ПЕРЦЕПТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

Ключевые слова: английская интонация, высокий терминальный тон, английские диалекты.

В последние десятилетия интонация Uptalk (высокий терминальный тон в утвердительных высказываниях) всё чаще встречается в разных национальных и региональных вариантах английского языка. Исследователи связывают распространение данной интонации с внутриязыковой интерференцией, а также определёнными социолингвистическими факторами. Так, впервые данный мелодический контур был зафиксирован в австралийском и новозеландском английском в 60–70-е гг. Глобализация и появление новых медиа также способствуют переосмыслению отношения к британскому произносительному стандарта как к эталону: в речи современных британских дикторов и ведущих радио и телевидения часто присутствуют региональные черты произношения, а носители британского произносительного стандарта (RP) воспринимаются обществом как обособленная привилегированная социальная группа [Cruttenden 2014; Lindsey 2019].

По своим мелодическим характеристикам Uptalk совпадает с интонационной конструкцией (ИК) The High Bounce, описанной для интонационной системы британского стандарта (RP) [O'Connor 1973: 75], в котором она является типичной для вопросительных высказываний с прямым порядком слов, например, *You like him?* В современном использовании данная интонация приобретает новые функции, основной из которых является установление контакта с собеседником [Lindsey 2019: 108].

В данном исследовании предпринимается попытка определить статус интонации Uptalk в современном английской языке с помощью перцептивного эксперимента. Представляется возможным, что обращение к сознанию современных носителей разных вариантов английского языка позволит установить взаимосвязь между зоной распространения исследуемого тона и его разными вариантами реализации.

Материал и метод. В качестве источника экспериментального материала был использован речевой корпус, содержащий аудиозаписи утвердительных высказываний с интонацией Uptalk в речи носителей пяти вариантов английского языка: стандартный британский вариант (RP), стандартный южный британском вариант (SBE), диалект Белфаста, диалект Ньюкасла и австралийский английский [Сыпачёва, Шамина 2024]. Из данного корпуса были отобраны 10 реализаций: по две реализации для каждого варианта. Выбор реализаций определялся следующими критериями: хорошее качество записи, наличие отклонений от типичного контура для высокого восходящего тона.

Для того чтобы во время прохождения эксперимента аудиторы могли концентрироваться на функциональных различиях мелодических контуров, к отобранным реализациям были добавлены 8 фраз с иными интонационными конструкциями: *The High Drop*, *The Switchback*, *The Low Drop*, *The Low Bounce и* классическая реализация *The High Bounce* из пособия по английской интонации [O'Connor, Arnold 1973].

Отобранные реализации (всего 18 фраз) были дополнительно модифицированы в программе анализа и обработки речевого сигнала (Praat): для подавления сегментной информации из фраз были удалены частотные значения выше 500 Гц, при этом интонационный контур фраз был сохранён без изменений. В таком виде реализации предъявлялись участникам эксперимента в качестве стимулов: респонденты выбирали коммуникативный тип и оттенки значения интонации без опоры на лексико-семантический состав фразы.

Результаты. Анализ ответов 99 респондентов (в опросе приняли участие австралийцы, американцы, британцы из южных и северных регионов Великобритании и лондонцы) позволил сделать следующие выводы:

- Интонация Uptalk вариативна по форме реализации в разных вариантах английского языка. Были выявлены следующие особенности мелодического рисунка: смещенный тайминг в речи носителей южного британского стандарта и низкий уровень шкалы в речи носителей северных британских диалектов. Однако данные особенности акустической формы Uptalk, по всей видимости, нельзя назвать ярко выраженными, позволяющими отличить один вариант от другого, поскольку прослушивание фраз, произнесенных на родном для респондента варианте английского языка, заметно не улучшило их узнавание в сравнении с другими фразами.
- Интонация Uptalk вариативна по функциям. Так, были выявлены различия в определении коммуникативного типа: американцы и австралийцы намного чаще других групп респондентов относили фразы с Uptalk к вопросам (до 84 % опрошенных). Респонденты из Лондона и южной части Великобритании определяли вопросы менее успешно (на 10 % меньше), но они чаще других участников опроса относили фразы с Uptalk к утверждениям, иногда в более, чем 40 % ответов.
- Uptalk имеет следующие основные оттенки значения: «нейтральный тон», «дружелюбие», «сомнение, неуверенность». Восприятие того или иного оттенка может зависеть от влияния следующих факторов: наличие дополнительных мелодических максимумов и крутизна подъёма. В частности, более резкий подъем тона воспринимался большинством аудиторов как выражение сомнения и неуверенности.
- Группы респондентов из Лондона и южной части Великобритании показали схожие результаты при восприятии Uptalk, что может указывать на сближение их интонационных систем.

Таким образом, перцептивный эксперимент позволил выявить некоторые различия и сходства в оценке Uptalk носителями разных вариантов английского языка. Тот факт, что ответы групп респондентов из Австралии и Америки значительно отличались от ответов британцев, вполне вероятно, указывает на то, что широкое распространение Uptalk в англоязычном мире не является результатом внутриязыковой интерференции. Однако справедливо и то, что некоторые варианты имеют близкие интонационные системы, что подтверждается схожим восприятием Uptalk, в частности, группы респондентов из Лондона и южной части Великобритании показали сходные результаты в оценке функций исследуемой интонации. Дальнейшее сопоставление интонации в разных вариантах английского языка может способствовать лучшему пониманию интонационной вариативности английского языка и выявлению интонационных изменений в системе английской нормы.

Литература

Сыпачёва К. Н., Шамина Е. А. Функции высокого терминального тона в интонационной системе современного английского языка // Дискурс. 2024. Т. 10, № 4. С. 93–105.

Cruttenden A. Gimson's Pronunciation of English. 8th ed. London; New York: Routledge, 2014. P. 78–87.

Lindsey G. English After RP: Standard British Pronunciation Today. Cham: Springer, 2019.

O'Connor J. D., Arnold G. F. Intonation of Colloquial English. 2nd ed. London: Longman Group Ltd, 1973.

Холявин Павел Андреевич

ассистент, Санкт-Петербургский государственный университет;
p.kholyavin@spbu.ru

АВТОМАТИЧЕСКОЕ СОЗДАНИЕ УПРАЖНЕНИЙ ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ПРОИЗНОШЕНИЮ

Ключевые слова: британский английский, обучение произношению, программное обеспечение.

Настоящий доклад посвящён разработке комплекса программного обеспечения, который облегчает создание упражнений для обучения произношению английского языка и позволяет обучающимся заниматься самостоятельно. Интерфейсом для взаимодействия с комплексом является бот в социальной сети Telegram. Обучающиеся могут, взаимодействуя с ботом, самостоятельно выполнять задания и оценивать свой прогресс, записывая голосовые сообщения. Программное обеспечение также может быть использовано в офлайн-режиме без связи с Telegram-ботом.

Комплекс был апробирован при проведении курса английской фонетики в группах студентов образовательной программы бакалавриата «Общая и прикладная фонетика» Санкт-Петербургский государственный университет в 2022–2024 гг. (1 и 2 курсы).

В комплекс входит несколько модулей с упражнениями разного типа. Первый модуль сопровождает вводный курс английской фонетики, разработанный на кафедре фонетики и методики преподавания иностранных языков Санкт-Петербургский государственный университет. Курс состоит из 79 упражнений, каждое из которых представляет собой последовательность отдельных слов. Для каждого упражнения существуют записи, сделанные дикторами-носителями нормативного южнобританского варианта английского языка. Среди упражнений этого модуля, доступного в боте, можно выделить следующие:

1. Режим диктанта: бот высылает случайным образом выбранное слово из вводного курса в виде голосового сообщения. Задача обучающегося — прослушать слово и написать его транскрипцию, которую он затем может сравнить с правильным ответом.
2. Режим минимальных пар: студентом или преподавателем указывается проблемная пара звуков (последовательностей звуков), после чего программа генерирует набор минимальных пар, предлагаемых обучающемуся для чтения вслух и сравнения с эталоном.
3. Режим генерации зачётной карточки. В ходе зачёта, которым завершается вводный курс, обучающийся должен прочитать вслух набор слов (объединённых в группы по принципу минимальных пар), записанных в транскрипции. Программа позволяет создавать такие карточки случайным образом из словарных данных.

Гибкие настройки бота позволяют фильтровать доступные слова в зависимости от их фонемного состава и их акцентной структуры. Список слов может быть расширен с использованием дополнительных баз. Одной из таких баз, находящейся в открытом доступе, является онлайн-словарь Викисловарь, в котором для многих слов английского языка доступны транскрипция на основе Международного фонетического алфавита и запись, сделанная носителем языка, с указанием региона. Код для обработки Викисловаря, позволяющий создать такую базу данных, также входит в описываемый комплекс. Возможно и использование проприетарных баз данных и корпусов.

Второй модуль включает в себя упражнения, рассчитанные на закрепление фонемного состава слов. Эти упражнения основаны на распространённых играх со словами, переведённых в область транскрипции. Среди упражнений можно перечислить следующие:

1. Wordle — игра, в которой обучающийся должен за ограниченное количество попыток отгадать загаданное программой слово, предлагая свои варианты. Программа в ответ отмечает, какие фонемы из этих вариантов содержатся в загаданном слове.

2. Анаграммы — игра, в которой обучающийся должен составить из звуков одного слова как можно больше других слов.

Третий модуль является вспомогательным и позволяет настроить используемую систему транскрипции. Этим описываемый комплекс выгодно отличается от многих других интерактивных комплексов. Среди доступных систем — варианты системы Д. Джоунза и система Дж. Линдси. Кроме того, преподаватель может выбрать собственный набор транскрипционных символов. По умолчанию используется транскрипционная система, принятая в словаре Longman Pronunciation Dictionary Дж. Уэллза [Wells 2008]. Для удобства ввода фонетических символов со стандартной клавиатуры можно пользоваться системой X-SAMPA.

Четвёртый модуль посвящён упражнениям, предназначенным для закрепления навыков интонационного анализа высказывания. Среди упражнений этого модуля можно перечислить следующие:

1. Режим диктанта: бот высылает случайным образом выбранную короткую синтагму из составленной заранее базы данных в виде голосового сообщения. Задача обучающегося — прослушать запись и определить её мелодический тип.
2. Автоматическое построение тонограмм по системе О'Коннора и Арнольда [O'Connor, Arnold 1973]: этот модуль позволяет на основе упрощённой разметки, составляемой преподавателем (положение интонационного центра и характер мелодического движения), строить тонограммы — схематические изображения мелодической кривой с отражением ударности/безударности слога. Эти тонограммы затем могут использоваться для различных типов заданий, включая сопоставление тонограмм и высказываний в орфографической записи или в аудиоформате, составление высказываний, подходящих под тонограмму и т. д.

Пятый модуль позволяет работать с текстами и искать среди них те, в которых встречается в нужном количестве тот или иной звук или комбинация звуков. Для этого используется средство G2P (grapheme-to-phoneme, т. е. автоматический транскриптор), встроенное в систему автоматического синтеза речи espeak-NG [Dunn 2010]. Данный транскриптор основан на правилах. По сравнению с базовой версией в него внесены изменения, позволяющие более точно отражать в транскрипции слабые формы служебных слов.

Программное обеспечение реализовано с помощью языка Python, код находится в свободном доступе в сети Интернет: https://github.com/PKholyavin.

Модули, представленные в составе данного комплекса, могут быть адаптированы и для обучения другим вариантам английского языка, а также другим языкам. В рамках дальнейшего развития комплекса предполагается доработка модуля интонационных упражнений таким образом, чтобы он мог работать с реальными мелодическими кривыми, привязанными к сегментному составу с помощью автоматически расставленных границ звуков.

Литература

Dunn R. espeak-NG. URL: https://github.com/espeak-ng/espeak-ng/ (дата обращения: 20.01.2025).

O'Connor J. D., Arnold G. F. Intonation of colloquial English. London: Longman, 1973.

Wells J. C. LONGMAN Pronunciation Dictionary. 3rd ed. Essex: Pearson Education Limited, 2008.

Чугаева Татьяна Николаевна[1], Шпак Наталья Евгеньевна[2]

[1]д-р филол. наук, зав. кафедрой, Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения РАН;
tatiananch@mail.ru
[2]канд. пед. наук, доцент, Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения РАН

К ВОПРОСУ О ПЕРЦЕПТИВНОМ СВОЕОБРАЗИИ АНГЛИЙСКОГО И НЕМЕЦКОГО СЛОВА В ТЕОРИИ ЯЗЫКА И МЕТОДИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ

Ключевые слова: перцептивный строй языка, перцептивные типы слов, английский и немецкий языки, типологические особенности, обучение аудированию.

В отечественной традиции слово признается основной, естественной, центральной единицей языка, причем, во всем многообразии слов отдельных языков выделяются как общие черты, выступающие существенными признаками слова, так и все возможные отклонения от типичных случаев (Л. В. Щерба, А. И. Смирницкий и др.). В современной психолингвистике слово относится к основным психолингвистическим единицам языка и рассматривается как опорный элемент сознания. Сопоставление языковых структур позволяет выявлять типологически сходные универсальные закономерности, общие для разных языков, т. е. выявление языковых универсалий; с другой стороны, описывает различия в структурах языков, то особенное, «резко индивидуальное» (В. Гумбольдт), что их различает, то есть строй языка, если его понимать как совокупность существенных особенностей языковой системы, определяющих неповторимое лицо данного языка (В. Я. Плоткин, Б. А. Ильиш, Л. В. Бондарко).

Полное описание строя того или иного языка возможно при учете позиции не только говорящего, что традиционно в лингвистической литературе, но и слушающего. В работах А. С. Штерн, наряду с рассмотрением психолингвистических универсалий, намечено направление изучения типологического сходства и языкового своеобразия перцептивных механизмов на материале русского, немецкого и английского языков [Штерн 1992]. Изучение перцептивного строя языка актуально как в теоретическом аспекте в направлении создания единой функциональной теории восприятия, обладающей исчерпывающей объяснительной силой, так и в прикладном аспекте, для разработки лингвистически грамотной методологии обучения иностранному языку, что остается насущной и нерешенной проблемой в российском образовании. В задачу исследования перцептивного строя языка должно входить выявление принципов отбора строевых особенностей и критериев их сопоставления в разных языках, которыми, по С. Д. Кацнельсону, должны быть не изолированные элементы, а отдельные микросистемы, фрагменты структуры языка [Кацнельсон 1965].

Наш подход основывается на теории восприятия речи по существенным лингвистическим признакам (СЛП) Л. Р. Зиндера и А. С. Штерн [Штерн 1992]. Применение этого системного критерия позволяет выявить и описать фонетические (перцептивные) типы слов, объединенные тем или иным СЛП. Экспериментально выявлены иерархически организованные комплексы лингвистических признаков русского слова [Штерн 1992], немецкого [Краузе 2002] и английского [Чугаева 2009], самыми значимыми из которых оказались частотность, длина, ударная гласная, ритмическая структура и др. Поскольку объединение признаков в комплексе неслучайно, возможно построение классификации перцептивных типов слов языка, и описание звукового облика слова в *единстве его существенных, строевых характеристик, а* также типологические сопоставления слов в разных языках.

Итак, выявление всего комплекса признаков слова как целостной единицы на материале отдельно взятого языка остается актуальной лингвистической задачей, равно как и описание всей языковой системы с точки зрения своеобразия звукового строя соответствующего языка в перцептивном аспекте.

Наш метод определения фонетических/перцептивных типов слов конкретного языка оказался созвучным идеям системности лексики А. И. Смирницкого и принципам статистического описания архитектоники немецкого словаря П. Менцератом.

Вместе с тем «классическим предназначением» лингвистики остается обучение языку, поскольку лишь осознание закономерностей процесса усвоения языка является единственным способом коренного улучшения преподавания (Л. Р. Зиндер, А. А. Леонтьев, U. Esser, F. Grosjean и др.). Однако единства исследования и преподавания до сих пор не достигнуто, а современное положение дел в области российского языкового образования вызывает серьезную озабоченность лингвистов и преподавателей. Многолетние преподавательские наблюдения и эксперименты по восприятию иноязычной речи на слух свидетельствуют о несформированности перцептивных механизмов у подавляющего большинства школьников и студентов вузов, в то время как аудирование в общей теории усвоения иностранного языка должно рассматриваться как приоритетный вид речевой деятельности, обладающий особым статусом и определяющий успешность овладения языком в целом.

На основе теоретических представлений о перцептивном строе языка и их экспериментального подтверждения была разработана методическая система целенаправленного обучения восприятию англоязычной речи (Практикум Listening Challenge, Пермь, ПФИЦ УрО РАН, 2005; 2023). Апробация пособия доказала эффективность метода в многолетней практике обучения английскому языку. По тем же принципам и в той же методике была создана система обучения немецкой речи на слух — Практикум Hörverstehen Deutsch, Пермь, ПФИЦ УрО РАН 2025. Данный методический подход, опирающийся на лингвистические основы речевой деятельности, позволяет системно сформировать механизмы восприятия иноязычной речи на разных уровнях перцептивного строя языка. Указанные учебные пособия соответствуют общедидактическим принципам посильности, доступности и количественной достаточности речевого материала.

Литература

Кацнельсон С. Д. Содержание слова, значение и обозначение. М., Наука, 1965.

Краузе М. Динамика механизма восприятия слова при различных условиях овладения иностранным языком. Мюнхен: Verlag Otto Sagner, 2002.

Чугаева Т. Н. Звуковой строй языка в перцептивном аспекте (экспериментальное исследование на материале английского языка): автореф. дис. … д-ра филол. наук. СПб., 2009.

Штерн А. С. Перцептивный аспект речевой деятельности. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1992.

Sukhova Natalya Vitalyevna

PhD in Philology, Associate Professor, National University of Science and Technology "MISIS";
Leading Researcher, Pushkin State Russian Language Institute

EMBODIED PROSODY: TEACHING ENGLISH RISING TONE WITH PITCH GESTURES

Keywords: embodied prosody, English intonation contours, rising tone, pitch gestures.

The idea of embodied phonetic training has been tested for over 8 years now [Li et al. 2024]. The premises for such an approach have lain in the Embodied Cognition paradigm, in Second Language Acquisition models [Flege, Bohn 2021] and in co-speech gesture research [Tsibulya 2023].

The concept of embodiment states that body and mind are interconnected up to the point that "cognitive processes are grounded in sensory-motor processes in the human body" [Li et al. 2024: 173]. This fact is highly employed in education in general (e. g. studying mathematics [Cook et al. 2008] and in the field of second language (L2) acquisition in particular (e. g. learning vocabulary [Macedonia 2014]). Moreover, there are some positive findings on embodied phonetic training focusing on segmental level [Li et al. 2024]. Despite the obtained results the effects of embodied training on suprasegmental L2 components are still not clear [Yuan et al. 2019].

Literature analysis has shown that the studies on the embodied phonetics usually consider languages from different linguistic types, i. e. tonal and intonational ones, e. g. Catalan and Chinese. The research into L2 acquisition models proves that learning something different is much easier, than learning something similar [Galo et al. 2022]. In other words, to learn a different tone is less cognitively charged, than to differentiate a tone which sounds familiar but has a different configuration, for instance. This study will focus on the rising tone in English which may produce a "similarity" effect on the Russian learners.

The gesture studies are quite vast. For more than 30 years now they have been in the forefront of multimodal research. The findings are becoming more refined by tackling very specific areas including multichannel (multimodal) linguistics. Despite the crossdisciplinary nature of co-speech gestures their role in teaching intonation contours (prosodic nucleus, lexical tones, etc.) is understudied.

This paper addresses the concept of embodied prosody in teaching English rising tone to Russian learners. More concretely, the aim is to investigate (a) the correlation of multimodal pitch representation through graphic tonogram and pitch gesture with the rising tone production in L2 (its pitch and configuration); (b) the correlation of multimodal pitch representation through graphic tonogram and pitch gesture with co-speech gestures in English speech of the Russian learners.

Thus, it is hypothesized that if a student is exposed to a consistent visuospatial pitch representation, his own pitch production will improve. The novelty lies in the English L2 and Russian L1 combination when both languages are intonational (the similarity causes difficulty); in two modalities involved: visual via graphic tomogram representation of a tone configuration as well as visuospatial via pitch gestures.

The material consists of video episodes shot when 30 first-year students of MISIS University were presenting their mini-lectures (one video episode depicts one student's presentation). The selected subset consists of ten video episodes (around 20 minutes): five students have a good rising tone production in English and five students have a good production of pitch gestures. They attended the "Course in English Phonetics", having 34 in class academic hours per semester and 74 academic hours for self-study work. Each week the students were exposed to pitch gestures, i. e. manual illustrators of intonation contours (including the rising nuclear tone) used by the teacher (the author of the article) to train and practise four exemplary fully marked authentic texts of Informational and Academic phonostyles (Fig. 1).



Fig. 1. A tentative curve of a manual pitch gesture, produced by the teacher

Additionally, all texts were supported by the intonation marking system and tonograms (the marking and drawing approaches are taken from [Antipova et al. 1985]; Fig. 2).

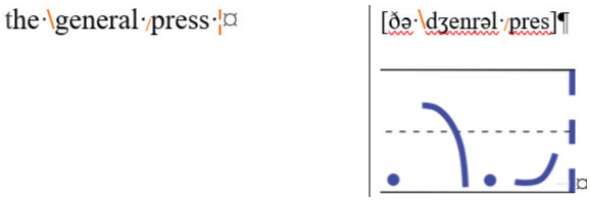


Fig. 2. The intoned and transcribed phrase
and its tonogram

The video episodes were analysed with *ELAN** to annotate the manual gestures and in *Praat*** to visualize the rising tone, its pitch and configuration.

The results have proved that there is a correlation of multimodal pitch representation with the rising tone production in L2. The tone was produced in a target pitch and with a plausible curvy configuration by all five students. The correlation of multimodal pitch representation with co-speech gestures in English speech of the Russian learners has not been proven. Three participants used pitch gestures representing the initial teacher's pitch gestures, but their concomitant speech did not contain the targeted rising tone.

These findings have shown that pitch production may be affected by the use of pitch gestures coupled with graphic representation. The effect may be revealed in pitch production itself or in concomitant gesture production. However, pitch production can be a result of other mechanisms, e. g. musical training and good imitation skills; whereas the gestural accompaniment can be due to good imitation skills which do not translate into rising tone concomitance.

Further investigation is needed with a more refined experimental design; however, the shown impact promises better learning outcomes in future.

References

Antipova E. Ya., Kanevskaya S. L., Pigulevskaya G. A. English Intonation Manual. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1985. (In Russian)

Cook S. W., Mitchell Z., Goldin-Meadow S. Gesturing makes learning last // Cognition. 2008. Vol. 106. P. 1047–1058.

Flege J. E., Bohn O. S. The revised speech learning model (SLM-r) // Second language speech learning: Theoretical and empirical progress / ed. by R. Wayland. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. P. 3–83.

Gallo F., DeLuca V., Prystauka Y., Voits T., Rothman J., Abutalebi J. Bilingualism and aging: Implications for (delaying) neurocognitive decline // Frontiers in Human Neuroscience. 2022. Vol. 16. Art. 819105.

Li P., Baillis F., Xi X., Prieto P. Gesture shape and gesture-speech alignment predict simultaneous L2 sound production accuracy // Multimodality across Epistemologies in Second Language Research / eds A. Brown, S. W. Eskildsen. New York; London: Routledge, 2024. P. 173–186.

Macedonia M. Bringing back the body into the mind: Gestures enhance word learning in foreign language // Frontiers in Psychology. 2014. Vol. 5. P. 1–6.

Tsibulya N. B. Gestures-illustrators with the meaning of contrast and their prosodic correlates // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2023. No. 3 (871). P. 129–135. (In Russian)

Yuan C., González-Fuente S., Baillis F., Prieto P. Observing pitch gestures favors the learning of Spanish intonation by Mandarin speakers // Studies in Second language Acquisition. 2019. Vol. 41. P. 5–32.

* ELAN (Version 6.2) [Computer software]. Nijmegen: Max Planck Institute for Psycholinguistics, 2023. URL: https://archive.mpi.nl/tla/elan (дата обращения: 22.11.2024).

** *Boersma P., Weenink D.* (1992–2024): Praat: doing phonetics by computer [Computer program]. Version 6.4.23. URL: https://www.praat.org (accessed: 04.09.2024).

Давыдова Варвара Алексеевна

канд. филол. наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина);
va.davydova@gmail.com

ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНОСТЬ ИСКУССТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ: ФОНОТИПЫ В ВЫМЫШЛЕННЫХ АВТОРСКИХ ЯЗЫКАХ И КРИПТОЯЗЫКЕ АВСТРАЛИЙСКИХ АБОРИГЕНОВ

Ключевые слова: фоносемантика, фонотип, искусственные языки, звукоизобразительность.

Одним из важнейших открытий петербургской школы фоносемантики [Фоносемантика 2022] стало выявление фонотипа как минимальной двухсторонней (значимой) единицы в звукоизобразительной лексике. Он определяется как акустический или артикуляторный признак звука речи, способный передавать определенный смысл. Так, например, фонотип «шипящие» (акустический признак) обладает звукоизобразительной функцией передачи длящегося шумового компонента акустического денотата (например, шипящие в рус. «шорох»). Наличие хотя бы одного фонотипа, отражающего звуковую природу денотата, позволяет признавать слово звукоизобразительным.

Поскольку фонотип является носителем значения, он также обладает потенциалом образования новых слов. Особенно наглядно данное свойство можно наблюдать на примерах создания звукоизобразительной лексики в искусственных языках. По этой причине изучение искусственных языков в фоносемантическом аспекте позволяет углубить знания о функционировании фонотипов в языке. В настоящей статье материалом для исследования фонотипов послужила звукоизобразительная лексика вымышленных авторских языков [Okrand 1992; Frommer], а также искусственного криптоязыка астралийских аборигенов дамин [Fleming 2017]. Данная звукоизобразительная лексика была рассмотрена с позиций фоносемантического анализа.

Вымышленные языки клингон и на'ви являются априорными языками, созданными для героев вымышленных миров, показанных в циклах «Звездные войны» и «Аватар». Оба языка созданы профессиональными лингвистами с целью максимального погружения аудитории в вымышленный мир кинофильмов. Для того, чтобы языки воспринимались англоязычной аудиторией как чужие, «инопланетные», их авторы сконструировали необычный, «чужеродный» фонетический инвентарь: ретрофлексные согласные, велярные и увулярный фрикативные, увулярные взрывные, альвеолярные латеральные аффрикаты, а также гортанный взрывной (гортанную смычку).

В свою очередь, дамин — это искусственный язык, используемый в ходе проведения мужских инициаций. На определенном этапе с инициируемым общаются на особом, искусственно созданном языке, которого инициируемый не знает и вынужден декодировать только на основании звукового облика слов. Исследователи дамина особо подчеркивают выраженную неконвенциональность фонетического инвентаря, чужеродность его звучания для инициируемых: в дамине применяется целый набор звуков, не используемых не только в родном языке инициируемых, но также и ни в одном из естественных языков австралийских аборигенов — велярные и лабиальные эйективы, инспираторные согласные, а кроме того целый набор щелкающих согласных (кликсов) — зубных, альвеолярных, губных и ретрофлексных.

Руководитель секции: Е. А. Шамина.

Таким образом, ситуации создания рассмотренных языков резко разнятся, так как их создатели находятся на разном уровне культурного развития, являются носителями языков, принадлежащих к разным языковым семьям, и используют разный фонемный инвентарь. Вместе с тем априорность созданных языков, отсутствие значимых элементов более высоких уровней языка, необходимость понимания со стороны реципиентов и, как следствие, вынужденная опора на звукоизобразительность обусловили одинаковое использование фонотипов как конструктивных звукоизобразительных элементов.

Сравнение трех искусственных языков в звукоизобразительном аспекте позволяет сделать следующие выводы.

Искусственные звукоизобразительные слова поддаются изучению с помощью фоносемантического анализа, который позволяет обнаружить в таком материале звуко-смысловые регулярности и вычленить значимые элементы формы.

Неконвенциональные, «чуждые» для реципиентов фонемы используются в соответствии со своими звукоизобразительно-значимыми признаками в полном соответствии с закономерностями, ранее выявленными для естественных языков. Можно проследить, как актуализируются отдельные признаки фонем для создания необходимого образа. Так, например, в клингоне акустический признак фрикативности фонемы /tɬ/ становится значимым в обозначении шепота — tlhup [tɬʉpʰ] ‘whisper’, а в языке дамин признак лабиальности щелкающей фонемы /Θ/ актуализируется в обозначениях пищи [Θi] (ср. с губными звуками в англ. *yummy*, фр. *miam* и т. п.)

Таким образом, связь звука и смысла в искусственно сконструированном вымышленном слове реализуется на уровне фонотипа и следует законам естественной звукоизобразительности. Разложимость искусственно сконструированных слов на фонотипы и соответствие их ЗИ-функций таковым для естественных звукоизобразительных слов еще раз подтверждает универсальность фонотипа как основной звукоизобразительной единицы языка.

Литература

Фоносемантика: Опыт междисциплинарного исследования: коллективная монография / отв. ред. Н. К. Алимова. М.: Мир науки, 2022. URL: https://izdmn.com/PDF/69MNNPM22.pdf (дата обращения: 08.02.2023).

Fleming L. Artificial Language, Natural History: Speech, Sign, and Sound in the Emergence of Damin // Language & Communication. 2017. No. 56. P. 1–18.

Frommer P. Na’vi / English Dictionary. Last update by Titstewan // Online Avatar Fan Community. URL: https://learnnavi.org/navi-vocabulary (дата обращения: 26.03.2024).

Okrand M. The Klingon Dictionary. 2nd ed. New York: Simon & Schuster, 1992.

Иванова Александра Николаевна
канд. филол. наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет;
a.livanova@spbu.ru

ЗВУЧАНИЕ СЕВЕРНОГО СИЯНИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ФОНОСЕМАНТИКИ

Ключевые слова: звукоизобразительность, звукоподражание, звукосимволизм, норвежский язык.

С давних времен жители тех северных регионов Земли, где можно наблюдать северное сияние, утверждали, что это явление сопровождается звучанием. Однако услышит его не каждый. Частота волн, излучаемых при этом, составляет, по разным данным, от 10 до 50 герц, или даже от 1 до 30 герц. Это выяснилось уже в XX столетии.

Первая научная работа, посвященная звукам северного сияния, была опубликована в 1745 г. датским естествоиспытателем Йоакимом Фредериком Расмусом. В то время Норвегия являлась провинцией датско-норвежского государства. А в 1882 г. датско-норвежское государство предоставило стипендию для изучения северного сияния датчанину Софусу Тромхольту (Sophus Tromholt). Долгое время он работал учителем во втором по величине городе Норвегии Бергене на ее западном побережье, но увлекался также астрофизикой и фотографией.

В том же 1882 г. Тромхольт отправился на север Норвегии в саамское поселение Каутокейно, где занялся изучением северного сияния и фотографированием саамов. В марте 1885 г. Тромхольт разослал по Норвегии несколько тысяч писем, в которых задавал вопрос, слышали ли опрашиваемые северное сияние, и если да, то как оно звучало. Ответили 143 человека, из которых 52 утверждали, что слышали сияние сами, а 39 сообщали, что рассказывают с чужих слов. Результаты опроса ученый опубликовал в виде заметки под названием «Норвежские свидетельства о звучании Северного сияния» в старейшем научно-популярном журнале Норвегии Naturen Природа. Подводя итог, Тромхольт констатирует: «Таким образом, мы имеем 91 “да” против 21 “нет”» [Tromholt 1889: 136]. Далее следуют две с половиной страницы сплошного текста, представляющего собой собственно описания без комментариев.

В этих описаниях использованы 15 отпричастных прилагательных (например, hvinende завывающий), 17 существительных, из которых 5 корневых (døn гул), 9 — с редко используемым в современном языке суффиксом -en (rislen журчание) и два с суффиксом -ing (susning шум). Оба суффикса образуют существительные от глагольных основ. Отдельно следует упомянуть существительное lyd звук, употребленное как само по себе, так и в качестве второй (основной) части сложных слов, например, hvislelyd шелестящий звук. Кроме того, использованы два звукоподражательных междометия — hoi! hoi! hoi! эй! эй! эй! и thssj *тшш*.

При многих из приведенных однословных определений дополнительно даны описательные обороты, призванные иллюстрировать, с какими звуками, более привычными уху, можно сравнить звучание северного сияния. Например, susen, som naar stærke Vindstød farer gjennem Skovens Trætopper шум, как когда сильные порывы ветра качают верхушки деревьев в лесу.

В таких развернутых описаниях используются глаголы движения blaffe развеваться, slå ударять, svaje раскачиваться, vifte махать; соответствующие действия нередко сопровождаются характерным звучанием, а в глагольных обозначениях этих действий выявляются звукоизобразительные свойства.

Нет ничего удивительного в том, что для описания звуков используется звукоизобразительная лексика. Звукоизобразительное происхождение большинства использованных слов указывается в этимологических словарях датско-норвежского языка, норвежского языка, словаре английской звукоизобразительной лексики. Звуковой состав этих единиц соответствует фонетическим структурам, выявленным еще в работах С. В. Воронина. В большинстве случаев мы имеем дело со звукоподражанием, представленным главным образом шумовыми континуантами, но некоторые из использованных глагольных обозначений являются звукосимволическими.

Описания, собранные в статье Тромхольта, в концентрированном виде содержат богатый материал для фоносемантического анализа в духе концепции Санкт-Петербургской школы фоносемантики, основывающейся на идеях С. В. Воронина.

Этот же материал послужил другой цели в творчестве не исследователя, а разностороннего норвежского автора Эйнара Экланна (Einar Økland), которому 17 января 2025 г. исполнилось 85 лет. Как пишут норвежские литературоведы, это «один из самых своеобразных авторов в современной норвежской литературе» [Andersen 2010: 531]. Жанр его произведений определить нелегко: «Жанр Экланна — сам язык» [Andersen 2010: 532]. Экланн прославился и как коллекционер предметов обихода: поздравительные открытки, игральные карты, плакаты, объявления и т. п.

Как «собиратель и поэт» — по определению критика Э. Мюклебуста, «Эйнар Экланн поэт по своей сущности и собиратель по духу» [Myklebust 2025] — подошел он и к тексту Тромхольта, увидев в нем коллекцию звукоизобразительных слов, полно передающих слуховые впечатления от северного сияния. Заметка Тромхольта с небольшими изменениями [Økland 1998: 9–12] включена в роман Экланна 1974 г. *Stille Stunder* («Тихие мгновения»), имеющий подзаголовком Manns gaman, что можно перевести как Отрада для человека. Сам текст при этом слегка переработан: незначительно сокращена вводная исследовательская часть статьи, произведено несколько несущественных для содержания перестановок частей текста, но что важно, сплошной текст Тромхольта разбит на шесть строф, на манер белого стиха, что сообщает ему просодическое измерение. Строфы содержательно объединены по типам объектов, звучание которых сравнимо со звучанием северного сияния: шум и шелест как таковые; дуновение ветра; горение; птицы и другие летающие объекты; сильные порывы ветра; море, снег.

Экланд структурировал научный текст как поэтическое произведение, в котором звукопись служит передаче впечатления от природного явления. Текст Тромхольта в обработке Экланна демонстрирует возможности звукописи, изучению которых посвящена отличная от лингвистической концепции С. В. Воронина ассоциативная фоносемантическая концепция, которую развивали А. П. Журавлёв и его последователи.

Описания северного сияния у Тромхольта / Экланна представляют собой ценный материал для анализа в рамках различных школ фоносемантики.

Источник

Myklebust E. Einar Økland er poet i botn og samlar i sinn. URL: https://klassekampen.no/utgave/2025-01-18/bokmagasinet (дата обращения: 25.01.2025).

Литература

Andersen P. Th. Norsk litteraturhistorie. Oslo: Universitetsforlaget, 2010 [2001].

Økland E. Norske vidnesbyrd om nordlyslyden // Stille stunder. Oslo, 1998 [1974]. S. 9–12.

Tromholt S. Norske Vidnesbyrd om Nordlyslyden // Naturen. Nr. 8–9. August-September 1889. S. 136–137. URL: https://marcus.uib.no/instance/issue/ubb-tskr-naturen-1885-08.html (дата обращения: 20.01.2025).

Климов Дмитрий Дмитриевич

аспирант, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина);
dimitry.klimow@gmail.com

ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНАЯ ЛЕКСИКА ШВЕДСКОГО ЯЗЫКА: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Ключевые слова: фоносемантика, звукоподражательная лексика, звукоизобразительная лексика, шведский язык.

Настоящая работа посвящена предварительному анализу звукоподражательной лексики шведского языка с позиции фоносемантического анализа, разработанного С. В. Ворониным (см.: [Воронин 2006; Краснова 2018]). Метод фоносемантического анализа (ФСА) представляет собой последовательность операций, объединяющих элементы типологического сравнения, этимологического анализа и таксономии звукоизобразительных явлений. В работе приводится классификация звукоподражательной лексики шведского языка согласно мотиву номинации.

Цель работы — предварительный анализ звукоизобразительной лексики шведского языка и её классификация. Актуальность исследования обуславливается фактом отсутствия работ, посвященных фоносемантическому анализу звукоподражательной лексики шведского языка. Теоретическая база исследования включает в себя работы по фоносемантике, идеофонам, языковой иконичности, лексикологии шведского языка, лексической семантике, этимологии шведского языка, а также исторической фонологии шведского языка [Abelin 1999]. Отбор материала производился на основе этимологических словарей шведского языка [Ernby 2010].

Методы отбора материала включают в себя также анкетирование носителей шведского языка (Iconicity Atlas). Для сбора лингвистических данных была использована анкета, содержащая вопросы на идентификацию звукоподражательных слов, определение их значений, описание ассоциативных связей и примеров употребления. Всего в ходе анкетирования и в результате выборки из этимологических словарей было отобрано 100 лексем, включающих в себя глаголы, существительные и междометия.

Полученные данные анализировались с использованием методов лексико-семантического и фоносемантического анализа, что позволило установить основные закономерности в использовании звукоподражательной лексики шведского языка. Результатом предварительного исследования стало определение основных семантических и фоносемантических групп звукоподражательной лексики в шведском языке, включающих имитацию звуков природы, звуков, издаваемых человеком, звуков, издаваемых животными и звуковых явлений техногенной среды. «Звуки, издаваемые человеком» объединяются по признаку референции к источнику звука и включают в себя, например: жевать (att mumsa), кашлять (att hosta, att harka), икать (att hicka). «Звуки природы» включают в себя: журчать (att porla, att sorla), шелестеть (att prassla), скрежетать (att gnissla). К «звукам, издаваемых животным» относятся: лаять (att skälla), каркать (att kraxa), блеять (att bräka). «Звуковые явления техногенной среды» включают в себя: грохот (ett skrammel), топот (ett tramp), гром металла (ett rassel).

Дальнейшее изучение предполагает углублённый анализ фонетико-семантических закономерностей звукоподражательной лексики шведского языка и её типологических особенностей в сравнении с другими языками.

Литература

Воронин С. В. Основы фоносемантики. 2-е изд. М.: Ленанд, 2006.

Краснова А. В. Универсальные характеристики звукоизобразительной лексики и их специфические проявления в турецком языке: дис. … канд. фил. наук. СПб., 2018.

Abelin Å. Studies in sound symbolism. Göteborg: Department of Linguistics, Göteborg University, 1999.

Ernby B. Norstedts etymologiska ordbok. Norstedt, 2010.

Малышева Валерия Николаевна

ассистент, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина);
malvaleriam@gmail.com

SN-СЛОВА СО ЗНАЧЕНИЕМ НАЗАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ИХ ДУБЛЕТЫ В АНГЛИЙСКОМ И ИСЛАНДСКОМ ЯЗЫКАХ

Ключевые слова: фонестема, фоносемантика, иконичность, английский язык, s-mobile.

Звукоизобразительная система языка включает несколько классов слов, сохраняющих связь между формой слова и его значением. К ним относятся звукоподражания, мимические слова (или звукосимволизмы), идеофоны, а также слова фонестемных групп. О фонестеме говорят, когда «две (реже три) фонемы, имеющиеся в фонетическом облике у группы слов, приобретают устойчивую ассоциативную связь с рядом значений» [Флаксман и др. 2022: 70]. В английском языке, к примеру, ряд слов с фонестемой gl- (glimmer «мерцать», glitter «блестеть», glisten «сверкать») объединяет сема «яркое, блестящее, гладкое, отражающее свет». Проявлениям фонестемного звукового символизма посвящены исследования на материале разных языков: английского [Sadowski 2001; Smith 2016] китайского [Joo, Liu 2020], латинского [Leonardi 2015], папуасских [Willemsen, Miltersen 2020], шведского [Abelin 1999] и др.

Слова фонестемных групп способны с помощью звуковой составляющей слова, то есть его формы, кодировать чувственно воспринимаемый опыт. Так, фонестемные слова кодируют особенности визуально воспринимаемой специфики движения предметов (flutter «порхать», twitter «трепетать», т. е. совершать пульсирующее движение); световые явления (twinkle «мерцать», т. е. издавать пульсирующий свет; glitter «блестеть», т. е. ярко отражать свет), тактильного ощущения от поверхности (bramble «колючий кустарник, ежевика»). Фонестемы сочетают механизмы, которые используются в языке при создании звукоподражаний и мимических слов (иконичность) и конвенциональную связь между формой и значением (как у не-звукоизобразительных слов). Звукоподражания имитируют звуковые явления окружающего мира с помощью фонем языка со схожими акустическими параметрами (рус. мурчать, англ. bump «тяжелый удар»). Мимические слова формируются на основе ассоциации мимики человека, сопровождающей внутренние физиологические (чихание, дыхание) и ментальные действия (мыслительный процесс), и звуков, артикуляция которых вызывает схожие выражения лица (рус. храпеть, англ. sneeze «чихать», голл. snoffen «нюхать») [Воронин 2006: 71; Флаксман и др. 2022: 68]. В фонестемах также сочетаются звуковая и артикуляционная имитация, но значения могут быть более абстрактными.

В фокусе данного исследования английский консонантный кластер SN-, значение которого связывают с назальной деятельностью (sniff «нюхать», snivel «хныкать», snore «фыркать» [Михалев 2018: 190]). Указывается также на уничижительное значение слов с данным сочетанием [Михалев 2018: 164], обозначение хватательного движения (snatch «хватать» [Михалев 2018: 206], кусания (snatch «хватать зубами» [Флаксман и др. 2018: 63]) Исследование Филпса [Philps 2011] указывает на большое число дублетов sn-/n- в английском языке, а также дублетов с другими фонемными сочетаниями (sneeze [sniːz] / neeze [niːz] / † fnese «чихнуть»; snarl [snɑːl] / † snar / † gnarl [nɑːl] / † narl [nɑːl] «рычать, огрызаться») и связывает формирование sn слов с добавлением осложнителя (s-mobile).

Данное исследование ставит задачу сравнить набор sn-слов английскиого языка и их исторических дублетов с сочетаниями n-/fn-/gn-/hn-/kn-, имеющих значение назальной или хватательной деятельности, с аналогичной группой слов исландского языка, также относящегося к германской группе. Анализ поводился с точки зрения наличия или отсутствия набора повторяющихся сем. Отбор материала происходил методом направленной выборки из Большого Оксфордского словаря [OED] и Исландско-русского словаря [Берков, Бёдварссон 1962]. Всего

было отобрано 63 английских слова и 31 исландских слова, которые анализировались методом семантического анализа.

Изучение выбранной группы слов позволило прийти к следующим выводам:

(1) Английский язык активно использует механизм образования дублетов.

Если есть дублеты есть с разными сочетаниями согласных, то вариативность sn слов невелика (snarl, †snar, narr, †gnarl «рычать»). Есть дублеты только в 1–2 сочетаниях, то формируется несколько sn-дублетов (sniff, snift, snuft, sniffle, snufter «нюхать», «вдыхать», niff «вонь»). Значение назальности есть у слов с сочетаниями n- и sn-, сочетания fn-, gn-, kn- единичны или устарели.

(2) Для исландского языка формирование дублей выражено меньше.

В исландском языке механизм замены инициального согласного известен: nasa «нюхать» / fnasa «фыркать, сопеть» / snasa «совать нос, нюхать»; nusa «нюхать» / hnusa «нюхать» / hnussa «фыркать» / snuss «нюхательный табак». Есть дублеты с разным значением, но попадающие в одну категорию мимических действий: snaga «вынюхивать» / naga «глодать, разгрызать». Значение назальности есть у слов с сочетаниями n- и sn-, фрагментарно у сочетаний fn-, gn-, hn-.

(3) Большинство исследованных слов следует отнести к мимическим словам. Однако параллельно со словами со значением назальности в исследуемых языках наблюдаются и другие семы: поглощение пищи (англ. snarf «заглатывать пищу»; исл. snarl «твердая пища», исл. snæða «есть»), слова с уничижительным значением (sneiða «говорить колкости», sneipa «стыд»), вращение (исл. snara «поворачивать», исл. snúa «вращать»), быстрый (англ. snikt «быстрое движение»; исл. snara «приводить в быстрое движение», исл. snekkja «быстроходное судно»), острый (англ. snab, nab «скалистая возвышенность»; исл. snarpur «острый», исл. snidda «острый край») и др. Данные значения демонстрируют, как в словах фонестемной группы sn- сочетаются свойства мимических звукоизобразительных слов и звукосимволизмов, передающих явления не звуковых модальностей.

Таким образом, можно говорить о более активном образовании дублетов в английском языке по сравнению с исландским. Выводы будут уточняться при исследовании всех сем sn слов и их дублетов.

Источник

OED — Oxford English Dictionary. 3rd ed. URL: https://www.oed.com/ (дата обращения: 22.01.2025).

Литература

Берков В. П., Бёдварссон А. Исландско-русский словарь. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1962.

Воронин С. В. Английские ономатопы: Фоносемантическая классификация. 2-е изд. / под ред. проф. О. И. Бродович. СПб.: Геликон Плюс, 2004.

Philps D. Reconsidering phonæsthemes: Submorphemic invariance in English ‘sn- words’ // Lingua. 2011. Vol. 121, no. 6. P. 1121–1137.

Флаксман Мария Алексеевна

канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина);
maflaksman@etu.ru

КЛАССИФИКАЦИЯ ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ ПО СПОСОБУ ИМИТАЦИИ

Ключевые слова: фоносемантика, ономатопея, идеофон, семантика, иконичность.

Настоящий доклад представляет новую классификацию звукоизобразительной лексики, разработанную на основе материала [Flaksman 2024] и корпуса звукоизобразительной лексики [Hinton et al. 1994].

Звукоизобразительная (ЗИ) лексика — это лексика с иконической связью между формой и значением [Hinton et al. 1994; Воронин 2006]. Иконичность — это отношение подобия. Наиболее распространённым типом ЗИ-лексики являются ономатопоэтические слова [Hinton et al. 1994], то есть, слова имитирующие природные звучания посредством звуков речи. Настоящая классификация объясняет, почему ономатопея так широко распространена в языках мира.

Критерием для предлагаемой классификации является способ имитации (совпадение или несовпадение каналов восприятия и передачи информации).

Производство речи имеет акустико-физиологическую основу, а звуки речи, соответственно, имеют (А) акустические (аудиальная модальность, передача звука) и (Б) артикуляторные характеристики (кинетическая модальность, движения речевого аппарата). Таким образом, каналов передачи информации при помощи речи информации всего два. Но каналов восприятия информации из внешнего мира гораздо больше (визуальный, тактильный, ольфакторный и др.).

Соответственно, способ имитации, при котором каналы восприятия и передачи совпадают — это (1) прямой способ имитации, а способ имитации, при котором каналы восприятия и передачи не совпадают — это (2) опосредованный (синестезия).

Мы выделяем следующие классы ЗИ-лексики по способу имитации:

1А (прямой акустический) — ономатопея [аудиальная модальность → аудиальная модальность], передача акустических характеристик природных звучаний акустическими характеристиками речи, т. е. передача звука звуком (рус. хлоп, плюх, ррр, пи-пи, англ. bang, grrr, ding-dong); фоносемантически значимыми при данном способе имитации являются акустические характеристики звуков речи (высота и долгота гласного, способ образования согласного, модулирующий акустические характеристики звучания).

1Б (прямой артикуляторный) — звуковой символизм (ЗС ИКС [Воронин 2006]), мимезис, кинестетическое подражание [Anderson 1998] [кинетическая модальность → кинетическая модальность], передача движений речевого аппарата, не задействованных в производстве речи (жевание, надувание щёк, чихание), движениями речевого аппарата, задействованных в производстве речи (рус. апчхи, тьфу, чпок, англ. achoo, mwah, cough), т. е. передача движений артикуляцией; фоносемантически значимыми при данном способе имитации являются артикуляторные характеристики звуков речи (открытость или закрытость гласного, место образования согласного).

2А (опосредованный акустический) — звуковой символизм, идеофония [любая модальность, кроме аудиальной → аудиальная модальность], синестетическая передача любых характеристик объекта (движение, вкус, запах, цвет, манера движения) посредством звучания; например, рус. вжух, англ. zig-zag, whoosh (визуальная модальность → аудиальная модальность), Ewe klitsaa «идеоф. ощущение от шероховатой поверхности» (тактильная модальность → аудиальная модальность), lĩlĩlĩlĩlĩ «идеоф. отвратительный запах» (ольфакторная модальность → аудиальная модальность), примеры из [Hinton et al. 1994].

2Б (опосредованный артикуляторный) — звуковой символизм (ЗС ЭКС [Воронин 2006]), идеофония [любая модальность, кроме кинетической → кинетическая модальность], синестетическая передача любых характеристик объекта (форма, размер, движение) посредством артикуляторного жеста (например, обозначение округлого огубленными гласными и лабиальными согласными [Воронин 2006], например, англ. bump, bubble, pumpkin (визуальная модальность → кинетическая модальность).

Способ 1А (ономатопея) — наиболее распространённый, он встречается во всех языках и представлен ЗИ-словами всех частей речи (идеофонами / междометиями и полнозначными словами); в количественном отношении слов 1Б отношении меньше, но можно предположить, что они также широко представлены как и ономатопоэтические слова (такие слова часто включают в категорию «ономатопея» [Hinton et al. 1994], что затрудняет их количественный подсчёт). Способ 1Б также представлен ЗИ-словами всех частей речи (идеофонами / междометиями и полнозначными словами).

Непрямые, опосредованные (синестетические) способы имитации (2А и 2Б) имеют большую когнитивную сложность, так как требуют переключения модальности. Поэтому они представлены не во всех языках, в основном, только идеофонами / междометиями (в некоторых языках — также отдельными полнозначными словами). Некоторые типы имитации (такие как тактильная модальность → аудиальная модальность) встречаются исключительно среди не-интегрированной междометной лексики (для описания которой и был введён термин «идеофон»).

Таким образом, языки мира отличаются (1) наличием или отсутствием ЗИ слов всех четырёх способов имитации, (2) пропорциональным соотношением ЗИ слов этих групп и (3) тем, какими частями речи представлены эти ЗИ-слова.

Литература

Воронин С. В. Основы фоносемантики. М.: Ленанд, 2006.

Anderson E. A Grammar of Iconism. London: Associated University Press, 1998.

Flaksman M. An Etymological Dictionary of English Imitative Words. Berlin: Peter Lang, 2024.

Hinton L., Nickolls L., Ohala J. J. Sound Symbolism. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.

Шамина Елена Анатольевна[1], Беседина Елена Ивановна[2]

[1]канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет;
e.shamina@spbu.ru
[2]канд. филол. наук,
Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина);
elivbesedina@mail.ru

ФОНОСЕМАНТИКА VERSUS ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ ДАННЫХ

Ключевые слова: фоносемантика, психолингвистический эксперимент, лингвокультурные особенности.

Проведение современных фоносемантических исследований редко обходится без постановки психолингвистических экспериментов, преследующих разные цели: от верификации данных, полученных путем изучения собственно лингвистического материала (текстового или словарного), до установления соответствий между психофизиологическими механизмами и когнитивными стратегиями, с одной стороны, и процессами номинации, с другой. К первым примыкает целый ряд сопоставительных перцептивных исследований, предпринимаемых авторами с использованием звукоизобразительной лексики естественных языков. К последним следует отнести как ранние работы в области звукоизобразительности, такие как известное соотнесение искусственных слов maluma и takete с двумя разными геометрическими формами, инициированное В. Кёлером в 1929 г. [Köhler 1929], так и текущие экспериментальные исследования, основанные на актуальных компьютерных технологиях, включая магнитно-резонансную томографию, замер скорости опознания визуально предъявляемых вербальных стимулов и т. п. (ср. [Флаксман et al. 2022: 141–174]). Если последние дают представление о принципах формирования иконических вербальных знаков, то первые сосредотачиваются на их роли в языковом сознании и речевой деятельности.

Оба описанных выше подхода к экспериментальному изучению языковой звукоизобразительности основываются на понимании ее психолингвистической природы [Горелов 1974]. Однако когнитивная и коммуникативная деятельность осуществляются исключительно в социуме, поэтому представляется, что социолингвистические и культурологические характеристики дискурса, в котором происходит реализация фоносемантических единиц, должны непременно учитываться исследователями, в том числе и исследователями-экспериментаторами, при всей искусственности их взаимодействия с респондентами.

Необходимость учета лингвокультурологических факторов демонстрируется на примере серии экспериментов по восприятию эмоционально-оценочного значения американских сленгизмов носителями разных языков и культур. В ходе эксперимента использовалась известная методика семантического дифференциала, разработанная Ч. Осгудом: стимулы, представляющие собой аудиозапись 85 пейоративов и 85 мелиоративов, извлеченных из словаря с помощью лексико-семантического анализа, оценивались респондентами по 5-балльной шкале «презрение — восхищение». Статистическая обработка результатов позволила установить, при определении экспрессивного значения слова что носители русского, финского, французского, немецкого и шведского языков используют сходные фоносемантические стратегии: для звуковой формы слов, воспринимаемых как пейоративы, характерны губные и заднеязычные согласные и огубленные гласные заднего ряда, а для слов, воспринимаемых как мелиоративы, — переднеязычные согласные, сонанты и гласные переднего ряда, что хорошо согласуется с общей фоносемантической теорией. На основании полученных ответов было выявлено 23 пейоратива и 3 мелиоратива, относительно значения которых мнения большинства испытуемых совпали, что может свидетельствовать о принципиальной универсальности фоносемантического выражения эмоциональной оценки.

Серия таких же экспериментов с носителями узбекского и туркменского языков (50 и 60 участников, соответственно) привела к довольно неожиданным результатам. Представители указанных лингвокультур давали в ходе опроса, в основном, нейтральные ответы и гораздо чаще склонялись к тому, чтобы оценивать слова-стимулы положительно. Впервые было отмечено различие в реакциях женщин и мужчин, которые выбирали нейтральный ответ в половине случаев. Среди ответов респондентов-туркмен удалось выявить только 4 мелиоратива, выбор которых был, скорее всего, предопределен их знакомством с английским языком (ср. large, great), а среди ответов респондентов-узбеков — 23 мелиоратива, при этом их звуковая форма разнообразна и не может быть объяснена с точки зрения фоносемантики (ср. ponce, mope, slick, tough, jake, charge, cher, beans, woozle, etc). Обе группы участников этой серии экспериментов не сошлись во мнении относительно ни одного слова с пейоративной семантикой, что существенно отличает их от других групп респондентов.

Такому положению дел может быть два объяснения. Первое состоит в том, что особенности фонетики, например, наличие не типичных для английского языка звуков, отсутствие редукции и фиксированное ударение на последнем слоге слова, влияют на реализацию фоносемантического потенциала тюркских языков и затрудняют восприятие иконических свойств единиц другого языка. Это объяснение опровергается даже предварительными наблюдениями за звуковой формой пейоративов и мелиоративов в узбекском языке, демонстрирующей существенное сходство с тенденциями, указанными выше [Шамина 2024: 37]. Остается принять второе объяснение, лингвокультурологическое по сути. Все эксперименты проводились в схожих условиях: на родном языке респондентов, при личном контакте с экспериментатором, который во всех случаях являлся молодой образованной женщиной. Следует предположить, что реакции участников были вызваны не столько психолингвистическими факторами, сколько социальными ожиданиями и нормами поведения в данном лингвокультурном сообществе. Испытуемые в рамках общения с экспериментатором не отвечают на вопросы, а демонстрируют приветливость, мужчины же — еще и сдержанность.

Приведенные выше соображения подчеркивают важность культурного и социального аспектов при изучении всех проявлений языковой деятельности и могут способствовать разработке более гибких экспериментальных методик, учитывающих лингвокультурологические особенности взаимодействия экспериментатора и респондентов.

Литература

Горелов И. Н. Проблема функционального базиса речи в онтогенезе // Избранные труды по психолингвистике. Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2005. С. 15–105.

Фоносемантика: Опыт междисциплинарного исследования: коллективная монография / Флаксман М. А., Ткачева Л. О., Седёлкина Ю. Г., Лавицкая Ю. В. М.: Мир науки, 2022.

Шамина Е. А. Фоносемантика: когнитивные стратегии и лингвокультурная обусловленность // Материалы международной научной конференции «Scientific-Philosophical heritage of Confucius and international, national values along the Silk Road. Samarkand–Shanghai: Samarkand State Institute of Foreign Languages», 2024. P. 35–38.

Köhler W. Gestalt psychology. Oxford: Liveright, 1929.

РУССКИЙ ЯЗЫК

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ГРАММАТИКИ (РУССКИЙ И ДРУГИЕ СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ)

Ализадех Париса

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет;
st106393@student.spbu.ru

ГРАММАТИЧЕСКИЕ И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИЧАСТИЙ В ЧЕТВЕРТОЙ ГЛАВЕ ПОЭМЫ Н. В. ГОГОЛЯ «МЕРТВЫЕ ДУШИ»

Ключевые слова: русский язык, проза Н. В. Гоголя, причастие, грамматика, стилистика.

Поэма Н. В. Гоголя «Мёртвые души» занимает ключевое место в русской литературе благодаря уникальному сочетанию языкового богатства, сатирической остроты и глубокого психологизма. Как отмечал В. В. Виноградов, «“Мёртвые души” явились литературным манифестом, раскрывавшим сущность русской национально-языковой политики в понимании Гоголя» [Виноградов 1990: 272]. Одним из важнейших инструментов языка Н. В. Гоголя являются причастия, которые не только выполняют грамматические функции, но и вносят значительный вклад в художественную выразительность текста. Четвертая глава «Мёртвых душ» Н. В. Гоголя, посвящённая эпизоду посещения Чичиковым помещика Ноздрёва, насыщена сложными синтаксическими конструкциями и яркими образами, во многом созданными за счёт активного использования причастий. Цель исследования — проанализировать функции, грамматические характеристики и стилистическую роль причастий в данной главе, выявив их связь с сатирическим пафосом, динамикой повествования и авторским замыслом.

В тексте четвертой главы были выявлены 115 причастий, анализ которых позволяет выделить грамматические особенности, связанные с формой причастия, с залоговыми и временными характеристиками, а также с синтаксической функцией.

В главе преобладают полные формы (93 % случаев), что характерно для книжного стиля и подчёркивает описательность, напр. *живущие*, *проводящие*, *заложенных*. Краткие формы встречаются реже, в роли сказуемого, напр. *нарисованы*, *приготовлена*.

Доминируют в материале активные причастия (58 %), передавая динамику действий, напр., *подъехавшего*, *вращающийся*, тогда как пассивные (42 %) акцентируют состояние или результат, напр. *вызолоченные*, *обкуренные*.

Прошедшее время используется чаще (65 %), что связано с описанием завершённых действий и характеристик, напр. *проговорившую*, *выстроенному*. Настоящее время (35 %) создаёт эффект непосредственности, напр. *попадающиеся*, *вызывающих*.

Основной синтаксической ролью причастия является определение (78 %), реже — часть составного сказуемого (12 %) или подлежащее при субстантивации, напр. *приезжие*, *подружившийся*.

Выявлены следующие стилистические функции причастий: а) создание сатирических образов: причастия усиливают иронию в описании персонажей. Например, *глотающие устерс, морских пауков* подчёркивает абсурдность роскоши «господ большой руки», а *заедаемая расстегаем* — грубую физиологичность мира Ноздрёва; б) детализация и гиперболизация: цепочки причастных оборотов *заиндевевший самовар, выскобленные гладко сосновые стены*… создают гротескную картину быта, типичную для гоголевской прозы; в) динамизация статичных сцен: причастие прошедшего времени *показывавшее (вместо двух четыре глаза)* оживляет описание, добавляя ему комической выразительности; г) создание речевых портретов персонажей,

Руководители секции: С. В. Вяткина, В. П. Казаков.

например, в диалогах причастия *умерших*, *жженую* отражают грубоватую прямоту Ноздрёва, контрастируя с «прилизанной» речью Чичикова. Также причастия влияют на ритмический рисунок текста, поскольку причастные обороты замедляют повествование, акцентируя внимание на ключевых деталях: *В комнате попались всё старые приятели, попадающиеся всякому в небольших деревянных трактирах, каких немало повыстроено по дорогам, а именно: заиндевевший самовар, выскобленные гладко сосновые стены, трехугольный шкаф с чайниками и чашками в углу, фарфоровые вызолоченные яички пред образами, висевшие на голубых и красных ленточках, окотившаяся недавно кошка, зеркало, показывавшее вместо двух четыре глаза, а вместо лица какую-то лепешку; наконец, натыканные пучками душистые травы и гвоздики у образов, высохшие до такой степени, что желавший понюхать их только чихал и больше ничего* (Н. В. Гоголь).

Причастия в четвертой главе «Мёртвых душ» служат не только грамматическим, но и художественным инструментом. С помощью причастий Гоголь достигает детального описания среды, характеристики предметов и персонажей, демонстрирует абсурдность и внутреннюю «мёртвость» помещичьего мира. Активное использование причастных оборотов, сочетание пассивных и активных форм, игра с субстантивацией — всё это создаёт уникальный стиль главы, где язык становится метафорой хаотичной, лишённой духовности действительности. Кроме того, использование причастных оборотов в сочетании с другими стилистическими приёмами позволяет Гоголю достичь олицетворения неодушевлённых предметов, что усиливает сатирический и гротескный характер повествования. Данное исследование подтверждает, что причастия у Гоголя — ключевой элемент прозы, связывающий грамматику с философской проблематикой произведения.

Литература

Виноградов В. В. Избранные труды. Язык и стиль русских писателей. От Карамзина до Гоголя. М.: Наука, 1990.

Гоголь Н. В. Мёртвые души: Поэма. Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1951. С. 61–88.

Арыджан Дерья

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет;
deryaarican962@gmail.com

ПРЕДИКАТИВНЫЕ ПОСЕССИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ РОМАНЕ

Ключевые слова: посессивная конструкция, именной предикат, художественный текст.

Посессивные конструкции — это конструкции с именными предикатами, которые выражают отношения обладания, принадлежности или соотношения части и целого. Интерес к рассмотрению именных предикатов на материале художественного текста объясняется тем, что в художественном тексте любое «смещение фокуса внимания» имеет смысл рассматривать в аспекте замысла автора. Таким образом, грамматические единицы анализируются в русле господствующей коммуникативной научной парадигмы, где художественный текст рассматривается в контексте особой коммуникативной ситуации, где говорящего и слушающего заменяют автор и читатель [Падучева 2010: 201]. Как семантическая категория, посессивность охватывает широкий спектр значений, включая родственные отношения, актантные связи, определенность/неопределенность и прагматические функции. Языковые средства выражения посессивности демонстрируют значительную типологическую вариативность, объединяя лексические, морфологические и синтаксические способы. В рамках ФСП (функционально-семантические поля) подхода посессивность рассматривается как разноуровневая структура, включающая два центра: предикативный и атрибутивный. Предикативная посессивность (например, «У меня есть книга») строится вокруг реляционного предиката, который выражает наличие объекта обладания в сфере обладателя. Атрибутивная посессивность (например, «моя книга») акцентирует принадлежность через морфологические или синтаксические средства [Бондарко 1996: 99].

Посессивные конструкции в русском языке наиболее часто кодируются через предлог «у», формируя личностные микромиры, где локативное и экзистенциальное значения переплетаются с отношением обладания. «Т. М. Николаева считает соотношение локативного, экзистенциального и посессивного значений «уже a priori языковой универсалией». Такое мнение имеет право на существование, поскольку обладание предметом предполагает существование этого предмета, а существование невозможно без пространственной и временной локализации» [Давлетшина 2008: 37]. Такие конструкции, согласно Н. Д. Арутюновой и Е. Н. Ширяеву, являются бытийными предложениями, представляющими объект обладания как автономную сущность, а обладателя — как семантический субъект [Арутюнова, Ширяев 1983: 66]. В ТФГ [Бондарко 1996: 100] подчеркивается направленность посессивного отношения, где субъектпоссессор либо логически подчиняет объект, либо сам является фокусом сообщения.

В русском романе посессивные конструкции помогают раскрыть социальные, эмоциональные и философские планы повествования, создавая полифоничное пространство текста, где детали и отношения выходят за рамки чисто грамматических категорий и становятся значимыми элементами авторского мира.

Литература

Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н. Русское предложение. Бытийный тип: (Структура и значение). М.: Рус. яз., 1983.

Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб.: Наука, 1996.

Давлетшина С. М. Соотношение посессивности, экзистенциальности и локативности // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология. Искусствоведение. 2008. № 37 (138). 2008. С. 36–40.

Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. 2-е изд., исп. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2010.

Вяльсова Анна Павловна

канд. филол. наук, доцент, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет; vyalsova@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО ПРИЧАСТИЯ ОТ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ ПРИ СЛОВАХ СО ЗНАЧЕНИЕМ ‘ДОРОГА’

Ключевые слова: действительные причастия настоящего и прошедшего времени, глаголы движения, одновременность, предшествование, нарратив.

В работе рассматриваются действительные причастия, образованные от глаголов движения и употребленные при словах *дорога, путь, тропа, стезя*, составляющих, по мнению В. В. Колесова, концепт «дорога» [Колесов 2017: 1200–1209]. Если в условиях речевой ситуации выбор временной формы действительного причастия зависит от значений одновременности или предшествования, то «в нарративном режиме формы прош. и наст. времени не сильно отличаются одна от другой» [Падучева 2010: 287]. Однако анализ текстового материала показал, что в одних случаях автор выбирает действительное причастие настоящего времени: *За таможней начиналась цепь костров, освещавшая* ***дорогу, ведущую*** *в небольшую деревеньку* (Б. Л. Васильев); а в других — форму действительного причастия прошедшего времени: *Пройдя немного берегом, я свернул налево, по незнакомой* ***дороге, ведшей****, как я догадался, в Камено-Тяжино* (О. В. Амитров). Цель исследования — выявить текстовые условия выбора формы.

В первую очередь обращает на себя внимание тот факт, что семантика рассматриваемых слов со значением ‘дорога’ предполагает перемещение, их сочетание с глаголами движения создает своеобразную семантическую пару, а с некоторыми наиболее распространенными глаголами движения слова *дорога, путь, тропа, стезя* составляют устойчивые сочетания. Это создает условия для выражения настоящего постоянного времени с разной степенью абстракции. В генеритивных текстах в сочетании со словом *стезя* и словами *дорога, путь, тропа*, употребленными в переносном значении ‘жизненный путь, духовный путь’ или ‘направление, цель’, действительные причастия от глагола движения выражают настоящее постоянное время, по сути, вневременность: *Как и Христос, Мандельштам обладал правом выбора и выбрал* ***путь, ведущий*** *на Голгофу* (Ю. М. Нагибин). При этом план повествования становится максимально обобщенным.

В то же время форма настоящего времени действительного причастия может быть выбрана, если автору важно сделать отсылку ко времени читателя или выйти за рамки сюжетного времени: *Грузовики, оставив слева последний дом, выехали на* ***дорогу, ведущую*** *к шахте No 5* (А. А. Фадеев). Интересно отметить, что в этом случае может быть нарушен единый временной план повествования, как в приведенном примере: первая часть передает сюжетное актуальное время, а причастная конструкция вводит узуальный план, известную информацию, что создает разноплановые отношения между причастным и основным предикатом.

Глаголы движения «включают в свою семантику указание на наличие перемещающегося (внутреннего) наблюдателя» [Мещерякова 2009: 26–27]. Фигура наблюдателя, присутствующая в семантике глаголов движения, подчеркивает план повествования, обусловленный актуальным текстовым временем: этапы движения — начало, процесс или конец — описаны как непосредственно наблюдаемые. Выбор формы действительного причастия настоящего времени может быть обусловлен ориентацией на наблюдателя, точка зрения которого может сочетаться с точкой зрения рассказчика, а может представлять отличный от образа автора элемент, воплощенный в образе героя или персонажа, например в предложении *Папа, освещая дорогу фонарём, шёл через лес по утоптанной* ***тропе, ведущей*** *всё вниз и вниз* (Нина Огарева) рассказчик перемещается по дороге и описывает направление.

Рассмотрим случаи выбора формы действительного причастия прошедшего времени.

Если повествование передает актуальное время, но ориентируется не на точку зрения наблюдателя — героя или персонажа, — а на точку зрения автора, тогда, как правило, на протя-

жении всего текста удерживается прошедшее нарративное время. При этом таксисное значение причастных форм прошедшего времени выражает не предшествование действию основного предиката, а одновременность с ним: *Та послушно оставила свои пальцы в его руке, и оба направились по боковой* ***тропинке, ведшей*** *в поселок* (И. А. Ефремов). Как правило, можно встретить неполную одновременность, поскольку время причастного предиката обозначает фоновое событие, более протяженное, чем действие, организующее сюжетное время.

Форма прошедшего времени при сохранении значения одновременности с основным предикатом может маркировать контексты, в целом отнесенные в прошлое по отношению к сюжетному времени или ко времени речи: *В Орду, или Золотую Орду, вела* ***дорога, шедшая*** *от Кремля через Москву-реку на юг* (Д. П. Дроздов). В этом случае можно говорить о том, что автор ориентируется на время читателя, подчеркивая, что весь план повествования предшествует условному моменту речи.

В результате анализа было выявлено, что форма причастия настоящего времени подчеркивает вневременность, свойственную афористическим высказываниям, постоянство описываемого признака или, наоборот, наблюдаемость описываемых событий. Выбор формы прошедшего времени можно объяснить отнесенностью текста в прошлое или ориентацией повествования на образ автора. Таким образом, выбор причастной формы связан с семантикой глагольного корня, таксисным временным значением причастной формы, планом повествования, фигурой наблюдателя и некоторыми другими параметрами текста.

Литература

Колесов В. В. Путь-дорога // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2017. № 5. С. 1200–1213.

Мещерякова Е. М. Фигура наблюдателя в видо-временной семантике: на материале русского и английского языков: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2009.

Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2010.

Вяткина Светлана Вадимовна

канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет;
s.vyatkina@spbu.ru

О ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНЫХ «ВИРУСАХ»: *НА СПОРТЕ* И ДРУГИЕ

Ключевые слова: узус, предлог НА, предложно-падежная форма, семантика, синтаксема.

Филологи в последнее время отмечают экспансию предлога НА в русском языке: *на тюрьме* (как *на зоне*), *на вагоне, на позитиве, на лавэ* (то есть *при деньгах*) [Левонтина 2016]. Частота использования в узусе [Лаптева 2002: 345–353] подобных предложно-падежных форм сродни заражению вирусом и вызывает реакцию (чаще негативную) пользователей Интернета.

Описанию многозначного предлога НА в толковых словарях посвящены страницы: в «Большом академическом словаре русского языка» (т. XI, М., 2008 с. 9–14) описано 24 его значения, из них рассматриваемых примеров отчасти касаются 4, 7, 19 и 24, в иллюстрациях подобных случаев нет. Семантика приведенных предложно-падежных форм и их синтаксическое употребление различны.

Реклама на телевидении, информация в Интернете пестрят не зафиксированными словарями и академическими грамматиками формами НА + предложный падеж, например: *на районе, на спорте, на Мегафоне.*

В случае *на районе* реализуется локативное значение предложно-падежной формы: «*А* ***на районе*** *сладко пахнет булками: От хлебзавода, много лет подряд*» (песня Потапа и Насти Каменских). В то же время нормативные словари четко регламентируют употребление предлога НА с предложным падежом: в «Словаре структурных слов русского языка» В. В. Морковкина (М., 1997: 196) отмечается его употребление «при указании на место, местность, в пределах которых что-л. происходит, находится» (*на планете, на острове* и др.). Л. И. Скворцов четко определяет необходимость употребления предлога НА с предложным падежом «в конструкциях с названиями улиц, проспектов, бульваров и площадей» [Скворцов 2006: 439]. *Район* имеет границы, как и *участок*, *зона*, но на вопрос *Где кто-то?* нормативны ответы: *Он в таком-то районе, в зоне бедствия, на участке* (о медиках, рабочих и др.). *На зоне* распространено в речи осужденных, аналогично ему и употребление *на районе* в названии фильма и песни (*«Мы — главные на районе. Нас все боятся!»*). Ненормативная предложно-падежная форма получила такое широкое распространение в устной речи (*у нас на районе* вместо в *нашем районе,* звучащее в многочисленных телевизионных ток-шоу), что его можно охарактеризовать как вирусное.

Предложно-падежная форма *на спорте* получает распространение в телерекламе и в Интернете: «*Приветствуем Вас на страницах нашего интернет-магазина спорттоваров* «***На Спорте»!***» (na-sporte.ru.). В «Словаре структурных слов русского языка» отмечается следующее употребление предложно-падежной формы — «при указании на явление, мероприятие и т. п., в рамках или на фоне которых что-л. совершается», например: *на курсах, работе, лекции, собрании, танцах, уроке, службе, тренировках* (с. 196). По смыслу форма *на спорте* имеет то же значение, но подобное употребление слова *спорт* словари не фиксируют. Оно связано с расширением употребления слова, поглощающим целые словосочетания (ср.: *заниматься спортом, на спортивных занятиях*), то есть подобное употребление — сигнал тенденции к аналитизму, но оно из-за рекламного тиражирования (названия сайтов болельщиков, магазинов спортивных товаров и под.) также становится вирусным (особенно в речи подростков).

На Мегафоне — предложно-падежная форма, встречающаяся в телерекламе (*Почему ты* ***на Мегафоне****? — Потому что Мегафон — лучшая сеть, оператор № 1 по скорости и покрытию*), в разговорной речи встречается реже (чаще говорят: *У меня Мегафон*). Любопытно, что подобное употребление не распространяется на название других операторов, склонение которых возможно по фонетическим причинам (например, *Билайн*). В то же время на официальном сайте есть раздел «Работа в *МегаФоне*» (иное написание слова и другой предлог). Наряду со склоняемым именем собственным встречается употребление несклоняемого слова: «*Все тари-*

фы МегаФон с интернетом 2025». В отзывах о сотовой связи данного оператора абоненты не используют *на Мегафоне*, то есть предложно-падежную форму пока можно рассматривать как спорный рекламный ход компании. Данный пример соотносим с активизацией употребления формы *на связи*, поэтому *на Мегафоне* воспринимается как понятное выражение: *быть на связи, обеспечиваемой оператором «Мегафон»*. Станет ли подобное употребление под влиянием интернет-рекламы вирусным, время покажет.

Синтаксическое поведение рассматриваемых предложно-падежных форм, с позиции Г. А. Золотовой [Золотова 2001: 323–335], может быть охарактеризовано как свободная или как обусловленная синтаксема: название фильма 2018 г. «*На районе*»; «***На районе***» — это онлайн-генератор мерча для всех точек мира (artlebedev.ru›narayone); ***На Спорте*** (ВКонтакте vk.com›onsporte, Telegram t.me›s/onsporte); ***На Спорте*** — медиафутбольный клуб, новости, состав… (sports.ru›mediafootball/club/fcnasporte/).

Характеризуя современное (для конца XX в.) употребление предложно-падежных форм в свободных позициях и в позиции детерминирующих обстоятельств, Г. Н. Акимова отмечала, что «активизация аналитических конструкций не упрощает синтаксическую систему, а дифференцирует стилистическое и информативное использование синонимических возможностей синтаксических структур» [Акимова 1990: 34].

Получившее в узусе распространение рассмотренных предложно-падежных форм, с одной стороны, можно объяснить многозначностью предлога НА. С другой стороны, причина расширения подобного употребления во многом определяется влиянием СМИ и Интернета, предопределяющими лавинное, вирусное их распространение, нарушающее нормы литературной речи.

Литература

Акимова Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1990.

Золотова Г. А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М.: УРСС, 2001.

Лаптева О. А. Узус как арена языкового изменения // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста: сб. ст., посвящ. юбил. Галины Александровны Золотовой. М.: УРСС, 2002. С. 345–353.

Левонтина И. Б. Русский со словарем. М.: Corpus, 2016.

Гордиевская Мария Львовна

канд. филол. наук, доцент, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; margord@mail.ru

К ВОПРОСУ О НЕОДНОРОДНОСТИ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ СЛОВ КАТЕГОРИИ СОСТОЯНИЯ, ВЫРАЖАЮЩИХ ЭМОЦИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: слово категории состояния, синтаксическая структура, синтаксическая функция, клаузa, русский язык.

Русский язык в области описания эмоциональной сферы человека широко использует целый класс слов, получивший в отечественной лингвистической традиции название *слова категории состояния* [Щерба 2016: 89; Виноградов 2005: 121]: *скучно, грустно, жалко, обидно, стыдно, завидно, трудно, жутко, неприятно, приятно, радостно* и др. Исследуя русские «адвербиалы эмоций», А. Вежбицкая указывала на то, что этот класс слов употребляется в конструкциях с экспериенцером (*Мне грустно, Ему было завидно, Им весело*), что позволяет воспринимать эмоцию как неконтролируемую субъектом [Вежбицкая 1996: 42].

Отметим, что слова категории состояния могут участвовать как в одновалентных структурах: (1) *Без вас мне* ***скучно***, *— я зеваю*; *При вас мне* ***грустно***, *— я терплю* (Пушкин), (2) *И* ***скучно*** *и* ***грустно****, и некому руку подать В минуту душевной невзгоды…* (Лермонтов), (3) ***Скучно*** *жить на этом свете, господа!* (Гоголь), так и в двухвалентных, где при слове категории состояния может быть воплощен актант содержания при помощи клаузы: (4) *Как* ***жаль****, что Грибоедов не оставил своих записок!* (Пушкин), (5) *Ему было* ***досадно***, ***обидно****, что он проиграл* (Лермонтов). При этом одновалентность и двухвалентность слов категории состояния оказывается напрямую связана с их функцией. Рассмотрим различие одновалентных и двухвалентных структур со словами категории состояния, выражающими эмоции.

Одновалентные структуры воплощают пропозитивный смысл «состояние», т. е. такое положения вещей, при котором «признаки предметов не связаны с целенаправленными затратами ими энергии и при этом ограничены короткими временными пределами» [Федосюк 2012: 83]. В вышеприведенных примерах (1–2) мы видим временные ограничители *без вас / при вас, в минуту душевной невзгоды*, в примере (3) — имплицитный указатель на отнесенность состояния к настоящему моменту действия. Иначе говоря, выражение эмоции здесь имманентно, сосредоточено на экспериенцере.

В двухвалентных структурах вектор меняется: слова категории состояния, обозначающие эмоции, используются не столько для вербализации состояния как такового, сколько для реализации оценки (ср. примеры 4 –5). Это отчасти объясняет тот факт, что из достаточно внушительного списка эмоциональных адвербиалов далеко не все способны присоединять изъяснительно-объектное придаточное. Так, невозможно: (6) **Мне весело, что…*. (7) **Мне трудно, что…* (8) **Мне жутко, что…* В то же время слова категории состояния легко образуют вершину для клауз со значением причины: (9) *Нам стало* ***жутко*** *от того, что мы оказались одни в лесу.* Таким образом, слова категории, выражающие эмоции, оказываются разделены на два типа: а) слова, специализирующиеся только на описании состояния; б) слова, позволяющие выразить оценку положения вещей при помощи состояния экспериенцера.

В связи с этим хочется отметить, что процесс образования оценочных элементов из фондов слов категории состояния в руссом языке живой и отнюдь не завершенный процесс. Сравним два предложения: (10) *Мне* ***грустно****, что ты не приехал в гости.* (11) **Мне скучно, что ты не приехал в гости.*

С точки зрения носителя современного русского языка предложение (10) — верно, предложение (11) — неверно или сомнительно. Однако примеры НКРЯ убеждают нас в том, что употребление изъяснительного придаточного при *скучно* достаточно частотно на рубеже XIX–XX вв.: (12) *И было* ***неприятно и скучно****, что отец волновался* (Б. Савенков), (13) *Очень* ***скучно****, что нужно отменить на четверг гостей* (А. Н. Бенуа), (14) ***Скучно****, что пришел Милашевский*

(М. А. Кузьмин), (15) *Просто тебе* ***скучно****, что приехал Яша* (М. О. Меньшиков) и др. Можно предположить, что употребление слова *скучно* в примерах (12–15) демонстрирует узуальность, характерную для начала XX в. С одной стороны, *скучно* здесь оказывается в одном ряду с предикатами *обидно, жаль, неприятно,* явно выражающими отрицательную оценку, с другой — союз *что* может в некоторых случаях быть разговорным эквивалентном причинного союза *оттого что*, ср.: (15) *Просто тебе* ***скучно****, что приехал Яша* — (15') *Просто тебе* ***неприятно****, что приехал Яша* — (15") *Просто тебе* ***скучно****, оттого что приехал Яша.*

В современном русском языке слово *скучно* не оценивает ситуацию, а является констатацией довольно сложного эмоционального состояния, поэтому и не способно к образованию объектной клаузы так же, как и другие слова эмоционального и неэмоционального состояния: **Мне скучно, что…*; **Мне завидно, что….*;**Мне холодно, что…* Слово категории состояния *грустно*, напротив, получило в современном русском языке оценочную функцию.

Таким образом, мы видим, что слова категории состояния как предикаты неоднородны с точки зрения потенциальных возможностей образования синтаксических структур: большая часть из них выражают неконтролируемое состояние. Однако из их числа формируются предикаты, выражающие оценку, в этом случае предикат оказывается двухвалентным и пустым с точки зрения выражаемого состояния, так как основной его функцией становится положительная или отрицательная характеристика события, заключенного в придаточном предложении.

Литература

Вежбицкая А. Русский язык // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. С. 33–88.

Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.; Л.: Учпедгиз, 1947.

Федосюк М. Ю. Синтаксис современного русского языка. М.: Инфра-М, 2012.

Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку / сост. И. А. Федонина. М.: Флинта; Наука, 2016.

Зорина Екатерина Сергеевна

канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет;
e.zorina@spbu.ru

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ДИСКУРСОВ В РОМАНЕ П. КРУСАНОВА «ИГРЫ НА СВЕЖЕМ ВОЗДУХЕ»

Ключевые слова: художественный текст, дискурс, институциональный дискурс, современная художественная проза, грамматика.

Коммуникативная научная парадигма имеет целый ряд инструментов для анализа художественного повествования. Речь идет об анализе языковых единиц всех уровней в аспекте авторской модальности. Целью лингвистического анализа художественного текста в аспекте авторской модальности является «локализация субъекта повествования» [Дымарский 2001]. Художественная коммуникация — диалог между автором и читателем — характеризуется как усложненная. Важным здесь является поиск заместителя говорящего, то есть субъекта повествования, который определяет его структуру.

Сегодня современный художественный текст представляет интерес для целого ряда гуманитарных наук. Междисциплинарный подход в лингвистике предлагает обратиться к понятию «дискурс». Дискурсивный анализ становится особенно актуальным при обращении к текстам русской литературы конца XX — начала XXI в. Н. Д. Арутюнова определяет дискурс как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими — прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [Арутюнова 1990: 136]. Социальное действие и событийность из данного определения реализуется в художественном тексте в рамках институциональных дискурсов, которые представлены в одном пространстве с сюжетным повествованием художественного текста. Так художественный текст включает всё вербализованное ментальное пространство той или иной сферы знания [Асратян 2015: 17].

Роман П. Крусанова «Игры на свежем воздухе» продолжает две литературные традиции: произведений об охоте и произведений, в которых ставится вопрос о взаимодействии человека и природы. Роман имеет особую жанровую принадлежность — роман-четки. Жанр говорит о смещении фокуса внимания с «кратко, быстро зафиксировать» (традиционные для дискурса охоты «записки») — на «обдумать».

Так определяются два ключевых институциональных дискурса для романа. Охотничий дискурс подробно описан в статье А. В. Мельниковой [Мельникова 2014]. Ключевое произведение здесь для второй половины XIX в. — «Записки охотника» И. С. Тургенева. Модальность осуждения, связанная с понимаем того, что для большинства охотников охота была забавой и развлечением, а для крестьян, коренных жителей регионов, охота всегда являлась важным промыслом, начинает прослеживаться к концу века (В. Г. Чертков «Злая забава» (1893), Д. В. Григорович «Горькая доля» (1898)). Здесь появляется дискурс «человек и природы», важным художественным произведением в котором является роман И. С. Тургенева «Отцы и дети».

Помимо литературной традиции охотничий дискурс также включает: специальный дискурс (профессиональная терминология), исследовательский (например, Охотничий словарь Прикамья 2018 г.), диалектный (народный охотничий дискурс), охотничий фольклор (охотничьи былички).

Роман П. Крусанова имеет сквозной сюжет: из города в Псковскую область приезжает герой Петр Алексеевич для того, чтобы поохотиться вместе с местным охотником Пал Палычем. Дискурс охоты в романе маркирован целям рядом лексических средств:

- профессиональной терминологией: *Весной брать водоплавающую птицу разрешено только с* ***чучелами*** *и* ***подсадными, с подхода*** *нельзя* (с. 54);

- диалектными особенностями псковского говора: неизменяемыми причастиями на *-ши*: *С утра самого, только из мерлога вылез, всё сидел, как* ***облуневши****, как пыльным мяшком* ***ударевши****: по хозяйству — ни палец о палец, всё думу думал* (с. 397); цоканьем: *— А* ***цо бояца*** *мне? Ня бяри чужого* ***ницóго*** *и ня бойся никóго* (с. 201);
- яканьем, которые здесь характеризуется как региональная западная среднерусская особенность: *дярет, тямнота, ня ходи, к сястры, тябе, не обяднела, пярезимовали.*

Грамматическими средствами, маркирующими институциональные дискурсы в романе, являются:

- вставные конструкции, которые содержат рефлексию городского охотника над особенностями речи местных жителей: *— Пётр Ляксеич, пригнитесь, — тихо сказал Пал Палыч, сам уже пригнувшийся и державший ружьё на изготовку* ***(здесь якали, вместо «что» говорили «кого», подрезали глагольные окончания и чудили с падежными: «по голове дярётся», «кого говоришь?», «пошёл к сястры», «Мурка приде и тябе поцарапае», а слово «студень» и вовсе было тут женского рода <…>)*** (с. 106);
- вопросно-ответные конструкции в монологической речи и парцелляция: *А то у нас как? Сойдутся охотники в бригаду и бьют зверя подчистую — кабана, козу, лося… С одной лицензией весь сезон;*
- параллельные конструкции именительного темы: ***Или с пчалáми тоже*** *— я за ними слежу, чтоб ни моли, ни варроатоза, подкормлю, когда надо, рои словлю, маточники вырежу… А они мне за то мёду, так что — и мне, и всей родне, и на продажу.* ***Или вот охота…*** *Корми зверя, чтоб плодился, матку ня трожь, лишнего ня добывай, а иной год и ня стреляй вовсе, если зверь на убыль пошёл;*
- конструкции с несобственно-прямой речью: *Твердить ему* [Пал Палычу] о *неприглядности самовольного пострела не имело смысла — на это случай у него в запасе был ворох встречных аргументов, начиная от претензий* ***прохвостам-егерям*** *и* ***оборотням-охотоведам****, готовым выгнать зверя под ружье* ***местного бугра*** *или* ***залетного туза*** *в любой сезон* <…> (с. 187).

Лексические и грамматические маркеры институциональных дискурсов маркируют речь местных охотников как часть естественной жизни в гармонии с природой. Полидискурсивное повествование актуализирует вопросы, поставленные в рамках литературной традиции (роман является субтекстом для двух сверхтекстов), и формирует дискурсивный диалог «автор-читатель» в рамках художественной коммуникации.

Литература

Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. И. Ярцевой. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 136–137.

Асратян З. Д. Дискурс и текст художественного произведения // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. «Лингвистика». 2015. Т. 12, № 4. С. 17–20.

Дымарский М. Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале прозы XIX–XX вв.). 2-е изд., испр. и доп. М.: Эдиториал УРСС, 2001.

Крусанов П. Игры на свежем воздухе. М.: Азбука, 2023.

Мельникова А. В. Охотничьи нарративы в русской литературе второй полвины XIX — первой трети XX в. // Диалоги классиков — диалоги с классикой: сб. науч. ст. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014 (Эволюция форм художественного сознания, вып. 4). С. 61–68.

Кабанова Светлана Александровна

канд. филол. наук, доцент, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва;
svetlana.kabanowa2014@yandex.ru

РОДИТЕЛЬНЫЙ ПРЕДИКАТИВНЫЙ В РУССКОМ И СЕРБСКОМ ОДНОСОСТАВНОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ

Ключевые слова: предложно-падежная субстантивная форма, односоставное безличное предложение, генитив с отрицанием, субъектное состояние.

Среди многообразных типов русского и сербского односоставного предложения недостаточное внимание, на наш взгляд, уделено безличным предложениям с предикатом-предложно-падежной субстантивной формой в генитиве / родительном падеже с предлогом ДО и возможным отрицанием: серб. *Мачки* ***је до игре****, а мишу* ***до плача*** *(нар. посл.)*; *Главе семьи Брянцевых* ***было****, по его же словам,* ***«ни до чего»****, кроме работы [Золотцев]*. Указанные конструкции, свойственные обоим славянским языкам, недостаточно описаны в академических изданиях, хотя анализ данного типа предложений уточнил бы систему односоставных предложений обоих языков и позволил бы подробнее охарактеризовать выражаемые ими значения, что дало бы возможность более адекватного межславянского перевода подобных предложений с сохранением выражаемого значения или максимально близкой его передачей.

Конструкции этого типа — односоставные бесподлежащные предложения без эквивалентной подлежащно-сказуемостной параллели. В русистике предложно-падежные формы генитива (родительного падежа) с предлогом ДО трактуются, среди прочего, как предицирующие компоненты модальной модификации модели со значением состояния лица [Золотова 1988: 51]. В «Русской грамматике» 1980 г. подобные предложения относят к числу предложений с фразеологизированной структурой, куда невозможно введение подлежащего или выделение члена предложения, формально и содержательно совпадающего с подлежащим [Русская грамматика 1980: 217]; так, конструкция *Ему* ***не до разговоров*** относится к числу выражающих значение несвоевременности чего-либо, обусловленной тем или иным состоянием субъекта [Русская грамматика 1980: 217]. При анализе аспектуальной парадигмы простого предложения Т. В. Белошапкова останавливается на структурной схеме $Cops/nN_{2pr}/Adv_{pr}$, не описываемую «Русской грамматикой» 1980 г., определяя её значение как «наличие состояния — бессубъектного или отнесённого к субъекту» [Белошапкова 2001: 28].

С. Танасич [Танасич 2012: 9] акцентирует внимание на частотности бесподлежащных предложений и ссылается на исследования авторов XX в., прежде всего М. Стевановича, уделившего в своей фундаментальной грамматике внимание предложно-падежным генитивным формам в объектной роли; между тем, в разделе «Безличные предложения» упоминания о структурах подобного рода нет.

В трактовке употребления конструкции ДО+ Род пад. / Ген. мы опираемся на следующие положения:

1) конструкция ДО + Род. пад. / Ген. — базовая для образования конструкции с отрицанием;
2) ограничение на употребление субстантивных форм отсутствует: с предлогом ДО сочетаются конкретные имена существительные, девербативы с процессуальным значением или девербативные группы — свёрнутые пропозиции с несколькими участниками, что прямо подтверждается контекстом; девербативы с конкретным значением; деадъективы; возможно также употребление личных и возвратных местоимений, а также указательных местоимений, семантически соотносительных с придаточной изъяснительной частью сложноподчинённого предложения;
3) утвердительная конструкция без отрицания выражает значение эмоционального состояния (переживания), модальное значение желательности предмета/действия, нуждаемо-

сти в предмете/действии, интереса к предмету/действию. Конструкции с отрицанием выражают значение негативных эмоциональных состояний, отсутствия интереса к предмету/действию, связанное с отношением к нему в процессе временного обращения с ним; реже подобные конструкции выражают значение радости;

4) данные конструкции реализуются в формах синтаксического индикатива и условного и сослагательного наклонений;
5) общее значение конструкции с отрицанием может быть сформулировано как «значение неприятия предмета/лица, названного генитивной формой, его отстранения или неприятия действий/событий/ситуации, обозначенной в контексте местоименной формой, основанное на семантике субъектного состояния или объективного положения вещей».

Упомянутые конструкции в обоих славянских языках не могут быть подвергнуты синтаксическим трансформациям, поскольку полученные конструкции либо перестают выражать нужное значение, либо не бытуют в повседневной речевой практике, см., например: *Конечно, отцу с матерью сейчас* ***не до сна****! — Конечно, отец с матерью сейчас не спят!* (в трансформированной конструкции не выражено значение деятельного бодрствования, осложнённого (и обусловленного) оттенком эмоционального переживания).

При использовании личной местоименной формы конструкция с отрицанием выражает отношение к упомянутому лицу со стороны субъекта действия; при употреблении указательной формы последняя соотносится с придаточной изъяснительной сложного предложения, представляющей собой описание разворачивающейся ситуации. Семантика подобных конструкций обязательно требует ситуативной или контекстуальной поддержки, причём последняя может представлять собой конструкции иного синтаксического типа, прежде всего личные.

Литература

Белошапкова Т. В. Аспектуальная парадигма простого предложения // Традиционное и новое в русской грамматике. Сборник статей памяти Веры Арсеньевны Белошапковой / сост. Т. В. Белошапкова, Т. В. Шмелёва. М.: Индрик, 2001. С. 20–30.

Золотова Г. А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса / ред. Ю. Н. Караулов; Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. М.: Наука, 1988.

Русская грамматика. В 2 т. Т. 2. Синтаксис / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980.

Танасић С. Безличне реченице са конструкцијом ДО+ГЕНИТИВ // Танасић С. Из синтаксе српске реченице. Београд: Београдска књига; Институт за српски језик САНУ, 2012. С. 7–16.

Казаковцева Ольга Сергеевна

канд. филол. наук, доцент, Петрозаводский государственный университет;
olga_danilova90@mail.ru

ЭПИТЕТЫ В ПОЭЗИИ ФЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА

Ключевые слова: Феофан Прокопович, эпитет, форма выражения, русская поэзия XVIII в., риторика.

Феофан Прокопович — публицист, поэт, переводчик, видный церковный и политический деятель петровской эпохи, оставил после себя богатое литературное наследие, которое содержит не только проповеди и трактаты по риторике, но и стихотворные произведения.

Любимец Петра I, Прокопович восторженно описывал деятельность русского императора, прославляя его заслуги перед страной и народом. Яркие, наполненные фигурами речи, свои похвальные слова Феофан Прокопович посвящал военным, политическим и церковным событиям. Тематика же поэтических его текстов несколько шире и в настоящее время все еще нуждается в подробном исследовании.

В данной работе проанализируем использование эпитетов в стихотворных произведениях Прокоповича из собрания 1961 г., изданного под редакцией И. П. Ерёмина [Прокопович 1961].

Несмотря на длительную традицию изучения эпитета, до настоящего времени не разработана общепризнанная теория этого тропа. В данной работе рассматриваются эпитеты, выраженные именами прилагательными и причастиями. Примечательно, что в своем труде «Об искусстве риторическом десять книг» Прокопович хоть и не рассматривает эпитет в качестве отдельной фигуры речи, однако сам термин им неоднократно используется при определении других риторических приемов [Прокопович 2020: 36–412].

Методом сплошной выборки нами получено порядка 300 словосочетаний с эпитетами.

Основной формой выражения эпитетов являются имена прилагательные. Кроме полной формы в стихотворных текстах Прокоповича находим и распространенные в языке XVIII в. [Кулева 2008: 37] усеченные прилагательные, количество которых составляет 8 % от общего числа эпитетов: *дивна гордость* (210 — здесь и далее по тексту в скобках указывается номер страницы источника, откуда взят пример), в *силны руки* (214), *милость прещедра* (216) и др.

Красочные определения превалируют в постпозиции, подтверждая тем самым распространенность инверсии в поэтических произведениях: 57 % постпозитивных эпитетов (*от словес мятежных* (225), *враг жестокий* (219), *вѣсти торжественной* (209), 43 % — препозитивных (*малоразсуднаго сердца* (214), *печалный голод* (223), *лютое время* (212). Вероятно, на выбор постпозитивного эпитета Феофаном Прокоповичем не могло не сказаться влияние латинского и польского языков, которыми он прекрасно владел.

В поэтических текстах Прокоповича обращает на себя внимание использование церковнославянской лексики в составе эпитетного словосочетания: *крест* ***златый*** (214), *род* ***благовѣрный*** (209), ***нощный*** *вран* (225), ***дражайший*** *гость* (220). Возвышенный характер повествования церковнославянизмы придают не только победной песне «Епиникион», но переложениям псалмов.

Насколько живо Феофан прославлял Петра I в произведениях, настолько же ярко он рисовал образы врагов. Так, в «Епиникионе» при описании вражеской силы используется мифологический образ змеи, положенный в основу метафорических эпитетов: *змѣиническим полчищем* (209), *рука змѣиннича* (210), *змѣинничия силы* (213). Одержать победу с таким врагом может помочь только всевышний, поэтому Бог изображается при помощи «возвышенных» эпитетов: *всесильный* (209), *всемогущий* (209), *непостижимый* (210), *высокий* (210).

Не только использование библейских и античных образов находит свое отражение в поэтическом творчестве Феофана Прокоповича (например, использование античной символики при именовании Петра I: *жестокий Марс* (210), *рускаго Марса* (214), *Марс сей многобѣдный* (213). Следуя барочному стилю, автор смешивает данные образы и с народно-поэтической традицией, приближая стихотворения к «складу народных песен» [Гуковский 1939: 21], например: *За могилою Рябою / над рѣкою Прутовою / было войско в страшном бою…* (214); *Ты наш ясный*

свѣт / Ты и красный цвѣт (218); *Коли дождусь я весела ведра / и дней красных, / Коли явится милость прещедра / небес ясных?* (216).

Интересны сложные эпитеты, используемые Прокоповичем в стихотворных произведениях. Некоторые из них довольно распространены в поэтическом языке: *бог всемогущий* (209), *народ многолюдный* (219), *рабу малодушному* (224), остальные же требуют внимательного и отдельного изучения: *мучитель звѣровидный* (226), *жар зловиновный* (224), *скороногий страх* (212–213).

Эпитетные словосочетания активно используются Феофаном Прокоповичем в качестве риторических приемов. Так, эпитеты применяются при антитезе: противопоставление воцарения Анны Иоанновны и господства верховников находим в канте «Прочь уступай, прочь» (*печалная нощь — свѣтлый день* (218); противопоставление соратников царя, находящихся под Божьей защитой, и врагов, сподвигаемых бесом, к примеру, в *полках же православных — племя ехидно* (210).

Также находим употребление эпитетов при создании оксюморона: *самый страх нестрашный* (226).

Таким образом, являясь одной из украшающих фигур речи, эпитеты в поэтическом творчестве Феофана Прокоповича участвуют в создании библейских, античных и народно-поэтических образов, которые автор умело использует и соединяет между собой для описания биографических фактов, а также значимых для него как сторонника преобразований Петра I событий.

Литература

Гуковский Г. А. Русская литература XVIII века: учебник для высших учебных заведений. М.: Учпедгиз, 1939.

Кулева А. С. Усеченные прилагательные в русской поэзии // Русская речь. 2008. № 3. С. 35–39.

Феофан Прокопович. Сочинения / под ред. И. П. Ерёмина. М., Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961.

Феофан Прокопович. Об искусстве риторическом десять книг / пер. с лат. Г. А. Стратановского; отв. ред. С. И. Николаев; подгот. текста Е. В. Маркасовой, С. И. Николаевой; коммент. Е. В. Маркасовой; науч. ред. пер. Е. В. Введенская. М., СПб: Альянс-Архео, 2020.

Исследование подготовлено в рамках проекта РНФ № 24-28-00696 «Диахроническая риторика: язык и слог стихотворных произведений Феофана Прокоповича в аспекте тропо- и фигурообразования», https://rscf.ru/project/24-28-00696/.

Лебедев Александр Александрович

канд. филол. наук, доцент, Петрозаводский государственный университет;
perevodchik88@yandex.ru

АНАЛИЗ ФОРМАЛЬНЫХ И СТИЛИСТИЧЕСКИХ ОТЛИЧИЙ ПРОЗАИЧЕСКИХ И ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ ФЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА

Ключевые слова: диахроническая риторика, поэтический синтаксис, Феофан Прокопович, Г. Хетсо, Епиникион.

Изучение синтаксической и стилистической специфики литературных произведений представляет собой одно из важнейших направлений современной филологической науки. Это особенно актуально в контексте анализа наследия значимых фигур эпохи, таких как Феофан Прокопович, чье творчество отражает не только культурные, но и политические процессы своего времени. Исследование идиостиля Феофана Прокоповича, сочетающее анализ его стихотворных и прозаических текстов, позволяет глубже понять закономерности формирования литературного языка XVIII в., а также выявить ключевые особенности поэтического и прозаического синтаксиса.

Актуальность данной работы обусловлена необходимостью изучения риторических приемов, используемых в произведениях Феофана Прокоповича, через призму современных методов анализа текста. Целесообразность данного исследования заключается не только в возможности описания идиостиля одного из крупнейших представителей литературы своего времени, но и в расширении инструментария анализа текстов в области диахронической риторики.

В основу работы легли материалы, полученные в ходе работы над грантом «Диахроническая риторика: язык и слог стихотворных произведений Феофана Прокоповича в аспекте тропо- и фигурообразования» (руководитель Н. В. Патроева), в частности, база данных «Синтаксис поэтических жанров Ф. Прокоповича». В анализе были использованы три группы текстов:

1. «Епиникион сиест песнь победная о тоейжде преславной победе» (далее — «Епиникион») [Прокопович 1961: 209–214] — один из наиболее известных текстов Феофана Прокоповича, прославляющий победу русского войска над шведами.
2. Тринадцать стихотворений (далее — стихотворные тексты) [Прокопович 1961: 214–221] из литературного наследия Феофана Прокоповича.
3. Сопоставимый с двумя предыдущими группами по объему отрывок из прозаического текста Феофана — «Слово похвальное о преславной над войсками свейскими победе, пресветлейшему государю царю и великому князю Петру Алексиевичу, всея великия и малыя и белыя России самодержцу, в лето господне 1709 месяца июня дня 27 богом дарованной» [Прокопович 1961: 23–24] (далее — «Слово…»).

Исследование проводилось с опорой на метрику Гейра Хетсо, использованную им в ходе анализа текстов Ф. М. Достоевского и зафиксированную в работе [Хетсо 1986]. Метрика была модифицирована для более точного выявления различий между разными группами текстов (подробнее об этом см.: [Рогов 2021]). В качестве основных критериев для анализа были задействованы как формальные (средняя длина слова в буквах и общее распределение длины слова; средняя длина предложения в словах и общее распределение длины предложения; лексический спектр на уровне словаря и текста), так и собственно морфологические, связанные с определенными позициями слов в предложении (три первых и три последних слова в предложении), а также комбинациями частей речи в данных позициях.

Для выполнения работы была задействована информационная система «Статистические методы анализа литературного текста» (СМАЛТ), разработанная в Петрозаводском государственном университете и доступная по адресу http://smalt.karelia.ru/

В качестве основных результатов проделанной работы нужно отметить следующие:

1. Прозаические и поэтические тексты демонстрируют значительные различия в длине слов и предложений. Прозаический текст «Слово…» характеризуется наиболее длинными словами (в среднем 5,5 букв) и предложениями (33,2 слова), что связано с более сложной синтаксической структурой и высоким уровнем формализма. «Епиникион», находящийся между поэзией и прозой, демонстрирует промежуточные показатели (средняя длина слова — 4,9 букв, длина предложения — 20,4 слова). Поэтические тексты, напротив, отличаются краткостью фраз и слов (4,6 букв на слово, 12,9 слова на предложение).
2. С точки зрения распределения частей речи в началах и в концах предложений значительные различия между группами текстов определить не удалось. При этом следует отметить, что проанализированный прозаический текст демонстрирует практически полное отсутствие предложений, начинающихся с глагола, что подчёркивает риторику повествовательного стиля. В поэтических текстах, напротив, глаголы часто занимают начальные позиции, что усиливает динамику и экспрессию, а также может быть вызвано версификационными задачами, стоявшими перед автором.
3. Особо следует отметить разницу в использовании средств речевой выразительности между тремя группами текстов. В частности, нужно отметить большое количество риторических вопросов в «Епиникионе» и всего один такой вопрос в прозаическом отрывке «Слова…».

Проведённое исследование позволило выявить ключевые различия между поэтическими и прозаическими текстами Феофана Прокоповича, отражающие его мастерство в адаптации синтаксических и стилистических приёмов к задачам жанра. Прозаические произведения характеризуются сложностью синтаксической структуры, высокой формализацией языка и ограниченным использованием экспрессивных средств. Поэтические тексты, напротив, демонстрируют краткость и динамизм, акцентируя внимание на эмоциональной выразительности и художественном эффекте.

Применение модифицированной метрики Гейра Хетсо и информационной системы «СМАЛТ» позволило провести детализированный количественный анализ, расширяющий возможности изучения диахронической риторики. Результаты работы могут быть использованы для дальнейших исследований русской литературной традиции XVIII в., а также для анализа идиостиля других авторов.

Литература

Прокопович Ф. Сочинения / под ред. и с предисл. И. П. Еремина. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР. Ленингр. отд-ние, 1961. С. 335–455.

Рогов А. А. Проблема атрибуции в журналах «Время», «Эпоха» и еженедельнике «Гражданин» / А. А. Рогов, Р. В. Абрамов, Д. Д. Бучнева, О. В. Захарова, К. А. Кулаков, А. А. Лебедев, Н. Д. Москин, А. В. Отливанчик, Е. Д. Савинов, Ю. В. Сидоров. Петрозаводск: Острова, 2021.

Хетсо Г. Принадлежность Достоевскому: К вопросу об атрибуции Ф. М. Достоевскому анонимных статей в журналах Время и Эпоха. Oslo: Solum Forlag A. S., 1986.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00696, https://rscf.ru/project/24-28-00696/.

Починяева Ольга Анатольевна

канд. филол. наук, доцент,
Самарский государственный социально-педагогический университет;
olyaananieva@mail.ru

РАЗДЕЛИТЕЛЬНАЯ «ПАЛИТРА» ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. С. ПУШКИНА

Ключевые слова: разделительная конструкция, разделительные союзы, альтернативность.

Разделительные конструкции относятся к числу малоупотребительных конструкций в языке. Несмотря на относительно редкую частотность в речи, они выполняют определенные, только им «подвластные» семантические и прагматические функции, которые нельзя не учитывать в продуцировании любого текста. Состав разделительных союзов в языке постепенно пополняется. В разных лингвистических источниках указывается от восьми [Русская грамматика 1980: 626] до тридцати союзов [Санников 2008: 186]. Все это свидетельствует о том, что дизъюнктивные отношения, представляющие собой достаточно богатую «палитру» значений, эволюционируют, находят разные, более конкретные способы их реализации в речи. Чтобы зафиксировать происходящие изменения, найти им объяснения, безусловно, требуется изучение специфики в употреблении синтаксических единиц предыдущих эпох.

Целью нашего исследования стало определение структурно-семантических типов разделительных конструкций, используемых в языке первой трети XIX в., на материале произведений А. С. Пушкина и установление особенностей функционирования дизъюнктивных структур в его поэтических и прозаических текстах.

В текстах А. С. Пушкина были найдены 2138 разделительных конструкций с разделительными союзами *или* (его народно-поэтическим вариантом *иль,* областным — *али*), *ли… или, либо, то… то, не то, а то, не то… не то*.

Категориальным грамматическим значением разделительных конструкций, конституирующим своеобразие их смысловых отношений, является значение альтернативы. Важным в дефиниции этого понятия, на наш взгляд, является сема ‘один из двух / нескольких’, детерминирующая реальность только одного из перечисляемых фактов или явлений. Это достаточно широкое понятие отражает специфику разделительных структур, компоненты которых представляют собой альтернативные ряды равновероятных ситуаций [Починяева 2023: 101]. Автор высказывания, использующий в своей речи разделительные структуры, не может однозначно охарактеризовать то или иное явление или интересующий объект или объяснить происходящее, или же ставит перед собой цель представить описываемое во всем его многообразии, поэтому и вводит в текст альтернативные способы видения ситуации, реализуемые посредством конструкций с разделительными союзами.

Типологическое значение альтернативы предполагает разную степень категоричности в исключении одного репрезентируемого явления другим — от взаимоисключения («строгой» дизъюнкции) до потенциального объединения («нестрогой» дизъюнкции) — и реализуется в 9 семантических вариантах, группирующихся в собственно-альтернативные конструкции: альтернативно-определенные, -предположительные, -временные, -локальные, -мотивировочные, -перечислительные — и несобственно-альтернативные: альтернативно-градационные, -пояснительные, -распределительные конструкции [Починяева 2023: 101–106].

Сравнительно-сопоставительный анализ конструкций с разделительными союзами в поэтических и прозаических текстах позволил сделать следующие выводы:

1) количество конструкций в поэзии значительно превышает их количество в прозе (проза — 499 ед.; поэзия — 1639 ед.);
2) состав разделительных союзов различается как качественно, так и количественно. Безусловно, во всех текстах в качестве основного средства связи выступают стилистически нейтральные союзы *ли… или*, *или*, в редких случаях используется *не то.* Специфичными

для поэзии стали союзы *иль* (народно-поэтический вариант *или*), *али* (областной / устно-поэтический вариант союза *или*), *то… то*, а *то*, а для прозы — союз *либо*, зафиксированный в текстах всего шесть раз;

3) в отличие от прозы с «традиционным» строением простых предложений с однородными членами или предикативных частей сложных предложений, в поэзии представлены цепочки самостоятельных предложений с разделительным многосоюзием (полисиндетоном), создающим своеобразную ритмическую организацию, что придает особую музыкальность, мелодичность, выразительность тексту;
4) прагматическая составляющая поэтических фрагментов с разделительными союзами заключается не столько в соединении равновероятных, исключающих друг друга признаков, сколько в создании нечто целого — единого разделительного блока, отображающего ту или иную ситуацию или характеризующего то или иное лицо или предмет во всем многообразии их проявлений;
5) в прозе А. С. Пушкина, несмотря на сравнительно небольшое количество дизъюнктивных структур, представлены все семантические типы разделительных конструкций (9), наиболее частотными из которых являются альтернативно-предположительные и альтернативно-перечислительные; в поэзии — семь семантических вариантов разделительных конструкций с явным преобладанием альтернативно-временных, -перечислительных и -предположительных структур.

Специфика употребления разделительных конструкций в текстах разных жанров объясняется во многом тем, что если язык поэзии, базирующийся на рифме, ритмической организации текста, его динамике, отличается образностью, высокой эмоциональной насыщенностью, приподнятостью, то язык прозы А. С. Пушкина демонстрирует отстранение от пространных описаний, авторских оценок, раздумий. Преследуя разные цели воздействия, и поэтические, и прозаические тексты А. С. Пушкина дают возможность насладиться красотой и гармонией слога мастера слова.

Литература

Починяева О. А. Разделительные конструкции в славянских языках // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 5. С. 99–106.

Русская грамматика: в 2 т. Т. II. Синтаксис. М.: Наука, 1980.

Санников В. З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М.: Языки славянских культур, 2008.

Романова Татьяна Владимировна

д-р филол. наук, профессор, вед. научный сотрудник,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижний Новгород;
tvromanova@mail.ru

СЕМАНТИКА КОГНИТИВНЫХ ТЕРМИНОВ-СЛОВОСОЧЕТАНИЙ

Ключевые слова: термин, термины-словосочетания, структурно сложные термины, терминосистема, семантика.

В докладе анализируются данные Словаря когнитивных терминов [Романова 2022], в частности семантика терминов когнитивной грамматики: *пропозиция, фрейм, концептуальная деривация, концептуальная интеграция, концептуальная структура* и др.

Методы когнитивной грамматики объединяют модели описания языка, ориентированные на выявление связей языковых структур и когнитивных процессов восприятия, памяти, мышления, внимания. В качестве синонимичных для термина *когнитивная грамматика в* научных публикациях функционируют термины *пространственная грамматика / грамматика пространства, леминарная грамматика, эмерджентная грамматика, дискурсивная грамматика, грамматика конструкций, непорождающая грамматика, некомпозициональная грамматика,* в качестве антонимичных — *генеративная грамматика, порождающая грамматика, композициональная грамматика.*

В нашем случае важным является известное положение, высказанное Ю. Д. Апресяном: «<…> всякое лексическое значение обладает определённой синтаксической структурой» [Апресян 1990, т. 1: 9]. По структуре термины когнитивной грамматики можно подразделить на простые, однословные, и структурно сложные, термины-словосочетания. Термины-словосочетания семантически взаимодействуют с однословными терминами. При этом задействованы разные типы трансформации значения: сужение, расширение, спецификация, метонимический перенос (гипонимия, гиперонимия, часть — целое, включение), синонимия, антонимия, семантический синкретизм, интеграция.

Как правило, процесс семантической производности, концептуальной деривации, реализуется в сочетании терминов-субстантивов с прилагательными *когнитивный, концептуальный, ментальный, фреймовый.* При этом семантика термина-словосочетания или расширяется (*концептуальная деривация*), или сужается по отношению к семантике однословного термина, отношения спецификации: *ментальные структуры, ментальный лексикон, концептуальный анализ, концептуальная структура, фреймовая семантика.*

Сжатие, пересечение, смещение значений создает новое значение по принципу концептуальной интеграции. Этот процесс наблюдается, например, при формировании содержания термина *когнитивная семиотика*. Сравним определение этого термина с когнитивной точки зрения и в толковом словаре:

«<…> когнитивная семиотика представляет собой область междисциплинарных исследований, в рамках которой анализируются различные аспекты процесса образования значений, и целью которой является увязать в единое целое проблему концептуализации действительности и хранения знаний с проблемой функционирования номинативных единиц в культуре” (Ирисханова, 2010; Zlatev, McCune, 2014) [Косиченко 2018: 129]. «СЕМИО’ТИКА [гр. semeiotike учение о знаках] — наука, изучающая свойства знаков и знаковых систем (естественный, разговорный язык, языки программирования, физ. и хим. символика, логические и математические исчисления и т. п. [Захаренко 2003].

Концептуальная интеграция может предполагать конкретизацию значения за счёт изменения когнитивного профиля, сферы знания (например, *ассоциативный тезаурус, когнитивная грамматика, когнитивная лингвистика, когнитивная семантика, когнитивный синтаксис, языковая картина мира*), а также расширение содержания понятия.

Термины могут образовывать семантические оппозиции, которые по способу выражения можно подразделить следующим образом: аффиксация (*интеграция — дезинтеграция, порождающая — непорождающая грамматика*); лексические единицы с противоположным значением (*статический — динамический аспект категоризации*); лексические единицы, репрезентирующие градацию в рамках существующей тематической группы, спектра, категории и др. (*первичный уровень концептуализации, вторичный*).

Семантика термина определяется, в том числе, количеством терминов в структуре терминологической единицы и тем, как перераспределяется семантическая нагрузка между основным и классифицирующим элементом. Кроме того, степень широты семантики термина обусловлена наличием общенаучного термина в его структуре: *код — языковой код, универсальный предметный код, культурный код; структура — когнитивные структуры, картина мира — языковая картина мира, концептуальная картина мира, тезаурус — ассоциативный тезаурус, система — категориальная система.*

Источники

Захаренко Е. Н., Комарова Л. Н., Нечаева И. В. Новый словарь иностранных слов. М.: Азбуковник, 2003.

Проектный словарь-справочник когнитивных терминов: учеб. пособие / под общ. ред. Т. В. Романовой. Н. Новгород: ДЕКОМ, 2022.

Литература

Апресян Ю. Д. Избранные труды.Т. I. Лексическая семантика: 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки русской культуры; Вост. лит. РАН, 1995.

Косиченко Е. Ф. Когнитивно-семиотические аспекты художественной ономастики // Когнитивные исследования языка. № 35. Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. ун-т им. А. Р. Державина, 2018. С. 129–135.

Сабанова Олеся Дмитриевна

аспирант, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова;
sabanova.o@yandex.ru

РИТОРИЧЕСКОЕ УТВЕРЖДЕНИЕ КАК ДИАЛОГИЗИРУЮЩЕЕ СРЕДСТВО В «АМЕРИКАНСКОЙ» ТРИЛОГИИ Э. В. ЛИМОНОВА И ЕЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ

Ключевые слова: идиостиль Эдуарда Лимонова, диалогизированный монолог, субъектная перспектива текста, риторические конструкции, синтаксис разговорной речи.

В докладе предложено формальное, эмотивное и прагматическое описание малоизученной синтаксической конструкции «риторическое утверждение» как диалогизирующего приёма в прозе Лимонова периода 70–80-х гг. XX в. Семантико-синтаксический и функциональный подходы дополняет контрастное сопоставление русскоязычных произведений и их англоязычных версий, поскольку родной язык переводчика (или язык перевода), с одной стороны, помогает опознать изучаемую конструкцию в оригиналах, а с другой — неизбежно влияет на рецепцию риторического утверждения в англоязычных интерпретациях.

Стилистика «Эдички» и «Дневника» с некоторыми девиациями соответствует жанру дневниковых записей. Монолог лимоновского «я»-повествователя имеет довольно экспансивный характер, что проявляется в нивелировке характерологических черт речи «других» персонажей. «Своим» людям Лимонов дарует возможность выражать себя через язык. Положение экзегетического читателя с точки зрения оппозиции «свой» / «чужой» [Балясникова 2017] в этих текстах неустойчиво, в отличие от исконного жанра исповеди, подразумевающего «своего» эмпатичного слушателя. Реципиент оказывается то в лагере «приближенных», способных войти в положение Эдички или попросту вынужденных выслушать ламентации и инвективы героя, то в лагере «отверженных», на ком можно безопасно выместить гнев. В итоге самым лучшим собеседником для «я»-героя становится он сам.

Нестандартная жанровая принадлежность двух романов согласуется с ориентацией автора на свободное выражение эмоций и выстраивание более естественной фразировки на письме. На языковом уровне авторское намерение выражается в последовательном употреблении риторических утверждений, которые особенно заметны на фоне англоязычных переводов. При помощи риторических утверждений в романах Лимонова «Это я — Эдичка» (1976) и «Дневник неудачника» (1977) воплощается сложная субъектная перспектива текста, передаётся бесстрастная интонация и отрефлексированный пафос высказывания, а читательская мысль направляется в нужное автору русло.

С формальной точки зрения риторическое утверждение — это синтаксическая транспозиция (синтаксическое переосмысление формы [Арнольд 1981: 165–168]) риторического вопроса. Конец риторического утверждения обозначается точкой, по цели высказывания предложения данного типа относятся к утверждению. Приведём примеры: «*Кто я там был? Какая разница, что от этого меняется*»; «*Тот же усатый и чернявый сказал обиженно, увидев меня: "А ты что, разбогател, что не хочешь остановиться, поговорить"*»; «*Не ждут собутыльники — пить перестал. Горько. Зачем вообще вставать из постели*». Границы классического риторического утверждения совпадают с границами предложения.

Ближайшую оппозицию с риторическим утверждением формирует риторический вопрос, а не стандартное утверждение с повествовательной интонацией. В состав риторического утверждения, как и риторического вопроса, входят лексические средства и устойчивые конструкции, не противоречащие вопросительной форме высказывания (например, «где», «зачем», «отчего», «какой», «разве» и др.). В стандартном утверждении эти языковые маркеры отсутствуют. Некоторые вопросительные слова и устойчивые фразы встречаются в риторическом утверждении чаще, чем другие, поэтому нередко одна и та же фраза в зависимости от интенции говорящего может обретать вид и риторического вопроса, и риторического утверждения.

Горизонтальные отношения в системе синтаксических транспозиций предложений по цели высказывания выглядят следующим образом: (3) *«Неужели ему не хватает тонкости понять, что со мною нужно не так. Или он не боится испугать меня, не дорожит мною»* (2) *Неужели ему не хватает тонкости понять, что со мною нужно не так? Или он не боится испугать меня, не дорожит мною?* (1) *Да, ему не хватает тонкости понять, что со мною нужно не так. Действительно, он не боится испугать меня, не дорожит мною.*

На эмотивном уровне риторическое утверждение характеризуется снижением эмфазы. Такое высказывание передает сдержанность говорящего, его равнодушие по отношению к какой-либо ситуации или имитацию этого состояния. Эмотивный потенциал риторического утверждения реализуется вследствие того, что утвердительные по цели высказывания предложения лишены ярко выраженной восклицательной интонации, поскольку основное назначение точки — фиксировать конец самостоятельного предложения, причем предложения по цели своей повествовательного, произносимого с постепенно понижающейся интонацией.

Риторическое утверждение богаче простого утверждения в плане выражения имплицитных смыслов, так как опирается на коммуникативные функции риторического вопроса — косвенного речевого акта [Сёрль 1986: 170–195]. Используя риторическое утверждение, автор форсировано утверждает выраженную в предложении пропозицию, так что от реципиента требуется лишь подразумеваемая автором реакция.

Литература

Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. Л., 1981.

Балясникова О. В. «Свой — чужой»: психолингвистические аспекты исследования (на материале русского языка). М.: Канцлер, 2017.

Сёрль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М.: Прогресс, 1986. С. 170–194.

Степаненко Виктория Евгеньевна

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет;
nika-step@mail.ru

ПРОХИБИТИВНОСТЬ В ИМЕННОМ УКАЗЕ ПЕТРА I «О ПОРЯДКЕ НАСЛЕДОВАНИЯ В ДВИЖИМЫХ И НЕДВИЖИМЫХ ИМУЩЕСТВАХ» 1714 ГОДА

Ключевые слова: официально-деловой текст, именной указ, прохибитив, Петровская эпоха.

Масштабные преобразования Петра Великого касались всех сфер жизни российского общества, многие из которых встречали неодобрение и сопротивление со стороны разных слоев населения. Как следствие, в царские указы и регламенты, в написании и редактировании которых принимал личное участие Петр I [Воскресенский 2017], включают многочисленные структуры разъяснительной семантики [Руднев, Пушкарева 2021].

Любопытным представляется изучение конструкций прохибитивной семантики в указных текстах Петра, так как любые директивные жанры включают в себя, помимо информативной, и функцию учредительную, повелительную, в том числе запретительную. В научной литературе прохибитивность трактуется как часть функционально-семантического поля (ФСП) императивности [ТФГ 1990]. Исследование способов выражения семантики запретительности в историческом аспекте, предметно — в именных указах Петра I, является целью настоящего доклада.

На материале современного русского языка лингвисты установили, что центральное место в ФСП императивности занимают, среди прочего, прохибитивные предложения с императивными формами глаголов несовершенного вида (НВ) с отрицательной частицей *не* [ТФГ 1990]. Однако уже имеющиеся исследования документного языка Петровской эпохи показывают, что основной формой выражения запрета был инфинитив с отрицательной частицей *не* и интенсификаторами *весьма*, *отнюдь* [Руднев, Пушкарева 2021], находящийся в современном языке на периферии ФСП императивности. В качестве материала анализа был выбран указ 1714 г., в котором определялся порядок наследования имущества, существовавший до момента появления соответствующего указа, но не зафиксированный юридически [Ключевский 2019].

С 1714 г. царские указы и уставы приобрели печатную форму, поскольку были ориентированы на широкого адресата, что часто эксплицируется в преамбуле документа: *Объявляемъ сей указ* ***всѣм*** *подданнымъ Нашего Государства,* ***какого чину и достоинства оныя ни есть***. Структура указа подчинена прагматической цели — аргументировать необходимость соединения вотчины и поместья, а также передачи недвижимого имущества только одному наследнику.

Прохибитивные конструкции сконцентрированы в основной, регламентирующей части указа. У прохибитивности ясно выделяется центр и периферия, демонстрирующие, в том числе, приоритетные способы выражения запрета в условиях общей объяснительной модальности всего текста.

Таким образом, центральное место поля прохибитивности занимают запретительные предложения, в которых формально не выражен субъект-волеизъявитель (но выражен семантически, так как известен благодаря преамбуле), эксплицирован субъект-исполнитель (определительное местоимение в дательном падеже), а в качестве предикатива выступают инфинитивные формы глаголов НВ с отрицательной частицей *не*, например предложение: ***Всѣмъ*** *недвижимых вещей <…>* ***не продавать*** *и* ***не закладывать***.

В центре поля прохибитивности находятся и разные языковые способы вербальной демонстрации степени категоричности, которая выражается морфологически, так как предикат также представлен инфинитивной формой глагола НВ, и синтаксически. Так, активно используются инфинитивные конструкции *не ставить и не вершить*, распространяющиеся интенсификаторами *ни въ какое безчестіе и отнюдь* соответственно. Иногда степень категоричности отражается в атрибутиве, в отрицательном местоимении в дательном падеже объектного распространителя *письмамъ*: ***никакимъ*** *ихъ письмамъ или записямъ* ***не вѣрить***.

Периферию же составляют:

- индикативные предложения, которые осложнены обособленным дополнением с предлогом *кромѣ*: *долженъ отецъ ихъ или мать раздѣлити им <…>,* ***кромѣ*** *оного одного, который въ недвижимыхъ наслѣдником будетъ* (= тому, кто будет наследником недвижимого имущества, запрещено иметь движимое); *тогда недвижимое все повинно будетъ взять на Государя,* ***кромѣ*** *движимаго* (= государю запрещено забирать движимое имущество);
- предложения с однородными членами, находящимися в противительных отношениях, где отрицательная частица *не* присоединяется к слову, обозначающему то лицо, на которое направлен запрет: *которые онымъ наслѣдники будутъ по линіи ближніе, а* ***не*** *кадетамъ ихъ* (= кадету запрещено выкупать вотчины и поместья); *тогда недвижимое мужа ея отдать одному фамиліи его* ***не изъ*** *кадетовъ, но* ***изъ*** *наслѣдниковъ ближнему* (= кадету запрещено иметь недвижимое имущество);
- местоименно-соотносительные сложноподчиненные предложения, в которых местоименный коррелят определяет границы запрета: *въ сохраненіи да будутъ* ***до тѣхъ*** *мѣстъ,* ***пока*** *его братья и сестры приспѣют возраста своего* (= до достижения определенного возраста запрещено получать наследство).

Несмотря на прагматическую цель, не предусматривающую потребность в убеждении адресата, анализируемый указ показал богатую вариативность используемых здесь запретительных конструкций. Таким образом, текст рассматриваемого указа (как и другие документы Петровской эпохи), связанный с необходимостью пропаганды не всегда принимаемых обществом царских реформ, демонстрирует различные способы выражения прохибитивной семантики, актуальной для директивного текста эпохи кардинальных государственных преобразований.

Литература

Воскресенский Н. А. Петр Великий как законодатель: Исследование законодательного процесса в России в эпоху реформ первой четверти XVIII века. М.: Новое литературное обозрение, 2017.

Ключевский В. О. Курс русской истории. Полное издание в одном томе. М.: Альфа-книга, 2019.

Руднев Д. В., Пушкарева Н. В. Регламенты петровского времени в аспекте императивности // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. 2021. Вып. 20. № 4. С. 36–49.

Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, 1990.

Уржа Анастасия Викторовна

д-р филол. наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; aourja@gmail.com

РЕДАКЦИИ «ШУТОЧКИ» А. П. ЧЕХОВА: ТЕКСТОВЫЕ ФУНКЦИИ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ НА ФОНЕ МЕНЯЮЩЕГОСЯ ЗАМЫСЛА

Ключевые слова: настоящее время, текстовые функции глагольных форм, прагматика, нарратив, Чехов, редакции.

В докладе представлены результаты сопоставительного лингвистического анализа ранней и поздней авторской редакции рассказа А. П. Чехова «Шуточка» на фоне более обширного исследования формирования, развития и взаимодействия приемов наррации и их грамматического оформления в прозе писателя. Ранняя редакция исследуется как гетерогенное повествование в презенсе, сочетающее разнообразные функции форм настоящего времени глаголов с разной семантикой. Такой тип повествования к 1886 г. был многократно опробован и блестяще развит А. П. Чеховым. Отличия поздней редакции анализируются на фоне общих тенденции изменения поэтики чеховской прозы, с учетом прагматических эффектов комбинирования форм настоящего и прошедшего времени в рассказах с усложненной перспективой, созданных на рубеже веков. Выявляется связь всех аспектов редактирования текста в композиционном, грамматическом и лексическом плане, описывается ее роль в воплощении изменившегося замысла писателя.

Рассказ «Шуточка» был написан и опубликован А. П. Чеховым в 1886 г., а через 13 лет автор отредактировал его при подготовке текста к включению в собрание сочинений. Сопоставительный анализ редакций чеховских текстов привлекает внимание исследователей, поскольку позволяет не только выявить особенности работы писателя над содержанием, композицией и языком произведений, но и проследить за изменениями в поэтике его текстов, проверить гипотезы о тенденциях в его творчестве. Направление работы, результаты которой представлены в докладе, связано с изучением формирования и развития приемов повествования и их грамматического оформления в прозе А. П. Чехова (на фоне канона русской классической прозы XIX в., сформированного под влиянием текстов А. С. Пушкина [Виноградов 1936; Jensen 1990]). Поэтому при сопоставлении ранних и поздних редакций рассказов и повестей А. П. Чехова, в частности «Шуточки», в фокус нашего внимания попадают формы глагола и их текстовые функции — как основа нарратива.

Динамичный и забавный рассказ о катании с горки был изначально написан А. П. Чеховым практически целиком в настоящем времени. Результаты сплошного исследования рассказов и повестей А. П. Чехова в 30 томах показывают, что к 1886 г. он на основе нескольких литературных жанров (в первую очередь, жанра сценки) развил целый ряд приемов построения гетерогенного, колоритного повествования в презенсе, включающего разнообразные текстовые функции глагольных форм: аористивные, перфективные, имперфективно-процессуальные и узуально-характеризующие. Это позволило ему, не изменяя грамматического времени нарратива, приближать и отдалять дейктический центр повествования, представлять события как наблюдаемые, протяженные, повторяющиеся, сменяющие друг друга, завершающиеся. Предикаты качества, состояния, мгновенного и длительного действия сменяют друг друга и прихотливо комбинируются, сюжетное действие то убыстряется, то замедляется. Обширный потенциал категории настоящего времени русского глагола [Петрухина 2015] реализуется в тексте разнообразно:

> *Ясный зимний полдень… Мороз так крепок и трескуч, что у Наденьки, которая держит меня под руку, покрываются серебристым инеем кудряшки на висках <…>. Я и Наденька стоим на высокой горе. <…>*
>
> *— Съедемте вниз, Надежда Петровна! — умоляю я Наденьку. — Один только раз! <…>*

Бледную, дрожащую, я сажаю ее в санки, плотно обхватываю рукой ее талию и вместе с нею низвергаюсь в бездну. <…>

И с этого дня я с Наденькой начинаю аккуратнейшим образом посещать каток, и всякий раз, слетая вниз на санках, <…> произношу вполголоса одну и ту же фразу. <…> Скоро Наденька привыкает к этой фразе, как к морфию <…>

Но вот наступает весенний месяц март… <…>

Рассказ, по законам сценки, завершался также в настоящем времени, с ироническим обращением к читателю:

Я выхожу из кустов, и, не дав Наденьке опустить рук и разинуть рот от удивления, бегу к ней и… Но тут позвольте мне жениться.

Однако позже в своем творчестве А. П. Чехов обратился к новым, еще более сложным приемам чередования форм настоящего и прошедшего времени, дающим возможность с помощью грамматических средств выстроить в тексте усложненную перспективу, выделить лейтмотивы в сюжете, расставить акценты в характеристиках образов. Результаты, полученные нами в ходе исследования грамматического устройства рассказов писателя (в ПСС в 30 томах), в этом отношении полностью согласуются с наблюдениями А. П. Чудакова, сделанными в процессе детального анализа эволюции поэтики чеховских текстов, изменения их стиля и образности [Чудаков 1971]. Обратившись к «Шуточке» в 1999 г., писатель переделывает текст, в особенности финал, создавая с помощью форм прошедшего и настоящего времени рамку нарратива с новым, философским эпилогом:

Это было уже давно. Теперь Наденька уже замужем; ее выдали или она сама вышла — это все равно, за секретаря дворянской опеки, и теперь у нее уже трое детей. То, как мы вместе когда-то ходили на каток и как ветер доносил до нее слова «Я вас люблю, Наденька», не забыто; для нее теперь это самое счастливое, самое трогательное и прекрасное воспоминание в жизни…

А мне теперь, когда я стал старше, уже непонятно, зачем я говорил те слова, для чего шутил…

Особенно удивительным представляется то, что в рамках новой композиции первоначальный, энергичный, наполненный живыми эмоциями текст начинает звучать иначе, в нем выделяются другие смыслы.

В докладе рассматриваются также частные композиционные и лексические замены, осуществленные А. П. Чеховым при редактировании «Шуточки». Все они, на наш взгляд, тесно связаны с общим направлением переработки рассказа, столь наглядно отраженным в его грамматике и прагматике.

Литература

Виноградов В. В. Стиль «Пиковой дамы» // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. Вып. 2 / ред. Ю. Г. Оксман. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1936. С. 74–147.

Петрухина Е. В. Концептуальный потенциал категории настоящего времени в русском языке: междисциплинарный подход // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 3 (044). С. 59–71.

Чудаков А. П. Поэтика Чехова. М.: Наука, 1971.

Jensen P. A. Narrative Description or Descriptive Narration: Problems of Aspectuality in Chechov // Verbal Aspect in Discourse / ed. by Nils B. Thelin. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publ. Co., 1990. P. 383–410.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00260, https://rscf.ru/project/23-18-00260/.

Филатова Ганна Алексеевна

канд. филол. наук, ст. преподаватель,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова;
gphilatova@gmail.com

ТАКСИСНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ВИДО-ВРЕМЕННЫХ ФОРМ ГЛАГОЛА В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ НОВЕЛЛЫ О. ГЕНРИ

Ключевые слова: таксис, видо-временная форма глагола, выдвижение, перевод, сопоставительный анализ, О. Генри.

Возможность описать одни и те же действия, но по-разному расставить акценты на их одновременности или последовательности давно исследуется лингвистами. По определению Р. О. Якобсона, таксис характеризует «сообщаемый факт по отношению к другому сообщаемому факту и безотносительно к факту сообщения» [Якобсон 1972]. Закономерности таксисных преобразований представляют собой достаточно сложную систему: необходимо учитывать не только сами конструктивные особенности видо-временных глагольных форм и возможности их соотношения, но также их семантику (ненормативность образования конструкций **ложится и заснул* / **заснул и лег* объясняется разными причинами). А. В. Уржа отмечает, что «временные отношения между предикатами связаны с их композиционными функциями» [Уржа 2016]. Это очень хорошо видно при сопоставлении разных переводов одного исходного текста: сами действия понимаются разными переводчиками относительно одинаково, а вот их соотношение будет зависеть от того, как конкретный интерпретатор выстраивает композицию текста.

Материалом исследования является ироническая новелла О. Генри «Вождь краснокожих» («The Ransom of Red Chief») и десять ее переводов на русский язык (1920–2020-х гг.). Цель исследования — проанализировать способы интерпретации таксисных отношений в русских переводах разных периодов и рассмотреть различные переводческие стратегии. Метод исследования — сопоставительный семантико-синтаксический анализ.

По сюжету рассказа два мелких преступника похищают девятилетнего мальчика и планируют получить за него выкуп. Однако их плану не суждено сбыться, поскольку ребенку начинает нравиться его «похищенное» состояние: развлекаясь, он сводит похитителей с ума своими разговорами, довольно злобными розыгрышами и утомительными играми. Комичность ситуации из-за того, что незадачливые злодеи оказываются беспомощными перед детской непосредственностью, только возрастает.

Новелла построена в перволичном нарративе: события излагает один из неудачливых похитителей, при этом основу повествования составляют формы прошедшего времени. Рассказывается о событиях, конкретное временное размещение которых не имеет принципиального значения, поэтому формы прошедшего нарративного времени наиболее удачно подходят для этого. Кроме того, это позволяет добиться отстраненности, при которой возможно осмысление произошедшего и изложение его уже с определенной интерпретацией (в частности так называемый «эффект оправдания»). При этом подобная нарративная рамка предполагает, что создается иллюзия взаимодействия с читателем: есть некая точка отсчета, в которой происходит ситуация рассказывания истории, и течение времени в самой этой истории. Однако для данной новеллы характерно достаточно широкое включение фрагментов, описанных в настоящем историческом времени, со смещением дейктического центра в прошлое — во время события. В основном формы настоящего нарративного в новелле оформляют диалогические фрагменты. Вероятно, такой формат наилучшим образом подходит для пересказа диалога. Это интересный композиционный прием, однако необходимо отметить, что переводчики подошли к его передаче совершенно по-разному: кто-то оставил формы прошедшего времени, как в остальном тексте новеллы, кто-то использовал настоящее историческое, как в оригинале, кто-то даже добавил формы настоящего исторического там, где в исходном тексте их не было.

Помимо того, что подобные фрагменты, выполненные с использованием форм настоящего исторического, в новелле довольно частотны, в разных переводах внутри них наблюдаются различные отношения между предикатами. С одной стороны, это ожидаемое превращение последовательных действий в прошлом в одновременные в настоящем (ввиду невозможности образования формы совершенного вида в настоящем времени): «*Когда я* ***подошел****, он* ***погрозил*** *мне палкой и* ***сказал***» (пер. М. Лорие) vs «***Подхожу*** *поближе, а он* ***целится*** *в меня палкой и* ***говорит***» (пер. А. Климова). С другой стороны, в текстах часто встречается изменение количества предикаций и их соотношения, в частности, используются причастия, деепричастия, девербативы, также предикации перераспределяются между разными предложениями: «***При виде*** *меня он* ***указал*** *на здоровенную дубинку и* ***сказал***» (пер. З. Львовского) vs «***Грозит*** *мне палкой и* ***выдает***» (пер. А. Горлина, О. Майдель); «***Подойдя*** *к пещере, я* ***увидел****, что Билль* ***стоит, прислонившись*** *спиною к наружной стене и тяжело* ***дышит****, а мальчишка* ***грозит*** *ему камнем*» (пер. Н. Давыдовой) vs «*Когда я* ***подошел*** *ближе, я* ***увидел*** *Билля,* ***прижавшегося*** *спиною к каменной стене. Он тяжело* ***дышал****. Мальчишка* ***стоял*** *перед ним и* ***угрожал запустить*** *ему в голову камень*» (пер. А. Горлина).

Сопоставление переводов новеллы с оригинальным текстом позволяет, во-первых, продемонстрировать разницу между конкретными случаями грамматических трансформаций видо-временных форм глагола в текстовых фрагментах с использованием разных средств выдвижения, а во-вторых — охарактеризовать различные переводческие стратегии. Результаты исследования позволяют выявить перевод, наиболее близкий к оригиналу в прагматическом плане, а также выявить возможности представления таксисных отношений при передаче композиционно-временных последовательностей в разных нарративных режимах.

Литература

Уржа А. В. Русский переводной художественный текст с позиций коммуникативной грамматики. М.: Спутник+, 2016.

Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М.: Наука, 1972. С. 95–113.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00260, https://rscf.ru/project/23-18-00260/.

Хасанова Инесса Ильшатовна

соискатель, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена; inessakhasanova@mail.ru

АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ НЕУДАЧ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ Н. А. ТЭФФИ)

Ключевые слова: Н. А. Тэффи, коммуникативная неудача, речевая конфликтология.

При изучении коммуникативных неудач мы опираемся прежде всего на известную работу Е. А. Земской и О. П. Ермаковой **«К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога)»** [Ермакова, Земская: 1993]. Коммуникативные неудачи мотивируются ситуацией непонимания, не предусмотренными говорящим нежелательными эмоциональными эффектами (обида, раздражение, изумление и др.). Сбои в общении могут быть обусловлены как собственно языковыми, так и экстралингвистическими факторами. Характеристика коммуникативных неудач входит в широкий круг проблем: многие аспекты изучения были представлены в коллективной монографии «Речевая конфликтология» [Речевая конфликтология 2008], где анализируется понятие коммуникативной неудачи, дифференцируются ее типы, заостряется внимание на особенностях ее изображения в художественном тексте. Однако коммуникативные неудачи требуют дальнейшего изучения. В большинстве работ, посвященных вопросам речевой конфликтологии, объектом исследования служат разнообразные ситуации речевого общения. Эстетическая условность изображения коммуникативных неудач в художественном тексте также требует осмысления. Изучение творчества Н. А. Тэффи позволяет выявить специфику изображения коммуникативных неудач на материале рассказов отдельного автора.

Проза Тэффи анализировалась в основном литературоведами. В работах лингвистов были изучены языковая игра (В. К. Приходько); фрагменты лексикона и тезауруса языковой личности русского эмигранта (М. М. Елизарова); роль фразеологических единиц в создании комического (О. И. Соловьева); средства выражения оценочных значений (С. В. Бересток). При этом отсутствуют исследования, в которых проза Тэффи рассматривалась бы в свете речевой конфликтологии и в композиционно-синтаксическом аспекте.

Коммуникативные неудачи нуждаются в комплексном анализе с учетом эстетической условности их изображения в художественном тексте. В рассказах Тэффи коммуникативные неудачи появляются в диалогах персонажей, однако мы не можем останавливаться только на их речевом поведении. Слова автора, сопровождающие реплики персонажей, создают особый интерпретирующий фон. Необходимо раскрыть взаимообусловленность авторской и персонажной сферы в изображении коммуникативных неудач. Коммуникативные сбои отражают взаимодействие *композиционно-речевых автономий* [Ильенко 2003: 386–388].

Тэффи предлагает разнообразие интерпретаций коммуникативных неудач, вскрывает факторы их появления. В ее рассказах конфликт эксплицируется не только в диалогических структурах текста, но и во взаимодействии автора, персонажа и читателя. Предполагаемой зоной изображения коммуникативной неудачи является *диалогема* (термин С. Г. Ильенко), под которой понимается моно-диалогическая структура, презентирующая диалог персонажей и его авторское монологическое сопровождение [Ильенко 2003: 500]. Несмотря на то, что это понятие использовалось в некоторых диссертационных исследованиях, оно нуждается в дальнейшем изучении.

Типология коммуникативных неудач требует уточнения с учетом того, что некоторые из них обусловлены объективными причинами, а другие носят прагматический характер. Коммуникативная неудача может быть как не запрограммированной, так и подстроенной персонажем, в том числе с целью манипуляции. В рассказе Тэффи «К теории флирта» (1910) автор, предлагающий своеобразную инструкцию того, как правильно устраивать сцену ревности, приводит пример потенциального диалога:

Итак, дама не должна приходить первая. Кроме того случая, когда она желает устроить сцену ревности. Тогда это не только разрешается, но даже вменяется в обязанность.

— А я уже хотела уходить…

— Боже мой! Отчего же?

— Я ждала вас почти полчаса.

— Но ведь вы назначили в три, а теперь еще без пяти минут…

— Конечно, вы всегда окажетесь правы…

— Но ведь часы…

— Часы здесь ни при чем…

Вот прекрасная интродукция, которая рекомендуется всем в подобных случаях. Дальше уже легко. Можно прямо сказать:

— Ах да… Между прочим, я хотела у вас спросить, кто та дама… и т. д.

В приведенном примере дама намеренно создает коммуникативный сбой, используя ложное обвинение.

Рассказ «Разговор» (1927) представляет собой диалог, состоящий из некомментированных реплик. Перед нами не запрограммированная персонажем коммуникативная неудача, мотивированная свойствами языка, «собеседник реагирует не на основную функцию речевого акта, а на его фрагмент» [Ермакова, Земская 1993: 60]:

— А в каком бецирке (район, округ (от нем. — «bezirk») дешевле?

— Что?

— Я спрашиваю, в каком бецирке…

— Господи, да вы совсем по-русски говорить разучились. Ну, кто же говорит «в бецирке»!

— А как же по-русски?

— По-русски это называется арондисман (от фр. «arrondissement» — район, округ).

Лингвистический анализ коммуникативных неудач сквозь призму художественного текста имеет большое значение для исследования проблем речевой конфликтологии. Он дает возможность выявить особенности индивидуального стиля писателя. Изображение коммуникативных неудач — тот ракурс, который позволяет увидеть общее и различия в творчестве отечественных прозаиков, близких по духу Н. А. Тэффи, ее современников (А. П. Чехова, А. Т. Аверченко и др.), и писателей XXI в. (Д. В. Драгунского, А. А. Матвеевой, А. И. Слаповского и др.).

Литература

Ермакова О. А., Земская Е. А. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М.: Наука, 1993. С. 30–64.

Ильенко С. Г. Русистика: Избранные труды. СПб.: Изд-во Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена, 2003.

Речевая конфликтология: науч.-метод. пособие для вузов / отв. ред. М. Я. Дымарский. СПб.: Изд-во Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена, 2008.

Холод Светлана Ивановна

канд. филол. наук, профессор,
Тюменское высшее военно-инженерное командное училище
им. маршала инженерных войск А. И. Прошлякова;
holod10@mail.ru

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫХ ПРИЧАСТИЙ БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ

Ключевые слова: русская морфология, медиалингвистика, употребление грамматических форм, действительные причастия будущего времени.

В последние десятилетия в языке Рунета стали активно употребляться действительные причастия будущего времени: *заинтересующийся, пожелающий, сделающий, купящий, увидящий, придущий* и подобные.

Возрастающее количество новых форм свидетельствует о их востребованности в речи и обусловливает необходимость их всестороннего изучения.

Для исследования нами было отобрано 100 примеров употребления действительных причастий будущего времени в медиатекстах, найденных поисковой системой Яндекс (ya.ru). Анализируемые формы образованы от 45 общеупотребительных глаголов совершенного вида разных лексико-семантических групп: *взойти, возрасти, выйти, достичь, забрать, побить, повлиять, позволить, понять, попасть, преодолеть, потерять, проголосовать, связать, сберечь, собрать* и др.

Причастия будущего времени встречаются в медиатекстах различной тематики, стилевой и жанровой принадлежности, но наиболее часто, по нашим наблюдениям, они используются в новостях, рекламе, коротких сообщениях и комментариях на форумах, например (орфография и пунктуация в примерах из Интернета оставлена без изменений): 1) *Вышла в свет книга,* ***заинтересующая*** *педиатров, психиатров и психологов, которая не имеет аналогов (www.psy.piter.com);* 2) *Важный матч,* ***повлияющий*** *на распределение мест в верхней части турнирной таблицы состоится сегодня в рамках российского футбольного чемпионата (www.echo.msk.ru/news).*

Рассмотрим грамматические особенности употребления причастных форм.

В отобранном материале нами отмечено только два случая (соответственно 2 %) одиночного употребления действительных причастий будущего времени: 3) *Ворошиловский мост, уже сегодня в полтора раза перегруженный, явно не потянет* ***возрастущую*** *нагрузку… (www.temernik.ru);* 4) *Я вообще джентльмен ;) Можете смело отпускать Мелос, я ещё и* ***набегущих*** *тиранозавров отгоню. (www.squirrel-sid.ru/post99723308/page2.html).*

В подавляющем большинстве примеров употребления действительные причастия будущего времени имеют при себе зависимые слова, образуя вместе с ними причастные обороты, выступающие в роли согласованного (часто обособленного) определения, обозначая признаки субъектов или объектов действия, которые возникнут в будущем.

В 9 % случаев причастные обороты занимают препозитивную позицию по отношению к определяемому слову и при сохранении порядка слов не могут быть заменены придаточными определительными предложениями как альтернативным средством выражения мысли. При этом в 3 % случаев причастия стоят перед зависимыми словами и открывают обороты: 5) ***Выйдущие*** *уже в ближайшее время, технологические новинки будут уже восьмым поколением (http://www.nextgenconsoles.ru);* 6) *Представляем вашему вниманию свежую информацию о* ***выйдущем*** *этой осенью симуляторе PES 2012 (http://live-cs.ru/topics/109600/);* 7) *Дёрнув за верёвочку, подождите минутку:* ***прибегущего*** *вскоре к вам по лестнице врага очень удобно расстреливать из пистолета между её ступенек (www.sunhill.org/netrix/games-kingpin.html).*

Неначальную позицию в препозитивных оборотах занимают 6 % причастий, перед ними в предложениях стоят обстоятельства времени: 8) *В один миг тьма, посрамленная, отступает,*

бежит, сереет, прячет стыдливо лицо, уступает место песне вот-вот ***взойдущего*** *солнца, победной силе света (wap.hpfiction.borda.ru);* 9) *И в честь совсем скоро* ***придущего к*** *нам лета мы с вами сегодня будем говорить о пляжной моде (stellaclar.livejournal.com/21582.html);* 10) *Мы со всех ног помчались в вот-вот* ***закроющийся*** *магазин игрушек (www.diary.ru).*

Чаще всего (73 %) действительные причастия будущего времени стоят непосредственно после определяемого существительного и открывают постпозитивные обороты, которые легко могут заменяться придаточными определительными предложениями, например: 11) *Автобус уехал, а мы спустились с шоссе на ближайшую лужайку и приготовились терпеливо ждать благодетеля,* ***довезущего*** (= который довезёт) *нас до цивилизации (antoninkaya.livejournal.com/184830.html);* 12) *Думаю, что электромагнитного импульса,* ***выведущего*** (= который выведет) *всю электротехнику из строя, будет достаточно… (community.livejournal.com/mirnaiznanku/378320.html);* 13) *Решить проблему перевозки рабочих поможет новый, пятый мост,* ***свяжущий*** (= который свяжет*) самые южные кварталы с левым берегом (www.polit.magnitogorsk.ru);* 14) *Предлагается способ,* ***позволящий*** (= который позволит) *избежать неоднозначности интерпретации интерферограмм вблизи фронта ударной волны… (rrc.dgu.ru).*

В 18 % случаев причастия занимают неначальную позицию в постпозитивном обороте и имеют зависимые обстоятельства времени или образа действия, препятствующие замене оборота на придаточные определительные предложения, например: 15) *Картофель еще копают, а у кромки поля уже стоят в ожидании товара большегрузные машины, совсем скоро* ***повезущие*** *его потребителям в другие регионы страны (smi.astrobl.ru);* 16) *Я хочу постоянных отношений, плавно* ***перейдущих*** *в брак (www.rodim.ru/conference/index.php);* 17) *Этому предшествует очень ответственный подготовительный этап, существенно* ***повлияющий*** *на сроки сдачи объекта в целом (www.alternativa.org.ru).*

Таким образом, действительные причастия будущего времени чаще всего имеют зависимые слова и употребляются в составе постпозитивных причастных оборотов.

В связи с действием в современном русском языке закона экономии речевых средств новые формы получают всё большее распространение в письменной интернет-коммуникации, что свидетельствует о их стремлении к нормализации и закреплению в системе глагольного формообразования.

Цзян Тяньцзяо

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет;
st106728@student.spbu.ru

ЛЕКСИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МАРКИРОВАНИЯ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ В РУССКОЯЗЫЧНЫХ ИНТЕРНЕТ-ПУБЛИКАЦИЯХ О КИТАЕ

Ключевые слова: опосредованная эвиденциальность, медиадискурс, достоверность информации, синтаксическая структура.

В условиях стремительного развития цифровых медиа, которые играют решающую роль в формировании общественного мнения, исследование лингвистических маркеров эвиденциальности в текстах, освещающих события в Китае, становится одной из важнейших задач, так как в некоторых странах подобные публикации характеризуются повышенной субъективностью и политической предвзятостью. В этих условиях важно выявить в русскоязычных СМИ способы, с помощью которых морфологические и синтаксические средства влияют на восприятие достоверности этих источников.

Цель доклада — представить анализ лексико-синтаксических особенностей маркирования эвиденциальности в русскоязычных интернет-публикациях о Китае с акцентом на выявление различий в использовании маркеров в зависимости от тематики, целевой аудитории, лексики и синтаксической структуры. Особое внимание уделено тому, как синтаксические и морфологические средства (например, глаголы косвенной речи, типы предложений, вводные конструкции) влияют на восприятие достоверности информации в зависимости от целевой аудитории и тематической направленности публикаций.

Эвиденциальность, являясь центральной категорией в исследованиях модальности и прагматической семантики, определяется как система лексико-грамматических средств, фиксирующих отношение говорящего к источнику информации и степень уверенности в его достоверности. В контексте медиадискурса «ссылка на источник присутствует практически в каждом тексте, поскольку воздействие на читателя с целью вызвать доверие и склонить его на свою сторону является основной задачей журналиста» [Страхова 2016: 168]. Согласно Т. Н. Пермяковой, «говорящий, в том числе и журналист, в описании события определяет свою роль: либо непосредственного свидетеля, либо передатчика чужой информации» [Пермякова 2022: 186]. Это определяет осознанный выбор языковых средств для формирования доверия аудитории.

Анализ особенностей маркирования эвиденциальности методом лексико-синтаксического и сравнительного анализа проведен на материале публикаций «ЭКД!» и «ИноСМИ», двух российских сайтов, различных по целевой аудитории, тематике и подходу к освещению событий, связанных с Китаем, по синтаксическим и морфологическим способам маркирования эвиденциальности.

1. Для «ИноСМИ» характерно использование двусоставных предложений с точной номинацией информирующего субъекта, что способствует повышению авторитетности сообщения, например: «*Заморозка российских валютных резервов, вероятно, ударила больнее по США, чем по России,* ***пишет АТ***» (ИноСМИ. 11.01.2025) — точная номинация информирующего субъекта ***АТ*** направлена на создание впечатления объективности. В то же время в «ЭКД!» двусоставные предложения могут содержать неточное указание на информирующий субъект: ***Создатели новогоднего шоу сообщили*** *китайским СМИ, что программа находится на стадии постпродакшена…* (ЭКД! 27.01.2024).

2. Неопределенно-личные предложения используются для передачи информации, источником которой являются коллективные или неуказанные субъекты, например: ***В Китае*** *за два года* ***не смогли выяснить*** *причины крушения самолета China Eastern* (ЭКД! Новости Китая, 24.03.2024).

3. Безличные предложения (например, «***Сообщается**, что до гибели его три дня допрашивали по делу о коррупции, связанному с бывшим заместителем главы районного правительства города Ян Канчэна*» (ЭКД! 14.11.2023)) создают дистанцию между автором текста и представленным утверждением, снижая уровень категоричности и оставляя пространство для интерпретации.

4. Вводные конструкции, которые преобладают в текстах «ЭКД!» (*по данным кого / чего*, *как утверждают кто*) активно используются для создания эффекта косвенного доступа к информации, например: *«Как **сообщается**, Shandong Port Group запретила танкерам заходить в свои порты*» (ЭКД! 02.01.2025). Эти конструкции подчеркивают зависимость представленной информации от сторонних источников, что способствует снижению ее авторитетности: «***По данным Министерства коммерции КНР**, по состоянию на 6 декабря более 29,4 млн потребителей воспользовались субсидиями на покупку новой бытовой техники взамен старой*» (ЭКД! 11.12.2024). Такие предложения усиливают восприятие нейтральности и непрямой засвидетельствованности.

В исследуемых текстах синтаксис и морфология работают в тесной синергии, усиливая друг друга в создании маркеров эвиденциальности. Показатели непрямого доступа или «косвенной засвидетельствованности» тесно коррелируют с показателями эпистемической недостоверности, поскольку эвиденциальность, указывающая на источник, и эпистемическая модальность, отражающая степень уверенности в достоверности высказывания, являются взаимозависимыми компонентами восприятия информации [Демьянова 2024: 1393].

Анализ морфологических и синтаксических маркеров эвиденциальности в текстах о Китае открывает новые горизонты для исследований в области лингвистики и медиа-коммуникации.

Литература

Демьянова Т. В., Софронова И. В. Репрезентация категории косвенной эвиденциальности средствами стратегии уклонения в английском, русском, чувашском языках. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17, вып. 5. С. 1391–1397.

Пермякова Т. Н. Репрезентация категории эвиденциальности в современных медиатекстах // Векторы развития русистики и лингводидактики в контексте современного филологического образования: мат-лы II Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию ун-та, Астрахань, 27–28 октября 2022 г. Астрахань: Астрахан. гос. ун-т, 2022. С. 186–189.

Страхова В. С. Маркеры эвиденциальности в языке СМИ // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2016. № 6 (745). С. 165–174.

Чжао Тин

аспирант, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова;
zhaoting910@163.com

ФРАЗЕОСХЕМА КАК СРЕДСТВО АКТУАЛИЗАЦИИ АССОЦИАТИВНОЙ СЕМАНТИКИ ПРЕЦЕДЕНТНОГО ИМЕНИ (НА ПРИМЕРЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ *ПИТЕР ТАКОЙ ПИТЕР*)

Ключевые слова: ассоциативная семантика, актуализация, фразеосхема.

Тавтологическая фразеосхема N_1 *такие (-ой, -ая, -ое)* N_1 — явление, в основном, языка Интернета. Она встречается в блогах, постах, служит в качестве хештега, названия сообщества, заголовка поста, используется как подпись к фото, комментарий при обсуждении, то есть востребована в интернет-коммуникации, тяготеющей к экспрессии при экономии языковых средств. Фразеосхема находится на этапе семантизации, понимание ее значения всегда зависит от контекста, в том числе и от других кодов передачи информации (графических, интонационных, визуальных и пр.). «Основная функция данной фразеосхемы в речи — аксиологически категоризировать действительность» [Марьянчик, Попова 2023: 79]. Это оценочное высказывание, в котором объект оценки характеризуется как проявляющий типичные, ожидаемые от него признаки. Экспрессивность конструкции обнаруживается в том, что она не выражает положительную или отрицательную оценку. Имплицируя оценку, автор, с одной стороны, сохраняет коммуникативную дистанцию с объектом оценки, избегая ее прямого выражения, с другой стороны, рассчитывает на общность картины мира с адресатом текста, совпадения фоновых знаний, ассоциаций.

Переменный компонент фразеосхемы N_1 представлен различными существительными, в том числе и прецедентными именами собственными. Когнитивная лингвистика рассматривает прецедентное имя как концепт, имеющий сложную гештальтную структуру. Исследователи отмечают невозможность представить полный набор признаков прецедентного имени. Поскольку имена собственные лишены оценочной семантики, для понимания концептуального признака, положенного в основание оценки, необходима актуализация ассоциативной семантики. Анализируемую фразеосхему, не выражающую оценочную семантику вне контекста или ситуации, мы рассматриваем как средство актуализации ассоциативных и оценочных значений концепта.

Рассмотрим это на примере высказывания *Питер такой Питер*.

Топоним обнаруживает прецедентность в том случае, когда используется не столько для обозначения географического объекта, сколько «в качестве своего рода культурного знака, символа определенных качеств, исторических событий, судеб» [Левина 2016: 115]. Неофициальный топоним Питер, несомненно, относится к прецедентным именам. Во фразеосхеме имя собственное используется в референтном значении в позиции первого компонента (именно как название города) и в прецедентном значении в позиции второго компонента. Конструкция является синтаксически расчлененной, поскольку прецедентное имя собственное в сочетании с местоимением такой выступает в роли предицирующего компонента. Фактором понимания является ассоциативная семантика прецедентного имени, актуализируемая данной фразеосхемой.

В Генеральном интернет-корпусе русского языка (ГИКРЯ) (www.webcorpora.ru) найдено 45 контекстов при заданном поиске *Питер такой Питер*. При анализе признаков концепта «Питер» мы учитывали контекст, а также (при наличии) графическое оформление и фото. Были выявлены наиболее частотные признаки концепта «Питер», актуализируемые фразеосхемой.

1. Погода (дождливая, ветреная, переменчивая и пр.): *…дождь снег мне хлещет прям в лицо (Питер такой Питер), но я всё равно безумно счастлива; …вчера не замерз и не промок только самый предупредительный, кто всегда носит с собой зонт и дождевик, наверное :-) Питер такой Питер.* Это свойство обусловлено географическим положением города, природными призна-

ками. Погода — это один из постоянных стереотипных ассоциатов ассоциативного поля *Петербург / Питер*.

2. Архитектура (дворцы, дома, мосты, скульптура и пр.): *я люблю этот город. Зонтики на балконе под самой крышей. Питер такой Питер. Питерские крыши. Исаакий в лесах. Гостиница «Англетер»; …ноги стёрла в мяско, зато наконец-то посмотрела развод мостов. Питер такой Питер. По-прежнему мечтаю заехать туда на «пожить».* Данный ассоциативный признак оценивается чаще всего положительно, что проявляется в оценочной лексике (*люблю, скучаю, любимый, прекрасный* и др.).

3. Культура (искусство, музеи, театры, Эрмитаж, культурная жизнь города, культура поведения горожан)*: Питер такой Питер. Весь город был там, чтобы поздравить с юбилеем Эрмитаж.* Как видим, устойчивое выражение «культурная столица» не утрачивает своей значимости, однако вектор оценки может быть различным, что проявляется в шутливой или иронической тональности. В некоторых случаях отмечается распространенность имени собственного прилагательным: *Книжный Питер такой Питер;* и др.

Рассмотренные признаки относятся к наиболее устойчивым, стереотипным характеристикам концепта «Питер». Современная история и жизнь города расширяют ассоциативное поле данного концепта. Так, например, подпись к фото «*Питер такой Питер*» актуализирует особое отношение жителей города к кошкам. Визуальная информация предоставляет возможность не только соединить вербальный язык с изображением, но и интерпретировать смысл фразеосхемы. В целом, адекватность понимания при актуализации лингвокультурологических концептов зависит от совпадения понятийной, оценочной и ассоциативной зон сознания автора и адресата, а также обусловлена многослойностью и гештальтной структурой такого рода концептов.

Литература

Левина Э. М. Может ли быть прецедентным топоним? // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 4-2 (58). С. 115–119.

Марьянчик В. А., Попова Л. В. Блогеры такие блогеры, или О новой фразеосхеме в русском языке // Русская речь. 2023. № 2. С. 70–82.

Черняк В. Д. Концепт “Петербург” в современном политическом дискурсе // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. 2004. № 12. С. 139–148.

Ганиев Сеймур Аббас Оглы

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет;
st123128@student.spbu.ru

СЛОВО *НЕКОГДА* В РУССКИХ ТЕКСТАХ XVII–XVIII вв. (НА МАТЕРИАЛЕ НКРЯ И СЛОВАРЕЙ)

Ключевые слова: история русского языка, Национальный корпус русского языка, неопределенные местоимения, отрицательные местоимения, семантика.

В современном русском языке местоименное наречие *некогда* способно выражать два значения — отрицательное и значение неопределенности. В словарях современного русского языка неопределенное и отрицательное *некогда* подаются в двух отдельных статьях:

> *Некогда* 1, наречие в значении сказуемого. ‘Нет свободного времени’.
> *Некогда* 2, наречие. 1. ‘Когда-то, давно, в прошлом’. 2. Устаревшее. ‘Когда-нибудь в будущем’ [МАС 1999, т. II: 450].
> *Некогда* 1, в значении сказуемого. ‘Нет свободного времени’. Употребляется с неопределенной формой глагола.
> *Некогда* 2, местоименное наречие, книжное. ‘В отдаленном прошлом, давно, когда-то’ [Ожегов, Шведова 2006: 407].

Как видно, обоими словарями усматривается омонимия. Заметим, что в [Ожегов, Шведова 2006: 407] неопределенное *некогда* имеет помету *книжн.*, что, безусловно, справедливо для современного русского языка. Кроме того, в [МАС 1999, т. II: 450] отмечается в числе неопределенных значение ‘когда-нибудь в будущем’ с пометой *устар.*, а в словаре Ожегова это значение не указывается.

Отдельные статьи дают для неопределенного и отрицательного *некогда* (*нѣкогда*) и исторические словари:

> *Нѣкогда* (*не-*, также раздельно), наречие. 1. ‘Когда-то, в прошлом’. 2. ‘Когда-нибудь, в будущем’. 3. ‘Иногда’.
> *Некогда* (*нѣ-, -ды,* также раздельно) (просторечное) и (простонародное) *Неколи* (*нѣ-*), безличный предикат. ‘Нет, не было, не будет времени’ [СлРЯ XVIII, 15: 206].
> *Некогда*, отрицательное наречие. ‘Никогда’.
> *Нѣкогда* (*Некъгда*), неопределенное наречие. 1. ‘Некогда, когда-то’. 2. ‘Однажды, как-то, как-то раз’. 3. ‘Иногда’. 4. ‘Когда-нибудь’ [СлРЯ XI–XVII, 11: 152].

В подкорпусе XVII в. неопределенное *некогда* представлено следующими значениями.
1. ‘когда-то’:

> *Ты даждь ми слово во отверзение устъ моих, иже Отчее единородное Слово, и содѣйствуй ми силою креста твоего, якоже* ***нѣкогда*** *немому повелѣ глаголати и глухому слышати* (Повесть о Марфе и Марии, первая половина XVII в.);
> *Отнюду же познати мощно, яко живяху тамо* ***некогда*** *греки, италиане и генуенсы с половцы.* (А. Лызлов. Скифская история. 1692 г.).

2. ‘однажды’, ‘как-то’, ‘как-то раз’:

Руководители секции: Т. В. Рождественская, М. Б. Попов.

Нѣкогда *жъ Карача собрався со многими своими Татары и Остяки і Вогуличи и поиде противу царя Кучюма* (Строгановская летопись по Толстовскому списку, 1630–1640 г.);

І пріиде подъ него ***некогда*** *еще князь бесерменъскій Сеидекъ с сибирскимъ множествомъ воінства, хотя его взяти, і облегоша градъ* (Строгановская летопись в сокращении по Афанасьевскому списку, 1630–1640 г.).

Источники

МАС — Словарь русского языка (Малый академический словарь) Словарь русского языка (Малый академический словарь): в 4 т. Т. II: К—О / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

Ожегов, Шведова 2006 — *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: А ТЕМП, 2006.

СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; редкол.: С. Г. Бархударов (отв. ред.) [и др.]. М.: Наука, 1975–2019. Вып. 1–31.

СлРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; гл. ред.: Ю. С. Сорокин. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984–1991. Вып. 1–6; СПб.: Наука. С.-Петерб. отд-ние, 1992–2011. Вып. 7–19.

Духанина Александра Владимировна

канд. филол. наук, ст. научный сотрудник, Институт российской истории РАН;
sakhara@yandex.ru

ЧУДЕСА В АГИОГРАФИИ И ГИМНОГРАФИИ СТЕФАНА ПЕРМСКОГО

Ключевые слова: Стефан Пермский, Житие Стефана Пермского, Повесть о Стефане Пермском, Акафист Стефану Пермскому, чудеса.

Повествование о чудесах — важный элемент агиобиографии святого, при этом в агиографии и гимнографии каждого подвижника он представлен по-разному, что определяется целым рядом факторов: типом святости, особенностями биографии, спецификой формирования и развития почитания, влиянием культурных тенденций на определенных этапах, наконец, взаимодействием текстов. Изучение изменений сюжетов о чудесах в рукописной и старопечатной традициях сочинений о святых пополняет наши знания и об истории их почитания, и о процессах в русской книжной культуре.

В посвященной Стефану Пермскому книжной традиции, развивающейся с начала XV в., история «чудесной» составляющей очень своеобразна.

Агиография Стефана Пермского начинается «Словом о Стефане, бывшем епископе, иже в Перми», написанным вскоре после кончины святителя, видимо, в самом начале XV в. его современником Епифанием Премудрым. Эта первоначальная редакция Жития Стефана Пермского лежит в основе всей последующей книжной традиции, обращающейся к его личности. Основной темой епифаниевского сочинения стал равноапостольный подвиг Стефана, крестившего языческий народ — пермян (предков современных коми-зырян) и создавшего для этого пермскую письменность. Чудес же это произведение не содержит вовсе. И эта особенность перешла в богослужебные тексты о Стефане. Оформление церковного почитания святителя произошло только в начале 70-х гг. XV в., когда по заказу пермского епископа Филофея сербский книжник Пахомий написал Службу Стефану Пермскому и первое проложное Житие, помещенное в Службе после шестой песни канона. Эти пахомиевские сочинения опираются на епифаниевское Житие, так что ни в Службе, ни в проложной редакции Жития чудеса святителя не упоминаются. В итоге центральная агиографическая и гимнографическая традиции, посвященные Стефану Пермскому, оказались лишены «чудесной» составляющей на раннем этапе.

В то же время развитие почитания Стефана Пермского характеризуется такой особенностью, как наличие местных центров, где уже в ранний период формировались свои сюжеты, связанные со святителем, в том числе повествующие о его чудесах. Один из таких центров — Троице-Сергиев монастырь, где появился сюжет о взаимном приветствии на расстоянии Стефана Пермского и Сергия Радонежского во время поездки первого из Перми в Москву. Первое известное нам оформление этого сюжета принадлежит Пахомию Сербу и читается в виде отдельной главы в его редакциях Жития Сергия Радонежского уже в 40-е гг. XV в. Развитие почитания Стефана Пермского, которое выходит на общерусский уровень к концу XV в., привело впоследствии к перемещению этого сюжета в агиографию Стефана.

Вторым местным центром почитания Стефана Пермского была Усть-Вымь, владычный городок, основанный им и ставший центром христианизации пермских земель. Здесь в среде местного духовенства формировались церковные легенды о деятельности святителя. На их раннее появление указывает иконография: на костяных пластинах легендарного посоха Стефана Пермского, созданных в 60-е гг. XV в., вырезаны сюжеты о его житии, среди которых есть чудеса: об ослеплении пермян-язычников, о бесе, пытавшемся потопить святого. В записи эти тексты от раннего этапа не известны.

С распространением почитания Стефана Пермского в конце XV в. он оказывается в ряду русских святых, которые воспринимаются прежде всего как «новые чудотворцы». Но в существовавших текстах эта сторона деятельности Стефана Пермского не была выражена. И это упущение начинает так или иначе исправляться. Если признать, что Минейная редакция Жи-

тия Арсения Тверского была составлена в 80-е гг. XV в., то это первый известный нам текст, где упоминается о чудесах Стефана — в перечне иерархов, во главе с митрополитом Киприаном посетивших Тверь, он прямо называется «иже в чудесех просиявшим». Под влиянием этого уже в Особой редакции Жития Стефана Пермского, созданной не ранее конца XV в. и не позднее третьей четверти XVI в., появляются два чуда: одно было «придумано» на основе епифаниевского текста, а другое взято из Жития Сергия Радонежского. Контаминированная редакция Жития Стефана Пермского, возникшая в первой половине XVI в., завершается упоминанием о совместном чуде Стефана и Сергия. В Сокращенной Проложной редакции, составленной на основе Пахомиевской и известной в единственном списке начала XVII в., вводится упоминание о чудесах Стефана: «и многа чюдеса содея». В гимнографии этот процесс находит отражение в Акафисте, который был составлен в самом конце XVIII в. Иоанном Алексеевым, священником кремлевского Спасо-Преображенского собора, где Стефан был похоронен, — каждый его икос завершается фразой: «Радуйся, Стефане, великий чудотворче», а в тексте упоминается совместное чудо с Сергием Радонежским и даются ссылки на другие чудеса, основанные на епифаниевском тексте.

Книжная усть-вымская традиция объединяет центральную агиографическую традицию с местной, передавая чудеса Стефана Пермского во время его проповеди в пермских землях (об ослеплении язычников-пермян, о умножении пищи, о «прокудливой» березе). Однако отражающие ее Повесть о Стефане Пермском и Вычегодско-Вымская летопись известны в поздних списках (Повесть — не ранее XVIII в.; летопись — в копии начала XX в.) и на центральную традицию до XIX в. влияния не оказали.

Таким образом, сюжеты и упоминания о чудесах в агиографии и гимнографии Стефана Пермского немногочисленны, в центральной традиции они по большей части оказываются позднейшими книжными конструктами, и лишь в усть-вымской традиции они отражают местные церковные легенды. При этом речь идет только о прижизненных чудесах — посмертных чудес Стефана Пермского не зафиксировано.

Житенева Анна Михайловна

канд. ист. наук, доцент, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ТОПОГРАФИИ ТЕКСТА ДВУХ СПИСКОВ ОПАСНОЙ ГРАМОТЫ НОВГОРОДА ЛЮБЕКУ, ГОТСКОМУ БЕРЕГУ И РИГЕ 1301/02 г.

Ключевые слова: палеография, топография текста, ГВНП, пергаменная грамота.

В процессе палеографического исследования не всегда уделяется должное внимание топографии текста (особенностям расположения текста на предназначенной для него поверхности), однако именно особенности графической композиции письменного источника могут дать дополнительную информацию, важную для дальнейшего комплексного историко-филологического исследования.

Ярким примером значимых особенностей топографии текста может служить Опасная грамота Новгорода Любеку, Готскому берегу и Риге о предоставлении немецким купцам сухопутного и водного путей (№ 34 по [ГВНП 1949: 63–64] и № 9 по [Янин 1990: 86]). Известны два пергаменных подлинника грамоты: Любекский подлинник, полученный послом Иваном Белым (Johannes Albus de Lubeke), в настоящее время хранящийся в ОР РГБ ф. 256, д. 43, 1), и Рижский подлинник, врученный новгородцами послу Риги Гинриху Хольсте (Hinricus Holste de Riga, в тексте грамоты — «Инчя Олчять из Ригы»), находящийся в Латвийском государственном историческом архиве (LVVA ф. 673, оп. 4, ящ. 18, д. 13). Третий подлинник, доставленный в начале XIV в. на о. Готланд послом Адамом (Adam de Gotlandis, согласно тексту грамоты — «Адам с Гочкого берега»), по-видимому, не сохранился до наших дней. Текст обоих подлинников написан одним писцом, который, судя по степени выработанности почерка и последовательному использованию графических и графико-орфографических элементов, характерных для каллиграфического устава и книжного типа письма в целом [Житенева 2007: 324–325], был опытным профессионалом.

Текст подлинников идентичен, что соответствует ситуации четырехстороннего соглашения, согласно которому любекские, готландские и рижские купцы получали от новгородцев одинаковые логистические гарантии безопасности. Однако существует и одно привлекающее внимание разночтение: в Любекском варианте подлинника пропущено слово «всех» в описании объема посольских полномочий иностранных представителей («Се приеха Иван Белый из Любка, Адам с Гочкого берега, Инчя Олчять из Ригы от своей братии **от своих купечь** латиньского языка» — экз. РГБ, строки 2–5, но «Се приеха Иван Белый из Любка, Адам с Гочкого берега, Инчя Олчять из Ригы от своей братии **от всех купечь своих** латиньского языка» — экз. LVVA, строки 2–6). Объяснить наличие этого разночтения ошибкой невнимательного писца мешает детальный анализ топографии и графико-орфографических особенностей текста обоих документов. В любекском экземпляре писец последовательно, начиная с первой строки, использует различные приемы «растяжения» текста, позволяющие замаскировать чуть меньший графический объем текста документа, получившийся из-за пропуска пятибуквенного слова «всехъ». В первой строке любекской грамоты последние две буквы имени новгородского «посадника Смена» переносятся на следующую строку, несмотря на наличие свободного места на пергамене; предлог «из» в третьей строке написан с редуцированным, в отличие от рижского экземпляра, где редуцированный пропущен; в седьмой строке текста обоих документов присутствует слово «четвертыи», но графико-орфографический облик слова разнится: в любекском экземпляре дважды использован неэтимологический «ять», что, учитывая высокую квалификацию писца и последовательно используемую им графико-орфографическую, систему сложно объяснить произвольной вариативностью — очевидно, что для пишущего было допустимо использование «е» и «ятя» как дублетных графем (что не противоречит фонетической ситуации для древненовгородского диалекта рубежа XIII–XIV вв.), причем «ять» играл в этой паре роль более широкого графического эквивалента. Аналогичный прием замены в рамках пар графем «и/і», «омега/о» и др. нередко применялся писцами для коррекции длины строки/текста в усло-

виях дефицита места, когда вместо более широкого графического варианта использовался его более экономный графический эквивалент; обратная замена — использование более широкого графического варианта вместо более узкого — редка в силу нечастого возникновения необходимости заполнения свободного пространства, визуального «растяжения» текста). Благодаря умелому обращению с топографией, графикой и орфографией текста писец добивается своей цели: тексты обоих документов содержат одинаковое количество строк, в начале и в финале полностью идентичны и, несмотря на разное количество суммы строчных графем (400 в рижском экземпляре и 396 в любекском) из-за лишь отчасти компенсированного пропуска одного слова, производят впечатление полностью идентичных текстов, что в ситуации документального подтверждения четырехстороннего дипломатического соглашения имело большое значение. Конечно, отдельный интерес представляет причина пропуска слова «всех» в описательной характеристике посольских полномочий в любекском экземпляре документа. Возможно, дальнейшее исследование историко-юридического контекста ситуации позволит получить убедительные объяснения, пока же можно только догадываться, относился ли этот пропуск к дипломатическим тонкостям или же новгородцы аккуратно подстраховывались в юридическом смысле, не гарантируя всем без исключения любекским купцам льготы, описанные в опасной грамоте, в то время как в рижском экземпляре гарантии распространялись на всю совокупность представителей.

Проанализированный случай демонстрирует эффективность инструментов палеографического анализа в целом и анализа особенностей топографии текста в частности для дальнейшего историко-филологического исследования средневекового письменного источника.

Литература

Грамоты Великого Новгорода и Пскова / под ред. С. Н. Валка. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1949.

Житенева А. М. О классификации эпиграфических источников // Вестник молодых ученых «Ломоносов». Вып. III. М.: МАКС Пресс, 2007. С. 321–328.

Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М.: Наука, 1990.

Иордани Наталья Павловна

мл. научный сотрудник, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН;
iordani.natasha@yandex.ru

ГЛАГОЛЬНЫЕ ФОРМЫ, ВЫРАЖАЮЩИЕ СЕМАНТИКУ ПОБУЖДЕНИЯ, В ГРАМОТКАХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в.

Ключевые слова: грамматическая семантика, семантика побуждения, старорусский бытовые источники, источниковедение.

Старорусские грамотки представляют собой частную переписку родственников или хорошо знакомых людей: они посвящены хозяйственным заботам и содержат сообщения о судьбах близких, обсуждение различных житейских обстоятельств. Такого рода тексты составлялись в произвольной форме и, в отличие от источников, принадлежащих деловой письменности, не имели жестко закрепленной структуры за исключением клише, воспроизводимых в начальной и завершительной частях [Котков 1972: 283].

В рамках доклада будет рассмотрена переписка стольника Андрея Ильича Безобразова с женой и приказчиками, управлявшими его обширными землями в Дмитровском, Кашинском, Серпуховском и других уездах (далее — **Арх. Безобразова I** и **II**). А. И. Безобразов испытывал стесненность в денежных средствах, поэтому всячески стремился получить доход от своего хозяйства, о чем свидетельствуют многочисленные и подробные распоряжения стольника. Следовательно, в этих источниках широко представлены средства, выражающие семантику побуждения.

Нужно отметить, что в грамотках выражаются разные семантические подтипы императивного значения, как их называет В. Ю. Гусев [Гусев 2005], или частные семантические интерпретации императивного значения в терминах В. С. Храковского и А. П. Володина [Храковский, Володин 2002] — *приказ* и *просьба*.

Интересно, что распределение языковых средств в грамотках, содержащих *просьбы* и *приказы*, одинаково: основной глагольной формой, выражающей эти семантические подтипы императивного значения в интересующих нас источниках, является повелительное наклонение (более 500 примеров). Приведем несколько примеров:

(1) Приказ (грамотка А. И. Безобразова жене А. В. Безобразовой): и *ты их* ***вели*** *перед собою обеих поставить и те мои пис<ь>ма* ***вели*** *перед собою обеим прочесть, а* ***застав<ь>*** *иново ково прочесть;* ***не учини*** *тово, что перед собою их не поставит<ь> и тово пис<ь>ма им не прочесть. И то пис<ь>мо прочетчи им* ***отдаи****. А плута и бездушника и ссоршика Мишки Антипова ни в чем и* ***не слушаи****, что он ни говарит*. Арх. Безобразова I № 417 (1689).

(2) Просьба (грамотка старосты А. Белогубова стольнику А. И. Безобразову): ***умилостивится****, г(о)с(у)д(а)ри,* ***унимите*** *его, а нам с ним делать нечева… Да* ***пожалуите****, г(о)с(у)д(а)ри,* ***переменит*****е** *меня с староства. А каму* ***изволите*** *старостои быть, тому* ***пришлите*** *и грамоту*. Арх. Безобразова I № 680 (1682).

В грамотках в побудительном значении также употребляется инфинитив с частицей ***бы***, оформляя как *просьбы*, так и *приказы*, но значительно уступает по частотности формам императива (85 примеров). Например:

(3) Приказ (грамота стольника А. И. Безобразова приказчику А. Казакову): *да* ***завесть бы*** *тебѣ в Заваловои сад и* ***насадит<ь> бы*** *тебѣ побол<ь>ши яблонеи и вишен*. Арх. Безобразова II № 383 (1681);

(4) Просьба (грамота старосты С. Федорова стольнику А. И. Безобразову): и *тобѣ* ***б****, г(о)с(у)д(а)рь,* ***пожаловат(ь)*** *ево не* ***вѣлѣт(ь)*** *домои спущат(ь), покамест работа твоя боярскоя буде, против прежних лѣт ради смуты.* Арх. Безобразова I № 697 (1674).

Если говорить о распределении форм повелительного наклонения и инфинитивной конструкции с частицей ***бы***, то они свободно сосуществуют в пределах одного текста:

(5) *Поѣхал к Москвѣ Помѣснова приказу под(ь)ячеи Григоре[и] Сидоров с(ы)н Рудин, и ты* ***вели*** *ево перед себя пустит(ь), он тебѣ про все раскажет.* ***Прислат(ь) бы*** *пят(ь)десят авчин дѣловых, которыя побол(ь)ши и пошерстняе, или хотя и бол(ь)ши пришли авчин.* ***Прислат(ь) бы*** *тебѣ масла палыннова золотников десят(ь) от болезнеи.* Арх. Безобразова I № 401 (1689);

(6) *Ему* ***побеи челом*** *и* ***рас[ка]жи*** *ему про все, чтоб он известил и побил челом свет[еи] шему потриарху, погаваря бы с митраполитам с ка[зан]ским, что я от воеводы страждуи стаю на л(ь)ду та[пер]ва в стругах и от нево разарен и разграбл[ен]. Про все* ***бы*** *про то* ***известила****.* Арх. Безобразова I № 402 (1689).

В грамотках также встречаются инфинитив с частицей ***бы*** и формы повелительного наклонения, образованные от одних и тех же глаголов, например:

(7) Инфинитив + ***бы***: и *будет о чом тебе станет говорит(ь), и тебе* ***б*** *наипаче моих дѣл* ***ходит(ь) бы*** *тебе за их делом, потому что они всякое благоденствия учинили и не ознабили меня.* Арх. Безобразова I № 415 (1689);

(8) Императив: *вы промеж собою бранитес(ь), а мои дела в вашеи брани пропадают.* ***Ходи*** *себѣ за моими делами неоплошно.* Арх. Безобразова II № 408 (1681).

Формы сослагательного наклонения в побудительном значении практически не встречаются: основной объем их употребления приходится на придаточные предложения разных типов. Так, в переписке стольника А. И. Безобразова было обнаружено всего пять примеров независимого употребления сослагательного наклонения для выражения семантики побуждения. Например:

(9) *Хто Григореи, чеи с<ы>н и чеи словет, и ты* ***бы*** *именно* ***написал***. Арх. Безобразова II № 570 (1687);

Таким образом, опираясь на данные, полученные при анализе грамоток, можно заключить, что побуждение в них выражалось с помощью специализированной глагольной формы — повелительного наклонения, в то время как другие языковые единицы, также способные реализовывать эту семантику, занимали периферийное положение.

Литература

Архив стольника Андрея Ильича Безобразова. Ч. I. М.: Памятники исторической мысли, 2012.

Архив стольника Андрея Ильича Безобразова. Ч. II. М.: Памятники исторической мысли, 2013.

Гусев В. Ю. Типология специализированных глагольных форм императива: дис. … канд. филол. наук. М., 2005.

Храковский В. С., Володин А. П. Семантика и типология императива: Русский императив. М.: Едиториал УРСС, 2002.

Караваева Полина Юрьевна

канд. филол. наук, доцент,
Государственный академический университет гуманитарных наук;
ikaravaeva30@yandex.ru

РЕДКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ГРЕЦИЗМЫ В ПЕРЕВОДНОЙ АГИОГРАФИИ АФОНО-ТЫРНОВСКОГО КРУГА

Ключевые слова: афоно-тырновская книжная справа, переводные жития, лексические грецизмы.

Настоящее исследование посвящено описанию семантики редких лексических грецизмов, обнаруженных в переводных славянских агиографических источниках, созданных в эпоху расцвета афоно-тырновской книжной справы: житиях Св. Афанасия Афонского (далее — ЖАА), Св. Онуфрия Великого Пустынника (далее — ЖОВ) и Св. Григория Синаита (далее — ЖГС).

Яркие лингвистические особенности изучаемых житий свидетельствуют об их принадлежности к корпусу новых славянских переводов конца XIII — XIV вв. Так, перевод ЖАА был выполнен на Афоне в конце XIII в. монахом-болгарином, перевод ЖОВ был создан в третьей четверти XIV в. в кругу будущего болгарского патриарха Св. Евфимия Тырновского, а ЖГС было переведено на славянский язык в Парории в третьей четверти XIV в. вместе со сборником сочинений Св. Григория Синаита.

Языку этих памятников письменности, появившихся в славяно-греческой контактной зоне, присуще употребление древних и новых лексических грецизмов (анеѱеи, пиръгъ, солинарь, колиба, красѡволъ, лекань), вторичных лексических грецизмов (στέμμα — нов. стема при древ. вѣньць), гибридных греко-славянских образований (ката-дневныи — καθη-μερινός), а также не описанных в словарях редких греческих заимствований.

Изучение списков ЖАА (НБКМ 307), ЖОВ (ТСЛ 39) и ЖГС (Zogr. 214), наиболее близких к архетипам переводов, позволило нам обнаружить наряду с общеизвестными лексическими грецизмами несколько редких: лимнъ, фарсїиикарїи, китра, родїа, зинзифи, мерсины и какогеръ.

Так, в ЖАА встретилось не отмеченное в славянских исторических словарях уникальное заимствование из греческого — *лимнъ*. Обратим внимание, что слово *лимнъ* только материально сходно с общеизвестным *лимѣнъ*. Подтверждением этому служит и тот факт, в славянском переводе ЖАА засвидетельствована последовательная передача греческого λιμένιον (< λιμήν ‘гавань’) как *пристанище*: л. 32 безь пристанища — ἀλίμενος; л. 32 въ пристанищи — ἐν τῷ λιμένι. И такая передача λιμένιον полностью соответствует языковой норме новых болгарских и сербских переводов, выполненных в афонских и константинопольских обителях в конце XIII–XIV вв. (на фоне *лимѣнъ* в восточнославянских переводах).

В то же время в ЖАА засвидетельствован лексикографически не описанный грецизм *лимнъ*: Ἐπεὶ δὲ καὶ οἱ μοναχοὶ τοῦ ὄρους ᾐτήσαντο τὸν πατέρα ἀξιῶσαι τὸν βασιλέα περὶ τοῦ ναοῦ τῶν Καρεῶν, τοῦ τυπωθῆναι καὶ τούτῳ παροχὴν σολεμνίου(1), ὑπήκουσε καὶ ἠξίωσε, καὶ προσετέθησαν τῷ παλαιῷ σολεμνίῳ(2) τῶν τριῶν λιτρῶν ἕτεραι λίτραι τέσσαρες (VITA B) — Елма же и мниси стыѫ горы молишѫ ѡца оумолити црѣ о цркви кареистѣи. вьѡбразитисѧ и сеи данъ въ лимнѣ(1), послоуша и оумоли и прилѡжишѫсѧ ветхѡмоу лимноу(2) трїе литрамъ, дроугыѫ лїтръı ·д· (НБКМ 307, л. 31 об.). Сличение славянского перевода с оригиналом ЖАА показывает, что с помощью *лимнъ* передано слово σολέμνιος (а не λιμένιον), в большинстве исторических словарей греческого языка не описанное. Анализируемое слово было обнаружено нами только в трех словарях среднегреческого языка: в «Словаре греческого языка римского и византийского периодов (с 146 г. до н. э. до 1100 г.)» Софоклиса [Sophocles 1992: 1000], в словаре Мерсиуса [Meursius 1614: 513–514] и в словаре Дюканжа [Du Cange 1688: 1405–1406]. Как удалось установить, в ЖАА встретилось позднее заимствование из среднелатинского языка (σολέμνιος < sollemnis), впоследствии сохранившее в среднегреческом языке значение ‘пожертвование императора церкви, как правило, по торжественному случаю’. В ЖАА также засвидетельствован единичный

пример употребления однокоренного грецизма-прилагательного *лименъскыи*: ἐδωρήθη γὰρ τῇ μονῇ παρὰ τοῦ βασιλέως Ἰωάννου διὰ χρυσοβούλου δωρεᾶς σολεμνίου ποσότης [‘в количестве’] διακοσίων τεσσαρακοντατεσσάρων χρυσίνων (VITA B) — Даρѡва бо сѧ монастїрю ѿ црѣ іѡанна съ хрїсѡвѹлѡмъ даръ, лименъское мѣсто, смд·мъ златникомъ (л. 34). При помощи *лименъскыи* передано то же слово первоисточника (σολέμνιος), в то время как существительное *мѣсто* не находит прямого соответствия в греческом оригинале. Все известные старорусские списки ЖАА Первой редакции XV–XVII вв. последовательно сохраняют этот редкий лексический грецизм.

Обращение к историческим словарям среднегреческого языка позволило нам установить и значение редких грецизмов, засвидетельствованных в ЖОВ: фарсїиикарїи (л. 134 об.), китръ (л. 152), родїа (л. 152), зинзифи (л. 134 об.), мерсина (л. 152 об.). В том числе удалось выяснить, что слово «зинзифи» (греч. ζίζυφον) имеет значение ‘унаби’, или ‘зизифус настоящий, принадлежащий к семеству крушиновых’, а не ‘алтей’ из семейства мальвовых («зензеверъ»), как предполагалось ранее.

В славянском переводе ЖГС в соответствии с κακό-γηρος (κακόγηρον ἀποκαλῶν) оригинала нам встретилось существительное «какогеръ». Сопоставление данных лексикографических источников позволило сделать вывод о том, что оно имеет значение ‘многогрешный старик’. Впоследствии слово было обнаружено нами и в оригинальном агиографическом тексте, созданном Св. Евфимием Тырновским — Житии Св. Иоанна Рыльского.

Настоящее исследование позволяет увидеть, что изучение семантики редких лексических грецизмов на материале переводной агиографии афоно-тырновского круга представляется важным для всестороннего описания лексической нормы новых славянских переводов и правленых редакций.

Литература

Du Cange Ch. Glossarium ad Scriptores Mediae et Infimae Graecitatis. In 2 vols. Lugduni, 1688. 691 p. Vol. 1; 581 p. Vol. 2.

Meursius J. Ioannis Meursii Glossarium graeco-barbarum. Lugduni Batavorum, 1614.

Sophocles E. A. Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods (from B. C. 146 to A. D. 1100). New York: Charles Scribner’s Sons, 1992 (reprint).

Люстров Михаил Николаевич

д-р филол. наук, профессор, Институт мировой литературы им. Горького РАН

"ALPHABETUM MUSCOVITARUM" В ТРАКТАТЕ ЮХАНА БУРЕУСА "ANTIQUITATES SCANZIANAE"

Ключевые слова: Юхан Буреус, руны, кириллица, авары.

Юхан Буреус (1568–1652) — шведский антиквар, поэт, учитель короля Густава II Адольфа, «отец шведской грамматики», автор мистического исследования «Адульруна», в котором выявлял скрытый смысл рун. Положения доктрины были впервые сформулированы Буреусом в труде "Antiquitates Scanzianae" (1610-е гг.) и развиты в "Adulruna rediviva" (1640-е гг., существует семь версий на латинском и шведском языках) [Lindroth 1975: 160].

Во все указанные рукописи включен раздел, получивший название "Quadriliterum", "Tetra grammaton" или "Nominis Dei resolution seu Tetragrammaton" (тетраграмматон — четырехбуквенное имя Бога). В латинских вариантах труда слово Богъ объявлено «московитским», в шведской — «русским». В "Adulruna rediviva" московитско-русская тема этим разделом исчерпывается, в "Antiquitates Scanzianae", кроме прочего, трижды упоминается «алфавит московитов». В разделе "Adelrunici clypei quinarius penetralis seu Adelruna rediviva de quinque Alphabeti sacri dispositionibus" представлены буквы пять алфавитов: 1) «халдеев, сирийцев»; 2) арабов; 3) «эфиопов, индийцев»; 4) армян; 5) «московитов».

Название букв всех перечисленных алфавитов Буреус транслитерирует с указанием источника сведений. Так, информацию об алфавите эфиопов-индийцев он почерпнул из «индийской псалтири» и труда французского мистика и каббалиста Гийома Постеля (1510–1581) "Linguarum duodecim characteribus differentium alphabetum" (1538), об армянском алфавите — из книги итальянского исследователя сирийского и армянского языков, последователя христианской каббалы (созданной Пико делла Мирандолой) Тезео Амброджо (1469 — ca. 1540) "Introductio ad Chaldaicam linguam, Syriacam, atque Armenicam, et decem alias linguas" (1539). Внимание Буреуса, почитателя Агриппы, Парацельса, Рейхлина и создателя готической каббалы ("Kabala Upsalica") [Lindroth 1975: 160], к трудам Постеля и Амброджо находит очевидное объяснение. Алфавит «московитов» (восточнославянский вариант кириллицы) известен Буреусу благодаря неназванным им переводчикам ("muscovitarum ex Interpretibus") [Толстиков, Рыбаков 2022: 800–816]. В Европе XVI в. книги, содержащие кириллический алфавит, издавались [Сазонова 2003: 1242–1270], но использованы Буреусом не были: в трудах Адама Богорича ("Arcticae horulae succisivae", 1584) и Теодора и Израиля де Бри ("Alphabeta et characteres, jam inde à creato mundo ad nostra usque tempora", 1596) буквы транслитерированы иначе, нежели в рукописи Буреуса.

В конце сообщения об алфавите московитов помещена не сопровождающаяся комментариями приписка — Ab Anno Chri. 796. Можно предположить, что историю создание славянской письменности Буреус начинает с 796 г. В таком случае он оказывается не единственным шведским автором, в начале XVII в. пишущим о кириллическом алфавите и датирующим исторические события произвольно. В изданной в 1615 г. на шведском языке "Regni Muschovitici Sciographia" Петр Петрей отмечает, что император Михаил Палеолог «отправил славянские буквы в Болгарию» в 1259 г.; годом же прибытия на Русь трех братьев-варягов он называет 752 г. В свою очередь в "Rerum Moscoviticarum Commentarii" (1549) Сигизмунда Герберштейна временем отправки «славянского алфавита в Булгарию» и началом правления Рюрика объявлены 6406 и 6370 гг. от сотворения мира соответственно. Можно предположить, что приведенные Герберштейном даты Петрей изменяет не столько умышленно (хотя это обстоятельство исключать нельзя), сколько из-за ошибок в расчетах. В 6-й книге шведской "Regni Muschovitici Sciographia" он отмечает, что, по представлению московитов, временная дистанция между сотворением мира и Рождеством составляет 5500 лет, а значит, 1616 г. является 7174 от сотворения мира. В то же время в "Antiquitates Scanzianae" каких-либо ошибок, связанных с числами, обнаружено не было, в приведенных в рукописи ссылках на источники страницы названы вер-

но. Возможно, называя 796 г., Буреус указывает на некие не требующие специального объяснения факты славянской истории.

Доступная Буреусу информация о европейских событиях 796 г. содержится в изданной в 1588 г. книге "Annalium et historiae Francorum ab anno Christi DCCVIII. ad ann. DCCCCXC". Из текста анналов следует, что в этом году ослабленные внутренними распрями гунны была разгромлены, а их богатства захвачены Фриульским герцогом Эриком и сыном Карла Великого Пипином. Славянский алфавит и славяне вообще в записи под этим годом не упоминаются, однако неоднократно издававшиеся в XVI в. (Германом Неуенаром в 1521 и 1561 гг., Юстусом Рубером в 1584 г.) "Annales regum Francorum" (в том числе и содержащийся в них рассказ о походе 796 г.) рассматриваются исследователями в качестве одного из собраний известий о славянах [Ронин 1995: 464–479]. В "Annales regum Francorum" отмечается, что победу над гуннами герцог Эрик одержал в Паннонии, где, как известно, в 60-х гг. IX в. свою деятельность осуществляли Кирилл и Мефодий; побежденными же франками гуннами авторы анналов подчас называют аваров, угнетателей славян [Ронин 1995: 467, 477]. В "Historia de omnibus Gothorum Sueonumque regibus" (1554) неоднократно упоминавшегося в "Antiquitates Scanzianae" шведского историка Иоанна Магнуса (1488–1544) аварами названа часть гуннов, после смерти Аттилы претерпевших большие несчастья. Правда, в тексте Иоанна Магнуса сведения об участии франков в разгроме аваров и о его месте в истории славян отсутствуют.

Если предположение о знакомстве Буреуса с паннонскими событиями 796 г. верно, то появление в "Antiquitates Scanzianae" этой даты может объясняться намерением автора объявить падение аваров и освобождение из-под их власти славян первым шагом к созданию церковнославянской кириллицы.

Литература

Ронин В. К. Анналы королевства франков // Свод древнейших письменных известий о славянах. Том II (VII—IX вв.). М.: Вост лит. Рос. акад. наук, 1995. С. 464–479.

Сазонова Л. И. Книги кириллической печати во второй половине XVI века между Римом и Москвой // Гусева А. А. Издания кирилловского шрифта второй половины XVI века: Сводный каталог: в 2 кн. Кн. 2. М.: Индрик, 2003. С. 1242–1270.

Толстиков А. В., Рыбаков В. В. Первые переводчики с русского языка в Швеции раннего Нового времени // Вестник Санкт-Петербургский государственный университет. История. 2022. Т. 67, вып. 3. С. 800–816.

Lindroth S. Svensk lärdomshistoria. II. Stormaktstiden. Stockholm: P. A. Norstedt & Söners Förlag, 1975. S. 152–161.

Николенкова Наталья Владимировна

канд. филол. наук, доцент, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; natanik2004@mail.ru

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ КАК КЛЮЧ К ГИПОТЕЗЕ: О ПЕРЕВОДЕ В 1650-х гг. АТЛАСА БЛАУ

Ключевые слова: история русского литературного языка XVII в., переводы с латинского языка, текстология.

Перевод голландского издания Theatrum orbis terrarium, sive Atlas novus осуществлен в Москве в 50–60-х гг. XVII в. Гипотеза о времени создания основывалась только на исторических данных о времени пребывания в Москве книжников Епифания Славинецкого, Арсения Сатановского и Исайи. Если про жизнь в Москве Славинецкого и Сатановского известно, то книжник Исайя связан только с переводом Атласа Блау, исторических данных о нем не сохранилось [Николенкова 2018: 89–90; Болдырева 2024: 243]. Лингвистическое исследование показало, что многотомный текст нельзя считать единым переводом. Первые два тома, переведенные Славинецким и Сатановским, демонстрируют единую стратегию, в первую очередь в отношении лексики: книжники одинаково переводят общественно-социальную терминологию, вариативность допускается для одних и тех же лексем, отмечаются одинаковые модели при создании авторских лексем: *верхоградіе* (*arx*) и *верхогоріе (promontorium)*. Перевод Исайи (третий и четвертый тома) характеризует бóльшая самостоятельность, но вместе с тем и непоследовательность, что позволяет нам предположить, что книжник работает отдельно — после того, как первые два переводчика закончили свою работу (Сатановский выслан из Москвы летом 1653 г., Славинецкий начинает подготовку к книжной справе).

К примеру, в латинском оригинале всех томов встречается лексема *universitas,* не известная языку Московской Руси. Славинецкий и Сатановский предлагают вариант *соборство:* Numerantur etiam in Translylvania (!) octo Parochialia Capitula præcipna, quæ appellant *Universitatem* → *Числѧтсѧ ктому въ Транссѵлваніи, осмь Парикіискіѧ главизни изрѧдны, яже наричутъ Собóрство* (цитируется по 2-му тому Атласа Блау, рукопись ГИМ Син. 112, л. 69 об.). Данное индивидуально-авторское образование точно отражает смысл латинского слова, а использованный суффикс *-ств-* можно считать собирательным (от же использован для лексем *Князство, Баронство, благородство* как обозначение «совокупности» представителей благородного сословия). Такое использование суффикса Славинецким и Сатановским можно считать новацией для XVII в., ранее такое употребление было зафиксировано лишь для XVIII в. [Мальцева 1975: 91]. Отметим, что до начала работы над Атласом Блау киевские книжники составляют латино-славянский и славяно-латинский лексиконы, где зафиксирована их первоначальная позиция относительно перевода корня: «univers(us), собо(р)ни(й), всякъ, ѡбщи(й); universe, universim, соборнѣ; universitas, соборъ; universalis, соборни(й), ѡбщи(й)» [Німчук 1973: 417].

Исайя предлагает другой вариант перевода *universitas.* В четвертом томе Атласа Блау (он содержит описание Британии, рукопись ГИМ Син. 41) зафиксированы такие примеры: *incepta est* universitas *Oxoniae* → начнеся все *собрание* во Оксонии (304 об.); Matthaeusque Parisiensis universitatem *Oxoniensem secundam a Lutetia ecclesiae scholam, imo ecclesiae fundamentum* diserte appellarit. *Universitatis* enim nomine iam antea honorarant pontifices Romani → и Матфей Парисиенский все *собрание* Оксониенское второе от Лутеции собрания училище, но и церковное основание разделительно нарицает. Всего *собрания* бо именем уже прежде почтоша папы римскии (306 об.). Исайя предлагает собственный способ перевода лексемы, причем разница связана в том числе с суффиксальным оформлением существительного: Исайя не использует *-ств-* в собирательном значении, вариант *Князство,* единственно возможный для Славинецкого и Сатановского, он также всегда передает как *княженіе*.

Югозападнорусское происхождение Исайи не вызывает сомнения — оно проявляется как в орфографии его черновиков, так и на лексическом уровне (им использовано большое чис-

ло регионализмов). Однако в ряде случаев Исайя использует русизм, тогда как переводчики первых томов выбирали югозападнорусизм. Так, для латинского *territorium* Славинецкий и Сатановский регулярно выбирают полонизм *повѣтъ*, Исайя — гораздо более частотное в книжном языке Московской Руси слово *область: Territorium* Cremense, italis Il Cremasco → *Wбласть* Кременская Італяномъ Ілкремаско (пример из третьего тома, рукопись ГИМ Син. 780, л. 193–194 об.).

Русизм *лакъть* Исайей выбран для перевода *mille*. В начале первого тома Славинецкий и Сатановский используют заимствование *милѧ*, но далее останавливаются на церковнославянизме с суффиксом *-ищ(е) — поприще*, который фактически становится гиперонимом для метрологической лексики в Атласе Блау (в первом и втором томах) и выражает значение расстояния без привязки к определенной длине. Перевод Исайи не поддерживает решение авторитетных книжников. Заметим, что в первых двух томах мы наблюдаем ориентацию на книжную лексику с отчетливой тенденцией к выбору при возможности церковнославянизма, в том числе устаревшего для середины XVII в. или редко используемого, тогда как Исайя активно смешивает русизмы с регионализмами, маркированные церковнославянизмы использует редко.

Эти наблюдения позволяют нам уточнить все имеющиеся на сегодняшний день гипотезы о времени создания и характере работы над переводом Атласа Блау. Комплект из четырех томов, попавший в Москву, был разделен между тремя книжниками, владеющими латинским языком. Епифаний Славинецкий и Арсений Сатановский переводили совместно, обсуждали общие подходы, их работа началась весной 1652 г. и закончилась летом 1653 г. Более к работе над географическим сочинением Славинецкий не возвращался. Третий и четвертый тома были переданы книжнику Исайе, который лишь поверхностно ознакомился с работой своих предшественников и не смог далее следовать их стратегии. Временем его работы можно считать период 1653–60 гг. Поскольку имя Исайи нигде более не упоминается, в числе книжников Чудовской школы он также не называется, то можно предположить и смерть Исайи в московской чуме 1654 г.

Литература

Болдырева Н. А. Путешествие «Британии» Уильяма Кемдена из Лондона в Москву. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2024.

Мальцева И. М., Молотков А. И., Петрова З. М. Лексические новообразования в русском языке XVIII в. Л.: Наука, 1975.

Николенкова Н. В. Переводческая деятельность в московском Чудовом монастыре: новые данные о кружке Епифания Славинецкого // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2018. № 6. С. 88–98.

Німчук В. В. Лексикон словено-латинський Е. Славинецького та А. Корецького–Сатановського. Київ: Наукова думка, 1973.

Новак Мария Олеговна

д-р филол. наук, доцент, вед. научный сотрудник,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН;
mariaonovak@gmail.com

ПСАЛМЫ VS. ПЕСОК: ПРАГМАТИЧЕСКАЯ И ЯЗЫКОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ НАЗИДАТЕЛЬНОЙ ИСТОРИИ В СЛАВЯНСКИХ ВЕРСИЯХ «ЦЕРКОВНЫХ АННАЛОВ» ЦЕЗАРЯ БАРОНИЯ XVII в.

Ключевые слова: Цезарь Бароний, церковная хроника, славянские версии, прагматика, язык переводов.

В сообщении обсуждаются содержательные трансформации назидательной истории о крещении иудея песком, размещенной в «Церковных анналах» Цезаря Барония как известие за 181 г., в славянских версиях XVII — начала XVIII вв. Сюжет о чудесном исцелении еврейского юноши в пустыне после того, как спутники крестили его во имя Отца, Сына и Св. Духа песком, за неимением воды, приводится Баронием со ссылкой на византийского историка XIV в. Никифора Каллиста Ксанфопула [Annales 1606: 188].

Известно, что «Анналы» Барония были переведены на польский язык столь же крупным деятелем католической Контрреформации Петром Скаргой в виде краткого конспекта-переложения в начале XVII в. [Roczne dźieie 1607]. На протяжении столетия появился ряд церковнославянских переводов [Николаев 2008]. Мы рассматриваем два рукописных источника (РГБ, ф. 256, № 15 и № 16) и издание 1719 г. (цитируется по репринтному изданию [Дѣанiа 1913–1915]), содержащие три различных перевода XVII в., с целью проанализировать а) прагматические отличия славянских версий от текста Барония и б) языковые особенности каждого из церковнославянских переводов.

Повествование об исцелении иудея у Барония включает следующие важные моменты: еврейский юноша путешествовал в обществе христиан, вместе с которыми пел псалмы (Chriſtianis pſalmos canebat); в пустыне он смертельно заболел, так что его товарищи отчаялись было помочь ему, а он стал просить их крестить его, чтобы он мог умереть христианином. Путешественники поначалу сочли это невозможным, ссылаясь, во-первых, на свой статус мирян (ſacerdote enim opus erat) и, во-вторых, на отсутствие воды. Однако просьбы иудея превозмогли нерешительность его товарищей, которые в конце концов использовали песок вместо воды (arena quæ ibi erat pro aqua uſi… baptizarunt). После крещения больной совершенно выздоровел и бодро пошел впереди всех. О случившемся сообщили затем епископу Коринфа Дионисию; пораженный чудом, тот распорядился, тем не менее, провести крещение водой, согласно церковным установлениям и дабы возместить недостаток таинства (aqua inſuper ad cum modum initiatum, juxta(m) Eccleſiæ traditionem, abluendum esse; & ita, quod ſacramento ci deeſſet, ſarciretur).

Подробно изложив эту историю, Бароний комментирует два пункта. Во-первых, он высказывает мнение, что крестившийся еврей изначально был катехуменом, т. е. готовился к принятию христианства; иначе никто из христиан не разрешил бы ему участвовать в благочестивом пении псалмов (eum fuiſſe catechumenum demonſtrat; nam aliter nequaquàm à Chriſtianis ad illud pietatis munus admiſtus fuiſſet). Во-вторых, Бароний подчеркивает, что церковный закон не разрешает крестить кому-то кроме священнослужителей, даже в случае необходимости; так можно считать только по невежеству и полной неотесанности (cæterùm nec ex Eccleſiaſticæ legis præſcripto, illum, etiam neceſſitatis tempore, ad aliis quàm à ſacerdotibus potuiſte baptizari, dicere potuerunt; ſed rudi quadam ſimplicitate, & rerum Eccleſiaſticarum ignoratione).

Что наблюдается в славянских версиях? Скарга значительно сокращает рассказ Барония, опустив упоминание пения псалмов, а также предположение по поводу статуса крещаемого еврея и оценку крещения мирянами. Он сообщает лишь о крещении с помощью песка, чудесном выздоровлении и распоряжении епископа Дионисия дополнить таинство посредством воды. Интересно при этом, что у Барония крещение водой называется церковной традицией, а

у Скарги — постановлением Господа: Oni wody nie máiąc / piaſkiem go ochrzcili… po czym on Zyd ozdrowiał / y dużßy był w drodze niżli inßy. Powiedzieli to Dionyzyußowi w Korynćie Biſkupowi. Ten go kazał wodą ochrzćić iáko ieſt Páníkie poſtánowienie.

Церковнославянские переводы идут за Скаргой и в отношении рамки изложения, и в отношении вышеупомянутой замены «церковной традиции» Барония на «постановление Господа»: *iáko ieſt Pánſkie poſtánowienie* передается как *по закону Гдⁿю* (№ 15, л. 172), *якоже хрⁿтосъ уставилъ* (№ 16, л. 31), *якоже есть повелѣніе Господне* (1719, с. 115 об.). Вместе с тем (что видно уже из приведенного примера) не все источники наследуют синтаксис польского текста. Так, в рукописи № 16, представляющей радикально сокращенную версию хроники, повествование начинается, в отличие от других, без упоминания Никифора: *Того года шелъ со хрⁿтіаны жидовиⁿ*… (л. 31). Ср. *O Jednym Zydźie nápisał Nicephorus / iż idąc* ‘об одном еврее написал Никифор, что, идя…’ (Скарга, с. 95) — *W нѣкоеᵐ евреанинѣ написа Никифѡᵖ, якѡ шествовавыᵘ* (№ 15, л. 171 об.) — *О нѣкоемъ жидовинѣ написа Никифоръ, яко идущъ* (1719, с. 115 об.). На общем фоне выделяется синтаксис рукописи № 15, последовательно усложняющей конструкции — например, вводящей грецизирующий оборот с инфинитивом: *моляше же ся ему крⁿтитися*, ср. *chrztu prośił* (Скарга, с. 95) — *желалъ кр҃щенiа* (№ 16, л. 31) — *крещения испроси* (1719, с. 115 об.).

К другим деталям, определяющим специфику языка источников, можно отнести предпочтение № 16 союза и в начале предложения (что контрастирует с употреблением частицы *же* в № 15 и версии 1719 г.), порядок слов, распределение глагольных форм прошедшего времени. В качестве общего вывода можно сказать, что прагматически славянские версии отличает акцент на чуде, тогда как спекуляции латинского первоисточника о правомочности тех или иных действий устраняются. Язык церковнославянских версий разнится, при этом рукопись № 15 отличает стремление максимально приблизить изложение к стандарту «высокой славянщины», что дает еще один аргумент в пользу гипотезы о принадлежности данного перевода кругу книжников Чудовского монастыря.

Литература

Дѣанiа церковныа и гражданскiа. Кн. 1–3. М.: Тип. П. П. Рябушинского, 1913–1915. (Приложение к журналу «Старообрядческая мысль»; воспроизведение издания 1719 г.)

Николаев С. И. Польско-русские литературные связи XVI–XVIII вв.: библиографические материалы. СПб.: Нестор-История, 2008.

Annales ecclesiastici auctore Caesare Baronio… Tomus secundus. Venetiis, MDCCVI (1606).

Roczne dzieie kośćielne od narodzenia Pana y Boga naszego Iesusa Christusa, wybrane z rocznych dzieiow kościelnych Cesarza Baronivsza… nazwanych Annales Ecclesiastici, przez X. Piotra Skargę <…>. W Krakowie, Roku P. 1607.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 24-28-00240 «Культурно-языковое взаимодействие в предпетровскую эпоху: переводы с польского языка книжников московского Чудова монастыря».

Пенькова Яна Андреевна

канд. филол. наук, вед. научный сотрудник,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН;
amoena@inbox.ru

ЧАСТИЦА *БУДЕ* В РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ КОНЦА XVI — НАЧАЛА XVIII в.: СЕМАНТИКА И ПРОИСХОЖДЕНИЕ

Ключевые слова: грамматикализация, история русского языка, модальные частицы, позднесреднерусская письменность XVI–XVIII вв., частица *буде*.

В докладе обсуждаются особенности употребления частицы *буде* на материале небольшого корпуса примеров из памятников русской письменности конца XVI — начала XVIII в. Частица *буде* восходит к форме 3-го лица единственного числа перфективного презенса глагола *быти* — *будетъ*. До настоящего времени она в литературе на материале позднесреднерусской письменности подробно не описывалась: нет достаточного корпуса примеров частицы *буде*, механизмы ее развития неизвестны, возможный семантический диапазон ее функционирования не установлен, ее просодический статус в памятниках конца XVI — начала XVIII в. не определен.

Несколько примеров употребления частицы *буде* из памятников письменности конца XVI — XVII в. приводится в Словаре русского языка XI–XVII вв. [СлРЯ XI–XVII]. Составители словаря выделяют у частицы два значения. Первое значение — «сообщает условный характер придаточным предложениям, начинающимся с относительного местоимения или наречия» [СлРЯ XI–XVII, 1: 344–345]:

(1) А людеи боярьских тут в хоромех, и в сѣнех, и на крылцѣ, и на дворѣ потчивают, и дают ширинки, кому **буде** тесть прикажет. Дм. (свад.), 181. XVI–XVII вв.

(2) И лѣсъ, и рыбные ловли, гдѣ **буде** есть, и впредь имъ всѣмъ тѣмъ владѣти пополамъ. Кн.ям.новг., 62. 1599 г.

Второе значение, согласно [СлРЯ XI–XVII, 1: 344–345], — ‘возможно, вероятно, может быть’:

(3) Монастырской слушка… Ивашка Микитинъ, надѣяся на нево, архимарита, или **буде** и по ево поученью, тово старца Александра бранилъ и укорялъ. (Чел. солов. ин.) Суб. Мат. III, 54. 1666 г.

(4) И тѣ стрѣлцы… стоятъ у васъ на Вологдѣ и вологодского уѣзду крестьянъ **будетъ** грабятъ и воруютъ, ѣздя, ваши жъ вологодские стрѣлцы, называясь моими. АЮБ II, 606. 1612 г.

Частица *буде* в ряду других реликтов глагола *быти* на материале северных говоров описывается в статье С. К. Пожарицкой [Пожарицкая 2010]. Выделяются сравнительный союз ‘как, будто’, условный союз ‘если’, частица с эпистемическим значением и она же — «дублер-усилитель значения будущего»:

(5) Хвост роспушилсе **буде** куделя (Он. Лмц.)

(6) Я задавлюсе, **буде** ты не пойдёшь за меня замуж (Котл. Збл.)

(7) А там приедут и увезут **буде** (В-Т. Тим.)

По данным указанного исследования, эпистемическое *буде* может сочетаться с простым будущим временем, с модальными предикатами, с инфинитивом и императивом, т. е. встречается преимущественно в проспективных контекстах, а в контекстах с формами настоящего и прошедшего времени редко, но не исключено.

История возникновения условного союза *буде* не раз становилась предметом исследования в литературе. Проблема происхождения частицы *буде* обсуждается только в статьях М. Н. Шевелевой [Шевелева 2006; Шевелева 2008], где выдвигается гипотеза о развитии частицы *буде* из т. н. вводящих употреблений глагола *быти*, если такие оказываются в интерпозиции в предложении:

(8) А того бы есте не бещест[во]вали, которѣи оу васъ **боудеть** начнет творити силно, то язъ вѣдаю, а васъ свою вотчиноу жалоую (Пск. 3 лет., л. 149 об.)

Единственный пример с частицей *буде* в источниках XVI–XVII вв. приводится в статье М. Н. Шевелевой об избыточных формах глагола *быти* в Псковской третьей летописи [Шевелева 2006].

Цели настоящей работы — восполнить лакуну в истории этой частицы, описать небольшой корпус примеров, который удалось собрать, семантические особенности и просодический статус частицы, предложить возможные объяснения путей ее грамматикализации.

В докладе будет показано, что на основе собранного корпуса примеров мы можем заключить, что частица *буде* представляла собой энклитику, ранг которой также можно попытаться установить. С семантической точки зрения, эта частица могла употребляться как показатель потенциальности, гипотетичности и как квазиассертив (маркер недоверия к информации, полученной из вторых рук). Частица *буде* унаследовала функциональный потенциал восточнославянского предбудущего. Ограничений на употребление этой частицы с конкретными формами времени не было, в отличие от *буде* в современных северных говорах.

Локусом грамматикализации модальной частицы послужили, по-видимому, конструкции предбудущего с вспомогательным глаголом, следовавшим за относительным местоимением, в которых предбудущее употреблялось в ситуации-обобщении, выражая семантику потенциальности, и конструкции, в которых предбудущее маркировало предположение говорящего о некотором событии в прошлом. Не исключено, что в процессе грамматикализации частицы *буде* участвовали и конструкции с вводящим *будетъ* в интерпозиции, как предполагает М. Н. Шевелева [Шевелева 2006; Шевелева 2008], однако и конструкции с предбудущим сыграли в этом процессе важную роль.

Развитие модальной частицы из бывшего вспомогательного глагола формы предбудущего, имевшее место в истории русского языка, не уникально на общеславянском и даже общеевропейском фоне. Сходную тенденцию можно наблюдать на Балканах, где в ряде языков присутствует или формируется парадигма презумптива, который маркируется неизменяемой частицей, произошедшей из вспомогательного глагола форм будущего и предбудущего (сербохорватский, болгарский, новогреческий).

Источник

СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; редкол.: С. Г. Бархударов (отв. ред.) [и др.]. М.: Наука, 1975–2019. Вып. 1–31.

Литература

Пожарицкая С. К. Модальные слова, производные от глаголов быть, бывать, в севернорусской диалектной речи // Русский язык в научном освещении. 2010. № 1 (10). С. 103–131.

Шевелева М. Н. Некнижные конструкции с формами глагола быти в Псковских летописях // Вереница литер: К 60-летию В. М. Живова / под ред. А. М. Молдован. М.: Языки славянской культуры, 2006. С. 215–241.

Шевелева М. Н. О судьбе древнерусских конструкций с независимыми формами глагола быти в русском языке // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2008. № 6. С. 34–57.

Попов Михаил Борисович

д-р филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет;
m.popov@spbu.ru

ГИПОТЕЗА Л. Л. ВАСИЛЬЕВА ОБ ИЗМЕНЕНИИ *-OGO > -OVO В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА: ЗА И ПРОТИВ

Ключевые слова: русский язык, историческая диалектология, изменение /-ogo/ > /-ovo/, фонема /ô/ (о закрытое), Леонид Лазаревич Васильев.

Доклад посвящен анализу гипотез, объясняющих условия и причины перехода /g/ > /v/ в окончании *-ого/-его* в формах родительного падежа единственного числа местоимений и прилагательных, кльлоый происходил главным образом в среднерусский период и охватил значительную часть русских (прежде всего северно- и среднерусских) говоров, не затронув белорусские и украинские говоры. Изменение /-ogo/ > /-ovo/ хорошо изучено в русской исторической диалектологии, причем в настоящее время господствует «фонетическая» гипотеза, разработанная или поддержанная в последней четверти XIX — начале XX в. наиболее крупными лингвистами-историками того времени (М. А. Колосов, И. А. Бодуэн де Куртенэ, А. И. Соболевский, А. Мейе, А. А. Шахматов и др.). В основе этой гипотезы лежит идея об артикуляторном ослаблении смычного /g/ в окончании *-ого/-его*, его выпадение и последующее устранение возникшего зияния посредством вставки /v/.

Однако эта общепринятая гипотеза обладает рядом противоречий и недостатков, главными из которых являются, во-первых, телеологический подход к объяснению эпентезы /v/ на заключительном этапе изменения (/-oo/ > /-ovo/), а во-вторых, отсутствие в древне- и среднерусских памятниках написаний типа *-оо/-ео*, отражающих предполагаемое зияние в окончании *-ого/-его*. Этой общепринятой фонетической гипотезе противостоит не только морфологическая гипотеза перехода /-ogo/ > /-ovo/ (Л. Малиновский, Е. Братишенко), которая не рассматриваются в настоящем докладе, но и альтернативная фонетическая гипотеза, выдвинутая в начале XX в. Л. Л. Васильевым и в целом отвергнутая современной исторической русистикой, но которая и находится в центре внимания настоящего доклада.

Суть гипотезы Васильева состоит в том, что исходным фонологическим условием перехода была позиция /g/ перед /ô/, т. е. перед так называемым о закрытым, или напряженным. В отличие от /o/ фонема /ô/ фонетически реализовалась в русских диалектах как дифтонг [u̯o͡] (или [ʷo]), а в анлауте развивала протетический /v/ (т. е. /ô- > vô-/: ср. *вôсемь*, *вôтчина*, диал. *вôльха* и др.). По мнению Васильева, в окончании *-ого/-его-* при ослаблении и утрате /g/ происходил похожий процесс: /togô > toô > tovô/ (на фонетическом уровне — [togʷo > toʷo > tovo]) [Васильев 1929: 133]. В настоящее время эта гипотеза, которая опиралась на материал исследованных Васильевым акцентуированных рукописей и печатных книг XVI–XVII вв., а также на доступные в начале XX в. диалектные данные, не только не рассматривается в качестве конкурентоспособной, но даже не упоминается. Наиболее полно возражения против гипотезы Васильева высказаны А. И. Толкачевым в обстоятельном и исчерпывающем для своего времени обзоре научной литературы об изменении /-ogo/ > /-ovo/ [Толкачев 1960: 246–248]. Аргументы Васильева не были приняты Толкачевым, который полностью примкнул к общепринятой фонетической гипотезе.

В докладе предпринимается попытка вывести гипотезу Васильева из забвения и вернуть ее в современный научный контекст. С этой целью анализируются хронологические, фонологические и акцентологические аргументы, выдвигавшиеся против его гипотезы и отклоняются наиболее существенные из них.

В докладе опровергается критика Толкачевым гипотезы Васильева и приводятся дополнительные акцентологические и фонологические аргументы в ее пользу. Особое внимание уделено новым фактам, полученным во второй половине XX в. в результате интенсивного развития славянской исторической акцентологии (в трудах В. А. Дыбо, А. А. Зализняка, В. В. Колесова

и др.), одним из основоположников которой справедливо считается сам Л. Л. Васильев, и восточнославянской диалектологии (в исследованиях З. М. Альмухамедовой, Р. Э. Кульшариповой, Р. Ф. Касаткиной (Пауфошимы) и др.). Речь в первую очередь идет о выводах относительно особенностей древнерусского второстепенного ударения [Зализняк 1985: 179–180] и коррелирующих с ними результатах исследования специфики фразовой интонации севернорусских говоров [Пауфошима 1983: 63–67]. И те и другие по меньшей мере очевидным образом усиливают конкурентоспособность гипотезы Л. Л. Васильева на фоне существенных недостатков общепринятой фонетической гипотезы.

Литература

Васильев Л. Л. О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI–XVII веков: к вопросу о произношении звука о в великорусском наречии / под ред. Е. Ф. Карского. Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1929.

Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской. М.: Наука, 1985.

Пауфошима [Касаткина] Р. Ф. Фонетика слова и фразы в севернорусских говорах / отв. ред. Р. И. Аванесов. М.: Наука, 1983.

Толкачев А. И. Об изменении -ого > -ово в родительном падеже единственного числа мужского и среднего рода членных прилагательных и местоимений русского языка // Материалы и исследования по истории русского языка / под ред. Р. И. Аванесова. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. С. 235–267.

Рождественская Татьяна Всеволодовна

д-р филол. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет;
tat.rozhd@gmail.com

«ОТ ОКРАИНЫ К ЦЕНТРУ»: ДРЕВНЕРУССКИЕ ПАЛОМНИКИ НА ПУТИ К СВЯТЫМ МЕСТАМ

Ключевые слова: древнерусские паломники, эпиграфика, святые места.

Исследование древнерусского паломничества к святым местам и, в первую очередь, в Иерусалим, является предметом длительной научной традиции. Помимо нарративных источников, начиная с известного «Хождения игумена Даниила в Святую землю» XII в., находим немало примеров не только самих хождений к святыням, но и описаниий этих путешествий. Однако помимо них в этот своеобразный «паломнический текст» входят и такие артефакты как эпиграфика. Это прямые аутентичные свидетельства о передвижениях людей к святым местам, не всегда определяемые как паломничества, но тем не менее, судя по контексту, имеющие и эти цели. За последние десятилетия в связи с бурным развитием эпиграфических исследований обнаружено несколько надписей-граффити, автографов паломников как на территории Руси, так и за ее пределами. В докладе рассматривается ряд паломнических надписей не только в киевском и новгородском Софийских соборах, главных христианских центрах Руси, в церкви Спаса Спасо-Преображенского монастыря в Полоцке, но и за пределами Руси — на стенах церковных построек во Франции, Италии, Иерусалиме и Вифлееме, найденные в последние десятилетия. Все эти надписи-автографы датируются второй половиной XII — первой половиной XIII вв., временем активного паломнического движения на Руси. По словам историка А. Н. Назаренко, именно в XII в. в эпоху крестовых походов русские ходили в Святую Землю особенно часто, где они впервые встретились с западным христианством. Особое место принадлежало паломникам из Новгорода, где с 1090-х гг. существовал Готский, а позже Немецкий торговые дворы, что явилось определенным итогом предшествующего развития связей между Западной Европой и Русью [Назаренко 2020: 80]. В пределах Древней Руси к паломническим надписям можно отнести несколько из киевского и новгородского Софийских соборов. В Софии Киевской это автографы XII в. полочанина Воинега Журяговича, некоего Фрола (*ѓи помози рабоу своемоу Фролови на поути семь*), Пищана, Давыдова дьяка (*Пищанъ ѱ҃ Давыдовъ дьѧкъ ходивъ къ мѫченикома*), Дедильца касожича(!) из далекой Тмуторокани. В Софии Новгородской известна надпись XII в. «пришельца из Киева града» Николы (*сватаѣ Соѳие помилоуи раба своего Николоу пришълъца ис Кыева града ѿ своего кънаѕа Ѣрослава а ѿ цръкъве сватоуѫ безмъздъникоу чюдотворъцѫ Козъмы и Дъмиана*). За пределами Руси два паломнических автографа-граффити найдены в Вифлееме в базилике Рождества Христова; два в монастыре св. Варлаама на горе Джебели-Акра на сирийско-турецкой границе; надпись на каменном блоке из раскопок в Портовом районе Херсонеса; надпись на стене романской церкви Сен-Жиль на юге Франции; надпись на стене церкви в г. Пон, в Сентонже; а также несколько надписей исследовано недавно в Италии на стенах собора св.Мартина в Лукке [Михеев 2023: 5–24]. Наибольшее число подобных надписей — более 70-ти кириллических и одна глаголическая — открыто в настоящее время в Софии Константинопольской. Как правило, паломники указывали, откуда они пришли в Константинополь, напр.: *Стефаносъ роусинъ диякъ, Данилос из Новагорода из Нижнего, Матфѣи попъ галичьскыи, Г(оспод)и помози рабу бѫию Ѡстафию москвитину* и др. Все известные к настоящему времени паломнические надписи составляют две неравные группы: 1. Косвенные свидетельства о паломническо-деловых посещениях храма, в которых указывается место жительства (София Киевская, София Новгородская). 2. Прямые свидетельства паломничества: а) автографы: *имярек писал*, б) молитвенные *Господи помози NN,* в) надписи, состоящие из конструкции с глаголами движения *ити, прити, ходити*, оформленной причастием с предлогами *к/от* + *Дат. пад., Род. пад.: ити к…/от… , ида к… , ходив к…* . По словам А. Н. Назаренко, «древнерусский язык оказывается единственным славянским языком, заимствовавшим латинский термин

(*palmarius — TP*) для обозначения паломника, причем как раз в XII в., когда паломническое движение в Святую Землю резко активизировалось после захвата Иерусалима крестоносцами первого крестового похода летом 1099 г. и образования латинского Иерусалимского королевства. Это заимствование не было книжным — речь идет о слове живого разговорного языка <…> следовательно, русские люди не были тогда редкими гостями в Святой Земле, и древнерусская паломническая практика здесь носила достаточно массовый характер» [Назаренко 2001: 626–627].

Литература

Артамонов Ю. А., Гиппиус А. А. Древнерусские надписи собора Святой Софии в Константинополе (центральная часть южной галереи) // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2022. № 4 (90). С. 102–120.

Михеев С. М. Муромец, брянец и полочанин в Лукке. Об известных и новонайденных древнерусских надписях на стенах собора св. Мартина // Studi Slavistici. XX. 2023. No. 2: 5–.

Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. М.: Языки русской культуры, 2001.

Назаренко А. В. Древнерусские паломничества на Запад // Церковь в истории России. Сборник 13: к 90-летию со дня рождения чл.-корр. РАН Ярослава Николаевича Щапова / отв. ред. Е. В. Белякова. М.: Ин-т рос. ист. Рос. акад. наук, 2020. С. 77–96.

Тезисы доклада подготовлены в рамках проекта РНФ № 25-18-0062, предоставленного НИУ ВШЭ (Москва).

Скрипка Вероника Константиновна

мл. научный сотрудник, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

ФУНКЦИИ МЕСТОИМЕНИЯ *ТАКОЙ* В РУССКОЙ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ XV–XVII вв.

Ключевые слова: указательные местоимения, деловая письменность, история русского языка, историческая морфология.

Материалом для исследования послужили изданные памятники русской деловой письменности: новгородские и псковские [Грамоты Великого Новгорода и Пскова 1949], московские [Московская деловая и бытовая письменность XVII века 1968], южнорусские [Памятники южновеликорусского наречия 1993]. В исследованных текстах местоимение *такои* имеет несколько функций, в первую очередь, **анафорическую**: *такой* обозначает свойства предмета, описанные в предыдущих высказываниях. Например, *такая духовная* [‘завещание’] — документы, содержание которого описано в предшествующем тексте:

> *В челобитной своей пишет, бутъто отцъ их Фома Малыгинъ съ тѣстем моимъ роздѣлилъ тое вотчину по духовнои отца своего и по записямъ… у меня, холопа вашего, такои дховнои и записеи нет* [Московская деловая и бытовая письменность XVII в. 1968: 108–109];
>
> *То судное дѣло взял Григореи Зюзин к себѣ, и говорил он, Григореи, мнѣ, чтоб изца Степана Бажѣнова по судному дѣлу обвинит<ь> и дат<ь> приговор, и я в* ***такои приговор*** *писат<ь> себя не велѣл* [Московская деловая и бытовая письменность XVII в. 1968: 203].

Местоимение *такой* способно быть и средством **катафоры**, когда оно служит коррелятом придаточного предложения. Хотя эту функцию обычно берет на себя местоимение *тотъ* (или, реже, *таковъ*), всё же её может выполнять и *такой*:

> *У не[го] ж де, Фомки, есть* ***такая кнга****, которою призывают бесов* [Московская деловая и бытовая письменность XVII в. 1968: 257].

Помимо этих функций, местоимение *такои* выполняет и ещё одну: оно сочетается со словами с яркой эмоциональной окраской. Таков пример местоимения *такои* в псковской грамоте XV в.: *не даваите воли* ***такимъ зброднямъ*** *над нашимы купцинамы* [Грамоты Великого Новгорода и Пскова 1949: 323]. В этих случаях местоимение подчёркивает положительное или, наоборот, отрицательное отношение говорящего к тому, о ком или о чём он говорит. Таким образом, можно говорить об **интенсифицирующей функции** местоимения *такой* (термин заимствован нами из статьи [Сатюкова, Воейкова 2010: 199–201]). В этой функции *такой* «может определять как имя прилагательное, так и имя существительное. В первом случае местоимение, как правило, выражает экспрессию, характеризуя высокую степень обозначамого прилагательным признака» [Сатюкова, Воейкова 2010: 200]. В исследованном материале много примеров, которые иллюстрируют данную функцию:

> *Про гсдрыню де они црцу Евдокѣю Лукьяновну* ***такие непригожие рѣчи*** *слышали ж, чтоб будто она, гсдрни, недорога, знали они еѣ, коли она хаживала в жолтиках, нне де еѣ, гсдрню, Бгъ возвеличилъ* [Московская деловая и бытовая письменность XVII века 1968: 251]; *Офонку Науменка допрашивали у пытки… за что* ***такое непристоиное дѣло*** *ему Офонке над великою гсдрнею было дѣлат<ь>, какъ портит<ь> самому л<ь> или кѣмъ инымъ* ***такова воровского дѣла*** *доходить, а то онъ Офонка сказывал преж того, что ему велѣлъ гсдрню црцу портить и уморить до смерти стрелец Вас<ь>ка Мещорка да гулящеи члвкъ [Ф]омка, и то дѣло не статочное, за что* ***такимъ худымъ людем*** *на великую гсдрню црцу* ***такое лихое дѣло*** *умышлять* [Московская деловая и бытовая письменность XVII в. 1968: 264].

Большая часть этих примеров относится к прилагательным с отрицательной коннотацией, однако есть и слова с нейтральной оценкой:

Имъ де, будучи меж себя в своиствъ, ***такова великого дѣла****, какъ учало быти в сыску, таит<ь> немочно* [Московская деловая и бытовая письменность XVII в. 1968: 251].

В сочетании с существительным местоимение *такой* «означает высокую степень положительной или отрицательной оценки или степень интенсивности денотата существительного» [Сатюкова, Воейкова 2010: 200]. В исследованных документах *такой* сочетается со словами *воры*, *воровство*, *плуты*, *озорники*:

…являетъ холоп твои кадашевецъ Никитка Леонтьевъ на безвѣстных плутов… вели, гсдрь, челобит<ь>е мое и явку записат<ь>, чтоб мнѣ, хо[ло]пу твоему, ***от таких плутов*** *дурна какова не учинилос<ь>* [Московская деловая и бытовая письменность XVII века 1968: 88];

…толмачь Иванъ Григорьев сынъ Кучюмов… учалъ меня, холопа твоего, и отца моево и матерь мою бранит<ь> всякою неподобною бранью… вели, гсдрь, про ево Иваново озорьничество и про бранъ ево сыскат<ь>… вели свои праведнои указ учинит(ь), чтобы и впред<ь> ***токимъ озорьникомъ*** *неповадно было* [Московская деловая и бытовая письменность XVII в. 1968: 83];

Вели, г(о)с(у)д(а)рь, сыскат<ь>, с кѣм онѣ ***такое великое варавство*** *держат, и мѣж дву г(о)с(у)д(а)р(с)твъ смуту чинят… чтоб нам, бгомолцемъ твоим и холопьм и сиротам, и всему городу Путивлю* ***от таких варовъ*** *вконецъ не по[ги]нут<ь>* [Памятники южновеликорусского наречия 1993: 67].

Таким образом, можно сказать, что некоторые функции местоимения *такой*, существующие в современной русской разговорной речи, уже фиксируются в памятниках среднерусского периода.

Литература

Грамоты Великого Новгорода и Пскова / под ред. С. Н. Валка. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1949.

Московская деловая и бытовая письменность XVII века / изд. подг. С. И. Котков, А. С. Орешников, И. С. Филиппова. М.: Наука, 1968.

Памятники южновеликорусского наречия: Челобитья и расспросные речи / изд. подгот. С. И. Котков, Н. С. Коткова, Т. Ф. Ващенко, В. Г. Демьянов; отв. ред. В. П. Вомперский. М.: Наука, 1993.

Сатюкова Д. Н., Воейкова М. Д. Особенности функционирования местоимения такой в устной разговорной речи // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. VI. Ч. 2. Избыточность в грамматическом строе языка. СПб.: Наука, 2010. С. 184–224.

Соболева Александра Евгеньевна

канд. филол. наук, ст. научный сотрудник,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

«ВИДЕНИЕ ИГУМЕНУ ИРОДИОНУ»: РУКОПИСНАЯ ТРАДИЦИЯ, ВРЕМЯ ПОЯВЛЕНИЯ ТЕКСТА

Ключевые слова: игумена Иродион Кочнев, митрополит Макарий, Житие Александра Свирского, текстология, агиография, рукописная традиция.

Текстом из агиографического репертуара об Александре Свирском, атрибуция и время появления которого находится под вопросом, является «Видение игумену Иродиону» (далее Видение). Речь в нем идёт об игумене Троицкого монастыря Александра Свирского, написавшего Житие святого в 1545 г. по заказу митрополита Макария для Великих миней четиих. Все действующие лица Видения — реальные личности, жизнь которых пришлась на эпоху Василия III и Ивана IV, тогда как самые ранние сохранившиеся списки не выходят за пределы 30-х гг. XVII в. Эти данные сами по себе ставят под сомнение раннее появление текста как факта письменности. Однако совершенно не исключают его бытования в качестве устного предания.

Сюжет Видения. Действие происходит по кончине основателя монастыря, Александра Свирского (1532 г.). Духовный ученик и преемник прп. Александра, игумен Иродион, уснув на молитве в келье, наблюдает, как прп. Александр с двумя юношами обходит свой монастырь и обращается к митрополиту Макарию фразой: «о, Макарие, гряди во слѣд мене и покажу мѣсто на вратѣх мн҃стря, и на нем же хощу поставит<и> цр҃ковь во имя стг҃о Николы Чюдотворца Мирликийскаго». Пожелание возвести церковь сопровождатся появлением митрополита. Он едет на санях, держа в руках икону Николая Чудотворца, правый его глаз был закрыт. Иродион устремляется из келии к митрополиту узнать о причинах этого, и получает ответ: «по грехом моим сотворил так Господь». И вновь прп. Александр призывает митрополита идти вслед за ним, и оба они входят в церковь Св. Троицы, и двери за ними закрываются.

Все участники этого чудесного события были связаны друг с другом в течение жизни. Архимандрит Макарий (Веретенников), публикуя текст Видения (по списку ГИМ Муз. 344 сер. XVIII в.), приводит богатый перечень фактов, указующий на тесную духовную связь митрополита и Александра Свирского [архим. Макарий 1995]. Митрополит участвовал в жизни обители при жизни прп. Александра: храм во имя Святой Троицы был освящен по благословению архиепископа Макария, он же делал вклады в монастырь. В дополнение к сказанному И. Д. Соловьева пишет, что владыка Макарий заботился о распространении общежительного устава в новгородских монастырях, а Александр Свирский был его приверженцем, жизнь основанного им монастыря строилась на его основе. Происхождение Александра Свирского из карельского села Мандеры, влияние самого монастыря на просвещения жителей соседних поселений наверняка импонировало митрополиту, который стремился к распространению православия среди карел, лопи, чуди, живших в Обонежской и Водской пустыни [Соловьева 2008: 23]. Закономерно, что по кончине Александра Свирского по благословению митрополита Макария очень быстро создается пространное Житие святого с 11 чудесами для Великих миней и к прославлению на Соборе 1547 г. Между 1547 и 1555 гг. в Успенском Кремлевском соборе установлена монументальная житийная икона с 129 клеймами. Архимандрит Макарий Веретенников предполагает, что данный образ мог быть написан в иконописной мастерской митрополита Макария. В 1560 г. Макарий освящает самый первый храм в Москве в честь Александра Свирского — одну из церковь Покровского собора в присутствии царя Иоанна IV.

Таким образом появление прп. Александра вместе с митрополитом Макарием в чудесном видении игумену Иродиону не является неожиданным. Говоря о датировке и авторстве текста И. Д. Соловьева, учитывая отсутствие ранних списков Видения, аккуратно предполагает, что текст был записан со слов игумена Иродиона. Главным и сильным аргументом этого является

то, что он содержит подробности о внешнем виде митрополита Макария, которые мог знать только очевидец [Соловьева 2008: 24].

«И око же ему бяше затворено десное, но токмо едино око лѣвое зряще» ‘и правый глаз его был поврежден и слеп, только левый глаз был зрячим’.

Игумен Иродион был принят в монастырь и пострижен в монахи. Он стал одним из тех людей, которым Александр Свирский, очевидно, поверял свою жизнь. Именно он и еще двое старцев ездили в Москву к великому князю Василию Ивановичу испрашивать деньги, всю необходимую утварь и мастеров для строительства каменной церкви во имя Святой Троицы. Около 1545 г. он стал игуменом монастыря, дата его кончины не известна, но известно, что в 1563 г. на посту игумена его сменил Иоасаф. Митрополит Макарий скончался в декабре 1563 г. Очевидно, что в таком случаем Видение и как событие, и как текст должны были появиться в интервале от середины 1547 г. до конца 1563 г.

Опираясь на текст Видения, И. Д. Соловьева замечает, что именно в этот интервал при Иродионе была построена деревянная церковь Николая Чудотворца в Преображенской части монастыря. Считалось, что возвел ее прп. Александр, но ее нет ни в духовной грамоте 1533 г., ни в Житии [Соловьева 2008: 27].

Сейчас, когда известно довольно много о рукописной традиции Жития Александра Свирского, можно довольно ясно представить картину распространения теста Видения. Списков Жития исследовано на данный момент 315, Видение как сопровождающий текст Минейной редакции Жития встретилось мне в 15 списках (ни одного списка ранее конца первой трети XVII в.), и единожды как самостоятельный текст, присоединенный к Житию митрополита Макария (РГБ ф. 256 № 364, далее Рум. 364). Что касается списков Жития Украшенной редакции, появившейся в начале XVIII в монастыре Александра Свирского (22 рукописи), то в ней Видение есть всегда, причем в переработанном виде.

Цель доклада: предположение возможных версий места и времени появления текста. Задачи, решаемые в докладе: изучение рукописной традиции текста, установление раннего варианта текста; соотнесение описываемых событий с историческим контекстом. Материалом исследования является текст Видения в совокупности списков XVII–XVIII вв. В качестве исторических источников выступают грамоты и документы, поскольку глобальная работа в этой сфере была проделана И. Д. Соловьевой [Соловьева 2008], то в работе приводятся ссылки на указанное исследование.

Литература

Макарий (Веретенников), архимандрит. Преподобный Александр Свирский и святитель Макарий, митрополит Московский // Альфа и Омега. № 4. 1995. С. 135–144.

Соловьева И. Д. Свято-Троицкий Александро-Свирский монастырь. Художественное наследие и историческая летопись. СПб.: НП-Принт, 2008.

Чернова Наталья Васильевна

магистр, преподаватель-исследователь,
Богословская семинария Объединенной методистской церкви;
natachurch65@yahoo.com

КНИГА ИОВА В ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОМ ПЕРЕВОДЕ НА МАТЕРИАЛЕ ТЫРНОВСКОЙ БИБЛИИ И ЗАХАРЬИНСКОГО ПАРЕМИЙНИКА

Ключевые слова: Книга Иова, Тырновская Библия, Захарьинский паремийник, библейский перевод.

Актуальность данной работы обусловлена тем, что книга Иова, представляющая особый интерес в связи с проблемой кирилло-мефодиевских переводов ветхозаветных текстов, исследована в очень малой степени, в основном в части паремийных переводов. Полные же четьи и толковые переводы книги Иова не сопоставлялись с основными греческими источниками, отсутствуют и критические издания славянских версий книги Иова. Изучение рукописной традиции книги Иова дает возможность с помощью текстологических методов и сравнительно-исторического метода филологического анализа установить характерные черты и особенности перевода книги Иова, ее древнеславянский прототип и греческий оригинал, определить авторство переводов и их качество, а также увидеть историю развития текста. В настоящем исследовании мы опираемся на теоретические положения, разработанные Д. С. Лихачевым и А. А. Алексеевым в области текстологии.

Целью работы является характеристика текстологических особенностей паремийных отрывков книги Иова в Захарьинском паремийнике 1271 г. (РНБ, Ф. 550, Q. п. I. 13), одного из древнейших списков славянского паремийника и самого раннего из сохранившихся датированных списков, и установление их соотношения к тексту книги Иова в Тырновской Библии, 1350–1370 гг. (РНБ, F. I. 461), болгарском (среднеболгарском) сборнике, содержащем самый древний полный список церковнославянского перевода книги Иова.

Новизна данной работы определяется тем, что подобное исследование проведено впервые. Значимость работы состоит в возможности ее применения для дальнейшего исследования в области теории и истории древних церковнославянских переводов.

Захарьинский паремийник (ЗП), относящийся к памятникам новгородского происхождения [Дурново 1969: 66], был написан для церкви святых Бориса и Глеба на Матигоры Заволок [Гранстрем 1953: 23], содержит паремийные отрывки книги Иова в неполной паремийной редакции: с первого по четвертое чтение, пятое чтение отсутствует по причине утраты части списка. Текст паремий книги Иова был переписан Олуферием, сыном писца попа Захарии.

Тырновская Библия (ТБ), созданная в Болгарии в XIV в. [Библия Матфея Десятого 2020: 31], является одной из ранних попыток создания полного библейского текста, а ее своеобразие по составу показывает, что «изготовление этой рукописи было результатом сознательного отбора материала» [Алексеев 1999: 200]. Последовательность книг, вошедших в кодекс, соответствует порядку, принятому для библейских кодексов Ветхого Завета. Книга Иова отнесена к корпусу Книг Премудрости и расположена последней. Часть текста Книги Иова (конец книги) отсутствует.

Результаты исследования. Тексты обоих источников отражают редакцию по греческому тексту Септуагинты. Сопоставление паремийных отрывков книги Иова в Захарьинском паремийнике с текстом книги Иова в Тырновской Библии показало, что 1) паремийные тексты книги Иова в Захарьинском паремийнике содержатся в полном объеме в Тырновской Библии; 2) интерполяции и дублеты отсутствуют; 3) часть стихов в Захарьинском паремийнике имеет полное совпадение с Тырновской Библией, как лексика, так и порядок слов в предложениях; 4) часть стихов имеет совпадение формы слова и порядка слов в предложениях с заменой лексики; 5) присутствуют следующие типы разночтений: пропуск слов, частиц и союзов (же, и), вставки (ЗП пропуск слова — ТБ вставка въ коупѣ), перестановка слов (ЗП непороченъ праведѣнъ истинѣнъ — ТБ истиненъ непорѡченъ праведенъ), замена лексики (ЗП въ странѣ — ТБ въ земи;

ЗП вънѧтъ — ТБ помыслилъ), замена местоимений (ЗП всѣхъ — ТБ вьсе; ЗП ихъ — ТБ своего), различие местоимений (то — тъ), разница в предлогах (на — по).

Результаты исследования позволяют предположить, что полное совпадение стихов в Захарьинском паремийнике и Тырновской Библии может говорить о том, что паремийные отрывки книги Иова в составе Тырновской Библии представляют собой текст, списанный с протографа, а не являются новым переводом.

Литература

Алексеев А. А. Текстология славянской Библии / Рос. акад. наук, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). Славянский библейский фонд. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999.

Библия Матфея Десятого 1507 года. Из собрания Библиотеки Российской академии наук: в 2 т. Т. 1: Факсимильное воспроизведение рукописи БАН, собр. И. И. Срезневского, II. 75 (24.4.28) / подг. изд. и исслед. А. А. Алексеев (отв. ред.), А. Е. Жуков, Ф. В. Панченко. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2020.

Введение в историю русского языка / Н. Н. Дурново; подгот. текста, ред. и коммент. Л. Л. Касаткина и Т. С. Сумниковой; Акад. наук СССР, Отд. лит. и яз. Комис. по ист. филол. наук. М.: Наука, 1969.

Описание русских и славянских пергаменных рукописей: рукописи русские, болгарские, молдовлахийские, сербские / сост. Е. Э. Гранстрем; под ред. Д. С. Лихачева. Л.: Гос. Публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, 1953.

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА (ПАМЯТИ ПОЧЕТНОГО ПРОФЕССОРА В. В. КОЛЕСОВА)

Богданова Людмила Ивановна

д-р филол. наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; libogdanova1@mail.ru

ЧЕЛОВЕК СКВОЗЬ ПРИЗМУ РАСТИТЕЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ

Ключевые слова: образ человека, растительная метафора, когнитивный подход, значение, оценка.

В трудах В. В. Колесова получил отражение собирательный образ русского человека, воссозданный по данным языка [Колесов 2004].

Значимую роль в категоризации мира и оценивания человека и его поступков играет когнитивная метафора, которая, создавая новое знание, соотносит разные сущности, пропуская их через человека, соизмеряя мир с человеческим масштабом знаний и представлений, с системой оценок и ценностей.

В настоящей работе ставится задача — рассмотреть, каким предстаёт человек в зеркале растительной метафоры, каковы его оценочно-ценностные характеристики. Рассмотрим эту проблему на примере некоторых ключевых слов-гиперонимов, порождающих фитоморфные метафоры.

Согласно толковому словарю, ***растение*** — это ‘организм, обычно развивающийся в неподвижном состоянии, получающий питание (в отличие от животных) из воздуха (путём фотосинтеза) и почвы’ [Ожегов, Шведова 1999]. Семантический признак, указывающий на ‘неподвижный характер развития’, в данном случае способен порождать метафорические смыслы, которые концентрируются в устойчивой номинации *растительная жизнь*, метафорическое значение которой определяется как ‘жизнь без духовных интересов’ [Фёдоров 2008]. В русском социуме такая жизнь получает негативную оценку: *Растительная жизнь — брезгливый термин, синоним жизни лёгкой и пошлой…* (Андрей Битов, Первая мысль, 1958) [НКРЯ]. Лёгкая жизнь, о которой, возможно, мечтают многие, в данном случае оценивается отрицательно. Растительной жизни противопоставляется настоящая, истинная жизнь: *Истинная жизнь — творимая жизнь, а <…> не органически-элементарная, животно-растительная жизнь в природе и обществе* (Н. А. Бердяев. Дух и машина, 1915) [НКРЯ].

Растительная жизнь описывается в серых тонах: *Осталась серенькая растительная жизнь? Ни в коем случае!* (Н. Амосов. Голоса времени, 1999) [НКРЯ].

По данным словарей, синонимами *растительной жизни,* которая понимается как жизнь, лишенная великих целей и духовных интересов, являются *жалкое существование, прозябание, животная жизнь*. Однако растительная жизнь может быть и источником удовольствия, если эта жизнь понимается как простая и естественная: *Толканов наслаждался растительной* жизнью (*М. Горький. Варенька Олесова,* 1896) [НКРЯ].

Устойчивое сравнение «*жить как растение*» оценивается обществом негативно. Беспомощное состояние больного не случайно имеет название вегетативное: оно представлено в языке как жизнь растения: *Слышала, муж совсем с ума сошёл. Как растение* (Роман Сенчин. Елтышевы, 2008) [НКРЯ].

Отрицательную оценку имеет и *тепличное растение* — ирон. ‘изнеженный, слабый человек’ [Фёдоров 2008]. Человек, не приспособленный к жизни, получил такое обозначение. Однако

Руководитель секции: Л. Н. Донина.

специалисты, изучающие растительную жизнь в её прямом смысле, утверждают, что тепличные растения способны стойко переносить температуру выше 50 градусов.

Текстовый корпус даёт нам примеры, связанные с положительной оценкой растения / человека, обладающего способностью тянуться к свету: *Проходя сквозь строй насмешливых взглядов, он естественно тянулся к ее влюбленному взгляду, как растение к свету* (Л. Н. Толстой. Анна Каренина, 1878) [НКРЯ].

Не в полной мере метафоризирована в языке способность растения пробиваться сквозь асфальт, сквозь преграды, мешающие развитию: *Когда говорят: «живёт как растение», то забывают, на что способны растения, которые — маленькие и тонкие — пробивают бетонные плиты* (С. С. Неретина, А. П. Огурцов. Пути к универсалиям, 2006) [НКРЯ].

Признак, способный порождать фитоморфную метафору с положительной оценкой, нередко связан со способностью растения, проявляя жизнестойкость, пускать корни: …*человек как растение: куда ни посади, пускает корешки, забывая об опасности* (Вл. Маканин, 1996–1997) [НКРЯ]. Положительно оценивается и связь растения с почвой: *Философ вырастает из прошлого, как растение из почвы* (Л. И. Шестов. На весах Иова, 1929) [НКРЯ]. Однако положительная оценка потенциальной фитометафоры требует контекста.

Представителями растительного мира в широком смысле являются деревья. Слово-гипероним *дерево* в толковом словаре представлено как ‘многолетнее растение с твёрдым стволом и отходящими от него ветвями, образующими крону’ [Ожегов, Шведова 1999]. Как видно из определения, в значении слова выделяется семантический признак ‘твёрдость’, способный порождать как положительные, так и отрицательные коннотации. С твёрдостью может быть связана и стойкость как позитивное качество, и упрямство, а также неподвижность, негибкость, а значит, и глупость, тупость: — «*Но если туп, как дерево, — родишься баобабом, и будешь баобабом, пока не помрёшь*» (Анна Егорова. Новогодний переворот, 2003) [НКРЯ].

Положительные и отрицательные коннотации свойственны и видовым названиям деревьев (ср. гипонимы *берёза* и *дуб*). Комплексный анализ названий растений, деревьев, цветов, предполагающий привлечение данных словарей разного типа, а также текстовых корпусов, выявляет национально-культурную специфику фитоморфизмов. Когнитивная сущность метафоры в данном случае состоит не только в том, чтобы познать окружающий мир, описав его с помощью более понятных человеку названий, но и в том, чтобы понять и осмыслить человеческую жизнь, дать соответствующую оценку качествам человека, отталкиваясь от образов растений, деревьев, цветов. Как показал анализ материала, в описание сходства человека с природными растительными объектами включается субъективный взгляд на объект описания, влекущий за собой оценочную коннотацию, как положительную, так и отрицательную.

Источник

НКРЯ — Национальный корпус русского языка: URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 24.12.2024).

Литература

Колесов В. В. Язык и ментальность. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999.

Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель: АСТ, 2008.

Бурмина Виктория Ильинична
аспирант, Московский городской педагогический университет;
burmina@outlook.com

ПЕЧЬ ПЕЧЕТ И ТОПИТСЯ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ОСНОВНЫХ ФУНКЦИЙ РУССКОЙ ПЕЧИ

Ключевые слова: печь, диалектная лексика, лингвокультура.

Русская печь — один из значимых элементов русской культуры, в связи с развитием технологий она теряет свой первоначальный вид, что в скором времени может привести к забыванию народом определенного пласта лексики, который отражает специфические особенности культуры. Это обуславливает актуальность проблемы — систематизация и сохранение лексики, относящейся к тематической группе «печь». Цель исследования состоит в том, чтобы рассмотреть основные функции русской печи (топка и приготовление пищи) на материале русских народных говоров, так как именно диалектная лексика хранит информацию о разнообразных аспектах народной жизни, традициях и ценностях.

Дом крестьянина не мог быть пригодным для жилья, если в нем не было печи. Интересно, что по народной этимологии слова *изба и топить* связаны. *Изба* имеет уменьшительное значение *истопка*: *ис-топка* от *топить, истопить* [Фасмер 1986, т. II: 120]. В Словаре русских народных говоров *изба* ‘жилой дом с одной комнатой (с русской печкой)’ [СРНГ 12: 85]. Сам же глагол *топи́ть* ‘нагревать, сжигая топливо; плавить, растоплять’, этимологически связан с *тёплый* чередованием гласных [Фасмер 1986, т. IV: 78].

У глагола *топить (затопить)* в русских говорах встречаются следующие производные единицы:

- обозначение начала топки печи: *затапля́ть, затопи́ть, затопля́ть, затопля;*
- обозначение предела завершенности процесса топки: *обтопи́ть, обтопля́ться;*
- обозначение полного завершения процесса топки: *вытопиться.*

Помимо глаголов в говорах встречаются и существительные, обозначающие процесс разовой топки: *зато́пля, зато́почка, зато́пка.* Номинации имеют ласковый оттенок, в них проявляется уважительное, нежное отношение к печи, как к матери, кормилице дома, без печи жизнь крестьянина была практически невозможна.

Для обозначения процесса топки также употребляются глаголы: ба́глить, роспалы́ть, запалювать (без указания ударения), *зо́рить, нажига́ть, развести печку.*

Чтобы затопить печь, нужно положить в нее дрова, для обозначения этого действия употребляется глагол *зата́ривать* ‘наполнять (печь) дровами’.

Печь не была бесшумной, в процессе топки она издавала различные звуки, в говорах зафиксированы следующие глаголы: *бря́кнуть, варга́нить, заварга́нить.*

Во время топки русская печь нагревается постепенно, медленно накапливая жар. Когда же топка завершается, печь постепенно отдает тепло. Тогда наглухо закрывают вьюшку (крышка, которая закрывает печную трубу) и задвижки — начинается «скутывание (закутывание) печи». Помимо *заку́тать* говорят *прику́тать, прику́тывать, ску́тать и ску́тывать.* Также после завершения топки угли сгребали в специальное место в поду (под ‘место в печи, где сжигают дрова’) русской печи, это действие обозначается глаголом *загне́сть.*

Для описания процесса остывания печи используют глаголы *вымыка́ть и отдыха́ть.*

Глагол *печь* имеет значение *‘варить, приготовлять пищу, обжигать’,* то есть обозначает действия, которые происходят непосредственно внутри печи [Черных 1999, т. 2: 29].

Как правило, домашним хозяйством, в частности приготовлением пищи, занималась женщина. Об этом говорили: *быть у печи́* ‘быть хозяйкой’. *Не я у печи, не я хозяйка, сноха* [СРНГ: 27: 7]. После приготовления пищи посуду ставили на шесток, или загнетку (площадку перед

устьем печи), для обозначения данного действия использовали словосочетание *под печкой стоять* ‘быть горячим (о пище)’. *Щи-то у вас под печкой стояли* (т. е. очень горячие) [СРНГ].

Глагол *печь*, обозначающий приготовление пищи, –имеет множество вариантов, которые связаны с фонетическими особенностями говоров: *печи́ть, печть, печи́, пекчи́, пекчи́сь, пехчи́*, а также производные: *вы́пекчи, напекчи́, напечти́*.

Интересны глаголы *варако́зить, оба́биться, нагну́ть*. *Варако́зить* несов. с пометкой *экспр.* ‘печь’. *Оба́биться* ‘распариться в печке, прежде чем высохнуть (о малине)’.

В печи не только готовили (варили, выпекали и т. п.), в печи сушили продукты и одежду, а также в печи гончары обжигали различные изделия. Для обозначения процесса помещения чего-либо в печь употребляются глаголы *насади́ть, сади́ть и сажа́ть*.

Итак, в говорах выявляется единство представлений о русской печи как об основном элементе русской избы, организующем быт: печь топилась каждый день и зимой, и летом, много времени у печи проводили женщины. Печь воспринималась как человек, наделялась антропоморфными чертами (по большей части воспринималась как женщина, мать). Анализ слов, обозначающих основные функции русской печи (*топить* и *печь*), показал, что печь является не только функциональным центром быта в жилище, но и важным культурным символом.

Источник

СРНГ — Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова. Л.: Наука, 1965–2024.

Литература

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева; под ред. и с предисл. Б. А. Ларина. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1986.

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. 3-е изд., стер. М.: Рус. яз., 1999.

Демидов Дмитрий Григорьевич

д-р филол. наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет;
demidoffs@rambler.ru

НЕКОПИРУЕМЫЕ ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

Ключевые слова: письменная традиция, материальный носитель, концепт, ментализация.

1. Русская ментальность может быть изучена только на исторической основе (В. В. Колесов). Концепт претерпевает цикл своего длительного развития. Отсюда возникает необходимость привлечения древнерусских источников, особенно тех, которые достаточно отражают письменную традицию. Но требуется оценить возможности и таких источников, которые плохо вписываются в эту традицию.

2. Письменные источники разделяются на копируемые и имеющие свою текстологию и некопируемые — такие, для которых имеется либо один список, либо он утрачен. Для становления русской ментальности первостепенную роль играли копируемые и, соответственно, многократно читаемые и редактируемые источники. Они заложили наше национальное самосознание. Их сила в прямом проникновении в коллективный разум и коллективное подсознание через язык. Некопируемые источники показывают индивидуальные творческие или обиходно-деловые возможности языка. В зависимости от их оценки мы получаем представления о пределах варьирования русской ментальности, но мало данных о концептах.

3. По своим материальным носителям памятники письменности разделяются на листы, книги, предметы переносимые и предметы покоящиеся. На листах хранятся грамоты, в книгах содержатся церковно-богослужебные, летописные, публицистические, юридические тексты. Предметы переносимые — это чаши, иконы, кресты вкладные, колокола, посуда. Предметы покоящиеся — это могильные кресты, стены храмов, камни. К копируемым памятникам очень близки грамоты, написанные по известному формуляру, надписи на иконах и крестах. На листах выделяются грамоты на бересте, из которых только часть составлена по формуляру, на стенах храмов надписей не по формуляру много, наконец, есть фрагмент книги «Слово о полку Игореве», который считается утраченным, воспроизведенным около 1795 г. и напечатанным в 1800 г.

4. Фактически русская ментальность по «Слову…» проанализирована в книге [Лихачев 1985]. Отмечена интертекстуальная связь с «Песнью о Роланде», «Повестью временных лет» и «Задонщиной». Повторяемость слов. Доказана наиболее тесная связь с Ипатьевской летописью. Противоречия в соотношении язычества и христианства в «Слове…». Историческое и поэтическое в «Слове…». Его автор.

Применение аргументов акад. Д. С. Лихачева к точке зрения сочинения «Слова…» в конце XVIII в. Образы Всеслава и Игоря схожи с персонажами авантюрных повестей. Применимость характеристики автора по Лихачеву к Василию Петрову. Признаки эпохи идентификации с подчинением ей приемов ментализации.

Панхронический взгляд на «Слово…» разрешает споры между сторонниками древности этого памятника и скептиками. Историческая основа изучения русской ментальности может и должна в необходимых случаях дополняться панхроническим подходом.

5. Концепты «обиды» и «славы». Историческая индивидуализация обиды, коллективизация славы.

6. Надписи на стенах храмов с точки зрения характера русского человека. Критический разбор их содержания. Надписи, разобранные в [Рыбаков 1964] и др. Около 1060 г. 10-летний сын Олисавы Святополк Изяславич пишет на стене Софийского собора в Киеве. Разделение граффити на соответствующие русской ментальности по другим источникам и несоответствующие. Последние должны быть источником изучения русской индивидуальной ментальности. Это

проявление частной речевая деятельности, отклоняющейся от письменной традиции и, следовательно, стимулирующей ее развитие.

Вопрос о русском человеке в церкви. Представления о благоговейном поведении в церкви.

7. Неформульные и формульные берестяные грамоты. Происхождение формулы «*отъ* + Р. п. *къ* + Д. п.». Содержание берестяных грамот. Реконструкция древненовгородского общества и его языка по В. Л. Янину и А. А. Зализняку. Берестяная культура [Янин 1998]. Вопрос о языке и содержании берестяных грамот. Они могут быть источником изучения русской ментальности средних и низших социальных слоев древнего Новгорода, речевое поведение которых заметно отличалось от письменной традиции, представленной в прочих источниках, и даже противоречило ей.

Вопросом остается, как оно влияло на письменные нормы памятников на пергамене и бумаге. Скорее всего, сам по себе дорогой писчий материал предрасполагал к соблюдению более строгих правил письма и ограждению от влияния со стороны «вольной» берестяной письменной культуры. Еще более консервативной и выдержанной, а также сознательно исправляемой стала книжная печать.

Рассматривается гипотеза: берестяные грамоты сохраняли состояние ментальности эпохи ментализации гораздо дольше книжной письменности, которая быстрее переходила к эпохе идеации.

8. В целом некопируемые источники требуют особой критики, выводы в отношении проявления ментальности в них должны привлекаться как периферийные индивидуальные явления. Панхронический подход освобождает нас от установления датировок и позволяет проникнуться всем творческим разнообразием проявления русской ментальности.

Возникает особый вопрос различения первообразной ментализации домонгольской поры и изображения ментализации в эпоху идентификации. Пока еще рано говорить о применении ментального метода для датировки некопируемых памятников письменности, но ставить перед собой цель повышения способности науки о русской ментальности к решению частных вопросов русской филологии необходимо.

Литература

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л.: Худож. лит. Ленингр. отд-ние, 1985.

Рыбаков Б. А. Русские датированные надписи XI–XIV веков. М.: Наука, 1964.

Янин В. Л. Я послал тебе бересту. 3-е изд. М.: Школа «Языки русской культуры». М.: Школа «Языки русской культуры», 1998.

Джавадова Улькер Ягуб Гызы

ст. преподаватель, Азербайджанский университет архитектуры и строительства, Азербайджан; ulkar.javadova@azmiu.edu.az

О ВОЗМОЖНЫХ ОПАСНЫХ ПОСЛЕДСТВИЯХ ТЕОРИИ ГЕНДЕРНОЙ ПЕРФОРМАТИВНОСТИ В ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: гендерно-нейтральный язык, американский дискурс, азербайджанский дискурс, неологизмы, теория гендерной перформативности.

Известно, что теория гендерной перформативности, в целом квир идеология оказала достаточно сильное воздействие на гендерный концепт английского языка. В частности, она дала основательный толчок для формирования нового гендерно-нейтрального вокабуляра данного семантического поля, в частности, ввела огромное количество гендерных неологизмов в обиход различных субдискурсов английского языка.

К сожалению, статус английского языка как ведущего языка глобализиционного процесса дал возможность тиражирования данной гендерно-нейтральной терминологии в другие языки мира. Сожаление вызывает не сами идеи политкорректности к лицам с нетрадиционной ориентацией, а попытки некоторых трансрадикальных кругов заменить традиционные гендерные понятия альтернативными гендерно-нейтральными нововведениями. Так, например, идея отказа от гендерно разграниченных терминов родства, таких как «отец» и «мать», не может не вызывать тревогу и обеспокоенность. Известно, что в 2021 г. в конгрессе США прошли обсуждения на тему гендерно-нейтрального языка, во время которых тогдашний спикер Палаты Представителей Н. Пелоси заявила, что в знак уважения к людям с нетрадиционной гендерной идентичностью в официальных документах парламента следует отказаться от таких гендерно обозначенных слов, как отец, дочь, мать, сын. (“*Gendered terms” like “father, daughter, mother, and son” are now eliminated in the House rules for the 117th Congress*), что вызвало критику у представителей консервативного меньшинства. Один из конгрессменов-республиканцев назвал данный проект глупостью и подписался как отец, сын и брат (*Signed, — A father, son, and brother*) [Boyle 2021].

Такого рода инициативы не могут не вызывать опасения у носителей других языков, так как в последние десятилетия именно английский язык задает тон многим гендерно-нейтральным изменениям в общемировой (как минимум, общеевропейской) языковой среде. Стоит только напомнить, что именно в английском языке, точнее сказать, согласно решению Государственного Департамента США, в американском дискурсе в административном порядке укоренилось использование новых (гендерно-нейтральных) терминов родства: Родитель 1 (Родитель Один / Родитель Первый) и Родитель 2 (Родитель Два / Родитель Второй). Данное нововведение обосновывалось тем, что родители с нетрадиционной ориентациях (в семьях, где два отца или две матери) чувствовали себя ущемлёнными от использования гендерно-маркированных терминов родства [Starnes 2011]. Иными слова в американском дискурсе наблюдается тенденция некоего угодничества гендерно-чувствительным слоям общества (лицам с нетрадиционной ориентацией), за счет игнорирования интересов традиционно ориентированного (консервативного) большинства. Данная инициатива нашла отклик и европейском дискурсе [‘Mother’ and ‘Father’ 2019], что само по себе делает подобные политкорректные языковые (гендерно-нейтральные) нововведения довольно опасным прецедентом для азербайджанского дискурса.

Напомним, что, как неоднократно высказывался президент Азербайджана И. Алиев, Азербайджан является страной с четко выработанными семейными ценностями, страной с многовековой историей новаторского традиционализма. В этом плане некая императивность рекомендаций (на самом деле: требований) о введении гендерно-нейтральных неологизмов крайне неприемлема для Азербайджана. В азербайджанских медиа, политическом, научном и прочих субдискурсах нашло свое применение множество неологизмов, сформировавшихся на пике популярности теории гендерной перформативности, таких как: transhumanizm, neytral cins, bioloji

cins, sosial cins и т. д. Но тем не менее азербайджанский дискурс при всей своей достаточной (для светского государства с мусульманским большинством) толерантности не приемлет применение гендерной нейтрализации терминов родства, также использование гендерно-нейтральных альтернатив для обозначения представителей различных полов. Последняя тенденция крайне актуальна в кругах трансрадикалов. Так, например, в указанных кругах приветствуются такие абсурдные неологизмы, как: *people who menstruate, birthing people, people with uteruses* и т. д. Данного рода альтернативы используются для того, чтобы трансгендер женщина не чувствовала бы себя ущемленной в сравнении с биологической женщиной. Но в таком случае упускается из виду то обстоятельство, что многие женщины указанные эвфемизмы считают оскорблением их чести и достоинства (см. об этом: [Hewett 2022]).

Литература

Boyle Ch. Conservatives Blast 'Mind Blowing' Rule Changes as Congress Passes New Code Of Conduct // Banning Gendered Terms From Official Language. January 6, 2021. URL: https://publishedreporter.com/2021/01/06/conservatives-blast-mind-blowing-house-rule-changes-as-117th-congress-passes-new-code-of-conduct-banning-gendered-terms-from-official-language/ (дата обращения: 24.12.2024).

Hewett H. Are 'Women' Being Erased? // The New York Times. July 9, 2022. URL: https://www.nytimes.com/2022/07/09/opinion/letters/women-erased.html (дата обращения: 24.12.2024).

'Mother' and 'Father' Replaced With 'Parent 1' and 'Parent 2' in French Schools Under Same-Sex Amendment // Newsweek. February 15, 2019. URL: https://www.newsweek.com/mother-and-father-replaced-parent-1-and-parent-2-french-schools-under-same-1332748 (дата обращения: 24.12.2024).

Starnes T. 'Mother,' 'Father' Changing to 'Parent One,' 'Parent Two' on Passport Applications // Fox News. January 7, 2011. URL: https://www.foxnews.com/politics/mother-father-changing-to-parent-one-parent-two-on-passport-applications (дата обращения: 12.12.2024).

Дзюба Елена Вячеславовна

д-р филол. наук, профессор,
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого;
dzyuba_ev@spbstu.ru

КОНЦЕПТЫ И КАТЕГОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА: ВЕКТОРЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА И ДИСКУРСА

Ключевые слова: лингвополитология, политическая картина мира, концепты, категории.

Лингвополитология (ЛП) — направление, формирующееся на стыке политологии и лингвистики, но вряд ли отождествляемое с оформившимся в последние годы направлением политической лингвистики (ПЛ). Идея разграничения ПЛ и ЛП носит отнюдь не формально-декларативный характер, хотя многие специалисты отождествляют эти термины (В. З. Демьянков, Е. В. Карпухина, З. И. Комарова, В. А. Маслова, Л. Н. Синельникова). Одной из генерализующих черт отечественной лингвистики на рубеже XX–XXI вв. стала *полипарадигмальность*, основанная, по словам Е. С. Кубряковой, на «интегральности научного подхода с целью комплексного междисциплинарного исследования с учетом взаимодействия различных областей лингвистического знания» [Кубрякова 1995: 239].

В настоящее время лингвисты отчетливо разграничивают социолингвистику и лингвосоциологию. Социолингвистика изучает «широкий комплекс проблем, связанных с социальной природой языка, его общественными функциями, механизмом воздействия объективных социальных факторов на язык и той ролью, которую язык играет в жизни общества» [Словарь… 2006: 207]; лингвосоциология — это «область исследований, основная цель которых состоит в рассмотрении языковых процессов в качестве составной части социальных процессов, а языка — как фактора социального развития наряду с экономическими, идеологическими и др. факторами» [Словарь… 2006: 106]. Отчетливо разграничиваются и психолингвистика с лингвопсихологией. Как отмечает Л. Г. Бабенко, «оба термина структурно и содержательно пересекаются: они образованы на основе синтеза одинаковых корневых морфем, встроенных в структуру слова в диаметрально противоположном порядке, что указывает на разный вектор направленности двух научных подходов в их взаимодействии, на их сходство и различие: в первом случае оно осуществляется в направлении от психологии к языку, во втором от языка к психологии» [Бабенко 2020: 41].

Подобным образом разводятся ПЛ и ЛП, при этом основанием для разграничения является, кроме прочих, вектор научных изысканий. Если ПЛ считает точкой отсчета политическую реальность (вектор исследования: от политики к языку), что определяет характер исследований и специфику материала (язык того или иного исторического периода: язык Третьего рейха, язык советской эпохи или под.; жанры политической коммуникации: политический плакат, карикатура, агитационная листовка, обращение президента к Федеральному собранию и др.; идиостиль того или иного политика и т. д.), то ЛП исходит непосредственно от языка, используемого как средство формирования концептов и категорий политического мира на основе фактов естественного языка или единиц отдельных языковых пластов. При акценте на ЛП язык выступает как феномен, являющийся материалом и средством моделирования политической картины мира (ПКМ) за счет формирования политически значимых концептов и категорий, и как сам факт, участвующий в реализации политических действий и событий, как акт собственно политического волеизъявления (публичные политические речи, в том числе инаугурационные, основные документы, отражающие политическую позицию стран-участников международных организаций и международных объединений и т. д.).

ЛП материалом для изучения «видит» политические действия и события, которые выражаются в речевой форме (заявления, обращения, декларации, соглашения, договоры и т. п.) и которые направлены на реализацию той или иной стратегии как политического действия. Лексика естественного языка, имеющая семантику единения, взаимопонимания, установления

добрых и доверительных отношений (*мир*, *дружба*, *добрососедство*, *согласие*, *диалог*, *доверие*, *уважение*), используемая в международных документах, «овнешняет» значимые в политическом мире стратегии единения и паритетности и одновременно свидетельствует о солидаризации и консолидации усилий разных политических акторов, выражая определенные действия в соответствии с заявленной концепцией, ср. реализацию стратегии через лексемы *совместный*, *равноправный*, *взаимный*, *дружба*, *добрососедство*, *диалог* — к действиям подтверждения причастности общей идее, выраженным перформативным глаголом, ср.: *Государства-члены, подтверждая приверженность миру, совместному развитию и равноправным отношениям на основе принципов взаимного уважения, дружбы и добрососедства, будут и далее вести конструктивный и доверительный диалог, углублять эффективное многоплановое сотрудничество, прилагать все усилия для укрепления безопасности и стабильности, обеспечения устойчивого развития на пространстве ШОС* [Самаркандская декларация… 2022].

Для формирования ПКМ не менее значимы категории. В современных политических текстах институционального дискурса актуализируется категория метафорически и неметафорически осмысленного пространства, реализуемая за счет бинарных оппозиций открытости (*разблокирование*, *единение*, *присоединение*, *сотрудничество*, *партнерство*, *связь*, *совместность*, *сопряжение*, *строительство мостов*) и закрытости/замкнутости (*сепаратизм*, *блок*, *барьер*, *строительство стен*), ср., например: *Государства-члены в соответствии с принципами Хартии ШОС придерживаются линии, исключающей блоковые, идеологизированные и конфронтационные подходы к решению проблем международного и регионального развития* [Самаркандская декларация… 2022]. Так, языковые средства естественного языка дают стимул для формирования ключевых концептов-ориентиров в деятельности тех или иных политических акторов. Подобные факты представляют интерес именно для ЛП, поскольку в этом случае речевая деятельность есть акт политического волеизъявления.

Источники

Самаркандская декларация Совета Глав государств-членов ШОС // Шанхайская организация сотрудничества. URL: https://rus.sectsco.org (дата обращения: 23.01.2025).

Словарь социолингвистических терминов / отв. ред. В. Ю. Михальченко. М.: Ин-т языкозн. Рос. акад. наук, 2006.

Литература

Бабенко Л. Г. Лингвопсихология как новое междисциплинарное научное направление // Когнитивные исследования языка. 2020. Вып. 42. С. 40–44.

Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 1995. С. 239–320.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ), проект № 25-28-01062 «Стратегии продвижения национальных интересов России через трансформирующиеся институты многосторонней дипломатии: лингвополитологический аспект», https://rscf.ru/project/25-28-01062/.

Донина Людмила Николаевна[1], Жэнь Чуньянь[2]

[1]канд. филол. наук, ст. научный сотрудник, Институт лингвистических исследований РАН; доцент, Санкт-Петербургский государственный университет; ldonina@mail.ru;
[2]аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет; yanyanh3@yandex.ru

ПРОТИВОПОСТАВЛЕННЫЕ КОНЦЕПТЫ, РЕПРЕЗЕНТИРУЕМЫЕ ПОЛНЫМИ И НЕПОЛНЫМИ АНТОНИМАМИ

Ключевые слова: отношения противопоставления, неполные антонимы, полные антонимы, концепт.

Раскрывая смысл содержательных концептов в монографии «Концептуальное поле русского сознания», проф. В. В. Колесов начинает их рассмотрение с антитезы Свет и Тьма [Колесов 2021: 255–258]. Ментальная парадигма создается единством двух концептов, между которыми существуют отношения противопоставления, о чем свидетельствуют пересекающиеся семантические константы: «*Свет — начало и сущность всего, сила материи, которая рождается из темной основы бытия, в которой участвует тьма*»; «*Тьма — темнота как символ преодоления света окутывает весь мир ради участия в свете*» [Колесов 2021]. В языке эти противопоставленные по всем составам семантической константы концепты выражаются полными антонимами *свет, тьма*, и каждый включается в описание обеих семантических констант, такое положение характерно для контрарных и комплементарных антонимов. Неполные антонимы — это антонимические пары, имеющие различную коннотацию, например, они могут отличаться особой стилистической окраской или степенью экспрессивности, обладают различными оттенками значений [Ильясова 2019: 86].

Цель работы — определить, как проявляются отношения противопоставления между парами полных и неполных антонимов. Основным методом исследования является концептуальный анализ, разработанный В. В. Колесовым [Колесов 2021: 2]. Материалом исследования послужил «Словарь русской ментальности» (далее СРМ) [СРМ 2014].

Для анализа были выбраны пары полных антонимов, репрезентирующих концепты «Любовь — Ненависть». Противопоставление концептов не только разъединяет, но и объединяет их, создает синтез, и от познания смысла целостного двойного концепта мы двигаемся к пониманию частного отдельного концепта. Пара *любовь — неприязнь* — это неполные антонимы, так как имеют различные оттенки значений. *Доброта — неприязнь* (начальная стадия более сильного чувства — злобы) — квазиантонимы. Неполные антонимы и квазиантонимы занимают некое «промежуточное», среднее место между двумя полными антонимами, они менее контрастны, менее выразительны стилистически. Как отмечает по другому случаю В. В. Колесов, «…русская ментальность сторонится *середины-середняка,* как “пустого места”, во всех случаях предпочитая крайности» [Колесов 2021: 370]. Неполный антоним не снимает антиномии ни этически, ни логически, ни эстетически, а потому менее ценен.

На базе словарных статей СРМ, посвященным соответствующим полным, неполным антонимам и квазиантонимам, мы получили семантические константы.

Сравнение представлений о концептах в их инвариантных формах семантических констант:

1. По основанию: в паре «Любовь — Ненависть» наблюдается противопоставление: *любовь — нелюбовь, благосклонность — недоброжелательность*. В паре «Любовь — Неприязнь» противопоставления не выявлено.
2. По условия. «Любовь» проявляется с положительной коннотацией, в то время как «Ненависть» и «Неприязнь» — с негативной. Зафиксировано противопоставление по условиям в обеих парах. Отметим, что в неприязни может отсутствовать явная ненависть, но и не возникает привязанности, что подчеркивает лишь частичное противопоставление.

3. Причина. Любовь — конструктивное чувство, основанное на благосклонности и душевном согласии. Ненависть является нравственно гибельным чувством с разрушительной силой. С этой точки зрения, Неприязнь — нейтральна, она проявляется скрыто и не обладает силой созидания или разрушения. Противопоставление отмечается только в паре полных антонимов, репрезентирующих концепты «Любовь — Ненависть».
4. Цель. Любовь основана на совести, бескорыстии, связи с высшими ценностями (например, с Богом) и личной свободе. Ненависть и Неприязнь направлены против Бога. Противопоставление по цели — в обеих парах.

На основе словарных статей СРМ квазиантонимов, репрезентирующих концепты, мы получили следующие семантические константы.

1. Основание. Концепты «Доброта — Неприязнь» имеют прямое противопоставление по основанию: добро и зло представляют собой две крайние точки морального спектра.
2. Условие. Доброта — качество человека, которое высоко ценится русским народом и является проявлением всего лучшего в человеке. Неприязнь не связана с положительными или отрицательными характеристиками человека, в отличие от других исследуемых концептов проявляется скрыто и не подразумевает активного действия. В паре *доброта — неприязнь* не наблюдается противопоставления по условию.
3. Причины. Доброта основана на стремлении к добру и положительном намерении. В паре *«Доброта — Неприязнь»* нет противопоставления по причинам, так как неприязнь выражает лишь отношение человека к чему-либо, но не говорит о его моральных качествах.
4. Цель. Доброта является символом благородства и добродетели, в отличие от неприязни, символизирующей разрушительный потенциал для души. В паре по цели наблюдается противопоставление.

В результате проведенного анализа можно утверждать, что все части семантических констант у пары концептов «Любовь — Ненависть», репрезентируемых полными антонимами, противопоставлены. В паре концептов «Любовь — Неприязнь», репрезентируемых неполными антонимами, противопоставления выявлены в условиях и цели. Квазиантонимы *доброта — неприязнь* противопоставлены по основанию.

Привативные парные оппозиции («Ад — Рай») не дают примеров выражения неполными антонимами, поскольку в этих случаях отсутствует понятие о степенях возрастания или понижения качества. Неполные антонимы возможны в эквиполентных оппозициях, которые могут развиться в градуальный ряд качеств.

Литература

Ильясова Р. С. Проблема классификации антонимов в русском языке // Известия Чеченского государственного университета им. А. А. Кадырова. 2019. № 2 (14). С. 83–88.

Колесов В. В. Концептуальное поле русского сознания. СПб.: Изд-во Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена, 2021.

Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А. Словарь русской ментальности: в 2 т. СПб.: Златоуст, 2014.

Жмакина Ирина Сергеевна

преподаватель, Сибирский федеральный университет;
irina.zhmakina97@yandex.ru

ЛИНГВОКОГНИТИВНАЯ МЕТОДИКА ОПИСАНИЯ ИМИДЖЕВОГО ПОТЕНЦИАЛА МЕДИАТЕКСТОВ О ЗНАКОВОМ ОБЪЕКТЕ ГОРОДА

Ключевые слова: лингвоимиджелогия, концепт, лингвокогнитивный подход, Красноярский государственный театр оперы и балета, фреймовая модель.

В работе применяем фреймовый анализ для описания одного из знаковых объектов города Красноярска — Красноярского государственного театра оперы и балета (далее — Театр). Закрепление за Театром статуса знакового объекта города подтверждается результатами онлайн-анкетирования. В качестве гипотезы формулируем утверждение о том, что в медийных текстах о Театре содержится имиджевый потенциал. Под текстом, обладающим имиджевым потенциалом, вслед за А. В. Кудриной, понимаем несобственно имиджевые тексты, потенциально могущие оказать влияние на имидж того, к чему они относятся [Кудрина 2018].

Номинация Театра складывается из двух концептуальных структур — «театр» и «Красноярский государственный театр оперы и балета». Основу фреймовой модели Театра составили характеризующие параметры (понятийный, прагматический и оценочный) этих структур, выявленные в ходе лингвокогнитивного анализа эмпирического материала (30 медиатекстов, отобранных путем сплошной выборки, в которых содержится информация о Театре). Впервые эта модель была применена для анализа имиджформирующей информации в СМИ о таком знаковом объекте, как «Национальный парк «Столбы»» [Evseeva, Zhmakina 2020; Евсеева 2022].

Характеристика каждой из двух названных концептуальных структур была получена путем анализа словарных дефиниций.

Содержание концепта «театр» полностью включает содержание концепта «Красноярский государственный театр оперы и балета» как родового понятия. Помимо этого, концепт «Красноярский государственный театр оперы и балета» содержит специфические компоненты и имеет более широкое номинативное поле.

Представленные выше концептуальные структуры этого знакового объекта содержат обязательные и факультативные тематические признаки, которые формируют слоты. В качестве примера рассмотрим один из слотов фреймовой модели «*здание (сооружение*», который представлен в текстах смысловым компонентом: «*здание, где осуществляются сценические представления и имеется все необходимое для этого*». Данный компонент с позиции понятийного параметра раскрывается следующим образом: «*здание со сценой и зрительным залом*». Прагматический параметр выражен в информации о платном входе. Широко представлен оценочный параметр в тех фрагментах текста, где содержится описание зрительных залов.

Однако не все слоты фреймовой модели раскрыты в рассмотренных текстах полностью. Так, слот «*опасность*» содержит понятийный и оценочный параметры («*в театре безопасно*» и «*никакой паники во время пожара не было, и люди организованно покинули здание театра*» соответственно), но не содержит прагматический. Важно, что прагматический параметр названных слотов в анализируемых текстах не раскрывается, поскольку их авторы не обращают внимание на практическую значимость наличия безопасной среды для посетителей театра. Слот «*архитектура*» также не содержит в текстах прагматически значимых характеристик.

Отметим, что прагматический параметр, наряду с оценочным, является наиболее значимым для формирования имиджа какого-либо объекта. Именно эти параметры демонстрируют закрепление в языке при помощи конкретных знаков того, что важно для человека, и воздействие этих знаков на людей.

В представленном исследовании рассматриваются оценки отдельных элементов концепта «Красноярский государственный театр оперы и балета». За основу взята классификация частнооценочных значений [Арутюнова 1988]. В анализируемых текстах наиболее частотными ока-

зались оценки сенсорной психологической эмоциональной категории (32,1 %), рационалистической телеологической (28,6 %) и сублимированной этической (21,4 %). Выявленное соотношение оценочных значений говорит о том, что в СМИ преобладают тексты, содержащие оценку того или иного факта с психологической точки зрения (радостное — печальное событие; интересное — увлекательное). Кроме того, частотны тексты с телеологическим оценочным значением, которые содержат намёк на целесообразность, эффективность и успешность того или иного мероприятия. Как правило, указанные значения реализуются посредством метафоры (29,27 % от всех выявленных тропов).

Фреймовый анализ позволил выявить «сильные» и «слабые» стороны медиатекстов о Театре, что демонстрирует имиджевый потенциал рассмотренных текстов. Формированию положительного имиджа знакового городского объекта будут способствовать имиджевые тексты, раскрывающие прагматический параметр.

Исследование доказывает, что фреймовое моделирование является удобной лингвокогнитивной методикой описания имиджевого потенциала медиатекстов о знаковом объекте города. Фреймовая модель как структура данных позволяет представить типизированный объект, модель которого можно использовать для иных знаковых объектов любого региона.

Литература

Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка, событие, факт. М.: Наука, 1988.

Евсеева И. В. Имидж регионального объекта в аспекте лингвоимиджелогии // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. 2022. № 7. С. 136–141.

Кудрина А. В. Имиджевый медиатекст российских экономических форумов: история возникновения, особенности, тенденции развития: дис. … канд. филол. наук. М., 2018.

Evseeva I. V., Zhmakina I. S. The Concept of Stolby Nature Reserve in the Aspect of Linguoimageology // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2020. Vol. 13, no. 12. P. 1914–1926.

Исследование подготовлено в рамках проекта РНФ № 25-28-00603 «Лингвистическая имиджелогия как междисциплинарное направление лингвистического знания: от практики к теории».

Ильченко Ольга Сергеевна

д-р филол. наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет;
o.ilchenko@spbu.ru

КОГНИТИВНАЯ ГРАММАТИКА: СЕМАНТИКО-ГРАММАТИЧЕСКАЯ СОЧЕТАЕМОСТЬ В ТРЕХКОМПОНЕНТНОЙ ПЕРЕХОДНОЙ КОНСТРУКЦИИ

Ключевые слова: экстралингвистическая ситуация, топологические и физические характеристики объекта, транзитивный глагол, семантическая роль, языковой механизм.

Значения падежей теснейшим образом связаны с вещественными значениями и управляющих слов и управляемых (А. М. Пешковский). Рассмотрим некоторые типизированные с помощью языковых средств естественные ситуации (Ю. С. Степанов), когда именно свойства объекта определяют выбор переходного глагола соответствующей лексической семантики для обозначения специфичного действия (о семантике переходности см.: [Ильченко 2011]).

Так, именно различием *физических свойств* объектов (текучий, сыпучий, тягучий, густой, вязкий, липучий) обусловлено наличие нескольких типов переходных глаголов, обозначающих заданные природой типы «перемещения» объектов: *налить* (жидкость), *насыпать* (песок), *намазать* (крем), *нанести* (краску) и др. Кроме того, важны и *топологические типы* объектов (емкость, поверхность и пр.): *наполнить* (емкость), *намазать* (поверхность) и др.

Рассмотрим на первый взгляд похожие конструкции, при перифразах которых выявляются отличия:

(1) *намазать масло на хлеб — намазать хлеб маслом*

(2) *налить воду в ведро — наполнить ведро водой* (**налить ведро водой*)

В перифразах (1) правильными являются оба варианта: *намазать хлеб маслом и намазать масло на хлеб*, в отличие от (2) *налить воду в ведро — *налить ведро водой* (*звездочкой отмечен запрещаемый языком вариант). Это отражено в толковом словаре:

> НАМАЗАТЬ *сов., перех.* Покрыть слоем чего-л. жидкого, вязкого, густого. *Намазать хлеб маслом. Намазать пол мастикой.*
>
> *(что и чего)* «Положить слой чего-л. жидкого, вязкого, густого» *Намазать масло на хлеб, намазать на хлеб немножко икры.* (МАС, II, с. 370)
>
> НАЛИТЬ *перех.* Наполнить что-л., вливая какую-л. жидкость.
>
> *Налить рюмку вина, налить ведро воды. Полную лодку [воды] налило.*
>
> // (*что и чего*) «Влить во что-л. и влить в каком-л. количестве» *Налить воду в ведро. Налить щей в тарелку.* МАС (II, с. 368)

Почему при описании одной и той же ситуации глагол *намазать* допускает указанную выше мену семантических ролей (1), а глагол *налить* — нет (2)?

Глагол *налить* — как и многие другие однокоренные глаголы со значением ‘что происходит с жидкостью’ (*подлить, отлить, влить, вылить, перелить, долить, слить, излить*) — в качестве объекта допускает только имена существительные, обозначающие жидкость, отражая действительное положение дел в мире (см.: [Ильченко 2022]): *налить воды / воду*. Причем корректным является и *метонимическое* употребление *налить ведро вод*ы, когда емкость используется в качестве ‘единицы измерения’ жидкости. Некорректность варианта **налить ведро водой* объясняется нарушением семантического согласования, поскольку полый сосуд *наполняют* (подробнее об этом [Ильченко 2024: 390–393]). Ср. языковые параллели (англ.): *Fill the bucket with water. — Наполни ведро водой.* Но с другим глаголом: *Pour (some) water into the bucket. — Налей воду (воды)* в *ведро*.

От точки зрения говорящего зависит *интерпретация* одной и той же внеязыковой ситуации. В примере *намазать хлеб маслом* говорящий акцентирует внимание на том, что проис-

ходит с хлебом: *намазать* означает «покрыть, обработать его поверхность полностью (согласно грамматической семантике В. п.) с помощью липкого, тягучего, вязкого вещества (масла, крема, сметаны, масла, меда и под.). В отличие от текучей жидкости, вязкая, липкая субстанция (*масло*) как средство способна удерживаться на двух разных поверхностях одновременно — имплицитно выраженных орудия (*нож*) и конечного пункта перемещения (*хлеб*). Именно поэтому возможным становится *метонимическое* употребление *намазать хлеб маслом* (прилипшим к *ножу*). Говорящий может переместить фокус внимания на то, что происходит с маслом, которое, благодаря своим физическим свойствам, способно к размазыванию (ср. англ. *to butter — butter*): *намазать масло на хлеб*.

Сравнительный анализ лексического заполнения синтаксических позиций при одном и том же переходном глаголе убеждает, что использование инструментального значения Тв. п. обусловлено «его семантикой, происходит подсознательно и базируется на глубоком содержательном анализе ситуации действительности» [Кошелев 1996: 151]. Типизированный в языке способ пространственного перемещения, заданный физическим свойством объекта, не может быть изменен по произволу. Поэтому прозвучавший недавно в научном сообществе призыв внести поправки в академические словари, устранив «лексикографические ошибки» (т. е. зафиксировать у глагола *налить* еще «значение» *налить что чем — налить ведро водой*), нельзя признать состоятельным. При восприятии этой некорректной фразы в сознании грамотного носителя языка, т. е. человека, для которого языковой знак является полностью «прозрачным» (термин Э. Гуссерля), моментально возникает когнитивный диссонанс, поскольку наблюдаемое действие *налить что чем* — это, например, *налить воду ковшом (в ведро), и* никак иначе.

Таким образом, при выборе падежа необходимо принимать во внимание лексическую семантику как «управляющего» глагола, так и «управляемого» существительного, памятуя, что «в падежных формах имени существительного отражается понимание связей между предметами, явлениями, действиями и качествами в мире материальной действительности» (В. В. Виноградов).

Литература

Ильченко О. С. Аспекты изучения темы «Глаголы переходные и непереходные» в VI классе // Русский язык в школе. 2011. № 12. С. 23–28.

Ильченко О. С. О необходимости собственно лингвистического подхода к интерпретации данных русской разговорной речи при решении теоретических задач (по следам дискуссий на научных мероприятиях международного уровня в 2019–2023 гг.) // Язык и ментальность в диахронии: сб. науч. тр. по итогам IV Всерос. науч. сем. для молодых ученых с междунар. участием, посвящ. 90-летию со дня рождения В. В. Колесова. Владимир: Владимир. гос. ун-т, 2024. С. 388–394.

Ильченко О. С. Отражение процесса познания в семантико-синтаксических структурах языка // L Международная научная филологическая конференция им. Л. А. Вербицкой (Санкт-Петербург, 15–23 марта 2022 г.): тез. докл. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2022. С. 450.

Кошелев А. Д. К описанию инструментального значения творительного падежа // Московский лингвистический альманах, выпуск 1. Спорное в лингвистике. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. С. 147–152.

Кириллова Ксения Игоревна

аспирант, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского;
kirillovakseniya1999@gmail.com

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕОЛОГЕМ «RUSSIA» И «США» В СОВРЕМЕННЫХ АМЕРИКАНСКИХ И РОССИЙСКИХ МАССМЕДИА

Ключевые слова: политическая метафорология, метафорические модели, идеологемы, медиадискурс.

В докладе в лингвокогнитивном аспекте анализируются пространственные метафоры, формируемые на основе модели целенаправленной деятельности и используемые при характеристике страны-оппонента в общественно-политических массмедиа 2022–2024 гг.: США — в российских изданиях; РФ — в американских. Цель работы — выявить роль подобных переносов в формировании образов «США» и «Russia». Материалом для анализа послужили 140 российских и 100 американских публикаций за период с 22.02.2022 по 31.10.2024. Актуальность исследования обусловлена необходимостью определить специфику подобных переносов в формировании и репрезентации современной общественно-политической (идеологической) картины мира, поскольку модель целенаправленной деятельности является одной из наиболее востребованных пространственных моделей метафоризации [Балашова 2014: 125]. При исследовании с помощью методик семантического, когнитивного и дискурсивного анализа материала были выявлены определенные сходства и существенные различия на уровне лексем и описываемых ситуаций.

Некаузативный и каузативный варианты исследуемой модели реализуются в англоязычных контекстах практически поровну (53 % и 47 %). В рамках некаузативного варианта субмодели однонаправленного движения вперед авторами используются следующие группы лексико-семантических вариантов (далее ЛСВ): а) общие наименования движения (ср.: *go farther/forward*, *step*); б) затрудненное движение (ср.: *lumber*, *scramble*); в) резкое, быстрое движение, напоминающее бросок (ср.: *push*); г) наименования пути и/или траектории движения (ср.: *avenue*, *road*, *path*). При характеристике внешней политики России авторы проецируют мнение, что Россия стремится создать новый миропорядок, лишить США и ЕС ведущего положения на мировой арене, занять доминирующее положение. В контекстах с лексемами, характеризующими высокую скорость движения (ср.: *run*, *quick*), акцент делается на негативной экономической ситуации внутри РФ, на демографических проблемах и т. п., однако фиксируются примеры, где подобного рода переносы позитивно оценивают рост экономики в России вопреки западным санкциям. Движение в обратную сторону (ср.: *back away*, *revert*) ассоциируется с идеологическим и политическим регрессом РФ, с неудачами в достижении поставленных целей во внутренней и во внешней политике.

В рамках каузативного варианта исследуемой модели наиболее востребованной (65 % контекстов) оказывается субмодель, связанная с ЛСВ с первичными значениями удержания субъекта, его замедления или остановки (22 единицы в 69 контекстах, ср.: *block* (v), *corner* (v), *froze*, *forestall*). Объектом воздействия может являться РФ, и тогда на нее оказывают внешнее воздействие США, ЕС и Украина, которые стремятся помешать России достичь успехов во внешней и внутренней политике, и в таком случае широко востребованы контексты с пассивным залогом. РФ может позиционироваться как активный субъект, который препятствует развитию других стран; данный вариант субмодели может также употребляться для указания на стремление руководства РФ оградить граждан страны от информации извне и воспрепятствовать поставкам за рубеж.

В исследуемом российском материале соотношение некаузативного и каузативного вариантов несколько отличается (59 % против 41 %), что может быть обусловлено тем, что гораздо большее количество авторов подчеркивает внешнеполитическую активность США. Особенно

востребованными являются лексемы, именующие в первичном лексико-семантическом варианте однонаправленное движение, его траекторию и конечную точку, что акцентирует внимание на самостоятельности в выборе цели, в способах решения задачи (ср.: *путь*, *стремиться*, *шаг*). Такой целью, по мнению авторов публикаций и цитируемых ими экспертов, становится стремление США к абсолютному доминированию в мире, при этом достижение конечной точки движения осмысляется преимущественно негативно. Наиболее регулярно такого рода процессы ассоциируются с невозможностью движения в выбранном направлении из-за препятствий, отсутствия проходов и т. п. (ср.: *столкнуться*, *тупик*). С помощью переносов на базе глаголов с первичными значениями ‘покидать какое-либо место, удаляться от кого-, чего-либо’; ‘пройти стороной, огибая, минуя кого-, что-либо’ внимание акцентируется на неблаговидности цели США и/или способов ее достижения. Принципиально иным по сравнению с англоязычным материалом оказывается концептуальное осмысление переносов на основе лексем со значением ‘движение в обратном направлении’ (ср.: *возвращение*): оно ассоциируется с позитивной сменой политической парадигмы — с нацеленностью США не на конфронтацию, а на сотрудничество (прежде всего — с РФ).

С помощью каузативного варианта модели целенаправленной деятельности авторы российских публикаций акцентируют внимание на активности США в стремлении контролировать развитие других стран, международных организаций и мирового сообщества в целом.

Таким образом, в американских СМИ создается образ России, которая не может успешно развиваться из-за санкционной политики США и ЕС, подчеркивается рост внутренних экономических и социальных проблем, формируется негативный образ страны, стремящейся к прошлому, а не к будущему. В российских СМИ формируется образ США как активного участника общемировых экономических и социально-политических процессов, основной целью которого становится утверждение своей лидерской позиции, в том числе за счет подчинения союзников и остановки деятельности стран-оппонентов, подчеркиваются неблаговидные намерения США и возможные негативные последствия их действий.

Литература

Балашова Л. В. Русская метафорическая система в развитии: XI–XXI вв. М.: Рукописные памятники Древней Руси; Знак, 2014. (Studia Philologica).

Кравченко Михаил Александрович

канд. филол. наук, доцент,
Ростовский государственный университет путей сообщения;
mak@rgups.ru

ВНУТРИТЕКСТОВАЯ АКТУАЛИЗАЦИЯ СЕМАНТИКИ ЗНАКА СРЕДСТВАМИ ОБЫДЕННОГО МЕТАЯЗЫКА (НА ПРИМЕРЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МЕТАОПЕРАТОРА «В N-ОМ СМЫСЛЕ»)

Ключевые слова: метаязыковая рефлексия, метаоператор, импликационал, экстенсионал.

Одна из фундаментальных характеристик естественного языка заключается в наличии у него широких возможностей к самоинтерпретации и самоописанию. Именно поэтому крупнейший теоретик лингвистики XX в. Р. Якобсон напрямую связывал способность говорить на языке со способностью говорить о нем [Якобсон 1985: 363], а метаязыковую функцию рассматривал в числе основных функций языка [Якобсон 1975]. Онтологическим субстратом метаязыка выступает рефлексивный механизм метаязыкового сознания, осуществляющий когнитивную обработку и интерпретацию разноструктурных единиц языкового кода. Метаязыковая рефлексия протекает в двух формах: профессиональной и обыденной. Результатом профессиональной рефлексии является метаязык науки лингвистики; обыденной рефлексии — обыденный («стихийный») метаязык. В современной коммуникативной практике отмечается устойчивая тенденция к росту обыденных метаязыковых контекстов, что, в свою очередь, стимулирует интерес лингвистов к их научному изучению. Данным фактом объясняется актуальность проводимого нами исследования.

Детальное изучение метаязыковой функции языка демонстрирует, что она представляет собой родовое понятие, включая в себя систему более частных, видовых функций (эпифункций): метафатическую, пояснительную, характеризующую, оценочную, поисковую, связующую, категоризирующую и моделирующую [Кравченко 2024]. Одна из наиболее востребованных ролей метаязыка в повседневном общении состоит в пояснении семантики используемых языковых единиц. Такого рода пояснения, как правило, инкорпорируются в основной текст, образуя тем самым его автосемантичные отрезки. Последние принято называть рефлексивами. Зачастую их формальными показателями выступают так называемые «метаоператоры» — конструкции, маркирующие выход метаязыковой рефлексии на «поверхность» текста. Выражения, построенные по модели «в N-ом смысле», следует отнести к числу базовых метаоператоров, сопровождающих рефлексивы, которые направлены на пояснение семантики знаков. Основываясь на особенностях функционирования этого метаоператора, в работе мы решаем задачу выявления и описания способов внутритекстовой актуализации семантики знаков.

В ходе исследования нами были получены следующие результаты. Релевантным для установления способа актуализации семантики слова оказывается определение к *смыслу*, используемое в конкретной реализации метаоператора. Именно оно формирует семантический признак, выполняющий роль «подсказки». Так, актуализация семантики знака может осуществляться посредством апеллирования к собственно языковым знаниям, содержащимся в структуре лексического значения слова.

Апеллирование к интенсионалу затрагивает содержательный аспект понятия, конкретизируя его. В приведенных примерах определения *смысла* ограничивают семантическую вариативность знака: *Особенно если вспомнить, как, доходчиво и убедительно излагая причины развода, она восклицала: «Я говорила тебе — защищайся!» (Произносилось сие* ***не в дуэльном, конечно, смысле: в диссертационном****)* (Д. Рубина. Синдром Петрушки); *Понятие «европейский» имело для него прежде всего* ***культурологический — и ни в коем случае не географический смысл*** … (Е. Водолазкин. Эпоха Лихачева).

Апеллирование к экстенсионалу значения требует пояснения со стороны объема понятия. С этой целью используются определения *широкий / узкий* или их семантические эквиваленты:

Полагаю, дело не в том, что мы не ахти умеем сочинять (в ***узком смысле слова****) — хотя тут и правда наше слабое место* (М. Бутов. Отчуждение славой). Для актуализации семантики через экстенсионал употребляются также кванторные определения: *Пляж —* ***во всех смыслах*** *явление временное* (Е. Водолазкин. Оправдание Острова).

Типичным примером апеллирования к импликационалу (коннотациям) слова является использование в структуре метаоператора определений, отражающих оценочную интерпретацию знака: *— Вы русский? — спросил меня Курт, и я кивнул. Он улыбнулся: — Я ведь в* ***хорошем смысле*** *спрашиваю. Предполагался, оказывается, и* ***плохой*** (Е. Водолазкин. Служба попутчика). Импликациональными интерпретантами следует также считать эмоциональные характеристики *смысла*, свидетельствующие о переносе качеств денотата на знак: *Это и есть «социальный эксперимент» в* ***самом ужасном смысле слова*** (В. Бейсуг. «Пятилетка» у нас).

Для актуализации семантики знака говорящий может обращаться к лингвистическим знаниям. Таким способом актуализации семантики, в частности, является апеллирование к особенностям лексико-семантической структуры многозначного слова. Опираясь на представления о типах значений и путях семантического развития слова, говорящий вносит необходимые пояснения через определения *прямой, переносный, буквальный, фигуральный* и некоторые др.: *Затем обстоятельства приводят субъекта симуляции на край бездны … —* ***В фигуральном смысле?*** *— Нет, в* ***самом прямом*** (В. Пелевин. Transhumanism Inc.); *Место там в* ***буквальном смысле*** *глухое, даже мобильный не работает …* (Е. Водолазкин. Чагин).

Наконец, для актуализации семантики знака могут привлекаться внеязыковые (энциклопедические) знания. Соответствующая отсылка к ним содержится в определениях к *смыслу*. Так, в приведенных ниже примерах определения нацелены на экспликацию семантики посредством привлечения знаний библейской истории (первый пример) и знаний об организации жизнедеятельности средневековых рыцарских орденов (второй пример): *И вот Чалдонов, пламенея не только ушами, но и отчего-то даже носом, снова стоял перед своим старым учителем — теперь уже старым в самом прямом,* ***мафусаиловом смысле этого слова*** (М. Степнова. Женщины Лазаря); *Тевтонский орден давно утратил рыцарский статус — даже в* ***ритуальном, церемониальном смысле*** (А. Иванов. Тени тевтонов).

Таким образом, способы внутритекстовой актуализации семантики знака связаны с апеллированием к языковым, лингвистическим и внеязыковым (энциклопедическим) структурам знания. Выбор конкретного способа фиксируется в определении к лексеме *смысл*, образующим метаоператор «в N-ом смысле».

Литература

Кравченко М. А. Метаязык в зеркале его функций // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. 2024. Т. 23, № 2. С. 172–184.

Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 19–230.

Якобсон Р. О лингвистических аспектах перевода // Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С. 361–368.

Лабынцева Елена Вячеславовна

профессор, Международная славянская академия;
eradus4@gmail.com

«ИДИ ДОРОГОЮ СВОБОДНОЙ, КУДА ВЛЕЧЕТ ТЕБЯ СВОБОДНЫЙ УМ!» МЕНТАЛЬНАЯ ФОРМУЛА УМА В ПОЭЗИИ А. С. ПУШКИНА КАК НЕОБХОДИМЫЙ СИНТЕЗ КОЛЛЕКТИВНОГО ЗНАНИЯ И ЛИЧНОГО СОЗНАНИЯ. ОПЫТ ЛИНГВОКОГНИТИВНОГО АНАЛИЗА ПОЭЗИИ А. С. ПУШКИНА НА ПРИМЕРЕ СТИХОТВОРЕНИЯ «ПОЭТУ»

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, концепт, концептум, ментальность.

XXI в. предложил человечеству огромное количество формул языкового действия, направленных как на созидание, так и на разрушение коллективного бессознательного. Выстраивание семантических констант нации зачастую реализуется в достаточно агрессивной языковой среде, в которой превалируют заимствованные слова и новообразования от них, что разрушительным образом сказывается на самосознании русской цивилизации. Обращаясь в своём исследовании к поэзии А. С. Пушкина как русской модели мышления и концептуальному смысловому комплексу важного вектора реального действия, мы отсылаем результат данного исследования непосредственно к причине и решению данной проблемы.

ЯЗЫК И МЫШЛЕНИЕ — тема настолько редкая в поэзии, что обращение национального поэта к ней следует рассматривать как вектор пророческий, как указание на особую роль концепта УМ в формировании определённого типа личности и новых путей достижений в искусстве и науке русской цивилизации. Опираясь на основную схему анализа концепта («формальный конструкт концептума»), выдвинутую В. В. Колесовым, и обращаясь непосредственно к концептуму («мыслимый идеал»), заложенному в основание как «реальная сущность сознания в подсознательном», мы проявляем и определяем ядерные сектора концепта УМ, конструирующие основной ментальный комплекс. Рассматривая концепт УМ как устойчивое мышление, результатом которого является мудрость, процесс осмысления бытия, преобразование процесса мышления в созидание и творчество, выявляем концептосферу и концептуальные вектора (КВ), формирующие её.

Лингвокогнитивные исследования концепта «УМ» проведены на основном корпусе поэтического наследия великого русского поэта (более 100 упоминаний слова «ум», а также однокоренных слов более 100), выявлена приядерная зона концепта: ДУМА (более 100 упоминаний) и МЫСЛЬ (более 100), а также актуальные векторы развертки концептосферы в трех основных секторах ядра концепта. УНИКАЛЬНОСТЬ: «Пред солнцем бессмертным ума» — КВ/Неповторимость/(Вакхическая песня); «Ума светильник» — КВ/Исключительность/(К Пущину.(4 мая); «Славу русскую и здравый ум любя» — КВ/Самобытность(Послание цензору); «С возвышенным умом» — КВ/Единственность/(К портрету Вяземского) и т. д. САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ: «Влечёт тебя свободный ум» — КВ/Действующее свободно/(Поэту); «Простое сердце, ум свободный» — КВ/Независимость/(В альбом О. А. Смирновой); «Певцы бессмертные, и честь, и слава россов, питают здравый ум» — КВ/Осуществляемое своими силами/(К другу стихотворцу) и т. д. ФОРМИРОВАНИЕ ЖИЗНИ: «Задумаюсь — взмахну руками, На рифмах вдруг заговорю» — КВ/Совершаемое без помощи других/(Моему Аристарху); «Не болтали здесь, а думали» — КВ/Придание устойчивой законченности/(Бова); «Подумай обо всём и выбери любое» — КВ/Организация формы/(К другу стихотворцу); «Плод новый умственных затей» — КВ/Придание формы/(Разговор книгопродавца с поэтом); «Ум стремится» — КВ/Постоянные силы формирования/(К Наталье) и т. д. Отсюда основой проявленной русской ментальной формулы концепта «УМ» является следующее определение: УНИКАЛЬНОСТЬ и САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ В ФОРМИРОВАНИИ ЖИЗНИ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ.

Примером рассмотрения данных механизмов в исследовании выступает стихотворение А. С. Пушкина 1830г. «Поэту». Здесь концепт УМ определяет условие состоятельного самоопределения Поэта: «Дорогою свободной Иди, куда влечет тебя свободный ум». А. С. Пушкин, дважды подчёркивая СВОБОДУ, задаёт концептуальный вектор /УМ есть СВОБОДА/, не ограничивая, а расширяя смысловое поле: СВОБОДНАЯ ДОРОГА — СВОБОДНЫЙ УМ, и указуя на то, что ДОРОГОЙ для ТВОРЯЩЕГО является УМ. Обращение «Поэт!» подчёркивает диалогическую форму, которую гений выбирает для концептуализации направленного действия — ВОЗЗВАНИЯ К ТВОРЯЩЕМУ — «ИДИ». В поэтическом наследии обращение к слову «поэт» А. С. Пушкиным ощуществляется более 170 раз, приобретая следующие КВ: «Поэт! В твоей предметы воле» — КВ/Трансформация/(К Батюшкову), «Судьбы всехмощнее поэт» — КВ/Уникальность/(Послание к Юдину), «Друг Истины, поэт!» — КВ/Деятельность с целью нахождения смысла/(К Жуковскому) и т. д. Выбирая конструкцию с обращением: «Поэт!», употреблённую в корпусе поэзии 7 раз, как диалогическую, поэт подчеркивает когнитивную составляющую. Тем самым задаётся и материализуется основание реальной цели диалога с уточнением причинных содержаний.

Фоноконцепция стихотворения: (23[у] — призыв к единению: ЛЮБОВИЮ — ЛЮБОВНЫХ и 17 букв У — зов души к прародине, где поэт совершает приношение мыслью [м] на «алтарь, где твой огонь горит, И… твой треножник»; 12[м] — некий порождающий ШУМ, где ТВОРЕЦ «тверд, спокоен и угрюм», где акценты: УМ/ДУМ/САМОМ/УМЕЕШЬ с буквой М др.-рус. «мыслите») — процесс обогащения внутреннего высшего начала своим опытом). Здесь КВ/Самостоятельность/ является аттрактором вектора переноса акцентуации с основания побуждения, со *свободы* на символическую цель — *плоды,* сочетая основание побуждения с необходимым условием — *благородством.* Синтаксическая конструкция побуждения к действию: «ИДИ» (твори в единстве пространства и времни) включает знания, о ситуации. А. С. Пушкин, дважды подчёркивая СВОБОДУ, задавая КВ/источник и цель приложения волевой энергии мыслительной деятельности/ — /СВОБОДА — УМ/, расширяет смысловое поле: СВОБОДНАЯ ДОРОГА — СВОБОДНЫЙ УМ, где Свобода — долг, высшая ценность, обеспечивающая все права.

Актуализация КВ:/ДОРОГА — СВОБОДА/, где ДОРОГА — ПУТЬ, как представление о направлении действия — /СВОБОДА/, образовано от *свой, собственный* — тот, который определяет ответственность человека в кругу своих близких, /ДОРОГА — УМ/, где /ДОРОГА/ — преодоление пространства и времени, а /УМ/ — движение мысли включает все основные элементы ментальной формулы.

Важнейшим выводом нашего исследования является определение национального концепта /УМ/, как главного и опорного комплекса первосмыслов, необходимых для построения и сохранения национальной культуры и русской цивилизации.

Литература

Бахтин М. М. К методологии гуманитарных наук // Эстетика и теория искусств XX века: хрестоматия. М.: Прогресс-Традиция, 2007. С. 368–381.

Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб.: Петербургское востоковедение, 2006.

Кибальник С. А. Художественная философия Пушкина: очерки. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Петрополис, 2019.

Пушкинская энциклопедия: Произведения. Вып. 1–5. СПб.: Нестор-История, 2020–2024.

Леонтьева Татьяна Валерьевна

д-р филол. наук, доцент, зав. кафедрой,
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

ЭКСПЕРТНОСТЬ КАК ИМЯ НОВОГО КОНЦЕПТА

Ключевые слова: неология, ценности, лингвоаксиология, лингвокультурология, коммуникация.

В настоящее время под влиянием новой коммуникативной реальности происходят заметные изменения в содержании слов *эксперт, экспертный*. Кроме того, тематическую группу «Опыт» в современной русской речи пополнило слово *экспертность*. Данные номинации можно рассматривать как репрезентанты, участвующие в конструировании новых ценностей, осуществляемом особенно интенсивно на интернет-площадках, в социальных сетях, а именно — в блогах. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-01168, https://rscf.ru/project/25-28-01168/.

Далее приведем и проанализируем контексты, позволяющие на основе сочетаемости языковых единиц уточнить особенности современного употребления данных языковых единиц и трансформации их смысловой структуры.

В словарях русского языка представлены три слова данного гнезда: *эксперт, экспертный, экспертиза* [Ушаков 1940, т. 4: 1405; МАС 1999, т. 4: 751–752; БАС 2011, т. 17: 1778].

Слово *эксперт* претерпело существенные трансформации значения, исходящие прежде всего «от реалий». Если *экспертом* ранее назывался «специалист», то есть тот, кто обладает знаниями (образованием) в какой-либо области и поэтому способен давать профессиональные оценки, то сейчас акцент значительно сместился с первой половины дефиниции на вторую: теперь мнение высказывает вовсе не обязательно профессионал и специалист в какой-либо отрасли знаний, чаще речь идет лишь об опыте. Неслучайно нередко возникают обсуждения *профанации экспертности*.

Весьма показательна новая сочетаемость слова *эксперт*. В частности, сочетание *имидж эксперта* трудно представить себе лет 30–40 назад, хотя каждая из составляющих языковых единиц существовала в речи. В XXI в. такая сочетаемость оформилась, закрепилась в русской речи, этот коллокат вербализует в сетевом дискурсе одну из ключевых целей ведения блогов (личных и корпоративных): *Экспертный контент — это вид маркетингового контента, который формирует положительную деловую репутацию и* ***имидж эксперта*** (Что такое экспертный контент и как его создать // https://b2bpress.ru/).

Это слово в разрезе новых нюансов его употребления уже привлекало внимание лингвистов. Так, Т. Л. Каминская пишет о «взрывном в последние два года увеличении употребления слова *эксперт в* русскоязычном медиапространстве» [Каминская 2023: 24].

Вслед за изменением содержания слова *эксперт* новое наполнение получает и прилагательное. Эти трансформации становятся предметом непрофессиональной рефлексии пользователей соцсетей и авторов блогов: *Меня тоже очень поддерживает идея, что если я* ***эксперт*** *в своей собственной жизни, то я уже априори* ***эксперт*** *точно в этом, и блог соответственно тоже становится* ***экспертным*** (Сенченко Настя. Экспертность в блоге нарративного автора // https://narrative.team/blogexpert).

Но наиболее явственными (из всех слов анализируемой группы) трансформации коммуникативных реалий современности стали в слове *экспертность*. Согласно статистике употребительности слова в Google-книгах, это существительное фиксировалось с 1985 г., но было нечастотно, то есть время от времени реализовывалось как словообразовательная потенция, присутствующая в языковой системе: *эксперт* > *экспертный* > *экспертность*.

Существительное *экспертность*, если проанализировать его семантику в контекстных употреблениях, вероятно, соотносительно (по значению) с англ. *expertise*, означающим ‘a high level of knowledge or skill’ [Cambridge Dictionary] (‘высокий уровень знаний или умений, навыков’).

Подробнее о путях заимствования слова, об усвоении, преобразовании и наложении значений см. в статье [Жукова, Северская 2024: 18].

Это существительное, так или иначе отсылающее к объему знаний человека, закономерно сочетается с языковыми единицами, имеющими семантику из сферы «Величины и их измерения»: *уровень экспертности автора, высокая экспертность, много экспертности, добавлять экспертности*.

Идея нацеленности на планирование «создания имиджа» экспертности разворачивается дискурсивно посредством использования целого ряда глаголов с семантикой демонстрации (*показывать, демонстрировать, транслировать, проявлять*) в синтагмах с анализируемым существительным.

Данные об этих лексико-семантических инновациях могут быть учтены при лексикографировании новой лексики.

Источники

БАС — Большой академический словарь русского языка. Т. 17: План — подлечь / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; ред.: Л. И. Балахонова. М.; СПб.: Наука, 2011.

МАС — Словарь русского языка (Малый академический словарь): в 4 т. Т. IV: С–Я / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

Ушаков — *Ушаков Д. Н.* Толковый словарь русского языка: в 4 т. Т. 4. С — Ящурный / гл. ред. Б. М. Волин и проф. Д. Н. Ушаков. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1940.

Cambridge Dicionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/expertise (дата обращения: 18.04.2025).

Литература

Жукова А. Г., Северская О. И. Эксперт, экспертиза, экспертность: реакция языка на вызовы времени // Русский язык за рубежом. 2024. № 4 (305). С. 18–26. https://doi.org/10.37632/PI.2024.305.4.004

Каминская Т. Л. Слово «эксперт» в российском медиадискурсе: семантикаи прагматика в условиях неопределенности // Мир русского слова. 2023. № 2. С. 4–10. https://doi.org/10.21638/spbu30.2023.201

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-01168, https://rscf.ru/project/25-28-01168/.

Ли Чжи

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет;
st051221@student.spbu.ru

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЭВФЕМИЗМЫ КАК МАТЕРИАЛ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ВЫРАЖЕНИЯ *НЕСТИ НЕПОСИЛЬНОЕ БРЕМЯ*)

Ключевые слова: скрытые смыслы, риторический прием, номинация, языковая культура, церковнославянское происхождение.

1. Эвфемизмы представляют собой слова и выражения, которые используются для замены табуированных или грубых терминов, что позволяет смягчить негативные аспекты обозначаемого предмета или явления. Они обладают семантической нейтральностью и применяются в контекстах, где важно избежать прямоты и оскорбительности, что делает их важными инструментами в коммуникации.

2. Эвфемизмы также служат для манипуляции и маскировки, что позволяет поддержать определенные социальные стереотипы и представления. В общем строении языка эвфемизм — это средство выразить невыразимое — изначальный концептум.

3. Фразеологические эвфемизмы (далее ФЭ) могут указывать на отношение общества к власти, к традициям, к изменениям, что позволяет выявить, какие темы воспринимаются как чувствительные или проблемные в конкретной культуре, а также показывает, как люди предпочитают обсуждать сложные вопросы, что делает исследование ФЭ необходимым для понимания ментальности на основе изучения лингвокультурологии.

4. ФЭ *нести непосильное бремя* отражает как личные, так и социальные аспекты жизни. Это выражение часто используется для описания тяжёлых, зачастую невыносимых жизненных обстоятельств. Например, в произведениях П. Д. Боборыкина, Л. Н. Андреева, А. В. Баранова и В. А. Колотаева [НКРЯ] этот ФЭ встречается в контексте социальных проблем, таких как бедность, безработица или правительственные решения, негативно влияющие на условия жизни населения. В русской ментальности присутствует идея того, что страдание может вести к духовному росту. В примере, где говорится о *непосильном бремени* как о результатах табу и предписаний, можно указать, что ограничения могут способствовать развитию духа и творчеству: *Действие многочисленных табу и предписаний, подчас выглядящих как* ***непосильное бремя****, приводит к закрепощению плоти и развитию духа, к творчеству и усложнению жизни* [Владимир Колотаев. … // «Общественные науки и современность», 30.04.2003]. Это отражает традиционное русское понимание того, что трудности могут обогащать личность и способствовать ее развитию.

5. *Непосильный*. Реальный первоначальный смысл, который прикрывается этим ФЭ, раскрывается через происхождение выражения. Слово *непосильное* является производным от корневого слова *сила*. Далее *по силе* > *посильный* > *непосильный*. Эти слова образуют словообразовательную цепочку, переход от сущ. *сила* к прил. *непосильный,* которое само является эвфемизмом, отражает изменение от нейтрального понятия к оценочному, указывающему на сложность и тяжесть невыполнимых задач. По [СлРЯ XI–XVII, 11: 229] и по [НКРЯ], слово *непосильное* указывает на что-то, что превышает возможности человека. Слово подчеркивает трудность, тяжесть и иногда безнадежность ситуации.

6. *Нести*. Евангельский фразеологизм *нести свой крест* глубоко укоренен в христианской традиции, он символизирует приятие трудностей и страданий. Христос Сам нес Тот Самый Крест, на котором Его распяли. Это значит, что нам надо нести даже непосильный крест. Однако существуют разные способы восприятия жизненных трудностей: митрополит Вениамин (НКРЯ) акцентирует внимание на смирении и необходимости отказаться от непосильных испытаний ради душевного покоя, предлагая более осторожный и спокойный подход. Другой

взгляд у В. Г. Малахиевой-Мирович: она вдохновляет людей на преодоление трудностей и подчеркивает силу личности.

7. *Бремя*. История синонимических отношений слов *бремена и тяготы*. В каноническом церковнослав. тексте вместо слова *бремена* мы видим слово *тяготы*. В Послании апостола Павла к галатам (глава 6, стих 2) выражение *носить тяготы (бремена) друг друга* означает помогать друг другу в преодолении невзгод. Несмотря на то что оба слова обозначают тяжесть или невзгоды, их употребление может различаться. В этом выражении они могут быть использованы взаимозаменяемо, но слово *тяготы* более акцентирует отрицательную оценку нагрузки, подчеркивая ее тяжесть и давление, в то время как *бремя* включает в себя личный выбор и внутреннюю силу.

8. Слово *бремя* имеет глубокие исторические корни. СлФасм указывает, что *бремя* — то же, что в древнерусском *беремя*, что связано с глаголом *бьрать*. *Нести бремя* можно рассматривать как этимологическую фигуру, восстанавливающую внутреннюю форму слова, где *нести* прямо связано с понятием ноши или тяжести [СлФасм]. В русской ментальности *бремя* обозначает посильную тяжесть как ношу, по своей воле взятую (*брать*) на себя и обременившую тяготой человека, и охватывает как материальные, так и духовные аспекты. Этот древний образ воспринимается как должное и может быть «наследственным или благоприобретенным», ср. *бремя* + Р. п. В отличие от понятий, связанных с принуждением, *бремя* не ассоциируется с внешним давлением, хотя может «давить и тяготить». Оно символизирует жизненные испытания и внутреннюю силу, подчеркивая, что непосильные нагрузки могут быть следствием неверного расчета или самонадеянности [СРМ I: 64].

9. ФЭ *нести непосильное бремя* в русском языке служит для смягчения смысла, который указывает на тяжелые жизненные обстоятельства и внутренние переживания с большим пафосом, иногда ради деликатности. Это выражение отражает глубокую культурную традицию, в которой трудности и страдания воспринимаются как естественная часть жизни, а не как что-то постыдное или унизительное.

На основе исследованных ФЭ выдвигается предположение, что некоторые концептумы могут выражаться опосредованно, то есть через эвфемизмы, особенно ФЭ.

Источники

СРМ — *Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А.* Словарь русской ментальности. Т. 1. СПб.: Златоуст, 2014.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: https://ruscorpora.ru/s/aARwp (дата обращения: 12.12.2024).

СлФасм — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка Макса Фасмера. URL: https://gufo.me/dict/vasmer/беру (дата обращения: 12.12.2024).

СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; редкол.: С. Г. Бархударов (отв. ред.) [и др.]. М.: Наука, 1986. Вып. 11.

Лэн Цзяжуй

аспирант, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ОБРАЗА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ И ИХ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА КИТАЙСКУЮ ЯЗЫКОВУЮ ЛИЧНОСТЬ

Ключевые слова: городское пространство, Санкт-Петербург, китайская языковая личность, китайский язык.

Социальные сети представляют собой не только широкий канал для межличностного и межгруппового общения, но и инструмент формирования смыслов и образов. Санкт-Петербург, являясь одним из крупнейших мегаполисов России и обладая богатым историко-культурным наследием, привлекает внимание не только русскоязычных пользователей, но и представителей иных лингвокультур, в частности, китайской. Китайская диаспора в Санкт-Петербурге, насчитывающая уже более чем тридцатилетнюю историю [Иванова 2022], а также постоянно растущее число студентов и туристов из КНР [Куприкова 2017], обусловливают необходимость изучения особенностей восприятия образа северной столицы России носителями китайского языка и культуры. Значительная концентрация китайских культурно-социальных сообществ в мессенджере Telegram [Гильманова 2021] делает данную платформу релевантным объектом для подобного анализа.

В настоящем исследовании был проведен лингвокультурологический анализ текстов постов Telegram-канала «Китайский Петербург» и выявлен ряд языковых средств и дискурсивных стратегий, направленных на формирование образа Санкт-Петербурга, релевантного для восприятия носителями китайского языка и культуры. Акцент бы сделан на трёх аспектах репрезентации городского пространства, а именно: топонимическом, гастрономическом и событийном.

Одной из доминантных особенностей анализируемого дискурса является активное использование топонимов — названий улиц, проспектов, районов Санкт-Петербурга: Васильевский остров (сокращенно — В. О.), Петроградская сторона (Петроградка), Средний проспект, Пионерская улица, Новочеркасский проспект и др. Концентрация урбанонимов служит средством пространственной локализации описываемых реалий, позволяя китайской аудитории сформировать своеобразную ментальную карту города. Примечательно, что автор зачастую прибегает к использованию разговорно-обиходных вариантов топонимов («Петроградка», «В. О.», «СПБ»), тем самым сокращая дистанцию с читателем и создавая эффект причастности к петербургскому городскому сообществу. В одном из постов от 13.12.2024 о новой лапшичной на 26-й линии Васильевского острова автор подчеркивает эксклюзивность предлагаемых там «пирожков с лепестками розы 鲜花玫瑰饼», ранее доступных ему только благодаря «коллеге китайской из Юньнань». Подобная стратегия «освоения» городского пространства через поиск аутентичных китайских элементов способствует формированию образа Санкт-Петербурга как поликультурного мегаполиса, открытого для диалога с Китаем.

Важную роль в формировании образа Петербурга играют и гастрономические маркеры — номинации блюд и заведений китайской кухни. Автор упоминает суп хулатан (酸辣汤), пирожки с лепестками розы (鲜花玫瑰饼), лунные пряники (月饼), живых крабов, юньнаньские пряники с копченым мясом, гуанчжоуские мясные пряники, утку по-пекински и др., размещая их в конкретном пространственном контексте. Подобная «кулинарная картография» позволяет китайской языковой личности ощутить атмосферу родной культуры в инокультурном городском пространстве. Показательно включение в текст оригинальных китайских названий блюд, написанных иероглифами, что способствует культурной идентификации целевой аудитории, обеспечивая, как отмечается в научной литературе, кросскультурное взаимодействие китайской и российской гастрономической культуры [Градабоеев 2020].

Третий значимый аспект петербургского текста, ориентированного на китайского адресата, составляет событийный ряд — анонсы и репортажи о мероприятиях, так или иначе связан-

ных с Китаем. В проанализированных постах фигурируют фестивали китайской еды и кино, театральные постановки («Лягушки» по Мо Яню, «Влюбленный носорог»), выступления музыкальных и акробатических коллективов из КНР и т. д.

Необходимо отметить и включение в русскоязычный текст иероглифических вкраплений: 团建 (корпоратив), 对联 (парные надписи), 中秋节 (Праздник середины осени), 老月饼 (традиционные лунные пряники) и др. Данный языковой прием, с одной стороны, позволяет точнее выразить специфические культурные смыслы, а с другой — служит маркером межкультурного взаимодействия, демонстрируя проницаемость петербургского лингвокультурного пространства по отношению к китайским культурным кодам.

Итак, языковые средства, используемые в Telegram-канале «Китайский Петербург», формируют многогранный образ города, в котором находят отражение как пространственные реалии (через использование топонимов), так и элементы материальной и духовной культуры Китая (посредством гастрономических и событийных маркеров, прецедентных феноменов, иероглифических вкраплений).

Литература

Градабоеев П. А. Кросскультурное взаимодействие китайской и российской гастрономической культуры // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: мат-лы X междунар. науч.-практ. конф., Благовещенск — Хэйхэ, 2–4 июня 2020 года. Т. 10. Благовещенск; Хэйхэ: Благовещ. гос. пед. ун-т, 2020. С. 440–448.

Гильманова Л. Р., Абдуллина Г. Р., Абдуллина Л. Б. Китайский язык в социальных сетях // Вестник Башкирского университета. 2021. Т. 26, № 3. С. 784–788.

Иванова П. А. Китайская диаспора в Санкт-Петербурге: мобильность и коммуникации // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 38. С. 1024–1030.

Куприкова А. А. Портрет современного китайского туриста в Г. Санкт-Петербурге: социально-демографический анализ // Актуальные проблемы развития индустрии гостеприимства: мат-лы XIII Междунар. науч.-прак. конф., Санкт-Петербург, 27 апреля 2017 года. СПб.: С.-Петерб. гос. экон. ун-т, 2017. С. 139–142.

Михайлов Алексей Валерианович

канд. филол. наук, доцент,
Сибирский государственный университет науки и технологий им. акад. М. Ф. Решетнева;
avm_2006_64@mail.ru

ЦЕННОСТЬ КРАСОТЫ И ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ В ТЕКСТАХ О ВОСПРИЯТИИ ОБРАЗА МЕСТНОСТИ

Ключевые слова: тексты о местности, привлекательность территории, обусловленность оценки отношением, ценность красивого, территория и личные ассоциации.

В данном тексте автор говорит о том, как отражаются оценки и описания свойств местности, которые обуславливают ее привлекательность и красоту в восприятии, в текстах невынужденного общения, в том числе близких к записям устного дискурса. Материал взят большей частью из коротких описаний собственного места проживания молодыми людьми, где они характеризуют положительные и негативные аспекты локуса. Тексты собирались в течение 2022–2024 гг., в Красноярске, со студентами красноярских вузов и учащимися красноярских школ.

Тексты о местности являются, что очевидно, видимой частью айсберга, составляющего ментальность (совокупность мыслей) персоны за все время ее существования.

Для сравнения привлекаются материалы из дневниковых записей некоторых российских писателей, а также из экспедиционных записей в ситуациях непосредственного наблюдения. Исходим из того, что созидание образа места собственного пребывания является частью персонального самооправдания: пребывания в настоящем месте, оправдания перемещений в другие места.

Можно выразиться и по-другому, усматривая эстетическую преобразующую деятельность субъекта говорения: он не «всего лишь наблюдает и описывает», но описывает «для кого-то», возможно, для себя самого, но в присутствии зрителя/слушателя, или для себя (но при этом сам он — и говорящий, и слушающий). Говорящий становится писателем (описателем), уже имея цель сформировать как результат говорения / описания определенное впечатление у конкретного адресата. Об этом сказано, например, так: «…в быту человек — одновременно художник и зритель — сам строит для себя эстетический объект, сам вяжет цепь ассоциаций, в которую он включен» [Гинзбург 2020: 260], и о том же [Гынгазова 2019: 55].

Среди ассоциаций, зафиксированных молодыми информантами: «Красноярск — моя Родина, поэтому его название вызывает только тёплые чувства. Первоначально место называлось «Красный Яр», что значит “*Красивый берег*”»; «Государственный театр оперы и балета имени Хворостовского — туда мы ходили *вместе с бабушкой*, когда я был маленький»; «Моим самым любимым парком является остров Татышев, он большой, поэтому я люблю кататься там на велосипеде, он вдали от машин и прочего шума, что придают парку уютность и комфорт». Здесь наблюдается соотнесенность положительной оценки локуса с позитивными ассоциациями, связанными с ним.

В дискурсе для адресата, склонного к перемещениям и сопоставительным наблюдениям, ценностной характеристике наблюдаемого пространства и его частей, можем наблюдать доминирующие указания на важнейшие для посещения места причины. В частности, известное сочинение первой половины XIX в. о путешествиях по святым для православия местам А. Н. Муравьева предлагает в качестве такой причины связь конкретного локуса с земной жизнью Иисуса Христа, его апостолов (в описаниях Святой Земли), отражение в православных местах-святынях Руси монашеских подвигов, например, Валаам, Соловки, Новый Иерусалим и т. д. Физическая («оптическая») красота уступает место красоте духовной. «При описании отечественной святыни желал я возбудить в моих читателях и благоговейные мысли: о чествовании святых мощей и икон, <…> и зодчестве наших храмов, для того чтобы самое зрелище священных предметов утверждало в нас любовь к родному православию, которым всегда держалась и тверда будет земля Русская» [Муравьев 1990: 8].

В повороте к собственно «орограммам», то есть фрагментам местности, описания которых предлагаются для внешней оценки, в системе аксиогеографии можно увидеть работу языковых коллективов и персон по формированию окультуренного пространства.

Как полагает Д. Н. Замятин, «посредством географических образов культура позволяет членам социокультурных общностей обживать, осваивать окружающий мир, занимаемые ими территории не только в плане физической адаптации (классическая оппозиция природа — культура), но и в экзистенциальном, феноменологическом плане» [Замятин 2006: 16].

С другой стороны, осваивание и присвоение возможно практически бесконечно, и большие писатели отмечают в своих произведениях, ставя героев в ситуацию общения с привычным пейзажем, их новые и новые открытия в знакомом и освоенном, в романе ли «Дом» Ф. А. Абрамова, в «Живи и помни» В. Г. Распутина, в «Оде русскому огороду» В. П. Астафьева, в стихотворениях А. Н. Фета, Ф. И. Тютчева и т. п.

По мнению Л. Я. Гинзбург, «люди, вжившиеся — иногда бессознательно — в символику природы, равнодушны к перемене мест». В меру своих способностей они бесконечно возобновляют эстетический акт познания знакомой земли, все той же речки, радостно узнавая новые знаки, остро фиксируя новые приметы. Активной и страстной эстетической жизнью живут не мчащиеся и озирающиеся, но копающиеся в своем саду, н каждый год забрасывающие удочку в том же затоне» [Гинзбург 2020: 261].

Таким образом, для формирования отношения носителей локального сознания к местности/местностям важны факторы степени освоенности жителем данной территории («присвоения» ее), эстетизированная оценка привлекательности места и его отдельных частей, комфортности проживания и ряд других.

Для тех же говорящих, кто не относит себя к жителям местности, конкретного локуса, при выражении эстетического отношения могут быть важны другие факторы. Среди них оценка возможности освоения локуса, сопоставление с предшествующими или возможными в потенциальном настоящем / будущем локусами и их аспектами и некоторые другие.

Литература

Гинзбург Л. Я. Записные книжки. Воспоминания. М.: Эксмо, 2020.

Гынгазова Л. Г. Ключевые концепты традиционной народной культуры в речевых практиках сибирской крестьянки // Словесная культура Сибири в общероссийском и европейском контекстах (XIX — начало XX в.). Томск: Нац. исслед. Том. гос. ун-т, 2019. С. 55–95.

Замятин Д. Н. Культура и пространство: моделирование географических образов. М.: Языки славянской культуры, 2006.

Муравьев А. Н. Путешествие по святым местам русским. М.: Книга; Внешиберика, 1990.

Михайлова Татьяна Витальевна

канд. филол. наук, доцент,
Сибирский государственный университет науки и технологий им. акад. М. Ф. Решетнева;
ta.rada@mail.ru

ПРЕДИКАТЫ ХВАСТОВСТВА И НАСМЕШКИ В ТЕКСТАХ БЫЛИН И ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕСЕН

Ключевые слова: предикаты хвастовства и насмешки, русские былины, исторические песни.

Для русских эпических текстов характерна картина мира, отличающаяся не только от современной русской, но и во многом от древнерусской языковой картины мира. Исследователи вводят небесспорное понятие «фольклорного концепта» [Эмер 2010; Черноусова 2012], но в качестве «рабочего» термина оно используется в данном тексте. Фольклорные концепты хвастовства и насмешки связаны с представлениями о нормативном в специфических коммуникативных ситуациях.

Цель доклада — анализ ситуаций на пиру, представленных предикатами похвалы и насмешки, в русских эпических текстах.

Основным материалом для анализа служат былины и исторические песни, записанные в Сибири, опубликованные в известных собраниях: Кирши Данилова (М., 1938, далее — КД), в изданиях «Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока» (Новосибирск, 1991, далее — РЭПС), А. Ф. Гильфердинга (СПб., 1894–1900, далее — Гильф).

Амбивалентность восхваления/осмеяния в древних текстах имеет достаточно долгую историю изучения, например, в работах М. М. Бахтина, М. И. Стеблина-Каменского. Тексты же русских былин и исторических песен лишь иногда демонстрируют (в былинах чаще) связь этих ситуаций.

Типичный локус похвальбы и публичной насмешки в эпических текстах — пир, который имеет важное сюжетное значение в былинах и исторических песнях. В исследованиях указывается на прототип княжеских пиров — пиры-братчины. Их задача состоит в объединении, поддержке коллективных нормы и оценки, важных для общества.

Хвастовство и насмешка — речевые действия, имеющие в своей прагматике повышение социального статуса говорящего (путём либо собственного возвышения, либо принижения адресата). Ситуациям хвастовства и насмешки на пиру обязательно предшествует описание длительности пированья («*Будет пир во полупаре, Княженецкой стол во полустоле*») и общего эмоционального состояния («*на великих на радостях*», «*веселилися*», «*пир навеселе*»). Сообщается о большом количество гостей, представляющих собой различные социальные круги *(«Много на пиру было князей и бояр, И русских могучих богатырей», «гости богатые», «честные вдовы», «княженецкие жены», «вся поленица удалая»).* Эпическая формула может включать описание состояния субъекта перед ситуацией хвастовства («*Они пили, веселилися, Они стали пьяны-веселы, Все на пиру поросхвастались*», «*Была пирушка веселая, Тут пьяной Дунай расхвастался*»).

Объекты похвальбы (деятельность самого богатыря, уважаемые люди рода) оцениваются как правильные, нормативные для этого речевого жанра или неправильные, не соответствующие обычаю: *Сильный хвастает своей силою <…> разумный хвастает отцом-матерью, А безумный хвастает молодой женой* (о Ставере, Гильф).

«Нормальное» поведение богатырей предполагает хвастовство (среди причин такого хвастовства исследователи отмечают воздействие дружины на князя с целью склонить его к новым походам за данью [Козловский 2017: 110]), ненормальным является отсутствие желания хвастаться, что воспринимается как проявление скрытой оппозиции [Черноусова 2012: 104]. Не случайно сам князь Владимир может бросить вызов участникам пира, провоцируя их на похвальбу: *Владимер князь распотешился <…> Таковы слова поговаривает: Гой еси, князи и бояра И вси русские могучие богатыри! Есть ли в Киеве таков человек, Кто б похвалился на триста жеребцов…* (КД).

Сам «ласковый князь» почти никогда не хвалится, а если и хвалится, то это выглядит провокацией: *Он всех поит, всех чествует <…> говорит таковы слова: — И кто меня, князя, есть славнее, И кто меня, князя, есть вышее, И кто меня, князя, есть богачее?* (РЭПС).

В исторических песнях хвастает уже не богатырь, но князь или царь. В отличие от князя былинного, властители в песнях — являются субъекты, реализующими лично функцию защиты своей территории, поэтому на пиру похвальба возможна от них самих: *Прогласил царь государь, слово выговорил: А глупы бояра, вы неразумные! А все вы безделицей хвастаетесь. А смею я царь похвалитися, Похвалитися и похвастати: Что вывел измену я из Киева <…> А взял я Рязань, взял и Астрахань* (КД).

Насмешка — не традиционный речевой жанр в русском эпическом тексте (ср. более архаичные эпические традиции), но как вид «направленного» осмеяния (по М. И. Стеблину-Каменскому) может возникнуть на пиру как ответ на «неправильное» хвастовство. Насмешка корректирует отклонения от неписаных правил речевого поведения. С этой точки зрения «честной» пир — это публичное место, где поддерживается высокий статус участников, нарушения воспринимаются как оскорбление. Ср. ситуацию в былине «Горден Блудович»: сватовство «честной вдовы» Блудовой, похвальба сыном на пиру вызвали оскорбление (причина насмешки — в несоответствии социальных статусов участников коммуникации): *Авдотья, Чесова жена, на то осердилася, Била ее по щеке, таскала по полу кирпищету, и при всем народе, при беседе, вдову опозорила*.

Насмешки на пиру, направленные на врага (былины «Калин-царь», «Алёша-Попович»), являются специальными устрашающими приёмами богатырей: *А сам Илья усмехается: Гой еси, сударь, Владимер князь! Что у тебя за болван пришел? Что за дурак неотесан он*? (КД).

В описаниях битвы можно наблюдать интересные сочетания похвальбы и насмешки, где они выполняют роли различных интенсификаторов агрессии.

Литература

Козловский С. В. Древняя Русь в зеркале былинной традиции. Гендер, сакральность и социальные практики в героическом эпосе. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2017.

Стеблин-Каменский М. И. Апология смеха // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1978. Т. 37, № 2. С. 149–156.

Черноусова И. П. Хвастовство в былинах // Русская речь. 2012. № 5. С. 98–106.

Эмер Ю. А. Фольклорный концепт: жанрово-дискурсивный аспект // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2010. № 1. С. 91–99.

Мубаракшина Анастасия Михайловна[1], Фаттахова Наиля Нурыйхановна[2]

[1]канд. филол. наук, доцент, Казанский федеральный университет;
blondy010888@mail.ru
[2]д-р филол. наук, профессор, Казанский федеральный университет;
n-fattakhova@mail.ru

БИБЛЕЙСКИЕ СИМВОЛЫ В СОВРЕМЕННОМ ГОРОСКОПЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ РУССКОЙ ПРОФЕТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Ключевые слова: гороскоп, текст, символ, христианство, национальная идентичность.

Несмотря на тот факт, что астрология не признана академическим сообществом как наука, ее идеи оказывают значительное влияние на жизнь и формирование сознания личности наряду с классическими науками. Гороскопы, являясь популярной формой массовой культуры, давно вышли за рамки астрологических прогнозов, став своеобразным зеркалом социальных и культурных тенденций. В этой связи рассматриваемые тексты представляют собой интересное поле для лингвистического исследования.

Дискуссионным остается вопрос о дискурсивном соотнесении гороскопических текстов. В нашем исследовании мы придерживаемся классификации Ю. С. Степанова [Степанов 2023], который относит гороскопы к числу профетических текстов, дополняя ремаркой о том, что в каждом языке гороскопические тексты «могут приобретать «национальность», поскольку «привязываются» вербально к носителям конкретного языка набором специфических национально-культурных и поведенческих особенностей» [Мубаракшина 2023: 274].

Русская профетическая традиция сформировалась на «почве христианского восприятия окружающей действительности, устройства мира и места в нем человека» [Берестнев, Киреева 2018: 24]. Данный факт обусловил присутствие многочисленных библейских символов в профетизмах, которые мы обнаружили при анализе текстов, размещенных на тематических интернет-порталах. Этот факт

Так, символ **Света**, указывающий на Божественное присутствие, можно проследить в следующих контекстах: *Ваш путь **освещен** звездами; сегодня вас ждет прояснение ситуации; ваша внутренняя мудрость приведет вас к успеху; зажгите свой внутренний свет* (здесь и далее примеры приведены из источника [Гороскопы365.ру]). **Тьма** же ассоциируется с грехопадением и испытаниями: *Вам предстоит пройти через темный период; будьте осторожны, вас могут подстерегать коварные искушения; не позволяйте сомнениям овладеть вами.* Оппозиция света и тьмы в смысловом пространстве текста часто отражает характерную для гороскопических текстов когнитивную модель «Если А-, то В+».

Метафора духовного поиска человека коррелирует с символами **Пути и Странствия** человека: *Вы стоите на пороге новых свершений; измените направление, чтобы достичь цели; в пути могут встретиться неожиданности; Вас ждет увлекательное странствие к цели; это паломничество к вашему внутреннему «я»; не бойтесь сбиться с пути, это часть опыта.*

Не менее важным для определения семантики русских гороскопических текстов являются символы **Искушения** и **Преодоления**: *Не поддавайтесь искушениям, будьте сильны духом; вас ждут испытания, но вы их преодолеете; боритесь со своими слабостями; Вам хватит сил преодолеть все трудности; вас ждет победа над собой.* Подобного рода контексты актуализируют ветхозаветный сюжет испытаний Адама и Евы, трансформируя его исход в ситуацию успеха для реципиента, моделируя тем самым его поведение.

Символ **Плодородия** может быть представлен следующим вербальным рядом: *Вам предстоит собрать богатый урожай; ваши труды принесут обильные плоды; вы получите заслуженное вознаграждение.* Интенция создателя текста в этом случае зиждется на идее о том, что трудолюбие напрямую связано с успехом и процветанием.

Символ **Защиты** и **Покровительства** вербализован в образе ангела-хранителя, что отчасти противоречит традиционным концепциям астрологии, полагающей, что жизнь человека

предопределена исключительно расположением небесных тел. *Вас оберегает ангел-хранитель; вы находитесь под покровительством ангела-хранителя; не бойтесь, ангел вас защитят от бед.* Мы считаем это подтверждением гипотезы о том, что любой *национальный гороскоп* включает содержательные абстракции и познавательные типы, свойственные именно этой культуре.

Проведенный анализ, таким образом, показывает, что гороскопические тексты в русском языке не являются просто набором астрологических прогнозов, а представляют собой сложный феномен, отражающий особенности мышления русского народа, а также его духовную матрицу. Библейские символы в данных текстах используются не напрямую, а в метафорическом виде, наполняя семантическое пространство дополнительными смыслами и создавая связи с традиционными представлениями о мире и человеке. Использование общеизвестной христианской символики позволяет формулировать сценарий жизни человека согласно ключевым параметрам русской национальной идентичности, а также делает текст гороскопа емким с точки зрения содержания при условии его лапидарной формы. Также можно отметить, что метафора является основой символической репрезентации смыслов в текстах подобного рода, а также определяет стратегию их интерпретации реципиентом.

Источник

Гороскопы365.ру. URL: https://goroskop365.ru/ (дата обращения: 15.01.2025).

Литература

Берестнев Г. И., *Киреева Я. А.* Язык и когнитивная структура профетических текстов: Античность и русское православие: монография. Калининград: Изд-во Балт. федер. ун-та им. И. Канта, 2018.

Мубаракшина А. М. Вербализация концепта ОВЕН в современном русском языке (на материале ассоциативного эксперимента) // Когнитивные исследования языка. 2023. № 3-1 (54). С. 273–277.

Степанов С. Ю. Семиотика. 4-е изд., стер. М.: Ленанд, 2023.

Исследование подготовлено в рамках гранта для постдокторантов Академии наук Республики Татарстан.

Насибуллова Гузель Ришатовна

канд. филол. наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет;
Guz1983@mail.ru

КОДЫ КУЛЬТУРЫ ПРИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ВНУТРЕННЕГО МИРА ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ ЖЕНСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Ключевые слова: код культуры, автор-женщина, художественный дискурс.

Изучение культуры через призму языка стало доминирующей парадигмой в лингвистической науке последних десятилетий. Это обусловлено тем, что язык, будучи не просто средством коммуникации, выражает в себе богатейшую информацию о менталитете народа, его истории, ценностях и мировоззрении. Языковой материал — это не просто набор слов и грамматических конструкций; это сложная, многоуровневая система, отражающая глубинные культурные пласты и процессы. Анализ языковых особенностей позволяет реконструировать исторические события, выявлять этнокультурные особенности, понимать механизмы формирования и трансформации социальных норм и идеологий. Понятие «язык» тесно переплетается с концепцией «культурного кода». Культурный код, по мнению исследователей, таких как Д. Б. Гудков и М. Л. Ковшова, представляет собой систему знаков — как материальных (артефакты, архитектура, одежда), так и духовных (мифы, легенды, ритуалы, традиции), — насыщенных культурными смыслами, доступными для интерпретации, «прочтения» [Гудков, Ковшова 2003: 9]. Эти смыслы не всегда лежат на поверхности, часто требуя глубокого анализа и понимания контекста. Различные лингвистические направления, такие как лингвокультурология, когнитивная лингвистика и социолингвистика, активно исследуют культурные коды, используя разнообразные методологические подходы. Современные исследования выходят за рамки простого описания культурных кодов и направлены на понимание механизмов их формирования, функционирования и трансформации [Мубаракшина 2023: 379]. Изучение культурного кода остается одним из основных ключей к пониманию сущности как отдельного человека, так и этноса в целом.

В рамках данного исследования будет рассмотрено, какие культурные коды возникают в современном русском и татарском женском художественном дискурсе при описании внутреннего мира человека. Единой классификации кодов культуры в современной науке нет и, наверное, быть не может, т. к. лингвисты по-разному подходят к принципам классификации. За основу нами взяты те коды, которые соотносятся с древнейшими архетипическими представлениями человека: антропоморфный, биоморфный, природный, соматический, предметный, мифологический.

Под внутренним миром человека мы понимаем также сложный мир эмоций и чувств, т. е. эмоциональное отношение человека к тому, что он видит и слышит, представляет себе, о чем думает и говорит, что делает, к чему стремится. Это отношение переживается субъективно как приятное или неприятное. Чувства и эмоции имеют отпечаток общественного развития, они социально и культурно обусловлены.

Изучение языковой репрезентации образа внутреннего мира человека через коды культуры становится особенно актуальным в связи с попытками сопоставления языковых картин мира в разных языках. Языковой образ человека, будучи частью ЯКМ, отражает систему обыденных взглядов на человека (наивную этику, наивную психологию и анатомию и т. п.), которая присуща народу, говорящему на данном языке. Образы внутреннего человека в языке могут совпадать или различаться в разных языках. Многие исследователи отмечают, что особенно актуальным становится их системное изучение.

Комплексное изучение языкового образа внутреннего человека как системы является совершенно оправданным и естественным, т. к. и в научной, и в наивной картине мира все сферы внутренней жизни взаимодействуют и тесно переплетаются, что отражается и в их языковом представлении.

Цель данной работы лингвокогнитивное исследование репрезентации внутреннего мира человека в современном русском и татарском женском художественном дискурсе.

Материалом исследования послужили языковые конструкции, актуализирующие внутренний мир человека в романах А. Матвеевой «Завидное чувство Веры Стениной» и Г. Галлямовой «Колокольчики». Выбор данных авторов для сопоставительного исследования не случаен. А. Матвеева и Г. Галлямов в своих романах изображают многогранный внутренний мир женщины, мир чувств и эмоций.

Внутренний мир человека в языковой картине мира нами рассматриваемых авторов представляет собой сложное ментальное образование. В художественном дискурсе А. Матвеевой его номинативное поле образуют лексемы «душа», «сердце», «летучая мышь», «память», а у Г. Галлямовой внутренний мир репрезентуется такими лексическими единицами как «җан» (душа), «күңел», «йөрәк» (сердце) [Галлямова 2020: 18].

Анализ нами выбранного материала показал, что самым активным для репрезентации внутреннего мира женщины в русском и татарском художественном дискурсе является природный код культуры, что, на наш взгляд, берет истоки со времен древних славян и тюрков, которые воспринимали себя частью мироздания, чувствовали зависимость от природы.

Далее активным является пространственный код культуры, в обоих нами рассматриваемых дискурсах внутренний мир человека представляется вместилищем, который является сосудом эмоций и чувств.

Зооморфный код культуры в художественном дискурсе авторов-женщин приобретает довольно неожиданные образы. Если в романе Г. Галлямовой внутренний мир, чувства маркируются образом птицы, что является свойственным для многих культур, то А. Матвеева обращается к редкому образу –летучей мыши. В русской картине мира летучая мышь ассоциируется с темными силами, магией, мифами о вампирах. У А. Матвеевой данное животное находится внутри героини и олицетворяет чувство зависти: «*Летучая мышь внутри тогда была еще крошечной — даже нельзя было точно сказать, есть она или нет. А сейчас ее, наверное, даже на узи можно увидеть — или на рентгене. Если попадется опытный специалист*» [Матвеева 2015: 216].

Еще одним из активным кодом культуры при актуализации внутреннего мира женщины является антропоморфный. Внутренний мир женщины имеет субъективный характер, является отдельным от самого человека, он может «коммуницировать» с «хозяином» или же находится рядом, представлять совершенно отдельного субъекта.

Таким образом, внутренний мир человека в художественном дискурсе современных авторов-женщин представляется различными кодами культурами, которые показывают связь человека с природой. Авторы-женщины представляют себя частью природы и воспринимают окружающее через природу.

Литература

Галлямова Г. Колокольчики. Казань: Идел-Пресс, 2020.

Гудков Д. Б., *Ковшова М. Л.* Телесный код русской культуры. М.: Гнозис, 2007.

Матвеева А. Завидное чувство Веры Стениной. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015.

Мубаракшина А. М., Шакирова Д. Ш. Паремиологический код как индентификатор лингвокультурной информации // Современная лингвистика: ключ к диалогу: тр. и мат-лы IV Казан. междунар. лингвист. самм. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2024. Т. 1. С. 379–381.

Петинова Инна Игоревна[1], Леонтьева Татьяна Валерьевна[2]

[1]лаборант-исследователь, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина;
ipetinowa@yandex.ru
[2]д-р филол. наук, доцент, зав. кафедрой, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина;
t.v.leontieva@urfu.ru

КОГДА ИСКРЕННОСТЬ СТАНОВИТСЯ РЕКЛАМОЙ: ПРОДВИЖЕНИЕ МОЛОДЕЖНЫМИ БЛОГЕРАМИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ СЕРВИСОВ

Ключевые слова: новая искренность, блогосфера, коммерческий контент, социальные сети.

В современном медиаполе происходят стремительные изменения в культурных и социальных парадигмах, одним из которых является переход к культуре «новой искренности». Этот феномен проявляется в готовности людей делиться сокровенными историями, переживаниями и проблемами, которые ранее в обществе считались табуированными. Одной из наиболее актуальных тем, которая активно продвигается в рамках этой культуры, является ментальное здоровье. Молодежные блогеры выступают в роли проводников новой искренности, поднимая вопросы, связанные с психологическими травмами, и акцентируя внимание аудитории на важности профессиональной помощи.

Речевое поведение участников медийного дискурса имеет ряд особенностей. Изучение влияния блогосферы на потребление коммерческого контента аудиторией стало предметом многочисленных исследований. В трудах В. В. Антроповой и Д. А. Марковой отмечается, что «новая искренность» возводится в ранг рекламной технологии, которая сегодня повсеместно применяется с маркетинговым успехом [Антропова, Маркова 2023]. Однако до сих пор недостаточно изучены механизмы интеграции коммерческого контента «новой искренности» в блоги, и их влияние на восприятие аудитории.

Определение цели исследования. Гипотеза: по мере роста числа подписчиков в социальных сетях честность блогеров сменяется новой искренностью, которая выступает в роли маркетинговой стратегии.

Цель: рассмотреть феномен «новой искренности» в постах российских блогеров и его влияния на доверие и лояльность аудитории с точки зрения продвижения психологических услуг.

Выборка и методы исследования. Для проведения данного исследования была сформирована выборка из десяти российских блогеров в возрасте от 20 до 28 лет, активно ведущих свои каналы на платформах социальных сетей, таких как Telegram и YouTube. Выборка была составлена с учетом репрезентативности возрастной группы и популярности блогеров в русскоязычном сегменте интернета. Все участники выборки имеют значительное количество подписчиков и регулярно публикуют контент.

В работе применялись следующие методы исследования:

- метод дискурс-анализа;
- контент-анализ;
- метод сплошной выборки материала.

Обсуждение результатов. На первом этапе исследования был проведен общий анализ телеграм-каналов блогеров. Было установлено, что большинство каналов начали свою деятельность в период с 2017 по 2022 г., что соответствует времени роста интереса к социальной сети Telegram и увеличению числа пользователей данной платформы.

Далее проводилась работа по сбору и систематизации контента первых постов блогеров. Эти посты часто содержали базовые правила сообщества, информацию о личных интересах и хобби авторов, а также обращения к потенциальным подписчикам с просьбой задавать вопросы и участвовать в обсуждениях. Такой подход позволял блогерам не только установить

контакт с аудиторией, но и создать доверительные отношения как основу для дальнейшего взаимодействия.

Было выявлено, что со временем, по мере увеличения количества подписчиков и популярности блогеров, в их контенте стала появляться реклама различных товаров и услуг, включая психологические сервисы. Блогеры начали активно использовать прием личного откровения, повествуя о своих внутренних переживаниях и трудностях, с которыми они сталкивались в прошлом. Молодежь ищет психологические ориентиры и находит их в лице блогеров. Такие истории помогают им укрепить доверие к кумиру и представить, как они смогли бы справиться с этими проблемами благодаря поддержке профессионалов. При этом рекламные интеграции с психологическими сервисами кардинально отличаются от стандартной рекламы товаров или услуг в блоге, поскольку зачастую такой коммерческий контент считывается как истина. Автор блога самостоятельно выбирает стратегию общения «которая не оставляет сомнений в его искренности. …Важен не столько прием, сколько результат: у адресата создается впечатление об установке на взаимную открытость и доверие» [Иссерс 2020: 219–220].

В результате проведенного исследования было установлено, что культура «новой искренности» оказывает значительное влияние на восприятие ценности психологических услуг в российском обществе. Молодежные блогеры, активно внедряя элементы искренности и личного опыта в свои посты, способствуют повышению просмотра и охватов. Рекламные коллаборации с психологическими сервисами, выполненные в духе новой искренности, оказываются более эффективными, поскольку создают доверительную атмосферу и близость с аудиторией. Таким образом, с одной стороны, блогеры становятся значимыми ориентирами для молодежи, направляя их к поиску решений и поддержке в сфере ментального здоровья, с другой — они активно применяют маркетинговую стратегию для поддержания охватов и коммерческой выгоды.

Литература

Антропова В. В., Маркова Д. А. Технология «новой искренности» в российском рекламном дискурсе // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2023. № 1 (47). С. 63–69.

Иссерс О. С. Грани «новой искренности» в современной политической коммуникации // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2020. Т. 19, № 6. С. 219–220.

Исследование подготовлено в рамках проекта РНФ № 25-28-01168 «Ценностные смыслы в персональном нарративе российских молодежных блогеров».

Петрова Екатерина Вадимовна

аспирант, Государственный университет просвещения;
научный руководитель: д-р филол. наук, профессор Н. В. Халикова;
evp_098@mail.ru

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОД: СЕМАНТИЧЕСКАЯ БИОГРАФИЯ ТЕРМИНА

Ключевые слова: лингвокультурный код, термин, когнитивная метафора, проекция.

Понятие «семантическая биография термина» заимствовано нами из статьи Л. О. Чернейко «Понятия проекция и проективный смысл в терминосистеме когнитивной лингвистики» (2019) и призвано связать тему настоящей работы с озвученной исследователем мыслью о том, что широта трактовки некоторых лексем, введенных в научную речь, не случайна и требует осмысления. Термин *лингвокультурный код* используется в отечественном научном пространстве, обладает выраженной самобытностью, так как имеет собственный вариант написания в английском языке (linguocultural code), который связан исключительно с русским лингвистическим дискурсом и с определением лингвокультуры, данным В. В. Воробьевым. Новизна термина *лингвокультурный код*, широта его понимания предполагает многообразие ассоциаций с явлением, лежащим в основе наименования. В настоящей работе исследуются значения и трактовки понятия как носители проективных смыслов. Основу картотеки исследования составили научные статьи и монографии, входящие в индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2003 по 2024 г.

Особенности метафорической сочетаемости, семантическое разнообразие дефиниций отражает процесс интеграции понятия в научную речь. В исследованных контекстах термин *лингвокультурный код* встраивается в рассуждение при помощи когнитивных метафор базовых для лингвистического дискурса образных парадигм, например, младограмматических, антропоцентрических («*…феномены культуры и языка… следует сравнивать с живым организмом, который постоянно развивается…*» [Розенкова, Шустова 2017: 102]). В некоторых контекстах *лингвокультурный код* включается в рассуждение единственно при помощи стертых пространственных метафор, в основе модели переноса лежит ассоциация термина с местом, относительно которого располагаются другие понятия: их вносят внутрь кода, они группируются вокруг и т. д. Встречаются метафоры с символическим значением «одежда» в контекстах, определяющих термин или его свойства («*Несловесные культурные коды, облекаясь в вербальную форму, превращаются в словесно-культурные*» [Савицкий 2023: 119]). В научной речи данные тропы выступают инструментами мышления, частотность метафор обусловлена тем, что *лингвокультурный код* активно осваивается наукой, осмысляется учёными как целостный объект познания.

Интерес для изучения представляют прежде всего рациональные, внутренне мотивированные корреляты, входящие в семантическое ядро определения. Как правило, исследователь опирается на одно из существующих, сформулированных до него значений, но интерпретирует его в русле своего исследования, адаптируя для решения поставленной в статье задачи. Разнообразие трактовок термина *лингвокультурный код* можно свести к двум подходам к интерпретации явления. Данное понятие представляется как *структура* и *процесс*, логические парадигмы, включающие стертые и реализованные ассоциации, отражают онтологическую сторону явления. Первая ассоциация создаёт логический образ, представляющий *лингвокультурный код* как *систему*, *структуру* (логическое); *матрицу*, *сетку*, *совокупность линий*, *поля* (образное). Данная ассоциация часто является основной («*Лингво-культурный код представляет собой систему… организованных согласно заложенной матрице…*» [Иванова 2003: 56]). Она связывает термин с понятиями культурный код, лингвокультурема (введен В. В. Воробьевым), сближает его с данной областью научных знаний. В отношении *лингвокультурного кода* к терминам *код* и *культурный код* встречаются следующие реляционные предикаты: *воплощение, экспансия, совокупность, взаимодействие, вербализация, симбиоз*. Зона референции, складывающаяся из совокупности определений, всегда устанавливает взаимосвязь понятий, но четко не детер-

минирует отношения между ними, отсюда в некоторых исследованных статьях понятия лингвокультурный код и культурный код вступают контекстными синонимами. *Лингвокультурный код* как процесс является результатом *наслаивания*, *членения*, *вливания перевоплощения и превращения* языковой и культурной информации, при этом становясь не столько целью, сколько продолжением действия («*…которые обладают способностями перевоплощаться, принимая вербальное выражение в форме лингвокультурных кодов*» [Брыскина 2009: 7–9]; «*Имеет место вливание культурных кодов в словесный язык*» [Савицкий 2023: 119]). В контекстах, содержащих данное определение, лингвокультурный код сближается с понятиями *метафора* и *образ*. Так, совокупность *лингвокультурных кодов* обозначается как «образная парадигма», само понятие осмысляется как «метафорический перенос». В данном определении термин *лингвокультурный код* может сближаться с такими дисциплинами, как лингвопоэтика, когнитивная лингвистика. Соответственно, проективное моделирование дефиниции отчасти определяется познавательными интенциями исследователя, его научным кругозором.

Таким образом, разнообразие трактовок термина лингвокультурный код, его семантическая биография — это отраженный в дискурсе процесс подбора проективных смыслов и логических образов, которые определяют сочетаемость понятия и его дальнейшую эволюцию в лингвистической науке.

Литература

Брыксина И. Е. Формирование механизма билингвизма и переключение языковых кодов «code switching» на занятиях по иностранному языку // Ежегодник центра франкофонии: межвуз. сб. науч. ст. Вып. 2. Тамбов: Тамбов. гос. ун-т, 2009. С. 51–61.

Иванова С. В. Лингвокультурологический аспект исследования языковых единиц: дис. … д-ра филол. наук. Уфа, 2003.

Розенкова Х. Е., Шустова С. В. Лингвокультурный код: определение, проблема классификации, роль в межкультурной коммуникации // Евразийский гуманитарный журнал. 2017. № 2. С. 101–104.

Савицкий В. М. Культурные и лингвокультурные коды // Флагман науки. 2023. № 3 (3). С. 117–124.

Пименова Марина Васильевна

д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой,
Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых;
pimenova-vgpu@yandex.ru

О МЕСТЕ ТЕРМИНА *ДИСКУРС* В СИСТЕМЕ ЯЗЫКА

Ключевые слова: В. В. Колесов, дискурс, концептуальная лингвистика, система языка.

Владимир Викторович Колесов в своем последнем прижизненно изданном труде «Основы концептологии» (2019 г.) отмечает, что «…дискурсом занимаются представители всех гуманитарных наук, каждый раз понимая под ним что-то свое: первый признак незаполненности объема понятия» [Колесов 2019: 45], в связи с чем **дискурс** — «самое загадочное» понятие в современной науке, так как «…разнообразие определений сводит его к утверждению полной опустошенности» [Колесов 2019: 45].

Владимир Викторович анализирует дефиниции данного дискуссионного термина в трудах французских ученых (Жака Лакана, Поля Рикера), различающих *дискурс* и *речь* и понимающих данный феномен как говорение с логической «подкладкой», как *осмысленную речь* [Колесов 2019: 45].

Останавливаясь на работах отечественных ученых (А. А. Потебни, Ю. С. Степанова, В. З. Демьянкова, Е. М. Верещагина, В. В. Воробьева, В. Г. Костомарова, С. Г. Воркачева и др.), В. В. Колесов указывает, что современная «концептуальная лингвистика развивает идеи П. А. Флоренского, С. Н. Булгакова и А. Ф. Лосева: *смысл* явлен в синтагме, актуализируется в **дискурсе** (выделено нами — М. П.), проявляясь в узусе, тогда как *значение* представлено в словесной парадигме, являясь в норме» [Колесов 2019: 45]. Особо В. В. Колесов подчеркивает роль в научном «открытии» дискурса трудов А. А. Потебни, «который определил его как “*сгущение* мысли”: “… сгущает чувственный образ, заменяя его стихии одним представлением” (Слово и миф) с ослаблением внутренней формы» [Колесов 2019: 47].

В. В. Колесов использует термин *дискурс* при обозначении операций, выявляющих «коренной смысл концепта — концептум» [Колесов 2019: 721]. По мнению В. В. Колесова, синергийное поле *дискурса* «от лат. *discursus* ‘бегание туда и сюда’, т. е. ‘круговорот’» включает в себя соотношение семантического треугольника (*знак — значение / сигнификат — денотат*) и концептуального квадрата (*образ — понятие — символ — концепт*) «… через промежуточную позицию “текст” (от лат. *textus* ‘плетение’, а в переносном значении ‘связь, *отношение*’). <…> Дискурс — постоянный круговорот всех трех составляющих посредством дискурсивных рассуждений и взаимных отсылок с помощью наличных текстов с целью вычленить необходимые в данной ситуации элементы, в нашем случае — концептумы» [Колесов 2019: 721–722].

Продолжая наблюдения В. В. Колесова, следует обратить внимание на то, что имеющиеся дефиниции понятия дискурса по своей сути могут быть отнесены к двум основным группам, В дефинициях первой группы термин *дискурс* отождествляется с другим/-ми лингвистическим термином/-ами, например: *текст, контекст, рассуждение, выступление, дискуссия, говорение, речь* и др. В дефинициях второй группы определение термина *дискурс* осуществляется через метафору, например: «*погруженный в жизнь*», «*сквозь призму языка*», «*язык в языке*», «*общий мир*» и т. п. Мы уже отмечали в своих работах, что к подобным условным группам можно отнести дефиниции еще одного «загадочного» термина — *концепт,* который чаще всего характеризуется через другой термин (например: *представление, понятие, значение, смысл, мысль, этимон, символ, образ, слово* и др.) или же при помощи метафоры (например: «*сгусток культуры*» «*почки*», «*соцветия*», «*парят*», «*туманное нечто*» и др.) (подробно см.: [Пименова 2003]).

Несомненно, предложенные определения термина *дискурс* (как и термина *концепт*), содержательны и обоснованы в рамках той или иной научной школы / теории, однако отождествление с другими терминами и дефиниции путем метафорических определений не отвечают на вопрос, каково место данных феноменов в системе языка. Мы полагаем, что *дискурс* (как

и *концепт*) относится к единицам эмического (абстрактного) уровня (наряду с фонемой, морфемой, лексемой, синтаксемой и др.), которая на этическом (конкретном) уровне материально реализуется в конкретных текстах определенного жанра и стиля, функциональных стилях, речевых высказываниях и др. (подобно концепту, который реализуется при помощи лексических значений, сигнификатов, внутренних форм слов и т. п. [Пименова 2003; Пименова 2024]).

В заключение необходимо отметить, что труды В. В. Колесова нацелены на то, чтобы «…подтолкнуть собственную мысль читателя в нужном направлении» [Колесов 2002: 432], поэтому предполагают вдумчивое неторопливое чтение и многократное прочтение.

Литература

Колесов В. В. Основы концептологии. СПб.: Златоуст, 2019.

Колесов В. В. Философия русского слова. СПб.: Юна, 2002.

Пименова М. Вас. Герменевтические теории смысла и понятие концепта // Материалы XXXII Международной филологической конференции. Вып. 18. Язык и ментальность. СПб., 2003. С. 44–45.

Пименова М. Вас. Понятие дискурса в трудах Владимира Викторовича Колесова: к 90-летию со дня рождения // Дискурсология: язык, культура, общество. Луганск: Изд-во Луганск. гос. пед. ун-т, 2024. С. 49–54.

Подчинёнова Екатерина Константиновна[1], Щетинина Анна Викторовна[2]

[1]лаборант-исследователь, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина;
ekaterinapodcinenova@gmail.com
[2]канд. филол. наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина;
a.v.shchetinina@urfu.ru

ДЕМОНСТРАЦИЯ ЛИЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ В МОЛОДЕЖНЫХ БЛОГАХ КАК ИНСТРУМЕНТ ВЛИЯНИЯ НА ЦЕННОСТИ ЦЕЛЕВОЙ АУДИТОРИИ

Ключевые слова: молодежные блогеры, публичная демонстрация личных отношений, ценности, лингвоаксиология.

В настоящее время все ярче становится феномен блогерства как нового института, влияющего на формирование общественного мнения. Блогеры, ведущие узконаправленные тематические блоги или транслирующие свою обыденную жизнь, осознанно или неосознанно участвуют в формировании ценностей своей целевой аудитории.

При этом нельзя не отметить заметные расхождения ценностных векторов молодёжных блогов и официального общественно-политического дискурса: «Центральное место в формируемой коллективными акторами идентичности молодёжных представителей гражданского общества занимают вопросы и проблемы ценностного плана. Однако здесь могут проявлять себя коренные противоречия и столкновения ценностных дискурсов, производимых различными агентами символической политики» [Гигаури и др. 2019: 53].

В рамках такого исследования отдельной темой можно выделить демонстрацию личных отношений в молодёжных блогах как способ влияния на ценности целевой аудитории — молодёжи. Между тем это социальная группа, наиболее подверженная влиянию на уровне смыслов и ценностей. Поэтому важно изучить, какие ценности транслируют молодёжные блогеры и какие приемы они для этого привлекают. Демонстрация личных отношений является качественно новым инструментом диалога с аудиторией, вызывающим дискуссии у аудитории более старшего возраста [Leontyeva 2021], поэтому представляет интерес для обстоятельного изучения. Исследование подготовлено в рамках проекта РНФ № 25-28-01168 «Ценностные смыслы в персональном нарративе российских молодежных блогеров».

В начале работы был проведён анализ блогосферы и составлена выборочная совокупность молодёжных блогеров. Ключевыми показателями для попадания в выборку стали возраст (20–29 лет) и объем аудитории (количество подписчиков в различных социальных сетях).

Тематический контент-анализ массива текстовых материалов, размещённых блогерами на различных платформах, был направлен на выявление ценностей, которые так или иначе маркированы в записях (постах) блогеров.

Анализ позволил заключить, что демонстрация личных отношений выступает одним из проявлений феномена «новой искренности» — тенденции к чрезмерно детализированному освещению личной жизни с целью формирования у аудитории доверия к блогеру. Новая искренность в контексте сетевой коммуникации определяется в двух ракурсах: ‘откровенный рассказ о себе, открытое выражение испытываемых эмоций в публичном пространстве (СМИ, социальные сети и др.), служащие средством коммуникации, привлекающие других участников общения, создающие определенный образ рассказчика’ и ’технология коммуникации в маркетинговой, политической и других сферах, предполагающая откровенный рассказ о себе, открытое выражение испытываемых эмоций в публичном пространстве (СМИ, социальные сети и др.) с целью оказать влияние на аудиторию’ [Леонтьева, Щетинина 2022: 196].

Данный прием часто используется в рамках коммерческой стратегии, направленной на увеличение аудитории и расширение охватов. В контексте ценностного наполнения изучаемого контента следует выделить активное продвижение таких идей, как свобода выбора, отсутствие

обязательств перед партнёром, приоритет собственного благополучия и снижение значимости романтических отношений, что характерно для молодёжных блогеров.

Далее был проведён анализ ценностного ряда, поддерживаемого общественно-политическими институтами, включая ценности, продвигаемые государством (например, в рамках национальных проектов), общественными организациями и образовательными учреждениями. Сравнительный анализ дискурса, формируемого традиционными общественными институтами и молодёжной блогосферой, выявил заметные различия в ценностном наполнении контента официальных источников и блогеров. В то время как государственные и общественные организации акцентируют внимание молодёжи на значимости семейных ценностей, патриотизма, гражданской и политической активности, молодёжные блогеры популяризируют концепции индивидуализма и нравственной свободы.

В результате проведенного исследования можно сделать вывод о том, что демонстрация личных отношений в блогах представляет собой эффективный инструмент воздействия на молодежную аудиторию, который апеллирует к зрителям на подсознательном уровне, вызывая чувства искренности и доверия. Для подтверждения данной гипотезы использовались различные лингвистические методы, включая контент-анализ и семантический анализ.

Контент-анализ позволил систематизировать и классифицировать темы и мотивы, которые преобладают в материалах блогеров, а также сопоставить их с официальными источниками информации, такими как государственные инициативы и общественные программы. Семантический анализ позволил детально исследовать лексические поля и коннотации слов, используемых в контексте обсуждения личных отношений. Выявленные семантические связи между терминами «свобода», «независимость» и «счастье» указывают на формирование новой системы ценностей, которая противостоит традиционным нравственным идеалам, продвигаемым общественно-политическими институтами.

Таким образом, результаты исследования подтверждают, что использование личных историй и демонстрация интимных аспектов жизни блогера не только служат средством установления эмоциональной связи с аудиторией, но также являются частью стратегически выверенной коммуникационной практики, направленной на увеличение вовлеченности и взаимодействия с контентом. В этом контексте ценности, продвигаемые молодёжными блогерами, становятся значимыми маркерами культурных изменений в обществе и представляют собой важный объект для дальнейших исследований в области социолингвистики и медиапсихологии.

Литература

Гигаури Д. И., Гуторов В. А., Ширинянц А. А. Youtube-блогеры как лидеры общественного мнения молодежи: новые технологии формирования идентичности в виртуальном пространстве // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2019. № 3 (60). С. 51–58.

Леонтьева Т. В., Щетинина А. В. Сочетание новая искренность в лексикографическом аспекте // Научный диалог. 2022. Т. 11, № 6. С. 183–201.

Leontyeva T. V. Daydreaming of internet users about a someone else's love relationship as a virtual vs real hybrid // Communication Today. 2021. Vol. 12, no. 2. P. 46–57.

Исследование подготовлено в рамках проекта РНФ № 25-28-01168 «Ценностные смыслы в персональном нарративе российских молодежных блогеров».

Радбиль Наталья Валерьевна

канд. филол. наук, доцент, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского;
nagov@list.ru

НОВООБРАЗОВАНИЯ В ЯЗЫКОВОМ ВОПЛОЩЕНИИ КОНЦЕПТА «ПАТРИОТИЗМ» В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ

Ключевые слова: концепт «патриотизм», неодеривация, активные процессы, интернет-коммуникация, современная русская речь.

В работе на новом исследовательском материале освещаются явления неодеривации в языковой экспликации концепта «патриотизм» как отражение активных процессов в современной русской словообразовательной системе [Новые тенденции 2016]. Исследовательский инструментарий основывается на идеях Нижегородской научной школы когнитивно ориентированного анализа концептов [Радбиль 2019; Русский язык 2021]. Материалом исследования являются контексты употребления неодериватов, обнаруженные в ходе интернет-мониторинга автора.

Неодериваты, воплощающие концепт «патриотизм» в русской речи нашего времени, выражают разнообразные смысловые преобразования его исходного концептуального содержания, отвечающие современным представлениям носителей языка о патриотизме. Интересен в этом плане, например, неодериват *патриотика*, который имеет собирательную семантику и в разных контекстах обозначает:

(1) совокупность социальных, образовательных или культурных мероприятий и/или идеологических принципов, связанных с пропагандой идей патриотизма, с воспитанием в духе патриотизма и т. д., например: ***Патриотика***. *Патриотизм активизирует духовный потенциал ребенка, поднимает уровень развития личности на более высокую ступень* [https://infourok.ru, дата обращения 18.12.2024];

(2) совокупность поведенческих норм и установок, соответствующих патриотическим убеждениям, например: *Убрать двор, поднять бумажку на улице, помочь сделать дело, в котором ты лично не получаешь денежной выгоды, развить немеркантильные интересы — вот что важно <…>. Но у нас эти простые вещи мало ассоциируются с* ***патриотикой****, вот в чем проблема…* [https://vm.ru, дата обращения 18.12.2024].

Однако чаще всего неодериваты отражают не столько смысловые, сколько ценностные представления говорящих о патриотизме, патриотичном, патриотах и пр. Так, в наших предыдущих работах был выявлен существенный оценочный потенциал новых явлений в языковом воплощении концепта «патриотизм» на лексико-семантическом и словообразовательном уровнях [Наговицына 2019]. В частности, мы показали, что неодериваты на базе лексем *патриот* или *патриотичный* могут выражать не только ожидаемое позитивно-оценочное, но и негативно-оценочное восприятие патриотизма как в каком-то отношении «неправильного», ущербного, т. е. не соответствующего ожиданиям говорящего, интуитивно ощущаемой норме. Прежде всего это относится к обозначениям лица, патриотизм которого осмысляется как недостаточный, чисто внешний, показной или, напротив, чрезмерный, излишне аффектированный, а также ложный, мнимый.

Для выражения иронически сниженного негативно-оценочного отношения говорящего в таких случаях используется словообразовательный потенциал суффиксов субъективной оценки — размерно-оценочных, уменьшительных (диминутивных) и под.

Это контексты употребления неодерива*та патриотище*, например: *Этакий* ***патриотище*** *этот Владимир Золотухин* [https://moskvapark.naidich.ru, дата обращения 11.01.2025]; *Сергей Михеев не патриот. Он* ***Патриотище*** [https://lg.ru, дата обращения 11.01.2025].

Это контексты употребления уничижительного неодериват *патриотишко* (в варианте *патриотишка*), например: *…Вы решите, что нарисовался очередной* ***патриотишка****, который свято верит в то, что сборная России сможет что-то показать на предстоящем турнире* [https://m.sports.ru, дата обращения 11.01.2025]; *Тихой сапой протащил его в фильм о Кончаловском — это уж перебор Первого канала... какой-то* ***патриотишко*** *трусливый* [https://kak2z.ru, дата обращения 11.01.2025].

Обратим внимание, что в ряде подобных случаев ироническая позиция автора по отношению к объекту номинации выражается посредством так называемых «иронических кавычек», например: «***Патриотище***» [https://dzen.ru, дата обращения 11.01.2025].

Также для снижения оценочного регистра изображаемого используется потенциал стилистически маркированных суффиксальных образований лиц женского пола, например: *— Ирка, ты чего подначиваешь? — разозлился Жора. — Ишь,* ***патриотичка****-оптимистка. — Почла бы за честь* [https://moskvam.ru, дата обращения 09.12.2024]; *Отмечу, что я не такая прямо вся из себя* ***патриотичка*** *до мозга костей, что мне принципиально не будет нравится любое забугорное, где русским духом не пахнет* [https://irecommend.ru, дата обращения 09.12.2024].

В целях иронической атрибутивной характеристики какого-либо объекта может использоваться модель неологического словообразования качественных прилагательных посредством диминутивов, например: ***Патриотичненький*** *детский сад на Московском тракте* [https://smartik.ru, дата обращения 11.10.2024].

Во всех этих случаях выражается эмоционально-экспрессивная негативно-оценочная реакция говорящего на «неправильный» патриотизм как свойство / качество характеризуемого лица или объекта.

Литература

Наговицына Н. В. Словообразовательное гнездо с вершиной *патриот* в языковой объективации концепта «патриотизм» // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2019. № 2. С. 192–195.

Новые тенденции в русском языке начала XXI века: коллективная монография / под ред. Л. В. Рацибурской. М.: Флинта; Наука, 2016.

Радбиль Т. Б. Вера как основа мировосприятия и миропонимания в русской языковой картине мира // Лингвокультурологические исследования. Логический анализ языка. Понятие веры в разных языках и культурах / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, М. Л. Ковшова. М.: Гнозис, 2019. С. 23–35.

Русский язык в интернет-коммуникации: лингвокогнитивный и прагматический аспекты: коллективная монография / под ред. Л. В. Рацибурской. М.: Флинта, 2021.

Раткович Драгана

д-р филол. наук, научный советник, Институт сербского языка САНИ, Сербия;
Dragana.Ratkovic@isj.sanu.ac.rs

МИФОНИМИЧЕСКИЕ НАИМЕНОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА И КОНЦЕПТ *ЧЕЛОВЕКА* КАК *МИФОЛОГИЧЕСКОГО СУЩЕСТВА* В ПИРОТСКОЙ РЕЧИ

Ключевые слова: пиротская речь, современный сербский язык, пейоратив, мифоним, человек.

Данная статья, посвящённая мифологической лексике и терминологии в наименовании человека в пиротской речи (далее ПР), является продолжением исследования экспрессивной номинации человека в этой речи [Ратковић 2021; Ратковић 2023], а также и вкладом в исследование диалектного образа человека в сербском языке.

Предметом работы являются существительные языковые единицы экспрессивной тональности, которыми в ПР в первую очередь называют реалии мифологического мира, а во вторую — людей. Будући да *чума* примарно означава болест, а секундарно митолошко биће и жену — ‘куга’; ‘рашчупана жена која иде по кућама и стрелама гађа и мори људе’; ‘рашчупана и прљава женска особа’ — овај назив не увршавамо у грађу.

Корпус состоит из двух словарей ПР: Новицы Живкович (1987) и Драгољуба Златкович (2014; 2017; 2020; 2022).

Под *мифонимом* мы понимаем «имя мифологического существа». Такой человек назван в ПР единицами, все из которых имеют отрицательное экспрессивное значение. Это: *ала* «мифологическое чудовище, дракон»/«существо, вызывающее градоносные тучи»; «прожорливый, ненасытный человек»; «человек, служащий отрицательным примером», *ала неосвирна* «плохой и очень опасный человек», *вапир* «вампир»; «злой человек», *вапируља* «злая женщина», *вештегар* «волшебник»; «человек, занимающийся магией», *вештегарка* «ведьма»; «злая женщина», *караконца*/*караконцула* «призрак, пугающий по ночам прохожих, привязанный к определенному месту»; «уродливый и злой человек». В то же время *ала* появляется в выражениях с редупликативной моделью *ала алосана* «очень плохой человек (худший из худших)» и сочинительно-связочными конструкциями *але* и *будале* «группа примитивных и глупых людей», *але и вране* «обжоры и воры», *але* и *неведе* «группа злых людей; худшие (люди)», *але* и *невиделице* «группа нежелательных людей, живущих за чужой счет», *але* и *ћиле* «группа бездельников, бездельников и обжор», также в суффиксальных производных: *алесија*/*алосија* «человек огромного роста»; «обжора», *алешчина* «огромный и сильный человек», *алотина* «урод, дурак», *алтавштина* «урод, дурак»; «неуклюжий человек», *алч*/*алчило* «физически уродливый человек; бесхарактерный и праздный человек».

Языковые единицы анализируются в следующих аспектах: лингвокультурологическом, лексико-семантическом, словообразовательном и когнитивном, с целью ответа на следующие вопросы: 1) какие человеческие характеристики, какое поведение и действия инициируют мифонимическую номинацию человека определённого возраста в ПР; 2) как такие номинации раскрывают параметры оценки; 3) в каком отношении находится мифонимическое наименование человека в ПР с соответствующими наименованиями в современном сербском языке и нынешних призренско-тимочских говорах и 4) какие словообразовательные, лексические и когнитивные механизмы участвуют в реализации данных языковых единиц, т. е. их семантических реализаций. Такой методологический подход позволяет 1) реконструкцию (мифонимическими выражениями) концептуализации человека как мифологического существа в языковой картине мира и традиционной культуре пиротского края, а также и 2) рассмотрение отношений и определение (не)сходства с ценностной картиной мира сербского народа, созданной теми же или похожими лексико-семантическими средствами в современном языке.

Термин *языковая картина мира* взят из теоретико-методологического аппарата Люблинской когнитивистской и этнолингвистической школы Ежи Бартминского, где его значение «интерпретация реальности, содержащаяся в языке, которая может быть представлена как ком-

плекс суждений о мире, людях, вещах и событиях. Это интерпретация, а не отражение, субъективный портрет, а не фотография реальных объектов» [Бартмињски 2011: 46]. Об истории этого понятия см.: [Бартмињски 2011: 41–46].

Данный подход был применён в выше приведённых исследованиях автора на материалах фитонимической лаудативной номинации человека и зоонимической лаудативной номинации женщины с точки зрения возраста, причём вторая работа также содержит подробный сравнительный анализ данных наименований в ПР с соответствующими номинациями в призренско-тимочком ареале [Ратковић 2023б: 239–241].

Методом когнитивного анализа оценочных лексических средств Вероники Николаевной Телии, согласно которому коннотативное значение экспрессивных лексем содержит и эмотивно-аксиологический семантический компонент [Телия 1986: 5], приходим к выводам о природе субъективно-оценочных компонентов в семантической структуре оценочных лексических средств. Согласно Телии, эта оценка может быть: 1) общая, основанная на параметре ‘хорошо/плохо’ и 2) эмоциональная, основанная на параметре ‘люблю/не люблю’, т. е. ‘нравится/не нравится’ [Телия 1986: 29–35]. Эта оценка определяется эталонами и стереотипами данного языкового сообщества, который представляют культурные информации, содержащиеся в лексическом значении оценочных лексем [Телия 1986: 39].

Перечисленные существительные характеризуются средней степенью экспрессивности, потому что они выражают антипатию, отвращение к данным качествам. Применяя структурную модель лексического значения экспрессивов, предлагаемую Телией, семантическую структуру, напр. в наименованиях женщины, которая из-за своего возраста непривлекательна для мужчин, можно представить следующим образом: *вештегарка*: особа + женщина + старая, некрасивая + это, как известно, плохо, нежелательно + поэтому я выражаю антипатию к особе с этими качествами + я делаю это, выбирая уничижительную номинацию в ее именовании, тем самым открыто выражая свою отрицательную оценку.

Литература

Бартмињски Ј. Језик — Слика — Свет. Перев. Марта Бјелетић. Београд: SlovoSlavia, 2011.

Ратковић Д. Фитонимски пејоративни називи за човека у пиротском говору (лингвокултуролошки аспект) // Slavistica Vilnensis. 2021. Т. 66, № 2. С. 109–124.

Ратковић Д. Зоонимска лаудативна номинација жене с аспекта старосне доби у пиротском говору // Јужнословенски филолог. 2023. Т. LXXIX, №2. С. 239–258.

Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986.

Исследование подготовлено в рамках проекта Лингвистическое исследование современного сербского литературного языка и создание Словаря сербско-хорватского литературного и народного языка САНИ, шифр 178009.

Рылов Станислав Александрович

канд. филол. наук, доцент,
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского;
standap46@mail.ru

ДРЕВНЕРУССКОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ-ВЫСКАЗЫВАНИЕ В КОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ

Ключевые слова: В. В. Колесов, простое предложение-высказывание, когнитивное содержание, синтаксический концепт, синкретизм.

Профессор В. В. Колесов внес огромный вклад в разработку исторического синтаксиса русского языка. К сожалению, вклад этот до настоящего времени остается не оцененным в полной мере. Новаторским явился *когнитивный* подход ученого к историческому синтаксису — с позиций общей лингвистической концепции проявления русской ментальности в категориях языка. Историческому синтаксису, по мнению Колесова, принадлежит важнейшая роль в **концептологии** как новейшем методе лингвистики, направленном на поиски архетипов в виде смыслового зерна *концептума* [Колесов 2019: 4]. Именно исторический синтаксис дает возможность воссоздать основные этапы самого процесса порождения *понятий*, «которые становятся в ряд содержательных форм концепта, отражая *понимание* концептума-первосмысла именно в данный момент» [Колесов 2019: 198–199].

Ученый первым в отечественном языкознании подошел — с отчетливо выраженной позиции древнерусской ментальности — к проблеме когнитивного содержания древнерусского предложения-высказывания («формулы речи») как формы организации и языкового выражения древнерусской мысли. Исходный тип предложения в древнерусской речи, по мнению Колесова, — простое двусоставное предложение-высказывание (сокращенно ППВ), согласованное с суждением, синкретичное по существу. Древнерусское «предложение создавалось в мысли ‘присоединительным усилием’: насколько хватит впечатлений и сил, столько и соединяй. Это присоединение, а не сочинение и уж тем более не подчинение одной мысли — другой. <…> Таково это странное смещение перспективы, когда остается неясным, что в высказывании важно, а что — нет. Здесь все одинаково важно. Раз уж заговорил человек — значит, нужно, и мысль, облекаясь в словесную форму, созрела» [Колесов 2011: 439]. При этом важно, что любое *соположение* слов способно было выражать многие виды суждений, привнося в высказывание тонкие оттенки смысла: «Мысль не зациклена на одних и тех же, ограниченных численно, формах выражения, а пластично и гибко вписывается в разноцветье форм, предстающих ‘образом и подобием’ мира» [Колесов 2011: 440]. Таким образом, основу древнерусского ППВ составляет «смысл концепта, положенного в основу высказывания» [Колесов 2019: 202]. С когнитивной точки зрения, особо важную роль в организации ППВ играет *предикативность* как приписывание бытийного признака предмету мысли — «бытийность». Именно предикативность и создает предложение. «Бытийность», сообщение о бытии (небытии) объекта мысли — это тот самый признак, через который обнаруживается существование предмета мысли.

Идеи В. В. Колесова позволяют утверждать, что в семантическом пространстве древнерусского языка существовали *синтаксические концепты* (СК) как ментальные образования, вербализованные в синтаксических структурах ППВ. Именно структурные типы (модели, формулы) ППВ и вербализуют синтаксические концепты, т. е. типовые пропозиции, застывшие в той или иной модели ППВ и представленные в семантическом пространстве древнерусского языка. По наблюдениям З. Д. Поповой, в современном русском языке наиболее активны СК, сформировавшиеся еще в праиндоевропейский период: «бытие объекта» («кто/что есть где»), «бытие признака объекта», «агенс воздействует на объект» («кто делает что»), «самостоятельное перемещение агенса» («кто идет куда») [Попова 2009: 106–107]. Можно полагать, что и в древнерусском семантическом пространстве существовали аналогичные СК, которые выражались в структурных типах древнерусского ППВ. Но, в отличие от современного русского языка, древ-

нерусское семантическое пространство было пронизано, как это убедительно показал В. В. Колесов, синкретизмом как уникальным явлением национального языка. Поэтому на когнитивное содержание древнерусского ППВ объективно наслаивается синтаксический синкретизм. Проведенный нами анализ текстового материала показал, что в древнерусской речи широко представлены синкретичные ППВ, неодинаковые по семантике, характеру, степени проявления синкретизма [Рылов 2022: 118–128]. Естественно, что синкретизм во многом и определяет своеобразие когнитивного содержания древнерусского ППВ. Примером может служить древнерусский СК, вербализуемый в модели ‘необходимости’: «диффузный ГЭ с семантикой ‘*субъект/объект состояния*’ — предикатив **(не) надобѣ**». Когнитивное содержание ППВ типа **надобѣ сѣмяна** (Новг. берест. гр. № 17) весьма специфично, поскольку такое ППВ одновременно означало ‘*семена надобны*’ и ’*надобно иметь семена*’ [Рылов 2022: 126]. Многие древнерусские ППВ требуют осмысления с точки зрения когнитивной. Оригинальные идеи В. В. Колесова в области концептологии побуждают к детальному изучению древнерусского предложения-высказывания в когнитивном аспекте.

Литература

Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове: в 5 кн. Кн. 4. Мудрость слова. СПб.: Филол. фак. СПбГУ; Нестор-История, 2011.

Колесов В. В. Основы концептологии. Санкт-Петербург: Златоуст, 2019.

Попова З. Д. Синтаксическая система русского языка в свете теории синтаксических концептов. Воронеж: Истоки, 2009.

Рылов С. А. Синкретичные синтаксические конструкции в древнерусской речи XII–XIV веков: опыт систематизации // Язык и ментальность в диахронии: сб. науч. тр. Владимир: Владимир. гос. ун-т, 2022. С. 112–129.

Сизова Ольга Борисовна

канд. филол. наук, учитель-логопед, Психолого-педагогический центр по социальной адаптации детей с тяжелыми нарушениями речи;
osizova@yandex.ru

ОБЛАСТЬ-ИСТОЧНИК КАК МИШЕНЬ: К ВОПРОСУ О КАУЗАЛЬНЫХ СВЯЗЯХ СНИЗУ-ВВЕРХ

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, образные схемы, онтолингвистика, стратегии освоения языка.

Концепция образных схем Дж. Лакоффа служит объяснительной моделью формирования высокоуровневых абстрактных языковых понятий на основе метафорического переноса структур обработки сенсорных данных и продуцирования моторных программ в рамках взаимодействия организма с материальным миром. При этом исследования когнитивной лингвистики сосредоточены в основном на области-мишени, обнаруживающей структурное сходство с областью непосредственного телесного опыта. Между тем, анализ области-источника может подтвердить или опровергнуть существование и выявить механизмы каузальных связей между общебиологическим уровнем области-источника и осознаваемым абстрактным уровнем области-мишени.

Область-источник всегда связана с воплощенным опытом, но в онтогенезе способности к сенсорной обработке и моторному ответу формируются поэтапно, соответственно, не весь объем низкоуровневого моторного и сенсорного опыта доступен младенцу с рождения. Так, область-источник схемы «часть — целое» становится доступным ребенку только к возрасту 10–12 месяцев, когда созревают отделы коры головного мозга, обеспечивающие предметный гнозис на основе создания обобщенных сенсорных эталонов. Формирование этой области-источника сразу происходит в языковом контексте: к 12 месяцам младенец способен к участию в ситуациях совместного внимания, которые обычно сопровождаются вербальным комментарием взрослого в регистре child-directed speech, обеспечивающем ребенку оптимальные условия для освоения языка.

Объектом исследования стали часто упоминаемые образные схемы «контейнер» и «источник-путь-цель». Помимо того, что области-мишени этих образных схем чрезвычайно объемны, их области-источники представляют собою очень ранний телесный опыт того периода онтогенеза, когда смысл вербального комментария еще не доступен для полноценного понимания ребенком. Но общебиологические характеристики областей-источников — ощущение границ собственного тела, дифференциация «моё тело-пространство» для схемы «контейнер» и достижение цели посредством перемещения в физическом пространстве для схемы «источник-путь-цель» — формируются у довербальных младенцев с возраста 5–6 месяцев. В этот период созревает физиологический уровень «пространственного поля», функционирование которого обеспечивается экстрапирамидной системой, являющейся подкорковым образованием, и первичной моторной корой мозга [Бернштейн 1997]. С этого периода в обработку входящих сигналов активно включаются телерецепторы — зрение и слух — формирующие за границами тела образ пространства, содержащего цели действий. Но синтез сенсорной информации облигаторно включает фило- и онтогенетически предшествующие телерецепции соматосенсорные сигналы, поступающие изнутри тела и с его поверхности, ограничивающей «контейнер Я» от «контейнера Пространство». В рамках исследования верифицируется предположение о том, что базовый опыт физического взаимодействия с окружающей средой, становящийся областью-источником формирования схем «контейнер» и «источник-путь-цель», являясь довербальным и общебиологическим по уровню обеспечивающих его нейропсихологических механизмов, формирует путем метафорического переноса две основные противопоставляемые в онтолингвистике стратегии освоения родного языка [Bates et al. 1995]

Основная гипотеза верифицируется путем сопоставления состояния базовых функций соматосенсорного гнозиса (области-источника образной схемы «контейнер») и программирования действия (области-источника образной схемы «источник-путь-цель») в рамках лонгитюдного наблюдения (продолжительностью от 2 до 4 лет) динамики и особенностей освоения языка у двух групп дошкольников (по 22 ребенка в каждой группе), демонстрирующих признаки экспрессивной и референциальной стратегий освоения языка.

Экспериментальное исследование базовых общебиологических функций подтвердило предположение о превалировании функций, обеспечивающих соматосенсорный гнозис и формирование дифференциации «моё тело-пространство» у группы, реализующей референциальную стратегию ($p \leq 0{,}05$). Группа экспрессивной стратегии продемонстрировала более высокий уровень развития функций программирования действия($p \leq 0{,}05$), обеспечивающих достижение цели посредством перемещения в пространстве. Маркеры стратегий освоения языка обусловливаются локализацией речевой функции в соответствующем функционально превалирующем отделе коры или метафорическим переносом. Четкость и стабильность артикуляции у детей референциальной стратегии обеспечивается соматосенсорным гнозисом компонентов артикуляционных движений, в меньшей мере доступным детям экспрессивного стиля. Метафорический перенос структуры схемы «контейнер» обеспечивает детям референциальной стратегии раннее формирование обобщающих понятий, освоение гиперонимов ($p \leq 0{,}1$) и сигнификативного значения языковых знаков: «категории как метафорические вместилища» [Лакофф 2004]. Для детей экспрессивной стратегии перенос схемы «источник-путь-цель» становится механизмом опережающего освоения неоднословных высказываний (развертывание дискурса как «приближение его программируемой части» [Лакофф 2004]) и прагматики языка как средства достижения цели, понимаемого «как движение по пути от исходного пункта в конечный пункт» [Лакофф 2004].

На основе полученных данных есть основания полагать, что превалирующий довербальный общебиологический опыт, определяющий область-источник формирования образных схем «контейнер» или «источник-путь-цель», определяет стратегию освоения языка как на основе конфигурации нейропсихологических механизмов, формирующих артикуляционное действие и его соматосенсорный контроль как частный случай моторного действия вообще, так и формируя базис метафорических переносов определенной структуры при формировании высокоуровневых функций языка. Тогда механизм метафорического переноса эксплицирует каузальные связи между функциями коры головного мозга и формированием человеческого сознания. Таким образом, концепция embodiment cognition в перспективе «снизу-вверх» предоставляет аргументы для решения психофизической проблемы.

Литература

Бернштейн Н. А. Биомеханика и физиология движений / под ред. В. П. Зинченко. М.; Воронеж, 1997.

Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Bates E., Dale P., Thal D. Individual differences and their implications for theories of language development // Handbook of Child Language. Oxford: Blackwell, 1995.

Сирота Елена Владимировна

канд. филол. наук, доцент,
Бельцкий государственный университет им. Алеку Руссо, Молдова;
sirotaelena@mail.ru

СПЕЦИФИКА СООТНОШЕНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО И ХУДОЖЕСТВЕННОГО КОНЦЕПТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ КОНЦЕПТА «ЛЮБОВЬ»)

Ключевые слова: концепт, эмотивное состояние, лингвокультурологический концепт, художественный концепт, структура концепта.

В языкознании получили полное многоаспектное описание специфика функционирования лексических и фразеологических единиц, вербализующих эмотивные состояния индивида. Номинации отдельных чувств и эмоций становились объектом исследования ученых в разной степени. Глубокое изучение отдельного эмотивного или аффективного состояния или нескольких смежных эмоций связано со структурированием модели семантического пространства, что предполагает выявление ядерных ситуативных компонентов, различительных характеристик, свойственных изучаемому состоянию или чувству.

Для любви в качестве лингвокультурологического эмоционального концепта характерны универсальные черты. Тем не менее, существует точка зрения, согласно которой любовь — чувство уникальное, следовательно, каждый понимает ее по-своему и наделяет свойственными только ему семантическому наполнению. Вербальная репрезентация данного концепта, как и некоторых подобных ему (правда — истина, удача — везение, блаженство — счастье) отличается «семантической дублетностью» (любовь — влюбленность, увлечение, симпатия, милость, притяжение). Как универсальный концепт любовь является важным элементом любой лингвокультуры.

Рассматриваемый концепт отображает представления о наиболее значимых ценностях этноса и индивида, которые строятся из основных моделей поведения, типичных оценок, убеждений, жизненных принципов, и по важности в сознании этноса стоит рядом с концептами счастья, надежды, истины, свободы, веры. Наполнение концепта любовь обусловливает формирование у индивида смысла существования как цели, реализация которой обеспечивает устойчивые и эффективные социальные контакты и выводит индивида за рамки его непосредственно индивидуального бытия.

Языковеды как правило концепты отвлеченных имен относят к «калейдоскопическим». Считаем возможным отнести и анализируемый концепт именно к калейдоскопическим в силу его многогранности [Бабушкин 1997: 180].

А. Вежбицкая пишет, что лингвокультурные особенности определенных мировоззренческих универсалий (вера, красота, свобода, любовь, правда, добро и др.) в большой степени трудны для описания, так как они содержат своеобразные коды способов концептуализации мира этносом [Вежбицкая 1999: 434].

Анализируемый концепт, получающий вербализацию лексемами и фразеологическими единицами, становился объектом исследования видных лингвокультурологов В. В. Колесова и Ю. С. Степанова. Так, В. В. Колесов в своих трудах подвергает скрупулезному анализу историю преобразования значения слова «*любовь*» в период от этимона «охота, желание» к языческому пониманию «согласие», которое трансформируется в христианскую «привязанность» и приобретает современную дефиницию лексемы. Необходимо отметить тщательность исследования ученым с помощью метода наблюдения специфики функционирования изучаемой лексемы как в письменных текстах, так и в устной речи. Представляет интерес тот факт, что ученым подмечено характерные для средневековья значения «блуд» и «ложная любовь», свидетельствующие о влиянии византийской культуры.

Приступая к моделированию полевой структуры лингвокультурологического концепта «любовь», приведем лексемы, отобранные по словарям. Ядро поля представлено лексемами *любить* и *любовь*. Околоядерная зона вербализуется квазисинонимами названных лексем, среди которых: симпатия, страсть, влечение и др. Ближняя и дальняя периферии поля репрезентируются лексемами, для которых исследуемая семантика является вторичной и, вследствие этого, данные слова менее употребительны для передачи значения: эрос, страдание. Дальнюю периферию объективируют и фразеологические обороты, к наиболее частотным из которых можно отнести: питать слабость, быть без ума, души не чаять.

Если говорить о построении актантной структуры концепта «любовь», то ее специфика заключается в характеристике отношений двух индивидов, один из которых объективируется в субъектном актанте, а второй — в объектном. В исследовании Е. В. Лобковой описаны релевантные для построения фрейма «любовь» актанты: интенсивность, устойчивость, эмоциональная оценка, эстетическая оценка, духовность/телесность, взаимность/неразделенность [Лобкова 2005].

Художественная картина мира — это концепт, который отражает восприятие мира через произведения искусства. В отличие от языковой картины мира, художественная картина мира строится не только на описании внешнего мира, но и на внутренних переживаниях человека, на его эмоциях, философских и этических взглядах. Художественная картина мира может быть субъективной и индивидуальной, поскольку писатель может интерпретировать мир по-своему, акцентируя внимание на определенных аспектах реальности, создавая особые образы и символы. В мире художественных дискурсов создается своеобразная вселенная, концептосферу которой наполняют как универсальные, так и уникальные концепты. Лингкокультурологический и художественный концепты не равны, их разницу обусловливает идиостиль писателя. В языке любовь может проявляться как отношение с различной интенсивностью и разными проявлениями, от легкой симпатии до одержимости. Кроме того, лингвокультурный концепт «любовь» получает репрезентацию как вербальными, так и невербальными средствами (лексемами, мимикой, покраснениями, выражением глаз и т. д.).

Таким образом, концепт любовь является важнейшим элементом русской концептосферы и отображает типичные для носителя языка установки и ценности.

Литература

Бабушкин А. П. Типы концептов в лексикофразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика: дис. … д-ра филол. наук. Воронеж, 1997.

Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры, 1999.

Колесов В. В. Любы и любовь // Исследования по древней и новой литературе. Л.: Наука, 1987. С. 266–272.

Лобкова Е. В. Образ-концепт «любовь» в русской языковой картине мира: автореф. дис. … канд. филол. наук. Омск, 2005.

Смирнов Евгений Сергеевич

канд. филол. наук, доцент, Сибирский федеральный университет;
ses9215@mail.ru

КОНСТАНТА «ЧУЖИЕ» В ТРАДИЦИОННОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ ЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ: ЛИНГВОЭМОТИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (НА МАТЕРИАЛЕ КУЛЬТУРОНОСНЫХ УСТНЫХ ТЕКСТОВ СИБИРЯКОВ-СТАРОЖИЛОВ)

Ключевые слова: константа «чужие», традиционная региональная лингвокультура, лингвоэмотиологический аспект, Енисейская Сибирь.

Региональная лингвокультура представляет собой лингвокогнтивный феномен, который относится к актуальным объектам исследования в современной отечественной лингвистике. Мы разделяем точку зрения профессора О. В. Фельде, что региональная лингвокультура обусловлена различными культурным кодами, а также детерминирована ценностными доминантами определённого локального сообщества [Felde 2019: 58].

Региональная лингвокультура не является однородной, поэтому специалисты выделяют три её основные формы: книжно-письменную (транслируется посредством письменных источников разных функциональных стилей и жанров русского литературного языка), мультимедийную (выражается через земляческие сайты, сообщества в социальных сетях) и традиционную. В настоящем исследовании нас интересует последняя. Традиционная региональная лингвокультура эксплицируется через культуроносные устные тексты.

Материалом работы являются нарративы о чужих, содержащиеся в «Электронном текстовом корпусе лингвокультуры Северного Приангарья» [ЭТКЛСП. URL: https://angara.sfu-kras.ru/] и многотомном «Словаре говоров русских старожилов Байкальской Сибири» Г. В. Афанасьевой-Медведевой [СГРСБС 2007, т. 1; СГРСБС 2012, т. 9]. К чужим в устных текстах относятся ссыльные, вербованные, инородцы. В связи с ограниченным объёмом в данной работе будут представлены только примеры воспоминаний о ссыльных.

Региональная лингвокультура рассматривается современными исследователями сквозь призму различных аспектов (коммуникативного, лексикографического и т. д.). Нами был выбран лингвоэмотиологический аспект, который позволяет проанализировать особенности homo sentiens в региональной лингвокультуре. Объектами исследований при этом становятся различные ментефакты: концепты, ценностные доминанты, стереотипы и др. В настоящем исследовании в качестве такого объекта изучения выбрана константа, под которой вслед за академиком Ю. С. Степановым мы понимаем постоянный или долгое время существующий концепт [Степанов 2004: 84]. К одной из ключевых констант, которая пронизывает разные культуры и лингвокультуры, относится константа «чужие». Целью работы является выявление особенностей репрезентации константы «чужие» сквозь призму лингвоэмотиологического аспекта на материале культуроносных устных текстов сибиряков-старожилов, проживающих на территории Енисейской Сибири.

Лингвоэмотиологический анализ показал, что при экспликации константы в рассматриваемых нарративах используются различные типы эмотивов. Представим полученный результат в таблице.

Таким образом, в современной отечественной лингвистике используются разные аспекты для изучения констант традиционных региональных лингвокультур. Одним из перспективных аспектов является лингвоэмотиологический, который позволяет проанализировать особенности homo sentiens в коммуникативном пространстве того или иного локального сообщества. Проведённый анализ показал, что в культуроносных устных текстах сибиряков-старожилов о чужих представлены разные типы эмотивов: собственно эмотивы, экспрессивы, коннотативы, аффективы, фразеологизмы. Эмотивы преимущественно выражают эмоции восхищения и жалости (сострадания).

Таблица. **Типы эмотивов в устных текстах сибиряков-старожилов о чужих**

Тип эмотива	Выраженная эмоция	Устный текст
Собственно эмотив	Жалость (сострадание)	*В войну их тут полно было. И немцев, и латышей, и литовцев, эстонцев <…>. Конечно, **жалели** ссыльных. **Жалели** местное население. Чем могло помогало.* А *чем помогать-то? У самих все голодные, как волки, были. Чем помогать-то? Но всё равно поддерживали.* А *их очень много умерло здесь. И, наверное, больше литовцев даже, чем немцев умерло* (Кеж.: Чадобец, 2012) [ЭТКЛСП. URL: https://angara.sfu-kras.ru/]
Экспрессив	Восхищение	*Литовцев много было.* У *нас вот главный врач литовец был — Буткус. **Очень порядочный человек**, **очень грамотный*** (Бг.: Богучаны, 2017) [ЭТКЛСП. URL: https://angara.sfu-kras.ru/]
Коннотатив	Восхищение	*Сосланные, они **очень работящие** были. Дом их стоял, мы ещё мясо у них покупали. Тогда было трудно с молоком везде, но в том посёлке было купить* (Бг.: Таёжный, 2017) [ЭТКЛСП. URL: https://angara.sfu-kras.ru/]
Аффектив-междометие	Жалость (сострадание)	*Вот этих **немцев** раскулачили, оне же авакуированные были, оне сами-то из-под Саратова, оне же пострадали. Их в войну авакуировали сюда, на Ангару, дак их раздетыми, кто в чём. **Ой**! И дети,* и *старики*! *<…>. Помирали же*! [СГРСБС 2007, т. 1: 112]
Фразеологизм	Жалость (сострадание)	*Жена у меня была **немка**. Оне же с Волги привезёны были, **немцы** <…>. Их же привезли и **высадили на голую полянку**. И оне ходили… Их же развозили всех, илимка-лодка плывёт по Ангаре и сбрасыват по деревням, оставляет там семьи. Пристанет к берегу, сбросит, дальше поплыли. Вот на Половинном оставили,* в *Аксёново, Паново, Усольцево, Фролово, да везде селили. Там двадцать семей сбросят, там, там, там* [СГРСБС 2012, т. 9: 454–455]

Источники

СГРСБС — *Афанасьева-Медведева Г. В.* Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири. Иркутск, 2007. Т. 1; 2012. Т. 9.

Степанов 2004 — Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. 3-е изд., испр. и доп. М.: Академический gроект, 2004.

ЭТКЛСП — Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья. URL: https://angara.sfu-kras.ru/ (дата обращения: 25.12.2024).

Литература

Фельде О. В. Устный текст как транслятор старожильческой лингвокультуры Северного Приангарья // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. Т. 12, № 1. С. 55-76. https://doi.org/10.175516/1997-1370-0380

Ступина Екатерина Сергеевна

канд. филол. наук, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова;
stupina.ek@mail.ru

СРЕДСТВА ОРГАНИЗАЦИИ РИТОРИЧЕСКОГО КОДА АДХОРТАТИВНОГО ПАФОСА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Ключевые слова: политический дискурс, риторический код, адхортация.

Особый интерес к политической коммуникации сегодня обусловлен теми событиями международного уровня, в которые оказываются включены практически все граждане России. Речь политического деятеля представляет собой явление многоаспектное, подразумевающее глубинный подтекст. Основная задача политика — это самопрезентация, привлечение внимания к своей деятельности в обществе и продвижение магистральной идеи партии. Выступая, политик использует определённые шифры, системы знаков, на которые опирается с целью формирования устойчивого интереса к себе. Точная интерпретация инференциальной основы текста требует от воспринимающей стороны некоторой искушенности в аналитической процедуре выявления тех признаков в речи, по которым можно судить об истинных мотивах говорящего, понимать релевантность продвигаемых идей.

Политический дискурс, как и другие типы дискурса, задан ментальными, методологическими, содержательными и лингвистическими границами, благодаря им формируется пространство «однородных идей, теорий, смыслов, когнитивных стратегий», реализующих воздействие [Чернявская, Молодыченко 2014: 18–19]. Таким образом, практика исследования дискурса касается всей культуры бытия человека.

Различные факторы влияют на формирование кодовой организации политического произведения. В настоящем исследовании нас будут интересовать риторические коды. Мы определяем риторические коды как «систему знаков, воздействующих на чувственное восприятие речи, отраженную в текстах, которые имеют жанровую и дискурсивную специфику» [Ступина 2023: 104]. Риторическое определение кода закрепляется и на основе эмоциональной оценки риторических приемов, и на основе риторической задачи говорящего, включающей в себя культурно-исторический бэкграунд [Ступина 2023: 105].

Риторические коды обусловлены риторическими модусами: этосом, пафосом, логосом. В политическом дискурсе преобладает риторический код, связанный с эмоциональным воздействием на аудиторию (пафос).

Цель настоящего исследования — понять механизм реализации в политическом дискурсе риторического кода адхортативного пафоса, который направлен на «эмоциональное побуждение к действию, возможно, связанному с обещаниями или, напротив, угрозами» [Хазагеров 2009]. Данный код формируется говорящим для того, чтобы вызвать эмоциональную реакцию у электората для дальнейшего моделирования ситуации. В таком случае влияние на иррациональную сферу психики позволит достичь максимального убеждающего эффекта в критической ситуации, при которой рациональная аргументация невозможна.

Актуальность исследования прямо пропорциональна усилившемуся в последние десятилетия интересу не столько к приемам речевого воздействия вообще, сколько к возможностям реализации этих приемов в разных дискурсионных практиках. Политический дискурс в силу относительной информационной открытости политической сферы и в силу всеобщего интереса к проблемам государства предполагает регулярный поиск новых возможностей управления электоратом.

Риторический код адхортативного пафоса формируется с помощью императива (***Не исполняйте*** *ее преступных приказов*), глаголов, выражающих обращение (***Призываю*** *вас немедленно сложить оружие и идти домой*), грамматические категории, указывающих на необходимость действия (*Чтобы добиться здесь позитивных результатов,* ***необходимы*** *скоординированные*

совместные действия правительства и Банка России), односоставные личные предложения (*Поэтому уступать нацизму и бандеровщине категорически не можем*). Также акторы используют развернутые сравнения, анафоры (***Мы сегодня воюем*** *не с бандеровщиной на Украине.* ***Мы сегодня воюем*** *с НАТО*), риторические обращения (*уважаемые соотечественники*), фразеологизмы, отражающие значение категоричности (*вопрос стоит ребром*).

Данные признаки выступают знаками риторического кода. Достаточно часто в речи встречаются различные комбинации этих знаков. Комплексный анализ речи позволяет точно дешифровать код и понять замысел говорящего. Знаки кода становятся сигнальными точками в понимании стратегии поведения. Например, в обращении Владимира Путина ко всем гражданам России с сообщением о частичной мобилизации эти знаки последовательно образуют кодовую формулу. Очевидной кажется задача президента — сформировать у населения мысль о важности вступления в ряды воюющих. Знаками кода в данном случае становятся односоставные предложения (*Обращаюсь сегодня к вам, ко всем гражданам нашей страны*), многочисленные ряды однородных членов, создающих эффект адресного обращения *(…к людям разных поколений, возраста и национальности, к народу нашей великой Родины, ко всем, кого объединяет большая историческая Россия, к солдатам и офицерам, добровольцам…*), определительные словосочетания, имеющие ярко выраженный оценочный характер (*неонацистского режима пушечное мясо добровольческие формирования*), вербальная акцентуация отдельных тезисов речи (*Хочу подчеркнуть…*), нарративные включения, создающие динамику речи и функционирующие как иллюстративно-поддерживающие элементы, риторические обращения (*уважаемые друзья*), употребление категорий слов с семантикой желательности и важности исполнения действия в сочетании с лексическим повтором (*В этой ситуации* ***считаю необходимым*** *принять следующее решение…*).

Данная речь обладает мощным воздействующим потенциалом, поскольку реализует задачи, предполагающие безусловное следование за транслируемой идеей спасения страны.

Подводя итог, подчеркнем, что риторический код адхортативного пафоса продуктивен именно в выступлениях патриотического характера. Структура организованного кода становится очевидной при вдумчивом прочтении. При устном первичном восприятии активизируется только эмоциональное видение событий.

Литература

Ступина Е. С. Риторические коды антонимов в политическом тексте: биография эпохи (на основе работ В. И. Ленина «С чего начать?», «Что делать?») // Политическая лингвистика. 2023. № 4 (100). С. 103–108.

Хазагеров Г. Г. Риторический словарь. М.: Флинта; Наука, 2009.

Чернявская В. Е., Молодыченко Е. Г. История в дискурсе политики: лингвистический образ «своих» и «чужих»: монография. М.: URSS; Ленанд, 2014.

Чжао Сюй

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет;
st122678@student.spbu.ru

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О НАЧАЛЕ И КОНЦЕ В ЗЕРКАЛЕ АССОЦИАТИВНО-ВЕРБАЛЬНОГО ПОЛЯ

Ключевые слова: концепт, начало, конец, ассоциативно-вербальное пол, ассоциативный эксперимент.

Концепты «начало» и «конец» являются базовыми категориями мышления и языкового сознания, важными для восприятия мира. Согласно Н. Б. Мечковской, «в сознании человека достаточно рано возникла необходимость в концептах “начало” и “конец” в качестве пары пространственно-временных координат бытия, допускающих количественную оценку» [Мечковская 2002: 109].

Ассоциативный эксперимент (АЭ) — важный метод лингвистики для изучения языкового сознания, позволяющий раскрыть содержание языковых стереотипов и особенности менталитета народа.

Цель исследования — анализ репрезентации концептов «начало» и «конец» в русском языковом сознании сквозь призму ассоциативных связей. Участникам опроса — 109 респондентам — предлагалось отозваться на слова-стимулы *начало* и *конец* не менее, чем пятью ассоциативными реакциями, что позволило сформировать и проанализировать полученное ассоциативно-вербальное поле.

Несмотря на своеобразие отдельных реакций респондентов, этномаркированная окрашенность, «принадлежность к одной культуре делает “центр” ассоциативного поля в целом достаточно стабильным, а связи — регулярно повторяемыми в данном языке» [Белянин 2005: 135]. Опираясь на высказанное В. П. Беляниным мнение, мы расположили полученные реакции по признаку частотности — по убывающей.

Ассоциации к слову «начало» по частотности: *старт* (40), *конец* (37), *путь* (17), *жизнь* (13), *утро* (10). Далее по убывающей следуют: *зачин, новое, рождение* (8), *исток, начинание, свет* (7), *время* (6), *дело, жизни, почин, слово, солнце* (5), *дорога, пути, работа, страх, фильм, хорошее* (4).

Анализ ассоциаций к слову «конец» показал в качестве наиболее частотных ответы: *завершение* (24), *смерть* (24), *начало* (20), *финиш* (20), *итог* (16), *финал* (16). Менее частотны, но также формируют интересный спектр ответов ассоциаты *результат* — 14, *окончание* — 12, *фильм* — 10; *жизнь, венец (делу венец)* — 9; *облегчение* — 8; *путь, заключение, точка, отдых, грусть, успех* — 7; *работы, свобода, закат* — 6; *веревка, счастливый, радость* — 5; *победа, награда, темнота, печаль* — 4.

Как видим, среди ассоциатов выделяются антонимичные пары, иллюстрирующие бинарность восприятия и сопряжённость противоположных понятий, характерную для когнитивных процессов. Сравнение полученных данных со сведениями «Русского ассоциативного словаря» (том I) подтверждает устойчивую связь между концептами: ассоциат *конец* занимает важное место среди реакций на стимул *начало* (33 упоминания в нашем эксперименте, 35 — в РАС).

Для анализа семантических связей, репрезентируемых ассоциативно-вербальным полем, использована классификация Е. И. Горошко [Горошко 2001]. Представим основные результаты.

1. В ассоциациях, отражающих парадигматические связи, весьма разнообразно и с большим индексом частотности представлены синонимы. «Начало» вызвало такие ассоциаты: *старт, зачин, начинание, исток, почин, отправная точка*, а «конец» — *завершение, окончание, финиш, итог, финал, результат, заключение*. Антонимы представлены парой *начало* и *конец* — антонимы, сохраняющие логическую связь.

2. Синтагматические ассоциации отражают стандартные связи слова-стимула с другими словами. Так, в первом случае выявлены ассоциаты *дорога, жизнь, путь, дело, слово, работа, обучения*, а на стимул *конец — жизнь, фильм, путь, работа* и др. Эти связи демонстрируют привычную сочетаемость, например: *начало жизни, книги, фильма*. Особое место занимает связь

«начало — слово», обусловленная, вероятно, прецедентным текстом — библейской фразой «В начале было Слово», где «слово» символизирует «первоначало, божественный разум, дух» [Дубровина 2010: 94].

3. Эмоционально-оценочные ассоциации отражают субъективное восприятие. «Начало» связано с *новым, хорошим, вызывающим радость и надежду, предвкушением*, но иногда — со *страхом* перед изменениями. «Конец» ассоциируется как с *облегчением, свободой и победой*, так и с *печалью, утратой и грустью*. Эмоциональные реакции зависят от жизненного «контекста».

4. Метафорические ассоциации отражают контраст между позитивными и негативными аспектами концептов. «Начало» ассоциируется с перспективой (*утро, солнце, рождение, росток, дебют*), символизируя надежду и новые возможности. «Конец» ассоциируется с уходом, завершением (*смерть, кладбище, закат*), вызывая чувство утраты.

5. В сфере ассоциатов проявилось знание устойчивых словосочетаний *Конец делу венец; Палка о двух концах; Сколько веревочке ни виться, а конец будет, Лиха беда начало* и др., которыми оправдано появление соответствующих реакций.

Слово «конец», ассоциируемое с лексемой *точка,* указывает на связь с устойчивыми выражениями, такими как часто используемое в речи *поставить точку* — ‘закончить’. Ассоциация «начало — свет» может быть интерпретирована как явление вторичного ассоциирования — через взаимосвязь концептов «конец» и «свет» (ср. ФЕ *конец света*) — предполагается и наличие «начала», ведущего к некоторой буквализации фразеологического значения.

Проведенный анализ показал достаточную стабильность ассоциативных связей, создающих ядерную зону поля, но также значительное разнообразие векторов, формирующих его периферийную зону. Исследование подтверждает значимость этих когнитивных категорий, формирующих обширные ассоциативные поля, связанные с восприятием времени, процессов и изменений в сознании русскоязычных.

Литература

Белянин В. П. Психолингвистика: учебник. М.: Флинта; Моск. психол.-соц. ин-т, 2005.

Горошко Е. И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. Харьков; М.: Ра-Каравелла, 2001.

Дубровина К. Н. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов. М.: Флинта; Наука, 2010.

Мечковская Н. Б. Концепты «начало» и «конец»: тождество, антонимия, асимметричность // Логический анализ языка. Семантика начала и конца. М.: Индрик, 2002. С. 109–120.

Шашков Игорь Александрович

канд. филол. наук, доцент, Луганский государственный аграрный университет им. К. Е. Ворошилова; shashkov.phd@mail.ru

МЕНТАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО СЕТЕВОГО ДИСКУРСА: К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ИДЕНТИЧНОСТИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Ключевые слова: языковая личность реципиента, языковая личность продуцента, метальное пространство, сетевой дискурс.

Существующие на сегодня форматы коммуникации и ресурсы, предлагающие участвовать в процессе коммуникации в Интернет-пространстве, успешны и эффективны в реализации глобальной цели: в тотальном задействовании сетевых пользователей в участии в дискурсных практиках Сети посредством привлечения внимания и воздействия на сознание ***языковой личности реципиент-аудитории***. На наш взгляд, любая личность пользователя и участника интернет-опосредованной коммуникации «(с лингвистической точки зрения) в статусе носителя и пользователя языка представляется ***языковой личностью*** (ЯЛ далее), которая, посредством лингвокреативной деятельности со стороны продуцента, может быть вовлечена в социокоммуникативные отношения (СКО далее) и обладать статусом участника таких отношений. Существование СКО предопределяет множество социокоммуникативных ситуаций (СКС далее)» [Шашков 19: 43].

С момента начала функционирования системы Web 1.0 специфика компьютерно-опосредованной коммуникации претерпела масштабные трансформации, а феномен сетевого дискурса приобрел статус средства не только глобальной ретрансляции информационного материала в адрес многочисленной реципиент-аудитории, но и средства реализации лингковреативного и когнитивно-прагматического потенциала ***языковой личности продуцента***.

Специфика расположения внимания потребителя информации устроена таким образом, что СКС будут актуальны для реципиента, если отвечают кругу интересующих его проблем или отображают спектр ценностей. В свою очередь, СКО обусловлены статусными ориентирами языковых личностей участников дискурсной практики и системой СКС, которые определены причиной и целями создания пространства сетевого дискурса. Соотношение ***«языковая личность ретранслятора — языковая личность массовой реципиент-аудитории пользователя»*** представляет реализацию СКО в условиях участия а) перспективного реципиента в статусе пользователя Сети; б) ретранслятора в статусе информатора, чему способствует использование разноуровневых средств языка и система полижанрового оснащения веб-ресурсов.

Информационное наполнение сетевого контента исследуемых дискурс-формирований предполагает процесс эффективного *ориентирования человека в универсуме своих ценностей* (В. Г. Борботько).

Цель реализации функционирования ***ментального пространства дискурс-образования*** просматривается в создании доминирующей иерархии ценностей, через ретрансляцию анонсируемых ассоциатов. «Задача продуцента состоит в мотивированном воплощении иерархизированных ценностей посредством прагматического их донесения до информируемого» [Шашков 2019: 69].

В основу формирования идентичности ***ЯЛ*** пользователя Сети заложен учёт экстралингвистических факторов, а именно: 1) возрастная категория; 2) социкоммуникативные потребности (через поиск и адаптацию в «кругу своих»); 3) личностно-ориентированный приоритет; 4) социально-статусный приоритет; 5) профессионально-ориентированная потребность; 6) эмоциональный акцент (нагрузка / разрядка).

Природа эмоции, ретранслируемой в рамках сетевого дискурса, опосредована наличием языкового инструментария, представленного следующими характеристиками: 1) способность создания семиотического пространства «семиотическое пространство, подобно любому другому типу общения, формируется вербальными и невербальными знаками» [Волкова 2019: 167];

2) наличие мотивирующих факторов, представляемых ценностными ориентирами, через которые создаётся новая ***сетевая ментальность***; 3) наличие ***виртуального пространства***, в условиях которого обеспечивается ретрансляция ценностных ориентиров; 4) вербализация семиотического пространства, т. е. наличие вербальных компонентов коммуникации; 5) фактор преобладающей персонализации/коллективизации дискурсного пространства; 6) фактор реципиент-анонимности; 7) фактор публичности/лже-публичности; 8) фактор «доверительных» социокоммуникативных агент-клиентных взаимоотношений; 9) фактор продуцент-креативности (креолизация текстового материала, кодирование информационного материала и т. д.).

Эффективная реализация сетевых дискурс-образований опосредована учётом конституирующих свойств дискурса, что в рамках функционирования его коммуникативного узуса наблюдается в использовании когнитивно-прагматического инструментария, эффективно выполняющего задачу средства адаптации и трансформации ценностных ориентиров.

Выбор кодовых средств является средством идентификации ЯЛ как социокоммуникативного и когнитивно-прагматического типов личности в реализуемом дискурсном образовании. ***Формирование идентичности языковой личности***, а также вариантов трансформации идентичности в рамках ***ментального пространства сетевого дискурса*** предопределяется а) техническим оснащением веб-ресурса (Е. Г. Ефимов), в) возможностями частотного анонсирования иерархизированных ценностей, б) лингвокреативым разнообразием преставления закодированного информационного материала, в) спекторм экстралингвистических факторов, участвующих в создании социокоммуникативных продуцент-реципиент отношений, воздействующих на формирование языковой личности пользователя Сети.

Литература

Борботько В. Г. Принципы формирования дискурса: от психолингвистики к лингвосинергетике. 4-е изд. М.: Либроком, 2011.

Волкова Я. А. Коммуникативная категория деструктивности: интердискурсивный аспект // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 1 (134). С. 166–171. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnaya-kategoriya-destruktivnosti-interdiskursivnyy-aspekt.pdf (дата обращения: 15.09.2022).

Ефимов Е. Г. Формирование социальных интернет-сетей как группового феномена виртуального пространства: автореф. дис. … д-ра социол. наук. Волгоград, 2016.

Шашков И. А. Языковая личность продуцента в русскоязычном религиозном интернет-дискурсе: дис. … канд. филол. наук. Донецк, 2019.

Богданова-Бегларян Наталья Викторовна

д-р филол. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет; n.bogdanova@spbu.ru

КТО ИЩЕТ, ТОТ ВСЕГДА НАЙДЕТ: В ПОИСКАХ НОВОГО В ПОВСЕДНЕВНОМ ДИСКУРСЕ, ИЛИ ВСЁ КАК ПРАГМАТИЧЕСКИЙ МАРКЕР-ЗАМЕСТИТЕЛЬ

Ключевые слова: повседневный дискурс, прагматический маркер, речевой корпус, ряд перечислений, маркер-заместитель.

Коллоквиалистика часто имеет дело с чем-то новым, до сих пор исследователями не замеченным, не описанным или мало описанным. Специалисты в этой области всматриваются в данные речевых корпусов и порой извлекают из них новые единицы или выявляют новые функции/значения старых, давно известных. Расширение материала, попадающего в поле зрения исследователей, позволяет создавать и уточнять и речевой лексикон (инвентарь единиц устного дискурса), и речевую грамматику.

Одной из таких единиц, хорошо знакомых носителям русского языка, но обнаруживающих в своих употреблениях что-то новое, является слово (словоформа) ВСЁ. Толковые словари описывают ВСЁ как определительное местоимение (***всё*** *утро*), иногда в роли существительного (*я* ***всё*** *знаю*) или сказуемого (*Теперь —* ***всё!***), как наречие (*он* ***всё*** *спит*), усилительную частицу (***всё*** *лучше*) или противительный союз (*возьмите книгу:* ***всё*** *не так скучно будет*) [МАС 1981: 157, 228]. Пройдя процесс прагматикализации, ВСЁ начинает функционировать в устной речи как прагматический маркер (ПМ), фиксирующий финал реплики или монолога, иногда в составе конструкций *ну всё; всё, пожалуй; ну вот и всё* в *принципе* и под. [ПМ 2021: 122–134]. В рамках речевого этикета ВСЁ рассматривается как формула (ЭФ) прощания в телефонных (25,9 % от всех ЭФ в корпусе ОРД) и непосредственных (24,7 %) разговорах, опережая по употребительности кодифицированные *до свидания* и *пока* [Ермолова, Богданова-Бегларян 2018]. С позиции теории речевых актов, ВСЁ попадает в разряд директивов (***Всё!*** *Хватит! Остановитесь!*) [*Загребельная* 2025]. К такому разнообразию значений и функций добавляются многочисленные устойчивые единицы разного типа, включающие в свой состав компонент ВСЁ: *всё время, всё равно, всё-таки, (и) всё такое (прочее)*.

Но даже и на таком богатом функционально-семантическом фоне в речевом портрете слова ВСЁ обнаруживается еще одна небольшая «лакуна»: анализ корпусного материала (ОРД и УП НКРЯ) показал, что ВСЁ способно выступать еще и в функции ПМ-заместителя, заменяя собой члены ряда перечислений и пополняя класс соответствующих кодифицированных заместителей и *так далее, и тому подобное*, ср.:

(1) *И потом эти сваты/ ну/ и поех…/ сначала договорились с родителями* ***всё****// «Ну так и так»/ ну они/ «шо уговорить/ да нам уже всё равно// За кого б/ ни выходила/ лишь бы уговорится/ за человека»* (УП).

Можно предположить, что такие употребления — это лишь усеченные варианты ПМ *(и) всё такое (прочее)* [ПМ 2021: 134–140], однако и такое уточнение сделанного ранее описания следует признать важным и достойным внимания.

Настоящее — пилотное и «точечное» — исследование выявило пока лишь около 10 соответствующих контекстов, что позволяет только зафиксировать этот функциональный «штрих» речевого портрета слова ВСЁ и наметить пути его дальнейшей проработки.

Руководитель секции: Н. В. Богданова-Бегларян.

(2) *с подаарками там уже всё там и это / ну как уоворится / невеста / ну он же зарабатывал / ему там давали / материал там и* ***всё*** *// Ну и / все тоже скопом собрали ему // Ну как / хто ру[шны]чок / кто / ещё что-то / кто / там / нуу / ну* ***всё*** */ скатерть там / ну как / собрали ему / как говорится* (УП);

(3) *одного из них убили на улице / случайно застрелили // ну вот это вот то что там были <…> нацисты /* ***там короче всё там*** (ОРД);

(4) *И зачем мне вот это все нужно / это все оформлять / себе / мужу /* ***всё это прочее*** */* ***десятое*** (УП);

1) *Пробовал то / пробовал это / но в основном сейчас больше животноводство / кролики / бараны / туда-сюда / там* ***всё вот это*** (УП);
2) *вот у меня есть з… друг швейцарец / у него жена немка / но она конкретная немка // *В @ угу // @ прекрасная женщина / *П умница // *В для своих / она моя сверстница / за полтинник значит / прекрасно совершенно выглядит значит / спортивная / умная /* ***всё*** *// *П но лицо у неё как у мужика* (ОРД).

В примерах подчеркнут тот ряд перечислений, который продолжен словом ВСЁ: *договорились с родителями* ***всё*** (1); *прекрасно совершенно выглядит <…> / спортивная / умная* / ***всё*** (6). Из примеров видно, что часто ВСЁ в этой функции выступает не изолированно, а в составе конструкции: ***там короче всё там*** (3), ***всё это прочее*** / ***десятое*** (4), что, впрочем, типично и для других прагматических употреблений этой единицы: как финального ПМ (см. примеры выше) или как ЭФ (*Ага!* ***Всё****, до завтра, спасибо!*).

Можно предположить также, что эта заместительная функция ВСЁ представляет собой трансформацию функции заключительного обобщающего слова в ряду перечислений, ср.: *хто ру[шны]чок / кто / ещё что-то / кто / там / нуу / ну* ***всё*** */ скатерть там* (2), *кролики / бараны / туда-сюда / там* ***всё вот это*** (5). Данные контексты допускают, как минимум, двойную интерпретацию слова ВСЁ: и как обобщающего слова, и как заместителя членов ряда перечислений. Такая неоднозначность вполне типична для функциональных единиц устного дискурса и не умаляет важности сделанных наблюдений.

Источники

МАС — Словарь русского языка (Малый академический словарь): в 4 т. Т. I: А–Й / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

ПМ — Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь-монография / сост., отв. ред. и авт. предисл. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Нестор-История, 2021.

Литература

Ермолова О. Б., Богданова-Бегларян Н. В. Языковое оформление прощания в современной разговорной речи (на материале звукового корпуса «Один речевой день») // Коммуникативные исследования. 2019. Т. 6, № 2. С. 307–331.

Загребельная А. С. ВСЁ в русском повседневном дискурсе: речевой акт директива // XXVIII Открытая конференция студентов-филологов: сб. тез.. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2025 (в печати).

Исследование выполнено при поддержке гранта Санкт-Петербургского государственного университета «Моделирование коммуникативного поведения жителей российского мегаполиса в социально-речевом и прагматическом аспектах с привлечением методов искусственного интеллекта» (проект 124032900006-1).

Грицаченко Муза Николаевна[1], Колосовская Татьяна Леонидовна[2]

[1]специалист; mn.roik@yandex.ru
[2]аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет; kolosovskaya.tatjana@yandex.ru

КТО НЕ РИСКУЕТ, ТОТ НЕ ЕСТ: ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СИНТАКСИЧЕСКОЙ КОНСТРУКЦИИ <КТО НЕ V1, *ТОТ (НЕ) V2> В РУССКОЙ ПОВСЕДНЕВНОЙ РЕЧИ

Ключевые слова: фразеология, библеизм, синтаксическая конструкция, коллоквиалистика, языковая игра.

В современном мире в связи с постсоветской демократизацией общества, ослаблением цензуры, вульгаризацией речевого и литературного стандарта употребление фразеологизмов стало весьма активным. Главная причина — функционирование слова в новых социальных условиях: политике, предпринимательстве, общественных мероприятиях [Мокиенко 2012].

Особое место среди фразеологизмов занимают *библеизмы* — слова, устойчивые словосочетания и афоризмы библейского происхождения [Мокиенко 2017]. При этом в современном употреблении библеизмов «многие пишущие и говорящие не могут точно идентифицировать источник таких единиц, что разрушает или искажает историческую и культурологическую информацию, которая аккумулирована в них. Вторым распространенным типом ошибочного употребления крылатых слов и выражений является искажение их формы и содержания» [Мокиенко 2017]. Все это приводит к появлению в речи новых выражений и даже синтаксических конструкций (КС).

В центре настоящего исследования находится синтаксическая КС <*кто не* $_{V1}$, **тот (не)* $_{V2}$>, которая получила свое развитие из библеизма *кто не работает, тот не ест*, ставшего пословицей и используемого в речи, когда мы хотим сказать о недопустимости безделья и тунеядства. Источником материала стали основной, газетный, устный и мультимедийный подкорпусы, а также подкорпус социальных сетей НКРЯ. В результате рассмотрения исторического пути формирования и развития данного библеизма было замечено, что закрепленную форму *кто не работает, тот не ест* он, вероятно, получил только в советскую эпоху. В это же время стали появляться разные его варианты, которые дают основания говорить о функционировании в повседневной речи *синтаксической конструкции* — «языкового выражения, у которого есть аспект плана выражения или плана содержания, не выводимый из значения или формы составных частей» [Рахилина, Кузнецова 2010: 19]. КС имеют переменные части (слоты) и обладают идиоматичностью, поэтому можно предложить следующую схему для рассматриваемой единицы: <*кто не* $_{V1}$, **тот (не)* $_{V2}$>, где V_1 и V_2 — слоты, заполняющиеся различными глаголами, а (*) означает наличие грамматических вариантов местоимения в рамках данной КС. Существование вариативных слотов, влияющих на семантику конструкции, доказал опрос, проведенный среди носителей языка, которые вспомнили такие единицы, как *кто не работает, тот ест; кто не работает, тот не совершает ошибок; кто не работает, тот не пьет* и др.

В результате поиска вариантов рассматриваемой КС были выявлены различные типы ее трансформации: меняется одна часть конструкции или сразу обе, может происходить расширение КС. Так, некоторые варианты могут отражать идею, заложенную в библеизме (*кто не работает, тот не ест*), в то время как другие претерпевают существенные семантические изменения, ср.:

(1) *Советы, сказал, должны быть для трудящихся. Кто трудится и работает. А* ***кто не работает*** *(*$_{V1}$*),* ***того, говорит, к чертовой матери выкинуть*** *(*$_{V2}$*). Действительно! Выкинуть! Разумный народ!*

(2) ***Кто не работает*** ($_{V1}$), ***того не за что прорабатывать*** ($_{V2}$). *Sic! Пару раз за долгие три года интернатуры начмед ставил вопрос о её увольнении. И главному врачу приходилось напоминать своему заместителю, что уволить интерна нельзя*;

(3) *Вы знаете вот/ вот/ может быть/ на самом деле была проблема/ я не знаю/ ну я не знаю/ какая была проб. Знаете/ тот/* ***кто не ленился*** ($_{V1}$) / ***тот зарабатывал*** ($_{V2}$). *И вот я помню/ что отец никада не ленился и мы ездили Калымская трасса. Мы были/ Усурийск/ Приморский край/ Хабаровский край/ представляете то есть. Мы называли это Кацапетовки.*

Кроме того, было замечено, что КС может включаться в языковую игру: в ней комбинируются разные устойчивые выражения, например, *не ошибается тот, кто ничего не делает*; *кто не рискует, тот не ест*, ср.:

(4) *Многие эксперты говорят о тяжелом правительственном кризисе. Депутаты Госдумы уже обсуждают целесообразность вынесения вотума недоверия кабинету министров… С моей точки зрения, правительство вполне работоспособно.* ***Кто не работает*** ($_{V1)}$ — ***тот не совершает ошибки*** ($_{V2}$). *У меня как у законодателя есть свои претензии к правительству. А настройка уже идет. В частности, назначены два новых вице-премьера*;

(5) ***Кто не рискует*** ($_{V1}$)***, тот не ест*** ($_{V2}$)*. Этот сезон выдался особенно удачным для любителей грибов. Во влажном лесу их так много, что кажется, будто они сами бросаются под ноги. К сожалению, любовь к грибам требует жертв — по данным Госсанэпиднадзора, только в 23 субъектах РФ зарегистрировано 457 случаев отравления грибами, из них 34 — летальных.*

Еще одна особенность трансформации — расширение второй части КС:

(6) *Однако эта всефлотская забастовка была подавлена самым решительным образом при помощи претворения в жизнь принципа: «****Кто не работает*** ($_{V1}$)***, тот не только не ест*** ($_{V2}$)*, но* ***и не дышит*** ($_{V3}$)*».*

Можно сказать, что развитие и функционирование библеизма *кто не работает, тот не ест* пошло по двум направлениям. В одном из них библеизм представлен разными вариантами, в каждом из которых всегда сохраняется его идея (о необходимости трудиться), восходящая к Библии. В другом направлении библеизм трансформировался в КС, которая функционирует в речи свободно, порождая варианты, никак не связанные с идеей из Библии. Так, контаминация с различными устойчивыми выражениями может создавать комический эффект.

Изучение различных вариантов образованной от библеизма КС представляет особый интерес для коллоквиалистики, которая изучает специфику разговорной речи, а также необходимо для осмысленного понимания носителями как русского, так и других языков.

Литература

Мокиенко В. М. Жизнь русской фразеологии // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. Т. 4, № 4 (52). С. 59–62.

Мокиенко В. М. Библеизмы в современной русской речи: как их правильно понимать и употреблять. М.: Центрполиграф, 2017.

Рахилина Е. В., Кузнецова Ю. Л. Грамматика конструкций: теория, сторонники, близкие идеи // Лингвистика конструкций / под ред. Е. В. Рахилиной. М.: Азбуковник, 2010. С. 18–79.

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ (проект № 22-18-00189 «Структура и функционирование устойчивых неоднословных единиц русской повседневной речи»).

Евстигнеева Мария Евгеньевна

исследователь, преподаватель-исследователь, зам. руководителя,
Гатчинский институт интегральных исследований

УРОВЕНЬ РАЗВИТИЯ МОРАЛИ КАК ХАРАКТЕРИСТИКА ДИСКУРСИВНОЙ ЛИЧНОСТИ В РАМКАХ АНАЛИЗА СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО МЕДИА-ДИСКУРСА

Ключевые слова: критический анализ дискурса, медиа-дискурс, политический дискурс, дискурсивная личность, мораль.

Анализ дискурса предполагает применение междисциплинарного подхода, в рамках которого представляется важным исследовать не только социальные и политические аспекты, но и личностные, психологические, позволяющие понять глубинную внутреннюю мотивацию говорящего, формирующего данный дискурс.

Дискурсивная личность — гибкий и разносторонний феномен, который постоянно изменяется и подстраивается под те или иные условия в рамках общественной коммуникации. В коммуникации проявляется мотивация, которая обусловлена потребностями, которые трансформируются в соответствии с теми или иными ценностями [Синельникова 2011]. Мы предполагаем, что содержание и форма медиа-текстов на политическую тематику будут в определенной степени коррелировать с ценностными, моральными, мировоззренческими, психологическими установками дискурсивной личности и, отчасти, самой личности говорящего. Эти характеристики во многом определяют также реакцию аудитории на тот или иной дискурс.

Одной из важнейших характеристик, которые могут использоваться для анализа дискурсивной личности, является мораль. Согласно Л. Кольбергу, мораль — это не та характеристика, которая может либо присутствовать у индивида, либо отсутствовать (в этом смысле, «моральный» и «аморальный» достаточно условные понятия), но она классифицируется по типам и развивается от уровня к уровню.

Будучи последователем Ж. Пиаже, Л. Кольберг дополнил картину модели развития индивида концепцией морального субъекта, немного отступив от рассматриваемых Ж. Пиаже когнитивных структур. Приведем уровни морали, по Л. Кольбергу [Kohlberg 1983; Анцыферова 1999].

1. *Преконвенциональная мораль*. Этот уровень морали делится на две стадии. Стадия 1 в рамках этого уровня характеризуется ориентацией на послушание, основанное на страхе наказания, и в этом смысле она похожа на первую стадию в модели Ж. Пиаже. Следующая, Стадия 2 преконвенциональной морали, предполагает логику обмена или «честной сделки» (ты мне — я тебе), то есть на этой стадии по-прежнему на первом месте стоят личные интересы и нужды, но уже не только под страхом наказания, но и обоснованные некоторой выгодой.

2. *Конвенциональная мораль*. Человек на Стадии 3 уже ставит в приоритет межличностные отношения, и критерием морали и нравственности служит одобрение семьи и близких друзей, поступки людей рассматриваются как положительные, даже если по форме они являются незаконными, но стимулированы добрыми мотивами, например, желанием помочь близкому человеку. Стадия 4 в рамках конвенциональной морали расширяет этот «круг» внешнего одобрения до общества в целом: важно уже не только отношение семьи и друзей, но более широкой группы людей. Ориентиром на этой стадии служат различные формы общественного договора, законы и регламенты.

3. *Постконвенциональная мораль*. На Стадии 5 понятие общественного договора расширяется и встает вопрос, насколько общественные нормы отвечают необходимости защиты прав и свобод человека, живущего в обществе. Таким образом, если плохой с точки зрения закона/общественной нормы поступок поможет защитить, например, жизнь, здоровье или безопасность человека, то наказание за этот поступок должно быть смягченным. Кроме того, допускается переосмысление противоречивых или слишком жестких законов в интересах прав человека. Стадия 6 в рамках постконвенциональной морали в модели Л. Кольберга предполагает

принципы, с помощью которых мы достигаем справедливости. Главным приоритетом на этой стадии служит принцип справедливости, основанный на равноправии, то есть люди, находящиеся на этой стадии, стремятся устанавливать и соблюдать законы, которые удовлетворяют большинство, но не ущемляют меньшинство. В случаях морально-нравственных дилемм стадия 6 предлагает исходить из идеи, что все люди равны в правах, и каждый участник конфликта должен ставить себя на место другого.

Шкала Л. Кольберга измеряет моральные установки, а не конкретное поведение, есть существенная разница между тем, как человек предполагает поступать и как он на самом деле поступает в ситуации морального выбора. Однако в контексте анализа дискурса и дискурсивной личности как его неотъемлемой составляющей, особенно в такой чувствительной сфере, как политика, категория морали, которую мы можем исследовать через языковые средства, представляется важной составляющей такого многогранного и междисциплинарного феномена, как политический медиа-дискурс. В рамках доклада будут приведены примеры высказываний различных политиков, журналистов, блогеров и иных говорящих, отражающие тот или иной уровень моральных установок.

Литература

Анцыферова Л. И. Связь морального сознания с нравственным поведением человека (по материалам исследований Лоуренса Колберга и его школы) // Психологический журнал. 1999. Т. 20, № 3. С. 5–17.

Синельникова Л. Н. О научной легитимности понятия «дискурсивная личность» // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского Сер. «Филология. Социальные коммуникации». 2011. Т. 24 (63), № 2-1. С. 454–463.

Kohlberg L. Moral Stages: A Current Formulation and a Response to Critics. Basel; New York: S. Karger, 1983.

Зайкина Ольга Евгеньевна

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет;
zaykinaolga1@yandex.ru

ПАУЗЫ КАК СПОСОБ СТРУКТУРИРОВАНИЯ ДИАЛОГА И ОДНА ИЗ ВОЗМОЖНЫХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ КОММУНИКАТИВНЫХ НАМЕРЕНИЙ ОСНОВНЫХ УЧАСТНИКОВ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ

Ключевые слова: судебный дискурс, конверсационный анализ, пауза, структурная пауза, пауза хезитации, выделительная пауза.

В настоящем исследовании предпринимается попытка выявить и систематизировать паузы основных участников диалога на судебном заседании в зависимости от их возможных функций в диалоге. Под паузой подразумевается период времени, который говорящий затрачивает на обдумывание очередного шага своего дискурса [Levelt 1989: 258]. Помимо абсолютных пауз, представляющих собой отсутствие фонации, в работе анализируются заполненные паузы, при которых «вербализации не происходит, но говорящий производит вокальный сегмент типа редуцированного гласного “шва” (транскрибируемый при помощи буквы *э*), сонорный звуковой сегмент (транскрибируется с помощью буквы *м*) или глоттальный скрип (транскрибируется при помощи апострофа ‘)» [Рассказы о сновидениях 2009: 67]. Как смешанные паузы понимаются сочетания вокальных сегментов с редуцированным гласным «шва» и сонорного звукового сегмента.

В естественной речи абсолютные и заполненные паузы служат различным целям. Например, «абсолютные паузы позволяют осуществить сегментацию диалога на отдельные фразы, в то время как заполненные паузы могут говорить о хезитации, которая свидетельствует о временных трудностях при вербализации» [Рассказы о сновидениях 2009: 68]. Если говорить, об анализе звучащей речи основных участников судебного заседания, то можно предположить, что паузы, передавая мельчайшие нюансы речи основных говорящих, позволяют реконструировать порядок взаимодействия в суде [Drew, Atkinson 1979: 200; Drew, Heritage 1992: 202]. Например, участники, которые обладают бóльшими властными полномочиями и действуют в рамках закона (судьи, прокуроры), инициируют паузы после вопросов по отношению к нижестоящим, которые обычно не являются юристами и находятся вне судебной системы (истцы и ответчики, подсудимые и потерпевшие) [Drew, Heritage 1992: 203]. Тем самым подобные паузы позволяют структурировать диалог. Сходные «правила» взаимодействия обнаруживали себя и в диалоге судьи и адвоката на гражданском судебном заседании, если адвокат представлял интересы истца или ответчика. Таким образом, пауза после вопроса позволяет передать право начать говорить и способна указать на асимметрию в парном дискурсе (**судья-истец, судья-ответчик и** т. д.), ср.:

(1) [Судья]…*<1,0> права-а понятны-ы ?*
[Ответчик]… *да-а , уважа-аемый суд .*
[Судья] … *истец , у вас ходатайства +какие-то имеются+ ?*
[Истец]…*<0,7> нет , ваша честь .*
[Судья] … *+представитель ответчика+ , у ^вас^ ?*
[Ответчик] *да-а имеется .. приобщить э-э э практику Верховного Суда …<1,0> э-э по оказанию дополнительных услуг*

Однако не всегда у пауз, инициированных основными участниками судебного заседания, можно выделить фиксированный набор функций, о котором говорилось ранее. Первичные наблюдения за материалом, включающим в себя 10 видеозаписей судебных заседаний по гражданским делам длительностью 5 ч, доступных на официальном портале Судов общей юрисдикции г. Москвы <mos-gorsud.ru> и представленных в YouTube, позволяют предположить, что

паузы могут быть в том числе мотивированы намерениями говорящих в зависимости от их институциональной роли. Ниже представлен фрагмент диалога, в котором адвокат истца рассказывает о том, почему внучатая племянница истицы не смогла вселиться в квартиру, чтобы получить возможность регистрации в ней:

(2) [Адвокат]…*<1,0> [с момента-а]*
[Судья] *[угу .]*
[Адвокат] … *совершеннолетия .. до настоящего времени*
… ответчик ^не^ вселилась в жилое помещение
не пыталась вселиться .
[Адвокат, Судья] *[даже несмотря на то , что имелись ключи .]*
[исследовался ли вопрос ,]
*имела ли она возможность по состоянию здоровья … *вселиться* ?*

Пауза в 1,1 с открывает повествование адвоката о действиях ответчицы, в то время как в следующих репликах средние по длительности паузы … (0,3–0,6 с) и одна короткая пауза .. (0,2 с) предваряют те факты, которые адвокат считает важными для указания на факт бездействия ответчицы. При этом адвокат истицы не берет в расчет заболевание ответчицы, которое могло наложить существенный отпечаток на ее жизнь. Это замечает судья, инициируя наложение речи в предпоследней реплике. Судья сохраняет элементы юридического языка и выделяет при помощи незаполненной паузы слово *вселиться,* произнеся его медленнее. Это указывает на неоднозначный характер родственных отношений представителей сторон, присутствующих в зале суда.

Помимо этого, паузы давали возможность участнику исправить свою очередь в момент говорения, позволяя говорить о том, что в данный момент речи осуществлен ее «ремонт», или *самоисправление* (*Repair в* терминах Э. Щеглоффа) [Drew, Heritage 1992: 104]. В этом случае паузы позволяли исправить текущую очередь на более правильную, в зависимости от того, кто сейчас говорит (юрист или представитель сторон), ср.:

(3) [Истец] *^да^ , чтобы все суммы , которые были вами учте- проплачены ,*
[Судья] *они были учтены .*
так , восемнадцатого октября вернулся Тетерев , вот
и заплатил восемн- э-э шестнадцать пятьсот сорок один , в октябре.

В примере (3) самоисправление осуществлено двумя разными говорящими — истцом и судьей. В своей реплике истец осуществляет лексический выбор в пользу слова, которое более актуально для предмета гражданского разбирательства. В то же время судья исправляет себя, инициируя обрыв слова и затем используя паузу хезитации с гласным «шва».

Таким образом, паузы в речи основных участников диалога на судебном заседании свидетельствуют не только о регуляции очередности в разговоре, но и могут быть одной из возможностей осуществления коммуникативных намерений по отношению к собеседнику, а также возможностью «исправления» текущей очереди.

Литература

Рассказы о сновидениях: корпусное исследование устного русского дискурса / под ред. А. А. Кибрика, В. И. Подлесской. М.: Языки славянских культур, 2009.

Drew P., Atkinson J. M. Order in Court: The Organization of Verbal Interaction in Judicial Settings. New Jersey: Humanities Press, 1979.

Drew P., Heritage J. Talk at Work: Interaction in Institutional Settings. Cambridge; New York: University Press, 1992.

Levelt W. J. M. Speaking. From Intention to Articulation. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1989.

Кузнецов Игорь Александрович

канд. филол. наук, доцент, зав. кафедрой,
Российский химико-технологический университет им. Д. И. Менделеева;
igorkuznetz@gmail.com

МЕТАЯЗЫКОВЫЕ ВКЛЮЧЕНИЯ В ОТВЕТНЫХ РЕПЛИКАХ УСТНОГО ДИАЛОГА: МОДЕЛИ ФАТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ ПО КОРПУСНЫМ ДАННЫМ

Ключевые слова: устный диалог, фатическая коммуникация, метаязыковые включения, корпусные исследования, русская речь.

Модели фатического речевого взаимодействия имеют значительный вес в общем массиве диалогических интеракций в русских речевых практиках, тем более в устном неформальном общении. Как известно, фатический диалог ориентирован прежде всего на установление межличностных отношений, зачастую в ущерб информативной стороне коммуникации. Согласно нашим наблюдениям, большую роль в реализации фатической составляющей речевого общения играют разного рода метаязыковые включения, которые выполняют функцию «выхода на метауровень», т. е. перехода коммуникантов к обсуждению характера собственных реплик, особенностей взаимоотношений и под. вместо прагматически адекватной реакции на их иллокутивную силу или содержание [Кузнецов 2024].

В настоящей работе обсуждаются некоторые виды метаязыковых включений, содержащих экспликацию адресатом самóго факта говорения инициатора диалога. Используется процедура исследования, которая основана на когнитивно-дискурсивном подходе [Радбиль, Помазов 2019], включающем методики комплексного описания активных процессов в современном русском языке [Новые тенденции 2016] и корпусного анализа фактов устной речи [Русский язык 2021]. Материалом исследования является выборка контекстов, включающих диалогические единства, которая сформирована на базе устного корпуса в составе Национального корпуса русского языка.

Устные фатические диалоги в рамках кооперативного речевого взаимодействия, которое предполагает обоюдное стремление собеседников к коммуникативному сотрудничеству, могут порождаться за счет включения в ответную реплику идиоматизированного метаязыкового показателя *И не говори*, с соответствующим просодическим контуром: в этом метаязыковом включении на формальном уровне избыточно эксплицируется побуждение собеседника к отказу от продолжения коммуникации, например:

(1) [Студентка 1, жен, 20, 1987, студент] *Нет / еще один остался. Скорее бы лето!* // [Студентка 2, жен, 19, 1988, студент] ***И не говори*** [Разговор двух студенток (2007)].

Однако реально прагматика этого фатического диалога иная, по сути, противоположная эксплицированной: ответная реплика содержит эмоциональное подтверждение, в том числе — «молчаливое» согласие на основе взаимопонимания между спрашивающим и отвечающим.

В нашем материале имеются примеры и других ответных реакций, эксплицирующих сам факт говорения инициатора диалога, которые используются для выражения экспрессивного подтверждения позиции спрашивающего, например, идиоматизированная ответная реплика *(Да / а / ну) что тут говорить*, также сопровождаемая соответствующим просодическим контуром, например:

(2) [№ 1, муж, 36, 1969, парикмахер] *Ну чё / Ленусь? Ты как вообще?* // [№ 2, жен] *Да / **что тут говорить** / прям не знаю как-то* [Разговор в курилке (2005)].

В свою очередь, метаязыковые включения подобного рода в ответной реплике могут в режиме косвенного речевого акта выражать и возражение или несогласие: в этой роли используется идиоматизированная конструкция *Скажешь тоже*, например:

(3) [D2, жен, 20, 1985, студентка] *Это тонкий намек на Гарри Поттера? Видала / какая ряха у Рэдклиффа?* // [D1, жен, 20, 1985, студентка] ***Скажешь тоже****. Милый мальчик* [Разговор двух студенток о кино (2005)].

Иллокутивные функции невозможности продолжать коммуникацию в силу обоюдной самоочевидности информации, которой обмениваются участники диалога, или ее прагматической неуместности в данной ситуации — выражаются еще одной типизированной идиоматичной ответной репликой *Что я могу сказать*, например:

(4) [№ 1, жен, 19, 1986, студент] *Ну не дура / прости за выражение / я знаю / что так нехорошо говорить / но я же тебе!* // [№ 2, жен, 19, 1986, студент] *Маш / ну* ***что я могу сказать****…* [Телефонный разговор с подругой (2005)].

Эта конструкция может вдобавок указывать на затруднения отвечающего в продолжении коммуникации или в отсутствии его заинтересованности в дальнейшем обсуждении темы.

Фатическая коммуникация может развиваться и в направлении **некооперативного, конфликтного речевого взаимодействия**, когда установка на установление межличностных отношений переходит в установку на «выяснение отношений», часто на повышенных тонах. Это, например, реплика *Кому (я) говорю / (Я) кому говорю*, эксплицирующая уже факт собственного говорения:

(5) [Мишка (А. Касьянов, муж)] *М? Ну?* // [Настя (М. Голубкина, жен, 17, 1973)] *Нашёл место!* // [Мишка (А. Касьянов, муж)] *Ты чего?* // [Настя (М. Голубкина, жен, 17, 1973)] *Не лезь,* ***кому говорю?*** [В. Криштофович, В. Кунин, А. Курчаткин. Ребро Адама, к/ф (1990)].

Ответная реплика, построенная по такой модели, в числе ей подобных, всегда задает конфликтную иллокутивную доминанту в устном диалоге, независимо от того, поддерживает ли отвечающий заданную инициатором диалога установку на конфликт или нет.

Литература

Кузнецов И. А. Прагматические типы вопросно-ответных единств в фатическом диалогическом взаимодействии на русском языке // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2024. № 3. С. 196–202.

Новые тенденции в русском языке начала XXI века: коллективная монография / под ред. Л. В. Рацибурской. М.: Флинта; Наука, 2016.

Русский язык в интернет-коммуникации: лингвокогнитивный и прагматический аспекты: коллективная монография / под ред. Л. В. Рацибурской. М.: Флинта, 2021.

Радбиль Т. Б., Помазов А. И. Прецедентные феномены как средство создания аттрактивности в поликодовом тексте интернета // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. 2020. Т. 19, № 1. С. 140–153.

Курмакаева Нина Петровна
ст. науч. сотрудник, канд. филол. наук, доцент,
Донецкий государственный университет;
kurmakayeva@mail.ru

ПАРАМЕТРЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ СЛОВАРЯ ДОНЕЦКОЙ РЕЧИ

Ключевые слова: донецкая речь, лингвокультурный пласт, лингворегионализм, регионолект, словарь.

Изучение донецкой речи как национального культурного феномена спорадически, несистемно проводилось в основном краеведами, местными писателями, журналистами с целью реализации своих творческих планов, включающих создание речевых портретов известных донбассовцев или персонажей художественных произведений. На научную основу этот процесс был поставлен только в 2017 г. и активно продолжается в настоящее время. В планах донецких филологов — фиксация особенностей донецкой речи, в связи с чем обсуждаются принципы формирования словаря лингворегионализмов [Теркулов 2018; Курмакаева 2020]. Чтобы понять, насколько поставленная задача сложна, предлагаем обсудить ряд первоочередных вопросов, прежде чем приступать к ее реализации.

1. Понятие *лингворегионализм* (регионализм, регионолектизм, локализм, провинциализм) пока не обрело четких границ (см. определения, данные Т. В. Жеребило, И. С. Зварыкиной, Ц.Ц. Огдоновой, Н. Н. Соколянской и др.) и в общих чертах принимается в широком понимании термина как вербальное средство отражения региональной языковой картины мира, даже если слово общеупотребительное, но на региональном уровне приобрело местные культурные коннотации (*упряжка* — ‘шахтерская смена’; *градина* — ‘осколок «Града»‘). Такая трактовка позволяет в массиве словаря выявить единицы разных стратификационных уровней, обнаружить так называемые лингвокультурные пласты.

2. Если лингворегионализм признается базовой частью региональной лингвокультуры, то составляющими концептуального наполнения культуры региона следует признать *лингвокультурные пласты*. В первую очередь они проступают по параметру исторической перспективы как свидетельство динамических процессов в речевом пространстве региона: устаревшие (*бэцик, зауросить, «копёшники», кутелять*), устаревающие (*балахманная, бутор, буцматый, законуриться*), современные, актуальные (*базыкалка, балдичка, бахкать, брасматик, выгудзёльщик, жужелка, забуриться, кайбаш*) и новые слова и выражения, активизировавшиеся под действием происходящих в Донбассе событий (*айдаровцы, арта, бандерлоги, вжики и карлсоны, всуки, вышиватник, зачистка, звуки денацификации, помогаторы, придонбашенные, угледарят*) — и должны после определенной проверки получить соответствующую помету.

3. Для донецкой речи характерной приметой является наличие *многоисточникового словаря* (В. И. Теркулов), т. е. заимствования из других языков и стратов, актуализированные на данной территории. Самое существенное пополнение сложившегося в регионе лексикона дал родственный украинский язык (*важить, жвавый, кульгать, маячня, шкандыбатый* и др.). Не так многочисленны заимствования из неродственных (немецкого, татарского, итальянского, французского и др.) языков, либо принятые целиком (*штыб, чумичка, копёр, террикон* и др.), либо аппроприированные и ассимилированные или трансформированные в процессе функционирования (*бордюра, друшляк, жерделы, флакуша, якшастый* и др.). Имеют место заимствования из других регионолектов и диалектов российской глубинки (*лайба, кутелять, мороковать* и др.).

4. *Лингвокультурная стратификация* словарного материала позволяет обнаружить, что массив донецких регионализмов представляет собой не только полиязыковой меланж, но и полистилевое явление, в котором соседствуют и уживаются слова и выражения по преимуществу со сниженной стилистической окраской (к ним относятся просторечия, диалектизмы, жаргонизмы, в том числе шахтерские профессионализмы, узуально принятые в бытовой речи дон-

чан) со словами нейтральными и даже книжными, терминологическими, но имеющими узкую употребительность, актуальными для данного региона, подчеркивающими его культурно-производственную специфику. Н. Н. Соколянская объединила их в три группы: **собственно регионализмы**, **относительные и книжные регионализмы** [Соколянская 2016: 57–58]. Мы предлагаем первый сегмент, представленный преимущественно регионалексемами периферийных стратов русского национального языка, объединить термином ***регионалектизмы*** по аналогии с термином *диалектизмы* (они составляют ядро донецкого регионалекта), разграничив в нем соответствующими пометами: 1) разговорно-просторечные слова и выражения (*бехкать, балахманная, жужалка, запороть бочину, Маргаринка*); 2) сленговые, в том числе военные (*главка, заруба, Чика, сепар, арта*); 3) профессиональные шахтерские (*кандюбрик, копытные, растележиться, упряжка);* 4) диалектные и устаревшие (*бутор, гребовать, лузгать, корябуха, куржак, цибарка*); 5) украинизмы, вошедшие в речь дончан либо на правах безэквивалентных слов (*вышиванка, пасочка*), либо как разговорно-просторечные эквиваленты русских лексем (*буряк, нема, пораться, пошукать, рясный* и мн. др.).

5. Пласт **относительных регионализмов**, лишенных в словарях условных помет, состоит из двух неравнообъемных массивов: 1) стилистически нейтральная, но узкоупотребительная апеллятивная лексика в основном производственной тематики (приядерная зона донецкого регионалекта): *выработка, гроз, клеть, коногонка, ламповая;* 2) регионимы всех разновидностей как особая периферийная зона регионалекта: региональные антропонимы (*Артем, Павел Беспощадный, Макар Мазай*); топонимы и гидронимы местного значения (*Боссе, Зугрес, Кальмиус, Кальчик, Саур-Могила*); урбанонимы (*Абакумова, Трудовской, Молодых Шахтеров; Освобождения Донбасса*) и др. онимы.

6. **Книжные регионализмы** (дальняя периферия донецкой речи) у нас представлены двумя кластерами: а) терминологией горного дела (и металлургии), вышедшей за пределы строгой науки и узкого производства: *врубовая машина, глеевая гора, кайло, кливаж, органная крепь, шкив, штейгер* и др.; б) элементами языка художественной литературы и СМИ, посвященных Донбассу и его людям (метафоры, перифразы, сравнения, эпитеты): *Край донецкий,* ***смуглолицый, / с золотинкою*** *глаза* (Н. Рыбалко); *город синих терриконов* (В. Шутов о Донецке); *степная израненная Атлантида* (А. Федорова о донецкой земле).

Таким образом, собранные материалы в настоящее время подвергаются систематизации и обработке и будут представлены в нескольких словарях донецкой речи.

Литература

Курмакаева Н. П. К вопросу об объеме и уровневой стратификации регионализмов // Язык и культура региона как составляющие образовательного пространства: сб. ст. по итогам III Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Т. Ф. Новикова. Белгород: ООО «Эпицентр», 2020. С. 39–43.

Соколянская Н. Н. Теоретические и практические занятия по региональной лексике Крайнего Северо-Востока // Региональная лингвистика (Крайний Северо-Восток России): учеб. пособие / под ред. А. А. Соколянского. Магадан: Сев.-Вост. гос. ун-т, 2016. С. 57–84.

Теркулов В. И. Параметры описания лексической системы диффузного регионалекта // Русский язык в поликультурном мире: сб. ст. II Междунар. симп.: в 2 т. / отв. ред. Е. Я. Титаренко. Симферополь: Ариал, 2018. С. 403–408.

Исследование проводилось по теме государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX–XXI столетий в его регионалектном и общеязыковом аспектах» (№ госрегистрации НИОКТР 124051400024-1).

Попова Татьяна Ивановна

канд. филол. наук, науч. сотрудник,
Санкт-Петербургский государственный университет;
tipopova13@gmail.com

УСТОЙЧИВЫЕ НЕОДНОСЛОВНЫЕ ЕДИНИЦЫ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ ГРАНИЦ И ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ КЛАССОВ

Ключевые слова: устная речь, прагматика, корпусная лингвистика, устойчивая неоднословная единица.

Классификация устойчивых неоднословных единиц (УНЕ), которая предложена в рамках исследований Школы коллоквиалистики в Санкт-Петербурге предполагает наличие в устной речи 8 классов единиц, которые отличаются друг от друга по различным лингвистическим показателям: семантическим, грамматическим и прагматическим.

В классификации представлены конструкции, фразеологизированные, нефразеологизированные и окказиональные коллокации, формы-идиомы, прецедентные тексты и их элементы, неоднословные прагматические маркеры и речевые формулы [Bogdanova-Beglarian et al. 2024].

Конкретные количественные данные получены на материале выборки в 1 млн. словоупотреблений (более 300 речевых эпизодов) из корпуса ОРД. Количество УНЕ, для которых была определена двойная функция в размеченном подкорпусе, составляет 282 употреблений. Из них — 238 уникальных УНЕ всех существующих классов (все представленные в работе подсчеты основаны на этом показателе).

В качестве наиболее характерной комбинации классов УНЕ можно отметить речевые формулы (РФ) и нефразиологизированные коллокации (НК): 46 случаев (19,3 %). Обращение к контекстам позволяет предположить, что такое частое пересечение обусловлено структурными и функциональными особенностями, которые заложены в системе разграничения классов УНЕ.

Но РФ со вторым классом НК встречаются не только в позиции ответной реплики на реплику-стимул (1), но и в середине, а также в финале высказывания (2)–(3), ср.:

(1) ***ну ладно*** */ пока пока //*

(2) *— слушайте / ну давайте сейчас думать о молодёжном пока…*
*— стоп ! **одну секунду** // вот эта идея мне нравится*

(3) *что он ориентировочно часа в четыре освободится // от чего он освободится // я **понятия не имею** //*

При этом в рамках реализации высказывания говорящий реагирует на свой же вопрос, свои сомнения (3), то есть по функциональной характеристики УНЕ из примера (3) действительно служит ответной реакцией, репликой на предыдущее высказывание, только особенность в том, что реплика-стимул принадлежит самому говорящему.

Второй потенциальной причиной, которая влияет на трудность классификации, может служить структурное своеобразие разных классов УНЕ. Рассмотрим самые частотные по частеречной структуре речевые формулы:

(1) PART PART (133): *ну да, ну ладно, вот именно*;

(2) SPRO A (100): *ничего подобного, ничего страшного*;

(3) ADV PART (80): *ничего себе, еще бы, надо же, вряд ли*;

(4) S S (76): *слава богу* (других РФ с такой структурой нет);

(5) CONJ PART (68): *да ладно, да не*.

В классе НК первые пять позиций совсем другие:

(1) PR APRO S (244): в *любом случае, в свое время, до сих пор*;

(2) APRO S (169): *другое дело, всё время, какая разница*;

(3) CONJ S (137): *как раз, как минимум, как правило*;

(4) V PR S (126): *иметь в виду, ставить в известность, поставить в известность*

(5) PR A S (113): в *крайнем случае, в очередной раз*.

Обращает на себя внимание вторая строка в обоих классах, где можно увидеть схожие структуры, поскольку компоненты РФ *подобный* и *страшный* в данном случае выступают в роли субстантиватов.

Именно такие единицы часто встречаются среди УНЕ с двойной функцией: *ясное дело, понятное дело, какая разница, ничего страшного*. Стоит отметить, что в случае с данными УНЕ можно говорить о прономинализации второго компонента, поскольку семантика «опустошается» и уступает место функции.

На втором месте по количеству комбинаций находятся классы фразеолигизированных коллокаций (ФК) и окказионализмов (ОК): *приложил определенную руку, спасибо в рот не нальёшь*. Но, в отличие от первой описанной группы УНЕ, данные классы пересекаются не по структурному сходству. В основе неоднозначной классификации лежит иная лингвистическая проблема: граница определений.

Фразеологизированные единицы определяются в русском языке в первую очередь за счет устойчивости, воспроизводимости и идиоматизации [Ахманова 1957]. Однако в языке есть два процесса, в которых могут участвовать ФК: модификация и окказиональное употребление единиц. Проблема в том, что не только за модификацией стоит изменение в речи устойчивых выражений с целью придания им нового оттенка значения или стилистического эффекта при сохранении узнаваемости, но и за окказиональными употреблениями фразеологизированной коллокации. Поскольку последние позволяют обнаружить связь со структурой, которая послужила стимулом [Баранов, Добровольский 2008].

Таким образом, сочетание таких функций УНЕ подводит к следующим исследовательским вопросам: насколько модифицированные единицы можно считать устойчивыми и какие модификации можно считать незначительными в рамках устойчивости.

Если УНЕ *спасибо в рот не нальёшь* считать устойчивой, то только по причине ее связи с ФК *спасибо в карман не положишь*, где дублируется даже грамматическая структура и роли семантических падежей, а меняются лишь лексемы. Можно ли тогда подобное явление в языке относить к окказиональным? Или для окказиональных единиц должны сохраняться параметры переносного значения и экспрессивности, но устойчивость и воспроизводимость невозможны?

Представленный в докладе анализ результатов ручного аннотирования корпусного материала с учетом дальнейшей автоматической разметки частеречной структуры УНЕ и анализа статистических данных позволит глубже разобраться в проблеме классификации устойчивых неоднословных единиц устной речи.

Литература

Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. М.: УРСС, 1957.

Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008.

Bogdanova-Beglarian N. V., Blinova O. V., Khokhlova M. V., Sherstinova T. Yu., Popova T. I. Multiword Units in Russian Everyday Speech: Empirical Classification and Corpus-Based Studies / ed. by A. Karpov. SPECOM 2024. Speech and Computer: 26th International Conference on Speech and Computer. Lecture Notes in Artificial Intelligence, LNAI, vol. 15299. Belgrade: Springer, 2024. P. 179–192.

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ (проект № 22-18-00189 «Структура и функционирование устойчивых неоднословных единиц русской повседневной речи»).

Радбиль Тимур Беньюминович

д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского;
timur@radbil.ru

КОЛЛОКАЦИЯ «ЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ» В МОДЕЛЯХ ЯЗЫКОВОГО МАНИПУЛИРОВАНИЯ В ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИКАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ СМИ

Ключевые слова: здоровый образ жизни, идеологема, модели языкового манипулирования, дискурс отечественных СМИ, корпусный анализ.

В современных дискурсивных практиках отечественных СМИ в качестве маркеров знаковых для общества идей и ценностей исключительной частотностью обладает ряд слов и выражений, имеющих повышенную прагматическую нагруженность. В числе таковых, вне всякого сомнения, находится и коллокация *здоровый образ жизни*, тем самым имеющая все признаки идеологемы [Новые тенденции 2016]. В силу этого при ее употреблении в медиаречи зачастую задействуется ряд механизмов языкового манипулирования, которые и являются непосредственным предметом настоящего исследования, основанного на принципах современного когнитивно-дискурсивного анализа корпусных данных [Радбиль, Помазов 2020; Русский язык 2021]. Материалом исследования являются контексты употребления коллокации *здоровый образ жизни*, извлеченные из газетных корпусов в составе Национального корпуса русского языка.

Манипулятивность в эксплуатации идеологического и ценностного потенциала этой идеологемы осознается и самими носителями языка, ср:

(1) *Пригожин отметил, что сейчас у артиста без хайпа, который пропагандирует* ***здоровый образ жизни*** *и трезвость, шансы победить на рынке равны нулю* [Московский комсомолец, 27.12.2019];

(2) *Женщина откровенно скучала и с удовольствием рассказывала журналистам, что обожает пить вино, жить не может без сигарет, а за неделю съедает килограмм шоколада, опровергая все* ***мифы*** *о* ***здоровом образе жизни*** [Lenta.ru, 23.01.2019].

В основе моделей языкового манипулирования лежат некоторые стандартные лингвопрагматические и логико-семантические механизмы использования языка, которые представлены и в собранном нами массиве примеров.

Прежде всего это незаметные на первый взгляд нарушения фактической истинности, т. е. экспликация не соответствующих действительности суждений, ср:

(3) *Если вести* ***здоровый образ жизни****, можно предупредить заражение коронавирусной инфекцией* [Парламентская газета, 2021.12.24];

(4) *По словам врача, «хороший иммунитет» может быть только у человека, который ведет* ***здоровый образ жизни*** [Lenta.ru, 05.11.2020].

Помимо фактических, используются и чисто логические нарушения, например,

- ложные противопоставления логически неоднородных или не связанных между собой явлений:

(5) *По словам депутата, сигареты дорожают, но зато дешевеет* ***здоровый образ жизни*** [Парламентская газета, 2021.04.01];

- ложные конъюнкции:

(6) *По его словам, в последние годы крепкие алкогольные напитки теряют позиции в современной России. Их вытесняют* ***здоровый образ жизни*** *и растущая популярность пива* [Lenta.ru, 29.08.2020];

(7) *В заключение Мясников отметил, что правильное формирование вкусовых привычек позволяет и вести* ***здоровый образ жизни****, и получать удовольствие* [РИА Новости, 22.12.2020];

(8) *Автор поста сообщил, что старается вести* ***здоровый образ жизни*** *и покупать себе только дорогую и качественную уходовую косметику* [Lenta.ru, 16.04.2020];

- ложные обобщения (генерализации):

(9) *Саратовцы — за* ***здоровый образ жизни*** [Vesti.ru, 17.12.2020] — едва ли все саратовцы поддерживают здоровый образ жизни;

- алогизмы как явления ложного предицирования — совмещения в пределах одного контекста логически несовместимых понятий из разных смысловых областей:

(10) *По данным ученых медицинского колледжа Jagiellonian, загорелые молодые люди чаще всего ведут* ***здоровый образ жизни*** [Lenta.ru, 27.10.2020];

(11) *Наградой за здоровье, по мнению парламентария, могли бы стать премии или «определённые льготы» — таким образом, окружающим станет понятно, что вести* ***здоровый образ жизни*** *— выгодно, пояснил он* [Парламентская газета, 2020.10.05];

(12) *Компания позиционирует себя как бренд в стиле «хеви метал» для* ***здорового образа жизни****, на банке с надписью «Убей свою жажду» изображен череп* [Lenta.ru, 01.10.2020].

На этом фоне возможно возникновение **ложных инференций** — т. е. наведения ложных умозаключений как лингвопрагматический механизм использования **имплицитной** информации в моделях языкового манипулирования, например:

(13) *Бурмистров считает, что, несмотря на снятие многих ограничений, темпы развития рынка доставки готовых продуктов в этом году ускорятся на 63,6 %, а оборот достигнет 18 млрд руб. Это объясняется увеличением числа россиян, которые ведут* ***здоровый образ жизни*** *и следят за своим весом* [Ведомости, 2021.02.16].

Второй разновидностью манипулятивного использования имплицитной информации является прием наведения ложной пресуппозиции, например:

(14) ***Здоровый образ жизни*** *с каждым годом становится все популярнее* [Vesti.ru, 17.12.2020] — в пресуппозитивном компоненте высказывания обыгрывается необоснованная ложная пресуппозиция ʻздоровый образ жизни уже был популярнымʼ.

В целом проанализированный материал свидетельствует о том, что в дискурсивных практиках современных СМИ массовое тиражирование обозначений знаковых в каком-либо отношении феноменов общественной или культурной жизни является источником разного рода манипуляций, эксплуатирующих их позитивно оценочный ореол в восприятии аудитории медиатекстов.

Литература

Новые тенденции в русском языке начала XXI века: коллективная монография / под ред. Л. В. Рацибурской. М.: Флинта; Наука, 2016.

Русский язык в интернет-коммуникации: лингвокогнитивный и прагматический аспекты: коллективная монография / под ред. Л. В. Рацибурской. М.: Флинта, 2021.

Радбиль Т. Б., Помазов А. И. Прецедентные феномены как средство создания аттрактивности в поликодовом тексте интернета // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. 2020. Т. 19, № 1. С. 140–153.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00371, https://rscf.ru/project/24-18-00371/.

Скачкова Евгения Владимировна

преподаватель, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

К ВОПРОСУ О ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНОМ СТАТУСЕ НЕКОТОРЫХ ЗАИМСТВОВАННЫХ ИНТЕНСИФИКАТОРОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ КОМПЬЮТЕРНО ОПОСРЕДОВАННОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ)

Ключевые слова: интенсификатор, полифункциональность, компьютерно опосредованная разговорная речь.

Доклад посвящен анализу примеров полифункциональности заимствованных интенсификаторов (главным образом — языковой единицы *супер*) и особенностей их функционирования. Основным материалом для исследования послужили данные, извлеченные из Генерального интернет-корпуса русского языка (далее — ГИКРЯ), главным образом — из его подкорпусов «ВКонтакте» и «Живой Журнал». Представленные в них тексты неформальной интернет-коммуникации отличает высокий уровень лингвокреативности участников коммуникации, что позволяет увидеть актуальные процессы в грамматическом строе современного русского языка. Кроме того, к исследованию привлечены данные Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ).

Для русской разговорной речи характерна высокая степень интенсификации, которая осуществляется при помощи различных языковых средств. Среди них выделяется интенсификатор *супер*, который в разных контекстах может быть охарактеризован как словообразовательный формант, наречие, прилагательное и т. д. При этом не всегда возможно не только точно определить частеречную принадлежность данной языковой единицы, но и дифференцировать морфему от самостоятельного слова.

Согласно данным НКРЯ, заимствования с *супер-* впервые появляются в русском языке во второй половине XVIII столетия. Количество подобных заимствований на тот момент невелико: всего три лексемы (*суперинтендент*, *суперфлуа*, *суперстициальный*). Для XIX в. в НКРЯ регистрируется бóльшее количество вхождений с более разнообразным составом: *суперарбитр*, *супервест*, *суперинтендант*, *суперкаргер*, *супернатурализм*, *суперпозиция*, *суперфин*, *суперфлю*, *суперфосфат* и т. д. Как видим, подобные лексемы, с одной стороны, принадлежат узкой терминологии, а с другой — демонстрируют такие значения латинской приставки *супер-* как ‘над, сверх’, ‘остаток, излишек’. И только в первой половине XX в. появляются единичные примеры производных, которые свидетельствуют об ассимиляции этого форманта в словообразовательную систему русского языка с развитием у него оценочной семантики. Очень яркий пример подобного окказионализма можно встретить в романе И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок»:

(1) *Супершуба с шиншилловыми карманами, которые были набиты медалями за спасение утопающих, нательными крестиками и золотыми мостами, последним достижением зубоврачебной техники.*

В тексте произведения эта *шуба* описывается довольно подробно, награждается такими эпитетами, как *великая*, *необыкновенная*, *удивительная*.

На протяжении XX в. происходит постепенная лексикализация приставки, *супер* начинает употребляться как самостоятельное слово. В то же время как морфема *супер* становится полифункциональной. Это происходит не только в результате развития сложной семантики, но и формирования особого морфемного статуса данной единицы: она употребляется и как служебная морфема, и как самостоятельный корень. Последнее отчетливо заметно на примере широкого круга адъективных дериватов, наиболее распространенными из которых можно назвать лексемы *суперский*, *суперовый*, *суперный* (список потенциальных производных прила-

гательных довольно длинный, в нем встречаются любопытные примеры сочетания *супер-* как корня с другими формантами-интенсификаторами — *суперенный* и *суперейший*).

Не до конца ясен статус данной единицы в таких примерах, как *Мне просто супер повезло!* или *Искренне желаю супер отдохнуть!* Здесь интенсификатор занимает позицию наречия, что косвенно подтверждается раздельным написанием с глаголом. Примеры слитного и дефисного написания встречаются довольно редко. В новостном подкорпусе ГИКРЯ, отличающемся меньшей лингвокреативностью, встречается единичное употребление *супер* как глагольного словообразовательного форманта: *Телеканал НТВ обещает помочь телезрителям «супервстретить» Новый год*. Данный пример демонстрирует чистое оценочное значение препозитивного форманта, а ненормативность подобного сочетания маркируется употреблением кавычек.

Кроме того, к числу фактов, свидетельствующих о полифункциональном статусе *супер*, относится появление конструкций нового типа *супер как* или *супер какой:*

(2) *…банально запишитесь на танцы,* ***супер как*** *отвлекает от проблем и страданий;*

(3) *Вы купили что-то и вам* ***супер как*** *понравился продукт;*

(4) *Вы молодцы! Просто* ***супер какие*** *молодцы, спектакль удался;*

(5) ***Супер какая*** *маленькая блондинка, и тепло у вас вообще!*

В данных конструкциях очевидна аналогия с интенсификатором *ужас*, который в большинстве случаев рассматривается как наречие. Однако часто в подобных примерах *как* и *какой* также выполняют функцию интенсификатора, что позволяет поставить вопрос о возможной отнесенности *супер* в составе подобных конструкций к классу частиц.

Таким образом, интенсификатор первоначально появившийся в русском языке в составе заимствований как префикс со значением ‘над, сверх’ и ’остаток, излишек’ за три столетия не только успешно адаптировался как морфема и стал высокопродуктивным дериватором, отличающимся сложной оценочной семантикой, но и, в результате лексикализации, стал самостоятельной лексемой, способной занимать позиции аналитического прилагательного, наречия и частицы.

Таушева Александра Николаевна

ст. преподаватель, Глазовский государственный инженерно-педагогический университет им. В. Г. Короленко;
Alnitua@yandex.ru

СОЧЕТАНИЕ СЛОВОИЗМЕНИТЕЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ РУССКИХ ГЛАГОЛОВ В СЮЖЕТНЫХ И НЕСЮЖЕТНЫХ ТЕКСТАХ

Ключевые слова: глагол, словоизменительные категории глагола, сюжетные и несюжетные тексты, количественный анализ.

В докладе представлены результаты анализа частоты употребления словоизменительных категорий русских глаголов в сюжетных и несюжетных текстах, а также их роль в создании динамичности текста, структурировании предложений и то, как выбор определенных глаголов может направлять развитие текста. Изучение глаголов значимо, поскольку они представляют собой ключевые элементы, определяющие суть действий, структуру высказываний и формирование предложений, что подтверждает гипотезу о тесной взаимосвязи между структурой текста и употреблением глаголов определенного типа [Ерофеева, Павлова 2024; Шустова, Сюткина 2024].

Данные по частоте реализации частей речи в разных формах текстов, представленные в «Частотном словаре русского языка» под редакцией Л. Н. Засориной, показывают, что в письменных текстах глаголы в русском языке занимают второе место после имен существительных, а их максимальное относительное количество можно найти в произведениях драматического характера [Частотный словарь… 1977].

Материалом исследования стали спонтанные устные и письменные монологи-описания сюжетного и несюжетного изображений в количестве 96 текстов, полученные от 24 информантов, носителей русского языка, женщин и мужчин, со средним и высшим образованием, в возрасте от 20 до 55 лет (выборка информантов была сбалансирована по названным факторам).

В рамках данного исследования был применен метод сплошной выборки для отбора всех глагольных словоформ из полученных текстов. Для каждой отобранной словоформы были определены значения ее словоизменительных категорий. Далее была произведена оценка частоты использования этих словоформ в зависимости от формы речи. Результаты исследования представлены в виде относительных частот, выраженных в процентах от общего числа глаголов в текстах. Исследование полученных данных выполнялось при помощи Информационной системы «Семограф» (http://semograph.org), который послужил инструментом для проведения анализа.

Общий объем проанализированного материала составил 2133 глагола.

Обработанные данные продемонстрировали, что употребление значений категорий наклонения и залога практически не зависит от вида описанного изображения, т. е. сюжетности/несюжетности текста: в обоих типах текста преобладают формы действительного залога и изъявительного наклонения, а разницы в частотах всех значений данных категорий минимальны.

Категория времени глагола менялась в зависимости от описанного изображения. При описании сюжетного изображения глагольные словоформы в прошедшем времени были реализованы информантами чаще, чем при описании несюжетного изображения — 52,76 и 49,18 % соответственно. Стоит также отметить, что глаголы в будущем времени используются частотнее при описании несюжетных изображений — 3,86 и 1,02 % соответственно.

Полученные результаты показали также, что вид текста оказывает влияние на использование личных форм глагола: 3-е лицо глаголов чаще используется в сюжетных текстах, где описываются действия героя; а 1-е лицо чаще встречается в несюжетных текстах, что, вероятно, связано с необходимостью выражать свою точку мнения при описании статичного изображения.

Что касается категории времени, то обнаружено, что формы единственного числа чаще употребляются в сюжетных текстах, а формы множественного, напротив, в несюжетных: разница в обоих случаях составляет 3,22 %.

В ходе исследования было выявлено, что при описании сюжетного и несюжетного изображений информанты употребляли все три категории рода. Так, в сюжетных текстах глагольные словоформы в мужском роде намного чаще были использованы информантами, чем в несюжетных (разница составляет более 21 %), при том что в обоих типах описаний были представлены герои мужского пола. В то же время при описании несюжетного изображения чаще, чем при описании сюжетного, используются формы женского и среднего рода.

Таким образом, можно отметить, что сюжетный/несюжетный вид текста оказывает более сильное влияние на реализацию словоизменительных категорий глагола, чем устная/письменная форма текста: только залог и наклонений оказались нечувствительны к смене типа изображения.

Источник

Частотный словарь русского языка / под ред. Л. Н. Засориной. М.: Рус. яз., 1977.

Литература

Ерофеева Е. В., Павлова Д. С. Вид русского глагола как социолингвистическая переменная // XV Конгресс МАПРЯЛ: избр. докл. / отв. ред. М. С. Шишков. СПб.: Междунар. ассоц. преп. рус. яз. и лит., 2024. С. 107–111.

Сюткина Н. П., Шустова С. В. Актуализация категориальной ситуации эмоциональной модификации (на примере фразеологических единиц) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Вып. 10, № 3. С. 175–185.

Шилихина Ксения Михайловна

д-р филол. наук, доцент, зав. кафедрой, Воронежский государственный университет; shilikhina@gmail.com

ОЦЕНИВАНИЕ КАЧЕСТВА КОММУНИКАЦИИ В МЕТАДИСКУРСИВНЫХ КОММЕНТАРИЯХ

Ключевые слова: метакоммуникация, конструкция, рефлексия, корпус, прагматическое значение.

Лингвисты неоднократно обращались к проблеме метакоммуникации и функционированию глаголов речи в качестве показателей того, как в дискурсе реализуется метаязыковая функция языка [Зализняк 2000; Мечковская 2000]. Данное исследование посвящено группе комментирующих метадискурсивных конструкций, с помощью которых говорящие оценивают качественную сторону коммуникации. На материале различных подкорпусов Национального корпуса русского языка изучается функционирование таких конструкций, как *честно говоря, откровенно говоря, грубо говоря, мягко выражаясь, образно говоря* и др. Появление таких конструкций — результат прагматикализации деепричастий несовершенного вида *говоря и выражаясь*. Использование этих конструкций в речи демонстрирует эксплицитную метакоммуникативную (или метапрагматическую в терминах Дж. Фершуерена [Verschueren 2004]) рефлексию носителей языка: с их помощью говорящий комментирует собственный лексический выбор, влияющий на *качество* коммуникации, например, простоту или точность выражения мысли, образность речи. Цель исследования — сопоставить функционирование данных конструкций в различных модусах коммуникации (художественные тексты / компьютерно-опосредованная коммуникация / тексты СМИ / устная речь). В работе проводится оценка частоты употребления данных конструкций, а также описываются типы прагматических значений, которые данные конструкции привносят в высказывания.

Конструкции с деепричастиями *говоря и выражаясь* существенно отличаются по частоте использования: так, в основном подкорпусе НКРЯ конструкция <adv + *говоря*> встречается 17 878 раз, в то время как конструкция <adv + *выражаясь*> — только 535 раз. Такая же картина наблюдается и в других подкорпусах. Реже всего конструкция <adv + *выражаясь*> встретилась в устном подкорпусе, где конкорданс включает всего 35 контекстов.

Между двумя рассматриваемыми конструкциями есть и еще одно различие, которое касается разнообразия наречий, характеризующих качество коммуникации: разнообразие наречий в конструкции <adv + *выражаясь*> выше, чем в конструкции <adv + *говоря*>. Например, в конструкции <adv + *выражаясь*> употребляются наречия *банально, интеллигентно, фигурально*, которые не встречаются в конструкции <adv + *говоря*>. В то же время указание на обобщенность выражаемого значения возможно только с помощью конструкции <adv + *говоря*>, ср.:

- *Реакция была, **вообще говоря**, трудно описуемая* [Р. Щедрин. Даже самый очарованный странник всегда стремится в Россию // «Культура», 2002.03.25].

Интересны различия в значениях, передаваемых одним и тем же наречием в двух конструкциях. Например, наречие *грубо* в сочетании с деепричастием *говоря* указывает на упрощение смысла высказывания, а в сочетании с деепричастием *выражаясь* — на сознательное отступление говорящим от литературной нормы:

- ***Грубо говоря,** Аристотель считал, что мы слишком слабы в математике, чтобы описать физическую реальность во всем ее многообразии, а Платон полагал, что наша собственная несовершенная телесно-умственная физика не позволяет нам постигнуть идеальную математику мира* [Ю. Кирпичев. Платон, Аристотель и множественность вселенных // «Знание — сила», 2012];
- *Домой не загонишь, **грубо выражаясь*** [Н. Л. Логинова. Дневник (1975)].

Частотность употребления наречий в исследуемых конструкциях показывает, какие качества коммуникации являются наиболее важными для говорящих. В конструкции <adv + *говоря*> наиболее частотными являются наречия *вообще, короче, мягко, проще, собственно, строго, честно*:

- ***Собственно говоря**, об этом я вообще не думал, старался не думать — из чувства самосохранения, поскольку прекрасно понимал, что лишние раздумья только ослабят волю к действию* [В. Белоусова. Второй выстрел (2000)];
- ***Честно говоря**, без понятия нам было без проблем на английском все объяснить* [Cyprus Animals. telegram Cyprus Animals (15.09.2022)].

В конструкции <adv + *выражаясь*> чаще других употребляются наречия *грубо, мягко, образно и фигурально*:

- *Я хочу, **фигурально выражаясь**, переместиться в параллельный с ним мир и никогда больше не пересекаться* [К. Махненко. Обращение (2002) // «Домовой», 04.09.2002];
- ***Образно выражаясь**, мы забираем от природы более организованную структурированную материю, обладающую меньшей энтропией, т. е. подпитываем себя негэнтропией, а отдаем ей неструктурированную материю, обладающую большей энтропией* [В. Горбачев. Концепции современного естествознания (2003)].

Наречия, которые используются рядом с прагматикализованным деепричастием *говоря*, привносят различные прагматические значения в высказывания. Например, они могут характеризовать коммуникацию с точки зрения Принципа Кооперации [Грайс 1985]: так, наиболее важная Максима — Максима качества — эксплицируется конструкциями *мягко говоря, высокопарно выражаясь*, *вульгарно выражаясь*, *деликатно выражаясь*; Максима количества — конструкцией *короче говоря, кстати говоря;* Максима способа — конструкцией *короче говоря, точнее говоря*.

Возможна также оценка речи с точки зрения ее образности (*образно говоря, метафорически выражаясь*), простоты (*проще говоря, грубо говоря*) и вежливости / грубости (*вежливо говоря, грубо выражаясь*).

Литература

Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. М.: Прогресс, 1985. С. 217–238.

Зализняк А. А. Глагол *говорить*: три этюда к словесному портрету // Язык о языке. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 381–402.

Мечковская Н. Б. Метаязыковые глаголы в исторической перспективе: образы речи в наивной картине языка // Язык о языке. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 363–380.

Verschueren J. Notes on the Role of Metapragmatic Awareness in Language Use // Metalanguage: Social and Ideological Perspectives / eds A. Jaworski, N. Coupland, D. Calasiński. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2004. P. 53–74.

Шклярук Екатерина Ярославовна

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет;
ek.shkliaruk@gmail.com

О НЕКОТОРЫХ ПРОСОДИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ ПРАГМАТИЧЕСКИХ МАРКЕРОВ-КСЕНОПОКАЗАТЕЛЕЙ

Ключевые слова: прагматический маркер, ксенопоказатель, просодические особенности.

Прагматические маркеры (ПМ) — это особые функциональные единицы устного дискурса, которые употребляются говорящими неосознанно, на уровне речевого автоматизма, часто теряют или ослабляют в устном дискурсе свое исходное лексическое, а порой и грамматическое значение и начинают выполнять только различные функции [Богданова-Бегларян 2021: 23].

Ксенопоказатели являются одним из классов ПМ. По данным корпусного исследования, маркеры-ксенопоказатели (ПМК) имеют сходную частоту встречаемости (ранг 5 из 10 типов ПМ) во всех основных социолектах русскоговорящего общества — в среднем 8–9 % [Богданова-Бегларян и др. 2021]. В этой функции прагматические единицы вводят в повествование чужую речь (в широком понимании этого термина, т. е. и свою собственную, сказанную ранее или планируемую на будущее, и собственные или чужие мысли, и даже «интерпретацию поведения другого человека») [Левонтина 2010: 284]. Словник ксенопоказателей включает около 20 единиц [Прагматические маркеры… 2021]. Все они требуют изучения и подробного описания.

В настоящей работе рассмотрены особенности процесса прагматикализации маркеров-ксенопоказателей и просодические особенности их употребления. Выявление этих особенностей производится с помощью слухового и инструментального анализа с применением программы Praat.

Источниками материала для исследования послужили два корпуса русской устной речи: Мультимедийный подкорпус Национального корпуса русского языка (МУРКО) и корпус повседневный корпус русской речи «Один речевой день» (ОРД).

Так, для различных ПМК значимыми оказались такие признаки, как *движение тона и длительность* звучания.

Представляется, что просодические особенности ПМК помогут выявить более четкие формальные признаки, отличающие полнозначные употребления языковых единиц от единиц прагматикализованных.

Так, показательны просодические отличия полнозначного глагола *говорить* от ПМК. Последнее склонно к редукции, а в интонационной структуре фразы на эту единицу приходится понижение частоты основного тона (ЧОТ), в то время как полнозначные глаголы такого «поведения» не проявляют, ср. (чужая речь в контекстах подчеркнута):

(1) *вот // *П (э) там / говорит / <u>вот две машины стояли / между ними расстояние () ну полтора метра</u>* (ОРД).



Рис. 1. Интонограмма к примеру (1)

Рисунок 1 иллюстрирует движение тона во фразе и падение ЧОТ на ПМК *говорит* (указано стрелкой). Употребление этой единицы в ее редуцированной форме подтверждает и слуховой анализ. Употребления формы *грит* рассматривала и Н. Д. Арутюнова в контексте ее перехода

в класс частиц [Арутюнова 2000: 437]. Однако, по мнению исследователя, эта единица только еще стремится к получению нового грамматического статуса.

Такие же просодические характеристики были выявлены и для ПМК *такой*, *типа*, *вроде*, ср.:

(2) *тын-дын-тын-тын-тын / но въехала // он* ***такой*** */ ну(:) молодца ! ну поехали отсюда* (ОРД).



Рис. 2. Интонограмма к примеру (2)

В примере (2) можно видеть такое же понижение тона на употреблении единицы *такой* (указано стрелкой) по сравнению с реализациями местоименного *такой* в других функциях.

Таким образом, просодические характеристики прагматических маркеров-ксенопоказателей позволяют выделить важные характеристики этих прагматических единиц и описать особенности процесса прагматикализации в целом.

Исследование выполнено при поддержке гранта Санкт-Петербургский государственный университет «Моделирование коммуникативного поведения жителей российского мегаполиса в социально-речевом и прагматическом аспектах с привлечением методов искусственного интеллекта» (проект 124032900006-1).

Литература

Арутюнова Н. Д. Показатели чужой речи де, дескать, мол // Язык о языке: сб. статей / под общ. рук. и ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 437–452.

Богданова-Бегларян Н. В. Предисловие редактора // Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь монография / сост., отв. ред. и авт. предисл. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Нестор-История, 2021. С. 5–52.

Левонтина И. Б. Пересказывательность в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной международной конференции «Диалог». Вып. 9 (16). М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2010. С. 284–289.

Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь монография / сост., отв. ред. и автор предисловия Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Нестор-История, 2021.

Янь Мэнцянь[1], Раднаева Любовь Дашинимаевна[2]

[1]аспирант, Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова; mengqian0209@gmail.com

[2]д-р филол. наук, профессор, Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова; radnaeva.ljubov@gmail.com

К ИЗУЧЕНИЮ РУССКОЙ ИНТОНАЦИИ В РЕЧИ КИТАЙЦЕВ

Ключевые слова: интонация русского языка, интонационные конструкции, китайские дикторы.

Русская фонетика изучается российскими учеными уже более двух столетий. Русские фонетисты внесли важный вклад в развитие общей фонетики, особенно в изучение фонологии. Среди русских фонетистов — Л. В. Щерба, М. И. Матусевич, А. Н. Гвоздев, Р. И. Аванесов, М. Б. Панов, Л. Л. Буланин, Е. А. Брызгунова, Л. Р. Зиндер, Л. В. Бондарко и др. В 1970-е гг. Е. А. Брызгунова предложила 7 основных интонационных конструкций (ИК) для описания русского языка [Брызгунова 1963; Брызгунова 1977]. Эти ИК получили признание среди ученых и стали широко использоваться в преподавании русского языка как иностранного.

В Китае большое внимание уделяется преподаванию русской фонетики. С начала прошлого века многие ученые посвятили себя изучению русской фонетики и добились больших результатов в исследованиях. Например, хорошо известны работы ученых: Фэн Ли и Вэнь Тунси «Как определить русское ударение» (冯力温同悉怎样确定俄语重音》), Су Гуосян «Объяснение русских таблиц ударения» (苏国祥俄语重音表解》и др. С появлением теории интонации Е. А. Брызгуновой китайские ученые стали больше изучать русскую интонацию и проблемы усвоения русского языка с точки зрения русско-китайской контрастивной фонетики. Одним из наиболее важных вкладов в изучение русской фонетики в Китае является книга Чэнь Цзюньхуа «Курс русской фонологии» (陈君华俄语语音学教程》), написанная на русском языке и содержащая подробное введение в произношение звуков русского языка, а также знакомство с характером ударения и теорией русской интонации.

Помимо Чэнь Цзюньхуа, многие китайские ученые посвятили свои исследования русской фонетике, например, Ван Сяньрун и др. Большинство исследований основаны на теории интонации Е. А. Брызгуновой. Например, в работе Юань Чанцая «Русский тон — теория и практика» (袁长在《俄语语调——理论与实践》) русская интонация подразделяется на девять категорий: декларативная, вопросительная, императивная, восклицательная, контрастивная, пояснительная, суггестивная, эвокативная и перечислительная. Эта книга очень помогает китайским студентам в освоении русской интонации.

Из-за различий между китайской и русской звуковыми системами самой большой проблемой для китайских студентов при изучении русского языка остается проблема интерференции при освоении гласных, согласных, ударения и, особенно, интонационного оформления речи на русском языке.

Цель настоящего исследования состоит в проведении слухового анализа русской речи китайцев на материале чтения произвольного текста.

Материалом для слухового анализа послужил текст из учебного пособия «Звуки. Ритмика. Интонация», специально разработанный для иностранных учащихся, изучающих русский язык. Текст состоит из 48 предложений, включающих 21 центр с интонационной конструкцией ИК1, 30 — с ИК2, 18 — с ИК3, 9 — с ИК4, 2 — с ИК5, 15 — с ИК6, 2 — с ИК7, всего 97 интонационных центров.

На первом этапе эксперимента в качестве дикторов выступили два носителя китайского языка с начальным уровнем владения русским языком. Дикторы читали текст без предварительной подготовки.

Слуховой анализ записей текста в реализации этих дикторов продемонстрировал значительные затруднения при чтении, выразившиеся в неправильном ударении в словах, расстановке пауз, некорректном оформлении интонационных центров в предложениях. Наибольшие

трудности были отмечены при чтении многосложных слов, которые разбивались паузами на отдельные сегменты. Почти все интонационные конструкции были произнесены с ошибками. Первый этап эксперимента показал необходимость подробного экспериментального изучения интонации русского языка в произнесении носителей китайского языка

На втором этапе эксперимента количество дикторов было увеличено до 18 человек. Все дикторы были разделены на три группы по уровню владения русским языком и опытом изучения русского языка: с начальным, средним и продвинутым уровнями.

В работе представлены результаты двух этапов эксперимента на основе анализа показателей частоты основного тона, темпа и ритма чтения, характера пауз и оформления ударения в трех группах дикторов. В заключение представлены типичные интонационные ошибки китайских дикторов в условиях чтения произвольного русского текста и приводятся практические рекомендации по освоению русской интонации китайской аудиторией.

Литература

Брызгунова Е. А. Практическая фонетика и интонация русского языка. М.: Наука, 1963.

Брызгунова Е. А. Звуки и интонация русской речи. М.: Рус. яз., 1977.

王宪荣.“论俄语口语语调的特点.”[J] 外语学刊 1993 (3): 15–23.

袁长在. 俄语语调——理论与实践[M]. 哈尔滨：黑龙江大学出版社, 2012, 4 页.

Абреимова Галина Николаевна

канд. филол. наук, доцент, Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина; abreimova.g.n@yandex.ru

СИМВОЛИКА ЦВЕТА В ДНЕВНИКАХ М. М. ПРИШВИНА: ОБЗОР ЛЕКСИЧЕСКИХ КОЛОРАТИВОВ

Ключевые слова: цвет, лексические колоративы, символика, дневник.

В дневниках М. М. Пришвина цветовая палитра играет особую роль, становится ключом к пониманию его мировоззрения, восприятия природы и внутреннего мира. Цвет в текстах Пришвина выходит за пределы описательной функции, превращаясь в философский элемент, отражающий глубинные связи между человеком и окружающим миром. Так, *зеленый* цвет, традиционно ассоциирующийся с природой, жизнью, весенним возрождением и плодородием, в текстах писателя приобретает дополнительные оттенки, подчеркивающие неоднозначность и многогранность восприятия окружающего мира. Например, такие словосочетания, как *зеленая чаща, зеленый шум* указывают на двойственность восприятия природы: с одной стороны, это источник вдохновения и спокойствия, с другой — пространство таинственного и неизведанного [Тимофеева 2016: 149]. *Зеленый* лес предстает как пространство уединения и спокойствия, как символ первозданной, необузданной силы природы, вызывающей одновременно восхищение и трепет. Словосочетание *зеленая весна* усиливает символическое значение цвета как олицетворения жизненной энергии. Зеленый цвет у Пришвина становится маркером двойственности: он может быть как союзником человека, дарующим вдохновение и защиту, так и воплощением непредсказуемости и враждебности. Писатель в дневниках использует амбивалентность *красного* цвета, передавая с его помощью как эмоциональный подъем, так и драматические моменты личных переживаний или противоречия человеческой природы. Например, выражение *красное утро* можно встретить в описаниях зари, где *красный* цвет символизирует пробуждение, радость нового дня, а словосочетание *красное солнце, красное зарево* — ассоциируется с тревогой и внутренними переживаниями героев.

Цветовая лексика выполняет не только эстетическую функцию, но и эмоциональную. *Синий* цвет один из самых употребляемых в текстах писателя, который ассоциируется с небом, водой, передает спокойствие, мудрость и мечтательность. Одновременно с этим он становится метафорой поиска истины, отстраненности от обыденности и внутренней гармонии, отражает печаль и одиночество, добавляя тексту эмоциональную глубину, подчеркивая идею недосягаемого идеала и гармонии (*синяя трава, синее поле, синие птицы*) [Донецких 2019: 275]. Природа, описанная через синюю палитру, помогает читателю понять философские размышления автора о бесконечности и смысле жизни. Особенность дневников Пришвина заключается в том, что цветовая палитра у него становится не просто визуальным средством, но и инструментом, через который он передает внутренний мир героев. Например, *голубой* цвет у него часто символизирует мечтательность и надежду, отражая экзистенциальные размышления писателя. Кроме этого, *голубой* цвет символизирует возвышенные ценности, духовные искания и стремление к гармонии и спокойствию (*голубой вечер*).

Метафоры с цветным компонентом представляют собой важный элемент художественной системы дневников Пришвина, которые выполняют описательную функцию, углубляют смысловую и эмоциональную структуру текстов. Они играют ключевую роль в передаче национального колорита и связи текста с русской культурной традицией. Ярким примером является упо-

Руководитель секции: Т. С. Садова.

требление выражения *черная тоска*, которое в контексте дневников передает состояние глубокой печали, связанной с внутренними переживаниями героев, а также драматизм природных картин. Кроме того, в текстах встречаются метафоры, связанные с природной символикой. Например, метафора *золотая осень* передает не только визуальный образ, но и чувство умиротворения и тихой радости от смены времени года, создавая мост между природными явлениями и человеческими чувствами, позволяя читателю ощутить гармонию окружающего мира. Словосочетание *голубая даль* олицетворяет мечтательность, недостижимый идеал и стремление к гармонии с природой.

Цветовая палитра в дневниках писателя зачастую приобретает статус философских символов. *Белый* цвет в текстах ассоциируется с чистотой, надеждой и началом; *черный* представляет собой неизвестность или утрату. Эта дихотомия света и тьмы проявляется в описаниях природы и человеческого бытия, подчеркивая драматизм и контраст жизни. Например, *белый* снег у Пришвина — это не просто зимний пейзаж, а символ обновления, покоя и готовности к новому этапу.

Эмоциональная палитра текстов М. М. Пришвина строится на контрасте цветов. Яркие и теплые тона (*красный* и *желтый*) ассоциируются с радостью и энергией, тогда как холодные (*синий, серый, зеленый*) часто выражают меланхолию, спокойствие или отстраненность. Например, выражение *осенний лес из багряных осин и золотых берез* вызывает у читателя одновременно чувство грусти и восхищения красотой уходящего времени года. Свет в художественном мире Пришвина олицетворяет надежду, истину, просветление и духовное развитие. Тьма, контрастируя со светом, символизирует неопределенность, страх и внутренний кризис, подчеркивая драматизм жизни и противоречия человека. Индивидуально-авторское сочетание *весна света* отражает уникальный взгляд писателя на природу и цикличность времени, а световые образы передают радость, гармонию и стремление к добру [Абреимова и др. 2022].

Таким образом, символика цвета в дневниках М. Пришвина выполняет многозначную роль, помогая автору не только в описании природных пейзажей, но и в исследовании философских вопросов бытия. Каждый цвет в его текстах становится элементом многоуровневой системы, где сплетаются культура, эмоции и личные размышления автора. Цветовая палитра текстов позволяет читателю глубоко погрузиться в художественный мир автора, прочувствовать гармонию между природой и человеком и осознать богатство внутренних смыслов, заложенных в его произведениях.

Литература

Абреимова Г. Н., Климова М. В., Турко У. И. Слова *свет* и *солнце* как основные репрезентанты концепта свет в творчестве М. М. Пришвина // Научный диалог. 2022. № 9. С. 9–26.

Донецких Л. И. Концепт цвета как ключевое слово в творчестве М. Пришвина // Вестник Удмуртского университета. Серия история и филология. 2019. Т. 29, вып. 2. С. 274–279.

Тимофеева А. М. Сравнительный анализ лексики со значением зеленого цвета в идиолектах Дж. Даррелла и М. М. Пришвина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 5-1 (59). С. 148–151.

Электронная библиотека М. М. Пришвина. URL: http://www.elsu.ru/prishvin.html (дата обращения: 10.11.2024).

Брыкова Александра Андреевна
канд. филол. наук, ст. преподаватель,
Санкт-Петербургский государственный университет;
a.brykova@spbu.ru

НОМИНАЦИЯ КАК ПРИЕМ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДЕТСКИХ СТИХОВ ГЕНРИХА САПГИРА

Ключевые слова: детская поэзия, Г. Сапгир, онтолингвистика.

Изучение текстов детской литературы с позиции их лингвистической организации, как на материале произведений классических, так и на материале произведений современных писателей, позволяет понять, какие языковые проблемы авторы этих текстов, эксплицитно или имплицитно, считают значимыми в контексте освоения языка ребенком, ведь, несмотря на то, что язык как знаковая система не так часто становится предметом явного творческого осмысления детских писателей, художественные приемы, в основе которых так или иначе лежит метаязыковая функция языка, являются неотъемлемой частью текстов детской литературы.

Детская поэзия Генриха Сапгира (1928–1999) — одного из наиболее известных поэтов «лианозовской школы» — опирается как на традиции формальной школы, так и на традиции раннего авангарда, хотя сходство детских текстов Сапгира, скажем, с детскими текстами Д. Хармса и других представителей ОБЕРИУ исследователи и объясняют, скорее, принципом аналогии, чем причинами прямого наследования художественной традиции [Двойнишникова и др. 2022: 170].

Как детский автор, Сапгир известен своими стихами, в том числе стихотворной азбукой, а также сценариями к детским мультфильмам («Паровозик из Ромашково», «Лошарик») и переводами текстов О. Дриза.

С лингвистической точки зрения, стихи Сапгира представляют интерес потому, что одним из основных структурных приемов его текстов становится прием деавтоматизированной номинации, при котором лирический герой, обнаруживающий признаки наивного, детского, сознания, задается вопросом, насколько план выражения слова соответствует плану его содержания, т. е. не отказывая, на первый взгляд, языковому знаку в конвенциональности, задумывается о лексическом значении слова, делая его семасиологический анализ, в основе которого лежит наглядно-предметное, а не абстрактное мышление. Это приводит к тому, что структура лексического значения перестраивается и периферийные (дифференциальные) семы превращаются в ядерные, порождая ситуацию сдвинутой референции, характерной для детской речи [Кубрякова 1989: 7]. Так, например, в стихотворении «*Кисточка*» львенок начинает считать себя художником, потому что у него «*есть кисточка на кончике хвоста*» [Сапгир 1997: 27], однако его попытки нарисовать домик ни к чему хорошему не приводят, что демонстрирует последствия ошибочной номинации.

При этом далеко не всегда в художественном мире Сапгира ошибки номинации однозначно разрешаются как для лирического героя, так и для читателя. В отдельных стихотворениях указанный прием сдвинутой референции ложится в основу референциальной неоднозначности, когда референт того или иного слова-существительного остается до конца неясным. Так, в стихотворении «*Жук-дровосек*» делается предположение, что человек с большими усами, «*как у жука-дровосека*», на самом деле и есть жук-дровосек и лишь притворяется, «*что он человек*» [Сапгир 1997: 23]. Т. е. наивное метаязыковое сознание лирического героя стихов Сапгира обнаруживает как склонность к сдвинутой референции, так и склонность к фольклорной, почти магической, интерпретации акта номинации, не просто приписывающей референту те или иные качества или свойства, но наделяющей его ими. Эта особенность стихов Сапгира сближает их не только с фольклорными текстами, но и с детскими стихами Д. Хармса, в которых акт номинации так же мог предполагать, пусть и в рамках игровой ситуации, временное превращение

героев-детей в советских пароход, самолет и автомобиль соответственно (см. стихотворение Д. Хармса «*Га-ра-рар!*» [Хармс 1997: 22–26]).

В контексте анализируемых особенностей лингвистической организации текстов Сапгира отдельно следует отметить и названия стихотворений, которые, как можно видеть из приведенных выше примеров, представляют собой однословные (реже двухсловные — в виде именного словосочетания) номинации с использованием предметной лексики самых разных тематических групп, охватывающих слова, так или иначе знакомые ребенку младшего возраста (названия животных, природных явлений, продуктов питания и пр.). При этом тот факт, что в основе отдельных текстов лежит именно прием номинации, позволяет рассматривать название и текст в едином художественном комплексе, где текст представляет собой своего рода наивную дефиницию слова (что формально сближает стихотворения Сапгира с фольклорными загадками).

Не менее значимую роль играет и невербальный компонент стихов. Не будучи в прямом смысле креолизованными, тексты Сапгира все же в той или иной мере связаны с сопровождающими их иллюстрациями (художник-иллюстратор анализируемого издания Э. Назаров), так как в тех случаях, когда стихотворение написано от первого лица, иногда только иллюстрации могут дать представление о том, кто является лирическим героем текста, т. е. кто совершает акт номинации. Более того, в отдельных стихотворениях иллюстрации выступают как способ усложнения семантической организации текста, усиления референциальной неопределенности. Так, смысловая организация стихотворения «*Свинка*», действие которого происходит в больнице, определяется не только расширением объема понятия существительного *свинка* (где *свинка* — ‘животное с клыками и щетинкой’) и контаминацией двух значений слова *свинка* (*свинка* — ‘животное’ и *свинка* — ‘детская болезнь’), но и визуальным рядом, который также актуализирует два значения, но уже не слова *свинка*, а глагола *заболеть* (*заболеть* — ‘стать больным’ и *заболеть* — ‘влюбиться’):

Я боюсь, что это свинка…
Ну, конечно, это свинка!
Я ручаюсь, это свинка
Заболела носорогом!

(на части иллюстрации изображен носорог, который дарит свинке цветы. — *А. Б.*) [Сапгир 1997: 14].

Семантическому осмыслению в стихах Сапгира подвергаются и конкретные, и абстрактные слова, и даже слова с неноминативным (дейктическим) значением, предполагающим наличие говорящего и наблюдающего, что еще раз демонстрирует, что детская поэзия, при всей своей внешней простоте, выполняет не только развлекательную, но и развивающую функцию, втягивая читателя-ребенка и его родителей в неочевидный метаязыковой диалог.

Литература

Двойнишникова М. П., Семьян Т. Ф., Смышляев Е. А. Традиции русского авангарда в детской поэзии // Культура и текст. 2022. № 4 (51). С. 167–180.

Кубрякова Е. С. Специфика актов референции в детской речи // Детская речь: проблемы и наблюдения. Л.: Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена, 1989. С. 4–22.

Сапгир Г. Принцесса и людоед. Стихи. М.: Росмэн. 1997.

Хармс Д. И. Полное собрание сочинение. Т. 3: Произведения для детей. СПб.: Академический проект, 1997.

Вукович Ирина Сергеевна[1], Мухина Ирина Константиновна[2]

[1]ассистент, Уральский государственный аграрный университет;
irinayhova1@gmail.com
[2]канд. филол. наук, доцент, Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина;
mironova-mukhina@yandex.ru

ГАЛЛИЦИЗМ «АВИАТОР» КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ КЛЮЧЕВОЙ МЕТАФОРЫ ОДНОИМЕННОГО РОМАНА ЕВГЕНИЯ ВОДОЛАЗКИНА

Ключевые слова: авиатор, развернутая метафора, Е. Г. Водолазкин.

Галлицизм *авиатор* является названием романа Е. Г. Водолазкина, что подчеркивает важность этого франкоязычного заимствования для выражения главной идеи романа и конструирования образа главного героя.

По ходу повествования лексема, вынесенная в заглавие романа, постепенно обрастает новыми смыслами, которые обогащают ее семантику и влияют на читательское восприятия, поскольку, согласно концепции романа, Е. Г. Водолазкин приглашает читателя поучаствовать в создании «смысла» текста. По мнению исследователей, заглавие романа как бы «наполняется» содержанием всего произведения, становясь формой, в которую оно отливается [Соляр 2017: 25].

Первая читательская ассоциация со словом авиатор — профессия летчик: *авиатор* — «специалист по управлению, вождению и обслуживанию летательных аппаратов» [Ожегов]; «лицо, занимающееся авиацией, летчик» [Ушаков]. Сам автор в аннотации к книге формулирует следующее определение: «авиатор — это человек, способный оторваться от земли» [Водолазкин 2018]. По ходу произведения читатель постепенно приходит к понимаю смысла данного толкования: авиатор — это не только тот, кто имеет образование и получил соответствующую профессию, это любой человек, способный мечтать, создавать мысленный образ желаемого, стремиться к нему сначала в мечтах, а затем и воплощать его в жизнь.

С первых страниц слово *авиатор* крутится у героя произведения Иннокентия Платонова в голове. Главный герой просыпается в больнице и начинает по крупицам восстанавливать события своей жизни. Первое его воспоминание связано с детской игрой, когда герой воображает себя авиатором. Очевидно, что эта профессия завораживала его с ранних лет. Как видим, в этом эпизоде романа лексема *авиатор* употреблена в прямом значении.

По ходу повествования читатель узнает, что герой родился в XX в., когда жили и поэты Серебряного века. С одним из них — Александром Блоком — Иннокентий Платонов хочет поговорить, вспоминая при этом его стихотворение «Авиатор». Как отмечают исследователи, это стихотворение начинается с размышлений поэта о красоте полета, в конце повествования человек остается один, высоко в небе, наедине с собственными размышлениями: вокруг лишь воздушная бездна, помогающая обрести внутренний покой [Соляр 2017: 26]. И А. Блок, и Иннокентий становятся свидетелями смерти летчика на авиационном представлении. Но в отличие от этого авиатора, главный герой романа получает второй шанс, словно авиатор, перелетая из начала XX в. в конечные годы этого столетия. Размышляя о своей судьбе и истории, Иннокентий, как авиатор в кабине самолета, видит закономерности, незаметные вблизи, при первоначальном восприятии событий.

Из этих эпизодов и описания событий становится ясно, что авиатор — это человек, способный перемещаться во времени и пространстве, осуществляющий невозможное для обычного человека. Как летчик наблюдает явления, недоступные обыкновенным людям, так и авиатор способен осмыслить жизнь «с высоты птичьего полета», при этом ему становятся понятны сложные законы человеческого бытия.

В конце романа приведен эпизод, в котором неизвестный авиатор пытается взлететь в поле. Несмотря на отсутствие взлетной полосы, кочки и выбоины на земле, он «*взлетел. И не было для него больше ни кочковатого поля, ни смеющихся зрителей — предстали небо… и пестрая, словно лоскутная, земля под крыльями… С каких-то пор эта картинка видится мне символом надлежащего течения жизни*» [Водолазкин 2018: 345]. Для героя *кочки* — это жизненные трудности, *взлетная полоса* — жизненный путь, который он анализирует и в то же время ищет ту «кочку», которая когда-то помешала ему взлететь. В данном контексте происходит актуализация еще одного семантического компонента значения лексемы *авиатор*: чтобы прожить полноценную жизнь, каждый человек должен стать авиатором, только такая жизнь, по мнению автора, может стать «надлежащей», то есть истинно духовной.

Сам Иннокентий смог взлететь в прямом смысле этого слова, но при этом он сидит в самолете, который не может приземлиться. В этой ситуации Платонов упоминает слово *авиатор* во время диалога со своим соседом: «*Всегда найдется тот, чей обзор достаточно широк*» [Водолазкин 2018: 409]. Следовательно, авиатор для Е. Г. Водолазкина — это человек с широким кругозором и нешаблонным мышлением, тот, кто имеет возможность охватить взором, обозреть какое-то условное пространство жизненных закономерностей, недоступное простым смертным.

Герой так и не смог стать частью нового времени, а свою эпоху он по крупицам создает в воспоминаниях, которые в совокупности отражают саму суть описываемого временного периода. Такое объемное и многогранное понимание мира доступно только авиатору: он «взлетел над смертью и временем, стал полностью свободен и независим от тягостей и трудностей эпохи. Взлетел, подобно птице. Подобно авиатору» [Соляр 2017: 27]. Таким образом, для автора авиатор предстает как человек абсолютной свободы духа, то есть человек, основой духовной жизни которого является независимость от любого политического и экономического гнета, от каких-либо стеснений и ограничений; испытывающий состояние душевной независимости от других людей; не имеющий традиционных, связывающих его дух и деятельность запретов и ограничений; избавленный от всего стесняющего, связывающего его, тяготеющего над ним в психологическом плане; обладающий возможностью проявить собственные волевые усилия и поступки в условиях осознания истинных законов развития природы и общества; испытывающий легкость, а также естественный и непринужденный в своих проявлениях, как птица в полете.

Итак, контекстологический анализ развернутой на протяжении всего романа метафоры, вынесенной в заглавие лексемой *авиатор,* позволил обобщить возникающие на протяжении романа основные контекстуальные актуализации смысловых компонентов этого слова: профессия, связанная с управлением летательных аппаратов; человек, которому свойственно многогранное видение мира и исторических событий, который способен увидеть закономерности, недоступные другим людям.

Источники

Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. URL: https://slovarozhegova.ru/ (дата обращения: 10.11.2024).

Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. URL: https://ushakovdictionary.ru/ (дата обращения: 10.11.2024).

Литература

Водолазкин Е. Г. Авиатор: роман. М.: АСТ, 2018.

Соляр Е. О. Поэтика заглавия романа Евгения Водолазкина «Авиатор» // Поиск. 2017. № 2 (7). С. 24–28.

Генералова Елена Владимировна

канд. филол. наук, доцент, научный сотрудник,
Санкт-Петербургский государственный университет;
elena-generalova@yandex.ru

К ПРОБЛЕМЕ ИДЕОГРАФИЧЕСКОЙ СИСТЕМАТИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Ключевые слова: идеографическая классификация, русская фразеология: неологизм, лексикография.

Идеографический (смысловой) подход высоко востребован в современной антропоцентрической парадигме лингвистики. Понятийная систематизация фразеофонда имеет существенную специфику на фоне идеографирования лексики в связи с избирательностью фразеологии, а также неоднозначностью понимания ее объема. В основе настоящего доклада лежит работа в составе группы по составлению «Идеографического словаря русской фразеологической неологии (1980–2020-е гг.)», цель которого — отразить динамические процессы в языке и мышлении российского общества последних десятилетий (см.: [Мокиенко 2024]). Объем словаря — около 8 000 устойчивых словосочетаний (УС), возникших в русском языке в конце XX — начале XXI в.

В отечественной фразеографии есть определенный опыт создания идеографических фразеологических словарей и ведется серьезная исследовательская работа в этом направлении (подробнее [Баранов, Добровольский 1922]), но следует подчеркнуть, что объектом исследования является прежде всего идиоматика. Особенность представляемого в настоящей работе словаря — описание широкого круга устойчивых словесных комплексов: это и УС, обладающие экспрессивной функцией, т. е. традиционные фразеологизмы, и номинативные УС (перифрастика, терминосочетания). Эти два типа отражают состояние неологики: с одной стороны, фонд УС обогащается за счет обозначения новых явлений (напр., в сфере развития компьютерных технологий), с другой стороны, фразеология активно пополняет экспрессивные ресурсы языка (напр., возникают такие выражения, как *денег не печатаю, (не) по феншую, запасной аэродром*).

В основу выделения тематических рубрик представляемого словаря положен понятийный (смысловой) критерий, и в этом отношении мы согласны с В. Н. Телией, определяющей денотативный аспект значения, а именно, его компонент, соотносимый с типовым представлением, как основание идеографической классификации фразеологизмов [Телия 1996: 157]. Также учитывалось основное категориальное значение единиц, в соответствие с которым выделялись обозначения действий, лиц, предметов, состояний, характеристик, ситуаций и т. п. Дополнительно принимался во внимание количественный параметр и тип устойчивого сочетания (фразеологические единицы, эквивалентные слову, ответные реплики, терминосочетания, паремиологические высказывания); в отношении идеографического сопоставления разных типов устойчивых сверхсловных языковых единиц важное методологическое значение имеет работа [Рахилина и др. 2022]. При осуществлении идеографической классификации материала использовались методы компонентного анализа, словарных дефиниций, выделения ключевых слов, когнитивного и идеографического моделирования. Тематические рубрики выделялись при одновременном анализе материала снизу вверх (определение смыслового макрокомпонента фразеологических неологизмов и формирование рубрик по этому компоненту) и сверху вниз, по ономасиологическому принципу (подбор, поиск УС в соответствие с заголовком темы по словарным дефинициям). При формировании общего списка тематических рубрик словаря была использована классификация «Словаря фразеологических синонимов русского языка» Бириха А. К., Мокиенко В. М., Степановой Л. И. как типология, учитывающая избирательность отражения действительности фразеологическим фондом. Эта классификация была дополнена идеографической классификацией номинативных УС (коррелирует с семантической типологией лексики) и актуализирована в соответствие с собранным материалом (фразеологическая неология).

Заголовки выделенных с учетом понятийного критерия рубрик, даются в виде однословных номинаций (БЛИЗКО) или набора ключевых слов (АРЕСТОВЫВАТЬ/АРЕСТОВАТЬ, ТЮРЕМНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ). Однословные номинации различны по частеречной принадлежности в зависимости от того, понятие какой категории является ведущим для объединения: см. БОЛТАТЬ; МЕТРОПОЛИТЕН; АКТИВНЫЙ; МНОГО). При отсутствии четкого разграничения УС с разным грамматическим категориальным значением объединяются; нередко объединение прилагательных и качественных наречий (БЫСТРЫЙ, БЫСТРО), глаголов и отглагольных существительных (КУРИТЬ, КУРЕНИЕ). Некоторые рубрики обозначаются синонимическими рядами или перечислением смежных понятий: напр., БЕССОВЕСТНЫЙ, НАГЛЫЙ, НАХАЛЬНЫЙ; БИТЬ/ИЗБИТЬ (ПОБИТЬ), ДРАТЬСЯ/ПОДРАТЬСЯ, УДАРЯТЬ/УДАРИТЬ. На настоящий момент тематический рубрикатор словаря насчитывает более 600 рубрик. Часть рубрик является исключительно перифрастическими (ПОЛЕЗНЫЕ ИСКОПАЕМЫЕ; АВИАЦИЯ), часть — содержит только традиционные фразеологические единицы (БЕЗДЕЛЬНИЧАТЬ, МНОГО), наиболее же сложными по структуре и, как правило, содержащими значительное количество единиц, являются рубрики смешанного характера (ДЕНЬГИ; КОСМОС).

В идеографической классификации важны соотношения, особую роль приобретают отсылки. А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский подчеркивают, что сама семантика фразеологии предопределяет ее организацию «не по иерархическому, а по сетевому принципу» [Баранов, Добровольский 2022: 40]. Номинативные же УС группируются как раз преимущественно по иерархическому принципу, и сочетание этих двух типов организации предопределяет специфику идеографической матрицы словаря. Анализ продемонстрировал различные варианты соотношения рубрик:

- x = y (выделенные тематические рубрики обнаруживают совпадение по значению, в этом случае они объединяются в единую рубрику с отсылкой на месте синонимичных: НАХАЛЬНЫЙ см. НАГЛЫЙ);
- x ⊂ y (одна тематическая рубрика является частью другой: при гиперо-гипонимических отношениях используется помета *см.*: ЦИРК см. КУЛЬТУРА, как и при других подчинительных отношениях: НАУДАЧУ см. УДАЧА, ВЕЗЕНИЕ);
- x ∩ ⊂ (разные рубрики обнаруживают частичное понятийное совпадение и связываются в этом случае отсылкой *ср.*: МНОГО ср. ВДОВОЛЬ).

Структурирование семантического пространства современной фразеологии дает возможность исследовать специфику фразеонеологики и получить представление о менталитете носителя современного русского языка, отражением которого становится сам набор тематических рубрик словаря.

Литература

Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Русская фразеология в идеографическом представлении // Современное развитие славянской лексикологии и лексикографии. Международная коллективная монография / отв. ред. М. И. Чернышева. М.: Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, 2022. С. 38–49.

Мокиенко В. М. Идеографическая картина современной фразеологической неологии // LII Международная научная филологическая конференция имени Людмилы Алексеевны Вербицкой: сб. тез. СПб., 2024. С. 1517–1518.

Рахилина Е. В., Жукова В. А., Демидова Д. А., Кудрявцева П. С., Розовская Г. П., Эндресен А. А., Янда Л. А. Фразеология в ракурсе «Русского конструктикона» // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. 2022. № 2. С. 13–45.

Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (проект № 23-18-00141).

Зайцева Ирина Павловна

д-р филол. наук, зав. кафедрой мировых языков,
Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, Беларусь;
irinazaj91@mail.ru

СИСТЕМА ОККАЗИОНАЛИЗМОВ КАК КОМПОЗИЦИОННО-СМЫСЛОВАЯ ОСНОВА ЛИРИЧЕСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Ключевые слова: индивидуально-стилистическая манера, авторский неологизм, система окказионализмов, композиционная функция, эпифора.

Словотворчество художников слова — прежде всего поэтов, а также создателей литературно-художественных произведений в рамках других родов литературы — всегда отражает своеобразие авторского мировидения и мироощущения, свидетельствуя о явно присутствующих в почерке поэта индивидуально-стилистических особенностях. Авторские окказиональные новообразования — создаваемые авторами с определёнными целеустановками производные слова, обычно существующие только в рамках конкретного контекста — при постижении смысла произведения, его интерпретации заслуживают безусловного, нередко — первоочередного, внимания исследователей, поскольку эти речевые единицы «обладают повышенной выразительностью в силу своей необычности на фоне канонических, нормативных образований. Они, как правило, экспрессивно окрашены» [Бельчиков 2003: 283].

В поэтическом дискурсе Юнны Мориц, будучи включённым в разные произведения, неоднократно встречается авторский неологизм ***чувствознание*** (среди этих произведений — «На ветвях чувствознания, в трепете этой листвы…»; «Чувствознание иносказаний»; «Сегодня запад кровожадной русофобщины…», где данный окказионализм функционирует как имя собственное (*всем Чувствознанием святой необходимости*) и ряд других), что позволяет отнести его к окказионализмам, наделённым в творчестве поэтессы особой значимостью.

Рассматриваемый окказионализм, при создании которого использован один из морфологических способов — сложения основ имён существительных при помощи соединительной гласной — образован от двух существительных с абстрактным значением: *чувство* и *знание*, которые обозначают два *разных по характеру* способа освоения человеком окружающего мира. Их объединение в одной номинации, среди прочего, позволяет акцентировать внимание на особенностях мировидения и мироощущения, которые характерных прежде всего для творческих личностей, у которых многие процессы, связанные с интеллектуальной деятельностью в процессе создания произведений (в нашем случае — словесно-художественных, осуществляются на подсознательном уровне. В результате неоднократного введения в поэтические тексты, данный окказионализм приобретает в творчестве Юнны Мориц различные функции, основные из которых могут быть проиллюстрированы стихотворением «Я не хочу, чтоб вы меня любили…», опубликованным в авторском блоге поэтессы в рубрике «Не для печати» в одном из «мгновеников» (окказионализм, созданный Ю. Мориц для обозначения жанровой формы, где она размещает свои произведения, сопровождая их собственной интерпретацией) под названием «Про зрение прозрений» [Юнна Мориц. Авторский блог]. Это стихотворение поэтессы, как и многие произведения последних лет, направлено против одного из самых позорных явлений, к сожалению — довольно распространённом в современном обществе, которое её лирические герои, безусловно воплощая при этом позицию автора, категорически отвергают: явления *русофобии*.

Определяя отношение Ю. Мориц к созданию и введению в стихотворные произведения авторских новообразований, необходимо отметить ещё одну из характерных для индивидуально-стилистической манеры поэтессы особенность: нередко в её стихотворениях функционирует *несколько* окказионализмов, как правило, объединяющиеся в поэтическом тексте в *систему* (*системы*), наделяемую рядом функций. Одна из таких окказиональных систем, состоящая из дериватов словообразовательного гнезда «русофоб», которая к тому же взаимодействует

в стихотворной структуре с ещё несколькими авторскими неологизмами, проанализирована в одной из наших работ [Зайцева 2024].

В стихотворении, рассматриваемом в настоящей публикации, также функционирует несколько *взаимодействующих* в поэтическом тексте авторских неологизмов, ключевым из которых видится именно номинация *чувствознание*: эта номинация — в составе выражения *для* ***чувствознания*** *времён в моей струне* — **трижды** употребляется в композиционно значимых участках текста: в начальной и заключительной строфах, а также в IV-й строфе шестистрофного стихотворения (ввиду ограниченности объёма публикации далее приводятся лишь начальная и заключительная строфы):

Я не хочу, чтоб вы меня любили,
Слону дробина — ваша ненависть ко мне,
И ваша роскошь, изобилье — куча пыли
Для ***чувствознания*** *времён в моей струне.*
…
Отсталинградит *вашу ненависть к России,*
Где наше место — в глубине моей, во мне,
В священной вере и в священных смыслов силе –
Для ***чувствознания*** *времён в моей струне* (выделено мною. — *И. З.*).

Будучи употреблённым в «сильных» для восприятия стихотворного текста позициях (*начало* и *конец* произведения) и к тому же повторенным в середине поэтической структуры, означенное выражение, включающее очевидно экспрессивный компонент — окказионализм, безусловно, выполняет и композиционную функцию, которая становится ещё более выраженной в результате введения всех трёх употреблений в стилистическую фигуру — *эпифору*. Помимо этого, вторая из процитированных строф иллюстрирует взаимодействие в стихотворной структуре двух *разноплановых* авторских новообразований: ***отсталинградит*** (окказионализм, образованный от топонима *Сталинград*) и ***чувствознание***, — что не только ожидаемо способствует повышению экспрессивности текста, но и образно конкретизирует оценку наблюдаемого лирическим героем (ненависть к России).

Глагол-окказионализм ***отсталинградить*** употребляется в стихотворении **дважды**; помимо этого, в нём функционируют такие характерные для творчества Ю. Мориц окказиональные образования, «концентрирующие» негативную оценку того, что её лирические герои категорически не принимают в нынешней действительности, как ***гитлерьё*** (образование от прецедентного имени собственного Гитлер; употреблено дважды) и ***русофобщина***.

Все отмеченные новообразования, функционируя во взаимодействии и в большинстве своём будучи компонентами стилистических фигур и/или тропов, придают поэтическому произведению не только явную авторскую индивидуальность, точнее — уникальность, но и обеспечивают высокую степень реализации в стихотворении воздействующей функции, что для лирики гражданственной направленности является приоритетом.

Литература

Бельчиков Ю. А. Оказионализмы // Русский язык. Энциклопедия / под ред. Ю. Н. Караулова. М.: Большая российская энциклопедия, 2003. С. 283–284.

Зайцева И. П. «Фронтовая» поэзия Юнны Мориц // Крылья. Взмах девятнадцатый: литературно-художественный альманах. Луганск: Пресс-экспресс, 2024. С. 308–319.

Юнна Мориц. Авторский блог. URL: http://www.owl.ru/morits/ (дата обращения: 12.01.2025).

Касатова Софья Александровна

лаборант-исследователь, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина;
skasvv@mail.ru

ВИРУСНЫЙ: ЛЕКСИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СКОРОСТИ КАК КЛЮЧЕВОГО ЯВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ

Ключевые слова: неологизм, семантическая деривация, социальная лексика, лексикография.

Современный этап развития языка характеризуется стремительным появлением новых слов и выражений. Одной из активно пополняемых является тематическая группа лексики, называющая феномены цифровой сферы. Такие номинации, как *цифровая демократия, цифровой полицейский, электронный авторитаризм, вирусное видео* и другие неологизмы называют новые явления социальной действительности. Для неологизмов характерны такие черты, как новизна, связь с текущими реалиями и массовость, то есть использование широким кругом носителей. Важной характеристикой цифровой среды стала скорость распространения информации, маркируемая прилагательным *вирусный*, в сочетании с другими словами (*вирусный маркетинг, вирусный ролик, вирусная реклама, вирусная атака, вирусная угроза* и др.) отражающим реалии цифровизации, в условиях которой скорость передачи данных становится ключевым явлением нашей эпохи и фактором успеха.

В XXI в. путем семантической деривации, являющейся естественным механизмом языковой эволюции, при котором существующие слова получают новые смыслы путем изменения или расширения значения известных слов, появились две новые лексемы. *Вирусный* как термин информационно-компьютерных технологий ‘относящийся к компьютерной программе, целью которой является встраивание своей копии в другую компьютерную программу для управления ей и лишения компьютера способности нормально функционировать’ [Щетинина и др. 2024: 112] и *вирусный* как характеристика маркетинговых инструментов, используемых в сфере интернет-коммуникации ‘быстро распространяющийся в интернет-пространстве благодаря передаче информации от одного пользователя к другому’ [Щетинина и др. 2024: 113].

Оба прилагательных имеют сходные семантические характеристики: их значения связаны с интернет-коммуникацией, передачей информации, и они продуктивны с точки зрения образования новых оборотов, ряд из которых уже приобрел устойчивый характер. Так, прилагательное *вирусный* в первом значении образует фразеологические выражения: *вирусная атака, вирусная угроза, вирусная активность, вирусная бомба* и др. Во втором значении *вирусными маркетинг, вирусное видео, вирусная реклама* и др.

Новые значения прилагательного *вирусный* в русском языке сформировались благодаря развитию социальных сетей и интернет-СМИ, которые стали платформами для выражения эмоций, обмена опытом и активного профессионального и частного взаимодействия между людьми. Электронные ресурсы обеспечивают мгновенное распространение информации, привлекая внимание миллионов пользователей, что увеличивает количество быстро распространяемой информации. Данное явление получило отражение в языке. Так, *вирусными* становятся:

- информация, быстро распространяющаяся в интернет-пространстве благодаря передаче от одного пользователя к другому: *вирусный контент, вирусная информация, вирусная игра, вирусная история, вирусное видео, вирусный ролик, вирусный сериал, вирусная рассылка;*
- технология распространения информации: *вирусный маркетинг, вирусное продвижение, вирусная технология, вирусный механизм, вирусный эффект*;
- эмоциональная реакция пользователей интернет-ресурсов: *вирусное настроение, вирусное подражание*.

Прогресс цифровых технологий сделал процесс передачи информации более доступным, однако данная открытость и снижение уровня критического восприятия информации создают предпосылки для увеличения распространения компьютерных угроз в цифровой среде. Негативное компьютерное воздействие на пользователей интернетом также получило разные названия, которые имеют устойчивый характер в силу и терминологичности, поскольку они называют феномены сферы информационной безопасности:

- интенсивное распространение вредоносных компьютерных программ: *вирусная активность, вирусная угроза, вирусная бомба, вирусная война, вирусная программа, вирусное ПО, вирусное программное обеспечение*;
- специалист, занимающийся анализом и обнаружением компьютерных вирусов и других вредоносных программ: *вирусный аналитик*.

В то же время наличие угрозы обусловливает необходимость противодействия, что получило отражение в языке посредством присоединения префиксоида *анти — антивирусный*: *антивирусная защита, антивирусная лаборатория, антивирусная программа, антивирусное программное обеспечение, антивирусное ПО; антивирусные продукты, антивирусный разработчик, антивирусный софт*.

Таким образом, в XXI в. прилагательное *вирусный* приобрело новое значение, которое описывает быстрое и массовое распространение того, что несет угрозу и может навредить, либо того, что полезно для человека. Однако в том и другом случае в основу нового смысла было положено сходство между высокой скоростью репродукции вирусов в биологии и темпами распространения информации в цифровой среде. При этом для номинации новых феноменов цифровой коммуникации используется давно известное носителю русского языка слово. Семантическая деривация как продуктивный способ появления новых значений позволила слову *вирусный* выйти за пределы медицинской терминологии и закрепиться в тематической группе «Цифровизация».

Источник

Щетинина А. В., Леонтьева Е. В., Касатова С. А. Толковый словарь русских неологизмов. Часть 1. Институциональная лексика: словарь. Екатеринбург: Ажур, 2024.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (проект № 24-28-01530).

Козловская Наталия Витальевна

д-р филол. наук, профессор, вед. научный сотрудник,
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена;
mnegolosbyl@gmail.com

О ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ «СЛОВАРЯ НОВОЙ РУССКОЙ ЛЕКСИКИ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА»

Ключевые слова: неологизм, русский язык начала XX в., зона неологической активности, аффиксоид, словник, словарь.

В докладе представлена качественная и количественная характеристика лексики, отобранной в словник проектируемого «Словаря новой русской лексики первой трети XX века» из «Толкового словаря русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова и незаконченного академического «Словаря русского языка» под ред. Н. С. Державина (1929–1937 гг.).

Цель темы, разработка которой начата в Институте лингвистических исследований РАН, — словарное и аналитическое описание русского языка 1910–1930-х гг.: периода, оказавшегося лексикографически не описанным в традиции академической толковой лексикографии. Основной задачей проекта является разработка концепции и подготовка «Словаря новой русской лексики первой трети XX века».

Актуальность предлагаемой к решению проблемы обусловлена двумя основными факторами. Это, во-первых, ярко выраженный характер процессов, происходящих в лексико-семантической системе русского языка первой трети XX в., а во-вторых, отсутствие целостного лексикографического описания русского языка этого периода.

В докладе охарактеризованы процессы первой трети XX в., которые позднее вышли за рамки этого времени и во многом предопределили дальнейшее развитие лексико-семантической системы: рост новообразований, формирование нового идеологического дискурса и лексикона, появление новых терминологических систем, переосмысление широкого круга слов с точки зрения мировоззренческой позиции, возникновение новых соотношений нейтральных и стилистически окрашенных лексических единиц.

Описан первый этап работы по составлению словника: извлечение лексических единиц из лексикофиксирующих текстов. Важным источником информации о лексических новациях послеоктябрьского времени является Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова, в котором новообразования маркированы пометой нов. — новое. Выборку всех слов с пометой *нов.* осуществил и опубликовал Е. А. Левашов, обозначив объект описания как «лексические приобретения за период от первой до второй мировых войн», «индекс неологизмов 1910–30 гг.» [Левашов 1990: 107].

Оцифрованный список, выверенный и уточненный, содержит более 1800 единиц, в числе которых: новые слова (*аллилуйщик, аэрарий, дирижабельный, отоваривать, просвещенец*); новые значения старых слов (*беднота* 3 ’социальная группа малоимущих хозяев-крестьян’ (*нов. социол.*), *бедняк* 2 ’человек, входящий в состав деревенской бедноты’ (*нов. социол.*), *волчёнок* ‘младший октябренок’ (*нов. школьн. арго*), *поток* 3 ’конвейерная система производства’ (*нов. спец.*), новые устойчивые сочетания (*вредный элемент*, *живая газета*, *генеральная линия партии*); новые сложносокращенные образования (*актеатр*, *военмор*, *военрук*, *врид* (временно исполняющий должность), *комчванство*, *рик*).

Для выявления зон неологической активности изучаемого периода очень важны первые и вторые части сложных слов — аффиксоиды, которые можно использовать для добора лексики по другим источникам: периодика, художественная, научная литература: авиа-, авто-, ак-, гос-, жил-, парт- и мн. др., всего в выборке представлено 50 аффиксоидов.

Установлено, что помета *нов.* при развертывании семантики слов в словаре сочетается с другими пометами, как правило, указывающими на принадлежность слова к профессиональным сферам. Из 65 помет такого типа наиболее часто в комбинации с пометой *нов.* использу-

ются пометы: *авиац.* (авиация и воздухоплавание) 27 слов, *полит.* (политика) 61 слово, *социол.* (социология) 9 слов, *с.-х.* (сельское хозяйство) 41 слово, *тех.* (техника) 34 слова.

Сгруппированные компактно и отдельно, новые слова и словосочетания, извлеченные из Словаря Ушакова, составляют значительную часть русской неографии. Однако анализ выборки свидетельствует о том, что словарь не отразил огромного количества значимых лексических новаций: основные понятия русской религиозной философии, язык русского космизма, язык русского авангарда, поэтический язык серебряного века. Убедительной иллюстрацией может служить слово *ноосфера*, которое впервые (по данным НКРЯ) появилось в 1926 г.: несмотря на концептуальную значимость стоящего за ним понятия, слово — по известным причинам — в словарь не попало.

Вторым лексикографическим источником словника проектируемого словаря является незаконченный академический «Словарь русского языка» под ред. Н. С. Державина (1929–1937 гг.), работа над которым по политическим причинам была прекращена в 1937 г. Это материалы к словарю, отличающиеся фрагментарностью (томов на многие буквы нет) и непоследовательностью отражения нового лексического материала, что создает объективные сложности использования этого словаря в качестве базового источника исследовательской филологической выборки.

Количественную оценку выборки на данном этапе дать сложно, число выбранных слов разнится по выпускам. В 1 томе первого выпуска А—Ажно содержится огромный массив новой лексики — это гнезда слов с первой частью *авиа-* (127 заголовочных слов), *авто-* (170 слов), *агит-* (91 слово) и *агро-* (122 слова). В выпусках, не содержащих неологизмов-композитов, новых слов существенно меньше: так, из 1 выпуска 5 тома Д—Даятельный первоначально извлечено 46 слов, однако после проверки осталось 18.

Важной особенностью словаря является включение большого количества речевых и авторских новообразований, еще не укоренившихся в языке: это окказионализмы Демьяна Бедного *аагит-еврей, агитзвон, агит-иерей, агитмагометанин* и некот. др.

В докладе показана техника т.н. добора, при помощи которой осуществляется поиск слов с целью дополнения словника, составленного по лексикографическим источникам. Например, обследование баз данных и картотеки ИЛИ РАН позволило увеличить количество слов с первой частью *агит-* с 91 до 136.

Создание словника — первый этап работы над проектом, который призван восстановить исторически объективную картину формирования словарного состава русского языка и реконструировать неологические процессы 1910–1930-х гг. XX в.

Источники

Левашов Е. А. «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова. Слова с пометой *новое* // Новые слова и словари новых слов / ред. Н. З. Котелова. Л.: Ин-т рус. яз. Акад. наук СССР, 1990. С. 106–131.

Словарь русского языка, составленный Комиссией по русскому языку Академии наук СССР. Т. 1: А — Ажно. Новое переработанное и дополненное издание. Вып. 1. Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1932. II стр. + 224 стлб.

Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Терра, 1996.

Козловская Наталия Витальевна[1], Губернская Татьяна Владимировна[2], Кузьмина Алла Васильевна[3]

[1]д-р филол. наук, профессор, вед. научный сотрудник, Институт лингвистических исследований РАН; mnegolosbyl@gmail.com
[2]канд. филол. наук, доцент, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена; goubernskaya@mail.ru
[3]канд. филол. наук, доцент, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена; kouzmina.a.v@mail.ru

ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ТИПОЛОГИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ

Ключевые слова: типы лексических значений слова, фразеологически связанное значение, компонент фразеологизма, лексически связанное значение, лингвометодический аспект.

В докладе ставится проблема лингвометодической интерпретации темы «Типы лексических значений» в университетском курсе лексикологии. Актуальность проблемы обусловлена существованием множества разных подходов к типологии значений, недостаточной ясностью семантических оснований бинарных классификаций, интерпретирующих классическую типологию В. В. Виноградова, наличием дискуссионных вопросов в определении типов значений. Авторы критически оценивают отход от типологии лексических значений, принадлежащей В. В. Виноградову, поскольку в ней преодолен атомарный подход к лексике и выявлены системные признаки лексического значения: номинативные, парадигматические, синтагматические и ассоциативно-деривационные.

В основу классификации В. В. Виноградова легли следующие аспекты: номинативный, семасиологический (парадигматический) и функциональный. Номинативный аспект обусловлен связями значения с предметами, процессами и явлениями действительности. Семасиологический аспект — это, по выражению автора, тот «фон лексико-семантической системы языка» [Виноградов 1977: 164], который определяет тип значения. Для В. В. Виноградова главным критерием выделения основных типов было положение слова в синонимической парадигме. Функциональный аспект связан с особенностями функционирования значения в конкретном акте коммуникации, со способами сочетания слов и значений в речи, с количеством потенциальных синтагматических партнеров у слова в определенном значении.

В научной и методической литературе представлено два пути решения проблемы: сохранение небинарного подхода с делением типов лексических значений на основные и дополнительные и перевод типологии в бинарную классификацию с четким противопоставлением типов по одному системному признаку.

В докладе обосновывается тезис о том, что бинарные типологии, интерпретирующие классификацию Виноградова, не учитывают взаимодействия линейно противопоставляемых признаков в конкретных значениях, а также прямой направленности типологии значений на лексикографическую практику. Высказывается предположение о целесообразности определения типов значения не изолированно, а в составе лексико-семантической структуры слова, отраженной в толковом словаре.

Уязвимость линейного противопоставления рассматривается на материале словарных статей. В бинарной классификации свободные и несвободные значения разведены только по одному признаку, тогда как «объемная» типология Виноградова позволяет противопоставить значения по нескольким комплексным, системным признакам. Например, первое и второе значения глагола *слизать* в МАС противопоставляются по нескольким параметрам: место в синонимическом ряду, сочетаемость, стилистическая окраска; первое значение является опорным

членом синонимического ряда, оно номинативное, свободное; второе же — номинативное-производное (на это указывает помета *перен.*), несвободное (фразеологически связанное, на что указывает часть толкования ‘об огне, воде’) и экспрессивно-синонимическое (на что указывает помета *разг.*) [МАС, IV: 137]. Анализ словарной статьи отражает сложность типологии и ее прямую направленность на задачи лексикографии, главной из которых Виноградов считал именно создания словарных дефиниций, отражающих многоаспектное, многопризнаковое противопоставление значений одного слова.

В докладе ставится проблема смешения фразеологически связанных значений и компонентов фразеологических оборотов (валаамова ослица, кромешная тьма, кромешный ад и др.), связанная с нарушением синхронического подхода к типам лексических значений.

Показано, что ряд противоречий в учебной интерпретации типов лексических значений обусловлены неучетом развития концепции В. В. Виноградова в современной лингвистике. В докладе подробно охарактеризован и проиллюстрирован введенный Н. Е. Сулименко в 80-е гг. XX в. тип лексически связанного значения, являющийся промежуточным между свободно-номинативным и фразеологически связанным: слово в этом значении сочетается с ограниченным кругом слов, соотносимых по смыслу и входящих в одну парадигму [Сулименко 1985]. Проанализированы различные дискурсивные практики лексикографического представления этого типа значения в толковым словарях. Графическим показателем лексической связанности являются скобки, в которых указываются слова, относительно которых ориентировано значение. Это указание может осуществляться по-разному: с помощью незакрытого (реже — закрытого) перечисления (о стихе, песне и т. п.; о цвете, красках и т. п.; о языке, литературном произведении, сценической игре и т. д.; о голосе, звуках), указания на тематическую группу одного ключевого слова: о свете, о растениях, о человеке.

Авторами сформулированы следующие подходы к преподаванию типологии значений: обязательная дифференциация значений на основные и дополнительные, опора на классическую «небинарную» концепцию В. В. Виноградова, учёт тесной связи лексикологии и лексикографии, рассмотрение типов значений в составе сложной семантической структуры многозначного слова.

В заключительной части доклада охарактеризована система вопросов и заданий по теме.

Источник

МАС — Словарь русского литературного языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1981–1984.

Литература

Виноградов В. В. Лексикология и лексикография: избранные труды. М.: Наука, 1977.

Сулименко Н. Е. Типы лексических значений глагола в аспекте лексико-синтаксической координации // Проблемы лексико-синтаксической координации: межвузовский сборник научных трудов. Л.: Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена, 1985. С. 117–126.

Кочергина Кристина Сергеевна
канд. филол. наук, ст. преподаватель,
Томский государственный университет;
tinakochergina@gmail.com

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА С. И. ОЖЕГОВА В КАЧЕСТВЕ ИСТОЧНИКОВ ДЛЯ ЛИНГВОЭКСПЕРТНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Ключевые слова: толковый словарь, Ожегов Сергей Иванович, Шведова Наталья Юльевна, лингвистическая экспертиза.

При проведении лингвоэкспертных исследований принято обращаться к таким источникам, как словари разных типов, но в первую очередь — к толковым (нормативным) словарям современного русского языка (что отмечает ряд исследователей, например Л. П. Крысин), среди которых особое место занимают академические издания ввиду своего соответствующего статуса, будучи известными и доступными не только и не столько для узких лингвоэкспертного или чуть шире — лингвистического кругов, но для самого широкого круга читателей, а также будучи на постоянной основе переиздаваемыми, то есть проверенными, исправляемыми и дополняемыми новыми данными.

Таковыми являются и «Словарь русского языка» (далее — СРЯ) С. И. Ожегова, который впервые издан в 1949 г. и переиздание которого продолжается до настоящего времени, а также который с 1992 г. издаётся как «Толковый словарь русского языка» (далее — ТСРЯ) под авторством С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой. Последний наиболее часто применяется в лингвоэкспертной практике (по наблюдениям, которые сделал так же Н. Д. Голев), а оба данных словаря рекомендуются как наиболее авторитетные для лингвоэкспертных целей не только отдельными исследователями (это точка зрения, которой придерживается в том числе И. А. Стернин), но и целыми лингвоэкспертными сообществами.

Ранее в [Кочергина 2019] рассмотрены теоретические рекомендации, изложенные в находящихся в открытом доступе шести методических изданиях по лингвистической экспертизе, четыре из которых разработаны общественным объединением «Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам» (напр., [Горбаневский 2004; Горбаневский 2006], а два — государственным судебно-экспертным учреждением «Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации», а также по примерам экспертных заключений (в количестве 183 текстов), обнародованным в этих же и в других источниках (которых всего 35 наименований), оценена сложившаяся практика применения словарей в ходе лингвоэкспертных исследований и получены следующие результаты в части, касающейся теории и практики применения СРЯ С. И. Ожегова и ТСРЯ С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой в качестве лингвоэкспертных источников.

Если СРЯ С. И. Ожегова рекомендуется только в одном из шести проанализированных методических изданий и рекомендуется именно 22-е его издание, стереотипное, 1990 г. (при этом оговорено, что на выбор первых его изданий конца 40-х — начала 60-х гг. XX в. накладывается ограничение, поскольку они отражают лексику прошлой эпохи), то ТСРЯ С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (в числе ещё двух других словарей) рекомендуется в качестве словаря-источника (причём основного) в максимальном количестве — в пяти из шести — методических изданий со следующим комментарием: «Именно в этом словаре даны наиболее точные толкования, в нем хорошо представлен современный пласт лексики и словоупотреблений» [Горбаневский 2004: 96; Горбаневский 2006: 107]. В четырех из пяти случаев речь идёт именно о 4-м его издании 1997 г. (как о последнем на момент выхода рекомендаций), а также обо всех последующих стереотипных его изданиях, а также единично упоминается так же 4-е его издание, но дополненное, 2008 г., что обосновывается следующими его характеристиками: объёмом и составом словника (в нём 80 000 общелитературных, а также просторечных, употребительных в книж-

ной и разговорной речи слов и фразеологических выражений), структурой словарной статьи и обращённостью к широкой аудитории.

СРЯ С. И. Ожегова (причём не только его издание 1990 г. издания, как это рекомендовано, но и более ранние (1972, 1975, 1978, 1982, 1984, 1986, 1989), а также более поздние (1993, 2006, 2007, 2009, 2011)) применяется в 25 из 183 проанализированных текстов лингвоэкспертных заключений — в 13,7 % от их числа, а ТСРЯ С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (так же не только 1997, но и следующих годов издания: 1992, 1996, 1999, 2000, 2001, 2003, 2004, 2006) — в 83 из 183, то есть в 45,4 % экспертных заключений. Последний применяется чаще не только первого: именно к ТСРЯ С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, который встречается почти в половине лингвоэкспертных исследований, обращаются чаще, чем к другим словарям (а всего применяется 147 их различных наименований), при этом в 1,5 раза чаще, чем к следующему за ним по частотности применения словарю (а это «Словарь русского языка» в 4-х томах под ред. А. П. Евгеньевой, также известный как «Малый академический словарь», который применяется 53 раза, что составляет 29,0 % случаев).

Более того, обобщение теории и практики проведения лингвоэкспертных исследований показало, что в отношении только одного из словарей — именно ТСРЯ С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой — теоретические и практические взгляды на его применение в качестве лингвоэкспертного источника сходятся.

Также отметим, что рассматриваемые словари рекомендуется и применяются в ходе лингвоэкспертных исследований при решении вопросов по различным категориям дел не только для толкования значений слов и для определения наличия (или отсутствия) экспрессивно-эмоционально-оценочной окраски слова по стилистическим пометам, но и в других целях, например, при установлении наличия (или отсутствия) лингвистических признаков так называемой неприличной формы слова, при разъяснении используемых в текстах лингвистических экспертиз лингвистических терминов, в том числе при их иллюстрировании примерами.

Таким образом, оба данных словаря С. И. Ожегова обоснованно ценятся лингвистами-теоретиками в области лингвоэкспертных исследований и оправданно применяются практикующими лингвистами-экспертами, при этом ТСРЯ С. И. Ожегова в соавторстве с Н. Ю. Шведовой в набольшей степени, что и подтвердил проведённый анализ.

Заключим, что, как нам представляется, данные словари могут и будут рекомендоваться и применяться и далее не только для проведения лингвоэкспертных исследований, но и различных других, теоретических и прикладных.

Литература

Как провести лингвистическую экспертизу спорного текста? Памятка для судей, юристов СМИ, адвокатов, прокуроров, следователей, дознавателей и экспертов / под ред. М. В. Горбаневского. М.: Юридический мир, 2006.

Кочергина К. С. Теория и практика применения словарей в качестве источников для лингвистической экспертизы // Вопросы лексикографии. 2019. № 15. С. 154–173.

Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы: для судей, следователей, дознавателей, прокуроров, экспертов, адвокатов и юрисконсультов / под ред. М. В. Горбаневского. М.: Медея, 2004.

Леонтьева Екатерина Владимировна

лаборант-исследователь, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина;
e.v.leontieva@urfu.ru

НОВОЕ ТЕРМИНОТВОРЧЕСТВО В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ: *БЕСШОВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ*

Ключевые слова: термин, метафора, неологизм, фразеологизм, образовательный дискурс.

С учетом достижений современной лингвистики нельзя не согласиться с тем, что посредством метафоризации в русском языке (как и в других языках) образовано множество профессионализмов [Бузарова 2006: 177]. В то время как в литературе метафоры используются для придания речи персонажа или авторскому повествованию эмоциональности, экспрессии, художественной эстетики, в профессиональной среде они помогают понять суть явления посредством переосмысления абстрактного через конкретное, установления ассоциативных связей между объектами или явлениями.

В языке науки метафора выступает прежде всего в номинативной функции — служит для создания новых наименований терминологического характера. При этом в процессе метафорического переноса автор оценивает определенный набор альтернатив среди свойств рассматриваемых объектов, в результате чего в дальнейшем происходит своего рода «навязывание» выдвинутых для метафорического переноса свойств предмета [Чистюхина 2012: 17].

Особенно востребованными оказались метафорические выражения в институциональных сферах, в общественно-политическом дискурсе, ориентированном на функции воздействия, разъяснения, убеждения людей, не знакомых с профессиональной лексикой. Стандартизация терминологии обусловила обращение к нейтральным, безоценочным образам.

Далее мы остановимся на рассмотрении устойчивого сочетания *бесшовное образование*, которое приобрело статус терминологического на современном этапе развития русского языка.

В настоящее время продолжает укрепляться тенденция к созданию профессиональных неологизмов посредством калькирования. Исследователи отмечают значительную роль заимствования в общем процессе неологизации состава русского языка новейшего периода [Григоренко 2018: 154]. Не стала исключением и коллокация *бесшовное образование*.

Этап 1 — появление коллокации в английском языке.

Впервые данная речевая конструкция возникает в английском языке в 1991 г. в научной статье профессора Л. Кнефелькампа [Knefelkamp 1991: 9]. Словосочетание *Seamless curriculum* (*пер. автора* — бесшовная учебная программа) передает следующее значение: ‘обеспечение единого доступа к образованию путем стирания границ между образовательной и социальной средами — объединение учебной и внеучебной работы’.

В течение последующего десятилетия идея преемственности ступеней обучения преобразуется в проект «seamless education system», предполагающий обеспечение непрерывности образования путем введения в образовательные программы школы, колледжей и университетов стандартов, сближающих их в плане целей обучения и обеспечивающих последовательный облегченный переход с одной ступени на другую (устраняются границы между образовательными уровнями): *A* ***seamless*** *elementary, secondary, and post-secondary* ***education system*** *seeks to increase student access to and success in attaining higher education by integrating the goals of the two existing education systems* (States’ K-16 Education Systems // INFORMATION BRIEF of Minnesota House of Representatives, https://www.house.mn.gov/hrd/pubs/k16educ.pdf, сентябрь 2002).

Этап 2 — появление рус. *бесшовное образование*.

В социально-политическом дискурсе с 2018–2019 гг. коллокация *бесшовное образование* функционирует в текстах, характеризующих образовательные подходы, новые тенденции в сфере образования, при этом в речи актуализируются различные смыслы. Так, в силу новизны и метафоричности термина она находится на стадии становления, так как различные

участники образовательной среды вкладывают в него неодинаковое содержание. Контекстный анализ выявляет своего рода «широкое» и «узкие» значения этого термина в зависимости от «субъекта использования».

На федеральном уровне под этим именем заявлено обучение с едиными подходами, форматами, ценностями и методиками на всех уровнях образования: *Первый зампред комитета Госдумы по науке и высшему образованию Александр Мажуга отметил, что смысл* ***бесшовной*** *системы образования — в единстве и преемственности подходов и методологий при переходе от школы к колледжу и техникуму и далее к вузу* (Трудности перехода: в России создадут ***бесшовную*** систему образования // iz.ru, 2024).

На уровне отдельных образовательных организаций под *бесшовным образованием* подразумевается непрерывный процесс обучения с облегченным переходом между ступенями, при этом сами способы «облегчения», «упрощения» этих переходов разрабатываются на уровне каждой отдельной организации, и такие разработки (модели) могут существенно различаться: *Новый проект* ***бесшовной*** *магистратуры-аспирантуры в Школе ГУиП — это проект научной карьеры «шагом» в 5 лет: в первые два месяца обучения в магистратуре определяется сквозная тема диссертации, назначается единый научный руководитель из ведущей научной школы, предоставляется возможность трудоустройства в ШГУП ассистентом на кафедру или сотрудником в научную лабораторию* (В университете Екатеринбурга внедряют новую технологию управления карьерой талантливых студентов // e1.ru, 2024).

Закреплению выражения *бесшовное образование* способствует ряд факторов, среди которых фоновое расширение спектра значений и сочетаемости слова *бесшовный* в настоящее время, закрепление терминологии в законодательных и исполнительных правовых актах, а также собственно несформированность образовательных практик, выступающих объектом номинации.

Литература

Бузарова Е. А., Сасина С. А. Метафоризация профессиональных фразеологизмов как особый случай вторичной номинации (на примерах английского и русского языков) // Вестник Адыгейского государственного университета. 2006. № 3. С. 176–178.

Григоренко О. В. Неофраземы в современном политическом медиадискурсе // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2018. № 2 (279). С. 151–155.

Чистюхина С. Н. Метафоризация профессиональной номинации как источник возникновения межотраслевой полисемии // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. № 4-2. С. 15–20.

Knefelkamp L. L. The seamless curriculum. CIC Deans Institute: Is this good for our students. Washington, D. C.: Council for Independent Colleges, 1991. P. 2–10.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (проект № 24-28-01530).

Мельничук Виктория Александровна

канд. филол. наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна;
hatikva_gdola@mail.ru

«СВОЕОБРАЗНАЯ ИХТИОЛОГИЯ…»: МЕТАФОРИЧЕСКОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ИХТИОНИМОВ В ТЕКСТАХ ПЕТЕРБУРГСКИХ ГАЗЕТ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА

Ключевые слова: русский язык начала XX в., язык газеты, ихтионим.

Рыба — важный символ в мировой культуре. Аллегорические образы рыб фигурируют в фольклорных текстах и в произведениях художественной литературы (ср. народные сказки, «Повесть о Ерше Ершовиче», произведения М. Е. Салтыкова-Щедрина; ихтионимы в составе антропоцентрических компаративных конструкций в художественных текста XIX–XX вв. подробно рассматриваются в работе [Николина, Петрова 2020]). Ихтионимы входят в состав многих фразеологических единиц и, наравне с другими зоонимами, представляют большой интерес как элемент языковой картины мира народа [Болгова 2021; Смирнова 2009; и др.].

В конце XIX — начале XX в. активно развивался рыбный промысел, рыба была неотъемлемой частью рациона жителей Российской империи. Люди хорошо знали не только названия рыб, но и были осведомлены об их повадках.

«Водная» тематика находила отражение и в городских развлечениях: например, в Дворянском собрании в Петербурге состоялся бал (1891 г.), темой которого было подводное царство. Основанный в Петербурге в 1886 г. зимний сад «Аквариум» задумывался как способ познакомить обывателей с жизнью речной и морской флоры и фауны. Эти события широко освещались городской прессой.

Значимость и одновременно привычность образа рыбы для русского языкового сознания показывает и традиция времен русско-японской войны — давать подводным лодкам названия рыб: «Кефаль», «Сиг», «Бычок», «Палтус», «Плотва» (подводные лодки типа «Осетр»).

В докладе рассматривается употребление ихтионимов в переносном значении на страницах двух массовых газет Петербурга — «Петербургского листка» (ПЛ) и «Петербургской газеты» (ПГ). Метафорическое использование ихтионимов связано с тематическими полями, которые можно условно обозначить как:

1. Внешне- и внутриполитические отношения

Для характеристики участников внешнеполитических отношений используются ихтионимы *акула, щука, карась, ерш.* Следует отметить, что ихтионимы *акула* и *щука* фигурируют во всех выделенных тематических полях, а переносное значение лексемы *акула* нашло отражение в толковых словарях.

Ихтионим *акула,* для употребления которого в переносном значении характерна актуализация ассоциативного компонента ‘*прожорливость*’, используется для обозначения страны-агрессора: *Что касается Англии, то она, на случай каких-нибудь непредвиденных осложнений на Балканском полуострове, выработала уже целую программу захвата более выгодных клочков турецкой империи. В этом случае,* ***Англия изображает собою хорошую акулу и*** *только…* (ПЛ. 1886.09.03). Ихтионим *карась* употребляется для изображения выжидательной стратегии Турции в Первой Балканской войне: ***Турки любят, чтобы их били, как карась, чтобы жарили его в сметане****, но они еще больше любят, чтобы их забирали в плен.* ***Тогда карась прямотаки купается, как сыр в масле.*** (ПГ. 1912.10.16) Комическая метафоризация образа *карася* происходит на основе трансформации выражения *любить ч.-л., как карась, чтобы жарили его в сметане.*

Интересным прецедентом функционирования ихтионима для характеристики внутриполитических отношений — деятельности городской думы Петербурга — является употребление слова *севрюга* [Мельничук 2024]. В петербургской массовой прессе оно обозначало городскую

партию стародумцев, лидера партии и городского голову — И. И. Глазунова (1856–1913) и порядок управления городом, при котором распространялось кумовство, а служебное положение использовалось в личных целях: ср. название карикатуры «*На предвыборной* ***севрюге***» (ПЛ. 1907.04.05); *Как обновленцы воевали с* ***севрюгой*** (ПГ. 1911.10.26). Такое употребление слова *севрюга* обусловлено ставшими известными прессе обедами, которые устраивал И. И. Глазунов и в меню которых входил именно этот сорт рыбы. Для номинации политических оппонентов стародумцев — партии обновленцев — в фельетонах используются ихтионимы, обозначающие мелкую и дешевую по сравнению с севрюгой рыбу: напр., о новом составе городской управы — *образуется любопытное сочетание мелкой* ***корюшки*** *с крупной* ***севрюгой*** (ПГ. 1910.02.18); ***севрюга*** *и* ***ерши*** (ПГ. 1911.10.26).

2. Экономические и служебные отношения

Для характеристики участников деловых отношений используются ихтионимы *акула* и *щука,* в обоих случаях перенос значения связан с метафорическим переосмыслением семы ‘*хищная рыба*’ и ассоциативного компонента ‘*прожорливость*’. Наблюдается более широкая, по сравнению с русским языком XXI в., сочетаемость слова *акула*: *фондовые акулы, квартирная акула, хлебная акула, табачная акула* и др., по аналогии возникает *табачная щука*.

В газетных текстах встречаются сатирические образы крупных дельцов, для создания которых используются «говорящие имена» — *Акула Акулыч Кошельков (варианты: Акула Крокодилович, Акула Обдувалович Живоглотов), Кит Китыч (Кит Китыч Толстобрюхов),* причем последнее является аллюзией на образ героя комедии А. Н. Островского «В чужом пиру похмелье» Тита Титыча Брускова.

Для характеристики отношений служащих одной группы могут использоваться номинации видов крупных и мелких рыб, что служит естественным критерием их ранжирования: *Деп. Кропотов требует, чтобы не только* ***плотва****, но и* ***щуки*** *администрации попадали в сети юстиции* (ПГ. 1911.11.20)

3. Сословные отношения

Многообразие видов рыб, облик которых был хорошо известен носителям языка, а также традиция соотнесения конкретного вида с образом определенного сословия или национальности в художественной литературы (в частности, в произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина) позволили журналистам создавать целые метафорические иерархии: *пискари (пескари)* — мелкие чиновники, *голавли* — полиция, *щуки* — коммерсанты (иногда — евреи), *караси* — обыватели (ПЛ. 1886.07.25).

4. Межличностные отношения и характеристика отдельного лица

Удалось зафиксировать особое значение слова *карась: Так на кафешантанном языке называются поклонники артисток, которые по обязанности должны разыгрывать роль щук, и если не проглатывать самого поклонника, то хотя бы содержимое его кармана в пользу буфета…* (ПГ. 1910.11.08).

Отмечено также функционирование выражения *маринованная корюшка в* значении ‘*непривлекательная женщин*а’; ‘*муж — о надоевшей жене*’.

Литература

Болгова Е. В. Зоонимы русского языка в современно речевом употреблении: семантико-прагматический подход: автореф. дис. … канд. филол. наук. Архангельск, 2021.

Мельничук В. А. Севрюга и севрюжники: об одном случае языковой игры в петербургской публицистике 1900–1910-х гг. // Печать и слово Санкт-Петербурга (Петербургские чтения — 2023). СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т пром. технологий и дизайна, 2024. С. 297–305.

Николина Н. А., Петрова З. Ю. Ихтионимы в составе анропоцентрических компаративных конструкций русской художественной речи // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2020. Вып. 4. С. 84–91.

Смирнова Л. Г. Люди и звери. Наименования животных как оценочная характеристика человека в русском языке // Русский язык за рубежом. 2009. № 5. С. 48–55.

Николина Наталия Анатольевна[1], Петрова Зоя Юрьевна[2], Фатеева Наталья Александровна[3]

[1]канд. филол. наук, профессор,
Московский педагогический государственный университет;
admin@riash.ru
[2]канд. филол. наук, вед. научный сотрудник,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН;
zpyap@mail.ru
[3]д-р филол. наук, гл. научный сотрудник,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН;
nafata@rambler.ru

ПЕТЕРБУРГ — ПЕТРОГРАД — ЛЕНИНГРАД В ОБРАЗНОЙ КАРТИНЕ МИРА СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Ключевые слова: образная картина мира, метафора, сравнение, современная русская литература, Петербург.

В работе рассматриваются тропеические конструкции (метафоры и сравнения), в которых предметом сравнения является название города Петербурга (в определенные исторические периоды Петрограда, Ленинграда). Образ Петербурга начиная с работы В. Н. Топорова [Топоров 1984] изучался в рамках т. н. «Петербургского текста русской литературы». По определению ученого, Петербургский текст представляет собой сверхтекст, совокупность текстов русской литературы, в которых возникают устойчиво повторяющиеся высокочастотные мотивы и языковые художественные средства, выступающие как «диагностически важные показатели принадлежности» [Топоров 1984: 27] к этому сверхтексту. Этот термин настолько распространился в культурной среде, что сами писатели используют его при метатекстовом осмыслении литературного творчества в его связи с городом: «На далеком противоположном берегу от края к краю стояли в ряд дворцы, возносился глыбой Исаакий, увенчанный куполом-костром, горело охрой Адмиралтейство, на шпиц которого, как пропуска на штык, незримо нанизали, отправляясь в ад вечности, страницы *петербургского текста* золотые и серебряные сочинители…» (П. Крусанов. Мешок света, 2013).

Цель нашего исследования более частная — рассмотреть образ города Петербурга в зеркале компаративных тропов, принимая во внимание и другие исторические названия этого города, а также названия основных петербургских реалий — рек, зданий, памятников и т. д. Иными словами, построить фрагмент образной картины мира, которая определяется нами как система устойчивых образных соответствий, выражающихся в конструкциях компаративных тропов. Материал исследования — прозаические и стихотворные произведения русских писателей второй половины XX в. — первой четверти XXI в., в том числе контексты, извлеченные из Национального корпуса русского языка [НКРЯ].

Для образной репрезентации Петербурга (Петрограда, Ленинграда) в современной литературе характерен ряд доминант — повторяющихся метафор и сравнений, относящихся к разным семантическим классам. Наиболее частотной образной параллелью является «город — человек», которая имеет несколько разновидностей. Во-первых, образом сравнения компаративной конструкции может служить обозначение лица: «…Ленинград возвышался над морем, над грязной, мутной лужей залива. Мне казалось, он стоял, обозревая окрестности, как *мужчина*, как *хозяин*, как страж, бдительно мигая по ночам огнями» (А. Аствацатуров. Люди в голом, 2009). Во-вторых, образными характеристиками города могут быть обозначения, связанные с чертами характера, поведением, эмоциональным состоянием человека (подобные контексты в ряде случаев характеризуются взаимодействием метонимии и метафоры): «Из уст в уста передавались истории о том, как однажды из *заносчивого* Петербурга в лицей пришла корреспонденция с якобы случайно допущенной ошибкой» (М. Кучерская. Тетя Мотя, 2012), Так ликовал,

что *плакал* Петербург, / и Летний сад стал греховодно-райским» (Б. Ахмадулина. Блаженство бытия, 1999–2000). В-третьих, метафоры и сравнения, характеризующие Петербург и его реалии, отображают различные физические состояния человека, чаще всего болезнь и смерть, реже — другие состояния (сон, дыхание): «Стоял конец ноября — отвратительное, бесприютное, самое безнадежное петербургское время. Конец ноября: тяжелейший петербургский *недуг* в череде его хронических, старчески-неопрятных болезней. Голый, бесснежный конец ноября: *экзематозный* асфальт, *диатезные* стены зданий, *псориазные* монументы <…> (М. Палей. Дань саламандре, 2008), «как из / немытой / мясорубки / воняет / в *мертвом* / Петербурге (Л. Лосев. Кузмин, 1997–2000).

Если образная параллель «город — человек» доминирует в современной литературе, то сравнение Петербурга с животным представлено единичными примерами: «Императорский, родовитый и министерский Петербург склонил свою высокомерную голову перед ним [Распутиным] и, как *побитый пес*, ждал, когда он бросит ему со своей тарелки обглоданную кость» (К. Паустовский. Повесть о жизни. Беспокойная юность, 1954).

Для образной характеристики Петербурга и его реалий в современной поэзии и прозе характерна тесная связь с мифом, как и вообще в Петербургском тексте русской литературы. В состав компаративных тропов в этом случае включаются мифонимы: «Когда же опустится вечер, и кепку с моей головы / сорвёт возмутительный ветер с холодной и чёрной Невы, — / очнувшись, друзья и поэты, увидим, болея башкой, / струи недвусмысленной *Леты* и сумрачный лес за рекой» (Б. Рыжий 1998). Петербург, как и в предшествующие литературные периоды, изображается как город-призрак (привидение): «Если и есть на свете город-*призрак*, то это не Лондон, не Вена, не — тем более — Париж. Это Петербург в октябре. Тучам, висящим над городом, он, наверное, кажется привидением в кошмарных лохмотьях. Могильным расплывшимся телом, едва прикрытым бледными фасадами, которые сверху похожи на линялые тряпки, сшитые как-то наспех, не по фигуре» (А. Аствацатуров. Осень в карманах, 2014). Наряду с образом призрака в современной литературе используются и такие образные обозначения, как *симулякр*, *иллюзия*: «– Город-*симулякр*, — сказала Лиля. — Великая *иллюзия*. — Верно…» (А. Баснер. Парадокс Тесея, 2024).

Образные характеристики города, имевшего различные названия в разные исторические периоды, имеют много общего. Однако в языковой репрезентации Ленинграда в связи с его трагической судьбой в годы Великой Отечественной войны выделяются особые метафорические обозначения: *гвардеец*, *солдат*, *боец*, *соратник державы*, *истерзанное тело* и др.

Во многих контекстах наблюдается сопоставление Петербурга и Москвы. Анализ таких контекстов может служить перспективой дальнейшего исследования.

Источник

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: https://ruscorpora.ru (дата обращения: 30.10.2024).

Литература

Топоров В. Н. Петербург и Петербургский текст русской литературы (Введение в тему) // Семиотика города и городской культуры. Петербург. Труды по знаковым системам XVIII. Ученые записки Тартусского государственного университета. Вып. 664. Тарту, 1984. С. 4–29.

Садова Татьяна Семёновна

д-р филол. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет; tatsad_90@mail.ru

КАЗНИТЬ СМЕРТЬЮ: УСТОЙЧИВЫЕ ФОРМУЛЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ НАКАЗАНИЯ В ИМЕННЫХ УКАЗАХ ПЕТРА I

Ключевые слова: деловой язык Петровской эпохи, жанр указа, устойчивая формула, семантика наказания, историческая стилистика.

Именные указы Петра I демонстрируют процесс формирования деловой фразеологии XVIII в., отражающей (в том числе) пути становления литературного языка этого времени в целом. В центре внимания настоящего доклада — устойчивые формулы с общим значением ‘наказание’ как обязательный структурный компонент указа или иного текста, содержащего государев императив, — в печатных указах петровской канцелярии 1714–1719 гг. [ПСЗРИ]. Текстовый фрагмент, включающий описание форм наказания за неисполнение (или недолжное исполнение) царского повеления, чаще всего находился в конце указа. Понятно, что перечень видов наказаний во многом зависел от темы указа и его адресата.

Если указ издавался во *всеобщее ведение*, в *народ* и адресат обозначался обобщенно (*всяких чинов люди, какого звания ни есть, всякий преслушник указу* и под.), то и формы выражения «царского гнева» были оформлены неопределнно и общо — устойчивым сочетанием *жестокое наказание*. Безусловно, учитывался социальный статус наказуемого. Для крестьян, солдат, нищих, других представителей низкого сословия предполагались «привычные» формы экзекуции, унаследованные из судебного опыта XVII в. — *бить кнутом / батоги (-ами); казнить смертью; казнить / бить без пощады* и др. Подлый народ мог быть подвергнут и невиданным для предыдущих времен формам царского наказания, например, отправкой на галеры, на каторжные работы в строящиеся заводы, а беглых или провинившихся солдат нередко предписывалось наказывать особой экзекуцией, заимствованной из практики европейских армий, — *бить шпиц рут.* С имущих граждан более разумным представлялось *взять штраф* или отобрать в пользу казны и государя их *движимые и недвижимые имения*, в случае же грубых провинностей они могли быть *разорены и сосланы на каторгу*. Царский чиновник из числа высокородных граждан или выдвинувшихся при Петре новоявленных дворян также мог быть подвергнут телесному наказанию и даже смерти, например, если подозревался (говоря современным языком) в коррупции. Из Кабинета Петра исходило немало указов о взятках, казнокрадстве и других финансовых преступлениях («О счетах» от 22 января 1714 г., «О воспрещении взяток и посулов и о наказании за оное» от 24 декабря 1714 г., «О обиде и взятках» от 11 июня 1715 г. и др.). Последствия за подобные провинности нередко выражались не только формулами со значением телесного или материального ущерба, но и прецедентными номинациями, обозначавшими ‘публичный позор’, что для сословного люда было весьма тяжелым наказанием, имевшем серьезные последствия для всей семьи. Таковым, например, было *шельмование* (от «шельмовать — оглашать мерзавцем, мошенником, обесчестить, поругать» [Даль 2003, IV: 628]). Со времен Петра I представители низкого сословия наказывались новым способом клеймения — *вырыванием ноздрей*, и прежде всего, за воровство, убийство, а также бегство от хозяина или, если речь шла о рекрутах, солдатах и матросах, — за дезертирство. Правда, этому же виду наказания могли быть подвергнуты и подданные высокого социального статуса, но за исключительные преступления — например, за бунт против власти, заговор против государя, за казнокрадство. Для обозначения определенного вида неминуемого наказания все активнее используется устойчивое предложно-падежное сочетание «под + сущ. твор. пад.» (*под штрафом, под казнью, под смертным наказанием* и др) — грамматическая калька актуальной конструкции делового немецкого языка XVIII в.: «bey Leibs- und Lebens-Straff verbieten, sancire poena capitis, *под смертною казнию уставити, определити, заказати*» [Вейсман 1731: 372].

Выводы. 1) Связь делового языка петровского времени с приказным языком XVI–XVII вв. была весьма ощутима: языковые факты предшествующего опыта, в том числе в части использования устойчивых формул, в нем присутствуют. 2) Общая установка на разговорную речь объединяет деловую речь XVII в. и язык Кабинета Петра I, который сам был приверженцем ясности документного слога. 3) Инфинитивные конструкции со значением наказания (*учинить смертную казнь, наказать жестоко, класть штрафы*) постепенно уступают неимперативным структурам той же семантики — «кр. страд. прич. прош. вр. + бытийные гл.-связки буд. вр. + сущ.» (*учинена будет казнь, наказан будет с жестокостию, взяты будут штрафы* и под.). 4) Петровские указы впервые в русской деловой практике обезличивают императивное действие, навязывая представление о неотвратимости наказания, как бы идущего не столько от государя, сколько от «беспристрастного» закона.

Источники

Вейсман Э. Немецко-латинский и русский лексикон. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1731.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского словаря: в 4 т. Т. IV. М.: Рус. яз., 2003.

ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской империи. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html (дата обращения: 29.10.2024).

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (проект № 24-28-00325).

Северская Ольга Игоревна

канд. филол. наук, вед. научный сотрудник,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН;
oseverskaya@mail.ru

ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ КАК МЕТАКОМПОНЕНТ СИНТЕТИЧЕСКОГО ТРОПА В ПОЭЗИИ И СЛОВАРЕ

Ключевые слова: олицетворение, олицетворяющая деталь, синтетические метатропы, взаимодействие тропов, поэтическая лексикография.

Представление тропики в поэтической лексикографии цифровой эпохи уже имеет определенную традицию [Петрова и др. 2021], которая позволяет выявить ряд проблем, связанных с разметкой. Поэтическая конкретика говорит о том, что тропы не атомарны, соответствующие им способы словопреобразования «взаимодействуют друг с другом, оказываются комплексными и разнонаправленными» [Григорьев 1973: 69] и образуют «в-контексты», которые определяют направление семантического сдвига в сфере действия какого-либо тропа, но не характеризуют какой-либо специфический способ словопреобразования сам по себе [Григорьев 1973: 73 и 119]. Таким контекстам соответствует синтетический троп, объединяющий разноструктурные тропеические конструкции, передающие либо один образ, либо серию образов в едином «образном блоке». И первостепенной задачей лексикографирования в этом случае становится выделение векторообразующего тропа «в-контекста».

Олицетворение, т. е. персонификация, в подобных контекстах может использоваться и как самостоятельный троп, и как метакомпонент. Соответственно, можно говорить о «сильной» и «слабой» позициях [Некрасова 1994: 15], в которой оказываются «олицетворяющие детали».

Примером чистого употребления олицетворения в сильной позиции, где деталь зависит не столько от контекста, сколько от персонифицированного облика субъекта действия, получающего в тексте образное развертывание, может быть «Сказка о дожде» Б. Ахмадулиной, в которой *дождь* характеризуется через олицетворяющие семантически однородные предикаты: *не расставался; шел за мной; смотрел, как сирота; детским пальцем щекотал мне ухо* и др. Как сильную можно определить позицию развернутого олицетворения и в следующем фрагменте: *Смотри! — ручей* ***надбил скорлупку льда*** *И снова* ***спрятался, как виноватый****. Он* ***что-то*** *с берега* ***хотел стянуть****, Уже* ***струю*** *он* ***протянул, как руку****…* (Н. Матвеева), где ручью приписываются действия и эмоции человека, а олицетворение подтверждается осложненным метонимией (*ручей — **струя** / человек — **рука***) метафорическим сравнением, занимающим подчиненную позицию.

В некоторых случаях ассоциация образов по сходству признаков дополняется ассоциацией по смежности в ситуации: *Не* ***дождь*** *ли* ***стукнул пальцем по стеклу****? Бегут, шумят* ***осенние ручьи****. «Кто там?» — «Откройте, это мы, свои…»* ***Солдаты****, нагибаясь, входят в дом И греют* ***руки*** *на огне рудом. <…>* ***Кто б мог****, как мы, в лесах, где шли бои,* ***Стучать в окно и говорить: «Свои!»*** (Е. Долматовский). Пример интересен параллелизмом двух планов, которым и создается антропоморфный, близкий к метафорическому, образ *дождя-солдата* (и одновременно — референциальная метафора с параллельной метонимией: *дождь — (дождевые) ручьи, солдаты — (солдатские) руки*). В результате олицетворяющая семантика усиливается, но олицетворение как троп становится частью более широкого тропеического контекста, и его позиция ослабевает.

Слабая для олицетворения позиция характеризуется употреблением, допускающим неоднозначное толкование тропа. Например, олицетворяющие детали «вкрапляются» в тропы иной структуры: *По* ***министрам****, по* ***актерам*** */ желтой* ***пяткою*** *своей / солнце жарит* ***полотером*** */ по паркету из* ***людей*** (А. Вознесенский). В этом фрагменте общей картины пляжа помимо олицетворения (*солнце-полотер* с его *пяткой* вписывается в круг *людей — министров* и *актеров*) присутствует метафорическое сравнение: *паркет из людей, лежащих на пляже / пляж,*

как паркет, творительный сравнения: *солнце полотером* (как полотер, натирающий паркет); заметна и языковая игра на многозначности глагола *жарить* ‘обжигать лучами, палить (о солнце) / делать что-то энергично, быстро, лихо, с азартом (о человеке) и существительного *полотер* ‘работник, натирающий полы (обычно паркетные) / бытовая машина для натирания полов’, которая становится внутренней формой амбивалентного образа *солнца* как живого существа и предмета одновременно.

В другом примере на первый план выходит зооморфная метафора: *Гонит в глазницы стеклам — / Разбиться наверняка — / Встревоженная и мокрая / **Зебра березняка**. Стынет в разливе речки / вспыльчивости горячей, Прядает скворечниками / Струнных пустых ушей* (А. Парщиков) — черно-белая полосатая шкура зебры действительно похожа на белую в черных прожилках кору березы, метафора реализуется и в сопряженных с нею глаголах *гонит*, *прядает* (*ушами*-скворечниками). Но одновременно *зебре березняка* сопоставляются человеческие качества — *вспыльчивость* и *горячность, а скворечники пустых ушей* напоминают о поговорке в *одно ухо влетело, в другое вылетело,* также относящейся к человеку; олицетворяются и *стекла*, сравниваемые с *глазницами*.

Наконец, олицетворяющая деталь может лишь косвенно указывать на сравнение с человеком, остающимся неназванным: *Я не знаю, где **клетки рубашки** той, Что **впору пришлись** теперь зеленым полям И коричневым пашням* (В. Аристов).

В таких случаях олицетворение превращается в метакомпонент синтетического тропа, указывая на присутствие автора, черты его образа: «олицетворяющий прием “повернут” от объекта олицетворения в сторону его символического или аллегорического “заместителя” [Некрасова 1994: 23]. И это, по словам И. И. Ковтуновой «не перенесение свойств лиц на неодушевленные предметы или явления природы, но стремление вступить с ними в тесный контакт, установить связь, чтобы глубже их понять <…> и таким путем образно представить место человека в мире вещей и явлений» [Ковтунова 1986: 90]. Олицетворенный мир как бы «смотрит» на человека, становясь его зеркалом: ***Лицо** дождя, **заплаканное** в день, Когда он **шел**, теперь уж **просветлело** — Его **глазами смотришь** ты на ветви* (И. Жданов).

Олицетворение как метакомпонент синтетических тропов, безусловно, придает яркость образам, но составляет серьезную лексикографическую проблему, решение которой видится в перспективе формализации структурных типов тропеического взаимодействия — от определяющего в сильной позиции векторы словопреобразования до олицетворяющей детали в метафорических и метонимических «в-контекстах» при слабом употреблении.

Литература

Григорьев В. П. Предисловие // Поэт и слово: опыт словаря. М.: Наука, 1973.

Ковтунова И. И. Поэттический синтаксис. М.: Наука, 1986.

Некрасова Е. А. Олицетворение // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Тропы в индивидуальном стиле и поэтическом языке. М.: Наука, 1994. С. 13–104.

Петрова З. Ю., Ребецкая Н. А., Фатеева Н. А. Интерактивный словарь компаративных тропов русской литературы: возможности использования в филологических исследованиях и перспективы эволюции // Лексикография цифровой эпохи: сб. мат-лов Междунар. симп. (24–25 сентября 2021 г.). Томск, 2021. С. 54–56.

Семенова Софья Юльевна

канд. филол. наук, ст. научный сотрудник, доцент,
Институт научной информации по общественным наукам РАН;
Российский государственный гуманитарный университет;
sonya_sem@mail.ru

О МЕТОНИМИЧЕСКОМ СДВИГЕ ОТ НАЗВАНИЯ НАУКИ К НАЗВАНИЮ ЕЕ ОБЪЕКТА И ОБ ОТРАЖЕНИИ ПРОИЗВОДНОГО ЗНАЧЕНИЯ В ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЯХ

Ключевые слова: метонимия, названия отраслей знания, отражение полисемии в словаре.

Для терминов, служащих обозначениями отраслей знания, рассматривается регулярный метонимический сдвиг к обозначениям объектов этих отраслей: *семантика1* (раздел лингвистики, изучающий смысл языковых единиц) -> *семантика2* (собственно смысл; ср.: *слова с семантикой движения*); *геометрия1* (раздел математики, изучающий пространственные отношения и формы) -> *геометрия2* (форма; ср.: … *природные ландшафты не требуют идеальности в соблюдении геометрии…* [НКРЯ]) и др.

Такое преобразование значения термина олицетворяет возврат к исходной сущности. Имеет место триада: 1) исходный объект; 2) изучающая его наука; 3) исходный объект (либо к.-л. его аспект), обозначаемый тем же термином, что и наука. Аналогичная ситуация возврата наблюдается у отадъективных параметрических существительных: мотивирующее прилагательное большого полюса (*глубокий*, *скорый*) -> существительное со значением параметра (*глубина*, *скорость*) -> образование у существительного значения большой величины (*бояться глубины*, *мчаться на скорости*). У параметрических существительных эта возможность «обратного» метонимического перехода к большой величине была открыта Ю. Д. Апресяном [Апресян 1992]. Определенный анализ контекстов употребления семантического деривата проводился в [Семенова 2013]. Способность слова при семантическом развитии (в том числе метафорическом) проявлять исходные коннотации отмечает и анализирует Г. И. Кустова, вводя в связи с этим понятие памяти значения [Кустова 1998].

Для названий наук, как и для имен параметров, явление семантического возврата можно, на наш взгляд, интерпретировать как иллюстрацию гегелевского закона двойного отрицания, развития по спирали; в данных случаях — через стадию «теоретизирования»:

объект -> наука («отрицание» объекта) -> объект («отрицание» науки, но использование ее наименования).

Среди имен наук возврат деривата к обозначению объекта весьма продуктивен и наблюдается в разных предметных областях — точных науках, медицине (ср.: у *пациента проблемы с кардиологией*, т. е. с сердцем) и т. п. Возврат имеет место практически для всех названий «школьных» дисциплин, и тогда явление обычно воспринимается как факт общего дискурса (см. выше пример со словом *геометрия*).

Этот метонимический сдвиг возможен и для узкоотраслевых терминов: …у *соседних государств — раз уж пошла компаративистика — …другие приоритеты* [НКРЯ].

Таксономия деривата существенно зависит от специфики науки. Так, для *статистики* или *демографии* регулярными дериватами будут количественные показатели: *портить статистику* (о нек. нежелательной ситуации). У имен ряда крупных гуманитарных направлений, таких как *философия*, *психология*, *антропология* дериват обычно характеризует особенности сознания индивида и склонен к аксиологическим оценкам: …«*философия*» [собеседника] *оказалась мелковата…*; *Удивительно все-таки меняется психология в зависимости от обстоятельств* [И. Грекова]; *Здесь другая антропология* (все три примера из НКРЯ).

В общем дискурсе частотность семантического деривата может превышать частотность исходного терминологического значения; это наблюдается, например, у имени *логика*: произ-

водное значение ‘способ рассуждений к.-л. лица’ (*понять логику собеседника*) по количеству вхождений в НКРЯ превалирует над исходным названием науки [Семенова 2019].

В толковых словарях семантические дериваты, обозначающие объекты наук, отражаются в разной мере. Например, в МАС соответствующее значение термина *арифметика* не зафиксировано (но есть другой регулярный дериват — ‘учебный предмет’). В Словаре С. И. Ожегова дериват, обозначающий подсчеты, есть (но нет единицы со значением учебной дисциплины). В Словаре С. А. Кузнецова дериват с семантикой объекта есть (‘подсчеты, расчеты, вычисления’) и помечен как разговорный (а значение ‘учебная дисциплина’ отсутствует).

В целом изучение метонимии рассматриваемого типа должно способствовать увеличению системности отражения данного лексического пласта в семантических словарях. Так, желательно соблюдение некоторого эмпирического количественного критерия (очевидно, на основе корпусных данных) при решении вопроса о включении деривата в словарь. Желательно также придерживаться определенной очередности при указании деривата данного типа среди результатов других регулярных семантических сдвигов, таких как: наука -> учебная дисциплина (*контрольная по математике*); наука -> учреждение (*положить пациента в кардиологию*); наука -> изделия, получаемые на ее основе (*импортная электроника*) и др. При неоднократной встречаемости в корпусе (и следовательно, воспроизводимости в дискурсе) возможно также отражение в словаре метафорических дериватов: наука -> сфера, имеющая сходные черты с ее объектом; например, *алгебра* как некая структурированная совокупность отношений (в сочетании *алгебра родства*).

Литература

Апресян Ю. Д. Лексикографические портреты (на примере глагола *быть*) // Научно-техническая информация. Сер. 2. 1992. № 3. С. 20–33.

Кустова Г. И. «Память значения» (две тенденции в процессах семантической деривации) // Труды международного семинара «Диалог’98» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Т. 1. Казань, 1998. С. 82–88.

Семенова С. Ю. О полисемии «параметр — большое значение параметра» // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по мат-лам ежегод. Междунар. конф. «Диалог» (Бекасово, 29 мая — 2 июня 2013 г.). Вып. 12 (19): в 2 т. Т. 1. М., 2013. С. 616–624.

Семенова С. Ю. О некоторых стандартных и маргинальных моментах, связанных со словом *логика*» // Сборник тезисов международной конференции «Маргиналии-2019: границы культуры и текста». Осташков, 30 августа — 1 сентября 2019 г. URL: https://ruslang.ru/sites/default/files/doc/marginalii/Marginalii-2019_Ostashkov.pdf (дата обращения: 12.01.2025).

Сергеева Елена Владимировна

д-р филол. наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена;
e.vlad.sergeeva@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ БИБЛЕИЗМОВ В ПОЭЗИИ И. БРОДСКОГО

Ключевые слова: поэтический библеизм, библеизм-аллюзия, ситуативный библеизм.

Под поэтическим библеизмом «понимается точная или трансформированная цитата из Библии, употребляемая в поэтическом тексте для идейного и содержательного соотнесения с Писанием» [Сергеева, Четырина 2022: 49]. Библеизмы в творчестве И. Бродского ранее анализировались, в том числе автором доклада в процитированной статье, однако прежде всего с точки зрения литературоведения [Мищенко 2008] или богословия [Измайлов], что не позволяет должным образом рассмотреть особенности их функционирования и семантико-эстетические особенности.

Показательно, что до сих пор отсутствует классификация библеизмов в поэзии И. Бродского, хотя это вопрос важный и непосредственно связанный с механизмами выбора библейской лексики и проблемой возможной трансформации ее значения. Вероятно, это вызвано тем, что при литературоведческом рассмотрении его текстов внимание обращается только на соотношение соответствующих лексических единиц с содержанием текста Св. Писания, но не на лингвистическую дифференциацию этих единиц. Подобный подход позволяет создать самую простую, «тематическую», классификацию, которая закономерно ориентирована на сюжетообразующий аспект употребления лексических единиц или словосочетаний в зависимости от того, используется ли библеизм для напоминания о проблеме («*все это становится Содомом*»), персонаже («*Каин не знал этого средства*») или сюжетной ситуации Библии («*…мрамор бедер новой Сусанны сопровождаем при погружении в воду стрекотом кинокамер новых старцев*»). На этой основе можно создать классификацию денотативно-идеографическую, подобную той, что, ссылаясь на Л. Г. Бабенко, предлагает О. А. Гассельблат, которая выделяет в творчестве Иосифа Бродского 11 групп религиозной лексики: религиозные убеждения; Бог, люди, сверхъестественные существа как объекты религиозного почитания; религиозные догматы и др. [Гассельблат 2018].

Лексико-грамматическая классификация (деление на собственные имена из Библии и нарицательные, называющие элементы библейского предметного мира), во-первых, неминуемо пересекается с тематической, («*…от Лазаря к смоковнице и вспять*»), а во-вторых, может относиться только к именам существительным. Важно отметить, что если соответствующие имена собственные (*Авраам, Гавриил, Ревекка, Иосиф, Давид, Каин, Иуда, Ной* и др.) относятся к библеизмам однозначно, то имена нарицательные (небо, звезда, свет, слава, хлеб, звезда, пастухи, ясли и др.), в принципе, могут восприниматься вне соотношения с Писанием, а их агнонимичность читателями, не имеющими соответствующего фонового знания, может даже не осознаваться.

Вероятно, именно в творчестве И. Бродского, который часто обращается не только к определенному сюжету, а к «параллельной» Библии ситуации, следует выделять лексические библеизмы (слова, непосредственно совпадающие с библейскими номинациями — собственными и нарицательными: *Пилат, Лот, Ирод, спасение, труба* и др.), библеизмы-фразеологизмы («*Чтоб чувства, промелькнувшие сквозь ночь, укрыли блудных сыновей»; «Глаголы однажды восходят на Голгофу*»), библеизмы-словосочетания (*Человеческий Сын, пророчица Анна, апокалиптические кони, древо познания*), прецедентные библеизмы («*…хотя бы собственных знакомых любить как самого себя*») и библеизмы-аллюзии, весьма важные для поэта: «*…как будто жизнь начнется снова, как будто будет свет и слава, удачный день и вдоволь хлеба, как будто жизнь качнется вправо, качнувшись влево*». Ср: «*ибо слава Божия осветила его*» (Откр 21:22–27); «*Я свет миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет*

жизни» (Ин 8:12–20); «*Иисус же сказал им: Я есмь хлеб жизни; приходящий ко Мне не будет алкать, и верующий в Меня не будет жаждать никогда*» (Ин 6: 22–40)

В качестве основания для классификации можно также выделить понятие **ситуативного поэтического библеизма**, который, в зависимости от творческой установки автора, воспринимается как таковой только в соответствующем контексте, репрезентирующем индивидуально-авторское художественное осмысление содержания поэтом (*звезда, свет, небо, хлеб, пещера, пустыня* и др): «*Вот я и снова под этим бесцветным небом…*»; «*Дух — это нить с небом связать глины уродство, / дабы лишить мест осязать наше сиротство*».

И, наконец, можно разделять библеизмы в поэзии Бродского на основании отсутствия / наличия эстетически-образного компонента значения, связанного с употреблением этой номинации в прямом значении и в значении переносном: «*…въезжая в Апокалипсис тоски, оглядываться сызнова назад — внезапно нарастающий азарт при виде настигающих теней, и грохот огнедышащих коней, и алый меч в разверстых небесах…*».

Таким образом, при создании классификации библеизмов в текстах И. Бродского «содержательная» не может считаться наиболее важной, а семантика библейских единиц должна рассматриваться в соотнесении с собственно лингвистическими факторами

Литература

Гассельблат О. А. Языковые средства вербализации концепта «Религия» в творчестве Иосифа Бродского: дис. … канд. филол. наук. СПб., 2018.

Измайлов Р. Библейский текст в творчестве Бродского: священное время и пространство // Азбука веры. URL: https://azbyka.ru/fiction/biblejskij-tekst-v-tvorchestve-brodskogo-svyashhennoe-vremya-i-prostranstvo/ (дата обращения: 12.01.2025).

Мищенко Е. В. Библейская тема в лирике Иосифа Бродского // Сибирский филологический журнал. 2008. № 1. С. 59–63. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/bibleyskaya-tema-v-lirike-iosifa-brodskogo (дата обращения: 12.01.2025).

Сергеева Е. В., Четырина А. М. Особенности лексического воплощения библейского сюжета в русской поэзии // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2022. № 205. С. 49–58.

Синелева Анастасия Васильевна

д-р филол. наук, профессор, и. о. зав. кафедрой,
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского;
sinstasi@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ТЕРМИНОУПОТРЕБЛЕНИЯ В РОМАНЕ В. ДУДИНЦЕВА «БЕЛЫЕ ОДЕЖДЫ»

Ключевые слова: научный стиль, понятие, специальная лексика, термин, художественный стиль.

Доклад посвящен изучению особенностей функционирования религиозно-философских терминов в романе В. Дудинцева «Белые одежды», который определяется как социально-философский. На примере терминологической лексики показана система употребления конкретных лексических средств, их функциональная, смысловая, стилистическая и экспрессивная подчиненность решению основных идейных задач художественного произведения, а также рассматривается понятийная структура терминов, выступающих в качестве единиц неспециальной сферы общения

Цель доклада — показать на материале романа В. Дудинцева «Белые одежды», как используется терминологическая лексика в качестве одного из средств художественной изобразительности и показать, что термины могут служить средством создания образности, оценочности, а также портретной и речевой характеристики.

Проведенный анализ позволил сделать вывод, что при функционировании в художественном тексте термины, кроме основной своей функции — номинации предметов, процессов, явлений и т. д., могут выполнять ряд других: функцию создания особой научной атмосферы, речевой и портретной характеристики, образную и оценочную функций, а также функцию создания иронического. В составе религиозно-философской терминологии было выделено несколько подсистем: персоналии (*Торквемада, Гектор, Андромаха, Христос, Мартин Лютер* и др.), люди с характеристикой действия, поведения (*инквизитор, аскет, богослов, еретик* и др.), последователи учений (*идеалисты, схоластики, казуисты, вейсманисты-морганисты* и др.), смежные с философией науки (*метафизика, диалектика* и др.) и некоторые другие.

Употребление термина в художественном тексте свидетельствует о его функциональном равенстве по отношению к другим словам общего языка, а также о том, что он в общелитературном употреблении постепенно становится привычным средством образного мышления, лежащего в основе художественного стиля. В контексте художественной речи термин, не имеющий эмоциональной окраски по своей природе, может развить эмоционально-экспрессивные оттенки и коннотации.

Рассмотрим содержание понятий, связанных с именами ученых-генетиков и их научными теориями, в контекстах.

> *«…на низком столике лежало несколько книг, и среди них вызывающе красовалось крамольное сочинение:* ***Т. Морган, «Структурные основы наследственности»****…»; «От их разговора чуть-чуть потянуло и* ***вейсманизмом-морганизмом****, который месяц назад был торжественно осужден на августовской сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук»; «Кто же может в двадцатом веке толковать о каком-то* ***наследственном веществе****! Чушь какая-то!»; «Все же академик вовремя отрекся от заблуждений… убедительно ругая монаха* ***Менделя****, правда, немного громогласно»; «Академик* ***Лысенко*** *— вождь* ***мичуринской науки*** *— никак не мог простить ему старые грехи — видно, за то, что Посошков был уж очень матерый* ***менделист****»* [Дудинцев 1986].

Особенности проявления парадигматических отношений внутри терминологической лексики, в частности, часто используемые синонимичные и антонимические связи, понятийная взаимосвязь терминов позволяют в большей или меньшей степени, в зависимости от того, насколько узконаучный термин функционирует в художественном тексте, раскрыть содержание научных понятий.

Признаки, которые могут быть получены из контекста и которые позволяют сформировать представление (как известно, представление — форма сознания, предшествующая образованию понятий), с большей или меньшей степенью точности: *Мендель, Морган, Вейсман* — не российские ученые, занимающиеся проблемами наследственности, теория которых не признается советской наукой. Соответственно, *морганисты, менделист*, *вейсманисты* — ученые-*генетики*, поддерживающие и развивающие теоретические положения *Моргана, Менделя*, *Вейсмана* и *Добржанского*, которые, несмотря не неприятие их идеологией советской науки, имеют практическое подтверждение. Кроме того, контекст содержит факт биографии *Менделя* — он монах, — это деятельность, которая отвергается советским атеистическим общественным строем, а следовательно, и его научно-мировоззренческие взгляды, также можно предположить, что *Добржанский* — российский ученый. Таким образом, у читателя должно сформироваться следующее представление: *вейсманизм-морганизм* — реакционное на момент времени действий в романе, оппозиционное государственному, возглавляемому *Лысенко*, научное течение, а его последователи — *вейсманисты-морганисты*, опальные ученые-генетики, выступающие против псевдомичуринского направления в биологии, т. е. совершенно очевидно, что термины являются одним из основных средств выражения авторского замысла, можно сказать, являются средством создания конфликтной ситуации в романе..

Как уже говорилось, *Мендель* — монах, и, возможно, этим объясняется функционирование в тексте религиозных и философских терминов: *Библия, диалектический, еретик, идея, идеалист, идеалистический, религия* и др., которые также используются для создания денотативного пространства текста.

> *«Слишком часто говорили эти слова: «**диалектически**», «**скачкообразно**» — и я поверил. Он тоже **фанатик** и начитан, великий **богослов в** своем деле, и под его влиянием находятся **кардиналы**…»; «Торквемада испанский ничего себе не брал, в отличие от других **инквизиторов**, и был суровейший **аскет**, — заметил человек в ковбойке. — Постился он по-настоящему…»; « Бедным **еретикам** от этого не было легче, — сказала женщина»; «Происходит **борьба идей**. **Идеалисты**, мракобесы идут в наступление»; «Опираемся на **диалектику**, которая является наукой универсальной и дает нам **законы движения всего сущего в материальном мире**»; «Разве в **Библии** не сказано — не обижайся на камень, о который ты споткнулся?»* [Дудинцев 1986].

Использование религиозно-философской лексики является формальным средством выражения оппозиции *материализма* и *идеализма в* данном контексте, что, совершенно очевидно, используется автором для создания авторской концептуальной картины мира, отражающей противостояние двух философских направлений через призму научного познания и представления материального мира разными методами, один из которых опирается на эмпирический опыт и классическую теорию генетики, а второй пытается объяснить отдельные результаты опытов в соответствии с положениями государственной идеологии, или вовсе игнорировать то, что не укладывается в рамки псевдомичуринского направления в биологии, возглавляемого Т. Лысенко. Связующим звеном между этими разными мировоззрениями и источником аргументов для человека с острой духовной и психологической внутренней борьбой, который искренне заблуждался, является *материальный мир*.

В романе присутствуют образы ученых-генетиков *Менделя, Моргана, Вейсмана*, которые также занимают сторону опальных ученых и сочувствующих им, также, являясь авторами научного направления, называемым *вейсманизмом-морганизмом*, раскрывают взгляды представителей псевдонаучного мира.

Таким образом, не вызывает сомнений, что термины, функционирующие в художественном произведении, играют определяющую роль в формировании денотативного пространства художественного текста и, как любое слово-нетермин, могут приобретать некоторые смысловые сдвиги и эмоционально-оценочные приращения, оттенки, которых не может быть в специальной, профессиональной сфере общения.

Литература

Кожина М. Н. Стилистика русского языка. М.: Флинта; Наука, 2008.

Дудинцев В. Д. Белые одежды. М.: Современник, 1989.

Панаева Е. В. Функции специальной лексики в художественном тексте: на материале произведений М. А. Булгакова: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2005.

Стебунова Алла Николаевна

канд. филол. наук, доцент, ст. научный сотрудник,
Донецкий государственный университет;
alla.stebunova60@mail.ru

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АССОЦИАТИВНОГО СЛОВАРЯ ДОНБАССА

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, ассоциативный словарь, психолингвистика, региональная специфика, языковое сознание.

Современная лексикография как область научного знания интенсивно развивается и особенно востребована сегодня, когда есть спрос на духовную культуру социума и личности. Большим информативным потенциалом в этом плане обладают и ассоциативные словари

Работа с использованием ассоциативных методик по выявлению национально-культурной специфики языковой картины мира, этнокультурных особенностей речевого поведения, проблем межкультурной коммуникации основывалась на концепции языкового сознания Московской психолингвистической школы А. А. Леонтьева.

Идея создания Ассоциативного словаря Донбасса возникла задолго до вхождения Донецкой Народной Республики в состав Российской Федерации. Работа по сбору материала, а именно проведение ассоциативного эксперимента, началась в 2018 г. Участниками эксперимента были 5000 респондентов одной и той же социальной и возрастной группы — студенты разных специальностей и вузов Донбасса в возрасте от 17 до 25 лет. Это юноши и девушки, которые прошли социализацию и получили среднее образование еще в то время, когда Донбасс был в составе Украины. Особенность данного словаря состоит в том, что он впервые отражает образ русских людей, более 10 лет живущих в условиях войны.

Достоинством этого словаря является то, что он является очередным региональным ассоциативным словарем русского языка (наряду с ЕВРАС, СИБАС, УрРАС и КрымАС), выполненном на одном и том же списке стимулов (1000 наиболее частотных слов русского языка, 700 из которых входит в состав стимулов первого этапа РАС) методом свободного ассоциативного эксперимента с носителями русского языка, постоянно проживающими в Донбассе.

Исследования особенностей национального менталитета приобретают все большую практическую ценность в условиях становления нового мирового порядка, политики открытости в отношениях между различными странами и культурами, создания информационного пространства.

На основе анализа реакций донецких студентов можно сделать некоторые выводы. Лексический состав реакций в основном состоит из общеупотребительных слов, с нейтральными стилевыми характеристиками, частотные прилагательные-стимулы вызывают универсальные стереотипные реакции, например: *добрый — бабушка, мама; белый — снег, медведь; строгий — преподаватель, отец.*

На предложенные стимулы студенты воспроизводили результаты своей мыслительной деятельности, «демонстрируя не только свою эрудированность в понимании концепта, сколько, прежде всего, личный ассоциативный строй [Уфимцева 2003]. В условиях идущей с 2014 г. войны в Донбассе, проблема русской идентичности стала основополагающей в процессе государственного строительства, а, следовательно, и анализ слов-реакций на такие слова-стимулы как «родина», «свобода», «войн», «мир» и др. в речи донецких студентов приобрел особую актуальность и отличаются от реакций, зафиксированных в РАС и других региональных ассоциативных словарях. Например, на слово-стимул — *мир* на втором месте после реакции *война,* стоит прилагательное *долгожданный*. Данной реакции нет ни в одном региональном словаре. На слово-стимул *громкий* во всех региональных ассоциативных словарях практический в одинаковой последовательности зафиксированы ассоциации: *звук, голос, смех, музыка.* В Ассоциативном словаре Донбасса после первой ассоциации *звук* следуют ассоциации *взрыв, выстрел, прилёт.*

Проводя эксперимент в Донбассе, мы, как уже указывалось выше, преследовали цель выявить особенности языковой картины мира молодого поколения данного региона., Полученные в ходе эксперимента языковые данные изучаются как материал, обладающий уникальным ассоциативными образами регионального сознания, которые объединяют коллективный опыт молодёжного населения Донбасса и его чувственное выражение.

Нельзя отрицать и определённые трудности, с которыми пришлось столкнуться в ходе проведения эксперимента: ироничный характер некоторых реакций, ненормативная лексика, неуместные шутки. В этой связи можно согласиться с В. В. Степановой, которая утверждала: «Ассоциативные связи слов пока лингвистически интерпретированы недостаточно» [Степанова 2006: 17]. Ассоциативные словари — новый и пока недостаточно востребованный источник богатейшей информации, исключительно важный для лингвистов, как и другие лексикографические издания, значимые для научной и образовательной деятельности и таких развивающихся отраслей знаний, как этнопсихолингвистика, неопсихолингвистика, лингвокультурология, когнитивная лингвистика и других, связанных с изучением языкового сознания — с изучением «жизни языка в культуре и социуме».

Источник

Русский ассоциативный словарь: в 2 т. Т. 1 / Караулов Ю. Н., Сорокин Ю. С., Тарасов Е. Ф., Уфимцева Н. В. и др. М.: Помовский и партнеры, 1994.

Литература

Степанова В. В. Слово в тексте: из лекций по функциональной лексикологии: учеб. пособие. СПб.: Наука; САГА, 2006.

Уфимцева Н. В. Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских // Языковое сознание: формирование и функционирование. М., 2003.

Исследование проводилось по теме государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX–XXI столетий в его региолектном и общеязыковом аспектах» (№ госрегистрации НИОКТР 124051400024-1).

Чекина Анастасия Артемовна

аспирант, преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет;
fillinfolk@gmail.com

АНТИЭТИКЕТНЫЕ ФОРМУЛЫ НАРОДНОЙ РЕЧИ: ЯЗЫКОВАЯ СПЕЦИФИКА И КУЛЬТУРНАЯ ПРАГМАТИКА

Ключевые слова: антиэтикетная формула, этикет народной речи, культурная прагматика, культурная семантика, язык фольклора.

Исследование выполняется на материале Архива «Духовная культура Русского Севера в народной словесности» (СДК) кафедры русского языка Санкт-Петербургский государственный университет.

Этикет народной речи предполагает регламентацию всех сфер жизни человека в традиционном обществе. Нарушение речевых этикетных норм в повседневной коммуникации влечет за собой ряд негативных практических последствий (урожай не взойдёт, человека настигнет болезнь и др.). Эти вербальные нарушения образуют область антиэтикета, которая входит в состав этикета в целом, прежде всего, в части сохранения прагматической (коммуникативной) функции. Предполагается, что к формулам антиэтикета возможно причисление таких единиц народной речи, которые так же (как этикетные формулы) обладают признаками регулятивности и ситуативности, но несут в себе не традиционно положительный оценочный компонент, а первоначально отрицательный: «*Дай бог, чтоб ему счастья не было!*» — *говорят, когда обманул кто-то* (Сковятино, Череп., Волог., СДК-1987).

В случае традиционной коммуникации устойчивые формулы выполняют условно-этикетную, символическую функцию, чаще всего они имеют ритуально-мифологическую основу, которая в условиях современной коммуникации уже забыта носителями речевой культуры, «сакральность» таких формул практически полностью стирается, вследствие чего формула становится лишь знаком речевого этикета: *Бог в помощь! Лебедь белая! Беленько!* То же происходит и при функционировании словесных формул антиэтикета: *Кукин какой-то есь, мать оца ругает: кукин ты!* (Слуда, Пин., Арх., СДК-26, 1985).

Формулы, которые допустимо назвать антиэтикетными, можно разделить (условно) на несколько групп: а) негативные пожелания / злопожелания / проклятия, представляющие собой бранные выражения, которые приняты в данном обществе, они устойчивы и в некотором смысле обязательны для произнесения в определенных ситуациях (*Пошёл к черту! Понеси тебя леший! Дай Бог, чтоб ему счастья не было!)*; б) формулы, которые не рекомендуется произносить в определенных ситуациях, чтобы избежать негативных практических последствий (например, не принято встречному по дороге человеку задавать вопрос: «Куда?»);) формулы, семантически представляющие благопожелание, но произнесенные в неподходящих условиях (*Здравствуйте* нельзя произносить на похоронах / если женщина несет воду и т. д.). Почти все формулы содержат оптативную семантику, что сближает их (по функции) с благопожеланиями.

Кроме того, факт антиэтикета может провоцироваться незнанием или неиспользованием формул-обращений (чаще обрядово-этикетных), требующих своевременного употребления для предотвращения неблагоприятного исхода дела: *Когда идёшь в дом, надо сказать: «Дедушко, пусти на проживание». А я вот не просилась, мне и говорят: ты так и живёшь плохо, что не попросилась* (Немнюга, Пинеж., Арх., СДК-1984).

«Антиэтикетная» направленность формул обусловлена прежде всего своими языковыми (лексическими и грамматическими) особенностями. Так, например, культурная семантика слова *куда* в «дорожной» формуле актуализирует ее «антиэтикетность»: *У меня дак, конечно, такая примета. Вот скажут:* ***«Куда пошла?». Ну и всё, ни в путь значит****. С какой целью шла — будешь обратно возвращаться,* ***ничо не получится.*** *Вот уже много раз проверяла,* ***обкудывали*** *значит. Да:* ***«Куда пошла?».*** *Девчонки отвечают:* ***«На кудыкину гору».*** *Когда кто идёт, так*

никого не просят «куда пошла». А — «Далёко ли? Далёко ли пошла?» (Устье, Усть-Кубенск., Волог., СДК-2005).

Формула представляет собой краткий вопрос, включающий в себя слово *куда*, выраженное вопросительным местоимением-наречием, содержащим в себе в этом случае отрицательную культурную семантику. Возможно, народное поверие о том, что не допускается напрямую спрашивать у человека, отправляющегося в дорогу, о месте и цели его направления, связано с тем, что слово *куда* созвучно со словом *куд*, обозначающим ‘злого духа’ [СРНГ 1978, т. 15: 395], который может помешать благополучному исходу дела (*ни в путь значит, ничо не получится*). Это же отражается и в других формулах антиэтикета, предполагающих упоминание различных духов, нечистой силы, бесов, которые употреблять запрещается по тем же причинам: *Нельзя.* ***Ни лешакаться, ни чертыхаться. Накличешь, наверно, на себя беду.*** *Или «Пошёл к черту!» — скажут. Тоже нельзя говорить* (Шотово, Пин., Арх., СДК-2008).

Ответная реплика *на кудыкину гору* в этом случае представляет собой фразеологическое сочетание, означающее ‘выражение недовольства, когда по дороге спрашивают, куда идешь. Закудыкают — не повезет»’ [СРНГ 1980, т. 16: 17].

На антиэкетный характер выражения указывает и диалектный глагол *обкудывать*, созданный по продуктивной модели с помощью префикса *об-* в значении ‘причинить ущерб кому-н. с помощью действия, названного мотивирующим глаголом: обсчитать, обделить, обмерить’ [РГ 1980, т. I: 362]. Значение причинения ущерба выражается мотивирующей основой: кудыкать — ‘спрашивать без надобности встречных: *куда идёшь?*’ [Даль 1865, т. II: 816].

Формула речевого антиэтикета выполняет таким образом магическую и прагматическую функции, обусловленные мифологическими представлениями жителя сельской местности об отрицательном воздействии нечистой силы при ее упоминании. Во избежание глобальных негативных практических последствий в традиционной коммуникации приветствуется нейтральная вопросительная формула-эвфемизм *далёко (ли) пошла*, обозначающая неопределенные границы пространства и времени.

Очевидно, что в ситуации такого диалога происходит идентификация коммуникантов по шкале общекультурной оппозиции «свой — чужой», что означает сохранение условно-этикетной функции формулы. «Свой» не спросит того, чего не нужно / нельзя спрашивать, потому что помнит о возможных последствиях, «чужой» в этом случае оказывается выразителем речевого антиэтикета, предполагающего (вольное или невольное) «кудыканье».

Итак, использование антиэтикетных формул народной речи может быть направлено на причинение намеренного или ненамеренного ущерба конкретному практическому действию человека. Культурная семантика слов-символов, составляющих подобные формулы, отчетливо характеризует отрицательное воздействие на адресата, что можно заметить в случае действия «этимологической магии» [Толстой 1995] в «дорожной» антиэтикетной формуле, выраженной диалоговым комплексом (*Куда пошла? — На кудыкину гору*).

Источники

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2. М., 1865.

РГ — Русская грамматика. Т. I. / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980.

СРНГ — Словарь русских народных говоров: в 49 т. Л., 1978. Т. 15; 1980. Т. 16.

Литература

Толстой Н. И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. 2-е изд., испр. М.: Индрик, 1995.

Чжао Цихан

аспирант, лаборант-исследователь,
Санкт-Петербургский государственный университет;
st067961@student.spbu.ru

МНОГОЯЗЫЧНЫЙ УЧЕБНЫЙ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ БИОМЕДИЦИНСКОЙ ИНЖЕНЕРИИ

Ключевые слова: терминология, терминосистема, биомедицинская инженерия, терминологическая лексикография, терминологический словарь.

Терминологические словари играют ключевую роль в систематизации и распространении знаний, особенно в научно-технических дисциплинах. Они не только обеспечивают стандартизацию лексики, но и способствуют эффективному образовательному процессу и формированию академических компетенций.

В условиях стремительного развития междисциплинарных областей, таких как биомедицинская инженерия (БМИ), создание многоязычных словарей становится необходимостью для международного взаимодействия, обмена информацией и обучения студентов.

Представленный трехъязычный терминологический словарь БМИ включает 194 лексические единицы (249 с учетом вариативности терминов) и организован в три структурных блока: словарные статьи терминов, схемы терминологических взаимосвязей и словники терминов на русском, английском и китайском языках. Вся терминология распределена по 11 тематическим разделам, отражающим ключевые направления БМИ, такие как биосенсорика, биологическое волновое воздействие, биоматериаловедение, бионанотехнология / нанобиотехнология, биомедицинская микросистема, медицинская робототехника, техническое обеспечение экстремальной медицины, томография, реабилитационная индустрия, телемедицина и телездоровье, NBIC-конвергенция / НБИК-конвергенция.

Разработка словаря базируется на ряде принципов, обеспечивающих его научную и учебную ценность. Во-первых, принцип двойной системности, предполагающий организацию терминов в лексическую и логическую структуры, что упрощает их усвоение. Во-вторых, принцип ценности отобранных терминов, где учитывались их частотность, значимость в дисциплине и актуальность в образовательных материалах. В-третьих, принцип комплексности, согласно которому каждая словарная статья содержит индексацию, этимологию, дефиниции на трех языках и примеры использования. В-четвертых, принцип многоязычности, обеспечивающий возможность использования словаря в международном контексте. Наконец, принцип учебной направленности, ориентирующий словарь на студентов, изучающих БМИ, и поддерживающий образовательный процесс.

Словарь учитывает современные тенденции научного лексикографирования и предлагает иерархическую систему индексации терминов, что облегчает их поиск и установление взаимосвязей между различными терминами в системе БМИ. Включение трехъязычного компонента способствует межкультурному взаимодействию, позволяя специалистам эффективно работать в международных проектах.

Важным этапом в разработке словаря стало внедрение комплексного подхода к классификации терминов, что позволило создать удобную систему навигации. Помимо алфавитного расположения, термины были распределены по тематическим группам, что облегчает поиск информации. Лексическая и логическая системность обеспечивают возможность установления связей между терминами и концепциями, что важно для научных исследований и образовательных целей.

Данный словарь ориентирован на носителей русского языка, изучающих английский или китайский как иностранный, а также на носителей английского или китайского, осваивающих русский как язык специальности в сфере биомедицинской инженерии. Он предназначен для пользователей, обладающих базовыми знаниями морфологии, стандартных сокращений и пра-

вил работы с терминологическими ресурсами. Основная функция словаря — содействие изучению специализированных знаний, терминологии английского и китайского языков, а также подготовка к чтению научной литературы на этих языках.

Таким образом, разработанный словарь представляет собой универсальный учебный инструмент, обеспечивающий стандартизацию терминологии и поддерживающий учебную деятельность в биомедицинской инженерии. Он способствует углубленному пониманию дисциплины, облегчает обучение студентов и поддерживает подготовку специалистов. Его применение расширяет возможности для интеграции БМИ в международное образовательное пространство, улучшает подготовку студентов и снижает барьеры в академическом общении.

Литература

Донина Л. Н., Чжао Цихан. Важность признаков термина при описании терминосистем (в сравнении словарей педагогики и биоинженерии) // «Наука СПбГУ — 2022»: сб. мат-лов Всерос. конф. по естеств. и гуманит. наукам с междунар. участием. СПб., 2023. С. 708–710.

Комарова З. И. Семантическая структура специального слова и ее лексикографическое описание. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991.

Попова Л. В. Термины лексикография и терминография в отечественной лингвистике // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 11. С. 105–108.

Чжао Цихан. Лексикография при составлении специальных словарей (на примере терминов биомедицинской инженерии) // Тезисы LI Международной научной филологических наук конференции имени Людмилы Алексеевны Вербицкой. СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т, 2023. С. 1104–1105.

Щетинина Анна Викторовна

канд. филол. наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина;
a.v.shchetinina@urfu.ru

СТИЛИСТИЧЕСКОЕ МАРКИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ В ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ РУССКИХ НЕОЛОГИЗМОВ

Ключевые слова: неологизмы, лексикография, социальная лексика, стилистические пометы.

Описание новой лексики предполагает создание словарей русского языка, фиксирующих разнообразные языковые единицы, в частности англицизмы, русские жаргонизмы, термины, обиходную лексику и др. Одним из проблемных мест лексикографирования является использование стилистических помет. Практика составления неологических словарей показывает, что традиционная система помет «дает сбои» при описании новых слов. Лимитирующие пометы, традиционно используемые для указания на ограничения в употреблении слова или фразеологизма по разным основаниям: из-за его жаргонного или узкоспециального характера, закрепленности за определенным функциональным стилем, — не позволяют во многих случаях однозначно определить стилистические характеристики нового языкового факта. Тоже наблюдение относится и к пометам, указывающим на эмоциональную окраску слова. Причины возникающих трудностей заключаются, во-первых, в смешении стилистических разновидностей языка в результате активного интернет-взаимодействия пользователей, которые обсуждают широкий круг тем с использованием соответствующей лексики, эмоционально окрашивая ее в зависимости от своей точки зрения, эмоционального восприятия и других факторов.

Так, использование фразеологизма *деловой климат* в научном тексте как ключевого термина статьи из академического журнала не ограничивает его употребление в других стилях: это частотное выражение в публицистических текста (более 1000 примеров в газете «Коммерсантъ»), активно используется в социальных сетях при обсуждении серьезных тем «несерьезным» языком (см. примеры из Живого Журнала). Ср.:

- Статья посвящена тому, как ***деловой климат*** в России оценивается бизнесом, и какие есть возможности для развития бизнеса в стране. Автор рассуждает о том, что происходит с рисками, с которыми сталкиваются компании, вне зависимости от того, решили ли они просто начать бизнес в России, локализовать свою зарубежное производство или иным способом поучаствовать в повышении эффективности российской экономики (*Глухова М. Н.* Деловой климат в России. Новые возможности и существующие риски // Бизнес. Общество. Власть, 2019).
- По словам государственного деятеля, эти задачи были выполнены. Уровень бедности в стране снизился до 9,8 %, выросли темпы ввода жилья, созданы механизмы сдерживания инфляции на допустимом уровне, осуществлялся постепенный переход от импорта технологий к собственным разработкам. Россия вошла в топ-30 стран с наилучшим ***деловым климатом*** в мире (Иванова О. Белоусов на марафоне «Знание.Первые» объяснил, что значит суверенитет // Взгляд. 2023).
- Вчера выкатили данные о ***деловом климате*** бюргеров, цифири все хуже и хуже, но завал случился меньше вангованного, особенно по ожиданиям. А за океаном припали заказы на долгоиграющие товары, хотя объемы сбыта существенно подросли (Биржевые страдания 27.08.2024: rioran // Живой Журнал. 2024).

В конечном счете, сложно определить, где появилось данное выражение, в научном или публицистическом стиле. Как отмечает Е. С. Громенко в связи с явлением «терминологического шума» в современном медиадискурсе, «обнаружение публицистических квазитерминов, терминологических газетизмов в медиадискурсе говорит не только о близости языка науки и языка СМИ, не только о значимости достижений науки в XXI в., не только об интеллектуализации

языка, но об уподоблении публицистического стиля научному стилю, о тяготении языка СМИ в XXI в. к терминологическому наименованию явлений» [Громенко 2023: 31–32]. Кроме того, наблюдается и обратная ситуация, когда в научных публикациях употребляются слова очевидно жаргонного характера, например, *методичка, безвиз, вашингтонский обком* и др. Ср.:

- Украине уже помогли, теперь Армении осталось помочь. И сразу ***безвиз***, смачна кава в Венской опере, зарплаты по 10.000 евро и пенсии по 5.000 евро! (Как будет по армянски Смачна кава и безвиз?: peremogi // Живой Журнал. 2023).
- — За последние несколько месяцев Китай ввел безвизовый режим с семью странами, преимущественно европейскими. Стоит ли россиянам рассчитывать на китайский ***безвиз*** в обозримой перспективе, что было бы вполне логично в русле наших дружеских отношений с Пекином? (Портякова Н. Интервью с заместителем главы МИД РФ Андреем Руденко о тех, кто не поддается давлению западного лагеря // Коммерсантъ. 2024).
- Вместе с тем ***«безвиз»*** предоставил многим жителям Молдовы возможность евроинтегрироваться в частном порядке. По самым скромным подсчетам порядка 600 тысяч молдаван с тех пор переселились в ЕС — это молодые и наиболее трудоспособные граждане (Шорников И. П. Евроинтеграция в условиях Чрезвычайной ситуации: молдавский опыт 2022–2023 гг. и вызовы региональной безопасности // Постсоветские исследования. 2024).

Составление словаря новой русской институциональной лексики показало [Щетинина и др. 2024], что около 50 % неологизмов употребляется как в статьях из академических журналов, так и в текстах социальных сетей, написанных в большинстве своем в разговорном стиле, в том числе с использованием инвективной лексики.

Источник

Щетинина А. В., Леонтьева Е. В., Касатова С. А. Толковый словарь русских неологизмов. Часть 1. Институциональная лексика / под ред. А. В. Щетининой. Екатеринбург: Ажур, 2024.

Литература

Громенко Е. С. О явлении «терминологического шума» в языке // Русская речь. 2023. № 6. С. 24–37.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (проект № 24-28-01530).

Васильева Ольга Владимировна

канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет;
o.vasilieva@spbu.ru

АРЕАЛЬНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ В ПСКОВСКИХ ГОВОРАХ

Ключевые слова: вариативность, псковские говоры, Псковский областной словарь.

Вариативность — неотъемлемое свойство любого живого языка и любой его части. Диахроническая вариативность русского языка при наличии текстов, созданных на нем с XI по XXI в., очевидна даже для неспециалиста. Синхронная вариативность, не нарушающая норм (в первую очередь лексическая и грамматическая), как писал Л. В. Щерба, является несомненным достоинством литературного языка и маркером высокой степени его развития [Щерба 1957]. Если обратиться к русскому национальному языку, то его территориальное варьирование, отражаемое русскими говорами абсолютно на всех языковых уровнях, от фонетики до синтаксиса, прекрасно изучено [Богословская 2005; Захарова, Орлова 1970]. При этом, как правило, в масштабах языка русской нации описание диалектного (территориального) варьирования проводится глобально: сопоставляются особенности огромных территорий, называемых группами говоров [Трубинский 2011].

Вместе с тем при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что группа говоров не монолитна и представляет в свою очередь объединение некоторого количества более частных территориальных подсистем. В высшей степени это характерно для говоров Псковской области, не потому, что она в настоящее время включает в себя 24 района, а потому, что говоры центра (Псковского ядра) здесь издавна отличаются и от говоров севера, являвшегося зоной влияния Новгорода, и от говоров юга, близких к белорусским, есть говоры восточнопсковские, юго-западные и гдовские, и все это уходит корнями еще более глубоко — в эпоху историко-культурных зон, описываемых археологами [Герд 1999]. Диалектологические экспедиции на Псковщину подтверждают частичное сохранение оканья (наряду с аканьем) в Плюсском и Порховском районах, цоканья (наряду с различением аффрикат) в Опочецком, представленность у неслогового (наряду с в) в Невельском и Себежском районах, фрикативного заднеязычного (наряду с взрывным) в южных районах области, шепелявого произношения шипящих (наряду с общерусским их произношением), твердого и мягкого *ч* и т. д. В инструкции Псковского областного словаря с историческими данными перечислены 25 (!) типов только лексических вариантов, зафиксированных в псковских говорах за 70 лет. Наряду с этим объемные ряды синонимов, приводимые к отдельным словам и значениям в словаре, а также толкования ‘То же, что…’ наглядно иллюстрируют вариативность псковских говоров в плане номинации (*Вы́пахать* — то же, что *вы́мести. Метли́ца* — то же, что *метёлка. Набре́шить* — то же, что *набáять. Понимáтельный* — то же, что *понятный*). На уровне морфологии псковские говоры сохраняют вариативность окончания глагола (*он живёт* и *он живё*), наличия / отсутствия постфикса (*он заблудился* и *он заблудил*), окончания существительного женского рода в дательном падеже (*к бабе* и *к бабы*), формы полного прилагательного (*стéльная корова* и *стéльна корова*), на уровне синтаксиса — формы сказуемого в двусоставном предложении (*он уехал* и *он уехавши*), формы дополнения при глаголах перемещения (*пошел за ягодами* и *пошел в ягоды*), прямого дополнения при инфинитиве (*черники брать* и *черника брать*), согласования сказуемого с подлежащим (*народ ходит* и *народ ходят*) и др.

Руководитель секции: О. В. Васильева.

Все указанные диалектные варианты отмечались и в разных памятниках письменности Псковского края, которых (с XII по XVIII в.) насчитывается более ста, что свидетельствует о высокой степени стабильности диалектных систем в диахронии. «Ни один край (удел) феодальной эпохи не сохранил такого обилия торговой, юридической, политической документации, такой богатой местной литературы; достаточно напомнить о выдающихся своим местным колоритом Псковских летописях» [Ларин 1967: 3]. Примечательно, что в Разговорнике Тониса Фенне — немца по национальности, ганзейского купца, который в конце XVI — начале XVII в. жил в Пскове и записал речь его жителей, встречается большое количество диалектных особенностей, которые и в XX в. оставались характерными для псковских говоров. Фенне пишет о стремлении изучить разговорный русский язык, «попутно включая в свое руководство сведения о быте, обычаях, о местной природе, растительном и животном мире» [Мжельская 2003: 19]. Так же попутно в его записи попадают многочисленные диалектные особенности: лексические: *бачка — батюшка*, *другоряд — повторно, выпахать — вымести*; синтаксические: *Выполощи кружка* (им. п. прямого дополнения); *Седлай конь* (вин. = им. п. сущ. *конь*); *возле огонь* (сочетание предлога *возле* с вин. п. сущ.); морфологические: *Мороз великой* (окончание прил. м. р. им. п. ед. ч. *-ой*); *Я заблудил* (глагол без постфикса в соответствии с возвратным глаголом лит. языка); *Надеяться ль мне на тебе?* (вин. п. личного мест. 2 л. с окончанием — *е*); *Та свеча тае* (3 л. глаголов без — *т*); *грейси* (постфикс, восходящий к разным падежам мест. *ся*); фонетические: *володел; соромишься* (второе полногласие); *Не мешай ты мене* (форма Дат. п. мест. 1 л. ед. ч. с основой *-мен-*); *ночёвать, ёму* (ёканье); *Я тебе не солжу* (чередование *г/ж* в корнях); *положи за ее* (форма мест. 3 л. после предлогов без *‘н’*); *Подь сюды* (перенос ударения в императиве на первый слог и редукция безударного суффикса, диалектный вариант наречия *сюда*) и многое другое. «Трудно найти другой источник с таким поражающим количеством лексических, фразеологических и синтаксических фактов старорусского разговорного языка» [Мжельская 2003: 21]. В современных псковских говорах все указанные диалектные особенности, записанные Т. Фенне в 1607 г., соседствуют с общерусскими аналогами отмеченных слов, конструкций и выражений.

Литература

Богословская З. М. Диалектная вариантология: монография. Томск: Том. политех. ун-т, 2005.

Герд А. С. Язык и речь Псковского края // Гадло А. В. (ред.). Историко-этнографические очерки Псковского края. Псков: ОИПКРО, 1999. С. 46–53.

Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. М.: Наука, 1970.

Ларин Б. А. Предисловие к первому выпуску Псковского областного словаря // Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1967.

Мжельская О. С. Лексика обиходно-разговорного языка Московской Руси XVI–XVII вв. (по данным иностранных руководств для изучения русского языка). СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003.

Трубинский В. И. Диалектное членение // Лутовинова И. С. (ред.). Русская диалектология. Хрестоматия научных текстов. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2011. С. 534–561.

Щерба Л. В. Современный русский литературный язык // Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. С. 110–129.

Ветошкина Мария Александровна

аспирант, Тюменский государственный университет;
m.a.vetoshkina@utmn.ru

СТРАХ, СТРАДАНИЕ, ГНЕВ, ОТВРАЩЕНИЕ, АПАТИЯ, ВОСХИЩЕНИЕ: ОБ ЭМОТИВНОМ СЕМАНТИЧЕСКОМ ПОТЕНЦИАЛЕ ДИАЛЕКТНОГО СЛОВА *ЛИХОЙ* И ЕГО ПРОИЗВОДНЫХ

Ключевые слова: диалект, семантика, сема, лексикон, словарь.

В рамках нашего исследования эмотивной лексики старожильческих говоров Западной Сибири мы поставили перед собой задачу проследить преемственность семантики слова *лихой* и его производных в диалектах Предуралья, Урала и Зауралья (Западной Сибири). Это слово входит в пласт общерусских и именует мифологический архетип (образ неудачи, злой судьбы, беды). Оно имеет ярко выраженную эмоциональную окраску и называет внутренние переживания, поэтому мы можем рассматривать его как диалектный эмотив и классифицировать по тому, какой эмоциональный компонент превалирует в структуре значения слова. Мы намеренно не рассматривали пласт значений, связанных с ростовщичеством (*лихоимство*), а также названия лекарственных растений. За этим исключением, взятые из словарной статьи Владимира Ивановича Даля [Даль 1955: 257–258] примеры можно разбить на несколько групп в соответствии с объединяющим их основным эмотивным компонентом значения (табл. 1):

Таблица 1. **Семантика слова *лихо* и его производных в «Толковом словаре…» В. И. Даля**

Эмотивный компонент значения	**Лексемы из словарного гнезда в словаре В. И. Даля и их значение**
Страх	*Лихой* — сущ. злой дух, сатана; … *лихоманится*, чудится, видится страшное, худое. *Лихоматно* кричать, *лихим* или благим матом, изо всей силы, отчаянно
Страдание	*Лихобойный*, бедственный, губительный. *Лихобой*, кто или что губит… *Лихолетье* ср. *лихая* година, бедственная пора. голод, мор и пр. *Лихолетний*, к бедственному времени относящийся
Восхищение	*Лихой* — молодецкий, хватский, бойкий, проворный, щегольской, удалой, ухорский, смелый и решительный; *Лихо* сущ., ср. в нареч.: во втором (значении) бойко, молодецки, разудало и, в редких случаях, злобно, лукаво
Злость, гнев, осуждение	*Лихой* — злой, злобный, мстительный; лукавый. Враг, ворог, зложелатель. *Лихо* сущ., ср. в нареч.: в первом знач. зло. Иногда *лихо* и *лих* означает действие на зло, наперекор
Слабость, болезненное состояние	*Лихая* болесть, сифилитическая; * бедность. Мне *лихо*, сев. тошно, дурно, мутить; дремлется, хочется спать. *Лихой*| орл. накожные болезни, особ. чирей; иногда костоед; симб. конская болезнь, гнойные желваки, ночной топот. *Лихие*, калуж. волосатик, гнойная язва. *Лихач* муж. бранное: *лихая* болесть; полуночный *лихач*, болезнь от нечистого. *Лихотка* муж., вологод. скорбь, утробная хворь
Отвращение	*Лихо* глядеть на тебя, противно. *Лихорожий*, *лихорылый*, отвратительный лицом
Лень, апатия	*Лихо* вставать мне, тяжело, лень

Сопоставим результаты с данными диалектных словарей Пермской [Словарь пермских говоров 2000: 482], Свердловской [Словарь русских говоров… 1971: 98–100] и Тюменской областей [Словарь русских старожильческих говоров… 2014: 357] (табл. 2):

Таблица 2. **Семантика слова *лихой* и его производных в диалектных словарях**

Диалекты/ представленность ЛСГ	Пермская область	Свердловская область	Тюменская область
Страх	*Лихоматом* орать (ухать)	*Лих* вселился (вошёл); *Лихим* матом (орать); *Лиховски* (реветь); *Лихоматичко, лихоматично, лихоматно, лихоматошкой, лихомачьем, лихоматом* (реветь, вопеть, кричать). *Лихоманка* — черт, леший, нечисть	
		Лихома — страх	–
Страдание	–	*Лихосно, лихота* (во 2-м знач.) — беда, горе, тяжелая жизнь	*Лиха* отведать *Лихая* година
Восхищение	*Лихачить* — действовать безудержно, смело, безрассудно. *Ты не лихачь на мотоцикле-то, а то голову свернёшь*	*Лихо* (быстро, живо) *Раньше как жыли — робили, а шас так это лихо работают*	–
Злость, гнев	*Лихость* — зло; злое чувство, досада. *Лихостливый, Лихочливый* — зловредный	*Лихота* — 1. Злость. 3. Злой, противный человек. *Лихой* (о чел.) — тошнотворный, очень неприятный. *Лиховать* (во 2 зн.) — капризничать *Лихостной* — вредный (о чел.). *Лихосный* — недовольный всем. *Лихоимец* — злодей *Лихоманка* — о вредном человеке *Лихоманочной* (во 2 зн.) — зловредный. *Лихорадничать* — затевать плохое. *Лихоститься* — вредить	–
Слабость, болезненное состояние	*Лихоманка* — лихорадка		
	Лихостить — тошнить	*Лихотить* — тошнить	
	Лихо (в 1 зн.) — плохо, тяжко *(недомогание — М. В.)*	*Лиховать* (в 1 зн.) — болеть. *Лихоматно* — тошно. *Лихота* — тошнота. *Лихоманочной* (в 1 зн.) — больной лихоманкой	*Лихотить* (во 2 зн.) — болеть, мучить. *Живот лихотит*
Отвращение	*Лихо* (во 2 зн.) — неприятно. *Лихо* (в 3 зн.) — стыдно	*Лихо* (нареч.) — 1. не хочется, противно	–
Апатия		*Лихо* (нареч.) — 2. лень, неохота. *Лихо* (на работу) — лень работать	

Мы видим и совпадения, полные и частичные, и лакуны, где определенный компонент значения слова не реализовался в диалекте. Также в словарях говоров зафиксирован ряд значений слова *лихо* и его производных, не описанных у Даля, возникших благодаря актуализации периферийных сем: в уральских диалектах *лихой* — ‘невкусный’ (горький, слишком сладкий), *лихоматно* — ‘нахально’; в другом значении — ‘слишком сильно’ (*лихоматно солнце печет*); в говорах Западной Сибири *лиховски* также означает высокую степень проявления признака и т. д.

Выводы:

1. Значительная часть слов, производных от *лихо*, описанных в словаре В. И. Даля, употребляется в диалектной речи в том же значении. Не закрепилось в диалектах *лихо* в значении ‘смело’.
2. Помимо этого, в диалектах Приуралья, Среднего Урала и Сибири от корня *-лих-* образовался ряд новых слов, что демонстрирует влияние миграционных процессов на развитие языка.
3. В диалектах Среднего Урала и Зауралья семантика слова *лихо* и производных весьма схожи, в этом можно проследить процессы взаимного смешения и обогащения лексиконов соседних регионов.
4. Наряду с этим выделяется и ряд производных от *лихо*, характерных для конкретного диалекта. Форма и значение схожих слов в различных локусах может претерпевать незначительные изменения (ср.: *лихотить* и *лихостить, лихо* ‘неприятное’ и *лихо* ‘стыдное’), поскольку одновременно с взаимным обогащением лексического запаса идёт и обратный процесс — автономизации.

Приведенные нами положения не новы для географической лингвистики, однако то, как они отражаются на развитии значения диалектных эмотивов, обладающих значительным семантическим потенциалом, представляется перспективным полем для дальнейших исследований.

Источники

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. И–О. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1955.

Словарь пермских говоров. Вып. 1. А–Н. Пермь: Книжный мир, 2000.

Словарь русских говоров Среднего Урала. Т. 2: К–Н. Свердловск: Ср.-Урал. кн. изд-во, 1971.

Словарь русских старожильческих говоров Юга Тюменской области: в 2 т. Т. 1 / под ред. С. М. Беляковой. Тюмень: Тюмен. гос. ун-т, 2014.

Гальцова Дарья Николаевна

преподаватель, Воронежский государственный университет;
darij98@yandex.ru

НАИМЕНОВАНИЯ ПОСТРОЕК ДЛЯ ВРЕМЕННОГО ПРОЖИВАНИЯ В ВОРОНЕЖСКИХ ГОВОРАХ

Ключевые слова: воронежские говоры, наименования построек, лексика, семантика.

Современные говоры претерпевают изменения лингвистического и экстралингвистического характера, в связи с чем становится актуальной фиксация диалектных явлений. В нашей работе мы обращаемся к названиям построек в воронежских говорах, так как в настоящее время составляющие жилищно-хозяйственного крестьянского комплекса упрощаются либо полностью утрачиваются. Сохранение данных о них представляет собой как языковедческий, так и этнографический интерес.

Объект исследования — диалектные наименования построек для временного проживания. Цель исследования заключается в комплексном лексико-семантическом описании выявленных лексических единиц.

Источниками материала выступают: 1) картотека «Словаря воронежских говоров» (1946–2024 гг.); 2) «Словарь воронежских говоров», вып. 1–3 (2004, 2007, 2019 гг.); 3) персональная картотека автора (2015–2024 гг.).

Наименования жилых построек для временного проживания в воронежских говорах представлены лексемами ***время́нка, ка́менка, кильди́мка, кле́тка, клеть, куре́нь, обе́дник, просте́нок, пу́нька, хи́жка.***

Отметим, что к группе построек для временного проживания относим не только строения, которые становятся для хозяев жилищем на протяжении длительного времени (например, пока строится основной дом), но и сооружения, являющиеся летними спальнями, дворовыми хозяйственными постройками, где, помимо всего прочего, допустимо ночевать летом и/или зимой и при необходимости возможно прожить определенный период. Такое объединение оправдано тем, что на современном этапе развития говоров не представляется возможным полностью разграничить функционал описываемых реалий, часто постройка для временного проживания даже в одном и том же хозяйстве в зависимости от ситуации является летней спальней, летней кухней или аналогом кладовой, кроме того, информантами может добавляться, что раньше указанное помещение протапливалось и долгое время служило полноценным жилищем.

Рассмотрим некоторые названия построек для временного проживания в воронежских говорах.

Повсеместно распространенным на воронежской территории является слово *время́нка*. Строение, называемое *время́нкой*, представляет собой небольшой дом, состоящий из сеней и отапливаемого помещения. В постройке такого типа можно готовить пищу, ночевать как летом, так и зимой, хранить предметы быта, складывать собранные овощи, а также оборудовать место для содержания выводка домашней птицы, о чем свидетельствуют контексты употребления слова: *как дом р'ъмант'и́рую, так* ***въ вр'им'а́нк'ь*** *жыву́: и т'о́плъ, и хърашо́, и п'еч', и кры́шъ нъд уълаво́j*; *ja л'е́тъм мауу́ въ вр'им'а́нк'ь спат', а кауда́ хъладно́, цыпл'а́ты у м'ин'е́ там.* СТ. КРЛ. Аннин.

Постройку для временного проживания в воронежских селах могут также называть *пу́нькой*: *л'е́тъм* ***ф пу́н'к'ь*** *сп'им.* ПТЛ. Реп. Отмечается, что раньше *пу́ньки* строились во дворах больших семей для каждой невестки, где она хранила свое имущество, также подчеркивается, что в таких помещениях могли спать летом, а иногда и зимой [Русские 1967: 146]. С разрушением традиционного уклада надобность в нескольких отдельных помещениях для хранения скарба и возможности ночевки стала отпадать. Сейчас постройки, именуемые *пу́ньками*, не имеют связи с имуществом невесток. В воронежских говорах можно выделить три значения данного слова: 1) летняя спальня (в ограниченном количестве сел); 2) помещение для хранения скар-

ба; 3) помещение для хранения сена и соломы. В некоторых говорах первое и второе значения объединяются.

Представляет интерес слово *кильди́мка* в значении ‘постройка для временного проживания’: ***ф кил’ди́мк’ь*** *жы́л’и, пака́ избу́ н’ь пастро́ил’и.* ПСК. Повор. Многие ученые обращали внимание на особенности происхождения и распространения этого слова. В СРНГ фиксируется *кильди́м* в значениих ‘публичный дом’ (Самар., Пенз., Сарат., Вят., Перм.), ‘сборище, сброд’ (Дон.), ‘изба, в которую молодежь собирается на посиделки’ (Вят., Ульян.), ‘небольшой домишко’ (Уральск.), ‘о большой безалаберной семье’ (Ульян.) и *кильди́ма* ‘хижина, избенка’ (Иркут.) [СРНГ-13 1977: 210]. С. А. Мызников считает, что слово тюркского происхождения, но в то же время, по его мнению, сближается со словом *ке́лья*, бытующим в говорах с похожим значением, в связи с чем он предполагает контаминацию тюркских и русских данных [Мызников 2019: 298–299].

В ряду наименований построек для временного проживания стоит отметить слово *просте́нок*: *мы тада́ одно́ вр’и́м’а* ***ф прост’е́нк’ь*** *жы́л’и*. Рассматриваемая лексема зафиксирована лишь в с. Новый Курлак Аннинского района, которое заселялось жителями владимиро-поволжских территорий и в котором частично сохранился говор с севернорусской основой. В СРНГ присутствуют пометы Костр. и Влад. [СРНГ-32 1998: 240], что говорит о севернорусском и среднерусском распространении данной лексемы. Интересно, что в соседних южнорусских селах, составляющих окружение Нового Курлака на протяжении трех веков, слово *просте́нок* не употребляется.

Таким образом, рассматриваемая лексика имеет системную организацию. Проанализированные наименования свидетельствуют о разноплановости и продуктивности воронежских говоров. Исследование наименований построек для временного проживания способствует уточнению существующих этнолингвистических и лингвогеографических сведений о Воронежской области и вносит вклад в создание лингвистической модели жилищно-хозяйственного крестьянского комплекса.

Источники

Мызников С. А. Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. М.; СПб.: Нестор-История, 2019.

Русские. Историко-этнографический атлас. М.: Наука, 1967.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–52 / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова, С. А. Мызникова. М.; Л.; СПб: Наука, 1965–2021.

Каргина Анна Петровна

канд. филол. наук, доцент,
Камчатский государственный университет им. Витуса Беринга;
annakarg@mail.ru

ОБРАЩЕНИЯ ПО ПОЛОВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ В ГОВОРАХ КАМЧАДАЛОВ

Ключевые слова: говоры камчадалов, общерусское слово, диалектное слово, обращение к собеседнику.

Обращение — важный элемент коммуникации, который имеет большое значение для проявления вежливости и уважения к собеседнику. Это касается прежде всего устной формы общения, представленной в тех или иных разновидностях национального языка. Использование вокативов в говорах имеет как общие с литературным языком, так и отличительные черты. В настоящей статье рассмотрим некоторые особенности функционирования обращений, являющихся названиями по половой принадлежности, которые встречаются в русских говорах позднего заселения (на примере речи камчадалов).

В качестве обращений к девушке, женщине (не являющейся родственницей собеседнику) используются общерусские слова **мать** (*Ты чё, мать, где йа тебе́ возьму́ холоднуйу во́ду.* Млк.) и **ма́мка**: *Типе́рь, ма́мка, ра́зныйэ пла́тийэ бува́йут*. Плн.

Другая общерусская лексема, **де́ва**, используется камчадалами, в отличие от носителей литературного языка, для обращения к любой женщине, независимо от возраста:

Де́ва, на́до корми́ть тем, что са́ми йэди́м. Ой, дева́, каки́йэ-то игру́цьки, йа ничё не бу́ду говори́ть. О, де́ва, йа ма́заца не бу́ду, поте́йэш, мась в глаз. Млк. Это характерно и для других говоров, например, Л. Ю. Зорина замечает это в отношении вологодских говоров [Зорина 2017: 77].

Для обращения к женщине в говорах камчадалов также употребляется диалектное составное наименование **де́ва-ма́цка.** Скорее всего, часть *ма́цка* — это фонетический вариант слова *ма́тка*, связанный деривационными отношениями со словом *мать. В* «Словаре русских народных говоров» зафиксирована лексема *ма́цка,* которая имеет толкование: «Мацка, и, ж. Матушка. Бирск. Оренб., 1849. Ряз.» [Словарь 1982: 54]. У В. И. Даля в «Толковом словаре живого великорусского языка» одно из значений слова *ма́тка* — ‘баба, женщина’ [Даль 2006 II: 310]. Возможно, сочетание *дева-мацка* восходит к *Девоматерь* «Пресвят. Богородица» [Даль 2006 I: 480]. Камчадалы исповедовали православие, и это слово могло приобрести дополнительное значение вокатива при обращении женщин друг к другу: *Ты што, де́ва-ма́цька, де́лайэш? — Да йа, де́ва, карто́шку сушы́ла. Ра́ньшэ, наприме́р, говори́ли: «Ой, де́ва-ма́цка, йа пришла́ домо́й, да забу́ла, што де́лать на́да. Ну «де́ва-ма́цка» называ́ли весь жэ́нский пол, в разгово́рах так называли. Де́ва-ма́цка — обраще́нийэ г жэ́нщине.* Млк.

Наряду с уважительным и нейтральным употреблением наименования **де́ва-ма́цка**, *в* говорах употребляются слова, которые также являются диалектными — **ба́ска** и **де́ва-ба́ска,** которые выражают отрицательную оценку способа говорения: *Ба́ска ты, де́ва-ба́ска, не ла́дно ска́зывайэт, обраще́нийэ.* Млк. Компонент *баска*, возможно, восходит к глаголу *баси́ть*, отмеченному В. И. Далем как «*сев.-вост.*» (то есть характерное для северного и восточного наречий, в том числе Сибири). Одно из значений данного слова в «Толковом словаре живого великорусского языка» – ‘занимать в беседе других, краснобаить, потешать росказнями’ [Даль 2006 I: 108]. В речи камчадалов, потомков русских казаков, носителей севернорусского наречия, развивается сема отрицательной характеристики способа ведения беседы.

Обращения к лицам мужского пола более вариативны и имеют, как правило, значение ‘друг, товарищ’. При обращении мужчин к мужчинам (обычно в шутливой или ласковой стилистической тональности) используются следующие вокативы, образованные от терминов родства, обозначающих отца или брата:

Ба́тя. *Ба́тя, ты дай ме́ста* (на рыбалке) *лю́дям. Дава́й, ба́тя, мне са́ло.* Млк.
Ба́тько. *Э-э, ба́тько, медве́ть-то не дура́к.* Млк.

В качестве обращения и женщин, и мужчин к мужчине употребляется слово **ба́чка**: *Заче́м, ба́чька, пришо́л? За хле́бом? За са́харом? За ча́йэм? За со́льйу?* Елз. А у *камчядáлоф обращéнийэ бы́ло «ба́чька». Ты уш ба́чька!* У.-Б. «*Ба́чька», так обращя́лись г дру́г дру́шке.* У.-К.

Данная лексема также соотносится с терминами родства. Слово **бачка** зафиксировано в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля в значении ‘сокращенное батюшка, отец’ [Даль 2006 I: 112]. В говорах камчадалов оно используется для обращения не к отцу, а к мужчине вообще и имеет варианты **ба́цка** и **ба́цко**, которые отражают такую фонетическую особенность камчадальского наречия, как цоканье: *Зéньсины к мущи́нам образ^{ц}а́лись сло́вом ба́цка. Ба́цко — обращéнийэ к мушчи́не.* Млк.

Фамильярное и дружеское обращение к мужчине, юноше, мальчику выражается также общерусским словом **бра́тец** (*Ну што, бра́тец, выходи́*. Млк.) и диалектным **бра́тка** (*Чё ты, бра́тка, пла́чеш?* Квр.).

Кроме того, в говорах камчадалов зафиксировано диалектное слово **па́ря** (производное от *парень*), которое используется как обращение мужчины к мужчине: *А мужыко́ф называ́ли па́ря, ба́цка, наприме́р, ой, па́ря, ба́цка, ты приврáл так приврáл, софсе́м бы́ло не так.* Млк.

В «мужском» общении, как видно из примеров, чаще, чем в общении женщин, используются вокативы, связанные с терминами родства. Тогда как у женщин более распространены обращения по возрастному признаку (*де́ва, де́ва-ма́цка*).

Таким образом, в функции обращения по половой принадлежности в говорах камчадалов употребляются, с одной стороны, слова, представляющие собой термины родства, с другой стороны, — наименования, которые в основном значении связаны с молодым возрастом. Все эти обращения могут адресоваться собеседнику любого возраста, при этом не связанному с говорящим родственными отношениями. Они помогают создать особую атмосферу общения, способствуют установлению контакта и, безусловно, являются важной частью языковой культуры камчадалов.

Список используемых названий населённых пунктов Камчатского края и их сокращений

Елз. — г. Елизово,
Квр. — с. Ковран,
Млк. — с. Мильково,
Плн. — пгт. Палана,
У.-Б. — с. Усть-Большерецк,
У.-К. — п. Усть-Камчатск.

Источники

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: РИПОЛ классик, 2006.

CHYU — Словарь русских народных говоров. Вып. 18. Масленичек — Мутарсливый / гл. ред. Ф. П. Филин. Л.: Наука, 1982.

Литература

Зорина Л. Ю. Обращения в вологодских народных говорах как отражение особенностей традиционной коммуникативной культуры // Вестник Костромского государственного университета. 2017. Т. 23, № S. С. 76–80.

Исследование подготовлено за счет средств субсидии молодежной лаборатории лингвистической антропологии федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Камчатский государственный университет имени Витуса Беринга» на выполнение государственного задания.

Карпун Мария Александровна

ст. преподаватель, Южный федеральный университет;
makarpun@sfedu.ru

ДОНСКИЕ ДИАЛЕКТНЫЕ ФИТОНИМЫ, ВКЛЮЧАЮЩИЕ НАИМЕНОВАНИЯ ТИТУЛОВ ВОСТОЧНЫХ ПРАВИТЕЛЕЙ

Ключевые слова: донские говоры, фитонимы, мотивация, восточные титулы.

Рассматриваемая подгруппа донских диалектных фитонимов (далее ДДФ) не очень велика, но тем не менее и в ней отражены рефлексы культурных контактов казаков. По справедливому замечанию А. Б. Ипполитовой, «в народной биологии некоторые растения… могли обозначаться при помощи терминов социальной лексики… *и* производных от них. Основаниями для этого служили внешние признаки: необычная расцветка, размер (высокий, большой), чудесный атрибут, красота, редкость» [Ипполитова 2008].

Примерами могут служить ДДФ, образованные от лексем *султан* и *хан*. Обе лексемы заимствованы из восточных языков, где обозначают титул правителя, в донских же говорах они приобретают иное фонетическое и морфологическое оформление и, меняя денотат, становятся названиями растений.

Лексема *султан*, которая используется для обозначения правителя в некоторых мусульманских странах и обладает метафорическим потенциалом, реализуемым в обозначении ‘лучший в своем роде, главный’, как, например в новосибирских говорах, где султан — ‘высокий, крепкий, видный мужчина’ [СРНГ 2008, вып. 42: 225], в диалектных фитонимах теряет эту сему. На первое место выходит мотивация по внешнему виду, то есть актуализируется значение ‘расширяющийся кверху пучок чего-либо’. Это явление наблюдается в донских, тверских, псковских говорах. Например: фонетический ДДФ *салтан* обозначает не само растение, а его часть, напоминающую по форме пучок: *Тютина* (донское диал. ‘шелковица’) *салтанами красными цвитеть* [БТСДК 2003: 469]. Это значение зафиксировано и в литературном языке как третье для лексемы *султан* [МАС 1984, т. 4: 304]. Как ДДФ лексема *султан* называет обычные растения, культурные и дикорастущие, не обязательно являющиеся лучшими представителями своего класса. Так, в донских говорах: *Султан* ‘Комнатное растение (гибискус?)’. *Султан бальшой растёть, листя как у китайскай розы, тольки сьвятеть бальшым грамахвонам, буваить разный* (Веш). *Султан — комнатный цвяток. Лист зупчиками, крупный, цвятеть грамафончиками* [БТСДК 2003: 518]. В псковских, тверских, костромских говорах *султан* обозначает ‘болотное растение с семенником наподобие султана, рогоз широколистный Typha latifolia L.’ [СРНГ 2008, вып. 42: 225]. Отсутствие сакрализации термина *султан* проявляется и в возможности образования уменьшительной формы *салтанчик*, также являющейся фитонимом. Он более популярен, чем исходный вариант *султан*, но обозначаемые им растения тоже не претендуют на роль лучших в своем роде. Например, в донских говорах: *Салтанчик* ‘Декоративное растение живокость русская Delphinium rossicum’. *Насеяла салтанчикаф, ани разнацветнаи да харошаи* [БТСДК 2003: 469]; в других говорах: горец змеиный, ятрышник болотный, дербенник иволистный, вероника аптечная [СРНГ 2008, вып. 42: 225].

Ещё одна лексема, *ханка*, обозначающая восточного правителя, хана, также встречается в новгородских, курских, краснодарских, новосибирских, донских говорах, например, ДДФ: *Ханка* ‘Сорт мелкой пустотелой тыквы’. *Ханка, как куриная яйцо, есть жолтыя, есть такия, как блюцца здавлиныя, есть рупчастыя, есть как тыкли. Ханка — децкая игрушка, растеть круглинькая, рябинькаи палосачки и белинькия* [БТСДК 2003: 554]. Как видно из приведенных контекстов, *ханка* обозначает сорт тыквы, используемый скорее в декоративных целях, чем употребляемый в пищу. Основой мотивации здесь, как и в предыдущем случае, служит не семантика ‘лучший и главный’, а внешний вид плода. Его пестрая, яркая окраска напоминает многоцветный восточный костюм, что и послужило причиной возникновения названия. Диалектизм *ханка* на Кубани может обозначать сорт как тыквы, так и дыни, отличающийся вы-

сокими вкусовыми качествами: *ханки/ ханьки — пахучии такии*, *сейчас их нема* [СРНГ 2016, вып. 49: 294–295], то есть, в ряде говоров семантика ‘лучший’ у рассматриваемой лексемы всё-таки сохраняется. В воронежских говорах зафиксировано наименование *~Ханское яблоко* ‘белое, крупное и сладкое яблоко’, в екатеринбургских и московских это шиповник: *Стоит дерево ханское*, *Платье шамаханское*, *Цветы ангельски*, *Когти дъявольски* (шиповник) [СРНГ 2016, вып. 49: 295].

Название титула не всегда прямо отражается в фитониме, иногда основа мотивации вербализуется в качестве мотива или ассоциации. Например, стойкое представление о том, что с именем первого великого хана Монгольской империи, с его завоевательными походами связаны насилие, притеснение, вытеснение, легло в основу мотивации ДДФ *чингиска*, который обозначает траву, вытесняющую другие травы. *Па-над Донам и чирнабыл растеть, и пирикатиха, и чингиска, и имурок* (Веш.). *Расстилался взявший засилье ковыль, сменяясь разнотравьем: овсюгом, желтой сурепкой, молочаем, чингиской — травой суровой, однолюбой, вытеснявшей с занятой площади все остальные травы* (М. Ш.) [БТСДК 2003: 580].

Рассмотренные ДДФ позволяют говорить не только о культурных контактах казаков, но также о возникающих на основе этих контактов ассоциациях, определяющих мотивационные модели. Лексемы, мотивированные наименованиями восточных монархов, в говорах не всегда сохраняют семантику ‘главенствующий’, чаще этот мотив нивелируется, уступая место характеристикам внешнего вида растения. В ДДФ, мотивированных лексемой *царь*, наоборот, ярко выражено значение ‘лучший, сильный’, что свидетельствует об отражении жизненных приоритетов донских жителей и в процессе номинации растений.

Источники

БТСДК — Большой толковый словарь донского казачества. М.: Астрель, 2003.

Ипполитова А. Б. «Та трава есть царь во всех травах…»: поверья о «царских растениях в устной и рукописной традиции, 2008. URL: https://ruthenia.ru/folklore/ippolitova1.htm (дата обращения: 20.10.2024).

МАС — Словарь русского языка в 4 т. Т. 4 / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1984.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 42 / гл. ред. Ф. П. Сороколетов. СПб.: Наука, 2008; вып. 49 / гл. ред. С. А. Мызников. СПб.: Наука, 2016.

Королькова Мария Денисовна[1], Махрачёва Татьяна Владимировна[2]

[1]канд. филол. наук, ст. научный сотрудник,
Институт лингвистических исследований РАН;
skifane@gmail.com
[2]канд. филол. наук, доцент,
Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина

К ВОПРОСУ О ПРИВЛЕЧЕНИИ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ДАННЫХ ПРИ ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ ЛЕКСИКИ

Ключевые слова: лингвогеографический анализ лексики, лексика ремесел, русские говоры, лексикография.

Лексическая система русских говоров обладает большей пластичностью, чем грамматическая, и наименования для реалий материальной культуры и для деятельности человека при правильной атрибуции могут сообщить об общности и контактах людей даже в тех ситуациях, когда другие свидетельства отсутствуют.

В частности, ремесленная лексика — репрезентативная часть специальной лексики любого языка. В славянских языках, особенно в русском, лексика ремёсел обладает богатой историей в связи с распространением и развитием самих видов производственной деятельности. Показательно проникновение ремесленной терминологии в современные терминосистемы. Эта лексика фиксируется в лексикографических источниках непоследовательно, что вызвано отсутствием специальных исследований, посвященных особенностям ее функционирования и семантической специфики.

Основная функция слов, входящих в состав ремесленной лексики — максимально чётко и понятно назвать предмет, действие или явление. Для понимания значения этих слов и, возможно, причин того или иного наименования, входящих в состав ремесленной лексики, необходима опора на реалию, которая невозможна без обращения к энциклопедическим данным.

Но исследователь не всегда может получить системные сведения по каждому из ремёсел, иногда он вынужден опираться на единичные фиксации в лексикографических источниках. Это порождает дополнительные проблемы изучения, в том числе и из-за недостатка этнографических сведений.

По материалам полевых экспедиций и региональных лексикографических источников авторы провели лингвогеографический анализ отдельных понятий и выявили примеры единиц, требующие этнографических пояснений при анализе.

Ярким примером могут служить наименования инструментов для чесания растительных волокон или шерсти (подготовка волокна к прядению, валяльный и собственно шерстечесальный кустарные промыслы).

Шерсть или же *волна* состригается с овец специальными ножницами и чешется посредством специальных инструментов. Существует несколько видов инструментов для чесания: наиболее древний инструмент для ручного чесания шерсти (большой деревянный гребень), его более поздний вариант — деревянный брусок с набитыми на нем железными прутьями, специальный ручной станок для битья шерсти (лучок со струной и решеткой), механическая чесальная машина, современный электрический станок с валами разного размера (различие в подаче энергии, в одном случае механизм приводится в движение специальной ручкой, в другом — электрическим приводом). Для каждого из инструментов имеются отдельные названия.

Многозначность некоторых лексем также требует этнографических пояснений. Например, лексема *кубарь*, по разным источникам имеющая значения ‘часть детской игрушки’, ‘рыболовная снасть, рыболовная ловушка’, ‘округлый глиняный сосуд’, ‘свернутая заготовка валенка’ и др. Этот случай наглядно демонстрирует, что мы не можем довольствоваться только словом в контексте или краткой словарной дефиницией, для ряда реалий важно их изображение.

Для работы в этом направлении полезно обратиться к данным Государственного каталога Музейного фонда Российской Федерации, где большинство экспонатов региональных районных и областных краеведческих музеев представлено с изображениями и с указанием географии их бытования.

Доклад подготовлен при финансовой поддержке гранта Тамбовского государственного университета им. Г.Р.Державина для поддержки научных коллективов, Приказ № 490/1 от 02.09.2024 г.

Макшакова Татьяна Аркадьевна

лаборант-исследователь, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина;
Tatiana.Makshakova@yandex.ru

«ОТ БОГА РОЖДЕННЫЙ»: ОБРАЗ ЮРОДИВОГО В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ДИАЛЕКТОНОСИТЕЛЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ КОСТРОМСКОЙ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЙ ТРАДИЦИИ)

Ключевые слова: юродство, костромские говоры, языковое сознание.

Феномен юродства широко исследуется историками культуры, этнографами, религиоведами и, конечно, филологами, но, кажется, рецепция юродства русскими крестьянами изучена пока не в полной мере. Традиционная культура усваивает идею христианского подвижничества, своеобразно перерабатывая её. Настоящая работа представляет краткий обзор диалектных номинаций юродивых, бытующих в деревнях Костромской области. Материал извлечен из лексических картотек Топонимической экспедиции Уральского университета* (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации, Екатеринбург).

В восточнохристианской традиции юродство — выбор верующего. Юродивый, по определению С. А. Иванова, «публично симулирует сумасшествие, прикидывается дураком или шокирует окружающих нарочитой разнузданностью» [Иванов 2005: 9]. Как кажется, в сельском социуме идея притворного сумасшествия зачастую нивелируется (однако см.: [Мороз 2016], где в нарративах о деревенских чудаках сохраняется мотив подвижничества), что подкрепляет восприятие юродивых как божьих людей по праву рождения или случая: костр. *Иро́дливый — это вроде от бога созданный, как бы святой*. Укажем также, что традиционная культура редко выделяет юродивых, нарушающих общие для всех нормы поведения, из числа глупцов, сумасшедших, нищих. Так, обращаясь к лексикографическим фиксациям диалектных обозначений юродивых, мы можем заметить, что в дефинициях часто определение «юродивый» даётся в ряду других значений, создающих лексеме семантический негативно-оценочный фон: твер. *благовни́к* ‘помешанный, юродивый, дурачок’ [СРНГ 1966, вып. 2: 305], твер. *лашу́ня* ‘дурачок, юродивый’ [СРНГ 1980, вып. 16: 299], олон., волог., арх. *пришали́мок* ‘глупый, помешанный, юродивый человек’ [СРНГ 1998, вып. 32: 64] (также ср. урал. *христарадиуро́дливый* ‘увечный человек, просящий милостыню’ [ДСРГСУ 1987, т. VI: 558–559]) etc. Как кажется, диффузность семантики лексических единиц, обозначающих юродивых, может быть обусловлена экстралингвистическими факторами. Отсутствие строгой регламентации духовной жизни в деревне (ср. многочисленные культы местночтимых святых), амбивалентность оценки деревенских чудаков (ср. *Евлога на Бызове ровно был — ходил по деревням, кто что подаст ему. Детей пугали Евлогой: поймает да в мешок поймает. А у него и правда мешков да котомок много было. К нам-то он приходил, уж не выгоняли его. Всегда и в баню, и постирать, и стопочку даст отец этому Евлоге*) способствуют смешению понятия юродства со смежными смысловыми зонами — интеллектуальная неполноценность, бродяжничество.

Наиболее близкими к литературному обозначению юродивого оказываются номинации, представляющие собой фонетические или словообразовательные варианты общенар. *юродивый*: *иродо́вый* ‘блаженный, юродивый’; *иро́дливый* ‘юродивый’. Предположим, что в приведённых языковых фактах также отражаются результаты контаминации с *-ирод-*, ср. курск., тул. *и́род* ‘о жадном человеке’ [СРНГ 1977, вып. 12: 210]. К этой же группе можно отнести дериваты корня *-бож-* (общенар. устар. *бо́жий челове́к* ‘странник, нищий, юродивый; блаженный, святой’ [БАС 2011, т. 2: 99]): *боже́нный* ‘блаженный’, ср. курск., орл., твер., смол., пск. *божево́льный* ‘одержимый припадками, помешанный, сумасшедший, безумный’ [СРНГ 1968, вып. 3: 62]. Восприятие юродивого как божьего человека отражается, очевидно, и в диалектизмах с корнем *-благ-* (о влиянии института юродства на развитие пейоративной семантики у старославянизма *бла-*

* Далее в тексте языковые факты относятся к костромским материалам ТЭ, если не указано иное.

женъ см.: [Толстой 1995: 351–352]): *благáска* ‘человек со странностями (когнитивными); блаженный’; *благутóнный* ‘блаженный, ненормальный’.

Очевидно, выбор закрепляемого лексически качества юродивого часто зависит от конкретного опыта диалектоносителей: в одних деревнях чудак выполняет социально значимые функции (нередко к божьим людям приходят за помощью — лечением или предсказанием), в других — только нарушает спокойствие односельчан. Так, к первому сценарию можно отнести *прозорли́вый* ‘ясновидящий, блаженный, юродивый’ — *Все ещё считали прозорли́вая баба, вот Блаженная Ксения прозорли́вая*; *У них там женщина была — прозорли́вая Еленушка её называли, она хоть и не нищая была, но ходила.* Негативная оценка блаженных отражена в производных от корня *-дик-*: *ди́кий* ‘глупый, шальной, умственно неполноценный’; *как Та́ся Ди́кая* ‘о человеке, поступающем неправильно, совершающем странный поступок’ — *Как Тася Дикая говорили. Это тоже ходила нищая, она дикая была. И вот говорили: «как Тася Дикая»*.

Заметим, что в последнем языковом факте апеллятив *дикий* становится компонентом антропонима, однако всё сравнение фразеологизируется и начинает использоваться для характеристики других деревенских чудаков. Также скажем, что в говорах нередко для обозначения типической ситуации используется сравнение с известными диалектоносителям людьми, ср. *как Катя с Ваней* ‘о людях, которые всё время вместе’. Систематическое обращение к персонажам местной истории способствует деонимизации имен собственных (ср. примечательное бытование имени в качестве прозвища деревенского дурачка: *Я помню, Гриша был, Аннушка была, и вот мне слово Аннушка… потому что они такие были немножко вро́де Воло́ди, похожи на ружьё. И когда Тамара назвала Гришей, я думаю: почему Вовку-то всё в молодости Гри́ша звали, у него прозвище Гри́ша*): *фети́нья* ‘блаженная, юродивая женщина’, *благо́й андриа́н* ‘бран. о неадекватно ведущем себя человеке’. Примечательно, что подобные апеллятивизированные номинации долго не теряют связь с референтом: *Заприду́ривает кто — ну, скажем, как евло́га ты. Евло́га — мужик ненормальный был. С мешком ходил*. Популярность отантропонимических наименований юродивых можно связать с особым типом прецеденции в традиционной культуре (подробнее см.: [Березович 2012: 42–43]).

Юродивый — божий человек, существующий в мире людей. Оценка феномена юродства диалектоносителями формируется как под воздействием христианской традиции (*иро́дливый — это вроде от бога созданный, как бы святой*), так и под влиянием бытового опыта взаимодействия с деревенскими чудаками.

Источники

БАС — Большой академический словарь русского языка. Т. 2: Благо — внять / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; ред.: Л. И. Балахонова. М.; СПб.: Наука, 2011.

ДСРГСУ — Словарь русских говоров Среднего Урала. Дополнения: в 7 т. Т. VI: Скамейка — хыркать. Свердловск: Средне-Урал. кн. изд-во, 1987.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–52 / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова, С. А. Мызникова. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2021.

Литература

Березович Е. Л. Местные топонимы в свете деривационной и фразеологической семантики // Язык и прошлое народа: сб. науч. ст. памяти проф. А. К. Матвеева / отв. ред. М. Э. Рут. Екатеринбург, 2012. С. 25–52.

Иванов С. А. Блаженные похабы: культурная история юродства. М.: Ин-т славяновед. Рос. акад. наук, 2005.

Мороз А. Б. К фольклорному стереотипу святости. Деревенские чудаки // Genius Loci: сб. ст. в честь 75-летия С. Ю. Неклюдова. М.: Форум, 2016. С. 127–154.

Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995.

Мызникова Янина Валерьевна

канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет;
janinam@mail.ru

ЛЕКСИКА ОХОТЫ В РУССКИХ ГОВОРАХ СИМБИРСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

Ключевые слова: диалектология, лексика охоты, терминология, профессиональная лексика, говоры Симбирского Поволжья.

Охота в Симбирском Поволжье всегда была одним из важных промыслов благодаря замечательным охотничьим угодьям этого края. Начало детальному изучению и подробному описанию охоты в русской литературе было заложено ещё в XIX в. в трудах С. Т. Аксакова, П. М. Мачеварианова, П. М. Губина, Е. Э. Дриянского, А. А. Черкасова и др. Подробная характеристика промысловой лексики содержится в работах И. А. Подюкова, в первую очередь, в составленном под его руководством «Охотничьем словаре Прикамья» (2018 г.). Характеризуя язык традиционного охотничьего промысла, авторы словаря пишут: «Так называемый русский охотничий язык и составляющую его специальную лексику по всем признакам можно отнести к уникальному «продукту» народного культурно-языкового творчества» [Охотничий словарь: 75]. Авторы также указывают, что «охотничья традиция имеет ярко выраженную региональную окраску, вписана в местные природно-географические, культурно-языковые условия» [Охотничий словарь: 76]. Всё сказанное прежде всего характеризует именно промысловую культуру, в которой охота является средством обеспечения выживания человека.

В настоящее время промысловый характер охоты сохранился в основном в северо-восточных регионах, прежде всего, в Сибири и на Дальнем Востоке. В большей части регионов России современные охотники являются любителями или спортсменами, они используют преимущественно охотничью терминологию, которая присутствует в толковых словарях, например, в «Словаре современного русского литературного языка» в 17 томах, так как представлена в произведениях русских писателей — любителей охоты, таких, как С. Т. Аксаков, И. С. Тургенев, М. М. Пришвин и др. Тем не менее и в современном охотничьем языке сохраняются многие традиционные особенности, например, традиция эвфимизации охотничьей лексики: *не убивать зверя*, а *добывать,* (*Утки падлетают, ты раскрываешся, фсё, пажалуйста, дабывай, не убивай, а дабывай. Убивать можна врага, а дич нада добывать.* Чердаклинский р-н), не *охотиться*, а *работать* (*Да я дабывал медведя, ф Табольске работал.* Чердаклинский р-н).

Материалом для данного исследования послужили записи рассказов охотников, сделанные автором во время диалектологических экспедиций в Старомайнском, Чердаклинском и Николаевском районах Ульяновской области, а также лексические данные из статьи А. А. Аникина, собранные в Базарносызганском районе Ульяновской области [Аникин 2021]. В настоящее время охота в Ульяновской области носит любительский характер, однако используемая охотниками лексика является профессиональной, т. е. употребляется в узком сообществе охотников.

Между современными охотниками происходит активное общение не только внутри существующих охотничьих сообществ, но и в интернет-среде на многочисленных охотничьих форумах и профессиональных сайтах (Охотники.ру, журнал «Охота», гончиероссии.рф, форум «Питерский охотник» и др.), где имеются целые библиотеки охотничьей литературы: книги, газеты и журналы XIX, XX и XXI вв. Таким образом, материалы охотничьих интернет-сайтов могут служить вспомогательным средством для выявления профессиональной охотничьей лексики.

Диалектологи закономерно ставят вопрос о наличии в группе охотничьей лексики диалектизмов или регионализмов [Аникин 2021: 80]. На этот вопрос утвердительно отвечают исследователи говоров промысловых регионов, где нет благоприятных условий для земледелия, а охота всё ещё играет важную роль в хозяйственной деятельности человека [Подюков 2014: 50; Павлова 2016: 66]. В регионах с развитым сельским хозяйством охота не влияет на жизнеобеспечение человека и становится делом отдельных любителей и профессионалов, в таком случае в группе охотничьей лексики преобладает профессиональный компонент.

Бóльшая часть охотничьей лексики, зафиксированной в Симбирском Поволжье, хорошо известна как охотникам-любителям, так и профессионалам-промысловикам. Анализ лексем в составе различных тематических подгрупп показал специфику современного диалектного охотничьего дискурса в Ульяновской области. Все лексемы в составе подгрупп «Следы животных» и «Способы охоты» являются частью профессиональной охотничьей терминологии: *гон, в засидку, самотопом, по чернотропу, скидка, петля*.

Другие подгруппы содержат небольшое число лексем диалектного и регионального характера. В подгруппе «Средства охоты» лексемы *волок*, *труба*, обозначающие ловушки на крупного зверя, используются преимущественно в промысловых регионах Севера России, Сибири и Дальнего Востока. Единичные диалектные лексемы отмечены в группах «Наименования охотников» (*мельчатник*), «Наименования собак» (*лайчонка*), «Объекты охоты» (*крякаш*, *селех*, *резняк*, *таскаться*), «Жилища животных» (*поднорок*, *хатка, гайно*), «Звуки животных и птиц» (*шоркать*, *клюкать*). Наибольшее число диалектных лексем выявлено в группе «Действия в процессе охоты»: *вышугивать, манкить, растаскивать, подставляться, садка.* Отметим, что подгруппа лексем, обозначающих различные действия в процессе охоты, оказалась в целом самой многочисленной, так как диалектный охотничий дискурс построен именно на базе таких предикатов, передающих поведение охотника, собаки и зверя (*Пацтавляшся и ждёш, сабака гонит, ана сама идёт па следу, а ахотник ужэ пацтавляца пат сабаку, знат, где перехот, где лисы крутюца.* Николаевский р-н). Таким образом, охотничья лексика в говорах Симбирского Поволжья выявляет особенности местных говоров, в частности, продуктивные словообразовательные модели (*лайчонка*, *гончушка*, *мельчатник*, *крякаш*), а также определённое влияние промысловых традиций смежных регионов — Северного Урала и Сибири — в наименованиях средств и способов охоты (*волок*, *труба*, *маньчук, манкить, чучелить* и др.).

Источник

Охотничий словарь — Охотничий словарь Прикамья / И. А. Подюков (науч. ред.), А. М. Белавин, Е. Н. Свалова, С. В. Хоробрых, А. В. Черных. Усолье, 2018.

Литература

Аникин А. А. Диалектная лексика охоты (на материале одного из говоров Ульяновской области) // Язык. Культура. Личность. Вып. 7: мат-лы Всерос. с междунар участием науч. конф. молодых ученых (Самара, 18 декабря 2020 г.) / отв. ред. Т. Е. Баженова. Самара, 2021. С. 77–85.

Павлова И. П. Системные отношения в лексике охоты (на материале русских старожильческих говоров Якутии) // Евразийский союз ученых. 2016. Ч. 4, № 4 (25). С. 66–68.

Подюков И. А. Традиционная охотничья культура Прикамья по языковым данным // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Сер. 3: Гуманитарные и общественные науки. Вып. 1. Пермь, 2014. С. 49–59.

Филатова Ирина Михайловна
канд. филол. наук, ассистент,
Волгоградский государственный социально-педагогический университет

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ЧИРСКОЙ ГРУППЫ ДОНСКОГО КАЗАЧЬЕГО ДИАЛЕКТА

Ключевые слова: донские говоры, диалектная лексика, диалектизмы, лексическая система.

Лексика чирских говоров с точки зрения ее активного и пассивного запаса делится на три группы, описанные ниже.

1. Диалектная лексика пассивного употребления, имеющая неустойчивый характер функционирования: *дышло́вка* ‘телега с дышлом для пары лошадей’ (3)*, *до́нце* ‘приспособление для прядения, доска с гнездом для гребня’ (4), *дышли́на* ‘часть упряжки лошади, дышло’ (5), *запа́лки* ‘спички’ (7), *а́рба* ‘длинная высокая повозка с решетчатыми бортами’ (13), *алева́да / алева́д* ‘место, занятое садом или огородом за усадьбой или у реки’ (19), *пятисте́нный дом / пятисте́нок* ‘дом, разделенный капитальной стеной на две части’ (20) и др.

Такие диалектизмы отмечены в речи потомственных казаков, чаще в воспоминаниях о прошлой жизни. Данные диалектные лексические единицы выходят из употребления по причине изменения объективной действительности, так как из повседневного обихода жителей обследуемой территории уходят предметы и явления прежнего быта. Приведенные примеры можно отнести к одному из типов устаревшей лексики — **историзмам**.

Однако устаревание слов представляет собой длительный процесс. Одной из причин выхода из употребления тех или иных слов Б. Ю. Норман называет изменение ментальной системы социума, дезактуализацию каких-либо понятий. В данном случае в языке появляются **нотиолизмы** — слова, уходящие из лексикона по причине утраты носителем языка соответствующих понятий, когда при этом сами реалии как элементы объективной действительности сохраняются. Такие единицы также можно выделить в чирской группе донского диалекта: *амуни́ция* ‘одежда’ (4), *найда́* ‘приемный ребенок’ (6), *жалю́н* ‘ухажер’ (9), *амана́т* ‘обманщик, мошенник, жулик’ (11), *амана́тка* ‘нечестная женщина, обманщица’ (13). Анализ диалектного материала показывает, что в представленной группе пассивной лексики наблюдаются общеязыковые процессы устаревания слов.

2. Лексика ограниченного употребления – лексические единицы, которые употребляются некоторыми диалектоносителями (лицами старше 60 лет): *аэропла́нчик* ‘насекомое стрекоза’ (20), *доне́ц* ‘конь донской породы, дончак’ (24), *дуплё* ‘дупло’ (26), *дыря́* ‘дыра’ (29), *жо́вка* ‘нажеванный хлеб, который дают сосать грудным детям’ (29), *жевла́к* ‘шишка на теле или под кожей’ (32), *замёт* ‘запуск невода в водоем’ (32), *ба́бичий* ‘женский’ (41), *духмя́ный* ‘издающий сильный, приятный запах’ (46), *дощатчатый* ‘сделанный из досок, дощатый’ (46), *жалеть* ‘любить, заботиться о ком-либо’ (48), *жиля́ть* ‘жалить’ (52), *забрунча́ть* 1) ’зажужжать (о насекомых)’ (54), 2) ’заиграть, зазвучать’ (21), *замежи́ть (замежи́ться)* ‘загустеть, затвердеть, подсохнуть (о почве, грязи)’ (56), *замстить* ‘не сохраниться в памяти, забыться’ (63), *заналыга́ть* ‘надеть повод (налыгач) на рога быка или коровы’ (65), *запеснячивать* ‘начинать петь, запевать песню’ (68), *досе́ль (доселе)* ‘до этого места’ (1), *дунь-полети* ‘о чистоте и порядке’ (68), *дыбки́ (на дыбки, в дыбки)*, ‘на задние ноги, на дыбы’ (69) и др.

Такие диалектные единицы активно употребляются жителями старшего поколения и являются, по-видимому, принадлежностью идиолекта. Информанты старше 60 лет редко отмечают эти слова как диалектные («обычные слова», «так все говорят»). Напротив, представители других возрастных групп, особенно дети и молодежь, считают их «не престижными» и «старыми».

* Здесь и далее цифра в скобках означает количество информантов, использовавших данное слово в своей речи.

3. Диалектная лексика активного употребления – лексические единицы, которые употребляются носителями всех социальных категорий. К этой лексической группе, по мнению В. Н. Ярцевой, относятся слова, которые говорящие на данном языке не только понимают, но и употребляют. Ср.: *до́ня* ‘дочь’ (75), *до́ктор* ‘комнатное растение, алоэ’ (77), *дроблёнка* ‘дроблёное зерно’ (84), *жа́лечка (жа́люшка, жаль)* ‘любимая, милая, дорогая, возлюбленная’ (86), *сама́нный дом* ‘тип жилого строения: дом из самана’ (88), *долде́ть* ‘упрямо твердить, настойчиво повторять’ (91), *допе́трить* ‘понять, додуматься’ (93), *дражни́ть* 1) ’дразнить, умышленно раздражать чем-л.’ (94), 2) ’давать прозвища’ (96), *дудо́лить* ‘сосать грудь, вымя, соску’ (97), *жале́ться* ‘ласкаться’ (98), *забогате́ть* ‘стать богатым, разбогатеть’ (98), *загоноши́ться* ‘начать хлопотать, суетиться, засуетиться’ (100), *заны́кать* ‘засунуть, поместить куда-л.; спрятать’ (100), *должо́й* ‘дольше, более долго’ (67), *дюжо́й* ‘сильнее’ (101), *на дурняка́* ‘не считаясь с препятствиями, обстоятельствами, не ограничивая себя’ (102), *э́нтот* 1) указ. мест. ‘указывает на отдаленный предмет; тот’ (104), 2) указ. мест. ‘указывает на близлежащий предмет; этот’ (109), *а́жнак (ажныk)* ‘даже; так что’ (110) и др. В этой группе большую часть составляют диалектные единицы, характеризующие человека и его повседневную жизнь. Здесь широко представлены семантические ряды и лексико-словообразовательные варианты, что, на наш взгляд, обусловливает активность употребления данных единиц.

Отнесение диалектного слова в чирской группе к одному из выделенных типов указывает, во-первых, на принадлежность такой единицы к активному или пассивному словарю речи жителей обследуемых территорий, а во-вторых, на степень укоренения диалектной единицы в разговорной речи информантов.

Социально значимыми факторами функционирования диалектных лексических единиц в речи местных жителей являются возраст и уровень образования. Включение диалектных слов в коммуникативное пространство на территории чирских говоров обусловлено отчасти социально-психологическим фактором: функциональной значимостью семейного языка и престижностью казачьего диалекта.

Об определенной тенденции к сохранности диалектизмов свидетельствуют зафиксированные в речи информантов новые лексические единицы, не отмеченные в диалектных словарях. Эта группа слов требует дальнейшего детального изучения: *наказа́ть* ‘напомнить’ (*Ты яво если увидиш, накажи, няхай забяжить ка мне)*; *до́лбить* во 2-м лице ‘бить постоянно, длительное время, поколачивать’ (*Ана мине тут знаишь как долбить); долдо́нить* ‘повторять одно и то же, надоедать бессмысленными высказываниями’ (*Да хватить табе далдонить*); *ду́мки думать* ‘задумываться о ком-л. или о чем-л.’ (*Я жа ни хажу никуда, так ляжу, думки думаю*); *крутя́к, крутячо́к* ‘еда без жидкости’ (*Жидачку слить с барша, а крутячок оставить); жилы рвать* ‘сильно напрягаться’ (*Сколькя жа яму можна жилы-та сваи рвать); бьёть-кури́ть* ‘о метели, вьюге’ (*Втарой день бьёть, кури́ть); павала́ндать* ‘недолго, быстро постирать’ (*Паваландай, паваландай и кинь на плитень); зашипе́ть* ‘прокиснуть’ (*Борш не поставила в халадильник, а он зашипел*); *шму́тки* ‘остатки пищевых продуктов’ (*Шмутки ат кампота выкинуть утям*); *подъёдывать* ‘есть после основного приёма пищи’ (*А картошку ни ставь в халадильник, ты жа будишь ищё подъёдывать?); замаза́нка* ‘неряшливый, грязный, неаккуратный, запачканный человек’ (*Я лазила в траве в грязнай плати, а ани падашли к забору, скажуть, бабка замазанка какая); скаля́бка* ‘небольшая плоская емкость, обычно контейнеры от приобретенных в магазинах продуктов’ *(Скалябка — эта ат сяледки, например, банка осталась, а я в ней катов кармлю); чви́ркать* ‘поливать небольшим напором воды’ *(Пабяги, пачвиркай памидоры трошки)*. Некоторые из этих единиц, возможно, не были ранее зафиксированы в чирских говорах, но входили в их лексико-семантическую систему, поскольку обнаруживаются в соседних диалектах (по материалам СРНГ), другие представляют собой дериваты известных диалектизмов, третьи отражают языковое творчество диалектоносителей.

Таким образом, чирские говоры донского диалекта, являясь одной из форм межличностной коммуникации, выступают как средство общения во время локально ограниченных занятий жителей данной местности. Литературными словами пользуются в официальной обстановке, а в домашней среде используют диалектные слова. Наибольшей устойчивостью обладает эмо-

циональ но-оценочная лексика, характеризующая человека, и предметная лексика, называющая реалии повседневной действительности. Напротив, утрачиваются диалектные названия старых, вышедших из употребления предметов.

Литература

Норман Б. Ю. Уходящее слово: историзм, архаизм, нотиолизм? // Коммуникативные исследования. 2016. № 4 (10). С. 21–38.

Ярцева В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1990.

Шалаева Татьяна Владимировна

канд. филол. наук, ст. научный сотрудник, Институт славяноведения РАН

О ПРОИЗВОДНЫХ КОРНЯ *ШАХ-/ШОХ-/ШЕХ-/ШИХ-/ШУХ-* ‘БИТЬ, УДАРЯТЬ’

Ключевые слова: русская диалектная лексика, этимология, соматическая терминология, *ших.*

В русских диалектах фиксируются звукоподражательные глаголы с корнями *шах-/шаш-*, *шох-/шош-*, *шех-/шеш-*, *ших-/шиш-* и *шух-/шуш-*. Их основная семантика определяется как ‘бить’, ‘толкать’ и ’двигать, водить чем-л. по поверхности в разные стороны’. Например:

‘бить’ — *ша́хать* (читин., омск.), *ши́хать* (арх.), *ши́шкать* ‘бить, колотить’ (ленингр.);

‘побить’ — *нашаха́ть* (перм.), *нашахри́ть* (перм.), *нашахтари́ть* (перм.), *наша́шкать* (вят.), *нашуха́ть* (мордов.), *поши́шкать* (олон.);

‘ударить’ — *ша́хнуть* (карел., волог., прииртыш., читин., омск.), *шахну́ть* (перм.), *ши́хнуть* (арх.), *шохну́ть* (яросл.), *шахану́ть* (свердл.), *шухану́ть* (башкир.), *ошаше́нить* (пск., новг.), *ошеше́нить* (олон., новг., киров., перм., свердл, *ошише́нить* (тамб.), *ошоше́нить* (перм.), *ошеше́рить* (сиб.), *ошише́рить* (мордов.), *ошашо́рить* (волог, *ошешелить* (удар.?) (олон.), *пошуха́ть* (перм.), *пришу́шкнуть* (свердл.), *сшише́нить* (карел.);

‘толкать(ся)’ — *шаха́ть* (киров., перм., свердл.), *шаха́ться* (киров., перм., свердл.);

‘толкнуть’ — *шахну́ть* (киров., перм., свердл.), *шахану́ть* (перм.), *шу́хнуть* (перм.);

‘оттолкнуть’ — *отшаха́ть* (арх.), *отша́хнуть* (перм.), *отшахну́ть* (киров.), *отшохну́ть* (перм.);

‘потолкать(ся)’ — *пошаха́ть* (киров.), *поши́хать* (киров.), *пошаха́ться* (киров.);

‘вытолкнуть’ — *вы́шахнуть* (хакас.), *вы́шишкать* (пск.);

‘двигать, водить чем-л. по поверхности в разные стороны’ — *ши́хать* ‘совать, толкать, вертя, двигая взад и вперед, в стороны’ (арх.), ‘прочищать отверстие’ (арх.); *ши́шкать* ‘разгребать, ворошить’ (ленингр., карел.); *ша́харить* ‘удалять сор веником, метлой; мести’ (мордов.); *перешиши́ть* ‘переворошить (о сене)’ (яросл.); *поша́харить* ‘перевернуть, переворошить (сено)’, ‘подмести’ (мордов.).

Очевидно, эта семантика сформировалась на основе ономатопеи, в результате переноса названия звука на действие, которое им сопровождается. Аналогичные значения имеют фонетически близкие образования: ср. *жа́хнуть* ‘неожиданно, с размаху сильно придавить’ (новг.), ‘тряхнуть’ (новг.), ‘полоснуть (ножом)’ (Лит. ССР, Латв. ССР); *жо́хнуть* ‘ударить’ (сиб.); *шак* ‘о резком ударе — бац’ (казаки-некрасовцы).

Как видно из географических помет, указанные дериваты корней *шах-/шаш-*, *шох-/шош-* и др. в основном локализуются в севернорусском наречии, реже — в западной части среднерусских говоров, а в южнорусских диалектах имеют единичные фиксации.

От наименования действия в севернорусских говорах закономерно образуется обозначение инструмента, которым это действие осуществляется: ср. *ших* ‘большая палка’ (арх.) [СРГК 2005, вып. 6: 879], *ши́хало* ‘палка, которой гоняют оленей’ (арх.) [СРГК 2005, вып. 6: 879], ‘детская игра, когда водящий бегает за остальными с палкой’ (арх.) (КАОС). По-видимому, лексема *ших* ‘палка’ входит в состав и устойчивого сочетания *ши́хом вы́йти* ‘не удаться, пойти прахом’ (*Теперь никаких ярманок нет, всё ши́хом вы́шло, а ничего не осталось*) (карел.) [СРГК 2005, вып. 6: 879]: ср. *пойти́ кола́ коло́м* ‘начать разрушаться, уничтожаться’ (*Мужык-тъ у ней сафсем с пути збилси, фсё у них пашло кала калом, так ы ръзашлись*) (мордов.) [Сл. Мордовии 2013: 879].

В «Словаре говоров Низовой Печоры» на территории республики Коми отмечена лексема *ших* ‘самый верхний позвонок птицы’ (*От ша́и-то само́ ме́сто шых называ́ецца, оле́ня уберу́т, го́лову отверну́т, вот и шых*) [Сл. Низ. Печ. 2005, вып. 2: 447] при *оле́нь* ‘грудная кость птицы, чаще утки’ (*Те́ло у́тки от ша́и до хвоста́ называ́ецця шых, косьё на брю́хе называ́ецця оле́нь*) [Сл. Низ. Печ. 2003, вып. 1: 520]. Насколько известно, в диалектологической и этимологической литературе она не комментировалась, хотя соматическая терминология, в частности, севернорусская, изучены довольно подробно. Поэтому кажется уместным попытаться истолковать

происхождение этого слова. А именно представляется возможным связать его с приведенными названиями палки.

Конкретно форма *ших*, судя по контекстам, обозначает весь позвоночник птицы, а не только его верхнюю часть. Данная лексема вполне может быть мотивирована наименованием палки, то есть длинного тонкого куска дерева. Семантической параллелью здесь допустимо считать латинский анатомический термин *columna vertebralis*, калькированный в русский язык как *позвоночный столб*. В диалектах позвоночник также называется *столб* (Груз. ССР) [СРНГ 2007, т. 41: 199] и *столбни́к* (р. Урал) [СРНГ 2007, т. 41: 207]. Если для позвоночника человека используется обозначение довольно крупного, вертикально расположенного объекта, то та же часть тела у птицы может быть названа по предмету сходной формы, но меньшего размера, так как птица меньше человека.

Что касается локализации упомянутых лексем, то *ших*, *ши́хало* ‘палка’ фиксируются в северо-западной части архангельских говоров (в Онежском районе Архангельской области) и на востоке Карелии (в Медвежьегорском районе). Усть-Цилемский район республики Коми, где записана *ших* ‘позвоночник’, граничит с северо-востоком Архангельской области, поэтому можно говорить о принадлежности всех указанных форм к единому ареалу, а именно к северной части севернорусского наречия. Этот факт, как представляется, также подтверждает их родство.

Источники

Картотека «Архангельского областного словаря». Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва.

Сл. Мордовии — Словарь русских говоров на территории Республики Мордовии / сост. Т. В. Михалева, Р. В. Семенкова, Л. К. Чикина. Ч. 1–2. СПб.: Наука, 2013.

Сл. Низ. Печ. — Словарь русских говоров Низовой Печоры / науч. ред. Л. А. Ивашко. Вып. 1–2. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003–2005.

СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 6. Свинарная — ящурка / гл. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 41: Ссувориться — Стригчись / гл. ред. Ф. П. Сороколетов. СПб.: Наука, 2007.

РУССКИЙ ЯЗЫК. СЛОВООБРАЗОВАНИЕ И ФОРМООБРАЗОВАНИЕ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Батулина Анна Валерьевна

канд. филол. наук, доцент,
Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого;
b.av@bk.ru

ОККАЗИОНАЛЬНОЕ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ МОРФЕМНОЙ СТРУКТУРЫ СЛОВА В РУССКОЙ СЕТЕВОЙ МИКРОПОЭЗИИ

Ключевые слова: сегментация, сетевая микропоэзия, окказионализм, словообразование.

Широкое распространение в современном сетевом дискурсе получила сетевая микропоэзия, различные субжанры которой («пирожки», «перошки», «порошки», «две девятки», «депрессяшки» и др.) представляют собой короткие стишки комического содержания, обычно без рифмы, знаков препинания и прописных букв.

По ряду признаков — невозможность установить подлинное авторство, диалогический характер коммуникации между коллективным автором и читателем — сетевая микропоэзия сближается с малыми жанрами э-фольклора, т. е. фольклора, передающегося электронным путем [Ковшова 2023: 144]. В то же время письменная фиксация речи в интернет-пространстве открывает широкие возможности использования в э-стишках различных приемов языковой игры, рассчитанных на визуальное восприятие текста.

Высокочастотным способом игрового словообразования в сетевой микропоэзии является прием, получивший в литературе вопроса различные наименования и содержательное наполнение: псевдовосстановление производящей основы (Земская), переосмысление словообразовательной структуры слова (Санников), поэтическая этимология (Зубова), сегментация (Николина), псевдомотивация и псевдочленение (Ильясова). Термин сегментация, под которым понимается вычленение при помощи дополнительных графических сигналов морфемных или неморфемных сегментов, совпадающих или созвучных с реальными словами [Николина 2009: 16–17] представляется наиболее удачным, поскольку может применяться по отношению к мотивированным и немотивированным словам.

В отличие от литературных поэтических текстов сетевая микропоэзия располагает ограниченным набором средств «донесения» до адресата окказионального переосмысления морфемной структуры слова, поскольку в ней, как правило, не используются знаки пунктуации, прописные и строчные буквы, средства графического выделения. Псевдочленение морфемной структуры слова в тексте э-стишка может производиться одним из трех способов: введением объясняющего переосмысление контекста, разделением вычленяемых сегментов пробелами или другими словами. Соответственно можно выделить семантическую, графическую и лексическую сегментацию.

Графическая сегментация слова может проходить по морфемному шву либо быть не связанной с реальным морфемным членением слова. В сетевой микропоэзии преобладает неморфемная сегментация, которая используется преимущественно в «порошках» — четверостишиях с рифмующимися четными строками и короткой концовкой. Сегментации, как правило, подвергается двусложное слово четвертой строки либо последнее слово третьей строки, вторая часть которого — всегда двусложная — образует строку четыре. При межстрочной сегментации с узуальным словом может совпадать первый либо второй сегментируемый отрезок, на-

Руководитель секции: В. И. Теркулов.

пример: клянусь мальчишник будет скромным / спокойный ужин тихий паб / лишь женя саша валя ника / ких баб.

Продуктивным средством обеспечения фонетического сближения вычленяемых компонентов при морфемной и неморфемной сегментации в сетевой микропоэзии являются различные типы усечения производящей базы (элиминирование, апокопа, аферезис, синкопа): я с утра до ночи / тычу в мышку пальц / потому что геймер / потому что альц.

Как показывает анализ иллюстративного материала, графические способы сегментации слова в сетевой микропоэзии используются значительно чаще, чем лексические. Посредством полнозначных слов так же, как и посредством пробелов и переноса на границах строк, вычленяются прежде всего неморфемные сегменты: по речке ходят два корейца / кореец пуш кореец кин / крадутся сзади два якудзы / якудза дан якудза тэс.

Лексическая сегментация может сочетаться с обратными способами словообразования: с декомпозицией, дегендиадисом, или разлиянием (Норман): я негр шаинского и больше / скрывать от мира не хочу / да чунгу написал маэстро / но чанга выстрадана мной.

Семантическая сегментация может осуществляться различными способами, основными из которых являются гетеросемия и парасемия. Под гетеросемией понимается «переосмысление слова на основе выделения в его составе части, совпадающей с реальным словом, вследствие чего возникает значение, не имеющее ничего общего с исходным» [Изотов 1998: 86]. Парасемия — «переосмысление слова на основе совпадения его частей с двумя или более реальными словами… в результате чего рождается новый смысл» [Изотов 1998: 87].

Как показывает анализ контекстов, в сетевой поэзии преобладает гетеросемия, окказиональное сближение неморфемных или морфемного и неморфемного отрезков, например: кошатник будет гладить кошек / собачник обнимать собак / и лишь китаец грустный любит / издалека своих китов. Совпадение с двумя и более знаменательными словами (парасемия) встречается реже: сарабанда → Сара банда, мушкетёра → мушки тёра.

Литература

Изотов В. П. Параметры описания системы способов русского словообразования: монография. Орел: Орл. гос. ун-т, 1998. С. 86–87.

Ковшова М. Л. Язык и комизм э-стишков в русской сетевой микропоэзии // Проблемы лингвистической семантики и прагматики языковых единиц разных уровней: докл. Междунар. науч. конф., посвящ. памяти д-ра филол. наук, проф. Ольги Павловны Ермаковой. Калуга, 2023. С. 144.

Николина Н. А. Активные процессы в языке русской художественной литературы. М.: Гнозис, 2009.

Борозенец Дарья Игоревна

ассистент, стажер-исследователь, Донецкий государственный университет;
borozenets.dasha@mail.ru

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МЕТАФОРЫ В СЕМАНТИЧЕСКОМ ПОЛЕ КОГНИЦИИ XI–XVII вв.

Ключевые слова: семантическое поле, когниция, словообразовательная метафора.

Под семантическим полем когниции нами понимается совокупность лексем с семантикой знания, объединённых словообразовательными связями.

Являясь достаточно неоднородной в языковом отношении системой, анализируемое поле, помимо лексем с собственно когнитивным значением, включает также те, которые развили рассматриваемую нами семантику в процессе метафоризации.

Цель работы — описать наиболее явные словообразовательные метафоры семантического поля когниции XI–XVII вв. Объектом исследования выступает семантическое поле когниции XI–XVII вв., а предметом — корни слов, вошедших в него в результате метафоризации.

Под когницией мы понимаем весь цикл процессов и состояний от отсутствия знания до его утраты. Под словообразовательными метафорами мы, вслед за С. Б. Козинцом, понимаем «такие производные слова, переносное значение которых образуется в результате изменения морфологической структуры слова, т. е. в словообразовательном акте» [Козинец 2009: 5], а разновидностью словообразовательной метафоры считаем когнитивную метафору, суть которой заключается в переносе терминов с явлений одного вида на явления другого вида.

Однако в рамках данной работы мы будем анализировать не столько конкретные производные, появившиеся в результате словообразовательной метафоры, сколько корни, приобретшие когнитивную семантику в процессе метафоризации.

Для анализа нами были отобраны 397 лексем со следующими корнями, не обладающими семантикой когниции, но приобретшими таковую в определенных словах: *-ба-, -бесъд-, -блазн-, -блуд-, -болван-, -буй-, -бук-, -бы-, -бъс-, -волхв-, -гад-, глагол-, -глад-, -глас-/-голос-, -глуб-, -гляд-, -грамот-, -груб-, -звъзд-, -им[1]-, -им[2]-, -иск-, -каз-, -книг-, -ков-, -кон-, -кус-, -лиш-, -лъп-, -мрак-, -ник-, -нюх-, -остр-, -пек-, -прост-, -рек-, -свът-, -скот-слов-, -слух-, -смотр-, -стиг-, -суд-, -тай-, -твор-, -трезв-, -тьм-, -чу-*.

Анализ языкового материала включал несколько этапов:

1) распределение слов с данными корнями по группам в соответствии с этапами когнитивного процесса;
2) объединение корней на основании интегральных сем;
3) описание процессов метафоризации.

Исследование показало, что 19 из анализируемых корней могут быть сгруппированы на основании констатации у них интегральных сем. Также было выявлено соответствие между обнаруженными метафорами и этапами когнитивного процесса.

Так, определено, что в группах этапа «2. Приобретение знания» наблюдается большое количество корней, которые можно объединить на основе интегральной семы ‘воспринимать органами чувств’: *-гляд-* (*из**глядати*** ‘изучить, рассмотреть, пронаблюдать’), *-нюх-* (*про**нюхати*** ‘узнать’), *-слух-* (*по**слышати*** ‘узнать’), *-смотр-* (*ис**смотр**ити* ‘разузнать’), *-стиг-* (*по**стиг**нути* ‘уяснить, понять’); *-чу-* (*с**чувати*** ‘узнать’).

Включение слов с данными корнями в указанное семантическое поле можно объяснить **метафорой «чувственное восприятие — получение знания»**. Метафоризация, как нам представляется, проходила следующие этапы: ‘физическое восприятие реальности посредством органов чувств’ > ‘получение определенной информации посредством органов чувств’ > ‘приобретение и усвоение знаний’. Близкой к данной является метафоризация лексем с корнями *-им[2]-* (*вни-*

***м**атель* ‘тот, кто прилежно слушает, воспринимает что-л.’), *-иск-* (*об**иск**ати* ‘разузнать’), *-ник-* (*в**ник**ати* ‘вникать, вдумываться’), так как она также подразумевает переход от физического действия или состояния к умственному.

Отметим, что на этапе «2. Приобретение знания» данные корни входят в состав глаголов, в то время как слова других частей речи с корнями из данного списка включаются в другие группы, что обусловлено особенностями их словообразовательных значений: «3. Наличие знания»: ***слыш**но* ‘имеются сведения о чем-л.’; «4. Оперирование знанием»: ***слыш**ание* ‘весть, известие’.

Другой поддающейся однозначному объяснению группой корней в исследуемом перечне стали корни со значением говорения, передачи информации: *-ба-* (***ба**яти* ‘выдумывать, рассказывать’); *-бесѣд-* (***бесѣд**а* ‘поучение, наставление’); *-глагол-* (*бого**глагол**ьный* ‘проповедующий божье учение’); *-каз-* (***каз**атель* ‘учитель, наставник’); *-рек-* (*преди**реч**енный* ‘вышеупомянутый’).

Близкими к ним в семантическом плане мы считаем корень *-слов-* (*бого**слов**есьный* ‘проповедующий божие учение’, *бого**слов**ьць* ‘богослов, теолог, проповедник’) и корень *-голос-* (*невѣ**глас**ъ* ‘несведущий в чём-л. человек’). Данные корни отмечаются преимущественно в словах этапов «1. Отсутствие знания (ещё)» и «4. Оперирование знанием».

В отношении них, на наш взгляд, можно говорить о **метафоре «разговор — передача знания»**, которая реализует следующую модель: ‘разговор’ > ‘передача информации’ > ‘передача знания’.

Примечательно, что слова с корнями, однозначно воспринимаемыми как когнитивные, могут приобретать коммуникативное значение в процессе метафоризации (так, например, глагол *вѣдать* является производящей базой для такого глагола, как *повѣдать*, в котором корень приобретает значение коммуникации).

К последней однозначно выделяемой группе метафор (**метафора «создание физического объекта — создание знания»**) мы относим слова с корнями *-ков-* (***ков**арствие* ‘мудрость, проницательность’), *-лѣп-* (*без**лѣп**ъ* ‘нелепый, глупый’), *-твор-* (*при**твор**ение* ‘плод воображения, вымысел, выдумка’), которые обозначают целенаправленную деятельность человека по созданию чего-либо. В данном случае метафоризация, по-видимому, происходила следующим образом: ‘умение делать нечто определенное / определенным образом’ > ‘умение делать нечто’ > ‘знать нечто’ > ‘знать что-либо’.

Как видим, семантическое поле когниции в русском языке XI–XVII вв. включает значительное количество корней, когнитивная семантика которых появилась в процессе метафоризации. Разновидностью словообразовательной метафоры мы считаем когнитивную метафору. Наиболее ярко выраженными в семантическом поле когниции XI–XVII вв. являются метафоры «чувственное восприятие — получение знания», «разговор — передача знания», «создание физического объекта — создание знания», воплощённые посредством 19 корней, исконно не имеющих когнитивного значения.

Литература

Козинец С. Б. Словообразовательная метафора в русском языке: автореф. дис. … д-ра филол. наук. М., 2009.

Исследование проводилось по теме государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX–XXI столетий в его региолектном и общеязыковом аспектах» (№ госрегистрации НИОКТР 124051400024-1).

Бровец Андрей Игоревич

канд. филол. наук, ст. преподаватель, мл. научный сотрудник,
Донецкий государственный университет;
a.brovets@mail.ru

АЛГОРИТМ СИНХРОННОГО АНАЛИЗА СЛОЖНОСОКРАЩЕННЫХ СЛОВ

Ключевые слова: аббревиация, сложносокращенное слово, дешифровальный стимул, гнездо эквивалентности.

Нами проанализированы слова и словосочетания, выступающие стереотипами расшифровки сокращённого компонента аббревиатур (дешифровальные стимулы [Бровец 2019: 489]) для аббревиатурных групп *авиа*, *авто*, *арм*, *био*, *электро*. Установление круга дешифровальных стимулов — это, по сути, формирование дешифровальной матрицы, т. е. перечня дешифровальных стимулов (например, *автомобильный*, *автомобиля*, *для автогонок*) для конкретной аббревиатурной группы (например, *авто*). Такой перечень строится на принципах преемственности и взаимодополняемости, то есть посредством экстраполяции дешифровальных стимулов одной группы на другую. Экстраполированные формы считаются потенциальными и верифицируются в текстах. Если мы обнаруживаем в текстах многочисленные (более 500 употреблений) примеры эквивалентности аббревиатуры и словосочетания, включающего данный дешифровальный стимул, такое словосочетание считается эквивалентным и включается в гнездо эквивалентности [Теркулов 2017: 75]. Например, одним из дешифровальных стимулов группы *вело* является предложно-падежная форма *для велосипеда*. Например, *велобагажник — багажник для велосипеда*. Нами берется эта форма, экстраполируется на группу *авто*, и таким образом мы получаем потенциальный дешифровальный стимул *для автомобиля*, который требует текстовой верификации. Посредством заданного поиска в различных поисковых системах мы обнаруживаем очень регулярное использование данной формы в составе соответствующих аббревиатурам словосочетаний: *автогараж — гараж для автомобиля* (98 тысяч употреблений в начальной форме), *автокресло — кресло для автомобиля* (64 тысячи употреблений в начальной форме) [Толковый словарь: 126]. Таким образом, спрогнозированная форма больше не считается потенциальной, включается в гнездо эквивалентности и описывается в словаре. Это один из способов установления круга дешифровальных стимулов, называемый нами прогнозированием дешифровальных стимулов. Такое установление происходит и другими средствами: при помощи изучения словарей (это превентивный способ, поскольку он дает самое базовое представление о эквивалентности аббревиатуры — обычно посредством прилагательного и обычно в рамках аббревиатурной пары); при помощи поиска по подсказкам в поисковой строке, когда поисковик сам может предложить словосочетание, которое, конечно, включает и дешифровальный стимул (для этого можно вписать прилагательное, соответствующее сокращенному компоненту, и первую букву следующего слова: например, запрос «агитационный р» получает подсказку «агитационный ролик», включающую базисный компонент «ролик», текстовая верификация которого с использованием данных дешифровальной матрицы приводит к констатации реально существующего в текстах словосочетания *ролик с агитацией* (700 употреблений в начальной форме).

Мы используем обычный для квантитативной лингвистики и семиотики термин «токен», который обозначает в нашем случае — *речевую реализацию дешифровального стимула*. Например, для абброконструкта *бух* нами обнаружены такие токены: *бухгалтера* (*бухотчёт — отчёт бухгалтера*); *бухгалтеров* (*бухуслуги — услуги бухгалтеров*).

Единицу, объединяющую при описании однотипные токены, мы называем леммой — заголовочным словом. Для токенов *бухгалтера; бухгалтеров* лемма представляется словарной формой *бухгалтер*, поскольку все указанные токены являются формами слова *бухгалтер*.

Для абброконструкта *бух* дешифровальными стимулами могут быть и другие слова и словосочетания:

бухгалтерия (лемма), токены: *бухгалтерии; в бухгалтерии*, например *бухотчёт — отчёт бухгалтерии; бухбаланс — баланс в бухгалтерии*;

бухгалтерский (лемма), токены: *бухгалтерский, -ая, -ое*, например *бухдокумент — бухгалтерский документ*; *бухзапись — бухгалтерская запись*; *бухдело — бухгалтерское дело.*

Одним из актуальных в процессе работы с аббревиатурами представляется вопрос «реальности» дешифровок. Если в эквивалентности некоторых словосочетаний обычно не возникает сомнений (например, *авиаподдержка — поддержка авиации*), в реальном существовании других абсолютно справедливо могут возникнуть сомнения (например, *авиаписьмо — письмо авиапочтой*, которое употребляется 2500 тысяч раз в начальной форме). Например, словосочетания *завод по утилизации автомобилей* (соответствующее аббревиатуре *автозавод*) и *багажник под велосипед* (соответствующее аббревиатуре *велобагажник*) употребляются в текстах в начальной форме полторы тысячи раз и 600 раз соответственно, что позволяет нам рассматривать их как реальные эквиваленты.

Дешифровальный стимул является стереотипом расшифровки абброконструкта, предзнанием интерпретации аббревиатуры. Такое понимание обосновывается, с одной стороны, существующим в сознании носителей языка корреляционным стереотипом «каждой аббревиатуре соответствует словосочетание», а с другой стороны, регулярностью самих абброконструктов, которые существуют на синхронном срезе языка параллельно с характерными для них трактовками: например, *гос — государственный*, *авиа — авиационный*.

В формальном отношении дешифровальным стимулом является конкретная, т. е. эмпирически отмечаемая в текстах форма сокращённого компонента аббревиатуры в эквивалентном ей словосочетании. Данное представление о дешифровальном стимуле является полностью синхронным, не учитывающим ни отношений реальной производности между аббревиатурой и соответствующим ей словосочетанием, ни параметров стереотипности / уникальности.

Источник

Толковый словарь сложносокращенных слов русского языка. Т. 1. А–Ж / под ред. В. И. Теркулова. Донецк, 2018.

Литература

Бровец А. И. Дешифровальный стимул сложносокращённого слова: к проблеме определения и описания // Русистика. 2019. Т. 17, № 4. С. 487–501.

Теркулов В. И. Сложносокращенные слова: синхронный и диахронный аспекты описания // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2017. № 6. С. 73–96.

Исследование проводилось по теме государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX–XXI столетий в его региолектном и общеязыковом аспектах» (№ госрегистрации НИОКТР 124051400024-1).

Емельянова Ксения Юрьевна

аспирант, стажер-исследователь, Донецкий государственный университет;
kemelanova966@gmail.com

МЕТОДИКИ РАЗГРАНИЧЕНИЯ АББРЕВИАТУР И КВАЗИАББРЕВИАТУР

Ключевые слова: диахронный срез языка, хронологическая методика, квантитативная методика, семантическая методика, ономасиологическая методика.

Сложносокращённые слова образуются двумя способами: 1) путём трансформации словосочетания в слово (процесс универбализации): так возникают аббревиатуры, например *авиационный бензин* > *авиабензин*, *автомобильная выставка* > *автовыставка*, *биологическая безопасность* > *биобезопасность*; 2) путём присоединения абброконструкта («часть аббревиатуры, представляющая собой сокращённый эквивалент (дублет) какого-либо слова» [Теркулов 2017: 74]) непосредственно к слову (процесс квазиуниверсализации), что приводит к созданию квазиаббревиатур, например *авиа- + опрыскивание* > *авиаопрыскивание*, *авто- + вокзал* > *автовокзал*, *био- + генетика* > *биогенетика*. В результате псевдоуниверсализации квазиаббревиатуры разворачиваются во вторичные текстовые эквиваленты (*авиационное опрыскивание*, *автобусный вокзал*, *биологическая генетика*), что приводит к стиранию различий между аббревиатурами и квазиаббревиатурами на синхронном срезе языка. Различение этих единиц является сугубо научной задачей: носителю языка абсолютно безразлично, как было образовано сложносокращённое слово. В теории Экспериментальной лаборатории исследований тенденций аббревиации (кафедра русского языка Донецкого государственного университета) существует четыре методики определения диахронного статуса сложносокращённого слова, то есть разграничения аббревиатур и квазиаббревиатур: хронологическая, квантитативная, семантическая и ономасиологическая.

Хронологическая методика заключается в определении времени первого употребления слова и эквивалентного словосочетания при помощи корпусов русского языка (Национальный корпус русского языка и Google Books Ngram Viewer). Так, сложносокращённое слово *авиабензин* является аббревиатурой, о чём свидетельствует дата первого употребления этого слова и словосочетания: *авиационный бензин* — 1923 г., *авиабензин* — 1930 г., в то время как с квазиаббревиатурой *авиаопрыскивание* иная ситуация: первым было употреблено слово (*авиаопрыскивание* — 1932 г.), а не словосочетание (*авиационное опрыскивание* — 1943 г.). Однако «хронологическая методика не является самой убедительной: нет никакой уверенности в том, что в корпус были внесены все источники, позволяющие точно определить время первого употребления слова или словосочетания» [Теркулов 2017: 80].

Квантитативная методика представляет собой определение баланса индексов частотности употребления слова и словосочетания в поисковой системе Google. Баланс индексов — «частное от деления индекса употребления аббревиатурного слова на индекс употребления словосочетания» [Теркулов 2016: 18]. Если баланс индексов > 1, то словосочетание является вторичной единицей, появившейся в результате развёртывания аббревиатурного слова, а если баланс индексов < 1, то сложносокращённое слово появилось на базе словосочетания. Так, в паре *авиационный бензин — авиабензин* баланс индексов < 1, что подтверждает предположение о том, что *авиабензин* — аббревиатура. В паре *авиаопрыскивание — авиационное опрыскивание* баланс индексов > 1, что свидетельствует о том, что *авиаопрыскивание* — квазиаббревиатура.

Семантическая методика заключается в определении конкретности или размытости семантики абброконструкта и словосочетания: если словосочетание имеет значение, которое регулярно реализуется в эквиваленте абброконструкта, перед нами аббревиатура, если же значение словосочетания искусственное и не подкрепляется «традиционным» («словарным») значением компонентов, перед нами квазиаббревиатура. Для атрибута *авиационный* отмечают следующие значения: «1) соотносящийся с существительным авиация, связанный с ним; 2) свойственный авиации, характерный для неё» [Ефремова 2000]. Пара *авиабензин — авиационный бензин*

определяется как «бензин, предназначенный для использования в поршневых *авиадвигателях*» [Теркулов 2024: 31]. *Авиабензин и авиационный бензин* можно трактовать как «нечто, предназначенное для двигателя самолёта». Иная ситуация с парой *авиаопрыскивание — авиационное опрыскивание*, которая трактуется как «нанесение пестицидов в капельно-жидком состоянии на растения с помощью авиации для борьбы с вредителями, болезнями и сорняками сельскохозяйственных и лесных культур» [Теркулов 2024: 39]. Здесь обнаруживается размытость семантики абброконструкта: «нечто, использующее авиацию для каких-то целей».

Ономасиологическая методика сводится к установлению тождественности / нетождественности ономасиологической структуры сокращения и его эквивалента ономасиологической структуре словосочетаний с идентичным ономасиологическим базисом. Так, ономасиологическая структура пары *авиационный бензин – авиабензин*, в которой словосочетание имеет тождественный признаковый дестинативный терминал базиса *бензин*, абсолютно идентична ономасиологической структуре «объект + дестинатив (отрасль): объект, обеспечивающий отрасль». Ономасиологическая структура пары *авиаопрыскивание — авиационное опрыскивание* не соответствует ономасиологической структуре словосочетаний с базисом *опрыскивание*, в которых представлено нормативное модификационное заполнение терминала «аллатив» (чего: *цветов*, *деревьев*, *полей*). *Авиаопрыскивание* — это нанесение чего-то на что-то с использованием авиации (медиативное значение).

Источники

Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1985–1988. URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova/ (дата обращения: 29.12.2024).

Толковый словарь сложносокращенных слов русского языка / под ред. В. И. Теркулова. Донецк, 2024.

Литература

Теркулов В. И. Материалы к словарю терминов Экспериментальной лаборатории исследования тенденций аббревиации // Восточнославянская филология. 2016. № 3. С. 13–25.

Теркулов В. И. Сложносокращенные слова: синхронный и диахронный аспекты описания // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2017. № 6. С. 73–97.

Исследование проводилось по теме государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX–XXI столетий в его региолектном и общеязыковом аспектах» (№ госрегистрации НИОКТР 124051400024-1).

Наджафова Сабина Джамал Кызы

докторант, Бакинский государственный университет, Азербайджан;
sabina_alieva_711@mail.ru

О НЕКОТОРЫХ ОТЗООНИМНЫХ ГЛАГОЛАХ В РУССКОМ И АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКАХ

Ключевые слова: лингвистика, зоонимы, этимология, сравнительный анализ, переносное значение.

Как известно, зоонимы, составляющие древнейший пласт лексики любого языка, в том числе русского и азербайджанского, отличаются структурным, лексико-семантическим и стилистическим богатством. Обладая широким словообразовательным потенциалом, они служат базой для образования лексических единиц, относящихся к различным частям речи. Известно очень много отзоонимных существительных, прилагательных, глаголов и наречий, широко употребляющихся в русском и азербайджанском языках. Материалом настоящего исследования послужила картотека зооглаголов в русском и азербайджанском языках.

С лингвистической точки зрения, зоонимы играют важную роль не только как названия животных, но и как основа для создания новых слов. Во многих языках от зоонимов образовывались производные. Эти производные использовались метафорически для описания поведения, качеств животных и их сходства с людьми. Например, в азербайджанском языке такие слова, как «canavarlamaq» (вести себя жестоко) и «ilanlamaq» (вести себя коварно), являются примерами глаголов, производных от зоонимов.

История зоонимов в азербайджанском и русском языках отражает особое отношение обоих народов к природе, животным и их поведению. В азербайджанском языке названия животных и их дериваты широко используются в фольклоре, пословицах и поговорках. В русском языке зоонимы также занимают важное место в фольклоре, мифологии и литературе. В обоих языках зоонимы служат важным материалом для изучения межкультурных различий и сходств.

В современную эпоху зоонимы преобразованные в глаголы и выражения, наглядно демонстрируют метафорический потенциал языка. Эти лексемы также дают важные подсказки об исторической связи человека с природой и роли животных в культуре.

В первую очередь рассмотрим отзоонимные дериваты в русском языке. К основным способам образования зооглаголов в русском языке относятся следующие:

1) префиксальный — съежиться, порыбачить, зазмеиться, проворонить и т. д.;
2) суффиксальный — петушиться, советь, белковать, соболевать, волковать, свинячить/свинствовать и т. д.

По лексическому значению отзоонимные глаголы можно распределить по следующим тематическим группам.

1. Глаголы со значением «охотиться на животное». Например: ***Рыбачить*** (рыболовничать) — ловить рыбу: «*Он рыбачил тридцать лет и три года.*» (*Пушкин; Сказка о рыбаке и рыбке);* ***белковать*** — охотиться на белок: С малых лет таскался он по тайге — промышлял. *Белковал*, а случалось, медведя-шатуна укладывал. (*Василий Шукшин, «Охота жить»);* ***мышковать — о*** животных; ловить мышей, охотиться за мышами. Сейчас по весне среди бела дня *мышковали* неприглядные, облинявшие лисы. (*Б. П. Екимов, «Пастушья звезда»);*

2. Глаголы со значением «проявлять какие-либо свойства, характерные для животных, от названий которых эти глаголы образованы, например: ***Обезьянничать*** — «слепо подражать кому-либо: И всё оттого, что мы хотим *обезьянничать* глупым московским восторгам (*Л. Н. Толстой,* «Война и *мир»);* ***набычиться*** — обидевшись, смотреть исподлобья: [Михаил Иванович] глядел на Баймакова из-под очков, слегка набычившись. (Бахметьев, «Преступление Мартына»); ***петушиться*** — горячиться, вести себя задирой: Сказал, что женюсь, значит, женюсь! — продолжал *петушиться* легкомысленный студент. (*Антонина Глушко,* «На грани добра и зла»).

3. Глаголы, обозначающие профессию или постоянное занятие человека, например:

Голубятничать — заниматься разведением голубей; ***коноводить —*** быть коноводом, присматривать за лошадьми; ***телятничать —*** заниматься промыслом телятника, закупать и продавать телят.

4. Глаголы со значением «произвести потомство».

Жеребиться — «рождать жеребёнка» (о кобыле, ослице, верблюдице); ***телиться*** -«рождать телёнка» (о корове, также самке оленя, лося и др.);

В азербайджанском языке можно выделить следующие отзоонимные глаголы:

Quzulamaq — 1. Ягниться, объягниться, оягнится; котиться, окотиться (об овце). 2. перен. Соскучиться по кому-, по чём-л., проявить желание видеть кого-нибудь очень близкого. Также данное слово имеет диалектное значение: осыпаться от сырости (о почве); ***Buğalanmaq*** — Становиться, стать половозрелым (о быке — производителе); ***Bəbirlənmək*** — Петушиться, задираться, готовиться к нападению; ***Meymunluq etmək*** –Обезьянничать, обезьянить; ***Xoruzlanmaq*** — Петушиться, хорохориться, задориться (вести себя задиристо, запальчиво; как петух), вспетушиться; ***Eşşəklik etmək*** — Проявить невежество; ***Tülkülük etmək*** — Лисить (хитро льстить, угождать).

Как видно из рассмотренных примеров, отзоонимные глаголы в основном употребляются в диалектах азербайджанского языка и в художественной литературе в различных стилистических целях.

Таким образом, в данном исследовании предпринимается попытка создания деривационной типологии отзоонимных дериватов,отражающих как общечеловеческие, так и национально-культурные особенности на материале русского и азербайджанского языков.

Источники

Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1985–1988.

Azərbaycan dilinin izahlı lüğəti. 4 cilddə. Bakı, Şərq — Qərb, 2006.

Литература

Гэн Юаньюань, Плотникова Г. Н. Глаголы, соотносительные с названиями животных в русском языке // Уральский филологический вестник. Сер.: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2016. № 2. С. 95–101.

Рязанова Валерия Александровна

канд. филол. наук, доцент, ст. научный сотрудник, Донецкий государственный университет; ryazanova.v.a@mail.ru

НУЛЕВАЯ СТЕПЕНЬ СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СОКРАЩЕНИЙ

Ключевые слова: дешифровальный стимул, расшифровка аббревиатуры, уровень интерпретации, синтаксический эквивалент.

Разработка синхронно-эквивалентностного подхода к словообразованию привела к рассмотрению процесса расшифровки аббревиатур в словосочетания как результата действия дешифровальных стимулов — особых когнитивных навыков носителей языка, задающих критерии развёртывания аббревиатур на основе ранее усвоенных моделей расшифровки.

Для изучения особенностей функционирования дешифровальных стимулов среди реальных носителей языка сотрудниками Экспериментальной лаборатории исследования тенденций аббревиации было проведено анкетирование. На начальном этапе обработки полученных ответов было установлено, что дешифровальные стимулы срабатывают также в качестве когнитивных фильтров, поскольку в ответах респондентов проявляются разные уровни структурной интерпретации одних и тех же сокращений.

Цель данного исследования — определить наличие закономерностей в возникновении нулевой степени интерпретации сокращения, при которой носители языка вместо синтаксического эквивалента аббревиатуры приводят её узуальные синонимы или толкования её лексического значения, либо вовсе не стремятся интерпретировать языковую единицу, что может свидетельствовать об отсутствии усвоенных критериев для расшифровки конкретного сокращения.

Материалом исследования послужили ответы 100 респондентов (без выборки анкет). Анкетирование включает получение статусных сведений респондентов, которые, на наш взгляд, могут связаны с ключевыми факторами формирования индивидуальных навыков расшифровки сокращений (место проживания, уровень и направление образования, профессия и прочее). В ходе анкетирования респондентам предложено привести синтаксические эквиваленты для 25 сокращений-стимулов.

Среди обработанного материала обнаружено 17 анкет, в которых для всех сокращений приведены структурные расшифровки. В 83 анкетах как минимум для 1 сокращения-стимула респонденты не привели эквивалентное словосочетание, либо вместо синтаксического эквивалента использовали синоним сокращения, привели толкование его значения. Такие ответы рассматриваются как случаи нулевой степени интерпретации аббревиатуры и расцениваются как лакуны.

Выявлено, что некоторые сокращения-стимулы лучше поддаются расшифровке, а другие вызывают у респондентов трудности. Для оценки продуктивности расшифровки введён диапазон лакунарности: хорошо поддающимися расшифровке сокращениями признаются те, для которых в ответах респондентов фиксируется не более 5 % лакун; к плохо поддающимся расшифровке сокращениям относим случаи, для которых насчитывается более 25 % лакун.

К сокращениям, хорошо поддающимся расшифровке, относятся *кожпроизводство* (0; в скобках указывается % незаполненных позиций), *драмтеатр* (1), *нефтезавод* (1), *вещмешок* (2), *администкодекс* (3), *правозащита* (3), *велогонки* (4), *мотоаккумулятор* (4), *автомагазин* (5), *бандглаварь* (5), *гофробумага* (5), *электроградусник* (5). Среди аббревиатур, плохо поддающихся расшифровке, — *шумоизолятор* (25), *авиабилет* (31), *армоконструкция* (31), *дисконт-период* (41), *асбоцемент* (51).

Возникновение затруднений в интерпретации аббревиатур можно объяснить в данном случае несколькими причинами.

1. Сокращения-стимулы являются квазиаббревиатурами [Емельянова 2019]. В ряде случаев слова, которые на актуальном срезе языка воспринимаются как универбаты в связи с наличием

у них синтаксических эквивалентов, с точки зрения диахронии таковыми не являются. Например, слово *авиабилет* образовано путём присоединения к простому слову *билет* абброморфемы *авиа-*, которая в дальнейшем стала развёртываться в полнозначный эквивалент. Абброморфема здесь лишь обозначает связь базиса (*билет*) со сферой авиации. Респонденты в 31 случае приводят вместо синтаксического эквивалента толкование значения слова *авиабилет*: «билет на самолёт».

Слово *дисконт-период* является англоязычным заимствованием синлекса *discount period* («период действия скидки»), которое, по аналогии с исконными универбатами, трансформируется носителями языка в словосочетание, однако далеко не во всех случаях. Так, 41 респондент приводит толкование значения или перевод с английского языка исходного синлекса (*период скидок*, *период действия скидок*).

2. Сокращения-стимулы относятся к лексике ограниченного употребления. Среди слов-стимулов, задействованных в опросе, к лексике ограниченного употребления можем причислить сокращения *армоконструкция* (31) и *асбоцемент* (51). В некоторых словарях, например, в «Толковом словаре» под ред. С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой и в «Современном словаре иностранных слов» под ред. Л. П. Крысина, вокабула *арматура* приводится с пометой (*спец.*, *тех.*). Лексика ограниченного употребления может вызывать трудности в интерпретации среди людей, не связанных с той или иной языковой сферой.

Необходимо отметить, что для приведённых сокращений-стимулов невозможно констатировать зависимость между наличием расшифровки и действующими экстралингвистическими факторами. Большая часть информантов (56 %), чьи ответы были привлечены для исследования, — лица женского пола возрастом от 18 до 20 лет, при этом незаполненные позиции для стимулов *армоконструкция* (31) и *асбоцемент* (51) среди них возникают произвольно. Респонденты мужского и женского пола оставляют лакуны для данных стимулов в равном соотношении.

3. Подмена понятий. Респонденты регулярно связывают сокращение *шумоизолятор* (ономасиологический статус «прибор») с однокоренным словом *изоляция* («процесс»), ошибочно заменяя им базис при расшифровке универбата. Таким образом, регулярно возникают ответы *изоляция шума*, *шумоизоляция* и под., которые в рамках исследования рассматриваются как лакуны.

Несмотря на обнаруженную тенденцию, связанную с регулярными затруднениями в расшифровке некоторых сокращений, поиск причины её возникновения привёл к неоднозначным результатам. В дальнейшем планируется исследование особенностей сокращений, трудно поддающихся расшифровке, на более обширном языковом материале. Необходимо также провести сопоставление полученных данных с характеристиками сокращений, легко поддающихся расшифровке.

Литература

Емельянова К. Ю. К понятию о квазиаббревиатуре // Социокультурная среда вуза и языковое развитие личности иностранного студента: сб. мат-лов междунар. науч.-практ. конф., Москва, 7–9 ноября 2019 года. М.: Рос. гос. ун-т им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), 2019. С. 71–76.

Исследование проводилось по теме государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX–XXI столетий в его региолектном и общеязыковом аспектах» (№ госрегистрации НИОКТР 124051400024-1).

Смирнова Ирина Романовна
аспирант, Донецкий государственный университет;
smirinaa15@gmail.co

К ВОПРОСУ О СЛОГОВЫХ КОМПОНЕНТАХ АББРЕВИАТУР

Ключевые слова: аббревиатура, сложносокращенное слово, слоговой конструкт, неинициальный конструкт, универбализация.

В русском языке традиционно выделяют инициальные, слоговые и инициально-слоговые аббревиатуры. Основанием данной классификации является структурный тип сокращенного компонента: инициальный — равный первым букве или звуку основы эквивалента — или слоговой — равный части основы эквивалента. Нами же разграничиваются два деривационных типа аббревиатур — инициальные единицы и сложносокращенные слова (ССС) — в соответствии с двумя основными способами сокращения слов при словообразовании: инициальной аббревиацией, или сложением начальных букв или звуков компонентов производящего наименования (*единый государственный экзамен* > *ЕГЭ*), и «стихийной» универбализацией — синтаксической компрессией словосочетаний, в основе которой лежит стремление «к преодолению асимметричного дуализма дескриптивного наименования» [Теркулов 2020: 104]. Имеются основания полагать, что во втором случае происходит не просто усечение всех или некоторых слов развёрнутого наименования до начальных морфем, но замена к.-л. компонента развернутого наименования его сокращенным формальным дублетом (*литературный кружок* > *литкружок, литературный журнал* > *литжурнал* и т. д.)

Сокращенные конструкты, образующиеся в ходе данных словообразовательных процессов, обладают не только формальными, но и семантическими, функциональными различиями. Инициальные конструкты являются исключительно формальными заместителями слов прототипического словосочетания, которые создаются каждый раз при образовании инициальной аббревиатуры. Неинициальные конструкты представляют собой воспроизводимые, регулярные заместители тех или иных лексем в языке, обладающие стереотипным формальным выражением и понятийной семантикой, формируемыми на базе их развернутых эквивалентов.

Структурная и деривационная трактовки слоговых конструктов не всегда совпадают. Так, к инициально-слоговым аббревиатурам относят единицы формальной модели «инициальный(-е) компонент(-ы) + слоговой компонент», выделяемые Д. И. Алексеевым [Алексеев 1979] и Е. А. Земской: например, *ИМЛИ — Институт мировой литературы; ГИТИС — государственный институт театрального искусства*; *ГИЗ — государственное издательство*; и аббревиатуры модели «инициальный конструкт + слоговой конструкт + инициальный», выделяемые Д. И. Алексеевым: например, *ГАРС — главный артиллерийский склад; ТРАМ — театр рабочей молодежи;* и др. Мы считаем, формально слоговые конструкты типа *-ар-, -ра-, -ли, -ис, -из* следует отделять от неинициальных конструктов типа *гор-, авто-, био-, рай-, зав-* и т. п. Единицы типа *ТРАМ, ГАРС* и проч. трактуются нами как инициальные, так как при их образовании действует механизм сокращения, а не замещения: они возникают не в результате «стихийной» универбализации, которая осуществляется по определенным моделям, а конструируются с использованием слоговых конструктов, предположительно, чтобы создать благозвучное сокращенное наименование (параллельное полному) к.-н. учреждения (*ИМЛИ* вместо **ИМЛ, ГИТИС* вместо **ГИТИ*) либо избежать совпадения конструируемой аббревиатуры с уже существующей (**ГАРС* вместо **ГАС — главный авиационный склад*). Таким образом, данные аббревиатуры включают в себя формально слоговые, но не являющиеся неинициальными конструкты. На это указывает также ряд характеристик, которые отличают такие единицы от неинициальных аббревиатурных конструктов (АК), зафиксированных в составе более 13 тыс. сложносокращенных слов в «Толковом словаре сложносокращенных слов русского языка».

1. Формальное выражение конструктов *-ар-, -ли, -ра-* и проч. не соответствует стереотипному сокращенному выражению лексем *артиллерийский, литературный*, *рабочий* в рус-

ском языке: структурный анализ аббревиатур, образованных на базе словосочетаний с компрессируемыми компонентами *артиллерийский, литературный, рабочий* показал, что они содержат только формы *арт-, лит-, раб-* и *рабоч-*. Формальных вариантов *ар-, ли-, ра-* у данных АК не обнаруживается. Выявляются омонимичные АК *арт-* «артиллерийский» конструкты *арт*^{2}- «артезианский» и *арт*^{3}- «артистический»; при этом формальный вариант «ар», который бы позволил избежать омонимии, не зафиксирован ни в одном слове в качестве сокращения лексемы *артиллерийский*.

2. Позиция в слове также не позволяет трактовать данные конструкты как неинициальные. Во всех ССС, в которых АК комбинируются со структурно иными компонентами (целыми словами, инициальными конструктами), он находится в препозиции: *авиаперевозки, агитАБ* и т. д. Даже если замещаемый неинициальным АК признаковый компонент словосочетания стоит после базисного, в составе ССС он будет находиться в абсолютном начале: например, *аксессуары для авто — автоаксессуары; поставки газа — газопоставки* и т. д. Препозиция неинициального АК является важным условием формирования структуры сложносокращенных слов и отличает их словообразовательную модель от моделей инициальных аббревиатур.
3. Заглавное графическое оформление используется для обозначения на письме преимущественно инициальных единиц.

Аббревиатуры *евроСМИ, заврайоно*, *агитАБ* и т. п. трактуются нами как слова, содержащие неинициальные конструкты *евро-, зав-, агит-*. Данные единицы представляют собой апеллятивы, поэтому высок шанс их образования способом стихийной универбализации, которой редко подвергаются онимы. Образование апеллятивных аббревиатур, содержащих неинициальный и инициальные конструкты, может обусловливаться следующим: в производящих для них наименованиях содержатся устойчивые словосочетания, имеющие общепринятые инициальные эквиваленты: например, *евроСМИ — европейские средства массовой информации, заврайоно — заведующий районным отделом народного образования;* либо универбализация осуществляется на базе словосочетаний, одним из компонентов которых является инициальная или смешанная аббревиатура: *европейские СМИ > евроСМИ; заведующий районо > заврайоно*. Слоговые АК в составе данных аббревиатур: 1) находятся в препозиции; 2) обладают стереотипным для АК с эквивалентами *европейский, заведующий, агитационный* формальным выражением (*евро-, зав-, агит-*); 3) характеризуются строчным написанием в большинстве источников.

Источники

Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990.

Толково-эквивалентностный словарь сложносокращенных слов русского языка / В. И. Теркулов, А. И. Бровец, В. А. Рязанова и др.; под ред. В. И. Теркулова. Т. 1. А–В. Донецк, 2018.

Литература

Алексеев Д. И. Сокращенные слова в русском языке. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1979.

Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование: учеб. пособие. М., 1978.

Теркулов В. И. Сложносокращенные апеллятивы как автономная разновидность аббревиатур // Русистика. 2020. Т. 18, № 1. С. 97–112.

Станкус Екатерина Николаевна

ассистент, мл. научный сотрудник, Донецкий государственный университет;
e.n.stankus@mail.ru

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ДЕШИФРОВАЛЬНОГО СТИМУЛА СЛОЖНОСОКРАЩЕННЫХ АПЕЛЛЯТИВОВ

Ключевые слова: дешифровальные стимулы, синтаксические связи, ономасиологический базис, полиэквивалентность.

Дешифровальные стимулы (ДС), определяемые как стереотип расшифровки аббриконструкта (сокращённого компонента) аббревиатуры, рассматриваются в рамках синхронно-эквивалентностного подхода. Согласно ему на актуальном срезе языка между сложносокращённым апеллятивом (ССА) и словосочетанием устанавливаются отношения не производности, а эквивалентности, разворачивающие сложное слово в словосочетание столько раз, сколько это позволяют его формальные и семантические характеристики. Так, ССА *матобеспечение* на актуальном срезе языка имеет несколько эквивалентов, объединённых в одно гнездо эквивалентности (ГЭ): *материальное обеспечение*, *материально-техническое обеспечение*, *обеспечение материалами, обеспечение материальными ресурсами*, *обеспечение материально-техническими ресурсами*, *обеспечение материалом*. Следует отметить, что словосочетания и аббревиатура тесно связаны отношениями мотивационной эквивалентности — в пределах одного текста они выступают в качестве синонимов, например: «*Еще пример из той же роты — был отдан приказ на сооружение запасной линии электроснабжения — опять-таки без* ***обеспечения материалами****. Лучше бы этот самый Иванов сообщил, что прекращена практика отдачи приказов на строительство без* ***матобеспечения***)» (http://91.205.84.46:2003/nvk/forum/arhprint/1054393).

Целью работы является описание синтаксических связей в структуре текстовых эквивалентов.

Выделяются три базовые ономасиологические модели дешифрования сложносокращённых слов: **презентативная модель**, в которой аббриконструкт разворачивается в адъектив с обобщённой семантикой: *литобзор — литературный обзор* (неинициальная аббревиатура и словосочетание являются абсолютными синонимами [Бровец 2017: 100]); **модификационная модель**, в состав которой входит словосочетание с «дополнительным ономасиологическим признаком, отсутствующим в структуре сложносокращённого слова»: *маслозавод — маслоперерабатывающий завод* [Бровец 2017]; **реляционная модель**, реализующая актантную и актантно-числовую семантику как презентатива (*матзапас — запас материалов*), так и модификатива (*медзаключение — заключение медицинского осмотра — заключение медосмотра*). Ономасиологические модели могут включать от двух до четырёх элементов. Каждый ДС состоит из ономасиологического базиса (ОБ) — главного слова в словосочетании и ономасиологического признака (ОП) — зависимых единиц. Среди ОП выделяются:

- **признак** — реализуется адъективной семантикой в текстовом эквиваленте, как правило, в презентативном ДС: *музканал — **музыкальный** канал*;
- **объект** — воспроизведение актантной и актантно-числовой семантики в определённом глубинном падеже в рамках реляционного ДС: *мульперсонаж — персонаж из **мультфильма***.

При построении ономасиологической модели учитывается также семантический падеж, степень интерпретации текстового эквивалента и его синонимичность по отношению к аббревиатуре. Например, ССА *межжилет* эквивалентно словосочетание с реляционным ДС *жилет из меха*, построенное по двухчастной модели [предмет]+(объект$_{фабр}$)^{1} = ССС, где степень указывает на первую ступень интерпретации, а знак равенства — на абсолютную синонимичность со сложным словом.

Полиэквивалентность аббревиатуры зависит от валентности не только базиса, но и признака, так как в ономасиологических моделях наблюдаются как цепные, так и обратные синтаксические связи (см. рис.). Обе связи представлены в реляционных модификативах.

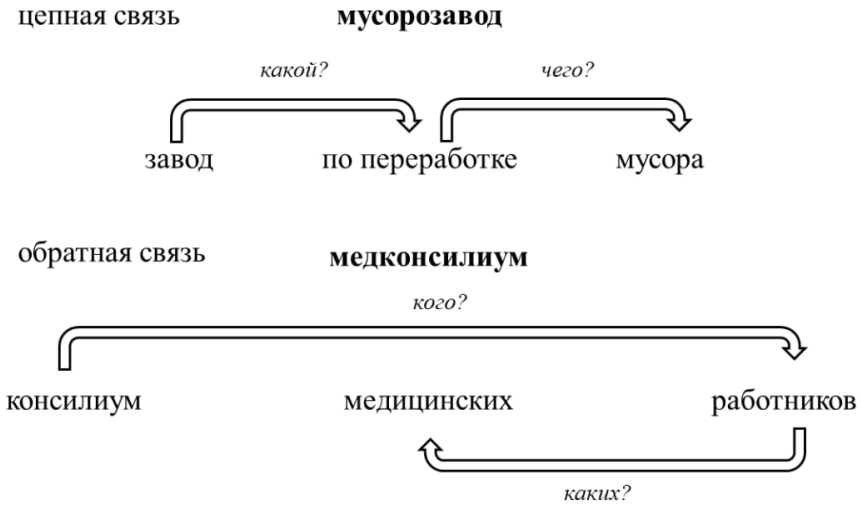


Рис. Синтаксические связи в эквивалентных словосочетаниях

В текстовых эквивалентах с цепной связью актант зависит от ономасиологического признака, который представлен неморфологизованной единицей словосочетания, т. н. члена синтаксической конструкции, выраженной неспециализированным компонентом для занимаемой синтаксической позиции. Например, формальная схема словосочетания *пункт по заготовке мяса* (ССА *мясопункт*) выглядит так: $N_1+N_6 \approx Adj+N2$, где второй компонент выполняет функцию адъектива. В словосочетаниях с такой связью между ОБ и зависимым словом — падежное примыкание, а между неморфологизованной единицей и актантом, как правило, управление.

В конструкциях с обратной связью от актанта зависит морфологизованный компонент, который выражен специализированной единицей. Им, как правило, являеися адъектив. Например, схема эквивалентного словосочетания *потребление мясных продуктов* (ССА *мясопотребление*) выглядит так: $N_1+Adj+N_2$. Формально вторая единица в этих синтаксических связях выступает базисом для следующего компонента. Цепная связь также присутствует в эквивалентах, состоящих из двух элементов, т. е. в реляционных ДС. Также стоит отметить, что в одном ГЭ может быть представлено несколько связей.

При построении ономасиологических моделей следует учитывать наличие этих двух связей. Например, модель для словосочетания *обеспечение материальными ресурсами* (ССА *матобеспечение*) выглядит так: [процедура]+(объект$_1$+признак$_2$)$^{\uparrow} \neq$ ССС, где объект$_1$ представлен существительным *ресурсами*, а признак$_2$ — подчинённым ему адъективом *материальными*. В такой модели невозможно определить семантический падеж. По этой причине мы предлагаем ввести **семантическую модель**, которая отражает эту информацию в полной мере для ДС. Она аналогична структуре ономасиологической модели. Например, глубинные падежи синтаксического эквивалента *активность в политической жизни* (ССА *политактивность*) могут быть представлены как [процедура] + (локатив + квалификатив). Однако ОБ здесь представлен в том же виде, что и в ономасиологической модели, так как он не относится к ДС.

Таким образом, на полиэквивалентность ССА влияет несколько факторов: валентность ономасиологического базиса и наличие реализуемых им синтаксических связей. Такой подход позволяет на базе скорректированной ономасиологической модели создать семантическую модель ДС.

Литература

Бровец А. И. Модификационный интерпретативный дешифровальный стимул сложносокращенного слова // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2017. № 6. С. 98–107.

Исследование проводилось по теме государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX–XXI столетий в его региолектном и общеязыковом аспектах» (№ госрегистрации НИОКТР 124051400024-1).

Теркулов Вячеслав Исаевич

д-р филол. наук, профессор, гл. научный сотрудник,
Донецкий государственный университет;
terkulov@rambler.ru

ФОРМАЛЬНО-ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ КЛАСС КОМПРЕССИРОВАННЫХ ЕДИНИЦ

Ключевые слова: компрессия, мотивационный тип, механизм словообразования, средств словообразования.

Цель работы заключается в экстраполяции базовых характеристик категории «формально ономасиологического класс», выведенной нами в процессе работы над «Толковым словарём сложносокращённых слов русского языка» для разграничения номинативных сокращений, имеющих разные основания для выделения и описания — усечений, инициальных аббревиатур, сложносокращённых апеллятивов и сложносокращённых онимов, на все виды компрессированных лексем.

Под компрессированными мы пониманием все слова, возникновение которых обусловлено сокращением формы производящей номинативной единицы.

Формально-ономасиологический класс определён нами на основе констатации «тождества мотивационного типа семантических отношений между производящей и производной единицами, механизма и средства словообразования» [Системные, когнитивно-дискурсивные и синхронно-диахронические аспекты… 2024: 56].

Мотивационный тип представляет собой модель реализации значения производящей единицы в производной и включает мутационную, модификационную, транспозиционную и эквивалентностную модели мотивации. Например, слова *варка* и *тёрка*, несмотря на то что реализуют одинаковую словообразовательную модель (основа глагола + [-к-ǿ]), относятся к разным формально-ономасиологическим классам, поскольку связаны с разными мотивационными типами: *варка* — с транспозиционным (от *варить*: различие только в частеречной принадлежности слов), а *тёрка* — с мутационным (от *тереть*: различие «процесс» — «приспособление»). Компрессированные единицы представляют в подавляющем большинстве случаев эквивалентностную модель мотивации (исключая ситуации квазиунивербализации).

Механизм словообразования — те действия, которые осуществляются при формировании новой номинативной единицы. Различаются морфологическая деривация, при которой происходит формирование новой единицы путём соединения основы производящего слова и форманта, например *любить — любовь*, лексикализация (семантическая — лексико-семантический способ, например *титан* «гигант» — «металл», синтаксическая — изменение частеречной принадлежности слова вследствие выполнения им неморфологизированной синтаксической функции, например *вокруг*: наречие — союз; *даром*: творительный падеж существительного — наречие), универбализация (лексико-синтаксический способ — трансформация словосочетания в слово, например *вольный слушатель — вольнослушатель*), формальная компрессия (фонетические усечения, формирующие формальные варианты слова, например *доктор — док*).

Средство — тот формальный компонент, при помощи которого реализуется механизм словообразования. Таким средством может быть морфема, аббоконструкт, который понимается нами как морфематизированный сокращённый эквивалент какого-либо слова, и т. д.

Схемы формально-ономасиологических классов для компрессированных единиц могут быть представлены следующим образом:

1) эллипсисы: *эквивалентностная мотивация — универбализация* / опущение компонента словосочетания — слово производящего словосочетания (зависимое, например *учительская комната — учительская,* или главное, например *высокое давление — давление*);

2) инициальные аббревиатуры: эквивалентностная мотивация — универбализация / сокращение — инициалы слов производящего словосочетания, например *детская поликлиника, дымный порох, дорожная полиция* и под. — *ДП*;
3) сложносокращённые апеллятивы: эквивалентностная мотивация — универбализация / замещение — абброконструкты, например при помощи абброконструкта *авиа-* (*авиационная эвакуация — авиаэвакуация, авиационное пространство — авиапространство, авиационный хаб — авиахаб*);
4) композиты: эквиалентностная мотивация — универбализация — основа слова, интерфикс, например *укладка асфальта — асфальтоукладка*, *поставки газа — газопоставки*;
5) юкстапозитные сращения: эквиалентностная мотивация — универбализация / словесная интерпретация словосочетания — (отсутствие изменений / изменения порядка следования компонентов), например *далеко идущий — далекоидущий, станция метро — метростанция*;
6) сложносокращённые онимы: условно эквивалентностная мотивация — квазиуниверbализация / конструирование — абброконструкты», например *комитет по охране окружающей среды и природных ресурсов администрации Ростовской области — Ростоблкомприрода, Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству — Россотрудничество*;
7) усечения: эквивалентностная мотивация — формальная компрессия/сокращение — часть основы производящего слова, например *физкультура — физра*;
8) квазиуниверbализация: модификационная мотивация — морфологическая деривация — абброморфемы (с эквивалентностной псевдоуниверbализацией — вторичным развёртыванием словосочетания или без него), например *кибер + безопасность — кибербезопасность — кибернетическая безопасность*.

Как видим, существует восемь компрессионных формально-ономасиологических классов, из которых пять универбализационных, один условно универбализационный, один деривационный и один формально-компрессионный.

Литература

Системные, когнитивно-дискурсивные и синхронно-диахронические аспекты деривационных процессов в русском языке: монография / отв. ред. Е. В. Петрухина, В. И. Теркулов, О. Ю. Крючкова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2024.

Исследование проводилось по теме государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX–XXI столетий в его регионолектном и общеязыковом аспектах» (№ госрегистрации НИОКТР 124051400024-1).

Халабузарь Алла Олеговна

мл. научный сотрудник, Донецкий государственный университет;
stebuki@yandex.ru

СИСТЕМА ЗНАЧЕНИЙ АББРОКОНСТРУКТА *АВИА-*

Ключевые слова: абброконструкт, сложносокращённое слово, авиа, значение.

Под абброконструктом мы понимаем «сокращённый неинициальный, т. е. включающий в свой состав как минимум две фонемы, компонент сложносокращённого слова, выступающий в качестве эквивалента какой-либо лексемы мотивационно связанного с данным словом словосочетания» [Теркулов, Смирнова 2022: 29]. В нашем случае речь идёт об абброконструкте *авиа-*, отмечаемом в картотеке создаваемого под руководством В. И. Теркулова «Толкового словаря сложносокращённых слов русского языка» в структуре 296 слов, таких, например, как *авиадиспетчер*, *авиаэвакуация*, *авиадискаунтер* и т. п. Под сложносокращёнными словами при этом нами понимаются «нарицательные лексемы, связанные мотивационными отношениями со словосочетаниями и включающие в свой состав эквиваленты не менее двух слов этих словосочетаний, как минимум один из которых является неинициальным абброконструктом» [Теркулов 2020: 104].

Следует указать на необоснованность трактовки абброконструкта как аффиксоида: аффиксоид имеет морфемное значение, в то время как абброконструкт — словное. Например, префиксоид *гидро-* имеет отвлечённое значение «связанный каким-то образом с водой» (*гидроплан*, *гидроснегоход* и т. д.), в то время как *авиа-* имеет значение, абсолютно тождественное значению слова *авиационный*: *авиаангар* — это *авиационный ангар*, *авиазавод* — *авиационный завод*, а *авиаинспектор* — *авиаинспектор*, что позволило ряду учёных считать данную единицу аналитическим вариантом прилагательного — аналитом (см. об этом [Реформатский 1972: 10]). Такая трактовка, на наш взгляд, возможна, но она сопряжена с целым рядом сложностей, основными из которых являются, во-первых, синтаксическая несамостоятельность абброконструкта: он, в отличие от прилагательного, не может перемещаться в пределах предложения (возможен только *авиаклуб*, но не *клуб авиа*), а во-вторых, может соответствовать не только прилагательным, но и существительным (*авиагородок* — это не только *авиационный городок*, но и *городок авиации*), и поэтому не может трактоваться исключительно как формальный вариант адъектива.

Последнее связано с тем, что в синхронии абброконструкт «обрастает» набором дешифровальных стимулов — стереотипных моделей развёртывания в слова, при помощи которых формируется текстовая дешифровальная полисемия как данной единицы, так и сложносокращённого слова. Например, для абброконструкта *авиа-* отмечается 41 дешифровальная лемма (словарная презентация дешифровального стимула), реализующаяся более чем в 300 токенах — реальных речевых интерпретаторах леммы. Например, для леммы *авиация* абброконструкта *авиа-* отмечаются токены *авиацией* (*авиаобстрел — обстрел авиацией*); *авиации* (*авиагарнизон — гарнизон авиации*); *авиация* (*авиасвязь — авиация связи*); *в авиации* (*авиаслужба — служба в авиации*); *для авиации* (*авиатопливо — топливо для авиации*); *от авиации* (*авиашум — шум от авиации*); *по авиации* (*авиаинспектор — инспектор по авиации*).

Одна из главных проблем, стоящая перед составителями Толкового словаря сложносокращённых слов русского языка — проблема определения значений абброконструкта. Нами предлагаются две используемые одновременно модели семантического описания.

Леммно-токенная констатирующая модель: перечисление всех отмечаемых в текстах дешифровок абброконструкта. Например, для *авиа-* — лемма *авиатор*, выступающая в двух токенах — *авиатора* (*авиашлем — шлем авиатора*); *авиаторов* (*авиапраздник — праздник авиаторов*). См., например: *В Ильин день в церкви с торжественной литургии ежегодно начинался праздник авиаторов России — Вскоре 2 августа 1920 г. на Ильин день в Москве на Ходынке сно-*

ва был авиапраздник (http://www.redov.ru/transport_i_aviacija/aviacija_i_kosmonavtika_1998_08/p1.php).

Опосредованная интерпретационная модель. Донецкой дериватологической школой определены три типа дешифровальных стимулов: презентативный (простое прилагательное, например *авиадивизия — **авиационная** дивизия*), релятивный (существительное, производящее для прилагательного, например *авиадивизия — дивизия **авиации***) и модификативный, содержащий в своей структуре элементы, не имеющие соответствия в структуре аббревиатуры, например *авиадивизия — дивизия **военной** авиации*). А. А. Лашко разработана методика, в основе которой лежит предположение о том, что именно реляционные и модификационные дешифровальные стимулы конкретизируют семантику абброконструкта и, кстати, презентативного дешифровального стимула (см.: [Лашко 2022]. Например, в словосочетании *детали для авиации* дестинативный стимул *для авиации* реализует значение абброконструкта «предназначенный для авиации», отмечаемое также в словах *авиазапчасти*, *авиакеросин*, *авиамасло* и т. п.

Такой подход позволил нам выявить у абброконструкта *авиа-* четыре основных значения: 1) Относящийся к авиации (*гарнизон авиации — авиагарнизон*). 2) Осуществляемый авиацией (*налёт авиации — авианалёт*). 3) Предназначенный для авиации (*вооружение для авиации — авиавооружение*). 4) Осуществляемый в авиации (*служба в авиации — авиаслужба*).

Литература

Лашко А. А. Методика определения системы значений абброконструкта // Новые горизонты русистики. 2022. № 18. С. 31–36.

Реформатский А. А. О членимости слова // Развитие современного русского языка. 1972. Словообразование. Членимость слова: сб. ст. М.: Наука, 1975. С. 5–13.

Смирнова И. Р., Теркулов В. И. Абброконструкт: принципы определения и описания // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2022. № 2. С. 28–42.

Теркулов В. И. Сложносокращенные апеллятивы как автономная разновидность аббревиатур // Русистика. 2020. Т. 18, № 1. С. 97–112.

Исследование проводилось по теме государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX–XXI столетий в его региолектном и общеязыковом аспектах» (№ госрегистрации НИОКТР 124051400024-1).

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ИНОСТРАННЫЙ И МЕТОДИКА ЕГО ПРЕПОДАВАНИЯ

ОБУЧЕНИЕ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Ван Хунянь

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет;
st095505@student.spbu.ru

СОДЕРЖАНИЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ (УРОВЕНЬ B2) УПОТРЕБЛЕНИЮ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В НАУЧНОМ ТЕКСТЕ

Ключевые слова: отрицательные конструкции, научный стиль, русский язык как иностранный, содержание обучения.

При обучении иностранных студентов (уровень B2) русской научной речи важно уделять внимание отрицательным конструкциям, которые используются в научном тексте для выражения различных семантико-прагматических функций: отрицания действия, отсутствия предмета, отсутствия возможности, необходимости или желательности, выражения несогласия, возражения, негативной оценки какого-либо аспекта обсуждаемого вопроса, уточнения и т. д. [Беликова 2021: 8–13]. При этом в учебных программах для продвинутого этапа обучения русскому языку как иностранному отсутствует перечень отрицательных конструкций, характерных для научного стиля речи. Необходимость определения такого перечня в ходе анализа текстов научных статей определяет актуальность настоящего исследования.

При разработке этого перечня осуществлялась опора на классификацию, представленную в «Книге о грамматике» [Величко 2009: 422–424]. Был проведен анализ 40 научных статей, опубликованных в журнале «Медиаскоп» в 2023 и 2024 гг., из них были извлечены примеры, соответствующие данной классификации. В случае, если примеры не обнаруживались, считалось, что данный вид отрицательной конструкции в научных текстах не встречается, и из перечня он удалялся. Описание отрицательных конструкций в перечне осуществлялось по структурному принципу — от формы к функции.

Представим основные отрицательные конструкции, которые целесообразно включить в состав содержания обучения иностранных студентов научному стилю речи на продвинутом этапе изучения русского языка.

1. Безличные предложения, в которых главный член выражен словами *нет, нельзя, невозможно, немыслимо*.

Коммуникацию нельзя отделить от географического места, где происходит…

По вопросу профессиональных аспектов журналистики в научном сообществе ***нет единого мнения****.*

2. Общеотрицательные предложения:

- с простым глагольным сказуемым: *Осмысляя события прошлого, литература* ***не задает*** *исторический вопрос: «А как все было на самом деле?»;*
- с составным глагольным сказуемым: *Таким образом, коммуникативное пространство — это некий эквивалент социального: без человека и общества оно* ***не сможет существовать****;*
- с составным именным сказуемыми: *Тема эта сама по себе* ***не нова****.*

Руководители секции: Н. А. Любимова, Л. В. Московкин.

3. Частноотрицательные предложения

Не менее *важно было зафиксировать, какие виды искусства становились предметом публикаций.*

4. Предложения со сложными союзами «не только… но и…», «не… а…» и т. п., выражающие «полемическое отрицание» [Инькова 2016: 44–45].

Теперь авторы видят ***не только*** *счастливчиков, но и неудачников, представляют истории их провалов, бегства от проблем, капитуляции.*

5. Предложения с двойным отрицанием, выражающим две функции:

- усиление отрицания: *Примечательно, что контент, отнесенный к жанру «история» в другие годы не выпускался —* ***ни*** *ранее,* ***ни*** *позднее;*
- усиление утверждения: ***Нельзя не отдать*** *должное и главному редактору Михаилу Никифоровичу Каткову…*

Отметим особую важность обучения иностранных студентов употреблению предложений с двойным отрицанием, так как в их родных языках таких конструкций может не быть. В китайском языке может иметь место двойное отрицание, но поскольку все отрицательные маркеры имеют отрицательное значение, то двойное отрицание выражает утверждение. Двойное отрицание в русском языке с функцией усиления отрицания может вызывать у китайских учащихся непонимание.

В состав содержания обучения иностранных студентов научному стилю речи на продвинутом этапе изучения русского языка также необходимо включать конструкции, содержащие сочетания существительных с предлогом *без*, а также лексические средства (например: *отсутствие, недостаточно*).

В методической литературе отмечается, что при обучении употреблению отрицательных предложений следует уделять внимание падежным формам и видам глагола [Величко 2009: 433–445; Крючкова 2004: 225–227]. Вследствие этого в состав содержания обучения необходимо включать и конструкции, требующие употребления определенных падежных форм и видов глагола.

Литература

Беликова Е. А. Жанровая специфика функционирования отрицательных конструкций в научном дискурсе // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Сер. 1: Филология. 2021. № 4. С. 7–13.

Величко А. В. Отрицание в русском предложении // Книга о грамматике. Русский язык как иностранный / под ред. А. В. Величко. 3-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009. С. 422–446.

Инькова О. К проблеме описания многокомпонентных коннекторов русского языка: *не только… но и* // Вопросы языкознания. 2016. № 2. С. 37–60.

Крючкова Л. С. Русский язык как иностранный: Синтаксис простого и сложного предложения. М.: Гуманит. изд. центр «Владос», 2004.

Васильева Анастасия Владимировна

канд. пед. наук, ст. преподаватель,
Санкт-Петербургский государственный университет;
littlegenius@yandex.ru

ВОЗМОЖНОСТИ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ МАГИСТРАНТОВ

Ключевые слова: обучение иностранных магистрантов, диаграмма Исикавы, преподавание русского языка как иностранного.

Экспорт российского образования является приоритетным направлением политики Российской Федерации. С одной стороны, все большая численность иностранного контингента свидетельствует о качестве и востребованности российского образования за рубежом, создает положительную репутацию российских вузов на международной арене. С другой стороны, это способ популяризации русского языка и ценностей русской культуры в мире, что также соответствует актуальным и приоритетным направлениям осуществления внутренней и внешней политики Российской Федерации.

Согласно данным научной литературы, вопросы, связанные с привлечением иностранных студентов в вузы, в настоящее время активно решаются на разных государственных уровнях. Однако, как свидетельствуют данные обзора литературы, самым проблемным уровнем остается собственно образовательный. Наиболее серьезным риском для большинства студентов, приезжающих учиться в Россию из стран дальнего зарубежья, является языковой барьер. Наблюдение за учебным процессом, а также данные обзора литературы свидетельствуют о том, что многие иностранные студенты, несмотря на пребывание в языковой среде и часы, предусмотренные программами подготовки для практических занятий по РКИ, на момент окончания обучения не могут в должной мере овладеть русским языком, что сказывается на качестве их профессиональной подготовки. Особенно это касается ступени магистратуры, так как за последнее время отмечается тенденция роста численности поступлений иностранных магистрантов, ранее не обучавшихся в вузах Российской Федерации.

Как правило, проблемы обучения РКИ иностранных магистрантов раскрываются с позиции обучения языку специальности. Подчеркивается важность обучения русскому языку на текстах по специальности, овладение терминами и грамматико-синтаксическими конструкциями для осуществления успешной коммуникации в учебно-профессиональной сфере и написания квалификационных работ. Однако этого недостаточно, например, для качественного обучения иностранных студентов-нефилологов, отличающихся низкой мотивацией к изучению русского языка.

Полагаем, что решению проблемы будет способствовать разработка модели, которая, во-первых, будет систематизировать факторы, влияющие на качество обучения иностранных студентов, во-вторых, позволит провести их комплексный анализ и выявить обуславливающие причинно-следственные связи, в-третьих, даст возможность обозначить пути решения, что и стало целью данного исследования.

На основании данных научно-методической литературы, проведенных опросов и бесед, наблюдения за учебным процессом была составлена «матрица» проблем, влияющих на качество обучения иностранных студентов, которую можно представить в виде кластера (рис. 1).

Следующим шагом было определение смысловых блоков, которые формируют содержание понятия «качественное обучение иностранных студентов». Было выделено семь взаимосвязанных блоков, каждый из которых, отражая компонент структуры образовательного процесса, выражает определенное его качество, а именно: *качество профессорско-педагогического состава*, *качество обучающихся*, *качество образовательных программ*, *качество используемых образовательных технологий*, *качество материально-технического обеспечения образовательного процесса*, *качество управления процессом обучения*.



Рис. 1. Кластер проблем, влияющих на качество обучения иностранных студентов

На третьем этапе с помощью метода «диаграмма Исикавы» была разработана причинно-следственная модель качественного обучения иностранных студентов в вузе. Выделенные блоки-качества составили «скелет» диаграммы, а проблемы из кластера, сгруппированные и ранжированные по выделенным блокам, составили «мелкие кости». По итогам проделанной работы модель принимает следующий вид (рис. 2).



Рис. 2. Причинно-следственная модель качественного обучения иностранных студентов в вузе РФ

Четвертый этап — это анализ полученной модели. Специфика обучения иностранных студентов заключается в том, что для них, с одной стороны, овладение профессиональной компетенцией невозможно без параллельного овладения коммуникативной и, с другой стороны, успех овладения профессиональной компетенцией напрямую зависит от их владения профессиональной коммуникативной компетенцией в учебно-профессиональной сфере общения. Соответственно, эффективным будет считаться такой процесс, который будет направлен на овладение профессиональной компетенцией, и это должно учитываться как при составлении всех учебных программ, так и при их реализации в реальном процессе обучения.

На основе полученных данных можно разработать «карту» решения проблем. С учетом цели, овладение профессионально-коммуникативной компетенцией (блок «*чему?*»), на первое место выходят блок «*кто?*», т. е. получение как можно более точного портрета обучающегося, и блок «как?», определяющий условия организации процесса обучения, чтобы он был максимально эффективным для овладения иностранными студентами ПКК. На решение этой проблемы будут влиять данные блоков «где?», «что?», «в каких условиях?» и «кто?».

Полагаем, что в фокусе внимания вуза в целом и руководства отдельных направлений подготовки в частности должно быть организация особых условий (блок «*в каких условиях?*»):

- *во-первых*, для повышения квалификации преподавателей спецдисциплин, работающих с иностранными студентами (будет иметь влияние на блоки «*кто?*», «*что?*», «*как?*»);
- *во-вторых*, реализации рабочей программы учебной дисциплины, направленной на развитие ПКК иностранных студентов в ходе общего учебного процесса (например, обеспечение соответствующей материально-технической базы для проведения внеаудиторных занятий или групповой работы) (будет иметь влияние на блоки «*что?*», «*как?*», «*в каких условиях?*»);
- *в-третьих*, осуществления внеучебной деятельности, т. е. организация мероприятий, участие в которых способствует развитию ПКК иностранных студентов (конкурсы по профессии, конференции, экскурсии и встречи по профессии и т. п.) (будет иметь влияние на блоки «*как?*», «*в каких условиях?*»).

Другими словами, в фокусе внимания должны быть вопросы организации такой образовательной среды вуза, в которой бы создавались условия не только для учебного взаимодействия, но и возможности для партнерства, диалога, исследований.

Власов Сергей Васильевич[1], *Московкин Леонид Викторович*[2]

[1]*канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет; s.vlasov@spbu.ru*

[2]*д-р пед. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет; l.moskovkin@spbu.ru*

РЕАЛИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННЫХ МЕТОДИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ В «GRAMMATICA RUSSICA» Г. В. ЛУДОЛЬФА (1696)

Ключевые слова: русский язык как иностранный, учебники, Г. В. Лудольф, «Grammatica Russica», принципы обучения.

Учебник Г. В. Лудольфа «Grammatica Russica», изданный в 1696 г. в Оксфорде [Ludolf 1696], был первым печатным учебником русского языка для иностранцев. По нему изучали русский язык иностранцы, в том числе специалисты, приглашенные на службу в Россию Петром Первым. О его широком распространении говорит то, что экземпляры этого учебника хранятся в крупнейших библиотеках России и Европы.

Автор учебника Генрих Вильгельм Лудольф, немец из Эрфурта, получивший образование в Иенском университете, в 1678–1686 гг. служил секретарем датского посланника в Англии. В 1686–1691 гг. он был секретарем принца Георга Датского, мужа английской королевы Анны. В 1692 г. Лудольф совершил путешествие в принадлежащую шведам Эстляндию и изучал русский язык в г. Нарве. В 1693–1694 гг. под видом музыканта он посетил Россию. Основной целью его поездки было секретное задание датского королевского двора подготовить условия для заключения датско-российского союза против Швеции [Tetzner 1955: 13–16]. В России Лудольф собирал материалы для учебника русского языка, который составил и опубликовал по возвращении в Англию.

Ценность этой книги для истории педагогики состоит в том, что в ней получили отражение методические принципы, многие из которых были обнаружены и сформулированы только во второй половине XX в. Остановимся в нашем сообщении на этом малоизученном аспекте.

Многие грамматики иностранных языков, издававшиеся в XVII–XVIII вв., были учебниками общего типа, и по ним могли изучать языки разные по своему характеру группы обучающихся. В отличие от них «Grammatica Russica» адресована иностранцам, приезжающим в Россию и начинающим изучать русский язык, главным образом купцам и миссионерам. Об этом говорят отбор лексики, содержание учебных диалогов, страноведческий очерк, а отчасти и предисловие, из которого следует, что автор обращается не к детям, а к равным по статусу взрослым, собирающимся вести свою профессиональную деятельность в России. Таким образом, в учебнике последовательно реализован *принцип учета адресата*.

Кроме того, в учебнике Лудольфа получил отражение *принцип практической направленности обучения* (в других терминах — принцип речевой или коммуникативной направленности), что отличает его от многих школьных грамматик, создававшихся по образовательному канону теории семи свободных искусств и обеспечивающих прежде всего знание изучаемого языка. В соответствии с этим каноном в школах речевые умения формировались и развивались в основном при изучении других дисциплин гуманитарного цикла — риторики и диалектики. Однако учебник для купцов и миссионеров не предполагал дальнейшего изучения гуманитарных дисциплин. Лексика, списки фраз и диалоги были предназначены для выучивания и непосредственного использования в процессе общения на русском языке. В этом смысле «Grammatica Russica» по своему содержанию и предназначению сближается с многочисленными разговорниками, бытовавшими в то время в немецкой купеческой и миссионерской среде (нами было отмечено очевидное сходство многих фраз из этих диалогов с фразами из разговорников).

Отличает учебник Лудольфа и ярко выраженная *страноведческая направленность*. Эта его особенность также обусловлена прагматическими целями и задачами. В связи с этим отметим, что развитие лингвострановедения как направления лингводидактики во второй половине

XX вв. также было обусловлено интересом ученых к коммуникативному поведению и коммуникативному обучению.

Еще одна важная особенность «Grammatica Russica» заключается в том, что в ней представлен *минимизированный* грамматический материал. Если сравнить ее со славянской грамматикой Смотрицкого, которая была одним из ориентиров для Лудольфа, то окажется очевидным, что автор «Grammatica Russica» сокращает как количество описанных грамматических категорий, так и их содержание. Например, он сокращает количество родов имен до четырех, сохраняет в русской грамматике только одно прошедшее время — «преходящее» (Praeteritum) и пр.

Минимизация грамматического материала особенно заметна при описании местоимений. Смотрицкий в отличие от Лудольфа подробно рассматривает категории местоимения как части речи: вид (первообразный и производный), качество (указанные выше разряды), род (мужской, женский, средний, общий, всякий), число (единственное, двойственное, множественное), начертание (простое, сложное), лицо (первое, второе, третье), падеж (семь падежей, указанных выше), склонение (четыре парадигмы) [Смотрицкий 2000: 257–259]. Лудольф, полагавший, что эта информация в полном объеме для практического владения языком не нужна, включил в учебник только отдельные сведения об этих категориях.

Таким образом, в конце XVII в. был создан учебник русского языка для иностранцев, в котором получили отражение методические принципы, характерные для современных учебников: принципы учета адресата, практической и страноведческой направленности, минимизации учебного материала.

Литература

Смотрицкий М. Грамматики славенския правилное синтагма // Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. С. 129–470.

Ludolf H. W. Grammatica Russica quae continet non tantum praecipua fundamenta Russicae linguae, verum etiam Manuductionem quandam ad Grammaticam Slavonicam. Oxonii: E Theatro Sheldoniano, 1696.

Tetzner J. H. W. Ludolf und Russland. Berlin: Akademie-Verlag, 1955.

Дай Юньфан

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет;
173777122@qq.com

ТИПИЧНЫЕ НАРУШЕНИЯ ПОРЯДКА СЛОВ В РУССКИХ СЛОВОСОЧЕТАНИЯХ УЧАЩИХСЯ КИТАЙСКОЙ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

Ключевые слова: порядок слов, типичные ошибки, китайские учащиеся, методика обучения, русские словосочетания.

Порядок слов считается одной из наиболее сложных грамматических явлений для иностранцев, изучающих русский язык [Хавронина, Крылова 1989]. Несмотря на то, что особенности порядка слов в русском языке хорошо изучены лингвистами [Ковтунова 1976], данной теме не уделяется достаточного внимания ни в учебниках русского языка, ни в учебном процессе, что вызывает ошибки учащихся при построении предложений и словосочетаний.

В целях изучения типичных нарушений порядка слов в русских словосочетаниях в 2024 г. в школе имени Кайцюй (город Хуайбэй, провинция Аньхой, КНР) был проведен эксперимент, в котором приняли участие 90 учащихся 12-го класса (третий год обучения русскому языку, уровень владения языком приближается к А2).

Испытуемым предлагалось перевести словосочетания с китайского языка на русский. После проведения тестирования осуществлялись проверка работ учащихся, выявление и систематизация ошибок, интерпретация причин ошибок. Всего был выявлен 361 правильный ответ и 179 ответов с нарушениями порядка слов, что составило 33,1 % от общего числа ответов. Рассмотрим типичные нарушения порядка слов в русских словосочетаниях, допущенные учащимися китайской школы.

Наиболее распространенные ошибки учащихся, связанные с порядком слов в словосочетаниях, можно свести к пяти типам:

1. При наличии двух прилагательных, отмечается нарушение порядка следования качественного и относительного, например:

китайские редкие животные
*(*вм.: *редкие китайские животные)*
中国的稀有动物
русские молодые спортсмены
*(*вм.: *молодые русские спортсмены)*
俄罗斯的年轻运动员
Пекин — один из китайских красивых городов.
(вм.: Пекин — один из красивых китайских городов.)
北京是中国最美丽的城市之一

Причина данных ошибок состоит в том, что в китайском языке в отличие от русского относительное прилагательное ставится перед качественным.

2. Нарушение порядка следования двух качественных прилагательных, например:

черные огромные глаза
*(*вм.: *огромные черные глаза)*
黑黑的大眼睛
легкий приятный ветерок
*(*вм.: *приятный легкий ветерок)*
轻柔舒适的风

В отличие от китайского языка в русском языке учитывается различие в степени семантической характеристики прилагательных, т. е. прилагательное со значением более фиксированной характеристики ставится ближе к определяемому существительному [Цзян Ямин, Чжао Айго 2005: 32].

3. Допускаются нарушения правил употребления определительного, указательного и притяжательного местоимений, например:

ваши все эти советы
(вм.: все эти ваши советы)
你们所有的这些建议
его всякий поступок
(вм.: всякий его поступок)
他的各种行为
мой этот друг
(вм.: этот мой друг)
我的这位朋友

Причина ошибок состоит в том, что в китайском языке в отличие от русского притяжательное местоимение стоит после определительного и указательного перед определяемым словом.

4. Нарушение порядка следования определяемого слова и несогласованного определения, например:

Я нашёл брата телефон.
(вм.: Я нашёл телефон брата.)
我找到了兄弟的手机。
Профессора дочь работает в Китае.
(вм.: Дочь профессора работает в Китае.)
教授的女儿在中国工作。
Она читает Толстого роман.
(вм.: Она читает роман Толстого.)
她在读托尔斯泰的小说。

В китайском предложении определяемое слово обычно стоит после определяющего, например, во втором предложении словосочетании правильный порядок — «дочь профессора», дочь — 女儿, профессора — 教授的, а в китайском языке — 教授的女儿 («профессора дочь», «профессорская дочь»).

5. Неверное расположение приложения перед определяемым именем существительным, например:

Ван учитель интересно объясняет урок.
(вм.: Учитель Ван интересно объясняет урок.)
王老师讲课很有趣。
Иван дядя работает в Санкт — Петербурге.
(вм.: Дядя Иван работает в Санкт — Петербурге.)
伊万叔叔在圣彼得堡工作。
Иванов директор осматривает больного.
(вм.: Директор Иванов осматривает больного.)
伊万诺夫医生在检查病人。

В китайском языке уточняющее приложение обычно предшествует определяемому имени существительному, например, в третьем предложении словосочетании правильный порядок — «директор Иванов», директор — 医生, Иванов — 伊万诺夫, а на китайском языке — 伊万诺夫医生 («Иванов директор»).

Анализ ошибок учащихся китайской средней школы показывает, что типичные ошибки вызываются двумя взаимосвязанными причинами: незнанием учащимися правил порядка слов в словосочетаниях и действующим в этих условиях влиянием родного языка. Незнание правил порядка слов является следствием отсутствия целенаправленного обучения этому явлению русского языка в китайской аудитории. В учебной программе по русскому языку для учащихся китайских школ, в методических пособиях и учебниках русского языка тема «Порядок слов» не представлена. Хотя отдельные задания, формирующие умения строить словосочетания, в учеб-

никах присутствуют, правила постановки двух и более согласованных определений к определяемому слову никогда не рассматриваются, хотя подобного рода словосочетания иногда встречаются в учебных текстах. Это же относится и к правилам порядка следования определяемого слова и несогласованного определения.

Таким образом, типичные ошибки китайских учащихся в построении русских словосочетаний вызываются не только лингвистическими причинами (влиянием китайского языка), но и методическими, и для их устранения необходимо включать в учебники задания, которые, с одной стороны, формируют навыки построения словосочетаний, с другой стороны, позволяют преодолеть межъязыковую интерференцию.

Литература

Ковтунова И. И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М.: Просвещение, 1976.

Хавронина С. А., Крылова О. А. Обучение иностранцев порядку слов в русском языке. М.: Рус. яз., 1989.

Цзян Ямин, Чжао Айго. Анализ распространенных нарушений русского порядка слов в работах китайских учащихся // Русский язык в Китае. 2005. № 24. С. 31–35.

Зюкина Зульфира Салиховна

канд. пед. наук, доцент, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы; z.zyukina@yandex.ru

КОММУНИКАТИВНО-РЕЧЕВАЯ АКТИВНОСТЬ СТУДЕНТОВ-БИЛИНГВОВ: ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

Ключевые слова: коммуникативно-речевой активность, виды коммуникативно-речевой активности, коммуникативные умения, работа в группах разного типа.

Актуальность работы объясняются наличием низкого уровня коммуникативно-речевой активности билингвов и недостаточной разработанностью данной проблемы в лингвометодике. Поэтому в тезисах обосновывается методика обучения, повышающая коммуникативно-речевую активность студентов — билингвов в процессе их подготовки в высшей школе.

Существующие методики по формированию коммуникативных умений рассчитаны в основном на обучение иностранным языкам и ориентируют чаще всего на усвоение готовых языковых клише для частотных учебно-речевых ситуаций. Творческий характер педагогической деятельности требует вариативного, ситуативно уместного владения речью. «У выпускника вуза должно быть понимание того, что по-разному можно и нужно говорить с разными людьми в разных обстоятельствах, с разными целями» [Ладыженская 2015: 11]. Реализовать эту задачу возможно лишь в том случае, когда студент- билингв станет коммуникативно активной личностью уже в процессе обучения.

Применительно к учебной деятельности билингвов мы понимаем под коммуникативно-речевой активностью «свойство личности, проявляющееся в стремлении осуществить разнообразную речевую деятельность на уровне тех коммуникативных возможностей, к которым он готов в смысле владения языком» [Зюкина 1993: 19]. На наш взгляд, качество коммуникативно-речевой активности определяется такими качествами личности билингва, как его способность к волевым действиям, необходимым в конкретной ситуации общения, а также внутренняя готовность студентов изменять в результате обучения характер такой активности от пересказа чужой речи или использования освоенных речевых клише до творческого, требующего порождения оригинальных сообщений.

Мы учитываем мнение исследователей, что в отдельных ситуациях потенциальная активность внешне воспринимается как пассивность. Однако, необходимо принимать во внимание тот факт, что эти процессы могут переходить друг в друга под влиянием обстоятельств общения.

В зависимости от характера выполняемой деятельности, можно говорить о исполнительской (репродуктивной) и порождающей сообщение (творческой) активности. Такой подход находим во многих исследованиях, где эти виды активности рассматриваются как ее уровни. Так, например, Д. Б. Богоявленская выделяет «репродуктивный, эвристический, креативный уровни» [Богоявленская 1971: 147].

Исходя из данных положений, выделим следующие виды коммуникативно-речевой активности, различающиеся: а) в зависимости от волевых усилий личности: потенциальная; реализованная; б) в зависимости от характера выполняемой деятельности: репродуктивная; реконструктивная; творческая; в) в зависимости от устойчивости проявления: ситуативная; интегральная [Ипполитова 2019: 164].

Каждый из указанных видов коммуникативно-речевой активности можно ранжировать по степени проявления: высокая, средняя, низкая (например, высокая потенциальная, но низкая реализованная, или высокая репродуктивная, но низкая творческая, или высокая реализованная ситуативная, но средняя интегральная коммуникативно-речевая активность и т. д.).

Одним из видов коллективного учебного взаимодействия, используемого нами на занятиях, является работа в различных группах (работа в паре, в малой и большой группах).

Первый этап, пропедевтический. На этом этапе проводится работа в двух направлениях: совершенствуются умения, полученные обучающимися ранее, и формируются коммуникатив-

ные компетенции, связанные с общением в разных типах групп. Среди них, на наш взгляд, можно выделить:

Общие коммуникативные умения, которые связаны:

а) с анализом и оценкой коммуникативно-речевой активности однокурсников и их речи: умение анализировать коммуникативную ситуацию, организовать общение внутри группы, объективно оценить речь других и свою собственную; б) с созданием речи: умение публично мыслить, общаться в группе из равноправных членов; пользоваться как вербальными, так и невербальными средствами общения (в пределах, определённых программой).

Частные коммуникативные умения.

Сгруппируем данные умения по тем ситуациям общения, которые используются на занятиях.

Ситуация подготовки к общению, активизация внутренней речи (индивидуальная работа). Умения: извлекать и перерабатывать информацию (в частности, фиксировать её в форме опорного конспекта, в схемах и т. п.) с учётом того, что информацию предстоит передать «другому» так, чтобы тот её усвоил; выбрать коммуникативную цель (сообщить или обменяться информацией с товарищем, воздействовать на адресата и пр.) и реализовать её в ходе высказывания.

Ситуация обмена монологами (работа в учебной паре). Умения: привлечь внимание собеседника, правильно обратиться к нему; удержать внимание собеседника вербальными (лексико-грамматическими) и невербальными (пантомимическими и ритмико-интонационными) средствами; быстро реагировать на реакцию «слушающего» (в какой-то мере прогнозировать ее и управлять ею); задавать вопрос; донести информацию до него; обменяться информацией с адресатом.

Ситуация общения с элементами обсуждения (работа в малой группе). Умения: публично говорить с учётом малой аудитории; аргументировать (возражать или соглашаться с чужой точкой зрения); терпимо относиться к чужой точке зрения; взять на себя, при необходимости, роль коммуникативного лидера.

Ситуация общения с элементами дискуссии (работа в учебной группе). Умения: самоопределяться в коллективе по поводу обсуждаемой информации («согласен — не согласен», если возражаешь — то по поводу чего); адресовать сообщение (оппоненту, всей группе, ведущему); организовать и стимулировать говорение других.

Оставляя за рамками статьи примеры аналитико-конструктивных заданий, которые формируют коммуникативные умения, связанные с общением в группах разного типа, отметим, что характерной особенностью занятий, построенной по данной схеме, является увеличение времени, отведенного под говорение, более чем в два раза.

Второй этап обучения, основной. Его цель — убедить студентов в необходимости развития у себя такого важного профессионально значимого свойства учителя, как коммуникативно-речевая активность, и в актуальности соответствующих знаний. В связи с этой целью на занятии раскрывается роль коммуникативно-речевой активности в профессиональной деятельности учителя; сообщаются необходимые сведения о ней, ее видах и уровнях; анализируются особенности ее проявления, причины речевой инактивности; обсуждаются методы, приемы и формы организации учебного процесса, повышающие коммуникативно-речевую активность учащихся на занятии. Задачи этого этапа осуществляются на специальном занятии.

Третий этап, заключительный. Задачи этого этапа: а) закрепить знания о коммуникативно-речевой активности во время самостоятельной деятельности студентов в период педагогической практики; б) добиться, чтобы работа, способствующая повышению коммуникативно-речевой активности обучаемых, была личностно мотивированной и явилась составной частью деятельности будущего педагога.

Полученные в результате предложенного обучения данные мы можем (с учетом ограниченных возможностей статьи) отразить в следующих выводах:

1. Наиболее существенные достижения проявились в отношениях студентов к: а) самим себе (например, «стал общительнее»; «повысилась уверенность в себе, в своих поступках»; б) коллективным формам работы. Так, обучающиеся отмечают, что на практике почувствовали

«силу» групповых форм работы, что в учебном коллективе значительно интереснее выполнять речевую задачу. В качестве неожиданных моментов студенты указывают на возможность раскрыть для себя с неожиданной положительной стороны однокурсника как коммуникативного партнера.

2. В процессе совместной деятельности «обучающиеся: а) стали больше проявлять готовность к инициативе в общении (33,6 %); б) увереннее себя чувствуют в общении с незнакомыми людьми (10 %); в) стали более общительны (26,8 %); г) в целом, усвоили предложенный объем сведений о коммуникативно-речевой активности, видах и способах ее повышения, что проявилось в объективной самоооценке с точки зрения видов коммуникативно-речевой активности и степени ее проявления» [Зюкина 1993: 133].

Мы убедились, что совместная работа студентов — билингвов на занятиях повышает самокритичность. При этом «маскируется» как бы принудительный характер учебных заданий, появляется возможность испытать свои коммуникативные возможности, объективно оценить результаты.

В целом наша работа демонстрирует, что описанные формы занятий, где организуется интенсивное общение, обеспечивают развитие подготовленной или частично подготовленной речи билингвов на всех языковых уровнях (включая фонетический), способствуют улучшению качества коммуникативно-речевой активности будущих учителей — билингвов, соответствуют современным психолого-педагогическим требованиям: встраиваемость в текущий учебный процесс без дополнительных затрат времени; методическая простота; взаимосвязь урочной, домашней и самостоятельной работы.

Такие занятия могут проводиться на каждом этапе обучения, по разным учебным темам, независимо от предмета. В этом нам видится некая универсальность охарактеризованной в статье системы работы.

Литература

Богоявленская Д. Б. Метод исследования уровней интеллектуальной активности // Вопросы психологии. 1971. № 1. С. 146–150.

Зюкина З. С. Повышение коммуникативно-речевой активности студентов-билингвов в курсе «Культура речи учителя»: дис. … канд. пед. наук. М., 1993.

Ипполитова Н. А. (ред.). Педагогическая риторика в вопросах и ответах: учеб. пособие. М.: Прометей, 2019.

Ладыженская Т. А. Русский язык и риторика в современном образовании // Научная школа профессора Т. А. Ладыженской: коллективная монография. Вып. 3 / под ред. Н. А. Ипполитовой. М.: Экзамен, 2015.

Иванов Сергей Юрьевич

ст. преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет;
serge_ivanoff@yahoo.com

О НЕКОТОРЫХ ТРУДНОСТЯХ ПРЕПОДАВАНИЯ ВОЗВРАТНЫХ ГЛАГОЛОВ В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ

Ключевые слова: возвратный глагол, диатеза, каузатив, пассив, рецессив.

Русские возвратные глаголы (ВГ) трудны для усвоения иностранной аудиторией из-за своей многозначности. Описание некоторых значений и синтаксических конструкций ВГ детально разработано в методике РКИ. Они исчерпывающе представлены в программах и пособиях, отчетливо воспринимаются иностранцами как отдельные грамматические темы. К таким случаям относится пассивное употребление ВГ, ср. *Студент читает статью/ Статья читает**ся** студентом*. Другие значения и конструкции ВГ недостаточно ясно представлены в РКИ. Даже если на эти значения дается много упражнений, они не осознаются учащимися как лексико-грамматические единства, поскольку не выделяются как таковые в учебном описании. К таким случаям относятся семантически близкие к пассивным *декаузативные* ВГ [Материалы к корпусной грамматике 2016: 286–290], ср. *Я открыл дверь/ Дверь открыла**сь***. Для удобства многократного называния таких ВГ и конструкций в иностранной аудитории можно также пользоваться более ранним термином *рецессив* [Теньер 1988: 286–289].

Нынешний уровень описания рецессивного употребления ВГ в РКИ не дает учащимся ясного понимания его специфики, а преподавателям — возможности объяснить эту специфику. Учащиеся нередко считают рецессивный ВГ пассивной формой. Эта ошибка в семантическом толковании ведет к грамматической ошибке, кода учащийся неправильно образует пассив СВ с агентом в Т. п., взяв за основу рецессивную конструкцию, ср. **Дверь открылась водителем*. Чтобы яснее отграничить рецессивное употребление ВГ от пассивного, отметим свойства, которые их сближают, и свойства, которые их различают.

Общие черты пассивного и рецессивного употребления ВГ:

а) обе конструкции можно рассматривать как производные от соответствующих невозвратных конструкций. Пассив, *Статья читает**ся** студентом*, производен от переходного актива, *Студент читает статью*. Рецессив, *Дверь открыла**сь***, производен от переходного каузатива, *Я открыл дверь*. Обе пары конструкций демонстрируют регулярную синтаксическую и морфологическую, в плане производности ВГ, соотносительность;

б) обе конструкции понижают синтаксический статус агента исходной невозвратной конструкции, переводя его из подлежащего в необязательное дополнение (пассив) или выводя за рамки синтаксической модели (рецессив);

в) обе конструкции выдвигают прямой объект исходной конструкции в позицию подлежащего, ср. акт. *Студент читает **статью**/* пасс. ***Статья** читается студентом*; кауз. *Я закрыл **дверь***; рец. ***Дверь** закрылась*;

г) обычно обе конструкции употребляются без агента, ср. пассив *Дом строит**ся***; рецессив *Дверь закрыла**сь***.

Различия пассивного и рецессивного употребления ВГ:

а) в пассиве агентное дополнение входит в модель предложения, ср. *Статья читается **студентом***. В рецессиве потенциальный агент выводится за рамки модели; аргумента для него нет, ср. *Дверь закрылась*;

б) в пассиве употребляются ВГ только НСВ; пассив СВ строится с помощью кратких пассивных причастий, ср. *Статья **читается/ прочитана** студентом*. Рецессивный ВГ не имеет видовых ограничений, ср. *Дверь **закрывается**/ **закрылась***;

в) в современной русской грамматике актив и пассив обычно рассматриваются как члены словоизменительной категории залога; сказуемые в предложениях *Студент **читает** статью/ Статья **читается** студентом* описываются как формы одного глагола, а не как разные

глаголы. Впрочем, назвать сказуемое пассива ВГ тоже возможно. Рецессивный ВГ не признается формой соответствующего невозвратного каузативного глагола. Сказуемые в предложениях *Я **закрыл** дверь/ Дверь **закрылась*** считаются разными глаголами. Среди русских грамматических категорий нет каузативно-рецессивной диатезы;

г) за активом и пассивом обычно признается полная смысловая соотносительность: предложение *Статья читается студентом* описывает ту же самую ситуацию действительности, что и предложение *Студент читает статью*. Логический вывод работает в обоих направлениях: от актива к пассиву и наоборот. Рецессив и каузатив описывают близкие, но не тождественные ситуации: в каузативе, *Я открыл дверь*, присутствует агент, изменяющий положение дел; в рецессиве, *Дверь открылась*, ситуация меняется как бы сама собой, хотя в действительности агент возможен и здесь;

д) агентивная семантика пассива сохраняется даже при невыраженном агенте: *Статья читается* означает, что *Статью читают*, т. е. *кто-то* ее читает. Семантика рецессива лишена агентивного компонента, ср. *Дверь открылась*, хотя не исключает наличие агента в действительности, т. е., возможно, *кто-то* открыл дверь;

е) актив и пассив имеют различный стилистический статус: актив стилистически нейтрален, в то время как пассив принадлежит к письменному, официально-деловому стилю. Каузатив и рецессив стилистически однородны: оба нейтральны по стилю;

ж) ВГ представляет собой единственный регулярный способ выражения предикативного пассива НСВ в современном русском языке. За некоторыми исключениями, вроде *Он любим/ ненавидим/ уважаем всеми*, русское пассивное сказуемое НСВ имеет возвратную форму. Для рецессива ВГ является наиболее регулярным, однако не единственным способом выражения в русском языке, в котором широко представлены также каузативно-рецессивные пары невозвратных глаголов, ср. *кипятить/ кипеть, растить/ расти, жечь/ гореть*;

з) рецессивный ВГ и его каузативный партнер всегда обозначают изменение состояния предмета, ср. *Дверь закрылась/ Дверь закрыли*. Пассивный ВГ может обозначать изменение состояния объекта, ср. *Дом строится*, но может и не обозначать никакого изменения, ср. *Книга читается*;

и) пассив и рецессив имеют в русском языке различный коммуникативный потенциал. Относясь к официально-деловому стилю, пассив, в том числе с ВГ, почти не употребляется в повседневном общении. Можно сказать, что для русского разговорного синтаксиса пассив избыточен. Напротив, рецессивные ВГ широко употребляются во всех стилях русской речи, включая разговорную.

Будучи, наряду с пассивом, наиболее характерным для русского языка типом употребления ВГ [Князев 2007: 304], рецессив, или декаузатив, должен занять достойное место в прикладной грамматике РКИ.

Литература

Князев Ю. П. Грамматическая семантике. Русский язык в типологической перспективе. М.: Языки славянских культур, 2007.

Материалы к корпусной грамматике русского языка. Глагол. Ч. 1. СПб.: Нестор-История, 2016.

Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М.: Прогресс, 1988.

Макашова Виктория Вячеславовна

канд. филол. наук, ст. педагог дополнительного образования,
Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы;
makashova_vv@pfur.ru

ФОРМАТ «НЕ-ЭССЕ» КАК АЛЬТЕРНАТИВА ТРАДИЦИОННЫМ ПИСЬМЕННЫМ РАБОТАМ ПРИ ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ-ИНОФОНОВ ПРОДВИНУТОГО УРОВНЯ

Ключевые слова: не-эссе, русский язык как иностранный, продвинутый уровень.

В целях развития навыков аргументированной письменной речи у студентов, изучающих русский язык как иностранный на продвинутом уровне, часто применяется эссе. Но, к сожалению, сегодня эссе оказывается весьма формализованным видом письменной работы: при раскрытии заранее заданной темы студенты обязаны следовать общепринятому шаблону. Между тем мы считаем, что действительно свободному выражению личного мнения способствует формат «не-эссе», который целесообразно применять при обучении РКИ студентов продвинутого уровня, готовых «отойти» от привычного алгоритма написания эссе и постичь нетривиальные способы изложения мысли.

Создание формата «не-эссе» связано с именем профессора Университета Летбриджа Д. П. О'Доннелла [Donnell 2012]. Вслед за Д. П. О'Доннеллом, под «не-эссе» мы понимаем письменное задание, позволяющее иноязычным учащимся самостоятельно выбирать тематическое направление и форму представления доказательного рассуждения (в частности, оно может быть оформлено в виде серии публикаций в TikTok, стихотворения, комикса, плаката, записи в блоге и др.).

Актуальность исследования состоит в том, что в настоящее время как никогда остро стоит необходимость переосмысления эффективности классического эссе на занятиях по русскому языку как иностранному в продвинутых студенческих группах и внедрения в учебный процесс альтернативных форматов.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые проведена адаптация формата «не-эссе» к процессу обучения студентов продвинутого уровня русскому языку как иностранному, уточнены методические аспекты его реализации.

Цель исследования — рассмотреть специфику применения формата «не-эссе» при изучении русского языка как иностранного в продвинутых студенческих группах.

В результате проведенного исследования автором были определены основные этапы работы над «не-эссе»:

- организационный этап — вступительное слово преподавателя: постановка учебной задачи и обеспечение ее понимания студентами; формулирование критериев оценивания студенческих работ; определение сроков их выполнения; указание тайминга публичной презентации результатов; при первом опыте работы с форматом «не-эссе» возможна демонстрация примерных образцов;
- поисковый этап — определение темы и формата контента: сообщение студентами тем, выбранных самостоятельно на основе личных интересов и академических предпочтений; объяснение связи с содержанием раздела дисциплины «Русский язык как иностранный», изучаемого в текущий момент; обоснование формы представления работы;
- проектировочный этап — общее планирование работы: построение студентами индивидуального плана работы; разработка ее концепции; отбор материала для аргументации; уточнение состава и объема контента;
- практический этап — реализация первоначального замысла: непосредственное создание работы в формате «не-эссе»; проверка соответствия выбранной формы содержанию;

- корректировочный этап — коррекция ошибок и неточностей: исправление недостатков в работе, осуществляемое посредством совместной деятельности преподавателя и студентов;
- презентационный этап — публичное представление работы: оценивание студенческих работ преподавателем в соответствии с установленными критериями; оглашение студентам рекомендаций по совершенствованию навыка публичных выступлений; разъяснение студентами отдельных положений, сформулированных в работе, а также способа оформления результатов при наличии вопросов у аудитории;
- рефлексивный этап — осознание студентами собственных действий: анализ соответствия результатов первоначальному замыслу; определение качества результатов; выявление перспектив их использования; осмысление полученных достижений и возникших проблем при выполнении задания.

Также автором были разработаны критерии оценивания «не-эссе»:

I. Критерии оценивания качества содержания работы:

1) глубокое раскрытие темы (всестороннее изучение вопроса);
2) оригинальность мысли (наличие уникальной идеи или интерпретации);
3) весомость доказательной базы (приведение рациональных и эмоциональных аргументов для обоснования мысли, при этом их количество строго не регламентировано);
4) связь демонстрируемой работы с разделом дисциплины «Русский язык как иностранный» (соотнесенность работы с тематическим наполнением дидактической единицы);
5) грамотность (соблюдение норм современного русского литературного языка, а также правил русской орфографии и пунктуации).

II. Критерии оценивания качества представления результатов работы:

1) уместность (выбор формы, адекватной содержанию работы);
2) доступность восприятия (подача информации в виде, удобном для восприятия, обеспечение комфортного чтения, слушания, просмотра контента);
3) увлекательность (способность формы привлекать внимание и производить эмоциональное впечатление).

В заключение подчеркнем, что частоту использования формата «не-эссе» при обучении РКИ студентов продвинутого уровня определяет преподаватель. Но, на наш взгляд, данный формат следует применять на занятиях с постоянной периодичностью, поскольку он позволяет иностранным учащимся фокусировать внимание исключительно на своих интеллектуальных интересах, свободно формулировать мысль, самостоятельно и творчески подходить к выбору формы представления работы. Мы убеждены, что внедрение формата «не-эссе» в обучение способствует раскрытию интеллектуального и творческого потенциала студентов, повышению уровня их вовлеченности в учебный процесс.

Источник

O'Donnell D. P. The unessay. 2012. URL: https://people.uleth.ca/~daniel.odonnell/teaching/the-unessay (дата обращения: 12.01.2025).

Фадеева Елена Владимировна
канд. филол. наук, доцент,
Самарский государственный технический университет

ТЕКСТ ЭКСКУРСИИ КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ СПОСОБ РАЗВИТИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Ключевые слова: текст, креолизованный текст, экскурсия, лингвокультурная компетенция.

Для повышения интереса и мотивации к обучению, преподавателю необходимо подбирать такие учебно-методические материалы, которые активно стимулировали бы познавательные способности учащихся на протяжении всего периода обучения. В этой связи видится продуктивным использование текста экскурсии как креолизованого текста со страноведческим компонентом, так как помимо усвоения актуальной лексики и грамматики он реализует важнейшую функцию — знакомит изучающего иностранный язык индивида с социокультурной средой носителей языка, без которой дальнейшая успешная и эффективная коммуникация была бы весьма затруднительна. Этот вид текста приобретает все большую популярность в процессе реализации межкультурного подхода [Трубина 2019: 165–167]. Именно креолизованный текст можно и нужно рассматривать как принципиально новый способ передачи и, что наиболее важно, усвоения лингвокультурной информации [Ломоносова 2018: 417–425]. Он позволяет совершенствовать методику преподавания русского языка как иностранного и делать процесс обучения ярче, интереснее и эффективнее. Можно классифицировать эти тексты, исходя из их роли в процессе формирования образа страны изучаемого языка, следующим образом:

1. Креолизованные тексты, которые содержат социокультурный материал.
2. Креолизованные тексты, содержащие лингвострановедческий материал (раскрывают особенности географического положения, политического устройства, культуры, социальных норм, обычаев и традиций страны изучаемого языка).
3. Креолизованные тексты, содержащие лингвокультурный материал (раскрывают особенности характера, менталитета носителей русского языка, а также знакомят с культурным наследием страны. В учебных изданиях по РКИ за этот аспект информации отвечают преимущественно фольклорные составляющие языка: поговорки, пословицы, фразеологизмы, а также фрагменты сказок и народных песен, отрывки из произведений литературы, сопровождаемые изображениями [Артемова 1999: 34–39].

К характеристикам собственно учебного текста относятся: 1) информативность, 2) делимость, 3) связность, 4) объём неизвестного лексико-грамматического материала, 5) размер отбираемого фрагмента. Учёт каждого из этих элементов не только по отдельности, но и в совокупности, даёт возможность осуществить успешную процедуру отбора любого (как нехудожественного, так и художественного) текста в учебных целях. Учитывая вышеизложенные точки зрения на критерии отбора текстов по РКИ, можно выделить наиболее значимые, на наш взгляд, пункты при отборе текстов:

- страноведческое наполнение (наличие в нем страноведческих сведений);
- степень его современности (отражение в нем актуальной культуры);
- принцип актуального историзма (включение исторических сведений, известных носителям языка);
- типичность отражаемых фактов;
- информативность и познавательность;
- новизна;
- аутентичность;

- соответствие учебной теме;
- учет уровня сформированности коммуникативной компетенции;
- доступность и посильность.

При работе над текстом экскурсии нами была использована серия путеводителей по Самаре “A Guide to Discover Samara 2010” (Winter, Spring, Summer, Autumn) на русском и английском языках. Данная серия дает весьма полную информацию о достопримечательностях, сфере развлечений, культурной жизни города, она подойдет для иностранных студентов, продолжающих изучать русский язык. На основе материала нами был разработан не только текст обзорной экскурсии по Самаре, но и упражнения лексико-грамматического характера. После работы над текстом о Самаре и выполнения ряда упражнений, студентам-иностранцам, можно предложить разработать маршруты а) по своему родному городу, б) по г. Самаре, в) по одному из знаменитых городов/столиц мира (виртуальный тур). Все это позволяет преподавателю РКИ работать над лексикой и грамматикой, отрабатывать навыки чтения, а также работать над навыками монологической и диалогической речи учащихся. Кроме того, тексты подобного характера позволяют значительно расширить знания учащихся о стране изучаемого языка, что, несомненно, будет способствовать усовершенствованию языковой компетенции студентов. В отличие от вербализованного креолизованный текст обладает иконичностью, т. е. визуализирует языковой и грамматический материал в конкретной речевой ситуации и определенном культурно-историческом контексте, т. е. обладает наглядностью. Кроме того, сам формат — соединение высказывания с картинкой — адекватен принципам восприятия и обработки информации современными людьми. Включение в образовательный процесс текстов, содержащих концентрированный языковой и социокультурный материал, способствует более эффективной языковой адаптации, обогащению и развитию языковой личности благодаря реализации целенаправленного речевого поведения.

Литература

Артемова Е. А. Специфика реализации текстовых категорий в политическом креолизованном тексте // Карасик В. И. Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики: сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 1999. С. 34–39.

Боргест Д., Боргест П. Путеводитель. A Guide to Discovering Samara 2010. Autumn. Winter. № 4/61.

Ломоносова А. Л. Социокультурный аспект креолизованных текстов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. № 18 (816). С. 417–425.

Трубина З. И. Лингводидактический потенциал креолизованных текстов // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2019. № 3. С. 163–174.

Федосенко Екатерина Владимировна

канд. психол. наук, доцент, Военный институт (инженерно-технический) Военной академии материально-технического обеспечения им. генерала армии А. В. Хрулёва

ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ НА УРОКАХ РКИ (НА ПРИМЕРЕ МЕТОДИЧЕСКОЙ РАЗРАБОТКИ «ГРАД ПЕТРОВ»)

Ключевые слова: лингвострановедение, русский язык на иностранный, коммуникативная компетентность.

Лингвострановедение предполагает, что изучение иностранного языка должно осуществляться в тесной связи с культурой и страной его носителей. По мнению Г. Д. Томахина, в настоящее время полноценное изучение иностранного языка невозможно без учета его лингвострановедческого контекста [Томахин 1996]. Применение лингвострановедческого подхода в преподавании русского языка как иностранного (РКИ) позволяет постоянно развивать коммуникативную компетентность, осваивать лексико-грамматический материал, параллельно достигая познавательных, воспитательных и развивающих целей [Мишонкова 2003].

Мастер-класс по адаптации текстов с элементами линвострановедения «Град Петров», разработанный нами на основе преподавания методики РКИ для узбекских учителей русского языка, может стать интересным и полезным инструментом для начинающих учителей РКИ, стремящихся разнообразить свои занятия и привнести в них элементы лингвострановедения. Работа с сувенирными открытками с видами Санкт-Петербурга дала возможность соединить языковое обучение с культурным контекстом. Включение лингвострановедческих материалов позволяет не только улучшить языковые навыки, но и способствует формированию более глубокого понимания российской культуры, а значит, и повышению уровня коммуникативной компетенции.

Цель мастер-класса: развить у учителей РКИ навыки интеграции элементов лингвострановедения в учебный процесс с помощью работы с сувенирными открытками, что позволит обогатить учебные занятия культурными и историческими аспектами города.

Задачи мастер-класса:

1. Познакомить участников с историческими и культурными особенностями Санкт-Петербурга через визуальные образы на сувенирных открытках.
2. Показать, как использование сувенирных открыток может мотивировать учащихся, привлекая внимание к культурным особенностям и достопримечательностям России.
3. Подготовить учителей к созданию собственных лингвистико-культурных материалов для занятий на основе реальных примеров из жизни Санкт-Петербурга.

Ход мастер-класса:

1. Введение: Приветствие участников и знакомство с целями мастер-класса. Объяснение значимости интеграции культурных аспектов в процесс преподавания русского языка как иностранного (РКИ). Уточнение, что мастер-класс предлагает практические методики, основанные на использовании сувенирных открыток с видами Санкт-Петербурга, которые соединяют языковое обучение с культурным контекстом.
2. Теоретическая часть: краткий обзор концепции лингвострановедения и его места в преподавании РКИ. Объяснение, как использование культурных элементов, таких как виды Санкт-Петербурга, может помочь ученикам погрузиться в язык и культуру. Преимущества работы с визуальными материалами (открытками) для обучения на уровнях А0-В1.
3. Практическая часть: деление участников на группы, каждая из которых получает набор сувенирных открыток с изображениями Санкт-Петербурга, расположенных в алфавитном порядке.

Возможные задания:

1. Описания изображений: Участники должны составить описание каждой открытки, с учетом уровня владения русским языком. Это задание помогает развить навыки описания, обогащает словарный запас и учит грамматике.
2. Адаптация текстов открытки. Участники адаптируют предложенный текст открытки
3. Составление исторических или туристических заметок: вторая часть задания предполагает использование информации о Санкт-Петербурге для создания исторического или туристического текста, который можно предложить ученикам для практики на более высоких уровнях.
4. Систематизация и сортировка. Участники выполняют упражнение на сортировку открыток по алфавиту, что развивает навыки систематизации, строения слов и работы с буквами.

Обсуждение результатов. Каждая группа представляет свои работы. Участники обсуждают, какие методики адаптации текстов им были полезны и как можно применять эти приемы в преподавании.

Резюмирование основных выводов мастер-класса: сочетание языковой практики с элементами культуры помогает повысить мотивацию учащихся, делает процесс обучения более увлекательным и доступным.

Таким образом, представленный методический инструмент предполагает свежий взгляд на преподавание РКИ, сочетая языковую практику с изучением культуры. Такой подход помогает развивать не только языковые навыки, но и интерес к изучению России, а также способствует развитию навыков критического мышления и коллаборации. Ключевой методической инновацией является использование сувенирных открыток для развития навыков адаптации публицистических текстов уровня С1–С2 на более низкие уровни, такие как В1 и А1.

Возможности мастер-класса с целью дальнейшего развития подобных мероприятий можно:

1. Расширить географию лингвострановедческого материала, включив другие города и регионы России, что позволит учащимся увидеть разнообразие культуры и традиций.
2. Предложить цифровые версии материалов (например, интерактивные открытки), что будет способствовать развитию цифровой грамотности и позволит применять материалы в онлайн-обучении.

Литература

Мишонкова Н. А., Мельникова А. А. Лингвострановедческий аспект в преподавании РКИ // Журнал Гродненского государственного медицинского университета. 2003. № 2 (2). С. 83–85. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/lingvostranovedcheskiy-aspekt-v-prepodavanii-rki (дата обращения: 20.01.2025).

Томахин Г. Д. Лингвострановедение: что это такое? // Иностранные языки в школе. 1996. № 6. С. 22–27.

Филиппова Елена Владимировна

канд. филол. наук, доцент, Академия Государственной противопожарной службы МЧС России; elenefilippova.klachuk@yandex.ru

ЮМОР КАК ИНСТРУМЕНТ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ УСТНОЙ РЕЧИ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: юмор, юмористические тексты, смех, мотивация, социально-культурная адаптация.

Современному иностранному студенту, обучающемуся в России на подготовительном факультете, необходимо освоить грамматику, научиться говорить и понимать русскую речь и адаптироваться к социально-культурной действительности в России. Огромная психологическая и когнитивная нагрузка на студента часто сопровождается потерей интереса к изучению языка, разочарованием и отказом от дальнейших планов, связанных с получением образования. Включение в учебный процесс текстов с юмористическим содержанием, понимание психолого-педагогического потенциала юмора способствует вовлеченности студентов и интенсификации обучения. Юмор, по выражению В. И. Карасика, «один из способов адаптации к меняющимся условиям, реакция на неожиданное развитие событий, примирение с действительностью… это органическая защитная характеристика человеческой психики» [Карасик 2002: 156].

Актуальность исследования заключается в том, что на данный момент недостаточно изучен вопрос методического сопровождения работы с текстами юмористического содержания на начальных уровнях изучения русского языка с целью развития устной речи. Под текстом мы понимаем объединенную по смыслу последовательность знаковых единиц, что дает возможность отнести к ним вербальный текст, фотографии, видеосюжеты и креализованные тексты.

Использование комических текстов на уроках помогают снять эмоциональное напряжение, справиться с психологическими и социальными барьерами, препятствующими свободному общению на русском языке, поскольку «смех не позволяет воспринимать продуцента как носителя агрессивных намерений и обмана» [Антонова 2010: 53] и создаёт доверительные отношения в группе. Юмор выполняет мотивационную функцию, вовлекая студентов в процесс изучения языка в непринужденной форме, способствуя более легкому запоминанию языковых конструкций и их воспроизведению в речи; помогает устанавливать ассоциативные связи между разнородными явлениями, активизирует интеллектуальную деятельность, развивает творческие способности студентов, навыки критического мышления. Работа с юмористическими текстами отличается тем, что обучающемуся необходимо произвести сложную когнитивную работу по сопоставлению плана содержания предъявленного текста и его фоновыми знаниями. Возникающее противоречие между реальностью и ожиданием вызывает смех и желание поделиться с собеседником своими мыслями, а значит выйти в коммуникацию на русском языке.

Объектами юмора в русской действительности выступают повседневная жизнь человека, работа и увлечения, персонажи (Винни-Пух, Чебурашка, Вовочка, врач и др.). В качестве практического материала на уроках используются вербальные тексты: анекдоты, загадки, фразеологизмы — креализованные тексты (мемы или картинки с коротким текстом), видеосюжеты (короткометражные фильмы). Приведем примеры некоторых текстов. Например, в начале уроке нередко предлагаются вопросы-загадки, позволяющие активизировать лексику и создать бодрый эмоциональный настрой на протяжении занятия. Некоторые вопросы-загадки позволяют говорить о присутствии в русском языке омонимии: «У неё есть ручка, но она не может писать»; «Три да три. Что будет?» (дырка); «Почему у слона нет компьютера?» (потому что слон боится мышки); «Бежит, бежит и никогда не устаёт» (река), «Фрукт, который всегда улыбается» (банан). Большую роль играет при выполнении этого задания кругозор обучающихся. Привычные для всех носителей русского языка фразеологизмы вызывают недоумение и улыбку у иностранных студентов, когда речь идет о прямом значении, входящих в устойчивое выражение слов: «как селёдок в бочке», «вешать лапшу на уши», «не в своей тарелке», «лезть не в своё дело», «оставить с носом», «кормить завтраками».

Креализованные тексты с картинками чаще всего предъявляются во время изучения грамматических или лексических тем. Фотографии, на которых изображена машина с табличкой на заднем стекле «Ищу принца» и «Женюсь» используют в процессе урока на тему «Знакомства. Семья». При изучении темы «внешность» обсуждаются некоторые эпатажные образы героев, необычная одежда или наколки на теле. Эпатажные образы могут вызвать неоднозначную реакцию у обучающихся разных культур. Можно попросить ответить на вопрос: «Что люди думают о такой внешности в вашей стране?» и попросить аргументировать свою точку зрения. Необходимо предупредить студентов о том, что в России не смеются над физическими недостатками, фигурой, внешностью человека. При работе над темой «Праздники» организуется обсуждение фотографий, изображающих подарки: на день рождения парень дарит своей девушке змею, жена своему мужу — машину из шаров, девушка подруге — кубок в виде формы от кекса и с надписью внизу «всегда в форме»; друзья дарят на свадьбу молодожёнам кирпич, на котором написано: «Первый кирпичик семейного счастья».

Живой интерес вызывает обсуждение короткометражных фильмов из «Ералаша», где юмор создается за счет несоответствия между ожиданием и реальностью, содержанием и формой. Недосказанность же некоторых ситуаций даёт пространство для интерпретации события обучающимися и, конечно, для языкового взаимодействия, необходимого для развития устной речи. Обсуждение осуществляется на основе наводящих вопросов, например, в фильмах «Врун» и «Ужасная квартира» сначала предлагается ответить на вопросы, а потом рассказать, что осталось за кадром. В фильме «Опять двойка» необходимо подключить культурологическую информацию о картине Решетникова «Опять двойка» и поговорить о героях этой картины, а затем вернуться к фильму и языковой игре, к которой прибегает мальчик: «опять»- «пять двоек».

Таким образом, юмористические тексты стимулируют создание такой коммуникативной ситуации на занятии, которая позволяет снимать психологическое напряжение, организуя пространство для общения на заявленные темы, что способствует формированию навыков устной речи у иностранных студентов уже на базовом уровне.

Литература

Антонова А. В. Смех, юмор и речевая манипуляция // Вестник Пермского университета. 2010. Вып. 4 (10). С. 52–58.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.

Ян Маньлин

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет;
st121857@student.spbu.ru

ВОЗМОЖНЫЕ ТРУДНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ВОЗВРАТНЫХ ГЛАГОЛОВ В КИТАЙСКОЙ АУДИТОРИИ

Ключевые слова: возвратный глагол, русский язык как иностранный, китайские студенты, классификация возвратных глаголов, аналогичная категория.

Иностранные студенты, изучающие русский язык в российских вузах, на протяжении всего периода обучения сталкиваются с большим количеством трудностей различного характера [Дмитриева 2020: 68]. Многие из них связаны с усвоением глагольной системы русского языка, в частности с усвоением возвратных глаголов. Трудности у китайских студентов вызывают разнообразие конструкций с соотносительными возвратными и невозвратными глаголами, сложные синтаксические связи, возникающие при добавлении постфикса *-ся*, многообразие лексических значений этой группы глаголов [Корчик 2010: 107]. Это свидетельствует об актуальности изучения факторов, затрудняющих усвоение возвратных глаголов в китайской аудитории.

В российской лингвистической литературе представлены разные классификации возвратных глаголов (В. В. Виноградов, В. В. Иванова, О. В. Чагина, А. А. Шахматов, В. А. Янко-Триницкая и др.). Для использования в учебных целях наиболее удобной является классификация В. А. Янко-Триницкой, в которой выделяются 6 групп возвратных глаголов: собственно-возвратные; взаимо-возвратные; пассивно-качественные; общевозвратные; безличные возвратные глаголы; глаголы, не употребляющиеся без постфикса *-ся* [Янко-Триницкая 1962].

Исходной точкой настоящего исследования послужило положение о том, что одной из главных трудностей при изучении возвратных глаголов китайскими студентами является отсутствие аналогичной категории в их родном языке. В китайском языке нет эквивалентной категории возвратных глаголов, образуемых с помощью постфикса. Для выражения рефлексивных действий в нем, как правило, используются специальные местоимения или конструкции с глаголами, не имеющими определённой грамматической формы [Корчик 2010:108].

Опираясь на эти положения, мы рассмотрели все шесть групп русских возвратных глаголов в сопоставлении с их китайскими аналогами. Представим результаты исследования:

1. Для выражения действия, которое субъект направляет на себя, в китайском языке часто используются конструкции с глаголом и местоимением 自己 (zìjǐ, «сам») или другие аналогичные выражения. Это значительно усложняет восприятие и понимание постфикса *-ся* как самостоятельной единицы, которая имеет различные значения в зависимости от контекста.
2. Возвратные пассивно-качественные глаголы в русском языке используются для выражения пассивных значений (например, *сломаться, загрязниться*), что также не имеет прямых аналогов в китайском языке. В китайском языке для обозначения пассивности используются конструкции с пассивным глагольным постфиксом 被 (bèi) или другие синтаксические средства. Отсутствие прямой аналогии с возвратными глаголами, выражающими пассивность, делает освоение пассивных конструкций для китайских студентов сложным и трудоёмким процессом.
3. В русском языке возвратные глаголы могут обозначать взаимные действия, например, *встретиться, поздороваться* и т. д. В китайском языке эти глаголы не имеют аналогичных форм и при переводе требуют более сложных конструкций с местоимениями или глаголами, чтобы выразить взаимоотношения между действующими лицами.

Что касается остальных групп (общевозвратные; безличные возвратные глаголы; глаголы, не употребляющиеся без постфикса *-ся*), то в китайском языке их аналоги вообще отсутству-

ют, и это позволяет предполагать, что эти глаголы требуют особых комментариев в процессе обучения.

В процессе обучения следует учитывать, что значения, выражаемые многими возвратными глаголами, в китайском языке передаются другими средствами: привлекать данные сопоставления русских возвратных глаголов с их китайскими аналогами в процессе их презентации и комментировать ошибки, которые могут допустить студенты при выполнении грамматических упражнений.

Кроме того, следует учитывать, что результаты обучения иностранному языку зависят от психологических барьеров, возникающих у учащихся в процессе освоения новой иноязычной реальности. Структурные и семантические особенности русских возвратных глаголов вызывают у китайских студентов опасения, что эти сложные грамматические явления невозможно усвоить [Самчик 2019: 71]. Известно, что студенты из восточных стран стараются не употреблять в своей речи такие явления из-за боязни допустить ошибки.

Таким образом, трудности в усвоении возвратных глаголов в китайской аудитории обусловлены не только структурными и семантическими особенностями этой группы глаголов, но также расхождениями в системах русского и китайского языков и психологическими факторами.

Литература

Дмитриева Д. Д. Особенности работы над возвратными глаголами на занятиях по русскому языку как иностранному // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. № 2 (31). С. 68–70.

Корчик Л. С. Некоторые типичные устойчивые ошибки в речи китайских студентов на занятиях по русскому языку // Полилингвиальность и транскультурные практики. 2010. № 4. С. 105–108.

Самчик Н. Н. Психологические барьеры при изучении русского языка как иностранного // Карельский научный журнал. 2019. № 4 (29). С. 71–73.

Янко-Триницкая Н. А. Возвратные глаголы в современном русском языке. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962.

ПРОБЛЕМА ТИПОВ ТЕКСТА И УЧАСТИЕ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ В ИХ ОРГАНИЗАЦИИ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Авлова Татьяна Борисовна[1], Марусенко Наталия Михайловна[2]

[1]канд. филол. наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет
[2]канд. филол. наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет

УСВОЕНИЕ ТЕКСТОВЫХ СТРУКТУР КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ СМЫСЛА ПРИ АНАЛИЗЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА

Ключевые слова: анализ художественного дискурса, конструктивно-семантические смыслы, преподавание русского языка.

Современная методика преподавания русского языка как иностранного исходит из того, что «при любой форме обучения представляется очень важным соблюдение выбранной стратегии представления языкового материала курса «с ориентацией на постепенное формирование в сознании учащихся схемы построения русского предложения, а на продвинутом этапе обучения — текста разной целевой направленности, объема и жанра» [Добровольская 2021: 37]. Учёт того, что обучение языку производится на базе синтаксических построений и усвоения текстовых структур как способов формирования смысла, становится главным критерием при отборе учебных текстов и подходов к их описанию и интерпретации. В статье К. А. Роговой «Проблема дискурсивной мотивации грамматических явлений» находим, что дискурсивный анализ при обращении к тексту и значимым в смысловом отношении компонентам обнаруживает «наличие и значение информационной структуры текста, создаваемой с помощью языковых средств и позволяющей вести наблюдение за динамикой развития повествования, сложением смысла текста «…» в процессе дискурсивного анализа проявляют себя значения языковых единиц, не выявляемые без обращения к этому типу анализа, которые могут пополнить объяснительный потенциал грамматических средств» [Рогова 2019: 9].

Это положение корреспондирует с высказыванием А. А Зализняка: «В языковом отношении подлинный текст есть продукт автоматизмов, которые закладываются в человеке с раннего детства. Текст возникает как своего рода натуральный продукт, все языковые характеристики которого определены привычной практикой, существовавшей до создания этого текста…» [Зализняк 2007: 436–437].

Таким образом, каждый текст имеет определённую структуру, компоненты которой имеют своё отношение к действительности, воспроизводя её в таком виде/ракурсе, в каком увидел и осмыслил ее говорящий.

Все компоненты текста соединяются в единое смысловое целое, реализуемое в главной/доминирующей смысловой линии. Иногда её называют — фокус, т. е. тот смысл, который находится в центре внимания. Но этот фокус имеет сопровождающие линии смысла — фон.

Проанализировать смысл текста, интерпретировать его — значит выявить все смысловые линии текста, проведя наблюдение за их взаимодействием, которое создает смысловую цельность текста.

Каждый компонент смысловой структуры текста состоит из предложений, смысл которых читатель тоже воспринимает как целое. При анализе в предложении мы выделяем слова (лек-

Руководители секции: Т. И. Попова, К. А. Рогова.

сику), которые связаны с темой текста и данного конкретного компонента. Таким элементом смысла оказывается не столько слово, сколько словосочетание, которое, как и слово, выполняет номинативную (назывную) функцию, но представляет предмет или понятие в конкретизированной форме.

Словосочетание — это соединение двух или более знаменательных слов, представляющее собой сложное наименование явлений объективной действительности. Наличие словосочетаний, образующих сложное наименование, предопределяется смыслом и стилем текста. Именно они проявляют зависимость как непосредственно от текста, так и от принятых в языке норм употребления, по значению они регулярно связаны с определёнными социально обусловленными темами. Именно в словосочетаниях заложены культурологические основы употребления языка. Словосочетания входят в состав предложений в качестве их членов, получая при этом добавочные коннотативные значения, расширяя сферу смысла, заложенного в предложении и демонстрируя наличие в нашем сознании устойчивых представлений о действительности.

Соотношение таких фрагментов в любом (в поэтическом — особенно) тексте, способы их «встречи» (взаимодействия и соединения) определяются коммуникативной задачей, литературным приемом, стилевыми предпочтениями автора. Все это, по определению, является предметом филологического интереса к лингвистическому обоснованию нахождения во фрагментах «рабочих» речевых единиц.

При анализе текстов стихотворений Н. Гумилева частотными становятся наблюдаемые объекты с перемещением к фокусу от вещного мира к миру мыслей автора/лирического героя, рефлексий по поводу осмысляемого, с выходом в определенную форму экспрессии. Так как фокус имеет сопровождающие линии смысла — фон, то очевидно прослеживается прямая зависимость фона от объекта.

Стремление лирического героя и невозможность его воплощения, выявление природы образа и механизмов смыслообразования образуют основной круг проблем в поэзии автора, и мы можем сформулировать авторскую волю, заключающуюся в генерировании и приращении смыслов к тем или иным образам и фрагментам текста. Абсолютная направленность на читателя в произведениях Н. Гумилева предполагает, чтобы читатель думал «только о том, о чем ему говорит поэт, становился как бы написавшим данное стихотворение» [Гумилев 2006: 238]. В поэтических текстах Гумилева образы самодостаточны, что дает возможность изучать, подвергать их «атомизации».

Сравнительные конструкции как логико-лингвистические построения включают грамматические формы, способные автономно эксплицировать компаративную семантику (степень сравнения имен прилагательных, наречий, слов категории состояния). Здесь нам интересно использование Н. Гумилевым обозначения настоящего времени, где основание сравнения может транслировать реальные, воспринимаемые свойства, признаки предметов, например, колоратива/цвета:

С деревьев стекают душистые смолы,
Узорные листья лепечут: «Скорей,
Здесь реют червонного золота пчелы,
Здесь розы краснее, чем пурпур царей!»…
[Н. С. Гумилёв. Капитаны (1909)]

Кругом вставали волны-стены,
Спадали, вспенивались вновь,
Пред ним неслась, белее пены,
Его великая любовь.
[Н. С. Гумилёв. Умный дьявол (1906)]

Сущность и содержание, образ действия, впечатление:

Память, ты слабее год от году,
Тот ли это или кто другой

Променял веселую свободу
На священный долгожданный бой.
[Н. С. Гумилёв. Память (1921)]

И залитые кровью недели
Ослепительны и легки.
Надо мною рвутся шрапнели,
Птиц быстрей взлетают клинки.
[Н. С. Гумилёв. Наступление (1914)]

Косматая, рыжая, рядом
Несется моя собака,
Которая мне милее
Даже родного брата…
[Н. С. Гумилёв. Осень (1917)]

Таким образом, при анализе литературного произведения внимание учащихся необходимо направлять на тактику текста, которая связана с дискурсивной мотивацией грамматических явлений. Именно тактикой текста определяются приемы и принципы соединения языковых единиц, создающих конструктивно-семантические и субъективно-оценочные дополнительные смыслы.

Источник

Николай Гумилев — стихи // Культура.рф. URL: https://www.culture.ru/literature/poems/author-nikolai-gumilev (дата обращения: 16.04.2025).

Литература

Гумилев Н. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 7. Статьи о литературе и искусстве. Обзоры. Рецензии. М.: Воскресенье, 2006.

Добровольская В. В. Уроки дистанционного обучения // Профессорский журнал. Серия: русский язык и литература. 2021. № 2 (6). С. 34–39.

Зализняк А. А. Слово о полку Игореве: взгляд лингвиста. 2-е изд., доп. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2007.

Рогова К. А. Проблема дискурсивной мотивации грамматических явлений // Русская грамматика: активные процессы в языке и речи (Ярославль, 17–19 мая 2019): сб. науч. тр. Междунар. науч. симп. / науч. ред. д-р филол. наук, проф. В. Н. Степанов; отв. ред. Л. В. Ухова. Ярославль: Ред.-изд. отд. Ярослав. гос. пед. ун-та, 2019.

Ван Пэнфэй

аспирант, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

СКАЗЫ БАЖОВА КАК УРАЛЬСКИЙ СВЕРХТЕКСТ

Ключевые слова: Бажов, Урал, сверхтекст, сказы, категория пространства.

Термин сверхтекст был введен в научный оборот В. Н. Топоровым при изучении локального Петербургского текста [Топоров 1984]. Петербургский сверхтекст характеризуется им «некий синтетический сверхтекст, с которым связываются высшие смыслы и цели. Только через этот текст Петербург совершает прорыв в сферу символического и провиденциального» [Топоров 2003: 26]. Сверхтекст представляет собой совокупность текстов, связанных культурологически — с мифами, символами и т. д. По мнению В. Н. Топорова, сверхтекст выходит за границы художественной литературы и существует как культурный феномен.

Изучение сверхтекста продолжили (см.: [Меднис 2003; Купина, Битенская 1994; Ларкович 2019; и др.]). Сверхтекст определяется как «совокупность высказываний, текстов, ограниченная темпорально и локально, объединенная содержательно и ситуативно, характеризующаяся цельной модальной установкой, достаточно определенными позициями адресата и адресанта, с особыми критериями нормального/анормального» [Купина, Битенская 1994: 215]. Сверхтекст также имеет следующие отличительные признаки: «мифологичность и культуроцентричность, т. е. соотнесённость с системой вечных общечеловеческих ценностей» [Ларкович 2019: 42].

Материалом исследования являются сказы П. П. Бажова из сборника «Малахитовая шкатулка» (1939 г.): «Медной горы Хозяйка», «Горный мастер», «Каменный цветок» и другие.

Сказы П. П. Бажова рассматриваются как пример локального уральского сверхтекста, так как тематически они посвящены Уралу. Названия бажовских сказов указывают на то, что действие происходит в Уральских горах: *Горный мастер, Хозяйка Медной горы, Каменный цветок, Малахитовая шкатулка*. Жизнь горнозаводских рабочих Урала в дореволюционной России является сквозной темой сказов П. П. Бажова, то есть сказы ограничены темпорально и локально.

Жанр сказа был актуализирован в творчестве П. П. Бажова посредством создания «особого сказового языка» [Жердев 1996: 28], строящегося на имитации устной речи рассказчика, который. Одной из отличительных черт языка сказов является использование диалектной лексики, в случае бажовских сказов — уализмов, которые подчеркивают локализацию текста на Урале. Для отражения темы Урала П. П. Бажов использует в сказах категорию пространства. Своеобразие Урала разворачивается в объективном и субъективном пространстве произведения. Например, способом экспликации пространства являются уализмы с пространственным значением: в *горе роблю, малахит-руда, лазоревка, в голбец и* другие, демонстрирующие уникальность культуры Урала. Тональность сказов П. П. Бажова определяется как «свойская» [Эйдинова 2003: 43], так как писатель минимизирует расстояние между рассказчиком и читателем при помощи просторечной лексики: *слышь-ко, видать, ладный* и другие, сохраняющие колорит уральской речи.

Для экспликации категории объективного пространства в тексте П. П. Бажовым используются топонимы, обозначающие реально существующие места Уральских гор: *Колывань, Северский пруд, Гумешки, Красногорка, Медная гора, Северушка, Полевской завод, Красногорский рудник, Змеиная горка, Тагил*. Многие уральские локации в сказах П. П. Бажова фигурируют одновременно в нескольких сказах. Рудник *Гумешки* или *Медная гора* встречается в сказах «Железковы покрышки», «Горный мастер», «Каменный цветок», «Дорогое имечко».

Мифологичность и культурологичность сказов П. П. Бажова достигается путем обращения к уральской рабочей мифологии, элементы которой развиваются в субъективном пространстве произведения. В мифологическом пространстве обитают многочисленные герои уральского фольклора: *Хозяйка Медной горы, Кошка Муренка, Великий полоз, ящерки, змейка Золотой Во-*

лос и другие. Уральский сверхтекст характеризуется сосуществованием двух миров — реального, или мира над горой, и мифологического, или мира под горой.

В бажовских сказах выстраивается самостоятельная система ценностей, характерная для мира уральских рабочих. И. Т. Вепрева отмечает следующие ценности, свойственные для жителей Урала: трудолюбие, взаимовыручка, упорство [Вепрева 2018: 183–184]. В бажовских сказах одной из ключевых ценностей является труд, так как горнозаводские рабочие постоянно трудились на рудниках: *На другой день стал Степан работать, а малахит так и отлетает*.

Таким образом, сказы П. П. Бажова выступают как уральский сверхтекст, объединенный тематически, темпорально, локально. Сверхтекстовая природа сказов формируется также через взаимосвязь мифологического и реального пространства, а также через аксиологические доминанты уральского характера.

Литература

Вепрева И. Т. Аксиологический потенциал прилагательного «уральский» // Przegląd Wschodnioeuropejski. 2018. № IX/2. С. 177–186.

Жердев Д. В. Сказы Бажова как сверхтекст // Дергачевские чтения — 96. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: тез. докл. и сообщ. науч. конф., Екатеринбург, 23–24 мая 1996 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1996. С. 27–28.

Купина Н. А., Битенская Г. В. Сверхтекст и его разновидности // Человек-текст-культура / под ред. Н. А. Купиной, Т. В. Матвеевой. Екатеринбург: Полиграфист, 1994. С. 214–233.

Ларкович Д. В. «Югорский текст» как литературная реальность: к постановке проблемы // Вестник угроведения. 2019. Т. 9, № 1. С. 40–52.

Меднис Н. Е. Сверхтексты в русской литературе. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 2003.

Топоров В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему) // Труды по знаковым системам. Вып. 18. Тарту: Тартус. ун-т, 1984. С. 4–29.

Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы: избранные труды. СПб.: Искусство, 2003.

Эйдинова В. В. О стиле Бажова // Известия Уральского государственного университета. 2003. № 28. С. 40–46.

Колесова Дарья Владимировна[1], Ягодова Алевтина Александровна[2]

[1]канд. филол. наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет
[2]канд. филол. наук, доцент, Военный институт (инженерно-технический)
Военной академии материально-технического обеспечения им. генерала армии А. В. Хрулева

ЯЗЫКОВАЯ СТРУКТУРА ЛЕКЦИИ В ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Ключевые слова: лекция, конспектирование, аудирование, лингвистическая модель лекции.

Несмотря на постоянно меняющиеся инновационные технологии преподавания в современном вузе, лекция в том или ином виде остается основной формой организации учебного процесса. Умение принять знания, которые эксперт транслирует в процессе лекции — один из ключевых навыков, определяющих способность студента к успешному обучению. Умение грамотно записывать лекцию относится к метапредметным компетенциям [Руцкая, Аликина 2016].

С лингвистической точки зрения лекция представляет собой текст-объяснение и имеет соответствующие компоненты и их языковые воплощения [Лингводидактическое описание 2022: 91–92]; характеризуется присутствием диалогичности, которая продуктивно рассматривается в рамках функциональной стилистики [Таланина 2021]. Особое внимание при этом уделяется хронотопу лекции как «совокупности взаимосвязанных временных и пространственных координат, составляющих структуру коммуникативного события. В лекции хронотоп эксплицируется системой маркеров времени и пространства, а также маркеров, содержащих эпистемическую оценку представляемого на лекции материала» [Таланина 2021]. Начиная с риторических концепций исследуемого жанра, лингвисты стремятся выявить обязательные элементы структуры лекции. В рамках коммуникативной парадигмы лекция — это коммуникативное событие, соответственно, структура ее образуется набором микрособытий. С какой бы позиции ни описывался интересующий нас речевой продукт, традиционно в нем выделяются следующие блоки: предъявление научной проблемы, формирование содержания понятия, его оценка.

При изучении лекции как учебно-научного жанра в лингводидактическом аспекте преподавания русского языка как иностранного существенным становится тот факт, что для каждого элемента структуры лекции можно выявить языковые маркеры, благодаря которым иностранному слушателю легче опознать элемент системы, а значит, легче понять лекцию в целом.

В настоящее время в связи с геополитическими изменениями в мире наблюдается повышенный интерес иностранных граждан к получению высшего образования в РФ, расширяются существующие и открываются новые подготовительные факультеты, которые предлагают будущим иностранным студентам российских вузов очное или дистанционное обучение русскому языку как иностранному и профильным общеобразовательным предметам. Преподаватели русского языка как иностранного разрабатывают методики обучения аудированию и конспектированию лекций на русском языке для иностранных учащихся первых курсов; на занятиях со студентами старших курсов обсуждаются научные тексты, изучается профессиональная терминология и научный стиль речи. Несмотря на успешную реализацию данных подходов, как показывает опыт работы авторов и данные опросов, основной проблемой, с которой сталкиваются иностранные студенты, поступившие в российские вузы, является адекватное восприятие содержания учебной лекции.

Представляется возможным вычленить базовую модель лекции и соотнести элементы этой модели с определёнными языковым единицами — маркерами языковой структуры лекции. Полученный «арсенал» языковых конструкций и некую лингвистическую модель лекции [Смирнова 2018] можно использовать в качестве учебного материала на занятиях по русскому языку на подготовительных курсах, чтобы постепенно формировать у студентов навык понимания лекционного материала; приобретенный навык поможет иностранным учащимся адаптироваться к речи преподавателя-предметника на вводных лекциях по профильным общеобразова-

тельным предметам в рамках программы подготовительного факультета и будет в дальнейшем способствовать приобретению устойчивого умения воспринимать и конспектировать лекции во время учебы в вузе.

В нашем исследовании мы обращаемся к лекциям научно-популярного характера, которые используются в качестве учебного материала на занятиях по русскому языку как иностранному и представляют актуальный материал для лингводидактического анализа с формирования лингвистической модели лекции.

Литература

Лингводидактическое описание компетенций в сфере русского языка как иностранного (уровень B2/ТРКИ-2) / под ред. Т. И. Поповой. СПб.: Златоуст, 2022.

Руцкая Е. А., Аликина Е. В. Формирование метапредметной компетенции студентов неязыкового вуза на примере обучения аудированию и конспектированию лекций // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2016. № 4 (32). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-metapredmetnoy-kompetentsii-studentov-neyazykovogo-vuza-na-primere-obucheniya-audirovaniyu-i-konspektirovaniyu-lektsiy (дата обращения: 21.01.2025).

Смирнова А. О. Лингвистическая модель и ее свойства // Культурология, филология, искусствоведение: актуальная проблемы современной науки: сб. ст. по мат-лам VII междунар. науч.-практ. конф., Т. 2 (6). Новосибирск: Ассоц. науч. сотр. «Сибирская академическая книга», 2018. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=32494573 (дата обращения: 21.01.2025).

Таланина А. А. Жанр лекции в учебно-научном дискурсе: автореф. дис. … канд. филол. наук. Архангельск, 2021.

Коньков Владимир Иванович

д-р филол. наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет

ЗАХАР ПРИЛЕПИН О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦКОМ: К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ИНТОНАЦИИ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ И ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ

Ключевые слова: интонация, высказывание, устная речь, интонационный фонд.

Захар Прилепин, получивший признание как состоявшийся писатель первого ряда, широко известный своими фундаментальными «биографическими романами», обратил на себя внимание высказываниями о творчестве В. Высоцкого: «Высоцкого можно только слушать. Читать его, в сущности, куда меньше смысла. Слух человека стремительно перестраивается — и расстроенная гитара Владимира Семёновича уже не будет иметь и миллионной доли желающих её послушать. А Есенин, Блок или Пушкин останутся на том же месте, что и были. Потому что они от саунда не зависят. Они все — в слове. Их слово — самоценно. <…> Да, лучшее из написанного Высоцким — десяток, два десятка текстов, — останутся как факт русской литературы. Но через полвека значение Высоцкого и значение Станислава Куняева, при всём том, что первого слушали десятки миллионов, а второго читали даже не десятки тысяч, а считанные тысячи — сравняется» (Высоцкий как наш современник. URL: https://kino.rambler.ru/other/38984833-zahar-prilepin-vysotskiy-kak-nash-sovremennik/?ysclid=m4bbr3s9ai123547928).

Данное утверждение основано на ничем не подтверждённом положении, согласно которому истинная поэзия — это поэзия слова написанного. Априори считается, что полноценные поэтические тексты, которые существуют только в устном виде, невозможны (оставим фольклор в стороне), а те, что существуют, неполноценны. Однако наука, изучающая коммуникативно-речевую проблематику, говорит об обратном.

Особенно показательны в этом плане идеи М. М. Бахтина, высказанные в его работах, посвящённых теории высказывания: «Текст — печатный, написанный или устный = записанный — не равняется всему произведению в его целом (или “эстетическому объекту”). В произведение входит и необходимый внетекстовый контекст его. Произведение как бы окутано музыкой интонационно-ценностного контекста, в котором оно понимается и оценивается (конечно, контекст этот меняется по эпохам восприятия, что создает новое звучание произведения)» [Бахтин 1979: 369]. При этом, подчеркивает автор, «внетекстовый интонационно-ценностный контекст может быть лишь частично реализован при чтении (исполнении) данного текста, но в большей своей части, особенно в своих наиболее существенных и глубинных пластах, остается вне данного текста как диалогизующий фон его восприятия» [Бахтин 1979].

Очевидно, что В. Высоцкий в своих произведениях эстетически осваивает и фиксирует этот интонационно-ценностный аспект в виде, по выражению М. М. Бахтина, «интонационного фонда» своей эпохи. Перед нами, если можно так выразиться, В. И. Даль русской интонации второй половины XX в. Часто такие единицы интонационного словаря, заметим, закреплены за фразеологизмами.

Проанализированная нами реплика З. Прилепина, имеющая сама по себе статус частного замечания, поднимает, однако, актуальную для нашего времени проблему. Мы живем в мире, где в медийной сфере актуализирована именно устная речь, а обучение языку, как родному, так и иностранному, строится по инерции с опорой на печатные тексты. Необходимо интенсивно вводить в сферу обучения будущего профессионала речи устные тексты, с тем чтобы обучающийся освоил хотя бы основу интонационного фонда своего времени. Это освоение должно осуществляться не только на основе слушания соответствующих текстов, но и на основе порождения своего текста с заданными интонационными параметрами.

Литература

Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.

Лоу Шифань
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

ОСОБЕННОСТИ ПОВЕСТВОВАНИЯ ОТ 1-го ЛИЦА В СБОРНИКЕ «ВРЕМЯ ВЫШЛО»

Ключевые слова: тип повествования, 1-е лицо, главный герой, рассказчик.

Тип повествования, по мнению Н. А. Кожевниковой, это «композиционные единства, организованные определённой точкой зрения (автора, рассказчика, персонажа), имеющие своё содержание и функции и характеризующиеся относительно закреплённым набором конструктивных признаков и речевых средств (интонация, соотношение видовременных форм, порядок слов, общий характер лексики и синтаксиса)» [Кожевникова 1994: 3]. Она полагает, что «типы повествования в художественном произведении организованы обозначенным или необозначенным субъектом речи и облечены в соответствующие речевые формы» [Кожевникова 1994]. В соответствии с вышесказанным выделяются безличное (от 3-го лица), личное (от 1-го лица), сказовое и сочетающее повествования [Барковская 2004: 25].

В сборник современных антиутопических рассказов «Время вышло» входят 13 рассказов известных современных российских писателей. В большинстве рассказов сборника повествование ведётся от 3-го лица. К типу повествования от 1-го лица относятся только 2 рассказа: «Сосны у медвежьей реки» Александра Иличевского и «Человек будущего» Александра Снегирёва. Именно эти два рассказа послужили материалом нашего исследования.

Н. В. Барковская отметила, что «многие произведения от 1-го лица представляют собой воспоминание. В таких произведениях обычно совмещаются два времени — время совершения события и время воспоминания, «теперь» и «тогда»… Расслоение художественного пространства и времени влечёт и усложнение организации повествования» [Барковская 2004: 20]. «Индивидуальность, характер, эстетические вкусы автора определяют речевое воплощение повествования» [Барковская 2004: 16]. «Когда повествование ведётся от лица рассказчика, исчезает иллюзия эпической объективности и всеведения автора» [Барковская 2004: 19]. Поэтому можно считать, повествование от 1-го лица всегда является субъективным. В таких рассказах рассказчик совпадает с главным героем.

В повествовании от 1-го лица может быть и такой рассказчик, который не является главным героем, присутствует в произведении как второстепенный персонаж или наблюдатель. Так, рассказчик в рассказе А. Снегирёва является другом главного героя. Рассказчик, как свидетель, описывает повседневную жизнь героя, его слова и поступки. Такой рассказчик, как отмечает В. Шмид, подбирает элементы из описываемых событий, детализирует их, композиционно организует, оценивает, высказывает свои размышления по их поводу и, главное, отбирает средства языкового выражения [Шмид 2003: 39].

Рассказчик в рассказе А. Снегирёва дает оценки главному герою эксплицитно: *Среди моих знакомых есть один особенно целеустремлённый, всё у него безупречно, как в каталоге…*; *Жизнь его была бы безупречна, если бы не одна деталь. Мама.* Кроме того, он также дает оценку помидорам, которые вырастила мама друга: *хорошая закуска*. По нашему наблюдению, оценка *хорошая закуска* — это просто утешение друга. Поселившись в квартире сына, мать приятеля начинает активно влиять на жизнь его семьи: запрещает курение, вводит сортировку отходов, оккупирует балкон и выращивает там помидоры, делает компост. Эта деятельность матери повлияла на жизненные привычки главного героя и его состояние. Он *почувствовал себя пузырьком кислорода в навалившейся толще плодородного гумуса*. Автор использует метафору для описания ощущений главного героя. Данный рассказ раскрывает семейные отношения между людьми, построенные на авторитаризме и властности матери.

В рассказе А. Иличевского рассказчик и герой совпадают. Герой вспоминает свою жизнь в эпоху тоталитаризма. Сигналы *теперь* и *тогда* появляются много раз. Поэтому данный рассказ является вспоминанием героя. Он описывает то, что видел своими глазами. Читатель пере-

живает жизнь главного героя с точки зрения 1-го лица. При описании воспоминаний главного героя автор использует глаголы прошедшего времени (*началось, прилетели, жили, было, приваливался…*), также языковые конструкции, как *это началось давно, ещё в юности, одно из видений детства, когда-то… я жил недолго в Ленинграде* и т. д. Весь художественный мир ограничен кругозором рассказчика. Почти весь текст реализует монолог рассказчика. Форма прямой речи появилась в тексте только один раз.

— Вот круассан, вот кафе, — сообщил я, когда снова сел в машину <…>.

— Бич божий, — сказала Мишель. — Всех нас жалко. И времени жалко. Жалко смотреть, когда мы тут мечемся.

При повествовании от 1-го лица А. Иличевский и А. Снегирёв используют личные местоимения первого лица (*я, мы*) и их формы, а также притяжательное местоимение первого лица и их формы (*наша, моя, нашим, моей, мой*). Кроме того, в повествовании используются личные формы глаголов *сижу, путешествуем, ступаем, стоим, движемся, поедем, промчимся, проткнём, живём, встречаем, вижу, мечемся, кемарим, вспоминаю, знаем, покидаем, мучим* и другие, которые тоже указывают на тип повествования — от 1-го лица.

Таким образом, с точки зрения позиции повествователя по отношению к нарративному уровню текста рассказчики в рассказах «Сосны у медвежьей реки» А. Иличевского и «Человек будущего» А. Снегирёва относятся к интрадиегетическому повествователю, т. е., рассказчик существует внутри диегетического мира [Журди 2009: 144–145]. Иными словами, рассказчик принадлежит миру, о котором повествует. Это позволяет читателям приблизиться к повествуемому событию. При этом в первом рассказе — повествователь является протагонистом собственного повествования (рассказчик в рассказе «Сосны у медвежьей реки»), а во втором подтипе ему отводится роль наблюдателя или свидетеля (рассказчик в рассказе «Человек будущего»).

Литература

Барковская Н. В. Типы повествования и их анализ // Филологический класс. 2004. № 11. С. 16–25.

Журди Н. В. Основные категории нарративного анализа // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 4. С. 140–148.

Кожевникова Н. А. Типы повествования в русской литературе XIX–XX вв. М.: Ин-т рус. яз. Рос. акад. наук, 1994.

Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003.

Пименова Алина Вадимовна

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

КИНОМЕТАФОРА КАК ИНСТРУМЕНТ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В РОМАНАХ ВИКТОРА ПЕЛЕВИНА

Ключевые слова: концептуальная метафора, человек, кино, текст.

Настоящий доклад посвящен исследованию функционирования репрезентаций концептуальной метафоры ЧЕЛОВЕК — ЭТО КИНО в романах одного из самых загадочных авторов современности — Виктора Пелевина, а также анализу влияния концептуальной метафоры на формировании литературной кинематографичности текстов.

Литературная кинематографичность — это характеристика текста, которая складывается за счет включения в текстовое пространство киноцитат, киноаллюзий, слов лексико-семантической группы концепта КИНО, а также композиционно-синтаксических средств, участвующих в передаче ситуаций наблюдения и стилизации кинематографических приемов [Мартьянова 2001: 9]. В докладе внимание акцентируется на том, что, помимо представленных средств, на литературную кинематографичность оказывают влияние когнитивные метафоры со значением концепта КИНО. Исходя из этого в докладе рассматриваются следующие аспекты:

1) репрезентации концептуальной метафоры ЧЕЛОВЕК — ЭТО КИНО в романах Пелевина («Чапаев и Пустота» (1996), «Generation “П”» (1999), «Empire V» (2006), «S.N.U.F.F.» (2012), «Бэтман Аполло» (2013));
2) взаимосвязь данной концептуальной метафоры с философскими темами, характерными для творчества писателя;
3) роль концептуальной метафоры со значением КИНО в формировании литературной кинематографичности текстов.

Исследование роли кинометафоры в концептуальном переосмыслении человека проводится с опорой на дескрипторную теорию метафоры А. Н. Баранова [Баранов 2014], позволяющей исследовать систему реализаций концептуальных метафор в закрытых типах дискурса, включая художественный.

В романах Пелевина концептуальная метафора ЧЕЛОВЕК — ЭТО КИНО является инструментом переосмысления человека в эпоху визуальной культуры. В рамках метафоры мир уподобляется съемочной площадке, где человек исполняет роли: режиссера, оператора, актера, зрителя и т. д. Наиболее частотными понятиями с семантикой кинематографа, через которые переосмысливается образ человека, являются: *киногерой*, *киноактер*, *зритель*, *киномеханик*. Представленный ряд понятий показывает, что роль человека определяется функциями деятеля. Однако в романах писателя существует ряд контекстов, в которых человек соотносится уже с неодушевленными объектами: *фильм*, *передача*, *камера*, *экран*, *телевизор*, *киноманекен*. Таким образом в осмыслении человека Пелевин акцентирует внимание на дуализме человеческого существования: с одной стороны, человек активно участвует в создании и интерпретации мира, а с другой — выступает объектом, подчиненным воздействию внешних сил и процессов. Причем метафорическому переосмыслению подвергается не только человек, но и образы, связанные с этим концептом, например, части человеческого тела: *глаз как камера*, *голова как кинозал*, *мозг как киностудия, транслирующая изображения с киноленты* и т. д.

Образ киноленты в творчестве Пелевина связан с концептом ПАМЯТИ. Как культурный феномен память является одним из ключевых понятий, сопряженных с функцией хранения традиций, опыта, народных ценностей и идеалов поведения [Кубрякова 1991: 86]. Память обладает потенциалом, с одной стороны, хранить информацию, а с другой — воспроизводить и передавать ее последующим поколениям. Исходя из основных функций, память традиционно соотносится с семантикой *вместилища*: восковая табличка, свиток, книга, библиотека, храни-

лище, кладовая и т. д. Память может воскрешать воспоминания, принимая антропоморфные черты, или же хоронить их в процессе забвения [Assmann 1991: 22]. В творчестве Пелевина память часто осмысляется сквозь призму кинематографического восприятия, принимая образ киноленты, которую можно редактировать или переписывать, тем самым воспроизводя воспоминания в прямом или обратном порядке на быстрой или замедленной перемотке. Отождествляя память с кинематографическими реалиями Пелевин подчеркивает, что память — это не просто когнитивный механизм, но также культурно обусловленный феномен, значение которого адаптируется в соответствии с культурно-историческим контекстом.

Изображение жизни человека как процесса съемки или просмотра фильма акцентирует внимание на субъективном конструировании реальности и ограниченных возможностях человеческого восприятия. Мир, каким он видится человеку, оказывается искаженным, поскольку объективное или «чистое» видение недоступно в связи с обусловленностью восприятия культурными, психологическими и социальными установками.

Кинематограф становится ключевой метафорой, воплощающей идею иллюзорности реальности (*кино как пелена*, *обман*). Однако в мире Пелевина кино является амбивалентным образом, который выполняет и противоположную функцию: оно выступает как медиум, через который человек может приблизиться к постижению истины, становясь источником знаний, «светом сознания» и своеобразной «энциклопедией жизни».

Пронизывая практически каждый роман писателя, концептуальные метафоры со значением КИНО формируют систему образов, которые влияют на литературную кинематографичность текстов: они структурируют повествование, служат инструментом визуализации, а также становятся одним из механизмов моделирования художественного пространства, где принципы монтажа, кадрирования и смены ракурсов управляют вниманием читателя.

Литература

Баранов А. Н. Дескрипторная теория метафоры. М.: Языки славянской культуры, 2014.

Кубрякова Е. С. Об одном фрагменте концептуального анализа слова память // Логический анализ языка: Культурные концепты / редкол.: Н. Д. Арутюнова (отв. ред.) и др. М.: Наука, 1991. С. 85–91.

Мартьянова И. А. Киновек русского текста: парадокс литературной кинематографичности. СПб.: Сага, 2001.

Assmann A. Zur Metaphorik der Erinnerung // Mnemosyne. Formen und Funktionen der kulturellen Erinnerung / Hrsg. von A. Assmann und D. Harth. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1991.

Пинежанинова Наталья Павловна
канд. филол. наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭМОТИВНОСТИ В РАССКАЗЕ И. БУНИНА «СТАРУХА»

Ключевые слова: русская литература, рассказ И. Бунина «Старуха», эмотивность.

Текстовая эмотивность становится актуальным предметом исследования в изучении художественного текста, поскольку является одним из способов категоризации окружающего мира, определяющей необходимое, ценное, важное с помощью субъективного эмоционально-оценочного восприятия художественных событий и ситуаций. Эмотивность определяется лингвистами как разноуровневая и комплексная языковая категория, включающая в себя средства вербализации эмоциональных переживаний человека — номинацию, выражение и описание эмоций, а также как категория, предполагающая применение разнообразных языковых способов и приемов, которые воздействуют на эмоциональную и когнитивную сферы читателя.

Эмотивность текста может рассматриваться как совокупность двух планов — плана выражения и плана содержания. Эмотивное содержание распределяется по основным уровням текста: с одной стороны, в виде эмотем входит в когнитивное содержание текста, с другой стороны, — составляет эмоциональную часть основных стратегий автора. В плане выражения эмотивность фиксирует эмотивные взаимодействия персонажей, их эмоциональные состояния и последовательно представлена языковыми средствами, прямо или косвенно эксплицирующими авторские или персонажные оценки.

В рассказе И. Бунина «Старуха» (1916 г.) показан один святочный вечер, в течение которого плачет уездная старуха-кухарка, и на фоне плача представлены описания домашнего быта и широкой картины окружающей жизни, где одновременно сосуществуют и горе бредущего в метель караульщика, четыре сына которого убиты на войне, и притворство веселящихся в ресторанах и театрах жителей столицы. Этот рассказ привлекал исследователей отклонением от стандартного сюжета, компактностью изложения при многослойной композиции, сменой точек зрения. Однако заслуживает внимания и необычная эмотивность рассказа, поскольку несмотря на безымянность персонажей и отсутствие прямой речи (за исключением одной реплики) выбор способов репрезентации эмотивности в тексте может прояснить некоторые важные для понимания рассказа авторские интенции.

Эмотивной доминантой в тексте является образующее рамочную конструкцию шестикратное указание на эмоциональное состояние старухи: *старуха плакала.* Экспрессия повтора расширена народно-поэтической метафорой *рекой лилась, плакала* и эпитетом *горькими слезами плакала.* Старуха — центральный и единственный персонаж, показанный автором в максимальной антиномии эмоций длительного горя и кратковременного счастья с объяснением причин, вызвавших эти переживания. Читателю сообщается о несчастливом прошлом старухи и о высшем моменте ее счастья: «…*не радостно* было ее прошлое: ну, конечно, муж разбойник и пьяница, потом, после его смерти, чужие углы и поборы под окнами, долгие годы голода, холода, бесприютности. И *уж как же была старуха счастлива*, что опять она стала не хуже людей, — сыта, тепла, обута, одета, служит у чиновника!» Вместе с тем высшая степень счастья для старухи означает лишь то, что для других является нормой, и составляет короткий период до скандала, который начался из-за нее, когда хозяин, недовольный кухаркой, «… за обедом так гаркнул на неё, что у неё руки — ноги оторвались от страха, а миска со щами полетела на пол. И что только было потом между хозяевами!». Страх лишиться крова объясняет непрекращающийся плач старухи, который сопровождает ключевую эмоциональную тему рассказа — переживание старухой горя и отчаяния.

Вместе с тем, на фоне переживаний старухи в рассказе представлены характеристики персонажей, выраженные в разных модальностях. Так, описание внешности самой старухи и ее поведения окрашено критической точкой зрения хозяев: «высокая, гнутая, узкоплечая, глу-

хая и подслепая, от робости бестолковая, готовила, несмотря на все свои старания, из рук вон скверно». Это описание контрастирует с описанием ее внутреннего эмоционального состояния в стремлении сохранить свое место в доме, переданного в сочувственной сентиментально-драматической тональности: «Она трепетала за каждый свой шаг… Как молилась она перед сном, всю свою душу отдавая богу за милость столь нежданно ей оказанную, как просила его не лишать ее этой милости!» В сатирико-иронической модальности дана характеристика хозяев, в саркастической модальности — характеристика учителя-квартиранта и всех веселящихся в это время жителей столицы, общей чертой которых является притворство. Таким образом, следует отметить, что описательно-характерологическую функцию эмотивов определяет модальность, для которой значимой является оценка описываемых эмотивных состояний.

Оппозиция *настоящее отчаяние* и *притворное* заявлена в первом абзаце текста после описания плача старухи: «…воронкой зиял хобот граммофона, оживавший только по вечерам, при гостях, когда из него вопил в *притворном отчаянии* чей-то хриплый голос: «*Ах, тяжело, тяжело, господа, жить с одной женой всегда!*». В последнем абзаце развернута многокомпонентная амплификация, представляющая в указанной оппозиции контраст крестьянской России и столицы. Эта же оппозиция усилена повтором в конце текста: «…*горькими слезами плакала глупая уездная старуха под хриплый, притворно-отчаянный крик, долетавший из гостиной ее хозяев: Ах, тя́жело, тя́жело, господа, Жить с одной женой всегда!*»

Итак, в тексте рассказа маркерами эмоций выступает лексика, называющая или описывающая эмоциональные ситуации — *горе, отчаяние, страх, счастье, веселье*. В качестве значимых маркеров эмоций также могут быть рассмотрены имена ключевых концептов рассказа — жизнь, смерть, праздник, война, одиночество, столица. Выявление различных элементов эмотивного содержания рассказа «Старуха» дает возможность определить основную эмотивную тему, основанную на экспликации эмоционального состояния главного персонажа и являющуюся эмотивным фоном рассказа. В сопоставлении с основной эмотемой в рассказе представлены как близкие по содержанию эмоции, так и контрастные, обусловленные различной модальностью эмоции. Совокупность контрастных эмоций является источником сатирического и комического эффекта, при этом критерием оппозиции становятся эмоциональные оценки *настоящее, естественное* и *притворное, искусственное*.

Попова Татьяна Игоревна

д-р филол. наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет

СТОРИТЕЛЛИНГ НА ЭТАПАХ СОЗДАНИЯ, СТРУКТУРИРОВАНИЯ И ПРОДВИЖЕНИЯ КНИГИ АННЫ МАТВЕЕВОЙ «КАРТИННЫЕ ДЕВУШКИ»

Ключевые слова: сторителлинг, приемы субъективизации повествования, эмоциональное воздействие, массовая литература.

Книга Анны Матвеевой «Картинные девушки» — успешный проект создания, продвижения и структурирования книги, на всех этапах которого был применен прием сторителлинга. Сам автор не говорит об использовании этого приема, но все признаки технологии сторителлинга на лицо.

Сторителлинг — это «способ передачи информации через рассказывание историй потребителям товаров и услуг как вербальный инструмент маркетинга и пиар-стратегия», а также «технология создания публичных сообщений (презентаций, политических речей, репортажей), использующая медиа-потенциал устной речи» [Щербинина 2015: 225].

Технология сторителлинга пришла из менеджмента как способ распространения информации внутри компании, далее стала использоваться как способ создания и продвижения бренда компании (ссылка), сейчас является основным способом распространения идей в медиадискурсе, в обучении и т. д. Такое широкое распространение технологии сторителлинга в современной массовой культуре культурологи связывают с принципами консьюмеристской культуры, в которой «псевдоиндивидуализация способствует успеху «сториз», основанных на якобы переживаемых индивидами событий» [Шапинская 2022: 60] .

Взаимодействие между автором и читателем в массовой литературе строится примерно по тому же сценарию, где на каждом этапе есть свои формы рассказывания истории. Прием сторителлинга в продвижении книги состоит в увлекательном рассказе о создании книги в виде интервью с автором, анонсах выхода книги (информационные заметки), интервью с автором после выхода книги, авторских анонсах в рутубе. На этапе распространения книги используется печатный вариант, аудиокнига, авторский подкаст с чтением глав книги. Книга имеет продолжение как сериал. На всех этапах информация носит личностный характер, транслируется при помощи привлечения самого автора. Автор становится медийной, узнаваемой личностью.

Основные принципы сторителлинга — динамичная увлекательная история, эмоциональный захват аудитории и суггестивность (внушение моделей поведения, идей) — прослеживаются на всех этапах продвижения книги Анны Матвеевой «Картинные девушки».

Историю написания книги Анна Матвеева в интервью представляет как «драматическую историю» с завязкой, конфликтом и развязкой: «Просто бывают книги запланированные, выстроенные заранее, про которые ты все знаешь, как с ними что будет. Они пишутся по плану. А это такой у меня нежданный, можно сказать, ребенок. Так получилось» [Матвеева 2020].

Идея непредсказуемости, естественности написания книги, книги, книги, которая складывалась не по плану, — продвигается писателем во всех интервью: ««В первой части я брала любимых художников и тех, о ком хотела рассказать. Во второй части я уже более придирчиво выбирала своих героев. И, кстати, естественным образом сложилось, что в книге пять русских и пять западных художников. Это поразительно, я не ставила себе такой цели» [Творческий вечер 2024].

С другой стороны, написание книги, способ сбора материала описывается Анной Матвеевой как трудный, кропотливый процесс, требующий от автора усилий и сосредоточенности. О написании книги автор рассказывает как о личной истории, с внутренними конфликтами и преодолением, из интервью мы узнаем, что до книги была серия лекций и потребовалось дать обещание слушателям, что будет книга, чтобы заставить себя писать по главе в месяц (Матвеева называет это «ласковый пинок»).

Рассказ писателя о процессе создания книги приближает читателей к процессу творчества, «потребитель, идентифицируя себя с героями истории, как бы приобщается к их жизненному миру, ощущая себя таким же героем истории, как и фикциональные или реальные герои» [Шапинская 2022: 60].

Главы книги построены по одной и той же схеме, это рассказ о модели и биография художника, и точка их пересечения. Воспроизводимость модели также одна из черт сторителлинга. Эмоциональное вовлечение читателей происходит за счет увлекательности истории, упоминания скандальных фактов (бытовых подробностей), а также эксплицитных авторских комментариев этих историй. Основными типами речи в книге Анны Матвеевой «Картинные девушки» являются повествование и комментарий.

Источники

Матвеева Анна: Мы многое знаем о художниках и крайне мало об их музах. А ведь их судьбы неразрывны, нераздельны. Интервью в программе «Фигура речи» // ОТР. 1 декабря 2020 г. URL: https://otr-online.ru/programmy/figura-rechi/anna-matveeva-my-mnogoe-znaem-o-hudozhnikah-i-krayne-malo-ob-ih-muzah-a-ved-ih-sudby-nerazryvny-nerazdelny-47597.html (дата обращения: 12.02.2025).

Творческий вечер с Анной Матвеевой // Коммерсантъ. Уфа. 24 мая 2024 г. URL: https://events.kommersant.ru/ufa/events/tvorcheskij-vecher-s-annoj-matveevoj/ (дата обращения: 12.02.2025).

Литература

Шапинская Е. Н. Сторителлинг в нарратологии цифровой // Культурный код. 2022. № 1. С. 53–63.

Щербинина Ю. В. Книга — текст — коммуникация. Словарь-справочник новейших терминов и понятий. М.: Форум: Инфра-М, 2015.

Су Лэсюе

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РАССКАЗА А. П. ЧЕХОВА «БЕГЛЕЦ»

Ключевые слова: композиционная организация, тематические компоненты текста, средства художественной выразительности, семантика заголовка.

Рассказ А. П. Чехова «Беглец», написанный в 1887 г., повествует о маленьком крестьянском мальчике Павле, который впервые попадает в больницу и сталкивается с суровой реальностью взрослого мира. Действие происходит в конце XIX в. в провинциальной России, где бедность и низкий уровень грамотности крестьянского населения становятся фоном для внутреннего конфликта героя.

Рассказ А. П. Чехова «Беглец» обладает четкой композиционной структурой, соответствующей классической схеме построения литературного произведения. Рассмотрим ее основные элементы:

1. Экспозиция: в начале рассказа читатель знакомится с главным героем — семилетним мальчиком Павлом, который вместе с матерью отправляется в больницу. Автор использует детализированные описания пути (дождь, желтые листья, усталость матери) для создания атмосферы тревоги и предчувствия, что задает эмоциональный тон всему повествованию.
2. Завязка: Павел попадает в больницу, где его впечатляют чистота и порядок, однако одновременно он ощущает себя чужим в этом новом для него пространстве. Детали интерьера (желтые стены, запах постного масла) подчеркивают контраст между внешним благополучием и внутренним страхом, который испытывает герой. Этот этап композиции служит для введения основного конфликта.
3. Кульминация: кульминационный момент наступает, когда Павел становится свидетелем смерти одного из пациентов. Охваченный ужасом, он принимает решение бежать из больницы. Этот эпизод становится переломным в его восприятии мира, символизируя столкновение детской наивности с суровой реальностью.
4. Развязка: в финале рассказа Павел находит утешение в лице доктора, который возвращает его в реальность и успокаивает. Финал остается открытым, что характерно для чеховского стиля и подчеркивает неоднозначность разрешения конфликта. Доктор становится символом защиты и надежды, однако внутренние переживания героя остаются не до конца проясненными.

Композиционная структура рассказа «Беглец» демонстрирует мастерство Чехова в построении повествования, где каждый элемент композиции выполняет определенную функцию. Экспозиция вводит читателя в ситуацию, завязка формирует основной конфликт, кульминация становится точкой наивысшего напряжения, а развязка предлагает частичное разрешение, оставляя пространство для интерпретации. Такая структура позволяет автору раскрыть сложные темы, такие как страх, одиночество и поиск защиты, через призму восприятия ребенка.

Семантика заголовка «Беглец» имеет двойное значение. С одной стороны, он отражает физическое бегство Павла из больницы, с другой — символизирует его попытку убежать от страха и одиночества. Заглавие рассказа беглец — имеет словарное значение тот, кто убежал или спасся бегством [Ожегов 1984: 38]. Обратимся к анализу рассказа, чтобы ответить на заданный заголовком вопрос о спасении, обретении свободы. Однако финал рассказа показывает, что бегство не решает проблем: Павел возвращается в больницу, где его ждет поддержка доктора. Таким образом, заголовок становится ключом к пониманию основной темы — конфликта между желанием убежать от реальности и необходимостью принять ее. Этот конфликт раскрывается через внутренние переживания героя и его взаимодействие с окружающим миром.

А. П. Чехов мастерски использует средства художественной выразительности для передачи эмоционального состояния героя и раскрытия основных тем. Например, описание больницы создает контраст между внешним порядком и внутренним хаосом, который переживает Павел. Диалоги и внутренние монологи героя раскрывают его наивность и страх, подчеркивая конфликт между детским восприятием мира и его жестокостью. Такое использование деталей и подтекста позволяет автору создать многогранный образ героя и передать сложность его внутреннего мира.

Кроме этого, А. П. Чехов мастерски использует детали для передачи эмоционального состояния героя. Например:

- Описание больницы: «*Шел он и, разинув рот, глядел по сторонам. Лестница, полы и косяки — всё громадное, прямое и яркое — были выкрашены в великолепную желтую краску и издавали вкусный запах постного масла… Но больше всего Пашке понравилась кровать, на которую его посадили, и серое шершавое одеяло. Он потрогал руками подушки и одеяло, оглядел палату и решил, что доктору живется очень недурно*» (выделено мной. — *С. Л.*) (С. 348–349) — создают контраст между внешним порядком и внутренним хаосом, который переживает Павел.
- Диалоги и внутренние монологи: раскрывают наивность и страх мальчика. Например, его восхищение больничной кроватью («*доктору живется очень недурно*») (с. 352) подчеркивает детскую непосредственность.
- Символика: кладбище за больницей становится символом смерти и безысходности, а светлое окно, к которому бежит Павел, — символом надежды.

Рассказ А. П. Чехова «Беглец» представляет собой яркий пример художественного мастерства автора, где лаконичность формы органично сочетается с глубиной содержания. Как отмечает А. П. Чудаков, композиция чеховских произведений отличается минимализмом, где каждая деталь значима, а отсутствие избыточности создает эффект недосказанности [Чудаков, 1971: 45]. В рассказе «Беглец» это проявляется в лаконичных описаниях больницы, которые одновременно передают внешний порядок и внутренний хаос, переживаемый героем. Л. Я. Гинзбург подчеркивает, что чеховские герои часто сталкиваются с выбором между иллюзией и реальностью [Гинзбург 1971: 112].

Анализ композиционной структуры, семантики заголовка и художественных средств позволяет выявить ключевые темы произведения: конфликт между детской наивностью и суровой реальностью, а также значимость человеческой поддержки в преодолении трудных жизненных ситуаций. Чехов демонстрирует, что даже в условиях жестокости и несправедливости окружающего мира доброта и понимание способны стать важным фактором эмоционального и психологического спасения. Таким образом, рассказ «Беглец» не только раскрывает особенности чеховского стиля, но и поднимает актуальные вопросы, связанные с человеческими взаимоотношениями и поиском смысла в сложных обстоятельствах.

Источник

Ожегов С. И. Словарь русского языка. 15-е изд. / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Рус. яз., 1984.

Литература

Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. Л.: Советский писатель, 1971.

Горячева М. О. Проблема пространства в художественном мире А. Чехова: дис. … канд. фил. наук. М., 1992.

Топоров В. Н. Пространство и текст. М.: Наука, 1983.

Чехов А. П. Беглец // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. Т. 6. М.: Наука, 1985. С. 346–352.

Чудаков А. П. Поэтика Чехова. М.: Наука, 1971.

Устинова Ирина Александровна
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

РЕАЛИЗАЦИЯ ВОЛЮНТАТИВНОЙ ФУНКЦИИ ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ К. С. СТАНИСЛАВСКОГО)

Ключевые слова: функции языка, волюнтативность, учебный текст.

«Русский язык в умелых руках и в опытных устах — красив, певуч, выразителен, гибок, послушен, ловок и вместителен» — эти качества, которые перечислил А. И. Куприн будто иллюстрируют функции языка. И действительно: выразительность, ловкость, красота, певучесть — это неотъемлемые инструменты целого ряда функций языка.

Актуальность работы состоит в высокой частотности употребления волюнтативных конструкций в процессе обучения. В качестве объекта исследования выступает учебный текст К. С. Станиславского, особенностью которого является его принадлежность к нескольким жанрам: театральной мемуаристики, художественному тексту, учебному тексту.

В современной лингвистике понятие функция языка трактуется как: «1) роль (употребление, назначение) языка в человеческом обществе; 2) детерминированное соответствие (зависимость) единиц одного множества единицам др. множества; второе значение чаще применяется к единицам языка (напр., соотношение аффиксов и корней слов)» [ЛЭС: 564].

В качестве базовых функций выступают номинативная, коммуникативная (функция человеческого общения) и когнитивная (познавательная, гносеологическая, экспрессивная, выражающая деятельность сознания). С базовыми функциями соотносятся производные от них функции языка, которые, зачастую, могут выступать и в качестве основных. Так, волюнтативная функция языка (она же функция воздействия) «сопровождает» одновременно и коммуникативную, и когнитивную: одна из целей волюнтативной функции — произвести впечатление — соотносится в равной мере практически со всеми основными функциями языка.

Категория волюнтативности подразумевает соотнесение модели внешнего мира и сознания человека на материале определенного фрагмента действительности, который человек выбирает для практической реализации. Этот материал выражен с помощью структурированной системы языковых единиц, организованных в виде категории.

Во многих случаях речевая активность людей направлена непосредственно на то, чтобы оказать то или иное воздействие на собеседника или аудиторию. В зависимости от того, какая задача стоит перед говорящим. Комплекс речевых действий, к которым прибегает говорящий, всегда направлен на достижение определенных коммуникативных целей.

Тексты К. С. Станиславского, которые принято называть «системой Станиславского» представляют собой научный интерес с точки зрения своей многожанровости. В исследовании произведение рассматривается с точки зрения учебного текста. Автор прибегает к целому ряду реализации конкретных речевых стратегий с целью «научить». Используемые же речевые стратегии несут в себе цели — произвести впечатление, воздействовать. Сначала воздействует автор на учеников, чтобы они, в свою очередь, могли воздействовать на зрителя.

Выделяют модель коммуникативного акта, включающую в себя адресанта (источника общения), получателя (адресата), собственно сообщение с языковым кодом, канал связи (посредник), обратную связь, коммуникативный контекст, помехи (шумы). Каждая из этих составляющих обладает потенциалом воздействия и может использоваться для решения тактических и стратегических задач [Иссерс 2008: 51].

В своих текстах Станиславский подробно рассказывает, как он готовился к роли, будучи студентом; как он искал, нащупывал нужные инструменты для передачи достоверного образа. Но основой этого рассказа являются комментарии режиссера, который точным словом направляет студента, добиваясь от него максимальной точности исполнения роли.

На примерах показывается наиболее полная реализация волюнтативной функции языка в законченной структуре: адресант дает задание посреднику, который, в свою очередь подби-

рает правильные инструменты для реализации полученного задания на практике и оказания нужного воздействия на адресата. В качестве адресанта в примерах выступает Аркадий Николаевич (режиссер), посредник — актер, адресат — зритель. Адресант использует конструкции, характерные для речевых стратегий воздействия: императив в прямом и непрямом употреблении. Кроме того, используются вопросно-ответные конструкции, характерные для процесса обучения. Примечательно, что адресат в примерах фактически отсутствует: ситуации не подразумевают его наличие в данный момент, но, тем не менее, все проговариваемые действия несут в себе цель оказания воздействия на адресата. О наличии результата свидетельствует реакция адресанта на действия, которые производит посредник.

Источник

ЛЭС — Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Большая российская энциклопедия, 2002.

Литература

Иссерс И. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 5-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.

Станиславский К. С. Работа актера над собой в творческом процессе переживания. СПб.: Эксмо, 2024.

Станиславский К. С. Работа актера над собой. Процесс воплощения. СПб.: Эксмо, 2013.

Устюжанина Дарья Ивановна

аспирант, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

ЭКСПЛИКАЦИЯ ТЕКСТОВЫХ КАТЕГОРИЙ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА В РАССКАЗЕ Н. КОЛЯДЫ «ДОБРЫЙ ЗРИТЕЛЬ ИЗ ТРЕТЬЕГО РЯДА»

Ключевые слова: категориально-текстовой метод, категория времени, категория пространства, ретроспекция, Н. Коляда.

Изучение способов экспликации категорий пространства и времени в текстах художественного стиля является актуальной задачей современных филологических исследований. В исследовании используется категориально-текстовой метод, разработанный уральской научной школы лингвокультурологии и стилистики [Матвеева 1990; Ицкович 2021]. Объектом исследования выступают текстовые категории пространства и времени. Целью является описание способов экспликации категорий времени и пространства в тексте рассказа. В качестве материала исследования используется рассказ «Добрый зритель из третьего ряда», входящий в сборник российского драматурга Н. Коляды «Бери да помни».

В лингвистике традиционно выделяются следующие виды текстового времени и пространства: диктумное (объективное), модусное (субъективное), концептуальное, художественное [Матвеева 1990: 30]. Категория времени реализуется в текстах на лексическом и грамматическом уровне. Текстовое время может быть выражено посредством категории ретроспекции. Категория пространства представляет собой лексикоцентрическую категорию. На грамматическом уровне она выражается посредством обстоятельственных распространителей, придаточных предложений, семантики глаголов [Матвеева 1990: 33]. Также пространство может быть проанализировано при помощи бинарных оппозиций: закрытое и открытое, предметно заполненное и незаполненное, направленное и ненаправленное, статичное и динамичное, и др. [Лотман 1988: 267].

Результаты исследования. В ходе анализа были выделены два локуса: пространство театра и пространство провинциального города. Каждому типу пространства присуща особая лексическая наполняемость: лексика с театральной тематикой (в *зале, театральное кресло, сцена, занавес* и т. п.) и с городской тематикой, соответственно (*площадь, горсовет, улочки, город* и т. п.). Обе пространственные сферы являются закрытыми, вещественно заполненными и динамичными. Динамичность пространства эксплицируется с помощью акциональных глаголов (*гаснуть*, *терять*, *идти*, *выходить*). Текстовое пространство города является макро-образующим и включает в себя, в том числе, пространство театра и пространство дома. Пространство дома, в свою очередь, интегрировано в пространство провинциального города и составляет с ним единое целое.

Образы художественного пространства в литературном произведении в большинстве случаев соотносятся с мифологической моделью мира и маркируются как *хаос* или *космос*, что подразумевает наличие соответствующих дифференциальных признаков. *Дом* представляет собой одну из наиболее значимых и распространённых пространственных структур, часто встречающихся в литературных произведениях. В мифологической перспективе *дом* выступает как защищённое пространство, контрастирующее с *хаосом*, который находится за его пределами. Пространственная организация провинциального города обычно формируется по принципу, аналогичному пространству дома. В связи с этим, данную модель пространственной структуры можно охарактеризовать как «город-дом». В тексте рассказа автор изображает маленький провинциальный город (*пять улиц*), любимый героиней (*не хотела отсюда никуда уезжать, хорошо было*).

М. М. Бахтин выделяет особый тип пространственно-временной организации художественного текста, который он называет «замкнутым в себе хронотопом провинциального городка». Одной из ключевых характеристик данного хронотопа является циклическое время [Бахтин

1986: 280]. В тексте рассказа прослеживается ярко выраженная цикличность (*хожены да перехожены с детства*). Между миром города и внешним миром существует граница. Пересечение данной границы и выход литературного персонажа в реальный мир может становиться катастрофой. В финале данного рассказа главная героиня пересекает границу между двумя мирами: она уезжает в Москву (*уехала в Москву*). Такая неожиданная развязка нарушает темпоральную цикличность. Открытый финал — одна из характерных черт жанра рассказа.

Текстовое время реализовано в тексте при помощи текстовой категории ретроспекции. Точка зрения автора на момент начала повествования композиционно находится в кульминации рассказа — текстовое здесь — сейчас (*сегодня тут, сейчас, сегодня*).

Рассказ открывается описанием театра, изображая который, автор прибегает к приему ретроспекции, когда точка «сейчас» перемещается по шкале времени в точку «тогда». Время в этой части текста не линейно, события подаются автором в хаотичном порядке.

В тексте используется различные виды темпопаральных указателей, среди них конкретные номинации (*сентябрь*, *пятница*, *утром*, *однажды*, *никогда* и т.п) и относительные номинации (с *девятого класса*, *шел четвертый месяц, как она его любила*).

Таким образом, категория пространства в данном тексте доминирует над категорией времени, что мотивировано тематическими факторами и авторским замыслом. Текстовое время тесно связано с категорией композиции и реализуется в тексте рассказа посредством категории ретроспекции.

Литература

Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике. М.: Худож. лит., 1986.

Ицкович Т. В. Категории времени и пространства в религиозном стиле // В мире научных открытий. 2011. № 4–1 (16). С. 699–706.

Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь: книга для учителя. М.: Просвещение, 1988.

Матвеева Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990.

Чэнь Ци

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

РОЛЬ РАССКАЗЧИКА В ДОКУМЕНТАЛЬНОМ ЦИКЛЕ НИКИТЫ МИХАЛКОВА «МУЗЫКА РУССКОЙ ЖИВОПИСИ»

Ключевые слова: документальный фильм, роль рассказчика, выбор повествовательной точки зрения, выбор «голоса» нарратора.

Существует вариативность образа рассказчика в процессе описания и интерпретации произведения, например, рассказчик-информатор, автор-рассказчик. В документальном цикле «Сентиментальное путешествие на мою родину. Музыка русской живописи» образ рассказчика имеет различные виды. Основываясь на этих разных образах рассказчика, в этой статье анализируется роль рассказчика в документальном фильме «Сентиментальное путешествие на мою родину. Музыка русской живописи».

Прежде всего, нужно обратить внимание на выбор повествовательной точки зрения и выбор «голоса» нарратора. По мнению В. Шмида, выбор повествовательной точки зрения может быть первым лицом и третьим лицом, а выбор «голоса» нарратора может быть прямым воспроизведением мыслей и чувств персонажа. В повествовании важную роль играет создание индивидуального стиля рассказчика. Речь может варьироваться от нейтральной и невыразительной до яркой и уникальной [Шмид 2003: 53].

В документальном фильме «Музыка русской живописи» режиссер (Никита Михалков) выбирает первое лицо и сам предстает как рассказчик, чтобы выразить свое восприятие картины и отношение к художнику. Рассказчик в этом документальном фильме излагает свои мысли зрителям от первого лица. Например, во втором фильме рассказчик начинает с самого себя и четко высказывает свои взгляды на произведения И. И. Шишкина. По мнению рассказчика, в картинах Шишкина существует гармония, его произведения воздействуют и на настоящее, и на будущее.

В статье В. В. Чепуриной обобщается важнейшая характеристика рассказчика — способность к композиционному объединению отдельных эпизодов текста художественного произведения. Рассказчик помогает понять и интерпретировать события, анализирует чувства и мотивы персонажей, описывает обстановку и делится личным опытом. Это позволяет читателю глубже проникнуть в суть произведения. В центре внимания рассказчика — события и персонажи художественного мира. Рассказчик видит всё происходящее и знает о героях больше, чем читатель или зритель, при этом передаёт их мысли, переживания и взгляды на ситуацию. Такой анализ доступен только автору произведения, поэтому образ рассказчика в большой степени отражает его позицию [Чепурина 2022: 101–102].

В соответствии с этой характеристикой, рассказчик документального фильма «Музыка русской живописи» передает свое отношение к самому художнику и собственный опыт, анализирует сюжет и смысл картины, помогает зрителям глубоко воспринимать выбранные произведения, даже понять русский характер. В документальном цикле «Музыка русской живописи» личные субъективные чувства самого рассказчика и его личный выбор картины играют важную роль.

В статье В. В. Чепуриной также суммируются основные направления в изучении образа рассказчика. Прежде всего, в литературоведении анализируются образы рассказчиков и авторов литературных произведений. Во-вторых, в рамках искусствоведения исследователи обращают внимание на вопросы, связанны с выразительными средствами исполнителя, действенностью речи, интонационной выразительностью, видениями и другими аспектами. В-третьих, работы практиков речевого и перформансного искусства направлены на понимание особенностей поведения рассказчика и решение практических задач в области речи и исполнительского искусства [Чепурина 2022: 101].

Все эти три направления отражены в документальном цикле «Музыка русской живописи», но наиболее очевидным является второе направление, особенно в визуальном аспекте. В каждом эпизоде рассказчик (Никита Михалков) представляет зрителям различные визуальные эффекты, основанные на рассказанных произведениях. Например, рассказывая о пейзажных картинах, рассказчик находится в месте, похожем на место, изображенное на данной картине. Или, если речь идет о портрете, рассказчик предпочитает показать зрителям место, связанное с персонажем.

Образ рассказчика в документальном цикле «Музыка русской живописи» является вариативным в зависимости от описываемой картины. Роль рассказчика в цикле определяется оригинальностью и неповторимостью повествовательного контекста. Каждый эпизод этого документального фильма состоит из двух частей — рассказ о художнике и озвучивание картины.

В первой части рассказчик представляет художника и его произведения в различных местах, связанных с жизнью художника. А вторая часть — это озвучивание картины. Классификацию озвучивания картины в этом документальном фильме можно разделить на следующие: диалог между художником и моделью, диалог между персонажами в картине, монолог персонажа в картине, и только музыка.

Таким образом, роль рассказчика в этом документальном цикле заключается в интерпретации и осмыслении русской живописи через восприятие и понимание самого рассказчика, что позволяет зрителям глубже и лучше понять произведение искусства.

Литература

Чепурина В. В. Вариативность образа рассказчика в речевом исполнительском искусстве // Культурный код. 2022. № 3. С. 100–112.

Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003.

СИСТЕМА ЯЗЫКА: ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ В АСПЕКТЕ РКИ. СОИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ

Бадалова Елена Назимовна

канд. филол. наук, доцент,
Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева;
badalova-e@mail.ru

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ НАВЫКА СВЯЗНОЙ РЕЧИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Ключевые слова: обучение, говорение, русский язык, методика.

В результате обучения русскому языку студент должен получить навыки говорения, письма, чтения. Одним из ключевых становится умение осуществлять устную коммуникацию на изучаемом языке. Это позволит ему в дальнейшем полноценно общаться с носителями, заниматься образованием, наукой и т. д.

Изучению вопроса обучения устной речи иностранцев уделяют внимание многие учёные (Л. В. Московкин, Е. И. Пассов, В. В. Дегтяренко, Е. Г. Доронина и др.). Процесс овладения навыком устной речи должен быть ориентирован на монологическую форму (рассказ, выступление) и диалогическую (беседа, дискуссия, обсуждение). В соответствии с актуальной коммуникативной методикой обучения иноязычному общению Е. И. Пассова на уроке необходимо уделять достаточное внимание аудированию и говорению [Пассов 1999: 29].

В. В. Дегтяренко в научной работе отмечает, что не вызывает сомнения необходимость развивать навыки устной речи у иностранных студентов, но «практический опыт показывает, что на начальном этапе обучения фонетические, лексические и грамматические задания и упражнения должны быть связаны между собой» [Дегтяренко 2016: 115].

Е. И. Пассов в монографии подчеркивает, что «ситуации общения меняются в процессе коммуникации постоянно, их варианты неисчислимы», поэтому «говорящий должен быть готов к этой деятельности» и предлагает двухкомпонентную схему: навыки — речевое умение [Пассов 1999: 31].

Поиск решения коммуникативных проблем в обучении русскому языку как иностранному не завершается и в настоящее время. Л. В. Московкин считает, что «Однако сколько бы ни выступали против коммуникативного направления современные методисты, оно будет оставаться ведущим направлением в методике, так как люди изучают языки, главным образом, для того чтобы на них общаться» [Московкин 2014: 75].

Однако, методическая проблема обучения устной речи студентов в моноэтнических группах на данный момент полностью не решена. Это связано прежде всего с учётом в учебной деятельности фонетических, морфологических и стилистических особенностей родного языка.

Основные направления работы по развитию устной речи в моноэтнической группе связаны с культурой речи: 1) правильностью речи, 2) коммуникативной целесообразностью речи.

Соответственно, постоянно решаются две основные задачи по развитию устной речи: 1) формирование навыков правильной речи учащихся, обучающихся русскому языку как иностранному, 2) формирование навыков хорошей, и достаточно богатой коммуникативно-целесообразной речи.

Развитие речевого навыка необходимо для использования в процессе организации совместной деятельности, для планирования своих действий, а также для применения как средства

Руководители секции: Н. А. Любимова, Е. И. Зиновьева.

приобщения к определённой группе людей. При этом легче всего вначале овладеть устной речью, а потом уже и письменной речью. В процессе обучения общению крайне важно развивать обе формы речи.

Занятие по устной речи должно быть организовано на принципе непрерывности регулярной работы с учащимися: 1) словарная работа (с непрерывной регулярностью); 2) работа над словосочетаниями (с постоянной регулярностью); 3) работа над предложениями (с постоянной регулярностью); 4) изучение элементов стилистики (регулярное); 5) изучение культуры речи (с постоянной регулярностью); 6) проведение беседы (регулярное); 7) построение связных развёрнутых ответов по грамматике (с непрерывной регулярностью); 8) выразительное чтение текстов (регулярное); 9) ведение диалогов (с постоянной регулярностью); 10) индивидуальное выступление (с постоянной регулярностью); 11) монолог на выбранную тему (с постоянной регулярностью). Все эти виды работ создают непрерывную систему развития устной речи.

Существует еще одна немаловажная проблема: как только студенты выходят из аудитории, они возвращаются к общению на родном языке. В результате они не могут сохранить новую лексику, выученную в тот день, хотя грамматическая структура остается с ними пассивно, но не в связи с новым словарным запасом, что заметно по их общению. Ошибки наблюдаются в спряжении глаголов или склонениях существительных. Следовательно, ключевым становится систематическое повторение пройденного речевого материала на каждом занятии, в полном объёме или частично.

Чтобы преодолеть вышеперечисленные трудности, с которыми преподаватели сталкиваются при развитии устных навыков обучающегося на уроках РКИ, можно предложить следующие методические пути решения сложившейся ситуации:

- при обучении русскому языку иностранных студентов необходимо создавать условия, адекватные реальным. Это обеспечивает успешность овладения необходимыми знаниями и умениями, а также эффективность их использования в реальной речевой ситуации;
- ролевая игра — это активный метод обучения, средство развития коммуникативных способностей учащихся. Ролевая игра тесным образом связана с интересами обучающихся, это средство их эмоциональной заинтересованности, мотивации их учебной деятельности. Ролевые игры выступают активным методом обучения практическому владению иностранным языком, помогая в преодолении языковых барьеров, значительно повышая объем речевой практики иностранных обучающихся. На сегодняшний день существует много разных типов и форм ролевых игр на занятиях по русскому языку как иностранному;
- пять различных способов высказывания одной и той же мысли дают инофону практические навыки, которые помогают вспомнить фразы на русском языке в реальной ситуации;
- поддерживать мотивацию обучающихся на занятии РКИ. Одним из важнейших факторов процесса изучения языка является мотивация. Со временем некоторые учащиеся теряют мотивацию к обучению, например, по причине незаинтересованности учащихся в некоторых из преподаваемых тем, которые не имеют карьерно-ориентированной ценности. Новое видение образования имеет цель создать мотивационную среду для инофонов в процессе изучения русского языка как иностранного [Лысакова 2015: 98].

Как показывает методический опыт, только комплексный подход к процессу овладения русским языком будет способствовать совершенствованию навыка диалогической речи. Поэтому на сегодняшний день преподавателям необходимо постоянно расширять знания об инновационных методах обучения говорению иностранных студентов и применять их на практике.

Литература

Дегтяренко В. В. Развитие устной речи посредством диалога на начальном этапе обучения РКИ // Сборники конференций НИЦ «Социосфера». 2016. № 40. С. 114–117.

Методика обучения русскому языку как неродному: учеб. пособие / под ред. проф. И. П. Лысаковой. М.: Русайнс, 2015.

Московкин Л. В. Направления в методике обучения русскому языку как иностранному с позиций методологии исследования // Мир русского слова. 2014. № 3. С. 72–76.

Пассов Е. И. Коммуникативное иноязычное образование. Концепция развития индивидуальности в диалоге культур. Липецк: Изд-во Липецк. гос. ун-та, 1999.

Галюк Алина Андреевна

соискатель, Санкт-Петербургский государственный университет;
alinegalyuk@gmail.com

СИНТАГМАТИЧЕСКИЕ, СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КАК МАРКЕР ЛИНГВОКОГНИТИВНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ГЛАГОЛА (НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕКСЕМЫ *ЛЕЧИТЬ*)

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, глагол, когнитивно-дискурсивный подход.

Тесная взаимосвязь лексико-семантических и грамматических свойств глагола, создающая его сигнификативно-денотативную природу, неоспорима. «Сигнификативную часть семантики глагола составляет собственно признаковое, процессуальное, реляционное значение; денотатом глагола является понятие, представление о ситуации и другие обстоятельства» [Плотникова 1999: 101–102]. На наш взгляд, изучение данных параметров позволяет не только выявить особенности значения и употребления глагола, но и его лингвокогнитивный портрет, что дает возможность вводить новую лексику на занятиях по русскому языку как иностранному как факты языка и как результат познания.

Целью данного исследования явилось лингвокогнитивное рассмотрение глагола *лечить* в современном русском языке посредством анализа семантических, синтагматических и грамматических свойств лексемы в дискурсе для выявления представлений, стоящих за данным словом. Выбор лексемы объясняется ее значимостью для носителей современного русского языка, употребительностью в речи, отсутствием лингвокогнитивного описания глагола в словарях, научных работах. Для достижения поставленной цели был применен когнитивно-дискурсивный подход, подразумевающий интегративный анализ лексем, что реализуется за счет рассмотрения когнитивной и коммуникативной функции языка.

Анализ проводился в несколько этапов: 1) рассмотрение данных толковых словарей; 2) анализ контекстов, представленных в «Национальном корпусе русского языка», других интернет-источниках; 3) определение ситуаций, вербализуемых глаголом *лечить*, и способов их репрезентации в дискурсе; 4) выявление значимых лингвокогнитивных признаков слова.

Согласно сведениям из словарей, глагол *лечить* рассматривается, и как однозначная лексема с различными оттенками значения, и как многозначная. Мы придерживаемся мнения, что глагол моносемантичен, но включает в себя разные оттенки значения, которые могут быть подведены под общее значение и указывают на выздоровление человека.

Глагол вербализует ситуации, в которых 1) человек лечит живое существо; 2) человек лечит часть тела/заболевание; 3) объект лечит живое существо, часть тела/заболевание. В первой ситуации субъект действия обозначает специалиста в медицинской сфере или обывателя. Наиболее частотными являются контексты, в которых объект действия опирается на рекомендации, полученные в ходе консультации с врачом, в результате чего и происходит выздоровление. Когнитивный сценарий моделируется так: появление болезни у человека → консультация у специалиста → определение диагноза → лечение объекта действия без помощи или с помощью близких людей в соответствии с рекомендациями → выздоровление объекта действия.

На синтаксическом уровне при обозначении помощи глагол *лечить* часто выступает в роли предиката неопределенно-личного или неполного предложения. Частотность таких предложений объясняется наличием в предложениях детерминантов, косвенно определяющих субъект действия. Также, поскольку в сознании носителей русского языка закрепляется представления о типичном субъекте лечения, для лексемы упоминание деятеля может оказаться избыточным.

Во второй ситуации объект действия ограничивается существительными, обозначающими части тела человека, заболевания. Когда объектом действия является заболевание, боль помимо роли прямого дополнения существительное при глаголе может выступать в конструкции «лечить + от + родительный падеж». Также при неодушевленном объекте частотно функционирование слова *лечить* в форме инфинитива. Данная особенность обусловлена необходимо-

стью выражения фазисного или модального значения: в денотативном пространстве лексемы необходимо закрепление отношения говорящего к процессу лечения, его целевой установке. Также инфинитив употребляется в конструкциях с предикативными словами, выражающими оценочное значение (по Л. Л. Буланину). Это сопряжено с тем, что результат лечения напрямую зависит от выбора правильных и эффективных методов, что требует на вербальном уровне наличия оценки при глаголе.

В третьей ситуации лечение осуществляется с помощью предметов, имеющих целительные свойства. При этом возможно не только выдвижение наименования средств лечения в позицию подлежащего, но и использование конструкций «лечить + творительный падеж», «лечить + с помощью + родительный падеж». Когда подлежащее представляет собой неодушевленный субъект, подчеркиваются средства, посредством которых проводится лечение, а также их целительные свойства. Если же применяется конструкция с косвенными падежами, акцентируется применение средств для излечения больного как способов достижения желаемого результата. В роли субъектов, выраженных неодушевленными существительными, может выступать лексика, относящаяся к сфере искусства, абстрактные понятия. Здесь излечение человека имеет духовную или психологическую природу.

При глаголе *лечить* частотно использование качественных наречий и наречий степени сравнения. Первый вид указывает на качество оказываемой помощи и на ее скорость. Наречия степени и сравнения сводятся к обозначению прогресса или регресса в лечении больного и его заболевания.

Таким образом, выявленные синтагматические, семантические и грамматические свойства лексемы *лечить* позволили обнаружить лингвокогнитивные особенности данного слова. Выявленные характеристики могут способствовать формированию представления о лечении в русском языке, равно как и облегчить усвоение лексико-грамматических признаков данного глагола в иностранной аудитории.

Литература

Плотникова А. М. Денотативно-референциальное пространство русского глагола // Русская глагольная лексика: денотативное пространство. Екатеринбург: Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького, 1999. С. 99–139.

Дай Синь

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет;
st072634@student.spbu.ru

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ БАЗОВЫХ ЭМОЦИЙ В ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: эмоция, пословица, поговорка, языковая репрезентация.

Доклад посвящен описанию языковой репрезентации базовых эмоций в пословицах и поговорках русского языка.

Актуальность обусловлена тем, что отразившиеся в пословицах и поговорках представления о психоэмоциональном состоянии человека могут иметь как сходства, так и различия с теми установками культуры и стереотипами, которые свойственны носителям русского языка сегодня. Кроме того, психоэмоциональное состояние — особая форма психических состояний человека с преобладанием эмоционального реагирования по типу доминанты. При использовании пословиц и поговорок правильная и уместная передача эмоции и ощущения человека является значимым.

Язык — это не только система, претерпевающая исторические изменения, «не только застывшее множество лексических единиц слов и правил их употребления», но и особая деятельность человека [Кондратенко 2012: 118]. Человек становится центральным звеном в анализе тех или иных языковых явлений. Антропоцентрический подход предлагает рассмотрение языка в неразрывной связи с сознанием и мышлением человека, с его духовным миром. Это взаимоотношение представляет собой диалог между языком и культурой, где культура — это мировидение и миропонимание народа, а язык — отражение всего многообразия познанного мира. Язык фиксирует и хранит культурные ценности в единицах разных языковых уровней: в грамматике, лексике, во фразеологии — пословицах и поговорках, в фольклорных и литературных текстах.

Одной из важных проблем современных лингвистических исследований является изучение пословиц и поговорок. Пословицы и поговорки, как важный компонент национальной культуры и ядерный проводник историко-культурного развития, отличаются четкой спецификой времени и яркой национальной особенностью. Рассматриваемые в исследовании пословицы и поговорки отражают психоэмоциональное состояние человека (радость, печаль, страх, негодование, волнение, стыд, удивление и т. д.), вербализуют взгляд на эмоции сквозь призму понимания их обществом, а также сквозь призму понимания, сложившегося на основе многовекового опыта.

Паремии как маркеры отношений и ситуаций являются замкнутыми устойчивыми фразами (пословицами и поговорками). Помимо того, пословица и поговорка характеризуются замкнутой структурой, смысловой и интонационной завершенностью, синтаксической членимостью, категориями предикативности и модальности, т. е. признаками предложения. Пословица отличается от поговорки тем, что формулирует жизненную закономерность или правило, тогда как поговорка — противопоставление, результат простого наблюдения или сравнения.

Отобранные для анализа пословицы и поговорки интерпретируют базовые эмоции человека, которые, по словам К. Изарда, «образуют основную мотивационную систему человеческого существования» [Изард 1980: 52]. Классификация фундаментальных эмоций, предложенная К. Изардом, легла в основу нашего доклада. Отбор паремиологических единиц осуществляется на основе компонентов-глаголов, входящих в лексико-семантическую группу глаголов психического состояния человека.

Семантический анализ русских паремиологических единиц (ПЕ) позволил нам выделить следующие группы:

1. ПЕ, описывающие состояние интереса.

2. ПЕ, характеризующие состояние радости.
3. ПЕ, обозначающие состояние печали и горя.
4. ПЕ, излагающие состояние удивления и изумления.
5. ПЕ, описывающие состояние гнева.
6. ПЕ, выражающие состояние отвращения и презрения.
7. ПЕ, обозначающие состояние страха и тревоги.
8. ПЕ, характеризующие состояние смущения.
9. ПЕ, характеризующие состояние стыда.
10. ПЕ, характеризующие состояние вины, совести и нравственности.
11. ПЕ, выражающие состояние любви.

В данном докладе мы остановимся на анализе ПЕ, выражающих состояние радости и состояние любви.

Анализ семантики паремиологических единиц, обозначающих психоэмоциональное состояние человека, позволяет сделать следующие выводы:

1. Данная группа устойчивых выражений широко представлена как фрагмент русской картины мира.
2. Эмоции и поведение человека взаимодействуют друг с другом и оказывают влияние друг на друга.

Литература

Даль В. И. Словарь пословиц русского народа. М.: Азбука, 2007.

Изард И. Эмоции человека. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980.

Изард К. Э. Психология эмоций / пер. с англ. В. Мисник, А. Татлыбаева. М.: Питер, 2006.

Кондратенко Т. Л. Сущностные характеристики понятия «лингвистическая подготовка» и его интерпретация в современной парадигме языкознания // Язык, речь, общение в контексте диалога языков и культур: сб. науч. тр. / отв. ред. О. И. Уланович. Минск: Изд. центр Белорус. гос. ун-та, 2012. С. 116–124.

Ян Чэнкунь

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет;
st121813@student.spbu.ru

ОПЫТ ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА АФИШИ КОНЦЕРТА НАЦИОНАЛЬНОЙ МУЗЫКИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЯЗЫЧНЫХ АФИШ КОНЦЕРТОВ КИТАЙСКОЙ МУЗЫКИ)

Ключевые слова: транскрипция, транслитерация, безэквивалентная лексика, музыкальная терминология.

В последние годы интерес к музыкальной культуре Китая в России активно растет: открываются центры изучения китайской музыкальной культуры, проходят концерты китайской национальной музыки, афиши которых распространяются как в бумажном, так и в электронном формате. На этом фоне важным становится исследование афиши как поликодового текста, где между вербальным и изобразительным компонентами устанавливаются прочные смысловые связи [Горбик 2016].

Афиша концерта национальной музыки в России, не является переводом: она изначально составляется на русском языке сотрудниками отделов маркетинга, которые существуют при дирекции концертных залов. Афиша ориентирована на широкую русскоязычную аудиторию профессионалов и любителей музыки как посвященных в музыкальную жизнь других народов, так и заинтересованных получить новые музыкальные впечатления. Основной задачей афиши становится оповещение максимального количества потенциальных слушателей, которые при знакомстве с ней должны решить, стоит ли им посетить концерт. Это решение может быть принято как на основе сформированных представлений о рекламируемой музыке, так и на возникновении интереса к необычному культурному событию [Фокина 2008: 95]. Таким образом, прагмалингвистический анализ текста афиши может способствовать изучению речевых стратегий предоставления и восприятия информации о событиях культурной жизни. В центре нашего внимания оказывается специфика механизмов восприятия чужой культуры сквозь призму русского сознания, что придает разработке темы теоретическую и практическую ценность.

В докладе рассматриваются способы передачи информации об экзотических для носителя русской культуры китайских музыкальных инструментах, о причинах выбора соответствующих единиц китайского языка для обозначения инструмента, путях формальной и семантической адаптации заимствованных лексем в тексте на русском языке. Исследование развертывается в рамках двух из важнейших самостоятельных гуманитарных наук — языковедения и музыковедения и лежит в русле изысканий о способах лексико-семантической и формальной адаптации заимствований в процессе контактирования разноструктурных языков [Сенько 2019; Ян Си 2017; и др.].

На первом этапе исследования методом сплошной выборки были отобраны 47 афиш, посвященных концертам китайской национальной музыки, которые проходят в российских городах. Упоминания о китайских инструментах встречается на афишах 175 раз, всего представлено 22 различных инструмента, информация о них подается различными способами.

Задачи исследования заключают в себе:

1) семантическую классификацию лексических единиц, обозначающих музыкальные инструменты в текстах афиш;
2) сопоставительное исследование текстового и визуального ряда в поликодовом тексте афиши;
3) определение роли названия концерта в формировании впечатления о рекламируемом событии;
4) анализ выбора безкэвивалентной лексемы (гиперонима/гипонима) для обозначения инструмента;

5) рассмотрение способов передачи китайского названия на русский язык: соответствие предлагаемого русского варианта записи по системе Палладия или транслитерированной записи в системе пиньинь;
6) исследование лексических калек и способов толкования значения экзотических единиц;
7) лексикографический анализ, заключающийся в поиске представленных в афишах экзотизмов в русских толковых, орфографических и энциклопедических словарях;
8) анализ грамматических характеристик экзотизмов: родовой принадлежности, способов словоизменения.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. Процесс освоения лексики иностранного языка представляет собой сложное взаимодействие двух языков. Названия китайских инструментов в текстах афиш переданы с помощью системы Палладия, кроме единственной кальки. В отличие от рекомендаций словарей транскрипции очень точные и не подвергаются русификации. Единицы, которые согласно словарям склоняются, в афишах могут выступать как неизменяемые, что также свидетельствует об отсутствии русификации.

Предлагаемые комментарии дают только общее указание на тип инструмента (*духовой инструмент хулуси*), которое обычно имеет форму сравнения с европейскими образцами (*эрху, китайская скрипка*); настойчиво повторяется определение *китайский(ая)*. Неточные определения рассчитаны на неспециалиста: они дают общее представление об инструменте, но приводят к искажению понятия (китайские инструменты отличаются внешностью, формой, тембром, способом игры).

Изображения цветов, иероглифов, фрагментов инструментов, а также фотографии, на которых могут быть инструменты, не участвующие в концерте, также свидетельствуют об основной цели рекламы: создать ассоциации с восточной культурой и вызвать интерес неспециалистов. Той же цели служат экзотические названия концертов, содержащие отсылки к культурным символам и цитаты из классической китайской поэзии.

Таким образом, прагматика афиши концерта китайской музыки очевидна: пригласить на концерт широкий круг меломанов, ориентируясь на растущий интерес русского слушателя, но малое количество его знаний о музыкальной культуре Китая.

Литература

Горбик А. А. Театральная афиша как рекламный текст // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2016. № 4. С. 59–68.

Сенько Е. В. Китайские слова в современном русском языке: семантический аспект // Филологический класс. 2019. № 3 (57). С. 59–64.

Фокина К. И. Информационное сопровождение спектакля в современном театральном процессе: дис. … канд. искусствоведения. М., 2008.

Ян Си. Китаизмы в современных СМИ: семантика, грамматика прагматика // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследования. 2017. № 1. С. 222–229.

Аверьянова Дарья Владимировна[1], Каракичев Мартин Росен[2], Карасева Татьяна Александровна[3]

[1]методист, Санкт-Петербургский государственный университет; dasaaveranova7@gmail.com
[2]ст. лаборант, Санкт-Петербургский государственный университет; 9456664@mail.ru
[3]методист, Санкт-Петербургский государственный университет; tatyana.karaseva@spbu.ru

ТРКИ ОНЛАЙН В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ: ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОБЪЕКТИВНОСТИ И КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТИ

Ключевые слова: РКИ, ТРКИ онлайн, академическая нечестность.

Дистанционный формат языкового сертификационного тестирования в последние годы получает все более широкое распространение, особенно в условиях глобальной цифровизации образования. Однако вместе с удобством удалённого экзамена перед организаторами встаёт серьезная проблема — обеспечение объективности тестирования и борьба с академической нечестностью, которая в англоязычной литературе обозначается термином “academic dishonesty”. Вопросы дистанционной оценки знаний активно обсуждались в научной литературе уже в 2009–2018 гг. [Noorbehbahani et al. 2022]. По мере развития технологий растут и способы обмана на экзаменах. Несмотря на внедрение современных систем прокторинга и новых технических решений, проблема остаётся актуальной.

Центр языкового тестирования Санкт-Петербургского государственного университета стал первым среди тестирующих организаций России и зарубежья, предложившим онлайн-формат сертификационного экзамена по иностранному языку. Изначально тестирование проводилось на платформе Examus, где контроль обеспечивался с помощью автоматического и ручного прокторинга, а также дополнительного наблюдения со стороны экзаменаторов во время устного субтеста. Однако развитие технологий и новые вызовы в сфере академической честности привели к переходу на платформу Moodle, которая предлагает иной подход к организации заданий. Одним из ключевых решений в новой системе стало перемешивание вопросов, что делает затруднённым использование заранее подготовленных ответов. Однако даже при таких мерах участники экзамена продолжают искать и находить способы обмана.

В ходе наблюдений за процессом тестирования можно выделить два основных типа академической нечестности:

1. Использование технических средств

Современные технологии позволяют кандидатам находить всё более изощрённые способы подлога. Среди них можно выделить:

- использование скрытых наушников и других инновационных технологий;
- воспроизведение чужого голоса через динамик;
- перевод речи экзаменатора с помощью электронного переводчика;
- обработка текста через генератор почерка.

Руководитель секции: А. А. Лесин.

2. Традиционные способы обмана

Хотя технические решения усложнили обман на экзамене, традиционные методы всё ещё остаются актуальными:

- использование заранее подготовленного текста;
- подсказки от суфлёра;
- жалобы на якобы плохое интернет-соединение;
- подмена кандидата другим человеком (особенно часто такой метод фиксируется у кандидатов из Ирана, когда вместо экзаменуемого появляется его знакомый, живущий в России).

При этом опыт прокторинга показывает, что большинство случаев обмана можно распознать по ряду характерных признаков. Их также можно разделить на три группы:

1. Признаки обмана при устном ответе:

- Несоответствие артикуляции и звука — голос звучит раньше или позже, чем двигаются губы экзаменуемого.
- Паузы и интонация, характерные для чтения — заметно, что кандидат зачитывает подготовленный текст.
- Плохая реакция на подсказки — кандидат не всегда понимает суфлёра и допускает большое количество коммуникативно незначимых и значимых ошибок.
- Неестественная чистота звука — если кандидат не использует гарнитуру, качество звука может указывать на то, что говорит другой человек через микрофон.

2. Признаки обмана при выполнении письменной части:

- Неестественный почерк — текст написан с характерными особенностями «русского» почерка, хотя кандидат не обучался в российской школе.
- Слишком высокий уровень владения языком — на уровнях A1–B1 используются сложные конструкции, свойственные носителям языка или студентам уровня C1–C2.
- Ошибки, характерные для русскоязычных носителей — например, орфографические или пунктуационные ошибки, типичные для носителей языка, но нехарактерные для иностранцев.

3. Подлог документов:

- Несоответствие внешности кандидата и фото в паспорте.
- Использование поддельных или сгенерированных документов — попытка подменить личность при регистрации.

Академическая нечестность остаётся глобальной проблемой. Закон Дональда Кэмпбелла гласит, что применение любых индикаторов и критериев для оценки того или иного социального процесса так или иначе приводит к искажению и системы оценки, и оцениваемых процессов [Campbell 1976: 34]. Согласно исследованиям Суен и Юй (2006), проблема обмана на экзаменах носит системный характер и не может быть решена исключительно мерами контроля. Чем выше значимость экзамена, тем выше вероятность попыток мошенничества [Huang, Garner 2008: 62]. Это означает, что любой экзамен, значимый для социального продвижения человека, его жизненного пути (например, доступ к образованию или трудоустройству), зачастую становится объектом давления и попыток обхода системы.

Необходимо помнить, что случаи обмана на тестировании подрывают доверие к системе языкового тестирования и всей сфере преподавания русского языка как иностранного. Если экзамен можно успешно пройти нечестным путём, его результаты теряют объективность. Университеты и работодатели, принимающие сертификаты ТРКИ (тестирование п русскому языку

как иностранному), могут столкнуться с ситуацией, когда номинально сертифицированный кандидат не обладает заявленным уровнем владения языком.

Таким образом, академическая нечестность в дистанционном тестировании — сложная и значимая проблема, требующая комплексного решения. Важно не только усиливать технические меры защиты, но и менять отношение кандидатов к тестированию. Чем больше ответственности будет у самих экзаменуемых, тем выше будет ценность сертификатов и объективность оценивания. Борьба с обманом на экзаменах должна включать совершенствование прокторинга и способов выявления подлога, усиление проверок документов, а также продвижение идеи академической честности среди кандидатов. Только комплексный подход позволит сохранить доверие к системе сертификационного тестирования и обеспечить объективность результатов.

Литература

Campbell D. T. Assessing the impact of planned social change. Hanover, NH: Public Affairs Center, Dartmouth College, 1976.

Huang D., Garner M. A case of test impact: cheating on the College English Test in China // Language testing matters: investigating the wider social and educational impact of assessment: proceedings of the ALTE Cambridge Conference, April 2008 / eds L. Taylor, C. J. Weir. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

Noorbehbahani F., Mohammadi A., Aminazadeh M. A systematic review of research on cheating in online exams from 2010 to 2021 // Education and Information Technologies. 2022. Vol. 27. P. 8413–8460. URL: https://link.springer.com/article/10.1007/s10639-022-10927-7 (дата обращения: 12.01.2025).

Беженарь Оксана Анатольевна

канд. пед. наук, преподаватель РКИ, Миланский университет, Италия;
oxana.bejenari.rus@gmail.com

ДОСТУПНАЯ ЛЕКСИКА КАК ИНСТРУМЕНТ ОТБОРА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ ИТАЛОФОНОВ: ИССЛЕДОВАНИЕ НА УРОВНЕ А2

Ключевые слова: доступная лексика, речевое поведение, лексический минимум.

Одним из актуальных вопросов в преподавании иностранному языку является организация лексического материала. Лексика — это словарный состав языка, состоящий из отдельных слов и устойчивых словосочетаний. Именно лексика служит основным строительным материалом языка. Объем лексики русского языка огромен: по мнению ученых, в современном русском языке примерно пятьсот — шестьсот тысяч слов. Если говорить о лексическом составе, то в пособии по «Общему языкознанию» приводятся следующие цифры: 500 тыс. слов — тезаурус языка с тысячелетней письменной традицией; 130 тыс. слов — общеупотребительный сводный лексикон современного языка [Мечковская 2001: 98]. Однако, активный словарный запас человека ограничен, и редкий носитель языка использует весь этот объем, не говоря уже о иностранцах. Поэтому перед составителями учебников и преподавателями русского языка как иностранного (РКИ) проблема отбора лексики для изучающих РКИ всегда составляла трудность. Для эффективного обучения РКИ важно выделить лексический минимум, подходящий для разных уровней владения языком. Программа по русскому как иностранному [Глазунова и др. 2017] предоставляет ориентиры для этого отбора, устанавливая минимумы для каждого уровня: А1: 780 лексических единиц (общение на бытовые темы, использование этикетных выражений). А2: 1300 лексических единиц (общение на социокультурные темы, учебная сфера общения). В1: 2300 лексических единиц (темы: фазы жизни, эмоции, человек в обществе). В2: 10000 лексических единиц, к активной части словаря относится 6000 единиц (широкий выбор тем, включая абстрактные и профессиональные).

Проблема отбора нужной лексики решается по-разному. Однако в последнее время в обучении РКИ начинают применять подходы, заимствованные из преподавания английского языка. Один из таких подходов — применение заданий в концепте «доступной лексики» (Lexical Availability Task, LAT) [Pilar 2023: 5–18]. Этот способ направлен на изучение структуры ментального лексикона учащихся и определение, какие слова они считают наиболее важными для коммуникации. На базе Миланского университета с помощью этого способа проводилось исследование [Беженарь 2016: 64–72], в которых участвовали три группы итальянских студентов:

- Студенты, не изучающие русский язык (8 человек).
- Студенты с уровнем А2 (11 человек).
- Студенты с различными уровнями владения русским языком (13 человек).

Суть исследования заключалась в том, что участникам предлагалось описать друга/подругу на итальянском языке с упоминанием биографических деталей, внешности и характера. У второй и третьей групп задания включали перевод описаний на русский язык. Результаты эксперимента показали, что итальянские студенты активно используют эмоционально окрашенные прилагательные при описании характера и внешности. Среди часто встречающихся слов, не входящих в лексический минимум, оказались следующие характеристики:

- Характер: bello (красивый, «хороший»), bravo (умелый, добрый), buono (хороший), solare (жизнерадостный), gentile (внимательный), sincero (искренний), simpatico (приятный), vivace (энергичный), speciale (особенный), intimo (близкий).
- Внешность: marroni (карие), castani (каштановые), biondo (светловолосый), magro (худой), carina (симпатичная, милая), abbronzato (загорелый).

Были сделаны выводы, что итальянцы часто совершают ошибки из-за того, что прибегают к прямому переводу. Например, выражения «мой друг *молодец» или «у друга *красивый характер», «у моего *интимного друга» отражают особенности итальянской лексики и мышления. Лексический минимум уровня А2 требует адаптации для итальянских студентов, так как их речь акцентирована на эмоциональную оценку. Необходимо включать в учебные материалы слова и выражения, которые студенты считают нужными, чтобы облегчить процесс изучения и сократить количество ошибок.

Выявление слов, необходимых иностранным учащимся, с помощью техники «доступной лексики» делает процесс изучения языка более естественным и интересным для студентов. Русский язык перестает восприниматься как «искусственный» или оторванный от реальной жизни. Использование слов, которые важны студентам, формирует комфортную языковую среду и повышает их мотивацию. В перспективе так же можно подойти к таким темам, как «Моя семья», «Свободное время» и др.

Обобщая сказанное, можно сделать вывод, что, работая вне языковой среды, преподаватель, конечно, должен опираться на рекомендуемые государственные стандарты и лексические минимумы, однако при этом важно учитывать национальные особенности учащихся и их реальные коммуникативные потребности. Как показывает практика работы с итальянским контингентом, небольшой набор дополнительной лексики для реальной, невыдуманной, неискусственной коммуникации на темы внешности и характера действительно необходим.

Литература

Беженарь О. Нужно ли расширять лексический минимум для италоязычной аудитории уровня А-2? // Cross-Cultural Studies: Education and Science (CCS&ES). November 2016. Iss. III. P. 64–72.

Глазунова О. И., Колесова Д. В., Попова Т. И. Программа по русскому как иностранному. Уровни А1–С2. Основной курс. Фонетика. Лексика. Грамматика. Аудирование. Чтение. Говорение. Письмо. М.: Русский язык. Курсы, 2017.

Мечковская Н. Б. Общее языкознание: Структурная и социальная типология языков: учеб. пособие. 2-е изд. М.: Флинта; Наука, 2001.

Pilar M., Llach A. Theoretical Exploration of the Lexical Availability Task as a Tool for the Selection of Vocabulary to be Taught in Class // International Journal of TESOL Studies. 2023. Vol. 5, no. 2. P. 5–18.

Беляева Рахиль Эдуардовна[1], Ротанов Алексей Николаевич[2]

[1]магистр лингвистики, специалист-тестор, преподаватель РКИ,
центр языкового тестирования, Санкт-Петербургский государственный университет;
rakhil.bruskova@gmail.com
[2]PhD, и. о. доцента, Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека, Узбекистан;
alexey.rotanov@gmail.com

РЕЛЕВАНТНОСТЬ ЖАНРОВ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ К СОСТАВЛЕНИЮ ТЕСТОВЫХ ЗАДАНИЙ НА УРОВНЕ ТРКИ-IV

Ключевые слова: тестирование по русскому языку как иностранному, тестология, современная русская литература, жанры, релевантность жанров, ТРКИ-IV/C2.

В настоящее время специалистами в сфере русского языка как иностранного, в частности тестологами, активно обсуждается вопрос реновации Теста по русскому языку как иностранному (ТРКИ). Очевидно, что система ТРКИ, разработанная в 1990-е гг. нуждается в обновлении. В числе прочего, необходимо пересмотреть жанры художественной литературы, которые может включать субтест «Чтение» [Криницкий, Смирнова 2023: 804]. Здесь, на наш взгляд, особое внимание стоит уделить тесту уровня ТРКИ-IV/C2, на котором проверяется умение читать художественные тексты различных жанров и эпох. Мы бы хотели рассмотреть актуальные на сегодняшний день жанры современной художественной литературы, которые могли бы стать основой заданий субтеста «Чтение» ТРКИ-IV/C2. Требований к подбору жанров в настоящее время нет, при разработке тестовых заданий и учебных материалов ТРКИ-IV/C2 специалисты опираются на «ГОСТ по РКИ» (2000) и «Типовой тест по русскому языку как иностранному. Четвёртый сертификационный уровень. Общее владение» [Типовые тесты… 2020].

Важно отметить, что сертификат ТРКИ-IV/C2, подтверждающий совершенное владение русским языком, становится всё более востребованным. Так, например, в Центре языкового тестирования Санкт-Петербургского государственного университета в 2014 г. ТРКИ на данный уровень прошло 26 кандидатов, а в 2024 г. — 173, при этом тестируемые являются представителями различных специальностей, в том числе технических, как и на других уровнях ТРКИ. В связи с этим нам представляется целесообразным обратить внимание на современных авторов, творчество которых отражает тенденции жанровом и тематическом обновлению мирового литературного процесса. Современная русская литература становится отражением изменений сознания нового читателя — пользователя культуры и языка, ведь трансформация культурных кодов и контекстов, развитие технологий и глобальная цифровизация, продвижение читательской рецепции уже прочно находят отражение в новой языковой личности современного человека и влияют на изменение его читательского опыта.

На данном уровне кандидат должен понимать и уметь интерпретировать аутентичные тексты широкого круга тем (включая абстрактно-философские, профессиональной ориентации, публицистические и художественные, а также тексты с подтекстовыми и концептуальными смыслами) [ГОСТ 2000: 11], может читать тексты различных жанров и стилей, включая художественную литературу и публицистику разных эпох, оценивая стилистические характеристики текста и понимая эксплицитно и имплицитно выраженные смыслы [Council of Europe 2020]. Необходимо учитывать, что система ТРКИ разрабатывалась в 1990-е гг., и с тех пор сформировались различные жанры художественной литературы, которые в настоящее время актуальны и входят в круг чтения современного человека.

Современный литературный процесс характеризуется тягой авторов к размыванию жесткой границы классического реалистичного нарратива между фактом и художественным вымыслом. Тексты в жанре *автофикшн* обладают большим потенциалом с позиции требований к тексту ТРКИ-IV, ведь текст перестает быть гомогенной структурой от лица всезнающего голоса, и начинает складываться из фрагментов и примет реальной истории и вымышленной, рассказанной разными голосами. Ярким примером жанра автофикшн стали роман-дневник

В. Пустовой «Ода радости» (2019), в котором автор использует собственный опыт жизни и материнства для исследования философии жизни современного человека; роман «Лето» А. Горбуновой (2022), построенный на языковой игре, воспоминаниях и реакциях-ассоциациях на происходившие события в жизни автора. Жанр *неомифологическая проза*, в котором история мифопоэтизируется и становится притчей, сказом. Очень часто в этих произведениях реализуется мультикультурное сознание в образе рассказчика. Автор не персонифицирован, но как субъект сознания рассказчик присутствует и ведет повествование. В подобных текстах происходит авторская работа с разными письменными и устными жанрами, что делает текст релевантным для создания тестовых заданий на ТРКИ-IV. Например, С. Афлатуни в повести «Глиняные буквы, плывущие яблоки» рассказывает историю, сохранившуюся не только в личной памяти, но и в памяти жителей узбекского села [Балтабаева 2021]. А приметы разных народов в художественном произведении делают текст с позиции ТРКИ интересным своей мультикультурной направленностью. Кроме того, это добавляет некую культурную нагрузку, с которой должны уметь работать кандидаты на высоких уровнях. В этом контексте особенно выделяется роман А. Иванова «Тени Тевтонов» (2022), в котором древние легенды переплетаются с детективным сюжетом. Подобная тенденция заметна и в произведениях Е. Водолазкина («Авиатор», 2016) и М. Галины («Автохтоны», 2015), где миф и современность сливаются в единое художественное пространство.

Таким образом, на сегодняшний день в современной художественной прозе существует ряд жанров, которые релевантны к составлению тестовых заданий на уровне ТРКИ-IV.

Источник

Council of Europe — Common european framework of reference for languages: Learning, teaching, assessment // Council of Europe. Common European Framework of Reference for Languages: Learning, teaching, assessment – Companion volume. Strasbourg: Council of Europe Publishing, 2020. URL: http://www.coe.int/lang-cefr (дата обращения: 20.04.2025).

Литература

Балтабаева А. М. Преломление мультикультурного сознания в повести Сухбата Афлатуни «Глиняные буквы, плывущие яблоки» // Интернет-пространство как вызов научному сообществу XXI века: сб. науч.-практ. конф., Ташкент, 10 июня 2021 г. Ташкент: Нац. ун-т Узбекистана им. Мирзо Улугбека, 2021. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/prelomlenie-multikulturnogo-soznaniya-v-povesti-suhbata-aflatuni-glinyanye-bukvy-plyvuschie-yabloki (дата обращения: 24.12.2024).

Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному. Четвертый уровень. Общее владение. М.; СПб.: Златоуст, 2000.

Криницкий О. Г., Смирнова Т. В. Тест по русскому как иностранному уровня ТРКИ-IV С2: к вопросу о реновации формата // XV Конгресс МАПРЯЛ: избр. докл. СПб.: Междунар. ассоц. преп. рус. яз. и лит., 2024. С. 803–806.

Типовые тесты по русскому языку как иностранному. Четвертый сертификационный уровень. Общее владение / Г. Н. Аверьянова и др. М.; СПб.: Златоуст, 2000.

Ван Юйтин[1], Ерофеева Инна Николаевна[2]

[1]аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет;
wangyuting123@yandex.ru
[2]канд. пед. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет;
inerof2018@gmail.com

ТЕСТ ТРКИ-II: ВОЗМОЖНОСТИ ОПТИМИЗАЦИИ С УЧЕТОМ ЭТНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ

Ключевые слова: тест ТРКИ, этно-психологические особенности, китайские студенты.

В настоящее время тестирование по иностранным языкам в Китае имеет очень широкое развитие.

Говоря о тесте по русскому языку как иностранному, мы хотели бы обратить внимание на то, как можно изменить содержание теста в соответствии с учетом этно-психологических особенностей китайских студентов. Среди последних мы выделяем, например, такие особенности, как: невозможность по канонам этики китайского проведения возражать и оценивать кого-то/что-то плохо; нежелание и неумение китайцев играть определенные, не свойственные для обычного поведения, роли; невозможность беседовать с деканом; выражать некоторые интенции прямо, например, возмущение, раздражение, упрек; сходство интонационного оформления некоторых интенций и многие другие. Для проведения эксперимента мы разработали анкеты, цель которых была установить сложности, возникавшие у студентов во время сдачи теста по РКИ; определить список тем, наиболее востребованных в настоящее время среди студентов для обсуждения. Также мы проанализировали тестовые задания в Типовых тестах по РКИ (Второй уровень) и в пособиях — тренировочных тестах по РКИ.

В результате проведенного анкетирования мы установили, что наиболее трудными для китайских студентов уровня коммуникативной компетенции В2 являются субтесты по Говорению и Письму — то есть субтесты, содержащие задания открытого типа. Первый блок заданий 1–12 (характеризующийся как блок условно-речевых заданий) отмечается студентами как сложный в силу того, что сами задания не всегда понятны студентам, возможно, в связи с тем, что данные задания начинают тест и в них требуется быстро реагировать на реплики тестора, то есть данные задания отличаются стрессогенностью (стрессогенностью обычно называют потенциальную способность какой-либо ситуации вызывать у людей стресс [Кочерова 2021]). Сразу возникает проблема: очень трудно перейти на роль друга (прописано в задании), трудно выражать несогласие (возражение) с использованием антонима, особенно со значением негативной характеристики какой-либо черты характера или делового качества оцениваемого человека и т. д. Также часто требуется выражать интенции, противоречащие этическим нормам китайцев. Среди сложностей студенты также назвали «незнание заданной ситуации в жизни»: для 18-летнего студента из Китая трудно представить себе, что он выбирает детский сад для ребенка или покупает машину. В заданиях 13, 14 и 15 также отмечены определенные трудности: сложности «входа в роль», «табу» на обсуждение некоторых тем: насилие, личные проблемы в семье (разводы, внесемейные связи и др.).

В субтесте «Письмо» также были отмечены сложности для прохождения его студентами: трудность давать характеристику человеку при рекомендации его на какую-либо должность, описание его качеств; трудность при написании жалобы (китайцы никогда не пишут жалобы или благодарности лично). Однако мы должны констатировать, что задания теста ТРКИ более функционально (практически) значимы, чем задания теста ТРЯ-8 (соответствущего по уровню ТРКИ-2), и обладают большей степенью валидности, прежде всего потому, что в ТРЯ-8 в настоящее время отсутствует субтест для оценки устной речи, а в ранее существовавшем субтесте задания на проверку умений устной речи диалогической речи представлены не были. До 2022 г. включительно в ТРЯ-8 было только одно задание по говорению — на составление монологического высказывания по заданной теме, темы были интересны (о техническом прогрессе, об

использовании смартфонов, о перспективах в жизни и др.), однако в них, в отличие от заданий теста ТРКИ, не было задачи решить какую-либо проблему, предложить способ изменения чего-либо — то достаточно было составить текст типа описание

Задания ТРЯ-8 по Письму (состоит из двух заданий: написание эссе и написание записки делового характера) более ориентированы на китайских студентов, можно сказать, что их актуальность выше, чем у задания по Говорению, однако тест ТРКИ-II проверяет больше умений письменной речи и предлагает изложить решение какой-либо проблемы в письменной форме соответственно ситуации (заметим, что в тестах предложены различные ситуации, в том числе, и актуальные).

В связи с вышесказанным мы хотели бы предложить внести определенные коррективы в содержание тестов по РКИ без изменения формата и структуры теста, с сохранением валидности теста. Например, в задании 1–5 попросить выразить возражение ответом на реплику, где дается негативная оценка чему-либо (в таком случае кандидат будет выражать в ответе позитивную оценку), в задании 9–12 рекомендуем при наличии задания на выражение радости не просить кандидата в следующей реплике выражать удивление. В заданиях любого из субтестов не стоит обращаться к темам, которые по не зависящим от учащихся причинам не обсуждаются в китайском обществе: некоторые вопросы политики, сложные проблемы личной жизни и др. Такие корректировочные изменения, направленные на создание «национально-комфортной тестовой ситуации» (термин наш) помогут китайским студентам реализовать успешно все умения и навыки, требуемые для достижения уровня коммуникативной компетенции уровня B2.

Литература

Кочерова В. С. Стресс-факторы организационной среды и пути их преодоления // Актуальные вопросы управления персоналом: науч. ст. III науч.-проф. науч.-практ. конф., Москва, 2021 г. Ч. 2. М.: ООО «Эдельвейс», 2021. С. 260–270. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_47948772_13719918.pdf (дата обращения: 28.01.2025).

Гельфрейх Полина Георгиевна
преподаватель РКИ, Пармский университет, Италия;
polina.guelfreikh@unipr.it

ПОДГОТОВКА К СУБТЕСТУ «ПИСЬМО. ТРКИ-III/C1». ОПЫТ ИТАЛИИ

Ключевые слова: ТРКИ, уровень С1, продукция письменной речи, эритажные носители, билингвы.

Как показывает опыт проведения сессий ТРКИ при Учебно-методическом центре развития билингвизма им.Льва Толстого в Милане, кандидатов, сдающих тестирование на уровень ТРКИ-III/C1, можно разделить на три большие группы, каждая из которых имеет свои особенности, которые необходимо учитывать при подготовке к экзамену ТРКИ на этом уровне. Ниже мы приведём характеристики выделенных групп и обозначим основные проблемы, связанные при подготовке студентов к ТРКИ.

1. Студенты итальянских вузов, преимущественно магистерских и постдипломных программ обучения.

Русский язык в Италии преподается на двух ступенях формального образования: в лингвистических лицеях и техникумах туристического направления, а также в университетах на факультетах различных профилей. Согласно министерской программе русского языка в старшей школе [Sillabo 2019; Sillabo 2020], учащиеся выпускного класса должны продемонстрировать на экзаменах уровень не ниже B1. Единой министерской программы по русскому языку для университетов в настоящее время не существует, хотя работа в этом направлении ведется. Большинство университетов ориентировано на достижение студентами уровней B1+/B2 в конце программы бакалавриата и C1 к концу второго года обучения в магистратуре. Однако по ряду причин далеко не все выпускники итальянских вузов достигают заявленных уровней. Основными факторами, влияющими на этот процесс, являются ограниченное количество аудиторных часов, недостаточный объём языковой практики и отсутствие возможности участия в обменах со студентами из РФ в силу сложившихся геополитических причин, а также нехватка специализированных учебных материалов. Необходимо также отметить, что в Италии традиционно делается упор на теоретические аспекты изучения языка (грамматику, переводоведение), в то время как навыки продукции устной и письменной речи могут оставаться на недостаточном уровне. Кроме того, до пандемии COVID-19 численность группы студентов по русскому языку могла составлять 60-90 человек и более. В таких условиях наличие учебного пособия по продукции письменной речи, в котором были бы представлены структурированные задания, модели текстов, алгоритмы и поэтапные рекомендации по их написанию, являлось бы существенной поддержкой как для студентов, так и для преподавателей.

2. Эритажные носители русского языка

Это молодые люди, которые переехали несколько лет назад в Италию из республик бывшего Советского Союза. Как правило, у них хорошо развита устная речь, однако при этом они могут не иметь навыков письма на русском языке, вследствие чего могут испытывать трудности с грамматикой, орфографией и различением функциональных стилей при письме. формальными стилями письма. В речи таких кандидатов встречается большое количество орфоэпических, грамматических и стилистических ошибок. Для этой категории учащихся подготовка должна состоять в систематизации их знаний, устранении пробелов в грамматике и орфографии, а также на освоение формальных и академических стилей письма. К сожалению, кандидаты данной категории не всегда осознают необходимость целенаправленной подготовки, так как часто полагаются на свои устные навыки и интуитивное знание языка.

3. Учащиеся русских зарубежных школ (билингвы)

Особенность данной группы состоит в юном возрасте кандидатов: обычно это подростки 14–18 лет. Чаще всего это дети, растущие в смешанных семьях, где папа — итальянец, а мама приехала из России или другой русскоговорящей республики бывшего СССР. Несомненным плюсом данной группы является довольно свободное владение устной и письменной речью на

русском языке, так как экзамен на уровень С1 обычно предлагается в качестве итога 8–10 лет обучения в русской зарубежной школе (школе дополнительного образования). Однако в виду возраста у подростков отсутствует какой-либо профессиональный опыт, а также общение в официально-деловой сфере. Кроме того, учащимся бывает сложно выполнять ряд письменных заданий, связанных с анализом и сжатием текста, написанием эссе по актуальным проблемам современности в силу ограниченного жизненного опыта и недостаточной осведомленности о социальных, экономических и политических реалиях. К тому же у подростков могут отсутствовать необходимые навыки работы с текстом и на первом (доминирующем) языке. Несмотря на то, что для школьников существует подростковый вариант теста С1, который больше соответствует возрастным особенностям данной категории кандидатов [Дубинина 2017], родители предпочитают записывать детей на ТРКИ-III/С1, ориентированный на взрослых.

Таким образом, в Италии возникла острая необходимость в учебном пособии по письму для подготовки к третьему уровню ТРКИ, которое бы учитывало потребности всех трех групп кандидатов. Мы предложили систему упражнений в сборнике «Я сдам ТРКИ-III/С1», который готовится к публикации в издательстве «Златоуст» в текущем году.

Сборник включает пять разделов:

1. Первый раздел включает общее описание формата ТРКИ и требований к кандидату на уровне С1, что будет полезно преподавателям, работающим со студентами продвинутого этапа обучения, если им необходимо больше информации о структуре заданий ТРКИ.
2. Второй раздел посвящен первому заданию субтеста «Письмо» (личное письмо-сообщение) и включает систему упражнений для обучения аналитическому чтению, трансформации и анализу текста в соответствии с поставленной задачей. Особое внимание уделяется интерпретации и передаче различных мнений, высказанных в статье, аргументации выбранной позиции, а также формированию и речевому оформлению собственной позиции по изложенной проблеме.
3. Третий раздел включает блок упражнений для второго задания. В этом блоке кандидаты обучаются различным способам сжатия текста и поисковому чтению, так как им необходимо на основе текста объёмом 300–350 слов написать сообщение в 50–70 слов, передав значимую информацию в сообщении делового характера [Дубинина, Ильичева 2018].
4. В четвёртом разделе предлагается система упражнений для написания эссе на основе заданного плана. Мы включили в данный блок большое количество примеров, моделей, и аутентичных текстов для того, чтобы у учащихся всех описанных выше категорий сформировалась определенная «начитанность» по актуальным темам.
5. Последний раздел содержит три полных варианта субтеста «Письмо» для самооценки, чтобы кандидаты могли проверить свою готовность к экзамену.

Разделы 2–4 сопровождаются кратким методическим комментарием для преподавателей.

Мы полагаем, что данное пособие, разработанное с учетом опыта проведения тестовых сессий и подготовки студентов к ТРКИ-III/С1, будет способствовать подготовке учащихся и успешному прохождению тестирования. Отметим, что при обучении русскому языку вне языковой среды уровень ТРКИ-III/С1 является одним из наиболее труднодостижимых, что значительно повышает значимость практических заданий для развития продуктивных навыков. Пособие также возможно будет использовать в учебном курсе русского языка для развития навыков письменной речи безотносительно подготовки к ТРКИ.

Литература

Дубинина Н. А. Тестирование по русскому языку как иностранному для школьников уровня С1 и подготовка к ТРКИ-III // От билингвизма к транслингвизму: про и контра: сб. мат-лов III междунар. науч.-практ. конф. под эгидой МАПРЯЛ. Москва, РУДН, 1–2 декабря 2017 г. М.: Рос. ун-т дружбы народов, 2017.

Дубинина Н. А., Ильичева И. Ю. К вопросу о реновации заданий ТРКИ-II/B2, ТРКИ-III/C1, ТРКИ-IV/C2 // Тестология: сб. сб. по мат-лам XLVII Междунар. филол. конф. (Санкт-Петербург, 19–28 марта 2018 г.). Казань, 2018. С. 25–30.

Sillabo della lingua russa per Istituti Tecnici e Professionali. Lingue & Culture, 2020.

Sillabo della lingua russa per i Licei. EdScuola, 2019.

Громакова Мария Павловна

ст. преподаватель, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации;
mariagrom@gmail.com

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОНЛАЙН ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ ИЗ АФРИКАНСКИХ СТРАН НА ПРИМЕРЕ БУРКИНА-ФАСО, КЕНИИ И НИГЕРА

Ключевые слова: РКИ, Африка, межкультурная коммуникация, ТРКИ.

В связи с текущей геополитической ситуацией в мировом сообществе, а также активным развитием сотрудничества между Российской Федерацией и странами Африки, предсказуемо возрос интерес к русскому языку и к курсам русского языка как иностранного, которые могут стать ступенью карьерного роста или открыть новые возможности для обучения в российских высших учебных заведениях для представителей африканских стран [Маслов и др. 2023; Росконгресс 2023].

Однако, в целях повышения эффективности обучения, необходимо учитывать ряд особенностей, присущих учащимся из различных стран, в значительной степени влияющих на процесс обучения, методическую составляющую, сроки обучения и мотивацию студентов. При планировании курса онлайн первое, с чем столкнётся российский преподаватель при обучении африканских студентов онлайн — технические сложности. Регулярные отключения электроэнергии, отсутствие стабильного и качественного интернет-подключения, зачастую делают невозможным организацию рабочего места для занятий, доступа к электронным ресурсам и учебным материалам. Многие студенты вынуждены подключаться к занятиям буквально «на ходу», выходить в интернет из шумных общественных и других мест, не приспособленных для обучения. Несомненно, отсутствие необходимых условие отрицательно сказывается на результатах учебных программ [Павлов 2023].

В этой связи следует отметить важность поддержки образовательных проектов со стороны российских организаций и загранпредставительств, работающих в Африке. Так, слушатели курса русского языка в Буркина-Фасо, организованном Санкт-Петербургским государственным университетом, при поддержке Русского дома (партнёрского) в Уагадугу, успешно прошли обучение и смогли сдать Тест по русскому языку как иностранному (ТРКИ) Элементарного уровня/A1. Реализовать дистанционный курс русского языка стало возможным, благодаря активному содействию в организации обучения со стороны Русского дома, который предоставляет слушателям технически оснащённые классы с интернет-подключением и оргтехникой, а также возможность заниматься в помещениях во внеучебное время: выполнять домашние задания, задавать вопросы русскоговорящим сотрудникам и получать различную помощь во время обучения. Благодаря совместной работе Санкт-Петербургский государственный университет и Русского дома в Уагадугу слушатели выполнили учебную программу и большинство участников курса успешно прошло ТРКИ. Отметим, что ТРКИ, в странах Субсахарской Африки пока широкого распространения не получил, но так как сертификационное тестирование является частью мирового языкового образования, проведение тестовых сессий в этой части континента имеет особое значение.

Второй немаловажный аспект, который необходимо учитывать — крайне слабая дисциплина, регулярные опоздания, частые пропуски занятий по различным причинам, игнорирование домашних заданий, отсутствие привычки к системной работе в процессе обучения, вероятно, из-за ограниченного доступа у большинства населения к качественному школьному образованию, отсутствия базовых лингвистических знаний и опыта изучения иностранных языков (нередко студенты не знакомы с понятиями существительное, прилагательное, глагол и другими, не понимают, почему некоторые грамматические формы необходимо заучивать наизусть, а также то, как изменяются глаголы, формы совершенного и несовершенного вида и др.). Также следует сказать о слабой мотивации, что связано с тем, что далеко не все студенты видят для

себя осязаемые перспективы, которые может дать им изучение крайне сложного для них языка с принципиально иной фонетической и грамматической системой. В результате, если в начале курса в группе может быть 60 и более человек, то к концу остаются, как правило, максимум 10–20. Кроме того, из-за нерегулярности занятий, частых пропусков, в том числе по не зависящим от студентов причинам (национальные или религиозные праздники, неблагоприятные погодные условия, отключение электроэнергии), преподавателю приходится неоднократно возвращаться к уже пройденному материалу, что существенно замедляет процесс обучения.

Учитывая недостаток опыта изучения иностранных языков у учащихся, преподавателю необходимо искать различные подходы к подаче материала, в том числе включать игровые и «развлекательные» компоненты. Выбор тем для обсуждения на уроках также необходимо корректировать: в силу культурных особенностей и иного круга интересов у учащихся «европейский» и «русский» контент привычные для большинства преподавателей РКИ могут быть непонятны или недостаточно интересны. Например, темы, касающиеся русских писателе, литературы, классической музыки и многие другие необходимо дополнительно комментировать, и, возможно, минимизировать, отдавая приоритет тому, что учащимся более интересно и необходимо с точки зрения узнавания страны изучаемого языка: быт, транспорт, еда, праздники и традиции, климат, одежда, современная популярная музыка и др.

Третий аспект, о котором важно помнить, заключается в культурных особенностях: религиозных, племенных и социальных. Например, в Кении, несмотря на то, что многие студенты позиционируют себя как христиане, распространено многожёнство, взять в жёны девушку зачастую возможно за материальное вознаграждение её семье, официальная регистрация брака не требуется, количество жён не ограничено, в семьях рождается большое количество детей, однако в стране очень высокий уровень детской смертности, дети воспитываются, в основном, общиной, образование для женщины не считается обязательным. Взаимоотношения мужчин и женщин отличается от принятых в России, поэтому на занятиях, например, в кенийских группах, присутствуют, в основном, мужчины, и преподавателю-женщине, вне зависимости от её возраста, необходимо учитывать, что есть вероятность, что учащиеся могут не проявлять к преподавателю ожидаемого уважения и относиться с некоторым предубеждением. При выборе наглядного материала также необходимо учитывать культурную специфику стран, в частности избегать иллюстраций, которые могут вызвать негативную реакцию у представителей различных культур и религий.

Наконец, нужно учитывать и то, что на территории одной страны, как правило, проживает множество племён, каждое из которых имеет свой язык, традиции и культуру, и взаимоотношения между ними могут быть сложными. Нередко в африканских странах существуют различные внутренние проблемы и нерешённые конфликты. Задачей преподавателя является не допустить «острых» обсуждений в рамках урока и вне его в групповых чатах социальных сетей, взаимных оскорблений и претензий, создавать благоприятную психологическую атмосферу на уроках и поддерживать мотивацию студентов, в том числе отдавая дань уважения их культуре и традициям, демонстрируя искренний интерес и делая акцент на сходствах и различиях наших культурных особенностей, с учётом того, что Россия также является многонациональной и многоконфессиональной страной.

Важность страноведческого блока при обучении африканцев русскому языку трудно переоценить [Белецкий, Дубинина 2023]. Для африканцев, живущих на другом континенте, крайне важно узнать как можно больше о стране изучаемого языка, о повседневной жизни населения России. Это поможет им разрушить многие психологические барьеры, воспринимать страну в позитивном ключе, а не как принципиально иную культуру, непонятную и потому враждебную. Позитивное впечатление о стране изучаемого языка способствует эффективности обучения.

В заключении хочется отметить тот факт, что Африка — это не только перспективное направление в сфере экономического и политического сотрудничества, но и регион, требующий особого подхода и знаний социокультурных реалий для успешной его реализации. И эффективное изучение русского языка, продвижение его на африканском континенте — важная стра-

тегическая задача. Кроме того, африканская аудитория — очень отзывчива, активна и обладает высоким эмоциональным интеллектом. Также студенты регулярно демонстрируют нестандартное мышление и подход к решению различных задач, это творческая, думающая, креативная и любознательная аудитория, нередко очень музыкальная и обладающая высоким потенциалом в обучении.

Литература

Африка 2023. Возможности и риски: экспертно-аналитический справочник. 2-е изд., доп. / А. А. Маслов, В. Ю. Свиридов и др.; под общ. ред. А. А. Маслова. М.: Изд. дом Высш. шк. экон., 2023.

Белецкий С. Б., Дубинина Н. А. Страноведение и межкультурная коммуникация в африканской аудитории: ключевые элементы межкультуры через призму аткуальных потребностей // Россия-Африка 2023: Парадигма образования: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. / под. науч. ред. И. Ю. Тархановой. Ярославль: Ред.-изд. отдел Ярослав. гос. пед. ун-та им. К. Д. Ушинского, 2023. С. 20–28.

Павлов А. И. ЮАР — Кения — Зимбабве — Алжир: четыре полюса РКИ в Африке // Россия — Африка 2023: парадигма образования: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. / под науч. ред. И. Ю. Тархановой. Ярославль: Ред.-изд. отдел Ярослав. гос. пед. ун-та им. К. Д. Ушинского, 2023. С. 142–148.

Росконгресс. Итоги второго саммита, экономического и гуманитарного форума Россия — Африка. СПб., 2023.

Дубинина Надежда Александровна

специалист-тестор, Санкт-Петербургский государственный университет;
n.dubinina@spbu.ru

ГРАНИЦЫ ПРОДУКТИВНОГО СЛОВАРЯ СТАРШЕКЛАССНИКА-БИЛИНГВА (НА МАТЕРИАЛЕ ЗАДАНИЙ СУБТЕСТА «ПИСЬМО» ТРКИ-III/C1)

Ключевые слова: ТРКИ-III/C1, ТРКИ, Тест по русскому языку как иностранному, подростки, школьники, лексика, языковое развитие, ментальный лексикон.

Одним из актуальных вопросов языкового тестирования в настоящее время является оценка уровня владения иностранным (вторым) языком у школьников в соответствии с Общеевропейскими компетенциями владения иностранным языком (CEFR). В первую очередь проблема касается высоких уровней B2, C1, C2. И если об уровне B2 исследователи говорят, как о достижимом для старшеклассников, то уровень C1 характеризуют как доступный лишь некоторым старшим подросткам, а уровень C2 — как выходящий за пределы возможностей и многих взрослых [Дубинина, Птюшкин 2021: 224]. В практике Теста по русскому языку как иностранному (ТРКИ) в этой связи обсуждается ещё один вопрос: возможность успешного прохождения тестирования на высокие уровни ТРКИ эритажными говорящими на русском языке [Дубинина, Птюшкин 2021: 223]. Ответы на эти вопросы можно было бы найти в описании языкового развития подростков и специфики формирования письменной речи у эритажников подросткового возраста, однако исследования данных направлений на сегодняшний день представлены недостаточно широко.

Один из уровнеобразующих факторов в языковом тестировании — объём лексического запаса (его состав, лексико-грамматический инструментарий), который должен позволять участвовать в соответствующих уровню коммуникативных ситуациях. Таким образом, мы обратились к анализу лексических ошибок в письменных работах кандидатов-билингвов подросткового возраста на уровень ТРКИ-III/C1. Анализ ошибок проводился безотносительно лексического минимума ТРКИ-III/C1, так как нас в первую очередь интересовало использование лексики в целом при выполнении поставленных коммуникативных задач. Цель исследования — выявить типичные ошибки подростков-билингвов, и, основываясь на ошибочных употреблениях, определить специфику формирования ментального лексикона для русского языка у билингвов данной возрастной группы.

Ментальный лексикон — сложная система хранения и функционирования лексики с множеством структурных элементов, между которыми существуют различные связи [Залевская 1999: 249; Овчинникова 2009: 43]. При этом в сознании билингвов лексиконы для языков, которыми они владеют, существуют не автономно, а находятся в постоянном взаимодействии [Овчинникова 2009: 43]. В ментальном лексиконе выделяются рецептивный и продуктивный подлексиконы — последний задействован при порождении речи. Нами были проанализированы тексты, написанные эритажными говорящими на русском языке во время прохождения ТРКИ-III/C1. Так как, на наш взгляд, в текстах, написанных учащимися с этим уровнем более явно прослеживаются трудности, которые они испытывают при реализации коммуникативных задач, учитывая данные сопоставления исследователями описаний уровней CEFR и возрастной специфики школьников.

Характеристика кандидатов: старшеклассники, завершающие обучение в русских школах дополнительного образования Гамбурга и Мюнхена, немецко-русские билингвы с доминантным немецким, «эритажники». Тексты написаны подростками, которые с младшего школьного возраста обучались в русских школах дополнительного образования, владеют письменной речью, знакомы с книжным стилем русского языка и его подстилями, а также успешно прошли тестирование на уровень ТРКИ-III/C1.

В субтесте «Письмо» уровня ТРКИ-III/C1 кандидатам необходимо выполнить три задания: написать два письма на основе публицистического текста, личного и официально-делового ха-

рактера, а также эссе в соответствии с предъявленной темой. Тексты, которые предъявляются в заданиях — аутентичные материалы популярных российских СМИ, темы для эссе характеризуются актуальной общегуманистической проблематикой. Темы для эссе и предъявляемые тексты соответствуют коммуникативным потребностям и объёму общих знаний взрослых [Аверьянова и др. 1999].

На данный момент нами было проанализировано 48 текстов, выявленные в них ошибки, допущенные на уровне лексики, можно разделить на следующие группы: ошибки при выборе лексемы, словообразовательные ошибки, ошибки при использовании коллокаций и в лексической сочетаемости, грамматические ошибки. Примеры ошибок, связанных с выбором лексемы, использованием устойчивых сочетаний и нарушения лексической сочетаемости: «во всех иностранных и *внутренних* вузах» — ошибка при выборе лексемы, русско-немецкая интерференция (нем. *inländish*, «внутренний», противопоставляется нем. *ausländisch,* «зарубежный»); «университет даёт всем *выдающимся* студентам возможность…» (имеются в виду отличившиеся в учебе студенты); «такому большому наплыву информации *свойственно быть опубликованным* в 1000 статей» — ошибка при выборе лексемы (имеется в виду, что для сообщения такого большого количества информации, которую получает современный человек, необходима публикация тысячи статей); «*продукция* пластика *имеет сильное влияние* на природу» — ошибка при выборе лексемы из-за интерференции и ошибка в лексической сочетаемости; «это *приводит с собой | утрату качества | новых продуктов*» — ошибка в лексической сочетаемости, ошибка при выборе лексемы (слово «продукты» — использовано в значении «товар», «продукция»). Примеры ошибок в словообразовании и грамматике: «Но насколько такое поведение *экологическое* и стоит ли так *израсходовать* деньги?, «Для производства текстиля *израсходовается* много воды» — некорректное использование суффиксов. Ошибки при грамматическом оформлении: «нужно обязательно объяснять людям все *последствия их покупкой*», «И в этих программах *обладание / русского языка являеться* необходимым» (также отмечается ошибка при выборе лексемы по причине интерференции).

Описанные выше ошибки были допущены кандидатами-авторами текстов при использовании лексики, относящейся к книжному стилю. В проанализированных работах они являются доминирующими, благодаря чему можно сделать вывод, что использование лексики книжного стиля для старших подростков связано со значительными трудностями. Таким образом, можно говорить о том, что в продуктивном лексиконе авторов текстов русская лексика книжного стиля находится в процессе формирования. В дальнейшем планируется проанализировать больше письменных работ и разработать оптимальную классификацию ошибок.

Литература

Дубинина Н. А., Птюшкин Д. В. Уровни тестирования по русскому языку как иностранному в аспекте возрастной специфики школьников // Русистика. 2021. Т. 19, № 2. С. 222–234. http://dx.doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-2-222-234

Залевская А. А. Введение в психолингвистику. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 1999.

Овчинникова И. Г. Еще раз о моделировании ментального лексикона билингва // Вопросы психолингвистики. 2009. № 10. С. 43–49.

Типовые тесты по русскому языку как иностранному. Третий сертификационный уровень. Общее владение / Г. Н. Аверьянова, Л. Г. Беликова, И. Н. Ерофеева и др. М.; СПб.: Златоуст, 1999.

Красикова Екатерина Николаевна

канд. пед. наук, доцент, академический директор, ЧУДО «Знание-Сила»

ВНЕДРЕНИЕ ИНТЕРНЕТ-СЛЕНГА В ТЕСТИРОВАНИЕ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Ключевые слова: тестирование РКИ, интернет-сленг, лингвокультороология, лексика, интернет-коммуникация.

При разработке методических и контрольных материалов по русскому языку как иностранному, в том числе сертификационного тестирования было бы целесообразно рассмотреть возможность включения лексических единиц, относящиеся к сленгу, который повсеместно используется в интернет-коммуникации. Лингвострановедческий аспект является неотъемлемой частью обучения иностранных студентов русскому языку, он обогащает знания о стране изучаемого языка конкретными и убедительными сведениями из различных областей жизни общества; служит источником информации для речемыслительной деятельности; дает возможность систематизировать и активизировать ценный лексический и грамматический материал в высказываниях, имеющих страноведческое содержание.

Язык как система выражения мыслей не может не реагировать на социальные, культурные и технологические изменения, которые происходили, происходят и будут происходить в нашем мире. Без реакций на подобные изменения язык перестает быть живым. Наряду с компьютерами, смартфонами и доступом к интернету появились новые коммуникативные среды. Соответственно продолжает появляться новая лексика, продолжают меняться речевое поведение и речевой этикет. Таким образом, можно говорить об актуальности внедрения интернет-сленга в тестирование по РКИ.

Интернет-коммуникация относится к числу относительно новых и бурно развивающихся речевых формаций. Она отличается коммуникативным многообразием, многофункциональностью, динамикой и по степени своего влияния на другие сферы общения в настоящее время, пожалуй, не имеет себе равных. Поэтому без описания специфики интернет-коммуникации и компьютерно-опосредованного дискурса исчерпывающая характеристика особенностей современного языкового существования попросту невозможна.

В современном русском языке интернет-сленг является активной составляющей живого разговорного языка, представляя значительный пласт его словарного состава, и выражает все многообразие интересов общества, оценки различных явлений разными представителями общества, которые могут принадлежать как к разным профессиональным, так и разным социальным группам.

Толковый словарь Ефремовой характеризует сленг как «совокупность слов и выражений, употребляемых представителями определенных групп, профессий и т. п. и составляющих слой разговорной лексики, не соответствующей нормам литературного языка» [Ефремова 2005: 75]. В других источниках сленг — это набор особых слов или новых значений уже существующих слов, употребляемых в различных группах людей (профессиональных, общественных, возрастных и т. д.). Итак, сленг — слова, живущие в современном языке полноценной жизнью, но считающиеся нежелательными к употреблению в литературном языке. То есть, сленг — это разновидность нелитературной речи, которая чаще всего пользуется подростками и молодыми людьми.

Интернет-сленг как явление возник с появлением интернета, который сегодня является не только источником информации, но и популярным средством общения людей разных возрастов и профессий, людей с разными интересами и ценностями. Его можно условно разделить на шесть групп:

1. Сокращения.
2. Заимствованные слова.

3. Использование эмотиконов вместо знаков.
4. Замена букв.
5. Написание по произношению.
6. Игнорирование заглавных букв.

Рассмотрим каждую группу подробнее [Лимарова, Сон 2018: 112].

Сокращения. Данный вид сленга все больше и больше распространяется в интернете. Пользователи сетей сокращают слова настолько, что люди, незнакомые с данным сленгом, не поймут смысла. Это, к примеру, слова: *прив, зрасти, че, кто-нить, че-нить, спс, пжл, лады, грит* и др.

Замена букв. Молодежь намеренно искажает язык при общении в интернете, например, это могут быть замены звонких согласных на глухие или наоборот.

Заимствованные слова. Самые частые случаи интернет-сленга занимают именно заимствования из иностранных языков (в основном из английского). Это такие как: *хайп, чекиниться, лайк, бонжорно, ок* и др.

Отдельно в работе хотелось бы сказать о лексике, получившей распространение в среде социальных сетей. Для современного человека социальные сети являются значительной частью социальной жизни — это средство дистантного общения, возможность обмена мультимедиа файлами, а также платформа для бизнеса. Таким образом, в соцсетях сформировался свой сленг.

К нему относятся в большинстве своем заимствования из иностранных языков, в основном из английского [Михальченко 2006: 198]. Например, такие слова как:

Лук (англ. look) — образ;

Баттл (англ. battle) — битва, состязание;

Пранк (англ. prank) — розыгрыш, шутка;

Ритейл (англ. retail) — распродажа, торговля;

Промоушн (англ. promotion) — продвижение, содействие и др.

Отметим, что данные заимствования используются в данное время не только в письменном общении в социальных сетях, но и при устном, а некоторые носители языка полностью заменили в своем лексиконе исконно русские слова на заимствованные (такие, как *пранк*, *баттл* и др.).

Написание по произношению. Пользователи интернета применяют правило «как слышится, так и пишется» к любому произвольному слову, нарочно игнорируя все орфографические правила. Например, *намана*, *здрасти*, *харашо* и др.

Использование эмотиконов вместо знаков препинания. Коммуникация людей посредством текстовых сообщений является эмоциально окрашенной, экспрессивной. Люди, которые общаются в социальных сетях, пытаются передать через сообщение и свое состояние, именно поэтому зачастую знаки препинания уступают место эмотиконам (смайлам). Однако нужно отметить, что смысловые смайлы, замещая знаки пунктуации, выполняют их основные функции: выделительную, разделительную, смыслоразличительную и эмотивную.

Игнорирование заглавных букв. Часто при быстром обмене сообщений с помощью соответствующих приложений не используется прописная буква в начале предложения. Даже возможно написание строчными буквами имен и названий.

Таким образом, предлагаются к рассмотрению методистами, специалистами по РКИ, в том числе по тестированию, лексические единицы, входящие в состав интернет-сленга. Можно объединить лексику в тематические группы в соответствии со сферами её происхождения и в перспективе проанализировать с точки зрения частотности и возможности включения в методические материалы. Например, слова, которые вышли в общее употребление из терминологии программистов (*админ, айтишник, анлим, апгрейд, апдейт, баг, зависать, заливать, клава, куки/кукисы, лагокна, оперативка, ось, пень, плагин, спам, хак, юзать, юзернейм* и др.), языка геймеров (*агриться, ака, бродилка, вар/варик, донат, оффнуться, пасхалка, прокачка, стример, сыч, читер, шутер* и др.) и языка социальных сетей (*абьюз, бан, баян, блогосфера, бодипозитив, бодишейминг, видос, зафрендить, зашквар, изи, контент, копипастить, краудфандинг, краш,*

лайк/лойс, личка, нейронка, оффтоп, подписчик, постить, пруф, рандом, релиз, рофлить, рунет, свайп, сорян, социалка, теги, тролль, фейк, флуд, фолловер, хайп и др.) [Захаренко 2003: 516].

Источники

Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. М.: Харвест, 2005.

Захаренко Е. Н., Комарова Л. Н., Нечаева И. В. Новый словарь иностранных слов: 25 000 слов и словосочетаний. М.: «Азбуковник», 2003.

Словарь социолингвистических терминов / под ред. В. Ю. Михальченко. М., 2006.

Литература

Лимарова Е. В., Сон Л. П. Интернет-сленг: словообразовательные процессы (на материале английского и русского языков) // Филологические науки. 2018. № 4 (414). С. 111–118.

Криницкий Олег Григорьевич[1], Плаксина Александра Сергеевна[2]

[1]специалист-тестор, Санкт-Петербургский государственный университет;
oleg_krinitski@mail.ru
[2]методист, Санкт-Петербургский государственный университет;
sasha.plaksina@mail.ru

ПРОВЕДЕНИЕ ТРКИ В КИТАЕ: ОПЫТ СПбГУ

Ключевые слова: русский язык как иностранный, тестирование по русскому языку как иностранному, Китай.

История изучения русского языка в Китае насчитывает более 300 лет. Первым учебным учреждением, занимающимся обучением русскому языку и подготовкой переводчиков, являлась Школа русского языка при Дворцовой канцелярии, основанная в Пекине в еще 1708 г. [Лапин 2009: 103]. Сформированные за три столетия научно-образовательные связи продолжают укрепляться на фоне активного развития торгово-экономических и политических отношений между Россией и Китаем в последние десятилетия. Русский язык получает все большее распространение в различных сферах, в том числе, в сфере науки и технологий, экономики, здравоохранения, культуры, что способствует росту интереса к изучению русского языка в Китае с целью его использования в учебной и профессиональной деятельности. Вслед за этим растет заинтересованность и в сдаче Теста по русскому языку как иностранному (ТРКИ).

Одним из крупнейших партнеров Центра языкового тестирования Санкт-Петербургский государственный университет по проведению тестовых сессий в Китае является Пекинский международный образовательный технологический центр (ПМОТЦ) Пекинского университета международных исследований. За десятилетний период сотрудничества, начатого еще в 2016 г., было проведено 17 тестовых сессий для 4477 кандидатов в 15 городах: Баяннур, Гуанчжоу, Лоян, Ляоюань, Нанкин, Пекин, Сиань, Урумчи, Харбин, Хух-Хото, Циндао, Чжоушань, Чэнду, Шэньян, Шэньчжэнь. Очные сессии проходят на базе общеобразовательных и частных школ, колледжей и университетов. Таким образом, тестируемыми преимущественно являются молодые люди: учащиеся средней и старшей школы (1091 кандидат в возрасте до 19 лет, 24 % от общего числа тестируемых за весь период сотрудничества с ПМОТЦ), студенты (2633 кандидата в возрасте от 19 до 24 лет, 59 %). Однако нередко ТРКИ сдают и кандидаты старшего возраста, которым сертификат необходим для трудоустройства или подтверждения профессиональной квалификации (753 кандидата старше 25 лет, 17 %).

Наиболее востребованными являются уровни ТРКИ-I/B1 (2070 кандидатов, 46 %) и ТРКИ-II/B2 (1400 кандидатов, 31 %), так как сертификаты этих уровней необходимы для поступления в российские университеты: ТРКИ-I/B1 для программ бакалавриата и ТРКИ-II/B2 для программ магистратуры. Однако в последние годы наблюдается рост интереса к сдаче экзамена на уровни ТБУ/A2 (755 кандидатов, 16 %) и ТЭУ/A1 (181 кандидат, 4 %). На наш взгляд, это может говорить о стремлении уже на начальном этапе отслеживать прогресс в изучении языка, а для кандидатов, планирующих достичь и более высоких уровней, успешная сдача ТЭУ/A1 и ТБУ/A2 может являться как эффективным средством мотивации для дальнейшего обучения, так и возможностью познакомиться со структурой экзамена и опробовать свои силы перед тестированием на более высокие уровни. Наименее популярными являются уровни ТРКИ-III/C1 (55 кандидатов, 2 %) и ТРКИ-IV/C2 (15 кандидатов, 1 %).

Тестовые сессии Центра языкового тестирования Санкт-Петербургский государственный университет в Китае проходят преимущественно очно. Исключением являлся период пандемии COVID-19. С 2020 по 2023 г. экзамены проходили онлайн. Однако крупные китайские партнеры, в число которых входит и Пекинский международный образовательный технологический центр, после пандемии вернулись к очному формату. Несмотря на то, что он менее экономически выгоден, требует тщательной организации логистики и координации работы на площадках, китайские партнеры отдают предпочтение именно ему. На наш взгляд, это может быть связано

с тем, что китайская культура является коллективистской. «Коллективизм как ценность сосредоточен на коллективных целях и максимальном сохранении сплоченности и гармонии в межличностном общении» [Юй 2022: 138]. Выстраивание деловых связей с китайскими партнерами невозможно без формирования доверительных личных отношений [Мехельсон 2021: 3], и этому способствует очное взаимодействие с сотрудниками партнерской организации, знакомство с профессорско-педагогическим составом образовательных учреждений, на базе которых проходит тестирование, и с кандидатами. Для многих тестируемых живое общение с тестором может являться первой встречей с носителем русского языка, а посещение Китая для специалистов в сфере ТРКИ — это возможность познакомиться с особенностями работы китайских учебных учреждений и с учащимися из разных провинций, обсудить образовательный процесс и подготовку к тестированию со студентами и преподавателями. Полученный опыт может быть использован в работе по созданию новых тестовых материалов и учебных пособий для китайских студентов. Так, для подготовки к сдаче ТРКИ методистами Центра языкового тестирования Санкт-Петербургский государственный университет был выпущен учебно-методический комплекс «Мы изучаем русский: для говорящих на китайском языке». Учебник предназначен для начинающих изучать русский язык с нуля и позволяет достичь Элементарного уровня. В ходе обучения студенты выполняют промежуточную и итоговую аттестацию в формате теста на уровень ТЭУ/A1, что позволяет познакомиться со структурой экзамена и оценить уровень владения языком.

Многолетнее сотрудничество с китайскими партнерами и проведение очных тестовых сессий показывает высокую эффективность такой формы взаимодействия, является одним из важных способов изучения образовательной специфики этой страны, культурных особенностей китайских преподавателей и студентов и позволяет использовать это в разработке новых учебных и тестовых материалов, в преподавательской деятельности и выстраивании новых связей с китайскими образовательными учреждениями. Одной из главных перспектив дальнейшего сотрудничества является популяризация и продвижение РКИ и ТРКИ в системе образования Китая, а также разработка новых учебных и методических материалов, предназначенных для этой страны.

Литература

Лапин П. А. Школа русского языка при Дворцовой канцелярии в Цинском Китае (начало XVIII — вторая половина XIX в.) // Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. 2009. № 3. С. 103–126.

Мехельсон С. В. Основные компоненты и практики этикета в китайской деловой культуре // Sciences of Europe. 2021. № 76. С. 3–6.

Юй Минчжу. Особенности понятия «коллективизм» в сознании китайцев и русских (на материале ассоциативных экспериментов и корпусов китайского и русского языков) // Вопросы психолингвистики. 2022. № 1 (51). С. 137–148.

Кузнецова Ксения Петровна[1], Летцбор Кира Викторовна[2]

[1]преподаватель, Университет для иностранцев Сиены, Италия;
ksenia.kuznetsova@unistrasi.it
[2]преподаватель, Университет для иностранцев Сиены, Италия;
letzbor@unistrasi.it

ОПЫТ ПОДГОТОВКИ ВЗРОСЛЫХ ИТАЛОГОВОРЯЩИХ КАНДИДАТОВ К ТЕСТИРОВАНИЮ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Ключевые слова: Тест по русскому языку как иностранному, ТРКИ, русский язык как иностранный, италоговорящие кандидаты.

Вот уже на протяжении восьми лет Университет для иностранцев Сиены, являющийся действующим представительством Санкт-Петербургского государственного университета в Италии, предоставляет возможность прохождения теста по русскому языку как иностранному (ТРКИ). За последние семь лет сотрудничества с Центром языкового тестирования СПбГУ было проведено семь сессий, во время которых было протестировано около 150 кандидатов. Как следует из таблицы, повышенным интересом пользуются уровни ТБУ и ТРКИ-1, в то время как ТЭУ и ТРКИ-2 насчитывают лишь половину количества кандидатов. Участие в ТРКИ-3 и ТРКИ-4 носит единичный характер. Опыт подготовки к ТРКИ итальянских взрослых кандидатов и анализ ошибок и трудностей, с которыми они сталкиваются в зависимости от уровня, позволяют эффективнее планировать аудиторную и внеаудиторную работу и разрабатывать учебно-методические материалы.

Таблица. **Распределение кандидатов по уровням и результаты тестирования по субтестам ТРКИ**

	Письмо	**Говорение**	**Лексика. Грамматика**	**Чтение**	**Аудирование**
ТЭУ — 17 %	83 %	83 %	77 %	88 %	87 %
ТБУ — 29 %	82 %	86 %	75 %	86 %	81 %
ТРКИ-1 — 31 %	75 %	81 %	77 %	85 %	83 %
ТРКИ-2 — 16 %	76 %	78 %	73 %	82 %	79 %

В таблице представлены результаты тестирования наших студентов по первым четырем уровням и отдельным субтестам. Вызывающим наименьшие трудности являются субтесты рецептивной речевой деятельности, такие как «Чтение» и «Аудирование». Самые низкие показатели наблюдаются по субтесту «Лексика. Грамматика». Согласно опросу кандидатов, основную сложность в данном субтесте составляют не столько сами задания, сколько недостаточное количество времени для их выполнения.

С первого года проведения текстирования в нашем Университете предлагались подготовительные курсы уровня ТРКИ-1. Начиная с 2021 года курсы были расширены на уровни ТЭУ-ТБУ и ТРКИ-2, что отразилось на качестве полученных результатов: если до 2020 года средний показатель на первых двух уровнях по субтесту «Лексика. Грамматика» незначительно превышал 70 %, то после 2020 года он достиг 80 %.

При подготовке к ТЭУ и ТБУ особое внимание уделялось навыкам продуктивных видов речевой деятельности, а также распределению времени при выполнении субтеста «Лексика. Грамматика». Стоит отметить, что основные сложности вызывает у итальянских студентов не грамматический, а лексический аспект, поскольку современные итальянские студенты не привыкли заучивать лексические единицы, а запоминание через контекст не активирует у них долговременную память, что также отражается на ошибках в глагольном управлении. Особого внимания требуют глаголы движения: как непереходные, так и переходные. Это связано с ин-

терференцией с итальянским языком, где, например, всем переходным глаголам движения соответствует один итальянский глагол *portare*.

Работая над подготовкой к ТРКИ-1, следует уделять особое внимание субтестам, связанным с продуктивными видами речевой деятельности: «Письмо» и «Говорение», за которые, как следует из таблицы, кандидаты ТРКИ-1 набирают наименьшее количество баллов. Данные трудности обусловлены такими факторами, как двукратное по сравнению с первыми двумя уровнями увеличение лексического минимума, отсутствие навыка живого общения в условиях обучения вне языковой среды, а также появление в ТРКИ-1 принципиально новых заданий, основанных на прочитанном тексте и предполагающих повествование в виде изложения или пересказа и выражение оценочного мнения (Задание 3 субтеста «Говорение» и Задание 2 субтеста «Письмо»). При наблюдении за выполнением данных заданий слушателями подготовительных курсов были выявлены следующие характерные нарушения:

- дословное переписывание больших фрагментов опорного текста;
- нарушение логики и связности при письменном изложении и устном пересказе;
- злоупотребление словарем при чтении опорного текста или статьи, вызывающее недостаток времени для подготовки пересказа/изложения;
- избыточное внимание к деталям опорного текста, не имеющим ключевого значения для понимания его идеи;
- трудности при формулировании и обосновании мнения;
- трудности при определении главной идеи опорного текста.

Эти и другие аналогичные трудности определяются, в частности, недостаточным развитием навыка пересказа и изложения у итальянских учащихся, в том числе на других иностранных и на своем родном языке.

На уровне ТРКИ-2 наблюдается общее снижение среднего балла по всем субтестам, что обусловлено отчасти спецификой итальянских образовательных программ, чаще всего предусматривающих освоение одного уровня владения иностранным языком по шкале CEFR за один академический год (140–180 аудиторных часов). Отметим, что согласно Государственному образовательному стандарту, для достижения II уровня владения требуется не менее 720 учебных часов [Иванова и др. 1999: 4].

Рассматривая отдельные субтесты ТРКИ-2, можно отметить следующие блоки и виды заданий, вызывающие наибольшие трудности у итальянских кандидатов.

1. Субтест «Письмо», Задание 2: текст официально-делового характера. Нарушения речевых норм при выполнении Задания 2 связаны с двумя основными факторами: отсутствие у итальянских студентов жизненного опыта написания писем в данной сфере общения, а также недостаточное знание лексико-грамматических особенностей функциональных стилей речи. Последняя причина определяет и трудности, возникающие при выполнении Части 6 субтеста «Лексика. Грамматика».

2. Субтест «Говорение», Часть 1. Кандидаты испытывают сложность при понимании на слух реплик тестора в первых двух блоках заданий (выражение речевых интенций), а также при участии в беседе на выбранную тему (Часть 3). Все это, а также снижение среднего балла по субтесту «Аудирование», свидетельствует о недостатке навыка понимания спонтанной устной речи и аутентичных аудиоматериалов. В условиях нехватки аудиторных часов неизбежно требуется дополнительная внеаудиторная работа кандидатов для улучшения навыка аудирования.

3. Средний балл по субтесту «Чтение» существенно не отличается от показателей на предыдущих уровнях и превышает средние баллы по другим субтестам. Однако при подготовке стоит обратить внимание на вопросы, касающиеся не понимания фактов, а интерпретации смысла текста, эмоций его героев и авторского мнения.

Таким образом, нарушения речевых норм и трудности при подготовке к ТРКИ варьируются в зависимости от уровня, определяются условиями обучения и особенностями родного языка итальянских кандидатов и требуют целевой подготовки с учетом национальной специфики.

Литература

Иванова Т. А., Попова Т. И., Рогова К. А., Юрков Е. Е. Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному. Второй уровень. Общее владение. М.; СПб.: Златоуст, 1999.

Лазарева О. А. Школа тестора: Лингводидактическое тестирование ТРКИ-TORFL. М.: Рус. яз., 2013.

Левицкая Анна Дмитриевна[1], Стародубцева Ксения Николаевна[2]

[1]ст. преподаватель,
Саратовский государственный медицинский университет им. В. И. Разумовского;
levickie@mail.ru
[2]преподаватель,
Саратовский государственный медицинский университет им. В. И. Разумовского;
starodubcevakseniya93@gmail.com

КОМПЛЕКСНАЯ ОЦЕНКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ИНОСТРАННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ (ЯЗЫКОВОЙ АСПЕКТ)

Ключевые слова: тестирование по русскому языку как иностранному, язык специальности, язык фармации.

Функционирующая в настоящее время система тестирования по русскому языку как иностранному (ТРКИ) ориентирована на оценку уровня общего владения языком, что не позволяет в полной мере диагностировать профессиональную языковую компетенцию, необходимую для успешной деятельности в специализированных областях. Отсутствие стандартизированных тестов, предназначенных для оценки профессионального владения языком в области медицины, можно объяснить недостаточной востребованностью подобного научно-методического продукта. Однако текущая демографическая ситуация, характеризующаяся нехваткой медицинских и фармацевтических кадров, может привести к увеличению притока иностранных специалистов, получивших образование на родных языках. В связи с этим возникает объективная необходимость в создании и внедрении системы контроля, направленной на оценку уровня сформированности профессиональной коммуникативной компетенции иностранных специалистов. Таким образом, разработка и внедрение специализированных тестов, ориентированных на диагностику профессионально-ориентированных языковых навыков у иностранных специалистов медицинского и фармацевтического профиля, представляется актуальной научно-практической задачей.

Комплексная оценка профессиональной коммуникативной компетенции иностранных специалистов фармацевтического профиля включает в себя не только проверку знания грамматики и лексики русского языка, но и оценку способности применять эти знания в реальных профессиональных ситуациях. Специалисты в области фармации занимаются различными видами деятельности, и овладение профессиональной коммуникативной компетенцией предполагает формирование в том числе таких умений, как умение интерпретировать положения законодательных актов и других нормативных правовых актов, регулирующих обращение лекарственных средств; вести документацию по фармацевтической деятельности, предусмотренную правовыми актами [Киселева 2018: 104]. Следовательно, тестирование должно проверять не только умение иностранного фармацевта вести профессиональный диалог с покупателями или коллегами, но и понимать инструкции, правила, стандартные операционные процедуры, рецепты, грамотно оформлять рабочую документацию, писать объяснительные и претензии, а также повышать свою квалификацию и обмениваться профессиональным опытом с коллегами.

Целью данного исследования является разработка структуры и содержания тестовых заданий для комплексной оценки профессиональной коммуникативной компетенции иностранных специалистов фармацевтического профиля с целью повышения качества подготовки специалистов и обеспечения их успешной интеграции в российскую фармацевтическую практику.

При разработке системы оценки профессиональной коммуникативной компетенции был проведен анализ существующих инструментов тестирования в других иностранных языках. В качестве методологической основы был взят тест по английскому языку для работников сферы здравоохранения Occupational English Test (OET). Данный инструмент был адаптирован с учётом реалий российской фармацевтической практики.

Предлагаемый тест состоит из четырех субтестов (аудирование, чтение, письмо, говорение), оценивающих различные аспекты владения языком в профессиональном контексте. **Аудирование** направлено на оценку способности понимать устную речь в различных профессиональных ситуациях. Субтест аудирование включает три задания: *1) Консультация с врачом.* Представлены два аудиофрагмента, длительностью по 5 минут каждый, имитирующие диалоги врача с пациентом. Задание предполагает заполнение пропусков на основе прослушанной информации. Это задание направлено на проверку восприятия ключевой информации в профессиональной коммуникации. *2) Короткие диалоги.* Представлено шесть коротких аудиофрагментов, каждый длительностью приблизительно 1 минута, отражающих различные коммуникативные ситуации в фармацевтической сфере: диалог с покупателем аптеки, с коллегой-провизором, с менеджером фармацевтической компании, с врачом (по выписанному рецепту), с коллегой на фармацевтическом производстве и с оператором колл-центра (телефонный разговор). Для каждого фрагмента предлагается вопрос с вариантами ответа, требующий выбора одного правильного варианта. Данная часть позволяет оценить понимание различных типов профессиональной речи и коммуникативных стратегий. *3) Интервью/презентация.* Представлен один аудиофрагмент (интервью или краткая презентация на фармацевтическую тему), продолжительностью около 10 минут. Предлагается ответить на шесть вопросов по прослушанному отрывку. Это задание проверяет умение понимать и анализировать сложную профессиональную информацию на слух.

Субтест **Чтение** оценивает навыки чтения различных текстов, релевантных профессиональной деятельности фармацевта. Субтест состоит из трёх заданий: *1) Ознакомительное чтение*. Представлены четыре коротких текста на общемедицинскую тематику. Это задание направлено на оценку понимания основной информации в тексте. *2) Рабочие документы.* Представлены выдержки из официально-деловых документов, например, из нормативных актов Росздравнадзора. Задания предполагают проверку понимания специфической лексики и структуры официальных документов. *3) Статья по фармацевтике.* Представлена научно-популярная статья по фармацевтической тематике. Эта часть предназначена для оценки сформированности навыка изучающего чтения.

Субтест **Письмо** оценивает навыки письменной коммуникации в профессиональной среде. Субтест состоит из двух частей: *1) Письмо-рекомендация.* Предлагается написать письмо-рекомендацию, содержащее информацию по приёму лекарственного препарата (режим дозирования, побочные эффекты и др.). *2) Официально-деловое письмо.* Предлагается написать официально-деловое письмо (например, объяснительную записку или претензию) в соответствии с требованиями официально-делового стиля.

Субтест **Говорение** направлен на оценку навыков устной коммуникации в типичных профессиональных ситуациях. Он включает две ролевых игры: *1) Ролевая игра: диалог с покупателем.* Кандидат должен сыграть роль фармацевта в диалоге с покупателем, демонстрируя сформированность навыков информирования и консультирования. *2) Ролевая игра: диалог с врачом.* Кандидат должен сыграть роль фармацевта в диалоге с врачом, демонстрируя сформированность навыка отпуска рецептурных лекарственных препаратов.

Данная структура и содержание теста позволяют комплексно оценить уровень владения русским языком иностранных специалистов фармацевтического профиля, акцентируя внимание на специфике профессиональной коммуникации в данной сфере. Критерии оценивания каждой части теста должны быть разработаны с учетом специфики заданий и требований к профессиональной компетенции.

Источник

Occupational English Test. URL: https://oet.com/ (дата обращения: 15.01.2025).

Литература

Киселева А. А. Информационно-аналитическая компетентность как основа профессиональной деятельности специалиста фармацевтической отрасли // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2018. Т. 20, № 6. С. 102–107.

Ныклова Людмила Викторовна

преподаватель курсов русского языка при Русском доме в Праге, Чехия;
korniuch@mail.ru

СЕРТИФИКАЦИОННЫЕ ЭКЗАМЕНЫ ПО ЧЕШСКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ. УРОВЕНЬ B2

Ключевые слова: сертификационное тестирование, чешский язык как иностранный, второй уровень.

В статье представлена система сертификационного тестирования по чешскому языку как иностранному на уровень B2. Описание структуры теста может быть использовано специалистами в сфере тестирования по русскому языку как иностранному (ТРКИ) при работе над заданиями ТРКИ-II/B2.

Сертификационный экзамен по чешскому языку для иностранцев (CCE) является стандартизированным экзаменом по чешскому языку как иностранному. Экзамен сертифицирован ALTE с 2010 года. Автором экзамена является Центр тестирования Института языковой и профессиональной подготовки Карлова университета (Прага, Чехия).

Экзамен CCE для взрослых предназначен для иностранцев старше 16 лет. Экзамен можно сдать на пяти уровнях в соответствии с Общеевропейскими компетенциями CEFR (уровни A1, A2, B1, B2, C1); он состоит из субтестов «Чтение», «Аудирование», «Письмо», «Говорение» и «Лексика и грамматика» (только для уровней B2 и C1). Для успешной сдачи экзамена необходимо в каждом субтесте набрать как минимум 60 %.

Существует также сертификационный экзамен по чешскому языку для молодежи (уровни A1 и A2), который предназначен для учащихся до 11 лет и от 11 до 15 лет. Он состоит из субтестов «Чтение», «Аудирование», «Письмо» и «Говорение».

Экзамен CCE-A2 и выше необходим для получения постоянного вида на жительство в Чешской Республике.

Экзамен CCE-B1 и выше необходим для получения гражданства ЧР.

Экзамен CCE-B1, CCE-B2 или CCE-C1 необходим для поступления в вузы Чехии (уровень зависит от вуза и факультета).

Экзамен CCE-B2 и CCE-C1 требуется для подтверждения знаний чешского языка при ходатайстве о принятии на госслужбу в ЧР, а также необходим для педагогических работников (уровень C1 в детских садах, в 1 и 2 классах начальной школы и для преподавателей общеобразовательных предметов в средних школах; для прочих педагогических работников требуется уровень B2).

В качестве примера рассмотрим тест уровня B2, так как, в отличие от более низких уровней, в него входит также субтест «Лексика и грамматика».

Время выполнения субтеста «Чтение» 60 минут. Субтест состоит из четырех частей и 20 заданий (по 5 заданий к каждой части). В субтесте используются задания на сопоставление, на множественный выбор, на определение истинности или ложности суждений. В первой части кандидатам предлагается один текст объемом 400–450 слов, во второй части один текст объемом 450–500 слов, в третьей части пять текстов общим объемом 350–385 слов, в четвертой части один текст общим объемом 350–385 слов.

Время выполнения субтеста «Аудирование» 40–45 минут. Субтест состоит из четырех частей и 20 заданий (по 5 заданий к каждой части), аудиозапись каждого задания повторяется дважды. Кандидату предлагается прослушать диалоги и монологи разного объема, а также интервью. Здесь, как и в субтесте «Чтение», используются задания на сопоставление, на множественный выбор, на определение истинности или ложности суждений.

Время выполнения субтеста «Лексика и грамматика» 30 минут. Субтест состоит из пяти частей и 20 заданий. Задания субтеста позволяют проверить знание словообразования, морфологии, лексики, фразеологии и синтаксиса. Задания пятой части проверяют знание функций языка и прагматических значений языковых средств. В субтесте используются задания на со-

поставление, на множественный выбор, а также задания открытого типа (необходимо вписать определенное слово в правильной форме).

Время выполнения субтеста «Письмо» 80 минут. Субтест состоит из двух частей. В первой части кандидат должен написать официальное письмо (например, заявление, рекламацию, жалобу, мотивационное письмо и т. д.) объемом около 100 слов; во второй части статью, размышление или рецензию (на выбор из двух заданий) объемом около 150 слов.

Время выполнения субтеста «Говорение» 18–21 минута. Субтест состоит из трех частей. В первой части кандидата рассказывает о себе, а затем отвечает на вопросы тестора. Вторая часть представляет собой монолог кандидата на заданную ему общую или актуальную тему (задание выполняется с подготовкой, на которую дается три минуты) и ответы кандидата на дополнительные вопросы экзаменатора. В третьей части два кандидата разыгрывают диалог, целью которого является совместное решение поставленной задачи.

В докладе приведены примеры отдельных тестовых заданий (прежде всего заданий, которые представляют наибольшее отличие от российского теста второго сертификационного уровня) и затронут вопрос критериев оценки выполнения заданий.

Источник

Certifikovaná zkouška z češtiny pro cizince (CCE) // Ústav jazykové a odborné přípravy. URL: https://ujop.cuni.cz/UJOP-371.html?ujopcmsid=4:certifikovana-zkouska-z-cestiny-pro-cizince-cce (дата обращения: 08.12.2024).

Литература

Kotková R., Nováková J., Płonczyńska (Nováková) J., Vodičková K. Připravujeme se k certifikované zkoušce z češtiny. Úroveň B2. Praha, 2016.

Пономарева Мария Андреевна

специалист-тестор Центра языкового тестирования,
Санкт-Петербургский государственный университет;
timofeevamasha94@mail.ru

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЙ ТРАНСФЕР В РУССКОЙ РЕЧИ НОСИТЕЛЕЙ ЧЕШСКОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: РКИ, отрицательный трансфер, чешский язык, ТРКИ.

Обучение русскому языку как иностранному носителей родственных славянских языков представляет особый интерес. С одной стороны, общность грамматической структуры и общеславянские лексические единицы позволяют успешнее осваивать русский язык. Но с другой стороны, в русской речи иностранцев при переключении кода могут возникать затруднения, связанные с интерференцией.

Для обозначения языковых элементов, вызывающих переключение кода, предлагается использовать термин А. В. Бабанова «трансидиоматизм».

На фонетическом уровне в русской речи носителей чешского языка отмечаются следующие трансидиоматизмы: произношение безударного [о], произношение дифтонгов: *с[оу]сед,* произношение звука [е] на месте [о], неразличение твердого [л] и мягкого [л’], наиболее заметное в тех случаях, когда [л’] выступает перед гласным непереднего ряда или перед согласным, протетические [j] и [г]: *объяснить [йим] ситуацию.*

В аспекте графики следует отметить смешение графем вследствие различий между алфавитными системами — кириллицей и латиницей. Также следует отметить транслитерацию отдельных схожих формантов вместо использования букв русского алфавита. Кроме того, фиксируется полная транслитерация чешских слов буквами русского алфавита. Неразличение мягкого [л’] и твердого [л] отображается и в письменном тексте. В письменных работах носителей чешского языка также отмечаются нарушения орфографических норм русского языка, связанные с трансфером, например, слитное написание отрицательной частицы «не» с глаголом, а также написание слов по фонетическому принципу.

Далее обратимся к морфемному уровню. Наиболее типичным здесь является трансфер суффиксов и окончаний. Следует отметить высокую трансидиоматичность суффикса *–ova-/-va-*, окончания –em для существительных единственного числа в творительном падеже; окончание –i для одушевленных существительных мужского рода в форме именительного падежа множественного числа. Среди префиксальных трансидиоматизмов следует отметить приставки z-, za-, po-.

На лексическом уровне в русской речи носителей чешского языка следует отметить как межъязыковой трансфер, так и внутренний.

Среди трансидиоматизмов фиксируется употребление лексем с общеславянским корнем абсолютно идентичных по фонетическому облику, но отличающихся по значению: *Я живу сама* в значении *Я живу одна.* Кроме того, трансидиоматизмы могут иметь сходный фонетический облик, но противопоставляться по значению. Например: *Дайте мне черствое молоко.* Также фиксируются трансидиоматизмы, которые обладают сходным фонетическим обликом и денотатом, но в русском языке такие лексемы могут иметь стилистическую окраску, например: *Может быть, один муж, который пришел в ресторан в кепке…*

В устных и письменных ответах носителей чешского языка фиксируются случаи, когда трасидиоматизмы имеют единый праславянский корень, но несколько отличаются фонетическим обликом, при этом денотат этих слов полностью совпадает. Например: *Весной часто хорошая погода, слунце, я очень люблю весну.*

Кроме того, в русской речи носителей чешского языка используются схожие по фонетическому значению слова с разным денотатом, но при этом они могут иметь общие семы. Например: *Сегодня я хочу идти в театр на новую игру.*

Ещё один вид лексических трансидиоматизмов — единицы, не имеющие праславянского корня и не являющиеся распространенным заимствованием. Например: *Это фильм о скутечной жизни* (чеш. *skutečný — реальный, настоящий)*.

Часто трансидиоматизмы представляют собой заимствования из других языков, при этом заимствованный корень может быть знаком и русскому языку. Например: *На культурные акце обычно хожу сама* (чеш. *akce — мероприятие*).

Как отмечено выше, помимо межъязыкового трансфера зафиксированы и случаи внутреннего переноса: *Интернет занимает большую роль в моей жизни* (играть роль).

Относительно грамматических трансидиоматизмом следует отметить смешение рода существительных, использование финитных форм глагола первого лица. Одной из глагольных категорий, при употреблении которой чаще всего возникает сбой у носителей чешского языка, является возвратность.

Следует отметить, что особенно трансидиоматичны чешские предложно-падежные конструкции с предлогами: do, pro, nedaleko/blizko, na. Однако трансферу подвергаются и конструкции без предлога.

Отдельно следует обозначить отрицательный трансфер при выражении временных отношений. Некоторые трансидиоматизмы хоть и являются отрицательными, но в целом могут быть обозначены как коммуникативно незначимые: *Прошлый год я влюбилась в моего друга.* Другие трансидиоматизмы приводят к коммуникативному сбою и могут быть обозначены как коммуникативно значимые: *Перед месяцем она поступила в магистратуру.*

Другие примеры отрицательного трансфера связаны с калькированием: носители чешского языка строят русские фразы по образцу конструкций родного языка. Например: *Я его возму домой* (об отце, которого встречает в аэропорту) — чеш. *Vezmu ho domů*.

Таким образом, обозначены типичные примеры фонетического, морфемного, лексического и грамматического отрицательного трансфера в русской речи носителей чешского языка.

Представляется возможным использовать этот материал при разработке новых национально ориентированных учебных материалов по русскому языку как иностранному.

Савельева Ирина Михайловна[1], Гельфрейх Полина Георгиевна[2]

[1]канд. экон. наук, преподаватель, Центр образования взрослых C. P. I. A. Piacenza, Италия;
89047221313@rambler.ru
[2]преподаватель, Пармский университет, Италия;
pgelfreikh@inbox.ru

СИСТЕМА ПОДГОТОВКИ К СУБТЕСТАМ «ПИСЬМО» И «ГОВОРЕНИЕ» А1: ИТАЛЬЯНСКИЙ ОПЫТ

Ключевые слова: ТРКИ, тест по русскому языку, РКИ.

Сдача экзамена для подтверждения уровня владения иностранным языком часто является логическим завершением учебного курса. Факторы мотивации к прохождению тестирования индивидуальны, однако условно их можно разделить на внутренние и внешние. К внутренним факторам можно отнести независимую оценку владения русским языком по всем видам речевой деятельности и грамматике, маркер эффективности занятий языком, ориентир текущего уровня владения языком, что не только помогает определить успешность занятий языком и скорректировать образовательный маршрут, но и мотивирует к дальнейшему изучению. Внешние факторы для получения сертификата ТРКИ в Италии включают участие в конкурсах на государственные должности в ЕС, подтверждение знания русского языка для участия в программах «Эразмус», а также возможность учета сертификата в системе образовательных кредитов для учащихся лицеев или экзаменационной оценки в ряде университетов Италии.

Традиционно продуктивные виды речевой деятельности являются наиболее сложными для изучающих иностранный язык, особенно вне языковой среды. Вместе с тем существует незакрытая потребность в качественных современных учебных пособиях, направленных на развитие навыков такого сложного вида речевой деятельности, как письмо. Стало очевидна необходимость разработки практикоориентированных пособий для подготовки к субтестам «Говорение» и «Письмо» ТРКИ. Так, с 2021 году коллективом преподавателей-русистов Италии под руководством П. Г. Гельфрейх в сотрудничестве с Центром языкового тестирования СПбГУ начал работу над пособиями, и в 2023 году они были опубликованы издательством «Златоуст».

Учебное пособие «Я сдам ТРКИ А1. Письмо» адресовано, прежде всего, кандидатам, желающим подготовиться к сдаче ТРКИ Элементарного уровня (ТЭУ/А1), но также подходит для использования в курсе практического русского языка для развития навыков письма, в частности ведения личной корреспонденции. В качестве модели заданий используется демонстрационный вариант ТЭУ/А1, разработанный Центром языкового тестирования СПбГУ, который, в свою очередь, создавался с учетом типового теста ТРКИ.

Пособие состоит из трёх разделов. Первый раздел предназначен в первую очередь для преподавателей и содержит информацию, необходимую для подготовки к тестированию. В этой части даются рекомендации по подготовке к тестированию для преподавателей и для кандидатов, описываются цели прохождения экзамена по русскому языку на данный уровень, приводятся требования к различным уровням ТРКИ, представлены структура заданий и требования к их выполнению, а также даются примеры выражений, которые кандидаты могут использовать в устных и письменных ответах. Важно отметить, что большое внимание уделяется возможности самостоятельной работы учащихся с пособием, что на начальном этапе обучения играет важную роль в условиях ограниченного количества аудиторных часов. Так, в пособии приводится наглядный алгоритм написания письма на экзамене, а также даётся чек-лист для самопроверки перед экзаменом. Подобная структура способствует формированию тестологической компетенции у преподавателей русского языка, которые еще недостаточно хорошо знакомы с системой ТРКИ.

Второй раздел представляет собой тематический сборник заданий по письму в формате ТРКИ и содержит двенадцать стандартных для уровня А1 тем. Каждая тема включает демовер-

сию личного письма, а также комплекс упражнений направленных на предупреждение частотных ошибок, таких как пропуск информации, неумение задавать вопросы и т. д.

В третьем разделе представлены задания для повторения изученного материала и контроля.

Учебное пособие «Пишу и говорю» направлено на развитие навыков письма и говорения. Отличительной особенностью данного пособия является то, что оно структурировано на основе лексических тем, предусмотренных для уровня А1. Каждая тема содержит образцы устной и письменной речи, краткую грамматическую справку и позволяет подготовиться к субтестам «Письмо» и «Говорение». Часть материала, предлагаемого для изучения, выходит за рамки требований ТРКИ к уровню А1, что способствует продуктивной работе в группах с различным уровнем подготовки учащихся. На уровне А1/А2 обучающиеся могут повторить и систематизировать изученный материал, активизировать словарный запас, ввести в речь лексику и конструкции в рамках предложенных тем.

Пособие может быть использовано для курсового обучения русскому языку в качестве основного пособия, либо как дополнение к учебнику уровня А1/А1+ в общеобразовательных и высших учебных заведениях. Апробация показала, что использование специализированных учебных пособий (таких как «Пишу и говорю» и «Я сдам ТРКИ А1. Письмо»), ориентированных на аутентичные материалы, речевые модели и практику, способствует повышению результатов и мотивации в ходе подготовки к экзамену. Системный подход помогает студентам не только успешно выполнять субтесты «Письмо» и «Говорение», но и в целом улучшает навыки устной и письменной речи.

Литература

Андрюшина Н. П, Козлова Т. В. Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Элементарный уровень. Общее владение. 2-е изд., испр. и доп. М.; СПб.: Златоуст, 2020.

Государственный стандарт по русскому языку как иностранному. Элементарный уровень / Т. Е. Владимирова и др. 2-е изд., испр. и доп. М.; СПб.: Златоуст, 2001.

Типовые тесты по русскому языку как иностранному. Элементарный уровень. Общее владение / В. Е. Антонова и др. М.; СПб.: Центр междунар. образ.; Златоуст, 2006.

Сальман Елена Александровна

канд. филол. наук, ст. научный сотрудник,
Российский государственный гуманитарный университет им. А. И. Герцена;
elenasalman@yandex.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ КОМПЕТЕНЦИЙ И ФОРМИРОВАНИЕ МОТИВАЦИИ В ПРОЦЕССЕ ПОДГОТОВКИ К ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОМУ ТЕСТИРОВАНИЮ

В основу статьи положен опыт проведения лингводидактического тестирования детей-билингвов и детей, изучающих русский язык как иностранный, в Межвузовском центре билингвального и поликультурного образования РГПУ им. А. И. Герцена. Лингводидактическая диагностика детей-билингвов и детей, изучающих русский язык как иностранный, обладает всем необходимыми свойствами тестов для оценки знания иностранного языка, такими как объективность, надежность, валидность, компактность. Основные особенности данной диагностики связаны с учетом возраста тестируемых, особенностями выделения уровней владения русским языком у детей и подростков, межпредметностью как основой содержания диагностических материалов.

При этом функции лингводидактической диагностики детей-билингвов и детей, изучающих русский язык как иностранный, имеют выраженные отличия по сравнению с тестированием взрослых (например, ТРКИ). Среди таких отличий можно назвать, в частности, следующие. Во-первых, контролирующая функция не является основной. В процессе такого рода диагностики фокус смещается на обучающую и мотивирующую функции, оценивается качество и результаты обучения. Лингводидактическая диагностика определяет уровень не столько для строгой сертификации, сколько с целью оценить прогресс учащегося, выявить сбалансированность компетенций, которые необходимы для участия в разных видах речевой деятельности, определить степень сформированности коммуникативной компетенции, расставить приоритеты и наметить направления освоения языка, выработать дальнейшую стратегию его изучения. С этой целью по результатам проведенного тестирования специалисты оценивают ошибки тестируемых и формируют рекомендации, которые могут способствовать развитию необходимых компетенций, а также мотивировать учащихся к дальнейшему освоению языка.

Целью работы является рассмотрение возможных форм подготовки к лингводидактическому тестированию на базе данных рекомендаций. Выбор форм и вариантов заданий тесно связан, с одной стороны, с критериями оценивания теста и его субмодулей, пониманием коммуникативных задач, стоящих перед тестируемым, с другой — с развитием коммуникативной, лингвокультурной, дискурсивной компетенций, а также формированием мотивации к обучению языку. Будут описаны критерии оценки субмодулей, проанализированы стратегии решения коммуникативных задач тестируемыми, ошибки в их решении. С учетом этих данных будут предложены варианты работы по подготовке к лингводидактической диагностике.

Хруненкова Анна Валентиновна

канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет;
a.v.khrunenkova@spbu.ru

ТРУДНОСТИ РАБОТЫ С ФРАЗЕОЛОГИЗМАМИ ПРИ ПОДГОТОВКЕ К СДАЧЕ ТРКИ (УРОВЕНЬ B2–C1)

Ключевые слова: фразеологизм, тестирование, словник, Лексический минимум, учебные пособия.

Данный доклад призван обратить внимание на трудности, возникающие у преподавателей при подготовке иностранных обучающихся к выполнению заданий по лексической семантике в рамках сертификационного тестирования по русскому языку как иностранному (уровни B2–C1), в которых контролируется понимание смысла фразеологических единиц. В заданиях подобного типа инофонам предлагается установить смысловые соответствия между выделенными устойчивыми сочетаниями и вариантами ответа. Например, Антон работал *спустя рукава*: А) усердно; Б) как обычно; В) кое-как; Г) охотно.

Включение фразеологизмов в тесты по русскому языку как иностранному Второго и Третьего сертификационных уровней обусловлено тем, что правильное понимание русской речи как в устной, так и в письменной форме, коммуникация на русском языке невозможна без усвоения достаточного количества фразеологических единиц, которые входят в ядро русского языка. К тому же введение фразеологических единиц в обучение повышает мотивацию и интерес к изучению иностранного языка и общению на нём с носителями русского языка, поскольку фразеологизмы обладают способностью отражать русский национальный менталитет и страноведческой ценностью [Костомаров и др. 1982] и могут выступать в качестве средств, дифференцирующих функциональные стили речи.

С целью определения списка фразеологических единиц, знание которых необходимо для успешного выполнения тестовых заданий, нами были проанализированы Лексико-фразеологические минимумы Второго и Третьего сертификационных уровней владения русским языком, разработанные в рамках системы тестирования по русскому языку.

Обратимся к списку устойчивых сочетаний в рассматриваемых Лексических минимумах. Фразеологический минимум, представленный во Втором сертификационном уровне [Лексический минимум 2015], насчитывает 300 единиц. В состав фразеологизмов и устойчивых сочетаний Третьего сертификационного уровня [Лексический минимум 2019] авторы включили 600 единиц, при этом в приложение «Фразеологизмы, устойчивые словосочетания» были включены не только собственно фразеологизмы, но и была выделена отдельно группа «Пословицы и поговорки», насчитывающая 67 паремий. Данное деление отсутствует в Лексическом минимуме Второго сертификационного уровня. По словам составителей Лексического минимума, с мнением которых невозможно не согласиться, фразеологизмы и устойчивые сочетания «являются неотъемлемым компонентом вторичной языковой личности. Овладение данной подсистемой русского языка позволит иностранцам лучше понимать живую речь носителей языка, осваивать особенности функционирования слов в речи» [Лексический минимум 2019: 6].

Бесспорно, наличие фразеологического словника облегчает задачу преподавателю русского языка как иностранного, поскольку данный словник может служить ориентиром при отборе фразеологизмов для занятий в иностранной аудитории. При этом возникает вопрос, связанный с алгоритмом отбора данных единиц, поскольку в Предисловии к лексическому минимуму Второго и Третьего сертификационных уровней общего владения русским языком как иностранным отсутствует упоминание о фразеологических словарях и словарях пословиц и поговорок русского языка, из которых производился отбор включенных единиц. Таким образом, остается не ясным, на какие критерии при составлении словника ориентировались авторы: 1) на существующие словари фразеологизмов, пословиц и поговорок современного русского языка; 2) на учебные пособия по говорению, чтению и по фразеологии для иностранцев или 3) на личный опыт авторов лексических минимумов. Безусловно, включенные устойчивые сочетания явля-

ются употребительными, узнаваемыми и достаточно частотными как в разговорной речи носителей русского языка, так и в текстах публицистического и художественного стилей речи.

Кроме того, трудность при подготовке к выполнению заданий «на понимание смысла фразеологических единиц» состоит в том, что в существующих современных учебных пособиях для иностранных обучающихся (уровень B2–C1), которые нами были проанализированы, не уделяется должного внимания работе с устойчивыми сочетаниями. Следует отметить, что многие фразеологизмы, включенные в учебные пособия, отсутствуют в Лексическом минимуме.

На наш взгляд, решение данной проблемы видится в необходимости: 1) определения более точного словника фразеологических единиц, созданного на основании Программы по русскому языку как иностранному [Глазунова и др. 2017]; анализе фразеологических словарей, адресованных школьникам или иностранным обучающимся; опросе носителей русского языка; частотности употребления конкретных устойчивых сочетаний на сайте «Национального корпуса русского языка» и в интернет-источниках; 2) создания учебных пособий по фразеологии, в состав которых войдут устойчивые сочетания из Лексического минимума.

Литература

Глазунова О. И., Колесова Д. В., Попова Т. И. Программа по русскому языку как иностранному. Уровни A1–C2. Основной курс. Фонетика. Лексика. Грамматика. Аудирование. Чтение. Говорение. Письмо. М.: Русский язык. Курсы, 2017.

Костомаров В. Г., Верещагин Е. М. Отбор и семантизация фразеологизмов в учебном лингвострановедческом словаре // Словари и лингвострановедение. М.: Русский язык, 1982. С. 98–108.

Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Второй сертификационный уровень. Общее владение / под. ред. Н. П. Андрюшиной. 5-е изд. СПб.: Златоуст, 2015.

Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Третий сертификационный уровень. Общее владение / под. ред. Н. П. Андрюшиной. 2-е изд. СПб.: Златоуст, 2019.

Ilicheva Irina Yurievna[1], Dubinina Nadezhda[2]

[1]senior methodologist at the Language Testing Centre, St. Petersburg State University; i.ilicheva@spbu.ru

[2]Russian language specialist at the Language Testing Centre, St. Petersburg State University; n.dubinina@spbu.ru

RUSSIAN LANGUAGE TESTING FOR SCHOOL STUDENTS WITH MIGRATION BACKGROUND DEVELOPED BY SAINT PETERSBURG UNIVERSITY

Keywords: Russian language testing, general education school, migration background, integration, Russian as a foreign language.

At present the number of students with migration background is rapidly increasing in schools of Russia. First of all, schools are not prepared for teaching Russian as a foreign language (RFL), and their Russian skills are evaluated from the perspective of viewing migrants as native speakers. Therefore, even those who can communicate in Russian and have basic command of Russian are mostly considered as not speaking Russian at all. As a result, the students are placed in classes inappropriate to their age, or are offered the wrong learning path at the elective Russian course.

The tests for migrant school students are developed according to the current principles of language testing and curricula: Test of Russian as a Foreign Language (TORFL / TRKI), a CEFR based language exam [Andryushina et al. 2014], and General Russian Test for Schools (developed in Saint Petersburg University) [Dubinina et al. 2018] «Одинаково разные» ("Equally Different") non-profit organisation.

Language Testing Centre of SPbU developed tests for children and adolescents intended for classroom use by teachers of the supplementary Russian learning groups. In this way the tests for different stages of instruction were developed: placement, midterm and final tests. Placement test is designed for two age groups: 8–12 and 13–17 years. Testing papers include guidelines for teachers primarily for those not trained for teaching and assessment in Russian as a foreign language. The guidelines contain instructions which are necessary to carry out the assessment.

The midterm and final tests are divided into two levels: A1 and A2 for both age groups, and students take them according to their success during their course, which is determined by a teacher. We suggest these levels to be optimal for migrant students' schooling because we consider that they correspond to the programs of the electives, cover basic classroom needs and are attainable by both age groups [Hasselgeen, Caudwell 2016]. At the same time some older students can be offered to take B1 for schools (the test carried out by the LTC of SPbU) if they succeed within the Russian course. The placement test proves oral and literacy skills irrespective of the levels — its aim is to confirm if a student has basics of Russian. CEFR based assessment is implemented at schools of Russia for teaching foreign languages, and therefore is suggested for assessment of migrant children's Russian skills.

The placement test consists of two parts: oral and written. The oral one includes three picture based tasks that are interaction between a test taker and a teacher: a short dialogue with a teacher on simple and familiar everyday topics; a picture based vocabulary test, where a student has to show on a story picture the words on teacher's request; a short monologue according to a question plan and based on a story picture. Written part consists of two sections: "Reading" and "Writing". In the "Writing" students are offered 3 tasks: checking vocabulary and spelling, where the students write the names of the objects presented on the pictures; answering the questions based on a story picture; a short text based on a question plan on a personal topic (e. g. test takers tell about themselves). "Reading" part includes texts of different length, from one line to a three paragraphs story: 3 questions with 2 answer options (where one is correct); a short text (45–50 words) and a story (about 150–160 words). For each text, there are multiple choice tasks aimed to check understanding of the texts' information nor the text.

The midterm tests for both 1–5 and 6–9 forms students at A1 and A2 levels include three parts: "Grammar", "Reading" and "Writing". The purpose of the "Grammar" part is to check knowledge of grammar constructions according to these levels in correspondence with TORFL. "Reading" part includes short text pieces and a story, e. g. about school students' everyday life. After the texts, there are

multiple choice tasks that check ability to understand general and detailed information. Writing part for these students includes tasks based on words given in proper grammar forms. The test takers have to make up sentences, and then the full text. In these tasks syntax, system of Russian cases, lexis, orthography, graphics are assessed. The tasks have similar structure, but vary by complexity according to the levels and the age of test takers. The midterm test is focused on literacy skills, and for oral skills there is a check-list for each student which teachers complete based on the experience of communicating with the students during the course. The check-list includes points for grammar, vocabulary, pronunciation etc. The unmarked points will have to be worked out within the following course.

The final test for 1–5 and 6–9 forms students at A1 and A2 levels consists of four parts: "Grammar and Vocabulary", "Reading", "Listening", "Writing". "Grammar and Vocabulary" part includes multiple choice tasks aimed to assess knowledge of constructions and lexical items according to the levels. Reading part includes articles on actual topics familiar to school students and multiple choice tasks focused on understanding texts' information. In "Listening" test takers are offered announcements actual for everyday live, dialogues and a monologue. The tasks are multiple choice, and their purpose is to evaluate understanding of general and detailed information of the texts. In "Writing" part the students of 1–5 forms should arrange the words given in proper grammar forms in a text, and fill in the gaps in an informal letter. The 6–9 forms students should write an answer for a short message (at A1 level) or for an informal letter (A2 level).

Placement tests are successfully implemented in 19 schools, and 506 students passed them during the 2022/2023 academic year. The midterm and final tests were introduced to teachers and are also becoming part of the Russian language training for migrant school children.

References

Andryushina N. P., Bitextina G. A., Vladimirova T. E. Sample tests of Russian as a foreign language. The second certification level. General proficiency. St. Petersburg; Moscow: Zlatoust Publ., 2014. (In Russian)

Council of Europe. Collated representative samples of descriptors of language competences developed for young learners. 2018. Vol. 2. Ages 11–15. URL: https://rm.coe.int/collated-representative-samples-descriptors-young-learners-volume-2-ag/16808b1689 (acceessed: 31.01.2025).

Dubinina N. A., Ilicheva I. Yu., Ptiushkin D. V. Russian language testing for young learners by Language Testing Centre of Saint Petersburg // Russkii test: teoriia i praktika. 2018. Vol. 6. P. 52–59. (In Russian)

Hasselgreen A., Caudwell G. Assessing the Language of Young Learners. Sheffield; Bristol: Equinox Publishing, 2016.

СЛАВИСТИКА

Амелина Анна Вячеславовна
научный сотрудник, Институт славяноведения РАН

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ЧЕШСКОЙ ПЕРИОДИКЕ 1920-х гг. (ЖУРНАЛ «ТВОРБА»)

Ключевые слова: литература стран мира, Л. Н. Толстой, М. Горький, публицистика.

Журнал «Творба»* (*Tvorba* — т. е. «творчество», 1925–1991, сначала выходил с подзаголовком «Журнал по литературе и критике», с 1929 г. — как культурно-политический еженедельник) являлся одним из самых известных и влиятельных чешских литературных журналов XX в., однако наибольший вес он приобрел только во второй половине столетия, став культурным рупором власти. Основал «Творбу» в 1925 г. ведущий чешский литературный критик своего времени — Ф. Кс. Шальда как умеренное левоориентированное издание. Первых два годовых выпуска редактировали сам Шальда и его соратники — О. Фишер, Ф. Гётц, К. Тейге, Б. Матезиус, Ю. Фучик, с третьего года руководство журналом было передано последнему, и издание стало ориентироваться на более широкую аудиторию.

Эволюция «Творбы» является показательным случаем, демонстрирующим идейную радикализацию и поляризацию общественных движений чешского общества в 1920-е гг. Под руководством Фучика наблюдается значительное усиление приоритета политической тематики над культурной в целом. Если в первые два года существования журнала статьи, касающиеся СССР и революции, носили скорее социально-философский характер (например, «Либерализм и социализм» Б. Гулы, «Москва или Лондон» Ф. О. Навратила), то потом эти материалы приобрели агитационную природу — разные области жизни страны Советов непременно ставились в пример для подражания, а в сфере культуры (вероятно, в расчете на расширение читательской аудитории) предпочтение отдавалось кинематографу (материалов по литературе стало значительно меньше).

В публикациях о русской литературе из классиков больше всего внимания уделялось Л. Н. Толстому (что в целом характерно для изданий левой ориентации) — в связи с постановками в чешских театрах и советской экранизации «Живого трупа». Единственная полноценная критическая статья (И. Вайля) была посвящена А. С. Грибоедову (23.02.1929). Оценивая революционность грибоедовской драмы, публицист, тем не менее, характеризует его как «типичного буржуазного революционера». О Достоевском Вайль тоже высказался — в единственной вышедшей в журнале в 1920-е гг. обобщающей статье по русской литературе «Путь новой русской прозы» (декабрь 1927 г.), критик отметил влияние писателя прежде всего на французскую литературу, в то время как в России это воздействие почти отсутствует (кроме Б. А. Пильняка), Вайль назвал Достоевского автором скорее западноевропейским, чем русским (в отличие от Н. С. Лескова, Н. В. Гоголя и Л. Н. Толстого).

* Справочную информацию о журнале см.: [Špirit, Taxová 2008]. О восприятии русской литературы в журнале «Творба» в 1930-е гг. см.: [Jíša 1965; Richterek 1989] (работа О. Рихтерека посвящена всему межвоенному периоду, однако 1920-е гг. там рассмотрены эпизодично и с ошибками, а упор сделан на 1930-е гг.).

Руководитель секции: О. В. Гусева.

В этой же статье Вайль попытался проследить основные тенденции советской прозы, которая возобладала над поэзией, — новый тип натурализма (проявляющийся в отходе от психологизма), к которому пришли А. М. Ремизов, А. Белый, отсутствие фабулы и перенос центра тяжести с нее на стиль (Л. М. Леонов); лучшими писателями Вайль называет И. Э. Бабеля, Б. А. Пильняка. Кроме того, ряд статей был посвящен украинской современной литературе и другим национальным литературным явлениям СССР.

Советские авторы были представлены в журнале в целом гораздо шире, чем классики. Первые два года здесь печаталась поэзия (С. А. Есенина, Б. В. Клюева), затем проза (с продолжением выходили произведения Вс.В. Иванова, М. М. Пришвина, К. А. Федина, М. С. Шагинян и др.). Критики в первых двух годовых выпусках также обращались преимущественно к поэтам (А. А. Блок, С. А. Есенин). По поводу выхода тома поэзии Есенина на чешском языке («О России и революции» / *O Rusku a revoluci*, 1926) на страницах журнала (февраль 1927 г.) развернулась полемика — Шальда упрекал переводчиков в нерепрезантативности сборника, на что составитель книги Б. Матезиус обосновал отбор произведений стремлением показать отношение поэта к революции. Эта полемика, на наш взгляд, демонстрирует принципиальное отличие подхода Шальды от более радикальных левоориентированных авторов — его приоритетом выступала прежде всего художественная сторона литературного творчества, а не его идейное наполнение.

В последующие годы в журнале писали уже о прозаиках. Ряд заметок был посвящен М. Горькому — его пребыванию в Италии и работе в СССР. Рецензий на советские книги, переведенные на чешский, в журнале печаталось немного (по сравнению с другими левыми изданиями), положительные отклики вышли на произведения Г. Д. Венуса («Война и люди»), К. А. Федина («Братья», сборники рассказов), В. Г. Лидина («Морской сквозняк»), Ф. В. Гладкова (опубликована целая подборка отзывов из европейских изданий на роман «Цемент»).

Творчество писателей-эмигрантов в журнале не затрагивалось. Единственным противоречивым исключением стал И. Г. Эренбург. В марте 1927 г. о нем вышла разгромная статья Матезиуса «Илья Эренбург в Праге», где он назвал писателя продажным, двуличным «культурным метеорологом», а его творчество — бульварным (такой взгляд на Эренбурга был характерным для левых изданий 1920-х гг.). Отрицательной была и рецензия (13.04.1929) на перевод его романа «Бурная жизнь Лазика Ройтшванеца», воспринятого как скучная и неоригинальная копия истории Швейка. В то же время в эти годы в журнале публиковалась публицистика Эренбурга. Негативным было также отношение к русской эмигрантке, филологу Н. Ф. Мельниковой-Папоушковой — в «Творбе» вышли отрицательные рецензии на ее книги «А. А. Блок» (*A. A. Blok*, 1925), «Советские частушки» (*Sovětské častušky*, 1929).

Определенный интерес представляет также обширный материал (выходил в феврале-марте 1929 г.) «Три года Синей блузы в ЧСР» — о любительском пролетарском театре, созданном по советскому образцу, о преследованиях его со стороны властей и постановках по произведениям С. А. Есенина и В. В. Маяковского.

Литература

Jíša J. „Tvorba“ a sovetská literární kritika (1929–1934) // Československo-sovětské literární vztahy v období meziválečném. Praha, 1965. S. 35–76.

Média v období první republiky // Dotkni se 20. století! Národní muzeum. URL: http://dvacatestoleti.eu/data/files/MH_ML_4_1R.pdf (дата обращения: 02.03.2024).

Richterek O. Časopis Tvorba v kontextu československo-sovětských literárních vztahů 20.–30. let // Materiály k československo-sovětským literárním vztahům. Sv.1. Olomouc, 1989. S. 239–249.

Špirit M., Taxová E. Tvorba // Lexikon české literatury. Díl 4. Sv. I. Praha, 2008. S. 1057–1065.

Аникин Иван Михайлович[1], Аникина Татьяна Евгеньевна[2]

[1]бакалавр богословия, дьякон, храм прп. Серафима Саровского на Серафимовском кладбище Санкт-Петербурга;
[2]канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

ПОЭТИЧЕСКИЕ ХОЛСТЫ

Ключевые слова: поэзия, живопись, Й. Штурдик.

Словацкий художник Йозеф Штурдик (Jozef Šturdík 1921–1992) был тонким ценителем поэзии и сам писал стихи, он прекрасно играл на скрипке, одно время хотел посвятить свою жизнь музыке. Следует заметить, что он был мастером высочайшего класса. Его картины выставлялись в Александрии, Вене, Софии, у нас в Эрмитаже.

Штурдик родился 13 марта 1921 г. в Крижованах близь Трнавы. Природа родного края много для него значила. «Дорога через поля еще орошенная росой, на горизонте красивая линия Малых Карпат где-то в районе Смолениц, а рядом нетронутый силуэт средневековой Трнавы с башней ратуши и башнями десятков костелов» [Šturdík 1981]. Эту картину он видел каждый день, идя в школу. Он окончил гимназию в Трнаве и в 1940 г. начал учиться рисунку и живописи в Братиславе. Вскоре он уезжает в Вену в Академию изобразительных искусств. Культурная жизнь Вены оказывает огромное влияние на молодого художника. В Венских библиотеках, на выставках, концертах, художественных аукционах он проводит все свое свободное время. Он знакомится с молодыми художниками, поэтами, музыкантами. Весной 1945 г. Штурдик возвращается в Словакию, а в 1946 г. уезжает в Париж. Он посещает Школу изящных искусств, изучает произведения великих мастеров в галереях Франции. Вернувшись домой, художник совершенствуется в жанре пейзажа. В это время он много путешествует по Словакии.

Штурдик, будучи в Вене параллельно с живописью совершенствовался в игре на скрипке. Музыка зазвучала в его полотнах, когда он окончательно вернулся в Словакию. «Как раз в этот момент в его картинах проявляется музыкальная основа <…> каждая линия, каждое прикосновение кисти подчинено поэтическому диктату музыкально переработанного смыслового впечатления» [Rusinová 1981].

Поэзия, поэтическое осмысление зрительных образов присутствовало в его работах всегда. Одна из лучших персональных выставок художника так и называлась «Стихи на палитре» (1973). «Нет почти ни одного из известных словацких поэтов, сборник которого не украшали бы лирические рисунки Штурдика» [Rusinová 1981]. Музыка, живопись и поэзия неразрывно связаны в его творчестве. «Не раз мои визуальные впечатления переплетались с литературными или поэтическими гимнами или же музыкальными переживаниями, и те, и другие воплощались в живописи, получающей музыкальное звучание» [Šturdík 1981]. В 1971 г. был издан сборник стихотворений Штурдика «Полукружие».

В шестидесятые годы окончательно выкристаллизовалась творческая манера художника. «У Штурдика формируется образная модель пейзажа, природного явления, где соединяются в единое целое объективность изображения с субъективным впечатлением, создается особое понимание мира художником, где шкала настроений и чувств художника переходит в присущую ему художественно-поэтическую данность» [Современное чешское и словацкое искусство 1987: 447].

У Штурдика живопись, поэзия и музыка составляют единую образно-смысловую систему. Обратимся к стихотворениям художника. Одно из них написано 10 июля 1981 г. Перед нами верлибр, насыщенный интертекстуальными связями и живописными изобразительными образами.

Над Черной речкою — дуэль
Правда столкнулась с ложью
И на место встречи
Слетается воронье

На белизну снегов
Крови упал рубин
Ветер затих
Онемела листва
Лишь топот копыт
По набережной Мойки
Звоном прогремел
Не свети луна
Свет- пламень свечи поминальной
Злобы пожаром вспыхнет она

Над Черной речкой
Слеталось воронье

Нынче лес безмятежно шумит
Да соловей распевает
Пытаясь песней украсить
Языческий обелиск
Сиянье перьев белых
Красавицы сердца биенье
Пусть горечь печали
Развеется над Невой
(пер. Т. Аникиной)

Стихотворение тесно связано с живописью. Не говоря уже о наглядных визуальных образах белизны снега, рубина крови, сияющих белых перьев, вероятно, связанных с обликом красавицы Натальи Гончаровой, это, в первую очередь, образы луны и воронов. Птицы: вороны, галки, дикие голуби, жаворонки, — присутствуют почти на всех полотнах художника. Они плотно вошли в его образную систему. Это и «Рассвет» (комбинированная техника 1971), и «Дорога» (комбинированная техника 1971), и «Драма» (комбинированная техника 1971) и многие другие.

Другой, не менее важный образ для художника, присутствующий в стихотворении — луна. Изменчивая, таинственная луна — этот образ мы найдем во многих картинах. («Луна» (комбинированная техника 1971, «Драма» (комбинированная техника 1971, «Дорога» (комбинированная техника 1971 «Ноктюрн в голубом» (комбинированная техника 1971)).

Поэзию и живопись Штурдика можно глубоко понять только в совокупности. Поэзия называет образы, живопись их иллюстрирует и исследует, давая при этом их различные варианты, о чем и писала в свое время словацкая исследовательница Зора Русинова Йозеф Штурдик — человек, живущий в искусстве, впитывающий его и создающий его прекрасные образцы. «Он может уносить в поэтические выси, может и провоцировать, но всегда обнажает закономерности художественного восприятия мира, моменты своего

В 1985 г. в Москве и Ленинграде состоялась выставка его работ, которая вызвала большой интерес у ценителей искусства.

Творчество Штурдика выходит далеко за рамки чисто словацкой национальной школы. Его творчество близко и русским, и чехам, и многим другим народам.

Литература

Современное чешское и словацкое искусство. Л.: Аврора, 1987.
Rusinová Z. Dvanáť obrazov Jozefa Šturdíka. Bratislava: Tatran, 1981.
Šturdík J. Dvanáť obrazov Jozefa Šturdíka. Bratislava: Tatran, 1981.

Бабанов Андрей Владимирович

канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

СВЯТОСЛАВ ПАВЛОВИЧ СВЯЦКИЙ — ПЕРЕВОДЧИК ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Ключевые слова: славянская филология, преподавание славянских языков, перевод.

Недостаточное внимание к языкам ближайших соседей в предвоенные годы привело к ощутимому дефициту специалистов, способных работать с этими языками. Подготовку специалистов, способных обеспечить контакты с народами зарубежных славянских стран, призваны были обеспечить создававшиеся на заключительном этапе Второй мировой войны (в 1943–1944 гг.) в некоторых советских вузах учебно-научные подразделения, которые, обобщенно, упрощенно и несколько условно, можно назвать славянскими кафедрами. В 1943 г. такая кафедра была создана в МГУ им. М. В. Ломоносова, в 1944 г. — в ЛГУ (ныне Санкт-Петербургский государственный университет). Основной задачей кафедры в первые годы ее существования была подготовка переводчиков, и эта задача даже в течение некоторого времени отражалась в названии кафедры.

За время своего существования кафедра подготовила сотни специалистов, успешно работавших и продолжающих работать в самых разных сферах, в том числе и в качестве профессионалов-переводчиков, специализирующихся на разных славянских языках, разных типах и тематиках перевода. Художественный перевод во всем этом спектре, безусловно, не доминирует, это логичное следствие того, что художественный перевод в общем объеме переводимой информации составляет около 1 %. Но значение этого вида перевода для межкультурной коммуникации определяется отнюдь не цифрами, а среди видов переводческой деятельности художественный перевод справедливо считается одним из вершинных, предъявляющих максимальные требования к квалификации переводчика. Поэтому обзор достижений выпускников кафедры славянской филологии в сфере художественного перевода может служить важным показателем, характеризующим уровень подготовки специалистов.

На протяжении нескольких десятилетий функционирования кафедры славянской филологии Санкт-Петербургский государственный университет в сфере художественного перевода отметились десятки ее выпускников. Исчерпывающего обзора опубликованных художественных переводов, выполненных выпускниками кафедры, к сожалению, не делалось, но по неполным оценочным данным соответствующий список переводчиков мог бы включить не менее 50 имен. Для некоторых из них художественный перевод стал основной сферой профессиональной деятельности.

Одним из наиболее известных профессионалов художественного перевода среди выпускников кафедры славянской филологии Санкт-Петербургский государственный университет является С. П. Свяцкий. Он окончил польское отделение в 1955 г. — в том же году вышла книга «Поэзия западных и южных славян», где в его переводах представлены произведения М. Рея, Я. Кохановского, И. Красицкого, Т.-К. Венгерского, Ст. Трембецкого, Я. Ясинского, А. Мицкевича, Ю. Словацкого, С. Гощинского, Э. Василевского, Р. Бервинского, К. Уейского, Л. Кондратовича, М. Конопницкой. Почти одновременно с этими переводами поэзии появились первые публикации прозы и драматургии в его переводах: комедия Александра Фредро «Великий человек на малые дела» (1956, совместно с В. Б. Оболевичем) и повесть-сказка Войцеха Жукровского «Похищение в Тютюрлистане» (1956). Первые публикации показали готовность молодого переводчика работать с любыми видами и жанрами художественной литературы, а также с текстами разных исторических периодов, но в дальнейшем творческом пути обозначились и некоторые приоритеты.

Во-первых, очевидным приоритетом для Свяцкого была поэзия. Уже в упомянутом сборнике в его переводах представлены произведения поэтов XVI, XVIII и XIX вв., в последующие десятилетия добавились пропущенный XVII в., а также XX и XXI вв. Что касается жанров, то

здесь можно найти все, от коротеньких эпиграмм до поэм. При этом список выдающихся поэтов, которых он не переводил, был бы, наверное, намного компактнее, чем список тех, кого переводил. В поэзии его, судя по опубликованным переводам, более всего привлекали романтики, а среди романтиков — Адам Мицкевич. В переводах классиков польской поэзии Свяцкий виртуозно решал сложные версификационные задачи, сохраняя стилистику и лексическое богатство переводимого текста.

Вторым приоритетом в его творчестве следует, видимо, признать драматургию. Библиография переводов драматургических текстов охватывает около десятка авторов — от первой половины XIX до второй половины XX в. Здесь мы находим и пьесы польских поэтов-романтиков, и неоромантиков, модернистов — плоть до драматургии Славомира Мрожека, считающегося одним из ярких представителей театра абсурда.

Проза к приоритетам Свяцкого явно не относилась — список авторов здесь намного скромнее, чем список переводимых поэтов, и примерно равен списку авторов-драматургов. При этом в нем практически нет «звезд первой величины». Но и здесь есть свой приоритет — литература для детей. Примерно половина прозаиков в библиографии переводов Свяцкого — это авторы, писавшие для детей. Может быть, не только для детей и не только прозу, но в данном случае они представлены именно такого рода произведениями.

Переводческая деятельность Свяцкого была высоко оценена польской стороной. В 1970 г. он был награжден знаком «За заслуги перед польской культурой» и удостоен премии Ассоциации авторов ZAiKS, в 2002 г. стал лауреатом премии им. Анджея Дравича, в 2011 г. ему было присвоено звание «Посол польского языка за рубежом», учрежденное Советом польского языка при Польской Академии Наук, а в 2016 г. он был отмечен высшей наградой Министерства культуры и национального наследия Польши — золотой медалью за заслуги перед культурой «Gloria Artis».

Вострикова Елена Владимировна

канд. филол. наук, доцент, Белорусский государственный университет, Беларусь

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЛИЧНОСТИ В РОМАНЕ СЛОВАЦКОГО ПИСАТЕЛЯ АНТОНА ГИКИША «ВРЕМЯ МАСТЕРОВ»: ФАКТЫ И ВЫМЫСЕЛ

Ключевые слова: литература стран мира, А. Гикиш, историзм.

Словацкий писатель Антон Гикиш (Anton Hykisch; 1932–2024) наибольшую популярность стяжал себе историческими романами, первым из которым стал роман «Время мастеров» («Čas majstrov»; 1977, 1983), который представляет собой дилогию времен гуманизма и Ренессанса. В романе перед читателем разворачивается панорамная и достаточно монументальная картина словацкой, венгерской и европейской истории. Действие происходит в Банской Штявнице, родном городе писателя. Гикиш сосредоточен на описании судьбы мастера Себастьяна, художника, прославившегося шедеврами поздней готики в Словакии. Роман был написан после достаточно долгого вынужденного творческого молчания автора, связанного с подавлением свободы и наступлением времен «нормализации» в Чехословакии. Дилогия Гикиша, в отличие от предшествующих произведений исторического жанра в словацкой литературе, где превалировали приключенческо-развлекательный, авантюрный компоненты, представляет собой яркую историческую фреску с вымышленными персонажами и большим количеством исторических личностей: королей, художников, предводителей восстаний, государственных и церковных деятелей, реальных личностей эпохи Возрождения и Реформации.

Предметом и объектом нашего рассмотрения станут исторические личности в названном романе, их место и роль в художественной картине словацкого писателя, специфика авторской интерпретации. В романе-дилогии упоминаются несколько десятков имен настоящих исторических личностей. В первой части, которая может быть названа романной биографией неизвестного мастера, которого словацкие, венгерские, немецкие и польские историки искусства, как указывал в послесловии сам автор, считают одной из ведущих фигур поздней готики, акцент в историческом плане сделан на культурной и политической ситуации в Европе, жизни королевского двора. Большое художественное пространство Гикиш в своем романе отводит судьбе Беатрисы Арагонской (1457–1508), дочери неаполитанского короля, ставшей венгерской королевой и женой знаменитого короля Матьяша Корвина (1443–1490). Именно в связи с историей Беатрисы в романе фигурируют Владислав II Ягеллон (1456–1516), король Чехии и Венгрии и второй муж Беатрисы, а также Тамаш Бакоц, архиепископ эстергомский и примас Венгрии. В воспоминаниях королевы присутствует сам Матьяш Корвин. Героем романа становится и Петанцио Феличе — гуманист из Дубровника, который после смерти Матьяша остался на долгие годы на службе у его вдовы. Беатрис предстает перед нами в последние несчастливые годы жизни жертвой придворных интриг, бедной и зависимой от милости других людей. О ее былом величии и влиянии лишь упоминается. Очень подробно, психологически достоверно, Гикиш описывает смерть Беатрис после ее возвращения в Италию. Ее детальный потрет, ее мысли, ее одиночество, ода Горация, прочтенная перед смертью молодой монахиней. Гикиш рисует образ Беатрис как настоящей королевы и гуманистки. Трагизм усиливается описанием лихорадочных сновидений и натуралистических деталей. Обсерватория, библиотека, книги — вот круг ее воспоминаний в трудные времена, но отнюдь не былое богатство. Так словацкий писатель акцентирует в первой части созидательное, интеллектуальное начало в своих героях, реальных и вымышленных. «Различные сюжетные линии воссоздают… многие моменты культурной и социальной жизни Европы» [Сулик 1987: 115].

Можно утверждать, что первая часть дилогии — это воспевание творческой, свободной личности эпохи Возрождения в Словакии и Европе. Этому подчинен выбор персонажей. В связи с жизнью и личностью мастера актуализируется в романе творчество Альбрехта Дюрера (1471–1528), немецкого художника и графика, который был родом из Венгрии и дружил со многими гуманистами. С ним встречается в корчме главный герой первой части, мастер Себастьян.

Именно благодаря работам Дюрера он начинает понимать, что пришло время мастеров. Гикиш подробно повествует о значении гравюр Дюрера, о его понимании роли книгопечатания. Рассуждения писатель вкладывает в уста и мысли (внутренний монолог) словацкого художника Себастьяна. Важно, что Дюреру принадлежит проект жертвам Крестьянской войны в Германии (1524–1526). Это явственная связь со второй частью дилогии.

Действие второй части романа «Тринадцатый час» отражает восстания в словацких горнорудных городах 1525–1526 гг., в частности в Банской Штявнице. Словацкий прозаик пишет и о крестьянском восстании Дьёрдя Дожи 1514 г. Автор, по его словам, опирался на современное исследование историка Петера Раткоша [Гикиш 1989: 522–523]. Имена участников — настоящие, это реальные люди. В романе описываются события европейской и словацкой Реформации, формулируются ее основные идеи. Из исторических личностей большое внимание уделяется Томасу Мюнцеру, о котором много думает и рассуждает один из центральных персонажей второй части, Йорг, бывший резчик по дереву, герой в возрасте Христа, что подчеркивает автор. В текст романа вставляются цитаты из религиозных проповедей Мюнцера, мыслителя и идеолога Крестьянской войны в Германии. Следует отметить, что писатель активно использует реальные исторические документы, тексты подлинных приговоров участников восстания. «Историческими сведениями автор насыщает и собственное повествование от третьего лица, и высказывания персонажей, создавая… атмосферу реальности исторического времени» [Широкова 2017: 38].

Таким образом, можно сделать выводы, что в романе А. Гикиша «Время мастеров» широко представлены в качестве действующих персонажей реальные исторические личности. Автор дает им оценку как человек XX столетия, опираясь на современные ему исследования. В их биографиях акцентируются и отбираются периоды и факты, важные для создания вымышленных образов и панорамы описываемой автором эпохи. История Словакии вписана в историю Венгрии и Европы. Подчеркивается тесная связь всего происходящего в мире искусства. Жизнь вымышленных героев ситуативно вплетается в историю жизни реальных исторических личностей и наоборот. Психологизм — яркая черта романа. Использование документов, писем, стихов способствует созданию нарративной полифонии произведения.

Литература

Гикиш А. Время мастеров. М.: Радуга, 1989.

Сулик И. История и современность в творчестве Антона Гикиша // Словацкая литература. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987.

Широкова Л. Ф. Словацкий исторический роман 1970–1980-х годов // Славяноведение. 2017. № 1. С. 31–40.

Гусева Ольга Валерьевна

канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

ПЕРЕПИСКА ОСКАРА КОЛЬБЕРГА С РОССИЙСКИМИ СЛАВИСТАМИ

Ключевые слова: этнография, эпистолярное наследие, О. Кольберг.

Доклад посвящен контактам польского этнографа и фольклориста О. Кольберга (1814–1890) с российскими славистами и научными обществами и организациями. Материалом исследования послужила переписка Кольберга с Императорским Русским географическим обществом (РГО), Императорским Обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии, а также с русскими учеными В. И. Ламанским и А. Ф. Гильфердингом. Корреспонденция польского этнографа, сохранившаяся в его личном архиве, в архиве РГО, была опубликована в т. 64–66 полного собрания сочинений Кольберга [Kolberg 1965–1969], тем не менее, взаимоотношения польского и русских славистов никогда не были предметом научного рассмотрения. Обращение к этой теме составляет новизну данной работы. Актуальность исследования определяет обращение к наследию польского этнографа, которое продолжает привлекать к себе внимание фольклористов, этнографов, музыковедов и филологов.

Кольберг получил прекрасное музыкальное образование, он играл на фортепиано и сочинял музыку. Его первые этнографические работы были связаны с изучением народной музыкальной культуры: в 1842–1849 гг. он издавал записи народных песен, сделанные в окрестностях Варшавы, в целях популяризации польского фольклора среди музыкантов-любителей. В 1857 г. вышло собрание «Песни польского народа» [Kolberg 1857], которое стало первым томом монументального труда «Народ. Его традиции, способ жизни, язык, легенды, пословицы, обряды, игры, песни, музыка и танцы» (Lud. Jego zwyczaje, sposób życia, mowa, podania, przysłowia, obrzędy, gusła, zabawy, pieśni, muzyka i tańce). Общая концепция этого труда, над составлением которого Кольберг работал всю жизнь, оформилась к 1865 г., когда был издан второй том «Сандомирский уезд» [Kolberg 1865], посвященный фольклору и этнографии окрестностей города Сандомир, расположенного в 180 км к юго-востоку от Варшавы. Это была часть Царства Польского, входившего в состав Российской империи.

Первые научные труды польского этнографа привлекли к себе внимание российских коллег, прежде всего А. Ф. Гильфердинга, который к этому времени уже проявил себя как талантливый славист, исследователь истории южных и балтийских славян. С 1861 г. Гильфердинг состоял на службе в Государственной канцелярии и работал над проектами реформ в Царстве Польском. Гильфердинг рекомендовал Кольберга к избранию членом РГО. 8 мая 1865 г. РГО в официальном письме сообщило Кольбергу, что он избран членом Общества [Kolberg 1965–1969: 122]. С избранием Кольберга поздравил В. И. Ламанский, являвшийся в тот момент председателем Этнографического отделения РГО. В ответном письме на имя Ф. Р. Остен-Сакена, исполнявшего обязанности секретаря Общества, Кольберг поблагодарил РГО «за лестный для него выбор» [Kolberg 1965–1969: 122]. Практически одновременно Кольберг написал письмо Гильфердингу, в котором выразил уверенность, что своим избранием в члены РГО он обязан именно ему [Kolberg 1965–1969: 131–132]. Кольберг отправил Гильфердингу книгу «Сандомирский уезд». Также польский этнограф поделился с российским коллегой своими планами относительно продолжения этого труда, записав, что «подобным образом, и еще более систематично, он хотел бы обработать и другие уезды» ему [Kolberg 1965–1969: 132]. Понимая, что желание составить этнографическое описание всех польских земель слишком масштабно и требует слишком больших затрат, ученый решил остановиться на четырех или пяти уездах, различающихся по этнографическому характеру и языку. Это составило бы четыре или пять томов, которые Кольберг планировал издать в течение двух-трех лет. Польский этнограф попросил помощи Гильфердинга в получении финансирования на издание этих работ на территории Царства Польского и под наблюдением самого Кольберга. Несмотря на то, что Гильфердинг в 1867 г. возглавил этнографическое отделение Императорского Русского географического общества, он не смог оказать

дальнейшую протекцию Кольбергу. В письме от 11 октября 1865 г. РГО уведомило Кольберга, что его просьба о финансовой помощи в издании его этнографических трудов передана наместнику Царства Польского. Но помощи от Российской империи польский этнограф так и не получил, все свои труды он был вынужден издавать на собственные средства. Возобновление переписки польского этнографа с его российскими корреспондентами было связано с его избранием членом Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете в 1889 г., по случаю 50-летия научной деятельности. Но в 1890 г. ученый ушел из жизни.

Из первоначального плана издать четыре-пять томов, посвященных польским уездам на территории Российской империи, вырос монументальный труд, насчитывающий в настоящее время 90 томов и охватывающий все исторические регионы Польши. За свою жизнь Кольберг успел опубликовать 33 тома, лишь в конце жизни он начал получать материальную помощь от Краковской академии наук. Издание продолжилось после смерти этнографа, были изданы собранные им материалы, рецензии, научные статьи, словарь, библиографические источники и корреспонденция Кольберга. Изучение наследия ученого продолжает Институт им. Оскара Кольберга в Познани [Instytut im. Oskara Kolberga].

Источник

Instytut im. Oskara Kolberga. URL: http://www.oskarkolberg.pl/ (дата обращения: 15.01.2025).

Литература

Kolberg O. Dzieła wszystkie. T. 64–66. Korespondencja Oskara Kolberga. Warszawa, 1965–1969.

Kolberg O. Lud. Jego zwyczaje, sposób życia, mowa, podania, przysłowia, obrzędy, gusła, zabawy, pieśni, muzyka i tańce. T. 2. Sandomierskie. Warszawa, 1865.

Kolberg O. Pieśni ludu polskiego. Warszawa, 1857.

Дробышева Марина Николаевна

канд. филол. наук, доцент, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина

ФОЛЬКЛОРНО-МИФОЛОГИЧЕСКИЙ МЕТОД В ПРОСТРАНСТВЕ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА

Ключевые слова: литература стран мира, фольклорные элементы, Марин Држич.

В контексте глубинных общественно-политических преобразований необходимо рассматривать первые драматургические опыты одного из самых ярких авторов Далматинско-Дубровницкого Возрождения Марина Држича и его пасторальную комедию «Тирена».

В изучаемый период, в XVI в. в Дубровнике уже появляются сочинения, посвященные актуальным проблемам общественной жизни, и, как отмечает Б. Я. Мисонжников, «эти памятники можно определить как произведения переходного периода от прапублицистики к публицистике в полном смысле этого слова» [Мисонжников 2013].

Публицистика немыслима без актуализации. Основы закладываются в диалоге сцен, что наблюдалось в период раннего гуманизма, который формирует будущую среду противостояния, реализующую полемическое начало. Всё это даёт толчок для социального освещения событий в сценах пасторальной драмы.

Публицистичность диалогической эклоги произрастает из самой природы диалога. Диалог двух людей в пасторальной драме — это противоборство, так рождается полемичность. В нём принимают участие два индивида: один полон раздумий, это Любмир. А другой олицетворяет собой столкновение, борьбу — Сатир. Так возникает конфликт, порождающий полемику. Диалогическая пасторальная драма — предтеча будущей социально значимой публицистики.

В пасторальной комедии «Тирена» Сатир — персонаж фантастического мира, имеющий черты человека и животного, олицетворяющий собой демоническое мужское начало, а вилы — женское. Сатир похищает Тирену и вступает в бой с Любмиром за обладание ею.

В сцене обуреваемый страстью Сатир, обращается к зрителям, начиная свой монолог характерным далматинским междометием “Vaj” («Ох»), в котором слышна народная поэтическая интонация; вздыхая, Сатир взывает к природе — только она сможет помочь ему найти Тирену. Эта сцена написана М. Држичем в манере, свойственной традиционному варианту пасторалей, характерных для Дубровника.

Любовные излияния Сатира сменяются гневными репликами, при этом у него возникает желание вырывать с корнем деревья, уничтожать и ослеплять стада, но он не может это сделать из-за любви к прекрасной виле. Когда же Сатир видит соперника, его гнев возрастает, и он хочет сразиться с Любмиром в жестоком бою. Об этом можно узнать из развернутой ремарки: «Здесь Сатир вступает в бой с Любмиром и ударяет камнем его по голове, и тот падает на землю мертвым; так его находит вила и, оплакивает», она произносит свой заключительный монолог в IV акте. В смене петраркистских выразительных средств языка грубыми агрессивными репликами Сатира выражается ирония Држича-драматурга по отношению к традиционному жанру пасторали.

Драматург в своей пьесе хотел передать специфику самобытной народной культуры, поэтому включил богатырское, боевое танцевально-драматическое действо — морешку (“moreška”)*, которая была известна в XVI в. в Дубровнике, Сплите, Задре, на Хваре, и до сих пор встречается на Корчуле. Об этом мужественном танце («viteške bojne igre od moreške») мы узнаем из названия первого опубликованного им варианта пьесы в Венеции в 1551 г., которое звучало так: «Тирена, комедия Марина Држича, показана в Дубровнике в год MDXLIII (1548), в которую входит бой, подобный морешке, и танец, похожий на пасторальный». В ремарке пьесы также есть упоминание о том, что три сатира и три пастуха пытаются помериться силой.

---

* Морешка (ит. Moresca, фр. Moresque) — маврский танец, танец мавров с мечами, имеющий ¾ такта. См.: [Vyjaклија 1977].

Любовь Тирены к Любмиру вызывает ревность у Миленко, Радата и Драгича, и, завидя трех сатиров, которые тоже пылают к ней страстью, они решают сразиться с ними. Вила, увидев, что они вступают в бой, пытается остановить соперников. Описание боевого военного танца, включённого в контекст пасторали, является своего рода отражением настроений дубровницкого общества в период обострённой борьбы за власть.

Этот танец, местный вариант европейской морешки, «маврской игры», имитация сражения с извечным врагом населения Средиземного моря — маврами, был особенно популярен в XV и XVI вв., а в Корчуле он исполняется 28 августа в день праздника Св. Тодора [Vodnik 1913]. В этом танце воссоздавался бой «черных» и «белых», под первыми подразумевались мавры, а под вторыми — христиане. В корчуланской морешке участвовали не мавры, а турки. В одной из рукописей XVII в. сохранилось даже имя предводителя «черных» — Мехмет. В танце вместо мечей часто использовали длинные палки. Так и у М. Држича нигде не указывалось, что в его танце-морешке были задействованы мечи.

Почему М. Држич включил эту интермедию в пьесу? Вероятно, это был намёк на политическую ситуацию на Балканах. Перед зрителями развертывалось сражение в танцевальной форме между тремя пастухами и тремя сатирами. Этот танец, с одной стороны, — движение, развитие действия, а с другой — актуализированное гиперболизированное действо, которое изображает противостояние в верхах.

Корчуланская традиционная морешка отличалась от дубровницкой, но их объединяла общая драматургическая структура, состоящая из соединения военной и свадебной тем, встречающаяся в ряде европейских, в частности, в итальянских ритуальных формах. Отличительной чертой в дубровницкой «морешке» было то, что в центре внимания оказывался символический образ женщины-пленницы. Эта ситуация типологически близка сюжету драмы «Рабыня» Ганнибала Луцича, свое развитие она получила в пасторалях Ветрановича и М. Држича.

М. Држич, возможно, в Сиене познакомился с традицией воссоздания в драматическом произведении аллегорически-мифологической костюмированной танцевальной интермедии. Включение народного боевого танца в текст пьесы придало ей особый славянский колорит. Этот танец завершился всеобщим примирением.

Литература

Мисонжников Б. Я. Историософский компонент публицистики: в поиске утраченного императива // Вестник Тверского государственного университета. Сер. «Филология». 2013. Вып. 2. С. 177–184.

Vujaklija M. Лексикон страних речи и израза. Београд: Просвета, 1977.

Vodnik B. Povjest hrvatske kniĥevnosti. Knj. 2. Zagreb: Matica Hrvatska, 1913.

Тоичкина Александра Витальевна

канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА П. А. КУЛИША

Ключевые слова: П. Кулиш, славистика, педагогика.

Известный украинский писатель П. А. Кулиш (1819–1896) в течение ряда лет разрабатывал свою педагогическую программу. Так, в 1840-е гг. он был увлечен идеями Руссо, читал его сочинения и пытался применять их на практике. Об этом свидетельствует его переписка этого времени. В частности, в письмах он упоминает о чтении на французском языке таких сочинений Руссо, как «Эмиль, или о воспитании» и о попытках практически реализовать систему Руссо [Куліш 2005: 221]. В сочинениях французского философа его привлекали идеи воспитания детей в соответствии с их природными склонностями, без принуждения, но и без баловства. Труд и непосредственное общение с природой являются у писателя источником нравственного становления человека. Концепция «естественного человека» у Кулиша, (как и у Руссо) оказалась достаточно противоречиво соединена с его христианским вероисповеданием. Кроме того, оба мыслителя подчеркивали необходимость патриотического воспитания (в частности, изучение детьми родного языка с малолетства).

Позднее для народной начальной школы Кулиш создал украинский букварь и книгу для чтения («Граматка»). С целью повышения народного уровня образования он издавал дешевые книги серии «Сельская библиотека» — популярные «метелики» («мотыльки»). Писатель явился основателем альманаха «Хата», одним из основных редакторов первого украинского журнала «Основа». Для своих изданий он тщательно подбирал материал: собирал украинский фольклор, работал над сочинениями по истории Украины. В центре его внимания был украинский язык. Реформа украинского языка, создание фонетического правописания явились важным вкладом Кулиша в становление украинской педагогики [Гриневич 2019: 174–175].

«Граматка», составленная Кулишем, вышла в Петербурге в 1857 г. на украинском языке. Книга объединяет в себе материал по разным дисциплинам, что было характерно для грамматик того времени. Так, пособие включало в себя украинский букварь, тексты по истории Украины и Священной истории, морально-поучительные рассуждения, краткий катехизис, переложения псалмов, задания по математике, цитаты с толкованием из Евангелия, молитвы. В предисловии Кулиш писал: «Тут же для первого чтения подобраны наставительные песнословия про наших предков и Божественные псалмы; тут напечатаны легенды про давние времена, что делалось до прихода Христа на землю, — про Его святую Церковь и про войну с татарами и ляхами за веру православную и волю человеческую. Тут же, для повседневной необходимости, приложена и наука арифметика, которая учит всякому счету деньгам, хлебу и всякому делу. А чтоб эта книжка еще больше принесла людям пользы, <в ней> напечатаны самые нужные для человека молитвы» [Кулиш 1857: 3]. Сам автор очевидным образом адресовал свою книгу не только детям, но и взрослым. В его авторских отступлениях, адресованных взрослым, сквозят заветы Руссо: воспитывая детей, взрослые сами должны учиться; детей нельзя заставлять, так как «наука премудрости не любит никакого принуждения. Свободною волею, по собственному желанию, человек из грамотного становится умным, а силой никого умным не сделаешь» [Кулиш 1857: 45].

В конце 1850-х гг. Кулиш изложил свою педагогическую программу в художественно-публицистическом сочинении «Письма с хутора». «Письма» публиковались в журнале «Основа» на протяжении 1861 г. В этом произведении Кулиш сформулировал основные тезисы своей «хуторской философии», которые непосредственно связаны с его педагогической программой. Свое народническое хуторянство он сам рассматривал как «проповедь правдивого сердца». Цикл публицистически-повествовательных произведений под общим название «Письма с хутора» состоит из пяти писем. Их обьединяет образ повествователя — хуторянина, Павла Белебеня [Тоичкина 2022: 46]. В «Письмах» Кулиш рассматривает проблему воспитания в контексте

своей «хуторской философии». Противопоставление города и села, народного миропонимания и «науки цивилизации» рассматриваются автором в контексте гуманитарной проблематики: развития языка, национальной литературы, этической жизни народа. Вопрос о воспитании занимает ключевое место в становлении украинского общества, в частности, в жизни сельской «громады» (общины). И дело не только в воспитании детей, которому тоже уделяется внимание в «Письмах». Вставная повесть «Про злодея из села Гакивныци» посвящена истории «кающегося грешника», крестьянина, который воровал коней, и даже однажды пытался обворовать церковь. Старцы громады придумали герою повести, Дмитро Гарбузу, наказание за кражу: паламарничать в церкве, «принимать странников как гостей», и чтоб люди на селе звали його злодеем. Так все и пошло, и герой исправился, вернулся к жизни по совести. Повесть заканчивается полемическим вопросом повествователя, что бы в городе с таким человеком сделали.

Педагогическая программа Кулиша соединяет все аспекты его деятельности как писателя, мыслителя, просветителя, гуманиста, историка. Кулиш видел будущее Украины в составе Русского мира. В плане социально-политическом он выдвинул идею «громады» (общины) как образца общественного уклада украинского мира. И в основу организации этой «громады» должна была быть положена его программа воспитания.

Литература

Гриневич В. Й. Педагогічні погляди Пантелеймона Куліша // Родинні та духовні скарби Білозерських — Кулішів. Історико-генеалогічні читання. Київ, 2019. С. 173–178.

Кулиш П. Граматка. СПб.: Тип. П. А. Кулиша, 1857.

Куліш П. Повне зібрання творів. Т. 1. Листи. 1841–1850. Київ: Критика, 2005.

Тоичкина А. В. Философские источники «Писем с хутора» П. А. Кулиша // XXII Славистические чтения памяти проф. П. А. Дмитриева и проф. Г. И. Сафронова: мат-лы науч. конф., Санкт-Петербург, 12 сентября 2022 года. СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т, 2022. С. 45–61.

ДЕРЖАВИНСКИЕ ЧТЕНИЯ: СОВРЕМЕННЫЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ БОЛГАРИСТИКИ И СЛАВИСТИКИ

Аникин Михаил Александрович

канд. искусствоведения, доцент, ст. научный сотрудник, Государственный Эрмитаж; anikin.mikhail@mail.ru

О ЧУДОТВОРНЫХ ИКОНАХ БОЛГАРИИ

Ключевые слова: чудотворная икона, Богородица, Болгария.

Болгарская изобразительная культура занимает особое место в ряду европейских национальных школ. Во многом она пропитана духом Средиземноморской культуры и, прежде всего, Древней Греции и Византии, с которыми оказалась тесно связана в силу географического расположения. Античные памятники Фракии, средневековая архитектура и иконопись до сих пор служат тем фундаментом, на котором стоит все здание современной культуры Болгарии, несмотря на все вызовы глобализма и постмодернизма. Заметный вклад в сокровищницу болгарского искусства внесла средневековая иконопись. Болгарская икона прошла сложный период становления и определенного развития, прежде чем сформировался тот национальный тип или канон, который, имея особенности той или иной местной школы, все же оставался вполне узнаваемым на фоне других национальных школ иконописи. Ряд икон при этом был отмечен случаями чудотворения. К наиболее знаменитым в этом ряду относятся Рильская и Бачковская иконы св. Богородицы, образ св. Богородицы «Троеручица» из Троянского ставропигиального монастыря, икона св. арх. Михаила из г. Ловеч, икона св. вмч. Георгия Победоносца из г. Поморие, икона св. Мины из Софии и икона св. Иоанна Богослова из Карнобата. Отношение к иконам на протяжении веков даже в Византии — несомненном центре иконописания — было разным. Тут нельзя не вспомнить о периоде иконоборчества, в свое время погубившем много замечательных икон раннего средневековья под надуманным предлогом о недопустимости изображения Бога. В качестве контраргумента почитатели иконы всегда приводили историю с появлением Образа Спаса Нерукотворного, когда Господь отер свой лик убрусом (платом) и отправил отпечаток болящему проказой царю Авгарю для исцеления. После того как Авгарь взглянул на образ Христа, он исцелился. Собственно, это было то первое чудо, когда святой образ помог человеку в беде. Таким образом, можно утверждать, что почитание святых образов не противно Богу, не является отступлением от заповедей Божиих, а напротив, приближает к Богу.

Самой старой святыней Болгарской православной церкви является икона «Св. Богородица. Одигитрия» XII в. из Рильского монастыря. За время своего бытования она помогала при различных эпидемиях и болезнях многим тысячам страждущих.

Не менее знаменитой и также творящей чудеса является Бачковская икона БМ. Эта икона (тип «Умиление») особо помогает при бесплодии, а также отзывается на всякую просьбу искренне верующего человека.

Чудотворная икона «Троеручица» происходит со святой горы Афон. Она является копией XVII в. с той древней иконы, которая до сих пор находится на Афоне и связана с чудом исцеления руки св. Иоанна Дамаскина, правая кисть которого была отсечена по навету. Молитва святого в течение ночи была услышана Богородицей, и она исцелила его. Именно эти три иконы

Руководитель секции: Е. Ю. Иванова.

были собраны вместе при всенародном молебне и поклонении во время кампании «Вы не одни» для избавления болгарских медиков из ливийской тюрьмы в 2007 г.

По количеству чудотворений именно богородичные иконы Болгарии занимают первое место среди других. Здесь мы перечислили далеко не все из них. Наряду с богородичными следует отметить ряд икон, посвященных различным святым и ангелам. Так широко известна икона «Архангел Михаил» из города Ловеч. История этой иконы тесно связана с историей русско-турецкой войны 1877–1878 гг. С ней русское войско шло на второй штурм города и победило. После окончания войны икона была подарена городу в память чудесной победы. До сих пор верующие болгары глубоко почитают этот победоносный образ. К разряду чудотворных икон также относится и Образ св. Георгия из г. Ямбол, подаренный семьей Тоньо и Еленой Хаджигеоргиевыми из г. Жеравна в 1883 г. Эта икона излечила много душевнобольных людей (имеется задокументированный список, составленный протоиереем Иваном Николовым, в котором указано 111 имен).

Очень почитается в Болгарии и образ св. Мины из Обрадовского монастыря. Икона была написана в середине XX в. известным в Болгарии полтавским художником Михаилом Малецким (1900–1991). Малецкому св. Мина явился во сне и приказал его нарисовать именно таким, каким его мастер и изобразил. После окончания работы художник принес образ на спине в монастырь. Этот образ помогает излечиться от различных тяжелых заболеваний, а также от заикания. Кроме того, св. Мина помогает женщинам удачно выйти замуж и родить ребенка.

Икона, изображающая св. Иоанна Богослова из г. Карнобат, прославилась при пожаре храма во время османского ига. Когда турки и черкесы сожгли карнобатский храм, икона чудесным образом уцелела. Только на оборотной стороне проявились два темных пятнышка. В память о чуде на иконе поместили надпись: «О чуде в Освободительной войне, при пожаре полностью сгоревшего храма осталась невредимой». В путеводителе по сакральным местам Болгарии («Най-известните чудотворни икони в България», 2008) указано: «Икона св. Иоанна Богослова помогает в особенно тяжелых житейских ситуациях, укрепляет веру и указывает верный путь попавшим в затруднение людям» (с. 40). Православные болгары не только почитают свои чудотворные иконы, но и прилагают усилия для того, чтобы паломники из России и других стран могли увидеть святые образы и помолиться перед ними. Каталоги и путеводители по указанной теме всегда пользуются спросом. Существует глубокая духовная связь между иконописью Болгарии и России, что легко объясняется общностью религиозных догматов русского и болгарского народов.

Васильева Ольга Вадимовна

канд. филол. наук, гл. библиотекарь Научной библиотеки им. М. Горького, Санкт-Петербургский государственный университет;
o.vasileva@spbu.ru

ИНФОРМАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ ПО БОЛГАРИСТИКЕ В НБ ИМ. М. ГОРЬКОГО, САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ: ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ КОЛЛЕКЦИИ И СЕГОДНЯШНЕЕ СОСТОЯНИЕ

Ключевые слова: болгаристика в СПбГУ, библиотечно-информационные ресурсы, учебная литература, научная литература.

История формирования коллекции печатных изданий по болгаристике неразрывно связана с историей преподавания славистики в Санкт-Петербургском университете. Условно её можно разделить на несколько этапов. Первый этап охватывает вторую половину XIX в. — начало XX в. В 1846 г. в библиотеку университета поступила личная библиотека П. И. Прейса, которую он собирал, несомненно, имея в виду её использование в учебных целях [Николаев 1983: 6–7]. Ценным приобретением стала личная библиотека приват-доцента П. А. Сырку, в которой были представлены «редкие болгарские издания» [Яцимирский 1909: 354]. Издания XIX — начала XX в., хотя и утратившие научную ценность и нередко представленные в свободном доступе в сети интернет, тем не менее, придают университетскому книжному собранию глубину и ощущение живой связи времен. Кроме того, находящиеся на книгах владельческие пометы, дарственные надписи, автографы представляют большой интерес для истории отечественной науки. Подробнее о редких изданиях по болгаристике [Крылова, Васильева 2009].

Второй период, продолжавшийся с 1944 по 1990-е гг., характеризовался бурным ростом библиотечного фонда ЛГУ в целом и фонда изданий по славистике и болгаристике в частности. Выходят в свет учебники и учебные пособия, созданные преподавателями филологического факультета: проф. Ю. С. Масловым, проф. В. Д. Андреевым, доц. Е. А. Захаревич, Г. В. Крыловой, М. П. Русковой, З. К. Шановой, преп. Е. И. Безикович и Т. П. Черновой (Гордовой-Рыбальченко), в учебном процессе использовались и учебники и пособия коллег из МГУ. Активный международный книгообмен и покупка, а также подписка на научную периодику пополнили фонд библиотеки изданными в Болгарии учебниками, словарями, научной и художественной литературой. Сохранялась традиция передачи в университет личных библиотек ученых, так, в НБ им. М. Горького поступили книги проф. Б. А. Ларина, акад. Н. С. Державина, проф. Э. А. Якубинской-Лемберг, в 1990-е гг. — проф. Ю. С. Маслова, доц. Е. А. Захаревич. Целый ряд дисциплин преподавался по оригинальным болгарским учебникам (грамматика современного болгарского языка, история болгарского языка и болгарского литературного языка, болгарская диалектология). В распоряжении преподавателей и студентов были основные научные журналы («Български език», «Български език и литература», «Съпоставително езикознание»), серии издаваемых Институтом болгарского языка Болгарской Академии наук монографий, в том числе замечательная серия фототипических переизданий первых болгарских грамматик конца XIX в., издания памятников письменности и Болгарский диалектный атлас. В кафедральной библиотеке была собрана коллекция словарей болгарского языка, своевременно поступали тома словаря «Речник на българския език», издаваемого Институтом болгарского языка (представлен в печатном виде до 13 тома «Поен — Прелестно»).

Последние 30 лет характеризуются прерыванием традиций книгообмена с Болгарией, с одной стороны, и появлением принципиально новых информационных ресурсов, представленных в сети интернет. В этот период покупка учебной и научной литературы производилась только по заявкам преподавателей. В фонде представлены как отечественные, так и зарубежные издания. Среди отечественных книг необходимо отметить учебники и пособия преподавателей кафедры славянской филологии проф. Е. Ю. Ивановой, доц. З. К. Шановой, проф. М. Ю. Котовой. В Болгарии были закуплены двуязычные болгарско-русские и русско-болгарские словари,

учебники по истории болгарского языка и истории литературного болгарского языка, лексикологии и стилистике, научному письму, учебники болгарского языка для начального периода обучения.

Дополнительным источником пополнения фонда является межбиблиотечный обмен — в настоящее время готовится передача в НБ им. М. Горького дублетных изданий по славистике из Российской национальной библиотеки.

Необходимо сказать и об электронных ресурсах в подписке СПбГУ. Всем универсантам обеспечен доступ к электронным ресурсам с любого персонального устройства, авторизация осуществляется с помощью единой учетной записи СПбГУ, которую имеет каждый учащийся и сотрудник университета. В 2025 г. в доступе СПбГУ находятся отечественные электронно-библиотечные системы Лань, Знаниум, Юрайт. В ЭБС Знаниум представлены учебные пособия по болгарскому языку издательства КАРО (2 учебника) и МГИМО (одно аудио-пособие). Также доступны научные базы данных, в том числе крупнейшее отечественное собрание научной периодики elibrary (НЭБ). Санкт-Петербургский государственный университет осуществляет подписку на 445 журналов, в том числе на Вестники МГУ, РУДН, Известия РАН, а также «Вопросы языкознания», «Славяноведение», «Социальные и гуманитарные науки». Также осуществлена подписка на такие зарубежные базы данных, как JSTOR (более 1000 научных журналов), книжные серии издательств Springer и Cambridge University Press, журнальные серии издательств Taylor and Francis, Wiley, Oxford University Press. Порядок доступа и перечень ресурсов размещены на странице Научной библиотеки им. М. Горького на портале СПбГУ: https://library.spbu.ru/ru/.

Литература

Крылова Г. В., Васильева О. В. Болгарская книга в библиотеке кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского университета // Wiener Slavistisches Jahrbuch. Bd. 55/2009. S. 35–41.

Николаев Н. И. Библиотека П. И. Прейса // Ленинградский университет. 1983. № 3. С. 6–7.

Яцимирский А. И. О библиотеке П. А. Сырку // Исторический вестник. 1909. № 1. С. 354–355.

Голант Наталия Геннадьевна

канд. ист. наук, ст. научный сотрудник,
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН;
natalita1977@yandex.ru

О ПРОБЛЕМАХ КОДИФИКАЦИИ И ПРЕПОДАВАНИЯ БАНАТСКО-БОЛГАРСКОГО И «ВЛАШСКОГО» ЯЗЫКОВ НА ТЕРРИТОРИИ СЕРБИИ: ПОПЫТКА СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

Ключевые слова: банатские болгары, влахи, язык, диалект, кодификация.

На территории Сербии (в основном, в Южно-Банатском и Центрально-Банатском округах) проживает около 3 тыс. банатских болгар, которые в Сербии чаще именуются «*паљћене*» (от банат-болг. *палкене*). Число влахов (румын), проживающих преимущественно в Заечарском, Борском, Браничевском и Поморавском округах Сербии, по результатам переписи 2022 г. составляет 21013 чел.

Банатские болгары — потомки выходцев из Северо-Западной и центральной части Северной Болгарии. С этих территорий болгары-католики ушли после подавления Чипровского восстания 1688 г. (первоначально в Валахию и Трансильванию). В Банате, ставшем частью империи Габсбургов после заключения в 1718 г. Пожаревацкого мира, болгары обосновались в результате т.н. католической колонизации Баната, когда австрийские власти заселяли опустошенные в результате военных действий земли колонистами-католиками [Телбизов, Векова-Телбизова 1963].

Банатский говор отделился от основной территории распространения болгарского языка в конце XVII — начале XVIII в. Сильное влияние на него оказали сербохорватский, румынский, венгерский и немецкий языки. Подробное описание банатского говора осуществил С. Стойков, основываясь на сведениях из болгарских населенных пунктов румынского Баната [Стойков 1967]. Банатский вариант болгарского языка был стандартизирован в 1866 г. членами Учительского общества села Винга (ныне центр одноименной коммуны в округе Арад в Румынии) [Телбизов, Векова-Телбизова 1963]. Его графическая система основана на латинице.

В настоящее время в школах Сербии банатско-болгарский язык не преподается, однако в некоторых селах, где живут банатские болгары, преподается в качестве факультатива стандартный болгарский язык. В 2010 г. А. Калапиш (учитель начальных классов и краевед из с. Иваново общины Панчево Южно-Банатского округа) и О. Цветков опубликовали в 2010 г. в Софии, под эгидой Государственного агентства по делам болгар, живущих за пределами Болгарии, пособие для параллельного изучения стандартного болгарского языка и банатско-болгарского языка. В нем приводятся сведения по истории банатско-болгарского языка (авторы обозначают его термином «*български палкенски език*»), рассматриваются правила чтения стандартного болгарского и банатско-болгарского языков. В разделе «Буквар» приводится ряд коротких текстов — пословиц, крылатых выражений, стихотворений, данных параллельно на двух языках. Слова и тексты на банатско-болгарском транскрибируются с помощью современного болгарского алфавита. Пояснения даются на стандартном болгарском языке. В раздел «Читанка» включены болгарские сказки, тексты народных песен, пословицы, загадки и произведения болгарских писателей и поэтов, а также образцы народного творчества (сказки, легенды, пословицы) банатских болгар. Тексты на банатско-болгарском языке и здесь сопровождаются транскрипцией с помощью болгарского алфавита и переводом на стандартный болгарский [Калапиш, Цветков 2010]. А. Калапиш вел кружок банатско-болгарского языка в доме культуры с. Иваново. Эти занятия прекратились с его смертью в 2022 г. Курсы банатско-болгарского языка для детей и взрослых существовали в г. Панчево в 2009–2015 гг. в рамках неправительственной организации «In Medias Res», но в 2015 г. их работа прекратилась из-за отсутствия финансирования.

Влахов (румын) восточной Сербии большинство исследователей считает потомками переселенцев, обосновавшихся в этих местах в XVIII — первой половине XIX в. На основании язы-

ковых и культурных особенностей чаще всего выделяют две основные группы: царан (носителей олтенских говоров) и унгурян (носителей банатских говоров).

Попытки кодификации «влашского» языка происходили начиная с 1990-х гг. 24 января 2012 г. «влашская» азбука в двух вариантах — кириллица и латиница — была утверждена на заседании Национального совета влахов Сербии. Этот алфавит разработан влашской неправительственной организацией «Гергина». Он используется, в частности, для публикации учебников и пособий, по которым ведется преподавание на факультативах по «Влашскому языку с элементами национальной культуры» в некоторых влашских селах восточной Сербии; на нем написан учебник «Вуорба шй култура влаха» (Влашская речь и культура) М. Голубович, утвержденный министерством образования Сербии. Учебник состоит из четырех частей: «Влашская речь», «Культура общения», «Старинные рассказы», «Влашская культура и традиции». Сведения о грамматике в нем отсутствуют. Упор делается на общеупотребительной лексике. Дидактические тексты направлены на развитие коммуникативных навыков и освоение правил этикета. Кроме того, приводится ряд фольклорных текстов — сказок, басен, колядок [Голубовић 2013: 55–81]. Информационный контекст функционирования учебника представлен выходящими с определенной периодичностью книгами — в первую очередь детскими, а также сборниками фольклорных текстов.

И появление учебника банатско-болгарского языка Калапиша и Цветкова, и кодификация «влашского» языка и преподавание его в школах восточной Сербии вызвали негативную реакцию в метрополиях — в Болгарии со стороны Общества банатских болгар Болгарии (его члены в мае 2011 г. составили декларацию в адрес Государственного агентства по делам болгар, живущих за рубежом, опубликовавшего учебник, протестуя против употребления авторами термина «*български палкенски език*»), в Румынии со стороны Румынской академии, руководство которой в феврале 2020 г. обратилось к Академии наук и искусств Сербии с письмом, в котором содержится негативная оценка использования в официальных документах словосочетания «влашский язык» и призыв использовать термин «румынский язык» для говоров жителей земель, расположенных между реками Морава, Дунай и Тимок).

Литература

Голубовић М. Вуорба шй култура Влаха. Београд, 2013.

Калапиш А., Цветков О. Съвременен български език и български палкенски език. Буквар и читанка. София, 2010.

Стойков С. Банатски говор. София, 1967.

Телбизов К., Векова-Телбизова М. Традиционен бит и култура на банатските българи // Сборник за народни умотворения и народопис. Кн. LI. София, 1963.

Калиганов Игорь Иванович

д-р филол. наук, профессор, вед. научный сотрудник,
Институт славяноведения РАН;
kaliganov2009@mail.ru

АКАДЕМИК Н. С. ДЕРЖАВИН И СОЗДАНИЕ АКАДЕМИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ: ЛЕНИНГРАД, 1931–1934 гг.

Ключевые слова: Н. С. Державин, Институт славяноведения, Ленинград, 1931–1934 гг.

Создание Института славяноведения АН СССР в начале 30-х гг. XX в. в Ленинграде связано с именем выдающегося советского болгариста Н. С. Державина (1877–1953). Избранный в академики АН СССР по рекомендации любимца Сталина языковеда Н. Я. Марра, он при его поддержке реализовал свою давнюю мечту о создании академического научного учреждения, занимающегося проблемами славянства. Тяга Н. С. Державина к миру славян, и особенно к болгаристике, не была случайной. Он родился в одной из деревень Приазовья, населенной беженцами из Болгарии, и с детства впитывал в себя особенности жизни, нравов и быта болгар. При разработке структуры будущего Института Н. С. Державину пришлось сообразовываться с реалиями тогдашнего нелегкого для молодого советского государства времени. В стране ощущалась острая нехватка денег на образование и науку; после разрушительной Гражданской войны в Ленинграде, как и во всей стране, наблюдался крайний дефицит жилых помещений; в общественной жизни плодились все новые и новые идеологические препоны власти. Последняя прямо провозглашала себя диктатурой пролетариата и от его имени зорко следила за малейшими отклонениями от политической линии марксизма-ленинизма, зачастую откровенно надуманными.

За два с половиной неполных года своего существования Институт славяноведения в Ленинграде так и не обзавелся самостоятельным зданием. Заседания и научные доклады его сотрудников проходили в организованном Н. С. Державиным Славянском кабинете Библиотеки Академии наук. Нереальным оказалось и намерение ученого включить в штат создававшегося института академиков В. Н. Перетца, Н. К. Никольского, М. С. Грушевского и Е. Ф. Карского [Робинсон 2004: 210–239]. В итоге единственным академиком в Институте был сам Н. С. Державин, а число подчиненных ему научных сотрудников удалось довести лишь до 8 человек [Логачев 1978: 100]. Тем не менее созданный в 1931 г. институт быстро заявил о себе как о значимой административной и научной славистической единице. В нем были подготовлены и изданы два фундаментальных выпуска научных «Трудов Института славяноведения» (Л., 1932, 1935), в которых были опубликованы работы ряда ведущих дореволюционных и советских славистов. Они касались истории, литературы и культуры различных славянских народов и благодаря многообразию имевшихся в указанных изданиях рубрик давали четкое представление о научной жизни в современной отечественной и зарубежной славистике.

Создавая Институт славяноведения, Н. С. Державин задумал обширную программу будущих славистических исследований не только в отношении истории и культуры славянских народов, но и их взаимодействия с неславянскими соседями на Балканах: греками, венграми, молдаванами, валахами, албанцами и др. Реализовать ее тогда было невозможно, но ученый смотрел далеко в будущее. Спустя несколько десятилетий закрытый в Ленинграде, а затем воссозданный в 1947 г. в Москве Институт славяноведения получил дополнение к своему названию «и балканистики», существовавшее с 1968 по 1997 гг. Публиковать обширную программу Н. С. Державин, естественно, не стал, справедливо полагая, что она будет выглядеть наполеоновской. Главное внимание он уделял доказательству идеологической правомерности создаваемого института и его полезности делу строительства в России нового рабоче-крестьянского государства. Вступительная статья Н. С. Державина к первому выпуску институтских «Трудов» [Державин 1932: 1–14] напоминает передовицу из газеты «Правда» тех времен. Она полна шель-

мования прежней буржуазной славистики и призывов к использованию в этой области науки новых материалистических и марксистско-ленинских методов исследования.

Охранительная идеологическая риторика Н. С. Державина не смогла уберечь руководимый им Институт от поднимавшейся в стране волны репрессий. Большевистская власть с подозрением относилась к идеям единения людей на этнической, религиозной или культурной основе — они противоречили генеральной идее сплочения трудящихся масс единственно на марксистско-ленинском учении о классовом характере общества и пролетарском интернационализме. В карательных органах было состряпано так называемое «дело славистов», жертвами которого пали выдающиеся отечественные славяноведы. Не миновали репрессии и Институт славяноведения. Сам Н. С. Державин попал в составленный ОГПУ список руководителей и членов вымышленной чекистами «Русской национальной партии» и не был арестован лишь благодаря тени его покровителя Н. Я. Марра. Сам Марр тогда тяжело болел, был на пороге смерти и не мог предотвратить закрытие Института славяноведения 10 января 1934 г. В ходе гонений на славистику были репрессированы два бывших ученых секретаря Института: В. Н. Кораблев и Д. Д. Димитров. Последний пытался спасти свою жизнь публикацией разоблачающей славистику статьи [Димитров 1935: 122–133], но этим лишь ненадолго отсрочил свою гибель. После закрытия Института славяноведения Н. С. Державин развернул борьбу за реабилитацию славистики как науки и внес решающий вклад в возрождение института в Москве.

Литература

Державин Н. С. Новые задачи в области славяноведения // Труды Института славяноведения Академии наук. Т. I. Л.: Акад. наук СССР, 1932. С. 1–14.

Димитров Д. Д. Славянская филология на путях к фашизации (К оценке ее состояния на Западе») // Труды Ленинградского областного института. Т. 5. Л., 1935. С. 122–133.

Логачев К. И. Советское славяноведение до середины 30-х годов // Советское славяноведение. 1978. № 5. С. 91–103.

Робинсон М. А. К истории создания Института славяноведения в Ленинграде (1931–1934 гг.) // Славянский альманах. 2004. М.: Индрик, 2005. С. 210–239.

Мосинец Анастасия Геннадьевна

канд. филол. наук, ст. преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет; a.mosinets@spbu.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ КОММУНИКАТИВНОГО ПОДХОДА К ОБУЧЕНИЮ В СОВРЕМЕННЫХ БОЛГАРСКИХ УЧЕБНЫХ ПОСОБИЯХ И ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У ОБУЧАЮЩИХСЯ

Ключевые слова: коммуникативная компетенция, болгарский язык, обучение говорению.

В докладе анализируются варианты реализации коммуникативно ориентированного подхода в различных учебных пособиях по изучению болгарского языка и характеризуются методические решения, имеющие цель формирования навыков разговорной речи при изучении учащимися иностранного (болгарского) языка.

В современном мире при обучении иностранному языку особое внимание уделяется формированию у обучающихся коммуникативной компетенции, основанной на развитии речевых навыков и умений, способствующих успешному овладению иностранным языком. Обучение речевому общению как одному из видов коммуникации является одной из основных целей обучения. Под речевым общением понимается «форма взаимодействия людей с помощью языка, средство коммуникации и способ передачи информации» [Щукин 2011: 8]. Речевое общение включает в себя такие аспекты, как говорение, слушание, чтение и письмо.

В качестве видов говорения обычно выделяется инициативное (спонтанное), ответное (реактивное), имитативное, автоматизированное, ассоциативное. Конечной целью обучения является достижение учащимися именно навыков спонтанного говорения, которое является наиболее совершенным, так как говорящий руководствуется собственной инициативой в процессе выбора темы говорения и выражения мыслей [Щукин 2011: 211]. На другом полюсе находятся автоматизированный и ассоциативный виды говорения, которые могут свидетельствовать о неполном понимании смысла воспроизводимого текста.

Обучение говорению имеет конечной целью развитие устной речи студентов, которая существует в двух видах — монологическая и диалогическая. Каждый из данных видов речи развивается целенаправленно с помощью специальных упражнений в ходе занятий. Для формирования навыков диалогической речи в группах, как правило, предпочитаются социальные (интерактивные) формы обучения, когда слушатели работают в парах или небольших группах. Фронтальная работа при этом отходит на второй план.

Важную роль в обучении говорению играет ситуация. Ситуация может выполнять несколько функций: форма организации учебной деятельности, стимул порождения речи и средство для тренировки полученных знаний в условиях реальной коммуникации [Петрова 1997: 66]. Как правило, современные учебные пособия предусматривают большое разнообразие продуманных ситуаций общения для отработки изученного материала: от простой замены деталей в шаблонных диалогах до дискуссионных вопросов для свободного обсуждения. При современном коммуникативно ориентированном подходе, призванном научить общению в реальных жизненных ситуациях, развитие навыков говорения осуществляется уже в самом начале обучения, когда возможно общение студентов на ограниченный круг тем с использованием изученных шаблонов [Петрова 1997: 75]. При этом каждая новая фраза, вводимая в языковой инвентарь студента, соотносится с ситуациями, возникающими в ситуациях реального общения.

Важным элементом обучения разговорной речи является введение новой лексики. При этом может применяться как дедуктивный подход, когда сначала приводится список новых лексем к теме и их форм для изучения, а затем следуют тексты и упражнения, направленные на их закрепление, так и индуктивный, когда студентам предлагается вывести значение слов из контекста.

Например, в учебном пособии «Здравейте!» [Куртева и др. 2013] новая лексика вводится непосредственно в рамках текстов в начале каждый темы, то есть большая роль отводится язы-

ковой догадке или определению значения слов, исходя из контекста. Полный список лексики, используемой в уроке, представлен в конце темы, при этом каждая лексема снабжена переводом на английский язык. Кроме того, важные выражения и фразы предлагаются после тематических текстов, а также в разделе, посвященном разговорной практике. В учебном пособии «Аз говоря български…» [Гочев и др. 2005] для уровня B (в соответствии с европейскими компетенциями владения иностранным языком) применен другой подход: каждый урок начинается с подробного списка лексики по изучаемой теме, разделенного на подтемы. Например, тема «Здоровье» включает следующие лексические блоки: части тела и органы; самочувствие; личная гигиена; болезни и несчастные случаи; медицинское обслуживание. Для всех глаголов приводятся видовые пары (режа, изрязвам / да изрежа), для существительных представлена форма множественного числа, независимо от того, является ли она стандартно образуемой или нет (брадичка, -и; ухо, уши), для многих лексем даны примеры сочетаемости (например, четкам / да изчеткам: ~ дрехите си). Предполагается, что студенты, изучив всю необходимую лексику, закрепляют ее в последующих упражнениях.

В основе умений говорения лежат не только лексические, но и грамматические и произносительные навыки. Поэтому большинство учебных пособий характеризуется отсутствием чисто лексических или чисто грамматических уроков и используют комплексно-функциональный принцип обучения [Петрова 1997: 76].

Литература

Гочев Г., Кирова Л., Гърдев Ст. Аз говоря български. Български език за чужденци. Втора част. Велико Търново: Великотърновски университет «Св. св. Кирил и Методий», 2005.

Куртева Г., Бумбарова К., Бъчварова С. Здравейте! Учебник по български език за чужденци A1–A2. София: Нов български университет, 2013.

Петрова С. Българският език като чужд (история и методика). София, 1997.

Щукин А. Н. Методика обучения речевому общению на иностранном языке: учебное пособие для преподавателей и студентов языковых вузов. М.: ИКАР, 2011.

Сивенкова Наталья Владимировна[1], *Абрамкина Александра Сергеевна*[2]

[1]*ст. преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет; n.sivenkova@spbu.ru*

[2]*магистр; abramkinaas@yandex.ru*

О ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ С КОМПОНЕНТОМ-ФИТОНИМОМ В БОЛГАРСКОМ НА ФОНЕ РУССКОГО, АНГЛИЙСКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ

Ключевые слова: болгарский язык, фразеология и паремиология, фитонимы, перевод, компаративистика.

Описанию фразеологизмов и паремий, в состав которых входят фитонимы, посвящена обширная литература, однако на материале болгарского языка они изучены еще недостаточно, еще меньше исследований, в которых этот пласт лексики рассмотрен в сопоставительном аспекте. Фитонимы во фразеологии тесно связаны с национальным колоритом и концептами, формирующими ментальное пространство носителя языка, и часто могут вызвать трудности при переводе [Кошелев, Леонидова 1974: 16]. В докладе рассмотрены как общеизвестные фразеологические единицы (ФЕ) и паремии (напр., восходящие к Библии и поэтому присутствующие во многих европейских языках — *адамова ябълка = адамово яблоко = Adam's apple*, см., напр.: [Мокиенко 2013]), так и специфичные для болгарского языка — на фоне русского, английского и французского. Отдельным объектом исследования в данной работе являются и проблемы перевода фразеологии.

К числу ФЕ с фитонимами исследователи относят как те единицы, в которых метафорическое сочетание использовано для обозначения растения (напр., болг. *момина сълза* — Convallaria Majalis, рус. *ландыш*, *миризлива момкова сълза* — Poligonatum Odoratum, рус. *Иван-чай* и др.), так и случаи, когда наименование растения, его части или совокупность растений является компонентом ФЕ или паремии (болг. *търся от трън праскови*, ср. *от трън праскова искам*, *от трън та на глог*; *хубав наглед като тиква на плет*; *търпението обръща черничевото дърво на коприна* и под.). Среди последних есть единицы, имеющие переводные эквиваленты (чаще среди тех, что восходят к Библии), но есть и такие, при переводе которых калькирование является ложным другом переводчика. Концепт розы, например, в болгарском, русском, английском и французском языках весьма вариативен, и это закрепилось и во фразеологии. Представления, связанные с понятием «дерево» вообще и с наименованием отдельных видов (*дуб*, *бук*, *осина* и др.) в рассматриваемых языках существенно отличаются [Недкова 2008: 71]. Напр., совпадает устойчивая ассоциация с крепостью дубовой древесины, что фиксируется во ФЕ: фр. *fort comme un chêne* и рус. *крепкий как дуб* вполне эквивалентны. В то же время англ. *heart of oak* — удалец, болг. *стоя като дъб* — ср. рус. *молчать как рыба* и ряд других имеют национальный колорит. В ряде ФЕ фиксируется вторичное использование фитонима в переносном значении: англ. *sport one's oak* (для запрета входить): изначально фитоним, «дуб» при метонимическом переносе в данном случае означает «дверь», любую, не только дубовую. Англ. *to wear the willow* 'носить траур' в современном контексте не предполагает наличия растения «верба», а *willow pattern* 'ивовый узор', придуманный в 1780 г., знаком, скорее, искусствоведам, нежели широкой публике. Рус. «*вербное воскресение*», которое в иных языках обычно «*пальмовое*» (в болг. это не словосочетание, а однословное наименование «*връбница*» или «*цветница*») имеет позитивные коннотации, хотя сам концепт плакучей ивы, вербы в русском менталитете традиционно связан с печалью или задумчивостью. Болгарская же верба фигурирует в других контекстах: болг. *от върба грозде* (о чем-то невозможном, ср. рус. *от осинки апельсинки*), болг. *да се обесиш на суха върба* (о том, кто много обманывает).

Ряд ФЕ и паремий имеет компонент, который несколько выходит за рамки узкого понимания фитонима как названия растений, ибо растение в таких конструктах обозначает либо растительный продукт питания (*режа като кисела краставица* — ср. рус. *разделать под орех*, болг. *чукам пипер на главата* — рус. *задать перцу*; фр. *Ce n'est pas tes oignons! / Occupe-toi de tes*

oignons — рус. *Не лезь не в свое дело!*), либо совокупность растений, напр., лес, огород (болг. *бостан*, *гора*) в ФЕ типа рус. *не видеть лес за деревьями*, болг. *в гора е расъл, трева е пасъл* (о диковатом, живущем вдали от цивилизации человеке) и т. п. Рассматривая такие «фитонимы», нужно иметь в виду региональные особенности [Седых, Бондарева 2018: 156–158]. Напр. при переводе болг. *Лозето не ще молитва, а мотика* модель паремии с фитонимом не применима, при переводе данной паремии вариантом *Терпение и труд все перетрут* можно сохранить и рифмовку, но она явно отличается от исходной. Виноградник для средней полосы России относительно новое понятие, а фитоним *виноград* используется обычно в ФЕ типа *зелен виноград*, восходящих к крылатому выражению из басни о лисе (рус. лисице) и винограде (интерпретация Лафонтеном басни Эзопа, а И. А. Крыловым басни Лафонтена), актуализируется в нем не название растения, а фрукт как продукт питания. Интересные трансформации фитонимов мы видим во фр. «*mi-figue, mi-raisin*» — нечто одновременно приятное и неприятное, дословно ‘полуинжир’, ‘полувиноград’.

Отдельную проблему составляет онлайн перевод фразеологии (ФЕ с фитонимами в частности). Калькирование, которое часто возникает при таком переводе, не учитывает колорит и лингвокультурологические нюансы. Метафора, сокрытая в ФЕ, не функционирует.

Представляется, что исследование болгарской фразеологии с фитонимами на фоне других языков перспективно по ряду причин: 1) позволяет четче очертить концептуальные отличия при метафоризации понятий в разных языках и их зависимость от культурных, исторических, географических особенностей региона (т. е. влияние неязыковых факторов); 2) расширить представления о многообразии метафорических переносов, в том числе вторичных; 3) обратить внимание на трудности перевода фразеологии; 4) внести терминологические уточнения относительно статуса фитонима, если он перестал вследствие метафорического переноса обозначать растение или его часть.

Литература

Кошелев А. К., Леонидова М. А. Болгарско-русский фразеологический словарь. М.; София, 1974.

Мокиенко В. М. Библеизмы в европейской фразеологии и паремиологии // Die slawische Phraseologie und die Bibel — Славянская фразеология и Библия — Slovanská frazeológia a Biblia. Greifswald, 2013. С. 144–153.

Недкова Е. За познавателния потенциал на българските фразеологизми с лексикални компоненти фитоними // Научни трудове на Русенския Университет. 2008. Т. 47. Сер. 5.3. С. 71–74. URL: https://conf.uni-ruse.bg/bg/docs/cp/5.3/5.3-12.pdf (дата обращения: 29.01.2025).

Седых А. П., Бондарева М. М. Фитонимическая фразеология и национальный дискурс. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 5-1 (83). С. 155–159. https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-5-1.33

СЛАВЯНЕ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ: КОМПАРАТИВИСТИКА, ИМАГОЛОГИЯ, ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

Грасько Анна Васильевна

мл. научный сотрудник, Институт славяноведения РАН;
anna-grasko@yandex.ru

«ЧЕШСКИЙ СЛЕД» В СТРОИТЕЛЬСТВЕ СОЦИАЛИЗМА: ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ИРЖИ ВАЙЛЯ О ЧЕХАХ В СССР В 1930-е гг.

Ключевые слова: кооператив «Интергельпо», чехи в СССР, публицистика И. Вайля, чешская литература, роман «Москва-граница», роман «Деревянная ложка».

Участие граждан межвоенной Чехословакии в жизни советского общества в 1920–1930-х гг. представляется сегодня интересной и малоизученной темой. Можно сказать, нерукотворный памятник чехам-соотечественникам воздвиг в своей литературной деятельности чешский писатель, публицист Иржи Вайль (1900–1959), который работал в советской России в 1933–1935 гг. Будучи корреспондентом в Москве, а затем в Средней Азии, Вайль имел возможность наблюдать, как живут чехи в советском мире и какой немалый вклад в него вносят. Его наблюдения отразились в серии репортажей, которые частично были опубликованы во время пребывания в СССР, а частично — после возвращения в Чехословакию в виде брошюры под заголовком «Чехи строят в стране пятилеток» (*Češi stavějí v zemi pětiletek*, 1937). Чешские герои появляются и в его романах об СССР: в романе «Москва — граница» (*Moskva-hranice,* 1937), посвященном жизни иностранцев в советской Москве, и романе «Деревянная ложка» (*Dřevěná lžíce,* 1938), где речь идет об иностранцах в Средней Азии и о чешской коммуне «Интергельпо».

Главными героями художественных произведений Вайля становятся чешский интеллектуал Ян Фишер (главный герой романов «Москва — граница» и «Деревянная ложка») и представительница довоенного буржуазного слоя Ри (главная героиня «Москвы-границы»), при этом интересно, что в главных героях романов не очень важна чешская составляющая, они скорее являются носителями европейской точки зрения, сквозь призму которой делается попытка оценить советский мир во всей его бытовой и смысловой целостности. Совсем по-другому и с другой целью Вайль изображает чешских рабочих и инженеров, главных героев его публицистики и второстепенных героев романов. В них Вайль, напротив, подчеркивает чешские черты: это трудолюбие, сноровка, заинтересованность, умение не отступать перед трудностями, а также готовность проникаться советскими социалистическими идеалами, сохраняя собственную идентичность. Цель Вайля, как он сам ее определяет — показать, как чехи «работают, борются и побеждают в чужой стране», увековечить вклад чехов в социалистическое строительство. Таким образом из репортажей Вайля мы узнаем о героических чехах-ударниках, работавших на легендарной стройке Метрострой (*Čeští dělníci na Metrostroji*), о судьбах отдельных чешских специалистов, объездивших весь СССР, о том, что чехи работали на Государственном подшипниковом заводе им. Л. М. Кагановича и на обувной фабрике «Парижская коммуна» (*Čechové v Moskvě*). В романе «Деревянная ложка» и в своей публицистике Вайль подробно описывает историю и жизнь легендарного промыслового кооператива «Интергельпо», основанного 1925 г. в Киргизии близ г. Фрунзе (сегодня — Бишкек). При этом репортажи, посвященные «Интергельпо», превращаются в почти эпическое сказание Вайля-летописца о чехах-первопроходцах, которые устояли перед многочисленными трудностями и разочарованиями и смогли создать

Руководитель секции: М. Ю. Котова.

небольшой благоустроенный промышленный город практически посреди пустыни — своего рода социалистическую утопию. Описывая этапы создания «Интергельпо», Вайль опирается на свидетельства самих поселенцев, вживается в их эмоции, стремится показать не только событийную, но и эмоциональную динамику, которую прошли люди — от любопытства и надежды через разочарование и отчаяние к удовлетворению и гордости своим трудом. Вайль описывает героический труд членов «Интергельпо», убеждает точными данными, говорит, что за два года членам товарищества удалось запустить 4 завода, построить 17 домов на 91 квартиру, возделать 260 гектаров нетронутой земли. Подчеркивает Вайль и то, что именно с чехословацкого «Интергельпо» началось приобщение киргизов к технике, технологиям, электричеству. Кроме того, Вайль рассказывает, что именно чехи, несмотря на недоверие местных жителей и чиновников, начали выращивать в Киргизии сладкую репу, которая вскоре стала важной промысловой отраслью в Киргизии и Казахстане. Об этом достижении чехословаков, их вкладе в советскую жизнь, Вайль пишет в стилистике летописи: «Была осень 1925 г. Это историческая дата в истории Киргизии. В этом году Чехословаки подарили Киргизии сладкую репу» [Weil 2022: 236.].

Интересные замечания Вайля связаны также с интеграцией чехов в советский мир. Он отмечает, что что чехи, работающие в СССР, чувствуют себя на своем месте, их наполняет гордость своей работой и чувство собственного достоинства. Именно это отмечает и главная героиня романа «Москва-граница» Ри, сравнивая московских чехов с рабочими, которых она видела в Чехии, об этом свидетельствуют и сами чешские специалисты, собеседники Вайля, которые появляются в его репортажах. Показывает Вайль и интеграцию чехов в культурную жизнь СССР — они вечером вместо пивной идут на собрание, дома занимаются по книжкам, и, по свидетельству библиотекарши, «заразились русской болезнью, читательской горячкой». Также Вайль пишет о том, что в Советском Союзе активно адаптируется и чешская молодежь, молодые люди получают образование, становиться инженерами, военными, врачами, и тоже гордятся своими успехами.

Таким образом, Вайль подчеркивает, что чехословаки в СССР — это первопроходцы, стахановцы, способные трудиться, умелые, дружные, сумевшие «соединить западноевропейскую практичность с русским революционным энтузиазмом» [Weil 2022: 58]

Литература

Weil J. Češi stavějí v zemi pětiletek // Reportáže a stati 1933–1937. Sv. 3. Praha, 2022. S. 178–271.
Weil J. Deset let Interhelpa: Svět práce, květen 1935 // Reportáže a stati 1933–1937. Praha, 2022. S. 53–58.

Карякина Мария Валерьевна

PhD, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

ЧИСЛОВЫЕ ПРИТЧИ В СЛАВЯНСКОМ ПЕРЕВОДЕ: ПР. 30.15–31

Ключевые слова: числовые притчи, Книга Притч, славянский перевод Библии.

«Слова Агура» — это своеобразная коллекция притч неизвестного авторства (некий «Агур, сын Яке»), которая входит в состав Книги Притч Соломоновых и расположена практически в самом ее конце, в главе 30. Эта коллекция носит саркастический характер — в ней высмеивается гордость, превозношение ученостью и уверенностью в собственной мудрости. Начинаются «Слова Агура» с почти сократовского утверждения «я более невежда, чем кто-либо другой…» (30.2–3) и предостережения о невозможности постичь тайны бытия (4–6), далее следует знаменитая молитва «нищеты и богатства не дай мне, Боже» (30.7–9). Вслед за этими словами идет довольно большой блок так называемых «числовых притч» (numeric sayings) — высказываний, структура которых организована с помощью чисел.

Поскольку 30-я глава Книги Притч не читается за богослужением, славянский текст этой главы можно найти только в полных списках Книги, самый ранний из которых Тырновская Библия (1470 г., РНБ, F.I.461, далее — ТБ). Этот же перевод сохранился и в других списках: в Геннадиевской Библии (1499 г., ГИМ, Син 915, далее — ГБ) и Библии Матфея Десятого (1507, БАН, 24.4.28, далее — М10), и в первом печатном издании — Острожской Библии (1581 г., далее — ОБ).

Числовые высказывания неоднократно встречаются в библейской литературе (ср. Пр 6:16; Иов 5:19; 39:35; Пс 61:12; Эккл 11:2; Ам 1:3–2:8), однако числовые притчи Агура можно назвать уникальными: Агур использует числа не просто для составления неких списков (как Пр. 6.16): поскольку Пр.30.11–14 и 32–33 также являются списками из соответственно четырех и трех элементов (четырехкратное повторение רוֹד и трехкратное повторение יִמָּ), весь раздел 30.11–33 представляет собой сложную хиастическую композицию, организованную с помощью чисел 3 и 4 [Steinmann 2001: 61–63]. Кроме того, исследователи отмечают, что Слова Агура отличаются яркими образами, граничащими с гротеском [Kirk 2024: 205]. Агур иронизирует, называя «мудрейшими из мудрых» муравьев, тушканчиков, саранчу и ящерку (24–28), а царя, горделиво идущего перед подданными и воображающего себя, по-видимому, львом, Агур сравнивает с козлом, идущим перед стадом и с петухом, вышагивающим перед курами.

Передача подобных текстов средствами другого языка всегда является вызовом для переводчика.

Например, первая притча «у пиявки две дочери: ‘дай, дай’! Три вещи никогда не насытятся, и четвертая не скажет — ‘хватит’!: шеол, бесплодное чрево, земля, что не насытится водой, и огонь, что никогда не скажет ‘хватит’» (30.15–16) (евр). Числа «три» и «четыре» здесь обозначают четыре элемента, которые никогда не насытятся — шеол, чрево, землю и воду. Именно так числа используются в числовых притчах: два числа (меньшее и большее), и затем перечисление элементов в количестве, соответствующем большему числу.

В Септуагинте, с которой делался славянский перевод, эта притча выглядит иначе. Во-первых, дочерей у пиявки не две, а три (τρεῖς θυγατέρες), и таким образом число «три» означает этих дочерей, а «четыре» — пиявку и ее дочерей (τῇ βδέλλῃ τρεῖς θυγατέρες ἦσαν ἀγαπήσει ἀγαπώμεναι καὶ αἱ τρεῖς αὗται οὐκ ἐνεπίμπλασαν αὐτήν). Таким образом, число последующих элементов не имеет значения, и в греческом тексте их не четыре (шеол, чрево, земля и огонь), а шесть — ад, любовь женщины, тартар, земля, вода, огонь (ᾅδης καὶ ἔρως γυναικὸς καὶ τάρταρος καὶ γῆ … καὶ ὕδωρ καὶ πῦρ). «Тартар» является синонимом слова «ад», однако славянский перевод передает лексему τάρταροςедена как «гроза» (Адъ . и похотъ жены . и гроꙁа . и ꙁемѣ . не насыщаѫщиса̀ вwды . и вwда и wгнь . не рекѫ(т) довлетъ) (ТБ). При копировании этого текста в ГБ дочерей у пиявки оказалось не три, а четыре, что, по-видимому, является результатом ошибки внутреннего диктанта. Это же чтение представлено и в М10, и в ОБ, а следовательно, ошибка с количе-

ством дочерей пиявки была сделана в общем для М10 и ГБ источнике и этот же текст воспроизводился в последующих списках.

В другой числовой притче — «есть на земле четверо малых, но они — мудрее мудрых» (30.24–28) славянские переводчики также столкнулись с незнакомым словом. В числе маленьких зверюшек, способных на великие дела, перечислены муравьи, горные мыши, саранча и геккон (ящерица). Славянский текст передаёт греческое οἱ χοιρογρύλλιοι (30.26, горные мыши) транслитерацией херохрїи (ТБ), в более позднем тексте ТБ это слово исправлено, видимо, в попытке точнее передать греческое начертание — хїрухлули (М10). В ГБ славянский текст правился по Вульгате, однако эти исправления, похоже, коснулись только последовательности текста (в Септуагинте и соответственно, прежних славянских текстах первая часть главы 30 располагается в середине главы 24, а вторая часть главы 30 и начало главы 31 — по окончании главы 24, далее следуют главы 25–29 и окончание главы 31), но не самого перевода или хотя бы прояснения неясных лексем. Несмотря на то, что стих 30.1 в ГБ переведен с Вульгаты (Словеса събирающа / Verba Congregantis), остальной текст главы, включая упомянутую выше ошибку с количеством дочерей пиявок в 30.15 и загадочных «хирохрулей» (хирухлули) в 30.26, идентичен М10, то есть восходит к тому же источнику. В ОБ зверёк назван «хирогрилем» (в тексте ед. число, им. падеж хирогриль), а в ЕБ — «хирогруллем» (в тексте мн. число, им. падеж — хирогрулли).

Таким образом, в славянском переводе числовых притч отражаются как греческий источник, переосмысливший соотнесение чисел и перечисляемых элементов, так и трудности понимания такого рода притч славянскими переводчиками и переписчиками.

Литература

Kirk A. T. Agur's Wisdom and the Coherence of Proverbs 30 / AIL 50. Atlanta: SBL Press, 2024.

Steinmann A. E. Three things… four things… seven things. The coherence of Proverbs 30.11–33 and the Unity of Proverbs 30 // Hebrew Studies. 2001. Vol. 42. P. 59–66.

Колесникова Анна Леонидовна[1], Абакумова Ольга Борисовна[2]

[1]ст. преподаватель, Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева; anna-perevod@yandex.ru

[2]д-р филол. наук, профессор, Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева; Abakumova-ob@mail.ru

ПОСЛОВИЧНЫЙ КОНЦЕПТ «ПРАВДА» В РУССКИХ И ЯПОНСКИХ ПАРЕМИЯХ

Ключевые слова: пословичный концепт, концептуальный анализ, правда/макото, русский язык, японский язык.

Одним из центральных понятий лингвокультурологии является концепт. Если материалом для его анализа являются пословицы, можно говорить о пословичном концепте. Согласно определению, предложенному О. Б. Абакумовой, под пословичным концептом понимается совокупность семантических ролей, квалитативов разного рода, выполняемых именем концепта в семантической структуре пословичных предложений-высказываний, представляющих паремический дискурс объекта. В результате анализа более 200 русских пословиц по материалам словаря «Народная мудрость» [Мокиенко, Никитина 2011] было выявлено более 200 русских пословиц о правде, что дало возможность описать онтологические, аксиологические, модальные, гносеологические признаки концепта Правда [Абакумова 2011].

В японском языке слово «правда» — *макото* может быть записано с помощью трех иероглифов. Каждый из них означает «правдивость», «подлинность», однако имеет отличительные нюансы: 真 — «правда», «подлинность», «истинность», 実 — «правда», «действительность», он же «плод», «суть», «содержание» и 誠 — «правдивость», «искренность», «истинность». Концепт *макото* рассмотрен в статье М. П. Герасимовой «*Макото* — исходный принцип этических и эстетических убеждений японцев». Исследователь указывает на то, что компонент «кото», входящий в состав слова «макото», в свою очередь может быть записан с помощью двух иероглифов 言 *кото* и 事*кото* и одновременно соответствует понятиям «слова» и «дела». Таким образом, «*макото1* — «истинные слова» и *макото 2*— «истинные дела» подразумевают высшую степень искренности слов и честности, правильности мыслей, действий, поступков. Взаимосвязь «истинные слова — истинные дела» можно рассматривать как один из движущих факторов морального долженствования [Герасимова 2020: 126]. Слово *правда* в японском языке также передается лексемами *синри*真理 истина, правда, *синдзицу*真実 правда, правдивый, действительный, *хонто:* 本当 правда, правильность.

Проанализировав более 20 японских пословиц о правде по материалам японских словарей [Судзуки, Хирота 1956] мы выяснили, что понятие «правда» записывается в японских пословицах иероглифами真 , 実 и 誠, а также лексемой正直*сё:дзики* — честность, добросовестность, порядочность; прямота, правдивость, 理 *ри* — довод, резон, правда, справедливость.

Правда в японских, как и в русских, пословицах представляется как ценность, которая вознаграждается, или которую надо беречь (квалитатив высшей ценности): Правда вознаграждается: 正直の頭に神宿る *сё:дзики-но ко:бэ-ни ками ядору* — (букв. *в честной голове живёт бог*). 誠は宝の集まり所 *макото ва такара-но ацумаридокоро* «правда — это место сбора сокровищ», т. е. правдивость и искренность — это самое дорогое, самое ценное. Ср. рус. пословицы: *Правда дороже золота*, *Честному бог помогает* или *Кто правду хранит, того бог наградит* (квалитатив принадлежности высшим силам). 正直の儲けは身につく *сё:дзики-но мо:кэ ва ми-ни цуку* «честно нажитое впустую не растрачивают» . Правда понимается как единственно возможная理に二つはない *ри-ни футацу ва най — Двух правд не бывает* (квалитатив единственности). Ср. также рус. *Лжи много, а правда одна*.

Правда — это то, к чему должен стремиться человек как «внутри» — в мыслях, в сердце, так и «снаружи» — в своих поступках, в отношении к окружающим: 内に誠あれば外に形る *ути-ни макото арэба сото-ни аравару* — досл.: *Если внутри правда, то она проявится и снаружи*. Значение: “Если в душе, в мыслях — правда, то она проявится и в поступках этого челове-

ка, в его отношении к другим людям" (квалитатив искренности, очевидности). Ср. рус. *Правду молвишь, правду и чини* (прескриптив нравственного поведения). 誠は道の親 *макото ва митино оя* букв. «правда — родитель пути», т. е. правда направляет на верный путь, выступает ориентиром для любых действий и поступков человека.

Правда в русской и японской культурах может иметь и отрицательные коннотации. Правда может быть некрасива, неприятна:信言は美ならず、美言は信ならず *сингэн ва би нарадзу, бигэн ва син нарадзу* — Правдивые речи не красивы, красивые речи не правдивы (квалитатив внешней непривлекательности). Ср. рус. *Правда глава колет* (квалитатив нежелательности, опасности) 正直は阿呆の異名 *сё:дзики ва ахо:-но имё: — Правдивец — другое именование глупца (квалитатив простоты, наивности). Ср. рус. Глупый да малый всегда говорят правду.*

В японских пословицах прослеживается представление о правде как о «зерне», которое есть во лжи: 嘘にも種が要る *усо-ни мо танэ-га иру* — букв. *Даже лжи требуется зерно / основание* (даже такое простое дело — ложь требует подготовки и просто так не делается. Ко всему нужно тщательно готовиться) 嘘から出た実 *усо-кара дэта макото* — букв. *Правда, появившаяся / вышедшая из лжи / Ложь доведет до правды* (случайно или в шутку высказанная неправда в конечном счете оказывается правдой / приводит к правде) (квалитатив общего основания).

Литература

Абакумова О. Б. К вопросу о создании словаря пословичных концептов (на материале пословичных концептов «Правда» и «Truth») // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011. № 3 (33). С. 493–498.

Герасимова М. П. Макото — исходный принцип этических и эстетических убеждений японцев // Вестник Института востоковедения РАН. 2020. № 3. С. 126–138.

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Народная мудрость. М.: ОЛМА МедиаГрупп, 2011.

Судзуки Т., Хирота Э. Кодзи котовадза дзитэн [Словарь японских пословиц и поговорок]. То:кё: : То:кё:до: сюппан, 1956.

Мущинская Виктория Владиславовна

канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет;
v.mushinskaya@spbu.ru

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТА «ЛЕС» (НА МАТЕРИАЛЕ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ПАРЕМИЙ)

Ключевые слова: концепт, паремия, восточнославянские языки.

В докладе рассматривается репрезентация концептов *ЛЕС* / *ЛІС* в паремиологической картине мира носителей русского и украинского языков.

Концепт понимается как ментальный конструкт, в содержании которого выделяют три основных компонента: понятийный, образный и оценочный [Карасик 2001: 3–16].

Понятийный компонент концепта *ЛЕС* / *ЛІС* включает следующее определение лексемы «лес»: а) дикорастущие деревья, занимающие большую площадь; б) большая площадь, пространство, поросшее деревьями; в) срубленные деревья как строительный, поделочный и т. п. материал [БАС 2007, т. 9: 141–142; СУМ 1974, т. 4: 522–523].

Понятийный компонент концепта *ЛЕС* / *ЛІС* является релевантным как для носителей русского, так и украинского языка.

Понятийная составляющая концепта *ЛЕС* / *ЛІС* в сопоставляемых языках может быть расширена следующими общими признаками:

1) лес как цель, направление движения (рус. *Ехать в лес; Ходить в лес*; укр. *Поїдемо в ліс, нарубаємо беріз*);
2) лес как среда обитания диких животных (рус. *Волков бояться — в лес не ходить; В лесу и медведь архимандрит*; укр. *Боятися вовка — в ліс не ходити; Як вовка боятися, так і в ліс не йти; Боявшися вовка, в лісі не бувати*);
3) лес как источник питания и природно-сырьевых ресурсов для ведения хозяйственной деятельности (рус. *Возле лесу жить — голоду не знать*; *Лес поит, кормит, одевает, укрывает, согревает; Лесная сторона не одного волка и мужика досыта кормит; Вырос лес, так выросло и топорище;* укр. *Що в лісі родиться, то в дворі згодиться)*;
4) лес как опасное место (рус. *Ходить в лесу — видеть смерть на носу*; *Лес слышит, а поле видит;* укр. *За відважним добре в ліс іти*);
5) лес, как место, где обитают потусторонние мифические существа и нечистая сила (рус. *Лес без лешего не стоит; У леса как у беса: всего много*; укр. *Пішов до ліса, надибав біса; Один дивиться до ліса, а другий до біса*);
6) лес как собственность (рус. *На лес и поп вор*; укр. *Пан спить, а ліс росте; Ліс божий та людський, а не панський, бо пани його не садили*);
7) лес как непригодное место для возделывания сельскохозяйственных культур (рус. В *лесу много дров, да хлеба нет*; укр. *Ліса — хоч бий ся, води — хоч мий ся, а хліба — хоть плач*);
8) лес как участок, который расчищают под сельскохозяйственные угодья (рус. *Пихать лес*; укр. *Пішло поле в ліс*).

Специфическим значением понятийного концепта «*лес*» для украинской этнокультуры является:

1) лес как место, где пасется скот (укр. *Лишив я коні в лісі на божу волю; вертаю, а божа воля коньи зз'їла*);
2) лес как место, где можно заблудиться (укр. *Блуджу по місті, як по лісі*);
3) лес как источник прибыли (укр. *Як є ліс, то є гріш)*.

Общая образная составляющая концептов *ЛЕС* / *ЛІС* объективирована в сопоставляемых языках метафорическим значением:

1) лес как сообщество — (рус. *Много лесу темного, да нет дерева годного;* укр. *Ліс великий, а путнього дерева в ньому не знайдеш;* рус. *Как в лесу кликнешь, так и откликнется;* укр. *Як у лісі гукнеш, так і одгукнеться*);
2) лес как место жизни и действия неграмотных, неумелых, необразованных людей: (рус. *В лесу родились, пням молились*; *Жить в лесу, богу молиться колесу*; укр. У *лісі родився, нічого не знає*; *Він такий, гий би у лісі виріс*);
3) лес как сущность (рус. *Как волка ни корми, а он в лес смотрит*; укр. *Вовча натура все в ліс тягне, Хоч як вовка годуй, а він усе в ліс дивиться*);
4) лес как рискованное дело (рус. *Волка бояться, так и в лес не ходить;* укр. *Вовка боятися — в ліс не ходити*);
5) лес, как что-то непонятное (рус. *Чужая душа — темный лес; Чужая душа, что темный лес;* укр. *Чужі люди — темний ліс*).

Этноспецифическими образными значениями концепта лес в украинских паремиях являются:

1) лес как беда (укр. *Чорт біса витягне із ліса*);
2) лес как место свободы (укр. *Ліпше пташині голодом у лісі, як при цукрі і багатій стрісі*).

Ценностная составляющая концепта *ЛЕС* / *ЛІС* в сопоставляемых языках актуализирована признаками *лес* ‘как чужое, неизвестное, далекое, противопоставленное своему — дому, людям, лес как свое’. С точки зрения ценностной составляющей, в зависимости от акцентируемых признаков, *лес* воспринимается в сопоставляемых языках как положительно (рус. *богатый, большой, зеленый, прекрасный,* укр. *великий*, *зелений*), так и отрицательно (рус. *темный, дремучий, сумрачный, непролазный, опасный*, укр. *темний*, *дрімучий*, *густий*).

Таким образом, концепты ЛЕС / ЛІС релевантны как для носителей русского, так и украинского языка. Понятийную составляющую концептов составляют такие изоморфные когнитивные признаки как: 1) ’большая площадь земли, заросшая деревьями и кустами’, 2) ’деревья, растущие на такой площади’, 3) ’срубленные деревья как строительный материал’. Дополняют понятийную составляющую в сопоставляемых языках общие паремийно вербализованные концептуальные признаки.

Источники

БАС — Большой академический словарь русского языка. Т. 9. Л — Медь. М.; СПб.: Наука, 2007.
СУМ — Словник української мови в 11 томах 1970–1980. Т. 4. І — М. Київ: Наукова думка, 1974.

Литература

Карасик В. И. Культурные доминанты в языке // Карасик В. И. Языковая личность: культурные концепты. Волгоград; Архангельск, 1996. С. 3–16.

Сергиенко Олеся Сергеевна

канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет;
o.sergienko@spbu.ru

ВАРИАНТНОСТЬ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОГО МИНИМУМА В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ С ИХ АНГЛИЙСКИМИ ПОСЛОВИЧНЫМИ ПАРАЛЛЕЛЯМИ

Ключевые слова: паремиологический минимум, вариантность пословиц, трансформация пословиц, русский язык, английский язык, политический дискурс.

В настоящем исследовании анализируется функционирование в языке современного политического дискурса некоторых русских пословиц, вошедших в новейший паремиологический минимум русского языка (по состоянию на 2022 г.), выявленный в результате социолингвистического паремиологического эксперимента с участием 340 информантов, носителей русского языка и опубликованный членами научного коллектива кафедры славянской филологии под руководством проф. М. Ю. Котовой в 2023 г. [Тетради паремиографа 2023]. Под функционированием пословиц понимается их использование в речи, способность адаптироваться к различным контекстам и ситуациям общения, их актуализация в условиях контекста, которая часто отражается в вариантности используемых пословичных форм. Вариантность мы будем рассматривать в широком смысле слова, включая как нормативную вариантность, фиксируемую словарями, так и вариантность контекстную, намеренную, т. е. трансформацию пословиц с целью достижения какого-либо коммуникативного эффекта.

В текстах выступлений, интервью, стенограммах прямых линий, совещаний и президентских обращений нами были обнаружены следующий русские пословицы, вошедшие в паремиологический минимум 2022 г.: *Береги платье снову, а честь смолоду; В чужом глазу соломинку видит, а в своём и бревно не замечает; Всё течет, всё меняется (изменяется); Глаза боятся, а руки делают; Дарёному коню в зубы не смотрят; Дают — бери, /а/ бьют — беги; Дуракам везёт; Заставь дурака Богу молиться — он /и/ лоб расшибёт (разобьёт); И волки сыты, и овцы целы; Как аукнется, так и откликнется; Курочка по зернышку клюет/, да сыта бывает; Мягко стелет, да жёстко спать; На Бога надейся, а (да) сам не плошай; На зеркало неча (нечего) пенять, коли рожа крива; Не было бы счастья, да несчастье помогло; Не в бровь, а в глаз; Не так страшен чёрт, как его малюют; Нос вытащит — хвост увяз, хвост вытащит — нос увяз; По одёжке встречают, по уму провожают; Русские долго запрягают/, но (да) быстро едут/; Своя рубашка (рубаха) ближе к телу; Семь раз отмерь — один /раз/ отрежь; Слово не воробей, вылетит — не поймаешь; Собака лает, караван идёт (ветер носит); У кого что болит, тот о том и говорит; Чья бы корова мычала, а твоя бы (б) молчала; Яблоко (Яблочко) от яблони недалеко падает.*

В большинстве примеров пословицы употребляются в своем инварианте, т. е. в наиболее известной форме. Нередко эта форма подвергается различным способам формально-грамматической трансформации. Чаще всего встречается морфологическое и словообразовательное варьирование, что актуализирует высказывание (*Мягко стелем, но жестко спать*). Действенным приемом является инверсия, она часто сопровождается другими приемами, например, дополнением пословицы авторским комментарием (*Везёт дуракам, а мы работаем с утра до ночи*). Нередко встречается вариантность на лексическом уровне (*Чья бы кобыла мычала, а твоя бы молчала*). Замена может быть оправдана соображениями цензуры, благозвучия (*Заставь не очень умного человека Богу молиться — он рад лоб расколотить*).

Трудности перевода зачастую искажают восприятие того, что говорят политики на самом деле. Самая сложная задача для переводчика — ситуативные речевые обороты-окказионализмы, трансформация и обыгрывание в речи пословиц, фразеологизмов. Вот и интервью В. В. Путина телеканалу NBC в 2021 г. оставило вопросы и недопонимания за рубежом.

«*У нас есть такая пословица: нечего на зеркало пенять, если рожа кривая. Это к вам лично не имеет никакого отношения, но если нам кто-то что-то ставит в вину, вы посмотрите на себя, вы там себя в зеркале увидите, а не нас*», — сказал В. В. Путин в интервью.

Здесь речь шла о вмешательстве во внутреннюю политику других государств. Известную русскую пословицу со значением ‘не стоит искать себе оправдания во второстепенных обстоятельствах, если главный источник отрицательного явления — ты сам’ [Котова 2000: 144] перевели дословно, так что теперь она зазвучала как ‘не стоит злиться на зеркало, если сам уродлив’.

«*We have a saying: “Don’t be mad at the mirror if you are ugly.” It has nothing to do with you personally. But if somebody blames us for something, what I say is, “Why don’t you look at yourselves?” You will see yourselves in the mirror, not us*» (URL: https://www.nbcnews.com/news/world/transcript-nbc-news-exclusive-interview-russia-s-vladimir-putin-n1270649).

Гораздо больше смысла было бы в описательном переводе, например, *Don’t blame your own faults on others*, букв. ‘не нужно винить других в своих проблемах’.

Паремии относятся к основным языковым средствам реализации убеждения, к которым прибегают участники политического дискурса для убеждения в правоте выдвигаемых ими идей, поскольку обладают яркой национально-культурной спецификой и сильным стилистическим эффектом, они также помогают привлечь внимание реципиента, сделать речь более эмоциональной, лаконичной и запоминающейся, а также разрядить обстановку. Политические деятели нередко используют пословицы для усиления своих аргументов, создания эмоционального эффекта или установления доверительного контакта с аудиторией. Пословицы используются как в своей словарной, наиболее известной форме, так и в различных вариантах. Часто используются различные способы трансформации пословиц, актуализирующие их с целями высказывания. Адекватный перевод пословиц в политическом дискурсе играет ключевую роль, поскольку пословицы часто несут скрытый смысл и глубокий культурный подтекст.

Источник

Котова М. Ю. Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями / под ред. П. А. Дмитриева. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000.

Литература

Тетради паремиографа. Выпуск 8: Паремиологический минимум русских пословиц 2022 года / ред. М. Ю. Котова. СПб.: Изд.-полигр. ассоц. высш. учеб. завед., 2023.

Сивенкова Наталья Владимировна

ст. преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет;
n.sivenkova@spbu.ru

ИИ — ЛОЖНЫЙ ДРУГ ФРАЗЕОЛОГА? О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ОБРАБОТКИ УСТОЙЧИВЫХ СОЧЕТАНИЙ ИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, БОЛГАРСКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Ключевые слова: фразеология, искусственный интеллект, славистика, перевод, компаративистика.

Интерес к комплексам алгоритмов и моделей, именуемых «искусственный интеллект» (ИИ) неизменно растет, ему делегируют все большее количество задач, в частности генеративным моделям поручают написание текстов различной тематики, реферирование, перевод. Несмотря на значительные успехи, есть области, в которых ИИ может подвести доверчивого пользователя. В частности, полисемия, оксюмороны и метафоры, даже при наличии контекста, могут приводить к таким результатам, которые пользователь может воспринять со смехом, понимая их некогеррентность, или с негодованием. Фразеология метафорична по своей сути, автоматический перевод устойчивых сочетаний и паремий бывает весьма проблемным.

Работавшие над созданием ИИ в 50-е гг. XX в. исследователи полагали, «что все когнитивные функции человека (мышление, восприятие, память, научные открытия, художественное творчество) могут быть запрограммированы компьютером для их воспроизведения» [Мусаева 2024]. Генеративные модели, доступные в России в 2025 г., умеют работать с фразеологией, но в силу недообученности интерпретируют ее иначе, чем ученые.

Проведенный нами эксперимент показал, что нейросеть может составить глоссарий по теме «Фразеология» и даже предоставить подборку «фразеологизмов» с толкованиями, но не указывает ни источников, ни частотности. Часть полученной выборки — это калька иноязычных ФЕ, есть неточности и «галлюцинации». Определить способы и алгоритмы обучения сети ФЕ и паремиям непросто, так как когнитивный механизм, приводящий к метафоризации сочетания в естественном языке, несводим к подсчету весов токенов, даже с учетом их контекста.

В ходе эксперимента (на русском, болгарском и английском языках) одной модели общедоступного ИИ был дан запрос на генерацию ФЕ и пословиц с фитонимами. Списки полученных от нейросети «фразеологизмов» включали около 200 позиций (ограничение запросов было сделано осознанно). Результат выдачи оказался грамматически почти безошибочным. Словосочетания внешне претендовали на статус ФЕ. Список был передан другой общедоступной модели на проверку. Опечатки и грамматические ошибки вторая модель устранила, но обоснования этих исправлений неверны. Так, проверяя ФЕ с фитонимами, ИИ нашел такую «ошибку»: ««*Меден орех.» — По-правилно би било «меден плод» или «меден клон,» тъй като «орех» не е фитоним.*». (Ни *медового ореха*, ни *плода*, ни *ветки* в болгарских словарях нет). Были и пограничные случаи, когда неясно, взял ИИ реально существующую ФЕ, еще не зафиксированную в словаре, или придумал: «*Черешови цветове. — Раннопролетно настроение.*» (Ошибка: *цветове* вместо *цветя*. Возможно, калькирование устойчивых метафор Японии? В болгарском отсутствует.). В ряде примеров прослеживается попытка трансформации или контаминации реальных ФЕ: «*Граматиково трънче. — Малко неудобство*». (*Трън* в этом значении есть в болгарской фразеологии, но компонента «граматиково» нет). «*Под крилото на дъба. — Под закрилата на силен човек*». (ср. *под крылом кого-н. + сильный как дуб*). Зная о пристрастиях студентов к генерации текстов, мы можем в обозримом будущем существенно пополнить коллекцию квазинеологизмов, рожденных нейросетью.

При попытке автоматического перевода проблема усугубляется. Упомянутое выше неопознанное «*граматиково трънче*» вырастает в «*Граматика Торн*» *с* тем же значением. Появляется «*Мягкий орех. — У нас сложная проблема*», «*Тополя родила чудеса. — Невозможная вещь*». В трех приведенных примерах часть ошибок явно возникла при захвате английского словарного соответствия, неверно интерпретированного при последующем переводе. Перевод нередко

осуществляется в больших языковых моделях через посредника — английский язык (с целью экономии токенов). Эту тайну ИИ выдал, предложив вариант *«“Сухое дерево”. — Life и слабый»*. Современные нейросети часто обучаются на основе данных, сгенерированных нейросетями же. Таким образом, можно ожидать, что «мягкие орехи» скоро пополнят многие диссертации и фразеологические словари.

Нейросеть частично знает и паремилогический минимум (ср., [Тетради паремиографа 2023: 10]), но начинает список одними и теми же пословицами, обрывая их обычно после 20.

Метафорическая основа, экспрессивность, образность и афористичность ФЕ и паремий (см.: [Русская языковая картина мира 2022: 90–99]) делают эти элементы лексического фонда языка интересным материалом для обучения нейросетей, так как имитировать ментальное пространство того или иного народа ИИ пока (к счастью) не умеет. Представляется перспективным продолжить сопоставительные эксперименты по составлению баз ФЕ и паремий в нескольких направлениях: 1) пополнение знаний нейросетей реально существующими единицами; 2) составление коллекций из сгенерированных ИИ квазифразеологизмов и 3) использование анализа больших данных для составления корпусов ФЕ и паремий с указание их источников (по типу конкордансов к произведениям писателей).

Источники

Результаты работы нейросети GigaChat. URL: https://gigachat.ru/results (дата обращения: 12.01.2025).

Литература

Русская языковая картина мира в пословицах (на фоне других языков): коллективная монография / под ред. М. Ю. Котовой. СПб.: Изд.-полигр. ассоц. высш. учеб. завед., 2022. С. 90–99.

Термины и понятия искусственного интеллекта в лингвистическом освещении: монография / Мусаева А. С., Сложеникина Ю. В., Гареева Л. М., Манджиева Т. В. и др. М.: Спутник+, 2024.

Тетради паремиографа. Выпуск 8: Паремиологический минимум русских пословиц 2022 года / ред. М. Ю. Котова. СПб.: Изд.-полигр. ассоц. высш. учеб. завед., 2023.

КРУГЛЫЙ СТОЛ «К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ДОЦЕНТА КАФЕДРЫ СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИРИНЫ МАКАРОВНЫ ПОРОЧКИНОЙ»

Герчикова Ирина Александровна
канд. филол. наук, научный сотрудник,
Институт славяноведения РАН;
i.gerchikova@inslav.ru, geririna@inbox.ru

ЛЕНИНГРАДСКАЯ/ПЕТЕРБУРГСКАЯ ШКОЛА ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОЙ БОГЕМИСТИКИ. ПАМЯТИ И. М. ПОРОЧКИНОЙ

Ключевые слова: богемистика, С.-Петербург, литературоведение, переводы, И. М. Порочкина.

От учреждения в 1835 г. кафедры истории и литературы славянских наречий до образования кафедры славянской филологии ЛГУ (Санкт-Петербургского государственного университета) в середине XX в. богемистика в Петербурге прошла большой и серьезный путь, выделялась своей направленностью и свободомыслием. Традицию изучения взаимосвязей открыл А. М. Панченко, изучавший богемистику и русистику в Ленинграде и окончивший Карлов университет в Праге; кандидатская диссертация 1964 г. «Чешско-русские литературные связи XVII в.». Продолжил К. И. Ровда «Россия и Чехия. Взаимосвязи литератур 1870–1890», книга вышла в 1978 г., Н. К. Жакова, И. М. Порочкина (1925–2014), чье 100-летие со дня рождения отмечается 1.02.2025, и которую я имела счастье знать лично. Занимавшаяся вопросами взаимодействия славянских культур, изучавшая наследие Т. Г. Масарика, И. М. Порочкина посвятила себя богемистике. Ученица И. М. Порочкиной К. Айзпурвит говорила: «В России, наверное, можно по пальцам пересчитать богемистов, которые всю свою жизнь посвятили богемистике — она в профессии оставалась семьдесят лет, практически до самого последнего дня своей жизни. Можно сказать, что она скончалась, на минуту отойдя от своего письменного стола, и, конечно, это большое счастье для нее как ученого, что она смогла до конца своих дней посвящать себя, безусловно, любимому делу». В конце сороковых годов она стала первой в университете аспиранткой, занимавшейся чешской литературой, а в 1949 г. — одним из основателей кафедры славянской филологии Ленинградского университета. Темой ее научных интересов являлась деятельность, жизнь и творчество Т. Г. Масарика, установки бюста которому во дворе филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета она добилась вместе со своим супругом — поэтом и переводчиком Игорем Иновым. Именно усилиями Порочкиной в 1997 г. состоялась первая всероссийская конференция, посвященная первому президенту Чехословакии.

65 лет Порочкина отдала преподавательской деятельности, переводила многих чешских авторов. Она автор около 200 научных работ по чешской литературе и культуре, в том числе монографии «Л. Н. Толстой и славянские народы» и в соавторстве «Чехи в Санкт-Петербурге», была удостоена, как и ее супруг, премии МИД Чехии Gratias agit за заслуги в представительстве чешской культуры за рубежом. Вместе с О. М. Малевичем основала в 1995 г. Общество братьев Чапеков, много переводила вместе с мужем, в частности, М. Кундеру, Й. Шкворецкого, К. Чапека. Оба они всегда осуждали вторжение в Чехословакию 1968 г., которое застало их в Праге. На похоронах Ирины Макаровны прозвучало стихотворение Игоря Инова:

Руководитель секции: М. Ю. Котова.

Ты не любишь, когда останавливаются часы,
Тишина, разверзающаяся с последним
содроганием гири на ходиках,
тишиной мироздания, вечности отдает,
где мы оба однажды с тобой растворимся,
и тогда уж ничто нас не разлучит -
две секунды из сонма бессонных секунд,
промелькнувшие на циферблате Земли…

О И. Инове (1930–2003) надо сказать особо. Он также до последнего трудился как поэт, переводчик, эссеист, ученый, преподаватель. Ни одно русское издание чешской и словацкой поэзии уже не обойдется без его переводов. В предисловии к последнему сборнику стихов И. Инова 1996 г. поэт В. Соснора писал: «Игорь Инов обладает еще одним изумительным свойством — он поэт, который любит других поэтов. Чрезвычайная редкость! Поэты комплексуют, смотрят с видом высоты друг на друга, мимо глаз. А я помню начало шестидесятых, когда Игорь Инов составлял подборки для чешских изданий и пропагандировал звенящих тогда ленинградцев. Дар дружбы, талант любви, поэт тонкий и чистый…»

Особая заслуга в переводе и представлении русскому читателю Чапека и других авторов принадлежит, наряду, конечно, с С. В. Никольским, И. А. Бернштейн богемисту, переводчику, поэту О. М. Малевичу (1928–2013), переводившему как Чапека, так и других чешских драматургов, в частности Павла Когоута, которого удалось издать уже в 1985 г., когда в Чехословакии это было сделать невозможно. Малевич более всего известен своими литературоведческими трудами (вышедшими по-чешски книгами «Братья Чапек», «Своеобразие чешской литературы» и «В перспективе десятилетий», опубликованными по-русски монографиями «Карел Чапек» и «Владислав Ванчура» и «Братья Чапек», а также сборниками и антологиями «Карел Чапек об искусстве», «Карел Чапек в воспоминаниях современников», «Аппассионата под гильотиной», «Поэты пражского “Скита”»). Малевичем сделаны более 200 переводов из чешской и словацкой прозы, драматургии и поэзии. Много переводов он делал «в стол», равно, как и его супруга В. А. Каменская (1925–2001), автор также около 200 переводческих и литературоведческих публикаций. Среди них переводы поэзии Ф. Бранислава, О. Бржезины, Я. Врхлицкого, В. Завады, Я. Сейферта. В соавторстве с Л. Друскиным, И. Иновым и О. Малевичем Каменская перевела пьесу П. Когоута «Хорошая песня», поставленную Н. П. Акимовым в театре Театра им. Ленсовета. В отличие от московских богемистов (С. А. Шерлаимова, Р. Р. Кузнецова, Л. Н. Будагова) роль которых нельзя недооценивать, переводивших и писавших о классиках чешской литературы, но во времена «нормализации» в сферу их интересов входили прежде всего члены Союза писателей. По воспоминаниям московской переводчицы Н. М. Шульгиной, Председатель союза чешских писателей Ян Козак прислал в журнал «Иностранная литература» письмо, в котором указал лишь трех прозаиков, достойных перевода на русский: это он сам, Вера Адлова (секретарь Союза писателей) и Иржи Кршенек. Что, собственно, и делала и сама Н. М. Шульгина и др. Позднее, когда уже наступили другие времена, она стала главным переводчиком М. Кундеры.

Каменская же десятилетиями переводила «в стол» запрещённых чешских писателей. Результатом её труда явилась антология чешских рассказов и повестей «Черный Петр» (СПб., 2001). В книгу вошла киноповесть «Черный Петр», литературно обработанный сценарий одноименного фильма, снятого Милошем Форманом. Помимо этой повести, а также рассказов Б. Грабала, в сборник вошли произведения Й. Шкворецкого, О. Павела и И. Климы. Шкворецкого и Климу и потом переводили на русский язык, это писатели, которые более или менее известны в России. Но в том же сборнике были опубликованы авторы, которые с тех пор на русском языке не издавались — Л. Вацулик, И. Странский, Я. Бенеш, А. Климент.

Богемистика Петербурга успешно продолжает традиции и обогащается новыми талантами: диссертации Н. А. Стениной «Восприятие Марины Цветаевой в Чехии», А. А. Корзининой «Чешское восприятие А. А. Фета». Дело ушедших О. Малевича, В. Каменской продолжает переводчик Й. Шкворецкого, П. Ландовского, М. Айваза, О. Секоры О. В. Акбулатова.

Иванова-Шелингер Татьяна Николаевна

канд. филол. наук, доцент,
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена;
tatiana-szelinger@yandex.ru

«В ХРАМЕ ДОБРА И БРАТСТВА МЕЖДУ ЛЮДЬМИ». К 70-ЛЕТИЮ ВЫХОДА КНИГИ «ПОЭЗИЯ ЗАПАДНЫХ И ЮЖНЫХ СЛАВЯН»

Ключевые слова: поэзия, славяне, переводы, И. В. Инов, И. М. Порочкина.

Книга, которой посвящен доклад, стала весьма заметной вехой в истории знакомства российского-советского читателя с творчеством славянских поэтов Польши, Чехии, Словакии, Болгарии, Сербии, Хорватии и Словении. Шел 1954 г. Интерес к славянской теме, который существовал всегда, после Второй мировой войны еще усилился. Еще в 1944 г. в четырех университетах Советского Союза — Ленинградском, Московском, Киевском и Львовском — были созданы специализированные славянские отделения.

Ирина Макаровна Порочкина была одной из первых выпускниц Славянского отделения, закончила в 1950 г. Дипломная работа была посвящена поэзии Яна Неруды, а учеба в Праге под руководством Яна Мукаржовского еще больше укрепила интерес к изучению поэзии и возможно, именно в тот период появились первые идеи по созданию сборника. Научным руководителем Ирины Макаровны в России был Сергей Сергеевич Советов, в то время руководивший кафедрой и тоже интересовавшийся поэзией и переводами.

Вернувшись из Праги, Ирина Макаровна, начинающий преподаватель, получила выпускной курс славистов и там встретила своего будущего мужа — Игоря Иванова (в последствии писал под псевдонимом Инов), уже известного на факультете своими стихами и переводами, которые он представлял собравшимся на СНО.

…Восемнадцать! Разлад. Простота. Худоба.
В коридорах филфака петляет судьба… [Инов 1980: 67]

Весной 1954 г. Игорю исполняется 23 года, он заканчивает университет и женится на Ирине. Так возникает молодая семья и творческий союз, который длился почти пятьдесят лет, до самой кончины Игоря Владимировича. Это была любовь, преданность и совместное служение общему делу, настоящее слияние душ. Молодые супруги заинтересовывают идеей переводов из славянской поэзии целый ряд людей, прежде всего С. С. Советова, который становится научным редактором книги Г. И. Сафронова, который вместе с Г. Зайцевым составляет раздел сербско-хорватско-словенской поэзии, а также замечательного Петербургского поэта Всеволода Рождественского, который согласился стать литературным редактором переводов.

Игорь Владимирович вспоминал о первом визите к Всеволоду Александровичу: Волнуясь и подбадривая себя мыслью о сотнях уже переведенных мною строк, поднялся я вместе с женой Ириной, составлявшей чешский и словацкий разделы антологии, на пятый этаж. Дверь открыл Всеволод Александрович. Высокий. Сухощавый. Корректный. <…> «Кстати, очень рекомендовал бы <…> включить в сборник уже опубликованные переводы известных поэтов и привлечь к работе некоторых ленинградских профессионалов». При этом он назвал два-три имени. Своей рекомендацией Всеволод Александрович, по-видимому, надеялся уравновесить несовершенства наших переводческих дебютов, — о них он деликатно умолчал, но мы его деликатность и правоту оценили в тот раз не вполне. Учесть кое-что из опубликованного мы не отказывались, но против участия в антологии „профессионалов“, не знающих славянских языков, запальчиво возражали. Переводы с подстрочников представлялись нам, „специалистам“, чем-то прямо святотатственным» [О Всеволоде Рождественском… 1986: 289, 290].

Книга была сдана в печать в декабре 1954, т. е. в юбилейный Пушкинский год. Исполнилось 155 лет со дня рождения поэта и, как и сегодня, многие издания были посвящены его памяти. И целый ряд поэтов, переводы из которых были включены в сборник, как будто вели

перекличку с Пушкиным, писали о свободе, о несправедливости тиранов, о прекрасной деревенской природе. Некоторые из них бывали в России и переводили русскую поэзию и прозу. Например, Карел Гавличек-Боровский, Людвиг Кондратович и особенно Адам Мицкевич, подборка стихов которого открывается стихотворением «Русским друзьям» в переводе И. В. Иванова и Л. И. Друскина.

Сохранились заметки Игоря Владимировича Инова о том, как представители культуры разных славянских стран поздравляли культурную общественность России в связи с другим юбилеем Пушкина в конце XIX столетия. Элиза Ожешко, знаменитая писательница, которую считают польской в Польше и белорусской в Беларуси, телеграфировала в Петербург устроителям юбилея А. С. Пушкина: «…чтоб мы все могли бы, идя по стопам наших великих поэтов и мыслителей и осуществляя их мечты, воздвигнуть им алтарь в храме добра и братства между людьми» (из архива И. В. Инова).

Этот тезис лежал в основе всего издания и всей дальнейшей деятельности семейного дуэта. Кстати весь период подготовки семья ждала первенца. Книга вышла в апреле 1955 г., а 19 марта у Игоря Владимировича и Ирины Макаровны родился сын Саша, который тоже отметил бы свой юбилей в этом году, но увы, судьбы решила иначе. В книге пять разделов и каждому поэту предпослана соответствующая справка. Прямого подтверждения этому не нашла, но думаю, что эти справки были идеей Ирины Макаровны Порочкиной, которая всегда отстаивала необходимость рассказа и пояснения, просветительской информации.

Книга была встречена очень хорошо, а желание пробудить «чувства добрые» у российской читательской аудитории, познакомить российскую общественность с творчеством славян, прежде всего чехов и словаков стало путеводной звездой Ирины Макаровны и Игоря Владимировича. Они находили новых авторов, привозили из Чехии новые книги для перевода, переводили и публиковали не только сами книги, но не упускали возможность выступить с лекцией, напечатать заметку в Литературных календарях и так далее. В 1994 г. они стали инициаторами создания Общества Братьев Чапек, которое было создано в 1995 г. вместе с О. М. Малевичем и В. А. Каменской, занималось и занимается чешско-русскими и словацко-русскими культурными связями. В 2003 г. супруги стали первыми россиянами, которые были награждены Почетной наградой «Gratias Agit» за вклад в распространение знаний о чешской культуре. В том же 2003 г. благодаря их стараниям во дворе филологического факультета появился бюст Т. Г. Масарика и вышла монография «Чехи в Петербурге».

К сожалению, Игорь Владимирович умер в июле 2003 г. и не смог получить награду, не увидел ни памятника, ни книги. Ирина Макаровна пережила его на 11 лет и продолжала дело, которому они посвятили всю свою жизнь.

Литература

Инов И. По кромке августа. Л., 1980.

О Всеволоде Рождественском. Воспоминания. Письма. Документы. Л.: Лениздат, 1986.

Иванова-Шелингер Татьяна Николаевна[1], Шварц Наталья Владимировна[2]

[1]канд. филол. наук, доцент,
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена;
tatiana-szelinger@yandex.ru
[2]секретарь, Российское общество Достоевского;
nshwartz@list.ru

ИРИНА МАКАРОВНА ПОРОЧКИНА — УЧЕНЫЙ, ПЕДАГОГ, ПЕРЕВОДЧИК, ПРОСВЕТИТЕЛЬ. К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Ключевые слова: богемистика, Пражский лингвистический кружок, Т. Г. Масарик, Я. А. Коменский, переводы.

Ирина Макаровна Порочкина — истинная петербурженка, которая отдала университету более 60 лет творчества и педагогического таланта, энергии и эрудиции. Только представьте себе сколько поколений студентов она выпустила за эти годы, сколько проверила работ и скольких вдохновила на научную или педагогическую деятельность. Как сказала одна из магистранток: «Ирина Макаровна меня «покрестила» в научную деятельность».

Она ушла от нас чуть больше десяти лет тому назад, но многое из того, что было начато ею, написано ею, переведено и рассказано, продолжает служить людям и помогает представить ее живой, как будто ощущать ее с нами. Авторы данного доклада не просто знали Ирину Макаровну по работе. Для одного из авторов, она была свекровью, а для другого близким другом, но в то же время и в том, и в другом случае, она была коллегой, ученым, к идеям которого прислушивались, с которым постоянно взаимодействовали по научным поводам, у которого учились. А у нее всегда были новые темы для исследования, которыми она моментально умела заинтересовать. Например, тема научного наследия Я. А. Коменского, с которой она познакомила целый ряд специалистов и тем самым подтолкнула их к созданию целого научного направления. Для одного из авторов данного доклада, эта тема стала началом новой области исследования, касающегося Коменского и его английского «круга друзей», тема, по которой за последние 14 лет уже много написано.

Ей была отпущена долгая жизнь (1925–2014). Трудная юность, война, блокада, эвакуация закалили характер и, как и у многих представителей того поколения, обострили умение радоваться жизни, и Ирина Макаровна умела радоваться каждому дню и делать каждый день насыщенным. Она совершенно не понимала людей праздных, потому что все ее время было расписано, начиная с зарядки по утрам, которая делалась неукоснительно, и заканчивая записями в ежедневнике поздно вечером. Ежедневники всегда был лучшим подарком на Новый год, и она исписывала их своим мелким изящным почерком, записывая научные идеи и какие-то события, мысли, радости и печали. Она редко на что-то жаловалась, разве что на то, что какие-то дела, намеченные на конкретный период времени, вдруг откладываются, не успеваются, переползают на следующую неделю, месяц.

В трудовой книжке одно место работы — Ленинградский, ныне Санкт-Петербургский госуниверситет, филологический факультет, кафедра славянской филологии. Ирина Макаровна, как это принято говорить, «стояла у истоков», начинала еще в Славянском кабинете под руководством Б. А. Ларина, еще до того, как официально было объявлено о создании кафедры. Дипломная работа была посвящена переводам стихов Яна Неруды, кандидатская диссертация — творчеству Марии Пуймановой.

Славянство, и, прежде всего, богемистика, а также темы самых разнообразных русско-славянских связей были основными в ее научном поиске, в преподавании и в переводах. О них она хотела поведать как можно большему количеству людей. поэтому выступала с лекциями в рамках Общества «Знание» и на заседаниях Общества «Чешско-советской дружбы», а примерно 30 лет тому назад вместе с И. В. Ивановым, О. М. Малевичем и В. А. Каменской она создала Санкт-Петербургское общество Братьев Чапек, вся работа которого была посвящена культур-

ным связям Чехии и России, писателям, поэтам и художникам-чехам, а также переводам. Переводы И. М. Порочкиной могли бы стать темой отдельного доклада. Она переводила Карела Чапека, Карела Полачека, Милана Кундеру, Й. Шкворецкого и многих других чешских писателей.

Студенты филологи знают из лекций о Пражском лингвистическом кружке, объединявшим в 30-е гг. и позднее интереснейших лингвистов разных направлений. Знали и мы, но, как часто бывает, это казалось — «явлением из книжки, и вдруг в разговоре выясняется, что Ирина Макаровна была не просто знакома с представителями кружка, а в 1949 г. была направлена в аспирантуру в Карлов университет и училась у академика Яна Мукаржовского, который занимался поэтикой, и сразу определил, что она «очень способная девушка». Надо сказать, что Ирина Макаровна никогда не писала стихов, но она очень тонко чувствовала поэзию слова и в прозе, и в стихах, что очень пригодилось в редакторской работе и в отборе произведений для перевода. Одной из первых книг, где Ирина Макаровна была инициатором и выступила как составитель раздела, была книга «Поэзия Западных и Южных славян», изданная под редакцией Всеволода Рождественского в 1955 г. Делали они ее совместно с мужем И. В. Ивановым (Иновым), поэтом и переводчиком.

Ирина Макаровна опубликовала в русской, чешской и сербской печати свыше 200 работ. Ее монография — «Л. Н. Толстой и славянские народы: Литературно-эстетические и социально-философские взаимосвязи второй половины XIX — начала XX в.» до сих пор не утратила актуальности, а монография «Чехи в Санкт-Петербурге» (в соавторстве с И. В. Ивановым) остается просто уникальной. Последние годы Ирина Макаровна была главным редактором Ежегодника Общества Братьев Чапек, много писала о Т. Г. Масарике и готовила монографию, которая, к сожалению, осталась незаконченной.

Ее творческая энергия проявлялась во всем. Она была душой семьи, организатором и летописцем, который поддерживал контакты и с близкими, и с дальними родственниками и всегда готов был собрать у себя всех родных и готовить на всю честную компанию. В последний раз это было на 89-летний день рождения… Практическая сметка сочеталась с прекрасными аналитическими способностями, потрясающей эрудицией и внутренним нравственным стержнем, который помогал видеть фальшь и отстаивать свою позицию.

Корзинина Анастасия Анатольевна
канд. филол. наук, ст. преподаватель,
Санкт-Петербургский государственный университет;
ankor07@inbox.ru

ПАМЯТИ И. М. ПОРОЧКИНОЙ. ИСТОРИЯ ОДНОГО ЧЕШСКО-РУССКОГО КУЛЬТУРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА: ФРАНТИШЕК ХАЛУПА, НИКОЛАЙ КАРАЗИН И КАРЕЛ БРОЖ

Ключевые слова: чешско-русские литературные взаимосвязи, Ф. Халупа, Н. Каразин, К. Брож.

При обращении к теме чешско-русских литературных взаимосвязей, можно столкнуться с неисследованной стороной знакомого вопроса. К таким «неожиданным» открытиям относится культурно-литературное сотрудничество чешского поэта и переводчика XIX в. Ф. Халупы с русским военным деятелем, писателем, художником Н. Каразиным. Посредником этой совместной работы стал художник К. Брож — чех, который жил и работал в России. Вместе эти три персоналии неизвестны чешскому и русскому читателю, а каждый в отдельности известен своему народу с одной узко-профильной стороны. Объединяет их изобразительное искусство и литература.

Ф. Халупа (1857–1890) — чешский поэт, журналист и переводчик, чехам хорошо знаком. Н. Каразина (1842–1908) отечественные историки и военные знают как офицера русской армии, отличившегося при подавлении Польского восстания 1863–1864 гг. Географам он известен как член Русского географического общества, покоритель Средней Азии, а искусствоведам — как художник-баталист, ученик Б. П. Виллевольде. И, наконец, литературоведы знают Каразина как автора произведений о Средней Азии «Тигрица» (1876), «Двуногий волк» (1886). А между тем собрание его сочинений, выпущенное незадолго до смерти, в 1904–1905 гг., насчитывает 20 томов [Каразин 1904–1905]. В разрезе чешско-русских взаимосвязей Каразина не знает никто: материала на эту тему нет.

В России Каразина в последнее время начинают вспоминать и знакомить с ним заново отечественного читателя, а чешскому читателю это имя знакомо. Его романы есть на чешском языке. Информацию о Каразине-художнике и Каразине-писателе можно найти в чешских журналах XIX в. Путь знакомства с ним чехов сложился от восприятия его иллюстраций, через его репортажи с Балкан, до переводов его романов на чешский язык. В 1870 г. Каразин (отставной военный) был нанят в качестве иллюстратора в журнал «Нива», а затем «Всемирная иллюстрация». Он был книжным иллюстратором произведений Достоевского, Толстого, Пушкина. В 1907 г. Академия художеств приняла Каразина в свои члены. Каразин-художник был очень известной личностью своего времени в России. В 1880-е гг. чешскому читателю «Светозора» и в научных словарях его так и представляют: самый популярный русский современный художник, офицер [Malý 1884: 819]. Его активно рекламируют в чешской читательской среде. Чешские и русские журналы того времени были подобны друг другу: они создавались по образцу немецких и британских иллюстрированных изданий, имевших огромную популярность среди читателей. Основателями издательств и таких журналов в России были немцы. И к чешским, и к русским журналам выходило множество приложений, иллюстраторы были востребованы настолько, что существовали агенты по их предоставлению и найму. Так был предоставлен венским агентом в качестве художника для русского журнала «Иллюстрация» чешский художник К. Брож (1836–1901). Сведений о нем в чешских источниках и на чешском языке нет, а в кратких сведениях на русском сказано, что он закончил академию художеств (мнения расходятся где: в Праге или в Вене), работал иллюстратором чешских календарей и в чешских журналах, а в 1858 г. был нанят венским агентом для русского журнала и переехал в Россию [Порочкина, Инов 2003: 87]. В России он проработал всю жизнь и был похоронен на католическом кладбище Санкт- Петербурга на Выборгской стороне. Удалось проследить, как было налажено культурное сотрудничество между Халупой и Каразиным: К. Брож был заведующим художественного от-

дела журнала «Всемирная иллюстрация», где работал на пике своей популярности Н. Каразин. Через К. Брожа наладилась его связь с чешским «Светозором» и в частности с Ф. Халупой.

Халупа за свою недолгую жизнь был журналистом, возглавлял журнал «Рух», был членом кружка «Художественный дискурс», много писал для других журналов, в том числе и для «Светозора», а следовательно, вращался в журналистских кругах. В 1884 г. Халупа переводит два стихотворения А. Фета, а Каразин делает графические иллюстрации к его переводам. В следующем году в Праге вышла книга переводов Халупы из русской поэзии, где автором виньеток был также Каразин [Niva 1885]. Это сотрудничество послужило отправной точкой знакомства чехов с Н. Каразиным. В1877–1878 гг. он был командирован в Сербию в качестве журналиста и иллюстратора освещать текущие события на Балканах, чехи следили за этими репортажами, сопровождаемыми прекрасными графическими иллюстрациями и воспринимали Каразина прежде всего как прекрасного рисовальщика, о чем свидетельствуют многочисленные анонсы его репортажей. Так имя Каразина вошло в чешские энциклопедии и справочники того времени благодаря посредничеству их соотечественника К. Брожа. Позднее, сотрудничая и следя за русскими журналами, чехи познакомятся с Каразиным-писателем: его романы о путешествиях выходят в России и становятся популярными. (1880-е гг. — период активных экспедиций в Среднюю Азию. Эта тема очень интересовала читателей и была хорошо продаваема издателями.) Чешские журналы в разделе «Новинки» теперь уже активно рекламируют «известного художника Каразина» в качестве писателя. В 1895 г. на чешском языке вышел его роман «Тигрица» в переводе К. Йиндржиха и «Двуногий волк» в переводе Я. Вагнера.

Литература

Каразин Н. Н. Полное собрание сочинений Т. 1–20. СПб.: П. П. Сойкин, 1904–1905.

Порочкина И. М., Инов И. В. Чехи в Санкт- Петербурге: 1703–2003. СПб.: Глобус, 2003.

Malý J. Stručný všeobecný slovníkvěcný (malý slovníknaučný). Praze: I. L. Kober, 1884.

Niva. SbírkabásníFeta, Kolcova, Meje, Minajeva, Někrasova, Nikitina, A. Puškina, Ševčenky a A. Tolstoje. Praze: Tiskem a náklademknihtiskárnyFrantiškaŠimáčka, 1885.

Котова Марина Юрьевна

д-р филол. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет; m.kotova@spbu.ru

НАУЧНАЯ И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДОЦЕНТА ИРИНЫ МАКАРОВНЫ ПОРОЧКИНОЙ В 2004–2014 гг.

Ключевые слова: Масарик, Порочкина, российско-чехословацкие межкультурные контакты, словацкая литература, чешская литература.

Цель исследования заключается в анализе последнего десятилетия научной деятельности Ирины Макаровны Порочкиной, связанного с возобновлением в 2004 г. ее преподавательской и научной работы на кафедре славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета.

«В 2015 г. в рамках Седьмых Андреевских чтений прошел Круглый стол памяти Ирины Макаровны Порочкиной (1925–2014), богемиста, переводчика, старейшего преподавателя кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета. Ирина Макаровна ушла из жизни, всего несколько месяцев не дожив до своего 90-летнего юбилея. На Круглом столе коллеги и ученики Ирины Макаровны поделились воспоминаниями о друге и учителе» [Гусева 2018: 235]. Материалы этого круглого стола 2015 г. были опубликованы в 2016 г. вместе с автобиографией Ирины Макаровны [Аникина 2016; Мокиенко 2016].

Материалом для доклада послужили, в основном, научные труды И. М. Порочкиной, например:

- *Порочкина И. М.* Деятельность Общества братьев Чапек и некоторые факты культурной, экономической и политической жизни Санкт-Петербурга в 2005 г., связанные с Чехией // Ежегодник общества братьев Чапек 2005 / ред. О. В. Акбулатова. СПб.: Глобус, 2006. С. 3–29.
- *Порочкина И. М.* Роль Т. Г. Масарика в трансфере русской культуры на Запад // Славянский мир: единство и многообразие. Международный научно-практический симпозиум, посвященный Дню славянской письменности. Санкт-Петербург, 25–26 мая 2012 г.: Доклады / отв. ред. М. Ю. Котова. СПб.: филол. ф-т С.-Петерб. гос. ун-та, 2012. С. 158–161.
- Словаки в Петербурге / ред.: О. В. Акбулатова, И. М. Порочкина. СПб.: Глобус, 2006. 104 с.
- Т. Г. Масарик: К 160-й годовщине со дня рождения / отв. ред. И. М. Порочкина. СПб.: Петрополис, 2010. 44 с.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые привлекаются ранее не опубликованные материалы переписки с Ириной Макаровной в последние годы жизни, ее отчеты о научной деятельности за 2012–2014 гг., отклики на ее научные труды в чешской периодике и др.

Будучи в 2012–2014 гг. старшим научным сотрудником кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета (0,25 ставки), Ирина Макаровна вела очень насыщенную научную жизнь: писала статьи по чешской и словацкой литературе и межкультурным российско-чехословацким связям, редактировала сборники докладов конференций, которые организовывала сама или принимала участие, поддерживала активные научные контакты с чешскими коллегами, работала в библиотеках Санкт-Петербурга и Праги и др., не считая преподавательской деятельности на чешском и словацком бакалавриатах кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета. В своем отчете за указанный период она писала:

1. Учебная работа. Подготовлен и прочитан курс лекций по дисциплине «Словацкое страноведение». Разработана и прочитана лекция с демонстрацией диапозитивов «Пражский (Карлов) университет в прошлом и настоящем» в программе Научно-практического семинара для студентов факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета.

2. Организационно-методическая работа. Участие в организации научных конференций, руководство секциями «Российская культурная эмиграция в славянских странах»; «Томаш Гаррик Масарик и Россия»; научно-практического симпозиума «Славянский мир: единство и многообразие» (2011, 2012, 2013).

3. Научно-исследовательская работа. За отчетный период опубликовано 10 научных статей, одна из них в совместном русско-польском сборнике, посвященном Масарику (университет города Седльцы). Осуществлено составление и редактирование сборников с материалами проведенных научных конференций, составление и научное редактирование «Ежегодника Общества братьев Чапеков», составление сборника «Ясная Поляна: Неизвестные страницы» (издательство «Росток»).

В заключении подчеркивается большой вклад Ирины Макаровны Порочкиной в развитие научных и межкультурных контактов с Чехией, которые были высоко оценены чешской стороной в виде международной премии Gratias Agit 2003 г., присужденной Министерством иностранных дел Чешской Республики. Некролог, опубликованный чешским ученым М. Штоллом в 2015 г., назван «Петербургский посол чешской литературы Ирина Порочкина» [Štoll 2015].

Литература

Аникина Т. Е. Ирина Макаровна Порочкина // Седьмые и Восьмые Андреевские чтения: Славянские литературы и литературные взаимосвязи: мат-лы секции XLIV и XLV Междунар. филол. конф., 10–15 марта 2015 г., 14–21 марта 2016 г., Санкт-Петербург / отв. ред. О. В. Гусева. СПб.: ВВМ, 2016. С. 73–75.

Гусева О. В. «Андреевские чтения» в Санкт-Петербургском государственном университете // Stephanos. Май 2018. № 3 (29). С. 233–236. URL: http://stephanos.ru/izd/2018/2018-29.pdf (дата обращения: 15.01.2025).

Мокиенко В. М. Об Ирине Макаровне Порочкиной // Седьмые и Восьмые Андреевские чтения: Славянские литературы и литературные взаимосвязи: мат-лы секции XLIV и XLV Междунар. филол. конф., 10–15 марта 2015 г., 14–21 марта 2016 г., Санкт-Петербург / отв. ред. О. В. Гусева. СПб.: ВВМ, 2016. С. 71.

Štoll M. Ohlednutí — petrohradská velvyslankyně české literatury — Za Irinou Poročkinou // Host N. 2/2015. S. 5. URL: https://www.researchgate.net/publication/341726877_Irina_Porockina_-_petrohradska_velvyslankyne_ceske_literatury_Irina_Porockina_-_St_Petersburg_Ambassador_of_Czech_Literature (дата обращения: 15.01.2025).

Раина Ольга Викторовна

канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет;
o.raina@spbu.ru

ВКЛАД ДОЦЕНТА И. М. ПОРОЧКИНОЙ В РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ КАФЕДРЫ СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА В XXI ВЕКЕ

Ключевые слова: кафедра славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета, Порочкина, российско-чехословацкие межкультурные контакты, словацкое литературоведение, чешское литературоведение.

Цель данного исследования состоит в анализе вклада доцента Ирины Макаровны Порочкиной в развитие образовательных программ кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета в XXI в.

Материалом для доклада послужили опубликованные рабочие программы к авторским курсам И. М. Порочкиной для профилей бакалавриата «Чешский язык», «Словацкий язык, английский язык» и «Чешский язык, немецкий язык» [Порочкина 2010; Порочкина 2012а; Порочкина 2012б]. Это всего четыре рабочие программы, созданные Ириной Макаровной в период с 2004 по 2014 г., то есть в последнее десятилетие ее жизни, совпавшее с возвращением на кафедру после ухода на пенсию в 1987 г. Три из них — авторские, к двум обязательным дисциплинам — «Страноведение Чехии» [Порочкина 2012а], «Страноведение Словакии» [Порочкина 2010] и к одному элективному спецкурсу «Томаш Гарриг Масарик и русская культура (спецкурс)» [Порочкина 2012б]. Четвертая программа — по чешскому языку — написана в соавторстве с коллегами-богемистами для чешского профиля бакалавриата и издана в 2011 г.

Кроме опубликованных рабочих программ, Ирина Макаровна выступала научным консультантом при корректировке традиционных программ, разрабатываемых кафедрой для новых профилей бакалавриата — чешско-английского, чешско-немецкого и словацко-английского — и для профилей магистратуры «Славянская филология» и «Славяно-германская компаративистика»: элективных курсов для бакалавриата М. Ю. Котовой «Британско-чешские культурные связи» и «Чешско-немецкие культурные контакты второй половины XX — начала XXI века», коллективного курса для магистрантов «Межславянские литературные связи» и «Славяно-германские межкультурные связи» и др.

Вернувшись на кафедру, И. М. Порочкина осуществляла научное руководство курсовыми и выпускными квалификационными работами обучающихся на бакалавриате и в магистратуре, а также не раз выступала рецензентом выпускных квалификационных работ (ВКР) выпускников кафедры славянской филологии.

Вся эта насыщенная преподавательская деятельность И. М. Порочкиной была важной частью ее творчества в последнее десятилетие ее жизни, наполненное активной научной и просветительской работой как в России, так и в Чехии.

Ее обширные и устойчивые долголетние контакты с чешскими богемистами и русистами позволяли Ирине Макаровне быть всегда для коллег по кафедре и студентов источником информации о всех важнейших научных событиях в Чехии — конференциях, симпозиумах, летних школах, конкурсах и стажировках. Это придавало ее лекциям особую актуальность и притягательность.

Результаты научной работы Ирины Макаровны органично входили в ее образовательные программы. Так сборник статей под ее редакцией «Словаки в Петербурге» (2006) играл существенную роль в композиции курса «Страноведение Словакии». А ее статьи о роли Т. Г. Масарика в трансфере русской культуры на Запад использовались при чтении курсов по страноведению Чехии, межкультурным славянским связям и элективного спецкурса о Т. Г. Масарике.

И. М. Порочкина интенсивно работала над завершением монографии о Т. Г. Масарике и России, щедро делилась собранным материалом и библиографией с коллегами, что позволило им

существенно отредактировать ту часть своих рабочих программ, которая касалась биографии Т. Г. Масарика и его контактов с учеными других стран. Это касается, в первую очередь, рабочих программ по славяно-германским межкультурным контактам.

Будучи специалистом по чешской и словацкой литературе, И. М. Порочкина придавала большое значение межславянским культурным связям, отметив при подготовке программы по этой дисциплине следующее: «“История межславянских культурных и литературных связей” — один из самых ярких и значимых курсов, которые читаются магистрантам славянского отделения. Междисциплинарный характер курса вызывает у слушателей ассоциации, которые дотоле не были систематизированы и сведены в общее славянское коло. Чтение этого курса доставляет лектору большое удовольствие, поскольку перед ним — зрелые, заинтересованные слушатели, владеющие багажом полученных на факультете знаний» (приводится из документации кафедры славянской филологии).

Заслуги Ирины Макаровны Порочкиной при ее жизни были отмечены российскими и чешскими государственными наградами [Kotova, Lepilová 2015].

А сегодня, в год ее 100-летнего юбилея, приходит осознание того, что ее педагогическое и научное наследие изучены пока не достаточно.

Литература

Порочкина И. М. Страноведение Словакии // «Словацкий язык, английский язык» — отделение бакалавриата кафедры славянской филологии: метод. рекоменд. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2010. С. 28–31.

Порочкина И. М. Страноведение Чехии // «Чешский язык, немецкий язык» — отделение бакалавриата кафедры славянской филологии: метод. рекоменд. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2012а. С. 47–53.

Порочкина И. М. Томаш Гарриг Масарик и русская культура (спецкурс) // «Чешский язык, немецкий язык» — отделение бакалавриата кафедры славянской филологии: метод. рекоменд. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2012б. С. 171–178.

Kotova M. J., Lepilová K. K nedožitým devadesátinám bohemistky doc. Iriny Makarovny Poročkinové, CSc. (1.2.1925 Leningrad — 21.12.2014 Sankt-Peterburg) // Opera Slavica. 2015. Vol. 25, iss. 3. P. 51–54.

Шешкен Алла Геннадьевна

д-р филол. наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; asheshken@yandex.ru

ВКЛАД РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В КУЛЬТУРУ СЛАВЯНСКИХ СТРАН: ОПЫТ ПРЕПОДАВАНИЯ

Ключевые слова: русская эмиграция, славяне, культура, архитектура, театр.

Доклад посвящен выдающемуся отечественному слависту, богемисту И. М. Порочкиной, которая внесла большой вклад в изучение многосторонних русско-чешских культурных взаимоотношений и одной из первых стала писать о роли русской эмиграции в чешской культуре 1920–1930-х гг.

Курс «Вклад русской эмиграции в культуру славянских стран» читается на филологическом факультете МГУ имени М. В. Ломоносова более десяти лет. Его слушают магистранты славянского и русского отделений. Курс базируется на богатом материале, накопившемся в отечественной и зарубежной науке с 1990-х гг., когда началось систематическое изучение русской эмиграции как историко-культурного явления. В межвоенное двадцатилетие в Югославию, Чехословакию, Болгарию и Польшу прибыло большое количество русских беженцев, среди которых было много выдающихся ученых, архитекторов, писателей и театральных деятелей. Они оставили яркий след в науке и культуре славянских стран. При чтении курса обращается внимание на исторически сложившиеся отношения славянских народов с Россией и на то, что в истории этих народов после окончания Первой мировой войны наступила новая эпоха, поставившая перед ними новые задачи, в решении которых активно участвовала русская эмиграция. Возникли новые государства: Королевство сербов, хорватов, словенцев (с 1929 г. — королевство Югославия), Чехословакия и Польша. Была открыта новая страница в развитии культурных связей между славянскими народами и Россией. Ее специфику определило то, что взаимодействие родственных славянских культур протекало на территории этих стран, в непосредственном взаимодействии участников культурных контактов. Югославия стала духовным центром русской эмиграции, так как в Сремских Карловцах была основана Русская православная церковь заграницей. Чехословакия приобрела славу «Русских Афин» из-за концентрации русских учебных заведений и научных институтов. С 1925 г. в славянских странах, как и везде в мире, началось празднование Дней русской культуры, приуроченное ко дню рождения А. С. Пушкина. Российские ученые принесли с собой опыт академических школ русского литературоведения (культурно-исторической и сравнительно-типологической) и обогатили им национальную науку. Изучение русского языка и литературы приобрело систематический характер. Одновременно возрос интерес к переводу произведений славянских авторов на русский язык. Отмечено тесное взаимодействие русских и славянских писателей и поэтов в поэтических объединениях и кружках в Югославии, Чехословакии, Болгарии и Польше («Скит поэтов», «Ступени» и др.). В этот процесс включились выдающиеся русские писатели (М. Цветаева и др.) и молодое поколение литераторов и ученых. Издавались газеты и журналы, на страницах которых уделялось внимание как русской, так и другим славянским авторам. Началось составление библиографий, систематизирующих сведения об изданиях переводов русской литературы, ее изучении и освещении в периодике. При непосредственном участии русских художников в Югославии родился новый тип книги — издание в картинках («стрип») произведений классической литературы, в первую очередь, русской («Ревизор» и «Мертвые души» Н. В. Гоголя, «Капитанская дочка» А. С. Пушкина и др.).

Большой вклад в развитие искусства театра внесли русские режиссеры, оказавшихся в 1920–1930-е гг. в Югославии, Болгарии и Чехословакии. Об этом свидетельствует богатый материал, к которому обращались И. М. Порочкина, М. Н. Вагапова, А. Арсеньев и др. Отдельного внимания заслуживает творчество Н. О. Массалитинова, Ю. Л. Ракитина, П. Ф. Шарова. Этих ярких и талантливых режиссеров объединяет принадлежность к театральной школе МХТ,

личное знакомство с К. С. Станиславским, с поисками русского дореволюционного театра (Ракитин работал с Мейерхольдом), а также то, что свой уникальный художественный опыт они смогли применить в тех странах, куда их забросила судьба. Массалитинов — в Болгарии, Ракитин — в Сербии (Югославии). Это были уже признанные мастера русской сцены, сложившиеся личности, которые были поставлены в обстоятельства, требующие от них новых решений, обусловленных страной пребывания. Их эмигрантская жизнь началась с участия в Качаловской группе МХТ, затем Пражской группе художественников. Везде они несли традиции русского театра, обогащая представление о русском искусстве, русской драме, России в целом. Ракитин и Массалитинов подняли театр на новую высоту, создали театральные школы, которые оказали влияние на сербскую и болгарскую культуру. Это не прошло бесследно и для национального кинематографа.

Гений русских архитекторов (Николай Краснов, Баумгартен и др.) до сих пор отражает облик Белграда. Город нужно было не просто восстановить после разрушений, которым он подвергся в Первую мировую войну, но и придать ему соответствующий новому статусу вид (Белград стал столицей крупного государства — Королевства Югославия). Европейский облик должен был приобрести и центр Вардарской Македонии Скопье (до 1912 г. входил в состав Османской Турции). Русские архитекторы создали свои школы и воспитали несколько поколений учеников.

Изучение вклада русской эмиграции в культуру славянских стран помогает славистам получить представление о яркой и плодотворной деятельности русской интеллигенции, ее тесном взаимодействии с широким кругом деятелей национальной славянской литературы, культуры и искусства. Это важная часть взаимодействия и взаимообогащения культур славянских народов.

СЛАВЯНСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ. ПРОБЛЕМЫ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ БИБЛЕИЗМОВ

Алёшин Алексей Сергеевич

канд. филол. наук, зав. кафедрой,
Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича;
alexis001@mail.ru

ФРАЗЕОПОСЛОВИЧНЫЕ КОМПАРАТИВЫ С КОМПОНЕНТОМ-ДЕМОНИМОМ В РУССКОМ И ШВЕДСКОМ ЯЗЫКАХ

Ключевые слова: фразеология, шведский язык, сопоставление, компонент-демоним.

Объектом исследования являются устойчивые словесные комплексы сравнительной семантики с компонентом-демонимом, включающие устойчивые сравнения, пословицы и поговорки шведского и русского языков.

Рассматриваются устойчивые сравнения (УС) с формальным показателем — союзом «как» в русском языке и «som» в шведском языке, представляющие собой особый разряд компаративных фразеологизмов, а также паремийные единицы (ПЕ) с семантикой сравнения — пословицы и поговорки, эксплицитно или имплицитно содержащие сравнение. Для номинации двух анализируемых разрядов предлагается гипероним «фразеопословичные компаративы» (ФПК). Под демонимом понимаются наименования нечистой силы — *черт, бес, дьявол, сатана*. Работы, в которых объектом анализа являются устойчивые сравнения или паремии с данным компонентом, в настоящее время единичны [Захарова, Сидорова 2017; Ломакина, Мокиенко 2019].

Цель исследования заключается в выявлении общих и отличающихся системных лингвокогнитивных и лингвокультурологических закономерностей организации ФПК сравнительной семантики с компонентом-демонимом шведского и русского языков.

Состав демонимов в сопоставляемых языках отличается незначительно: *бес, черт, дьявол* и *сатана* в русских ФПК и *черт, дьявол, сатана* и *чертова мать* в шведских. В ФПК обоих языков наблюдается количественная диспропорция между лексикографически зафиксированными УС и ПЕ сравнительной семантики с компонентом-демонимом. Но в русском языке значительно преобладают УС (69 единиц против 22 ПЕ), а в шведском — ПЕ (20 единиц против 4 УС). Можно предположить, что наименования нечистой силы в большей степени табуированы в шведских УС, а также шведские компаративные фразеологизмы в целом меньше подвергались лексикографической фиксации.

Русские УС описывают внешний облик, физические данные, состояние, внутренние качества, интеллект человека, поведение, способ передвижения (*здоров (здоровый) как черт*; *хитер (хитрый) как бес*; *(умный) как дьявол*; *беситься как черти* и др.). Шведские УС с компонентом-демонимом характеризуют преимущественно некрасивый внешний облик человека (*Ful som fan (djävul)* ‘Некрасивый как чёрт (дьявол)’; *Naglar som örnaklor och näsa som hin håles mor* ‘Ногти как орлиные когти, а нос как у чёртовой матери’; *Han ser ut som om fan tröskat ärter på honom* ‘Он выглядит так, будто чёрт молотил горох на нём’).

Некоторые эталоны-демонимы обоих языков входят в описание развернутой стереотипной ситуации, УС представляют собой фрейм: *вертеться/завертеться (крутиться/закрутиться) как черт перед заутреней, бегать (бежать) от кого, чего как черт от ладана; Han ser ut som om*

Руководитель секции: В. М. Мокиенко.

fan tröskat ärter på honom ‘Он выглядит так, будто чёрт молотил горох на нём’; *Läsa (tolka) ngt som fan läser bibeln* ‘Читать (толковать) что-то как чёрт читает Библию’.

Исследуемые ПЕ русского и шведского языков в количественном отношении сопоставимы. Структурно сходство ПЕ двух языков проявляется в наличии таких моделей, как предложения с противопоставлением, вводимым противительными союзами, и предложения с наличием компонента в сравнительной степени. Но в русских ПЕ можно отметить модели, отсутствующие в шведских: предложения, построенные по принципу синтаксического параллелизма и свернутое сравнение, тогда как для шведских ПЕ характерны такие модели, как предложения с рядоположенностью компонентов, предложения тождества и предложения, построенные по синтаксической модели «лучше… чем…».

Содержательно в русских ПЕ выделяется дихотомия Бог — нечистая сила (*Грозен (страшен) черт, да милостив Бог*; *Хвалился черт всею вселенною овладеть, а Бог ему и над свиньей воли не дал*). Шведские ПЕ сравнительной семантики отличаются акцентом на сопоставлении черта и священнослужителя, доходящего до признания их функционального тождества (*När fan blir gammal, blir han präst* ‘Когда чёрт стареет, он становится священником’; *Dygden får alltid sitta emellan, sa fan, satte sig mellan två präster* ‘Добродетель сядет посредине, сказал чёрт и сел между двумя священниками’). Сходства в двух языках проявляются в ироническом уравнивании способностей нечистой силы и женщины: рус. *Где бес не сможет, туда бабу пошлет; Куда черт не поспеет, туда бабу пошлет* и шв. *Dit fan själv inte vill gå, skickar han en präst eller en käring* ‘Туда, куда чёрт не хочет идти, он посылает священника или старуху’; *Kvinnan känner konsten bättre än djävulen* ‘Женщина владеет искусством лучше, чем дьявол’.

Межъязыковые параллели библейских фразеологических единиц и паремий все чаще становятся объектом лексикографического описания. Соответствия в разных языках рассматриваются с точки зрения эквивалентности/безэквивалентности, лингвокультурологического потенциала единиц в сопоставляемых языках [Никитина 2023]. В двуязычных словарях библеизмов предлагается учитывать четыре типа единиц, отличающихся по степени соответствия тексту Библии и/или эквивалентности: полный, частичный, приблизительный и неполный эквивалент [Иванов, Мокиенко 2019]. ФПК с компонентом-библеизмом достойны отдельного лексикографического рассмотрения в словаре подобного типа, поскольку являются, по меткому выражению М. Л. Ковшовой, вершиной семиотизации, отражают образную интерпретацию библеизмов народом-носителем языка, выражают этнические ценности, обладают яркой оценочностью.

Литература

Захарова Ю. Т., Сидорова Л. В. Культурная семантика фразеологических единиц с компонентом «дьявол» на примере английского и якутского языков // Международный журнал. Естественно-гуманитарные исследования. 2017. № 17 (3). С. 52–56.

Иванов Е. Е., Мокиенко В. М. Типы эквивалентности устойчивых выражений-библеизмов в русском и белорусском языках // Религия и общество — 13: сб. науч. ст. / под общ. ред. В. В. Старостенко, О. В. Дьяченко. Могилёв: Могилёв. гос. ун-т им. А. А. Кулешова, 2019. С. 211–213.

Ломакина О. В., Мокиенко В. М. Концептуальная дихотомия «бог» — «дьявол» в русинской фразеологии и паремиологии (на славянском фоне) // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 447. С. 55–62.

Никитина Т. Г. Библейские образы в устойчивых сравнениях славян: типы межъязыковых соответствий и их словарная репрезентация // Русин. 2023. № 71. С. 113–130.

Анохина Светлана Анатольевна

канд. филол. наук, доцент, ст. научный сотрудник,
Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова;
asa.06@inbox.ru

БИБЛЕЙСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ *ПОРАЖУ ПАСТЫРЯ, И РАССЕЮТСЯ ОВЦЫ СТАДА* КАК ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЕДИНИЦА СТАРОСЛАВЯНСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

Ключевые слова: Поражу пастыря, и рассеются овцы стада, библеизм, библейская фразеология русского языка, старославянская фразеология.

Изучение библейского фразеологического фонда, несмотря на длительную историю и значительные результаты, остаётся актуальным. В данной работе мы предлагаем обзор функционирования в различные периоды библейского выражения *Поражу пастыря, и рассеются овцы стада*, не зафиксированного известными нам фразеологическими словарями русского языка, с целью обоснования включения этой единицы в фонд библейской фразеологии не только старославянского, но и русского языка.

Данная единица, вошедшая в 4-й том Большого фразеологического словаря старославянского языка (БФССЯ) в виде Пораж@ пастоуха // пастrpl, и разид@тъ с# // разбhгн@тъ с# овьц# стадьнr> // стада и со значением ‘Поражение духовного пастыря приведёт к распаду паствы’ [БФССЯ 2024: 494], в Библии встречается дважды. В Новом Завете эти слова произносит Иисус Христос на горе Елеонской после тайной вечери, предупреждая своих учеников о предстоящем испытании их верности, которое они не выдержат [Толковая Библия… 2007: 542]). В старославянских текстах интересующая нас единица (в различных вариантах) функционирует именно в этом контексте: тъгда гла(гола) _с(оусъ)• вьси вы съблazните с№№# о мьнh въ си\ нощь• писано бо естъ пораж@ пастrph и разид@тъ с# овьц# стада• (Мф 26: 31) Ват 122: 15–18 98(fol 178v), пораж@ пастоуха• и разид@тъ с# овьча стада• Сав 84: 13–17, поражю пастоуха• и разидоутьс# овьца стадьны• Арх 231 4–7; Пораж@ пастrph• и овъц# разбhгн@ть с#• (Мк 14: 27) Мар 174: 12–15 [БФССЯ 2024: 495].

Можно с уверенностью утверждать, что именно эти слова Иисуса Христа стали источником распространения данного крылатого выражения. Однако сам Иисус ссылается на слова из ветхозаветной Книги пророка Захарии, в которых пророк от лица бога Саваофа обращается к мечу, занесённому над Мессией, с предупреждением: «О, меч! Поднимись на пастыря Моего и на ближнего Моего, — говорит господь Саваоф. — ***Порази пастыря, и рассеются овцы!*** И Я обращу руку Мою на малых» (Зах 13: 7) [Толковая Библия… 2008: 571]. Другими словами, интересующая нас фраза уже была известна, причём широко: не случайно Иисус ссылается на первоисточник обезличенно: писано бо естъ. На распространение рассматриваемой библейской единицы, вероятно, повлияли не только религиозные мотивы, но и её связь с обыденной жизнью верующих: основа метафорического высказывания понятна и близка людям, знакомым с сельским бытом, в том числе и русским. Доказательством этому может быть созвучная русская пословица *Без пастуха овцы не стадо*.

Сведения о дальнейшей судьбе библейского выражения *Поражу пастыря, и рассеются овцы стада* мы находим в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) и в подборке, формируемой поисковой системой Интернета. Значительную часть поисковых результатов и в том, и в другом случае составляют библейские тексты, содержащие первоисточник интересующей нас единицы. Отфильтровав эти результаты, мы получили подборку контекстов, иллюстрирующих функционирование рассматриваемой библейской единицы в текстах XIX и XXI вв. Ни одного текста XX в. в выборке не отмечено.

Примечательно, что все три контекста XIX в. из подборки НКРЯ содержат интересующую нас единицу в трансформированном виде. Вот эти контексты: философская статья К. Н. Леонтьева «Владимир Соловьев против Данилевского» (1888): «*И вот появилась статья под тем же*

*самым заглавием, под каким напечатана была книга Данилевского: "Россия и Европа". **Поражу пастыря и разыдутся овцы!** Посмотрим, **как поразил он этого "пастыря"**? По моему мнению, в первой, по крайней мере, статье, он **поразил его довольно слабо**, в увлечении умственной страсти своей!*»; письмо А. И. Тургенева П. А. Вяземскому (1820): «*Исполненіе сдѣлано втайнѣ, прежде, нежели докладъ опубликованъ былъ. Мы **поразили пастырей** въ Полоцкѣ въ одно время, и оттого **овцы разойтись не успѣли***»; историческая повесть Ф. Н. Глинки «Зиновий Богдан Хмельницкий, или Освобожденная Малороссия» (1816): «*Следы злодеев опустошительны. Жены наши рыдают, девы трепещут, **убиты пастыри, редеют стада,** свирели онемели, алтари разрушены, узы любви расторгнуты, женихи пронзены железом, и невесты плачут на могилах возлюбленных*».

Употребление библейского высказывания в трансформированном виде, безусловно, можно рассматривать как свидетельство вхождения данной единицы во фразеологический фонд русского языка.

В текстах XXI в. из выборки, сформированной с помощью поискового запроса в сети Интернет, обращает на себя внимание тенденция использования рассматриваемого библеизма в качестве заголовка: «***Поражу пастыря и разыдутся овцы стада***» — запись Олега Трофименко (Ortolog) в «Живом журнале» (LiveJournal) от 25 сентября 2006 г. о кончине Блаженнейшего Виталия, Митрополита Восточно-Американского и Нью-Йоркского, архиепископа Монреальского и Канадского, Первоиерарха Русской Зарубежной Церкви, Председателя Синода Русской Православной Церкви в Изгнании; «***Поразят пастырей и разыдутся овцы?***» — публикация от 09 января 2023 г. о решении украинского президента приостановить гражданство Украины у ряда представителей иерархии Украинской Православной Церкви и о последствиях этого решения; «***"Порази пастыря, и рассеются овцы". Порази лидера, и подчиненные убегут***» — публикация от 07 мая 2023 г. автора с никнеймом *Глас вопиющего в интернете* в юридической социальной сети «91111.ru»; «***Порази пастыря и паства рассеется…!!!***» — опубликованное на российском литературном портале «Стихи.ру» стихотворение Александра Бухтаярова.

В целом, тексты, в которых отмечено употребление интересующей нас библейской единицы, тематически закономерно связаны с кризисами управления, вызванными уже свершимся или вероятным уходом от власти того или иного руководителя, причём как духовного, так и светского. В связи с этим следует признать, что на сегодняшний день библейское крылатое выражение *Поражу пастыря, и рассеются овцы стада* имеет значение, несколько отличающееся в сторону расширения от того, которое зафиксировано в БФССЯ, а именно 'Поражение руководителя / лидера приведёт к распаду коллектива / сообщества'.

Источники

БФССЯ — Большой фразеологический словарь старославянского языка. Т. 4 / С. Г. Шулежкова, С. А. Анохина, А. А. Осипова [и др.]. М.: Флинта, 2024.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 15.01.2025).

Толковая Библия, или Комментарии на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета / под ред. А. П. Лопухина. Ветхий Завет. Т. I. М.: Дар, 2007; Т. V. 2008.

Ганапольская Елена Владимировна

канд. филол. наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет;
eganapolskaya@mail.ru

О СИМВОЛИКЕ КОМПОНЕНТА «БОГ» В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Ключевые слова: ассоциативный смысл, символика, фразообразовательное гнездо, компонент «бог».

При работе над «Фразеологическим словарем современного российского детектива» (СПб., 2015–2016), который по своей сути представляет собой словарь фразеологической неологии и включает как собственно неологизмы, так и различного рода фразеологические инновации (преимущественно языковые) (термин В. Г. Гака), объединенные тем или иным стержневым компонентом, мы выявили, что среди всех фразообразовательных гнезд, вошедших в словарь, наиболее активно развивается гнездо «Бог». В наших материалах оно включает более 100 единиц, являющихся инновациями, и является самым многочисленным из всех представленных в словаре. Поэтому неслучайно, что лексема «Бог» и фразеологические единицы с этим компонентом в современном русском языке постоянно привлекают внимание лингвистов.

Слово «Бог» с древнейших времен в различных языках является носителем серии ассоциативных смыслов. Многие из них предположительно характерны уже для индоевропейского сознания. К настоящему времени семантика слова «Бог» в русском языке обросла множеством дополнительных смыслов (христианские и языческие верования, античные мифологические представления, общеславянские ассоциативные смыслы и др.), которые пока не нашли своего отражения в словарях, так как их изучение только начинается.

Приступая к изучению этой темы, лингвисты делают закономерные выводы о значении лексемы «бог» на основе анализа соответствующего лексико-семантического поля (Панова), а для фразеологии — на анализе внутренней формы фразеологизма (например, Шведова, Пивоварчик, Гнедэк и др.). Таким образом их внимание направлено на семантику компонента «бог» в языке в целом и на его исходное значение в составе соответствующего фразеологизма, т. е. также на значение этого слова в языке. Пытаясь выявить всю гамму дополнительных смыслов, имеющихся у лексемы «бог» в русском языке, ученые крайне редко описывают значение собственно компонента «бог» в составе фразеологизма. Попробуем восполнить этот пробел.

Кратко рассмотрим лишь некоторые из смыслов, которые поддерживает и развивает современная русская фразеология, расположив их по убыванию частотности реализации в изучаемой микросистеме. При этом мы сознательно отвлечемся от семантики лексемы *бог* в русском языке в ее свободном употреблении, будем условно рассматривать ее только как компонент фразеологизма, не принимая во внимания весь комплекс значений и ассоциаций, связанный с этим словом в русском языке.

При таком подходе для нас важны два момента: 1) лексико-грамматическая классификация изучаемых единиц, 2) значение фразеологизма.

Классификация образных единиц с компонентом «Бог». Для этой группы фразеологизмов классификация — отдельный сложный вопрос (см., например, спорную классификацию, предложенную Шведовой).

Среди фразеологизмов, включенных в наш словарь (равно как и в большинство толковых и фразеологических словарей), абсолютное большинство по своей грамматической структуре составляют единицы со структурой предложения: глагольно-пропозициональные обороты, при широком понимании также пословицы и поговорки. Единичны глагольные фразеологизмы. Междометные фразеологизмы многочисленны, представляют собой разную по грамматической структуре группу, в которой большинство единиц также относятся к глагольно-пропозициональным.

Начальный анализ внутренней формы большинства единиц, входящих во фразообразовательное гнездо с компонентом «бог», не требует специальных знаний и не представляет сложности для современного носителя русского языка. Он дает нам представление о боге как о некоем реально существующем (*бог есть*) высшем существе, которое отличается от человека (кто *не бог*) и в отличие от человека все знает (*бог знает* где / когда / почему…), но при этом находится в постоянном общении и взаимодействии с человеком (осуществляет какие-либо действия по отношению к человеку — дает или не дает что-то, карает (наказывает) или, наоборот, помогает и т. п.), обладает определенными качествами (*милостив, милосерд, свят* и др.) и его действия (*бог послал, бог надоумил*), эмоциональные проявления (*гневить бога*), отношение к обычным людям (*бог не фраер, бог тебе судья, бог свидетель*) по своей сути также являются человеческими. В большинстве оборотов лексема «бог» употребляется в единственном числе, что косвенно свидетельствует о доминировании монотеистических христианских представлений.

Наш словарь включает неологизмы и инновации, т. е. единицы, изменившие форму и/ или значение, поэтому есть смысл посмотреть направление варьирования.

Варьирование формы затрагивает «ось времени» (прошлое — настоящее — будущее: *бог дал — бог даёт — бог даст, бог послал — бог посылает — бог пошлет*), наклонение (*бог дал — дай бог / не дай бог*), синонимические замены глагольного компонента (*бог прибрал / призвал кого*), открытую позицию объекта в глагольно-пропозициональных оборотах *на ладан дышит кто — что*), и нек. др.

Значение фразеологизма. Здесь исследователь фразеологии неминуемо становится на зыбкую почву, так как исходя из принципа семантической целостности составители словарей предлагают дефиниции фразеологизмов, максимально далекие от исходного лексического значения их компонентов и не соотносимые с отдельным значением каждого компонента. Во многих случаях словарное толкование мешает увидеть ассоциативные смыслы, присущие каждому компоненту.

Применив метод фразеологической аппликации В. П. Жукова, мы получим следующие ассоциации, которые компонент «бог» имеет в современной фразеологии:

1. ‘Судьба’. Группа фразеологизмов, где «Бог» ассоциируется с понятием судьбы, является наиболее многочисленной: *благодарить Бога, Бог дарит кого кому, Бог есть, Бог миловал, Бог милостив, Бог наделил / наделял, Бог надоумил, Бог накажет / наказал, Бог не оставил кого в беде, Бог уберег, ухватить / взять Бога за бороду и* др. Понятие «судьбы» очень часто сосуществует, с одной стороны, с идеей счастья, удачи (реже — обратное), с другой стороны, с представлением о наказании (обычно — как о плохой судьбе).

2. ‘Никто — кто-то — все’. Как и в язычестве, наше сознание ассоциирует слово «Бог» с понятием ‘никто’, однако фразеология, которой свойственно развитие и поддержание как полярных, так и промежуточных смыслов, поддерживает в минимальном количестве, в «дремлющем» состоянии также значения ‘кто-то’, ‘все’. Примеры: ‘никто’**:** *Один Бог знает (ведает), Одному Богу было ведомо, Сам Бог не ((с)делает, (с)делал), Ни Бог, ни дьявол (ни черт, ни Бог), Богом проклятый (1-е знач.), Бог его знает, Одному Богу известно, Ни в бога, ни в черта, *К Богу послать (о выстрелах)*; ‘кто-то’**:** *На Бога надеялись*; ‘все’: *Царь и Бог, И к богу, и к черту побежишь*.

3. ‘избранный, высшее существо, всемогущий’: *напиток богов, как бог, дальше, чем до господа бога и* др. Эта группа представлена разнородными по значению и образности фразеологизмами; много сравнительных оборотов.

4. ‘ совесть, справедливость’, ‘порядок’: *бога помнить, *без бога в сердце и без царя в голове, как в канцелярии у господа бога* и др.

5. ‘ природа’ (также с позитивными и негативными коннотациями): *от бога; богом данный, богом обиженный, богом убитый; бог дал; *бог дарит кого чему; бог не обидел; бог обидел.*

6. ‘смерть’: *отдать богу концы, отдавать / отдать богу душу, бог прибрал.*

Литература

Гак В. Г. О современной французской неологии // Новые слова и словари новых слов. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1978.

Гневэк О. В. Изменение семантики лексемы *бог* (по материалам современных фразеологических словарей, а также собраний русских пословиц и антипословиц) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. № 2 (24). С. 56–61.

Панова Г. Л. Слово «Бог» и его значения. От иерархии небесной к иерархиям земным // Логический анализ языка. Космос и хаос: Концептуальные поля порядка и беспорядка / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2003. С. 405–414.

Пивоварчик Т. А. Речевые формулы с именем бога в повседневной коммуникации // Вісник Дніпропетровського університету. Сер.: Мовознавство. 2009. Т. 17, № 11. С. 224–232.

Шведова Н. В. Словарь фразеологизмов с компонентом «бог» / под ред. Н. Б. Усачевой. Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2005.

Шведова Н. В. Фразеологизмы с компонентами «бог» и «черт» в современном русском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. Тюмень, 2004.

Дубровская Елена Михайловна
канд. филол. наук, доцент,
Новосибирский государственный технический университет;
schitat.do.sta@gmail.com

«НЕТ НИ ЭЛЛИНА, НИ ИУДЕЯ»: ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ БИБЛЕИЗМОВ С ОНОМАСТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ (НА МАТЕРИАЛЕ ДАННЫХ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА)

Ключевые слова: библеизм, ономастика, этноним, ойконим, Национальный корпус русского языка, НКРЯ, устойчивое выражение.

Библейские тексты на протяжении многих веков обладают неоспоримым общественным авторитетом, зачастую формируя культурные традиции и моральные ориентиры народов мира. Библеизмы, как часть библейских текстов, обладают стилистической и экспрессивной окраской. По мысли Г. А. Лилич, это «языковая единица, характеризующаяся рядом признаков: смысловой законченностью, воспроизводимостью (с возможными вариантами), семантической и стилистической маркированностью (переносным значением, повышенной экспрессивностью, часто принадлежностью к книжному слою лексики» [Лилич и др. 1993: 52]. Библеизмы, будучи разновидностью прецедентных текстов, содержат в своём составе устойчивые конструкции и афоризмы библейского происхождения. По словам составителей словаря «Из библейской мудрости», «магия библейских крылатых слов — в их «растворяемости» в текстах литературных произведений, публицистике и современной живой речи многих народов» [Балакова 2015: 7]. При этом говорящие часто не знают, что употребляемые ими устойчивые выражения являются библеизмами, не осознают сакральности их источника и чаще знакомы лишь с переносным значением выражения.

На начальном этапе нами были отобраны библеизмы, вошедшие в состав Энциклопедического словаря библейских фразеологизмов и словаря «Из библейской мудрости». Методом сплошной выборки мы выделили единицы, содержащие в своём составе этнонимы, географические названия и производные от них единицы. Так, мы отобрали 25 единиц, после чего обратились к данным Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и получили сведения о частотности употребления каждой из отобранных: *вавилонская башня* (92 текста, 111 примеров), *вавилонская блудница* (22 текста, 23 примера), *вавилонская тоска* (не зафиксировано в НКРЯ), *вавилонский плач* (не зафиксировано в НКРЯ), *вавилонское пленение* (10 текстов, 10 примеров), *вавилонский плен* (5 текстов, 5 примеров), *вавилонское столпотворение* (65 текстов, 68 примеров), *добрый (милосердный) самаритянин* (12 текстов, 12 примеров), *египетская работа* (16 текстов, 19 примеров), *египетская тьма* (11 текстов, 11 примеров), *египетские казни* (6 текстов, 6 примеров), *египетский плен* (1 текст, 1 пример), *египетский суд* (не зафиксировано в НКРЯ), *иерихонская труба* (15 текстов, 16 примеров), *иерихонские стены* (3 текста, 6 примеров), *иерусалимские слёзы* (не зафиксировано в НКРЯ), *купель Силоамская* (7 текстов, 8 примеров), *на реках вавилонских седохом и плакахом* (62 текста, 76 примеров), *нет [несть] ни эллина, ни иудея* (35 текстов, 36 примеров), *новый Вавилон* (13 текстов, 24 примера), *новый Иерусалим* (87 текстов, 137 примеров), *Вифлеемская звезда* (20 текстов, 22 примера), *путь на Голгофу* (19 текстов, 22 примера), *Содом и Гоморра* (73 текста, 81 пример), *содомский грех* (15 текстов, 15 примеров), *сыны Израилевы* (32 текста, 16 примера).

Рассмотрим выражение «*нет ни эллина, ни иудея*». По словарю К. Н. Дубровиной, значение библеизма: «Все люди равны, нет народа лучше или хуже других» [Дубровина 2010: 433]. В словаре закреплены стилистические пометы книжн.; публ. Устойчивое выражение возникло на основе цитаты из послания апостола Павла к колоссянам, в котором он призывает христиан к добродетели, единению с Богом и освобождению от всех земных пороков: «А теперь вы отложите всё: гнев, ярость, злобу, злоречие, сквернословие уст ваших; не говорите лжи друг другу, совлекшись ветхого человека с делами его и облекшись в нового, который обновляется в по-

знании по образу Создавшего его, где нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, скифа, раба, свободного, но всё и во всём Христос» (Кол. 3:8–11).

Рассмотрим функционирование выражения «нет ни эллина, ни иудея» в текстах НКРЯ. Проанализировано 36 контекстов: в 23 контекстах (64 %) авторы используют устойчивое выражение внутри созданного ими текста, никак графически не выделяя и не указывая на первоисточник, в то время как в 13 контекстах (36 %) авторы употребляют выражение в кавычках, иногда также упоминая источник цитирования. Ср.:

И это удушье распространяется по стране, для которой, по определению, ***нет ни эллина, ни иудея*** [Александр Янов. Дьявол меняет облик (СССР: либерализация или сталинизация?) // «Синтаксис», 1980];

Вот апостол сказал: «Все равны перед Богом, ***нет ни эллина, ни иудея***». [Семен Липкин. Записки жильца (1962–1976)].

Один контекст представляет собой цитату из выступления на IV Майском всезарубежном соборе, еще три — фрагменты из высказываний священнослужителей:

*Поэтому, полностью исключить их из дискуссии, было бы неканонично и противоречило бы заповедям Христа, в Котором «****нет ни эллина ни иудея****»* [Обращение к делегатам майского Всезарубежного собора (21.01.2006) // «Наша страна» (Аргентина), 2006].

Устойчивое выражение употребляется в текстах, опубликованных в период с 1878 по 2012 гг:

*На почве Православия «****нет ни эллина, ни иудея****», ни русского, ни болгарина, ни грека, и вселенский, так сказать, храм св.* [К. Н. Леонтьев. Храм и Церковь (1878)];

Мудрые слова Христа о том, что ***нет ни эллина, ни иудея*** *и есть основа единой гражданской нации* [В. В. Шелохаев. Дневник (2012)].

Заметим, что не во всех контекстах конкретизирован источник цитирования: 6 контекстов (17 %) упоминают апостола Павла и приводят его слова, в то время как в еще 3 (9 %) авторы обращаются к мудрым словам Христа или Господа:

Апостол Павел очень хорошо говорит, что в Церкви ***нет ни эллина, ни иудея****, ни раба, ни свободного, но — при условии, что у всех один Христос* [митрополит Питирим (Нечаев). Русь уходящая (1993–2003)].

Примечательно, что лишь в 2 контекстах выражение используется как библеизм и обладает переносным значением:

И теперь, когда пришли за женой Димитраки, он заорал: «Здесь ***нет ни эллина, ни иудея****, здесь больные!»* [Семен Липкин. Записки жильца (1962–1976)];

Знай, что все люди потенциально равны: ***нет ни эллина, ни иудея****, ни белого, ни цветного* [Н. И. Гаген-Торн. Memoria (1936–1979)].

В остальных случаях выражение используется в качестве цитаты из сакрального источника и встречается в религиозной литературе или речи церковнослужителей.

Источники

Дубровина К. Н. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов. М.: Флинта; Наука, 2010.

Балакова Д., Вальтер Х., Мокиенко В. М. Из библейской мудрости = Z biblickej mudrosti = Biblische Weisheiten: русско-словацко-немецкий словарь библеизмов. Greifswald: E. M. A. Universitat, 2015.

Национальный корпус русского языка. URL: http://www.ruscorpora.ru (дата обращения: 15.01.2025).

Литература

Лилич Г. А., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Библеизмы в русском, чешском и словацком литературных языках // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История, языкознание, литературоведение. 1993. № 3. С. 51–59.

Еськова Анна Дмитриевна

канд. филол. наук, лаборант-исследователь,
Санкт-Петербургский государственный университет;
GratiaA@yandex.ru

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ОБОРОТОВ С БИБЛЕИЗМАМИ В ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ РОМАНА М. ГОРЬКОГО «ЖИЗНЬ КЛИМА САМГИНА»: СИСТЕМНО-СТРУКТУРНЫЙ ПОДХОД

Ключевые слова: лексикология, лексикография, фразеология, стилистика, горьковедение.

В докладе рассматривается отображение оборотов, содержащих в себе библейскую лексику, в создаваемом ныне Идеологическом словаре романа М. Горького «Жизнь Клима Самгина». Отдельное внимание уделяется отбору единиц. Термин «идеологический словарь» и ларинский подход к авторской лексикографии. В словаре используется широкое понимание библеизма. Идеологическая значимость библейской лексики не подлежит сомнению: библейский текст несомненно значим в культуре разных народов и в творчестве М. Горького. Важное место в докладе занимает подход «от персонажа». Место словаря в системе горьковских словарей. Библейский том среди других томов словаря. Связь с Частотным словарем. Описанию в словаре подлежит как собственная, так и нарицательная лексика. Обороты со словами *Бог, Евангелие, книга.* Возможности компьютерной лексикографии. Обосновывается необходимость включения в словарь всех оборотов, в том числе и общеупотребительных, вроде *бог с ним.*

Отдельно рассматривается в докладе структура словарной статьи. Она включает в себя традиционные элементы — заголовочная единица, толкование, иллюстрации, и в то же время обусловлена задачами словаря. Именно эти задачи обусловили появление в данном томе раздела «Комментарий».

Идеологический словарь горьковского произведения может быть полезен разным читателям в разных аспектах. Думается, что он пригодится всем тем, кто интересуется историей русской культуры рубежа XIX–XX столетий: школьнику старших классов, студенту, аспиранту, так и читателю более старшего возраста. Однако в первую очередь словарь, конечно же, адресован специалисту-филологу, в частности, историку языка. Как представляется, все предполагаемые тома словаря имеет смысл и выпустить однотипными, поскольку они в разных аспектах описывают текст одного произведения. Здесь можно следовать за «Словарем автобиографической трилогии М. Горького». Текст горьковского романа подсказывает исследователю важные для рассмотрения темы. Этим темам посвящаются отдельные тома словаря. Фразеологизмы с библеизмами характерны для отдельных персонажей романа: Лютова, Степана Кутузова, Марины Зотовой (Премировой) и других. Употребление указанных единиц позволяет, в частности, выявить такие черты характера персонажей, как уверенность в себе и бодрость духа революционера Кутузова, фиглярство Лютова, цинизм сектантки Премировой. Через отношение к персонажам выявляется и образ главного героя произведения — Клима Ивановича Самгина.

Думается, Идеологический словарь займет свое место в семействе горьковских словарей и писательских словарей (см.: [Шестакова 2012]) в целом.

Источник

Словарь автобиографической трилогии М. Горького: [в 6 вып.]: основан проф. Б. А. Лариным / Ленингр. ордена Ленина и ордена Трудового красного знамени гос. ун-т им. А. А. Жданова, Межкафедр. словар. кабинет им. проф. Б. А. Ларина. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1982–.

Литература

Шестакова Л. Л. Русская авторская лексикография: теория, история, современность. М.: Языки славянских культур, 2011.

Зиновьева Елена Иннокентьевна

д-р филол. наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет;
e.i.zinovieva@spbu.ru

УСТОЙЧИВЫЕ СЛОВЕСНЫЕ КОМПЛЕКСЫ РЕЛИГИОЗНОЙ ТЕМАТИКИ В СТАРОРУССКОМ ЯЗЫКЕ ПОВСЕДНЕВНОГО И ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ

Ключевые слова: устойчивый словесный комплекс, устойчивое выражение, старорусский язык, библеизмы, религиозная тематика.

В памятниках русского языка XVI–XVII вв. употребляется объемный разряд устойчивых выражений, тематически связанных со сферой религии. Актуальность исследования данного языкового пласта обусловлена его значимостью на начальном этапе формирования русского национального языка в связи с отражением основных черт менталитета эпохи, а также особенностями функционирования в повседневном и деловом общении Московской Руси.

Источниками материала послужили данные исторических словарей русского языка — «Словаря русского языка XI–XVII вв.» и «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.», а также данные картотеки последнего словаря.

Цель исследования заключается в систематизации и функционально-семантическом описании языкового материала в связи с его лексикографическим представлением.

Употребляющиеся в документах и текстах, отражающих обиходный язык Московской Руси, устойчивые словесные комплексы (УСК) можно разделить на 2 группы: УСК-библеизмы и УСК религиозного содержания, и между этими группами не существует непроницаемой границы.

Термин «библеизм» не имеет в научной литературе однозначного определения. К библеизмам относят как отдельные слова, так и фразеологизмы. Дефиниции термина были предложены в работах различных исследователей [Мокиенко 1989; Верещагин 1993; Беликова 2005; и др.].

К УСК-библеизмам в нашем материале можно отнести те единицы, которые напрямую восходят к Библии:

- прецедентные имена и высказывания, имеющие своим источником Библию, например*: страх Божии* ‘христианская добродетель, заключающаяся в благоговении перед беспредельной святостью Бога и опасении оскорбить чем-либо его величие’, *испивать / испить чашу ярости (гнева) Господня (Божия)* ‘подвергнуться суровым наказаниям, испытать сильные страдания, прогневав Бога’; *ничто же сумняся, ничтоже сумняяся* ‘ничуть не сомневаясь, не колеблясь’ (последнее выражение не имеет современной иронической и отрицательной коннотации) и др.;
- символические наименования, восходящие к Библии. Например, *агнец Божии* ‘символическое именование Христа как жертвы за грехи всего мира’, *Новая Благодать* ‘Новый Завет’, *Геенна огненная* ‘наименование ада’, символ судного дня.

Библеизмы в повседневной и деловой речи Московской Руси часто актуализируются в контексте своей эпохи. Так, выражение *страх Божий* является компонентом развернутой формулы, характеризующей совершивших измену, преступление против государя — Степана Разина и его соратников: *забыть страх Божий и присягу свою (великого государя милость и жалованье, крестное целование)* ‘перестать следовать присяге верности и преданности Богу и государю’. Выражение *Агнец Божии* употребляется в рассматриваемый период как применительно к наименованию Христа, так и метонимически по отношению к его изображению.

К УСК религиозного содержания может быть применим термин «религионим». Данный разряд в исследуемом материале включает:

- христианские мифологемы и устойчивые выражения с компонентами-мифологемами, претерпевающие «обмирщвление» при вхождении в обиходные контексты употребления. Так, *ангел* служит в повседневном языке для обозначения дня поминовения святого,

в честь которого назван царь или члены его семьи, а выражения *на ангел (чей, кого) и для ангела (кого)* имеют значение ‘по случаю тезоименитсва царя и членов его семьи’;

- УСК, отражающие религиозное сознание носителей языка: *как (что, коли) Бог даст, так (то) и будет* ‘о сложившихся каким-л. образом обстоятельствах, не зависящих от человека’, *бесу (дьяволу) душу продать* ‘согрешить’ и др. Но ряд таких выражений уже частично десакрализуется, например, *по (чьему/ чьим-л.) греху (-ом, -ам)* ‘без умысла, по ошибке’; *грешной мерой* ‘к несчастью, на беду’.

Ряд УСК, отражающих религиозные представления жителей Московской Руси, являются перифразами. Например, *пренебесное селение, села праведных* ‘рай, райская обитель’.

- УСК, относящиеся к речевому этикету. Например, благопожелания: *подай (подаждь) Бог вся благая; [буди (будь)]… покровен (храним) … десницею вышнего [владыки, содетеля, Христа, в Троице славимаго…] Бога* и др.;
- УСК, обозначающие типичные жизненные ситуации, например, *кормиться (скитаться, питаться) Христовым именем* ‘жить подаянием, прося милостыню в крайней нужде’;
- УСК, являющиеся наименованиями реалий: названия церковных книг, названия постов, наименования обрядов и ритуальных действий, церковных праздников и др.

Особенности употребления рассматриваемых единиц проявляются в таких тенденциях, как «обмирщвление» в обыденных контекстах (номинация связанного с праздником Пасхи побора с прихожан — *великоденские яйца*), возникновение метонимических переносов, частичная десакрализация, стереотипизация отдельных выражений и функционирование их в качестве формул деловых документов и речевого этикета, а также тенденция к ироническому переосмыслению отдельных составных наименований в формирующейся сатирической литературе (название несуществующего поста и др.). Историко-культурного комментария требуют конкретные реалии, номинируемые фразеологическими библеизмами и религионимами.

Среди рассматриваемых УСК, согласно предложенной в монографии «Истоки русской фразеологии» классификации [Генералова, Зиновьева 2024], можно выделить идиомы, формулы, составные наименования, предложно-падежные сочетания. Данные разряды УСК должны быть представлены в разных разделах исторического дифференцированного фразеологического словаря старорусского языка делового и повседневного общения согласно разработанным в названной монографии принципам [Генералова, Зиновьева 2024: 146–151].

Литература

Беликова В. Г. Цитата как видение мира: монография. М.: Прометей, 2005.

Верещагин Е. М. Библейская стихия русского языка // Русская речь. 1993. № 1. С. 96–97.

Генералова Е. В., Зиновьева Е. И. Истоки русской фразеологии: устойчивые сочетания языка делового и повседневного общения Московской Руси XVI–XVII вв.: монография. СПб.: Изд.-полигр. ассоц. высш. учеб. завед., 2024.

Мокиенко В. М. Славянская фразеология. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 1989.

Ковшова Мария Львовна

д-р филол. наук, гл. научный сотрудник, Институт языкознания РАН;
kovshova_maria@list.ru

РЕЛИГИОЗНЫЙ «СЛОЙ» В РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ И ЗАГАДКАХ С ТЕРМИНАМИ РОДСТВА: МАТЕРИАЛЫ К СЛОВАРЮ

Ключевые слова: религиозные элементы, пословицы, загадки, словарь.

В ходе исследования русских народных паремий с терминами родства в текстах пословиц и загадок были отмечены религиозные элементы, то есть такие, которые по своей семантике соотносятся с религиозными практиками и текстами. К религиозным элементам в текстах пословиц и загадок можно отнести имена собственные библейских персонажей; названия предметов, действий, событий, известных по библейским сюжетам; номинации предметов культа и религиозных обрядов, а также календарных праздников; прямые и преобразованные цитаты из Библии; и др. По гипотезе, наличие в текстах с тематикой родства (которая может соединяться с гендерной тематикой) религиозных элементов дополняет содержание пословиц и загадок образами и коннотациями, «уплотняющими» их семантику.

Так, в текстах пословиц с тематикой родства религиозные элементы усиливают нравоучительную составляющую, образуя аллюзии к библейским заповедям и отраженным в них прескрипциям. Отношения в сфере родства описываются через призму религиозной культуры, измеряются в ее эталонах, символах, образах. Ср., например, пословицы: «*Матерь почитайте як на церкви главу*»; «*Удобрилась мать до пасынка: в Петров день яичко дала*» [Мокиенко 2010: 519, 522]. Из религиозных элементов в пословицах доминирует прямое, преобразованное или скрытое цитирование Библии. Ср., например, сказанное в Книге пророка Иезекиля: «…отцы ели кислый виноград, а у детей на зубах оскомина» (Иез. 18:2) и его цитирование в текстах пословиц: «*Отцы терпкое поели, а у детей (деток) оскомина*»; «*Отцы ели клюкву, а у детей (будет) оскомина на зубах*» [Мокиенко 2010: 633, 634]. В пословицах может происходить десакрализация исходного смысла в силу его сужения или образно-семантического перефокусирования; ср.: «*Дочка ягодки ела, а у матери оскомина*» [Мокиенко 2010: 297].

В текстах загадок образы родства объединяются с религиозными образами, чтобы описывать различные предметы в известном человеку по опыту родственных связей измерении. Ср., например: «*Два раза от матери родился; / Ни одного не крестился, / Отцу-матери не детище (цыплёнок)*» [Садовников 1876: № 983]; «*Сестра толста, пестра, / Поповым девушкам тётушка (Псалтырь)*» [Рыбникова 1932: 124]. Религиозные элементы участвуют в образовании формул (например, «родился, не крестился»), что позволяет одним способом загадывать предметы как реального, так и ирреального мира; ср. использование данной формулы в загадках про глиняный горшок, про осла, про Адама, Еву и др. Все загадки, где отгадкой является библейский персонаж или сюжет, содержат аллюзии к библейским текстам; ср.: «*Отца у меня нет, а мать мне муж (Ева)*» [Ковшова 2019: 126]; ср. в Библии: «И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену» (Быт. 2:22). Загадке как игровому жанру свойственно шутливое обращение с религиозными элементами, их десакрализация и обыгрывание.

Религиозный «слой» в пословицах и загадках с терминами родства иногда перемежается с мифологическим «слоем»; так, в пословицах в виде шутливых заклинаний встречаются обращения, имеющие библейские или мифологические коннотации: *Батюшка Покров, Батюшка Предтеча, Матушка Покров, Матушка Параскева, Матка-берег, Матушка Похвала* и др.; в загадках есть образы Матери Марии или Алёны (про росу) и др.

«Репертуар» религиозных элементов в пословицах и загадках с терминами родства достаточно разнообразен; функции религиозных элементов в пословицах и загадках, во многом, обусловлены жанровой и структурной спецификой этих знаков; количественные данные по использованию религиозных элементов в текстах с терминами кровного родства и некровного родства имеют свои отличия.

В качестве способа описания религиозного «слоя» в словаре русских пословиц и загадок с терминами родства предлагается краткая или расширенная культурно-этимологическая ремарка, включающая в себя цитату из Библии и/или энциклопедические сведения, а также ссылку на источники. Ср., например, ремарки для пословиц:

Какова мать, такова и дочь.
Из Библии: «…какова мать, такова и дочь» (Иез. 16:44).
Отец игумен братии — о Страшном суде, а братия игумену — о кабаке.
Отец — «8. Служитель церкви или монах, а также обращение к нему»; «*игумен* — Настоятель православного монастыря»; *братия* — «1. Монахи одной общины, одного монастыря» [Ожегов, Шведова 2006: 58, 236, 470]. *Страшный суд* — «всемирный, ожидаемый во второе пришествие Господа» [Даль 2004, т. 4: 196].

Ср. описание загадок:

Кому жена была солона? — Лоту.
Из Библии: «Жена же Лотова оглянулась позади него, и стала соляным столпом» (Быт. 19:26).
Вышел дед / Семидесяти лет, / Вынес ребёнка / Постарше себя (Священник и крест).
Священник — «Служитель церкви, исполняющий церковные службы и требы»; *крест* — «2. Символ христианского культа» [Ожегов, Шведова 2006: 305, 706]. Ср. также: «Священник — иерей, пресвитер, поп, рукоположенный служитель алтаря, совершающий св. тайны»; «Крест есть символ христианства» [Даль 2004, т. 2: 161; т. 4: 36].

Источники

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 2004.

Ковшова М. Л. Словарь собственных имен в русских загадках, пословицах, поговорках и идиомах. М.: Ленанд, 2019.

Мокиенко В. М. (отв. ред.). Большой словарь русских пословиц. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. (ред.). Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: А ТЕМП, 2006.

Литература

Рыбникова М. А. Загадки. М.; Л.: Academia, 1932.

Садовников Д. Н. Загадки русского народа: сборник загадок, вопросов, притч и задач. СПб.: Тип. Н. А. Лебедева, 1876.

Королькова Анжелика Викторовна

д-р филол. наук, профессор, Московский педагогический государственный университет;
Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы;
lika.korolkova@bk.ru

ОСОБЕННОСТИ ОТБОРА И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ БИБЛЕЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ И КРЫЛАТЫХ ВЫРАЖЕНИЙ

Ключевые слова: библейские фразеологизмы, крылатые выражения, лексикография.

Библия, именуемая книгой книг, является основой ценностной парадигмы миллионов христиан. В Библии содержится большое количество фразеологических единиц, крылатых выражений, пословиц, прецедентных имен, входящих в состав афоризмов.

Лексикография библейских устойчивых словесных комплексов насчитывает сотни книг на различных языках. Например, практически во всех словарях XIX в., изданных на русском языке, содержится большое количество библейской фразеологии. В словарь М. И. Михельсона «Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний» (1896–1912) включено несколько десятков подобных ФЕ, пословиц, прецедентных имен, крылатых выражений (*аредовы веки жить*, *ангельская душа, аминь рассыпься, ад кромешный, ад выстлан благими намерениями).* Библейские фразеологизмы, пословицы и афоризмы толкуются несистемно, однако приводятся актуальные контексты их употребления из художественной литературы.

Библейская фразеология включена в русские толковые словари XX в. («Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова; «Словарь русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой; «Толковый словарь русского языка» под редакцией С. И. Ожегова и пр.) Фразеологические единицы библейского происхождения включались во все толковы и фразеологические словари советского времени, но зачастую источник происхождения ФЕ не указывался.

В основу лексикографического описания библейской фразеологии, пословиц, крылатых выражений положены различные принципы, что определяет прагматику лексикографических изданий. Отметим, что библейские фразеологизмы, пословицы, афоризмы описываются в русских фразеологических словарях различного типа (построенных на принципах узкого толкования фразеологии и в рамках широкого подхода). Так, во «Фразеологическом словаре русского языка» А. И. Молоткова (1968), который включает в себя, прежде всего, идиомы, содержится ряд библейских фразеологизмов (в *костюме Адама, метать бисер перед свиньями, питаться акридами, вавилонская блудница* и пр.) Объем словарного материала составляет 4 тыс. фразеологических единиц, библейская фразеология составляет примерно 10 %, что значительно в количественном отношении.

В конце XX — начале XXI в. в русской лексикографии появились фразеологические словари, которые посвящены исключительно описанию ФЕ, пословиц и крылатых выражений, восходящих к Библии. Эти словари, в соответствии с целями и прагматикой описания материала, имеют различный объем словника и структуру словарных статей.

В «Историко-этимологическом словаре русской фразеологии» (1998) А. К. Бириха, В. М. Мокиенко, Л. И. Степановой указывается библейское происхождение ФЕ и кратко объясняется к какому библейскому преданию восходит фразеологизм.

«Словарь библейских крылатых слов и выражений», созданный Г. А. Иоффе, вышел в 2000 г., имеет небольшой объем словника (около 500 единиц). Автор указывает, что основной задачей словаря является приведение отрезков библейских текстов, которые являются первоисточниками возникновения крылатизмов, а также детальное толкование их семантики в современном языке, которая во многих случаях не совпадает со значением оборота в Библии.

«Толковый словарь библейских выражений и слов» (2010) В. М. Мокиенко, Г. А. Лилич и О. И. Трофимкиной включает в свой состав и фразеологизмы (свыше 2 тысяч), и крылатые

выражения, и афоризмы, имеющие библейское происхождение. В словаре библейская фразеология истолковывается, приводятся контексты.

В 2010 г. К. Н. Дубровина издала «Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов». В предисловии она указала, что словарь создан на базе анализа многих толковых, фразеологических, этимологических, энциклопедических и толковых словарей. «Словарь включает в себя устойчивые воспроизводимые в речи, раздельнооформленные библейские обороты, которые, как правило, обладают экспрессивностью, эмоционально-оценочными характеристиками и имеют переносные значения (метафорические, символические, аллегорические, обобщённо-образные), — отмечает Дубровина [Дубровина 2010: 10]. В словарной статье данного энциклопедического справочника дается не только толкование ФЕ, афоризма, пословицы, крылатого выражения и приводятся контексты употребления, но и содержится стилистическая характеристика, этимологический и лингвистический комментарий. В некоторых случаях словарные статьи содержат сведения о произведениях искусства, отражающих сюжет библейского предания, к которому восходит ФЕ.

В ряде словарей последних лет библейская фразеология описывается в рамках парадигмы анализа их универсального характера. Так, например, в словаре «Лепта библейской мудрости» (2012) приводятся и толкуются одни и те же ФЕ на русском, английском, белорусском, немецком, словацком, украинском языках. Словарь перерабатывался и переиздавался (2019), в него были включены ФЕ на грузинском, армянском языках, расширен словник.

Русская лексикография к настоящему времени имеет богатейший опыт разностороннего описания библейской фразеологии и крылатых выражений.

Источники

Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Историко-этимологический словарь. СПб.: Фолио-пресс, 1998.

Дубровина К. Н. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов. М.: Флинта; Наука, 2010.

Лепта библейской мудрости: библейские крылатые выражения и афоризмы на русском, английском, белорусском, немецком, словацком и украинском языках / авт.-сост.: Д. Балакова [и др.]. Могилёв: Могилёв. гос. ун-т им. А. А. Кулешова, 2014.

Мокиенко В. М., Лилич Г. А., Трофимкина О. И. Толковый словарь библейских выражений и слов: около 2000 единиц. М.: АСТ: Астрель, 2010.

Кривошеев Глеб Сергеевич

аспирант, преподаватель, Белгородский государственный универистет;
1910ggg@mail.ru

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ БИБЛЕЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ ДИСКУРСЕ: ОТ САКРАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ К КОНТЕКСТУАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ

Ключевые слова: библеизм, библейское выражение, контекст, семантическая трансформация.

Изменение политики государства по отношению к православной церкви в конце XX в., которое заключалось в признании социокультурной и ценностно-идейной значимости церкви для общества вызвали широкий интерес к Библии. Церковнославянские изречения вливались в русский язык широким потоком, формируя его образные средства.

Несмотря на запретительное отношение к Библии, библейская фразеология продолжала интенсивно функционировать в языке и «…до 80-х годов XX века апокалиптической прерывности не испытала» [Мокиенко 1995: 145]. Её глубинная связь с обрядами, молитвами и другими элементами церковной традиции сформировала прочный фундамент, обеспечивший активное использование таких выражений даже в условиях минимального взаимодействия с церковью [Бердникова 2015: 109]. Несмотря на устойчивое функционирование библейской фразеологии в языке, её семантика в разговорной и литературной практике нередко трансформируется, приобретая оттенки значений, которые отличаются от её исходного толкования в библейском тексте [Бердникова 2015: 109]. Такая вариативность обусловлена контекстом, где сакральная семантика переосмысляется в светском дискурсе, отражая культурные и коммуникативные реалии. Для изучения семантического преломления библеизмов в контекстуальных условиях обратимся к примерам их использования, содержащимся в Национальном корпусе русского языка (ruscorpora.ru).

Рассмотрим библейское выражение *возлюби ближнего своего [как самого себя]* [Лепта библейской мудрости 2024: 24]. Семантика данного выражения интерпретирована следующим образом: *Основание, фундамент чего-л.; основа, главная идея чего-л*. Контекстуальное бытование данного библеизма: *До 13, я, воспитывающаяся в атмосфере «возлюби ближнего, как самого себя», мило хлопала ресничками, закрывала глазки на очевидное недолюбливание меня бывшими одноклассниками и твёрдо верила, что мир — прекрасная сладкая вата!* В данном контексте библейское выражение обретает ироничный оттенок, отражая субъективное восприятие мира. Изначально дидактическая формула утрачивает нейтрально-нормативную функцию, выражая рефлексию о несовершенстве реальности. Ранее, в детском сознании автора, воспитанного в духе гуманистических идеалов, мир казался гармоничным, но теперь, по её ощущениям, эта картина изменена из-за бывших одноклассников, не разделявших её идеализма. Таким образом, библейский афоризм выполняет функцию стержневого элемента личной истории, где исходное значение преломляется через ироничное осознание несовпадения идеала с реальностью. Смысловой сдвиг добавляет ироничный, субъективно-оценочный подтекст, а противопоставление утопической веры в доброту и реального опыта раскрывает динамику разочарования в универсальности гуманистических принципов.

Рассмотрим следующий пример: *Возможно, именно этот водитель остановится, поможет и довезет Вас до больницы, если Вы вдруг подскользнетесь и расфигачите себе копчик в семечки, на ровном месте… Мораль: Возлюби ближнего своего как самого себя, ибо быть он может, психованным шизофреником с топором под курткой!*

В данном контексте библеизм используется с явным саркастическим оттенком, что кардинально трансформирует его исходное значение. Словарное толкование приобретает гиперболически-гротескную окраску. Автор иронично подчёркивает, что помощь ближнему может быть сопряжена с опасностью, создавая резкий контраст между идеальным, возвышенным смыслом фразы и представленной ситуацией. Сарказм усиливается за счёт деталей, таких как *психован-*

ный шизофреник с топором под курткой, которые нарочито абсурдно противопоставлены первоначальной гуманистической идее. Таким образом, библейский афоризм здесь превращается из нравственного ориентира в комический инструмент, служащий для демонстрации недоверия и цинизма в отношении идеи универсального человеколюбия. Сакральный нормативный смысл выражения искажается, уступая индивидуальному восприятию реальности.

Обратимся к следующему примеру: *Помните? «Возлюби ближнего своего, как себя самого!» Почему люди забывают вторую часть этой заповеди?*

В данном контексте выражение сохраняет свою исходную нравственную направленность, однако акцент смещается на упущение одной из его ключевых частей. Представленное в словаре толкование выражения дополняется вопросом о равновесии между любовью к другим и самоуважением. Автор подчёркивает, что заповедь включает два равнозначных элемента: ‘любовь к ближнему’ и ’любовь к себе’, однако в повседневной практике люди склонны забывать о второй части — ‘необходимости относиться к себе с той же мерой уважения и заботы’. Выражение в данном контексте приобретает оттенок критики социальной или личной несбалансированности, когда чрезмерная забота о других может приводить к игнорированию собственных потребностей.

Таким образом, библейские фразеологизмы, сохраняя сакральную основу, в современном языке зачастую трансформируются, утрачивая нравственную универсальность и приобретая ироничные или оценочные оттенки, адаптируясь к повседневному и художественному дискурсу.

Источник

Национальный корпус русского языка. URL: https://ruscorpora.ru (дата обращения: 15.01.2024).

Литература

Бердникова Т. А., Уарова Н. А. Функционирование библеизмов в современном русском языке // Сборник трудов Якутской духовной семинарии. 2015. № 2. С. 109–119.

Лепта библейской мудрости: библейские крылатые выражения и афоризмы на русском, английском, белорусском, немецком, словацком и украинском языках / Д. Балакова, Х. Вальтер, Н. Ф. Венжинович [и др.]. Могилёв: Могилёв. гос. ун-т им. А. А. Кулешова, 2014.

Мокиенко В. М. Фразеологические библеизмы в современном тексте // Библия и возрождение духовной культуры русского и других славянских народов. СПб.: Петрополис, 1995.

Куныгина Ольга Владимировна
канд. филол. наук, доцент,
Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет;
dagmara74@list.ru

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ БИБЛЕЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ: ОПЫТ БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЙ СИСТЕМАТИЗАЦИИ

Ключевые слова: фразеология, библейский фразеологизм, семантика, библиография.

Библиографический указатель «Изучение библейской фразеологии: опыт библиографической систематизации» [Куныгина 2024] призван представить читателю коллективный опыт нескольких поколений отечественных и зарубежных учёных, занимающихся изучением библейской фразеологии.

В первой части представлены словари, в которых собраны, систематизированы и описаны библеизмы. Среди этих работ этимологические словари, толковые словари-справочники, словари старославянского языка, а также многоязычные словари.

Во второй части собраны работы, в центре которых ставятся и изучаются проблемы лексикографии и фразеографии библейских фразеологизмов. В статьях исследователи рассматривают проблемы отбора и фразеографического описания библеизмов, а также параметры комментария этих единиц.

В третьей части представлены монографии, диссертации и статьи, посвящённые изучению семантики, структуры и функционирования библейских фразеологизмов. В работах рассматриваются как общие вопросы, так и проблемы описания и разноаспектного изучения отдельных библеизмов. Большая часть работ посвящена функционированию библейских фразеологизмов в современной речи.

В библиографическом указателе есть разделы, посвящённые изучению функционирования библейских фразеологизмов в произведениях русской литературы и публицистике. Библеизмы занимают значительное место среди используемых писателями и журналистами изобразительных средств, ведь удачное, меткое употребление фразеологизмов, охарактеризованное Б. А. Лариным как «артистический» способ, создает сильный эффект, который воздействует на сознание читателя, побуждает его более эмоционально воспринять написанное, притягивает внимание к контексту, создает яркую картину.

Большая часть указателя представляет перечень работ (монографии, словари, диссертации, статьи), связанных с функционированием и разноаспектным описанием библейских фразеологизмов в текстах отдельных авторов (В. П. Астафьев, А. А. Ахматова, А. А. Блок, М. А. Волошин, В. С. Высоцкий, М. Горький, С. А. Есенин, Н. А. Заболоцкий, Д. Н. Мамин-Сибиряк, В. В. Маяковский, В. Г. Распутин, М. Е. Салтыков-Щедрин, Л. Н. Толстой, Ф. И. Тютчев, М. И. Цветаева и многие другие).

В библиографическом указателе присутствуют работы, связанные с изучением библейской фразеологии в произведениях древнерусской литературы, а также в иностранных языках.

Отдельный раздел включает работы, связанные с изучением библейских фразеологизмов в узе и школе.

Подобный библиографический указатель составлен и предлагается впервые.

Автор благодарит за предоставление своих материалов и помощь в создании этого труда сотрудников лингвистической лаборатории имени профессора В. А. Лебединской (г. Курган), учёных научно-исследовательской словарной лаборатории под руководством доктора филологических наук, профессора С. Г. Шулежковой (г. Магнитогорск), участников фразеологического семинара при Межкафедральном словарном кабинете имени профессора Б. А. Ларина (Санкт-Петербург), а также следующим коллегам-единомышленникам: Выхрыстюк Маргарите Степановне (г. Тобольск), Григораш Антонине Михайловне (г. Киев), Золотых Лидии Глебовне (г. Астрахань), Кайгородовой Ирине Николаевне (г. Астрахань), Корольковой Анжелике Викто-

ровне (г. Смоленск), Кудриной Наталье Викторовне (г. Курган), Ломакиной Ольге Валентиновне (г. Москва), Мокиенко Валерию Михайловичу (Санкт-Петербург), Петровой Ирине Владимировне (г. Магнитогорск), Соловьёвой Анастасии Дмитриевне (г. Челябинск), Фесенко Ольге Петровне (г. Омск), Фокиной Мадине Александровне (г. Кострома), Чепковой Татьяне Павловне (г. Москва), Шушариной Ирине Анатольевне (г. Курган).

Литература

Куныгина О. В. Изучение библейских фразеологизмов: опыт библиографической систематизации. Челябинск: Абрис, 2024.

Лю Лу

Генеральное консульство Китая в Санкт-Петербурге;
liu.lu@mail.ru

АНАЛИЗ КОГНИТИВНЫХ МОДЕЛЕЙ ВЕРБАЛЬНОЙ ИРОНИИ В ГАЗЕТНЫХ ЗАГОЛОВКАХ С КРЫЛАТЫМИ ВЫРАЖЕНИЯМИ

Ключевые слова: вербальная ирония, теория идеализированной когнитивной модели (ИКМ), газетный заголовок, крылатое выражение, интерпретация вербальной иронии.

Ирония играет важную роль в человеческом общении, в качестве языкового феномена ирония часто употребляются в публицистическом тексте. Используя методы вербальной иронии, автор газетной статьи приводит внимание читателей к более широкому пространству апперцепции, покрытому семантическими значениями. На протяжении многих лет вербальная ирония была изучена исследователями из разных отраслей знаний: лингвистами, литературоведами, философами, психологами и многих другими.

С развитием когнитивных наук и распространением их использовании в лингвистике появляются новые аспекты и методы изучения вербальной иронии — например, с точки зрения когнитивной лингвистики. И создание, и понимание иронии являются когнитивными процессами, в данной статье попытаемся анализировать вербальную иронию на основании теории идеализированной когнитивной модели (далее ИКМ) и результатов исследований о когнитивно-эмоциональной модели.

Вербальная ирония в газетных заголовках с крылатыми выражениями. Вербальная ирония, как оригинальный и важный способ в общении человека, широко используется в публицистическом тексте. Удачное использование вербальной иронии не только помогает автору выразить свои мысли и мнения, но и позволяет читателю понять скрытые смысли в этих иронических высказываниях.

Крылатые выражения имеют богатые культурные коннотации и тесно связаны с нашими наблюдениями и опытом. Крылатые выражения содержат разные информации, они обобщают человеческий опыт, жизненную мудрость, передают философский смысл, отражают разный социальный опыт, разное мировоззрение, в образной форме выражают сущность какого-либо явления, ситуации, отношения. При использовании в качестве газетных заголовков и создании вербальной иронии, крылатые выражения тесно связаны с выбором автора и содержанием газетных статей. А наиболее важным звеном реализации вербальной иронии является когнитивная интерпретация читателей. Тем самым обусловлена возможность использования ИКМ в нашем исследовании.

Теорию идеализированной когнитивной модели (ИКМ). Когнитивная модель — определенная психологическая модель организации и характеристики знания, сформированная в процессе познания мира и сущности вещей. Она включает в себя концепты и относительно устойчивые связи между ними. Традиционно объективная семантическая теория подчеркивает соответствие и эквивалентность языковых знаков и действительности, и не всегда принимает во внимание субъективных факторов. Стоит отметить, что семантика языка так же не отделима от культуры, религии, и физических особенностей, когнитивных стилей, когнитивных способностей человека, она тесно связана с ИКМ.

Дж. Лакофф водит понятие «кластерная модель» и анализирует концепт «мать» в качестве примера. Этот кластер включает в себя следующие модели:

1. Модель рождения: Лицо, давшее рождение ребенку, является *матерью*.
2. Генетическая модель: Женщина, вложившая генетический материал, является *матерью*.
3. Модель воспитания: Взрослая женщина, вырастившая и воспитавшая ребенка, является *матерью*.
4. Супружеская модель: Жена отца является *матерью*.
5. Генеалогическая модель: Ближайший родственник женского пола по восходящей линии является *матерью*.

Это значит, в идеальном случае одна полноценная ИКМ должна соответствовать всем пяти моделям. Но и в разговорной, и в письменной речи значения слова "мать" различаются, в них, как правило, подчеркнуты или исключены некоторые модели. Например, многодетная мать (подчеркнута модель рождения); *Волга — матушка* (метафорически использована модель рождения, другие модели исключены); *Она выглядит не похожа на матери* (подчеркнута Генетическая модель).

Аналитические модели Дж. Лакоффа подходят и анализу вербальной иронии, поскольку реализация вербальной иронии тесно связана с пониманием речевого сообщения и когнитивными способностями человека. Вербальная ирония осуществлена тогда, когда адресат ее узнает и поймет в своем когнитивном процессе.

ИКМ и реализация вербальной иронии в газетных заголовках. Как выше отметили, ИКМ Дж. Лакоффа позволяет изучить вербальную иронию в новом ракурсе. Далее проводим исследования в следующих трех аспектах: на основании одной модели или подчеркивание одной модели; использование метафоры или метонимия; изменение одной модели.

1. На основании одной модели или подчеркивание одной модели

Когда читатели пытаются понять вербальную иронию и активировать соответствующие модели в системе ИКМ, они обычно опираются на свой физический опыт и когнитивное чувство.

Попытаемся разделить пять когнитивных моделей при определении «запретного плода»:

Морфологическая модель: конечный этап развития цветка, орган покрытосеменных растений;

Функциональная модель: продукт питания, утолит жажду или голод, может вызвать ряд негативных последствий;

Модель происхождения: берет свое начала от библейского мифа о древе познания добра и зла. Бог запрещает Адаму и Еве срывать из него плоды.

Модель отношений, позиции: недозволен, недоступен, запрещен.

Модель существования: может обозначить конкретный вид фрукта, но чаще используется метафорически, относится к любой снисходительности или эпикурейству, которое считается незаконным или аморальным.

Вербальная ирония реализуется с помощью явных разниц между типичными значениями моделей в системе ИКМ и конкретными значениями моделей в тексте.

Использование метафоры или метонимия. Метафорические модели представляют собой отображения или образно-схематических моделей одной области на соответствующие структуры другой области. Метафора в вербальной иронии может отображать одни области в терминах других областей, передать новую информацию, менять или расширять семантику слова.

Основываясь на человеческом опыте, мы можем предположить, *заголовок* "они сражались за родину" имеет бесчисленные когнитивные модели: ИКМ = $КМ_1$ + $КМ_2$ + $КМ_3$ + $КМ_4$ + $КМ_5$ + $КМ_6$ + … Все КМ являются частью ИКМ «они сражались за родину».

В отличие от метафоры, метонимия выбирает односторонний подход, она связывает один элемент модели с другим. Каждая ИКМ может быть использована для обозначения части, одной или несколько моделей. Иногда часть ИКМ употребляется вместо другой части в системе ИКМ.

Изменение одной модели. ИКМ тесно связана с ментальным пространством, которые он объясняет как способ концептуализации и мышления. Ментальные пространства могут расширяться в том отношении, что к ним в ходе когнитивных процессов могут быть добавлены дополнительные сущности и ИКМ.

Источник

Национальный корпус русского языка. URL: http://www.ruscorpora.ru (дата обращения: 15.01.2025).

Литература

Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ.; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004.

Мокиенко Валерий Михайлович

д-р филол. наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет;
mokienko40@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ БИБЛЕИЗМОВ

Ключевые слова: лексикография, крылатые слова, крылатые выражения, библеизмы, кальки.

Общеизвестно, что Библия является для европейских языков одним из самых мощных источников крылатых слов и выражений. Неслучайно поэтому основатель «крылатологического» жанра в европейской лексикографии Георг Бюхманн начинает свои собрания именно с крылатых единиц библейского происхождения: в его словаре зафиксировано 630 библеизмов. В «Сборнике замечательных изречений, цитат, поговорок и т. п. различных времен и народов с историческим и сравнительным объяснением» И. Редникова (1883) полностью воспроизводится структура собрания Г. Бюхманна и библейские выражения предваряют весь сборник. Традиция включать библеизмы в собрания крылатых слов и выражений характерна и для последующей европейской лексикографии.

В русских же сборниках крылатых слов их включение в такого рода лексикографические справочники не тормозилось даже тем, что в советское время Россия стала атеистической. Советские сборники В. З. Овсянникова, С. Г. Займовского, Н. С. и М. Г. Ашукиных, В. П. Беркова, Ю. Н. Афонькина и др. включают в себя немало библеизмов. Конечно же, по количеству и точности отражения библейских крылатых слов до сих пор пальму первенства держит монументальное собрание М. И. Михельсона (1902/03), к сожалению, до сих пор ещё недостаточно оцененное и с этой стороны. особая ценность представленного М. И. Михельсоном русского корпуса библеизмов состоит в том, что большинство из них отражено на широком европейском фоне, с множеством параллелей, в том числе античных.

При обилии и многообразии одноязычных справочников по библейским словам и выражениям разных языков, в европейской лексикографии пока весьма мал удельный вес двуязычных и многоязычных словарей такого жанра. Единственными исключениями, например, в германо-русской лексикографии остаются два небольших, но полезных словаря. Первый — «Опыт краткого немецко-русского — русско-немецкого словаря» Т. С. Александровой (1996), имеющий чёткую прагматическую установку и лапидарно раскрывающий значения различных немецких теологических терминов и понятий, включая и некоторые крылатые слова и обороты, источником которых является Библия, но, к сожалению, не раскрывая полностью их происхождения и эволюции. Второй «Русско-англо-немецкий словарь пословиц, поговорок, крылатых

слов и Библейских изречений» Н. Л. Адамия (2005) представляет собой «цитатник» самых разнообразных (в том числе уже практически неупотребительных) библейских изречений русского языка со своими английскими и немецкими параллелями. В нём нет ни толкований ни стилистических помет, ни тем более историко-этимологических комментариев. Несмотря на недостаточность лексикографического аппарата, эти словари весьма полезны уже тем, что отражают определённый корпус библеизмов двух и трёх языков и точно указывают на соответствующие библейские источники.

Из двуязычных словарей подобного жанра нельзя не упомянуть и оригинальный «Англо-русский словарь библеизмов для всех и каждого» М. А. Загота (2005), где кроме точных отсылок на источник даётся толкование библеизма, его контекст (на двух языках), объясняется современное использование оборотов и предлагаются варианты перевода с английского на русский. Нельзя не упомянуть и «Немецко-польский словарь библеизмов» Х. Вальтера, Э. Коморовской, А. Кжановской и др. (2010, 2015), в котором предлагается не только толкование и стилистическая квалификация библеизмов, но и дается обильный контекстный материал.

Лексикографическая характеристика библеизмов разных языков потребовала объединения усилий лингвистов разных стран. Опираясь на опыт ларинской лексикографии и уже изданные

основательные одноязычные словари библеизмов (в том числе и русских — К. Н. Дубровина, Г. А. Лилич, В. М. Мокиенко, О. И. Трофимкина, С. Г. Шулежкова и др.) международная группа исследователей (З. К. Адамия, А. С. Алёшин, Д. Балакова, Х. Вальтер, Н. Ф. Венжинович и др.) создала (под общ. ред. Е. Е. Иванова и В. М. Мокиенко) многоязычный словарь библеизмов в двух томах под заглавием «Лепта библейской мудрости: русско-славянский словарь библейских крылатых выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках» (МГУ имени А. А. Кулешова, 2018–2019).

В процессе этой работы составителям пришлось ответить на многие кардинальные вопросы, связанные с лексикографическим описанием библеизмов. Основополагающим стало сама формулировка термина *библеизм* (resp. *библейское крылатое выражение*), ибо от него зависит количественное и качественное определение словника соответствующих словарей. Границы словника, в свою очередь, зависимы от учета частотности/нечастотности включаемых в словарь единиц, что требует специальных предварительных исследований. Стилистическая квалификация библеизмов также требует особого подхода в связи с их общим книжным источников и разных традиций перевода Священного Писания на разные языки. Кстати, даже само точное определение первоисточника библеизма и его места в словаре далеко неоднозначно: с одной стороны, оно отсылает читателя к соответствующему месту Библии, с другой — может (и нередко должно) раскрывать символику соответствующей языковой единицы. Различны подходы к словарной характеристике библеизмов в одноязычных, двуязычных и многоязычных словарях. Необходимо при этом учитывать даже такие особенности лексикографируемого материала, как близкородственность или языковое различие библеизмов, конфессиональные сходства и различия сакральных текстов, устное и письменное восприятие Священного Писания и т. д.

В докладе предлагается диалектическое решение этих и других проблем лексикографического описания библеизмов.

Исследование выполняется за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-18-00252, реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете) в рамках проекта «Библейское наследие восточнославянских языков в лингвокультурологической и лексикографической интерпретации (Большой русско-белорусско-украинско-русинский словарь библеизмов)».

Ничипорчик Елена Владимировна

д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой,
Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины, Беларусь;
evnich@gmail.com

ПОСЛОВИЦЫ БИБЛЕЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ТЕКСТАХ НКРЯ (О СОЗДАНИИ КОРПУСНОГО СЛОВАРЯ)

Ключевые слова: пословица, библейское происхождение, корпус, словарь.

В настоящее время есть немало ресурсов, использование которых проливает свет на характер и степень востребованности паремий в речи. Один из таких ресурсов — Национальный корпус русского языка (далее НКРЯ) [Национальный корпус…]. Достижения корпусной лингвистики сегодня позволяют в буквальном смысле измерить пространство языка по пространству речи, расширить представления об устойчивости на фоне бесконечной языковой вариантности. Словарь русской идиоматики Г. И. Кустовой [Кустова] служит наглядным примером того, как с опорой на репрезентативный корпус текстов можно устанавливать степень притяжения слов друг к другу и очерчивать границы семантической сочетаемости. Лингвистические задачи иного рода, в частности задачи, связанные с изучением единиц малого синтаксиса, можно решать при обращении к аналогичному Корпусному словарю неоднословных лексических единиц [Корпусный словарь…].

В свете сказанного создание электронного словаря пословиц библейского происхождения на базе НКРЯ открывает новые возможности в оценке функциональных свойств выражений, восходящих к Священному писанию. Пользователям такого словаря будет предоставлена возможность охватить взором все разнообразие техники «палимпсеста» в текстопродуцировании — техники формирования новых смыслов с импликацией старых смысловых основ, техники искусного вплетения элементов старых форм в новые текстовые полотна.

Опыт показывает, что лаконичные фразеологизмы-библеизмы, как правило, не вызывают сложностей в поиске контекстуальных употреблений в НКРЯ, то есть знание специальных методик выявления контекстов пользователям корпуса в этом случае не требуется. Примечательно, что НКРЯ дает богатейший материал для анализа функционирования такого рода единиц: многие фразеологизмы-библеизмы фиксируются в значительном количестве контекстов; к примеру, *камень преткновения* встречается в 450 контекстах основного корпуса и 2410 — газетного корпуса (здесь и далее количественные данные приводятся по состоянию НКРЯ на 10.01.2025), *козел отпущения* — в 211 и 430 соответственно; *око за око* — в 240 и 305; *корень зла* — 200 и 274; *острый на язык* — 103 и 163 (с учетом инверсий).

Поиск пословичных выражений в НКРЯ, в том числе и пословиц библейского происхождения, требует опоры в основном на «непрямые» пути получения необходимой информации. Причина заключается в том, что «вживление» выражений предложенческого типа в аналогичную ткань происходит зачастую с разрушением их форм. В связи с этим создание корпусного словаря пословиц библейского происхождения будет обладать несомненной практической значимостью. Такая паремиографическая задача решается временным исследовательским коллективом Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины.

В качестве первичного источника пословичных выражений библейского происхождения для проверки степени их востребованности в НКРЯ был использован многоязычный паремиологический словарь Дж. Пацолая [Paczolay 2002]. В этом небольшом (общее количество паремий — 106), но уникальном по содержанию словаре зафиксировано 19 пословиц, восходящих к Библии: *Что посеешь, то и пожнёшь*; *Не рой другому яму — сам в неё попадешь*; *На двух господ служить, ни одному не угодить*; *От маленькой искры большой пожар бывает*; *В чужом глазу соломинку видим, а в своём и бревна не замечаем*; *Слепой слепца водит, оба зги не видят*; *Друзья познаются в беде*; *Всё хорошо, что хорошо кончается*; *Ничто не ново под луной*; *Кто сеет ветер, пожнёт бурю* и др.

Все 19 выражений фиксируются в текстах НКРЯ. Количество контекстов с анализируемыми пословичными выражениями колеблется в диапазоне от 4 до 96 в основном корпусе и от 3 до 98 в газетном. Наименее востребованными оказались выражения *Какова матка, таковы и детки* (1 контекст в основном корпусе) и *Слушай больше, говори меньше* (1 контекст в основном корпусе, 2 — в газетном). Лидеры по числу фиксаций в НКРЯ — пословичные выражения *Нет пророка в своем отечестве* (в основном корпусе — 83, в газетном — 98); *Капля по капле камень долбит* (96 и 69 соответственно); *Беда не приходит одна* (34 и 85); *Человек предполагает, а Бог располагает* (80 и 32); *Кто не работает, тот не ест* (78 и 55); *По одёжке протягивай и ножки* (65 и 57).

Сигналы о прецедентности анализируемых библейских выражений, отмеченные в текстах НКРЯ, таковы: 1) идентификация данных выражений авторами текстов как пословиц или поговорок, о чем свидетельствует употребление слов *пословица*, *поговорка*, а также иных лексических маркеров прецедентности в качестве метаоператоров; 2) закавычивание выражений; 3) использование намека и разного рода трансформаций библейских выражений с расчетом на узнавание последних и дешифровку имплицированных смыслов; это могут быть отсылки к содержанию устойчивого выражения посредством упоминания в контексте отдельных его компонентов, лаконичная репрезентация центрального мотива либо, напротив, развернутое перефразирование библейского выражения, развитие его сюжета, превращение ключевой метафоры в многофокусную и др.

Отмеченные показатели прецедентности анализируемых пословиц библейского происхождения в русской культуре характеризуются различной степенью проявления.

Источники

Корпусный словарь неоднословных лексических единиц (оборотов). URL: https://ruscorpora.ru/page/obgrams/ (дата обращения: 12.01.2025).

Кустова Г. И. Словарь русской идиоматики. Сочетания слов со значением высокой степени. URL: http://dict.ruslang.ru/magn.php?act=list&list= %CF %F0 %E8 %EB %E0 %E3 % E0 % F2 %E5 %EB %FC %ED %EE %E5 (дата обращения: 15.01.2025).

Национальный корпус русского языка. URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 17.01.2025).

Paczolay G. European proverbs in 55 languages with Equivalents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese and Japanese. Hobard, Tasmania, 2002.

Павлова Людмила Панасовна

канд. филол. наук, преподаватель,
Курсы иностранных языков при Профкоме Дипломатической академии МИД РФ;
panasovna@gmail.com

БИБЛЕИЗМЫ В НИДЕРЛАНДСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВАРЯХ

Ключевые слова: нидерландский язык, фразеологические словари, библеизмы, словарная статья.

Библия оказала большое влияние не только на формирование основных ценностей христианских цивилизаций, но и на объем лексической составляющей языков. Библеизмы являются неотъемлемой частью любого языка в христианских странах.

В Нидерландах создано несколько фразеологических словарей, в том числе и специальный словарь фразеологизмов, пословиц и поговорок, появившихся в нидерландском языке благодаря Библии.

Для сопоставительного анализа представленного материала и особенностей словарной статьи в каждом из них было использовано три фразеологических словаря на нидерландском языке: 1) J. van Delden Spreekwoorden en zegswijzen uit de bijbel, 2) K. ter Laan Nederlandse spreekwoorden, spreuken en zegswijzen, 3) Van Dale Idioomwoordenboek.

Составители данных фразеологических словарей отбирали для них материал в соответствии с заявленными целями. Этим объясняется различное количество библеизмов, зафиксированных в сопоставляемых словарях. Словарь J. van Delden предназначен для широкого круга читателей, интересующихся языком Библии, значением и употреблением библеизмов. При этом отмечается, что знание библеизмов, а, следовательно, и правильное их употребление, в современном нидерландском обществе снижается [van Delden 1990: 13]. Составитель данного словаря выделяет семь разрядов слов и словосочетаний, включенных в словарь: кроме фразеологических единиц и поговорок, в него вошли имена собственные и другие группы имен существительных, обязанные своим появлением тексту Библии (например, *profetenkamertje*). Всего в словаре зафиксировано около 900 библеизмов. Два других словаря не имеют подобной узкой направленности, в них включены только фразеологические словосочетания, и не зафиксированы отдельные библеизмы-лексемы. Словарь K. ter Laan имеет своей целью с помощью паремий и фразеологизмов продемонстрировать национальный характер нидерландцев и фламандцев. В словаре Van Dale зафиксированы наиболее употребительные идиомы современного нидерландского языка (всего в данном словаре лексикографически обработано около 10 000 ФЕ).

Для того чтобы более точно определить выбор составителями библеизмов для включения их в указанные словари, был проведен анализ представления в них фразеологизмов с лексическим компонентом *кисть руки* (*hand*).

Меньше всего ФЕ с данным компонентом (пять) было зафиксировано в словаре Van Dale Idioomwoordenboek, при общем их количестве 94 ФЕ. Следует отметить, что еще одна ФЕ (*op de handen dragen — носить на руках*) в указанном словаре не имеет пометы «библеизм», как это было отмечено в словаре J. van Delden. В словаре K. ter Laan составителем выражено сомнение в библейском происхождении данной ФЕ, но есть указание возможного первоисточника. Составители словаря Van Dale также сомневаются в связи ФЕ *de hand in eigen boezem steken c* библейским текстом.

В двух фразеологических словарях количества идиом из Библии с указанным лексическим компонентом практически совпадают (девять ФЕ в словаре J. van Delden и десять ФЕ в словаре K. ter Laan), но отмечены некоторые расхождения в выборе представленного материала.

В словарях используются различные способы описания библеизмов: от очень кратких дефиниций до подробной культурологической информации.

Словарные статьи в каждом из словарей имеют как общие черты, так и свои особенности. Во всех сопоставляемых словарях словарная статья содержит дефиницию ФЕ, т. е. актуальное для современного языка значение, а также указание первоисточника и цитату из Библии. Как

отмечает В. М. Мокиенко, точная «паспортизация источника» библеизма является важным компонентом словарной статьи и определяет правильность употребления ФЕ [Мокиенко 2017: 7].

Однако в словаре J. van Delden дается более полная информация по сравнению с другими словарями, указывается не один источник ФЕ, а все употребления данного словосочетания в Библии. В основном для цитирования в указанном словаре был использован Государственный перевод (*Statenvertaling*) начала семнадцатого века. В некоторых случаях в нем есть указания на другие переводы Библии на нидерландский язык. Во многих случаях в данном словаре дается историко-культурологическое объяснение, которое может относиться и к фразеологизмам (*Hij is de Benjamin, o* младшем ребенке в семье), и к отдельным лексемам, связанным своим происхождением с Библией (*de bergrede — нагорная проповедь, het dodenrijk — царство мертвых*). Например, обширную культурологическую информацию имеет библеизм *Pasen* (Пасха), чего нет в других использованных для исследования словарях. В них зафиксированы только ФЕ с названием данного христианского праздника.

Интересными можно считать текстовые иллюстрирования употребления библеизмов, взятых из современных публицистических текстов, которые приводятся в словаре Van Dale Idioomwoordenboek.

Литература

Мокиенко В. М. Библеизмы в современной русской речи. Как их правильно понимать и употреблять. М.: Центрполиграф, 2017.

Delden J. van. Spreekwoorden en zegswijzen uit de bijbel. Schiedam: Het Spectrum BV, 1990.

Подюков Иван Алексеевич

д-р филол. наук, профессор,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет;
podjukov@yandex.ru

ОНОМАСТИЧЕСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ В СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ РЕЧИ ПЕРМСКОГО КРАЯ

Ключевые слова: религиозная ономастическая фразеология, культура старообрядчества.

Многочисленные современные исследования онимической фразеологии показывают, что имена собственные в составе устойчивых выражений наделены особым когнитивным и символическим смыслом, «отражают национально-культурные особенности, под воздействием которых фразеология и возникла, менталитет социума, историю и культуру страны, сходства и отличия от других языков» [Волошин 2017: 126]. Остается недостаточно исследованной роль онимов в структуре устойчивых оборотов устной сферы бытования языка. Между тем бесписьменные формы культуры имеют свою специфику (в частности, в ней меньшее место занимают исторические, литературные имена, имена сферы искусств). К анализу роли имен собственных в диалектной фразеологии обращены лишь отдельные работы (напр., [Коган 2014]); то же можно сказать о фразеологизмах устной профессиональной речи и жаргонов [Андреев 2016]. Особый интерес в этой связи представляет фразеология речи старообрядцев, живой в своей основе, но нередко осложненной религиозной книжностью.

Старообрядческая фразеология активно участвует в выражении религиозных понятий, в обозначении обрядов, религиозных праздников, атрибутики. Значительное место в ней занимает библейская образность и прецедентные библейские имена. Выражение паче песка морскага о большом количестве чего-л. (*Грехов у нас у всех много — паче песка морскага и листа древнага, с.* Кын, Лысьвенский район) восходит к Книге Бытия (Умножая умножу семя твое, как звезды небесные и как песок на берегу моря. Бытие 22:17). Сохранение в составе оборота сравнительного наречия *паче* (‘больше’), следов архаичной местоименной формы прилагательного *морскага* придает сравнению возвышенность, а высказыванию — значение безусловной авторитетности.

Древние образы в условиях устного бытования нередко используются не столько для номинации и характеристик, сколько для привнесения в речь сакральных смыслов. Так, фразеологизм Ноева потопа с именем библейского Ноя (Бытие 6:9) говорит не собственно о непрекращающихся дождях, а актуализирует идею неотвратимости Божьего наказания (*Ноне льёт-ленёт, Ноева потопа. Вся трава полеглая. Прогневали Бога, вот и не останавливатся,* Усть-Уролка, Чердынский район). Женский род народного слова *потопа* (‘половодье’) при этом вытесняет слово *потоп*, отличающееся книжным характером; в результате оборот органически увязывает конкретное событие жизни природы и мысль о подчиненности человека Богу.

Фразеологизм мамонный век выражает неприятие старообрядцами нынешнего стремления к богатству и роскоши (*Теперь люди от веры отошли вообще, идёт век мамонный. Это дьявол денег, власти. И вот сейчас этому народ служит. Деньги, деньги,* Рассоленки, Лысьвенский район. Пришедшее из арамейского языка и олицетворяющее грех стяжательства, слово-библеизм в писаниях встречается как имя демона-искусителя, лукавого беса (Евангелие от Луки 16:9). Исповедующие принцип «Говори не к осуждению, а к рассуждению», старообрядцы для оценки людских пороков используют не собственные эмоции, а авторитет религиозного учения.

Фразеологизм поле Авраамово выступает как вариант встречающегося в Библии выражения лоно Авраамово (Притча о богаче и Лазаре, Евангелие от Луки 16:22.) и эвфемически используется для оценки места упокоения праведника (*Дети — они в поле Авраамово попадают, они безвинные. А дети, которые убиенные, они в темноте…,* Кын, Лысьвенский район). Он представляет смерть как пребывание души в месте упокоения ветхозаветного старца (т. к. рай

был отверзт позже страданием и воскресением Господа Иисуса Христа). Слово *поле* (известный по фольклору образ неба) привносит в выражение идею нового рождения.

Фразеологизмы с именами собственными обычно направлены на интерпретацию категорий веры, в том числе на привнесение религиозного начала в обыденную жизнь. Их отличает высокая культурная насыщенность, мировоззренческие смыслы, а использование (как и восприятие) предполагает знание книжной традиции.

Литература

Андреев В. Н. Арготические фразеологизмы, включающие имена собственные и их омонимы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 11-1 (65). С. 72–74.

Волошин Ю. К. Онимы в фразеологии // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2017. № 2. С. 125–132.

Група-Долиньская М. Фразеология русского говора старообрядцев в Польше. Warszawa: Instytut Slawistyki Polskiej Akademii Nauk, 2024.

Коган Е. С. Имя собственное в диалектном фразеологизме: этfпы идиоматизации // Вопросы ономастики. 2014. № 1 (16). С. 122–127.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (№ 25-28-00314).

Семененко Наталия Николаевна

д-р филол. наук, доцент, зав. кафедрой,
Старооскольский технологический институт — филиал
Национального исследовательского технологического университета «МИСИС»;
i@semenenko-1.ru

ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВАЯ ДИФФУЗИЯ БИБЛЕИЗМА В ПРОСТРАНСТВЕ ТЕМАТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА КАК ПРОБЛЕМА ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЯ

Ключевые слова: библеизм, сигнификативная опора, дискурсивно обусловленная коннотация, семантическая диффузия, ценность.

Библеизмы представляют собой уникальные единицы, актуальные для широкого межкультурного контекста не только как устойчивые единицы, восходящие к библейским сюжетам, но и как уникальные тексты культуры. Следует отметить, что в свое время библеизмы заняли особую нишу в речевой практике а качестве средства формирования культурной и языковой традиции, поскольку, восходя в библейской афористике, они изначально имеют выраженное дидактическое смысловое ядро. Однако с течением времени их роль в репрезентации ценностно-смыслового пространства культуры существенно меняется, и тому есть ряд причин: во-первых, мы не можем сбрасывать со счетов эволюцию мировоззрения общества, с ходом которой многие библейские изречения начинают трактоваться с буквализацией внутренней формы, что неизбежно при отсутствии глубокого понимания библейского сюжета. Во-вторых, употребление библеизмов в различных по стилистической тональности и концептуальной наполненности текстах привело к частичной десакрализации содержания этих устойчивых выражений и к расширению того круга ситуации, в которых они были применимы. В-третьих, даже при условии наличия фоновых знаний у носителя языка многие библеизмы используется «с поправкой» на реалии современной политической общественной риторики, что ведёт уже к фактическому расширению семантики библеизмов. Ещё один нюанс, влияющий на ценностно-смысловые изменения в семантическом пространстве устойчивых выражений — это сама библейская этимология, определяющая интернациональный характер бытования данных единиц, которые как правило проходят несколько этапов заимствования из языка в язык, в каждом из них «напитываясь» определёнными культурными коннотациями.

Соответственно, ценностно-смысловое содержание библеизма — это многослойное и многоуровневое образование, которое отражает длительные и сложные процессы, связанные в том числе с изменениями в культуре и системе общественных ценностей и активно реагирует на дискурсивно-обусловленную коннотацию как фактор смыслообразования.

Лексикографический и фразеографический аспекты изучения библеизмов в современной науке не теряют своей актуальности не только по причине активного интереса исследователей и носителей языка к самим единицам, но и из-за высокого трансформационно-семантического потенциала самих устойчивых выражений библейского происхождения, что зачастую делает «электронный текстовый корпус» существенным дополнением к словарю, поскольку он «ежедневно регистрирует новые контексты употребления библейских фразеологических единиц» [Бакина 2022: 62]. Актуальность данного системного «мониторинга» разного рода «сдвигов» в смысловом плане устойчивых выражений актуальна и в связи с утверждением одного из ведущих исследователей межкультурного и межъязыкового пространства библейской афористики и фразеологии Харри Вальтера о том, что «библеизмы здесь описываются не только как языковые единицы, но и как аккумуляторы культурных коннотаций, наложивших глубокий отпечаток на духовную жизнь… народов» [Вальтер 2009: 73].

Следует отметить, что современные словари библеизмов характеризуются выраженной степенью новаторства, что заложено во многом благодаря усилиями представителей научной школы Мокиенко В. М. К числу основных инноваций следует отнести введение подрубрики «в народной речи» или «в речи диалектоносителей», а также широкое использование тексто-

вых фрагментов, иллюстрирующих культурный фон конкретных единиц. Все это, по мнению В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной позволяет не только учитывать «семантическое развитие библеизма», но и моделировать фрагменты концептосферы, связанные «с религиозными представлениями и церковными традициями» [Мокиенко, Никитина 2024: 80].

В данном исследовании рассмотрели одну из употребимых в современном интернет-дискурсе устойчивых единиц библейского происхождения — *четыре всадника апокалипсиса* — и пришли к выводу, что данная единица характеризуется выраженной ценностно-смысловой диффузией, то есть неопределённостью в детерминации конкретного ценностно-смыслового вектора по ряду причин: 1) прежде всего это очень широкий круг денотативных пространств, номинируемых посредством данной единицы; 2) диффузное смешение семантики ‘угрозы’ и ’безнаказанности’ «сбивает» ценностно-оценочный фокус семантики; 3) возникающие с опорой на идею «счета» трансформационные варианты уводят от исходной внутренней формы (*пятый всадник*, *двенадцать всадников* и т. д.); 4) расширение семантики апокалипсиса как прецедентной единицы усиливает эффект диффузности смыслового ядра единицы (*информационный апокалипсис*, *природный апокалипсис*, *апокалипсис 2020* и т. д.).

Таким образом, можно говорить о том, что процесс десакрализации семантики и изменения мотивирующего вектора ценностного смысла библейских устойчивых единиц продолжается, и что отражение этого процесса в словарных статьях может позволить консолидировать в них сведения о семантических сдвигах в актуальном значении как самих библеизмов, так и их отдельных лексических компонентов.

Литература

Бакина А. Д. Библейские фразеологизмы как объект лексикографии // Актуальные вопросы филологии и лингводидактики. Памяти профессора Ф. А. Литвина. Орел: Орлов. гос. ун-т им. И. С. Тургенева, 2022. С. 60–68.

Вальтер Х. Лексикографическое описание библейской фразеологии (из опыта немецко-русского словаря библеизмов) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. № 2 (24). С. 73–78.

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Библеизмы восточнославянских языков в сопоставительной лексикографической репрезентации // Вопросы лексикографии. 2024. № 33. С. 71–88.

Цзян Сяоминь

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет;
jiangxiaomin@mail.ru

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ МУЗЫКАЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Ключевые слова: фразеологическая единица, музыкальные термины, сопоставительный анализ, русский язык, китайский язык, метафора, культура.

В последние десятилетия возрос интерес к сопоставительному анализу фразеологических единиц (далее — ФЕ) как «устойчивых сочетаний слов с осложнённой семантикой, не образующехся по порождающим структурно-семантическим моделям переменных сочетаний» [Кунин 1996: 5] в разных языках, однако материал китайского языка остается по-прежнему слабо охвачен в такого рода исследованиях, а ФЕ, содержащие музыкальные термины, в сопоставительном ключе вообще практически не попадали в фокус научного интереса, а между тем именно в этой области можно ожидать проявления значительных культурных различий, отражающих мировосприятие носителей этих языков. Материалом исследования послужили данные фразеологических словарей русского и китайского языков.

Ставя целью провести сопоставительный анализ ФЕ с музыкальными терминами в двух языках, мы решали такие задачи, как предложить классификацию ФЕ с музыкальными терминами; выявить метафорические значения, имеющиеся у музыкальной лексики и проанализировать трудности перевода предложений, содержащих такие ФЕ, в межкультурной коммуникации.

При соспоставлении ключевые проблемы видятся в различиях в эмоциональной окраске музыкальных терминов. В русском языке музыкальная лексика часто используется для обозначения напряжённости, стресса или раздражения (например, *играть на нервах*). В конфуцианской культуре музыка была частью ритуала, поэтому музыкальные термины несут философский заряд, связанный с представлениями о гармонии и балансе, обеспечивающимися именно музыкальным искусством. Например, выражение 琴瑟和鸣 *qín sè hé míng* ‘*цин и се звучат гармонично*’ описывает равновесие и единение, особенно в контексте отношений между супругами или родственнками. Это выражение восходит к традиционной для Китая философской концепции стремления к внутренней гармонии и стабильности.

Бросается в глаза отсутствие полных эквивалентов и прямых аналогов ФЕ в анализируемых языках. Так, в китайском языке не находится соответствий таким русскоязычным ФЕ, как *играть первую скрипку, душа — не балалайка*.

В ходе проведенного анализа были выделены следующие семантические типы ФЕ с музыкальными терминами.

I. Метафорические фразеологизмы, связанные с эмоциональными состояниями. В обоих языках музыкальные термины часто используются для описания психического напряжения, стресса или волнения человека. В русском языке ФЕ *играть на нервах* означает вызывать у кого-то раздражение или дискомфорт. В китайском языке 扣人心弦 *kòu rén xīn xián* ‘*задевать струны сердца*’ используется для обозначения сильных эмоциональных переживаний, будь то волнения или растроганность.

II. ФЕ, связанные с социальными ролями и статусом. Музыкальные термины могут акцентировать лидерство или подчинённость человека, например, в русском языке выражение *играть первую скрипку* означает занимать ведущую позицию в каком-либо деле. Также термин *первая скрипка* может использоваться в значении наиболее значимый человек. В китайском языке такого значения мы пока не выявили.

III. ФЕ, обозначающие гармонию или ее отсутствие. Гармония — важный аспект как в музыке, так и в жизни. В русском языке выражение *не в тон* обозначает нарушение гармонии.

В китайском языке 笙磬同音*shēng qìng tóng yīn и* 伯埙仲篪 *bó xūn zhòng chí* символизируют гармонию.

Основной проблемой при переводе фразеологических единиц с музыкальными терминами между русским и китайским языками являются культурные различия. Музыкальное искусство несет в себе ощутимый отпечаток традиции и истории соответствующего сообщества. Например, выражение *играть вторую скрипку* в русском языке имеет негативный оттенок, означая подчинённую роль, в то время как в китайском языке аналогичного выражения нет, и в китайской культуре этот оборот может не иметь такого уничижительного смысла.

ФЕ *играть на нервах* в русском языке сложно культурно адаптировать при переводе на китайский язык, поскольку подобные модели поведения не одобрялись в конфуцианской этике и соответственно не получили закрепления в языке.

Проведенный сопоставительный анализ выявил общее для ФЕ данного типа в двух языках, а именно: музыкальные термины часто используются для обозначения эмоциональных состояний, социальных ролей, а также передачи гармонии и дисгармонии в жизни человека. Однако связи между языком и культурой породили различия в восприятии и использовании этих терминов. В русском языке музыка ассоциируется с эмоциональной выразительностью и драматизмом, в то время как в китайской традиции она символизирует гармонию и баланс. Эти различия создают трудности при переводе, когда необходимо учитывать не только лексические, но и культурные контексты.

Литература

Арсентьева Е. Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц (на материале фразеологических единиц, семантически ориентированных на человека в английском и русском языках). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1989.

Берков В. П. Двуязычная лексикография. М.: Астрель, 2004.

Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. М.: Высшая школа; Дубна: Феникс, 1996.

Кругликова Л. Е. Структура лексического и фразеологического значения: учеб. пособие. М.: Моск. пед. гос. ин-т им. В. И. Ленина, 1988.

Шулежкова Светлана Григорьевна

д-р филол. наук, профессор,
Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова;
shulezkova@gmail.com

СВЕРХСЛОВНЫЕ БИБЛЕИЗМЫ В ЯЗЫКЕ ПРАВОСЛАВНЫХ НАГАЙБАКОВ

Ключевые слова: устойчивый словесный комплекс, нагайбаки, православие, тюркский язык.

На Южном Урале, в одном из районов Челябинской области, компактно проживает малочисленный коренной народ Российской Федерации — нагайбаки. В XVIII в. их предков переселили на восточную окраину Российской империи для охраны её границ и, прославившись как отважные воины и верные защитники отечества, нагайбаки были пожалованы в казаки. Самой удивительной особенностью этого этноса следует признать сочетание православного вероисповедания (в окружении многочисленных народов, проповедующих ислам) и тюркского языка (при тесных контактах с православными русскими поселенцами). По велению государя-императора в казаки могли попасть лишь крещёные инородцы, а старшее поколение нагайбаков убеждено, что их предки прибыли на Урал уже крещёными, и на Урале они могли принимать крещение повторно.

В последней трети XIX — начале XX столетия Русская Православная Церковь (РПЦ) внесла неоценимый вклад не только в просвещение нагайбаков, но и в сохранение у них православного исповедания. Подробное исследование этих процессов было проведено протоиереем Андреем Гупало (см. об этом [Гупало 2023]). Результаты нагайбакской миссии РПЦ можно наблюдать и в наши дни. Хотя после закрытия православных школ и разрушения христианских храмов во всех девяти нагайбакских станицах прошло почти 100 лет, в живом разговорном языке современных нагайбаков сохранился православный лексико-фразеологический фонд, шлифовавшийся полвека под влиянием церковнославянского и русского языков преподавателями-священниками в конце XX — первой четверти прошлого века. Особый интерес в этом плане представляют нагайбакские устойчивые словесные комплексы (УСК), которые пока и в словарях не отражены, и не исследованы лингвистами. Характерными чертами этого пласта языковых единиц является, во-первых, то, что это не простые заимствования, адаптированные звуковой системой нагайбакского языка (они, разумеется, встречаются, но очень редко), а нагайбакские эквиваленты-переводы единиц христианской тематики, и среди этих эквивалентов нами не было обнаружено ни одного арабизма.

Сохранённые в памяти старшего поколения нагайбаков и активизированные в наши дни в связи с возрождением православного богослужения УСК можно разделить на несколько групп.

Так, центральное место среди сверхсловных нагайбакских библеизмов и по степени значимости, и по частотности использования занимают 1) наименования самОй *Святой Троицы* (*Изге Торисын*) и трёх её ипостасей — *Бога Отца* (*Қодай Ата*), *Бога Сына* (*Қодай Ул*), *Святого Духа* (*Изге Тын*); 2) *Священного Писания, Евангелия* (*Арыу қабер: Изге сүз*), а также 3) многочисленных святых — *Святая Дева Мария* (*Изге Қыз Мәрее*), (*Святой апостол* (*Изге җибәрелгән*), *Святой Илья* (*Изге Илия*), *Святой Иоанн* (*Изге Иоан*) и пр. Не последнее место в этом ряду занимают 4) наименования православных праздников и значимых для Православной Церкви временных отрезков: *Рождество Христово* (*Кристос Тыуған Көн*), *Воскресение Христово* (*Кристос Теремп Торыу*), *Второе Пришествие — Икенще Килеү*), *Великий Пост* (*Олы Ураза*) и пр.

Помимо однословных переводных эквивалентов к славянским лексемам христианской тематики с предметным или процессуальным значениями (например, *крест — қащ; священник — имам; крещение — щуқындырыу; грех — ғонақ, җазық*; *грешник — ғонақлы; молитва — иман*; *сатана, дьявол — пәрей; рай — ощтымақ; креститься — щуқынырға), в* нагайбакском языке существует немало УСК, созданных в качестве эквивалентов к однословным славянским наименованиям, как предметным, так и процессуальным.заповедь — Ср., например, *правосла-*

вие — щын ден; *покаяние — ғонағыңны әйтеү, исповедь — ғонағыңны кищертеү; воскреснуть — теремп торырға, исповедаться — ғонағыңны кищерергә* и пр.

Огромную роль в сохранении этих единиц сыграло обучение детей нагайбаков в православных школах [Шулежкова 2024], сопровождавшееся духовным песнопением, которое было внедрено учеником Н. И. Ильминского, первым христианским просветителем, священником и учителем нагайбаков, Игнатием Тимофеевым (см. о нём [Гупало 2023: 248–263]). Именно он ввёл в школьные программы хоровое многоголосное церковное пение, и духовные стихи, дошедшие до наших дней, помогли отложить в памяти народной этот набор наименований. В доказательство приводим отрывок только из одного духовного стиха на нагайбакском языке, мелодия которого была переработана татарским музыковедом Г. М. Макаровым [Макаров 2014: 52]:

Иисус Христос *тыуды,*
Иорданда щумылды.
Тормышлар җаңартылды,
Дөнҗәләр җәкътыланды.
Әй, ***Қодай Ата!***
Сакла безне җарлыка!
Әй, ***Изге Қыз Мәрее****!*
Кристосның син Анасы*!*
Дөнжә җөзе җәкътырды.
Тамуқ төбе убылды.
Әй, ***Қодай Ата!***
Сакла безне җарлыка!

[***Иисус Христос*** *родился,*
В Иордане-реке крестился.
Земная жизнь обновилась,
Вселенная осветилась.
Ох, ***Всевышний Боже****!*
Спаси нас и сохрани!
Святая Дева Мария*!*
Ты нам родила Христа!
Лицо Земли осветилось,
И ада дно провалилось.
Ох, ***Всевышний Боже****!*
Спаси нас и сохрани!]

Литература

Гупало А. Нагайбакская миссия в XIX — нач. XX в. Челябинск: Совет Рус. правосл. церкви, 2023.

Макаров Г. М. Христианские праздники и духовные песни кряшен // Макаров Г. М. Керәшен мәдәнияте. Православ бәйрәмнәр, славутлар, дини жырулар = Кряшенская культура. Православные праздники, славильные песни, духовные стихи. Казань: Отечество, 2014. С. 30–35.

Шулежкова С. Г. Православие и письменность как факторы сохранения нагайбакского этноса // Научный диалог. 2024. № 13. С. 140–159.

Әйтем тиктән әйтелмей = Пословица недаром молвится: толковый словарь пословиц и поговорок нагайбакского народа / О. И. Барышникова, А. А. Осипова, С. Г. Шулежкова ; под ред. С. Г. Шулежковой; Мин-во науки и высш. образ. РФ; Магнитогор. гос. техн. ун-т им. Г. И. Носова. Магнитогорск: Магнитогоский Дом печати, 2019.

Исследование подготовлено при финансовой поддержке РНФ и Правительства Челябинской области, проект № 23-18-20045 «Создание нагайбакской письменности как базы для сохранения уникальной культуры одного из малочисленных коренных этносов Южного Урала».

Бе́резнев Владислав Игоревич
мл. научный сотрудник, Институт славяноведения РАН;
v.bereznev@inslav.ru

СЛАВЯНСКИЕ НАЗВАНИЯ ГРИБОВ: ПРИНЦИПЫ НОМИНАЦИИ

Ключевые слова: лексикология, миконимы, славянские языки.

Количество семантических моделей, выявляемых в процессе генезиса номинации миконимов, невелико. Вот лишь некоторые из них:

1. ‘антропоним’ → ‘гриб’: рус. диал. *ари́на* ‘чернушка’ или ‘груздь’, *васю́ха* ‘валуй’, *ду́ня*, *дуня́ха*, *дуня́шка* ‘свинушка’, *матре́на*, *матре́хи* ‘свинушка’ и др., сербохорв. *đurđevača*, *jurjevka* ‘рядовка майская’, *judino (uho)* ‘аурикулярия уховидная’ и др., чешск. *václavka obecná* ‘опёнок’ и др.
2. ‘объект’ → ‘гриб’ (как правило, отражает метафорический перенос по форме или по цвету): *дуби́нка*, *колпа́к*, *кри́нка*, *па́льцы*, *стака́н*, *толка́ч* и др. сербохорв. *kajmakara* ‘вид съедобных грибов’ (от *kajmak* ‘вид сыра’), *kajsijača* ‘лисичка’ (от *kajsija* ‘абрикос’), *mreženka* ‘свинушка’ (от *mreža* ‘сеть’) и др., чешск. *kotrč kadeřavý* ‘спарассис кудрявый’ (от *kotrč* ‘волос’) и др.
3. ‘зооним’ → ‘гриб’: *бычки́*, *волу́й* ‘воловий гриб’, *во́лчий (гриб)*, *зайчу́шки*, *за́ячье (у́хо)* *коро́вка*, *коровя́к*, *ко́злик*, *лиси́чка*, *медвежа́тик*, *медве́жий таба́к*, *ове́чка*, *соба́чья (губа́)* и др., сербохорв. *voluja jetra, vukovo meso*, *kozarka*, *lisičarka*, *medvedara*, *orlovka*, *pasjakinja*, чешск. *liška*, *holubinka*.
4. ‘колоратив’ → ‘гриб’: *беля́нка*, *желтя́к*, *зелену́шка*, *красноголо́вик*, *красну́шка*, *пестре́ц*, *ры́жик*, *серу́ха*, *синю́ха*, *черну́ха* и др., сербохорв. *belčica*, *žutulja*, *modrikača*, чешск. *hnědý*, *modračka*, *namodralá*.
5. ‘свойство, рефлексируемое при помощи осязания’ → ‘гриб’: *гла́дыш*, *масля́ник*, *мокру́ха*, *слизу́н* и др. сербохрв. *ljuskava guba*, чешск. *klouzek*, *hřib plstnatý*.
6. ‘фитоним’ → ‘гриб’ (тяготение отдельных видов грибов к симбиозу с определёнными деревьями): *дубо́вик*, *берёзовик*, *ольхо́вик*, *оре́шник*, *оси́новик*, *сосно́вик* и др., сербохрв *bukovača*, *jablanovača*, *smrčak*, *topolovka*, *hřib borový, hřib dubový, hřib smrkový*.

Остановимся на некоторых семантических моделях более подробно.

1. ‘колоратив’ → ‘гриб’

Цвет является одним из универсальных понятий семиотики. Он не только отражает физические свойства объектов, но и обеспечивает сенсорное восприятие человека и предоставляет дополнительные данные о свойствах и состояниях предметов объективной действительности. Колоративный примат в миконимической лексике доказывается и наличием многочисленных номенклатурных наименований, образованных по модели «субстантив + адъектив» (*сыроежка жёлтая*, *сыроежка красная*, *сыроежка серая*, *сыроежка синяя*). «Народная» номенклатура грибов содержит бо́льшую часть основных оттенков. Например, *белый гриб* назван так по способности мякоти не изменять цвет на срезе. Противостоит *белизне* «нежизненная», опасная *бледность* (гриб *бледная поганка*, он же *зелёный мухомор*), которая хорошо известна в семиотических исследованиях как признак физического либо психического нездоровья человека (*бледная кожа*).

Руководитель секции: А. В. Бабанов.

2. ’антропоним’ → ‘гриб’

Чаще всего от имён собственных образуются апеллятивные наименования свинушек [Меркулова 1967: 183]. При этом наиболее частотным именем для свинушек являются производные от женских имён *Авдотья* и *Евдокия*: *ду́нька*, *ду́ня*, *дуня́ха*, *дуня́шка*. Это имя, вне всякого сомнения, обладает «простонародной» коннотацией. Также подобные наименования свинушек могут опираться на такую характеризующую имя *Дуня* черту характера, как простота, переосмысленную при наименовании грибов в «легко доступный вид грибов».

Имя *Матрёна* перенесено на лисички, волнушки и свинушки (*матре́шка*, *матрёнин гриб*, *матрёнина губа́* и др.). По причине того, что среди свинушек нередки галлюциногенные и ядовитые виды, не исключена и реализация в наименовании гриба и пейоративного смыслового компонента имени (родственный глагол *разматрёнить*: а) ’сделать расслабленным’; б) ’заболевать, дремать’ [Меркулова 1967: 184]).

Кроме того, личное имя при наименовании какого-либо вида грибов может быть использовано для указания на время начала их роста (привязывается к имени святого по церковному календарю): *đurđevača*, *jurjevka* ‘рядовка майская’ (от Đurđe ‘Георгий’, день Св. Георгия 6 мая).

3. ’зооним’ → ‘гриб’

Зоонимные наименования грибов, вопреки распространённой версии, обычно являются не просто свидетельством разделения грибов по признаку предназначенности для людей и животных. Многочисленные указания на *во́лчий*, *за́ячий*, *медве́жий* и *соба́чий* грибы имеют в первую очередь мифологическую основу номинации, связанную с культурно-символическим смысловым наполнением славянской зоонимической лексики.

При помощи притяжательного прилагательного *во́лчий* в большинстве случаев подчёркивается, что называемый гриб не пригоден для употребления в пищу, а может быть и сильно ядовитым. К таковым можно отнести названия гриба дождевика, который имеет обыкновение «пылить»: *во́лчьи кака́шки*, *за́ячьи кака́шки*, *во́лчий таба́к*, *медве́жий таба́к* и т. д. сербохорв. *vukovo meso*. Очевидным является тот факт, что ассоциирование представителя царства грибов с представителями дикой фауны (которые, как видно, могут варьироваться в номинациях) автоматически маркирует этот гриб как непригодный к употреблению человеком.

Иную семантическую наполненность имеют ассоциации с домашними животными. Так, наименование *свина́рь* ‘гриб, похожий на груздь’ указывает на аналогию со *свины́м у́хом*: ножка этого гриба короткая, она имеет сильное смещение от центра к краю, что и придаёт этому представителю царства грибов форму уха. «Коровьи» наименования грибов обычно указывают на белый млечный растительный сок и на белизну мякоти: *коровя́к* ‘гриб моховик’. Адъектив *соба́чий*, сербохорв. *pasjakinja* связан с мифологическими представлениями о собаке как о «нечистом» животном, что автоматически переносится на «неугодный» человеку вид гриба.

Литература

Меркулова В. А. Очерки по русской народной номенклатуре растений. Травы. Грибы. Ягоды. М.: Наука, 1967.

Левушкина Ружица

д-р филол. наук, вед. научный сотрудник,
Институт сербского языка САНИ, Сербия;
ruzica.bajic@isj.sanu.ac.rs

ОБОГАЩЕНИЕ ЛЕКСИКИ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ *ХРИСТИАНСКИЕ ДОБРОДЕТЕЛИ* В СОВРЕМЕННОМ СЕРБСКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ *ПОДВИЖНИЧЕСКИЕ И БОГОСЛОВСКИЕ ГЛАВЫ* ПРЕПОДОБНОГО ИУСТИНА (ПОПОВИЧА))

Ключевые слова: семантическое поле *христианские добродетели,* преп. Иустин (Попович) Челийски, сербский язык, обогащение лексики, словотворчество.

Семантическое поле *христианские добродетели* является темой уже нескольких наших работ (см., напр., последнюю: [Левушкина 2024]) и можно с уверенностью очередной раз подтвердить что данный пласт лексики представляет богатый материал для различных лингвистических исследований. В этой статье речь пойдёт об обогащений лексики как самого семантического поля так и современного сербского языка вообще, на материале произведения *Подвижнические и богословские главы* преподобного Иустина Челийского (Поповича) — его дневниковых записей. Раньше на части (*Стослов први*, рус. *Стословие первое*) того же материала [Поповић 2007: 210–223] проводили анализ переводческих эквивалентов на русском языке и использованных переводческих приёмах. Для анализа в этом исследовании материал расширили, включив в него и *Стослов други* (рус. *Стословие второе;* см.: [Поповић 2007: 223–239]).

Исследование индивидуальной лексики в словаре САНИ и других толковых словарях сербского языка показало что данные слова чаще всего обнаруживаются в художественной литературе (см., напр.: [Ивановић 2011: 79]), к которой частично можно отнести и дневниковые записи преп. Иустина Челийского. Однако нельзя утверждать что нашему автору они были стилистическим средством с помощью которого достигается динамизм и убедительность художественной речи, что свойственно сугубо художественной литературе. Его дневники молитвенные и надо их считать вдохновенным разговором с Богом написанным особенным авторским стилем. Этот стиль своеобразный и его характеристики возможно найти на различных языковых уровнях, но мы здесь остановимся на уровне лексики, а именно на вкладе который творчество преподобного Иустина даёт лексико-семантическому богатству современного сербского языка и в частности словообразованию.

Начнём с факта что большинство лексических единиц нашего материала не обнаружено в существующих толковых словарях современного сербского языка, включая Академический словарь САНИ (дальше РСАНИ). Последний словарь незаконченный (опубликованы 22 тома, до слова *послужитељство) и в* его макроструктуре искали наличие 93 лексических единиц, тогда как остальные (71) искали в макроструктурах других двух толковых словарях (шести- и однотомным, дальше РМС и РСЈ).

Анализ показал что из 93 лексем, РСАНИ не содержит 68, а из 71 остальных, в макроструктуре РМС и РСЈ не обнаружены 62 лексические единицы. Даже этот факт достаточно говорит о богатстве словотворчества преподобного Иустина Поповича. Но, обогащение словаря современного сербского языка и данного семантического поля не наблюдается только через анализ макроструктуры толковых словарей. Оно также и семантическое и, в первую очередь, словообразовательное. Преп. Иустин своим словотворчеством, в частности формированием сложных лексем, обогатил некоторые семантико-словообразовательные гнезда, такие как напр. *смрт* / рус. *смерть* (лексемами *обесмртитељ, обесмрћујући), конац* / рус. *конец* (лексемой *обесконачење), Бог* (прилагательными *обожујући, богообразан, богопослушан, боготворећи, богочовечан, обогочовечујући,;* существительными *богомисао, боголикост, богооваплоћење, богочовековање, обогочовечење, богоуподобљавање), благодат* / рус. *благодать* (глаголом

облагодаћивати се, прилагательным *вољноблагодатни), цео* / рус. *целый* (глаголами *оцелоумити, оцеломудрити)* и т. д.

В словотворчестве использованы как существующие и часто используемые в современном сербском языке словообразовательные формы (напр. префиксы *о-, у-, не-, са-),* так и не очень продуктивные, как первые части сложных слов (напр. *про-, само-, псевдо-).* Слово *Христ(ос)* встречается как часть 11 сложных слов, из которых ни одно не обнаружено в РМС и РСJ, а только *христољубље* есть в словаре святителя Николая Сербского (Велимировича) (см.: [Јовановић 2022: 467]).

Кроме того, обогащение лексики наблюдаем и в формировании глагола несовершенного вида, который также и возвратный (*облагодаћивати се*) в конкретном контексте. Глагол совершенного вида, *облагодатити* — в РСАНИ не имеет возвратную морфологическую форму. Также, преподобный Иустин формирует существительные из прилагательных, а иногда этот процесс включает онимизацию, как в примерах лексем *безгрешан и сведобар из* которых получились теонимы *Безгрешни, Сведобри.* Продуктивно также использование форм причастий заканчивающихся на *-ћи*, которые в современном сербском языке имеют в основном функцию прилагательных (напр. *протестантствујући, себе-негирајући, себе-смиравајући, обесмрћујући, боготворећи)* (см. об таких причастных образованиях [Јовановић 2022: 86–89]).

Материал показывает что в основном речь идёт о индивидуально-авторскими словообразованиями, неологизмами и окказионализмами, использоваными в конкретних контекстах, но хорошо встроенными в систему современного сербского языка. Автор активно использовал разные пути и форми словообразования. Именно любовью к Богу, Христу, преподобный Иустин Челийский вдохновлялся на словотворчество и не ошибочно утверждать что, чем этой любви больше, тем и словотворчество богаче. В своём молитвенном дневнике он обращался Богу и это происходило с использованием различных языковых средств из которых здесь показали только некоторые, не отдаляясь от лексического уровня. Однако, и другие языковые уровни также интересны для исследования на данном материале.

Литература

Ивановић Н. Индивидуална лексика у српском језику: творбено-семантичке одлике именица (на материјалу из Речника САНУ) // Ковачевић М. (ред.). Савремена проучавања језика и књижевности. II/1. Крагујевац: Филолошко-уметнички факултет, 2011. С. 79–94.

Левушкина Р. Наименования христианских добродетелей в современном сербском и русском языках (сравнительный лексико-семантический анализ) // XV Конгресс МАПРЯЛ: избр. докл. / редкол.: Н. А. Боженкова, С. В. Вяткина, В. Н. Климова и др.; отв. ред. М. С. Шишков. СПб.: Междунар. ассоц. преп. рус. яз. и лит., 2024. С. 1814–1819.

Поповић Ј. Подвижничка и богословска поглавља. Стослов први. Стослов други // Богоносни Христослов. Света Гора: Манастир Хиландар, 2007. С. 210–239.

Јовановић В. Језик и речник светог владике Николаја Велимировића (диференцијални приступ). Београд: Институт за српски језик САНУ, 2022.

Тезисы финансировало Министерство науки, технологического развития и инноваций Республики Сербия согласно договору № 451-03-66/2024-03/200174, который был заключен с Институтом сербского языка САНИ.

Хмелевский Михаил Сергеевич[1], *Кузнецова Ирина Владимировна*[2]

[1]*канд. филол. наук, доцент,*
Санкт-Петербургский государственный университет;
chmelevskij@mail.ru
[2]*канд. филол. наук, доцент,*
Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева;
irinak47@yandex.ru

СЕМАНТИКО-АССОЦИАТИВНАЯ КОРРЕЛЯТИВНОСТЬ КАТЕГОРИИ РОДА В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Ключевые слова: славянские языки, категория рода, ассоциативная семантика.

Категории рода в индоевропейских, в частности, славянских языках, посвящено немало исследований. Являясь сугубо грамматической категорией, она попадала в область морфологии и словообразования, поскольку ее семантическая мотивированность утрачена и вытеснена словообразовательными формантами — флексией (за исключением некоторых групп одушевленных существительных) [Крылов 2010: 349].

Однако в настоящем исследовании данный вопрос освещается в несколько ином ракурсе, а именно — с точки зрения ассоциативного ряда, вызываемого у носителей разных близкородственных славянских языков. Выделим основные и наиболее яркие примеры из разных лексико-семантических групп.

Так, например, родовую межславянскую омонимию в топонимике можно проиллюстрировать такой лексемой, как чешск. *Paříž* (словом женского рода в чешском и словацком языках), и, соответственно, в ментально-образном представлении оно вызываеат абсолютно различные ассоциативные ряды в сопоставлении с русским: *milá, krásná, útulná, příjemná Paříž*, тогда как в русском Париж — *помпезный, статный, строгий, элегантный*, *вычурный* (ср. русск. *Москва* — «любимая, красивая, матушка, родная, любимая, хлебосольная, купеческая» и Санкт-Петербург — «гордый, статный, строгий, холодный, величественный, гордый» [Караулов и др. 2004].

В этой связи с этим приведем русскую лексему *степь* и ее культурологическое восприятие, обусловленное морфологической отнесенностью к женскому роду, связанное с чем-то женским, т. е. милым, дорогим, любимым, нежным, родным или «материнским, т. е. феминистическом» началом: *широкая, любимая, родная, дорогая, бескрайняя, богатая, красивая* и т. п. Однако в украинском этнокультурном сознании концепт *степ* (слово мужского рода), наоборот, вызывает ассоциации, относящиеся к априорным представлениям о маскулинности: укр. *степ — пустий, ворожий, дикий, чужий, сухий, глухий, жорстокий, неродючий*, т. е. «неплодородный», поскольку плодородие в мифологическом и религиозно-философском сознании человека всегда связывалось именно с женским началом [Колесов 2002: 98]. В продолжение темы аналогом может выступить *Сибирь*, где в русском это слово женского рода («красивая, далекая, холодная и родная» и т. п.), а в украинском — мужского, поэтому и метафоризируется совершенно иными ассоциативными эпитетами: укр. *жорстокий, ворожий, далекий, суворий, смертний, сердитий* и т. п. [Савченко, Хмелевский 2023: 168].

Обратимся к наименованиям представителей фауны и объектов окружающей действительности, формальная родовая принадлежность которых формирует в сознании разные ассоциативные представления. Так, русск. *собака* (ж. р.), согласно данным Ассоциативного словаря русского языка, у носителя русского менталитета вызывает в основном фиминитивные ассоциации: *друг человека; ласковая, верная, преданная*, *нежная, домашняя, маленькая, любимая* и др. метафоры, которые иначе будут восприниматься в сочетании с синонимом *пес* [Караулов и др. 2004]. В украинском же языке *собака* — слово мужского рода, что предопределяет совершенно другое восприятие этого животного, которое определяется такими эпитетами, как, например: *собака злий, дикий, великий, страшенний, ворожий, лютий, самітний* и т. п.

Дополнением может послужить пример русского слова *лебедь*, соотносящегося по большей части к женскому роду, что у носителя русской культуры вызывает ассоциации с чем-либо прекрасным, изысканным, грациозным, утонченным и что во многом обосновало возникновение таких фразеологизмов, как *лебединая походка, лебединая шея, лебединое изящество* и т. п. С другой стороны, в сербском языке однокоренная лексема *labud* — это существительное мужского рода, что предопределило совершенно иное восприятие этого образа и его метафорические и ассоциативные маркеры: сербск., хорв. *labudovi hod* — букв. «лебединая походка» — употребляется в значении «переваливающаяся походка», *hoda kao labud* — «идет, переваливаясь с ноги на ногу».

В рамках поднятой темы настоящего доклада, заявленного в названии, приведем также такую лексему-фитоним, как, например, *яблоко*, которая вследствие своей отнесенности к среднему роду в большинстве славянских языков почти не вызывает никаких образных ассоциаций с характеристиками лиц женского пола или представлениями о женственности. Однако в сербском однокоренное слово *jabuka* — женского рода и, таким образом, и в переносных значениях, как следствие, оно метафорически порождает ассоциации, связанные с женственностью и женской красотой, что отражается в языке, а также фразеологии, художественном и народном творчестве: сербск., хорв. *djevojka / žena (lijepa) je kao crvena / slatka / zlatna / rumena / zrela / ljepa jabuka* [Савченко, Хмелевский 2023: 164].

Таким образом, как мы видим из приведенных примеров, ставшая сугубо грамматической категория рода в славянских языках вполне может влиять на ассоциативный ряд, вызываемый ею у носителя языка и родной культуры вследствие отнесенности к тому или иному роду, что представляет собой значительную проблему в межкультурной коммуникации славян с носителями тех языков, в которых данная категория отсутствует (тюркские, финно-угорские, ряд индоевропейских), а также, собственно, между самими славянами, в языках которых род, а соответственно, ассоциативный ряд однокоренной и схожей по звучанию лексемы различается.

Литература

Караулов Ю. Н., Черкасова Г. А., Уфимцева Н. В., Тарасов Е. Ф. Русский ассоциативный словарь. М.: Моск. гос. лингвист. ун-т; Ин-т иностр. яз. Рос. акад. наук, 2004.

Крылов С. А. Категория рода в семантическом аспекте // Труды ИЛИ РАН. Т. VI, ч 2. СПб.: Наука, 2010. С. 341–358.

Колесов В. В. Философия русского слова. СПб.: Юна, 2002.

Савченко А. В., Хмелевский М. С. К вопросу о межъязыковой омонимии в славянских языках: общий обзор проблематики // Językoznawstwo. Współczesne badania, problemy i analizy językowe. Nr. 18. Łódź: AHE, 2023. S. 161–170.

«ФЁДОРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ»

Векшина Екатерина Дмитриевна
координатор академических проектов,
Университет Амстердама, Нидерланды;
k.vekshina@nispb.ru

ОТ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА К ПРАКТИКЕ: «МАКС ХАВЕЛАР», ВРЕДНОЗЛЮКИ И ЯНГ-ЭДАЛТ

Ключевые слова: переводческие компетенции, практика перевода начало, карьеры.

Профессия переводчика в современном мире предполагает наличие у специалиста разных навыков и умений, которые можно разделить на *hard skills* (знания, навыки и умения, характерные только для конкретной сферы) и *soft skills* (способности, повышающие эффективность применения *hard skills*). Эта статья представляет собой анализ навыков, необходимых начинающим переводчикам в области художественного перевода, и способам их формирования. Основой исследования послужили существующие работы по эрратологии, переводоведению, маркетингу, психологии и педагогики. В статью включен личный опыт автора (выпускницы и аспиранта Санкт-Петербургский государственный университет) в качестве примера применения теоретических знаний на практике.

Тот, кто решил попробовать себя в переводе, может столкнуться с трудностями на разных этапах: (1) при профессиональной подготовке, (2) поиске работы и взаимодействии с работодателем или заказчиком и (3) непосредственно в процессе перевода.

(1) Профессиональная подготовка переводчика включает в себя формирование «переводческой компетенции», комплексного понятия, насчёт определения и состава которого у специалистов нет единого мнения. Перечисляя входящие в неё компетенции и субкомпетенции, авторы, в основном, называют только *hard skills*: владение языком (как иностранным, так и родным), умение создавать и редактировать тексты, способность применять знания о преобразовании текста (проводить переводческий анализ, выбирать стратегию и т. п.), умение эффективно искать информацию (пользоваться словарями и специализированными Интернет-ресурсами). Но, например, Д. Н. Шлепнев относит к переводческой компетенции следующие *soft skills*: менеджмент и координация собственных действий, владение информационными технологиями и техническими средствами (в целом), умение работать в команде, надежность, умение объяснять и аргументировать принятые решения, внимательность и дотошность, любознательность, гибкость мышления и знание собственных «демонов». Последние четыре пункта автор справедливо называет личными качествами.

(2) Отдельно хотелось бы отметить ещё одну компетенцию, которую приводит автор: представление об организации и обеспечении профессиональной деятельности [Шлепнев 2017: 34–37]. Понимание своей роли в переводе не только как творческом процессе, а как в «одном из бизнес-процессов компании-заказчика или работодателя» и способах развития предпринимательского мышления у переводчика подробно описано в статье Э. М. Каировой. Автор подчеркивает, что в формировании этой компетенции крайне важна роль наставничества. Предпринимательское мышление здесь понимается как «процесс осмысления окружающего мира с точки зрения возможности или невозможности практического применения полученного знания» [Каирова 2017].

(3) Работая над текстом, начинающий переводчик реализует компетенции, полученные во время обучения. И, как правило, тексты начинающих переводчиков содержат больше ошибок,

Руководитель секции: Л. Н. Григорьева.

чем тексты их опытных коллег, что А. А. Мурзаков объясняет «правилом трех н: невнимательность, незнание, неопытность» и предлагает бороться с ними, «накапливая знания о переводе, используя программные средства проверки и постоянно сомневаясь в собственном переводе» [Мурзаков 2020: 126]. Но эта профессия увлекательна тем, что на практике постоянно возникают непредвиденные трудности, особенно когда переводчик сталкивается с игрой слов, юмором и переводом окказионализмов, что требует от него и редактора находчивости и некоторой смелости. Так, например, загадочные существа из книги «Горгели», которые по-нидерландски называются *brutelaars,* могут превратиться во «вреднозлюков».

Формирование перечисленных компетенций происходит во время обучения в вузе в рамках соответствующих курсов. Выбор темы ВКР в разрезе переводоведения способствует не только более глубокому пониманию проблем перевода, но может послужить основой и стартом» для работы переводчиком. Так, автор доклада, начав исследование семи русских переводов нидерландского романа «Макс Хавелар» (Мультатули, 1860 г.), стал одним из четырёх переводчиков, которые работали над последним изданием 2023 г., поскольку анализ предыдущих переводов показал, что они были выполнены через немецкий язык-посредник, содержали большое количество пропусков и ошибок [Vekshina, Michajlova 2022]. Фрагмент из нового перевода был использован для аккредитации автора доклада в Нидерландском литературном фонде. Это позволило издательствам запрашивать в Фонде субсидии на оплату работы переводчика даже при работе с другими жанрами (детская литература, янг-эдалт), поскольку этот роман считается крайне трудным для перевода. Для более успешного «входа в профессию» автор рекомендует пользоваться теми возможностями, которые предоставляет внеучебная деятельность и дополнительное образование. Например, во время учёбы на нидерландском отделении студенты могут регулярно участвовать в практических переводческих семинарах и в студенческих конкурсах, что позволяет попробовать свои силы в переводе и познакомиться с коллегами.

Литература

Каирова Э. М. Развитие предпринимательского мышления как фактор обеспечения карьерного успеха переводчика: опыт проекта «Протранслейшн» // Вопросы методики преподавания в вузе. 2019. № 29. С. 81–92.

Мурзаков А. А. Типология основных ошибок начинающих технических переводчиков с английского // Дискурс. 2020. Т. 6, № 3. С. 118–130.

Шлеппнев Д. Н. Переводческие компетенции и как о них с пользою говорить со студентами // Перспективы науки и образования. 2017. № 3 (27). С. 31–39.

Vekshina E., Michajlova I. Is it worth multiplying translation multiplicity? From the experience of working on a new translation of Multatuli's Max Havelaar // Скандинавская филология. 2022. Т. 20, вып. 2. С. 288–300.

Винокуров Василий Павлович[1], Финикова Ирина Владимировна[2]

[1]преподаватель, Московский государственный лингвистический университет;
vinokurov-vp@mail.ru
[2]канд. филол. наук, доцент,
Московский государственный лингвистический университет;
finikova.80@mail.ru

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В РАМКАХ РЕАЛИЗАЦИИ ФЕДЕРАЛЬНОГО ПРОЕКТА «БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ»

Ключевые слова: перевод архивных документов, гражданско-патриотическое воспитание, проект «Без срока давности».

Работу Московского государственного лингвистического университета в рамках реализации Федерального проекта «Без срока давности», посвященного увековечиванию памяти защитников Отечества, борьбе с фальсификацией истории и патриотическому воспитанию молодежи, можно разделить на несколько категорий: перевод архивных документов Второй мировой войны, участие в военно-исторической работе, разработка и внедрение образовательных программ по духовно-нравственному и гражданско-патриотическому воспитанию молодёжи.

Перевод архивных документов Второй мировой войны. В рамках проекта «Без срока давности» студенческим и профессорско-преподавательским составом МГЛУ осуществляется работа по переводу архивных документов с немецкого, английского, венгерского и финского языков на русский. Данные переводы не только предоставляют ценный материал для докладов на международных конференциях и научных публикаций, но и вносят вклад в общественно-просветительскую деятельность, а именно: большинство переводов осуществляются по заказу Центра современной истории, который в дальнейшем использует полученные в процессе перевода данные в целях поиска захоронений и, как следствие, установлению судеб людей, считавшихся ранее пропавшими без вести в ходе Великой Отечественной войны. За 2024 г. студентами и преподавателями МГЛУ были переведены многочисленные документы, в том числе распоряжения и указы руководящего состава Третьего рейха, боевые документы Вермахта, отчеты немецкого офицерского состава о ходе боевых действий, в частности, на ржевском направлении и пр.

При участии экспертной группы, представленной преподавательским составом МГЛУ, с привлечением редакционной коллегии, состоящей из учащихся МГЛУ, было проведено редактирование немецкой и английской версий книги «Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против советских граждан на территории Восточной Пруссии (нынешней Калининградской области) в годы Великой Отечественной войны», написанной под руководством сотрудников Балтийского университета.

Разработка и внедрение образовательных программ по духовно-нравственному и гражданско-патриотическому воспитанию молодёжи. В рамках реализуемого в текущем учебном году в МГЛУ проекта «Без срока давности» усилиями профессорско-преподавательского состава Московского государственного лингвистического университета были разработаны пилотные лингвистические модули, представляющие собой типовые учебно-методические материалы по гражданско-патриотическому и духовно-нравственному воспитанию молодёжи.

Пилотные типовые лингвистические модули представлены двумя языками: немецким и английским. В дальнейшем планируется осуществить масштабирование пилотных модулей на другие иностранные языки. В соответствии с Федеральным проектом «Без срока давности» основными тематическими направлениями типовых лингвистических модулей стали следующие: «Уничтожение голодом и создание заведомо невыносимых условий существования», «Нацистские лагеря для гражданских лиц и военнопленных», «Нюрнбергский процесс: уроки истории

для настоящего и будущего», «Чтобы помнили! Через века, через года», «Карательные операции, направленные на централизованное уничтожение мирного населения».

Основные темы модулей: «План Гитлера по уничтожению советского народа», План «Барбаросса»», «План «Голод» — план массового уничтожения советского народа» «Блокада Ленинграда преднамеренный геноцид», «Национальные мемориалы воинской славы», «Лагеря смерти», «Мемориалы жертвам геноцида», «Герои Советского Союза», «Память о жертвах фашизма», «Холокост на территории СССР», «Международный военный трибунал» и пр. [Финикова 2024: 6].

Модули представлены аутентичными текстами исторической направленности, аудиоматериалами, редкими архивными документами, освещающими события Второй мировой войны, трагические моменты в истории великого советского народа, в том числе факты целенаправленного геноцида со стороны фашистских оккупантов в отношении советских граждан, а также военнослужащих Красной армии, бесчеловечные методы массового уничтожения славянского населения фашистскими преступниками в концентрационных лагерях, факты истребления голодом населения на советских территориях.

Работа с подобными аутентичными текстами способствует формированию и сохранению у обучающихся исторической памяти, важным элементом которой является создание объективной картины исторической роли Советского Союза в борьбе с фашизмом.

Лингвистические модули, разработанные в рамках Федерального проекта «Без срока давности», призваны внести весомый вклад в формирование мировоззренческой позиции обучающихся на основе сохранения исторической памяти о преступлениях нацистов и их пособников против человечества в годы Великой Отечественной войны.

Организация круглых столов. В рамках Федерального проекта «Без срока давности» усилиями сотрудников кафедры немецкого языка и перевода переводческого факультета МГЛУ **проводится ежегодный Международный круглый стол «Без срока давности»**, на котором традиционно освещаются темы, связанные с сохранением памяти о Великой Отечественной войне и борьбе с фальсификацией истории, военно-исторической работой, нашими великими соотечественниками, внесшими вклад в развитие перевода и языкознания, деятельностью переводчика в контексте работы с историческими военными документами и др.

В 2024 г. Международный круглый стол «Без срока давности» прошел под знаком 80-летия освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков и 80-й годовщины стратегических наступательных операций Красной армии 1944 г.

Международный круглый стол была представлена следующими рубриками: «80-летие освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков в архивных документах вермахта», «Деятельность переводчиков во время Великой Отечественной Войны», «Особенности перевода архивных документов/архивных дел Второй мировой войны», а также «Участие в военно-исторической работе» [Финикова, Винокуров 2024: 6]. Программа круглого стола по традиции завершается показом спектакля-реконструкции. В 2024 г. вниманию участников был предложен спектакль «Сталинград: путь к миру». В мае 2025 г. на базе МГЛУ планируется проведение Международного круглого стола «Без срока давности», посвященного 80-летию Великой Победы.

Литература

Финикова И. В., Винокуров В. П. Чтобы помнили. К итогам Международного круглого стола «Без срока давности» // Москва: Nota Bene. Ноябрь 2024. № 4 (82), вып. 1. С. 6–8.

Финикова. И. В. Пилотные лингвистические модули в рамках проекта «Без срока давности» // Москва: Nota Bene. Ноябрь 2024. № 4 (82), вып. 2. С. 6–7.

Влавацкая Марина Витальевна

д-р филол. наук, профессор,
Новосибирский государственный технический университет;
vlavatskaya@list.ru

РЕАЛИИ УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Ключевые слова: безэквивалентная лексика, мотивированные лакуны, национально культурная специфика, способы перевода реалий, гоголевские реалии.

Актуальность исследования обусловлена сложностью перевода реалий как национально-специфических единиц, или «слов (и словосочетаний), которые называют объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чужие для другого» [Виноградов 2001: 47]. Также их называют «мотивированными лакунами — т. е. это слова и словосочетания, которые объясняются отсутствием соответствующего предмета или явления в национальной культуре» [Ларина, Озюменко 2013: 95]. Выбор способа перевода таких единиц обусловлен спецификой текста, возможностями языковой системы и значимостью реалии для исходной языковой группы людей.

Транскрипция применяется при максимально возможном сохранении исходной фонетической формы и часто предстает как единственно верный способ (*Киев → Kieff*).

Транслитерация (украинская игра *крагли → kragli*) вносит некую «надежность, в том смысле, что, транслитерируя новое, часто малопонятное слово, переводчик по сути дела передает лишь его графическую или фонетическую оболочку» [Латышев 2005: 167]. Этот способ оставляет возможность осмысления содержательной стороны реалии только за счет представленного контекста.

При использовании транскрипции и транслитерации важно учитывать, в какой степени читатель осведомлен о концепте встретившейся реалии.

В зависимости от особенностей конкретного текста выделяются следующие способы перевода реалий [Влахов, Флорин 1980: 87].

Введение неологизма — образование нового слова или словосочетания в рамках языка перевода, например, заимствования, образованные при помощи буквального перевода (**кальки**): *Страстный четверг → Holy Thursday*.

Часто встречаются случаи употребления **частичных заимствований**, т. е. **полукалек**, например, при переводе *декабрист* на английский язык часто применяется полукалька *Decembrist*, что позволяет передать иноязычную реалию без семантических потерь. Но это не гарантирует единовременного сохранения национального колорита представленного слова или словосочетания.

Семантическим неологизмом является условно новое слово или словосочетание, которое создаётся непосредственно для передачи смыслового содержания переводимой реалии и не имеет этимологических связей с реалией в исходном языке: *Вот черт принес каких нежных* ***паничей!*** *→ Such tender* ***young sirs*** *the devil's brought us!*

Приблизительный перевод предполагает замену реалии в исходном языке на частично совпадающую реалию в языке перевода. Использование **функционального аналога** в языке перевода не может абсолютно совпадать с понятием исходного языка, но способствует облегченному восприятию концепта реалии со стороны читателя. Этот способ не гарантирует семантической точности и в большинстве случаев ведет к нейтрализации национальной специфики: *Но горе мне, моя* ***полевая нагидочка, моя перепеличка, моя ясочка****, что проживу я остальной век свой без потехи → But woe is me,* ***my flower, my dove, my light***!

Генерализация — замена иноязычной реалии на единицу языка перевода с более широким значением без сохранения национальной специфичности и исторического фона переводимой реалии: ***Бурсаки*** *заметили, что они сбились с пути и давно шли не по дороге → The* ***students*** *noticed that they had lost their way and for a long while had not been walking on the road*. Здесь от-

мечается потеря национального компонента в семантике переводимого слова *students*, так как отсутствует указание на принадлежность к религиозному институту.

Освоение — «адаптация иноязычной реалии, т. е. придание ей на основе иноязычного материала обличия родного слова» [Влахов, Флорин 1980: 89]. При этом реалия не только меняет свою форму, но и обычно теряет часть семантического содержания: *грош* может интерпретироваться как *penny*: *…не заплатив* ***гроша*** *денег* → *…without paying a* ***penny***.

Описательный перевод позволяет передать содержание денотативного характера, но без национальной специфики. Этот способ может существенно перегрузить текст перевода и тем самым осложнить восприятие читателя: *Он носил только* ***оселедец***. → *He only wore* ***a small crop of hair***.

Контекстуальный перевод влечет за собой потерю национальной и исторической окраски переводимой реалии: *Авдиторы, слушая урок, смотрели одним глазом под скамью, где из кармана подчиненного бурсака выглядывала булка, или* ***вареник****, или семена из тыкв* → *While the lessons were being said, the teachers kept a sharp eye open to see whether pieces of cake or other* ***dainties*** *were protruding from their pupils' pockets; if so, they were promptly confiscated*.

Таким образом, в переводоведении отсутствуют определенные правила, ограничивающие применение того или иного способа перевода. Предполагаемый выбор обусловливается лишь рамками конкретного текста и решением самого переводчика. В большинстве случаев при переводе русских и украинских реалий на английский язык национально-культурная специфика утрачивается.

Литература

Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Изд-во ин-та общ. ср. образ. Рос. акад. образ., 2001.

Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Междунар. отн., 1980.

Ларина Т. В., Озюменко В. И. Лакуны и безэквивалентная лексика как фиксаторы специфики языка и культуры // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2013. № 4. С. 93–100.

Латышев Л. К. Технология перевода. М.: Академия, 2005.

Войку Ольга Константиновна[1], Николаева Ольга Станиславовна[2]

[1]канд. пед. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет; o.vojku@spbu.ru

[2]ст. преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет; o.nikolaeva@spbu.ru

ТЕНДЕНЦИИ В УПОТРЕБЛЕНИИ МЕЖДОМЕТИЯ *OJALÁ* В СОВРЕМЕННОМ ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: арабизмы, корпус языка, междометие.

Во все времена влияние церковной литературы на жизнь было неоспоримым. В современном испанском языке многие библеизмы десакрализованы и используются в разговорном регистре. Именно поэтому исследование употребления междометия *ojalá* представляет интерес. Для многих данное междометие не соотносится с его религиозными корнями. Однако знание истоков происхождения того или иного слова упрощает понимание его употребления в современном испанском языке.

В результате арабского господства с VIII по XV в. на Пиренейском полуострове в вокабуляре испанского языка появилось более четырех тысяч слов. Лингвист Лапеса Р. отмечает, что многие из них употребляются и в современном языке. Это испанские слова арабского происхождения [Lapesa 1995: 138].

Из Корана — главной священной книги мусульман, написанной на арабском языке, некоторые фразы проникают во многие европейские языки.

Так, в Коране встречаются выражения, взывающие к милости божьей в различных жизненных ситуациях: *ma shaa l-lah / in shaa l-lah* (*да будет угодно Богу! / Бог даст!*) Эти выражения употребляются во всех мусульманских странах, в которых говорят на турецком, фарси, урду и др. языках. Любая фраза, в которой помыслы говорящего направлены, например, на реализацию какого-либо действия / поступка на завтрашний день, обязательно автоматически заканчиваются обращением к Богу.

Это выражение вошло и в современный французский язык, его употребляют в своей речи даже те франкофоны, которые не владеют арабским языком — *inchallah / Si Allah le veut*. Возможные варианты: *inchallah / inshallah / incha Allah / insha Allah / in cha Allah / in sha Allah*.

В современном португальском языке существует форма *ojalá*, характерная для старокастильского языка. Из андалузского диалекта арабского языка через старокастильский диалект форма *oxalá* перешла в испанское *ojalá*.

Естественно, в современном испанском языке сохранились выражения, пришедшие из арабского языка через Коран: "*¡ojalá" (wa-shaa l-lah, "¡Dios lo quiera*" — *да будет это угодно Богу / Бог дасm*), "*¡olé!*" (*wa-l-lah, "¡Por Dios, ¡qué maravilla!*" — «*Во имя Бога!, чудесно!*») [De Epalza 2008: 61]. Как отмечает RAE (Королевская академия испанского языка), в настоящее время междометие: "*¡ojalá!*" — означает сильное желание, чтобы что-либо исполнилось [DRAE].

Это желание в данный момент представляется для говорящего нереальным, но его реализации в будущем возможна. Многие факторы и обстоятельства не зависят от говорящего. Они зависят от воли случая или желания других людей, а также маловероятны вообще в данный момент: *ojalá lloviera mañana* (употребление имперфекто де субхунтиво (imperfecto de subjuntivo) подчеркивает маловероятность начала дождя) — *хоть бы пошел дождь*. Употребление плусквамперфекто де субхунтиво (pluscuamperfecto de subjuntivo) выражает сожаление по поводу действия совершенного или несовершенного в прошлом.

В отличие от французского языка, в испанском языке существует всего одна форма его написания. Эта форма совпадает с формой в португальском языке.

Рассмотрим употребление данного междометия в современном испанском языке. Для нашей цели из существующих восьми корпусов испанского языка RAE мы использовали данные CORPES XXI, представленные на XVII Конгрессе Ассоциаций академий испанского языка

(ASALE) в ноябре 2024 г. Он насчитывает более 390 000 письменных текстов и около 1000 записанных устных текстов [CORPES XXI].

Проведенный анализ статистических данных показал, что наиболее часто в своей речи междометие *ojalá* употребляют: в Испании — 2702 случая — 30,7 %; Мексике и Центральной Америке — 1772 случая — 20,1 %. Реже в Экваториальной Гвинее — 10 случаев — 0,114 %.

По пятилетиям наблюдается спад его употребления: 2006– 2010 гг. — 2346 случаев; 2016 г. — 2020 г. — 1628 случаев; 2021–2025 гг. — 97 случаев.

Наиболее часто употребление отмечено в художественных произведениях: 35,2 %. Досуг, обыденная жизнь: 18 %.

Наиболее часто *ojalá* употребляют мужчины в возрасте от 35 до 40 лет — 61 случай.

Полученные статистические данные позволяют сделать выводы: частотность Употребление междометия *ojalá* в современном испанском языке уменьшается, наиболее часто его употребляют в Испании в художественных произведениях, а также в тематических разделах «Досуг, повседневная жизнь». Реже всего употребление междометия наблюдается в Экваториальной Гвинее, по тематическим разделам в «Сценариях фильмов».

Каждый, кто использует испанский язык в разговорных контекстах, должен иметь более глубокое представление об употреблении междометия *ojalá*, которое в современном испанском языке у многих соотносится с определенными трудностями в осуществлении какого-либо действия/желания. Его религиозные истоки уже не так очевидны. В дальнейшем определенный интерес представляют статистические и тематические исследования употребления данного междометия во французском и португальском языках для проведения сравнительно-сопоставительного анализа современного узуса *ojalá* в романских языках.

Источники

CORPES XXI — Real Academia Española. URL: https://www.rae.es/banco-de-datos/corpes-xxi (дата обращения: 17.11.2024).

DRAE — Diccionario de la lengua española. URL: https://dle.rae.es (дата обращения: 17.11.2024).

Литература

De Epalza M., Forcadell J. V. y Perujo J. M. El Corán y sus traducciones: propuestas. Universidad de Alicante, 2008.

Lapesa R. Historia de la lengua española. Madrid: Gredos, 1995.

Высочина Виктория Дмитриевна

преподаватель, Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова; pupyninavi@yandex.ru

СПЕЦИФИКА АЛГОРИТМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТРАНСКОДИРОВАНИЯ ПЕЙЗАЖНЫХ ЕДИНИЦ

Ключевые слова: методы, анализ, модель, языковые преобразования.

Перевод художественных текстов представляет собой сложный и многогранный процесс, в котором необходимо учитывать не только текстовый материал, но и культурную, эмоциональную нагрузку, стиль и выразительность оригинала [Фёдоров 1941]. Современное понимание перевода включает различные подходы и методы, которые помогают сохранить приемлемую степень качества и глубины передаваемого содержания.

Перевод художественных текстов — это не просто передача слов из одного языка на другой. Это искусство, в котором важно не только сохранять семантическое значение слов, но и передавать атмосферу и стилистические особенности оригинала. Художественная литература обращается к эмоциональной сфере читателя, и именно поэтому успешный перевод требует глубокого понимания как исходного, так и целевого языков.

В течение многих десятилетий исследователи стремятся найти оптимальные методы анализа перевода, чтобы более глубоко понять тот механизм, который обеспечивает успешную адаптацию художественного произведения в другой языковой и культурной среде [Комиссаров 1990]. Среди многочисленных методов выделяются лингвистический, сравнительно-сопоставительный и квантитативный подход, каждый из которых имеет свои особенности и преимущества. В этой статье рассмотрен каждый из упомянутых методов, а также их применение в анализе переводов с учётом планов содержания и выражения. Был разработан авторский алгоритм «интерпретации транскодирования пейзажных моделей», состоящий из 11 этапов, из которых к трём основным относятся следующие:

1) проведение лингвистического анализа пейзажных моделей на наличие пейзажных единиц в составе пейзажных моделей;
2) проведение сравнительно-сопоставительного анализа пейзажных единиц оригинала и перевода в моделях;
3) проведение квантитативного анализа языковых преобразований в пейзажных моделях.

Сочетание трёх вышеперечисленных этапов алгоритма позволяет комплексно проанализировать транскодирование пейзажных моделей романа Шарлотты Бронте «Джейн Эйр» на русский язык.

В результате исследования выявлено 15 пейзажных моделей в первом периоде романа, при транскодировании которых преобладает количество семантических и актантных преобразований.

Например, пейзажная модель. «There are great moors behind and on each hand of me; there are waves of mountains far beyond that deep valley at my feet» [Bronte 2013: 249].

Проведенный лингвистический анализ позволил выявить следующие единицы:

1. Пейзажная единица ***земной*** поверхности *'great moors' (огромные болота).*
2. Пейзажная единица ***земной*** поверхности *'waves of mountains' (волны гор).*
3. Пейзажная единица ***земной*** поверхности *'that deep valley at my feet' (эта глубокая долина у моих ног).*

На втором этапе исследования проведен сравнительно-сопоставительный анализ пейзажных единиц текста оригинала с их переводным вариантом, выполненным В. Станевич: «Позади

и по обеим сторонам раскинулась безлюдная местность; пустынные холмы встают над глубокой долиной, расстилающейся у моих ног» [Бронте 2018: 364].

Сравнительно-сопоставительный анализ позволил выявить, что:

1. Пейзажная единица ***земной*** поверхности *'great moors'* опущена переводчиком.
2. Пейзажная единица ***земной*** поверхности *'waves of mountains'* переведена как «пустынные холмы», что иллюстрирует асимметричный перевод, нивелировано имя сущ (1) *'waves'* убрали и (2) выполнена вставка прилагательного «пустынные», (3) а существительное *'mountains'* заменено словом «холмы».
3. Пейзажная единица ***земной*** поверхности *'that deep valley at my feet'* переведена асимметрично как «над глубокой долиной, расстилающейся у моих ног», так как (1) нивелировано местоимение *'that'*, (2) выполнена вставка предлога «над», (3) добавлено слово «расстилающейся».

В целом сравнительно-сопоставительный анализ показал, что В. Станевич изменила план выражения, что привело к изменению содержания оригинала.

Исследование перевода пейзажной модели, выявленной в романе Ш. Бронте "Джейн Эйр", позволило установить, что В. Станевич практически полностью изменила идею оригинала, что совершенно расходится с авторской подачей произведения.

Благодаря квантитативному анализу были выявлены следующие языковые преобразования: актантные трансформации — 9, семантические преобразования — 40.

Таким образом, применение авторского алгоритма «интерпретации транскодирования пейзажных единиц» способствует изучению языковых трансформаций в транскодированных пейзажных моделях, состоящих из пейзажных моделей, с целью выявлениях языковых преобразований.

Такое комплексное исследование открывает перспективы будущих научных работ в теории переводоведения. Можно предположить, что дальнейшие исследования в этой области углубят понимание процесса асимметричной транскодировки пейзажных единиц в моделях.

Литература

Бронте Ш. Джейн Эйр: роман. М.: Э, 2018.

Комиссаров В. Н. Теория перевода. М.: Высшая школа, 1990.

Федоров А. В. О художественном переводе. Л.: Гослитиздат, 1941.

Bronte Sh. Jane Eyre. Novosibirsk, 2013.

Григорьева Любовь Николаевна

канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет;
liubov.n.grigorieva@gmail.com

ЮБИЛЕЙНЫЕ ДАТЫ 2024 ГОДА И ИХ РОЛЬ В МИРЕ ПЕРЕВОДА

Ключевые слова: переводоведение, история перевода, критика перевода, лингвоперперсонология.

Ежегодно в России можно отмечать порядка дюжины юбилеев известных переводчиков, внесших большой вклад в такое значимое дело как ознакомление отечественного читателя с произведениями зарубежных писателей. На протяжении всей истории в нашей стране постоянно уделяли большое внимание переводу, так, например, в свое время страны бывшего СССР занимали одно из первых мест в мире по числу и тиражу ежегодно выпускаемых переводов, прежде всего, художественной литературы. Многие переводчики достигли в своих работах высот литературного мастерства. Прошедший 2024 г. не является в этом плане исключением, потому что календаре памятных дат было обнаружено 12 имен тех наших соотечественников, чья жизнь и творчество тем или иным образом были связаны с переводческой деятельностью. Они представляют разные эпохи в истории литературного перевода, начиная от первой половины XVIII в. и заканчивая началом XXI (см., напр.: [Юбилеи писателей — 2024]).

Изучение переводческой деятельности людей, принадлежащих разных эпох и поколений, имеете большое значения не только для истории и критики перевода, но и для переводоведения в целом. Создание переводческой антологии может стать основой для появления новой лингвистической дисциплины, получившей уже название лингвоперсонологии (см., напр.: [Кушнин 2025]).

Если пытаться осуществить какую-то систематизацию, помимо временной оси, то среди юбиляров прошлого года можно также говорить о об известном противопоставлении профессиональных переводчиков, не занимавшихся собственным литературным творчеством, с одной стороны, и о писателях-переводчиках, с другой. Среди последних можно выделить таких, кто занимался этим по «велению души», и тех, для кого это стало чем-то побочным, «суровой» необходимостью для поддержания своего существования. В связи с этим можно говорить о сравнении переводов представителей первой и второй группы, о своеобразном «соревновании» — переводчики-профи versus переводчики-писатели.

Изучая юбилейные даты с точки зрения хронологии, можно выделить следующие группы: 1) переводчиков середины-конца XVIII и начала XIX в. (А. Радищев, Н. Гнедич, А. Пушкин, М. Лермонтов, Ф. Достоевский); 2) переводчиков конца XIX и первой половины-середины XX в. (З. Гиппиус, А. Ахматова, В. Набоков, И. Кашкин, Н. Дарузес); 3) переводчиков послевоенного поколения XX века (Б. Слуцкий, Э. Межелайтис, М. Бородицкая); 4) переводчиков, активно занимавшихся творческой деятельностью в XX и в XXI вв. (Кормильцев). Рассмотрение в диахронии свидетельствует о том, что переводами часто занимались литераторы, при этом для многих из них это было делом второстепенным.

Из переводчиков конца XVIII — начала XIX вв. особого внимания заслуживает Н. И. Гнедич (1784–1833), оставшийся в истории литературы прежде всего как блестящий переводчик античной литературы, в частности, «Илиады» Гомера, на перевод которой А. С. Пушкин откликнулся словами «Слышу звук божественной эллинской речи; Старца великого тень чую смущенной душой». Из рассмотрения этого поколения переводчиков с очевидностью вытекает тот факт, что литературным переводом (если его можно вообще назвать переводом) занимались преимущественно писатели и поэты.

Из переводчиков конца XIX и первой половины — середины XX вв. хотелось бы выделить фигуры Владимира Набокова и Ивана Кашкина, которых можно противопоставить друг другу как переводчика-писателя и переводчика-профи. Если В. Набоков известен в первую очередь как величайший русский и американский писатель своего времени, который вполне мог стать Нобелевским лауреатом, то И. А. Кашкин вошел в истории перевода как блестящий переводчик

Э. Хемингуэя, воспитавший целую плеяду своих последователей и учеников. А из тех, кто занимался переводом «по необходимости», упоминания заслуживает А. Ахматова.

Среди переводчиков советской эпохи отметим М. Бородицкую и Б. Слуцкого, которые тоже отражают оппозицию переводчиков-профи и переводчиков-писателей.

Из современных переводчиков, чье творчество пришлось в том числе на начало XXI в., можно назвать безвременно ушедшего Илью Кормильцева (1959–2007), в творческом наследии которого насчитывается не менее десятка переводных романов с разных языков.

Как продемонстрировал данный обзор, отмечаемые юбилейные даты людей, посвятивших свою жизнь переводу, могут стать основой для созданий своего рода энциклопедии по истории перевода, в которой поименно будут зафиксированы все, кто занимался переводами, причем, необязательно только художественной литературы.

Источник

Юбилеи писателей — 2024 // Год литера URL: https://godliteratury.ru/articles/2024/01/01/iubilei-pisatelej-2024 (дата обращения: 30.01.2025).

Литература

Кушнин Л. В. Переводческая персонология: портреты российских переводчиков: коллективная монография. М.: Флинта, 2025.

Кузнецова Екатерина Дмитриевна

аспирант, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации;
rio14032014@gmail.com

СООТНОШЕНИЕ ТЕРМИНОВ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВОПЕРСОНОЛОГИИ В РОССИЙСКОМ И ЗАРУБЕЖНОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ КАК ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Ключевые слова: современная терминология, научный перевод, лингвоперсонология, передача лингвистических терминов.

Лингвистические дисциплины, отличающиеся долгой научной традицией, обладают собственной устоявшейся терминологией, возникшей в результате теоретического осмысления и подробного рассмотрения характерных признаков исследуемого предмета. Однако, чем моложе научное направление и многограннее предмет его изучения, тем более неоднороден и его терминологический состав. Так, современная лингвоперсонология как относительно молодая научная дисциплина, зародившаяся несколько десятилетий назад в отечественной лингвистике, характеризуется широкой понятийной системой и терминологическим словотворчеством. Активное обновление терминологии и ее пополнение новыми «авторскими» терминами неизбежно приводят к возникновению трудностей при переводе научных работ на иностранный язык и трансляции новых идей и взглядов в мультикультурной научной среде. Подобные сложности перевода препятствуют научному взаимообмену и конструктивному диалогу между национальными исследовательскими сообществами. В данных условиях особую актуальность приобретает проблема точной передачи терминов, репрезентирующих новые научные понятия. Тем не менее, переводческий аспект взаимодействия терминологических систем российской и зарубежной лингвоперсонологии не получил достаточного освещения в научном сообществе.

Настоящая статья посвящена анализу наиболее употребительных в современной отечественной лингвоперсонологии терминов и их возможных переводческих соответствий в англоязычном и немецкоязычном научном дискурсе. Цель заключается в выявлении комплекса наиболее частотных терминов на примере актуальных научных статей, его сопоставления с терминологическим аппаратом смежных исследовательских направлений в зарубежном научном сообществе и определении переводческих трудностей, связанных с передачей новых терминов и их интеграцией в научный дискурс.

Любой ученый, как правило, стремится к выработке более точного метаязыка науки. Однако в случае с лингвоперсонологией, отечественными исследователями было предложено свыше 20 научных терминов для обозначения близких лингвистических явлений (языковая личность, речевой портрет, лингвоперсонема, речевой паспорт, лингвокультурный типаж и др.). Ситуация с отсутствием терминологического единообразия еще более усугубляется при переводе научных статей или их коротких резюме. Так, уже на предпереводческом этапе нередко возникает проблема соотнесения русскоязычного термина с аналогичным понятием в соответствующей национальной системе терминов. Непрозрачная внешняя форма, не ориентирующая на соответствующее научное понятие в англоязычном или немецкоязычном дискурсе, отсутствие когнитивно-понятийной связи переводного «эквивалента» с уже существующими в системе терминологическими единицами [Бархударов 2008], препятствует верной идентификации термина и стоящим за ним лингвистическим явлением, а значит и полному, адекватному восприятию всего научного текста, что негативно сказывается на рейтинге автора и снижает вероятность потенциального цитирования.

Проведенный анализ показал, что для передачи одного лишь ключевого термина лингвоперсонологии «языковая личность» отечественные ученые в качестве переводного эквивалента используют такие выражения как: «language personality», «linguistic personality», «communication personality», «linguistic identity», еще более преумножая синонимичные термины, но уже во вто-

ричном переводном тексте. Подобные множественные соответствия, допускающие несколько вариантов перевода одной и той же терминологической единицы, нарушают базовое требование по соблюдению единообразия терминологии в переводе. Кроме того, исследователи зачастую предлагают калькированный перевод русскоязычной единицы, не пытаясь определить в языке-реципиенте устоявшийся и принятый научным сообществом эквивалент избранного термина, выступающий идиоматическим выражением [Ермолаева 2018: 86].

В контексте лингвоперсонологических исследований немаловажным оказывается учет соответствующих внутридисциплинарных направлений. Так, термин «Sprachpersönlichkeit», выступающий калькой по отношению к понятию «языковая личность», используется в немецкоязычном научном дискурсе в аспекте лингводидактики и языковой политики, оказываясь неуместным при описании результатов исследования в области политической лингвоперсонологии и вызывая у реципиентов ложные ассоциации в результате случайного обращения к нерелевантному материалу.

Беглое знакомство с литературой на английском языке показывает, что для множества терминов отечественной лингвоперсонологии нет однозначных переводных эквивалентов, а в профессиональном дискурсе используются следующие формулировки: «linguistic style», «linguistic profile», «speaking style», «personality approaches to studying language», «stylistic behaviour», «cross-situational consistency of language use», «research linking word use and personality characteristics» [Мухортов 2015: 170]. Некоторые из этих терминов могут подвергаться повторному переводу в исходный язык. Например, термин «individual identity», повторно калькированный как «индивидуальная идентичность», ранее существовал в русскоязычных статьях по лингвоперсонологии как «идиолект». Такая неупорядоченность процесса перевода приводит к еще большей перегрузке терминологической системы и параллельному существованию в научном дискурсе нескольких вариантов одного и того же лингвистического явления.

Один из возможных путей решения проблемы мы видим в выработке двуязычных глоссариев по обсуждаемой научной проблематике, а также в привлечении инструментов искусственного интеллекта на этапе предпереводческого анализа для быстрого определения дефиниции искомого термина и изучения на основе библиографических баз данных контекстуальных условий его функционирования в системе соответствующего национального дискурса. Процессы автоматизации составленных глоссариев через программы «переводческой памяти» потенциально могут содействовать соблюдению единообразия перевода, нормализации взаимодействия терминологических систем исходного и принимающего языков, а также использованию наиболее точных межъязыковых эквивалентов в процессе написания или перевода работ на иностранные языки.

Литература

Бархударов Л. С. Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода. М.: ЛКИ, 2008.

Ермолаева Т. В., Балыгина Е. А. Проблема перевода английских психологических терминов на русский язык // Современная зарубежная психология. 2018. № 1. С. 85–93.

Мухортов Д. С. Об общем и частном в понятиях «языковая личность», «речевой портрет», «идиостиль» и «идиолект» (на примере вербального поведения современных политических деятелей) // Политическая коммуникация: перспективы развития научного направления: мат-лы междунар. науч. конф. / под ред. А. П. Чудинова. Екатеринбург, 2014. С. 167–172.

Кутафьева Наталия Витальевна

канд. филол. наук, доцент, Новосибирский государственный университет;
natasha7362@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТАМИ *КИ* И *КОКОРО* С ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

Ключевые слова: фразеология, японский язык, русский язык, перевод.

Определим, что такое фразеологизмы в японском языке. Для обозначения устойчивых словосочетаний в японской лингвистике используются различные термины*: дзюкуго* «идиома», *канъё:ку* «идиоматическое выражение», *кимари монку* «стереотипное выражение», *сэйго* «идиома», *сэйку* «устойчивое идиоматическое выражение», *идиому* «идиома» и т. д. [Кутафьева 2018: 110].

Российскими японоведами под устойчивыми сочетаниями понимаются сочетания, состоящие минимум из двух знаменательных слов, которые характеризуются устойчивостью соединения (связи) их компонентов, обусловленной их взаимной или односторонней детерминацией, и обладающие единым значением, являющимся результатом переосмысления значения составляющих частей (не совпадающим полностью со значением частей) [Быкова 1985: 15].

В японском языке очень много слов, содержащих многозначный компонент *КИ*, который может использоваться в качестве первого или второго компонента в словах, например, *КИбун* «самочувствие», *КИмоти* «настроение», *гэнКИ* «бодрость, энергия», *кэйКИ* «положение, дел, настроение». Вероятно, если бы слово *КИ* исчезло, выражения японского языка стали бы бедными.

Кроме того, слово *КИ* используется во фразеологизмах с различными грамматическими показателями. *КИ-га.* (именительный падеж, 87 идиом), *КИ-о…* (винительный падеж, 78 идиом), *КИ-ни…* (дательный падеж, 24 идиомы), *КИ-но…* (родительный падеж, 19 идиом) [Хага Ясуси и др. 1996: 75]. Лексемы *КИ* и *КОКОРО* являются полисемантичными.

Однако, в большинстве идиом *КИ* имеет значение «движение человеческого сердца и психологическое состояние человека», и в этом значении оно пересекается со значением слова *КОКОРО* «сердце, дух, психологическое состояние человека», с помощью этих слов образуются фразеологизмы, например, *КИ-га омой*, *КОКОРО-га омой*; *КИ-о отосу*, *КОКОРО-о отосу*, *КИ-ни какэру*, *КОКОРО-ни какэру*. Данное явление можно интерпретировать либо как образование синонимичных фразеологизмов, либо как лексическое варьирование фразеологизма.

Семантический нюанс состоит в том, что *КИ* воспринимается в японской культуре как нечто текучее, обволакивающее людей. Тогда как *КОКОРО* воспринимается как нечто твердое и изначально связано с физиологическим органом «сердце», которое обозначается словом *СИНДЗО.*

Мы попытались найти данные фразеологизмы в японско-русских словарях и выяснили, что в них либо приводятся различные переводы, либо фразеологизм вообще не отражен в словаре [Большой японско-русский словарь 1970].

КИ-га омой (досл. дух тяжелый) «вялый, инертный, флегматичный»

КОКОРО-га омой (досл. сердце тяжелое) отсутствует

КИ-о отосу (досл. уронить дух) «падать духом»

КОКОРО-о отосу (уронить сердце) отсутствует

КИ-ни какэру (досл. вешать на дух) «волноваться, беспокоиться, нервничать»

КОКОРО-ни какэру (досл. вешать на сердце) «принимать близко к сердцу, помнить о чем-то, внимательно относиться».

То есть, фразеологизмы, которые в японских работах рассматриваются как синонимы, в русских работах либо отсутствуют, либо переводятся по-разному. При переводе на русский язык во фразеологизмах со словом *КОКОРО* происходит семантический сдвиг, преобладает значение «сердце», а не то значение, которое было присуще этому слову во фразеологических оборотах, а именно «движение человеческого сердца и психологическое состояние человека».

Источники

Большой японско-русский словарь: в 2 т. Т. 1: А–Р / ред. Н. И. Конрад. М.: Сов. энцикл., 1970.

Хага Ясуси, Сасаки Мидзуэ, Кадокура Масами. Словарь неясных слов. Токио: То:кё: сюппанся, 1996.

Литература

Быкова С. А. Устойчивые словосочетания в современном японском языке. М.: Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 1985.

Кутафьева Н. В. Семантика идиом с компонентами ки и кокоро и соматическими компонентами в современном японском языке // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 10. С. 109–121.

Миретина Мария Сергеевна[1], Куралесина Екатерина Николаевна[2]

[1]канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет;
m.miretina@spbu.ru
[2]канд. филол. наук, ст. преподаватель,
Санкт-Петербургский государственный университет;
e.kuralesina@spbu.ru

ТРУДНОСТИ УСТНОГО ПЕРЕВОДА МОРСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: термин, англицизм, морское дело, французский язык.

Глобализация и международная интеграция привели к множественным изменениям в различных областях человеческой деятельности, включая язык. В последние десятилетия английский язык, как языковой стандарт в международной коммуникации, оказал значительное влияние на многие языки, включая французский. Французский язык, обладающий богатой историей и глубокими традициями, неизбежно подвергался влиянию других языков. Особенно заметно это влияние в специализированных областях, например, таких как морская терминология. Морская история Франции тесно переплетена с историей английского флота, что оставило отпечаток в лексике моряков и судостроителей. Цель данной статьи — проанализировать использование англицизмов во французском языке в рамках морской терминологии, с которыми может столкнуться устный переводчик с французского на русский язык.

Лексическая система языка представляет собой неоднородное явление, включающее ряд подсистем. Лексика современного французского языка подразделяется на две большие группы: общую лексику и специализированную лексику. Особое место в специализированной лексике занимают терминологические словари. «В терминологии термин или терминологическая единица — это означающая единица, состоящая из одного слова (простой термин) или нескольких слов (сложный термин), которая однозначно обозначает понятие в рамках предметной области» [GDT].

И. С. Алексеева выделяет три признака терминов: они однозначны, не обладают эмоциональной окраской и не зависимы от контекста. Замена терминов близкими по значению словами недопустима [Алексеева 2001: 167].

В современном терминоведении выделяется ряд важных требований, которым должен соответствовать термин: однозначность, точность, соответствие нормам литературного языка, краткость, отсутствие эмоциональности и экспрессивности, мотивированность, системность и др. Указанные условия представляют собой требования к термину в идеале, однако на практике обнаруживаются термины, которые им не соответствуют, однако успешно обслуживают понятийные цели. Таким образом, вопрос об обязательности тех или иных требований остается в настоящее время весьма дискуссионным [Лантюхова и др. 2013: 43].

В настоящее время многие слова английского происхождения введены в лексический состав практически всех официальных языков мира, и, безусловно, французский не является исключением.

Существует достаточно много определений понятия «англицизм». Англицизмы, по сути, являются языковыми заимствованиями из английского языка в другой язык, иногда с небольшими изменениями. Они могут быть результатом неправильных / неточных переводов печатных материалов или устной речи, а иногда возникают из-за отсутствия подходящего слова для перевода. Распространение англицизмов особенно заметно в техническом языке (в основном в науке и технике) вследствие огромного вклада англоязычных стран в научные исследования и разработку новых технологий.

Среди причин возникновения англицизмов в морской терминологии французского языка можно выделить следующие:

1. Новейшие технологии, разработанные в англоязычных странах, не находят подходящего термина во французском языке.
2. Совместные международные операции на море требует единства терминологии, что также способствует заимствованиям. Например, существуют стандартные фразы для общения всех участников международного морского судоходства (SMCP) на английском языке (который является общепризнанным языком мореплавания) с переводом на русский язык, подготовленные Международной морской организацией (ИМО/IMO) в 1997 г.

На практике переводчику с французского языка на русский, работающего в сфере морского дела, встречается ряд англицизмов в речи франкоговорящих моряков и технического персонала, обслуживающего корабли, даже несмотря на наличие соответствующих терминов во французском языке: англ. *antifouling* (n/adj) [ˌæntɪˈfaʊlɪŋ] >> [ɑ̃tifuliŋ] — необрастающее покрытие (полное заимствование из англ. яз. — нет истинно французского термина); англ. *chiller* (n) [ˈtʃɪlə] >> [ʃilɛʀ] — охлаждающее устройство (фр. *un refroidisseur*, n.m.); англ. *output* (n) [ˈaʊtˌpʊt] >> [autpyt] — выход (фр. *une sortie*, n.f.); англ. *overheat* (n) [ˌəʊvəˈhiːt] >> [ɔvœʀit] — перегрев (фр. *une surchauffe*, n.f.); англ. *overscale* (n) [ˌəʊvəˈskeɪl] >> [ɔvœʀskal] — превышение масштаба (фр. *un dépassement de l'échelle*, n.m); англ. *pending* (v.form) [pendɪŋ] = *waiting* (v.form) [vatɪŋ] >> — ожидайте (фр. *en attente*) и др.

Главной трудностью для устного переводчика с французского на русский язык, работающего с морской тематикой, являются англицизмы, произносящиеся по правилам французского языка (ударение падает на последний слог слова) и приобретающие артикль (если слово — существительное).

Появление англицизмов в морской терминологии французского языка меняет его лексический состав, французские термины меньше используются. Также меняется стилистика и регистр языка: англицизмы зачастую ассоциируются с неформальным стилем общения, что может привести к нарушению профессиональной коммуникации. Языковая политика Франции направлена на пуризм и против излишних заимствований во французский язык, но устная речь оказывается этому неподвластна.

Будучи результатом глобализации и технического прогресса, англицизмы в морской терминологии французского языка упрощают общение между специалистами из разных стран. Переводчику с французского языка приходится адаптироваться к засилью англицизмов с искаженным произношением в терминологии морского дела, даже при наличии аналогичных французских терминов, и непременно быть осведомленным о соответствующих терминах английского языка.

Источник

GDT — Le grand dictionnaire terminologique. URL: http://www.granddictionnaire.com/ (дата обращения: 02.01.2025).

Литература

Алексеева И. С. Профессиональный тренинг переводчика: учеб. пособие. СПб.: Союз, 2001.

Лантюхова Н. Н., Загоровская О. В., Литвинова Т. А. Термин: определение понятия и его сущностные признаки // Современные проблемы гражданской защиты. 2013. № 1 (6). С. 42–45. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/termin-opredelenie-ponyatiya-i-ego-suschnostnye-priznaki (дата обращения: 14.01.2025).

Михайлова Ирина Михайловна

д-р филол. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет;
i.mikhailova@spbu.ru

ПЕРЕДАЧА ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ И СЛОВЕСНЫЕ ИГРЫ (ИЗ ОПЫТА ПЕРЕВОДЧИКА-ФИЛОЛОГА)

Ключевые слова: имена собственные, художественный перевод, нидерландский язык, нидерландская литература.

По вопросу о передаче имен собственных при переводе ежегодно публикуется огромное множество отечественной научной и учебной литературы, где рассматриваются сложности, возникающие при работе с английскими, французскими, немецкими, чешскими, китайскими, татарскими и т. п. текстами. Однако на нидерландском материале, насколько нам известно, написаны только работы, посвященные вопросам транскрипции имен [Ронин 1999; Бурмакова, Белоусов 2011], а проблематика имен в художественном тексте до сих пор специально не рассматривалась. Этим определяются **актуальность** и **новизна** данного исследования.

Наиболее интересными для переводчика случаями нам представляются те имена собственные, которые по звучанию перекликаются с именами нарицательными или любыми другими частями в ИЯ или ПЯ и потому нуждаются не просто в транскрипции, а в переводе с сохранением или избеганием этой переклички. Менее интересная, но, пожалуй, более важная проблема — это сохранение узнаваемости имени собственного в переводе.

Перекличка по звучанию может быть со словами как в ИЯ, так и в ПЯ, как желательной, так и нежелательной.

Нежелательное созвучие со словами в ПЯ при переводе нидерландских имен собственных часто возникает уже потому, что весьма частотное слово «добрый, хороший» goeie [ˈχujə] в названиях ресторанов, музыкальных ансамблей и др. (например, брассерия Goeie Louisa в Утрехте) при использовании переводческой транскрипции превращается в русское непечатное слово. По этой же причине очень не рекомендую использовать переводческую транскрипцию при передаче весьма распространенных в Нидерландах антропонимов Ger [ˈχɛr] от Gerard «Герард» Gerrit и Joop [jo:p] от Johan «Иоанн». Из практики перевода художественных текстов приведу пример имени, придуманного для себя главной героиней книги Б. Муйарта «В наше время всех зовут Sorry», своеобразный, «неуправляемый» ребенок. Девочка хочет быть не такой, как все, и желает, чтобы ее называли испанским словом со значением «извините»:

> ‘Perdón is een heel oude naam die bijna nooit meer wordt gebruikt,’ zeg ik. ‘Tegenwoordig heet iedereen Sorry.’ (Moeyaert 2018: 20)

Даже если придуманное девочкой имя написать в переводе латиницей, оно будет вызывать у читателей нежелательные ассоциации. Поэтому было принято решение офранцузить это имя, изменив одну букву, и назвать девочку «Пардон».

Примером крайне трудной задачи для переводчика — найти способ придумать фамилию, которая будет созвучна названию цветка (ландыша, по-нидерландски lelietje-van-dale) — служит перевод сказки А. М. Г. Шмидт «Зверь с фамилией», где весь сюжет строится на том, что цветок оказывается родственником страшного чудовища (фамилия чудовища Van Dale). Переводчик Е. В. Любарова удачно справился с задачей, вспомнив полное официальное «ландыш лесной», и фамилия чудовища в ее переводе стала «Лесной» [Шмидт 1993: 78]. Ограниченные рамки статьи не позволяют привести еще множество других примеров передачи говорящих имен из нидерландской художественной литературы, однако данный случай наиболее яркий и важный из-за завязанного на игре слов сюжета.

Проблема узнаваемости имен собственных в переводе включает две разновидности: а) порой неизбежное сокращение вариативности имени одного и того же персонажа в пределах од-

ного текста, чтобы хоть немного облегчить жизнь читателю, и б) учет устоявшегося способа передачи в ПЯ того или иного имени собственного.

Первый случай особенно важен при переводе с русского на нидерландский. Так, на первых пяти страницах «Детства» М. Горького разные персонажи называют главного героя четырьмя разными комплексами звуков: Алексей, Лук, Леня и Олеша (с вариантом Олешка). Нидерландские переводчики убавляют этот разнобой.

Второй случай подразумевает (а) распознание переводчиком встретившегося ему в тексте имени и (б) в том случае, если традиционная передача имени собственного неправильная, то требуются порой мучительные обсуждения с редактором, какой вариант предпочесть: более близкий к произношению в ИЯ, или совсем далекий, но устоявшийся.

Простейшим примером (а) может служить название международной программы научного обмена «Erasmus», которую многие студенты не ассоциируют с Эразмом Роттердамским, так как считают, что фамилия нидерландского гуманиста была Роттердамский, так причем здесь какой-то Эрасмус? Случай (б) возникает особенно часто: например, при переводе книг по истории анатомии про амстердамского анатома Рюиша, чью реальную нидерландскую фамилию следовало бы передать как Рёйс, или писем Ван-Гога, жившего какое-то время в городке на юге Нидерландов Nuenen [ny:nən], что по правилам переводческой транскрипции следует передавать как «Нюнен», — однако на подписях к картинам Ван Гога в российских музеях значится слово «Нуэнен».

Таким образом, перевод имен собственных — вопрос бесконечно сложный и не имеющий однозначного ответа. Специфика перевода нидерландских имен собственных в большой мере определяется своеобразием произношения графемы g как щелевого согласного, близкого к русскому х, который к тому же часто входит в трудно произносимы сочетания типа «СХР», из-за чего переданные с помощью переводческой транскрипции имена собственные неблагозвучны для русского уха. Для переводчика, знающего общие правила передачи имен собственных, применение этих правил в каждом конкретном случае требует большой эрудиции и является творческой задачей.

Литература

Бурмакова Е. В., Белоусов В. О. Нидерландское имя в русском тексте (как ему выглядеть по-русски — традиционно или…?). М., 2011.

Ронин В. Здравствуйте, мистер Найф! Транскрипция и склонение иностранных имен, фамилий и названий: справочник. Antwerpen: Katholieke Vlaamse Hogeschool, 1999.

Шмидт А. Ведьмы и все прочие. М.: Имидж, 1993.

Moeyaert B. Tegenwoordig heet iedereen Sorry. Amsterdam; Querido Verlag, 2018.

Михайловская Мария Валерьевна

ст. преподаватель, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; m_mikhaylovskaya@mail.ru

ПЕРЕДАЧА ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА ЭЛЕМЕНТОВ ВЕРТИКАЛЬНОГО КОНТЕКСТА В СИНХРОННОМ ПЕРЕВОДЕ

Ключевые слова: синхронный перевод, вертикальный контекст, функция, коммуникативная ситуация, российский политический медиадискурс.

Вертикальный контекст представляет собой информацию общекультурного характера [Полубиченко 1979: 4] (филологического, исторического, социально-политического, научно-популярного и иного рода — в зависимости от типа дискурса). Эта информация в разных пропорциях содержится в любом письменном или устном тексте и актуализируется за счет ассоциативности, метафоричности, ингерентных и адгерентных коннотаций вплетенных в его ткань отдельных лингвистических единиц, подразумеваемый смысл которых интерпретируется реципиентом на основании его языковой компетенции и накопленного когнитивного опыта.

Политический медиадискурс, аккумулирующий и транслирующий политические смыслы, репрезентирует сферу политической коммуникации. При этом элементы вертикального контекста, среди которых принято выделять цитаты, аллюзии, фразеологизмы, реалии, лингвокультуремы, идеологемы, единицы разговорной лексики и средства выражения иронии [Гюббенет 2010; Михайловская 2016; Михайловская 2018; Полубиченко, Михайловская 2017], являются неотъемлемой частью данного вида дискурса и призваны решать конкретные прагматические задачи. Политический медиадискурс аккумулирует и создает свое уникальное поле разнообразных элементов вертикального контекста, коннотации и ассоциации, интерпретация смыслов которых детерминированы контекстом коммуникативной ситуации. Проанализированный нами материал, включающий в себя выступления ведущих российских политиков, позволяет предположить, что элементы вертикального контекста в политическом медиадискурсе реализуют свой функциональный потенциал через три основные функции:

1. Идеологическая функция позволяет использовать элемент вертикального контекста как маркер принадлежности к конкретной идеологии, способ ее выражения и, как следствие, инструмент формирования политической картины мира. Можно выделить два подвида идеологической функции: а) манипулятивную функцию, способствующую созданию у целевой аудитории определенного мнения, отношения, побуждающую к принятию соответствующих решений и действиям, и б) дискредитирующую, проявляющуюся через умышленный подрыв авторитета, имиджа и доверия к идеологическому оппоненту, озвученным им позиции, взглядам и фактам.
2. Самопрезентирующая/имиджеобразующая функция проявляет особенности языковой личности говорящего, его убеждения и ценности, способствуя формированию определенного имиджа.
3. Культурно-идентифицирующая функция выявляет принадлежность к определенной культуре, транслирует тот или иной культурный код и активирует в сознании реципиента культурно-значимые ценности конкретного лингвокультурного сообщества, формирующие национальное самосознание.

Следует отметить, что элементы вертикального контекста, как правило, характеризуются многофункциональностью, но это не исключает превалирования той или иной функции в определенном контексте. Понимание функционального потенциала элементов вертикального контекста, употребляемых в речи не спорадически, а для достижения конкретной цели коммуникации, чрезвычайно важно для выработки глобальной стратегии синхронного перевода, инкорпорирующей необходимые для ее реализации приемы. Совокупность функций элемен-

тов вертикального контекста — идеологической, самопрезентирующей/имиджеобразующей и культурно-идентифицирующей — воплощает коммуникативную интенцию говорящего, которая должна быть передана в той или иной ситуации перевода.

Хотелось бы обратить внимание на то, что вопрос сохранения функции элементов вертикального контекста в синхронном переводе не предполагает однозначного ответа и представляет интерес для проведения дальнейших исследований. Исходя из изученного нами практического материала, можно предположить, что сохранение самопрезентирующей/имиджеобразующей функции, реализующейся, как правило, в исходном высказывании за счет *inter alia* цитат, аллюзий, фразеологизмов, единиц разговорной лексики, представляет определенную сложность, особенно если перед переводчиком стоит задача перевести беглую, эмоциональную, спонтанную речь. Что касается передачи манипулятивной и дискредитирующей функций, их можно компенсировать не только с помощью различных лексических средств, но и с помощью соответствующей иронической интонации.

Как было показано ранее, элементы вертикального контекста характеризуются многофункциональностью — совокупность функций воплощает коммуникативную интенцию говорящего. В синхронном переводе наиболее рациональным представляется ориентироваться на установление и передачу превалирующей функции. В политическом медиадискурсе функцией, релевантной для сохранения коммуникативного эффекта исходного высказывания, в подавляющем большинстве случаев является идеологическая функция, проявляющаяся в двух своих подвидах — манипулятивной и дискредитирующей.

Среди экстралингвистических факторов, препятствующих передаче функционального потенциала элементов вертикального контекста, можно выделить следующие: быстрый темп/ситуационно обусловленное ускорение темпа речи говорящего, избыточная плотность информации, неверное распределение переводческих усилий и режим осуществления синхронного перевода (например, «соло»).

Литература

Гюббенет И. В. Основы филологической интерпретации литературно-художественного текста. 2-е изд., доп. М.: Либроком, 2010.

Михайловская М. В. К постановке вопроса о глобальном вертикальном контексте дискурса и его передаче в устном переводе // Вестник Московского университета. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 4. С. 174–181.

Михайловская М. В. Устный перевод: идеологема как категория глобального вертикального контекста // Вестник Московского университета. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 4. С. 167–175.

Полубиченко Л. В. К обоснованию и развитию понятия вертикальный филологический контекст: дис. … канд. филол. наук. М., 1979.

Полубиченко Л. В., Михайловская М. В. Устный перевод в дискурсивном аспекте: глобальный вертикальный контекст // Вестник Московского университета. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 1. С. 116–129.

Морилова Екатерина Сергеевна
канд. филол. наук, ст. преподаватель,
Санкт-Петербургский государственный университет;
more762007@yandex.ru

ПЕРЕВОД РЕАЛИЙ С АНГЛИЙСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОМ ФЕСТИВАЛЬНОМ КИНО: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Ключевые слова: киноперевод, машинный перевод (МП), человеческий перевод, фестивальное кино, реалии.

В статье рассматриваются трудности передачи иноязычных реалий на русский язык в кинопереводе; в частности, обсуждаются вопросы выбора переводчиком оптимальной стратегии (форенизации или доместикации), а также преимущества и недостатки использования в «человеческом» переводе различных приёмов передачи реалий; оцениваются дальнейшие перспективы использования машинного перевода (далее МП), в том числе на основе генеративных нейросетей, для передачи реалий на русский язык; затрагиваются вопросы постредактирования машинных переводов фильмов, изобилующих реалиями.

Теоретической базой для доклада стали работы болгарских ученых С. Влахова и С. Флорина [Влахов, Флорин 1980], посвященные изучению особенностей реалий — слов и словосочетаний, называющих объекты, характерные для жизни одного народа и чуждые другому — и трудностям их перевода, а также монография американского лингвиста и теоретика перевода Л. Венути [Venuti 1995], где рассматривается применение стратегий форенизации и доместикации. Также для проведения исследования использовались научные статьи последних двух лет (2023–2024 гг.) из собрания Google Scholar, посвященные новейшим разработкам в области МП [NLLB Team 2024].

Материалом для исследования послужили 35 игровых, документальных, анимационных и экспериментальных короткометражных и полнометражных фильмов, вошедших в период с 2021 по 2024 г. в официальную конкурсную программу международных кинофестивалей в России («Послание к человеку», «Катарсис», «Фестпро» и «Печка»), и их соответствующие переводы с английского на русский язык, выполненные студентами IV курса программы «Теория и практика межкультурной коммуникации» филологического факультета Санкт-Петербургский государственный университет и отредактированные автором доклада. В рассматриваемых фильмах представлены реалии совершенно различных культур мира, диалоги в оригинале звучат на разных языках и диалектах, а сняты фильмы в столь непохожих друг на друга странах, как Великобритания, Иран, Непал, Аргентина, Италия, Бангладеш, Китай, Франция, Сирия, Израиль, Япония, Киргизия, Армения и т. д.

Для практической части исследования использовались фрагменты фестивальных фильмов, в которых встречались реалии, и сравнивался их существующий перевод, который был сделан в 2021–2024 гг. командами студентов-переводчиков, отредактирован и представлен публике на кинофестивалях, и несколько вариантов МП с использованием различных систем (Google Translate, Яндекс Переводчик, DeepL и т. д.), период проведения эксперимента — с декабря 2024 г. по март 2025 г. Отметим, что требуется неоднократное его повторение на протяжении нескольких месяцев, поскольку системы МП постоянно изменяются и совершенствуются. Помимо выполнения машинного перевода текста субтитров с помощью уже завоевавших популярность в России ресурсов, упомянутых выше, в исследовании также использовались инновационные системы, предлагающие нейродубляж видео: перевод видео в Яндекс Браузере, нейродубляж на ПЯ с помощью ресурсов speeek.io, heygen.com и т. д.

Примеры реалий в фильмах, используемых для анализа, включают в себя географические, этнографические и в меньшей степени общественно-политические. В большинстве случаев кинопереводчики применяли сочетание стратегий форенизации и доместикации. В полнометраж-

ной игровой киноленте «Шоу на каникулах» (Китай, режиссёр Сюнхао Цзинь) одним из ключевых предметов, который играет роль в сюжете фильма, становится «замок Лу Баня» (The Lu Ban lock), но, поскольку русскоязычный зритель практически не знаком с этим изобретением древнего китайского инженера, переводчиками было принято решение при первом появлении реалии в тексте субтитров прибегнуть к описательному переводу: «Это замóк-головоломка Лу Баня», а при дальнейшем упоминании сократить выражение до «замóк Лу Баня» в целях компрессии. Системы МП преимущественно используют словосочетание «замок Лу Бан».

В документальном фильме о гончарах «Дух глины» (Бангладеш, режиссер Чайтанья Раджбангши) один из героев рассказывает о жизни своего народа в течение года, используя названия месяцев бенгальского календаря, который не знаком русскоязычному зрителю. В окончательной версии субтитров на ПЯ было решено локализовать часть месяцев (февраль, март, апрель) и использовать стратегию форенизации лишь при упоминании ключевого для повествования месяца: «Май (Бойшах) — месяц отдыха. В конце Бойшаха, на 30 день, мы молимся, чтобы начать работу с новыми силами». При МП в данном случае наблюдалась только форенизация (Бойшах).

Уже после предварительного анализа примеров можно сделать вывод, что в настоящее время (январь 2025 г.) перевод реалий представляет трудности и для киноперевочиков, и для систем МП, возможно, из-за недостатка параллельных корпусов текстов с реалиями (датасетов) для обучения нейросетей. В сложных случаях системы МП склонны применять форенизацию (транскрибирование/транслитерацию реалий), а не доместикацию, что может негативно влиять на восприятие киноперевода аудиторией, поэтому постредактирование МП крайне важно для успешного создания субтитров к фильмам или их дубляжа.

Литература

Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Междунар. отн., 1980.

Шлейермахер Ф. О разных методах перевода // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2000. № 2. С. 127–145.

NLLB Team. Scaling neural machine translation to 200 languages // Nature. 2024. Vol. 630, no. 8018. P. 841–846. https://doi.org/10.1038/s41586-024-07335-x

Venuti L. The Translator's Invisibility: A History of Translation. London: Routledge, 1995.

Нефедова Любовь Аркадьевна

д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой,
Московский педагогический государственный университет;
la.nefedova@mpgu.su

LINQUA LATINA КАК МАРКЕР «ЯЗЫКОВОГО ЛИЦА» ОБРАЗОВАННОГО ПОЛИТИКА ГЕРМАНИИ: ПРОБЛЕМЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ОПИСАНИЯ ЛЕКСИКИ НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

Ключевые слова: латинский язык, заимствованная лексика, «языковое лицо» образованного политика, сопоставительное описание лексики.

Цель данного исследования — выявить семантический и прагматический потенциал лексики, заимствованной из латинского языка, в публичных выступлениях современных немецких политиков и средства её передачи в русском языке. Данный феномен недостаточно освещен в современных лингвистических исследованиях, так как роль латинского языка определяется, прежде всего, его значимостью как языка науки и языков для специальных целей. При этом латинизмы маркируют речь образованных людей, они «работают» на создание имиджа образованного политика. Необходимостью изучения семантических и прагматических параметров заимствований из латинского языка в речи современных политиков Германии и проблем их трансляции средствами русского языка обусловлена актуальность данного исследования.

Материалом для исследования послужили тексты выступлений немецких политиков Алис Вайдель и Сары Вагенкнехт, размещенные на сайте бундестага [https://www.bundestag.de/]. В качестве справочного материала использовался Цифровой словарь немецкого языка DWDS [http://dwds.de/].

Начиная с эпохи Возрождения, все образованные люди в Европе начинали с изучения «древних языков» — латинского и греческого, основных языков образования в течение столетий. Латынь играла роль сакрального языка культуры, с нее начиналось общее образование. Латинский язык — основа европейской культуры, за которым стоит греческий язык как праязык нашей культуры. Стилистической пометой bildungssprachlich («лексика образованных людей») в толковых словарях немецкого языка чаще всего сопровождается лексика, заимствованная из латинского языка [Нефедова 2014].

Большой интерес представляет собой исследование употребления латинизмов как маркеров образованности в речи политической элиты. Так, следует отметить, что лексика латинского языка, которая характеризуется абстрактностью, большим функциональным разнообразием и яркой метафорической образностью, занимает важное место в речи таких современных политиков Германии, как Алис Вайдель и Сара Вагенкнехт, выступая маркерами их «языкового лица».

Значимым аспектом исследования лексики, заимствованной из латинского языка, является вопрос о её архаизации в немецком языке. Исследование фразеологизмов немецкого языка, которые в отличие от «живых» идиом разговорной речи [Добровольский 1997] относятся к лексике образованных людей, показало, что наличие немецких синонимов является одной из причин их устаревания [Кряквин, Нефедова 2015]. Тем самым ставится вопрос о соотношении заимствованных латинизмов как компонентов языковой системы и как составляющей дискурса, единиц речи. Так, употребляемый Алис Вайдель латинизм *Alimentierung, die* ‘финансовая поддержка’, согласно данным словаря DWDS, уступает по частотности употребления исконно немецкому слову *Unterstützung, die* ‘поддержка’ в соотношении 2:7 и 5:7. Но если в немецком языке наблюдается низкая частотность употребления латинизма, то в русском речь идет о лексической лакунарности.

Как показало наше исследование, латынь более значима для узуса немецкого языка, чем для русского. Это подтверждается тем фактом, что многие употребляемые образованными людьми в Германии латинизмы не вошли в лексический состав русского языка. При перево-

де латинизмов на русский язык часто возникают трудности, так как их значение передается обычно исконно русскими лексическими единицами, не отражающими смысловые нюансы, характерные для латинизмов в немецком языке как идеографических синонимов. Так, немецкие глаголы *alimentieren* ‘поддержать финансово’ — *unterstützen* ‘поддержать’ и производные от них существительные *Alimentierung,* ‘финансовая поддержка’ — *Unterstützung,* ‘поддержка’ формируют один синонимический ряд в немецком языке. Перевод существительного *Alimentierung* на русский язык посредством исконно русского слова «поддержка» не передает точно семантику латинизма, который имеет более узкое значение «финансовая поддержка» в немецком языке. Не достигается при переводе и прагматический эффект, который несет латинизм. Понятия, обозначаемые лексическими единицами *поддержка* и *поддержать* в русском языке, включают такие семантические компоненты, как ‘помощь’, ‘забота’. Распространенные коллокации русского языка — *поддержка семьи, друзей; поддержать друга/подругу, близких*. Рассматриваемые латинизмы в немецком языке не обладают положительными коннотациями соответствующих лексических единиц русского языка. Более того, латинизм *Alimentierung* в речи Алис Вайдель выражает негативное отношение к тем людям, о финансовой поддержке которых идет речь, а именно, о поддержке мигрантов (*„großzügige und dauerhafte Alimentierung durch den deutschen Sozialstaat“ ‘щедрая и долгосрочная финансовая поддержка со стороны немецкого социального государства’*). Латинизм *Alimentierung* (от лат. *alimentum*). относится к лексике делового дискурса и активизирует этимологическое значение ‘иждивение, содержание’. Таким образом, данное заимствование из латинского языка является не только лексическим маркером образованности политика, обладающего знаниями синонимов немецкого языка с учетом всех смысловых и стилистических нюансов их значения, но и языковым средством, сигнализирующим о неодобрении адресантом мер миграционной политики.

Следовательно, преобразование исходного политического текста в текст на другом языке представляет собой более сложный процесс, чем установление эквивалентных отношений между лексическими единицами двух языков.

Источник

DWDS — Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: http://dwds.de/ (дата обращения: 25.01.2025).

Литература

Добровольский Д. О. Немецко-русский словарь живых идиом. Около 1000 идиом. М.: Метатекст, 1997.

Кряквин В. Ю., Нефедова Л. А. К вопросу об архаизации устойчивых словосочетаний и выражений (на примере интеллектуальных фразеологизмов немецкого языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 12-2 (54). С. 105–108.

Нефедова Л. А. О дискурсивной маркированности и особенностях употребления заимствованных фразеологизмов в современном немецком языке (на примере фразеологизмов с пометой bildungsspr.) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 12-1 (42). С. 137–140.

Разумовская Вероника Адольфовна

канд. филол. наук, профессор, Сибирский федеральный университет;
veronica_raz@hotmail.com

«ДОН КИХОТ» КАК БЕСКОНЕЧНЫЙ ТЕКСТ, СОЗДАННЫЙ МЕЖЪЯЗЫКОВЫМИ И МЕЖСЕМИОТИЧЕСКИМИ ПЕРЕВОДЧИКАМИ

Ключевые слова: «сильный» текст литературы, художественный образ, единица перевода, центр переводной аттракции, межсемиотический фрактал, интерпретация, визуализация.

Исследование обращено к феномену центра переводной аттракции (ЦПА) — сложного семиотического объекта, появление которого обусловлено неисчерпаемостью информации оригинала и предполагает реализацию категории его потенциальной переводной множественности — вероятности появления у художественного текста многочисленных версий с различной семиотической природой [Razumovskaya 2019]. Устанавливаемые между оригиналом и вторичными формами отношения рассматриваются с позиции герменевтики в дескриптивном и прескриптивном аспектах. Материалом исследования стал ЦПА, аттрактором которого выступает роман «Дон Кихот» — «сильный» текст мировой литературы и культуры. Вся совокупность текстов, входящих в состав рассматриваемого ЦПА, образует сверхтекст, существование которого свидетельствует о высокой степени его переводимости и, соответственно, увеличивает переведенность «сильного» оригинала и обеспечивает его сохранение в национальных и мировом культурных пространствах.

Сверхтекст, формируемый в пределах рассматриваемого ЦПА, обладает набором характеристик, обусловленных художественной и эстетической «силой» оригинала и ряда его вторичных версий (киноадаптаций, книжных иллюстраций, театральных постановок, балетов, опер), а также семиотической природой реализованных «переводов». Наиболее регулярными характеристиками сверхтекста являются следующие: полилингвальность, полимодальность, поликодовость, бесконечность и фрактальность.

Полилингвальность сверхтекста обеспечивается набором языков, на которых существуют вторичные версии оригинала. Так, за четыреста лет текст М. Сервантеса стал одной из самых читаемых, переведенных, проанализированных, издаваемых и продаваемых книг в мире. Считается, что масштаб влияния «Дон Кихота» на мировую культуру сопоставим с такими великими («сильными») текстами, как Библия или «Одиссея» [Stavans 2015]. Роман определяется как самая переводимая в мире книга после Библии. Аргументом «силы» романа служит также информация базы данных UNESCO по переводу книг, которая существует с 1932 г. По данным с Index Translationum Сервантес занимает четвертую позицию среди наиболее часто переводимых испаноязычных писателей [Index Translationum].

Полимодальность и поликодовость ЦПА являются результатами межсемиотического перевода текста романа, что предполагает использование при создании его вторичных версий элементов различных форматов (вербальных, невербальных или не только вербальных), а также многомерное (многоканальное) восприятие информации вторичных версий через различные каналы общения (визуальный, аудиальный, кинетический и т. д.).

Понятие бесконечного текста было использовано в исследовании, прослеживающим историю рыцарской литературы в Западной Европе от самых ранних кельтских сказок до конфликта между романтикой и реализмом в «Дон Кихоте» [Dudley 1997]. В настоящем исследовании текст Сервантеса рассматривается как бесконечный в соответствии со статусом сверхтекста, существующего в ЦПА. История существования «Дон Кихота» убедительно свидетельствует о «силе» испанского оригинала и его активном присутствии в поликультурном пространстве мира в различных вторичных версиях на протяжении нескольких веков.

В 1977 г. в научном дискурсе появляется понятие фрактала, под которым понимается структура, состоящая из частей, которые в определенном смысле подобны целому. Идея фрактальности впервые была продуктивно использована в теории искусства и культуры. В дальнейшем

к ней стали обращаться философы, лингвисты, литературоведы, что делает ее продуктивным понятием гуманитаристики. В настоящем исследовании предлагается гипотеза о возможности эффективного применения понятия фрактальности к переводоведческой проблематике. Рассматривая ЦПА и представленный в нем сверхтекст как сложное гетерогенное целое, образующие его гипотексты различной семиотической природы понимаются как подобные всему ЦПА, так и его аттрактору-оригиналу. Фрактальное моделирование пространства ЦПА предполагает установление и описание системно-структурных связей между системообразующим аттрактором и формирующими его вторичными гипотекстами, также и между гипотекстами в терминах активности и пассивности, вторичности и первичности.

Источник

Index Translationum // United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization. URL: https://www.unesco.org/xtrans/bsstatexp.aspx (дата обращения: 15.01.2025).

Литература

Dudley E. The Endless Text. Don Quixote and the Hermeneutics of Romance. Albany: State University of New York Press, 1997.

Razumovskaya V. A. A Center of Translation Attraction as the Tower of Babel Replica: Intersemiotic Translation Perspectives // Mundo Eslavo. 2019. No. 18. P. 202–215.

Stavans I. Quixote: The Novel and the World. New York: W. W. Norton, 2015.

Петрова Елена Серафимовна

канд. филол. наук, доцент, переводчик, Издательство «Азбука-Аттикус»;
saint-petelena@mail.ru

BACK IN THE USSR (ИЗ ОПЫТА ПЕРЕВОДА АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ XXI ВЕКА О СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ)

Ключевые слова: стратегия доместикации, переводность, переводческий метатекст, скопос, реконструктивный перевод.

Данная статья посвящена специфике перевода на русский язык художественных произведений современных англоязычных авторов о Советском Союзе. Материалом исследования послужили романы О. Грушиной «Жизнь Суханова в сновидениях» [Grushin 2007; Грушина 2011] и Дж. Барнса «Шум времени» [Barnes 2016; Барнс 2016]. Данный литературный материал объединяют не только период создания, язык-источник и переводящий язык, но и такие факторы, как владение авторов переводящим языком; биографический сюжет; мужской гендер главного персонажа.

При этом жанровые характеристики данных произведений различны. Грушина подчеркивает, что ее роман «задумывался как своего рода притча о жизненном выборе творческого человека <…>, а не как исторический роман о России», и добавляет, что «обращалась несколько вольно с историческими деталями <…> и общими реалиями советской жизни» [Грушина 2011: 5–6]. Вольное обращение с деталями можно заметить, например, в стихотворной цитате, представленной подстрочником и приписанной художнику М. Шагалу (по аналогии с его полотном «Над городом»): «Across the sky fly former inhabitants. / Where do they live now? / In my own torn soul» [Grushin 2007: 167]. В переводе восстановлен русский оригинал, написанный традиционным стихом («Летят по небу бывшие жильцы. / Где их жилье? / В моей душе дырявой» [Грушина 2011: 204]) и взятый из стихотворения «Высокие врата» А. Вознесенского, однако в отсутствие метатекста (например, постраничных сносок) для многих читателей это, видимо, остается мистификацией, которая поддерживается общей притчевой стилистикой. Для такой разновидности доместикации, использованной в романе неоднократно, мы используем рабочий термин реконструктивный перевод.

Согласно издательскому договору, Грушина, как билингв, оставляла за собой право на авторское редактирование текста перевода; это условие требовало постоянного контакта автора и переводчика. Сложившееся в ходе переписки взаимопонимание сторон способствовало в практическом плане достижению разумных компромиссов, а в теоретическом — наблюдению над динамикой процесса перевода. Так, например, переводчиком в первой главе был использован заметный контраст между внутренней и внешней речью главного героя, но по настоянию автора этот контраст был значительно нивелирован, тогда как в речи ряда других персонажей экспрессивная составляющая была оставлена без изменений. В свою очередь, автор приняла часть наблюдений переводчика над незапланированными повторами, отдельными двусмысленностями и нарушениями естественности звучания, возникшими в результате авторской правки. Не вызвало авторских возражений и широкое использование переводчиком типологических черт русского языка, как-то: сильнопартиклевость, эллипсис, транспонирование прагматики глагольных и местоименных форм, многообразие аффиксации и др.

Скопосом перевода, который был сформулирован издательством-заказчиком, оставалось сохранение притчевости, не нарушаемое переводческим метатекстом.

Совершенно иную, во многом противоположную картину мы видим в оригинале короткого романа Барнса, который близок к жанру документалистики. В нем практически нет вымышленных персонажей. Если «Жизнь Суханова в сновидениях» — это московский роман, то «Шум времени» — роман ленинградский. Показательно, что сам автор, обращаясь к своей первичной читательской аудитории — носителям английского языка, признает, что использованные в нем «формулировки чуть отличаются от привычных, и вы думаете: “Да, я сейчас в России”. По край-

ней мере, я очень надеюсь, что вы это почувствуете» [Барнс 2016: 8]. Вместе с тем Барнс предостерегал своих соотечественников, что его книга вызовет противоречивые мнения, а потому он не может ее рекомендовать — пусть читатели сами решают, браться ли им за такую литературу [Сидорова 2019: 213], Сам автор изучал русистику в Оксфорде и не раз посещал Россию. Дж. Барнс последовательно создает иллюзию переводности, создавая широкое полотно русской культуры, инкорпорируя в повествование кальки русского фольклора и крылатых выражений, аллюзии, комические вкрапления, цитаты из англоязычных переводов русской классики. В таких случаях «сама переводность становится эстетическим качеством» [Левый 1974: 102].

Издательский договор не предусматривал контактов переводчика с автором, но у переводчика был значительный опыт работы с произведениями Барнса. Скопос перевода, сформулированный издательством-заказчиком, включал, во-первых, поддержание иллюзии оригинального, а не переводного текста, а во-вторых, создание подробного переводческого метатекста в виде концевых примечаний, обусловленных тем, что текст оригинала изобилует именами, реалиями и отсылками к произведениям материальной и духовной культуры, русской и мировой. Целесообразность этого переводческого метатекста отмечена в критической литературе: «… русское издание романа в переводе Елены Петровой (М., 2016) снабжено объемным и насыщенным (с. 233–286) разделом «Примечания» (автор тоже Е. Петрова) в котором вскрываются источники аллюзий, даются историко-документальные справки и комментарии…» [Сидорова 2019: 213].

В русском тексте романа «Шум времени» есть ряд случаев реконструктивного перевода, которые также эксплицируются в примечаниях. Например, вместо полных названий некоторых государственных учреждений, ведавших вопросами культуры, или собственно учреждений культуры использованы их сокращенные названия, в свое время общеизвестные и широко употребительные, которые сегодня распознаются далеко не всеми, как, например, Малегот (Ленинградский академический Малый государственный оперный театр), Главлит (Главное управление по делам литературы и издательств), Главрепертком (Главный комитет по контролю за репертуаром при Народном Комиссариате по просвещению РСФСР и т. п.

Рассмотренные произведения англоязычной литературы, в центре которых находится «русская тема», имеют ретроспективную направленность. С позиций художественного перевода такие произведения могут сопоставляться по различным параметрам, например:

1) по участию или неучастию автора в процессе перевода;
2) по наличию или отсутствию метатекста:
   (а) авторского (предисловие; обращение к англоязычному читателю, как первичному реципиенту, и к русскому читателю, как вторичному реципиенту);
   (б) переводческого (сноски, примечания, комментарии, предисловия к переводу, составленные переводчиком);
   (в) специального (т. е. составленного приглашенным специалистом, не участвовавшим в процессе перевода, или редактором — участником окончательного языкового оформления текста перевода).

Литература

Барнс Дж. Шум времени. М.: Иностранка, 2016.

Грушина О. Жизнь Суханова в сновидениях. М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2011.

Левый И. Искусство перевода. М.: Прогресс, 1974.

Сидорова О. Г. Современная литература Великобритании и контакты культур. СПб.: Алетейя, 2019.

Barnes J. The Noise of Time. London: Penguin Books, 2016.

Grushin O. The Dream Life of Sukhanov. London: Penguin Books, 2007.

Синицына Дарья Игоревна

канд. филол. наук, ст. преподаватель,
Санкт-Петербургский государственный университет;
d.sinitsyna@spbu.ru

КОНСТРУИРОВАНИЕ ЦЕЛОСТНОСТИ ЦИКЛА ПЕРЕВОДНЫХ ПРОЗАИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЭРНАНА РИВЕРЫ ЛЕТЕЛЬЕРА)

Ключевые слова: переводоведение, литературный перевод, целостность текста, профессиональный жаргон, языковая вариативность.

Выдающий чилийский писатель Эрнан Ривера Летельер (1950), лауреат Национальной литературной премии (2022), известен как создатель совокупного словесного образа пустыни Атакама, своего рода художественной вселенной, составленной из примерно десятка романов. Мир, описываемый в атакамском цикле, неизменно связан с добычей селитры.

Именно селитра — ее ценность, разработка, спровоцированные ею конфликты — определяла историю севера Чили на протяжении более чем ста лет, примерно до середины XX в. Поэтика романов Риверы Летельера — произвольное, на первый взгляд, «выхватывание» одного из многочисленных микросюжетов, вместе сливающихся в «материнскую жилу» атакамского мифа. Для нее характерны сквозные персонажи, переплетение фабульных линий, а также огромный пласт лексики, относящейся к селитряному промыслу и создаваемой им цивилизации. Представляется, что этот пласт и есть основа образности Риверы Летельера. Помимо чистых профессионализмов, в него входит множество самых разнообразных с точки зрения семантики и регистра единиц, представляющих отдельную сложность при переводе этих романов, особенно когда речь идет о переводе сразу нескольких текстов.

С одной стороны, недостаток внимания к этой проблеме приводит к нарушению «когерентности» авторской вселенной. С другой — немалая часть упомянутых единиц относится к так называемой безэквивалентной лексике, и это ставит перед переводчиком задачу воссоздания достоверного образа описанного автором мира.

К настоящему моменту на русский язык переведены три романа Эрнана Риверы Летельера: «Гимн ангела с поджатой ногой», «Фата-моргана любви с оркестром, «Искусство воскрешения». Переводы выполнены одним переводчиком, что позволяет проанализировать проблему сохранения целостности художественного пространства в поэтике этих трех текстов, входящих в атакамский цикл. Наиболее частотными и релевантными для описания места действия словами и словосочетаниями являются следующие: *salitrera, campamento salitrero, oficina salitrera, caliche, calamina, pino (de) Oregón, torta de ripios*.

Единицы *salitrera, campamento salitrero, oficina salitrera* описывают расположенный в пустыне поселок при селитряном производстве в пустыне Атакама времен селитряного бума. Наибольшую трудность представляет словосочетание *oficina salitrera*, где первый элемент обозначает буквально «контора», «офис», «кабинет». Основным лексическим эквивалентом существительных с компонентом *salitrera/o* в переводе всех трех романов выступает слово «прииск» («Место разработки драгоценного ископаемого», по «Словарю русского языка» С. Ожегова») в сочетании с прилагательным «селитряной» — следует отметить употребление, в том числе с другими существительными, именно этой формы мужского рода единственного числа в именительном падеже, не встречающейся в Национальном корпусе русского языка, в отличие от варианта «селитряный» («селитряной лагерь Дибухо», «селитряной кризис», «селитряной состав» и т. п.). Приведем примеры перевода единиц *salitrera, oficina, campamento salitrero* в трех романах:

> *…preparó sus instrumentos de trabajo y subió a ejercer su oficio a* ***las salitreras.*** */ …начистил и наточил рабочий инструмент и отправился зарабатывать своим ремеслом на* ***селитряные прииски*** («Фата-моргана любви с оркестром»).

Descontando el hecho de que unos pocos habían desertado nada más bajarse del tren, desbandánose por su cuenta y riesgo por ***las oficinas*** *más cercanas, el resto no tuvo ningún inconveniente. / Некоторые, — правда, очень немногие — разбежались, едва сойдя с поезда, на свой страх и риск по ближайшим* ***приискам****, зато остальные оказались паиньками* («Искусство воскрешения»).

Llevaba casi dos años viviendo en Antofagasta y aún no se olvidaba de la pampa; aún recordaba con cariño la pequeña ***oficina*** *en la que se había criado sano y agreste como un zorro. / Он уже почти два года жил в Антофагасте, но еще не успел позабыть пампу: с нежностью вспоминал маленький* ***прииск****, где вырос здоровым и дичковатым, словно лис* («Гимн ангела с поджатой ногой»).

La estación se llamaba La Deseada. Y a quinientos metros de distancia, como melancólicas candelillas agrupadas, comenzaban a encenderse las amarillas luces de un ***campamento salitrero****. Era la* ***oficina*** *Algorta. / Станция называлась Желанная. Метрах в пятистах, словно гроздья свечек, начинали загораться огоньки* ***селитряного поселка****. Это был* ***прииск*** *Альгорта* («Гимн ангела с поджатой ногой»).

Помимо этой важнейшего для описания пространства комплекса, объединенного корнем *salitre*, можно выделить несколько частотных наименований: *caliche* — каличе, порода, богатая солями, в данном случае, селитрой; *calamina* — оцинкованный гофрированный лист, широко использующийся в строительстве на севере Чили; *pino (de) Oregón* — орегонская сосна, единственная древесина, в изобилии поступавшая в лишенную растительности Атакаму в качестве балласта на судах, приходивших из США за грузом селитры; *torta de ripios* — насыпь из отработанной породы, дословно «щебневой торт», метафора, обязанная своей формой слоистости структуры. В русских переводах трех романов сохраняется единообразие эквивалентов, ср.: *caliche — селитряная порода; pino Oregón — орегонская сосна; calaminas — цинковые листы, torta de ripios — щебневый отвал.*

Вопрос о целесообразности конструирования целостности в цикле переводов относительно крупных прозаических текстов, несомненно, подлежит более подробному обсуждению. В случае, если переводчик один, кочующие из текста в текст релевантные для поэтики лексические единицы позволяют ему с большей точностью воспроизводить художественный мир автора и облегчают задачу сохранения связности, но не исключено, что принципы рецептивной эстетики (каковая многократно проблематизируется, если речь идет о переводной литературе) способны опровергнуть важность упомянутой целостности для читателя.

Литература

Ривера Летельер Э. Гимн ангела с поджатой ногой / пер. Д. Синицыной // Иностранная литература. 2017. № 8. С. 3–114.

Ривера Летельер Э. Фата-моргана любви с оркестром / пер. Д. Синицыной. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2014.

Ривера Летельер Э. Искусство воскрешения. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2017.

Rivera Letelier H. El arte de la resurrección. Alfaguara, 2010.

Rivera Letelier H. Fatamorgana de amor con banda de música. Barcelona: Planeta, 1999.

Rivera Letelier H. Himno del ángel parado en una pata. Alfaguara, 2010.

Gasimli Laman Maharram

PhD in Philology, Associate Professor, Azerbaijan University, Azerbaijan;
laman.gasimli@au.edu.az

REPLACEMENT AS A GRAMMATICAL TRANSFORMATION IN TRANSLATION

Keywords: replacement, substitution, grammatical transformations, target language.

Grammatical transformations are important tools in translation which help in accurately transferring meaning from one language to another. Among these transformations, replacement plays an important role, especially when structural differences between languages make direct word-for-word translation impossible. This article examines the concept of replacement in translation, its types, and examples of its application in practice. Replacement in some sources is mentioned as substitution and it is the replacement of one grammatical category or structure with another during the translation process in order to maintain the clarity, coherence, and meaning of the original message. It becomes necessary when the grammatical rules or conventions of the target language differ significantly from those of the source language [Nida 2002: 27].

This transformation helps to avoid awkward or incorrect expressions while preserving the original intent of the text. In translation practice, several forms of replacement can be identified:

1. Replacement or substitution of parts of speech. This occurs when a word from one grammatical category is replaced by a word from another category. For example:
2. Replacement or substitution of syntactic structures. This involves changing sentence structures, often changing the passive to the active or vice versa.
3. Replacement or substitution of subordinate clauses and phrases. A subordinate clause in the source text can be converted into a phrase in the target text or vice versa.
4. Replacement or substitution of pronouns may need to be changed or expanded due to linguistic differences [Bayramov 2008: 120].

However, while speaking about replacement as a grammatical transformation from English to Azerbaijani or vice-versa translations, it should be mentioned that these translations often require grammatical transformations due to structural differences between the two languages. One of the most commonly used transformations is replacement (or substitution), which involves replacing grammatical categories or structures to accurately convey the original message to the target language [Bayramov 2008: 120].

1. Structural differences between English and Azerbaijani word order: English follows a subject-verb-object (SVO) structure. Azerbaijani generally follows a subject-object-verb (SOV) structure. *Example: English: She is reading an interesting historical book. Azerbaijani: O maraqlı tarixi bir kitab oxuyur.*

2. Definite and indefinite articles: English uses definite (the) and indefinite (a/an) articles. Azerbaijani has no articles and relies on context or word order for definiteness. Example: English: I saw a woman. Azerbaijani: Mən (bir) qadın gördüm. In this case the article "a" can be either replaced with the number (bir -one) or even can be ommited. However, if we use the definite article in such sentence as: I have read the book. Here we translate this sentence in Azerbaijani as: Mən kitabı oxumuşam. Here the definite article is replaced with possessive suffix.

3. Gender and pronouns: English pronouns (he, she, it) indicate gender. Azerbaijani pronouns (o) are gender-neutral. *Example: English: She is a teacher. Azerbaijani: O müəllimədir. (The same pronoun "O" is used for all genders.)*

4. Tenses replacement in translation is a crucial grammatical transformation which should be taken into account very seriously and sensitively [Catford 1965: 27]. For example, we can not speak about any perfect tense in Azerbaijani while the usage of perfect tenses in English is so highly demanded. Another example, types of present or passive tenses can also seem great obstacle during translation. However,

with the help of replacement as a grammatical transformation, this problem can be solved easily. Example: *I have never been to Italy. Azerbaijan: Mən heç vaxt İtalyada olmamışam.* Here the present perfect is replaced just with a type of past tense form (nəqli keçmiş) in the Azerbaijani language.

In conclusion, replacement or substitution as a grammatical transformation is a fundamental translation technique that ensures the target text is grammatically correct, culturally appropriate, and faithful to the source message. By understanding and applying different types of replacement (substitution), translators can fill linguistic gaps and deliver high-quality translations. All types of transformations including replacement highlight the complexity and creativity of the translation process and emphasizes the importance of both linguistic expertise and cultural sensitivity.

References

Bayramov Q. H. Tərcümə sənəti. Bakı: "OKA Ofset" nəşriyyatı, 2008. (In Azerbaijani)

Catford J. C. A Linguistic Theory of translation. Oxford; London; Glasgow: Oxford University Press, 1965.

Nida E., Taber C. The Theory and Practice of Translation. Leiden: E. J. Brill, 2002.

Gasimova Aygun Ramiz

Head of Foreign Languages Department, Azerbaijan University, Azerbaijan;
aygun.gasimova@au.edu.az

THE ROLE OF DYNAMIC EQUIVALENCE TRANSLATION IN CROSS-CULTURAL UNDERSTANDING

Keywords: translation, dynamic, equivalence, translator, language.

Different perspectives exist regarding the concept of equivalence in translation theory, with many theorists extensively exploring this idea. A significant influence in the field of translation comes from American linguist and prominent translation theorist E. Nida. One of his most well-known contributions is "principle of equivalence," which outlines two main types: dynamic equivalence and formal equivalence. E. Nida defines dynamic equivalence as a focus on conveying the meaning and intent of the original message rather than its form. He emphasizes the importance of naturalness, stating that the primary goal of dynamic equivalence is to achieve a natural equivalent that is closest to the source language [Nida 1964: 166]. In the context of cross-cultural communication, this approach plays a crucial role in bridging linguistic and cultural gaps, ensuring that messages are both accurate and culturally relevant.

Dynamic equivalence prioritizes meaning over literal wording, allowing translators to adapt expressions, idioms, and cultural references from the source language into forms that are familiar and meaningful to the target audience. This adaptation is essential in cross-cultural contexts, where direct translations may lead to misunderstandings or fail to convey the intended message. For instance, translating idiomatic expressions requires finding equivalent phrases in the target language that evoke the same response, thereby preserving the impact of the original text.

In cross-cultural settings, effective communication relies heavily on the audience's ability to relate to and understand the message. Dynamic equivalence ensures that translations are not only linguistically accurate but also culturally appropriate, increasing the chances that the message will be received as intended. This approach takes into account the cultural and social contexts of both the source and target languages, making cross-cultural interactions smoother and more effective.

When translating, it is possible that an object or event in the source text may not exist in the culture of target language. In such cases, a different object or event that serves a similar function can be chosen. For example, E. Nida discusses the word "snow." Some people may not have knowledge of "snow" and might not have a word for it in their language. However, in the phrase "as white as snow, the word "snow" can be substituted with "cotton" which serves a similar purpose [Nida 1964: 171] in some cases, an object or event in the source text may exist in the target language culture but have a completely different function. For example, in some languages, the word "heart" is associated with feelings and emotions, while in others, it may not have any connection to emotions at all. To achieve a successful translation, the translator must accurately reflect the key formal features of the target language in the translated text. It is essential to choose equivalents that closely mirror the source message to maintain its flow in the target language. Additionally, the translator should consider the style, understand the author's intent and be mindful of the target language reader.

While dynamic equivalence offers significant advantages, it also presents challenges, particularly in maintaining the balance between staying faithful to the original message and adapting it to fit the cultural context of the target audience. Translators must possess deep cultural insights and linguistic proficiency to navigate these challenges effectively. V. Koller notes that the translator should consider the communicative situation when choosing an equivalent type and create a hierarchy of equivalence prioritizing each text and its components accordingly [Munday 2012: 74]. Dynamic equivalent translation is characterized by the extensive use of additions. In this approach, the translator provides a more thorough and clear explanation of the elements in the source text to enhance understanding for the target language reader. If the message is not conveyed clearly, the reader may quickly become bored or confused. Therefore, considering the cultural diversity of languages, the translator offers detailed ex-

planations of translation elements, which often leads to an expansion of the formal components in the translated text. So, to carry out a dynamic equivalent translation, the translator must have a deep and comprehensive understanding of the original message. An experienced translator using this method is aware of potential distortions in meaning and actively works to prevent them.

Dynamic equivalent translation is considered not only meaningful and understandable, but also accurate. By prioritizing meaning and cultural relevance, this approach fosters mutual understanding and effective communication between different cultures. It enables people from various backgrounds to communicate effectively. So, to achieve a successful translation, a translator must consider all subtleties, including the type of message, its purpose, the author's intention, and the audience of the target language, without overlooking any element.

References

Munday J. Introducing Translation Studies: Theories and Applications. London; New York: Routledge, 2012.
Newmark P. About Translation. Clevedon: Multilingual Matters, 1991.
Nida E. Toward a Science of Translating. Leide: E. J Brill, 1964.

Pushkina Anna Vladimirovna[1], Krivoshlykova Liudmila Vladimirovna[2]

[1]PhD in Pedagogy, Associate Professor, RUDN University;
pushkina_av@pfur.ru
[2]PhD in Philology, Associate Professor, RUDN University;
krivoshlykova_lv@pfur.ru

LINGUISTIC ASPECTS OF TRANSLATION OF RELIGION-RELATED TEXTS

Keywords: religion-related texts, translation strategies, linguistic aspects of translation, original message.

Translating religious texts requires complex combination of linguistic skills, cultural and theological background. Even non-religious people treat the Bible, the Quran, the Book of Mormon, and many others as revered texts that is why they must be considered and studied through the prism of their immense spiritual, cultural, and historical significance. They provide moral guidance and laws, ethical rules, spiritual values, and historical narratives that shape the beliefs, customs, and practices of various religious communities. Thus, insight and faith of the target audience should be taken into consideration by a translator of religion-related texts. This paper deals with linguistic challenges of religious text translation from English into Russian focusing on its problems and peculiarities. High style, archaic words, metaphors, complex syntactic structures are among them.

Translation of religious texts presents a unique task that requires deep understanding of both linguistic and cultural context. This task goes beyond mere word-by-word translation; it involves capturing the essence of sacred scriptures and conveying their profound messages in a way that resonates with target readers.

In this respect, the priority for translators proves to be the use of proper translation strategies which allow conveying meaning, style, and cultural context of the source text into the target language and as a result preserving the original message. Modern Translation Studies suggests a number of strategies and techniques. Here, we will adhere to Ya. Retsker's translation transformations classification [Retsker 2007].

To illustrate linguistic challenges of religious text translation from English into Russian we use The Book of Mormon, its English and Russian versions.

As it was mentioned above, religious texts are characterized by unique linguistic features. These include specific syntactic structures, vocabulary, and the use of archaic language. As an example, let us consider the passage from 2 Nephi 2:11:

> *"For it must needs be, that there is an opposition in all things. If not so, my firstborn in the wilderness, righteousness could not be brought to pass, neither wickedness, neither holiness nor misery, neither good nor bad". — «Ибо необходимо, чтобы противоположность была во всём. Если бы не так, мой перворождённый в пустыне, то не могло бы быть ни праведности, ни нечестия, ни святости, ни несчастья, ни хорошего, ни плохого».*

In the first sentence emphasis is expressed by inversion whereas in the Russian version this effect is achieved by the strategy of compensation, as the bookish, scholarly conjunction *ибо* was used. The word *things* was omitted to stick to the style: *in all things — во всем*. In the second sentence nouns *wilderness-пустыня* and *wickedness-нечестие* were translated with the help of concretization due to the religious context. When translating the phrase *could not be brought to pass* the strategy of semantic development was employed — *не могло бы быть*.

Parallelism is a common syntactic feature of religious texts as it contributes to its didactic function. It involves the repetition of similar syntactic structures in both subordinate clauses and sentences, enhancing the rhythm and memorability of the text. An example of parallelism is found in 2 Nephi 9:52:

> *"Behold, my beloved brethren, remember the words of your God; pray unto him continually by day, and give thanks unto his holy name by night. Let your hearts rejoice". — «Вот, возлюбленные братья мои, помните слова Бога вашего; молитесь Ему непрестанно днём и воздавайте благодарение имени Его святому ночью. Да радуется сердце ваше!»*

Here, parallel constructions are translated into Russian similarly. But it is worth focusing on translation of *continually* and *give thanks.* According to the Russian translation tradition the two stylistically neutral lexemes are conveyed by bookish *непрестанно* and *воздавать благодарение*. Ya. Retsker defines such strategy as expressive and pragmatic concretization [Retsker 2007: 139]. Thus, the repetition and high-styled vocabulary help enhance the rhythm of the text and make it more memorable for congregation.

Metaphor is a stylistic device frequently used in religion-related texts to express complex spiritual message and abstract ideas. For example, in 1 Nephi 12:17 and 12:23 *broad roads — широкие дороги and filthy people — нечистый народ* are used metaphorically. The use of contextual equivalents preserves the metaphors. That is, a person who lives without God in his heart may enter into the wicked path. *Filthy people* stands for cursed people, idle and full of mischief. Archaic language in religious texts conveys historical authenticity and reverence. In 1 Nephi 12:17 *thy* is an archaic word for *your*, *brethren* is an archaic plural form of *brothers* but they are translated by neutral equivalents:

> *Behold thy seed, and also the seed of thy brethren. — Посмотри на твоё потомство, а также на потомство твоих братьев.*

At the same time, concretization of the word *seed — потомство* — added to the correct perception of the message.

The analysis has shown that mostly lexical transformations predominate in the translation in the text under study. To conclude, linguistic aspects of religion-related texts are of key importance for a translator as proper translation strategies and profound historical knowledge deliver the original message of the text to the target reader.

Source

Book of Mormon // The Church of Jesus Christ of Latter-day Saints. Available at: https://www.churchofjesuschrist.org/study/scriptures/bofm?lang=eng (accessed: 15.01.2025).

References

Retsker Ya. I. Translation Theory and Translation Practice. Essays on Linguistic Theory of Translation. Suppl. and comment. by D. I. Ermolovich. 3rd ed., stereotype. Moscow: R. Valent Publ., 2007. (In Russian)

Алевич Анисия Вячеславовна

канд. филол. наук, ст. преподаватель,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова;
anisialevich@yandex.ru

ЖИЗНЬ ЗА ИСКУССТВО: О ПЕРЕВОДАХ «ГАМЛЕТА» У. ШЕКСПИРА XIX ВЕКА

Ключевые слова: поэтический перевод, переводческие трансформации, вольный перевод, буквальный перевод.

Переводы царской России XIX столетия, воспринимавшиеся в качестве «переселения душ из иностранных языков в русский», приводили к осознанию роли переводной литературы в деле становления национального языка. Объем переводов с западноевропейских языков был значительным. Многие русские писатели и поэты пробуют себя на поприще перевода. В. А. Жуковский писал: «…необходимо наполниться духом своего стихотворца, но должно искать его красот в самом их источнике, то есть в природе; чтобы удобнее подражать ему в изображении предметов, надлежит самому видеть сии предметы, и в таком случае переводчик становится творцом» [Левин 1985: 11–12]. Особое место среди многообразной палитры переводов занимают переводы «Гамлета» У. Шекспира.

Вторая половина 20-х гг. XIX в. отмечена стремлением к буквальной передаче смысла оригинала, объединившей многих писателей и поэтов. В 1828 г. увидел свет первый буквальный перевод «Гамлета», выполненный М. П. Вронченко. С творчеством У. Шекспира М. П. Вронченко познакомился на лекциях профессора русской словесности А. Ф. Мерзлякова во время обучения в Московском университете. Впоследствии, окончив Училище колонновожатых и став генерал-майором и кадровым разведчиком Российской армии, он, владевший десятью языками, обратился к переводам памятников мировой литературы.

К началу XIX в. «Гамлет» Шекспира был известен в вольных переводах, выполненных с французского языка в соответствии с духом времени. Когда М. П. Вронченко завершил работу на «Гамлетом», его близкий друг написал следующее: «Слава Богу, что наконец и мы, грешные, познакомимся на своем языке с Шекспиром».

М. П. Вронченко, воспринимавший перевод в качестве литературного призвания, выработал собственные принципы перевода. В письме к Н. А. Полевому от 13 ноября 1827 г. он писал следующее: «Я переводил <…> стих в стих, часто даже, где сходство языков то позволяло, слово в слово <…>. Разумеется, что, переводя таким образом, я гладкости стихов не считал предметом главным, употреблял слова некрасивые, но верно выражающие мысль автора» [Козмин 1903: 517]. Новаторский перевод «Гамлета», заключавшийся в воссоздании пьесы в «истинном виде», отходе от создания переводов-переделок по образцу французских авторов, был благосклонно воспринят критиками. И. С. Тургенев писал: «Его переводы всегда приносили большую пользу: они знакомили публику с произведениями замечательными <…>. Его «Гамлет» отличается довольно определенным колоритом; мы не можем забыть, что любовь к Шекспиру собственно им возбуждена в кругу наших читателей» [Тургенев 1897: 234–235].

М. П. Вронченко занимался переводами до конца своей жизни, отданной государственному служению. По воспоминаниям близких, умирая от чахотки, до последнего вносил исправления в собственный поэтический перевод монолога “To be or not to be?”.

В XIX в. широкую известность получил поэтический перевод «Гамлета», выполненный Н. А. Полевым (1837 г.). Перевод содержал значительные отступления от оригинала и стал

Руководитель секции: Н. П. Силинская.

скорее переложением для сцены. «Гамлет» в переводе Н. А. Полевого пользовался успехом на театральных подмостках во многом благодаря игре великого русского актера П. С. Мочалова. А. И. Герцен писал: «Щепкин и Мочалов, без сомнения, два лучших артиста изо всех виденных мною в продолжении тридцати пяти лет и на протяжении всей Европы. Оба принадлежат к тем намекам на сокровенные силы и возможности русской натуры, которые делают незыблемой нашу веру в будущность России» [Герцен 1959: 268–269].

П. С. Мочалов родился 3 ноября 1800 г. Родители П. С. Мочалова были крепостными помещика Н. Н. Демидова и играли в его домашнем театре. В 1806 г. они вошли в труппу императорских театров и получили вольную. Родители, отмечая прекрасную память и склонность к изучению иностранных языков своего сына, стремились дать хорошее образование и видели его будущее в театре. В 1824 г. П. С. Мочалов поступил на службу в Малый театр, где прослужил до конца своих дней.

П. С. Мочалов стал символом театра своего времени. На актера, «играющего свою душу», ходила вся театральная Москва. На сцене Малого театра «гений», по выражению К. С. Станиславского, сыграл более 250 ролей. Его героев объединяли перенесенные страдания, одиночество, борьба с пороками несовершенного мира, поэтому за роль «Гамлета» П. С. Мочалов боролся самоотверженно. Против постановки «Гамлета» выступили все: от М. С. Щепкина до руководства театра. П. С. Мочалов поставил условие: либо «Гамлет» будет поставлен, либо он уходит из театра.

Премьера «Гамлета» состоялась 22 января 1837 г. и стала знаковым событием в театральной жизни. Постановка «Гамлета» с П. С. Мочаловым в главной роли произвела огромное впечатление на В. Г. Белинского. Он полагал, что для перевода шекспировских драм переводчику самому надо быть Шекспиром. Если переводчику удастся осуществить стихотворный, а не прозаический перевод произведений Шекспира, то это будет «подвиг, которого одного достаточно для целой жизни».

XIX в. оставил богатейшее наследие в области переводческой мысли. Переводчиков, представителей различных литературных школ и направлений, объединяло стремление передать дух оригинального произведения, что приводило к созданию классических образцов искусства. Переводные произведения, воспринимавшиеся в качестве завоеваний, становились частью русской классической литературы.

Литература

Герцен А. И. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 17. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959.

Козмин Н. К. Очерки из истории русского романтизма. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1903.

Левин Ю. Д. Русские переводчики XIX века и развитие художественного перевода / отв. ред. А. В. Федоров. Л.: Наука, 1985.

Тургенев И. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 1. СПб.: Тип. Глазунова, 1897.

Альгина Ольга Владимировна

канд. филол. наук, ст. преподаватель,
Санкт-Петербургский государственный университет;
o.algina@spbu.ru

К ВОПРОСУ СМЕЩЕНИЯ СМЫСЛОВОГО ФОКУСА ПРИ ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ

Ключевые слова: смысловой фокус, смещение смыслового фокуса, художественный текст, художественный перевод.

Перевод художественного текста является одним из самых сложных видов переводческой деятельности, поскольку в процессе передачи текста с одного языка на другой всегда необходимо учитывать множество факторов, включая идиостиль писателя, лингвокультурные, исторические и другие особенности. Помимо указанных сложностей, переводчику необходимо верно понять и интерпретировать художественный текст, после чего выбрать наиболее адекватную для данного конкретного текста стратегию его передачи на переводящий язык. Применяя различные переводческие трансформации, переводчик способен не только корректно перевести текст, но в некоторых случаях обогатить его или, наоборот, исказить или сместить смысловые акценты, в результате чего читатель получит неполное или неверное представление о художественной действительности произведения или действиях героев.

Целью данного доклада является определение основных особенностей смещения смыслового фокуса. Для достижения этой цели были выполнены следующие задачи: 1) уточнено определение понятия смыслового фокуса текста, 2) определены уровни, на которых происходит смещение смыслового фокуса, 3) рассмотрены примеры, в которых можно проследить смещение смыслового фокуса текста. Актуальность работы заключается во всевозрастающем интересе к переводу художественной прозы, а также в повышении требований к переводчику как профессионалу, в результате чего переводчику, помимо прочего, необходимо максимально сохранять смысловой фокус текста.

В целом под фокусом текста понимается «развитие одной ключевой идеи от тезиса к выводу» [Короткина 2015: 45]. Таким образом, под смысловым фокусом понимается одна основная идея, которая заключена в предложении или текстовом отрезке. В результате переводческих решений смысловой фокус в переводном тексте будет сохраняться либо смещаться. Смещения смыслового фокуса можно разделить на вынужденные, зависящие исключительно от языка оригинала, культуры описываемой страны, и невынужденные, когда конечный результат зависит исключительно от действий и решений переводчика. Невынужденные смещения смыслового фокуса носят, как правило, антропоцентрический характер и зависят от не совсем верного понимания текста переводчиком или выбора не совсем корректной стратегии перевода. В результате происходит смещение смысловой доминанты текста, а читатель может быть сбит с толку и не получить достоверную информацию об авторском замысле. Таким образом может сформироваться искаженное восприятие художественного текста. Например, переводческий прием опущения части текста может быть вполне оправданным, если в оригинале имеет место смысловая избыточность в переложении. Так, для англоязычных детективных романов характерна чрезмерная детализация действий персонажей, не свойственная русскоязычной ментальности. В этих случаях переводчики нередко опускают часть предложения (действий персонажей) без потери смысла. Например, в романе А. Михаэлидеса «Безмолвный пациент» есть следующее предложение:

Оригинал:

> *We left the goldfish bowl* and walked to Alicia's studio. *Yuri unlocked the door* and opened it. He flicked on the light [Michaelides 2019].

Перевод:

> Мы направились в кабинет, отданный под мастерскую для Алисии. Юрий открыл дверь и щелкнул выключателем [Михаэлидес 2023, пер. Акопян О.].

В этом примере опущены элементы *We left the goldfish bowl* и *Yuri unlocked the door*, которые уже известны читателю либо ясны из контекста. В данном случае излишняя детализация на русском лишь бы утяжелила и усложнила восприятие текста, поэтому опущение некоторых описаний действий вполне оправдано, поскольку не влияет на состояние общего смысла предложения.

В другом случае, в рассказе Э. Хемингуэя «Не в сезон» опущение предложения приводит к потере смысловой составляющей сверхфразового единства. В этом примере герой пытается купить бутылку вина, но узнает, что магазин закрыт. Герой огорчен, о чем и говорится в тексте:

Оригинал:

> Peduzzi came down the steps. *He felt hurt.* Never mind, he said, we can get it at the Concordia [Hemingway].

Перевод:

> Педуцци спустился по ступенькам. — Не беда, — сказал он. — Достанем в «Конкордии» [Хемингуэй, пер. Георгиевская Н.].

При данном опущении предложения *He felt hurt* не раскрывается эмоциональное состояние героя, в результате чего читатель не уловит несколько ироничного отношения автора к неудаче героя. Таким образом, теряется существенная часть информации в данном фрагменте.

На основе рассмотренного материала было определено, что смещение смыслового фокуса может происходить на разных уровнях текста: на уровне слова при неверном подборе / опущении / добавлении лексической единицы в переводящем языке, на уровне фразы, на уровне предложения, на уровне сверхфразового единства. В результате осуществления тех или иных стратегий и применения определенных переводческих приемов смысловой фокус может перенаправляться либо искажаться, вызывая ложные ассоциации и представлении о смысле сообщения в тексте. Большое количество смещений смыслового фокуса может в итоге сформировать ложное восприятие сообщения читателем уже на уровне всего текста. Таким образом, читатель будет введен в заблуждение и может не уловить важную часть смысловой информации, заложенной в текст автором.

Источники

Хемингуэй Э. Рассказы. URL: http://www.nau-band.ru/rasskazi/index.html (дата обращения: 12.01.2025).

Hemingway E. Three Stories & Ten Poems // Project Gutenberg. URL: https://www.gutenberg.org/ebooks/59603 (дата обращения: 12.01.2025).

Литература

Короткина И. Б. Текст как вклад в научную дискуссию: что такое «фокус»? // Высшее образование в России. 2015. № 6. С. 44–51.

Михаэлидес А. Безмолвный пациент. М.: Эксмо, 2023.

Michaelides A. The Silent Patient. New York: Celadon Books, 2019.

Новрузов Рафиг Манаф Оглу

д-р филол. наук, профессор, Бакинский славянский университет, Азербайджан;
rafignovruzov52@gmail.com

К ПЕРЕДАЧЕ АВТОРСКОГО СТИЛЯ НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДА ПОВЕСТИ «КОТЛОВАН» АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА НА АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ ЯЗЫК

Ключевые слова: индивидуальный стиль, текст, знаки, перевод, восприятие.

Статья посвящена анализу повести Андрея Платонова «Котлован» для выявления передачи индивидуального стиля автора. Известно, что одной из особенностей художественного произведения является идейно-эстетический замысел автора, его миропонимание, выраженное в выборе языковых средств изображения, использовании им элементов различных функциональных стилей, необычных грамматических форм, нестандартных словообразований и т. д. Все указанные особенности вновь актуализируются в переводе художественного текста на инонациональный язык. Если учесть, что любой текст в переводе подвергается преобразованию, то в силу многозначности его элементов предполагается и множество интерпретаций одного и того же текста. Вместе с тем неизбежная трансформация не должна быть безрассудной, субъективной, а должна подчиняться законам теории перевода, то есть быть по возможности объективной и, не нарушая систему художественного единства, выделить в оригинале конкретные компоненты и попытаться передать их в переводе.

Эти требования касаются всех без исключения художественных текстов. Особую трудность и сложность для перевода представляют те тексты, которые так же трудны и сложны для восприятия читателей подлинника. К этой категории, по мнению многих исследователей, следует отнести и повесть А. Платонова «Котлован». Творческая манера А. Платонова отличается нарочитой «неправильностью», «вычурностью» языка, отражающейся на лингвостилистической структуре всего корпуса произведения. Цель настоящей статьи — выделить системно-структурные элементы индивидуального стиля автора и особенности их передачи на азербайджанском языке. В задачу исследования входят сравнительно-сопоставительный анализ текстов оригинала и перевода, позволяющий выявить знаки индивидуального стиля, приемы их передачи и разработать алгоритм переводческих действий для эквивалентного варианта текста.

Прежде чем перейти к анализу оригинального и переводного текстов необходимо определить основные особенности авторского стиля А. Платонова. Все исследователи творчества русского писателя единодушно отмечают, что его язык не соответствует нормам русского литературного языка. Более того, в каждом предложении встречаются словосочетания, отяжеленные множеством смыслов. Вот что пишет М. Ю. Михеев в своих истолкованиях: «Платоновское словосочетание комбинирует в себе смысл сразу нескольких стандартных языковых сочетаний, выражая их сгущенный, своеобразно стянутый в единое целое смысл» [Михеев 2003: 19]. Он же, наряду с языковой избыточностью выделяет «элементы тавтологии и вычурности, некого суконного «советского», или по-канцелярски испорченного языка» [Михеев 2003: 19]. Другими словами, в платоновском языке словесное излишество, плеоназм, работает как в авторском повествовании, так и в речи персонажей на идеологическую директиву пролетариата, исполняя при этом роль поэтического приема. Аналогичную точку зрения относительно языка автора выражает американский ученый Т. Сэйфрид, называя его «решительно странным» [Seifrid 2009: 155]. Конечно, можно продолжить этот перечень истолкований известными учеными, но от этого оценка языка Платонова не будет меняться. Подытоживая, следует отметить специфичность, неординарность текстов этого писателя, которая наблюдается на всех уровнях языка.

Выявленные особенности индивидуального стиля Платонова красноречиво говорят о том, какую реальную сложность могут представлять его тексты для переводчиков и каковы реальные приемы могут быть использованы для их преодоления. Более того, как отмечает современный исследователь Е. В. Куликова, большинство переводов Платонова на инонациональные языки не могут дать полное представление о произведениях писателя [Куликова 2018: 116]. То

есть констатируется факт о непереводимости произведений этого писателя. Однако эта мысль, не лишенная объективности, не подтверждается практикой. Дело в том, что каждый переводчик, обращающийся к художественному тексту писателя, оказывается в затруднительном положении, ибо на каждом шагу приходится принимать решения, чем можно вынужденно пожертвовать и какие важнейшие элементы подлинника необходимо сохранить. Данный процесс наблюдается при переводе художественного произведения любого писателя. Между тем, как мы отметили выше, в случае с текстами Платонова переводчику необходимо раскрыть степень соответствия между исходным и переводным текстами на предмет эквивалентности, полноценности, инвариантности и т. д.

Литература

Куликова Е. В. Некоторые аспекты перевода прозы Андрея Платонова на английский язык // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2018. № 5-2. С. 116–121.

Михеев М. Ю. В мир Платонова через его язык. Предположения, факты, истолкования, догадки. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003.

Платонов А. П. Котлован // Государственный житель: Проза, письма. М.: Советский писатель, 1988. С. 108–197.

Platonov Andrey. Kotlovan (Ruscadan çevirən Aysel Əlizadə). Bakı: Qanun Nəşriyyatı, 215.

Seifrid T. A Companion to Andrei Platonov's The Foundation Pit. Boston: Academic Studies Press, 2009.

Соколова Ксения Николаевна

научный сотрудник, Музей-квартира В. И. Белова (филиал Кирилло-Белозерского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника);
belovmuseum@yandex.ru

БЕЛОВ-ПЕРЕВОДЧИК: ОСМЫСЛЕНИЕ ПРАКТИКИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПЕРЕВОДОВ КЛАССИКОМ

Ключевые слова: художественный перевод, В. И. Белов, Литературный институт им. Горького, архив писателя.

Наименее изученной в белововедении является тема исследования опыта переводов Василия Ивановича. В архиве музея писателя хранятся произведения, переведённые с украинского, казахского, сербского, японского языков. Самый ранний в коллекции датируется серединой 1950-х гг. (рукописный), поздний — 1999 г. (машинопись). Часть переведённых текстов была опубликована писателем, но некоторые сохранились только в черновиках.

Известно, что Белов на протяжении четырех десятилетий занимался переводами. Во многом увлеченность литературой и литинститутское окружение повлияли на это. Самыми близкими друзьями Белова на курсе в институте были Геннадий Русаков, хорошо знавший иностранные языки (стал переводчиком-синхронистом в ООН), и Иван Лысцов, имевший опыт переводческой деятельности еще до поступления в институт (жил в Тюменской области, переводил с ненецкого языка). Кроме этого, дисциплина «художественный перевод», близкое общение с болгарами, дагестанцами, азербайджанцами в общежитии Литинститута способствовали тому, чтобы начать переводить. В годы учебы можно было легко обсудить с носителем языка или самим автором образ художественного текста, выявить, есть ли аналог иностранного слова в русском языке и др.

Беловские переводы были исключительно с подстрочников. Особенность этого перевода заключается в том, что автор осуществляет «дословный перевод поэтического текста с соблюдением основных лексико-грамматических норм языка перевода с целью ознакомления читателя с содержанием оригинала», сопровождающийся «примечаниями переводчика, разъясняющими особенности формы оригинала» [Нелюбин 2003: 156]. Белов самостоятельно осуществлял подстрочный перевод текста-оригинала, а затем облекал его в стихотворную форму.

Белов преимущественно переводил поэзию, но есть в его архиве и переводы прозаических текстов. Среди переведенных произведений есть стихотворения украинского поэта Тараса Шевченко «Хата Катерины» (укр. «У тієї Катерини…», 1848 г.) и «Ой, чего ты присмирело, зелёное поле…» (укр. «Ой чого ти почорніло…», 1848 г.), поэзия сербского поэта Йована Дучича «Вербас — сербская река», «Молитва», «Дорогами предков, Отчизна, иди!», «Постыдно знамя, загрязнённое преступлением…», также повесть казахстанского писателя Абиша Кекильбаева «Хатынгольская баллада» и рассказ «Купание коня» японского писателя Като Таичи.

Стихотворные тексты Т. Шевченко, переведенные Беловым, остались неопубликованными и сохранились только в архиве В. Белова. Одной из наиболее успешных переводческих работ писателя стала «Хатынгольская баллада», которая неоднократно переиздавалась. Кекильбаев, познакомившись с текстом, писал Белову: «…перевод удался <…> он мне очень нравится, в нём, самое главное, сохранены интонация, эмоциональный настрой оригинала, что не всегда удаётся переводчикам; нигде не встретил “отсебятины”, переиначивания на свой лад, в этом отношении к Вам никаких претензий не имею». Впервые повесть вышла в 1972 г. в издательстве «Дружба народов», затем появилась в 1975 г. в сборнике «Баллады степей» издательства «Молодая гвардия» в серии «Молодые писатели», в 1978 г. Лев Аннинский включил повесть в первый том сборника «Избранные страницы», изданного к 40-летию журнала «Дружба народов», а в 1979 г. она вышла в сборнике А. Кекильбаева «Баллады забытых лет». Переводы были не только увлечением Белова, но и предметом профессионального интереса и возможностью литературного заработка.

Одним из примеров эмоциональной вовлеченности писателя в процесс перевода стали сербские произведения. Конфликт в Сербии и Косово в 1990-е гг. Белов воспринял как личную трагедию. В 1995 г. он дважды был в Сербии во время военных действий. В этот период Белов-переводчик обращается к сербскому фольклору: «Разумеется, этот интерес возник у меня на фоне нынешней югославской трагедии. Я восхищён мужественной борьбой сербов, окруженных со всех сторон врагами» [Белов 1998: 78]. Сострадая славянскому народу, Белов берется за стихотворения поэта Йована Дучича — поэта и дипломата, умершего в 1943 г. В художественном переводе описываются страдания сербов, не раз ими пережитые.

Из стихотворения «Вербас — сербская река» (Й. Дучич, 20 октября 1941 г., пер. В. И. Белова):

Неси нашу кровь сквозь леса и луга,
Ты сербскую знаешь дорогу.
Народ наш не будет кому-то слуга,
Рабы мы лишь вечному Богу.

Первые публикации поэзии Дучича на русском языке состоялись в вологодской газете «Русский Север» в 1995 г. Примечательно, что Белов назвал свои переводы вольными.

Последней работой Белова является рассказ «Купание коня» японского писателя Като Таичи. Произведение было опубликовано в 1999 г. в журнале «Роман-газета. XXI век», № 4. Предваряя публикацию рассказа, В. И. Белов написал: «В июне 1997 г. стараниями токийского профессора Рёхе Ясуи мы с женой побывали на острове Хоккайдо. Здесь и состоялось моё знакомство с японским детским писателем Таичи Като. Он подарил мне свою книгу. Недавно по подстрочному переводу Вячеслава Лунина я познакомился с её текстом и мне захотелось представить рассказ «Купание коня» русскому читателю» [Като 1999: 62].

Литература

Белов В. И. По мотивам сербских народных песен // Роман-газета. 1998. № 19. С. 78–79.

Като Т. Купание коня / Таичи Като; пер. с яп. Вячеслава Лунина, Василия Белова // Роман-газета. XXI век. 1999. № 4. С. 62–63.

Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. 3-е изд., перераб. М.: Флинта; Наука, 2003.

Терешина Наталия Михайловна
доцент, Московский гуманитарный университет;
natalia_tereshin@rambler.ru

РОБЕРТ ФРОСТ «ЗИМНИМ ВЕЧЕРОМ В ЛЕСУ». ПЕРЕВОД ЗАГОЛОВКОВ. ТАЙНА ПОДТЕКСТА

Ключевые слова: Роберт Фрост, широкий контекст, перевод заголовков.

Роберт Фрост — один из крупнейших поэтов в истории США, четырёхкратный лауреат Пулитцеровской премии. Поэзия Фроста на первый взгляд может показаться простой и даже наивной. Но вот некоторые комментарии к сборнику его стихов, которые подтвердят нашу догадку о необычайной сложности возможного контекста: «Фрост предстал как один из самых сложных поэтов XX столетия <…> Это и было загадкой <…> Любая попытка ответа с неизбежностью требует понимания законов, по которым Фрост строит свой поэтический космос» [Зверев 1986: 22]; «Внимательному читателю этой книги неожиданно открылась такая глубина, такой драматизм философского содержания, что как-то сами собой прекратились все разговоры о “простодушном крестьянине” и “неискоренимом оптимисте”» [Камолов 2019: 105].

Так, в стихотворении Фроста «Зимним вечером…» все очень музыкально, язык великолепный, щемящая душу картина — вьюга, зима, потемки, густой лес, замерзшая лошаденка. Но с самого начала мы ощущаем какую-то тайну, какое-то тревожное настроение — несмотря на очень позднее время и начинающуюся метель путник вдруг останавливается. И, как понятно из контекста, эта остановка внезапная — что-то влечет путника остановится, что-то заставляет его задуматься. Он один у кромки леса, уже темнеет (the darkest evening of the year — Рождество?). Казалось бы, нужно спешить — скорей домой! — но вдруг остановка. Он продолжает вглядываться пристально в этот мрачный, заснеженный лес, как будто надеясь кого-то увидеть, даже, видимо, желая войти туда. Нечто или Некто его буквально завораживает и страшит, поэтому войти он не решается.

В письме Луису Унтермайеру Фрост предсказывает, что за это стихотворение его будут помнить дольше всего [Tuten, Zubizarreta 2001: 347]. К настоящему времени существует уже сотни страниц комментариев только к последней строфе, загадочной строфе. Современниками Р. Фроста это стихотворение воспринималось как символ, как черта, как переход в вечность, как успокоение и награда, хотя на поверхности мы видим только зимний лес, одинокого путника и долгий путь впереди.

Но обратимся к широкому контексту. В психологии и философии существует термин ***вторжение бессознательного***. Эта тайна волнует умы психологов. социологов, культурологов, писателей и т. д. В нашем контексте (в поэзии) — это вдохновение, внезапное озарение или галлюцинация, как говорит сам Фрост, объясняя необычность написания этого стихотворения. В мире литературы много тому примеров — «Нос» и «Мертвые души» Н. Гоголя; «Мастер и Маргарита» М. Булгакова, «12» А. Блока, 65 сонет У. Шекспира, «Узорный покров» С. Моэма или «Пастбище» Р. Фроста и т. д. «Выдающийся писатель умеет высказать то, что ютится, оставаясь невыразимым, в миллионах человеческих голов. Он становится рупором коллективного бессознательного», — поясняет Воскобойников А. Э. [см. об этом: https://cyberleninka.ru/article/n/bessoznatelnoe-i-soznatelnoe-v-hudozhestvennoy-kulture]. И пишущий стихотворение пишет его потому, что язык ему подсказывает или попросту диктует следующую строчку — вторит ему И. Бродский.

В этом случае Литературный институт предлагает практику замены прямых эквивалентов заголовков во имя сохранении авторской идеи, когда в заглавии автор часто закладывает дополнительные семантические пласты, непонятные вне контекста произведения или такого заголовка, который расшифровал бы символический орнамент, аллегорический характер поэзии, таинственные умолчания, неожиданную недоговорённость. Символическая поэзия — поэзия, в которой сливаются два содержания: скрытое и очевидное. И перевод названий произведений

литературы и искусства невозможен без разгадки «тайны подтекста» в условиях широкого контекста (см. об этом: https://litinstitut.ru/content/tolma4nonstop_zaglavia).

И если заглавие — это своего рода «конденсат», так сказать, уплотнитель контекста, то не слова нужно переводить, а силу и дух, как предлагает Иван Бунин. И вот некоторые примеры такого перевода заголовков — Some like it hot (‘Кто-то любит погорячее’) — *В джазе только девушки;* Walk to remember (‘Прогулка, которую нужно помнить’) — *Спеши любить*; Diamonds to Sit on — *Двенадцать стульев*, Pasture (‘Пастбище’) — *Иди за мной;* Die hard, гениально переведенный на русский язык как *Крепкий орешек*, в Польше шел под названием *Стеклянный стакан*, а в Испании стал *Кристальными джунглями*!..

Позволю себе предложить собственную интерпретацию — последняя строфа звучит как рема — яркий акцент, подчеркивая общий контекст, сильное и глубокое переживание, необычность встречи, непреодолимое побуждение остановиться и, наверное, что-то переосмыслить в жизни. Может быть, это переоценка ценностей (**promises to keep?)** В комментариях к сборнику стихов Фроста есть очень выразительная фраза **There’s plenty here–God’s plenty. A handsome volume.**

И тогда, возможно, лучше всего в наш контекст впишется следующий перевод заголовка: **Остановитесь и познайте** (Псалом 45).

Литература

Зверев А. Любовная размолвка с бытием // Фрост Р. Стихи. Сборник / сост. и общ. ред. пер. Ю. А. Здоровова. На англ. яз. с параллельным русским текстом. М.: Радуга, 1986.

Камолов М. М. Переводы Роберта Фроста в СССР и России // Вестник Северо-Восточного государственного университета. 2019. № 31. С. 104–146.

Tuten N. L., Zubizarreta J. (eds). The Robert Frost Encyclopedia. Westport, CT.; London: Greenwood Press, 2001.

Уржа Анастасия Викторовна[1], Филатова Ганна Алексеевна[2]

[1]д-р филол. наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; aourja@gmail.com

[2]канд. филол. наук, ст. преподаватель, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; gphilatova@gmail.com

НАСТОЯЩЕЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ В ПЕРЕВОДЕ: «НЕПРЕДСКАЗУЕМАЯ» ФОРМА?

Ключевые слова: настоящее историческое, перевод, нарратив, выдвижение, дейксис.

В фокус настоящего исследования помещен феномен вставки/изъятия форм praesens historicum при переводе художественного нарратива с одного языка на другой. Обширный материал исследования составили 27 англоязычных прозаических текстов, созданных за последние 150 лет, и 136 их русских переводов. Целью работы стало лингвистическое описание феномена и обусловливающих его факторов, а также определение тенденций, связанных с добавлением или опущением подобных форм в переводе с английского языка на русский.

Настоящее историческое, используемое в повествовании о прошедших событиях, — форма, известная широкому кругу западноевропейских литератур и восходящая к античной нарративной традиции. Современные лингвонарратологические концепции объясняют прагматический механизм praesens historicum с опорой на понятие «сдвига дейктического центра» — приближения воображаемой позиции читателя к описываемым событиям прошлого. Установлено, что, актуализируя восприятие адресата, настоящее историческое способствует «выдвижению» текстового фрагмента на первый план, привлечению к нему дополнительного внимания [Brinton 1992].

Однако в литературных традициях разных стран этот прием распространен в разной степени, его использование тяготеет к определенным жанрам и типам повествования. Кроме того, он изменчив в диахроническом плане. Так, например, британские авторы руководств по стилю литературного письма в начале XX в. считали настоящее историческое настолько ярким средством выделения, что рекомендовали воздерживаться от его чрезмерного использования: «The historical present is one of the boldest of figures and, as is the case with all figures, its overuse makes a style cheap and ridiculous» [Royster, Thompson 1919]. В то же время в России такого ограничения не существовало, и Н. С. Лесков и А. П. Чехов оформляли в настоящем времени значительные фрагменты своих прозаических произведений. Во второй половине XX в., и особенно на рубеже тысячелетий использование презенса в нарративе стало массовым в литературе как на русском, так и на английском языке [Bjorling 2004].

Проявление отличий англоязычной литературной традиции использования praesens historicum было впервые исследовано на переводном материале Я. Мейсоном и А. Шербан. Анализируя переводы с румынского на английский язык первой трети XX в., они выявили общую тенденцию к дистанцированию дейктического центра нарратива: формы настоящего исторического в румынских оригиналах активно заменялись при переводе на английский язык формами прошедшего времени [Mason, Serban 2004]. То же характерно для ранних переводов рассказов А. П. Чехова на английский язык.

Проведенный нами анализ переводов прозаических художественных текстов «в противоположном направлении», то есть с английского на русский язык, был призван установить судьбу оригинальных форм praesens historicum, а также проверить, распространены ли в русских переводах случаи обратной замены: форм прошедшего времени англоязычного текста на настоящее историческое. В ходе анализа были обнаружены несколько тенденций.

1. Интерпретация субъективированного нарратива, то есть повествования, в котором точка зрения нарратора приближается в определенные моменты к сознанию героев, в русских переводах действительно может сопровождаться заменой форм прошедшего времени оригинала на настоящее историческое.

Во многих русских переводах такая замена, сопряженная с приближением дейктического центра нарратива к читателю, распространена, и это может быть объяснено популярностью приема praesens historicum в русской литературной традиции. Однако, сопоставляя варианты перевода одного и того же произведения на русский язык, мы установили, что количество подобных замен обусловлено индивидуальным выбором переводчика, его восприятием оригинала и манерой интерпретации текста. Есть переводчики, которые, наблюдая приемы субъективизации в англоязычном тексте (например, использование перцептивной и оценочной лексики, проявляющей сознание персонажа), склонны отображать их в русской версии текста с помощью praesens historicum, реализующего в нарративе сходный прагматический эффект — погружение в момент повествования и сопричастность точке зрения героя. Другие же воздерживаются от таких грамматических замен.

2. Довольно часто при помощи форм настоящего нарративного оформляются диалогические фрагменты. Вероятно, такой формат наилучшим образом передаёт восприятие диалога читателем либо ситуацию его типичного пересказа. Этот прием представлен как в оригинальных текстах (англо- и русскоязычных), так и в русских переводах. При этом в ряде случаев в переводах начала XX в. наблюдается обратная тенденция, когда формы настоящего исторического в исходном английском тексте в переводе заменяются на формы прошедшего времени — видимо, под влиянием остального «стандартного нарративного» текста. В более современных переводах оригинальные формы praesens historicum, как правило, сохраняются.

Литература

Bjorling F. As time goes by… Tentative notes on present tense narration in contemporary fiction // Telling forms. Essays in Honour of Peter Alberg Jensen / eds K. Grelz, S. Witt. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 2004. P. 17–36.

Brinton L. J. The historical present in Charlotte Bronte's novels: Some discourse functions // Style. 1992. Vol. 26, no. 2. P. 221–244.

Mason I., Şerban A. Deixis as an Interactive Feature in Literary Translations from Romanian into English // Target. 2004. Vol. 15, no. 2. P. 269–294.

Royster J. F., Thompson S. Guide to Composition. Chicago: Scott, Foresman and Co., 1919.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00260, https://rscf.ru/project/23-18-00260/.

МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА «РОМАНСКИЕ ДИАСПОРЫ КРЫМА И СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ»

Бурчанова Анастасия Александровна[1], Пленгей Евгений Евгеньевич[2]

[1]инженер-исследователь, Санкт-Петербургский государственный университет;
ассистент, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина);
anastasia.burchanova@yandex.ru
[2]помощник руководителя, Культурно-образовательный центр Молдовы в г. Ялта

КРЫМСКИЕ МОЛДАВАНЕ: ОТ ДИСПЕРСИИ К КОНСОЛИДАЦИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО СООБЩЕСТВА

Ключевые слова: молдавская диаспора, Крым, молдавский язык, Культурно-образовательный центр Молдовы.

Лингвистический и этнический феномен Крымского полуострова на протяжении долгого времени находится в поле зрения учёных. Республика Крым характеризуется беспрецедентным разнообразием национальностей, проживающих на её территории. В силу исторических и социально-политических причин на полуостров прибывали выходцы из различных государств: так, в частности, Крым является одним из центров проживания молдавской диаспоры. Её представителей можно встретить в таких городах, как Алушта, Бахчисарай, Евпатория, Севастополь, Симферополь, Ялта и так далее. С XVI по XIX в. молдаване переселялись на территорию Российской империи в рамках военной и гражданской колонизации [Шишмарев 1975: 15, 67]. В 50-е и 60-е гг. XX в. многие выходцы из Молдавии приехали в Крым в результате советской политики переселения [Энциклопедия народов Крыма 2016: 121]. В экспозиции Крымского этнографического музея в Симферополе представлены статистические данные об этническом составе и численности населения полуострова с 1897 по 2014 г. Так, в 1897 г. в Крыму проживало 272 молдаванина, в 1926 г. — 556, в 1939 г. — 1483, в 1989 г. — 6604. Итоги переписи 2001 г. демонстрируют, что на начало XXI в. в Крыму проживало 4562 представителя молдавского народа. В 2014 г. численность молдавского населения составила 3147 человек.

История молдаван в Крыму насчитывает уже несколько столетий, однако диаспора стала оформляться официально только в начале 2000-х гг. Крымские молдаване — это люди разных возрастов, выходцы из Молдавской ССР или Республики Молдова (в зависимости от момента переезда в Крым) и их дети. С одной стороны, некоторые из представителей диаспоры являются этническими молдаванами, родившимися на территории данного государства и имеющими ближайших родственников-молдаван. С другой стороны, есть ряд людей, составляющих крымскую молдавскую диаспору, которые фактически не имеют молдавского происхождения, однако родились и выросли в Молдове. Данный факт связан с тем, что родители этих людей, проживавшие в разных уголках советского государства, выезжали в Молдавскую ССР по распределению после окончания высших учебных заведений, по работе (открытие новых предприятий и заводов), по семейным обстоятельствам. Их дети осваивали язык в естественной среде (в детском саду, школе, при получении среднего профессионального или высшего образования). В 1990-е гг. такие семьи нередко возвращались на историческую родину (в том числе в Крым) и оказывались в среде доминирующего русскоязычного окружения.

Создаётся впечатление, что крымские молдаване проживают дисперсно, и молдавская диаспора в Крыму до сих пор не демонстрирует достаточный уровень консолидации [Энциклопедия народов Крыма 2016: 122]. Одну из ключевых ролей в объединении крымских молдаван играет работа региональных национально-культурных автономий и общественных организаций.

Модераторы круглого стола: Е. П. Иванова, М. С. Самарина.

С марта 2015 г. на территории полуострова действует региональная национально-культурная автономия молдаван Республики Крым «Плай» (молд. ***plai*** ‘край, регион, земля’), действующим председателем которой является Р. Д. Якоб. 21 декабря 2023 г. в России был учреждён Культурно-образовательный центр Молдовы, целью которого является сохранение культуры, традиций и ценностей молдавского народа, популяризация молдавского языка, оказание помощи соотечественникам и укрепление российско-молдавских отношений [Культурно-образовательный центр Молдовы]. За год работы были созданы филиалы центра Молдовы в 25 городах России (Москва, Санкт-Петербург, Кострома, Калуга, Курск, Смоленск, Рязань, Ярославль и другие). 11 ноября 2024 г. состоялось открытие Культурно-образовательного центра Молдовы в городе Ялта. Руководителем центра в Ялте является В. В. Турок, а его помощником — Е. Е. Пленгей. Деятельность Ялтинского регионального центра также направлена на консолидацию диаспоры крымских молдаван: активно организуются мероприятия, предполагающие общение и проведение совместного досуга с учётом национальных молдавских традиций. Поскольку открытие центра Молдовы в Ялте совпало с приближением новогодних и рождественских праздников, за несколько месяцев работы организация провела ряд так называемых молдавских «посиделок» (молд. ***şezătoare*** ‘посиделки, традиционная молдавская встреча, в рамках которой люди общаются, танцуют, поют песни, готовят блюда’), фестивалей, праздников-колядок (молд. ***a merge cu colindatul*** ‘колядовать’), концертов.

Известно, что родной язык играет немаловажную роль в объединении любой диаспоры. Крымские молдаване, несмотря на то что многие из них уехали из Молдовы около тридцати или сорока лет назад, тем не менее, поддерживают высокий уровень владения родным языком. Примечательно, что Культурно-образовательный центр Молдовы организует уроки молдавского языка для детей и взрослых. Большой популярностью среди представителей диаспоры пользуются уроки молдавских народных танцев, мастер-классы по росписи, вышивке, вязанию и по изготовлению сувениров. Например, в Крыму прошли мастер-классы по созданию венков и традиционных украшений — мэрцишоров (от молд. ***Mărţişor*** ‘праздник весны, отмечаемый 1 марта’). Отдельно стоит отметить грамотную работу представителей Ялтинского центра по формированию медиадискурса: в социальных сетях регулярно публикуются тексты на русском и молдавском языках, содержащие актуальную информацию о деятельности организации, а материалы сопровождаются яркими иллюстрациями.

На данный момент перед Культурно-образовательным центром Молдовы в Ялте стоит глобальная задача продолжить консолидацию диаспоры крымских молдаван, представлять их интересы, оказывать содействие в сохранении ими памяти о своём прошлом и об истории их предков, а также развивать и продвигать молдавский язык и молдавскую культуру в современных реалиях.

Источник

Культурно-образовательный центр Молдовы. URL: www.moldovacenter.ru (дата обращения: 12.12.2024).

Литература

Шишмарев В. Ф. Романские поселения на юге России: Научное наследие. Л.: Наука, 1975.

Энциклопедия народов Крыма / рук. проекта Ю. А. Катунин; под ред. О. А. Габриеляна. Симферополь: Доля, 2016.

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 24-28-01635.

Джаккетти-Бойко Джулия Евгеньевна[1], Иванова Елизавета Дмитриевна[2]

[1]председатель, общественная организация «Сообщество итальянцев Крыма "Черкио"»; cerkio@rambler.ru

[2]ассистент, Санкт-Петербургский государственный университет; elizaveta.d.ivanova@spbu.ru

C. E. R. K. I. O.: В КРУГУ ИТАЛЬЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Ключевые слова: итальянский язык, Крым, итальянская диаспора, сообщество итальянцев Крыма.

Полуостров Крым, на протяжении веков являющийся местом пересечения различных культур и народов, представляет собой уникальный пример мультикультурализма и многонациональности. Итальянская диаспора, сформировавшаяся в результате миграционных потоков из южных регионов Италии в XIX–XX вв., является ярким свидетельством этого явления.

Итальянцы прибыли в Керчь в 1860-е гг., став важной частью экономики региона, преимущественно занимаясь мореходством и земледелием. В конце 1920-х гг. в Керчи действовали итальянская начальная школа и клуб при колхозе им. Н. Сакко и Б. Ванцетти [Шишмарев 1975]. К 1929 г. в Керчи проживало 774 итальянца, а по данным профессора В. Зарубина, до войны в Крыму проживало до 1 500 граждан итальянской национальности [Бугай 2014]. В военные годы большинство представителей итальянской диаспоры были депортированы в Казахстан и Сибирь, а возвращение итальянцев в Крым началось после 1953 г. Потомки итальянских переселенцев и по сей день продолжают жить на территории полуострова, сохраняя свою социокультурную идентичность, во многом благодаря деятельности сообщества Итальянцев Крыма «ЧЕРКИО».

Региональная общественная организация «Сообщество итальянцев Крыма «ЧЕРКИО» зарегистрирована 29 января 2015 г. «ЧЕРКИО» объединяет итальянскую общину и включает в себя около 30 человек — это наиболее активные представители диаспоры, занимающиеся организацией общественной и культурной деятельности. Название организации отображает с одной стороны преемственность поколений, поскольку словом Черкио («круг» с итальянского) генуэзские переселенцы называли город Керчь [Гафарова 2021]. С другой стороны, при написании латиницей название можно развернуть как C. E. R. K. I. O. — Comunità degli Emigrati in Regione di Krimea — Italiani di Origine.

Сообщество поддерживает отношения, переписку и встречи с потомками итальянских переселенцев в Крыму, помогает им узнать больше о предках, найти родственников, получить доступ к архивным документам, связанным с историей их предков. Председателем «Сообщества итальянцев Крыма «ЧЕРКИО» является Джулия Джаккетти-Бойко, чья деятельность по сохранению исторической памяти итальянской диаспоры, возрождению итальянского языка на полуострове и распространению информации об итальянской диаспоре Крыма позволяет сообществу вести сотрудничество с различными общественными организациями, поддерживать контакты с Италией, а также вести исследовательскую деятельность благодаря в том числе государственной поддержке.

Одной из основных задач сообщества было добиться реабилитации итальянских семей и признания факта репрессий по отношению к ним, и в результате встречи представителей диаспоры с президентом России В. В. Путиным и итальянским политиком С. Берлускони 12 сентября 2015 г. в Указ № 458 о реабилитации депортированных крымских народов были добавлены и итальянцы. С 2009 г. 29 января сообщество организует памятные мероприятия в День Памяти итальянских жертв репрессий.

В рамках работы по президентскому гранту в 2016 г. сообществом «ЧЕРКИО» были проведены исследования истории итальянской общины, результатом которых стала книга «Итальянцы Крыма. История и судьбы», а также выставка фотографий и документов, показанная в Русском географическом обществе в Москве, картинной галерее Керчи, научной библиотеке им. И. Франко, а также в более чем 60 городах Италии.

«ЧЕРКИО» предоставляет свои документы, записи, фото и привлекает представителей сообщества для участия в исторических, лингвистических, этнографических и антропологических исследованиях. Представители итальянской диаспоры Керчи заинтересованы в сохранении своего исторического, социокультурного, лингвистического и этнического наследия через изучение исторических документов, поиск информации о своих предках, а также сплочение сообщества итальянцев Крыма через культурную деятельность. Представители диаспоры проводят общественные мероприятия, направленные на сохранение памяти об итальянских переселенцах в Крыму: вечера, посвященные истории Италии, презентации книг и статей об итальянских переселенцах в Крыму, обсуждения книг и фильмов об Италии, посещение памятных мест полуострова, связанных с итальянцами, как, например, гора Гасфорта в Балаклавском районе [Джаккетти-Бойко 2016]. С 2008 г. итальянцы Крыма участвуют в международной Неделе итальянского языка и культуры — конференция 2024 г. была посвящена итальянской литературе. В апреле 2024 г. сообщество «ЧЕРКИО» представило итальянскую диаспору Крыма и национальный наряд региона Апулия на выставке «Россия» в Москве.

В настоящий момент деятельность сообщества направлена на сохранение и продвижение итальянской культуры, изучение истории итальянских переселенцев в Крыму, а также на возрождение итальянского как своего национального языка внутри диаспоры.

Литература

Бугай Н. Ф. Советские итальянцы: трансформации этнической общности. 1930–2010-е годы // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. Т. 6, № 6-1. С. 41–55.

Гафарова Р. И. Исторические топонимы — как фактор развития этнотуризма в Крыму // Культурный ландшафт регионов, 2021. Т. 3, № 3-4. С. 26–41.

Джаккетти-Бойко Дж. Е. Итальянцы Крыма. История и судьбы. Симферополь: Бизнес-Информ, 2016.

Шишмарев В. Ф. Романские поселения на юге России: Научное наследие. Л.: Наука, 1975.

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 24-28-01635.

Дзини Стефания[1], Хохлов Никита Викторович[2]

[1]канд. ист. наук, научный сотрудник,
Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН;
stefania.zini@yandex.ru
[2]научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН

ИТАЛЬЯНЦЫ КРЫМА — ИСТОРИЯ МИГРАЦИИ (XVIII–XXI вв.)

Ключевые слова: миграционные потоки, итальянцы Крыма, Северное Причерноморье, итальянские мигранты.

Исследование миграционных потоков итальянцев в города Северного Причерноморья, проведенное на основе архивных данных России и Италии (XVIII — начало XX в.), выявило три основных маршрута переселения. Реконструкция этих путей, опирающаяся на анализ пассажирских списков, метрических книг, писем и других документов, позволила не только определить географию миграции, но и проследить её динамику во времени, выявив периоды активизации и спада.

В конце XVIII — начало XIX в. в Европе ознаменовались глубокими политическими и социальными потрясениями. Французская революция, Наполеоновские войны, социальная нестабильность и экономические трудности толкнули часть населения на поиски лучшей жизни за пределами родных стран.

Россия, в этот период активно проводившая экспансионистскую политику и стремившаяся к экономическому развитию, стала одним из привлекательных направлений для миграции. Императрица Екатерина II, понимая необходимость пополнения населения и развития новых территорий, инициировала либеральную для своего времени миграционную политику, предоставляя иностранцам значительные льготы и земельные наделы. Это создало благоприятную почву для притока мигрантов из разных стран Европы. В конце XVIII в. среди мигрантов в Северное Причерноморье появляются итальянцы.

Первый значительный поток итальянских мигрантов направился в тогда ещё молодой город Одессу, основанный в 1794 г. Выбор Одессы был обусловлен её выгодным географическим положением на берегу Чёрного моря. Эта первая миграция символически названа «одесской» [Скальковский 1850: 270–272].

Вторая волна, условно названная «Феодосийской миграцией» (1810–1820-е гг.), характеризуется преимущественным направлением мигрантов в Феодосию [Лагорио 1889: 404–456].

Следующая волна, названная «Керченско-азовская миграция» (1820–1830-е гг. — конец XIX в.), привела к значительному росту итальянского населения в Керчи и других приазовских городах — Таганроге, Мариуполе, Бердянске. Керчь, благодаря своему стратегическому положению на перекрестке торговых путей, стала ключевым транзитным пунктом многих мигрантов, для которых Керчь был лишь временный привал на пути к более перспективным местам.

Изучение найденных архивных сведений и их сопоставление с результатами проведенного антропонимического исследования фамилий мигрантов и их потомков, составляющих сегодня современную группу итальянцев Крыма, дало возможность определить не только, из какой части Апеннинского полуострова итальянцы прибыли в города Черноморско-Азовского бассейна в XVIII–XX вв., а также кем были на исконной родине мигранты и причины их миграции.

Впрочем, жителям Апеннинского полуострова эти территории были хорошо знакомы со времен средневековой генуэзской колонизации региона. Сведения из источников позволяют предположить, что историческая память подвигла итальянцев — в основном, лигурийских и генуэзских торговцев и судовладельцев — возродить морские торговые пути, проложенные их предками, с целью восстановления былого коммерческого первенства в регионе.

Так, в течение столетия, с конца XVIII и до конца XIX вв., десятки итальянцев мигрировали в Черноморско-азовский регион. Миграции прекращались только во время войн.

Помимо указанных миграций и параллельно с ними, по окончанию Крымской войны 1853–1856 гг., а точнее после возникновения Королевства Италии, в 1861 г., регистрируется еще одна миграция итальянцев, длившаяся до конца XIX в.

Эти новые мигранты отправлялись в основном в Керчь и отличались от всех предыдущих итальянских переселенцев: среди них было много гарибальдийцев, простившихся с родиной по политическим причинам, непосредственно зависящим от кардинальных исторических перемен, происходящих в Италии в те годы.

Новый приток полит-мигрантов из Италии регистрируется в годы Великой Русской Революции, но речь идет о единицах [Зарубин 2008: 272].

В 30-х гг. XX в., усилилась борьба против врагов народа и действия по физической ликвидации иностранцев, в том числе итальянцев, ужесточились.

В советские годы фиксируется общая убыль итальянцев. После становления и утверждения советской социально-политической системы, возможность заниматься коммерцией и обогащаться была исчерпана так же, как и смысл оставаться в миграции.

Те, кто среди мигрантов сохранил итальянское гражданство, в эти годы вернулись в Италию. Те, кто остался, были отправлены на спецпоселение в Казахстан в 1942 г.

В конце Великой Отечественной войны, некоторые итальянцы остались на местах спецпоселения или переехали в другие регионы Советского Союза. Другие нашли возможность вернутся на родину. Многие вернулись в Крым, в основном в город Керчь, где до начала войны сосредоточилось большинство итальянских переселенцев. Сегодня, некоторые потомки этих итальянских мигрантов продолжают жить в Крыму, в основном в Керчи и составляют группу современных итальянцев Крыма.

В 2016–2022 гг. мы провели комплексное, междисциплинарное историко-биодемографическое, антропологическое и генетическое исследования данной группы. Подобное исследование было проведено впервые.

Целью проведенной работы было выявление комплекса исторических, социальных и биодемографических процессов, приведших к образованию изучаемой группы и, влияющих на ее развитие; установление и описание антропологических и генетических особенностей представителей группы; составление общего социокультурного и биодемографического портрета современных итальянцев Крыма [Дзини и др. 2020: 176–192].

В ходе доклада представим результаты наших исследований, а также покажем небольшие документальные видеосюжеты о некоторых обычаях, переданных предками и сохранившихся по сей день среди представителей группы итальянцев Крыма.

Литература

Дзини С., Спицына Н. Х., Хохлов Н. В. Биодемографические аспекты адаптации керченской диаспоры итальянцев // Вестник Антропологии. 2020. № 2 (50). С. 176–192.

Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. Без победителей: Из истории Гражданской войны в Крыму. 2-е изд., испр. и доп. Симферополь: Антиква, 2008.

Лагорио Ф. Четыре эпохи жизни города Феодосии // Записки императорского одесского общества истории и древностей. Т. 15. Гл. II. Одесса: Тип. А. Шульце, 1889. С. 404–456.

Скальковский А. А. Итальянцы. Опыт статистического описания Новороссийского края. Сочинение А. Скальковского. Ч. 1. Одесса: Тип. Л. Нитче, 1850. С. 270–272.

Иванова Екатерина Павловна[1], Самарина Марина Сергеевна[2], Бурчанова Анастасия Александровна[3], Иванова Елизавета Дмитриевна[4]

[1]д-р филол. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет; e.ivanova@spbu.ru

[2]д-р филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет; m.samarina@spbu.ru

[3]инженер-исследователь, Санкт-Петербургский государственный университет

[4]ассистент, инженер-исследователь, Санкт-Петербургский государственный университет

РАЗРАБОТКА САЙТА «РОМАНСКИЕ ДИАСПОРЫ ЮГА РОССИИ»: АРХИТЕКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И КОНТЕНТ

Ключевые слова: романские диаспоры, Крым, Северное Причерноморье, сайт.

Доклад является презентацией нового сайта «Романские диаспоры юга России», разработанного сотрудниками кафедры романской филологии Санкт-Петербургского государственного университета. Данный проект, посвященный культурно-историческому феномену Северного Причерноморья, для петербургских романистов закономерен с учетом длительной традиции лингвистического изучения Северного Причерноморья академиком В. Ф. Шишмаревым, одним из выдающихся филологов-романистов первой половины XX в., заведующим кафедрой романской филологии и деканом Филологического факультета ЛГУ в довоенные годы, основоположником полевых и исторических исследований романских диалектов Крыма в диалектологических экспедициях 20–30 гг. XX в. Классической работой на эту тему является его фундаментальная монография «Романские поселения на юге России» [Шишмарев 1945], без обращения к которой едва ли возможно представить работы современных исследователей по этой тематике. Русский этнос представляет собой уникальный этнический конгломерат, впитавший лучшие достижения других культур и народов. В этом отношении интереснейшим ареалом представляется Северное Причерноморье, тесно связанное как с важнейшими культурными процессами, так и с самим рождением российской государственности. На территории Северного Причерноморья на протяжении многих столетий разворачивались судьбоносные события российской истории, действовали выдающиеся исторические государственные деятели и полководцы, создавались известнейшие произведения русской литературы. В настоящий момент изучение региональных диаспор Северного Причерноморья приобретает междисциплинарный характер и привлекает внимание антропологов, лингвистов, историков, культурологов, филологов, этнографов, политологов, археологов, социологов, которые зачастую ограничиваются рамками своих исследовательских областей и недостаточно знакомы с исследованиями из смежных областей. Таким образом, необходимость в создании такого информационного ресурса назрела уже давно и его появление станет важным этапом в консолидации исследователей прошлого и настоящего романского этноса в Крыму и на юге России.

Сайт включает несколько разделов, связанных между собой тематически, а также большой иллюстративный материал: представлены историческая и современная географические карты региона, портреты выдающихся деятелей региона, исторические рукописи различных столетий, фотографии исторических памятников, свидетельства современников, материалы о современной культурной деятельности диаспор, лингвистические материалы и интервью современных членов диаспор.

Фоном для главной страницы выбрано изображение Генуэзской крепости в Судаке, объекта культурного наследия народов России, известное фортификационное сооружение XIV–XV вв. в северном Причерноморье. Под названием сайта приводится краткий текст об этнической специфике Северного Причерноморья + историческая и современная географические карты региона. На главной странице также обозначены наименования трёх основных разделов, которые являются гиперссылками на соответствующие страницы — Итальянцы, Французы, Молдаване. В свою очередь, макет каждой из трёх страниц имеет однотипную структуру и включает

подразделы: История, Современность (проблемы, перспективы, персоналии), Фото и видео галерея, Исследования (список литературы) и Дискуссии.

Вместе с тем, в связи с тем, что каждый из рассматриваемых этносов имеет свою индивидуальную историю расселения и освоения территории Северного Причерноморья, рубрикация «исторических разделов» отличается. Так, на итальянской странице предусмотрены следующие подразделы: Средневековье. Итальянские колонии, Присоединение Северного Причерноморья Потёмкиным, Итальянская иммиграция в XVII–XIX вв., Итальянцы в эпоху революции, Забытая трагедия, «Итальянские» города Северного Причерноморья: Керчь, Одесса, Феодосия, Таганрог, Судак, Пушкин и итальянцы Одессы, Таганрога и т. д., Гарибальди в Северном Причерноморье.

Соответствующий раздел для французов включает следующие подразделы: Присоединение Северного Причерноморья Григорием Потёмкиным, Основание Одессы, Французская революция и приток французских иммигрантов в Россию, Французское виноделие на берегах Черного моря, Французы на службе России: персоналии (Ришелье, ученые, археологи, архитекторы и т. д.), Французы в Крымской войне, «Французский след» в Северном Причерноморье: Одесса, Ростов, Фундуклы, Гурзуф.

Что касается молдавского исторического раздела молдавской страницы, то на ней размещаются такие подразделы как Средние века: брак молдавского господаря Стефана Великого и Марии Мангупской, Воинское братство Мангупа, Защита христианской веры в XVIII в.: молдавские кавалеристы на службе России, Гражданская колонизация: молдавские поселения на южных рубежах России, Переселенческая политика СССР: миграция молдаван в Крым в 1950–1960 гг., Молдавские диаспоры: Евпатория, Ялта, Алушта, Симферополь, Севастополь.

В футере сайта размещается символика Санкт-Петербургского государственного университета и контакты для связи. Предполагается, что в целях открытости информации для всех заинтересованных исследователей и своевременного обновления контента предусмотрена возможность вносить изменения и дополнения, а также размещать новые материалы всем исследователям, зарегистрированным в elibrary, т. е. сайт будет представлять собой дополняемый конструктор. В презентации будут продемонстрированы структура и интерфейс сайта, а также уже размещенные материалы.

Литература

Шишмарёв В. Ф. Романские поселения на юге России: Научное наследие. Л.: Наука, 1975.

Исследование поддержано грантом Российского научного фонда № 24-28-01635.

Иванова Екатерина Павловна[1], Приходкин Алексей Валентинович[2]

[1]д-р филол. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет;
e.ivanova@spbu.ru
[2]канд. филол. наук;
alexei.prikhodkine@yandex.ru

«НЕОНОСИТЕЛЬ»: НЕЙТРАЛЬНЫЙ КОНЦЕПТ?

Ключевые слова: неноситель, языки меньшинств, идеология, третье пространство, деэтнисизация.

Целью данного доклада является анализ понятия «неноситель» (англ. *new speaker*) в рамках теоретического поля, на базе которого он возник и используется. Поскольку научные термины всегда передают определённую эпистемологическую ориентацию, контекстуализация таких широко употребляемых терминов, как «неноситель», представляется необходимым этапом перед их использованием.

Этот термин получил широкое употребление в начале XXI в. в трудах европейских исследователей, специализирующихся на языках меньшинств, и обозначает «социальных акторов, которые используют и претендуют на владение языком, который по каким-либо причинам не воспринимается как принадлежащий им или ‘людям им подобным’» [Murchadha et al. 2018: 4]. Категория «неноситель» включает в себя людей, для которых изучение языка меньшинств являлось осознанным выбором. Проблема легитимности «неносителей» по отношению к выучившим язык в семье, играет важнейшую роль в продвижении этого термина, который представляется альтернативой терминам «носитель», «неноситель», «изучающий язык как второй» и т. д., предполагающих иерархию и оценочное значение [O’Rourke et al. 2015].

Таким образом, понятие «неноситель» становится инструментом для критики идеологий родного языка и аутентичности. Следствием этой критики является отрицание связей между языком (языковой разновидностью) и видовыми категориями, прежде всего этничностью. Поэтому не случайно, что в рамках этого теоретического поля объектом исследования становится индивидуум и его воля (а не языковая общность), позволяющая ему решать самому, какой язык ему учить.

Однако исследователи, работающие в этой области, не останавливаются на критике идеологий родного языка и аутентичности, а предлагают свою идеологическую программу. Так, для решения проблемы легитимности «неносителей» в глазах «традиционных носителей», подчёркивается преобразующий потенциал: «исследования о неносителях переосмысливают языковые общности как инклюзивные пространства для всех, кто приобретает определенный уровень компетенции в языке меньшинства» [McLaughlin 2023: 10]. Для этого используется концепт «третье пространство» (англ. *third space*), передающий идею создания нестабильного пространства, в котором происходит поиск идентичности [O’Rourke, Ramallo 2018]. Создание же нестабильного пространства предполагает размывание границ видовых социальных категорий (больше нет ни «носителей», ни «неносителей»). Имея в своей основе идею «текучести» и «гибридности», понятие «неноситель» передаёт основные характеристики современного западного общества [Bauman 2013].

Интересно также отметить метод достижения деэтнисизации языка — «смягчение аутентичности». Оно достигается через анонимизацию языка благодаря его использованию во всё большем количестве социальных сфер, следуя примеру стандартного языка [Bermingham 2018]. Таким образом, ревитализация языка меньшинств может привести к сохранению только инструментальной (технической) функции способа общения, а качество (например, язык как средство для выражения определённой культуры и этнических связей) может уступить количеству (желание увеличить число говорящих). В сущности, в этом и заключается парадокс концепта «неноситель»: будучи порождением глобализации, его пытаются представить как лекарство от этой самой глобализации.

Таким образом, «неоноситель» не является нейтральным понятием, а представляет часть конкретного теоретического поля (так называемой «социолингвистики глобализации») и ассоциируется с другими терминами из этой же области (*translanguaging*, *metrolanguaging*, *crossing* и т. д.). Он передаёт определённую эпистемологическую ориентацию (признаётся гибридность и множество, отрицается стабильность и единство). Наконец, он несёт в себе эксплицитный идеологический смысл. Следовательно, использование концепта «неоноситель» автоматически позиционирует исследователя, так как влечёт за собой активацию смыслов, указанных выше.

Литература

Bauman Z. La vie liquide. Paris: Librairie Arthème Fayard/Pluriel, 2013.

McLaughlin M. The promise of New Speakers // Journal of Sociolinguistics. 2023. Vol. 27. P. 99–110.

Murchadha N., Hornsby M., Smith-Christmas C., Moriarty M. New speakers, familiar concepts ? // New speakers of minority languages : linguistic ideologies and practices / eds C. Smith-Christmas, N. Murchadha, M. Hornsby, M. Moriarty. London: Palgrace MacMillan, 2018. P. 1–22.

O'Rourke B., Pujolar J., Ramallo F. New speakers of minority languages: the challenging opportunity // International Journal of the Sociology of Language. 2015. Vol. 231. P. 1–20.

Авторская работа Е. П. Ивановой выполнена при поддержке гранта Российского научного фонда № 24-28-01635.

Петрова Элеонора Борисовна

д-р ист. наук, профессор, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского; eleopetrova@gmail.com

ОБРАЗ АЛЕКСАНДРА III В «ЗАПИСКАХ И ВОСПОМИНАНИЯХ» ФРАНЦУЗА ГЮСТАВА ЛАНСОНА (К 180-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ИМПЕРАТОРА-МИРОТВОРЦА)

Ключевые слова: Гюстав Лансон, император Александр III, Ливадия, Севастополь.

26 февраля (10 марта) 1845 г. в Аничковом дворце в Санкт-Петербурге родился будущий император Всероссийский Александр III, процарствовавший 13 лет (с 1 (13 марта) 1881 г.) и умерший 20 октября (1 ноября) 1894 г. в Ливадийском дворце в Крыму. Его, как никого другого из русских царей, назвали императором-миротворцем, так как при нём Россия не воевала. Между тем XIX в. ознаменовался двумя смертоносными схватками русских с французами: Отечественной войной 1812 г. и Крымской войной 1853–1856 гг. После Крымской войны Россия не имела надёжных союзников, и всё же ставка делалась на Францию (в противовес Германии и Англии). В 1891 г., при Александре III, между Российской империей и Францией оформляется соглашение, а в августе 1892-го заключается военная конвенция. Впрочем, отношения двух держав всё равно не были гладкими. А после смерти Александра III французы весьма обеспокоились судьбой союза с Россией. Да и не все русские верили в действенность и прочность союза с Францией (см., напр.: [Толстой, 1984: 498]).

Об Александре III писали воспоминания его современники, а позже всё сделанное им за недолгие годы правления пытались понять и оценить историки. Нередко его критиковали слишком резко. А он был справедливым, скромным правителем и глубоко верующим православным человеком. Известны высказывания о нём иностранцев, в том числе французов, путешествовавших по России и писавших о ней и её народах для своих соотечественников. Нередко они выполняли шпионские функции в интересах своих государств. Но к Гюставу Лансону это, как кажется, не относится.

Гюстав Лансон (5 августа 1857 г., Орлеан — 15 декабря 1934 г., Париж) — филолог, историк, педагог [Петрова 2024а: 920–921]. В конце марта — мае 1886 г. он занимал должность помощника главного воспитателя детей Александра III. В апреле — мае вместе с царской семьей находился в Крыму, жил в Ливадии, летней царской резиденции. Результатом его поездок по полуострову стала книга «Российская императорская семья в 1886 г.: заметки и воспоминания» [Lanson 1896].

Александр III принял бразды правления после трагический смерти его отца. Новый царь на престоле Российской империи — событие международного значения. Европе (и не только) хотелось знать о нём и его окружении как можно больше. Эту потребность должны были удовлетворить находившиеся тогда в России иностранцы, и Гюстав Лансон оказался в их числе. В своём сочинении он не скрывает своего в целом доброжелательного отношения к России и к русским, что далеко не всегда можно сказать о других европейцах (об этом написано немало научных исследований, а сегодня эта тема кажется, как никогда актуальной).

Мне уже доводилось говорить о том, как много внимания, по наблюдениям Лансона, Александр III и его супруга Мария Фёдоровна уделяли воспитанию и образованию своих детей [Петрова 2024а: 920–921]. Это весьма поучительная история. Теперь же обратимся к тому впечатлению, которое произвёл император на умного и наблюдательного француза. Лансон вообще был хорошим физиономистом, любил и умел подмечать во внешности и манерах людей такие мелочи и детали, которые позволяли кое-что узнать об их характере и хотя бы частично проникнуть в их сущность. В его записках представлены настоящие психологические портреты членов царской семьи и царской свиты. Именно в Крыму, на отдыхе, у иностранца, по случаю оказавшегося в России, была возможность ближе узнать этих людей.

Великих князей и представителей свиты наш автор характеризует по-разному: и хорошо, и не очень, нередко — с сарказмом. Иначе выглядят император, императрица и их дети, им даётся исключительно положительная характеристика. При этом создаётся впечатление, что автор не кривит душой, а вполне искренен.

Лансон подметил, что царская Ливадия — это «несколько вилл, скрывающихся в тенистой листве большого парка», среди них два здания, которые назывались дворцами, хотя и не очень были похожи на дворцы. Автор обращает внимание на то, что император разместился с семьёй в довольно скромном, так называемом Малом дворце, а не в Большом, собственно Императорском. Известно, что Александр III предпочитал относительно простой быт, да, видимо, и больше любил свой Малый дворец.

Довольно подробно представлен распорядок дня императора на отдыхе. Впрочем, Александр III не только отдыхал, до обеда и поздними вечерами он работал. При описании трапезы царской семьи и свиты подчёркивается деликатность императора и императрицы по отношению к присутствовавшим, обращается внимание на манеру императора по любому поводу «чётко высказывать своё мнение», оценивать «субъект действия и само действие с точки зрения права и справедливости». При этом разговоры за столом не касались государственных дел. В Ливадии вообще царила «атмосфера веселья и иронии».

Сам император «похож на богатыря», у него «весёлый, немного шутливый и по-настоящему добрый нрав», он «сердечно, по-отечески относится даже к самым низшим своим подчинённым», каждый армейский корпус «явственно ощущает на себе заботу государя».

Событийная сторона пребывания Лансона при Дворе была не очень яркой. Но именно в Крыму французу довелось увидеть немало интересного. Достаточно сказать, что в Севастополе он оказался свидетелем — ни много ни мало! — возрождения Черноморского флота России и по этому поводу написал: «<…> та неделя, которую мы проведём в Севастополе, без сомнения, станет вехой в истории царствования Александра III и вообще в жизни всей России. В эти дни будут стёрты последние, тридцатилетней давности последствия российского поражения в Крымской войне». На его глазах в присутствии Александра III спустили на воду новенький и современнейший по тем временам броненосец «Чесма» — гордость российского военного флота. В Севастополе императорская семья (а с ней и Лансон) посетила Братское кладбище, могилы павших в боях защитников Севастополя, осмотрели фортификационные сооружения, побывали на руинах древнего Херсонеса-Херсона.

Удивление Лансона вызвало то, что нигде в Крыму охрана императора не была обеспечена дополнительными силами полиции, что император «постоянно общался с народом», что местные жители — татары, караимы — «совершенно свободно общались с Их Величествами».

Заметки Гюстава Лансона — ещё один штрих к тому, что мы знаем об Александре III и его ближайшем окружении, о жизни России и её положении на международной арене. Из мемуаров француза мы больше узнали и об императорской резиденции в Крыму времени Александра III — императоре-миротворце, о котором после его смерти и до нашего времени сохранилась особая память в разных местах Крымского полуострова [Петрова 2024б: 41–55].

Литература

Петрова Э. Б. Заметки и воспоминания Гюстава Лансона о воспитании и обучении французскому языку царских детей в России. Год 1886-й // LII Международная научная филологическая конференция им. Л. А. Вербицкой: сб. тез. СПб., 2024а. С. 920–921.

Петрова Э. Б. Память о царе-миротворце Александре III в Крыму // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Исторические науки. 2024б. Т. 10 (76), № 1. С. 41–55.

Толстой Л. Н. Письмо к Пьетро Мадзини. 27 августа (9 сентября) 1901 г. Ясная Поляна // Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 22 т. Т. 20. М.: Худож. лит., 1984. С. 496–498.

Lanson G. La famille impériale de Russie en 1886: Notes et souvenirs // La Revue Bleue. Paris, 1896. No. 19. P. 579–586; No. 20. P. 614–620; No. 21. P. 649–654; No. 22. P. 680–685.

Пилюгин Александр Юрьевич

научный сотрудник, Ростовский областной музея краеведения;
pilyugin.iskander@yandex.ru

ПОДОНЬЕ И ПРИАЗОВЬЕ У ВНЕШНИХ НАБЛЮДАТЕЛЕЙ: ФРАНКО- И ИТАЛОЯЗЫЧНЫЕ АВТОРЫ XVIII–XIX вв.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, Придонье, этнография, миграции, регионоведение.

Регион Приазовья и Подонья, как часть Новороссийской губернии (1796) и Земли Войска Донского (1786), с городами Ростов-на-Дону, Нахичевань-на-Дону, Таганрог, Азов, Черкасск, Новочеркасск, в связи с активными интеграционными процессами, проходившими на Юге Российской империи в XVIII столетии и далее, становится транзитным регионом, связующим звеном с Кавказом, Северным Причерноморьем, Крымом, Волго-Донским бассейном.

Донской край становится тем местом, которое неминуемо втягивало в вою орбиту любого соотечественника или иностранца, желавшего совершить вояж на Кавказ, Персию, Нижнее Поволжье, либо посещавшего Северное Причерноморье с Тавридой и, зачастую, прибывавшего оттуда визитера в прилегающий регион — Приазовье.

Огромный пласт информации о быте, экономике, этнографии, социальном устройстве, национальных взаимоотношениях в регионе оставили транзитные путешественники, туристы, ученые, чиновники, журналисты и публицисты на разных европейских языках, чьи труды являются библиографической редкостью, зачастую остающиеся не переведенными на русский язык, либо переведенными частично.

Впервые поиском и сбором сведений о Ростове-на-Дону и Приазовье, которые оставили отечественные и зарубежные авторы, занимались ростовские краеведы — авторы «Записок Ростовского-на-Дону Общества истории, древности и природы» (Том I — 1912, Том II — 1914). Собственно, в первом томе «Записок» опубликована статья Сергея Григорьевича Сватикова (1880–1942) «Ростов-на-Дону и Приазовский край в описаниях путешественников XVIII века и первой половины XIX века» [Сватиков 1914: 82–95], где автор обозревает свидетельства о Донском крае, приводя в ряде случаев фрагментарные переводы источников. До настоящего времени работа Сватикова остается единственной объемной статьей по данной теме. Таким образом, регион незаслуженно обойден вниманием исследователей. При этом активно изучается по теме иностранных источников регион Крыма [Храпунов 2023], и Кавказа [Соснина 2015].

Данная работа призвана частично восполнить указанный пробел, ограничившись франко- и италоязычными авторами XVIII–XIX вв. Из франкоязычных авторов представлены: барон Шарль-Александр-Бальтазар-Франсуа де Поль Бар Дюоллан (Charles-Alexandre-Balthazar-François-de-Paule, baron de Baert-Duholant, 1751–1825), [Mémoires historiques et géographiques sur les pays situés entre la mer Noire et la mer Caspienne 1797]; Антонио де Романо (Antonio Luigi de Romanò, 1760 — ок. 1828) [de Romano 1807]; анонимный француз, год пребывания в регионе 1818 [Coup d'oeil sur les colonies de la Russie méridionale 1819]; Шарль-Рене Пикте де Рошемон (Charles Pictet de Rochemont, 1755–1824) [Письма о Крыме, Одессе и Азовском море 1810]; Ксавье Оммер де Элль (Xavier Hommaire de Hell, 1812–1848) [Hommaire de Hell 1843]; Шарль де Сэн-Жульен (Charles de Saint-Julien, 1802–1869) [de Saint-Julien 1854]; Фердинанд Мари Шарль Дюзосэ де Мели (Fernand Marie Charles Dusaussay de Mély, 1851–1935) [Quatre mois en Russie 1878] и др. Из италоязычных: Анджело де Губернатис (Angelo de Gubernatis, 1840–1913) [de Gubernatis 1877]. Бенедетто Мошетти [Moscetti 1881] и др.

Литература

Сватиков С. Г. Ростов-на-Дону и Приазовский край в описаниях путешественников XVIII в. и перв. полов. XIX в. // Записки Ростовского-на-Дону общества истории, древностей и природы. Т. 1. Ростов н/Д, 1914. С. 82–95.

Соснина Е. Л. Французы на Кавказе = Les Français au Caucase: исторические и живописные путешествия XIII–XIX вв. Ессентуки: Творческая мастерская БЛГ, 2015.

Храпунов Н. И. Формирование образа Крыма в английской литературе путешествий конца XVIII — начала XIX в.: автореф. дис. … д-ра ист. наук. Симферополь, 2023.

Coup d'oeil sur les colonies de la Russie méridionale; par un voyageur français qui les a visitées en 1818 // Nouvelles annales des voyages, de la géographie et de l'histoire… publiées par mm. J. B. Eyriés et Malte-Brun. Paris, 1819.

de Gubernatis A. La Russia descritta e illustrata da Dixon, Biancardi, Moynet, Vereschaguine e Henriete dal prof. A. de Gubernatis. Milano: Fratelli Treves Editori, 1877.

de Romano A. L. Coup d'oeil philosophique sur le pays occupé par les Cosaques du Don. Milan, 1807.

de Saint-Julien M. Ch. Voyage pittoresque en Russie, suivi d'un Voyage en Siberie, par M. R. Bourdier. Paris: Belin-Leprieur et Morizot, 1854.

Hommaire de Hell X. Les steppes de la mer caspienne, la Crimée et la Russie méridionale. 1 Vols. Paris, 1843.

Lettres sur la Crimée, Odessa et la mer d'Azof. Moscou, 1810.

Mémoires historiques et géographiques sur les pays situés entre la mer Noire et la mer Caspienne; contenant des détails nouveaux sur les peuples qui les habitent, des observations relatives à la topographie ancienne et moderne de cette contrée: Avec un vocabulaire des dialectes du Caucase, et deux cartes géographiques; auxquels on a joint un Voyage en Crimée et dans les parties méridionales de l'empire russe. Paris, 1797.

Moscetti B. Sul commercio e sulla navigazione a Taganrog nel 1880 // Bollettino consolare, pubblicato per cura del Ministero per gli affari esteri del Regno. Vol. XVII, fasc. 6–7. Roma, giugno-agosto, 1881.

Quatre mois en Russie // Le Tour du monde: Nouveau journal des voyages et illustré par nos plus célèbres artistes. Semester 1 = Vol. 35. 1878.

Русинова Анна Сергеевна

преподаватель-исследователь, директор,
Центр итальянского языка и культуры «Данте» (г. Мариуполь);
annarusinova.it@gmail.com

ПРИСУТСТВИЕ ИТАЛЬЯНЦЕВ НА ЧЕРНОМ МОРЕ И В ПРИАЗОВЬЕ: РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННОСТЬ

Ключевые слова: итальянский этнос, итальянцы в Северном Причерноморье, итальянцы в Гражданскую войну в России, сообщество C. E. R. K. I. O.

Итальянцы являются одним из наиболее долгоживущих этнических меньшинств на территории Крымского полуострова, хотя далеко не самым многочисленным. По последним данным на территории Крыма в настоящий момент проживает не более 250 человек, имеющих итальянские корни [Дзини 2021: 3]. Они являются потомками выходцев из Италии, появившихся в Крыму со второй половины XIX в. для освоения земель России: занятия виноградарством и судостроением [Шишмарёв 1975: 160].

Генерализируя, можно отметить, что первые итальянцы (еще тогда не будучи итальянцами как нацией) появились в Крыму во второй половине XIII в. в качестве представителей морских торговых республик: Пизы, Венеции, Генуи. Еще в Средние века, начиная с середины XII в. генуэзцы и венецианцы делили просторы «Понтийского» моря. Генуэзцы, венецианцы, пизанцы создавали фактории на протяжении всего побережья (до берегов Азова) и оттуда распространяли свои колонии по всему Крыму. Они занимались деятельностью разного рода: рыбацкий промысел, работорговля, пиратство, купля-перепродажа, и военный эскорт. Об их пребывании в Крыму напоминает множество топонимов. «Внутриитальянские» споры за крымское побережье и их гегемония заканчиваются одновременно с захватом региона Османской империей в 1453 г. Потомки средневековых итальянцев влились в ряды формирующегося крымско-татарского этноса, преимущественно в горный и южнобережный субэтносы.

В качестве не союзническом, а завоевательско-вражеском, итальянцы проявляют себя уже только в XIX в. в рамках Крымской войны в июне 1855 г. Корабли Сардинского королевства, отправившего собственный экспедиционный корпус, выйдут на просторы Черного моря во главе со своим флагманом — фрегатом «Карло Альберто». Правда, при штурме Севастополя ни один пьемонтский корабль не отличился, старавшись, подобно всем союзным кораблям, держаться поодаль крымских береговых батарей [Коскова 2017: 110].

Последним поводом для проникновения итальянских военных кораблей на черноморские просторы до начала Второй мировой войны и восприятия Италии как вражеского государства стала интервенция в Турцию и Россию летом и осенью 1918 г. Итальянский линкор «Витторио Эммануэле» и эсминец «Анжело Бассини» в составе основных судов интервентов вошли в прибрежную зону Константинополя, а однотипный линкор «Рома» и минный крейсер «Агродит» в ноябре 1918 г. подошли к берегам Севастополя [Коскова 2017]. В каких-либо боевых действиях итальянские судна не участвовали. Трагическая страница депортации итальянского меньшинства с 1937 г. и до середины 40-х гг. XX в. изучается особенно активно последние 20 лет как в отечественной, так и в зарубежной (преимущественно итальянской) историографии, а также с относительной объективностью освещается в итальянской и российской периодике. После возвращения на уже родную для них крымскую землю мирные итальянцы снова стали как когда-то «желанным» этносом, «полезными» гостями на полуострове. Наиболее сконцентрировано итальянская диаспора проживает в Восточной части полуострова — в Керчи, не большой, но очень яркой общиной. Они активно заявляют и напоминают о себе и своих славных предках с помощью различных мероприятий (выставок, публикаций книг и статей, и др.). Их деятельность привлекает внимание как итальянскую, так и российскую общественность.

В начале 90-х гг. XX в. итальянцы по различным объективным и субъективным мотивам стали активно проявлять желание официально заявить о себе и закрепить свое положение. Они

проходят путь от регистрации своей римско-католической общины до существования в качестве региональной общественной организации: сообщества C. E. R. K. I. O., известного в Италии и активно налаживающего диалог между диаспорой на территории России и страной ее происхождения [Джакетти-Бойко 2016: 201]. Сообщество итальянцев в настоящий момент представляет собой интерактивный, «живой» этнографический музей. Ведется большая поисковая работа в архивах, популяризация итальянского языка и культуры как внутри итальянской общины, так и вне, происходит постоянное общение с этническими итальянцами и их потомками (работает клуб любителей итальянистики в разных ее аспектах). На своих официальных страницах в интернете, с содержанием которых можно ознакомиться, как на русском, так и на итальянском языках, вывешиваются анонсы о предстоящих и прошедших событиях. Организация керченских итальянцев сотрудничает с различными обществами и государственными учреждениями в РФ и Италии (центральная библиотека им. Белинского в г. Керчь, канал Rai).

Так, российский проект «Общество крымско-итальянской народной дружбы», преследующий цели повышения дружелюбного имиджа России за рубежом и используя для этого межкультурные и межэтнические «мосты», успешно сотрудничает с данным сообществом в последние несколько лет. Неподдельный интерес вызывает совместная подготовка документального фильма о присутствии итальянцев в Крыму и их влиянии на социально-экономическую ситуацию на его территории, охватывает период от начала нашей эры и до середины XVII в.

С научной точки зрения внимание исследователя особенно привлекает тот исторический и культурологический самоанализ итальянской диаспоры (выборка тем и расставление акцентов), процесс которого активно наблюдается в последнее десятилетие и выражается в публикации статей и сборников, посвященных истории итальянского этноса на территории Крымского полуострова.

Литература

Джаккетти-Бойко Д. Е. Итальянцы Крыма. История и судьбы. Симферополь: Бизнес-инфо, 2016.

Дзини С. Возникновение, формирование и динамика развития итальянского населения Крыма XIX–XXI вв.: автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2021.

Коскова А. С. Итальянский москитный флот во Второй мировой войне: боевые операции на Чёрном море // II Ялтинские научные чтения. Крым в истории России: прошлое и настоящее: мат-лы всерос. науч.-практ. конф. / редкол.: А. В. Глузман, Э. Ш. Бекирова, Л. П. Нелина (отв. ред.). 2017. С. 108–114.

Шишмарёв В. Ф. Романские поселения на юге России: научное наследие. Л.: Наука, 1975.

Чигридова Наталья Юрьевна

канд. филол. наук, доцент, Южный федеральный университет;
директор , Российско-итальянский культурный центр «Данте Алигьери» (г. Ростов-на-Дону);
chigridi@mail.ru

ОБЩИЙ ОБЗОР ТОРГОВЫХ СВЯЗЕЙ ЮГА РОССИИ (ПРИАЗОВСКОГО И ДОНСКОГО КРАЯ) И ИТАЛИИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Ключевые слова: российско-итальянские торговые связи, итальянская диаспора на Юге России, торговля зерном, экспорт донской пшеницы, порт Таганрог, итальянские предприниматели на Юге России.

Сотрудники и члены Общества итальянского языка и культуры «Данте Алигьери» с 2005 г. проводят работу по поиску и систематизации информации об итальянской диаспоре в донском и приазовском регионе и о российско-итальянских исторических связях на Юге России в целом. Одним из направлений нашего исследования стали торговые связи Российской империи и Италии в конце XIX — начале XX в. При этом, главным связующим звеном и посредником, через которые осуществлялась товарообмен, был порт. Сначала порт Таганрог на Азовском море, чуть позже — речной порт Ростова-на-Дону.

В недалеком прошлом и на Дону на больших площадях возделывали твердую, в основном яровую, пшеницу. Зерно этой культуры пользовалось большим спросом как внутри страны, так и на зарубежных рынках. На рубеже XIX–XX вв. самая лучшая и самая популярная твердая пшеница «арнаутка» для производства итальянской пасты поступала из России. Поскольку ее вывозили через таганрогский порт, ее так и называли «Таганрог». Существовал даже особый сорт Pasta Taganrog — южно-российский сорт твердой пшеницы, который сами итальянцы считали непревзойденным для изготовления пасты [Золотов 1966].

Особенно оживился хлебный рынок после крестьянской реформы 1861 г. Хлеб, муку, зерно вывозили за границу водным путём через Ростов и Таганрог. Италия являлась одним из главных рынков сбыта русской пшеницы. До 1884 г. Россия была практическим единственным экспортером пшеницы в Италию. Затем основными соперниками России на итальянском хлебном рынке становятся Румыния и США. В 1893–1897 объем импортируемой русской пшеницы в Италии составлял — 89,5 %, на долю Румынии приходилось 6,3 %, а на долю США — 0,2 %. Итальянцы высоко ценили качество южно-русской твердой пшеницы, называемой «Таганрог», и на тот период все попытки американцев вытеснить Россию с хлебного рынка Италии провалились [Джурич 1862].

В конце 80-х — начале 90-х гг. Италия импортировала из России 35 149 тысяч пудов хлебной продукции. В качестве портов назначения русские купцы называли другие города и страны. Этим, вероятно, объясняется и большая разница во внешнеэкономических данных: так, по итальянским данным, русская пшеница составляла 90 % всей импортируемой пшеницы, а по российским источникам, ее экспорт в Италию составлял лишь 15 % от всего средиземноморского экспорта (включая Грецию, Францию и Испанию).

В 1856 г. в Таганрог прибыло 2670 судов, то в 1860 г. прибыло уже 3421 каботажное судно, и больше половины судов отправлялось из Таганрога с хлебом. В 1898 г. в руках иностранцев находилось 81 торгово-промышленное заведение, в том числе 18 хлебоэкспортных и комиссионных контор. Не был обойден и итальянский капитал: итальянцу Мошетти принадлежала большая макаронная фабрика, на которой в 1913 г. было изготовлено макаронных изделий на 100 тыс. руб.

По данным 1860 г. в Таганроге проживали 200 итальянцев, главным образом богатые торговцы и предприниматели. Интересно, что и первый иностранный купец, начавший вести торговые операции в Таганроге был уроженец итальянского порта Рагуза Савва Рагузинский (настоящее имя — Савва Лукич Всеволодович), серб по происхождению. Он прибыл в 1702 г. в Таганрог на турецком судне с греческим экипажем и товарищами из Царьграда. Рагузинский

пользовался расположением Петра I, поскольку царь видел в нем делового человека, образованного, с широкими политическими взглядами.

Среди крупнейших экспортеров хлеба в середине XIX в. были неаполитанец Дросси и венецианец Милистиано.

В начале XX в. в Таганроге среди известнейших торговых домов был Дом «Братья Сифонео», принадлежавший итальянцам. А в Ростове в это же время процветало торговое общество итальянца «Флорио». А в посаде Азов торговлей занимались некие Иван и Антон Руссо (итальянцы по происхождению). Многие итальянские купцы, проживавшие в Таганроге, получили российское гражданство. Приведем следующие данные [ГАРО. Ф. 579]: Доменико Велио / Domenico Velio (1882), Ферро Маристо / Ferro Maristo (1884), Пьетро Раджони / Pietro Ragioni (1884), Карло Космаи / Carlo Cosmai (1884), купец Росетто / Rossetto, Антонио Шкоти / Antonio Scicoti (1885).

После кризиса 1887 г., с середины 90-х гг. торговля зерном вновь возрастает [Приазовский край 1891]. Первый удар этой отрасли в России был нанесен Первой мировой и затем Гражданской войной. А после революции 1917 г. экспорт зерна из России был полностью прекращен, что, в конечном счете, и привело к утрате этого уникального сорта пшеницы. В наше время фирма Carla Latini с 2005 г. выпускает макароны «Таганрог».

Источники

Приазовский край. Ежедневная газета. 1891. https://nlr.ru/res/inv/ukazat55/record_full.php?record_ID=128879 (дата обращения: 24.12.2024).

Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 579.

Литература

Джурич Н. Т. О значении для России южного края вообще и Таганрога и Ростова-на-Дону в особенности // Отечественные записки. 1862.

Золотов В. А. Хлебный экспорт России через порты Черного и Азовского морей в 60–90-е годы XIX в. Ростов н/Д.: Изд-во Ростов. ун-та, 1966.

Шауб Игорь Юрьевич

д-р ист. наук, вед. научный сотрудник,
Институт истории материальной культуры РАН;
schaubigor@mail.ru

СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ АНТИЧНОЙ ЭПОХИ КАК ПРЕДЫСТОРИЯ РОССИИ

Ключевые слова: Северное Причерноморье античной эпохи, этно-лингво-культурная ситуация, Россия.

В докладе рассматривается античное Северное Причерноморье как культурно-исторический феномен. Традиционно считается, что оно представляло собой органическую часть Средиземноморья, поскольку с VII в. до н. э. являлось объектом греческой колонизации (от основанного во второй половине VII в. до н. э. поселения на о-ве Березань и полиса Тиры (на реке Днестр) на западе, до кратковременно существовавшего в VII в. до н. э. поселения близ современного г. Таганрога и боспорского города Танаиса (на реке Дон) на востоке), а затем было включено римлянами в состав своей империи (Боспорское царство, Херсонес, Ольвия). Однако специфика Северного Причерноморья, по нашему глубокому убеждению, заключалась в том, что оно являлось областью, где существование античной цивилизации в значительной мере определялось её взаимодействием с окружающим миром разноплемённых варваров, находившихся на разной стадии культурного развития.

К моменту появления эллинов в Северном Причерноморье здесь в степной зоне безраздельно господствовали ираноязычные скифские племена, согласно Геродоту, вытеснившие отсюда родственных им киммерийцев. На Таманском полуострове и прилегающих к нему землях жили оседлые племена синдов и меотов. В горах и предгорьях Крыма обитали тавры. К западу от Днепра — фракийцы; за Танаисом (Доном) — савроматы, предки сарматов, которые с начала III в. до н. э., вытеснив скифов, на несколько веков стали владыками причерноморских степей. Мир варваров, лингвистическая принадлежность многих из которых является дискуссионной, не был однороден ни в социальном, ни в культурном отношении, однако у них было много общего в области религии.

Следует отметить, что, судя по данным ДНК-генеалогии именно Северное Причерноморье было той территорией, где произошло формирование индоевропейцев. Но и до этого времени здесь обитали племена с высокоразвитой культурой, отличительной особенностью религии которых было почитание Великой богини всего сущего. Обычно подобную богиню, образ которой практически универсален, называют Богиней-Матерью; однако данный термин может ввести в заблуждение, поскольку это божество амбивалентно, как природа, — одновременно и подательница благ, и губительница. Этот культ был столь мощен, что оказал влияние на религию всех последующих насельников данной территории. Следует отметить, что Великая богиня могла иметь разнообразные ипостаси (типологическая параллель — христианское понимание Троицы) и быть (причем одновременно) безымянной и многоименной. Именно устойчивостью пережитков культа Великой богини можно хорошо объяснить тот факт, что одним из ключевых и самых глубоких представлений в мировоззрении русского народа является образ Матери-Земли.

Судя по археологическим памятникам, а также по сообщениям античных авторов, с I в. до н. э. и в начале новой эры происходит процесс варваризации материальной и духовной культуры основанных греками колоний; кроме того, наблюдается приток в Северное Причерноморье обитателей Анатолии, а также иудеев.

Варвары, которые обитали не только вокруг греческих колоний, но, судя по данным ономастики, нумизматики и инвентарю погребений также ходили в состав их населения (и даже в число правителей, как это было в Ольвии и Боспорском государстве ещё с V в. до н. э.) оказали влияние не только на материальную культуру переселенцев из Средиземноморья, но и на их искусство и религиозно-мифологические представления [Шауб 2007; Шауб 2011].

В эллинистически-римское время к обычно выступавшим под греческими именами варварским божествам прибавляются египетские и малоазийские культы, а также культ Фракийского всадника, в обличье которого могли выступать некоторые греческие божества. Широкое распространение получает почитание синкретического Бога Высочайшего, в котором некоторые исследователи видят черты иудейского Яхве, и прослеживается яркая тенденция к единобожию. Важным фактором, который способствовал очень раннему проникновению христианства в Северное Причерноморье (не позднее III в. н. э.), являлись характерные для варваров упования на счастливое посмертное существование [Шауб 2020а; Шауб 2020б].

Автор приходит к выводу, что, поскольку крайне сложная этно-лингво-культурная ситуация в той или иной степени сохранялась и в Средневековье, она в существенной степени повлияла на формирование культуры Древней Руси, а также обусловила плодотворное сосуществование самых различных культур на территории Северного Причерноморья в России Нового и Новейшего времени.

Литература

Шауб И. Ю. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье VII–IV вв. до н. э. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та; Филол. фак. СПбГУ, 2007.

Шауб И. Ю. Эллинские традиции и варварские влияния в религиозной жизни греческих колоний Северного Причерноморья (VI–IV вв. до н. э.). Saarbrücken: Lambert Academic Publishing GmbH & Co., 2011.

Шауб И. Ю. Боги и герои античного Северного Причерноморья. СПб.: Евразия, 2020а.

Шауб И. Ю. Смерть и возрождение: загробный мир боспорян. СПб.: Евразия, 2020б.

МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА, ПОСВЯЩЕННОГО 130-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВСЕВОЛОДА АЛЕКСАНДРОВИЧА РОЖДЕСТВЕНСКОГО (1895–1977)

Рождественская Милена Всеволодовна

д-р филол. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет; milena.rozh@gmail.com

ОТ «ЗОЛОТОГО ВЕРЕТЕНА» К «ПСИХЕЕ»: ПОЭТИЧЕСКИЙ ПУТЬ ВСЕВОЛОДА РОЖДЕСТВЕНСКОГО (К 130-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Ключевые слова: поэзия, петербургский текст, классическая традиция.

Творчество одного из старейших петербургско-ленинградских поэтов Всеволода Александровича Рождественского (1895–1977) продолжалось почти 70 лет, в течение которых были созданы не только поэтические тексты, но и переводы западноевропейских поэтов, поэтов союзных республик, литературоведческая проза, оперные либретто. Цель доклада — напомнить, что в советскую эпоху наряду с гражданской, часто декларативной идеологической поэзией, продолжала развиваться классическая русская поэтическая традиция. Имя Всеволода Рождественского, царскосела по рождению, выпускника Санкт-Петербургского университета, петербужца-ленинградца по личной и литературной судьбе, занимает в этой традиции одно из достойных мест. Первые сборники стихов Вс. Рождественского «Гимназические годы» (1914) и «Лето» (1918) были почти не замечены критикой, однако на «Лето» все же обратили благосклонное внимание Михаил Кузмин и Александр Блок. Сам автор более зрелым считал сборник «Золотое веретено» 1921 г. С него он начинал отсчет своего творчества. Название отсылало к античному мифу о Золотом руне и к мотиву плетения словесного узора. В нем и некоторых других более поздних сборниках отразилось влияние акмеизма, школу которого поэт прошел как участник второго (по сути третьего) «Цеха поэтов» под наставничеством Н. С. Гумилева. Ранняя критика упрекала Вс. Рождественского в излишней «книжности» его стихов, оторванности от реальной живой жизни. Однако «Золотое веретено» не было подражательным или чисто иллюстративным сборником, ориентированным лишь на западноевропейскую лирику, как это хотела увидеть пролетарская критика. Тема веретена как воплощение Судьбы, причем судьбы счастливой, радостной зазвучала здесь впервые в стихах Вс. Рождественского. Эта оптимистическая вера в искусство как высшее предназначение поэта, несмотря на все сложности трагического XX в., стала доминантой в его творчестве. Именно акмеистическая выучка впоследствии придала стихам Вс. Рождественского четкость формы, точность слова, безукоризненный литературный вкус, о чем писали почти все, кто соприкасался с его поэзией. Эти качества сказались и на переводческой деятельности поэта, которой он занимался с 1919 г. по приглашению М. Горького в издательстве «Всемирная литература». Художественные переводы впоследствии также стали одной из форм его литературной работы. В конце 1920-х — начале 1930-х гг. первые итоги поэтической деятельности Вс. Рождественского отразились в сборниках «Большая медведица», «Окно в сад», «Гранитный сад», «Поющая земля» и др. В это время он мучительно пытается быть созвучным новой эпохе, не слишком жалующей лирику, а лирическое, романтическое начало было главной чертой его поэзии. Как и многим писателям на переломе эпох, начавшим писать в дореволюционные годы, Вс. Рождественскому казалось, что старая культура умерла, что Петербург теряет свое былое величие, превращаясь лишь в город революции, город фабрик и заводов. Он старается примирить эти два образа города. Так поэт по-своему включается в культурное пространство «петербургского текста». Он начинает много ездить по стране на объекты строительства в Среднюю Азию, Днепрогэс, Кавказ с писательскими бригадами, с целью написания очерков для организованной М. Горьким серии «История фабрик и заводов».

Романтика странствий захватывает его, отражаясь в собственном творчестве. Помимо очерков он пишет стихи, в которых чувствуется неподдельный интерес к окружающему миру. Каждое лето поэт старается проводить на юге России — у Черного моря и в казахстанских степях. Еще в 1927 г. он знакомится с Максимилианом Волошиным, и с этого момента в его поэзию входит тема Восточного Крыма, Коктебеля, античных реминисценций. Появляется свой «крымский текст». Выход каждого его сборника из печати, как и литературных эссе о Пушкине, о поэтическом мастерстве, сборника литературных новелл становится событием в культурной жизни Ленинграда. Обширное эпистолярное наследие поэта 1920 — начала 1930-х гг., далеко не полностью опубликованное, может служить историко-культурным комментарием к его стихам. В письмах Вс. Рождественского разных лет освещается литературная и культурная жизнь Ленинграда. Особое место в его эпистолярном наследии занимают военные письма. С первых дней Великой Отечественной войны и осенне-зимние месяцы ленинградской блокады Вс. Рождественский работает в радиокомитете, в газетах, а затем в качестве военного корреспондента на Ленинградском, Карельском, Волховском фронтах. В блокадном Ленинграде выходят его сборники «Голос Родины» и «Ладога», в которых лирика достигает высокого гражданского звучания. Поэт участвует в прорыве блокады Ленинграда 18 января 1943 г., в освобождении от фашистских войск Новгорода, Тихвина, и родного Царского села. К Царскому Селу — г. Пушкину Вс. Рождественский до конца жизни сохранял особую привязанность — здесь не только прошло его детство в семье законоучителя Николаевской классической мужской гимназии, протоиерея А. В. Рождественского, но и первое приобщение к поэзии Пушкина, Державина, Дельвига. Как и Ахматова, он вполне мог бы сказать о себе, что его лира повешена на ветки царскосельских лип. В стихотворении «Город Пушкина» он писал: *Нет, не мог он остаться в былом! Неподвластный обычным законам, Бывший некогда Царским Селом, Стал он царственных муз пантеоном*. Отдельное место в творчестве поэта, начиная с 1920-х гг., занимает тема Петербурга-Ленинграда: его строительство Петром, его архитектура (стихи из цикла «Строители» посвящены Растрелли, Воронихину, Стасову, Росси), его возрождение из руин в 1950-е гг. Находясь на фронте, Вс. Рождественский открывает для себя красоту и глубину родной, особенно северной природы, красоту России и русского народного искусства, что сказалось в поэзии позднего периода его творчества. В докладе прослеживается эволюция поэтического пути Вс. Рождественского от его ранних «акмеистических» сборников до посмертного сборника «Психея», полного философских раздумий о роли поэзии и поэта в современном мире.

Литература

Павловский А. И. Рождественский Всеволод Александрович // Русская литература XX в. Прозаики, поэты, драматурги: биобибл. словарь: в 3 т. Т. 3: П–Я / под ред. Н. Н. Скатова. М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005. С. 201–204.

Рождественская М. В., Рождественская Т. В. «На палубе разбойничьего брига…»: романтическая нота в творчестве Всеволода Рождественского (из эпистолярного наследия 1920–1930-х гг.) // Petra Philologica: профессору Петру Евгеньевичу Бухаркину ко дню шестидесятилетия. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 555–571.

Рождественская М. В., Рождественская Т. В. О «петербургско-ленинградском тексте» в эпистолярном наследии поэта Всеволода Рождественского // Круги времен: в память Елены Константиновны Ромодановской. Т. 2: Исследования. Посвящения и воспоминания. М.: Индрик, 2015. С. 671–682.

Рождественская М. В. Константин Паустовский и Всеволод Рождественский: К вопросу о творческих перекличках // Творческое наследие Константина Паустовского в XXI веке: сб. науч. ст. Вып. 1. М.: Макс Пресс, 2023. С. 248–261.

Инге-Вечтомова Мария

ст. научный сотрудник, Государственный литературный музей «XX век»

ИСТОРИЯ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ВС. РОЖДЕСТВЕНСКОГО В МУЗЕЕ «XX ВЕК»

Ключевые слова: Вс. А. Рождественский, Писательский дом, юбилей писателя.

Писательский дом на канале Грибоедова, д. 9, дает возможность говорить о необозримо широком круге прекрасных литераторов советского периода русской литературы. Будучи заселен в 1934 г., дом в самом центре Северной столицы вместил имена и судьбы уникальных деятелей культуры числом около полутора сотен. Перечислим некоторых — Зощенко, Каверин, Житков, Соколов-Микитов, Заболоцкий, Слонимские, Шварц — из тех, кто въехал сразу по завершении сооружения надстройки. Люди выезжали из дома, въезжали в него, состав имен менялся. Так и семья Всеволода Александровича Рождественского вольется в созвездие на Канале в 1949 г., с этих пор не изменяя дому в небольшой для такой большой семьи в квартире «под самым небом Ленинграда».

Добавляя несколько слов к богатой биографии прекрасного поэта и чуткого, мудрого человека, отмечу, что я не только сотрудником музея, но и по-человечески прикоснулась к творческой деятельности Всеволода Александровича — ещё в 1939 г. его чуткая рука редактора дала жизнь пятой прижизненной книге моего деда, поэта Юрия Инге, «Сердца друзей». Так случилось, что эта книга стала последним прижизненным изданием для автора, он погиб в самом начале войны.

Так же и бабушке моей, Елене Вечтомовой, повезло дружить с Всеволодом Александровичем, о чем она оставила благодарные слова ученика в сборнике «Вспоминая Всеволода Рождественского». Для Вечтомовой поэт в 1939 г. также стал редактором и помог выйти в свет ее книге «Своими словами». В нашей домашней библиотеке видим книги Вс. Рождественского с дарственными надписями начала 1930-х.

В музее «XX век» история жизни и творчества Вс. Рождественского занимает особое место благодаря биографии писателя, тепло сохраняемой его дочерями — Татьяной Всеволодовной и Миленой Всеволодовной. Связи Всеволода Александровича с персонами русской литературы и истории делают его имя универсальным и энциклопедическим.

Юбилей является очередной вехой, которая позволяет вновь не только прикоснуться к творчеству замечательного поэта, но и оценить актуальность его поэзии и личности как отражения культурных процессов России.

Межерицкая Светлана Игоревна

ст. научный сотрудник, Институт лингвистических исследований РАН;
mezh1924@gmail.com

ПОЭТЫ ФРАНЦИИ В ПЕРЕВОДАХ ВСЕВОЛОДА РОЖДЕСТВЕНСКОГО

Ключевые слова: Вс. А. Рождественский, переводы, французский язык.

Всеволод Рождественский известен в русской литературе советского периода, главным образом, как поэт, эссеист и литературный критик. Однако не менее значима и роль Рождественского как переводчика — прежде всего, западноевропейской поэзии. Хотя эта грань его литературного творчества изучена гораздо меньше, вклад Вс. Рождественского в становление и развитие русской, в частности, ленинградской школы художественного перевода весьма значителен. Вс. Рождественского с полным правом можно причислить к ряду таких блестящих переводчиков советской эпохи, как Чуковский, Маршак, Лозинский, Лившиц, Шервинский, Шенгели и др., о чем свидетельствует, наряду с прочим, внушительная подборка его переводов стихотворений французских поэтов (Шенье, Беранже, Гюго, Барбье, Моро, Готье, де Эредиа и Эмиля Верхарна), опубликованная в знаменитой книжной серии «Мастера поэтического перевода». В свое время в этой серии выходили стихи зарубежных поэтов в переводах Ильи Эренбурга, Льва Гинзбурга, Павла Антокольского, Давида Самойлова, а также Брюсова, Ахматовой, Пастернака. Избранные переводы Рождественского публиковались в 2-х его стихотворных сборниках 1956 г. и 1985 г. Во втором, вышедшем в серии «Библиотека поэта» уже после смерти поэта, сосредоточено наибольшее количество переводов с французского, английского, немецкого и других языков. Среди них стихотворения Ронсара, Вольтера, Мюссе, Мюрже, Леконта до Лиля, Бодлера, Верлена, Рэмбо, Аполлинера, Элюара, а также Байрона, Браунинга, Йитса, Гейне и др. Кроме того, переводы публиковались в различных поэтических антологиях, сборниках избранных произведений и собраниях сочинений отдельных зарубежных авторов. Однако многолетняя переводческая деятельность Вс. Рождественского далеко не исчерпывается этими изданиями.

Начало его переводческой деятельности восходит ко времени учреждения в Петрограде издательства «Всемирная литература», где Рождественский начал работать по приглашению М. Горького в 1918 г., приняв участие — совместно с М. Горьким и Н. Гумилевым — в подготовке сборника «Баллады о Робин Гуде» (1919), где им была переведена большая часть баллад, а также сборников (под редакцией Н. Гумилева) стихотворений Роберта Саути (1922) и Теофиля Готье (1923). В 20–30-е гг. в переводах Рождественского выходили произведения Вийона, Мольера, Гюго и др. Для издательства "Academia" им были целиком переведены «Песни» Беранже (1934), а также стихи Шенье и некоторых других французских поэтов, вошедших в сборник «Песни Французской революции» (1934). Много работая по заказу госиздательств над переводами «социальных» и идеологически близких советской власти поэтов, Рождественский постоянно переводил и что-то для души — «для себя», по его собственному выражению, хотя и без особой надежды на публикацию. В письме к Е. Я. Архиппову от 29 августа 1933 г. он признается: «Мечтаю об отдельном сборнике переводов французских поэтов». Такой сборник появится лишь в 1979 г., уже после смерти поэта (это уже упоминавшаяся книга «Средоточие времен» в серии «Мастера поэтического перевода»).

Из переписки Рождественского с постоянными адресатами довоенных лет — поэтом и переводчиком Е. Я. Архипповым и литературоведом Д. С. Усовым хорошо видно, насколько интенсивной была его переводческая работа и как глубоко он был ею увлечен: «Из французов влекут меня теперь двое — столь непохожие друг на друга: Ренье и Жамм, — пишет он Архиппову 17-го апреля 1932 г. — У одного учусь ясности, точности, скупости, суровой неприязни всего легкого и общедоступного — другой пленяет меня мудростью и простотой своего слова, согретого великой любовью ко всему видимому миру, не разбитому на эстетические и моральные категории. <…> Не заинтересуют ли Вас мои новые переводы из последнего стихотворного то-

мика А.-де-Ренье — «Vestigia flammae» (1926 г.) и идиллический Жамм?» А чуть позже, в письме Д. С. Усову от 8-го июля того же года сообщает: «Я перевел здесь (в Коктебеле. — *С. М.*) еще около десятка стихов Ренье. Потом я почувствовал, что довольно. Все же Ренье пишет «для стоячих вод и зеркал». Он чрезвычайно требователен, даже деспотичен. В системе его образов ничего нельзя переставлять, их нужно принимать без поправок, и в них уже ничего нельзя привнести. В комнатах его дома нельзя жить. Они похожи на музей, где можно только тихо смотреть, пристойно удивляться и двигаться по определенному маршруту, ибо все здесь расставлено и пронумеровано: цвета, запахи, лица, мысли. Короче говоря, я снова взялся за Жамма (вечная для меня антитеза). Перевел половину "Prières" — мне кажется, они вышли. Во всяком случае в них есть и мята, и зыблемые ветром поля. Самое католическое оставил я в стороне — оно отягощает и стесняет».

Не прекращалась деятельность Рождественского-переводчика и в годы Великой Отечественной войны, во время которой он работал военным корреспондентом на Ленинградском и Волховском фронтах. О ней свидетельствуют, в частности, его письма к известной ленинградской поэтессе и переводчице Т. Г. Гнедич. В одном из таких писем (от 16 апреля 1943 г.) он просит прислать в качестве традиционного "кисета на фронт" «что-либо из французской поэзии», «какую-либо антологию, начиная с "Плеяды" и кончая "сюрреалистами"». И вскоре (в письме от 25 мая) уже сердечно благодарит за присылку такой антологии: «Это для меня целое богатство, которым питаться я буду долгое время. Вот уже два года, как не видел я никаких французских стихов. Все, что удержала моя память, я иногда повторял наизусть — но это оказалось так немного. А сейчас передо мною толстый том, из которого, конечно, найдется, что выбрать. <…> Тут, во всяком случае есть Leconte de Lisle, и Baudelaire, и Théodore de Banville, и Léon Dierx, и Sully Prudhomme. <…> Я еще не ознакомился с нею подробно, но прочту ее всю». А еще через месяц (26 июня 1943 г.) Рождественский пишет Татьяне Григорьевне: «Какое Вам сказать спасибо за присланную антологию французской поэзии? В свободную минуту я часто к ней возвращаюсь и уже кое-что перевел оттуда для себя. Пересылаю для Вас некоторые вещи (всего я перевел около 10 стихотворений)».

Однако очень многие переводы Рождественского из французской поэзии так не увидели свет при жизни поэта: одни из них оказались не востребованы в условиях жесточайшей литературной цензуры советского времени, другие вместе с авторскими рукописями погибли во время войны и блокады Ленинграда. Так, из письма Рождественского к московскому ученому-физику и библиофилу Глекину от 27 сентября 1957 г. следует, что сделанные им в 30-е гг. переводы из французской поэзии на тот момент всё еще оставались неопубликованными: «…Хочу к Вам направить то, что нашел недавно о своих архивных юношах: свои переводы «Стансов» (часть их) Жана Мореаса, одного из значительных поэтов Франции эпохи Верлена, Рембо и др. Он меня чем-то привлек в 30-е гг., и я (для себя) перевел целиком всю его книгу "Стансы". Но рукопись погибла в блокаду — это только остатки. М. б., Вам будет интересно прочесть этого поэта (если Вы раньше его не знали). В нем есть какое-то сродство с нашим Е. А. Баратынским — та же благородная простота и тонкость мыслей».

Неопубликованная часть переводческого наследия Вс. Рождественского состоит из двух папок машинописных страниц под названием «Поэты Франции», хранящихся в домашнем архиве семьи Рождественских. В общей сложности это несколько десятков поэтических текстов (некоторые — в двойных экземплярах), представляющие собой переводы французских поэтов XIX — начала XX вв.: Теофиля Готье, Леконта де Лиля, Камиля Коро, Сюлли Прюдома, Луи Буйле, Альбера Самэна, Матье де Ноай, Анри Мальтеста, Жоржа Бутелло, Шарля Герена, Жака Нормана, Жерара д'Увиля (Марии де Эредиа) и др. Особый интерес среди них представляют, конечно, переводы стихотворений Анри де Ренье и Жана Мореаса, любовь и интерес к которым Рождественский сохранил на протяжении всей жизни и о которых не раз упоминается в его письмах разных лет. Из 7 книг «Стансов» Мореаса (это 92 стихотворения), переведенных им до войны в полном объеме, но сохранившихся в итоге лишь частично (всего в архиве числится 35 стихотворений), было опубликовано только 9; а из трех книг Ренье — "Vestigia flammae", "Flamma tenax" и «Сандаловая аллея», переведенных Рождественским выборочно (всего 41 сти-

хотворение), опубликовано 8 стихотворений. Остается надеяться, что эти и другие поэты Франции в удивительно точных и, вместе с тем, высоко художественных переводах Всеволода Рождественского когда-нибудь дождутся своего читателя.

Жан Мореас

(1856–1910)

Из книги «Стансы»

x x x

Сребристая луна, люблю твой нежный свет
На мачтах гавани, где всё полно молчанья.
Мне лучше грезится, когда твое сиянье
Ласкает старый парки белый парапет.
Люблю твой юный блеск и блёклые румяна
На озере, в горах, на матовом песке,
А ночной пустыне ланд, предавшихся тоске,
И здесь, о мой Париж, н крышах в час тумана.

x x x

Я думаю, земным скитаньем пресыщенный,
Над черной крутизной,
О бледных лилиях, в морском песке взращенных,
Питаемых волной.
Я думаю о том, как в бурю на причале
Скрипит и бьется челн,
О пене у скалы, о чайке в мутной дали
Над гребешками волн.

x x x

Я вижу вновь тебя, недвижный кипарис,
Ты вырос там, где чище
Пылает синева и темный плющ повис
У входа на кладбище.
Я тоже стерегу могилы, и душа
С тобою цветом схожа.
От горя и судьбы уйти навек спеша,
Расту я в небо тоже.

x x x

Я был несправедлив к тебе, царица лет!
Ты, роза пышная, умеешь, может быть,
Душистой чашею одна среди букета
Не только жадный взор — и сердце утолить.
Однажды над большим готическим порталом
(в те дни я жил мечтой, на севере бродя)
Ты показалась мне дрожащей и усталой
Под ветром осени и тяжестью дождя.

x x x

Лишь ты в часы тоски и ночи испытанья
Венчаешь мой удел,
Как небо звездное дробит в реке пыланье
Своих сребристых стрел.
Лишь ты, Поэзия, умеешь острым взглядом
Облечь меня грозой,
Чтоб стал я бурею, пожаром, водопадом
И пьяною лозой.
О, как бы я хотел перед родимым домом,
Ночной простор любя,
Расти, как этот дуб, и огненосным громом
Испепелить себя!

Khuduyeva Gunay Rustam Gizi
Teacher, Azerbaijan University, Azerbaijan;
xuduyeva.gunay@mail.ru

THE INDICATORS OF SPEECH SITUATION IN COMMUNICATIVE ACTS

Keywords: communication, text, speech, connection.

Communicative acts involve the speech of those involved in the communication process and their speech acts constitute a plurality. The transmission of certain information from one person to another (or others), primarily through speech actions performed orally, that is, through sound signals, as well as (if there is a system of graphic signs) in written form, is carried out in the form of communicative acts.

It should be noted that two sides are always involved in the communicative act: the speaker (addressee (sender)) and the one who listens to him (addressee (recipient)). Regardless of the number of people who perceive the speech of the speaker are perceived as the addressee of the communicative act.

When the speaker completes the speech act, the substitution of the addressee (sender)-addressee (recepient) occurs. The speech until the moment of such substitution is considered an act of speech. In the process of communication the participant uses at least one speech act. Thus, the minimum number of speech act of a participant in the communication is equal to one. The maximum number is variable and depends on the duration of communication and the activity of the participant in the communication.

The communication process, as a rule, is classified by the number of participants. Communication between two participants is called dialogue, and when the number increases, it is called polylogue. Although polylogue is considered a type of communication, dialogic speech is also typical here. That is, in the alternation in communication always speaks an addressant. If in the dialogue the adressant is always one of two participants (A and B), then due to the large number of participants in the polylogue, each of them has the opportunity to perform in the adressant function. If the dialogue goes according to the scheme A→B→A→B→A…, the polylogue takes place according to the scheme A→B→C→A→D…. The scheme we have given is of a general nature. That is, A→D→A…, B→A→D…, C→B→D… and so on are possible.

The most general classification of dialogues is functional and is determined by the general functions of communication. Speech acts are realized in the form of one of the forms of question, information, command/request/prompt. Exclamations are also used in the communication process. Each form creates a speech situation that belongs to it. According to it M. V. Badelina distinguishes three types such as command, question and neutral [Badelina 1997: 49]. The author has not distinguished exclamations as a separate type. The exclamations create emotionality and expressiveness in the communication process, they have a significant impact on the speech situation. I. I. Borisova has divided the functional-content types of dialogic communication into four groups: narrative, explicative, descriptive and reproductive [Borisova, Shugaeva 2019: 187]. The narrative in her typology corresponds to the neutral type in M. Badelina's division.

In the mentioned classifications, the first act of speech is considered as a criterion. That is, the act of speech of the reaction is not taken into account in this case. As a result, it is not felt whether the speech situation expected from the first act of speech has changed. T. G. Vinokur has made a classification according to stimulus-reaction speech acts with reference to this aspect. He distinguished only five types of reaction to the informational speech act: 1) explanation; 2) addition; 3) objection; 4) agreement; 5) assessment [Vinokur 1998: 119–120]. After each of the five indicated options the line of development of the speech situation takes a different direction.

The Russian linguist T. V. Zherebilo divides three types of stimulus speech acts as the followings: 1) question speech act that requires an answer; 2) a speech act that provokes action; 3) a speech act that sets or changes the subject [Zherebilo 2010: 304]. This triad can also include expressive speech acts of making the speaker feel his emotion. Because the impressions manifest themselves at the tense points of the communication process.

As the initial question replicas can find an interrogative statement about objective reality, so the desire to receive information about the internal state of the addressee or his attitude to the issue is reflected. In both cases, the addressee expects a response to the stimulus. However, the first of these cases confirms the high probability that the speech situation will change after the response speech act. Modus interrogative speech act aims to clarify the attitude of the other party.

The communication process takes place in the form of the interaction of speech acts and their continuation with a certain sequence. Two elements play a leading role in changing the speech situation if extralinguistic factors are not taken into account in this process (the introduction of an outsider into the communication environment, a sudden event in the communication space, etc.). The first of them is a change in the topic, the other is the formation of tension in the relationship among the participants in communication.

In this regard, the main features of the speech situation are reflected in dialogues and polylogs. However, there are speech situations in which communication is manifested differently.

In the speech situation space and time are always present in reality. Communication must take place in a certain space and within a definite time frame. Nevertheless, the role that space and time play in the speech situation is distinguished. Space influences more on the speech situation compared to time, its possibilities for changing the speech situation are wide.

In some kinds of speech situations (for example, in the lecture process) the indicators of speech situation in communicative acts are almost not recorded. The mutual speech influences of communication participants play a leading role in changing speech situations and the study of this issue in a broad plan is very important.

References

Badelina M. V. Relations of agreement between replicas of dialogical unities: Dissertation of the candidate of Philology / Ivanovo State University. Ivanovo, 1997. P. 49. (In Russian)

Borisova A. V., Shugaeva N. Y. Contrast as a semantic and functional basis of a literary text // Voprosy obshchego yazykoznaniya, semasiologii i lingvistiki teksta. Cheboksary, 2019. P. 185–189. (In Russian)

Vinokur T. G. Dialog // Russian language: encyclopedia. Moscow: Great Russian Encyclopedia. Drofa Publ., 1998. P. 119–120. (In Russian)

Zherebilo T. V. Dictionary of linguistic terms. Nazran, 2010. (In Russian)